

Епископ Порфирий (Успенский)

ИСТОРИЯ АФОНА

ТОМ I

ДУХОВНАЯ
АКАДЕМИЯ

АКАДЕМИЯ
ДУХОВНАЯ

ЕПИСКОП ПОРФИРИЙ
(Успенский)

ИСТОРИЯ АФОНА

в 2-х томах

ТОМ I

МОСКВА

2007

**ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси
АЛЕКСИЯ II**

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:
Интернет-портал
«Православная книга России»
www.pravkniga.ru

Научный редактор: к.и.н. П.В. Кузенков

Еп. Порфирий (Успенский)

История Афона. Том I. — М., Издательство «ДАРЪ», 2007. — 1088 с.

ISBN 978-5-485-00114-8

ISBN 978-5-485-00115-5

Книга знаменитого церковного историка, археолога, филолога и искусствоведа еп. Порфирия (Успенского) — богатое материалом повествование об истории Святой Горы Афонской, самой знаменитой святыни православного монашества. «История», основанная на документальных источниках и наблюдениях очевидца, по сей день остается уникальным по ценности научным трудом. При переиздании книга снабжена справочным аппаратом, а также комментариями и приложениями, отражающими современное состояние исторических исследований об Афоне.

Увлекательное и познавательное повествование, написанное сочным русским языком XIX в., адресовано всем любителям церковной истории.

Знатоки греческой словесности найдут в книге множество памятников всех эпох.

ISBN 978-5-485-00114-8

ISBN 978-5-485-00115-5

© Издательство «ДАРЪ», 2007

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

Дорогие читатели!

Выходит в свет новое издание, посвященное истории одного из самых удивительных мест на земле — Святой Горы Афонской. Пополняется сокровищница наших знаний о духовных традициях Православия. Знакомясь с фундаментальным трудом замечательного церковного историка епископа Порфирия (Успенского), мы обогащаемся интеллектуально и духовно.

Церковная наука в России, некогда давшая плеяду великих ученых, сейчас вступила в период своего возрождения. Появилось новое поколение исследователей, стремящихся посвятить свои силы изучению церковной истории, славянской и греческой словесности, христианской археологии и искусствоведения, литургики и других дисциплин. Особенно важно, чтобы высокие требования, предъявляемые к научным трудам современной эпохой, сочетались с глубоким внутренним постижением исследуемых тем. Сочетание научной беспристрастности и личной причастности к церковной жизни, неутомимость в приобретении знаний и вместе с тем любовь к духовному деланию — особенности лучших представителей русской церковной науки прошлого, являющиеся добрым примером для подражания.

Преосвященный Порфирий (Успенский), чей 200-летний юбилей отмечался недавно, по праву принадлежит к числу ученых с мировым именем. Размах и глубина его научных трудов удивительны даже для его эпохи. Много лет проработавший на Христианском Востоке на благо России, объехавший три континента в поисках новых открытий, епископ Порфирий увенчал свое научное поприще созданием ряда капитальных трудов.

Важнейшим из них является «История Афона», над созданием которой он трудился более 40 лет. Работа, ставшая первым в мировой науке научным сочинением по истории Святой Горы, основана на большом количестве источников и документов, многие из которых были открыты автором в книгохранилищах и архивах афонских обителей. Перепи-сав и опубликовав эти уникальные тексты, епископ Порфи-рий сделал свою книгу незаменимым пособием для всех исследователей Афона. Кроме того, большая часть собран-ных ученым документов и материалов так и не увидела свет. После кончины епископа его огромный архив поступил в ведение Академии Наук и готовился к публикации силами крупнейших русских ученых. Так, в числе прочего, была подготовлена к печати и заключительная, наиболее объем-ная часть «Истории Афона».

Столь многообещающее начало отечественных исследо-ваний по истории Святой Горы, к великому сожалению, не нашло продолжения на отечественной почве. Во 2-й по-ловине минувшего столетия публикация документов из афонских архивов велась, в основном, силами немецких, французских и греческих ученых. Но отрадные плоды хри-стианского просвещения в современной России дают осно-вания надеяться, что, с помощью Божией, труд преосвя-щенного Порфирия, ставший ныне достоянием широкой аудитории, не только обретет своих читателей среди люби-телей церковной истории и словесности, но и найдет дос-тойное продолжение в новых исследованиях о Святой Горе Афонской — месте, дорогом для каждого православного христианина.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

15 декабря 2006 г.

П.В. Кузенков

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ) КАК ИСТОРИК АФОНА

Возрождение православного монашества в наши дни закономерно сопровождается ростом внимания к истории главного в мире средоточия православных иноков — Святой Горе Афонской.

К сожалению, приходится констатировать, что едва не вековой перерыв в истории отечественной церковно-исторической науки привел к тому, что на русском языке почти нет литературы об Афоне, которая совмещала бы высокую научность с возвышенно-почтительным тоном, свойственным духовной литературе. Между тем именно таковы сочинения епископа Порфирия (в миру — Константин Александрович Успенский, 1804–1885). Недавно был отмечен 200-летний юбилей этого знаменитого русского церковного ученого, однако его колоссальное научное наследие, к сожалению, до сих пор не освоено должным образом. Предпринятое ныне переиздание

его «Истории Афона» призвано сделать это подлинное сокровище православной книжности и учености достоянием широких читательских кругов.

Среди многообразнейших научных трудов преосвященного Порфирия труды об Афоне по праву занимают особое место. Перу ученого епископа принадлежит более десятка публикаций по истории и современности Святой Горы. Многие из них не утратили своего научного значения и по сей день, несмотря на прошедшие полтора века. Вот основные работы епископа Порфирия об Афоне*:

* Многие работы публиковались в периодических изданиях, таких, как «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», «Труды Киевской Духовной Академии», «Журнал Министерства народного просвещения» и др. Выходные данные приведены для отдельных оттисков.

— Указатель актов, хранящихся в обителях Святой Горы Афонской. СПб., 1847. 82 с.

— Описание монастырей афонских в 1845–1846 гг. СПб., 1848. 102 с.

— О религиозно-нравственном состоянии афонских обителей во время турецкого владычества над ними: Летопись событий на Афоне с 1466 по 1860 г. М., 1882. 70 с.

— Афонские книжники. М., 1883. 86 с.

Масштабные труды вышли в серии «Восток христианский»:

— История Афона. Ч. I: Афон языческий. Ч. II: Афон христианский, мирской. Ч. III: Афон монашеский. Киев, 1877 (ч. 1–3/1); СПб., 1892 (ч. 3/2–3). Более 1500 с.

— Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 [и 1846] году. Ч. I–II, Приложение к ч. II. Киев, 1877. Около 2000 с.

— Второе путешествие по Святой Горе Афонской в годы 1858, 1859 и 1861 и описание скитов афонских. М., 1880. 529 с.

Наконец, автобиографическая «Книга бытия моего» (СПб., 1893–1902), на более чем 4500 страниц которой рассеяно немало ценных наблюдений.

Следует с сожалением отметить, что часть задуманных еп. Порфирием изданий об Афоне (история отдельных афонских монастырей, так называемая Статистика Святой Горы и проч.) так и не увидела свет. О богатстве собранных там материалов можно судить по ссылкам на эти неизданные работы, неред-

ко встречающимся в «Истории Афона»*.

Перечисленные книги содержат поистине необъятный материал о Святой Горе. Это с поражающей воображение эрудицией подобранные исторические материалы из древних источников — греческих, латинских, славянских; подробный анализ всех старинных книг и записок об Афоне, составленных как греками, так и русскими паломниками и европейскими путешественниками; наконец, многочисленные выписки из документов и книг, хранящихся в архивах Святой Горы. Именно документальным источникам, «дееписаниям», еп. Порфирий придавал первостепенную ценность, считая своим долгом поверять ими всякое устное предание, сколь бы широкой популярностью оно ни пользовалось. Особый интерес для нас представляют личные наблюдения ученого путешественника, с неутомимой проницательностью отмечавшего все более или менее достойные внимания детали и факты. Уже сам Порфирий отмечал, что некоторые древности Афона, которые он наблюдал во время своей первой поездки (1845–1846 гг.), исчезли ко времени его второго посещения Святой Горы спустя всего 12 лет**. Что же говорить о

* Многие монастырские акты, использованные при написании «Истории Афона», были скопированы еп. Порфирием, но опубликованы лишь в XX в. другими учеными (см. Указатель актов в Приложении к данному изданию).

** Так, бесследно пропала древняя мраморная колонна из развалин близ Есфигмена (История Афона. Ч. II. С. 89, сноски).

судьбе виденных и описанных им руин через полтора века.

Составленные еп. Порфирием зарисовки и планы имеют не только большую археологическую ценность, но и являются замечательными в своем роде художественными памятниками. Несомненно, привлекут внимание специалистов профессиональные суждения Порфирия об афонском богослужении и церковной музыке, его описания икон. Поистине энциклопедический кругозор русского церковного ученого делает его труды кладезем исторической информации. Описывая историю Афона, Порфирий делает пространственные экскурсии не только в историю Византии, которую он знает превосходно, но и в такие, казалось бы, далекие сюжеты, как перипетии римско-готских отношений или злоклучения сербских Бранковичей. И все это делалось не по вторичной специальной литературе, практически отсутствовавшей в то время не только в русской, но и в европейской науке, но по первоисточникам, текст которых приводится для взыскательных читателей*. Прекрасное знание Порфирием древних и новых языков позволяет ему свободно цитировать источники без перевода (роскошь, которую не могут позволить себе современные авторы). Между прочим, сам Порфирий рассматривал свой труд не только как научно-историческое повествование, но и как сво-

его рода хрестоматию, по которой новое поколение русских «эллинистов» могло бы знакомиться с самыми разнообразными памятниками греческого языка различных эпох.

Вообще, крайне щепетильное отношение к источникам, трудолюбиво подобранным и помещенным на языках оригинала в так называемых «Оправданиях» истории Афона и его отдельных монастырей, — одна из наиболее характерных черт исторического метода Порфирия Успенского. Мастер источниковедческого анализа, он все свои выводы и гипотезы непременно сопоставляет с наличным документальным и историографическим материалом. И никакие самые почтенные предания не могут заменить при этом строгих научных доказательств. Необходимо отметить, что столь высоких требований к источникам — в духе нарождавшегося в ту эпоху критического метода исследования — не предъявлялось к афонской истории не только в современных Порфирию многочисленных книгах и брошюрах об Афоне (откуда черпало и продолжает черпать сведения о святогорской истории основная масса русских читателей), но и во многих изданиях XX в. Действительно, все, что связано со Святой Горой, овевано для православного человека ореолом святости и благочестия. Тем самым создается благоприятная атмосфера для некритического восприятия всевозможных устных преданий и поверий, окружающих всякую святыню. Чрезвычайно сложно в таких случаях вести борьбу за историческую истину,

* Очерк о готах дан в связи с судьбой Галлы Пладидии, см.: История Афона. Ч. II. С. 72–80.

чтобы не оскорбить чувство благоговейного отношения к афонской старине. Но преосвященный Порфирий — не из тех, кто готов идти на компромисс с правдой. Красноречивы его слова, которыми он предваряет свое исследование одного из самых «деликатных» вопросов — о начале христианства на Афоне:

«Афонские монахи повторяют несколько старинных преданий о начале его и показывают книги и тетради, в которых они записаны. Но достоверны ли эти предания? Подтверждаются ли непрерывною преемственностью жителей Афона и тамошними деписаниями, как то, царскими и патриаршими грамотами, судебными делами и четь-минейными сказаниями? Не противоречат ли им? Не выдуманы ли намеренно? Не основаны ли на сновидениях, принятых за откровения свыше, что иногда бывает у монахов? Не искажены ли? Не должны ли быть понимаемы в переносном смысле? Оправдываются ли византийскими историками? Не отвергаются ли здравомыслящими и учеными афонитами как выдумки, сочиненные для корыстного поддержания Афона и для прославления некоторых монастырей там, будто бы современных Константину Великому и даже апостолам и Богоматери? А книги, в которых записаны оные предания, не содержат ли в себе пустые толки простых монахов? Да и древни ли эти книги? И есть ли в них ссылки на подлинные древнейшие деписания, которых весьма много в монастырях афон-

Порфирий (Успенский),
епископ Чигиринский
(1804–1885 гг.)

ских? Вот вопросы, которые надобно решать при обсуждении всех тамошних преданий, решать основательно и добросовестно! Без решения их повествование о начале христианства на Афоне не возбудит в умных людях ни внимания, ни доверия к историку и будет причислено к разряду тех повестей, кои выдумывает *fraus pia* — благочестивая ложь иезуита. А меня и всех нас да избавит Бог от иезуитства!»*

В середине XIX в. в России резко возрос интерес к Святой Горе. Особенной популярностью пользовались сочине-

* Там же. С. 2.

ния об Афоне иеросхимонаха Сергия Святогорца (1814–1853). Оценивая эту литературу, преосвященный Порфирий замечает: «Сергий был поэт, а не историк и не археолог. Речь у него чисто русская, приятная и инде увлекательная. Но в сказаниях его об Афоне много ходячих бредней местных. Посему настоящим и будущим писателям о сей горе советую не увлекаться этими сказаниями. Грешно говорить ложь и неправду о таком священном месте, каков Афон. Эта гора привлекательна только под освещением исторической правды»*. Между тем приходится констатировать, что именно эти книжки благодаря репринтным переизданиям и в наши дни служат едва ли не единственными доступными широкому читателю источниками информации о Святой Горе и ее истории на русском языке.

Анализ письменных источников привел преосвященного Порфирия к выводу: многие популярные (особенно среди славян) предания об афонской старине на проверку оказываются выдумками, не подкрепленными историческими фактами. В частности, не могут быть признаны достоверными предания о посещении Афона Пресвятой Богородицей, поскольку появляются не ранее XVI в. и противоречат древней традиции, согласно которой Матерь Божия не покидала Иерусалим до самой кончины. Суждение еп. Порфирия, подкрепленное более чем десятком текстов источ-

ников, неумолимо в своей лаконичности: «Богоматерь не была на Афоне и быть там не думала»*.

То, что звучало бы вызывающим дерзновением в устах мирянина, из уст ученого, облеченного в иноческий чин и архиерейский сан, воспринимается убедительно и весомо. Ибо разве совместима с истинным благочестием любая ложь, в том числе и историческая «полуправда»? Но неумолимая приверженность истине нисколько не препятствует еп. Порфирию исповедовать определенные убеждения и идеалы, в согласии с которыми он и выстраивает свое понимание фактов афонской истории.

Приведем его взвешенное и не потерявшее своей актуальности суждение об исторических корнях афонского монашества, сделанное на основе анализа древнейших документов из святогорских архивов:

«Итак, никто не вправе считать Афон учреждением политическим, или миссионерским, или научным. Никогда он не был и не будет таким. Афон есть место молитвы, богомыслия и святой жизни. Вот его значение, задача, сила! Верховная власть государственная признала афонское монашество учреждением священным, духовно-нравственным, молитвенно-посредствующим между нею, миром и Богом и потому достойным царского покровительства; а это монашество добровольно вверило себя покровительству сей власти.

* Там же. Ч. III/2. С. 535.

* Там же. С. 21.

Попечителем Афона стал царь, а не патриарх»*.

Тщательно восстанавливая по сохранившимся документам систему отношений афонского монашества и непосредственно попечительствовавших ему византийских императоров, среди которых было немало истинных афнолюбцев, преосвященный Порфирий формулирует содержание и общечеловеческий смысл феномена Святой Горы:

«Святогорец есть свет, чистым житием своим освещающий всем путь к Царству Небесному. Святогорец подобен пласту лучшей земли, который, быв наложен на землю худшую, удобряет ее, как соль, насыпанная на черный хлеб, делает его вкусным и более питательным. Ангелоподобное житие святогорцев есть предмет умиления и радости народов, а молитвы их о всем мире суть подарки неоцененные, которых я и на весы не положу для сравнения с пользами от мужей ученых и государственных, не умеющих низвести на нас благодать и милость Божию»**.

Нечего добавить к этим вдохновенным словам.

Святительский сан, соединенный с самой высокой образованностью и проныцательным умом, — вот настоящий идеал православного ученого, знакомый нам по Византии и столь необходимый для современной церковно-исторической науки. К этому идеалу стремился и

ему соответствовал великий русский ученый епископ Порфирий Успенский.

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕИЗДАНИЯ

При подготовке переиздания «Истории Афона» особое внимание уделялось сохранению авторского стиля повествования. Исправления в орфографию и пунктуацию вносились таким образом, чтобы облегчить восприятие текста современным читателем.

Несмотря на прошедшие полтора века, научный уровень труда еп. Порфирия оказался вполне сопоставим с самыми современными исследованиями об Афоне, имеющимися в мировой науке. Необходимые исправления и дополнения выполнены научным редактором на основе новейших изданий афонских актов* и обобщающих монографий об истории Афона**. Они обозначены инициалами П.К. (в отличие от редакционных примечаний издателей вышедшего посмертно 2-го отделения III части, отмеченных как *Ред.*).

* Archives de l'Athos / Fondées par G. Millet et P. Lemerle. Publiées sous le patronage de l'Académie des inscriptions et Belles-Lettres et de l'Académie d'Athènes. Paris, 1937–2001–. Т. 1–21–.

** Μαμαλάκης Ι. Τὸ Ἅγιον Ὄρος (Ἀθῶς) διὰ μέσου τῶν αἰώνων. Θεσσαλονίκη: Ἐταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 1971; Δωρόθεος Βατοπεδινός, μοναχός. Τό Ἅγιο Ὄρος: Μύηση στήν Ἱστορία του καί τή ζωή του. Τ. Α'–Β'. Κατερίνη: Τέριος, [1986].

* История Афона. Ч. III/2. С. 38.

** Там же. С. 224.

Сам автор видел в своем труде не только ученое, но и учебное издание. Именно поэтому он, как правило, воздерживается от дословного перевода приводимых цитат, пересказывая лишь смысл иностранного текста. Констатируя резкое падение уровня классического образования за прошедшее время, редактор, тем не менее, воздержался от сплошного перевода всех цитат, надеясь возбудить тем самым интерес любознательного читателя к изучению столь важного для православной культуры греческого языка. Разумеется, перевод дается в тех случаях, когда смысл иностранной фразы не ясен из русского текста.

В некоторых случаях хронологические указания автора, не соответствующие принятым в современной науке, исправляются в примечаниях. Основ-

ной массив хронологических данных, во избежание перегрузки текста многочисленными примечаниями, приведен в указателе имен.

Колоссальный хронологический размах и поистине энциклопедический масштаб интересов и знаний преосвященного Порфирия, а также значительный объем уникальной информации, приравнивающей его сочинение к первоисточнику, обусловили необходимость составления подробных указателей. При их составлении во главу угла ставилось удобство пользования книгой в качестве справочника.

С этой же целью в тексте сохранена пагинация оригинального издания (в квадратных скобках между жирными точками), на которую ориентирован и справочный аппарат.

А.П. Лебедев

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ).

По поводу столетия со дня его рождения,
1804—1904 гг.*

В родословной преосвященного Порфирия, составленной при его жизни и помещенной в первом томе его обширного посмертного сочинения «Книга бытия моего», представляющего собою автобиографические его записки, сказано, что он родился в 1804 году (С. V), а в последнем томе того же сочинения самим преосвященным Порфирием отмечено, что днем его рождения было 8 сентября (Т. VIII. С. 538). Отсюда открывается, что в текущем году исполняется столетие со дня рождения названного преосвященного епископа.

Русская богословская наука и духовная литература весьма многим обязана необыкновенной просвещенной энергии преосвященного Порфирия: он принадлежал к числу достойнейших «по-

четных членов Московской Духовной Академии». Ввиду этого мы решаемся сообщить некоторые наиболее интересные сведения о покойном преосвященном Порфирии, так как, несомненно, его можно причислить к замечательнейшим деятелям, украшавшим нашу Церковь.

К сожалению, несмотря на свои достоинства, эта личность довольно мало известна так называемой большой публике; это отчасти зависит от того, что преосвященный Порфирий не занимал видного иерархического положения, а отчасти и от того, что деятельность его создалась вне пределов нашего отечества, хотя и назначена была служить пользам этого последнего.

Со свойственными его литературному перу образностью и остроумием преосвященный Порфирий писал:

* Богословский вестник. 1904. Т. 3. С. 81–103

«Кому я подобен? Орлу, парящему по поднебесью. Орел! Куда ты летишь? На север. А почему ты озираешься на юг? Там мое гнездо»*. В этих словах он указывает жизненную цель своих стремлений и трудов: «юг», т. е. христианский Восток, на котором так много пришлось ему поработать.

При другом случае преосвященный Порфирий говорил: «Учение есть страсть моя» и прибавлял: «Порфирий, помни вечность, храни веру, надежду и любовь и служи науке, а всё прочее — трывтрава»**. Действительно, наука составляла самое любимое его дело, и в этом отношении он занимает одно из видных мест.

О преосвященном Порфирии по отношению к изучению христианского Востока говорят: «Можно с полной достоверностью сказать, что ни один из последующих представителей России в Сирии и Палестине не ознакомился с этими странами, личными наблюдениями, так обстоятельно, как архимандрит Порфирий» (он тогда еще не был епископом). При этом нужно заметить, что по словам преосвященного Порфирия, он начал это изучение без всякого предварительного книжного ознакомления с этими странами; да и не по чему было знакомиться с ними: тьма окутывала отдаленный от нас Восток. Что касается достояния, приобретенного им на Востоке, то об этом говорят

так: «Вывезенный им из странствования по Востоку научный материал так был обширен, что четверть столетия усидчивых трудов такого работника, каким был преосвященный Порфирий, не хватило, чтобы его разработать и вероятно столько же еще пройдет (это писано, нужно заметить, в 1894 г.), пока он будет обнаружен»*. И это вполне справедливо. Мало того: мы даже думаем, что едва ли когда увидит свет всё то, что собрал он в книжных сокровищницах Востока и что он же написал: всего этого так много, что можно только удивляться, каким образом один человек, без всяких помощников, со скудными материальными средствами успел столько поработать. Да, преосвященный Порфирий был редкостный ученый.

По окончании курса в Петербургской Академии со степенью магистра богословия, о. Порфирий скоро сделался ректором Херсонской семинарии (в Одессе). Но прошло еще немного времени, и он по распоряжению начальства послан был на Восток для ознакомления с нуждами православия в Палестине и Сирии. Это было в 1843 году, местом его пребывания назначен Иерусалим. Пребывание его в Иерусалиме на этот раз

* Книга бытия моего (дневники и автобиографические записки епископа Порфирия). Т. III. С. 51. СПб., 1896.

** Там же. С. 141. Т. II. С. 376.

* «Книга бытия моего», предисловие к I тому. Сам о себе преосвященный Порфирий говорил: «Меня затрудняет большое количество материалов для науки, добытых на Востоке. Едва успеваю разрабатывать эти материалы. Наскучит мне исследование ересей, принимаюсь за историю. Надоест она, пускаюсь в область богословия. Перестану богословствовать, начинаю сличать священные тексты древности или заниматься историей изящных искусств» (Т. VIII. С. 76).

продолжалось с небольшим полгода (до августа 1844 г.). Дальнейшее время до половины 1846 года архимандрит Порфирий провел в путешествиях по Афону, Египту и Синаю — с целью изучения главным образом состояния тамошних монастырей. В 1846 году он возвращается в отечество частью для того, чтобы дать отчет о своей командировке, а наиболее для того, чтобы устроить дело открытия постоянной духовной миссии в Иерусалиме. Это последнее дело, несмотря на разные затруднения, ему удалось довести до желанного конца. В июле 1847 года он сам, архимандрит Порфирий, получил назначение быть начальником первой русской духовной миссии в Иерусалиме. По разным обстоятельствам, в этот город он прибыл не ранее февраля 1848 года. На этот раз он пробыл на Востоке довольно долго, до мая 1854 года, до начала Крымской войны. Впрочем, о. Порфирий не всё это время безвыездно провел в Иерусалиме: он немало путешествовал в то же время не только по Палестине, но и по Сирии для личных наблюдений над состоянием церковных дел в этих странах. Возвратившись в отечество и оставаясь в Петербурге, он пробыл здесь до 1858 года. За ревностные труды ему назначена была пожизненная пенсия в 1000 рублей. В 1857 году отправлена была в Иерусалим новая духовная миссия с Кириллом, епископом Мелитопольским, во главе. А архимандрит Порфирий остался без должности. Но его тянуло опять на Восток. И вот мы видим, что он в третий раз получает командировку — ехать на

Восток с исключительно ученой целью, для собирания сведений о церковной архитектуре и живописи, для описания церковных утварей, библиотек и архивов и для возобновления своих сношений с коптским духовенством (в Египте), чрез которое он думал привлечь коптский монофизитский народ к союзу с православием. На этот раз о. Порфирий побывал в разных странах Востока и только в 1861 году возвратился в Россию. Какое ученое богатство собрал он в течение этого странствования! В 1865 году архимандрит Порфирий получил сан епископа и назначен был Киевским викарием, в каковой должности и оставался до 1878 г. Будучи викарным архиереем, преосвященный, конечно, не мог отдавать много времени своим любимым ученым занятиям; тем не менее, несмотря на это, он немало издал и в этот период его жизни драгоценных научных материалов по востоковедению и напечатал значительное количество своих самостоятельных сочинений из той же области знаний. Остаток своей жизни преосвященный Порфирий провел в нашей Москве. В вышеуказанном году он назначен был настоятелем Новоспасского монастыря. Теперь уладыки было много свободного времени, и он без помехи мог отдаваться ученым занятиям; но уже пришла старость, а за нею подвигалась и смерть. Однако и в течение московского периода своей жизни великий труженик очень значительно потрудился для науки и с большой пользой. В Москве он прожил семь лет и скончался 19 апреля 1885 году,

найдя себе вечное упокоение в стенах Новоспасской обители.

Не розами был усыпан жизненный путь преосвященного Порфирия.

Служение его на Востоке в качестве начальника Иерусалимской миссии сопряжено было с большими трудностями для него, которых не могли преодолеть ни его беззаветная преданность своему делу, ни его энергия, ни его удивительная настойчивость и самоотверженность. Свидетельствует об этих затруднениях не сам он, а лицо, совершенно постороннее ему, некто Мансуров, посланный в Палестину для ознакомления с положением тамошних дел покойным Великим Князем Константином Николаевичем. Это лицо составило обширную записку, из которой и узнаем, как тернист был путь, проходимый о. Порфирием в Иерусалиме. Прежде всего в руководство этому последнему дана была инструкция, исполнять которую не было никакой возможности. Видно, что составлявшие ее почти не имели понятия о положении церковных дел на Востоке. Инструкция предписывала следующее: 1) иметь в Иерусалиме, как центре православного исповедания на Востоке, представителей русской церкви и образец нашего благолепного служения (sic!); 2) преобразовать малопомалу само греческое духовенство (легко сказать!), возвысить оное в собственных его глазах столько же, сколько и в глазах православной паствы; 3) привлечь к православию и утвердить в оном (это в чужой-то Церкви!) те местные народные элементы (разумеются главным

образом арабы-христиане), которые постоянно колеблются в своей вере под влиянием агентов разных исповеданий и слишком легко отступают от православия вследствие недоверия к греческому духовенству и неблагоприятного (?) поведения сего последнего*.

Читая подобную инструкцию, можно вообразить себе, что начальник миссии архимандрит Порфирий при отправлении на свое служение облечен был большими полномочиями; но на деле ничего такого не было и даже встречаем как раз обратное. Несмотря на данное о. Порфирию пышное название начальника духовной миссии, ему строго-настрого было вменено не придавать себе и своим товарищам иного характера, кроме поклоннического (т. е. выдавать себя за странников по Святой земле), не вмешиваться ни в чем в дела греческого духовенства (?), ограничиваться лишь предложением советов по мере возможности, не вмешиваться в житейские дела наших поклонников (?) и вообще всячески стараться не возбуждать подозрений иностранных агентов, чтобы не подать повода к толкам о каких-либо скрытых намерениях России. Такого рода предписания, как само по себе понятно, лишали всякой возможности осуществлять на практике вышеуказанные требования инструкции.

К тому же присоединились и другие существенные затруднения, связывавшие крылья «орла», как именовал себя о. Порфирий.

* Книга бытия моего. СПб., 1901. Т. VII. С. 127.

Обязанный явить пред всеми торжественность и благолепие русского богослужения и показать на Востоке, каково должно быть и может быть оно, архимандрит Порфирий не находил нигде в Иерусалиме ни своего угла для помещения миссии, ни приличной обители, ни даже церкви; он должен был выпрашивать всё необходимое в виде милостыни, как будто он был представителем незначительного христианского исповедания. В отведенном для жительства миссии Архангельском монастыре была одна церковь, но эта церковь оказалась ветха, темна, бедна, некрасива и вдобавок была так мала, что в ней с трудом помещалось 25 человек, соборного же служения в ней совершать было нельзя. Доступ в церковь был не свободен, потому что впуск в монастырь зависел от привратника и местного греческого наблюдателя. Показывать блеск нашего богослужения в такой церкви было невозможно; да к тому же греческое духовенство старалось о том, чтобы их паства (арабы) не имела доступа к русскому богослужению. Еще менее оказывалось возможности являть благолепие нашего богослужения в храме Воскресения и на Голгофе. Все часы дня и ночи в этих местах были разделены в богослужебном отношении между греками, латинянами и армянами, и притом так, что и получаса не оставалось свободного, незанятого. Для о. Порфирия возможно было богослужение в этих местах только случайное, дозволяемое греками, уступавшими иногда свой час ему, вследствие предварительной его просьбы.

Далее. Греческое духовенство смотрит и всегда смотрело с неудовольствием на развитие и укрепление православия среди негреческого национального элемента, например, оно держало и держит в загоне арабскую национальность, несмотря на ее православие. Следовательно, задачей архимандрита Порфирия, сообразно инструкции, было ослаблять гнет греческого духовенства по отношению к местным народным элементам, например, арабам, и содействовать этим последним сравняться в своих христианских правах с греками или по крайней мере выйти из порабощения им. Но ничего такого делать не мог о. Порфирий, так как ему предписано было придать себе, по возможности, бесцветный характер на Востоке, вести себя, являя собой безгласного поклонника, подчиненного местной духовной власти. Таким образом, отношение миссии к иерусалимской иерархии вскоре выяснилось: рядом жили хозяева и скромные лишь терпимые гости, и для этих последних оставалось одно — следовать правилу: в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Борьба с западной пропагандой на Востоке, само собою понятно, являлась делом непосильным для о. Порфирия и прочих членов миссии. И этот пункт инструкции оставался совершенно неисполнимым. Западная пропаганда имела успех на Востоке, потому что она пускала в дело все средства нравственного и материального характера и при помощи этих средств убеждала слабых членов православия переходить к инославию. Что же мог противопоставить этой

силе архимандрит Порфирий? Авторитета он никакого не имел: ему внушены были скромность и боязливость; материальных средств в его распоряжении не было, а без денег, как известно, и гений на Востоке ничего не делает.

Но этим дело не ограничилось. Посещали и другие невзгоды нашего иерусалимского начальника миссии. На содержание миссии назначена была достаточная сумма денег, но беда в том, что эти деньги высылались так несвоевременно, поздно, что миссия была почти всегда без денег и испытывала большие стеснения. Архимандрит Порфирий всячески заботился об улучшении дел миссии и поэтому входил с разного рода планами и ходатайствами в Петербург. Однако же он ничего не достигал. Как скоро он сообщал какие-либо интересные сведения в Петербург, не прося ни о чём, ему оттуда отвечали одобрением и уверением в том, что он пользуется полным доверием; но лишь только он, основываясь на этом доверии, в силу своей опытности в местных делах начинал ходатайствовать о делах, имеющих практическое значение, касающихся достоинства и пользы России, но связанных с денежными интересами, лишь только он требовал действительной помощи для достижения указанной ему цели, то же самое правительство отвечало ему глубоким молчанием и оставляло без внимания указания своего доверенного лица.

Разумеется такое отношение властей к делам миссии, как свидетельствует цитируемая нами записка, действовало

охлаждающим образом на горячность и усердие архимандрита Порфирия: он потерял всякую надежду на возвеличение русского имени и Русской Православной Церкви в Палестине и вследствие полной невозможности дать течению дел лучшее направление он посвятил себя больше всего ученым трудам, в которых искал и находил утешение для себя*.

В 1846 году, как мы упоминали выше, начальник иерусалимской миссии должен был возвратиться в отечество, точнее — в Петербург, где ему пришлось тоже испытать много горестного. Но зато путь до столицы принес ему немало улады и утешения. Обогащенный массой самых новых сведений из жизни Востока и разговорчивый архимандрит Порфирий встречаем был многими русскими иерархами с большим удовольствием, например Иннокентием (Борисовым), епископом Харьковским, знаменитым проповедником, и Филаретом Московским. Особенно хорошо сохранились в памяти о. Порфирия беседы с великим иерархом Филаретом, которым он дает место в своих дневниках. Видно, что этот святитель возбуждал большое уважение в душе его. О Филарете он так начинает свою речь. «Град Москва имеет в митрополите Филарете мудрого и благонравного архиерея и красноречивого витию. Сегодня я сподобился видеть серафимское лицо его и повествовать ему о божиих Церк-вах на горящем Востоке. Мне было

* Книга бытия моего. С. 128–140.

любо говорить уму и сердцу его, и я говорил свободно и с воодушевлением»*. Приведем некоторые из бесед Филарета и его гостя. «Весьма горестно, — повествовал гость, — что над Гробом Господним находится мусульманский харем (гарем)». «Какой харем?» — спросил изумленный митрополит. «Женский, — отвечал гость. — Уже столетия он существует там и помещается как раз между двумя куполами (на крыше), из которых один накрывает ротонду Гроба Господня, а другой — храм Воскресения». «Откуда же ходят в этот харем?» «Весь храм святогробский, — объяснял архимандрит Порфирий, — накрыт ровной и плоской крышей; на эту крышу ведет лестница, устроенная со стороны улицы. Харем помещается так, что из него затворницы чрез оконце смотрят в ротонду Гроба Господня и иногда бросают туда лимонные и апельсиновые корки». «Боже мой, что я слышу!» — воскликнул митрополит. Затем он же добавил: «Когда граф Орлов отправлялся в Константинополь как чрезвычайный посланник, тогда я просил его включить в договор с Турцией параграф о ключарстве Государя Императора в храме иерусалимском (интересное сведение!). Пусть бы он был ключник Гроба Господня. Но моя просьба не была исполнена». По одному из вопросов между митрополитом и архимандритом возникло некоторое словопрение, которое однако же не помешало общему удовольствию. Архимандрит рассказывал следующее: «Все

афонские монастырники и скитники верят и учат, что потурчившийся христианин может спастись только тогда, когда раскается и после чрезвычайных пощений и молитвенных стояний поидет в магометанское судилище в одежде турецкой с крестом или иконою в руках, дерзновенно проклянет здесь Магомета, исповедует Христа, заушит судью и будет замучен турками. Поэтому святогорцы охотно принимают к себе и даже сами отыскивают таких несчастных и методически приготавливают их к мученичеству. Затем приготовленные должны поступить по вышеписанному; а по смерти их святогорцы покупают их тела у мучителей, хоронят их, а потом вырывают кости их, украшают серебряными окладами, выдают за мощи и собирают дань с народа». В другом месте эти действия афонцев о. Порфирий называет мученикотворством. «Владыка святой, — так закончил он рассказ свой, — надобно ли признавать и почитать таких самозванных мучеников?» «Тут между нами, — замечает повествователь, — завязался спор. Мститый митрополит был спокойнее меня. Он не одобрял вышеупомянутой выставки, если она делается ради денежных доходов, но защищал афонцев и их мучеников, ссылаясь на пример древних страстотерпцев, которые сами вызывались на мучения и которых Церковь вписала в лик святых исповедников веры». Архимандрит Порфирий решался в присутствии Филарета передавать даже потешные восточные свои наблюдения. Так, смелый гость рассказывал санови-

* Книга бытия моего. Т. III. С. 57.

тому хозяину: «В одной церкви Лавры (на Афоне) одна картина недавней кисти потешила и насмешила меня. Царь Давид сидит на завалинке, положила ногу на ногу, и играет на арфе; подле него трубачи трубят что есть мочи у них; барабанщик наяривает на огромном турецком барабане; а юноши и девицы в кисейных куртках и турецких шароварах хороводом пляшут в присядку». Митрополит рассмеялся, а присутствовавший тут ректор семинарии захохотал... Иногда гость позволял себе в беседе употреблять резкие выражения, от которых он же и приходил в смущение. О. Порфирий рассказывает, что при одном таком случае владыка взглянул на него значительно, «и я прикусил свой язык, — замечает повествователь, — и перевел речь на другие предметы». Прощаясь с иерусалимским гостем, Московский митрополит выразил ему свое удовольствие, с каким он слушал его рассказы о Востоке. В заключение архимандрит Порфирий замечает, что по дороге ректор семинарии сказал ему: «Вы очаровали владыку. Никогда и ни с кем он не сидел так долго после обеда (которым, нужно сказать, митрополит Филарет утостил своего гостя). Вы обаяли его своими рассказами»*.

Из Москвы путник поехал в Петербург, но здесь его встретили холодность и равнодушие. В Александро-Невской Лавре, где остановился он, ему сначала не хотели дать отдельной кельи; это глубоко опечалило иерусалимского гостя,

он писал по этому случаю в своих дневниках: «Птицы небесные имеют гнезда, звери лесные и полевые свои логовища; даже у червяков есть свои норки. Один я не имею своего угла». По прошествии некоторого времени, ему впрочем дали особое помещение, но оно оказалось крайне неудобным. Назначенная ему келья была сыра, тесна и душна, она находилась над погребом, в котором частенько, по словам о. Порфирия, обливали серую горлышки пивных и винных бутылок. Наконец гость вышел из всякого терпения и написал письмо наместнику Лавры, в котором говорил, что если ему не дадут лучшего помещения, то он должен будет бежать из Лавры; угроза подействовала*. Но еще хуже в положении архимандрита Порфирия было то, что он сидел без денег: даже заслуженного им жалованья почему-то не выдавали. Нужно сказать, что о. Порфирий к денежным и другим потерям относился чисто стоически. В 1843 году, во время пребывания в Петербурге же, его обокрали: у него унесли 1700 рублей ассигнациями, все кресты и ордена и всё столовое и чайное серебро. Покража была чувствительная, но о. архимандрит отнесся к ней философски. В своем дневнике он писал: «На то щука в море, чтобы карась не дремал. Какой-то плут мошенник обокрал меня. Ужасно мне жаль похищенной книжки, в которой записаны были для памяти сведения о состоянии Палестины и Сирии. Видно, что вор был человек

* Книга бытия моего. С. 60–62, 67–68, 82, 85.

* Там же. Стр. 100, 109, 121.

неученый, — острил потерпевший, — иначе он оставил бы мне эту книжку, зная, что она дороже мне тех денег, кои хранились в ней. Не худо было бы внушить всем вора́м, чтобы они не похищали у ученых монахов их книг и рукописей, а брали бы одни деньги, кои не так нужны им»*. Но теперь обстоятельства настолько изменились в положении нашего бесребреника, что он не знал, как ему быть без денег, а оных у него совсем не было. Во время пребывания на миссии в Иерусалиме и во время путешествий по Востоку о. Порфирий, по очень уважительным причинам, собрать ничего не мог. Пребывая на Востоке, он отчасти для поддержания своего достоинства, отчасти из человеколюбия, должен был делать немалые вклады в монастыри и монастырские церкви, подавал милостыню бедным священникам и нищим, помогал разноплеменным поклонникам и злополучным арабским семействам в Иерусалиме, обижаемым со стороны греческого духовенства, дорого покупал нужные ему научные сведения. По его рассуждению, деньги, отпускавшиеся правительством на содержание его, принадлежали не ему, а его делу. Ввиду этого на Востоке он тратил лично на себя лишь немногие сотни рублей. Аскетизм его простирался так далеко, что он не шил себе нового платья, не делал себе нового белья, так что он совсем обносился; у него остались только две поношенные летние рясы (а между тем наступил

ноябрь)*. В особенности его безденежье мучило его потому, что он вынужден был оставить без помощи своих кровных родных. «Эта мысль, — признается сам о. Порфирий, — слишком тяжелая, как острый камень падала на мое сердце и, приподнявшись, опять падала и выдавливала из него всю кровь и потом с большой высоты падала и крушила его в дребезги». Дело в том, что на иждивении о. архимандрита находилась «беднейшая» его мать и «злополучная» его сестра с дочерью; для нихто он и принял монашество: «Для них я отрекся от мира, дабы они моею нищетою были богаты», — говорил он. И однако же вместо воображаемого богатства мать и сестра его обретались в «голодной нищете»**. Прискорбное положение; а нашему ученому мужу оставалось одно — терпеть и скорбеть. До какой крайней степени в это время простирался у него недостаток в материальных средствах, об этом красноречиво повествует следующий рассказ самого бедствующего: «Капля дегтя нечаянно упала в ток моей жизни, и жизнь моя огоркла. Сапожник принес мне заказанную обувь. Я примерил ее. Пришлась по ноге. Ремесленник потребовал деньги. Теперь у меня нет денег, сказал я, завтра отдам, подожди. — Пожалуйста, или деньги или сапоги, возразил он. Он унес с собою новую обувь. А я босоногий, — прибавляет о. Порфирий, — босоногий бросился

* Книга бытия моего. Т. I. С. 118.

* Там же. Т. III. С. 108.

** Там же. С. 128.

на постелю свою и зарыдал от того, что никогда не был нищим»*.

Все эти невзгоды совершенно обескуражили петербургского гостя. «Видно, заслуженный архимандрит — размышлял он в это время, — здесь ценится не более, как выжатый лимон, не более, как тряпка: однако и тряпку иногда берегут». Среди этих горестных размышлений ему приходило на мысль бросить клобук и рясу и бежать, куда глаза глядят**. Что же при таких обстоятельствах оставалось делать? Просить и унижаться. «Горюет пчелка Божия, — пишет о себе о. архимандрит. — Что же ты, пчелка, молчишь? Есть у тебя голос, жужжи. Но жужжанья люди не любят! Не бойся людей. Итак, я жужжу»***.

Наконец материальное положение его улучшилось. Вышел указ, касающийся жалованья о. Порфирия. Об этом указе сам он говорит, что его он «выплакал»****.

Кроме материальных стеснений петербургскому гостю пришлось немало претерпеть нравственных огорчений, каких он совсем не ожидал. Начальство обнаруживало явное недовольство им. Мы точно не знаем, отчего это происходило. Но главная причина, думаем, заключалась в том, что о. архимандрита не понимали. Он любил говорить «свободно», но это было не по сезону; он писал «по вдохновению», т. е. подчиняясь сердцу и чувству, но от него требовали не «вдох-

новения», а сухой отчетности; он помышлял о славе и величии России, а ему повсюду приходилось слышать: знай сверчок свой шесток. По приезду в Петербург от него требовали, чтобы он скорее представил «отчет», а он не хотел спешить и вместо отчетов писал трактаты с научным аппаратом; на него смотрели как на чиновника, ожидали от него канцелярской работы, а он именовав себя «соглядатаем Востока» и верил, что у него накопилось много такого, чем стоит поделиться с соотечественниками.

Как бы то ни было, начальство не думало идти ему навстречу. Вот описание о. Порфирием одного из приемов, какие он находил у тогдашнего Петербургского митрополита Антония. «Брошен им суровый взгляд на меня. «Вы просите у меня милости, не будет вам милости», — немилостиво говорил митрополит». Передавая сведения об этом свидании с Антонием, наш горемыка припоминает при этом слова греческого поэта: «Есть нечто новое, придется мне горемычному петь горемычную песнь»*. Столь же несочувственно принял его и тогдашний обер-прокурор Синода граф Протасов. О. архимандрит говорит об этом так: «Обер-прокурор, против моего чаяния, принял меня холодно. Знать какой-то черный кот прошел между им и мною. Я ожидал, что он скажет мне спасибо за разумное исполнение данного мне поручения в Палестине и будет расспрашивать меня о Востоке»**.

* Книга бытия моего. Т. III. С. 113.

** Там же. С. 118.

*** Там же. С. 111.

**** Там же. С. 121.

* Там же. С. 120.

** Там же. С. 103.

Но ничего такого не последовало. Протасов завел с ним речь о каких-то пустяках.

Ввиду таких встреч и приемов архимандрит Порфирий не мог отказать себе в удовольствии рассказать своих начальников хоть своим пером. В его дневниках читаем следующие строки: «Антонии, (разумеется митрополит), Илиодоры, Гедеоны (имена провинциальных архиереев — членов Синода), сиятельные графы (Протасов) и превосходительные чины (например, Сербинович, директор канцелярии обер-прокурора)! И вы не боги; ибо нет в вас правды, милости и провидения. Долой же с пьедесталов! Ах! эти мраморные статуи водружены крепко. Не могу я расшибить и испепелить их. Нет у меня перунов. Но есть алмазовое перо. Пишу им на челах их: «Это — камни, но не те, от которых Бог может воздвигнуть себе чад». Целую тебя, перо мое. Письмена твои неизгладимы вовеки»*. Но вслед за этим писатель этих строк идет к обедне, чтобы, по его словам, каяться и благодарить Бога за всё.

Без сомнения, в высшей степени было оскорбительно для ученого архимандрита, что его отчеты прочитывали разные чиновники и позволяли себе по поводу них делать замечания, как будто дело шло о каких-то школьнических задачках. Так поступал Сербинович. Призвав к себе о. Порфирия, он заставлял его выслушивать свои замечания об отчете этого последнего. Сербинович

читает: «многострадальная Церковь сирийская» и заявляет: «Вы поэтизируете». О. Порфирий отвечал: «Таково настроение моей души». Далее критик читает: «сирийский архиерей есть человек Божий и вместе человек народный» (последними словами указывалось на избрание архиереев паствою в Сирии, по древнему обычаю). Прочтя эти слова, Сербинович укоризненно молчал, а о. Порфирий не счел нужным входить в объяснения. Затем тот же Сербинович читает в отчете: «греческие архиереи слишком ревностно и своекорыстно донесли 13-му апостолу» и делает замечание: «Вы колко иронизируете». В ответ о. Порфирий сказал: «Антиохийский патриарх в торжественном титуле именуется 13-м апостолом. Итак, я намекал на титул, а не иронизировал». После некоторых других замечаний директор изволил сказать: «Чем больше вы пишете, тем более вы обнаруживаете себя» (подразумевается, с непохвальной стороны)*. Странно: всякий неуч берется критиковать ученого мужа. Другим непризванным критиком отчетов архимандрита Порфирия является русский посланник в Константинополе Титов, бывший в это время в нашей столице. О. Порфирий пишет: «Титов сказал мне тоном недовольства, что моя записка о Сирийской Церкви — более политическая, нежели церковная, и что в ней упомянуты некоторые живые служащие на Востоке лица. Духовной особе, прибавил он наставительно, следует

* Книга бытия моего. Т. III. С. 101.

* Там же. С. 135–136.

писать о предметах духовных, а в политические дела вмешиваться не должно»*. Как будто бы в делах Востока возможно найти грань, отделяющую религию от политики! В довершение невзгод решено было сослать ученого архимандрита на жительство в Сергиеву пустынь под Петербургом. Мысль о том, что его хотят посадить «под начал», как выражались окружающие, сокрушала его. «Я хочу дела, — говорил он, — но где же мне предстоит дело? В пустыне? Ах! Не люблю мне половинчатое отрицательное существование в пустыне теперь, когда жизнь может дать сочные и благовонные плоды». Сергиеву пустынь он называл «темницею». И когда благодаря его настойчивости мысль эта была оставлена, он воспел песнь «Взбранной Воеводе победительная»**...

На этот раз однако же всё кончилось благополучно для архимандрита Порфирия. Достоинства его немолчно говорили в его пользу. И он в 1847 г. отправляется опять на Восток во главе духовной миссии, где он и остается до 1854 г. Восточная или Крымская война заставила всех должностных русских лиц, проживавших в Турции, возвратиться в отечество; то же должен был сделать и начальник духовной миссии в Иерусалиме. Возвратившись в Россию, он проживал по-прежнему в Петербурге. Не сладка была здесь жизнь его. Его поместили, по его выражению, в «лаврскую темницу»***. «В духовном ведомстве

обдал меня холод», — замечает он. Затем о. Порфирий сообщает некоторые сведения о своем первом свидании с обер-прокурором Синода Протасовым. «Протасов, выслушав вызванный им самим рассказ мой об аудиенции моей у папы, и только этот рассказ, простился со мной, отвернувшись от меня по-солдатски направо крутом. Директор канцелярии его, Сербинович, — прибавляет описатель, — принял меня и отпустил, ни о чем не спросивши и извинившись каким-то недосугом»*. Тогдашний митрополит Петербургский Никанор относился к архимандриту Порфирию безразлично и скоро умер. Смерть его вызвала у о. Порфирия заметку, что нечего сожалеть о нем. Вновь назначенный Петербургский митрополит Григорий относился к нему однако же еще хуже. «Он был холоден» к о. Порфирию и казался «суров и недоступен» для него, так что он восклицает: «O me miserum! O me infelicem!» [«О я несчастный!» (лат.)]**. Вскоре, за смертью Протасова, обер-прокурором был назначен граф А. П. Толстой, которого архимандрит Порфирий не раз называет «инквизитором»***.

При таких условиях едва ли мог дожидаться чего-либо хорошего архимандрит Порфирий в Петербурге; и действительно, последовал ряд явлений, которые возмущали его дух. Начать с того, что ректором Петербургской

* Книга бытия моего. С. 138.

** Там же. С. 125, 127, 130.

*** Там же. Т. VII. С. 37.

* Там же. С. 2.

** Там же. С. 91, 93.

*** Там же. С. 45.

Академии на место знаменитого Макария (Булгакова) определен был ничем не известный иеромонах Феофан, входивший в состав Иерусалимской миссии, управляемой о. Порфирием. Затем, когда в 1857 году возник вопрос об организации духовной миссии в Иерусалиме, архимандрита Порфирия обошли назначением, назначив вместо него начальником миссии молодого инспектора местной Академии Кирилла с возведением его в сан архиерейский. Очевидно, начали смотреть на него, по его же выражению, «как на выжатый лимон». Это было крайне оскорбительно для него. В дневниках о. Порфирия находим немало горестных lamentаций, относящихся к этому времени. «Скорблю о том, пишет он, что мне не дают никакой высшей должности и тем бесчестят меня в глазах православного на Востоке духовенства, которому очень хорошо известно мое имя. Лучше мне умереть, говорю устами св. Павла, нежели терпеть, чтобы кто-нибудь упразднил похвалу мою. Скорблю о том, что я осужден без суда какими-то непогрешимыми папами, усечен до корня (я) живой, плодovitый. Никак не могу приучиться смотреть на себя, как на придорожный пень, о который будет задевать всякое колесо, смазанное дегтем»*. При другом случае он же писал: «О, зачем мне суждено иметь большую известность! Лодочки спокойно стоят в пристани, а боевой корабль среди океана обуреваются грозными волнами. Тростинки растут

роскошно на сырой земле, а кедр на высоте каменистого Ливана расщепляется молниею. О, недруги мои! Дайте мне безвестность. Дайте мне покой. Я вас прощаю»*.

Интересно знать, из-за чего в настоящий раз возникло недовольство и нерасположение к архимандриту Порфирию. По Петербургу разнесся слух, что, живя на Востоке, он, по примеру восточных иерархов, позволял себе есть скоромное. Этот слух особенно встревожил вышеупомянутого обер-прокурора Толстого. Весть об этом прегрешении о. архимандрита постарались довести даже до слуха Государя Императора Александра Николаевича. С другой стороны, тот факт, что, находясь в Риме, наш пилигрим без позволения начальства представился папе, повел к неожиданным следствиям: на него стали смотреть как на какого-то отступника от веры**. К тому же присоединились уколы разных мелких самолюбий. Ведь о. Порфирий привык держать голову высоко.

В Петербурге архимандриту Порфирию нечем было дышать. Да и начальство видимо тяготилось им. На выручку того и другого представился случай отправить о. Порфирия на Восток. Начальству это развязывало руки, а о. Порфирия избавляло от столичных претрений. Этого ученого мужа ничто так не улаждало, как труды по изучению и исследованию таинственного Востока. Недаром он сам дает такое определение

* Книга бытия моего. Т. VII. С. 74–75.

* Там же. С. 91.

** Там же. С. 45–48, 77, 86 и др.

своей личности. «Кто я? Весь мысль; и она вперева в дела давно минувших дней на Востоке. Пред нею встают мертвецы — цари и бояре, иноки и святые люди мирские. Сурово смотрю им в очи и читаю в них правду. Вот мое дело, и так я живу»*. Это путешествие о. архимандрита продолжалось, как мы знаем, от 1858 по 1861 г.**

По возвращении в Россию, до посвящения его в епископы, он проживал в Петербурге «не у дел»***; но мог ли хоть день оставаться без дела такой деловой человек, как трудолюбивейший архимандрит Порфирий?

К 1861 году относится несколько любопытных отзывов знаменитого Московского святителя Филарета о некоторых проектах и предприятиях архимандрита Порфирия. Всё, что написано Филаретом, возбуждает наше внимание. Таковы же и его отзывы по указанному поводу. Эти отзывы, нельзя скрывать, строги и не чужды иронии. Но нужно сказать, что они не задевали самолюбия о. Порфирия и во всяком случае не могли вредить ему. В дневниках этого последнего не встречаем и тени неудовольствия с его стороны по отношению к сановитому святителю. Дело в следующем: в голове архимандрита Порфирия создавался проект воссоединить с Православною Церковью монофизитов: коптов и

армян; вслед за этим от него полетели письма и проекты к воссоединяемым и к духовному начальству в Петербурге. Это последнее ввиду серьезности дела отправило некоторые бумаги, сюда относящиеся, к Филарету, испрашивая его мнения. Митрополит отозвался. Вот некоторые его мысли по указанному поводу. «Архимандрит в письме к коптскому патриарху обещает «прислать ему веник для очищения коптской патриархии от старой пыли». Такое выражение, — пишет святитель, — было бы прилично, если бы писал комнатный служитель, у которого веник, находясь часто в руках, зашел наконец и в голову. Семь иподиаконов коптского патриарха в стихарях, с ораями и свечами поют «Достойно есть», литургийные стихи на греческом, и наконец, «французский сонет». Архимандрит утешается надеждою, что коптский патриарх придет в общение с Православною Церковью. Подлинно ли важным приобретением было бы для Православной Церкви иметь в общении патриарха, у которого семь иподиаконов в стихарях, с ораями, вслед за стихами из литургии поют французский сонет, которого содержание архимандрит не рассудил открыть?»* «Архимандрит объясняет, — рассуждает еще Филарет, — каким образом он в 10 дней ввел бы в общение с Православною Церковью коптов, если бы преосвященный Кирилл (начальник нашей

* Книга бытия моего. Т. III. С. 111.

** Там же. Т. VII. С. 168–169.

*** К этому времени относится следующая заметка архимандрита Порфирия: «Мое житье-бытье по-прежнему незавидно. Судьба мне не улыбается. Питер все бока мне вытер». Там же. Т. VIII. С. 76.

* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского. СПб., 1887. Том дополнительный. С. 556.

Иерусалимской миссии) не отказал ему в переводчике. Он превознес бы похвалами пред их патриархом коптское богослужение, напомнил бы ему, что у нас те же таинства, соборные правила, иконопочитание и склонил бы его написать к Святейшему Синоду послание догматическое и просительное о покровительстве, в котором бы не было упомянуто о двух естествах и о двух волях во Христе; и это «увенчало бы миссионерский труд» архимандрита. Как показался бы, — вопрошает критик, — Святейшему Синоду этот венок? Целым или разорванным? Мнимый миротворец не привел ли бы Святейший Синод в неприятное и затруднительное положение?»* «Архимандрит говорит: «Не удалось мне это дело — воссоединение коптов — потому, что наше министерство иностранных дел немо на Востоке, а наша миссия в Иерусалиме, после панихид и молебнов, ест, пьет, спит и во сне видит грёзы». Вот необыкновенное сцепление дел! — восклицает митрополит Филарет. — Дело миротворства не удалось архимандриту потому, что Иерусалимская миссия ест и пьет. Итак, оно удалось бы в том случае, если бы она перестала есть и пить. Но, положим, министерство и миссия в чем-нибудь неправы пред о. архимандритом; но чем виноваты панихиды и молебны? Неужели и их надлежало бы прекратить, чтобы удалось дело миротворства? Архимандрит находит, что Восточную Церковь справедливо упрекают в бесплодии и

что «она не Сарра, а Сара». Архимандрит думал возродить целую Церковь коптскую, но как это, по собственному его признанию, не удалось, и он не родил ни одной души, то хочет утешать себя в своем бесплодии, возлагая бесплодие на всю Восточную Церковь»*. О. Порфирий создал еще какой-то проект воссоединения армян с Православною Церковью. Некоторые части этого проекта подверглись суду того же Филарета. Он писал: «Архимандрит Порфирий говорит армянскому епископу Григорию: «Перестанем употреблять в катихизисах, в богословских системах, в проповедях, в разговорах устаревшие и невнятные выражения: два естества во Христе составляют одно естество или одну ипостась. Будем говорить проще и вернее вот так: Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный человек, в Котором неслитно и неизменно сохранились все свойства Божества и человечества, по соединении их; как это исповедуете вы, исповедуем и мы». Разделим то, — замечает митрополит Филарет, — что здесь смешано. Перестанем говорить: два естества во Христе составляют одно естество, как говорят монофизиты. Хорошо было бы, если бы они перестали. Далее, перестанем говорить: два естества во Христе составляют одну ипостась, как исповедует Вселенский Собор и вся Православная Церковь. Слышите ли? Архимандрит хочет, чтобы мы перестали исповедовать догмат, как исповедали его Вселенские Соборы и как исповедует вся Православ-

* Там же. С. 559.

* Там же. С. 560.

ная Церковь. Неужели он думает, что Православная Церковь на это согласится? Он говорит, что это «устаревшие, невнятные выражения». Неужели он думает, что догматы составляются? Что Вселенский Собор не умел выразить православное учение внятно? Архимандрит пишет: «будем говорить проще и вернее вот так»; и засим предлагает свою формулу выражения для догматов о двух естествах и двух волях во Христе. Но может ли он идти выпросить утверждения своему мнению от отцов Вселенских Соборов? Ибо Православная Церковь без их согласия, конечно, не примет мнимо-вернейшего выражения из уст архимандрита Порфирия^{*}. Митрополит Филарет вообще находил, что этот последний слишком увлекается в своих порицаниях. «Он платит, — рассуждает Владыка, — немалую дань нынешней моде всё порицать, потому что порицает даже и себя, объявляя, что он «только в 1845 году узнал, что на этом свете есть копты». Не верится. Невероятно и то, будто его «путнули» за опыт духовной статистики Востока. Печально видеть, как архимандрит Порфирий против преосвященного Кирилла за неприсылку переводчика усиленно вооружается колкостями. Но если вам приятно, — внушает митрополит, — мирить со своими чужих, помирите себя со своими»^{**}. Есть и другие отзывы митрополита Филарета относительно некоторых проектов о. Порфирия и его ученых мнений, но и представ-

ленных образцов, думаем, достаточно. Московский святитель вообще был очень осторожен везде и во всем.

Последние годы жизни преосвященного Порфирия, от 1865 года до 1885, когда он скончался, прошли тихо и безмятежно: частью в Киеве, где он исполнял должность викария, а потом в Москве «на покое», в благоустроенном Новоспасском монастыре^{*}.

Перечислить сочинения преосвященного Порфирия нет возможности, так их много^{**}. Укажем лишь на два. «Восток Христианский: Афон». Ч. I–III. Киев, 1877. Этой историей афонского монашества, этим критическим произведением автор сплел себе неувядаемый венок. «Книга моего бытия. Дневники и автобиографические записки его». Много томное сочинение (издано Академией Наук). СПб., 1894–1902 гг. А рядом с этим сочинением трудно и поставить что: оно отличается замечательною обстоятельностью и глубокою наблюдательностью.

Преосвященный Порфирий был по природе человек живой, словоохотливый, речь его изобиловала меткими замечаниями и оригинальными оборотами. (Я сам имел удовольствие однажды вести с ним долгую беседу, во дни уже его старости). Интересно отметить, что в своих сочинениях он никогда не употреблял

^{*} И киевский, и московский периоды жизни Порфирия описаны им в VIII томе его «Книги бытия моего» (СПб., 1902).

^{**} В книге г-на Сырку «Описание бумаг преосв. Порфирия Успенского» (СПб., 1891) перечень печатных сочинений его занимает с. 399–408. А в настоящее время этот список намного увеличился изданием посмертных сочинений епископа Порфирия.

^{*} Там же. С. 557.

^{**} Там же. С. 558.

слов, взятых от иностранцев, а довольствовался речениями русскими, и никогда в его речи не замечалось какой-либо скудости вследствие этого. Пример достойный подражания, в особенности для духовных писателей. Следовало бы обратить внимание на эту особенность литературных трудов преосвященного Порфирия и специалистам по части русской словесности. Преосвященный так много трудился ради науки и так много написал ценных сочинений, что его справедливо называют иногда даже «мучеником науки»*. Да, его самоотверженность в этом отношении поистине поучительна. Одних морских путешествий он совершил, по его подсчету, не менее 46: 11 по Черному морю, 10 по Мраморному и Эгейскому, 16 по Архипелагу и Средиземному морю, 8 по Адриатическому морю, 1 по Красному морю**. В похвалу преосвященному Порфирию ставят то, что он не прятал отысканных им рукописей от взоров других ученых, как делают многие ревнивцы своей славы, но охотно допускал пользоваться ими еще до их обнародования***. Нельзя скрывать того (да не скрывал этого и преосвященный Порфирий), что он мечтал о европейской славе: ему казалось, что такой славы он заслуживает. При одном случае он писал: «Богатства не желаю, почестями не дорожу, а долг и правду ставлю выше всякого блага земного и

думаю о славе... Ах, если бы она была европейская»*. Но таковой славы, по нашему мнению, он не успел достигнуть. Мало того: даже среди представителей русской науки имя преосвященного Порфирия не особенно популярно. На это есть своя уважительная причина. Его сочинения относятся к различным областям: и церковной истории, и изучения Священного Писания, и христианской археологии, и этнографии, и древностей вообще. Поэтому специалистам нашего времени представляется, что его труды относятся к какой-нибудь другой специальности, а не к той, какой они сами заняты. Другими словами: разносторонность работ преосвященного Порфирия помешала ему специализироваться, а специалисты нашего времени этого не прощают: если кто хочет, чтобы о нем не забывали, тот должен крепко держаться одного определенного знамени. Этим же объясняется и то, что в нашей литературе так мало писано о трудах и заслугах изучаемого нами лица. Даже появление в свет «Книги моего бытия» не изменило положения дела. Подлинно, жаль. Преосвященный Порфирий был человек и имел недостатки, но его большие достоинства сугубо покрывают их; и нет сомнения, этого мужа христианской науки и православного дела нельзя не причислять к благим деятелям на ниве православной церкви.

* Проф. А. А. Дмитриевский. Поминки преосвященного Порфирия Успенского // Труды Киевской Духовной Академии. 1886. Т. I. С. 390.

** Книга бытия моего. Т. VII. С. 392.

*** У проф. Дмитриевского с. 334. Слич.: Книга бытия моего. Т. VIII. С. 507.

* Книга бытия моего. Т. III. С. 119. Сравн. Т. VII. С. 81.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АФОН ЯЗЫЧЕСКИЙ

Карта древней Халкидики.

АФОН ЯЗЫЧЕСКИЙ

Ἄθως βωλόριον τοῦ κόσμου.

Афон — крупинка мира.

Марк Аврелий

Афон, по выражению римского императора Марка Аврелия, есть крупинка мира. Это верно. В неизмеримой вселенной, перед лицом беспредельного Бога, эта гора не больше крупинки.

Но эта крупинка существует в течение нескольких тысячелетий и имеет историю, которая и предлагается мною всем любознательным соотечественникам моим как плод многолетнего труда моего и как дар, округляющий их сведения о христианском Востоке.

Историю Афона я пишу, имея под руками книжные творения всех древних классических писателей, греческих и латинских, упоминавших о сей пресловутой горе, и многочисленные деесписания, которые хранятся в архивах тамошних монастырей и которые я переписал для себя верно. Эти деесписания, между которыми, по уверению Афонского управления, есть несколько

подложных, признаны мною годными материалами для истории Афона после рассудительного рассмотрения их и сличения одних с другими и со сказаниями наилучших писателей, не живших на Афоне. Посему моя история этой горы достоверна. Смеем сказать это напрямик, потому что люблю историческую правду, ишу ее усердно в собственной области ее и когда нахожу, тогда держу ее крепко, пристально смотрю ей в глаза и, узнав ее, фотографирую ее. •|| 2|•

Без правды история есть потешная сказка, а с нею она — дельное и полезное знание.

А немало сказок написано об Афоне торопливыми посетителями этой горы, доверчиво слушавшими тамошних рассказчиков, которые верят в себя как в святую истину, но никогда ничем не поверяют своих рассказов. Но ведь

жаль, что такое священное место, как Афон, оболгано, а при такой жалости сильно хочется сказать о нем правду, ту самую правду, которая кроется в архивах афонских. Эта-то жалость и это самое хотение водят пером моим.

Благословите же, преподобные отцы афонские, сказать вам вашу же правду. А вы, благословенные соотечественники мои, выслушайте ее и полюбите.

Длинна история многовекового Афона. Не скоро расскажешь ее верно, подробно и некраснобайно. Посему приходится передать ее по частям. Передаю ее таким образом и —

в первой части описываю Афон языческий с 2500 года до Рождества Христова по четвертый век христианский;

во второй части сперва излагаю устные и письменные предания афонитов о начале у них христианства и монастырей и свои строгие суждения об этих преданиях, а потом повествую об Афоне христианском, мирском, а не монашеском, до разорения его магометанами, с 309 лета Господня по 676-е;

в третьей части, обширнейшей, скажу об Афоне монашеском, с 676 года по 1860;

скажу, прилагая к каждой части оправдания моей истории, то есть извлечения из классических писателей и из вышепомянутых деписаний на языках греческом, латинском и славянском. •[I 3]•

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

СОБЫТИЯ НА АФОНЕ С 2500 ГОДА ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ПО ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК ХРИСТИАНСКИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**О названиях,
местоположении, длине,
ширине, высоте и виде Афона,
покрываемого снегом**

§ 1. О названиях Афона и их значении

Пресловутая гора, о которой начинаются речи мои, называлась Акти, Афос и Афон^{(1)*}. Когда греки говорили Акти,

тогда разумели узкую часть материка, далеко вдающуюся в море и омываемую им с обеих сторон. Точно таков Афон. Это длинный рукав гористой земли среди Эгейского моря, следовательно, Акти. Первое название этой горы понятно, а второе необъяснимо. — Стефан Византийский и Варин полагали, что она названа Афоном по имени исполина Афоса, который был сыном Посидона и Родопы Стримонской⁽²⁾. Я усвояю это мнение их. Известно, что в первобытные времена существовали исполины и имели собственные имена, например Энак, Ог, Голиаф.

* Здесь и далее цифры в скобках указывают ссылки на источники в разделе «Оправдания истории Афона». — П.К.

Известно, что некоторые из них жили близ Афона у Эгейского моря на острове Имброс и на Кассандрском полуострове, который первоначально назывался Флегра⁽³⁾. Не мудрено же им было перейти и на эту гору из соседней Фракии с высот Родопских. От первого вождя их по имени Афос и они все •[I 4]• назвались афонцами, и сама гора получила его имя. А что значит Афос или Афон, этого не объяснил ни один древний писатель; не берусь объяснять и я, зная от философа Платона, что в эллинском языке много иностранных слов, которых корней не понимали и сами эллины⁽⁴⁾.

§ 2. О местности Афона и размерах его

Афонская гора по астрономическим вычислениям Птолемея⁽⁵⁾ лежит под 51°41'10''*. Омываемая с двух сторон Эгейским морем, она есть длинный полуостров, соединенный с материком Македонии посредством низменного, но холмистого перешейка длиною в 12 стадий⁽⁶⁾, а шириною немного менее версты. Длина же всей этой горы, начиная с перешейка до высочайшего конца ее, измеряется 75 000 шагами (аршинами) с одной стороны, да равным числом шагов с другой стороны, а вокруг 150 000 шагами⁽⁷⁾, на нашу меру 50 верстами вдоль одного бока ее, да 50 вдоль другого бока, вокруг же 100 верстами. Ширина ее в корне не показана древними

писателями. Но зато они много говорили о высоте ее. По словам Иродота, Фукидида, Страбона, Плиния, Юлия Полигистора и других, она весьма высока, так что живущие на самом высшем темени ее видели восход солнца ранее тремя часами сравнительно с теми, которые населяли прибрежные места ее⁽⁸⁾. Сие темя выше дожденосных облаков; и потому древние верили и говорили, что там дожди никогда уже не смывают пепла, оставшегося после жертвоприношений⁽⁹⁾. Исполинская высота морской оконечности Афона доказывалась и тем, что тень от нее простирается до острова Лимноса на 87 000 шагов, или 58 верст. Там в городе Мирине эта тень покрывала собою бок статуи вола, стоявшей среди торжища⁽¹⁰⁾. Высоты Афона покрывались снегом. Об этом вспоминал поэт Феокрит в одной из своих идиллий⁽¹¹⁾. Общий наружный вид этой горы очерчен древними писателями, но недостаточно. Поэт Никандр в своей «Европе» •[I 5]• изобразил ее как исполина, который под звездами Фракии стоит среди неизмеримого моря и своими руками мечет две длиннейшие стрелы (горные отроги), особенно к противоположному мысу Канастрийскому⁽¹²⁾. Песнопевец Орфей назвал ее лесистой⁽¹³⁾, а географ Страбон — островерхой и титькообразной⁽¹⁴⁾. По географическому положению она всегда считалась околотком Македонии и, частнее, Халкидикийской, ныне Сидирокавсийской, области, с которой соединяет ее собственный ее перешеек⁽¹⁵⁾. С северо-восточной стороны омывает

* См. карту на с. 121.

эту гору залив Эгейского моря, называемый Стримонским по имени ближней реки Стримон, разделяющей Македонию от Фракии⁽¹⁶⁾, а с юго-западной — залив Сингитский, прозванный так от города Сингос, находившегося в устье этого залива при хорошей бухте напротив оконечности Афона. Два крайние мыса этой горы, которыми она оканчивается в море, назывались Акроафосским и Нимфейским. Первый мыс вдается в залив Стримонский, а второй в Сингитский⁽¹⁷⁾. У этих мысов и вообще у всех берегов Афона водились разные чудовища морские⁽¹⁸⁾. В Каракальском монастыре я видел две весьма длинные кости одного из этих чудовищ, которое тут давно издохло, а от есфигменовых монахов слышал в 1858 году, что один кавсокаливский скитник поймал на уду морского змия, называемого Смирна, и понес его домой в корзине за плечами, но этот змий очнулся тут и, обвинившись около шеи скитника, перегрыз ему горло. Их обоих нашли мертвыми. Эту гадину афонцы едят. Я видел ее, а есть не мог.

§ 3. О первобытных жителях Афона

Первобытные жители Афона были исполины из числа тех, о которых воспоминания остались у всех народов. Но эти гордые чада, ὑπερήφανα τέκνα*, давным-давно везде исчезли. На их место на Афон пришли из соседней

Фракии и Македонии •[16]• висалты, кристоны, идоны и диктидии, к которым впоследствии присоединились эллины, халкидикийцы и пеласги^(19–21).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

**О событиях на Афоне
в первый круг времени,
от появления моря у этой
горы и от основания городов
на ней до участия их
в Пелопоннесской войне
греков, между 2500 и 431 гг.
до Р. Х.**

§ 4. О затоплении Афона водами Черного моря

Афон вместе с той частью земного шара, которая теперь находится под Архипелагом и Средиземным морем, потерпел два страшных переворота, один от напора морских вод, а другой от огня. Говорю об этом подробно с голоса классических писателей древних времен.

По преданиям, которые сохранили для нас Платон, Аристотель, Диодор Сицилийский, Страбон, Сенека, Плиний и другие знаменитые писатели эллинские, латинские и арабские, в самое отдаленное от нас время Азия, Африка и Европа составляли один неразрывный угловатый остров, потому что не было Средиземного моря, отделившего Африку от Европы⁽²²⁾. Вокруг этого острова протекал океан, как течет он и теперь, а за океаном известен был настоящий материк, ἀληθὺς ἥπειρος,

* У Исиода, Theogon. 149

соответствующий Америке и Океании; он показан на карте Козмы Индоплавателя⁽²³⁾. В океане же близ нынешнего Гибралтарского пролива находился огромный остров Атлантида, населенный превосходным племенем атлантов и изобильный всем, что необходимо для счастливой жизни. На этой Атлантиде были цари, имевшие власть могущественную. Им подчинялся не только сей остров, но и оный заокеанный материк, так что атланты плавали туда на своих кораблях. Благоденствие этих островитян, величие царей их, которых было только десять, богатство их капищ, устройство водяных сообщений и приморских пристаней, письменность, судопроизводство, торговля, •II 7I• войско, флот описаны Платоном достаточно. Любопытные пусть прочтут все это в сочинении его под названием «Критикас»⁽²⁴⁾. В это же самое время, когда Гибралтарский пролив еще не существовал и когда Черное море не имело выхода через Босфор и Дарданеллы, на всем пространстве, покрытом теперь Средиземным морем и Архипелагом, была суша с горами, долинами, равнинами, реками и озерами. Тогда Киликия простиралась до египетского Пелузия⁽²⁵⁾, Сицилия соединена была с Италией, Кипр с Сирией, Евбея с Биотией⁽²⁶⁾, Аттика была гораздо обширнее, красивее и плодороднее⁽²⁷⁾, Лесбос (ныне остров Митилини) примыкал к малоазийской горе Иде⁽²⁸⁾. Тогда же и у Афона по обе стороны его не было моря, потому что его не было ни вблизи, ни вдали от него, а расстились

долины и равнины, орошаемые потоками и реками.

Но за 9000 лет, по счету Платона*, вода из Атлантического океана начала просачиваться сквозь Гадирские (Гибралтарские) скалы, которые разверзлись насильственно от землетрясения, и стала постепенно напирать на берега Европы и Африки⁽²⁹⁾ и овладевать ими, так что каждое поколение людей замечало постепенную убыль матерой земли. В самом начале этого переворота, как видно из сказаний Диодора Сицилийского и арабских писателей Массуди и Ель-Бируни, жители Андалузии и Тангера сделали из камней плотину, по которой стада их переходили с берега Андалузии на северный берег Африки; такая же плотина устроена была и от Ель-Ариша до Кипра; а между местностями Александрии и Константинополя была соленая и смрадная земля, на которой, однако, разводились смоковницы и сикоморы⁽³⁰⁾. Стало быть, тогда Средиземное море было еще мелко и иловато. После первоначального слабого появления сего моря жители Атлантиды овладели северным берегом Африки до Египта и юго-западным краем Европы до Италии •II 8J• и потом соединенными силами решились покорить себе Египет и всю Грецию. Но афиняне, превосходя прочие народы дарованиями и ратным искусством, приняли начальство над всеми греками

* У афинян 6 месяцев составляли год. Поэтому 9000 лет у Платона афинянина равны 4500 полным годам.

и, несмотря на крайность, до которой были доведены по случаю измены многих, восторжествовали над своими врагами и воздвигли трофеи, оградив таким образом многих от порабощения. Стало быть, битвы греков с атлантами происходили в Аттике. Но случившиеся после того ужасные землетрясения и потопа поглотили в один день и в одну ночь все афинское войско, а остров Атлантида погрузился в море и исчез; океан же тамошний стал недоступен и неисследим⁽³¹⁾, но воспоминание о нем сохранилось, так что Сенека предсказывал время, в которое опять будет открыт заокеанный материк, т.е. Америка⁽³²⁾. Гибель афинского войска доказывает, что тогдашние землетрясения и наводнения охватили и Аттику. Тогда же, я полагаю, Сицилия отделилась от Италии, а Кипр от Сирии⁽³³⁾, поперечное возвышение земли между Европой и Ливией, о котором упомянул Стратон у Страбона, покрылось водой навсегда⁽³⁴⁾, часть Киликии, простиравшаяся до Пелузия, провалилась⁽³⁵⁾, часть Египта у Пелузия и горы Кассии затоплена была водой и явилось Сервонидово озеро, которое пересохло уже впоследствии⁽³⁶⁾, Аттика начала уменьшаться и оскудевать⁽³⁷⁾. Но на месте Архипелага материк тогда уцелел, и как на нем, так и у Афона еще не было моря. Это страшное событие, которое египтяне внесли в свои летописи, а мудрец Солон избрал предметом для поэмы⁽³⁸⁾, Страбон же считал не вымыслом⁽³⁹⁾, — это событие, по моему расчету времени, случилось тогда, когда у Ноева правну-

ка Евера родился сын Пелег (Фалег), следовательно, немного ранее 2730 года*, если к обыкновенному счету 3266 годов, протекших от Ноя до Христа, прибавить 750 лет владычества царей-пастырей в Египте и пребывания евреев там под покровительством их, каковую прибавку делали наилучшие хронологи древние, которым я доверяю. Моисей в книге Бытия, гл. 10, ст. 25, сказал, что Евер •[19]• назвал сына своего Пелегом, потому что в дни его (Евера) *разделилась земля*, נִפְלְגָה הָאָרֶץ. Здесь еврейский глагол *нипелега*^x выражает разрыв земли, а не одно рассеяние народов после столпотворения Вавилонского. Я понимаю этот глагол в том и другом значении и вижу в указанном месте книги Бытия намек на появление Средиземного моря *в расшевшейся земле* и на современное рассеяние народов, из которых потомки Пелега, так называемые пеласги, двинулись по суше через Малую Азию и Фракию в Аттику, а оттуда, как узнаем после, перешли и на Афон.

После явления Средиземного моря совершались другие перевороты на обитаемых местах Пелопоннеса, Аттики, Малой Азии, Македонии, Фракии. По словам Платона, «частые и большие наводнения в продолжение 9000 лет, протекших до дней его, увлекли землю с высот и, не возвысив равнин, раскидали некоторую часть ее у берегов и увлекли ее в морские пучины. И, как бывает после продолжительной болезни,

* Или, точнее, около 3485 года [до Р. X.].

Аттика, лишась своего тука, представляла один остов прежнего благообразного тела своего»⁽⁴⁰⁾. В числе сказанных наводнений самое большое и гибельное было то, которое произошло от перелива и постоянного течения воды из Черного моря, проложившего себе путь через византийский Босфор и Дарданеллы, в те места, где ныне находится Архипелаг. Этот страшный переворот видели и долго помнили жители острова Самофраки, лежащего против Афона, а писатели Диодор Сицилийский, Стратон и другие увековечили в своих историях. Диодор писал вот что: «Самофракиане рассказывают, что до потопа, какие были у других народов, был у них свой потоп, гораздо больший, от разрыва земли той, что у Кинийских скал (при устье византийского Босфора и Черного моря), и той, что у Еллиспонта. Тогда Черное море, походившее на озеро, так переполнилось втекающими в него реками, что выступило из своих пределов, прорвалось в Еллиспонт и затопило большую часть прибрежной Азии (Малой), а немалую равнину у Самофраки •Π 10• навсегда покрыло своими водами. Посему впоследствии рыбаки вытаскивали в сетях своих каменные наглавия колонн из потопленных тут городов. Уцелевшие жители убежали на самые возвышенные места острова. Но море прибывало неперестанно. Тогда островитяне припали к своим богам и, спасенные от гибели, поставили на всем острове знаки пределов наводнения и водрузили тут алтари, на которых поныне (за 60 лет до

Р. Х.) приносят свои жертвы. Итак, очевидно, что остров Самофраки и окрестности его до сего потопа были населены людьми»⁽⁴¹⁾. Страбон или, вернее, известный ему писатель Стратон, поведал, что Черное море прежде не имело выхода к Византии, но впадающие в него реки переполнили его так, что оно открыло себе этот выход и влилось в Пропонтиду (Мраморное море) и Еллиспонт (Дарданеллы)⁽⁴²⁾. Аристотель, Страбон, Сенека, Плиний полагали, что течение воды направлено из Черного моря в Средиземное, а не наоборот, и по этой причине называли Черно-Азовское море матерью моря⁽⁴³⁾. То же сказал и арабский писатель Димешки. Вот его слова: «Некоторые думают, что Еллиспонт есть не что иное, как поток, текущий из Понта, называемого Черным морем, или Русским. Сказывают также, что это море уменьшается по причине своего течения через Еллиспонт в море Средиземное»⁽⁴⁴⁾. Жители города Смирна сохранили предание о том, что прорванный Еллиспонт затопил весь материк на месте Архипелага так, что тут остались одни вершины гор в виде островов⁽⁴⁵⁾. От напора черноморских вод и слияния их со Средиземным морем при частых землетрясениях, помянутых Платоном, постепенно образовался Архипелаг⁽⁴⁶⁾, которого само название, составленное из двух слов, ἀρχή — начало и πέλαγος — море, дает разуметь, что оно есть море начавшееся, а не первозданное. По тем же причинам от малоазийской горы Иды оторвался Лесбос и стал островом⁽⁴⁷⁾, а

Афон, как ближайший к Еллиспонту и Самофраки материк, был потрясен, разорван и окружен морем, и с той поры стал •[I 11]• называться сыном Посидона (бога воды): особенно пострадала та часть его, которая соединялась с Лимносом или простиралась до Малой Азии; вся она оторвалась от нынешней высочайшей оконечности этой горы и погрузилась в глубь моря, в чем удостоверили меня все утесы этой оконечности, начиная от Лавры до Аннинского скита, имеющие все признаки огненного землетрясения и насильственного разрыва тут остова горы снизу вверх, похожего на ровные расщепы дерева. Это событие увековечено и мифическим сказанием о гибели паллинских гигантов Енкелада, Поливота, Кевриона, Алкионея, Порфирия, Евримедона, Омврима, Афона, Мимаса, Ореста, Аристея, Палласа и многих других. Зевс некоторых из них ринул в Ерёв — мрачную глубь земли, а гиганта Афона поразили перунами и превратил в гору. Посидон, настигнув Поливота, плывшего по морю от Паллини к острову Ко, покрыл его целым островом Нисиром, отторгнутым от острова Ко*. Итак, явно, что около Афона и Паллини (Кассандры) действовали две силы, огонь и вода: огонь расщепал Афон и оставил его уже не в прежнем виде; вода же, появившаяся из Черного моря, накрыла провалившиеся в глубь земли вулканические высоты, означенные в мифе разными именами:

Поливот, Порфирий и пр. Во время этого вторичного переворота, который и в мифологии назван второй битвой гигантов с богами, погрузился в воду, как я думаю, тот город афонских исполинов, стену которого монахи показывают в море недалеко от Зографского монастыря. Я не видал этой стены. Но если бы вместо нее оказался гребень скалы или холм, то и он из-под воды свидетельствовал бы о крушении Афона от труса, огня и потопа. После этого переворота афонские исполины, какие уцелели, построили другой город, именно Акрóафос, немного ниже высочайшего темени Афона, где, как увидим, и погибли от огня.

Трудно определить время затопления низменностей Самофраки и Афона черноморскими водами, потому что хронология есть самая •[I 12]• неточная наука; трудно, но можно. Диодор Сицилийский сказал, что Самофракийский потоп случился прежде других потопов; а так как самый ранний из них был Огигов около 2129 года⁽⁴⁸⁾, то и выходит, что Самофраки и соседний Афон были окружены новопоявившимися водами гораздо ранее этого года. Притом, если мы примем в расчет первое появление скифов у Черного моря за 1500 лет до нашей эры⁽⁴⁹⁾ да обсушку тамошнего края до появления их, обсушку после удаления вод из прикаспийской области и стока их в Пропонтиду и Архипелаг, то разумно выведем заключение, что переворот, о котором идет речь, совершился, вероятно, вскоре после гибели Атлантиды и появления Средиземного моря,

* Χαρίσιος Μεγάνης. Ἑλληνικὸν Πάνθεον, Πέστη, 1812. Σελ. 486.

которое мы отнесли к 2730 году до Христа. Частые землетрясения при появлении этого моря, сокрушавшие Аттику и поглощавшие низменности Египта, Сирии, Кипра, Киликии, не могли не потрясти и того гористого и вулканического материка, который находился на местностях Архипелага, Эгейского моря, Еллиспонта и Пропонтиды. Они и Афону подготовили крушение и затопление низменностей около 2500 года. •[13]•

§ 5. О горении Афона во время общего пожара на землях, прилегавших к Средиземному морю и Архипелагу

По сближении вод черноморских и средиземных во время постепенного образования Архипелага было несколько частных потоков. В числе их известны потоки Огига, Девкалиона, Дардана, Ликаона⁽⁵⁰⁾. При Огиге (2129 г.) Евбея отделилась от Виотии и стала островом. При Девкалионе (1529 г.) высочайшие горы в Фессалии, Олимп и Осса расступились и дали место Темпейской долине, а в Пелопоннесе у Коринфского перешейка все перевернулось вверх дном⁽⁵¹⁾. Девкалионову потоку, по словам Платона и его схолиаста (толкователя), предшествовали землетрясения и общий пожар на землях, прилегавших к Средиземному морю и Архипелагу⁽⁵²⁾. Это событие осталось в памяти у многих народов. На него намекает древнейшая священная книга Иова, припоминая, что древние нечестивцы

истреблены были водою и огнем (гл. 22). О нем упоминал Солону* египетский жрец, полагая, что земля зажжена была какими-нибудь небесными телами⁽⁵³⁾. О нем говорил латинский поэт Овидий в своих «Превращениях»⁽⁵⁴⁾. Оно не забыто было кельтами, у которых тогда погибли исполины⁽⁵⁵⁾. А греки выразили его пресловутым мифом о приближении Солнцева сына Фаэтона к земле⁽⁵⁶⁾. В то время когда, по словам Овидия, пламень пожирал самые возвышенные места земли так, что она расседалась и сохла, когда разрушались города, а люди и целые страны обращались в пепел, когда жители Ливии почернели, когда пылали горы: Тавр в Малой Азии, Тмол и Эта в Греции, — в это время пылал и Афон⁽⁵⁷⁾. Горение его, по моему расчету времени, случилось между 2000 и 1529 годами. Тогда погибли и жившие на нем исполины вместе с теми единоплеменниками, которых истребил Иракл с помощью громов и молний на ближней к Афону Флегре**.

Долго ли Афон после горения оставался безлюдным, это неизвестно. Когда

* Смерть Солона относят к 559 году до Р. Х.

** Strab. Lib. VII. — Stephan. Byzant. T. I. Pag. 332: «Θεαγένης ἐν Μακεδονικοῖς φησι τὴν μὲν γῆν ταύτην (Παλλήνην) κεκληθῆναι Φλέγραν, τοὺς δ' ἐνοικοῦντας γίγαντας, εἰς οὓς Ἡρακλῆα καταχθέντα τὴν τε ὕβριν αὐτῶν καὶ τὴν μισανθρωπίαν ἐκπλαγῆναι. Ἐπεὶ δὲ καὶ μάχης ἤρξαντο, τὰ συνήθη ὄπλα εἰς χεῖρας λαβὼν, ἐπεισθαι παντὶ σθένει, κτείνοντα τοὺς πόλεμον αὐτῷ ξένια τοῦ κατάπλου παρασχόντας, γενέσθαι δ' ἐν τῇ μάχῃ βροντάς τινας καὶ πρηστῆρας».

же погасли огнедышащие жерла его, Мόливо близ Хиландара, Крионери над Ватопедом, Цука над Ивиром и другие, выбросив множество пемзы, и когда эта гора оделась лесом, тогда поселись на ней висалты, кристоны, идоны и диктидии, родом фракияне. У них когда-то царствовал там Фамирис Фракиянин, такой же певец и мудрец, как и Орфей*. •[14]•

§ 6. О плавании аргонавтов мимо Афона в 1292 г.

После страшных землетрясений, провалов, потопов земля, наконец, уравнилась и стала незыблема и неизменяема в своем обычном круговращении. Тогда предприимчивые люди захотели видеть Черное море, которое, как мать, питает своими текучими водами всю Эгейскую пучину и весь Архипелаг, и на судах поплыли по этому неизвестному Понту, слышав от пеласгов, что у восточного берега его есть богатая страна Колхида. Эти люди были пресловутые аргонавты. Они сели на суда в Пагасийском заливе (ныне Воло) Эгейского моря и ночью проплыли подле берегов Паллинии (Флегры-Кассандры), а на заре увидели лесистый Афон, но не приставали к берегам его, а направились прямо к острову Самофраки, где и принесли жертвы богам, узнав, что тут пеласги совершают неизреченные и страшные таинства⁽⁵⁸⁾.

* «Ἐν δὲ τῇ ἀκτῇ ταύτῃ (τοῦ Ἀθω) Θάμυρις ὁ Θράξ ἐβασίλευσε τῶν αὐτῶν ἐπιτηδεύματων γεγαώς, ὧν καὶ Ὀρφεύς». Strabo 331, fragm. 35.

§ 7. О зажигании условных огней на Афоне во время Троянской войны (1218–1208 гг.)

Кончилось плавание аргонавтов, началась Троянская война и продолжалась десять лет. Во время ее однажды богиня Ира с гордой вершины Афона спустилась на волнистое море и, прилетев на остров Лимнос, встретила тут со Сном, возлюбленным братом смерти, и упросила его усыпить Зевса...⁽⁵⁹⁾ Но это сказка. Вот быль. Тогда на самой вершине Афона стражи эллинов порой зажигали условные огни, которые усматриваемы были другими стражами на иных горах и передаваемы, куда следовало. По этим огням царица Клитемнестра узнала, что Троя была взята и разрушена⁽⁶⁰⁾. Жили ли в то время на Афоне эллины или только содержали там военную стражу, это решить трудно. Я думаю, что они с той поры остались в городе погибших исполинов, Афосе и, прибавив к названию его свое слово ἄκρον — край, начали именовать его Акроафос*: в ту же пору там установлено было ими почитание Зевса. Клитемнестра •[15]• (у Эсхила) назвала эту гору высотой этого бога; стало быть, во дни ее Зевс уже имел там свой алтарь. А Зевса почитали эллины, следовательно, они жили на Афоне по крайней мере в одном Акроафосе, из которого им близко было восходить на вершину этой горы и зажигать на ней условные огни.

* Более точное название этого города — Акрофоос; см. ниже (С. 311) — П.К.

§ 8. О кораблекрушении Анхиса и Энея у Афона

По разрушении Трои Эней, взяв отца своего Анхиса, сел на корабль и отправился в Италию, но у Афона потерпел кораблекрушение. Все бывшие с ним спаслись и вместе пошли вверх к Калаврийской горе. Тут близ реки Афема Анхис скончался. Эней взял тело его и похоронил в Пиане, а сам построил городок Энею недалеко от Солуни и потом отплыл в Италию^(61–63).

§ 9. Об основании городов на Афоне эллинами, неласгами и халкидикийцами (1124–500 гг. до Р. Х.)

Троянская война соединила всех греков под знаменем Агамемнона, однако не надолго. По окончании ее произошло расстройство в их царственных семействах и особенно в семье Пелопса, к тому же присоединились величайшие беспорядки при нашествии воинственных племен греческого севера, дорян и етолян, которые, соединив свои силы, овладели Пелопоннесом под предводительством Ираклидов, изгнанных из Аргоса. Оттого вся Греция была потрясена в течение почти целого века. Но нашествия и переселения большей части эллинских племен сопровождались весьма важными последствиями. Они были причиной появления в Греции многих республик, не зависевших одна от другой, и основания греческих селищ (колоний) во многих отдаленных областях и на Афоне.

На этой горе эллины построили малые города, кроме Акрофоса: Олофиксос, Дион, Фиссос, Клеонэ, Харадриэ, Сколос, Санис, Аканфос. Эллинов я признаю основателями всех •[I 16]• этих городков, потому что названия их чисто эллинские и потому что старший из географов, Скилакс, живший за 509 лет до Рождества Христова, именуя афонские селища, прибавлял к каждому имени прозвание Ἑλληνίς, дабы показать их эллинское происхождение и быт⁽⁶⁴⁾, а историки Иродот, Фукидид и Диодор Сицилийский положительно сказали, что афонские города Аканфос и Санис были колонии греков с острова Андроса, находящегося близ Афин⁽⁶⁵⁾. От этих же историков мы знаем, что города Дион, Фиссос, Клеонэ, Акрофос и Олофиксос расположены были на самой горе Афонской, а Санис и Аканфос на низменном перешейке ее⁽⁶⁶⁾. Санис был самый младший город на Афоне. В географии Скилакса нет его. А Иродот, писавший свою историю спустя 50–60 лет после этого географа, упомянул о нем и указал местность его, присовокупив, что у Саниса началось прорытие Афонского перешейка при Ксерксе в 493 году⁽⁶⁷⁾. Следовательно, этот город возник немного ранее сего года.

Аканфос, по заверению Евсевия Памфила* и Стефана Византийского, построен был на Афоне в первый год 31-й Олимпиады, значит, в 656 году до

* Εὐσεβίου Παμφίλου χρονικὸς κανὼν. Ὀλυμπιάς λα', α' «Ἀκανθος καὶ Στάγειρα ἐν Ἑλλάδι ἐκτίσθησαν».

Рождества Христова, вождем островитян андросцев Аканфом⁽⁶⁸⁾. А как назывались первые основатели прочих городов афонских и откуда они пришли, это неизвестно. Я думаю, что они были не афиняне, не спартанцы, не доряне, не ионийцы, а эоляне и ахаяне; и вот основание моего мнения. Афонские города, как увидим после, дорожили своим самовластием и состояли в союзе то с Афинами, то со Спартой, следовательно, были независимы от этих двух республик, как союзники; а если независимы, то нельзя считать их колониями афинскими или спартанскими. Нельзя также признать их поселениями дорян и ионийцев, потому что эти два племени высылали своих поселенцев в другие страны, а не в Македонию и потому что о них нет •[I 17]• и помину в истории Афона. После этого остается полагать, что на эту гору пришли немногие эоляне из числа тех, которые около 1124 года по причине вторжения дорян в Пелопоннес ушли оттуда под предводительством Пелопидов и, медленно подвигаясь к Еллиспонту, основали свои селитца на ближних к Афону островах Лесбосе, Тенедосе и Екатоннисе⁽⁶⁹⁾; пришли также коринфяне и их ахайские союзники и основали там селитвы, Ксиропотам, Аэропотам, Эгион, Харадриэ и Вуру*. Это положительное мнение оправдывает история языческого Афона, на который и в поздние времена, как увидим после,

жители приводимы были из Пелопоннеса.

К эллинам, поселившимся на этой горе около 1124 года, присоединились халкидикийцы, а больше пеласги — тиррены. Те и другие говорили двумя языками: эллинским и семитическим⁽⁷⁰⁾. Первые пришли с острова Евбеи, где была их древняя отчизна, и заняли весь горный околоток, смежный с Афоном, который от них и стал называться Халкидикийским⁽⁷¹⁾. Небольшая часть их поселилась и на Афоне в городе Клеонах⁽⁷²⁾. Они были рудокопы и металлопромышленники, что доказывается и самым прозванием их — χαλκεύς, медник, кузнец. Я полагаю, что они первые открыли и начали разрабатывать металлические руды, которых довольно много в Халкидикийском, ныне Сидирокавсийском околотке, а в Клеонской пристани Афона продавали добытые металлы свои: серебро, золото и железо. Их братья по роду и языку пеласгитиррены, те самые, которые изгнаны были из Афин около 1162 года, переселились на Афон с ближнего к нему острова Лимнос и основали приморский городок Хриси*. Число их в сравнении с афонскими халкидикийцами было гораздо большее⁽⁷³⁾. Они вместе с •[I 18]• лимносскими синтиями занимались выделкой бранного оружия⁽⁷⁴⁾. Они же учредили на Афоне самофракийское богослужение и проповедовали там

* Смотри мое «Путешествие по Афону» и тут мои сказания о монастырях Павловском, Дионисиате, Григориате, Ксиропотаме и Руссике.

* На месте его ныне стоит монастырек св. Василия близ Хиландарской обители. Читай об этом в моей истории этой обители.

таинственное учение, наипаче о бес-
смертии души. Но об этом будет гово-
рено в другом месте (смотри ниже § 35).

§ 10. Размещение городов на Афоне

Все вышеисчисленные города уже
давно не существуют. Но видны следы
их. Зная эти следы и принимая в сооб-
ражение вышеприведенные сказания
писателей, я определяю местоположе-
ния этих городов, сперва на самом
Афоне, а потом на перешейке его.

На Афоне

1. Город **Олофиксос** находился на
северной стороне этой горы подле ны-
нешнего монастыря Есфигмена, в назва-
нии которого слышатся подобозвучные
греческие слова ΣΦΙΓΓΩ, ΣΦΙΓΜΕΝΟ,
ΣΦΙΞΙΣ. Тут я ставлю его положительно
не по этому подобозвучию, не усили-
ваемому правописанием имен Όλόφυ-
ξος и Έσφίγμενος (в первом υ, а во вто-
ром ι), а потому, что в указанной местности
есть глубоководная и затишная бухточка
для мореходных судов, а во время оно
был и обильный родник воды, засорен-
ный обвалом горы уже после 1046 года
по Р. Х. Притом эта местность весьма
удобна для высадки неприятельского
войска. Посему тут неотменно надле-
жало быть укрепленному городу. Пе-
лаги, как я уже сказал, основали тут
селитву Хриси, о которой память сохра-
нилась даже в грамотах сербских царей,
благодетелей Афона, а эллины напро-

тив этой селитвы построили свой горо-
док и назвали его Олофиксос, по всей
вероятности, по имени Зевса Всеубе-
жищного, ΦΥΞΙΟΣ, покровителя всех
убегавших от врагов и напастей (όλο =
все, φύξιος = убежищный, от глагола
φεύγω = убегаю).

2. Город **Дион** стоял там, где ныне
находится монастырь ΒΑΤΟΠΕ-ΔΙΟΝ,
в названии которого слышится имя
сего •[119]• города. Тут есть заливек моря
с нехудой стоянкой для мореходных
судов и речка, вытекающая из-под осно-
вы соседней высокой горы, называемой
Крионери. А в самом монастыре этом
хранятся остатки местных эллинских
древностей, как то: голова мраморной
статуи дионского гражданина, выко-
панная из земли в 1858 году, мрамор-
ные гробницы Дионисия и Германа-
Иракла 351 года от Актийской победы
Октавия Августа, выпуклые изображе-
ния на белом мраморе титана Криоса
и бога Нирея. Речь о них впереди.

3. Город **Фиссос** расположен был на
высоком приморском утесе близ
нынешнего монастыря Пандократор-
ского, а не на месте его, по левую сторо-
ну речки Хрисора́ри, но вместе с частью
утеса своего обрушился в море, — пола-
гаю, в 458 году, когда страшное земле-
трясение произвело большие опусто-
шения в близких к Афону областях,
Фракии и Еллиспонте, в Ионии и на
Цикладских островах*. На этой, ви-
денной мною местности я помещаю
Фиссос по следующим указаниям.

* Lenglet Dufresnoy N. Tablettes chronologiques.
An. 458.

Во-первых, в географии Скилакса этот городок поставлен между Дионом и Клеонами, по-нынешнему между Ватопедом и Ивером, среди которых стоит Пандократор и высится часть прекрутого утеса с обломками его, заметными в море. Во-вторых, тут с горы течет в пучину непересыхающая речка Хрисорáри, необходимая для города. В-третьих, у самого устья этой речки и у подошвы Пандократора на берегу моря поныне существует малая заводь в виде пруда с узким входом со стороны моря, выкопанная руками человеческими и облицованная внутри камнями. В ней могут помещаться две-три мореходные лодки. Устройство этой заводи, превышающее средства монахов и не упомянутое в духовном завещании строителя Пандократорского монастыря Иоанна Приммикирия (1363 г.), ни в других дееписаниях этой обители, служит твердым доказательством существования тут торгового городка, у которого достало средств •[п 20]• устроить себе тихую пристань между скалами у устья реки. Эта пристань была так называемый эллинами ΕΠΙΝΕΙΟΝ, который, смотря по удобствам мест, устроился и поодаль от городов.

4. **Клеоны** приурочиваются мною к трем смежным местностям на Афоне, именно, к Филофеевской, Милопотамской и Иверской, к трем, потому что название этого города во множественном числе ΚΛΕΟΝΑΙ доказывает, что он, как города ΚΛΑΖΟΜΕΝΑΙ, ΙΕΡΟΣΟΛΥΜΑ, расположен был на нескольких смежных местах. К Филофеевской оби-

тели и к Милопотаму приурочиваются Клеоны потому, что тут есть непересыхающая речка, *Μιλοποταμός*, да и ровная местность очень удобна для постройки городка; к Иверу же потому, что тут есть якорная стоянка для судов, и особенно потому, что древле морской заливец тут простирался до восточной стены Ивера и соседними холмами был защищен от ветров, восточного и западного. В северо-восточном углу этой стены еще и теперь видны закладенные ворота арсенала, в который втягивались лодки прямо из моря. Стало быть, море удалилось оттуда недавно. На берегу этого залива, в который впадает речка, почти не пересыхающая, там, где ныне стоит Ивер, находилась Клеонская пристань, ΕΠΙΝΕΙΟΝ, с несколькими домами и с капищем, идолы которого положены в основание монастырской церкви Иоанна Предтечи, а на Филофеевском месте и на Милопотаме стоял сам городок Клеоны. Кстати вспоминаю, что и тут в стену Милопотамской башни вмазаны остаточки эллинской древности. Речь о них впереди.

5. **Акрофос**, по указанию Страбона, стоял у вершины Афона, πρὸς τῇ κορυφῇ τοῦ Ἀθωνος ἔκειτο. Следы этого города поныне заметны там около Керасийского скита. Тут я видел место торжища афонских эллинов, приходивших на поклонение Зевсу, статуя которого, по заметке лексикографа Исихия, стояла на темени Афона. Тут скитники указали мне два холма, на которых были городские укрепления, поныне называемые Палеокастро и Сидирокас-

тро. Оттуда в соседний скит Анны перенесена •[I 21]• была древнейшая эллинская надпись с именем Акроафоса, отподобленная [скопированная] мною. Речь о ней впереди.

6. Городок **Харадриэ** у Скилакса помещен после Акроафоса; следовательно, он находился на южной стороне Афона и, вероятно, у самой пристани Дафны и на месте соседнего Ксиропотамского монастыря. Название этого городка во множественном числе, ХΑΡΑΔΡΙΑΙ, заставляет меня приурочить его к этим двум местностям тем поваднее, что сказанная пристань глубока, а в Ксиропотаме поныне хранятся языческие остатки эллинских времен. Речь о них впереди. Притом слово χαράδρα значит *расселина, рывина, место, изрытое бурным потоком*. А у Ксиропотама и Дафны отроги Афона действительно расселись, вода же в дождливое время с соседних высот несется быстро, шумно и образует собой жемчужный водопад, которым я любовался неоднократно.

7. Близ морской пристани нынешней Зографской обители на горной возвышенности стоит запустевшее укрепление в виде монастыря. Его называют Школою. Но ученической школы тут никогда не было. Следовательно, это название должно быть объяснено как-нибудь иначе. Я узнаю в нем имя афонского города ΣΚΟΛΟΣ, о котором упомянул Фукидид в своем рассказе об участии Афона в Пелопоннесской войне греческих республик, Афинской и Спартанской (смотри ниже § 13, 14). Существовать тут **Сколосу** было удоб-

но. Пристань есть. Пресной воды много. Местность лесиста.

На перешейке

8. **Санис**, по словам Иродота (L. VII. Сар. 22), находился на перешейке Афона, там, где оканчивается эта гора, а по Фукидиду (L. IV. Сар. 109), у Ксерксова канала на той стороне перешейка, которая обращена к Евбейскому морю. Судя по этим признакам, я указываю местность этого городка на берегу Афоно-Сингитского залива подле Ватопедской башни Андроника •[I 22]•, напротив острова Мульяни. Тут Афону конец, до Ксерксова канала близко, место ровно, основания двух-трех зданий видны поныне, вода получалась из соседнего колодца, а быть может, существовал и водопровод. Тут Мульянийская пристань, глубокая и обширная, весьма удобна для мореходных судов и безопасна. В стену Андрониковой башни вмазаны мраморные обломки эллинских древностей. Речь о них впереди.

9. **Аканфос**, по словам Скимна и Страбона*, находился близ Ксерксова канала в семи стадиях от самой горы Афонской. На берегу Сингитского залива, следовательно, на той же стороне Афонского перешейка, на которой стоял и Санис. Близость его к оному каналу заставляет меня назначить местность его там, где речка, текущая от села Гомато, впадает в сказанный

* Acanthos a toto monte Atho stadiis septem dissita, teste Scymno. Strab. excerpta ex L. VII, sub fine.

залив. Тут место ровно и осенено платанами, пресной воды вдоволь, частица развалин видна, до Саниса не очень близко; в этот угол Сингитского залива направлен был канал Ксеркса. В этом же углу Аканфос поставлен на карте Птоломея XII века, хранящейся в Ватопедском монастыре*. Правда, читая рассказ Иродота об отплытии Дариева флота от Аканфоса по Стримонскому заливу и о крушении его у высочайшей оконечности Афона (L. VI. Cap. 44), воображаешь, что Аканфос находился на берегу этого залива, но по сличении Иродота историка со Страбоном географом полагаешь, что во время Дария Аканфос имел свою пристань, ἐπίγειον, в Стримонском заливе у нынешнего городка Иериссо, который отделен от указанной мною местности Аканфоса одним перевалом малой возвышенности и в котором поныне показывают каменную гробницу царя Аканфоса под полом кладбищной церкви, где и я видел ее. Иродот разумел эту пристань Аканфоса, а Страбон описал сам город этот, не упомянув о пристани его в Стримонском заливе Афона, принадлежавшей в •[123]• Страбоново время новому тут городу Аполлония (Иериссо). Притом сам Иродот в другом месте (L. VII. Cap. 22) положительно сказал, что Афонский перешеек тянется от Аканфосского моря до Торонского. А Торонское море, названное так по городу Торони, находившемуся на юге от Афона, помещено им перед лицом

Аканфоса. Следовательно, Аканфос стоял на южной стороне Афона и зрел лицом к Тороне. Замечательно, что географ Скилакс, живший во дни персидского царя Дария, упомянув об Аканфосе, не указал никакого эллинского города на месте Иерисса. После сего лучше верить, что тогда тут была лишь малонаселенная пристань, зависевшая от Аканфоса, та самая, из которой флот Дария отплыл вдоль северных берегов Афона.

Так распределяю я местности малых городов, которые некогда существовали на Афоне.

§ 11. О занятии Афона персами и о гибели флота их у берегов сей горы в 495 г.

Все эти города с самого начала своего существования были свободны и самоуправны. Но в 495 году их покорил своей власти персидский царь Дарий Истасп по следующему поводу. После неудачного похода его в придунайскую Скифию эллинские жители Малой Азии, так называемые ионяне, решились свергнуть с себя иго персов и попросили себе помощи у афинян, которые тогда были сильны на море. Об этом узнал Дарий и, победив ионян, переправил свое войско и флот через Еллиспонт во Фракию под предводительством Мардония и повелел ему идти к Афинам и наказать этот город. Мардоний на пути туда покорил часть Фракии и Македонии и Афон. Однако флот его погиб у берегов этой горы, а войско потерпело

* См. карту на с. 121.

поражение во Фракии⁽⁷⁵⁾. Перед крушением персидского флота у Афона являлись белые голуби, как провозвестники этого несчастья⁽⁷⁶⁾. Их не любили персы (Herodot. L. I. Cap. 138). •[I 24]•

§ 12. О прорытии канала на Афонском перешейке (493–490 гг.)

По смерти Дария сын его Ксеркс, желая покорить афинян и опасаясь, как бы перевозные суда его не погибли у Афона, велел прорыть канал на перешейке сей горы. Эта работа продолжалась три года. Канал рыли воины, финикияне, афонцы и соседние с ними жители по распоряжениям персидских размыслов (инженеров) Вувариса и Артахэя⁽⁷⁷⁾. Когда он был готов, тогда Ксеркс отправил свой флот от острова Самос к Наксосу и оттуда к Афинам, а сам с войском пошел сухим путем. Достигнув до афонского города Аканфоса, он похоронил тут любимца своего Артахэя, распорядившегося прорытием канала⁽⁷⁸⁾, и сказал те пустогрозные слова, которые сохранил нам Плутарх⁽⁷⁹⁾: «О, Афон! ты — гордая высота, подпирающая небо! не смей преграждать мне дорогу; иначе я сравняю тебя с землею и головою брошу в море». Перевозные суда его проплыли по новому каналу, а войско пошло назначенными дорогами. Переход полков его у Афона озаглавлен был необыкновенным случаем: кобылица родила зайца, как бы предзнаменуя трепетное бегство персидского царя⁽⁸⁰⁾. (По сло-

вам Иродота, это случилось после переправы Ксерксова войска через Еллиспонт, а не на Афоне. L. VII. Cap. 57.)

О прорытии Афонского перешейка долго вспоминали эллинские и латинские писатели Платон, Цицерон, Помпоний Мела, Плиний, Ювенал, Максим Тирский, Юлий Солин, Зосим⁽⁸¹⁾. •[I 25]•

§ 13. О взимании подати с афонских городов Афинской республикой с 489 г.

Победитель персов Мильтиад предложил афинянам взимать подать с союзных островов и городов для содержания морского флота, который защищал бы всех союзников и препятствовал Персии расширять ее владычество. Это предложение его было принято, а приведено в исполнение уже Фемистоклом и Аристидом. Аристид в 489 году обложил податью афонский город Аканфос и другие окрестные города, состоявшие в союзе с Афинами. В числе их Фукидидом упомянут город Сколос⁽⁸²⁾. Он находился на Афоне близ Зографского монастыря, там, где ныне стоит так называемая Школа. Это — маленькая крепость. Тут училища никогда не бывало; монастырь под таким именем не существовал, а крепостца называется Школа. Она, по всей вероятности, есть Сколос Фукидида. Кроме этого городка и Аканфоса и другие города на Афоне, как сейчас увидим, состояли в союзе с Афинской державой. Посему я полагаю, что и они вносили ей подать, не как зависимцы, а

как союзники, для общего блага всех эллинов. Впрочем, теперь стала известна мне и сама численность податей, которые они давали в общеэллинскую сокровищницу на содержание общего защитительного флота с 456 по 425 год до Р. Х. Аканфос давал 3 таланта, Дион 1 талант, Фиссос сперва 4000 драхм, а потом 1 талант, Клеоны 500 драхм, Олофиксос 2000 драхм, Санис сперва 4000 драхм, а потом 1000 драхм (Corpus inscriptionum Atticarum. Vol. I. Bero lini, 1873. P. 229–231).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О событиях на Афоне во второй круг времени, от участия афонских городов в Пелопоннесской и Олинфийской войне греков до их покорения власти македонских царей (431–360 гг.)

§ 14. Об участии Афона в Пелопоннесской войне

Спустя 59 лет после Ксерксова похода в Грецию возникла Пелопоннесская война афинян и лакедемонян, которая продолжалась двадцать семь лет и кончилась не в пользу афинян. Главной причиной ее было стеснительное для •П 261• Греции преобладание Афинской республики. В этой войне принимали участие афонские города, особенно Аканфос, Санис и Дион, и афонцы-диктидии.

В 424 году до Р. Х. лакедемонский полководец Врасид со своим войском

предпринял поход в Халкидикийскую область близ Афона, дабы жителей ее отвлечь от союза с Афинами и с помощью их и македонского царя Пердикки взять город Амфиполь у реки Стримон, в котором афиняне утвердились с 464 года. Сами халкидикийцы тайно склонились на сторону этого полководца, боясь, как бы афиняне не поразили их первых, и наипаче уважая справедливость и умеренность Врасиды, которые помогли ему отвлечь Пердикку, фракиян и многих других от союза с Афинами⁽⁸³⁾. Когда он пришел в Халкидикию в августе месяце 424 года, тогда афонцы колебались, очутившись между союзниками своими афинянами и неприятелями лакедемонцами. Самый влиятельный город у них был Аканфос. Его-то и решился занять Врасид, дабы предупредить высадку тут афинского войска, которое стало бы в тылу полков его при осаде Амфиполя. Вместе с халкидикийцами он подступил к этому городу. Тогда в нем были две партии — правительства и народа. Первая заодно с халкидикийцами пригласила Врасиду, а вторая не хотела вести переговоры с ним. Произошли между ними жаркие прения. Но так как аканфосский люд боялся, как бы Врасид не истребил виноградников его с созревшими гроздьями, то и решился впустить его в город, но одного, и выслушать предложения его. Ему отперли ворота. Врасид явился в народное собрание и сказал речь⁽⁸⁴⁾:

«Аканфяне! Лакедемонцы, отправляя меня с войском, подтвердили мне

то, что было объявлено ими в самом начале войны, то есть что мы идем сражаться с афинянами для освобождения Эллады. Ежели мы по причине случайностей войны пришли к вам поздно, быв обмануты надеждой поразить афинян собственными силами, так, чтобы вы не разделяли наших •[127]• опасностей, то пусть никто не обвиняет нас в этом промедлении. Мы пришли тогда, когда позволили обстоятельства, и вместе с вами попытаемся смирить афинян. Я удивляюсь, что вы заперли свои ворота и встретили меня неблагосклонно. Идя к вам, я думал, что лакедемонцы найдут в вас таких союзников, которые наперед любят и уже потом помогают, и под влиянием этой мысли совершил многодневный поход через чужие страны и со всей пылкостью подвергался большим опасностям. Но если вы думаете иное и не желаете свободы ни себе, ни всем прочим эллинам, то это нестерпимо тем более, что после вашего отказа и другие, к кому бы я ни обратился, не соединятся со мной, извиняясь тем, что вы первые, к которым я пришел, вы, жители немаловажного города, известные своим благоразумием, вы не приняли меня. Тогда что бы я ни говорил о вашем отказе, все будут смекать, что я освободитель вероломный или не имею достаточных сил для защиты вас в случае нападения афинян, хотя с этими же полками, которыми я предводительствую, они, большие числом, не решились вступить в бой, когда я подоспел на помощь к Нисее, а столь-

ко войска, сколько у них там было на кораблях, они не вышлют против вас. Я пошел не угнетать эллинов, а освободить их, выслушав клятву лакедемонцев, которой они клялись оставить неприкосновенной самоправность всех наших союзников. Вот и к вам мы явились не с тем, чтобы привлечь вас на нашу сторону силой или обманом, но с тем, чтобы соединить наше оружие с вашим против афинян, которые наложили на вас свое иго. Когда же я даю вам самые искренние удостоверения, какие только вы можете получить, тогда имею право требовать, чтобы вы не подозревали во мне никаких задних мыслей и не считали меня неспособным защищать вас, а предались бы мне смело. А если кто-нибудь из вас, опасаясь некоторых особ, боится, как бы я не подчинил им вашу республику и по этой причине колеблется, тот пусть доверяет мне без •[128]• всякого сомнения. Я не держу ничьей стороны. Мне было бы больно дать вам свободу обманчивую, если бы я, презрев ваши старинные постановления, захотел подчинить народ преобладанию малого числа граждан или малое число их отдать на произвол народа. Такое преобладание было бы нестерпимее ига чужестранного, а наши труды не приобрели бы нам ничьей благодарности; народы же вместо уважения и почестей осыпали бы нас укоризнами. Да и мы, которые осуждаем афинян, поднимая на них оружие, и мы возбудили бы против себя гораздо большую ненависть, чем те, которые по крайней мере не

прикрашивают себя добродетелью. В самом деле, весьма ненавистны те люди, которые, пользуясь уважением, достигают честолюбивых целей своих хитрыми средствами, а не открытой силой. Употреблять силу — значит злоупотреблять могуществом, которое дается счастьем, а обманывать значит то же, что бить из-за угла в порыве непрямоты. Мы же самые важные дела свои совершаем открыто.

Нужно ли вам удостоверение посильнее наших клятв: обратите внимание на наши дела. Сверьте их с нашими речами и вы узнаете, что наши предложения согласны с вашими выгодами. А если вы, выслушав их, вздумаете отвечать, что вы не готовы принять их, если вы, уверяя нас в своей благосклонности, вообразите, что долг велит вам отринуть нас, тогда как мы не причинили вам никакой обиды, если вы станете извиняться тем, что свобода не изъята от опасностей, что справедливо давать ее только тем, которые умеют пользоваться ею, и что никто против воли не должен быть понуждаем к принятию ее, то я богов и героев сей страны призову в свидетели моего желания вам блага, хотя и не мог я убедить вас, и потом опустошу ваши земли, дабы заставить вас не отвергать мои предложения. Такой поступок я не сочту несправедливым: напротив, его оправдывает необходимость двойная. Сперва выгода Спарты, которая не должна же обольщаться одной благосклонностью вашей и издали посматривать

•[129]•, как вы в ущерб ей помогаете

афинянам своими богатствами, потом выгоды греков, которые не должны же видеть в вас препятствие к освобождению своему. Наш образ действий был бы предосудителен только в том случае, когда бы дело шло не об общей пользе, но тогда лакедемонцы и не подумали бы давать свободу таким людям, которые не хотят иметь ее. Мы не домогаемся власти, а если решились смирить тех, которые хотят восхитить ее, то и вам не позволим останавливать наши предприятия, иначе мы учинили бы величайшую несправедливость в отношении к большинству эллинов, которым даем свободу. Подумайте об этом и соединитесь с эллинами, дабы прежде всех получить честь быть свободными и стяжать себе славу бессмертную и дабы не потерпеть ущерба в своих частных выгодах и дать своей отчизне самое блистательное величие свободы».

После этой умной и воинственной речи афинские аканфяне поспорили, пошумели и, боясь лишиться виноградников своих, решились отстать от афинян. Тогда Врасид поклялся не нарушать их свободы и самоправности. С этим условием они приняли ополчение его. Их примеру последовал ближний город Стагира⁽⁸⁵⁾.

В ноябре месяце того же 424 года Врасид с фракийскими союзниками пошел к Амфиполю. Этот город сдался ему без боя на выгодных условиях⁽⁸⁶⁾.

Тогда он воротился на Афон. Здесь почти все жители висалты, кристоны, идоны, диктидии, халкидикийцы и пеласги предались ему, только города

Санис и Дион воспротивились, но за это он опустошил околотки их⁽⁸⁷⁾. Это было уже в апреле месяце 423 года.

Покорив Афон, Врасид поспешил к халкидикийскому городу Тороне, которым владели афиняне, и взял его приступом⁽⁸⁸⁾. Вскоре после этого афиняне и лакедемонцы заключили перемирие на один год⁽⁸⁹⁾. Тогда Врасид и афонские аканфяне пожертвовали в дельфийский храм Аполлона часть добычи, •[130]• отнятой ими у афинян, и тут на своей сокровищнице начертали надпись: «Врасид и аканфяне добычу от афинян (посвятили)» (Plutarch. Lysander. Cap. 1).

Во время перемирия халкидикийцы и аканфяне помогали Врасиду и македонскому царю Пердикке в войне с Арривеем, царем линкистов, в пределах Македонии. Но этот поход их был неудачен. Врасид отступил в Арниссу⁽⁹⁰⁾.

В 422 году по окончании перемирия афиняне послали во Фракию полководца Клеона и с ним 30 военных судов с 12 сотнями пехоты, с 300 всадников и с многими союзниками. Он взял город Торону и, оставив в нем военную стражу, отплыл мимо Афона к Амфиполю⁽⁹¹⁾. Туда же поспешил и Врасид со своими полками. Но оба эти витязя были убиты в сражении близ этого города. После геройской кончины их афиняне заключили мир с лакедемонцами на 50 лет⁽⁹²⁾.

Условия мира касательно Афона были следующие.

«Все по воле своей и по старинным обычаям могут приносить жертвы в

храмах, общих всем эллинам, ездить туда без опасения по суше и морю и вопрошать там оракулов.

Города пусть управляются своими законами, платя ту же подать, какой они обложены были при Аристиде. А когда они станут платить ее, тогда ни афиняне, ни их союзники не властны братья за оружие с намерением вредить им. Города же эти суть: Аканфос, Сколос, Аргила, Стагира, Олинфос, Спартолос. Пусть они не вступают в союз ни с лакедемонцами, ни с афинянами. Впрочем, если афиняне склонят их к тому убеждениями, им позволяется заключать с ними союз.

Граждане Микиверны, Саниса и Сингоса пусть остаются в своих городах так же, как и граждане Олинфоса и Аканфоса»⁽⁹³⁾.

Этот мир заключен был в начале весны (10 апреля 422 года), вскоре после праздников Вакха, спустя десять лет и несколько дней от начала этой войны⁽⁹⁴⁾. •[131]•

Но в следующем, 421-м году произошли новые смуты, которые имели влияние и на Афон. Значительные города Греции, именно Аргос, Фивы, Коринф и другие, обидевшись тем, что афиняне и лакедемонцы обошли их при заключении взаимного мира и союза, и подозревая, что эти два народа замышляют подчинить себе всех прочих эллинов, составили свой особый союз, наступательный и оборонительный⁽⁹⁵⁾. К аргосцам прислали халкидикийцы фракийские, что близ Афона⁽⁹⁶⁾. В то же лето афиняне взяли

приступом город Скиону (на полуострове супротив Афона), умертвили мужчин, способных носить оружие, а женщин и детей продали в рабство, земли же их отдали изгнанникам из Платеи⁽⁹⁷⁾. Тогда же в конце месяца мая лакедемонцы открыли военные действия в Аркадии⁽⁹⁸⁾. А на Афоне диктидии взяли приступом союзный с афинянами город Фиссос⁽⁹⁹⁾. Фукидид, упомянув о них мимоходом, к сожалению, не высказал причины восстания их. Афиняне смирили этих афонцев и приняли их в число своих союзников, однако они в 418 году отложились от них и пристали к халкидикийцам⁽¹⁰⁰⁾. Знать, диктидии были не бессильны. Я думаю, что они некогда пришли на Афон с острова Крит, где есть гора Дикти*, а жили в городе Клеонах и в окрестностях его, начиная от Иверского монастыря до Морфины, потому что этот город населен был отчасти их друзьями халкидикийцами (смотри выше § 9).

Настал двадцатый год Пелопоннесской войны, соответствующий 411 году до Р. Х. Тогда лакедемонский адмирал Миндар, починив свои военные суда в Абидосе (на берегу Дарданелльского пролива), послал спартанца Епиклеса в Евбею с наказом привести к нему

как можно скорее все военные суда, какие находились там. Епиклес прибыл туда, собрал •[132]• пятьдесят судов и тотчас поднял паруса. Но когда этот флот плыл в водах афонских, тогда разразилась такая страшная буря, что все суда погибли. Спаслись только Епиклес и с ним двенадцать человек. В память погибших поставлен был памятник в одном капище близ города Короны со следующей надписью⁽¹⁰¹⁾:

«После крушения пятидесяти судов только двенадцать несчастливцев избежали смерти и достигли берега у скал Афона, а все прочие были поглощены морем вместе с их судами, разбитыми ревущею бурею».

**§ 15. О союзе
городов Аканфос и Аполлония
Халкидикийская
с лакедемонянами против
Олинфийской республики
(383–380 гг.)**

Прошли двадцать лет после Пелопоннесской войны греков. Тогда близ Афона усилилась республика Олинфийская. Ее силы и честолюбивые замыслы понудили македонского царя Аминту и два города, Аканфос Афонский и Аполлонию Халкидикийскую*,

* Strab. L. X, c. 4. Κρήτη. Εἴρηται ὅτι τῶν Ἑτεοκρήτων ὑπῆρξεν ἡ Πραῖσος καὶ ὅτι ἐν ταῦθα τὸ τοῦ Δικταίου Διὸς ἱερόν. Καὶ γὰρ ἡ Δίκη πλησίον, οὐχ ὡς Ἀρατος, σχεδὸν ὄρεος Ἰδαίου. Καὶ γὰρ χιλίους ἡ Δίκη τῆς Ἰδης ἀπέχει, πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον ἀπ' αὐτῆς κειμένη, τοῦ δὲ Σαμωνίου ἑκατόν. Δίκη τε δὲ τὸ ὄρος.

* Ксенофонт назвал этот город весьма большим, μεγίστη, а Атеней — Халкидикийским, в отличие от Аполлонии Мигдонской, и присовокупил, что подле него текут две реки, Аммитис и Олинфиякос, и обе впадают в Волвийское озеро (ныне Бежик). (Athen. Dipnosoph. L. VIII. Cap. 11). Судя по этим признакам, я полагаю, что Халкидикийская Аполлония находилась ►

просить Спарту, чтобы она смирила гордый Олинфос. Спарта вняла их просьбе. Началась война и кончилась присоединением Олинфоса к Лакедемонскому союзу. Рассказываю ход этой войны, обращая особенное внимание на жителей афонского города Аканфос, которые принимали самое деятельное участие в ней.

Недалеко от Афона, между полуостровами Сикийским и Кассандрийским, в самом верховье Торонского залива на берегу его стоял торговый город Олинфос, тот самый, который упомянут в мирном трактате афинян и лакедемонцев •[133]•, заключенном в 422 году. Он был богат и имел многих союзников, особенно между фракиянами. Правление в нем было народодержавное. Этому городу македонский государь Аминта, не надеявшийся царствовать, подарил большой околоток, сопредельный с владениями олинфян. Даровые земли приносили им большой доход и тем увеличивали их богатство и силу. Но из-за них же пришлось им и пострадать. Когда Аминта против своего чаяния утвердился на престоле, тогда от олинфян назад потребовал свой дар. Они не захотели возвратить его. За это Аминта объявил им войну, выпросив у лакедемонцев вспомогательное войско (более 10 000), которое они и послали под начальством спар-

танца Фивида, желая упрочить свое влияние во Фракии⁽¹⁰²⁾. Это было в 383 году до Р. Х.

В это же самое время граждане Аканфоса и ближней Аполлонии Халкидической, опасаясь олинфян и, быть может, завидуя их богатству и силам, отправили в Спарту послов своих для переговоров касательно Олинфийской республики. В числе их был Клигенис аканфянин. Он говорил речь спартамцам и их союзникам. Передаю ее, как единственный уцелевший памятник афонской дипломатии.

«Мужи лакедемонские и вы, союзники! Мы думаем, что вам еще не очень хорошо известно дело, возникающее в Элладе. А надобно вам знать, что Олинфос превосходит все города Фракии. Он меньшие из них присоединил к себе с тем условием, чтобы они управлялись его законами и составляли одну с ним республику, а к ним присовокупил города и позначительнее. Такой успех поощрил олинфян отторгнуть даже македонские города от державы македонского царя Аминты. Когда же ближайшие из этих городов вняли обаяниям их, тогда они поспешили и в отдаленные места, так что во дни нашего выезда к вам они владели, кроме многих других городов, и Пеллою, которая весьма значительна в Македонии. Мы также слышаны, что и Аминта отступает от своих городов и едва ли не потеряет всю Македонию. Наконец, олинфяне и к нам и к аполлониатам •[134]• послали послов, которые сказали нам, что если мы не соединим свои рати с

на месте нынешнего созвучного села Полина, которое отстоит от афонского города Иериссо на один день пути и подле которого действительно текут речки, впадающие в озеро Бежик.

ополчением их, то они нападут на нас. Но мы, о мужи лакедемонские, мы хотим жить по законам отеческим и быть гражданами самоправными, если необходимость не понудит нас пристать к ним, когда уже некому помочь нам. У них теперь не менее 8000 оплитов, а пелтастов гораздо более или столько же, а если соединимся с ними мы, то прибавим более 1000 всадников. Притом мы оставили у них послов из Афин и Виотии и слышали, что и олинфяне решили в собрании отправить своих послов в эти города и просить у них союза. А ежели такая рать их соединится с ополчениями афинян и фивейцев, то смотрите, как бы вам не пришлось одолевать затруднения большие. Олинфяне уже заняли Потидею на Паллинийском перешейке, итак, рассчитывай: подчинятся ли им тут и прочие города. Подчинятся, и вот вам доказательство на это. Сии города уже сильно застращены, так что хотя они и ненавидят олинфян, но не осмелились отправить с нами послов своих, чтобы объяснить вам дело. Подумайте и о том, как полезно вам отстранять Виотию от союза с Афинами и как вредно пренебрегать этой державой, которая сильна не только на суше, но и на море. Ибо что остановит ее, когда у ней материалов для постройки кораблей много, а доходов от пристаней и от большой торговли довольно, людьми же она полна по причине плодородия земли! Кроме сего, у олинфян есть соседи фракияне, которые не имеют царей.

Они и теперь состоят у них на службе, что же будет тогда, когда признают их своими властелинами? Тогда могущество олинфян будет неодолимо. Тогда им достанутся золотоносные руды в горе Пангейской (в виду Афона). Что мы теперь говорим, все то несколько тысяч раз говорено было самим человеком в Олинфосе. И кто осудит такие замыслы их? Может быть, мы, люди, так созданы от Бога, что когда увеличивается наша сила, тогда растут и наши замыслы. Итак, мужи лакедемонские и вы, союзники, мы извещаем вас, что так идут дела, а вы •[135]• рассудите, стоят ли они вашего внимания и вашей заботливости. Впрочем, надобно вам знать, что та сила, которую мы представили вам в немалых размерах, не несокрушима. Все города, которые против своей воли союжат с олинфянами, скоро отстанут от них, если увидят соперников. Но когда они сдружатся посредством взаимных браков и раздела добычи, уже условленного между ними, и удостоверившись, что выгодно быть на стороне сильнейших, поступят, как аркадяне, которые, идя с вами заодно, не забывают и себя и корыстуются чужим добром, тогда, быть может, нелегко будет сокрушить их силы».

После этой умной речи афано-аканфосского посланника спартанцы просили своих союзников сказать, что надобно предпринять для общей пользы их самих и всего Пелопоннеса. Многие из них и особенно те, которые старались угодить Спарте, предложили на-

брать ополчение и известить об этом каждый город. Однако была речь и о том, чтобы позволено было городам, какие пожелают, дать вместо воинов эгинейский тривол за каждого воина, а тем, которые пришлют конницу, дать на каждого всадника жалование четырех оплитов, если же какой город не выставит ополчения, то лакедемонцы властны взять с него статир за воина в каждый день. Когда же было одобрено это предложение, тогда аканфяне встали в собрании и опять говорили решительно, что хотя и хороши все эти распоряжения, но трудно исполнить их в скорости и потому было бы гораздо лучше, пока идут сборы, послать войско из Лакедемонии и из других городов как можно скорее; ибо эта мера остановила бы города, еще не присоединившиеся к Олинфосу, а приставшие к нему против воли отвлекла бы не на его сторону. Одобрено было и это предложение, и лакедемонцы тотчас назначили военачальником Евдамида и отправили с ним еще 2000 воинов (у Диодора 3000), кроме тех, которыми предводительствовал брат его Фивид. Этот новый вождь прибыл в Потидею и, заняв этот город как союзный •[136]•, тревожил оттуда неприятеля, как мог, с малой дружиной своей в ожидании полков Фивида⁽¹⁰³⁾.

382 год. Между тем Фивид замедлил на пути к Олинфосу, потому что вмешался в дело города Фив и занял тамошнюю крепость Кадмею. За это лакедемонцы лишили его начальства⁽¹⁰⁴⁾.

Евдамид же делал набеги на пределы олинфян и сражался с ними, получая подмогу от царя Аминты. Но олинфяне, имевшие гораздо более войска, одолевали его. Тогда лакедемонцы, не довольные им, отставили его и, собрав гораздо большее ополчение, назначили вождем храбрейшего Телевтия, брата царя Агезилая. Телевтий отправился из Пелопоннеса и у Олинфоса соединился с войском Евдамида, получив подкрепление от царя Аминты и от какого-то елимийского князя Дерды, приведшего к нему 400 всадников своих. Начались битвы. Телевтий поражал олинфян и собрал большие добычи, которые и разделил своим воинам. Но и олинфяне грабили те окрестные города, которые были в союзе со Спартой, и убивали жителей их. У них было много войска, а город снабжен был всеми жизненными и военными припасами⁽¹⁰⁵⁾.

Однажды случилось: олинфийские всадники, числом 600, рано утром подъехали к Аполлонии и, рассеявшись, грабили до полудня что попало. Тогда в этом городе стоял Дерда со своей конницей, готовой к бою. Увидев, что олинфяне приблизились к предместью и даже к воротам Аполлонии, он отворил их и всадников своих повел в бой. Оробели олинфяне и побежали. А Дерда преследовал их по пятам на пространстве 90 стадий и, убив 80 конников, подступил к самым стенам Олинфоса. Значит, от Аполлонии до этого города было недалеко. Посему я не соглашаюсь с Тафелем ставить эту

Аполлонию на месте нынешнего афонского городка Иериссо, от которого до развалин Олинфоса более 12 часов верховой езды. •[137]•

Оканчивался второй год войны (382). Олинфяне соединили все свои и союзные силы и однажды отважились перейти речку, которая протекала перед их городом, и бодренно пошли к полкам Телевтия. Этот спартанец, изумленный такой отвагой их, дал знак к бою. Произошло кровопролитное сражение. Олинфяне убили 1200 лакедемонцев, и сам Телевтий пал на поле сражения. Тогда все полки его поколебались и в страхе побежали одни в город Спартол, другие в Аканфос, иные в Аполлонию, а большая часть в Потидею⁽¹⁰⁶⁾.

Значит, Аканфос и Аполлония находились в разных местах, да и не смежных. Если бы Аполлония стояла на месте нынешнего афонского городка Иериссо, от которого рукой подать до развалин Аканфоса, то я, ездивший несколько раз от Афона до развалин Олинфоса, не понял бы рассказа Ксенофонта об отступлении одних полков Телевтия к Аканфосу, а других к Аполлонии. Но я понимаю его, когда ставлю Аполлонию на месте нынешнего села Полина, понимаю и вижу, что лакедемонцы отступили сюда по прямой горной дороге, тогда как другие шли в Аканфос по крутоярим берегам заливов Торонского и Сингитского.

Наступил третий год войны (381). Лакедемонцы решились смирить по-

бедоносных олинфян во что бы то ни стало и послали царя своего Агисипола воевать с ними, поручив ему достаточное войско, к которому присоединились охотники из разных городов союзных, фессалийские всадники, македонский царь Аминта и князь Дерда со своими полками. Новый военачальник прибыл на поприще войны, собрал рассеявшиеся фаланги Телевтия и открыл военные действия. Но олинфяне избегали решительной битвы, так что во весь этот год было лишь несколько стычек⁽¹⁰⁷⁾.

В следующее лето (380) Агисипол взял приступом город Торону, но в жаркие дни заболел горячкой и велел отнести себя в ближнее местечко Афиту, где было много тени и холодных вод. Тут он пролежал семь недель и скончался •[138]•. Тело его положили в мед и так перевезли в Спарту, где он и погребен был по-царски. На его место лакедемонцы назначили Поливиада. Этот искусный стратег и деятельный полководец одержал несколько побед над олинфянами и осадил их город со всех сторон. Тогда они, не получая хлеба ни сухим путем, ни морем, решились сдаться и, сдавшись на выгодных условиях, отправили в Спарту послов, которые и успели заключить там выгодный мир, так что Спарта приняла Олинфос в число своих союзников. В это время, говорит Диодор, лакедемонцы сделались весьма могущественны в Греции⁽¹⁰⁸⁾. Предполагается, что и афонцы были на их стороне.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.
О событиях на Афоне
в третий круг времени,
от покорения афонских
городов македонским царем
Филиппом до подчинения
их Римской державе
(360–148 гг.)

§ 16. О покорении Афона
Филиппом Македонским
(348 г.)

Спарта смирила Олинфийскую республику и тем успокоила соседний Аканфос народодержавный. После этого прошли двадцать лет. Тогда союзник спартанцев и аканфян царь Аминта скончался. Престол его наследовал Филипп и в десятый год своего царствования покорил своей власти все города в Халкидикийской области, следовательно, и афонские⁽¹⁰⁹⁾, а потом до основания разорил Олинфос и жителей его продал как рабов. Та же участь постигла и Аполлонию Халкидикийскую⁽¹¹⁰⁾.

§ 17. О покупке воспорской
пшеницы жителями
города Аканфос
(348–336 гг.)

В царствование Филиппа афонский город Аканфос существовал. Однажды в пристань его на корабле привезена была •[139]• пшеница из города Воспор, находившегося у пролива Азовского моря. Аканфяне купили ее. Но продавец ее афинский житель некто Лампис, не имевший права продавать воспор-

скую пшеницу нигде, кроме Афин, был судим за этот поступок вместе с товарищем его Формионом. А Димосфен по этому случаю говорил известную речь и обвинял обоих наипаче за то, что они пшеницу продали чужим в то время, когда в Афинах был голод⁽¹¹¹⁾. Такое обвинение доказывает, что Аканфос в то время не принадлежал к Афинскому союзу, а считался городом македонским.

§ 18. О предложении Динократа
Александру Великому
касательно Афона
(336–324 гг.)

С той поры, когда Филипп покорил себе всю Халкидонскую страну с прилежащим к ней Афоном, эта гора всегда находилась в зависимости от македонских царей, пока они хранили свою державу. Сыну Филиппа Александру Великому зодчий его Динократ предлагал преобразить мраморный верх Афона в статую Зевса так, чтобы она на левой руке держала город, а на правой струйник с текущей в море водой. Но он отринул это предложение, шуточно сказав Динократу, что жителям такого города нечего будет есть, а из такого струйника нечего пить⁽¹¹²⁾.

Если бы Динократ из высочайшей вершины Афона изваял статую человека, обращенного лицом к морю, откуда она была бы видна всем мореплавателям, то город на руке ее пришелся бы на том отроге Афона, который понижается налево от скита

Кавсокаливского, а струйник — у скита св. Анны.

§ 19. О построении города Уранополя на Афонском перешейке (317–298 гг.)

По смерти Александра обширная монархия его разделилась на несколько областей, которыми управляли сперва друзья и •[140]• полководцы его, а потом наследники их. Соседняя с Афоном Македония досталась Антипатру и Пердикке. Когда же царем македонским стал Кассандр (с 317-го по 298 г.), тогда брат его Алексарх, выдумщик новых греческих слов, построил на Афоне город Уранополь⁽¹¹³⁾.

Местность этого города французский путешественник Кузинери указал на одном холме Афонского перешейка, недалеко от селения Иериссо или, точнее, в соседстве с хозяйственным подворьем Иверского монастыря, находящимся у Стеллярийского отрога Афона, а указал потому, что нашел тут кое-какие развалины*. Я не противоречу ему и тут же ставлю Уранополь, однако, не на холме, на котором мог быть монастырек, а у Франколименской пристани, от которой рукой подать до спокойной и глубокой бухты Плати, укрытой от всех ветров в сказанном Стеллярийском отроге. Тут заметны остатки развалин. Тут же находимы были монеты с изображением Вене-

ры-Урании, именем которой назван был город.

Царь Кассандр, женившись на дочери Александра Великого Фессалонике*, построил город в самом верховье Фермийского залива и назвал его именем жены своей Фессалоники. С судьбой этого города впоследствии тесно связана была судьба Афона⁽¹¹⁴⁾.

§ 20. О переименовании афонского города Харадриз в Стратоники по имени супруги сиро-македонского царя Антиоха Сотира

После Кассандра, Филиппа III и Антипатра в Македонии царствовал Димитрий Полиоркет с 294 года по 287-й. У него была красивая дочь Стратоника. На ней женился Селевк, основатель Сиро-Македонского царства в Передней Азии. Но ее полюбил сын его Антиох Сотир, рожденный от другой жены, и с согласия отца своего стал мужем ее и родил с нею Антиоха Феоса⁽¹¹⁵⁾. Именем этой женщины назван был один •[141]• город на Афоне, находившийся близ тамошней Карики⁽¹¹⁶⁾, и назван или при рождении ее, или по случаю отдачи его в приданое за нею, когда она вышла за Селевка. Как бы то ни было, но этот город с торговой пристанью его надобно считать удельным имением ее. Она владела им и получала доходы от него во время царствования двух мужей

* E. Cousinery. Voyage dans la Macédoine. Paris, 1831.

* По более достоверным сведениям, Фессалоника была сводной сестрой Александра (ср. ниже, Оправдания, № 61). — П.К.

своих, Селевка и сына его Антиоха (281–262 гг.), которые никакого города в Македонии и на Афоне не могли назвать именем ее, потому что не властны были распоряжаться в чужом царстве.

Город Стратоники, по указанию географа Птолемея, находился на южной стороне Афона, омываемой Сингитским заливом Эгейского моря⁽¹¹⁷⁾.

Этот город я ставлю на месте нынешнего Ксиропотамского монастыря, расположенного на высоком берегу сказанного залива, потому что оттуда близко до афонской Карики, которую разумел Стефан Византийский, когда говорил о близости к ней города Стратоники, потому что на Птолемеевой карте, хранящейся в Ватопедской обители, этот город помещен на этом месте* и потому что тут есть порядочная пристань, Дафна. Да и это название пристани, поныне слышимое на Афоне и напоминающее увеселительную рощу подле столицы сиро-македонских царей Антиохии, называвшуюся Дафна, и это название, в связи с указаниями Птолемея и Стефана Византийского на афонский город Стратонику и на владительницу его антиохийскую царицу Стратонику же, заставляет меня поместить его подле Дафнийской лесистой пристани монастыря Ксиропотамского**. На этом месте за 509 лет до

Рождества Христова находился городок Харадриэ, но он, как я полагаю, переименован был в честь оной царицы Стратоники. Недаром Стефан Византиец, упомянув о нем, выразился, что его *назвали*, *κέκληται*, по имени супруги Антиоха Сотира. Он был только назван в честь ее, •[1 42]• но не построен, следовательно, существовал ранее, но под другим именем. А это имя его уже известно нам: Харадриэ.

§ 21. О взятии и разграблении Аканфоса римскими солдатами (199 г.)

При преемниках Димитрия Полиоркета в течение 74 лет что случилось на Афоне, то неизвестно. А при царе Филиппе V, который самодержавил в Македонии с 220 года по 179-й, союзные неприятели его афино-родосо-римляне на военных кораблях приплыли от Тороны к Аканфосу и, опустошив поле его, взяли этот город и разграбили, но далее не пошли, а отправились к острову Скиафо и оттуда к Евбее. Это случилось в 199 году до Рождества Христова⁽¹¹⁸⁾.

§ 22. Об определении совета и народа в Акроафосе увековечить надписью благотворения Дорофея, купеческого консула из Александрии (196–180 гг.)

В царствование Филиппа V, который был современником египетского государя Птолемея Епифана, на Афоне

* См. карту на с. 121.

** Афинский митрополит Мелетий в своей «Географии» поместил его на месте так называемого Франкокастра близ Андрониковой башни и острова Мульяни, но без всякого основания. Тут нет ни пристани, ни ключевой воды.

в городе Акроафосе жил Дорофей сын Мирмика, уроженец Александрии, и оказывал благодеяния нуждающимся согражданам, а капище их поддерживал и украшал на свой счет с добавками из общественной казны. За это городской совет и народ определили признать его потомственным консулом и благодетелем акроафонцев, а консульство и благодеяние его увековечить надписью и поставить ее в самом капище.

Эта надпись уцелела. Она находилась в ските св. Анны, расположенном близ развалин города Акроафоса, но я взял ее в октябре месяце 1845 года и в следующем году 18 ноября передал в музей Одесского общества любителей истории и древностей для временного хранения, как действительный член этого общества. Надпись эта начертана на беломраморном камне, длина которого измеряется полуаршином, а ширина $4\frac{1}{2}$ • [143] • вершками. Слова тут помещены ближе к верху, а внизу на два вершка пусто, узоров и украшений нет, ясно видны одни слова:

«Ἐδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῶι δήμῳ ἐπαινέσαι μὲν Δωρόθεον Μύρμηκος Ἀλεξανδρέα, διότι προαιρεῖται ἐπιμελείας ποιεῖσθαι τοῦτ' ἱεροῦ καὶ Ἀκροθωῶν καὶ κοινῇ καὶ ἰδίαι, οἷς ἂν ἐντυγχάνῃ αὐτῶν, εἶναι δὲ αὐτὸν πρόξενον καὶ εὐεργέτην Ἀκροθωῶν, αὐτὸν καὶ ἐκγόνους, ἀναγράψαι δὲ αὐτοῦ τὴν προξενίαν καὶ τὴν εὐεργεσίαν, καὶ ἀναθεῖναι εἰς τὸ ἱερόν».

«Определено советом и народом восхвалить Дорофея Мирмикова александрийца за то, что он изволит под-

держивать сие святилище и акроафонцев общественным и своим иждивением, кого бы ни пришлось, и быть ему консулом* и благодетелем акроафонцев, ему и потомкам его, а консульство его и благотворительность увековечить надписью и поставить ее в сем святилище».

Эта надпись поясняет нам некоторые стороны внутреннего быта городских жителей на Афоне.

Там, в Акроафосе, было старинное капище. Оно поддерживалось городской казной и благотворениями граждан.

Этим городом управлял совет, избранный народом, который подавал в нем свой голос.

Богатые помогали бедным.

Акроафос имел торговые сношения с Александрией. Посему в нем находилось консульство, *προξενεῖον*, заведовавшее делами торгующих.

Граждане этого города и совет его имели право избирать себе потомственного консула и предоставлять чужим права согражданства.

Общественные благотворения увековечивались надписями, которые выставляемы были в главном капище в память потомству и в поощрение его к добрым делам на пользу общую.

Смею думать, что такое народоправление, такие обычаи и такие консульства были и в прочих городах на Афоне.

* В европейском смысле слова, т. е. иностранным торговым представителем; *проксенами* в Древней Греции называли чужестранцев, связанных с городом почетными узами гостеприимства. — П.К.

В этом согласится со мною всякий, кто припомнит речь •[I 44]• аканфосского гражданина Клигениса, которую он говорил в Спарте и в которой выразился так: «Мы хотим жить по своим отеческим законам и быть гражданами самоуправными».

В акроафонской надписи не показано время составления ее. Однако можно определить его приблизительно. Так как Александрия, из которой происходил Дорофей Мирмиков, построена была Александром Македонским за 300 лет до Р. Х., а Акроафос уже не существовал в сороковых годах первого века христианского, о чем скажу ниже (§ 27), то и приходится отнести составление этой надписи ко времени дохристианскому. Я полагаю, что она выставлена была в акроафонском капище во дни египетского государя Епифана, который взошел на престол в 196 году до Р. Х. и скончался в 180/1 году, и полагаю так потому, что в этой надписи александрийские буквы видом своим и постановкой весьма походят на буквы в известной надписи на Розетском камне*, в которой перечислены дела помянутого государя и показан год воцарения его 196-й. В обеих надписях этих виден малый омикрон между большими буквами и ι сбоку слов: ΒΟΥΛΗ, ΤΗΙ, ΤΩΙ, ΔΗΜΩΙ.

* Смотри ее в Bibliothèque des classiques Grecs publiée par Firmin Didot. — Vide Fragmenta historicorum Graecorum sub fine.

ГЛАВА ПЯТАЯ.
О событиях на Афоне
в четвертый круг времени,
от подчинения Афона
Римской державе до введения
христианства в города его
(от 148 г. до Р. Х. по 321 г.
по Р. Х.)

§ 23. О построении
города Аполлония
на Афонском перешейке

Преемник Филиппа V Персей долго воевал с римлянами, но был побежден и усмирен ими окончательно в 168 году до Рождества Христова. С этой поры Македония, и с нею Афонская гора, подчинилась Римской республике, а в 148 году •[I 45]• лишена была самоуправности и стала областью римской. Сначала ею управляли преторы, а потом проконсулы. Луций Пизон, тесть Цезаря, утеснял эту область в течение трехлетнего управления его. Но Цицерон (до 55 года) говорил против него речь с такой силой правды, что Сенат отозвал его назад, а на место его назначил квестора Анхария (Ciceronis Oratio in Pisonem).

В течение 148 лет до Р. Х. на Афоне, как я полагаю, возник новый самостоятельный городок Аполлония на том месте, где ныне стоит селение Иериссо. Хотя об этом событии нет прямых исторических свидетельств, но так как Плиний, скончавшийся в 79 году по Рождестве Христове, ставил Аполлонию на Афоне отдельно от Аканфоса*

* Plin. Hist. nat. IV, 10–17.

и так как местное предание, которое будет изложено во второй части этой «Истории», гласит, что апостол Павел проповедовал Христа жителям этой Аполлонии, а в Деяниях апостольских (17, 1) упомянуто, что он действительно проходил в Солунь через Амфиполь и Аполлонию, то и надобно полагать, что этот городок, стоявший на пути от Амфиполя к Солуню, возник незадолго до Рождества Христова. Более глубокой древности нельзя придать ему, потому что о нем не упоминали ни Скилакс, ни Фукидид, а Ксенофонт говорил о другой Аполлонии, именно Халкидикийской, которая находилась недалеко от города Олинфос*. Со времени Иродота до 148 года на месте Афонской Аполлонии находилась только складочная пристань, ἐπίγειον, города Аканфос, как Аполлониада была пристанью Киренской (Strab. XVII, 3, 20). А почему она во время римского владычества отделилась от Аканфоса и стала городком самостоятельным, — это решить трудно, однако возможно. Припомним совершенное разорение Халкидикийской Аполлонии около 336 года и предположим, что часть жителей ее ушла в пристань •[146]• Аканфоса, о которой идет речь, припомним и то, что в 199 году до Р. Х. римские солдаты взяли приступом и разграбили Аканфос: тогда нам будет понятно отчасти, как могла эта пристань сделаться городком, независимым от

Аканфоса. Римлянам, управлявшим вселенной по правилу *divide et impera*, т.е. *ссорь и господствуй*, выгодно было ослабить враждебный им Аканфос и объявить самостоятельным соседний с ним город Аполлонию, в котором, как я думаю, большинство жителей составляли потомки переселенцев из Аполлонии Халкидикийской, разрушенной отцом Александра Великого Филиппом, и подле которого находился оракул Аполлона в существующей поныне пещере.

§ 24. Воспоминания поэтов об Афоне

Неизвестна участь Афона во время полуторавекового владычества римлян в Македонии до Р. Х., а ведомо только то, что о нем в этот малый круг времени вспоминали поэты в своих стихотворениях. Так, Никандр (около 146 г.) в своей «Европе» изобразил Афон как исполина, который немного ниже звезд стоит среди неизмеримого моря и своими руками мечет две величайшие стрелы (отроги), особенно к противоположному мысу Канастрийскому (§ 2). Вергилий за 19 лет до Р. Х. в своих наставлениях земледельцам неподражаемо описал отца богов Зевса, мечущего свои молниеносные стрелы на Афон в глубокую полночь, так что земля трясется, звери бегут, люди трепещут, дождь ливмья льется, в лесах воет ветер, на небе мнутяся звезды:

* Припомним события в годы 360–336, § 16.

Ipse Pater, media nimborum
in nocte, corusca,
Fulmina molitur dextra, quo
maxuma motu,
Terra tremit, fugere ferae, et
mortalia corda
Per gentes humilis stravit pavor.
Ille fragranti
Aut Athon, aut Rodopen, aut alta
Ceraunia telo
Dejicit. Ingeminant austri et
densissimus imber. •[I 47]•
Nunc nemora ingenti vento,
nunc littora plangunt.
Нос metuens caeli menses
et sidera serva.

Georgica. Lib. I.

Этот же поэт в своей «Энеиде», Lib. XII, воспевая единоборство Энея троянского с латином Турном, сравнил его с Афоном. У него Эней страшно гремит оружием, а высок он, громаден и неодолим, как Афон.

At Pater Aeneas, audito nomine Turni,
Deserit et muros, et summas
deserit arces.
Praecipitatque moras omnes,
opera omnia rumpit.
Laetitia exsultans, horrendumque
intonat armis.
Quantus Athos, aut quantus Eryx,
aut ipse coruscis
Cum fremit illicibus, quantus
gaudetque nivali
Vertice se attollens pater Appenninus
ad auras.

Поэт Овидий в своих «Превращениях» вспомнил о горении Афона во время общего пожара на земле, бывшего в самое отдаленное от него время:

«Пламень пожирает самые возвышенные места земли. Она расседается, разверзается и сохнет, лишаясь своих питательных соков. Пажити желтеют. Деревя с листьями сгорают. А нивы иссохшие питают собой пламень. Но эта беда еще невелика. Большие города рушатся со стенами. Народы и целые страны от пожара обращаются в пепел. Горы и леса на них горят. Пылают Афон и Тавр Киликийский».

§ 25. Связь предыдущего с последующим

Минули 148 лет после того, как Афон со всей Македонией поступил в ведомство и управление римского Сената как удел его. Тогда в Риме самодержавил Октавий Август. В 42 году его царствования родился в Вифлееме Иудейском Спаситель человеческого рода. Но не скоро свет Его озарил омраченный идолослужением Афон. Целых три века после рождения Его протекли до появления первых лучей христианства •[I 48]• на этой пресловутой горе. Что же случилось на ней в этот крут времени?

§ 26. О состоянии Афона в первое двадцатипятилетие первого христианского века при римских царях Августе и Тиберии

Афон, по сказанию Тита Ливия, смерть которого относят к 19 году по Рождестве Христове, считался во второй

части Македонии и имел удобную пристань, которая называлась Энеэ.

Titi Livii lib. XLV: «Secunda pars Macedoniae celeberrimas urbes, Thessalonicem et Cassandream, habet, ad hoc Pallenem, fertilem ac frugiferam terram; maritimas quoque opportunitates ei praebent portus ad Toronem ac montem Atho, — Aeneae vocant hunc — alii ad insulam Euboeam, alii ab Hellespontum opportune versi».

«Во второй части Македонии находятся знатные города, Солунь и Кассандра, плодоносные и богатые земли Паллинские и пристани, удобные для морской торговли, одни у Торона и горы Афонской — сию пристань называют Энеэ, — другие у острова Евбеи и Еллиспонта».

Энейская пристань, как я полагаю, находилась у афонского острова, который лежит напротив тамошнего перешейка в самом верховье Сингитского залива. Этот остров, ныне принадлежащий Ватопедскому монастырю, попросту называется Мульяни, а в старинных дееписаниях афонских именуется Эмилиани. Если мы разделим это название на две половины, то получим *Эмили* и *Ани* и во втором слове узнаем пристань Энеэ, а в первом — некоего римлянина Эмилия, который или владел этой пристанью, или обстроил ее, или получал от нее таможенные доходы*. Справедливо Тит Ливий похвалил

эту пристань, слылав о ней от купцов или от начальников военных судов римских. В самом деле, она хороша, глубока, обширна, спокойна и снабжена ключевой водой, а что всего важнее, находилась подле городов Аканфоса и Аполлонии, •[149]• в которых сосредоточивалась торговля окрестных селений, и напротив Ксерковского канала, перерезывавшего перешеек Афона. Я осматривал эту пристань в 1858 году и нашел тут памятник из белого мрамора с иссеченным на нем ликом Венеры-Урании, имеющей на голове знак оси мира (πόλον)*.

Кроме Энейской торговой пристани по указанию географа Страбона, скончавшегося в 29 году по Р. Х., существовали города: Аканфос на берегу Сингитского залива близ Ксерковского канала, а на самом Афоне: Дион, Клеонэ, Фиссос, Олофиксос и Акроафос. Сей последний расположен был у титькообразной вершины этой горы. Жители его видели восход солнца раньше тремя часами сравнительно с жителям берегов афонского моря.

Strab. Excerpta ex lib. VII: «Ἡ Παλλήνη χερσόνησος... ἔχει πόλεις δ' Ἀφυνί, Μένδην, Σκιώνην, Σάνην... Ἀκανθος πόλις ἐν τῷ Σιγγιτικῷ κόλπῳ ἐστὶν παράλιος πλησίον τῆς τοῦ Ξέρξου διώρυχης· ἔχει δ' ὁ Ἄθων πέντε πόλεις·

* Думаю, что этот Эмилий был тот самый, который победил македонского царя Персея и библиотеку его увез в Рим.

* Этот древнеэллинический памятник теперь (1863 г.) находится в иконописном отделении Императорской Академии Художеств в С.-Петербурге. Туда доставил его известный Севастьянов, который при мне купил его на острове Мульяни у ватопедского монаха за ничтожную цену.

Διον, Κλεωνάς, Θύσσον, Ὀλόφυξον, Ἀκροθώους· αὕτη δὲ πρὸς τῇ κορυφῇ τοῦ Ἀθωνος κεῖται. Ἔστιν δὲ ὁ Ἀθων ὄρος μαστοειδές, ὀξύτατον, ὑψηλότατον· οὗ οἱ τὴν κορυφὴν οἰκοῦντες ὁρῶσι τὸν ἥλιον ἀνατέλλοντα πρὸ ὠρῶν τριῶν τῆς ἐν τῇ παραλίᾳ ἀνατολῆς».

Верно все то, что Страбон сказал об Афоне. А если он тамошний город Санис причислил к околотку Паллинийскому, то причислил его не топографически, а политически.

§ 27. О состоянии Афона во второе двадцатипятилетие того же века при римских царях Тиверии, Калигуле и Клавдии

Немного ранее 43 года по Рождестве Христове на Афоне погиб город Акроафос, вероятно, от землетрясения, которого признаки и теперь ясно видны у Керасийского скита, где стоял этот город, и на пути оттуда в скит Кавсокалию. А •[I 50]• что он погиб в это время, а не в другое, это доказывается сходными сказаниями о нем географов Страбона и Помпония Мелы, из которых второй пережил первого. Страбон сказал, что он существует (ἔστί), а Мела выразился так: «У вершины Афона был город Акроафон, в котором, как гласит молва, люди жили вдвое долее, чем в других странах». Выражение *гласит молва* и глаголы *был, жили*, употребленные Помпонием в прошедшем времени, дают разуметь, что в последние годы жизни этого географа Акроафос уже не

существовал. Однако жители его, как сейчас узнаем, спаслись и перешли в другие места.

Помпонию описание Афона весьма кратко и верно, кроме одной ошибки. У него город Клеонэ помещен не на своем месте. Известно, что Иродот, Фукидид и Страбон ставили его на самой горе этой; а Помпоний пометил его между Афоном и Паллинией.

Во дни этого географа, как видно из показаний его, на Афонском перешейке существовал город Аканфос, ограбленный римскими солдатами в 199 году до Р. Х., а по Ксерксову каналу проходили суда; на низменных местах Афона расположены были малые селения, *parvulae coloniae*, пеласгов; что касается до самой вершины этой горы, то на ней стояли жертвенники, у которых пепел, оставшийся после всеожжений животных, никогда не смывался дождем, потому что темя Афона выше облаков.

«Inter Strymona et Athon turris Calaruda et portus Carpuleon, urbs Acanthos et Oesyma. Inter Athon et Pallenem Cleonae et Olynthos.

Athos mons est adeo elatus, ut credatur altius, quam unde imbres cadunt, surgere. Capit opinio fidem, quia de aris, quas in vertice sustinet, non abluitur cinis, sed quo relinquitur, aggregere manet. Caeterum non promontorio, ut alii, verum totus est, totoque longo dorso procedit in pelagus, quo continenti adhaeret, a Xerxe in Graios tendente perfossus transnavigatusque et factus •[I 51]• freto navigabili pervius. Ima eius tenent parvae Pelasgorum coloniae.

In summo fuit oppidum Acroathon, in quo, ut ferunt, dimidio longior, quam in aliis terris aetas habitantium erat». Pompon. Mela. L. II.

**§ 28. О состоянии Афона
в третье двадцатипятилетие
того же века при римских
царях Нероне, Отоне, Вителлии,
Веспасиане**

Долговечные жители погибшего города Акроафоса одни перешли в Афонскую Аполлонию, а другие построили новый городок Афос в своем же околотке, только на другом месте, при Стримонском заливе. Вот тому доказательства. Плиний Старший, кончину которого относят к 79 году первого века христианского, в своем кратчайшем описании Афона сказал: «На выси этой горы был город Акроафон; теперь существуют городки: Уранополь, Палеориум, Фиссос, Клеонэ, Аполлония, жители которой прозываются долговечными, городок Кассера, Жерла перешейка, и Аканфос». Из этих слов ясно видно, что во дни этого писателя на Афоне уже не было города Акроафоса. Точно то же сказал и Помпоний Мела, которого Плиний Старший застал в живых. А так как, по словам Помпония, акроафонцы, жившие весьма высоко над уровнем моря и дышавшие самым чистым горным воздухом, были долговечны, по свидетельству же Плиния долговечными слыли и жители афоноприморской Аполлонии, то и оказывается, что эти последние были те же акроафонцы,

только переселившиеся сюда после гибели своей отчизны и еще слывшие долговечными по воспоминанию об их долгожизненных предках. Но в Аполлонию перешли не все жители злополучного Акроафоса, а только одна часть их меньшая: большая же построила себе новый город в своем же околотке и назвала его Афос, или Афоса. Этот городок помещал на Афоне географ Птоломей, живший во втором веке христианском, и помещал на краю этой горы. «Ἀθως, ἡ Ἀθωσα, ἄκρον καὶ πόλις». Но не при нем же он возник! Его разумел и Стефан Византийский, писатель пятого века христианского, •[152]• когда говорил: «Есть же и Афос город на Афоне» («ἔστι δὲ καὶ Ἀθως πόλις ἐπὶ τῷ Ἀθῳ»)*. Итак, по сличении всех этих топографических заметок оказывается, что Акроафос погиб, а возник другой городок Афос, о котором нет ни слова у Страбона, знавшего, однако, мыс Акроафосский, и возник немного ранее века Птолемея, именно в последние дни Помпония Мелы и Плиния Старшего, которые, впрочем, не успели наслышаться о постройке его, хотя и знали, что Акроафос исчез.

Где же находился новый городок Афос? По указанию Птолемея он находился на краю Афона**. А так как древние греческие географы под словом *край* — ἄκρον — разумели острый мыс, вдающийся в море, и так как Страбон, перечисливший мысы Эгейской пучи-

* Περί πόλεων. Amsterdam, 1578.

** См. карту на с. 121.

ны, именно, Канастрийский и Деррийский у Кассандрского полуострова, потом Нимфейский и Акроафосский у Афона, разумел самые крайние оконечности этих двух полуостровов, то и надобно Афос ставить на самом конечном краю Афона, да и тут на той стороне, которая обращена к заливу Стримонскому, потому что Страбон именно эту сторону Афона, этот мыс или край его назвал Акроафосским, не ставя, однако, тут никакого города, мыс же, противоположный ему и вдающийся в залив Сингитский, именовал Нимфейским*. На вершине этого второго мыса во дни этого географа стоял город Акроафос, но владел и первым мысом, который поэтому и назывался именем этого владельца. Акроафос погиб после Страбона. А название Акроафосского мыса уцелело. Его знал Птоломей. На этом мысе вскоре устроился новый городок Афос, известный Птоломею. О существовании его тут, близ Лавры св. Афанасия, свидетельствуют большие уцелевшие камни. Я не видал их, но слышал от лаврских монахов •[153]•, что они лежат в пустыре немного выше обители их, там, где устроен водопровод. Прошу путешественников осмотреть эти остатки городка Афос.

Плиний Старший, описывая Афон, упомянул об известных нам городках его Уранополе, Фиссе, Клеонах и Апол-

лонии, но ни слова не сказал о Санисе, Дионе, Стратонике и Олофиксе, которые существовали при нем и после него, а поименовал другие селища: Палеориум и Кассеру. Не берусь объяснять, почему он умолчал об этих городах, потому ли, что они в его время были незначительны, или потому, что он не нашел их в перипле, т.е. в описании берегов Афона, составленном каким-нибудь римским мореходом, или потому, что опустил их по краткости своей топографии, или пропустил их переписчик ее по неверности взгляда своего; не берусь объяснять это и спешу указать местности Палеориума и Кассеры. Палеориум Плиния должен быть тот Палеохорий, развалины которого я видел на берегу моря между монастырями Есфигменским и Ватопедским, близ пристани св. Феодора, и отметил на своей карте Афона. Посему в книге Плиния надобно читать Palaeochorium или думать, что Палеориум простые люди в последствии начали называть Палеохори*. Что касается до Кассеры, то о ней напоминает монастырек Кáццари, стоявший на Афонском перешейке недалеко от нынешнего селения Иериссо и принадлежавший Зографской обители**. Думаю, что это местечко находилось у середины Ксерксова канала, там, где на плане Афонского перешейка,

* «Εἶτα τὸ ἐν Παλλήνῃ Κανάστρον (ἄκρον), εἶτα Δέρρις. Νυμφαῖον ἐν τῷ Ἀθωνι πρὸς τῷ Σιγγιτικῷ, τὸ δὲ πρὸς τῷ Στρυμονικῷ Ἀκρόαθως ἄκρον, ὧν μῆταξὺ ὁ Ἀθων». Excerpta ex Strab. lib. VII, sub fine.

* В новом издании «Естественной истории» Плиния (ed. С. Mayhoff, 1892–1909) принято чтение Pal<a>ehorium [N.H. IV 37]. — П.К.

** Смотри деписания в Оправданиях истории сей обители.

составленном Шуазелем Гуфье, показаны развалины с подписью: «Tour antique ruiné».

Во время Плиния существовал канал Ксеркса. Этот писатель означил измерения как его, так и всей горы Афонской. По словам его, длина этого канал измерялась 1500 шагами, а сама гора эта вокруг 150 000 шагами. Измерение верное! А верность его доказывает, что римляне, владея Афоном, точно •[154]• вымеряли берега его и что Плиний, описывая перешеек этой горы, пользовался военным или почтовым периплом их.

«Fretum, quo montem Athon Xerxes rex Persarum continenti abscidit, in longitudine passuum MD. Mons ipse a planitie excurrit in mare LXXV millia passuum, ambitus radicis CL millia colligit. Oppidum in cacumine fuit Acroathon; nunc sunt Uranopolis, Palaeorium, Thyssus, Cleonae, Apollonia, cuius incolae macrobii cognominantur. Oppidum Cassera faucesque alterae isthmi, Acanthus, et caet.» Plinii Historia naturalis. Lib. IV, cap. 10, 17.

Итак, Афон в первый век христианский принадлежал ко второй части Македонии. Им владели римляне, точно измерившие берега его. На перешейке его находились местечки: Санис, Аканфос, Аполлония, Кассера, Уранополь и подле них канал Ксеркса и общая всем им торговая пристань Энеэ у острова Эмилиани, а на самой горе этой стояли городки: Палеохори, Дион, Фиссос, Клеонэ, Акроафос погибший, Афон возникший, Олофиксос и Стра-

тоники у Птоломея. Все они были малы («parvulae Pelasgorum coloniae», apud Pomponium). В них, кроме туземцев — висалтов, кристонов и идонов, — жили пеласты и эллины.

§ 29. О состоянии Афона во втором веке христианском при римских царях Траяне, Адриане, Антонине, Марке Аврелии и Коммодe (92–192 гг.)

Во втором веке нимало не изменилось ни религиозное, ни гражданское состояние Афона, только город Стратоники возобновлен был императором Адрианом (117–138 гг.) и назван Адриануполем*. Из известных писателей этого века упоминали •[155]• об Афоне: Ювенал, Плутарх, Марк Аврелий, Максим Тирский, Лукиан и Птоломей.

Ювенал (до 119 года) в десятой сатире своей назвал эту гору *опарусенною*, подразумевая плавание парусных судов вокруг ее через прорытый на ней канал Ксеркса:

... Creditur olim
Velificatus Atho, et quicquid Graecia mendax
Audet in historia.

* Stephan. Byzant. Sub voce Στρατονίκηα. Т. I, р. 388: «Στρατονίκηα πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας, κέκληται δὲ ἀπὸ Στρατονίκης τῆς Ἀντιόχου γυναίκος. ἐκτίσθη δὲ ὑπὸ Ἀδριανοῦ καὶ Ἀδριανοῦπολις ὠνομάσθη». — Думаю, что этот город, существовавший гораздо ранее Адриана, был поврежден или разрушен землетрясением, когда погиб Акроафос, и потом возобновлен Адрианом и потому назван Адриануполем.

Плутарх (около 125 года), как мы уже знаем, поместил в житии полководца Лисандра воспоминание о том, что афонские аканфяне во время Пелопоннесской войны в Дельфийском храме Аполлона посвятили этому богу часть добычи своей, взятой у афинян (§ 14).

Римский император Марк Аврелий Антонин, скончавшийся в 180 году 17 марта, знал Афон и сказал о нем красное словцо:

«Азия и Европа — углы мира; все море — капля мира; Афон — крупинка мира; все настоящее время — мгновение вечности». («Ἡ Ἀσία, ἡ Εὐρώπη, γωνίαι τοῦ κόσμου· πᾶν πέλαγος σταγὼν τοῦ κόσμου· Ἄθως βωλόριον τοῦ κόσμου· πᾶν τὸ ἐνεστὼς τοῦ χρόνου, στιγμή τοῦ αἰῶνος». Lib. VI. Cap. 36.)

Максим Тирский, живший в Риме в царствование Коммода (180–192 гг.), рассуждая о ласкательстве царедворцев, вспоминал, что следствием его было при персидском царе Ксерксе восстание Азии, бичевание моря, переход войск через Еллиспонт по мосту и перекоп Афона.

«Ἄν δὲ ἐπὶ τὰς μοναρχίας ἔλθης, κολακεύει καὶ Ξέρξην Μαρδόνιος βάρβαρος βάρβαρον, ἀνόητος ἀνόητον, δειλὸς οἰκέτης δεσπότην τρυφῶντα· τὰ δὲ κολακείας τέλη, ἀνίσταται ἡ Ἀσία, μαστιγοῦνται ἡ θάλαττα, Ἑλλήσποντος ζεύγνυται, Ἄθως ὁρύττεται». Dissertat. 20 [«Или же возьми монархов: вот, льстит Ксерксу Мардоний, варвар варвару, безумец безумцу, жалкий слуга

роскошествующему владыке; а в результате этой лести восстает Азия, бичуется море, перекрывается Геллеспонт, перекапывается Афон». Maximī Tyrii Philosophumena (Ed. H. Hobein. Leipzig, 1910), 14, 8a–b. — П.К.].

Лукиан (120–200 гг.), говоря о долговечности людей, поставил в пример и афонцев, которые доживали до 130 лет.

Luciani Μακρόβιοι, 5: «καὶ Ἀθῶντας δὲ μέχρι τριάκοντα καὶ ἑκατὸν ἐτῶν βιοῦν ἱστορεῖται». •[I 56]•

Роспись местностей и городов Македонии, составленная географом Птолемеем, доказывает, что Афон во дни его принадлежал к этой области и что на нем были города: Афос на соименном мысе, Стратоники на южной стороне этой горы у середины ее и Аканфос у Сингитского залива.

Жительница города Афоса Сервилия приготовила беломраморную гробницу мужу или родственнику своему Исиасату и тем, которые почилы прежде его, памяти ради, и иссеченной на ней надписью по обычаю своего времени объявила, что кто осмелится положить тут чужого, тот даст городу пеню в 2000 фоллов (мелких монет):

«Σερβιλία Ἰσιασάτῃ καὶ τοῖς προαποκειμένοις μνείας χάριν. Ὅσαν δὲ μετὰ τὸ ἀποτεθῆναι, ἕτερόν τις τολμήσῃ ἀποθέσθαι, δόσει πρόστιμον τῇ πόλει β φ.»

Эта гробница в виде длинного и глубоковатого ящика без всяких украшений снаружи и внутри теперь стоит

в одной складочной клетки Лавры св. Афанасия Афонского, построенной близ того места, где находился городок Афос. В этой клетки я видел ее и отподобил надпись ее. Хотя в этой надписи и нет названия этого городка, но надобно подразумевать его, потому что тут никогда не было никакого другого селища, кроме Афоса, указанного Птоломеем. Гробница, о которой идет речь, изготовлена была во время латино-римского владычества на Афоне во втором веке. Это доказывается, во-первых, латинским именем госпожи Сервиллии, *Servilia*, во-вторых, очертанием и видом иссеченных на нем букв **Α Μ Ε Γ**, которые встречаются на подобных памятниках времени римских царей Адриана и Антонинов*, и в-третьих, тем, что **•Π 57•** самый-то городок Афос возник и обстроился не ранее конца первого и начала второго века.

**§ 30. О состоянии Афона
в третьем веке христианском,
при римских царях Севере,
Каракалле, Илиогабале,
Александре Севере, Максимине,
Гордиане, Филиппе, Деции,
Клавдии, Аврелиане, Тацитте,
Пробе, Диоклитиане
(200–305 гг.)**

Писатели третьего века Элиан (218–230 гг.) и Юлий Солин Полигистор (230 г.) вспоминали, как на Афоне являлись белые голуби перед крушением флота персидского царя Дария, как Платон философ не хотел переселиться на оконечные мысы этой горы, хотя врачи и уверяли его, что он проживет там дольше, как Афон покрывает своею тенью торжище города Мирины на острове Лимнос. А историк Зосим рассказал то, что случилось на этой горе в царствование императора Клавдия (268 г.).

Тогда скифы, соединившись с ерулами, певками и готами и собравшись в окрестностях реки Тираса (Днестр), впадающей в Черное море, построили 6000 судов и посадили на них 320 000 воинов. Сперва они осадили города Томи и Маркианополь, но, быв отбиты, отправились через Дарданелльский пролив к Кизикю, а оттуда к Афону, где и починили суда свои, потом осадили города Кассандру и Солунь и взяли бы их с помощью разных машин своих, если бы верный слух о приближении армии императора Клавдия не понудил их удалиться сперва в Маке-

* «**Γ** utrum quadrum hac figura ante rem Romanam in marmoribus observetur, dubium est. In numismatibus Julii Caesaris **Σ** ita scriptum cernitur... in nummis et inscriptionibus Augusti aevo effectis binae aliae novatae deprehenduntur, videlicet **Γ** quadrum, ac frequentius **С** latinum... Ut ut vero sit, in vetustis, et ante rem Romanam certo insculptis Tabulis, neque **Γ**, neque **С** hactenus observavimus». Montfaucon. Palaeographia Graeca. Pag. 132 sqq.

донию, потом во Фракию. А тут они частью были разбиты, частью рассеялись, частью погибли от моровой язвы, из остальных же одни поселились в деревнях и стали обрабатывать землю, а другие поступили на службу в римские полки⁽¹¹⁹⁾.

Около этого же времени житель афонского города Дион, стоявшего на местности Ватопедского монастыря, Дионисий сын Дионисия, заживо изготовил мраморную гробницу себе и жене •[I 58]• своей Зосиме Иатроклеевой и матери своей и иссеченной на ней надписью объявил, что кто дерзнет положить тут чужой прах, тот внесет в главную таможенную 2000 фоллов:

«Διονύσιος Διονυσίου ζῶν ἑαυτῷ καὶ τῇ συνβίῳ αὐτοῦ Ζωσίμῃ Ἰατροκλέους καὶ τῇ μητρὶ αὐτοῦ ἱα κατεσκεύασεν· ὅσαν δὲ ἕτερον τολμήσῃ πτώμα ἀποθέσθαι, δώσει εἰς τὸ κυριακὸν ταμεῖον ,β φ.»

Эта гробница в виде длинного ящика теперь стоит в келарне, δοχεῖον, Ватопедского монастыря, где и я видел и отподобил ее. В ней держат деревянное масло. В иссеченной на ней надписи замечательна постановка букв **З**, **З**. Монфокон в своей «Палеографии» не представил ни одного образчика таких букв из каменорезной письменности времени царей македонских и императоров римских. Однако они, как видно, употреблялись в это время в Македонии и на Афоне. Редкая особенность их еще не дает повода усвоить глубочайшую древность надгробному памятнику, о котором идет речь, на-

против, заставляет предполагать в гражданине Дионисии только одну отменную любовь к старине, писавшей когда-то одну строку от правой руки к левой, а другую наоборот, по крайней мере на общественных памятниках: каковое письмо в строках называлось βυστροφῆδόν по сходству его с бороздами на ниве, которые производит вол, пашущий взад и вперед. Дионисий, велевший иссечь на гробнице две такие *вустрофидонные* буквы, жил в 268–280 годах по Рождестве Христовом. Это доказывает другая семейная гробница в том же Ватопеде и в той же келарне с надписью, в которой читаются имена дочери этого гражданина Дионисии Дионисиевны и мужа ее Германа, и поставлен в 351 год от Актийской победы Октавия Августа, соответствующий 321 году от Р. Х. Да если бы не было этого осязательного доказательства, то все остальные буквы на Дионисиевом памятнике, как то: **ΑΘ·ΜΟΓϜ**, иссеченные весьма отчетливо и правильно, сказали бы про себя, что они •[I 59]• современны каменорезным буквам, употреблявшимся даже в третьем веке*. Этот памятник, как и гробница Сервиллии, не представляет ни малейшего признака, по которому можно было бы гадать, что его изготовил христианин. На нем нет ни креста, ни другого

* Смотри у Монфокона в Palaeogr. Graec. P. 158. Tab. III. ◊ Rhomboica forma conspicitur in Tabulis Siculis Guatheri. Sed haec forma post rem Romanam inducta videtur. — Ϝ Haec forma utrum ante Romanum imperium usurpata fuerit, non ita perspectum habetur.

какого-либо условного знака христианского. Притом в нем находился прах трех сожженных тел, мужа, жены и матери: христиане же никогда не сжигали усопших, а хоронили их в земле, подражая погребению Христову. Все наружные стороны гробницы, кроме лицевой, исписанной, гладки и не имеют никаких украшений. Что касается до слов κυριακὸν ταμεῖον, то нельзя переводить их церковная таможня, как нельзя подразумевать Господнюю церковь в выражении дохристианских писателей κυρία ἐκκλησία, которое значит: торжественное общее собрание для решения дел. Известно, что христианская Церковь никогда не имела своих таможен. Дионисий разумел таможню главную, общую на Афоне. Свидетельство его о ней весьма важно для статистики Афона языческого.

§ 31. О состоянии Афона в начале четвертого века (305–325 гг.)

О событиях на этой горе в первое двадцатипятилетие четвертого века христианского нет никаких известий ни у современных, ни у позднейших писателей. Только в лексиконе Исихия, который жил в этом веке* и едва ли был христианин, замечено, что на Афоне водружена статуя Зевса, который поэтому называется Афонским:

«Ἀθῶρος· ὁ ἐπὶ τοῦ Ἀθῶ τοῦ ὄρους ἰδρυμένος ἀνδριάς, ὁ Ζεὺς» [Hesychii Lexicon, A, 1649]. •[160]•

Такая заметка, оставленная без всякой оговорки, заметка о настоящем, а не о былом, заставляет меня утверждать, что в первой половине четвертого века жители Афона еще поклонялись идолам.

Это же самое подтверждает и надпись на похоронном памятнике дионисского гражданина Германа, в которой, к величайшей радости моей, намечен год и месяц. Передаю эту надпись в подлиннике и в переводе и обставляю ее своими примечаниями.

«Γερμανὸς Ἡρακλᾶ Διονυσίου Διονυσίου τῇ συνβίῳ καὶ ἑαυτῷ ζῶν· εἰ δέ τις τολμήσει ἕτερος ἀνοῖξαι ἢ καταθέσθαι ἕτερον, δώσει προστεῖμον τῷ ταμεῖῳ, β. καὶ τῇ πόλει, β.

Ἐτους αὐτ' μηνὸς Πανήμου β.»

«Герман Иракла Дионисии Дионисиевне сожительнице своей и себе заживо (сделал эту гробницу). Когда же кто другой дерзнет открыть или положить чужого, тот даст пеню таможне в 2000 фоллов и городу в 2000.

Года 351, месяца Панимува*».

Беломраморная гробница Германа в виде длинного сундука с иссеченными на лицевой стороне ее прямолинейными рамками теперь находится в келарне Ватопедского монастыря и

* Современные ученые относят время жизни лексикографа Исихия к V или VI в. — П.К.

* Вернее, «месяца Панима 2 числа» (Πανήμου β'). — П.К.

наполнена деревянным маслом. На ней нет ни креста, ни иконы и вообще никакого знака христианского. Владелец ее содержал эллинскую веру многобожную и по уставу ее изготовил гробницу для праха своего и жены своей, какой останется по обрядовом всесожжении тел их. Не будь такого всесожжения, тогда гробница его не могла бы вместить двух тел, если бы он и жена его умерли вскоре друг после друга. (Тем менее могли бы вместить несколько тел гробницы Сервилии и Дионисия, назначенные для трех лиц и более: а для телесного праха места в них много в 17–18-вершковой глубине при 42–44-вершковой длине и 22-вершковой ширине гробницы.) Герман Иракла, как видится, •[161]• был зять известного нам Дионисия. Жена его в надписи по отцу названа Дионисиевна. Гробницы этих двух дионских граждан стояли вместе, найдены и перенесены в Ватопед вместе и теперь стоят вместе. Дионисий на своем похоронном памятнике употребил вустрофидонные буквы, а Герман на своем гробе вустрофидонным образом начертал год — αντ', так что надобно читать его от правой руки к левой. Судя по этим признакам, я полагаю, что Ватопед теперь хранит две семейные гробницы, изготовленные в конце века третьего и в начале четвертого. Герман поставил 351 год от Актийской победы Октавия Августа. Никакого другого летосчисления, кроме этого, разуместь тут нельзя — ни христианского, пото-

му что Герман, сожженный, а не погребенный по примеру Христа, был не христианин; ни городского, потому что неизвестно, имел ли свою эру афонский городок Дион, а счет годов от Актийской победы Октавия употреблялся в Римской империи, что известно всякому, знающему историю и хронологию. Германова гробница доказывает то же самое. Стало быть, и на Афоне получено было предписание римского Сената вести счет годов от сказанной победы Августа. Эта победа одержана была над Антонием за 30 лет до Рождества Христова. Вычтем их из 351, и мы получим 321 год христианский. В этом году Герман изготовил гробницу себе и жене своей. А так как он и она, и вся родня их, сожженные по смерти, содержали веру эллиномногобожную, значит, тогда в городе Дионе не было христианства или не все граждане приняли эту новую веру. Кроме 351/352 года на гробнице Германа выставлен месяц Панимув. Название его — македонское. Он соответствует маю месяцу римскому и нашему*.

Кроме гробниц Сервилии, Дионисия и Германа на Афоне я не видал других подобных памятников местных**.

* Македонский месяц Панем (Πάνημος) соответствует маю-июню. См. ниже, § 46 — П.К.

** Мраморная гробница какого-то Гимнасиарха, стоящая в келарне Есфигменова монастыря, привезена туда из окрестностей Афона, либо с острова Фаса, либо из Кассандры, или из другого места.

А эти •П 62]• гробницы сберегло все-разрушающее время, между прочим, и для того, чтобы мы твердо знали, что на Афоне были язычники в 321 году от Р. Х. в царствование Константина Великого. Идол Зевса упал с темени этой

горы и свет Христов озарил ее всю немало позже. Но об этом будет говорено после. А теперь время собрать свидетельства древних эллинских и латинских писателей о внутреннем быте жителей Афона языческого. •П 63]•

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ. БЫТ ЯЗЫЧЕСКИХ ЖИТЕЛЕЙ АФОНА

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О жителях сей горы и их наречиях и памятниках

§ 32. О наречиях, какими говорили древние жители Афона

Мы уже знаем, что первобытные жители Афона были висалты, кристоны, идоны и диктидии. Так как они в незапамятное время сошли туда с соседних гор Халкидикийского материка и из-за реки Стримон, где, по свидетельству Иродота и Фукидида, жили тезоименитые им племена, то и надобно считать их фракиянами, потому что за Стримоном начиналась Фракия. А если они принадлежали к многочисленнейшему народу фракийскому, что верно, то говорили языком его, например: *вриа* — город, *аргилос* — мышь, *пир* — огонь, *идор* — вода.

«Βρίαν τὴν πόλιν φασὶ Θράκες ὡς οὖν Σηλυμβρία ἢ τοῦ Σήλυος πόλις». Nicol. Damascen. Hist. L. V.

«Βρία κατὰ Θράκας ἡ πόλις». Stephan. Byzant. de urbibus. T. I. P. 375.

«Ἀργίλον τὸν μὲν καλοῦσι Θράκες οὗ ὁφθέντος, πόλιν κατὰ χρησμόν

ἔκτισαν, καὶ Ἀργίλον ὠνόμασαν». Heracl. Polit., с. 41.

К этим туземцам впоследствии присоединились халкидикийцы, а больше пеласги-тиррены, бежавшие из Афин. Те •П 64]• и другие пришельцы долго говорили двумя языками, своим родным и усвоенным эллино-фракийским. Посему-то Фукидид назвал их двуязычными, διγλωσσοι (L. IV, с. 109), а прежде его Иродот оповестил, что все вообще пеласги между собой говорили по-своему, а с греками по-эллиниски⁽¹²⁰⁾.

Родной язык пеласгов-тирренов был близок к языку еврейскому и финикийскому. Доказательством тому служат найденные в Италии памятники этрусков, тирренов и расенов с пеласгическими надписями, которые прочтены и объяснены при помощи еврейского языка*. Вот для образца несколько тиррено-этруских слов,

* Das Etruskische durch Erklärung von Inschriften und Namen als Semitische Sprache erwiesen, von I. Gustav Stickel. Leipzig, 1858. — П.К.: Ныне общепризнано, что этрусский язык не имеет родства с другими известными языками, а попытки его дешифровки на основе семитских языков, в т.ч. древнееврейского, несостоятельны.

сходных с еврейскими, взятых из этих надписей.

Письмена пеласгические читаются от правой руки к левой.

ἰ	ν	α	τ	α	ν	†	μ	α	ι	ν	α	ι	α
6	5	4	3	2	1								
ἰνι	ἑποσ.	ἑστα	за ба	бри									
и	мужь.	жена	не пришла	святить.									

Так говорили и афонские пеласги-тиррены. Неизвестно, долго ли они употребляли этот матерний язык свой после Фукидида (420 г.), который называл их еще двуязычными. Последующие за ним писатели ничего не сказали об этом предмете. Я думаю, что если аттические пеласги, современные Иродоту, забыли свой родной язык и говорили уже по-эллински, то афонские родичи их едва ли говорили по-своему после Пелопоннесской войны греков, которая потрясла Афон, хотя потомки их дожили до дней географа Помпония Мелы (43 г. по Р. Х.), который сказал, что они населяют низменные берега Афона, но ничего не промолвил об их наречии.

§ 33. О памятниках пеласгического зодчества и греко-римского ваяния на Афоне

Пеласги-тиррены были искусные зодчие и строители •[I 65]• каменных крытых зданий, которые назывались τύρ-
ῳεις, τύρσεις, turres, башни*. У них

работали так называемые циклопы, χειρουργάστερες, γαστερόχειρες, то есть холопы, содержащиеся трудами рук своих. На Афоне уцелели два памятника тиррено-пеласгического зодчества: это гробница Аканфоса под полом кладбищной церкви городка Иериссо, складенная из огромных тесаных камней без цемента и связей, так что верхние параллелепипеды сведены сводом, и соседний колодец, облицованный внутри большими камнями, из которого лишняя вода вытекает в море через подземельную трубу.

После многобожных эллинов поныне уцелели в афонских монастырях изваянные изображения богов и богинь их, одного царя и одного гражданина, именно: таинственное имя бога в сиянии на Андрониковой башне против острова Мульяни, и тут же образ Диоскуров; лев, пожирающий вола, как символ Аполлона, и стоящие птицы среди змей, как бы шепчущих им*, на беломраморных плитах, составляющих перистиль водосвятного фиала в афонской Лавре; голова Нирея в венце и титана Криоса на лицевой стороне паперти соборного храма в Ватопеде, и тут же поясной образ Венеры Епитимвии (надгробной); и образ Венеры-Урании на острове Мульяни, взятый г-ном Севастьяновым; образ Цереры в Ксиропотамском монастыре; зверек над дверью, ведущей в Милопотамскую

* Dionys. I. 26: Ἀπὸ τῶν ἐρουμάτων, ἃ πρῶτοι τῶν τῆδε οἰκούντων κατεσκευάσαντο τύρσεις γὰρ καὶ παρὰ Τυρρῶνοισι αἱ ἐντεῖχιοι καὶ στεγαναὶ οἰκῆσεις ὀνομάζονται ὥσπερ παρ' Ἑλλήσιν.

* Такие же птицы с шепчущими змиями нарисованы в Киево-Софийском соборе у лестницы, ведущей на хоры.

келью; барельеф, представляющий македонского царя Кассандра верхом на коне с идущим за ним человеком в короткой рубаше, на восточной ограде Хиландарской обители, голова статуи дионского гражданина и несколько саркофагов. Все эти изваяния срисованы и будут помещены в моем «Живописном обозрении Афона». •[I 66]•

§ 34. О долговечности жителей Афона. Об уединении философов на этой горе и тамошних писателях

Жители Афона были долговечны отчасти и потому, что питались змеиным мясом. Это засвидетельствовано многими древними писателями, эллинскими и латинскими⁽¹²¹⁾. Древние греческие врачи признавали Афон самым здоровым местом. Некоторые из них советовали философу Платону жить там, но он не послушал их и остался в своей нездоровой Академии⁽¹²²⁾. Другие же философы любили уединяться на этой горе⁽¹²³⁾. В тамошних городах Олофиксе и Аканфосе были писатели. В первом гражданин Иродот сочинил книги о нимфах и о священных обрядах⁽¹²⁴⁾, а во втором Никомид писал о царях македонских и об Орфее⁽¹²⁵⁾. Их сочинения утрачены. Неизвестно время жизни одного Иродота, а Никомид существовал после македонского царя Пердикки II, который, по словам его, самодерживал 41 год (с 454 по 413 год до Рождества Христова).

**ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
О почитании богов и богинь на Афоне**

**§ 35. О божествах пеласгов.
О Зевсе на темени Афона.
О нимфах и Аполлоне
в Акроафосе, Афосе и Аканфосе**

Афонские пеласги-тиррены и прочие сожители их были многобожники. Они почитали, кроме Зевса и Аполлона, Димитру, Персефону, Ад и Меркурия, который у них назывался Кадмом, Кадмилом, Касмиллом⁽¹²⁶⁾.

На темени Афона стояла статуя Зевса, который назывался Ἀθῶς и от которого вся эта гора, еще во время Троянской войны, почиталась высотой этого божества⁽¹²⁷⁾.

В тамошнем городе Акроафосе было капище, посвященное неизвестно какому богу. Около 196 года до Р. Х. возобновил •[I 67]• его александрийский купец Дорофей Мирмиков на свой счет с добавкой из городской казны и за то акроафонцами признан был потомственным консулом, как это видно из надписи, уцелевшей на тамошнем месте. Близ этого города отвесно-скалистый мыс назывался Нимфейским (Strab.) — вероятно, от нимф, которых почитали вообще все эллины. Если эта догадка моя верна, то надобно полагать, что акроафонцы строили алтари и в честь нимф. В 1845 году я слышал там от керасийского отшельника Неофита, что древние жители Афона будто бы держали тут девиц и приносили в жертву богам своим и что будто

по этой причине мыс назван был Нимфейским. Возможное и бывалое суевие!

После гибели Акроафоса возник городок Афос. Жители его почитали Аполлона. Доказательством тому служит беломраморная плита, древнейшая, с изваянным на ней изображением этого божества в виде льва, пожирающего вола, вставленная в низ колоннадной водосвятной ротонды в Лавре св. Афанасия Афонского. Этот памятник почитания Аполлона перенесен был сюда из развалин соседнего Афоса.

Аполлону воздавалось божеское почитание и в городе Аканфосе. Это доказывают монеты его, на которых это божество вычеканено в виде льва, пожирающего вола у скалистой пещеры. Притом известно, что аканфяне пожертвовали в Дельфийский храм Аполлона всю добычу, какую они взяли у афинян с помощью лакедемонского полководца Врасида.

§ 36. О почитании Диоскуров и Вакха в городе Санисе

Соседи аканфян в городе Санисе почитали Диоскуров, или Кастора и Полидевка, или Алкона и Мелампа, выпуклые изображения которых на белом мраморе вмазаны лицами в стену Андрониковой башни, построенной на местности этого города.

У самого входа в дворик этой башни в каменную ограду вставлена беломраморная дощечка с таинственным изваянием •[П 68]• на ней.

так вставлена.

Трудно разгадать это изваяние. Видно, что это не змий и не якорь, а что-то окруженное тройным сиянием, как бы всевидящее око, как бы однопочерковое слово $\Theta\epsilon\Omega$ — Богу. Принимая в соображение это сияние и припоминая таинственную надпись в Дельфийском храме Аполлона, я полагаю, что тут изваяно имя божества *по подражанию оной надписи*. Значение этого символического знака весьма важно. Объясняю его, как предмет, относящийся к истории Афона, предварительно поговорив о начале Дельфийского прорицалища, о судьбе тамошнего храма и о находившейся в нем надписи — $\epsilon\iota$.

В местечке Греции, называемом Дельфы (ныне Кастри) гораздо более 1500 лет до Рождества Христова пастухи со стадами случайно подошли к расселине земли и заметили, что скот их тут начал прыгать и кружиться, как бешеный. Не постигая причины тому, они рассказали своим хозяевам, что случилось с ними. Тогда все окрестные жители пошли смотреть расселину и сами испытали то же, что и стада их: некоторые из них в исступлении говорили вещие слова, другие падали в обморок, а иные умерли. Оказалось, что из расселины выходило зловредное испарение. Вскоре тут устроено было Аполлоново прорицалище в виде небольшого храма, в

котором над самым устьем расселины поставлен был треножник для того, чтобы на него садилась женщина и в иступлении от этого испарения прорицала бы, что взбредет ей на ум, всякому желающему знать будущее. Подле этого храма у Кастальского родника здоровой воды росло дерево Дафна. Эту воду пила, а листья этого дерева жевала измученная испарением прорицательница, так называемая Пифия. Когда она сидела на треножнике и в •[169]• болезненном иступлении произносила несвязные слова, тогда жрецы записывали их и потом, соединяя их и дополняя смысл своими догадками, составляли полное прорицание, *χορημίον*, стихами, а впоследствии прозой и отдавали его тому, кто вопрошал Пифию, наперед записав вещи слова ее в храмовой книге. Молва об этом дивном прорицалище распространилась по всему миру. Весьма многие люди, которых, как говорил Лукиан, *ἐν τῷ ψευδομάντει*, мучили страх и надежда, приходили туда сами или присылали поверенных своих узнать будущность, вполне веря в правдивость Аполлонова прорицалища. А умнейшие мужи, и особенно стоические философы, осмеивали это, поговаривая про Пифию:

«Sive canit fatum, sive quod jubet ipse canendo Fit fatum».

«Она прорицает судьбу, или прорицаньем велит Быть судьбе».

«Πυθία φιλιππίζει». «Пифия ворожит Филиппу (царю македонскому)».

Такие насмешники составляли самое малое меньшинство между язычника-

ми, а большинство их от души верило всему, что скажет Пифия, и обогащало Дельфийский храм несметными сокровищами, которые расхищаемы были многократно*. Когда некоторые изуверы в первый раз сожгли этот храм, тогда, как гласит басня, слетелись пчелы и слепили новое святилище из воску и украсили его пушком перьев своих. (Понятно, кто эти пчелы и какой это пушок: это поклонники и их вклады.) Потом построен был новый храм и весь обложен медью. Но он сгорел около 1451 года до Р. Х. и вскоре был •[170]• возобновлен. Наконец, незадолго до Троянской войны Трофоний и Агамид выстроили его из тесаных камней. А Амфикионы в 513 году перестроили с оснований по плану зодчего Спинфира, обложив фасад его паросским мрамором, а остальные стены сложив из камня пори (род мягкого мрамора с синими крапинками). Этот, уже пятый, храм стоял невредим до воцарения Юлиана богооступника (360–363 гг.), но во дни его разрушен был землетрясением. Тогда оракул в последний раз проговорил:

«Εἴπατε τῷ βασιλῇ· χαμαὶ πέσε δαίδαλος αὐλή».

* Первый похититель их был сын евбейского царя Крия, второй — Данай за 1510 лет до Р. Х., третий — Филас, царь дриопов, четвертый — Флегий, царь алпифов, который сжег и сам храм около 1451 года, пятый — сын Ахиллеса Пирр около 1184 года. Потом в 605 году ограбили это святилище соседние криссеи, после них — фокейцы в 365 году, после этих — галаты дважды, в 279 и 114 годах, наконец, фракияне в 84 году до Рождества Христова. Они же сожгли и весь храм.

Οὐκ ἔτι Φοῖβος ἔχει καλύβαν, οὐ μάντιδα
Δάφνην,
Οὐ παγὰν λαλέουσιν. ἀπέσβετο καὶ
καλὸν ὕδωρ».

«Скажите этому царю: упал Дедалов
двор.
У Феба нет ни клетки, ни вещей Дафны.
Пророчица молчит. Целебная вода ис-
сякла».

Наконец, в 379/85 году всем ораку-
лам велено было молчать по указу
христианского государя Феодосия Ве-
ликого (Lib. IX de Paganis).

В Дельфийском храме, построенном
в пятый раз, выставлены были дощеч-
ки с начертанными на них краткими и
назидательными изречениями древ-
них мудрецов, например: ΓΝΩΘΙ
ΣΑΥΤΟΝ — *познай себя самого*; ΜΗΔΕΝ
ΑΓΑΝ — *ничего много* (не желай, не
требуй и пр.); ΘΕΩ ΝΡΑ — *Богу любовь*.
Между этими изречениями первое и
главное, προεδρένον, было ΕΙ. Его
видел знаменитый эллинский писа-
тель Плутарх около 125 года по Рожде-
стве Христовом*. По словам его, оно
помещено было на трех *обетных* скри-
жалях, из которых первая, золотая,
прислана была в храм супругой Цеза-
ря [Августа] Ливией, вторая, медная,
подарена афинянами, а третья, дере-
вянная, поставлена мудрецами. •|| 71|•

«Οἱ Δελφοὶ τὴν κοινὴν καὶ περι-
γηγτικὴν δόξαν εἰς τὸ μέσον προῆγον,
οὔτε τὴν ὄψιν ἀξιοῦντες, οὔτε τὸν
φθόγον, ἀλλὰ τοῦνομα μόνον τοῦ
γράμματος ἔχειν τι σύμβολον. ἔστι γὰρ,

ὡς ὑπολαμβάνουσι Δελφοί, καὶ τε
προηγοῶν ἔλεγε Νικάνδρος ὁ ἱερεὺς,
ὄχημα καὶ μορφή τῆς πρὸς τὸν θεὸν
ἐντεύξεως».

«Сами дельфийцы (предлагая об-
щее изъяснение надписи ΕΙ) не обра-
щали внимания ни на вид, ни на про-
изношение ее голосом, а считали ее
только намеком на содержащееся в
ней имя и уверяли, что она, по их мне-
нию и по толкованию иерея их Никанд-
ра, есть только повод и знак к молитве
пред богом».

Плутарх не удовольствовался таким
истолкованием ее и, перечислив раз-
ные догадки и мнения о ней ученых
мужей*, признал их неосновательны-
ми и предложил свое толкование,
которое я и передаю здесь его же сло-
вами.

«... οὔτε ἀριθμόν, οὔτε τάξιν, οὔτε
ἄλλο τῶν ἐλλειπῶν μορίων οὐδὲν οἶμαι
τὸ γράμμα σημαίνειν· ἀλλ’ ἔστιν
αὐτοτελὴς τοῦ θεοῦ προσαγόρευσις καὶ
προσφώνησις ἅμα τῷ ῥήματι τὸν
φθεγγόμενον εἰς ἔννοιαν καθιστῶσα

* Πλουτάρχου τὰ ἠθικά. Т. II. Pars II. Περί τοῦ
ΕΙ ἐν Δελφοῖς. Oxonii, 1796. Pag. 575–614.

* Будто ΕΙ есть не что иное, как буквенная
цифра 5, напоминающая 5 греческих мудрецов:
Солона, Вианта, Хилона, Фалеса и Питтака; или
вторая главная буква, означающая солнце —
Аполлона, как вторую после луны планету
(однако древние греки считали солнце четвер-
той планетой); или грамматический союз εἰ, по-
нашему *ли*, дающий поклонникам повод спра-
шивать Аполлона, εἰ νικώσουσιν — *победят ли*
они, εἰ γαμήσουσιν — *жениться ли* им, εἰ
συμφέρει πλεῖν — *плавать ли* по морю; будто
этим выражалось молитвенное желание их
ΕΙΘΕ, по-нашему: «о, если бы!»; будто тут ариф-
метическое число Ε (5) посвящено богу, как
начаток арифметических выкладок.

τῆς τοῦ θεοῦ δυνάμεως. Ὁ μὲν γὰρ θεὸς ἕκαστον ἡμῶν ἐνταῦθα προσιόντα οἶον ἀσπαζόμενος προσαγορεύει τὸ ὕμῳ σαυτόν· ... ἡμεῖς δὲ πάλιν ἀμειβόμενοι τὸν θεόν, 'εἰ' φαμέν, ὡς ἀληθῆ καὶ ἀφευδῆ καὶ μόνην μόνῳ προσήκουσαν τὴν τοῦ προσαγόρευσιν ἀποδιδόντες. Ἡμῖν γὰρ ὄντος τοῦ εἶναι μέτεστιν οὐδέν, ἀλλὰ πᾶσα θνητὴ φύσις ἐν μέσῳ γενέσεως καὶ φθορᾶς γενομένη, φάσμα παρέχει καὶ δόκησιν ἀμυδρὰν καὶ ἀβέβαιον αὐτῆς. ...

Ἀλλ' ἔστιν ὁ θεός, χρὴ φάναι, καὶ ἔστι κατ' οὐδένα χρόνον, ἀλλὰ κατὰ τὸν αἰῶνα τὸν ἀκίνητον καὶ ἄχρονον, καὶ οὐ πρότερον οὐδὲν ἔστιν, οὐδὲ ὕστερον, οὐδὲ πρεσβύτερον, οὐδὲ νεώτερον. Ἀλλ' εἰς ὧν ἐνὶ τῷ νῦν τὸ αἰετὴ πεπλήρωκε, καὶ μόνον ἔστι τὸ κατὰ τοῦτον ὄντος ὄν, οὐ γεγονός, οὐδ' ἐσόμενον, οὐδ' ἀρξάμενον, οὐδ' παυσόμενον. οὕτως οὖν αὐτὸ δεῖ σεβομένους ἀσπάζεσθαι καὶ προσαγορεύειν, ὡς ἔνιοι τῶν παλαιῶν· 'εἰ ἔν'. Οὐ γὰρ πολλὰ τὸ θεῖον ἔστιν... ὅθεν εὖ καὶ τὸ πρῶτον ἔχει τῷ θεῷ τῶν ὀνομάτων καὶ τὸ δεύτερον καὶ τὸ τρίτον. Ἀπόλλων μὲν γὰρ οἶον ἀρνούμενος τὰ πολλὰ, καὶ τὸ πλῆθος ἀποφάσκων ἔστιν· Ἰήτος [scil. Ἰήϊος] δὲ ὡς εἰς καὶ μόνος· Φοῖβον δὲ δήπου τὸ καθαρὸν καὶ ἀγνὸν οἱ παλαιοὶ πᾶν ὠνόμαζον».

«[EI] не означает ни числа (5 мудрецов или 5 в арифметике), ни порядка (гласных букв и планет), ни других кратких частей речи, но есть *самое личное проименование бога и возглас*, возбуждающий в том, кто произносит его речью, мысль о бытии божием. Так как

бог каждого из нас, входящего в сей храм, оглашает приветно: *ПОЗНАЙ СЕБЯ САМОГО*, то и мы взаимно говорим ему: *ЕСИ*, и таким говором выражаем истинную и ему одному приличествующую •[172]• самобытность. Ибо в нас нет основного бытия, напротив, всякая смертная тварь, движущаяся в середине между рождением и смертью, походит на неясную тень, или пустой призрак...

А бог существует, и существует не временно, но вечно, неподвижно и неизменно, так что ничего нет ни прежде, ни после его, ни старше, ни моложе его. Он един сущий в единичном настоящем бытии своем содержит бытие всегдашнее и один есть существо действительное, не созданное, не такое, которое когда-то будет, не начинающееся и не перестающее быть. Посему и почитающим его надлежит просто говорить ему так, как говорили некоторые из древних: ты ЕСИ ЕДИНО. Ибо множественности нет в бже... Посему нет ее и в трех названиях, какие мы даем ему. Ибо (1) название *Аполлон* значит: не наполнен чем-либо многим и множественности не имеет, (2) *Иитос** значит: ЕДИН единственный, а (3) под *Фебom* древние разумели сущность всего простую и чистую».

Всякий, прочитав это толкование Плутарха, скажет, что оно придумано хорошо и порадует тому, что язычники признавали Единого Бога и,

* Точнее, Иийос (ιῆϊος), один из эпитетов Аполлона. — П.К.

вошедши в храм, разумно отвечали на заповедь Его, *познай себя самого*, отвечали как бы так: мы знаем •[П 73]• себя, знаем, что мы призрак, тень, тление и прах, знаем это и исповедуем, что Ты Един Еси, Существо существ, вечное и неизменное. Такое толкование признавал близким к истине знакомый мне учнейший грек Стефан Карафеодори, который написал и напечатал основательное рассуждение о дельфийской надписи «ЕΙ»*. Однако он не удовлетворился им и, как сейчас узнаем, предложил свое объяснение ее, более близкое к истине. Плутарх не удовлетворил и моей любознательности. Во-первых, он не сказал про надпись эту, была ли она окружена сиянием или каким-нибудь узором, была ли помещена в очерке треугольника, квадрата, пирамиды или виднелась одна-одинехонька на гладкой дощечке. Во-вторых, он не объяснил, как она начертана была: так ли, как сохранилась в поздних списках с сочинения его и как я написал ее выше, или вот так: **ΕΙ**, **Ϝ**, или так: **Ν**, **Ϻ**, по старинному правописанию древнейших греков, которые, получив азбуку от финикиян, писали от правой руки к левой буквами, не похожими на нынешние греческие. В-третьих, дельфийцы ничего не говорили Плутарху о связи той надписи с заповедью *познай себя* и уверяли его, что она есть только повод и знак к

молитве, есть некий символ или намек на имя Божие, которого они не произносят голосом. А он хотя и не отрицал, что тут скрывается наименование Бога, но не произнес его, а только уяснил значение его, СЫЙ, ловко приискав в своем языке глагол «Εἶ», по нашему «ЕСИ», соответствующий надписи по виду и по смыслу, дабы связать ее с помянутой заповедью. Но он был не вправе ни заменять имени *существительного глаголом*, ни сопоставлять его в связи с повелением *познай себя*, потому что этого не делали дельфийские жрецы. Следовательно, толкование его не очень точно, однако близко к истине, как это узнаем сейчас. Карафеодори предложил два изъяснения надписи ΕΙ •[П 74]•, находившейся, по сказанию Плутарха, только в одном Дельфийском храме. Передаю их. 1) «Если кто, любя толкования, занятые из эллинского языка, скажет, что в ΕΙ под первой буквой можно разуместь местоимение Ἐαυτός = Сам, Ἐγώ = Я, а под второй эллинское слово Ἕως = Един и что эта надпись гласит САМ ЕДИН, то такое толкование, богоприличное и здравомысленное, будет достойно древних мудрецов, которые эту надпись употребили как необходимое и спасительное врачевство от распространявшейся тогда болезни многобожия. 2) Но я полагаю, что в ней скрывается имя истинного Бога и, читая ее от правой руки к левой, вижу в ней еврейское имя **יהוה** = **IE^xUA** (Иегова)». Таково мнение

* Περί τοῦ ἐν Δελφοῖς ΕΙ, ὑπὸ Στεφάνου Καραθεοδωρῆ ἱατροῦ. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1847.

г-на Карафеодори. Оно доказано основательно. Я усвою его и указываю те основания, на которых оно построено, расширив их своими прибавлениями.

Во-первых, древнейшие греки писали от правой руки к левой. Павзаний (Lib. V) видел надпись Агамемнона, начертанную справа налево: «γέγραπται δὲ καὶ τοῦτο ἐπὶ τὰ λαὶὰ ἐκ δεξιῶν». Этот же писатель упоминал о вустрофидонном способе писания греков, по которому они под левым концом первой строки начинали вторую строку, как бы совершая коловратное ристалище: «ἀπὸ τοῦ πέρατος τοῦ ἔπους ἐπιστρέφει τῶν ἐπῶν τὸ δεύτερον, ὥσπερ ἐν διαύλου δρόμῳ». А ежели у греков в древности употреблялось обратное писание от правой руки к левой, то мы вправе читать древнейшую дельфийскую надпись справа налево: ΕΙ — ΙΕ^x. Во-вторых, дельфийские жрецы уверяли поклонников, что в этой надписи важно не очертание и не произношение ее голосом, а то, что содержит в себе имя Божие и служит поводом к молитве. Зов, именование Бога, προσαγόρευσιν θεοῦ, проразумевал в ней и Плутарх и уяснил значение его, ловко приискав в греческом языке глагол εἶ, который по виду и по смыслу соответствовал надписи. Итак, и мы должны проразумевать в ней имя Божие. В-третьих, греческий философ Платон, рассуждая ἐν Κρατύλῳ [в «Кратиле»] о значениях названий вещей •Π 75• и богов, говорил, что эллины, живя под властью варваров, заняли от них многие

названия*. То же сказали и другие греческие писатели. По уверению Иродота (L. II. Сар. 50–52), названия богов, употреблявшиеся в Греции, были по большей части египетские, а некоторые — пеласгические, за исключением имени Плутон, занятого от ливиян. Павзаний (L. IX, 12, 2) утверждал, что Кадм Финикиянин, устроив Афине алтарь и поставив ей статую под открытым небом, прозвал ее Ὀυκα, и что это прозвание финикийское, а не эллинское. То же сказал и Стефан Византиец (De urbibus). А Ὀυκα, по-финикийски 𐤒𐤓𐤏 анука, значит *возвышенная*. Уважая такие свидетельства таких писателей, как Иродот, Платон, Павзаний, новейшие составители греческой мифологии, например Ринк, правильно изъясняли многие имена греческих божеств с помощью языка семитического, которым говорили наставники греков в вере: пеласги, финикияне, евреи. Вот образчики такого изъяснения их. Имя бога Διόνυσος, которое Платон объяснял увертливо**, есть огреченное семитическое речение 𐤠𐤍𐤏𐤍 די-эно^{III}/, *Господь людей*, а мудреное проименование

* «Ἐννοῶ, ὅτι πολλὰ οἱ Ἕλληνες ὀνόματα ἄλλως τε καὶ οἱ ὑπὸ τοῖς βαρβάροις οἰκοῦντες, παρὰ τῶν βαρβάρων εἰλήφασιν». Плат. Κρατύλος. [409e]

** Πλάτων. Κρατύλος [406bc]: «Τί δὲ ὁ Διόνυσος; Μεγάλα ἐρωτᾷς. ἀλλὰ ἔστι γὰρ καὶ σπουδαῖως εἰρημένος ὁ τρόπος τῶν ὀνομάτων τούτῳ τῷ θεῷ καὶ παιδικῶς τὸν μὲν οὖν σπουδαῖον ἄλλους τινὰς ἐρώτα, τὸν δὲ παιδικὸν οὐδὲν κωλύει διελθεῖν φιλοπαίσιμονες γὰρ καὶ οἱ θεοί, ὃ τε γὰρ Διόνυσον εἶη ἂν ὁ διδοὺς τὸν οἶνον...» к. т. л.

этого бога Εἰραφιώτης, подавшее повод греческим лексикографам к самым нелепым словопроизводствам*, составлено из двух семитических слов פֶּן и רפא и значит *бог здравия*. Змий, убитый Дельфийским Аполлоном, назывался Пифон. Это негреческое название занято из семитического языка, в котором פֶּן *пифен* значит змий, дракон**. Само имя Аполлон, по-дорийски •[176]• Ἀπέλλων***, которое Плутарх в своем изъяснении дельфийской надписи толковал так, что этот бог независим от всего, превышает все и сосредоточен в своей единичности, это имя с таким значением есть семитическое речение עֶלְיֹן אֲבֹלֶה *аболье* ливон, отец всевышний. В проименовании этого божества, ἄβελιος, слышится это же самое семитическое речение. — Довольно и этих примеров. Они, в связи с вышеприведенными свидетельствами Иродота, Платона и Павзания, доказывают, что у греков названия многих божеств были иностранные. А ежели так, то мы вправе считать не греческим и то имя бога, которое крылось в дельфийской надписи. Это имя есть еврейское ІЕ^x.

А происхождение его от евреев и появление в Дельфийском храме объясняется исторически. Из первой книги Маккавейской, гл. 12, 21, видно, что в Лакедемонии, где находятся

Дельфы*, некогда поселились евреи и сделались господствующим племенем, так что Маккавеи заискивали у них помощи, как у старых братьев своих. Если же это верно, то верно и то, что эти давние выходцы из Палестины и образователи спартанских греков, известные под еврейским именем לַקַּדְמוֹנִים *лакадмоним*, Λακεδαίμονες = *восточные*, или *древние люди*, в начале своего поселения между ними научили их почитать единого истинного Бога под именем ІЕ^x, которое и перешло в Дельфийский храм. Эти евреи-лакадмонимы породнились с туземцами и со временем переродились и забыли еврейский язык, как забыли свое родное наречие обитавшие в Греции финикияне и пеласги, но сообщенное от них имя Бога ІЕ^x, имя известное еще родоначальникам еврейского народа, осталось в Дельфийском храме. А так как евреи до плена Вавилонского или, точнее, до Ездры писали буквами самаританскими, подобными финикийским**; •[177]•

* Дельфы расположены в Фокиде (к северу от Коринфского залива), а не в Лакедемонии (область Спарты на юго-востоке Пелопоннеса). — П.К.

** Origen. in Collect. Hexapl. de tetragrammo sive nomine Dei פֶּן: «ἐν τοῖς ἀκριβεῖσι τῶν ἀντιγράφων Ἑβραϊκοῖς ἀρχαίοις γράμμασι γέγραπται, ἀλλ' οὐχὶ τοῖς νῦν. Φασὶ γὰρ τὸν Ἑσδραν ἐτέροις χρῆσασθαι μετὰ τὴν αἰχμαλωσίαν». — Id ipsum liquidius docet Hieronymus praefatione in libros Regum: «Samaritani, inquit, Pentateuchum Mosis totidem litteris scripserunt, figuris tantum et apicibus discrepantes. Certumque est Esdras scribam legisque doctorem, post captam Ierosolymam et instauracionem templi sub Zorobabel, alias litteras reperisse, quibus nunc utimur: cum ad illud usque tempus iidem Samaritanorum et Hebraeorum characteres fuerint».

* Εὐστάθιος παρὰ Διονυσίῳ τῷ Περιγητῇ, στίχ. 1153: «ἐκ τοῦ ἐρῶσθαι ἐν τῷ μηρῷ τοῦ Διός, ἢ καὶ παρὰ τοῦ Εἰρᾶ φάινειν, ὡς τοῦ οἴνου αἰτίας γινόμενον διενέξων».

** Псалом Давида 90, 13: עַל שְׁחַל וְפֶתַח תְּרִירָה

*** Eustath. ad Iliad. β', 99.

то оное имя начертано было в Дельфийском храме именно этими буквами, а не другими какими-либо, и начертано по древнейшему обычаю, однопочерком вот в таком виде: **N**, или в таком: **Λ**, так что в этой букве, называемой *иод*, заключалась вместе и буква *хет*, лишенная нижнего зубца и немного наклоненная книзу, дабы образовалась монограмма. А в виде не монограммы оное имя писалось бы так: **ЭН** или так: **ЭН, ЭΛ**. Образчики древнейших однопочерковых надписей, читаемых справа налево, известны палеографам. Вот два из них для примера: **Ε** ἐρεσίων, **Κ** ἀργείων. — Здесь кстати пояснить, каким образом первоначальная дельфийская надпись **N**, **Λ** изменилась в позднюю **ΕΙ**, которую видел и отподобил Плутарх. Известно, что греки в первый раз получили азбуку от финикийян за 1500 лет до Рождества Христова и писали так называемыми у них кадмовыми буквами. Это поведал Иродот за 450 лет до Христа, говоря (in Terpsich., cap. 58): «οἱ δὲ Φοίνικες οὗτοι, οἱ σὺν Κάδμῳ ἀπικόμενοι, ἄλλα τε πολλὰ ἐσήγαγον διδασκαλία ἐς τοὺς Ἑλληνας· καὶ δὴ καὶ γράμματα οὐκ ἔοντα πρὶν Ἑλλήσιν, ὥς ἐμοὶ δοκέει». Да и сам он видел кадмовы письмена в фиво-виотийском храме Аполлона Исменийского: «ἴδον δὲ καὶ αὐτὸς Καδμήϊα γράμματα ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ Ἰσμηνίου ἐν Θήβῃσι τῇσι Βοιωτῶν, ἐπὶ τρίποσι τισὶ ἐγκεκολλημένα, τὰ πολλὰ ὅμοια ἔοντα τοῖσι Ἰωνικοῖσι». (Ibidem.) Но этот же

отец истории примолвил, что впоследствии ионийцы, потомки пеласгов, немного изменили финикийские буквы (in Terpsich., с. 58): «πρῶτα μὲν τοῖς καὶ ἅπαντες χρέωνται Φοίνικες· μετὰ δὲ χρόνου προβαίνοντος, ἅμα τῇ φωνῇ μετέβαλον καὶ τὸν ῥυθμὸν τῶν γραμμάτων περιοίκεον δὲ σφέας τὰ πολλὰ τῶν χώρων τοῦτον τὸν χρόνον Ἑλλήνων Ἴωνες. οἱ παραλαβόντες διδασχὴ παρὰ τῶν Φοινίκων τὰ γράμματα, μεταρρῥυθμίσαντες σφέων ὀλίγα, ἐχρέωντο· χρεώμενοι δὲ ἐφάτισαν, ὥσπερ καὶ τὸ δίκαιον ἔφερε, ἐσαγαγόντων •[Π 78]• Φοινίκων εἰς τὴν Ἑλλάδα, φοινικῆϊα κεκληθῆναι». А ионийская азбука известна каждому, кто знаком с палеографией. В этой азбуке финикийский *хет* **Э**, он же и самаританский, поверочен слева направо, вот так: **Ε**, а *иод* **N**, **Λ** обсечен и выпрямлен так, что осталась прямая ионийская *йота*, **Ι**. Таким образом дельфийская надпись **N** изменилась в **ΕΙ**, но читалась справа налево и произносилась **ΙΕ^x** или **ΙΑ^x**, потому что греки, не имея придыхательной буквы *хет*, заменяли ее в семитических словах буквами **Ε** и **ΙΑ**: так, например, имя праматери рода человеческого **ΠΠ** они писали **ΕΥΑ**, **ΠΙΠΛΗ** — **ΑΛΛΗΛΟΥΙΑ**.

Мне возразят: греческий народ во время Плутарха верил, что деревянная дощечка с надписью **ΕΙ** прислана была в Дельфийский храм мудрецами греческими, почему же эти мудрецы решились бы начертить тут еврейское имя бога **ΙΕ^x**, тогда как сроднее было написать глагол **ΕΙ** в смысле Плутарха?

Отвечаю. Все народные поверья сообщают только часть истины, а не всю ее сполна и точно. Так и в этом поверье греков истинно только то, что дельфийская надпись составлена была мудрецами, но неверно то, что эти мудрецы были греки и что они прислали дощечку в сказанный храм Аполлона. Этот храм перестроен был весь с оснований в последний раз в 513 году до Р. Х. А все пять мудрецов Греции жили и скончались прежде этого события: Солон умер в 559 году, Хилон немного позже, Фалес в 545, прочие около того же времени до 530 года. Итак, они не могли прислать дощечки в капище, выстроенное по смерти их. А если бы кто сказал мне, что они прислали ее в старый храм и что оттуда уже Аполлоновы жрецы перенесли ее в новосозданное святилище, того я пригласил бы указать мне греческого писателя, который оправдал бы такую сказку, и после невозможности этого указания попросил бы вспомнить, что дельфийские жрецы ничего не говорили Плутарху ни о посвящении дощечки Аполлону мудрецами греческими, ни о перенесении ее из старого капища в новое •[179]•, и что сам Плутарх не верил народным толкам о ней. Такая дощечка в течение нескольких десятков веков могла быть переменяема несколько раз после многократного расхищения, горения и обновления Дельфийского храма. А замысловатая надпись на ней сделана была мудрецами, но не греческими. Как могли придумать ее пять умных греков, которые жили в разных

местах? Ужели она чудесно, сверхъестественно была открыта им в один год, день, час? А ежели сами они придумали ее, то для чего начертали так, что никто не понимал ее? Ужели для славы своей? Нельзя уличить их в таком славолюбии, когда они по смирению не приняли того золотого треножника, который подносим был каждому из них в дар, и присоветовали отослать его в храм Аполлона. Притом не одна деревянная дощечка с пресловутой надписью находилась в Дельфийском капище: подле нее висела другая, медная, *древнейшая*, которую пожертвовали афиняне, потомки ионо-пеласгов. И это доказывает, что не греческие мудрецы изобрели эту надпись, а кто-то другой постарше их. По моему мнению, ее начертали те евреи, которые поселились в Лакедемонии и научили туземцев почитать истинного Бога под именем IE^x и, как наставники, слыли в *потомстве мудрыми*. А сами-то они знали это имя по преданию, дошедшему до них от родоначальников их, между которыми Енос первый начал призывать Бога под именем IE^xUA , сокращенным впоследствии в двускладовое имя IE^x или IA^x . Между греками премудр был только тот человек, жрец или философ, который сумел замысловато переписать еврейское имя IE^x ионическими буквами так, что вышло EI , соответствующее этому имени и по краткости очертания своего, и по смыслу.

В-четвертых, имя IE^x/IA^x было употребительно у многих древних народов на Востоке и Западе, которые приняли

еврео-финикийское и ионо-пеластическое вероучение, но произносилось неодинаково по причине неодинакового у людей устройства •[180]• гортани и выговора слов, наипаче иностранных. Турки поныне прилагаю его к слову аллах, произнося из груди: *IA-аллах*. В Египте, где все говорят по-арабски, я слышал его из уст той девочки, которая, сопровождая нищего слепца, упомянутого в моем печатном путешествии по Египту, подпевала ему: *IA^x-керим, яраб*. Жители этой страны, при фараонах совершая служение божеству Θουθ'у [Totu], сообщившему дар писмен, припевали ему: *ιοιοιαυ*, а в иероглифических надписях именовали его *IO^x**. Халдеи по-финикийски Бога называли *IAΩ* («Οἱ Χαλδαῖοι τὸν θεὸν Ἰαὼ λέγουσιν τῇ Φοινίκων γλώσσῃ»)**. Иудеи, по словам Диодора Сицилийского (L. I, 2), получили законы через Моисея от Бога, называемого *IAΩ*: «παρὰ δὲ τοῖς Ἰουδαίοις Μωσῆν τὸν *IAΩ* ἐπικαλούμενον θεὸν προοποίησασθαι τοὺς νόμους αὐτῷ δίδόναι». *Ἰά*, по

уверению лексикографа Исихия, у евреев значит БОГ: «*Ἰά, τὸν θεὸν σημαίνει καθ' Ἑβραίου*»***. У латинян в торжественных названиях бога *VEIOVIS VEDIUS* придаточное *VE* есть семитическое имя бога *IE^x*. А *IAΩ* слышится в их *IANUS*, который назывался у них бог богов и соответствовал Аполлону — солнцу****. У коренных жителей придунайского края, которые задолго до Рождества Христова получили от ионян вероучение и на родном языке своем называли его *Славою Ионскою, Словом Ионским*, и оттого прозваны были славянами, словионами, славянами, то есть людьми •[181]•, принявшими Слово (учение), Славу (религию) от ионов****, у этих жителей, говорю, в старинных славянских грамотах воевод их, Радулов, Владов и прочих, перед собственным именем каждого воеводы неотложно ставилось *Io* в память ионского божества *IO, IAΩ*, по древнейшему обычаю восточных народов начинать каждое важное деписание именем Божиим*****. Этой приставки

* Demetr. Phaler. περὶ ἐρμηνείας, cap. 71. — «Θουθ—Thoth—Taat kommt in den Hieroglyphen unzählige Male als Beiwort des Ioh, Ioh Taate, der leuchtende Ioh, vor. Aus Ioh, welcher durch Mosen zugleich der Nationalgott der Hebräer geworden ist (יהוה, abgekürzt יה und י), wurde Iuppiter». (Die Religion der Hellenen, von Rinck. Zürich, 1855.)

** Macrobius Saturn. I, 18. — Io. Lyd. De mens. IV, 38. Pag. 202.

*** Theodoretus, pro αἰνεῖτε θεόν, αἰνεῖτε Ἰά reddidisse Theodotionem notat. Retinuit id Symmachus et versionis quintae auctor, Psalm. 67, Eusebio indice: «κέκληκε δὲ τὸν Κύριον καινότερα φωνῇ κατὰ τὴν Ἑβραϊκὴν λέξιν· ἸΑ γὰρ αὐτὸν ὠνόμασεν, ὅθεν ὁ Σύμμαχος, διὰ τοῦ Ἰα ἡ ὀνομασία αὐτοῦ ἡρμηνεύσεν. Ἡ δὲ Πέμπτη Ἐκδοσις ἐν τῷ Ἰα τὸ ὄνομα αὐτοῦ». — Hieron. ad Marcellam Epist. 126: «*IA* in Deo tantum ponitur, et in Allelu-ia extrema quoque syllaba sonat».

**** Macrobius Saturn. I, 9: «Sunt qui Ianum eundem esse atque Apollinem... Ianum quidam Solem demonstrare volunt».

***** Речение *слава* в старинных летописях употреблялось вместо *религия*, и потому идолопоклонство называлось *славою бесовскою*.

***** Εὐσεβ. Προπαρασκευὴ εὐαγγελ. XI, 13: «Τῆς μὲν οὖν σπουδαίας ἐπιστολῆς ὁ θεὸς ἄρχει». — Замечательно начало некоторых церковно-славянских книг: «С Богом Святым начинаем» — Часослов, Месяцеслов. Замечателен также обычай у греков и у нас ставить знак креста в начале писем.

в грамотах их нельзя объяснить лучше. — Греки знали имя Божие ΙΑΩ, ΙΕ, ΙΑ и употребляли его в своих службах Аполлону и Дионису-Вакху. Прорицатели Аполлона Кларийского объявили, что верховный бог называется ΙΑΩ. Но вот и самое прорицание у Макровия, Saturn. L. I, с. 10:

«Ὅργια μὲν δεδαῶτας ἐχρῆν
νηπευθέα κεύθειν
Ἐν δ' ἀπάτῃ παύρῃ σύνεσις
καὶ νοῦς ἀλαπαδνός.
Φράζεο τὸν πάντων ὕπατον
θεὸν ἔμμεν ΙΑΩ·
Χεῖματι μὲν Αἰδῆν, Δία
δ' εἴαρος ἀρχομένοιο,
Ἥελιον δὲ θέρεως,
μετοπώρου δ' ἄβρὸν ΙΑκχον».

Из этих слов видно, что кто-то, посвященный в таинства, услышал имя бога ΙΑΩ и, не зная, какой это бог, которому не ставят ни статуи, ни иконы, спросил о нем оракула и получил два ответа:

«Таинства надобно принимать
с детскою верою,
Потому что разум наш бессилен
и способен заблуждаться.
ΙΑΩ есть верховный бог, один,
взамен богов
Аида, Дия [Зевса], Иелия [Гелиоса]
и Вакха, из которых
Первый обозначает зиму, второй весну,
третий лето, а четвертый осень».

В припевах греков к гимнам в честь Аполлона ΙΕ, ΙΗ, ΠαΙΑν, и Диониса Вакха ΙΑ, ΙΩ ΕΥΟΙ, ΕΥΟΙ ΣΑΒΟΙ, •[182]• ΕΥΟΙ ΒΑΚΧΕ*, в этих припевах, не объ-

яснимых никаким коренным речением греческим, скрываются семитические названия Бога ה', ה', ה', ה', ה'. Лексикограф Исихий поведал, что ΙΑ произносилось при жертвоприношениях Вакху: «Ἰακὴ βοή, καὶ ΙΑ φωνή, ἦν τῷ Βάκχῳ θύοντες...». А Лукиан (Προσλαλιὰ ἡ Διόνυσος) заметил, что когда вопияли Вакху ΕΥΟΙ, тогда этим звуком призывали *Владыку*: «καὶ σείειν ἠνωμένας τὰς κόμας, ὅποτε προσίοι, καὶ βοᾷν ΕΥΟΙ· τοῦτο δ' εἰκάζειν καλεῖσθαι αὐτῶν τὸν Δεσπότην». Это название соответствует еврейскому ΙΕ^xУЕ (Иегова), но оно слегка изменено греческим выговором. Само имя Вакха, Ἰόβακχος, Ἰακχε πλουτοδότα, есть как бы удвоенное ΙΕ^xΙΑ^x.

Таковы основания, на которых построено мнение господина Карафеодори о дельфийской надписи. Признавая их прочными, я усвояю и само мнение его и утверждаю, что в этой надписи скрывалось еврейское имя бога ΙΕ^x. Оно значит *Живый, Сущий, Сый* и в отношении к Богу выражает понятие о вечном и неизменном бытии Его. Такое же значение придавал ему и Плутарх. Он, как оказывается, хорошо понимал смысл дельфийской надписи и ловко выразил его кратчайшим глаголом εἶ = **еси**, но не сказал, что тут скрывается имя Бога *чужестранное*, или потому, что не знал семитических языков, или потому, что за лучшее почел сообщить смысл этого имени, которое по букве непонятно было современникам его.

Дельфийская надпись разгадана. Разгадаем теперь ее подобие, уцелевшее в

* Demosth. de Corona. — Plutarch.

стене Андрониковой башни, построенной на месте афонского города Саниса. С первого взгляда на мраморную санисскую дощечку видно, что на ней изваяны буквы в горизонтальном положении одна над другой. Они в связи с трилинейным сиянием или окружим при взаимном переплетении в виде однопочерка (монограммы), по-видимому, составляют греческое слово $\Theta\Omega$ и дают разуместь, что дощечка с •[183]• такой надписью посвящена была БОГУ в каком-то храме. Но так как греческая археология не представляет ни одного образчика посвятительных прикладов, ἀναθημάτων, в таком виде со словом $\Theta\Omega$, то и нельзя тут проразумевать этого слова. По поводу дельфийской надписи можно признать афоно-санисские буквы финикийскими и в однопочерковой вязи их при сочетании с трилинейным сиянием видеть *иод* (𐤓) и вместе *хет*, обращенный вниз зубцами, и чистый *айн* О, придающий собою *иоду* и *хету* срединный зубец. Такая финикийская монограмма дала бы нам слово IA^xO , по греческому произношению Ἰάω; и тогда надлежало бы нам заключить, что жители города Саниса почитали единого верховного бога под именем Ἰάω и, подражая дельфийцам, посвятили ему мраморную скрижаль с этим именем, а посвятили еще в то отдаленное время, когда греки писали буквами финикийскими, следовательно, гораздо ранее 450 лет до Р. Х.* Но я не

решаюсь насилловать санисскую монограмму ни заимствованием для *иода* двух крайних зубцов от трилинейного сияния, ни обращением срединной буквы О в срединный зубец *иода* и *хета*, потому что эта буква О не подходит на зубец; не решаюсь на это и вижу в монограмме греческие буквы Ι, Ω, положенные горизонтально одна над другой **Ϡ** по подобию однопочерковых надписей на монетах, например, **Ϡ** ΜΥΡΙΝΑΙΩΝ, где *иота* = над М лежит горизонтально*, вижу, как и всякий видит, **Ϡ** и, читая ΙΟ, узнаю в этой монограмме имя Диониса-Вакха, которому греки припевали ΙΩ ΣΑΒΟΙ и которого называли ΙΟΒΑΚΧΟΣ. Это имя значит то же, что и IE^x/IA^x , т.е. Бог живой и всем жизнь подающий. •[184]•

Драгоценна афоно-санисская монограмма. Она, как подобие надписи ΕΙ, находившейся только в Дельфийском храме, заставляет полагать, что и эта надпись во время Плутарха начертана была горизонтально, вот так: **ΠΠ**, и, кроме того, дает понятие о том, что жители города Саниса почитали бога Иовакха, и совершали те же оргии, те же празднества в честь его, какие совершались и в других городах Греции. Вы скажете мне: не можешь ли ты подтвердить это свидетельством историческим? Могу и прошу вас прочитать его. Первые граждане Саниса были переселенцы с острова Андрос. А на этом острове находилось капище Вакха, из которо-

* Montfaucon. Palaeogr. graec. II, 117, 118.

* Ibidem.

го, по поверью андросцев, текло вино в годовой праздник (Pausan. IV, 26, 1. — Theopomp. apud Athen. I, 61. P. 34). Итак, и это историческое свидетельство подкрепляет мое заключение о том, что санисская надпись Ю означала ИОвакха и находилась в капище этого божества. Сам я усмотрел ее на стене Андрониковой башни и велел срисовать ее находившемуся при мне живописцу. Что же касается до древности ее, то нет никакой возможности точно определить время появления ее в Санисском храме Вакха. Остается сказать только то, что она изготовлена была в годы постройки Саниса. А город этот построен был немного ранее 493 года до Рождества Христова. Смотри выше § 9.

§ 37. О почитании Афродиты (Венеры) Урании в афонском городе Уранополе и на острове Мультяни

Близ Саниса на Афонском перешейке в городе Уранополе почитаема была Афродита под названием Урания, т.е. небесная. На монете этого города она изображалась в виде женщины, сидящей на шаре и держащей в правой руке яблоко, как символ любви и плодородия, а на голове имеющей знак оси мира, *πόλον*; на обратной же стороне монеты чеканилась утренняя звезда в полном блеске своем. Рисунок такой монеты помещен в моем «Живописном обозрении Афона», которое выйдет •[185]• в свет не знаю когда. Эта Урания — небесная богиня, по понятию

греков, была владычица неба, земли и моря. Они строили ей храмы и ставили статуи преимущественно у берегов и пристаней морских, воображая, что она утишает бури. Имя ее призывали мореходцы и все судовщики*. А афонский город Уранополь стоял на берегу моря и имел удобную пристань, которая ныне называется Франколимено-Плати. Посему почитание тут Афродиты Урании было уместно и соответственно верованию греческих мореходов.

Эта богиня чтима была и на острове Мультяни, лежащем напротив Афонского перешейка. Тут я нашел мраморное изображение ее в виде малого поясного портрета со знаком оси на голове. Оно теперь хранится в иконописном отделении нашей Императорской Академии Художеств.

§ 38. О почитании Зевса Омолойского и Геркулеса яблочного в Хилантирской слободе и пристани

Близ Хиландарского славяно-сербского монастыря с береговой дороги к нему от Иерисса очень хорошо виден высокий пирамидальный холм, который хиландарцы называют Мόливо. Тут, по уверению их, никогда не было ни монастыря, ни церкви, ни кельи, да и в многочисленных деписаниях афонских нет помину о них. Однако этот холм почему-нибудь да назван Моливо, и

* Horat. Carm. I, 3. 1. — Ovid. Heroid. XVI, 23.

такое название его что-нибудь да значит. Нельзя производить его от славяно-сербского слова *молюсь, молитва*, потому что у этой местности не было ни христианского селища, ни иноческого жилья. Я думаю, что Моливо есть испорченное греческое слово ὁμολῳός и полагаю, что на сказанном холме стояла статуя Зевса, которого афонские идолопоклонники прозывали Ὁμολῳός, т.е. собирающий воедино, соглашающий. Зевс под этим названием был почитаем в Виотии и Фессалии*. Итак, Омолойская возвышенность близ Хиландара •[186]• заслуживает внимания путешественников, и я надеюсь, что они при посещении Афона воспользуются моими соображениями и осмотрят эту высь как надобно. Быть может, на темени ее найдутся остатки языческого времени.

У Хилантирской пристани, напротив старого монастырька св. Василия, на приморском холме находятся старинные тесаные камни немалого размера. Тут в начале четырнадцатого века, при царе Андронике Младшем, существовал скит, в котором жил Варлаам, известный противник афонских безмолвников и светосозерцателей, а прежде этого скита находилось старинное укрепление, Παλαιόκαστρον. Вся эта местность в хрисовулах греческого царя Алексия Комнина, 1198–1199 гг., данных Хилантирскому монастырю, называется τοποθεσία τῶν Μηλεῶν. А так

как названия многих мест на Афоне, например Комитисса, Кольчу, Кариа, Морфину, Мелана, Дафна, гораздо старше названий тамошних монастырей, которые начали появляться в конце седьмого века и размножаться в десятом столетии, то и надобно полагать, что приморский холм, о котором идет речь, назывался Милеоном еще тогда, когда на Афоне были языческие города и селища, и что это название уцелело по преданию и значилось в межевых актах архивов солунских и константинопольских. Оно напоминает мне два божества греков: Ермия (Меркурия), который прозывался Ἐπιμήλιος, и Иракла (Геркулеса), известного под названием μήλων и εὐμήλος — *яблочный*, которому как богу нового лета в Виотии и в Афинах приносились в жертву яблоки (Pollux I, 1. 27. — Hesych. v. μήλον). Но я полагаю, что на хилантироприморском холме стояло капище Иракла и что тут в новый год совершалось празднество в честь этого бога, называемое Μηλέαι, а полагаю так по следующим соображениям. Иракл *яблочный* у греков был то же, что у финикийян Ваал-Мелькарт, покровитель торговли и стран Гесперидских, стран *яблочных**. •[187]• Сперва этот Мелькарт, как бог-солнце, бог времени**, почитаем был на Хилантирском холме теми финикийянами, которые вместе с персами, как узнаем

* Pausan. IX. — Stephan. Byzant., vox Ὁμολῳή «... Ζεὺς ὁμολῳός τιμᾷται ἐν Βοιωτίᾳ».

* Hesiod. Theogon. V, 215. — Plin. Hist. nat. L. V, c. 5.

** Io. Lyd. de mens.

после, основали тут торговую слободу под названием Хилан; потом, когда в этой слободе поселились жители фракийского города Тири и назвали ее Хилантири, Мелькарта заменил Иракл, но почитаем был по-прежнему как бог времени, бог нового лета. В жертву ему приносились яблоки, растущие на Афоне. От этих плодов праздник этому богу назывался Милеэ, а от праздника прозвалось так же и все место, где он совершался в честь Иракла яблочного. Так я думаю и надеюсь, что исследования будущих путешественников оправдают мое мнение.

§ 39. О почитании Криоса и Нирея в Дионе

Над Ватопедской местностью господствует островерхая возвышенность Афонского хребта, называемая Крионери. Это название, по мнению моему, дано было ей еще теми эллинами, которые вместе с пеласгами построили город Дион, стоявший на месте нынешнего Ватопеда, и которые почитали титана Криоса (Κριός) и морского бога Нирея (Νηρεύς). Криос в их понятии означал могущественное творчество природы, а назывался так потому, что изображаем был в виде плодотворного овна, κριός, как египетский бог Амун, известный эллинам в Додоне*. Что касается до Нирея, то он вообра-

жаем был как старший сын Понта, т.е. моря, и, прозрачный, светлый, всегда одинаковый, олицетворял собой истинность, правду и вечность божескую и предсказывал будущее*. Первый выраживал дерева, которыми покрыта вся окрестность Ватопеда, и изводил воды из-под соименной ему возвышенности Афона. Второй покровительствовал мореходам**. Изображение этих двух божеств, •[I 88]• изваянное из белого мрамора, уцелело в Ватопедском монастыре. Оно вставлено там в низменную перегородку паперти соборного храма между столпами ее. Тут видится голова длиннорогого и длинношейного овна, т.е. титана Криоса, а над нею человеческая голова Нирея в зубчатом венце. Обе эти головы срисованы и помещены в моем «Живописном обозрении Афона». Этот остаток эллиноязыческой древности служит непрерываемым доказательством почитания этих двух воображаемых богов, от которых и вся Ватопедская возвышенность получила название Крио-Нери.

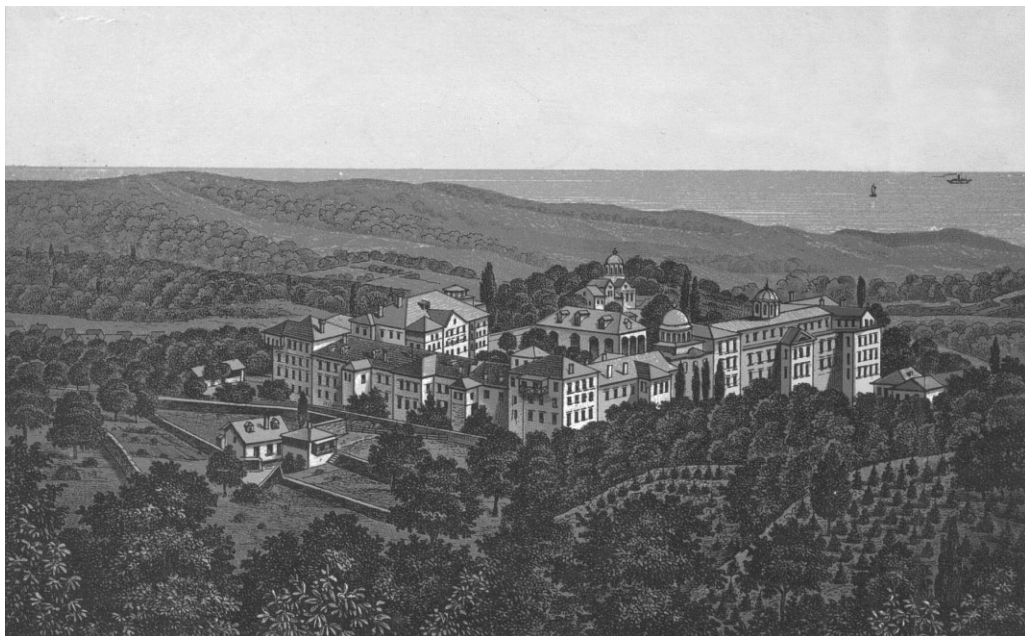
Подле Ватопеда показывают высь Фурковуни. Она напоминает мифологического божка Форкина, покровителя рыбаков***.

* Etymolog. Magn. — Die Religion der Hellenen von Rink. Zürich, 1855. P. 45.

* Hesiod. Theogon. 235. — Odys. IV, 464–570. — Horat. Carm. I, 15, vers. 3–5: «Ut caneret fera Ne-reus fata».

** «Νηρεὺς θαλάσσιος δαίμων». Hesych. Lexic.

*** «Πάρκος-Φόρκυν» κύρτος, τινὲς δὲ καὶ τὸν ἀλειυτικὸν κύρτον ἀποδιδόασιν». Hesych. Lexic.

Русский Андреевский скит (Серай).

§ 40. О почитании пеласгической Аксиокерсы в Капсальской долине Афона

Близ средоточного на Афоне монашеского городка, называемого Кариэс, попросту Карéя, напротив Русско-Андреевского скита на гористой покатости Капсальской долины стоит старинная келья, известная под названием ἄξιόν ἐστιν. Тут, говорят, Архангел научил одного инока петь перед иконой Богоматери «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу», хотя греческий врач Иоанн Комнин в своем описании Афона сказал совсем другое.

Именно, что сама эта икона велела петь такую песнь и проговорила ее*. Как бы то ни было, но эта келья замечательна тем, что тут встретились две религии, языческая и христианская. Объясняю эту встречу. Местность этой пресловутой кельи называется Аид, или Ад. Это название, употреблявшееся и в других странах греческого царства**, в связи с проименованием Богородичной иконы ἄξιόν ἐστιν, напоминает два божества, которых почитали •[I 89]• жители Афона — пеласги, именно Аида и супругу его Аксиокерсу***. Аид, по их понятию, был невидимый бог душ, отлетевших с земли в место

* Ιωάννου τοῦ Κομνηνοῦ Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἀθῶνος. Bucaresti et Venetiis, 1701 [издано также в приложении к кн.: B. de Montfaucon, Paléographie grecque. Paris, 1708. P. 441 sv.]. P. 101. — См. далее, т. III, ч. 1, § 34.

** «Οἱ Σκύθαι τοῦ Πολυβοτοῦ ἀπάραντες, προκαταλαμβάνουσι τόπον τὸν καλούμενον Ἀδην κακεῖθι τὸν χάρακα πηγύντα». Annae Comnenae Alexiad. L. XV [VII 9. 2]. Bonnae, 1839. T. I. P. 370.

*** Schol. Apollon. Argonaut. I, vers. 917.

теней, называемое Адом, а Аксиокерса была богиня жизни, зарождающейся в семенах, развивающейся своеобразно и возвращающейся в семена же. Эллина называли ее Περσεφόνη. Оба эти божества имели свои алтари и священные рощи во многих местах Греции и Италии, где Аксиокерса известна была под переименованным именем Цереры. На противоположном Афону острове самофракии совершались в честь их особые службы и преподавалось учение о бессмертии душ посвященным в самофракийские таинства. Эти службы и это учение, как оказывается, известны были и на Афоне, который так же, как и остров самофраки, населен был пеласгами. Недаром сказанная местность там называлась Ад. Тут афонцы, посвященные в самофракийские таинства, собирались воздавать почтение Аиду — невидимому богу душ, отшедших в ад, т.е. в место невидимых теней, и воодушевлялись надеждой бессмертия. Тут же они обожали и подательницу жизни Аксиокерсу. Когда же им возведена была вера христианская, тогда прекратилось почитание этих божеств, но уцелело мифическое название местности их, Ад, а статую Аксиокерсы заменила икона Богоматери Аксионестинной. Эта малая икона весьма древна. Лик на ней едва виден. Я думаю, что она современна распространению христианства на Афоне и что перед нею в первый раз пропета была песнь: *Достойно есть яко воистину...* ἄξιόν ἐστιν, составленная отцами Третьего Собора Вселенского (431 г.), которые определи-

ли почитать Деву Марию Богородицей, и повторенная Иоанном Дамаскиным в одной догматической стихире его*. Благоразумный клир афонского города Кари в память этого события начал называть эту икону «Достойная», •Π 90|• ἄξιόν ἐστιν, и поставил ее в освященном по-христиански капище Персефоны, которая по-самофракийски называлась Аксиокерса, т.е. *достойная почитания***, дабы отвлечь внимание новокрещеных афонцев от этой богини воображаемой.

§ 41. О почитании Артемиды Агрейской на месте, называемом Калеагра

Адова долина простирается до самого моря. Тут, в устье ее, некогда стоял монастырек Иоанна Предтечи, а местность с потоком называлась и теперь называется Калеагра, что значит: хорошая

* Στοιχικά δογματικά καὶ Θεολόγια, στίχ. 16. В рукописи XI века в библиотеке Есфигменова монастыря на Афоне: «Ἀξιόν ἐστιν, ὡς ἀληθῶς μακαρίζειν σὲ τὴν Θεοτόκον· τὴν σὴν γὰρ ἄχραντον ὑποδὺς γαστέρα ὁ πάντων δημιουργὸς ἐγένετο σάοξ...»

** «Nach einer bestimmten Nachricht (Diodor. L. V. T. I. P. 369 Wesseling) hatten die Samothracier eine besondere Sprache, von der in ihrem Gottendienst vieles beibehalten wurde. Die erste Hälfte der drei ersten Götternamen (Axieros, Axiokersa, Axiokersos) aus dem persischen achson (Würde, Vorzug) abgeleitet, in dem Königsnamen Achasweros, in dem persischen Worte Grossstatthalter (Esther 3, 12), und in der Bezeichnung edler Maulthiere (Esther 8, 10) vorgesetzt, wie es scheint gleichen Ursprungs mit dem griechischen Worte ἄξιος, ist eine Ehrenbezeichnung und entspricht dem griechischen πόντιος. Axi-eros (die zweite Hälfte des Wortes von πῦρ, ἔρα, Erde, abgeleitet) ist πόντια γῆ». Rinks. Theil I. S. 107.

звероловля. Это название дает повод заключать, что там находилось капище Артемиды (Дианы), именуемой ἄρρα, ἄρραία, ἄρροτέρα, от глагола ἄρξω, *ловлю зверей*, и что от него прозвалось Калеагрой и все окрестное место, которое очень лесисто, подобно тому как в Аттике участок на берегу Илиссы назывался Ἄρρα от храма этой же богини, построенного тут в память ее прибытия с острова Делос и первой охоты у этой реки*. Я видел Афонскую Калеагру, но издали, и потому не знаю, уцелел ли там какой-нибудь остаток капища Артемиды. Советую путешественникам осмотреть это место и тамошнюю башню, внутри и снаружи.

§ 42. О почитании Артемиды Потамии (речной) в городе Клеонах

Артемиде под названием потάμια — речная, почитаемая была в афонском городе Клеонах, одна часть которого стояла на •[191]• месте нынешней Милопотамской кельи недалеко от Иверского монастыря. От капища этой богини поныне уцелела беломраморная плита с изваянным на ней зверем, вставленная в стену башни снаружи. При взгляде на это изваяние (срисованное и помещенное в моем «Живописном обозрении Афона») я не мог не вспомнить Артемиду Потамию, подругу речного бога Алфея, воспетую Пиндаром**. Да

и вся окрестность располагала меня к этому мифическому воспоминанию. Тут леса густы, а с высот монастыря Филофея течет милый поток Алфея, называемый μελοπόταμος. Афонским язычникам было где заняться звериной охотой и было за что прозвать Артемиду *поточною*.

§ 43. О почитании Афродиты Морфо на месте, называемом Морфина

У береговой дороги к Афонской Лавре, при устье речки, вытекающей из-под Малого Афона, на красивом холме стоит высокая башня. Она, как гласит древнее предание, построена была неким царем или вельможей для постоянного жительства дочери его Морфины и от нее называлась столпом красоты*. Это предание есть глухой отголосок языческой мифологии, с которой кто знаком, тот с первого раза угадает и скажет, что афонская Морфина была Афродита (Венера), называемая Морφώ. Эта богиня под этим названием почитаемая была и в Спарте, где Павзаний видел кедровую статую ее в сидячем положении с покрывалом на голове и с цепями на ногах**. Название ее Морфо, как оно ни близко к греческому слову μορφή — *образ, красота*, не должно быть понимаемо в смысле этого слова потому, что цепи на ногах богини скорее озна-

* Plat. Phaedr. P. 229. — Paus. Attic.

** Pindar. Pyth. II, 12. — Schol. Pind. Nem. 1, 3.

* Путешествие Барского в 1744 году. Изд. 1785 г. С. 547–548.

** Pausan. L. III, 15. 11.

чали ее собственную неволю и томление, чем то очарование, которым красота приковывает к себе любящих ее. Гораздо правильнее мифологисты производили слово Μορφῶ от •[192]• μορφνῆ — тьма, потому что, по уверению Павзания, покрывало и цепи на Венере намекали на то время природы, когда она находилась еще в темном хаотическом состоянии, в оцепенении, не развитая, без форм, какие дала ей творящая сила*. К слову μορφνῆ ближе название и афонской Морфины, да и предание представляет ее невольницей, затворницей, запертой в башне. Она, как поведал наш Барский, жила тут несколько лет и *безмолствовала*. Явный намек на указанное время природы! Посему я полагаю, что афонская статуя Морфины так же, как и спартанская, имела покрывало на голове и цепи на ногах, и полагаю тем решительнее, что статуи этой богини помещены были на Афоне в *высокой* башне, а в Спарте в *верхнем* ярусе капища Венеры, по свидетельству Павзания (L. III, 15).

В Ксиропотамском монастыре в стену юго-западного отделения братских келий вставлены две мраморные плиты с изваянными на них мифологическими изображениями. Я видел их тут в 1845 году, но не описал, а от монахов слышал, что женское изображение будто бы напоминает Димитру (Цереру). Если это верно, то в городе Стра-

тонике, стоявшем на месте Ксиропотамы, почитаема была эта богиня.

§ 44. О почитании Зевса Фиксия в городе Олофиксе

Жители города Олофикса обожали Зевса Фиксия, Φύξιος, который давал убежище всем злополучным, бежавшим от напастей, особенно во время отступления войск (Apollon. Rod. L. II, vers. 1151. — Dion. Chrysost. Orat. I. — Pausan. L. II. Cap. 17).

§ 45. О почитании Аполлона Метагитния

За афонским островом Мульяни в самом верховье Сингитского залива на береговой выси стоит древняя башня, а поодаль от нее расположено селение Метангичи. Я был тут, •[193]• ночевал у священника и утром сделал очерк хорошо видного оттуда Афона, помещенный в заглавии этой истории. Название этого селения напоминает Аполлона Метагитния, μεταγείτινος, покровителя переселенцев, и празднество в честь его, названное μεταγείτινα, которое совершалось в Аттике в конце августа и в начале сентября в память переселения тамошних жителей из Мелитского околотка в Диомею*. А это напоминание дает повод заключать, что селение Метангичи в древнейшее время было основано выходцами из Аттики и названо так в память их переселения под

* Creuzer Fr. Religions de l'antiquité. Paris, 1835. T. II, 2e partie. P. 655–656.

* Schol. Thucid. II, 15. — Harpocrat. et Suidas sub voce Μεταγείτινών. — Plutarch. De exilio, VIII.

покровом Аполлона Метагитнийского. У помянутой башни на берегу морского залива была пристань его.

Итак, на Афоне до христианства почитаемы были боги и богини: Зевс Афонский, Омолойский и Фиксий, Аполлон, Дионис-Иовакх, Иракл Милеонский, титан Криос и сын Понта Нирей, Аид и Аксиокерс, Афродита Урания и Морфо, Артемида Агра и Потамия, и Димитра. В честь их совершались празднества, из которых известными мне оказались только Милеонское и Метагитнийское. Первое отправляемо было в Хилантирской слободе, в новый год, в честь Иракла яблочного, а второе в селе Метангичи 1 сентября в честь Аполлона, покровителя переселенцев. Капища богов и богинь строились, украшались и поддерживались на счет городских сумм при пособии доброхотных дателей. Афонские идолопоклонники верили в бессмертие душ, а тела сжигали и прах их влагали в мраморные гробницы, из которых уцелели четыре в Ватопедском монастыре и одна в Лавре св. Афанасия. На этих гробницах, изготовленных заживо, вырезывались имена владельцев их и иногда год и месяц изготовления их. Тут же обозначалась узаконенная пеня в 2000 фоллов на случай, когда бы кто дерзнул положить чужой прах в гробницу известного семейства. Такая предосторожность доказывает, что гробницы стояли •П 94]• за городом в так называемых некрополях или полиандриях, где не при людях можно было раскрывать их и класть в них чужие тела или урны с чужим прахом. Эти

памятники похожи на сундуки длиной в $10\frac{1}{2}$ и $11\frac{1}{2}$ четвертей аршина, шириной в $5\frac{1}{2}$ четвертей и вышиной в $5\frac{1}{2}$, $4\frac{1}{2}$ и 3 четверти. Но их изготовляли только зажиточные и богатые люди *памяти ради*, $\muνείας\ χάριν$. А прах простолюдинов хранился, вероятно, в общественных колумбариях, т.е. голубцах. В этих колумбариях и на полиандриях у надгробных памятников ставились изваянные из мрамора лики умерших или родственников их, и образ Афродиты Епитимвии ($\epsilon\pi\iota\tau\acute{\iota}\mu\beta\iota\alpha$), т.е. надгробной*. Такого образа я не видал на Афоне, а такой лик уцелел в Ватопеде на наружной стене соборной паперти у часовой башни. Он помещен в моем «Живописном обозрении Афона».

§ 46. О летосчислении афонитов от Актийской победы Октавия Августа и о названиях македонских месяцев

Жители афонских городов летосчисление вели от Актийской победы Октавия Августа, которую он одержал за 30 лет до Рождества Христова. Об этом выше я говорил в своем месте, а здесь представляю счет и названия македонно-афонских месяцев, сравнительно с афинскими и нашими, для округленного уразумения афонских памятников и дееписаний, когда в них встретятся эти месяцы.

* У латинцев называлась Venus libitina. В храме ее продавались все похоронные принадлежности. Plutarch. Quaest. Rom. 23. P. 101. Wytttenb.

Месяцы у афинян

1. Екатомвеон	— июнь и июль
2. Метагитнион	— июль и август
3. Воидромион	— август и сентябрь
4. Мемактирион	— сентябрь и октябрь
5. Пианепсион	— октябрь и ноябрь •[195]•
6. Посидеон первый	— ноябрь и декабрь
7. Посидеон второй	— декабрь
8. Гамилион	— декабрь и январь
9. Антисфирион	— январь и февраль
10. Елафиволион	— февраль и март
11. Мунихион	— март и апрель
12. Фаргилион	— апрель и май
13. Скирофорион	— май и июнь

Месяцы у древних македонцев

В Антиохии, Пергаме и Ефесе

1. Диос — 30 дней	— с 24 сентября
2. Апиллеос — 31 день	— с 24 октября
3. Авдинеос — 30 дней	— с 23 ноября
4. Перитиос — 30 дней	— с 24 декабря
5. Дистрос — 31 день	— с 23 января
6. Ксантикос — 31 день	— с 22 февраля
7. Артемисиос — 30 дней	— с 25 марта
8. Десиос — 31 день	— с 25 апреля
9. Панемос (Панимув на Афоне) — 30 дней	— с 25 мая
10. Лоос — 31 день	— с 25 июня
11. Горпиэос — 30 дней	— с 25 июля
12. Ипперверетеос — 30 дней	— с 25 августа

Месяцы у новых, или сиро-македонцев

1. Ипперверетеос — 30 дней	— с 24 сентября
2. Диос — 30 дней	— с 24 октября

3. Апиллеос — 31 день	— с 23 ноября
4. Авдинеос — 30 дней	— с 24 декабря
5. Перитиос — 30 дней	— с 23 января
6. Дистрос — 31 день	— с 22 февраля
7. Ксантикос — 31 день	— с 25 марта
8. Артемисиос — 30 дней	— с 25 апреля •[196]•
9. Десиос — 31 день	— с 25 мая
10. Панемос — 30 дней	— с 25 июня
11. Лоос — 31 день	— с 25 июля
12. Горпиэос — 30 дней	— с 25 августа

Эти таблицы извлечены из книги: *Tablettes chronologiques de l'histoire universelle par l'Abbé N. Lenglet Dufresnoy*. Paris, 1744.

А другие таблицы, показывающие месяцы латинян, эллинов, александрийцев, тирян и аскалонитян, помещены в моем «Живописном обозрении Афона».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О гражданственности афонитов

§ 47. О городском управлении на Афоне

Все города на Афоне были малы, но защищены стенами. Когда лакедемонский полководец Врасид пришел со своим войском к городу Аканфосу, тогда жители его заперли крепостные ворота и пустили только его одного, дабы выслушать его предложения*. А римские солдаты приступом брали этот город: «*Navigantes Romani Acanthum*

periere. Ibi ager vastatus, deinde ipsa urbs vi capta et direpta». Tit. Liv. Hist. Rom. L. XXXI. Cap. 45.

Городское управление на Афоне было народодержавное. В каждом городе общественными делами заведовал Совет, Βουλή, но решения его в особенных важных обстоятельствах были отменяемы или утверждаемы всем людом, δήμος. Так, во время Пелопоннесской войны весь люд города Аканфоса, боясь, как бы воины Врасида не истребили виноградников его, склонился на сторону этого лакедемонского полководца и увлек сам Совет, который не решался разорвать союз с Афинской республикой. Так в городе Акроафосе волей Совета и •[197]• всего люда постановлено было признать александрийского купца Дорофея Мирмика потомственным консулом и почетным гражданином. Городские советы собирались в так называемых вулептириях (βουλευτήριον), т.е. советных покоях. Местность одного из них поныне указывается ниже скита Малой Анны на ровной выси близ моря. Этот вулептирий принад-

* Thucyd. L. IV. Cap. 84, 85.

лежал городу Акроафосу. На месте его в начале одиннадцатого века христианского построен был небольшой монастырь во имя Богоматери и назывался обителью Вулевтирийской, *μονὴ τῶν Βουλευτηρίων*⁽¹²⁸⁾. Каждый город на Афоне имел свое казначейство, в которое, кроме податей, поступали и те фоллы, которые взимались за поклажу тел в чужие гробницы. Это казначейство, как видно из надписей на похоронных памятниках, было отдельно от таможенного ведомства, получавшего особые доходы. Иждивением городов поддерживались крепостные стены, капища, дороги и снаряжались ополчения, но не флот, о котором нет и помину в заметках Иродота, Фукидида и Ксенофонта об Афоне, тогда как у них же сказано, что у афонцев были свои герои, тенями которых клялся полководец Врасид, была своя конница, сражавшаяся с олинфянами, и были свои военные дружины, которые бились с афинянами и отнятую у них добычу пожертвовали в Дельфийский храм Аполлона. Неизвестно, чьи законы приняты были жителями Афона: Солоновы, Ликурговы или другие. Но история сохранила нам два из них: 1) у халкидикийцев, поселившихся в городе Клеонах, был закон: «не начальствовать и не избирать посланников моложе 50 лет»⁽¹²⁹⁾; 2) в городах Дион и Афос узаконено было взимать 2000 фоллов с тех, которые дерзнули бы положить чужие тела в семейные гробницы⁽¹³⁰⁾.

Все афонские города были самоуправны и независимы друг от друга и

потому вступали в политические союзы, с кем хотели. Так, во время Пелопоннесской войны, в 424 году до Р. Х., Аканфос, Фиссос, Клеоны, Акроафос и Олофиксос поддались лакедемонцам, а Санис и Дион держали сторону афинян (Thucid. L. IV, с. 109). В 421 году Фиссос был в союзе с Афинами, но зато афонские диктидии взяли его приступом (Thucid. L. V, с. 35). Эти города при заключении договоров отстаивали свое древнее право жить по отеческим законам и пользоваться гражданским самовластием*; отправляли посланников, куда было надобно; принимали к себе иностранных консулов и за их общественные благодеяния жаловали им потомственное консульство. А два города, именно, Аканфос и Уранополь, чеканили свои монеты, первый с изображением льва, пожирающего вола, и с надписью *Ακανθίων*, второй с изображением Афродиты Урании и утренней звезды.

§ 48. О промышленности и торговле афонцев

Металлопромышленность и торговля обогащали особенно город Аканфос. Посему он был лучше и многолюднее всех прочих городов на Афоне. Ксенофонт называл его наибольшим городом во Фракии. Да и римским солдатам было что грабить в нем. Аканфяне

* Посланник города Аканфоса Клигенис говорил лакедемонцам: мы хотим жить по своим отеческим законам и быть гражданами самоуправными. Xenophon. Hist. Gr. L. V, с. 2.

ществования были свободны и независимы политически, потому что в соседстве с ними не было ни одного могущественного государства, которое могло бы подчинить их себе. Македония не имела царей. Фессалия и Фракия были раздроблены на мелкие владения. Афины и Спарта еще росли. Ежели Аканфос и Санис, основанные андросцами позже прочих городов афонских, представляли какую-нибудь подать своей митрополии, Андросу, по уставу тогдашних колоний, то такая исключительность еще не дает нам права заключать, что и прочие города на Афоне кому-нибудь платили дань с самого начала своего существования. Об этом нет ни слова в их истории. Географ Скилакс (за 509 г. до Р. Х.) причислял Афон к Македонии, но это причисление его есть географическое, а не политическое, ибо ни один македонский царь до Филиппа II не брал никакой дани с афонских городов. С 495 года по 490-й они подчинялись персам и принуждены были копать канал на своем перешейке руками своих жителей. Но эта неволя их была кратковременна. Зато самоправный эллинизм развился у них после поражения персов афинянами и процветал во время войны Пелопоннесской и Олинфийской, с 431 года по 360-й. Это время можно назвать блистательной эпохой Афона. Тогда все тамошние города вступили в союз с победоносной Афинской державой и охотно вносили ей установленную Мильтиадом и Аристидом дань, как общеэллинскую складчину, потреб-

ную для выдержания борьбы с персами на суше и море. Тогда они •[I 101]• имели свой алтарь и свою сокровищницу в общеэллинском храме Дельфийском. Тогда они властны были заключать наступательные и оборонительные союзы с кем хотели. Тогда Врасид склонил аканфян на сторону Спарты во имя их свободы и самоправности, но по той же свободе и самоправности граждане Диона и Саниса не приняли предложений этого полководца, а диктидии действовали заодно иногда с Афинами, иногда со Спартой. Тогда афонские города Сколос, Санис, Аканфос имели честь быть включены в мирный договор афинян и лакедемонцев. Тогда аканфосский посланник Клигенис вовлек Спарту и союзников ее в трудную борьбу с Олинфийской республикой. Тогда знаменитые историки Греции Фукидид и Ксенофонт написали несколько страниц об Афоне.

Но ничто на земле не цветет долго. Пропадает и свобода, которая, как говорил Врасид, имеет свои опасности. Афон простился со своей политической свободой, когда Филипп Македонский срыл соседние с ним города Олинфос и Аполлонию, и срыл так, что не осталось и следов их, а всю Халкидикийскую область, к которой принадлежал и Афон, покорил своей власти. С той поры эта гора славилась только как замечательная высота на земле, как солнечная стрелка, отбрасывающая тень на остров Лимнос, как крупинка мира, как напоминание о гибели кораблей у грозных скал ее, но

города ее уже не имели никакого влияния на судьбу Греции, которой суждено было в свою очередь быть данницей Македонии и Рима. Осталась у них одна внутренняя домашняя свобода и самоуправность, какой обыкновенно пользуются все города, находящиеся в составе больших государств. Остались у них свои храмы, кладбища, городские советы, таможни и право чеканить монету и признавать консула по торговым делам, кого они любили. А городской люд по-прежнему подавал свой голос на маленьких вечеах. Во время македонского владычества на Афоне возникли города Уранополь и Стратоники. С той поры, когда римляне обратили всю Македонию в свою провинцию (148 г.), эта гора •II 102I• разделяла участь ее. Сперва она состояла в ведомстве преторов и проконсулов. Потом Сената, который, почтив Октавия высоким титулом Августа после Актийской победы его, ввел новое летосчисление со дня этой победы, ввел везде, и на Афоне, как это доказывает надпись на гробнице Германа Иракла в тамошнем Ватопеде. По смерти Августа Македония и с нею Афон отданы были Сенатом императору Тиверию, как удельное имение вследствие жалоб на притеснения и корыстолюбие проконсулов. После Тиверия владел ими Калигула. А преемник его Клавдий, который царствовал с 41 по 54 год по Рождестве Христовом, отдал их римскому народу, в пользу которого поступали все доходы с Македонии, следовательно, и с Афона. О дальнейшей политической

судьбе этой горы в царствование Нерона и преемников его до Константина Великого я ничего не знаю, считая басней сказание монахов Каракальского монастыря, будто император Антоний Каракалла (211–217 гг.) построил этот монастырь, после того как уверовал во Христа, быв поражен чудесами преподобномученицы Параскевы*. Константин Великий разделил всю свою империю на четыре префектуры: Восточную, Иллирийскую, Италийскую и Галлийскую, из которых каждая подразделялась на области и провинции**. В состав Иллирийской префектуры вошла и Вторая Македония, Salutaris, с ее столицей Фессалоникой и, следовательно, с ближним к ней Афоном. Этой областью управляли проконсулы, а Афоном — квесторы и трибуны. Когда же император Гратриан провозгласил Феодосия соправителем своим в 379 году, тогда отдал ему в управление весь Восток, Фракию и большую часть Иллирии, Паннонии, Иллирика и Далмации, которые остались в составе империи Западной, отдал Мизию, Дарданию, Превалитанию, всю Македонию, Епир, Фессалию, Ахайю, Грецию и все острова эгейские и архипелагские с Кипром и Критом. Город Солунь (Фессалоники) объявлен был столицей •II 103I• Восточной Иллирии и был управляем префектом претории. От него зависел и Афон. При Константине Великом эта

* Ricaut P. Histoire de l'estat present de l'église Grecque. Amsterdam, 1698.

** Zosim. in notitia dignitatum utriusque imperii. L. II, c. 33.

гора озарилась первыми лучами христианства. Но об этом речь впереди.

Теперь же настает надобность раскрыть некоторые стороны языческого Афона, не указанные классическими писателями древних времен, но требующие освещения, без которого кое-что в истории этой горы останется темным. Я разумею первоначальное основание трех селищ на Афоне, именно Хилантира, Самарии и Кари, и появление там лаконов, или цаконов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

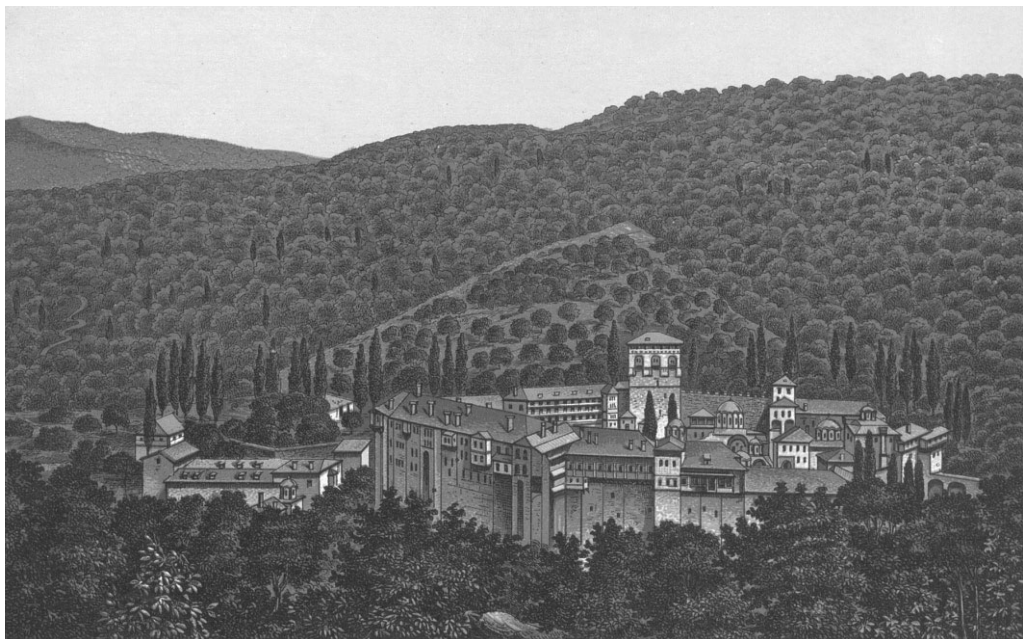
**Исследования и соображения
о времени основания
афонских селищ Хилантира,
Самарии и Кари и пришествия
лаконов, или цаконов,
на эту гору, говоривших
особым наречием**

§ 50. Об основании Хилантирского селища финикиянами и фракиянами, пришедшими из города Тири

На Афонской горе и на перешейке ее находятся местности, которые получили свои названия еще тогда, когда там не было ни одного монастыря, а существовали города и села. Таковы, например, Комитисса на перешейке у Франколименовской пристани, Ваница близ Зографского монастыря, Анапавса выше Ксиропотамской обители, Провата у Малого Афона с северной стороны. Надлежащее объяснение этих названий помещено в моей «Статистике

Афона». А здесь предлагаются исследования и соображения только о трех местностях, именно Хилантире, Самарии и Кари, и вдобавок об афонский цаконах и их наречии — для округления истории Афона языческого.

Местность под Славяно-Сербским монастырем на Св. Горе в обычных разговорах называется Хиландар, а в грамотах сербских Хеландар, в греческих же Хилантири и Хелантари. Монахи в старину производили и теперь производят •[104]• это название от греческих слов χίλια ἀντάρα — *тысящная мгла*, χεῖλη λεοντάρι — *уста львовы*, и в подтверждение такого словопроизводства рассказывают две нелепости: а) будто во время оно различные варвары многократно подступали к монастырю, но по Божию смотрению внезапно покрывала их такая густая мгла, что они не могли видеть даже себя самих; от этой многократной, *тысящной* (?), мглы и монастырь стал именоваться Хилантар, *тысящномглитель* (как же назывался он до этого чудного чуда и почему писался в царских грамотах Хилантири?); б) будто монастырская долина с обрамляющими ее высотами походит на разверстую пасть льва и будто по причине этого (воображаемого) сходства монастырь прозван Хили-леондари, короче Хиландари. Уже сама разность этих двух толкований доказывает, что они оба не верны. Гораздо правдоподобнее то предание, которое слышал и по-своему обсудил наш паломник Барский в 1744 году. Вот оно. «Иные повествуют, яко от древнего некоего

Хиландар.

урочища, на нем же монастырь созда-ся, сие же проименовася он, и до ныне бо познается, яко на ветхих неких остатках древняго града основан есть: еже урочище именовашеся Хиландар, сие есть *уста львовы*... Может быть от-туда наречеся, яко древний тамо ино-гда бывший град имеяше пред враты, вместо иероглифика, некоего льва с отверстыми устами, живо от мрамора изсеченнаго». Но оставим эти монаше-ские толки и обратимся к старинным деписаниям монастыря. В одном из них, именно в сигиллионе царя Алек-сия Комнина 1199 года, сказано, что обитель Хелантирия (τοῦ Χελαντηρίου) на Св. Горе основана очень давно, но запустела; по просьбе же великого жу-пана Сербии Неманя, в монашестве

Симеона, отдана ему во владение с местностью Милеонской.⁽¹³¹⁾ В другом деписании, именно в хрисовуле царя Михаила Палеолога 1272 года, эта гре-ческая обитель названа уже Сербской, но прибавлено, что она чествуется во имя Пресвятой Богородицы Хилантио-ритиссы.⁽¹³²⁾ Отсюда видно, что древней-шее название монастыря есть Хиланти-ри, а не Хиландар, и что в нем •[I 105]• находилась старинная икона Богома-тери, которую застали сербы и которая называлась по-гречески Хилантирио-тисса. Здесь спрашивается: от кого же сам монастырь и эта икона в нем полу-чили такое название? От места ли Хилантири или от некоего первого тут монаха Хелантирия, или Хилантирио-та, строителя этой обители? Удовле-

творительное решение этого вопроса не затруднительно. Известно, что иконы Богоматери, как у нас, так и у греков и на Афоне, по большей части имеют названия тех мест, селений и городов, в которых они явились или прославились: так наши иконы ее Владимирская, Смоленская, Казанская, названы именами наших городов; так греческие иконы Кику на острове Кипр, Месонисиотисса, т. е. Средоостровская в Афонском монастыре св. Павла, Портаитисса — Вратарница в Иверской обители, Виматарница — Алтарная в Ватопеде и прочие, получили названия от алтаря, от ворот, от острова, от селища Кику. Точно так же и Хилантириотисса названа по месту Хилантири. Даже грамматическое окончание этого названия, *-отисса*, по свойству греческого языка заставляет разуместь местность, а не что-либо другое. Грек не иначе назовет, например, пещерную икону Богоматери, как Спилеотисса, от *σπήλαιον* — пещера. Итак, самое слово Хилантириотисса доказывает, что существовало местечко Хилантири, от которого и икона прозвалась подобозвучно. Это местечко находилось на Афоне, там, где стоял и стоит Хилантирский монастырь. Доказательством тому служит и местное предание, которое слышал и сообщил нам Барский, сказав следующие слова: «ныне повествуют, яко от древняго некоего урочища, на нем же монастырь создася, сице проименовася он». Кроме предания остаток македонской древности, вставленный в стену одной монастырской башни, о котором будет

говорено ниже, есть непререкаемый свидетель существования городка или слободы на месте нынешнего Хилантирского монастыря. Всякий, взглянув на этот памятник и вспомнив это предание и это название Богоматерней иконы, рассудит и решит, что на Афоне было селение, •[106]• называемое Хилантири, и что его именем прозвана была как сама икона, так и обитель, возникшая на его месте. Такому решению не противоречит вышепомянутый сигиллион Комнина, в котором эта обитель названа именем не места, а некоего Хелантирия. Хотя греческое речение *ἡ μονὴ τοῦ Χελαντηρίου* — обитель Хелантирия, и доказывает, что был на Афоне некий монах по прозванию Хелантирий, что он построил обитель, о которой идет речь, и что его прозванием честили ее точно так же, как и другие обители там честимы были прозвищами их строителей, например: *ἡ μονὴ τοῦ Ἑσφιγμένου, τοῦ Κοχλιαρᾶ, Κουτλουμουσίου* — обитель Есфигмена, Кохлиара, Кутлумусия; но так как на Афоне издревле поныне монахи имеют прозвища тех мест, из которых они пришли: один прозывается Византий от родного города его Византии, другой Кутулианос от села Кутулиани, третий Кастамонитис от малоазийской крепости Кастамуни, — то и этот Хелантирий прозывался по имени афонского селища Хелантири. Знать, он был тамошний уроженец. Когда родина его вместе с афонскими городами была разорена магометанами незадолго до 676 года после Р. Х. и когда вскоре

после этой беды стали селиться там уже монахи по воле царя Константина Погоната, тогда и он пришел на старое пепелище свое и построил тут обитель, которая в деловых записях справедливо носила его прозвище, а в монашеских разговорах справедливо называлась Хилантирской по свежему воспоминанию о бывшей Хилантирской слободе и об уцелевшей или скрытой от магометан иконе Богоматери Хилантириотиссы.

Итак, верное название Славяно-Сербского монастыря на Афоне известно; память о мирской селитве под ним, имевшей то же самое название, воскрешена. Остается узнать происхождение названия этой селитвы, время основания ее и, если можно, судьбу ее.

Название Хилантири, по мнению моему, сложено из двух слов, Хилан и Тири. Первое слово напоминает Прикаспийскую •[107]• область персов Гилан и город Хеланни на земле Сеннаар (см. Быт. 10, 10). А второе — фракийский город Тири, который афиняне оспаривали у македонского царя Филиппа*. А эти два напоминания тесно связываются с двумя историческими соображениями моими, которые подкрепляются рукотворенными памятниками глубокой древности, находящимися в Хилантирском монастыре.

Вот первое соображение. Когда персидские цари Дарий и Ксеркс овладели Афоном, тогда в их флоте находились финикияне. Они вместе с персами и

афонитами три года (с 493 по 490 г.) копали канал на Афонском перешейке и тут учредили свой рынок, на котором продавали азиатскую пшеницу*. В это время, я полагаю, была основана ими малая селитва Хилан, о которой идет речь моя, и основана по необходимости. Так как персам и финикиянам при копании канала необходимо было большое количество деревянных подмостков, о которых упомянул Иеродот, а строевой лес ради ускорения работ они могли получать морем только с двух ближайших мест: с Афонского погорья, что против острова Мульяни, и с высот нынешнего Сербского монастыря, у которого находится глубокая и защищенная от ветров бухта, — то эта необходимая нужда не могла не заставить их держать лодки в этой бухте для скорейшей доставки дерев к тому устью копаемого ими канала, который сообщался с заливом Стримонским. Морем доставлять туда деревья с этой стороны было так же удобно, как и перевозить их со стороны Мульянисской на перешеек. Этого требовала скорость работы, потому что полки Ксеркса были уже в походе, и канал велено было прорыть для флота во что бы то ни стало. Таким образом при сказанной бухте, которая в то время простиралась далеко внутрь горной долины, возникла малая селитва. Ее называли Гилан, мягче — Хилан, зная, потому, что поселенцы выбраны были из солдат Прикаспийской облас-

* Demosthen. Φιλίππου ἐπιστολή.

* Herodot. L. VII. Cap. 22, 23

ти персов, Гилана, которую •[I 108]• знал Страбон⁽¹³³⁾, или из месопотамского города Хеланни. Для этой селитвы финикияне выкопали колодец, который в Хилантирском монастыре существует и теперь. Он, как доказали мои наблюдения над ним, сделан особенным образом. В глуби его, с восточной стороны, есть простор, из которого веет воздух, так что к западу отдувает спущенный на бечевке к самой воде фонарь со свечей. Оттуда идет приток воды. А на противоположной стороне проделан выход для нее, по которому она протекает под монастырем и вливается в соседний поток, иногда пересыхающий, иногда бурно текущий. Точно такое устройство древнейшего колодца в афонском городке Иериссе. Подобных водоемов нет нигде на Афоне. Их никогда не делали монахи. Они строили водопроводы на поверхностях горы. Вот почему Хилантирский колодец я усвояю не им, а подданным Ксеркса финикиянам, которые, как известно, умели находить подземельную воду и пускать ее вверх через буравленные черепы земли. Этот водоем смыл и унес всякое сомнение мое о существовании мирской слободы на месте Сербской лавры во времена дохристианские. А устройство его по финикийскому способу заставило меня отнести основание этой слободы к тому времени, когда персы с финикиянами при Ксерксе занимали Афон. Другого времени, более удобного для основания ее, и другого народа, кроме персов, который мог бы дать ей название Гилан

или Хеланни, не представляет история этой горы. Тогда, повторяю, возникла слобода Хилан. Остались ли жить в ней персы и финикияне после неудачных походов Ксеркса в Грецию или ушли оттуда, это неизвестно. Но название ее уцелело на Афоне. К нему впоследствии присоединилось другое прозвище, Тири. Кто присоединил его, тот застал в слободе старых жителей, между которыми, всего вероятнее, было много туземных афонцев. Таково первое соображение мое.

Вот и второе. Известно, что Афонская гора, которой вершину не захотел преобразить в статую Зевса владетель ее Александр Македонский, покорена была отцом его Филиппом. •[I 109]• Известно также, что этот Филипп владел двумя фракийскими городами, Тири и Керсовлептой, из которых первый помогал ему оружием в войне с афинянами.⁽¹³⁴⁾ Вот из этого города Τήρη, по мнению моему, Филиппом приведена была на Афон фракийская колония и поселена в тамошнем Хилане в то время, когда афиняне понуждали его возвратить им Тири, а он не хотел отдавать этого города и даже грозил им местью. Не умею лучше объяснить происхождение названия Хилан-Тири, и остаюсь при этом мнении своем, предупредив возможную попытку производить Тири от финикийского города Тира следующим замечанием: название Тири в афонских актах писалось с буквой η, Τήρη, а не с υ, как пишется Τύρος в Сирии. Фракияне, придя в афонское селище Хилан, удержали это

старинное название его, но в память своего переселения прибавили к нему имя родного города своего, Тири, и стали именовать новое местопребывание свое Хилантири.

(Так соображал я в 1864 году. А теперь (1873 г.) полагаю, что персидские солдаты Ксеркса из Хиланского полка на месте нынешнего Хилантирского монастыря устроили капище во имя божества своего *Тири*. Это — планета Меркурий или Марс*. Посему местность эта с той поры и называлась Хилан-Тир**.

Близ Хилантира налево от торной дороги, по которой ездят и ходят к морю, я видел древнейшую мраморную колонну, валяющуюся у мельницы, с изображением на капители ее мохнатой звезды. Это эмблема *Тири*.) •|| 110||•

Хилантирское селище существовало в царствование македонского государя Кассандра. Доказательством тому служит уцелевшее тут изображение его, изваянное на мраморной плите, которая вставлена в колоколенную башню снаружи монастыря, в восточной ограде его. Он сидит на коне и едет, а за ним идет конюший его, одетый в короткую рубашку и штаны. Рисунок

этого барельефа помещен в моем «Живописном обозрении Афона». Хотя под этим барельефом и нет никакой подписи, но в нем нельзя не узнать царя Кассандра, потому что он точь-в-точь изображаем был на монетах его. Одна из таких монет найдена была в афонском городке Карье и в 1859 году подарена мне. На ней четко вылиты слова «βασιλεὺς Κάσσανδρος», а изображен этот царь верхом на коне. Открытие этого памятника вполне удостоверило меня в истинности местного предания о том, что Славяно-Сербский монастырь построен на основаниях древнейшего селения Хилантири. Царь Кассандр любил ли это селение, пожаловал ли ему какую-либо особенную льготу, или только посетил его, это неизвестно. Но видно, что хилантирцы были признательны ему и чтили изображение его. Не он ли поселил в Хилане фракийских тирцев? И не это ли событие ознаменовано было постановкой мраморного изображения его в местном капище или вече? Могло это стать. Впрочем, кто бы ни устроил Хилантирскую слободу, Филипп ли, Кассандр ли, но сказание о существовании ее с 490 года до Р. Х. должно быть внесено в историю Афона. Персидское название ее Хилан, финикийский колодец в ней, местное предание о существовании ее, грамоты царей Алексия Комнина и Михаила Палеолога, упоминающие об афонской иконе Богоматери Хилантириотиссы: все это вместе составляет прочную основу для исторического сказания

* Tir — персидское название Меркурия. — П.К.

** Eranische Alterthumskunde, von Fr. Spiegel. Leipzig, 1873. Bd. II. S. 193, 194: «... Sieben Planeten bilden (у персов) den Kreis der himmlischen Mächte. Ihre Namen sind die gewöhnlichen, nämlich: Kevân, Hormaz, Behrâm, Mâh, Mihr, Nahid und Tir. Sie durften nur theilweise für gute den Menschen günstige Wesen gegolten haben, am häufigsten finden wir angerufen den Kevân (Saturn), Mihr (die Sonne), Mâh (den Mond) und Nahid (Venus)...»

о слободе Хилантири. Ее построили персы и финикияне. В ней славилось имя Христа Бога и Пречистой Его Матери, пока не разорили ее магометане. А после разорения •[111]• на месте ее возник монастырь, устроенный неким Хилантириотом в царствование Флавия Константина Погоната. Но и его разрушили варвары, а возобновил великий жупан Сербии Стефан Неман, в монашестве Симеон, около 1193 года.

§ 51. О времени основания крепостцы Самарии персами и финикиянами у Хилантирской пристани

Хилантирский монастырь имеет свою пристань в ближайшей к нему пазухе моря у высокого и скалистого холма, отдельного от соседних гор, напротив малой береговой обители св. Василия. Этот холм, омываемый морем с северной и отчасти с западной стороны, и простирающийся до Есфигменова монастыря, в разговорах называется Самара, а в записках и грамотах Самария. На нем в первую бытность мою на Афоне в 1845–6 году не было никакого жилья, а виднелись одни основания монашеских келий ближе к Есфигмену, но в 1804–5 году еще стояли четыре домика, в которых спасались подвижники. Тогда их видел Есфигменский игумен Феодорит и упомянул о них в описании своего монастыря⁽¹³⁵⁾. На вершине Самарийского холма, ближе к сказанной пристани, по уверению того же Феодорита, находилась старинная кре-

постца, а в ней — обитель в роде скита; в обители же этой в царствование Андроника Младшего жил тот Калабрийский монах Варлаам, который смутил всех святогорцев своим неправым учением⁽¹³⁶⁾. Ни этой крепостцы, ни скита в ней давно уже нет. Их разорили турки, которые многократно грабили афонские монастыри. О Самарии мимоходом упомянуто в хрисовуле сербского царя Стефана Сильного (1348 г.) при подробном описании границ Хилантирского монастыря⁽¹³⁷⁾. Этот царь, покоривший Афон своей власти, намеревался построить тут сербский городок, но не исполнил этого намерения •[112]• своего⁽¹³⁸⁾. Итак, Самария по афонским актам, какие только были у меня в руках, известна с XIV века. А древнейшая афинская монета, найденная в земле у смежного с Самарией пирамидального холмика в 1859 году и подаренная мне тамошним отшельником, доказывает, что Самарийская местность с пристанью была заселена еще во времена дохристианские. На этой монете богиня Афина изображена в профиль с удлинненным глазом, точь-в-точь похожим на глаза египетских фараонов и богов изваянных, а по сторонам символической птицы ее (совы) вычеканена надпись Αθήναι, а не Αθηναί. Следовательно, эта монета вылита была еще тогда, когда греки вместо Η писали Ε, и писали горизонтально, и когда еще не изгладилось воспоминание о пришествии египтян в Агтику, где находится город Афины, — вылита по крайней мере за 600–500 лет до Рождества

Христова. Конечно, она могла попасть в Хиланскую, или Хилантирскую, Самарию гораздо позже, даже перед появлением первого христианского государства, но могла зайти туда и в век Перикла (469 г. до Р. Х.) или во дни Александра Македонского либо Кассандра и с той поры обращаться на месте и зарыться в землю. Такие возможности равно мыслимы. Впрочем, ни которой из них я не придаю веса, а эту монету, вырытую на месте, ставлю на вид, как доказательство существования Самарийской селитвы во времена дохристианские. Эта селитва с крепостцей на холме была неизбежна у Хилантирской пристани, требовавшей защиты от неприятелей. Кто же и когда построил ее? Ответ на этот вопрос дает само название Самария. Так как оно не имеет корня в языке греческом, а сродно с семитическим названием Шомרון, которое греки писали Самария, да и напоминает древнейший город Самариану в Иркано-Гиланской области персов у Каспийского моря⁽¹³⁹⁾, то я полагаю, что Самарийская селитва на Афоне возникла в одно время с тамошним Хилантиром и что ее основали персы и финикияне в те годы, когда они перекрывали Афонский перешеек для флота царя •[113]• Ксеркса, то есть около 493–490 года до Р. Х. Тут финикияне поклонялись своему богу Мелькарту, а хилантирцы — Ираклу яблочному и совершали празднество в честь его, так называемое Милеэ, от чего и сама местность, о которой идет вся речь, называлась Милеон. Это последнее название

ее вошло в грамоты царей византийских Алексия Комнина и Михаила Палеолога, в которых, между прочим, сказано, что тут существовали кельи, так называемые *семнии*, *σεμνεῖα*, по нашему укромники, т. е. скромненькие, убогие хижины⁽¹⁴⁰⁾.

Я доволен своими соображениями о Самарии. А если кто возразит, почему ни о Хилантире, ни о Самарии не упомянули ни Фукидид, ни Страбон, ни Плиний, когда говорили об Афоне, тому один ответ: эти классические писатели говорили о городах на Афоне, а не о селах и слободах; Хилантир же и Самария были не города, а такие же селища, как Сисико выше Ксиропотамы, Палеохори близ Есфигмена, Херо-во в области Зографского монастыря.

§ 52. О времени основания Карии на Афоне

В средоточии Афонской горы на северной стороне ее расположен малый монашеский городок. Русские, болгары и сербы называют его Карейя, а греки Καρέαι, Καριαῖς и, вообразив, что это название происходит от греческого слова κάρα — череп головы, рассказывают странности. «Когда монахи копали основание для соборной церкви, тогда нашли-де много черепов и потому всему местечку дали название Черепник (Καριαῖς); а по словам других рассказчиков, оно названо так потому, что тут найдены были валяющиеся черепа тех несчастных, которых умерщвляли варвары, часто нападав-

шие на Афон⁽¹⁴¹⁾. Нелепость таких рассказов явна, как явно безобразие двух сросшихся уродцев. Не это дают разуметь древние монастырские деписания на греческом языке. В них читается Λαύρα Καρυῶν, ἐκκλησιάρχης τῶν Καρυῶν⁽¹⁴²⁾. Итак, истинное название •[114]• этого города есть Καρύαι, от греческого слова καρύα — орех, и значит *орешники*. Это значение подтверждается и самой местностью, которая наполнена множеством орешников.

Кария как сборное место афонских монахов известна была под этим названием еще во дни св. Афанасия Афонского, ранее 961 года по Рождестве Христовом. Но не тогда возникло это название; нет, оно весьма древне на Афоне. Тамошнюю Карию знал еще Стефан Византийский, писатель пятого века. Он, упомянув о македонском городе Стратоники, который на карте Птолемея стоит у середины Афона, определил местность его близостью к Кариин⁽¹⁴³⁾. А так как в Македонии существовала и существует только одна Кария, Афонская, и так как от Стратоники, или нынешнего Ксиропотамского монастыря, действительно весьма близко до этой Кариин, то ее и надобно разуметь у Стефана Византийского, а в истории Афона говорить, что она существовала в пятом веке, как город средоточный, от которого тогда измерялись расстояния, по крайней мере, ближайших городов афонских*. Кто же основал ее и когда?

Я думаю, что эта Кария построена была если не отцом Александра Великого Филиппом, то царем Македонии Кассандром, который самодержавил с 317 года по 298-й год до Р. Х.; а думаю так не без оснований. Во-первых, Стефан Византийский дал мне повод заключать, что Кария старше города Стратоники. Он сказал, что этот второй город, названный так по имени супруги царя Антиоха, находится близ Кариин, и таким образом определил местоположение его местностью уже известной в географии, следовательно, старшей. А так как супруга Антиоха, Стратоника, жила в 281–262 годы до Р. Х., то и выходит, что Кария, к которой был близок город Стратоники, уже существовала в эти годы. Во-вторых, в Кариин найдена была медная монета царя Кассандра, о которой я говорил выше. Эта находка подтвердила мое заключение, выведенное из слов Стефана Византийского, и мое мнение о времени основания Кариин при Кассандре между 317 и 298 годами до Р. Х. Не имея других лучших данных, я не могу относить начала этого города ко времени более отдаленному, потому что о нем не упомянули ни Иеродот, ни Фукидид, а по другим соображениям, историческим, полагаю, что он построен был поселенцами, пришедшими на Афон из Пелопоннеса, именно цаконами, о которых начинается особое слово, как основание этих соображений. •[115]•

* Афонская Кария, мимоходом упомянутая Стефаном, опущена в росписи городов его, но опущена не им, а сократителем его сочинения «О городах».

§ 53. О поселении цакон на горе Афонской

Каждый монах на Афоне твердо уверен, что на этой горе во времена дохристианские жили цаконы, они же и лаконы, и что их выселил оттуда царь Константин Великий, когда решил отдать Афон монахам. В 1845 году начальник Керасийского скита иеромонах Неофит говорил мне, что этот государь пригласил афонских цакон служить в полках с жалованьем по три лева в день и, когда они сошлись, отправил на 60 судах одних в Анатолию, а других в Морею, потом переселил к ним жен и детей их.

Хотя и нельзя принять этого предания во всей полноте его, потому что мирские жители Афона, как узнаем после, удалились оттуда не при Константине Великом, а при царях Константине Погонате, Константине Мономахе и Алексее Комнине, но нельзя и отрицать сущности его, то есть пребывания цакон на Афоне. Это племя и теперь существует в Греции. Цакон много в Константинополе, немало их под куколями и на Афоне. А так как всякое живое племя имеет свои живучие предания, то и понятно, как могла поддерживаться на Афоне уверенность в том, что на этой горе жили цаконы: они же сами и поддерживали ее, рассказывая своим и чужим былое. Я разделяю со святогорцами эту уверенность и, имея ее, •[116]• считаю нужным для полноты истории языческого Афона решить только следующие вопросы. Кто эти цаконы, и какое у них

название? Упоминает ли о них древняя история? Когда они поселились на Афоне и где тут жили? Есть ли какие-нибудь следы пребывания их на этой горе пресловутой?

Цаконы, они же и лаконы, суть древнейшие жители Пелопоннеса, туземцы, а не пришельцы. Теперь их там немного, всего тысяча семейств, или четыре-пять тысяч душ. А живут они в большой слободе, называемой Леонидион, напротив Спетцов⁽¹⁴⁴⁾. Название у них греческое, но особенное. Грамматику и словарь его я помещаю в Оправданиях этой истории, а здесь представляю лишь несколько слов не столько для любопытства, сколько для оправдания некоторых соображений моих касательно пребывания цакон на Афоне: ἐζοῦ — я, ἐκουῦ — ты, ἐτεῖνε — он, ἐνι — есмь, ἐννι — есть, ἐμα — я был, ἐκη — он был, ἐμοι — мы были, ἐτθοι — вы были, ἐῦκοι — они были, ρέννι — я вижу, ρεῖνι — видят, καρῶα — орех, ὄζε — логовище зверей, τσέραμο — черепица, τσέρβουλε — башмак, τσῆτα — ложе, τσῆμα — волна, δυτσέρουμα — правда. Τς произносится как ц. Вообще в языке цакон часто слышится звук ц, поэтому, вероятно, аттические эллины за просто называли их цаконами, а в книгах — лаконами.

В афонских дееписаниях упоминаются монахи из Цаконии. Один из них, именем Алексей, в 1743 году устроил Палеохорскую келью с храмом всех святых близ Есфигменова монастыря и скончался в 1803 году⁽¹⁴⁵⁾.

А история давно знает племя цакон-нов. Часть их поселил в Константинополе царь Михаил Палеолог в 1269 году. Тут они состояли у него в морской службе⁽¹⁴⁶⁾. Во время войны спартанцев с олинфянами действовала цаконская конница на правом крыле армии полководца Телевтия⁽¹⁴⁷⁾. Довольно и этих двух свидетельств истории для всякого желающего удостовериться в том, что она упоминала о цаконах.

Когда длилась изнурительная война Пелопоннесская, тогда цаконнов еще не было на Афонской горе. Их не помещал тут •П 117• Фукидид, принимавший участие в этой войне, написавший историю ее и очень хорошо знавший жителей Афона висалтов, кристонов, идонов, диктидиев, халкидикийцев и пеласгов. Цаконны, как я думаю, призваны были на Афон уже македонскими царями Филиппом и Кассандром, как единоплеменники тех еолян, которые еще около 1124 года до Р. Х. основали тут города, и как новые силы, необходимые для упрочения единогодержавия в приморских областях Македонии, именно в Паллинии, Скионии, Афоне и Халкидикии, где с давних времен господствовало неприятное для монархии народодержавие. Эти новые поселенцы построили новый город на Афоне, Карию, который сделался столицей этой Горы, так что географы, например, Стефан Византийский, от него начинали измерения расстояний прочих городов тамошних. Кроме Карики цаконны жили там в Хилантири, Уранополе, Ванице, Херове,

Стратонике, Морфине и Клеонах. Так положительно я говорю не без оснований. А основания мои суть, во-первых, сходство названий мест и городов в Пелопоннесской Лаконии и на Афоне, во-вторых, начинание и окончание этих названий цаконскими звуками *цу, ца*, и, в-третьих, служение одинаковым богам там и здесь.

а) В Лаконии, как видно из истории Фукидида, существовал город Кариэ, Καρύαι. В 429 году до Р. Х. его прикрыл Алкивиад, когда лакедемонцы намеревались разграбить его⁽¹⁴⁸⁾. Вот из этого города и околотка его, — я думаю, — пришли на Афон цаконны, и новое селище свое тут назвали именем прежней отчизны своей, как это обыкновенно делают почти все колонисты. Они же принесли с собой и корни ореховых деревьев и насадили их на новом месте своем. Это говорю я потому, что все карийские орешники — садовые, и потому что на Афоне нет орешников лесных, по крайней мере, я не видал их там. Близ Карики находились города, на южной стороне Афона Стратоники, а на северной — Клеоны. Над их местностями господствует островерхая лесистая высь, называемая Цука и Гаврилова гора. Первое название сходно с цаконским словом •П 118• *цуфа*, голова, а второе напоминает пелопоннесскую гору Гавриас, у классических писателей Апеврос⁽¹⁴⁹⁾. На западе от Стратоники течет речка, разделяющая владения монастырей Русского и Ксенофского. Ее называют Пурата. Я думаю, что название немного переименовано монахами

сербо-болгарскими, которые долго владели Афоно-Русским монастырем и говорили лучше по-турецки, нежели по-гречески, и что эта речка называлась Вура, без болгарского придатка *-та*. Ежели это верно, то эта Вура вызывает воспоминание о пелопоннесо-ахайской реке Вуре и о соименном ей городе, который стоял на берегу ее и разрушен был землетрясением в 373 году до Рождества Христова⁽¹⁵⁰⁾, и дает повод говорить, что некоторые вураиты поселились на той равнинной выси Афона, где лежат развалины Старого Руссика и где протекает речка, и назвали ее и новое селище свое Вура, воздвигнув алтари Афродите и Вакху, которые почитаемы были в Вуре Ахайской⁽¹⁵¹⁾. Эти вураиты были не цаконны, но все-таки пелопоннесцы, которых, когда знаешь, так и лучше понимаешь происхождение названий многих мест на Афоне. Знаешь от Страбона, что в Пелопоннесе был город Клеоны на пути из Аргоса в Коринф⁽¹⁵²⁾, и вспомнив, что и на Афоне был соименный городок, основанный пелопоннесцами еолянами около 1124 года до Р. Х., воображаешь, что и в нем могли жить цаконны вместе с этими земляками своими, когда обстроилась и населилась соседняя цаконская Кария, от которой до Клеон (ныне Ивер) всего час ходьбы. Знаешь от Павзания, что в Лаконии обожаема была Афродита под названием Μορφώ, и, находя местность на Афоне, имеющую это же самое название, полагаешь, что тут жили лаконны, они же и цаконны, и что они посе-

лились тут подле кристонов, идонов и прочих ффракофонитов, у которых были другие богини, но не Морфо. В Пелопоннесе две высочайшие горы на юге (у классических писателей Лиркион и Парнон), к составу которых принадлежит цаконский Тайгет-гора, называются Моливо⁽¹⁵³⁾; там же •Π1191• гора Цаконии Кронион вообще зовется Малевό*: и на Афоне близ Хилантира один островекий высокий холм именуется Моливо. Кроме этого хилантирского Молива еще есть Молив-дуза на первой от селения Иериссо горной высоте, называемой Мегали Вигла⁽¹⁵⁴⁾. В нарицании Моливдуза, упомянутом в хрисовуле сербского царя Стефана 1348 года, слышится цаконское слово ѿζε, которое значит логовище зверей. Действительно, в той стороне Афона, где находится эта Моливду(о)за, водятся много серн и диких кабанов. Я видел их, когда восходил на самое высшее темя Моливду(о)зы, ныне Мегали Виглы. Недалеко оттуда на пути к Зографскому монастырю поток Ио-Ваница и соседняя местность Херово, которые в афоно-греческих актах пишутся Βάνισσα и Χαίρων⁽¹⁵⁵⁾, напоминают пелопоннесо-арголидскую реку Ваницу же с цаконским окончанием, у классических писателей Ἰναχος⁽¹⁵⁶⁾, и Аполлона Радующего, χαίρων, который почитаем был в Херонее⁽¹⁵⁷⁾.

* Μελετίου γεωγραφία. Τ. Β'. Ἐν Βενετίᾳ, 1807. Σελ. 370: «Τὸ Κρόνιον τὸ ὁποῖον εἶναι τῆς Τζακονίας τὸ Βουνί, καὶ καλεῖται κοινῶς Μαλεβό».

б) В том же околотке Афона, где находятся Моливо, Моливдуза, Ваница и Херово, многие местности имеют такие названия, в которых слышится цаконский звук *ц*; например, Комица, Миници, Калица, Хромица и прочие. Замечательно это тем более, что почти все эти места, как видно из афонских дееписаний, принадлежали господам, из которых Хромица в 1100 году после Р. Х. построила монастырек св. Антония между Зографом и Кастамонитом⁽¹⁵⁸⁾. Афонское имение ее, находящееся под челом Мегали Виглы, досталось Афоно-Русскому монастырю. Он владеет им поныне.

в) В Пелопоннесе, в этой родине цакон, почитаема была мать богов. Там, в Коринфе, Спарте, Акрии и Мессине, так же как и в Афинах, в честь ее совершалось празднество, называемое *γαλάξια* — *молочное*, во время которого варился ячмень в молоке⁽¹⁵⁹⁾. Это же празднество, — смею думать, — •[I 120]• совершали и афонские цакон в своей Карье, по обычаю своих предков. Недаром в этом городке, и только тут, установилось почитание иконы Богоматери Млекопитательницы (*γαλακτοτροφῶσα*). По мне, оно введено было карийским клиром в то время, когда весь Афон озарился светом христианства, и введено благоразумно для отвращения новокрещенных карийцев от старого языческого празднества в честь мнимой матери богов. Этот клир поставил икону на месте статуи этой матери в освященном по-христиански капище ее, которое обычно называлось Μητρῶ-

ῶον — *Матерник*. Это замечательное здание в Карье цело поныне. Оно весьма древнее и подперто каменными устоями, которые успели обветшать. Его купил у прота Св. Горы сербский архиепископ Савва. В нем чтится икона Богоматери Млекопитательницы, однако не старая. Замечательно, что на Афоне монахи поныне варят ячменную крупу в молоке, потом высушивают ее солнечным жаром и после просушки варят с добавкой малого количества воды. Я ел там эту цаконскую кашу и потому знаю цаконский язык. Она весьма вкусна и питательна. Но обратимся к главному предмету речи.

В Лаконии совершался праздник в честь Артемиды, называемой Кариа и Кариатис, по имени города Καρύαι. После обычного жертвоприношения девицы составляли хоровод и плясали. Их называли Кариатиды, Καρυάτιδες⁽¹⁶⁰⁾. Такой праздник, по всей вероятности, совершали и в афонском городе Карье, жители которого были переселенцы из Карии Лаконской. Цакон, живя в Пелопоннесе, почитали Аполлона Радующего, χαίρων, когда же они перешли на Афон и поселились там на Ванице. Тогда и тут построили капище этому Аполлону. Я не был на этой местности, но слышал, что вся она отраднa, и знаю, что в Зографском монастыре, которому принадлежит Ваница, поныне хранится малая икона Богоматери, слывающая под названием Радующей, или «Радуйся» — χαῖρε, и взятая из Зографского же хутора Херово. Монахи рассказывают, что перед

этой иконой тамошний отшельник во дни царя Михаила Палеолога (XIII века) непрестанно •[121]• читал акафист Богоматери, и на привет «Радуйся» слышал ответ от иконы: «Радуйся и ты, старец Божий», — и что поэтому-де икона названа Радующей, χαίρουσα⁽¹⁶¹⁾. Но согласнее со здравым смыслом и с афонскими деписаниями верить, что она получила это название от местности Χαίρων, по выговору болгар и сербов, Херово, как Хилантириотисса прозвалась от слободы Хилантири, после того как христианский клир Афона уничтожил капище Аполлона Радующего, Χαίρων, или обратил его в церковь, поставив в ней эту икону. Замечательно, что в Херове был монастырь Спасителя Радующего, τοῦ Χαίροντος⁽¹⁶²⁾. Явно, что тут встретились две религии, языческая и христианская. Вторая вытеснила первую, и Аполлон Радующего заменил Радующий Спаситель. Всё цаконское мореходное народонаселение вышепомянутого мною

околотка имело в соседстве свой город, Уранополь, построенный, как мы знаем, братом македонского царя Кассандра, Алексархом, и тут поклонялось покровительнице мореходов, Афродите Урании, которая имела свои алтари и в пелопоннесской Лаконии⁽¹⁶³⁾. Новое сходство мифологии афонской и лаконской!

После всех этих исследований и соображений я признаю основательным предание святогорцев о пребывании цакон на Афоне и осмеливаюсь сказать, что эта гора под властью царей македонских была второй Пелопоннес, в котором цакон по политическим видам этих царей стущены были на середине Афона, в Кари и Стратонике, и у перешейка этой горы в Уранополе и в окрестностях его, Ванице, Херово, Хромице, Комице и проч., и таким образом сдерживали волю старинных республиканских городов Аканфоса и Саниса, Диона и Олофикса, Фиссоса, Клеонов и Акрофоса.

Кончено 9 января 1864 года

в 8 1/2 часов по полудни в Александро-Невской Лавре.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ. ОПРАВДАНИЯ ИСТОРИИ АФОНА ЯЗЫЧЕСКОГО

История Афона языческого кончена мною. Она достоверна настолько, насколько достоверны сказания об этой горе тех древних писателей, которых творениями я пользовался, сказа-

ния единственные, незаменимые, коих нечем ни проверить, ни пополнить.

Но, — спросят меня, — хорошо ли ты понял эти сказания и верно ли передал их?

Сознаю всю важность этого вопроса и потому предлагаю здесь все оные сказания в подлинниках и переводах, как Оправдания моей истории Афона и вместе моего разумения тех исторических и археологических материалов, кои были у меня под руками при составлении этой истории. С этими материалами я предстаю на суд ученых мужей, и надеюсь устоять перед ними, ежели сами они основательно знают древнюю классическую литературу и говорят и пишут по-гречески и по-латыни, как говорим и пишем мы, старые семинаристы и академисты, с юных лет знакомые с классицизмом так, что в течение седьмого десятка лет своих еще живо помним и наизусть производим стихи из Омира, Еврипида, Вергилия, Овидия, Горация. •[124]•

Все представленные здесь Оправдания моей истории Афона выписаны мною самим из классиков, из манускриптов и из разных книг, находящихся в моей собственной библиотеке. Много трудов и времени употреблено было на это выписыванье, потому что не все печатные книги у меня имеют так называемые индексы, т.е. алфавитный указатель содержащихся в них имен, повествований, изречений и пр. Нередко доводилось мне перелистывать всего классика, например, Страбона, Вергилия, Василия Великого, Исидора Испанского, чтобы узнать: что и что он говорил об Афоне. Зато уж верны все мои выписки. Можете доверять смело и повторять их в ваших рассуждениях

или рассказах об Афоне, когда Бог приведет вас на эту классическую гору и возбудит в вас охоту повествовать о судьбах её уже красноречиво, а не так сухо, как повествую я, заботящийся только об исторической достоверности и полноте.

Мои выписки об Афоне из некоторых классиков, например из Иеродота, Фукидида, Диодора Сицилийского, представлены здесь во французском переводе. Это произошло оттого, что у меня не было греческих текстов сих классиков тогда, когда я предпринял сей труд в Иерусалиме. А теперь, хотя я и имею эти тексты, но заменять ими уже приготовленные к печати французские переводы их нет у меня ни сил, ни времени; да нет и надобности в этом, потому что сии переводы сверены мною с подлинниками и оказались хороши.

Я оговорился и уговорился с вами. А вы читайте Оправдания моей истории Афона, и судите: достоверна ли она, и достоин ли вероятия я, наименьший служитель науки.

§ 1. О названиях Афона и их значении

1) Thucydides. Historiae. Liber IV. Caput 109.

Βρασίδας ... στρατεύει ἐπὶ τὴν Ἀκτὴν καλουμένην. ἔστι δὲ ἀπὸ τοῦ βασιλέως διορύγματος ἔσω προύχουσα, καὶ ὁ Ἄθως αὐτῆς ὄρος ὑψηλὸν τελευτᾷ ἐς τὸ Αἰγαῖον πέλαγος. •[125]•

2) Strabo. L. VII. Excerpta sub fine.

Ἔστιν δὲ ὁ Ἄθων ὄρος... ὑψηλότατον.

Λεξικὸν Βαρίνου.

Ἄθως ὄρος Θράκης ὑψηλότατον, ὃ καὶ Ἄθων σὺν τῷ 'ν' λέγουσιν.

3) Stephanus Byzantinus de urbibus. Lipsiae, 1825. T. 1. P. 24.

Ἄθως ὄρος Θράκης ἀπὸ Ἄθω γίγαντος.

Λεξικὸν Βαρίνου.

Ἄθως ... ὠνόμασται ἀπὸ τινος γίγαντος Ἄθου, ὃς ἦν Ποσειδῶνος καὶ Ροδόπης τῆς Στρυμόνος.

Φιλοστράτης. Ἡρωϊκοὶ Διάλογοι α'.

ἔστι δέ τι κατὰ νότον ἄνεμον ἄκρωτήριον τῆς Ἰμβρου, Ναύλοχος... Τρύφος οὖν ἐνταῦθα τῆς γῆς ἀπορράγεν συνεπέσπαστο σῶμα μεγίστου γίγαντος. Κἂν ἀπιστῆς, πλεύσωμεν· πρόκειται γὰρ γυμνὸς ἔτι...

3) Pindar. Nem. IV, 25–30 [I, 67–68].

[καὶ γὰρ ὅταν θεοὶ ἐν πεδίῳ Φλέγρας γιγάντεσσιν μάχαν ἀντάζωσιν...]

Strab. L. VII.

ῶκουν δὲ αὐτὴν Φλέγραν οἱ μυθεύοντες γιγάντες, ἔθνος ἀσεβὲς καὶ ἄνομον, οὗς Ἡρακλῆς διέφθειρεν.

Iul. Solin. de Macedonia.

Admonet Phlegra, ubi antequam opus fieret, rumor est militiam mundi dimicatam cum gigantibus... Illic elluvione ossa etiam nunc feruntur delegi, quae ad instar corporis sunt humani, sed modo grandiori, quae ob enormem magnitudinem monstrosi exercitus jactitant ostitisse.

4) Πλάτων ἐν Κρατύλῳ.**§ 2. Ο μεσσηνιστὶς Ἀφονα
и о размерах его****5) Ptolomaei Geographia. L. III. Vennet., 1562. [С исправлениями по изд.: Claudii Ptolemaei Geographia / Ed. C. Müller. Paris, 1883]. — П.К.]**

Ἐν τῇ Χαλκιδικῇ χώρα:

Πάνορμος λίμνη καὶ πόλις —

ν.γ.ο, μα (50°20', 41°)

Ἄθως ὄρος — να, μα.ζ (51°, 41°10')

Ἄθως ἄκρον καὶ πόλις —

να.δ, μα.δ (51°15', 41°15')

τὸ μέσον τοῦ ὄρους —

να.ζ, μα (51°10', 41°)

Νύμφαιον ἄκρον —

να.ζ, μ.δ (51°10', 40°15').

Καὶ ἐν τῷ Σιγγιτικῷ κόλπῳ:

Στρατονίκη —

ν.γ.ιβ, μ.γ.ιβ (50°40', 40°40')

Ἄκανθος — ν.γ.ο, μ.γ.ιβ (50°20' 40°40')

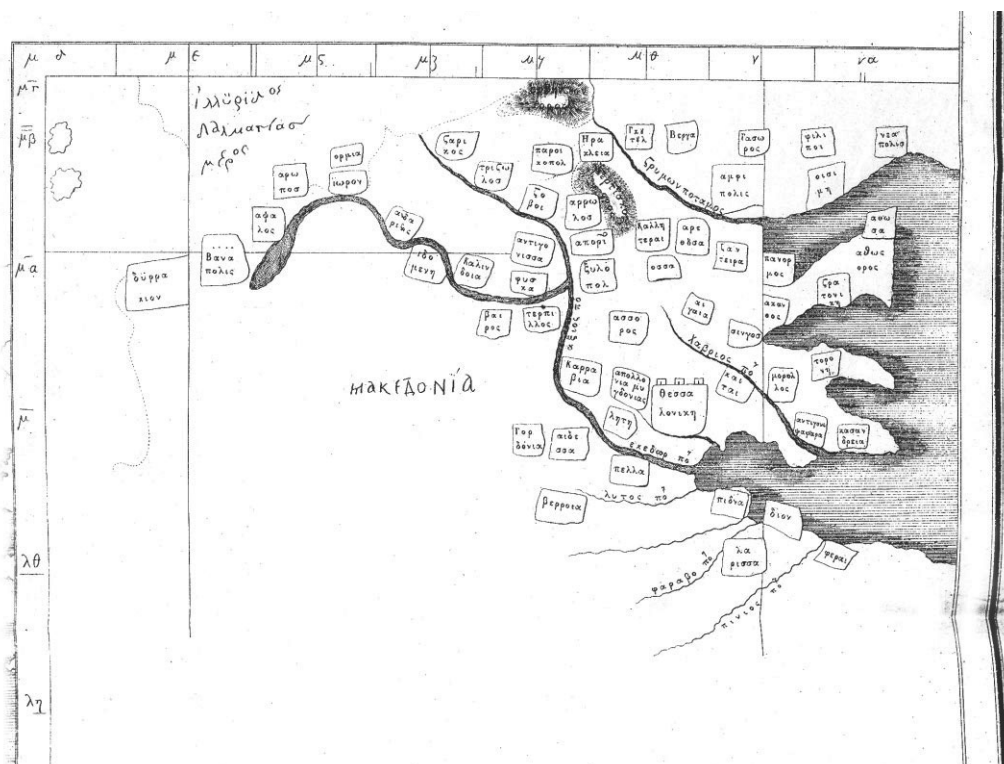
Σίγγος — ν, μ.γ.ο (50°, 40°20').

6) Hist. d'Hérodote. L. VII. Cap. 22. Paris, 1822.

L'Athos est une montagne très élevée et fort célèbre, qui s'avance dans •[126]• la mer, et dont les flancs sont habités. Par l'extrémité opposée à celle qui touche à la mer, elle se rattache au continent, et constitue ainsi une presqu'île, dont l'isthme, qui peut avoir douze stades de long, est formé par une plaine semée de quelques hauteurs peu considérables, s'étendant de la mer d'Acanthium jusqu'à celle de Torone, qui est en face.

7) Plinii Historiae Naturalis Lib. IV. Cap. 10. sect. 17. Gothae, 1857.

Fretum, quo montem Athon Xerxes rex Persarum continenti abscidit, in longitudine passuum MD. Mons ipse a planitie excurrit in mare LXXV millia

Карта Птолемея (по ватопедской рукописи XII в.).

passuum. Ambitus radices 150 millia colligit.

Jul. Solin. Polyhistor. Cap. 14. 21.

Athon classibus Persicis navigatum continentique abscissum mille quingentorum passuum longitudine.

8) Herodot. L. VII. Cap. 22.

L'Athos est une montagne très élevée.

Thucyd. L. IV. Cap. 109.

Ἀθως ὄρος ὑψηλὸς τελευτᾷ ἐς τὸ Αἰγαῖον πέλαγος.

Strabo. Excerpta e L. VII fine.

Ἔστι δὲ ὁ Ἀθων ὄρος ... ὑψηλότατον, οὐ οἱ τὴν κορυφὴν οἰκοῦντες ὁρῶσι τὸν

ἥλιον ἀνατέλλοντα, πρὸ ὀρῶν γ' τῆς ἐν τῇ παραλίᾳ ἀνατολῆς.

9) Pomponius Mela. L. II.

Athos mons est adeo elatus, ut credatur altius, quam unde imbres cadunt, surgere. Capit opinio fidem, quia de aris, quas in vertice sustinet, non abluitur cinis, sed quo reliquitur, aggere manet. Caeterum non promontorio, ut alii, verum totus est, totoque longo dorso procedit in pelagus, quo continenti adhaeret, a Xerxe in Graios tendente perfossus transnavigatusque et factus freto navigabili pervius.

Iul. Solin. Polyhist.

Et sane Athos sublimis adeo, ut altior aestimetur, quam unde imbres cadunt. Quae opinio eo fidem concepit, quod in aris, quas cacumine sustinet, nunquam cineres eluuntur, nec quicquam ex aggeribus suis perdunt, sed quo relictis fuerint cumulo, permanent.

10) Plin. H. N. L. IV. Cap. 12. Sect. 23.

Lemnos ab Atho 87 mille passuum. Lemnos oppida habet Hephaestiam et Myrinam, •[127]• in cuius forum solstitio Athos ejaculatur umbram. Ab ea Thasos libera sex millia passuum.

Iul. Solin. Polyhist.

Lemnii Vulcanum colunt, ideo in Lemno metropolis Hephaestia. Praeterea oppidum Myrina, in cuius forum mons Athos e Macedonia umbram jactat. Quod non frustra inter miracula notaverunt, cum Athos a Lemno sex et octoginta millibus passuum separetur.

Stephanus Byzantinus.

Βάλλει δὲ ἡ σκιὰ τοῦ ὄρους (τοῦ Ἀθω) ἐπὶ σταδίους τριακοσίους*.

Scholion. Erat hic mons tantae altitudinis, ut per trecenta stadia umbram diffunderet in Lemnum usque ab eo 72 millia passuum distabat. Unde proverbio locus: Ἀθως καλύπτει πλευρὰν λεμνίας βοός: id est, Athos operit latera Lemniae bovis: in eos dici solitum, qui gloriam alicuius obscurant. Simulacrum enim bovis erat in Lemno insula candido factum lapide, quod Athos umbra sua obscurabat, atque etiam in Myrine urbis Lemni forum

solstitio umbram ejaculabatur, ut rerum monumentis tradit Plinius. H. L. IV, c. 12.

11) Θεοκρίτης. Εἰδύλλιον ζ', [72–77].

...ὁ δὲ Τίτυρος ἐγγύθεν ἄσει,
ὥς ποκα τὰς Ξενέας ἠράσσατο
Δάφνης ὁ βούτας,
χ' ὥς ὄρος ἀμφεπονέϊτο, καὶ ὥς
δρύες αὐτὸν ἐθρήνευν,
Τμέρα αἶτε φύοντι παρ' ὄχθαισιν
ποταμοῖο.
εὖ τε χιῶν ὥς τις κατετάκετο
μακρὸν ὑφ' Αἴμον,
ἦ Ἀθω, ἦ Ῥοδόπαν, ἦ Καύκασον
ἐσχατόωντα.

... et Tityrus prope accinet,
Quomodo olim Xeneam amavit
Daphnis bubulcus,
Et quomodo per montem
oberravit, et quomodo
quercus ipsum luxerunt,
Quae nascuntur circa ripas fluvii
Himerae,
Quum ille velut nix contabescebat
in excelso Haemo,
Vel in Atho, vel Rhodope, vel in
extreme Caucaso.

12) Νίκανδρος πέμπτῳ τῆς Εὐρωπείας, apud Stephanum Byzantinum. T. 1. P. 24. •[128]•

καὶ τις Ἀθω τόσον ὕψος ἰδὼν
Θρηϊκὸς ὑπ' ἄστροις
Ἐκλυεν, οὐ δὴ θέντος
ἀμετροῖτ' ὑπὸ λίμνῃ,
Ὅς ἀνασπῶν χεῖρεσσι δύο
ρίπτεσκε βέλεμνα
Ἡλιβάτου προθέλυμνα
Καναστραίας πάρος ἀκτῆς.

13) Ὁρφέως Ἀργοναυτικά. Lipsiae, 1829.

Οὐλύμπου δὲ βαθυσκοπέλου
πρηγῶνας ἐρυμνοῦς

* Ὁ Ἀθως ἐπὶ 700 σταδίους ἕως Λήμνου σκιάζει.
Scholion in Timaeum.

Εἰσέδρακον Μινύαι, καὶ
 Ἄθω δενδρώδεα κάμψαν,
 Παλλήνην τ' εὐρεῖαν· ἰδὲ
 ζαθέην Σαμοθήκην.

14) Strabo. L. VII.

Ἔστιν δὲ ὁ Ἄθων, ὄρος μαστοειδές,
 ὁξύτατον.

15) Σκύλαξ.

Μακεδονία. Πρώτη πόλις Μακεδονίας
 Ἡράκλειον... Θέρμη πόλις... Παλλήνη...
 Ἄθος ὄρος. Ακροθῶται Ἕλληνες.

Geographia Ptolomaei. Смотри выше
 первую выноску.

16) Σκύλαξ.

Στρώμων ποταμὸς ὀρίζει Μακεδονίαν
 καὶ Θρακίαν.

17) Strabo. Excerpta ex L. VII fine.

Ὅτι ἀντικρὺ Κανάστρου, ἄκρου τῆς
 Παλλήνης, ἡ Δέρρις ἐστὶν ἄκρα πλησίον
 Κωφοῦ λιμένος. καὶ ὁ Τρωναῖος κόλπος
 ὑπὸ τούτων ἀφορίζεται. καὶ πρὸς ἀνα-
 τολὰς αὐθις κεῖται τὸ ἄκρον τοῦ Ἄθωνος,
 ὃ ἀφορίζει τὸν Σιγγιτικὸν κόλπον. ὡς
 εἶναι ἐφεξῆς κόλπους τοῦ Αἰγαίου πε-
 λάγους ... Μαλιακόν, Παγασιτικόν ...
 ἄκρα δὲ τὸ ἐν Παλλήνῃ Κάναστρον.
 εἴτα Δέρρις, εἴτα Νυμφαῖον ἐν τῷ Ἄθωνι
 πρὸς τῷ Σιγγιτικῷ. τὸ δὲ πρὸς τῷ Στρυμο-
 νικῷ Ἀκράθως ἄκρον, ὦν μεταξὺ ὁ Ἄθων.

18) Herodot. L. VI. Cap. 44, 45.

La mer qui baigne l'Athos est, plus que tou-
 te autre, fréquentée par des monsters marius.

**§ 3. О первообитных жителях
 Афона**

19) Thucydides. Historiae. L. IV. Cap. 109.

αἱ (sc. πόλεις τοῦ Ἄθω) οἰκοῦνται
 συμμεῖκτοις ἔθνεσι βαρβάρων διγλώσ-

σων, καὶ τι καὶ Χαλκιδικὸν ἐνὶ βραχύ,
 τὸ δὲ πλεῖστον Πελασγικόν, τῶν καὶ
 Λῆμνόν ποτε καὶ Ἀθήνας Τυρσηνῶν
 οἰκησάντων, καὶ Βισαλτικόν καὶ
 Κρηστωνικόν καὶ Ἡδῶνες. •[I 129]•

20) Herodot. L. VII. Cap. 114.

L'armée (du Xerxes) se dirigea vers le
 lieu appelé les Neuf-Chemins, dans le pays
 des Edoniens, en passant le Strymon. — Ibi-
 dem, c. 115: Au-delà du Strymon, l'armée
 suivit la côte qui se dirige vers le couchan-
 nt... Cette côte, et le pays qui s'élève au-
 dessus, porte le nom de Bisaltie. — Ibidem,
 c. 124: L'armée déterre, avec laquelle Xerxès
 était parti d'Acanthe, coupa dans l'intérieur
 des terres pour se rendre à Therme, en
 traversant la Paeonique et la Crestonie.

Из всех этих слов Иродота видно,
 что идоны и висалты, выславшие свои
 колонии на Афон, жили близ пере-
 шейки этой горы, по сию сторону реки
 Стримона, а кристоны — немного
 далее и выше в окрестностях Солуня.

21) Thucydides. Historiae. L. V. Cap. 82.

Τοῦ δ' ἐπιγιγνομένου θέρους Δικτι-
 διῆς τε οἱ ἐν Ἄθω ἀπέστησαν Ἀθηναίων
 πρὸς Χαλκιδέας. — L. V, 35. Τοῦ δ' αὐ-
 τοῦ θέρους καὶ Θυσσὸν τὴν ἐν τῇ Ἄθω
 Ἀκτῇ Δικτιδιῆς εἶλον, Ἀθηναίων οὔσαν
 ξύμμαχον.

**§ 4. О затоплении Афона водами
 Черного моря**

22) Aristotelis Liber de mundo. Cap. 3.

Τὴν μὲν οὖν οἰκουμένην ὁ πολὺς λό-
 γος εἰς τε νήσους καὶ ἡπείρους διείλεν,
 ἀγνοῶν ὅτι καὶ ἡ σύμπασα μία νησὸς

ἐστίν, ὑπὸ τῆς Ἀτλαντικῆς καλουμένης θαλάσσης περιρρομένη. Πολλὰς δὲ καὶ ἄλλας εἰκὸς τῆσδε ἀντιπόρθμους ἄπωθεν κεῖσθαι, τὰς μὲν μείζους αὐτῆς, τὰς δὲ ἐλάττους, ἡμῖν δὲ πάσας πλὴν τῆσδε ἀοράτους· ὅπερ γὰρ αἱ παρ' ἡμῖν νῆσοι πρὸς ταυτὶ τὰ πελάγη πεπόνθασιν, τοῦτο ἦδε ἡ οἰκουμένη πρὸς τὴν Ἀτλαντικὴν θάλασσαν... Πέλαγος δὲ τὸ μὲν ἔξω τῆς οἰκουμένης Ἀτλαντικόν τε καὶ Ὠκεανὸς καλεῖται, περιρρέων ἡμᾶς. Ἐντὸς δὲ πρὸς δύσεις στενοπόρῳ διανεωγῶς στόματι, κατὰ τὰς Ἡρακλείους λεγομένης στήλας τὸν εἰσρουν εἰς τὴν ἔσω θάλασσαν ὡς ἂν εἰς λιμένα ποιεῖται.

Diodorus Siculus. L. IV. Cap. 18.

Nous allons nous arrêter un moment sur les colonnes d'Hercule (Гибралтар, скалы). Arrivé aux extrémités de la Libye et de l'Europe, Hercule érigea ces colonnes sur les bords de l'Océan. Pour laisser un souvenir immortel de son expédition, il rapprocha, dit-on, par une digue les extrémités des deux continents, oui étaient autrefois très •[1 130]• distants l'un de l'autre, et il ne laissa aux eaux de la mer qu'un passage étroit; ouvrage immense, qui perpétua la mémoire d'Hercule. Quelques-uns prétendent, au contraire, que les deux continents étant joints, Hercule perça l'isthme, et forma ainsi le détroit qui fait aujourd'hui communiquer l'Océan avec notre mer (méditerranée). Chacun est libre d'adopter l'une ou l'autre des deux opinions... — Я усвою второе мнение согласно с Аристотелем, который положительно сказал, что Атлантический Океан разорвал Гибралтар, скалы и влился в местность Средиземного моря.

Strabo. Geographica. L. I. Cap. 3.

Τοῦ δὲ Στράτωνος ἔτι μᾶλλον ἀπτομένου τῆς αἰτιολογίας, ὅτι φησὶν οἶεσθαι τὸν Εὐξείνιον μὴ ἔχειν πρότερον τὸ κατὰ Βυζάντιον στόμα, τοὺς δὲ ποταμοὺς βιάσασθαι καὶ ἀνοῖξαι τοὺς εἰς αὐτὸν ἐμβάλλοντας, εἴτ' ἐκπεσεῖν τὸ ὕδωρ εἰς τὴν Προποντίδα καὶ τὸν Ἑλλήσποντον. τὸ δ' αὐτὸ συμβῆναι καὶ περὶ τὴν καθ' ἡμᾶς θάλατταν· καὶ γὰρ ἐνταῦθα τὸν κατὰ στήλας ἐκραγῆναι πόρον, πληρωθείσης ὑπὸ τῶν ποταμῶν τῆς θαλάττης, κατὰ δὲ τὴν ἔκρυσιν ἀνακαλυφθῆναι τὰ τεναγώδη πρότερον. φέρει δ' αἰτίαν πρῶτον μὲν ὅτι τῆς ἔξω θαλάττης καὶ τῆς ἐντὸς τοῦδαφος ἕτερόν ἐστιν, ἔπειθ' ὅτι καὶ νῦν ἔτι ταινία τις ὕφαλος διατέτακεν ἀπὸ τῆς Εὐρώπης ἐπὶ τὴν Λιβύην, ὡς ἂν [μὴ] μιᾶς οὐσης πρότερον τῆς τε ἐντὸς καὶ τῆς ἐκτός. — Внутреннее, т.е. Средиземное море, и внешнее, т.е. Атлантическое, прежде не были соединены.

Jul. Solin. Polyhistor. Cap. 27.

Quoniam in Ponticis rebus sumus, non erit omittendum, unde Mediterranea maria caput tollant. Aestimant enim quidam sinus istos a Gaditano freto nasci, nec aliam esse originem, quam inundationem irrumpentis Oceani, cuius spiritu peruagente apud aliquot mediterranea litora, sicut in Italia parte, fieri accessus vel recessus. Qui contrarium sentiunt, omnem illum fluorem aiunt a Ponticis faucibus inundare, idque fulciunt argummente non inani, quod aestus e Ponto profluus, nunquam reciprocetur. — Jul. Solin, c. 36. Sed Gaditanum fretum a Gadibus dictum Atlanticus aestus in

nostrum mare discidium orbis immittit. Nam •[I 131]• Ωκεανός, quem Graeci sic nominant, a celeritate ab occasu Solis irrumpens, laevo latere Europam radit, Africam dextro, scissisque Calpe et Abila montibus, quos dicunt columnas Herculis, inter Mauros funditur et Hispaniam. Ac freto isti cuius quindecim millia passuum efficit longitudo, latitudo vix septeni.

Pomponius Mela. L. I. Mauritania.

Addit fama nominis fabulam, Herculem ipsum junctos olim perpetuo jugo diremisce colles, atque ita exclusum antea mole montium Oceanum. ad quae nunc inundat, admissum. Hinc jam mare latius funditur, summotasque vastius terras magno impetu inflectit.

Sallust. Jugurtha. Cap. 17.

In divisione orbis terrae plerique in partem tertiam Africani posuere: pauci tantummodo Asiam et Europam esse, sed Africam in Europa. — Из этих слов Саллюстия видно, что древним географам нововведением казалось разделение земного шара на три части Европы, Азию и Африку, и что во времена отдаленные Европа и Африка были принимаемы за один материк. Смотри: Martianus Capella. L. VI de divisione terrae; Orosii L. I, 1, c. 2; Seneca tragicus. Hercul. fur. v. 237 et caet.

Plinius. Historia naturalis. L. III. Sect. 1.

Terrarum orbis universus in tres dividitur partes, Europam, Asiam, Africam. Origo ab occasu solis et Gaditano freto, qua inrumpens Oceanus Atlanticus in maria interiora diffunditur... Caput 1. Oceanus a quo dictum est spatio Atlanticum mare infundens et avido incatu

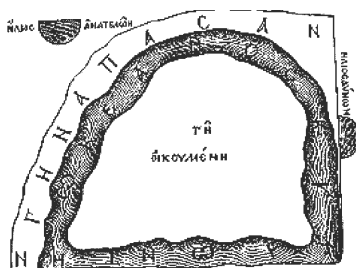
terras, quaecumque venientem expavere, demergens resistentis quoque flexuoso litorum anfractu lambit, Europam vel maxume recessibus crebris excavans, sed in quattuor praecipuos sinus.

23) Aristoteles. De mundo. Cap. 3.

Οικουμένη σύμπασα μία νῆσος ἐστίν, ὑπὸ τῆς Ἀτλαντικῆς θαλάσσης περικυκλωμένη... Πέλαγος δέ, τὸ μὲν ἔξω τῆς οἰκουμένης, Ἀτλαντικὸν καλεῖται, καὶ ὁ Ωκεανός, περικυκλῶν ἡμᾶς.

Πλάτωνος Τιμαῖος.

Ἡ νῆσος (Ἀτλαντίς) ἅμα Λιβύης ἦν καὶ Ἀσίας μείζων, ἐξ ἧς ἐπίβατον ἐπὶ τὰς ἄλλας νήσους τοῖς τότε ἐγίνετο πορευομένοις, ἐκ δὲ τῶν νήσων ἐπὶ τὴν καταντικρὺ πᾶσαν ἡπειρον τὴν •[I 132]• περὶ τὸν ἀληθινὸν ἐκείνον πόντον (Ἀτλαντικόν) τὰ δὲ μὲν γάρ, ὅσα ἐντὸς τοῦ στόματος οὗ λέγομεν, φαίνεται λιμὴν στενὸν τίνα ἔχων εἰσπλυν. ἐκεῖνο δὲ πέλαγος (Ἀτλαντικόν) ὄντως ἢ τε περιέχουσα αὐτὸ γῆ παντελῶς ἀληθῶς ὀρθότατ' ἂν λέγοιτο ἡπειρος.

Обе эти карты, перерисованные с рукописи IX в., содержащей топографию Козмы Индоплователя и хранящейся в библиотеке Синайского монастыря, верно отображают предание Платона и Аристотеля о заокеанном материке и о том, что Европа, Азия и Африка составляли один остров, обтекаемый океаном.

24) Πλάτωνος Κριτίας.

Καθάπερ θεοί... κατενείμαντο γῆν πᾶσαν ἔνθα μὲν μείζους λήξεις, ἔνθα δὲ καὶ ἐλάττους, ἱερὰ θυσίας τε αὐτοῖς κατα σκευάζοντες, οὕτω δὴ καὶ τὴν νῆσον Ποσειδῶν τὴν Ἀτλαντίδα λαχὼν ἐκγόνους αὐτοῦ κατώκισεν ἐκ θνητῆς γυναικὸς γεννήσας ἔν τινι τόπῳ τοιῶδε τῆς νήσου. πρὸς θαλάττης μὲν, κατὰ δὲ μέσον πάσης πεδίον ἦν, ὃ δὴ πάντων πεδίων κάλλιστον ἀρετῇ τε ἱκανὸν γενέσθαι λέγεται, πρὸς τῷ πεδίῳ δὲ αὐτὸ κατὰ μέσον σταδίους ὡς πεντήκοντα ἀφεστὸς ἦν ὄρος βραχὺ πάντῃ. τούτῳ δ' ἦν ἔνοικος τῶν ἐκεῖ κατὰ ἀρχὰς ἐκ γῆς ἀνδρῶν γεγονότων Εὐήνωρ μὲν ὄνομα, γυναικὶ δὲ συνοικῶν Λευκίππῃ· Κλειτῷ δὲ μονογενῇ θυγατέρῃ ἐγεννησάσθην. ἤδη δ' εἰς ἀνδρὸς ὥραν ἡκούσης τῆς κόρης ἢ τε μήτηρ τελευτᾷ καὶ ὁ πατήρ, αὐτῆς δὲ εἰς ἐπιθυμίαν Ποσειδῶν ἐλθὼν συμμείγνυται, καὶ τὸν γήλοφον, ἐν ᾧ κατώκιστο, ποιῶν εὐερκῇ περιρρήγνυσιν κύκλῳ, θαλάττης γῆς τε ἐναλλάξ ἐλάττους μείζους τε περὶ ἀλλήλους ποιῶν τροχοῦς, δύο μὲν γῆς, θαλάττης δὲ τρεῖς οἷον τορνεύων ἐκ μέσης τῆς νήσου, πάντῃ ἴσον ἀφεστῶτας, ὥστε ἄβατον ἀνθρώποις εἶναι πλοῖα γὰρ καὶ τὸ πλεῖν οὐπω τότε ἦν

(καὶ τὰ λοιπὰ, καὶ τὰ λοιπὰ ἕως τοῦ τέλους).

Передаю это сказание Платона вкратце:

«После того, как боги разделили между собою землю, каждый из них, получил область, один большую, другой меньшую... Остров Атлантида достался Посидону (Нептуну). Тут жил один из тех людей, которых родила земля. Его звали Евенор, а жену его — Левкиппа. У них была единственная дочь, по имени Клито. Она созрела, когда отец и мать умерли. Посидон полюбил ее и женился на ней. Пять раз Клито рождала ему сыновей, по два близнеца, каждый раз. •|| 134|•

Тогда он разделил всю Атлантиду на десять частей и дал старшему сыну достояние матери, лучшее и большее. Его звали Атлас, а от него и весь остров впоследствии стал называться Атлантида. Брать его, близнец, получил во владение оконечность сего острова, ближайшую к столпам Иракловым (к Гибралтару).

Дети вторых родов были Амфир и Евдемон, третьих родов — Мнизей и Автохоон, четвертых — Еласипп и Мистор, пятых — Азаис и Диапрепис.

Все они, их дети и потомки, жили в продолжении многих поколений в этой стране и владели многими другими островами в Атлантическом океане; кроме сего власть их, как мы сказали прежде, простиралась до Египта и Тирринии.

Род Атласа был самый достопочтенный. В этом роде старшие сыновья на-

следовали престол отцов своих в течение долгого времени.

Остров сам собою производил все, что необходимо для жизни, все металлы твердые и плавимые, даже орихалкон, который теперь мы знаем только по имени. После золота он был драгоценнейший металл. Он блистал как огонь.

Там было весьма много слонов и других животных, много рек, озер и лесов.

Жители строили капища, царские палаты, приморские пристани и вообще всю страну свою украшали и содержали в порядке.

Царские дворцы были велики и красивы. Мосты держались на огромных колесах, особенно те, которые устроены были в море и в каналах.

В столице Атлантиды капище Посидона и Клиты, окруженное водою, имело несметные богатства. Наружные стены его одеты были серебром, а углы золотом: внутри же потолки сделаны были из слоновой кости и испещрены серебром, золотом и орихалком, а стены, колонны и полы облицованы одним орихалком... Кроме сего капища были другие •[135]• храмы для богов; были и сады, гимназии для телесных упражнений, ристалища, пристани для судов и кораблестроительные здания. В главной пристани стояло множество торговых судов из разных стран, и шум не умолкал ни днем, ни ночью.

Весь остров, как говорили, был весьма высок и у моря обрывист. Вокруг столицы расстилалась равнина, обставленная горами, кои спускались к морю.

Она была продолговата и простиралась в одну сторону на три тысячи стадий, а от своей середины до моря на две тысячи.

Площадь всего острова протягалась к югу, а севера защищена была горами, кои по преданиям превосходили высотой и красотой нынешние горы. Тут было много богатых слобод и селений, рек, озер и лугов... Эта площадь имела вид четверосторонника довольно правильного, но продолговатого...

Атлантические цари имели большое войско, пехоту и конницу, стрельцов, пращников, камнеметателей, копьеносцев и 1200 военных судов.

В капище Посидона стоял столп, вылитый из орихалка. На нем начертаны были письменные законы (οἱ ἐν τῇ στήλῃ νόμοι). Тут через каждые пять лет собирались суда и правители и пред столпом, принеся в жертву вола, клялись судить народ и управлять им по отеческим законам...

В продолжение многих поколений атланты, пока живо в них было божественное чувство, повиновались законам: все поколения их были возвышенны и направлены к истине; и они скромно и мудро вели себя при всех переворотах жизни, уважая одну добродетель, считали все прочее ничтожным; обладание золотом, серебром и прочими драгоценностями казалось им тягостно.

Но страсти подавили в них божественное чувство. Они развратились. Тогда бог богов Зевес, царствующий правдою и всевидящий, усмотрев развращение этих людей, некогда добродетельных,

и восхотев наказать их, дабы они исправились, •[136]• собрал всех богов в свое жилище, находящееся среди вселенной, и начал говорить им.

(Здесь прерван недоконченный или утраченный рассказ Платона).

25) Solin. Polyhist. Cap. 41.

Cilicia antea usque ad Pelusium Aegypti pertinebat.

26) Plinius. Historia naturalis. II, 90–92.

Namque et hoc modo insulas rerum natura fecit. Avellit Siciliam Italiae, Cyprum Syriae, Eubaeam Beotiae, Eubeae Atalaten et Macrim, Besbicum Bithyniae. ... Ad hoc perrupit mare Leucada, Antirrium, Hellespontum, Bosporos duos.

Pomponius Mela. L. II. Insulae.

Sicilia (ut ferunt) aliquando continens, et agro Brutio annexa, post freto maris Siculi abscissa est.

27) Πλάτωνος Κριτίας.

... τε εἶναι καὶ τοῖς ζώοις πᾶσιν εὐβοτον. τότε δὲ πρὸς τῷ κάλλει καὶ παμπλήθει ταῦτα ἔφερεν. πῶς οὖν δὴ τοῦτο πιστόν, καὶ κατὰ τί λείψανον τῆς τότε γῆς ὀρθῶς ἂν λέγοιτο; πᾶσα ἀπὸ τῆς ἄλλης ἡπείρου μακρὰ προτείνουσα εἰς τὸ πέλαγος οἷον ἄκρα κεῖται· τὸ δὴ τῆς θαλάττης ἀγγεῖον περὶ αὐτὴν τυγχάνει πᾶν ἀγχιβαθὲς ὄν. πολλῶν οὖν γεγονότων καὶ μεγάλων κατακλυσμῶν ἐν τοῖς ἐνακισχιλίαις ἔτεσι — τοσαῦτα γὰρ πρὸς τὸν νῦν ἀπ' ἐκείνου τοῦ χρόνου γέγονεν ἔτη — τὸ τῆς γῆς ἐν τούτοις τοῖς χρόνοις καὶ πάθεσιν ἐκ τῶν ὑψηλῶν ἀπορρέον οὔτε χῶμα, ὡς ἐν ἄλλοις τόποις, προχοῇ λόγου ἄξιον αἰεὶ τε κύκλῳ περιρρέον εἰς βάθος

ἀφανίζεται· λέλειπται δὴ, καθάπερ ἐν ταῖς σμικραῖς νήσοις, πρὸς τὰ τότε τὰ νῦν οἷον νοσήσαντος σώματος ὅστᾳ...

28) Strabo. L. I. Cap. 3.

οἱ δὲ καὶ τὴν Λέσβον τῆς Ἰδης ἀπερωγένοι πεπιστεύκασι, καθάπερ τὴν Προχύτην καὶ τὴν Πιθηκοῦσαν τοῦ Μισηνοῦ, •[137]• τὰς δὲ Καπρέας τοῦ Αθηναίου, τὴν Σικελίαν δὲ τῆς Ρηγίνης, τὴν Ὀσσαν δὲ τοῦ Ὀλύμπου. γεγόνασι δὲ καὶ περὶ ταῦτα τοιαῦται μεταβολαί.

29) Πλάτωνος Τιμαῖος.

Περὶ δὴ τῶν ἐνακισχιλία γεγονότων ἔτη πολιτῶν σοι δηλώσω διὰ βραχέων... τότε πορεύσιμον ἦν τὸ Ἀτλαντικὸν πέλαγος.

Aristotelis De mundo. Cap. 3.

Πέλαγος δὲ τὸ μὲν ἔξω τῆς οἰκουμένης Ἀτλαντικόν τε καὶ Ὠκεανὸς καλεῖται, περιρρέων ἡμᾶς. Ἐντὸς δὲ πρὸς δύσεις στενοπόρῳ διανεωγῶς στόματι, κατὰ τὰς Ἡρακλείους λεγόμενας στήλας τὸν εἰσρουν εἰς τὴν ἔσω θάλασσαν ὡς ἂν εἰς λιμένα ποιεῖται, κατὰ μικρὸν δὲ ἐπιπλατυνόμενος ἀναχεῖται, μεγάλους περιλαμβάνων κόλπους ἀλλήλοις συναφεῖς, πῇ μὲν κατὰ στενοπόρους αὐχένας ἀνεστομωμένος, πῇ δὲ πάλιν πλατυνόμενος. Πρῶτον μὲν οὖν λέγεται ἐγκεκολπῶσθαι ἐν δεξιᾷ εἰσπλέοντι τὰς Ἡρακλείους στήλας, διχῶς, εἰς τὰς καλουμένας Σύρτεις, ὧν τὴν μὲν Μεγάλην, τὴν δὲ Μικράν, καλοῦσιν· ἐπὶ θάτερα δὲ οὐκέτι ὁμοίως ἀποκολπούμενος τρία ποιεῖ πελάγη, τό τε Σαρδόνιον καὶ τὸ Γαλατικὸν λεγόμενον καὶ Ἀδρίαν, ἐξῆς δὲ τούτων ἐγκάρσιον τὸ Σικελικόν.

Diodorus Siculus. L. III. Cap. 55.

On rapporte que le lac Tritonis a entièrement disparu par suite des tremblements de terre qui ont fait rompre les digues du côté de l'Océan.

30) Diodorus Siculus. L. IV. Cap. 18.

Nous allons nous arrêter un moment sur les colonnes d'Hercule dont nous venons de faire mention. Arrivé aux extrémités de la Libye et de l'Europe, Hercule érigea ces colonnes sur les bords de l'Océan. Pour laisser un souvenir immortel de son expédition, il rapproche, dit-on, par une digue les extrémités des deux continents, qui étaient autrefois très distants l'un de l'autre, et il ne laissa aux eaux de la mer qu'un passage étroit: ouvrage immense, qui perpétua la mémoire d'Hercule. — Этот миф о Геркулесе, как и все мифы народные, говорит А. Гумбольдт, приращенные к истории и географии, не всегда принадлежат к области мира мечтательного. Если отличительная черта их есть *неопределенность*, если часто символы облачают действительность покрывалом, более или менее непрозрачным, то со всем тем мифы, •[I 138]• непосредственно между собою связанные, нередко выражают космогонические и физические понятия первобытных людей. (Examination critique de l'histoire de la géographie de nouvelle Continente. T. I. P. 112).

Strabo. L. I. Cap. 3. Смотри выше выписку под № 1: «Τοῦ δὲ Στράτωνος...»

Массуди, арабский историк X века.

Около 874 года по Р. Х. привели к Ахмету бен-Тулу, который тогда

управлял Египтом, старца христианина, имевшего от роду почти 130 лет, уроженца из Сайда. Он был отшельник и великий мудрец. Этот старец рассказывал весьма многое из древнейшей истории Египта, и между прочим следующее:

«Пространство, занимаемое ныне озером Таниским (Мензале) было некогда страной богатейшей из всех областей Египта. Повсюду виднелись плодоносные сады, пальмовые леса, виноградники, роскошные пастбища и долины, пересекаемые светлыми водами, плотинами, дорогами и покрытые селами... Все пространство между Ель-Аришем и островом Кипром, где теперь волнуется обширное море, можно было некогда проходить вброд. Тут была устроена плотина. По ней скот гоняли из Кипра в Танис. Подобный этому путь был проложен между островом Кипром и страной Рум (Малую Азией). Таким же образом между Андалузией и Тангером существовал некогда в месте Хадра, что близ Фарсель-Магриб (Фец), мост, который был составлен из больших камней и по которому стада проходили с западного берега Андалузии на северный берег Африки. Море проникало беспрепятственно сквозь ущелья сего огромного моста, составляя несколько каналов. Отсюда начиналось Средиземное море, вытекающее из Океана, или великого моря. Однако в течение веков море, постоянно напирая на берег, овладевало землями так, что каждое поколение людей замечало постоянную убыль

берегов. Наконец, море разорвало плотины, соединявшие Ель-Ариш с Кипром и Андалузию с берегом Тангера. Память о сей последней плотине •[139]• сохранилась у жителей Андалузии и Феца. Мореплаватели даже указывали место, где она находилась. Длина её была в $\frac{1}{12}$ миль, а ширина и высота — довольно значительны». (Массуди, *Моруг ель-Джеб* [Мурудж аз-захаб], т. е. Золотой луг, гл. 31. Рукопись С.-Петербургского Азиатского Музея № 505, лист 140).

В *Географическом словаре Якута*, под словом *Бахр ель-Магриб* помещены следующие сведения о прорыве Атлантического океана через Гибралтар и о наводнении берегов Египта и Сирии: «Вот что я читал, — говорит он, — в одной старинной книге, содержащей в себе историю Египта и Северной Африки. По пресечении рода фараонов царями Египта были Бени-Далуки. Из них особенно замечательны Дарокун и Раметрах. Эти два царя были одарены умом проницательным и необыкновенной телесной силой. Когда греки вторглись в их владения, они для избежания их владычества предприняли соединить Западный океан с морем Средиземным. При исполнении сего предприятия море потопило многие обитаемые земли и могущественные царства и пролилось даже на Сирию и Грецию. Таково начало образования островов Греции и Египта».

Этот же Якут, в статье «Миср» (Египет), сказал о царе Дарокуне: «Этот царь есть тот самый, который для защиты

себя от греков пролил Атлантический океан в Средиземное море».

В *космографии Бен-Аяса* [Ибн Ийаса] помещена следующая выписка из сочинения арабского писателя **Ель-Бируни**, умершего в 1039 году нашей эры: «Ель-Бируни рассказывает, что некогда между Александрией и Константинополем была соленая и смрадная земля, на которой, однако, разводились смоковничные и сикоморовые деревья. На этой земле обитали греки, когда двурогий Александр* уравнивал гору, разделявшую Кольсумское (Чермное) море от моря Рум (Средиземного). Тогда вся эта земля •[140]• была поглощена Кольсумским морем. (Notices et extr. des MS. T. VIII. Pag. 13–14).

Прорыв Атлантического океана чрез Гибралтарский пролив признали следующие писатели: Riccioli. Geogr. et Hydrogr. reform. L. I. C. 15. § 1. — Varenius. Geogr. I. C. 18. Prop. 17. — Tournefort. Voyage au Levant. T. XI. P. 65. — Buffon. Hist. natur. T. I. — Humboldt. Ansicht der Natur. Bd. I. S. 169. — Journ. d. phys. T. LIII. P. 34.

31) Πλάτωνος Τιμαῖος.

Περὶ δὴ τῶν ἐνακισχύλια γεγονότων ἔτη πολιτῶν σοι δηλώσω διὰ βραχέων νόμους τε καὶ τῶν ἔργων αὐτοῖς ὁ κάλλιστον ἐπράχθη... Λέγει γὰρ τὰ γεγραμμένα ὅσῃν ἡ πόλις ὑμῶν ἔπαυσέν ποτε δύναμιν ὕβρει πορευομένην ἅμα ἐπὶ πᾶσαν Εὐρώπην καὶ Ἀσίαν, ἔξωθεν

* Греки приписывали все необыкновенные деяния Геркулесу, а арабы — Александру Македонскому.

ὀρμηθεῖσαν ἐκ τοῦ Ἀτλαντικοῦ πελάγους. τότε γὰρ πορεύσιμον ἦν τὸ ἐκεῖ πέλαγος· νῆσον γὰρ πρὸ τοῦ στόματος εἶχεν ὁ καλεῖτε, ὡς φατε, ὑμεῖς Ἡρακλέους στήλας, ἡ δὲ νῆσος ἅμα Λιβύης ἦν καὶ Ἀσίας μείζων, ἐξ ἧς ἐπιβατὸν ἐπὶ τὰς ἄλλας νήσους τοῖς τότε ἐγίγνετο πορευομένοις, ἐκ δὲ τῶν νήσων ἐπὶ τὴν καταντικρὺ πᾶσαν ἡπειρον τὴν περὶ τὸν ἀληθινὸν ἐκεῖνον πόντον. τάδε μὲν γάρ, ὅσα ἐντὸς τοῦ στόματος οὐ λέγομεν, φαίνεται λιμὴν στενὸν τινα ἔχων εἰσπλυν· ἐκεῖνο δὲ πέλαγος ὄντως ἢ τε περιέχουσα αὐτὸ γῆ παντελῶς ἀληθῶς ὀρθότατ' ἂν λέγοιτο ἡπειρος. ἐν δὲ δὴ τῇ Ἀτλαντίδι νήσῳ ταύτῃ μεγάλη συνέστη καὶ θαυμαστὴ δύναμις βασιλέων, κρατοῦσα μὲν ἀπάσης τῆς νήσου, πολλῶν δὲ ἄλλων νήσων καὶ μερῶν τῆς ἡπείρου· πρὸς δὲ τούτοις ἔτι τῶν ἐντὸς τῆδε Λιβύης μὲν ἦρχον μέχρι πρὸς Αἴγυπτον, τῆς δὲ Εὐρώπης μέχρι Τυρρηνίας. αὕτη δὲ πᾶσα συναθροισθεῖσα εἰς ἓν ἡ δύναμις τὸν τε παρ' ὑμῖν καὶ τὸν παρ' ἡμῖν καὶ τὸν ἐντὸς τοῦ στόματος πάντα τόπον μιᾷ ποτὲ ἐπεχείρησεν ὀρμὴ δουλοῦσθαι. τότε οὖν ὑμῶν, ὦ Σόλων, τῆς πόλεως ἡ δύναμις εἰς ἅπαντας ἀνθρώπους διαφανῆς ἀρετῇ τε καὶ ῥώμῃ ἐγένετο· πάντων γὰρ προστάσα εὐψυχία καὶ τέχναις ὅσαι κατὰ πόλεμον, τὰ μὲν τῶν Ἑλλήνων ἡγουμένη, τὰ δ' αὐτὴ μονωθεῖσα ἐξ ἀνάγκης τῶν ἄλλων ἀποστάντων, ἐπὶ τοὺς ἐσχάτους ἀφικομένη κινδύνους, κρατήσασα μὲν τῶν ἐπιόντων τρόπαιον ἔστησεν, τοὺς δὲ μήπω δεδουλωμένους διεκώλυσεν δουλωθῆναι, τοὺς δ' ἄλλους,

•[I 141]• ὅσοι κατοικοῦμεν ἐντὸς ὄρων

Ἡρακλείων, ἀφθόνως ἅπαντας ἡλευθέρωσεν. ὑστέρῳ δὲ χρόνῳ σεισμῶν ἐξαισίων καὶ κατακλυσμῶν γενομένων, μιᾶς ἡμέρας καὶ νυκτὸς χαλεπῆς ἐπελθούσης, τό τε παρ' ὑμῖν μάχιμον πᾶν ἀθρόον ἔδυνε κατὰ γῆς, ἢ τε Ἀτλαντὶς νῆσος ὡσαύτως κατὰ τῆς θαλάττης δύνει ἡφανίσθη· διὸ καὶ νῦν ἄπορον καὶ ἀδιερεύνητον γέγονεν τοῦκεῖ πέλαγος, πηλοῦ κάρτα βραχέος ἐμποδὼν ὄντος, ὃν ἡ νῆσος ἰζομένη παρέσχετο.

32) Senec. Tragoed. Medea.

Venient annis secula seris.
Quibus Oceanus vincula rerum
Laxet, etingens pateat tellus
Thetisque novos detegat orbes,
Nec sit tellus ultima Thule.

33) Plinius. Historia Naturalis. II, 90–92.

Выше смотри выписки под № 5.

34) Strabo. L. I. Cap. 3.

Выше смотри выписки под № 1: «Τοῦ δὲ Στράτονος... ταινία τις ὕφαλος διατέτακεν ἀπὸ τῆς Εὐρώπης ἐπὶ τὴν Λιβύην».

35) Solin. Cap. 41.

Выше смотри выписку под № 4.

36) Strabo. L. I. Cap. 3.

Τὸ δ' αὐτὸ συμβῆναι καὶ περὶ τὴν καθ' ἡμᾶς θάλατταν· καὶ γὰρ ἐνταῦθα τὸν κατὰ στήλας ἐκραγῆναι πόρον, πληρωθείσης ὑπὸ τῶν ποταμῶν τῆς θαλάττης... Τὴν τε Αἴγυπτον τὸ παλαιὸν θαλάττῃ κλύζεσθαι μέχρι τῶν ἐλῶν τῶν περὶ τὸ Πηλοῦσιον καὶ τὸ Κάσιον ὄρος καὶ τὴν Σιρβωνίδα λίμνην· ἔτι γοῦν καὶ νῦν κατὰ τὴν Αἴγυπτον τῆς ἀλμυρίδος ὀρυττομένης ὑφάμμους καὶ

κογχυλιώδεις εύρίσκεσθαι τοὺς βόθρους, ὡς ἂν τεθαλαττωμένης τῆς χώρας καὶ τοῦ τόπου παντὸς τοῦ περὶ τὸ Κάσιον καὶ τὰ Γέρρα καλούμενα τεναγίζοντος, ὥστε συνάπτειν τῷ τῆς Ἐρυθρᾶς κόλπῳ ἐνδούσης δὲ τῆς θαλάττης ἀνακαλυφθῆναι, •Π 142]• μείναι δὲ τὴν Σιρβωνίδα λίμνην, εἴτ' ἐκραγῆναι καὶ ταύτην ὥστε ἐλώδη γενέσθαι. — Здесь говорится, что Средиземное море некогда даже соединялось с Чёрным морем.

37) Πλάτωνος Κριτίας.

Πάντων δὴ πρῶτον μνησθῶμεν ὅτι τὸ κεφάλαιον ἦν ἐνακισχίλια ἔτη, ἀφ' οὗ γεγονῶς ἐμηνύθη πόλεμος τοῖς θ' ὑπὲρ Ἡρακλείας στήλας ἔξω κατοικοῦσιν καὶ τοῖς ἐντὸς πᾶσιν... Ἡφαιστος δὲ κοινήν καὶ Ἀθηνᾶ φύσιν ἔχοντες, ἅμα μὲν ἀδελφὴν ἐκ ταύτου πατρός, ἅμα δὲ φιλοσοφία φιλοτεχνία τε ἐπὶ τὰ αὐτὰ ἐλθόντες, οὕτω μίαν ἄμφω λῆξιν τήνδε τὴν χώραν εἰλήχατον ὡς οἰκείαν καὶ πρόσφορον ἀρετῇ καὶ φρονήσει πεφυκυῖαν, ἄνδρας δὲ ἀγαθοὺς ἐμπούσαντες αὐτόχθονας ἐπὶ νοῦν ἔθεσαν τὴν τῆς πολιτείας τάξιν· ὧν τὰ μὲν ὀνόματα σέσσωται, τὰ δὲ ἔργα διὰ τὰς τῶν παραλαμβανόντων φθορὰς καὶ τὰ μήκη τῶν χρόνων ἠφανίσθη. τὸ γὰρ περιλειπόμενον αἰεὶ γένος, ὥσπερ καὶ πρόσθεν ἐρρήθη, κατελείπετο ὄρειον καὶ ἀγράμματον, τῶν ἐν τῇ χώρᾳ δυναστῶν τὰ ὀνόματα ἀκηκοὺς μόνον καὶ βραχέα πρὸς αὐτοῖς τῶν ἔργων. τὰ μὲν οὖν ὀνόματα τοῖς ἐκγόνοις ἐτίθεντο ἀγαπῶντες, τὰς δὲ ἀρετὰς καὶ τοὺς νόμους τῶν ἔμπροσθεν οὐκ εἰδότες, εἰ μὴ σκοτεινὰς περὶ ἐκάστων τινὰς ἀκοάς, ἐν ἀπορίᾳ δὲ τῶν ἀναγκαίων

ἐπὶ πολλὰς γενεὰς ὄντες αὐτοὶ καὶ παῖδες, πρὸς οἷς ἠπόρουν τὸν νοῦν ἔχοντες, τούτων πέρι καὶ τοὺς λόγους ποιούμενοι, τῶν ἐν τοῖς πρόσθεν καὶ πάλαι ποτὲ γεγονότων ἡμέλουν. μυθολογία γὰρ ἀναζητήσις τε τῶν παλαιῶν μετὰ σχολῆς ἅμ' ἐπὶ τὰς πόλεις ἔρχεσθον, ὅταν ἰδητόν τισιν ἦδη τοῦ βίου τὰναγκαῖα κατεσκευασμένα, πρὶν δὲ οὐ. ταύτη δὴ τὰ τῶν παλαιῶν ὀνόματα ἄνευ τῶν ἔργων διασέσσωται. λέγω δὲ αὐτὰ τεκμαιρόμενος ὅτι Κέκροψός τε καὶ Ἐρεχθέως καὶ Ἐριχθονίου καὶ Ἐρυσίχθονος τῶν τε ἄλλων τὰ πλεῖστα ὅσα περ καὶ Θησέως τῶν ἄνω περὶ τῶν ὀνομάτων ἐκάστων ἀπομνημονεύεται, τούτων ἐκείνους τὰ πολλὰ ἐπονομάζοντας τοὺς ἱερεῖας Σόλων ἔφη τὸν τότε διηγείσθαι πόλεμον, καὶ τὰ τῶν γυναικῶν κατὰ τὰ αὐτά. καὶ δὴ καὶ τὸ τῆς θεοῦ σχῆμα καὶ ἄγαλμα, ὡς κοινὰ τότε ἦν τὰ ἐπιτηδεύματα ταῖς τε γυναιξὶ καὶ τοῖς ἀνδράσι τὰ περὶ τὸν πόλεμον, οὕτω κατ' ἐκείνον τὸν νόμον ὠπλισμένην τὴν θεὸν ἀνάθημα εἶναι τοῖς τότε, ἐνδειγμα ὅτι πάνθ' ὅσα σύνομα ζῶα θήλεα καὶ ὅσα ἄρρενα, τὴν προσήκουσαν ἀρετὴν ἐκάστῳ γένει πᾶν κοινῇ δυνατόν ἐπιτηδεύειν πέφυκεν. Ὡκεῖ δὲ δὴ τότε ἐν τῇδε τῇ χώρᾳ τὰ μὲν ἄλλα ἔθνη τῶν πολιτῶν περὶ τὰς δημιουργίας ὄντα καὶ τὴν ἐκ τῆς γῆς τροφήν, τὸ δὲ μάχιμον ὑπ' ἀνδρῶν θείων κατ' ἀρχὰς ἀφορισθὲν ᾧκει χωρὶς, πάντα εἰς τροφήν καὶ παιδευσιν τὰ προσήκοντα ἔχον... ὅσα περὶ τῶν ὑποτεθέντων ἐρρήθη φυλάκων. καὶ δὴ καὶ τὸ περὶ τῆς χώρας ἡμῶν πιθανὸν καὶ ἀληθὲς ἐλέγετο, πρῶτον μὲν τοὺς

ὄρους αὐτὴν ἐν τῷ τότε ἔχειν ἀφωρισμένους πρὸς τὸν Ἰσθμὸν καὶ τὸ κατὰ τὴν ἄλλην ἡπειρον μέχρι τοῦ Κιθαιρώνα καὶ Πάργηθος τῶν ἄκρων, καταβαίνειν δὲ τοὺς ὄρους ἐν δεξιᾷ τὴν Ὠρωπίαν ἔχοντας, ἐν ἀριστερᾷ δὲ πρὸς θαλάττης ἀφορίζοντας τὸν Ἀσωπὸν· ἀρετὴ δὲ πᾶσαν γῆν ὑπὸ τῆς ἐνθάδε ὑπερβάλλεσθαι, διὸ καὶ δυνατὴν εἶναι τότε τρέφειν τὴν χώραν στρατόπεδον πολὺ τῶν περὶ γῆν ἀργὸν ἔργων. μέγα δὲ τεκμήριον ἀρετῆς· τὸ γὰρ νῦν αὐτῆς λείψανον ἐνάμιλλόν ἐστι πρὸς ἡντινοῦν τῷ πάμφορον εὐκαρπὸν τε εἶναι καὶ τοῖς ζώοις πᾶσιν εὐβοτον. τότε δὲ πρὸς τῷ κάλλει καὶ παμπλήθει ταῦτα ἔφευρεν. πῶς οὖν δὴ τοῦτο πιστόν, καὶ κατὰ τί λείψανον τῆς τότε γῆς ὀρθῶς ἂν λέγοιτο; πᾶσα ἀπὸ τῆς ἄλλης ἡπείρου μακρὰ προτείνουσα εἰς τὸ πέλαγος οἷον ἄκρα κείται· •Π 143• τὸ δὴ τῆς θαλάττης ἀγγεῖον περὶ αὐτὴν τυγχάνει πᾶν ἀγχιβαθὲς ὄν. πολλῶν οὖν γεγονότων καὶ μεγάλων κατακλυσμῶν ἐν τοῖς ἐνακισχιλίοις ἔτεσι — τοσαῦτα γὰρ πρὸς τὸν νῦν ἀπ’ ἐκείνου τοῦ χρόνου γέγονεν ἔτη — τὸ τῆς γῆς ἐν τούτοις τοῖς χρόνοις καὶ πάθεσιν ἐκ τῶν ὑψηλῶν ἀπορρέον οὔτε χῶμα, ὥς ἐν ἄλλοις τόποις, προχοῖ λόγον ἄξιον αἰετὲ κύκλῳ περιρρέον εἰς βάθος ἀφανίζεται· λέλειπται δὴ, καθάπερ ἐν ταῖς σμικραῖς νήσοις, πρὸς τὰ τότε τὰ νῦν οἷον νοσήσαντος σώματος ὅσῳ, περιερρηκυίας τῆς γῆς ὅση πείρα καὶ μαλακίη, τοῦ λεπτοῦ σώματος τῆς χώρας μόνου λειφθέντος. τότε δὲ ἀκέραιος οὐσα τὰ τε ὄρη γηλόφους ὑψηλοὺς εἶχε, καὶ τὰ φελλέως νῦν ὀνομασθέντα

πεδία πλήρη γῆς πείρας ἐκέκτητο, καὶ πολλὴν ἐν τοῖς ὄρεσιν ὕλην εἶχε, ἥς καὶ νῦν ἔτι φανερὰ τεκμήρια· τῶν γὰρ ὄρων ἔστιν ἃ νῦν μὲν ἔχει μελίτταις μόναις τροφήν, χρόνος δ’ οὐ πάμπολυς ὅτε δένδρων αὐτόθεν εἰς οἰκοδομήσεις τὰς μεγίστας ἐρεψίμων τμηθέντων στεγάσματ’ ἐστὶν ἔτι σᾶ. πολλὰ δ’ ἦν ἄλλ’ ἡμερὰ ὑψηλὰ δένδρα, νομὴν δὲ βοσκήμασιν ἀμήχανον ἔφευρεν. καὶ δὴ καὶ τὸ κατ’ ἐνιαυτὸν ὕδωρ ἐκαρποῦτ’ ἐκ Διός, οὐχ ὥς νῦν ἀπολλῦσα ῥέον ἀπὸ ψιλῆς τῆς γῆς εἰς θάλατταν, ἀλλὰ πολλὴν ἔχουσα καὶ εἰς αὐτὴν καταδεχομένη, τῇ κεραμίδι στεγούσῃ γῇ διαταμιευομένη, τὸ καταποθὲν ἐκ τῶν ὑψηλῶν ὕδωρ εἰς τὰ κοῖλα ἀφιεῖσα κατὰ πάντας τοὺς τόπους παρείχετο ἄφθονα κρηνῶν καὶ ποταμῶν νάματα, ὧν καὶ νῦν ἔτι ἐπὶ ταῖς πηγαῖς πρότερον οὐσαις ἱερὰ λελειμμένα ἐστὶν σημεῖα ὅτι περὶ αὐτῆς ἀληθῆ λέγεται τὰ νῦν. Τὰ μὲν οὖν τῆς ἄλλης χώρας φύσει τε οὕτως εἶχε, καὶ διεκεκόσμητο ὥς εἰκὸς ὑπὸ γεωργῶν μὲν ἀληθινῶν καὶ πρᾶττόντων αὐτὸ τοῦτο, φιλοκάλων δὲ καὶ εὐφυῶν, γῆν δὲ ἀρίστην καὶ ὕδωρ ἀφθονώτατον ἐχόντων καὶ ὑπὲρ τῆς γῆς ὥρας μετριώτατα κεκραμένας· τὸ δ’ ἄστνυ κατῳκισμένον ὧδ’ ἦν ἐν τῷ τότε χρόνῳ. πρῶτον μὲν τὸ τῆς ἀκροπόλεως εἶχε τότε οὐχ ὥς τὰ νῦν ἔχει. νῦν μὲν γὰρ μία γενομένη νῦξ ὑγρὰ διαφερόντως γῆς αὐτὴν ψιλὴν περιτήξασα πεποίηκε, σεισμῶν ἅμα καὶ πρὸ τῆς ἐπὶ Δευκαλίωνος φθορᾶς τρίτου πρότερον ὕδατος ἐξαισίου γενομένου· τὸ δὲ πρὶν ἐν ἑτέρῳ χρόνῳ μέγεθος μὲν ἦν πρὸς τὸν Ἡριδανὸν καὶ τὸν Ἰλισὸν

ἀποβεβηκυῖα καὶ περιεληφνῖα ἐντὸς τὴν Πύκνα καὶ τὸν Λυκαβηττὸν ὅρον ἐκ τοῦ καταντικρὺ τῆς Πυκνὸς ἔχουσα, γεώδης δ' ἦν πᾶσα καὶ πλὴν ὀλίγον ἐπίπεδος ἄνωθεν.

Strabo. L. I. Cap. 3.

Οἱ δὲ καὶ Λέσβον τῆς Ἰδης ἀπερὶ ῥωγένας πεπιστεύκασιν καθάπερ τὴν Προχύτην καὶ τὴν Πιθηκοῦσαν τοῦ Μισηνοῦ, τὰς δὲ Καπρέας τοῦ Ἀθηναίου, τὴν Σικελίαν δὲ τῆς Ῥηγίνης...

38) Πλάτωνος Κριτίας [113a].

Σόλων ἅτ' ἐπινοῶν εἰς τὴν αὐτοῦ Ποίησιν καταχρήσασθαι τῷ λόγῳ, διαπυνθανόμενος τὴν τῶν ὀνομάτων δύναμιν, εὖ ἔρε τοὺς τε Αἰγυπτίους πρῶτους ἐκείνους αὐτὰ γραψαμένους εἰς τὴν αὐτῶν φωνὴν μετενηνοχότας, αὐτὸς τε αὐτὸς πάλιν ἐκάστου τὴν διάνοιαν ὀνόματος ἀναλαμβάνων εἰς τὴν ἡμετέρων ἄγων φωνὴν ἀπεγράφετο. καὶ ταῦτα γε δὴ γράμματα παρὰ τῷ ἀπάπτῳ τ' ἦν καὶ ἐτ' ἐστι ἐμοὶ νῦν διαμεμελέτηται τε ὑπ' ἐμοῦ παιδὸς ὄντος.

39) Strabo. L. II. Cap. 3.

Τὸ δὲ ἐξαίρεσθαι τὴν γῆν ποτε καὶ ἰζήματα λαμβάνειν καὶ μεταβολὰς τὰς ἐκ τῶν σεισμῶν καὶ τῶν ἄλλων τῶν παραπλησίων, ὅσα διηριθμησάμεθα καὶ ἡμεῖς, ὀρθῶς κεῖται παρ' αὐτῷ (Ποσιδωνίῳ) •[I 144]• πρὸς ὃ καὶ τὸ τοῦ Πλάτωνος εὖ παρατίθησιν, ὅτι ἐνδέχεται καὶ μὴ πλάσμα εἶναι τὸ περὶ τῆς νήσου τῆς Ἀτλαντίδος, περὶ ἧς ἐκεῖνος ἱστορεῖται Σόλωνα φησὶ πεπυσμένον παρὰ τῶν Αἰγυπτίων ἱερέων, ὡς ὑπάρχουσα ποτε ἀφανισθεῖν, τὸ μέγεθος οὐκ ἐλάττων ἡπείρου.

40) Πλάτων. Κριτίας.

Выше смотрит выписку под № 16.

41) Diodor. Sicul. L. V. Cap. 41.

Les Samothraces racontent qu'avant les déluges arrivés chez les autres nations, il y en avait eu chez eux un très-grand par la rouverte de la terre qui environne les Cyanees, et par suite celle qui forme l'Hellespont. Le Pont-Euxin ne formait alors qu'un lac tellement gros par les eaux des fleuves qui s'y jettent, qu'il déborda, versa ses eaux dans l'Hellespont, et inonda une grande partie du littoral de l'Asie. Une vaste plaine de la Samothrace fut convertie en nier; c'est pourquoi, longtemps après, quelques pêcheurs amenèrent dans leurs filets des chapiteaux de colonnes de pierre comme s'il y avait eu là des villes submergées. Le reste des habitans se réfugia sur les lieux les plus élevés de Vile. Mais la mer continuant à s'accroître, les insulaires invoquèrent les dieux; et, sauvés du péril, ils marquèrent tout autour de Vile les limites de l'inondation et y dressèrent des autels, où ils offrent encore aujourd'hui des sacrifices. Il est donc évident que la Samothrace a été habitée avant le déluge.

42) Strabo. L. I. Cap. 3.

Τοῦ δὲ Στράτωνος ἔτι μᾶλλον ἀπομένου τῆς αἰτιολογίας, ὅτι φησὶν οἶσθαι τὸν Εὐξείνιον μὴ ἔχειν πρότερον τὸ κατὰ Βυζάντιον στόμα, τοὺς δὲ ποταμοὺς βιάσασθαι καὶ ἀνοῖξαι τοὺς εἰς αὐτὸν ἐμβάλλοντας, εἴτ' ἐκπεσεῖν τὸ ὕδωρ εἰς τὴν Προποντίδα καὶ τὸν Ἑλλήσποντον ... Ἐκεῖνο δὲ πυνθάνομαι τί ἐκώλυε, πρὶν ἀνεωγῆναι τὸ στόμα τὸ

κατὰ Βυζάντιον, ταπεινότερον ὂν τὸ τοῦ Εὐξείνου ἔδαφος τοῦ τῆς Προποντίδος καὶ τῆς ἐξῆς θαλάττης πληρωθῆναι ὑπὸ τῶν ποταμῶν, εἴτε θάλατταν •[I 145]• οὐσαν καὶ πρότερον εἴτε λίμνην μείζω τῆς Μαιώτιδος; εἰ γὰρ τοῦτο συγχωροῖτο, προσερίσσομαι καὶ τοῦτο· ἄρᾳ γέ ἡ ἐπιφάνεια τοῦ ὕδατος ἐκείνου καὶ τοῦ τῆς Προποντίδος οὐχ οὕτως εἶχεν ὥστε, μέχρι μὲν ἡ αὐτὴ ἦν, μὴ βιάζεσθαι πρὸς ἔκρυσιν διὰ τὴν ἐξ ἴσης ἀντέρεισιν καὶ θλίψιν, ἐπειδὴ δὲ ὑπερεπόλασεν ἡ ἐντός, βιάσασθαι καὶ ἀπερᾶσαι τὸ πλεονάζον, ἐκ δὲ τούτου γενέσθαι σύρρουν τὸ ἔξω πέλαγος τῷ ἐντός καὶ τὴν αὐτὴν ἐπιφάνειαν ἐκείνῳ λαβεῖν, εἴτε θαλαττίῳ εἴτε λιμναίῳ μὲν πρότερον ὄντι, θαλαττίῳ δὲ ὕστερον, διὰ τὴν μῖξιν καὶ τὴν ἐπικράτειαν; εἰ γὰρ καὶ τοῦτο δώσουσιν, ἡ μὲν ἔκρυσις οὐκ ἂν κωλύοιτο ἡ νῦν, οὐκ ἀπὸ ὑπερτέρου δὲ ἐδάφους οὐδὲ ἐπικλινούς, ὅπερ ἡξίου Στράτων. — По мнению Страбона, на месте Мраморного моря до вторжения в него черноморских вод было озеро.

43) Aristotelis Meteorologicorum L. II. Cap. 1.

Καὶ τῶν ποταμῶν τὸ πλῆθος· ἡ μὲν γὰρ Μαιώτις εἰς τὸν Πόντον ῥεῖ, οὗτος δ' εἰς τὸν Αἰγαῖον. τὰ δ' ἥδη τούτων ἔξω πέλαγῃ ἦττον ποιεῖ τοῦτ' ἐπιδήλως. ἐκείνοις δὲ διὰ τε τὸ τῶν ποταμῶν πλῆθος συμβαίνει τοῦτο (πλείους γὰρ εἰς τὸν Εὐξείνου ῥέουσιν ποταμοὶ καὶ τὴν Μαιώτιν ἢ τὴν πολλαπλασίαν χώραν αὐτῆς) καὶ διὰ τὴν βραχύτητα τοῦ βάθους· ἀεὶ γὰρ ἔτι βαθυτέρα φαίνεται οὐσα ἡ θάλαττα, καὶ τῆς μὲν

Μαιώτιδος ὁ Πόντος, τούτου δ' ὁ Αἰγαῖος, τοῦ δ' Αἰγαίου ὁ Σικελικός, κ. τ. λ.

Strabo. L. I. Cap. 3. — Выше смотри всю выписку под № 21. — Ibidem. Περὶ τῆς τῶν πορθμῶν παλιῶροιας... ὁ κατὰ Βυζάντιον πορθμὸς οὐδὲ μετέβαλλεν, ἀλλὰ διετέλει τὸν ἔκρουν ἔχων μόνον, τὸν ἐκ τοῦ Ποντικοῦ πελάγους εἰς τὴν Προποντίδα.

Seneca. Quaestiones naturals. L. IV. Cap. 2. Terra quum exaruit, plus ad se humos adducit: ut in lucernis oleum illo fluit, ubi exuritur. sic aqua illo incumbit, quos vis caloric et terrae aestuantis arcessit. Unde ergo trahitur? ex illis scilicet partibus semper hibernis, septemtrionalibus, unde exundat. Ob hoc Pontus in Infernum Mare assidue fluit rapidus, non ut cetera maria, alternates ultro citro aestibus, in unam partem semper pronus et torrens. Quod nisi faceret, hisque itineribus, quod cuique •[I 146]• deest, redderetur, quod cuique superest, emitteretur: jam aut siccata essent omnia, aut inundata.

Plinius. L. XCVII, 100.

Pontus semper extra meat in Propon-tidem, introrsus in pontum numquam refluo mari. — Plinius. L. IV, c. XIII, sect. 27. Non est omittenda multorum opinio, priusquam digredimur a ponto, qui maria omnia interiora illo capite nasci, non Gaditano freto existumavere haud improbabili argumento, quoniam aestus semper e Ponto profluens numquam reciprocet.

Iul. Solin. Cap. 27. Выше смотри полную выписку под № 1: «aestus e Ponto profluus nunquam reciprocetur».

Herodot. L. IV. Cap. 86. Le Pont-Euxin tient en outre à un vaste lac, qui se jette dans cette mer, et qui ne lui est pas beaucoup inférieur en grandeur. Il est connu sous le nom de Palus Méotide ou de mère du Pont.

44) Смотри в Ученых Записках 2-го отделения Императорской Академии Наук, СПб., 1854. Кн. I. Исследования об Атлантиде. С. 39.

45) Ricaut P. Histoire de l'état présent de l'église Grecque. 1698. P. 34–35.

À la porte du même château (à Smyrne) est une grande tête de pierre, cimentée dans le mur. Elle ressemble à une tête d'Amazone; et les Turcs la prennent pour une certaine Coidafa, dont ils font ce conte; qu' anciennement l'Archipel était terre ferme, et qu'en ce temps-la, Coidafa, qui en était reine, ayant refusé passage par ses états à Alexandre le Grand, qui allait à la conquête des Indes orientales, ce prince avait résolu de s'en venger; que pour cet effet, il avait coupé l'Isthme que nous appelions Hellespont, et ainsi avait submergé ces grands espaces de terre, qui font aujourd'hui une vaste mer. Ils ajoutent, que de tant d' états, il ne reste rien, que les pointes de quelques montagnes; et c'est selon eux ce qui fait les îles de l'Archipel. •[147]•

46) Πλάτων. Τιμαίος.

Πολλοὶ καὶ κατὰ πολλὰ φθοραὶ γεγόνασιν ἀνθρώπων καὶ ἔσονται, πυρὶ μὲν καὶ ὕδατι μέγισται, μυρίοις δὲ ἄλλοις ἕτεραι βραχύτεραι. — Ibidem. σεισμῶν ἐξαισίων καὶ κατακλυσμῶν γενομένων... Ἡ Ἀτλαντὶς ἠφανίσθη.

Strabo. L. I. Cap. 3.

Καὶ γὰρ κατακλυσμοὶ καὶ σεισμοὶ καὶ ἀναφυσήματα καὶ ἀνοιδήσεις τῆς ὑφάλου γῆς μετεωρίζουσι καὶ τὴν θάλατταν, αἱ δὲ συνιζήσεις ταπεινοῦσιν αὐτήν· οὐ γὰρ μύδροι μὲν ἀνενεχθῆναι δύνανται καὶ μικραὶ νῆσοι, μεγάλαί δ' οὐ· οὐδὲ νῆσοι μὲν, ἡπειροὶ δ' οὐ. ὁμοίως δὲ καὶ συνιζήσεις καὶ μικραὶ καὶ μεγάλαι γένοιντ' ἄν, εἴπερ καὶ χάσματα καὶ καταπόσεις χωρίων καὶ κατοικιῶν, ὥς ἐπὶ Βούρας τε καὶ Βιζώνης καὶ ἄλλων πλειόνων, ὑπὸ σεισμοῦ γενέσθαι φασί· καὶ τὴν Σικελίαν οὐδέν τι μᾶλλον ἀπορρῶγα τῆς Ἰταλίας εἰκάζοι τίς ἂν ἡ ἀναβληθεῖσαν ὑπὸ τοῦ Αἰτναίου πυρὸς ἐκ βυθοῦ συμμεῖναι· ὡσαύτως δὲ καὶ τὰς Λιπαραίων νήσους καὶ Πιθηκούσας.

Ibidem. Πρὸς δὲ τὴν ἀθαυμασίαν τῶν τοιούτων μεταβολῶν, οἷας ἔφαμεν αἰτίας εἶναι τῶν ἐπικλύσεων καὶ τῶν τοιούτων παθῶν, οἷα εἴρηται τὰ κατὰ τὴν Σικελίαν καὶ τὰς Αἰόλου νήσους καὶ Πιθηκούσας, ἄξιον παραθεῖναι καὶ ἄλλα πλείω τῶν ἐν ἑτέροις τόποις ὄντων ἢ γενομένων ὁμοίων τούτοις. ἀθρόα γὰρ τὰ τοιαῦτα παραδείγματα πρὸ ὀφθαλμῶν τεθέντα παύσει τὴν ἐκπληξιν. νυνὶ δὲ τὸ ἀήθες ταράττει τὴν αἴσθησιν καὶ δείκνυσιν ἀπειρίαν τῶν φύσει συμβαινόντων καὶ τοῦ βίου παντός, οἷον εἰ τις λέγοι τὰ περὶ Θήραν καὶ Θηρασίαν νήσους ἰδρυμένας ἐν τῷ μεταξύ πόρῳ Κρήτης καὶ τῆς Κυρηναίας, ὧν ἡ Θήρα μητρόπολις ἐστὶ τῆς Κυρήνης, καὶ τὴν Αἴγυπτον καὶ πολλὰ μέρη τοιαῦτα τῆς Ἑλλάδος. ἀνὰ μέσον γὰρ Θήρας καὶ Θηρασίας ἐκπεσοῦσαι

φλόγες ἐκ τοῦ πελάγους ἐφ' ἡμέρας τέτταρας, ὥστε πᾶσαν ζεῖν καὶ φλέγεσθαι τὴν θάλατταν, ἀνεφύσησαν κατ' ὀλίγον ἐξαίρομένην ὡς ἂν ὀργανικῶς συντιθεμένην ἐκ μύδρων νῆσον ἐπέχουσαν δώδεκα σταδίων τὴν περίμετρον. μετὰ δὲ τὴν παῦλαν τοῦ πάθους ἐθάρρησαν πρῶτοι Ῥόδιοι θαλαττοκρατοῦντες ἐπιπροσπλεῦσαι τῷ τόπῳ καὶ Ποσειδῶνος Ασφαλίου ἱερὸν ἰδρύσασθαι κατὰ τὴν νῆσον. ἐν δὲ τῇ Φοινίκῃ φησὶ Ποσειδώνιος γενομένου σεισμοῦ καταποθῆναι πόλιν ἰδρυμένην ὑπὲρ Σιδῶνος, καὶ αὐτῆς δὲ Σιδῶνος σχεδόν τι τὰ δύο μέρη πεσεῖν, ἀλλ' οὐκ ἀθρόως, ὥστε μὴ πολὺν φθόρον ἀνθρώπων γενέσθαι. τὸ δ' αὐτὸ πάθος καὶ ἐπὶ •[I 148]• τὴν Συρίαν ὅλην διέτεινε, μετρίως δέ πως. διέβη δὲ καὶ ἐπὶ τινὰς νήσους τὰς τε Κυκλάδας καὶ τὴν Εὐβοίαν... Ἡ δὲ Φάρος ἢ κατ' Αἴγυπτον ἦν ποτε πελαγία, νῦν δὲ τρόπον τινὰ χερρόνησος γέγονεν· ὡς δ' αὐτῶς καὶ Τύρος καὶ Κλαζομεναί. ἡμῶν δ' ἐπιδημούντων ἐν Ἀλεξανδρείᾳ τῇ πρὸς Αἰγύπτῳ, περὶ Πηλούσιον καὶ τὸ Κάσιον ὄρος μετεωρισθὲν τὸ πέλαγος ἐπέκλυσε τὴν γῆν καὶ νῆσον ἐποίησε τὸ ὄρος, ὥστε πλωτὴν γενέσθαι τὴν παρὰ τὸ Κάσιον ὁδὸν τὴν εἰς Φοινίκην. οὐδὲν οὖν θαυμαστὸν οὐδ' εἴ ποτε διαστὰς ὁ ἰσθμὸς ἢ ἰζήμα λαβὼν ὁ διείρων τὸ Αἰγύπτιον πέλαγος ἀπὸ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάττης ἀποφανεῖ πορθμὸν καὶ σύρρουν ποιήσει τὴν ἐκτὸς θάλατταν τῇ ἐντός, καθάπερ ἐπὶ τοῦ κατὰ τὰς Ἡρακλέους στήλας πορθμοῦ συνέβη.

— Существование вулканического элемента в ёме Средиземного моря

между Сицилией и Сирией, Египтом и Еллиспонтом, засвидетельствовано многими писателями как древними, так и новыми. Многие выписки из них касательно Архипелага соединены в Путешествии Лудвига Росса по греческим островам Эгейского моря (Reisen auf den griechischen Inseln des Aegäischen Meers. 1840). Последнее вулканическое действие, образовавшее около острова Теры три новых островка, было весьма сильно.

47) Strabo. L. I. Cap. 3.

Ἡ δὲ Ἄντισσα νῆσος ἦν πρότερον, ὡς Μυρσίλος φησί· τῆς δὲ Λέσβου καλουμένης πρότερον Ἰσσης, καὶ τὴν νῆσον Ἄντισσαν καλεῖσθαι συνέβη· νῦν δὲ τῆς Λέσβου πόλις ἐστίν. οἱ δὲ καὶ τὴν Λέσβον τῆς Ἰδης ἀπερωγένηαι πεπιστεύκασι.

Ibidem. Δημήτριος δ' ὁ Καλλατιανὸς τοὺς καθ' ὅλην τὴν Ἑλλάδα γενομένους ποτὲ σεισμοὺς διηγούμενος τῶν τε Λιχάδων νήσων καὶ τοῦ Κηναίου τὰ πολλὰ καταδύναί φησι... Λέγουσι δὲ καὶ τῆς Αταλάντης τῆς πρὸς Εὐβοίᾳ τὰ μέσα ῥήγματος γενομένου διάπλουν δέξασθαι, μεταξὺ καὶ τῶν πεδίων ἔνια καὶ μέχρι εἴκοσι σταδίων ἐπικλυσθῆναι, καὶ τριῇρη τινὰ ἐκ τῶν νεωρίων ἐξαιρεθεῖσαν ὑπερπεσεῖν τοῦ τεύχους. •[I 149]•

48) Scholia in Timaeum, 23.

Τρεῖς ἰστοροῦσι γενέσθαι κατακλισμούς, πρῶτον τὸν ἐπὶ Ὠγύγου, ὃς ἦν τῆς Ἀττικῆς βασιλεὺς, δεύτερον τὸν ἐπὶ Δευκαλίωνος, ὅτε καὶ τὰ κατὰ Θετταλίαν ὄρη διέστη καὶ τὰ ἐκτὸς Ἰσθμοῦ καὶ Πελοποννήσου συνεχύθη πάντα, τρίτον τὸν ἐπὶ Δαρδάνου τοῦ

Διὸς καὶ Ἡλέκτρας τῆς Ἀτλαντος, ὃς Δάρδανος ἐβασίλευσε μετὰ τὸν κατακλυσμὸν τῆς ἀντιπέρα Σαμοθράκης ἡπείρου, διὰ σχεδιάς αὐτόσε κομισθεῖς.

Chronica marmorum, insula Paros, IV. (1529 an avant J. Chr.)

Depuis le Déluge arrivé au temps de Deucalion, il s'est écoulé 1265 ans. (Tablettes chronolog. par l'Abbé Dufresnoy. Paris, 1744).

Iul. Solin. Polyhist. Cap. 17.

Inter Ogygium sane et Deucalionem medium aevum sexcentis annis datur.

— Если же между потопами, Огиговым и Девкалионовым, прошло 600 лет, а второй потоп случился около 1529 года, то первый был в 2129 году.

49) Theuschlands Urgeschichte, von Karl Barth. 1840. S. 297, § 129.

Die Skythen selbst sagten: sie seien das jüngste Volk, tausend Jahre vor dem Zug des Darius (gegen 1500 vor Christus) sei in diesem damals öden Lande (bei Kaspischem und Schwarzem Meer) der erste Mensch, Targitaus, gezeugt worden von Dis mit der Tochter des Borysthenes. ... Diodor Sicul. (II, 43) macht Dis und die schlangengestaltete Erdjungfrau zu Erzeugern des Skythes.

**§ 5. Ο γορήνι Αφονα во время
общего пожара на земле**

50) См. под § 4 выписку 27.

Scholia in Timaeum, «Τρεῖς ἰστοροῦσι γενέσθαι...»

51) Ibidem.

ἐπὶ Δευκαλίωνος, ὅτε καὶ τὰ κατὰ Θετταλίαν ὄρη διέστη...

52) Πλάτων. Κριτίας.

σεισμῶν ἅμα καὶ πρὸ τῆς ἐπὶ Δευκαλίωνος φθορᾶς τρίτου πρότερον ὕδατος ἐξαισίου γενομένου... •[I 150]•

Scholia in Timaeum, 36.

ὅτι κατὰ τοὺς αὐτοὺς χρόνους γενέσθαι φασὶ τὸν τε πρὸς Θεσσαλίαν καὶ τοὺς ἐκείνην τόπους κατακλυσμὸν, καὶ τὴν ἐν Αἰθιοπία ὑπὸ τοῦ Φαέθοντος ἐκπύρωσιν.

53) Πλάτων. Τιμαῖος.

Πολλὰ κατὰ πολλὰ φθοραὶ γεγόνανσιν ἀνθρώπων καὶ ἔσονται, πυρὶ μὲν καὶ ὕδατι μέγιστα, μυρίοις δὲ ἄλλοις ἕτεροι βραχύτεροι. τὸ γὰρ οὖν καὶ παρ' ὑμῖν λεγόμενον, ὥς ποτε Φαέθων Ἥλιου παῖς τὸ τοῦ πατρὸς ἄρμα ζεύξας διὰ τὸ μὴ δυνατὸς εἶναι κατὰ τὴν τοῦ πατρὸς ὁδὸν ἐλαύνειν τὰ τ' ἐπὶ γῆς συνέκαυσεν καὶ αὐτὸς κεραυνωθείς διεφθάρη, τοῦτο μύθου μὲν σχῆμα ἔχον λέγεται, τὸ δὲ ἀληθές ἐστι τῶν περὶ γῆν κατ' οὐρανὸν ἰόντων παράλλαξις καὶ διὰ μακρῶν χρόνων γιγνομένη τῶν ἐπὶ γῆς πυρὶ πολλῷ φθορά. τότε οὖν ὅσοι κατ' ὄρη καὶ ἐν ὑψηλοῖς τόποις καὶ ἐν ξηροῖς οἰκοῦσιν μᾶλλον διόλλυνται τῶν ποταμοῖς καὶ θαλάττῃ προσοικούντων· ἡμῖν δὲ ὁ Νεῖλος εἰς τε τᾶλλα σωτὴρ καὶ τότε ἐκ ταύτης τῆς ἀπορίας σφρίζει λυόμενος. ὅταν δ' αὖ θεοὶ τὴν γῆν ὕδασιν καθαίροντες κατακλύζωσιν, οἱ μὲν ἐν τοῖς ὄρεσιν διασφύζονται βουκόλοι νομῆς τε, οἱ δ' ἐν ταῖς παρ' ὑμῖν πόλεσιν εἰς τὴν θάλατταν ὑπὸ τῶν ποταμῶν φέρονται.

Scholia in Timaeum.

Παράλλαξις τὴν ἀσυμμετρίαν τῶν ἐν γῇ πρὸς τὰς ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἠκούσας εἰς αὐτὴν ἀπορρόγιας φησί. συμμετρῶς

γὰρ ἔχοντα διαμένει, ἀσυμμέτρως δὲ φθείρεται, ἢ τὸν τῶν οὐρανίων ποικίλον σχηματισμόν. οὗτοι γὰρ εἰσιν οἱ κατὰ οὐρανὸν περὶ γῆν ἰόντες, καὶ ἄλλοτε ἄλλα σχήματα δεικνύντες διὰ τὰς ποικίλας νοήσεις τῶν ψυχῶν. γράμματα γὰρ ἐκεῖνα τὰ σχήματά ἐστι καὶ τύποι τινὲς δραστήριοι δι' ἐκείνους.

54) Ovidius. Metamorphoses. L. II.

Corripitur flammis, ut quaeque
altissima, tellus;
Fissaque agit rimas, et succis
aret ademtis.
Fabula evanescunt; cum frondibus
uritur arbor;
Materiamque suo praebet seges
arida damno.
Parva quaeror. Magnae pereunt
cum moenibus urbes;
Cumque suis totas populis incendia gentes
In cinerem vertunt: sylvae cum
montibus ardent. •[I 151]•

.....
Sanguine tum credunt in corpora
summa vocato
Aethiopum populos nigrum
traxisse colorem.
Tum facta est Libya raptis humoribus aestu
Arida.

55) Летописец Переяславля Суздальского, составленный между 1214 и 1219 годами. Москва, 1851.

Слово 17 о Невродѣ сынѣ Хусовѣ, ижъ сътвори Вавилонѣ, и о Кронѣ и о Гафродити...: «В тажъ лѣта краду огньну пусти Богъ с небесе на гиганти живущаа въ Келтіистѣй странѣ»...

56) Ἑλληνικὸν Πάνθεον παρὰ Χαρισίου Δημητρίου Μεγδάνου. Πέστη, 1812.

Μυθεύεται ὅτι ὁ Ἥλιος ἐκ τῆς Κλυμένης (τὴν ὁποῖαν τινὲς καὶ Ῥόδην καλοῦσι, καὶ Ἀσωποῦ τοῦ Βοιωτῶν βασιλέως λέγουσι θυγατέρα) ἐγέννησε τὸν Φαέθοντα, τὸν Λαμπετήεντα, τὴν Αἶγλην, καὶ τὴν Φαέθουσαν· καὶ ἐξ αὐτῶν ὁ Φαέθων εἰς νεανικὴν ἡλικίαν ἐλθὼν, καὶ μαθὼν παρὰ τῆς μητρὸς αὐτοῦ, ὅτι ἦτον υἱὸς τοῦ Ἥλιου, ἦλθεν ἐπὶ τὰς ἀνατολάς τοῦ πατρὸς αὐτοῦ· καὶ ἀφ' οὗ ἐγνωρίσθη μετ' αὐτοῦ, καὶ ἐκατάλαβε τὴν πατρικὴν τοῦ φιλοστοργίαν, ἔλαβε θάρος νὰ ζητήσῃ νὰ περιέλθῃ μὲ τὴν ἄμαξάν του μίαν φορὰν τὸν οὐράνιον κύκλον· καὶ νὰ θεώρῃσῃ τὸν κόσμον ἀπὸ τὸ ὕψος. Ὁ ἥλιος δέ, ἂν καὶ τὸν ἡγάπα πολλά, ὡς υἱόν του, ὅμως προβλέπων τὰ ἐνάντια ἀποβησόμενα, ἀντέλεγεν εἰς τὴν ζήτησίν του. Ἐπειδὴ ὅμως ἐκεῖνος ἐπέμεινε, καὶ μετὰ δακρύων τὸν παρεκάλει, καὶ ὁμοῦ καὶ ἡ μήτηρ του Κλυμένη, καταπιέθεται μόλις, καὶ τὸν ἐπιβιάζει εἰς τὴν ἄμαξαν, καὶ πρὶν τοῦ νὰ κινήσῃ εἰς τὸν δρόμον, τὸν διδάσκει ἱκανῶς, πῶς νὰ διοικήσῃ καὶ αὐτήν, καὶ τοὺς ἵππους του, καὶ ποῖαν τάξιν νὰ φυλάξῃ εἰς τὴν του ὁδόν. Ἄλλ' ἐκεῖνος, ὅταν ἤλαιυνεν, ἐπικύψας ἄνωθεν, καὶ ἰδὼν τὸ ἀχανὲς βάθος, ἐξεπλάγῃ, καὶ συσχεθεὶς ἀπὸ φόβου καὶ τρόμου, ἄφησεν ἀπὸ τὰς χειρὰς του τοὺς χαλινούς, καὶ ἐκρατεῖτο σφικτὰ ἐκ τῆς ἀμάξης, φοβούμενος νὰ μὴ πέσῃ. Οἱ δὲ ἵπποι γνωρίσαντες, ὅτι δὲν τοὺς ἐκυβέρνα μόνος τοῦ ὁ Ἥλιος, εὐκόλα κατεφρόνησαν τὸ μειράκιον, καὶ τραπέντες τῆς κατ' εὐθείαν, ἔτρεχον, ὅπως ἤθελον. καὶ ποῦ μὲν εἰς τὰ ὕψη ἀνατρέχοντες, ἔκαμνον νὰ

διαφθείρωνται οἱ ἄνθρωποι ἀπὸ τὸ ὑπερβολικὸν ψύχος, καὶ νὰ καταφλέγηται ὁ Οὐρανός. καὶ •[152]• τότε καὶ ἀστέρων ὁλόκληρον σύστημα διακαυθέν, ἐσχημάτισε τὸν φαινόμενον λευκὸν κύκλον τοῦ Οὐρανοῦ Γαλαξίον καλούμενον*. ποῦ δὲ καὶ πρόσγειοι, καταφερόμενοι, ἐφλόγιζον ἀπὸ τὴν καῦσιν τὰ πάντα, καὶ δι' αὐτὴν ἀταξίαν δὲν ἤθελε μείνωσιν οὔτε ἄνθρωποι, οὔτε ζῶα, οὔτε φυτὰ εἰς τὴν γῆν, ἀνίσως ὁ Ζεὺς κατανοήσας τὸ μέγα κακόν, δὲν ἤθελε ταχύνη τὴν διόρθωσίν του. Ἰδὼν λοιπὸν τὰ γινόμενα ἀπὸ τὴν οὐρανῶν σκοπιάντου, τὸν μὲν Φαέθοντα εὐθὺς ἐκεραυνώσε, τοὺς δὲ ἵππους ἐπέταξεν αὐστηρῶς νὰ ἐμβῶσιν εἰς τὸν τακτικὸν τῶν δρόμων, καὶ τὸν Ἥλιον ἐπέπληξε πολλά, καὶ οὕτως ἐπρόλαβε τὰ ἐπὶ γῆς, καὶ δὲν ἐφθάρησαν εἰς τὸ παντελές. Ὁ δὲ Φαέθων ἀπὸ τὴν βίαν τοῦ κεραυνοῦ, ἐκτιναχθεὶς τῆς ἀμάξης, ἔπεσε κατακεκαυμένος εἰς τὸν Ἡριδανὸν ποταμόν. καὶ αἱ ἀδελφαὶ τοῦ Ἡλιάδες μαθοῦσαι τὸ πάθος του, ἦλθον, καὶ τὸν ἔθαψαν εἰς τὰς ὄχθας τοῦ αὐτοῦ ποταμοῦ, καὶ δὲν ἔπαυον νὰ κλαίωσιν ἐπάνω εἰς τὸν τάφον του ἡμέραν καὶ νύκτα ἀπαρηγόρητα, ἕως οὗ ὁ Ζεὺς, ἐλεήσας, τὰς μετέβαλεν εἰς αἰγεῖρους· πλὴν αὐταὶ καὶ μεταβληθεῖσαι, πάλιν ἔχυνον ἀπὸ τὰ στελέχη των δάκρυα, τὰ ὅποια ἀποστάζοντα εἰς τὸν Ἡριδανόν, εἰς ἡλεκτρον ἐπηγνύνοντο· καὶ οἱ ἐγχώριοι Κέλτοι συνάγοντές τα, εἰς τὰ ἄλλα μέρη τοῦ κόσμου τὸ διέδιδον διὰ κέρδος, καὶ αἱ

γυναῖκες τὸ πάλαι τὸ μετεχειρίζοντο ὡς πολύτιμον κόσμιον. (Λουκίαν, ἐν διαλόγῳ Διὸς καὶ Ἡλίου. — Διονύσιος, ἐν περιηγήσει. — Ἀπολλώνιος, ἐν δ' Ἀργοναυτικῶν καὶ ἄλλοι).

57) Ovidius. Metamorphoses. L. II.

Corripitur flammis, ut quaeque
altissima, tellus;
.....
..... silvae cum montibus ardent.
Ardeat Athos, Taurusque Cilix et
Tmolus et Oete.

§ 6. Ο πлавании Αργοναυτων мимо Αφονα (в 1292 году до Р. X.)

58) Ὀρφέως Ἀργοναυτικά. Lipsiae, 1829. •[153]•

Αὐτὰρ ἐπεὶ τ' ἐπὶ θῖνα καὶ ἐς νέα
πάντες ἔβησαν,
Ἐν προτέροις θώκοισι καθίζανον·
ἐν δ' ἄρ' ἔρετμοῖς
Χειρὰς ἐφαπλώσαντες, ἔπειθ'
ἄλα τύπτον ἕκαστος,
Πήλιον ἐκνεύσαντες· ὑπὲρ μέγα
λαῖτμά τε πόντου
Ἀφρὸς ἐπιζείων χαροπὴν λεύκαινε
θάλασσαν.
Τισαῖή δ' ἀπέκρυφθεν ἄκρη καὶ
Σηπιάς ἀκτῇ,
Φάνθη δὲ Σκίαθος, Δόλοπος τ'
ἀνεφαίνετο σῆμα,
Ἀγχιάλος θ' Ὀμόλη, ῥέϊθρόν θ'
άλιμυρές Ἀναύρου
Ὅς διὰ πολλὴν γαίαν ἰεῖ
μεγαλόβρομον ὕδαρ.
Οὐλύμπου δὲ βαθυσκοπέλου
πρηῶνας ἐρυμνούς
Εἰσέδρακον Μινύαι, καὶ Ἄθω
δενδρώδεα κάμψαν,
Παλλήνην τ' εὐρείαν ἰδὲ ζαθέην
Σαμοθρήκην,

* Πλουτάρχου Ἀρέσκοντα τῶν φιλοσόφων.
Βιβλ. α'.

Ἐνθα καὶ ὄρκια φρικτὰ θεῶν,
ἄρρητα βροτοῖσιν,
Ἄσμενοι εἰσέπέρησαν ἐμαῖς
ὑποθημοσύνησιν
Ἥρωες.

Apollonii Rodii Argonautica. L. I.
Lipsiae, 1854.

..... αὐτὰρ ἔπειτα
Κλίτεια Παλλήναια, Καναστραίην
ὕπὲρ ἄκρην,
Ἦνυσαν, ἐννύχιοι πνοῇ ἀνέμοιο
θέοντες.
Ἦρι δὲ νισσομένοισιν Ἀθω ἀνέτειλε
κολώνη
Θρηκίη, ἥ τόσπον ἀπόπροθι
Λῆμνον ἐοῦσαν,
Ὅσπον ἐς ἔνδιόν κεν εὐστολος
ὀλκάς ἀνύσσαι,
Ἀκροτάτῃ κορυφῇ σκιάει καὶ
ἐσάχοι Μυρίνης.

Scholia.

Ἦνυσαν — παρέπλευσαν. Κολώνη — ἀκρωρία. Ἐνδιον — μεσημβρινόν. Ἄθως — ὄρος τῆς Θράκης ὑψηλότετον. ἄμα δὲ τῇ ἡμέρᾳ ὁ Ἄθως αὐτοῖς ἀνεφάνη, ἀπέχων τῆς Λήμνου τοσοῦτον, ὅσον ἂν ναῦς πλεύουσα ἀπὸ ἰοῦς μέχρι μεσημβρίας πλοῦν διανύσῃ, καὶ τοσοῦτόν φησιν ἀπέχουσιν τὴν Λήμνον, ὅμως σκιαῖζει διὰ τὸ ὕψος, παρακλίναντος ἡλίου, οὐ μόνον δέ, ἀλλὰ καὶ μέχρι Μυρίνης.

§ 7. О зажигании условных огней на Афоне во время Троянской войны

59) Ilias. Liber XIV. Versus 229. •[I 154]•

Ἦση δ' αἶξασα λίπεν ῥίον Οὐλύμποιο,
Πιερίην δ' ἐπιβᾶσα καὶ Ἡμαθίην
ἑορατεινὴν

Σεύατ' ἐφ' ἵπποπόλων Θρηκῶν ὄρεα
 νιφόμεντα
 Ἀκροτάτας κορυφάς· οὐδὲ χθόνα
 μάρπτε ποδοῖν·
 Ἐξ Ἀθώω δ' ἐπὶ πόντον ἐβήσετο
 κυμαίνοντα,
 Λῆμνον δ' εἰσαφίκανε πόλιν θείοιο
 Θόαντος.

60) Aeschyli tragoediae. Agamemnon.
Versus 278–295.

— Χόρος.
 ποίου χρόνου δὲ καὶ πεπόρθηται πόλις;
 — Κλυταιμνήστρα.
 τῆς νῦν τεκούσης φῶς τόδ' εὐφρόνης λέγω.

— Χόρος.
καὶ τίς τὸδ' ἐξίκοιτ' ἂν ἀγγέλων τάχος;
— Κλυταιμνήστρα.
Ἥφαιστος Ἰδης λαμπρὸν ἐκπέμπων
σέλας.
φρυκτὸς δὲ φρυκτὸν δεῦρ' ἀπ' ἀγγάρου
πυρὸς
ἔπεμπεν· Ἰδῃ μὲν πρὸς Ἑρμαῖον λέπας
Λήμνου· μέγαν δὲ πανὸν ἐκ νήσου
τρίτον

Αθῶν αἶπος Ζηνὸς ἐξεδέξατο,
 ὑπερτελὴς τε, πόντον ὥστε νῶτισαι
 ἰχθὺς πορευτοῦ λαμπάδος πρὸς
 ἡδονήν,
 πεύκη τὸ χρυσοφεγγές, ὥς τις ἥλιος,
 σέλας παραγγείλασα Μακίστου
 σκοπαῖς·
 ὁ δ' οὔτι μέλλων οὐδ' ἀφρασμόνως
 ὕπνω

νικῶμενος παρῆκεν ἀγγέλου μέρος·
ἐκάς δὲ φρυκτοῦ φῶς ἐπ' Εὐρίππου
ῥοὰς

Μεσσαπίου φύλαξι σημαίνει μολόν.
οἱ δ' ἀντέλαμψαν καὶ παρήγγειλαν
γῆρας ἐρείκης θωμὸν ἄψαντες
πυρί. •[II 155]•

§ 8. О кораблекрушении Анхиса и Энея около Афона

61) Scholia Homeri. I.

Τροίας ἀλούσης, Αἰνέας, παραλαβὼν τὸν πατέρα, ἔφυγε. Ναυαγίῳ δὲ περιπεσὼν περὶ τὸν Ἄθω, ἀνήει σὺν τῷ πατρὶ. Καὶ Ἀγχίσης μὲν πρὸς τῷ Καλαύρῳ ὄρει πλησίον Ἀνθέμου ποταμοῦ τελευτᾷ. Θάψας δὲ αὐτὸν Αἰνέας, ὅπου καὶ νῦν τάφος ἐστὶν Ἀγχίσου λεγόμενος ἐν Πυάνῃ, κατὰ βούλησιν τῆς μητρὸς Ἀφροδίτης πόλιν ἔκτισε, τὴν ἀπ' αὐτοῦ Αἰνειάδα προσαγορευθεῖσαν... Τελευτήσαντος δὲ τούτου, ὁ ἐξ αὐτοῦ γενόμενος παῖς, λάθρα ἐπὶ τὴν πατρῶαν παραγενόμενος, καὶ πόλιν ἀναστήσας, παραλαβὼν τε τὸν στρατόν, μετώκισεν εἰς Ἰταλίαν.

Фотий в своей «Библиотеке», оценивая сочинение Конона, сказал, что городок, построенный Энеем, впоследствии стал называться Энос. Но Энос, который существует и теперь, находится во Фракии, далеко от Афонской горы. Его не мог разуместь схолиаст Омира, когда говорил, что кораблекрушение Энея случилось у этой горы. Посему надобно полагать, что это несчастье произошло или в Сингитском, или в Стримонском заливе у Афонского перешейка. Отсюда Эней со своими троянцами пошел чрез горы (ἀνήει). Какая же из них называлась Калаврийской и какая река известна была схолиасту под именем Анфемос, этого указать нельзя. Гор и потоков тут много. Что касается до Пианы, в которой похоронен был Анхис, то я, с Тафелем, написавшим книгу о Солуне (De Thessalonica eiusque

agro. Berolini, 1839), охотно читаю вместо Πυάνῃ — Παλλήνῃ и тут ставлю могилу Анхиса, потому что в этом месте древним известна была одна статуя, напоминавшая Трою. Недалеко оттуда, или лучше близ Солуня, стоял городок Энея, указанный Титом Ливием напротив городка Пидны, который, как известно, находился по другую сторону Солунского залива близ горы Олимпа. Но вот слова Тафеля: «Ἀνθεμος, hic, fluvius bene situi urbis Galatz* convenit in •[156]• quam urbem via eorum ducit, qui a monte Atho venientes Thessalonicam petunt. — Pro Πυάνῃ legi volunt Πύδνῃ, adversante itineris tenore. Tum enim Troes in sinistro sinus Thermaei latere versabantur, nec dum ad oppositum latus, ubi Pydna, progressi erant. Ego, si quid in Scholiastae loco mutandum erit, legam Παλλήνῃ: ea enim habuit alia Troianae antiquitatis monumenta. Cedrenus (Historiarum compendium. P. 155) ait: «Ὁ μέντοι Κάσσανδρος Θεσσαλονίκην, τὴν τοῦ Ἀλεξάνδρου θυγατέρα ποιησάμενος γυναῖκα, εἰς ὄνομα ταύτης κτίζει πόλιν Θεσσαλονίκην. Οἱ δὲ Αἰνεῖαν ταύτην κτίσαι, μετὰ τὸ ἀποφυγεῖν τὸν Τρωϊκὸν πόλεμον, ὅθεν καὶ ἡ χώρα λέγεται Αἰνεΐα. Οἱ δὲ φασι, Φιλίππου τοῦ Ἀμύντου εἶναι θυγατέρα τὴν Θεσσαλονίκην. Τὸ δὲ ἐν τῇ Παλλήνῃ φρούριον παρ' αὐτοῦ τοῦ Αἰνεΐου οἰκοδομούμενον. ἐπεὶ παρὰ τῶν ὑπ' αὐτὸν ἀκήκοε γεγεννησθαι αὐτῷ θυγατέρα καὶ Κασσάνδραν ὀνομασθῆναι,

* Галатиста в 9 часах пути от Солуня по дороге в Афон.

καὶ αὐτὸς αὐτὸν τὸν τόπον Κασσάνδραν ὠνόμασε, καὶ στήλην λιθίνην, γυναικὸς σχῆμα ἔχουσαν καὶ πρὸς Τροίαν βλέπουσαν ἐπάνω τοῦ τείχους ἔστησε».

62) Conon. I, quem Photius excerptis:

«Αἰνίας κτίζει πόλιν, ἥ τότε μὲν Αἰνεΐα, ὕστερον δὲ παρενεγκότος τοῦ ὀνόματος, Αἴνος ἐκλήθη». (Memorabilis locus).

63) Teste Livio, XLIV, 10.

Fuit Aenea adversum Pydnam posita. — Ergo sedes eius quaerenda in ruinis quibusdam prope litus, ex occidente oppiduli hodierni Panomii.

**§ 9. Об основании городов
на Афоне еллинами, пеласгами
и халкидикуйцами**

64) Σκύλαξ.

Μακεδονία. Πρώτη πόλις Μακεδονίας Ἡράκλειον... Θέρμη πόλις. Αἶνια Ἑλληνίς. Παλλήνη ἄκρα εἰς τὸ πέλαγος ἀνατείνουσα. Καὶ πόλεις αἱ τε ἐν τῇ Παλλήνῃ Ἑλληνίδες· Ποτίδαια ἐν τῷ μέσῳ τὸν ἐμφράττουσα... Ἐξω δὲ τοῦ Ἰσθμοῦ πόλεις αἱ δὲ Ὀλυνθος Ἑλληνίς, Μηκύβερα Ἑλληνίς, Σερμύλια Ἑλληνίς, καὶ κόλπος Συρμονικός, Τορώνη •[157]• πόλις Ἑλληνίς, καὶ λιμὴν. Δίον Ἑλληνίς, Θύσος Ἑλληνίς. Ἄθως ὄρος. Ἀκροθῶται Ἑλλήνιον, Ἄλαπτα. Στρώμων ποταμὸς ὀρίζει Μακεδονίαν καὶ Θρακίαν.

65) Herodot. L. VII. Cap. 22.

Dans l'isthme, où se termine l'Athos, est située la ville grecque de Sané.

Thucydides. L. IV. Cap. 109.

Ὁ Ἄθως ... πόλεις ἔχει Σάνην μὲν Ἀνδρίων ἀποικίαν παρ' αὐτὴν τὴν διώρυχα, ἐς τὸ πρὸς Εὐβοίαν πέλαγος τετραμμένην, τὰς δὲ ἄλλας Θυσσὸν καὶ Κλεωνὰς καὶ Ἀκροθῶους καὶ Ὀλόφυξον καὶ Δίον· αἱ οἰκοῦνται συμμεϊκτοὶς ἔθνεσι βαρβάρων διγλώσσων, καὶ τι καὶ Χαλκιδικὸν ἐνὶ βραχύ, τὸ δὲ πλεῖστον Πελασγικόν, τῶν καὶ Λημνόν ποτε καὶ Ἀθήνας Τυρσηνῶν οἰκησάντων, καὶ Βισαλτικὸν καὶ Κρηστωνικὸν καὶ Ἠδῶνες· κατὰ δὲ μικρὰ πολίσματα οἰκοῦσιν.

Thucydides. L. IV. Cap. 84.

Ἐν δὲ τῷ αὐτῷ θέρει εὐθύς ὁ Βρασιδάς ἔχων καὶ Χαλκιδέας ἐπὶ Ἀκανθὸν τὴν Ἀνδρίων ἀποικίαν ὀλίγον πρὸ τρυγίτου ἐστράτευσεν.

Diodorus Siculus. L. XII. Cap. 68.

Là (à mont Àthos) se trouvaient cinq villes: les unes grecques, Colonies des Andriens, les autres peuplées par les barbares bissaltiques, qui parlent deux langues.

66) Herodot. L. VII. Cap. 22.

Dans l'isthme, où se termine l'Athos, est située la ville grecque de Sané. Les autres, qui après Sané, se trouvent dans l'intérieur même de la montagne, sont celles de Dium, d'Olophyxos, d'Acrothoon, de Thysos et de Cléones. Toutes ces villes sont renfermées dans la presqu'île de l'Athos.

67) Herodot. L. VII. Cap. 22, 23.

Les travaux du percement de la montagne (Athos) se suivaient de la manière que je •[158]• vais rapporter. Les barbares s'étaient partagé par nation tout

le terrain, sur une ligne tirée au cordeau, et partant de Sané.

68) Στέφανος περὶ πόλεων. Amsterdam. Pag. 49.

Ἀκανθος, πόλις Θράκης, ἀκάνθαις πεφραγμένη, ὑπὲρ τὸν Ἄθω, ὅθεν κέκληται, ἢ ἀπὸ Ἀκάνθου, ὡς Μνασέας.

69) Manuel de l'histoire ancienne, de Heeren. Paris, 1827. Pag. 171.

Les colonies Eoliennes.

70) Thucydides. L. IV. Cap. 109.

Выше смотри выписку под № 2: «...αἱ οἰκοῦνται ξυμμίκτοις ἔθνεσι βαρβάρων δίγλωσσων», κ. τ. λ.

Pomponius Mela. L. II.

Ima eius (montis Atho) tenent parvae Pelasgorum coloniae.

71) Thucyd. L. IV. Cap. 79.

Βρασίδας Θεσσαλίαν φθάσας διέδραμε πρὶν τίνα κωλύειν παρασκευάσασθαι, καὶ ἀφίκετο ὡς Περγίκαν καὶ ἐς τὴν Χαλκιδικήν. κ. τ. λ. — Ibidem. C. 84. Βρασίδας ἔχων καὶ Χαλκιδέας, ἐπὶ Ἀκανθὸν τὴν Ἀνδριῶν ἀποικίαν... ἐστράτευσεν. — Ibidem. C. 102, 103 sq. Βρασίδας ἄρας ἐξ Ἀρῶν τῆς Χαλκιδικῆς ἐπορεύετο τῷ στρατῷ, κ. τ. λ. — Ibidem. C. 110. Εὐθὺς στρατεύει (Βρασίδας) ἐπὶ Τορώνην τὴν Χαλκιδικήν, κατεχομένην ὑπὸ Ἀθηναίων.

Athenaei Deipnosophistae, L. VIII. Cap. II. Argentorati, 1802.

Атений знал Аполлонию Халкидийскую и отличал ее от Аполлонии Мигдонской тем, что подле первой текли две речки, Аммитис и Олинфиакос, впадающие в Волвийское озеро (ныне Бежик, близ Афона).

Geographia Ptolomaei. L. III. § III.

Ἐν τῇ Χαλκιδικῇ χώρα ὡς ὄρος, Ἄθωσα, ἄκρον καὶ πόλις, κ. τ. λ. •[I 159]•

72) Ἐκ τῶν Ἡρακλείδου περὶ πολιτειῶν, κεφ. λ'.

Κατῳκισαν καὶ Κλέωνας Χαλκιδεῖς οἱ ἐν τῷ Ἄθῳ ἐξαναστάντες ἐξ Ἐλυμνίου, ὡς μὲν μυθολογοῦσιν, ὑπὸ μυῶν, οἱ τὰ τ' ἄλλα κατήσθιον αὐτῶν καὶ τὸν σίδηρον. Νόμος δὲ ἦν Χαλκιδεῦσι μὴ ἄρξαι, μηδὲ πρεσβεῦσαι, νεώτερον ἐτῶν πεντήκοντα.

73) Thucydides. L. IV. Cap. 109.

Смотри выше выписку под № 2: «τὸ δὲ πλεῖστον πελασγικόν, τῶν καὶ Λημνόν ποτε καὶ Αθήνας Τυρσηνῶν οἰκησάντων».

74) Schol. 608 in Apollon. Rod. Argonaut. L. I.

Σιντήις — ἡ Λῆμνος. Τυρσηνοὶ γὰρ αὐτὴν πρῶτοι ὤκησαν βλαπτικώτατοι ὄντες, ἢ τὴν ὑπὸ τῶν βαρβάρων οἰκισθείσαν. Καὶ Ὅμηρος· «ᾧχετο δ' ἐς Λῆμνον μετὰ Σίντιας ἀγριοφώνους».

Ἑλλάνικος δὲ (ἱστοριογράφος ἐγεννήθη ἐν 496 ἔτει πρὸ Χριστοῦ) φησὶ Σίντιας ὀνομασθῆναι τοὺς Λημνίους διὰ τὸ πρῶτους ὅπλα ποιῆσαι πολεμικά, παρὰ τὸ σίνεσθαι τοὺς πλησίον καὶ βλάπτειν.

§ 11. О занятии Афона персами и о гибели флота их у берегов сей горы

75) Herodot. L. VI. Cap. 44, 45.

Comme Mardonius avait le projet de s'emparer du plus grand nombre possible

de villes grecques, il envoya la flotte soumettre les Thrasiens, quoi qu'ils n'eussent fait aucun acte d'hostilité contre les Perses, et en même temps il employait Tannée de terre à réduire les Macédoniens pour les réunir aux autres conquêtes des Perses: toutes les nations qui se trouvaient entre la mer et la Macédoine étaient déjà sous leur obéissance. De Thasos la flotte traversa le canal, et rangea la côte du continent d'Europe, se dirigeant sur Acanthe. Elle partit ensuite d'Acanthe pour doubler le promontoire de l'Athos; mais au moment où elle arrivait sous cette montagne, elle fut accueillie par un vent du nord furieux, contre lequel toute résistance fut impossible, et dont la violence jeta sur la cote un grand nombre de vaisseaux. On assure que, dans cette tempête, •[I 160]• trois cents des navires de la flotte se perdirent, et qu'il périt ving mille hommes; car la mer qui baigne l'Athos étant, plus que toute autre, fréquentée par des monstres marins, une grande partie des hommes tombés à la mer devint la proie de ces monstres: d'autres furent brisés sur les rochers, où se noyèrent, ne sachant point nager. Enfin le froid fit même périr la plupart de ceux qui s'étaient sauvés en nageant. Tels furent les désastres que la flotte eut à souffrir. Cependant Mardonius, qui fécisait que la flotte eut à souffrir. Cependant Mardonius, qui faisait l'expédition de Macédoine à la tête de Tannée de terre, fut attaqué dans la nuit par Bryges (c'est un peuple de Thrace), qui lui tuèrent beaucoup de monde: il fut même blessé dans l'action. Malgré cet événement, les Thraces même n'échappèrent

point au joug des Perses, Mardonius n'ayant pas voulu quitter ces contrées sans les avoir entièrement soumises; mais après le avoir subjuguées, il retourna sur ses pas, forcé à cette retraite par le revers que les Bryges avaient fait éprouver à l'armée de terre, et par celui bien plus grand encore que la flotte venait d'essuyer sous l'Athos, et qui l'obligeait à regagner honteusement la côte d'Asie.

76) Αἰλιαν. Ποικιλ. ἱστορ. Βιβλ. α'. Κεφ. ιε'.

Χάρων ὁ Λαμψακηνὸς* περὶ τὸν Ἄθω φανῆναι περισσεῶς λευκάς λέγει, ὅτε ἐνταῦθα ἀπώλοντο αἱ τῶν Περσῶν τριῆρεις περικάμπτους τὸν Ἄθω».

Athenaei Deipnosoph. L. IX. Cap. 51.

Χάρων ὁ Λαμψακηνὸς ἐν τοῖς Περσικοῖς περὶ Μαρδονίου ἱστορῶν, καὶ τοῦ διαφθαρέντος στρατοῦ Περσικοῦ περὶ τὸν Ἄθω, γράφει καὶ ταῦτα· «καὶ λευκαὶ περισσεῖραι τότε πρῶτον εἰς Ἑλληνας ἐφάνησαν, πρότερον οὐ γιγνόμενα». •[I 161]•

§ 12. О прорытии канала на Афонском перешейке

77) Herodot. L. VII. Cap. 21, 22, 23.

Avant tout, comme les Perses avaient déjà éprouvé un grand désastre devant l'Athos, on s'était occupé depuis trois ans, de ce qui concernait le passage de cette montagne; et l'on avait envoyé de

* Charon ille antiquissimus est scriptor, prior Herodoto: vixit quippe temporibus Darii Hystaspidae e Xerxis. Vide Dionys. epistolam ad Pompeium, ut et Suidam

тирèmes à Eléonte dans la Chersonese. Les troupes quelles amenèrent furent occupées à percer la montagne; on les forçait à travailler à coups de fouet, et les hommes qui succombaient étaient immédiatement remplacés par d'autres. Les peuples habitant dans le voisinage de l'Athos furent aussi employés à ce travail, qui s'exécutait sous les ordres de Bubarès fils de Megabaze, et d'Artachées fils d'Autée, l'un et l'autre Perses de naissance... Les travaux du percement de la montagne se suivaient de la manière que je vais rapporter. Les barbares s'étaient partagé par nation tout le terrain, sur une ligne tirée au cordeau, et partant de Sané. Quand la fouille eut atteint une certaine profondeur, des ouvriers, restés en bas, continuèrent à creuser, tandis que d'autres, se tenant à divers degrés, sur des échelles, recevaient la terre et se la donnaient de main en main jusqu'à ce qu'elle fût parvenue à ceux de l'extrémité supérieure de l'échelle, qui la jetaient en dehors. Tous ces ouvriers, à l'exception des Phéniciens, eurent un double travail à faire, à cause de l'éboulement des parois de la fouille; car, ayant donné au fond la même largeur qu'à l'évasement supérieur, ces parois, maintenues perpendiculaires, se renversèrent sur elles-mêmes; mais les Phéniciens, qui montraient dans tous leurs travaux beaucoup plus de connaissances et d'industrie que les autres nations, en firent également preuve dans cette circonstance. Dans la partie de la fouille qui leur était assignée par le sort, ils eurent soin de donner à l'ouverture une largeur double de celle qui avait été réglée pour

le canal, et en s'enfonçant, ils diminuaient successivement cette largeur, de manière qu'en atteignant le fond, elle fut réduite à ce qu'elle devait être, et égale à celle que les autres travailleurs avaient donnée

•[162]• par-tout. Dans une prairie, voisine de leurs travaux, les Phéniciens avaient établi leur place publique et leur marché; une grande quantité de farine, venant de l'Asie, y était exposée. Tels furent les travaux préliminaires que Xerxes ordonna... Magasins furent établis à Tyrodize des Périnthiens, à Dorisque, à Eion sur le Strymon, et dans la Macédoine même.*.

78) Ibidem. C. 115, 116 et caet.

Au de là du Strymon, l'armée suivit la côte qui se dirige vers le couchant, et où se trouve la ville grecque d'Argille, près de la quelle elle passa. Cette côte et le pays qui s'élève au-dessus, porte le nom de Bisaltie. Ensuite, laissant à sa gauche le golfe dominé par un temple d'Hercule, elle traversa la plaine de Sylée, sans entrer dans la ville grecque de Stagire, et vint camper à Acanthe: elle était suivie des troupes de toutes les nations qui habitent le Pangée... Arrivé à Acanthe, le roi admit les habitants aux droits de l'hospitalité, et leur fit présent de la robe medique, en reconnaissance de l'ardeur, qu'ils avaient mise à le seconder dans ses projets. Il leur donna particulièrement de grandes louanges, en apprenant que le canal de l'Athos était terminé. Pendant le séjour

* Подле Ериссо, у морского берега, по уверению тамошних жителей, устроены подземные магазины [склады], быть может, во время Ксерксова похода.

que l'armée fit à Acanthe, Artachée, qui dirigeait les travaux de ce canal, vint à mourir à la suite d'une maladie: Xerxes en faisait un très grand cas. Il était de la famille des Achaéménides, et d'une taille très remarquable chez les Perses, pour sa hauteur parce qu'elle atteignait cinq coudees royales moins quatre doigts; il avait aussi la voix plus forte et plus sonore qu'aucun autre homme. Xerxes, très affligé de sa perte, lui fit faire de magnifiques funérailles, et toute l'armée contribua à élever un tertre sur sa sépulture. Les habitants d'Acanthe obéissant à un oracle, rendent à la mémoire d'Artachée les honneurs héroïques, et l'invoquent sous son propre nom. Xerxès regarda la mort d'Artachée comme un très grand malheur... Xerxes se sépara de la flotte à Acanthe et ordonna aux généraux qui la

•[I 163]• commandaient d'aller l'attendre à Therme, ville située sur le golfe du même nom: il s'était assuré qu'en se dirigeant sur cette ville, il prenait la route la moins longue. Depuis le Dorisque jusqu'à Acanthe, l'année de terre avait marché dans l'ordre suivant. Divisée en trois colonnes, la première côtoya le rivage de la mer, en vue de la flotte; elle était sous les ordres de Mardonius et de Masistès; la seconde, qui formait le tiers de l'armée, comme la première, s'avança à travers l'intérieur des terres, commandée par Tritantachmes et Gergis; la troisième, avec la quelle était Xerxès, fit route entre les deux autres; elle avait pour généraux Smerdoménès et Mégabyze. ... Séparée de Xerxès la flotte traversa le canal creuse dans l'Athos. Ce canal communiquait au même golfe, sur

les bords du quel sont situées les villes d'Assa, de Pilore, de Singos et de Sarta. Après avoir pris dans ces différentes villes les troupes et les vaisseaux qu'elles purent fournir, la flotte fit voile vers le golfe Thermaïque...

Herodot. L. VI. Cap. 95.

L'autre flotte, au lieu de se diriger sur l'Hellespont et la Thrace, en côtoyant le continent, fit route en partant de Samos, par la mer Icarienne, à travers les îles, pour éviter, du moins selon mon opinion, de doubler l'Athos, navigation devenue redoutable après le grand désastre de Tannée précédente. D'ailleurs, il fallait nécessairement prendre cette nouvelle direction pour s'emparer de Naxos, qui n'était pas encore soumise.

Diodorus Siculus. L. XI.

Xerxès, informé que le pont sur l'Hellespont était achevé et le mont Athos percé, quitta Sardes et s'avança vers l'Hellespont... Après la revue générale de ses forces, Xerxès se porta avec toute son armée jusqu'à la ville d'Acanthe, les troupes de terre marchant de conserve avec la flotte qui longeait la côte: de la par le canal qu'on avait creusé, il fit passer les vaisseaux d'une mer dans l'autre promptement et srement. Lorsqu'il eut atteint le golfe Melia-que, il apprit que le passage des Therinopy-les était déjà occupé par les ennemis. •[I 164]•

79) Plutarchus. Περί ἀοργῆς.

Ἄθω, σὺ ὑπερήφανον βουνόν, οὐρανομήκες, μὴν αὐθαδιάζης, νὰ ἐμποδίσῃς τὸν δρόμον μου. εἰ δὲ μή, θέλω σε κάμει ἰσόπεδον με τὴν γῆν καὶ ῥίψω σε κατὰ κεφαλῆς εἰς τὴν θάλασσαν.

80) Valerius Maximus. L. I. Cap. 6.

In exercitu Xerxis, quem adversus provinciam Graeciam contraxerat, equae partu leporem editum constat, eodem montem Atho vix tandem transgresso. Quo genere monstri tanti apparatus significatus est eventus. Nam qui mare classibus, terram pedestri operuit exercitu, ut fugax animal pavido regressa regnum suum repetere est conatus.

81) Πλάτωνος νόμων γ'.

Προϊόντος δὲ τοῦ χρόνου, Δαρείος μὲν τεθνάναι ἐλέχθη, νέος δὲ καὶ σφοδρὸς ὁ υἱὸς αὐτοῦ παρειληφέναι τὴν ἀρχὴν καὶ οὐδαμῶς ἀφίστασθαι τῆς ὁρμῆς. οἱ δὲ Ἀθηναῖοι πᾶν τοῦτο ᾤοντο ἐπὶ σφᾶς αὐτοὺς παρασκευάζεσθαι διὰ τὸ Μαραθῶνι γενόμενον, καὶ ἀκούοντες Ἄθων τε διορυττόμενον καὶ Ἑλλήσποντον ζευγνύμενον καὶ τὸ τῶν νεῶν πλῆθος, ἡγήσαντο οὔτε κατὰ γῆν σφίσιν εἶναι σωτηρίαν οὔτε κατὰ θάλατταν.

Aschynes contra Ctesiphon.

ὁ τῶν Περσῶν βασιλεὺς ὁ τὸν Ἄθω διορύξας.

Marcus Tullius Cicero. Liber de finibus bonorum et malorum.

Athone perfosso.

Pomponius Mela. L. II.

Athos mons... Xerxe in Graios tendente perfossus transnavigatusque et factus freto navigabili pervius.

Plinius. Historia naturalis. L. IV. Cap. 10. Sect. 17.

Montem Atho Xerxes Persarum rex continenti abscidit.

Iuvenal. Satyra X.

..... Creditor olim

Velificatus Atho, et quicquid Graecia mendax Audet in historia.

Maximi Tyrii Dissertatio. 20.

Ἄν δὲ ἐπὶ τὰς μοναρχίας ἔλθῃς, κολακεύει καὶ Ξέρξην Μαργδόνιος, βάρβαρος βάρβαρον, ἀνόητος ἀνόητον, δειλὸς •[I 165]• οἰκέτης δεσπότην τρυφῶντα. Τὰ δὲ τῆς κολακείας τέλη, ἀνίσταται ἡ Ἀσία, μαστιγοῦται ἡ θάλασσα, Ἑλλήσποντος ζεύγνυται, Ἄθως οὐρύττεται.

Iul. Solin. Polyhist. de Macedonia.

Verum ut sileam, aut Rhodopen Mygdonium montem, aut Athos classibus Persicis navigatum, continentique abscissum 1500 passuum longitudine.

Zosimus. Historia Romana. L. I. Cap. 2.

Ξέρξου δὲ μετὰ τὴν Δαρείου τελευτὴν πολλῶ μείζονι παρασκευασαμένου δυνάμει καὶ πᾶσαν τοῖς Ἑλλήσι τὴν Ἀσίαν ἐπαγαγόντος, πληρώσαντός τε τὴν μὲν θάλατταν νεῶν πεζῶν δὲ τὴν γῆν, ἐπεὶ διὰ διαβαίνειν ἀπὸ τῆς Ἀσίας ἐπὶ τὴν Εὐρώπην ἐχρῆν, ὥς οὐκ ἀρκούντων αὐτῶ τῶν στοιχείων εἰς ὑποδοχὴν τοῦ στρατεύματος εἰ μὴ καὶ τὰς ἀλλήλων ὑφαρπάσαιεν χρείας, ἐζεύγνυτο μὲν ὁ Ἑλλήσποντος πάροδον διδοὺς τοῖς πεζῇ διαβαίνουσιν, ὠρύττετο δὲ ὁ Ἄθως ἅμα τῇ θαλάττῃ καὶ τὰς ναῦς εἰσδεχόμενος.

**§ 13. О взимании подати
с афонских городов Афинской
республикой**

82) Thucydides. L. V. Cap. 12.

Σπονδὰς ἐποιήσαντο Ἀθηναῖοι καὶ Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ξύμμαχοι κατὰ τάδε... τὰς δὲ πόλεις φερούσας τὸν φόρον τὸν ἐπ' Ἀριστείδου αὐτονόμους

εἶναι. ὄπλα δὲ μὴ ἐξέστω ἐπιφέρειν Ἀθηναίους μηδὲ τοὺς ξυμμάχους ἐπὶ κακῶ, ἀποδιδόντων τὸν φόρον, ἐπειδὴ αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο. εἰσὶ δὲ Ἀργίλος, Στάγιος, Ἀκανθος, Σκῶλος, Ὀλυνθος, Σπάρτωλος.

§ 14. Об участии Афона в Пелопоннесской войне

83) Thucydides. L. IV. Cap. 79.

Βρασίδας Θεσσαλίαν φθάσας διέδραμε πρὶν τινα κωλύειν παρασκευάσασθαι, καὶ ἀφίκετο ὡς Περδίκκαν καὶ ἐς τὴν Χαλκιδικήν. ἐκ γὰρ τῆς Πελοποννήσου, ὡς τὰ τῶν Ἀθηναίων ηὐτύχει, δείσαντες οἱ τε ἐπὶ Θράκης ἀφεστῶτες Ἀθηναίων καὶ Περδίκκας ἐξήγαγον τὸν στρατόν, οἱ μὲν Χαλκιδῆς νομίζοντες ἐπὶ σφᾶς πρῶτον ὀρμήσειν τοὺς Ἀθηναίους (καὶ ἅμα αἱ πλησιόχωροι πόλεις αὐτῶν αἱ οὐκ ἀφεστηκυῖαι ξυνεπήγον κρύφα), Περδίκκας δὲ πολέμιος μὲν οὐκ ὦν ἐκ τοῦ φανεροῦ, φοβούμενος δὲ καὶ αὐτὸς τὰ παλαιὰ διάφορα τῶν Ἀθηναίων •Π166• καὶ μάλιστα βυλόμενος Ἀρραβαῖον τὸν Λυγκηστῶν βασιλέα παραστήσασθαι. Ξυνέβη δὲ αὐτοῖς, ὥστε ῥᾶον ἐκ τῆς Πελοποννήσου στρατόν ἐξαγαγεῖν, ἢ τῶν Λακεδαιμονίων ἐν τῷ παρόντι κακοπραγία.

— Ibidem. Cap. 81. Πρὸςθυμήθησαν δὲ καὶ οἱ Χαλκιδῆς, ἄνδρα ἓν τε τῇ Σπάρτῃ δοκοῦντα δραστήριον εἶναι ἐς τὰ πάντα καὶ ἐπειδὴ ἐξήλθε πλείστου ἄξιον Λακεδαιμονίοις γενόμενον. τό τε γὰρ παραντίκα ἑαυτὸν παρασχὼν δίκαιον καὶ μέτριον ἐς τὰς πόλεις ἀπέστησε τὰ πολλά, τὰ δὲ προδοσία εἶλε τῶν χωρίων,

ὥστε τοῖς Λακεδαιμονίοις γίγνεσθαι ξυμβαίνειν τε βυλομένοις, ὅπερ ἐποίησαν, ἀνταπόδοσιν καὶ ἀποδοχὴν χωρίων καὶ τοῦ πολέμου ἀπὸ τῆς Πελοποννήσου λῶφῃσιν· ἐς τε τὸν χρόνον ὕστερον μετὰ τὰ ἐκ Σικελίας πόλεμον ἢ τότε Βρασίδου ἀρετὴ καὶ ξύνεσις, τῶν μὲν πείρα αἰσθημένων, τῶν δὲ ἀκοῇ νομισάντων, μάλιστα ἐπιθυμίαν ἐνεποίει τοῖς Ἀθηναίων ξυμμάχοις ἐς τοὺς Λακεδαιμονίους. πρῶτος γὰρ ἐξελθὼν καὶ δόξας εἶναι κατὰ πάντα ἀγαθὸς ἐλπίδα ἐγκατέλιπε βέβαιον ὡς καὶ οἱ ἄλλοι τοιοῦτοί εἰσιν.

— Cap. 82. Τότε δ' οὖν ἀφικομένου αὐτοῦ ἐς τὰ ἐπὶ Θράκης οἱ Ἀθηναῖοι πυθόμενοι τὸν τε Περδίκκαν πολέμιον ποιοῦνται, νομίσαντες αἴτιον εἶναι τῆς παρόδου, καὶ τῶν ταύτῃ ξυμμάχων φυλακὴν πλέονα κατεστήσαντο.

— Cap. 83. Περδίκκας δὲ Βρασίδα καὶ τὴν στρατιὰν εὐθὺς λαβὼν μετὰ τῆς ἑαυτοῦ δυνάμεως στρατεύει ἐπὶ Ἀρραβαῖον τὸν Βρομεροῦ Λυγκηστῶν Μακεδόνων βασιλέα ὁμορον ὄντα, διαφορᾶς τε αὐτῷ οὐσης καὶ βυλόμενος καταστρέψασθαι.

84) Ibidem. Cap. 84.

Ἐν δὲ τῷ αὐτῷ θέρει εὐθὺς ὁ Βρασίδας ἔχων καὶ Χαλκιδέας ἐπὶ Ἀκανθὸν τὴν Ἀνδριῶν ἀποικίαν ὀλίγον πρὸ τρυγίτου ἐστράτευσεν. οἱ δὲ περὶ τοῦ δέχεσθαι αὐτὸν κατ' ἀλλήλους ἐστασίαζον, οἱ τε μετὰ τῶν Χαλκιδέων ξυνεπάγοντες καὶ ὁ δῆμος. ὁμῶς δὲ διὰ τοῦ καρποῦ τὸ δέος ἔτι ἔξω ὄντος πεισθὲν τὸ πλῆθος ὑπὸ τοῦ Βρασίδου δέξασθαι τε αὐτὸν μόνον καὶ ἀκούσαντας βυλεύσασθαι, δέχεται· καὶ καταστὰς ἐπὶ τὸ πλῆθος

(ἦν δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὥς Λακεδαιμόνιος, εἶπεῖν) ἔλεγε τοιάδε.

— Cap. 85. Ἡ μὲν ἔκπεμψίς μου καὶ τῆς στρατιᾶς ὑπὸ Λακεδαιμονίων, ὧ Ἀκάνθιοι, γεγένηται τὴν αἰτίαν ἐπαληθεύουσα ἦν ἀρχόμενοι τοῦ πολέμου προεῖπομεν, Ἀθηναίους ἐλευθεροῦντες τὴν Ἑλλάδα πολεμήσειν· εἰ δὲ χρόνῳ ἐπήλθομεν, σφαλέντες τῆς ἀπὸ τοῦ ἐκεῖ πολέμου δόξης, ἣ διὰ •[Π167]• τάχους αὐτοὶ ἄνευ τοῦ ὑμετέρου κινδύνου ἡλπίσαμεν Ἀθηναίους καθαιρήσειν, μηδεὶς μεμφθῆ· νῦν γάρ, ὅτε παρέσχεν, ἀφιγμένοι καὶ μετὰ ὑμῶν πειρασόμεθα κατεργάζεσθαι αὐτούς. θαυμάζω δὲ τῇ τε ἀποκλήσει μου τῶν πυλῶν, καὶ εἰ μὴ ἀσμένοις ὑμῖν ἀφῖγμαι. ἡμεῖς μὲν γὰρ οἱ Λακεδαιμόνιοι οἰόμενοί τε παρὰ ξυμμάχους, καὶ πρὶν ἔργῳ ἀφικέσθαι, τῇ γοῦν γνώμῃ ἤξειν καὶ βουλομένοις ἔσσεσθαι, κίνδυνόν [τε] τοσόνδε ἀνεργίψαμεν διὰ τῆς ἀλλοτρίας πολλῶν ἡμερῶν ὁδὸν ἰόντες καὶ πᾶν τὸ πρόθυμον παρεχόμενοι· ὑμεῖς δὲ εἴ τι ἄλλο ἐν νῶ ἔχετε ἢ εἰ ἐναντιώσεσθε τῇ τε ὑμετέρᾳ αὐτῶν ἐλευθερίᾳ καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων, δεινὸν ἂν εἴη. καὶ γὰρ οὐ μόνον ὅτι αὐτοὶ ἀνθίστασθε, ἀλλὰ καὶ οἷς ἂν ἐπίω, ἥσόν τις ἐμοὶ πρόσεισι, δυσχερὲς ποιούμενοι εἰ ἐπὶ οὓς πρῶτον ἦλθον ὑμᾶς, καὶ πόλιν ἀξιόχρεων παρεχομένους καὶ ξύνεσιν δοκοῦντας ἔχειν, μὴ ἐδέξασθε· καὶ τὴν αἰτίαν οὐχ ἔξω πιστὴν ἀποδεικνύναι, ἀλλ' ἢ ἄδικον τὴν ἐλευθερίαν ἐπιφέρειν ἢ ἀσθενῆς καὶ ἀδύνατος τιμωρῆσαι τὰ πρὸς Ἀθηναίους, ἣν ἐπίωσιν, ἀφίχθαι. καίτοι στρατιᾷ γε τῇδ' ἦν νῦν [ἐγὼ] ἔχω ἐπὶ Νίσαιαν ἐμοῦ βοηθήσαντος οὐκ

ἠθέλησαν Ἀθηναῖοι πλέονες ὄντες προσμεῖξαι, ὥστε οὐκ εἰκὸς νηίτη γε αὐτοὺς τῷ ἐν Νισαίᾳ στρατῷ ἴσον πλῆθος ἐφ' ὑμᾶς ἀποστεῖλαι.

— Cap. 86. Αὐτὸς τε οὐκ ἐπὶ κακῷ, ἐπ' ἐλευθερώσει δὲ τῶν Ἑλλήνων παρελήλυθα, ὅρκοις τε Λακεδαιμονίων καταλαβὼν τὰ τέλη τοῖς μεγίστοις ἢ μὴν οὓς ἂν ἔγωγε προσαγάγωμαι ξυμμάχους ἔσσεσθαι αὐτονόμους, καὶ ἅμα οὐχ ἵνα ξυμμάχους ὑμᾶς ἔχωμεν ἢ βία ἢ ἀπάτῃ προσλαβόντες, ἀλλὰ τούναντίον ὑμῖν δεδουλωμένοις ὑπὸ Ἀθηναίων ξυμμαχήσοντες. οὐκ οὐν ἀξιῶ οὐτ' αὐτὸς ὑποπτεῦεσθαι, πίστεις γε διδούς τὰς μεγίστας, οὐδὲ τιμωρὸς ἀδύνατος νομισθῆναι, προσχωρεῖν τε ὑμᾶς θαρσύναντας. καὶ εἴ τις ἰδίᾳ τινὰ δεδιώς ἄρα, μὴ ἐγὼ τισι προσθῶ τὴν πόλιν, ἀπρόθυμός ἐστι, πάντων μάλιστα πιστευσάτω. οὐ γὰρ ξυστασιάσων ἦκω, οὐδὲ ἂν σαφῇ τὴν ἐλευθερίαν νομίζω ἐπιφέρειν, εἰ τὸ πάτριον παρεῖς τὸ πλέον τοῖς ὀλίγοις ἢ τὸ ἔλασσον τοῖς πᾶσι δουλώσαιοι. χαλεπωτέρα γὰρ ἂν τῆς ἀλλοφύλου ἀρχῆς εἴη, καὶ ἡμῖν τοῖς Λακεδαιμονίοις οὐκ ἂν ἀντὶ πόνων χάρις καθίσταται, ἀντὶ δὲ τιμῆς καὶ δόξης αἰτία μᾶλλον· οἷς τε τοὺς Ἀθηναίους ἐγκλήμασι καταπολεμοῦμεν, αὐτοὶ ἂν φαινοίμεθα ἐχθίονα ἢ ὁ μὴ ὑποδείξας ἀρετὴν κατακτώμενοι. ἀπάτῃ γὰρ εὐπρεπεῖ αἴσχιον τοῖς γε ἐν ἀξιώματι πλεονεκτῆσαι ἢ βία ἐμφανεῖ· τὸ μὲν γὰρ ἰσχύος δικαίῳσει, ἦν ἡ τύχη •[Π168]• ἔδωκεν, ἐπέρχεται, τὸ δὲ γνώμης ἀδίκου ἐπιβουλῇ. οὕτω πολλὴν περιωπὴν τῶν ἡμῖν ἐς τὰ μέγιστα διαφόρων ποιούμεθα.

— Cap. 87. Καὶ οὐκ ἂν μείζω πρὸς τοῖς ὅρκοις βεβαίωσιν λάβοιτε ἢ οἷς τὰ ἔργα ἐκ τῶν λόγων ἀναθρούμενα δόκησιν ἀναγκαίαν παρέχεται ὥς καὶ συμφέρεи ὁμοίως ὥς εἶπον. Εἰ δ' ἐμοῦ ταῦτα προῖσχομένου ἀδύνατοι μὲν φήσετε εἶναι, εὖνοι δ' ὄντες ἀξιώσετε μὴ κακούμενοι διωθεῖσθαι καὶ τὴν ἐλευθερίαν μὴ ἀκίνδυνον ὑμῖν φαίνεσθαι, δίκαιόν τε εἶναι, οἷς καὶ δυνατόν δέχεσθαι αὐτήν, τούτοις καὶ ἐπιφέρειν, ἄκοντα δὲ μηδὲνα προσαναγκάζειν, μάρτυρας μὲν θεοὺς καὶ ἥρως τοὺς ἐγχωρίους ποιήσομαι ὥς ἐπ' ἀγαθῶ ἥκων οὐ πείθω, γῆν δὲ τὴν ὑμετέραν δηῶν πειράσομαι βιάζεσθαι, καὶ οὐκ ἀδικεῖν ἐπὶ νομῶ, προσεῖναι δέ τί μοι καὶ κατὰ δύο ἀνάγκας τὸ εὐλογον, τῶν μὲν Λακεδαιμονίων, ὅπως μὴ τῷ ὑμέτέρῳ εὖνῳ, εἰ μὴ προσαχθήσεσθε, τοῖς ἀπὸ ὑμῶν χρήμασι φερομένοις παρ' Ἀθηναίους βλάπτωνται, οἱ δὲ Ἕλληνες ἵνα μὴ κωλύωνται ὑφ' ὑμῶν δουλείας ἀπαλλαγῇναι. οὐ γὰρ δὴ εἰκότως γ' ἂν τάδε πράσσοιμεν, οὐδὲ ὀφείλομεν οἱ Λακεδαιμόνιοι μὴ κοινοῦ τινὸς ἀγαθοῦ αἰτία τοὺς μὴ βουλομένους ἐλευθεροῦν· οὐδ' αὖ ἀρχῆς ἐφίεμεθα, παῦσαι δὲ μᾶλλον ἑτέρους σπεύδοντες τοὺς πλείους ἂν ἀδικοῖμεν, εἰ ξύμπασιν αὐτονομίαν ἐπιφέροντες ὑμᾶς τοὺς ἐναντιούμενους περιίδοιμεν. πρὸς ταῦτα βουλευέσθε εὖ, καὶ ἀγωνίσασθε τοῖς τε Ἕλλησιν ἄρξαι πρῶτοι ἐλευθερίας καὶ αἰδίδιον δόξαν καταθέσθαι, καὶ αὐτοὶ τά τε ἴδια μὴ βλαφθῆναι καὶ ξυμπάσῃ τῇ πόλει τὸ κάλλιστον ὄνομα περιθεῖναι.

85) Ibidem. Cap. 88.

Ὁ μὲν Βρασίδας τοσαῦτα εἶπεν. οἱ δὲ Ἀκάνθιοι, πολλῶν λεχθέντων πρότερον

ἐπ' ἀμφότερα, κρύφα διαψηφισάμενοι, διὰ τε τὸ ἐπαγωγὰ εἰπεῖν τὸν Βρασίδα καὶ περὶ τοῦ καρποῦ φόβῳ ἔγνωσαν οἱ πλείους ἀφίστασθαι Ἀθηναίων, καὶ πιστώσαντες αὐτὸν τοῖς ὅρκοις οὓς τὰ τέλη τῶν Λακεδαιμονίων ὁμόσαντα αὐτὸν ἐξέπεμψαν, ἥ μὴν ἔσεσθαι ξυμμάχους αὐτονόμους οὓς ἂν προσαγάγηται, οὕτω δέχονται τὸν στρατόν. καὶ οὐ πολὺ ὕστερον καὶ Σταγίριος Ἀνδρίων ἀποικία ξυναπέστη. ταῦτα μὲν οὖν ἐν τῷ θέρει τούτῳ ἐγένετο*. •[I 169]•

86) Ibidem. Cap. 102, 103 et sq.

Τοῦ δ' αὐτοῦ χειμῶνος Βρασίδας ἔχων τοὺς ἐπὶ Θράκης ξυμμάχους ἐστράτευσεν ἐς Ἀμφίπολιν τὴν ἐπὶ Στρυμόνι ποταμῷ Ἀθηναίων ἀποικίαν... Ἐπὶ ταύτην οὖν ὁ Βρασίδας ἄρας ἐξ Ἀρῶν τῆς Χαλκιδικῆς ἐπορεύετο τῷ στρατῷ. καὶ ἀφικόμενος περὶ δείλῃν ἐπὶ τὸν Αὐλῶνα καὶ Βορμίσκον, ἥ ἡ Βόλβη λίμνη ἐξήλθιν ἐς θάλασσαν, καὶ δειπνοποιησάμενος ἐχώρει τὴν νύκτα. χειμῶν δὲ ἦν καὶ ὑπένειφεν· ἥ καὶ μᾶλλον ὥρμησε, βουλόμενος λαθεῖν τοὺς ἐν τῇ Ἀμφιπόλει πλὴν τῶν προδιδόντων. ἦσαν γὰρ Ἀργιλίων τε ἐν αὐτῇ

* Diodorus Siculus. L. XII. «Brasidas... se dirigea sur Mégare. Il frappa de terreur les Atheniens, les chassa du Nissée, délivra la ville des Megariens, qu'il fit rentrer dans l'alliance de Lacédémoniens. Il traversa ensuite avec son armée la Thessalie et se porta sur Dium en Macédoine. De là il se rendit à Acanthe et vint aux secours des Chalcidiens, il détacha la ville des Acanthiens de l'alliance d'Athènes, moitié par intimidation, moitié par des insinuations bienveillantes, et parvint à entraîner dans le parti des Lacédémoniens beaucoup d'autres habitants de la Thrace. Confiant dans le nombre de ses soldats, Brasidas marcha contre la ville d'Amphipolis». (Cap. LXVII, LXVIII).

οικήτορες (εἰσὶ δὲ οἱ Ἀργίλιοι Ἀνδρίων ἄποικοι) καὶ ἄλλοι οἱ ξυνέπρασσον ταῦτα, οἱ μὲν Περδίκκα πειθόμενοι, οἱ δὲ Χαλκιδεῦσιν.

87) Ibidem. Cap. 109.

Τοῦ δ' αὐτοῦ χειμῶνος... Βρασίδας μετὰ τὴν Ἀμφιπόλεως ἄλωσιν ἔχων τοὺς συμμαχοὺς στρατεύει ἐπὶ τὴν Ἀκτὴν καλουμένην. ἔστι δὲ ἀπὸ τοῦ βασιλέως διορύγματος ἔσω προύχουσα, καὶ ὁ Ἄθως αὐτῆς ὄρος ὑψηλὸν τελευτᾷ ἐς τὸ Αἰγαῖον πέλαγος. πόλεις δὲ ἔχει Σάνην μὲν Ἀνδρίων ἀποικίαν παρ' αὐτὴν τὴν διώρυχα, ἐς τὸ πρὸς Εὐβοίαν πέλαγος τετραμμένην, τὰς δὲ ἄλλας Θυσσὸν καὶ Κλεωνὰς καὶ Ἀκροθόους καὶ Ὀλόφυξον καὶ Δίον· αἱ οἰκοῦνται συμμείκτοις ἔθνεσι βαρβάρων διγλώσσων, καὶ τι καὶ Χαλκιδικὸν ἐνὶ βραχὺ, τὸ δὲ πλεῖστον Πελασγικόν, τῶν καὶ Λημνὸν ποτε καὶ Ἀθήνας Τυρσηνῶν οἰκησάντων, καὶ Βισαλτικὸν καὶ Κρηστικὸν καὶ Ἠδῶνες· κατὰ δὲ μικρὰ πολίσματα οἰκοῦσιν. καὶ οἱ μὲν πλείους προσεχώρησαν τῷ Βρασίδῃ, Σάνη δὲ καὶ Δίον ἀντέστη, καὶ αὐτῶν τὴν χώραν ἐμμείνας τῷ στρατῷ ἐδήλου.

88) Ibidem. Cap. 110.

Ὡς δ' οὐκ ἐσήκουον, εὐθὺς στρατεύει ἐπὶ Τορώνην τὴν Χαλκιδικήν, κατεχομένην ὑπὸ Ἀθηναίων· καὶ αὐτὸν ἄνδρες ὀλίγοι ἐπήγοντο, ἐτοῖμοι ὄντες τὴν πόλιν παραδοῦναι. •[I 170]•

— Cap. 113. Τῶν δὲ Τορωναίων γιγνομένης τῆς ἀλώσεως... οἱ Ἀθηναῖοι καταφυγόντες διασφύζονται ἐς τὴν Λήκυθον τὸ φρούριον, ὃ εἶχον αὐτοὶ καταλαμβάνοντες, ἄκρον τῆς πόλεως ἐς

τὴν θάλασσαν ἀπειλημμένον ἐν στενῷ ἰσθμῷ. κατέφυγον δὲ καὶ τῶν Τορωναίων ἐς αὐτοὺς ὅσοι ἦσαν σφίσιν ἐπιτήδαιοι.

Diodorus Siculus. L. XII. Cap. 68.

Brasidas partit d'Amphipolis avec son armée et vint établir son camp dans la contrée qu'on nomme Acte. Là se trouvaient cinq villes: les unes grecques colonies des Andriens; les autres peuplées par les barbares Bissaltiques qui parlent deux langues. Après avoir soumis cette région, il marcha sur la ville de Torone, colonie des Chalcidiens, occupée par les Athéniens. Quelques traîtres ayant livré la ville, Brasidas y fit introduit pendant la nuit, et s'empara de Torone sans coup férir».

89) Thucydides. Cap. 117.

Λακεδαιμόνιοι δὲ καὶ Ἀθηναῖοι ἅμα ἤρι τοῦ ἐπιγιγνομένου θέρους εὐθὺς ἐκεχειρίαν ἐποιήσαντο ἐνιαύσιον...

— Cap. 120. Περὶ δὲ τὰς ἡμέρας ταύτας Σκιώνη ἐν τῇ Παλλήνῃ πόλιν ἀπέστη ἀπ' Ἀθηναίων πρὸς Βρασίδαν...

Diodorus Siculus. L. XII. Cap. 72.

Dans cette année (423), les Scionéens, qui méprisaient les Athéniens depuis la défaite de Délum, abandonnèrent l'alliance des Athéniens pour passer du côté des Lacédémoniens, et livrèrent leur ville à Brasidas, chef de l'expédition des Lacédémoniens contre la Thrace.

Les Athéniens et les Lacédémoniens conclurent une trêve d'un an ... on tomba d'accord sur toutes les conditions, excepté sur l'affaire de Scioné. La querelle se ralluma; la trêve fut rompue et on recommença la guerre au sujet de la possession de Scioné. En ce même temps la ville de

Mende passa du coté des Lacédémoniens, ce qui envenima encore la lutte au sujet de Scioné: Brasidas fit emporter de Mende et de Scioné les enfants, les femmes, ainsi que les effets les plus utiles, et il fortifia ces villes par des garnisons considérables. Irrités de ces événements, •[I 171]• les Athéniens ... firent partir une flotte de 50 trièmes sous le commandement de Nicias et de Nicostrate. Ces généraux se portèrent d'abord sur la ville de Mende et s'en emparèrent à l'aide de quelques traîtres. Puis ils entourèrent Scione d'un mur de circonvallation, la mirent en état de siège et lui livrèrent de continuel assauts. La garnison de Scione, nombreuse et bien pourvue de vivres, de traits et d'autres munitions, se défendit facilement contre les Athéniens; et grâce à sa position qui dominait les assaillants, elle en blessa un grand nombre. Tels sont les événements arrivés dans le cours de cette année.

Thucydides. Cap. 123. Ἐν τούτῳ δὲ Μένδη ἀφίσταται αὐτῶν, πόλις ἐν τῇ Παλλήνῃ, Ἑρετριῶν ἀποικία. καὶ αὐτοὺς ἐδέξατο ὁ Βρασίδα... οἱ δὲ Ἀθηναῖοι εὐθὺς πυθόμενοι, πολλῶ ἔτι μᾶλλον ὀργισθέντες παρεσκευάζοντο ἐπ' ἀμφοτέρως τὰς πόλεις. καὶ Βρασίδα προσδεχόμενος τὸν ἐπίπλουν αὐτῶν ὑπεκκομίζει ἐς Ὀλυνθον τὴν Χαλκιδικὴν παιδὰς καὶ γυναῖκας τῶν Σκιωναίων καὶ Μενδαίων, καὶ τῶν Πελοποννησίων αὐτοῖς πεντακοσίους ὀπλίτας διέπεμψε καὶ πελταστὰς τριακοσίους Χαλκιδέων, ἄρχοντά τε τῶν ἀπάντων Πολυδαμίδαν. καὶ οἱ μὲν τὰ περὶ σφᾶς αὐτοὺς, ὥς ἐν τάχει παρεσομένων τῶν Ἀθηναίων, κοινῇ ἡτρεπίζοντο.

90) Thucydides. Cap. 124.

Βρασίδα δὲ καὶ Περδικκας ἐν τούτῳ στρατεύουσιν ἅμα ἐπὶ Ἀρραβαῖον τὸ δεύτερον ἐς Λύγκον. καὶ ἦγον ὁ μὲν ὧν ἐκράτει Μακεδόνων τὴν δύναμιν καὶ τῶν ἐνοικούντων Ἑλλήνων ὀπλίτας, ὁ δὲ πρὸς τοῖς αὐτοῦ περιλοίοις τῶν Πελοποννησίων Χαλκιδέας καὶ Ἀκανθίους καὶ τῶν ἄλλων κατὰ δύναμιν ἐκάστων. ξύμπαν δὲ τὸ ὀπλιτικὸν τῶν Ἑλλήνων τρισχίλιοι μάλιστα, ἱππῆς δ' οἱ πάντες ἠκολούθουν Μακεδόνων ξὺν Χαλκιδεῦσιν ὀλίγου ἐς χιλίους, καὶ ἄλλος ὄμιλος τῶν βαρβάρων πολὺς.

— Cap. 129. Βρασίδα δὲ ἀναχωρήσας ἐκ Μακεδονίας ἐς Τορώνην καταλαμβάνει Ἀθηναίους Μένδην ἤδη ἔχοντας, καὶ αὐτοῦ ἡσυχάζων ἐς μὲν τὴν Παλλήνην ἀδύνατος ἤδη ἐνόμιζεν εἶναι διαβὰς τιμωρεῖν, τὴν δὲ Τορώνην ἐν φυλακῇ εἶχεν. •[I 172]•

Diod. Sic. L. XII. Cap. 73.

L'année suivante (422) les Athéniens nommèrent Cléon le démagogue au commandement militaire et le firent partir avec une nombreuse armée de terre pour la Thrace. Ce général fit voile pour Scione, joignit à ses troupes un détachement de soldats, qui faisaient le siège de cette ville, et alla mouiller à Torone: il savait que Brasidas avait quitte ces lieux, et qu'il n'avait laissé à Torone qu'une faible garnison. Il établit son camp dans le voisinage de Torone, investit la ville par terre et par mer, la prit de vive force, réduisit en esclavage les enfants et les femmes, s'empara des prisonniers qui formaient la garnison et les envoya enchaînés à Athènes. Après, avoir laissé

dans la ville une forte garnison, il se remit en mer avec son armée se dirigea vers le fleuve Strymon, vint camper à 80 stades environ d'Amphipolis, près de la ville d'Eion, et assiégea cette petite ville».

91) Thucydides. L. V. Cap. 1.

Τοῦ ἐπιγιγνομένου θέρους μὲν ἐνιαύσιοι σπονδαὶ διελέλυντο...

— Cap. 2. Κλέων δὲ Ἀθηναίους πείσας ἐς τὰ ἐπὶ Θράκης χωρία ἐξέπλευσε μετὰ τὴν ἐκεχειρίαν, Ἀθηναίων μὲν ὀπλίτας ἔχων διακοσίους καὶ χιλίους καὶ ἵππεας τριακοσίους, τῶν δὲ ξυμμάχων πλείους, ναῦς δὲ τριάκοντα. σχῶν δὲ ἐς Σκιώνην πρῶτον ἔτι πολιορκουμένην καὶ προσλαβὼν αὐτόθεν ὀπλίτας τῶν φρουρῶν, κατέπλευσεν ἐς τὸν Κωφὸν λιμένα τῶν Τορωναίων ἀπέχοντα οὐ πολὺ τῆς πόλεως. ἐκ δ' αὐτοῦ, αἰσθόμενος ὑπ' αὐτομόλων ὅτι οὔτε Βρασίδας ἐν τῇ Τορῶνῃ οὔτε οἱ ἐνόντες ἀξιόμαχοι εἶεν, τῇ μὲν στρατιᾷ τῇ πεζῇ ἐχώρει ἐς τὴν πόλιν, ναῦς δὲ περιέπεμψε δέκα [ἐς] τὸν λιμένα περιπλεῖν. καὶ πρὸς τὸ περιτειχίσμα πρῶτον ἀφικνεῖται, ὃ προσπεριέβαλε τῇ πόλει ὁ Βρασίδας ἐντὸς βουλόμενος ποιῆσαι τὸ προάστειον, καὶ διελὼν τοῦ παλαιοῦ τείχους μίαν αὐτὴν ἐποίησε πόλιν.

— Cap. 3. Βοηθήσαντες δὲ ἐς αὐτὸ Πασιτελίδας τε ὁ Λακεδαιμόνιος ἄρχων καὶ ἡ παροῦσα φυλακὴ προσβαλόντων τῶν Ἀθηναίων ἡμύνοντο. καὶ ὡς ἐβιάζοντο καὶ αἱ νῆες ἅμα περιέπλεον [αἱ] ἐς τὸν λιμένα περιπεμφθεῖσαι, δείσας ὁ Πασιτελίδας μὴ αἱ τε νῆες φθάσωσι λαβοῦσαι ἐρῆμον τὴν πόλιν καὶ τοῦ τειχίσματος ἀλίσκομένου ἐγκαταληφθῇ, ἀπολιπὼν αὐτὸ δρόμῳ

ἐχώρει ἐς τὴν πόλιν. οἱ δὲ Ἀθηναῖοι φθάνουσιν οἱ τε ἀπὸ τῶν νεῶν ἐλόντες τὴν Τορῶνῃ καὶ ὁ πεζὸς ἐπισπόμενος αὐτοβοεῖ κατὰ τὸ διηρημένον τοῦ παλαιοῦ τείχους •[I 173]• ξυνεσπεσών. καὶ τοὺς μὲν ἀπέκτειναν τῶν Πελοποννησίων καὶ Τορωναίων εὐθύς ἐν χερσὶ, τοὺς δὲ ζῶντας ἔλαβον, καὶ Πασιτελίδαν τὸν ἄρχοντα. Βρασίδας δὲ ἐβοήθει μὲν τῇ Τορῶνῃ, αἰσθόμενος δὲ καθ' ὁδὸν ἐαλωκυῖαν ἀνεχώρησεν, ἀποσχὼν τεσσαράκοντα μάλιστα σταδίους μὴ φθάσαι ἐλθών. ὁ δὲ Κλέων καὶ οἱ Ἀθηναῖοι τροπαῖα τε ἔστησαν δύο, τὸ μὲν κατὰ τὸν λιμένα, τὸ δὲ πρὸς τῷ τειχίσματι, καὶ τῶν Τορωναίων γυναικας μὲν καὶ παῖδας ἡνδραπόδισαν, αὐτοὺς δὲ καὶ Πελοποννησίους καὶ εἴ τις ἄλλος Χαλκιδέων ἦν, ξύμπαντας ἐς ἑπτακοσίους, ἀπέπεμψαν ἐς τὰς Ἀθήνας... Καὶ ὁ μὲν Κλέων, φυλακὴν καταστησάμενος τῆς Τορῶνῃς, ἄρας περιέπλει τὸν Ἄθων ὡς ἐπὶ τὴν Ἀμφίπολιν.

— Cap. 6–12. (Ο битвах у Амфиποля и о смерти Врасиды и Клеона).

92) Diodorus Siculus. L. XII. Cap. 74.

Instruit que Brasidas se trouvait avec son armée dans les environs d'Amphipolis, le général Athénien se mit en route pour l'attaquer. A la nouvelle de l'approche des ennemis, Brasidas rangea son armée en bataille et se porta à la rencontre des Athéniens. Il se livra un grand combat... Brasidas, ayant fait des prodiges de valeur et tué un grand nombre d'ennemis, mourut en héros. Cleon tomba aussi dans ce combat. Les deux armées, privées de leurs chefs, s'ébranlèrent; enfin les Lacédémoniens remportèrent la victoire et

érigèrent un trophée. Les Athéniens... revinrent à Athènes. Quelques messagers, partis du champ de bataille, apportèrent à Lacédémone la nouvelle de la victoire en même temps que la mort de Brasidas. La mère de Brasidas, instruite des circonstances de la bataille, demanda comment son fils s'était conduit dans le combat. Les messagers répondirent, que Brasidas s'était montré le plus brave des Lacédémoniens. Sans doute, reprit la mère du mort, «mon fils était brave: mais il était encore inférieur à bien d'autres Spartiates». Ces paroles s'étant répandues dans la ville, les éphores décernèrent à la mère de Brasidas des honneurs publics, parce qu'elle avait mise la gloire de la patrie au dessus •[I 174]• de celle de son fils.* Après la bataille mentionnée, les Athéniens résolurent de conclure avec les Lacédémoniens une trêve de 50 ans aux conditions suivantes: de part et d'autre les prisonniers seront restitués; les villes prises pendant la guerre seront rendues. Telle fut l'issue de la guerre péloponnésiaque qui jusqu'à l'époque où nous sommes arrivés, avait duré dix ans. (Confer: Thucydides. L. V. Cap. 6–12).

93) Thucydides. L. V. Cap. 18.

Σπονδὰς ἐποιήσαντο Ἀθηναῖοι καὶ Λακεδαιμόνιοι καὶ οἱ ξύμμαχοι κατὰ τὰδε, καὶ ὥμοσαν κατὰ πόλεις. Περί μὲν τῶν ἱερῶν τῶν κοινῶν, θύειν καὶ ἰέναι καὶ μαντεύεσθαι καὶ θεωρεῖν κατὰ τὰ πάτρια τὸν βουλόμενον καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλασσαν ἀδεῶς... Τὰς δὲ πόλεις φερούσας τὸν φόρον τὸν

ἐπ' Ἀριστείδου αὐτονόμους εἶναι. ὅπλα δὲ μὴ ἐξέστω ἐπιφέρειν Ἀθηναίους μηδὲ τοὺς συμμαχοὺς ἐπὶ κακῷ, ἀποδιδόντων τὸν φόρον, ἐπεὶ αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο. εἰσὶ δὲ Ἀργίλος, Στάγιρος, Ἄκανθος, Σκῶλος*, Ὀλυνθος, Σπάρτωλος. Συμμαχοὺς δ' εἶναι μηδετέρων, μήτε Λακεδαιμονίων μήτε Ἀθηναίων· ἣν δὲ Ἀθηναῖοι πείθωσι τὰς πόλεις, βουλομένας ταύτας ἐξέστω συμμαχοὺς ποιεῖσθαι αὐτοὺς Ἀθηναίους. Μηκυβερναίους δὲ καὶ Σαναίους καὶ Σιγγαίους οἰκεῖν τὰς πόλεις τὰς ἑαυτῶν, καθάπερ Ὀλύνθιοι καὶ Ἀκάνθιοι... κ. τ. λ.

— L. V, c. 20. Αὐταὶ αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο τελευτῶντος τοῦ χειμῶνος ἅμα ἡρῖ, ἐκ Διονυσίων εὐθὺς τῶν ἀστικῶν, αὐτόδεκα ἐτῶν διελθόντων καὶ ἡμερῶν ὀλίγων παρενεγκουσῶν ἡ ὥς τὸ πρῶτον ἢ ἐσβολή ἢ ἐς τὴν Ἀττικὴν καὶ ἢ ἀρχὴ τοῦ πολέμου τοῦδε ἐγένετο, κ. τ. λ. •[I 175]• 421 ἔτος.

95) Diod. Sicul. L. XII. Cap. 75.

Dans cette année, et presque aussitôt après la guerre du Péloponnèse, de nouveaux troubles éclatèrent. En voici l'origine. Les Athéniens et les Lacédémoniens, de concert avec leurs alliés, avaient conclu une alliance sans y comprendre les confédérés. Cet acte fit soupçonner que les deux peuples s'étaient ligués ensemble pour réduire en servitude tous les autres Grecs. C'est pourquoi les villes

* Этот городок, по мнению моему, находился на Афоне, там, где ныне находятся развалины так называемой Школы (Σκῶλος), недалеко от Зографского монастыря в Иованицком участке его. Тут никогда не было никакой школы монашеской. Тут стоял городок Сколос.

* La mère de Brasidas s'appellait Argiléonis.

les plus importantes s'envoyèrent réciproquement des députés pour s'entendre au sujet d'une alliance offensive et défensive, dirigée contre les Athéniens et les Lacédémoniens. A la tête de cette ligue se trouvaient quatre villes des plus puissantes, Argos, Thèbes, Corinthe, Elis...

96) Thucydides. L. V. Cap. 31.

Aussitôt, après les Corinthiens et les Chalcidiens de Thrace entrèrent aussi dans l'alliance d'Argos.

97) Diodorus Siculus. L. XII. Cap. 76.

Les Athéniens, voulant intimider les alliés incertains, infligèrent aux Scionéens un châtement exemplaire; ayant pris d'assaut leur ville, ils égorgèrent tous les habitants adultes, vendirent les enfans et les femmes comme les esclaves, et donnèrent leur ville pour demeure aux Platéens, expulsés de leur patrie. (Confer Thucydides. L. V, c. 32: Фукидид сказал то же самое).

Thucydides. L. V. Cap. 33.

Le même été les Lacédémoniens portèrent la guerre avec toutes leurs forces chez les Parrhasiens en Arcadie.

99) Thucydides. L. V. Cap. 35.

Τοῦ δ' αὐτοῦ θέρους (421 ἔτ.) καὶ Θύσσον τὴν ἐν τῇ Ἀθῶ Δικτιδῆς εἶλον, Ἀθηναίων οὖσαν ξύμμαχον. •[I 176]•

100) Thucydides. L. V. Cap. 82.

Τοῦ δ' ἐπιγυγνομένου θέρους (418 ἔτ.) Δικτιδῆς τε οἱ ἐν Ἀθῶ ἀπέστησαν Ἀθηναίων πρὸς Χαλκιδέας.

101) Diodorus Siculus. L. XIII. Cap. 38–42.

Mindarus, commandant de la flotte Lacédémonienne, réfugié, depuis sa

défaite, à Abydos, radouba ses navires endommagés, (411 an) et envoya Epiclès le Spartiate en Eubée, pour en amener au plus vite les bâtimens qui y étaient en station. Epiclès arriva en Eubée, rassembla 50 navires, et remit en mer en toute hâte. Mais, parvenu à la hauteur d'Athos, il fut assailli d'une tempête si violente, que tous ces bâtimens périrent, et qu'il ne sauva avec lui que douze hommes. C'est ce qu'indique un monument déposé dans un temple près de Coronée, qui, au rapport d'Ephore, porte l'inscription suivante:

«Des infortunés qui, après le naufrage de leur cinquante navires, essayèrent d'échapper à la mort, douze seulement ont pris terre aux rochers d'Athos: tous les autres ont été engloutis dans les flots de la mer, ainsi que leurs navires, battus par la tempête mugissante».

§ 15. О союзе городов Аканфоса и Аполлонии Халкидикийской с лакедемонцами против Олинфской республики.

102) Diodorus Siculus. L. XV. Cap. 19.

383 an. Les Lacédémoniens renoncèrent aux affaires de l'Asie, mais se préparant à recouvrer leur autorité sur la Grèce, ils gagnèrent quelques unes des villes par la persuasion, et soumirent les autres de force par la rentrée des exilés. Ils aspiraient ainsi ouvertement à l'empire de la Grèce, contrairement aux clauses du traité d'Antalcidas, conclu avec le roi des Perses. En Macédoine, le roi Amyntas, vaincu par les Illyriens, et ayant renoncé

à l'espoir de recouvrer sa souveraineté, avait donné aux Olynthiens une grande partie de son territoire limitrophe. Depuis que le roi eut renoncé à ses droits de souveraineté, les Olynthiens jouirent tranquillement du •Π177]• revenu de ce territoire, et lorsque, quelque temps après, le roi rentra, contre toute attente, dans ses états et reprit l'autorité suprême, il redemanda aux Olynthiens le territoire dont il leur avait fait don; mais ceux-ci refusèrent de le lui rendre. Amyntas mit aussitôt sur pied une armée, et, s'alliant avec les Lacédémoniens, il les engagea à envoyer un général et des troupes contre les Olynthiens. Les Lacédémoniens, jugeant propos de s'avancer du côté de la Thrace levèrent, tant parmi leurs propres citoyens que parmi leurs alliés, une armée de plus de dix mille hommes, dont ils donnèrent le commandement à Phoebidas le Spartiate, avec ordre d'aller au secours d'Amyntas et de marcher avec lui contre les Olynthiens.

103) Xenophon. *Historiae Graecae* L. V. Cap. 2.

Εξ Ακάνθου δὲ καὶ Ἀπολλωνίας, αἵπερ μέγιστα τῶν περὶ Ὀλυνθον πόλεων, πρέσβεις ἀφίκοντο εἰς Λακεδαίμονα. ἀκούσαντες δ' οἱ ἔφοροι ὧν ἕνεκα ἦκον, προσήγαγον αὐτοὺς πρὸς τε τὴν ἐκκλησίαν καὶ τοὺς συμμαχοὺς. ἐνθα δὴ Κλειγένης Ἀκάνθιος ἔλεξεν·

«Ὡ ἄνδρες Λακεδαιμόνιοι τε καὶ σύμμαχοι, οἰόμεθα λανθάνειν ὑμᾶς πρᾶγμα μέγα φυόμενον ἐν τῇ Ἑλλάδι. ὅτι μὲν γὰρ τῶν ἐπὶ Θράκης μεγίστη πόλις Ὀλυνθος σχεδὸν πάντες ἐπίστασθε. οὗτοι τῶν πόλεων προσηγάγοντο

ἐφ' ᾧτε νόμοις τοῖς αὐτοῖς χρῆσθαι καὶ συμπολιτεύειν, ἔπειτα δὲ καὶ τῶν μειζόνων προσέλαβόν τινας. ἐκ δὲ τούτου ἐπεχείρησαν καὶ τὰς τῆς Μακεδονίας πόλεις ἐλευθεροῦν ἀπὸ Ἀμύντου τοῦ Μακεδόνων βασιλέως. ἐπεὶ δὲ εἰσήκουσαν αἱ ἐγγύτατα αὐτῶν, ταχὺ καὶ ἐπὶ τὰς πόρρω καὶ μείζους ἐπορεύοντο· καὶ κατελίπομεν ἡμεῖς ἔχοντας ἤδη ἄλλας τε πολλὰς καὶ Πέλλαν, ἥπερ μεγίστη τῶν ἐν Μακεδονίᾳ πόλεων· καὶ Ἀμύνταν δὲ ἡσθανόμεθα ἀποχωροῦντά τε ἐκ τῶν πόλεων καὶ ὅσον οὐκ ἐκπεπτωκότα ἤδη ἐκ πάσης Μακεδονίας. πέμψαντες δὲ καὶ πρὸς ἡμᾶς καὶ πρὸς Ἀπολλωνιάτας οἱ Ὀλύνθιοι προεῖπον ἡμῖν ὅτι εἰ μὴ παρεσόμεθα συστρατεύσόμενοι, ἐκεῖνοι ἐφ' ἡμᾶς ἴοιεν. ἡμεῖς δέ, ὧ ἄνδρες Λακεδαιμόνιοι, βουλόμεθα μὲν τοῖς πατρίοις νόμοις χρῆσθαι καὶ αὐτοπολίται εἶναι· εἰ μὲντοι μὴ βοηθήσει τις, ἀνάγκη καὶ ἡμῖν μετ' ἐκείνων γίγνεσθαι. καίτοι νῦν γ' ἤδη αὐτοῖς εἰσὶν ὀπλίται μὲν οὐκ ἐλάττους ὀκτακοσίων, πελτασταὶ δὲ πολὺ πλείους ἢ τοσοῦτοι· ἵππεῖς γε μὲντοι, ἐὰν καὶ ἡμεῖς μετ' •Π178]• αὐτῶν γενώμεθα, ἔσονται πλείους ἢ χίλιοι. κατελίπομεν δὲ καὶ Ἀθηναίων καὶ Βοιωτῶν πρέσβεις ἤδη αὐτόθι. ἡκούομεν δὲ ὥς καὶ αὐτοῖς Ὀλυνθίοις ἐψηφισμένον εἶη συμπέμπειν πρέσβεις εἰς ταύτας τὰς πόλεις περὶ συμμαχίας. καίτοι εἰ τοσαύτη δύναμις προσγενήσεται τῇ τε Ἀθηναίων καὶ Θηβαίων ἰσχύϊ, ὁρᾶτε, ἔφη, ὅπως μὴ οὐκέτι εὐμεταχειρίστα ἔσται ἐκεῖνα ὑμῖν. ἐπεὶ δὲ καὶ Ποτεΐδαιαν ἔχουσιν ἐπὶ τῷ ἰσθμῷ τῆς Παλλήνης οὖσαν, θίοις ἐψηφισμένον εἶη συμπέμπειν πρέσβεις εἰς ταύτας

τὰς πόλεις περὶ συμμαχίας. καίτοι εἰ τοσαύτη δύναμις προσγενήσεται τῇ τε Ἀθηναίων καὶ Θηβαίων ἰσχύϊ ὁρᾶτε, ἔφη, ὅπως μὴ οὐκέτι εὐμεταχειρίιστα ἔσται ἐκεῖνα ὑμῖν. ἐπεὶ δὲ καὶ Ποτεΐδαιαν ἔχουσιν ἐπὶ τῷ ἰσθμῷ τῆς Παλλήνης οὖσαν, νομίζετε καὶ τὰς ἐντὸς ταύτης πόλεις ὑπηκόους ἔσεσθαι αὐτῶν. τεκμήριον δ' ἔτι ἔστω ὑμῖν καὶ τοῦτο ὅτι ἰσχυρῶς αὐταὶ αἱ πόλεις πεφόβηνται· μάλιστα γὰρ μισοῦσαι τοὺς Ὀλυνθίους ὅμως οὐκ ἐτόλμησαν μεθ' ἡμῶν πρεσβείας πέμπειν διδασκούς τὰ ταῦτα. ἐννοήσατε δὲ καὶ τόδε, πῶς εἰκὸς ὑμᾶς τῆς μὲν Βοιωτίας ἐπιμεληθῆναι ὅπως μὴ καθ' ἓν εἴη, πολὺ δὲ μείζονος ἀθροισμένης δυνάμεως ἀμελῆσαι, καὶ ταύτης οὐ κατὰ γῆν μόνον, ἀλλὰ καὶ κατὰ θάλατταν ἰσχυρᾶς γιγνομένης. τί γὰρ δὴ καὶ ἐμποδῶν, ὅπου ξύλα μὲν ναυπηγήσιμα ἐν αὐτῇ τῇ χώρᾳ ἐστί, χρημάτων δὲ πρόσοδοι ἐκ πολλῶν μὲν λιμένων, ἐκ πολλῶν δ' ἐμπορίων, πολυανθρωπία γε μὴν διὰ τὴν πολυσιτίαν ὑπάρχει; ἀλλὰ μὴν καὶ γείτονές γ' εἰσὶν αὐτοῖς Θυράκες οἱ ἀβασίλευτοι, οἱ θεραπεύουσι μὲν καὶ νῦν ἤδη τοὺς Ὀλυνθίους· εἰ δὲ ὑπ' ἐκείνοις ἔσονται, πολλὴ καὶ αὕτη δύναμις προσγένοιτ' ἂν αὐτοῖς. τούτων γε μὴν ἀκολουθούντων καὶ τὰ ἐν τῷ Παγγαίῳ χρύσεια χεῖρα ἂν αὐτοῖς ἤδη ὀρέγοι. καὶ τούτων ἡμεῖς οὐδὲν λέγομεν ὅτι οὐ καὶ ἐν τῷ τῶν Ὀλυνθίων δήμῳ μυριόλεκτόν ἐστι. τό γε μὴν φρόνημα αὐτῶν τί ἂν τις λέγοι; καὶ γὰρ ὁ θεὸς ἴσως ἐποίησεν ἅμα τῷ δύνασθαι καὶ τὰ φρονήματα αὐξεσθαι τῶν ἀνθρώπων. ἡμεῖς μὲν οὖν, ὧ ἄνδρες Λακεδαιμονίῳ

τε καὶ σύμμαχοι, ἐξαγγέλλομεν ὅτι οὕτω τὰ κεῖ ἔχει· ὑμεῖς δὲ βουλευέσθε, εἰ δοκεῖ ἄξια ἐπιμελείας εἶναι. δεῖ γε μὴν ὑμᾶς καὶ τόδε εἰδέναι, ὥς ἦν εἰρήκαμεν δύναμιν μεγάλην οὖσαν, οὐπω δυσπάλαιστός ἐστιν. αἱ γὰρ ἄκουσαι τῶν πόλεων τῆς πολιτείας κοινωνοῦσαι, αὐταὶ, ἂν τι ἴδωσιν ἀντίπαλον, ταχὺ ἀποστήσονται· εἰ μέντοι συγκλεισθήσονται ταῖς τε ἐπιγαμίαις καὶ ἐγκτήσεσι παρ' ἀλλήλοις, ἅς ἐψηφισμένοι εἰσὶ, καὶ γινώσκονται ὅτι μετὰ τῶν κρατούντων ἔπεσθαι κερδαλέον ἐστίν, ὥσπερ Ἀρκάδες, ὅταν μεθ' ὑμῶν ἴωσι, τὰ τε αὐτῶν σφύζουσι καὶ τὰ ἀλλότρια ἀρπάζουσιν, ἴσως οὐκέθ' ὁμοίως εὐλута ἔσται».

Λεχθέντων δὲ τούτων ἐδίδουσαν οἱ Λακεδαιμόνιοι τοῖς συμμάχοις λόγον καὶ ἐκέλευον συμβουλευεῖν ὅτι γινώσκει τις ἄριστον τῇ Πελοποννήσῳ τε καὶ τοῖς συμμάχοις. ἐκ τούτου μέντοι πολλοὶ μὲν συνηγόρευον στρατιὰν ποιεῖν, μάλιστα δὲ οἱ βουλόμενοι χαρίζεσθαι τοῖς Λακεδαιμονίοις, καὶ •[179]• ἔδοξε πέμπειν τὸ εἰς τοὺς μυρίους σύνταγμα ἐκάστην πόλιν. λόγοι δὲ ἐγένοντο ἀργυρίον τε ἀντ' ἀνδρῶν ἐξεῖναι διδόναι τῇ βουλομένη τῶν πόλεων, τριώβολον Αἰγιναιῶν κατὰ ἄνδρα, ἱππέας τε εἴ τις παρέχοι, [ἀντί] τετάρων ὀπλιτῶν τὸν μισθὸν τῷ ἱππεῖ δίδεσθαι· εἰ δὲ τις τῶν πόλεων ἐκλίποι τὴν στρατιάν, ἐξεῖναι Λακεδαιμονίοις ἐπιζημιοῦν στατήρι κατὰ τὸν ἄνδρα τῆς ἡμέρας. ἐπεὶ δὲ ταῦτα ἔδοξεν, ἀναστάντες οἱ Ἀκάνθιοι πάλιν ἐδίδασκον ὥς ταῦτα καλὰ μὲν εἴη τὰ ψηφίσματα, οὐ μέντοι δυνατὰ ταχὺ περανθῆναι.

βέλτιον οὖν ἔφασαν εἶναι, ἐν ᾧ αὕτη ἡ παρασκευὴ ἀθροίζοιτο, ὡς τάχιστα ἄνδρα ἐξελεῖν ἄρχοντα καὶ δύναμιν ἐκ Λακεδαιμόνος τε, ὅση ἂν ταχὺ ἐξέλθοι, καὶ ἐκ τῶν ἄλλων πόλεων· τούτου γὰρ γενομένου τάς τε οὐπω προσκεχωρηκυίας πόλεις στήναι ἂν καὶ τὰς βεβιασμένας ἡττον ἂν συμμαχεῖν. δοξάντων δὲ καὶ τούτων, ἐκπέμπουσιν οἱ Λακεδαιμόνιοι Εὐδαμίδα, καὶ σὺν αὐτῷ νεοδαμῶδεις τε καὶ τῶν περιοίκων καὶ τῶν Σκιριτῶν ἄνδρας ὡς δισχιλίους. ὁ μέντοι Εὐδαμίδας ἐξιὼν Φοιβίδα, τὸν ἀδελφὸν ἐδεήθη τῶν ἐφόρων τοὺς ὑπολειπομένους τῶν ἑαυτῷ προστεταγμένων ἀθροίσαντα μετιέναι· αὐτὸς δὲ ἐπεὶ ἀφίκετο εἰς τὰ ἐπὶ Θράκης χωρία, ταῖς μὲν δεομέναις τῶν πόλεων φρουροὺς ἔπεμπε, Ποτεΐδαιαν δὲ καὶ προσέλαβεν ἐκοῦσαν, σύμμαχον ἤδη ἐκείνων οὖσαν, καὶ ἐντεῦθεν ὁρμώμενος ἐπολέμει ὥσπερ εἰκὸς τὸν ἐλάττω ἔχοντα δύναμιν. •Π 179• 382 ἔτ.

104) Ibidem.

Ὁ δὲ Φοιβίδας, ἐπεὶ ἡθροίσθησαν αὐτῷ οἱ ὑπολειφθέντες τοῦ Εὐδαμίδου, λαβὼν αὐτοὺς ἐπορεύετο. ὡς δ' ἐγένοντο ἐν Θήβαις, ἐστρατοπεδεύσαντο μὲν ἔξω τῆς πόλεως περὶ τὸ γυμνάσιον· στασιαζόντων δὲ τῶν Θηβαίων, πολεμαρχοῦντες μὲν ἐτύγχανον Ἰσμηνίας τε καὶ Λεοντιάδης, διάφοροι δὲ ὄντες ἀλλήλοις καὶ ἀρχηγὸς ἐκάτερος τῶν ἐταιριῶν. ὁ μὲν οὖν Ἰσμηνίας διὰ τὸ μῖσος τῶν Λακεδαιμονίων οὐδὲ ἐπλησίαζε τῷ Φοιβίδᾳ. ὁ μέντοι Λεοντιάδης ἄλλως τε ἐθεράπευεν αὐτόν, καὶ ἐπεὶ εἰσωκειώθη, ἔλεγε τάδε· Ἐξεστὶ σοι, ὦ Φοιβίδα, τῇδε τῇ ἡμέρᾳ μέγιστα ἀγαθὰ

τῇ σεαυτοῦ πατρίδι ὑπουργῆσαι· ἐὰν γὰρ ἀκολουθήσης ἐμοὶ σὺν τοῖς ὀπλίταις, εἰσάξω σε ἐγὼ εἰς τὴν ἀκρόπολιν. τούτου δὲ γενομένου νόμιζε τὰς Θήβας παντάπασι νύπὸ •Π 180• Λακεδαιμονίοις καὶ ἡμῖν τοῖς ὑμετέροις φίλοις ἔσεσθαι. καίτοι νῦν μὲν, ὡς ὀρᾷς, ἀποκεκήρυκται μηδὲνα μετὰ σοῦ στρατεύειν Θηβαίαν ἐπ' Ὀλυνθίους· ἐὰν δέ γε σὺ ταῦτα μεθ' ἡμῶν πράξης, εὐθύς σοι ἡμεῖς πολλοὺς μὲν ὀπλίτας, πολλοὺς δὲ ἱππέας συμπεμψομεν· ὥστε πολλὴ δυνάμει βοηθήσεις τῷ ἀδελφῷ, καὶ ἐν ᾧ μέλλει ἐκεῖνος Ὀλυνθον καταστρέφεσθαι, σὺ κατεστραμμένος ἔσει Θήβας, πολὺ μείζω πόλιν Ὀλύνθου. ἀκούσας δὲ ταῦτα ὁ Φοιβίδας ἀνεκουφίσθη· καὶ γὰρ ἦν τοῦ λαμπρόν τι ποιῆσαι πολὺ μᾶλλον ἢ τοῦ ζῆν ἐραστής, οὐ μέντοι λογιστικός γε οὐδὲ πάννυ φρόνιμος ἐδόκει εἶναι. ἐπεὶ δὲ ὠμολόγησε ταῦτα, προορμῆσαι μὲν αὐτὸν ἐκέλευσεν, ὥσπερ συνεσκευασμένος ἦν εἰς τὸ ἀπιέναι· ἡνίκα δ' ἂν ἡ καιρός, πρὸς σὲ ἦξω ἐγώ, ἔφη ὁ Λεοντιάδης, καὶ αὐτὸς σοι ἡγήσομαι. ἐν ᾧ δὲ ἡ μὲν βουλὴ ἐκάθητο ἐν τῇ ἐν ἀγορᾷ στοᾷ διὰ τὸ τὰς γυναῖκας ἐν τῇ Καδμείᾳ θεσμοφοριάζειν, θέρους δὲ ὄντος καὶ μεσημβρίας πλείστη ἦν ἐρημία ἐν ταῖς ὁδοῖς, ἐν τούτῳ προσελάσας ἐφ' ἵππου ὁ Λεοντιάδης ἀποστρέφει τε τὸν Φοιβίδα καὶ ἡγεῖται εὐθύς εἰς τὴν ἀκρόπολιν, κ. τ. λ.

Diodorus Siculus. L. XV. Cap. 20.

Dans cette année, les Lacédémoniens s'emparèrent de la Cadmée citadelle de Thèbes, par le motif que nous allons rapporter. Voyant que la Béotie possédait un grand nombre de villes peuplées

d'habitants guerriers, et que Thèbes, en quelque sorte la citadelle de toute la Béotie, conservait son ancienne splendeur, les Lacédémoniens craignirent que les Thébains ne saisissent le premier moment favorable pour s'emparer de l'empire de la Grèce. Les Spartiates ordonnèrent donc secrètement à leurs généraux d'occuper la Cadniée dès que les circonstances le permettraient. Cet ordre fut exécuté. Phaebidas le Spartiate, qui commandait l'armée destinée à agir contre les Olynthiens, vint surprendre la citadelle. Les Thébains, irrités, coururent aux armes; il se livra un combat*, dans lequel Phoebidas fut vainqueur; il condamna à l'exil trois cents Thébains des plus distingués, intimida les autres •[I 181]• laissa une forte garnison dans la place, et revint à son affaire principale. Cependant les Lacédémoniens qui s'étaient, par cet acte, déshonorés aux yeux de tous les Grecs, condamnèrent Phoebidas à une amende; mais ils ne retirèrent pas la garnison qu'ils avaient placée à Thèbes. Ainsi les Thébains, dépouillés de leur indépendance, furent forcés de se soumettre aux Lacédémoniens. ... Pendant que les Olynthiens étaient en guerre, avec Amyntas, roi des Macédoniens, les Lacédémoniens ôtèrent à Phoebidas le commandement de l'armée et lui donnèrent pour successeur Eudamidas, le frère de Phoebidas. Ils lui confièrent trois mille hoplites et l'envoyèrent continuer la guerre contre les Olynthiens.

105) Ibidem. Cap. 21.

Eudamidas envahit le territoire des Olynthiens et leur fit la guerre de concert avec Amyntas. Les Olynthiens qui avaient réuni des troupes supérieures en nombre à celles de l'ennemi, eurent l'avantage dans les combats. Les Lacédémoniens levèrent alors une armée plus considérable, dont ils donnèrent le commandement à Teleutias: c'était le frère du roi Agesilas, admiré pour sa bravoure par tous ses concitoyens. Il partit donc du Péloponnèse à la tête de son armée, et s'avança dans le voisinage d'Olynthe, où il rejoignit les troupes d'Eudamidas. Se trouvant alors en état de tenir tête à l'ennemi, il ravagea d'abord le territoire des Olynthiens et fit un immense butin qu'il distribua à ses soldats. Enfin les Olynthiens s'étant de leur côté réunis à tous leurs alliés, on en vint à une bataille; dans le premier moment la victoire resta indécise, mais ensuite le combat se renouvelant avec plus d'acharnement, Teleutias tomba après une brillante résistance; plus de douze cents Lacédémoniens restèrent sur le champ de bataille. Pendant que les Olynthiens se réjouissaient de leur succès, les Lacédémoniens pour réparer l'échec qu'ils venaient d'essayer, firent de nouveaux préparatifs de guerre et envoyèrent des troupes plus nombreuses encore. Les Olynthiens, voyant qu'ils avaient affaire aux forces supérieures des Spartiates et que la guerre serait longue, •[I 182]• firent de grandes provisions de vivres et tirèrent des soldats, de leurs alliés.

* Об этой битве Ксенофонт не упомянул.

Xenophon. L. V. Cap. 2.

Τούτων δὴ πεπραγμένων οἱ Λακεδαιμόνιοι πολὺ προθυμότερον τὴν εἰς τὴν Ὀλυνθον στρατιὰν συναπέντελλον. καὶ ἐκπέμπουσι Τελευτίαν μὲν ἀρμοστήν, τὴν δ' εἰς τοὺς μυρίους σύνταξιν αὐτοῖ τε ἅπαντας συνεξέπεμπον, καὶ εἰς τὰς συμμαχίδας πόλεις σκυτάλας διέπεμπον, κελεύοντες ἀκολουθεῖν Τελευτίᾳ κατὰ τὸ δόγμα τῶν συμμάχων. καὶ οἱ τε ἄλλοι προθύμως τῷ Τελευτίᾳ ὑπηρέτουν, καὶ γὰρ οὐκ ἀχάριστος ἐδόκει εἶναι τοῖς ὑπουργοῦσι τι, καὶ ἡ τῶν Θηβαίων δὲ πόλις, ἅτε καὶ Ἀγησιλάου ὄντος αὐτῷ ἀδελφοῦ, προθύμως συνέπεμψε καὶ ὀπλίτας καὶ ἰππέας. ὁ δὲ σπεύδων μὲν οὐ μάλα ἐπορεύετο, ἐπιμελόμενος δὲ τοῦ τε μὴ ἀδικῶν τοὺς φίλους πορεύεσθαι καὶ τοῦ ὡς πλείστην δύναμιν ἀθροίζειν. προέπεμπε δὲ καὶ πρὸς Ἀμύνταν, καὶ ἡξίου αὐτὸν καὶ ξένους μισθοῦσθαι καὶ τοῖς πλησίον βασιλεῦσι χρήματα δίδοναι, ὡς συμμάχους εἶναι, εἶπερ βούλοιτο τὴν ἀρχὴν ἀναλαβεῖν. ἔπεμπε δὲ καὶ πρὸς Δέρδαν τὸν Ἑλιμίας ἄρχοντα, διδάσκων ὅτι οἱ Ὀλυνθιοὶ κατεστραμμένοι τὴν μειζω δύναμιν Μακεδονίας εἶεν, καὶ οὐκ ἀνήσουσι τὴν ἐλάττω, εἰ μὴ τις αὐτοὺς παύσει τῆς ὕβρεως. ταῦτα δὲ ποιῶν, μάλα πολλὴν ἔχων στρατιὰν ἀφίκετο εἰς τὴν ἑαυτῶν συμμαχίδα. ἐπεὶ δ' ἦλθεν εἰς τὴν Ποτεΐδαιαν, ἐκεῖθεν συνταξάμενος ἐπορεύετο εἰς τὴν πολεμίαν. καὶ πρὸς μὲν τὴν πόλιν ἰὼν οὐτ' ἔκαεν οὐτ' ἔκοπτε, νομίζων, εἴ τι ποιήσειε τούτων, ἐμποδῶν ἂν αὐτῷ πάντα γίγνεσθαι καὶ προσιόντι καὶ ἀπιόντι· ὅποτε δὲ ἀναχωροῖ ἀπὸ τῆς

πόλεως, τότε ὀρθῶς ἔχειν κόπτοντα τὰ δένδρα ἐμποδῶν καταβάλλειν, εἴ τις ὀπισθεν ἐπίοι. ὡς δὲ ἀπείχετο ἀπὸ τῆς πόλεως οὐδὲ δέκα στάδια, ἔθετο τὰ ὄπλα, εὐώνυμον μὲν αὐτὸς ἔχων, οὕτω γὰρ συνέβαινε αὐτῷ κατὰ τὰς πύλας ἰέναι ἢ ἐξῆσαν οἱ πολέμιοι, ἢ δ' ἄλλη φάλαγξ τῶν συμμάχων ἀπετέτατο πρὸς τὸ δεξιόν. καὶ τῶν ἰππέων δὲ τοὺς μὲν Λάκωνας καὶ τοὺς Θηβαίους καὶ ὅσοι τῶν Μακεδόνων παρῆσαν ἐπὶ τῷ δεξιῷ ἐτάξατο, παρὰ δὲ αὐτῷ εἶχε Δέρδαν τε καὶ τοὺς ἐκείνου ἰππέας ὡς εἰς τετρακοσίους διὰ τε τὸ ἄγασθαι τοῦτο τὸ ἰππικὸν καὶ διὰ τὸ θεραπεύειν τὸν Δέρδαν, ὡς ἡδόμενος παρείη. ἐπεὶ δὲ καὶ οἱ πολέμιοι ἐλθόντες ἀντιπαρετάξαντο ὑπὸ τῷ τείχει, συσπειραθέντες αὐτῶν οἱ ἰππεῖς ἐμβάλλουσι κατὰ τοὺς Λάκωνας καὶ Βοιωτοὺς. καὶ Πολύχαρμόν τε τὸν Λακεδαιμόνιον ἵππαρχον καταβάλλουσιν ἀπὸ τοῦ ἵππου καὶ κείμενον ἀμύπολλα •[II 183]• κατέτρωσαν, καὶ ἄλλους ἀπέκτειναν, καὶ τέλος τρέπονται τὸ ἐπὶ τῷ δεξιῷ κέρατι ἰππικόν. φευγόντων δὲ τῶν ἰππέων ἐνέκλινε καὶ τὸ ἐχόμενον πεζὸν αὐτῶν, καὶ ὅλον δ' ἂν ἐκινδύνευσεν ἡττηθῆναι τὸ στράτευμα, εἰ μὴ Δέρδας ἔχων τὸ ἑαυτοῦ ἰππικὸν εὐθὺς πρὸς τὰς πύλας τῶν Ὀλυνθίων ἤλασεν. ἐπῆει δὲ καὶ ὁ Τελευτίας σὺν τοῖς περὶ ἑαυτὸν ἐν τάξει. ὡς δὲ ταῦτα ἦσθοντο οἱ Ὀλυνθιοὶ ἰππεῖς, δείσαντες μὴ ἀποκλεισθεῖεν τῶν πυλῶν, ἀναστρέψαντες ἀπεχώρουν πολλῇ σπουδῇ. ἔνθα δὲ ὁ Δέρδας παρελαύνοντας παμπόλλους ἰππέας αὐτῶν ἀπέκτεινεν. ἀπεχώρησαν δὲ καὶ οἱ πεζοὶ τῶν Ὀλυνθίων εἰς τὴν πόλιν·

οὐ μέντοι πολλοὶ αὐτῶν ἀπέθανον, ἅτε ἐγγὺς τοῦ τείχους ὄντος. ἐπεὶ δὲ τροπαῖόν τε ἐστάθη καὶ ἡ νίκη αὕτη τῷ Τελευτίᾳ ἐγεγένητο, ἀπὼν δὴ ἔκοπτε τὰ δένδρα. καὶ τοῦτο μὲν στρατευσάμενος τὸ θέρος διῆκε καὶ τὸ Μακεδονικὸν στράτευμα καὶ τὸ τοῦ Δέρδα· πολλάκις μέντοι καὶ οἱ Ὀλύνθιοι καταθέοντες εἰς τὰς τῶν Λακεδαιμονίων συμμαχίδας πόλεις ἐλεηλάτουν καὶ ἄνδρας ἀπεκτίννουν.

106) Ibidem. Lib. V. Cap. 3.

Ἄμα δὲ τῷ ἦρι ὑποφαινομένων οἱ μὲν Ὀλύνθιοι ἱππεῖς ὄντες ὡς ἑξακόσιοι κατεδεδραμηκέσαν εἰς τὴν Ἀπολλωνίαν ἅμα μεσημβρία καὶ διεσπαρμένοι ἐλεηλάτουν· ὁ δὲ Δέρδας ἐτύγχανε ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ ἀφίγμενος μετὰ τῶν ἱππέων τῶν ἑαυτοῦ καὶ ἀριστοποιούμενος ἐν τῇ Ἀπολλωνίᾳ. ὡς δ' εἶδε τὴν καταδρομὴν, ἡσυχίαν [τε] εἶχε, τοὺς θ' ἵππους ἐπεσκευασμένους καὶ τοὺς ἀμβάτας ἐξωπλισμένους ἔχων. ἐπειδὴ δὲ καταφρονητικῶς οἱ Ὀλύνθιοι καὶ εἰς τὸ προάστιον καὶ εἰς αὐτὰς τὰς πύλας ἤλαυνον, τότε δὴ συντεταγμένους ἔχων ἐξελαύνει. οἱ δὲ ὡς εἶδον, εἰς φυγὴν ὤρμησαν. ὁ δ' ὡς ἅπαξ ἐτρέψατο, οὐκ ἀνῆκεν ἐνενήκοντα στάδια διώκων καὶ ἀποκτιννύς, ἕως πρὸς αὐτὸ κατεδιώξε τῶν Ὀλυνθίων τὸ τεῖχος. καὶ ἐλέγετο ὁ Δέρδας ἀποκτεῖναι ἐν τούτῳ τῷ ἔργῳ περὶ ὀγδοήκοντα ἱππέας. καὶ ἀπὸ τούτου τειχῆρεις τε μᾶλλον ἦσαν οἱ πολέμιοι καὶ τῆς χώρας ὀλίγην παντελῶς εἰργάζοντο. προϊόντος δὲ τοῦ χρόνου, καὶ τοῦ Τελευτίου ἐστρατευμένου πρὸς τὴν τῶν Ὀλυνθίων πόλιν, ὡς εἴ τι δένδρον ὑπόλοιπον εἶη ἢ τι

εἰργασμένον τοῖς πολεμίοις, φθείροι, ἐξελθόντες οἱ Ὀλύνθιοι ἱππεῖς ἤσυχτοι πορευόμενοι διέβησαν τὸν παρὰ τὴν πόλιν ῥέοντα ποταμόν, καὶ ἐπορεύοντο ἡσυχῇ πρὸς τὸ ἐναντίον στράτευμα. ὡς δ' εἶδεν ὁ Τελευτίας, ἀγανακτήσας τῇ τόλμῃ αὐτῶν εὐθὺς Τλημονίδαν τὸν τῶν πελταστῶν ἄρχοντα δρόμῳ φέρεσθαι εἰς αὐτοὺς ἐκέλευσεν. οἱ δὲ Ὀλύνθιοι ὡς εἶδον προθέοντας τοὺς πελταστάς, ἀναστρέψαντες ἀπεχώρουν ἡσυχτοι, •Π 184• καὶ διέβησαν πάλιν τὸν ποταμόν. οἱ δ' ἠκολούθουν μάλα θρασέως, καὶ ὡς φεύγουσι διώζοντες ἐπιδιέβαινον. ἔνθα δὴ οἱ Ὀλύνθιοι ἱππεῖς, ἡνίκα ἔτι εὐχείρωτοι αὐτοῖς ἐδόκουν εἶναι οἱ διαβεβηκότες, ἀναστρέψαντες ἐμβάλλουσιν αὐτοῖς, καὶ αὐτὸν τε ἀπέκτειναν τὸν Τλημονίδα καὶ τῶν ἄλλων πλείους ἢ ἑκατόν. ὁ δὲ Τελευτίας ὡς εἶδε τὸ γιγνόμενον, ὀργισθεὶς ἀναλαβὼν τὰ ὄπλα ἤγε μὲν ταχὺ τοὺς ὀπίτας, διώκειν δὲ καὶ τοὺς πελταστάς ἐκέλευε καὶ τοὺς ἱππέας καὶ μὴ ἀνιέναι. πολλοὶ μὲν οὖν δὴ καὶ ἄλλοι τοῦ καιροῦ ἐγγυτέρω τείχους διώξαντες κακῶς ἀπεχώρησαν, καὶ ἐκεῖνοι δ' ἐπεὶ ἀπὸ τῶν πύργων ἐβάλλοντο, ἀποχωρεῖν τε ἠναγκάζοντο τεθορυβημένως καὶ προφυλάττεσθαι τὰ βέλη. ἐν τούτῳ δὴ οἱ Ὀλύνθιοι ἐπεξελαύνουσι μὲν τοὺς ἱππέας, ἐβοήθουν δὲ καὶ οἱ πελτασταί· τέλος δὲ καὶ οἱ ὀπίται ἐπεξέθεον, καὶ τεταραγμένη τῇ φάλαγγι προσπίπτουσι. καὶ ὁ μὲν Τελευτίας ἐνταῦθα μαχόμενος ἀποθνήσκει. τούτου δὲ γενομένου εὐθὺς καὶ οἱ ἀμφ' αὐτὸν ἐνέκλιναν, καὶ οὐδεὶς ἔτι ἴστατο, ἀλλὰ πάντες ἔφευγον, οἱ μὲν ἐπὶ Σπαρτώλου, οἱ δὲ ἐπὶ

Ἀκάνθου, οἱ δὲ εἰς Ἀπολλωνίαν*, οἱ πλεῖστοι δὲ εἰς Ποτεΐδαιαν. (381 ἔτος)

107) Ibidem.

Τοῖς δ' οὖν Λακεδαιμονίοις, ἐπεὶ ἤκουσαν τὸ πρᾶγμα, βουλευομένοις ἐδόκει οὐ φαύλην πεμπτέον δύναμιν εἶναι, ὅπως τό τε φρόνημα τῶν νενικηκότων κατασβεσθείη καὶ μὴ μάτην τὰ πεπονημένα γένοιτο. οὕτω δὲ γνόντες ἡγεμόνα μὲν Ἀγησίπολιν τὸν βασιλέα ἐκπέμπουσι, μετ' αὐτοῦ δὲ ὥσπερ Ἀγησιλάου εἰς τὴν Ἀσίαν τριάκοντα Σπαρτιατῶν. πολλοὶ δὲ αὐτῷ καὶ τῶν περιοίκων ἐθελονταὶ καλοὶ κἀγαθοὶ ἠκολούθουν, καὶ ξένοι τῶν τροφίμων καλουμένων, καὶ νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν, μάλα εὐειδεῖς τε καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν οὐκ ἄπειροι. συνεστρατεύοντο δὲ καὶ ἐκ τῶν συμμαχίδων πόλεων ἐθελονταί, καὶ Θετταλῶν γε ἱππεῖς, γνωσθῆναι τῷ Ἀγησιπόλιδι βουλόμενοι, καὶ Ἀμύντας δὲ καὶ Δέρδας ἔτι προθυμότερον ἢ πρόσθεν. Ἀγησίπολις μὲν δὴ ταῦτα πράττων ἐπορεύετο ἐπὶ τῇ Ὀλυνθον.

Diodor. Sicul. L. XV. Cap. 22.

Dans cette année, les Lacédémoniens nommèrent au commandement militaire le roi Agésipolis, et après lui avoir confié une armée suffisante, ils decretèrent •[I 185]• la guerre contre les Olynthiens. Agésipolis envahit le territoire des Olynthiens, se rallia aux anciennes troupes qui se trouvaient dans le camp, et recommença la guerre contre les habitants. Les Olyn-

thiens, sans livrer aucune bataille décisive, passèrent toute l'année en escarmouches et en petits combats. (380 an).

108) Ibidem.

L'année étant révolue, Agésipolis mourut de maladie. Il eut pour successeur Cléombrote. Les Lacédémoniens nommèrent Polybiade au commandement militaire et l'envoyèrent continuer la guerre contre les Olynthiens. Ainsi mis à la tête de l'armée, il déploya beaucoup d'activité et fit preuve de talents stratégiques. Il remporta plusieurs avantages; continuant la guerre avec succès, il sortit victorieux de plusieurs combats et parvint à refouler les Olynthiens dans leur ville dont il fit le siège. Enfin, ayant répandu l'épouvante parmi les ennemis, il réussit à les soumettre aux Lacédémoniens. Les Olynthiens furent ainsi inscrits dans l'alliance des Spartiates, et beaucoup d'autres villes s'empressèrent de reconnaître l'autorité des Lacédémoniens. Ce fut là l'époque de la plus grande puissance des Lacédémoniens.

Xenophon. L. V. Cap. 3.

Καὶ Ἀγησίλαος μὲν δὴ περὶ ταῦτα ἦν. ὁ δὲ Ἀγησίπολις εὐθύς [τε] ἐκ τῆς Μακεδονίας προσιὼν ἔθετο πρὸς τῇ πόλει τῶν Ὀλυνθίων τὰ ὄπλα. ἐπεὶ δὲ οὐδεὶς ἀντεξῆι αὐτῷ, τότε τῆς Ὀλυνθίας εἴ τι ὑπόλοιπον ἦν ἐδήου καὶ εἰς τὰς συμμαχίδας ἰὼν αὐτῶν ἔφθειρε τὸν σῆτον. Τορώνην δὲ καὶ προσβαλὼν εἴλε κατὰ κράτος. ἐν δὲ τούτοις ὄντα κατὰ θέρους ἀκμὴν καῦμα περιφλεγὲς λαμβάνει αὐτόν. ὥς δὲ πρόσθεν ἐορακότα τὸ ἐν Ἀφύττει τοῦ Διονύσου ἱερὸν ἔρως αὐτόν τότε ἔσχε τῶν τε σκιερῶν σκηνημάτων καὶ τῶν λαμπρῶν καὶ

* Из всего этого рассказа видно, что Аполлония находилась недалеко от Олинфоса и не была пристанью города Аканфоса.

ψυχρῶν ὑδάτων. ἐκομίσθη μὲν οὖν ἐκεῖσε ἔτι ζῶν, ὅμως μέντοι ἑβδομαῖος ἀφ' οὗ ἔκαμεν ἔξω τοῦ ἱεροῦ ἐτελεύτησε. καὶ ἐκεῖνος μὲν ἐν μέλιτι τεθείς καὶ κομισθεὶς οἴκαδε ἔτυχε τῆς βασιλικῆς ταφῆς...

Καὶ ὁ Πολυβιάδης δὲ δὴ παντάπασι κακῶς ἔχοντας λιμῶ τοὺς Ὀλυνθίους, διὰ τὸ μήτ' ἐκ τῆς γῆς λαμβάνειν μήτε κατὰ θάλατταν εἰσάγεσθαι •Π 186• σῖτον αὐτοῖς, ἠνάγκασε πέμψαι εἰς Λακεδαιμόνα περὶ εἰρήνης. οἱ δ' ἐλθόντες πρέσβεις αὐτοκράτορες συνθήκας ἐποιήσαντο τὸν αὐτὸν μὲν ἐχθρὸν καὶ φίλον Λακεδαιμονίοις νομίζειν, ἀκολουθεῖν δὲ ὅποι ἂν ἡγῶνται καὶ σύμμαχοι εἶναι. καὶ ὁμόσαντες ταῦτα ἐμμενεῖν οὕτως ἀπῆλθον οἴκαδε.

§ 16. О покорении Афона Филиппом Македонским

109) Diodorus Siculus. L. XVI. Cap. 52.

En Europe, Philippe, roi des Macédo-niens, déclara la guerre aux villes chalcidiens; il prit d'assaut Gira*, place fort du pays, et réduisit quelques autres places par la terreur.

— Ibidem, c. 53. Dans le cours de cette année Philippe cherchait à s'emparer des villes de l'Hellespont. Il prit Micybernect Torone par trahison et sans coup férir; puis il tourna ses armes contre Olynthe, qui est la ville la plus considérable de cette contrée. Il défit les Olynthiens en deux batailles et vint les bloquer dans

leur ville; mais il perdit un grand nombre de soldats sous les murs d'Olynthe. Enfin il parvint à corrompre avec de l'argent les gouverneurs d'Olynthe, Euthycrate et Lasthène, qui lui livrèrent le ville par trahison; ** Il saccagea Olynthe et vendit les habitants comme esclaves. Il se procura par ce moyen beaucoup d'argent pour les dépenses de la guerre, en même temps il intimida les autres villes qui auraient été tentées de lui résister. Il honora de grandes récompenses tous les soldats qui s' étaient distingués par leur bravoure, et donnant de fortes sommes d'argent aux citoyens les plus influents des villes, il multiplia le nombre des traîtres à leurs patrie. D'ailleurs, il se •Π 187• vantait lui-même que c'était bien plutôt à la puissance de l'or qu'à la force des armes qu'il l'accroissement de son empire.

110) Demosthenes. Oratio in Philippum, III.

Πάνθ' ὅς' ἐξημάρτηται καὶ Λακεδαιμονίοις ἐν τοῖς τριάκοντ' ἐκείνοις ἔτεσιν καὶ τοῖς ἡμετέροις προγόνοις ἐν τοῖς ἑβδομήκοντα, ἐλάττον' ἐστίν, ὧ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, ὧν Φίλιππος ἐν τρισὶ καὶ δέκ' οὐχ ὅλοις ἔτεσιν, οἷς ἐπιπολάζει, ἠδίκηκε τοὺς Ἕλληνας, μᾶλλον δ' οὐδὲ μέρος τούτων ἐκεῖνα. καὶ τοῦτ' ἐκ βραχέος λόγου ῥάδιον δεῖξαι. Ὀλυνθον μὲν δὴ καὶ Μεθώνην καὶ Ἀπολλωνίαν

* Ныне большое село Полигино, в расстоянии полутора дня пути от Солуны по Каламарийской приморской дороге.

* Εὐθυκράτης καὶ Λασθένης Ὀλύνθιοι, οἱ δοκοῦντες οἰκειότατ' αὐτῷ (Φιλίππῳ) διακείσθαι, ἐπεὶ τὴν πόλιν προύδοσαν, πάντων κάκιστ' ἀπολλώλασιν. (Demosthenes. Oratio de Chersoneso).

καὶ δύο καὶ τριάκοντα πόλεις ἐπὶ
Θράκης ἔω, ἅς ἀπάσας οὕτως ὠμῶς
ἀνήρηκεν ὥστε μὴδ' εἰ πάποτ' ᾠκλήθη-
σαν προσελθόντ' εἶναι ῥάδιον εἰπεῖν·
καὶ τὸ Φωκέων ἔθνος τοσοῦτον ἀνηρη-
μένον σιωπῶ. ἀλλὰ Θετταλία πῶς ἔχει;
οὐχὶ τὰς πολιτείας καὶ τὰς πόλεις αὐτῶν
παρήρηται καὶ τετραρχίας κατέστησεν,
ἵνα μὴ μόνον κατὰ πόλεις ἀλλὰ καὶ
κατ' ἔθνη δουλεύωσιν; •II 188J•

**§ 17. О покупке воспорской
пшеницы жителями города
Аканфоса**

111) Demosthenes. Oratio adversus Phormionem.

Εἰ μὲν οὖν, ὦ ἄνδρες δικασταί, ἐμοῦ
μόνου κατεφρόνει Λάμπις, οὐδὲν ἂν ἦν
θαυμαστόν· νῦν δὲ πολλῶ δεινότερα
τούτου πέπρακται αὐτῷ πρὸς πάντας
ὑμᾶς. κήρυγμα γὰρ ποιησαμένου Παι-
ρισάδου ἐν Βοσπόρῳ, ἐάν τις βούληται
Ἀθήναζε εἰς τὸ Ἀττικὸν ἐμπόριον σιτη-
γεῖν, ἀτελῇ τὸν σῖτον ἐξάγειν, ἐπιδη-
μῶν ἐν τῷ Βοσπόρῳ ὁ Λάμπις ἔλαβε
τὴν ἐξαγωγήν τοῦ σίτου καὶ τὴν ἀτέλει-
αν ἐπὶ τῷ τῆς πόλεως ὀνόματι, γεμίσας
δὲ ναῦν μεγάλην σίτου ἐκόμισεν εἰς
Ἀκανθὸν κακεῖ διέθετο προσκοινωνή-
σας τούτῳ ἀπὸ τῶν ὑμετέρων χρημά-
των. καὶ ταῦτ' ἐπραξεν, ὦ ἄνδρες δικα-
σταί, οἰκῶν μὲν Ἀθήνησιν, οὐσης δ'
αὐτῷ γυναικὸς ἐνθάδε καὶ παίδων, τῶν
δὲ νόμων τὰ ἔσχατα ἐπιτίμια προτεθη-
κότων, εἴ τις οἰκῶν Ἀθήνησιν ἄλλοσέ
ποι σιτηγήσειεν ἢ εἰς τὸ Ἀττικὸν ἐμπό-
ριον, ἔτι δ' ἐν τοιούτῳ καιρῷ, ἐν ᾧ ὑμῶν
οἱ μὲν ἐν τῷ ἄστει οἰκοῦντες διεμετροῦν-

το τὰ ἄλφιστα ἐν τῷ ᾠδεῖῳ, οἱ δ' ἐν τῷ
Πειραιεῖ ἐν τῷ νεωρίῳ ἐλάμβανον κατ'
ὀβολὸν τοὺς ἄρτους καὶ ἐπὶ τῆς μακρᾶς
στοᾶς τὰ ἄλφιστα, καθ' ἡμίεκτον μετρού-
μενοι καὶ καταπατούμενοι.

**§ 18. О предложении
Динократа Александру Великому
касательно Афона**

112) M. Vitruvii Liber II, Prooemium.

Dinocrates architectus cogitationibus
et solertia fretus, cum Alexander rerum
potiretur, profectus est a Macedonia ad
exercitum, regiae cupidus commenda-
tionis. Is e patria a propinquis et amicis
tulit ad primos ordines et purpuratos
litteras, ut aditus haberet faciliores: ab
eisque exceptus humane petiit, ut
quamprimum ad Alexandrum perdu-
ceretur. Cum polliciti essent, tardiores
fuerunt, idoneum tempus expectantes.
Itaque Dinocrates ab iis se existimans
ludi, ab se petiit praesidium. Fuerat enim
amplissima statura, facie grata forma,
dignitateque summa. His igitur naturae
muneribus confisus, vestimenta posuit in
hospitio, et oleo corpus perunxit, caput-
que coronavit populea fronda, levum
humerum pelle leonia texit, dextraque
clavam tenens incessit contra tribunal
regis jus dicentis. Novitas populum cum
avertisset, conspexit eum Alexander, et
admirans jussit ei locum dari, ut accederet,
iterum rogavit, quis esset. At ille: «Di-
nocrates, — inquit, — architectus Macedo,
qui ad te cogitationes et formas affero
dignas tua claritate. Namque Athon mon-
tem formavi in statucae virilis figuram,

cuius manu leva designavi civitatis amplissimae moenia, dextera pateram quae excipit omnium fluminum qui sunt in eo monte aquam, ut inde in mare profunderetur». Delectatus Alexander ratione formae, statim quaesivit, si essent agri circa, qui possent frumentaria ratione eam civitatem tueri. Cum invenisset, non posse nisi transmarinis subvectionibus. «Dinocrates, — inquit, — attendo egregiam formae compositionem et ea delector, sed animadverto, ut si quis edu-xerit eo loco coloniam, fore ut iudicium eius vituperetur. Ut enim natus infans sine nutricis lacte non potest ali, neque ad vitae crescentis gradus perducere, sic civitas sine agris et eorum fructibus in moenibus affluentibus non potest crescere, nec sine abundantia cibi frequentiam habere, populumque sine copia tueri. Itaque quemadmodum formationem •[I 189]• puto probandam, sic iudico locum improbandum, teque esse volo mecum, qui tua opera sum usurus». Ex eo Dinocrates non discessit ab rege.

Plutarch. Alexander.

Entre tous les architectes de ce temps-là, il (Alexandre) désira d'avoir, pour exécuter son dessein, un certain Stasicrates, qui, dans tous ses plans montrait beaucoup de grandeur, de singularité et de hardiesse. Quelques années auparavant, cet architecte s'entretenant avec Alexandre, lui avait dit que de toutes les montagnes qu'il avait vues, le mont Athos, dans la Thrace, était la plus susceptible d'être taillée en forme humaine; que s'il le lui ordonnait, il ferait de cette montagne la statue la plus durable et la

plus apparente; que dans sa main gauche elle tiendrait une ville de dix mille habitants, et verserait de la droite un grand fleuve qui aurait son embouchure dans la mer. Alexandre avait rejeté cette proposition; alors il était tout occupé avec ses atristes à chercher, à imaginer des plans plus extraordinaires et plus coûteux*.

Strabo. L. 14. Cap. 1.

Τὸν αὐτὸν (Δεινοκράτην) ὑποσχέσθαι Ἀλεξάνδρῳ τὸν Ἀθῶ διασκευάσειν εἰς αὐτὸν, ὥσανεὶ ἐκ πρόχου τινὸς εἰς φιάλην καταχέοντα σπονδὴν, ποιήσαντα πόλεις δύο, τὴν μὲν ἐκ δεξιῶν τοῦ ὄρους, τὴν δ' ἐν ἀριστερᾷ, ἀπὸ δὲ τῆς ἐτέρας εἰς τὴν ἐτέραν ῥέοντα ποταμόν.

§ 19. О построении города Уранополя на Афонском перешейке

113) Athenaei Deinosophistae Lib. III. Cap. 54.

Σικελιώτης Διονύσιος τὴν μὲν παρθένον ἐκάλει μένανδρον, ὅτι μένει τὸν ἄνδρα, καὶ τὸν στῦλον μενεκράτην, ὅτι μένει καὶ κρατεῖ... Τοιοῦτος ἦν καὶ Ἀλέξαρχος ὁ Κασσάνδρου τοῦ Μακεδονίας βασιλεύσαντος ἀδελφός, ὁ τὴν Οὐρανόπολιν καλουμένην κτίσας. ἱστορεῖ δὲ περὶ αὐτοῦ Ἡρακλείδης ὁ Λέμβος ἐν τῇ τριακοστῇ •[I 190]• ἐβδόμη τῶν ἱστοριῶν λέγων οὕτως Ἀλέξαρχος

* Plusieurs historiens font mention de cet architecte, et disent presque tous que c'est le même qui proposa de tailler le mont Athos, et de lui donner une forme humaine, qui bâtit la ville d'Alexandrie, et reconstruisit le temple de Diane à Ephèse: mais ils ne s'accordent pas pour son nom.

ὁ τὴν Οὐρανόπολιν κτίσας διαλέκτους ἰδίας εἰσήνεγκεν, ὀρθοροβόαν μὲν τὸν ἄλεκτρονόνα καλέων καὶ βροτοκέρτην τὸν κουρέα καὶ τὴν δραχμὴν ἀργυρίδα, τὴν δὲ χοϊνίκα ἡμεροτροφίδα καὶ τὸν κήρυκα ἀπύτην. καὶ τοῖς Κασσανδρέων δὲ ἄρχουσι τοιαῦτά ποτ' ἐπέστειλε· Ἀλέξαρχος Ὀμαιμέων πρόμοις γαθεῖν. τοὺς ἡλιοκρεῖς οἰῶν οἶδα λιπουσα-θεωτῶν ἔργων κρατῖτορας μορσίμω τύχα κεκυρωμένας θεουπόγαις χυτλώσαντες αὐτοὺς καὶ φύλακας ὀριγενεῖς. τί δὲ ἡ ἐπιστολὴ αὕτη δηλοῖ νομίζω ἢ γὰρ μὴδὲ τὸν Πύθιον διαγνῶναι.

Хотя Атенеи и не сказал, что Уранополь построен был именно на Афоне, но я приурочиваю его к этой горе, потому что тут помещал его Плиний (Lib. IV, c. 10, sect. 17: Oppidum in cacumine fuit Acroatlion. Nunc sunt Uranopolis, Palaeorium, Thyssus, Cleonae, et caet.).

114) Strabo. Ex libri VII fine.

Ὅτι μετὰ τὸν Ἀξιὸν ποταμὸν ἡ Θεσσαλονίκη ἐστὶ πόλις, ἢ πρότερον Θέρμη ἐκαλεῖτο· κτίσμα δ' ἐστὶ Κασσάνδρου, ὃς ἐπὶ τῷ ὀνόματι τῆς ἑαυτοῦ γυναικός, παιδὸς δὲ Φιλίππου τοῦ Ἀμύντου, ὠνόμασε.

§ 20. Об афонском городе Стратоникии

115) Georgius Cedrenus. Compendium historiarum.

Ἐρασίστρατος ἱατρὸς διέγνω Ἀντίοχον τὸν Σελεύκου παῖδα δεινῶς νοσοῦντα διὰ τὸν πρὸς τὴν τοῦ πατρὸς γαμετὴν ἔρωτα, θυγατέρα Δημητρίου

ὅθεν Σέλευκος τῷ πάθει περιαλήσας παραχωρεῖ τῷ παιδὶ Ἀντιόχῳ τῆς γαμετῆς. οὗτος Ἀντίοχος ὁ λεγόμενος σωτὴρ ἔσχεν ἐκ τῆς θυγατρὸς Δημητρίου, γαμετῆς δὲ Σελεύκου τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Στρατονίκης ἄρσена υἱὸν τὸν ἐπικληθέντα θεόν, ὃς καὶ ἐβασίλευσεν μετ' αὐτὸν Συρίας καὶ Ἀσίας ἔτη ιε. •[191]•

116) Stephanus Byzantinus. De urbi-bus.

Στρατονίκεια πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας. Κέκληται δὲ ἀπὸ Στρατονίκης, τῆς Ἀντιόχου γυναικός.

117) Ptolomaeus. L. III. § 11.

Καὶ ἐν τῷ Σιγγιτικῷ κόλπῳ Στρατονίκη, Ἀκανθος, Σίγγος.

§ 21. О взятии Аканфоса римскими солдатами

118) Titus Livius. Historia Romana. L. XXXI. Cap. 45.

Inde (a Sciatho) Cassandream petentes (Romani) primo ad Mendin, maritimum civitatis eius vicum, tenere. Inde quum superato promontorio, ad ipsa moenia urbis circumagere classem vel-
lent; saeva coorta tempestate, prope obruti fluctibus, dispersi, magna ex parte amissis armamentis in terram effugerunt. Omen quoque ea maritima tempestas ad rem terra gerendam fuit. Nam, collectis in unum navibus expositisque copiis, aggressi urbem, cum multis vulneribus repulsi (et erat validum ibi regium praesidium) irritoincepto regressi ad Canastraeum Pallenes trajecere; inde superato Toronae

promontorio, navigantes Acanthum petiere. Ibi primo ager vastatus, deinde ipsa urbs vi capta ac direpta. Nec ultra progressi (iam enim et graves praeda naves habebant) retro, unde venerant, Sciatlium, et ab Sciatho Euboeam repetunt.

§ 30. Ο *состоянии* Αφονα в III веке христианства

119) Zosimus. *Historia nova*. Lib. I. Cap. 42.

Κατὰ τοῦτον δὴ τὸν χρόνον Σκυθῶν οἱ περιλειφθέντες, ἐκ τῶν προλαβουσῶν ἐπαρθέντες ἐφόδων, Ἑρούλους καὶ Πεύκας* καὶ Γότθους παραλαβόντες καὶ περὶ τὸν Τύραν ποταμὸν •Π 1921• ἄθροισθέντες, ὃς εἰς τὸν Πόντον εἰσβάλλει, ναυπηγησάμενοι πλοῖα ἑξακισχίλια** καὶ τούτοις ἐμβιβάσαντες δύο καὶ τριάκοντα μυριάδας, ἄραντες διὰ τοῦ Πόντου, Τομεῖ μὲν τειχίρει πόλει προσβαλόντες ἀπεκρούσθησαν, προελθόντες δὲ καὶ ἐπὶ Μαρκιανούπολιν, ἣ Μυσίας ἐστίν, ἀναβάντες καὶ ταύτης διαμαρτόντες ἔπλεον ἐπὶ τὸ πρόσω, κατὰ πρῦμναν τὸν ἄνεμον ἔχοντες.

* Casaubonus ad Treb. Pollionem in Claudio (c. 6) Πευκινούς emendat satis apte. Nam Peucini vocantur, insulae Peuciae, ad ostium Danubii adjacentis, habitatores, quibus incursantibus comites fuerunt Trutungi Heruli et alii populi Germanicae ac Sarmaticae originis.

** Casaubonus auctoritate Treb. Pollionis c. 8 etiam Ammiani 31, 5, recte emendare videtur ἐς vel ὡς δισχίλια. Cum barbarorum numerum eundem tradant, scilicet 320.000, necesse est unamquamque navem, si omnes aequali inter se magnitudine fuerunt, portasse 150 homines ex ratione Pollionis, Zosimi vero 50 modo.

Ἐπεὶ δὲ τὰ στενὰ τῆς Προποντίδος κατέλαβον, τότε δὴ τῶν νεῶν τὸ πλῆθος ἐνεγκεῖν τὴν τοῦ ῥοῦ ταχυτῆτα μὴ δυνάμενον ἀλλήλοις τὰ πλοῖα προσήραπτεν, καὶ ἐφέρετο τὰ σκάφη σὺν οὐδενὶ κόσμῳ, τῶν κυβερνητῶν μεθιέντων τοὺς οἴακας, ὥστε τὰς μὲν καταδύναι [τὰς δὲ] αὐτάνδρους, τινὰς δὲ καὶ ἀνδρῶν ἐρήμους ὀκειλαί, πλῆθους πολλοῦ καὶ ἀνθρώπων καὶ πλοίων ἀπολομένου. Διὰ τοι τοῦτο τοῦ μὲν στενοῦ τῆς Προποντίδος ὑπανεχώρουν οἱ βάρβαροι, τὴν δὲ ἐπὶ Κύζικον ἔπλεον· ἄπρακτοι δὲ διεκπεσόντες καὶ παραπλεύσαντες τὸν Ἑλλησποντον, ἄχρι τε τοῦ Ἄθω παρενεκθέντες, κάκεισε τῶν πλοίων ἐπιμέλειαν ποιησάμενοι, Κασσάνδρειαν καὶ Θεσσαλονίκην ἐπολιόρκουν· μηχανὰς δὲ τοῖς τείχεσι προσαγαγόντες καὶ παρὰ βραχὺ τοῦ ταύτας ἐλεῖν ἐλθόντες, ἐπειδὴ τὸν βασιλέα προσάγειν ἐπύθοντο, εἰς τὴν μεσόγειαν ἀναβάντες τὰ περὶ Δόβηρον καὶ Πελαγονίαν ἐλήζοντο πάντα χωρία. Ἐς ἃ δὴ τρισχιλίους ἀποβαλόντες εἰς τὴν τῶν Δαλματῶν ἵππον ἐμπεπτωκότες, τοῖς λειπομένοις πρὸς τὴν οὖσαν ἅμα τῷ βασιλεῖ διηγωνίζοντο δύναμιν· μάχης δὲ γενομένης, ἐξ ἑκάτερου τε μέρους <πολλῶν> πεσόντων, ἐτρέποντο μὲν οἱ Ῥωμαῖοι, διὰ δὲ ἀτρίπτων αὐτοῖς ὁδῶν ἀπροσδοκῆτοις ἐπιπεσόντες πέντε τῶν βαρβάρων μυριάδας διέφθειραν· μοῖρα δὲ τῶν Σκυθῶν Θεσσαλίαν καὶ τὴν Ἑλλάδα περιπλεύσασα τοὺς ταύτη τόπους ἐλήζετο, πόλεσιν μὲν ἐπιέναι μὴ δυναμένη τῷ φθῆναι ταύτας τειχῶν τε καὶ τῆς ἄλλης ἀσφαλείας φροντίδα ποιήσασθαι, τοὺς

δὲ ἐν τοῖς ἀγροῖς εὕρισκομένους ἀπάγουσα...

— Cap. 46. Πρόσω δὲ τῶν Σκυθῶν ἐλάντων καὶ Ῥωμαίων αὐτοῖς ἐπακολουθοῦντων, οἱ Κρήτην καὶ Ῥόδον περιπλεύσαντες βάρβαροι πράξαντες οὐδὲν ἀφηγήσεως ἄξιον ἀνεχώρησαν· λοιμοῦ δὲ κατασχόντος ἅπαντας αὐτούς, οἱ μὲν κατὰ Θράκην οἱ δὲ κατὰ Μακεδονίαν ἐφθάρησαν. •[193]• Ὅσοι δὲ διεσώθησαν, ἢ τάγμασιν Ῥωμαίων συνηριθμήθησαν ἢ γῆν λαβόντες εἰς γεωργίαν ταύτῃ προσεκαρτέρησαν.

§ 32. О наречиях, какими говорили жители Афона

120) Herodot. L. I. Cap. 57.

Quelle langue parlaient les Pélasges? C'est ce que je ne puis pas dire positivement. Seulement, si l'on peut en juger d'après ce qui se passe parmi ceux qui portent encore le nom de Pélasges, qui habitent la ville de Chrestone, audessus des Tyrhéniens, et qui, autrefois limitrophes Doriens d'aujourd'hui, occupaient le pays connu maintenant sous le nom de Thessaliotide, si l'on tire aussi quelque lumière de ceux, qui, s'étendant vers l'Hellespont, bâtirent les villes de Placie et de Scylace, et les habitèrent: en commun avec les Athéniens, ainsi que des autres villes pélasgiennes dont les noms furent changés depuis, les Pélasges auraient parlé une langue barbare. En appliquant donc cette conséquence à tous ceux qui ont porté le nom de Pélasges, les habitans de l'Attique ayant été eux-

mêmes Pélasges, auraient du nécessairement, en devenant Hellènes, oublier leur propre langue; car celle, dont se servent actuellement les Chrestoniates, n'a aucun rapport avec l'idiôme de leurs voisins, et il en est de même des habitants de Placie; mais ceux-ci et les Chrestoniates s'entendent parfaitement entre eux. Il est donc évident, que les Pélasges ont conservé leur langue, et l'ont portée avec eux dans les pays qu'ils sont venus habiter. Quant à la nation Hellénienne, depuis qu'elle existe, il me paraît hors de doute qu'elle a toujours fait usage de la même langue.

§ 34. О долговечности жителей Афона и проч.

121) Pomponius Mela. L. II.

In summo (montis Atho) fuit oppidum Acroathon, in quo, ut ferunt, dimidio longior, quam in aliis terris, aetas habitantium erat. •[194]•

Plinius. Historia naturalis. L. VII. Cap. 2. Sect. 2.

Cyros Indorum genus Isigonus annis centenis quadragenis vivere; item Aethiopus macrobios et Seras existimat, et qui Athon montem incolunt, hos quidem, quia viperinis carnibus alantur; itaque nec caputi, nec vestibis eorum noxia corpori inesse animalia.

Lucianus. Macrobian. Cap. 5.

Καὶ Ἀθῶντας δὲ μέχρι τριάκοντα καὶ ἑκατὸν ἐτῶν βιοῦν ιστόρηται. — Quis post hoc Luciani testimonium dubitabit, quin ad istos Pluto respexerit?

Iul. Solin. Polyhist.

In summo (montis Atho) oppidum Acroathon fuit, in quo dimidio longior, quam aliis terris, incolentium aetas prorogabatur. Ideo inde homines μακροβίους Graeci nostri appellavere longaevos.

122) Aelian. Varia historia. L. IX. Cap. 10.

Ὁ Πλάτων, νοσηροῦ χωρίου λεγομένου εἶναι τῆς Ἀκαδημίας, καὶ συμβουλευόντων αὐτῷ τῶν ἰατρῶν ἐς τὸ Λύκειον μετοικῆσαι, οὐκ ἠξίωσεν εἰπὼν· ἀλλ' ἐγὼγε οὐκ ἂν οὐδὲ ἐς τὰ τοῦ Ἄθω μετόκησα ἂν ὑπὲρ τοῦ μακροβιώτερος γενέσθαι.

123) Apollonius.

Philosophorum non pauci ab hominum commercio in montes altissimos secesserunt. Anaxagoras enim in Mimante Ioniae monte, Thales Milesius in Mycale, philosophati sunt. Quidam vero Pangaeo alii Atho usi dicuntur, ut secreto literario, inquit Apollonius apud Philostr. L. II, cap. 3: «λέγονται δὲ καὶ τῷ Παγγαίῳ ἔνιοι χρῆσασθαι φροντιστήριω καὶ ἔτεροι τῷ Ἄθῳ».

124) Suidae Lexicon sub. voce «ΟΛ». Basileae, 1544.

Ὀλόφυξις· Θρακία πόλις περὶ Ἄθω· ἥς πολίτης Ἡρόδοτος Ὀλοφύξιος περὶ νυμφῶν, ὥς φασι, γράψας καὶ ἱερῶν.

125) Athenaei Deipnosoph. L. V. Cap. 58.

Περδικκας τοίνυν πρὸ Ἀρχελαίου βασιλεύει, ὥς μὲν ὁ Ἀκάνθιος φησὶ Νικομήδης, ἔτι μᾶ'.

— Ibidem. XIV, c. 40. Οἶδα δὲ καὶ ἄλλο ὄργανον, ᾧ τῶν Θρακῶν οἱ βασιλεῖς ἐν τοῖς δεῖπνοις χρῶνται, ὥς φησιν Νικομήδης ἐν τῷ περὶ Ὀρφέως. •[I 195]•

§ 35. Ο βοжевствах пеласгов и проч. и проч.**126) Herodotus. L. II. Cap. 52.**

Θεοὺς δὲ προσωνόμασαν (Πελασγοί) σφέας ἀπὸ τοῦ τοιούτου, ὅτι κόσμῳ θέντες τὰ πάντα πρήγματα καὶ πάσας νομὰς εἶχον.

Etymologicum Gudianum, V. Lipsiae, 1818.

Κάδμος λέγεται ὁ Ἑρμῆς παρὰ τοῖς Τυρσινίοις.

Plutarchus. Numa. 7.

Τὸν ὑπερητοῦντα τῷ Ἰερῷ τοῦ Διὸς ἀμφιθαλῆ παῖδα λέγεσθαι Κάμιλλον, ὥς καὶ τὸν Ἑρμῆν οὕτως ἔνιοι τῶν Ἑλλήνων Κάμιλλον ἀπὸ τῆς διακονίας προσηγόρευον.

Herodot. I.

Οἱ δὲ Πελασγοὶ ἱερόν τινα λόγον περὶ αὐτοῦ ἔλεξαν, τὰ ἐν τοῖσι ἐν Σαμοθρῆκῃ μυστηρίοις δεδολωται.

Schol. Apollon. Argon. I. Vers. 917.

Μυοῦνται δὲ ἐν Σαμοθράκῃ τοῖς Καβείροις, ὧν Μνασέας φησὶ καὶ τὰ ὀνόματα. Τέσσαρες δ' εἰσὶ τὸν ἀριθμόν: Ἀξίερος, Ἀξιόκερσα, Ἀξιόκερσος. Ἀξίερος μὲν οὖν ἐστὶν ἡ Δημήτηρ, Ἀξιόκερσα δὲ ἡ Περσεφόνη, Ἀξιόκερσος δὲ Ἄιδης. ὁ δὲ προστιθέμενος τέταρτος Κάσμιλος ὁ Ἑρμῆς ἐστίν, ὥς ἱστορεῖ Διονυσόδωρος.

127) Ἡσυχίου λεξικόν. Τόμος α'. Lugduni Batavorum, 1746.

Ἀθῶς, ὁ ἐπὶ τοῦ Ἄθω τοῦ ὄρους ἰδρυμένος ἀνδριάς, ὁ Ζεὺς.

Aeschylus. Tragoedia. Agamemnon. Vers. 278–295.

... μέγαν δὲ πανὸν ἐκ νήσου
(Λήμνου) τρίτον
Ἄθων αἶπος Ζηγὸς ἐξεδέξατο.

§ 47. Ο городском управлении на Афоне

128) Περιγραφή τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθω, ... παρὰ ἡγουμένου Θεοδώρητου. Χειρόγραφον. 1805 ἔτ.

Πρὸς δυσμὰς καὶ κάτω τῆς τοποθεσίας τῆς σκήτεως ταύτης (ἡ μικρὰ ἁγία Ἄννα) κεῖται ἡ τοποθεσία τῶν Βουλευτηρίων παράλιος, ὁμαλὴ καὶ βατὴ ὅπως οὖν, καὶ ὡς ἐπίπεδος, καὶ ὕδωρ ἔχει... ὁρῶμεν δὲ τὴν προσηγορίαν ταύτην ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ πρὸ ὀκτακοσίων ἡδὴ χρόνων. Ἡ ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ ἀρχαία Μονὴ τῶν Βουλευτηρίων ἐτιμᾶτο ἐπ' ὀνόματι τῆς παναγίας Θεοτόκου. Ἡ σύστασις αὐτῆς σημειοῦται διὰ Εὐστρατίου, τοῦ δευτέρου ἢ τρίτου ἡγουμένου τῆς μεγάλης ἁγίας Λαύρας μετὰ τὸν κτήτορα αὐτῆς ἅγιον Ἀθανάσιον. •11961•

129) Ἐκ τῶν Ἡρακλείδου περὶ πολιτειῶν κεφ. λ'.

Νόμος δὲ ἦν Χαλκιδεῦσι μὴ ἄρξαι, μηδὲ πρεσβεῦσαι, νεώτερον ἐτῶν πεντήκοντα.

130) Надписи на гробницах Лавры и Ватопеда.

ΣΕΡΒΙΛΙΑΣ ΙΑΓΑΤΗ ΚΑΙ
ΤΟΙΣ ΠΡΟΑΓΟΚΙΜΕΝ
ΟΙΣ ΜΕΙΣ ΧΑΡΙΝ
ΟΣΑΝ ΔΕ ΜΕΤΑ ΤΟ
ΠΟΤΕ ΘΗΝΑΙ ΕΤΕΡΟ
ΗΤΙΣ ΤΟΛΜΗΣΗ ΑΓ
ΘΕΕΣ ΤΕ ΔΩΣΙ ΠΡΟ
ΣΤΙΜΩ ΤΗ ΠΟΛΙ
✠ Ϟ Ϙ

Надпись Сервилии на гробнице
в Афонской Лавре.

ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΖΩΝΣΑΥΤΩ ΚΑΙ ΤΗ
ΣΥΝΒΙΩ ΑΥΤΟΥ ΖΩΣΙΑΜΗ ΙΑΤΡΟΚΛΕΟΥΣ ΚΑΙ ΤΗ
ΛΗΤΡΗΑΥ.....ΙΑΚΑΤ ΣΣΚΕΥΑΣΣΕΝΟΣ ΑΝΔΕΞ
ΤΞΡΟΝΤΟΛΜΗΣΗΠΤΟΛΑ ΑΠΟΘΕΣΤΑΙΔΩΞΕΙΞΙΞ
ΤΟ ΚΥΡΙΑΚΟΝ ΤΑΛΣΙΟΝ Χ Ϟ Ϙ

Надпись Дионисия на гробнице
в келарне Ватопеда. •11971•

ΓΕΡΜΑΝΟΣ ΗΡΑΚΛΑ ΔΙΟΝΥΣΙΑ ΔΙΟΝΥ
ΣΙΟΥ ΤΗ ΣΥΝΒΙΩ ΚΑΙ ΕΑΥΤΙ ΖΩΜΕΙ ΔΕ ΤΙΣ ΤΟΛΜ
ΣΕΙ ΕΤΕΡΟΣ ΑΝΟΙ ΣΑΙ ΗΚΑΤΑ ΘΕΣΘΑΙ ΕΤΕΡΟΝ
ΔΩΣΕΙ ΠΡΟΣΤΕΙΜΟΥ ΤΩΤ ΜΕΙΩ ✠ Β ΚΑΙ ΤΗ ΠΟΛΕΙ ✠ Β
ΕΤΟΥΣ ΑΝΤΙΜΝΟΣ ΠΑΝΗΜΟΥ Β

Надпись Германа Иракла на гробнице
в келарне Ватопеда, 351 г.

§ 50. Об основании Хилантиурской слободы финикиянами и фракиянами из города Тира

131) Χρυσόβουλλον σιγίλλιον Ἀλεξίου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος τῶν Ῥωμαίων τοῦ Κομνηνοῦ, 6707 ἔτους.

«Καὶ χρυσόβουλλον... ἐπεβραβεύθη, τὴν διαληφθεῖσαν τοῦ Χελαντηρίου μονὴν σὺν τῇ τοποθεσίᾳ τῶν Μηλεῶν τῆς ἐξουσίας τοῦ Πρώτου τοῦ ἁγίου ὄρους ἀποτέμνον». — Тут же немного выше сказано, что Хелантириева обитель основана очень давно, но пришла в запустение: «ἐν τῷ αὐτῷ ὄρει ἔκπλαλαι ἰδρυμένην μονήν, καὶ τοῦ Χελαντηρίου ἐπονομαζομένην, εἰς ἀφανισμόν δὲ καταντήσασαν... σὺν τῇ τοποθεσίᾳ τῶν Μηλεῶν... ἀποκαταστατῆσαι».

132) Χρυσόβουλλον Σιγίλλιον Μιχαήλ βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος

τῶν Ῥωμαίων Παλαιολόγου 6780 ἔτους.

«Κατὰ τὸ ἅγιον ὄρος διακειμένη σεβάσμια μονὴ τῶν Σερβῶν καὶ ἐπ' ὀνόματι τιμωμένη τῆς ὑπεράγνου Θεομήτορος τῆς Χηλαντηριωτίσσης»... «Ἐπὶ τούτῳ γὰρ ἐγεγόνει τῷ μέρει τῆς διαληφθείσης μονῆς τῶν Σερβῶν τῆς κατὰ τὸ ἅγιον ὄρος διακειμένης καὶ ἐπ' ὀνόματι τιμωμένης τῆς ὑπεράγνου Θεομήτορος τῆς Χηλαντηριωτίσσης καὶ τὸ παρὸν χρυσόβουλλον Σιγίλλιον τῆς βασιλείας μου, καὶ ἐπεδόθη αὐτῷ εἰς ἀσφάλειαν αἰωνίζουσας». •[I 198]•

Во всех хрисовулах царя Андроника Старшего название Хилантири изменено в Хелантари, но потому, что сербские монахи в своих прошениях, кои они подавали сему государю, называли свой монастырь «Хеландар», а не «Хилантири», как бы следовало. В этом названии явилась буква *δ* оттого, что греки, и за ними славяне, в разговорах иногда произносят букву *τ* после *ν*, как *δ*, например Панτοκράτωρ — «Пандократор», πάντες — «пандес».

133) Strabo. L. VII. Cap. 7.

Ἡ Ὑρκανία, καθ' ἣν ἦδη πελαγίζει μέχρι τοῦ συνάψαι τοῖς Μηδικοῖς ὄρεσι καὶ τοῖς Ἀρμενίων. τούτων δ' ἐστὶ μνηοειδὲς τὸ σχῆμα κατὰ τὰς ὑπωρείας, αἱ τελευτῶσαι πρὸς θάλατταν ποιοῦσι τὸν μυχὸν τοῦ κόλπου. οἰκεῖ δὲ τὴν παρῳρειαν ταύτην μέχρι τῶν ἄκρων ἀπὸ θαλάττης ἀρξαμένοις ἐπὶ μικρὸν μὲν τῶν Ἀλβανῶν τι μέρος καὶ τῶν Ἀρμενίων, τὸ δὲ πλέον Γῆλαι.

134) Demosthenis opera. Parisiis, 1843. Φιλίππου ἐπιστολή. P. 84.

Ἀλλὰ πρὸς τοῖς ἄλλοις καὶ γράφετ' ἐν τοῖς ψηφίσμασιν ἔμοι προστάττοντες Τήρην καὶ Κερσοβλέπτην ἔαν Θράκης ἄρχειν, ὡς ὄντας Ἀθηναίους. ἐγὼ δὲ τούτους οὔτε τῶν περὶ τῆς εἰρήνης συνθηκῶν οἶδα μετασχόντας ὑμῖν οὔτ' ἐν ταῖς στήλαις ἀναγεγραμμένους οὔτ' Ἀθηναίους ὄντας, ἀλλὰ Τήρην μὲν μετ' ἐμοῦ στρατευόμενον ἐφ' ὑμᾶς, Κερσοβλέπτην δὲ τοῖς παρ' ἐμοῦ πρεσβευταῖς ἰδίᾳ μὲν τοὺς ὄρκους ὁμόσαι προθυμούμενον, κωλυθέντα δ' ὑπὸ τῶν ὑμετέρων στρατηγῶν ἀποφαινόντων αὐτὸν Ἀθηναίων ἐχθρόν. καίτοι πῶς ἐστὶ τοῦτ' ἴσον ἢ δίκαιον, ὅταν μὲν ὑμῖν συμφέρη, πολέμιον εἶναι φάσκειν αὐτὸν τῆς πόλεως, ὅταν δ' ἐμὲ συκοφαντεῖν βούλησθε, πολίτην ἀποδείκνυσθαι τὸν αὐτὸν ὑφ' ὑμῶν καὶ Σιτάλκου μὲν ἀποθανόντος, ᾧ μετέδοτε τῆς πολιτείας, εὐθὺς ποιήσασθαι πρὸς τὸν ἀποκτείναντα φιλίαν, ὑπὲρ δὲ Κερσοβλέπτου πόλεμον αἵρεσθαι πρὸς ἡμᾶς; καὶ ταῦτα σαφῶς εἰδόντας ὅτι τῶν λαμβανόντων τὰς δωρεὰς τὰς τοιαύτας οὐδεὶς οὔτε τῶν νόμων οὔτε τῶν ψηφισμάτων οὐδὲν φροντίζει τῶν ὑμετέρων. οὐ μὴν ἀλλ' εἰ δεῖ πάντα τᾶλλα παραλιπόντα συντόμως εἰπεῖν, ὑμεῖς ἔδοτε πολιτείαν Εὐαγόρᾳ τῷ Κυπρίῳ καὶ Διονυσίῳ τῷ Συρακοσίῳ καὶ τοῖς ἐκγόνοις τοῖς ἐκείνων. ἔαν οὖν πείσητε τοὺς ἐκβαλόντας ἐκατέρους αὐτῶν ἀποδοῦναι πάλιν τὰς ἀρχὰς τοῖς ἐκπεσοῦσι, κομίζεσθε καὶ παρ' ἐμοῦ τὴν Θράκην, ὅσης Τήρης καὶ Κερσοβλέπτης ἦρχον. εἰ δὲ τοῖς μὲν ἐκείνων κρατήσασι •[I 191]• μὴδ' ἐγκαλεῖν ἀξιούτε μὴδέν, ἐμὲ δ' ἐνοχλεῖτε, πῶς οὐ δικαίως ὑμᾶς ἀμυνοίμην ἄν;

**§ 51. Ο времени основания
крепости Самарии персами
и финикиянами у Хилантирской
пристани**

**135) Περίγραφη τῆς ἱερᾶς μονῆς
τοῦ Ἑσφιγμένου ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τοῦ
Ἄθω. Χειρόγραφον.**

Περὶ τῶν ἐν Σαμαρείᾳ ἡσυχαστηρίων.
«Εἰς τὸ ὄρος τοῦτο τῆς Σαμαρείας
λεγόμενον, τὸ πλησίον καὶ πρὸς δύσιν
τῆς μονῆς (τοῦ Ἑσφιγμένου) κείμενον,
εἰσι καὶ μέχρι τῆς σήμερον τέσσαρα ἢ
πέντε ἀσκητήρια, εἰς τὰ ὅποια ἡσυ-
χάζουσιν οἱ βουλόμενοι (Τοῦτο χειρό-
γραφον διατηρεῖται ἐν σκευοφυλακίᾳ
τῆς διαληφθείσης μονῆς).

**Περίγραφη τοῦ Ἄθω παρὰ κυρίου
Θεοδωρήτου, χειρόγραφος.**

Πρὸς δυσμὰς τῆς μονῆς τοῦ Ἑσφιγ-
μένου εἶναι σκόπελος ἐν τῇ θαλάσῃ
ὡς νησίδιον, καὶ τούτου πρὸς ἀνατολὰς
ὄρος μέτριον κυκλοφερές, οὗ ἄνωθεν
ἐρρίπια κάστρου παλαιὰ ὁρῶνται... Ἐν
τῷ παλαιοκάστρῳ τούτῳ ἦν ἡ σκήπη
Ἑσφιγμένου, ἐν ἣ ὁ Καλαβρὸς Βαβλαάμ
ὑπεκρίθη ἐν πρώτοις τὸν ἡσυχαστὴν
καὶ ἤρξατο διδάσκειν τὰ τῆς αἰρέσεως
αὐτοῦ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀνδρόνικου τοῦ
νέου». (Τοῦτο χειρόγραφον διατηρεῖται
ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ
Γρηγορίου ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἄθω).

**137) Хрисовул Стефана царя и са-
модержца Сърблем. 6856 года.**

«... и дръжи поутем що идет оу
Свигмень (Есфигмен). и зреще къ
врьтоу свигменскому иди от ано на
црьвеноу землю и на црьвени камен
како се ками валя къ Свигмену. и идетъ

Хридомъ на приимъ и на лоустроу и
мимо ходить. съзаци цркве цаиновѣ. и
отолѣ прѣко узри право оу море. пакы
оттолѣ моремъ мимоходеще Самарію
о пристанище и стго Георгіа».

138) Ibidem.

139) Srabo. L. XI. Cap. 7.

Ἡ δ' Ὑρκανία σφόδρα εὐδαίμων καὶ
πολλή καὶ τὸ πλέον πεδιάς πόλεσι τε
ἀξιολόγοις διειλημμένη, ὧν ἐστὶ
Ταλαβρόκη καὶ Σαμαριανή καὶ Κάρτα.
•[I 200]•

**140) Χρυσόβουλλον Σιγίλλιον Ἀλε-
ξίου τοῦ Κομνηνοῦ, 6706 ἔτους.**

«Καὶ τὰ κατὰ τὴν τοποθεσίαν τῶν
Μηλεῶν σεμνεῖα».

**§ 52. Ο времени основания
Кариш на Афоне**

**141) Путешествие Барского. СПб.,
1785. С. 606.**

«Место же оное, идеже стоит собор-
ная оная церковь Протат, именуется
Гречески Карэс, от Сербов же Карея,
си есть главное, яко по варварском час-
том нападении обритахуся главы тру-
пов валяемы многолетно; иные же гла-
голют, яко копающе и зиждуще храм,
обретоша в земли многия главы мерт-
вых».

**142) Ἑγγραφον τοῦ 6856 ἔτους ἐπι-
κυρωθὲν παρὰ Πρώτου τοῦ ἁγίου
ὄρους Γερμανοῦ ἱερομονάχου.**

«Ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν
αὐθέντης καὶ βασιλεὺς κύρ Στέφανος...
κατέλαβε καὶ εἰς τὴν καθ' ἡμᾶς τὴν δὲ
καὶ ἱερὰν Λαύραν τῶν Καρυῶν».

Ἐγγραφον τοῦ 6883 ἔτους ἐπικυρωθὲν παρὰ Πρώτου τοῦ ἁγίου ὄρους Γερασίμου μοναχοῦ.

«Ὑτοκάτωθεν ὑπέγραψε ἰδιοχείρως, ὁ ἐκκλησιάρχης τῶν Καρυῶν Κύριλλος ἱερομόναχος».

143) Stephanus Byzantinus De urbibus.

Στρατονήκεια πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας. Κέκληται δὲ ἀπὸ Στρατονίκης τῆς Ἀντιόχου γυναικός.

Ptolomaeus. Geographia. L. III. § II.

Καὶ ἐν τῷ Σιγγιτικῷ κόλπῳ Στρατονίκη, Ἀκανθος, Σίγγος.

§ 53. О поселении иаконов на горе Афонской

144) Πραγματεία τῆς Λακωνικῆς (Τζακονικῆς) γλώσσης. Ἀθήνησιν, 1846.

Πυρποληθέντος τοῦ Πραστοῦ, τὰ τρία τέταρτα τῶν κατοίκων αὐτοῦ (Τζακόνων) κατώκησαν τὸ Λεωνίδιον, ἀπέναντι τῶν Σπετζῶν, συγκείμενον ἐκ χιλίων οἰκογενειῶν, πανταχόθεν ἀπὸ ὄρη ἀπότομα περικυκλούμενον, διανοιγόμενον μόνον πρὸς ἀνατολάς. — Ὅρα Γραμματικὴν καὶ Λεξικὸν τῆς Τζακονικῆς γλώσσης. •[I 201]•

Περιγραφή τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Ἑσφιγμένου συνταχθεῖσα παρὰ ἡγουμένου Θεοδωρήτου χειρόγρ.

Περὶ Παλαιοχώρας. Ὁ τόπος οὗτος εἶναι μακρὰν τῆς μονῆς (τοῦ Ἑσφιγμένου), ὡς ὥρας διάστημα μιᾶς, εἰς τὸ ἀνατολικὸν μέρος. Καλεῖται Παλαιόχωρα, διότι φαίνονται παλαιώταται οἰκοδομαὶ οἰκιῶν καὶ τείχων. Εἰς αὐτὸν τὸν τόπον Πελοποννήσιός τις ἀπὸ τὸν

ἅγιον Πέτρον τῆς Τζακονίας, Ἀλέξιος λεγόμενος, πρὸ ἐξήντα χρόνους ἦλθε καὶ ἐκατοίκησε, καὶ ναὸν ὠραῖον ὠκοδόμησεν ἐπ' ὀνόματι τῶν ἁγίων πάντων, καὶ οἰκίας ἀρμοδίους πρὸς ἡσυχίαν, καὶ τόπον ἡνοιξεν ἱκανόν, καὶ εἰς βαθύτατον ἐλθὼν γῆρας ἀπήλθε πρὸς Κύριον ἐν 1803 ἔτει.

146) Georgius Pachymeres De Michaela Palaologo. L. IV. Cap. 26.

Ὁ γὰρ στόλος πολὺς καὶ πολλαῖς ναυσὶν ἐξηρτύετο· τὰς μέντοι γε ναῦς ἄνδρες ἐπλήρουν νεανικοὶ τὰς ὁρμὰς καὶ τὰς προθυμίας λαφυρτικοί, οἱ ἀνὰ τὴν πόλιν Γασμοῦλοι, οὓς ἂν ὁ Ῥωμαῖος διγενεῖς εἴποι, ἐκ Ῥωμαίων γυναικῶν γεννηθέντες τοῖς Ἰταλοῖς, ἄλλοι τε πλείστοι ἐκ τῶν Λακώνων, οὓς καὶ Τζάκωνας παραφθεύροντες ἔλεγον, οὓς ἔκ τε Μορέου καὶ τῶν δυτικῶν μερῶν, ἅμα μὲν πολλοὺς, ἅμα δὲ καὶ μαχίμους, ἅμα γυναιξὶ καὶ τέκνοις εἰς Κωνσταντινούπολιν μετάρκιζεν ὁ κρατῶν. Ἦσαν δ' αὐτοῖς καὶ εἰς ὑπηρετῶν τάξιν οἱ πανταχόθεν προσελῶντες, ὡς εἴ τις εἴποι νηῶν εἰς τὸ πρόσθεν ἐλάται, οὓς πανταχοῦ τῶν κατ' αἰγιαλοὺς χωρῶν, καλοὺς τε καὶ πλείστους, ἀπέταξεν ὁ κρατῶν· οὐ γὰρ ἦν ἀσφαλῶς κατέχειν τὴν πόλιν τοὺς Ῥωμαίους, ὡς αὐτὸς ἔλεγε, μὴ τὸ πᾶν θαλασσοκρατοῦντας.

Neccephorus Gregoras. Historia Romana. L. IV. Cap. 5.

Ὁ γὰρ βασιλεὺς (sc. Μιχαὴλ Παλαιολόγος) πλείστον ἐξήρτυσε ναυτικόν, ἐμπλήσας τριῆρεις ὑπὲρ τὰς ἐξήκοντα ἔκ τε ἄλλων καὶ γένους τοῦ Γασμουλικοῦ. Ἦσαν δὲ οὗτοι συντεθραμμένοι τοῖς τε Ῥωμαϊκοῖς καὶ Λατινικοῖς

ἔθουσιν, ὡς ἔχειν ἐκ μὲν Ῥωμαίων τὸ ἐσκεμμένως ἐς τὰς μάχας ἰέναι, ἐκ δὲ Λατίνων τὸ εὐτολμον. συνῆν δὲ τούτοις καὶ στρατὸς ἐν τοῖς ὅπλοις θαλάττιος, Λάκωνες ἄρτι προσελθόντες ἐκ Πελοποννήσου τῷ βασιλεῖ, οὗς ἡ κοινὴ παραφθείρασα γλῶσσα Τζάκωνας μετωνόμασεν. •[I 202]•

147) Xenophon. Hellenica. L. V. Cap. 2.

Ἡ ἄλλη φάλαγξ τῶν συμμάχων ἀπετέτατο πρὸς τὸ δεξιόν. καὶ τῶν ἱππέων δὲ τοὺς μὲν Λάκωνας καὶ τοὺς Θηβαίους καὶ ὅσοι τῶν Μακεδόνων παρῆσαν ἐπὶ τῷ δεξιῷ ἐτάξατο (Τελευτίας).

148) Thucydides. L. V. Cap. 55.

Les Lacédémoniens voulurent aussi faire une excursion à Caryes; mais comme ils ne purent encore obtenir de présages favorables, ils revinrent sur leurs pas. Les Argiens retournèrent chez eux, après avoir dévasté le tiers de l'Epidaurie. Mille hoplites d'Athènes, sous le commandement d'Alcibiade, avaient marché au secours de Caryes. Ils apprirent que les Lacédémoniens avaient renoncé à leur expédition, et comme on n'avait plus besoin d'eux ils se retirèrent.

149) Hellenische Alterthumskunde, von Wachsmuth. Halle, 1844. Bd. 1. S. 28. § 4. Der Peloponnes.

«Gen Süden, wo eine gewaltige Bergwand, das Lyrkeion mit dem 5400 F. hohen Artemision, jezt Malevo, und dem Parthenion, jezt Ktenia, sich gen Lakonien hinabzieht, als deren Fortsetzung zunächst der fast 6000 F. hohe Parnon, jezt Malevo, von S. Petro, dann eine

südlich an diesen sich anreihende und bis ans Meer fortlaufende wasserarme und unwirthbare Höhenkette mit ihrem Endpunkte, dem Vorgebirge Malea, anzusehen ist. Zu diesem System gehört aber auch der lakonische Taygetos, von dessen Nordrücken ein Arm an den Parnon hinreicht...

Strabo. L. I. Cap. 3.

Βούρα δὲ καὶ Ἑλίκη, ἡ μὲν ὑπὸ χάσματος, ἡ δ' ὑπὸ κύματος ἠφανίσθη.

Diodorus Siculus. L. XV. Cap. 48–49.

Dans cette année (373 avant J.C.) il Péloponnèse fut désolé par de grands tremblements de terre et par des inondations incroyables qui détruisirent les campagnes et les villes... les tremblements de terre... se manifestaient la nuit; les maisons étaient renversées par de terribles secousses, et les hommes, égarés dans les ténèbres et pris à l'improviste, étaient dans l'impossibilité de trouver quelque •[I 203]• moyen de salut. La plupart des habitants furent ensevelis sous les décombres; et lorsque, à la pointe du jour, ils se précipitèrent hors de leur maison dans l'espoir d'échapper au fléau, ils tombèrent dans un danger encore plus grand et plus inattendu: la mer, prodigieusement grossie, était sortie de son lit et inondait de ses flots les hommes qui disparurent avec leurs foyers. Ces désastres frappèrent particulièrement deux villes de l'Achaïe, Hélice et Bura.

151) Pausanias. L. VII, voyage de l'Achaïe.

Bure est petit ville, qui a la mer à droite et qui est bâtie sur la cime d'une montagne. On dit qu'elle a pris son nom d'une

filles d'Ion et d'Hélise qui s'appelaient Bura. Le même tremblement de terre qui engloutit la ville d'Hélise se fit tellement sentir à celle-ci, que toutes les anciennes statues des Dieux furent brisées dans les temples, et qu'il n'y eut de citoyens sauvés que ceux qui étaient ou à l'armée, ou en voyage, et ce furent eux qui rebâtirent ensuite la ville. Ceres, Venus, Bacchus et Lucine ont chacun un temple à Bure. Leurs statues sont de marbre du mont Pentelique et de la façon d'Euclidas Athénien; celle de Ceres est habillée. Isis y a aussi un temple. Sur le chemin qui descend à la mer vous voyez le fleuve Buraique, et dans une grotte prochaine on vous montrera une petite statue d'Hercule surnommée aussi Buraique. Là, il y a un oracle qui rend ses réponses avec des dés; celui qui le consulte fait premièrement sa prière au Dieu devant sa statue, ensuite il prend quatre dés, car il y en a toujours là en quantité, et il les jette sur une table. Chaque dé est marqué de plusieurs façons, et chaque marque est expliquée sur la table.

152) Strabo. L. VIIIю Cap. 6.

Κλεωναὶ δ'εἰσι πόλισμα ἐπὶ τῇ ὁδῷ κείμενον τῇ ἐξ Ἀργεῶς εἰς Κόρινθον ἐπὶ λόφου.

153) Wachsmuth. Bd. 1. S. 28. Der Peloponnes.

«Gen Südosten, wo zunächst der Apeauros, jetzt Gaurias-Oros 3800 Fuß. hoch.» •[I 204]•

154) Хрисовул сербского царя Стефана 1348 года в Хеландарском монастыре.

Описание границ сего монастыря: «паки оттоли на дѣсно къ югу быглом быглом на Велику Выглу (Μεγάλη Βίγλα) на съборны поуть, и тоу камень зовоми Моливдоуза. и оттоли низъ брьдо зреще къ югоу на равниноу».

155) В том же хрисовуле:

«и паки морем морем крае право зреще къ Аѡну. доходе на реку Иванницу и доходить до великаго камене оу мору на краю. и отоли къ сѣверу... и отоли право Крмища и тоу камень подобнь гробу и на нем воуду полужисмо. и отоли право въ збрьдо на Хѣрово на велики дѣль».

Περιγραφή τοῦ Ἀθω παρὰ Θεοδώρητου.

Μετὰ τὸ τοῦ Μονοξύλου ἕτερον ὑπῆρχε μοναστήριον, οὗ ἡ τοποθεσία, ὡς ἤκουσα, ὑπὸ τῶν μοναχῶν τοῦ ἁγίου Παύλου δεσπόζεται. Μετὰ τοῦτο ἦν τὸ τῆς Βανίσσης μοναστήριον, τιμώμενον ἐπ' ὀνόματι τῶν πέντε μαρτύρων... Τίς ἡ Βάνισσα αὐτὴ ἡ κτιτόρισσα, ἀγνοῶ. Δοκῶ δέ, ὡς καὶ ἡ Κομίτισσα, καὶ ἡ Χρωμιτίωσσα τῶν πλουσίων γυνὴ τις. Καλεῖται ὁ τόπος κοινῶς ἀπὸ νῦν βαρβάρους Γιοβάνιτζα. Τοῦτο ἐσώζετο αὐτόνομον ἄχρι τοῦ 1430 ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀνδρονίκου τοῦ Νέου· καὶ ὁ τότε Πρῶτος ὑπέταξεν αὐτὸ τῇ μονῇ Ἑσφιγμένου... τὰ γινωσκόμενα ἀρχαῖα μοναστήρια τῆς νοτίας πλευρᾶς εἰσὶ τὸ Προσφόριον, ἡ Χρωμιτίωσσα, τὸ τοῦ Μονοξυλίτου, τὸ τοῦ ἁγ. Παύλου, ἡ Βάνισσα, τὸ Ξηρόκαστρον... καὶ τὸ τοῦ Χαίροντος ἐν τῇ ῥάχῃ, γειτνιάζον τοῖς ὁρίοις τῆς Βανίσσης.

156) Wachsmuth. Hellen. Altertumskunde. Bd. 1. S. 31. Der Peloponnes.

«Inachos jetzt Banitza, Fluss verliert sich in Sümpfen».

157) Plutarchus. Sylla, 17.

158) Περιγραφή τοῦ Ἀθω, Θεοδωρήτου.

Ἐκ τοῦ Προσφορίου πρὸς ἀνατολὰς ἐρχόμενοι εὐρίσκομεν τὴν μονὴν τῆς δεσποίνης Χρωμιτώσσης, νῦν βαρβαρικῶς Χρωμίτζα τὸν τόπον καλούμενον. Ἡ μονὴ αὐτὴ ἐδόθη εἰς τὴν τῶν Ῥώσων καλουμένην μονήν... Ἡ Χρωμιτίωσσα δέσποινα αὐτὴ ὁρᾶται οἰκοδομήσασα καὶ τὴν μονὴν τοῦ ὀσίου Ἀντωνίου τοῦ Ἀνεκίτου, ἢ Ανικήτου καλουμένην. καὶ κειμένην μεταξύ Ζωγράφου καὶ Κωνσταντινῆς. Ὑπῆρχεν ἡ δέσποινα αὐτὴ περὶ τὸ 1100 σωτήριον ἔτος •[I 205]• ὡς ἐκ τῶν κοδίκων φαίνεται τῶν μνημονευόντων αὐτῆς, τίνων δὲ δέσποινα, ἀγνοῶ.

159) Antiquités grecques, traduit de l'anglais de Robinson. Paris, 1837. T. II. P. 17.

Γαλάξια fête dans la quelle on faisait bouillir τὴν γαλάξιν, une melange d'orge et de lait (Hesych. sub. voce Γαλάξια). D'autres prétendent quelle était consacrée à Apollon, surnommé Galaxius, du nom d'une ville de Beotie. (Procl. Chrestom.). Pausan. I. 3. 5; II. 4. 7; III. 12. 22; IV. 31. 6.

160) Ibidem. T. II. P. 48.

Κάρνα ou Καρυατῖς fête en l'honneur de Diane (Pausan. Lacon.) surnommée Caryatis, de Caryum en Laconie, où elle se célébrait. Elle consistait en une danse de jeunes filles. On appelait cela καρυατίζειν.

(Lucianus. Περί ὀρχήσεως). Hesych. v. Καρυατῖς. Pausanias. III. 10. 7; IV. 16. 9. Pollux IV, 104.

161) Вышний Покров над Афеном. С. 65–66. СПб., 1860.

162) Хрисовул сербского царя Стефана 1348 года.

163) Hesiodus. Theogonia, 91.

Pausanias. III, 23. 1.

Wachsmuth. Bd. II. S. 518.

«Aphroditens Uranias Cult ging von Kythera über nach Lakonika».

ΠΡΑΓΜΑΤΕΙΑ ΤΗΣ ΛΑΚΩΝΙΚΗΣ (ΤΣΑΚΩΝΙΚΗΣ) ΓΛΩΣΣΗΣ,

συνταχθεῖσα ὑπὸ τοῦ

ἐκ Λεωνιδίου

Θ. Μ. Οἰκονόμου.

ΙΣΤΟΡΙΑ ΤΩΝ ΚΑΤΟΙΚΟΥΝΤΩΝ ΤΟ ΛΕΩΝΙΔΙΟ.

Οἱ Ὀριᾶται, οἵτινες κατὰ τὸν Πανσανίαν κατῶχουν τὰς Βρασιάς, ὠνομάσθησαν Βρασιεῖς, διότι ἡ Σεμέλη ἐξεβράσθη αὐτόθι παρὰ τῆς θαλάσσης κοχλαζούσης. Κατὰ δὲ τὸν Πελοποννησιακὸν πόλεμον, καταστραφείσων •[I 206]• τῶν Βρασιῶν ὑπὸ τῶν Ἀθηναίων, οἱ διασωθέντες κατέφυγον εἰς τὴν μεσόγειον τέσσαρας περίπου ὥρας τῶν Βρασιῶν ἀπέχουσιν ἐν ἡ συνοικίσαντες ὠνόμασαν τὴν ἀκρόπολιν αὐτῶν Ὀριόντα, ἐκ τοῦ (Οριάς) ὅπερ καὶ νῦν οὕτω καλεῖται.

Κατὰ δὲ τὴν τετάρτην σταυροφορικὴν ἐκστρατείαν, ὅτε Βαλδουῆνος ὁ πρίγκιψ τῆς Φλανδρίας κατεκυρίευσε τὴν Κωνσταντινούπολιν, πολλοὶ τῶν στρατηγῶν

αὐτοῦ διασπαρέντες εἰς τὸ ἀνατολικὸν βασιλείον, ἐλεηλάτουν αὐτό· εἰς δ' αὐτῶν ἦν καὶ ὁ Ντισεντεφρή, ὅστις ἐκστρατεύσας κατὰ τῶν περὶ τὸν Ὀριόντα κατοικούντων, καὶ νικήσας αὐτοὺς ἀπετέφρωσε τὴν χώραν των, οἱ δὲ διασωθέντες κατέφυγον εἰς τὰ δάση, ὅπου συνοικήσαντες ὠνόμασαν τὸν τόπον αὐτῶν Πραστόν, ἐκ τοῦ Πρασιάς, ὅστις διὰ τῆς παρελεύσεως τοῦ χρόνου, καταστὰς μία τῶν μεγάλων τῆς Πελοποννήσου πόλεων, ἐγένετο ἐπὶ Ἱμπραῆμ παρανάλωμα τοῦ πυρός. Πυρποληθέντος δὲ τοῦ Πραστοῦ, τὰ τρία τέταρτα τῶν κατοίκων αὐτοῦ κατῴκησαν τὸ Λεωνίδιον, ἀπέναντι τῶν Σπετσῶν, συγκείμενον ἐκ χιλίων οἰκογενειῶν, πανταχόθεν ἀπὸ ὄρη ἀπότομα περικυκλούμενον, διανοιγόμενα μόνον πρὸς ἀνατολάς, οἱ δὲ κάτοικοι αὐτοῦ τὴν περὶ ἧς πρόκειται γλῶσσαν λαλοῦσιν.

Ὁ Συντάκτης.

ΠΕΡΙ ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΗΣ

Τὰ γράμματα τῆς Λακωνικῆς (Τσακωνικῆς) διαλέκτου εἶναι τὰ αὐτὰ μὲ τῆς κοινῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, σχηματιζούσης ἐξ αὐτῶν καὶ τὰ ἀκόλουθα·

τσ, ντ, τθ, κχ, πφ καὶ κκ.

Ἔχει δὲ τοὺς αὐτοὺς τόνους, σημεῖα, συνδρομάς, μεταβολάς, τροπάς, συστολάς, ἐκτάσεις καὶ λοιπὰ μὲ τῆς κοινῆς. Πρὸς τοῖς ἄλλοις ἔχει πολλὰς ἰδιαιτέρας τροπάς, ἀποβολάς, προσθαφαιρέσεις φωνηέντων καὶ συμφώνων, καθόσον ἡδυνήθημεν νὰ εὕρωμεν ὡς ἀκολούθως.

Γενικοὶ κανόνες ἡ περὶ προφορᾶς.

Περὶ τοῦ η.

α'. Τὸ η ὡς ἄρθρον θηλυκὸν τρέπεται εἰς α. •[Π 207]•

β'. Ὅταν ἦναι καταληκτικὸν εἰς τὰ ὀνόματα τὰ λήγοντα εἰς της καὶ ζης τρέπεται εἰς α, οἷον στρατιώτης, στρατιώτα, Σπαρτιάτης Σπαρτιάτα, ἀναγνώστης, ἀναγνώστα.

γ'. Ὅσα θηλυκὰ ὀνόματα λήγουν εἰς α, εἴτε καθαρὸν ἔχουν τὰ α, εἴτε μή, φυλάττεται εἰς ὅλον τὸν ἐνικὸν ἀριθμόν.

δ'. Τὸ ἀρκτικὸν η εἰς τὸ ὄνομα ἡμέρα τρέπεται εἰς α, οἷον ἡμέρα· ἀμέρα. πληθ. ἀμέραι, καὶ λοιπά.

ε'. Τὸ παραλήγον η εἰς τὰ ὀνόματα μήτηρ, μῆλον, μῆκον, κλ. τρέπεται εἰς α, οἷον μάτη, μάλη, μακονία. Ἐκτὸς τῶν ἀνωτέρω ἐξαιρέσεων καὶ τινων ὀλίγων ἄλλων, τὸ η εἰς ὅλας τὰς λοιπὰς λέξεις μένει ἀμετάβλητον.

Περὶ τοῦ κ.

Τὸ κ προφέρεται ὡς καὶ εἰς τὴν κοινὴν, μεταβάλλεται δὲ εἰς τσ ὅταν ἦναι πρὸ τῶν φωνῶν ε, ι, αι, υ, ει καὶ οι, οἷον τσέλα (κέλα), τσαι (καί), τσύμα (κύμα), τσοίτα (κοίτη), τσί; (τι;) τσεῖε (θεῖε), ἐξαιρουμένων τινῶν.

Περὶ τοῦ λ.

Τὸ λ πρὸ τοῦ α εὐρισκόμενον ἀποβάλλεται, οἷον λαγός (ἀγό), λάχανον (ἄχανε), Νικόλαος, Νικόλας (Νικόα), μουλάρι (μουάρι), ἐξαιρῶνται ὀλίγα τινά, ὡς λαός (λαό), ἀποβάλλεται πολλάκις καὶ πρὸ τινων ἄλλων φωνηέντων εὐρισκόμενον, οἷον παρακαλῶ (παρακαοῦ), λαλῶ (αοῦ), λουρίδα (οὐρίδα) κλ.

Περὶ τοῦ μ.

Τὸ μ προφέρεται ὡς καὶ εἰς τὴν κοινήν, μεταβάλλεται δὲ εἰς ν εἰς τὰς ἀκολουθούς λέξεις, οἷον μαμή (μανή), καλάμι (κάνη), μήλιον (νίλι), ζημία (ζινία), μία (νία) καὶ εἰς τινὰς ἄλλας.

Περὶ τοῦ ρ.

Τὸ ρ ἔχει παντοῦ τὴν αὐτὴν προφορὰν ὁποῖαν καὶ εἰς κοινήν, προσλαμβάνεται δὲ ὡς εὐφωνητικόν, εἰς τὰς ἀκολουθούς περιστάσεις.

α'. Εἰς τὴν γενικὴν καὶ αἰτιατικὴν τοῦ πληθυντικοῦ ἀριθμοῦ ἀμφοτέρων τῶν γενῶν, δηλ. τοῦ ἀρσενικοῦ καὶ θηλυκοῦ ὅταν ἡ ἐπομένη λέξις ἄρχεται ἀπὸ φωνήεντος, οἷον γενικὴ τοῦρ ἔλῃε τῶν (ἐλαίων) τοῦρ ἀνθρῆποι τῶν (ἀνθρώπων). •[I 208]• Ὁμοίως καὶ εἰς τὴν γενικὴν τοῦ ἐνικοῦ ἀριθμοῦ τῶν θηλυκῶν ὀνομάτων, ὅταν αὐτὰ ἄρχωνται ἀπὸ φωνήεντος, οἷον ἐνικ. ὄνομ. ἃ ἀρετή, γενικὴ τὰρ ἀρετή (ἢ ἀρετὴ γενικ. τῆς ἀρετῆς).

β'. Εἰς ὅλον τὸν ἐνεστώτα καὶ παρατατικὸν τῆς ὀριστικῆς ἐγκλίσεως τῶν ῥημάτων, ἐπομένου τοῦ ὑπαρκτικοῦ ῥήματος, οἷον ποίου ἐνὶ καὶ προσλήψει τοῦ ρ ποίου ρῆνι, ποίου ρῆσει, ποίου ρῆννι, πληθ. ποῖντε ρῆμε. Παρατατικ. ποίου ρῆμα, ποίου ρῆσα, ποίου ρῆκη. πληθ. ποῖντε ρῆμαοι κτλ. ὅταν δὲ προηγῇται τὸ ὑπαρκτικὸν δὲν προσλαμβάνεται τὸ ρ, οἷον ἐνὶ ποίου.

Περὶ τοῦ τ.

Τὸ τ προφέρεται ὡς καὶ εἰς τὴν κοινήν, μεταβάλλεται δὲ εἰς τὸ ἀντίστοιχόν του δασὺ εἰς τὰς ἀκολουθούς λέξεις, οἷον τυρί (κυουρέ), κάτουρον (κάκουρε), τιμή (κινή), καὶ εἰς τινὰ ἄλλα.

Περὶ τοῦ υ.

Τὸ υ πότε μὲν φυλάττει τὴν συνήθη προφορὰν ὡς χύνιξ (χύνικα), πότε δὲ προφέρεται ὡς ου, καθὼς ἄχουρα (ἄχυρα), τούμπανε (τύμπανον), καὶ ἄλλοτε ὡς ου, οἷον γυοῦρε, ψυοῦχα, λυοῦκο, συοῦρον, φρυοῦγανα, λυοῦε, κυλυοῦρα, κυοῦρε (γύρος, ψυχὴ, λύκος, σύρω, φρύγανα, λύσε, κολύρα, τυρός).

Περὶ τοῦ φ.

Τὸ φ ἔχει τὴν αὐτὴν προφορὰν μὲ τὴν τῆς κοινῆς, μεταβάλλεται δὲ ὡς καὶ τὸ τ, εἰς τὸ ἀντίστοιχό του θ, εἰς τὰς ἀκολουθούς λέξεις, οἷον καρθί, βάθη, ἀλοιθή, θίλε (καρφί, βαφή, ἀλοιφή, φίλος), καὶ εἰς τινὰς ἄλλας περιστάσεις.

Περὶ τοῦ ω.

Τὸ καταλήγον ω, εἰς τὰ πρῶτα πρόσωπα τῶν ῥημάτων καθὼς καὶ εἰς τὰς μετοχάς, τρέπεται εἰς ου, οἷον ὀρῶ ὀροῦ, κοτέω κοτέου, ἀπαλύνω ἀπαλύνου, τὸ αὐτὸ δὲ πάσχει καὶ εἰς τὰ συγκριτικὰ ὀνόματα ὅταν εὐρίσκεται, οἷον λεκό λεκούτερε (λευκός λευκώτερος), ἐπίσης δὲ καὶ εἰς πολλὰς ἄλλας περιστάσεις καθὼς εἰς τὰ ἐπιρρήματα ἄνω, κάτω (τάνου κάτω) καὶ ἀλλαχοῦ.

ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΜΕΡΩΝ

ΤΟΥ ΛΟΓΟΥ •[I 209]•

Τὰ μέρη τοῦ λόγου διαιροῦνται εἰς δύο, εἰς κλιτὰ καὶ εἰς ἄκλιτα, ἐξ ὧν εἶναι κλιτὰ τὰ ἐξῆς.

ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΑΡΘΡΟΥ

Ἐνικός | Πληθυντικός (Ἀρσεν. — Θηλ. — Οὐδ.)

Ὀν. ὁ — ἃ — τό | οἱ — ἡ — τὰ

Γεν. τοῦ — τὰ — τοῦ | τοῦ — τοῦ — τὰ

Αἰτ. τόν — τάν — τά | τοῦ —
τοῦ — τά
Κλητ. ἔ — ἔ — ἔ

Σημειώσις. Δυϊκὸς ἀριθμὸς εἰς τὴν διάλεκτον ταύτην δὲν ὑπάρχει, ὅθεν οἱ ἀριθμοὶ εἶναι δύο, ἐνικὸς καὶ πληθυντικός· αἱ δὲ πτώσεις τέσσαρες, ὀνομαστική, γενική, αἰτιατική καὶ κλητική.

Ἡ αἰτιατική πληθυντικὴ ὅλων τῶν ἄρθρων εἶναι ὁμοία μὲ τὴν γενικήν.

Περὶ κλίσεως.

Αἱ κλίσεις εἶναι τρεῖς, καὶ εἰς μὲν τὴν πρώτην κλίσιν κλίνονται τὰ εἰς ας καὶ ἡς ἄρσενικά, ἀποβάλλοντα συνήθως τὸ ς, καὶ τὰ εἰς α καὶ ἡ θηλυκά.

Παραδείγματα τῆς πρώτης κλίσεως.

Ἀρσενικά, Ἐνικὸς

Ὅν. ὁ Ταμία, ὁ ληστή, ὁ Σπαρτιάτα

Γεν. τοῦ Ταμίου, τοῦ ληστοῦ, τοῦ Σπαρτιάτου

Αἰτ. τὸν Ταμία, τὸν ληστήν, τὸν Σπαρτιάτα

Κλ. ἔ Ταμία, ἔ ληστή, ἔ Σπαρτιάτα.

Πληθ.

Ὅν. οἱ Ταμίαι, οἱ λησταί, οἱ Σπαρτιάται

Γεν. τοῦ Ταμίαι κ. τ. λ.

Αἰτ. τοῦ Ταμίαι κ. τ. λ.

Κλ. ἔ Ταμίαι κ. τ. λ.

Θηλυκά, Ἐνικὸς

Ὅν. ἡ μοῦσα, ἡ πορεία, ἡ ἀμέρα

Γεν. τὰ μουσέ, τὰ πορεία, τὰ ἀμερῇ

Αἰτ. τὰν μουσα, τὰν πορείαν, τὰν ἀμέραν

Κλ. ἔ μοῦσα, ἔ πορεία, ἔ ἀμέρα

Πληθ.

Ὅν. ἡ μοῦσαι, ἡ πορεῖαι, ἡ ἀμέραι

Γεν. τοῦ μοῦσαι, τοῦ πορεῖαι

Αἰτ. τοῦ μοῦσαι, κ.τ.λ.

Κλ. ἔ μοῦσαι, κ.τ.λ. •[Π 210]•

Σημειώσις.

α'. Ὅλα τὰ λήγοντα εἰς τῆς καὶ σης, ἀποβάλλοντα τὸ ς τρέπουσι τὸ η εἰς α εἰς ὅλον τὸν ἐνικὸν ἀριθμόν, οἷον στρατιώτης (στρατιώτα), ἀναγνώστης (ἀναγνώστα), πλὴν τοῦ ληστής, τὸ ὅποιον φυλάττει τὸ η ἄτρεπτον, εἰς δὲ τὴν ὀνομαστικὴν τοῦ πληθυντικοῦ ἀριθμοῦ φυλάττει τὴν κατάληξιν τῆς ἰδίας κλίσεως, δηλ. λήγει εἰς αἱ, τὰ δὲ λοιπὰ κάμνουσιν αὐτὴν δευτερόκλιτον εἰς οἱ.

β'. Ὅλα τὰ ἀρσενικά καὶ θηλυκά ἔχουσι τὰς πτώσεις τοῦ πληθυντικοῦ ὁμοίας μὲ τὴν ὀνομαστικὴν.

γ'. Ὅλα τὰ θηλυκά τὰ λήγοντα εἰς α καθαρὸν ἔχουσιν ὁμοίας ὅλας τὰς πτώσεις τοῦ ἐνικοῦ ἀριθμοῦ μὲ τὴν ὀνομαστικὴν, τὰ δὲ μὴ ἔχοντα αὐτὸ καθαρὸν τρέπουσιν αὐτὸ εἰς τὴν γενικὴν εἰς ε ἀναβιβάζοντα καὶ τὸν τόνον, οἷον ἡ καμάρᾳ, Γεν. τὰ καμαρέ, ἡ μοῦσα τὰ μουσέ, ἐξαίρουνται τὰ ἀμέρα καὶ χέρα, ἅτινα μεταβάλλουσι τὸ α εἰς η, οἷον ἡ ἀμέρα, Γεν. τὰρ ἀμερῇ, ἡ χέρα, χερῇ, Πληθ. ἡ χέραι (αἱ χεῖρες).

Δευτέρα κλίσις.

Εἰς τὴν δευτέραν κλίσιν κλίνονται τὰ εἰς -ος ἄρσενικά καὶ θηλυκά ἀποβάλλοντα τὸ -ς, καὶ τὰ εἰς -ον οὐδέτερα ἀποβάλλοντα τὸ -ν.

Παραδείγματα ἀρσενικῶν ὀνομάτων.

Ἐνικ. ὄνομ. ὁ ἄνθρωπο, Γεν. τοῦ ἀνθρώπου, Αἰτιατ. τὸν ἄνθρωπον, Κλητ. ἔ ἄνθρωπο. Πληθ. οἱ ἀνθρώποι, Γεν. τοῦρ ἀνθρώποι, Κλητ. ἔ ἀνθρώποι. Ἐνικ. ὄνομ. ὁ πράσινε, Γεν. πράσινου, Αἰτιατ. τὸν

πράσινε, Κλητ. ἔ πράσινε. Πληθ. οἱ πράσινοι, Γεν. τοῦ πράσινοι κτλ. ὁμοίως, ὁ τίμιε, Γεν. τοῦ τιμίου, Αἰτιατ. τὸν τίμιε, Κλητ. ἔ τίμιε. Πληθ. οἱ τίμιοι, Γεν. τοῦ τίμιοι κτλ. Τὸ σχολεῖε (τὸ σχολεῖον), Γεν. τοῦ σχολείου, Αἰτιατ. τὸ σχολεῖε, Κλητ. ἔ σχολεῖε. Πληθ. τὰ σχολεῖα κτλ. ὁμοίως.

Σημεῖωσις.

Ὅλα τὰ τῆς δευτέρας κλίσεως ὀνόματα ἀρσενικὰ καὶ οὐδέτερα, τὰ ἔχοντα τὸ ος καὶ ὄν καθαρὸν ἢ μή, ἀποβάλλουσι αὐτὸ καὶ προσλαμβάνουν ε, οῖον αὐλέ, δείπινε, ἐγγονέ, τέλειε. ζώυφιε, (αὐλός, δεῖπνον, ἐγγονός, τέλειος •Π 211• ζώυφιν), φυλάττουσι δὲ αὐτὸ τὰ ἐθνικὰ ὀνόματα καὶ τὰ εἰς γος λήγοντα, οῖον Σμυρναῖο, Ἀθηναῖο, γεωργό, ἀγό (Σμυρναῖος, Ἀθηναῖος, γεωργός, λαγός) καὶ τὰ ὀνόματα δίσκο, βράχο, ἔριφο, ἄνθρωπο (δίσκος, βράχος, ἔριφος, ἄνθρωπος). Τὸ δὲ ξύλον τρέπει τὸ παραλήγον -υ εἰς α καὶ ἀποβάλλον τὸ ὄν προσλαμβάνει η, οῖον ξύλον (καλή). Πληθ. τὰ κάλα (ξύλα).

Τρίτη κλίσις.

Εἰς τὴν τρίτην κλίσιν κλίνονται ὅλα τὰ περιττοσύλλαβα ὀνόματα.

Παραδείγματα.

Θηλ. Ἐνικ. Ὀνομ. ἁ μάτη (μήτηρ), Γεν. τὰ ματερή. Αἰτιατ. τὰν μάτη, Κλητ. ἔ μάτη καὶ ἐμά. Πληθ. ἡ ματέραι, Γεν. τοῦ ματέραι κτλ. ὁμοίως.

Οὐδέτ. Ἐνικ. ὄνομ. τὸ ὕω (ὑδωρ), Γεν. τοῦ ὑβάτου, Αἰτ. τὸ ὕω, Κλητ. ἔ ὕω. Πληθ. τὰ ὕβατα κτλ. Τὸ κρίε τοῦ κριάτου (κρέας). Πληθ. τὰ κρίατα, τὸ χῶμα, Γεν. τοῦ χωμάτου. Πληθ. τὰ χῶματα, τὸ ποῦμα τοῦ πουμάτου. Πληθ. τὰ πούμα-

τα, τὸ λεοντάρι, τοῦ λεονταρίου. Πληθ. τὰ λεοντάρια, τὸ βάμμα (κλάψιμον), τοῦ βαμμάτου. Πληθ. τὰ βάμματα, τὸ γούνα, τοῦ γουνάτου. Πληθ. τὰ γούνατα (γόνυ).

Σημεῖωσις.

α'. Ἡ Αἰτιατικὴ καὶ Κλητικὴ τοῦ Ἐνικοῦ ἀριθμοῦ εἶναι ὅμοια μὲ τὴν Ὀνομαστικὴν, αἱ δὲ πτώσεις τοῦ Πληθυντικοῦ εἶναι ὅμοιαι μὲ τὴν Ὀνομαστικὴν τοῦ αὐτοῦ ἀριθμοῦ εἰς ὅλας σχεδὸν τὰς κλίσεις.

β'. Τὰ εἰς ηρ λήγοντα τρέπουσι τὸ η τῆς ῥιζικῆς συλλαβῆς εἰς α καὶ ἀποβάλλουσι τὸ ρ εἰς τὴν Ὀνομαστικὴν, οῖον μάτη (μήτηρ), προσλαμβάνουσι δὲ αὐτὸ εἰς τὴν Γενικὴν μὲ παραλήγον η, οῖον μάτη, Γεν. ματερή.

γ'. Τὰ εἰς εὐς λήγοντα ἀποβάλλουσι τὸ εὐς καὶ προσλαμβάνουσιν α, οῖον βασιλιά (βασιλεύς).

δ'. Ἀρσενικὰ περιττοσύλλαβα δὲν ἔχει ἢ διάλεκτος αὐτῇ, διότι κάμνει αὐτὰ δευτερόκλιτα.

Παραθετικά.

Καλὲ καλήτερε, λεκὸ λεκύτερε, ἥσυχο ἥσυχύτερε· (καλὸς καλήτερος, λευκὸς λευκώτερος, ἥσυχος ἥσυχώτερος). •Π 212•

ΠΕΡΙ ΑΝΤΩΝΥΜΙΩΝ

Προσωπικαὶ καὶ ὠ κτητικαὶ
λαμβανόμεναι.

Ἐνικ. α' προσώπου — β' προσώπου — γ' προσώπου.

Ὀνομ. ἐξοῦ (ἐγώ) — ἐκυοῦ (σύ)

Γεν. μοί — τύ (σύ, σοῦ) — σοί

Αἰτ. μοί — τύ, ντύ, ἐτύου (ἐσέ) — σοί

Πλ.

Ὅνομ. ἐνεῖ (ἡμεῖς) — ἐμού — σου

Γεν. μου

Αἰτ. μου

Σύνθετοὶ πρώτου προσώπου.

Ἀρσεν. καὶ οὐδέτ. Θηλ. Ἐν.

Ὅν. ἐαυτέ μοι — ἐαυτὰ μοι

Γεν. ἐαυτοῦ μοι — ἐαυτοῦ μοι

Αἰτ. ἐαυτέ μοι — ἐαυτά μου

Πλ. Ὅν. ἐαυτοὶ νά μου — ἐαυταὶ νά μου

Ἀρσεν. καὶ Οὐδέτ. Θηλ. Ἐν.

Ὅν. ἐαυτέν τυ — ἐαυτάν τυ

Γεν. ἐαυτοῦν τυ — ἐαυτοῦν τυ

Πληθ. Ὅν. ἐαυτοὶ νιοῦ μου

Σύνθετοι τρίτου προσώπου

καὶ κατὰ τὰ τρία γένη.

Ἐνικ. Ὅνομ. ἐαυτέ σοι, Γεν. ἐαυτοῦ
σοι, Πληθ. ἐαυτοῦ σου.

Ἀναφορικά.

Νί, τὸ ὁποῖον μεταχειριζόμεθα
ἀμετάτρεπτον εἰς ὅλας τὰς πτώσεις,
Πληθ. σοι, ὁμοίως.Δεικτικά ἀντὶ τοῦ οὗτος,
αὕτη, τοῦτο.Ἐντε, ἄχρηστον καὶ πρὸς ἐπίτασιν
προστίθεται τὸ ἐπίρρημα ὠρὶ ἀντί
(ιδού), λέγοντες ἐντεωρί, καὶ προσλήψει
τοῦ εὐφωνικοῦ ρ ἐντερωρί καὶ κατὰ
συγκοπὴν ἔντερι. •[I 213]•

Ἀρσεν. — Θηλ. — Οὐδέτ. Ἐν.

Ὅν. ἔντερι — ἔνταϊ — ἔγκι

Γεν. ἐντοῦ — ἐντὰρι — ἐντοῦ

Αἰτ. ἔντενι — ἔνταϊ

Πληθ.

ἐντειοι, ἐτинеοὶ — ὠρὶ (οὔτοι ιδού) —
ἐνταη

Ἀντὶ τοῦ ἐκεῖνος

Ἀρσεν. — Θηλ. — Οὐδέτ. Ἐν.

Ὅν. ἐτεῖνε — ἐτεῖνα — ἔκεινη

Γεν. ἐτεινοῦ — ἐτεινάρι

Αἰτ. ἐτεινεννὶ — ἐτειναή

Πληθ. Ὅν. ἐτείννοι — ἐτεῖναι —
ἐτειναοί

Ἐρωτηματικά ποῖος;

Ἀρσέν. Ἐνικ. Ὅν. ποῖε, Γεν. ποίου.

Πληθ. ποιοι.

Οὐδέτ. ποῖα

Θηλ. Ἐνικ. ποία. Πληθ. ποῖαι.

Ἀντὶ τοῦ τί;

τσί; (τί;) καὶ πλέον οὐ.

ΠΕΡΙ ΥΠΑΡΚΤΙΚΟΥ
ΡΗΜΑΤΟΣ.

Ὅριστικά Ἐνεστώς.

Ἐνικ. ἔνι — ἔσει — ἔννι

Πληθ. ἔμε — ἔτθε — εἶνι

Παρατατικός καὶ Ἀόριστος.

Ἐνικ. ἔμα — ἔσα — ἔκι

Πληθ. ἔμαοι — ἔτθαιοι — εἴγκοι,
εἴγκαοι

Μέλλων

Ἐνικ. ἐθα ἔνι, θα ἔνι — ἐθα

ἔσει — ἐθα ἔννι

Πληθ. ἐθα ἔμε — ἐθα ἔτθε —
θα εἶνι

Ὑποτακτικός.

Ἐνικ. ἐὰν (νὰ) ἴνι, ἔση, ἔννι

Πληθ. ἐὰν (νὰ) ἔμε, ἔτθε, ἦνι •[I 214]•

Ἀπαρέμφατος.

ἔννι (εἶναι) — νὰ ἔνι

Μετοχαί

ἔκει

Σημείωσις.

Τὸ ἔννι τοῦ τρίτου προσώπου
προφέρεται μὲ δασύτητα πρὸς διάκρισιν
τοῦ πρώτου.

ΠΕΡΙ ΡΗΜΑΤΟΣ.

Τὰ ῥήματα εἶναι ἀναλελυμένα εἰς τὸ
ὑπαρκτικὸν καὶ εἰς τὴν Μετοχήν, οἶον,
ἐνι ποίου, ἀνὰ τοῦ εἶμι ποιῶν.

Παράδειγμα.

Ὅριστικά, Ἐνεργητικά, Ἐνεστώς.

Ὅρου καὶ διὰ τῆς ἀυξήσεως ἑοροῦ
ἐνι, καὶ προσλήψει τοῦ εὐφωνικοῦ ρ
μεταξὺ τῆς Μετοχῆς καὶ τοῦ ὑπαρκτικοῦ
ἑοροῦ ῥένι.

Ἐνικ. ἑοροῦ ρένι — ἑοροῦ ρῆσι —
ἑοροῦ ρέννι

Πληθ. ἑοροῦντε ρῆμε — ἑοροῦντε
ρῆτθε — ἑοροῦντε ρεῖνι

Παρατατικός.

Ἐνικ. ἔμα ὀροῦ — ἔσα ὀροῦ — ἔκη
ὀροῦ

Πληθ. ἔμαοι ὀροῦνται — ἔτθαιοι
ὀροῦνται — ἦμοι ὀροῦνται

Μέλλων.

Ἐνικ. ἐνι θὰ ὀράου — ἔσει θὰ ὀράρε —
ἐννι θὰ ὀράη
(καὶ ἄνευ τοῦ ἐνι μὲ μόνον τὸ θὰ).

Πληθ. ἔμε θὰ ὀράμε — ἔτθε θὰ
ὀράτε — ἐννι θὰ ὀράννι

Ἀόριστος.

Ἐνικ. ὠράκα, ἐωράκα — ἐωράτοερε —
ἐωράτσε

Πληθ. ἐωράκαμε — ἐωράκατε —
ἐωράκαϊ.

Παρακείμενος.

Ἐνικ. ἔμα ἔχω ὠρατέ — ἔσα ἔχου
ὠρατέ — ἔκει ἔχου ὠρατέ

Πληθ. ἔμαοι ἔχουντε ὠρατέ κ.τ.λ.
ὁμοίως.

Προστακτική.

Ἐνικ. ὄρα — νὰ ὀράη, νὰ ὀράη.

Πληθ. ὀράτε — νὰ ὀράννι. •[I 215]•

Εὐκτική.

Τὰ εὐκτικὰ μεταχειριζόμεθα μὲ τὴν
προσωπικὴν ἀντωνυμίαν, ἐπομένη τοῦ
ῥήματος ὡς ἐφεξῆς.

Ἐνικ. ὄραμοι — ὄρα — ὄρανι.

Πληθ. ὀράτεμοι — ὀράτενι, ἄνευ
πρώτου προσώπου.

Ὑποτακτική. Ἐνεστώς.

Ἐνικ. ἐὰν ὀράου, ὀράρε, ὀράη

Πληθ. ἐὰν ὀράμε, ὀράτε, ὀράννι.

Ἀπαρέμφατος.

νὰ ὀράου.

Μετοχαί.

Ἐνικ. ἀρσεν. ὀροῦ, θηλυκ. ὀροῦα,
οὐδέτ. ὀροῦντα.

Πληθ. ἀρσεν. καὶ θηλ. ὀροῦντε,
οὐδέτ. ὀροῦντα.

Ὅριστ. Παθητικ.

Ἐνεστώς.

Ἐνικ. ὀροῦμενε ρένι — ὀροῦμενε
ἔσει — ὀροῦμενε ρέννι.

Πληθ. ὀροῦμενοι ἔμε — ὀροῦμενοι
ἔτθε — ὀροῦμενοι εἶνι.

Μέλλων.

Ἐνικ. ἐνι θὰ ὀραθοῦ — ἔσει θὰ
ὀραθῆρε — ἐννι θὰ ὀραθῆ.

Πληθ. ἔμε θὰ ὀραθοῦμαι — ἔτθε θὰ
ὀραθῆτε — εἶνι θὰ ὀραθοῦνι.

Ἀόριστος.

Ἐνικ. ὠράμα (ὠράθην) — ὠράθε-
ρε — ὠράτθε.

Πληθ. ὠράμασι — ὠράτθατε —
ὠράτθαϊ.

Μετοχαί.

Ἐνικ. ἄρσεν. ὁ ὀροῦμενε, θηλ. ἡ ὀροῦ-
μενα, οὐδέτ. τὸ ὀροῦμενε

Πληθ. οἱ καὶ ἡ ὀροῦμενοι, οὐδέτ. τὰ
ὀροῦμενα.

Ῥηματικὰ ἐπίθετα.

Ἀρσεν. Ἐνικ. ὁ ὀρατέ ὀρατός. Γεν. τοῦ
ὀρατοῦ. Πληθ. οἱ ὀρατοί.

Θηλυκ. Ἐνικ. ἡ ὀρατά. Πληθ. αἱ ὀραταί
Οὐδέτ. τὸ ὀρατέ. Πληθ. τὰ ὀρατά. •[I 216]•

Κανόνες γενικοί.

Ὁ Ἐνεστώς, Παρατατικός, καὶ ὁ Μέλ-
λων τῆς Ὀριστικῆς ἐγκλίσεως σχηματί-
ζονται ἀναλελυμένως διὰ τοῦ ὑπαρ-
κτικοῦ ῥήματος καὶ τῆς Μετοχῆς, εἰς δὲ
τὰς λοιπὰς ἐγκλίσεις καθὼς καὶ εἰς
τοὺς παρωχημένους τῆς Ὀριστικῆς, δὲν
σχηματίζονται ἀναλελυμένως, καὶ
τοῦτο εἰς ὅλα τὰ ῥήματα τῆς τε ἐνεργη-
τικῆς καὶ παθητικῆς φωνῆς.

ΛΕΞΙΚΟΝ

Α

Α — ἄρθρον θηλ. ἀντί ἡ· ἡ Γεν. τά,
Αἰτιατ. τάν

ἄβατε — ἀδιάβατόν τι μέρος

ἄβοτάνα — αὐτί

ἄγό — ὁ λαγός

ἄκκό — ὁ ἄσκος (τουλούμι)

ἄδέητε — ἄδετος, λυτός

ἄερι — ἄγεράκι

ἄζουρι — λαζούρι

ἄθυρόστωμο — ἄθυρόστωμος, ὁ
φλύαρος

αἶ — ἐκφώνησις εὐχῆς

αἷ — ἐκφώνησις θαυμασμοῦ, αἶχ εἰς
λύπην

αἰγίδα, καὶ γίδα — ἡ αἶξ

αἰκία — πληγή

ἄκλερία — ἄκληρία, δυστυχία

ἄκληρος — ταυτόν

ἄκονοῦ, Ἀόριστ. ἄκονάκα — τροχίζω,
ὀξύνω τι σιδηρικόν

ἄκόναμα, ἄκόνημα — τρόχισμα

ἄμαχο — ἄμαχος, ἀγαθός

ἄμότητε — ἄμότητος, εὐμορφος,
δυνατός, ἐπαινετός, ἐπιτήδιος, ἀκού-
ραστος. «Ἄρος ὑπερμενέτα βρισά-
ματε καρτερόχειρ ἄμότητε» ὕμν. Ὅμ. εἰς
Ἄρ. 3.

ἄμπάλι — ἀντί τοῦ διατὶ ἀπὸ τοῦ
ἄμπάλω

ἄναζοῦ, Ἀόριστ. ἀναζήκα — ἀναζῶ,
ἀναλαμβάνω

ἀνέπαφο — ἀνέπαφος

ἄνεσι — ἄνεσις

ἄντε, Πληθ. οἱ ἄντοι καὶ ἄντου —
ἄρτος, οἱ ἄρτοι

ἄοκνε — ἄοκνος, ἀκούραστος

ἀοῦ, ἔνι, ἔσει, ἔννι. Μέλ. ἔνι, θὰ ἀλίου.

Προστακτ. ἄλη, Ἀόριστ. ἐπέκα — ταῦ-
τόν τὸ λαλῶ

ἄπαλαίνου, Ἀόριστ. ἀπαλαίγκα —
ἀπαλύνω, μαλακόνω

ἄπαλαιντέ — μαλακομένον •[I 217]•

ἄπαλέ — ἀπαλός, μαλακός

ἄπακρε — ἔπακρον

ἄπαυράχου, Ἀόριστ. ἄπαυρα — ἀφαι-
ρῶ τι μὲ βίαν, ἀπὸ τοῦ ἀπαυράω τὸ
καταβροχθίζω, καταπίνω, λαίμαργα.

Όμ. Ιλ. Ρ. 236: «νήπιοι! ἦτε πόλεσιν ἐπ' αὐτῷ θυμὸν ἀπηῦρα»

ἀπολίου, Αόριστ. ἀπολικά — ἀποστέλλω

ἄπونه — ἄπονος, ὁ μὴ λυποῦμενος ἄλλον

ἀποψένου, Αόριστ. ἀποψάκα, καὶ ἄνευ τῆς προσθέσεως ψένου, Αόριστος ἐψάκα — ἀποσφογγίζω, καθαρίζω

ἀράθυμο, ἀράθυμος — τὸ ἐναντίον τοῦ ῥάθυμος, δηλ. ὁ ἀψῆς, θυμώδης

ἀργά — ἐσπέρε, βράδι

ἀρμάθα — ὀρμαθός

ἀρμό, — ἀρμός, κλείδωσις, συνάφεια

ἄρτουμα — ἄρτυμα, ἡ καὶ ὁ τυρός

ἀρίκκου, Προστακτ. ἄρε, Εὐκτ. ἄρε μοι, Ὑποτακτ. νὰ ἄρου — πάρει, ἀπὸ τοῦ αἶρω, Αόριστ. ἄγκα ἀπὸ τοῦ ἀγκάζω

ἄριστε — ἄριστον, ὁ ἄριστος, τὸ γεῦμα

ἀσκόπουλε, ἀσκόπουλον — δερματάκι μικρόν

ἄστομο, ἄστομος — ὁ ἄνευ λόγου

ἀσήληθε, ἄθηλος — ὁ μὴ βυζάξας, ἀπὸ τοῦ θηλή καὶ τοῦ α στερητικοῦ

ἀσάλευτε, ἀσάλευτος — ἀκλόνητος

ἀσχά, Πληθ. ἡ ἀσχάαι — σύκον ξηρόν, τὰ σύκα

αὐανία — συκοφαντία, ἀπὸ τοῦ αὐάνω — τό φθείρω, ἐξ οὗ καὶ φθορὰ τὴν αὐτὴν συκοφαντίαν λέγοντες

αὐλέ — αὐλὸς ποιμενικός, ἡ φλούερα κοιν.

αὐπνία — ἀγρυπνία

αὔρα — λαύρα

αὐράχου, Αόριστ. αὐρά — ἀφαρπάζω μετὰ βίας

ἄφαντε — ἄφαντος, ὁ μὴ φαινόμενος

ἀφίνου, Προστακτ. ἄφε, Αόριστ ἀφίκα — ἀφίνω

ἀφηγούμενε, Μέλ. ἐθα ἀφηγηθοῦ, Αόριστ. ἀφήγημα, τὸ καθ' αὐτὸ ἀφηγοῦμαι — διηγοῦμαι, μετὰ προσοχῆς καὶ ἀκούομαι ὁμοίως

ἀφήγημα — διήγημα

ἀφοκυοῦρη — ἀπότυρον (τὴν μιζήθρα)

ἀχρά — ἀχλάς, τὸ ἀχλάδι

ἄψά — γρήγωρα, ἀπὸ τοῦ αἶψα κατ' ἀποβολὴν τοῦ ι

Β

βαῖζου, Αόριστ. ἐβαῖνα — φωνάζω με ἀσάφειαν καὶ κλαυθμηρῶς

βαῖτέ — βαῖτός, βαῖσμός, ἀλαλαγμός φωνῶν

βάμα, Γενικ. τοῦ βαμάτου, Πληθ. τὰ βάματα — κλάψιμον, τα κλάματα, θρήνοι

βλάμμα — βλάψιμον

βλέμμα — βλέψιμον, ὁ τρόπος τοῦ ὁρᾶν

βότσε — σταφύλι, ἀπὸ τοῦ βότρως

βοῦ, Μέλ. ἐθα βάτσου, Αόριστ. ἐβάκα — κλαίω, θρηνῶ

βοῦ, Πληθ. οἱ βοῦε — ὁ βοῦς, τὰ βώδια

βράχο — βράχος • [I 218] •

Γ

γαυρίου, Μέλ. ἐθα γαυριάου, Αόριστ. ἐγαυριάκα, ἀπὸ τοῦ γαυριάω — τὸ ὑπερηφανεύομαι, κομπάζω καὶ ἀντὶ τοῦ ἐπιθυμῶ νὰ συνουσιαστῶ, τὸ κοινῶς καυλόνω

γένου, Μέλ. ἐθα γιάνου, Αόριστ. ἐγάγκα καὶ γιαντέ (ῥηματικὸν ἐπίθετον), ἀπὸ τοῦ γέντο — τὸ ἀναλαμβάνω καθαυτό

γογγύλη — εἶδος τι λαχάνου
 γομάρι — φορτίον, ἀπὸ τοῦ γόμος
 γοῦνα, Γεν. τοῦ γουνάτου, Πληθ. τὰ
 γοῦνατα, «ἄψασθαι γοῦνατα» Όμ. —
 τὸ γόνυ, τὰ γόνατα
 γοργά, καὶ γουργά — γρηγορότατα,
 ταχύτατα

Δ

δά — μόριον ἐμφαντικόν
 δαβελέ — ὁ δαυλός, ἀπὸ τοῦ δαβελός
 Δωρικ.

δάσου, Μέλ. δάου, Αόριστ. ἐδάκα,
 ἀπὸ τοῦ δαίω, ἢ αὐτὴ ῥίζα τοῦ δάω,
 δαίω — τὸ καίω, καίομαι

δέμα — σχοινίον
 δεήνου, Αόριστ. ἐδεήκα — δένω,
 ἔδεσα

δείπινε — δείπνος
 δέρου — δέρω, δέρνω
 διάρῥοια — δυσεντερία
 δήρου, καὶ ντήρου — γδέρνω
 διχόνοια — διαφωνία
 διγγόνη — δισέγγονος
 δίσκο — δίσκος (ὁ ταυλὰς Ἰταλιστί)
 δοχύρι — γέφυρα, Λακων. διφούρα
 δοκάρι — δοκός
 δοῦμα — δόμα, δόσιμον
 δογό, καὶ δοχό — ὑπόγειος αὐλαξ
 δρακούλι — δράκος, τὸ ἄρσεν.

βρέφος.

δρανύντου, Αόριστ. ἐδρανύα —
 τρέχω, γρηγόρω ἀπὸ τοῦ δράμω
 δρακοντία — εἶδος φυτοῦ
 δύσβατε — δύσβατος τόπος
 δυσουρία — ταῦτόν

Ε

ἐα — ἔλα, ἔρχου
 ἔγγονε — ἔγγονος, ἀνεψιός

ἐγοφό — γομφός
 ἔγγου, Μέλ. ἐθα ζάου, Αόριστ. ἐζά-
 κα — ὑπάγω, ἐπήγα
 ἔδαρι — ἀντὶ τοῦ τῶρα
 ἐζοῦ — ἀντωνυμία ἐγώ
 εἶδησις — ταῦτόν
 εἶδουλε — εἶδωλον
 εἰκάζου, καὶ ἀκειικάζου τό — τὸ
 καταλαμβάνω, ἐννοῶ

ἐνέγκα — Αόριστ. τοῦ φέρω, ἔφερον,
 Πληθ. ἐνέγκαμε, ἐνέγκατε

ἐνι — ὑπαρκτ. ῥῆμα ἀντὶ τοῦ εἰμί,
 Πληθ. ἔμε. Πλούταρχ. Αριστ.: «ἐνι γὰρ
 τίς ἐνι κίνδυνος;»

ἐνεῖ — ἀντωνυμία ἀντὶ τοῦ ἡμεῖς
 ἐνέβαι! — μοί, τό, σοί, μοιρολόγιον
 ἀπὸ τὰς γυναῖκας λεγόμενον, ὅταν
 κλαίωσι τινά, ἐπιφώνημα πόνου καὶ
 λύπης

ἐπιτυχαίνου — ταῦτόν, τὸ ἐπιτυγ-
 χάνω, •Π 219• Αόριστ. ἐπετυχίκα

ἔρια — μαλλία προβάτου
 ἐρηνία — ἐρημία
 ἔριφο — ἔριφος (τὸ μικρὸν κατσίκι)
 ἐρώτημα — ἐρώτησις
 εὔρεμα — εὔρημα
 ἐωράκα, καὶ ὠράκα — Αόριστ. τοῦ
 ὁρᾶν, βλέπω

Ζ

ζαλετθέ (ἄρσεν.), ζαλετθά (θηλυκ.) —
 διαλεκτός

ζάφου. Μέλ. ἐνι θα ζάψου, Αόριστ.
 ἐζαύα, Προστακτ. ζάψε, ἀπὸ τοῦ ζάπτω —
 κτυπῶ σφοδρῶς

ζυγό — ταῦτόν
 ζωύφιε, ζωύφιον, Πληθ. τὰ ζωύφια —
 ταῦτόν

ζώστρα — ζώνη καινὴ

Η

ήδύοσμο — ό ήδύοσμος

Θ

θάμπουμα — θάμβημα

θάμπα — θάμβος

θεμονία — θημονία, τόπος εις όν θέτονται τὰ άστάχυα

θίλε — φίλος

θυμάρι — θύμος

θυνιότισχον — θυνιότικον, τὸ όψάριον θῦνος

θυνί — ό μέρος όπου ό θῦνος ψαρεύεται

θύου, Παρατατ. έμα θύου, Προστακτ. θύε, Εὐκτ. θύε μοι, Αόριστ. έθύκα — θύω, σφάζω, θυσιάζω

θῦμα — σφάξιμον

θυουρίδα — θυρίς

Ι

ικμάδα — ικμάς, νοτερόν τι μέρος, νοτιά

Κ

κα — άντι κάν

καήα, άπό του κάω — καίω, καῦμα, ή καῦσις

καθαιρίζου — καθαίρω, Μέλ. καθαιρίσου — ταυτόν

κακηγοροῦ, Μέλ. κακηγορέου, Αόριστ. έκακηγορεύα — κατηγορῶ

κακηγορία — κατηγορία

κακζωΐα — ζωή ταλαίπωρος

κακομοιριά — κακοτυχία, ταυτόν: Σοφοκλῆς 802

κάλι, Πληθ. τὰ κάβα, και κάλα — ξύλον, άπό του κάλον, «πολλ' επικάμπυλα κάλα»: Όμ. Έρμ. 112.

κάλλιο — καλήτερον

καμάρα — ταυτόν, ό θόλος

καμζί, Γεν. του καμζίου, Πληθ. τὰ καμζία — παιδίον, παιδιά

κάνεστρε — κάνιστρον (κανόν), πανέρι

κάνι, Γεν. κανίου — καλάμι

καού, Μέλ. καλέου, Αόριστ. έκαλέκα — καλέω, καλῶ

κᾶν ένα (ουδέτ.), καρένα (άρσεν., προσλαμβάνον ρ) •Π 220]• — κανέν, κανείς

καρπό — ό σίτος και άλλοι καρποί

καρυά — ή καρυδιά

κάρου — τὸ καρύδιον, Πληθ. τὰ κάρυα

κατάλεκο — κατάλευκος, κατά άσπρος

κάτου — κάτω

καύστρια — τόπος εις τον όποιον καίεται τι ή έκάη τι

κϊάνου, Μέλ. κϊάσου, Αόριστ. εκϊάκα — πᾶν τὸ πκαί εις άλλας περιστάσεις τρέπεται εις κ' καθώς κίσι — πίστι

κρησέρα — κλησάρα, ή σίτα, όθεν και κλησαριστέ άντε — άντι του κρησερίτης άρτος

κολλνούρα, άπό του κολλύρος — είδος τι άρτου

κοπάδια — κοπαί, αί άγέλαι των ζώων

κόπρο και κρόπο — ή κόπρος (φουσκί)

κορμό — κορμός, στέλεχος

κοτέου, κοτου, Αόριστ. εκοτέκα, άπό του κοτέω — τὸ όργίζομαι, μνησικακῶ, λαμβανόμενον και άντι του τολμῶ

κουβάνε, Πληθ. κουβανοί — μαῦρος, μαῦροι

κουε, Γεν. του κουνέ, Πληθ. οί κουνοι — ό κύων, οί κύνες, σκύλοι

κουῖζω, Ἀόριστ. ἐκουῖα — σκούζω, φωνάζω, ὀλολύζομαι

κουῖτέ — θρηῆνος, κοπετός, ἴσως ἀπὸ τοῦ κωκυτός

κουνία — ἀγγεῖον διὰ νερόν, λαῦνα, μπαρδάκι, ἀπὸ τοῦ κρουνία ἢ κρουνίον κουνίντου, Ἀόριστ. ἐκουνία — ζητῶ, ἐζήτησα

κουρά — τὸ κούρευμα

κούτυλε — ἡ κοτύλη, ἀγγεῖον ξύλινον, διὰ τοῦ ὁποίου πίνουν γάλα, οἶνον κτλ. Όμ. Ίλ. Χ. 494.

κραῖα — τρύπα

κράμα, Πληθ. τὰ κράματα — τὸ κλήμα, τὰ κλήματα

κρέμμα — κρόμμου, κρομμύδια

κριάρι — κριός

κρίε, Πληθ. κρίατα — κρέας, τὰ κρέατα

κυρτέ, καὶ γυρτέ — ὁ κυρτός

κύσθε, ἀπὸ τοῦ κύσθος — τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον, Ἀριστοφ. Ἀχρ. 782, Βτρχ. 430

κοθῶνι — μῶμος, κατηγορία, ἴσως ἀπὸ τοῦ κοθωνίζω, τὸ μπεκρολογῶ καὶ τοιοῦτος ὢν λέγω ὅτι θέλω

κχάρα, Γεν. τὰ κχαρέ, Πληθ. ἡ κχάραι — ἡ φωτιά

Λ

λάμνῖα — ἡ λάμια, εἰς τὰς ἀχορτάγους γυναικας λεγόμενον

λείχου, καὶ ἀναλείχου — τὸ εἰς μέρη πετρώδη ἀναβρυόμενον ὀλίγον τι ὕδωρ

λεῖῶμα — τὸ εἰς λεπτὰ τετριμμένον τι: Θεοφρ. περὶ λιθ.

λεκό, Γεν. τοῦ λεκοῦ, Πληθ. οἱ λετσοί, οὐδέτ. τὰ λεκά — τὸ λευκόν, ἄσπρον

λέψου, Μέλ. λέφου, Ἀόριστ. ἐλέβα, •Π 221• — καθαρίζω τι, τὸ ὅποιον ἔχει φλούδα, ξεφλουδίζω

λευτέ, Πληθ. λευτά — ξεφλουδισμένον, ἴσως ἀπὸ τοῦ λέμμα τὴν φλούδα: Θεοφρ. δ. 12.

ληνέ, Πληθ. οἱ ληνοί — ὁ ληνός, τὸ ληνοπάτι

λοπάϊ — λοπάδιον, λοπάς (τσουκάλι)

λυγρί, Γεν. τοῦ λυγρίου, Πληθ. τὰ λυγρία — τὸ ἐπίπονος, κακός, οἰκτρός, ἐλεεινός καὶ ἐπὶ τῆς καταστάσεως τῶν σωμάτων: Όμηρ. 13. εἰς τὴν Λακωνικὴν ἐκλαμβάνεται ἀντὶ τοῦ πεπηγμένου ὕδατος, καὶ ὅταν τὰ μέλη τοῦ ἀνθρώπινου σώματος ἢ ἄλλου τινός, εἶναι πολὺ ψυχρὰ ἐν καίρῳ χειμῶνος

λύμα — ἀντὶ τῆς πείνας λυξουργία

λυμπαστέ — ὁ ἀχόρταγος, πεινασμένος, λυξούρης καὶ ἐν γένει ὡς καταφρονητικὸν λαμβανόμενον

λύχνε, Γεν. τοῦ λύχνου κτλ. Πληθ. οἱ λύχνοι — τὸ λυχνάρι

λωβό — λωβός, ὁ ἔχων ἑλλειμμά τι εἰς τὸ σῶμα τοῦ ἢ ὁ μικρόσωμος

Μ

μά! — θαυμαστικὸν ἀντὶ τὸ εἰς τὴν καθομῖλ. μπά!

μά — μόριον ὀρκομωτικόν

μᾶ, καὶ ἐμᾶ, Πληθ. ἡ ματέρε — μήτηρ, μητέρες

μαθένου, Μέλ. νὰ μάθου, Ἀόριστ. ἐμαθήκα — τὸ μανθάνω (Θέογνις)

μακαρία — τὸ εἰς τοὺς ναοὺς μνημόσυνον τῶν τεθνεώτων

μακονία — μήκων, εἶδος λαχάνου ἢ παπαροῦνα

μάραθε — μάλαθρον
 μάρα — ἀντὶ μῶρα, μαρασμός
 μαστάρι, Γεν. τοῦ μασταρίου, Πληθ.
 τὰ μαστάρια — ὁ μαστός, οἱ μαστοί,
 βυζίον
 ματά — ἀντὶ τῆς προθ. μετὰ
 μερία — μερέα, μέρος
 μέτωπον — ταῦτόν
 μήτρα — ταῦτόν, ἡ μήτρα τῆς γυναι-
 κός

μόκκο — ὁ μόσχος, τὸ μοσχάριον
 (Ἀρχύτας παρὰ Στοβαίῳ)
 μεριχία — μυρική
 μόδια, εἰς τὸν Πληθ. μόνον — ἀντὶ
 τῶν κοιλῶν, εὐχή λεγομένη εἰς τὰ
 ἀλώνια, ἀπὸ τοῦ μέδιμνος
 μοζοῦ, ἔνι, ἔσει, ἔννι — ἀπὸ τοῦ μο-
 γέω, μόγος, κοινῶς πονῶ. Ἀόριστ.
 ἔμοζάκα

μοιρασία — ταῦτόν, ὁ μερισμός
 μοί — ἀντωνυμία τὸ καθ' αὐτό
 μόλου, ὁ Μέλ. τοῦ παρίου (ἔρχομαι),
 ἔνι θὰ μόλου, νὰ μόλωμαι — ἀπὸ τοῦ
 μολοῦμαι: Αἰσχ. κλ.

μονία, ἀπὸ τοῦ μονιὸς εἰς τοὺς
 πλεονέκτας λεγόμενον, καθὼς μονία
 λυοῦκο

μονομερία — ἀντὶ μονόμερα εἰς ἓν
 μέρος

μοναχία — μοναξιά
 μουντοῦ, Μέλ. μουντίου, Ἀόριστος
 ἔμουντίκα — βυζαίνω, τραβῶ με τὸ
 στόμα μου •[I 222]•

N

νέμου, Μέλ. νεμάου, Ἀόριστ. ἐνεμά-
 κα — βόσκω τὰ ζῶα εἰς τοὺς ἀγροὺς κ.
 λ., ἀπὸ τοῦ νέμω, ὅθεν λέγομεν καὶ τὸν
 βοσκὸν νομία

νήπι — τὸ βρέφος, νήπιον
 νίου, Ἀόριστ. ἐνιάκα — ἀκούω, ἰσῶς
 ἀπὸ τοῦ ἐνωτίζω
 νία — μία
 νοκία — νοτιά, νοτερόν τι μέρος
 νομία, Πληθ. οἱ νομίαι — ὁ ποιμήν,
 ἀπὸ τοῦ νομεύς, Ὁμ.: «ἄνδρες νομίες»
 νομάζου, Μέλ. νομάσου, Ἀόριστ.
 ἐνομά — ἀπὸ τοῦ νομάω

Ξ

ξούλινε — ξύλινον
 ξύστρα — ἐργαλεῖον διὰ ξύσιμον

O

ὄα — ὄλα
 οἰμαί! — ἐπιφώνημα πόνου, λύπης
 καὶ ἀγανακτήσεως, ἀπὸ τοῦ οἶμοι
 ὄξε — λόζος ἡ φωλαῖα τῶν θηρίων
 ὄκα — μεταχειριζόμενον ἀντὶ τοῦ
 ὅταν καὶ ὁπότεν καὶ τότε, φυλάττον
 φαίνεται τὴν αὐτὴν σημασίαν καθὼς
 εὐρίσκεται καὶ εἰς τοὺς ποιητάς. Δωρικ.
 οὔσα, ὄκα καὶ ποιητ. ὄκκα

ὄκεα — ἀντὶ ὅπου
 ὀλλυντοῦμενε, Μέλ. ὀλλυθοῦ,
 Ἀόριστ. ὀλλύμα, ὀλλύτθερε, ὀλλύτθε,
 νὰ ὀλυθῇ, ταῦτοσήμαντον τοῦ ὀλύω
 καὶ ὀλλυμι, Μέλ. ὀλέσω, Ἀόριστ. ὄλεσα,
 Μέσ. ὀλλυμαι, Μελ. ὀλοῦμαι, Ἀόρ.
 ὠλόμην — φθείρομαι, ἀφανίζομαι,
 ἐξολοθρεύομαι

ὀμόνοια — ταῦτόν
 ὀνάρι — γαιῖδουράκι
 ὄνε, Γεν. τοῦ ὄνου, Πληθ. οἱ ὄνοι —
 τὸ κοινῶς γαιῖδοῦρι
 ὀνειδίζου, Μέλ. ὀνειδίσου, Ἀόριστ.
 ὀνειδία — ὀνειδίζω
 ὀνειδισμό — ὀνειδισμός

ὄνειρε, Πληθ. ὄνειρα καὶ ὄνειρατα — ταυτόν

ὀπά — ἀντὶ τοῦ ἐκεῖ

ὀψακα, Γεν. ὀψάκου — ὀμφαξ, ὀμφακος, ἄγουρον, σταφύλιον

ὀπωρικό, καὶ πωρικό, Πληθ. πωρικά — τὰ ὀπώρα

ὄραμα — θέαμα

ὄρατέ — ὄρατός

ὄροῦ, Μέλ. ὄραου, Ἀόριστ. ὠράκα καὶ ἑωράκα, Πληθ. ὠράκαμε καὶ ἑωράκαμε, Προστ. Ἐνεστ. ὄρα, Πληθ. ὄρατε, Εὐκτ. ὄρα μοι, Ὑποτακτ. νὰ ὄραου, Μετοχή ὀρούμενε, Θηλ. ὀρούμενα, οὐδέτ. ὀρούμενε — ταῦτοσήμαντον τοῦ ὄρῳ, τὸ βλέπω

ὄργανε, Πληθ. τὰ ὄργανα — δισημαντον· καὶ τὰ ἐργαλεῖα ἑνὸς τεχνίτου, καὶ τὰ μουσικά (Ἀριστοτέλ.)

ὀρεῖ ὀρεῖ — ἰδὲ ἰδέ

οὐαί — ταυτόν τὸ οὐαί, ἐπιφώνημα πόνου καὶ ἀθυμίας •Π 223]•

οὐ — ἐπιφώνημα λύπης καθὼς καὶ τὸ οὐαί

οὔθι — ὄφισ (φίδι)

ὄχθε — ὄχθος, ὁ φραγμός τῶν χωραφίων ἢ καὶ τὰ παρὰ τῶν ποταμῶν ἀναφυόμενα δένδρα

ὄχλησι, καὶ ἐνόχλησι — ἡ ἐνόχλησις

ὄψιμο — ὄψιμος, τὸ ἐναντίον τοῦ πρώιμος

Π

παγουτέ, Πληθ. τὰ παγουτά — ταυτόν, τὰ παγωτά, παγωμένα κοινῶς

πάθημα — πάθος, σομφορά

παιδευτέ — πεπαιδευμένος καὶ ὁ τιμωρημένος

πατθέ, Πληθ. πατθά — Δωρικ. ἀντὶ τοῦ πηκτά

πάρα καὶ παρά — πρόθεσις

παραβάτα — παραβάτης

παράθεμα — ξεκένωμα, ξεμαγέρευμα

παραθένου, Μέλ. νὰ παραθένου, Ἀόριστ. παραθέγκα — ξεκενόνω, ξεμαγερεύω

παραθυοῦρι — παράθυρον

παρακονάου, Ἀόριστ. ἐπαρακονάκα — παρατροχίζω

παρανέχου — περιμένω τι μετὰ προσοχῆς

παράσημο — σημειωμένος

παραστάτα — ἐπιστάτης

παραόροῦ, Μέλ. παροράου, Ἀόριστ. ἐπαραωράκα — παραβλέπω, συγχωρῶ (Ξενοφ. Ἑλ.).

παρείου ἀπὸ τοῦ πάρεμι, Μέλ. μόλου ἀπὸ τοῦ μολοῦμαι, Ἀόριστ. ἔκανα ἀπὸ τοῦ ἦκα, Ἀπαρέμψ. παριέναι, Μέτ. παριών· Ὁδ. Δ. — ἐρχομαι, θὰ ἔλθω, ἦλθα

παρουσία — ταυτόν

πάσσακα — πάσσαλος, Ὅμ.: «αἶρειν ἀπὸ πασσάλοφι»

πάσσου — πασσίζω

πελή — ὅταν ἐκ κτυπήματός τινος ἀποκαθίσταται ἐν μέρος τοῦ σώματος μελανόν, ἀπὸ τοῦ πέλειος φαίνεται

πενητέγγου, Μέλ. πενητεύσου, Ἀόριστ. ἐπενητέμα καὶ ἐπενειτέβα — ταυτόν, τὸ πενιτεύω

περοῦ, Μέλ. περάου, Ἀόριστ. ἐπεράκα — τὸ περῶ, περνῶ, διαβαίνω

περονιάζου, Μέλ. περονιάσου, Ἀόριστ. ἐπερονιά — περονάω, διατρύπω, σουβλίζω

ποίου, Μέλ. ἐθα ποίου, Ἀόριστ. ἐμποίκα, Προστακ. ποῖε — ταυτόν, τὸ ποιῶ

ποκάρι — πόκος, τὸ μαλλὶ ἐνὸς προβάτου, ὅταν κουρευθῇ

πομπέγγου, Μέλ. πομπέψου, Ἀόριστ. ἐπομπέβα — ταυτόν, τὸ πομπεύω

πόρε — πόρτα, θύρα

πρέου, ἔνι, ἔσει καὶ πλέον — ἀντὶ τοῦ ῥέω, τὸ τρέχει τι ὑγρόν

ποκίστρα — ποτίστρα, τόπος ἔνθα πίνουσι τὰ ζῶα

πορεία — ὁδός, δρόμος •[I 224]•

πούα, Γεν. τοῦ ποδός, Πληθ. οἱ πούαι — ποῦς

πφοῦ — ἀντὶ τοῦ πῶς

πρανίζου, Μέλ. πρανίσου, Ἀόριστ. ἐπρανία — κτυπῶ μὲ τὸν κόπανον (πράνα), ἴσως ἀπὸ τὸ Δωρ. πρανίζω, πρηνίζω — τὸ ῥίπτω κατακέφαλα

πρίνε, Γεν. τοῦ πρίνου, Πληθ. οἱ πρίνοι — ὁ πρίνος, τὸ κοινῶς πουργάρι

πρωφαντέ, ὁ, ἡ, τό — τὸ λεγόμενον κοινῶς πρῶμιον, διὰ τὸ πρότερον ἀπὸ τὰ ἄλλα φαινόμενόν τι

πτοηστοῦ, ὁ Μελ. τοῦ πτοέω, Ἀόριστ. ἐφτοήσμα, Μετ. φτοσκούμενε, ὁ, ἡ, τό, καὶ φτοηστέ — τὸ φοβοῦμαι, ταράττομαι, γίνομαι ἔντρομος

πούμα — πῶμα, σκέπασμα, καπάκι κοινῶς

Ρ

ῥομάνι — λόγγος μέρος ἀδιάβατον, δάσος

ῥυάτσι, Γεν. τοῦ ῥυατσίου — ὁ ῥύαξ, ῥύακος, ῥεῦμα κοινῶς

Σ

σάγο — σάγος, ἐπανωφόριον τῶν ποιμένων ἄνευμανικίων, ἐκ τριχῶν

κατασκευασμένον, μεταχειριζόμενον ἐν καιρῷ χειμῶνος, ταυτόν τὸν ὅποιον οἱ παλαιοὶ στρατιῶται μετεχειρίζοντο (ιδέ λεξ. Γαζ.), ἐξ οὗ ἔχομεν ῥήμα σαγιάζου, Μέλ. σαγιάσου, Ἀόριστ. ἐσαγιάσμα — ἐδιπλώθην μὲ τὸν σάγον

σάκκο — σάκκος, τὸ ἐκ τριχῶν κατασκευασμένον τσουβάλι

συαλλία — τὰς εἰς διαφόρους τόπους εὗρισκομένας πολλὰς μικρὰς πέτρας ὁμοῦ, φαίνεται ἀπὸ τοῦ λάας — τὸ πέτρας καὶ τῆς προθ. σὺν φανερόνουςα τὸ ὁμοῦ

σαλέγκου, Μέλ. σαλεύψου, Ἀόριστ. ἐσαλεύα — ταυτοσήμαντον τοῦ σαλεύω, κουνῶ, τινάζω, ταράττω, σείω, κλονίζω

σάμερε — ἀντὶ τοῦ σήμερον σαπρίου, Μέλ. σαπριάου, Ἀόριστ. ἐσαπριάκα — ταυτοσήμαντον τοῦ σαπριῶω, σαπίζω

σάπριε — σάπιος

σιγίζου, Μέλ. σιγήσου, Ἀόριστ. ἐσιγήα, Προστακ. σίγησε, Πληθ. σιγίσετε — ταυτοσήμαντον τοῦ σιγάω

σιμελέ, θηλυκ. σιμελᾶ — ταυτοσήμαντον τοῦ σιπαλός, ἐλλειπής, κατὰ τι μέλο τοῦ σώματος σημειωμένος κοινῶς

σποῖα — ταυτοσήμαντον τοῦ σποδός, στάκτη

σταμνί — ταυτοσήμαντον τοῦ στάμνος, τὸ Τουρκ. κίουπι

στατέρι — ὁ στατήρ, τὸ καντάρι

σανία — σανίδα

σιάτη ἢ σήατη — κόρι, κορίτσι, ἴσως ἀπὸ τοῦ στήτην — τὸ γυνή· «διὰ στήτην ἐρίσαντε» ἀντὶ φιλονεικήσαντες διὰ

γυναῖκα (τὴν Βοησηΐδα): λέξ Δωρικ.
Ὅμηρ. Ἰλ. Α. 6, ἡ συνάτη ἀπὸ τοῦ ὑάς,
ὑάδος, Πληθ. •[I 225]• ὑάδες — τὸ νύμφας
αἵτινες ἀνέθρεψαν τὸν Διόνυσ. καὶ προ-
σλήψει τοῦ σ: συνάδος, καὶ τροπὴ τοῦ δ
εἰς τ: συνάτος καὶ συνάτη, ἡ πλέον ξενικόν
στοχό — ταῦτοςήμαντον τοῦ στόχος,
ὑψωμενόν τι ἀπὸ τὸ ἐπίπεδον, κεφαλὴ
ἀγροῦ τίνος ἢ σημείον

στροφωνσία — ἀστροφεγκία

συμφορά — δυστυχία

συνεικάζου, Μέλ. συνεικάσου,
Ἀόριστ, ἐσυνεικά — ταῦτοσημαντον
τοῦ συνεικάζω, συμπεραίνω τὸν τόπον
διὰ τῶν σημείων

συνοχή — σύγκρουσις ἀνέμων,
ταραχὴ ἀνεμοστρόφυλλος μετὰ βροχῆς
ἢ καὶ χιόνος

συντυχία — συνέντευξις, ἐντάμωσις
μετὰ τίνος συνομιλία

συνοδία, ἀπὸ τοῦ μετὰ τινος ὁδε-
εῖν — ἢ εἰς δρόμον συντροφία

σύνταχα — σύνταχον, πρῶτ

Τ

τά, Γεν. τοῦ — θηλ. ἄρθρον ἀντὶ τῆς
τάνου — ἐπάνω

τανύντου, Ἀόριστ. ἐτανύα — ταῦτὸν
τὸ τανύω τραβῶ

τάσου — μέσα

τθένου, Ἀόριστ. ἐτθάκα — σηκό-
νομαι

τέλεια — παντάπασι διόλου

τοιχο — τοῖχος, τοιχιὸ κοινῶς

τσεράμο, Γεν. τσεράμου, Πληθ. οἱ
τσεράμοι — κέραμος, κεραμίδα

τσερβουλε, Γεν. τοῦ τσερβούλου,
Πληθ. τὰ τσερβα — παπούτσιον, τὰ
καπούτσια

τσοῖτα — κοίτη

τσουφά — κεφαλὴ

τσύφου, Μέλ. τσύψου, Ἀόριστ.
ἔτσυβα — κόπτω, ἀναφαίνομαι ξαγνα-
ντιάζω

τύ — ἀντωνυμία, ἀντὶ σὺ καὶ σοῦ

Υ

ύγρασία — ταῦτόν

ὔπρε — ὕπνος

ὔω, Γεν. τοῦ ὑβάτου, Πληθ. τὰ ὕβα-
τα — ὕδωρ, νερόν

Φ

φάε, φάγε, Ἀόριστ. ἐφαήκα —
τρώγω

φημίζου, Μέλ. φημίσου, Ἀόριστ.
ἐφημία — διαφημιζώ

φορεσία — ταῦτόν ἢ φορεσιά κοινῶς
(Σουίδας)

φοῦκκα — κοιλία

φρουόγανε, Πληθ. φρουόγανα —
ξηρά, λεπτὰ ξυλάρια

φρύζου, Μέλ. φρύτσου, Ἀόρι-
στ. ἐφρύα — φρυγανίζω, καρβου-
τίζω, ἐξ οὗ καὶ φρυτθέ — καρβουτι-
σμένον

φτατέ — ψητόν, καὶ ῥῆμα φτένου —
ψένω

φωνιάντου — φωνάζω

Χ

χαλαίνου — λευκαίνω τὸ πανίον

χήμαιρε — χήμαιρα, αἶγα ἀγέννητος,
στεῖρα •[I 226]•

χάο καὶ χαῦο — τὸ χάος

χειμαδίε — χειμάδιον

χέρα, Γεν. τὰ χερή, Πληθ. ἡ χέρε — ἡ
χεῖρ, τῆς χειρός

χόη — χλόη
 χορέ — χλωρός
 χοίνικα — χοίνιξ
 χοιῦρε — χοῖρος, τὸ κοινῶς γου-
 ροῦνι

χοῖουρί — μικρὸν γουροῦνι
 χόβολη — σταχτή ζεστή ἢ με ὀλίγα
 μικρὰ ἀναμμένα κάρβουνα ἐντὸς
 αὐτῆς

χόστρα — κάρβουνα πολλὰ ἀναμ-
 μένα, θράκα κοινῶς
 χούρα — χωράφι

Ψ

ψατέ — σπογγισμένος
 ψένου, Μέλ. ψάου, Ἀόριστ. ἐψά-
 κα, Προστακ. ψάε, Εὐκτ. ψάε μοι —
 σπογγίζω, καθαρίζω, ἀπὸ τοῦ ψάω
 ἴσως

ψιλλέ — ὀφθαλμός, ἀπὸ τοῦ πτίλλος
 Δωρ.

ψαφοῦ, Μέλ. ψαφίου, Ἀόριστ.
 ἐψαφίκα — ψηλαφῶ, ἀπὸ τοῦ ψαύω

ψιφούκκου, Μέλ. ψιφούη, Ἀόριστ.
 ἐψιφούτσε — σουρουπόνει, σκοτιδιάζει,
 ἴσως ἀπὸ τοῦ ψέφος καὶ ψίφος — τὸ
 σκότος

ψίφουμα — σουρούπομα, σκοτί-
 διάσμα

ψιφουτέ — σκοτεινός

ψωνίζου — ταῦτὸν τὸ ψωνίζω

Ω

ωγί (ᾠδε) — ἐδώ
 ὠμό (ὠμός), Πληθ. ὠμοί — ἄβραστος,
 ἄψητος, καὶ ὁ σκληρὸς ἀνθρωπος
 ὦνι, ὦσει, ὦννι, Πληθ. ὦμε κ.τ.λ. —
 ἀντὶ τοῦ οὐκ εἰμί, οὐκ ἐσμέν

ΤΕΛΟΣ

ΔΙΑΛΟΓΟΣ

μεταξὺ ἐνὸς πολίτου τοῦ
 Λεωνιδίου, καὶ παλαιοῦ
 στρατιώτου κατοικοῦντος
 εἰς Βοσκίνα, ἔπειτα Κῶνστας
 ἀνεψιᾶς αὐτοῦ.

ΠΟΛΙΤΗΣ. Οὐραν τὸ κα παπποῦ καλὲ
 πφοῦ ῥέσει τὰν ὑγεία;
 ΣΤΡΑΤΙΩΤΗΣ. Καοῦ ῥεκάνε ὁ θίλε μοι,
 κά, πλὴν κακομοιριά.
 Σὰν τὰν βοσκίνα μοναχὸ
 ὦγί τὰν ἐρηνία,

Χωρὶς ποτὲ νὰ μάθωμε
 εἶδῃσι δὰ κὰνία.

ΠΟΛ. Ἐζοῦ λοιπὸν ν' ἀφηγηθοῦν
 νὰ μάθερε τὰ νέα, •[I 227]•

Σάμερε ἐμαθήκαμε
 ὡς εἶδῃσι βεβαία.

Οἱ ξέν' ὅλοι νὰ φύτσωϊ
 τὸ σύνταγμα ἐδοῦτθε,

Γκαρέν' ἀπὸ τοῦ ρ Ἑλληνοὶ
 σχεδὸν δὲν αἵματοῦτθε.

ΣΤΡ. Εἶθε νὰ ἦν' ἀληθινὰ
 σάμερ' ὅς' ἐνὶ νίου,

Τσαὶ νὰ διὰ τὰν εἶδῃσι
 τραπέξι νὰν τὸ ποίου.

Κάσα λοιπὸν ἔθίλε μοι
 νὰ ζαου νὰ τσυνηγίου,

Τσαὶ ἡ ἀγό, ἡ ξόκοτα,
 ἡ ἄλλiou ἀπαντήου.

Ἐνὶ ἐλπίζου νὰ σκοτοῦ
 νὰ φέρου νὰ νὶ φτάμε,

Νὰ ἔχωμ' ἀγριομερινέ
 ὅταν κάτσαμε νὰ φάμε.

Φόρε ἐ Κῶνστα ἐγγονε
 τσαρούχια γιὰ νὰ ζάρε*,

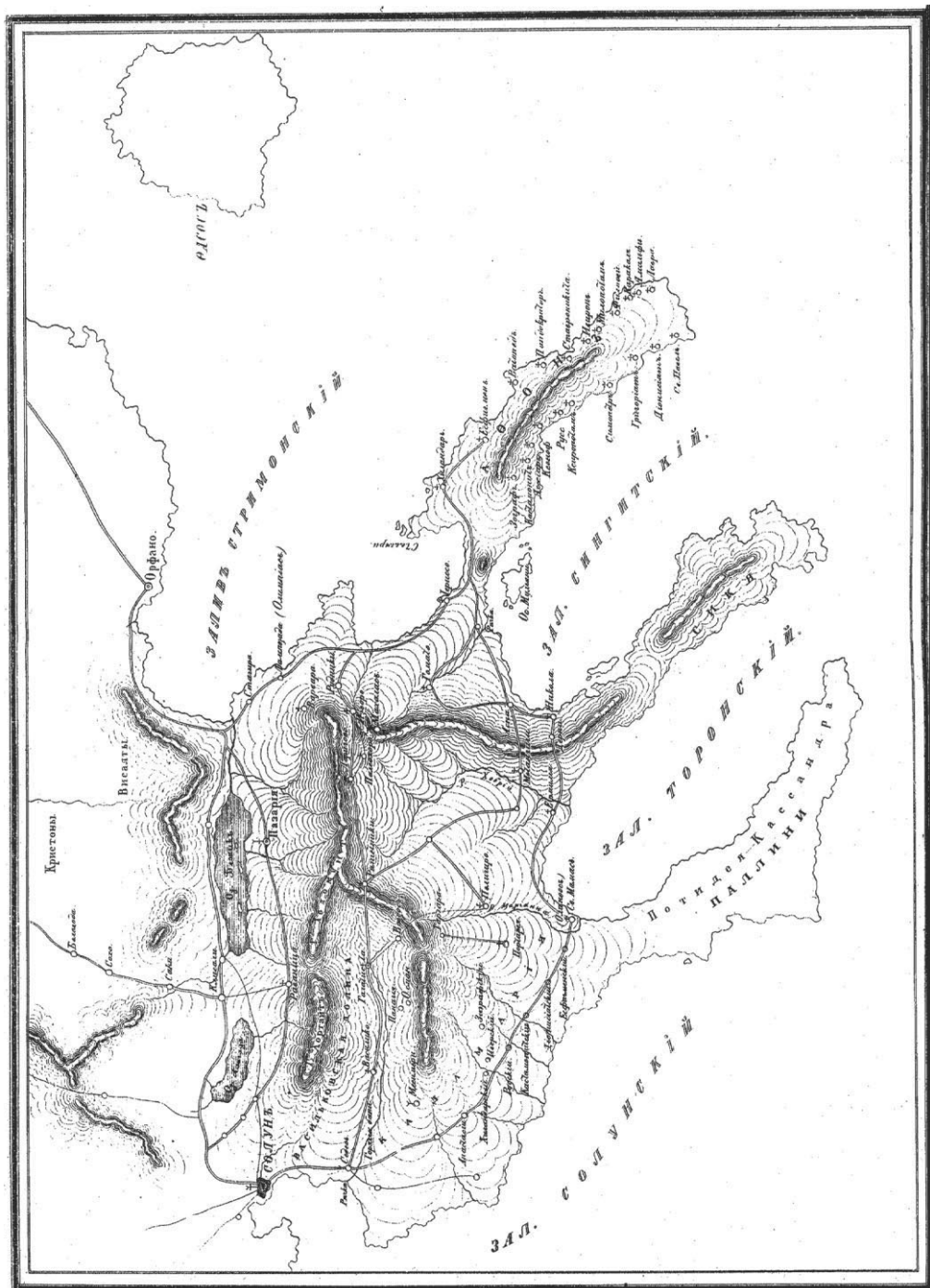
Νὰ κιάσερε τὸν ἔριφο
 τσ' ὄρα νὰ μὴν κατσάρε.

* Ἀποτεῖνται πρὸς τὸν Κ. ἀνεψιὸν του

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АФОН ХРИСТИАНСКИЙ,
МИРСКОЙ

АФОН ХРИСТИАНСКИЙ, МИРСКОЙ

Предания о начале христианства на Афоне
Судьба Св. Горы с 309 года по 676-й
Оправдания истории Афона мирского

Предание достопочтенно.
Но умеете понять и пересказать его.

Еп. Порфирий

I. МОНАШЕСКИЕ УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ПРЕДАНИЯ О НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСТВА И МОНАСТЫРЕЙ НА АФОНЕ И СУЖДЕНИЯ О НИХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**Предания о пришествии
Богоматери на Афон
и о проповеди апостола Павла
в тамошнем городе Аполлонии.
Суждение об этих преданиях**

§ 1. О необходимости проверки церковных преданий

Мы уже знаем, что на Афоне нет ни одного памятника, ни металлического, ни каменного, ни нарезного на скалах,

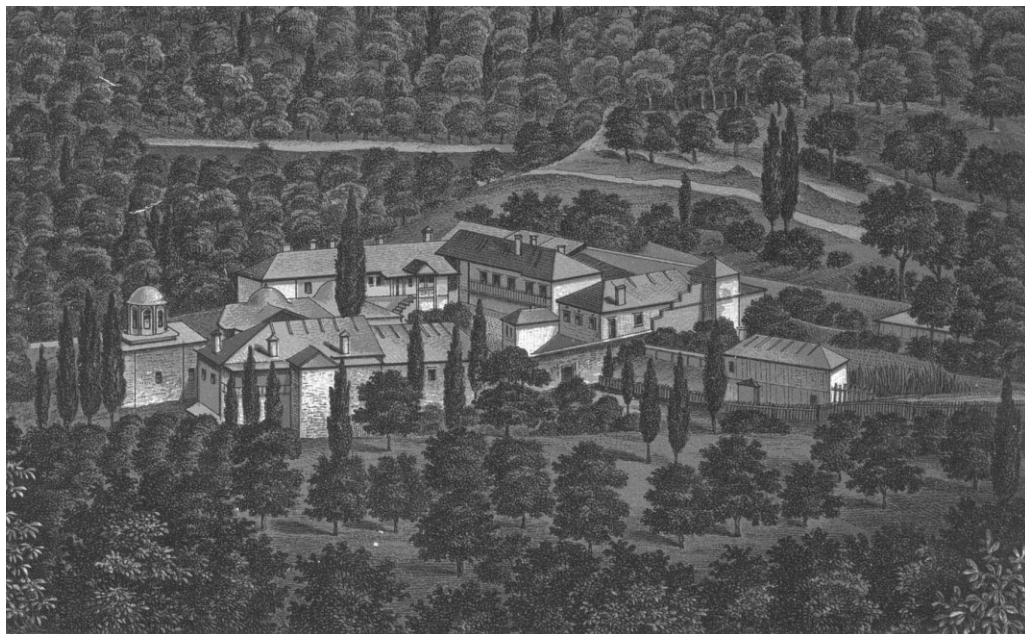
который свидетельствовал бы о существовании там христианства в первые три века, протекавшие после Рождества Христова; знаем и то, что на этой горе еще в 321 году христианском идолопоклонник Герман Иракл изготовил себе каменную гробницу. Но ни эта языческая гробница, ни отсутствие христианских памятников рукотворенных еще не дают нам повода заключать, что ранее или после 321 года не было христиан на Афоне. Первые памятники их

могло истребить всеразрушающее время; а может статься, они и существуют там в подземельных усыпальницах искусственных, например, подле города Ерисса, но пока никем не открыты; что же касается гробницы Германа, то она доказывает только то, что в 321 году были язычники •[ш 2]• на Афоне? но тогда же могли быть там и христиане, потому что в это время имя Христово прославлялось во всей Македонии и в столице ее Фессалонике, с которою Афон, по своей близости к ней, имел постоянные сношения торговые и судебные. Притом не одни рукотворные памятники свидетельствуют о былом: свидетельствуют о нем и предания живого народа, устные и письменные. Есть ли же хоть одно такое предание о начале христианства на Афоне?

Есть, да и не одно. Афонские монахи повторяют несколько старинных преданий о начале его и показывают книги и тетради, в которых они записаны. Но достоверны ли эти предания? Подтверждаются ли непрерывною преемственностью жителей Афона и тамошними дееписаниями, как-то: царскими и патриаршими грамотами, судебными делами и четь-минеями сказаниями? Не противоречат ли им? Не выдуманы ли намеренно? Не основаны ли на сновидениях, принятых за откровения свыше, что иногда бывает у монахов? Не искажены ли? Не должны ли быть понимаемы в переносном смысле? Оправдываются ли византийскими исто-

риками? Не отвергаются ли здравомыслящими и учеными афонитами как выдумки, сочиненные для корыстного поддержания Афона и для прославления некоторых монастырей там, будто бы современных Константину Великому и даже апостолам и Богоматери? А книги, в которых записаны оные предания, не содержат ли в себе пустые толки простодушных монахов? Да и древни ли эти книги? И есть ли в них ссылки на подлинные древнейшие дееписания, которых весьма много в монастырях Афонских?

Вот вопросы, которые надобно решать при обсуждении всех тамошних преданий, решать основательно и добросовестно! Без решения их повествование о начале христианства на Афоне не возбудит в умных людях ни внимания, ни доверия к историку и будет причислено к разряду тех повестей, кои выдумывает *fraus pia* — благочестивая ложь иезуита. А меня и всех нас да избавит Бог от иезуитства! Мне сколько приятно •[ш 3]• говорить умам правду, столько горько вводить в заблуждение людей простых, которые верят всякой печатной книге, не имея ни времени, ни возможности поверять нашу братью книжную. Притом, чем досточтимее Афон христианский, тем правдивее должно быть сказание о нем. Посему я пересматриваю и обсуживаю все тамошние предания о начале христианства с неумолимою строгостью, руководствуясь правилами исторической критики.

Скит Пресвятой Богородицы.

§ 2. О пришествии Богоматери на Афон

От многих мирян и монахов слышал я и в нескольких не древних книгах, греческих, славянских и русских, читал я, что на Афоне была Пресвятая Дева Мария и тамошним жителям возвестила, что она есть Мать рожденного Ею Христа Бога. Но может ли быть доказана глубокая древность этого предания? И верно ли оно? Откроем следы его и, узнав, когда и где оно началось и от кого вышло в первый раз, поверим его мнениями здравомыслящих афонитов, подлинными дееписаниями и четьминеями сказаниями афонскими же и церковною историей.

Иностранцы неправославного вероисповедания, писавшие об Афоне, как — то: Гейнекций (1711 г.), Рико (1698 г.),

Беллон (1555 г.), Христофор Бондельмонтский Флорентинец (1422 г.) ни слова не передали о пришествии туда Богоматери, вероятно, потому, что не слышали о нем от монашествующих греков. Не упомянули об этом и греки в своих описаниях этой горы, ни игумен Есфигменова монастыря Феодорит (1805 г.), ни врач Иоанн Комнин (1701 г.), ни Никейский митрополит Порфирий, святительствовавший около 1642 года, ни ученый святогорец Никодим, сочинивший Службу всем святым Афонским († 1809 г.). Из русских же паломников-писателей, посетивших Афон, — не говорю о новейших, — отец Василий Барский (1744 г.) поместил в своих путевых записках народный говор о •|| 4|| том, что Богоматерь была на Афоне, но сам же и осудил его. Вот суждение

сего набожного паломника. «По воплощении Господа нашего Иисуса Христа и по славном Его на небеса вознесении, егда святые Его апостолы разделиша по жребию вся концы земли к проповеданию святыя православныя веры, метну жребий и Пресвятая Дева Богородица, и дадеся Ей в жребий и в наследие гора Афонская, о чем свидетельствует книга Пролог печати Печерской, месяца августа, в житии Пресвятыя Богородицы. Аще убо приплы когда в житии своем Дева Богородица в Афон, о сем в книгах греческих достоверных написано не обретох, а яже повествуют общенародно, мню, яко не прилично веровати простому множеству; ибо кроме Иерусалима, Галилеи и Египта, нигде инде не странствовалаше, но молитвами и благодатьми ея благословися и населением богоугодных мужей Свята Гора наречесе и во вся концы земли прославися». Такое суждение Барского не было уважено у нас. После него наши паломники повторяли непризнанную им народную молву, повторяли так же усердно, как усердно повторялась она до него, при нашем патриархе Никоне, во время святительства которого даже напечатано было в 1659 году *Сказание преподобного Стефана святогорца о Святой Горе Афонстей, и како бысть в жребий Богородицы*; напечатано же в книге «Рай мысленный» в типографии Валдайского Иверского монастыря, основанного Никоном. Так как это Сказание, одобренное сим патриархом и известное на самом Афоне, есть первый, близкий к нам, письменный-печатный

памятник, увековечивший народно-монашескую молву о пришествии Богоматери на Афон, то я считаю нужным рассмотреть его всесторонне.

СКАЗАНИЕ О СЯТЕЙ ГОРЕ АФОНСТЕЙ,
КАКО БЫСТЬ В ЖРЕБИЙ ПРЕСЯТЕЙ
ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ,
И КАКО СЯТАЯ ГОРА НАРЕЧЕСЕ
И В ПЕРИВОЛ (САД) ЕЕ И ПРОЧ.
СПИСАНО БОЖЕСТВЕННЫМ
СТЕФАНОМ*. •[III 5]•

Передаю это сказание русского речью, а подлинник его помещаю в Оправданиях сей истории под № 1.

После предисловия, в котором иноки призываются к разным подвигам духовным, божественный Стефан святогорец поведал:

«По вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небеса ученики его пребывали на Сионе вместе с Мариею, матерью Иисуса, ожидая Утешителя,

* А помещено в конце рукописного сборника Слов святых отец, на церковнославянском языке. Этот Сборник я видел и читал в Афоно-Сербском монастыре св. Павла. На последней странице его приписано, что его пожертвовал сему монастырю духовник Роман неизвестно когда, а свидетельствовал Иов, иеромонах патриарший, в 15-й день сентября месяца 1704 года. Весь этот Сборник переписан был сербом, ибо везде в нем вместо болгарской буквы Я поставлена сербская ІА, юсов вовсе нет, йотированное ІЕ встречается часто. NB. Нестерпимость болгарских букв Ж и Я выражена сербами на заглавном листе книги Триодион, напечатанной ими в 1649 году: «Тріодіонъ, сієсть Трипѣснецъ, отъ двою пиѣмѣну сею, Ж Я, по обычаю и благоволному раченію сербскаго народа, опасно изчищенный».

по обетованию Христа, Который повелел им не отлучаться из Иерусалима, но ждать обещанного от Отца (см. Деян. 1. 4). Между тем они бросили жребии, дабы узнать, какая страна земли достанется каждому ученику для проповедания Евангелия Божия; а жребий вынимала Мать Иисусова. Вскоре после сего Пречистая сказала ученикам: и я с вами хочу метнуть мой жребий, да не останусь без удела, но получу ту землю, которую даст мне Бог. Они же благоговейно и со страхом метнули жребий по слову Божией Матери; и вот досталась Ей Иверская земля. С радостью Она приняла сей жребий и хотела пойти туда. Но ангел Божий сказал Ей: не отлучайся из Иерусалима; выпавший Тебе жребий (Грузия) просветится в последние дни (гораздо позже) во имя Твое, а теперь предстоит Тебе малый труд пойти в другую землю, которую укажет Тебе Бог. Сказав это, ангел отошел от Нее.

В то время Лазарь Четверодневный жил на острове Кипре, потому что боялся иерусалимских иудеев. Там рукоположил его во святителя апостол Варнава. Сей Лазарь сердечно •[III 6]• желал видеть Пресвятую Марию, но, как мы сказали, боялся пойти в Иерусалим, дабы не испытать томления от иудеев. Мать же Божия знала это и написала к нему утешительное письмо, в котором просила его прислать за нею корабль из Кипра, а сам бы он не ездил, присовокупив, что Ей прилично поступить так по смирению. Прочитав письмо Ее, Четверодневный весьма удивился тако-

му смирению и тотчас с великою радостью послал к Ней корабль и письмо. Увидев усердие его, Пречистая Мария решила отправиться к нему с возлюбленным учеником Христовым и девственником Иоанном. Оба сели в корабль и поплыли к Кипру. Но внезапно подул противный ветер и примчал корабль в пристань Афонской горы: сие-то малое затруднение и предсказано было ангелом Пречистой Богородице.

Гора же эта вся была наполнена идолами. Там находилось капище и святилище Аполлона. Ибо гадания и ворожбы и иные многие бесования совершались тут. Место сие, весьма вожащенное, было обще всем еллинам. Отовсюду они приходили туда на поклонение, и каждый получал ответ от прорицателей, о чем бы ни спросил их по своему желанию. Но вдруг все тамошние идолы заговорили громко: «Сойдите все люди, прельщенные суетным Аполлоном, в пристань Климентову и примите Марию, Мать великого Бога Иисуса». Народ, услышав это, удивился и по гласу идолов сошел на берег моря. Все тут увидели корабль и, взяв из него Мать Божию, отнесли Ее на сборное место и спросили, как родила Она Бога и какого по имени. Тогда Блаженная отверзла уста свои и благовествовала людям всё; и все пали и поклонились родившемуся от Нее Богу, уверовали в Него и крестились. Ибо тут сотворены были Богоматерью и чудеса многие. Она поставила всем им учителя и наставника Климента и, возрадовавшись духом,

сказала: «Вот мой жребий от Сына и Бога моего». Потом благословила людей и опять сказала: «Благодать Божия пребудет на этом месте и на живущих тут с верою и страхом по заповедям •[П 7]• Сына моего; всего будет у них довольно при малом попечении, и жизнь небесную они получают, и не оскудеет милость Сына моего от места сего до скончания века, а я буду теплая ходатаица пред Сыном моим о месте сем и о живущих на нем». Сказав это, она благословила всех и, вошедши в корабль с вышепереченным Иоанном и с другими, отплыла в Кипр, где и застала Лазаря в великой скорби: ибо он полагал, что с Нею случилось нечто в море, а о милости Божией к Афону не ведал. Но Матерь Божия тотчас обратила скорбь его в радость и принесла ему в дар омофор и поручи своего рукоделия; потом поведала ему все, что было в Иерусалиме и на горе Афонской и, возблагодарив Бога за все, отплыла обратно и пришла в Иерусалим, где скоро и преставилась ко Господу Пресвятая Богородица Мария».

Всякий здравомыслящий христианин, прочитав это сказание, поймет, что оно написано под влиянием воображения, которому все возможно: возможно и ветры на море направлять куда угодно, и каменных идолов заставить обзывать Аполлона суетным и клич кликать людям, и Богоматерь послать на Афон из Иерусалима, из которого Она, по свидетельству достоверных писателей, никогда никуда не отлучалась по вознесении Господнем до самой

кончины Своей. Но так как подобные сказания многими принимаются за истинные без всякой поверки их и поддерживают ложь, нетерпимую в христианской Церкви, любящей истину, то нам, священнослужителям ее, надлежит давать верное понятие о таких сказаниях, о сочинителях их и о времени и месте первого появления их, дабы впредь благочестивая ложь не примешалась к святой истине. И вот я с усердием приступаю к совестному разбору вышеизложенного сказания.

Оно списано божественным Стефаном. Списано, т. е. передано письменно на том наречии, каким говорил этот святогорец, но не переписано с другой славянской книги и не сочинено •[П 8]• им, ибо он, как сейчас узнаем, имел под руками подлинник греческий, который и передал по-славянски.

Приданное ему проименование, божественный, выражает либо духовную жизнь его, либо дар витийствовать о божественных предметах, либо то и другое. Впрочем, оно в рукописи Афоно-Зографской, переписанной в 1785 году с русской печатной книги «Рай мысленный», заменено словом *преподобный*.

Реченный Стефан был болгарин. Это доказывают следующие слова его в Сказании, где он под апокалипсическою женою, убежавшею в пустыню, разумел христианскую Церковь, существующую на Афоне: «Многие святые изрекли, что оной жене Бог уготовал место в Афонской пустыне; и она действительно там находится. Ей даны два крыла великаго орла, да летает в сей

пустыне, то есть Церкви даны там два писания, греческо и *болгарско*, благо-словити и славити Единого Бога»⁽²⁾. (Однако там славословили и прославляют Его грузины, молдаво-валахи, сербы, россы, каждый своим языком).

Болгарин Стефан жил и писал на Афоне после взятия Константинополя турками в 1453 году. В этом уверится всякий, кто только прочтет следующие толкования его в Сказании: «Снимем сапог подобно Моисею, да ясно увидим огненное чудо и услышим глас: Аз есмь Бог Авраамов и Бог Исааков и Бог Иаковль. Посетим братию нашу, находящуюся в томлении *от второго Фараона*... и в горе пребудем, да победим Амалика». «И помогла земля жене. *То есть царство агарянское хотя и нечестиво, но помогло Божией Церкви*. И отверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую змий пустил на жену, то есть *агаряне попрали царство града Константинова*.»⁽³⁾ Сии последние слова дают разуместь ясно, что помянутый второй Фараон есть Султан турецкий и что греческое царство уже не существовало тогда, когда болгарин Стефан писал Сказание об Афоне, пользовавшемся в его дни *помощью* Турции. Итак, этот святогорец жил не очень давно, а описывал •ΠΙΘ• такое событие, которое, (будто бы) совершилось за 15 веков до него. Надобно ли верить ему?

Не должно. Ибо он не сказал нам, откуда или от кого заимствовал свою повесть, и тем подорвал доверие к себе. Надлежало бы ему указать местность той пристани, в которой остановилась

Богоматерь и которую идола называли Климентовою, а он не указал ее и оставил читателя в полном недоумении касательно этой пристани, так что не знаешь, где искать ее на Афоне: у города ли Ерисса, или у Ксиропотама, или у Ватопеда, или у Иверской обители, на месте которой, как видно из афонских актов, стоял монастырь Климента в девятом-десятом веке. Афонский город, в котором Богоматерь (будто бы) благовествовала спасение, не поименован. Кто такой был Климент, житель ли Афона или пришлец из Иерусалима, это не сказано. Богоматерь с радостью приняла выпавший Ей жребий и хотела идти в Грузию, покоряясь воле Божией, но является Ей ангел и возвещает иное повеление Бога. Она приходит на Афон и изрекает благословения мирским жителям этой горы, а блага, обещанные Ею, получают монахи. Все это сбивчиво, диковинно и ничем не доказано.

Но да будет известно, что не Стефан вымыслил сказание о пришествии Богоматери на Афон: нет, оно написано было на новогреческом языке прежде его. Этот святогорец только перевел его на славяно-болгарский язык, удержав обороты речи подлинника и греческие слова (*периволи* — сад, *манитары* — гриб, *скала* — пристань) и без нужды заменив грамматические члены ѿ, ѡ, τῷ, τῇ местоимениями *иже, еже, яже*.

Новогреческий подлинник Сказания, о котором идет речь, я видел в Лавре св. Афанасия, в Ватопеде и Ивере, а

умный и ученый святогорец Филофеит читал его в той же Лавре и в своем критическом рассуждении об Афоне отозвался о нем так: «это драма, искусно написанная каким-то сербом, который едва умел различать восемь частей еллинской речи; ибо он кое-где оставил славянские слова в той •[ш 10]• книге, которую я видел в Лавре»⁽⁴⁾. Что мне сказать после такого отзыва? Святая правда и справедливая наука велят мне присовокупить, что эта драма есть сколок с подлинника, написанного по-еллински весьма витиевато и насильно вставленного в житие преподобного Петра Афонского, которое сочинено было монахом Николаем по приказанию духовного отца его⁽⁵⁾. Этот еллинский подлинник, переданный сперва каким-то сербом по-новогречески, потом Стефаном по-славяноболгарски, есть источник, из которого вышли эти два ручья и дотекли до нашего Иверо-Валдайского монастыря. Итак, его-то и надобно разложить, как родниковую воду, дабы знать, чиста ли она или мутна и когда и как появилась. Приступаю к сей работе, изложив предварительно, что сказал о сем предмете вышепомянутый Филофеит.

Этот святогорец в своем критическом рассуждении об Афоне похвалил монаха Николая за витиеватость, а его сказание о пришествии Богородицы на Афон отринул как вымысел или как невольную вставку. Вот слова его. «У этого Николая перо художно, но нет здравого суждения или поневоле,

или намеренно. Ибо сие сочинение его (Житие Петра Афонского) так беспорядочно и заключает в себе такие анахронизмы, что кажется явною выдумкою... Может быть, он думал, как и теперь думают и говорят, что Богородица прибыла в пристань Климента и что находившийся при ней Климент построил тут *во имя Ее* монастырь, который *по имени его* прозван был Климентовым. Но описатель такой глубокой древности возвестил, что истуканы говорили идолопоклонникам: *идите в пристань Климента*. Значит, сие место было известно им под этим названием еще до пришествия туда Климента и Богородицы. Как же оно, именовавшееся так прежде их, прозвано было Климентовым по имени сего Климента? Такие странные идеи, как сдается, отдалили от истины сочинителя жития преподобного Петра, так что он или намеренно, или *быв обманут*, написал несогласимые диковины. •[ш 11]• Он говорит, что когда два монаха и с ними один ловчий похитили мощи сего Петра из храма Пресвятой Богородицы, тогда и он находился в Климентовой обители, которую называет τὰ Κλήμεντος. Но если бы тот, кто перевел сочинение его на простой (новогреческий) язык, не написал, что τὰ Κλήμεντος есть монастырь Иверский, то осталось бы неизвестным, где стояла обитель τὰ Κλήμεντος. А если этот Николай постоянно пишет τὰ Κλήμεντος, то этим желает доказать, что Богородица действительно приходила

на Афонскую гору, когда еще была жива^{*}. Итак, ничего здравомысленного не находим мы в описании жития Петра Афонского»⁽⁶⁾.

Жалею, что Филофеит не сказал, древне ли и исправно ли то рукописное Житие Петра, которое было у него под руками. Ежели оно ново и неисправно, то и суждение его не веско. Жалею и о том, что он не потрудился определить время жизни монаха Николая и не разъяснил, как в обители Климента, она же и Иверская, могло появиться сказание о небывалом пришествии Богоматери на Афон. Эти недостатки весьма ощутительны. Но можно ли восполнить их? Попытаемся.

В библиотеке Афоно-Ватопедского монастыря я видел сборник поучений и житий святых, кои читались в церкви в праздничные дни, переписанные на бумаге в лист монахом Григорием в мае месяце 1422 года и, нашедши тут под 12 числом июня Житие преподобного отца нашего Петра Афонского, списал оное почти все: сокращены мною только те рассказы об этом подвижнике, которые читаются во всех Четь-Минях. Это Житие, как намечено на нем, написано смиренным Николаем, очевидцем взятия чудотворных мощей Петра Афонского из храма Всепетой Богородицы, и написано по-еллински

^{*} Не соглашаюсь с этим мнением Филофеита. Николай писал τὰ Κλήμεντος вместо Κλήμεντος, как Димосфен писал τὰ τῶν Ἑλλήνων вместо Ἑλληνες. В составленном им житии Петра встречается выражение τὰ τῶν θαυμάτων вместо θαύματα.

хорошим ораторским слогом. Филофеит справедливо сказал, что у этого Николая перо художное. Ватопедская рукопись сходна •[II 12]• с филофеитскою во многом, даже и в том, что в ней Климентова обитель пишется τὰ Κλήμεντος; однако есть и разница между ними, и разница большая. В рукописи 1422 года, во-первых, сказано, что Николай писал Житие Петра Афонского по *заповеди отеческой, πατρικῇ πεισθεὶς ἐντολῇ*, а не по приказанию духовного старца его; во-вторых, нет и помину о пришествии Богоматери на Афон, и только поведано, что Она с Николаем чудотворцем *явилась* Петру и повелела ему идти на эту гору, сказав ему: «*придет время, когда Афон наполнится монахами ото края до края*»; в-третьих, о Клименте, строителе обители τὰ Κλήμεντος, и о создании ее во дни Богоматери нет ни слова; напротив, видно, что эта обитель возникла во время пятидесятитрехлетних подвигов Петра на Афоне (681–734 гг.) и в свою церковь приняла нетленные мощи его; в-четвертых, о взятии сих мощей рассказано так, что оно случилось не в этой обители, а в храме Всепетой Богородицы, в том самом, в котором Афонские монахи во дни писателя Николая, по обычаю, все собирались ежегодно, — следовательно, в Карейском. Итак, или Ватопедская рукопись о Петре Афонском сокращена и немного переименована, а Филофеитова полна и исправна, или та перебелена с списка подлинного и исправного, а эта искажена прибавкой о пришествии Богоматери на

Афон и о постройке Климентовой обители во дни Ее. Которой же из них надобно отдать преимущество? Нельзя решить этот вопрос без подлинной рукописи монаха Николая, едва ли уцелевшей на Афоне, или, по крайней мере, без рукописей, более древних, чем Ватопедская. Но пока они отыщутся, постараемся разгадать, на которой стороне правда. Ватопедское сказание о Петре Афонском, перебеленное в 1422 году с рукописи, старшей сего года, читалось в церкви для назидания монахов. Хотя оно изложено с риторическими прикрасами для большей впечатлительности и хотя в нем заметно намерение монаха Николая возвысить житие пустынных и беднейших безмолвников пред житием иноков общезнательных и всем довольных, •[II 13]• по крайней мере, в нем нет ничего диковинного, нет анахронизмов, нет и умысла придать Климентовой обители древность, современную Богоматери. Посему оно несравненно лучше того *безлетного* Сказания, которое критиковал Филофеит и в котором повесть о пришествии Богоматери на Афон и о постройке там обители во имя Ее и во дни Ее никак не ладит с прямым объявлением монаха Николая, что он пишет житие преподобного Петра, а не историю сей обители. Правда, первое Сказание пока одиноко, а на стороне второго стоят переводы его — новогреческий, болгарский, сербский и русский, напечатанный в нашем Валдайском монастыре; но большинство списков второго Сказания с переводами его

доказывает мне, знакомому с историей Афона, доказывает только ревнивое усилие некоторых святогорцев отличить Климентову обитель, она же и Иверская, пред всеми прочими монастырями там и разгласить глубочайшую древность ее посредством сочинения. Чье же это усилие? И когда и почему оно проявилось?

Не может быть, чтобы монах Николай сочинил повесть о пришествии Богоматери на Афон с каким-то Климентом и вставил ее в житие Петра Афонского. Это житие, как видно из рукописей Ватопедской и Филофеитовой, было написано им после прославления святых мощей сего угодника Божия и даже после взятия их с Афона. А они прославлены были во время творца канонов, преподобного Иосифа, который сочинил и канон по этому случаю, упомянув в нем, что мощи Петра, скрывавшиеся *в течение многих лет*, явились *во дни его* и служили украшением иноков Афонских*, и сочинил его, как узнаем после, пред кончиною своею; скончался же он в 883 году, когда на Афоне было уже много иноков; следовательно, монах Николай писал житие прославленного Петра позже этого года. А так как явленные мощи сего угодника Божия, по сказанию Николая, находились несколько времени в обители •[II 14]• Климента, а потом перенесены были в соборный храм всех Афон-

* Песнь 5: «Леты многими скрываемо тело твое, в просвещение наше явися». Песнь 9: «Явися богомудре иноком украшение».

ских монахов, да и тут немалое время служили предметом почитания их и даже окрестных мирян и, наконец, были увезены во Фракию, где чудодействовали так же, как и на Афоне, чему очевидцем был оный Николай*, — то и оказывается, что сей очевидец изложил все эти события *гораздо* позже 883 года. Когда же? Я полагаю, что он изложил их в начале преобразования Афона св. Афанасием, численно сказать — после 971 года, и полагаю так, приняв в соображение следующие данные. Афонские подлинные деписания гласят, что на Афоне, во второй и третий раз опустошенном арабами в 830 и 866 годах**, начали селиться монахи при царе Василии Македонском, с 870 года и что эти монахи с той поры, до постройки Лавры, Ватопеда и других больших монастырей, все жили в россыпь в пещерах, избушках и *маленьких* обителях, но не в больших киновиальных монастырях, которых и не было, жили как исихасты, т. е. безмолвники, отшельники, жили трудами рук своих в величайшей бедности, по душевному обету своему; а управление их находилось в тамошней Карее, где был и маленький соборный храм во имя Богоматери. Такой образ жизни их, под начальством прота, исихаста же, одобрен был царями Василием, Львом Мудрым и ближайшими преемниками их. Эти исихасты утешены были нечаянным

открытием мощей св. безмолвника и пещерника Петра (в 877–880 гг.). Знакомый им песнотворец Иосиф написал для них и Службу сему угоднику Божию около 880 года. Но вдруг их старые порядки и обычаи начали нарушаться. Сперва прибыли к ним грузины и, обновив древний монастырек свой, называемый Ἀθω, приобрели себе *имения* вне Афона в 958 году, *в противность уставу исихастов*, не позволявшему монахам приобретать недвижимые имения и всякую собственность, а потом в 963/4 году монах •Π 151• Афанасий, друг царя Никифора Фоки, начал строить большую Лавру, разводить виноградники, делать водопроводы и проч. К нему собрались 3000 монахов из разных стран, даже из нижней Италии, с явным намерением устроить большие общежительные монастыри. Все это взволновало старых исихастов и прота их так, что они в 970 году просили царя Иоанна Цимисхия срыть Лавру Афанасия и выслать его с Афона*. В начале этого волнения, когда друг Афанасия Лев магистр перестраивал соборный храм в Карее за свой счет (962–64 гг.), увезены были с сей горы мощи преподобного Петра горячими исихастами, дабы эта святыня не досталась новым великосановным пришельцам, которые, пользуясь милостями греческих царей, могли захватить в свои руки и власть протасихаста. В числе этих ревнителей некиновиального жития безмолвников

* Τοῦτων αὐτίκοος καὶ αὐτόπτης ὁ ταπεινὸς ἐγὼ γεγρονῶς Νικόλαος ἔσπευσα... ἐκθέσθαι.

** В первый раз он запустел пред 676 годом.

* О всем вышеизложенном подробно говорится в третьей части моей истории Афона.

находился и монах Николай. Он отправился с Афона с мощами Петра и нехотя передал их Фотокомисскому епископу в Фракии, где видел и чудотворения от них; следовательно, провел там немалое время. Оттуда или прот Афона, или сердечная любовь к пустынножителюству на этой горе, или тот и эта куп-возвратили его на прежнее место. Здесь он видел значительные постройки Лавры Афанасия, монастыря Ватопедского, обители Итало-Амалфитанской, видел великосановных друзей Афанасия, именно Иоанна Ивира из царского рода и князя Беневентского, строителя Римского монастыря на Афоне, видел волнение исихастов и их посольство к царю Иоанну Цимисхию с жалобою на затеи Афанасия (970 г.), видел умиротворение Афона после введения устава сего государя (971 г.) и прежнее преобладание исихастов в протатском управлении и, по заповеди этих строгих отшельников, написал Житие преподобного Петра Афонского, угодившего Богу не в роскошной Лавре, но в убогой пещере, сподобившегося явления Богоматери и прославленного чудотворениями, написал весьма кстати в •[III 16]• такое время, когда хотелось поддержать старые порядки исихастов и во многих усилить ревность к душевному спасению в уединении, в безмолвии, вдали от богатых и шумных монастырей. Такое повествование мое вполне оправдывается, во-первых, замечанием монаха Николая, что во дни его Афон, по предсказанию Богоматери Петру, был наполнен ино-

ками*, а наполнился он в десятом веке; во-вторых, заключением Жития сего угодника Божия. Передаю сие заключение. «Выслушав это (житие Петра), братия и отцы, запечатлеем в душах наших безмятежное и почти бесплотное и бестелесное житие предшествовавших нам отцов и *восплачем и возрыдаем, видя нынешнюю суетность и склонность ко всякому удобству жизни.* Ибо оные отцы, однажды отрекшись от мира, уже не занимались мирскими суетными хлопотами, не одевались в мягкие одежды, не требовали телесного покоя и не желали стяжаний имений, расширений построек, а искали благовонного мира** духовного, которое есть Христос, живот и свет». Прочитав сие заключение, невольно полагаешь, что оный Николай написал Житие Петра Афонского после 971 года, когда Афон, успокоенный уставом царя Цимисхия, преобразовался и широко обстраивался по предназначениям Афанасия, Иоанна Ивира и князя Беневента, и когда исихасты удерживали власть свою в Протате лишь по милости и благодарному снисхождению этих преобразователей, предвидевших и постепенно подготовлявших исполнение своего намерения сделать Афон *многонарод-*

* Η τῆς Θεοτόκου πρόόρσις ἤδη προβαίνειν ἤρξατο. Καὶ τὸ δὴ λεγόμενον, ἀπὸ σταγόνης ὕδατος, τῆς τῶν κατοικοῦντων δῆλον ὅτι ὀλιγότητος εἰς πέλαγος αὐξηθῆναι ἄπειρον τὰ ἐνταῦθα καὶ πλατυσμοὶν καὶ πλῆθος τὸ νυνὶ φαινόμενον ἢ τῶν καλῶν συνέργος ὠκονόμησε πρόνοια.

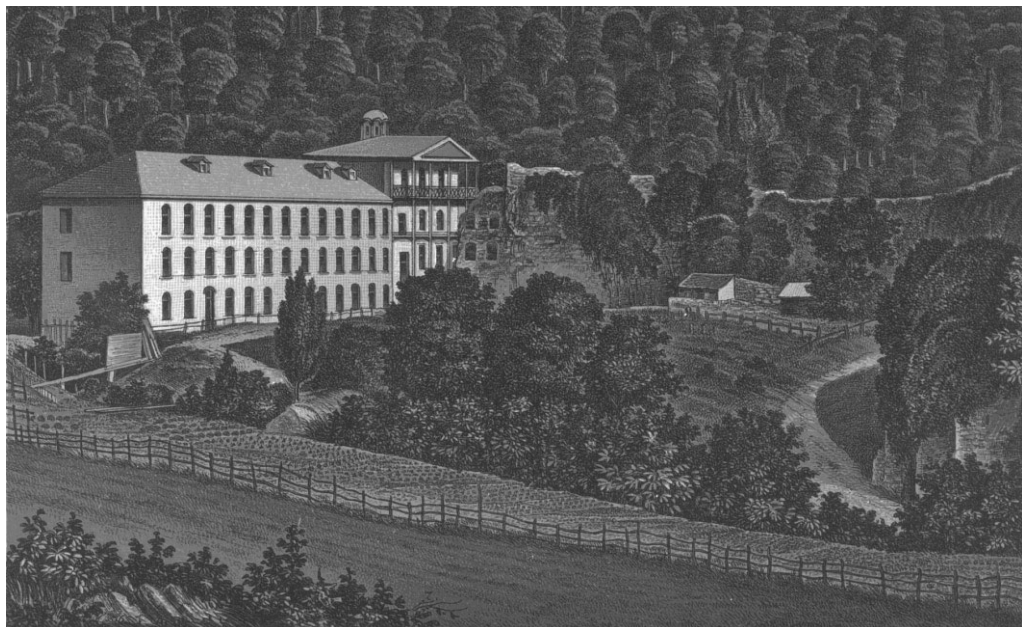
** Намек на мир, истекшее из мощей Петра Афонского.

ным местом *разнообразного* жития монашеского. А ежели в это переходное время Афона написано сказанное Житие, то помещенная в нем повесть о пришествии Богоматери на эту гору и о постройке Климентовой обители во дни ее никак не может быть усвоена сочинителю сего Жития. Она тут совершенно неуместна. Если бы написал •[III 17]• ее этот Николай, то он противоречил бы сам себе, оплакивая склонность монашествующих современников своих к удобствам жизни в снабженных всяким добром монастырях и в то же время оправдывая устройство таких монастырей примером Климента, (будто бы) сотрудника Богоматери и первого игумена среди мирских жителей Афона, и обещаниями Ее *всяких благ* насельникам сей горы. Посему эту повесть, *которой вовсе нет в вышепомянутой Ватопедской рукописи 1422 года*, надобно считать позднею вставкою какого-то святогорца, подделавшегося под слог монаха Николая. В какое же время появилась она и почему?

Не сочинили ли ее афонские грузины, считавшие свою Иверию уделом Богоматери, и не тогда ли сочинили, когда обитель Климента с церковью Иоанна Предтечи отдана была им по царскому указу в 980 году? Не думаю. Эту обитель тогда приняли и вскоре расширили постройками и обеспечили многими угождениями грузины, Иоанн, Евфимий и Георгий, мужи преподобные (980–

1044 гг.) Как же бы они решились сочинить и вставить оную повесть в такое Житие, в заключении которого восхвалена нищета безмолвников и не одобрено приобретение имений для монахов и расширение монастырских зданий? Это было бы слишком простовато. А Евфимий, родной сын Иоанна Ивира, воспитанный при византийском дворе и писавший стихи на еллинском языке, не был такой простец, чтобы против отца своего и против себя мог сплетать небывалое с былым, строить большой и удобный монастырь — и в то же время читать монахам Житие Петра Афонского, в котором осуждается такая постройка как суета. Положим, что помянутые грузины говаривали грекам-святогорцам, как Богоматери выпал жребий проповедовать Евангелие в Иверской стране их. Но с какой стати пришло бы им в голову писать против себя, что проявившаяся в этом жребии воля Божия тотчас отменена была •[III 18]• самим же Богом, который послал к Богородице ангела возвестить Ей, чтобы она вместо Иверии шла на Афон. С какой стати им нужно было провозглашать глубочайшую древность Климентовой обители, построенной греками, и таким образом выставлять их историческое право на владение ею, и выставлять в такое время, когда они сами только что поселились в ней! Эта обитель передана была грузинам по указу царя Василия Порфирородного, когда исихасты уже усмирены были Иоанном Цимисхием. А такая передача, законная, неотъемлемая, потверже

* Смотри у меня этот указ в актах Афоно-Иверского монастыря.

Нагорный Руссик.

всякого исторического права. Посему не было и надобности подкреплять ее другими доказательствами, и особенно таким сказанием о Богоматери и о упомянутой обители, которое скорее ослабляло их право на владение ею, чем утверждало оное. Итак, это сказание появилось не в 980 году, и не грузины сочинили его.

Сочинили его греческие монахи, завладевшие грузинским монастырем на Афоне, и сочинили не тогда, когда Константинопольский патриарх Каллист I (1350–1362 гг.) синодальною грамотою предоставил им первенство и хозяйство в этом монастыре*, потому

что при такой законной передаче его они не нуждались в старинных преданиях для подкрепления своего права на оседлость в нем: нет, оное сочинение их появилось и распространилось гораздо позже, в такое время, когда все афонские монахи волей-неволей начали прославлять свои удельные монастыри и приписывать им небывалую древность по причине соперничества друг пред другом. Определяю это время. В 1568 году султан Селим отнял у всех этих монастырей принадлежавшие им имения в царстве его*. С сей поры они начали посылать в православный мир так называемых *таксидиаров*, то есть сборщиков милостыни,

* Acta patriarchatus Constantinopolitani. [Ed. F. Miklosich et J. Müller. Vindobonae, 1860]. Т. 1. Р. 375.

* Смотри оправдания истории Афоно-Дохитарского монастыря.

а эти сборщики приводили с собою на Афон толпы поклонников, как это делается и в наши дни. Каждый монастырь принимал их с •[II 19]• колокольным звоном, угощал как можно лучше, показывал им свои святыни, прославлял своих древних ктиторов и приглашал зажиточных богомольцев быть новыми ктиторами в тяжкие годы Афона. Но знаменитая Лавра Афонская, эта мать всех тамошних обителей, затмевала их своим первенством. А затмение никому не любо, да и не выгодно. И вот, Ксиропотам и Есфигмен возобновили молву, что они построены еще царицей Пульхерией (в 452 г.) гораздо прежде этой Лавры. Ватопед и Кастамонит выбрали себе в ктиторы Константина Великого. Каракал зашел еще далее: он припомнил римского императора Антония Каракалла и провозгласил его строителем своим, не справясь, что он был идолопоклонник, не расположенный к христианам. Соседний с Ивером монастырь Филофеевский зашел еще далее: он объявил, что на месте его стояла епископия, основанная еще Богородицею. Другие монастыри, которых позднее появление было общеизвестно, приискали себе других царственных ктиторов: Зограф — Льва Мудрого, Русик — Ярослава, Кутлумуш и Пандократор — Алексея Комнина и сочинили грамоты и повести, которых поддельность обличается подписями и актами афонскими же. При таком общем ревновании поддался искушенно и Иверский монастырь, в котором еще до 1492 года не было ни

одного грузинского монаха, а все насельники были греки, и который с той поры перестраивался и потому нуждался в подаяниях царей, князей, бояр и простолюдинов. В годину сего ревнования греческие старцы сего монастыря, знавшие поверье грузин, что Иверская земля и афонская обитель их есть жребий Богородицы, и слыхавшие старинную народно-монашескую молву о том, что Богородица с Климентом приходила на Афон из Иерусалима и что оба они высадились из корабля в их пристани, поверили этой молве как сущей правде, не поняв, что в старину разумелось пришествие туда *не живой Богородицы, а иконы ее*, принесенной из Иерусалима в четвертом веке крестителем Афонитов епископом Климентом (§ 13), и приказали одному из послушников своих, •[II 20]• знатоку еллинского языка, написать сказание об этом событии как можно краше — *ὅτι κομψότατα* — в видах возвышения своего монастыря в глазах поклонников и читать оное в церкви и в братской трапезе для своего утешения*. Послушник этот, как водится в монастырях, исполнил приказание старцев беспрекословно и красноречиво описал путешествие Богородицы из Иерусалима на Афон вместо Иверии, ее проповеди и чудеса тут и возвращение в святой город чрез остров Кипр, а монастырю своему, прозывавшемуся в юридических

* В наши дни афоно-кастамонитские монахи читают во время богослужения и трапезы историческое слово об Афоне и о своем монастыре.

актах Климентовым*, придал глубочайшую древность, усвоив построение его тому Клименту, который сопровождал Богоматерь на Афон**. Так появилось пресловутое Сказание, о котором идет речь. Сперва оно ходило по рукам отдельно от Жития Петра Афонского. Потом один из сербов, едва знавший восемь частей еллинской грамматики, перевел его на новогреческий язык и включил в это Житие, вспомнив, что в нем упомянута обитель Кли-

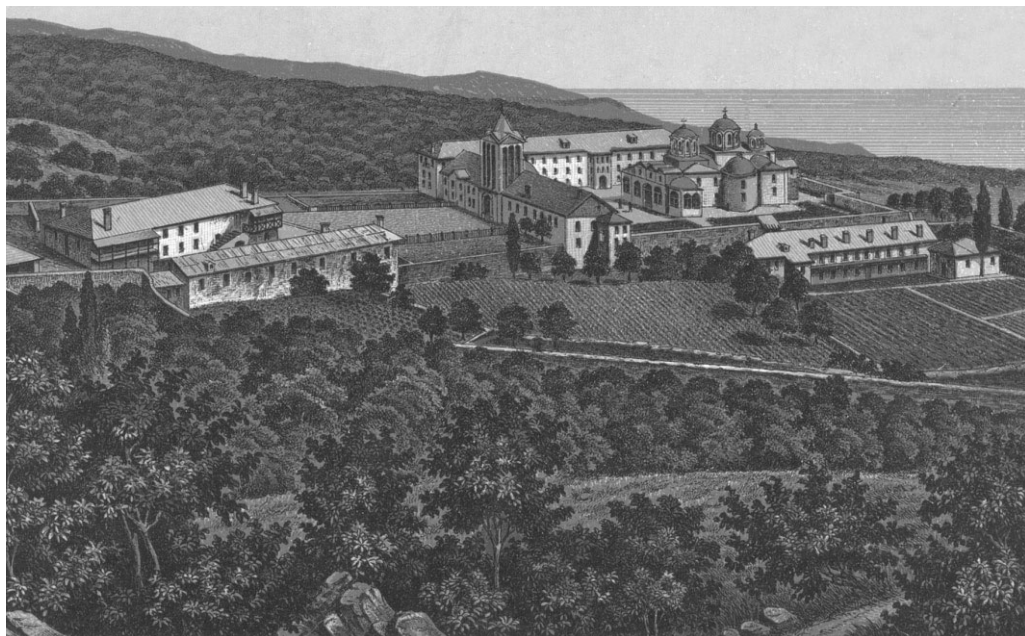
* Например, Ἀσφάλεια ἡγουμένου τῆς Λαύρας, 985 ἔτους, в Оправданиях истории монастыря Афоно-Иверского под № 4: Εὐαγγελιστὴ Λαύρα τῶν Ἱβήρων ἐπονομαζόμενῃ τοῦ Κλήμη.

** Не удивляйтесь такой смелости. Афониты издавна не ленивы на всякие выдумки. Так, Афоно-Коловуйские монахи, желая подчинить себе весь Афон, сочинили дарственную запись от имени царя Льва Мудрого (887 г.) и лично представили ему ее для подписи, но были обличены. Так, игумен Афонской Лавры св. Афанасия Иоанникий Валма для прекращения скоромного соблазна на Афоне выдумал и оповестил проклятие от имени Константинопольского патриарха Николая немного ранее 1114 года и такую ложью смутил Его Святейшество, царя Алексея Комнина, и всех афонитов. Так, монахи Ксенофского монастыря недавно сочинили сказание о том, что икона Богоматери по воздуху перешла к ним из Ватопеда, тогда как она перенесена была на руках, в чем удостоверили меня ватопедцы. Так, беспокойные святогорцы в 1821 году уверяли всех собратий своих, что Российский Император Александр непременно пришлет флот для защиты Афона во все время восстания еллинов. Но вот вам еще одно афонское свидетельство об афонской лжи: «μὰ τὴν ἀκαταμάχητον ἀλήθειαν! Ὅλα τὰ παλαιὰ περὶ ὁροθεσιῶν γράμματα εἶναι πλαστογραφία» — «клянусь необоримую истинною! все древние записи о границах монастырей поддельны!» Это свидетельство выписано мной из сборника древних грамот, Γράμματα ἀρχαῖα, хранящегося в архиве монастыря Афоно-Кутлумушского.

мента, и пожелав уяснить начало •[II 21]• ее; а болгарин Стефан перевел его на славянский язык и поместил в своих преданиях об Афоне; от Стефана же оно перешло в палаты нашего патриарха Никона, который и напечатал его в 1659 году. Таким образом утвердилась в православном мире уверенность в том, что Богоматерь была на Афоне, что тамошнее место, на котором стоит Иверский монастырь, есть самое священное, потому что было освящено присутствием ее, и что вошедшая в состав сего монастыря обитель Климента (980 г.) есть самая первая монашеская обитель в целом свете. А эта уверенность увеличила славу и доходы иверо-греческих монахов.

Изложив все это, повторяю, что Сказание о пришествии Богоматери на Афон в еллинском подлиннике и в переводах новогреческом и славянском, появилось между 1568 и 1659 годами вследствие ревнивого желания иверо-греческих монахов придать своему монастырю глубочайшую древность и что поводом к нему послужило ходячее народно-монашеское предание о начале христианства на Афоне, со временем исказившееся и смешавшее *первое* появление *иконы* Богоматери на Афоне с *личным* прибытием Ее туда, а первого крестителя афонитов, Иерусалимского епископа Климента, принесшего эту икону, обратившее в спутника Ее*.

* Рассказ о посещении Афона Богородицей известен не только в составе «Сказания» Стефана, но и в виде отдельной повести, один из старших славянских списков которой относится уже к 1-й трети XVI в. (см. ст. в «Православной энциклопедии». Т. 9. С. 467–468). — П.К.

Молдавский скит.

Богоматерь не была на Афоне и быть там не думала. Вот тому доказательства.

Ни святые отцы Церкви, ни древние историки ее, Евсевий, Сократ, Созомен, Евагрий, ни византийские летописатели, ни св. Андрей Критский, собравший предания о Богоматери, ни списатель житий святых Симеон Метафраст не говорили, что Афон есть удел Богоматери и что она крестила жителей сей горы. Во всеобщем каноне преподобному Петру Афонскому, написанном творцом канонов преподобным Иосифом, нет ни слова об этом, не упомянуто даже и о явлении Богоматери сему Петру. Ничего подобного нет ни в Слове Константинопольского патриарха Филофея, которое он написал в защиту Афона •[II 22]• против насмешек визан-

тийского историка Григоры над тамошними созерцателями Фаворского света, ни в церковной службе всем святым Афонским, сочиненной ученым и набожным Никодимом Святогорцем († 1809 г.). Все храмы в Афонских монастырях расписаны, но ни в одном из них не изображено пришествие Богоматери на Афон. В многочисленных грамотах, пожалованных Святогорским обителям царями и патриархами греческими, сербскими, болгарскими, российскими и господарями Молдавии и Валахии, содержатся похвалы Афону как вертограду, наполненному райскими цветами, но ни в одной из них не сказано, что там была Богоматерь, даже нет намека и на то, что сия гора — удел Царицы Небесной. Да и как могли бы сказать это цари и патриархи, когда

известно, что пресвятая Дева Мария по вознесении Господнем никуда не отлучалась из Иерусалима до самой кончины своей? О *безвыходном* пребывании ее в этом городе есть исторические сказания достоверные. Представляю их.

1. Вот первое сказание, почти современное Богоматери, сказание Антиохийского епископа Евода, которого рукоположил апостол Петр: «Святая Богородица после распятия (Христа) жила в доме Иоанна одиннадцать лет. А всех годов жизни Ее было пятьдесят девять». «Сей божественнейший Евангелист по восшествии Иисуса на небо пребывал с Божьею Матерью в своем доме на Сионе до преставления ее к Господу, а потом в Асии (в малоазийском городе Ефесе) благовествовал Христа». Ὁ πολὺς τὰ θεῖα Εὐῶδος, τῶν ἱερῶν ἀποστόλων διάδοχος, ἐν τοῖς αὐτοῦ συγγράμμασι, μάλιστα δὲ ἐν τῇ ἐπιστολῇ, ἣν Φῶς ἐπέγραψε, καὶ ταῦτα προστίθισιν· ὁ Χριστὸς ἰδίαις χερσὶ τὸν Πέτρον μόνον ἐβάπτισε... ἡ ἁγία Θεοτόκος μετὰ τὴν σταύρωσιν ἐν τῇ τοῦ Ἰωάννου οἰκίᾳ ἔτη διετέλεσεν ια'. ὡς ὁμοῦ τὰ ἔτη ταύτης ν' καὶ θ' συνάγεσαι. (Nicephori Callisti Historia ecclesiastica, lib. II, cap. 3). Ἱστορεῖται, ὡς ὁ θειότατος οὗτος εὐαγγελιστὴς μετὰ τὴν εἰς οὐρανοὺς ἀνοδὸν Ἰησοῦ συνῆν τῇ μητρὶ τοῦ Θεοῦ ἐν τῷ κατὰ τὸ Σιών οἰκῷ αὐτοῦ ἄχρι τῆς πρὸς Κύριον ἐκδημίας αὐτῆς. Ἐπειτα δὲ ἐν Ἀσίᾳ γενόμενον εὐαγγελίσασθαι τὸν Χριστόν. (Ibidem. Lib. II. Cap. 42). •[II 23]•

2. Епископ Поликрат (185 г. по Р.Х.) в своем послании к римскому папе

Виктору, исчисляя преимущества Церкви Ефесской, не показал, что в Ефесе с Иоанном пребывала Святая Дева Мария и там скончалась. А он показал бы сие, если бы в его время было известно это событие.

3. В подтверждение пребывания Богоматери в Ефесе с апостолом Иоанном некоторые ссылаются на следующие слова в послании отцов Третьего Вселенского Собора Ефесского к Константинопольскому клиру (431 г.): ὁθεν καὶ Νεστόριος... φθάσας ἐν τῇ Ἐφεσίῳν, ἔνθα ὁ θεολόγος Ἰωάννης καὶ Θεοτόκος παρθένος ἡ ἁγία Μαρία, т. е. «посему и Несторий... прибывши в Ефес, где Богослов Иоанн и Богородица Дева святая Мария ...» (Labbaei Ph. Conciliorum acta, III. P. 547). Но это сказание, как видите, прервано, недокончено. Посему основываться на нем нельзя. Напротив, ученые видят в нем просто указание или на храм в Ефесе во имя Богородицы и апостола Иоанна или на то, что Ефесские христиане признавали их покровителями своего города и прославляли (Migne J.-P. Patrologia graeca. T. 67. Col. 1073–74, not. 85).

4. Несториане, последователи вышеупомянутого Нестория, патриарха Константинопольского, отделились от Вселенской Церкви после вышеназванного Ефесского Собора, и отделились потому, что не согласились признавать Деву Марию Богородицей; однако же до сей поры верят, что она взята была с телом в рай, а до своего преставления 12 лет прожила в доме евангелиста Иоанна. Вот что писал об этом Абед-

Иезу*: «По смерти Спасителя Иоанн евангелист принял в свой дом Святую Деву и заботился о Ней как о своей матери. А жила она у него 12 лет по вознесении Иисуса Христа. Всех же лет жизни ее было 59, по другим — 61» (Jos. S. Assemani. Bibliotheca Orientalis. T. III/1. Romae, 1725. P. 318, 608).

5. Иаков Еврей, крещенный в Африке во дни царя Ираклия (в первой половине VII века), в одном сочинении своем изложил следующее предание о Богоматери: Ἐζησεν ἐν τῇ ἀνθρωπότητι αὐτῆς ἡ ἀγία Μαρία ἡ θεοτόκος ἔτη νθ' οὕτως· ἐν τῷ ναῶ ἔτη ιδ' καὶ ἐν τῷ οἴκῳ Ἰωσήφ μήνας τέσσαρας, καὶ εὐθέως εὐηγγελίσθη ὑπὸ τοῦ^[11 24] Γαβριήλ· καὶ συλλαβοῦσα ἔτεκε Χριστὸν τῇ κε' τοῦ δεκεμβρίου μηνός· ὁμοῦ ἔτη ιε'. Καὶ ἔζησεν ἐπὶ τῆς ἐνανθρωπήσεως τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ υἱοῦ αὐτῆς γενομένου, ἔτη λγ'. καὶ μετὰ τὴν ἀνάληψιν σὺν τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ ἐν οἴκῳ Ἰωάννου τοῦ εὐαγγελιστοῦ, ἔτη ια'. ὁμοῦ μθ'. ὥστε ἔμενεν ἐν Ἱεροσολύμοις εἰς τὴν λεγομένην ἀγίαν Σιών τὴν τῶν ἐκκλησιῶν μητέρα. αὕτη δὲ ἦν ἡ οἰκία αὐτοῦ. Ἐκεῖ ἔφυγον οἱ μαθηταὶ τοῦ Χριστοῦ διὰ τὸν φόβον τοῦ γένους ἡμῶν. То есть: «Жила, как человек, Святая Мария Богородица 59 лет так: во храме 14 лет и в доме Иосифа 4 месяца, и вскоре благовествовал ей Гавриил, и, зачав, родила Христа 25 декабря месяца: всего же 15 лет. А по вочеловечении Господа нашего Иисуса Христа и Сына

ее жила 33 года да по вознесении Его пребывала с учениками Его в доме Евангелиста Иоанна 11 лет — *всего 59 лет пробыла в Иерусалиме* на так называемом Сионе, который есть мать Церквей. Там и дом Иоанна. Туда убежали ученики Христовы ради страха от нашего рода». (Χειρόγραφον ἐν ἐμῇ βιβλιοθήκῃ).

6. Св. Андрей Критский (VIII в.) в своем Слове на успение блаженной Марии сообщил предание, что она жила на горе Сионской, что там показывали дом ее, обращенный в церковь, и что она там умерла в присутствии апостолов и учеников Господа.

7. В Житии Богоматери, которое написал Епифаний, монах и пресвитер Иерусалимский, 955 г., сказано: «Богородица после того, как увидела вознесение Господа на небеса, усугубила подвижничество и коленопреклонения свои, как говорит иерусалимлянин Андрей, епископ Критский. Никто из Иудеев — ни князь, ни первосвященник, и ни один еллин — не дерзал говорить о Ней что-либо, или причинять Ей неприятность, или подходить к дому, в котором Она жила, исцеляя больных, одержимых духами нечистыми, подавая милостыни бедным и помогая вдовам и сиротам. Некоторые же говорят, что *ни один из 12 апостолов не отлучался из Иерусалима, пока она была жива*. Лета жизни Богородицы исчисляются так: когда исполнились Ей 7 лет, тогда родители посвятили Ее Господу в Иерусалиме. •[II 25]• Там в храме Она пребывала 6 1/2 лет, потом в доме Иосифа

* Авдишо бар Бриха, митр. Нисибинский, несторианский ученый († 1318). — П.К.

6 месяцев и услышала благовестие о всемирной радости, а на 15 году родила Сына, Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же прожила 33 года — всего 48 лет. По вознесении Его *пребывала в доме Богослова на святом Сионе вместе с ним и с прочими апостолами 24 года* — всего 72 года. По успении ее все апостолы разошлись. Иоанн отправился в Ефес⁽⁷⁾. (Извлечено из древней пергаминной рукописи, хранящейся в Палестинской лавре Саввы Освященного.)

8. Византийский историк Кедрин сообщил предание о Богоматери, что «Она по вознесении Господа *жила на Сионе до кончины своей* и святую душу свою предала Господу Богу и Сыну своему, будучи 72 лет (а по некоторым 58-ми), так что по Вознесении Христа жила 24 года. — Μετὰ τὴν τοῦ Κυρίου ἀνάληψιν ἡ Θεοτόκος ἐν Σιών διέτριβεν ἕως τῆς τελευτῆς αὐτῆς. Παρέδωκε δὲ τὴν ἀγίαν αὐτῆς ψυχὴν τῷ Κυρίῳ καὶ Ὑῖῳ τῷ Θεῷ, ἐτῶν οὐσα οβ´ οἱ δὲ φασιν ὥστε μετὰ τὴν ἀνάληψιν τοῦ Χριστοῦ κδ´ χρόνους ἐπεβίωσεν. Gregorii Cedreni historiarum compendium [/ Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838]. T. I. P. 829.

9. В Сборнике 1182 года, находящемся в библиотеке Святогробской, слово в слово приведено вышеизложенное мною сказание Иакова.

10. В моем рукописном Синаксаре греческом 1249 года сказано, что св. апостол Иоанн у креста Христова взял Богоматерь в свой дом и служил *Ей до успения Ее*, по успении же отправился в Ефес и тут обратился ко Христу 400,000 язычников, поклонявшихся

Диане. — Τὴν Θεοτόκον εἰς τὰ ἴδια ἔλαβε, καὶ μέχρι τῆς κοιμήσεως αὐτῆς, αὐτῇ διηκόνει· καὶ μετὰ τὴν κοίμησιν ἦλθεν εἰς Ἐφεσον, καὶ τὸν ναὸν τῆς Ἀρτεμίδος διὰ προσευχῆς κατέβαλε, καὶ τεσσαράκοντα μυριάδας λατρεύοντας αὐτῇ πρὸς τὴν εἰς Χριστὸν πίστιν μετήγαγε.

11. В библиотеке Афоно-Пандократорского монастыря я читал рукопись на пергамене в большой лист, XIV века, содержащую 96 праздничных Слов, Λόγοι πανηγυρικοί. Первое из них есть Слово о рождении и воспитании Пресвятой Девы Марии и о ризе Ее. В этом Слове между прочим сказано, что •[П 26]• когда апостолы, исполненные божественною благодатью Утешителя в день Пятидесятницы, шли проповедовать Евангельское учение, каждый в свою страну, и когда проповедание Веры уже возвещалось, тогда Дева, порученная Господом возлюбленному ученику Его и девственнику, *пребывала в доме его на Сионе*. — Ἐπεὶ δὲ κατὰ τὸν καιρὸν τῆς πεντηκοστῆς οἱ ἀπόστολοι τῆς θείας τοῦ Παρακλητοῦ χάριτος πληρώνοντες, πρὸς τὴν τοῦ εὐαγγελίου διδαχὴν ἄλλος ἄλλοσε διεπέμποντο, καὶ τὸ κήρυγμα ἤδη τῆς πίστεως διηγέλλετο, τὴν Παρθένον πάλιν ἄτε τῷ ἡγαπημένῳ μαθητῇ καὶ παρθένῳ, ὃ ἐν τῇ Σιών αὐτοῦ οἶκος εἶχε, διαιτωμένην.

Вот вам одиннадцать сказаний о Богоматери! Ни в одном из них не упомянуто, что Она была на Афоне, а в каждом положительно говорится, что Она по вознесении Господа жила на Сионе

в доме Иоанна Богослова до самой кончины своей, и что уже по смерти Ее сей апостол отправился в Ефес. После сего повесть о пришествии Ее на Афон не должна быть вносима в историю сей горы. Эту повесть отвергают и святогорцы, умные и добросовестные.

§ 3. О прохождении св. апостола Павла чрез афонский город Аполлонию

Православные жители города Ерисса, находящегося в верховье Афонского перешейка, сохранили предание своих предков о том, что апостол Павел проповедовал слово Божие в этом городе, который в его время назывался Аполлония. Это предание помещено в непечатном описании Афона, хранящемся в библиотеке тамошнего Григориатского монастыря⁽⁸⁾. Перевожу его по-русски.

«На западе от Провлака и на востоке крепости Ериссо, там, где теперь стоят метох и башня священной обители Кутлумушской и храм во имя апостола Павла, находится расселина, которой устье обращено к северу. Из нее вековечно вытекает вода. А в устье вставлена дверь; и сколько кто может, •[II 27]• усматривает воду в нижней части расселины. Соседние христиане и монахи почитают сию воду как *агиазму* (святую воду) апостола Павла, и по древнему преданию своих предков преемственно рассказывают вот какое диво. Когда апостол Павел проповедовал Евангелие местным язычникам и учил

их жить целомудренно и воздерживаться от страстей, тогда некоторые из них, бесстыдные и порочные, вздумали удержать его силою и осквернить. Он укрылся в стаде волов. Но эти озорники нашли его тут и стеснили в сказанном месте. Однако под апостолом расселась земля, и он очутился в Кассандре, где также находится храм во имя его и подобная расселина с текучею водою, которую также называют агиазмою апостола Павла. Расстояние между этими двумя местами определяется 50 милями. В Ериссе же по сию пору осталось вот какое знамение: когда потомкам оных порочных людей прилучится есть мясо воловье, тогда из них потечет кровь в большом количестве. Посему они воздерживаются от этого мяса. А прочие сожители издеваются над происхождением их от помянутого скверного рода. Так видят, рассказывают и утверждают это обыватели не только Ерисса, но и Кассандры, где бывают подобные знамения».

Достойно ли вероятия сие предание, искаженное баснословием, и, если отнять баснословную обстановку, подтверждается ли каким-либо историческим свидетельством? Посмотрим.

Близ Ерисса действительно находится так называемая агиазма апостола Павла. Я видел ее 30-го июня 1858 года. Она укрыта в меловом приземистом холме, что подле меловой скалы, вдающейся в Ериссовский залив моря; и вот положение ее. Внутри сего холма, утесистого снаружи, естественная не низкая расселина когда-то была немного

расширена, удлинена и снизу вверх обтесана руками человеческими, так что походит на узенький коридор в шестнадцать шагов длиной с правильным коробовым сводом. Сквозь этот свод сочится пресная вода и капельками сбегает по откосным стенам расселины в лунки •[III 28]• на ровном полу ее. Эти капельки при огне от свеч кажутся бриллиантами. В течение нескольких веков они образовали на стенах так называемые сталактиты (наплывы) меловые*. При мне вся эта расселина, или пещера, была весьма влажна; а лужайку воды я заметил только у задней стены ее, что против входа с северной стороны. Но кроме этой лужайки, в самой же пещере, в семи шагах от входа в нее, налево находится водоемiec в уровень с полом, и находится в особом малом, но высоком углублении, иссеченном людьми в скале. Сей-то водоемiec и называется агиазмою апостола Павла. Тут-де расселась под ним земля и скрыла его от озорников, дав ему проход в Кассандру (Паллини) под двумя заливами моря, Сингитским и Торонским. Я, к сожалению, не измерил глубины водоемца, потому что не запасся ни веревкою, ни гирькою, да и воды не отведал, потому что она была очень мутна. Ее взболтали ериссовцы 29 июня в праздник апостола Павла. Тогда все они после обедни ходили в пещеру и тут помазывали детей своих святою водою, смешанною с меловым илом, а

помазывали крестообразно на челе и щеках*. Излишек воды из этого водоемца стекает по желобу, или по расселине, под полом пещеры и вливается в облицованный камнями ставок близ входа в нее. Тут стоит развесистое дерево дикое. Все это срисовано и помещено в моем «Живописном обозрении Афона».

Весьма замечательна эта пещера. Я полагаю, что она за несколько сот лет до Рождества Христова открыта была первобытными жителями Афонского перешейка и обделана аканфянами, которые на месте нынешнего Ерисса имели свою торговую пристань в Стримонском заливе Эгейского моря. Эти аканфяне, как мы уже знаем, почитали Аполлона и изображали его на всех монетах в виде льва, пожирающего вола у скалистей пещеры. А где почитаем был Аполлон, там ему неотменно посвящаемо было стадо волов, которые приносились в жертву ему •[III 29]• и потому никем из смертных, боявшихся кары сего божества, не могли быть съедаемы. Стало быть, такое стадо принадлежало и Аканфосскому Аполлону и считалось заповедным. Монетное изображение сего божества у скалистей пещеры заставляет полагать, что аканфяне приносили ему волов в жертву у описанной мною пещеры, из которой струится вода. Весьма вероятно, что тут был и оракул, который прорицал им будущее. А так как все еллины верова-

* Эти сталактиты не толсты, следовательно, не очень древни.

* Такие кресты на детских лицах я видел в Ериссе.

ли, что бог морей Посидон для морского же полубога Протея, владевшего и Торонским близ Афона заливом, устроил под морем пещеры и сухой проход от Кассандры до Египта и, сделав расселину в Кассандре, велел ему сойти в нее и отправиться в Египет, что он и исполнил⁽⁹⁾; то и афоно-аканфяне, и соседи их аполлониаты и кассандрийцы, имели такую же веру и воображали Протеевы ходы под заливами Сингитским и Торонским.

Вся эта аканфосская мифология выказывается в вышеизложенном предании. По этому преданию:

Апостол Павел укрылся в стаде волов. — Явный намек на стадо Аполлона, которое считалось священным и служило убежищем для гонимых.

Потомки озорников, хотевших наружаться над ним, не ели и не едят воловьего мяса, боясь, как бы не потекла из них кровь. — Явный намек на карательный запрет употреблять в пищу волов, посвященных Аполлону.

Озорники стеснили Павла у пещеры, дабы тут осквернить его, вероятно, идоложертвенными снедами. — Явный намек на священность этой пещеры, у которой совершались жертвоприношения Аполлону.

Под Павлом расселась земля, и он скрылся в ней и очутился в Кассандре, где находится подобная расселина. — Явный намек на подводный путь Протея, с которым смешали апостола Павла.

Итак, описанная мною местность, служение тут Аполлону, доказываемое местными монетами Аканфоса, суще-

ствование соседнего •[II 30]• города Аполлонии, упомянутого Плинием, мифическая обстановка предания, совершенно соответствующая местности и верованиям аканфян, аполлониатов и кассандрийцев — все это представляется вниманию в полном согласии взаимном. Следовательно, предание в сущности своей, без мифической обстановки, должно быть верно и весьма древне. Если бы апостол Павел не был в афонской Аполлонии, то у языческих жителей сего города не было бы и мифических воспоминаний о нем. А если бы рассказ о пришествии его туда и о поругании *выдуман* был уже христианами, когда они овладели пещерою Аполлона и освятили в ней воду во имя св. Павла, то к рассказу их не примешалась бы мифология, потому что она строго воспрещена была христианам и нетерпима ими. Но мифология-то и характеризует предание, о котором идет речь. Следовательно, она вместе с ним есть произведение афонских язычников, а не христиан. Не вторые, а первые облекли мифом бывшего у них апостола Павла, и облекли ранее введения христианства на Афоне.

Так это по логике. Но говорит ли священная история о том, что сей апостол был в афонской Аполлонии?

Говорит. В книге Деяний апостольских (гл. 17) упомянуто, что он из Македонского города Филиппы прошел в Фессалонику чрез Амфиполь и Аполлонию. Город Амфиполь в его время находился близ устья реки Стримона, впадающей в Эгейское море недалеко

от Афонского перешейка. Это известно всякому, знающему древнюю географию или историю Фукидида, который лично был в сем городе. Что касается Аполлонии, то на пути от Амфиполя до Фессалоники во дни Павла стояла Аполлония, та самая, которую Плиний ставил на Афонском перешейке. Другого соименного города тогда не было на этом пути. Ибо ближняя Аполлония Халкидикийская, чрез которую можно было Павлу идти из Амфиполя в Солунь, давно была разорена до основания еще отцом Александра Македонского, Филиппом; да и жители ее, как мы уже знаем, перешли на Афонский перешеек и, поселившись у Аканфосской пристани, дали ей •[131]• название первой родины своей, разрушенной и оплаканной. Итак, апостол Павел действительно заходил в Аполлонию Афонскую по пути в Солунь.

Этим свидетельством священной истории о нем вполне оправдывается предание жителей афонского города Ерисса, стоящего на месте Аполлонии. А этим преданием как нельзя лучше поясняется сказание св. Луки о шествии Павла в Солунь из Амфиполя чрез Аполлонию. Это Аполлония Афонская. Тут был Павел, тут. По сказанию Луки, он только *проходил* чрез этот город. Но и предание не говорит, что он жил в нем, а дает знать только то, что он мимоходом проповедовал там слово Божие и был в опасности.

Признаю верным ериссовское предание без мифической обстановки его, признаю потому, что оно согласно с

повествованием книги Деяний апостольских, и присовокупляю, что апостол Павел в Афоно-Македонской Аполлонии потерпел одно из тех стеснений, о коих он упомянул во Втором Послании к Коринфянам (7, 5), и что там он *ночь и день пробыл в глубине* (11, 25), не в морской, как это прибавили от себя переводчики Нового Завета на русский язык (издание 1822 г.)*, и не в тюремном подземелье, где-то находившемся будто бы под берегом моря, как это придумали некоторые толковники, а в глубокой расселине, или пещере, в которой поместили его для укрытия от опасности. Я присовокупляю это не потому, что так проще и естественнее объясняются слова Павла, *нощь и день во глубине сотворих*, но потому, что эту глубину указывает афонское предание, имеющее сильный оттенок местности. Признать верным такое указание неизбежно, коль скоро признается согласие предания с повествованием Луки о прохождении Павла чрез Аполлонию Афонскую.

Но если Павел действительно был в сем городе и потерпел стеснение, то каким образом к этому событию приключалось баснословие? Очень просто. Павла, как римского гражданина, которого нельзя было обижать безнаказанно (см. Деян. 16, 37–39), •[132]• афоно-римский начальник на ночь укрыл от озорников в Аполлоновой пещере как в месте безопасном, и когда они утром увиде-

* То же добавление имеется и в Синодальном переводе. — П.К.

ли его у священного стада, приказал держать его в той же пещере весь день и ночью выпроводить в Солунь. Он был выпровожден туда. А озорники, не зная сего, решились осквернить его в самой пещере, однако не застали его тут и воротились домой. Между тем в городе тем же начальником ловко пущена была молва, что проповедник нового, неслыханного учения ушел Протеевым путем и очутился в Кассандре. Этой молве поверили местные греки как сущей правде, воображая, что под морем, начиная от Афона до Египта, находятся пещеры и сухие проходы, сотворенные для Протея*. Потом римского начальника и военную стражу его заменил другой трибун с другим отрядом, а словущая молва осталась и переходила из рода в род. В 879 году по указу царя Феодосия Великого упразднены были все прорицалища, следовательно, и афонское в Аполлоновой пещере. Вскоре после сего христиане, которых было уже много на Афоне, когда брат сего государя построил церковь в тамошнем городе Дионе, овладели этой пещерою, расширили и подвысили ее, а воду в ней освятили во имя апостола Павла в память пребывания его в Аполлонии и избавления от опасности. Но между ними оставались потаенные язычники и, чтя Аполлона, воздерживались от мяса волов, яко посвященных сему божеству животных. Это воздержание их пер-

вые местные христиане выставляли своим детям и внукам как доказательство старинного запрета язычникам употреблять в пищу волов Аполлона и как улику согражданам в тайном почитании сего мнимого бога. Когда же уверовали во Христа и потаенные язычники, и потомки тех озорников, которые хотели нарутиться над апостолом Павлом, тогда предание о нем рассказывалось, как и прежде, с •[пзз]• мифической прикрасою, единственно для воспоминания старинного поверья; но ни рассказы, ни слушатели не придавали никакого исторического значения этой прикрасе, не веря в подводное путешествие Павла и веря только тому, что он проповедовал слово Божие в их городе и потерпел стеснение, но спасен был от ругателей, которых потомки чтят его память. Так этому верят и нынешние жители древней Аполлонии; а ежели они говорят, что потомки противников св. Павла и теперь не едят воловьего мяса, боясь, как бы не потекла из них кровь, то говорят это, без сомнения, в шутку, издеваясь, как сказал описатель сего предания, над происхождением их от рода озорников. Насмешки язычников над христианами и этих над теми навеки сохранились в народных поверьях. Например, я в юности своей слышал от отца своего, что в Ростовском озере во время оно являлся большой рак и обеими клешнями благословлял как архиерей. Это явная насмешка тамошних язычников над первыми там христианами и над епископом их. Припомните насмешку

* В этом мифе скрывается действительность. В самом деле, от Афона до Египта была суша, когда не существовало ни Эгейское, ни Средиземное море.

окрещенных киевлян над Перуном: «выдыбай боже» — и по ней разумеите и прочие таковыя предания, в которых, однако, скрывается правда, быль. Так и в афонском предании о Павле кроется событие историческое. Это предание в связи со сказанием евангелиста Луки о прохождении сего апостола чрез Аполлонию так верно и так неустранимо, что историк Афона должен положительно сказать, что св. Павел словом Божиим оглашал жителей Афонской Аполлонии, но безуспешно и что он ночь и день пробыл в тамошней Аполлонской пещере.

Рассказанное предание о Павле верно. Но таковы ли все прочие предания Афонские? Рассмотрим. •[II 34]•

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предания о начале христианства на Афоне при римском императоре Каракалле, при солунском проконсуле св. Димитрии великомученике и при Константине Великом и ближайших преемниках его. Суждения об этих преданиях

§ 4. О построении Афоно-Каракальского монастыря римским императором Антониюм Каракаллою, 211–217 гг. по Р. Х.

Поклонникам и путешественникам, посещавшим Афонскую гору, тамошние каракальские монахи внушали, что их монастырь построен римским

императором Антониюм Каракаллою*. Это ранее г-на Гейнекция** слышал Рико и, хотя считал невозможным, однако поместил в своем сказании о Греческой Церкви, которое издано им в 1698 году. Вот свидетельство его. «Греки вообще верят, что Каракальский монастырь основан был древним императором римским. Может быть, они разумеют Антонию Каракалла, но это невозможно»⁽¹⁰⁾. Иное предание сообщил врач Иоанн Комнин, издавший описание Афона в 1701 году. Он сказал глухо, что «Каракалл построен тем Антониюм Каракаллою, который из Рима»⁽¹¹⁾. Слово его повторил наш паломник Василий Барский⁽¹²⁾. Как ни глухо сказание Комнина, но замечательно. В нем скрывается историческая правда десятого века. Мы раскроем ее в свое время, а теперь, уважая свидетельство г-на Рико, подтверждаемое живописным изображением императора Антонию Каракалла на западной стене паперти соборного храма, где он, как ктитор, написан (1708 г.) в военных доспехах с шлемом на голове, объясним, как монахи каракальские ктитором своим могли назвать сего императора, идолопоклонника и противника христиан.

* Правильнее имя этого императора передается как Антонин Каракалла, хотя у многих византийских историков он именуется Антониюм. — П.К.

** Jo. Mich. Heineccii Abbildung der Griechischen Kirche. Leipzig, 1711. S. 415. — «Einige Griechen geben den Kaiser Caracallam für den Urheber aus, sie werden aber vielleicht nicht wissen, dass derselbe ein Heide und den Christen gar abgeneigt gewesen».

В то не очень давнее время (1568–1659), когда афонские •[ш35]• монастыри ревниво начали присваивать себе глубокую древность и хвалиться царственными ктиторами, кои Пульхериею, кои Феодосием и Константином, а иные строительством самой Богоматери, в это время и бедный Каракалл поддался общему искушению и постарался приискать себе царственного ктитора постарше других. Какой-то не неграмотный каракаллийот вспомнил соименного монастырю римского императора Каракалла, быть может, построившего для военной стражи ту крепкую башню, которая впоследствии под именем его вошла в состав монастыря, и предложил своим собратиям выдавать его за создателя их обители. Эти приняли предложение его, подкрепляемое старинною и замечательною по постройке башней*, и изображали императора на самом видном месте, при входе во храм с паперти, а в оправдание того

побуждения, по которому он решился-де построить монастырь, применили к нему апокрифическое повествование о преподобномученице Параскеве, *яже от ветхаго Рима*, пострадавшей при Антонии*, и распространили молву, что этот Антоний есть император Каракалл и что он уверовал во Христа, быв поражен чудесами Параскевы, и построил для ней Каракальский монастырь на Афоне. Но такая молва пустая, отринутая Филофеитом в самом начале критического рассуждения его об Афоне, недостойна внимания историка.

**§ 5. О построении храма
на месте нынешнего
Ватопедо-Дмитриевского
скита солунским проконсулом
Димитрием, впоследствии
великомучеником**

Не должно верить всем рассказам афонским, когда они •[ш36]• не подтверждаются ни историей, ни надписями, ни другими памятниками древности. Например нашему паломнику Барскому в 1744 году рассказывали ватопедо-дмитриевские скитники, «что

* Περιγραφή τοῦ Ἀθω Θεοδορήτου, κεφ. ε': «Ὁ ἐν τούτῳ μοναστηρίῳ πύργος ἔργον ἐστὶ ἐπιστήμονος καὶ ἀρχαίου τεχνίτου. διότι πᾶσα ἡ οἰκοδομὴ ἐν ἐγένετο μῦγμα, οὔτε ἐξόραγῃ ἐν οὐδενὶ μέρει οὐδαμῶς. ἔχει ἔσωθεν ἀποκρύφους τόπους εἰς τὸ βλάπτειν μὲν τοὺς ἔξωθεν, μὴ βλάπτεσθαι δὲ τοὺς ἐκ τοῦ πύργου πολεμοῦντας». [«Башня этого монастыря — творение искусного и древнего мастера, поскольку вся постройка представляет собой единый массив, никак не разрушившийся ни с одной стороны; внутри имеются потайные места, чтобы видеть находящихся снаружи, но скрывать от глаз ведущих бой с башни».]. Если Каракалла велел построить эту башню для охранения соседнего города Клеонэ, то это было тогда, когда он проживал в Македонии. Herodian. Lib. IV.

* Assemani J. S. Kalendaria ecclesiae universae. Romae, 1755. T. VI. P. 500: «Quae de eius (Parasceuae) vita Graece Latineque habentur, prorsus sunt fabulosa sic, ut difficillimum futurum sit, aliquid solidae verisimilitudinis ex tanta caligine prudenter ratiocinando elicere» [«Содержание ее (Параскевы) жития по-гречески и по-латыни совершенно легендарно, так что рассуждающему здравомысленно будет крайне сложно извлечь из такого тумана что-либо надежное».]. — Пролог 26 июля.

храм у них сначала был построен в честь Богородицы св. великомучеником Димитрием до страдалческой кончины его, потом переименован во имя его по причине благоговения к нему и по многократном обветшании и запустении несколько раз обновлялся»⁽¹³⁾. Но этот рассказ не вполне вероятен, и вот почему. Во-первых, в уставе Димитриевского скита, начертанном в 1759 году и подтвержденном подписью бывшего Константинопольского патриарха Григория, нет ни слова о построении скитского храма великомучеником Димитрием, а сказано только, что на месте скита древле стоял монастырек, прозываемый Халкеос, но был разорен агарянами*. Во-вторых, в 1628 году приезжал в Москву архимандрит Макарий из Димитриевского скита за сбором милостыни и поднес государю Михаилу Федоровичу чудотворное полотенце св. великомученика Димитрия, подаренное этому скиту царственным иноком Акакием (Андроником Палеологом), а поднес при грамоте Ватопедского монастыря; в грамоте же этой прописана судьба этого полотенца и упомянут ктитор скита царь Андроник Палеолог Старший, но ни слова не сказано о постройке скитского храма великомучеником Димитрием**. Знать, скитники тогда не говорили о том, чего

не бывало на Афоне. В-третьих, небывальщина, о которой идет речь, не упомянута и в критическом сочинении Филофеита об Афоне, хотя и кстати было упомянуть о ней там, где перечислены мнения святогорцев о построении монастырей их Богоматерью, императором Каракаллою, Константином Великим и другими. Наконец, да будет принято во внимание и мое свидетельство отрицательное. В 1846 году 9 мая я был в Димитриевском скиту и зорко осмотрел соборный храм его, но •[Ш 37]• не нашел в нем никаких признаков глубочайшей древности. Расписан он в 1755 году. Паперть пристроена к нему в 1796 году. Из четырех мраморных колонн, поддерживающих купол его, две новы, 1777 года, а две, треснувшие и связанные железными обручами, изваяны в средние века, как это доказывают их наглавия, не Ионического, не Коринфского и не Дорического ордена. Скитники говорили мне, что до восстания еллинов в 1821 году они ежегодно получали из Солуны 4 1/2 пуда рису от сродников великомученика, но о постройке храма и ждвением его и не заикнулись. Итак, пока ничем нельзя доказать, что первая христианская церковь на Афоне создана была св. Димитрием, который родился в Солуне (sic) и там же замучен был в 306 году. Скорее можно думать, что на местности нынешнего Димитриевского скита храм во имя св. Димитрия построен был солунскими гражданами в четвертом веке (§ 13).

* Устав сего скита помещен в *Оправданиях истории скитов Афонских*.

** См. Сношения России с Востоком по делам церковным. Часть 2. СПб., 1860. С. 49–51.

**§ 6. О перемещении жителей
Афона в Пелопоннес,
о поселении монахов
на этой горе, о постройке
церкви Карейской
и монастырей Ватопедского
и Кастамонитского
при Константине Великом
и о разорении их Иулианом**

Не все, а многие святогорцы сами верят и других уверяют, что святой и великий царь Константин переселил с Афона всех жителей, цакон¹⁴ов, в Пелопоннес и, отдав эту гору монахам, построил там для них соборную церковь в Карее и монастыри Ватопедский и Кастамонитский. Такая уверенность созрела в них в течение долгого времени. Она имеет свои отголоски в местных записках и в чужестранных книгах, содержащих описание Афона. Передаю эти отголоски.

1. Недавний афонский сочинитель нового Панегирика св. архидиакону Стефану, в котором помещены некоторые события в Кастамонитском монастыре, мимоходом упомянул, что «Константин Великий во время своего царствования переселил с Афона •[ш 38]• цакон¹⁴ов в Пелопоннес, как говорят историки, и что начальники сей горы (проты) присутствовали на всех Вселенских Соборах, начиная с Никейского»⁽¹⁴⁾.

2. Наш Барский в 1744 году слышал и записал, что «храм в Карее, именуемый Протат, от плинф крепких жженых создан еще благочестивым царем Константином в 335 году в честь Успения Пресвятыя Богородицы, его же

последи отступник Иулиан в 362 году сожже, иже и до ныне на стенах внутри очернелый от дыма зрится. Се же, мно, бысть прежде населения и умножения тамо иноческаго, егда еще мирстии жительствоваху в градах и весех (афонских)». По словам того же Барского, «пресловутый и древнейший всех монастырь, нарицаемый Ватопед, создася от великаго в царех Константина во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы, по неколиких же летех разорися от отступника Иулиана, а монастырь Кастамонит наречеся... от древес каштановых, их же иматъ множество, понеже по-гречески *Кастана* именуют каштаны, *мони* же обитель, и оттуда сложися Кастамони, си есть Каштановая обитель; иные же повествуют, яко тамо с начала древле, прежде создания монастыря скит бяше, и в нем жительствоваше некий безмолвник, именуемый Конста, и нарицаешся место оное Констамони, еже есть Констина обитель, а оттуду преиде проименование и на монастырь; прочие же вероятнее глаголют (еже и написано обретох), яко от благочестиваго и святаго царя Константина нарицается сице Констамони, си есть Константинова обитель, яко ону первее созда». (Путешествие Барского. СПб., 1785. С. 604, 617, 676).

3. Ранее Барского Гейнекий, в 1711 году описывая Афон*, заметил, что «старая

* Речь идет о книге: D. Johann Michael Heinecius. Eigentliche und wahrhafftige Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche ... in III Theilen. Leipzig, 1711. — П.К.

церковь в тамошнем монашеском городе Карее построена Константином Великим в память успения Марии» и что «этот же государь создал и Ватопед, который считается древнейшим из всех монастырей на Афоне»⁽¹⁵⁾.

4. Прежде Гейнекия врач Иоанн Комнин в своем кратком описании Афона 1701 года поместил следующие заметки: •[п 39]• «Протатский храм, обширный и наилучший из всех, чествуемый во имя Успения Пресвятой Богородицы, построен Великим Константином, а потом внутри сожжен отступником Иулианом и посему кажется кое-где почерневшим от дыма». «Велелепнейший монастырь Ватопедский, чествуемый во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, создан Великим Константином, спустя же несколько лет разорен отступником Иулианом. ...Монастырь Кастамонит назван так потому, что он есть обитель Константа (Κώνσταντος μονή), то есть святого и великого Константина; ибо он был первый ктитор сего монастыря»⁽¹⁶⁾.

5. До Иоанна Комнина Рико в 1698 году напечатал свое краткое описание Афона и, оговорившись, что весьма трудно отыскать начало построения тамошних монастырей, сказал о них, что слышал от святогорцев. По словам его, «Протатская прекрасная церковь в Карее построена Константином Великим и посвящена Успению Пресвятой Девы; Ватопедский монастырь считается самым древним на Афоне; его создал Константин Великий, а разрушил

отступник Иулиан, возобновили же благочестивые христиане»⁽¹⁷⁾.

6. В 1659 году в нашем Иверо-Валдайском монастыре напечатана была книга «Рай мысленный». В ней помещено следующее сказание святогорца Стефана о построении монастырей на Афоне Константином Великим. «Царь Константин на этой горе, в этом уделе Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, воздвигнул три великия обители в память святого и честного Успения Ея, первую *на восходе*, где пристал корабль с Богоматерию, вторую *на сонмище*, где Она благовестила людям и крестила их, третью *на спуске*, где вошла в корабль и отплыла назад, и в этих обителях посадил множество иноков, и нарек их садом Пречистой Девы, а гору заповедал называть Святою, город же Аполлонию переименовал в Иериссо, что значит *освященный*, потому что он, находясь близ Святой Горы, освящался ею. По представлении же Константина царя и Константия сына его воцарился Иулиан Отступник и разрушил •[п 40]• все, что было воздвигнуто царем Константином, но скоро погиб с шумом. А место Пречистой Богородицы наполнилось иноческими селениями и божественными кровами, как весенними цветами»⁽¹⁸⁾.

Не имея теперь под руками описания Афона, составленного Беллоном и изданного в 1551 году, я не знаю, говорил ли он что-либо подобное вышеизложенным сказаниям Стефана, Рико,

Комнина, Гейнекция и Барского*. Впрочем, ни его согласие с ними, ни молчание не важно, потому что он, как известно, описывал Афон не по тамошним памятям, а наглядно.

Но оставим его в стороне и обратимся к вышеприведенным шести передатчикам монашеских рассказов, чтобы посмотреть им в лицо и узнать, заслуживают ли они внимание историка.

В числе этой шестерицы Гейнекций повторил слова Рико, а Барский перевел сказание Комнина; Рико же и Комнин что писали, то писали с голоса святогорцев; следовательно, показания их, как отголоски чужих мнений, не могут быть уважены историком, и он должен обратиться к самим святогорцам и их позвать на суд и поставить на очную ставку друг с другом, с посторонними достоверными писателями об Афоне и с тамошними актами, дабы открыть ложь, или правду, или смесь той и другой.

По рассказам святогорцев, Константин Великий совершил два дела на Афоне: 1) отдал эту гору монахам,

переселив жителей ее в Пелопонис, и 2) построил одну церковь и два монастыря. Но эти рассказы неосновательны, и верить им не должно по следующим причинам.

Во-первых, святогорцы, говоря о действиях царя Константина на Афоне, ссылаются на историков, а каких историков разумеют, афонских или византийских, этого не говорят. •[II 41]• Можно ли верить голословным показаниям их? Никак нельзя, и вот почему. Ни один византийский историк не упомянул о заселении Афона монахами во дни Константина Великого; святогорцы же никогда не писали истории своих монастырей и даже воспрепятствовали писать ее Есфигменскому игумену Феодориту, о чем он упомянул в своем описании Афона. Вот его слова. «Подумав, что многое, достойное знания историков, то не оповещенное филологами по причине небрежности тех, которые знали дела своего времени, то мимоходом описано кратко и неясно, так что мы, позднейшие, не можем иметь никакого здравого понятия о прошлом быте, я решился сочинить последовательную историю Афона. Это угодно было предстоятелям Великой Лавры Афанасия, а другим не понравилось. Тогда я спросил ватопедского учителя кир Иосифа: почему иные не хотят, чтобы написана была ясная история Горы? Он ответил мне: потому что некоторые монастыри не имеют дееписаний древних, а прослыть монастырями

* Ничего подобного не говорил он, как это видно из его описания Афона, которое я купил уже в Киеве и поместил в своей «Статистике» этой горы. — Прим. П.К. Речь идет о путевых заметках французского натуралиста Пьера Беллона, совершившего путешествие по Востоку в 1547–1550 гг.: Pierre Bellon du Mans. Les Observations de plusieurs singularités et choses mémorables, trouvées en Grèce, Asie, Judée, Egypte, Arabie, et autres pays estranges. Paris, 1551 (неоднократно переиздавалось).

новыми им нелюбю, тем более что они возводят свою древность ко временам отдаленным»⁽¹⁹⁾. Если же историков афонских не было, а византийские не говорили о действиях Константина Великого на Афоне, то ссылка святогорцев на каких-то историков — конечно, не китайских, — не удовлетворяет точного изыскателя исторической правды.

Во-вторых, в многочисленных грамотах царских и патриарших, кои пожалованы были святогорским монастырям, нет ни слова о поселении монахов на Афоне во время Константина Великого. А в числе лиц, подписавших деяния Вселенских Соборов, не значится ни один прот, ни один апокрисиарий афонский, тогда как значатся представители иных монастырей. Итак, Кастамонитский панегирист неосновательно сказал, что афонские проты присутствовали на этих Соборах. (Они иногда заседали в синоде Константинопольских патриархов, но уже в позднее время, с одиннадцатого столетия).

В-третьих, когда царствовал Константин Великий, тогда •[II 42]• монашество только что начиналось в Египте, Палестине и Сирии, а в Риме и на всем Западе, в Константинополе, Фракии, Македонии, где и Афон, и в прочих областях Константиновой империи, не было ни одного монастыря*. Каким же мона-

хам могла быть отдана тогда Афонская гора? Константин, как мы знаем от Евсевия, Сократа, Созомена, построил много церквей для христиан, но не основал ни одного монастыря⁽²⁰⁾. Он потребовал от Кесарийского епископа Евсевия 50 экземпляров Священного Писания для приходских церквей своей новой столицы, но не для монастырей, которых тогда не было. Напрасно же Афон твердит себе и другим, что первый христианский царь был первый учредитель афонского монашества. При нем в 325 году был Первый Вселенский Собор в Никее; а этот Собор не постановил ни одного правила касательно монахов; значит, тогда монашество не только не было признано кафолическою Церковью как высшее проявление христианского жития, но еще и не распространилось из новеньких келий Аммуна, Антония и других первобытных отшельников. Откуда же оно явилось бы на Афоне? Ты скажешь мне, что могли быть там подвижники, подобные олимпийскому Евтихиану — а я попрошу тебя доказать мне исторически, что они там *были*. Но история ничего не скажет тебе об этом. Ватопедская же гробница язычника Германа Иракла 321 года напомним, что при Константине Великом на Афоне жили идолопоклонники.

* Socrat. Hist. eccl. Lib. I. Cap. 13. Историк Сократ упомянул о некоем Евтихиане, подвизавшемся вместе с учеником его Авксаномом у Олимпийской горы, что в Вифинии, и лично известном Константину Великому; но из рассказа его о нем и о чудотворениях его видно только то, что он был муж боголюбивый, ἀνὴρ θεόφιλος, аскет, целитель душ и тел, но не монах монастырский. О каком-либо монастыре на сказанном Олимпе у Сократа нет ни слова.

В-четвертых, на этой горе во дни сего государя и после него, даже в пятом и шестом веке, существовали города: Афос, Стратоникия, Дион, Олофиксос, Аканфос, Аполлония и другие. Они перечислены в известном сочинении Стефана Византийского «*О городах*», περὶ πόλεων, которое в сокращении поднесено •[II 43]• было Иустиниану I, воцарившемуся в 527 году. Если бы святогорцы знали и читали это сочинение, то не стали бы говорить о том, чего не бывало на Афоне, т. е. о перемещении жителей его при Константине Великом и о поселении монахов на этой горе будто бы по воле его. Но извиним их неначитанность.

В-пятых, Стефан Святогорец о постройке трех церквей на Афоне Константином Великим сказал так неопределенно и так темно, что невозможно узнать, на каком там *всходе*, *спуске* и *сонмище* стояли они. Возвышений и покатостей там весьма много, а сонмища, то есть сборные места, или торжища, были в каждом городе: в Клеонах, Карее, Стратонике, Дионе, Аполлонии, Аканфосе и т. д. Где же именно прикажете отыскивать оные церкви? Этот же Стефан сообщил, что царь Константин повелел называть Афон *Святою Горю*, а тамошний город Аполлонию переименовал в Иериссо — *Святков*, потому-де, что он по близости своей к этой горе освящался ею. Забавно! Но не то дают знать афонские древнейшие деписания. В них Афон называется просто горою, *Святою* же именовать ее повелел уже Константин Мономах,

царствовавший с 1042 по 1054 год, а мирских жителей ее выселил сперва Константин Погонат и после него этот же Мономах, а потом царь Алексей Комнин около 1114 года⁽²¹⁾. В этих же деписаниях город Иериссо пишется Ериссо, а с названием Ериссо не соединяется понятие о священности или об освящении. Притом, во время Константина Великого и даже в пятом, шестом веках в списке Афонских городов у Стефана Византийского значился город Аполлония, а об Иериссе не было и помину. Итак, Стефан Святогорец, как писатель не заслуживает полного доверия *в настоящем деле*. Что касается до тех афонитов, которые известили врача Комнина, что Константинова церковь в Карее сожжена была Иулианом и которые в доказательство пожара в ней выставили внутреннюю черноту ее, то эти вестовщики такой глубокой древности, *засвидетельствованной дымом*, сами не знали, что говорили. Я несколько •[II 44]• раз был в этой церкви и рассматривал ее зорко и долго, но не видел ни малейших признаков пожара. Внутренность ее, вся покрытая живописными изображениями (фресками), потемнела от осадков пыли и копоти и наипаче от сырости многоводной Карей. Эта церковь снаружи так неказиста и походит на такой убогий дом, что даже бобыры не почли бы ее постройкою Константина Великого. Вся она с оснований своих создана в позднее время. Сперва склади ее маленькую монахи в конце девятого века, а потом в большем размере с оснований

(sic) построил ее магистр Лев, брат царя Никифора Фоки, по просьбе друга его, Афанасия Афонского⁽²²⁾; после же сожжения ее латинами в октябре месяце 1288 года возобновили ее цари болгарские⁽²³⁾, а починил и расписал прот Серафим в 1534–35 году⁽²⁴⁾. Все это доказывается не дымом, а достоверными свидетельствами, приведенными мною в «Оправданиях» настоящей истории Афона. Не лучше дыма святогорские рассказы и о Кастамоните. Читая их у Барского и Комнина, не знаешь, кто основал этот монастырь, безмолвник ли Конста, безвестные ли иноки, поселившиеся среди *каштановых* деревьев и будто бы по ним назвавшие обитель свою Кастаномони, короче, Кастамони, или царь Константин, которого пресловутое имя никакой грек не превратит ни в Константа, ни в Консту. Меня и всякого, знающего греческий язык, смешит превращение прозвания монастыря Кастамонит в Константинумони, или Констамони. Оно так насильственно, так противно складу греческого языка, в котором из прозвища Кастамонитис никак не выйдет Констамони, что такое насилие может быть объяснено только ревнивым умыслом провозгласить Константина Великого строителем Кастамонита во что бы то ни стало. Вот до чего доводит соперничество святогорцев, когда они задумают хвалиться древностью монастырей своих! Да они и из калгана сделают тебе Кагана или Кастамонита переименуют в Константина, лишь бы уверить тебя, если ты прост, что монастырь у них

древний, царский, Константиновский, а не •[II 45]• Кастамонитский. Но ежели с ложью можно пройти весь мир, то воротиться с нею никак нельзя. Непременно встретишься с обличителями. Так и кастамонитские монахи, оболгавшие святого царя Константина, обличаются их же подлинными грамотами, греческими и сербскими, в которых монастырь их издревле постоянно пишется Кастамонит, а не Констамони, обличаются и подписями древних игуменов, скреплявших разные деписания афонского управления и всегда подписывавшихся так: игумен Кастамонита, а не Констамони.

Итак, все рассказы святогорцев о поселении монахов на Афоне при Константине Великом и о построении для них Карейской церкви, Ватопеда и Кастамонита суть вымыслы ревнивые. Вымыслами признали их и Есфигменский игумен Феодорит, и собеседник его Иосиф, ватопедский учитель, и известный нам Филофеит. Сей последний положительно сказал, что «те святогорцы, которые судят основательно и по деписаниям доискиваются начала монашества на Афоне, не нашли и помину о нем ни в историях, ни в Минеях сказаниях до царствования Михаила III и матери его Феодоры, 840–867 гг., при которых в первый раз пришли на Афон некоторые пустыnnики и безмолвники. (Ἐτεροὶ δὲ ἐπιστατικώτερα κρίνοντες καὶ ἐρευνῶντες δι' ἀποδείξεων τὰς ἀρχὰς τῶν μοναχῶν ἐν τῷ ὄρει λέγουσι· πῶς ἐν τῷ ὄρει τοῦτω οὐχ εὗρίσκεται οὐδεὶς λόγος ἐν

ταῖς ἱστορίαις, οὔτε τοῖς τῶν ἁγίων σημειώμασιν ἐν τοῖς μηνολογίοις, ἀλλὰ μετὰ τὴν δευτέραν εἰκονομαχίαν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Μιχαὴλ βασιλέως υἱοῦ τοῦ Θεοφίλου καὶ Θεοδώρας, τότε μόνον βλέπομεν, καὶ ἦλθον ἐρημίται τινες καὶ ἡσυχασταὶ ἐν τῷ ὄρει). Вместе с этими основательными святогорцами и я не нахожу монахов на Афоне при Константине Великом. Но во дни его были ли там мирские христиане и имели ли свои церкви? — Это иной вопрос. Решением его не занимались ни Феодорит, ни Филофеит, ни другие ученые святогорцы. Как же мне решить его? Постараюсь ответить на него, но после обсуждения остальных повествований святогорцев о царственных покровителях Афона, •[III 46]• именно — о Феодосии Великом, брате его, сыне его Аркадии и о сестрах Аркадия, Плакидии и Пульхерии.

§ 7. О возобновлении Ватопедского монастыря Феодосием Великим и сыном его Аркадием

Известный нам врач Иоанн Комнин в описании Афона поместил подробный рассказ о возобновлении Ватопедского монастыря, будто бы построенного Константином Великим и разоренного Иулианом⁽²⁵⁾. Этот рассказ дословно перевел наш Барский в 1744 году. Передаю перевод его, поставив между скобками то, чего нет в подлиннике Комнина.

«Ватопед создается от различных царей, перее от великаго в царях Кон-

стантина во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы; по неколиких же летех своего создания, егда разорися от отступника Иулиана, обнови его великий Феодосий царь (греческий 390 лета), ради собывшагося чудеси на его сыне Аркадии; повесть же о нем вкратце есть сицева:

Имеяше великий Феодосий от царицы своей Плакиллы двух сынов, Аркадия и Онория нарицаемых, и едину дочь, именуемую Плакидию. Аркадия убо остави наследника царствия своего в Константинополе, Онория же и Константина, зятя своего, посла в Рим с дочерью его, да тамо царствует. Отыде же с ними купно и Аркадий. Возвращающийся же вспять к отцу своему Феодосию в Византию морем, случися великому быти треволнению морскому противу острова Имбро, недалече от святыя горы (Афонския). Аркадий же боящися бедства, не инно что зваше, точию пресвятая Богородице помози мне и егда семо и овамо (страха ради) прехождаше на корабле, запят быв корабельными вервиями, паде в море и абие, о чудесе, обретесе на суше в святой горе, на месте, идеже есть днесь святой сей монастырь, под некою купиною (иже прежде именовахся Благовещения, от тогожде времени проименовася гречески Ватоπαίδιον, еже российски толкуется *Купинодетие* от обретшагося под купиною Аркадия царевича, •[III 47]• отрока суца тогда). По малом же часе достиже и царский корабль к пристанищу монастыря сего, и изшедше (князи и) вельможи вне на

землю прискорбны ради погубления Аркадия; и се, зрят его нечаянно под кустом купины спяща, и возрадовахуся радостию велиею, и тогда убо упокоишася. Егда же возбудися Аркадий, повествова им чудо пресвятыя Богородицы: како избави его от потопления морского и пренесе его тамо, идеже днесь есть студенец недалеко от пристанища при пирге пресвятыя Богородицы, и пребысть тамо с вельможи своими дни многи, корабль же отосла в Константинополь. Слышав же царь Феодосий о случившемся сыну своему Аркадию, разгневался на пловцев и всади их в темницу, имущи намерение умертвити их; но в то время приспе в Константинополь Аркадий посуху к отцу своему Феодосию. Он же радости исполнися и, Богородицу благодарив, абие посла иждивения и художников искусных, да созиждут на месте оном, идеже обретется сын его, церковь в честь (Пресвятыя) Богородицы, написа же и в Рим к сыну своему Онорию и к зятю своему (Константину) и к Плакидие, яже приключишася (присно) Аркадию и о создании храма. Сего ради они послаша в помощь созидания и украшения церковнаго деньги и имения к тому же и четыре столпа от каменя порфирна, зело удивительны, на которые, скажут, яко большее истощися иждивение, нежели на все здание церковное. По повелению убо цареву, создаша первое един пирг, си есть башню с церковию во имя Рождества (Пресвятыя) Богородицы, таже на стране северной иную башню, после-

ди иные четыре башни с церквами даже до башни скевофилакки (си есть ризницы); посем начата от первореченныя башни от страны морской основание даже до башни святого Предтечи и до башни святого великомученика Георгия, близ которые в основании положиша два мрамора, по повелению царя, наподобие буйволов; а от сих башен наченши паки с иными двумя башнями, создаша даже до предреченныя башни скевофилакки и сице сотвориша ограду треугольную с десятью башнями лепотными (и высокими, от них же иные имут высоты до 20 сажений, иные •[П 48]• же больше, стены же на иных местах до осьми сажений, на иных же и до десяти, весь же монастырь вне стеною окрест объемлет сажений двести девять). И егда совершиша вся, прииде царь Аркадий с святейшим патриархом (цареградским) *Кир* Нектарием, и (предреченный) освятиша храм и возрадовашася зело. Кладязь же предреченный оставиша создатели внутри олтаря (его же и доньне место под престолом быти показывают, черным мрамором покровенно), святую же трапезу утвердиша на четырех столпах белых. По седми же летех царствования своего (385 лета) ходившу Феодосию на брань противу отступника Евгения в Солунь, и возвращающуся мимо сея святыя горы победителем, дарова некия вещи многия монастырю сему, сосуды златы и серебряны и прочая драгоценная ради украшения, и в Македонии дарова три метоха, и в Серасе (окрестном Солунском граде) семь весей».

Весь этот рассказ есть самый неудачный вымысел какого-то полуграмотного святогорца. Все в нем ложно. Опровергаю его с помощью историков Зосимы, Феофана и других, предварительно изложив иные рассказы святогорцев.

Сочинитель рукописного Проскинитария Ватопедского, т. е. описания тамошних достопоклоняемых святынь, поведал, что Константин Великий в числе 900 церквей с оснований построил и Ватопедскую обитель в 5829 году от Адама, в двадцатый год своего царствования, и что спустя 25 лет разрушил ее Иулиан богоотступник, а потом возобновил Феодосий Великий в четвертый год своего царствования, церковь же в ней освятил патриарх Нектарий в присутствии царя Аркадия. Когда же Феодосий истребил в Солуне 15.000 христиан и когда Медиоланский епископ Амвросий дал ему епитимию, да раздаст милостыню бедным людям и монастырям, тогда сей государь послал в Ватопед многие сосуды золотые и серебряные и церковь украсил $\mu\epsilon\ \iota\epsilon\rho\acute{\alpha}\ \delta\iota\acute{\alpha}\chi\rho\nu\sigma\alpha$ (золотистыми ризами), а в Македонии дал три метоха и семь деревень, да в городе Серресе пожаловал так •[II 49]• называемый Βατοπαίδιον со всеми угодьями его, а Плакидия, кроме золотых и серебряных сосудов подарила дома и лавки*. Итак Ватопеду даны Феодосием вклады и имущества не по случаю спасения сына его Аркадия от потопления, а по

требованию епитимии. Какая разноголосица!

Кастамонитский панигирист св. архидиакона Стефана, упомянутый выше, сказал, что Ватопедский монастырь строился по смерти Феодосия в царствование сына его Аркадия. А по словам Комнина, передавшего ватопедские вести, этот монастырь соорудил Феодосий, когда Аркадий был еще малолетен. Кому же тут верить? Или лучше: можно ли верить, когда на Афоне в двух ближайших друг к другу монастырях, Кастамоните и Ватопеде, вестовщики разногласят в своих показаниях? Не доверие, а сомнение возбуждают они во всяком, кто мыслит здраво и противоречий не терпит.

Стефан Святогорец, как узнаем мы скоро, поведал, что Ватопед построен был *братом* царя Феодосия по случаю избавления родного сына его (а не царевича Аркадия) от гибели в Афонской пучине. Новое противоречие, которым еще более захлестывается узел!

По рассказу ватопедцев, у Комнина и Барского:

а) Царевичи Аркадий и Онорий и сестра их Плакидия родились от супруги Феодосия Плакиллы.

б) Онория, *посланного* Феодосием в Рим, сопровождали туда Аркадий, Плакидия и муж ее *Константин* за несколько лет до поражения Евгения.

в) Евгений поражен был в 8-й год царствования Феодосия.

г) Победитель Евгения, возвращаясь в Константинополь мимо Афона, подарил Ватопеду утварь и деревни.

* См. в *Оправданиях истории Ватопеда*, № 1.

А по свидетельству восточных историков:

а) Мать Плакидии была вторая жена этого царя, Галла⁽²⁶⁾.

б) Одиннадцатилетнего Онория Феодосий лично воцарил в Риме уже после поражения Евгения, за год до кончины своей⁽²⁷⁾. Тогда семнадцатилетний Аркадий оставался в Константинополе под опекою сановника Руфина, а Плакидия была еще малолетна. Она уже по смерти отца своего •[II 50]• Феодосия († 395 г. января 17) сочеталась браком сперва с готфским царем Адольфом (1 января 414 г.), а потом, по кончине его, вышла не за Константина, а за Константия (1 января 417 г.), который был военачальником у брата ее римского императора Онория и уже им возведен в сан кесаря⁽²⁸⁾.

г) Евгений был разбит Феодосием и лишен жизни в предпоследний, 15-й год самодержавия сего государя⁽²⁹⁾. Он скончался в итальянском городе Медиолане* и в Константинополь привезен уже во гробе⁽³⁰⁾; следовательно, после поражения Евгения Афона не видал и Ватопеду ничего не дарил.

Не могу верить такому рассказу, который противоречит показаниям

наилучших историков, каковы Зосима, Идаций, Марцеллин, Орозий, Феофан. Не признаю самого события по следующим запрещениям здравого смысла и исторической критики. Во-первых, только в сказке можно представить малолетнего царевича, в час бури на море ходящего по кораблю сему и овамо в виду вельмож его и дядьки, а на деле это несбыточно. Если не вельможи, то корабельщики не допустили бы его ходить так по палубе судна, обуреваемого волнами разъяренного моря, да и сам он побоялся бы этих волн и не мог бы держаться на ногах. Во-вторых, Аркадий, (будто бы) запутавшись в корабельных веревках, упал в море против острова Имброса, •[II 51]• от которого до Афона далеко, и вдруг, о чуде, очутился у Ватопеда под кустом и заснул. Его (будто бы) перенесла туда Божия Мать. Но это чудо так чудно и так излишне, что при всей вере в чрезвычайную помощь Богоматери не веришь ему и думаешь, что лучше было бы утишить бурю или безопасно препроводить корабль в Ватопедскую пристань, чем спасать царевича из волн и нести его по морю, под морем, по земле, по воздуху, не зная, где и как. В-третьих, сбыточное ли дело, чтобы вельможи, оставшиеся с Аркадием на Афоне, отослали корабль свой в Константинополь, не дав капитану его письма к царю Феодосию? Ужели они не понимали, что надлежало уведомить государя о спасении сына его, дабы он не беспокоился и не разгневался на корабельщиков? Ужели

* Pauli Orosii Hist. Lib. VII. Cap. XXXV: «Theodosius, composita tranquillitaque republica, apud Mediolanum constitutus, diem obiit». — Idatii episcopi Aquae flaviensis Chronicon, XVII: «Theodosius invaletudine hidropis apud Mediolanum defunctus est anno regni sui XVII». — Marcellini comitis Chronicon: «Theodosius magnus apud Mediolanum vita decessit anno 395 ind. VIII. Corpus eius eodem anno Constantinopolin allatum, atque sepultum».

капитан корабля был так легкомыслен, что не попросил письма к начальству своему для собственной безопасности? Это несбыточно. Итак, ватопедский рассказ хуже складной сказки. В-четвертых, Плакидия, когда был жив отец ее, была еще малолетна. Но рассказчик не знал сего и сразу выдал ее за второго мужа Константина и выставил участницею в постройке Ватопеда, тогда как она и с первым-то мужем, Адольфом, сочеталась браком уже по смерти отца своего. Правду говорят, что лжецу надобно иметь хорошую память. А еето и не имел жалкий вестовщик ватопедской небывальщины. Он в 1701 году подробно рассказал, как в четвертом веке строились башни и стены Ватопеда точь-в-точь в том виде, в каком они стоят ныне, а о кельях для монахов и забыл. Слушаешь его и не понимаешь, где жили старцы и где помещались царь Аркадий и патриарх Нектарий, когда будто бы прибыли в Ватопед освящать соборный храм его. Не достает ни охоты, ни терпения выслушивать или читать такие нелепости. Забудем их и прочтем иной афонский рассказ.

§ 8. О постройке Ватопедской церкви братом царя Феодосия по случаю спасения сына его от потопления

Стефан Святгорец иначе оповестил тот случай, по •[III 52]• которому построен был Ватопед. Передаю слова его с точностью.

«Ватов отрок, сын брата царя Феодосия, на морском пути из Рима в Константинополь в час бури упал с корабля в море. Те, которые везли его, прибыли в Константинополь и, подав Феодосию письмо брата его, поведали гибель отрока в Эгейской пучине. Царь, услышав это, удивился тому, что погиб один племянник его, тогда как все спаслись, и посадил их в темницу, заковав в цепи. Но отрок спасен был чудодейством Пресвятой Богородицы и очутился на суше. Тут невидимый голос сказал ему, чтобы он на этом месте *возобновил храм в память своего спасения, а некоторые жители сего места дали ему совет*, и он сухим путем отправился в Константинополь и, явившись к царю, поведал ему все случившееся с ним и избавил невинных узников. Царь решился *возобновить* храм и отпустил отрока в Рим с письмом к брату своему. Этот принял его с великою радостью и, возблагодарив Бога за чудесное спасение его, немедленно поставил в корабль четыре большие колонны из красного камня, кои приготовил было, намереваясь построить в Риме церковь в честь св. апостола Иакова брата Господня и в память вечную, и отправил их вместе с позолоченною мозаикою из стекла и с разными замазками, красками и другими снадобьями. Когда же работники начали основание *изъцърьповать*, копать, расчищать, то нашли весьма глубокий колодец, а в воде его икону, имеющую образ Пречистой Владычицы нашей Богородицы с Предвечным Младенцем и большую литую свечу.

И о таком чудном обретении была великая радость и веселье. Все возблагодарили Бога и Пречистую Матерь Его за такое чудо, и над колодезем водрузили святую трапезу и состроили храм великий и благолепный, а внутренность его украсили различной мозаикою под стать живописи и, покрыв храм позолоченною медью и вокруг оградив его высокими стенами, создали много дивных и различных покоев •[II 53]• и назвали Ватопедом, что значить Ватов отрок»⁽³¹⁾. (О монахах ни слова!)

Эта повесть сходна с вышеизложенным рассказом Комнина, но и разнится от него. Вот сходства: буря в Эгейском море у Афона, падение отрока в пучину, спасение его Богоматерью и отнесение на сушу к развалинам храма, гнев царя Феодосия на корабельщиков, явившихся к нему без отрока, и заключение их в темницу, прибытие отрока в Константинополь сухим путем и, наконец, постройка храма на месте спасения его и водружение святой трапезы над устьем колодезя. А разности суть следующие. У Стефана из Рима в Константинополь едет по морю сын не Феодосия царя, а брата его и падает в Эгейскую пучину, не путаясь в веревках корабля; спасенный же Богоматерью не спит под кустом, а слышит *неведомый голос*, повелевающий ему *возобновить* разрушенный храм. Вельмож с ним нет тут, нет и корабля, на котором везли его из Рима: корабль этот, потеряв его, отплыл прямо в Константинополь. Отрок не знал, что

делать; но местные жители присоветовали ему ехать в Константинополь сухим путем, куда он и прибыл благополучно. Рассказанное им Феодосию приключение и чудесное избавление возбуждает в этом государе желание возобновить храм на месте чуда. Но возобновляет его не Феодосий, а брат его и отец отрока, послав из Рима готовые колонны и разные материалы. О детях Феодосия, Онории и Плакидии, нет и помину. При копании фундамента открыт колодезь с водою и в нем найдена икона Богоматери с вылитой из воска свечою. Подле выстроенного храма возведены разные горницы. А кем он освящен был, это не сказано. Но зато прибавлено, что его прозвали Ватопαίδι по имени-де спасенного Вата отрока.

Прочитав рассказ Стефана, сознаешь, что этот святогорец сообщил весьма древнее афонское предание о случайной постройке Ватопедской церкви, но вместе понимаешь и то, что сие предание описано им неудачно. У него Ватов отрок падает •[II 54]• в море не зная где, близ ли Ватопеда или далеко от него; а как он узнал, что его спасла Богоматерь, это не объяснено; таинственный же голос, повелевший ему возобновить разрушенный храм, весьма загадочен. Притом в рассказе заметны резкие несообразности. Судите сами. Возобновляется храм, разрушенный Иулианом Богоотступником († 368 г.), и возобновляется при благоверном Феодосии, который воцарился в 379 году, а скончался в январе 395 года, стало

быть, спустя лет 20 или немного более после разорения его, а никто из *местных* христиан, копавших фундамент, не знает, что тут был колодезь и что в нем была укрыта икона Богоматери с восковой свечою! Такое незнание необъяснимо. О *чудном* обретении иконы в колодце все радуются и благодарят Бога и Пречистую Матерь Его *за такое чудо*. Но что чудесного в том, что в колодезе нашлась икона с восковой свечою? Все это нескладно. А самый конец Стефанова рассказа заставляет сомневаться в действительности события. Этот святогорец поведал, что выстроенный храм назван был Ватопедом и присовокупил перевод сего названия с греческого на славянский язык: Ватопеди значит Ватов отрок. Такой перевод всякому эллинисту дает разуместь, что Стефан вместе с современными ему греками писал это название так: Ватопайди, а при таком правописании оно действительно значит *Вато отрок*. Но вот беда и улика Стефану и тем, у кого он перенял такое правописание! Во всех старинных деписаниях афонских и даже ватопедских, начиная с одиннадцатого века до шестнадцатого, название Ватопед постоянно пишется Ватопедіон, что значит *Ватова равнина**. Стало быть, до шестнадцатого века никто на Афоне не думал и не воображал, что Ватопед назван был по имени отрока Вата или по имени отца его, Вата. Но почему же с этого века Сте-

фан и сподвижники его греки переменили Ватопедіон на Ватопайди и начали толковать, что Ватопед значит Ватов отрок? Не потому ли, что выдумали сказку о чудесном спасении отрока Вата для оповещения •[II 55]• глубокой древности Ватопедского монастыря? И не в оправдание ли этой сказки начали писать и печатать Ватопайди? Возможное дело! Вот какое сомнение порождает в уме это новейшее правописание, сопоставленное с древнейшим, Ватопедіон! Невольно думаешь, что ежели одни афонцы решились переименовать монастырь Кастамонит в Константиномони, короче, Константони, дабы Константина Великого объявить ктитором сего монастыря, то и другие вздумали писать Ватопайди вместо Ватопедіон, сложив сказку о знатном отроке Ватове, дабы уверить кого надобно, что Ватопед построен был по случаю чудесного спасения такого отрока от гибели в море и назван был именем его или отца его, Вата.

Но нельзя ли устранить сомнение и отстоять событие при всей неудачности Стефанова рассказа, запутанного лексиконным толкованием слова Ватопайди? Попытаемся и сперва выжмем сущность этого рассказа, а потом допросим историю о братьях царя Феодосия и о детях их и, наконец, посмотрим, существуют ли в самом Ватопеде рукотворенные памятники, подтверждающие событие, которое Стефан рассказал так неудачно. Из рассказа этого святогорца видно, что сын брата царя Феодосия, едучи морем из Рима

* Даже Иоанн Комнин в своем описании Афона постоянно писал Ватопедіон.

в Константинополь, застигнут был бурей у Афона, но спасся в тамошней пристани у нынешнего Ватопеда и оттуда уже сухим путем отправился в Константинополь, где и рассказал царю Феодосию свои опасности и избавление от них. Погостив у него несколько дней, он возвратился в Рим к отцу своему, который и решил построить церковь на месте спасения его от кораблекрушения и отправил туда четыре гранитные колонны и мозаические и другие материалы, кои приготовлены были для нового храма в Риме во имя Иакова, брата Господня. Церковь была построена. Такова сущность сказания Стефана. Но вот и оправдание ее — историческое половинчатое и археологическое полное!

Писатели, современные царю Феодосию и вскоре после него жившие, именно св. Амвросий Медиоланский и Симмах, глухо •[II 56]• упомянули о многих братьях царя Феодосия, которые были старше его по словам первого, а по свидетельству второго дожили до воцарения его; историк же Виктор Младший сказал только то, что у этого государя были брат и сестра и что он любил детей их как своих собственных; а Зосима и Клавдиан поведали, что родной и старший брат его, Онорий, жил в Риме и имел двух дочерей, Серену и Фермантию, из которых первая была супруга знаменитого полководца Стилихона, а вторая была выдана также за военачальника, но имя его неизвестно⁽³²⁾. Прислушиваясь к этим свидетельствам и полагая, что сын

одного из этих братьев Феодосия потерпел кораблекрушение у Афона и что в память спасения его построена была там церковь, которая существует и теперь. Назывался ли он Βαύτων, полатыни Vauto, как назывался этим именем совместный с царевичем Аркадием консул Римской империи⁽³³⁾, и переименовало ли его афонское предание в Βάτο, решать этого не берусь, зная, что ни один из древних летописцев не назвал племянников Феодосия по именам. Но постройку церкви на Афоне братом сего царя отстаиваю, опираясь на ватопедские рукотворные памятники. Будьте внимательны ко мне и слушайте речи мои.

Ватопедское предание гласит, что брат Феодосия (думаю, Онорий) из Рима прислал для новостроящейся на Афоне церкви четыре гранитные колонны багряного цвета, кои приготовлены были для постройки в Риме храма во имя святого Иакова брата Господня. Такие колонны действительно водружены в ватопедской соборной церкви и поддерживают купол ее. Они толсты и высоки, а иссечены из тонкозернистого и плотного гранита египетского, похожего на гранит финляндский. Но таких колонн не смог бы ни купить, ни привезти не только городок Дион (впоследствии Ватопедион), но и весь Афон, населенный малыми колониями еллинов, потому что торговля на этой хлебной горе всегда была незначительна. Эти многоценные колонны могли быть приготовлены и доставлены туда только таким •[III 57]• христианином,

каков был Онорий или другой родной брат царя Феодосия благоверного. Опираюсь на них и признаю *сущность* ватопедского предания, о котором идет речь, отринув, однако, все легендарные прикрасы его. А того, кто возразил бы мне, что гранитные колонны в Ватопеде имеют наглавия византийские новые, а не римские древние, того прошу знать, что тамошняя церковь была попорчена агарянами в 862 году и возобновлена уже в конце десятого века тремя братьями, Афанасием, Николаем и Антонием, пришедшими на Афон из города Адрианополя.

Кроме гранитных колонн, в Ватопеде есть другой рукотворный *древнейший* памятник, который напоминает собою о первой встрече христианства на Афоне с тамошнею мифологией. Это колодезь под святою трапезою в алтаре Ватопедской церкви. Он оставлен тут не без важной причины. Как евангельское повествование о беседе Иисуса Христа с Самарянкою у колодезя патриарха Иакова побудило мать Константина Великого построить церковь над этим патриархальным водоемом, так и над ватопедским колодезем водружена была святая трапеза по какому-либо *веровому* побуждению. Стефан Святгорец сказал, что это сделано было потому, что в оном колодезе обретена была явленная икона Богоматери с Предвечным Младенцем и подле нее большая свеча, вылитая из воска. Но это сказание его неудобоприемлемо. Судите сами. По словам Стефана, Константин Великий на Афоне

создал три великие церкви, первую в память Успения Богородицы, Карейскую (?), вторую на сонмище, где Она проповедовала, Ватопедскую (?), и третью на том месте, откуда Она отправилась с Афона, Иверскую (?); но все эти здания разрушил Иулиан Богоотступник; однако вторая церковь вскоре *возобновлена была* по случаю спасения племянника царя Феодосия.⁽³⁴⁾ Но ведь от смерти Иулиана в 863 году до воцарения Феодосия в 379 году прошло только 16 лет, а до последних дней его 30 лет. Как же обитатели Афона, *видевшие разрушение сей церкви и возобновлявшие ее с оснований* •[III 58]• при этом государе, не знали, что тут был колодезь и что вскрыта была церковная икона Богоматери со свечою? Предположим, что ризничий или пономарь скрыл ее тут поспешно, не сказав сего местным христианам, и удалился безвозвратно; но как же они-то не узнали своей иконы, когда нашли ее в колодезе? Явление ее, по словам, Стефана, было для них чудно. Значит, она как бы внезапно явилась в колодезе, когда расчищаемы были старые основания церкви, и явилась как никем не ведомая. Но как же она оказалась тут? Ужели невидимо упала с неба, да еще со свечою? Ужели написалась сама собою? Но кто же изготовил доску и кто отлил свечу? Допустить эту свечу значит допустить и то, что икона Богоматери вместе с нею в колодезь была ринута человеком. А если так, то местные жители не могли принять ее за явленную: они должны были узнать ее как свою старую икону, пред

которую ставили большую свечу. Однако не узнали. Как же объяснить такое затмение в них? Приходится объяснять одно чудо другим чудом. Но подобные объяснения не впечатлительны. Думать надобно, что Стефан Святогорец не очень верно передал нам старинное предание о диковинах ватопедского водоема, или это предание дошло до него уже превращенное из языческого в христианское. Я утверждаю последнее и объясняю оное предание с помощью мифологии. Слушайте.

Афонская гора древле населена была жителями Пелопоннеса. Они, переходя оттуда, принесли с собою тамошние местоназвания и верования. А в Пелопоннесе на краю одного горного мыса жил-был некий Ваттос *вещий*. Именем его и мыс этот назывался Ваттускопи́а, т. е. Ваттов обзор. Однажды мимо его жилища проходил божок Меркурий, гоня волов, украденных им у Аполлона. Ваттос услышал голос его и обличил его в краже, но дал ему слово никому не говорить о похищенной им добыче, ежели он утолит его деньгами. Меркурий расплатился с ним и потом превратил его в пробный оселок⁽³⁵⁾. Из окрестностей Ваттускопия, по всей вероятности, переселились •[II 59]• на Афон некоторые еллины и новую местность свою в память прежней назвали Ватопедион, а соседний горный мыс — Ваттускопи́а, *каковые названия слышатся там и поныне*. Эта вероятность, оправдываемая сими

названиями, подтверждается еще и тем, что поныне в Ватопеде уцелело предание о мраморных волах, положенных в основание угловой башни Ватопеда, что налево от входа в сей монастырь,⁽³⁶⁾ а волаы эти напоминают волов Аполлона, узанных Ваттом. В Пелопоннесе вещий Ваттос, узнавший этих волов, и местность Ваттускопия, переселение некоторых пелопоннесцев на Афон, и здешние соименные местности, Ваттускопия и Ватопедион, и в основе башни волаы — все это так союзно, что нельзя лучше объяснить названия афонского Ватопеда, как объясняю я... Это название так же древне, как древне заселение Афона еллинами. Пелопоннесские Ватопедцы, пришедши на эту гору, принесли с собою и веру свою мифологическую. А так как в Пелопоннесе существовал прорицательный колодезь богини Димитры, предсказывавший только выздоровление или смерть больных, а не что-либо другое, то подобное прорицалище учредили они и на Афоне. Там в древнейшем городе Арбе (ныне Новая Патра) находился храм Димитры, в котором эта богиня и дочь ее Кори (κόρη — дева) *изображены были стоя*, а пред этим храмом глубился прорицательный родник воды; к нему еллины сходили по нескольким ступеням и, спустив в него зеркало на тонкой веревочке так, что задок его едва касался воды, *палили свечу*, курили благовония и молились Димитре, посматривая на это зеркало; когда же на нем

показывался облик больного, мертвенный или живой, гадали, что он умрет или выздоровеет. Эта богиня давала знамения, *ἑμβόλου*, невидимым голосом, *διὰ τῆς φήμης*⁽³⁷⁾. То же самое было и на Афоне. Наилучшим доказательством тому служит рассказ Стефана Святогорца о Ватовом отроке. В этом рассказе все, кроме зеркала, напоминает колодезное прорицалище Димитры, все — и *рвеник* (колодезь) *глубок зело*, и *образ Девы*, и *свеча*, и *невидимый голос*, *φήμη* •III 60I• и *благознаменательное наставление*, *ἑμβόλος*, Ватову отроку, чтобы он ехал в Константинополь сухим путем. Драгоценный рассказ, хотя и превращена в нем мифология афонитов в христианскую легенду! Он напоминает их мифологию и первую встречу ее с христианством. Итак, приключение с племянником царя Феодосия, постройка храма в Ватопедионе по случаю спасения его и включение колодезя в тамошний алтарь объясняются вот как.

На афонской местности Ватопедион, подле города Диона или внутри его, с давних времен находилось капище Димитры и ее дочери Девы, и в нем — икона обеих богинь этих, а пред этим капищем глубился прорицательный колодезь, в котором еллины вопрошали оную богиню о судьбе больных*. Это

капище при благоверном царе Феодосии постигла та же участь, какой подверглись и все прочие капища. Оно было разрушено, а прорицательный колодезь пред ним, закрытый, остался под грудой развалин. Случилась же у Афона страшная буря, когда в Константинополь ехал на корабле юный племянник Феодосия. От этой бури он едва-едва спасся в пристани Ватопеда, призывая на помощь Богоматерь. Тут задержало его нездоровье. Тогда местные идолопоклонники у развалин прорицалища Димитры без его ведома спросили эту богиню о судьбе его, и когда она понятным для них жреческим знаком, *ἑμβόλος*, *φήμη*, ответила, что он будет здоров, присоветовали ему ехать в Константинополь сухим путем, воображая, что за их приверженность к царствующему дому будет дано им позволение восстановить правдивое прорицалище их. Но обманчиво было это воображение их. На месте капища Димитры, в память спасения царского племянника построена была церковь во имя Благовещения Архангела Деве Марии, подобно тому как в память спасения дочери Феодосия Плакидии от ужасов бури •III 61I• в Адриатическом море создана была церковь в Равенне во имя Иоанна Богослова. Значит, тогда в Афонском городе Дионе вместе с язычниками жили христиане. Благоразумные священники их, желая искоренить всякое языческое суеверие и привычную привязанность к прорицательному колодезю Димитры, включили его в

* Чаше вопрошали женщины; и потому, быть может, Ватопедская пристань называлась, как и теперь, женскою: «Λιμὴν τοῦ Βατοπεδίου λεγόμενος γυναικεῖον». Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ, Προσκνητάριον. Σελ. 61.

недоступный для народа алтарь и водрузили над ним святую трапезу*, а вместо иконы оной богини (найденной в этом колодезе вместе с гадательного свечою еллинов) поставили в своей великолепной церкви икону Богоматери и пред нею у выси алтаря, по обычаю того времени, установили высокий подсвечник с пасхальной свечою, на которой тогда отливался счет христианских подвижных праздников⁽³⁸⁾. Этот обычай сохранился на Афоне до наших дней. Там в каждом соборе пред иконостасом высятся два громадные подсвечника с высочайшими свечами разрисованными, но уже без означения на них праздников.

Так лучше объясняется афонское предание, о котором идет суждение. Излагаю это объяснение в кратких силлогизмах.

Предание, сообщенное нам Стефаном Святогорцем, гласит, что Ватопедская церковь построена была в память спасения от бурной опасности сына брата царя Феодосия. А история свидетельствует, что у сего государя были братья, и в числе их такой, которого детей он любил как своих собственных. Следовательно, часть сего предания о брате и сыне Феодосия верна.

Сын сего брата царева не поименован в истории. Но не поименован в ней

и близкий родственник его, муж Фермантии, дочери Онория, брата Феодосиева. Посему никто не вправе заключать, что его не было.

По афонскому преданию, брат Феодосия возобновил церковь в Ватопеде в память спасения сына своего от потопления в море •[II 62]• и прислал для нее четыре гранитные колонны. А такие колонны поныне стоят там нерушимо. Следовательно, нерушимо и самое предание о них и о спасении племянника Феодосиева.

По этому преданию, строители Ватопедской церкви, расчищая развалины храма, разрушенного Иулианом Богоотступником, открыли колодезь и в нем нашли икону Богоматери с большою свечою и, обрадовавшись явлению ее, включили этот водоем в алтарь новой церкви своей. Но ежели эта икона, кем-нибудь ринутая в колодезь, была известна им прежде, нежели они ставили пред нею пасхальную свечу, назад тому лет 16–20, то не могли принять ее за явленную и чудную, а ежели она, чужая, неведомая, явилась в колодезе чудесно, да еще с вылитой свечою, то непонятно, откуда она взялась и как свеча эта отлилась в колодезе. Следовательно, эта часть предания сомнительна, невероятна, и должна быть другая причина, по которой колодезь включен в алтарь оной церкви.

Ученому не трудно отыскать эту причину.

Афонские ватопедцы были переселенцы из Пелопоннеса, где существо-

* Когда христианство восторжествовало над язычеством, тогда языческие капища обращаемы были в церкви, а жертвенники в св. трапезы. Так, например: капище Адониса в Вифлеемском вертепе, где родился Иисус Христос, включено в тамошнюю базилику. См. Martigny. Dictionnaire des antiquités chrét. Paris, 1865. P. 60.

вало урочище Ваттускопия и находился храм Димитры с прорицательным колодезем. Перешедши оттуда на Афон, они назвали новую селитву свою Ватопедион, а горный мыс подле нее Ваттускопия и учредили такое же колодезное прорицалище, какое было в пелопоннесском городе Арое, что доказывается самым сказанием Стефана Святогорца, в котором выпукло отразилось языческое суеверие ватопедцев, гадавших о судьбе племянника Феодосиева. Жившие с ними христиане, желая искоренить это суеверие, включили прорицательный колодезь в алтарь церкви, которую построил для них брат царя Феодосия.

Кончены мои силлогизмы. Остается, во-первых, точно определить год возобновления Ватопедской церкви, во-вторых, решить вопрос, для кого она построена была, для мирян или для монахов, и в-третьих, указать тот путь, по которому предание •[163]• Стефана, отличное от предания греков, дошло до этого славянина.

По свидетельству «Пасхальной хроники», Феодосий в первый год своего воцарения (379) разрушил капища еллинов до оснований и христианство усилил более, чем Константин Великий; ибо этот только запер языческие храмы, а тот разорил их.⁽³⁹⁾ К сему году я отношу разрушение и ватопедского капища Димитры с его прорицательным колодезем. В следующем 380 году Феодосий, выздоровев от тяжелой болезни в Солуне, сподобился тут крещения и 24 ноября торжественно при-

был в Константинополь, а в 383 году 16 января, по счету других летописцев — 19-го, провозгласил шестилетнего сына своего Аркадия августом⁽⁴⁰⁾. Ко дню сего торжества, я полагаю, спешил из Рима сын Онория, брата Феодосиева в конце декабря 382-го или в начале января 383 года и застигнут был страшною бурей в виду Афона, однако в тамошней Ватопедской пристани спасся от угрожавшей ему опасности и уже сухим путем прибыл в Константинополь. В этом же 383 году началась и постройка Ватопедской церкви в память спасения его от потопления. Отнести начало сей работы к осенней поре 384 года не позволяет следующее обстоятельство: в девятый день сентября месяца сего года у Феодосия родился второй сын, и этот государь назвал его Онорием по имени своего любимого брата, которого тогда уже не было в живых⁽⁴¹⁾.

Около Ватопедской церкви, по рассказу Стефана Святогорца, построено было много дивных и различных покоев внутри высокой ограды. Все эти здания он назвал монастырем. После него Рико, Комнин, Гейнекий и Барский поведали также, что Ватопед возник при царе Феодосии как монастырь. Я соглашаюсь с ними, и — не без оснований, кои суть историческая аналогия и одно минейное сказание. История монастырей известна. При Константине Великом их не было нигде, кроме Египта. А по смерти его (337 г.) они быстро начали возникать во всей греко-римской империи. В 352 году св. Евсевий,

епископ Верчельский, •[II 64]• первый на Западе, установил, чтобы священники и прочие клирики жили как монахи, постясь, молясь и занимаясь чтением книг и рукоделиями, но не давая монашеских обетов. Из среды такого клира, по свидетельству св. Амвросия Медиоланского, выходили епископы и мученики. В 358 году св. Василий Великий учредил монастыри в области Понтийской. В 360 св. Мартин основал первый монастырь в Галлии (*monasterium Locociagense*), а в 372 построил знаменитую обитель Мармутьерскую — плодоносный рассадник епископов. В 366 г. появились монахини сперва в Неаполе, потом в Риме и жили по правилу св. Василия Великого. В 377 процветали девичьи монастыри в Медиолане под руководством тамошнего епископа, св. Амвросия. В 388 году блаженный Августин своим примером содействовал у становлению монашеского жития в Африке, а в 391-м, когда он был уже епископом, основал два монастыря в городе Иппоне, мужеский и девичий, в 396-м ввел в среду своего клира монашескую нестяжательность и общежитие*. С 395 года по 452-й благочестивая дочь Феодосия Великого девственная Пульхерия строила многие церкви и монастыри**. Итак,

неудивительно, что в афонском Ватопедиионе в 383 году возник монастырь. Его видели в начале пятого века преподобные Варнава и Софроний, когда посещали разные места*. Но этот монастырь с дивными и различными покаями был городской клирикальный, а не иноческий. В нем жили священники, диаконы, чтецы, певцы афонского города Диона, все неженатые, по обычаю тогдашнего времени, но не монахи. Тогда на Афоне были порядки западные, потому что он состоял под священноначалием Солунского епископа и Римского папы.

Предание Стефана о постройке Ватопедской обители, выдерживающее •[II 65]• напор критики, заимствовано этим святогорцем от современных ему сербских монахов, живших в одной обители, а эти, как я полагаю, слышали его от ватопедского же подвижника Саввы, сына великого жупана Сербии Стефана Неманя (XII век), который не по прямой линии происходит от рода римских кесарей и до принятия православия был римским католиком и потому лучше греков знал некоторые семейные обстоятельства в царственном доме Феодосия и брата его Онория, происходивших от императора Траяна**.

* Martigny. Dictionnaire des antiquités chrét. Paris, 1865. Т. II. Р. 232. Ordres religieux. — Tablettes chronolog. par Dufresnoy.

** Theophanis Chronographia. Bonnae, 1839. Т. I. Р. 126.

* Афонский патерик. СПб., 1860. С. VIII–IX. — Νέον Λεϊμονάριον.

** Траян и Феодосий происходили из Испании, однако их родство не может быть доказано; еще более легендарна римская родословная средневековых сербских правителей. — П.К.

§ 9. Предание о посещении Ватопедского монастыря дочерью Феодосия Плакидией

Кроме повестей о постройке и возобновлении церкви, в Ватопеде рассказывается еще одно предание о посещении этого монастыря дочерью Феодосия, Плакидией.

Сообщаю и это предание и критическую его с неумолимою строгостью.

Оно содержится в греческой книжке врача Иоанна Комнина, описавшего монастыри афонские, и из нее заимствовано и дословно переведено по-русски нашим паломником Барским в 1744 году. Читайте подлинник в моих оправданиях под № 42-м. А здесь предлагается верный перевод Барского.

«Лета 5890 (382) царица Плакидия, жена Константина, тогда царствовавшего в Риме, дочь же царя греческого Феодосия, прият совет и изволение от мужа своего, да поидет на поклонение в монастырь сей (Ватопед), да видит же брата своего Аркадия, бывшего тогда в Константинополе. Пловущи убо от Рима по морю и dospевши к пристанищу Ватопедскому, еже нарицается ныне *женское*, изыде из корабля вон на брег. Отцы же монастырские изыдоша в стретение ея и приведши ю пред церковь, сами внидоша внутрь храма средними великими вратами медянными; царица же или Богом наставленна сущи, или ради смирения и благоговения, не хотяше внити темижде, •[III 66]• но северными мень-

шими (что близ колодезя)*. И сие ей покушающейся сотворити, абие невидимо слыша глас глаголющий к ней: *стой, не иди далее, да не постраждеши* зле. Она же, егда услыша сицевый глас, паде от страха долу, начат плакаться и молиться Богу, да простит ей сей грех дерзновения; и сего ради воздвиге тамо храм иный (ἑτερον), в честь святого великомученика Димитрия, на месте же, от него же слышала глас, повеле изобразити икону Богоматери и определи, да зажигается пред нею непрестанно горящее кандило, еже хранится и до днесь; нарицается же икона оная *Живопрятная*. Царица же, отплывши в Константинополь, поведа брату своему Аркадию собывшееся чудо. Он же абие посла в монастырь помощь отцем и дары различные, даде и стадо животных, и иные многие доходы обители, даде и двор в Перифеории изряден, купно и четвертую часть приморского озера, и лавок купеческих пять внутрь кастеля (крепости) и повеле, да подается ему жалование от царского сокровища на всяк год злата литр дванадцать, а сребра литр седьмнадцать, еже и до днесь обретается в старом кодексе монастырском записано».

Это предание не помещено в том рукописном Сказании Стефана Святогорца об Афоне, которое хранится у меня в сборнике сербской палеографии. Неизвестно было оно и иностранным писателям, Рико и Гейнекицию,

* Этих слов нет у Барского, а у Комнина читаются.

собиравшим сведения об этой горе. А русские поклонники и насельники Афона не преминули поместить его в своих книгах с добавлениями и изменениями, чего и простить им нельзя. Так, известный святогорец Сергей в своих письмах к друзьям об Афоне прибавил следующую небылицу: «Святогорские отцы законоположили с тех пор не впускать на святую гору женщин, что и поныне соблюдается»*. Эту небылицу повторил и Андрей Муравьев**. А составитель книжицы под заглавием •[III 67]• «*Вышний покров над Афоном*» вот как изменил речь, слышанную Плакидией: «Зачем ты сюда? Здесь иноки, а ты жена; для чего же даешь врагу случай ратовать их преступными помыслами? Остановись! Ни шагу далее, если хочешь себе добра»***. Такое грубое и нецеломудренное велеречие могло прийти в голову только вятскому семинаристу под афонским кукулем. Подобных небылиц не говорили святогорские греки****.

Однако и греческое предание о Плакидии и о бывшем с нею чуде рассказа — весьма неудачно. Нет никакой воз-

можности оправдать рассказ этот во всей полноте его. Все прикрасы его при ярком свете исторической критики и здравого смысла исчезают, как белила и румяна на лице расплываются от жара. Прижариваю этот рассказ, а вы смотрите, как он будет потеть и как слезет с него вся поддельная облицовка.

Рассказывается, что в 5890 году от Адама, 382 от Христа, или 390-м, ежели считать до Р. Х. только 5500 лет, царица Плакидия, жена Константина, тогда царствовавшего в Риме, ходила на поклонение в Ватопедский монастырь. Но в 382 году ее еще не было на свете, ибо она родилась в 389 году; а второй муж ее — Константин, но не Константин — никогда не царствовал в Риме, а жил и скончался в Равенне при дворе римского императора Онурия, брата Плакидии. Все это, как сейчас узнаем, исторически верно. А если так, то онный рассказ, *как он передан нам*, не заслуживает ни малейшего доверия.

Рассказывается, что Плакидия, торжественно встреченная ватопедскими монахами, не захотела войти в церковь их чрез большую среднюю дверь *по наставлению от Бога* или по смирению и благоговению, а пожелала пройти туда чрез малую дверь *северную* и, проходя тут, внезапно услышала голос кого-то невидимого: *стой, не иди далее, да не постраждаешь зле*, — упала от страха на землю и со слезами просила Бога простить ей •[III 68]• *сей грех дерзновения*. Но этот рассказ так нелеп, что и слышать его не хотелось бы. Судите сами. Бог

* Письма Святогорца. Издание 3-е. СПб., 1857. Ч. II. С. 206.

** Письма с Востока. СПб., 1851. Ч. I. С. 199, 200.

*** Вышний покров. СПб., 1860. С. 62.

**** Об авторе книги, святогорском схимонахе Азарии (Попцове), см. ниже (Ч. III/2. С. 532). Несколько эмоциональная оценка некоторых мест из его сочинений еп. Порфирием не умаляет заслуг этого подвижника, чьи анонимные труды познакомили и продолжают знакомить с Афоном русских православных читателей. — П.К.

внушает Плакидии войти в церковь не там, где вошли в нее монахи, а какой-то голос вопиет ей: стой, не то будет тебе худо. Чей же это голос? Какой невидимка осмелился кричать так, несмотря на Бога, наставника Плакидии? Извините, это голос неумного рассказчика. По другим словам его, Плакидия не захотела идти в церковь чрез среднюю дверь по смирению и благоговению; но, о чуде, эти святые чувствования ее каким-то невидимкою опозорены так, что сама Плакидия признала их греховною дерзостью и стала оплакивать. Возможно ли такое превращение? Или лучше, есть ли тут хоть капля здравого смысла? Что за грех войти в храм Божий там и не там, где входят монахи? Рассказчик не знал, что в то время, когда жила Плакидия, все женщины входили в церковь чрез *северные* двери и становились на левой стороне ее⁽⁴³⁾; не знал этого и по неведению своему осудил Плакидию за то, за что вовсе не следовало осуждать ее. Она, по обычаю своего времени, *правильно* вошла в Ватопедскую церковь там, где вошла в нее, и потому ни сама не могла признать такой вход свой греховною дерзостью, ни тогдашние монахи не могли осудить ее за это. А ежели рассказчик посмотрел тут на нее, смиренную и благоговейную, оком мутным и угрюмым, то обнаружил только свое невежество, которое перенесло позднейшее запрещение женщинам быть на Афоне в век четвертый, когда там были города, села и деревни и в них — христианские женщины и деви-

цы, входившие в храмы Божии чрез двери северные.

Рассказывается, что Плакидия, оплакав свое греховное дерзновение, повелела изобразить икону Богоматери на том месте, где слышала неведомый голос, и теплить пред нею неугасимую лампаду, и что эта икона называется *Живопрятною* — ζωοδόχος. Но такое название ее нисколько не напоминает о рассказанном чуде. Если бы это чудо совершилось, то написанная в память его икона была бы названа *Отвещающею* — ἀντιφωνήτρια, или •[Π 69]• *Милующею* — ἐλεούσα, или как-нибудь иначе, только не Живопрятною. Сие последнее название Богоматерней иконы придумано было гораздо позже, в 457–474 годах, когда в Константинополе открылся известный живоносный источник, ζωοδόχος πηγή*. Тогда греки начали изображать Богоматерь Живопрятную, или Живоносную. Итак, в обсуживаемом мною ватопедском рассказе замечен анахронизм. Кроме сего, все указанные в нем предметы, как то: северная дверь церкви близ (прорицательного) колодезя, включенного в алтарь ее, *дерзновенное* шествие тут *смиренной* или *Богом ведомой* Плакидии, неведомый голос, Живопрятная икона, не очень давно изображенная на *штукатурке наружной стены Димитриевского придела* — все это так перепутано и так темно, что ничего понять нельзя.

* Συνοπτική περιγραφή τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει ναοῦ τῆς ζωοδόχου πηγῆς. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1841.

Покидаю эту путаницу, позволив себе сказать только то, что позднейший ватопедский рассказчик, как сдается, не пользовался никаким старинным дееписанием, а передал поверье и говор монахов, не знавших ни хронологии, ни истории, ни иконной археологии, ни судьбы царицы Плакидии, однако слыхавших о богомолье ее на Афоне. Рассказывается, что, когда Плакидия поведала брату своему Аркадию совершившееся для нее чудо, тогда он щедро одарил Ватопедский монастырь, приложив ему между прочим богатый метох Перифеории с четвертою частью рыболовного озера и с пятью торговыми лавками и повелев производить денежное жалованье из царского сокровища. В конце рассказа упомянуто и то, что такие щедроты записаны в старом кодексе монастырском. Но, к сожалению, не сказано, как древен этот кодекс, т. е. когда он написан, в пятом ли веке при Аркадии, или в конце десятого века, когда Ватопед возник из развалин, или гораздо позже. А такое молчание, намеренное или ненамеренное, отнимает у рассказа достоинство точности и побуждает критика делать соображения и поверять рассказ подлинными дееписаниями Ватопедского монастыря. Начинаю эту работу. •III 701•

Если бы оный кодекс был современен Аркадию и Плакидии, то ватопедские вестовщики не преминули бы похвалиться такою глубокою древностью и выставить ее напоказ. Но они не показали ее ни мне, ни Барскому,

ни Иоанну Комнину, от которого отделились неопределенным выражением: Всё-де это записано в старинном кодексе. Значит, такого *наидревнейшего* кодекса у них не было и нет. Да и как бы мог уцелеть он, когда весь Ватопед разорен был агарянами? Если бы ватопедцы спасли его от этих варваров и спустя несколько десятков лет принесли его к возобновителям сего монастыря, трем адрианопольским братьям, то об этом было бы упомянуто в сказании о сих ктиторах, но тут нет ни слова о сем предмете, хотя и говорится об укрытии от агарян Богородичной иконы в колодце и об открытии ее спустя 70 лет. А предполагать, что ватопедцы по возобновлении монастыря их отыскивали свои права на владение Перифеорийским метохом в архиве Солунском и тогда же вписали его в свой кодекс, предположить это не позволяет следующая юридическая правда. Из подлинных грамот царя Андроника Старшего, 1292 года, индикта 5, и 1301 г., индикта 14, видно, что *в эти годы* Ватопеду принадлежали метохи, деревни и разные угодья в городах Серрассе и Фессалонике, на Кассандрийском полуострове, в окрестностях Афона и на самой горе этой, *но не в Перифеории*, о которой нет тут и помину. А грамота Андроника Младшего 1329 года, индикта 12, доказывает, что все эти имения принадлежали оной обители по силе хрисовула деда сего царя, Михаила Палеолога, и что уже в царствование Андроника Старшего, после 1301 года приобретены

были Ватопедом: 1) метох св. Димитрия в городе Серрасе, подаренный ему теткою царя Андроника Младшего, Феодорою, и сыном ее, Иоанном из рода Кантакузинов; 2) внутри Серраской крепости дома и виноградники, купленные ватопедцами у Куртика и Кентарха; 3) в Водене гостиница и водяная мельница с угодьями, купленная ими у дяди сего же Андроника и у великого стратопедарха Ангела; 4) в •[П 71]• Ермилии метох св. Димитрия, тоже купленный ими не очень давно, и 5) в Перифеории метох св. Георгия с землею. Итак, вот когда достался Ватопеду метох Перифеорийский — в царствование Андроника Старшего, а не при императоре Аркадии!!! Этот же самый метох упомянут и в грамоте Иоанна Палеолога 1357 года*. После этого не надобно верить ни тому, что Феодосий Великий дал Ватопеду разные угодья в Македонии по поводу наложенной на него епитимии за избиение жителей Солуня, ни тому, что сын его Аркадий одарил эту обитель весьма щедро по случаю чуда с сестрою его Плакидией. Ватопед, как видно из подлинных актов его, приобрел имения в Македонии и в Перифеорийской крепости (у устья реки Стримона, недалеко от Афона), приобрел то покупкою, то по дарственным записям, уже во дни царей Михаила Палеолога, сына его Андроника II и внука Андроника III, с 1261-го по 1341 год. Тогда

же описи этих имений внесены были и в монастырский кодекс. А так как в XIII и XIV веках подобные акты писались стенографически, то позднейшие ватопедцы, современные врачу Иоанну Комнину (1700 г.), плохо читавшие стенографию, прочли в кодексе вместо Ἀνδρόνικος, Ἀρκάδιος, — сами обманулись и других ввели в заблуждение.

После такого критического разбора нет никакой возможности возвести афонское предание о Плакидии на степень *исторической правды*. Но нельзя ли признать оное *историческою вероятностью*, отринув все легендарные прикрасы его и удержав одну сущность? Нельзя ли внести в историю Афона только то, что Плакидия на пути из Рима в Константинополь посетила афонский Ватопед?

Обратимся к древнейшим писателям, говорившим о сей царице, и, сколько можно, воспользуемся их сказаниями о ней.

Плакидия, дочь царя Феодосия и Галлы, родной сестры императора Валентиниана II, родилась в Константинополе в 389 году. •[П 72]• Скоро она лишилась своей матери, скончавшейся от родов в 394 году. Тогда отец ее после поражения тирана Евгения, находился в городе Милане. Почувствовав приближение смерти, он вызвал туда десятилетнего сына своего Онория, младшую сестру его Плакидию и тетку их Серену, супругу военачальника Стилихона, и в церкви поручил их св. Амвросию Медиоланскому как духовному отцу,

* Смотри *Оправдания моей истории Ватопеда*.

а Стилихона назначил главным военачальником и распорядителем всех дел в западной империи на все время малолетства Онория, который провозглашен был римским императором. В 17-й день января месяца 395 года не стало в живых великого Феодосия. Св. Амвросий Медиоланский произнес надгробное слово в 40-й день по смерти его и ублажил память сего великого государя католического. В ноябре месяце сего же года бранные останки его, перевезенные в Константинополь, положены были в царской усыпальнице подле церкви Святых Апостолов.⁽⁴⁴⁾ Плакидия осталась при брате своем Онории и выросла красавицей (Jornand. Res Getarum, 31). Когда визиготфский царь Аларик ночью под 24-й день августа 410 года взял и разграбил Рим, тогда она была в этом городе и досталась ему в плен*. Такая добыча обрадовала его несравненно более, чем золото и серебро и прочие драгоценности, найденные в столице мира, потому что он надеялся посредством Плакидии возобновить свои прерванные договоры с императором Онорием, который в это время жил в Равенне, и получить от него сан патриция и начальника римских войск по примеру Стилихона, родом вандала. После трехдневного грабежа в Риме Аларик с войском своим ушел оттуда сперва в Кампанию, потом в Бруттиум. С ним

была Плакидия, эта политическая надежда его. В лагере ей отдавались царские почести*. В Бруттиуме •[ш 73]•, подле города Консенции Аларик скончался**. Визиготфы похоронили его в русле реки Барентины, отведши ее в сторону и потом направив на прежний путь (Jornand. R. Get. 10) и избрали себе вождем брата его Атаульфа (Адольфа). Этот даровитый и храбрый готф, молодой вдовец и родитель многих детей, порученных им епископу Сигезару (Olymp. 26), видя всю слабость римского императора Онория, его сената и его всемирной столицы, которую так легко было взять и разграбить, решился изгладить самое имя «Рим» и говорил, что вместо Романии отныне будет Готфия***. Но он не знал, что в мире есть нечто посильнее силы военной — это политический ум, обаятельная цивилизация и красота тела и души в умной женщине, не знал этого и сам весь преобразовался под влиянием этих могучих сил, явившихся из развалин Рима. Им овладела пленница его Плакидия, и из готфа сделала его римлянином. Эта красивая и умная испан-

* «Placidia quoque soror imperatoris cum Alarico erat, vicem illa quidem obsidis modo quodam implens, tamen ita ut omni honore cultuque regio frueretur». Zosim. VI, 12.

** «Iuxta Consentinam civitatem». Jornand. R. Get. 30.

*** «De eo (Athaúlfo) saepe sub testificatione didicisse, quod ille, quum esset animo, viribus ingenioque nimius, referre solitus esset, se in primis ardentem inhiasse, ut oblitterato Romano nomine, Romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret; essetque Gothia quod Romania fuisset». Oros. VII, 42.

* «In qua urbe (Roma) incredibilem argenti vim praeda avertit, quin et sororem Honorii Placidiam, Romae tum agentem, captivam habuit». Olympiodori fr. 3. Ed. Didot. Paris, 1851.

ка с характером обворожительным и мужественным, совмещавшая в себе женственную обаятельность своей матери, пламенную набожность своего отца, непреклонную твердость своего деда, справедливая не без жестокости*, которую она выказала над своею теткою Сереною, задушенною Сенатом за тайные политические сношения с Алариком, — эта испанка, наследовавшая от своего отца высокие понятия о кафоличестве единой веры и единой Церкви, о духовном владычестве Рима и Константинополя над всеми народами посредством оной веры и Церкви и о единодушии всего императорского семейства, эта пресловутая героиня древнего времени, став пленницей готфов, переносила злополучие свое с полным самоотвержением и с •[II 74]• царственным величием, как христианка и как дочь и внука царей великих. Грубые, но добросовестные и богобоязненные готфы уважали ее и удивлялись ей. Атаульф спрашивал ее о многом, выслушивал советы ее и исполнял их, так что она была скорее повелительница, нежели пленница в походном стане его. В течение трехлетнего похода (411–413) и неудачных переговоров его с Онорием о поселении готфов в римских владениях она так обаяла и так преобразовала Атаульфа, что он уже воздерживался от войны и думал о мире («Abstinere a bello... inhiare paci

* «Censuit senatus et universus Senatus, et Placidia, principis uterina soror, Serenam esse necandam, quae praesentium malorum auctor extiteret». Zosim. V, 38.

videbatur». Oros. VII, 43). В нем никто не узнавал того героя, который из Романии хотел сделать Готфию. Этот повелитель готфов, мечтавший быть тем, чем был Цезарь Август («fieretque nunc, quod quondam Caesar Augustus». Oros. VII, 43), стал походить на приятеля Клеопатры, Антония, и уже хвалился тем, что понял превосходство римского народа и его законов, искусств, наук, общежития и добровольного повиновения верховной власти, и не без сожаления говорил, что его готфы дики, что их господство вредно для человечества, что им лучше служить Риму и быть его опорой* и что сам он не в силах создать мир новый и желает слыть в потомстве возобновителем мира древнего**. Таковы были речи его к приближенным к нему готфам и римлянам. В откровенных беседах с ними он даже сознавался, что всю эту перемену произвела в нем Плакидия, научившая его смотреть на Рим другими глазами и поддерживать то, что он хотел разрушить***. Итак, эта дочь •[II 75]•

* «At ubi multa experientia probavisset, neque Gothos ullo modo parere legibus posse, propter effrenatam barbariem, neque Reipublicae interdicti leges oportere, sine quibus Respublica non est Respublica, elegisse se salutem, ut gloriam sibi, et restituendo in integrum augendoque Romano nomine Gothorum viribus quaereret». Oros. VII, 43.

** «ut haberetur apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator». Oros. VII, 43.

*** «Praecipue Placidiae, feminae sane ingenio acerrimae et religionis satis probatae, ad omnia bonarum ordinationum opera persuasus et consilio temperatus». Oros. VII, 43.

великого Феодосия, заставив Атаульфа полюбить Рим, предотвратила часть бедствий, накликаемых на него слабым братом ее, Онорием. Атаульф любил ее красоту и целомудрие*. Находившийся при нем римлянин Кандидиан присоветовал ему жениться на ней**. Свадьба была отпразднована 1 января 414 года в доме некоего Ингенуя, первого гражданина Нарбонского***. Поэты и певцы Аттал, Рустиций и Фебадий пели стихи в честь новобрачных****. Подле Плакидии, одетой в царские одежды, сидел Атаульф, наряженный по-римски*****. Он невелик ростом, но хорошо сложен и красив лицом*****. В числе его брачных подарков возлюбленной невесте красовались пятьдесят благообразных мальчиков, из которых каждый, в шелковой одежде, держал в обеих руках своих два блюда, и на одном золото, а на другом драгоценные камни, награб-

ленные в Риме*. Христиане, удивленные таким неожиданным событием, перелистывали пророчества и приложили к новобрачным предсказание Даниила: *настанет день, когда царь северный поймет себе в жену дочь царя южного, •[III 76]• но от них не будет потомства***, что и исполнилось буквально, как сейчас узнаем. Атаульф и Плакидия домогались, чтобы император Онорий признал их брак, но получили отказ. Рождение сына, которого они назвали Феодосием, пробудило в них надежду на сближение с Онорием***. Но и эта надежда их не сбылась. Любимец сего государя Константин (будущий второй муж Плакидии), начальник войск, расположенных в Галлии, поджигал подозрительность и гнев его и изгнал Плакидию и Атаульфа из Нарбоны. Оба они отправились в Испанию, родину великого Феодосия. Но и тут не посчастливилось Плакидии. В тамошнем городе Барселоне она лишилась своего сына и с ним потеряла двойной залог любви и чаемого примирения с братом. Безутешные супруги положи-

* «Quam tamen (Placidiam) ob generis nobilitatem, formaeque pulchritudinem, et integritatem castitatis attendens». Jornand. R. Get. 31.

** «Athaulfo, studio ac consilio Candidiani, nuptiae cum Placidia celebrantur». Olymp. 24.

*** «Januario mense, in Narbone Galliae urbe, in domo Ingenui cuiusdam, primarii huius urbis viri». Olymp. 24.

**** «Hinc versus canuntur epithalamii, Attallo praecinente, dein Rusticio atque Phaebadio». Ibidem.

***** «Hic digniore loco residente Placidia in thalamo Romano more adornato, habituque regio, assedit ipsi et Athaulfus loena indutus caeteroque amictu Romano». Ibidem.

***** «Non adeo proceritate staturae formatus, quantum pulchritudine corporis, vultuque decorus». Jornand. R. Get. 31.

* «Inter alia nuptiarum dona Athaulfus offert etiam quinquaginta formosos pueros, serica veste indutos, ferentes singuli utraque manu ingentes discos binos: quorum alter auri pleniis, alter lapillis pretiosis vel pretii potius inaestimabilis, quae ex Romanae urbis direptione Gothi depraedati fuerant». Olymp. 24.

** «In quo profetia Danielis putatur impleta, qui ait filiam regis austri sociandam regi aquilonis; nullo tamen eius ex ea semine subsistente». Idatii Chron. anno 414.

*** «Adaulfus, nato sibi e Placidia filio, cui Theodosii nomen dedit, in Romanorum amicitiam propensior esse coepit». Olymp. 25.

ли младенца своего в серебрянный гробок и поставили его в загородной церкви*. Пророчество сбылось! Ибо вскоре умер Атаульф от рук злодея**. Умирая, он указал готфам на брата своего как на преемника власти и советовал им отправить Плакидию к Онорию и заключить с ним прочный мир. Но не исполнилось ни то, ни другое. Готфы, не любившие его за расположенность ко всему римскому, избрали и провозгласили вождем своим Сингериха. А этот тотчас истребил всех детей Атаульфа, рожденных от первого брака и воспитывавшихся у епископа Сигезара*** (пророчество сбылось!), а •III 771• Плакидию понудил идти пешком среди множества пленников****. Она шла так 12 миль. Спустя семь дней Сингерих был убит готфами за то, что хотел мириться с Онорием*****. Преемник его Валлиа обращался с Плакидией почтительно, но во время голода продал ее императору Онорию за 600 000 мер пшеницы.

* «Exstinctum autem postea infantem vehementer uterque parens luit, argenteaque capsula conditum juxta Barcinonem in templo quodam sepelierunt». Olymp. 26.

** «Gladio perforatus Vernulfi, de cuius solitus erat ridere statura». Jorn. R. Get. 31. — Olymp. 26.

*** «Qui successit, Sari frater, Singerichus, studio potius ac vi quam successione aut lege, Adaulfi e priore conjuge liberos vi e sinu Sigesarii episcopi abreptos occidit». Olymp. 26.

**** «Ipsam Placidiam in Adaulfi contumeliam pedibus ante equum una cum caeteris captivis ambulare coëgit, idque toto illo spatio quod est ab urbe ad duodecim usque lapidem». Olymp. 26.

***** «Cum ... ad pacem pronus esset, a suis interfectus est». Oros. VII, 43.

Ему отмерили зерно, а Плакидия возвратилась к своему брату*. Но и у него не нашла она того спокойствия, которого жаждала. Любимец Онория, Константин, о котором я упомянул выше, только что произведенный в сан патриция с правом на консульство в Римской империи, беспокоил ее, злополучную, своими любезностями. Он был честный и храбрый полководец, но немного площадный. Занятый своею красивой наружностью, он любил показываться на площадях и гарцевать пред войсками, изгибаясь направо и налево и выпрямляясь грациозно, дабы все видели высокий рост его и гибкий стан**. Во время придворных торжеств он ходил и сидел со всею важностью сенатора, а по вечерам за столом забывал свой сан до того, что забавлялся вместе с шутами***. Однако был любим. Онорий признавал его даже гением и прочил сестре своей в супруга. Но она не любила его****.

* «Euplutijs Magistriani ad Valliam, Gothorum praefectum, mittitur qui pacis foedera iniret, Placidiamque reciperet. Ille commode recepit, missaque frumentatione sexcentorum millium, Placidia Euplutio tradita ad Honorium fratrem remittitur». Olymp. 31.

** «Erat ipse Constantius, quum prodiret, sub tristi vultu ac tetrico, magnis oculis, sublataque cervice, et plano capite, inclinans se omnino in equi, quo vehebatur, collum, et sic huc illuc oblique torquens oculos, ut quod veteri verbo dicitur, tyrannide digna forma omnibus appareret». Olymp. 23.

*** «In coenis tamen atque conviviiis jucundus adeo civilisque fuit, ut etiam cum mimis interdum ad mensam ludentibus contenderet». Olymp. 23.

**** «Has ipsas nuptias quum vehementer detrectaret, effecit, ut ipsius famulis indignaretur Constantius». Olymp. 34.

Настал •[III 78]• новый год 417. В первый день его Плакидия по обычаю пришла к Онорию и, как только пожелала ему долгого и счастливого царствования, он взял ее за руку, подвел к Константию и насильно обручил ее с этим патрицием*. Она покорила нехотя, безмолвно; и вторая свадьба ее была пышно отпразднована в Равенне, спустя ровно три года после первой**. Константин отправился в Галлию в качестве императорского наместника. А Плакидия не захотела более видеть эту страну, в которой испытала так много горя, и осталась в Равенне. В 418 году она родила дочь Онорию, а в следующее лето сына Валентиниана и с сей поры всемерно домогалась престолонаследия. В 421 году бездетный брат ее Онорий хотя-нехотя («*fratre paene repugnante*», Olym. 34) дал ей титул августы, а мужа ее провозгласил соправителем своим, сына же их почтил саном нобилиссима, который давал право на престолонаследие***. Оставалось им получить подтверждение этих прав от государя Феодосия II, царствовавшего

в Константинополе; и они, по обычаю, послали к нему портрет Константия как знак включения его в императорское семейство; но Феодосий в видах единства империи и власти не принял ни портрета, ни посла*. Тогда Константин озлобился и угрожал Феодосию войной, но среди бранных приготовлений заболел и умер 2 сентября 421 г., •[III 79]• быв шесть месяцев императором по одному имени**. По смерти его Плакидия стала полною хозяйкой во дворце своего брата. У нее были свои советники и почти министры, свои придворные и телохранители из визиготфов, которые верно служили ей как своей прежней царице***. Умная и любочестивая, она вмешивалась во все государственные дела. Те, которые знали мрачный характер брата ее Онория и его страсть повелевать, не понимали, как он мог допустить такое вмешательство ее, и начали объяснять это *пре-*

* «Honorius imperator frater eius (Placidiae) invitam Constantio manu apprehensa tradit, nuptiaeque splendide celebrantur». Olym. 34.

** Oros. VII, 43. — Idat. Chron. 22. — Prosper. Chron. anno 416. — Prosper. Tiron. 21.

*** «Constantius vero Honorii in augustali imperio collega fit, ab illo quidem ipso, sed paene repugnante, constitutus. Placidia quoque Augusta a fratre et marito dicta est». Olym. 34. «Hinc nata filia, quam Honoriam nominarunt, filius item, cui Valentiniano nomen datum, qui, superstitie etiamnum Honorio, Nobilissimus dictus, impellente fratrem Placidia». Ibidem.

* «Dein ad Theodosium, qui fratre Honorii genitus Orientis partibus Augustus imperabat, de Constantii imperatoris electione nuntius mittitur, minimeque receptus est». Olym. 34. — «Constantii igitur imagines, ut moris erat eorum, qui recens ad imperium promoti erant, missae sunt in Orientem. Sed Theodosius, quum nuncupationem augustam Constantii improbaret, imagines eius non admisit». Philost. XII, 12.

** «Exstincta in Occidentem ira atque expeditione, quam, quod ad imperii societatem admissus nonesset, animo agitabat». Olym. 34. — «Constantius ob hanc contumeliam sese ad bellum parabat, mors superveniens, vita simul et curis eum liberavit, cum ira perasset mensibus sex». Philost. XII, 12.

*** «Adhaerebat etiam ipsi adhuc barbarorum turba, quum ex Aduulfi, quum ex Constantii imperatoris conjugii». Olym. 40.

ступною любовью их, заметив, что Онорий часто целовал ее в губы*. Они обманывались. Поведение набожной Плакидии было неукоризненно до последних дней ее**. Она останавливала страстные порывы брата своего с помощью своей кормилицы Елпидии и своего интенданта Леонтия. Но за это Онорий вдруг возненавидел ее и стал остерегаться ее, как будто жизнь его была в опасности. Он даже обвинял ее в заговоре с готфами***. Тогда двор, войско и народ разделились так, что сторонники Онория не раз дрались со сторонниками Плакидии на улицах Равенны****. В этой неравной борьбе женщина должна была •III 80• ослабеть. Изгнанная из дворца и из города за мятеж против императора, Плакидия сослана была в Рим («Romae in exilium relegata». Prosper. Tiron. chron. ann. 423) с детьми ее, Онорией и Валентинианом. Здесь придворные друзья ее счастья разошлись один после другого, и она осталась одна со своим горем. Ей

оставалось ехать в Константинополь к племяннику своему Феодосию II, но у нее не было денег. Тогда сжалился над нею правитель Африки граф [comes] Вонифатий, некогда ранивший первого супруга ее во время осады Марселя, и доставил ей деньги и все нужное для путешествия в Царьград*. Она отправилась туда на корабле. Это было в 422 году. Во время плаванья случилась страшная буря в Адриатическом море, угрожавшая гибелью этой единственной плодоносной отрасли Великого Феодосия. Плакидия в самый опасный час дала обет построить церковь во имя св. Иоанна Богослова, ежели молитвами его Бог спасет ее с детьми. Обет ее был услышан на небе. Буря утихла. В память своего избавления царица построила в Равенне церковь, в которой поныне уцелела мозаическая картина, представляющая спасение ее от гибели в море, с надписью сверху: *Обет Плакидии и детей ее за спасение от моря***. Когда же она приехала в Константинополь, Феодосий II лишил ее всех титулов и знаков, кои она носила на западе и кои доказывали ее право на царский престол, и поместил в дальней части города, где она жила уединенно, пока не высвободило ее от туда одно нечаянное обстоятельство —

* «Honorii erga sororem affectio tanta fuit, ex quo Constantius, eius maritus, vita decessit, ut perdit nimis amando et assidue os eius osculando turpis apud multos consuetudinis suspicionem non effugerit». Olymp. 40.

** «Post irreprehensibilem conservationem vitam explevit». Prosper. Tiron. Chron.

*** «Sed hic amor in tantum brevi vertit odium, allaborantibus Spadusa atque Elpidia, Placidiae nutrice, quibus ilia tribuerat plurimum, adjuvante ipsas Leontio illius curatore». Olymp. 40. — «Ob suspicionem invitatorum hostium, Placidia, cum insidias fratri tenderet, deprehensa est et Roma in exilium relegata». Cassiodor. chron.

**** «Ita ut seditiones Ravennae existerent ... et vulnera etiam utrinque inferrentur». Olymp. 40.

* «Solut Bonifacius fidem illi servans, tum ex Africa, cui praeerat, pecuniam, ut poterat, submit, tum ad alia ei obsequia praesto erat». Olymp. 40.

** Gruter. Inscr. Roman. P. 1048. Inscriptio I. — Tillemont. Histoire des Empereurs. [Venise, 1738]. T. VI. P. 622.

смерть брата ее Онория, скончавшегося от водяной болезни 27 августа 428 года*. Феодосий II хоть и скрывал кончину его, стягивая, однако, войска свои к границе Италии и рассылая повсюду сановников с поручением действовать в •[Ш 81]• его пользу, а Плакидию и восточные области занимая противоречащими известиями**, но когда римский сенат провозгласил императором некоего Иоанна и объявил свободу вероисповеданий и когда в Африке граф Вонифатий признал императором сына Плакидии Валентиниана, тогда Феодосий вдруг переменял образ действий, призвал к себе эту царицу с детьми, пожаловал им все императорские права, кои, однако они имели прежде***, и отправил их в Италию, приказав генералу Гелиону быть при них, пока армия не возведет их на престол Онория. Армия сделала свое дело. Сенатский император Иоанн был обезглавлен****, а семилетний сын Плакидии в Риме провозглашен был императором*****. Во время малолетства его государством управ-

ляла Плакидия*. Она скончалась в Риме 27 ноября 450 года**.

Такова была судьба этой счастливой, злополучной и благополучной царицы. Во дни ее и по смерти ее слава о ней гремела во всей тогдашней империи, на западе и востоке, даже в Вифлеемской пещере Рождества Христова, где подвизался блаженный Иероним***. Итальянцы долго почитали ее как святую, молились у гробницы ее, стоявшей в малой, но красивой церкви подле монастыря св. Виталия в Равенне, и не раз сподоблялись чудесных исцелений.

Итак, неудивительно, что эта доблестная и неукоризненная (*irreprehensibilis*) царица была известна и на Афоне. Стоустая молва о ней разносилась и на этом неизбежном перепутье ее между Римом, Солунем и Константинополем. Но вот вопрос: была ли она в тамошнем Ватопеде и строила ли тут церковь во имя св. великомученика Димитрия

* Olymp. 41; Philost. XII, 13; Idat. Chron. anno 428.

** Там же.

*** «Remissa est Constantinopoli Placidia cum liberis adversus Johannem tyrannum: et illa quidem Augustae nomen, Valentinianus vero Nobilissimi titulum iterate suscepit». Olymp. 46.

**** «Illic dextra manu prius amputata, potea etiam capite truncatus est». Philostorg. XII, 13.

***** «Helion vero Romam invasit, omnibusque eo confluentibus Valentinianum jam septennem veste induit imperatoria». Olymp. 46.

* «Consobrinum suum Theodosius auctum Caesaris dignitate in Occidentis partes direxit, matri ipsius Placidiae rerum administrationem committens». Socr. VII, 24.

** «Placidia quoque post irreprehensibilem conversationem hoc anno vitam explevit». Prosp. Tyr. Chron. ann. 450. — «Valentiniani imperatoris mater Placidia apud Romam moritur». Idat. Chron. anno 450. — «Placidia defuncta est V Kalendas decembris». Prosp. Aquitan. Chron. anno 450.

*** «Nam ego quoque ipse virum quemdam Narbonensem, illustris sub Theodosio militiae, etiam religiosum prudentemque et gravem, apud Bethleem oppidum Palaestinae, beatissimo Hieronymo presbytero referentem, audivi, se familiarissimum Ataulpho apud Narbonam fuisse». Oros. VII, 43.

Солунского? Решаю этот вопрос неотрицательно.

Правда, древние летописцы в своих сказаниях о Плакидии не упомянули о поездке ее на Афон. Но они не упомянули и об опасностях ее на Адриатическом море и о постройке церкви в Равенне в память избавления ее от гибели в морской пучине. Однако то и другое было, свидетели тому — не летописи, а оная церковь и в ней мозаическая картина с именем спасенной от бури Плакидии. Так была и поездка ее на Афон; но вестником тому служит не история, а местное предание о Богомолье этой царицы в тамошнем Ватопеде.

Это предание, без легендарных прикрас его, выдерживает напор критики. Оно гласит, что Плакидия ехала морем из Рима в Константинополь. А она действительно совершила это путешествие, только не в 382, а в 422 году. Следовательно, эта часть предания верна.

Оно гласит, что Плакидия, достигнув Ватопедской пристани, вышла тут на берег и молилась в местном храме. И эта часть предания *вероятна*. Ежели сия царица, утомленная •[П 83]• долгим плаванием по бурной Адриатике, по Средиземному морю мимо Пелопоннеса и по Архипелагу мимо Аттики и Негропонта, миновала заливы Солунский и Торонский и направилась в омывающий Афонские берега залив Сингитский, дабы Ксерксовым тут каналом переехать в залив Стримонский,

что было обычно, то Ватопедская пристань была у нее на пути в Константинополь, и только мимо ее она могла плыть туда между Афоном и островами Фасом, Самофраки и Имбросом, ибо другого прямого пути по морю тут нет. А ежели Ксерксов канал тогда уже обмелел или засорен был обвалами берегов его, то все-таки Плакидии удобнее было подплыть к засоренному устью сего канала и на колеснице переехать плоский и узенький, с версту, Афонский перешеек и на берегу его, у города Аполлонии, пересечь на другую царскую галеру, чем огибать высочайший край Афона, весьма опасный для кораблей; но и в таком случае ей нельзя было миновать Ватопедской пристани. Эта пристань была в виду у нее. В виду был и тот храм, который недавно устроил родной дядя ее Онорий по случаю спасения сына его от потопления в Эгейской пучине. Помолиться же в этом родственном храме было свойственно набожной Плакидии — тем более, что и сама она сверх чаяния была спасена Богом от гибели в Адриатике.

Ватопедцы поведали Иоанну Комнину, что Плакидия слышала в сем храме голос, который говорил ей: *стой, не иди далее, да не постраждешь*. А мне эти же и другие афонские монахи молвили, что таинственный голос говорил ей так: *стой, не иди далее: здесь нет места двум царицам*. Эта молва выражена точнее. В ней я слышу отголосок истории, которая свидетельствует, что

Плакидия не была признаваема царицею в Константинополе, когда она ехала из Рима в эту столицу Востока. А ежели там не признавали ее царицею, то не удивительно, что и на Афоне, который тогда зависел от Константинопольского императора, глухо поговаривали о ней: «Здесь нет тебе места как царице». Такой говор она могла •[П 84]• слышать там; могла и плакать в Ватопедском храме, поручая Богу себя и малолетних детей своих, Онорию и Валентиниана.

Ватопедское предание говорит, что Плакидия построила *другой* храм, ἑτέρον ναόν, во имя св. великомученика Димитрия. Другой? Значит, отдельный от того храма, который построили вблизи Ватопеда солунские христиане во имя сего же страстотерпца. Это другое святилище есть Димитриевский придел Ватопедского собора (§ 13).

Оное предание, которого одна часть верна, а другая вероятна, едва ли может быть оспариваемо. Отнимите от него легендарные прикрасы и сличите его с житием Плакидии — вы поверите ему и внесете в историю Афона простой рассказ о посещении Ватопеда Плакидией и о непризнании ее тут царицею, но внесете его как *историческую вероятность*.

Впрочем, судите как хотите. А я в ожидании открытия какого-нибудь памятника, свидетельствующего о богомолье дочери Великого Феодосия на Афоне, начинаю критиковать остальные местные предания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Предания о постройке монастырей Есфигменова и Ксиропотамского царицей Пульхерией. Суждение как об этих, так и о всех вообще афонских преданиях

§ 10. О постройке Есфигменова монастыря царицею Пульхерией, 421–452 гг.

В Сказании Стефана Святогорца нет ни слова о Есфигменовом монастыре. Рико (1698 г.) заметил о нем только то, что он построен был, по-видимому, каким-нибудь императором, но монахи не знают его имени; а на стенах нет надписи, из которой можно было бы узнать время основания сей обители; деписания же ее ничего не говорят об этом. •[П 85]• Еще короче заметка Гейнекция. Вот она: «Есфигмен есть малый монастырь, построенный в память вознесения Христова, здатель его неизвестен». В книге Иоанна Комнина упомянуто, что этот монастырь построен благочестивейшим царем Феодосием Младшим и сестрою его, царицею, святою девою Пульхерией⁽⁴⁵⁾. Но откуда занято такое сведение, это не показано тут. Наш Барский слово в слово повторил Комнина и ничего не прибавил. Ученый игумен Есфигмена Феодорит, настоятельствовавший в сем монастыре в 1805 году, составил подробное и дельное описание его и как в этом сочинении своем (рукопись), так и в своем отчетливом Описании Афона (рукопись) изложил свое мнение о здателях

Есфигмена так, что оно заслуживает внимания критика. Обсуживаю это мнение.

Описание Есфигмена.

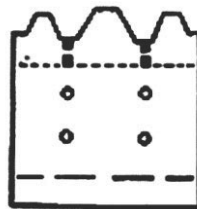
Статья о ктиторах.

«О здателях монастыря я ничего не нашел в уцелевших у нас хрисовулах и в других разных дееписаниях и узнал как достоверное только то, что он процветал 800 лет назад и имел тогда разные угоды на Афоне и вне его. А в помянниках его записаны царственные здатели, Пульхерия, Феодосий и Евдокия. Пульхерия изображена в соборном храме близ купола в царском одеянии с фиалом в руках и с надписью (по-гречески): Утверждение на Тя надеющихся, утверди Господи церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровью. Еще: Сей дом создали Отец, Сын и Св. Дух». (Смотри дееписания, приложенные к моей Истории Есфигмена).

Описание Афона. Глава 3.

«В расстоянии 500 оргий (менее версты) от Есфигменова монастыря к западу, близ великой горы, стелющейся к югу, на низменной равнине лежат развалины обители и красивого храма, в котором были колонны коринфского ордена с художно иссеченными на них продольными желобочками и с базами и наглавиями древней работы. Когда я (Феодорит) был настоятелем Есфигмена в 1805 году и искал мрамора для вновь •[II 86]• созданной церкви (в сем монастыре), тогда приказал раз-

рыть развалины одного храма и нашел тут в земле две колонны и четыре капители; а другие две подобные им колонны ранее были перенесены на двор монастыря Есфигменова. Оную обитель разрушил обвал горы, что стелется к югу, южную стену храма ее завалило так, что не видать и оснований, а восточная стена осталась и высится над землею аршин на пять, стены же северная и западная видны поверх земли на один аршин, да ограда двора, складенная из камней на извести, отчасти заметна, отчасти завалена обвалом. Тут, как кажется, было много воды; но самый источник замечан обвалом горы; посему-то из-под развалин сей обители иногда показываются струи воды, кои текут несколько времени, а потом прекращают ток свой. Алтарная стена снаружи построенная в виде заглавной буквы *дельты* , а не в виде полудуги, как строились древние и строятся новые алтари. Храм сей на восточной стороне своей имеет три такие дельтообразные, треугольные выступа и представляется так:

Подобной формы храмы, разрушенные, находятся в околоте Есфигменова монастыря на равнинной выси той самой горы, которая стелется к югу и к монастырю Зографскому; но эти развалины

не так казисты, как те, кои находятся подле самого Есфигмена. Однако сомнительно, чтобы в то время, когда стояла оная обитель, имеющая коринфские колонны, блаженная Пульхерия построила в 500 оргиях от нее другую обитель (нынешний Есфигмен) у самого моря. Это кажется мне невероятным как дело суетное и не имеющее цели. *Посему я думаю, что нынешний Есфигмен построен был после того, как оную обитель разрушил обвал горы**. Ибо местность не позволяет быть тут двум •[П 87]• монастырям. Во всех же кодексах, какие прочтены мною до сей поры, я не видел никакой записи даже о названиях оных разрушенных обителей (подле Есфигмена и в околоте его), кои, смотря по развалинам, были не малы и не незначительны**». Итак, по мнению Феодорита, основанному на деписаниях Есфигменова монастыря и соображенному с уцелевшим подле него памятником глубокой древности:

а) Царица Пульхерия построила ту самую обитель, которой развалины лежат близ нынешнего Есфигмена и от которой уцелели колонны коринфского ордена и наружная дельтообразная стена алтаря, как свидетели наилучшего древнего зодчества и ваяния.

* Это же самое сказал и Филофеит в своем критическом рассуждении об Афоне: «Τοῦ δὲ Ἐσφιγμένου μονῆς ὑπῆρχεν 1046 ἔτει πρὸς δυσμὰς ὡς ἐν μίλιον. ἀπεχωρίσθη μέρος πολὺ τοῦ ἄνωθεν ἐκείνου τόπου, καὶ ἐκάλυψεν τὸ ἡμῖν τῆς μονῆς καὶ ὅλον τὸ νότιον τεῖχος τοῦ καθολικοῦ ναοῦ, καὶ οὕτε ἵχνος φαίνεται».

** Смотри Περιγραφή τοῦ Ἄθω, ὑπὸ Θεοδώρου, в моей Статистике Афона.

б) Эта обитель существовала 800 лет назад, от 1805 года. (Филофеит полагал, что игумен ее подписался под уставом Константина Мономаха в 1046 году).

в) Потом обвал соседней горы неизвестно когда разрушил ее и завалил вместе с обильным родником воды.

г) После разрушения ее возник нынешний Есфигмен в самом близком расстоянии от нее.

д) Посему-то Пульхерия записана в помянниках его и изображена была на стене соборного храма близ купола (очевидно, как строительница оной древней обители, из развалин которой возник нынешний Есфигмен).

По сей же причине эта обитель и этот Есфигмен всегда признаваемы были за один и тот же монастырь, иначе в Афоно-монастырских кодексах встретилось бы особое название сей обители, а оно не встречается, следовательно, она — одно с Есфигменом.

Соглашаюсь с этим мнением Феодорита и отстаиваю оное, обращая внимание на важность Есфигменовой местности, припоминая свидетельство истории о построении церквей и монастырей Пульхерией и опираясь на вышеописанный памятник. •[П 88]•

Приморская ровная местность Есфигмена с обставляющим ее Самарийским холмом и с удобноякорною стоянкою между этим холмом и монастырем св. Василия есть наилучший стратегический пункт на Афоне. Кто утвердится тут, тому не трудно чрез смежную Хилантирскую долину взойти на хребет сей горы и оттуда дейст-

водить на правую и левую стороны ее. Посему-то в самое отдаленное от нас время пеласги поставили тут, у моря, крепость Хриси (ныне монастырь св. Василия), а персы и финикияне супротив ее построили укрепленный городок Самарию, подле которого возникла Хилантирская слобода. Укрепления Хрисийское и Самарийское, коих следы видны поныне, защищали вход на Афон с моря. Тут было и Милеонское торжище с капищем бога Иракла Яблочного. Такая важная местность не могла быть пренебрежена и христианами царями Византии. Я смело полагаю, что Самарийская крепость, Παλαιόκαστρον, в которой еще во время царя Андроника Младшего помещался скит и жил известный еретик Варлаам Калабриец и подле которой намеревался построить город покоритель Афона сербский царь Стефан Душан — эта крепость стояла во дни царей Константина Великого, Феодосиев I и II, Пульхерии и Маркиана и преемников их. В этом стратегическом и торговом местечке явилось и утвердилось христианство, как гласит Есфигменское предание, при царице Пульхерии. Это понятно. Куда приходили христианские сановники ее, моряки и купцы, туда приносили с собою и веру свою. Но строила ли тут церковь и монастырь эта благочестивейшая царица? Вот вопрос, который требует решения не гадательного. На этот вопрос отвечает Есфигменское предание утвердительно. А помощь преданию сему подает история. Она гласит, что «Пульхе-

рия построила *многие церкви, богдельни, странноприимницы и монастыри* и всем им по-царски дала достаточное содержание»⁽⁴⁶⁾. Это свидетельство истории склоняет меня усматривать в числе многих церквей и монастырей Пульхерии и Афоно-Самарийскую обитель. Такое усмотрение мое, •[II 89]• помноженное оным преданием, дает в итоге одну *вероятность*, которая, надеюсь, обратится в *археологическую правду*, когда раскопка замечательной развалины Есфигменской выявит христианские памятники века Пульхерии — надписи, монеты, хартии. Не дожидаться мне этой правды; и я пока довольствуюсь вероятностью и с Феодоритом полагаю, что та церковь с обителью, которой развалины он описал так верно, построена была Пульхерией, но — только эта церковь с кельями, а не нынешний Есфигмен. Я несколько раз осматривал это здание, и не только осматривал, но и выкопал внутри его всю наносную землю до фундамента. Этот труд мой, стоивший 30 полуимперIALов, не вознагражден был никаким открытием, но осталась во мне уверенность, что я видел наидревнейшую церковь на Афоне. В глубокой древности ее убеждали меня дельтообразные выступы алтаря наподобие Ирининской церкви в Цареграде времени Константина Великого, убеждали и пустоты внутри стен в виде горизонтальных труб, содержавшие в себе так называемые *голосники*, и коринфские мраморные колонны, из которых одну, лежащую, я

видел еще на месте в 1846 году*. Эта церковь во имя Вознесения Господня стояла несколько веков. Когда же весь Афон запустел во время семилетней войны сарацин с греками и битв их у самых предместий Константинополя, с 670 года по 676-й, и когда сия гора по окончании этой войны заселена была монахами по воле царя Константина Погоната, тогда какой-то монах по прозванию Есфигменос воспользовался Вознесенскою церковью Пульхерии и около нее возобновил обитель, которая по имени его всегда называлась в афонских деписаниях обителью Есфигмена, ἡ μονὴ τοῦ Εσφίγμενου. Игумен ее, по мнению Филофеита, •[II 90]• подписался под святогорским уставом Константина Мономаха в 1046 году. Потом ее разрушил обвал соседней горы, а из развалин ее возник новый Есфигмен, сохранивший память о Пульхерии, но забывший, что она строила не его, а смежную церковь, лежащую в развалинах, и во время общеафонских прений о сравнительной древности монастырей возмечтавший о *своей* глубокой старине.

Надеюсь, что будущие разыскания ученых мужей и археологических обществ оправдают историческую

вероятность, о которой шла вся эта речь моя, и приступаю к зоркому рассмотрению последнего афонского предания.

§ 11. О постройке Ксиропотамского монастыря царицею Пульхерией

Это предание не оповещено ни Стефаном Святогорцем, ни господином Рико, ни Гейнекцием, ни Комнином. Только один Барский сказал: «Ксиропотам созда Пульхерия царица в честь святых четырехдесяти мученик, в Севастийском озере пострадавших, от них же всех и частицы мощей ему дарова иными многими драгоценными вещами». А сказал он это потому, что монахи сего монастыря показали ему дары Пульхерии, как то: животворящий крест, чашу Пансехри и золотой нагрудник с частицами тернового венца, губы, трости и хламиды Христовой, и кроме сего — хрисовул царя Романа 6482=924 года, индикта 15, в котором Ксиропотам назван обителью приснославной царицы Пульхерии девицы. Но этот хрисовул подделан. Есфигменский игумен Феодорит отвергнул его как ложь*. Отвергаю его и я как сколок с позднего хрисовула Иоанна Палеолога. Ибо показанный в нем 15-й индикт не совпадает с 924 годом, в который индикт был 12-й; кроме сего, в нем упомянуто, что Пульхерия по-

* Знать, Феодорит не воспользовался ею. А в 1858 году я уже не видал ее, и на вопрос, где она и пара ее, получил ответ: «она и пара ее поддерживают портик у входа в монастырь». Когда же я возразил, что обе эти колонны не походят на ту, что лежала среди развалин, мне отвечали: «наши мастера обтесали их и таким образом изменили их наружность». Я пожал плечами.

* Смотри деписания, приложенные к моей истории Ксиропотама.

строила Ксиропотамский монастырь во имя св. сорока мучеников Севастийских и всех •[II 91]• их мощи даровала ему при своей златопечатной грамоте (которой нет там). Но не то говорит история. В «Пасхальной хронике» сказано, что Пульхерия, супруга Маркиана царя, по видению (κατ' ὄπτασιαν) обрела мощи св. 40 мучеников Севастийских, скрытые в церкви св. Фирса позади амвона, и что для этих мощей создал храм за троадскими воротами (Цареграда) консул и префект Кесарий⁽⁴⁷⁾. Итак, вот где положены были эти честные мощи, а не в афонском Ксиропотаме! Может быть, Пульхерия построила *клирикальную обитель* для тамошнего города Стратоники, может быть, частицы оных мощей принесены были туда по возобновлении сей обители при царе Романе (920–945 гг.) или Андронике II; но считать их даром Пульхерии не позволяет оная хроника.

Вышепомянутый хрисовул Романа выставляется как единственная опора предания о постройке Ксиропотама Пульхерией. Но так как эта бумажная опора при первом ударе исторической критики рвется в куски и рассыпается, то с нею рушится и самое предание. Что касается до Животворящего Древа, якобы пожалованного Ксиропотаму Пульхерией, то братия сего монастыря пусть отвечают на вопрос Феодорита: «Откуда взялось это Древо, когда Ксиропотам разрушен был измаильтянами так, что и следов его не было?»*.

* Смотри эти же деписания.

А я не защитник вымыслов. Мне дорога историческая правда или, по крайней мере, вероятность. Но когда уже и вероятное-то не дается, тогда я люблю помолчать, дабы с новою силою заговорить о том, что было, да рассказано неудачно.

§ 12. Оценка всех преданий о начале христианства на Афоне

Так, все перечисленные мною афонские предания оповещены весьма неудачно. В основе их есть правда, но она так изменена легендарными прикрасами и анахронизмами, что распознать ее может только самая зоркая критика. Например, только •[II 92]• она распознает, что действительно Константин выслал с Афона мирских жителей, но не Великий, а Погонат, и что Ватопедская церковь построена братом Феодосия, а не этим государем, и проч.

Не отвергаю этих преданий, потому что они, без легендарных прикрас, могут подтвердиться открытиями христианских памятников времени Константина Великого, Феодосия, Аркадия и Пульхерии и потому что за них ручается преемство жителей Афона, которое, как увидим, прерывалось лишь на самое короткое время. Не отвергаю их, но в ожидании будущих открытий на Афоне пользуюсь ими как *указателями исторических вероятностей* и как оттолосками о начале христианства в афонских городах. Для меня ценна их сущность, а мишурная облицовка их дешева так, что не беру ее и в придачу. •[II 93]•

II. СУДЬБА АФОНА И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЙ ГРЕЧЕСКИХ, ЛАТИНСКИХ И ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ с 309 года по 676-е лето Господне

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

§ 13. О начале христианства в городах Аполлонии, Сколосе, Клеонах, Карее и Дионе при Константине Великом, с 309 года по 337-й

В четвертом веке христианском на Афоне существовали все города, какие были прежде. Об одном из них, именно об Аканфосе, упомянул писатель этого века Кесарийский епископ Евсевий († 340) в своей хронике, заметив, что этот город с ближайшим к нему городом Стагирию построен был в первый год 31-й олимпиады, т. е. в 656 году до Рождества Христова. Жители Афона были больше идолопоклонники. На темени его, по словам тогдашнего лексикографа Исихия, стояла статуя Зевеса, который назывался Афонским. А в городе Дионе жил некто Герман Иракл, идолопоклонник, и заживо изготовил себе и жене своей Дионисии мраморную гробницу в месяце Панимове (мае) 351 года от Актийской победы Октавия Августа, в 321 г. по Рождестве Христовом, начертав на ней, что кто другой дерзнет открыть ее или положить в ней чужой прах, тот даст пеню таможене в 2000 фоллов и городу столько же.

Но кроме идолопоклонников, в четвертом веке на Афоне были и христиа-
не. Существование их тут доказывается

историческою аналогией, минейною записью и местными преданиями. •[III 94]•

Тогда во всех ближайших к этой горе областях находились церкви, имевшие своих мучеников, епископов, священников и диаконов. В городе Солуне, орошенном драгоценною кровью великих страстотерпцев Агафонида, Феодула, Анисии, Димитрия, Лупа, Нестора, Александра, пострадавших при Диоклитиане и Максимиане*, святительствовали: Александр, присутствовавший в Соборе Никейском 325 г. и Иерусалимском 335 г., Иоанн, Аетий, Еремий, Асхолий, крестивший великого Феодосия, и ученик его Анисий⁽⁴⁸⁾. На острове Лимносе, в городе Ифестии, приосеяемом тенью от Афона, у христиан был епископ Стратегий, подписавший Деяния Первого Вселенского Собора в Никее⁽⁴⁹⁾. С противоположного Афону острова Фаса во дни св. Григория Назианзина, 379–381 гг., приезжал в Константинополь священник для закупки мрамора в свою церковь и, став в ряды противников сего великого архипастыря, отдал им деньги, назначенные для этой покупки**. В городе Амфиполе, из которого апостол Павел ходил в соседний Афон,

* Смотри месяцеслов Вершинского. СПб., 1856. С. 354.

** Gregor. Nazianz. Carmen. 1.

при Диоклитиане пострадал иерей Мокий*, а в 347 году епископствовал Нарцис⁽⁵⁰⁾. Если же во всех этих ближайших окрестностях Афона находились христиане в царствования Диоклитиана, Максимиана, Константина Великого и Феодосия, то имя Христово тогда известно было и на этой горе, и не только известно, но и прославлялось в домах и в храмах. Так быть должно по исторической аналогии, сейчас изложенной мною.

Но если такая аналогия не вполне убеждает разум, требующий положительного сведения об искомом предмете, то и такое сведение дается. Вот оно. В «Деяниях святых мужей» (Acta SS. 1643–1794), кои изданы приснопамятными Болландистами, и в Месяцеслове царя Василия Порфирородного сказано, что «в македонском городе Аполлонии в четвертом веке •[II 95]• пострадали от трибуна Трипонтия св. мученики: Исавр диакон, Иннокентий, Филикс, Ермий, Перегрин и с ними два градоначальника, Руф и Руфин»**. А так как в Македонии, по свидетельству Стефана Византийского, пересчитавшего все Аполлонии в греческом царстве, существовал только один город Аполлония⁽⁵¹⁾, по указанию же Плиния он находился на Афонском перешейке, то оные мученики пострадали за Христа в этой Аполлонии. Значит, тут жили христиане вместе с язычниками, и у них были два градоначальни-

ка, Руф и Руфин, вероятно, один после другого, и военный трибун Трипонтий. Был у них и диакон Исавр. О нем замечено, что он родился в Афинах в царствование Нумериана, стало быть, в 283 году от Рождества Христова. А так как диаконство, по правилу, было преподано ему на 26-м году от рождения, то и оказывается, что он пострадал в 309 году во время гонения Максимиана на восточных христиан*. В сем ли году, или ранее озарилась афонская Аполлония светом Христовым, сего допытаться нельзя. Но нам довольно знать и то, что во дни Константина Великого и соправителя его Максимиана на Афоне были уже христиане и мученики.

Отыскав такое минейное сказание о них, я верю преданиям афонитов о начале у них христианства при равноапостольном Константине; верю этому и усердно прошу археологические общества заняться открытием тех подземелий, о которых говорили мне жители Аполлонии (ныне Ериссо). Быть может, тут найдутся христианские катакомбы, подобные римским. Но такую уверенность поселяют во мне *наипаче те предания*, кои гласят о первоначальной постройке на Афоне *не монастырей*, а церковей для мирян. Излагаю эти предания и оповещаемые ими события, заметив предварительно, что христианство появилось на этой горе из Солуня и Иерусалима. •[II 96]•

* Смотри в месяцеслове Вершинского 11 мая.

** Смотри в месяцеслове Вершинского 7 июня.

* Tablettes chronolog. par Dufresnoy. Paris, 1744. Т. II: «La persecution se rallume en Orient 309 an».

В новом кастамонитском Панегирике св. архидиакону Стефану сказано, что в афонском городе Ериссе (Аполлонии) во дни Константина Великого святительствовал Макарий, а в «Историческом слове» Кастамонита упомянуто, что он дожил до воцарения Аркадия, 395 года*. Принимаю это предание о нем за достоверное, зная, что еще в 309 году в Аполлонии были христиане и мученики, но полагаю, что Макарий рукоположен был Солунским митрополитом в аполлонийского епископа за год до смерти Константина Великого, в 336-е лето Господне; ибо ежели тогда исполнилось ему только тридцать лет от роду, то в 395 году он был уже старец 89-летний. Нельзя считать его первым епископом для всего Афона, потому что христианство распространилось на этой горе в самом начале четвертого века: в 309 году там был уже диакон Исавр, без сомнения, при епископе, по тогдашнему уставу, а с 327 года по 830-й там, как сейчас узнаем, строились церкви. Этот Макарий похоронен в соборном храме Кастамонитского монастыря. Открытие мраморного гроба его с надписью, ежели такой гроб уцелел, оправдало бы предание о нем как нельзя лучше. Подождем такого открытия, а пока рассмотрим другие предания о событиях на Афоне в век четвертый.

В «Историческом Слове» Кастамонитского монастыря, которым я буду

пользоваться нередко, упомянуто, что Иулиан Богоотступник разорил церковь св. архидиакона Стефана, стоявшую на местности сего монастыря. Стало быть, она построена была при равноапостольном Константине, но не для монахов, а для христиан, которые жили тут в городе Сколосе. Так я полагаю, зная твердо, что в царствование сего государя не было монахов не только на Афоне, но и во всей империи его, кроме Египта. Эта церковь после Аполлонийской была первая на сей горе. «Яко оную *первее* созда *Константин*», по словам нашего Барского (Ч. II. С. 676). •[197]•

Филофеит в своем критическом рассуждении об Афоне заметил, что Филофеевская обитель там есть *самая древняя; ибо она, как говорят, была епископией чрез посредство Богоматери*, δέικνυται ἀρχαιότατη, διότι αὐτὴ ἐχορμάτισε διὰ τῆς Θεοτόκου ἐπισκοπεῖον, ὡς λέγουσι. Эта кратчайшая заметка есть эхо Афонского предания старинного, и потому не очень ясного. Читая ее, сознаешь, что на Афоне издревле носилась молва о Богородицкой епископии, некогда стоявшей на месте Филофеевского монастыря, где был город Клеонэ. Нельзя отвергнуть этой молвы, потому что она слышится, передается из рода в род и живет в домике памяти, т. е. в рассуждении Филофеита. Следовательно, надобно объяснить происхождение ее. Объясняя. Слушайте и судите. Одно из двух: или Богоматерь *была лично* на Афоне с неким Климентом и основала там епи-

* Смотри дееписания Ватопеда и Кастамонита в моих *Оправданиях* истории оных монастырей.

скопию в городе Клеонэ, или только икона ее принесена была туда из Иерусалима этим Климентом, который пробыл тут несколько времени и оставил по себе память как креститель афонитов и первый епископ. Но Богоматерь лично не была на Афоне: это доказано мною. Следовательно, Афон увидел ее на иконе, принесенной из Иерусалима оным Климентом вместе с иконою Иоанна Богослова, оправдавшего своим житием евангельское учение о целомудрии и девственности, возвещаемое сладострастным язычникам везде, и на Афоне. Путешествие сего Климента я отношу к 327–8 году по Рождестве Христовом. Оно обуславливалось особенными, даже чрезвычайными, порывами и требованиями тогдашних новообращаемых христиан. Оповещаю эти порывы и требования. Будьте внимательны к речам моим. С той поры, когда равноапостольный Константин и мать его Елена открыли в Иерусалиме вертеп Воскресения Христова и Животворящий Крест, 326 года, и на месте обретения их построили великолепнейший храм, с этой поры начали приходить туда на поклонение, как говорит современный историк Евсевий, *«все уверовавшие во Христа из всех стран земли»**. При •[1198]• освящении сего храма, 335 года, — говорю словами того же Евсевия, — «присутствовали знаменитые епископы из всех епархий. Македонцы послали к этому празднику свое-

го митрополита (Солунского), Паннонцы и мисияне отправили цветущие у них красоты юношества Божия. Был там и священный вождь епископов персидских, муж сведущий в слове Божиим. Вифинийцы и фракиане украшали собою весь этот собор. Не отстали и наилучшие из киликиян. А из каппадоков отличались среди всех первенствующие в слове. Вся Сирия и Месопотамия и Аравия с Палестиною, Египет и Ливия и обитатели Фиваиды — все вкупе пополняли это великое собрание Божие вместе с бесчисленным людом из всех епархий»*. С этой поры, по уверению Иерусалимского патриарха Досифея, у македонцев надолго остался обычай ежегодно посылать епископа в Иерусалим с дарами**. С этой поры во многих странах начали строиться церкви под названием Сионы. С этой же поры требовались и получались из Иерусалима святые иконы: так, дочь Константина Великого Констанция просила Кесарийского епископа Евсевия прислать ей икону Спасителя; императрица Евдокия, супруга Феодосия II, получила из Иерусалима икону Богоматери Одигитрии; Константинопольский патриарх Герман, 714–730 гг., в палестинской Лидде приобрел список нерукотворной иконы

* Εὐαγγελ. ἀπόδ., βίβλ. C'.

* Βίος Κωνσταντίνου, Δ'. μγ'. — Ἴδε καὶ τὴν πρὸς τοὺς Ἀλεξανδρεῖς ἐπιστολὴν ταύτης τῆς συνόδου παρὰ τῷ μεγ. Ἀθανασίῳ, Ἀπολογ. β. Πρβλ. — Σακράτ. Ἐκκλησ. ἱστορ. Α'. λγ'.

** Δωδεκάβιβλος περὶ τῶν πατριαρχευσ. ἐν Ἱερουσαλήμ. Σελ. 177.

Богоматери*; афоно-кастамонитские монахи в царствование Константина Мономаха принесли в свой монастырь из Иерусалима образ св. архидиакона Стефана**. Тогда же многие любили креститься в Иордане; даже Константин Великий желал принять крещение в струях этой реки***, а некоторые, по отдаленности своей не могли совершить путешествие к Иордану, •[III 99]• требовали, чтобы их крестил архиерей из Иерусалима: «ἐξήτουν ἱεροῦργὸν τοῦ βαπτίσματος ἀρχιερέα, καὶ Ἱεροσολυμίτην». Γρηγορ. Ναζιανζ. Λόγος εἰς τὸ βάπτισμα. Σελ. 655. Требование чрезвычайное! Но оно доказывает, что в век равноапостольного Константина все христиане питали глубочайшее уважение к Иерусалиму. Это священное чувство, предполагаю, имели и афонские цаконы, обратившиеся ко Христу и служившие в царском флоте, а быть может, и на том корабле, на котором императрица Елена плавала в Иерусалим. Они пожелали, чтобы их крестил епископ из сего города святого; и вот к ним послан был оттуда епископ Климент, подобно тому как в царствование Диоклитиана отправлены были оттуда же в наш Таврический Херсонес и в Еллиспонтские страны недалеко от Афона епископы Василий, Евгений, Агафодор, Елпидий и Еферий по

благословиению предстоятеля Иерусалимской Церкви Ермона*. Климент взял с собою икону Богоматери и образ Иоанна Богослова и, посетив гроб Лазаря на перепутном острове Кипре, после бурного плаванья по морю прибыл на Афон. Тут в Клеонской пристани у нынешнего Иверского монастыря встретили его христиане, а язычники поговаривали: идите, посмотрите, сюда пришла Мать нового Бога Христа. Климент поселился в Клеонах и, огласив словом Божиим и крестив многих цакон в этом городе, в ближней Карее и Ватопедионе, основал в этих трех селитвах общества верующих в Иисуса Христа. После него уверовавшие цаконны из рода в род передавали это событие, называя пристани Клеонскую и Ватопедскую именем останавливавшегося в них епископа Климента, τὰ Κλήμεντος, указывая тот дом, в котором он жил, и называя его епископией Богородицы, потому что тут стояла икона ее. Их предание впоследствии обратилось в легенду о личном пришествии Богоматери на Афон, тогда •[III 100]• как она была там не лично, а на иконе; обратилось же по причине неточности слововыражения людей, говорящих, например, «чудотворная Божия мать Феодоровская, Киевософийская», а разумеющих иконы ее; или: «в Рим привезли мать богов Рею», тогда как привезена ее статуя. Так я объясняю

* Λόγοι καὶ βίοι ἁγίων καὶ τινες διηγήσεις: Χειρόγραφ. 1417 ἔτους ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Ἑσφιγμένου ἐν Ἀθῶ.

** Λόγος ἱστορικὸς ἐν μονῇ τοῦ Κασταμονίτου.

*** Βίος Κωνσταντίνου, Δ'. ξβ'.

* Μαρτύριον τῶν ἁγίων ἱερομαρτύρων καὶ ἐπισκόπων Χερσῶνος: рукопись в московской Синодальной библиотеке.

заметку Филофеита о Богородицкой епископии, некогда стоявшей на месте Филофеевского монастыря. Этим объяснением отстаивается и самое предание о пришествии Богоматери на Афон, *только не личном, а на иконе*. Другого, лучшего и близкого к исторической аналогии, объяснения не могу я придумать и, взяв в руки другое перо, пишу, что следует дописать о христианстве на Афоне во дни Константина Великого.

Тогда жители тамошнего города Карей*, обращенные ко Христу помянутым епископом Климентом, построили себе храм во имя Успения Богоматери, какой только могли построить по состоянию своему. Правда, афонское предание приписывает постройку его в больших размерах не им, а Константину Великому, то же повторили и передатчики сего предания: Рико, Гейнекий, Комнин, Барский. Но так как во всей Карее нет никаких следов такой постройки, тогда как в Ватопеде уцелела церковь времени царя Феодосия, 383 года, и близ Есфигмена поныне высятся развалины храма, созданного царицею Пульхерией, 445 г., а нынешний Карейский убогий храм и бобы не признали бы зданием Константина; то я понимаю и толкую оное предание так, что Успенский храм в Карее построен был тамошними жителями *по повелению* сего царя, распорядившегося на Афоне как в своем удельном име-

нии, и округляю понятие о сем предмете археологическим примечанием. Не подлежит сомнению то, что во дни Константина Великого строились церкви во имя Богоматери. Сей равноапостольный царь в новой столице своей создал три Богородичные церкви, одну так называемую *Нерукотворную*, другую под именем •[ш 101]• *Равдос*, потому что в ней положен был жезл Моисея, и третью рекомую Сигма; а один из двенадцати сенаторов, которых он перевел из Рима в Константинополь, по имени Родан, соорудил тут церковь во имя Богоматери *Небесной*, ἐν Οὐρανοῖς*. Не удивительно же, если и афоно-карейцы построили себе храм во имя Успения Ее. А что построили его они, а не монахи, это подтверждается самим преданием, которое Барский сообщил так: «Создан храм в честь Успения Пресвятыя Богородицы прежде населения и умножения тамо иноческаго, егда еще мирстии жительствовашу во градах и весех Афонских»**. Появление сего святилища я отношу к 327–8 году, после которого, как сейчас увидим, построена была первоначальная церковь Ватопедская по плану Карейского храма, потому что и она, как сей храм, назначалась для мирян, а не для монахов.

* Μελετίου Γεωγραφία. Т. III. Pag. 74–78.

** Путешествие. Ч. II. С. 604. Тут напечатано, что Карейский храм построен в 335 году. Но в рукописном «Путешествии» Барского, которое хранится в библиотеке Киево-Михайловского монастыря, не значится ни этот год, ни какой другой.

* Надлежало бы писать «Карии» (Καρία — орех); но позвольте писать по общепринятому обычаю, Карей. Usus tyrannus est.

Весьма замечательно сказание о постройке церкви в Ватопеде. Сообщая его, как оно записано в *памятях* Афоно-Кастамонитского монастыря и в моих «Оправданиях» истории Ватопеда под №№ 1 и 2. «У пристани Климента, где древле находилось сонмище, или торжище, цаконев и где ныне стоит величайшая Лавра Ватопедская, там Константин Великий повелел (ἐδίδουσεν) создать другой (ἕτερον) большой храм, подобный Карейскому, в то время, когда солунские граждане в пределах Климента строили храм во имя великомученика Димитрия». Вот вам и все сказание! Оно просто. В нем нет никаких прикрас. Разберем же его частично.

В этом сказании важно имя Климент. У него есть пределы, в среде которых солунцы строят храм. Именем его называется морская пристань Ватопеда. А мы уже знаем, что и Иверская пристань называлась Климентовой в расширенном •[III 102]• Житии Петра Афонского. Явно, что этот Климент был приснопамятен на Афоне. Кто же он? И почему приснопамятен? Афонская легенда говорит, что он вместе с Богоматерью был на этой горе и проповедовал Христа и построил монастырь, который называли его именем. Но так как Богоматерь не была на Афоне, имя же Климента приснопамятно там; то и приходится повторить то, что я уже сказал прежде, т. е. что сей Климент был епископ, присланный из Иерусалима во дни равноапостольного царя Константина крестить афонитов по

желанию их, и что он крестил их в Клеонах, Карее и Ватопедионе. Повторив это, присовокупляю, что эти три города с их околотками составляли епархию сего Климента, и что тамошние христиане, по уважению и любви к нему называли именем его и те две пристани (Иверскую и Ватопедскую), в которых он бросал свой якорь, посещая тут духовных чад своих.

В епархиальных пределах сего Климента солунцы строили храм во имя св. великомученика Димитрия, пострадавшего в Солуне в 306 году, и строили его в то лето, 329, в которое ватопедцы сооружали свою церковь, подобную Афоно-Карейской; стало быть, христианство в Ватопедском околотке явилось из двух мест, из Иерусалима при посредстве Климента и из Солуны от крещенных граждан сего апостольского города. Понятно это *второе* появление его. Афон всегда зависел от Солуны как главного города Македонии и имел сношения с ним торговые и судебные. Итак, не удивительно, что он принял оттуда апостольское учение. Солунские христиане, как сдается, имели в Ватопедионе своих приказчиков и знакомых цаконитов, с которыми вели торговлю*, и для себя и для них построили храм во имя досточтимого ими великомученика Димитрия, пострадавшего среди них, построили вскоре после блаженной кончины его, потому •[III 103]• что тогда все христиане

* И в наши дни они покупают на Афоне различные орехи волосские.

езде любили воздвигать так называемые Мартирионы — храмы мучеников — тотчас после прославления их Богом. Так, например, св. Аглая в Риме создала Мартирион для св. Вонифатия, *во дни ее* пострадавшего при Диоклитиане*. Димитриевский Мартирион, построенный солунцами при Константине Великом, не уцелел во время опустошения и разорения Афона агарянами. Но на малоразмерных основаниях его ныне стоит кириакон Ватопедского Скита, чествуемый во имя славного и добропобедного великомученика Димитрия, которого родственники еще в наш век, до 1821 года, из Солуня присылали скитникам сарачинское пшено**. Ватопедо-Димитриевский кириакон и кастамонитское сказание о постройке Димитриевского храма солунцами в пределах Ватопеда поясняют себя взаимно.

В рассматриваемом Сказании упомянуто, что на месте нынешнего Ватопедского монастыря древле находилось сонмище, или сборное место цакон, и что тут они построили себе церковь по разрешению Константина Великого наподобие Карейского храма. Подтверждается ли все это иными свидетельствами? Подтверждается. Надпись на местной мраморной гробнице Германа, месяца мая 321 года по Р. Х., доказывает, что тут тогда была

главная таможня, имевшая право получать пеню в 2000 фоллов за нарушение кладбищной собственности. Сия таможня и есть сонмище цакон. Стефан Святогорец сообщил нам предание древнейшего царственного семейства Неманичей Сербских о том, что Ватопедские жители советовали племяннику царя Феодосия, 383 г., спасшемуся в их пристани от кораблекрушения, ехать сухим путем в Константинополь и что для них *возобновлена была* Константиновская церковь, разрушенная во время гонения Иулиана Богоотступника, и возобновлена так, что в алтарь ее включен был и местный колодезь, •[III 104]• прорицательный по моему вышеизложенному мнению. Все это, взятое вместе, заставляет полагать, что во дни Константина Великого на месте нынешнего Ватопеда стоял акрополис города Диона с главною таможеню и с прорицательным колодезем у капища Димитры, что тут и у морской пристани Климента и по берегам ближайшей речки Крионэри, жили крещенные цакон — миряне, а не монахи и что для них Константин Великий разрешил, ἐδιόρισεν, строить церковь, тогда как другие родичи их поклонялись еще богам и богиням. Сходство этой церкви с Карейскою, оповещенное в рассматриваемом Сказании, внушает ту мысль, что она построена была не как малый Мартирион, а как просторная церковь, назначаемая для собрания многих христиан, и построена после Карейского святилища.

* Dictionnaire des antiq. chrét. par. Martigny. P. 584.

** Смотри выше § 5. — В этом параграфе я доказывал только то, что не св. Димитрий строил Скитский храм.

Когда же? В каком году? В Ватопедском Проскинитарии сказано, что она возникла в 5829 году от Адама, или 321 либо 329 году христианском, если считать до Р. Х. 5508 лет или 5500. Хотя этот Проскинитарий и отзывается ревнивостью монахов, признававших Константина Великого строителем Ватопедского монастыря для монахов, а не церкви для мирян, но все-таки замечательно в нем указание одного года. Трудно представить себе, чтобы оно намечено было произвольно или придумано по какому-либо ученому соображению. Я скорее полагаю, что составитель Ватопедского Проскинитария пользовался старинною рукописью, именно — записками Кастамонитского игумена Илариона (XII века), в которых значился оный год. Как бы то ни было, а надобно принять к сведению данное летосчисление. Я принимаю его и 329 год христианский считаю годом окончательной постройки Ватопедской церкви первоначальной, вычитая из 5829 лет 5500, потому что в ближнем к Афону Константинополе во время помянутого Илариона считали от Адама до Христа 5500 лет.

Еще одно слово. равноапостольный Константин, по свидетельству «Пасхальной хроники», «в 325 году везде низверг [II 105] всех идолов и отнял у них все деньги и имения, а все церкви Христовы и всех христиан почтил. С этого

самого времени* он ополчился на врагов христианской веры и побеждал их молитвою, за что и церкви ставил по местам в честь Спасителя всех Христа Бога нашего для обращения язычников»⁽⁵²⁾. К числу таких церквей принадлежали и те пять на Афоне, кои построены были для тамошних цаконво во дни сего христианнейшего государя, именно — Сколосская, Клеонская, Карейская, Ватопедская и Димитриевская близ Ватопеда. Называть эти церкви монастырями не позволяют ни история, не знающая никаких монахов, кроме египетских, в царствование Константина, ни Первый Вселенский Собор в Никее, не начертавший ни одного правила касательно монашества, ни афонские предания, кои изложены мною выше.

Итак, я уверен в том, что при Константине Великом было много христиан на Афоне, хотя находились там и язычники, и в этой уверенности составляю кратчайшую летопись сей пресловутой горы с первого десятилетия четвертого века по день кончины сего равноапостольного царя.

— В 309 году в тамошнем городе Аполлонии среди язычников жили христиане. Тогда некоторые из них вместе с градоначальниками своими Руфом и Руфином и с диаконом Исавром пострадали за Христа от трибуна Трипонтия.

* Κατ' αὐτὸν τὸν καιρὸν. Это неопределенное выражение хроники показывает, что подвиги Константина в пользу христианства продолжались после 325 года.

— В 321 году в городе Дионе держалось идолопоклонство. Тамошний гражданин Герман Иракл в мае месяце сего года заживо изготовил себе и жене своей мраморную гробницу.

— С 325 года по 330-й христианство, сильно покровительствуемое Константином Великим и возвеличенное великолепным устройством святых мест в Палестине, проникло и в афонские города Сколос, Клеоны, Карею и Дион, и проникло из Иерусалима и Солуня. Частнее сказать — •[II 106]•

— В 325 году возникла церковь во имя св. архидиакона Стефана у города Сколоса на месте нынешнего Кастамонитского монастыря.

— В 327/8 году епископ Климент, присланный из Иерусалима на Афон для крещения цаконов, построил церкви в Клеонах на месте нынешней Филофеевской обители и в Карее.

— В 329 году создана была церковь в Ватопедионе местными христианами по повелению Константина Великого. Тогда же солунские христиане близ Ватопеда построили Мартирион во имя св. великомученика Димитрия, пострадавшего в Солуне.

— В 336 году в вышепомянутый город Аполлонию рукоположен был Солунским святителем епископ Макарий.

— В 337 году 12 мая не стало в живых равноапостольного Константина. Но христианство, во дни его насажденное на Афоне, глубоко, хотя и не широко, пустило свои корни так, что истребить

его не могла и острая секира Иулиана Богоотступника.

§ 14. О судьбе афонских христиан в кратковременное царствование сего Иулиана, 361–363 гг.

Я сказал, что христианство при Константине Великом не широко пустило свои корни на Афоне. В самом деле оно утвердилось тогда не во всех тамошних городах: его не было в Фиссе, Афесе, Стратоникии, Аканфосе, Санисе, Самарии и Хилантире; иначе сохранилось бы хоть глухое предание о появлении его в этих местах. Почему же его не было тут? Припомним, что на Афоне находилось двуплеменное народонаселение: древнее еллинское и не древнее цаконское, приведенное из Пелопоннеса македонскими царями, то — республиканское, а это — преданное монархии; припомним это, и мы поймем причину религиозного раздвоения, о котором идет речь. Все вообще еллины, следовательно и афонские, никогда не любили самодержавного Рима, как не любят его и теперь; а из этого Рима пришел к ним Константин, да еще с новою верою: естественно •[II 107]• же явилось в них противление такому государю и такому новшеству. А цаконы, первенствовавшие пред ними на Афоне с первых дней поселения тут, были монархисты, сдерживавшие вольный дух еллинов и служившие в

царском флоте^{*}; посему у них скорее принялось христианство, которое исповедовал доблестный монарх их Константин. Пока он был жив, цаконы торжествовали и в своих церквах читали Никейский Символ веры, а еллины, лишенные своих идолов и прорицалищ, присмирили, тая, однако, в себе отвращение от веры Константина. Такое раздвоение между теми и другими продолжалось на Афоне до воцарения Иулиана. Когда же этот император, страстно любивший все еллинское, открыл идольские капища и начал гнать христиан, тогда последовал там взрыв затаенной ненависти еллинов к христианам из цакон. Все их церкви были разрушены до оснований, и сами они со своим епископом Макарием укрывались в неприступных местах Афона. Так гласит местное предание, оповещенное в «Историческом Слове» Кастамонитского монастыря.

§ 15. Об Афоне выметка из письма св. Василия Великого к софисту Ливанию

Но оставим на минуту страдающий Афон и перенесемся в каппадокийский город Кесарию, в котором во время Иулиана святительствовал св. Василий Великий, соученик сего

бogoотступника, перенесемся для того, чтобы в письме его к софисту Ливанию прочесть словечко его об Афоне. Василий, заметив этому софисту, что он чересчур расхвалил одно неблестящее (ῥυτῶσαν) письмо его по софистической привычке представлять великое малым и малое великим, сказал между прочим: *ты уже так снисходителен ко мне, что заставляешь меня плавать* • [II 108] • *выше Афона*⁽⁵³⁾. Назидательно словечко это. Пусть его помнят многие, как те, которые льстят без меры и чересчур хвалят то, что не стоит похвалы, так и те, которые думают о себе слишком высоко, как будто они плавают выше Афона. А мы это словечко обратим в поговорку: «*Не плавай, брат, выше Афона*», не то закружится голова твоя, и ты полетишь и утонешь в пучине твоей гордости, как утонул в ней Иулиан Богоотступник.

§ 16. О постройке первой клирикальной обители на Афоне во имя св. архидиакона Стефана

Иулианово гонение на христиан продолжалось не более полутора года. После внезапной смерти его во время брани с персами, 26 июня 363 года, снова настал мир в кафолической Церкви, которого она пламенно просила у Бога. Тогда умиротворился и Афон. Тамошние христоролюбцы возвратились в свои дома и ступили около своего епископа Макария, который, как сказано в

^{*} «Die Küstenbewohner im Lakonike waren zur Zeit der Tyrannei in Sparta Römisch gesinnt und wurden deshalb vom Kaiser Augustus unter dem Namen Ἑλευθερο-Λάκωνες für frei erklärt». Griechenland, von Bobrig. Leipzig, 1842.

«Историческом Слове» Кастамонита, явился к ним (ἐφανερώθη) по смерти Иулиана, укрывавшись где-то во время гонения его. Он при помощи афонских христороубцев (φιλοχρίστων) с оснований воздвиг разрушенную церковь св. Стефана архидиакона у города Сколоса и, устроив обитель (μονήν), поселился в ней, где и подвизался богоугодно несколько годов и почил в мире уже в царствование Аркадия, сына Феодосия Великого*. В этом Сказании вовсе не упоминается ни об игуменстве его, ни о монахах, однако говорится, что он построил *обитель издивением мирян*. Какая же эта обитель? Очевидно, не монашеская, не пустынная, а архиерейская, *клирикальная*, в которой, по обычаю того времени, жили неженатые клирики, т. е. иереи, диаконы и чтецы, пользуясь общим столом, занимаясь чтением книг и рукоделиями и проводя известные часы в домашней молитве, как это было в обителях Евсевия Верчельского и Августина Иппонского. •[II 109]•

§ 17. О постройке второй клирикальной обители в Ватопедионе и о неизвестности восстановления церквей Карейской и Клеонской

Подобная клирикальная обитель построена была в городе Дионе в 383 году по случаю спасения племянника царя Феодосия Великого от потопления

в морской пучине близ сего города. О постройке ее уже сказано мною все, что только можно было сказать, остается лишь присовокупить заметку составителя рукописной летописи Ватопедского монастыря, что в то время «в Ватопедионе жили миряне», κοσμικοὶ κατοικοῦσαν ἐκεῖ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον*. Всякий, прочитав эту заметку, согласится со мною в том, что Ватопед в четвертом веке был не монастырь в полном и строгом смысле сего слова, а обитель клирикальная.

Если же кто спросит, возникли ли из развалин своих церкви Карейская и Клеонская, тому нет никакого ответа в известных мне памятниках афонских; не отвечаю и я, и в ожидании чьего-либо пересмотра всех тамошних архивов и извещения о возобновлении оных церквей по смерти Иулиана или о постройке новых храмов либо молитвенных домов в Карее и Клеонах во время Феодосия сообщаю две исторические правды сего времени, кои помогают узнать тогдашнее состояние Афона.

§ 18. О падении язычества на этой горе и о полном православии тамошних христиан в царствование Феодосия, 379–395 гг.

Император Феодосий, воцарившись в 379 году, повелел разрушить все

* Ἰστορικὸς Λόγος Κασταμόν.

* См. Смотри деписания Ватопедского монастыря, № 3, в *Оправданиях* истории его.

идольские капища во всей империи своей и уничтожить все прорицалища⁽⁵⁴⁾. Это повеление его было исполнено во всех городах и селениях, следовательно, и на Афоне. Тогда с вершины этой горы низринута была статуя Зевса, и все идолы пали, а прорицалища Димитры в Дионе и Аполлона •[III 110]• в пещере близ города Аполлонии умолкли. Тогда прорицательный колодезь оной богини включен был в алтарь Ватопедской церкви, а источник в этой пещере освящен был во имя св. апостола Павла, который потерпел в ней стеснение. Предполагается, что такое насильственное уничтожение идолопоклонства не обратило ко Христу всех афонских еллинов и что некоторые из них остались тайными почитателями богов своих. Но зато опять восторжествовали тамошние христиане цаконь, угнетенные Иулианом. Они духовно зависели от Солунского архиепископа и вместе с ним исповедовали чистое православие. Это доказывается тем, что царь Феодосий принял крещение от сего архиерея, именем Асхолия, наипаче потому, что все церкви, подвластные ему в Иллирии, где и Македония с Афоном, были свободны от ереси Ария, все исповедовали одну веру и поклонялись Богу Сыну и Св. Духу так же, как и Богу Отцу⁽⁵⁵⁾. Приятно знать все это — и потом разведать о состоянии Афона в века пятый, шестой и седьмой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Города на Афоне и события на этой горе в течение пятого века

§ 19. О городах на Афоне и в окрестностях его, исчисленных Стефаном Византийским

В пятом веке, по росписи тогдашнего писателя Стефана Византийского, на Афоне и в близких окрестностях его стояли города:

1. Афос. — Ἔστι δὲ καὶ Ἀθῶς πόλις ἐπὶ τῷ Ἀθῶ. «Есть же и Афос город на Афоне». (Остатки его надобно искать близ тамошней Лавры).

2. Аканфос. — Ἀκανθος πόλις Θράκης, ἀκάνθαις πεφραγμένη, ὑπὲρ τὸν Ἀθῶ, ὅθεν κέκληται, ἢ ἀπὸ τινος Ἀκάνθου, ὡς Μνασέας. «Аканфос город Фракии за Афоном*, так названный или от ограды его из аканфов (терновников), или от •[III 111]• некоего Аканфа, по свидетельству Мнасея».

3. Акрофоон. — Ἀκρόθυνοι πόλις ἐπὶ τῆς ἄκρας τοῦ Ἀθῶ. «Акрофини, город на краю Афона».⁽⁵⁶⁾ — Здесь под краем разумеется Нимфейский мыс этой горы, омываемый Сингитским заливом Эгейского моря. Тут находился древнейший город Акроафос [вернее, Акрофоон или Акрофои], который в книге Стефана Византийца неправильно напечатан немцами Акрофини. Он, как мы уже знаем, погиб еще в первом

* В самом деле он находился за этой горою. Кому из афонитов надлежало быть в нем, тот должен был идти туда не только по Афону, но и по перешейку его, в южном углу которого он стоял.

веке христианском. Но так как о нем упомянул Стефан Византиец, то надобно полагать, что акроафонцы опять жили тут, на месте нынешнего Керасийского скита*.

4. Аполлония, ныне Иериссо в верховье Афонского перешейка⁽⁵⁷⁾.

5. Асса. — Ἀσσα πόλις πρὸς τὸν Ἄθω. Ἡρόδοτος ἐβδόμη. «Асса, город у Афона. Иродот в седьмой книге говорит о нем»⁽⁵⁸⁾. — Он, по указанию Иродота, находился на берегу Сингитского залива, омывающего южную сторону Афона, но где? В верховье ли сего залива, на месте нынешнего села Никольского, Ἅγιος Νικόλαος, или на лежащем против Афона полуострове Сикя — этого не знаю. Сдается, что оное село есть древняя Асса. Ибо тут есть глубоководная и тихая пристань. В ней я провел ночь в 1859 году, едучи в Фессалию.

6. Дион. — Δίον πόλις Θράκης πρὸς τὸν Ἄθω, ὡς Θουκυδίδης. «Дион, город Фракии у Афона, по свидетельству Фукидида»⁽⁵⁹⁾. •[III 112]• — По указанию Иродота, он находился на самом Афоне, ἔσω τοῦ Ἄθω. Ныне тут монастырь Ватопедион.

7. Олофиксос. — Ὀλόφυξος, πόλις ἐν Θράκῃ περὶ τὸν Ἄθω. Ἡρόδοτος περὶ νυμφῶν καὶ θεῶν γράψας. «Олофиксос, город во Фракии подле Афона. Иродот писал о нимфах и богах». — Отец истории Иродот помещал его на самом Афоне, ἔσω τοῦ Ἄθω⁽⁶⁰⁾. Я став-

лю его подле нынешнего Есфигменова монастыря.

8. Пилорос. — Πίλωρος, πόλις περὶ τὸν Ἄθω. «Пилорос, город подле Афона». — По указанию Иродота, он стоял при Сингитском заливе⁽⁶¹⁾.

9. Сани. — Σάνη, πόλις Θράκης μεταξύ Ἄθω καὶ Παλλήνης. «Сани, город Фракии между Афоном и Паллинией»⁽⁶²⁾. — На Афонском перешейке против острова Мульяни, где ныне стоит Андроникова башня, принадлежащая Ватопедскому монастырю.

10. Сарти. — Σάρτη, πόλις περὶ τὸν Ἄθω. «Сарти, город подле Афона»⁽⁶³⁾. — По указанно Иродота, при Сингитском заливе.

11. Сермилия. — Σερμύλια, πόλις περὶ τὸν Ἄθω. «Сермилия, город подле Афона»⁽⁶⁴⁾. — Ныне большое греческое село Ермилия в пятидесяти верстах от Афона не по прямой линии. С перешейка этой горы я верхом на коне доехал до него в один зимний день.

12. Сингос. — Σῖγγος, πόλις περὶ τὸν Ἄθω. «Сингос, город подле Афона»⁽⁶⁵⁾. — По указанию Иродота, при Сингитском заливе.

13. Стратоникия. — Στρατονίκη, πόλις Μακεδονίας πλησίον Καρίας. «Стратоникия, город Македонии близ Карики»⁽⁶⁶⁾. — Он стоял на месте нынешнего Ксиропотамского монастыря, от которого до Карей близко.

В алфавитном списке этих городов Стефана нет двух, именно: Фиссосо и Клеон. Что бы это значило? Одно •[III 113]• из двух: или эти города были так мало-важны, что не стоило упоминать о них,

* Стефан исчисляет и современные города. Например, Ἠλιούπολις ἐστὶ καὶ ἐν Φοινίκῃ. — Διηγεῖτο ἡ Ἰβηρία ἐς ἐπαρχίας δύο, νῦν δὲ εἰς τρία, ὡς Μαρκιανὸς ἐν περίπλῳ αὐτῆς.

или они запустели незадолго до выхода в свет книги Стефана о городах. Но так как этот писатель исчислял не только города, но и села (χωρία) замечательные, то он упомянул бы и об оных двух городах, несмотря на их маловажность, если бы они существовали. Однако умолчал о них. Посему остается полагать, что их не было во дни его. Это тем более вероятно, что и афонские предания ничего не говорят о судьбе христианства в Фиссосе и Клеонах после того, как Иулиан разрушил там церкви. Но когда же и каким образом могли запустеть эти два города? Думаю, что они в 458 году разрушены были тем страшным землетрясением, которое тогда произвело большие опустошения в близких к Афону областях: во Фракии и Еллиспонте, в Ионии и на Цикладских островах*. После такого разрушения город Фиссос никогда уже не возникал; а Клеоны мы увидим позже, но под именем Фтери (§ 23). Что касается Карей, то Стефан Византиец упомянул о ней как о средоточном месте, к которому был близок афонский город Стратоникия.

**§ 20. О посещении Ватопеда
монахами Варнавою и Софронием
и царицею Плакидией
и о постройке монастырей
Вознесенского и св. 40 мучеников
Севастийских**

В пятом веке Афон ничем не прославился. Посему и история тогда ничего не сказала о нем. Но зато Четь-

Миней и местные дееписания сообщают нам сведения о четырех событиях там в течение сего века.

1. В Житии преподобных мужей Варнавы и Софрония, скончавшихся в начале пятого века, упомянуто, что они, посещая разные святые места, были и на Афонской горе и там видели монастырь Ватопедский и другие обители. Этого Жития, помещенного в греческой книге «Новый Лут» (Νέον Λετζονάριον), я •[III 114]• не читал, потому что у меня нет такой книги; а кратчайшее сведение о посещении Афона оными иноками заимствовано мною из «Афонского Патерики», напечатанного в Петербурге в 1860 году. В этот раз я доверяю сему Патерику, но замечаю, что Варнава и Софроний в начале пятого века видели на Афоне обители клирикальные, а не иноческие, потому что там были города и в них приходские церкви, подле которых, по тогдашнему обычаю, жили неженатые клирики, но жили почти как монахи.

2. В 422 году посетила Ватопедскую клирикальную обитель царица Плакидия и к соборной церкви ее пристроила Мартирион во имя св. великомученика Димитрия. В этом приделе весьма замечательны наглавия колонн, поддерживающих купол, не коринфского, не ионического и не дорического ордена, а какие-то особенные, древнейшие. Рисунок их помещен в моем «Живописном Обозрении Афона».

3. В 445 году царица Пульхерия, как мы уже знаем, создала небольшую обитель с церковью в память Вознесения

* Tablettes chronolog. par Dufresnoy. An. 458

Господня подле Афоно-Самарийской крепости, ту самую, которой развалины поныне лежат подле Есфигменова монастыря, построенного из остатков ее после одиннадцатого века. Этот год показан в кратчайшем Сказании о сей обители, напечатанном в «Воскресном стении» 1851 года⁽⁶⁷⁾. Я ставлю его здесь, потому что он показан игуменом Есфигменова монастыря (Агафангелом, который собирал у нас подаяния на устройство его с 1847 года) и потому что я не нашел другого летосчисления. Вознесенская обитель Пульхерии была первая на Афоне *обитель монашеская*. Называю ее монастырем, зная из летописи Феофана, что эта царица строила *многие монастыри* для монахов⁽⁶⁸⁾. Не место здесь излагать историю сего первого Афонского монастыря, но кстати сказать, что появление его обуславливается утверждением христианства в смежной с ним Самарии, в соседней Хилантирской слободе и в ближайших к ним местностях, •[III 115]• где поныне лежат развалины церквей, похожих по зодчеству на оный Вознесенский храм Пульхерии.

4. Этой царице приписывают постройку *иноческого монастыря* Афоно-Ксиропотамского во имя св. сорока мучеников Севастийских. Но я уже доказал, что это невероятно. На месте сего монастыря в царствование Пульхерии стоял город Стратоникия. Итак, ежели она строила в нем церковь и при ней обитель, то сия обитель была *клирикальная*. Это я допускаю из уважения к местному преданию, удержав,

однако лишь одну сущность его и отринув поздние прибавки к нему, как то: перенесение туда мощей сорока мучеников, для хранения коих построена была церковь в Константинополе, а не на Афоне, и пожертвование Животворящего Креста и чаши Пансехри, на которой хотя и вырезано имя Пульхерии, но какой, неизвестно*. А так как св. мощи оных мучеников, по свидетельству пасхальной хроники, обретенны были во дни консульства Маркиана Августа и Адelfия, когда индикт был 4-й⁽⁶⁹⁾, индикт же этот падает на год 451-й; то и оказывается, что клирикальная обитель сорока мучеников в Афонской Стратоникии основана была в следующем году, в который Пульхерия скончалась 10 сентября.

Не должно удивляться тому, что на Афоне подле городов, сел и крепостей в пятом веке явились монастыри. Тогда их было уже много на Востоке и Западе. А влияние на дела Церкви имели они сильное. Не перечисляю *все* эти оплоты ее, но не могу не указать главнейшие из них. Царский дворец Пульхерии и родных сестер ее Аркадии и Марины, подобных ей девственниц, походил на монастырь**. В 401 году св. Онорат в Галлии основал знаменитое аббатство Леринское. В 422-м монастырь Теледантский славился примерными

* У царя Феофила иконоборца (IX в.) была дочь Пульхерия: «Πουλχερία ἄτε δὴ καὶ ἡλικία καὶ νῶ νηπιάζουσα». — Symeon magistri de Theophilo. Bonnae, 1838. P. 628.

** Leonis Grammatici Chronographia. Bonnae, 1842. P. 109.

монахами. Около 424 года инок Александр в Константинополе при устье •[п 116]• Босфора устроил монастырь Неусыпаемых. В 428 году цареградские монахи первые обличили ересь Нестория и за то потерпели гонение. В 431 г. св. Далмат с иноками своими убедил царя Феодосия II созвать вселенский Собор в Ефесе. В 444 г. св. братья Роман и Лупицин основали монастырь на горе Юре в Савойе. В 448 г. двадцать три архимандрита *восточные* осудили на Константинопольском Соборе еретика Евтихия. Между ними особенною ревностью по вере отличались Фавст, Мартин и св. Маркелл. В 461 году в окрестностях Иерусалима и в Иорданской пустыне великое множество отшельников спасалось о Господе под руководством св. Евфимия Великого. В 484 г. монахи, и особенно Фалассий, Иларий и Руфин, оказали бессмертную услугу католической Церкви, охраняя единство ее. В 493 г. начальники монастырей Палестинских свв. Савва и Феодор отстаивали православие, несмотря на все ухищрения царя Анастасия, поддерживавшего монофизитство. (Diction. des antiq. chrét. par Martigny. P. 485–86).

В пятом веке весь мир был неустроен. Тьма покрывала его, как бездну. Но над ним носился Дух Божий и озарял его *духовным* светом. Такой свет воссиял и на Афоне.

Тамошние христиане в городах и селах, а монахи в немногих монастырях, состоя под священноначалием Солунских митрополитов, всегда православных, содержали веру, уясненную двумя

Вселенскими Соборами пятого века, Ефесским 431 г. и Халкидонским 451 г. А так как богоносные отцы Ефесского Собора определили почитать Св. Деву Марию как Богородицу и в похвалу Ее сочинили песнь: *Достойно есть яко воистину блажити Тя* и пр., то песнь эта была воспеваема и на Афоне. По моему мнению, вскоре после 431 года в тамошней юдоли Ад, где древле совершались самофракийские таинства в честь Аксиокерсы и Аида, оная песнь в первый раз была пропета пред иконою Честнейшей Херувимов Марии; и эта икона, находящаяся ныне в Афоно-Карейском соборе, получила от того название «Достойной», ἄξιόν ἐστιν. •[п 117]•

В течение пятого века христианство утвердилось на Афоне. Тогда, я полагаю, в тамошних слободах, Карее, Хилантире и Херове, возникли церкви во имя Богоматери Млекопитающей, γαλακτοτροφούσης и Хилантириотиссы и Спаса Радующего на месте капища Аполлона Радующего, χαίρωντος.

Что же случилось на этой горе в века шестой и седьмой?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О судьбе Афона в шестом веке

§ 21. О существовании прежних городов на сей горе в этом веке

Афон со своими малыми городами и обителями, клирикальными и монашескими, ничем не ознаменовал себя в век шестой, не имел ни одной лавры, ни

одного скита, ни одного Богом прославленного подвижника, никакой другой знаменитости и потому не оставил и памяти в Четь-Минеи и в истории всеобщей. О нем не упомянул ни один писатель сего века, кроме Ермолая, который сократил книгу Стефана Византийского о городах и поднес ее императору Иустиниану I. Но и этот Ермолай только перечислил афонские города по именам и не сказал о них ничего особенного. Эти города в его время были те же самые, какие знал Стефан Византийский. Я изложил список их в предыдущей главе. А здесь начинаю говорить о тех пагубных нашествиях северных народов на близкие к Афону места, которые имели особенное влияние на судьбу этой горы.

§ 22. О нашествиях варваров на близкие к Афону местности

В шестом веке, в царствование Иустиниана I и ближайших преемников его, с 530 года по 599-й, северные народы, и особенно гунны и славяне, почти непрерывно вторгались в •[III 118]• Византийскую империю и опустошали области ее, убивая тамошних жителей нещадно. Они обходили Афон, но громили близкие к нему местности, оставались тут на жительство и таким образом переменяли прежнее состояние обитателей сей горы. Кратко рассказываю это словами историков византийских и других, предварительно показав географическое расселение оных народов и военные силы Византийского государства в шестом веке.

Славяне, по словам Иорнанда, жили в Паннонии, начиная от тамошнего Новгорода до реки Днестра⁽⁷⁰⁾, следовательно, в нынешней Венгрии, Валахии, Молдавии и Бессарабии.

Гунны, по сказанью Агафия, в глубокой древности кочевали выше Азовского моря и реки Дона, но наконец пришли в Европу и расселились от сего моря до устья Дуная, быв известны византийцам под именем котригуров, утигуров, ултигуров, вуругундов и даже знакомы им, γυνόρκοι⁽⁷¹⁾.

Когда эти народы вторгались в Византийское царство, тогда численность войск его, — говорит Агафий, — была не та, что при древних царях, и не соответствовала обширности царства. Надлежало бы ему содержать 645,000 боевых мужей, но тогда их было только 150,000, да и из них одни находились в Италии, другие в Ливии, некоторые в Испании, иные у Колхиды, а остальные в Александрии и Фивах Египетских и на границах Персии. Большую же часть их составляли городские весельчаки, умевшие только ходить величаво и бывшие только в тягость государству⁽⁷²⁾. Неудивительно же, если они без оглядки бежали от крепких и храбрых гуннов и славян. Гуннам уже давно известна была дорога во Фракию. С 422 года они часто грабили эту область. В 447 году грозный вождь их Атила пронесся до пресловутых Фермопил в Греции. В 499 году присоединились к ним родичи их булгары и опустошали фракийские города и села. А в 530 году славяне в первый раз

сразились там с греками, предводимыми наилучшим полководцем Иустиниана Мундом, и были разбиты •[III 119]• им. Но эта неудача не остановила их вторжений во Фракию. Вместе с булгарами они опустошали эту область. Тогда Иустиниан поставил военным начальником ее некоего Хилвудия, и этот храбрейший полководец в течение трех лет останавливал напор болгар и славян и даже переходил к ним за Дунай и там поражал их, но, наконец, и сам погиб в битве с ними. По смерти его северные варвары беспрепятственно переходили через Дунай грабить области Византийского царства, и все войско его не могло делать того, что делал один этот Хилвудий⁽⁷³⁾.

В тринадцатый год царствования Иустиниана, 540 по Р. Х., когда являлась комета, многочисленное войско гуннское, переправившись через Дунай, разделилось на отряды, и они, как опустошительные бури, пронеслись по разным странам на западе и востоке Европы. Одни из них доходили даже до предместий Константинополя, а другие у иллиров взяли тридцать две крепости, близ Афона же разрушили город Кассандру, он же и Потидея, и все окрестные селения, тогда как прежде не умели брать крепостей приступом, и, захватив все сокровища и 120 000 пленных, возвратились в свои жилища, не встретив на пути никакого сопротивления. А Кассандра была возобновлена и укреплена Иустинианом⁽⁷⁴⁾.

Спустя девять лет после сего, в 549 г., три тысячи славян перешли через

Дунай, так что никто не помешал их переправе, и разбили греческих военачальников, у которых было несравненно более войска. Асбад, предводивший большим отрядом греческих всадников, был побежден ими, взят с бою и сожжен живой, после того как эти варвары содрали с него кожу. Потом они ограбили Иллирию и Фракию и простерли свои набеги до Эгейского моря, на берегу которого осадили значительный город Топир, отстоявший от Константинополя на двенадцать дней пути и близкий к Афону, взяли его приступом, умертвили 15 000 мужчин, а женщин и детей увели с собою за Дунай. В следующем 550 году они переправились •[III 120]• через эту реку в гораздо большем числе и мимо Наисса пошли к Солуню с тем, чтобы овладеть им и соседними городами. Тогда император Иустиниан, боясь потерять такой важный город, как Солунь, велел знаменитому полководцу своему Герману предотвратить сию опасность. Славяне, узнав об этом и боясь Германа, истребившего антов в начале царствования Иустиниана, воротились с дороги к Солуню и ушли в Далмацию. А разоренный ими Топир сей император возобновил и населил, возвысив стены его. В том же году, с позволения его, водворились в опустошенной Фракии 2000 гуннов кутургуров, из которых некто Сисинний отличался в Африке под начальством знаменитого Велисария⁽⁷⁵⁾.

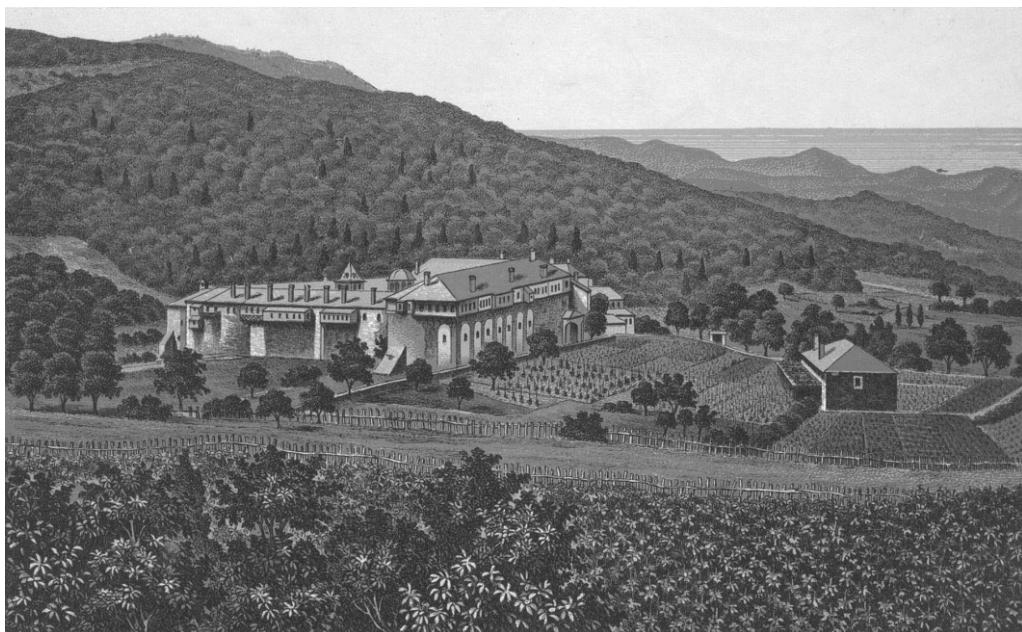
Настал 558 год. Тогда в Константинополе свирепствовала моровая язва, а Дунай замерз так плотно, что гунны,

водворившиеся при устье его, свободно перешли по льду под предводительством Завергана, начальника котригуров, и беспрепятственно вторглись во Фракию для любостязания. Тут Заверган разделил свое войско на три отряда и один из них послал в Елладу, а другой во Фракию, сам же с 7000 всадников пошел к Константинополю и на пути туда все грабил, все разорял и многих забирал в плен. Отвага его была так велика, что он стал лагерем у слободы Мелантиады в 140 стадиях от сего царя-города. Однако тут Велисарий обратил его в бегство, но не разбил. Посему император Иустиниан дал Завергану множество золота как выкуп пленных, между которыми находился военачальник Сергей Вакхов. Пока этот смелый гунн стоял у ворот

Константинополя, другие два отряда его воротились к нему из похода в Елладу и Фракию и вместе с ним ушли во свояси. Об этих отрядах историки Прокопий и Агафий единогласно сказали, что они не сделали ничего замечательного, οὐδέν τι ἀξιαφήγητον ἔδρασαν, а только ограбили иллиров и фессалийцев на пути к Фермопилам, которых не могли взять приступом, потому что это укрепленное •[II 121]• природою и искусством ущелье храбро защищали от них греческие воины⁽⁷⁶⁾.

§ 23. О переселении жителей фессалийского городка Фтери на Афон

Поход гуннов в Елладу чрез Фессалию в 558/9 году повлиял на Афон.

Монастырь прп. Филофея.

Тогда жители фессалийского городка Фтери, ныне Чаязи*, расположенного у окраины морского залива недалеко от устья фессалийской реки Пиния, уstraшенные грабительством и неистовствами гуннов, сели на суда и отплыли на ближний к ним Афон, где и поселились на месте разрушенного в 458 году города Клеонэ и назвали его Фтери. Об этом событии не упомянули византийские историки, но сохранилось воспоминание на Афоне. Известный нам Филофеит в своем критическом рассуждении о начале монашества на этой горе и о древности монастыря Филофея сказал: «Священная обитель Филофея оказывается весьма древнею. Во вторую эпоху (Афона, с 870 г.) она существовала во дни преподобного Афанасия Афонского и царей Василия и Константина, и в одной деловой записи св. Лавры Афонской, 992 года о монастырях Кáспака и Аци-Иоанна, названа обителью Фтери (τῆς Φτέρης) и Филофея (Φιλοθέου)»⁽⁷⁷⁾. Весьма замечательно это двойное название ее. В нем грамматически член τῆς заставляет всякого, знающего греческий язык, разуметь под Φτέρη людское селение. По имени этого селения обитель называлась Фтерийскою, а по имени основателя ее инока Филофея — Филофеевою. Стало быть, сей инок, прибыв на Афон, застал там пустошь, называемую Фтери, и основал тут обитель, подобно

тому как преподобный Афанасий в 961 году там же застал название урочища Мелана и построил тут Лавру. А ежели название Фтери старше обители Филофея, существовавшей в 992 году, и старше так, что вошло •[II 122]• в деловую записку сего года как известность топографическая, то и оказывается, что Фтери как людское селение давно существовало на Афоне и было известно мирянам, монахам, делопроизводителям. Когда же оно явилось тут под этим именем? До второй половины шестого века нет и помину о нем ни у Стефана Византийского, ни у сократителя книги его о городах, Ермолая, а пред 676 годом Афон, как увидим скоро, опустошен был арабами так, что ни один город уже не возникал на нем; следовательно, селение Фтери явилось на этой горе между 550 и 676 годами, по моему соображению, в 558/9 году, когда гунны громили Фессалию и когда жители тамошнего городка Фтери, уstraшенные неистовствами их, принуждены были бежать лишь на близкий Афон, потому что тогда ближайший к ним город Солунь с всесторонними окрестностями его находился в опасности от оных варваров, опустошавших Фессалию, Македонию и Фракию.

§ 24. Об осаде Солуня славянами и о стесненном положении Афона от нашествия их и гуннов

Гунны указали славянам дорогу к Солуню, и они еще в 550 году хотели овладеть этим городом, окруженным

* Тут я был в 1859 году, следуя в соседний монастырь, называемый Икономион, попросту Кономнѣ.

хлебными полями. Но тогда помешал им сделать это грозный для них полководец греческий Герман. По смерти же его они, опустошая то Елладу, то Фракию, шли к Солуню беспрепятственно и, хотя не могли взять его, но селились в плодородных окрестностях его. В 576 году ими опустошена была Еллада без малейшего препятствия со стороны императора Иустина, которого войска тогда были заняты войною с персами⁽⁷⁸⁾. В 586 году, в царствование Тиверия, они в числе ста тысяч вторглись во Фракию и грабили ее и многие другие области⁽⁷⁹⁾, а в 597 году, когда царствовал Маврикий, дважды осаждали Солунь, однако безуспешно; ибо в первый раз были отражены, а во второй остановила их моровая язва⁽⁸⁰⁾. •[II 123]•

Итак, в течение шестого века нехлебобородный Афон хотя и не пострадал от нашествия алчных гуннов и славян и даже поместил у себя фтерийцев, а вероятно, и других греков, которые бежали от оных варваров, но зато не мог не чувствовать большого стеснения и должен был терпеть великие невзгоды и нужды, когда близкие к нему местности, как то: Кассандрский полуостров хлебородный, Фессалия такая же, Солунская область такая же и значительный город Топир в сопредельной Фракии, богатый садами и хлебом, были многократно опустошаемы так, что жители их были уводимы в плен. В это злосчастное время афонитам не с кем было вести торговлю, не кому было продавать произведения их земли и их рук. А хлеб, которому невозможно

родиться на их каменистой и крутой почве, они могли получать тогда разве из малоазийского города Смирны. *Такое стеснение и обеднение их я считаю роковым подготовлением Афона к водворению на нем монахов.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. О судьбе Афона в седьмом веке

§ 25. Заметка испанского епископа Исидора об Афоне

Настал век седьмой. В начале его, 601–636 гг., Севильский в Испании епископ Исидор в своем географическом сочинении упомянул об Афоне как о высочайшей горе, но ничего особенно не сказал о ней. Передаю слова его. «Афон, заоблачная гора Македонии, так высок, что тень от него простирается до острова Лимноса, который отстоит от него на 76 миль»⁽⁸¹⁾. Вот и все!

§ 26. О первом кратковременном запустении Афона пред поселением на нем монахов

Заметка епископа Исидора об Афоне есть последнее *книжное* воспоминание седой древности об этой горе. Последующие за ним •[II 124]• писатели седьмого, восьмого и прочих веков не сказали о ней ни слова, даже византийские историки, начиная с Феофана, упоминали о ней весьма редко, вскользь, а о состоянии тамошних обителей не промолвили ни полслова. Но зато в святогорских архивах находится

множество дельных материалов для истории Афона, с помощью которых можно написать ее достоверно, начиная с последней четверти седьмого века до наших дней. Немалая часть этих материалов переписана моею рукою там, на месте. Пользуясь ими и оканчиваю историю мирского Афона оповещением о запустении городов на сей горе при Константине Погонате, после которого вся она отдана была этим государем монахам для обитания.

Запустение мирского Афона с его приходскими церквями и клирикальными обителями произошло не от гуннов и не от славян, которые и не заходили туда, а от последователей Магомета аравитян, и произошло в малый промежуток времени между 670 и 676 годами. Доказываю это, предварительно оповестив быстрое движение магометан из Сирии к Константинополю с целью овладеть этим царем-городом.

Магомет, роковой и для Афона, родился в пятый день мая месяца 570 года, а умер в 681 году. По смерти его магометанство, как наводнение, весьма быстро охватило три части света. В 632 году халиф Абубекер покорил своей власти царство Персидское; в 634 г. халиф Омар-бен-Хаттаб овладел Дамаском и Финикией, в 637 г. взял Иерусалим и с ним всю Палестину, а в 641 г. утвердился в Египте. В 648 году аравитяне, имевшие уже 1700 мореходных судов, овладели всем островом Кипром, а в следующем году островом Арадом у

берега Сирии и сделали его необитаемым, в 653 году завоевали Родос и тамошний знаменитый Колосс, это седьмое чудо древнего света, продали еврею. В 654 году повелитель их Мавиа приготовил большой флот у сирийского города Триполи и направил его к Константинополю. На пути туда сей флот у берега Киликии встретился с флотом греческим, сразился •[II 125]• с ним и разбил его так, что море побагровело от крови убитых христиан. Тут находился греческий царь Констант. Ему пред морским сражением снилось, будто он в Фессалонике. Этот сон истолковали ему в неблагоприятном смысле: *θὲς ἄλλω νίκην* — *отдай другому победу*. Быв побежден, он едва спасся переодетый и отплыл в Константинополь. Флот же Мавии возвратился назад, потому что случилось возмущение арабов. По этой же причине сей халиф просил мира у Константа, предлагая ему ежегодную дань весьма выгодную. Но Констант не помирился с ним и уехал в сицилийский город Сиракузы, где и умерщвлен был заговорщиками в бане (668 г.). Ему наследовал сын его Константин Погонат. При нем аравитяне с 670 года по 676-й в течение семи лет, неустанно бились с греками на море у самых предместий Константинополя, укрываясь на зимнее время в пристани малоазийского города Кизика. Их битвы не увенчались желанным успехом. Они не только не взяли Константинополя, но еще потеряли множество людей и кораблей, которые сожигаемы были изобретенным тогда Каллинико-

вым огнем, не угасавшим в воде, и отплыли восвояси с великою печалью. Но и на обратном пути весь флот их потопила ужасная буря. Тогда халиф Мавиа, огорченный таким несчастьем, к которому присоединились разбои мардаитов на Ливане, заключил с Погонатом мир на тридцать лет, обязавшись давать ему ежегодно 3000 золотых монет, 50 доблородных коней арабских и множество пленников. Это было в 676 году. Узнали об этом авары, обитавшие у Дуная, и поспешили помириться с византийцами. Таким образом водворилось великое спокойствие на востоке и западе⁽⁸²⁾.

Во время последней семилетней войны аравитян с греками у Константинополя все мирские селения на Афоне опустели и уже никогда не возникали. Доказываю это.

В шестом веке, в царствование Иустиниана I, 527–565 гг., на Афоне существовали города, поименованные в известной книге Ермолая, которую он поднес сему государю. •[III 126]•

По смерти Иустиниана, с 565 года по 670-й, ни гунны, ни славяне не заходили на Афон. Следовательно, все тамошние города в то время были целы.

С 670 года по 676-й аравитяне прервали морское сообщение Афона с Константинополем, Малою Азией и приморскою Фракией.

А во время иконоборства с 726 года по 780-й на Афоне обитали уже одни монахи и тогда обратили ко Христу нахлынувших к ним влавов — рихинов

и сагудатов, о чем сохранилось письменное известие в Афоно-Кастамонитском монастыре⁽⁸³⁾.

Следовательно, афонские города опустели в промежуток времени между семилетнею войною аравитян и греков и началом иконоборства, численно сказать, между 670 и 676 годом, в который арабы заключили мир с Константином Погонатом на 30 лет. Исторически указать другое время запустения, о котором идет речь, весьма затруднительно⁽⁸⁴⁾.

Как же объяснить это запустение во время семилетней войны аравитян и греков у Константинополя с 670 года по 676-й?

Объяснить это не трудно. Арабский флот в течение семи годов непрестанно тревожил Константинополь, прервав морское сообщение его с пристанями малоазийских городов Кизика, Вифинии, Халкидона, Смирны и других, с ближайшими островами и Афоном. В эти же самые годы (особенно в 675 г.) славяне, именно, дреговичи, велесичи и струменцы теснимые булгарами на обеих сторонах Дуная, поднялись оттуда большими толпами с женами и детьми своими и двинулись к Солуню. Не успев взять сего укрепленного города, они водворились в богатых окрестностях его: дреговичи на полях Солунских, велесичи в Фессалии, где поныне находится их селение Велестино, виденное мною в 1859 году, а струменцы у реки Стримона в виду Афона⁽⁸⁵⁾. В такое смутное время афонитам, ничего не сеющим на каменистой

родине своей, негде было взять хлеба для пропитания семейств своих. Посему они, •[II 127]• как гласит местное предание, выселены были в Пелопоннес царем Константином, только не Великим, а Погонатом. Так совершилось запустение Афона. Что касается до самых городов там, то они без жителей отчасти разрушались сами собою, отчасти разорены были сарацинами (они же и арабы), от бурь укрывавшими сторожевые и продовольственные суда свои в афонских пристанях у Аполлонии, Дафны, Мульяни, Хилантиро-Самарии, отчасти были разобраны водворившимися там монахами после 676 года на постройку их келлий, церквей, башен, оград. К этому времени я отношу разрушение афонского города Аполло-

нии (ныне Иериссо) сарацинами, и вот почему. У крепостной стены его, весьма древней, за глубоким рвом направо, если стоять тут лицом к морю, насыпан земляной вал выше этой стены; и он поныне называется Саракино́ в память осады города Сарацинами. Я осматривал его в 1858 году и тут на месте убедился, что афонская Аполлония взята была этими магометанами с бою, приступом.

Первое запустение Афона, частью оставленного жителями, частью разоренного сарацинами, оповещено мною. Остается теперь предложить сказание о заселении его монахами и о многовековых судьбах этих людей Божиих и народных.

Господи, благослови сей новый труд мой.

*1 марта 1871 года,
в Киево-Михайловском монастыре,
в 15 минут 2-го часа по полудни. •[II 128-129]•*

III. ОПРАВДАНИЯ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОГО АФОНА МИРСКОГО

1) Сказаніе о святѣй горѣ Аѳонсѣй, како бысть въ ждрѣбій Пресвѣтѣй Владычици нашей Богородици, и како святаа гора наречесе и въ периволь (сад) ее... списано Божественнымъ Стефаномъ. (Из рукописи Афоно-Павловского монастыря).

«По вознесеніи Господа нашего Ісуса Христа иже на небеса. съваку́плениомъ ученикомъ въ Сіонѣ съ Марією матерію Іусусовою. оутѣшителя ожи-

дающе по заповѣди Христовѣ, якоже рече имъ, отъ Іерусалима не отлучатисе, и проча. между симъ метнуше ждрѣбіи. где убо коемуждо ученику котораа страна земли въ достояніе будетъ, проповѣдати евангеліе Божіе. и сіа отъ матере Іусусовы метнута быше. и яже по семъ мало покаснѣвши, рече пречистаа къ ученикомъ. хошу съ вами и азъ метнути мой ждрѣбій. яко да и азъ не буду безъ чести (части), но Богови и

мнѣ, которые земли дароватисе. Они же благоговѣино и съ страхомъ метнуше по словеси Божіе матере. и паде ждрѣбій Иверьскаа земля. абіе съ радостію въспріеми, и хотѣаше поити. Ангель же Божій рече: ни. не разлучайсе отъ Іерусалима. ждрѣбій же тебѣ падшій просвѣтитсе въ послѣдніе дни •[п 130]• въ твой образъ. и владычество твое не прѣбудеть тако. но имаши потрудитисе мало въ землю, юже тебѣ Богъ изволить. И сіа рекъ агль отиде от нее. Лазарь же четверодневный бѣ въ Квпровѣ островѣ, отъ страха Іудейскаго. тамо бо бысть и святитель рукою положень Варнавы апостола. и желаше многою любовію видети пресвятую Марію. и якоже рѣхомъ, бояшеса отъ Іудейскаго томленія пріити въ страны Іерусалимскыя. И сіа сему разумѣвши мати Божія. начертавши буквы къ Лазарю отпусти, утѣшенно имѣющеи подобіе, яко иже и корабль отпустить ей, и пріити къ нему въ Квпръ, а той да не приходитъ. тако предѣдѣсе намъ смѣренаа держати, рече. И сіа прочетъ четверодневный, зѣло удивисе таковому смѣренію. абіе съ великою радостію пославъ корабль и писаніе. И сіа видѣвши пречистаа Марія. вставши съ возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ и дѣвставникомъ Іоанномъ. въ корабль внидоше, и плути начете къ Квпру. и внезапу духъ съпротивнъ привлѣче корабль въ аскáлонъ (σκάλα = пристань) Аѳонскіе горы. И се мало потруженіе пречистѣй Богородици, яже отъ ангела рекомаа ей.

Гора же бѣше та исполнена кумиры повсюду. яко ту бѣше капище и свѣ-

тилище Аполлоново. ибо гаданіа и вражаніа и ина многа въ ней бѣсованіа бѣху. иже имѣаху Еллини вси мѣсто то, бѣ бо избранно зѣло. и тамо отповсуду вселенные приходяаху на поклоненіе. и кійждо вестъ отъ гадальць пріемаше, о ней же вещи вопрошааше и хотѣаше. Абіе же отъ всѣхъ идолъ бысть кличъ и вопль сицевый: сънидѣте съ горы вси людіе, прѣльщеніи суетнымъ Аполлономъ, въ пристанище Климентово. и воспріимите Марію великаго Бога Иисуса матеръ. Сіа бо народъ слышавше, удивисе. и стекошесе по гласу на брѣгъ моря, иже и корабль видѣвши, и матеръ Божію vzdвигоше и на сонмище отнесоше. Вси же вопросите, еже како Бога роди, и коего по имени. Абіе же отверзе Блаженнаа своя уста, и благовѣсти народомъ вса. и вси пáдоше и поклонишесе Богу, иже отъ нее рождшомусе. и вѣрôваше и крестисхесе вси. сотворена бо быше и многаа чудеса ту отъ Божіе матере. и учителя и наставника •[п 131]• тѣмъ Климента постави. ибо возрадовасе духомъ рече: «се въ ждрѣбій мнѣ бысть Сына и Бога моего». и благослови люди, паки рече: «Божія благодать на мѣсто сіе, и на пребывающіе въ немъ съ вѣрою и съ страхомъ, и съ заповѣдеи Сына моего, иже съ малымъ попеченіемъ изобильно будутъ имъ вса на земли, и жизнь небесную получатъ. и не оскудѣетъ милость Сына моего отъ мѣста сего до скончанія вѣка. и азъ буду тепла заступница къ Сыну моему о мѣстѣ семъ, и о пребывающихъ въ немъ». Сіа рекши благослови, и вшедши въ корабль съ

прѣдреченнымъ Иоанномъ и съ прочими отплу въ Кнпръ, и обрѣте Лазара въ велицѣй скорѣби, иже за нее случившееся. не бо вѣдаше ничесоже о семъ смотрѣнїи Божїи. Абіе же мать Божїа прѣложи ему скорѣбъ на радость, и дары принесе ему. омофоръ и нарукавнице. иже бѣ сама створила Лазара ради. и вса исповѣда ему, яже въ Єрусалимѣ бывшаа и въ Аѳонсѣй горѣ. и о всѣхъ благодарїише Бога: и прѣведесе пакы на онъ полъ, и отыде въ Іерусалимъ. идѣже въ мало врѣме прѣстависе ко Господу прѣсвятаа Богородица Марїа».

2) Из того же Сказания.

«...Мнози отъ святыхъ рекоше, яко въ Аѳонсѣй пустыни имѣаше она то мѣсто уготовано отъ Бога, и тамо истинно, и дадохесе женѣ двѣ крилѣ орѣла велика, яко да лѣтаеть въ пустыни въ мѣстѣ си. дадохесе церкви двѣ Писанїи тамо, Греческо и Болгарско, благословити и славити единого Бога...»

3) Из предисловия к Сказанию.

«...Отвержемъ сапогъ, яко Моисей, да чистѣ ѹзримъ огненное чудо, и вонемъ гласъ той: яко Азъ есмь Богъ Авраамовъ и Богъ Исааковъ и Богъ Іаковль. тѣмже посѣтимъ братїю нашу отъ томленїа втораго Фараона ... въ горѣ пребудемъ, яко да Амалика побѣдимъ... •III 132I• И поможе земля женѣ. сирѣчь царство Агаранско, аще и нечестиво есть, но поможе Божїей Церкви, и отверзе земля уста своя и попи рѣку, юже пусти змїй на жену. Се же Агаране попраше Константинограда царство».

4) Ἐκ χειρογράφου σωζομένου ἐν ἱερᾷ μονῇ τοῦ Φιλοθέου.

«...εἰς ὕψος ἀτεχνόν τινος Σέρβου δρᾶμα, μόλις τὰ ὀκτὼ μέρη τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης διακρίνοντος· διότι γράφει καὶ λέξεις Σλαβωνικὰς ἐν τισιν ὑποθέσειν ἐκείσε, ἐν τῷ βιβλίῳ, ὃ εἶδον εἰς τὴν Λαύραν».

5) Ibidem.

«...Ὁ συγγραφεὺς τοῦ βίου τοῦ ὁσίου Πέτρου τοῦ ἐν τῷ Ἀθῷ ὁ ἴδιος γράφει τὸ ὄνομά του, Νικόλαος... Ἐγὼ Ἑλληνιστὶ εἰς ὕψος κάλλιστον καὶ ῥητορικώτατον ἀνέγνων τοῦτον τὸν βίον... Ἐν τῷ προοιμίῳ λέγει, ὅτι τοῦ γέροντος αὐτοῦ, ἡγουν τοῦ πνευματικοῦ πατρὸς αὐτοῦ ἐπιταγῇ πειθόμενος γράφει... ἂν ὁ μεταγράψας τὸν βίον τοῦτον εἰς τὸ ἀπλοῦν δὲν ἔγραφεν, ὅτι τὰ Κλήμεντος (ἐν βιβλίῳ ἐκείνου Νικολάου) εἶναι ἢ τῶν Ἰβήρων ἱερὰ μονή, ἤθελον μένει ἀκατάληπτα ταῦτα, καὶ τὰ Κλήμεντος». — Итак, Житие Петра Афонского, написанное Николаем по-еллински, переведено было на простой (εἰς τὸ ἀπλοῦν), новогреческий язык.

6) Ibidem.

«Δείκνυται τεχνίτης εἰς τὸ γράφειν οὗτος ὁ Νικόλαος, κρίσεως δὲ ὀρθῆς, εἴτε θέλων, εἴτε μὴ, παντάπασιν ὑστερημένος· διότι εἰς τόσον βαθμὸν συγχέει ἐκείνην τὴν ἀχρονολόγητον συγγραφὴν τοῦ καὶ ἀνώμαλον, ὥστε παρίστησιν αὐτὴν σαφῇ πλαστογραφίαν... ἄλλην ὑπόληψιν ἰδεῶν ἔχων περὶ τοῦ ὅρους. τὴν ὁποῖαν λέγουσιν, ὅτι ἦλθεν ἡ Θεοτόκος εἰς τὸν λιμένα τοῦ Κλήμεντος, καὶ ὁ Κλήμης ἐκεῖ ὦν μετὰ τῆς Θεοτόκου ἔκτισεν εἰς τὸ ὄνομα αὐτῆς μονὴν ἐκ τοῦ ὀνόματος τοῦ

κληθεῖσαν Κλημέντιαν. ἀλλ' ὁ γράψας ἐκεῖνα τὰ ἀρχαῖα γράφει ὅτι τὰ εἰδωλα ἔλεγον τοῖς εἰδωολάτραις· δράμετε εἰς τοῦ Κλήμεντος τὸν λιμένα· ὡς εἰς γνωστὸν αὐτοῖς τόπον. Ὁ Κλήμης ἦλθεν μετὰ τῆς Θεοτόκου καὶ τοῦ Θεολόγου, καὶ οἱ εἰδωολάτραι οὐκ εἶδον αὐτούς· πῶς ἐκ τοῦ Κλήμεντος ὠνομάσθη ὁ καὶ πρῶτερον γινωσκόμενος, πρὶν ὁ Κλήμης ἔλθῃ, λιμὴν καὶ τόπος •[III 133]• Κλημέντια; Αἱ ἀλλόκοται αὐταὶ ἰδέαι τὸν συγγραφέα τοῦ ὁσίου Πέτρου τοῦ βίου, ὡς φαίνεται, ἐμάκρυναν τῆς ἀληθείας, ἢ προαιρούμενον, ἢ ἀπατώμενον, νὰ γράψῃ τερατολογίας ἀσυμβιβάστους... Λέγει ὅτι, ὅταν ἐκλεψαν τὸ λείψανον (τοῦ Πέτρου) ἐκ τοῦ ναοῦ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου οἱ δύο ἐκεῖνοι μοναχοὶ οἱ μετὰ τοῦ κυνηγοῦ εὐρόντες τὸ ἅγιον λείψανον, ἦν καὶ οὗτος ἐν τῇ Κλημεντία ταύτῃ μονῇ τῆς Θεοτόκου, ἦν καλεῖ τὰ Κλημέντος... ἂν ὁ μεταγράψας τὸν βίον τοῦτον εἰς τὸ ἀπλοῦν δὲν ἔγραφεν, ὅτι τὰ Κλημέντος εἶναι ἢ τῶν Ἰβήρων ἱερὰ μονή, ἥθελον μένει ἀκατάληπτα ταῦτα καὶ τὰ Κλημέντος... ὡς δὲ τὰ Κλημέντος γράφει οὗτος ὁ Νικόλαος, βούλεται, ὡς εἶπον, νὰ ἀποδείξῃ ὡς ἀληθὴ τὴν εἰς τὸ ὄρος Ἄθω μετὰ σώματος ἔλευσιν τῆς Θεοτόκου... Οὐδὲν ἄρα ὑγιὲς δυνάμεθα εὐρεῖν ἐκ τῆς βιογραφίας ταύτης».

7) Ἐπιφανίου μοναχοῦ πρεσβυτέρου περὶ τοῦ βίου τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου καὶ τῶν τῆς ζωῆς αὐτῆς χρόνων. — Ὁ βίος τῆς ὑπεραγίας δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου οὕτως ἀντεγράφη παρὰ τινος παλαιωτάτου μεμβραίνου βιβλίου ἐκ τῶν τῆς Λαύρας τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν

Σάββα τοῦ ἡγιασμένου τῆς κατὰ τὴν Παλαιστίνην. Ἀντίγραφον δὲ τοῦτο σώζεται ἐν βιβλιοθήκῃ τοῦ παναγίου τάφου, ἐν Ἱερουσαλήμ. [Житие Богородицы по списку из Святогробской библиотеки в Иерусалиме, переписанному с древней пергаментной рукописи из Лавры св. Саввы.]

«... Εἰδοῦσα δὲ ἡ Θεοτόκος τὴν εἰς οὐρανοὺς ἀνάληψιν τοῦ Κυρίου ἐπὶ πλεῖον ἑαυτὴν ἐξέδωκε τῇ ἀσκήσει καὶ ταῖς γονυκλισίαις, ὥς φησιν Ἀνδρέας ὁ ἐξ Ἱεροσολύμων ἐπίσκοπος Κρήτης. — ...Οὐδεὶς ἐτόλμα τῶν Ἰουδαίων, οὐ τῶν ἀρχόντων, οὐ τῶν ἀρχιερέων, οὐ τῶν παρ' Ἑλλήσι, λαλῆσαι τι περὶ αὐτῆς, ἢ ποιῆσαι, ἢ ὅλως προσεγγίσει τῇ οἰκίᾳ, ἔνθα κατέμενε, ἰάσεις πολλὰς ἐπιτελοῦσα, τοῖς ἀσθενοῦσιν ὑγιείαν χαριζομένη, καὶ τοὺς δαιμονοῦντας ἐλευθεροῦσα τῶν ἀκαθάρτων πνευμάτων, ἐλεημοσύνας τε καὶ ἐπιμελείας εἰς τοὺς πτωχοὺς ποιοῦσα καὶ χήρας καὶ ὀρφανοὺς. Φασὶ δὲ τινες, ὅτι οὐδεὶς ἐκ τῶν δώδεκα ἀποστόλων ἀπέστη μακρὰν, ἢ ἔχωρίσθη τῆς Ἱερουσαλήμ ἐν τῇ ζωῇ αὐτῆς· ἀλλὰ καὶ ἐν τῇ θλίψει τῇ γενομένῃ καὶ τῷ διογμῷ τῆς ἐκκλησίας, πάντες διεσπάρησαν κατὰ τὰς πόλεις τῆς Ἰουδαίας καὶ Σαμαρίας, ἐπὶ τῇ ἀναιρέσει Στεφάνου τοῦ πρωτομάρτυρος, πλὴν τῶν δώδεκα, καθὼς καὶ Λουκᾶς ὁ εὐαγγελιστὴς γράφει· ἐγένετο δὲ καὶ τοῦ πρωτομάρτυρος ἡ ἀναίρεσις μετὰ ἕξ χρόνους τῆς Χρίστου ἀναλήψεως... Ἀριθμοῦνται δὲ τὰ ἔτη αὐτῆς οὕτως· ἑπτὰ ἐτῶν προσέφερον αὐτὴν οἱ γονεῖς αὐτῆς τῷ Κυρίῳ εἰς Ἱερουσαλήμ· ἐποίησε δὲ ἐν

τῷ ναῷ ἕξ καὶ ἡμισυ ἔτη· εἰς τὸν οἶκον τοῦ Ἰωσήφ μῆνας ἕξ, καὶ εὐηγγελίσθη τὴν παγκόσμιον χαράν, καὶ τῷ πέντε •[III 134]• καὶ δεκάτῳ ἔτει ἔτεκεν καὶ σὺν τῷ υἱῷ αὐτῆς τῷ Κυρίῳ ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστῷ ἔτη τριάκοντα τρία ἐποίησεν· ἅτινα γίνονται μῆ· καὶ μετὰ τὴν ἀνάληψιν τοῦ Κυρίου ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ Θεολόγου εἰς τὴν ἁγίαν Σιών σὺν αὐτῷ καὶ τοῖς λοιποῖς ἔτη κδ', ὁμοῦ ἔτη οβ'. Μετὰ δὲ τὴν κοίμησιν πάντες οἱ ἀπόστολοι διεσπάρησαν, καὶ Ἰωάννης κατήλθεν εἰς Ἑφεσον».

8) Περιγραφή τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθω... Σώζεται ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Γρηγορίου, καὶ ἐν ἰδικῇ μου βιβλιοθήκῃ. [Описание Св. Горы Афонской из Григориевского мон-ря, рукопись в личной библиотеке автора.]

«Πρὸς δυσμὰς τῆς προαύλακος καὶ πρὸς ἀνατολὰς τοῦ Κάστρου Ἱερισσοῦ, ἔνθα νῦν μετόχιον καὶ πύργος τῆς ἱερᾶς μονῆς Κουτλουμουσίου καὶ ναὸς ἐπ' ὀνόματι τοῦ ἀποστόλου Παύλου, κεῖται χάσμα, οὗτινος τὸ στόμιον βλέπει πρὸς βορρᾶν, ὅπου ἐκ τοῦ χάσματος ὕδωρ ῥέει ἀένναον, καὶ πύλη ἐν τῷ στομίῳ κλείουσα διὰ θύρας, καὶ ὅσον τις ἰδεῖν δύναται, ἐν τῷ χάσματι κάτω τούτου ὕδωρ ὀρεῖ. Οἱ πλησιόχωροι χριστιανοὶ καὶ οἱ μοναχοὶ ἔχουσι τὸ ὕδωρ τοῦτο ὡς ἁγίασμα τοῦ ἀποστόλου Παύλου, καὶ κατὰ διαδοχὴν ἐξ ἀρχαίας πατροπαραδότου παραδόσεως δηγούνται θαῦμα τοιοῦτον. — Ὁ ἀπόστολος Παῦλος διδάσκων τὸ εὐαγγέλιον τοὺς ἐκεῖσε ἐθνικοὺς, καὶ νουθετῶν αὐτοὺς σωφρονεῖν καὶ ἐγκρατεῦσθαι ἐκ τῶν σαρκικῶν παθῶν, ἀναιδεῖς τινες

φauλοβίων διενόησαντο κρατῆσειν βία καὶ μολύνειν αὐτόν. ἐπειδὴ εἰς στενοχωρίαν ἔφερον ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ οἱ ἀκόλαστοι, εὐρόντες κρυπτόμενον ἐν ἀγέλῃ βοῶν· ἐσχίσθη ἡ γῆ, καὶ εἰσῆλθεν ἐν αὐτῇ ὁ ἀπόστολος καὶ ἐξῆλθεν εἰς Κασσάνδραν. ἔνθα ὁμοίως ναὸς ἐπ' ὀνόματι τοῦ ἀποστόλου, καὶ χάσμα ὁμοιον, καὶ ὕδωρ ῥέον, ἁγίασμα καὶ τοῦτο καλούμενον τοῦ ἀποστόλου Παύλου. Τὸ δὲ μεταξὺ τῶν δύο τόπων τούτων διάστημα σχεδὸν μιλίων 60. Δεῖγμα δὲ μένει εἰς Ἱερισσὸν τοιοῦτον· τοὺς ἐκ τοῦ γένους τούτου καταγομένους τῶν φauλοβίων ἐκείνων ἄχρι τῆς σήμερον, ἐπ' ἂν συμβῇ φαγεῖν αὐτοὺς κρέας βοῶν, αἷμα ῥέει ἐκ τούτων •[III 135]• εἰς πλῆθος· ὅθεν καὶ ἀπέχονται οἱ τοιοῦτοι ἐσθίειν, καὶ παρὰ τῶν λοιπῶν συνεχχωρίων χλευάζονται, ὡς καταγόμενοι ἐκ τῆς μιαρᾶς γενεᾶς ἐκείνης. Ταῦτα μὲν οὕτως ὀρώνται καὶ λέγονται, ὡς ὁμολογούμενα παρὰ τοῖς ἐγχωρίοις καὶ ἐν Ἱερισσῷ καὶ ἐν Κασσανδρείᾳ, ἔνθα ταῦτά εἰσι τὰ σημεία».

9) Ἑλληνικὸν Πάνθεον... παρὰ Χαρισίου Δημητρίου Μεγδάνου τοῦ ἐκ Κοζάνης. Πέστη, 1812. Σελ. 387, 388.

«Μὲ τοὺς θαλασσίους θεοὺς συγκαταριθμεῖται καὶ ὁ Πρωτεύς· αὐτὸς τὸ πρῶτον ἦτον θνητὸς καὶ τὸ γένος Αἰγύπτιος, καὶ υἱὸς τοῦ Ποσειδῶνος· ἐλθὼν δὲ εἰς τὴν Θράκην ἐκ τῆς Αἰγύπτου, κατῳκησεν εἰς τὴν Φλέγραν τῆς Παλλήνης, καὶ συζευχθεὶς μετὰ τῆς Τορώνης, ἐπαίδεποίησε τὴν ῥοιτείαν καὶ τὸν Τμήλον καὶ τὸν Τηλέγονον, οἱ ὅποιοι ξενοκτόνοι γενόμενοι, ἐφόνευσαν κα-

ταπαλαίοντες τοὺς ἐκεῖθεν διαβαίνον-
τας ξένους. Ὁ πατὴρ τῶν Πρωτεύς, δί-
καιος ὢν, καὶ μὴ φέρων τὴν ξενοκτονίαν
των, ἐδεήθη τοῦ πατρὸς τοῦ Ποσειδῶνος,
νὰ τὸν μεταφέρῃ εἰς τὴν Αἴγυπτον
πάλιν. Ἐπακούσας δὲ καὶ ὁ Ποσειδῶν,
ἔκαμεν ὑποκάτω τῆς θαλάσσης σπή-
λαια καὶ διάβασιν ἀπὸ τὴν Αἴγυπτον
ἕως εἰς τὴν Παλλήνην, ἥνοιξεν ἐκεῖ ἐν
χᾶσμα, καὶ εἰς αὐτὸ προσέταξε τὸν
Πρωτέα νὰ ἔμβῃ, καὶ ἐμβὰς ἀβρόχως
ἐπέρασε καὶ ἦλθεν εἰς τὴν Αἴγυπτον».

10) Histoire de l'estat present de l'église Grecque, par M. le chevalier Ricaut. Amsterdam, 1698.

«Les Grecs croyent en général que le monastère de Caracal fût fondé par un ancien empereur Romain: peut-être veulent-ils dire Antonius Caracalla: mais celà est impossible».

**11) Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὁ-
ρους τοῦ Ἀθωνος, δαπάνη ἱατροῦ Ἰωάν-
νου τοῦ Κομνηνοῦ. [Ἐν Βουκουρε-
στίῳ], ,αψα' [1701]. Σελ. 127.**

«Μοναστήριον τοῦ Καρακάλου εἶναι κτίσμα Αντωνίου τοῦ Καρακάλου ἐκείνου ἀπὸ τὴν Ῥώμην».

**12) Путешествие Барского к свя-
тым местам. СПб., 1785. С. 573.**

«Монастырь Каракалл проименова-
ся сице от перваго своего ктитора
некоего Антония Каракалла, иже от
Рима».

**13) В том же путешествии Барско-
го. С. 936.**

«Сказуют, яко храм в ските сем с
начала созда святыи •[III 136]• великому-
ченик Димитрий еще за живота своего
в честь Богородицы, егда же пролия

кровь свою за Христа и прославися
страданием, последи от благоговения
еже к нему в его имя преименоваша,
иже по многократном своем обветша-
нии и запустении многожды обновися,
и доныне молитвами святого велико-
мученика прибежище есть мужам доб-
родетельным и безмолвие любящим».

**14) Νέον πανηγυρικὸν τοῦ πρωτο-
μάρτυρος ἀρχιδιακόνου Στεφάνου.
Χειρόγραφον ἐν τῇ ἱερᾷ μονῇ Καστα-
μονίτου.**

«Ὁ μέγας Κωνσταντῖνος εἰς τὸν
καιρὸν τῆς βασιλείας του ἐξόρισεν ἀπ'
ἐδῶ τοὺς Τζακονίτας εἰς τὴν Πελο-
πόννησον, ὡς λέγουσιν οἱ ἱστορικοί». —
«Εἰς κάθε σύνοδον οἰκουμενικὴν καὶ ὁ
κατὰ καιρὸν Πρῶτος τοῦ ἁγίου ὁρους
δὲν ἔλειπεν».

**15) Jo. Heineccii Abbildung der Grie-
chischen Kirche. Leipzig, 1711. Pag. 412,
417.**

«In dieser Stadt, Kareis, ist auch das
Haus, worinnen die Mönche ihren ge-
neral-Synodum halten, und über solche
Dinge rathschlagen, die das gemeine
Beste aller Klöster betreffen, wie auch die
alte Kirche, welche zum Gedächtniss des
Todes Mariä noch von Constantino
Magno soll gestiftet seyn». — «Batopedi
ist das reichste, und zu Ehren der Ver-
kündigung Mariä erbauet: Es wird unter
allen Klöstern vor das älteste gehalten,
und rechnet seinen Ursprung her von
Constantino Magno. Das schönste daran
ist die Kirche, welche nach der so
berühmten Sophienkirche zu Constan-
tinopel vor die allerprächtigeste gehalten
wird».

16) Προσκυνητάριον τοῦ ἁγ. ὄρους τοῦ Ἀθωνος, Ἰωάννου Κομνηνοῦ. Σελ. 43, 101, 134.

«Τὸ πρωτάτον εἶναι ναὸς ὑπερμεγέθης καὶ ὠραιότατος ὑπὲρ πάντας. τιμώμενος ἐπ' ὀνόματι τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς κοιμήσεως· καὶ εἶναι κτίσμα τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου· τὸν ὅποιον ὕστερον ὁ παραβάτης Ἰουλιανὸς τὸν ἐκατάκαυσεν ἔσωθεν, καὶ φαίνεται κατὰ τόπους μαυρισμένους ἀπὸ τὸν καπνόν». — «Τὸ περικαλλέστατον μοναστήριον τοῦ Βατοπεδίου τιμώμενον ἐπ' ὀνόματι τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τοῦ Εὐαγγελισμοῦ, εἶναι κτίσμα διαφόρων βασιλέων, καὶ προπάντων τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου· μετὰ δὲ χρόνους τινὰς τῆς αὐτοῦ •[II 137]• κτίσεως, χαλῶντας τὸ ὁ παραβάτης Ἰουλιανός, τὸ ἀνεκαίνισεν ὁ μέγας Θεοδόσιος ὁ βασιλεύς». — «Ἡ ἱερὰ μονὴ ἐκλήθη τοῦ Κασταμονίτου, ὡς ὅτι εἶναι τοῦ Κώνσταντος μονή, ἥτοι τοῦ ἁγίου καὶ μεγάλου Κωνσταντίνου· ἐκεῖνος γὰρ ἦτον ὁ πρῶτος κτήτορας τοῦ μοναστηρίου τούτου».

17) Histoire de l'état present de l'église Grecque, par M. le chevalier Ricaut.

«Il est très difficile de rechercher l'origine de ces monastères et de decrire les états differens, par lesquels ils ont passé. Ils souffrirent beaucoup, pendant que l'heresie d'Arius déchirait l'église de Dieu... Lorsque l'on s'adresse aux Caloyers, pour s'instruire de ces particularités, on n'en tire que une réponse générale: que les infidels, comme les Turcs, les Sarasins, les Iconomaques, les ont exposés à tous les malheurs»... «Il y a à Kareis

une maison ou Halle commune, dans laquelle Caloyers tiennent leur Synode, ou leur assemblée générale, au sujet des intérêts de tous les couvents. Près de là est une fort belle église, bastie par Constantin le Grand, et dedié à l'assomption de notre Dame, qu'ils appellent le dormir de la S. Vierge»... «Batopedi passe pour le plus ancien de tous. Il a esté basti par Constantin le Grand, et a la plus belle église du pais après celle de S. Sophie de Constantinople. Il fut ruiné sous Iulien l'apostat, et souffrit beaucoup durant la fureur des divisions des Ariens et des Catholiques. Mais des personnes pieuses releverent ses mines et le ratablirent dans son ancien estat».

18) Сказание о святѣй горѣ Аѡн-сѣѣ, списано божествен. Стефаном. Рукопись в моей библиотеке.

«Царь Константинъ въ горѣ иже въ ждрѣѣи прѣсвятые владычице наше Богородице, въздвигоувъ три великыѣ обители, въ память святаго и честнаго оуспеніа іее. А-ю, въ вьходѣ. где оубо приста корабль, съ Богоматерію. В-ю, на сынмищи, идеже благовѣсти людемъ, и крести ихъ. Г-ю, въ нисходѣ, где въ корабль вышьдиши, и отыде. и въ сихъ обителяхъ инокъ множество посади и периволь пречистѣи нарече. и гороу заповеда звати ю святаа. градъ Аполлоновъ нарече Іерись, сирѣчь освященъ, іако бо близъ святые горы. и тѣ освящается. По прѣставлени же Константина цара. и Константіа сына его. ополасавсе •[II 138]• Іоулианъ прѣстоупникъ. и вса сіа пороуши, и изьмени. іаже от святаго цара Константина въздвиго-

шеся. нь въ малѣ прѣиде съ шоумомъ съ богомръскыи Іоуліанъ. Мѣсто же пречистѣи Богородици растѣше, и множаашесе іночьское селеніе. и крови божествѣній, іако цвѣти вѣсній».

19) Περιγραφή τοῦ ἀγ. ὁρους, ὑπὸ Θεοδοωρήτου. Προοίμιον.

«Κατανοήσας, πολλὰ τῆς ἱστορίας καὶ γνώσεως ἄξια, ἐξ ἀμελείας τῶν εἰδόντων τὰ ἐν τοῖς καιροῖς αὐτῶν ἀκμάζοντα...» κ.τ.λ. (Ὁρα Στατιστικὴν τοῦ ὁρους. Τομ. I).

20) Eusebii Historia ecclesiastica. Lib. 10. Cap. 13.

«Ἐπὶ τούτοις, τὸ πᾶσιν εὐκταῖον ἡμῖν καὶ ποθοῦμενον συνεκροτεῖτο θέαμα· ἐγκαινίων ἑορταὶ κατὰ πόλεις, καὶ τῶν ἄρτι νεοπαγῶν προσευκτηρίων ἀφιερώσεις, ἐπισκόπων τε ἐπὶ ταῦτό συνελεύσεις, τῶν πόρρωθεν ἐξ ἀλλοδαπῆς συνδρομαί, λαῶν εἰς λαοὺς φιλοφρονήσεις...» κ.τ.λ. — (О монастырях и монахах ни слова).

Eusebii de vita Constantini. Lib. II. Cap. 43, 45.

«Πρῶτα μὲν τοῖς κατ' ἐπαρχίας διηρημένοις ἔθνεσιν, ἡγεμόνας κατέπεμπε (Κωνσταντῖνος), τῇ σωτηρίῳ πίστει καθωσιομένους τοὺς πλείους. ὅσοι δ' ἑλληνίζειν ἐδόκουν, τούτοις θύειν ἀπέριητο... Εἴθ' ἔξῃς δύο κατὰ τὸ αὐτὸ ἐπέμποντο νόμοι· ὁ μὲν εἰργων τὰ μισαρὰ τῆς κατὰ πόλιν καὶ χώρας τὸ παλαιὸν συντελουμένης εἰδωλολατρίας, ὡς μήτε ἐγέρσεις ξοάνων ποιῆσθαι τολμᾶν, μήτε μαντεῖαις καὶ ταῖς ἄλλαις περιεργείαις ἐπιχειρεῖν, μήτε μὴν θύειν καθόλου μηδέν· ὁ δὲ τῶν εὐκτηρίων οἰκῶν τὰς οἰκοδομὰς ὑψοῦν,

αὔξειν τε καὶ εἰς πλάτος καὶ μῆκος τὰς ἐκκλησίας τοῦ Θεοῦ διαγορεύων». — (О монастырях ни слова).

Eiusdem de vita Constantini. Lib. IV. Cap. 36.

«Νικητῆς Κωνσταντῖνος μέγιστος σεβαστὸς Εὐσεβίῳ. — Κατὰ τὴν ἐπώνυμον ἡμῖν πόλιν, τῆς τοῦ σωτῆρος Θεοῦ συναιρομένης προνοίας, μέγιστον πλῆθος ἀνθρώπων τῇ ἀγιωτάτῃ Ἐκκλησίᾳ ἀνατέθεικεν ἑαυτό· ὡς πάντων ἐκεῖσε πολλὴν λαμβανόντων αὔξησιν, σφόδρα ἄξιον καταφαίνεσθαι, καὶ ἐκκλησίας ἐν αὐτῇ κατασκευασθῆναι πλείους· τοίγαρ τοι δέδεξο προθυμότατα τὸ δόξαν τῇ ἡμετέρᾳ προαιρέσει· πρέπον γὰρ κατεφάνη τὸ δηλῶσαι τῇ σῇ συνέσει, ὅπως ἂν πεντήκοντα σώματα ἐν διφθέραις ἐγκατασκεύοις, εὐανάγνωστά τε καὶ •III 139I• πρὸς τὴν χρῆσιν εὐμετακόμιστα, ὑπὸ τεχνιτῶν καλλιγράφων, καὶ ἀκριβῶς τὴν τέχνην ἐπισταμένων, γραφῆναι κελεύσειας· τῶν θείων δηλαδὴ γραφῶν, ὧν μάλιστα τὴν τ' ἐπισκευὴν καὶ τὴν χρῆσιν τῷ τῆς ἐκκλησίας λόγῳ ἀναγκαίαν εἶναι γινώσκεις». — (Речь идет об изготовлении 50 экземпляров св. Писания для вновь построенных в Константинополе приходских церквей, но не для монастырей, которых и не было).

Socrati Historia ecclesiastica. Lib. I. Cap. 16.

— «Ὁ βασιλεὺς (Κωνσταντῖνος) ἐπιτελέσας δημοτελῇ τῆς εἰκοσαετηρίδος αὐτοῦ ἑορτῇ, εὐθέως τε περὶ τὸ ἀνορθοῦν τὰς ἐκκλησίας ἐσπούδαζεν. ἐποίει τε τοῦτο περὶ τὰς ἄλλας πόλεις, καὶ ἐν τῇ αὐτοῦ ἐπωνύμῳ... ἐν ταύτῃ

τῇ πόλει, δύο μὲν οἰκοδομήσας ἐκκλησίας, μίαν ἐπωνόμασεν Εἰρήνην, ἑτέραν δέ, τὴν τῶν ἀποστόλων ἐπώνυμον. καὶ οὐ μόνον, ὡς ἔφην, ἠῦξει τὰ τῶν χριστιανῶν, ἀλλὰ καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων καθήρει... τότε μεγίστην ἐπίδοσιν ἔλαβε τὰ τοῦ χριστιανισμοῦ». — (Ὑ Σοκράτα нет ни слова о монастырях во время царствования Константина Великого).

21) Γράμματα ἀρχαῖα σωζομένων τῶν προτοτύπων ἐν τῷ Πρωτάτῳ ἀντιγραφέντα δι' αἰτήσεως τοῦ πανοσιολογιωτάτου ἀρχιμανδριτοῦ καὶ ἐπιτρόπου τῆς ἱεράς μονῆς Κουτλουμούση, Κυρίου Γρηγορίου. Χειρόγραφον in folio ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ, τμήμα γ'.

— «Ὁ αὐτὸς βασιλεὺς ἔδωκε καὶ τῇ Λαύρᾳ χρυσόβουλλον, ἐν ᾧ προστάζει εἰς τὸ ἐξῆς παρὰ πάντων ἅγιον τὸ ὄρος καλεῖσθαι... ὥστε τὸ ὄρος τοῦ Ἄθω τὴν ἀρχὴν τοῦ καλεῖσθαι ἅγιον ἐκ τούτου βασιλέως ἔλαβεν· οὐδὲν γὰρ πρόσταγμα βασιλικὸν τῶν πρὸ τούτου βασιλέων, οὐδὲ τὸ πρῶτον Τυπικὸν καλοῦσιν ἅγιον, ἀλλ' ἀπλῶς ὄρος Ἄθω».

Χρυσόβουλλον Ἀνδρονίκου Παλαιολόγου 1292 ἔτους, ἐν Βατοπεδίῳ.

— «Τῷ πρώτῳ βασιλεῖ Ἀλεξίῳ τῷ Κομνηνῷ μετὰ πάσης συνέσεως ἔδοξε μετοικῆσαι τοὺς ἐγχωρίους ἐκ τοῦ ἁγιωνύμου ὄρους τοῦ Ἄθω πρὸς Πελοπόννησον, παντὸς κοσμικοῦ θορύβου ἀπηλλαγμένους τοῖς τὸν μονήρην βίον προαιρουμένοις τὸν τόπον καταλιμπάνων ἥσυχον καὶ ἀτάραχον».

22) Житіє и подвизи преподобнаго отца нашего Аθανасія Афонска-

го. Рукопись в Павловском монастыре, переписана для •[П 140]• меня.

«Μαγιστрь Левъ (брат восточного воеводы Никифора Фоки), якоже рѣхомъ, первѣе началство приѣмъ западнымъ странамъ, побѣдивъ Скуфы, и возвращися оттуду, прииде въ Аѳонскую гору, да благодареніе и дары принесть пречистѣй Богоматери о побѣжденіи Скуфомъ, и еда како о Аѳанасіи извѣстно испытать, и тому пришедшу и о немъ увѣдѣвъ, и яко того видѣвъ многы исполнисе радости. и яко увѣдѣше святые горы иноци пришествіе магистра и вѣру юже к Аѳанасію, и Аѳанасія помощника приѣмше о зданіи церкви Карейскіе магистру помѣнуше, мала бо суща и многу тесноту собору творяше. Аѳанасіе же просив, еже и не погрѣши. даде бо довольно злата, и повелѣ отъ основанія храмъ великъ здати и добрѣ украсити, еже и бысть».

23) Συλλογὴ διαφόρων συγγραμμάτων (Πανδέκτης). Χειρόγραφον ις' αἰῶνος, ἐν βιβλιοθήκῃ μοναχῶν Σιναϊτῶν, κατοικούντων ἐν Καῖρῳ τῆς Αἰγύπτου.

«Εἶτα ἐκεῖθεν (ἐκ τῆς μονῆς Ζωγράφου) ἐξελθὼν ὁ βασιλεὺς Μιχαὴλ Παλαιολόγος κατέλαβεν τὴν τῶν Καρεῶν κελιωτικὴν Λαύραν, ἐνθα καὶ τοῦ ὄρους Πρωτεῖον ἵδρυται. Ὁ δὲ Πρωτεύων καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἀντέστησαν αὐτῷ γενναίως, τοῖς προλαβοῦσιν (Ζωγραφίταις) ὁμοίως ἐλέγχοντες. ὁ δὲ εἰς ὀργὴν κινηθεὶς, ἐκέλευσεν πάντας αὐτοὺς μαχαίρας ἔργον ποιῆσαι· καὶ οὕτως ἐτελειώθησαν οἱ ἅγιοι ὁμολογηταί· τὴν δὲ ἐκκλησίαν πυρπολήσας,

καὶ τὰ τῶν μοναχῶν σκηνώματα
ληϊσάμενος... Ἐγένετο δὲ ταῦτα κατὰ
τὸ ϚψϚς' ἔτος ἐν μηνὶ ὀκτοβρίῳ. Μετὰ
δὲ ταῦτα ὕστερον ἐπέλαμψε τὸ τῆς
ἀληθείας φῶς ταῖς ἐκκλησίαις τοῦ
Θεοῦ... ἢ τοῦ Ζωγράφου μονῆ καὶ τὰ
ἐν τῷ Πρωτείῳ τῶν Καρεῶν ἀφα-
νισθέντα, ὑπὸ τῶν τῆς Βουλγαρίας
κρατούντων αὐθις ἀνεκαινίσθησαν».

24) Histoire de l'état present de
l'église Grecque, par Ricaut.

«Cette église (ἡ κοίμησις τῆς Παναγίας, le dormir de la sainte Vierge) qui est très ancienne, fut réparée, il y a environ 164 ans (1534), comme on le voit par une inscription qui se trouve sur l'une de murailles». ●[II 141]●

Λόγοι πανυγηρικοί. Χειρόγραφον
ἐν τῇ ιερᾷ μονῇ τῶν Ὑποσημίων ἐν τῷ
Ἀθῶ. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου
πατρὸς ἡμῶν Θεοφίλου τοῦ Ἀθω-
νίτου, ἀποθανόντος ἐν 1548 ἔτει.

«Συζηλώσας δὲ τὸν ὅσιον Θεόφιλον καὶ ὁ ῥηθεις Πρῶτος (Σεραφεῖμ), ἀφ’ οὗ οἰκοδόμησε τὸν νάρθικα τοῦ Πρωτάτου ἐκ βάθρων καὶ τὸ καμπαναρεῖον, καὶ τὴν ἐκκλησίαν ἰστόρησεν, ἔκαμεν παραίτησιν τῆς τοῦ Πρωτάτου ἀξίας, καὶ ἀπελθὼν εἰς τὶ κελλίον τοῦ ἡσύχαζεν καὶ αὐτὸς μετὰ ἐνὸς ἀδελφοῦ».

25) Προσκυνητάριον τοῦ ἁγ. ὁρο-
υς... Ἰωαν. Κομν.

«Περὶ τοῦ Βατοπαιδίου. — Τὸ περι-
καλλέστατον μοναστήριον τοῦ Βατο-
πεδίου... ἀνεκαίνισεν ὁ μέγας Θεο-
δόσιος ὁ βασιλεὺς, διὰ τὸ θαῦμα ὅπου
ἐπράχθη εἰς τὸν υἱὸν τοῦ Ἀρκადίου ἡ δὲ
ἱστορία ὡς ἐν συντόμῳ εἶναι τοιαύτη. —

Εἶχεν ὁ μέγας Θεοδόσιος ἀπὸ τὴν βασιλισσάν του Πλακίλλαν δύο υἱούς, Ἀρκάδιον καὶ Ὠνόριον καλουμένους, καὶ μίαν θυγατέρα ὀνόματι Πλακιδιάν· καὶ τὸν μὲν Ἀρκάδιον ἀφῆκε διάδοχον τῆς βασιλείας του εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν, τὸν δὲ Ὠνόριον καὶ Κωνσταντῖνον τὸν γαμβρὸν αὐτοῦ ἀπέστειλεν εἰς Ῥώμην μετὰ τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ, ἵνα βασιλεύωσιν ἐκεῖ συναπῆλθε δὲ μετ' αὐτῶν καὶ ὁ Ἀρκάδιος ἕως Ῥώμης, γυρίζοντας δὲ ὀπίσω πρὸς τὸν πατέρα του Θεοδόσιον εἰς Βυζάντιον διὰ θαλάσσης, ἐπανέβη φουρτουνὰ μεγάλη ἐμπρὸς εἰς τὸ νησίον τῆς Ἰμβρου πλησίον τοῦ ἁγίου ὄρους. Ὁ δὲ Ἀρκάδιος φοβηθεὶς τὸν κίνδυνον, ἄλλο δὲν ἔκραζε παρὰ τό, Θεοτόκε βοήθει μοι· ἐκεῖ δὲ ὁποῦ ἐτριγύριζεν εἰς τὸ βασιλικὸν κάτεργον, ἐκ συνεργίας του πειρασμοῦ ἐσυμποδίσθη εἰς τὰ σχοινία, καὶ ἐπεσεν εἰς τὴν θάλασσαν· καὶ παρευθὺς, ὧ τοῦ θαύματος, εὗρέθη εἰς τὴν ξηρὰν τοῦ ἁγίου ὄρους, εἰς τὸν τόπον ὁποῦ εἶναι τὴν σήμερον τὸ ἅγιον μοναστήριον, ἀποκάτω εἰς μίαν βάτον. Μετὰ δὲ ὥραν ὀλίγην ἔφθασε καὶ τὸ βασιλικὸν κάτεργον εἰς τὸν λιμένα τοῦ Βατοπεδίου· καὶ εὐγαίνοντες ἔξω οἱ ἄρχοντες περίλυποι διὰ τὴν στέρησιν τοῦ βασιλέως Ἀρκαδίου, βλέπουσι καὶ τὸ βασιλόπουλον ἀνέλπιστα πλησίον τῆς βάτου κοιμώμενον, καὶ ἐχάρισαν χαρὰν μεγάλην, καὶ τότε μὲν ἡσύχασαν. Ὑστερον δὲ ἐξυπνῶντας ὁ Ἀρκάδιος, τοὺς ἐδιηγῆθη τὸ θαῦμα τῆς Θεοτόκου, πῶς τὸν ἐλευθέρωσεν ἀπὸ τὸν πνιγμὸν τῆς θαλάσσης καὶ τὸν ἔφερεν ἐκεῖ ὁποῦ τὴν σήμερον εἶναι τὸ πηγάδι,

πλησίον •[III 142]• τοῦ λιμένος, κοντὰ εἰς τὸν πύργον τῆς Παναγίας· καὶ ἔμεινεν ἐκεῖ μὲ τοὺς ἄρχοντάς του ἡμέρας πολλάς, τὸ δὲ κάτεργόν του ἔστειλεν εἰς Κωνσταντινούπολιν. Μαθὼν δὲ ὁ βασιλεὺς Θεοδόσιος τὰ συμβάντα τῷ υἱῷ αὐτοῦ Ἀρκαδίῳ, ὠργίσθη κατὰ τῶν ναυτῶν, καὶ ἐφυλάκωσεν τους, καὶ εἶχε σκοπὸν νὰ τοὺς θανάτωσῃ· καὶ ἐν τοσοῦτῳ ἔφθασεν εἰς Κωνσταντινούπολιν καὶ ὁ Ἀρκάδιος διὰ ξηρὰς πρὸς τὸν πατέρα τοῦ Θεοδόσιου. Ὁ δὲ χαρὰς ἀπείρου πλησθεὶς, καὶ τὴν Θεοτόκον εὐχαριστήσας, παρευθὺς ἔστειλεν ἔξοδα καὶ τεχνίτας ἀρίστους, νὰ κτίσωσιν εἰς τὸν τόπον ἐκεῖνον, ὅπου εὐρέθηκεν ὁ υἱός του, ἐκκλησίαν εἰς τιμὴν τῆς Θεοτόκου· ἔγραψε δὲ καὶ εἰς Ῥώμην τῷ υἱῷ Ὠνωρίῳ καὶ Κωνσταντίνῳ τῷ γαμβρῷ αὐτοῦ καὶ τῇ Πλακιδίᾳ, τὰ συμβάντα τῷ Ἀρκαδίῳ, καὶ τὰ περὶ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ναοῦ. Ὅθεν κάκεῖνοι ἔστειλαν βοήθειαν εἰς τὴν οἰκοδομὴν τῆς ἐκκλησίας καὶ καιλωπισμὸν χρήματά τε καὶ κτήματα, καὶ τέσσαρας κολῶνας πορφυρὰς ἀξιοθεάτας, εἰς τὰς ὁποίας λέγουσιν, ὅτι νὰ ἔγινεν περισσοτέρη ἔξοδια παρὰ ὅπου ἔγινεν εἰς ὅλον τὸ κτίσμα τῆς ἐκκλησίας. Κατὰ τὸν ὀρισμὸν λοιπὸν τοῦ βασιλέως ἔκτισαν οἱ τεχνῖται πρῶτον ἕνα πύργον μὲ ἐκκλησίαν ἐπ' ὀνόματι τῆς Θεοτόκου τῆς γεννήσεως, εἴτα πρὸς τὰ βόρεια μέρη πύργον ἕτερον, καὶ ἄλλους τέσσαρας πύργους μετὰ ἐκκλησιῶν, ἕως τὸν πύργον τοῦ σκευοφυλακίου· ἔπειτα ἤρξαντο ἀπὸ τὸν πύργον ὅπου εἶπαμεν ἐκ πλαγίου πρὸς τὸν αἰγιαλὸν τὰ θεμέλια ἕως τὸν πύργον τοῦ τιμίου

Προδρόμου, καὶ τοῦ ἁγίου Γεωργίου τὸν πύργον, καὶ πλησίον τοῦ πύργου τούτου εἰς τὰ θεμέλια ἔθεσαν δύο μάρμαρα κατὰ τὸν ὀρισμὸν τοῦ βασιλέως εἰς σχῆμα βουβαλίων. καὶ ἀπὸ τὸν πύργον τοῦ βαπτιστοῦ Ἰωάννου καὶ τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ἀρχίσαντες πάλιν μὲ ἄλλους δύο πύργους ἔκτισαν ἕως εἰς τὸν προειρημένον πύργον τοῦ σκευοφυλακίου· καὶ οὕτως ἐποίησαν τὸ κάστρον τρίγωνον μὲ δέκα πύργους ὡραιότατους. Καὶ ἀφ' οὗ ἐτελείωσαν τὰ πάντα ἦλθεν ὁ βασιλεὺς Ἀρκάδιος μετὰ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου κυρ Νεκταρίου, καὶ ἐγκαινίασαν τὸν ναόν, καὶ ἐχάρησαν σφόδρα. Τὸ δὲ πηγὰδιόπου εἶπαμεν πρότερον, τὸ ἐτριγύρισαν μὲ τὸ γύρισμα τοῦ ἁγίου βήματος· τὴν δὲ ἁγίαν τράπεζαν ἔθεσαν ἐπάνω τοῦ πηγαδίου μὲ τέσσαρας λευκὰς κολῶνας μαρμαρενίας τριγύρωθεν. Μετὰ δὲ χρόνους ἑπτὰ τῆς αὐτοῦ βασιλείας στρατεύοντας ὁ Θεοδόσιος κατὰ τοῦ ἀποστάτου Εὐγενίου ἐν τῇ Θεσσαλονίκῃ, καὶ γυριζόμενος ἀπὸ τὸ ἅγιον ὄρος νικητῆς, ἐχάρισε πολλά τινα τῷ μοναστηρίῳ σκέυη χρυσᾶ καὶ ἀργυρᾶ, καὶ ἄλλα πολύτιμα πράγματα πρὸς •[III 143]• καλωπισμὸν, καὶ εἰς τὴν Μακεδονίαν ἔδωκε τρία μετόχια, καὶ εἰς τὰς Σέρρας χωρία ἑπτὰ».

26) Theophanis Chronographia. T. I. Bonnæ, 1839. Pag. 88.

«Γάλλαν (θυγατέρα τοῦ βασιλέως Οὐαλεντιανοῦ) ἔγημεν ὁ μέγας Θεοδόσιος κατὰ δεύτερον γάμον, ἐξ ἧς ἐτέχθη αὐτῇ Πλακιδία. Ἀρκάδιος καὶ Ὠνώριος ἐκ Πλακίλλης ἦσαν Θεοδοσίῳ τῆς πρώτης γαμέτης».

27) Zosim. Histor. Roman. Lib. IV, in fine.

«Théodose prit Eugène. On lui coupa la tête... Les armes de Théodose ayant eu un succès si favorable, il alla à Rome, où il déclara Honorius, son fils, empereur, et Stilicon général des troupes de ce pays-là, et tuteur du jeune prince... Théodose ayant donné à Honorius, son fils, l'Italie, l'Espagne, les Gaules, l'Afrique, partit pour retourner à Constantinople, et mourut en chemin de maladie: son corps fut embaumé et mis à Constantinople, dans le tombeau de princes ses predecesseurs».

[Zosimus. Historia nova, IV 58–59: «Προελθὼν δὲ καὶ μέχρι τῆς Εὐγενίου σκηνῆς καὶ τοῖς ἀμφ’ αὐτὸν ἐπιθέμενος (Θεοδόσιος) ἀνείλε τοὺς πλείονας· ἔνιοι δὲ τῇ καταπλήξει διεγεροθέντες καὶ ὀρμήσαντες εἰς φυγὴν ἤλωσαν· ἐν οἷς καὶ αὐτὸς Εὐγένιος ἦν, ὃν συναρπάσαντες καὶ τὴν κεφαλὴν ἀφελόμενοι κοντῷ τε διαπείραντες μακροτάτῳ πᾶν περιέφερον τὸ στρατόπεδον, δεικνύντες τοῖς ἔτι τὰ κείνου φρονοῦσιν ὡς προσήκει Ῥωμαίους ὄντας ὡς τὸν βασιλέα ταῖς γνώμαις ἐпанελθεῖν, ἐκποδὼν μάλιστα τοῦ τυράννου γεγεννημένου. ... Τῶν δὲ πραγμάτων ὧδε τῷ βασιλεῖ Θεοδοσίῳ προχωρησάντων, ἐπιδημήσας τῇ Ῥώμῃ τὸν υἱὸν Ὀνώριον ἀναδείκνυσι βασιλέα, Στελίσχωνα στρατηγόν τε ἀποφήνας ἅμα τῶν αὐτόθι ταγμάτων καὶ ἐπίτροπον καταλιπὼν τῷ παιδί· ... ὁ δὲ βασιλεὺς Θεοδόσιος τὰ κατὰ τὴν Ἰταλίαν ἔθνη καὶ Ἰβήρας καὶ Κελτοὺς καὶ προσέτι γε Λιβύην ἅπασαν Ὀνωρίῳ τῷ παιδί παραδούς, αὐτὸς εἰς τὴν

Κωνσταντινούπολιν ἐπανιῶν ἐτελεύτησε νόσῳ, καὶ τὸ τοῦτου σῶμα ταριχευθὲν τοῖς ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει βασιλικαῖς τάφοις ἐναπετέθη.].

Theophan. Chronogr. T. I. Pag. 111.

Anno mundi 5881. «Τούτῳ τῷ ἔτει ἦλθεν Θεοδόσιος ἐν Ῥώμῃ μετὰ Ὀνωρίου τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ, καὶ ἐκάθισεν αὐτὸν βασιλέα ἐν αὐτῇ πρὸ πέντε εἰδῶν Ἰουνίου, καὶ ἀνῆλθεν ἐν Κωνσταντινουπόλει». — An. mund. 5882. «Τούτῳ τῷ ἔτει Εὐγένιος ἐτυράννησεν ὁ ἀπὸ γραμματικῶν ἀντιγραφεὺς ὢν, καὶ σχῆμα βασιλικὸν περιθέμενος, συνόντος αὐτῷ καὶ Ἀρταβάσδου τοῦ ἀπὸ τῆς μικρᾶς Γαλατίας· καὶ ἀκούσας Οὐαλεντιανὸς ὁ υἱὸς τοῦ Οὐαλεντιανοῦ τοῦ μεγάλου ἐξ Ἰούστης, ἑαυτὸν ἀνείλεν ἀγχόνη· ὁ δὲ Θεοδόσιος τοῦτο μαθὼν ἐξωπλίζετο τοῦ κατελθεῖν εἰς ἐκδίκησιν αὐτοῦ».

Историки Зосима и Феофан согласны в том, что Феодосий лично воцарил Онория в Риме, не посылая с ним ни Аркадия, ни Плакидии; но они противоречат друг другу в показании времени этого события. По словам первого, Онорий провозглашен был императором в Риме после поражения и смерти тирана Евгения, а по указанно второго, это было за год до появления сего тирана, еще при жизни законного императора в Риме Валентиниана II и за шесть лет до кончины Феодосия. Но так как не было никакого побуждения к тому, чтобы воцарить Онория в Риме, когда там царствовал •III 144I• родственник его Валентиниан II, то и надобно полагать, что в хронографе Феофана

год этого события показан неверно, или самый хронограф напечатан с такой рукописи, в которой по ошибке переписчика воцарение Онория упомянуто ранее смерти Валентиниана и врага его Евгения. Зосима, почти современник Феодосия и Онория, знал дела их лучше Феофана, писавшего историю уже в восьмом веке. Впрочем, ватопедские рассказчики противоречат и Феофану, когда говорят, что Феодосий не лично воцарил Онория в Риме, а послал его туда с Аркадием и Плакидией.

28) Histoire de la décadence de l'empire Romain, par Gibbon. T. I. Pag. 757 et sq.

«L'an. 409. Lorsque Rome fut investie pour la première fois par Alaric, Placidie, âgée d'environ 20 ans, habitait la capitale. Les barbares retinrent la soeur d'Honorius en captivité ou en ôtage. (Zosime. L. VI). Mais, quoique forcée de parcourir l'Italie avec l'armée des barbares, elle fut toujours traitée avec les égards et le respect dus à son sexe et à son rang... Cependant sa haute naissance, sa jeunesse et l'affabilité de ses manières, firent une impression profonde dans le coeur d'Adolphe; et le monarque des Goths eut l'ambition de devenir le frère de l'empereur... Le mariage d'Adolphe et de Placidie fut consommé, avant que les Goths évacuassent l'Italie... — L'an. 414. Singeric s'empara du trône d'Adolphe et de son diadème. Alors l'infortunée Placidie essuya des traitemens barbares et ignominieux. La fille de l'empereur Théodose, confondue dans une foule de vils captifs, fut forcée

de faire à pied un trajet de plus de douze milles, devant le cheval d'un barbare, assassin de son mari*. Mais Placidie ne tarda pas à jouir du plaisir de la vengeance. Les indignités qu'on lui faisait souffrir irritèrent peut-être les barbares contre leur nouveau monarque. Quoiqu'il en soit, après sept jours de regne Singeric éprouva le sort d'Adolphe; et le choix libre de la •[III 145]• nation plaça sur le trône Wallia... Ce prince écouta les propositions de l'ambassadeur romain. Le traité fut conclu, et Placidie retourna dans le palais de son frère Honorius... — (Pag. 792). L'an. 422. Après son retour elle éprouva une nouvelle persécution dans le sein de sa famille. Elle vit avec répugnance les nouveaux liens qu'on lui préparait sans la consulter. Le brave Constance reçut, pour prix de ses services, la veuve d'Adolphe de la main d'Honorius. Mais la résistance de la princesse finit avec la cérémonie des noces. Placidie fut mère d'Honorina et de Valentinien, et prit sur son nouveau mari l'empire le plus absolu. Le général Romain obtint le titre d'auguste, et le serviteur d'Honorius partagea l'empire d'Occident avec son maître. La mort de Constance, arrivée dans le septième mois de son règne, loin de diminuer la puissance de Placidie, sembla au contraire l'augmenter». — (Но скоро она отправилась в Константинополь с детьми своими).

* On célébra à Constantinople la mort d'Adolphe par une exhibition des jeux du cirque et une illumination. — Voyez Chronic. Alexandr.

Theophan. Chronogr. T. I. Pag. 115, 116, 119.

Anno mundi 5885. «Τούτῳ τῷ ἔτει Θεοδόσιος ὁ βασιλεὺς Εὐγενίῳ κραταιῶς μαχησάμενος ἐν ταῖς Ἀλπίσι πύλαις, ζώντά τε συλλαβών, αὐτὸν ἀνείλεν». — Α.Μ. 5886. «Τούτῳ τῷ ἔτει μετὰ τὴν Εὐγενίου τοῦ τυράννου ἀναίρεσιν καὶ τὴν τῶν πραγμάτων κατάστασιν ἀπῆρεν ἀπὸ Ῥώμης ὁ εὐσεβὴς βασιλεὺς Θεοδόσιος καὶ ἐν Μεδιολάνῳ ... ἐκοιμήθη ἐν Κυρίῳ...» — Α.Μ. 5895. «Τούτῳ τῷ ἔτει Ὀνώριος εἰς Ραβένναν μεθίσταται πόλιν τῆς Ἰταλίας παράλῳν... ὁ δὲ Ἀλάριχος (Γότθος) πάντα τὰ χρήματα τοῦ παλατίου (ἐν Ῥώμῃ) λαβών καὶ τὴν ἀδελφὴν Ὀνωρίου Πλακιδίαν, μικρὰν οὖσαν παρθένον, πρὸς τὸ οἰκεῖον ἔθνος ἀπῆλθεν εἰς τὰς Γαλλίας. Κωνστάντιος δὲ τις κόμης ὢν μετὰ Ἀλαρίχου, πιστευθεὶς τὴν κόρην Πλακιδίαν, ἔλαβεν αὐτὴν καὶ φυγὼν ἤγαγε πρὸς τὸν βασιλέα Ὀνώριον. καὶ ἀποδεξάμενος ὁ βασιλεὺς τὸν Κωνστάντιον ἐποίησεν αὐτὸν συγκλητικόν μετ' ὀλίγον δὲ χρόνον ἔδωκεν αὐτῷ τὴν κόρην πρὸς γάμον, καὶ ἀνηγόρευσε αὐτὸν βασιλέα, ἐξ ἧς ἔσχεν υἱόν, ὃν ἐκάλεσεν Οὐαλεντινιανὸν νέον».

29) Theophan. Chronogr. T. I. Pag. 116.

Anno mundi 5886. •[II 146]•

30) Ibidem.

«Τούτῳ τῷ ἔτει μετὰ τὴν Εὐγενίου τοῦ τυράννου ἀναίρεσιν καὶ τὴν τῶν πραγμάτων κατάστασιν ἀπῆρεν ἀπὸ Ῥώμης ὁ εὐσεβὴς βασιλεὺς Θεοδόσιος καὶ ἤρχετο ἐπὶ Κωνσταντινούπολιν. ἐλθὼν δὲ ἐν Μεδιολάνῳ ἀρρώστησας, Ὀνώριον τὸν υἱὸν μετεστείλατο, καὶ

θεασάμενος αὐτὸν ῥᾶον ἔσχεν. ἵπποδρομίαν δὲ ἰδὼν μετὰ τὸ ἄριστον κακῶς διετέθη ἀθρόως, καὶ μὴ ἰσχύσας τῇ δειλῇ ἀνελθεῖν, τῷ υἱῷ ἐκέλευσε ταύτην πληρῶσαι, καὶ τῇ ἐπιούσῃ νυκτὶ ἐκοιμήθη ἐν κυρίῳ, ὑπάρχων ἐτῶν ἐξήκοντα, βασιλεύσας ἔτη ἑκαίδεκα. Τὸ δὲ σῶμα αὐτοῦ μετῆνεγκεν Ἀρκάδιος ἐν Κωνσταντινουπόλει καὶ ἔθαψεν εἰς τὸν ναὸν τῶν ἁγίων ἀποστόλων».

31) Сказание о святѣй горѣ Аѳонсѣй, Стефана Святогорца.

«Οwατοу отpόчищου. шѣствоующоу по мόpου от Рима въ Конστανтинѣ градѣ, къ вѣликому царю Θεοδοσίю: присно соущи оужика его и от брата. въ мόpи вѣтpомъ прѣтыкаетсе. етѣры съ корабомъ пристающи въ Визάντιю. еже о семь приключисе на отpόчетоу иже въ Козію поучиноу*, царю явише. и боуквы отъ брата подадоше. и сѧ царь слышавъ почюдисе. яко въси спасόшесе. развѣ бpатаныѣ его погыбе. абіе въсѣхъ оcoуди. и въ тѣмницоу злѣ вѣврѣже съ оузилы. отpόчищъ же спасетсе от поучины, чюдеиствомъ пресвятыя Богородице. и себе на соущи обpѣтѣ. тоу и гласъ слышавъ невидимъ яко да на мѣстѣ томъ обнóвить храмъ спасителный его. Абіе наставляетсе от нѣкоторихъ, иже на мѣстѣ томъ прѣбывающихъ. и дойде Конστανтина града, и царю явисе. и всѧ яже о себе исповѣда, и праведныя иже въ оузѧхъ избавляетъ. И за обновленіе храма. бысть царю потыщаніе

* Море, омывающее берега Афона и всей Македонии, древле называлось Эгейским («Козьим»).

немало. въ Римъ оубо отпуущаетъ, и о семъ братоу своему възвѣщаетъ. овже сіа съ великою радостію възпріемъ. и Богови благодари о таковомъ чюдеси. Абіе чѣтыри стлпы великы от модраго каменіа ихже бѣ оуготовиль създати црковь въ Римѣ, за память вѣчноую. и въ чѣсть святомоу Іакову апостолоу братоу Божію. сихъ постави въ корабль. и цѣкла позлащена и много мастилна. и инѣе потрѣбы и шáровы различни отпуости. Начынше же оснóваніе изчърповати. обрѣтоше рѣвеникъ глыбокъ зѣло. и въноутрь воды иконоу, имоущоу образъ чѣстныи •[III 147]• пречистые владычице наше Богородице, съ прѣвѣчнымъ младынемъ. и свѣщоу великоу ліа́ноу. и бысть о таковомъ чюдномъ обрѣтеніи, веліа радость и веселие. и о сичевомъ чюдеси благодарише Бога, и того пречистоую матеръ. и выше того рвеника, поставише святоую трапезоу. и храмъ създаше великъ и достолѣпнь. иже въноутрь моусіею различною оурасише по подобію шаровномоу. и мѣдию позлащеною покрыше. и окръсть стѣнами высокими оградивше, крѣвы въ ніемъ дивны и различни многы сътворише, и Вáтопедь нарекоше. от иже іестъ Вáтовъ отрочищъ сказаемъ. и сіе имѣаше о Вáтопедской обители».

32) Hist. des empereurs, par Tillemont. T. V. Paris, 1701. Pag. 190.

«S. Ambroise et Symmaque semblent donner plusieurs frères à ce prince (Théodose), plus agés que lui selon saint Ambroise, et qui selon Symmaque l'ont vu empereur. Le jeune Victor parle seulement

d'un frère et d'une soeur, dont il cherit les enfans comme les siens propres. Son frère mort avant lui, et avant que l'empereur Honoré naquit (en 384) se nommait aussi Honoré. On croit que sa femme est une Marie, que, Claudien met entre les plus illustres personnes à qui l'Espagne eut donné la naissance. Il laissa deux filles Thermancie et Sérène, dont la dernière fut mariée à Stilicon et la première à un antre general d'armée qui n'est pas nommé».

Hist. Rom. par Zosime. L. IV, in fine.

«Théodose donna le commandement de l'armée à Timasius, et après lui à Stilicon, mari de Serena, fille du frère de l'empereur Téodose». — Ibidem. L. V. «Stilicon qui gouvernait l'empire en Occident, donna en mariage à l'empereur Honorius une fille, qu'il avait eue de Sérène, fille d'Honorius, frère de Théodose».

33) Chronicon paschale. Bonnae, 1832. Vol. I. Pag. 563.

«Ἰνδ. ιγ'. ζ'. ὑπατεύοντων Ἀρκαδίου Αὐγούστου καὶ Βαύτονος. — Θεοδόσιος Αὐγούστος ἔσχεν πρώτην γυναῖκα...» к.т.λ.

Hist. des emper. par Tillemont. T. V. Pag. 214.

«Baudon nommé ordinairement Bauton, est celui qui fut Consul en •[III 148]• 385. On croit qu'il était mort en 387. S. Ambroise le fait originaire d'au-delà du Rhein (aussi bien que Zosime). L'imperatrice Eudoxie femme d'Arcade étoit sa fille». — Ibidem. Pag. 249. «Nous avons parlé ci-dessus de Bauton seigneur François, à l'occasion du secours qu'il mena à

Théodose en 381 par ordre de Gratien. Il revint depuis en Occident où il servit fidelement Valentinien II. Ce fut donc lui qui le fit Consul cette année (385) avec Arcade, au lieu de Pretextat, qui Dieu avait privé de cette dignité en lui otant la vie. S. Augustin qui enseignoit alors la rhétorique à Milan, prononça publiquement un panegyrique en l'honneur de Bauton sur son Consulat, et en l'honneur de l'empereur le premier jour de l'année».

Замечательно это имя Βαύτο. Оно напоминает афонское легендарное имя Βάτο.

34) Смотри выше выписку из Сказания Стефана Святоторца, под № 18.

35) Ἑλληνικὸν Πάνθεον, παρὰ Χαρισίου. Σελ. 245, 246.

«Κεφ. ιζ'. Περὶ τοῦ Ἑρμοῦ. — Ὁ Ἑρμῆς ἐλθὼν εἰς τὰς ἀγέλας τοῦ Ἀπόλλωνος, ἐμβάλλει εἰς τοὺς φύλακας κύνας λήθαργον καὶ κυνάγχην, καὶ τοὺς κάμνει νὰ παραιτηθῶσιν ἀπὸ τὴν φύλαξιν διὰ τὴν ἀνάγκην τοῦ πάθους· καὶ τότε ὑπ' οὐδενὸς κωλυόμενος, ἀποχωρίζει τοὺς καλητέρους ἀπὸ τοὺς βόας, δένει εἰς τὰς οὐράς των κλάδους τῶν δένδρων νὰ τοὺς σύρῳσιν ὀπισθεν, καὶ ἀναφανίζωσι τὰ ἔχνη τῆς ὁδοῦ των, καὶ τοὺς φέρει ἀπὸ τὴν Θετταλίαν εἰς τὴν Πελοπόννησον· καὶ πολλὰς ἐπαρχίας διελθὼν, δὲν ἀπήντησέ τινα νὰ τὸν ἰδῇ, καὶ νὰ γνωρίσῃ τὴν πράξιν του, ἕως οὗ διέβη ἀπὸ τὸ Λύκαιο ὄρος, καὶ τὸ Μαινάλιον, καὶ ἔφθασεν εἰς ἓνα τόπον, ὅπου Βάττος τις κατάρκει ἐπὶ τὸ ἄκρον μιᾶς σκοπέλου, ἢ ὅποια ἀπ' αὐτοῦ καὶ Βαττουσκοπιὰ ὠνομάζετο.

Οὗτος ὁ Βάττος ἀκούσας τῆς φωνῆς τοῦ Ἑρμοῦ, ἐλαύνοντος τοὺς βόας, ἐξῆλθε τῆς κατοικίας του, καὶ ἐγνώρισε τὴν κλοπὴν, καὶ ἐζήτησε παρὰ τοῦ Ἑρμοῦ μισθὸν νὰ μὴ τὸν φανερώσῃ· ὑπόσχεται ὁ Ἑρμῆς, καὶ τὸν ὀρκίζει νὰ φυλάξῃ μυστικὴν τὴν κλεψίαν του· καὶ ἀφ' οὗ ἔκρυσεν •[III 149]• εἰς ἓν σπήλαιον τοὺς βόας κατάντην τῆς Σικελίας, ἀλλάζει τὸ εἶδος του, καὶ ἔρχεται πάλιν πρὸς τὸν Βάττον, ὡς ἀναζητῶν τοὺς βόας, καὶ δοὺς εἰς αὐτὸν μίαν χλαμύδα διὰ μισθόν, δοκιμάζει τὴν ἐμπιστοσύνην του, καὶ τὸν ἐρωτᾷ, ἂν ἤξευρέ τινα φανερώσῃ εἰς αὐτὸν διὰ τὴν κλοπὴν τῶν βοῶν του· καὶ ὁ Βάττος ἀθετήσας διὰ τὴν χλαμύδα τοὺς ὄρκους, ἔδειξε τὴν ἀλήθειαν· ὁ δὲ Ἑρμῆς διὰ τὴν ἀπιστίαν του ὀργισθεὶς κατ' αὐτοῦ, τὸν ἐκτύπησε μὲ τὴν ῥάβδον τοῦ, καὶ εἰς πέτραν τὸν μετεμόρφωσε. Πλὴν αὐτὸς καὶ τὴν φύσιν ἀλλάξας, τὸ ἰδίωμά του ὁμῶς δὲν τὸ ἠθέτησε πάλιν, ἀλλὰ καὶ ἤδη φανερώνει τὴν κατάστασιν τοῦ μετάλλου, ὅταν ἤθελε τριφθῶσιν ἀπὸ τὴν πέτραν, εἰς τὴν ὁποίαν αὐτὸς μετεβλήθη».

36) Προσκυνητάριον τοῦ ἀγ. ὄρους, Ἰω. τοῦ Κομνηνοῦ. Σελ. 47.

«Πλησίον τοῦ πύργου τοῦ ἀγίου Γεωργίου εἰς τὰ θεμέλια ἔθεσαν δύο μάρμαρα κατὰ τὸν ὀρισμὸν τοῦ βασιλέως (Θεοδοσίου) εἰς σχῆμα βουβαλίων».

37) Ἑλληνικὸν Πάνθεον, παρὰ Χαρισίου. Σελ. 165.

«§ 117. Ἦτον ἀκόμι καὶ μαντεῖον τῆς Δήμητρος τὸ πάλαι εἰς τὴν πόλιν καλουμένην Ἀρώην, καὶ ἤδη νέαν

Πάτραν· καὶ ἐμαντεύοντο εἰς αὐτὸ μόνον περὶ τῆς ζωῆς ἢ τοῦ θανάτου τῶν ἀρρώστων κατὰ τοῦτον τὸν τρόπον. Πρὸ τοῦ ἐκεῖσε ναοῦ τῶν ἦτον μία πηγή μὲ κατάβασιν ὀλίγων βαθμίδων· εἰς αὐτὴν κρεμῶντες ἔσωπτρον μὲ λεπτόν σχοινίον, ἕως οὗ τὸ ὀπισθεν μέρος του νὰ ἐγγίση ἀκροθιγῶς εἰς τὴν ἐπιφάνειαν τοῦ ὕδατος, ἔκαιον καπνοῦς, καὶ προσήχοντο εἰς τὴν θεάν, καὶ ἔβλεπον εἰς τὸ ἔσωπτρον· καὶ ἐπεφαίνετο εἰς αὐτὸ ἡ εἰκὼν τοῦ ἀρρώστου κατὰ τὸ ἀποβησόμενον, ἢ ὡς ζῶντος, ἢ ὡς τεθνεώτος. (Ἰωάν. Τζέτζ. ἐν σχολ. Ἦσιοδ. ἔργων καὶ ἡμερῶν. — Μελετ. ἐν γεωγρ. φύλ. 362)».

Die Religion der Hellenen, von Rinck. Zürich 1855. P. 448.

«Vor dem Tempel der Demeter in Paträ in Achaja, worin sie und die Tochter stehend, Ge (Γῆ) sitzend abgebildet waren, befand sich eine wahrsagende Quelle, auf deren Oberfläche man einen Spiegel an einer Schnur hinabliess. Man betete zu der Göttin, räucherte und schaute in den Spiegel, und dieser zeigte dann, ob der Kranke, dessentwegen man fragte, davon kommen oder sterben werde (Pausan. VII. 21, 12). Sonst schrieb man der Demeter die Vorbedeutungen (ξυμβόλους) aus dem Niessen •[III 150]• oder aus göttlichen Stimmen (διὰ τῆς φήμης) zu. (Philochor. bei Hesych., v. ξυμβόλους)».

38) Dictionnaire des antiquités chrétiennes par Martigny. Paris, 1865. Pag. 151.

«CIERGE PASCAL. L'institution du cierge pascal est de toute antiquité dans l'Eglise. Il est certain qu'elle existait du

temps de S. Grégoire le Grand: nous le savons par son sacramentaire, où se lit la formule de benediction exultet... Le P. Papebroch (Propyl. ad ActaSS. Maii. P. 9) en fait remonter l'origine au concile de Nicée, et en donne pour raison que l'usage s'établit alors dans l'Eglise d'écrire sur le cierge pascal le catalogue annuel des fêtes mobiles».

39) Chronicon paschale. Bonnae, 1832. P. 561.

«Ἰνδικτ. ζ'. α'. ὑπατ. Αὐσονίου καὶ Ὀλυβρίου. — Ἐπὶ τούτων τῶν ὑπάτων Θεοδόσιος ὁ βασιλεὺς ἔδωκε τὰς ἐκκλησίας τοῖς ὀρθοδόξοις... τοὺς δὲ ναοὺς τῶν Ἑλλήνων κατέστρεψεν ἕως ἐδάφους. Κωνσταντῖνος ὁ αἰοίδιμος βασιλεὺς τὰ ἱερὰ μόνον ἔκλεισεν, καὶ τοὺς ναοὺς τῶν Ἑλλήνων οὗτος Θεοδόσιος κατέλυσεν. καὶ τὸ ἱερὸν Ἡλιουπόλεως τὸ τοῦ Βαλανίου τὸ μέγα καὶ περιβόητον τὸ τρίλιθον, καὶ ἐποίησεν αὐτὸ ἐκκλησίαν χριστιανῶν, ὁμοίως δὲ καὶ τὸ ἱερὸν Δαμασκοῦ ἐποίησεν ἐκκλησίαν χριστιανῶν. καὶ ηὐξήθη τὰ χριστιανῶν πλέον ἐπὶ τῆς αὐτοῦ βασιλείας».

40) Histoire des empereurs, par Tillemont. T. V. Pag. 207, 220.

«Theodose qui estoit encore à Thessalonique, le 16 ou 17 de novembre 380 an, quitta (aussitost après) la Macedoine, et vint à Constantinople, où il semble qu'on ne l'attendoit pas alors: ce qui ne l'empescha pas d'y estre receu avec une extreme joie. Il y entra en triomphe selon Zosime, le 24 de novembre, quoique Idace dise le 14 dans ses fastes... 383 an. Arcade fut cette année mesme déclaré

Auguste par son père (le 16 Janvier, selon quelques auteurs, ou selon d'autres le 19: qui commençoit la cinquième année de Theodose). La ceremonie s'en fit au palais d'Hebdomon à sept milles de Constantinople. Arcade n'estoit encore agé d'environ six ans (selon ce que dit Socrate), qu'il avoit 31 an lorsqu'il mourut •[III 151]• l'an 408, le premier jour de may. — (Idat. chron., Marcell. chron., Prosper)».

41) Hist. des emper., par Tillemont. T. V. Pag. 240.

«Dieu accorda cette année (384) un second fils à Theodose, qui lui donna le nom d'Honoré, pour faire revivre en son fils la mémoire de son frère. Ce prince qui regna depuis en Occident, naquît à Constantinople le 9 de septembre».

Ibidem, pag 190. — «Le jeune Victor parle seulement d'un frère et d'une soeur de Theodose, dont il cherit les enfans comme les siens propres. Son frère mort avant lui, et avant que l'empereur Honoré naquît (en 384) se nommait aussi Honoré. (Claud. de S. P. 194)».

42) Προσκυνητάριον... Ἰω. τοῦ Κομνηνοῦ. Σελ. 61–63.

«Κατὰ τὸ ,εωϚ' ἔτος ἡ βασίλισσα Πλακιδία γυνὴ Κωνσταντίνου τοῦ βασιλεύοντος ἐν Ῥώμῃ, θυγάτηρ δὲ τοῦ βασιλέως Θεοδοσίου, ἔθετο βουλὴν μετὰ τοῦ ἀνδρός της νὰ ἔλθῃ εἰς προσκύνησιν τοῦ παρόντος μοναστηρίου (Βατοπεδίου) καὶ νὰ ἰδῇ καὶ τὸν ἀδελφόν της Ἀρκάδιον, ὄντα ἐν Κωνσταντινουπόλει. καὶ δὴ ἐρχομένη ἀπὸ Ῥώμης διὰ θαλάσσης, καὶ φθάσασα εἰς τὸν λιμένα τοῦ Βατοπεδίου τὸν λεγομένον γυναικεῖον, ἐξῆλθεν ἐκ τοῦ

πλοίου ἔξω εἰς τὸν αἰγιαλόν· οἱ δὲ πατέρες τοῦ μοναστηρίου εὐγῆκασιν εἰς προὔπαντησιν ταύτης· καὶ φθάνοντες εἰς τὴν ἐκκλησίαν, αὐτοὶ μὲν εἰσῆλθον εἰς τὸν ναὸν ἀπὸ τὴν μεσιακὴν πόρταν τοῦ ναοῦ τὴν μεγάλην, ἡ δὲ βασίλισσα εἴτε ἐκ Θεοῦ ὁδηγηθεῖσα, εἴτε καὶ διὰ ταπεινώσιν καὶ εὐλάβειαν, δὲν ἠθέλησε νὰ εἰσέλθῃ διὰ τῆς χαλκῆς πύλης, ἀλλὰ διὰ τῆς βορεινῆς, ὁποῦ εἶναι πλησίον εἰς τὸ πηγάδι· καὶ ὡς ἔβαλε τοιοῦτον σκοπόν, πάραυτα τῆς ἦλθεν ἀοράτως φωνὴ ὁποῦ τῆς ἔλεγε· στάσου, καὶ μὴν ὑπάγῃς παρεμπρός, νὰ μὴ πάθῃς κακόν· ἡ δὲ ὡς ἤκουσε τὴν τοιαύτην φωνήν, ἔπεσεν ἀπὸ τοῦ φόβου χαμαί, καὶ ἤρξατο κλαίειν, καὶ δέεσθαι τοῦ Θεοῦ, νὰ τῆς συγχωρήσῃ τὸ πταῖσμα τοῦτο τῆς τόλμης· ὅθεν καὶ ἀνήγειρεν ἐκεῖ ναὸν ἕτερον εἰς τιμὴν τοῦ ἁγίου Δημητρίου· εἰς δὲ τὸν τόπον ἐκείνον ὅθεν ἠκούσθηκεν ἡ φωνή, ἔβαλε καὶ ἰστόρησαν τὴν εἰκόνα τῆς Θεομήτορος· καὶ ὥρισεν ὅτι νὰ ἄπτη ἔμπροσθέν της ἀεννάως κανδήλιον ἔν· τὸ ὁποῖον φυλάττεται καὶ •[III 152]• ἕως τῆς σήμερον· ἐπωνομάζετο δὲ ἡ εἰκὼν ἐκείνη ζωδόχος. Ἡ δὲ βασιλις φθάσασα εἰς Κωνσταντινούπολιν, ἐδιηγῆθη τοῦ ἀδελφοῦ αὐτῆς τὸ θαῦμα. Ὁ δὲ πάραυτα ἔστειλεν εἰς τὸ μοναστήριον βοήθειαν τῶν πατέρων, καὶ ἀφιερῶματα διάφορα, ἐχάρισε δὲ καὶ ἀγέλας ζώων. καὶ ἄλλα πολλὰ εἰσοδήματα τῷ μοναστηρίῳ ἔδωκε ἀκόμι καὶ τὸ ὠραιότατον μετόχιον τὸ Περιθεώριον ὁμοῦ καὶ τὸ τέταρτον μέρος τῆς παραθαλασσίας λίμνης· καὶ ἐργαστήρια πέντε μέσα εἰς τὸ Καστέλι καὶ σιτηρέσιον ἐπρόσταξε νὰ ἔρχεται

εἰς αὐτὸ τὸν κάθε χρόνον ἀπὸ τὸν οἰκονόμον χρυσίου λίτρας δώδεκα, καὶ ἀργυρίου λίτρας δεκαεπτὰ· τὸ ὅποιον καὶ ἕως τῆς σήμερον εὐρίσκεται εἰς τὸν παλαιὸν κώδικα τοῦ μοναστηρίου σημειώμενον».

43) Dictionnaire des antiq. chrét. par Martigny. Pag. 81, 82.

«Eglises depuis le 4me siècle. — Du portique on entrait, par trois portes, dans l'aire interieure de l'église, ναός. L'aire du portique, qui aboutissait à la porte du milieu, s'appelait αὐλή, aula. C'était par cette porte qu'entraient les clercs; les portes latérales étaient pour le peuple, la droite pour les hommes, la gauche pour les femmes. Le ναός, soit l'aire interieure, se divisait en trois nefs. La nef du milieu qui conduisait au βῆμα, ou à l'autel, restait libre. Les hommes se tenaient dans la nef meridionale, les femmes dans la septentrionale. (Cyrill. Hyerosol. Procattech. I). La nef des femmes était appelée ματρονίκιον, matronaeum, celle des hommes ἀνδρόν, par les Grecs».

44) Tillemon. Hist. des emper. T. V. P. 386.

«Après la detaite d'Eugène, Theodose s'appliqua avec un soin tout nouveau à regler les affaires de l'Etat, comme connoissant déjà, dit Rufin, ce qui devoit arriver, (c'est à dire qu'il devoit bientost mourir; ce que S. Jean d'Egypte lui avait en effet predit).

Il envoya en diligence en Orient, pour faire venir son fils Honoré. Ce prince estant arrivé (à Milan) avec Serene niece de Théodose (et peut estre encore avec Placidie fille du même prince). Théodose

les reçut dans l'église, et les mit entre les mains de S. Ambroise. Socrate et Sozomene qui veulent que Théodose fust malade lorsqu'il envoya querir Honoré, disent qu'il se porta mieux lorsque son fils fut arrivé; mais qu'il •[II 153]• retomba ensuite, et mourut. Il declara Honoré empereur d'Occident lui donnant pour son partage l'Italie, l'Espagne, les Gaules, toute l'Afrique et l'Illyrie (occidentale) avec Stilicon pour général de ses troupes, et pour prendre soin de ses affaires».

Ibidem. Pag. 767. Note LVI. — «Baronius croit qu'après la defaite d'Eugène, Théodose fit venir en Italie non seulement Honoré, comme divers auteurs le disent, mais encore Arcade: et S. Ambroise dit en effet que les fils de Théodose le vinrent trouver. Paulin en parle de mesme. Theodoret semble supposer qu'ils estoient tous deux presents à sa mort. Et la Chronique d'Alexandrie dit qu'Arcade revint de Rome après la mort de son père.

Neanmoins les autres historiens qui disent que Théodose fit venir Honoré en Occident, ne marquent point qu'Arcade y soit venu avec luy. Ils semblent au contraire supposer tous qu'il demeura à Constantinople; et Rufin dit expressement que Théodose en mandant Honoré ordonna qu'Arcade gardast dans l'Orient l'empire qu'il possedoit depuis longtemps. Claudien en ecrivant le voyage d'Honoré en Occident, ne parle point du tout de son frère, quoi qu'il marque aussitost après que Théodose recommanda ses deux enfans à Stilicon. Baronius aussi demeure d'accord que Arcade n'assistoit pas au

service qui se faisait à Milan pour Théodose 40 jours après sa mort; S. Ambroise estant trop exprés sur cela, pour ne laisser aucun lieu d'en douter.

Ainsi sans nous arrester à Théodoret et a la Chronique d'Alexandrie, dont l'autorité est moins considerable, il y a apparence que S. Ambroise et Paulin ont parle par figure d'Honoré seul comme de plusieurs; ou qu'avec Honoré on amena quelque autre enfant de Théodose, comme sa fille Placidie, qui paroist estre demeurée depuis ce temps la en Occident. Il est certain aussi que Serene femme de Stilicon (qui estoit niece de Théodose, et qu'il consideroit comme sa fille) vint avec Honoré, ou plutost l'amena d'Orient par l'Illyrie». •[II 154]•

45) Προσκυνητ. Κομν. Σελ. 129.

«Τὸ εὐαγὲς μοναστήριον τοῦ Σιμένου, ἢ βέλτιον εἰπεῖν Ἑσφιγμένου εἶναι ὠραῖον κατὰ πάντα καὶ ἀξιοθέατον κτίσμα τοῦ ἐν βασιλεὺσιν εὐσεβεστάτου Θεοδοσίου τοῦ μικροῦ, καὶ τῆς αὐτοῦ ἀδελφῆς καὶ βασιλίσσης ἀγίας Πουλχερίας τῆς παρθένου».

46) Theophan. Chronogr. T. I. Pag. 126.

«Πολλὰς δὲ ἐκκλησίας καὶ πτωχεῖα ξενωνάς τε καὶ μοναστήρια κτίσασα (Πουλχερία). πᾶσι καὶ τὰς ἀρμοδίους προσόδους βασιλικῶς ἀπένευμεν».

47) Chronic. Paschale. Bonnae, 1832. Pag. 590.

«Ἰνδικτ. δ'. α'. ὑπατευόντων Μαρκιανοῦ Αὐγούστου καὶ Ἀδελφίου. — Πουλχερία ἡ γυνὴ Μαρκιανοῦ τοῦ βασιλέως τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα τῶν ἐν Σεβαστείᾳ μαρτυρησάντων κατ' ὀπτασίαν εὕρισκε τὰ λείψανα κατακρυπτόμενα

εἰς τὸν οἶκον τοῦ ἁγίου Θύρσου ὀπίσω τοῦ ἄμβωνος. καὶ ἀνεδομήσατο αὐτῶν οἶκον ἔξω τῶν τειχῶν τῶν Τρωαδισίων Καισάριος ὑπάτος καὶ ἑπαρχος».

48) Le Quien. Oriens christianus. Parisiis, 1740. T. II. Pag. 27 et sq.

49) Ibidem. Pag. 85, 86.

50) Ibidem. Pag. 88.

51) Στεφάνου περὶ πόλεων. Lipsiae, 1825. Vol. I. Pag. 68–69.

«Ἀπολλωνία· πρώτη πόλις Ἰλλυρίας, ἣν ᾤκουν Ἰλλυριοὶ κατ' Ἐπίδαμνον. ὕστερον διακοσίαν Κορινθίων ἀποικία εἰς αὐτὴν ἐστάλη...

δευτέρα ἐν νήσῳ πρὸς τῷ Σαλμυδησσῷ, ἀποικία Μιλησίων καὶ Ροδίων.

γ'. Μακεδονίας*,

δ'. πόλις Λιβύης.

ε'. ἐν νήσῳ τῆς Ἀκαρνανίας, μία τῶν Ἑχινάδων.

ς'. ἐν Κρήτῃ, πρὸς τῇ Κνωσσῷ.

ζ'. πλησίον Λεοντίνων καὶ Καλῆς Ἀκτῆς.

η'. Μυσίας.

θ'. πόλις Μυσίας ἐπὶ Ρυνδάκῳ ποταμῷ.

ι'. κατὰ Θυάτειρα καὶ Ἐφεσον.

ια'. Φωκίδος.

ιβ'. περὶ τὴν Κοίλην Συρίαν.

ιγ'. κατὰ Ἰόπην... κ.τ.λ. (πᾶσαι 25)».

•[II 155]•

* Catalogus urbium MS. Vatic. Biblioth.: Ἀπολλωνία (Μακεδονίας) πρὸς τῷ Ἄθρῃ ὄρει κειμένη, νῦν Ἱερισσὸς καλουμένη. — Драгоценная заметка в этом ватиканском манускрипте! Из нее видно, что македонская Аполлония находилась у Афонской горы, там, где ныне стоит Иериссо на афонском перешейке.

52) Chronic. Paschal. Vol. I. P. 525–526.

«Τῷ αὐτῷ ἔτει Κωνσταντῖνος μοναρχήσας βασιλεὺς τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς πάσης πάντα τὰ εἰδωλα πανταχοῦ κατέστρεψεν, καὶ πάντα αὐτῶν ἀφείλατο τὰ χρήματα καὶ τὰ κτήματα, καὶ πάσας τὰς ἐκκλησίας τοῦ Χριστοῦ ἐτίμησεν καὶ πάντας τοὺς Χριστιανούς. — Κατ’ αὐτὸν δὲ τὸν καιρὸν κατὰ τῶν πολεμίων τῆς τῶν Χριστιανῶν πίστεως στρατεύσας ὑπηγάγετο τῇ εὐχῇ τὴν νίκην. διὸ καὶ κυριακὰ πρὸς ἐπιστραφήν τῶν ἐθνῶν κατὰ τόπους εἰς τιμὴν τοῦ ἐπὶ πάντων σωτῆρος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν πεποιήκεν».

53) S. Basilii opera. T. III, pars altera. Editio Parisiana altera, 1839. Pag. 662–663. — Ἐπιστολὴ τλθ’ (alias CXLVI).

«Τί οὐκ ἂν εἴποι σοφιστὴς ἀνὴρ, καὶ σοφιστὴς τοιοῦτος, ὃ γε ἴδιον εἶναι τῆς τέχνης ὡμολόγηται, καὶ τὰ μεγάλα μικρὰ ποιεῖν, ὅποτε βούλεται, καὶ τοῖς μικροῖς περιτιθέναι μέγεθος; Ὅποῖον δὴ τι καὶ περὶ ἡμᾶς ἐπεδείξω. Τὴν γὰρ ἐπιστολὴν ἐκείνην τὴν ὀρυπῶσαν, ὥς ἂν ὑμεῖς οἱ τὰ περὶ τοὺς λόγους τρυφῶντες εἴποιτε, οὐδὲν οὖσαν τῆς ἐν χειρὶ σου ταύτης ἀνεκτοτέραν, τοσοῦτον ἦρας τῷ λόγῳ, ὥς ἡττηθῆναι δὴθεν αὐτῆς, καὶ ἡμῖν τῶν πρωτείων τοῦ γράφειν παραχωρεῖν ... οὕτω δυνηθέντα ταῖς παιδιαῖς πρὸς ἡμᾶς καταβῆναι, ἢ εἰ τὸν βάρβαρον ἦγες ὑπὲρ τὸν Ἄθω πλέοντα...»

54) Смотри выше № 39.

Tillemon. Histoire des emper. T. V. Pag. 230 et suiv.

«Constantin, qui avoit relevé le premier la majesté de l’Empire par la profession

de la vraie religion, voyant que le monde estoit encore attaché à l’idolatrie par une passion trop aveugle, se contenta de défendre les sacrifices, et de fermer les temples sans les detruire. Les Empereurs ses fils et ses successeurs suivirent l’exemple de sa pieté. Iulien au contraire rétablit l’impiété, et renouvella les anciennes superstitions du paganisme. Mais Iovien qui lui succeda en défendit de nouveau tout exercice: et ses lois furent maintenues dans l’Europe par Valentini-en I, dit Theodoret, (quoique cela soit assez difficile à justifier). Pour Valens, il permit a tout le monde de suivre telle •[II 156]• religion qu’on voudroit, et d’adorer toutes sortes de divinités, ne persecutant que ceux qui soutenoient la doctrine des Apôtres. Ainsi durant tout son regne on vit le feu brûler sur les autels des idoles, les payens leur offrir des sacrifices et des victimes, et faire leurs festins profanes dans les places et à la vue de tout le monde...

Voilà les desordres où Théodose trouva l’Empire d’Orient, et dont il travailla à le purger. Il y reussit si heureusement, que le culte des idoles qui avoit commencé à se negliger et à se detruire par les soins de Constantin et de ses successeurs, tomba tout à fait en ruine sous son regne. Il abolit les erreurs sacrileges, il ferma et abatit même les temples, il brisa les idoles. En un mot, sa foi abolit (presque entierement) tout le culte de l’idolatrie, et toutes les cérémonies du paganisme, (aussi bien dans l’Occident que dans l’Orient).

Cela ne se fit que par degres. Car quoique la Chronique d’Alexandrie dise

assez expressement que dès l'an 379, qui estoit la première année de son regne, il renversa les temples des payens jusques aux fondements (neanmoins il faut au plus s'en tenir a ce qu'écrivit Sozomene) que quand il commença à regner, il defendit d'aller dans les temples, (et d'y offrir des sacrifices): encore Zosime écrit-il, que les payens avoient alors la liberté, d'y aller, et d'y faire leurs cérémonies.

Mais lorsque Théodose fut venu demeurer à Constantinople, (où il fit sa première entrée à la fin de 380), peu de mois après son baptême, le même Zosime en son style ordinaire, plus propre à une invective qu'à une histoire, dit qu'il attaqua les temples des dieux dans toutes les villes et dans toute la campagne: et que l'on ne pouvait pas sans peril ni croire qu'il y eust des dieux, ni seulement regarder le ciel et adorer les astres qui y brillent. En 381 le 2 de may il osta le droit de tester à ceux qui de Chrétiens tomberoient dans le paganisme, comme cela arrivoit quelquefois à cause des privileges dont les prestres payens jouissoient encore: et par la loi du 20 may 383, il leur oste aussi •[II 157]• le pouvoir de rien recevoir par testament, les privant absolument du droit Romain.

Le 20 décembre 381, il interdit sous peine de proscription tous les sacrifices défendus de nuit ou de jour, dans les temples ou hors des temples. Il menace encore des plus grands supplices par la loi du 25 may 385, ceux qui chercheront l'avenir dans les entrailles des victimes, ou qui feront pour cela des consultations execrables...

Libanius sophiste dit qu'il eut recours en une occasion aux autels, aux prières, et à la puissance de ses dieux; mais que tout ce qu'il put faire fut de pleurer secrettement devant leurs statues, sans oser seulement leur dire une parole, ni faire paroistre ses larmes. C'estoit lorsque Philagre estoit Comte d'Orient (c'est à dire en l'an 382). La loi du 30 novembre de la même année, adressée à Pallade Duc de l'Osrhoene, nous apprend que Theodose avoit accordé un rescrit pour faire fermer un temple où il y avoit des statues. Il casse ce rescrit par sa loi, et permet d'ouvrir le temple: mais ce n'est que pour servir aux assemblées civiles de la ville, comme elles s'y estoient tenues avant son rescrit; et en declarant qu'il n'entend nullement par la donner aucune permission d'y offrir des sacrifices défendus.

Théodose ayant fait Cynege Prefet du Pretoire, il l'envoya en Egypte (385/6 an) avec commission de défendre à tout le monde l'adoration des idoles et de fermer leurs temples. Cynege semble avoir eu ordre de parcourir pour le même sujet toutes les provinces de l'Orient avant que de passer en Egypte, où il semble qu'il estoit depuis quelque temps, au commencement de l'an 387. Il s'acquitta très fidelement de cette commission: car il interdit les sacrifices et toutes les cérémonies du paganisme, sans epargner les plus anciennes, et boucha l'entrée de tous les temples dans l'Orient, dans toute l'Egypte, et même dans Alexandrie. Idace dit même qu'il renversa les idoles des Gentiles. Ainsi il delivra toutes les provinces de la corruption •[II 158]• (de l'idolatrie),

qui trompoit les peuples depuis si longtemps, et il les retablit dans leur ancienne pureté».

55) Ibidem. Pag. 197 et suiv.

«Théodose avoit hérité de ses ancêtres l'amour de la religion chrétienne et de la foi de Nicée... Il tomba au commencement de l'an 380 dans une maladie fort dangereuse ce qui lui fit prendre la résolution de demander le baptême. C'étoit à Thessalonique, où il étoit venu passer l'hiver. Il demanda donc l'Evesque de la ville; mais il s'informa de lui avant toutes choses quelle étoit la foi qu'il professoit.

Il ne pouvoit mieux rencontrer, puisque Thessalonique avoit alors pour Archevesque S. Ascole, dont la foi étoit pure, et la vie exemplaire, et qui en un mot avoit toutes les vertus nécessaires à un Prelat... Théodose se rejouit beaucoup d'estre tombé entre les mains de ce saint Prelat: il reçut de sa main le seau sacré de la régénération, et se trouva ensuite plus heureux d'estre devenu membre de l'Eglise, que de se voir Empereur d'une partie de la terre.

Il ne se contenta pas de s'assurer de la foi d'Ascole. Il fut aussi bien aise d'apprendre de luy que l'Illyrie n'avoit jamais esté infectée de l'hérésie Arienne, mais étoit toujours demeurée dans la foi de Nicée; ce qui se doit rapporter proprement à l'Illyrie orientale qui comprend la Macedoine, et où il est vrai que l'hérésie Arienne n'a jamais régné: car ce qui étoit arrivé par la violence de Constance, étoit bientôt passé avec lui: l'occidentale esté plus infectée de l'Arianisme; mais elle en étoit alors tout à fait purgée, à la réserve

de Pallade et de Secondien. C'est pourquoi lorsque Theodose voulut aussi savoir l'état des autres provinces, Ascole ne craignit pas de lui dire que les Eglises de l'Occident jusques à la Macedoine, estoient toutes unies dans la vraie foy, et adoroient toutes le Fils et le S. Esprit de mesme que le Père...

Theodose retablit entièrement la foy Catholique, et abatit extrêmement les hérétiques, non en forçant les peuples à abandonner •[III 159]• leurs erreurs, mais en les portant peu à peu, et surtoût en se déclarant hautement en faveur de la vraie foy.

Ce fut pour ce sujet qu'il publia la loy célèbre, datée de Thessalonique le 28 février de cette année 380, par laquelle il declare qu'il veut que tous les peuples de son obeissance suivent la foy que l'Eglise Romaine avoit reçouë de S. Pierre, et qui étoit alors enseignée par le pape Damase, et par Pierre d'Alexandrie homme d'une sainteté apostolique; c'est à dire qu'ils confessent le Père, le Fils, et le S. Esprit, comme ayant une mesme majesté et une mesme divinité en trois personnes: que ceux qui suivront cette foy, seront reputez pour Chrétiens Catholiques, et que ceux qui auront la folie de la rejeter, seront traités comme hérétiques et infames, que leurs conventicules ne prendront point le nom d'Eglises, et qu'ils souffriront les peines dont la justice de Dieu et l'autorité impériale les puniront, parce que violer la vraie foy, soit par mépris, soit mesme par ignorance, est un crime et un sacrilege».

56) Stephanus Byzantinus cum annotatione Berkellii. Lipsiae, 1825.

«Ἀκρόθουνοι πόλις ἐπὶ τῆς ἄκρας τοῦ Ἄθω».

Salmasius in Exercit. ad Solinum, p. 184, legit Ἀκροάθωοι infelicititer. Nam legendum cum MSS. P.P. Ἀκρόθωοι. et sic ex Thucydide jam emendaverat Isaacus Casaubonus ad Strab. L. VII, in fine. Herodotus L. VII, cap. 22, appellat Ἀκρόθωον. — Ἀκροθωϊτῶν meminit Simplicius ex Theophrasto in Epictetum, pag. 70*. •[II 160]•

57) Ibidem.

«γ'. Ἀπολλώνια Μακεδονίας».

Catalogus urbium MS. Vatic. Biblioth.

«Ἀπολλωνία πρὸς τῷ Ἄθει ὄρει κειμένη, νῦν Ἱερισσὸς καλουμένη».

Plurimi hanc Apolloniam, in Taulantiorum finibus sitam, Macedoniae accensent, sed pessimo errore: quam Stephanus nunc innuit, versus Strimonicum sinum

* Hic locus Salmasio ad Solinum depravatus videbatur, quem ita ibi in integrum restituit: Ἀκροάθωοι πόλις ἐπὶ τῆς ἄκρας τοῦ Ἄθω. τὸ ἔθνικόν Ἀκροάθωος καὶ Ἀκροθωϊτῆς. Primo intuitu commodissime hunc locum tali modo mihi videbatur redintegrasse vir summos, praesertim partes compositi consideranti; nam apud Melam habemus L. II, cap. II: «Iam eius tenent parvae Pelasgorum coloniae. In summo fuit oppidum Acroathon, in quo, ut ferunt, dimidio longior quam in aliis terris aetas habitantium erat». Verum si codicum MSS. scripturam recte consideremus, nobis haerebit aqua, an non praestiterit ex iis Ἀκρόθωοι restituere, nam nullum ex Graecis scriptoribus Salmasius exemplum produxit, quibus oppidi nomen Ἀκροάθωοι dicitur. Ipse in Palatinis schedis et nos in Vossianis ita legebamur: Ἀκρόθωοι πόλις ἐπὶ τῆς ἄκρας τοῦ Ἄθω. — *Прим. П.К.:* Чтение Ἀκρόθωοι принято в более новом издании: Stephan von Byzanz. *Ethnica* / Hrsg. A. Meinecke. Berlin, 1849. S. 63.

sita est, juxta amnem Echedorum non procul a Thessalonica. Haec optime a Ptolomeo Apollonia Mygdoniae appellatur, ita enim ille L. III, c. XIII, ubi huius regionis civitates recenset: Ἀντιγόνεια, Καλίνδωια, Βαῖρος, Φύσκει, Τέρφυλλος, Καραβία, Εὐλόπολις, Ἄσσωρος, Ἀπολλωνία Μυγδονίας. (Steph. Byz. cum annot. Berkellii. Lipsiae, 1825. T. III. Pag. 316).

Sed Apollonia Mygdoniae fuerat distincta a Philippo rege Macedoniae. (Porfirius episcop.).

58) Herodot. L. VII. Cap. 122.

«Ὁ μὲν νῦν ναυτικός στρατὸς ὡς ἀπείθη ὑπὸ Ξέρξῳ καὶ διεξέπλωσε τὴν διώρυχα τὴν ἐν τῷ Ἄθῳ γενομένην, διέχουσαν δὲ ἐς κόλπον, ἐν τῷ Ἄσσῳ τε πόλις καὶ Πίδωρος [Πίλωρος] καὶ Σίγγος καὶ Σάργη [Σάρτη] οἰκῆνται». = «Nauticus porro exercitus ubi a Xerxe discessit, fossam navigavit in Atho depressam ac productam ad sinum, in quo Assa et Pidorus et Singus et Sarga urbes sitae sunt». [= «Итак, флот был отослан Ксерксом и прошел Афонским каналом в залив, где лежат города Асса, Пилор, Синг и Сарта».]

59) Herodot. L. VII. Cap. 22.

«Αἱ δὲ ἐκτὸς Σάνης, ἔσω δὲ τοῦ Ἄθω οἰκημένοι, τὰς τότε ὁ Πέρσης νησιώτιδας ἀντὶ ἡπειρωτῶν ὥρμειο ποιεῖν, εἰσὶ αἶδε, Δῖον, Ὀλόφυξος, Ἀκρόθωον, Θύσσοις, Κλεωναί. Πόλιες μὲν αὗται αἱ τὸν Ἄθων νέμονται...» [= «За Саной на самом Афоне лежат города, которые персидский царь тогда хотел превратить из материковых в островные. Города эти вот какие: Дион,

Ολοφικς, Ακροφοον, Φισς и Κλεоны. Это города на Афоне».]

Thucydides. L. IV. Cap. 109.

«Καὶ ὁ Ἄθως αὐτῆς ὄρος ὑψηλὸν τελευτᾷ ἐς τὸ Αἰγαῖον πέλαγος. Πόλεις δὲ ἔχει Σάνην μὲν, Ἀνδρίων ἀποικίαν, παρ' αὐτὴν τὴν διώρυχα, ἐς τὸ πρὸς Εὐβοίαν πέλαγος τετραμμένην, τὰς δὲ ἄλλας Θύσσον καὶ Κλεωνᾶς καὶ Ἀκροθώους καὶ Ὀλόφυξον καὶ Δῖον».

60) Herodot. L. VII. Cap. 22. •[III 161]•

(Ηρόδοτος περὶ νυμφῶν καὶ θεῶν γράφας). — Apud Suidam sic scribuntur: «Ὀλόφυξις. Θρακία πόλις, περὶ Ἄθω. ἥς πολίτης Ηρόδοτος Ὀλοφύξιος περὶ νυμφῶν, ὥς φασι, γράφας καὶ ἱερῶν». Sed apud Thucydidem, L. IV, scribitur Ὀλόφυξος, ut loco Stephani.

61) Herodot. L. VII. Cap. 122.

Apud Herodotum, unde haec desumpta, Πίδωρος nunc vulgo scribitur. Vitium ex literarum Λ et Δ similitudine natum. (Vide supra № 221). — Pílorus, urbs circa montem Athon. Ipsissimam puto esse, quae Herodoto L. VII, c. 122. vocatur Pílorus. Situs enim est idem, nec obstat quod ab Herodoto appelletur Pílorus, et a Stephano Pílorus, alterum ex altero pro arbitrio tuo corriges, ego pro Stephano sto*.

62)

Σάνη, πόλις μεταξὺ Ἄθω καὶ Παλλήνης. — Meminit huius urbis **Plutarchus in Quaest. Graec. P. 298.** — **Herodotus L. VII. C. 22,** in ipsa cervice sive isthmo montis Atho sitam fuisse

affirmare videtur; ait enim: «Ἐν δὲ τῷ ἰσθμῷ τούτῳ, ἐς ὃν τελευτᾷ ὁ Ἄθως, Σάνη πόλις Ἑλλὰς οἴκηται». Tamen capit. 123 eiusdem libri in Pallena ponit his verbis: «ὁ δὲ ναυτικὸς στρατὸς ὁ Ἐξέρξεω συντάμνων ἀπ' Ἀμπέλου ἄκρης ἐπὶ Καναστραίνην ἄκρην, τὸ δὴ πάσης τῆς Παλλήνης ἀνέχει μάλιστα, ἐνθεύτεν νέας τε καὶ στρατιὴν παρελάμβανε ἐκ Ποτειδαίης καὶ Ἀφυτίος καὶ Νέης πόλιος καὶ Αἰγῆς καὶ Θεράμβω καὶ Σκιώνης καὶ Μένδης καὶ Σάνης· αὐταὶ γάρ εἰσι αἱ τὴν νῦν Παλλήνην, πρότερον δὲ Φλέγγρην καλεομένην νεμόμεναι». Sed **Thucydides** confirmat priore loco sitam fuisse L. IV, cap. 109: «Ἔστι δὲ ἀπὸ τοῦ βασιλέως διορύγματος ἔσω προύχουσα, καὶ ὁ Ἄθως αὐτῆς ὄρος ὑψηλὸν τελευτᾷ ἐς τὸ Αἰγαῖον πέλαγος. Πόλεις δὲ ἔχει Σάνην μὲν, Ἀνδρίων ἀποικίαν, παρ' αὐτὴν τὴν διώρυχα, ἐς τὸ πρὸς Εὐβοίαν πέλαγος τετραμμένην».

63)

Σάρτη. — Apud **Herodot. L. VII. Cap. 122,** scribitur Σάργη, facili ex similitudine Γ et Τ literarum errore. (Vide supra № 61)*.

64)

Σερμυλία. — **Herodot. L. VII. Cap. 122,** Σερμύλη dicitur: «Κάμπτων δὲ Ἀμπέλον τὴν Τορωναίην ἄκρην, παρεμείβετο Ἑλληνίδας τὰς δὲ πόλεις, ἐκ τῶν νέας τε καὶ στρατιὴν παρέλαβε, Τορώνην, Γαληψόν, Σερμύλην, Μηκύβερναν, Ὀλυνθον· ἡ μὲν νυν χώρα αὕτη Σιθωνίη •[III 162]• καλεῖται». — In quo loco pro

* В новых изданиях Геродота принято чтение Πίλωρος. — П.К.

* В новых изданиях Геродота принято чтение Σάρτη. — П.К.

Σερμύλην **Phil. Iacobus Maussacus** legit Οϊσύμην, infelicissima conjectura, in **Notis ad Harpocratonem, pag. 281.** Οϊσύμη enim ab altera parte Strymonis in Thracia fuit: Σερμύλη vero in Toronico sinu ab hac parte montis Athonis. — Apud **Scylacem** corrupte legitur Ισμύρια pro Σερμυρία, vel Σερμυλία. — **Scho-liastae Thucydidis** Σερμυλὶς dicitur, Χαλκιδικὴ πόλις, scilicet eorum Chalcidensium, qui prope Athonem habitaverunt.

65) Herodot. L. VII. Cap. 122. — Vide supra № 58.

66)

Στρατονίκηια, πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας. — Auctor noster mihi videtur nugari, cum inquit Stratoniceam esse urbem Macedoniae prope Cariam, a qua maxime distabat. Caria enim erat in Asia minori, et Macedonia in Europa, ut videre est ex Geographia Ptolemaei et Strabonis; prior celebrat Stratonicem Macedoniae L. III, cap. 13, in Singitico sinu, et Stratonicem Cariae L. V, cap. 2. Posterior autem, L. XIV, memorat Stratonicem Cariae, quam coloniam Macedonum fuisse tradit, unde forsitan per incuriam quandam noster auctor inquit esse prope Cariam; verba **Strabonis** sunt: «Στρατονίκηια δ' ἐστὶ κατοικία Μακεδόνων· ἐκοσμήθη δὲ καὶ αὐτὴ κατασκευαῖς πολυτελέσιν ὑπὸ τῶν βασιλέων. Quare, apud Stephanum pro πόλις Μακεδονίας πλησίον Καρίας legendum πόλις Μακεδόνων ἐν Καρίᾳ». (Annotatio **Thomae de Pinedo**.)

Videtur Stephanus vel potius Epitoma-tor eius ex Strabonis verbis L. XIV,

«Στρατονίκηια δ' ἐστὶ κατοικία Μακεδόνων», nobis hunc locum tam pulchre concinnasse. Certe vulgata lectio stare nullo modo potest, nisi provincia integra ex Europa in Asiam transferatur. (Annotatio **Holstenii**).

А я полагаю, что Стефан Византиец разумел ту же Стратоникию, которую географ Птоломей ставил на Афоне, и что под Карией у него разумеется не малоазийская область Кария, а Афонская нагорная местность Кария (Καρία) или слобода на ней Карея (Καρέα). Если этот Стефан о фракийском городе Тилисе написал неопределенно, что он находился близ Эма •III 163I• (горы), «Τύλις, πόλις Θράκης τοῦ Αἵμου πλησίον»*, то подобным же образом выразился и о близости Стратоникии к Карию, «Στρατονίκηια, πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας (правильнее Καρίας)», подразумевая нагорную Карию Афонскую, хотя она и пропущена у него, не зная почему. Кто не удовлетворится этим примечанием моим, тому придется насиловать текст Стефана или считать его поврежденным, как это делали схолиасты, Голштенный и Фома де Пинедо.

67) Есфигмено-Вознесенский монастырь на Св. Горе Афонской. [Воскресное чтение. 1851. № 14. С. 134–137.]

«Монастырь, именуемый Есфигменов, принадлежит к числу общежительных обителей Св. Горы Афонской. Ктитеры, или основатели его, суть императоры греческие Феодосий

* Αἴμος ὄρος Θράκης. Stephanus.

Καρία.

Младший, Маркиан и сестра первого царица св. Пульхерия, которая в 445 году, создавши монастырь, даровала ему бесценное сокровище — довольной величины часть Животворящего древа Креста Господня».

68) Theophan. Chronogr. P. 126.

69) Chron. Pashale. P. 590.

70) Jornand. de reb. Get. Cap. 5.

«Winidarum natio populosa, quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominatur... Sclavini a civitate nova (in Pannonia) usque ad Danastrum... commorantur».

71) Agathiae historiarum lib. V, cap. 11. Bonnae, 1828. Pag. 299–335. (Αγαθίη умер пред 582 годом).

«Οἱ Οὐννοὶ τὸ γένος, τὸ μὲν παλαιὸν κατ'ῶκουν τῆς Μαιώτιδος λίμνης τὰ

πρὸς ἀπηλιώτην ἄνεμον, καὶ ἦσαν τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ ἀρκτικώτεροι, καθάπερ καὶ τὰ ἄλλα βάρβαρα ἔθνη, ὅποσα ἐντὸς Ἰμαίου ὄρους ἀνὰ τὴν Ἀσίαν ἐτύγχανον ἰδρυμένα. Οὗτοι δὲ
•[Π 164]• ἅπαντες κοινῇ μὲν Σκύθαι καὶ Οὐννοὶ ἐπωνομάζοντο· ἰδίᾳ δὲ κατὰ γένη, τὸ μὲν τι αὐτῶν Κοτρίγουροι, τὸ δὲ Οὐτίγουροι, ἄλλοι δὲ Οὐλτίζουροι, καὶ ἄλλοι Βουρούγουνδοι· καὶ ἄλλοι ὡς ἂν αὐτοῖς πάτριόν τε ἦν καὶ εἰθισμένον. γενεαῖς δὲ πολλαῖς ὕστερον διέβησαν ἐς τὴν Εὐρώπην... καὶ τὴν ἐκροὴν τῆς λίμνης τὴν ἐς τὸν Εὐξείνιον Πόντον φερομένην, ἄπορον τέως δοκοῦσαν, τότε δι' ὁτώσων τρόπων διαπεραιωθέντες, ἀλώμενοι δὲ ὅμως ἀνὰ τὴν ὀθνείαν, πλεῖστα ὅσα τὸ ἰθαγενὲς ἐλυμήναντο, ἀπροσδόκητα προσπεσόντες, ὡς καὶ τοὺς προτέρους οἰκῆτορας ἀπελάσα-

ντες, αὐτοὶ τὴν ἐκείνων κατέχειν. ἤμελλον δὲ ἄρα οὐκ ἐπὶ μακρότατον διαμένειν, ἀλλὰ πόρῳιζοι τὸ λεγόμενον ἀπολεῖσθαι. αὐτίκα γοῦν Οὐλτίζουροί τε καὶ Βουρούγουνδοι μέχρι μὲν Λέοντος τοῦ αὐτοκράτορος καὶ τῶν ἐν τῷ τότε Ῥωμαίων γνῶριμοί τε ὑπῆρχον καὶ ἄλκιμοι εἶναι ἐδόκουν». [= «Народ гуннов в древности населял обращенную к востоку часть Меотийского Болота и жил севернее реки Танаиса, также как и другие варварские народы, сколько их ни есть за Имейской горой в Азии. Все они вообще назывались скифами и гуннами, а по отдельным племенам — одни котригуры, другие утигуры, иные ультизуры, иные вургунды, а прочие так, каково было у них отеческое предание и обычай. Спустя много поколений они перешли в Европу... и, переправившись каким-то образом через ведущее в Евксинский Понт устье Болота, раньше считавшееся непроходимым, они, хотя и попали на чужбину, напав неожиданно, причинили местным величайшие бедствия, так что, изгнав прежних жителей, сами заняли их страну. Впрочем, им предстояло недолго обитать там и, как говорится, погибнуть поголовно. Ультизуры и вургунды вплоть до времен императора Льва и живших в то время римлян были знамениты и считались отважными».]

72) Ibidem.

«[Cap. 13] Τὰ τῶν Ῥωμαίων στρατεύματα, οὐ τοσαῦτα διαμεμενηκότα ὅποσα τὴν ἀρχὴν ὑπὸ τῶν πάλαι βασιλέων ἐξεύρηται, ἐς ἐλαχίστην δέ

τινα μοῖραν περιελθόντα, οὐκέτι τῷ μεγέθει τῆς πολιτείας ἐξήρκουν. δέον γὰρ ἐς πέντε καὶ τεσσαράκοντα καὶ ἑξακοσίας χιλιάδας μαχίμων ἀνδρῶν τὴν ὅλην ἀγείρεσθαι δύναμιν. μόλις ἐν τῷ τότε εἰς πεντήκοντα καὶ ἑκατὸν περιειστήκει. καὶ τούτων αἱ μὲν ἐν Ἰταλίᾳ ἐτετάχато, αἱ δὲ κατὰ τὴν Λιβύην, ἕτεραι δὲ ἐν Ἰσπανίᾳ, καὶ ἄλλαι περὶ τοὺς Κόλχους, καὶ ἄλλαι κατὰ τὴν Ἀλεξάνδρου καὶ Θύβην τὴν Αἰγυπτίαν· ἐκάθηντο δὲ ὀλίγοι καὶ πρὸς τὰ ἑῷα τῶν Περσῶν ὄρια... [Cap. 14] καὶ τὰ πρὸς αὐτῇ τῇ βασιλίδι πόλει χωρία ἔρημά τε ἦν καὶ ἀφύλακτα, ἐς ὅσον καὶ τοῖς βαρβάροις βατὰ εἶναι καὶ εὐεπίδρομα... [Cap. 15] εἰσὶ δὲ οἱ πολλοὶ (στρατιῶται) ἀστικοὶ τε καὶ φαειροεῖμονες, καὶ μόνον, οἴμοι, ὄγκου τοῦ βασιλείου ἔνεκα καὶ τῆς ἐν ταῖς προόδοις μεγαλαυχίας ἐξευρημένοι...»

73) Histoire du Bas-empire par Lebeau. Paris, 1828. T. VIII. Pag. 142–143.

«Ann. 530. Justinien ne fut pas moins heureux cette année du côté de l'Occident. Une multitude de Barbares, que les chroniques de ce temps-là appellent Goths, et que je crois être Esclavons, se jetèrent dans l'Illyrie, et les Bulgares dans la Thrace. Mondon*, que nous avons vu sous le regne d'Anastase s'emparer du château de Herta, s'attacher au service de •[III 165]• Theodoric, et faire la guerre aux Romains, s'était donné à Justinian depuis la mort du roi des Goths; et l'empereur

* Il était de la race des Gépides, selon la Chronique de Malala, part. 2, p. 186, qui-le nomme Mundus et le fait fils de roi: «Μοῦνδος ὁ ἐκ γένους τῶν Γηπιδῶν καταγόμενος, υἱὸς ὧν ἦρχος».

lui avait confié le commendement des troupes d'Illyrie*. Il marcha d'abord contre les Esclavons, et ce fut la première fois que les Romains combattirent cette nation. Mondon les tailla en pièces, fit un grand butin, et prit un de leurs chefs qu'il envoya chargé de chaînes à Constantinople. Etant en suite passé en Thrace, il defit les Bulgares dans un combat où il leur tua cinq cents hommes et les força de repasser le Danube.

Ce fleuve, qui avait si long-temps servi de rempart aux terres des Romains, était devenu, depuis l'affaiblissement de l'empire, le passage ordinaire des nations du Nord qui venaient le ravager. C'était par là que les Goths, les Huns, les Gépides, avaient inondé les deux Mésies, la Dacie, la Pannonie. De nouveaux essaims de Barbares, peu connus auparavant, commençaient à franchir ses bords. Les Esclavons (Σκλαβηνοί) et les Bulgares faisaient trembler la Thrace, et la menaçaient des mêmes horreurs qu'elle avait éprouvées sous Valens. Ce fut pour la mettre à couvert que Justinian donna le commandement de cette province à Chilbudius (Χιλβούδιος), brave guerrier, qui s'était doublement signalé, et dans le service du palais, par un desintéressement à toute épreuve, et dans les armées par sa valeur. L'empereur le chargea de garder les bords du Danube. Il se rendit si redoutable, que, pendant les trois années, qu'il commanda dans ce pays, les

Barbares qui se montraient souvent sur la rive opposée n'osèrent jamais passer le fleuve. Il le passa lui-même plusieurs fois, alla chercher les Bulgares et les Esclavons, les tailla en pièces, et revint avec un grand nombre de prisonniers. Enfin, la troisième année de son gouvernement, s'étant hasardé au-delà du Danube avec peu de troupes, il fut enveloppée par les Esclavons, qui avaient réuni tout ce qu'ils avaient de combattants. Il fallut céder au nombre. Chilbudius périt après avoir fait des prodiges de valeur. Depuis •III 166• ce temps le passage du Danube fut ouvert aux peuples du Nord; et toutes les forces de l'empire ne purent faire, dit Procope, ce qu'avait fait un seul homme: Εὐμπασά τε ἡ Ῥωμαίων ἀρχὴ ἀνδρὸς ἐνὸς ἀρετῇ ἀντίρροπος γενέσθαι ἐν τῷ ἔργῳ τούτῳ οὐδαμῇ ἴσχυσε. (Procop. de bello Goth. III. Cap. 14)».

74) Procopii de Bello Persico. Bonnae, 1833. Vol. I. Pag. 166–168.

«Ἦν τρίτον καὶ δέκατον ἔτος Ἰουστινιανοῦ βασιλέως τὴν αὐτοκράτορα ἀρχὴν ἔχοντος... Τότε καὶ ὁ κομήτης ἀστὴρ ἐφάνη... (Τότε) μέγα στράτευμα Οὐννικόν, διαβάντες ποταμὸν Ἰστρον, ξυμπάσῃ Εὐρώπῃ ἐπέσκηψαν, γεγονὸς μὲν πολλάκις ἤδη, τοσαῦτα δὲ τὸ πλῆθος κακὰ ἢ τοιοῦτα τὸ μέγεθος οὐκ ἔνεγκον πώποτε τοῖς ταύτῃ ἀνθρώποις. Ἐκ κόλπου γὰρ τοῦ Ἰονίου οἱ βάρβαροι οὔτοι ἅπαντα ἐφεξῆς ἐληίσαντο μέχρι ἐς τὰ Βυζαντίου προάστεια. καὶ φρούρια μὲν δύο καὶ τριάκοντα ἐν Ἰλλυριοῖς εἶλον, πόλιν δὲ τὴν Κασσάνδρειαν κατεστρέψαντο βία (ἦν οἱ παλαιοὶ Ποτίδαιαν ἐκάλουν, ὅσα γε ἡμᾶς

* «Mundo Illyricianae utriusque militiae ductor». Marcell. Chron. [A.D. 530]. — Ce titre s'exprimait ainsi en grec, «στρατηλάτης τοῦ Ἰλλυριῶν ἔθνους».

εἰδέναι), οὐ τειχομαχήσαντες πρότερον. καὶ τὰ τε χρήματα ἔχοντες αἰχμαλώτων μυριάδας δύο καὶ δέκα ἀπαγόμενοι ἐπ' οἴκου ἅπαντες ἀνεχώρησαν, οὐδενὸς σφίσιν ἐναντιώματος ἀπαντήσαντος».

Procopii de aedificiis, IV. [Cap. 3]. Bonnae, 1838. Pag. 276.

«Οὕτω ἐνταῦθα (Ποτιδαία, νῦν Κασσανδρεία) οἰκοδομίας ὁ χρόνος διέφθειρε πάσας ὥστε δὴ Οὐννικόν τι ἔθνος οὐ πολλῶ πρότερον καταθέοντες τὰ ἐκείνη χωρία, ὥσπερ τι διαχειρίζοντες οἷόν τι πάρεργον, τότε ξύμβαμα τοῦτο καὶ τὴν πόλιν ἄφοβοι ἐξεῖλον, καίπερ ἐξ οὗ γεγονόσιν ἄνθρωποι οὐ τειχομαχήσαντες πώποτε. ἀλλὰ καὶ τοῦτο Ἰουστινιανῶ βασιλεῖ γέγονε πρόφασις ἀρετὴν τε καὶ μεγαλοφροσύνην ἐνδείξασθαι. τοῖς γὰρ ξυμπίπτουσι χαλεποῖς ἀντίξουν ποιούμενος ἀεὶ τὴν αὐτοῦ πρόνοιαν, τῶν ξυμβεβηκότων τὰ πονηρότατα ταῖς ἐπιγινομέναις ἀγαθοεργίαις εὐθὺς μεταβιβάζεται ἐς τυχὴν ἀμείνω. καὶ Παλλήνης ἀμέλει πόλιν τε τὴν προβεβλημένην τῆς χώρας ἀπάσης καὶ τὸ κατὰ τὴν εἴσοδον κατατείχισμα τοῖς ἐπιβουλεύειν ἐθέλουσιν ἄμαχόν τε καὶ ἀκαταγώνιστον διεπράξατο διαφανῶς εἶναι. ταῦτα μὲν οὖν ἐν πράξεσιν αὐτῷ ταῖς ἐπὶ Μακεδονίαν διαπεπόνηται». •[III 167]•

Ibidem. [Cap. 4]. Pag. 279, 280.

В Македонии Иустиниан возо̀днoвил и построил 46 крепостей. В числе их поименованы: Νύμφιον, Θηστέον, Χάραδρος. Но не смейте ставить их ни на Нимфейском мысе Афона, ни на месте бывших там городов, Фиссоса и Харадриэ, потому что не ставил их тут

современный Иустиниану писатель Ермолай и потому что афонский Фиссос пишется чрез υ, а не чрез η, как Θηστέον, а город Харадриэ еще до Р. Х. переименован был в Стратоникию.

Ibidem. [Cap. 11]. Pag. 303, 304.

«Μετὰ Χερρόνησον Αἶνος οἰκεῖται πόλις... βασιλεὺς Ἰουστινιανὸς ἀνέστησε μὲν τὸν περίβολον αὐτῆς ἐς ὕψος, μὴ ὅτι ἀλῶναι, ἀλλὰ καὶ ἀποπειρᾶσθαι ἀμήχανον. ὑπεξαγαγὼν δὲ καὶ πανταχόσε φραξάμενος ἀνάλωτον Αἶνον παντάπασι κατεστήσατο. καὶ ταύτη μὲν ἡ πόλις ἐν τῷ ἀσφαλεῖ ἐγεγόνει. ἔμεινε δὲ τοῖς βαρβάροις ἡ χώρα καταθεῖν εὐπετῆς. ἐπεὶ Ῥοδόπη ὄχυρωμάτων ἐκ παλαιοῦ ὑπεσπάνιζεν... Ἀναστασιουῦπολις δὲ ἡ τῇ δὲ οὔσα τειχέρης μὲν καὶ πρότερον ἦν, ἐν δὲ τῇ παραλία κειμένη ἀφύλακτον εἶχε τὴν ταύτη ἡῖονα. τὰ πλοῖα πολλάκις ἀμέλει ἐνταῦθα καταίροντα ὑποχείρια βαρβάροις Οὐννοῖς ἐξαπιναίως γεγένηται. ὥστε καὶ τὰς νήσους ἐνθένδε τὰς τῇ χώρᾳ ἐπικειμένας ἠνώχλησαν. Ἰουστινιανὸς δὲ βασιλεὺς διατειχίσματι τὴν παραλίαν περιβαλὼν ὅλην, ταῖς τε ναυσὶ καὶ τοῖς νησιώταις τὴν ἀσφάλειαν ἀνεσώσατο».

75) Procop. de bello Gothico, III [Lib. VII de bellis], 37, 38. Bonnae, 1833. Vol. II. Pag. 441, 444.

«Ὑπὸ τοῦτον τὸν χρόνον (549/550), ὅτε Ἰουστινιανὸς Γερμανὸν τὸν ἀνεψιὸν αὐτοῦ ἐβούλευσε πολέμου τοῦ πρὸς Τωτίλαν καταστήσασθαι, στράτευμα Σκλαβηνῶν οὐ πλέον ἢ ἐς τρισχιλίους ἀγηγερέμενοι, ποταμόν τε Ἰστρον, οὐδενὸς σφίσιν ἀντιστατοῦντος, διέβησαν,

καὶ πόνῳ οὐδενὶ ποταμὸν Εὐρὸν εὐθὺς διαβάντες δίχα ἐγένοντο. εἶχε δὲ αὐτῶν ἀτέρα μὲν ξυμμορία ὀκτακοσίους τε καὶ χιλίους, ἡ δὲ δὴ ἑτέρα τοὺς καταλοίπους. ἑκατέροις μὲν οὖν καίπερ ἀλλήλων ἀπολελειμμένοις, ὥσπερ ἐρῶρήθη, ἐς χεῖρας ἐλθόντες οἱ τοῦ Ῥωμαίων στρατοῦ ἄρχοντες ἔν τε Ἰλλυριοῖς καὶ Θραξίν, ἡσσήθησάν τε ἐκ τοῦ ἀπροσδοκῆτου καὶ οἱ μὲν αὐτοῦ διεφθάρησαν, οἱ δὲ κόσμῳ οὐδενὶ διαφυγόντες ἐσώθησαν. ἐπεὶ δὲ οἱ στρατηγοὶ πάντες οὕτω παρ' ἑκατέρων τῶν βαρβαρικῶν στρατοπέδων, καίπερ ἐλασσόνων παρὰ πολὺ ὄντων, ἀπήλλαξαν, Ἀσβάδῃ ἢ ἑτέρα τῶν πολεμίων ξυμμορία ξυνέμιξεν. ἦν δὲ οὗτος ἀνὴρ βασιλέως μὲν Ἰουστινιανοῦ δορυφόρος, ἐπεὶ •[III 168]• ἐς τοὺς Κανδιδάτους καλουμένους τελῶν ἔτυχε, τῶν δὲ ἱππικῶν καταλόγων ἦρχεν, οἱ ἐν Τζουρουλῶ τῷ ἐν Θράκῃ φρουρίῳ ἐκ παλαιοῦ ἴδρυνται, πολλοὶ τε καὶ ἄριστοι ὄντες. καὶ αὐτοὺς οἱ Σκλαβηνοὶ τρεψάμενοι οὐδενὶ πόνῳ πλείστους μὲν αἰσχροτάτα φεύγοντας ἔκτειναν, Ἀσβάδῃν δὲ καταλαβόντες ἐν μὲν τῷ παραυτίκῃ ἐζώγησαν, ὕστερον δὲ αὐτὸν ἐς πυρὸς ἐμβεβλημένον φλόγα ἔκαυσαν, ἱμάντας πρότερον ἐκ τοῦ νώτου τοῦ ἀνθρώπου ἐκδείραντες. ταῦτα διαπεπραγμένοι τὰ χωρία ζύμπαντα, τὰ τε Θρακῶν καὶ Ἰλλυριῶν, ἀδεῶς ὕστερον ἐλεῖζοντο, καὶ φρουρία πολλὰ πολιορκία ἑκάτεροι εἶλον, οὐ τειχομαχήσαντες πρότερον, οὐδὲ ἐς τὸ πεδίον καταβῆναι τολμήσαντες, ἐπεὶ οὐδὲ γῆν τὴν Ῥωμαίων καταθεῖν ἐγκεχειρήκασιν πώποτε οἱ βάρβαροι οὗτοι. οὐ μὴν οὐδὲ στρατῷ ποταμὸν Ἰστρον

φαίνονται διαβεβηκότες ἐκ τοῦ παντός χρόνου, πλὴν γε δὴ ἐξ ὅτου μοι ἔμπροσθεν εἴρηται. — Οὗτοι δὲ οἱ τὸν Ἀσβάδην νενικηκότες μέχρι ἐς θάλασσαν ληϊσάμενοι ἐφεξῆς ἅπαντα καὶ πόλιν ἐπιθαλασσίαν τειχομαχήσαντες εἶλον, καίπερ στρατιωτῶν φρουρὰν ἔχουσιν, Τόπηρον ὄνομα· ἡ πρώτη μὲν Θρακῶν τῶν παραλίῶν ἐστί, τοῦ δὲ Βυζαντίου διέχει ὁδῷ ἡμερῶν δυοκαίδεκα... ἀνδρας μὲν οὖν ἐς πεντακισχιλίους τε καὶ μυρίους εὐθὺς ἅπαντας ἔκτειναν καὶ πάντα τὰ χρήματα ἐληΐσαντο, παῖδας δὲ καὶ γυναῖκας ἐν ἀνδραπόδων πεποιήνται λόγῳ. καίτοι τὰ πρότερα οὐδεμιᾶς ἡλικίας ἐφείσαντο, ἀλλ' αὐτοὶ τε καὶ οἱ ξυμμορίας τῆς ἑτέρας, ἐξ ὅτου δὴ τῇ Ῥωμαίων ἐπέσκηψαν χώρα, τοὺς παραπίπτοντας ἅπαντας ἡβηδὸν ἔκτεινον. ὥστε γῆν ἅπασαν, ἥπερ Ἰλλυριῶν τε καὶ Θρακῶν ἐστί, νεκρῶν ἔμπλεων ἐπὶ πλείστον ἀτάφων γενέσθαι. ἔκτεινον δὲ τοὺς παραπίπτοντας οὔτε ξίφει οὔτε δόρατι οὔτε τῷ ἄλλῳ εἰωθότι τρόπῳ, ἀλλὰ σκόλοπας ἐπὶ τῆς γῆς πηξάμενοι ἰσχυρότατα, ὅξεῖς τε αὐτοὺς ἐς τὰ μάλιστα ποιησάμενοι, ἐπὶ τούτων ξὺν βίᾳ πολλῇ τοὺς δειλαίους ἐκάθιζον... καὶ ξύλα δὲ παχέα τέτταρα ἐπὶ πλείστον ἐς γῆν κατορύξαντες οἱ βάρβαροι οὗτοι, ἐπ' αὐτῶν τε χεῖρας τε καὶ πόδας τῶν ἡλωκότων δεσμεύοντες, εἴτα ῥοπάλοις αὐτοὺς κατὰ κόρῃς ἐνδελεχέστατα παίοντες, ὥς δὴ κύνας ἢ ὄφεις ἢ ἄλλο τι θηρίον διέφθειρον. ἄλλους δὲ ξὺν τε βουσί καὶ προβάτοις, ὅσα δὴ ἐπάγεσθαι ἐς τὰ πάτρια ἦθη ὥς ἤκιστα εἶχον, ἐν τοῖς δωματίοις καθεῖρξαντες, οὐδεμιᾶ φειδοὶ ἐνεπίμπρασιν.

οὕτω μὲν Σκλαβηνοὶ τοὺς ἐντυχόντας αἰεὶ ἀνήρουν. ἀλλὰ νῦν αὐτοὶ τε καὶ οἱ τῆς ἐτέρας ξυμμορίας, ὥσπερ τῷ τῶν αἱμάτων μεθύνοντες πλήθει, ζωγρεῖν τὸ ἐνθένδε ἡξίουں τῶν παραπεπτωκότων τινάς, καὶ ἀπ' •[III 169]• αὐτοῦ μυριάδας αἰχμαλώτων ἐπαγόμενοι ἀριθμοῦ κρείσσους ἐπ' οἴκου ἀπεκομίσθησαν ἅπαντες».

Procop. de aedificiis, IV, 2. Pag. 304.

«Ἐστὶ δέ τις ἐν Ῥοδόπῃ πόλις ἀρχαία, Τόπερος ὄνομα, ἡ ποταμοῦ μὲν ῥεῖθρα περιβάλλεται ἐκ τοῦ ἐπὶ πλεῖστον, λόφον δὲ αὐτῇ ἐπανεστηκότα ὄρθιον εἶχεν. ἀφ' οὗ δὴ οὐ πολλῶν ἔμπροσθεν Σκλαβηνοῖς βαρβάροις ἑάλω. ἀλλὰ βασιλεὺς Ἰουστινιανὸς μέγα τῷ περιβόλῳ ὕψος ἐντέθεικεν· ὥστε ὑπεραίρει τοσοῦτ' ὃν λόφον, ὅσῳ δὲ αὐτοῦ καταδεέστερος τὰ πρότερα ἦν. καὶ στοὰν μὲν ἐπανεστήσεν ἐν θολωτῷ τείχει, ὅθεν δὴ τοῖς τειχομαχοῦσιν οἱ τῆς πόλεως ἀμυνόμενοι ἐκ τοῦ ἀσφαλοῦς διαμάχονται, τῶν τε πύργων ἕκαστον φρούριον ἐρυμνὸν ἐσκευάσατο εἶναι. ἀλλὰ καὶ τὰ ἐκ τοῦ περιβόλου μέχρι ἐς τὸν ποταμὸν διατειχίσματι περιβαλὼν ἐκρατύνατο».

Histoire du Bas-empire, par Lebeau.

T. IX. P. 191-195.

«Anno 550. Le prince Germain (Γερμανός) était retenu en Illyrie par une incursion des Esclavons. Dès l'année précédente ils avaient passé le Danube seulement au nombre de trois mille hommes, et battu les généraux Romains suivis de troupes beaucoup plus nombreuses. Asbade, qui commandait un grand corps de cavalerie Romaine, fut defeat,

pris, écorché et brûlé vif. Ils saccagèrent ensuite la Thrace et l'Illyrie, et prirent de force plusieurs chateaux, ce qu'ils n'avaient jamais osé tenter auparavant. Après avoir poussé leurs ravages jusqu'à la mer Egée, ils attaquèrent Topirus, ville maritime de Thrace, alors très considerable, la prirent pas escalade, égorgèrent les hommes au nombre de quinze mille, trainèrent en esclavage les femmes et les enfans. C'est fut la première foi que, rassasies de sang et de carnage, ils voulurent bien faire des prisonniers: jusqu'à lors ils n'avaient épargné ni âge ni sexe... Pendant que Germain assemblait son armée à Sardique, ils passerent le Danube, en beaucoup plus grande nombre, et marcherent à Naissus (ἀμφὶ Ναϊσόν). Quelques-uns d'entr'eux, qu'on fit prisonniers, declarerent que leur dessein était de se rendre maîtres de Thessalonique et des villes voisines. L'empereur, alarmé du danger qui menagait une place si importante, envoya ordre à Germain de la •[III 170]• secourir. Les Esclavons, apprenant que ce prince était à Sardique, furent frappés de terreur; la defaite des Antes, leurs compatriotes, talliés en pièces au commencement du regne de Iustinien, leur avait laissé une impression de crainte qui se réveillait au seul nom de Germain. Ils renoncèrent à leur entreprise; et n'osant plus tenir la campagne, ils gagnèrent les hauteurs et se retirerent en Dalmatie.

Germain les voyant éloignés, avait donné ordre à ses troupes de se preparer à partir dans deux jours pour l'Italie, lorsqu'il mourut subitement... Jean, neveu

de Vitalien, fut choisi pour général. Il reçut ordre de passer en Italie avec Iustinien, fils de Germain. Il prit la route de Dalmatie... A son approche, les Esclavons, évitant sa rencontre, sortirent de la Dalmatie. Ils se joignirent à une autre troupe de leurs compatriotes, qui venait de passer le Danube, et recommencerent leurs ravages. On supposa Totila de les avoir attirés par argent et de les retenir sur les terres de l'empire. Iustinien envoya contre eux une armée sous les ordres de plusieurs généraux, dont le chef était Scholasticus, eunuque du palais. Celui-ci fut battu près d'Adrianople; ses plus braves soldats y perirent; et les généraux ne se sauvèrent qu'avec peine. Les Barbaras mirent à feu et à sang la contrée de Thrace nommée Astica, voisine du Pont Euxine; et comme elle n'avait depuis longtemps éprouvé aucun pillage, ils y firent un grand butin. Ils pénétrèrent jusqu'à la longue muraille, à une journée de Constantinople. Les Romains, s'étant ralliés après leur défaite, surprirent à leur tour les Barbares, en tuèrent un assez grand nombre, et délivrèrent la plupart de leurs prisonniers. Le reste des Esclavons passa le Danube».

Ibidem, p. 196.

«An. 550. Deux mille des Huns Κουτουρούρων se fixèrent en Thrace avec la permission de l'empereur. De ce nombre était ce Sinnion qui avait servi avec distinction en Afrique sous le commandement de Belisaire». •[II 171]•

76) Agathiae historiarum lib. V. Bonnae, 1828. Pag. 299–335.

«[11] Ἐκείνου γε μὴν τοῦ ἔτους (558), ἐν ᾧ δὴ ἔφην τὴν λοιμώδη νόσον τῇ

πόλει ἐνσκήψαι, τὰ λοιπὰ τῶν Οὐννων γένῃ ἐσώζετο, καὶ ἦσαν ἔτι ὀνομαστότατα. Κατιόντες δὲ ὅμως οἱ Οὐννοι ἐς τὰ πρὸς νότον ἄνεμον, οὐ πόρῳ τῆς ὄχθης τοῦ Ἰστρου ποταμοῦ ἠϋλίζοντο, ἥνικα ἦν αὐτοῖς βουλομένοις. τότε δὴ οὖν τοῦ χειμῶνος ἐπιλαβομένου, τὰ μὲν ῥεῖθρα τοῦδε τοῦ ποταμοῦ κατὰ τὸ εἰωθὸς ὑπὸ τοῦ κρύους ἐπήγνυτο ἐς βάθος, καὶ ἦσαν ἤδη σκληρὰ καὶ βάσιμα καὶ ἱππήλατα. Ζαβεργὰν δὲ ὁ τῶν Κοτρίγούρων Οὐννων ἡγεμὼν σὺν πλείστοις ὅσοις ἱππόταις ἐπιδραμὼν καθάπερ χέρσον τὰς δίνας, ἐς τὴν Ῥωμαίων ἐπικράτειαν εὐκολώτατα διαβαίνει. ἔρημα δὲ εὐρὼν τὰ ἐκείνη χωρία καὶ μηδενὸς αὐτῷ κωλύματος γιγνομένου ἀνὰ τὰ πρόσω πορευομένῳ, αὐτίκα ὁ γε Μυσίαν τε καὶ Σκυθίαν παραμειψάμενος, τῇ Θράκῃ προσέβαλεν. ἐνταῦθα δὲ διελὼν τὸν οἰκεῖον στρατὸν, ἀπόμοιραν μὲν τινα ἔστειλεν ἀνὰ τὴν Ἑλλάδα, καταδραμουμένους τὰ ἀφύλακτα τῶν τῆδε χωρίων καὶ λεηλατήσοντας· ἑτέρους δὲ ἐς τὴν Χερρόνησον τὴν Θρακίαν... [12] αὐτὸς δὲ ξὺν ἑπτακισχίλοις ἱππόταις ἰθὺς τῆς Κωνσταντινουπόλεως πορευόμενος, τοὺς τε ἀγροὺς ἐδήου καὶ τῶν πολισμάτων ἐπειρᾶτο καὶ ἅπαντα ἐκίνει χύδην καὶ ξυνετάραττεν. αἰτία δὲ ἦν τῆς ἐφόδου τῷ μὲν ἀληθεστάτῳ λόγῳ ἀδικία βαρβαρική καὶ πλεονεξίας ἐπιθυμία... [13] Καὶ τοίνυν, οὐδὲν γὰρ ὅτι οὖν αὐτοῖς ἀντίπαλον ἐμποδὼν εἰστήκει οὐδὲ ὑπηγνίαζε, κατέτρεχον ἀφειδῶς καὶ ἐλεηλάτουν τὴν χώραν, λείαν τε ἄφθονον περιβαλλόμενοι καὶ αἰχμαλώτων ἀθροίζοντες πλήθη... [14]

...καὶ τὰ πρὸς αὐτῇ τῇ βασιλίδι πόλει χωρία ἔρημά τε ἦν καὶ ἀφύλακτα, ἐς ὅσον καὶ τοῖς βαρβάροις βατὰ εἶναι καὶ εὐεπίδρομα· ἐς τοῦτο γὰρ ἐκεῖνοι ἤρθησαν ἀλαζονείας, ὥς καὶ ἀμφὶ Μελαντιάδα τὴν κώμην στρατοπεδεύσασθαι, οὐ πολλῶ τῆς πόλεως διεστηκυῖαν, ὅτι μὴ τεσσαράκοντα καὶ ἑκατόν που σταδίου... [15] Οὕτω δὲ φοβεροὶ τε καὶ μέγιστοι κίνδυνοι ἐπίδοξοι ἦσαν ὥς πάντως ἐσόμενοι, ὥστε ἀμέλει τῶ τε ἐν Συκαῖς τείχει καὶ τῇ Χρυσῇ καλουμένῃ πύλῃ λοχαγοὶ τινες καὶ ταξίαρχοι καὶ ὀπλίται πολλοὶ ἐφειστήκεσαν, ὥς δὴ προθύμως ἀμυνόμενοι τοὺς δυσμενεῖς, εἴ που ἐπίοιεν. ἦσαν δὲ οὐ μάχιμοι ὥς ἀληθῶς οὐδὲ μετρίως γοῦν τὰ τοιαῦτα πεπαιδευμένοι, ἀλλ' ἐκ τῶν ταγμάτων ἐκείνων τῶν οἱ ἐς τὸ διημερεῦν τε καὶ διανυκτερεῦν ἐν τῇ αὐλῇ ἀπεκέκριντο, οὓς δὴ σχολαρίους ἀποκαλοῦσιν. οὗτοι δὲ στρατιῶται μὲν ὀνομάζονται καὶ ἐγγεγράφαται τοῖς τῶν καταλόγων βιβλίοις, εἰσὶ δὲ οἱ πολλοὶ •[III 172]• ἀστικοὶ τε καὶ φαιδροεῖμονες καὶ μόνον, οἶμαι, ὄγκου τοῦ βασιλείου ἕνεκα καὶ τῆς ἐν ταῖς προόδοις μεγαλαυχίας ἐξευρημένοι... Τότε δὲ Βελισάριος ὁ στρατηγὸς κεκμηκῶς ἤδη ὑπὸ τοῦ γήρως στέλλεται ὅμως ἐπὶ βαρβάρους ἐκ βασιλέως... [19] ...πρῶτος δὲ Βελισάριος πολλοὺς τῶν ἀντιπαρατατομένων διαφθείρας καὶ τὸ οἰκεῖον μέρος ἀπώσάμενος φεύγειν ἠνάγκασεν... [20] ... μόλις δὴ οὖν Ζαβεργάν τε ὁ ἡγεμὼν καὶ οἱ ἐκφυγόντες ἄσμενοι ἐς τὸ στρατόπεδον ἵκοντο... [23] ...ἐς τοῦτο δὲ ὅμως οἱ βάρβαροι ἤλασαν ἀπορίας ἐπὶ τε τῇ ἐκ τῶν ναυαγιῶν

φορᾷ, καὶ ὅτι ἀθρόον οἱ Ῥωμαῖοι κατ' αὐτῶν προσβολὴν ἐποίησαντο, ὥς μεθεῖναι αὐθημερὸν τὰ ἀμφὶ τὴν Χερῶν ὄνησον πεδία καὶ πρὸς τὸν Ζαβεργάν τε καὶ τὸν ἀμφ' αὐτὸν ὄμιλον ἀφικέσθαι, ἡττημένοι πρὸς ἡττημένους. οἱ δὲ ἀνὰ τὴν Ἑλλάδα πρότερον ἐσταλμένοι, οὐδέν τι ἀξιαφήγητον ἔδρασαν, μήτε τῶ Ἰσθμῷ προσβαλόντες, μηδὲ γε τὴν ἀρχὴν τὰς Θερμοπύλας παραμειψάμενοι διὰ τὴν φρουρὰν τῶν ἐκεῖσε ἰδρῦσθαι τεταγμένων Ῥωμαίων. τοιγάρτοι ἀποχωρήσαντες καὶ οἶδε, τῆς ἐπὶ τὴν Θράκην εἶχοντο πορείας, ὥς ἐν αὐτῇ κατὰ τὸ εἶκος τοῖς ὁμοφύλοις προστεθισόμενοι καὶ κοινῇ τὸ λοιπὸν ἐς τὰ σφέτερα ἐπανήξοντες. οἱ δὲ ἀμφὶ τὸν Ζαβεργάν οὐ πρότερον ἀποστήσεσθαι ἔφασαν, πρὶν ἂν χρήματα ὥς πλείστα παρὰ Ῥωμαίων κομίσαιντο, καθάπερ οἱ Οὐτίγουροι· τοὺς τε αἰχμαλώτους, εἰ μὴ θᾶπτον πρίαιντο οἱ ἐπιτήδαιοι, ἀποσφάττειν αὐτίκα ἠπειλουν. ὁ δὲ βασιλεὺς χρυσίον αὐτοῖς ἔστειλεν, ὅπόσον ἀποχρῆν ᾧετο ἔς τε τὰ λύτρα τῶν ξυνειλημμένων καὶ ὅπως εἰρηναῖοι τὸ λοιπὸν ἀπαλλαγείεν τῆς χώρας. καὶ δὴ ἄλλους τε πολλοὺς ἀπέδοντο καὶ δὴ καὶ Σέργιον τὸν Βάκχου τὸν στρατηγόν· ἐαλῶκει γὰρ ὀλίγου ἔμπροσθεν καὶ αὐτὸς ἀπαισίᾳ τινὶ χρησάμενος τύχη καὶ ἐν τοῖς αἰχμαλώτοις ἐτέλει. οὕτω τε μόλις ἐπαύοντο λεηλατοῦντες καὶ τῆς οἴκαδε εἶχοντο πορείας, ἀναλαβόντες οὐκ ἐς μακρὰν καὶ τοὺς ἐκ τῆς Ἑλλάδος ἀφικομένους... [25] (Ἐτερος δὲ ἡγεμὼν τῶν Οὐννων Σάνδιλχος, μισθοφόρος τοῦ Ἰουστινιανοῦ) τοῖς ἐκ Θράκης ἐπανερχομένοις ἄρτι τὸν Ἰστρον

ποταμὸν διαπεραιωθεῖσιν ὑπαντιάζει ἐξαπιναῖα· καὶ πολλοὺς ὅσους ἀποκτείναν τὰ τε χρήματα αὐτοὺς τὰ παρὰ βασιλέως καὶ ἅπασαν τὴν λείαν ἀφαιρεῖται. μόλις δὲ οἱ σεσωσμένοι ἐς τὰ σφέτερα ἦθη ἀπονοστήσαντες καὶ κατ' αὐτὸ τοῖς ἄλλοις γενόμενοι, ἐς πόλεμον τοῖς ἐναντίοις καθίσταντο· οὕτω τε ἐξ ἐκείνου ἐπὶ πλείστον ἑκάτεροι διετέλουν κατ' ἀλλήλων τρεπόμενοι καὶ τὴν δυσμένειαν ἐμπεδοῦντες. νῦν μὲν γὰρ ἐφόδους καὶ λεηλασίας ἐποιήσαντο, νῦν δὲ ἐς ἐμφανὴ μάχην παρετάττοντο, ἕως ἑκατέρωθεν •[III 173]• αἱ δυνάμεις διαρρηῖσαι ἀνάστατοι ἄρδην γεγένηται, ὥς καὶ αὐτὴν δῆπου τὴν πάτριον ἐπωνυμίαν ἀποβεβληκέναι. ἐς τοῦτο γὰρ συμφορᾶς τάδε τὰ Οὐννικὰ ἔθνη ἐξώκειλεν, ὥς εἴπερ ἄρα τι αὐτῶν καὶ μεμένηκε μέρος, σποράδην ἑτέροις δουλεύειν καὶ ἐς τὸ ἐκείνων ὄνομα μεταβεβλήσθαι».

Procop. de bello Persico. Bonnae, 1833. Vol. I. P. 166–168.

Anno 559. «(Οὔννοι) ἀνήκεστα ἐς Ῥωμαίους δεινὰ ἔδρασαν. οἱ δὲ καὶ ἐν Χερρόνησῳ τειχομαχήσαντες, βιασάμενοί τε τοὺς ἐκ τοῦ τείχους ἀμυνομένους καὶ διὰ τοῦ τῆς θαλάσσης ὁθοῖου τὸν περίβολον ὑπερβάντες, ὃς πρὸς κόλπω τῷ μέλανι καλουμένῳ ἐστίν, οὕτω τε ἐντὸς τῶν μακρῶν τειχῶν γεγεννημένοι καὶ τοῖς ἐν Χερρόνησῳ Ῥωμαίοις ἀπροσδόκητοι ἐπιπεσόντες, ἔκτεινάν τε πολλοὺς καὶ ἠνδραπόδισαν σχεδὸν ἅπαντας. ὀλίγοι δὲ τινες καὶ διαβάντες τὸν μεταξὺ Σησοῦ τε καὶ Ἀβύδου πορθμόν, ληϊσάμενοί τε τὰ ἐπὶ τῆς Ἀσίας χωρία καὶ αὐθιγὰς Χερρόνησον ἀναστρέψαντες

ξὺν τῷ ἄλλῳ στρατῷ καὶ πάσῃ τῇ λείᾳ ἐπ' οἴκου ἀπεκομίσθησαν. Ἐν ἑτέρῳ τε εἰσβολῇ τοὺς τε Ἰλλυριοὺς καὶ Θεσσαλοὺς ληϊσάμενοι τειχομαχεῖν μὲν ἐνεχείρησαν ἐν Θερμοπύλαις, τῶν δὲ ἐν τοῖς τείχεσι φρουρῶν καρτερώτατα ἀμυνομένων διερευνώμενοι τὰς περιόδους παρὰ δόξαν τὴν ἀτραπὸν εὗρον ἣ φέρει εἰς τὸ ὄρος ὃ ταύτῃ ἀνέχει. Οὕτω τε σχεδὸν ἅπαντας Ἑλλήνας, πλὴν Πελοποννησίων, διεργασάμενοι ἀπεχώρησαν».

77) Из рукописи Филофеева монастыря на Афоне:

«Ἡ ἱερὰ μονὴ τοῦ Φιλοθέου δείκνυται ἀρχαιοτάτη... καὶ ἐν τῇ δευτέρᾳ ἐποχῇ ὁράται τῷ ,Ζφ'-ω μονὴ οὐσα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου καὶ τῆς βασιλείας Βασιλείου καὶ Κωνσταντίνου, ὥς ἐν τινι κώδικι τῆς ἁγίας Λαύρας σημειοῦται περὶ Κάσπακος καὶ Ἀτζί Ἰωάννου τῶν μονῶν, ἡ μονὴ ἡμῶν αὕτη ὀνομαζόμενη τῆς Φτέρης καὶ Φιλοθέου».

78) Excerpta e Menandri historia. Bonnae, 1829. Pag. 404.

«Κεραϊζομένης τῆς Ἑλλάδος ὑπὸ Σκλαβηνῶν καὶ ἀπανταχόσε ἀλλεπαλλήλων αὐτῇ ἐπηρητημένων τῶν κινδύνων, ὁ Τιβέριος οὐδαμῶς δύναμιν ἔχων οὐδὲ πρὸς μίαν μοῖραν τῶν ἀντιπάλων, μή τι γε καὶ πρὸς πᾶσαν, οὔτε μὴν οἷός τε ὦν πολέμοις σφισὶν ὑπαντιάζειν τῷ ἀνὰ τοὺς ἑώους πολέμους τὰς Ῥωμαίων τετράφθαι δυνάμεις...» •[III 174]•

79) Ibidem, pag. 327.

«Κατὰ τὸ τέταρτον ἔτος Τιβερίου Κωνσταντίνου Καίσαρος βασιλείας ἐν τῇ Θράκῃ ξυνηνέχθη τὸ Σκλαβηνῶν

ἔθνος μέχρι πού χιλιάδων ἑκατόν
Θράκην καί ἄλλα πολλὰ ληϊσασθαι».

**80) Th. Tafel. De Thessalonica eius-
que agro dissertatio geographica. Beroli-
ni, 1839.**

Bella Slavinorum Thessalonicensia.

Pag. LVIII–LXI. Bellum primum.
(Anno 597). «Slavini adoriuntur urbem
per opportunitatem festi sancti Demetrii
die 26 octobris... Monumentum Sancti
igne absumitur. — Hostium parvus
numerus, sed fuit flos Slavinorum...
A civibus repelluntur».

Pag. LXI–LXVII. Bellum secundum.
«23 die septembris ad urbem accedunt. —
Sancti Demetrii miracula. — Septimo die
obsidionem abrumpunt, peste attriti et
visione quadam atteriti. Annus huius
belli 597».

**81) Divi Isidori Hispalensis Episcopi.
1778. T. I. Pag. 367.**

«Athos mons Macedoniae, et ipse altior
nubibus, tantoque sublimis, ut in
Lemnum umbra eius pertendat, quae ab
eo LXXVI millibus separatur».

**82) Theophanis chronographia. T. I.
Pag. 525–529, 540–544.**

A. M. 6140. «Τούτω τῷ ἔτει ἐπεστρά-
τευσεν Μαυίας διὰ θαλάσσης τῇ Κύπρῳ·
εἶχεν δὲ σκάφη ,αψ΄, καὶ παρέλαβεν
Κωνσταντίαν σὺν τῇ νήσῳ πάσῃ, καὶ
ταύτην ἐλυμήνατο».

A. M. 6141. «Τούτω τῷ ἔτει ἐπεστρά-
τευσεν ὁ Μαυίας κατὰ τῆς Ἀράδου
σφοδρῶς παραταξάμενος, καὶ ταύτην
λόγῳ κατέλαβεν εἰς τὸ κατοικεῖν αὐτοὺς
ἐνθα βούλονται· τὴν δὲ πόλιν ἐνέπρη-
σεν καὶ ἀπετείχισεν, καὶ τὴν νήσον
αὐόκητον κατέστησεν ἕως τοῦ νῦν».

A. M. 6145. «Τούτω τῷ ἔτει Μαυίας
τὴν Ῥόδον καταλαβὼν καθεῖλεν τὸν
κολοσσὸν Ῥόδου μετὰ ,ατξ΄ ἔτη τῆς
αὐτοῦ ιδρύσεως...»

A. M. 6146. «Τούτω τῷ ἔτει ἐπεστρά-
τευσεν ὁ Μαυίας. καὶ ὠρίσατο γενέσθαι
ἐξόπλισιν μεγάλην τῶν πλοίων πρὸς
τὸ ἀνελθεῖν τὸν στόλον αὐτοῦ κατὰ
Κωνσταντινούπολιν. ἡ δὲ πᾶσα ἐτοιμα-
σία ἐν Τριπόλει ἦν τῇ •[III 175]• κατὰ Φοι-
νίκην... ἀλλ΄ ὁ μὲν Μαυίας στρατεύει
ἐπὶ Καισάρειαν Καππαδοκίας, Ἀβουλα-
βάρ δὲ στρατηγὸν κατέστησεν τῆς
ναυπλοίας· ὃς παραγενόμενος εἰς τὸν
λεγόμενον Φοίνικα τῆς Λυκίας, ἐνθα
ἦν ὁ βασιλεὺς Κώνστας μετὰ τοῦ
Ῥωμαϊκοῦ στόλου, ναυμαχεῖ μετ΄ αὐ-
τοῦ... ὄναρ τοῦ βασιλέως... ἡττῶνται
Ῥωμαῖοι καὶ συγκιρνᾶται ἡ θάλασσα
τοῖς αἵμασι τῶν Ῥωμαίων... ὁ δὲ
βασιλεὺς... καταλιπὼν πάντας ἀπέπλευ-
σεν ἐν Κωνσταντινουπόλει...»

A. M. 6164. «Τούτω τῷ χρόνῳ στόλον
μέγαν ἐξαρτίσαντες οἱ ἀρνηταὶ τοῦ
Χριστοῦ καὶ παραπλεύσαντες τὴν Κι-
λικίαν παρεχέμασαν, εἰς Σμύρνην
Μουαμὲδ ὁ τοῦ Ἀβδελαῖ, Κάϊσος δὲ εἰς
Κιλικίαν καὶ Λυκίαν. καὶ ἐγένετο θανα-
τικὸν ἐν Αἰγύπτῳ. ἀπέστειλε δὲ καὶ Χάλε
τὸν ἀμνηραῖον μετὰ καὶ ἐτέρου στόλου
πρὸς βοήθειαν αὐτῶν, ὡς ἱκανώτατον
καὶ τολμηρὸν πρὸς μάχην. ὁ δὲ προλεχ-
θεὶς Κωνσταντῖνος τὴν τοιαύτην τῶν
θεομάχων κατὰ Κωνσταντινουπόλεως
κίνησιν ἐγνωκῶς κατεσκεύασε καὶ αὐτὸς
διήρεις εὐμεγέθεις κακκαβοπυρφόρους
καὶ δρόμῳνας σιφωνοφόρους καὶ
τούτους προσορμίσαι ἐκέλευσεν ἐν τῷ
Προκλιανησίῳ τῶν Καισαρίου λιμένι.»

A. M. 6165. «Τούτω τῷ ἔτει ὁ προλεχθεὶς τῶν θεομάχων στόλος ἀναβάλας προσώρμισεν ἐν τοῖς Θρακώοις μέρεσιν ἀπὸ τῆς πρὸς δύσιν ἀκρότητος τοῦ Ἑβδόμου, ἦτοι τῆς λεγομένης Μαγναύρας, μέχρι πάλιν τοῦ πρὸς ἀνατολήν ἀκρωτηρίου τοῦ λεγομένου Κυκλοβίου. κατὰ πᾶσαν οὖν ἡμέραν συμβολὴ πολέμου ἐκροτεῖτο ἀπὸ πρωτῆς ἕως ἐσπέρας, ἀπὸ τοῦ βραχιαλίου τῆς Χρυσῆς πόρτης μέχρι τοῦ Κυκλοβίου ἑαυτοὺς ὠθοῦντες καὶ ἀντωθούμενοι. ἐν τούτοις οὖν διετέλεσαν ἀπὸ τοῦ Ἀπριλλίου μηνὸς μέχρι τοῦ Σεπτεμβρίου. καὶ ὑποστρέψαντες ἀπέρχονται ἐν Κυζίκῳ, καὶ ταύτην παραλαβόντες ἐκεῖσε παρεχέμαζον. καὶ κατὰ τὸ ἔαρ ἀναβάλλων ὁμοίως πόλεμον διὰ θαλάσσης συνῆπτε μετὰ τῶν Χριστιανῶν. ἐπὶ ἑπτὰ δὲ ἔτη τὰ αὐτὰ τετέλεσαντες, καὶ αἰσχυρθέντες τῇ τοῦ θεοῦ βοηθείᾳ καὶ τῆς Θεομήτορος, πληθὸς τε ἀποβαλόντες ἀνδρῶν μαχίμων, καὶ τραυματίας μεγίστης εἰς αὐτοὺς γενομένης, ἀνθυπέστρεψαν μετὰ μεγάλης λύπης. ἐκπορίζων δὲ ὁ αὐτὸς θεοβούτιστος στόλος κατελήφθη ὑπὸ χειμερίου ζάλης καὶ πνεύματος καταιγίδος ἐπὶ τὰ μέρη τοῦ Συλαίου, καὶ συντριβεῖς ὁλοκλήρως ὤλετο. ... τότε Καλλίνικος ἀρχιτέκτων ἀπὸ Ἡλιονπόλεως Συρίας προσφυγὼν τοῖς Ῥωμαίοις πῦρ θαλάσσιον κατασκευάσας τὰ τῶν Ἀράβων σκάφη ἐνέπρησε καὶ σύμψυχα κατέκαυσεν. καὶ οὕτως οἱ Ῥωμαῖοι μετὰ νίκης ὑπέστρεψαν καὶ τὸ θαλάσσιον πῦρ εὗρον.» •[III 176]•

A. M. 6169. «Τούτω τῷ ἔτει ... ὁ βασιλεὺς ... ἀπέστειλε ἐν Συρίᾳ Ἰωάννην τὸν πατριόκιον, τὸ ἐπὶ κλην Πιτζιγαύδην,

ὡς ἀρχαιογενῇ τῆς πολιτείας καὶ πολύπειρον ὄντα καὶ μεγάλης ἀντεχόμενον φρονήσεως, ἐπὶ τὸ ἀρμοδίως διαλεχθῆναι τοῖς Ἀραβι καὶ τὰ τῆς εἰρήνης συμφωνῆσαι. τούτου δὲ καταλαβόντος ἐν Συρίᾳ, ὁ Μαυρίας σῶρευμα πεποιηκῶς τῶν τε ἀμηναιῶν καὶ κορασηνῶν ἐδέξατο αὐτὸν μετὰ μεγάλης τιμῆς. πολλῶν οὖν ἀναμεταξὺ αὐτῶν εἰρηνικῶν λεχθέντων λόγων, συνεφωνήθη πρὸς ἑκατέρους ἔγγραφον γενέσθαι εἰρήνης μεθ' ὅρκου λόγον ἐπὶ συμφώνου ἑτησίου πάκτου, παρέχεσθαι τῇ Ῥωμαϊκῇ πολιτείᾳ παρὰ τῶν Ἀγαρηνῶν χρυσοῦ χιλιάδας τρεῖς καὶ ἄνδρας αἰχμαλώτους ὀκτὼ χιλιάδας καὶ ἵππους εὐγενεῖς ν'. ταῦτα στοιχηθέντα μεταξὺ τῶν δύο μερῶν ἐπὶ χρόνους λ' φυλάττεσθαι πλατεῖαν εἰρήνην ἀναμέσον Ῥωμαίων καὶ Ἀράβων... ὁ βασιλεὺς ... ἐκύρωσε καὶ πρὸς Ἀβάρους δεσποτικὴν εἰρήνην. καὶ ἐγένετο ἀμεριμνία μεγάλη ἐν τε τῇ ἀνατολῇ καὶ δύσει.»

Georgii Cedreni historiarum compendium. T. I. Pag. 754–756, 764–765.

«Κόσμου ἔτος ,Ζολδ', τῆς θείας σαρκώσεως ἔτος χμ'. — Ῥωμαίων βασιλεὺς Κώνστας, ἔτη κζ'. ...

Τῷ ζ' ἔτει ἐπεστράτευσεν Μαυρίας εἰς Κύπρον, ἔχων σκάφη ,αψ', καὶ παρέλαβε Κωνσταντεῖαν καὶ πᾶσαν τὴν νῆσον.

Τῷ η' ἔτει Μαυρίας τὴν Ἀραδὸν σφοδρῶς πολεμήσας ταύτην λόγῳ παρέλαβε καὶ ἀπετείχισε καὶ ἐνέπρησε, καὶ τὴν νῆσον ἄουκον ἐποίησεν ἕως τοῦ νῦν. ...

Τῷ ιγ' ἔτει Μαβίας ἐξόπλισιν ἐν Τριπόλει ἐποίησε μεγάλων πλοίων τοῦ ἀνελεθῆναι κατὰ Κωνσταντινουπόλεως...»

Кедрин повторяет Феофана до слова. А толкование сна Константа у него лучше: «τὸ γὰρ εἶναί σε ἐν Θεσσαλονίκῃ, θὲς ἄλλῳ τὴν νίκην κρίνεται...» •III 177•

«Κωνσταντῖνος ὁ υἱὸς Κώνσταντος ὁ Πωγωνάτος, ἐβασίλευσεν ἔτη ιζ'. ...

Τῷ δ' ἔτει ἐφάνη ἱρις ἐν τῷ οὐρανῷ τοιαύτη ὡς λέγειν πάντας ὅτι συντέλειά ἐστιν. οἱ δὲ Σαρακηνοὶ μέγαν στόλον ἐξαορτήσαντες, καὶ παραπλεύσαντες εἰς Κιλικίαν, παρεχείμασαν εἰς Σμύρνην.

Τῷ δὲ ε' ἔτει τῶν θεομάχων στόλος ἐλθὼν προσώρμησεν ἐν τοῖς Θρακῶις μέρεσιν ἀπὸ τε τοῦ Ἐβδόμου μέχρι τοῦ Κυκλοβίου...» Кедрин повторяет Феофана слово в слово, но у него иначе означена дань арабов грекам: «χρυσίου χιλιάδας ι' καὶ ἄνδρας αἰχμαλώτους ρ' καὶ ἵππους εὐγενεῖς ν' ἐπὶ χρόνους λ'.»

Leonis Grammatici Chronographia. Pag. 157–161.

«Κώνστας ἐβασίλευσεν ἔτη κζ'... Μαυίας ὁ τῶν Ἀράβων ἀρχηγός, τὴν Ρόδον καταλαβὼν καὶ παραλαβὼν τὸν κολοσσὸν Ρόδου, μετὰ χίλια τριακόσια ἐξήκοντα ἔτη τῆς αὐτῆς ιδρύσεως καθεῖλεν. ὃν Ἰουδαῖος ἔμπορος ὠνησάμενος ἑπτακοσίους καμήλους (у Феофана и Кедрина 900) ἐφόρτωσε τὸν χαλκὸν τοῦ κολοσσοῦ. Μαυίας δε μετὰ πλοίων ἦλθεν ἐν Φοινίκῃ, ἔνθα ἦν ὁ βασιλεὺς Κώνστας μετὰ Ῥωμαϊκοῦ στόλου, ναυμαχεῖν μέλλων μετ' αὐτοῦ... и проч.

Μαυίας ἐπρέσβευσε περὶ εἰρήνης πρὸς Κώνσταν διὰ τὴν εἰς αὐτὸν γενομένην ὑπὸ τῶν Ἀράβων ἀνταρσίαν, καὶ ἵνα τελῶσι τοῖς Ῥωμαίοις ὑπὲρ τῆς τοιαύτης εἰρήνης οἱ Ἀραβες καθ'

ἡμέραν νομίσματα χίλια καὶ ἵππον καὶ δοῦλον. ὁ δὲ οὐκ ἐπέισθη· καταλιπὼν δὲ Κωνσταντινοῦπολιν, κατήλθεν εἰς Συράκουσαν τῆς Σικελίας, τῷ βαλανεῖω σμηχόμενος.

Κωνσταντῖνος υἱὸς Κώνστα ἐβασίλευσεν ἔτη ιζ'. ... Ἐπ' αὐτοῦ ἐξῆλθε στόλος μέγας καὶ κεφαλαὶ πλείσται τῶν Ἀράβων, καὶ παραλαβόντες Κύζικον ἦλθον μέχρι τῆς χρυσῆς πόρτης καὶ τοῦ κυκλοβίου, πολέμους ποιοῦντες καθ' ἐκάστην, καὶ παραχειμαῖζοντες ἐν τῷ κόλπῳ καὶ Κυζίκῳ, ἐπὶ ἑπτὰ ἔτη πολεμοῦντες Κωνσταντινοῦπολιν. τῇ δὲ τοῦ θεοῦ χάριτι καταπολεμηθέντες ὑπὸ τῶν Βυζαντιῶν ὑπὸ τοῦ στρατοῦ τῶν Κιβυρῶραιων τῶν αὐθις πολεμηθέντες ἡττήθησαν, ἐμπρησθέντων καὶ τῶν πλοίων αὐτῶν ἀπὸ τοῦ ὕδατώδους πυρός...

Εἰσηλθὼν δὲ οἱ Μαρδαῖται εἰς τὸν Λίβανον Συρίας καὶ ἐκράτησαν αὐτόν. καὶ Μαυίας φοβηθεὶς σφόδρα ἀποστέλλει πρέσβεις πρὸς τὸν βασιλέα, ζητῶν εἰρήνην, ὑποσχόμενος καὶ ἐτήσια πάκτα. ὁ δὲ βασιλεὺς τοὺς πρέσβεις •III 178• δεξάμενος, ἀποστέλλει σὺν αὐτοῖς Ἰωάννην Πατρικίον τὸν Πιτζογάβδην διαλεχθῆναι τοῖς Ἀραβι. τῶν δὲ Ἀράβων θαυμασάντων τὴν φρόνησιν καὶ ἀγχοινίαν αὐτοῦ, συνεφώνησαν παρέχειν Ῥωμαίοις κατ' ἔτος χρυσοῦ χιλιάδας δέκα καὶ αἰχμαλώτους χιλιάδας ὀκτώ καὶ ἵππους εὐγενεῖς ν', ταῦτα ἐσταχίθη δίδοσθαι ἐπὶ χρόνοις λ', ὥστε εἶναι πλατεῖαν εἰρήνην ἀνάμεταξὺ Ἀράβων καὶ Ῥωμαίων».

Nicephori Constantinopolitani De rebus post Mauricium gestis. Bonnae, 1837. Pag. 36–38.

Κωνσταντίνου Πωγωνάτου ... ἀρξαμένους εὐθὺς ὁ τῶν Σαρακηνῶν ἡγούμενος ναῦς πλείστας κατασκευάσας κατὰ τοῦ Βυζαντίου ἐκπέμπει, ἡγεμόνα τούτων ἐπιστήσας, ἅτε πιστότατον καὶ τὰ πολέμια ἔμπειρον, κατὰ τὴν ἑαυτῶν διάλεκτον Χαλεῦ ὀνομαζόμενον· ὃς ἀναχθεὶς προσωρμίζετο ἐν προαστείσι τοῦ Βυζαντίου, κατὰ τὸν παραθαλάσσιον τόπον τὸν καλούμενον Ἑβδομον. τοῦτον αἰσθόμενος Κωνσταντῖνος ἀντιπαρατάττεται καὶ αὐτὸς στόλῳ μεγάλῳ. ὑφ' ὧν πλείσται ναυμαχίαι ἐκάστης ἡμέρας ἐγίνοντο, τοῦ πολέμου συγκροτουμένου ἀπὸ τοῦ ἑαρινοῦ μέχρι φθινοπωρινοῦ καιροῦ. χειμῶνος δὲ ἐπιγινομένου ὁ τῶν Σαρακηνῶν στόλος διαπεραιωθείς ἐν Κυζίκῳ διεχειμάζετο, καὶ πάλιν ἔαρος ἀρχομένου ἐκείθεν ἀνταναχθεὶς ὡσαύτως τοῦ διὰ θαλάσσης πολέμου εἶχετο. ἑπτὰ οὖν ἔτεσι τοῦ πολέμου διαρκέσαντος τέλος οὐδὲν πλέον ὁ τῶν Σαρακηνῶν ἦνυσε στόλος, ἀλλὰ πολλοὺς τε ἄνδρας μαχίμους ἀποβαλόντες καὶ δεινῶς τραυματισθέντες καὶ χαλεπῶς ἡττημένοι ὑπενόσθουν πρὸς τὰ οἰκεία καταίροντες. πρὸς δὲ τοῖς πελάζουσιν τοῦ Συλλαίου γενόμενοι ὑπὸ σκληρῶν πνευμάτων καὶ θαλασσίῳ κλύδωνος καταληφθέντες πανστρατιᾷ διώλοντο. ὁ δὲ τῶν Σαρακηνῶν βασιλεὺς τὸ τοῦ στόλου ἀκούσας δυστύχημα πρέσβεις ἀποστέλλει πρὸς Κωνσταντῖνον ὡς σπεισόμενος πρὸς αὐτὸν ἐπὶ τελέσμασιν ἐνιαυσίοις. ὁ δὲ τούτους δεξάμενος καὶ τὰ δηλωθέντα ἀκηκοὺς συνεκπέμπει αὐτοῖς Ἰωάν-

νην τὸν πατρίκιον, τὸ ἐπὶ κλην Πιτζιγαύδιον, πολυπειρίᾳ καὶ φρονήσει διαφέροντα, ὡς τὰ ἐπὶ τῇ εἰρήνῃ διαλεχθισόμενον· ὃς πρὸς τὰ τῶν Σαρακηνῶν γενόμενος ἦθη συμβαίνει τε αὐτοῖς ὅρκους τὴν εἰρήνην βεβαιωσάμενος ἐπὶ τριάκοντα ἔτεσιν, ὥστε παρέχεσθαι Ῥωμαίοις ὑπὸ τῶν Σαρακηνῶν ἀνὰ ἔτος ποσότητα χρυσοῦ τρεῖς χιλιάδας ἄνδρας τε αἰχμαλώτους πεντήκοντα καὶ ἵππους πεντήκοντα. ταῦτα ἀκηκοότες καὶ οἱ πρὸς τὰ ἐσπέρια οἰκοῦντες μέρη, τουτέστιν ὁ τῶν Ἀβάρων ἡγεμὼν καὶ οἱ ἐπέκεινα ἄρχοντες τῶν πρὸς δύσιν παρακειμένων ἐθνῶν διὰ •III 179I• πρέσβεων δῶρα τῷ βασιλεῖ στείλαντες εἰρήνην ἐζήτησαν· ἐφ' οἷς εἰξαντος τοῦ βασιλέως εἰρήνην τὸ λοιπὸν καὶ γαλήνην ἔν τε τοῖς ἐφωῖς ἔν τε τοῖς ἐσπερίοις ἐβραβεύετο».

83) Λόγος ἱστορικὸς τῆς μονῆς Κασταμονίτου

в Оправданиях истории Афона, ч. III, в начале: «Κατὰ τὰς ἡμέρας εἰκονομάχων βασιλέων τὰ ἔθνη ἀπὸ τὰ παραδουνάβια μέρη... κ. τ. λ.».

84) Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου Εὐθυμίου

в моей Статистике Афона, отдел «Жития святых».

85) Th. Tafel. De Thessalonica eis que agro dissertatio. Berolini, 1839. Pag. 72–79.

«Eo tempore (669–685) Drugubitae, Sagudatae, Belegezitae, Bajunitae, Bersitae Thessalonicam terra marique oppugnant».

Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 1: История сербов и болгар.

1 марта 1871 г. Киев

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АФОН МОНАШЕСКИЙ

АФОН МОНАШЕСКИЙ

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Судьба его с 676 года по 1204-й

Оправдания истории Афона монашеского

Gens aeterna, in qua nemo nascitur.

Монахи народ вечный, хотя никто у них не рождается.

I. ПЕРВЫЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА, с 676 года по 830-й

ГЛАВА ПЕРВАЯ.
Заселение Афона
монахами. Их обители,
управление и быт.
Преподобный
Петр Афонский

§ 1. Заселение Афона *монахами при царе* *Флавии Константине Погонате*

Частые вторжения северных народов в области греческого царства, именно в Иллирию, Фракию, Македонию, Фессалию и Елладу, и завоевания Египта, Палестины и Сирии магометанами

были бедственны как для народа и клира, так и для монашества во всех этих областях. Клирики и монахи, даже пустынники, греческого рода, бежали оттуда в большие усиленные города, каковы Солунь, Константинополь, и тут, как бездомки и нищие, были в тягость епископам и правительству. Надлежало облегчить сию тягость общественную: и вот, Шестой Вселенский Собор, созванный царем Константином Погонатом в 680 году, узаконил: «Клирикам, по причине нашествия варваров оставившим свои места, возвращаться в свои церкви, когда прекратятся варварские

нашествия, бывшие •[III/12]• причиною удаления их» (правило 18). «А пустынных, которые в черных одеждах и с отращенными волосами ходят по городам, определять в монастыри, а если не пожелают сего, изгонять их из городов и жить им в пустынях, от коих и именование себе составили» (правило 42). Это узаконение Собора доказывает, что в то время в греческом государстве существовали монастыри и что туда отсылаемы были бродившие по городам пустынноики. К числу этих монастырей я присовокупляю афонские обители и их дееписаниями доказываю, что незадолго до Шестого Вселенского Собора опустевший Афон отдан был монахам для обитания царем Константином Погонатом, после того как во всем государстве его водворился мир с 676 года, и что туда, по требованию неблагоприятных обстоятельств, шли пустынноики, монастырские монахи и набожные миряне, отрекшиеся от мира, и там строили себе малые обители из материалов опустевших городов и селений, учредив средоточное управление свое под названием *Кафедры старцев* на Афонском перешейке и вверив оное так называемому проту, т.е. первому, и его совету. Вот *деловые* доказательства первого заселения Афона монахами в седьмом веке с 676 года.

В грамоте царя Льва Мудрого, данной афонским монахам по ходатайству прота их Андрея в 887 году в подтверждение их независимости от посягавшего на нее афонского же монастыря Иоанна Колову, Кафедра их старцев

названа древнею, ἀρχαία⁽¹⁾. Значит, она существовала на Афоне гораздо ранее царствования не только Льва, но и отца его Василия Македонского, восшедшего на престол в 866 году и скончавшегося в 886 лето Господне. Если бы она впервые учреждена была при этом Василии, то сын его не назвал бы ее *древнею*, ибо никто не называет древним то, что получило начало свое не более как за двадцать лет. А если она в канцеляриях царской, афонской, солунской известна была в 887 году как кафедра *древняя*, то учреждение ее надобно относить ко •[III/13]• времени, отдаленному от годов царствования помянутого Василия. Время же это отыскивается легко, и вот как.

В Историческом слове Афоно-Кастамонитского монастыря сказано, что афонские монахи *во дни иконоборных царей*, а не одного царя, крестили влахов — рихинов и сагудатов, пришедших с берегов Дуная и водворившихся среди их с семьями своими⁽²⁾. Иконоборство же началось в 726 году и беспрерывно продолжалось до 787 года. Следовательно, оглашение и крещение оных влахов совершено было ими в течение сего времени, ибо во дни второго иконоборства при царе Феофиле, 829–841 гг., Афонская гора, как увидим скоро, была вторично опустошена арабами и монахов и никого там не было. А ежели в промежуток времени между 726 и 787 годами находились на этой горе монахи, крестившие влахов, то тогда существовало у них и управление, известное под назва-

нием Кафедры старцев. В этот же промежуток времени сии монахи, как видно из одного исторического Слова, «терпели многие искушения от иконоборцев, еретиков и от других варварских народов, кроме влахов»⁽³⁾. Выражения в этом Слове: *во дни иконоборных царей* иноки терпели *многие* искушения от еретиков, влахов и *других* варварских народов, заставляют меня заключать, что вся эта неурядица на Афоне продолжалась несколько десятков лет, следовательно, тамошняя правительствующая Кафедра старцев существовала и в 726 году, когда началось иконоборство. Это самое подтверждается и другими подлинными хартиями афонскими.

Поставляю на вид межевое дело, 943 года индикта 15, о границах поземельных владений афонских монахов и жителей крепости Ерисса на перешейке Афона. Эти монахи в присутствии солунского епопта (люстратора) говорили ериссовцам, что они *искони* владеют горою Афонскою, что значительная часть тамошней *ластовичной* земли (κλασματικὴ γῆ) записана в межевых книгах податною на имя монахов афонских и что царь Василий Македонский хрисовулом своим только *помогим* •ΠΙΛ4• *безопасно владеть древним достоянием*, начиная от околотка Ериссовского и далее внутрь Афона, так как это достояние подтверждается и другими хрисовулами. Ериссовцы же настояли, что ластовичная земля простирается даже до Зига (первая высота Афона, ныне *Мегали Вигла*) и что досюда владеют

они, а афониты хозяйствуют, начиная от Зига далее внутри Афона*. Замечательна защита монахов. Они в 943 году в оправдание свое представляли три юридические доказательства: 1) *исконное* владение Афоном и запись тамошних *дробных* участков их в межевых книгах, в коих записываются такие участки, 2) царский хрисовул Василия, *помогший* им владеть ими бесспорно, и 3) другие хрисовулы. Итак, явно, что не Василий Македонский отдал им Афон и дробные участки на перешейке сей горы; нет, они владели всем этим достоянием своим *искони*, ἐξ ἀρχῆς, от начала своего водворения на Афоне: царь Василий только утвердил за ними то, чем они владели весьма давно. Эту исконную давность *числительно* доказывает другое деписание, хранящееся в Афоно-Дохиарском монастыре, именно —

Деписание царского чиновника Константина спафарокандидата 1038 года, индикта 6, на пергамене, с маленькою именною печатью его из свинца. Тут сказано, что «на Святой Горе во имя святого Николая построенная обитель,

* Οἱ μοναχοὶ τοῦ Ἀθωνοῦ προεβάλλοντο τὴν ἐξ ἀρχῆς δεσποτείαν εἰς τὸ ἱερόν, καθὼς καὶ ἐν τοῖς τοῦ κλάσματος κώδεξιν ἀναγράφεται δημόσια εἰς πρόσωπον τῶν μοναχῶν τοῦ Ἀθωνοῦ οὐ μὴν, ἀλλὰ καὶ τὴν βοήθειαν τῆς ἀσφαλείας τοῦ χρυσοβούλου τοῦ βασιλέως τοῦ κυροῦ Βασιλείου, πᾶσαν ἄδειαν καὶ τὴν ἐξουσίαν παρέχοντος αὐτοῖς ἀπὸ τὴν ἐνορίαν τοῦ Ἐρισσοῦ καὶ τὴν ἔσω... Οἱ δὲ οἰκῆτορες Ἐρισσοῦ ἐνίσταντο, μέχρι τοῦ Ζυγοῦ εἶναι τὴν κλασματικὴν γῆν, καὶ ἕως τοῦ τοιοῦτου τόπου δεσπόζειν αὐτοῦς, τοὺς δὲ Ἀθωνίτας ἐξουσιάζειν ἀπὸ τὸν Ζύγον καὶ τὴν ἔσω. См. § 20.

прозываемая Дафною и Дохиаром, приобрела Перигардикийское поле ради малого утешения живущих в ней монахов и что этим полем она владеет с незапамятных годов»*. Значит, эта обитель на Афоне весьма древна. В 1038 году о ней говорили и писали, что ей принадлежит поле с *незапамятных годов*. Судебное же выражение с *незапамятных годов*, по сличении его с подобным выражением в других афонских дееписаниях, означает •[III/15]• давность *трехсотлетнюю* с *лишком*: «Εἶχε ἐξ ἀμνημονεύτων τῶν χρόνων ἡ τοῦ Ἐσφιγμένου μονῆ ἀγρόν τινα ἧς τὴν δεσποτείαν καὶ δικαίωματα παριστῶσι παλαιγενῆ πρό χρόνων ἤδη τριακοσίων καὶ ὑπὲρ τούτους γεγεννημένα» [«Имела Есфигменская обитель с незапамятных времен одно поле: ее владение доказывают и древние оправдания, которым уже триста лет или более того»]⁽⁴⁾. Следовательно, она Дафно-Дохиарская обитель, отыскивавшая в 1038 году с *лишком трехсотлетнее* право свое на поле Перигардики, существовала ранее 738 года. Это верно как дважды два четыре. А если эта обитель существовала ранее 738 года, то и монахи на Афоне с Кафедрою старцев их водворились ранее сего времени. Замечательно, что в приведенном мною Дохиарском дееписании присвоены оной обители два прозвания, Дафна и Дохиар. Дохиаром она называлась по фами-

лии строителя ее, а Дафною по имени местности, которая и в наши дни зовется так же: это местность у глубокой пристани Афона подле Ксиропотамского монастыря. Такое прозвание оной обители доказывает, что она построенная была Дохиаром еще тогда, когда свежо было воспоминание о городе Стратоники и о пристани его Дафне, опустевших во время нападения арабов на Афон с 670 года по 676-й. Кто в 738 году шел в эту обитель, тот говорил: *иду в Дафну*, и говорил так по привычке, потому что сия Дафна известна была афонитам давным-давно и потому что от помянутого разорения ее арабами прошло только 68 лет, а в такое недолгое время не забывают старых названий местностей ни жители, ни землемеры, ни судьи. Итак, самое прозвание Дохиарской обители Дафною доказывает, что она возникла вскоре после разорения этой Стратоникийской пристани арабами, следовательно, при Константине Погонате после 676 года. А если так, то и водворение монахов на Афоне и учреждение Кафедры их старцев надобно относить к этому же времени и к сему царю. Но вот и третье *деловое* подтверждение сей исторической правды.

В уставе, который царь Иоанн Цимисхий дал афонским монахам в 971 году, двадцать восьмое правило гласит так: «Что касается до избрания прота, то мы соизволяем сохранить •[III/16]• твердым и неизменным установление о нем, состоявшееся искони и издревле, ἐξ ἀρχῆς καὶ ἄνωθεν⁽⁵⁾. Отсюда видно,

* Акт судьи Константина Каматира датируется сентябрем 1037 г. (у еп. Порфирия — сентябрьский стиль). См.: Actes de Docheiariou. Paris, 1984. № 1. — П.К.

Дохиар.

что должность прота, т.е. первого начальника афонских монахов, учреждена была гораздо ранее 971 года, в который начертан был устав Цимисхия. Когда же? *Деловое* выражение, *искони и издревле*, сопоставленное с подобным выражением, *с незапамятных времен*, означающим давность трехсотлетнюю, заставляет меня, видевшего прота Андрея у царя Льва Мудрого в 887 году, полагать, что афонское протатство в первый раз установлено было почти за 300 лет до 971 года, значит, в 676 году при Флавии Константине, о котором предание справедливо говорит, что он переселил мирян с Афона в Пелопоннес и отдал эту гору монахам*.

Довольно! Все эти доказательства неопровержимы. Опираюсь на них и, с Богом святым, начинаю охотно разглагольствовать об Афоне монашеском, охотно потому, что и сам я монах, долго живший на этой горе, усердно изучавший тысячелетний быт ее и, бывало, спавший там без постельки, съевши в сутки только две сардельки.

§ 2. Первые монастыри на Афоне монашеском и тамошняя Кафедра старцев

В 676 лето Господне водворился мир во всем греческом царстве. С той поры ни авары, ни болгары, ни славяне, ни

* Сей государь ни в грамотах, ни в церковных и гражданских актах никогда не назывался Погонат, а всегда писался Флавий Константин. Итак, не удивительно, если не очень грамотные афониты смешали его с Константином Великим.

арабы долго не тревожили его нападениями своими, а виновник сего мира царь Константин Погонат до смерти своей, 685 г., употреблял все благоразумные меры к восстановлению церковного и государственного порядка в разстроенных оными варварами областях своих. Одна из таких мер предпринята была им для освобождения городов от содержания множества •[III/1 7]• монахов и пустынников, которые укрывались в них от неприятелей. Эта мера есть водворение сих отшельников на Афоне, оставленном жителями его страха ради арабского и поступившем в число имений государственных либо лично царских. С 676 года монахи начали селиться на этой горе и на всем перешейке ее по воле царя Флавия Константина. Те из них, которые любили общежитие, помещались там подле церквей запустевших городов, а отшельники, предпочитавшие свое житие пустынное, селились в тамошних пещерах и лесах. Смее думать, что тогда на Афон возвратились и туземные клирики, которые были не женаты и жили в так называемых клирических обителях, Хилантирской, Ватопедской, Карейской, Фтерийской, Стратоникийской, Олофиксийской. Это естественно. Родину не все покидают. На родину возвращаются многие по миновании опасностей ее. Притом 18-е правило Шестого Вселенского Собора современного обязывало клириков возвращаться на прежние места их.

Какие же монастыри возникли на Афоне с 676 года в первый круг време-

ни заселения его монахами? И где там сосредоточивалось общее управление их?

Первые монастыри там возникли подле церквей опустевших городов и в околотках их. Перечисляю их, идя сперва по юго-западной стороне Афона, а потом по северо-восточной и направляясь к перешейку сей горы.

1. На юго-западной стороне ее находился город Сколос близ нынешней пристани монастыря Зографского. Тут в клирической обители, издавна посвященной памяти св. архидиакона Стефана, поселился инок, прозываемый *Кастамонит*, вероятно, по имени малоазийского города Кастамуни, и дал ей свое имя, которое произносится и в наши дни. А что эта обитель вновь возникла в первую эпоху афонского монашества, а не позже, это доказывается тем, что в ней поныне сохранилось письменное предание о крещении влахов — рихинов и сагудатов во •[III/1 8]• время первого иконоборства (726–787 гг.). Кастамонитские иноки видели крещение их и записали это событие.

2. На юго-западной же стороне Афона, там, где ныне лежат развалины Старого Руссика, устроен был *фессалоникийцами* монастырь во имя св. великомученика Пантелеимона для тех монахов, которые укрывались у них от меча арабов и которых царь Константин Погонат велел разослать по монастырям и пустыням. Этот самый монастырь отдан был императором Алексеем Комниным нашим русским монахам

около 1100 года (Смотри в моем «Путешествии по Афону», часть 1, описание Руссика.)

3. На той же стороне у пристани опустевшего города Стратоникии, называемой Дафна, ранее 738 года существовала иноческая обитель св. Николая, имевшая тогда два прозвания, *Дафна* и *Дохиар*. В указанном году ей принадлежало Перигардикийское поле вне Афона (§ 1.) А так как сего поля не утвердил бы за ним ни тогдашний иконоборный царь Лев Исаврянин (716–741 гг.), ни сын его Константин Копроним, ненавидевший монахов, то и надобно полагать, что такое стяжание досталось ему или при государе Феодосии в 715 году, или в годы вторичного царствования Иустиниана II, сына Константина Погоната (703–711 гг.). Развалины сего Дафно-Дохиарского монастыря я видел в 1845 году у подъема из Дафны на крутоярье Афона, орошаемое водопадом в дождливое время. Тут уцелели остатки церкви и кучи мусора в лесной чаще. По ним я заключаю, что монастырь этот был малый. Было бы научно разрыть и исследовать эту древнейшую развалину.

В рассматриваемый нами круг времени на юго-западной стороне Афона существовали ли другие монастыри, кроме Кастамонитского, Фессалоникийского и Дафно-Дохиарского, именно, Симопетрский, Аэропотамо-Предтеченский (ныне Дионисиат) и Ксиропотамо-Сретенский (ныне Павловский), этого ни утверждать, ни отрицать я не могу, не имея под руками никаких

твердых доказательств существования их в первую эпоху афонского •[III/1 9]• иночества. Не осмеливаюсь отнестъ к этой эпохе и другие старинные обители, стоявшие на оной же стороне, поближе к Афонскому перешейку, именно, Ксирокастро, Ваницу, Херово, Просфорион и иные, потому что ничем не могу доказать глубочайшую древность их. Могло статься, что они возникли при вторичном заселении Афона монахами с 870 года. Зато смелее иду по северо-восточному побережью этой горы и здесь указываю следующие монастыри первой афоно-монашеской эпохи:

4. Близ нынешней Лавры св. Афанасия Афонского, немного ниже нагорной кельи св. Иоанна Златоуста, указываю *Палеомонастирон*, т.е. древний монастырь*. Я не был тут. Но прошу будущих паломников побывать там, осмотреть местность и выслушать старческие предания. Из сего монастыря, думаю, — досталось оной Лавре греческое Евангелие, брошенное в огонь во время иконоборства и не горевшее в нем. Надобно обратить зоркое внимание и на это Евангелие, написанное гораздо ранее появления названной Лавры.

5. На горной выси, где ныне расположен Предтеченский скит Иверской обители, указываю монастырь *Афо* (μονὴ Ἀθω, ἡτοι τῶν Ἱβήρων в хрисовуле царя Михаила Пафлагона, 1034–1041 гг.),

* Προσκυνητάριον τῆς ἀγ. Λαύρας τοῦ ἀγ. Ἀθανασίου. 1772. Σελ. 37.

построенный грузинами вскоре после 780 года во имя св. Иоанна Предтечи⁽⁶⁾. О судьбе его рассказ читай в моем «Путешествии по Афону». Часть 1.

6. У речки Милопотамос, на месте города Клеонэ, переименованного в Фтери в 558 году⁽⁷⁾, и нынешней обители Филофейской указываю монастырь *Фтери*, устроенный иноком *Филофеем* и потому имевший два прозвания, *Фтери* и *Филофеу*, из коих первое доказывает появление сего монастыря в то время, когда еще было свежо воспоминание о недавно, 676 г., опустевшей селитве Фтери. (Смотри в «Путешествии» моем по Афону, ч. I, сказание о монастыре Филофейском.)

К первой эпохе афонского иночества (680–870 гг.) я отношу и следующие монастыри: •[III/1 10]•

7. *Климентов*, устроенный неким Климентом в пристани бывшего города Клеонэ, укрывший в своей усыпальнице мощи первого афонского безмолвника Петра в 734 году (§ 5) и вошедший в состав Иверской лавры с 980 года.

8. *Ватопедион*, созданный еще царями Феодосием Великим и братом его Онорием в 383 году в городе Дионе, потом опустевший до 676 года, снова возникший при Константине Погонате и, как увидим, существовавший до 862 года, в который окончательно разорили его арабы.

9. Монастырь *Есфигмено-Вознесенский*, построенный еще царицею Пульхерией у Афоно-Самарийской крепостцы, а в рассматриваемый нами круг

времени обновленный иноком Есфигменом и сподвижниками его в мирные годы царствования Погоната*.

10. Соседний с ним монастырь *Хилантирский*, на месте опустевшей слободы Хилантири устроенный неким Хилантириотом и сподвижниками его подле слободской церкви Введенской, которую в 1198 году приобрел св. Савва Сербский.

От Хилантира идя по береговой дороге к Афонскому перешейку, видишь тут то малые, то едва заметные остатки небольших монастырей, существовавших в первую эпоху афонского иночества. Эти монастырьки, — упоминаемые в древнейших деписаниях афонских и ныне известные по именам, у некоторых из них двойным, подобно двойникам Фтери и Филофею, Дафне и Дохиару, и, значит, основанные в то время, когда еще свежо было воспоминание о стоявших тут *мирских* селениях, — эти прибрежные монастырьки были следующие:

11. Симеона Вороско́па,
12. Ка́лика, ныне Калица,
13. Миници, ныне Папаркики, и
14. Св. Андрея⁽⁸⁾.

Кроме этих *прибрежных* обителей в околоте между Хилантиром и первою у афонского перешейка высотой, которая называется Мегали Вигла, существовали монастыри *нагорные* и *юдольные*, именно: •[III/1 11]•

15. Зигу Мегалу,

* См. История Афона. Ч. II. § 20.

16. Зигу Микру,
17. Панагия Рувадон,
18. Св. Николая Рувадон,
19. Св. Георгия Стефаници.

Но местности их неизвестны. Есфигменский игумен Феодорит в своем описании Афона, гл. 3, отд. XI, сказал о них: *ποῦ δὲ ἔκειντο, ἀγνοῶ, где они стояли, не знаю*. Неизвестность их местоположений заставляет думать, что они существовали в такое отдаленное время, которого нынешние афониты уже не помнят и не знают.

20. У подошвы Мегаловиглийской высоты Афона, той, что со стороны перешейка, на приморской местности, близ Иверского метоха, стояла правительствующая обитель афонских монахов, называемая в древнейших дееписаниях *Кафедрою старцев*. Тут ставил ее есфигменский игумен Феодорит, которого описанием Афона я пользуюсь нередко, и примолвил, что эта местность поныне называется Кафедрою старцев и что сия Кафедра существовала только до второго опустошения Афона, 830 г. ибо по втором заселении сей горы монахами, с 870 года, средоточное управление их находилось уже на другом месте Афона, именно на Карее⁽⁹⁾.

21. От Мегаловиглийской высоты к северу стелется длинный отрог Афона, называемый Стелляри, что значит рукоять, и действительно похожий на рукоять топора. В этом отроге укрывается глубокая пазуха (бухта) моря, известная под древним названием Плати.

Тут стоял монастырек во имя свт. Евфимия, прозывавшийся Плати и этим прозванием доказывающий, что он основан был еще тогда, когда было свежо воспоминание о мирской пристани Плати. Эта местность с давнего времени принадлежит Афонской Лавре, которая однако оставила ее в запустении, так что на ней пасется скот чужого монастыря, именно Хиландарского. Плати упоминается в дееписании Афонского Протата 997 года, уже как метох Лавры Афанасия Афонского⁽¹⁰⁾.

22. У подошвы же Мегаловиглийской высоты, южнее Платийской обители и Кафедры старцев, находится метох •[III/1 12]• Хиландарского монастыря. Тут древле стояла обитель Комитиссы, попросту Комица. По словам игумена Феодорита, ее построила жена некоего комита, т.е. графа, и потому прозывалась Комитисскою — Графинитскою⁽¹¹⁾.

От Мегали Виглы идя по северному побережью моря к Ксеркову каналу, останавливаясь у метоха Афоно-Иверского монастыря, прозываемого Пиргудия, по-нашему, *башенки*. Местопрозвание древнее, мирское! Но что тут было до первого запустения Афона, это неизвестно мне. Не знаю и того, существовал ли тут монастырь в указанный мною круг времени.

Между Пиргудиями и Ксерковым каналом тогда находились монастыри св. Христины, Мустакона, Кардиогноста, Афанасия и Луки (§ 20), а за этим каналом — обители св. Георгия,

св. апостола Павла с пресловутою агизмою его и св. Никифора; за перешейком же Афона на горном материке существовали монастыри: Кентарский*, не знаю где, Орфогоматский у нынешнего села Гомато и Спилеотский у нынешней слободы Низворо, где я видел *спилеон*, т.е. пещеру вроде тоннеля (§ 20).

Итак, Кафедра старцев стояла в средоточии первоначальных обитателей афонских. По левую сторону ее, ежели стать лицом к Стримонскому заливу Афона, находились монастыри те, что на перешейке, а по правую — Комица и Плати, св. Андрея и Миници, Калица и Вороскоп, Хилантир и Есфигмен, Ватопед, Афо и Климент, Фтери (Филофей) и Палеомонастиро, Дафна (Дохиар) и Кастамонит. Причина, по которой монахи в первый раз поселились ближе к перешейку Афона, высказана игуменом Феодоритом. По словам его, «вся местность от Хилантира до Ерисса весьма удобна для обитания людей; ибо тут море тише, пресные воды безвреднее, в морских заливах лучше ловится рыба, и вообще вся эта местность низменнее, здоровее и удобнее для земледелия»⁽¹²⁾. Соглашаюсь с Феодоритом, как очевидец, и присовокупляю, что первобытные монахи афонские (677–830 гг.) завалили Ксерксов канал, особенно со стороны Сингит-

ского залива, •[III/1 13]• дабы пресечь арабам ближайший путь в Константинополю чрез этот канал. Такому смелому мнению моему нет подтверждения ни в письменных памятниках, ни в устном предании афонитов, но оно невольно придумывается при обозрении Ксерксова канала, который чем далее стелется к Сингитскому заливу, тем засореннее оказывается, и даже исчезает под выпуклинами, если не обманываюсь, *насыпными*.

Первоначальные монастыри на Афоне были очень малы, как это доказывают их развалины. Вообразите себе одноэтажный дом с тремя-четырьмя комнатками, с келейною церквиею человек на шесть и с кладовою в башенке: вот такой дом и есть первобытный монастырь афонский, без ограды, без двора, без колокольни. По какому уставу монахи жили в сих монастырьках, это неизвестно. Ни один из них ничем не прославился; посему и Четь-Минея молчит о первоначальном *монастырском* иночестве на Афоне.

Не дошли до нас письменные известия и об управлении тамошней Кафедры старцев, и о протах, т.е. главных начальниках Афона, и о делопроизводстве их. Знать, второй погром арабский, 830 г., постигший тамошние обители, был опустошительнее первого. Впрочем, кто потрудится раскопать и рассмотреть все развалины их, начиная с Афонского перешейка и продолжая до Хилантира и Есфигмена, тому, быть может, и удастся добыть хотя

* Это название основано на неверном чтении межевого акта: вместо «знак монахов из Кентарского монастыря» следует читать «знак Михаила, бывшего кентарха (сотника)». См. § 20. — П.К.

малую толику подробных сведений о первоначальном монашестве афонском. Но кто будет сей счастливец? Русский, немец, грек, англичанин, американец, француз? Не знаю и начинаю говорить о том, что знаю, именно о первом безмолвнике афонском преподобном Петре. А вы, читатели, затвердите мое слово о нем, слово *новое*, рассудительное, бесприкрасное.

§ 3. Первый известный безмолвник на Афоне Петр

Полагают, что Петр Афонский подвизался в царствование трех греческих государей, Феофила, Михаила III и Василия Македонского •[III/1 14]• с 830 по 883 год. Когда-де магометане завоевали родину сего Феофила, именно город Аморию во Фригии, и многих жителей его отвели в плен в Месопотамию, тогда-де был пленен и сей Петр и отведен в крепость Самару, находившуюся у Евфрата. Тут он томился-де долго, когда же был освобожден, тогда отправился сперва в Рим, где и принял монашеский постриг, а потом на Афон и здесь подвизался до конца своей жизни в течение пятидесяти трех лет. Нетленные мощи его *вскоре-де* перенесены были *знакомым* ему звероловом в афонскую обитель Климента, а оттуда тайно увезены монахами в Фокиду во Фракии*. Но относить житие сего безмолв-

ника к девятому веку и тогда же переносить его мощи в Фотокоми не позволяют следующие достоверные *памяти* о тогдашнем состоянии Афона и о самом Петре. Во-первых, в подлинном житии преподобного Евфимия Солунского, который в том же веке с 857 года по 889-й разновременно посещал Афон и спасался там *близ места подвигов Петра Афонского*, нет ни слова о сем Петре, тогда как говорится, что в то время на опустевшем Афоне Евфимий видел иноков, Иосифа, Симеона, Иоанна Колову, Онуфрия и многих других, и что они ушли оттуда, боясь морских разбойников**. Значит, Евфимий не видел там Петра и не знал его. А если так, то Петр жил на Афоне не в девятом, а другом веке. Во-вторых, известный в Православной Церкви творец всеночных канонов Иосиф, скончавшийся в 883 году, когда на Афоне было уже много монахов, написал канон преподобному Петру Афонскому и в нем упомянул, что мощи сего подвижника скрывались *в течение многих лет* и явились во дни Иосифа для просвещения иноков и украшения. «Леты многими скрываемо тело твое в просвещение *наше* явися» (Песнь 5), •[III/1 15]• «Явися богомудре иноком украшение» (Песнь 9). Если же мощи Петра лежали под спудом *весьма долго* и были открыты уже пред 883 годом, в который скончался священный певец его жития Иосиф, то сей

* Афонский Патерик. СПб., 1860. Ч. I. Житие преподобного Петра. В ватопедском житии сего Петра (1422 года) сказано, что мощи его увезены были в селение Фотокоми во Фракии. Это вернее.

** Смотри это житие в моей *Статистике Афона*.

Петр не был современник этого певца и его кончину нельзя относить к году 883, а начало пятидесятитрехлетних подвигов к 830-му. Это арифметически верно.

Петр Афонский был первый безмолвник, ἡσυχαστής, на Святой Горе, водворившийся тут в 681 году. Родина его Константинополь. Отец и мать его неизвестны. По званию своему он был *схολарий*. Πέτρος μοναχὸς ἀπὸ σχολαρίων γενόμενος, т.е. военный сановник, служивший в такой *схоле*, которой воины назначались дневать и ночевать в царском дворце*. В 667 году, — я полагаю, — агаряне взяли его в плен в Сирии и отвели в крепость Самару, построенную у реки Евфрата**. Тут он содержался, по сказанию ватопедского жития его, очень долго***, а по моему расчислению лет девять, 667–676 гг., и во время заточения своего каялся в грехах своих, и особенно в том, что до плена не исполнил своего намерения быть монахом. Но наконец и для него пробила час свободы, предвозвещенной ему Николаем Чудотворцем и праведным Симеоном Богоприимцем. В 676 году Константин Погонат заключил мир с

халифом. После мира последовал размен пленных, в числе которых отпущен был и кающийся узник, о котором идет речь моя. Получив вождленную свободу, он отправился в Рим и там принял монашеский постриг от тогдашнего папы Агафона. Это обстоятельство дает повод думать, что Петр Афонский происходил от таких родителей, которые хотя и в Константинополе жили, но любили Рим, •III/1 161• если не по политическому расчету, то по глубокому уважению к тамошним папам, яко верным хранителям веры апостольской, каковое уважение имел и сын их, прославляемый в церковном песнопении как истинный последователь апостола Петра и общник его ревностной веры*. Как бы то ни было, но Петр был монах римский. Года четыре, χρόνον οὐκ ὀλίγον, провел он в Риме и отправился оттуда на Афон, который в год его освобождения, 676-й, отдан был разноплеменным монахам во владение и который тогда считался в епархии Солунского архиепископа Иоанна, *викария апостольского престола в Риме и легатария***. На морском пути туда ему в сновидении явилась

* «...ἐκ τῶν ταχυμάτων ἐκείνων, οἱ εἰς τὸ διμερεῦν τε καὶ διανυκτερεῦν ἐν τῇ αὐτῇ ἀπεκρίντο, οὓς δὴ σχολαρίους ἀποκαλοῦσιν...» Agathias. Сей Агафий умер пред 582 годом.

** Эта крепость у продолжателя византийской летописи Феофана, под 829 годом, упомянута как город, уже давно построенный, περὶ Εὐφράτην ἢ πόλις ᾠκοδόμηται Σάμαρα, и как место мученичества многих христиан пленных.

*** Χρόνος αὐτῷ παρῳχῇκει ἐν τῇ φρουρᾷ πλεῖστος.

* Смотри в моей «Статистике Афона» службу преподобному Петру Афонскому. Ины стихиры, глас 8.

** Le Quien. Oriens Christianus. Archiepisc. Thessalonic. XX — Ioannes II. «Sextae synodo generali 680 an. interfuit Ioannes episcopus Thessalonicensis, qui ad hunc modum subscripsit: Ἰωάννης ἐλέω Θεοῦ ἐπίσκοπος Θεσσαλονίκης καὶ βικάριος τοῦ ἀποστολικοῦ θρόνου καὶ λεγατάριος».

Богоматерь со св. Николаем Чудотворцем и прорекла, что Афонская гора с сей поры будет постоянным жилищем монахов. Это видение еще более укрепило намерение Петра поселиться на этой горе, только что отданной монахам и духовно зависевшей от Римского папы чрез посредство его викария, архиепископа Солунского*. Он прибыл туда в 681 году и поселился в пещере близ поднебесной выси Афона, где и прожил пятьдесят три года. В церковной службе ему восхваляются многие добродетели его, как то: ревность по вере, как у апостола Петра, любовь нелицемерная, надежда неуклонная, терпение истинное, смирение совершенное, умиление и всегдашний плач, кротость, умерщвление плоти, бесстрастие, чистота телесная и душевная, безмолвие и зрение Бога. Итак, он был подвижник величайший. Блаженная кончина его последовала в 734 году. О некоторых обстоятельствах жизни его и о посмертной судьбе святых мощей его я буду говорить в своем месте, а здесь, по принятому мною порядку повествования, •[III/1 17]• излагаю краткую летопись событий на монашеском Афоне и в окрестностях сей горы в седьмом и восьмом веках.

**ГЛАВА ВТОРАЯ.
События на Афоне
и в окрестностях его
со времени заселения
этой горы монахами
до вторичного опустошения
ее арабами, с 676 года
по 830-й**

**§ 4. События в последней
четверти седьмого века**

В 676 году Афонская гора с большею частью перешейка ее, как пустошь без жителей, как выморочное имение, отдана была царем Константином *Брадатым* монахам в вечное владение. А они постепенно расселялись тут и, строя самые малые обители, учредили себе средоточное управление под названием Кафедры старцев близ первой от материка высоты Афона, ныне называемой Мегали Вигла, власть же исполнительную и распорядительную поручили так названному проту, епархияльно же зависели от Солунского архиепископа, как викария блаженного папы Римского.

Тогда же царь Константин возобновил разрушенную крепость Аполлонию в верховье Афонского перешейка и, дав ей поземельный околоток, населил ее прежними жителями, которые охотно воротились в свою отчизну. Допустить такое возвратное население ее в это время понуждает меня непрерываемость предания жителей ее о проповеди тут апостола Павла и о поругании его, пересказываемого потомственным родом тех аполлониатов, которые

* Эта зависимость продолжалась только до начала иконоборства. Потом Афон навсегда поступил в ведомство патриарха Константинопольского.

нарутались над сим апостолом. Этот род живет там и в наши дни. До него дошел неиссякаемый ток одного предания от тех предков его, которые видели св. Павла, слышали проповедь его и причинили ему оскорбления. Не прерывался этот род — не иссякало и предание его, и наоборот. Следовательно, афонская Аполлония пуста была, но опять населилась прежними жителями. Под защитой •[III/1 18]• ее укрепленный монахи с 676 года селились охотнее и гуще на перешейке Афона и вблизи от него, чем на самой горе сей. Этим отчасти объясняется и учреждение Кафедры старцев недалеко от оной крепости. Такая местность сей Кафедры, пожалованная ей Погонатом с значительной частью смежной государственной земли, называемой *ластовичною*, способствовала монахам продавать и обменивать свои изделия аполлониатам и другим ближайшим к Афону жителям.

В 680 году Шестой Вселенский Собор еще более увеличил численность афонского монашества, повелев клирикам возвратиться к прежним церквам их, а монахам идти в монастыри и в пустыни по прекращении разогнавшего их нашествия варваров. Вскоре после этого Собора, я полагаю, неженатые клирики афонских городов с несколькими монахами поселились в прежних клирикальных обителях, Кастамонитской, Афосской, Фтерийской, Климентовой на местности города Клеон/Фтери, в Ватопедионской и Хилантирской; тогда же населился и Есфигмен, созданный царицею Пульхерией.

В 681 году пришел из Рима на Афон инок Петр, схоларий, т.е. дворцовый телохранитель греческого царя, долго содержавшийся в плену у арабов, но подвизался там не в монастырях, а в нагорных местах и пещерах. «В горах и пещерах, мудре, пребывав» (канон Иосифа, песнь 4). Он был первый на Афоне безмолвник. «В горе Афонсцей вселисе, Петре богомудре, яко же на Кармилстей иногда Фесвитенин Илия, в безмолвии Бога усердно иский, достоудне, и Сего зрения, яко преподобен, сподобися» (Песнь 8. Тропарь 4).

В 685 году скончался приснопамятный селитель монахов на Афоне православный царь Флавий Константин Погонат. Тогда же на престол его возведен был сын его Иустиниан II Ринотмит.

В царствование этих двух государей произошло славяно-валахское переселение, смутившее впоследствии афонских •[III/1 19]• монахов. Вот начало его.

В 675 году дунайские славяне борсяки — Βερζήται, велесичи — Βελζήται, вагенеты — Βαγενέται, дреговичи — Δροουοβίται, и влахи — рихины и сагудаты, теснимые болгарами на берегах Дуная, поднялись оттуда с женами и детьми и со всем имуществом своим и направились к Солуню. Не смогиши овладеть этим укрепленным городом, они водворились в разных местах Византийского царства. Борсяки утвердились в околотках нынешних городов Охриды и Монастира. Велесичи заняли часть Фессалии, где я видел потомков их в селе Велестине, Виотию с

Фивами и Аттику с Афинами. Вагенеты расположились в Епире. Дреговичам достались плодоносные поля около Солуня. А влахи — рихины и сагудаты расселились тут же на пути к Афону (в селах Галатисте, Ляригове и Низворе, где я видел потомков их, в валахских головных уборях, во время многократных переездов моих из Солуня на Афон и обратно*. Со всеми этими пришельцами византийцам пришлось иметь нелегкое дело. Сын Константина Погоната, как говорят летописцы Феофан, Лев Грамматики, Никифор Константинопольский, посылал конные полки свои во Фракию против славян и простирали свои набеги до Солуня. Так трудно было в то время цариградскому кесарю владеть Балканским полуостровом! Славяно-влахи фракийские и македонские отчасти силою принуждены были покориться Иустиниану II, отчасти добровольно признали власть его над собою. Он устроил славянские поселения на берегах близкой к Афону реки Стримона. Управление их поручено было так названному *стратигу*, воеводе Стримонскому⁽¹³⁾. Об этих переселенцах, и особенно о рихинах и сагудатах, я упомянул здесь для того, чтобы подготовить читателя моей истории Афона к встрече с ними на этой горе в смутное время иконоборства. •[III/1 20]•

§ 5. Афонские события в восьмом веке

В начале восьмого века, 703–711 гг., некто Дохиар построил малую обитель во имя св. Николая у Дафнийской пристани Афона и ради малого утешения братии приобрел участок земли в окрестности села Перигардики. К этому времени я отношу постройку сей обители на основании уже известного нам деписания 1088 года, в котором сказано, что Дохиаро-Дафнийская обитель владеет Перигардикийским участком земли с незапамятных годов, т.е. более трехсот лет, что доказано мною выше (§ 1).

В 726 году усилилось иконоборство, смутившее и Афон, почитавший св. иконы. В этом же году тамошние монахи видели необыкновенное явление природы у берегов своих. Вся поверхность моря у Македонии, где и Афон, покрылась горячею пемзою, *κίσσηρις*, которая неслась от архипелагских островов Фира и Фираса (ныне Санторин), потому что тут произошло тогда вулканическое извержение из моря⁽¹⁴⁾.

В 734 году почил о Господе первый безмолвник афонский Петр, подвизавшийся на утесистых высотах сей горы пятьдесят три года. Нетленные мощи его перенесены были святогорцами в обитель Климента, где от них получали исцеление многие недужные монахи и окрестные миряне, но тут же и скрыты под спуд — полагаю, уже в царствование Константина Копронима, сего лютого иконоборца и истребителя святых мощей (741–775). Хотя об этом сокрытии их и не говорится в

* «Κῶμαί τινες πρὸς τῇ πόλει (Θεσσαλονίκη) τελοῦσι, Δρουγοῖται τινες καὶ Σαγουνάτοι τὴν κλήσιν ὀνομαζόμενοι». Ioannes Cameniata. De excidio Thessalonicense [6, 6]. Bonnae, 1838. P. 496.

житии преподобного Петра Афонского, но оно было и продолжалось весьма долго: доказательством тому служит известный канон Иосифа (пред 883 г.), в котором не однажды сказано, что нетленное тело Петра *скрывалось много лет* и узнано было тогда, когда потекло из него благоуханное миро⁽¹⁵⁾. Этим каноном дополняется житие онного Петра, и не только дополняется, но и поясняется так, что тут надобно различать •[III/1 21]• двукратное перенесение мощей его, первое вскоре по смерти его в обитель Климента в царствование Льва Исавра, 734 г., и второе из сей обители в Карейский храм Богоматери *спустя много лет*, уже при Василии Македонском в 880 году, когда Бог прославил сии мощи истечением из них благоуханного мира (§ 14).

«С 726 года по 780-й во дни иконоборных царей Льва Исавра, сына его Константина Копронима и внука Льва, в эти злосчастные дни смут и беспорядков в Византийском царстве, влахи рихины и сагудаты пришли на Афонскую гору со своими семействами, потому что некому было противустать им и отразить их. Спустя несколько времени, *με τὸν καιρὸν*, святые отцы афонские огласили их евангельским учением так успешно, что они уверовали во Христа и сделались совершенными христианами. Но как рак не ходит прямо, а ползает семо и овамо, так и эти влахи хотя и уверовали и крестились, и потом *подчинились царям Константинопольским*, но расселились на святоименной горе Афонской под

тем предлогом, что они со временем будут научены гораздо лучше»⁽¹⁶⁾. Такое соседство было весьма неприятно монахам. Они терпели большие беспокойства и искушения, *πειρασμοὺς*, от этих влахов, которые, подчинившись царской власти, получили от нее право жить на Афоне и пасти там стада свои. *Афон опять стал жилищем мирским*. Понятен такой переворот в эпоху иконоборства. Тогдашние цари, Исавр, Копроним, Лев, не любили монахов и потому дозволили влахам покупать у правительства любимые места на Афоне. Один-то из них, занимаясь охотою на серн, случайно открыл пещерное убежище преподобного Петра Афонского за год до кончины сего безмолвника, беседовал с ним и через год опять пришел к нему со своим братом *и с двумя монахами*, но застал его уже бездыханного и похоронил в обители Климента.

В 780 году умер иконоборный царь Лев. Благоверная супруга его Ирина, управляя государством во время малолетства •[III/1 22]• сына своего Константина, восстановила иконопочитание с помощью Вселенского Собора, бывшего в Никее, и таким образом умиротворила мятущуюся Церковь Христову, которая справедливо настаивала, чтобы врожденная человеку любовь к изяществу и к образному творчеству украшала храмы Божии благолепными и поучительными иконами, без которых Православие было бы угрюмо. Тогда успокоились и афонские иноки, тревожимые иконоборцами. Но успокоение

их было неполное. В «Историческом слове» Кастамонитского монастыря сказано, что они терпели многие напасти не от одних иконоборцев и еретиков, а и от варварских народов⁽¹⁷⁾. Под этими народами понимаются влады, славяне стримонские, а наипаче арабы, стремившиеся к Константино-

полю с тем, чтобы овладеть этим царем-городом и поместить в нем свой халифат, и на морском пути к нему тревожившие Афон. Частые нападения их на эту гору принудили насельников ее, монахов и владов, бежать оттуда. Но это произошло уже в девятом веке. А как? Выслушайте. •[III/1 23]•

II. ВТОРОЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА, с 830 года по 971-й

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Вторичное опустошение Афона арабами в 830 году и начало нового пустынножительства там

§ 6. Предварительные сведения

В октябре месяце 802 года царица Ирина сослана была на остров Лесбос, а на престол ее взошел патриций Никифор Геник. Он первый начал именоваться самодержцем, αὐτοκράτωρ. После него все греческие цари именовались так же и на грамотах своих, жалованных афонским монастырям, подписывались: Ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πῶτος βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων (ὁ δεῖνα). «Во Христа Бога верен царь и самодержец ромеев (имярек)».

При Никифоре и преемниках его, Ставракии, Михаиле Рангавэ, Льве Армянине и Михаиле Травле, с 802 года по 830-й, что происходило на Афоне, об этом никаких сведений я не имею и могу и должен упомянуть только о том, что в 824 году родился предыз-

бранный Богом основатель вторичного пустынножительства на Афоне преподобный Евфимий Солунский, которого житие написал ученик его епископ Василий после 890 года. •[III/1 24]•

§ 7. Вторичное запустение Афона

«В октябре месяце 830 года, когда индикт был 8-й, во второе лето самодержавия царя Феофила, совершенно погиб *весь* греческий флот в сражении с флотом арабским у острова Фаса (лежащего против Афона в виду его). С сей поры измаильская рать не переставала грабить острова не только Цикладские, но и все другие».⁽¹⁸⁾ В числе этих других подвергся опустошению и Афон *опарусенный*, *velificatus*. Насельники его, как монашествующие, так и мирские, именно влады и жители города Аполлонии, все ушли оттуда, кто куда глядел, и это запустение продолжалось несколько лет, как это мы сейчас узнаем из жития вышепомянутого Евфимия, которого сущность я излагаю

здесь, предъявляя это житие читателям, как деписание самое достоверное и хорошо знакомящее с внутренним бытом Афона в девятом веке, и поясняя оное своими замечаниями.

**§ 8. Первые безмолвники
на скалистых оконечностях
запустевшего Афона:
Иосиф, Евфимий,
Иоанн Колову и прочие**

Когда Афон запустел в 830 году, тогда Евфимию, а в миру Никите, родившемуся в галатийской слободе Опсо от Епифания и Анны в 824 году, было только семь лет. В этом возрасте он лишился отца. Мать воспитала и образовала его, как могла, и на семнадцатом году женила. С женою своею он прожил год и потом тайно ушел из родительского дома на малоазийскую гору Олимп, где и принял монашеский постриг малый от старца Иоанна. Это было в первый год самодержавия Феодоры и Михаила, значит, в 842 лето от Рождества Христова*. Пятнадцать лет проведены были им в разных послушаниях в Писсадинонской киновии на Олимпе под духовным руководством настоятеля ее Николая, 842–856 гг. Когда •[III/125]• же сей Николай, узнав о незаконном низложении Цареградского патриарха Игнатия и о возведении на кафедру его Фотия, 857 г., не решился признать

сего нового патриарха, хотя он был и православен и всеми добродетелями изукрашен, и еще в пеленах посвящен Христу, и с родителем своим был в заточении за иконопочитание*, и когда, не решившись на это, удалился из своей киновии, тогда и Евфимий, любя пустынножительство и безмолвие, вознамерился уйти из Писсадинонской обители и водвориться на тех высотах Афона, кои давно расхвалены были ему как местности, удобные для иноческого безмолвия**. Замечательно выражение: «давно были расхвалены высоты Афона». Знать, олимпийским монахам, среди которых Евфимий жил пятнадцать лет, издавна знакомы были эти высоты и известны были тамошние преподобные безмолвники. Следовательно, Афон населен был монахами гораздо ранее 842 года, в который Евфимий пришел на Олимп и наслушался тут о красотах сей горы и об удобных для иноческого безмолвия высях ее. Но обратимся к главному предмету повествования.

* Ibidem, sect. VII: «Ὁρθοδόξου ὄντος καὶ πάσαις ταῖς ἀρεταῖς ἀπαστρέποντος τοῦ νέου πατριάρχου. Φῶτιος γὰρ ἦν ὁ μακάριος, φωτὸς ἀκτίσι φερονύμως τοῦ ὀνόματος, πλήθει διδασκαλιῶν καταλάμπας τὰ πέρατα, ὁ ἐξ αὐτῶν σπαργάνων ἀφιερῶθεὶς τῷ Χριστῷ, ὡς ὑπὲρ τῆς αὐτοῦ εἰκόνης δεσμεύσει καὶ ἐξορία τοῦτοις διὰ ἀθλητικοῖς ἐκ προοιμίων ἀγῶσι συγκοινωνήσας τῷ γεννήτορι, οὗ καὶ ἡ ζωὴ θαυμαστὴ καὶ τὸ τέλος ἐπέραστον, ὑπὸ Θεοῦ τοῖς θαύμασι μαρτυρούμενον». Замечательное свидетельство о величии, святости и чудотворениях Фотия!

** Ibidem, sect. VIII: «Τὰς τοῦ Ἀθῶ κορυφὰς ἐπι-καταλάβεσθαι διὰ σπουδῆς τίθεται, πάλαι αὐτῷ προσφημισθείας καὶ ἐν ἐφέσει κειμένας τῆς ἡσυχίας τῷ ἔρωτι».

* Βίος Εὐθυμίου, sect. V: «εἰς τὸ τῶν μοναχῶν μεταφιέννυνται πρόσχημα ... πρῶτον ἔτος Θεοδώρας καὶ Μιχαὴλ αὐτοκρατορικῶς ἔχοντων».

Расхваленные, с уровня, вершины запустелого Афона манили к себе пустыннолюбивого Евфимия. Но так как он еще не сподобился полной иноческой схимы по причине глубокого смирения своего, а принять ее не мог ни от Иоанна, который уже почил о Господе, ни от Николая, удалившегося из киновии, то и прибегнул к великому подвижнику Феодору, который тогда был светилом на Олимпе, и открыв ему свое намерение удалиться на Афонскую гору, принял от него полную священную схиму и по прошествии восьми дней отправился туда с богоблаженным •[III/1 26]• Феостириктom, прожив на Олимпе пятнадцать лет*. Феостирикт, проводив его, скоро возвратился на Олимп, а Евфимий вместо него принял к себе монаха Иосифа, родом армянина, давнего насельника афонского (ὅστις ἐκ πολλοῦ προῦπῆρχε τῷ Ἄθῳ). Думаю, что этот Иосиф предварил Евфимия по крайней мере десятью годами, следовательно, пришел на Афон в 847 году; а другая мысль громче скажет мне, что он воротился на эту гору вскоре после запустения ее в 830 году, как давний постриженец афонский, и воротился, как сейчас узнаем, не один. С этим Иосифом Евфимий уговорился провести сорок дней и ночей на открытых местах и, подобно волам, согбенно питаться одною травою. Когда

же кончилась такая čtyредесятиница их, тогда они поместились в пещере, *всем* неизвестной (ἐν σπηλαίῳ πᾶσιν ἄγνώστῳ), на три года. Замечательно тут словцо: *всем*. Оно дает проразумевать, что тогда, 857 г., на Афоне были и другие пустынножители, кроме Евфимия и Иосифа; и мы сейчас услышим особое слово о них. Пещера, избранная этими двумя безмолвниками, по тесноте своей походила на расселину. В ней оба они прожили год, 858-й, без огня, постясь, молясь, не говоря друг другу ни слова и питаясь желудями, каштанами и кумарнею: это круглые ягоды, цветностью похожие на клубнику. Одежды их изнашивались и сгнили. Между ними ползали черви. По истечении года Иосиф оставил эту расселину и поселился где-то в другом месте Афона *у других аскетов*, которым и рассказывал о дивных подвигах друга своего, а Евфимий провел в ней все три года, 858–860. По прошествии их он вышел оттуда, как из священного, не всем доступного алтаря, как из поднебесного свода, *ожидаемый аскетами, которых стало уже гораздо больше по подражанию ему, возбужденному в них рассказами о нем Иосифа**. Итак, в 860 г. •[III/1 27]• на Афоне было уже много

* Ibidem, sect. VIII: «Πέντε καὶ δέκα ἤδη τῷ Ὀλύμπῳ προασκήσας ἐνιαυτούς» (842 + 15 = 857 г.).

* Ibidem, sect. XIII: «Τῶν τριῶν αὐτῷ περαιωθέντων ἐνιαυτῶν, καὶ αὐτὸς τοῦ σπηλαίου ὑπεξέρχεται ὥσπερ ἐξ αὐτῶν ἱερῶν, ἣ οὐρανίων ἀψίδων, τοῖς ἀσκηταῖς προσδοκώμενος, ἥδη πλείοσι γενομένοις ἐκ τῆς πρὸς αὐτὸν μιμήσεως, καὶ διὰ φήμης ἔχουσι τὰ περὶ αὐτοῦ, τοῦ Ἰωσήφ τοῦτον ἀνακηρύττοντος».

аскетов. Туда привлекла их молва о дивных подвигах Евфимия и повесть о нем друга его Иосифа. С этими аскетами на скалистых высотах Афона Евфимий прожил с год, 861-й, назидая их святым житием своим, и отправился на Олимп для того, чтобы оттуда взять к себе на Афон старца Феодора, который облек его в ангельскую схиму и который чрез нарочитого посла своего Феостирикта просил его об этом. С Олимпа они, не медля, воротились на Афон. Это было в первой половине 862 года. Но не мог ветхий Феодор жить на суровых высотах Афона, потому что весьма страдал от задержания мочи и от рези в почках: облегчения же и покоя нельзя было доставить ему на Афоне, *пустом и отдаленном от жилищ хозяйственных людей**. Посему Евфимий отвез его на место, называемое Макрósина и находившееся подле деревень, и тут поставил ему скинию, сам прислуживал ему. Но болящему нужна была баня. Эта нужда понудила его переместиться в Солунь, где он и скончался скоро и был погребен в храме св. мученика Созонта. А Евфимий из Макросины возвратился на Афон.

Итак, еще в 862 году Афон был пуст. Только на скалистых высотах около поднебесного чела его витало несколько духовных орлов, да среди развалин Ватопеда, как сейчас узнаем, появились

на самое короткое время прежние монахи, а все прочие обитатели, какие существовали там с 676 года по 830-й, и валахские *мандры* (загоны для скота) все были необитаемы. Иначе Евфимий не повез бы маститого страдальца Феодора в далекое мирское селение, а поместил бы в какой-либо обители афонской. Повторяю, что с 830 по 862 год на Афоне не было монастырей *обитаемых*, и присовокупляю, что ежели находились там аскеты, то они жили вроссыпь в пещерах и •[III/1 28]• в убогих кровях, какие можно было скласть из живых камней или сладить из хвороста в один день, много — в два-три дни. Намечаю и то, что во второй круг времени афонского монашества, 847–857 гг., существовало лишь одно безмолвное, одиночное пустынножитие у высочайших оконечностей Афона, тогда как в первый круг времени его, с 676 года по 830-й, преимуществовало житие монастырское, киновиальное, на противоположном конце сей горы, где стояла и правительствующая Кафедра старцев под защитой укрепленного города Аполлонии.

Но повествование мое требует продолжения. Продолжаю.

Скоро дошел до афонских безмолвников слух о блаженной кончине Феодора. Тогда Евфимий, привыкший к безмолвию, против воли своей отправился в Солунь, дабы у могилы святого старца своего просить его молитв. Во время отсутствия его случилось на Афоне такое событие, которое не оповещено в житии сего безмолвника.

* Ibidem, XIII: «Ἐπεὶ τῷ μὲν Θεοδώρῳ πονηρῶς εἶχε τὸ σῶμα... ἐδεῖτο δὲ μικρὰς εἰς παρηγορίαν ἀναπαύσεως, ταύτης δὲ ἐχρημάτιζεν ἢ ἐν τῷ ὄρει κατοίκησις ἔρημος διὰ τὸ συνοικίσεως λαῶν βιοτικῶν πόρρῳ καθέζεσθαι».

§ 9. Сожжение Ватопедской церкви арабами

«В десятый день августа месяца 862 года арабы, ограбившие остров Митилини, пристали к берегу Афона у древней обители Ватопедской, вошли в нее и, взяв в плен монахов, раскрыли соборную церковь, развели в ней огонь и отплыли на остров Крит»⁽¹⁹⁾.

Видно, в эту обитель, опустевшую в 830 году, начали собираться прежние насельники ее после того, как Евфимий ушел с Афона с Солунь во второй половине 862 года. Но едва успели они разместиться в запустевших кельях, какие уцелели, как нагрянули на них арабы и взяли их в плен. Ватопед опять опустел, и уже на долгое время (70 лет).

§ 10. Подвиги Евфимия в Солуне и на Афоне

Между тем Евфимий оставался в Солуне. Тут все, слышавшиеся о святом житии его, просили у него благословения, •III/1 291• молитв и душеспасительного слова. Но такая обстановка тяготила сего безмолвника, и он вскоре уклонился из Солуны и за этим городом вошел на готовый столп, подобно Симеону Столпнику; однако и тут простоял недолго и возвратился на Афон, приняв от Солунского архиеерея Феодора рукоположение во диакона единственно для того, чтобы в пустыне причащаться Св. Таин *неукоризненно* (т.е. в церкви от иерея, а не в келье, из своих рук), если бы где попросил он дозволе-

ния на то*. Значит, на этой горе у аскетов были церкви, по крайней мере келейные, совершалась тайная вечеря, находились иереи, с которыми диакону можно было священнодействовать и причащаться Св. Таин. Значит, тогда на Афоне считалось неукоризненным, правильным, уставным лишь то причащение, которое преподавал иерей, как представитель Господа, причастившего апостолов, не причащавших себя самих в день установления тайной вечери. Достоинно внимания такое воззрение тогдашних афонитов на Таинство Евхаристии и на самый способ принятая Тела и Крови Христовой. При таком воззрении они обойтись не могли без алтарей, без священников, без литургии, без евхаристической чаши; и все это было у них. Доказательством тому служит житие преподобного Евфимия.

Сей безмолвник после возвращения своего из Солуны на Афон в диаконском сане недолго — полагаю, года три, 863–865, — пробыл на сей горе**. К этому короткому времени я отношу рукоположение его в иерея и спасение

* Ibidem, sect. XV: «Χρονίσας οὖν ἐπὶ μικροῦ ἐν τῷ κίον... τῷ Ἀθῶ πάλιν ἑαυτὸν χαρίζεται... ὑπὸ Θεοδώρου ἀρχιερέως χειροτονίαν διακόνου καταδεξάμενος... διὰ τὴν ἐπ' ἐρημίας ἀκατάγνωστον, εἴ που δεήσειε, τῆς θείας κοινωνίας μετάληξι». — Le Quien. Oriens Christianus. Archiepisc. Thessalonic. Theodorus: «in octava synodo, 869 an., quae Photium patriarchatu indignum pronuntiavit, sedit subscripsitque Theodorus misericordia Dei archiepiscopus Thessalonicae».

** Ibidem, sect. XVI: «Ὀλίγους διατρέψας χρόνους».

учеников его от гибели у вершины Афона. В это время он, по выражению ученика его епископа Василия, был украшением иереев*. Тогда же ученикам его однажды вздумалось взойти на самый •[III/1 30]• верх Афона. Евфимий воспретил им это по причине непогоды. Но они преслушали его и погибли бы там под выпавшим снегом, если бы не спас их от морозной смерти сей заботливый отец. У них не было чем развести огонь, а он, явившись к ним, набрал хворосту, зажег его одним дыханием своим, нося в себе пламень Духа, и таким образом отогрел их. Это чудо рассказано епископом Василием по свидетельству очевидцев**. Стало быть, он тогда еще не был учеником Евфимия. Сей великий подвижник, подобно магниту, привлек на Афон много монахов, которые хотели подражать житию его. Но так как они прибегали к нему, яко к чиноначальнику и кормчему и иерею и старцу, бывшему украшением иереев, а занятия с ними нарушали

вожделенное безмолвие, то он, посоветовавшись со сподвижниками своими Симеоном и Иоанном Колову, священнослужителями святыми, которые мудрствовали и жили достойно горного Сиона, решил удалиться с Афона и вместе с ними отплыл к необитаемому острову Неон, дабы там, как в тихой пристани, жить для одного Бога*. Однако на этом острове он пробыл с ними недолго, едва ли дальше весны 866 года, потому что тут случайно пристали арабы на судах своих и всех их взяли в плен. •[III/1 31]• Правда, эти озорники опять высадили их на тот же остров, но сами безмолвники эти уже раздумали оставаться тут, дабы не искушать Господа, и возвратились на Афон. Что же здесь? Здесь еще до прибытия их другие арабы нападали на жилища монахов и некоторых из них отвели в плен. А такое нападение было причиною того, что и те, которые уцелели и оставались на этой горе, от страха разошлись по деревням, кому какие были

* Ibid., sect. XVI: «Ἰερέων τὸ κύδιστον».

** Ibidem, sect. XX: «Πολυθρύλλητον θαῦμα... ὅτε ἐν τῷ Ἀθωνιτῶν περὶ αὐτὸν ἀδελφῶν τῇ κορυφῇ ὄρους ἀνελθεῖν προαιρουμένων, αὐτὸς τὴν ἀνοδὸν ὡς ἀσύμφορον ἐκώλυσεν· ἰδιορυσθίᾳ δὲ τὴν ὁδὸν ἐκείνων διανύειν ἐπιχειροῦνται, χιόνος αὐτοῖς ἐπιπεσούσης κινδυνεύειν ἔμελλον, εἰ μὴ φθάσας ὁ φιλόστοργος πατήρ, ὡς προκατοπτεύων τῷ πνεύματι, τοὺς ἀνηκόους μαθητὰς τοῦ κρύους θανάτου διεσώσατο. Ἐνθα καί, ὡς φασιν οἱ αὐτόπτως θεασάμενοι, πυρὸς αὐτοῖς μὴ ὑπόντος, πυρέμβολον μηδενὸς ἐξ αὐτῶν ἐπίφερομένου, ὃ τῇ θερμῇ τοῦ πνεύματος πυρὸς ἦδη χρηματίζων πατήρ ἡμῶν φρυγάνων σωρείαν συστρέψας, καὶ τούτοις ἐπιφυσᾶν σχηματисάμενος, ὦ τοῦ θαύματος, πῦρ ἀνῆψε παράδοξον».

* Ibidem, sect. XVI: «Ὀλίγους οὖν καὶ τούτῳ διατρίψας χρόνους διὰ τὴν ἤδη τῶν μοναχῶν ἐν τῷ ὄρει, τῇ πρὸς αὐτὸν μιμήσει, κατοίκησιν, καὶ ὡς ἐν ἄστει σὺν ἀλλήλοις διατρίβῃν καὶ παρενόχλησιν, καὶ μάλιστα πρὸς αὐτὸν ὡς πάντες ἐφοίτων ὡς πρὸς ταξίαρχον καὶ ἀκρέμονα, νῦν δ' αὖθις ἱερέα, πρεσβύτεν καὶ λευίτην καὶ ἱερέων τὸ κύδιστον, Ἰωάννη τῷ Κολοβῷ καὶ Συμεὼν συμβούλους ἀποχρησάμενος ἀνδράσιν ἱεραγίοις καὶ τῆς ἁγίας Σιών ἐπάξιον καὶ τὸ πολίτευμα κεκτημένοις καὶ τὸ φρόνημα, τῇ τῶν Νέων ἐπιλεγομένη νήσῳ, ὡς ἀνθρώπων ἐρήμῳ τελευτῇ, σὺν αὐτοῖς διαπορθμεύεται. ἐν ἣ τῆς ἡσυχίας ἀπολαύσας, ὡς ὁμοτρόποις περιτυχῶν καὶ ἰσοῶποῦσι πρὸς τὴν ἄσκησιν, μικρὸν ἔδοξεν ὡς ἐν λιμένι ἐγκαθορομίζεσθαι».

любы*. Итак, Афон еще раз опустел в 866 году. А посему и Евфимий и сподвижники его уже не остались на этой горе. Симеон отплыл в Елладу, Колову поселился в Сидирокавсии у Афона, а Евфимий с учениками своими и с прежним сподвижником Иосифом перешел во Вростаму, недалеко от Афона, и тут поставил кровы каждому ученику, а сам ради безмолвия жил в соседней дебри поточной, однако навещал учеников своих и в сожителство с ними принял знаменитого афонского аскета Онуфрия, которому дал особый кров**. В этом новом месте Иосиф почил о Господе и погребен в пещере, где скоро прославил его Бог, источив благовонное миро из нетленного тела его: что видел епископ Василий, тогда уже бывший в числе учеников Евфимия. Из Вростамы Евфимий частенько хаживал на опустевший Афон, не могши одолеть своего стремления к безмолвию, и там одинокий беседовал

* Ibidem, sect. XVII: «Ἐπεὶ δ' ἐντολή ἐστὶ καὶ παραίνεσις φεῦγειν τοὺς τῶν πτομάτων τόπους, καὶ μὴ ἐκπειράζειν κύριον τὸν Θεόν, ἐν οἷς δυνατῶς ἔχει τοῦ ῥύσασθαι, ὡς ἂν μὴ καὶ αὐτὸς ἀλόντες, ἐπιβουλοὶ ἑαυτῶν τοῖς εὐσεβέσι κριθήσονται, τὴν νῆσον καταλιπόντες τῷ Ἄθῳ μετοικίζονται. Ἐπεὶ δὲ κἀνταῦθα βαρβάρων ἔφοδος ἐπλησίαζε, καὶ ἤδη τινὲς τῶν ἀδελφῶν προεαλώκεσαν, ἔδεδοίκεσαν δὲ τὸ ἴσον καὶ οἱ ἔτι τότε τοὺς παραμένοντες, χωρία ἄσυλα ἑαυτοῖς ὁ καθείς ἐπικαταλαβόμενοι, ἕκαστος αὐτοῦ ἐν τῷ ἀρεσθέντι τόπῳ τοὺς οἰκείους μαθητὰς ἀναβιβάζουσιν. Καὶ Ἰωάννης μὲν ὁ μακάριος τοῖς Σιδηροκαυσίοις προσοικίζεται...» к.т.л.

** Итак, Онуфрий Афонский жил после Петра Афонского спустя 130 лет.

с Богом*. Там же он сподобился благодатного откровения, которое говорило ему: «Иди, Евфимий, в Солунь, и на востоке от сего города отыщи горную вершину •III/32• с родником воды: название ей Перистерб: тут ты найдешь развалины древней церкви во имя апостола Андрея Первозванного, обращенной в овчарню, и устрой святилище душ». Услышав это, св. безмолвник оставил Афон и, во Вростаме взяв двух учеников своих, именно Игнатия и Ефрема, отправился с ними в Солунь и оттуда в Перистеру, где и построил церковь и монастырь, преодолев все препятствия. Постройка их кончилась в 872 году, когда индикт был 5-й, в царствование Василия Македонского и сына его Константина**. Если он три года, 871, 870, 869, употребил на воссоздание Перистерийской обители, работая сам с помощью только трех-четырех человек***, то до начала сей работы он из Вростамы хаживал на Афон для безмятежного уединения в 868, 867 и 866 годах. Значит, в эти годы Афон еще не был населен.

* Ibidem, sect. XVIII: «Πλειστάκις δὲ φιλησυχίας ἐκνικώμενος ἔρωτι καὶ τῷ Ἄθῳ μολῶν κατὰ μόνας ἐπ' ἐλπίδι κατῳκίζετο, Θεὸν ἀντιβόλῳ, καὶ μόνος μόνῳ τῷ Θεῷ προσομιλεῖν ἐφιέμενος. Ἐνθα... θεία τις ἀποκάλυψις ἐναυγάζεται ἀπελθε, λέγουσα, Εὐθύμειе...»

** Ibidem, sect. XIX: «Οὕτως ἀκολούτως ὁ τε ναὸς ἀποπληροῦται, καὶ ἡ μονὴ ταῖς τοῦ ἁγίου πρεσβείαις ἀνίσταται. Ἔτος ἦν τοῦτο ἀπὸ μὲν κτίσεως κόσμου 6379, τῆς δὲ αὐτοκρατορίας Βασιλείου καὶ Κωνσταντίνου τῶν αὐγούστων ἔτος τέταρτον, ἰνδικτιῶν ε'».

*** Ibidem, sect. XIX: «τριῶν ἐργατῶν ἢ καὶ τεσσάρων τὴν λατρείαν ἀποπληροῦν μονώτατον».

Построив Перистерийскую обитель, преподобный Евфимий дал ей устав жития киновиального, а в четвертый год управления его, 876-й, постриг в монашество ученика своего Василия, который впоследствии написал житие его, но постриг в храме св. великомученика Димитрия, что в слободе Сермиллии (ныне Ермилия), и на третий день после пострижения в этом же храме предсказал ему, что он будет архиереем, где угодно Богу: что и исполнилось*. После этого Евфимий еще десять лет провел в Перистерийской обители своей и в 885 году, пригласив к себе родственников своих после сорокадвухлетней •πш1зш• разлуки с ними (с 842 года), для женщин между ними построил монастырь на купленном месте, а мужчин поместил в своей Перистерийской обители, поручив тех и других надзору и попечению Солунского архиепископа Мефодия, сам же взшел на тот столп у города Солуня, на котором спасался прежде. Это было в 887 году, если он два лета употребил на постройку одного женского монастыря. На столпе ему неудобно было

безмолвствовать по причине беспокойства от людей. По ему он опять ушел на грозные оконечности Афона в 888 году. Но и там отягощали его монахи местные (заметьте: тогда Афон был уже населен) и особенно перистерийские, от которых он, как от тягости, удалился в пустыню*. На Афоне проявилось в нем предчувствие близкой кончины, и он, желая умереть в полной безмятежности души и на свободе от людских докуч, в седьмой день месяца мая 889 года отпраздновал перенесение мощей св. Евфимия Палестинского и, угостив всех бывших у него братий, на другой день тайно от них отплыл на остров, называемый Иера, с одним учеником своим Георгием. Там он в полном спокойствии прожил до 13 октября месяца того же года, когда индикт был 2-й, и, проболев три дня, 15 октября предал Богу дух свой. Оттуда нетленное тело его перенесено было в Солунь 13 января 890 года**. Посему-то он и называется преподобным Солунским.

До конца рассказав драгоценное житие сего безмолвника, драгоценное и потому, что в нем намечены годы его рождения, подвигов на Афоне и смерти, я забежал немного вперед и оста-

* Ibid., sect. XX. Из слов сего Василия — «Пламенно любил я безмолвие, но был побежден любовью, впоследствии предпочел ему пребывание в шумном городе (ἄστει)» — из этих слов можно заключать, что он был епископом города Солуня, который в житии Евфимия называется им ἄστυ. Но он не тот Василий епископ, который в 823 году, по случаю завоевания острова Крита арабами, переведен был оттуда в Солунь, а другой, поздний, святительствовавший в этом городе после Феодора, Павла, Мефодия уже в десятом веке.

* Ibidem, sect. XXII: «Μηδόλωσ οὖν ἐν αὐτῷ στύλῳ ἡσυχάζειν ἐώμενος, τὰ τοῦ Ἀθωνοῦ πάλιν ἐπικαταλαμβάνει ἀκροτήρια, ὡς δὲ κακεῖσε διοχλοῦντας αὐτῷ τοὺς μοναχοὺς ἐβλεπε καὶ μάλιστα τοὺς ἰδίους, οὓς καὶ ὡς ἄχθος ἀποσκευαζόμενος τὴν ἐρημίαν ἡσπάζετο, προγνοὺς τὴν ἡμέραν τῆς ἰδίας ἐξοδεύσεως».

** Ibidem, sect. XXII, XXIII.

вил значительные пробелы в истории Афона. Возвращаясь назад, дабы исписать эти пробелы, и сперва повторяю кратко, •[III/1 34]• сколько раз пустел Афон, потом повествую о несменном населении его монахами.

§ 11. О троекратном запустении Афона

Афон в первый раз запустил с 670 года по 676-й, когда арабы на пути к Константинополю останавливались в пристанях сей горы и грабили там города и села, так что в них невозможно было жить безопасно. Но с 676 года сия гора отдана была монахам царем Константином Погонатом, и они жили там по 830-й год, в который последовало *вторичное* запустение ее страха ради арабского. Это запустение продолжалось лет 17, если не менее. Потом с 847 года по 866-й начали жить на высочайших пустынных оконечностях Афона аскеты, Иосиф, Евфимий, Иоанн Колову, Симеон, Онуфрий и другие, и построили домики вроссыпь и в них церквички для богослужения: остальной же Афон был пуст. В 866 году с этой горы ушли и все аскеты, боясь арабов, и она опустела в *третий раз*, а начала населяться, как сейчас узнаем, после 870 года.

Итак, Афон трижды пустел и трижды населялся. Промежутки между запустениями и заселениями его были весьма кратковременны. Посему предания афонские не прерывались; и им надобно верить, но верить рассудительно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Третье, уже несменное, монашеское население Афона, и столетие его с 870 года по 971-й

§ 12. Водворение и быт монастырников и безмолвников на Афоне во дни царя Василия Македонского. Воссоздание тамошнего города Аполлонии под новым названием Ериссо

Первый населитель Афона монашеского был Флавий •[III/1 35]• Константин Погонат, второй — Михаил III, а третий — Василий Македонский.

Наружность сего Василия описана Симеоном Логофетом так: «По виду он был цветущ и хорошо сложен: рост имел средний, грудь широкую, лицо у него было смуглое, глаза приятные, брови союзные, выражение лица угрюмое и задумчивое»⁽²⁰⁾.

Известны великие и благотворные дела сего государя. Он искоренил все ереси в греческом царстве и умиротворил вселенскую Церковь; обратил ко Христу многих иудеев; оправославил далматинских хорватов и сербов, послав к ним священников, и крестил россов, дав им епископа; был грозою врагов царства своего на суше и море, так что ни манихеи, ни арабы не смели воевать с ним; поощрял науки и искусства; обновил и украсил многие храмы Божии; отменно любил монахов, беседовал с ними и принимал их благословение. Известно, что четвертый сын его Стефан принял монашескую схиму, а

четыре дочери его спасались в монастыре св. Евфимии⁽²¹⁾.

После сего понятно возвращение монахов на Афонскую гору и водворение их тут под сенью могущества такого государя, каков был Василий Македонский.

Ранее всех их поселился там известный нам Иоанн Колову и, как афонит, построил монастырь на той части Афонского перешейка, которая издревле принадлежала Кафедре старцев, ниже нынешних метохов Комицы Хиландарской и Пиргудии Иверской и ближе к Ксеркову каналу*. Это событие я отношу к 869 году. Тогда Василий Македонский возвратился в Константинополь из Месопотамии и Сирии победителем тамошних врагов христианства магометан. Тогда же и Иоанн Колову выпросил у него своему новому монастырю весь околоток опустевшего афонского города Аполлонии, которого жители, •[III/1 36]• не знают почему, медлили возвращением к прежним очагам своим, так что сей город оставался ненаселенным с 830 года в течение 39 лет. Такое давнее запустение его и неохота аполлониатов возвратиться туда были причиною юридической передачи поземельных участков их монастырю Афоно-Коловуйскому. А после такой передачи начали напрашиваться у сего монастыря безземельные люди на поселение во владениях его с правом условной обработки нив и садов

его, как это всегда водилось во всем греческом царстве. Монастырь принимал их охотно. В числе их большую часть составляли выходцы из города Ерисса, находившегося и ныне находящегося на ближнем к Афону острове Митилини. Избегая плена арабов, часто нападавших на сей остров, они переместились на Афон, нанялись работать у Иоанна Колову и устроили себе небольшое село у развалин древней Аполлонии, назвав его именем прежней отчизны своей, Ериссо. Так я объясняю появление этого села на Афонском перешейке с этим названием, которое, как сейчас узнаем, вошло в юридические *памяти* с девятого века. К этим ериссовцам скоро присоседились и прежние аполлониаты, и между ними потомки язычников, некогда наругавшихся в Аполлонии над апостолом Павлом. Но так как их было мало, а ериссовцев много, то они и не могли удержать прежнего названия отчизны своей. Название Аполлония осталось только в списках епархии Солунского митрополита, да и тут с припискою: «Аполлония, ныне Ериссо».

Узнали о всем этом безмолвники, удалившиеся с Афона в 866 году вместе с вождем их Евфимием, и монастырники, ушедшие с этой горы после 830 года, и начали собираться одни за другими в старые жилища свои с 870 года. Вначале их было мало, и потому они не избрали себе прота и житейские дела свои поручали Иоанну Колову на сходках своих в древней Кафедре старцев, соседней с монастырем его.

* «Πλησίον ὑπῆρχε Πυργουδίων καὶ Κομίτζης ἢ καθ' ἑδρὰ αὐτῆς». Филофеит.

Так прошли два года, 870–871. Но в эти годы беспокоили их разные чиновники и жители близких к Афону деревень, •[III/1 37]• охотясь на этой горе и пася скот свой, и беспокоили так, что терпение их истощилось. Тогда они *чрез посредство Иоанна Колову** выпросили себе у царя Василия Македонского охранную грамоту, называемую сигиллион, которая защищала их от притеснений мирян (872 г.)**. Представляю отрывок из сей грамоты, дающий верное понятие о состоянии монашеского Афона во дни сего государя, наперед высказав сожаление о том, что мне не удалось видеть сего первого царского деписания, хотя я и просил властных старцев показать его мне.

«Избравшим пустынное житие, а поселение и быт учредившим на горе, называемой Афон, и поставившим там убогие кровы, но тревожимым деревенскими жителями, соседними с сею горою, и затрудняемым заниматься чисто и безмятежно своими размышлениями, Богом поспешествуемая Царственность наша справедливым признала, по силе нашего сигиллиона сего, жить им впредь бестревожно и безмятежно и молиться о нашей тишине и о всем мире христианском; и Мы ограждаем всех их как от военачальников и от царских людей, так и от по-

следнего человека, которому вверена служба, да и от частных людей и деревенских жителей, даже до мелющего жерновами, дабы никто не тревожил сих монахов и не входил бы во внутренние места горы Афонской и в околоток Ериссовский, ни пастухи со стадами своими, ни воловики с волами своими»⁽²²⁾.

Невелик сей отрывок, но богато содержание его. Из него видно вот что:

Афон в царствование Василия Македонского не назывался горою *Святою*, а именовался просто горою.

Тогда находилось там селение Ериссо, которое существует и в наши дни с этим же названием. Весь околоток его принадлежал обители Иоанна Колову.

Кроме сей обители, на Афоне не было монастырей, а жили одни пустытники по уставу безмолвников, и жили под убогими •[III/1 38]• кровами, а занимались богомыслием: ἐπετέλεσαν τὰ τοῦ οἰκείου λογισμοῦ.

Но их беспокоили и тревожили военачальники, царские люди и жители ближних селений, пастухи со стадами (влахи) и воловики с волами (славяне).

Желая избавиться от всех беспокойств и тревог, они выпросили у царя охранную грамоту.

Царь Василий, любя монахов, воспретил всем мирянам даже входить во внутренние местности Афона, дабы не нарушалось безмолвие и спокойствие тамошних отшельников. Значит, вся гора Афонская принадлежала им как давнее владение.

* Это сказано в помещенной ниже грамоте царя Льва Мудрого.

** Приведенный ниже сигиллион Василия I теперь датируется июнем 883 г.; см.: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. (Archives de l'Athos; 7). № 1. — П.К.

Василий Македонский, упрочив быт афонитов своею охранною грамотой, видел в них усердных молитвенников о себе и о всем мире христианском. Только! Итак, никто не вправе считать Афон учреждением политическим, или миссионерским, или научным. Никогда он не был и не будет таким. Афон есть место молитвы, богомыслия и святой жизни. Вот его значение, задача, сила!

Верховная власть государственная признала афонское монашество учреждением священным, духовно-нравственным, молитвенно-посредствующим между нею, миром и Богом и потому достойным царского покровительства, а это монашество добровольно вверило себя покровительству сей власти. Попечителем Афона стал царь, а не патриарх.

§ 13. Учреждение протатства на Карее. Первый прот — монах Андрей

Иоанн Колову был благодетель афонских безмолвников, и пока он жил, никто не беспокоил их. Но по смерти его, которой год, к сожалению, неизвестен, у коловуйской братии начал проявляться властолюбивый и корыстный замысел подчинить себе весь Афон и тамошних безмолвников сделать своими данниками и работниками: каковой замысел они, как увидим, и привели было в исполнение в начале царствования •[III/1 39]• Льва Мудрого, 887 г. Не терпя рабства, безмолвники отдели-

лись от этих монастырников и в средоточной местности Афона, называемой Καρύα (Орехов), учредили свое особое управление по древнему уставу, вверив распорядительную власть так называемому проту, т.е. первому между ними монаху. Там они построили малую церковь во имя Пресвятой Богородицы и в Протате ежегодно собирались для рассуждения об общих делах своих, а древнюю Кафедру старцев удержали за собою как место, удобное для общего хозяйства их. Первый прот у них был благоговейнейший монах Андрей безмолвник, ἡσυχαστής. Его скоро увидим мы в царских палатах Константинополя. Возобновленное учреждение протатства на Афоне, по расчислению моему, произошло около 875 года. Это расчисление, надеюсь, оправдается последовательным ходом событий на Афоне.

§ 14. Открытие и прославление св. мощей Петра Афонского

После учреждения протатства афонские безмолвники в 880 году были утешены открытием и прославлением нетленных мощей первого великого подвижника афонского Петра. Эти мощи, как нам уже известно, лежали под спудом в афонской обители Климента, и лежали сто сорок шесть лет; достаточно такое время для того, чтобы песнопевцу жития оного Петра сказать: *леть многими скрываемо было тело его*. Как же оно открыто было?

В обитель Климента, опустевшую в 830 году, возвратились некоторые из прежних насельников ее и, оставшись в ней на жительство по уставу безмолвников, открыли известные им по преданию мощи Петра, лежавшие под спудом, потому что из них потекло благоуханное миро. Сие чудо поведано было ими властным старцам в Карее, и эти старцы, с согласия их, перенесли святые мощи «в тамошний храм Богоматери, в котором обычно бывали ежелетние собрания всех исихастов, поставили их сперва в притворе сего храма, и тут •[III/1 40]• в течение семи дней служили всенощные бдения с песнопениями, а потом перенесли их в самый храм этот на правую сторону его и, повив чистою плащаницею с алоем, смиренною и другими благовонными мастьями, чествовали их, потому что они врачевали все болезни их»⁽²³⁾. Это радостное событие, как я сказал выше, произошло в 880 году, когда еще был жив приснопамятный творец канонов Иосиф, скончавшийся в 883 лето Господне. Сего-то Иосифа властные исихасты карейские просили написать Службу новоявленному чудотворцу Петру Афонскому, и он написал ее, а они совершали ее в Карейском храме, в который приходили богомольцы даже из мирских селений, близких и отдаленных.

Эта Служба в славянском переводе с греческого языка помещена в той части моей «Статистики Афона», в которой собраны жития именитых святых афонских. А здесь я предлагаю благо-

честивому вниманию выдержки из нее и свое замечание о ней.

«Преподобие отче богодухновенне. Лета многа на земли неявлением скрываясь познан бысть в знамениях и чудесах благоволением мира.

В горах скрываясь общения с людьми удалялся еси.

Стреляния бесов и ловления до конца отгнал еси, щитом веры преподобне покрываясь*.

На горы честных заповедей востекши, яко Моисей, преподобне, видел еси Бога яве, якоже вмещае.

Манованиями Божиими вспомооществуем, мудре, пребыл еси непричастен всякой страсти, и безстрастием, яко одеждою, облеклся еси.

Стопам Петра верховного, сего камня веры, последовал еси, и его имя имел еси**.

Миро изливавши благовонно от честных мощей твоих всем зрящим в удивление. •[III/1 41]•

Всегда мудре плакав и кроток быв, наследовал еси землю кротких.

В горе Афонстей вселився, в безмолвии Бога усердно искал еси.

Петру верховному тезоименитаго, постников похвалу и преподобных славу, столпа небесного, цвет афонский, велегласно песнями почтим по долгу, яко молитвенника нам всем».

Во всей этой Службе нет ни слова ни о мирском сане Петра, ни о плене

* Эти слова намекают на военное звание Петра.

** Тут есть намек на пострижение Петра в Риме.

его у арабов, ни о явлениях ему Богоматери и Николая Чудотворца, ни о встрече с ловчим. В ней выражено, что он оживлял душу свою божественными поучениями, но не сказано, что ангел питал его манною, как об этом упомянуто в житии его. Что ж бы это значило? Ужели творец сей Службы хотел воспеть только аскетические совершенства и подвиги Петра Афонского? Может быть! Однако историк Афона обязан поверять этою Службою житие сего подвижника.

§ 15. Учреждение епархии Афоно-Ериссовской, 881–883 гг.

Афонские отшельники, обрадованные явлением цельбоносных мощей первого на Афоне безмолвника святого, жили безмятежно. Но беспокойно было греческое царство. Над ним разразилась гроза со стороны острова Крита. Начальник сего острова эмир Саид, сын Абу-Хапса, при содействии некоего Фотия, опытного в брани и деятельного, снарядил флот и, разбойничая на всем Эгейском море, многих взял в рабство, а иных убивал. Несколько раз он вторгался и в Еллиспонт до острова Прикониса в Мраморном море. Но искусный и храбрый адмирал царя Василия Никита Оорифа дал ему морское сражение и двадцать судов его сжег каллиниковым огнем, а остальные спаслись бегством. Эти события на Эгейском море, по расчислению моему, произошли в 881, 2 и 3-м годах, ибо в 884-е лето флот царя Василия громил

арабов уже у берегов Сицилии и Италии⁽²⁴⁾. В эти годы, по мнению •[III/142]• моему, с тревожимого Саидом эгейского острова Митилини и из тамошнего города Ерисса ушли греки к родичам своим в афонское селище Ериссо и, увеличив собою численность их, выпросили епископа у Солунского митрополита, или сам он прислал его к ним. Таким образом основалась на Афоне Ериссовская епископия, существующая и в наше время. В начале царствования, 886 г., преемника Василия Македонского, сына Льва Мудрого, она внесена была в составленный им список епархий, подведомых Солунскому митрополиту, — с заметкою о перемене древнего названия Аполлонии на новое имя, Ериссо, и о церковном подчинении сего Афона епископу Ериссовскому⁽²⁵⁾.

§ 16. Скорби исихастов от монастыря Иоанна Колову. Прот Андрей. Сигиллион царя Льва Мудрого

В 886 году в начале месяца марта скончался царственный благодетель афонских безмолвников Василий Македонский. На престол его взошел сын его Лев Мудрый и царствовал более двадцати пяти лет.

По государственному закону при каждом новом царе все поземельные владельцы должны были получать грамоты, подтверждающие их право владеть именьями. По требованию сего закона и монахи монастыря Иоанна Колову

отправились в Константинополь с тем, чтобы исходатайствовать у нового государя подобную грамоту. Но там они вместо грамоты *подтвердительно* написали *дарственную* и изложили в ней, что им пожалованы во владение весь Афон с древней Кафедрою старцев и многие деревни и монастыри в Сидирокавсийской области даже до горы Холомунт. Государь Лев, не читав сей грамоты, подписал ее. Тогда коловуйские монахи стали притеснять афонских безмолвников и даже грозить им изгнанием с Афона, как из собственного имения, и обратили эту гору в пастбище для скота, взимая за него договорную плату с деревень, которым •[III/1 43]• принадлежали пасомые там стада. Разные притеснения чинены были от них и этим деревням. С сей поры в оных безмолвниках зародилась нерасположенность к общежительным монастырникам за их хозяйственные грехи и неправды; и *эта нерасположенность была началом многовековой борьбы исихастов с монастырниками на Афоне*. А эта борьба есть самая занимательная драма с разнообразными явлениями как на Афоне, так и в царских и патриарших покаях в Константинополе.

Вот первое явление сей драмы. Когда невыносимо стало иго, наложенное коловуйцами на афонских безмолвников, тогда прот их Андрей отправился в Константинополь и там от лица всех собратий просил царя освободить их от коловуйского ига. Вместе с ним пришли туда челобитчики и из сидирокавсийских и холомунтских деревень и

жаловались государю на любостыжательность и незаконные захваты монастыря Колову. Государь поручил протоспафарию Никифору Евпраксии расследовать это дело на месте. По расследовании же его открылась неправда и правда, и первая была отменена, а вторая восстановлена. Афонские безмолвники успокоились, получив царскую грамоту на пергаменте, охраняющую их право владеть всем Афоном.

Перевожу эту грамоту по-русски, заметив, что от самого начала ее кто-то отрезал оба края для того, чтобы изрезанные кусочки пергамента надевать на уду и ловить ими рыбу⁽²⁶⁾.

СИГИЛЛИОН ЦАРЯ ЛЬВА МУДРОГО.

..... всякого озлобления
 освобождая
 о Царственности нашей молились. Так и всем подвижникам (на Афоне) *давно* блаженной памяти отец наш и царь, по просьбе Иоанна, называемого Колову, заблагорассудил пожаловать сигиллион для охраны всех на этой горе •[III/1 44]• подвизающихся в разных жилищах Божиих мужей, и такого же попечения сподобил и *вновь построенную* оным Иоанном обитель, но с тем, чтобы она владела только Ериссовским околотком. И сие божественное повеление блаженной памяти отца нашего и царя соблюдалось в течение *нескольких годов*. Но впоследствии монахи обители Колову, в начале нашего самодержавия, пришли к нам

и, стороною дав знать, что они испрашивают сигиллион, подтверждающий сигиллион же блаженной памяти отца нашего и царя, бессовестно переменили разряд сигиллиона и вместо *подтвердительно*го написали *дарственный*, чего не подобало делать, и, обозначая границы, вписали почти весь Афон в черту своего владения и господства, и кроме его — все деревни сидирокавсийские и хломутлийские и некоторые иные, и вдобавок *монастыри* Мустакона, Кардиогноста, Афанасия и Луки и так называемую *древнюю* Кафедру старцев. Потом с оной именитой горы Афонской пришел в царствующий град Андрей благоговейнейший монах и прот, безмолвник сей же горы, от лица всех подвизающихся там Божиих мужей, и подал Царственности Нашей челобитную, сказав в ней, как монахи обители Колову, воспользовавшись случаем и имея в руках хартию, как доказательство отписанного им владения, хотя отдача его состоялась неправильно по их же пронырству, овладели всею горою Афонскою и, часто нанося побои подвизающимся на ней Божиим мужам, как своим поселянам, угрожают им и изгнанием как бы из своих имений, крепко расширяются и, вдобавок обратив весь Афон в пастбищное предместье и водя туда стада ближних деревень и взимая сбор за пастбище, усиливаются совсем изгнать их оттуда. К тому же из сказанных деревень поселяне прибыли вместе с сим благоговейнейшим мужем и вопияли против такого любостяжания и безза-

конного захвата обители Колову. Строгое расследование сего дела поручено было протоспафарию Никифору, по прозванию Евпракси: и он донес Нашей Царственности, что все это правда, и, собрав обе стороны по приказанию •III/1 45]• Нашей Царственности, велел им явиться в царствующий град. И вот, когда игумен обители Колову, в присутствии протоспафария Никифора, назначил представителями ее монахов Пахомия и Афанасия, и когда явились обе стороны и были допрошены по приказу Царственности Нашей, при Стефане магистре и Константине, царском протоспафарии и протоасикрите, и при Василии, протоспафарии и чиновнике прошений в именитом секретарском отделении протоасикритий, оказалось, что все местности несправедливо вписаны в хартию Царственности Нашей, данную неправильно: что в присутствии всех сознали и отменили и вышереченные монахи со стороны Колову. Узнав же это от них, богоизбранная Царственность Наша, благоприятно приклонив слух к правде, повелела разорвать оную неправильно данную хартию, всем же подвизающимся на Афоне монахам оставаться, по воле блаженной памяти отца нашего и царя, свободными от всякой обиды и придирки, какая бывает обыкновенно, так же и деревням удерживать свои права без всякого нововведения; а монахам обители Колову довольствоваться, по хартии блаженной памяти отца нашего и царя, держанием околотка Ериссовского и одним обраба-

тиванием Каменов с их виноградниками и садами, и только; все же прочие ластовичные наделы, как на Каменах, так и на других местностях, свободно обрабатывать, по уставу о ластовичных землях, всем тем, которые поселены на них. Посему-то для вящей безопасности и для всегдашнего оправдания стороны аскетов горы Афонской, и для удовлетворения деревень, и в осуждение стороны Колову, Мы повелили дать стороне находящихся на Афоне аскетов настоящую Нашу благочестивую сигиллиодную на пергаминах листах грамоту, подтверждающую сигиллион блаженной памяти отца нашего и царя, написанную в году, месяце когда индикт был, в который и Наша благочестивая и Богом избранная подписала Держава». Летосчисление и подпись царя изгладилась. •[III/1 46]•

Эта царская грамота хорошо знакомит нас с состоянием монашеского Афона в 887 году, к которому я отношу ее*.

Тогда эта гора называлась имениною, но не святою. Вся она с древнею Кафедрою старцев принадлежала аскетам. Давнее исключительное владение ею утверждено было за ними царем Василием Македонским по просьбе афонского игумена Иоанна Колову, и утверждено *давно*, *πάλαι*, за несколько лет до воцарения Льва Муд-

рого: τῆς κελεύσεως τοῦ πατρὸς ἡμῶν καὶ βασιλέως ἐπὶ χρόνους τινὰς κρατησάσης. Когда же? Я полагаю, в 872 году, представляя тогдашние события в следующем порядке.

В сентябре месяце 867 года воцарился Василий Македонский. В 869 году он с востока возвратился в Константинополь победителем тамошних врагов своих. С 870 года под сенью его могущества начали селиться на Афоне прежние и новые аскеты и выстроился монастырь Иоанна Колову, но их беспокоили жители соседних деревень и разные служивые люди. Так прошли годы 870 и 871-й. А в 872 году царь Василий дал им охранную грамоту, и она охраняла их до смерти его, последовавшей в марте месяце 886 года, следовательно, 14 лет: достаточны эти лета для того, чтобы царственный сын его мог сказать в своей грамоте: *повеление отца нашего и царя соблюдалось несколько лет; давно отец наш и царь заблагорассудил дать афонским монахам сигиллион* (πάλαι ὁ πατὴρ ἡμῶν καὶ βασιλεὺς σιγίλλιον λαβεῖν ἐδικαίωσε). В 886 году воцарился сын Василия Лев. В начале *самодержавия* он обманут был коловуицами. А в следующем, 887 году обман был открыт и наказан. Афонские безмолвники успокоились. Так ставлю я афонские события в просторе девятого века и, установив их, продолжаю свои замечания о тогдашнем состоянии Афона.

На самой горе этой в начале царствования Льва Мудрого монастырей не было, а на перешейке ее существовали обители: Иоанна Колову, Мустакона,

* Теперь документ датируется февралем 908 г. См.: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 2. — П.К.

Кардиогноста, Афанасия и Луки (§ 20).

•[III/1 47]•

Афоногорные аскеты обитали, как и при Василии Македонском, в различных жилищах (ἐν διαφόροις σκηνώσεσι), т.е. в избушках и в домах с келейными церквучками, в коих совершалось богослужение, о чем упомянуто в житии преподобного Евфимия, принявшего в Солуне сан, сперва диаконский, потом иерейский, ради правильного причащения Св. Тайн на пустынном Афоне.

Новосозданная обитель Колову имела свои пашни, виноградники и сады в Ериссовском околотке. А у афонских безмолвников ничего такого не было, потому что они кормились рукоделиями своими. Только одна древняя Кафедра старцев, как подворье аскетов, удобное для сбыта их рукоделий и для покупки необходимых вещей, владела немалою частью ластовичной земли, нанимаемой монахами вышепомянутых обителей Мустакона, Кардиогноста и проч.

На Афонском перешейке, кроме поземельных участков обители Колову и Кафедры старцев, была земля свободная, государственная, под названием κλασματική — *ластовичная*, подобная заплаткам на одежде, — и так называемая *Камена*. Ту и другую землю обрабатывали люди, поселенные на ней, и отчасти коловуйские и афонские монахи, нанимавшие ее.

Обитель Колову считалась афонскою и потому предстательствовала за

афонских аскетов у царя Василия Македонского и получила такие же права, какие жалованы были оным аскетам.

Но при Льве Мудром она уже не имела своего прежнего значения. Во дни сего государя афонскими делами заведовал прот безмолвник, а не монастырник, монах простой, а не пресвитер и не диакон. Он отстаивал давнее право безмолвников владеть всем Афоном и частью перешейка его, и отстаивал в суде гражданском, а не в духовном, прибегая к защите самого царя, потому что он был настоящий попечитель их.

Деревни, упомянутые в сииллионе Льва Мудрого, находились в сопредельной с Афоном области Сидирокавсийской на •[III/1 48]• склонах горного кряжа Хломутийского (ныне Холомунт). Чрез эти деревни я несколько раз проезжал на Афон из Солуны. Во второй день по выезде из сего города я уже поздним вечером спускался с лесистой высоты Холомунта в первую сидирокавсийскую деревню Ляригово и тут ночевал, а утром третьего дня отправился на Афон, и по дороге туда видел деревни: Новосело, Чарки с металлическими рудами и Низворо, в Ериссо же поспевал к вечеру. Народонаселение в этих деревнях — славяновалахское, но давно огреченное. Однако там еще слышатся из уст жителей славянские слова, *сполокание* — полоскание, *умноцко педи* — умное дитя, *простихос* — простой, *косизо* — кошу, *прровдизо* — провожаю.

Эти деревни, монастыри и весь Афон обманом подчинены были обители Иоанна Колову в начале царствования Льва Мудрого, значит, в 886 году, а освобождены, по открытии обмана, в следующее лето.

§ 17. Последнее пребывание Евфимия на Афоне

На успокоенный Афон в 888 году пришел из Солуны известный нам Евфимий преподобный и уединился на пустынной оконечности сей горы. Но в следующем году в седьмой день месяца мая он оставил ее навсегда и только с одним учеником своим Георгием тайно от всех отправился на остров Иера, где и скончался 13 октября 889 года (§ 10). Сей преподобный отец был второй основатель безмолвного жития на Афоне, начатого Петром Афонским, но прерванного погромом арабским.

§ 18. Охранная грамота царей Романа, Константина, Стефана и Константина

Что происходило на Афоне в остальное время царствования Льва Мудрого с 900 года по 11 день июня месяца 911 года, в который он скончался, это неизвестно. Когда же порфирородный •[III/1 49]• сын и преемник его Константин шестилетний подрос и женился на дочери своего полководца Романа и когда этого тестя своего провозгласил сопра-

вителем своим (в декабре 919 года), а сыну его Стефану дал титул Августа в день Пятидесятницы 920 года, тогда афонским безмолвникам пожалована была этими царями новая охранная грамота следующего содержания⁽²⁷⁾:

«† Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Роман и Константин, Стефан и Константин, верные цари ромеев. †

Продолжать добрые деяния и подтверждать их, поистине, есть дело царского помышления и попечения, дабы доброе пребывало твердо и неизменно вовеки. А так как царствовавшие прежде нас пожаловали афонским аскетам хрисовул; то и Наша Царственность, рассмотрев и уважив оный, подтверждает его настоящим, благочестивым, златопечатным Словом своим, дабы охрану имели все на этой горе подвижающиеся мужи Божии в различных жилищах, и дабы вместе с ними и новосозданная обитель Иоанна Колову сподобилась такового же попечения и владела бы околотком Ериссовским и только; и, просто сказать, все прочее, что прописано в оном хрисовуле, соблюдалось бы непреложно, без прибавки и убавки, какой бы то ни было. Кроме сего определяем, чтобы и упомянутая в оном хрисовуле древняя Кафедра старцев оставалась свободна от всякого притеснения, от помочи в работах и ущерба, бывающего, как водится, от епископов и бояр и от всякого другого лица: каковая свобода была искони. Дано настоящее, неотменимое и охранное, благочестивое, златопечатное Слово

наше в августе месяце под индиктом 7-м, в который и наша благочестивая и богоизбранная подписала Держава.

Роман и проч. †».

Поставленный в сей грамоте 7 индикт у месяца августа совпадает с сентябрьскими годами по Р. Х. 919/20 и 934/35*. •[ш/1 50]• А так как Роман признан был соправителем Константина Порфирородного в декабре месяце 919 года, сына же своего Стефана, которого имя читается на оной грамоте, он провозгласил Августом в Пятидесятницу 920 года, и так как хрисовулы жалуемы были в начале царствования греческих государей, то оказывается, что вышеизложенная грамота Романа дана была не в 935, а в 920 году, в который он только что начал управлять государством**.

В ней нет ничего нового для истории Афона. Видно, что эта гора по-прежнему принадлежала монахам и что они были свободны от всяких общественных повинностей и даже от боярского и епископского, обычного, зазыва на помощь во время полевых и садовых работ. Сдается, что Ериссовские епископы, существовавшие с 881/3 года, зазывали к себе на работы и аскетов афонских.

§ 19. Афонские события во дни царя Романа Старшего

В царствование Романа Старшего, 919–945 гг., произошли на Афоне некоторые события. Селище Ериссо в юридических деписаниях стало называться крепостью (κάστρον): значит, там стены древней Аполлонии, коих остатки существуют поныне, были возобновлены и укреплены тогда. В околоте сей крепости в 942 году поселены были *склавы* болгары, и им правительство отдало часть земли монастыря Иоанна Колову, приносившую 1000 крупных мер зерна (модиумов), самим же ериссовцам продало ту государственную ластовичную землю на перешейке Афона, которую они прежде нанимали у него, а афонским аскетам отмежевало ближе к Афону неудобную землю, да и ту в малом количестве⁽²⁸⁾. За то царь Роман тогда же, 942 г., повелел выдавать им ежегодно из казны по одной монете на брата, но так, что каждый из них должен был получать свою долю из *своей обители*⁽²⁹⁾; монастырь же Коловуйский уже позже, в 960 году, получил в дар •[ш/1 51]• 40 бестяглых поселян взамен тех участков его, которые отняты были у него для складов-булгар, что видно из хрисовула

* Август 7 индикта соответствует 920 и 934 г. Еп. Порфирий здесь и далее использует сентябрьский стиль (год начинается не с января, а на 4 месяца ранее). — П.К.

** Упомянутые в грамоте сыновья Романа I Стефан и Константин были коронованы в 924 г. (в 920 г. был коронован их брат Христофор, умерший в 931 г.). Данный хрисовул датируется августом 934 г. См.: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. N 3. — П.К.

Романа Младшего 960 года (содержание его помещено ниже).

§ 20. Дело о размежевании земель афонитов и ериссовцев на Афонском перешейке

Когда аполлониаты-ериссовцы купили у правительства ластовичную землю, которой немалая часть издревле, с 676 г., принадлежала афонским монахам, тогда эти монахи отправили своих поверенных в Константинополь просить святых царей, Константина и Романа, о возвращении им древнего достояния. Их отослали в Солунь. Здесь они вместе с ериссовцами явились к главному епопту и предъявили ему, что немалая часть ластовичной земли, проданной ериссовцам, есть давняя собственность их; в оправдание же свое сослались, во-первых, на старинные межевые книги солунских епоптов, в коих часть ластовичной земли записана на их имя, во-вторых, на хрисовул царя Василия Македонского, дозволивший им владеть давним именем, начиная от околотка Ериссовского, и в-третьих, на другие хрисовулы (царей Погоната, Иустиниана II, Феодосия III, Константина и Ирины). А аполлониато-ериссовцы вместе с поверенными некоторых соседних обитателей, державших руку их (не афонских, а сидирокавсийских, именно Орфогоматской, Спилеотской, Кентарской) настояли, что им принадлежит *весь перешеек Афона* до Зига и что уже за Зигом начинается владение афонских монахов. Их доказательства

опущены в межевом деле, которое у меня под руками. Но знающему историю Афона нетрудно указать, что соперники афонитов поставляли на вид главному епопту не слишком большую давность водворения монахов на Афоне (с 676 г.), тогда как город Аполлония, переименованный в Ериссо, с незапамятного времени существовал на перешейке Афона и пользовался тут всею •[III/1 52]• государственною землей. Впрочем, из самого дела межевого видно, что аполлониато-ериссовцы требовали от афонских монахов землемерных описей их ластовичных участков с указанием границ их, но монахи не имели таких описей и потому не могли точно указать границ своих владений, а не имели потому, что не просили об этом епоптов, епопты же оставляли без внимания это межевое дело свое. Таким образом, ни афониты, ни ериссовцы, недавно собравшиеся на запустелый Афон, не знали хорошо: кто откуда и докуда владеет. Видя такую запутанность сего межевого дела, епопты склонили соперников к полюбовному размежеванию спорной земли. Обе стороны согласились и условились, чтобы от конца нив господина Мефодия, игумена обители св. Христины, до Зига отмежеваны были границы от моря до моря, т.е. от Стримонского залива до залива Сингитского поперек Афонского перешейка, и вся земля, прилежащая к Зигу, осталась бы во владении афонитов, а от сих границ далее к Ериссо все было бы во владении ериссовцев, купивших ластовичные

участки, и обители Коловуйской. Оставалось соперникам ехать на место и там обозначить границы обоюдных владений. Но епопт Фома васпафарий*, который должен был отправиться туда вместе с ними, опасаясь, как бы они там не переменили сего любовного решения своего и как бы опять не заспорили, потребовал, чтобы они клятвенно подтвердили это решение в присутствии Солунского архиепископа Григория. Состоялось и это. Клятвенное удостоверение было написано и подписано всеми. Тогда афонцы и ериссовцы с назначенным епоптом прибыли на место и размежевались по клятвенному условию. Но при сем ериссовцы домогались еще и того, чтобы им дозволено было гонять на самый Афон скот свой в случае нашествия варваров и там укрывать его, однако без постройки загонов и пчельников, но не получили полного удовлетворения. Им объявлено было, что без ведома и соизволения монахов нельзя делать сего. Монахи же в свою очередь жаловались, что перегоны скота •[III/1 53]• стеснительны для них и что без того они обижены малым наделом неудобной земли на перешейке Афона. Фома васпафарий внял их жалобе и предоставил это дело их доброй воле тем поваднее, что ериссовцы для продовольствия своего купили достаточное количество государственной земли и вдобавок получили участок в 1000 модиев, отрезанный

от владений коловуйцев. Так началось и окончилось сие межевое дело. Перевожу его с еллинского подлинника. А еллинисты пусть сверят перевод мой с этим подлинником, помещенным в Оправданиях моей истории Афона монашеского под № 30*.

ДЕЛО О РАЗМЕЖЕВАНИИ
ГРАНИЦ ВЛАДЕНИЙ АФОНИТОВ
И ЕРИССОВЦЕВ

1.

Клятвенное удостоверение
тех и других:

(знак Григория монаха, игумена обители Орф[ан]о-Гоматской)

(знак Мефодия монаха, игумена обители святой Христины)

(знак Андрея монаха, игумена Спилеотского) — (знак Василия [Гаразда])

(знак Иоанна <Гаразда> [из села Аравиникия]) — (знак <монахов из Кентар> [Михаила из кентархов])

(знак Константина <Халумы> [Далумы]) — (знак [Димитрия] кинига <Непровада> [Непривада])

(знак Иоанна, [монаха и] игумена Афосского) — (знак <всех монахов афонских> [Павла монаха афонского])

(знак <Аркадия> [Варды] монаха афонита) — (знак Феодора [Афонита] Гиревта)

<(знак всех) — (знак всех из крепости)>

* Сокращение титула царский протоспафарий — βασιλικὸς ἀ΄-σπαθαρίος. — П.К.

* В квадратных и угловых скобках указаны исправления по новому изданию: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 4–5. — П.К.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Мы, вышепрописанные и собственноручно поставившие честные и животворящие кресты, даем Вам, Фоме васпафарию асикриту, епопту Солуня, настоящее •[III/1 54]• письменное удостоверение и совершенное разрешение: мы, игумены вместе с поселянами — за все волостное общество, а мы, афонские монахи — за всех иноков Афонской горы.

Поелику за несколько времени продали сим поселянам ту самую ластовичную землю, которая была в наймах у них, но не разграничили, докуда должны владеть купившие ее и откуда афониты, посему мы ходили в Солунь и пред лицом всехвального <первоепопта> [стратилата] Катакалона, и Григория, святейшего архиепископа нашего, Фомы васпафария Цулы, и Зои<к>та васпафария судьи, и пред тобою, вышепереченным епоптом, били челом, прося размежевать границы Афона и проданной земли. И мы, волостные, говорили, что наше владение простирается до Зига, а оттуда — афонитов; мы же, афониты, напротив говорили, что большая часть купленной вами земли принадлежит нам.

Много поспорив о сем, обе стороны согласились и условились быть так, чтобы от конца нив господина Мефодия к Зигу отрезаны были границы от моря до моря, и все нивы и поля, прилежащие к Зигу, остались бы во владении афонитов, а от этих границ далее к Ериссо все было бы во владении купивших землю и монастыря Колову; и

ни мы, афониты, не властны ничего требовать за чертою сих границ и далее к Ериссо, ни мы, волостные, ничем не владеем вне тех же границ и далее к Афону.

И согласившись и удовольствовавшись этим, мы явились с удостоверением к тебе, епопту, дабы ты убедился и отправился и размежевал нас, как мы условились. Которая же сторона воспротивится и не устоит в вышепереченном — во-первых, она есть отступница от святой и единосущной Троицы и чужда веры христианской и монашеского звания, а потом подлежит и наказанию, а сторона устойчивая и соблюдающая сказанные условия остается правою. Сверх же сих условий мы удерживаем за собою и Кафедру старцев, упоминаемую в хрисовуле. Будучи довольны всем этим, мы начертали честные и животворящие кресты. •[III/1 55]•

Сочинил сие дело Димитрий, клирик кувуклисиев и сиропитатель, месяца мая индикта пятнадцатого.

† Григорий, наименьший архиепископ Солуня, свидетель вышеписанному свою руку приложил †

† Во имя Отца и Сына и Св. Духа Фома васпафарий, нотариус таможенный, присутствуя свидетелем при всем вышеписанном, свою руку приложил †

† Василий кандидат Скриниарий, присутствуя свидетелем при всем вышеписанном, свою руку приложил †

† Во имя Отца и Сына и Св. Духа Михаил клирик [Великой] церкви, присутствуя при всем и проч. †

† Во имя Отца, Сына и Св. Духа Григорий васпафарий Фуск[ул]ос, присутствуя при всем и проч. †»

Внизу привешена свинцовая печать на пеньковом шнурке.

2.

Донесение епопта Фомы
васпафария главному епопту
солунскому Катакалону*

«(Начало сего межевого акта неудобчимо)

..... Поелику ластовичная земля есть принадлежность Ерисса и примыкает к горе Афонской, а земля, отведенная обители Колову обмежевана была разными лицами, и границы владений сей обители и поселян определены, то я, вследствие такого обмежевания, оставил эту землю за обителью Колову, как неприкосновенную. От границ же сей обители далее к Афону держали и обрабатывали земли поселяне и прочие монастыри, но до сей поры не было размежевания между ними и монахами горы Афонской так, чтобы известно было: докуда простирается владение монахов и откуда начинается ластовичная земля, обрабатываемая поселянами и прочими монастырями; напротив, владение каждого было перемешано и не определено, потому что доньше не было там епоптова описания и продажи ластовищины. Потом ластовичную землю, которую нанимали жители крепости Ерисса,

продали им. Поелику же никто никогда не возбуждал спора о границах ластовичной земли — ни те, которые нанимали ее, ни монахи афонские, то и мы не исследовали •[III/1 56]• их и не начинали дела о распределении их. После же сего (т.е. после продажи) афонские монахи послали поверенных своих просить *святых царей наших*; и поручено было стратигу и Цуле разграничить владения их от жителей Крепости и вытребовать от сих жителей письменное удостоверение в том, что они впредь не причинят обиды монахам. И мы послали за жителями Ерисса; и когда привели их, тогда они вместе с монахами предстали пред тобою и мною. И монахи афонские предъявляли свое *исконное* владение горою, так как и в кодексах ластовичной земли записана такая земля их податною на имя монахов афонских, и вдобавок ссылались на охранный хрисовул царя кир Василия, дающий им право владеть землею от околотка Ериссовского далее внутрь (Афона), и, не оспаривая сего околотка, домогались владеть всею землею по крайней мере до границ имений обители Колову, ссылаясь на хрисовулы*: а это значило, что они присвоили себе все ластовичные места, так что ничего не оставалось жителям Ерисса. А эти жители настояли, что ластовичная земля простирается до Зига и что до сего места владеют они, а от Зига далее внутрь Афона владеют афониты. И вообще много спори-

* Катакалон был не «главным епоптом», а стратилатом (воеводой); ниже он упоминается как стратиг Фессалоники. — П.К.

* Разумею хрисовулы древних государей: Понгата, Иустиниана II, Феодосия III, Константина и Ирины. Эти деписания утрачены.

ли они об этом. А так как обе стороны домогались, чтобы определено было то место, от которого должны идти границы, разделяющие владения тех и других, то наконец добровольно согласились, во избежание спора, а более по причине сбивчивости и неясности дела, и наметили место, от которого должны идти границы, разделяющие их. Когда же стратиг и Цула и архиепископ предложили отправиться на место и размежевать их так, как им угодно было, и тем и другим дать записи (λιβέλλους) такого дела нашего, и когда те и другие согласились на это, тогда я, зная нескончаемые споры их, не захотел наобум, чтобы они поехали туда голословно, и сказал им: в чем вы согласились, в том удостоверьте меня, дабы не •[III/1 57]• попятиться вам назад. И выступили те и другие и дали клятвенное удостоверение в том, что им любо то место, от которого пойдут границы, разделяющие их. Когда же они удостоверили, тогда стратиг и Цула дали памятную записку монахам, доказывающую доволство обеих сторон и непрерываемую действительность предстоящего размежевания нашего*. А когда сие удостоверение было скреплено подписью архиепископа и других, тогда все отправились на место и устали границы согласно с удостоверительною запискою их, начиная с того места, с какого угодно было начать. И вот я от владения обители Колову до сих границ всю включительно землю, яко лас-

товичную, отвел жителям Крепости; и они довольны были и приняли ее, и получили опись этих границ; от границ же этих, по равнине от моря до моря и к Афону земля передана была монахам сей горы, и вручена им памятная записка и межевая опись для собственного их удостоверения. И должны жители Ерисса несомненно владеть до тех границ, кои означены в их описи, точно так же и афонские монахи — от этих самых границ до Афона.

Однако жители Крепости препирались еще и за то, чтобы в случае нашего языческого не препятствовали им, под предлогом размежевания, вводить скот на сию гору и укрывать его там, и чтобы и это хозяйственное дело было дозволено им, однако с условием не строить там загонов и не разводить пчельников. Но не дано было им дозволение вводить скот без ведома монахов, ибо монахи весьма беспокоимы были этим, и кроме сего, от оных границ к Афону *наконец* отмежевана им земля в малом количестве, да и та неудобная. А жители Крепости имеют и ту землю, которую нанимали у нас, и кроме ее *недавно*, по царскому приказанию и по предписанию святого владыки*, получили отрезанную от обители Колову земли в 1000 модиумов, и потому не могут говорить, что не имеют продовольствия своего. Что касается •[III/1 58]• до так называемой Кафедры старцев, то она находится в другой части Ерисса на ластовищине *ту*

* Эта самая записка и помещена здесь выше.

* Разумей главного епопта Катакалона.

Камéну и хрисовулом отдана монахам, обмежевана же нами и снабжена нашею описью, дабы монахи владели ею, как владели прежде. Все это мне, слуге твоему, казалось справедливым. Святый же владыка мой пусть изречет свою правду, как Бог наставит».

Это межевое дело производили в Солуне первоепопт* Катакалон, Фома васпафарий Цула, Зоикт васпафарий судья и солунский епопт Фома васпафарий асикрит. Сей последний, как видно, был человек деловой, осторожный, не доверявший полюбовному миру соперников без клятвенного удостоверения их в непонятности. Замечательно его набожно-почтительное отношение к главному епопту. Себя он называл слугою его, δοῦλος, а его *святым* владыкою своим, которого наставляет Бог. Византийское делопроизводство, как видим и увидим, всегда было освещено и согрето набожностью.

Когда же производилось дело, о котором идет речь? Оно производилось тогда, когда обитель Иоанна Колову была еще самостоятельна, следовательно, ранее 980 года, в который царь Василий отдал ее грузинам, Иоанну и Торникию**, и когда в Константинополе самодержавствовали *святые цари*, упомянутые в донесении Фомы васпафария Катакалону, именно Константин Порфирородный, Роман и Стефан, из которых первый скончался 9 нояб-

ря 960 года, а второй и третий сосланы были в разные места в 945 году; следовательно, дело производилось ранее сего последнего года. Когда же именно? — Или в 927, или в 943 году, потому что тогда вместе царствовали оные государи, и потому что с этими сентябрьскими годами совпадает 15 индикт, поставленный в вышеизложенном клятвенном удостоверении афонитов и ериссовцев*. Но к 927 году отнести производство сего дела я затрудняюсь, и вот почему. В этом деле упомянуто об отрезании земли в 1000 модиумов от Коловуйского монастыря, как событию прошедшем: а в хрисовуле царя •[III/1 59]• Романа Младшего 960 года сказано, что эта земля отдана была *склавам* и *булгарам*, поселенным в околотке Ериссовском, и что за нее даются оному монастырю 40 бестяглых поселян. Допустим же, что коловуйцы лишились своей земли пред 927 годом, в который состоялось межевое дело, упоминающее об этом лишении, тогда окажется, что замен ее сорока поселянами в 960 году произошел спустя 34 года. Поздно! А если мы положим, что коловуйская земля урезана была в 942 году и что упоминающее об этом межевое дело производилось в 943 году, то увидим, что замен ее сделан спустя 18 лет после урезки. Это второе число лет почти вдвое меньшее первого. Посему я утверждаю, что у обители Колову взята

* Вернее, стратиг. — П.К.

** Смотри в Оправданиях истории Афоно-Иверского монастыря, № 7.

* 15 индикт соответствует 925/6 и 941/2 г. — П.К.

была часть земли для болгар в 942 году, а в 943, когда индикт был 15, производилось межевое дело, упоминающее об этом лишении, как о событии прошедшем*.

На клятвенном удостоверении 943 года поставили знаки креста и подписались миряне, монахи и игумены: *миряне* Константин Халума, Иоанн Горазд, Киниг Непровад** — явно славяно-болгары, поселенные около Ерисса в 940–942 годах (§ 19); *монахи* афонские и кентарские, афонит Аркадий, *игумены* Григорий Орфогоматский, Андрей Спилеотский, Иоанн Афосский и Мефодий Свято-Христининский.

Монахи кентарские и игумены Орфогоматский и Спилеотский держали сторону поселян и ериссовцев, живя вне Афона в каких-то Кентарах и подле нынешних сел Гомато и Низворе, в котором (Низворе) я видел *спилеон* — пещеру вроде подземельного тоннеля. Игумен Мефодий есть тот самый, у нив которого начато было распределение границ земли афонитов и ериссовцев. А Иоанн игумен Афосский должен быть грузин, так как обитель Афо в хрисовуле царя Михаила Пафлагона (1034–1041 г.) названа Грузинскою: Ἀθω ἦτοι τῶν Ἰβήρων. Оба эти игумена были заодно с монахами афонскими.

Так как все эти игумены и монахи явились в межевое управление в Солуне, как поверенные их монастырей и •[III/1 60]• братий и как свидетели поземельной местности афонитов и ериссовцев и доказчики старинных поземельных прав тех и других, и так как игумены Орфогоматский и Спилеотский заодно с аполлониато-ериссовцами настаивали, что вся ластовичная земля до самого Зига Афонского есть принадлежность города Аполлонии, недавно переименованного в Ериссо, но существовавшего с незапамятного времени, когда еще не было монахов на Афоне, а эти монахи и с ними Афосский игумен Иоанн хрисовулами царей и межевými книгами доказывали, что древнее право аполлониато-ериссовцев укорочено и что им, монахам, пожалована немалая часть оной ластовичной земли искони, ἀπ' ἀρχῆς, т.е. в начале заселения Афона монахами (676 г.), и утверждена за ними современными царями, Василием и сыном его Львом, Константином и Романом, то и оказывается, что обители Кентарская, Орфогоматская и Спилеотская существовали еще тогда, когда на Афоне были города, а не монастыри* иначе их свидетельство не имело бы юридической силы в межевом управлении и им возразили бы: «вы свидетельствуете о том, что было до вашего

* Дело о межевании датируется маем 942 г. См.: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 4. — П.К.

** По исправленному чтению: Константин Лалума, Василий Гаразд и зверолов (κυνήγος) Димитрий Непривад. — П.К.

* От поселян, живущих между Солунем и Афоном, я слышал, что монастыри Солунские, Хортаитинские и Сидирокавийские несравненно древнее афонских.

рождения» — оказывается и то, что монастыри на перешейке Афона, Мустаконов, Кардиогностов, Афанасиев, Лукин, Христининский, которые нанимали там государственную ластовичную землю наравне с тамошними поселянами и которых подчинила было себе новосозданная (νεοϋρῆθησα) обитель Колову, так же и грузинский монастырь Афо, выславший в сказанное управление своего игумена Иоанна как поверенного и, следовательно, нанимавший оную же землю или владевший участком ее, — все эти монастыри очень древни, точнее сказать, современны первому заселению Афона монахами при Константине Погонате и преемниках его. Иначе их свидетельство о старине не имело бы юридической силы, и их поверенные, если бы эти монастыри основались только при Василии Македонском за 73 года до межевого дела, о котором идет речь, не [III/1 61] могли бы говорить солунским епоптам так, как говорили: «монахи *искони* владеют Афоном; участки их записаны в ластовичных кодексах; царь Василий Македонский только утвердил за ними ту поземельную собственность до околотка Ериссовского, которая пожалована была им хрисовулами прежних царей». — Итак, я был прав, когда сказал (§ 2), что монастыри на перешейке Афона, Мустаконов, Кардиогностов, Афанасиев, Лукин, Христининский, Афосский на самом Афоне и Орфогоматский, Спилеотский и Кентарский вне Афона существовали в седьмом веке.

§ 21. Перечень некоторых малоизвестных монастырей, существовавших на Афоне в десятом веке

В донесении епопта Фомы Катакалону, 943 г., упомянуто об афонских монастырях: «от границ обители Колову далее к Афону держали и обрабатывали земли поселяне и прочие *монастыри*»; «до сей поры неизвестно было, куда простирается владение монахов и откуда начинается ластовичная земля, обрабатываемая поселянами и прочими *монастырями*». Из афонских монастырей, по сказанию Продолжателя византийской летописи Феофана, получали жалованье царя Романа Старшего все тамошние аскеты и монахи (§ 19). Итак, не может быть никакого сомнения в том, что на Афоне находились многие монастыри еще в первой половине десятого века.

Перечисление всех их будет помещено в моей Статистике Афона. А здесь я упоминаю лишь о некоторых из них, мало известных в нашей паломнической словесности, для избежания вставочных, пояснительных сказаний об этих малоизвестностях в дальнейшем повествовании о судьбах Афона. Такие монастыри на перешейке этой горы были следующие.

Монастырь Иоанна Колову, вновь созданный (νεοϋρῆθησα μονή). Он построен был сим преподобным отцом в 867–869 годах и тогда же от царя Василия Македонского получил во [III/1 62] владение околоток города Аполлонии, впоследствии переименованного в

Ериссо. Чрез посредство сего старца афонские монахи в 872 году выпросили себе у этого царя охранную грамоту, которая защищала их от притеснений мирян, но скоро из огня попали в полымя. В 886 году коловуйцы с помощью неосторожной грамоты царя Льва Мудрого подчинили их своей власти, причиняли им горькие обиды и даже угрожали прогнать их с Афона и вместо их пасти там скот. Однако это насилие прекращено было царем Львом в 887 году. С сей поры обитель Колову осталась при одном околотке Ериссовском, где и занималась земледелием и садоводством. В 920 году цари Константин и Роман Старший грамотою своею утвердили за нею сей околоток, но в 942 году отрезали от него часть земли в 1000 модимов и отдали ее жителям крепости Ериссо и новым поселенцам, склавам-булгарам. В 960 году царь Роман Младший подарил этой обители сорок бестяглых поселян взамен тех участков на ериссовской местности, которые давно (πάλαι), 869 г., пожалованы были ей и потом отняты для поселенных на них булгар*. В 980 году обитель Колову повелением царя Василия Порфирородного отдана была грузинам Иоанну Ивиру и синкеллу его Торникию** и в 996 году пользовалась прежними угодьями своими в Сидирокавсии, как то: водяною мельницей, рыбною ловлею в тамошней реке

* Смотри в *Оправданиях* моей истории монастыря Иверского, № 7. — П.К.: Не опубликовано.

** Ibidem.

Арсениксе и кормлением свиней в дубовом лесу*. А когда она утратила свою самостоятельность и исчезла с лица Афонского перешейка, об этом скажет тот, кто перечитает все-навсе древние хартии монастыря Афоно-Иверского. Мне же не удалось это по причине неблагосклонности тамошних монахов.

Современно с обителью Колову на Афонском перешейке существовали монастыри: *Христининский*, управляемый игуменом Мефодием, у нив которого начинались границы поземельной •[III/1 63]• собственности афонитов; *Мустаконов*, *Кардиогностов*, *Афанасиев* и *Лукин*, которых подчинили было себе коловуйцы в 886 году, и древняя *Кафедра старцев*, как подворье всех афонских монахов, охраняемая грамотами Льва Мудрого 887 года, Константина и Романа 920 года и солунских епоптов 943 года. На самом же Афоне в числе других находились монастыри: *Плати*, *Зигу*, *Ватопед*, *Протат* в *Карее*, *Клими*, *Милопотам*, *Афо*, *Павлов*, *Скамандрин*, *Архангельский*, *Моноксилит*.

Платийский монастырь во имя св. Евфимия в малой, но глубокой бухте Стеллярийского отрога Афона, у первой выси этой горы со стороны перешейка, в 997 году отдан был протом Св. Горы преподобному Афанасию Афонскому как метох**.

* Ibidem, № 5. — П.К.: См. Actes d'Iviron. T. I. Paris, 1985. № 9 (акт фемного судьи Николая, датирован декабрем 995 г.).

** Смотри в *Оправданиях* настоящей истории Кутлумушскую рукопись под № 30, отдел. 12, ὑποσημείωσις.

В монастыре *Зигу* сей Афанасий, как видно из жития его, подвизался до постройки своей Лавры, до 961 года. Эта обитель существовала в 1046 году. Тогда под святогорским Уставом подписался игумен ее Иоанн пятым в ряду игуменов афонских*.

В монастыре *Ватопедском*, опустошенном арабами в 862 году, опять поселились монахи немного ранее 932 года, а в этом году с острова Крита возвратился к ним тот самый пономарь, который за 70 лет назад видел опустошение сей обители, скрыл икону Богоматери и животворящий крест в подалтарном колодезе и сам, как пленник, увиден был арабами на сказанный остров. Видно, что в 862 году ему было не более 15 или 17 лет от роду. Бедны были первые насельники Ватопеда и потому не могли возобновить его. Но к именитому тогда Афанасию Афонскому пришли три богатые адрианопольца •[III/1 64]• и по совету его возобновили сей монастырь, в промежуток времени от 971 года по 980**. — Пока довольно о Ватопеде. Перейдем в Протат на Карее.

Протатом называется монашеское управление. Оно переведено было в Кареею из древнего подворья афонитов, известного под названием Кафедры старцев, в 875 году. Тут первым про-

том был монах Андрей *безмолвник* (§ 18). Он построил в Карее малый храм во имя Богоматери, в котором обычно бывали ежегодные собрания всех безмолвников. В этот храм в 880 году перенесены были мощи преподобного Петра Афонского из ближней обители Климента (§ 14). Из Карееи прот Андрей ездил в Константинополь в 887 году жаловаться царю Льву на притеснения коловуйских монахов и получил надлежащее удовлетворение (§ 16). Около 960 года протом был Стефан, благословивший Афанасия уединиться на афонском урочище, называемом Мелана*. При нем с оснований построен был новый, больший, храм в Карее иждивением Льва магистра, родного брата знаменитого полководца Никифора Фоки, который в 963 году 2 июля провозглашен был царем и вскоре после того, по просьбе Афанасия, назначил на содержание сего храма четыре литры серебра из доходов острова Лимноса**. В 971 году в Карейском Протате было общее собрание игуменов афонских; и они тогда вместе с протом Афанасием сочинили первый Устав, утвержденный царем Иоанном Цимисхием. Об этом Уставе речь впереди. А теперь начинаю говорить о монастыре *Климента*.

Построенный на местности нынешнего Иверского монастыря после 676 го-

* В этой же рукописи смотри подписи игуменов под сказанным Уставом. — По замечанию Филофеита (Отдел. V) на развалинах Зига ныне находится загон скота монастыря Хиландарского: «τοῦ Ζυγοῦ θαυμασία μονή, μόλις ἔχνη σώζονται τοῦ ναοῦ καὶ τῶν ἐρητίων αὐτῆς εἰς τὸν Ζυγόν, νῦν ἐστὶ νομὴ τῶν κτηνῶν τῆς μονῆς Χελανταρίου».

** Προσκυνητάριον Κομνηνοῦ. 1701. Σελ. 49–51.

* Смотри в Оправданиях моей истории Лавры Афонской, Τυπικὸν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ, II: «Τόπον (Μελανά) δεδώκασιν ἡμῖν ὅτε Στέφανος ὁ πρωτεύων τοῦ Ἀθῶνος καὶ οἱ λοιποὶ γέροντες».

** Смотри в моей *Статистике Афона* Житие преподобн. Афанасия.

да неким Климентом, укрывший в своей усыпальнице нетленные мощи преподобного Петра Афонского в 734 году, опустевший с 830 года и снова населенный прежними монахами •[III/1 65]• ранее 880 года, в который оные мощи перенесены были в Протат, этот монастырь с церковью Иоанна Предтечи в 980 году отдан был царем Василием Порфирородным монаху Иоанну и синкеллу Торникию взамен Иверской обители, находившейся в Константинополе, от которой сей Торникий отказался*. Причина такого отказа неизвестна. В этом монастыре в 1008 году настоятельствовал сын помянутого Иоанна Евфимий**.

Недалеко оттуда на скалистом взморье уединенно стоит укромник вроде маленького укрепления с зубчатыми стенами. Его называют *Милопотам*. Тут во времена дохристианские высилось капище Артемиды Потамии, а в десятом веке по Р. Х. св. Афанасий Афонский застал пустырь, заваленный камнями, и построил малую церковь во имя св. великомученика Евстафия с

кельями, насадил виноградник и устроил подворье для своей Лавры***.

От Милопотамы рукой подать до обители *Филофея*, прозывавшейся *Фтери*. Она основана была неким Филофеем в первую эпоху иноческого населения на Афоне, 676 г., опустела с 830 года и опять населилась во вторую эпоху афонского иночества после 870 года, а в десятом веке, точнее в 992 г., когда еще жив был преподобный Афанасий Афонский, имела сношения с Лаврою его****. •[III/1 66]•

Подле Иверской обители на горной выси существовал древнейший монастырь грузинский, называемый *Афо*. Игумен его Иоанн в 943 году участвовал в полюбовном размежевании земельных имений на перешейке Афона, принадлежавших афонским монахам и жителям крепости Ерисса (§ 20). В 958 году царь Константин Порфирородный утвердил за этим монастырем принадлежавшие ему имения на Кассандрском полуострове, называемые *Аликэ* и *Тахеэ******.

* Смотри в *Оправданиях* моей истории Афоно-Иверского монастыря, № 7: «Ἡρκοῦν τῇ εὐαγεστάτῃ μονῇ κ. τ. λ.».

** Смотри там же акт 6516 (1008) года. [См. ниже в отд. 2, стр. 158–159 и *Оправдания*, № 46.]

*** Τυπικὸν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἀθῶ (Χειρόγραφ): «Ἐστὶ καὶ ἄλλο τόπιον τῆς Λαύρας ἀπέχον ὡς μίλια δέκα, κρημνῶδες καὶ ὑλῶδες. Μυλοπόταμος οὕτω προσαγορευόμενος, ὅπερ ἐκκαθάραντες τῆς ὑποκειμένης ὕλης τῶν πετρῶν, ἐκκλησίαν καὶ κελλία ἐπ' ὀνόματι τοῦ μεγαλομάρτυρος Εὐσταθίου δευόμενοι ἐν τάξει καὶ χρήσει μετοχίου πεποιήκαμεν, ἄμπελόν τε ἐκεῖσε κατεφυτεύσαμεν.»

**** Рассуждение Филофеита об Афоне: «Ἡ ἱερὰ μονὴ τοῦ Φιλοθέου δείκνυται ἀρχαιοτάτῃ... καὶ ἐν τῇ δευτέρᾳ ἐποχῇ ὁράται τῷ 6500 ἔτει μονὴ οὐσα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου, ὡς ἐν τινὶ κώδικι τῆς ἀγίας Λαύρας σημειοῦται περὶ Κάσπακος καὶ Ἀτζὶ Ἰωάννου τῶν μονῶν, ἡ μονὴ ἡμῶν αὕτη ὀνομαζομένη τῆς Φτέρης καὶ Φιλοθέου.»

***** *Оправдания* истории монастыря Афоно-Иверского, Χρυσόβουλλος λόγος τοῦ μακαρίτου βασιλέως Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου γεγονώς κατὰ τὸ 6466 ἔτος, τὸ πιστὸν ἀποφαινόμενος ὑπογραφῇ ἐκείνου καὶ χρυσῇ βούλλῃ: «Ἐξουσίαν καὶ περίθαλψιν τοῖς ἐν τῇ νήσῳ Κασσανδρείας διακειμένοις προαστείσις τῆς τοῦ Ἀθῶ μονῆς, λεγομένῳ τῷ τε Ἀλικαὶ καὶ τῷ καλουμένῳ Ταχεαί...»

На юго-западной стороне Афона, у высочайшей оконечности его, на скалистом холме монастырь *Павловский* основан преподобным Павлом, тем самым, который в 970 году вместе с протом Афанасием ездил в Константинополь жаловаться царю Иоанну Цимисхию на строителя Афонской Лавры Афанасия*.

В царствование Романа Младшего, от 10 ноября 960 года по 15 марта 968, некто Василий Скамандрин, с дозволения афонских властных старцев, построил монастырек во имя св. Николая близ нынешнего монастыря Афоно-Дохиарского. Он был патриархом Константинопольским с 970 года по 974-й**.

К числу малоизвестных обителей десятого века принадлежал монастырек Моноксилита, завещанный Афанасию Афонскому в 997 году вместе с монастырьком Плати. Он находился на выси Афона близ острова Мульяни, там, где в наши дни устроено хозяйственное подворье монастыря Афоно-Дионисиатского •[III/167]• и разведены виноградники, дающие хорошее красное вино***.

Все эти и прочие монастыри были малы, вроде домов для четырех, много шести монахов, но имели игуменов.

Приписных имений у них не было. Только один грузинский монастырь Афо владел имениями на близком к Афону полуострове Кассандрском и этим нарушал общий устав прочих обителей, по которому ни безмолвники, ни монастырники не приобретали себе никакой крупной собственности, а жили трудами рук своих. Такое нарушение было терпимо по снисхождению к грузинам, как иностранцам. Но довольно о монастырях! Пора оповестить дальнейшие события на Афоне.

§ 22. Пришествие преподобного Афанасия на Афон и первые подвиги его. Состояние тогдашнего иночества. Прот Стефан. Постройка нового храма в Протате. Предложение Никифора Фоки Афанасию строить Лавру (945–962 гг.)

В 945 году царственный благодетель афонских монастырей и исихастирий Роман Старший сослан был на ближайший к Константинополю остров Проти и тут пострижен в монашество, а соправитель его Константин Порфирородный остался государем единодержавным с 20 декабря сего года и царствовал по 15 ноября 960 года*. В последний год его царствования водворился на Афоне преподобный Афанасий, тот самый, который дал перевес тамошним монастырникам пред

* Πρώτον τυπικὸν τοῦ ὁρους Ἀθῶ, Προοίμιον.

** Ἱστορικὸς Λόγος Κασταμ. — Деесписания Дохиарского монастыря, 1597, 1630, 1631 гг. — Κατάλογος ἱστορ. τῶν πατριαρχῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1837. Σελ. 96.

*** Δύο ἀφιερωτικὰ πρακτικὰ 6505 ἔτους, в Оправданиях истории Лавры Афонской. [Не издано. — П.К.]

* Единое правление Константина VII продолжалось с 27 января 945-го по ноябрь 959 г. — П.К.

безмолвными отшельниками. Его подвиги достойны внимания, и потому я говорю о них сколько надобно, как начетчик собранных мною на Афоне рукописных *памятей* о нем, кои суть:

1. Τυτικὸν ἦτοι κανονικὸν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἀθῶ — Устав, или Правильщик преподобного отца нашего Афанасия Афонского.

2. Διατύπωσις τοῦ ὁσίου καὶ μακαρίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου — Завещание преподобного и блаженного отца нашего Афанасия*. •[III/1 68]•

3. Мое извлечение из жития его, написанного Иоанном Ексаптеригом, игуменом одного из олимпийских монастырей подле города Бруссы, и хранящегося в библиотеке Лавры Афонской.

4. Царские хрисовулы и дееписания афонского управления и самого Афанасия.

Афанасий, в младенчестве и юности Авраамий, родился в малоазийском городе Трапезунте, по расчислению моему, в 920 году и еще в пеленах осиротел кругом. До отроческого возраста воспитывала его одна благочестивая монахиня и обучала начальной грамоте. Когда же она скончалась о Господе, тогда взял его к себе евнух царя Романа Старшего и в Константинополе отдал его учителю Афанасию для обучения наукам (928 г.). Во все время обучения своего там Авраамий жил у

своей родственницы, жены етериарха Симеона Зуфинезера*. По окончании учения он преподавал уроки в государственном училище, но недолго. Жизнь частная, строго подвижническая, нравилась ему более, чем жизнь служебная. Прошли двадцать четыре года с той поры, когда евнух привез его в Константинополь. Тогда в нем разгорелось желание поступить в монастырь, и Бог исполнил это желание его. Случилось: (953 г.) в Константинополь приехал игумен Лавры, что на горе Кимине**, Михаил Малеин, дядя Никифора Фоки, бывшего тогда начальником восточной армии, а потом царем греческим. Авраамий явился к нему с просьбою о принятии его в Лавру. Просьба его была исполнена. В Киминской обители постригли его в монашество и нарекли Афанасием. Четыре года, 953–957, он провел тут под руководством Малеина и усовершеншился в монастырских подвигах так, что этот святейший и •[III/1 69]• прозорительный старец дозволил ему начать созерцательную жизнь в уединении и безмолвии вне своей лавры. Так проведены были им два года, 958–959. В это время там узнали духовную мудрость и святость Афанасия упомянутый Никифор Фока и родной брат

* О Зуфинезерах Феодоре и сыне его Симеоне, служивших етериархами у царя Константина Порфирородного, упомянули продолжатель летописи Феодана и Лев Грамматик: Theophanes continuatus, lib. VI, de Constantino Porphyrogen. Bonnae, 1838. P. 392. — Leonis grammatici Chronogr. Bonnae, 1842. P. 299.

** Τυτικὸν Ἀθανασίου: «Κατὰ τὸ ὄρος τοῦ Κυμινᾶ».

* См. отрывок в Оправданиях ко 2 отд. III ч., № 96. — П.К.

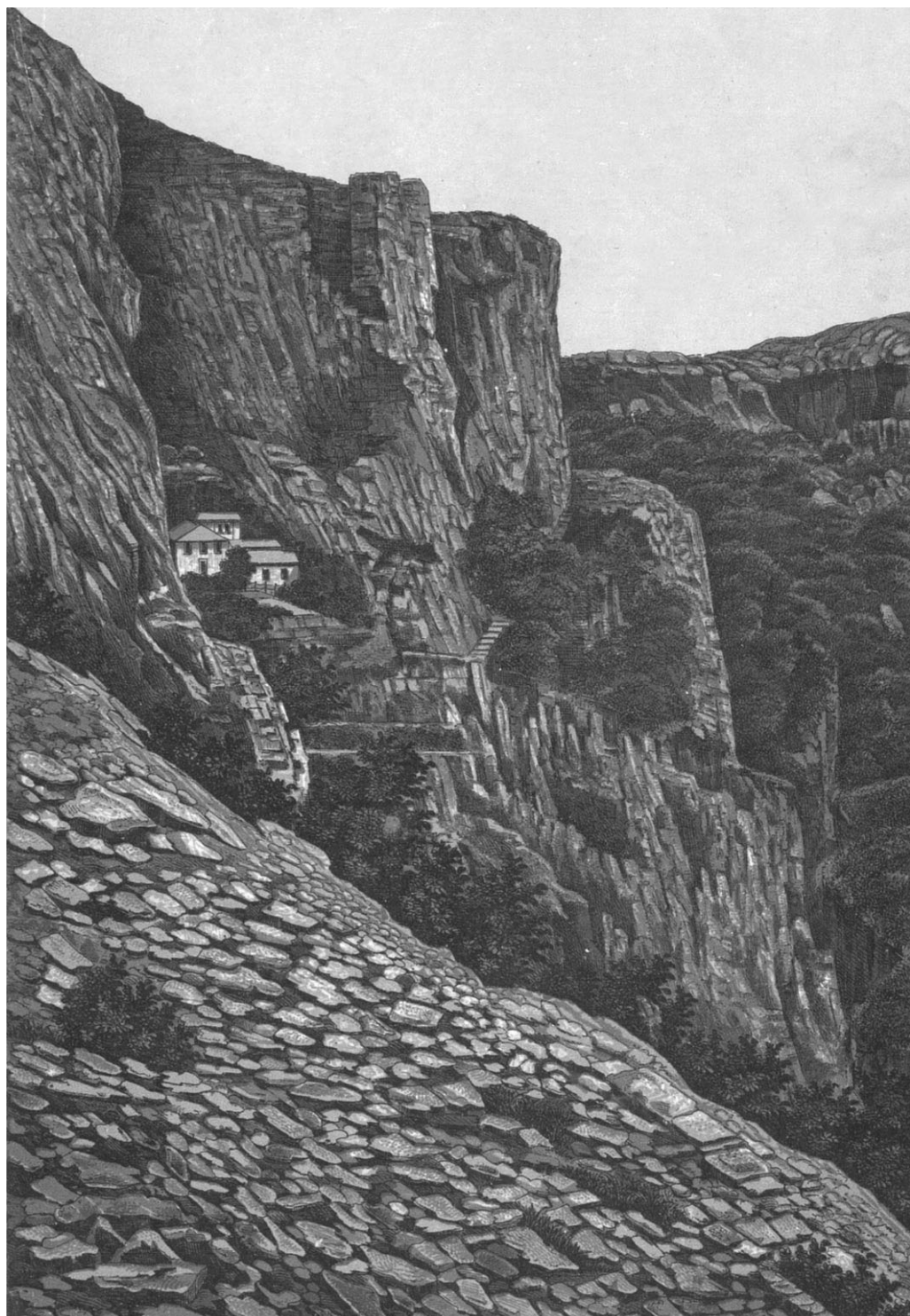
его Лев патриций и, с согласия Малеина, исповедовали ему грехи свои. Никифор, весьма часто посещавший лавру дяди своего, строивший монахам аскитирии на горе Кимине, снабжавший их всем нужным и постившийся и молившийся вместе с ними, открыл ему свое намерение постричься в монашество и препятствия к тому от царей*. Между тем Малеин со дня на день дряхлел и болел часто. Он прочил Афанасия в преемника себе. Но Афанасий, узнав об этом от одного достоуважаемого собрата, тайно ушел из Киминской лавры на Афон *желательный*, взяв с собою только кукуль, данный ему Малеином, и две книги, написанные рукою его, именно Четвероевангелие и Апостол. Это было в начале 960 года. Тогда ему исполнилось сорок лет от роду.

Сей киминский безмолвник обошел весь Афон и, видев там множество иноков и строгое и суровое житие их и особенно пустынных безмолвников, удивлялся их подвигам и радовался

тому, что Бог сподобил его узнать таких святых подвижников. «Между ними безмолвники не возделывали земли, не держали ни вола и никакого подъяремного животного, ни собачки, ни пса, и поставив сени из колышков и накрыв их травой, жили под ними, терпя летом и зимою зной и холод. Когда им надлежало принести что-либо тяжелое, они приносили это на себе, уставив на спинах своих подстилки •[III/1 70]• вроде муловых седел»*. Пища их была весьма скудная. Ежели миряне и привозили на судах к ним пшеницу, как доброхотное подаяние *благословения ради*, то сие бывало весьма редко, потому что критские магометане часто нападали на Афон и уводили в плен посетителей сей горы, а иноков даже убивали. Таковы были святогорские безмолвники в 960 году. Что касается до их собратий монастырников, то они не описаны в Житии преподобного Афанасия, не зная почему. А в собственноручном Типике его сказано, что *многие* на Афоне возделывали огороды и

* «Μονήρους βίον ζηλωτῆς διάπυρος γεγωνῶς Νικηφόρος... ἀσκητήρια συνεχῇ κατὰ τὸ ὄρος τοῦ Κιμινᾶ δειμάμενος μοναχοῖς ἐν αὐτοῖς ἐγκατέκησεν, καὶ τὴν αὐτῶν ἀναγκαίαν χρεῖαν ἀφθόνως ἐπεχοώγησεν... τῇ τῶν ἀρετῶν ἐργασίᾳ καὶ τηρήσει τοῦ νηός, ταῖς τε μακροτάταις νηστείαις καὶ ἀγρυπνίαις ὑπεργκόντιζε μοναχοὺς... Συνεχῶς ἀφικνούμενος ἐν τῇ τοῦ μακαρίου θεοῦ αὐτοῦ Λαύρα Μιχαὴλ τοῦ ἐμοῦ καθηγουμένου ἔσχικε γνῶρισμα καὶ πίστιν ὁ αἰμίμητος εἰς τὴν ἡμῶν ταπείνωσιν, πόθον τε πνευματικόν... ἀπεκάλυπτε καὶ τὸν λογισμόν αὐτοῦ, ὅπως προήρητο τὸν μονήρη βίον ἐλέσθαι, καὶ ὅπως παρὰ τῶν βασιλέων διεκωλύετο». Τυπικὸν Ἀθανασίου, I.

* «Οὐ γὰρ γῆν ἤρουν, οὐ βοὺν εἶχον, οὐχ' ὑποζύγιον, οὐκ ἄλλο τι τῶν ἀχθοφόρων ζώων, οὐ κυνάριον, οὐ κύνα, ἀλλὰ καλύβας ἐκ μικρῶν πηξάμενοι ξύλων καὶ ὀροφῇν αὐταῖς ἐκ χόρτου συμφορεθείσαις ἐπισχεδιάσαντες, οὕτως ἐν θέρει, οὕτως ἐν χειμῶνι διεκαρτέρουν τῶν ἐναντίων τοῦ ἀέρος ἀνεχόμενος προσβολῶν. Εἰ δῆποτε καὶ γένοιτό τις χρεῖα μετακομίσαι τι τῶν παρ' αὐτοῖς, αὐτοὶ δι' ἑαυτῶν τὴν τῶν νωτοφόρων ζώων χρεῖαν ἐπλήρουν. ἐπιστρώματα γάρ τινα οἶα τὰ τῶν ἡμιόνων τοῖς ἑαυτῶν ἐπιτιθέντες νώτοις, ταῦτα δὴ τὸ τοῦ Χριστοῦ ὑποζύγια, οὕτως ἐν αὐτοῖς τὰ ἄχθη μετέφερον». Βίος Ἀθανασίου.

Пещера преподобного Афанасия.

вновь насаждали виноградники, готовые же покупали и улучшали*. Эти *многие* явно суть монастырники, ибо кроме их и безмолвников никого там не было.

Проживая у пустынных безмолвников, Афанасий услышал о блаженной кончине своего отца и наставника духовного Михаила Малеина и почтил его память**.

В то же время дошли до него вести о смерти царя Константина Порфирородного, скончавшегося в 15 день ноября месяца 960 года, о восшествии на престол сына его Романа Младшего и о назначении духовных чад его Льва патриция и Никифора Фоки военачальниками действующих армий, первого на западе, а второго на востоке***. Опасаясь, как бы они не отыскиали его и не взяли с собою, Афанасий ушел в афонский монастырь Зигу. Вне этой обители безмолвствовал некий инок •[III/1 71]• бесхитростный, препростый. К нему явился пришлец сей под именем судовщика Варнавы, потерпевшего кораблекрушение и постригшегося в

монахи ради спасения души, и просил его принять к себе как послушника. Простец принял мудреца и по просьбе его (притворной) начал учить его азбучным складам. Между тем Никифор Фока осведомился об отшествии Афанасия из Киминской Лавры и, вспомнив, как сильно хотелось ему подвизаться на Афоне, письмом просил солунского воеводу отыскать его на сей горе. Воевода исполнил его просьбу, описав приметы искомого монаха афонскому проту Стефану. По этим приметам прот узнал его в самый день Рождества Христова в Протатском храме и поведал ему, что его ищут знакомые ему вельможи, однако скрыл его в келье, отстоящей от Карее на три поприща. Тут Афанасий провел весь 961 год, занимаясь переписыванием священных книг, кои продавал в Карее монах Лука, и на вырученные деньги покупал ему хлеб насущный.

Но горящий светильник, как город, расположенный на горе, не может укрыться: так не укрылся и Афанасий. Его нашел Лев патриций, посетивший Афон после побед своих над скифами, и по просьбе его, внушенной карейскими старцами, дал проту Стефану золото на постройку нового, пространного, храма в Карее, потому что прежний храм стал уже мал для всех афонских монахов, которые в то время трижды в год собирались в Протат: в Рождество Христово, в Пасху и в Успеньев день.

Пока строился новый Карейский храм (962–964 г.), Афанасий, как теплейший рачитель безмолвия, по бла-

* «Εἰς ἀγροὺς ἐν τῷ Ὄρει πολλοὶ καλλιεργήσαντες καὶ ἀμπελῶνας καταφυτεύσαντες, ἐτοίμους τε ἐξωνησάμενοι καὶ ἐπιφανερωτέρᾳ ὄψει καὶ βελτιώσει γενέσθαι τούτους σπουδάσαντες». Τυπικὸν Ἀθανασίου, τμῆμα III.

** Прп. Михаил Малеин скончался 12 июля 961 г. — П.К.

*** «Τὸν Νικηφόρον καὶ δομεστικὸν τῶν σχολῶν τὸν τοῦ Φωκά μάγιστρον ἐτίμησεν καὶ κατὰ τῶν ἀρνητῶν Χριστοῦ ἐν τῇ ἐώᾳ ἐξέπεμψεν. Καὶ τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ πατρίκιον τὸν Λέοντα στρατηγὸν προεβάλετο, ὄντινα καὶ μετ' οὐ πολὺ μάγιστρον καὶ δομεστικὸν τῆς δύσεως ἐποίησεν». Theophanes continuatus, lib. VI, 4. Pag. 472.

гословению прота Стефана и советных старцев, перешел на местность нынешней Лавры, называвшуюся тогда Мелана и далеко отстоявшую от келий безмолвников, и тут, поставив себе малую келью, продолжал свои духовные подвиги*. Но вдруг явилась в •[III/1 72]• нем вялость и одолевала его так, что он зарекся покинуть Афон, ежели в течение года (962) не станет у него сил бороться с нею и превозмочь ее.

В этот тяжелый для него год Никифор Фока с огромным флотом и многочисленным войском, состоявшим из фракийян, македонян, россов, славян и армян, в месяце июле отправился к острову Криту с тем, чтобы завладеть этим гнездом магометанских разбойников, опустошавших греческое царство и губивших афонских монахов с 926 года**. Оттуда он многократно посылал к Афанасию своих гонцов звать его в военный стан и, несмотря на решительные отказы его, часто писал к

* «Τόπον δεδώκασιν ἡμῖν ὁ τε μακαριώτατος καὶ εὐλαβέστατος μοναχὸς Στέφανος ὁ τηνικαῦτα κατὰ τὸ ὄρος πρωτεύων τοῦ Ἀθωνος καὶ οἱ λοιποὶ γέροντες, καθὼς εἰθισμένον αὐτοῖς ἐστὶ τὸν διακατερεοῦντα ἐπὶ δυσὶν ἢ τρισὶν ἔτεσιν ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει καὶ προαιρούμενον ἡσυχάζειν λαμβάνειν τόπον μετὰ τῆς συμβουλίας αὐτῶν, οὗ ἂν ἀρεσθῇ». Τυπικὸν Ἀθανασίου, τμῆμα II. — Отсюда видно, что тогдашние афонцы, по старому обычаю, начинали безмолвствовать после двухлетнего и трехлетнего послушания в каком-либо монастыре. Этого обычая они не отменили и для Афанасия. Следовательно, на Мелане он водворился уже в 962 году, проведши предшествовавшие два года в обозрении Афона и в послушаниях в монастыре Зигу и в Карее.

** Theophanes continuatus, lib. VI, de Romano. Pag. 473–481.

нему и настоял, чтобы он непременно посетил его*. Пустыннлюбивый безмолвник наконец внял убедительным просьбам его, после того как исчезла одолевавшая его вялость души, и отправился на остров Крит, если не в конце 962-го, то в начале следующего года. Там его видели россы и славяне, служившие в полках Никифора. Там этот счастливый полководец уговаривал и убеждал его строить на Афоне Лавру, в которой хотелось ему жить по-монашески, как жил он на горе Кимине**. Слабо действовали на осторожного Афанасия все убеждения его. Но он настоял на своем. Наконец оба они расстались, когда Крит •[III/1 73]• был завоеван Никифором. Афанасий возвратился в свою меланийскую келью, а Никифор в Константинополь. Это было в марте месяце 963 года***.

* «Ἐχόμενος τῶν ἀγώνων, πλειστάκις ἐπέστελεν ἡμῖν ἐν τῇ τῶν βαρβάρων νήσῳ περαιωθέντας πρὸς αὐτὸν ἀφικέσθαι. Ἡμῶν δὲ οὐ βουλευθέντων εἶξαι, γράμμασι πυκνότεροις ἐνέχρητο, μὴ ποιησάμενος ἐνδοσιν, ἕως πρὸς αὐτὸν τὴν ἀφίξιν ἐποιησάμεθα». Τυπικὸν Ἀθανασ.

** «Ἐν τοίνυν τῇ τῷ βαρβάρων τῷ Νικηφόρῳ συνδιατριβόντων ἡμῶν νήσῳ, οὐκ ἔλιπε παρακαλῶν καὶ προτρεπόμενος, ὥστε ποιῆσαι τὴν ἡμῶν μετριότητα παραδέξασθαι δομηθῆναι Λαύραν πρὸς τὸ γενέσθαι αὐτὸν ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἀθωνος, καὶ βῶναι βίον, ὃν ἀνέκαθεν ἡρετήσατο». Τυπικὸν Ἀθανασίου, τμῆμα I.

*** «Εἶχε μὲν οὖν Κωνσταντινούπολις ἐκεῖνον μετὰ τῶν τοσοῦτων τροπαίων καὶ νικητηρίων. Ἡμεῖς δὲ πρὸς τὸ ἡμέτερον κελλίον ἀφίγμεθα». Τυπικὸν Ἀθανασ. — Theoph. cont. Pag. 481. — П.К.: Завоевание Крита и триумф Никифора Фоки в Константинополе датируются 961 г.

**§ 23. Постройка и обеспечение
Лавры. Унесение мощей Петра
Афонского в село Фотокоми.
Восстание исихастов
против Афанасия**

В 15-й день этого же месяца и года скончался царь Роман Младший, оставив по себе наследника престола, трехлетнего сына своего Василия. А так как сей наследник был слишком малолетен, то неограниченное управление государством вверено было покорителю критских агарян Никифору Фоке, но только со 2-го дня июля месяца 963 года: 16-го же августа он венчан был на царство, а 20 сентября сочетался браком со вдовою Романа Младшего Феофано. В промежутки времени между 15 марта и 2 июля, точнее, около 15/20 апреля*, он еще до воцарения своего из Константинополя послал на Афон к Афанасию монаха Мефодия с письмом и с шестью литрами (фунтами) золота на постройки: так твердо было его намерение спастись на Св. Горе. Мефодий нашел Афанасия в меланийской келье его и, вручив ему Никифорово письмо и золото, прожил у него шесть месяцев без мала (ὡς μῆνας ἕξ), по 1 октября, и многократно уговаривал его

строить Лавру. Меланийский безмолвник с жаром принялся за это дело и еще в бытность у него Мефодия поставил кельи для Никифора близ Лавры (κελλία βασιλέως μικρόν τῆς Λαύρας διεστηκότα) и обещался начать постройку лаврской церкви, что обрадовало сего гостя так, что он возвратился к Никифору Фоке в восторге •[III/1 74]• от сговорчивого безмолвника. По отшествии его Афанасий тотчас начал строить обещанную церковь, несмотря на величайшую дороговизну съестных припасов по случаю голода, начавшегося с октября месяца прошлого, 962 года*. Но в четвертый месяц после этого начинания (значит, в январе 964 г.) он достоверно узнал о воцарении Никифора и о бракосочетании его со вдовствующей государынею, и в величайшем смущении духа от этой нечаянности перестал строить церковь, сооруженную до половины, и отправился в Константинополь, где и укорил Никифора в непостоянстве и нарушении данного слова. Но сей государь клятвами удостоверял его в том, что ему не любо царствование, что он не прикасается к жене и при первом удобном случае

* В собственноручном Типике Афанасия сказано, что прошло немало времени от поры возвращения Никифора в Константинополь до посылки Мефодия на Афон: «Ἡμεῖς πρὸς τὸ ἡμέτερον κελλίον ἀφίγμεθα. Μετὰ δὲ χρόνον ἱκανὸν ἀπέστειλεν Νικηφόρος Μεθόδιον...» По расчислению моему с оной поры до этой посылки прошло не более 30 или 40 дней. Но и это малое время ретивому Афанасию казалось продолжительным.

* «Καὶ ἔτι παρόντος αὐτοῦ (Μεθοδίου) ὁρμισθέντες κτίειν τὰ εἰς λόγον τοῦ βασιλέως κελλία συνετελέσαμεν, ἃ καὶ μέχρι νῦν διαμένουσιν. Ὑποσχομένων οὖν ἡμῶν καὶ τὴν τῆς ἐκκλησίας οἰκοδομήν, ἀνεχώρησε χαίρων ὁ ἄνθρωπος. Εἰχόμεθα τοίνυν τοῦ ἔργου». Τυπικὸν Ἀθανασίου. — Theopanes continuatus, lib. VI. Pag. 479: «ἐν ὀκτωβρίῳ μηνὶ τοῦ δευτέρου ἔτους τῆς βασιλείας Ῥωμανοῦ (962) ἐγένετο σπάνη σιτοῦ καὶ κριθῆς ἐν τῇ πόλει...». — Афонский патерик. СПб. 1860. Ч. 1. С. 105.

уйдет на Афон и там исполнит свой обет, данный Богу, лишь бы окончена была церковь лаврская*. Афанасий возвратился в свою келью и продолжал эту постройку, получая деньги от Никифора, а больше от других хрисовульцев**.

Когда церковь была построена в небольших (sic) размерах и со всех сторон обставлена кельями, как зрачок глаза обложен веками, тогда (964/5 г.) Афанасий, желая упрочить будущее благосостояние своей Лавры, представил царю Никифору записку, в которой изложил устав своей новой обители, а царь, •[III/1 75]• согласно с этою запиской, дал Лавре хрисовул, жалующий ей 244 златицы с доходов острова Лимноса***. Содержание сего хрисовула и дальнейшие дела Афанасия, как то: постройка Милопотамского метоха и отдельных исихастирий в околоте Лавры, сооружение братской трапезы, водопровода и пристани для мореходных лодок,

учреждение церковных, трапезных и прочих монастырских порядков, и вдобавок душевные скорби, телесные страдания, разные напасти и тяжкая смерть под обрушившимся сводом расширяемой (sic) соборной церкви — все это будет изложено мною в истории Афонской Лавры, а здесь оповещаются дальнейшие события на Св. Горе, кои охватывали всех вообще насельников ее.

Самое неприятное для них и нечаянное событие было унесение святых мощей преподобного Петра Афонского афоно-климентинцами из Карейского храма. Оно случилось или тогда, когда сей храм перестраивался с оснований иждивением Льва патриция (962–964), или, вероятнее, после освящения его, но еще при жизни царя Никифора (965–969 гг.), когда строитель Лавры Афанасий, упрочивший будущее благосостояние ее, возбудил нерасположенность к себе всех безмолвников, как нарушитель их старинных обычаев

* «Οὕτω δὲ παρεληλυθὸς τετραμῖνον ἀκηκόαμεν ἀναγορεύεσθαι αὐτὸν βασιλέα. Καὶ δὴ καταλείψαντός μου τὸ τῆς ἐκκλησίας ἔργον ἡμιτελές, καὶ τὴν βασιλίδι καταλαβόντος πόλιν, πρὸς αὐτὸν ἀφκνουμένον τε, οἷοις εἰκὼν ἦν λόγοις ὀνειδιστικοῖς κατ’ αὐτοῦ ἐχρησάμην... ὁ δέ μοι ἀνθυπέφερεν, ὅρκους πληροφορῶν αὐτῆς τῆς βασιλείας καταφρονῆσαι, ἄλλως τε δὲ καὶ τῆς γυναῖκος μηδεμίαν ἐπιστροφὴν ποιῆσαι καὶ καλοῦντος ἐπιτηδεῖον καιροῦ... πρὸς τὸ ἅγιον ὄρος φοιτῆσαι καὶ τὰς συνθήκας πληρῶσαι τὰς πρὸς τὸν Κύριον». Τυπικὸν Ἀθανασίου.

** «Οὕτω δὴ βεβαιωθέντες τοῖς αὐτοῦ ῥήμασιν, ἐπανήκομεν εἰς τὸ κελλίον ἡμῶν καὶ πάλιν εἰχόμεθα τῆς περὶ τὴν ἐκκλησίαν οἰκοδομῆς. Χρήματα τοίνυν εἰς τὴν τῆς ἐκκλησίας οἰκοδομὴν ἔδωκε μὲν ἐκεῖνος... ἀλλὰ τὰ πλείω παρὰ τῶν ἄλλων φιλοχρίστων... δέδοται». Ibidem.

*** «Μηδεὶς οἰέσθω βουλῆς ἀνευ εἰδήσεώς τε καὶ γνώμης ἡμετέρας λέξιν ψιλὴν ἐν τῷ χρυσοβούλιῳ περιέχεσθαι. ἀλλ’ ὥς ἂν ἡμεῖς αὐτῷ (βασιλεῖ) ὑπεθέμεθα ... προσυπομνήσαντες τῷ αἰοδίμῳ καὶ ἀγίῳ βασιλεῖ ἀνεθέμεθα σημανθῆναι τῷ χρυσοβούλλῳ...» Τυπικόν, τμήμα IV. — Κύριος Ἰωάννης (Τζιμισχῆς) ὁ εὐσεβέστατος ἡμῶν βασιλεὺς προσθήκην ποιησάμενος τοῦ τῆς καθ’ ἡμᾶς Λαύρας σολεμνίου σμδ’ νομίσματα ἀναλόγως τῷ παρὰ τοῦ βασιλέως Νικηφόρου γεγονότι καὶ χρυσοβούλιον ἑαυτοῦ ποιήσας, ἐπιδέδωκεν ἡμῖν...» Ibidem, τμήμα V. — Составитель Жития преподобного Афанасия Афонского упомянул, что хрисовул царя Никифора Фоки был пожалован Лавре в 6469 (961) году, когда индикт был 4-й. Но в 961 году он не мог жаловать хрисовула ни Лавре и никому, потому что тогда он еще не царствовал, а хрисовулы жалуетмы были только царями.

и нововводитель, и когда безмолвствующие монахи обители Климента, сердечно чтившие святую память Петра безмолвника же, разделяли со всеми исихастами нерасположенность к сему нововводителю, опиравшемуся на царскую державу и дружившему с любимцем царей Иоанном Ивиром, •[III/1 76]• который замышлял овладеть их обителью, что и исполнил в 980 году. Между этими климентинцами нашлись существа горячие; и они-то решились взять из Карейского храма мощи Петра, дабы они не достались царедворным монастырникам, взяли их и увезли во Фракию, и там в селе Фоотоками уступили местному епископу за 100 золотых монет. Очевидным свидетелем сего происшествия был составитель Жития Петра Афонского монах Николай, с которым мы встретимся скоро. Но не в другое ли время было это происшествие? Не в начале ли царствования Никифорова преемника Иоанна Цимисхия в 970 году? Не думаю. Ибо тогда во всех исихастах ожила надежда изгнать Афанасия с Афона и упрочить старые порядки, а такая надежда не внушила бы решимости лишить Афон священного сокровища, т.е. мощей Петра исихаста.

В 969 году 11 декабря царственный покровитель Лавры Афанасия Никифор Фока умерщвлен был женою его.

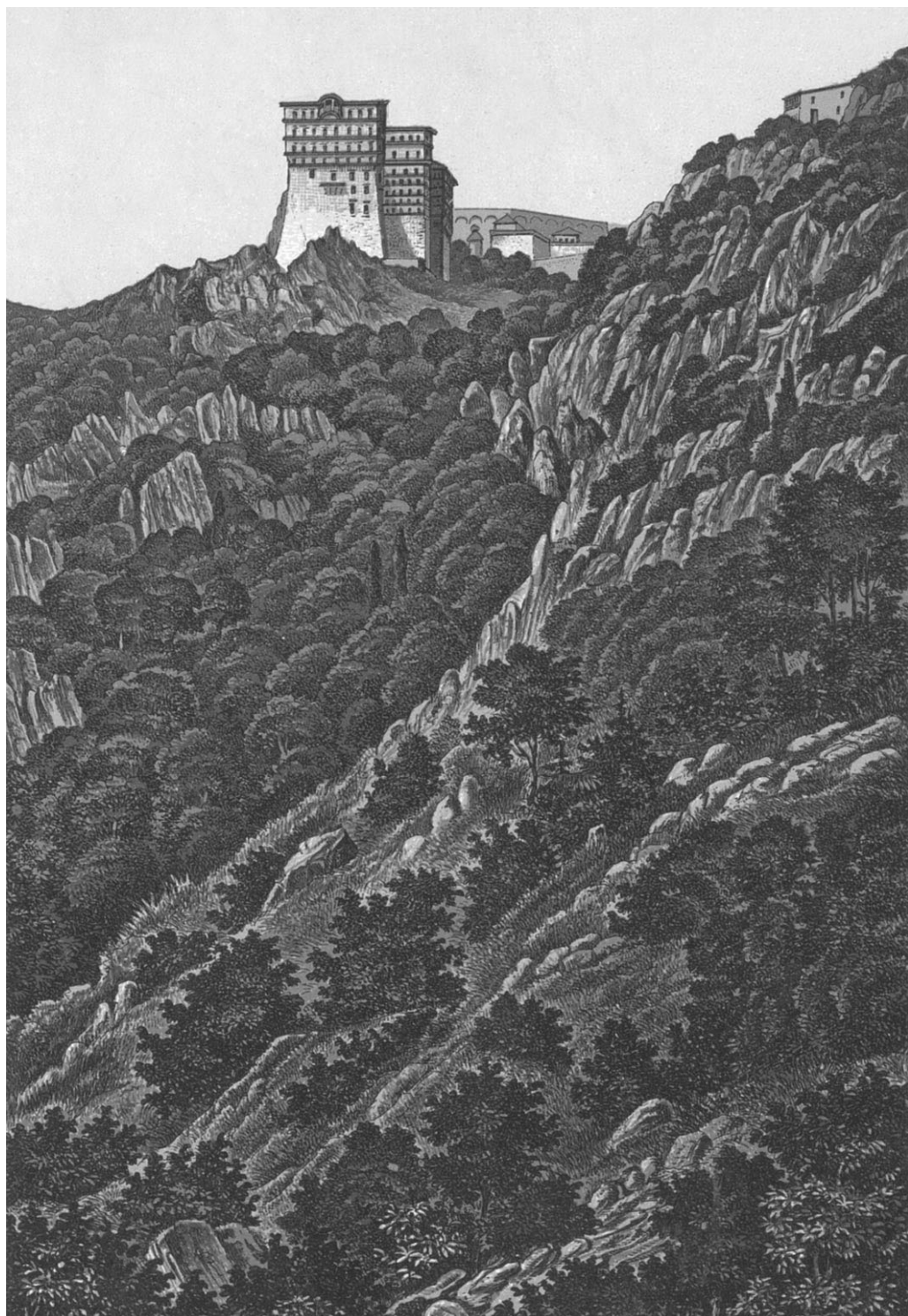
Преподобный Афанасий оплакал несчастную кончину его и в своем Типиконе искренно называл его царем *блаженнейшим и мучеником**. На Афоне сочинена была церковная служба этому монахолюбивому мученику, некогда удивлявшему киминских подвижников своими добродетелями, трезвением ума, целомудрием, продолжительными пощениями, бдениями и неустанными поклонами земными**. Я видел эту службу в древней рукописной Минее, хранящейся в библиотеке Симонопетрского монастыря на Афоне, но не списал ее, о чем теперь жалею немало.

Вместо Никифора Фоки правителем греческого царства, во время не совершенноголетия законного государя Василия, провозглашен был Иоанн Цимисхий. Он управлял с 25 декабря 969-го •[III/1 77]• по 4 декабря 975 года. Его заслуга по отношению к Афону состояла в умиротворении тамошних безмолвников и монастырников и в установлении более прочного порядка у них посредством устава, сочиненного ими самими и утвержденного его царственностью. Оповещаю эту заслугу.

Известно, что горный Афон с 870 года в третий раз населен был пустынными безмолвниками (исихастами), которые не приобретали никаких имений, не запасались рабочим скотом и питались трудами рук своих. К ним

* «Κύριος, οἷς κρίμασιν αὐτὸς μόνος ἐπίσταται, μαρτυρικῶ τέλει τὸν βίον αὐτὸν εὐδόκησεν ἀλλάξει». Τυπικὸν Ἀθανασίου, τμήμα II.

** «Τῇ τῶν ἀρετῶν ἐργασίᾳ καὶ τηρήσει τοῦ νηὸς, ταῖς τε μακροτάταις νηστείαις καὶ ταῖς εὐτονίοις ἀγρυπνίαις καὶ διηγεέσι χαυμέναις τοὺς ἐν ὄρεσι διαιτωμένους ὑπερεκόντιζε μοναχοὺς, ἀγωνιζόμενός τε καὶ σώφρων, ὅσον ἡμέτερος παραστήσαι λόγος οὐ δύναται». Τυπικόν, τμήμα I.

Симонопетра.

впоследствии присоединились монастырики — келлиоты. Но и они жили по одинаковому с ними уставу, обрабатывая, однако, маленькие участки земли, кои отводил им Протат. Только один великий монастырь Иоанна Колову владел немалым околотком Ериссовским и занимался хлебопашеством, садоводством и скотоводством, но он находился не на самом Афоне, а на перешейке сей горы. Вся горная местность афонская принадлежала Протату, который раздавал *маленькие* участки ее благонадежным монахам в *условное* владение: так он дал Афанасию участок Меланийский. Такой образ жизни и такой хозяйственный порядок соблюдался на Афоне почти сто лет. Когда же пришел на эту гору Афанасий и, построив Лавру по настойчивому желанию царя Никифора, приобрел ей *в собственность весьма пространное место*, начиная от мыса, где были складочные клетки, до Антиафона*, т.е. от самой Лавры до речки Велос, текущей из-под стрельчатой высоты Антиафона с северной стороны**, Милопотамское урочище, великий монастырь в Солуне***, Перистерийскую обитель, построенную Евфимием

Солунским*, и 244 золотые монеты с доходов острова •[ш/178]• Лимноса ежегодно, и когда он устроил пристань для мирских посетителей Афона и складочные тут клетки, провел с высот воду в самую Лавру свою, насадил виноградники в Милопотаме и начал употреблять волов при выделке хлебного теста на 120 монахов, тогда все эти нововведения породили недовольство и ропот в нестяжательных безмолвниках, которые, убежав от суетного мира, неожиданно увидели у себя дела мирские, противные уставу их. Между ними нашлись неразумные и ярые ревнители старины, из которых один брал нож, дабы умертвить нововводителя, а другой замышлял извести его чародействами. Но пока жив был царь Никифор, искренно желавший променять порфиру на власяницу в Лавре Афанасия, ропот исихастов таился в душах их; по смерти же его вдруг вспыхнул, как пламя. А раздувал его великий князь тьмы, ходя со своими бесами по укротникам *препростых тогда иноков святогорских* и нашептывал им: «Зачем вы терпите здесь Афанасия? Он нарушает устав Св. Горы: строит дорогие здания; направляет в свою Лавру *все* источники афонской воды; держит рабочий скот; готовит квасные хлебы; насаждает виноградники; всю Св. Гору превращает в мирское селение. Соберитесь же все вместе и прогоните его отсюда,

* «Τῆς Λαύρας περιοχὴ ἀπὸ τοῦ ἀκροατηρίου τῶν ἀποθηκῶν καὶ μέχρι τοῦ Ἀντιάθωνος». Τυπικόν, τμῆμα V.

** От Антиафона, или Афоненка, к морю спускается узкий отрог, словно стрела. Посему он называется Βέλος — стрела. А от него и речка, и мост на цепи у моря называются так же: Βέλος.

*** Это сказано в Житии прп. Афанасия.

* «Περὶ τῶν Περιστερῶν μονῆς τοῦ ἀγ. ἀποστόλου Ἀνδρέου, τῆς ὑπὸ τὴν ἡμετέραν ἐξουσίαν τελούσης, ἡμῖν ἔδοξε διατάξασθαι». Τυπικόν, τμῆμα V.

а все, что он построил, разорите; и будет забыто имя его. Или, идите к новому царю Иоанну с жалобою на него, и он повелит изгнать его из среды вашей»*. Такие внушения лукавого, преобразившегося в ангела светлого и отстаивавшего священную старину и святую нестяжательность, вполне обухали безмолвников. На их стороне стали прот Афанасий и достоуважаемый всеми монах Павел. Оба эти безмолвника отправились в Константинополь и там лично жаловались царю Иоанну Цимисхию на Афанаasia, говоря, «что между ними и этим игуменом Лавры уже давно происходят соблазны и споры по причине нарушения им древних обычаев афонитов и что не •[III/1 79]• придумывается никакой способ к прекращению сего зла и к водворению взаимного мира». Государь поручил игумену Студийского монастыря Евфимию уладить разладье на месте. Евфимий прибыл на Афон и в течение одной недели, в присутствии всех игуменов и всех монахов, выслушивал соперников, вникал в их взаимные обвинения и оправдания, разрешал все недоумения и помирил обе противные стороны, обвинив одного сатану в искушении монахов. А дабы не повторилось то, что случилось, и дабы упрочился мирный быт афонитов, без колебаний и разделений и без повода к соблазнам для мирян, составлены были, по общему согласию игуменов, упорядочивающие внешний быт монашеский правила

под именем Устава, Τυτικόν, который утвержден был царем Иоанном.

Передаю этот Устав по-русски, прося наших еллинистов читать его в подлиннике, помещенном в Оправданиях сей «Истории» под № 1.

§ 24. Первый Устав афонский

«Подвизающиеся на горе Афонской благоговейнейшие монахи, Афанасий, благоговейнейший монах и прот сей горы, и Павел, благоговейнейший монах, прибыв в богохранимый град и представ пред лице благолюбивого царя нашего, говорили, что между ними и благоговейнейшим монахом Афанасием, игуменом царской Лавры, именуемой Мелана, уже давно происходят соблазны и ссоры от того, что пресекаются некоторые (обычаи)* и объявили, что не придумывается никакой способ к прекращению сего зла и к водворению взаимного мира. Посему боговенчанный и державный царь наш, живущий под законами Сына Божия и охраняемый правотою, заботясь об умиротворении монахов и о водворении между ними согласного и тихого жития чтобы их не водили •[III/1 80]• в мирский суд и дел их не рассматривали бы архонты, и чтобы чьи-нибудь наговоры на них не оглашались в народе, особенно потому, что дела монашеские не могут быть основательно обсуждаемы мирянами (ибо иные

* Из Жития прп. Афанаasia Афонского.

* Здесь точки означают пропуски в греческом тексте, который я имею под руками.

нравы, тяжбы, жалобы и расправы у монахов, и иные жалобы и решения на них у мирян): повелел дать нашей мерности свой питтакион* и созвать обе стороны, выслушать их жалобы и учинить исправление, сообразное с делами, по смыслу божественных канонов. И вот по прибытии нашем на место, при обеих тяжущихся сторонах, в заседании с нами всех игуменов горы и в присутствии всего собора братий, рассматривались и тщательно исследовались дела в течение целой недели, и обе стороны найдены правыми во всем, хотя это и странным покажется тому, кто не может глубоко и духовно вникать в дела. Ибо открылось, что завязавшийся между ними спор произошел от наваждения сатаны. Таким образом, по разрешении всех недоумений был дарован им глубокий и непоколебимый мир содействием и благодатью Божиею. Кроме сего нашедши и другие дела, требовавшие исправления, мы покончили их по нашему разумению и по строгому смыслу божественных канонов. Также являлись к нам некоторые монахи со своими взаимными недоразумениями и жалобами, и их мы рассудили и помирили. Вникнув же в дела гораздо тщательнее, мы открыли, что некоторые соблазны, ссоры и плевелы возникают от собраний. А так как известно нам, что умные люди придумали собрания для пользы и утешения братий, между тем случилось, что они ведут к цели противной, то соглас-

но с общим мнением, требованием и желанием всех сопричастующих с нами благоговейнейших монахов и игуменов (которых имена и подписи значатся в конце сего Устава), мы соблаговолили и распорядились отменить два собрания, одно в Пасху и другое в Рождество Христово, и сходиться им и составлять собрание •[III/181]• однажды в год в пречестный праздник Пречистой Богородицы и Богоматери*, и до этого дня сберегать и ругу**. Итак, мы постановляем, чтобы в указанный праздник прот приходил только с тремя учениками, а благоговейнейший Афанасий, игумен Великой Лавры, — с двумя, монах же Павел — с одним, а прочие игумены, келлиоты и безмолвники сходились бы без прислужников. Ибо все беспорядки и ссоры, как открыто нами, происходили большею частью от прислужников. Хотя мы надлежащим образом, как нам кажется, обдумали способ врачевания так, чтобы и скромность преподобия памятуема была обеими сторонами монахов, и мирный быт упрочился бы совершенно, без колебаний и разделений, без повода к соблазнам для мирян, и особенно без доуки божественному слуху благочестивого и державного царя наше-

* В праздник Успения Ее.

** Ругую здесь называется милостыня, собранная от разных лиц и разделяемая всем, которые молятся о милостивых, как это видно из 27-го правила сего Устава («Ρόγαν ἐκαλεῖτο ἐκ διαφόρων προσώπων συναθροισόμενον ἔλεος, καὶ ἔπειτα διανεμόμενον πρὸς πάντας τοὺς δεηθέντας ὑπὲρ τῶν ἐλεησάντων, ὡς ἐν τῷ κζ' τύπῳ τοῦ παρόντος Τυπικοῦ σαφέστερα φαίνεται»). Филофеит).

* Краткое именное повеление царя.

го; но ежели со временем установится совершенный быт содействием и благодатью Божиею и ежели все с общего согласия захотят учредить и другое собрание, то радуемся этому и мы и веселимся, но просим сообщить об этом и нам письменно, дабы кто не покусился отменить что-либо в Уставе.

Итак, предлагаем вам соблюдать следующие правила, кои, как думаю, будут угодны и Богу, приятны и благолюбивому царю нашему, сообразны и с подвижническою жизнью, потому что положены по общему мнению и суду всех игуменов, находящихся на горе Афонской.

УСТАВ

1. Мы признали за должное, чтобы в случае какого-либо проступка, требующего исправления и касающегося общины, или в частности какого-либо брата, никто из игуменов не имел •[III/1 82]• права обсуждать или исправлять таковой проступок, или налагать епитимию на падшего, или призывать его в суд без ведома прота, но чтобы и сам прот без собрания игуменов горы и без их воли и согласия не властен был делать что-либо неуютное им, хотя бы это казалось весьма полезным для общины или какого-либо частного лица.

2. Признаем справедливым и настоим, чтобы постриженные в иных монастырях, выбывшие оттуда и пришедшие на сию скромную гору и удостоившиеся приема, не властны были

ни покупать огородов (ἀγρούς)*, ни захватывать никем не занятые места по собственной их прихоти и воле, ни настоятельствовать в келлии без присуждения и дозволения прота и игуменов.

3. Всем приходящим к нам и обещающимся постричься в монашество надлежит искать приема у всех игуменов и отнюдь не помещаться вне духовного приюта (μάνδρας). Не должно постригать их скоро, доколе они не навькнут в монашеском житии, соблюдая монашеский канон в течение целого года, и доколе не докажут непоколебимой твердости своего намерения. Но после такого искуса, по рассуждению игумена, пусть они облачаются в иноческий образ. Если же кто пришел бы по какому-либо обстоятельству или как-нибудь иначе, и по расчету нельзя было бы ему ждать целого года, но тотчас требовалось бы отобщить его от мира, то сие мы отдаем на суд игумена. То же самое дозволяем и тому, кто по болезни просит пострига и желает облечься в иноческий образ, дабы не застигла его смерть и не преставила из сей жизни до назначенного нами времени.

4. Мирянин, поступивший к какому-нибудь игумену и проживший у него полгода или год, и по некоторым побуждениям и благословным причинам недовольный тем, что не •[III/1 83]•

* Под огородом на Афоне разумеи малый участок земли, на котором растут плодоносные деревья и виноградники.

назидается от него, может переходить к другому игумену духовному, которого сам он изберет и которого неукоризненное житие и способность врачевать души засвидетельствованы многими лицами. Однако не дозволяется ему перемещаться без ведома, согласия и передачи прежнего настоятеля его, а уже по его воле и отпуску пусть он переходит к тому, кто ему люб.

5. Ежели какой монах благословно не хочет более жить у своего игумена по причинам, вредящим душе его, то он, несмотря на то что от него принял монашескую схиму, может искать другого игумена и переходить к нему, однако по воле, согласию и распоряжению прежнего отца его. И мы заповедуем, чтобы никто из игуменов не властен был принимать к себе ученика другого игумена без ведома сего последнего. Когда же кто уличен бы был в уравнинии сего ученика со скотом рабочим, тогда другой игумен может и не передавать его уличенному.

6. Если бы кому из игуменов заблаторассудилось заживо продать или подарить свой огород, или передать его, кому бы он ни захотел, или по отшествии из сей жизни выполнить это же самое касательно достояния его, то по соизволению нашему он властен распорядиться своим достоянием и правом без всякого препятствия. Если же он ученику своему захочет передать свой огород в достояние и владение, то и это дозволяется ему беспрепятственно.

7. Ежели какой игумен горы предсмертию своею предоставит огород

свой кому-либо из попечителей с тем, чтобы он прилежно и богоугодно хозяйствовал тут и распоряжался, то попечитель не властен присоединить сей огород ни к Великой Лавре, ни к другому, ни к чужому и ни к своему собственному участку, а может только продать или подарить его достопочтенному и благоговейному лицу, лишь бы оказалось, что у него нет никакого огорода. Равным образом, и передачи по дарственным записям да производятся отныне по этому же правилу. •[III/1 84]•

8. Те, которые, уходя от своих игуменов, не хотят поступить на послушание к какому-либо отцу по изложенному нами правилу, а любят своевольно и безнаказанно обходить всю гору и наниматься в услужение, таковые да увещеваются однажды, дважды и многократно, и когда не захотят повиноваться тем, которые советуют им полезное, тогда и против воли да вручаются духовным отцам.

[9. Повелеваем и увещеваем, что никому не позволено вопреки древнему правилу святых отцов выставять напоказ и прилюдно обсуждать (θεατρίζειν ἢ ἐκπομπεύειν) чьи-либо беседы или исповедания. Если же окажется кто-то, делающий это, кто бы он ни был, да будет подвергнут каноническим епитимиям.]*

10. Тем послушникам, которые посредством упражнения в добродетелях

* Этот пункт, пропущенный у еп. Порфирия, переведен по приведенному ниже в «Оправданиях» греческому тексту. — П.К.

успели сделаться духовными и подвижниками и которые от игуменов их признаны способными вступить на поприще безмолвия, таковым и мы соизволяем и соблаговоляем жить наедине и подвизаться по изволению и присуждению их игуменов.

11. О приходящих к нам неизвестных священниках постановляется: не иметь им власти священнодействовать и ни в одиночку, ни с другими не дерзать служить Божественную литургию без поручительной грамоты или без уверительного и истинного свидетельства их епископов.

12. Внушаем же и то, чтобы в Святую Четыредесятницу все, как подвизающиеся наедине, так и живущие общинно, пребывали в безмолвии и не ходили бы одни к другим без благословной причины, или без крайней нужды, или без потребности врачевания худых и срамных помыслов. Да и игуменам не дозволяется в сии святые дни, кроме суббот, производить работы или явно делать что-либо другое, кроме духовного. Сверх сего вовсе запрещается вам вкушение рыбы в сии святые дни, кроме пречестного праздника Благовещения Пресвятые Богородицы и кроме какой-либо удручающей немощи.

13. Которые из монахов, приобретши огороды, продают их, а потом, купив другие, опять перепродают их по сребролюбию и скверноприбыточеству и не отстают от такой корчемнической торговли, таковых повелеваем мы всячески устранять от сего душевредного торга или навсегда прогонять с •[III/1 85]•

горы, ежели они не исправятся по первом и втором вразумлении и не возвратятся с лукавого пути.

14. Никому из братий не дозволяется ходить с горы и вступать в сочадство или побратимство с мирянами. Если же некоторые из них сделали это прежде, то отнюдь да не ходят они в дома их и не обедают, не ужинают, не гостят у них.

15. Так как угодно было вам сделать постановление касательно виноградного вина, то с общего согласия мы определяем и предлагаем, чтобы никто не смел продавать вина мирянам на самой горе, начиная от потока Зигийского. Ибо коль скоро это будет допущено, миряне чаще начнут ходить к монахам и сообщать им житейскую заразу. Но если бы кто выделал лишнее вино, тот пусть продает его монахам и у покупателей берет то, чего нет у самого. Поелику же на горе есть монахи, нуждающиеся в разных вещах, ибо не все зажиточны, а случится мирянам прийти сюда с такими вещами, в которых нуждается гора, то ради такой неизбежной нужды дозволяется им обмен вина.

16. Строжайше повелеваем отнюдь не принимать юношей безбородых и евнухов, приходящих на гору для пострижения*, а в случае какого-либо неотложного и крайнего обстоятельства ничего не делать, никого не принимать и не постригать без воли, согласия и

* Дабы не прокрадывались женщины, перерядившиеся по-юношески (Порфирий).

присуждения прота и всех игуменов горы. Если же кто из игуменов келлиотных, презрев устав сей, введет евнуха или отрока на свой участок или в келью и после первого и второго вразумления не покажет надлежащего исправления, то мы признаем полезным прогнать такового с горы навсегда.

17. Те из братий, которые, будучи неискусны в слове, но одарены духовным ведением, достигли игуменства, пусть имеют право постригать приходящих к ним, как и прочие •[III/1 86]• игумены, и пусть не низлагаются. А не бывших игуменами и похитивших этот сан, и не могущих управлять даже самими собою повелеваем передавать духовным отцам, дабы от них получили они пользу по исповедании своих помыслов.

18. Если бы кто, как послушник какого-либо игумена или как пришлец к нему из чужбины, с ведома и согласия его построил келью* и, не находя себе покоя, захотел бы отойти, то без всякого стеснения от игумена своего пусть получит половину стоимости своей кельи. Если же он хочет переместиться потому, что теснит его игумен, в таком случае мы повелеваем вытребовать от него (игумена) все издержки и потом отойти. То же самое постановляем мы и касательно поляны (χωράφιου) и виноградища.

19. Если бы какой монах поступил к кому-либо из игуменов с условием работать ему по договору круглый год

и в течение сего времени, обленившись, отошел бы от него, то дозволяется ему получить мзду за работу свою. Если же игумен по злоухищрению покусится обидеть брата отгнанием его без платы после четырехмесячного или полугодового времени, то мы повелеваем таковому (брату) взять с него деньги все сполна; в случае же сопротивления игумена, по страсти лишаящего работника мзды его, пусть он жалуется на него старцам, а эти без отлагательства пусть истребуют от него плату и отдадут ее челобитчику. Равным образом, заповедуем, чтобы и тот, кто без договора поступает на послушание и работает, и потом либо изгоняется, либо обижается игуменом и отходит от него, получал свою ругу всю сполна.

20. Мы почли нужным отменить так называемые барщины, отбываемые келлиотами игуменам их. Такие сделки пусть будут у мирян, а не у монахов. Впрочем, если кто хочет ходить к кому-либо на помощь добровольно, без всякого понуждения, это зависит от произвола работающего. •[III/1 87]•

21. Устанавливаем, чтобы эконо́м, которому поручено заведовать Срединою*, имел право изгонять из нее всех тех, которых он признает виновниками каких-либо соблазнов и ссор; и потому, ежели возникнут от них плевелы, а эконо́м не учинит надлежащего исправления, вся вина падет на него самого. В случае отъезда его с горы для каких-нибудь нужных дел пусть оставляется

* Разумей особый домик на игуменском участке.

* Разумей Протат.

вместо его способный человек, который лучше всех умеет поддерживать мир между иноками. Когда же и вне Средины произошел бы какой соблазн на горе, тогда эконоом должен взять с собою трех или четырех игуменов, соседей тому месту, где произошел соблазн, и по тщательном исследовании исправить дело как надобно.

22. Поелику, назад тому несколько лет, по причине нашествия языков, пасся на горе скот великого монастыря*, то мы с ведома тех, что в Великой Лавре, предлагаем: не бывать этому впредь без нужды или без нового нашествия языков, то же самое соблюдать и прочим игуменам, т.е. не вводить животных собственно для себя. Что же касается до скота, который пригоняется на гору обычно, то с общего согласия старцев мы отдаем на их суд и произвол запретить этот пригон или нет.

23. И о волах постановляем: не держать их никому из игуменов; только одной Великой Лавре дозволяется иметь одну пару для необходимой замески хлеба, потому что она очень многолюдна и без этой пары ей невозможно управиться.

24. Касательно сосен, рубимых монахами на горе, полагаем: не вывозить их на сторону и не торговать ими, а продавать на горе; в случае же крайней нужды продавать их и мирянам.

25. Касательно приходящих к нам строителей домов мы узаконяем: не

приводить им с собою отроков для участия и подмоги в работе. •[III/188]•

26. О производстве эконома постановляем: в пречестный праздник Успения Богородицы, когда он должен давать Собранию отчет в порученной ему экономии, ежели оказывается, что он хозяйствовал хорошо и ежели довольны им прот и все игумены, то пусть он продолжает свое служение по-прежнему. В случае же недовольства мы соизволяем лишить его такого поручения и на место его произвести другого.

27. Так как после отмены двух собраний необходимо останутся излишки того, что надлежало бы израсходовать для утешения старцев, то их присоединять к руте для раздела между монахами.

28. Что касается до избрания прота, то мы предпочитаем сохранить неизменным и твердым установление первоначальное и древнее.

Соизволяем и мы, чтобы все игумены и монахи горы почивали на всех этих изложенных правилах и никто из них отнюдь не дерзал бы превращать ни одной главы сего устава. Если же кто будет уличен в попрании того, что уставлено и изложено по общему согласию, а не по одному произволу и власти нашей, таковой да подлежит епитимиям божественных канонов, как поправший свою совесть и многим подавший повод к соблазну и величайшему вреду.

Все эти правила определены и начертаны по общему согласию и одобрению всех благоговейнейших игуменов горы Афонской Евфимием, монахом благоустроенного монастыря Студийского,

* Разумеется монастырь Иоанна Колову.

а для большей безопасности и прочного утверждения и нерушимости предложены на суд и воззрение благолюбивого, державного и миротворного царя нашего Иоанна. А так как его непобедимая и державная царственность словесно назначила и послала нас и честным и святым повелением божественных царских писем предоставила нам право исследовать подробно и разрешить всякий спор, водворить мир и начертать все •[III/189]• деяния (τὰ πράχθέντα), то все они приняты, как составленные канонически, и утверждены царскою печатью.

Иоанн, во Христа Бога верен царь ромеев».

§ 25. Списки с сего устава. Летосчисление его.

Указание в нем на состояние тогдашнего монашества на Афоне

Что сказать об этом уставе? Скажем, что можно и что надобно.

Подлинник его, подписанный игуменами Афонской горы и утвержденный царем Иоанном Цимисхием, по словам Филофеита, хранится в Протате*. Я не видел его, хотя и домогался, чтобы мне показали эту редкость. Но зато удалось мне найти и пересмотреть списки с него: афоно-павловский, перебеленный с подлинника в 1784 году (не из лучших), кутлумушский, поме-

щенный в недавнем сборнике древних грамот, который составлен старанием Кутлумушского архимандрита Григория*, и филосеевский. Сей последний переписан мною со всеми примечаниями, какие сделал на нем Филофеит.

Летосчисление в подлинном уставе стерлось так, что невозможно распознать его («Н χρονολογία τοῦτου τοῦ τυπικοῦ διεφθαρμένη καὶ ἀκατάληπτος»). Филофеит, определяя время составления его, колебался между 970 и 972 годами. А я полагаю, что устав сей дан был в 971 году, имея в виду юридический обычай греков испрашивать царскую милость в начале воцарения государей. По этому обычаю афонский прот Афанасий и монах Павел в первый год царствования Цимисхия (970) просили его величество умиротворить Афон, тогда же сие дело поручено было студийскому монаху Евфимию, и тогда же он исполнил его, но царское утверждение устава последовало уже в 971 году. •[III/190]• Верность или неверность сего предположения моего оправдает или обличит тот, кто на подлиннике прочтет год, месяц, день и индикт, намазав изгладившиеся строки химическим составом, который налагается на палимпсесты. Мы же пока остаемся при своем летосчислении и продолжаем речь об уставе и Афоне**.

* См. Оправдания, № 30.

** Оригинал типикона Иоанна Цимисхия (кожаный свиток, т.н. Трагос) хранится в Протате; большинство исследователей датируют его 971/2 г. См.: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 7 (исследование и текст). — П.К.

* «Τὸ πρῶτον τοῦ Τζιμήσχη τυπικὸν εὗρίσκεται ἐν τῷ Πρωτάτῳ τὸ ἴδιον». Смотри Оправдания, № 1, V.

Подлинный устав подписали разными почерками 58 лиц: в том числе прот Афона, десять монашествующих пресвитеров, екклисиарх, кувуклисий, эконо, каллиграф, зограф-живописец и 42 игумена. Подписи их, к сожалению, не все были списаны мною с филофеевского манускрипта, потому что торопило меня срочное время занятий моих на Афоне. По этой же причине и из кутлумушского списка извлек я одиннадцать названий тогдашних обителей афонских, *не отметив имен настоятелей их*. Эти недостатки у меня пусть восполняют другие, *potentiores*, а я сообщаю, что имею*. Вот рядовые подписи под уставом у Филофеита:

† Афанасий монах и прот	1
† Афанасий монах и игумен Великой Лавры	2
† Христофор [Христул] монах и игумен Протата (ὁ τοῦ Πρώτου)	3
† Иаков монах, пресвитер и игумен	4
† Фома монах, пресвитер и игумен	5
† Иоанн монах и пресвитер	6
[† Каллиник монах, пресвитер и игумен	7
† Анфим монах и игумен	8
† Илия монах, пресвитер и игумен	9
† Арсений монах и игумен	10

† Даниил монах и игумен	11
† Иоанн монах и игумен	12
† Антоний монах и игумен	13
† Феодосий монах и игумен	14
† Андрей монах и игумен	15
† Дионисий монах, пресвитер и игумен	16
† Козма монах и игумен	17
† Фома монах и игумен	18
† Иларион монах и игумен	19
† Георгий монах и игумен	20
† Мефодий монах и игумен	21]
† Георгий зограф	22
{† Мефодий монах и игумен	23
† Никифор монах и игумен	24]
† Феодул монах Ἀρχέχ (это прозвание или грузинское, или армянское, или сирское)	
[ὁ Ἀβλέπ(ης) — слепец]	25
[† Евфимий монах и игумен	26
† Захария монах и игумен	27
† Михаил монах и игумен	28
† Георгий монах и игумен	29
† Лука монах и] эконо (Протата и всей горы)	30
[† Никодим монах и игумен	31
† Иоанн монах и игумен	32
† Лука монах	33
† Игнатий монах	34
† Стефан монах	35]
† Павел монах и пресвитер	36
[† Андрей монах и игумен	37

* Ниже пропущенные подписи восполнены в квадратных скобках по парижскому изданию 1975 г. — П.К.

† Арсений монах и игумен	38	† Козма монах и игумен	50]
† Гавриил монах и игумен	39	† Козма монах и игумен	
† Дамиан монах и игумен	40	Феоктистов (т.е. обители, основанной Феоктистом)	51
† Никифор монах и игумен	41	[† Димитрий монах и игумен	52
† Василий монах и игумен	42	† Лазарь монах и игумен	53
† Василий монах и игумен	43	† Симеон монах и игумен	54
† Симеон монах и игумен	44	† Антоний монах и игумен	55
† Марк монах, пресвитер и игумен	45]	† Феодул монах и игумен	56
† Козма монах и еkkлисиарх	46	† Никифор монах и пресвитер	57]
[† Феофил монах и игумен	47	† Савва монах, игумен и <i>кувуклисий</i> , т.е. бывший •[III/1 91]•	
† Николай монах и игумен, каллиграф	48	блжуститель раки (кувуклии), вероятно, св. великомученика	
† Сергей монах и игумен	49	Димитрия	58.

А вот названия и обителей в подписях под уставом у Кутлумушца, с его топографическими указаниями*.

Названия:

Топографические указания:

1. Ксистри	— Ныне (XIX век) келлия/дом во имя св. Антония на Карее.
2. Миници	— Ныне лаврская келлия близ Кутлумуша.
3. Макру	— Ныне келлия св. Николая близ Кутлумуша.
4. Гомату	— Кутлумушская келлия под названием Мегали Панагия.
5. Равдуху	— Ныне келлия в околоте монастыря Пандократорского.
6. Фалакру	— То же.
7. Факину	— То же.
8. Ягари	— То же.
9. Св. Трифона	— Ныне келлия в околоте монастыря Григориатского.
10. Кохлиара	— Ныне Хиландарская келлия близ Ксистри.
11. Св. Василия	— Ныне келлия Русского монастыря (недавно проданная им Андреевскому скиту на Афоне).

* Оправдания, № 30, статья 8.

Филофеит полагал, что Павел монах и пресвитер, подписавшийся под уставом после 35-го игумена, был тот самый, который вместе с протом ездил в Константинополь жаловаться царю на Афанасия. Не противоречу в этом Филофеиту. Сей Павел, как поверенный всех афонитов и как соперник основателя Лавры Афонской, должен был, по требованию судебного порядка, присутствовать в общем собрании афонитов и отвечать на допросы Евфимия; следовательно, должен был и подписаться под уставом, начертанным по общему согласию. Правда, в самом-то уставе он дважды назван только монахом, а не пресвитером, но умолчание тут о пресвитерстве •[III/1 92]• его так же случайно, как умолчание в тексте же устава о монашестве и пресвитерстве игуменов афонских, в среде которых, однако, были монахи-пресвитеры, например Иаков (4-й), Фома (5-й). Сочинителю устава Евфимию угодно было, ради возлюбленной краткости, не называть в нем *игуменов горы* ни монахами, ни пресвитерами, по той же причине не назвал он пресвитером и Павла. А когда всем им пришлось подписать устав, тогда они прописали свои титулы, какие кто имел. — В Павле, о котором идет речь, нынешние афониты видят сына греческого царя Михаила Рангавэ и заставляют его жить 160 лет с 811 года по 971-й; видят в нем также основателя монастырей на Афоне, Павловского и Ксиропотамского, и вдобавок — пророка, предсказавшего успех Афанасия в упрочении монастырского монашества

на Афоне, и ипата философов, которого будто бы царь Роман Старший, 920–945 гг., посылал к сербам для утверждения их в вере православной. Но неполная верность такого воззрения на сего старца будет обнаружена в ином месте, именно, в истории монастыря Ксиропотамского. А здесь я сообщаю о нем только то, что содержится в уставе. «Он был монах и пресвитер, но не игумен, следовательно, не монастырник, а безмолвник, или келлиот, однако имел учеников и одного из них, только одного, мог брать с собою в Карейское собрание всех афонитов по дозволению устава. А такое дозволение, данное ему одному, тогда как всем игуменам афонским велено было являться в оное собрание без учеников, доказывает, что он имел большой почет у афонитов или как маститый, святой, старец, или как муж, близкий к царскому двору, или как пресвитер, знаменитый какими-либо важными церковными заслугами».

Афон в уставе 971 года называется просто «горою». Однако тамошние монахи про себя называли его в тот век Святою. Так называл ее основатель Лавры Афанасий в своем •[III/1 93]• типиконе и в духовном завещании*. Так названа она в Дохиарском дееписании 1038 года (§ 1). Значит, царь Константин

* Τυπικόν, τμήμα II: «Εἰθισμένον ἐστὶ τὸν διακαρτεροῦντα ἐπὶ δυσὶν ἢ τρισὶν ἔτεσιν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει... λαμβάνειν τόπον». — Διατύπωσις Ἀθανασίου: «πρὸς τὸν Πρῶτον καὶ τοὺς ἡγουμένους καὶ ἀδελφοὺς τοῦ καθ' ἡμᾶς ἁγίου ὄρους διατηρήσατε τὴν ἀγάπην».

Мономах, повелевший именовать ее Святою, таким повелением своим только подтвердил то, что уже давно было в употреблении.

Вся Афонская гора, от перешейка ее до высочайшей оконечности, в десятом веке населена была разнородными монахами, как-то греками, грузинами, армянами и латинами из Рима и Италии*. Число этих насельников определить с полною точностью невозможно по недостатку тогдашних списков их, но узнаем его, по крайней мере по расчету вероятности, имея некоторые данные в цифрах. В Лавре Афанасия, во дни его находилось сперва 80 монахов, а потом 120, включительно с подвизавшимся в Милопотамском метохе ее и с пятью келлиотами-безмолвниками**. В числе этих 120 братий состояли патриарх Николай Харонитин***, премудрый Андрей Хрисополит и великие постники Акакий и Никифор Калабрийский, который носил одну влася-

ницу и питался пшеничным зерном, квашенным в теплой воде с солью****. Если к этим 120 лавриотам мы присоединим сотню грузин, имевших на •[III/194]• Афоне свою лавру и своих безмолвников во многих окрестных кельях, то получим число 220****. Прибавим же к этому числу помянутых в уставе: прота и трех учеников его, десять монашествующих пресвитеров, эконома, еkkлисиарха, кувуклисия, каллиграфа, и 41 игумена и их учеников, по крайней мере пять у каждого, — тогда всех их будет 495, а с братиею монастырей Зигу, Колову и прочих пяти, которые находились на перешейке Афона и которые, как мне кажется, не участвовали в составлении устава, число 485 увеличится до 600. В одиннадцатом веке мы увидим на Афоне монахов гораздо больше.

Все эти разнородные и разносословные монахи исповедовали одну православную веру и стремились к одной

* «Множество много стицахузе (на Афон) и от самага Рима, и Италий, и Калабрийи, и Ивере, и Армены, не только от безыменных, но и благородных...» Житие прп. Афанасия. (О славянах ни слова.)

** Τυπικὸν Ἀθανασίου, τμήμα IV: «Ἐντέλλομαι πρὸς τοῖς ὀγδοήκοντα μοναχοῖς τοῖς ἀπὸ τῆς τοῦ μακαριωτάτου Νικηφόρου διαταγῆς ἐν τῷ χρυσοβουλίῳ αὐτοῦ τεθεῖσι καὶ ἑτέραν ἀριθμοῦ προσθήκην μοναχῶν τεσσαράκοντα προστεθεῖναι, ὡς εἶναι πάντων τῶν μοναχῶν ἀριθμὸν ρκ' μετὰ τῶν ἐν τῷ μετοχίῳ καθιζομένων... ἐκ δὲ τούτων τῶν ρκ' μοναχῶν πέντε μόνον μοναχοὺς κελλιότας τῆς Λαύρας ἔξω ἡσυχάζειν βουλόμεθα... τοὺς δὲ ἱκανῶς ἐξ αὐτῶν καὶ ἑτέρου προεστάναι, ἀφ' ἑμοῦ ἔχειν καὶ μόνου μαθητοῦ παραγγέλλομεν. ἐξεῖναι δὲ τινὶ δύο μαθητὰς βουλόμεθα».

*** Должен быть Николай Мистик, святительствовавший с 911 года по 925-й и доживший до 965 года. А Харонитином он прозван, думаю, по обители Харона на Афоне. — П.К.: Патриарх Николай I Мистик умер в мае 925 г., на 73-м году жизни; упомянутый Николай Харонитин может быть отождествлен с Николаем II Хрисовергом, занимавшим патриаршую кафедру Константинополя в 979–991 гг.

**** Смотри в Житии прп. Афанасия.

***** Житие св. отцов Иоанна и Евфимия Афонских, переведенное с грузинского (смотри в моей Статистике Афона): «Эти отцы на прекрасном месте построили церкви во имя Пресвятой Богородицы и Иоанна Крестителя, построили также множество келлий для подвижников».

цели, ко спасению душ своих и к вечному блаженству. Не было между ними ни скитников, ни затворников, ни столпников: только монастырники — келлиоты и безмолвники, как видно из устава, составляли два разряда афонского монашества. Первые *общинно* жили в малых монастырях (правило устава 12-е), а вторые в так называемых исихастриях, т.е. в убежищах безмолвия, вроссыпь построенных на участках монастырей и Протата. Лавре принадлежали пять исихастрий*, Иверу — много**; близ монастыря Зигу Афанасий Афонский жил у некоего исихаста, притворившись пред ним безграмотным моряком; ему же прот Св. Горы дозволил безмолвствовать сперва в келье близ Кареи, а потом на урочище Мелана. Из Типикона сего подвижника и из устава видно, что у афонитов в десятом •[III/1 95]• веке был обычай давать испытанным монахам место для покоя и безмолвия***.

Филофеит в одном из своих примечаний к уставу 971 года сказал, что в то время все афонские игумены, кроме Афанасия, жили в келлиях и исиха-

стриях, кои не имели ни названий, ни степени монастыря или скита, а были малые, своеручно строенные убежища вроде избышек без церквей, и что эти игумены начали возделывать огороды и виноградники уже после постройки Афанасиевской Лавры*. Но такое примечание неудовлетворительно для того, кто судит о тогдашнем состоянии Афона не по одному уставу оному, как судил Филофеит. Есть другие достоверные дееписания, кои дают более широкое понятие об Афонщине десятого века. В повествованиях продолжателя Феофановой летописи замечено, что афонские монахи в 942 году получали денежное жалованье царя Романа Лакапина, *каждый в своей обители* (§ 19). Явно, что тогда были монастыри, которых число и название знало государственное, или царское, казначейство, отпускавшее им деньги по числу братий. В донесении Солунского епопта 943 года главному епопту упомянуто об афонском монастыре Иоанна Колову и о прочих монастырях (§§ 20, 21). В самом уставе 22-е правило гласит, что на Афоне пасся *скот*

* Τυπικόν, τμήμα V: «πέντε μόνον μοναχοὺς κελλιότας τῆς Λαύρας ἔξω ἡσυχάζειν βουλόμεθα... ἄλλως τε μηδὲ προσθήκη τις ἄλλου κελλίου γινέσθω, λέγω, τινὸς κελλιότου παρὰ τὴν ἡμετέραν γνώμην καὶ διάταξιν».

** Житие св. Иоанна и Евфимия (грузинское): «Эти отцы построили множество келлий для подвижников».

*** Τυπικόν, τμήμα II: «Εἰθισμένον αὐτοῖς ἐστὶ τὸν διακατεροῦντα ἐπὶ δυσὶν ἢ τρισὶν ἔτεσιν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει καὶ προαιρούμενον ἡσυχάζειν, λαμβάνειν τόπον μετὰ τῆς συμβουλίας αὐτῶν». — Ср. Τυπικ. πρῶτον τοῦ ἁγ. ὄρους, 10. 18.

* Оправдания, № 1. Отдел. IV, после Устава: «Ἐκ τοῦ Τυπικοῦ ὡς τρανῶς ὁρώμεν οὐδὲ ἄλλη μονὴ γράφεται ἐνδον τῶν ὄριων τοῦ ὄρους, πλὴν τῆς Λαύρας... Τὰ κελλία καὶ ἡσυχαστήρια ταῦτα, ἐν οἷς ἡγουμένεον, ὀνομασίαν οὐκ εἶχον ἔτι, ὡς μὴ ἔχοντα τάξιν οὔτε μονῆς καὶ μονηδρίου, οὔτε σκίτης, ἀλλ' ἦσαν ἀνευ ναῶν αὐτοσχέδια μικρὰ καταλύματα, ὡς ἐκ τῶν τύπων συνάγεται. Εἶχον δὲ ἀγρούς, ὡς γράφει, ἰδίους καὶ ἀμπέλια καὶ ταῦτα φυτεύειν καὶ ἀγρούς ποιεῖν μετὰ τὴν οἰκοδομὴν τῆς Λαύρας ἔλαβον τὰς αἰτίας...» к. т. л.

великого монастыря. Это — монастырь Коловуйский, отличаемый от Великой Лавры Афанасия в этом правиле: «Ἐπεὶ πρὸ χρόνων τινῶν, διὰ τὴν τῶν ἐθνῶν ἐπιδρομήν, εὗρέθη τὰ κτήνη τῆς μεγάλης μονῆς εἰς τὸ ὄρος εἰσελθόντα· εἰδήσει τῶν ἐν τῇ μεγάλῃ Λαύρᾳ προτρεπόμεθα μηκέτι τοῦτο γενέσθαι». •[III/1 96]• В Житии Афанасия Афонского читается, что он задолго до основания Лавры жил в келье безмолвника *близ монастыря Зигу*, которого развалины поныне видны недалеко от обители Хиландарской. А что в этих монастырях и в келлиотных обителях были домашние церкви, в коих совершалось богослужение, это доказывает одиннадцатое правило рассматриваемого нами устава. Вот оно: «О приходящих к нам неизвестных священниках постановляется: не иметь им власти священнодействовать и ни в одиночку, ни с другими не дерзать служить Божественную литургию без удостоверительного свидетельства их епископов». Отсюда видно, что на Афон приходили мирские священники без всякого вида и совершали богослужение в одиночку и соборно. Где же? Разумеется, не в огородах, а в церквях, в которых священнодействовали подписавшиеся под уставом местные, монашествующие, пресвитеры Фома, Иоанн, Павел и прочие. Кстати сказать и об огородах и виноградниках, что афониты садили и возделывали их, и готовые покупали *ранее постройки Лавры*. Свидетель сему — строитель ее преподобный Афанасий. Вот свидетельство его. «Многие на Афоне обрабатывали

огороды и садили виноградники, да и готовые покупали и улучшали. Но я не их примеру подражал, а насадил виноградники по неизбежной надобности, наипаче для употребления церковного» («Προήχθημεν ἀμπελῶνα καταφυτεύσαι διὰ τὸ τῆς χρείας ἀπαραίτητον, καὶ μάλιστα εἰς τὴν ἐκκλησίαν καρποφορίαν... Εἴσι μὲν ἀγρούς ἐν τῷ ὄρει πολλοὶ καλλιεργήσαντες καὶ ἀμπελῶνας καταφυτεύσαντες, ἐτοίμους τε ἐξωνησάμενοι, καὶ ἐπιφανερώτερα ὄψει καὶ βελτιώσει γενέσθαι τούτους σπουδάσαντες, ἀλλ' ἡμεῖς οὐκ ἐκείνους, μὴ γένοιτο, σχόντες παρὰδειγμα»). Итак, Филофеит не прав! Гораздо ранее 971 года, в который афонитам дан был первый устав, даже ранее пришествия на Афон Афанасия, у святогорцев были монастыри, келлии-дома и исихастирии с церквями и пресвитерами, и при них огороды и виноградники вновь насажденные и даже готовые, давние. Так! Но почему в самом уставе 971 года все афонские игумены названы *игуменами горы*, а не монастырей, тогда как •[III/1 97]• Афанасий назван *игуменом царской Лавры, именуемой Мелана*? Отвечаю на этот вопрос. Сочинению устава, о котором идет речь, предшествовало начертание Деяний, Πραχθέντα, афонского Собора*. В этих Деяниях, по соборному порядку, изложено было все то, что говорил тот или другой игумен, с показанием его имени и названия монастыря, например: Козма монах и игумен Феоктистовский говорил

* К сожалению, они не дошли до нас.

то и то; Иоанн игумен Факинский, или Равдухский, предлагал то и то. А так как по сему же порядку в соборных определениях, правилах, уставах, ради краткости, никогда не прописывались ни имена, ни прозвания соборовавших, ни их речи и суждения, то по сей причине и в Афонском уставе не было прописано ни то, ни другое, ни третье, а вообще упомянуто, что все правила устава изложены по общему согласию *игуменов горы*. Что касается до великой и царской Лавры Афанасия, то она поименована тут как новость, как почетное отличие.

Из устава 971 года видно, что главное управление афонских монахов находилось в Карее, которая по своей средоточности на Афоне называлась Срединою (правило 21). Оно вверено было проту сей горы, Собранию тамошних игуменов и эконому и было *местно-законодательное, судебное, духовно-исправительное и карательное*.

Верховный управитель афонитов назывался *прот* (πρότος), т.е. первый. Замечателен сей титул. Придумать его могли только монахи, отрекшиеся от мира и потому не потерпевшие у себя мирских названий власти. Непристойно им было называть начальника своего царем, князем, головою, епархом и тому подобное; и вот они надумали титуловать его «прот», первый. Титул разумный, скромный и пристойный монахам! Воображаю, как они говорили, идучи в Карею судиться: что-то скажет первый; известна неподкупность первого; поклонимся в ножки

первому; одна надежда на первого; все порядки у нас поддерживаются первым; помолимся о первом. •[III/1 98]•

Власть прота была верховная, но ограниченная. Ни один игумен горы не имел права обсуживать проступки падших братий, или налагать на них епитимии, или призывать в суд (мирский) без ведома прота, но и прот без Собрания игуменов горы и без их воли и согласия не властен был делать что-либо неуютное им, хотя бы это казалось весьма полезным общине афонитов или какому частному лицу у них (правило 1). Только прот вместе с судными игуменами, которые в уставе называются и старцами (γέροντες), мог раздавать участки земли на горе желающим иметь их (правило 2) и позволять настоятелям монастырей постригать в монашество юношей безбородых и евнухов в случае *какого-либо неотложного и крайнего обстоятельства* (правило 16). Только прот *со всеми* игуменами горы избирал эконома Средины и увольнял его (правило 26). Ему одному уставом предоставлено было право приходить в полное Собрание афонитов с тремя служками. Что касается до избрания его, то указано было сохранять неизменным и твердым *первоначальное и древнее* постановление о сем (правило 28), которое не дошло до нас. — Вот все, что сказано в уставе о власти прота и соборных старцев при нем. Мало, но мало потому, что не было надобности повторять первоначальный и древний устав, в котором содержалось правило о избрании прота.

В Протате, как видно из 27-го правила устава, собиралась со всех монастырей так называемая *руга*, вероятно, пшеницею, вином и елеем. Часть ее раздавалась судным старцам, а больше бедным монахам.

Оные старцы разделяли с протом горы тяжелое бремя управления, решали все дела афонитов и приводили их в исполнение. Они взыскивали с игуменов удерживаемую ими плату за работы по жалобам работников (правило 19). Их воле предоставлено было запрещать или позволять *обычный* пригон скота (влахов) на гору для пастбища (правило 22). •[III/1 99]•

Проту и состоявшим при нем старцам немало помогали в управлении так называемые духовные отцы, т.е. духовники. Им присвоена была власть исправительная. Они увещевали и исправляли тех афонитов, которые уходили от своих игуменов и, не поступая ни в какую обитель на послушание, своевольно обходили всю гору и нанимались в услужение, у кого хотели (правило 8). Им поручаемы были самозванные игумены, не могущие управлять не только другими, но и самими собою, дабы от них эти самозванцы получали духовную пользу по исповедании своих помыслов (правило 17).

Нарушители устава, неисправимые преступники и соблазнители других изгоняемы были с Афона навсегда, кто бы они ни были. А *карал* их таким образом эконоом Средины (правило 21).

Этот эконоом в Успенъев день отдавал Собранию афонитов отчет в пору-

ченной ему экономии, т.е. в употреблении руги, которая ежегодно собираема была со всех обителей для общих надобностей горы; и когда оказывалось, что он хозяйствовал правильно и честно, тогда продолжал служение свое по-прежнему; в противном случае его лишали поручения и избирали другого эконома (правило 26).

Не повторяю здесь того, что сказано в уставе о правах и обязанностях игуменов афонских, но считаю не излишним извлечь из него и из других тамошних дееписаний сведения о хозяйстве Протата и обителей афонских для округления истории Св. Горы и для дознания силы денег, без которых нельзя построить кельи, сшить рясы, иметь молитвенник, даже звонить в колокола, кои надобно купить. Весь Афон принадлежал тамошнему Протату как имение, общее всем монахам. Прот вместе с судными игуменами наделял монастыри и исихастирии участками земли, немалыми и малыми. Без присуждения и дозволения его и их ни один монах, поселившийся на горе, не властен был *ни покупать* •[III/1 100]• *участков, ни держать никем не занятых мест* (правило 2). Были ли наделы земли афонитам даровые, это неизвестно. А продажа их за деньги ведома. Выражение в указанном втором правиле устава: «*ни покупать участков*» (μητε ἄγρους ὀνειῖσθαι), дает разуметь, что поземельная собственность на Афоне приобретаема была за деньги. В Житии преподобных отцов афоно-грузинских Иоанна и сына его Евфимия упомяну-

то, что во дни их пришел из Рима на Афон брат одного князя монах Беневентский с шестью учениками своими и *купил место*, на котором построил красивый монастырь. Судя по этому примеру, я полагаю, что и строитель Лавры, и все прочие основатели монастырей на Афоне покупали себе никем не занятые местности. Иначе и быть не могло. Протату нужны были деньги на удовлетворение общих потребностей афонитов, как то: на содержание дорог и стражи, на делопроизводство, на разъезды в Солунь и Константинополь, на ругу для бедных иноков и т.п. Откуда же взять их? Денежного сбора с монахов не было. Стало быть, деньги получаемы были Протатом от продажи поземельных и лесных участков.

Кто из монахов купил участок земли для обрабатывания его, тот имел право продать его, подарить и передать ученику своему или кому другому (πωλεῖν, χαρίζεῖν, διαπέμπεῖν, πρὸς τὸν μαθητὴν καταπέμψαι), лишь бы получатель такого участка был монах безземельный. Завещание участка Лавре Афанаasia или присоединение его к чужому на Афоне же участку было воспрещено. Значит, обогащение и даже малое довольство земными благами не дозволялись афонитам. Никто из них не смел покупать участков для того, чтобы торговать ими. Так как не все они были зажиточны и нуждались во многих вещах, коих нельзя было купить на Афоне, то им разрешено было продавать излишки виноградного вина и сосновые деревья, но только местным

монахам; у мирян же, изредка привозивших оные вещи, выменивать их на это же вино (правила 6, 7, 13, 15, 24). Обработка поземельных участков производилась руками монахов •[III/1 101]• монастырских и наемников, но монахов же. Таких работников уравнивать со скотом рабочим, т.е. обременять изнурительными и многочасовыми трудами, устав воспрещал весьма строго. Если какой монах поступал в монастырь с условием работать ему по договору в круглый год или даже без договора и в течение сего времени уходил оттуда по нерадивости своей, то и таковой, по уставу, не лишаем был мзды за рабочие дни его. А ежели сам игумен, по злоухищрению, прогонял от себя работающего *брата* без платы, по истечении четырех или шести месяцев, то с него взыскивалась вся плата в пользу сего работника по числу трудовых дней его (правила 5, 19). Так уважаема была на Афоне личность и свобода каждого человека! «Человек не раб тебе, а брат. Он не твой, а Божий. Посему отдавай ему должное». Вот какое истинное учение лежало в основе Афонского устава. По этому уставу монастыри дозволяли известным монахам строить особые кельи на их участках. Когда же строитель, не находя себе тут спокойствия, переходил на другое место, тогда получал от игумена своего половину стоимости своей кельи, а когда теснил его сам игумен, тогда ему уплачиваемы были издержки его все сполна. Такие келлиоты до введения устава отбывали барщину своим игуменам, но после

введения его перестали делать это мирское дело. Однако если кто хотел ходить к кому-либо на помощь добровольно, то сие уставом не воспрещалось (правила 18, 20). Ни один игумен не должен был держать животных ни для себя, ни для монастыря своего: только Лавре Афанасия дозволялось иметь пару волов для замески хлебного теста по причине многочисленности братии (правила 22, 28). Держать животных запрещено было афонитам потому, что они, как монахи, должны были все делать своими руками. Никакой другой причины тому не выдумывайте, и своими выдумками не черните преподобных мужей, отрекшихся от всех удобств и сластей мира. Не то вас обличит 23-е правило рассматриваемого устава, которым дозволялся •[III/1 102]• пригон *сельских* стад на Афон по общему согласию прота и игуменов сей горы — без сомнения, для увеличения общей казны в Протате.

Рассмотренный мною устав не обнимает и не уясняет всех сторон афонского монашества в десятом веке, потому что был другой, древнейший, первоначальный, устав, содержащий надобные для сего монашества правила, который не дошел до нас (правило 28). Но любопытно знать и те подробности жизни афонитов, кои высказаны в уставе 971 года и кои кратко перечислены мною сейчас. Всего же любопытнее и замечательнее то, что этим уставом *утверждено было разнообразие монашеского равноправного жития на Афоне, жития монастырского, келлиот-*

ного и пустынно-безмолвного, жития общинного и уединенного, и примирены были тамошние безмолвники и монастырники так, что в руках первых осталась власть, а вторым запрещено было держать рабочих животных и приобретать *крупные* собственности. Высоко ценю такой устав, соответствующий разным способностям и настроениям душ человеческих и разным силам, немощам и привычкам телесным, у всех разноплеменных людей. Но признаюсь, что нитрийское монашество в глазах моих гораздо выше афонского, потому что в Нитрии у монахов не было никакой собственности, ничего, кроме молитвы, Св. Писания и ручной работы, которая продавалась за бесценок только ради насущного хлеба и для помощи бедным и нищим.

§ 26. Преподобные отцы, просиявшие на Афоне во второй круг времени тамошнего монашества

На Афоне, как видно из устава 971 года, находились темные монахи, самовольно бродившие от монастыря до монастыря для заработка, непокорные игуменам, соблазнитель, лизоблюды в домах мирских (правило 14), охотники игуменствовать, хотя не могли управлять даже самими собою, и другие им •[III/1 103]• подобные. Но там сияли и великие святые подвижники, как то: Евфимий из Галатии, Иосиф Армянин, Симеон, Иоанн Колову, Онуфрий, Афанасий, Акакий — все греки, Ники-

фор из Калабрии, Иоанн и сын его Евфимий из Грузии. Афон с десятого века сделался сборным местом духовных представителей православных народов; и там скорее и надежнее, чем в Константинополе, осуществлялась великая идея объединения народов посредством одной Веры и Единой

Святой Соборной и Апостольской Церкви, идея Никейских отцов и равноапостольного Константина, Феодосия Великого и дочери его Плакидии, молившейся на Афоне, патриарха Фотия и царя Василия Македонского, Богом благословенного насельника сей Горы Святой.

III. ТРЕТИЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА, с 972 года по 1143-й

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Афонские события в течение последней четверти десятого века

§ 27. Смерть царя Иоанна Цимисхия. Его преемники. Инвеститура афонскому проту

Царственный умиротворитель Афона Иоанн Цимисхий скончался 4 декабря 975 года*. После него на византийском престоле остался законный государь Василий Порфирородный. Он так же, как и предшественники его, начиная с Василия Македонского, любил и благотворительно поддерживал афонское монашество как учреждение духовное, общее для многих народов и объединяющее их одною верою в единой соборной Церкви. Он в долговременное царствование свое, по примеру прежних самодержцев, назначал и утверждал афонских протов помимо вселенского патриарха и вру-

чал им жезл и мантию. •[III/1 104]• Об этой инвеституре, продолжавшейся до 1313 года, в который царь Андроник Палеолог повелел проту принимать благословение от вселенского патриарха, я упомянул здесь однажды навсегда, дабы при исчислении следующих царственных попечителей Афона не говорить о ней повторительно.

В царствование Василия совершились на Афоне замечательные события. Оповещаю их по порядку времени (с 972 года по 1001-й).

§ 28. Услуги грузинских монахов Афанасию Афонскому и царю Василию. Постройка Иверской лавры на Афоне. Строители ее

И во-первых, поставляю на вид водворение набожных грузин на целомудренном Афоне. Тут в конце десятого века, поселилось их много. Именитые между ними были Иоанн Ивир, сын его Евфимий и полководец Торнийкий.

* Точнее, в январе 976 г. — П.К.

Лавра св. Афанасия.

Иоанн Ивир произошел на свет в грузинской области Тао от знатных родителей и, возмужав, был первым советником у грузинского царя. Зная, что *образ мира сего преходит* и что тот, кто *творит волю Божию, пребывает вовеки*, он презрел мир и все блага и утехи его и ушел в монастырь близ его родины, где и принял монашеский постриг. Оттуда жажда вящего совершенства духовного устремила его в другие монастыри, сперва в Колпийские на горе Колпа, а потом в Олимпийские в Малой Азии, недалеко от Константинополя, и, наконец, в Лавру Афанасия Афонского, только что построенную. Тут он водворился и был искренним другом сего Афанасия, у которого мать была грузинка, наилучшим послушником его и содейственником ему во всех

предприятиях его. Вот похвальное свидетельство о нем самого Афанасия в предложенной ему дарственной записи 985 года, когда оба они были еще живы. «Благоговейнейший монах Иоанн, как только прибыл на нашу гору и поселился у меня, смиренного и грешного, и подчинился смирению моему, во многих и разных подвигах •[III/1 105]• духовных преуспел по заповеди Бога и потому, что душа у него была добродетельная и степенная, и весьма многие и трудные исполнил послушания во время сказанного подчинения, послушаниями же своими служил не только Богу, но и мне, смиренному, и принес пользу всему у нас во Христе братству паче всех других, просиявших как ныне, так и в древние времена. Ибо столько потрудился сей муж, часто ходя в

Царьград и ходатайствуя у повременных государей, начиная от царя Никифора Фоки доньше, что полезным старанием своим и добрым ходатайством получил хрисовул от кир Иоанна царя для нашей Лавры, жалующий нам из доходов Лимноса 244 монеты, кои и получаем мы ежегодно поньше, да и кир Василий царь пожаловал ему другой хрисовул на владение островом Неон, а он подарил его нашей Лавре вместе с этим островом»^{(31)*}. Из сего свидетельства между прочим видно, что Иоанн Ивир пришел на Афон тогда, когда тамошняя Лавра Афанасия уже существовала, но еще нуждалась в ходатайстве сего вельможного грузина у царей и когда царь Никифор Фока был еще в живых, следовательно, не ранее 965 года. А другое свидетельство Афанасия Афонского о сем доблестном старце, помещенное в его Завещании и гласящее, что *оба они состарились вместе*^{**}, дает разуметь, что Иоанн Ивир был сверстник Афанасия, следовательно, родился не ранее 920 года и пришел на Афон в 965 году, сорока пяти лет от роду. Пятнадцать лет провел он в Лавре и в ближайшей к ней келье, нарочито построенной для него с церковью в ней во имя св. евангелиста Иоанна, и потом, как увидим, в 980 году устроил для соотечественников своих особую лавру, которая и в наши дни существует под

названием монастыря Иверского. У него в помянутой келье жил грузинский полководец Торникий, постриженный в монашество. Настал 976 год. Тогда на небе светила бородастая комета •[III/1 106]• и предвещала печальные события*. В самом деле, с сего года до конца десятого века и далее не прерывались опустошительные вторжения болгар в области греческого царства и битвы греков с ними и вдобавок кровавые междоусобия, произведенные мятежными искателями греческого престола, Вардою Склиром и Вардою Фокою. Болгарские грабежи и побоища происходили вдали от Афона и не вредили ему, и потому неуместно говорить о них в истории сей горы. А мятеж Склира, в начале его (976–979 гг.), был затруднен содействием афонитов; посему повествование об этом событии составляет особый узор в оной истории.

Варда Склир, один из военачальников царя Василия, обиженный предпочтением ему полководца Петра и против воли посланный в Месопотамию управлять сею областью, решился свергнуть Василия с престола и воцариться вместо его. Там, как и везде, он снискал любовь солдат и их начальников и открыл им давний замысел свой. Эти провозгласили его царем. Ему нужны были деньги. Он нашел их у сборщиков податей, у запуганных богачей и у тех ростовщиков, которые в надежде пожить от него, когда он будет царем, охотно предлагали ему

* Новое издание: Actes d'Ivîrôn. T. I. Paris, 1985. № 6. Датировано декабрем 984 г. — П.К.

** «σὺν ἡμῖν τὸν βίον τῆς ζωῆς αὐτοῦ συγγηγράσαντα Ἰωάννην...» Διατύπωσης Ἀθανασίου, [4].

* Cedren. Ed. Bonnae, 1839. T. II. Pag. 416.

свои богатства. Таким образом в короткое время скопилось у него множество денег. Он укрыл их в безопасной крепости месопотамской, Харпоте, а сам, заключив наступательный союз с соседними арабскими эмирами, амидским и мартирупольским, и получив от них нужное количество денег и триста всадников, летом 976 года двинулся к Константинополю с полками своими, которых численность непрестанно увеличивалась приливом любителей всякой новизны. Предпринять такой поход побудило его, между прочим, и рассказанное ему видение некоего монаха, отличавшегося строгою жизнью. *Видел же он огненных мужей, которые взяв Варду, взвели его на высокий кругозор, •[III/1 107]• а тут встретила его величественная жена и вручила ему царский бич. Сей-то бич Варда почел предвещательным знаком своего воцарения, тогда как он означал гнев Божий, грядущий на греков**. Когда весть о походе его достигла до Константинополя и опечалила царя Василия, его мать и наперсника их Василия, управлявшего государственными делами, а всех жадных до новостей и грабежа обрадовала, тогда со всевозможною скоростью отправлены были письма к главному полководцу в Малой Азии Петру, а в Кесарии собраны верные полки. Тогда же к Варде Склиру послан был Никомидийский епископ Стефан уговаривать его,

чтобы он прекратил междоусобие. Варда не долго слушал его речи и, протянув к нему правую ногу свою в багряной обуви царской, сказал: «Человече! Невозможно обутому таким образом разуться ввиду столь многих; итак скажи пославшим тебя, чтобы они добровольно признали меня царем, а не то я и против воли их добуду себе царство». После такого неудачного посольства велено было полководцу Петру не начинать междоусобной брани, а только стеречь дороги и давать отпор нападающим. Варда же продолжал свой поход и везде поражал царские полки. В сражении на Рагейском поле убит был и полководец Петр; тут же вместе с ним пали многие знатные мужи (977 г.). Эта победа открыла Варде дорогу к Константинополю, и он, обложив город Никею и голодом принудив его к сдаче, двинулся к этой столице. Передовые отряды его, предводимые сыном его Романом, уже заняли села у Еллиспонта. Тогда управлявший государством Василий противопоставил ему другого, искуснейшего, военачальника именем Варду Фоку, который сперва морем, а потом сухим путем, успел пробраться в Кесарию и оттуда с верными полками, какие только мог собрать, двинулся в тыл армии Склира и дошел до города Амории. Но счастье вначале не улыбнулось ему. Склир •[III/1 108]• дважды разбил его и принудил отступить назад (978 г.). Тогда Фока с величайшею поспешностью отправился в Грузию к царю Давиду, с которым дружил еще тогда, когда был правителем

* «Ταύτην τὴν μάστιγα ὁ μὲν Βάρδας σύμβολον ἐλογίζετο βασιλείας, ἣν δὲ ἄρα ἢ πρὸς Ῥωμαίους ὀργῇ τοῦ Θεοῦ». Cedren.

соседней Халдии, и выпросил у него вспомогательное войско⁽³²⁾. В это же самое время, для вящего успеха, другим путем послан был туда же афонский монах Торникий, подвизавшийся в Лавре Афанасия, а до монашества командовавший грузинскими полками. Давид, приняв от него царские письма из Константинополя, отрядил ему 12 000 самых храбрых воинов,⁽³³⁾ и он под начальством Варды Фоки двинулся в Панкалию (это равнина у малоазийской реки Алиса), потому что тут находился боевой стан Варды Склира. Здесь произошло упорное сражение. Фока, заметив нестойкость полков своих, решился покончить дело единоборством с Вардою Склиром и пробился к нему сквозь полчища его. Единоборство началось в виду многих. Склир у коня соперника своего отрубил ухо с уздою, а Фока ударил Склира палицею по голове так сильно, что он в беспамятстве припал к шее коня своего. Считая его убитым, сей витязь опять пробился сквозь неприятельские ряды и, взошедши на один бугор, воротил бежавших воинов своих. В эти самые минуты, пока омывали кровь у Склира подле одного источника, египетский конь его вырвался из рук солдата и без седока опрометью поскакал к своим полкам. Эти заметили его и, вообразив, что Склир убит, обратились в бегство и частью потонули в Алисе, частью были побиты воинами Фоки, частью взяты в плен. Склир же убежал сперва в Мартируполь, а потом в Персию к царю Хозрою. Так кончилось

восстание его против законного государя⁽³⁴⁾. Тогда (979 г.) и Торникий возвратился в Афонскую Лавру и свои военные доспехи опять заменил монашескою мантией*. •[III/1 109]•

В этой Лавре грузинам стало тесно по причине увеличения числа братии ее. Посему духовный вождь их Иоанн Ивир задумал и решился построить для них особую лавру на особых правах, так чтобы она не зависела от прота Святой Горы и состояла бы под непосредственным покровительством царей греческих. Осуществлению сей думы и решимости его благоприятствовали обстоятельства как нельзя лучше. Царь Василий был признателен грузинским афонитам за услугу, оказанную ему собратом их Торникием, и готов был исполнять благочестивые желания их, а часть военной добычи сего Торникия, доставшаяся ему после поражения Варды Склира, могла быть употреблена на постройку особой грузинской обители в больших размерах. Этими обстоятельствами воспользовался Иоанн Ивир. Сперва он с родичами своими переместился в древний грузинский монастырь Афо, находившийся на горной выси, где ныне расположен Предтеченский скит Иверской обители и откуда рукой подать до нее, и потом в 980 году выпросил у царя

* Впоследствии восстал против царя Василия и Варда Фока и провозгласил себя императором, но был отравлен слугою его, а Склир раскаялся и был прощен Василием. На пути в Константинополь у него помрачилось зрение, и он представлен был сему государю уже слепой. (Кедрин).

Василия монастыри: Леонтии в Солуне, Иоанна Колову в Ериссе и Климента на Афоне, взамен двух грузинских обителей, Иверской в Константинополе и св. Фоки в Трапезунте, от которых он отказался, выпросил же со всеми именами и доходами их для поддержания своего монастыря Афо и для создания новой лавры⁽³⁵⁾. Но скоро он спустился из этого нагорного монастыря к берегу моря и тут, на месте выпрошенной у царя Предтеченской обители Климента (вероятно опустевшей после 964/5 года, когда из нее были увезены во Фракию мощи св. Петра Афонского), начал строить лавру, которая и прозывалась Климентовою⁽³⁶⁾. Так как это прозвание ее встречается в вышепомянутой дарственной записи Афанасия Афонского 985 года, то и оказывается, что новая Иверская лавра с храмом Богоматери строена была в течение пяти лет, с 980 года по 985-й. Строителем ее был не один Иоанн Ивир, •шл/110• и не один доблестный Торникий, а еще какой-то грузинец Варасвадзэ, упомянутый византийским историком Кедрином под 1028/9 годом, в который он, как заговорщик против царской власти, вместе с другими соумышленниками тяжко бит был и, проведенный по большой улице Константинополя, сослан в заточение...*

* «Συνωμόται Ὁρέστου... Γεωργίος τε καὶ Βαρσβατζέ, ὁ ἐν τῷ ὄρει τῷ Ἀθῶ τὴν τῶν Ἰβήρων μονὴν συστήσας... δεινῶς τυφθέντες καὶ διὰ μέσης τῆς Λεωφόρου παραπεμφθέντες ἐξορία παρεπέμφθησαν». Cedren. Hist. compend. Bonnae, 1839. T. I. Pag. 488.

Повествование о судьбах этой ново-созданной Иверской лавры будет изложено мною особо. А здесь, в общей истории Афона, предлагаются вниманию читателя дальнейшие общие события на этой горе священной.

В царствование Василия совершились на Афоне замечательные события. Оповещаю их по порядку времени (с 972 года по 1001-й).

§ 29. Постройка монастыря Римского, он же и Каракальский

В одно время с грузинами селились на Афоне монахи латинские из Италии. В Лавре Афанасия, под начальством его, подвизался великий постник Никифор из Калабрии и спасался монах Иоанн, подписавшийся по-латыни под дарственную записью Афанасия в 985 году. Стоустая молва об Афоне, как о монашеском рае, достигла и до Рима и оттуда привела на сию гору несколько монахов и мирян, пожелавших принять тут монашеский постриг. «Сперва пришел оттуда брат беневентского князя инок Беневентос, известный добрыми делами и уважаемый как в Риме, так и в Греции, и пришел не один, а с шестью учениками своими для богомолья в афонских обителях. Посетив их, он пожелал остаться на Св. Горе и построить себе и родичам своим особый от греков монастырь. Это желание было открыто им сыну Иоанна Ивира, тогда еще здравствовавшего, монаху Евфимию, украшенному благодатию Божиею и добродетелями. Воз-

любив его и заметив в нем обширную ученость, этот богомольный римлянин говорил •[III/1 111]• ему: «Мы чужестранцы, и вы чужестранцы: итак, отделимся от греков и поселимся в особом монастыре». Это предложение доказывает, что он приходил на Афон тогда, когда грузины, Иоанн Ивир и сын его Евфимий, жили еще подле Лавры Афанасия и не имели своего монастыря, следовательно, до 980 г. Евфимий сперва не соглашался на такое предложение, потом уступил настойчивости пришельца, который и отплыл в Рим с тем, чтобы пригласить там многих жить на Афоне в *предполагаемом* монастыре. Между тем грузины в 980 году основали для себя особую лавру. Тут Иоанн Ивир заболел тяжело. Во все время продолжительной болезни его управлял лаврою сын его Евфимий. К нему опять явился помянутый монах римский со многими итальянцами и возобновил прежнее предложение свое, говоря: «Святой отец! Ты спасаешь столько душ. Но гораздо лучше было бы, если б ты сделался причиною обращения к Богу и спасения душ еще многих других. Многие миряне пришли сюда и желают принять монашеский сан от твоих рук. Мы купим место и построим новый монастырь». Евфимий, не любя спорить, согласился на просьбу его. Таким образом возник новый монастырь на Афоне, именовавшийся Римским. В нем жило много подвижников мирно и благочестиво по уставу св. Венедикта⁽³⁷⁾.

Где же на Афоне находился этот монастырь Римский? Грузинский списа-

тель Жития Иоанна Ивира, из коего целиком заимствовано мною все оное сказание, к сожалению, не обозначил местности его, хотя и примолвил, что он существует в его дни и называется Римским. Посему остается мне самому указать его среди святогорских обителей.

Был на Афоне *латинский* монастырь, так называемый Амальфинский, потому что его основали иноки итальянского города Амальфи на красивом холме недалеко от Лавры Афанасия в конце десятого века. Игумен его Витон в 1087 году подписался по-латыни под одним делом афонского управления, а другой игумен Фома также по-латыни подписался на подобном деле •[III/1 112]• в 1169 году. Но нельзя смешивать Афоно-Амальфинской обители с Афоно-Римскою, о которой говорится в грузинском житии Иоанна Ивира, потому что ту основали амальфинцы, а эту построил римский монах из итальянского княжества Беневенто; та именовалась Амальфинскою, а эта Римскою; в той монахи жили по уставу святогорскому, а в этой по уставу св. Венедикта. Какая же эта обитель? Не та ли, которая называлась и Каракальскою и которая существует поныне близ монастыря Иверского? Думаю, что она самая, и вот подмоги сего мнения моего! По сказанию приснопамятного врача Иоанна Комнина *ее построил Антоний Каракалл, тот, что из Рима*: «εἶναι κτίσμα Ἀντωνίου τοῦ Καρακάλλου ἐκείνου ἀπὸ τὴν Ῥώμην». Как ни глухо это сказание, но оно дает разуместь, что

Афоно-Каракальский монастырь построен римлянином. А римлянину усвоит постройку некоего монастыря на Афоне и Житие Иоанна Ивира. Следовательно, этот некий монастырь и есть Каракальский. Ибо никакая обитель на Афоне, кроме его, не основана римлянином. Монахи в келейных разговорах своих называли его Римским, как назвал его и писатель одного жития, а в деловых актах он писался Антониевым* и Каракальским по *фамильному* прозвищу основателя его римского монаха Антония Каракалла, что было весьма обычно на Афоне, где многие монастыри носили и носят имена и прозвания своих строителей, например, Лавра Афанасия, монастырь Ксенофонта, Дохиара, Кутлумуша, Ставреникиты. В грузинском Житии Иоанна Ивира замечено, что строитель Римского монастыря на Афоне именовался Беневентос, а у Комнина римский строитель Каракальской обители именуется Антоний Каракалл; значит, в оном Житии передано не собственное имя лица, о котором идет речь, а прозвище его по месту происхождения его из известного итальянского княжества Беневенто, как передано прозвание Иоанна Ивира •[ш/1 113]• по причине рождения его в Иверии, тогда как он происходил из семейства Торникиев; Комнин же сообщил его собственное имя и вместе прозвание старинной фамилии Кара-

каллов, к которой некогда принадлежал римский император Антоний Каракалл*. В Каракальской обители соборный храм освящен во имя верховных апостолов Петра и Павла. Вот и это вяжется с преданием о чужестранном строителе ее. Он пришел из Рима, римским апостолам посвятил и храм сего монастыря. А тамошняя башня? Она, по словам Есфигменского игумена Феодорита, «складена мастером древним и знатоком своего дела. Ибо все это здание есть как бы цельный слиток. Нигде оно не расселось нисколько. Внутри же его устроены прикрытые бойницы так, что осаждающие поражаются, а осаждаемые не терпят вреда»**. Замечательный памятник десятого века! Особенная, красивая, прочная и крепостная постройка его придумана не простолюдином и стоила не дешево. На такую постройку требовалось иждивение человека богатого и знающего науку размыслов (инженеров). Таков был брат беневентского князя римский монах Антоний Каракалл Беневентинец. Остаюсь при этом мнении своем, а тому, кто, рассмотрев у меня старинные деписания афонские, возразил бы мне: почему Каракальский игумен Михаил в 1087 году подписался на одном афонском акте по-

* Под уставом Константина Мономаха в 1046 году подписался игумен монастыря Антониева 17-м в ряду афонских игуменов. Думаю, что этот монастырь есть Каракальский.

* Имя Каракалла, под которым вошел в историю император III в. Марк Аврелий Антонин из династии Северов, является не фамилией, а прозвищем, от названия галльского плаща с капюшоном. — П.К.

** Περιγραφή τοῦ ὄρους Ἀθῶ παρὰ Θεοδώρητου (Χειρόγραφον). Кеф. ε'.

гречески, а не по-латыни, — тому поставляю на вид следующее. Во-первых, у меня собраны не все афонские деписания: многих из них, и наипаче древнейших, нет в моем сборнике. Итак, ни я не могу и никто не может сказать, что каракальские игумены и до 1087 года не подписывались по-латыни. Во-вторых, грузинец Евфимий неохотно согласился на постройку на Афоне особого латинского монастыря и на жительство братии его по уставу св. Венедикта. Итак, едва ли сто лет существовала там эта братия, когда константинопольские патриархи, Сергей (999–1019 гг.) и Михаил Керулларий (1048–1059 гг.), •[III/1 114]• отлучили римских пап от католической Церкви за их властолюбие и нововведения и когда этот Керулларий в 1053 году запер все латинские церкви в Константинополе и отнял у латинских игуменов все монастыри их. Сдается, что в 1087 году, даже ранее, в Каракалле уже не было римских монахов и там жили одни греки под начальством игумена их Михаила. В-третьих, эта обитель, во время подчинения Афона римскому папе в тринадцатом веке, по причине тиранства итальянцев, «ἐκ τῶν ἀνομαλιῶν τε καὶ συγχύσεων ἐκ τῆς τῶν Ἰταλῶν τυραννίδας», опустела так, что едва не уничтожилась, тогда утратились и все судебные деписания ее*. Посему нельзя нам знать: как первые игумены каракальские подписывались под судебными делами, по-латы-

ни или по-гречески. Кончено мое сказание об основании Римского монастыря на Афоне, он же и Каракальский. Продолжается повествование о других событиях там.

§ 30. О постройке монастыря Амальфинского и о возобновлении Ватопеда

Афон, как магнитная сила, в конце десятого века привлек к себе латинских монахов не из одного Рима, а и из итальянского города Амальфи, расположенного на берегу Тирренского моря, ниже столичного города Неаполя. Пришедши на Святую Гору до 980 года, амальфинские рабы Божии (не упомянутые в уставе Цимисхия 971 года) купили себе место на правой стороне речки, вытекающей из-под большого и малого Афона с северной стороны этой горы, и тут почти у моря на красивом холме построили себе монастырь во имя Пресвятой Девы Марии, от которого остались поныне только башни и развалины водопровода. Некоторые из них однажды пришли к Афанасию в Лавру его и подарили ему *гарос* (γάρος): это осетровая икра, которую знал отец географии Страбон, •[III/1 115]• как изысканный предмет черноморской торговли*. Афанасий принял эту снедь и велел хранить ее, *якоже нечто*

* Извлечено из акта монастыря Афоно-Зографского.

* Если бы кто доказал, что амальфинцы ранее генуэзцев торговали в портах морей Черного и Азовского, то к доказательствам его можно было бы прибавить и поднесение ими тамошней икры Афанасию Афонскому до 980 года.

честно (дорогое), и подавать только во время потребное. Действительно, греки и древле, и ныне любили и любят икру как отличное кушанье, особенно когда ложкою взболтают ее с лимонным соком, так что она побелеет, как молоко и делается рыхлою, как яичница на молоке. В этом виде я не раз ел ее в греческой Одессе с отменным удовольствием и потому понимаю, что Афанасий Афонский велел хранить ее, *якоже нечто честно*, и подавать только в нарочитые дни. Но эта дареная ему икра послужила предметом искушения в его Лавре. Послушник, которому Афанасий велел беречь ее, нарушил повеление его и принес ее в братскую трапезу в молочном виде. Братия расхвалили этот вкусный гарос, этот икорный рассол, а послушник похвалился, что сам он приобрел его. Но Афанасий в тот же час у знал о такой лжи его и, объявив старцам, что икра подарена ему амальфинскими монахами, велел вылить на двор весь гарос⁽³⁸⁾.

Кроме этой занимательной были не знаю никаких других событий в Амальфинском монастыре в последние двадцать лет десятого века и потому перехожу оттуда в Ватопед и сообщаю предание о возобновлении его в эти лета, сохраненное известным врачом Комниным, у которого занял оное наш Барский и перевел дословно.

Ватопед, устроенный братом царя Феодосия Великого как монастырь клирикальный, посещенный царицею Плакидией, разоренный арабами в 670–676 годах, опять населенный при

Константине Погонате и опять опустошенный магометанами в 830 и 862 годы, снова был обитаем с 870 года, но находился в жалком состоянии. Однако нашлись возобновители •[III/1 116]• сего древнейшего на Афоне монастыря, три брата из города Адрианополя. Но об этом пусть говорит вместо меня Комнин устами нашего Барского.

«Во время оно (971–981 гг.) три начальные и благородные мужие, от Адрианополя пришедши на Святую Гору, Афанасий, Николай и Антоний, восхотеша быти монахами и воздвигнути един монастырь весь от основания своим иждивением, и даде кийждо от них по три тысячи златиц, и пришедши к св. Афанасию Афонскому, тогда тамо жительствовавшему, исповедаша свое намерение. Святой же рече им, яко деньги сии не суть довольны на создание новаго монастыря: точию аще хочете, последуйте мне. Послушавшим же им и последовавшим, приведе их святой к монастырю Ватопедскому, и показа им лепоту местоположения его и разрушение, еже ему сотвориша сарацины, и советова им, глаголя яко многократную мзду имут восприяти от Бога, аще монастырь обновят. Угоден же им совет святого показался, и с желанием подвигшися к сему святому делу, обновиша его и совершиша, якоже бысть исперва, в нем же и монашеский восприяша образ, и богоугодно преживше, почиша о Господе, их же и мощи лежат во внутренней великаго храма паперти; и празднуют дважды в год, 17 декабря и в четверг Пятидесятницы».

Из этого сказания видно, что в полуразоренном Ватопеде жили монахи до пришествия к ним трех адрианопольцев и что они постригли их в монашество и по смерти похоронили в притворе соборного храма своего. С той поры Ватопед, получивший от Афанасия Афонского и устав монастырский*, стал процветать, как монастырь благоустроенный, многолюдный и первостепенный. Но оставим его на время и продолжим сказание о крупных событиях на Афоне. •[III/1 117]•

§ 31. Недовольство исихастов. Появление у них Жития преподобного Петра Афонского

Афанасий Афонский торжествовал. По его желанию и настойчивости строились новые, обширные, разнородные монастыри на Св. Горе. А она становилась средоточием объединения народов посредством одной веры и Церкви, тогда как в Риме задумывали объединять их в особе папы.

Что же тогда чувствовали, думали и делали афонские безмолвники? Им было любо видеть умножение числа монахов на Св. Горе, как оправдание пророчения о ней Богоматери возлюбленному для них безмолвнику Петру Афонскому⁽³⁹⁾, но весьма не нравились им постройки обширных монастырей, стяжания имений, купля и продажа местных

произведений, монастырские лодки и прочая мирская суета. Воспретить такую суету они не смели и не могли, потому что преображение Афона, какое они видели, совершалось по воле царской, однако сделали, что могли. Им вздумалось написать пространное Житие преподобного Петра Афонского, угодившего Богу не в богатой обители, а в убогой пещере, и распространить оное во всех исихастриях и келлиотных обителях, дабы хоть в нескольких избранных душах воспламенить любовь к безмолвию, нестяжательности и строжайшему подвижничеству; и вот они упросили возвратившегося к ним от мощей одного Петра из Фотокоми монаха Николая написать это Житие, зная художное перо его. Он, убежденный внушениями их, написал его впечатлительно, а они читали и перечитывали в своих пещерах, кельях, трапезах, церквях. Сущность сего Жития уже передана мною (§§ 3, 5, 14, 23) по ватопедской рукописи 1422 года. Здесь же я излагаю свои суждения о нем, сопоставляя их с суждениями известного нам Афоно-Филофеита, помещенными в Оправданиях сей истории Афона под № 1 в отделении VII.

Составитель Жития преподобного Петра Афонского монах Николай высказался, что изложил в нем не всё, а мало что: •[III/1 118]• «ἐγὼ Νικόλαος ἔσπευσα, εἰ καὶ μὴ πάντα, ἀλλ' οὖν ὀλίγα τινὰ ἐκθέσθαι». Это признание его мы должны иметь в виду при суждении о сочинении его, о котором идет речь, дабы не унижить достоинства его

* См. «Рассуждение» Филофеита в Оправданиях, отд. VI, в конце: Συνέστη ἡ τοῦ Βατοπεδίου μονὴ παρὰ τοῦ ἰδίου ὁσίου Ἀθανασίου, τοῦ καὶ τύπους αὐτῇ θεμένου καὶ διατάξεις.

излишнюю притязательностью, как это сделал Филофеит.

В самом начале одного Жития поведано, что афонские отцы повелели Николаю изложить его письменно. Стало быть, оно до такого изложения было известно им только по устному преданию и по некоторым отрывочным *памятям* о нем. Этим преданием и руководствовался Николай, встретив одну часть его в Житии св. Николая Чудотворца, которое написано было Патарским епископом Мефодием, а другую часть в Службе Петру Афонскому, составленной Иосифом Песнотворцем († 883 г.). Но послушаем, как сам он говорит об этом, и сравним его творение с сказанною службою.

«Я Николай, убежденный отеческою заповедью, повелевавшею мне изложить письменно Житие блаженнейшего отца нашего Петра, ангельски пожившего на горе Афонской, справедливым признал начать оное с бывшего с ним чуда треблаженного отца нашего Николая и потом последовательно изобразить остальную жизнь его. А чудо сие, по описанию великого отца нашего Мефодия епископа Патарского, совершилось таким образом. «Некоторые монахи, — говорит Мефодий, — из числа рассудительных и во всем угождающих Богу, а при других добрых качествах верные и истине, поведали мне, что недавно совершилось вот какое чудо всеблаженного Николая. Блаженной памяти Петр, говорили они, из схолариев сделавшийся монахом, *заверял*, что он начал мона-

шествовать вот как. Когда он служил в пятой школе и с разными полками послан был на войну в Сирию, тогда случилось с ним то, что многократно бывает с людьми. Варвары, будучи сильнее ромеев, победили их на брани и очень многих взяли в плен. Вместе с ними пленен был и оный Петр и отведен в так называемую Самару: это у арабов твердыня самая крепкая и •[III/1 119]• многлюдная». Далее Мефодий устами монахов рассказывает, как Петр долго томился в темнице, как тут раскаивался в том, что не исполнил своего обета поступить в монастырь, как обычно (ἐκ πολλῆς συνηθείας), обращался к Николаю Чудотворцу с молитвою об освобождении его из плена, как дал обет принять монашество в Риме у мощей св. апостола Петра, ежели освободится от уз ходатайством святителя Христова Николая, как духовно видел сего великого чудотворца, сперва одного, потом вместе с Симеоном Богоприимцем, как оба они освободили его, как папа постриг его в монашеский сан, наконец, как Петр отплыл из Рима и на пути к Афону сподобился нового видения Николая Чудотворца вместе с Богоматерью, которая прорекла ему, что Афон отныне будет постоянным жилищем монахов от одного конца до другого⁽⁴⁰⁾. Рассказом афонитов о сем последнем видении кончено повествование Мефодия Патарского. Прочие обстоятельства жизни Петра на Афоне оповестил уже монах Николай.

Теперь спрашивается: какой Мефодий Патарский разумеется в Житии

сего Петра? Откуда пришли к нему монахи, поведавшие ему то, что повели? И когда он и они жили?

Реченного Мефодия Филофеит принял за того святого Мефодия Патарского, который замучен был при римском императоре Аврелиане *почти за сто лет до рождения Николая Чудотворца*, принял потому только, что сей Мефодий был писатель, и другого тезоименитого писателя будто бы не было, и приняв это, сказал, что монах Николай сделал непонятную ошибку, оповестив чудо святого Николая, прежде нежели он родился. Но составитель Жития Петра Афонского под Мефодием разумел не оного древнего священномученика, а позднего епископа Патарского, который слыл великим (μέγας), а не святым — как настоятель Писсадиной обители на Олимпе Николай, наставник известного нам Евфимия Солунского († 889 г.), •[III/1 120]• слыл великим же*, — хотя о величии того и другого нет исторических свидетельств, потому что они были велики не для всего мира. Мефодий, современник Аврелиана, не мог беседовать с монахами, потому что их тогда нигде не было. По сказанию же Николая, монахи поведали Мефодию то, что повели. Следовательно, этот Мефодий есть другой епископ Патарский, а не тот, которого припомнил Филофеит. Патарская епископия

существовала издавна. В девятом веке, во дни царя Льва Мудрого (887 г.), она считалась 30-ю в числе епископий, подведомых Мирликийскому митрополиту*. На кафедре ее стояли разноименные святители, и в числе их Мефодий священномученик, пострадавший при Аврелиане, и Мефодий, писатель Жития Николая Чудотворца, которое составляемо было разными лицами, как то: архимандритом Михаилом, он же и вселенский патриарх Мефодий, бывший епископом в городе Кизике (842–846 гг.), Симеоном Метафрастом и царем Львом Мудрым**. К Патарскому епископу Мефодию приходили монахи афонские, а не иные. Так полагал Филофеит, так полагаю и я, и вот почему. Эти пришельцы начали повесть о Петре Афонском *заверением его самого* в истинности событий. Они говорили: *блаженной памяти Петр заверял* (διεβεβαίωσато), *как он сделался монахом*. Так говорить могли только такие монахи, которые слышали заверение сего пустынника или непосредственно из уст его, или от других, знавших его лично. А так как преподобный Петр жил и умер на Афоне, то и заверение его было там же, и в город Патары пронеслось оттуда же. Это понятно. Ибо кто, кроме самого Петра, мог

* Βίος τοῦ ὁσίου Εὐθυμίου (χειρόγραφον), τμήμα V: «ἅμα τῷ τῇ μονῇ προσδεχθῆναι παρὰ τοῦ μεγάλου ἐκείνου Νικολάου...»

* Τύπως παρὰ τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ σοφοῦ, ὅπως ἔχουσι τάξεως οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν (χειρόγρ. 1661 ἔτους): «Αἱ ἐπισκοπαὶ τῶν Μύρων Λυκίας λε'... κθ' ὁ Εὐδοκιάδος, λ' ὁ Πατάρων, λα' ὁ Κόμβων».

** Труды Киевской Духовной Академии. 1869. Июнь. С. 447–449.

знать и уверять, что являлись ему Богоматерь, Симеон Богоприимец и Николай Чудотворец? •[III/1 121]•

Когда же афониты приходили к Патарскому епископу Мефодию? Если вы хотите решить этот вопрос удовлетворительно, то вслушайтесь в их речи. Они, беседуя с Мефодием о Петре Афонском, называли его *блаженной памяти монахом*, а не святым, ни слова не промолвили ни о долговременном сокрытии мощей его под спудом, ни о прославлении их, и именем его самого заверяли, что он удостоен был чуда, и чуда недавнего (γυγενῆσθαι νεωστὶ τὸ θαῦμα). Значит, в Патарах у епископа Мефодия они были вскоре по смерти сего первого безмолвника афонского, до прославления мощей его, даже до сокрытия их, были тогда, когда заверение его передавалось на Афоне от кельи до кельи современниками его и послушниками их и когда о бывшем с ним чуде говорили как о новом, недавнем: численно сказать, после 734 лета, в которое он скончался, но до 743 года, в который последовало сокрытие мощей его для предотвращения поругания их от тогдашних иконоборцев, подстрекаемых царем Константином Копрониомом.

Итак, оказывается, что Патарский епископ Мефодий составил Житие св. Николая Чудотворца и дополнил оно новым, сотворенным ради Петра Афонского, чудом его, около 743 года, и что это Житие принесено было монахами на Афон, где в последствии времени и воспользовался им инок Нико-

лай. Оказывается и то, что Петр Афонский сам рассказывал свою жизнь монахам и некоему ловчему на Святой Горе.

Этот саморассказ Филофеит признал не приличным святому пустыннику, у которого нет-де самолюбия, и потому счел его неудачною выдумкою монаха Николая. Напрасно. Ни философия, ни Евангелие никому не возбраняют любить себя самого. А простодушно рассказать свое житие благочестивым братьям, или известным, или духовному отцу, не для потехи самолюбия, а для славы Бога, обращающего грешников на путь покаяния необыкновенным способом, и для назидания ближних, ей-ей, не грешно. Грешил ли апостол Павел, когда в своих посланиях писал о себе самом, например, что он потрудился •[III/1 122]• больше всех апостолов, был восхищен в рай и слышал там неизреченные глаголы? Не грешил. Так не грешил и Петр Афонский, когда рассказывал свою жизнь духовнику, пустынной братии, богобоязненному ловчему. А если так, то нельзя обвинять афонита Николая в том, что он выдумал житие сего Петра.

Филофеит упрекнул сего писателя и за то, что он не сказал, когда жил оный Петр, какой греческий царь послал его в Сирию воевать с арабами и как звали того папу, который омонашил его в Риме. Упрек несправедливый! Ведь начало повествования монаха Николая целиком заимствовано у Мефодия Патарского. А чего не поведал сей, того не рассказал и он. Притом, четьи-миней-

ное житие какого-либо угодника Божия есть повествование не научно-историческое, а историко-нравственное и веровое и составляет не для расширения науки, а для назидательного чтения в домах и церквях. Посему в нем отчетливо описывается покаяние, благодатствование, святость, чудотворение святого, восторженное общение его с небожителями, а все прочее, побочное, упоминается вскользь и даже умалчивается. Справедливо ли же упрекать четьи-минеинного писателя за такое умолчание? Так же несправедливо, как грешно упрекнуть священного бытописателя Моисея за то, что он, воспев гибель фараона в чермной пучине, не назвал его по имени и не наметил года его царствования, когда душа его, Моисея, поражена была не гибелью царя египетского, а величием чудодействовавшего Бога. Святый апостол Павел в своих посланиях упомянул о многих частных обстоятельствах своей жизни, но когда они сложились, в какие годы и месяцы, этого не показал, потому что говорил не столько о себе, сколько о живущем в нем Иисусе — Боге не месячном, а вечном. И это поучительно. Так поучительно и Патаро-Николаевское сказание о Петре Афонском, хотя в нем и нет ни точного счисления времени, ни имен лиц посторонних, тогда как именуются небожители, Симеон Богоприимец, Николай Чудотворец, •III/1 123• Богоматерь. В самом начале одного сказания Николай выразил, что он справедливым признал начать Житие Петра с явленного

ему чуда троблаженного святителя Николая. Видите: его занимало чудо, а не что-либо другое. Чудом он и начал свое сказание, чудо и описал подробно, а о мирском быте Петра упомянул вскользь, не открыв нам даже мирского имени и прозвания его. Если бы ему вздумалось представить этот быт в полном свете, то он написал бы жизнь грешника, а не Житие праведника, и спасающиеся пустынноики афонские были бы весьма недовольны его картинами мирскими.

Пятидесятитрехлетние подвиги Петра Афонского и его духовные совершенства описаны монахом Николаем хотя и не подробно, но зато согласно с церковною Службою, которую для прославления сего святого сочинил Иосиф Песнотворец.

У сего Иосифа: Петр Афонский ублажается, как тезоименитый последователь апостола Петра, как ревнитель его веры и даже как новый Петр (стихира 1, песнь 1, 6). — У одного Николая: Принимает монашеский сан *по обету*, в Риме у мощей сего верховного апостола, почивающих в особом приделе (ἐν τῷ τοῦ κορυφαίου Πέτρου σῆκῳ ἀποκειράμενος).

И.: В горах и пещерах Афона пребывает (песнь 4, тропарь 1). — Н.: Обозрев высоты, пропасти и юдоли афонские, поселяется в глубокой пещере.

И.: Стреляниями бесов и ловлениями их не вредится, будучи покрываем щитом веры (песнь 4, тропарь 2). — Н.: Бесы, окружив его пещеру, одни производили стрельбу, другие метали

камни, иные в виде зверей и змей стремились уязвить и проглотить его. Но Бог сохранил верного раба Своего невредимым от наваждения бесовского.

И.: Его искушает лживый змий, но тщетно (песнь 4, тропарь 3). — Н.: Дьявол преобразается в одного из слуг Петра и уговаривает его возвратиться в мир для назидания ближних и для славы Божией, но по молитве святого исчезает, как призрак. •[III/1 124]•

И.: Бесстрастием преподобный облекся, как одеждою (песнь 5, тропарь 2). — Н.: Одеждою ему служила первозданная невинность.

И.: Душу свою он оживлял поучениями божественными (песнь 8, тропарь 1). — Н.: Пища его была манна, падавшая с неба.

И.: Духовные совершенства его были: ревность по вере, любовь нелицемерная, надежда неуклонная, терпение истинное, смирение совершенное, умиление души и всегдашний плач, кротость, умерщвление плоти, бесстрастие, чистота телесная и душевная, безмолвие и зрение Бога* (во всей службе). — Н.: Бдением и трудом, и наготою, и воздержанием, непрерывным плачем и сокрушением сердечным, во все 53 года, он стал выше и помыслов, и страстей, и бесов (ἀγρυπνία

καὶ πόνῳ καὶ γυμνότητι καὶ ἀσιτία, διηνεκεῖ τε πένθει καὶ συντριβῇ καρδίας, ἐν ὅλοις ἔτεσι μγ' ἑαυτὸν ἐκδούς, ἀνώτερος γέγονε καὶ λογισμῶν καὶ παθῶν καὶ δαιμόνων).

И.: Мир благовонное изливалось от честных мощей его (песнь 7, тропарь 3). — Н.: Нетленные мощи его в Фотокоми источили мир.

Монах Николай, поведав житие Петра Афонского, кончину и перенесение мощей его из пещеры в обитель Климента, заметил: «Не удивляйтесь, слыша слово *обитель*. Ибо предсказание Богородицы уже *начало* сбываться •[III/1 125]• и, по поговорке, увеличиваться все здешнее от капли и воды, то есть от чётной малочисленности живущих здесь, до размеров разливанного моря, а расширение и увеличение, *какое видится ныне*, устроено содействующим всякому добру Провидением». («Μὴ θαυμάσητε μονῆς ἀκούοντες. ἡ γὰρ τῆς Θεοτόκου πρόρρησις ἤδη βαίνειν ἤρξατο· καὶ τὸ δὴ λεγόμενον ἀπὸ σταγόνοιο ὕδατος, τῆς τῶν κατοικοῦντων δῆλον ὅτι βραχύτητος εὐαριθμήτου καὶ ὀλιγότητος, εἰς πέλαγος αὐξηθῆναι ἄπειρον τὰ ἐνταῦθα· καὶ πλατυσμὸν καὶ πλῆθος τὸ νυνὶ φαίνόμενον ἢ τῶν καλῶν συνεργὸς ὠκονόμησε πρόνοια».)

Заметка пышная, но драгоценная для истории Афона! Она дает разуметь, что римский монах Петр пришел на Афон тогда, когда эта гора была пуста, что при нем она *начала* населяться отшельниками, по предсказанию Богоматери, и что от него, как от капли,

* Разумей вместе с исихастами зрение его символическое, гадательное. «Δυνάμεθα τὸν Θεὸν καθορᾶν μόνον ἐν συμβόλοις τισὶ καὶ αἰνίγμασιν. Ἐτι γὰρ ἐχόμενος ἡ ψυχὴ ὑπὸ τῆς Ἀδαμιαίας ὁδοῦ οὐ δύναται θεωρεῖν αὐτὸν τὸν ἀληθινόν, ἀλλ' ἐν αἰνίγματι». Смотри в моей «Статистике Афона» учение исихастов.

стало приращаться афонское монашество, которое во дни Николая (vvvι φαivόμεvov) было уже подобно морю. Эта заметка оправдывается двумя тропарями в Службе Иосифа оному Петру: «Преподобие отче всебогате. Терпение истинно, и любовь нелицемерну, и надежду неуклонну, совершенно смирение, в умилении души стяжав, и *земнородным свет виден бысть второй жития чистотою*» (стихира 2). «В горах яве скрываем, человека совокупления удалися, и ум весь вперил еси к небесней доброте» (песнь 3, тропарь 3). Прочитав сии вещания, понимаешь, что чистота жития Петра Афонского служила для земнородных сподвижников его путеводным светом и что он удалялся от них в горы, однако явно, а не тайно, дабы свободнее парить умом к небесной Доброте — Христу Богу. Тут виден безмолвник, служивший в свое время образцом святого жития для многих афонитов, даром что уклонялся от них по любви к уединению. Не удивительно же, что, по смерти его, молва о нем дошла до Патарского епископа Мефодия. Было кому сообщить ее. Афон пред кончиною Петра был уже многоиночен. Петр *безмолвник* явился на этой горе как одинокая капля, а воспарил оттуда в небесную обитель, оставив по себе море. Да! Во время многолетнего подвижничества его на Афоне, с 681 года по 734-й, устроились там •III/1 126• даже многие монастыри, именно: Кастамонит, Дохиар, Фтери-Филофей, Климентос, Афо и другие (§ 2), но монастыри бедные, а не такие,

какие были во дни монаха Николая, оплакавшего их богатства и удобства в заключении обсуждаемого мною Жития.

Читая это Житие, как написал его сей монах, воображаешь, что мощи Петра Афонского в какой год перенесены были из пещеры в обитель Климента, в тот же год и переставлены в тамошнюю церковь Богоматери и увезены из нее и что в этой церкви афониты обычно собирались три раза в год для рассуждения о делах своих. Но не то говорят другие достоверные *памяти* афонские. В церковной Службе Иосифа Песнотворца не раз упомянуто, что тело Петра Афонского весьма долго скрывалось под спудом. А по указанию первого святогорского устава, 971 г., и других древнейших деписаний афонских, обычные собрания всех афонитов три раза в год происходили не в Климентовой обители, в которой церковь была во имя Предтечи, а в Карео-Протатском соборном храме Всепетой Богородицы. Итак, согласно с сими *памятями* надобно проразумевать в Николаевом житии Петра два перенесения мощей сего угодника Божия: одно из пещеры его в Климентову обитель, а другое *спустя много лет* из этой обители в оный Карейский храм, из которого взяты были сии мощи также *спустя много лет*. Однако оставим это Житие в том виде, в каком оно дошло до нас: сокращенно ли оно написано самим монахом Николаем ради афонитов, вполне знавших по преданию житие Петра Афонского,

или укорочено (неудачно) кем-либо другим по какой бы то ни было причине. А историю Афона обогатим сущою правдою, установив все обстоятельства жизни, смерти и посмертной судьбы первого безмолвника афонского в следующем порядке времени.

В 667 году он воевал с арабами в Сирии и взят был ими в плен, и заточен в крепость Самару. Этого события нельзя установить в первой половине седьмого века, потому что тогда Сирия еще не была завоевана арабами, утвердившимися в ней с 654 года, нельзя установить его и после 670 года, потому что с сей поры все битвы греков с арабами в течение семи лет происходили не в Сирии, а у Константинополя.

В 676 году, по замирении тех и других, последовал размен пленных. Тогда и самарский узник освободился и, отправившись в Рим, по обету принял там монашеский сан и пробыл у папы года четыре.

В 681 году он пришел на Афон и тут поселился в пещере близ поднебесной вершины этой горы, где и прожил 53 года, служа образцом святой жизни для афонитов.

В 734 году последовала блаженная кончина его. Тогда же тело его перенесено было из пещеры в обитель Климента (вошедшую в состав Афоно-Иверского монастыря в 980 году) и по случаю лютого иконоборства и истребления мощей сокрыто было в сей же обители.

В 830 году Афон опустел. Тогда все монахи и с ними климентийцы разошлись в разные страны.

С 847/57 Св. Гора опять начала населяться пустынниками, Иосифом, Евфимием, Иоанном, Симеоном, Онуфрием и многими другими.

А с 870 года, при монахолюбивом царе Василии I Македонском и сыне его Льве Мудром, там начали возникать прежние монастыри, какие построены были во время, протекшее между годами 680 и 830-м.

В 875 году учреждено было афонское Протатство в Карее, и тут же построен был весьма малый храм во имя Всепетой Богоматери.

Около 880-го некоторые из афоно-климентийцев возвратились в свою прежнюю обитель и открыли нетленные мощи Петра Афонского, зная, где они были скрыты. Из них пореяло благовонное миро. Тогда властные старцы карейские, с согласия климентийцев, перенесли эти мощи в свой храм •[III/1 128]• Всепетой Богоматери, в котором обычно собирались все афониты три раза в год для решения общих дел своих. Так монах Николай отличил его от прочих афонских церквей: этот храм и надобно проразумевать в укороченном сказании его: «Μετὰ ταῦτα οἱ κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ὄντες μοναχοὶ (явно — все афониты, а не одни климентийцы) λαβόντες τὸ ἅγιον λείψανον, ἥγαγον ἐν τῷ νάρθηκι τοῦ πανσέπτου ναοῦ τῆς πανυμνήτου Θεοτόκου, ἐνθα εἰώθησαν τὰς ἐτησίους συνάξεις ἐπιτελεῖν». В этом храме отправляема была церковная служба Петру Афонскому, сочиненная Иосифом Песнотворцем ранее 883 года, в который он скончался.

С 880 года по 969-й мощи Петра, в течение 90 лет, почивали в сказанном храме. Афониты чествовали их благоговейно и усердно, получая у раки их исцеление от всех недугов: «εἶχον δὲ αὐτὸ λείψανον ἐν μεγάλῃ τιμῇ, ὅτι καὶ πάσας αὐτῶν νόσους ἐθεράπευεν».

В 969 году было большое смятение на Афоне. Тамошние безмолвники, и впереди их прот Афанасий и уважаемый монах Павел, оба безмолвники же, восстали против Афанасия Афонского и решились выжить его со Св. Горы во что бы то ни стало. Тогда горячие безмолвники климентийские, видевшие усиление этого нововводителя, этого друга царя Никифора Фоки, решились уйти со Св. Горы, куда Бог укажет, и взять с собою мощи прославленного Богом Петра безмолвника, дабы они не достались царедворным монастырникам. Так как эти мощи принадлежали их обители, как собственность, условно поставленная в Карейском храме Протата для сохранения ее во время набегов критских арабов на Афон, кои прекращены были Никифором Фокою в 962 году, то они и взяли эту священную собственность свою*, несмотря на пререкание настоятеля протатского храма Всепетой Богородицы, и увезли их в нанятом судне во фракийское село Фотокоми, где и отдали их тамошнему •[III/1 129]• епископу за 100 золотых монет. Это унесение мощей, по сказанию монаха Николая, совер-

шено было тайно, ночью. Сбыточное дело! Во время бурного смятения всех афонских исихастов нетрудно было отыскать усердных исполнителей сего дела. Одни из них тайно унесли мощи, другие приготовили судно в Климентовой пристани, до которой час ходьбы от Протата, третьи подняли якорь и, распустив паруса, отплыли к видимым с Афона берегам Фракии. Там у этих мощей совершались многие чудеса. Очевидным свидетелем их был монах Николай, самый горячий исихаст афонский, не упрекнувший своих собратьев за тайное унесение святыни, о которой идет речь.

В 971 году умиротворены были все афониты, безмолвники и монастырники, уставом царя Иоанна Цимисхия. Тогда монах Николай, видевший во Фракии перенесение мощей Петра из Фотокоми в епископскую церковь, возвратился на Афон. А здесь безмолвные отцы убедили его написать Житие возлюбленного им безмолвника же Петра, святого, треблаженного, мироточивого. Он внял убеждениям их и написал, что написал. Но когда?

Не позже 980–981 годов. Вот тому доказательства, восходящие от придаточных к коренному.

Монах Николай, сказав о перенесении мощей Петра из Фотокоми в епископскую церковь и о почивании их тут в драгоценной раке, присовокупил, что у этой раки *доныне* совершаются исцеления *многие*: «μέχρι δὲ τοῦ νῦν ἰάσεις ἐκείσε ἐπιτελοῦνται πολλάι». Слова *доныне*, *многие* дают разуместь,

* Мощи св. Спиридона Тримифунтского всегда были собственностью известных семейств.

что от времени пребывания монаха Николая в Фотокоми, где он видел чудеса, до описания жития Петра прошло немало времени, по моему расчислению десять лет, от 969 года до 980-го.

В эти десять лет, как мы уже знаем, еще более умножилось число монашествующих на Афоне, куда кроме греков и грузин пришли тогда латины из Рима, Амальфи и Калабрии, армяне, сирияне и, как увидим, славяне и состроили монастыри •[III/130]• для своих родичей. А великое умножение афонитов, по свидетельству монаха Николая, произошло *при нем во дни его*: «πλατυσμὸν καὶ πλήθος τὸν νῦν φαινόμενον ἢ τῶν καλῶν συνεργὸς ὡκονόμησε πρόνοια» (*расширение и увеличение, какое видится ныне, устроено содействующим всякому добру провидением*). Следовательно, он жил и писал Житие Петра Афонского в это десятилетие размножения афонитов.

Заключение же сего Жития заставляет твердо полагать, что оно написано было в 980–981 годах. Прочтем это красноречивое, назидательное и времянамекающее заключение и проверим его афоноисторично.

«Τούτων ἀκούσαντες ἀδελφοὶ καὶ πατέρες, ἐν πλαξὶ καρδίας πάντα γράψωμεν καὶ τηρήσωμεν, καὶ τῶν πρὸ ἡμῶν πατέρων τὸν ἀκιλήδωτον βίον, καὶ μικροῦ δεῖν ἄσαρκον καὶ ἀσώματον ταῖς ἡμετέραις ψυχαῖς ἐντυπώσαντες, κλαύσωμεν καὶ θρηνήσωμεν, τὸ χαυνὸν ἡμῶν εἰδότες καὶ πρὸς πᾶν μαλακὸν καὶ ἀναδύμενον. Ἐκεῖνοι γὰρ ἅπαξ κόσμου καὶ τῶν ἐν κόσμῳ ἀπαλλαγέν-

τες, οὐκέτι πρὸς τὰς κοσμικὰς ματαιοπονίας ἑαυτοὺς ἀπεσχάλου. ἀλλ' ὁσημέραι πυρὶ προσλαμβάνοντες πῦρ, καὶ ταῖς ἀναβάσεσιν ὥσπερ θεοῦμενοι, τὰ κάλλη τῶν ὀρωμένων καὶ τοῦ βίου τὴν εὐθηνίαν ὡς σκιὰν παρέτρεχον, καὶ τὰς μερίμνας καὶ φροντίδας καὶ τ' ἄλλα, οἷς φιλοκτήμονες καὶ φιλοῦλοι ἤδονται ὡς ἐμπόδια τῶν ἀρετῶν ἀπεστρέφοντο, μονολόγιστον κεκτημένοι διαγωγὴν καὶ μονότροπον, τὴν δυσεύρετον καὶ σπανίοις ἄρτι γινωσκομένην, ἵνα μὴ λέγω περατουμένην. Οὐ γὰρ τρυφῆς ἐπεμελοῦντο, οὐ χιτῶσιν ἀπαλοῖς ἐπετέρποντο ἢ σωματικὴν ἐζήτουν ἀνάπαυσιν. Οὐδ' κτήσεις ἐπόθουν καὶ ἐπικτήσεις καὶ πλατυσμούς καθάπερ ἡμεῖς. ἀλλ' εἰς ὁσμὴν μύρου ἔτρεχον νοητοῦ, ὃ ἐστὶ Χριστὸς ἡ ζωὴ καὶ τὸ φῶς».

«Выслушав это, братья и отцы, напишем всё на скрижалях сердца и сохраним, и, запечатлев в душах наших безмятежное и почти бесплотное и бестелесное житие предшествовавших нам отцов, *восплачем и возрыдаем, видя суетность нашу и склонность ко всякой неге*. Ибо оные отцы, однажды отрeksiсь от мира и от всего, что в мире, уже не занимались мирскими суетными хлопотами, а ежедневно, подбавляя огонь к огню и на ходу в горня как бы обожаясь, как на тень смотрели на красоты всего видимого и на дешевизну жизни, хлопот же и забот и всего, чем потешаются люди любостяжательные и изнеженные, избегали, как препятствий к добродетелям, уединенно проводя жизнь в одних созерцани-

ях, жизнь многотрудную, редко кому ведомую, а уж не говорю, свойственную. Ибо они о сладостях не думали, в мягких одеждах не нежились, телесного покоя не требовали и *не любили стяжаний, имений и расширений*, как мы, а искали благовонного мира духовного, которое есть Христос, жизнь и свет».

•[III/1 131]•

Такое заключение могло быть написано только в указанное мною время, т.е. в 980–981 годах. Сочинитель его монах Николай видел затеи строителя Лавры Афанасия, как то: виноградники, водопроводы, тестомесильные машины, приводимые в движение волами, икорный рассол с лимонным соком, видел мореходные лодки афанасиевские, иверские, ватопедские, амальфинские, и приглашал нестяжательных безмолвников оплакивать всю эту мирскую суету, все эти сладости и удобства жизни, коих не знали древние подвижники афонские. Видел он *расширяемый* (sic) Афанасием соборный храм в его Лавре; видел *широкое* жительство друзей его грузин, которым тесно казалось в монастыре их Афо и в новой лавре Климентийской, и потому захотелось присвоить еще монастыри, Коловуйский на Афоне и Леонтийский в Солуне (980 г.); видел он мягкие одежды на царедворных и вельможных монахах; знал о притяжении Афанасием Афонским доходной статьи острова Лимноса в 244 золотые монеты и о приобретении Иоанном Ивиром целого острова Неон; видел, знал все это и для ободрения и назидания своих собратий нестя-

жательных, бедных, трудолюбивых громко говорил: предшествовавшие нам отцы не думали о сладостях, не жили в мягких одеждах и не любили стяжаний, имений и расширений, зато в них был Христос — жизнь и свет.

Так. Монах Николай был современник Афанасия Афонского и вельможных строителей богатых монастырей, Иверского, Римского, Амальфинского и Ватопедского. А сделанная мною постановка событий жизни Петра Афонского и посмертной •[III/1 132]• судьбы мощей его, постановка в просторе времени между 667 и 980 годами, непреложна.

Переставьте вы все эти события как-нибудь иначе: вы сами будете не рады своей мешанине.

Предположите вместе с Никодимом Святогорцем († 1809 г.), что Патарский епископ Мефодий, которому афонские монахи рассказывали жизнь Петра, святительствовал и писал против Оригена в 550 году, в котором Пятый Вселенский Собор анафематствовал Оригена: вам возразит Филофеит, что тогда на Афоне не было монастырей*, а я присовокуплю, что ни тогда, ни ранее Петр Афонский не мог воевать с арабами в Сирии, потому что страна эта не была занята ими, да и Магомет их еще не родился.

* «Νικόδημος ἰδὼν τὸν συναξαριστὴν γράφοντα, πῶς ὁ ἅγιος Μεθόδιος συνέγραψε κατὰ Ὀριγένους, ἐπεὶ δὴ ἡ πέμπτῃ σύνοδος ἀναθεμάτισε τοῦτον τὸν Ὀριγένην, γράφει εἰκαστικῶς, ὅτι ὁ Μεθόδιος Πατάρων ἦν τῷ 550 ἔτει. Ὑποθετόν, ὅτι ἂν καὶ κατὰ τοῦτον ὑπῆρχεν ὁ Μεθόδιος τὸν χρόνον, τὸ ὅρος Ἀθῶ μοναστήρια οὐκ εἶχεν». Филофеит.

Предположите вместе с составителем «Патерика афонского», напечатанного в Петербурге в 1860 году, что онный Петр пленен был арабами в 830 году и скончался в 883-м. Тогда вы похороните его вместе с Иосифом Песнотворцем, почившим в этом же году, и, похоронив, не поймете: когда же этот Иосиф успел написать церковную Службу святому Петру Афонскому и сказать в ней, что тело его *много лет* скрывается было под спудом и во дни его, Иосифа, прославлено мироточением.

Отважьтесь сказать, что монах Николай, бывший очевидцем унесения мощей Петра и говоривший о множестве современных с ним монахов на Афоне как о разливанном море, жил и писал после 1046 года, потому что тогда на Афоне было одних монастырей 180, не считая келлий и исихастирий, как это видно из второго святогорского устава, утвержденного царем Константином Мономахом: вам представится вот какое возражение неопровержимое: в 1046 году некому •[III/1 133]• было унести мощи Петра, потому что тогда в обители Климента жили грузины еще с 980 года.

Отриньте мою вышеизложенную логику событий и цифр и, имея под руками Николаево Житие Петра Афонского, скажите себе и другим, что мощи сего безмолвника *в один и тот же год* были перенесены в обитель Климента и в храм Всепетой Богородицы и увезены во Фракию: вам дадут такой ответ, который заставит вас молчать. Вам поставят на вид, что тело Петра

лежало под спудом весьма долго, следовательно, переносимо было из храм в храм не в один год, а в разные времена. Вам докажут достоверными *памятями* афонскими, что храм в обители Климента был чествуем во имя Предтечи, что сия обитель в 980 году досталась грузинам и что уже они пред 985 годом построили в ней церковь Успения Богоматери, в которой, однако, никогда не бывали ежегодные собрания всех афонитов, сходившихся три раза в год в Протатский храм Всепетой Богородицы, в котором, по уверению монаха Николая, почивали мощи Петра.

Впрочем, я не стесняю ничьих соображений, не запиная ничьих исследований и всем предоставляю полную свободу рассуждать о Николаевом Житии Петра как угодно, как надобно, как лучше и согласнее со всеми *памятями* афонскими, а сам начинаю другую историческую работу, именно изложение учения исихастов, и указываю их жилища на Св. Горе, в которых сосредоточивалось это учение в десятом веке, пояснив предварительно греческие слова *исихастис*, *исихастирион* и попросив читателя перенестись со мною в Египет, откуда вышло оное учение с ранней поры христианства и обошло всю вселенную.

Примечание. Исихаст (ἡσυχαστής) есть монах, *успокоившийся* (ἡσυχάσας) от всех сует и забот мирских и не занимающийся ничем, кроме духовного, в своем исихастирионе, т.е. *покоище* — скромном жилье; он же и безмолвник, и молчальник. •[III/2 134]•

§ 32. Учение исихастов

В Египте возникли первые монастыри мужеские и женские, там же впервые явились и безмолвники, не только в монастырях, но и в частных домах, особенно около города Александрии и у берегов Нила. У них было свое учение, которое охотно принимали и жизнью оправдывали многие благородные и знатные женщины. Ревностными проповедниками сего учения в четвертом веке христианском были *аввы*, Антоний Великий и современник его Исаия, и *аммы*, Сарра, Мелания, Синклитикия, Пелагия, Матрона и ученица Исаии Феодора. Их изречения и поучения передавались устно и письменно из рода в род и составляли так называемые *Отечники* — Патерики и *Матерьники* — Митерики (μητερικά). Этими давними *памятями* воспользовался некий Исаия, живший в десятом веке и называвший себя грешным монахом, и весьма просто, ясно и подробно изложил все исихастическое учение в двух книгах для преподобной молчальницы Феодоры Ангелины Фокаитиссы*. Из этих рукописных книг, в которых ясно отражается десятый век с его иконопочитанием и с его верованием в скорую кончину мира и видениями загробной участи праведных и грешных людей, я заимствую оное уче-

ние, зная, что оно точь-в-точь таково было у всех безмолвников афонских, начиная с Петра.

1. Из Митерика грешного монаха
Исаии с раскрашенными изображе-
ниями египетских авв и амм и их поко-
ищ.

«Говорил авва Антоний инокам: Имея в себе страх Божий, будем всегда помнить, что мы смертны. Возненавидим мир и все, что в нем. Возненавидим всякую плотскую негу. Отречемся от сей жизни, да живем для одного Бога: ибо сего он потребует от нас в день суда. Будем *исихастами и молчальниками*. Станем алкать, жаждать, наготствовать, •[ш/1 135]• бдеть, плакать, поститься, стнать сердечно. Возлюбим скорби, да обрящем Бога. Презрим плоть, да спасется душа наша.

Спрашивала блаженная Феодора великого Антония: Скажи мне, отче: как могу спастись я, женщина? И отвечал старец: Бог ведает спасение всех людей. Однако я говорю тебе, что ни женщины, ни мужчины не могут угодить Богу и спастись, ежели *не успокоятся* от всех похотений мирских и не будут упражняться *в молчании*. Ступай же и ты, если хочешь быть послушною мне, *сиди в своей келье и собери ум твой*. Помни день смерти. Воображай тогдашнюю мертвенность тела. Осуди суету мира. Постись, бди и молись прилежно, да можешь приблизиться ко Христу путем добродетели. Припоминай ад и воображай, как там существуют души, как им горько, как все около них молчит, а они одни стонут, трепещут, томятся,

* Эти книги переписаны были в 1450 году для Елены Кателузены, великой госпожи города Энуса, что супротив Афона, а мне достались в Иерусалиме, когда я жил там с 1848 года по май месяц 1854 лета.

ожидая нескончаемой муки, непрерывных слез и общего воскресения тел. Воспоминай и воображай оный суд страшный и ужасный, и то, что уготовано грешникам, стыд пред Богом и Ангелами, Архангелами, Властями и всеми людьми, огонь вечный, червь неумирающий, мрак, тартар, скрежет зубов, устрашения и муки. Воображай и те блага, кои уготованы праведникам, близость к Богу, радость Ангелов, Архангелов и Властей, Царство Небесное и его утех, веселие и блаженство. Памятование о тех и других душах храни в сердце своем, и при мысли об осуждении грешников стенай, плачь и скорби в сердце твоём, боясь за свою душу, как бы и она не оказалась между ними: а воспомянув о праведниках, радуйся и веселися, и старайся сподобиться уготованных им благ, и где бы ты ни находилась, в келье, или в церкви, или на пути, содержи все это в сердце твоём.

Говорила блаженная Феодора: Вот чему поучал меня авва мой Исаия. Хорошо безмолвствовать наипаче молодым. *Муж мудрый безмолвие водит.* Но знай, дочь моя, что, когда кто решится безмолвствовать, тотчас приходит лукавый со всем бесовским воинством его и отягощает душу покоящегося •[III/1 136]• ради Господа вялостью и беспечностью, душит ее то срамными, то суетными помыслами, а тело обременяет тяжкими недугами, истощением сил, расслаблением колен и всех членов, так что безмолвник, по внушению диавола, говорит сам себе: я слаб, не могу стоять долго, трудно мне класть обыч-

ные поклоны... (Далее вырвана частица рукописи.)

Говорила блаженная Феодора: Вот что говорил авва мой Исаия. Заповедую тебе, дочь моя: люби одного Бога. Не сближайся с мужчиною. Не выходи из кельи своей. Соблюдая сии три правила, ты найдешь покой.

Говорила блаженная Сара: Если человек помнит изречение Писания, *Слово твое оправдает тебя, и слово твое осудит тебя*, — то решится лучше молчать.

Некая монахиня спрашивала блаженную Сарру: Как мне спастись? И отвечала святая: Будь как мертвая, не заботясь ни о чести, ни о бесчестии от людей. Безмолствуй в келье твоей, помня Бога и смерть. Не сближайся с мужчинами ... (Далее вырвано.)

Спрашивали блаженную Сарру: Что такое путь тесный и прискорбный? И отвечала она: Вот что — путь тесный и прискорбный: успокоиться (от сует мира), поститься, молчать, бдеть, читать, класть много земных поклонов, не выходить из кельи никуда, кроме церкви, и отсекал волю свою для Бога. Тогда ты можешь сказать Христу с Петром: *се, оставихомъ вся, и в след тебе идохом.*

Спрашивала блаженная Феодора святую Сарру: Что мне делать, когда поборают меня многие помыслы? И отвечала святая: Ратуй не со всеми ими, а с одним, главным, от которого зависят все помыслы монашеские; сокрушай эту голову, тогда все прочие помыслы притихнут. А оружия, поражающие эту голову, суть: безмолвие, пост, распро-

стертие по земле, всенощное стояние, пересиление сна, чтение, сердечные слезы, множество земных поклонов, биение в перси, смирение. Таковы оружия монаха на главный помысл, и так он побеждает все •[III/1 137]• помыслы благодатью Христоваго. Иначе же победить их не может.

Говорила блаженная Сарра: Если мы будем прилежно искать Господа путем добродетелей, то Он явится нам; а когда пребудем в безмолвии, тогда останется с нами.

Говорила блаженная Синклитикия: Великий труд и подвиг бывает у тех, которые впервые приближаются к Богу, успокоившись от суеты и начиная молчать, а потом бывает радость неизреченная. Как те, которые хотят развестись огонь, сперва одымляются и льют слезы и таким образом добывают, что им надобно, так и желающие возжечь в себе огонь божественный должны плакать и трудиться, успокоясь от суеты и безмолвствуя.

Говорила себе самой святая Синклитикия, когда возникал в ней блудный помысл: На постели ты хочешь спастись? Нельзя. Успокойся от суеты, молчи, бди, постись, плачь. Тогда помилует тебя Бог. А кто не потрудится здесь, тому придется трудиться в неугасимом огне вместе с бесами.

Говорила святая Синклитикия: Как в песке не может расти ни трава, ни дерево, так занятому мирскими заботами невозможно вырастить плод небесный. Ибо говорит Бог: невозможно работать двум господам, потому, что один

из них возлюбит, а другой возненавидит.

В другой раз говорила святая Синклитикия: Если ты благодатию Божиею преуспеешь во всех добродетелях, то не превозносишься в сердце своем и не говори: стяжала я добродетели; а молви так: я, как раба Божия, сделала то, что Он повелел. Тогда пошлет тебе Господь помощь от Святого и избавит тебя от сетей врага.

Пришла монахиня к преподобной Пелагии и говорит ей: Что мне делать с грехами моими? Отвечала преподобная: Желаящий освободиться от грехов, освободится от них успокоением от суеты, молчанием и плачем. •[III/1 138]•

Говорила блаженная Матрона: Господь мой сказал мне: делай дело Мое, а Я пропитаю тебя. Как же? Не спрашивай: имею ли я, или не имею, или одолжаюсь: не спрашивай; а только делай, и Я пропитаю тебя. Дело же Божие — какое? Во-первых, успокоение от всего мирского, во-вторых, молчание, в-третьих, молитва, псалмопение и коленопреклонение, в-четвертых, чтение, в-пятых, плач, в-шестых, памятование о Боге и смерти, в-седьмых, блаженное смирение. Ни одной такой добродетели не можешь ты иметь, если не успокоишься от всех мирских забот, хотя бы ты воскрешал мертвых.

Она же говорила, что терпение монахини доказывается оным успокоением и молчанием. *А претерпевый до конца, той спасен будет*, сказал Господь.

Блаженную Матрону много просила одна сестра сказать ей, как спастись.

Она же со слезами отвечала ей: Весьма трудно спастись ныне, потому что мы оставляем келью свою и ходим, куда велит нам диавол. Если же ты хочешь, чтобы спаслась душа двоя, то послушай меня, ступай назад и сиди в келье твоей молча и молясь, и предай Богу душу и тело твое со многими слезами. Тогда Он, научающий человека ведению, научит и тебя, как надобно спастись.

Говорила святая Мелания преподобной Матроне: Желая сберечь сердце мое, но не могу. Отвечала ей преподобная: Удивляюсь, как ты сказала это. Ужели ты не знаешь, что кто не безмолвствует, тот не может стяжать ни одной добродетели? Как же ты можешь сберечь сердце, когда уста твои отверсты? Если ты хочешь и сердце сберечь, и все заповеди исполнить, и добродетели стяжать, то сиди и безмолвствуй в келье твоей, и келья твоя научит тебя всему.

Спрашивала блаженная Феодора преподобную Матрону: Скажи мне, как стяжать все добродетели и спасти душу? И отвечала преподобная: Если ты успокоишься от суеты и будешь молчать и никогда не станешь беседовать с мужчиною и, при воздержании, •[III/1 139]• перетерпишь все это и будешь уповать на милость Божию, то в день суда обрячешься среди спасенных.

Говорила блаженная Феодора: Люби молчание паче разглагольствия. Оно сокровище монахов. А разглагольствие расточает богатство инока.

В другой раз говорила она: Богатство души составляют успокоение от

суеты, молчание и воздержание. Усвоим же эти три добродетели, да спасется душа наша.

Говорила блаженная Феодора: Успокоение от забот, молчание и сокровенное парение ума порождают страх Божий и целомудрие. Сокровенное же парение ума есть непрестанная умная молитва: *Господи Иисусе Христе, помилуй меня. Сыне Божий, помоги мне.*

Пришла некогда сестра к преподобной и блаженной Феодоре для душевной пользы и спросила ее: Что такое безмолвие? Преподобная же, вздохнувши и прослезившись, отвечала: О, сестра! Ты спросила нас о житии ангельском. Безмолвствовать значить пребывать в келье с сокрушенным сердцем и со страхом Божиим, без памятозлобия и тщеславия. Такое безмолвие порождает все добродетели и хранит любящую его сестру от разженных стрел врага. И опять вздохнувши, она говорила: О, безмолвие и молчание! Оно — мать умиления и зеркало грехов. Оно настраивает к покаянию и извлекает слезы и вздыхания. С ним сожительствует смирение. От него светлеется душа. Оно беседует с Ангелами, рождает кротость и дает мир человеку. О, безмолвие и молчание! Оно уму светильник, помыслам соглядатай, самопознанию помощник, молитве матерь, для чтения досуг, посту подкрепление, языку обуздание и чревоугодию отказ. О, безмолвие и молчание! Оно уцеломудривает душу и сердце, способствует познанию себя самого, непрестанно беседует со Христом и помнит смерть.

Его одного днем и ночью ожидает со светильником горящим, Его одного любит и Ему поет непрестанно: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое*. О, безмолвие и молчание! Оно изнеженности конец, смеха •[III/1 140]• отдаление и замена Его плачем, бесстыдству враг, вольности неприязнь, страстям обуздание. О, безмолвие и молчание! Оно благочестия мать, благодати Божией приемник, плодов благих исполненное дерево жизни.

Говорила блаженная Феодора, что монах должен поститься с натугою, петь с толком, молиться с трезвением, просить Бога со страхом, не делать ничего земного, совершать все духовное, а паче всего безмолвствовать постоянно. В этом весь монах.

Она же говорила, что сатана веревки вьет и что чем больше прядей подаешь ты ему, тем больше он вьет. Пряди суть худые помыслы наши. Если же мы перестанем готовить их для него, то и ему нечего будет делать.

Она же говорила: Безмолвник есть тот, кто не позволяет уму своему блуждать в области помыслов суетных и похотей срамных. Безмолвник есть земное подобие Ангела. Безмолвствуя ради Бога, он постоянно любит читать, петь, молчать, молиться. Безмолвник есть тот, кто из глубины души вопиет ко Господу: «*готово сердце мое, Боже*». Безмолвник есть тот, кто говорит: «*я сплю, а сердце мое бдит*».

В другой раз говорила блаженная Феодора, что желающий безмолвствовать ради Господа должен запереть не

только дверь своей кельи, но и свои уста и свой ум, дабы он не помышлял о суетном, и все прискорбное претерпевать ради Господа, а келью очистить от снедей так, чтобы она и против воли направляла его к добродетелям.

Она же говорила: Признаки безмолвия спасительного суть: безмятежность ума, порыв к Господу, непрестанное памятование о смерти и вечном мучении, ненасытимая молитва, множество земных поклонов, всегдашняя память о Боге, умерщвление блудной похоти, несуществование для мира, неохота угождать чреву, охота к чтению и псалмопению, обилие слез, отказ многословью, глубокое молчание, бодренное бдение. Кто имеет все это, тот воистину безмолвствует ради Бога. •[III/1 141]•

Маленький волос причиняет боль глазу: малое попечение о житейском расстраивает безмолвие. Ибо оно есть отложение худых помыслов и желаний и неблагословных забот. Любящий безмолвие ради Бога не заботится даже о своем теле».

Все эти изречения и поучения египетских амм дают нам верное и полное понятие о безмолвии. Я извлек их из Митерика как новость, как редкость, да и самый-то Митерик есть книга невиданная. Составитель его грешный монах Исаия сказал о нем вот что: «*От века никто не составлял такой женской книги, какую я осмелился составить для тебя (Фокаитиссы)*» — Οὐδεὶς ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἐποίησε βιβλίον γυναικεῖαν, ὡς καὶ γὰρ διὰ σε τολμήσας πεποίηκα.

Митерик есть вторая часть этой женской книги монаха Исаии, а первую часть ее составляют *Послания* сего монаха к Феодоре Фокаитиссе, в которых изложено учение о безмолвии.

2. И из этих Посланий я извлекаю оное учение для большей впечатлительности, но излагаю его в *своем* порядке.

Муж мудрый безмолвие водит.

Бог взирает только на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Его: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете *покой* душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть.

Христово молчание постыдило Пилата.

А Матерь Света? В каком покое и молчании упражнялась воистину Богородица и Матерь Господа и сладчайшего Иисуса Христа Бога! Она, с трехлетнего возраста своего вошедши в храм, до самого Благовещения не видела никого, кроме архиерея великого, который однажды в год входил в Святая Святых и видел Ее. Итак, и ты безмолвствуй, молчи, постись, молись, бди, да будешь дочерью Бога.

Советую тебе не выходить из кельи без особенной надобности и уклоняться от разговора с мужчинами. •[III/1 142]•

Не обращай глаз твоих туда и сюда, как это делают бесноватые, а смотри только вперед. Не празднословь и говори только о необходимом. Довольствуйся одеждами бедными и снедами

скудными, чреву же не утождай. Когда ложишься спать, тогда, если возможно, пусть никто не видит тебя. Не плюй пред собою, а если прилучится тебе кашлять в присутствии многих жен, то оборотись лицом назад и откашляйся. Это благочинно. Ешь и пей, как подобает чадам Божиим, то есть мало, да сбережется целомудрие твое.

Разговаривай со всеми кротко и на всех смотри стыдливо, а пристально не всматривайся ни в чье лицо, как это делают неблаговоспитанные. Никого не обличай в проступках, а всегда осуждай себя самую. Если придется тебе засмеяться, то не выказывай зубов своих. Ибо Соломон говорит: «Муж мудрый едва улыбнется тогда, когда безумный смеется громко». Никогда не скидывай мантии*. Всегда стыдись Ангела Хранителя твоего. Пребывай в безмолвии до смерти, да прославит Бог душу твою в день суда.

Занимайся рукоделием в келье твоей столько, сколько надобно для пропитания себя, а все прочее время проводи в чтении, молитве, испытании помыслов и в слезах, ради благословенной души твоей.

В келье твоей, кроме тебя одной, пусть будут только святые иконы и книги. Ибо чем меньше потребностей, тем больше навыка к воздержанию.

Занимайся чтением священных писаний в безмолвии, сколько можешь. Тогда у тебя будет сладость ведения.

* На рисунках моих все египетские монахины изображены в мантиях коротких.

Как вино веселит сердце человека и превращает печаль, так и духовное вино, т.е. Священное Писание, веселит душу. Если ты, читая что-либо однажды и дважды, не понимаешь силы речи, то не скучай, а читай многократно, призывая Господа нашего •[III/1 143]• Иисуса Христа, да отверзет ум твой. Но ищи в Писании только спасения души твоей.

Если хочешь, добрая сестра моя, молиться спокойно, то молись в уединении, там, где все молчит, и тогда, когда молчат и помыслы твои.

Молитва есть соединение души с Богом; и кто любит ее, тот скоро делается чадом Божиим. Молитва изводит слезы, омывает грехи, отдаляет искушения, приучает любить скорби. Она есть пища души, свет ума, сила надежды, предвкушение вечного блаженства, богатство монаха, сокровище безмолвника. Она уподобляет его Ангелам.

Если ты по любви к Богу охотно приняла монашество, то должна соблюдать и устав его. А устав его вот какой: оставление всего житейского, нестяжательность полная, невнимание к телу совершенное, воздержание величайшее, стыдливость, сдержанность взора, краткость собеседования, искоренение злопамятства, памятование о Боге, смерти и будущей жизни, неохота выходить из кельи без особенной надобности, всегдашнее безмолвие, уклонение от сближения с людьми, избежание любочестия, стойкость в перенесении искушений, незнание мирских забот, непрестанный

плачь о грехах, а паче всего сохранение целомудрия и воздержание от чревоугодия и винопития.

Хлеб дается младенцу после отдояния его молоком, то же бывает и с желающим безмолвствовать.

Сперва ему предложит делание телесное, а потом духовное. Телесное делание есть пост, молитвословное бдение, коленопреклонение, множество земных поклонов, почти безвыходное пребывание в келье, чтение Священного Писания, молчание, отрешение от мирской суеты и радение об одной душе. А духовное делание есть любовь ко Христу, и возжадание любви Его к себе, смирение, хранение целомудрия и чистоты душевной, вопияние ко Господу воздыханиями сердца, терпение, непоколебимая стойкость в безмолвии. •[III/1 144]•

Награда безмолвнику от Бога есть здравие души и святость ее.

Таково учение египетских исихастов. Оно же самое было любимо и исполняемо и на Афоне в девятом и десятом веках. Доказательством сему служат канон Иосифа Песнотворца Петру Афонскому и Житие сего преподобного безмолвника, написанное монахом Николаем. В этих двух творениях описаны *исихастические* подвиги и совершенства Петра, как то: уклонение от людей, безмолвие, чтение Св. Писания, стойкость в борьбе с искушителем, терпение, смирение, умиление, всегдашний плач, кротость, умерщвление плоти, воздержание, бесстрастие, чистота телесная и душевная.

§ 33. Именитые безмолвники афонские. Исихастирион Халду, он же и Магула

Безмолвников, кроме Петра, было весьма много на Афоне. Между ними известны Евфимий Солунский и сподвижники его Иосиф, Симеон, Иоанн Колову, Онуфрий, после них прот Святой Горы Андрей, освободивший тамошних аскетов от коловуйского ига, прот Афанасий и благоговейнейший монах Павел Ксиропотамский, которые жаловались царю Иоанну Цимисхию на Афанасия Афонского, и этот Афанасий, удивлявшийся подвигам святогорских безмолвников и сам, после пребывания у исихаста Зигийского, безмолвствовавший в кельях, Карейской и Меланийской. Что касается до покоищ, какие были на Афоне в десятом веке, то замечательное между ними было покоище Саввы Халда, со временем переименованное в Магула, как рассадник безмолвников. Предлагаю особое слово о нем, потому что оно имеет свою историю.

Это покоище в десятом веке стояло (и ныне стоит) на приморской возвышенности у самого устья речки Милопотамы, на правом берегу ее, между монастырями Иверским и Филофеевским, ближе к сему последнему. Видом своим оно •[III/1 145]• походит на самый простой, бедный и невзрачный домик одноэтажный. Его построил пресловутый безмолвник Савва Халд во второй круг времени афонского монашества в царствование Василия Македонского

(870–886 гг.)*. Этот Савва, как видно из деписания Филофеевского монастыря, 1087 года, был первоначальный вождь тех древних блаженнейших отцов-аскетов, которые селились на Святой Горе в лесистых местах и в каменных рассединах и которые единомысленно с ним избрали житие аскетическое, безмолвное, исполненное лишений, дабы беседовать с одним Богом, мудрствовать горняя и по возможности уподобляться ангелам. Сперва их было немного. Когда же число монахов, по благодати Божией, увеличилось на Святой Горе и когда покоища превратились в кинобии и лавры (963–980 гг.), тогда размножились и халдские безмолвники. Их кормили соседние монастырьки Каспака, Аци-Иоанна, Каллиника и другие христолубивые монахи и игумены.

«Εἶχον καὶ οἱ ἐν τῷ καθ' ἡμᾶς τούτῳ ἁγίῳ ὄρει τὴν οἴκησιν ποιησάμενοι ἐν τοῖς ἀλσώδεσι καὶ σχισμαῖς τῶν πετρῶν μακαριώτατοι πατέρες ἡμῶν καὶ ἀσκηταὶ ἐκ τῶν πλειόνων τὰ ἐλαττότερα ἐκλέγεσθαι καὶ φροντίζειν. Τοῖνυν καὶ οἱ ἀρχῆθεν πατέρες, οἵτινες ἀρχηγὸν ἔχοντες ἐκεῖνον τὸν ἐν μοναχοῖς καὶ ἀσκηταῖς περιβόητον μοναχὸν κύρ Σάββαν, παρὰ τισι δὲ Χάλδον ὀνομαζόμενον ἀλλὰ καὶ ὄντα, βίον μὲν ἀσκητικὸν ἐξελέξαντο ἅμα τοῖς συνοῦσιν αὐτῷ, μόνῳ θεῷ προσανέχοντες, τὰ ἄνω φρονοῦντες, τοῖς ἄνω λειτουργ-

* Сей безмолвник родился в соседней с Грузиею Халдийской области, которою управлял Варда Фока (§ 28). Посему его прозывали Халдом. Замечательно, что он на Афоне поселился близ грузинского монастыря Ἀθω.

γοῖς κατὰ τὸ δυνατόν ἀφομοιοῦσθαι πειράμενοι, τὸ δὲ πολὺ τῶν σωματικῶν πόρρω ἀποδιώκειν, ὀλίγοις δὲ ἀρκεῖσθαι. Ἐπεὶ δὲ εἰς πολὺ πλῆθος ἡ τοῦ θεοῦ ἀγαθότης τὸ τῶν μοναχῶν τάγμα τουτὶ τὸ ὅρος ἀπέδειξε, καὶ ἀπὸ ἡσυχαστηρίων κοινόβια καὶ λαῦραι ἐγεγόνησαν· ἔδει καὶ αὐτοὺς τοὺς τοῦ Χάλδου ἡσυχαστὰς τῷ ἀριθμῷ πληθυνθῆναι, καὶ ἐδέοντο πάντως καὶ τῷ σαρκίῳ, εἰ καὶ μὴ περιτεύοντες, ἀλλὰ μικρῶς παραμυθῆσθαι, ὃ καὶ παρὰ τοῦ θεοῦ ἐπεχορηγεῖτο αὐτοῖς συνεργεία τῶν γειτνιαζόντων μοναστηριῶν, ἥ καὶ πόρρω φιλοχρίστων μοναχῶν καὶ ἡγουμένων...» •[III/1 146]• к. т. л. (Γράμμα περὶ τῶν ἡσυχαστηρίων τοῦ ὁσίου Σάβα Χάλδου, νῦν δὲ Μαγοῦλα ὀνομαζομένου, γεγονὸς ἀπὸ Ἀδὰμ 6595 ἔτει ἐν μηνὶ αὐγούστῳ ἰνδικτ. 10, ἐν τῇ σεβασμίᾳ μονῇ Φιλοθέου).

§ 34. Исихастирион Аксионестинный.

*Было ли в нем чудо от Архангела
Гавриила или от иконы
Богоматери*

Кроме покоища Саввы Халда, в десятом веке на Афоне прославилось покоище, так называемое Аксион естин, т.е. *Достойно есть*, находившееся, как и ныне находится, на Капсальской возвышенности супротив русского скита св. Андрея Первозванного. Прославилось же оно будто бы так (хотя и не так, а иначе). Тут-де жил безмолвник с одним учеником своим. У них была икона Богоматери, та самая, которая

ныне находится в алтаре соборного храма Протатского на Карее. Однажды пред эту иконою ночью молился сказанный ученик во время всеобщего бдения наставника его в оном храме и усердно пел: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим» и проч. Вдруг в его келье показался благообразный монах и, назвавшись Гавриилом, начал внушать ему, что пред эту песнью надобно всегда петь: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего». А дабы эти слова не изгладились из памяти, Гавриил перстом своим начертал их на каменной плите и потом скрылся. Когда же утром возвратился из Протата сам безмолвник и когда ученик его рассказал ему случившееся в часы отсутствия его и показал эту плиту с письменами, тогда старец понял, что у них был Гавриил, не инок, а Архангел, и в тот же день явился к проту Святой Горы и, поведав ему чудо, в доказательство его представил самую плиту с начертанною на ней (будто бы) *новою* песнью, *Достойно есть*. А святогорский прот уведомил о всем этом Цареградского патриарха и царя и отослал к ним и самую плиту, чудесно исписанную. С той •[III/1 147]• поры (будто бы) постановлено было петь во всех церквах: *Достойно есть*... Это событие, по уверению дидаскала Афоно-Русского монастыря Венедикта, случилось в 980 году в царствование Василия Порфирородного⁽⁴¹⁾.

Но другое, афонское же, предание, напечатанное врачом Иоанном Комниным в 1701 году, гласит, что не Архангел научил безмолвника петь пред иконою Богоматери, *Достойно есть*, а сама эта икона, о чуде, возгласила: *пусть поют, Достойно есть*: «Εἰς αὐτὸ (Πρωτάτον) εὐρίσκεται μία εἰκὼν θαυματουργός, ἥ ὅποια μίαν φορὰν ἐφώνησεν, ὡ τοῦ θαύματος, καὶ εἶπεν, ὅτι νὰ ψάλλουσι, τὸ ἄξιόν ἐστίν». (Προσκυνητάριον Κομνηνοῦ. 1701. Pag. 101.)

Вот вам раздвоенная афонщина! Чему же тут верить и чему не верить? А ведь двух разноречивых преданий об одном и том же событии принять нельзя. От них будет трещать голова! Что же прикажете делать? Попросить афонитов, чтобы они показали нам литографию Архангела Гавриила? А не покажут, так сказать им: не ходите вы к нам с вашими ссорящимися преданиями и не соблазняйте нас ими, да и не рассказывайте нам важных и таинственных событий обмакнутым в сусло языком вятского семинариста, не заставляйте Архангела Гавриила говорить молящемуся монаху: ну-ка спой: я послушаю, как ты поешь... ты не так, братец, поешь, и не по-нашему... изволь братец: дай бумаги и чернил: я тебе запишу для памяти песнь нашу*. Но от такого запрета не легче нам будет. Напротив, в душе останется самое здоровое сомнение и как силач будет тревожить ее, голося: предание достопочтенно,

но хорошо ли рассказано; в основе его нет ли доли правды, как она есть в основах других афонских преданий, и нельзя ли выявить ее, откинув все неверности и прикрасы.

Я уже слышу этот повелительный голос, и вняв ему, потому что это — голос сомнения здорового, а не чахотного, • [III/1 148]• обсуживаю предание, о котором идет речь, с научною неосторонностью и изрекаю сущность правды, оповещенной нам легендарно.

В книжице под названием «Вышний покров над Афоном» (с большими прорехами) песнь *Достойно есть* яко *воистину* названа новою, неслышанною до начертания ее на плите Архангелом, и прибавлено, что с поры донесения афонского прота царю и патриарху о чудесном происхождении ее она начала звучать и звучит в устах Церкви Христовой. Но это неправда. Еще преподобный Иоанн Дамаскин, за 200 лет до сказуемого нами события, знал эту песнь и поместил ее в одном из своих догматико-богородичнов: ἄξιόν ἐστιν ὡς ἀληθῶς μακαρίζειν σε τὴν θεοτόκον — *достойно есть* яко *воистину* *благити* Тя Богородицу*. Да и он, как известно, не сам сочинил ее, а занял от отцов Третьего Вселенского Собора (431 г.), определивших величать Пресвятую Деву Марию Богородицею и воспевших оную песнь. Итак, она в 980 году не была новостью в Православной

* Вышний покров над Афоном. СПб., 1860. С. 3, 4 и след.

* Στοιχίᾳ δογματικᾷ καὶ Θεοτόκιᾳ, στίχ. 16. В рукописи XI века в библиотеке Афоно-Есфигмена монастыря.

Церкви. Тогда везде, и на Афоне, пели ее всякий раз, как по уставу приходилось петь 16-ю догматико-богородичную стихиру Дамаскина, содержащую ублажение Богоматери: *Достойно есть*.

Повторяю, что это ублажение давным-давно воспевалось в церквах православного Востока. *Но да будет известно, что до десятого века не было его в составе литургии Иоанна Златоуста*. Так, оно не помещено в моем редком и бесценном списке сей литургии, начертанном на пергамене в восьмом веке и содержащем все уставные возгласы иерея и диакона, и песнопения народа, *все, кроме Достойно есть*. А так как в России литургия Златоуста принята уже с этою песнью со времени крещения великого князя Владимира (988 г.), то и оказывается, что петь *Достойно есть* во время литургии установлено было великою Цареградскою Церковью в десятом •[III/1 149]• веке. Эта Церковь внесла в Златоустову литургию песнопения: *Единородный Сыне и Слове Божий, Иже херувимы тайно образуяще, Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи*: она же включила в нее и *Достойно есть*. Когда же цареградский патриарх или царь Василий Порфирородный предписал проту Св. Горы Афонской, чтобы во всех обителях там пели эту песнь после возгласа иерея, *Изрядно о Пресвятей*, тогда не все афониты подчинились этому предписанию. Между ними, и наипаче между безмолвниками, нашлись ревнители заветной старины и не принимали

предписанного нововведения, как впоследствии афониты же долго не принимали повеления Цареградского патриарха Каллиста I петь на литургии Василия Великого *О тебе радуется* и по-прежнему пели *Достойно есть*. К числу таких ревнителей принадлежал и тот безмолвник, который со своим старцем жил в келлии Аксионестинной. Ему нелюбо было литургийное нововведение. Однако совесть, как сдается, упрекала его за непослушание Великой Церкви Христовой и за отщепенство от прочих собратий на Афоне, ублажавших во время литургии Богородицу Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего. Под влиянием такой внутренней борьбы, он, как безмолвник, по исихастическому учению *стыдившийся пред Ангелами и Архангелами**, ночью, после долгого бдения и молитвы пред иконою Богоматери, стал как сам не свой и в необыкновенном выпретенном состоянии души увидел зрак Архангела Гавриила, некогда благовествовавшего Пресвятой Марии радость велию, и услышал от него повеление петь древнюю песнь, *Достойно есть*, которая в видении его в ту же минуту писалась перстом архангела как бы на плите. Это видение было у него, повторяю, было у него! И убедило его принять литургийное нововведение. А такое выпретенное убеждение, высказанное им старцу его и многим другим, подобно ему колебавшимся,

* Смотри выше § 32 и тут учение Антония Великого.

подействовало благотворно на сих последних, так •[III/1 150]• что и они пристали к литургийному единству Церкви. Тогда сие благоприятное событие, умиротворившее смущенных афонитов, было сообщено протом Св. Горы в Константинополь царю и патриарху и прославило покоище, в котором оно совершилось. Называйте это событие, как хотите, чудесным, сверхъестественным, или естественным, психическим. Но оно совершилось и повлияло на многих упрямых афонитов так, что они приняли литургийное нововведение и, успокоившись сами, успокоили и прота Св. Горы, и царя Василия. Сие-то успокоение и упрочение на Афоне единства литургии есть быль, составляющая прекрасный узор на канве жизни афонитов.

§ 35. Преображение афонских покоищ в лавры. Расширение первого устава святогорского

Во второй половине десятого века совершалось обширное преобразование афонского монашества. Тогда число разнонародных монахов год от году увеличивалось. Тогда покоища безмолвников преобразались в лавры:

так, Лавра Афанасия явилась на месте Меланийского безмолвия сего старца, лавра Иверская — подле грузинских покоищ Афо, лавра Карейская составила из местных исихастирий*. Тогда же по настоятельным потребностям афонитов последовало расширение первого устава их, который дал им царь Иоанн Цимисхий в 981 году. Пятнадцатым правилом сего устава воспрещено было афонитам продавать мирянам виноградное вино *на месте*, и только в случае крайней нужды было дозволено им выменивать на оное такие вещи, каких у них не было и какие привезут к ним миряне. А царь Василий Порфирородный особым уставом, изложенным по общему одобрению прота и всех афонитов, •[III/1 151]• дозволил монахам и монастырям держать малые мореходные лодки и отвозить на них излишнее вино в Солунь и в состоящие в околотке его местечки для продажи, если извне не причалят суда к Афону**. По силе этого устава и по жалованным грамотам царя и прота большие мореходные лодки завели себе многие монастыри, и между ними Ватопед***, Лавра Афанасия и монастырь Иверский. Эта Лавра в 985 [вернее, декабре 984] году подарила сему монастырю хрисовул царя Василия,

* Γράμμα 1087 ἔτους ἐν μονῇ Φιλοθέου: «Ἐπεὶ εἰς πολὺ πλῆθος ἡ τοῦ θεοῦ ἀγαθότης τὸ τῶν μοναχῶν τάγμα τοῦτ' ὁ ὁρὸς ἀπέδειξε, καὶ ἀπὸ ἡσυχαστηρίων κοινόβια καὶ λαῦραι ἐγεγόνησαν...». — Протат, именовавшийся в первом святогорском уставе 971 года великою Срединою, во втором уставе 1046 года назван уже лаврою Карейскою: «Συνεκαλεσάμην ἅπαντας μοναχοὺς τοῦ παρὰ γενέσθαι πρὸς ἡμᾶς ἐν τῇ τῶν Καρεῶν Λαύρᾳ».

** Смотри ниже устав Константина Мономаха и в нем правило второе.

*** В этом же правиле.

предоставивший ей право иметь мореходное судно, и подарила после того, как Иоанн Ивир отдал ей целый остров Неон вместе с хрисовулом сего же царя, коим утверждено было владение сим островом*. Но вот и другое расширение первого святогорского устава. В 22-м правиле его сказано было: «Монахам не заводить животных собственно для себя». Однако Афанасий Афонский в 996 году завел их для своей многолюдной Лавры, а его примеру последовали и другие игумены Горы**.

§ 36. Усиление Лавры Афанасия

Лавра сего Афанасия задавала тон всем монастырям афонским, кроме безмолвников. От нее, или, точнее, от него, эти монастыри заимствовали устав церковный, трапезный и келейный***. Ему некоторые игумены передали во владение свои небольшие обители вне Афона и на сей горе. «Иноки, — говорит писатель жития его, — пустынное и безмолвное житие свое оставляху и к нему приходяху, судившие большее с ним быти, и заповеди приимати от него. Нецыи же и ученики своя

непокоривые привождяху, и исцеляше их мудрым своим наказанием (наставлением). Друзии же мнози и своя келлии предаше •[III/1 152]• и сами себе, да от него научатся». Так братия Перистерийского монастыря, построенного известным нам Евфимием Солунским в 872 году, в 30 верстах от Солуня на восток, еще при царе Никифоре Фоке передали Афанасию эту обитель свою, и она состояла в ведомстве его Лавры в царствование Иоанна Цимисхия и после, но безотчетно управляема была игуменом особым.⁽⁴²⁾ Ему же завещаны были афонские монастырьки Моноксилит и Плати в 997 году (§§ 2, 21). А на острове Неон, подаренном ему Иоанном Ивиром, Лавра его имела свои виноградники и пажити и держала свой скот⁽⁴³⁾.

§ 37. Восстание исихастов против Афанасия. Прот Иоанн Факин

Такое усиление Лавры Афанасия и такое влияние его самого на весь Афон опять взволновало безмолвников. Некоторые игумены их, одержимые желанием любоначалия, приступили к проту Иоанну Факину и полюбовно говорили ему: «Ты носишь одно имя прота, а дело — в руках лаврского Афанасия. Но если не обиден тебе совет наш, то действуй по уставу твоей власти и пожалуйся царю на Афанасия». Прот стал на их стороне. Это было тогда, когда царь Василий, победив болгар, изгнал их из Фессалии и полкам своим

* В Оправданиях истории Лавры, Δωρεὰ Ἀθανασίου 6493 ἔτους. — П.К.: Опубликовано не было (отрывок см. ниже в Оправданиях, № 31). Издание: Actes d'Ivirôn. T. I. Paris, 1985. № 6.

** Смотри ниже 3-е правило устава Константина Мономаха.

*** Этот устав я видел в библиотеке Афоно-Иверского монастыря, но по недостатку времени не списал его.

дал роздых в Македонии, численно сказать, в тысячном году. Туда отправились к нему безмолвники с оным протом. На пути встретился с ними Афанасий и спросил их: «Куда вы идете и зачем?» Они выдумали ложь и ему сплели ее, как кружево. Но прот Иоанн по простоте своей забылся и промолвил ему: «К царю идем жаловаться на тебя». С одинаковою простотою ответил ему Афанасий: «Ступайте». Стало стыдно проту, и он, попросив у него прощения, уговаривал спутников своих смириться и молчать. Но они не только не послушали его, но и обзывали непотребным и неразумным. Тогда он воротился на Афон, а они пошли к царю. Но на пути к нему ограбили •[III/1 153]• их турки так, что сняли с них и одежды. Полунагие, они со срамом возвратились на Афон. Тут прот Иоанн простил их и одел с ног до головы⁽⁴⁴⁾. Бедные безмолвники! Ничто им не удастся. Начнут говорить: им напомним о молчании. Пойдут жаловаться: придут назад в самом жалком виде.

§ 38. Кончина Афанасия. Причины усиления и упрочения афонского монашества

В тысячном году христианском Афанасию Афонскому исполнилось 80 лет от роду. Но он был еще крепок и усердно занимался увеличением соборного храма в своей Лавре, потому что в ней умножилось число братии. В этой работе помогал ему зодчий монах Даниил с пятью братьями каменщика-

ми. Однажды, в пятый день месяца июля, все они взошли на недоконченный свод алтаря. Но он вдруг обрушился вместе с ними и завалил их так, что они скончались под обвалом все, кроме Даниила, который из-под мусора вытащен был живой, однако скоро умер. Услышали о таком несчастье все афониты и, собравшись в Лавру, совершили надгробное пение над умершими и похоронили их в земле⁽⁴⁵⁾.

Останавливаясь у могилы преподобного Афанасия Афонского и произношу свое слово о нем, но только как о преобразователе афонского монашества, поместив образ и подобие святой души его в особом сказании моем о созданной им Лавре.

Афон в последней четверти седьмого века сделался вековечным местопребыванием монахов потому только, что опустел после арабского погрома, и потому, что надобно было приютить там множество монахов и пустынников, укрывавшихся в укрепленных городах во время частых и опустошительных вторжений варваров в области греческого царства. Не будь этих печальных событий, кои поэтически называются *lacrimae rerum* — *слезами бытия*, на этой горе поныне были бы города, •[III/1 154]• села, деревни, семейства, свадьбы, колыбели. Но Богу угодно было создать в царстве Христовом нечто новое, что едва ли когда где будет, пока земля стоит, именно: новый обширный Эдем, где глаголивые жили бы, как земные ангелы и как предтечи того бытия, в котором ни женятся, ни посягают; и

Он создал его и поместил на Афоне, счастливо стоящем под звездами Фракии, в водах Эгейских, на морском пути в четыре страны света. Туда из этих стран собрались небесные человеки и земные ангелы, дабы непрестанно славословить Бога и жить подобно, т.е. весьма подобно Иисусу Христу*. Вначале в течение 300 лет без мала (с 675 года по 970-й) почти все они жили как безмолвники, каждый сам по себе и сам для себя, так что в убогих кровях их ничего не было, кроме икон, священных книг, рабочего орудия, черствого хлеба и не сладкого гортани овоща. А потом, по манию Афанасия, явились на Афоне большие благоустроенные монастыри и лавры, и в них, еще во дни его, поместились 3000 разномонашеских монахов, которые пришли из разных стран. Им он дал устав церковный, трапезный и келейный. С его легкой руки общежительные монастырники получили там перевес перед своежителями безмолвниками, которых, однако, он считал выше всех монахов за их непрерывно-молитвенное единение с Богом, потому что и сам был безмолвником. Какие же были причины такого численного усиления Афона и его преобразования?

Первая причина — искоренение всех ересей и торжество православия над ними во всем греческом царстве,

* Наше слово преподобный соответствует греческому слову ὁσιος. А ὁσιος состоит из двух слов: ὡς Ἰός, значит: как Бог. — П.К.: Достоверной этимологии древнегреческого ὁσιος в науке не предложено.

совершившееся в 866 году действием светозарного патриарха Фотия и царя Василия Македонского, этого Богом благословенного насчителя Афона*. Это чрезвычайное событие породило в армянах, грузинах, сирийцах и италианцах благоговение к Греческой Церкви, освободившейся от всех ересей и ставшей •[III/1 155]• ковчегом вечного спасения. А сие благоговение ввело оные языки в этот ковчег** и в особую, наилучшую для душ, часть его: я разумею Афон. С 866 года христоименитые люди, лучшие у всех народов, говорили себе: в Греции и на Афоне нет ересей, пойдем же туда спастись. И пошли!

Вторая причина, усилившая афонское монашество при Афанасии, *в помянутый день которого солнце на востоке играет к урожаю****, была обеспеченность тамошних монастырей царскими грамотами, жалованными именными и разными льготами, по удачному начинанию преобразователя их, учившего, что «монаху надлежит быть обеспечену, ибо при обеспечении он не занят житейскими заботами, а без этих забот ему покойно, паче же всего удобно совершенствоваться более и более»****.

* Смотри изданные мною четыре беседы Фотия. СПб. 1864. С. 39–47.

** Тут же, в конце 4-го отделения беседы по случаю искоренения ересей.

*** Поверье русских людей.

**** Τυπικ. Ἀθανασίου, τμήμα III: «Ἐχοῖν κατὰ τὴν ἀρχαίαν τῶν πατέρων ἀκρίβειαν ἀπερισπάστους εἶναι μοναχοὺς καὶ πραγμάτων ἐκτός. τὸ γὰρ ἀπερίσπαστον ἀφροντιστότερον, τὸ δὲ ἀφροντιστὸν ἀταραχότερον, τὸ δὲ διὰ πάντων τούτων συναγόμενον παρεκτικὸν καταστάσεως τελειωτέρας καὶ μείζονος».

Третья причина упрочения иночества на Афоне есть удобство сего опарусенного места для душевного спасения, без женщин и без соблазнов мира.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Афонские события с 1001 года по 1143-й

§ 39. События в царствование Василия Порфирородного и брата его Константина, как то: допущение мирян жить на Афоне; кончина Иоанна Ивира; хозяйственное дело Евфимия со славянами, его благодеяния афонитам, переводы с греческого языка на грузинский и кончина

Продолжаю повествование мое о событиях на Афоне, совершившихся в течение двух полных веков, одиннадцатого и •[III/1 156]• двенадцатого, устанавливая эти события в кружках времени царствования византийских государей, которые, как единственные верховные владыки монашеского Афона и как бы игумены его, имели сильное влияние на судьбу этой горы.

В одиннадцатом веке Афон, с 1001 года по 11-й день ноября месяца 1028 лета Господня, состоял под покровительством царя Василия Порфирородного и брата его Константина. Эти государи трем протам сей горы вручали мантию и посох с возложением на них рук, именно Никифору, Павлу и Леонтию, простым монахам, не имевшим сана ни пресвитерского, ни диаконского.

А эти проты, слабо державшие кормило монашеского управления, положили начало тому скоромному злу, которое во всей силе своей обнаружилось, как увидим, в царствование Алексея Комнина и тогда же было устранено навсегда. Они *дозволили пастии на Афоне деревенский скот и допустили мирян жить на сей горе даже с семействами*, именно влахов, славян и греков, продав им участки земли на сей горе. Тогда появились там деревни: Сисико недалеко от монастыря Ксиропотамского, Палеохори в виду обители Есфигмена, Комитисса на Афонском перешейке; и обзавелись хозяйством Иеропатор, владевший целою горою подле Ватопеда, Черноглав и Михали в окрестностях этой же обители и Есфигменова монастыря, некто Хромитис в нынешнем имении Афоно-Руссика под челом Афонской высоты Мегали-Виглы, и какой-то Кацари, подаривший участок земли на Афоне монастырю Ксенофонтскому. Говорю это, имея под руками афонские дееписания подлинные. Таким образом монашеский Афон в начале одиннадцатого века опять получил обстановку мирскую. Там нежные голоски певали пастушескую песенку:

Бя, бя, овечка.
Где паслась сегодня?
Я паслася под черешней.
Что там видела?
Что там слышала? •[III/1 157]•
Там две птички
Две сестрички
Пели: цили, цили, мангу-ли
Бога, Бога, любим мы.

Монастырь Ксенофонта.

Но оставим пастушеские *мандры* — загоны и пойдем в монастыри, дабы узнать, что *общее всем им, крупное или особенно замечательное*, случилось там в известные годы.

В 1005 или 1006 году в Иверском монастыре скончался о Господе наилучший сподвижник и друг преподобного Афанасия Афонского Иоанн Ивир*. Бренные остатки его похоронены были сыном его Евфимием в Архангельской церкви ближнего покоища грузинского. Этот Евфимий, управлявший сказанным монастырем еще при жизни отца его по причине глубокой и болезненной старости его, был

* В полном жизнеописании святых Грузинской Церкви (СПб., 1872. Ч. II. С. 140) год смерти его показан 998-й.

избран грузинами в кукулях на игуменство и утвержден царем Василием, потому что Иверская обитель тогда не подчинялась проту Св. Горы.

В 1008 году ему, Евфимию, довелось иметь хозяйственное дело со славянами, жившими недалеко от Солуня, в селе Аравеникии (ныне Раваника) за горою Хортаити, вдоль которой я путешествовал многократно. Дело это не важно, но достойно внимания юридическое деписание, составленное славянами в такой глубокой древности. Излагаю оное.

В селе Аравеникии и в окрестностях его жили-были пресвитер Павел Плавица, поп Иоанн Звездица, Иоанн экзарх Стогина, Георгий пресвитер Четырелеха, Павел монах сын экзарха попа

Вруха, архидиакон Константин, Всезель Аравеникиот, его жена Феофания, дочь Сира и зять Пестарь. По смерти сего Всезеля его имением владели Феофания, Сира и Пестарь. А так как у них не было потомства, то они •[III/1 158]• отдали его Иверской обители, когда настоятельствовал в ней Евфимий. Их дарственную запись с голосов составил Андрей, второй пресвитер соборной церкви (аравеникиотской) 22 мая 1008 года. Вот перевод ее с греческого подлинника^{(46)*}.

«† Павел пресвитер.

† Знак Иоанна попа по прозванию Звездицы [Σφεοδίτζης].

† Знак Иоанна экзарха по прозванию Стогины.

† Георгий пресвитер Четырелех [Τζετιρηλέχας].

† Знак Павла монаха, сына [Андрея] экзарха попа по прозванию Вруха.

† Во имя Отца и Сына и Святого Духа. — Мы, вышепрописанные, Павел Поплавицын [вернее, пресвитер Плавизи], и Иоанн поп Звездица, и Иоанн экзарх Стогина, и собственноручно поставившие честные и животворящие кресты — *благословен Бог и отец Господа нашего Иисуса Христа, сый благословен вовеки* — знаем и свидетельствуем, что поле (χωράφιον), которое обсадил архидиакон, принадлежало

Всезелю [Φσεζέλι]* и наследникам его и что Павел пресвитер у него и у них нанимал оное несколько лет. Бог тому свидетель.

† Также и я, Иоанн поп по прозванию Звездицын, знаю, что оным полем владел Всезель и что зять его, Всезеля, Стефан Пестарь [Πεστάρης], как муж Сиры, дочери Феофании, по смерти сей самой Феофании, тещи его, имея преставиться отсюда, сей самый Стефан, — со страхом Божиим и истиною (говорю), — отдавал мне обрабатывать то поле, которое возделал архидиакон Константин; и помню, что это поле было свободно и принадлежало наследнице Сире.

† И я, Иоанн экзарх по прозванию Стогина, со страхом Божиим и истиною знаю и помню, что поле, которое дал благоговейнейший монах и пресвитер игумен обители Пресвятой Богородицы Клими** и сын господина Иоанна Ивира архидиакону Константину и которое он обсадил, принадлежало сему Всезелю и было в его владении; а после кончины этого Всезеля им владели •[III/1 159]• наследники его Фео-

* У еп. Порфирия архидиакон Константин, засадивший участок, и старый владелец поля «Всезелев» — одно лицо. Однако из греческого текста явствует, что участок был засажен Константином уже после того, как он был уступлен Иверскому монастырю вдовой и дочерью Всезеля. — П.К.

** В эту обитель жить перешли Иоанн Ивир и сын его Евфимий в 980 году. С той поры по 1008 год прошли 29 лет. Итак, в деписании правильно сказано, что Павел пресвитер несколько лет нанимал поле у Всезеля.

* Текст перевода исправлен и дополнен по изданию: Actes d'Iviron. T. I. Paris, 1985. N 15. В соответствии с исправлениями несколько изменена интерпретация данного источника. — П.К.

фания и Сира, дочь ее, которые и отдали оное в помин души Пресвятой Богородице Клими. Сие знаю и свидетельствую со страхом Божиим и со всею истиною.

† И я, Георгий пресвитер сын монаха Никифора Четырелеха, слышал от блаженной памяти отца моего и пресвитера, говорившего мне и многим, — благословен Бог и благословенно царство Его, — что поле, которое обсадил архидиакон Константин, издавна было Всезея Аравеникиота и что он владел им, а по смерти своей оставил все имение свое Феофании и Сире, дочери ее, приказав им отдать оное для помина души, кому пожелают и захотят, так как они свободны распорядиться своим добром и никакого наследника не имеют.

† И я, Павел монах и сын Андрея экзарха попа по прозванию Вруха, точно знаю и помню, и от отца моего слышал, и своими глазами видел, что поле, которое обсадил архидиакон Константин, было Всезелево и владел им он и наследники его; другого же какого-либо хозяина я не знаю. Свидетель тому Бог.

† Настоящая подача голосов [т.е. устные свидетельства] Павла пресвитера по прозванию Пластица, и Иоанна попа и [домо]хозяина по прозванию Звездица, и Иоанна клирика и экзарха по прозванию Стогины, и Георгия пресвитера, прозываемого Четырелеха, и Павла монаха и сына Вруха попа написана рукою Андрея пресвитера [и] вторствующего в соборной церкви, в

месяце мае 22 дня, индикта 6-го, года 6516, в присутствии случившихся и подписавшихся на сей подаче голосов достоверных свидетелей. †

† Стефан, сын пресвитера [Пофа, выслушав голоса, подписал собственноручно.

† Георгий, племянник блаженнейшего епископа, выслушав записанные выше голоса, подписал собственноручно.

† Фотий пресвитер, выслушав выше записанные голоса, подписал своей рукой.

† Лев, сын блаженного протопопа кир Никифора, выслушав голоса, подписал собственноручно.

† Василий аподрунгарий Эладик, выслушав записанные выше голоса, подписал своей рукой.

† Георгий пресвитер Разис, выслушав записанные выше голоса, подписал своей рукой.

† Власий, друнгарий Иерисса, по прозванию Какодикис, выслушав записанные выше голоса, подписал рукой Георгия пресвитера.

† Андрей, пресвитер и вторствующий, записав, окончил». — Всех подписей восемь.

Составитель сего замечательного по древности дееписания славян отец Андрей плохо знал мудреное правописание греческих слов. Так он вместо οί, εἰς τήν, τῶν κληρονόμων, τῶν φωνῶν δόσει, οἶδα писал υ, ηστιν, τὸν κληρονόμον, τὸν φωνὸν δώσει, υδα. Такими и подобными ошибками наполнено все дееписание; но смысл

его от сего нимало не страдает. Замечательны тут вставки — *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенно царство Его*. Они доказывают, что •[III/1 160]• славяне в Солунской области были давние христиане, привыкшие к христианскому слововыражению. У них были свои церкви и свои пресвитеры, даже архидиакон, *содержавшиеся не жалованьем от казны, а своими трудами и поземельными доходами и потому независимые от прихожан*. Эти глаголивые уважали афонское монашество, были знакомы с тамошними грузинскими отшельниками и для помина душ своих возвращали им то, что получали от них.

Знакомый им Евфимий Грузинец в течение восемнадцати лет управлял Иверскою лаврою (1006–1023 гг.)*. Во все это время он благодетельствовал афонитам с таким же усердием, с каким помогал им и в те остальные пять лет (1024–1028 гг.), в кои он уже не занимался монастырскими делами, а только переводил греческие церковные книги на грузинский язык. Какие же благодеяния были оказаны им собратиям афонским? По сказанию составителя Жития его, греческого монаха Козмы 1758 г., он, Евфимий, строил в разных местах на Афоне святые храмы, больницы и жилища для ветхих старцев (γηροκομεία) и ходатайствовал по общим делам их в Солуне и Константинополе. За это все они любили его как отца добродетельного и как пред-

стателя за них мудрого. Однажды оказалась надобность послать со Св. Горы в Солунь человека делового, πρακτικόν, по требованию общих дел монастырских. Все святогорские отцы упросили Евфимия быть там ходатаем по этим делам, зная, что везде оказывалось ему великое уважение за святость его жизни; и он успешно кончил данное ему поручение, чему немало пособило совершенное им там обращение в христианство одного богатого еврея, коротко знакомого Солунскому архиерею. В 1026 и следующем году, когда царствовал брат Василия Константин, была во всем греческом государстве такая жара и засуха, что пересохли все источники и речки*. Тогда многие афониты пришли к священному •[III/1 161]• Евфимию и просили его помолиться Богу, да умиосердится над ними и одождит на землю. Евфимий, вняв прошению их, взошел в храм св. славного пророка Илии, находившийся близ Иверской лавры на холме, и после всенощного бдения тут отслужил божественную литургию. По окончании ее пролился такой дождь, что упилась им вся земля. Тогда все громогласно воскликнули: да будет препрославлено имя Бога, прославляющего славословящих Его. В те годы, когда Евфимий, по просьбе собратий его, Никоцминдского епископа Арсения и иеромонаха Иоанна

* Вернее, в 1005/6–1019 гг. — П.К.

* Cedren. Histor. compend. Bonnae, 1839. T. I. Pag. 484: «Εγένετο ἐφ' ὅλους τοὺς τῆς βασιλείας αὐτοῦ (Κωνσταντίνου) χρόνους μέγιστος αὐχμὸς, ὥς ἀποξηρανθῆναι τὰς ἀεννάους πηγὰς καὶ τοὺς ποταμούς».

Грдзелидзе, подвизавшихся в афонском покое св. Симеона, занимался переводами церковных книг, в Иверской лавре настоятельствовал дальний родственник его Георгий I. Но он был так слаб в управлении, что подчиненные ему монахи непрестанно ссорились между собою. Узнал об этом царь Константин и потребовал к себе Евфимия для расспросов, а тогда и проту Св. Горы нужно было послать к его величеству достоуважаемого монаха для испрошения царственного приказа, по силе которого можно было бы прекратить *некоторые соблазны на Афоне*; вот и это поручение кстати дано было Евфимию. Он, напутствованный общими молитвами, отправился в Константинополь и там сделал все, что надлежало кончить. Пред отъездом же на Афон ему купили необъезженного лошака. Однажды он сел на него и поехал, куда было надобно. На улице сидел нищий и, заметив, что Евфимий хочет подать ему милостыню, вскочил и подбежал к старцу, а лошак испугался и опрометью понесся по улице. Евфимий упал с него и расшибся до смерти. Грузины похоронили его в константинопольской церкви Иоанна Предтечи. Это было в 13 день мая месяца 6586 (1028) года.⁽⁴⁷⁾

Сей преподобный инок, воспитанный в Константинополе при царском дворе и писавший еллинские стихи*, оказал незабвенную услугу Грузинской

Церкви своими переводами церковных •[III/1 162]• книг с греческого языка. А перевел он более сорока творений: Псалтирь, Евангелие Иоанна, толкование Посланий св. апостола Павла к Галатам, Солунянам и Римлянам и Апокалипсиса св. Андрея Критского, краткий Синаксарь на целый год, поучения св. отцов Макария, Ефрема Сирина о вере, Максима, Исаака Сирина, Дорофея, Григория Богослова, Василия Великого и Дамаскина о двух естествах во Христе, Номоканон св. Иоанна Постника, путешествие св. апостола Андрея и много житий святых мучеников и угодников Божиих.⁽⁴⁸⁾ В этом священном труде помощниками ему были подвизавшиеся на Афоне грузинские монахи, Василий, сын царя Баграта III, переведший Лавсаик и творения св. Ефрема Сирина (1008 г.), Арсений, епископ Никоцминдский, переведший богословие Иоанна Дамаскина и одно из сочинений св. Григория Нисского, и иеромонах Иоанн Грдзелидзе, сын царя Георгия I Багратида*. Причина, побудившая всех их к такому труду, показана писателем Жития игумена Афоно-Иверской лавры Георгия II Мтацминдели († 1066 г.). «Хотя, — говорит он, — с самого начала мы имели и Писания, и правую веру, но земля наша была отдалена от земли греческой, и в

* Смотри образчик их в моем *Путешествии на Синай*. СПб., 1856. С. 212–213.

* Замечательные труды его суть: История семи Вселенских Соборов, неполная «Церковная история» Феодорита, переведенная с греческого, молебный канон Портайтского Богоматери. А жил он при царе Баграте IV.

ней были посеяны плевелы учения армян, которые очень много вредили нам. Посему милосердый Бог воззрел на наш род и воздвиг нам нового Златоуста, святого отца нашего Евфимия, который, как тринадцатый апостол, совершенно очистил нашу землю от упомянутых плевел переводом Священных Писаний, уставов и правил церкви, утверждающих нашу веру. Все свои переводы святой отец оставил после себя в письменах, и они со Св. Горы и из богоучрежденной лавры Иверской, как живительные потоки рек Эдемских, разлились по всей земле нашей для всего рода нашего»⁽⁴⁹⁾. •[III/1 163]•

«La version géorgienne des évangiles doit être admise pour une époque antérieure au moins de 50 ans à St. Euthyme et de plus d'un siècle à Giorgi Mtatsmindel. D'ailleurs on sit déjà qu' au cinquième siècle le roi Gourgaslan faisait usage d'un évangile manuscrit, en géorgien apparemment, puisque 50 ans après sa mort le Catholicos de Géorgie faisait cadeau à S. Chio d'un évangile par les soins de ce monarque.

Au couvent de Djroudch, en Imereth, se conserve un viel évangile, tout entier en lettres capitales ecclésiastiques, sur parchemin, qui a été écrit en 936 et achevé de peindre en 940 de J. Christ au couvent de Chater sous le règne de Soumbat (mentioné par Constantin Porphyrogénète et par l'auteur musulman Massoudi).

(Voyage archéologique dans la Géorgie et Arménie par M-r Brosset. St. Pétersbourg, 1851. 8-me livraison sous titre, Résumé. P. 5)*

Замечательно содружество грузинских царей, князей и вельмож с греческими государями Василием и Константином, но замечательнее тяготение их к Афону и подвижничество на этой горе. Тут в Иверской лавре и в соседних с нею покоищах они жили не только для Бога, но и для своего отечества, переписывая церковные книги для раздачи приходским церквям и монастырям в Грузии. Тут Иоанн Ивир помогал Афанасию устроить его Лавру. Тут Торникий надевал на себя бранные доспехи, дабы победить Склира, врага царя Василия. Тут Евфимий благодетельствовал отшельникам. Тут вместе с ним трудились как переводчики сын царя Баграта III, епископ Никоцминдский и иеромонах Грдзелидзе. Туда по дозволению царя Василия прибыл к ним родич их, протоспафарий и военачальник Греции, Торникий Кондолеон в 1024 году и на Карее у грузинского инокa Георгия Харзаны за 210 червонцев купил себе монастырек, построенный неким Димитрием Ламари при пособии Иоанна Ивира и прозываемый Пифарá, и в нем принял монашеский постриг и спасался до конца своей жизни. •[III/1 164]•

* Переводы Библии на грузинский язык упоминаются уже в V в.; Евфимий и Георгий Святогорцы создали исправленную редакцию текстов Священного Писания, ставшую общепринятой в Грузинской Церкви. — П.К.

**§ 40. События в царствования
Романа Аргира
и Михаила Пафлагона,
как то: заточение строителя
Иверской лавры, возвращение
ей имений, раздача денежной
милостыни афонитам**

В 1028 году 11 ноября скончался верховный владыка Афона царь Константин. На престол его возведен был Роман Аргир и царствовал до 11 апреля 1034 года. Он в заточение сослал строителя Афоно-Иверской лавры Варсвадзе как заговорщика против его величества*.

Ни хрисовулов, то есть грамот с золотую печатью, ни приказов сего государя я не видал в афонских архивах: или нет их, или они не показаны мне.

По смерти его воцарен был Михаил Пафлагон, подверженный беснованию** и страдавший водяною болезнью. Он в начале своего царствования, 1034 г., хрисовулом возвратил Грузинскому монастырю Афо принадлежавшие ему обители и имения, как-то: предместье Леондари, предместье Ерисовское, обитель Предтечи, предместье Добровию, предместье Мелинциан и запущенное место Стилариийское, отчисленные в казну по оплошности игумена Георгия, того самого, о котором я упомянул выше как об игумене слабом⁽⁵⁰⁾. В 1039 году усилились душев-

ные и телесные страдания сего царственного, благочестивого и добродетельного Афоно-владыки. Надежда на облегчение их внушила ему мысль раздать деньги, священникам по две монеты, а монахам по одной, на островах и во всех фемах, т. е. областях его царства, во всех — следовательно, и на Афоне⁽⁵¹⁾. Но ни их молитвы о нем, ни его собственные молебные бдения у раки св. великомученика Димитрия в Солуне не помогли ему. Тогда он, не чуя исцеления, послушал совета монаха Козмы Цинцилукиота (с которым мы скоро встретимся на Афоне) и облекся в монашескую мантию, но •[III/1 165]• скоро, 10 декабря 1041 года, скончался о Господе в Цинцилукийской обители, что у Босфора⁽⁵²⁾.

Преемник его Михаил Калафат царствовал только 4 месяца и 5 дней и потому едва ли имел какое-нибудь влияние на Афон.

**§ 41. События в царствование
Константина Мономаха,
как то: жалоба ему афонитов
на беспорядки у них;
разорение многих обителей
на Афоне морскими разбойниками;
недостаток съестных припасов.
Видение Агафона.
Составление второго устава**

После Калафата воцарился Константин Мономах (12 июня 1042 года), давший второй устав святогорцам. Во дни верховного настоятельства его на Афоне произошли замечательные

* Cedren. Histor. compend. Bonnae, 1839. Т. 1. Р. 188.

** Михаил IV страдал эпилепсией. — П.К.

события. Описываю их по тамошним памятям, какие удалось мне собрать.

В начале царствования Мономаха, в 1042 или 43 году, «благотворнейшие старцы афонские приходили к его величеству и жаловались, что в противность уставу их и царским хрисовулам влекут их в мирские судилища и что по влиянию оных даже поставляются игумены и многое другое делается, а постановления и распоряжения хрисовульные остаются без силы, в одних письменах». Афонолюбивый государь дал им словесное обещание прекратить у них все беспорядки, но не вдруг исполнил оное*.

Между тем Афон пострадал от нападения арабов по следующему случаю. В 1044 году Константин Мономах верных союзников своих грузин уговорил дать ему деньги взамен войска, которое числом 50,000 они должны были выставить для защиты границ, своих и греческих, от нападений турков и арабов. Часть этих денег он раздал церквям в своей столице, начиная с Святой Софии, а большую часть их употребил на постройку Манганского монастыря во •[III/1 166]• имя св. великомученика Георгия и, вероятно, на сооружение законодательного училища и на улучшение преподавания «небожественной философии»: «μουσεῖον τῆς νομοθετικῆς ἀναγείρας καὶ νομοφύλακα προσητάμενος. ἀλλὰ καὶ τοῦ τῆς φιλοσοφίας οὐρανοβάμονος ἐπεμελήθη μαθήματος, πρόεδρον τῶν φιλοσόφων προχειρισά-

μενος ἄνδρα». Но зато Грузия, оставившая границы свои без военной защиты, была разорена гуннами-евфалитами, которые вдобавок взяли в плен Лихуда, греческого правителя части Сирии, сопредельной с Малою Азией, овладев городом Веррией (Алепп), в котором он жил*.

В сие то недоброе время, я полагаю, — «арабские пираты грабили береговых жителей Малой Азии и, достигнув до Афона, разорили тут многие обители большие и малые и многих монахов замучили», как это видно из нескольких местных записей. Тогда они взяли там в рабство преподобного Агапия, послушника покоища Колецийского. Тогда же разорен был ими монастырь св. Николая в Дафне, в котором подвизался преподобный Евфимий, основатель новой Дохиарской обители на Афоне, едва-едва спасшийся от меча этих разбойников⁽⁵³⁾.

К этому несчастью в том же 1044 году присоединилось иное злополучие. «Во всех монастырях и покоищах на Афоне оказался недостаток пшеницы, виноградного вина и елея**». Кроме

* Essai de Chronographie Byzantine par Muralt. S. Pétersbourg, 1855. Pag. 629. — Cf. Cedren. Histor. compend. T. II. Pag. 608, 609. — П.К.: Речь идет о вторжении в Сирию среднеазиатских тюрок, которых византийские историки именуют «гуннами».

** По сказанию Кедрина, порча виноградников у греков произошла от бури еще в сентябре месяце 1044 сентябрьского года: «Σεπτεμβρίῳ μηνί, ἰνδικτιῶνος δωδεκάτης, ἔτους ᾿Ϛφνβʹ ἐπνευσεν ἄνεμος σφοδρός, ὡς δʹ ἀφθαρῆναι σχεδὸν τοὺς τῶν ἀμπέλων καρπούς.» (Histor. compend. Bonnae. Pag. 555).

* Смотри ниже второй Устав и тут отд. 1.

сего, увеличились там искушения от чувственных демонов, то есть от жен и дочерей влахо-рихинов, так что Афонской горе угрожала опасность запустения. О всем этом тужил и горевал особенно парамонарий Афоно-Кастамонитского монастыря монах Агафон. Однако последовало и облегчение горести его, и вот как. В ночь под первый день августа месяца 1044 года, день празднования перенесения мощей свят. •[III/1167]• архидиакона Стефана, Агафон, уединившись в соборном храме, стал пред иконою Богоматери и, проливая горячие слезы, долго умолял ее прекратить соблазны в монастырях и пропитать их. Наконец его одолел сон. А во сне душа его была в восторженном состоянии восприимчивости горнего откровения (ἦλθεν εἰς ἔκστασιν ἀποκαλύψεως), и ей послышался голос от оной иконы. Богоматерь говорила: *не печалься; отныне и впредь Гора успокоится от всех зол*. Пробудился Агафон, удостоенный такого откровения, и поведал оное всей братии своей, которая, как увидим, скоро утешена была исполнением пророчения Богоматери». ⁽⁵⁴⁾ «В это самое время пришел в Кастамонит спастись родственник (будущего царя) Алексея Комнина и облекся тут в монашескую мантию, приняв имя Илариона. Он-то и записал свыше данное Агафону откровение и исполнение его, когда настоятельствовал в Кастамоните (мы скоро увидим его в сане прота Святой Горы). Тогда же из Иерусалима принесена была в Кастамонит икона св. архидиакона

Стефана*. Нижняя часть ее обожжена. Некогда иконоборцы бросили ее в огонь, в котором, однако, она не сгорела». ⁽⁵⁵⁾ В моей греческой рукописи, содержащей повествование о видении Агафона и исполнении оного, намечен год сего необыкновенного события, 1020-й, χιλιοστὸν εἰκοστὸν ἀπὸ Χριστοῦ γεννήσεως, и сказано, что оно случилось в царствование Константина Мономаха. Но тогда царствовал Василий, а не Мономах. Значит, была числительная ошибка какого-то переписчика древнейшей рукописи вышеупомянутого Илариона. Эта ошибка повторилась и дожила до моих дней. Но обратимся к главному предмету повествования.

Видение Агафона исполнилось. Весною 1045 года, по •[III/1168]• расчислению моему, соображенному с ходом дела, «старейшие и преподобнейшие подвижники афонские, с соболезнанием видя, как *все* на Афоне ниспровергают законы и дерзают совершать преступные и необычные дела, послали некоторых старцев к царю Константину Мономаху с просьбою прекратить пагубное течение таких дел на горе. А эти послы поведали его величеству, что все, что ни делается там, ежедневно идет чем далее, тем

* Я видел эту икону и описал ее так: Волосы золотисты в виде тернового венца Христова (cogona Christi). Темя голо. Брови правильны. Глаза приятны. Нос тонок, прям и длинен. Усы и борода едва показались. Цвет лица — пшеничного зерна с отливом алым. Живопись хороша и располагает к молитве. Икона велика.

хуже, и умоляли его не оставить их в таком худом состоянии и не допустить запустения святых обителей. Сей государь принял к сердцу мольбу их и повелел игумену Воспоро-Цинцилу-кийской обители Козме отправиться на Афон и тут на месте искоренить всякое зло, восстановить прежнее иноческое житие, *все же нововведения и необычайности* (τὰ καίνωτομηθέντα καὶ ἄσυνήθη), соблазняющие монахов, осудить и устранить. Преподобный Козма в точности исполнил царское повеление, совершив три дела полезные для афонского монашества».

Во-первых, он писал к начальнику Солунской области о снабжении хлебом всех монастырей и покоищ афонских, что они и получили⁽⁵⁶⁾. Тогда и в Кастамонитском монастыре оказалось обилие пшеницы, вина и елея, предренное Агафону Богоматерью⁽⁵⁷⁾.

Во-вторых, он удалил мирян с Афона и постановил, чтобы там вблизи монастырей не пасся ничей скот, ни монашеский, ни деревенский. Тогда некто Иеропатор, не монах, не клирик, а мирянин, владевший целою высотой близ Афоно-Ватопеда, подарил это имение свое сей лавре с тем условием, чтобы тут поминали его по смерти, а при жизни покоили бы: знать, он поступил туда на жительство⁽⁵⁸⁾. Тогда же, по удалении мирян с Афона, Константин Мономах хрисовулом своим повелел именовать эту гору *Святою*, а Лавру Афанасия Афонского — Лаврою божественною, святою, царскою и Великою. Этого хрисовула, данного

проту и сей Лавре, я, к сожалению, не видал. Но о нем упомянул Кутлумуш в сборнике древних •[III/1 169]• дееписаний афонских, заметив, что сей документ написан на хлопчатой бумаге буквами неподражаемыми⁽⁵⁹⁾.

В-третьих, преподобный Козма вместе со 180 игуменами Афонской Горы начертал устав для них в сентябре месяце 6554 (1046) сентябрьского года и представил его Мономаху на утверждение, которое и последовало.

Предлагаю этот устав в русском переводе и говорю несколько слов о нем.

ВТОРОЙ УСТАВ ГОРЫ,
состоявшийся по повелению
приснопамятного и благочестивого
самодержца Константина Мономаха
в 6554 году, месяца сентября,
индикта 14-го.

I.

Поистине самодержавному и божественному и царственнейшему уму свойственно не только тщательно радеть о делах гражданских, и заботиться о воинстве, и побеждать враждебные народы, и полонить врагов, и города многолюдные держать в своих руках, но преимущественно исполнять божественные законоположения и священные каноны и иметь великое попечение о тех, которые посвятили себя Богу, и удалились от мира, и пребывают в горах, и только молятся Богу и навывают в добродетели и ничего кроме ее не ведают, так чтобы не только охранять их от притеснений и от вся-

кого озлобления и снабдевать поистине царскими и богатыми щедротами, но и исправлять беспорядки, вкравшиеся между ними как между человеками от зависти сатаны, и колебание их останавливать, и разрывы совокуплять, и к миру и единомыслию приводить избранный и сущий народ Господень. А все это можно видеть и в христоролюбивом и благочестивом царе нашем Константине Мономахе. Ибо, когда монахи именитой горы Афонской, сильнее других всегда ополчающиеся на общего врага и исконного •[III/1 170]• супостата человеческого рода, побудили и его самого недреманно и неустанно противостоять и противодействовать им, так что он во время их лени и дремания тайно посеял плевелы брани, раздора и разделения между их добрым семенем мира, любви и единомыслия, и когда это зло весьма усилилось, тогда они прибегли к царскому величеству и умоляли его спасти их от лежащих зол и от происходящей от них опасности для душ. Но просили его сделать это чрез нарочитого посланника, опытного как в монашеской жизни, так и в божественных законоположениях и в исправлении и врачевании соблазнов, происходящих от лукавого. Реченный же царь христоролюбивый и принял их, и благосклонно воззрел на них, и выслушал их речи, и уважил их прошение, и обещался послать к ним монаха, какого они просили, дабы с помощью его устранены были все беспорядки, и было восстановлено на горе должное житие

и единодушие между подвижающимися на ней монахами. Посему он послал к нашему недостойнству достопоклоняемое и честное писание своей царственности следующего содержания:

«Монахи (обители) Святой Горы *не так давно* (πρὸ καιροῦ τίνος) приходили к моей царственности и жаловались, что несмотря на силу устава их и хранящихся на Горе хрисовулов влекут их в мирские судилища и что по влиянию оных даже проручествуются [поставляются] игумены и многое другое делается, а сила установлений и распоряжения хрисовулов остается в одних письменах. Поелику же *и ныне* возникли между ними некоторые вопросы об игумене и о неких душевных потребностях посему царственность моя почла долгом поручить развязку дел мужу, живущему по Боге и опытному в исправлении душевных страстей, дабы паства Христова не осталась надолго в междоусобии. А лучше тебя нет никого, кому бы можно было поручить такое дело. Посему мы повелеваем тебе предпринять •[III/1 171]• труд мздовоздаятельный, отправиться туда и потребовать устав и хрисовулы и исследовать все, что они поставят на вид и употребить благовременное врачевание без всякого сопротивления их тебе как судии. Изложи подробно все, что учинит твоя благоговейность, дабы и царственность моя, дознав истину, могла после сего отвергать всех тех, которые, быть может, захотят противоречить. Ибо царственность моя не намерена делать никаких нововведений

на сей Святой Горе, но желает, чтобы там сохранены были древние законоположения и уставы и все делалось бы согласно с распоряжениями царей блаженной памяти, а твоим настоянием и опытностью тщательно были бы устранены только все душевные смущения, избрание же прота производилось бы по древнему уставу, который и послать к моей царственности».

Итак, по повелению его царского и божественного писания, я, Козма, наименьший монах Цинцилукис, прибыв на сию гору, по силе боголюбезного распоряжения и благословного и справедливого царского божественного повеления, пригласил всех находящихся на сей горе благоговейнейших монахов и игуменов, более ста восьмидесяти, явиться к нам в лавру Карейскую по обычаю, и они тотчас по приглашении собрались все и много благодарили Бога, немало же молились и о державном царе, потому что он привел к концу то, чего они желали и словесное обещание свое исполнил на деле.

Таким образом, мы, открыв заседание с реченными игуменами и протом горы и выслушав обе стороны, нашли, что все, поставленное ими на вид, есть не что иное, как наваждение бесов и раздор безумный. Потребовали мы хрисовульный устав горы и хрисовулы царей блаженной памяти. Все это было принесено и прочтено в слух всех. Потом мы спросили: какие же постановления требуют усиления от царского Величества? •[III/1 172]•

1) Первее всего, они сказали, что содержащееся в уставах их правило *не принимать скопцов или безбородых, не постригать и не держать их ни в монастыре, ни на участке его* пренебрежено некоторыми, и что это зло непременно должно быть исправлено. Итак, мы сами тотчас решились искоренить его и восстановить порядок и нашли всех от мала до велика благопослушными и совершенно готовыми изгнать с горы все такие лица. Самое же изгнание их, по общему мнению и желанию благоговейнейшего монаха и прота Феофилакта, и благоговейнейшего монаха игумена Великой Лавры Неофита, и благоговейнейшего монаха игумена обители Ватопедской Афанасия, и благоговейнейшего монаха и игумена обители Иверской Георгия, и по собственному нашему рассуждению и испытанию, поручено благоговейнейшим монахам — блюстителям горы и посланным с ними старцам.

2) После сего они предложили вторую главу, что некоторые из монахов и игуменов, построив мачтовые лодки и скупая вино и некоторые иные произведения, отплывают в Царыград и в другие города и как купцы торгуют ими. Наведши справку, не было ли дано им кем-либо право приобретать такие лодки после введения устава, мы нашли написанный и подписанный устав при блаженной памяти царе кир Василии, изложенный по общему одобрению тогдашнего прота и всех находившихся на горе монахов, который не только «не позволяет, но и запрещает

таковой корчемнический прибыток и на дерзающих делать сие налагает епитимию, именно — изгнание их с горы, однако позволяет монахам приобретать малые суда и отвозить излишнее вино в Солунь и в состоящие в области его местечки для продажи, ежели извне не причалят лодки к горе, но отнюдь не покупать его у других для продажи иным, что свойственно сребролюбцам и лихоимцам». Посему и мы хотели было понудить таковых сообразоваться с сим правилом; •[III/1 173]• но всем показалось это весьма обременительным и тяжким. Ибо все уверяли, что если бы они не держали мачтовых лодок для перевоза всего нужного монастырю и для продажи овощей и излишнего у них вина, то и одного дня не могли бы прожить на горе. Итак, после долгого рассуждения о сем предмете всем угодно было, чтобы монастыри держали небольшие лодки, вмещающие от 200 до 300 модиумов, каковых достаточно для нужды и хозяйства, но отправляли бы их только до Солуны и Эноса и сбывали там одни излишки свои, получая вместо их то, в чем сами нуждаются, с тем однако, чтобы никто из монахов в святые и пречестные дни четырехдесятницы не делал заготовлений и не отправлялся с горы, а все оставались бы в своих монастырях и неразвлеченно внимали бы себе и Богу и чтобы ни на самой горе, ни вне ее никто из них не скупал никаких произведений, например, пшеницы, или ячменя, или вина, или елея, или чего другого, и не продавал их в

иных местах подобно мирянам. Это правило состоялось *по снисхождению*, и постановлено с таким, однако, обязательством имеющих приобретать такие лодки пред протом горы и всею общиною, что если они презрят сие правило, то лодки их будут проданы протом и общиною, и цена их отдастся эконому горы на общие расходы ее, а ослушнику уже не будет дозволено приобрести другую лодку или уезжать с горы, *да и прочие*, сказать апостольски, *страх имут*. Большие же суда присуждено задержать навсегда, за исключением тех монастырей, которые по хрисовульным сигиллионам наших блаженной памяти царей имеют право держать их, и кроме обители Ватопедской, которой издавна предоставлено иметь судно письменным соглашением и волею тогдашнего прота и прочих игуменов горы.

3) Предложили и третью главу, говоря, что несмотря на все уставы и царские приказы, ясно повелевающие *никому из монахов отнюдь не держать скота или пар волов, ни с чужбины приводить на гору для пастбища, разве на это будет* •[III/1 174]• *согласие монахов*, ныне многие монастыри приобрели овец и коз, а Лавра кир Афанасия и волов. Тогда и мы, сознавая благословность и справедливость их предложения, приложили все старание к тому, чтобы весь этот скот удален был теми, которые незаконно приобрели его. Все прочие охотно согласились на удаление его, но благоговейнейший монах Неофит предъявил, что без животных

невозможно пропитать великое множество находящихся в его Лавре монахов и немощных старцев, и оправдывался тем, что не он начал вводить скот на гору, а предшественники его игумены за пятьдесят лет назад тому и что пригон его допущен был и игуменами горы. Когда же мы опять крепко настояли, тогда он согласился на удаление овец, но просил держать коров в особом и необитаемом месте для утешения немощных и притрудных старцев. Согласились на это и все игумены горы, и прот их, многократно упомянутый монах Феофилакт, замолчали и мы и, убедившись, что невозможно пропитать 700 монахов одною рыбою, решились пристать к мнению игумена Лавры и согласиться с волею старцев и игуменов горы; и вот постановлено: держать сказанных коров вдали от всех монастырей, так миль за двадцать, и не пасти их монахам и отнюдь не подгонять их близко к монастырям.

4) Поелику же прежде постановлено было, чтобы Лавра кир Афанасия держала одну пару волов на подмогу при замеске хлеба для братий, а теперь число их возросло от 100 до 700, то угодно было всем монахам горы прибавить еще три пары к одной; и мы, соглашаясь с общею волею, постановляем: держать эти пары, как сказано, для подмоги при замеске братского хлеба, но отнюдь не орать ими или засеивать землю. Схозяйствовано так же и то, чтобы и Ватопедская обитель, как многолюдная, держала одну пару на подмогу при замеске хлеба для бра-

тий, так как на это согласились и прот, и все прочие старцы.

5) Всеми схозяйствовано также, чтобы монастырь Амальфинцев •[III/1 175]• держал мачтовое судно, потому что без него он не может существовать; однако не употреблял бы его для торговли, а отправлял бы на нем в Цареград какой угодно избыток монастырский и получал бы оттуда подаяния христолюбцев.

6) Поелику некоторые поставили на вид и то, что иные монахи на судах отвозят с горы строевой лес, и доски, и сосны, и смолу и продают их мирянам, а это запрещено и древним уставом, посему мы полагаем: никому впредь не промышлять этим, а продавать все это живущим на горе на потребы монастырей их. Если же кто будет уличен в такой промышленности, тот будет лишен и самого судна так, как сказали мы выше.

7) О выходе же монаха из монастыря и о вступлении его в другой подробно писал небосозерцательный и божественный Василий. Запрещено это и уставом горы, который гласит, что брата, вышедшего из монастыря, не властно принимать другое братство без ведома и согласия игуменов, разве прежний настоятель передает его сему братству по собственной воле и с согласия подначальных ему братий.

8) Дошло до нашего слуха, а более самые дела показали нам, что некоторые держают уничтожать и отменять распоряжения покойных игуменов и волю их заменять своею и вводить и

выводить игуменов и делать многое другое неосмотрительно. Посему мы, согласно с древним уставом, постановляем, чтобы распоряжения преставлявшихся соблюдаемы были твердо и непреложно и чтобы все состоялось и исполнялось по содержанию составленных ими завещаний. Когда же некоторые покусились бы делать что-либо противное, тогда сделка их да будет недействительна и уничтожена, а сами они да подлежат епитимиям каноническим.

9) Также дознано смирением нашим, что некоторые, составив дарственные, или купчие, или меновые записи на участки земли и на монастыри и собственноручно начертав на них честный крест при многих приглашенных свидетелях, •[III/1 176]• которые также собственноручно поставили те же знаки, впоследствии раскаиваются и отменяют свои записи, увы, нахально и дерзко пренебрегая так делом и, следовательно, отвергая, во-первых, верность, приличную христианам, а затем попирая и собственную совесть. Посему с согласия благоговейнейшего прота и всех прочих игуменов мы постановили, чтобы впредь дерзнувший учинить такой поступок лишаем был игуменства, и на место его был бы проручествован другой из той же обители, а запись его осталась бы в своей прежней силе.

10) Касательно рубки деревьев жаловались некоторые из монахов горы, что сильнейшие монастыри препятствуют им рубить их как для топки поварен-

ных и хлебных печей, так и для построек. Посему мы постановили, чтобы все брали деревья для отопления откуда кто хочет, а на постройки рубили бы их на *общей* горе волно и беспрепятственно, в границах же монастырей делали бы это с ведома монахов каждой обители и с дозволения настоятеля оной, и рубили и брали бы столько, сколько они соблаговолят.

11) Многие монахи жаловались, что некогда велико было место общины и достаточно для нужд их, но так как повременные проты по дружбе или по другим связям с некоторыми монахами, то немногими, то многими, раздали оное кому как хотели, то уменьшилось общее место, и монастыри стесняются от того. И вот, по суду и согласию всех постановлено, чтобы никто из будущих протов не властен был ни дарить, ни продавать кому-либо участки на местах общих.

12) А лавра Карейская, говорят, вместо лавры сделалась торжищем, так что там продается и запрещенное монахам. Посему мы рассудили и постановили с общего согласия: существовать ей по древнему уставу, а если у кого найдется что-либо запрещенное (стыжусь именовать это), того изгонять из сей лавры навсегда.

13) Поелику большой был шум от того, что почти все говорили о том, что игумены больших лавр, приходя в •[III/1 177]• собрания со многими послушниками, бывают виною многих зол для собора старцев и игуменов, так что оттого внутри бывают угрозы, а вне —

побоища, да и тем, которые судят и решают дела, касающиеся общины, немалое бывает от того препятствие, когда каждый послушник что хочет, то и говорит смело и дерзко и придирается к судящим; приписывали же всю вину по большей части игумену Лаврскому, а он, благоговейнейший монах Неофит и игумен Лавры кир Афанасия, как во всем прочем оказавшийся послушным нашему смирению по своему добролюбивому расположению, так и в этом случае явившийся сговорчивее всех прочих, говорил, что он довольствуется правилом древнего устава, повелевающим приходить ему с двумя прислужниками, а проту с тремя, всем же прочим без них, ибо так предписал хрисовульный устав *по причине тогдашнего малолетства на горе*; игумены же прочих монастырей, услышав сие, огорчились и настояли, что им нельзя приходить в собрания без прислужников, необходимых по их старости и немощи; посему все полюбобно просили постановить: повременному проту приходить с тремя прислужниками, игумену благолепнейшей Лавры кир Афанасия с шестью, игумену Ватопедскому с четырьмя, так же и игумену Иверскому, а всем прочим с одним, всем же прислужникам оставаться в келиях, принадлежащих монастырям*, и отнюдь не входить в собрание, не мешаться между судными старцами и не быть им в доuku и помеху. Если же игумен именитой Лавры

кир Афанасия пожелает, чтобы при нем был один или два, то и проту, и игуменам Ватопедскому и Иверскому пусть предстоит каждому один прислужник; но отнюдь да не говорят они. А который не хочет молчать, того пусть вышлют и против воли из Соборания старцев.

14) Кроме всего этого с общего согласия постановлено и то, чтобы все важные дела обсуживаемы были в общих собраниях •[III/1 178]• под председательством прота и в заседании с ним благоговейнейшего монаха и игумена Лавры кир Афанасия и прочих почетных игуменов, когда они находятся на горе и являются в собрание, и в присутствии всех судных благоговейнейших старцев. Со страхом Божиим и истиною, без всякого лицепрятия и издоприимства, и не по какой-либо дружбе и приятельству, и без всякой страсти, например, зависти, задорливости, злопамятства, да рассматриваются и решаются все производящиеся дела. Когда же у кого случатся дела маловажные и ничтожные, пусть те идут к проту, и он возьмет с собою пятнадцать игуменов и с ними исправит беспорядки. Но ему не дозволяется приглашать всегда одни и те же лица, а для такого-то дела одних, для иного других, дабы в общине не возникли подозрения и соблазны.

15) Но что надлежало предложить прежде всего прочего как необходимое, то самое почтеннейшие старцы высказали в собрании напоследок, именно: некоторые из монахов и игу-

* Разумея монастырские подворья на Карее.

менов то ли по простоте, то ли по легкомыслию, то ли по неведению правил рукополагают юношей, не достигших и двадцатого года, не только в диаконы, но и в пресвитеры, а иные в завещаниях своих назначают их в этом возрасте и игуменами против всякой справедливости — или по родству, или по безвременной привязанности к ним. Итак, исторгая с корнем такое неразумное и незаконное дело (не сказать бы — заразу и порчу и превращение божественных и священных правил), определяем и постановляем рукополагать диакона в 25 лет, по божественным узаконениям, пресвитера в 30 лет; в этих же последних годах назначать и игумена в завещаниях.

Итак, все эти законные и душеполезные постановления, не властительски и не господски, ни бессовестно или нерассудительно, но с общего согласия и одобрения всех благоговейнейших монахов и игуменов горы (которых и имена ниже в подписях •[III/1 179]• значатся) составлены и изложены мною, Козмою, наименьшим монахом Цинцилукиотом, по божественному и царскому повелению, и подписаны важнейшими старцами горы Афонской и даны монахам, по заступлению державного и святого царя нашего. Сии постановления и узаконения, начертанные мною, смиренным, как лицом, посланным от царя, должны непреложно соблюдать все монахи сей Святой Горы. Нарушитель же их и каре божественных правил подпадет, и царского негодования отвещает. Обязаны же монахи предья-

вить настоящий устав державному и святому царю нашему, дабы его христолюбивая и благочестивая царственность придала ему законность и твердость, как то сделал и блаженной памяти царь кир Иоанн с тем уставом, который начертан был Евфимием, благоговейнейшим монахом и игуменом благолепной обители Студитов, посланный по его царскому приказанию. Сии постановления подтверждаем и мы, скрепляем и желаем, чтобы они соблюдаемы были нерушимо веки.

Все сие изложено, написано и подписано Феофилактом монахом и протом горы, и Неофитом монахом и игуменом пресловутой обители кир Афанасия, и Афанасием монахом и игуменом обители Ватопедской, и Георгием монахом и игуменом обители Иверийцев, и Иоанном монахом и игуменом обители Зигийской, и прочими почетными монахами и игуменами горы Афонской, месяца сентября индикта 14, года 6554.

Потом непосредственно была царская подпись и печать. Об этом так пишет скрепивший настоящую копию в 1097 году Солунский митрополит Феодул:

Подлинник канцлерован (κεκανικλωμένον) и припечатан царскою печатью на воску и подписан тогдашними игуменами, которых имена суть следующие:*

* Т. е. подписан багряною киноварью.

II.

(В скобках — заметки Филофеита
о местоположении некоторых обителей).

1. † Феофилакт монах и прот.
•[III/1 180]•

2. † Неофит монах и игумен Лавры
кир Афанасия.

3. † Афанасий монах и игумен Вато-
педа.

4. † Георгий Ивир.
(Поныне на своих местах.)

5. † Иоанн монах и пресвитер и
игумен обители Зигу. (Ныне еле видны
развалины ее и основания церкви. Тут
помещается скот монастыря Хиландар-
ского.)

6. † Кирилл монах и игумен обите-
ли Есфигмена. (Остатки ее существу-
ют поныне, в расстоянии одной мили от
нынешнего Есфигмена.)

7. † Иларион монах и игумен Обите-
ли св. Никифора. (Кажется, это нынеш-
ний Ксиропотам.)

8. † Иоанн монах и игумен обители
Каспака. (Ныне развалина в верховье реки
Милопотамы, принадлежащая монасты-
рю Иверскому.)

9. † Илия монах и игумен обители
Ксиропотамской. (Кажется, это нынеш-
ний монастырь св. Павла.)

10. † Петр монах и игумен обители
кир Афанасия. (В Милее.)

11. † Феодул монах и игумен обите-
ли Дохиарской. (Прежде она находилась
в Дафне.)

12. † Лука монах и игумен пресвятой
Богородицы. (Обитель Филофеева.)

13. † Афанасий монах и игумен кир
Сисоя. (Неизвестно где.)

14. † Симеон монах и игумен обите-
ли Каллиагрийской. (Ныне сад мона-
стыря Кутлумушского.)

15. † Иеремия монах и пресвитер.

16. † Марк монах и игумен.....

17. † Иоанн монах и игумен обители
Факину.

18. † Варфоломей монах и игумен
обители Сотира.

(Ныне пустыри в околоте монасты-
ря Пандократорского.)

19. † Антоний монах и игумен оби-
тели св. Евстратия. (Неизвестно где.)

20. † Никифор монах и игумен обите-
ли Верриотской. (Ныне болгарский скит
Афоно-Русика, по заверению Феодорита.)

21. † Леонтий монах и игумен обите-
ли Фалакру. (Ныне пустырь монастыря
Пандократорского.) •[III/1 181]•

22. † Феодор монах и игумен обите-
ли Калестри. (Неизвестно где.)

23. † Никифор монах и игумен Кси-
рокастра. (В околоте монастыря
Зографского.)

24. † Михаил монах и игумен обите-
ли Архистратига. (Нынешний Дохиар,
по мнению моему.)

25. † Козма монах и игумен обители
Филадельфа.

26. † Герасим (Герман) монах и игу-
мен обители Неакита*.

27. † Герасим монах и игумен Бес-
сребреников.

* В другом списке перед нею прописана оби-
тель Лутракия. Это должно быть верно. Ибо
если мы вставим ее в число прочих обителей и
исключим из него Иеремию (15-й), который не
был игумен, то у нас выйдет полное число 30-
ти почетных обителей.

28. † Варфоломей монах и игумен св. Николая.

29. † Никифор монах и игумен св. Ефрема.

30. † Иона монах и пресвитер св. Онуфрия.

31. † Арсений монах и игумен обители св. Петра.

(Неизвестно: исчезли ли эти обители, или некоторые из них обращены в продажные келлии.)

Всех, кроме прота, тридцать. Эти старцы были почтеннейшие в числе 180 игуменов горы*.

III.

Сигиллион на хлопчатной бумаге с золотою печатью приснопамятного благочестивого царя Константина Мономаха, подтверждающий сей устав.

(В начале его несколько строк изгладилось дочиста, остальные же читаются так, как написаны здесь:)

«.....
..... Лавры. Ибо когда (диавол), расторгающий единство, и похищающий вожденный мир, и ниспровергший данные горе узаконения и правила, и приведший в забвение всякую заповедь, •III/1 1821• и мирских людей допустивший жить у них**, нарушил чин подвижников (изгладилось) Ибо как дух господствует над телом и повелевает им яко

некий владыка и царь, так те, которые презрели мир и все, что в мире, и живут для одного Бога, предпочитают другим. Но им нужны рассудители их душевных вин, производящих великое превращение дел на горе. Это зло, как водится, опечалило тех монахов, которые превышают других летами и подвижническими трудами; и они, с соболезнованием видя, как все ниспровергают законы и дерзают совершать незаконные и необычные дела, видя утрату благочиния и появление бесчиния, не промолчали и не успокоились, как это делают те, которые любят подобные дела, но, распаляясь любовью к добру, послали некоторых старцев к нашей державе с просьбою касательно пагубного течения всех дел на горе. Посланные же поведали, что все, что ни делается, ежедневно идет чем далее, тем хуже, и умоляли нас не оставить их в таком худом состоянии и не допустить, чтобы многомужная гора сия и святая паства, из малой и убогой пришедшая в нынешнее состояние и благоволением Божиим увеличившаяся, опять уменьшилась от сеяний и ухищрений лукавого и чтобы монахи разбрелись по горам и холмам и потерпели бы всякую напасть достопаечную. Итак, мы не презрели их, но, приняв к сердцу все вести их и поняв, что все это есть дело лукавого, всегда враждующего против рода человеческого, подали им скорую действенную помощь и сыскуствовали уврачевание недуга. Ибо предписали Козме, благоговейнейшему монаху, ... отправиться

* В новом издании (Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 9) порядок подписей и имена игуменов отличаются. — П.К.

** Καὶ κοσμικοῖς ἀνδράσι διατᾶν τὰ κατ' αὐτοὺς ἐπιτρέποντος.

на гору, распознать недуг и уврачевать его, разведать древние обычаи, рассмотреть устав, узаконения отцов и царские хрисовулы, какие только были жалованы им, и, по общему согласию и одобрению •[III/1 183]• начальствующих в каждой лавре и старейших пред другими, восстановить на горе древнее житие, все же нововведения и *необычайности*, причиняющие соблазн монахам, осудить, отринуть и устранить от жития на горе».

(Далее говорится, что благоговейный монах Козма отправился на Афон и, исполнив свое дело как надлежало, начертал устав.)

«А так как сей устав предъявлен был и нашей царственности и был одобрен нами, то мы приложили к нему печать нашу и скрепили его багряною подписью по склейкам каждого листа, дабы никогда ничто не изменилось в нем, а настоящим благочестивым златопечатным словом нашим повелеваем соблюдать его вовеки». ⁽⁶⁰⁾

Филофеит видел два *подобна* (копии) сего устава (а подлинника не видал), один в Протате на пергаменте с подписями только четырех имен, а другой в Лавре Афанасия, скрепленный и с подписями многими ⁽⁶⁰⁾. А я видел три *подобна* его, протатский, кутлумушский и филофеевский, и переписал третий со всеми примечаниями Филофеита. Мой *подобен* помещен в Оправданиях сей истории Афона под № 1-м.

От Филофеита я знаю и другим сообщаю, что *подобен* подлинного устава

Константина Мономаха представляем был в 1097 году протом Иоанникийем Солунскому митрополиту Феодулу для сверения с подлинником и, сверенный им, посылаем был в том же году к царю Алексею Комнину, по требованию его, с благоговейным монахом Лавры Афанасия и исихастом Нифоном. Этот подобен с привешенною к нему именную печатью сказанного митрополита из свинца, сквозь который продеты льняные нитки, хранится в монастыре Есфигменовом вместе со списком с него Есфигменского же игумена Феодорита 1819 года. ⁽⁶¹⁾

Что касается до сигиллиона Константина Мономаха, то он, по заверению Кутлумушца в его ἀρχαία γράμματά, написан на толстой, •[III/1 184]• но мягкой бумаге шириною в две четверти без мала, πύθαμῶν β', а длиною в аршин, буквами большими, искусно переплетенными между собою, неподражаемыми и неудобочитаемыми. Листы бумаги сзади по склейкам скреплены письменами в виде винтообразной вязи, συνδεδεμένα ἐλικοειδῶς. ⁽⁶²⁾

Составитель второго устава монах Козма был настоятель обители св. Бесребреников Ермолая и Пантелеимона, прозываемой Цинцилуки, ныне Кузгунцуки, у Воспорского пролива близ Константинополя в епархии митрополита Халкидонского. В этой обители принял монашеский постриг, скончался и погребен царь Михаил Пафлагон, при котором Козма находился неотлучно. ⁽⁶³⁾

В филофеевском списке намечен год составления устава 6554-й от Адама,

месяц сентябрь, индикт 4-й. Но тогда индикт был 14-й. Сей-то верный индикт я и поставил в своем переводе устава, полагая, что в филофеевский список вкралась числительная ошибка переписчика.

Кто увидит и прочтет вышепомянутый подлинный сигиллион Мономаха, тот узнает и укажет нам год и месяц, в который святогорцы представили сему государю второй устав свой и удостоились утверждения его*.

В этом уставе и в царском сигиллионе показаны некоторые темные стороны монашеского быта на Афоне. Но о них я скажу свое слово после, когда буду описывать сей быт особо и многосторонне по другим, кроме устава, *памятям* афонским. Дроби я ставлю у чисел крупных, частности обобщаю, а внешние события с людьми отделяю от внутреннего быта их, который есть историческая действительность, но своего особого рода и вида, с цветностью своеобразною.

Пусть же продолжается отдельное повествование мое о таких событиях.

•[III/1 185]•

**§ 42. События в царствования
Михаила Стратиотика
и Константина Дуки, как то:
прибавка жалованья афонским
лаврам; льготы Лавре Афанасия;
книжные труды Георгия
Мтацминдели; учреждение
сиротского училища
в Афоно-Иверской лавре**

Второй царственный уставщик Афона, Константин Мономах, скончался 11 января 1055 года и погребен был в Манганском монастыре Константинополя. После него Феодора царствовала только 20 месяцев и умерла от болей в животе 30 августа 1056 года. На престол ее тотчас возведен был Михаил Стратиотик. Он хрисовулом своим, данным в январе месяце 1057 года Лавре св. Афанасия Афонского, прибавил ей три литры (фунта) жалованья к прежним 8 литрам и 20 монетам, кои она получала по милости прежних царей, а прочим лаврам на Горе пожаловал еще 10 литр в добавок к 170 литрам, отпускаемым для них из царской казны. Побуждениями к излианию таких щедрот его служили, кроме бедности афонитов, их молитвы, способствовавшие непобедимости христолюбивого воинства. В помянутом хрисовуле сего государя Афонская гора названа *Святою*, а также и основатель тамошней Лавры Афанасий назван *святым*, под другими же лаврами, получавшими жалованье из царской казны, разумеются многолюдные лавры Карейская, Иверская и Ватопедская⁽⁶⁴⁾.

* В критическом издании акта (Actes du Prôtaton. Paris, 1975. N 9) стоит дата «14-й индикт, 6554 (1046) г.». — П.К.

В 30 день августа месяца 1057 года Михаил Стратиготик, по совету вселенского патриарха, желавшего спасти его от меча клеветников преемника его Исаака Комнина, облекся в монашеские одежды. Комнин же этот, царствовавший два года, 1058–1059, имел ли какое-нибудь влияние на афонское монашество — это неизвестно мне. Он, передав престол свой Константину Дуке, удалился в монастырь. А что особенное произошло на Афоне в царствование сего Дуки по день кончины его 5 июня 1067 года — это я оповещаю здесь охотно. •[III/1 186]•

В первый год (1060) самодержавия сего царя благоговейнейшие монахи Великой Лавры преподобного Афанасия Афонского предъявили его тихости (γαληνότητι) 1) хрисовул царя Константина Порфирородного, передавший им в Солуне обитель св. Апостола Андрея Первозванного с полною независимостью ее от тамошнего митрополита и освободивший сто присельцев бестяглых и присельцев-рабов (παροικῶν ἀτελῶν καὶ δουλοπαρίκων ἑκατόν) от податей во всех лаврских поместьях, и 2) сигиллион Константина Мономаха 1052 года, назначивший государственного канцлера попечителем афонской Лавры Афанасия с большими правами*, и, предъявив ему эти две правины свои, просили его подтвердить их. Государь исполнил их просьбу и освободил имения Лавры от всех пода-

тей и повинностей, государственных, земских, военных и таможенных, от требований разных служивых людей, как то: сакеллариев, царских кураторов, гиротрофов, царских и нецарских нотариев, domestиков, дуков, катепанов (которых мы переименовали в капитанов-исправников), протокендархов, проелевсимов, епоптов, судей, и от сборов для дружин варяго-россов, сарацин, франков и других (λογαριακῆς εἰσπραξέως Βαράγγων Ῥῶς, ἡ Σαρακινῶν, ἡ Φραγγῶν, ἡ ἐτέρων ἐθνικῶν καὶ Ῥωμαίων).⁽⁶⁵⁾ Это частное событие внесено мною в общую историю Афона не без намерения. Пусть будет известно всем, что царским монастырям на Афоне верховною властью дано было право просить каждого государя в начале его царствования о подтверждении жалованных грамот и приказов прежних царей, и пусть внезапно заслушается не ожидаемый никем вопрос: не те ли варяго-россы основали свой монастырь на Афоне, которые служили в войсках греческих царей и селились в их государстве и для которых не взымались сборы с монастырских имений?

А вот и еще частное, но прекрасное явление на Афоне! Это особенное подвижничество св. Георгия II Мтацминдели, т. е. •[III/1 187]• Святогорца, которому соотечественники, наши, грузины поныне поют в церквах своих:

«Посреде двунадесяти созвездий, озаряющих вселенную, яко денница сиявши светом богословия, мудре Георгие».

* См. издание отрывка в Оправданиях ко 2-му отделению III части, № 97. — П.К.

Я отменно почитаю сего человека Божия и человека народного и потому представляю здесь очерк его благотворной для Грузии деятельности — тем охотнее, чем менее нам известна церковно-книжная письменность Грузии.

Георгий родился в 1014 году в Триалетской области от именитых и благочестивейших родителей. Отца его звали Иаковом, а мать Мариєю. Они, когда исполнилось ему семь лет, отправили его в женский монастырь Тадзиси в Самцхете к родной сестре его монахине Фекле. Тут он пробыл у нее три года и выучился читать и писать по-грузински (1024 г.). А оттуда отец отвез его к родным братьям своим, Георгию и Савве, спасавшимся в обители Хахуль. Эти же иноки, видя в сем кротком отроке ум зрелый не по летам и благочестивое настроение души, поручили его знаменитому тогда духовными подвигами и наставлениями великому Илариону Твалели, прося готовить отрока к монашеству, на что согласны были и родители его по обету своему. Под руководством Илариона Георгий преуспевал в благочестии и изучал паремии, Апостол, Евангелие, Псалтирь и прочие церковные книги и песнопения, какие только были тогда в Грузии. Но вскоре он взят был оттуда в дом Фериса Джоджидзе для обучения наукам, а по смерти сего Фериса супругою его завезен в Константинополь, где и учился в течение двенадцати лет всем наукам греческим под надзором родного дяди своего, хахульского старца Георгия. Когда же

госпожа Ферис, по соизволению царя Михаила Пафлагона, возвратилась (1036 г.) в свое грузинское поместье Товарцатап вместе с обоими Георгиями этими, тогда •[III/1 188]• переселился к ним и отец юного Георгия Иаков: мать его Мария уже не была в живых. Все они жили вместе, но недолго. Юный Георгий отправился в Хахуль к другому родному брату отца своего, монаху Савве, и, когда исполнилось ему двадцать пять лет от роду, принял монашеский постриг от великого Илариона Твалели (1089 г.). Вскоре после сего в нем воспламенилось желание поклониться Богу-Слову в Иерусалиме. Он идет туда переодетый в рубище, но по пути заходит на Дивную Гору в пределах Малой Армении и тут молится у раки св. Симеона Столпника, посещает все тамошние обители и принимает благословение от всех подвижников. Оттуда отправляется в пустыню св. Романа и здесь проводит три года, 1040–1042, в великих трудах и подвигах, посте и бдении, в послушании и служении больным. Потом спасается на Черной Горе близ Антиохии Сирской под руководством соотечественника своего Георгия затворника, непорочного как горлица и незлобивого как голубица, человека небесного и ангела земного, который жил в пещере каменной горы (*саквирвельса напралса шинакидисаса*). Блаженный затворник Георгий, провидя в духовном чаде своем светило грузинского народа, облакает его в схиму.

Схимник уходит от него в Иерусалим (1043 г.) и тут посещает все святые

места, видя везде Господа как бы пред своими глазами. Пробыв же там недолго, возвращается к своему духовному наставнику. А этот убеждает его идти на Св. Гору Афонскую и там продолжить и окончить начатые Евфимием переводы греческих церковных книг на грузинский язык.

Георгий идет на Афон. Приходит туда. Поселяется в Иверской лавре и семь лет, 1044–1050, упражняется в пощении и молитве, смирении и кротости, послушании и терпении и наипаче в самоотвержении, сознавая себя недостойным переводить священные книги. Узнает затворник Георгий, что он еще не сподобился иерейства и не приступал к переводам и •[III/1 189]• с Черной Горы посылает к нему ученика своего Феодора понудить его к благовторному для Грузинской Церкви труду. Георгий повинуется своему наставнику.

Его рукополагают в пресвитера и ставят сперва еkkлисиархом Афоно-Иверской лавры, а потом игуменом ее (1051/2 г.). С сей поры он начинает переводить св. книги, а больше трудится для блага своей лавры. Переносит в соборный храм ее мощи св. Евфимия из цареградской церкви Крестителя и мощи отца его Иоанна из Афоно-Архангельского покоища. Отыскивает останки блаженных сотрудников их, Арсения, Никоцминдского епископа, и иеромонаха Иоанна Грдзелидзе. По благоуханию находит их под финиковыми деревьями, выросшими на могилах их, и полагает подле мощей

св. Евфимия на южной стороне сказанного храма. Кончив сие дело, заботится о самом храме этом, в который протекала дождевая вода, и в Цареграде у государя Константина Мономаха запрашивает свинцовые листы для покрытия ими сего святилища; а над ним воздвигает красивый купол, покоящийся на четырех мраморных колоннах.

Раздалась весть по Афону, что благочестивый царь Грузии Баграт IV и мать его Мария приехали в Константинополь. Георгий спешит к ним и с помощью их испрашивает у Константина Мономаха хрисовул, освобождающий все имения Иверской лавры от разных повинностей. Царица Мария принимает от него схиму, а царь Баграт запрашивает его святительство в наилучшей церкви Мингрелии, Чхондиди, но тщетно. Ему любя Иверская лавра на целомудренном Афоне.

Надобность опять зовет Георгия в Царьград. На пути туда он останавливается ночевать во фракийской деревне Ливёде, состоящей в числе поместий Иверской лавры. Тут жили пришельцы из дальних стран, так называемые склавы (славяне), люди полудикие, питающиеся нечистыми и пресмыкающимися животными. У них с давнего времени уцелел мраморный идол в виде женщины. Они покланялись ему. А св. •[III/1 190]• Георгий молотом разбил его и склавов обратил в христианство.

Время летит. А данный Георгию талант переводить священные книги приращается мало. Он скорбит об этом и, отказавшись от настоятельства в лавре

в начале 1056 года, уходит сперва в Константинополь. Тут скончалась греческая царица Феодора (80 августа 1056 г.). В самый же день кончины ее прибыла в эту столицу дочь Баграта Марфа. Увидел ее Георгий и пророчески сказал: «сегодня отошла царица, и пришла царица». Проречение его скоро сбылось. Царь Константин Дука бракосочетал сына своего с этою Марфою.

Из Константинополя Георгий отправился на Черную Гору, дабы там беспрепятственно продолжать и кончить свое книжное дело.

Но занятия его прерывает мать Баграта Мария, прибывшая в Антиохию. Она вместо себя посылает Георгия в Иерусалим с милостынею для тамошних бедных христиан и монастырей. Георгий идет туда, разделяет деньги неимущим и недужным и много жертвует на постройку Грузинского монастыря во имя Креста Господня близ св. града, предпринятую монахом Прохором. Возвращается оттуда на Черную Гору и там то в монастыре св. Симеона Столпника, то в Кампосе переводит священные книги, большею частью по ночам.

Услышал о подвигах его блаженный Иоанн, патриарх Антиохийский, и призвал его к себе. Георгий беседует с ним многократно о Священном Писании, о добродетелях, страстях и о спасении души и утешает его, когда горела Антиохия и сторел в ней патриарший храм во имя св. апостола Петра.

Преемник сего Иоанна Феодосий вознамерился подчинить своей власти независимую Грузинскую Церковь как не основанную-де никем из апостолов и открыл это намерение Георгию, призвав его к себе с Черной Горы. Но Георгий доказал ему, что в Грузии проповедовали Христа два апостола, св. Андрей Первозванный и Симон Кананит, которого и мощи •[III/1 191]• почивают в абхазском городе Никопсисе. «Мы, — говорил Георгий, — просвещены этими св. апостолами и с той поры, как познали истинного Бога, уже никогда не отрекались от Него и не уклонялись в ересь, а всех еретиков отвергаем и анафематствуем. Мы твердо стоим под кровом православия в учении и заповедях свв. апостолов. Вы обзываете нас невеждами, а себя самих величаете мудрецами. Но было время, когда во всей Греции колебалось православие (в эпоху иконоборства). Тогда Иоанн, епископ Готфов, получил рукоположение в нашем Мцхете, как это сказано в большом Синаксаре»*. Такие речи вразумили патриарха Феодосия, и он перестал думать о подчинении Грузии своему престолу, а Георгия возлюбил и нередко приглашал его к себе с Черной Горы.

* «In Vita Sancti Ioannis Gotthiae episcopi, qui saeculo ecclesiae octavo claruit, legitur, non Constantinopolim de prisco more, sed in Iberiam potius ad gentis huius Catholicum perrexiste, a quo consecraretur, quia per omne Byzantium imperium iconomachorum haeresis grassabatur, a qua proinde Iberiae immunis sarta tectaque manserat». Oriens Christianus. T. I.

Георгий кончил там перевод всех церковных книг необходимых. Их переписали для себя все тамошние грузинские обители. (Немного их было тут). Узнали об этом царь Баграт и мать его Мария и пригласили его к себе, дабы все церкви и монастыри в их царстве наполнились из потока божественных книг его, которых там еще не было. Георгий провел зиму в Абхазии у своего ученика Чхондитского епископа, а весну и лето 1065 года в лаврах, Недзви в Картли и Шатберди в Кларджете. Часто видаясь с Баграмом, он уговаривал его не продавать епископские кафедры людям недостойным, а избирать и ставить на них мужей святых, воспитанных в монастырях и учившихся у богомудрых наставников; беседовал с ним о царском правосудии, равном для всех подданных его, и наипаче о милостыне, и убеждал его исправлять наперед свои недостатки, а потом народные. У сего богоносного наставника исповедовались сам царь и кафоликос Грузии, священники и диаконы, монахи и монахини, вельможи и •[III/1 192]• сановники богатые и бедные, так что он едва-едва успевал принимать пищу. Наставления его были соответственны званию каждого человека. Неучей он научал; богатым внушал милосердие к бедным, а бедным терпение и отпускал их от себя с милостынею; падших поднимал, а падающих поддерживал и укреплял.

Но вот самое блистательное и полезное дело Георгия Мтацминдели!

Он задумал собрать несколько малолетков и на Афоне, у мощей св. Евфимия, как просветителя Грузии, приготовить их на служение Церкви, задумал и осуществил эту святую думу свою. Первые дети, приведенные к нему, были два племянника его. Других же он собрал из городов, сел и даже из пустынь, а иных выкупил из рабства или избавлял от самой горькой жизни. Случалось, сами родители приводили к нему детей своих, даже оставляли их у дверей его кельи, а сами убегали. Случалось и то, что некоторые дети, охотясь учиться, упрашивали его принять их. Таким образом собралось у него сорок мальчиков. Три причины понудили его предпринять это святое дело: милосердие, утверждение православия посредством переведенных им книг, которые изучать легче юным, нежели старым, и торжественное служение в Афоно-Иверской лавре у мощей Иоанна, Евфимия, Арсения и других святых.

Блаженный Георгий провел пять лет на Черной Горе и в Грузии (1061–1065). Там и тут переводы его переписаны были во многих епископиях и монастырях.

Настал 1066 год сентябрьский. Тогда великий труженик проразумел, что приблизилось время кончины его, и отправился на Афон чрез Константинополь, дабы на этой горе почтить от дел своих, взяв с собою сорок птенцов своих. С ним поехали в столицу монах Петр, бывший некогда патрицием,

другой Петр Бдиели, некоторые сановники и многие миряне.

В Константинополе царь Константин Дука принял Георгия в дворце своем и беседовал с ним о вере в присутствии •[III/1 193]• римлян и армян. Замечательна эта беседа. Передаю ее:

Царь: Скажи мне, отец святой: почему мы и вы (греки и грузины) служим Евхаристию на квасном хлебе и к вину примешиваем воду, а римляне служат на опресноках без прибавления воды? Что означает квасность хлеба и примесь воды к вину?

Георгий: Государь! Так как у греков возникало много ересей, то подобные тебе благочестивые цари сзывали соборы, которые, кроме учения о божестве Господа нашего Иисуса Христа и о воплощении Его, учили и о Господнем теле и определили причащаться его под видом хлеба, но хлеба квасного с солью, означая квасностью его одушевленность тела Иисуса Христа, а солью — разумность души Его, в противоположность ереси Аполлинария, который учил, что Сын Божий принял человеческое тело, но без души и разума человеческого. Что касается прибавления воды к вину в Евхаристии, то, по изъяснению Златоуста, это делается в воспоминание истечения крови и воды из прободенного ребра Христова. Таково значение этих священнодействий. — Римляне же, как только познали истинного Бога, уже никогда не уклонялись от Него и не выдумывали ересей; и как верховный апостол

Петр совершил бескровную жертву, или лучше, как сам Господь преподал Евхаристию ученикам Своим на Тайной вечери, так совершают ее и они; и нет у нас никакой разности с ними, *только бы вера была правая*. Римляне, услышав это, обрадовались и сказали Георгию: «мы представим тебя святому папе».

Царь: Что же скажешь ты об армянах?

Георгий отвечал кратко: Неправая вера их пусть и не называется верою.

Царь доволен был ответами инок и сказал ему: «я все сделаю по просьбам твоим».

В то время в Константинополе находился *Мамасахлиси* Мтацминдский, т. е. прот. Св. Горы Афонской, муж праведный. •[III/1 194]• Он, увидев Георгия и узнав причину приезда его, возрадовался и сказал ему: «Благословен Бог, приведший тебя. (Иверский) монастырь твой — пред тобою».

На другой день (23 июня 1066 года) обоих их потребовали к царю. Константин Дука опять радостно приветствовал Георгия и сказал ему: «Иди опять в свой монастырь, в котором ты был прежде, и воспитывай там сирот твоих. А мне их покажи. Другие же просьбы твои я исполню. Иди с миром».

В следующий день Георгий ходил в Студийский монастырь поклониться главе Иоанна Крестителя и, отпраздновав тут Рождество сего Предтечи

Господня и причастившись Св. Таин, возвратился в свое подворье Ксерлоп. Но тут почувствовал в себе болезненный жар.

За два дня до праздника верховных апостолов Петра и Павла сей богоугодный старец велел приготовить всех сирот его для представления царю, который дал ему знать, что ему угодно видеть их на равнине Филопатрос. Сироты приготовлены. Воспитатель их сел на коня без посторонней помощи и отправился с ними к назначенному месту. Приехал туда и царь со своим сыном и с многими царедворцами и, увидев сирот даже седмилетних в коротких монашеских мантиях, умилился и сказал Георгию: великое дело сделал ты, отец. Георгий же, подав свою просьбу царю, ответил: после Бога я надеюсь на тебя, государь, и тебе поручаю всех этих сирот. Царь велел им прочесть Часы. Но святой муж, не вняв царскому повелению, приказал им пропеть отходную песнь богоприимца Симеона: ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, и проч. Это было приказание души его, предчувствовавшей свое преставление в горняя селения, души, не подвластной царям. На другой день после сего Георгий скончался. Его отпели, положили в кипарисную раку и отвезли на Афон в Иверскую лавру, где и поставили на левой стороне соборного храма против мощей св. Евфимия, решив праздновать память его в 30 •[III/1 195]• день месяца июня. А сироты? Они остались там под кровом св. обители и под отеческим

надзором нового настоятеля ее Георгия III Олтисели, утвержденного царем Константином Дукою*.

Какие же были книжные труды Георгия Мтацминдели? Прежде всего, он перевел с греческого языка большой Синаксарь, который Евфимием переведен был сокращенно, потом — изборо евангельских чтений, паремейник, большой требник Студийский, толкование книги Бытия, все послания апостола Павла и послания соборные и докончил начатый Евфимием перевод сентябрьской минеи. Все эти восемь книг были переведены им в Афоно-Иверской лавре во дни его еклесиаршества и настоятельства. А на Черной горе он изготовил перевод Св. Писания и им обогатил грузинский язык и украсил св. Церковь; перевел Шестоднев Василия Великого, послания св. Игнатия Богоносца, часослов, октоих, цветную триодь, послания св. Кирилла Александрийского и проч.; кроме сего исправил некоторые древние переводы, искаженные неразумными переписчиками, сличив их с греческими подлинниками, и заменил нехорошие слововыражения наилучшими.⁽⁶⁶⁾ Таковы были книжные труды сего человека Божия и народного! Вечная память ему!

Царственный благодетель его Константин Дука не более года жил после

* Он скончался на Афоне в 1072 году. Им переведены были с греческого языка на грузинский 1) устав обители Саввы Освященного, 2) поучения св. Максима Исповедника и 3) Златоструйник Иоанна Златоустого.

него. Одержимый болезнью с октября месяца 1067 года (сентябрьского), он скончался 5 июня сего же года, оставив преемниками по себе супругу Евдокию и трех сынов, Михаила, Андроника и Константина.

**§ 43. События
в царствование Евдокии,
второго супруга ее
Романа Диогена и сына ее
Михаила, как то:
обеспечение монастырей
Каракальского и Дохиарского;
межевание участка
земли на Афоне,
подаренного Ватопеду
Иеропатором**

Хотя Евдокия, по желанию умирающего супруга ее, и дала •[III/1 196]• вселенскому патриарху подписку в том, что она ни с кем не сочетается браком, однако оставалась вдовою только семь месяцев и потом, с согласия детей своих, сената и патриарха, который не одобрил оной подписки как подсказанной ревностью ее мужа, обвенчалась с Романом Диогеном и провозгласила его царем, потому что он был красив, да и нужен для громимого турками государства ее как хороший полководец. Этот Роман пожаловал хрисовул Афону-Каракальскому монастырю. Я не видал сего дееписания. Но о нем упомянул Кутлумуш в своем сборнике древних грамот Афонских, не сообщив, однако, содержания его⁽⁶⁷⁾. А так как все царские хрисовулы жаловали монасты-

рям имения или подтверждали давнее владение ими, то и Романо-Диогенов хрисовул, ежели он не поддельный, пожаловал или подтвердил то же самое.

После Романа Диогена вторично возшел на царский престол сын Константина Дуки Михаил в 1071 году. В этот самый год было такое дело на Афоне, которое напомним нам о жительстве там мирян и об удалении их оттуда царем Константином Мономахом. Излагаю это дело. •[III/1 197]•

Игумен Ватопедской лавры Феодосий просил прота Св. Горы монаха Павла и судных старцев пойти с ним и размежевать границы обители Каллиника и той горы, которую подарил сей лавре Иеропатор в неотъемлемое владение ради душевного спасения и телесного успокоения своего: «διαχωρίσαι τὸ ὄρος τῆς ὑπ' αὐτοῦ λαύρας τὸ λεγόμενον τοῦ Ἱεροπάτορος, ὅπερ δέδωκεν ὁ αὐτὸς ὁ Ἱεροπάτωρ δι' ἐγγράφου δωρεᾶς αὐτοῦ εἰς τὴν ῥηθείσαν λαύραν εἰς τέλειαν καὶ ἀναφαίρετον δωρεάν ψυχικῆς ἔνεκα σωτηρίας καὶ σωματικῆς ἀναπαύσεως». Все они пришли на это место и позвали единственного свидетеля, знающего правду, именно монаха Леонтия, к которому имели полное доверие. Этот Леонтий, держа в руках животворящий крест, показал, что левая сторона принадлежит обители Каллиника, а правая Ватопеду как дар Иеропатора (ὡς ἀπὸ τῆς τοῦ Ἱεροπάτορος δωρεᾶς). Как он показал, так и обозначены и описаны были границы обеих обителей.⁽⁶⁸⁾ Из этого дела

ясно видно, что монах Леонтий был современник Иеропатора, знал его дарственное завещание горного участка земли Ватопеду, знал и границы сего участка; иначе его одного не спрашивали бы и позвали бы других свидетелей. А если так, то дарственная запись Иеропатора сделана была не очень давно. В какое же время? Полагаю тогда, когда царь Константин Мономах велел выселить с Афона всех мирян, численно сказать, в 1046 году. От этого года до 1071 прошло 25 лет. В такой недлинный промежуток времени Леонтий не мог забыть и не забыл того, что хорошо знал как современник Иеропатора; и ему все верили как единственному свидетелю, знавшему сущую правду. В описании границ лавры Ватопедской и обители Каллиника упомянута дорога от Кастамонита к Черноглаву: «*δρόμος ἐκ τοῦ Καστανίτου πρὸς τοῦ Τζεργουλάβου... καταλιπὼν δὲ διὰ μὲν τοῦ Τζεργουλάβου, ἀριστερὸν δὲ τοῦ Ἱεροπάτορος*». Как Черноглав, бесспорно славянин, так и Иеропатор-грек не названы в деле, о котором идет речь, ни клириками, ни монахами; следовательно, они были миряне, владевшие собственностью на Афоне, из числа тех мирян, о которых Константин Мономах, в вышеприведенном сигиллионе его, сказал, что супостат дозволил им жить между афонитами: «*καὶ κοσμικοῖς ἀνδράσι δίαίταν τὰ κατ' αὐτοὺς ἐπιτρέποντος*». Что сделал Черноглав с имением своим там, продал ли его, или пода-

рил какому-либо монастырю, как некто Кацарис подарил свой кусок земли обители Афоно-Ксенофской*, это неизвестно. Но для нас довольно знать и то, что на Афоне до Константина Мономаха жили и миряне. Это верно, как верно и то, что царственное семейство Константина Дуки благодетельствовало обители Афоно-Дохиарской, не той, которая находилась в Дафне и была разорена морскими разбойниками в 1044 году (§ 41), а той, которую обновили преподобные афониты, Евфимий Дохиарит и племянник его •[III/1 198]• Неофит⁽⁶⁹⁾, и которая поныне стоит на берегу моря между монастырями Зографским и Ксенофским. Второй сын вышепомянутого Дуки, [Андроник], имевший высокий сан пансеваста-протосеваста и соцарствовавший с матерью своею Евдокиєю и братом Михаилом, сигиллионом своим утвердил за этою обителью Перигардикийское поле, которое пожаловано было еще старому Дохиару в Дафне ранее 738 года по Рождестве Христовом. А брат его Михаил и мать его Евдокия в 1074 году именными повелениями своими (питтакионами) предписали Ксифилину, судье и писцовому книжечю Волера (*ἀναγραφεὺς Βολεροῦ*), освободить пахотные земли

* Смотри в *Оправданиях* моей истории монастыря Ксенофского, *ὑπόμνημα τοῦ Πρώτου κυρίου Παύλου*, 1089 ἔτους: «... τόπον ἐδωρησάτο ὁ Κατζάρης πρὸς τὴν μονὴν τοῦ κυρίου Ξενοφώντος». [См.: *Actes de Xénophon*. Paris, 1986. № 1. — П.К.]

Дохиара в Перигардики и Сатувле от земских повинностей^{(70)*}.

**§ 44. События в царствование
Никифора Вотаниата,
как то: щедроты его Иверской
лавре; обновление монастырей
Архангельского
и Ксенофонтовского**

Преемником царя Михаила Дуки был Никифор Вотаниат, происходивший от знатного рода Фоки и даже от древних именитых Фабиев римских**. Он царствовал с 1078 года по 1081. В первый год его самодержавия монахи Афоно-Иверской лавры, находившейся в крайней бедности по причине плохого хозяйства, усердно просили его не только утвердить за нею все имения ее, но и освободить их от разных налогов и поборов и поддержать древнюю самоправность их обители. Государь внял их просьбе и своим хрисовулом, данным в июле месяце 1078/9 сентябрьского года, когда индикт был 2-й, повелел опять выдавать из казначейства лавре их 8 литр и 16 монет, из которых

* Как теперь установлено, питтакион и протаксис о владениях Дохиара в Перигардики и Атувле (Ατουβλα) были выданы Алексеем I Комнином и его матерью Анной Далассиной в 1089 г. См.: Actes de Docheiariou. Paris, 1984. № 2. — П.К.

** «Ἦν δὲ ὁ Βωτανειάτης τῶν εὐπατριδῶν, ἐκ τοῦ Φωκᾶ τὸ γένος κατὰ γυν, καὶ τῶν περιωνύμων Φαβίων, οἱ τὸ γένος τῆς περιδόξου καὶ πρεσβυτέρας Ῥώμης κατήγον, καθὰ ἡ ἀνέκαθεν παράδοσις κρατεῖ περὶ αὐτῶν». Ioannis Scylizae Curopalatae historia. Bonn, 1839. Pag. 726.

четыре были отняты у нее, освободил имения ее от всех повинностей и подтвердил их •[III/1 199]• самоправность, а судиться им по всем делам приказал только у солунского епопта либо князя.⁽⁷¹⁾

Во дни сего Афоно-владыки обновлены были две старые святогорские обители, Архангельская и Ксенофонтовская. Рассказываю, как это было.

После разорения арабами древнейшего монастыря Дохиарского в афонской Дафне (1044 г.) игумен его, преподобный Евфимий, с несколькими собратиями спасшийся от меча иноплемеников, приобрел себе и им готовый дом в нагорной части Афона между старыми прибрежными монастырями Ксенофонтовским и Архангельским и, по устройении в нем малого храма во имя св. Николая Чудотворца, назвав его Дохиаром, передал игуменство свое некоему Феодулу, который и подписался под уставом Константина Мономаха в 1046 году как игумен обители Дохиарской, а сам подвизался тут как исихаст в течение нескольких годов. Место около сего нового, нагорного Дохиара было непросторно. Нуждаясь в увеличении его, Евфимий, с согласия прота Иосифа, купил у соседнего монастыря Ксенофонтовского часть земли от хребта Афона до самого моря⁽⁷²⁾ и приобрел соседний монастырь архангела Михаила, которого настоятель Михаил еще в 1046 году подписался под уставом Константина Мономаха 24-м в ряду святогорских игуменов. В этот Архангельский монастырь,

стоявший на берегу моря, перешли жить сподвижники его из вышепомянутой нагорной обители, и потому все стали называть его Дохиаром. Сему-то новейшему Дохиару благодетельствовали царица Евдокия и сыны ее Андрионик и Михаил до 1074 года и в этом году, что оповещено мною в предыдущем параграфе. В этот же Дохиар в 1078 году пришел к Евфимию богатый племянник его Николай, любимец царя Никифора Вотаниата-Фоки, имевший сан патриция, пришел с тем намерением, чтобы тут жить для одного Бога. Престарелый дядя омонашил племянника своего и назвал его Неофитом, ему же передал и Архангельский монастырь свой, *письменно отрекшись от владения им*, •[III/1 200]• что ясно выражено в духовном завещании сего Неофита, которое он составил в 1092 г.*, будучи тогда протом Св. Горы: «Σεβασμιωτάτη Δοχειαρίου μονή περιῆλθέ μοι ἀρχῆθεν ἐκ παραιτήσεως ἐγγράφου τοῦ μακαρίτου καὶ ὁσιωτάτου πατρὸς καὶ θεῖου μου**. Ἐκτοτε δὲ μέχρι δεῦρο κατέχω αὐτὴν καὶ δεσπόζω». С той поры Неофит, похоронив Евфимия, в течение 15 лет содействием архистратига Михаила устроил и устроил этот Дохиар, *сломав в нем старую архангельскую церковь и на месте ее выстроив новую, весьма красивую, архангельскую же*. «Τοῖνυν καὶ γὰρ Νεόφυτος ὁ τὴν εὐαγεστάτην τοῦ Δοχειαρίου μονήν, ἥτις ἐπὶ τῷ πανσέπτῳ καὶ θεῷ ὀνόματι τοῦ ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ ἵδρυται ἀπ’

ἀρχῆς ὁμοῦ καὶ τετίμηται, πρὸ πολλῶν ἤδη ἐνιαυτῶν ἐλέει θεῷ περιέπειν καὶ ἡγουμενεύειν λαχόν, νυνὶ δὲ πρωτεύειν ἐν τῷ ὄρει τῷ καθ’ ἡμᾶς προκριθεὶς ἐκ θεοῦ... τῇ τοῦ θεοῦ ἀρρώγῃ καὶ τοῦ ἀρχιστρατήγου αὐτοῦ συνεργείᾳ οἰκοδομὰς παμπλείστους ἀνήγειρα, καὶ ἀμπελῶνας ἐφύτευσα, καὶ πλοῖα κατεσκεύασα... καὶ αὐτόν γε τὸν ἱερώτατον καὶ ἅγιον ναὸν τοῦ ἀρχιστρατήγου τῶν ἄνω δυνάμεων Μιχαὴλ ἐκ κρηπίδων αὐτῶν, τὸν πρώην διαλύσας, ἀνήγειρα, ὃν ὡραιότητι πολλῇ κατηγλάϊσα, καὶ εἰς ὅψιν πάντων τοιοῦτον προτέθηκα»⁽⁷³⁾.

Итак, неосновательно сказание составителя Афонского Патерика, изданного в Петербурге в 1860 г., о Евфимии и Неофите Дохиарском. Евфимий не строил Дохиарской обители в Дафне, а вошел в нее в готовую, потому что она, как мы уже знаем, существовала ранее 738 года. Иное дело если он обновил ее. Эта обитель разорена была во дни царя Константина Мономаха, а не при царе Никифоре Фоке. После сего несчастья Евфимий приобрел готовый монастырь, весьма давно (ἐξ ἀρχῆς) построенный и посвященный достойному имени архистратига горних Сил Михаила, а племянник его Неофит обновил его, расширил, упрочил, создал в нем новую Архангельскую церковь на месте старой, сломанной им, и в 1092 году завещал избранному преемнику своему. Все это изложено •[III/1 201]• в афонских деписаниях. Следовательно, сказание вышепомянутого Патерика, будто Евфимий

* Точнее, ок. 1118 г. — П.К.

** Здесь θεῖος значит дядя.

был друг Афанасия Афонского и в Лавре его исполнял послушание *дохиара*, т. е. келаря, будто в память сего послушания он монастырь в Дафне назвал Дохиаром и будто в новопробретенном Дохиаре Никольская церковь переименована была в Архангельскую по случаю спасения архангелами Михаилом и Гавриилом послушника Василия, утопленного в море собратиями его, — все это сказание, как противное оным дееписаниям, частью ложно, а больше неверно и не точно. Но в неверности, неточности и лжи виноват не столько русский составитель Афонского Патерика, сколько тот протосингел Великой Церкви Константинопольской, Кирилл, который в 1843 году сочинил описание Дохиарского монастыря* и которого сочинением пользовался оный составитель. Этот Кирилл, как оказывается, не ведал, что царь Никифор Вотаниат происходил от знатного рода *Фоки* и, зная только одного царя Никифора *Фоку*, который самодержавил с 963 года по 969-й, вообразил, что Евфимий и Неофит жили во дни сего самодержавца, а не при Никифоре *Фоке-Вотаниате*, и впал в анахронизм непростительный, заставив этих двух преподобнейших афонитов жить в X, а не в XI веке. А рассказ об Архангелах Михаиле и Гаврииле, принявших на себя образ златоперых орлов для спасения дохиарского утоп-

ленника во дни сего Неофита, и о посвящении имени их дохиарской церкви *в память сего златоперого чуда*, противоречит духовному завещанию сего же Неофита, в котором ясно сказано, что дохиарская церковь *издревле* посвящена была имени архангела Михаила, что она была сломана и что на месте ее построена новая Архангельская же церковь без всякого чудесного повода, по одной милости Божией при содействии архистратига. Помянутый Кирилл либо не видал сего завещания, либо •[III/1 202]• отложил его в сторону, когда дохиарские старцы в 1843 году упростили его придать их обители большую древность и современность Лавре св. Афанасия Афонского. Скажут, что и в другой книжице, известной на Афоне под названием, «Общий Проскинитарий Св. Горы» (Κοινὸν Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους), Евфимий назван *другом* одного Афанасия. Но в этой же книжице оповещено, что он жил при Никифоре Вотаниате. Итак, одно из двух: или Евфимий жил более ста лет, или общий проскинитарий противоречит себе самому и юридическим дееписаниям Афонским.

Все такие книжицы, и особенно изданные торопливо Афоно-Русским монастырем, у меня не служат материалами для истории Афона, потому что они по большей части суть не что иное, как эхо бродящей по Афону кривоустой молвы или измышление ревности тамошних монастырей и их своекорыстия, и потому, что мне было бы стыдно пред ангелами и людьми

* Προσκυνητάριον τοῦ βασιλικοῦ καὶ πατριαρχικοῦ μοναστηρίου τοῦ Δοχειαρίου. Ἐν Βουκουρεστίῳ, 1843. In 4°.

повторять, например, с известным у нас Святогорцем Серафимом и с составителем «Вышнего покрова над Афоном», что на этой горе ангел являлся одному скитнику в виде петуха*, что пресвятая Дева Мария, послужившая таинству воплощения любви Божией к нам, умерщвляет, иссушает, в море топит христиан, и т.п. Я повествую об Афоне то, что гласят о нем тамошние подлинные деписания.

А что гласят они о возобновлении монастыря Афоно-Ксенофонтского?

Слушаю записку прота Св. Горы Павла об этом предмете, составленную им в 1089 году, когда индикт был 12-й, и, выслушав ее, сообщаю всем вот что:

Ксенофонтон монастырь, поныне стоящий на юго-западной стороне Афона, у самого моря, между Дохиаром и Руссиком, построен был преподобным Ксенофонтом, современником Афанасия Афонского, в десятом веке. Тогда вокруг его вроссыпь •[III/1 203]• существовали маленькие обители: св. Николая Хрисокамару, св. Иоанна Богослова Варнавицы, господина Дионисия, св. пророка Даниила, Неврокопа, Скамандрина, Зелиана, св. Ефрема и свв. апостолов. Этому монастырю, о котором идет речь, царь Василий Порфирородный (975–1025 г.) пожаловал — приложил — монастырь Иеронимон, он же и Вурвур, на острове Кассандре, с подворьями и исихастириями его и с 12-ю присельцами. Стало быть, оный Ксено-

фонт был не из простого звания, коль скоро удалось ему монастырь свой сделать царским.

Двоюродный брат его (προτεξάδελφος), монах Феодул, построив вышепомянутую обитель Хрисокамарскую, передал ее монастырю его с виноградником и с 300 масличными деревьями. После преподобного Ксенофонта настоятельствовали там в числе других, Герасим Куропалат, бывший протом Св. Горы, и Дионисий, уступивший преподобному Евфимию Дохиарскому часть земли монастыря своего. Когда же воцарился Никифор Вотаниат, 1078 г., тогда Ксенофонтон обитель была крайне запущена и нуждалась в большом пособии: ἡμελημένον πάντα καὶ πολλῆς δεόμενον ἐπικουρίας. Но тогда же Бог послал ей нового ктитора Стефана, родом из Константинополя, чином великого друнгария, мужа добродетельнейшего и весьма богатого. Он, как евнух, горя желанием поступить в лик назореев, т. е. монахов, упросил Никифора Вотаниата отпустить его на Св. Гору Афонскую в запущенный монастырь Ксенофонта и, быв уволен им туда, взял с собою только трех евнухов и тут принял монашеский сан с именем Симеона и омонашил спутников своих, нарекиши им имена Евсевий, Кандид и Иларион. Его попечением и щедротами при небольшом денежном пособии царя Вотаниата монастырский храм был благоустроен и украшен, особенно образами в богатых серебряно-позлащенных окладах, ограда, хотя и не вся, сооружена, число

* Смотри первое издание писем этого Святогорца.

монастырских келлий увеличено, братий собрано 55, к прежним имениям монастыря прикуплены новые⁽⁷⁴⁾. Вот когда, кем и как обновлен был монастырь преподобного Ксенофонта. •[III/1 204]• Дальнейшая история его будет изложена мною особо. А теперь я спешу оповестить то, что происходило на всем Афоне.

В записке прота Павла сказано, что царь Никифор Вотаниат одарил множество монахов, а существование всех *старших* обитателей* обеспечил своими постановлениями, имеющими силу закона, монаха же Павла поставил протом Св. Горы, *вручив ему пастырский жезл*: «Μοναχῶν πλῆθος κηδεμονικῶς ἐχαρίσατο, καὶ μοναῖς ἀπάσαις ταῖς πρεσβυτέραις ἐμμένειν διατάξεσιν ἐθεσπίσατο... καὶ ἡμῖν βακτηρίαν ποικιαντικὴν παρέσχε, καὶ ὄρους τοῦ ἁγίου Πρωτον κατέστησε»⁽⁷⁵⁾.

**§ 45. События в царствование
Алексея Комнина, как то:
письменные сношения святогорцев
с вселенским патриархом
Николаем; упрочение свободы
и независимости их царем;
скоромное зло и прекращение его**

Никифор Вотаниат, как видно из хрисовула его, данного Лавре Афанасия Афонского в марте месяце 1081 года, когда индикт был 4-й, еще управлял

государством и настоятельствовал на Афоне в первой четверти сего года. Но вскоре на престол его возведен был Алексей Комнин. Этот государь больше всех царей любил святую гору, а — странно! — был главным виновником ее развращения и опустошения. В продолжительное царствование его, с 1081 года по 1118-й, произошло там много необыкновенных, жгучих событий, в которых принимали участие монастырники, безмолвники, архиереи, вселенский патриарх, греческий царь и вельможи его. Тогда разыгрывалась презанимательная драма на Афоне и в Константинополе в палатах царя и патриарха.

Оповещаю все это, начав с письменных сношений святогорцев с вселенским патриархом и предварительно упомянув о некоторых распоряжениях царских и протатских, дабы не прерывать ими единства оной драмы. •[III/1 205]•

В одно время с царем Алексеем Комниным святительствовал вселенский патриарх Николай двадцать семь лет, с 1084 года по 1110-й. У сего патриарха прот Св. Горы, не поименованный, письменно просил духовных наставлений и выпросил. Передаю их в русском переводе с греческого подлинника.

НИКОЛАЯ СЯТЕЙШЕГО
ПАТРИАРХА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
ПРОТУ СЯТОЙ ГОРЫ ПОСЛАНИЕ
СОВЕТНОЕ.

«І. Многократно докучал ты нам, чадо, и понуждал, паче же просил и умолял

* Под старшими обителями разумеи лавры — Афанасиеву, Иверскую, Ватопедскую, Карейскую и монастыри — Дохиарский, Амальфинский.

нас написать тебе сжатое и краткое письмо малого объема, из которого мог бы ты узнать, что надобно тебе делать и как хорошо проводить жизнь твою до самого конца ее, дабы сподобиться стояния одесную. Но я сознавал, что это дело превышает силы не только тех, которые состоят при мне, невежде в слове, не имеющем ни дел добрых, ни умозрений, но и мужей ученых, умеющих писать о подобном предмете, так как они наторели во всяком умозрении и в непрерывном благоделании, и посему решился отринуть от себя эту тяжесть, не смогиши поднять ее. Однако большая настойчивость твоя и вместе стремительность твоего — ведь (τάχα) прекраснейшего и божественного — желания убедила меня коснуться неприкосновенностей, чего и делать не надлежало бы. Итак, начну решать задачу твою, призвав на помощь моей немощи, паче же неведению моему, Слово Отца, Владыку Христа моего, а также и владычицу Богородицу Марию и всех святых молитвенников*.

II. Всякий христианин должен иметь основание. Какое же это основание, которое надобно иметь ему? Это нелицемерная вера от чистого сердца и любовь к Богу со всею крепостию ее, от всего помышления и от всей души, а также любовь к ближнему, как к себе самому. Ибо на этих заповедях, как •[III/1 206]• сказал Владыка, висят весь

закон и все пророки. Не убивай, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, не клянись ложно, *да и вовсе не клянись*, отдав клятвы твои Господу Богу твоему, не кради, не блудодействуй — все это заповедует писанный закон ветхий. А Христос и Господь и Владыка всех, восхотев, чтобы мы строже соблюдали Ветхий и Новый Завет, учит не клясться даже вправду, не произносить никакой клятвы, разве только ей-ей и ни-ни, ибо лишнее от диавола. Ветхий закон карал конец всех дел, а Спаситель наш Христос осуждает наипаче начало их, говоря: воззревший на женщину с похотью уже блудником стал в сердце своем. Притом он учит не сопротивляться лукавому (человеку), с пригласившим же тебя пройти одно поприще идти с ним два поприща и отнюдь не противоречить, гневно ударившему тебя в правую щеку кротко и благосклонно подставить и левую и вообще, что каждый терпит от ближнего, все то и все обиды и даже удары переносить великодушно; хотящему судиться с тобою и взять рубаху твою, отдать и одежду. Еще: просящему у тебя давать безвозвратно, хотящего занять у тебя не отпускать с пустыми руками, врагов же любить, как друзей, и молиться о всех обижающих, а проклинающих благословлять и ненавидящим делать добро. И еще: молитве учит нас так: не молиться подобно лицемерам; а поститься повелевает без лицемерия и угрюмости, с лицом умаченным. Еще: не собирать сокровищ на сей земле, никого не осуждать, дабы

* Далее в оригинале следует рифмованный текст. — П.К.

самим не быть осужденным. Желаящего достигнуть совершенства учит продать все имения его и раздать их нищим с полной решительностью и за то иметь сокровище на небе и славу и таким образом взять крест и следовать за Ним. Так Господь заповедует в Евангелиях.

А божественный апостол и великий проповедник Павел учил, что истинный и во всем верный христианин имеет в себе живущего Всесвятого Духа, как это видно из следующего вещания Его: «Плод Духа есть любовь, радость, мир и с •[III/1 207]• ними долготерпение, также благодать и незлобие, кротость, вера истинная и воздержание от всего». И в другом месте он говорил: «Братие, не заблуждайтесь: ни прелюбодеи, ни блудники, ни мужеложники, ни хищники, ни ругатели, ни пьяницы, ни рукоблудники, ни воры, ни обидчики, ни лихоимцы Царствия Божия не наследят» (см. Гал. 5, 22; 1 Кор. 6, 9).

(В следующих за сим строках Афоно-Зографской пергаминальной рукописи, с которой я перевел сие послание, заметна нескладность речи). Но прежде сего и всего прочего, троекратно исповедав важнейшее исповедание божественного крещения, в котором отдадим отчет в будущем веке, все мы отрекаемся от диавола, и от всех дел его, и от служения ему, и от всей позорищности его. Дела диавола, или душевные страсти, исчисляются так: во-первых, гордость, потом зависть и ненависть, ярость, гнев безрассудный и с ними убийство, похотливость чрезмерная, худые помыс-

лы, поношение, осуждение, ревность, лихоимство, пьянство, хищничество и всякая неправда. Таковы душевные дела диавольские. А телесные исчисляются так: рукоблудие, блуд и прелюбодеяние и с ними мужеложство и деторастление, скотоложство тройное и птицеложство и всякие нечистые занятия. Служить же сатане значит верить волшебствам и прибегать к волшебникам, приглашать звездочетов и тучегонителей, принимать предохранилища, талисманы заколдованные, гадателей на ячмене, имеющих в себе бесов, и птицегадателей и всякое чародейство язычников и неверных. Все это есть служение диаволу. Теперь остается сказать, что такое зрелищность его. Это песни и пляски, игры в шашки, в бросальные кости, в шахматы (ζατρίκια) и конские ристалища. От всего этого отреклись мы в божественном крещении и вместе от сатаны как учителя сему, и дали обет Богу право веровать в него, соблюдать заповеди Бога и Спаса, которые он преподавал апостолам своим, удаляться от худых дел как от дел диавола и совершать все доброе как заповеди •[III/1 208]• Господни. В сем-то божественном обете, как сказано, дадим мы отчет, все малые и великие, епископы и цари, монахи и послушники (разночинцы — μυῦαδες), богатые и бедные и все люди верные. Но то, что я написал, обязательно не для одних монахов, а и для всех верных, составляющих удел Христа.

III. У монахов же, как я говорил, житие иное. Ибо они отреклись от настоящего

мира и призадачили себе строгость жизни страшную и великую. Кроме вышепрописанных заповедей от них требуется праведность гораздо большая, как то: нестяжательность совершенная, девственность самая высокая, воздержание от страстей и снедей, обуздание чувств зрения, обоняния, осязания, слуха и вкуса, дабы не сделать чего-либо худого, непрестанное псалмопение и долгое бдение, долупрекложение, жесткое спание и неомовенность*. Жить вместе с женщинами или дружить с ними воспрещает им монашеское правило решительно, также и беседовать и вообще сближаться; отроков не допускать к себе и никак не усвоить их. Оговаривать или порицать или вообще осуждать воспрещено всем верным, кольми паче монахам; клясться воспрещено вовсе. Сребролюбивым и самолюбивым быть не подобает монаху. Но зачем я трачу время в речах? Если ты хочешь сподобиться Царства Небесного, то удаляйся от всякого зла и твори добро. Ибо трудно и невозможно сластолюбцу и тщеславному получить блаженную жизнь вечную. И это я написал тебе из многого немногого. Ибо ты хорошо знаешь мое неумение. Однако перехожу к другому предмету, дабы точно выяснить, как должен ты молиться, воздерживаться и истинно поститься, и жить в круглый год — а начинаю слово мое началом индикта.

* ἀλουσία неопрятность, но во избежание резкости я перевел неомовенность. Афонские монахи поныне никогда не моются.

Ты должен содержать пост. Какой же пост разумею я? Двудневный в среду и пяток. Он, по учению отцов, есть ошаяние рыбы, елея и вина, сухоядение однажды в третьем •[III/1 209]• часу пополудни. А так как ты немощен, то пей немного вина. Но если ты можешь воздержаться от употребления его, то будешь иметь большую пользу, исполнив заповедь. Ибо апостолы божественные и после них богоносные отцы заповедуют страшную и великую строгость, питаться одним хлебом, солью и овощами, а пить только воду, разве кто немощен и потому ради нездоровья может употреблять и малую толику вина. А от всего прочего, как написал я, воздержись вполне, разве постигнет тебя немочь какая или встретится случайность, но и тогда употребляй только необходимое, а не как случится. И это написал я для круглого года. Строгость же таких пощений, какие описал я, предначертана не одним нам, монахам, но и всякому верному в уделе Христовом. Нам же, монахам, святые отцы повелевают есть однажды в день, а в субботу и воскресенье отнюдь не поститься. Теперь отсюда начну писать о праздниках господских.

IV. В праздники, которые мы называем господскими, у нас бывает разрешение на все в пище и питии. А праздники эти суть: во-первых, Рождество Богородицы и воистину Приснодевы Пречистые Владычицы, также Введение Ее во храм Господень, потом Рождество Владыки по плоти, Крещение Его, восхотевшего обновить нас тлен-

ных в струях Иордана, принесение Его в храм Божий, которое все мы называем Сретением Господним; далее, озарение лица на Фаворе — так мы называем божественное Преображение Христово; преславное успение и странное преставление Пренепорочной Матери Бога по плоти, пред которым канонически бывает пост. Начало и конец праздников составляют всечестные и божественные праздники Богородицы и Матери Господа, начало — Рождества Ее, а конец — Успение. Да прибавятся к ним два праздника Предтечи, всечестное и странное Рождество его и Усекновение главы, которое потерпел он несправедливо. Присоедини к сим и память апостолов, Павла проповедника и Петра *верховного*. В эти праздники если ты намерен разрешать, а случится среда или •[III/1 210]• пятница, то разрешай только на рыбу и елей; если же захочешь и сыру, то мне все равно. Но вкушай это лишь в четыре праздника, в Рождество Христово, и в праздник Богоявления, и в Сретение Господне и Преображение, а в прочие довольствуйся рыбою и вином. Таковы уставы. Впрочем, не о строгости правил говорю, а к немощи твоей пишу. Перечисляю и прочие праздники, какие существуют и в которые бывает незанятность, разумею незанятность работами: — дивная и всечестная и божественная двушестерица апостолов, этих досточтимых таинников Господа, и память мучеников и наипаче страстотерпцев, а с ними и торжества иерархов, и священ-

номучеников, и подвижников. В сии праздники разрешай только елей и вино и ничего другого не касайся в эти дни. Наконец, не упрекай меня за строгое слово, но благоукраси себя для будущего суда, на котором не будет ни извинения, ни даже ответоуещания. А я прекращаю слово о сем предмете. Довольствуйся тем, что я написал, и ничего более не требуй. (*Далее что-то пропущено в подлиннике.*)

А мне надлежит писать о предмете обширнейшем. И вот я начинаю писать о нем.

V. Подходит святая и великая четырехдесятница. Она-то и есть тот предмет, о котором я сейчас заговорил. И да не покажется тебе лишним то, что имею писать теперь. У всякого поста свой устав, а у Великого поста свое воздержание, до удивления строгое. И знай сие точно, ежели ты, имея ум, внимателен. Итак, первое поприще первой недели весьма многие подвижники проходят, не принимая пищи. Ты же, как немощный, вкушай хлеб и воду ежедневно, но весьма мало, ради поддержания себя, как сказал отец наш Феодор Великий. Так постись пять дней, как я сказал, а в два дня разрешай на елей и вино, и даже на *черепокожное*, если найдется*. Когда же первая седмица с Богом кончится, тогда в остальные седмицы постись три дня, в понедельник, среду, пяток, а в •[III/1 211]• два разрешай на вино, и только. А если и в эти два дня можешь поститься, как

* Разумей устрицы, петалиды, мидии, улитки.

в другие дни, то будешь иметь большую пользу, исполнив заповедь. В субботу и воскресенье разрешай как прописано, а до рыбы не дотрагивайся во все эти дни, кроме праздника Благовещения, и только. Святую же и всечестную Великую неделю, напоминающую спасительное страдание Господа, ты должен чтить как никакую другую: только однажды позволено разрешать в эту неделю, когда в один из дней ее случится праздник. Какой же праздник? Главизна всех праздников, Благовещение. Но и тогда разрешай не на рыбу, как делают некоторые, а на елей и вино. О прочих же праздниках излишне писать. Гораздо лучше, если можешь, соедини мне два дня: в пятницу и субботу ничего не вкушай, пока кончится божественная литургия; тогда ешь, благодаря Господа.

VI. Вот настал день светлый, восхождение Христа, радость верных. Ибо Он, поправ смерть как Бог и Владыка, воскрес тридневен, как это Сам предсказал. Тогда и ты отложи печальный хитон и пост прекрати. Ибо уже нет поста, а есть веселие и радость, какая пристойна монахам. Однако, останавливаясь здесь, хочу передать нечто из всемудрых и золотых Слов Златоуста, который в одном из них говорил так: «Хотя и прошло время всечестного поста, но польза от него да пребудет в нас всегда». За тем и я, поставляя тебе сие на вид, пишу: хотя ведь (τάχα) и миновало время поста, но время воздержания не прошло, и ты должен соблюдать его строго, подобно кормилице. А по окон-

чании Фоминой недели лично *есть* для себя соблюдай среду и пяток, не употребляя ни сыра, ни яйца; однако не стесняйся в эти дни, потому что тогда не указано ни поститься, ни преклонять колена. Ибо все пятьдесят дней (от Пасхи) святые отцы считали за один день. — Но об этом довольно сказано здесь. Перейдем к другому подвигу. •[III/1 212]•

VII. Кроме святой čtyредесятницы есть другие продолжительные посты да пост в месяце августе, которого не соблюдают многие невоздержные. И о них надобно сказать, что можно. И в первых поговорим о посте Рождественском.

С древних времен мы приняли предание держать пост в эту čtyредесятницу без рыбы и без вкушения елея и вина в понедельник, среду, четверток и пятницу, в субботу же и воскресенье разрешать на все. Не считаю нужным писать более о сей čtyредесятнице и перехожу к остальным постам. Утвердился обычай в эти посты есть дважды в день. Не знаю, с чего это взято. Думаю, что причиною тому тогдашнее жаркое время (*июнь, август*). Но не к обычаю должны мы быть внимательны и не вопрос решать, как и для чего делается то и то, а вникать в слова отцов и в правила мудрых и божественных апостолов и с ними согласовать наше житие. За всем тем ежели тебе угодно знать и это в точности, то читай устав поста Рождественского: тут ты найдешь, чего ищешь, и, нашедши, исполняй, что тебе любо. Здесь я намеревался кончить слово мое, но настает надобность

прибавить нечто небольшое, хотя я и боюсь, как бы и в этот раз не показаться тяжелым.

VIII. Преклонять колена надобно во весь год, за исключением праздников, в которые время свободно и работы не бывает. Не бойся числа коленопреклонений: их немного. Двенадцать их должен ты отсчитывать в простые дни, а в четырехдесятницы, т. е. в посты Рождественский, Петров и Успенский, пятнадцать, в ту же четырехдесятницу, которая называется великою, удвоить их, ежели ты не потерял бодрости. А если тяжело тебе кажется отсчитывать столько, то безотговорочно отсчитывай двадцать четыре. Да и не однажды или дважды в день сделаешь это, а, как научил нас богоотец Давид, приглашая хвалить Бога, семь раз в день. Посчитав, ты найдешь здравомысленным то, что я говорю. А вот и счет от зари до тьмы: утреня и часы, первый, шестой и девятый, вечерня, •[III/1 213]• довечерие и полунощница. Затем присовокуплю еще нечто необходимое; и да не буду оговорен за то, что высказал сие напоследок.

IX. Я разумею сырную неделю, которую мы называем и Арцивуриевою. В эти дни весьма многие привыкли своевольно нарушать пост в среду и пятницу, так что миряне едят тогда мясо, а монахи сыр, худо рассуждая и делая. Если они происходят из рода армянского и прежде держались ереси Арцивурия*, то хорошо так делают, потому

что сим предотвращают всякое подозрение; а ежели они от предков православны, то напрасно извиняются, нарушая пост. Ибо армяне постятся во всю эту неделю, питаясь одним хлебом с солью и водою, мы же разрешаем с самого понедельника (кроме среды и пятницы). А этим разрешением уже доказывается наше разобщение с ними (армянами). Следовательно, напрасно извиняются Арцивуриевищиною те, которые едят мясо или сыр в среду и пятницу сырной недели. — Но вот еще предмет, требующий объяснения.

В сырную неделю не бывает поста даже в среду и пятницу. Почему же? — спросит, быть может, кто-либо. Говорят, что иаковиты соблюдают эту неделю как Чистый понедельник, вкушая только хлеб и воду. Посему-то великий иерарх константинопольский, действительно добрый, Никифор канонически заповедал разрешать в эти дни, в противность двум еретическим учениям, Иакова разумею и Тетрадитов. Отсюда в монастырях существует обычай по окончании девятого часа и вечернего песнопения входить в общую трапезу и вкушать сыр, рыбу и вино. А мы изложили то, что нашли в письменах (уставах). Если же кто не соглашается с нами и не верит сему, пусть поступает как знает и как хочет.

X. Присовокуплю еще нечто о той неделе, которую мы называем Неделю Всех Святых. Некоторые полагают, что она не сплошная, но по неведению. Ибо апостолы божественные и •[III/1 214]• все уставщики писали, что она сплошная.

* Имеется в виду армянская традиция «предварительного поста» Арачаворац. — П.К.

Но быть может, кто-либо из разумников скажет: где упомянули о ней ученики Слова? Таковой пусть поищет тщательно и найдет это. Ибо я не могу о всем говорить подробно. А трудолюбивые, перелистывая писания, извлекают из них ведение точное.

XI. Итак, я написал тебе из многого немного и свидетельствую и подтверждаю тебе это. Если ты будешь соблюдать сие, то я ручаюсь тебе в том, что ты сподобишься стоять одесную Спасителя и наследуешь Царство Небесное и жизнь не стареющую вместе со всеми святыми. Вот я исполнил просьбу твою, сколько мог. Ибо ты хорошо знаешь, что музы — не мои и что я не способен писать о таких предметах. Но если все посильное угодно Богу, то и ты, как добрый, уважь одно намерение мое. Здесь останавливаюсь я. Цель моя достигнута. Любовь удовлетворена. Ежели советы мои удобоприемлемы, то благодарение Богу за это, а если тяжелы, то поступай как хочешь. Бог же всех Господь и Владыка, хотящий всех спасти по человеколюбию, Сам да укрепит тебя в благоделании, так чтобы ты был исполнитель заповедей Его и наследовал Царство Небесное, о Христе Господе моем, которому слава. Аминь»⁽⁷⁶⁾.

К этому же патриарху Афоно-Лаврские старцы посылали некоего собрата с вопросами о церковных предметах. Но посланный обманут был кем-то из книжечеев патриарших и принес письменные ответы на вопросы, ответы про-

тивные правилам и уставам св. Церкви. Лавриоты, прочитав их, усомнились и снова отправили к патриарху другого посла с вопросами, которые и предлагаются здесь вниманию вместе с ответами на них его святейшества.

ВОПРОСЫ
СВЯТОГОРСКИХ
МОНАХОВ СВЯТЕЙШЕМУ
ПАТРИАРХУ НИКОЛАЮ.

«Брат из нашей Лавры послан был к Святейшеству твоему •III/I 215I• за письменным решением некоторых необходимых у нас вопросов и, возвратившись, подал нам ту записку, которую представлял Святейшеству твоему, и данное тобою решение на обратной стороне ее, следующего содержания:

— Не должно прекращать поста в среду и пяток ради памяти святого или апостола какого, за исключением праздников Господских.

— Монаху позволительно входить в святой алтарь, если он не отлучен от Святых Таин. Ибо монах состоит в чине чтеца.

— Надобно соблюдать узаконенные посты и в самую пятидесятницу, и в двенадцатидневник (καὶ τῷ δωδεκαήμερῳ)*, кроме недели Антипасхи.

— Не должно преклонять колена в субботу, ни соблюдать пост от первого до пятнадцатого дня августа месяца.

* Разумей 12 дней, начиная счет их с первого дня Рождества Христова и продолжая до Богоявления дня, который включи в двенадцатидневник, из которого исключи богоявленский сочельник.

Недоумевая о всем этом, мы подумали, что или оный брат обманут, или погрешаем мы; и потому решились писать ныне к твоему Святейшеству, дабы вернее узнать сие.

[Вопрос. —] Ибо прекращение поста в праздники великих святых и апостолов, а также и в пятидесятницу и во весь двенадцатидневник указано нам в уставах и синаксарях св. Феодора Студита и преподобного отца нашего Афанасия (Афонского) и других многих, что известно и твоему Святейшеству.

[Ответ. —] О сем и великий Афанасий так говорил в некоторых местах сочинений своих: «монах или иерей не должен прекращать поста Господня в среду и пяток, разве отягчен болезнью, кроме пятидесятницы и Богоявления». И опять то же самое писал о посте в среду и пяток. Ибо богопроповедники апостолы говорили, что верующий должен поститься *во всякую* среду, а не в такую или такую, если не затрудняет его немощь, а во дни памяти •[III/1 216]• святых повелели не пост прекращать, а от работ удерживаться.

Вопрос. — А что монах не должен входить в святой алтарь и наипаче в тот, в котором есть горний престол, это мы усматриваем в 33-м правиле святого Собора в Трулле, не позволяющем петь и читать на амвоне никому из непосвященных, ни монаху. А ежели Собор этот не позволяет сего; то кольми паче не позволяет и входа в алтарь. Об этом гласят и правила Лаодикийского Собора 15-е и 21-е.

Ответ. — Не получившему возложения рук *читать на амвоне* воспрещено везде, а не думаю, что и монаху, ни в чем не зазорному, должен быть воспрещен *вход в алтарь* для возжжения свечи или лампы, потому что монашеский сан уважаем.

Вопрос. — Должное коленопреклонение в субботу допускали соборы Никейский и Трулльский; согласно с ними и великий Афанасий говорил вот что: «да не вовлечет тебя в заблуждение преклоняющий колена в воскресенье или в пятидесятницу». А о субботе ничего не сказал.

Решение. — Это правда. Однако многие перестали преклонять колена в субботу, потому что в этот день не бывает поста.

Вопрос. — О посте в августе месяце упомянул бывший в Константинополе Собор единения (ἐνὸς ἑως σύνοδος), рассуждавший о браках*. Недоумевая же об этом, просим Святейшество твое избавить нас от сомнения.

Решение. — Был прежде пост в это время, но отменен, потому что с ним совпадали языческие посты в это время. Однако и теперь еще многие постятся ради избавления от недугов.

Вопрос. — Кроме сего достойно решения еще вот что. Святой •[III/1 217]•

* Этот Собор был в 920 году по случаю четвeробрачия царя Льва Мудрого. Соборовавшие отцы между прочим постановили, чтобы тот, кто вступил в третий брак в 30 лет от роду, причащался только три раза в год: в Пасху, в Успенев день и в Рождество Христово, потому что тогда бывает пост.

Собор, бывший в Неокесарии, в правиле 9-м и святой Василий в своих письмах к Амфилохию в правиле 3-м постановил: *первый* об иерее предсोगрешившем (до рукоположения), а *второй* о диаконе, соблудившем после рукоположения: «если кто окажется предсोगрешившим, много или мало, и учинившим то же самое и после рукоположения, таковой да перестанет священнодействовать, а приобщаться Святых Таин и участвовать в молитвословиях может».

Решение. — Первое правило Никейского собора разрешает сие недоумение, ставя согрешившего таким образом на месте кающихся; а третье правило Василия Великого основывается на обычае, хотя и требовалась бы большая строгость*.

Вопрос. — Должен ли бесноватый причащаться Св. Таин? Об этом *по-своему* говорил Тимофей (Александрийский патриарх) в ответах на предложенные ему вопросы, а св. апостолы говорили *иначе*, и другие поздние *иначе*. Да объявится же нам: что лучше?

Решение. — Кто страдает черною немочью, так что кажется бесноватым,

тому не воспрещать сего. А действительно бесноватого отнюдь не удостаивать причастия, потому что у света нет общения со тьмою.

Вопрос. — Как вкушать приносимое в церковь, как то: просфоры и питье, небрежно или с великим вниманием и осторожностью, да и немного? А если останется излишек, что с ним делать? Ибо здесь бывают большие просфоры, и раздробляют их иереи и раздают, кому хотят.

Решение. — Частицы возносимой просфоры (агнца) потреблять в церкви все до последней. А излишки других просфор есть, •[III/1 218]• но не с молоком, сыром, рыбою и яйцом, а отдельно и благоговейно.

Вопрос. — Игумен, умирая, оставил другого вместо себя, обязав его не удаляться. Но этот, сознавая свою немощь, удалился. Итак, что надобно думать о таком обязательстве?

Решение. — Оно безрассудно и потому бессильно. А обязанный таким образом пусть идет к архиерею и поведает ему свое духовное состояние. Сей же преподает ему разрешение.

Вопрос. — Когда накануне господских праздников случится среда или пятница, тогда надобно ли прекращать пост вечером ради канона?

Решение. — Ни.

Вопрос. — Когда кто будет пострижен в Константинополе или в другом мирском месте и заключит там условия, но потом вредится душевно и хочет удалиться решительно, а знает его игумен и свяжет (духовно), то что

* По толкованию Зонары и Вальсамона, Василий Великий желает, чтобы диакон, исповедавший блудный грех свой, перестал священнодействовать по обычному общепринятому уставу Церкви: а было бы вернее и спасительнее, если бы он загладил этот грех умерщвлением плоти и отречением от всех удовольствий. Но если он находит неудобноисполнимым такое подвижничество, то, по крайней мере, пусть не священнодействует по обычному уставу.

должен делать брат при таком вреде и связании?

Решение. — Он должен объявить настоятелю вред сей и так удалиться от него.

Вопрос. — Некоторый брат, прежде живший с нами в мирском месте, принимая на дух помышления многих, хотя вовсе не знал канонических постановлений, принимал также и падших иереев и монахов и всем прощал тяжкие грехи, не налагая никакой епитимии. Когда же все они умерли, он пришел сюда (на Афон) и, прочитав божественные каноны, узнал свое заблуждение и вред от себя. Итак, да будет объявлено ему Святейшеством твоим: что он должен делать?

Ответ. — Пусть он ежедневно молится о них, говоря Трисвятое, и кладет земные поклоны кроме тех, которые должен класть за себя самого.

Вопрос. — Иерей, низложенный за преступление или добровольно оставивший священство, должен ли возглашать: *Благословен Бог: Боже ущедривший, или Христос истинный Бог* •[III/1 219]• *наши*, или кадить кадилом в отсутствии иерея, или входить в святой алтарь и причащаться?

Решение. — Ни. Ибо он низведен на место мирянина.

Вопрос. — Что означает изречение св. Василия: «устаами осквернившийся».

Решение. — Думаю, не что иное означает, как страстное целование.

Вопрос. — Также и то, что говорит св. Василий в малых правилах: «да

будет вдали от благословения, смотря по вине».

Решение. — Да лишается таковой раздаваемого в церкви антидора.

Вопрос. — Отлученные от святого причастия могут ли есть возвышаемую, т. е. проскомидийную просфору?

Решение. — Находим в Житии св. Феодора Сикеота, что таковым возбранено сие. Но и божественные правила воспрещают им это.

Вопрос. — Должно ли исправлять согрешающих по каноннику св. Иоанна Постника?

Решение. — Ныне вошло в обычай исправлять многих по сей книге. Но те, которые ведают доброе и погрешают, пусть будут исправляемы по канонической книге*.

Вопрос. — Спрашиваем и об умирающих отцах и братиях наших: должно ли останки их переносить в другие места и опрастывать усыпальницы, в которых они погребаются, или нет? Так как от множества усопших переполняются кладбища, то издревле устрояемо было особенное место в церкви, при которой есть могилы; и когда эти могилы наполнятся телами, тогда бывает перенесение останков, и кладутся они в сказанном месте. А так как оно замкнуто, то внутри его над останками горит неугасимая лампада.

Решение. — Что делается по особенному распоряжению с •[III/1 220]• доброю

* Т. е. по Номоканону, который у нас печатается при большом Требнике. — Итак, этот Номоканон действовал на Востоке еще в XI веке.

целью, того не осудит ни один из умных людей. Так точно и вашего распоряжения касательно умерших не станут порицать люди благомыслящие.

Вопрос. — И о начертавших кресты собственноручно при отречении от игуменства и потом отрицающихся от собственноручного и опять принимающихся за то, от чего отреклись: должно ли принимать таковых и какого прещения достойны они?

Решение. — Гражданский закон пеню наказывает нарушителей записей, не противных закону. А церковный закон иное налагает прещение на того, кто не подпал гражданской пени, но не по указанию канонов, а по решению архиерейскому. Впрочем, не зная содержания нарушаемых записей и вреда, происходящего от нарушения их, мы не можем отвечать иначе.

Вопрос. — Надобно ли читать и соблюдать восемь апостольских книг Климента?

Решение. — Ни. Ибо они в разных местах подделаны»⁽⁷⁷⁾.

Все это не только любопытно, но и достойно внимания, памятования и применения.

Перейдем теперь из палат святейшего патриарха Николая во дворец царя Алексея Комнина и рассмотрим в черты лица сего замечательнейшего Афоно-владыки, узнаем настроение его, познакомимся с семейством его и вынесем на свет Божий распоряжения его, касавшиеся афонского монашества.

«Царь Алексей Комнин был невысок ростом, но полон и сложен хорошо. Посему он, стоя, не возбуждал удивления в зрителях, когда же сидел на царском троне и устремлял грозный взгляд свой, тогда казался молниєю и сдерживал присутствующих блистательною выразительностью лица и всего тела. Брови у него были черные, а борода не редкая. Глаза его смотрели грозно и вместе кротко, так что такой взор его и лоск чела и румянец в щеках производили в людях и страх, и надеянность. А широта плеч, крепость рук •[III/1 221]• и выдававшаяся грудь — все это геройское вызывало в народной толпе благоговение и удовольствие. Когда же он говорил, тогда из уст его лилось пламенное красноречие Димосфена. Наводнением доказательств (κατακλυσμῶ τῶν ἐπιχειρημάτων) он охватывал и слух, и всю душу. Рука его метко бросала копье, а с языка лились медоточивые речи».

«Супруга его Ирина, пятнадцатилетняя, прямая, как неувядающее растение (кипарис), была так стройна телом и так приятно было видеть и слушать ее, что ни взор, ни слух насытиться не могли. Лицо ее, струившее блеск луны, не было вполне кругло, как у ассирианок, и длинновато, как у скифянок, а обрисовывалось немножко не кругло (ὕπεχαλᾶτο μικρόν πως τῆς ἀκριβείας τοῦ κύκλου). Щеки у нее были такие розовые, что цветность эта заметна была издали; взор был радостотворный, но вместе и строгий, так что смотрящие на нее чувствовали в себе удовольствие и увлечение красо-

тою ее, но вместе и сдержанность. А что всего удивительнее и что весьма редко можно видеть в женщинах, она смельчаков сдерживала одним взглядом, а испуганных ободряла. Уста ее были сжаты, и от того она казалась прекрасною картиною молчащей. Речи своей она придавала силу манием своей ручки, обнаженной до локтя и, сказал бы ты, выточенной самым лучшим художником из слоновой кости. Зрачок голубых глаз ее был подобен тихому морю, а белки вокруг зениц лоснились привлекательно».

«Родной брат царя Алексея Исаакий был похож на него, но бледноват и бороду имел редкую, любил охотиться; сражался храбро и врезывался в ряды неприятелей и потому не раз попадался в плен».

Родная мать их Анна Далассина была умнейшая государыня и благочестивейшая христианка, проводившая большую часть ночи в молитве с церковным пением. Она-то и давала направление всем государственным делам. Алексей Комнин любил ее беспрдельно и благоговел пред нею как пред неким божеством. Послушаем, как он выразил эти •[III/1 222]• чувствования свои в хрисовуле, когда вручал ей кормило правления пред отъездом своим на войну. «Ничего нельзя сравнить с матерью, которая любит детей и которую любят дети и нет для них охраны более крепкой, как она, когда предвидится опасность или поджидается что-нибудь неприятное. Если она посоветует что-либо, то совет ее будет в прок,

а если помолится Богу, то молитвы ее станут как неодолимые стражи. Такова была мать и у меня с самого нежного возраста моего, мать святая, и владычица, и кормилица, и воспитательница. Когда ей заблагорассудилось определить меня в синклит (сенат), тогда выказалась любовь ее ко мне, как предупредительница, а доверчивость моя к ней осталась непоколебимою. В обоих нас была одна душа, и благодатью Христовой поныне сохранилось такое единение наше. Слов *это мое, а это твое*, этих холодных слов никогда не произносили мы оба. А что всего важнее, молитвы ее, учащаемые ежегодно и приемлемые Господом, возвели меня на высоту царствования. Но и после того, как я получил скипетр, не переставала она трудиться вместе со мною для общественной пользы». (Далее идет речь о вручении ей кормила правления во время войны.)

«Алексей Комнин, с детства получивший хорошее воспитание и обучение, всегда послушный советам матери своей и в сердце своем имевший страх Божий, с самого начала царствования своего постоянно опасался, как бы не навлечь на себя гнева Божия неведением ($\alpha\mu\alpha\theta\acute{\iota}\alpha$), гордостью и обидами. Посему все зло, какое было в Константинополе от полков его и от народной сволочи, он приписывал себе, как бы сам причинял его и, горюя об этом, ни во что ставил и державу свою, и порфиру, и венец, украшенный драгоценными камнями, и одежду, шитую золотом и испещренную жемчугами,

когда царица городов бедствовала невыразимо. Ибо постигшие ее в то время ужасы никто не мог бы описать, хотя бы и желал. Самые святилища и алтари и общественные и частные имущества всюду были расхищаемы всеми, а слух всех был оглушаем •[III/1 223]• повсеместными криками и воплями, так что, слыша их, ты слезал бы, что земля трясется. Зная это, государь Алексей смущался, печалился и, себе самому приписывая все зло, пришел к матери своей и, открыв ей эту похвальную печаль свою, просил у ней совета, как уврачевать зло и умирить свою совесть. Она же, поцеловав его, внимательно выслушала его; и потом с согласия сына ее созваны были на совет патриарх Козма (тогда еще не оставивший кафедры своей)*, некоторые члены Священного Синода и монахи. В этот совет явился государь как виноватый, как подсудимый, как уничиженный и не чающий оправдания и, рассказав все зло, у всех просил не суда, не снисхождения, не делопроизводства, а уврачевания зод, и какого? — такого, чтобы на него одного за всех наложили самую тяжкую епитимию. А они наложили ее не только на него, но и на кровных родственников его и на участников зла, заповедав им пост и долужегание и прочие обычные подвиги для умиловствления Бога. Все приняли эту епитимию и исполнили ее. Самые жены их, по любви к мужьям своим, добро-

вольно согласились каяться таким же образом. Тогда было что посмотреть! В государевых чертогах лились слезы и царило сокрушение, не то укоризненное, которое обличает слабость души, а то достохвальное, которое производит радость на небе, а самодержец, удвоив благочестие, какое было у него, в течение сорока дней и ночей на теле своем носил власяницу под царскую порфирию, по ночам же лежал на земле, положив камень под голову, и сокрушался как надлежало. Такими-то чистыми руками потом он принялся за дела государственные» (Annae Comnenae Alexiadis libri XV. Vol. 1. Bonnae, 1839. Pag. 143–155).

Это было в 1081 году. Тогда же, я полагаю, благочестивейший царь Алексей Комнин послал к афонитам письмо свое о духовном значении их.

•[III/1 224]•

«Отцы святые, обитающие на святой горе! Знайте, что как Константинополь, этот царь городов, превыше всех их, так ваша царственнейшая и божественная гора превосходнее всех гор во вселенной. А вы — наш свет и наша соль. Так мы полагаем и так верим. И не только цари христианские, но и самые народы, окрест нас обитающие, и они с нами умиляются и радуются вашему житию сверхчеловеческому. Радуйтесь о Боге и молитесь о державе нашей царственности и о всем мире. Честные же и святые молитвы ваши да подарятся нам и да помогут нам в час исхода»⁽⁷⁸⁾.

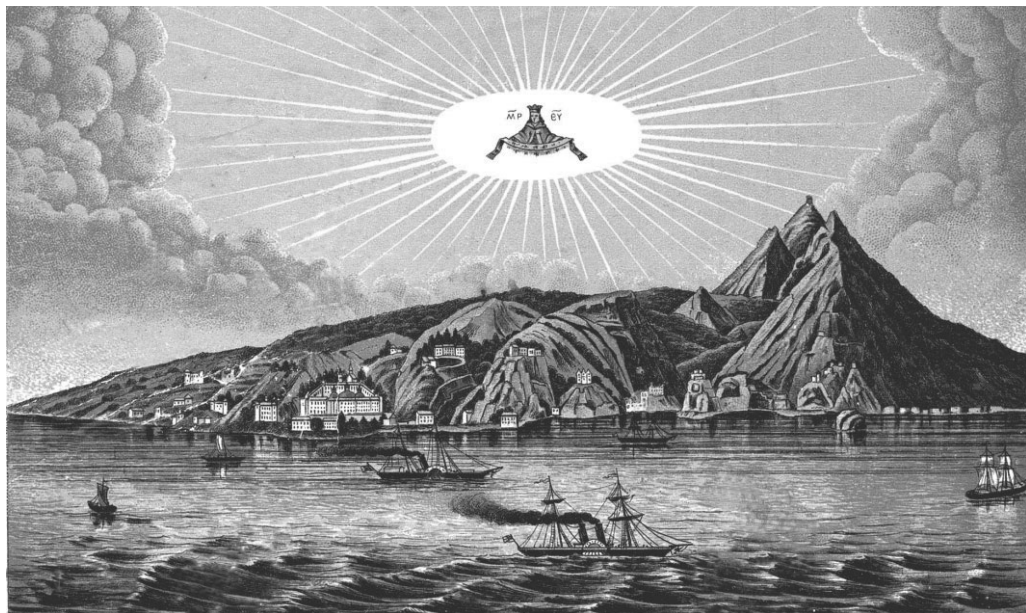
* Он святительствовал с 1075 года по 1081. Стало быть, дело происходило в первый год воцарения Комнина (1081).

Итак, этот Афоно-владыка смотрел на святогорское монашество как на учреждение духовно-нравственное, общенародное, а не политическое, не научное, не миссионерское.

Святогорец есть свет, чистым житием своим освещающий всем путь к царству небесному. Святогорец подобен пласту лучшей земли, который, быв наложен на землю худшую, удобряет ее, как соль, насыпанная на черный хлеб, делает его вкусным и более питательным. Ангелоподобное житие свя-

тогорцев есть предмет умиления и радости народов, а молитвы их о всем мире суть подарки неоцененные, которых я и на весы не положу для сравнения с пользами от мужей ученых и государственных, не умеющих низвести на нас благодать и милость Божию.

Святая Гора Афонская была любимица православных царей греческих. Отменно любил ее Алексей Комнин и всячески поддерживал тамошние монастыри и их свободу. Вот тому доказательства. •[III/1 225]•

Святая гора Афонская.

В 1084 году он пожаловал доходы со всего Кассандрского полуострова родному брату своему Адриану, имевшему высокий титул протосеаста. А так как Лавра Афанасия Афонского имела там свое подворье с пахотной землею

и с пришельцами, которые обрабатывали ее, то и побоялась, как бы это имение и эти работники ее не были обложены податями в пользу протосеаста, и просила государя оставить ее там по-прежнему свободною от всех

земских сборов и налогов. Государь уважил просьбу ее и своим хрисовулом, данным ей в августе месяце 6592 (1084) года, когда индикт был 7-й, подтвердил просимую свободу, заметив, однако, что лавриоты устрешились там, где не было страха⁽⁷⁹⁾.

В 1089 году обновитель Афоно-Ксенофонтовского монастыря монах Симеон, изгнанный собратиями из этой обители за то, что отдавал предпочтение пришедшим вместе с ним евнухам, Евсевию, Кандиду и Илариону, тогда как уставами Св. Горы строго воспрещено было держать на Афоне евнухов, этот Симеон, знакомый вельможам, прибег к защите царя Алексея и просил его возвратить ему монастырь, из которого изгнали его. Государь сжалился над ним и повелел проту Св. Горы Павлу удовлетворить его. Вот повеление его величества.

«Преподобнейший кир Павел, председательствующий на Св. Горе! Благотейнейший между монахами господин Симеон освященный и великий друнгарий, прибегши к царственности моей, высказал, что он, пришедши на Св. Гору, принял один из подведомых тебе монастырей, совсем запущенный, потому что некому было заботиться о нем, и построил тут многие здания с самых оснований, насадил виноградники и огороды, увеличил монастырскую ограду и украсил храм, так что вместо старого поставил как бы новый. Но подчиненные тебе монахи, с ведома твоего и по воле твоей, прогнали его, несмотря на труды и издержки,

какие он употребил на сказанный монастырь. Просьбу его приняла царственность моя и повелевает тебе без промедления созвать всех монахов и зло, допущенное тобою, отменить и все добре восстановить по-прежнему. Итак, отправься и опять передай ему оный монастырь во владение и распоряжение по-прежнему, а всякого, кто захочет говорить против него, вразуми; кроме сего, опиши как прежние здания, стяжания, огороды и виноградники обители, так и те, кои вновь приобрел он (Симеон). А передача их ему пусть будет изложена, как устав. Посему послан (на Афон) и сановник царственности •III/1 226I• моей Феодор Сеннахирим с тем, чтобы сделать все добре, и *подобен* сей передачи представить моей царственности. Включи в передачу и то, что всякий повременный игумен обители Ксенофонта, по царскому повелению, отныне будет на правах игумена моей царской обители Ватопедской. Ибо я хочу этого и повелеваю быть тому. Дозволь только ему (Симеону) жить тут вместе с присными ему (евнухами) за то, что он потрудился очень много, а впредь да соблюдаются отеческие предания, воспрещающие вход на Св. Гору всякому безбородому. Поступи по смыслу настоящего повеления царственности моей». (На подлинном начертаны были царскою и божественною рукою багряные письма: месяца мая индикта 12-го). Прот Павел в точности исполнил царский приказ сей⁽⁸⁰⁾. При сем не излишне знать, что Симеон был любимец царя

Алексея Комнина. Его он посылал усовещивать мятежника Васиlaki, однако безуспешно*.

В 1094 году** прот кир Гавриил докладывал приснопамятному царю кир Алексею о независимости Афона от Солунского митрополита и Афоно-Ериссовского епископа. На этом докладе написано было следующее решение государя:

«Необходимо, чтобы свобода Горы была сохраняема и чтобы она никогда не считалась в области митрополита или епископа. Однако необходимо и то, чтобы один епископ рукополагал там иереев и диаконов. Посему дозволяется, особенно соседнему с Горой епископу, приходить туда только во время собраний по призыву прота и канонически поставлять иереев и диаконов, приводимых протом. Но отнюдь не вправе он •[III/1 227]• по этому поводу присвоить себе власть епархиальную или предпринимать на Горе что-либо другое, даже благословное. Ибо только одна литургия дозволяется ему на всей Горе. Быть по сему отныне и до века. Месяца ноября индикта 2-го»

* «Συγκλεισθέντα δὲ τοῦτον (Βασιλάκη) τῇ πόλει, ὁ Κομνηνὸς Ἀλέξιος ἔξω στρατοπεδεύσας καὶ διασώζειν τὸν ἄνδρα ἐθέλων ἐπρέσβευε πρὸς αὐτόν, ὥστε τὰ πιστὰ λαβόντα τοῦ μηδὲν τι ἀνισχρὸν πείσεσθαι ἐγχειρίζειν αὐτῷ καὶ ἑαυτὸν καὶ τὴν πόλιν. Ὁ δὲ πρεσβεύων ἦν ἀνὴρ ἀγαθός τε καὶ κόσμιος, ἀσκητικοῖς διαλάμπων κατορθώμασιν· ἦν δὲ ὁ καθηγούμενος τῶν ἐν τῇ Ἀθῶ τοῦ Ξενοφώντος μονῆ μοναχῶν, Συμεὼν ὁ πανάριστος, ὃς πολλὰ παρακαλέσας τὸν Βασιλάκην οὐκ ἔπεισεν». Nicephori Bryennii Lib. IV. Cap. 27. Bonnæ, 1836.

** Сентябрьский стиль. — П.К.

(это счисление начертано было багряными письменами царской руки)⁽⁸¹⁾.

В 1095 году* последовало другое узаконение царя Алексея Комнина:

«Узаконяем и мы: быть Святой Горе свободной, и монахам ее не знать никаких податей и ничьего притязания до скончания века, а поминать царей и о всем мире молиться, так как у них нет никаких забот. Еще: повелеваем начальникам областей и соседних мест: *гражданские начальники да не имеют никакого общения со Святою Горой*. А так как предшественники наши не подчиняли ее никакому епископу, то не подчиняем и мы по многим причинам: и во избежание так называемых предубеждений против епископов, и для того, чтобы они *не вязали* церквей и не давали пресвитерам своих заповедей и епитимий. Но как предки наши рукополагали, так и мы рукополагаем одну главу и одного владыку — прота. Те же, которые презирают его, да будут под нашим негодованием». На подлинном багряными письменами божественной и царской руки было начертано: «Месяца октября индикта 3-го»⁽⁸²⁾.

При такой свободе, независимости и самоправности святогорцам надлежало бы осуществлять тот идеал, который начертал им благочестивый владыка их Алексей, т. е. быть светом и солью мира. Но они, почти все, стремглав упали с высоты своей так низко, что ниже и упасть нельзя. Нечистая

* Сентябрьский стиль. — П.К.

сила низвела их с неба и устремила в бездны ада; и многомужный Афон почти весь опустел. Кто же был орудием этой силы? Женщина. От чего опустела Св. Гора? От лжи.

Да, женщина и ложь составляли завязку той афонской драмы, которая началась во дни царя Алексея Комнина, отчасти и по его вине.

Пишу эту драму, но пишу ее как историк, имея под •[III/1 228]• руками афонское дееписание, в котором изложено *скромное зло*, нажитое святогорцами, и не позволяя себе ни малейшего отступления от сего дееписания, даже говоря его речью⁽⁸³⁾. Но предварительно указываю давний приток одного зла, дабы оно не показалось внезапностью на Афоне.

Начинаю с того, что уже известно нам. Еще во время иконоборства (726–830 гг.) на монашеский Афон с берегов Дуная пришли влахи-рихины с женами и детьми и с дозволения иконоборных царей, не любивших монашества, поселились там. Монахи крестили их и кое-как уживались с ними до арабского погрома, опустошившего весь Афон в 830 году. Когда же на этой горе, по велению царя Василия Македонского, с 870 года опять начали возникать монашеские обители, прежние и новые, тогда опять начали беспокоить их жители соседних сел, влахи и славяне, пригоняя туда скот свой для пастбища. Царь Василий пресек это своеволие их. А сын его Лев Мудрый воспретил Коловуйскому монастырю обращать Афон в пастбищное место.

Точно так же оберегали эту гору от нашествия мирян и последующие государи до Василия Порфирородного, при котором последовало расширение древнего устава, отделявшего афонитов от мира грешного и прелюбодейного. Этот государь дозволил им держать мачтовые суда и отвозить вино и другие произведения их в соседние города и местечки. При нем Афанасий Афонский, преемники его и прочие игумены стали держать около монастырей своих коров и овец даже для прокормления многочисленной братии. Разумеется, этот скот пасли не монахи, а миряне. Сего мало. Повременные проты монашеской горы в долговременное царствование Василия Порфирородного (до 1025 года) допустили мирян жить на Афоне, продав богатым из них небольшие участки земли. Так явились там и обзавелись хозяйством Иеропатор, Черноглав, Михали*, •[III/1 229]• Кацари, Хромитис, госпожа Ванисса**. Сожительство их с монахами продолжалось до царствования Константина Мономаха, который выселил их с Афона в 1046 году.

* Смотри в Оправданиях моей истории монастыря Ксиропотамского копию хрисовула царя Андроника Палеолога 1293 года. Тут упоминается ἡ χώρα τοῦ Μιχαήλ ἐν μέσῳ κεμένη τοῦ Βατοπαϊδίου καὶ τοῦ Εσφιγμένου.

** «Ἦν τὸ τῆς Βανίσσης μοναστήριον, τιμώμενον ἐπ' ὀνόματι τῶν πέντε μαρτύρων, Ἀκινδύνου ἡγίου, Πηγασίου, Αφθονίου, Ανεμποδίστου καὶ Ἐλπιδοφόρου. Τίς ἡ Βάνισσα αὕτη ἡ κτιτορίσσα; ἀγνοῶ, δοκῶ δέ, ὡς καὶ ἡ Κομήτισσα καὶ ἡ Χρομιτίωσσα, τῶν πλουσίων γυνὴ τις. Τοῦτο ἐσώζετο αὐτόνυμον ἄχρι τοῦ 1430 ἔτους». Περιγραφή τοῦ ἁγίου ὄρους ὑπὸ Θεοδωρίτου. Τμήμα V, κεφαλ. δ'.

Тогда некоторые из них, например, Иеропатор, Кацари, подарили свои участки: первый Ватопеду, а второй обители Ксенофонта. Но другие не теряли надежды воротиться на Афон при других царях. Надежда их была не обманчива. Афониты, получая большие выгоды от сожительства с мирянами, опять звали к себе влахов. Число этих пришельцев увеличивалось мало-помалу, так что в начале царствования Алексея Комнина находились на Афоне уже триста семейств (sic) валахских. С этой поры началась скромная драма афонская и великопостно продолжалась без мала сто лет (1081–1177 гг.).

I.

«Государь Алексей Комнин *многократно* намеревался *взирать* с этих влахов десятину, но, *вняв мольбам отцов афонских* и желая дать пример областеначальникам, дабы они не корыстовались от монастырей, не делал сего и даже слышать не хотел об удалении животных с горы»⁽⁸⁴⁾. А эта немаловременная снисходительность и была причиною скромного зла и опустошения святогорских монастырей.

«Валахи доставляли в эти монастыри молоко, сыр и шерсть. Между ними и монахами завязались меновые сделки и взаимная торговля. Со временем явились пиршества и дьявольские попойки (συμπόσια, μεθυσία διαβολικά). Ибо диавол вошел в сердца влахов, и они держали при себе жен своих, одетых в мужское платье в виде пастухов.

Эти женщины •[III/1 230]• пасли овец и прислуживали в монастырях,нося туда сыр, молоко и шерсть и меся хлебы под праздники монастырские, и просто сказать, были для монахов то же, что присельцы-рабы, и весьма любы (ὥς δουλοπάροικοι καὶ ποθεινοὶ ἦσαν μοναχοῖς). А что между ними делалось, о том стыдно и говорить, и слушать (αἰσχρὸν ἐστὶ καὶ λέγειν καὶ ἀκοεῖν). Однако лучшие афониты, пострадав и возненавидев грех, сами поправили свои ошибки, и не только безмолвникам, затворникам и столпникам поведали их, но и самому патриарху Николаю все изложили на письме⁽⁸⁵⁾. Особенное участие в этом деле принял игумен Лавры Афанасия Иоанникий Валма, известный при дворе царя Алексея Комнина. Он патриарху Николаю *тайно* вручал свои записки о состоянии Афона и в них уведомлял его о злочинстве влахов и о вреде от жен их и дочерей, о грехе с животными и о многом другом, что изобрела злоба бесов, в подтверждение же своих донесений представлял некоторых свидетелей»⁽⁸⁶⁾.

«Патриарх Николай, святительствовавший с 1084 года по 1110-й, зная что Св. Гора не подчинена ему, увещевал тамошних монахов не принимать влахов на жительство на сей горе и предписывал им держать овец в подворьях горы, а на случай непослушания поставил им на вид, что архиереи от Бога имеют власть *вязать и решить*⁽⁸⁷⁾. Но увещания его не действовали, потому что царь слышать не хотел об удалении

животных с Афона и узаконением 1095 года воспретил гражданским начальникам взимать подати с тамошних жителей и иметь какое-либо дело на горе; да и митрополиты, проживавшие в Константинополе и составлявшие Синод патриарха, противоречили предписанию его, говоря: Бог сотворил животных для питания... *вся покоря под нозе человека...* То же говорили и многие игумены афонские»⁽⁸⁸⁾. Видно, что они ели мясо.

«В таких обстоятельствах Иоанникию Валме, о котором была у нас речь, вздумалось пресечь скоромное зло хитростью. Он от лица патриарха написал прещение (вроде анафемы) и подписал его своею рукою, *думая сделать некое устройство* •[III/1 231]• *святому месту*⁽⁸⁹⁾. Но эта хитрая ложь его, оповещенная на Афоне, как сейчас узнаем, нисколько не удалась, а напротив, опустошила тамошние монастыри.

Между тем государю дали знать о духовном расстройстве афонитов и внушили ему, что уставом блаженной памяти царя Константина Мономаха было запрещено им держать животных на Св. Горе. Государь потребовал к себе этот устав, и ему представил его тогдашний прот Иоанникий (не Валма) чрез посредство монаха Афа-

насиевской Лавры, безмолвника Нифона. Тогда справедливость взяла верх на суде царском. Повинуясь ей, Алексей Комнин повелел переселить всех влахов со Св. Горы в Пелопоннес*. Это было в 1097 году**.

II.

Как же приняли это повеление тамошние монахи? «Они по изгнании животных и влахов со Св. Горы вместо благодарения Богу за то, что он прекратил свой гнев великий и губительный, за то, что посещением посетил их Бог, и очистилась Св. Гора, *юже благоволи Бог, во еже обитати на ней*, паче плакали и горевали. И был на Св. Горе великий плач египетский. Как евреи вспоминали об египетской пище, о мясах и котлах, еще же о луке и чесноке и дынях, так и святогорцы вспоминали все добро влахов, каким только привыкли наслаждаться, как то: молоко и сыр, и шерсть, и пиршества и меновые сделки, и взаимное купечество, разумю влахов и монахов, и диавольские попойки, явившиеся впоследствии»⁽⁹⁰⁾. •[III/1 232]•

«А изобретатель зла, искони позавидовавший нашей жизни и сделавший нас изгнанниками, так что мы скрылись от Бога и нажили себе

* Об этом переселении упомянуто в хрисовуле царя Андроника Палеолога 1292 года, индикта 5: «Τῷ πρῶτῳ βασιλεῖ Ἀλεξίῳ τῷ Κομνηνῷ μετὰ πάσης συνέσεως ἔδοξε μετοικῆσαι τοὺς ἐγχωρίους ἐκ τοῦ ἁγιωνύμου ὄρους τοῦ Ἄθω πρὸς Πελοπόννησον, παντὸς κοσμικοῦ θορύβου ἀπηλλαγμένους, τοῖς τὸν μονήρη βίον προαιρουμένοις τὸν τόπον καταλιμπάνων ἡσυχον καὶ ἀτάραχον. Ἐτυχε δὲ μείνασα ἡ χώρα τοῦ Μιχαήλ, ἐν μέσῳ κεκμένη τοῦ Βατοπεδίου καὶ τοῦ Ἑσφιγμένου».

** Смотри выше § 41 и тут сказание Филофеита о том, что Алексей Комнин требовал к себе устав Мономаха в 1097 г.

смерть, нашедши способные орудия, поспел и на Св. Гору и внушил преподобным старцам предлоги благословные: *патриарх-де наложил прещение, и если мы умрем здесь, то будем отвечать за свои души. Явишися же, яко глумление глаголы их, паче исполнени безумия.* И когда этот слух разнесся, тогда смутились не только легкомысленные люди, но и многие из просвещенных мужей и игуменов и безмолвников, которые сражались с бесами пятьдесят и шестьдесят лет и которых сии духи не могли выгнать из келлий. Тогда-то, тогда было посмотреть на зрелище великое и достойное плача. Ибо безмолвник, рыдая, приходил к безмолвникам и говорил им то, чему и чему научали его бесы; так же игумены ходили к игуменам и говорили: отныне ни жития нам нет, ни покоя, потому что изгоняют влахов и животных; да и патриарх связал всю гору, и деревья и воды; и нам что остается делать на Св. Горе? Нечего, кажется. Тогда-то, тогда было посмотреть на разделения, *σχισμάτα*, и сборища по местам, и на скликателей народа, и на обаятелей людских, и на рвение более убеждать, чем убеждаться. Скажем по Писанию: *положиши на небо уста своя, и язык пройде по земли... яд аспида во устех их... что дается тебе, или что приложится тебе, к языку льстиву* (Пс. 119, 3). Вельми тяжело было то время. Ибо с влахами ушло все множество, *παῦν πλῆθος*, монахов к миродержителю, и печаль исполнила сердце наше, потому что не только бесы, но и монахи радовались одному и

тому же. Всех валахских семейств было 300. Царь наедине говаривал патриарху, что он многократно намеревался обложить их десятиною, но не захотел сделать сего в пример областеначальникам, дабы они не обременяли монастырей и не перечисляли монахов. Число влахов было известно, а числа монахов нельзя было переписать, и пересказать это бесчисленное множество. И о странное диво! Говорили, что такой-то безмолвник, •[III/1233]• пресловутый и страшный бесам, уходит с таким-то влахом, и такой-то благовейнейший игумен удаляется вместе с таким-то игуменом. Подобным образом и из прочих монастырей все полным домом выходили со своими приятелями — влахами. Тогда-то было посмотреть на богозданные и богохранимые монастыри, стерегомые хромыми да слепыми стариками. Итак, начальник тьмы, этот духовный фараон, погнался вслед их, увлек их насильно до рек Вавилонских, и даже поныне не перестает делать сие чешуйный дракон. Но между тем как это происходило, наступил праздник Рождества Христова (1097 г.). Тогда все, по обычаю собравшись в Карее, сперва в церкви предали анафеме наустителей и обманщиков народа, возмущающих всю Святую Гору как будто по благословным предлогам; потом, после обычного ударения в било, в судебном заседании избрали трех мужей богобоязненных, монаха кир Иоанникия, игумена Ватопедского, монаха кир Симеона, игумена Каракальского, и Кастамонита, родственника

царя Алексея*, и двух блюстителей порядка, Цайна и Фалакра, и послали их к царю кир Алексею с письмом следующего содержания:

«Владыка наш святой! Да будет ведомо державе твоей царственной, что прещение патриарха опустошило всю Святую Гору; и молим твою державную царственность отменить его, *потому что все мы погибаем*. Ибо в твоём отишии и мы проводим житие мирное и безмятежное, молясь о державе твоей. Таково челобитье наше твоей царственности. Господь же Бог да приложит тебе лета, как благочестивому царю Езекии, да и ты, как он, сподобишься сказать с дерзновением Небесному Царю и Богу: *помяни Господи, како ходих пред тобою во исшине и сердцем истинным, и угодное пред тобою сотвори*х (Ис. 38, 3). Мы же паки с искренним расположением к тебе говорим: богословенны благословляющие тебя, а **•[III/1 234]•** проклинающие прокляты; и да сподобит тебя Господь Бог части святых и великих царей Давида и Езекии, престол твой да будет поставлен близ, иже во святых, Константина, и со святыми ангелами да будеши, радуясь пред Богом во век века. Радуйся и будь здоров со всем домом твоим».

Это письмо принял в свои руки царь кир Алексей; и вся палата и синклит его, выслушав оное, возрадовались и советовали государю призвать патри-

арха для ответа. Но царь из уважения к нему не захотел сделать сего, а отправил к нему присланных монахов с письмом следующего содержания:

«Отец святой и вселенский патриарх! Ты ведаешь, что Бог дал заповедь праотцу нашему в раю; и он не соблюл ее не только в целый день, но даже в течение трех часов. Вот и твое прещение опустошило Св. Гору, не подчиненную твоей власти. Ибо цари, а не иная власть какая, преемственно определяли и узаконяли быть ей свободною от всякого притязания, и всем областеначальникам не иметь никакого дела на Св. Горе. Да и я сам, хотя многократно намеревался обложить влахов десятиною, но, вняв мольбам отцов и в пример областеначальникам, дабы они не корыстовались от монастырей, ибо все мы корыстолюбивы, и не считали монахов, не сделал сего. Как же тебе то вздумалось, отец святой? Недоумеваю, тогда как я не хотел даже слышать об удалении животных с горы. Да и митрополиты противоречили предписанию твоему, говоря: Бог сотворил их для питания... и еще: вся покори под нозе человека. То же говорили и многие из игуменов. Радуйся и будь здоров о Господе».

Патриарх, приняв и прочитав сие письмо царя, отвечал ему:

«Хорошо сказал ты, владыка мой святой, что ты, имея власть, не подписал дела*. Митрополиты не только не хотели, но еще оспаривали дело как

* Это монах Иларион, которого мы скоро увидим в сане прота Св. Горы.

* О десятине с влахов.

незаконное. Игумены монастырей •[III/1 235]• более всех возмутились. Как же я один мог сделать это? Я предпринял лишь нечто по причине злочинства влахов и их очарований. Ибо зло было велико и вредно. Как поступали мадианиты, наряжали жен своих и приводили к народу иудейскому, да соблудит он с ними и да отвернется от него Бог, так диавол вошел в сердца влахов, и они нарядили жен своих и дочерей в мужское платье, дабы стремглав низвергнуть хотящих жить благочестиво, и держали их подле себя как пастухов, но и монахи имели их при себе как прислужников во всех работах монастырских. О том же, что делалось между ними, стыдно и говорить, и писать, и слушать. Впрочем, сами они, пострадав и возненавидев грех, сообщили мне о том письменно, свидетельствуясь Богом. Довольно о злочинстве бесчестных и бесстыдных влахов, оказавшихся коварными обольстителями. О прещении же, будто от него опустела Св. Гора и будто, как молвят, патриарх подписал оное собственною рукою, говорю: *возсташа на мя свидетелии неправеднии, и вопрошиша мя, еже не ведех* (Пс. 34, 11). С другой стороны, ты сам держащий не подписал, собор отцов не подписал: так я один решился подписать своею рукою? Но разве приемлется Богом и соборами отцов подпись одного свидетеля, тогда как они определили и припечатали никогда не принимать свидетельства одного человека, хотя бы он знал всю мудрость мира? Мы слышали от Христа Бога

нашего, разглагольствовавшего с иудеями, что двух человек свидетельство приемлется. От боговещанного гласа мы слышали не принимать записи или свидетельства одного человека, хотя бы он был мудрейший из людей, хотя бы он был сам смиренный Николай патриарх Константинограда. Итак, само божественное писание свидетельствует о том, что св. гора не имеет прещения. Ей даны только увещания с епитимиями не принимать влахов на жительство на Св. Горе: об овцах же и имуществах предписано держать их в подворьях горы. Ибо архиереи имеют право налагать епитимии, как и св. собор определил, потому что они •[III/1 236]• от Бога получили власть вязать и решать. А если архиерей наложит епитимию противно воле Божией; то не последует за ним сила Божия, потому что не сопровождает его; и вот, прещение его окажется неблагословным и потому бессильным. Если же оно благоугодно Богу; то усиль его царскою властью, дабы никак не вводили влахов на Св. Гору вовеки. Так веде дело, которое обнаружил Бог при державе твоей царственности. Теперь начинаю говорить и об ушедших со Св. Горы и об уходящих. Они не соблюли требований места; и вот место гонит их. О таковых изрек Господь: *пустите их идти. Если же слепец поведет слепца, то оба падут в яму... Те, которых не насадил Отец Мой небесный, искоренятся* (Мф. 15, 13). И устами пророка сказано: *не познали и не уразумели, во тьме ходят;* (Пс. 81, 5) *и не возжелали благословения*

благословенного места, и будут удалены от него. Уходящие со Св. Горы на вопрос митрополитов и епископов, желавших знать причину, по которой они оставляют гору и без оглядки уходят, отвечали, что «патриарх наложил прещение на всю Святую Гору, и потому мы, вознегодовав, уходим», извиняя извинения в грехах. А те, слыша о прещении и не зная дела в точности, соглашались с ними и одобряли их поступок. Не ведая спасительных врачеваний и глаголы жизни далеко негде отложив, они думают и заботятся только о доходах от произведений земли и от других предметов, о душах же приходящих к ним не только не имеют ни малейшего попечения, но еще делают их пастбищем бесов, наудачу и неосмотрительно советуя им удалиться со Св. Горы и подобно бродягам искать городов и сел. И вот, люди, созданные по образу Божию, сделались подручными диаволу; а Константинополь наполнен ложными безмолвниками, суесловцами, обманщиками и лжецами; докучают же и нам ежедневно эти невежды и свинопасы, прося Священного Писания. Ох, вся суета сует под солнцем, по слову Соломона. Знай, владыка мой святой, что уставы отцов низвращены нашим поколением. Некогда умирал один монах в ските, и так как •[Ш/1 237]• он почти не мог говорить с предстоящими, то попросил уксусу, чтобы понюхать его и побеседовать с ними. Но во всем ските искали и не нашли одного стакана уксусу. У святогорцев же большие клетки

наполнены эссенциями и старыми наливками; и оттого они скачут, как жеребята диких ослов. Так-то и так мы уклонились с пути отцов. Бог же и их и нас да помилует. Радуйся и будь здоров о Господе; и перстом Божиим да напишется имя твое в Царстве Небесном».

Написав это письмо, патриарх послал афонитов к державному и святому царю; благословив же их и дав им фунт денег, отпустил с миром.

«Царь же, прочитав письмо, дал им список с него и сто монет; потом, обратясь направо и налево, сказал предстоявшим: что делал я, как видите, то же сделайте и вы. Тогда многие из севастов напутствовали афонитов щедрыми подаяниями и они отправились в путь свой. После же оных слов царь чрез посредство одного сановника сказал им: приветствуйте от меня прота и весь собор старцев и молитесь о державе царства моего. Когда они возвратились домой и малое время пожили в своих кельях, прот скончал свою жизнь»⁽⁹¹⁾.

III.

«После кончины его, последовавшей, как показывает ход дела, в январе или феврале 1098 года, явились к государю шестьдесят игуменов афонских по своим делам (из 180 только 60 — значит, 120 монастырей опустели). В числе их Кастамонитский игумен Иларион, государев родственник, приглашен был самим царем кир Алексеем. Государь принял их с величайшею ра-

достью и тотчас назнаменовал (ἐσφράγισε) сего Илариона протом Св. Горы, а кир Феодора Кефалу — игуменом Лавры св. Афанасия, постановив, чтобы он с сей поры ежегодно получал сто монет на содержание монахов; а Илариону •[III/1 238]• пожаловал триста монет и царскую книгу, Большой Номоканон (τὸν μέγαν Νομοκάνονα), в котором заключались и правила св. Василия, и законы Иустиниана*, и велел читать ее в каждом собрании Карейском. После сего государь, обратившись к игуменам, приказал каждому подать записку о нуждах своих и, всех обласкав, отпустил. Они же, воздав ему подобающую честь, пошли к патриарху Николаю. Множество вопросов предлагали ему все, а особенно монахи и пророк Иоанн Хортаитин. Наконец, и прот Иларион спросил патриарха о следующем: Владыка святой! Есть священники, которые не имеют дара рассуждать о делах, а принимают на дух помыслы людские, и есть непосвященные, которые пользуют души человеческие. Итак, что скажет на это святыня твоя? Патриарх отвечал: Принимающие помыслы человеческие, как ты сказал, и исповедание оных, подобно опытным врачам, должны давать лекарства, соответственные болезням. Итак, хотя и священник кто, да прост, а иной не священ-

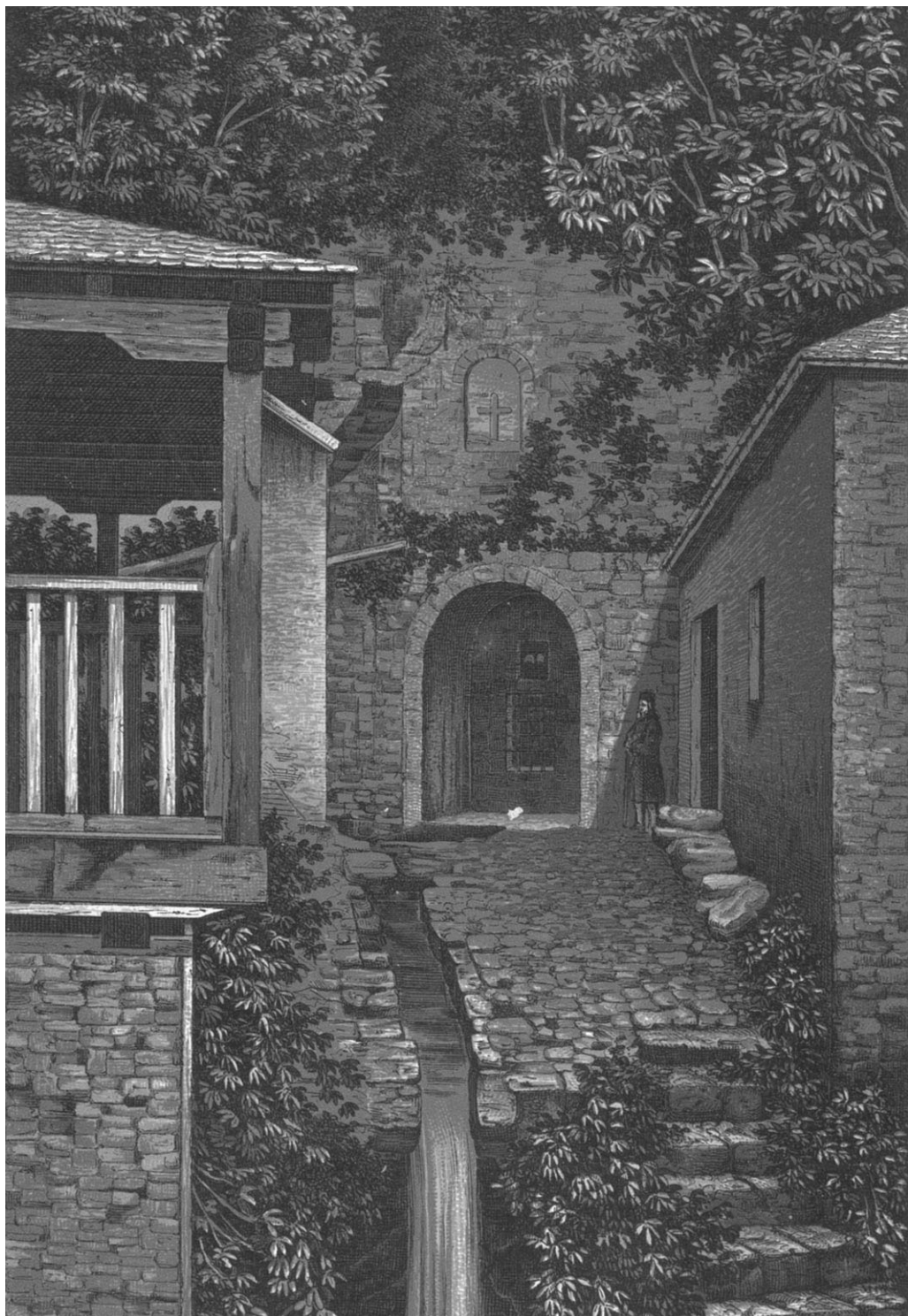
ник, но имеет ведение и умеет рассуждать о помыслах и налагать епитимии как должно, таковой более, чем священник, вправе принимать на дух помыслы и исправлять канонически»⁽⁹²⁾.

От патриарха афониты возвратились восвояси, но там встретились с горькою бедою, которую и оповещаю.

Весною и летом 1098 года турецкий начальник богатого города Смирны Чáхас и другой турок Тангрипермис, живший близ Ефеса, имея в своем распоряжении несколько разбойничьих кораблей, грабили все прибрежные города и селения и даже завоевали Родос, Самос, Хиос и *все прочие острова* (sic). Для прекращения разбоев их послан был царский флот, который и сделал свое дело. Посему-то царь Алексей Комнин не мог подать военной помощи крестоносцам, осаждавшим в то время Антиохию и взявшим ее с бою уже 3 июня 1098 •[III/1 239]• года*. В это самое время эти же турецкие разбойники, называемые то агарянами, то сарацинами, опустошили афонские монастыри, в которых оставались монахи, не ушедшие с влахами. «Об этом опустошении докладывал царю кир Алексею монах Иларион и прот: Владыка святой! Сарацины опустошили Св. Гору. Государь отвечал: вы вознерадели, но не переставайте умилоствовать Бога, взывая: *Боже, приидоша языцы*

* Если в то время был большой Номоканон, то был и малый, содержащий извлечения из первого. О сем малом Номоканоне упомянул патриарх Николай в своих ответах святогорцам. (Порфирий).

* Annae Comnenae Alexiados lib. XI. Venetiis, 1729. Pag. 254. — Michaelis Glycae annalium pars IV. Bonnae, 1836. Pag. 620. — Tablettes chronol. par Dufresnoy. Paris, 1744.

Источник преподобного Афанасия.

в достояние Твое... (Пс. 78,1) И еще: Господи, воздвигни силу Твою, и прииди во еже спасти нас... (Пс. 79,3) И еще: не даждь языком достояние Твое во еже попрали ны, да не рекут: где есть Бог их... и тому подобное; и мы уповаем, что Бог сотворит милость с нами. И ведай, святой мой старец, что потомки Агари прошли даже до Дамалиса*; и города и страны бичуются за беззаконие одного грешного человека. Это — я. Но Бог и вас, и нас да избавит от настоящей беды»⁽⁹³⁾.

IV

«В другое время некоторые афониты, подав свои записки царю кир Алексею, сказали ему: Владыка наш святой! Если у святогорцев нет овец и коров, то находятся дети и безбородые.

Триблаженный же и приснопамятный государь, одаренный царским умом, евангельски обуздал их, сказав: *имут Моисея и пророков*.

Но они прибавили пререkanie царю: — Владыка святой! О безбородых пророки гремели, и совершенно справедливо. А по причине детей и соблазнов от них мы не можем установить •[III/1 240]• начальства в монастырях, потому что дети стали выше старцев.

Царь: — Так что же нам делать с ними? Ирод умер, а я детоубийцею быть не могу, тем паче что вы увидели бы и матерей, в слезах приходящих к нам.

Чудно, как это вы не устрашились прещения патриарха! Впрочем, спрашиваю вас, отцы: безмолвники вы или игумены?

Безмолвники, владыка святой, — отвечали они.

Царь: — Почему же вы совратились с пути отцов и не только нарушили безмолвие, но еще уподобились отпадшим силам? Они, оставив неприступный свет, омрачились и справедливо рыдают. Рыдайте же и вы о том, что вас осмелял сатана. Но Бог да простит и нас, и вас. Впрочем, спрашиваю вас: имеете ли позволение главы вашей явиться к нам? Ибо есть ересь безглавых*, чего не ожидаю от вас.

Безмолвники отупели и не знали, что отвечать.

Тогда опять спрашивал их царь: Знаете вы писание или читали правила отцов или законы царские? Или вы не знаете того, что говорят Соборы святых отцов? Митрополит не может явиться к царю без дозволения патриарха; равным образом и епископ без согласия митрополита своего не может прибыть в Константинополь, тем менее к государю; подобно им и причт отправляется в путь по воле своего епископа. Так заповедуют Соборы и священные правила по слову Божию: «повинуйтесь наставникам вашим и покаяйтесь». Да и владычные законы царей соображаются с законами священными. Посему ежели примикирий имеет надобность к царю, советуется о том с великим

* Ныне город Скутари супротив Константинополя. Турки доходили до сего места еще пред воцарением Комнина. Но он попятил их назад. (Annae Comnenae Alexiados lib. III, cap. 2).

* Ακεφάλων — не признающих начальства.

доместиком, подобным образом и воин без писем не может явиться к государю, а если он презрит устав, то его бьют, остригают и сквозь строй проводят в полку, как гласят законы: *неисправимых наказываем на площадях, да и прочие страх имут*. И в Писании •[III/1 241]• сказано: *всем властям повинуйтесь* (ср. Рим. 13, 1; Тит. 3, 1). И еще: *соблюдайте вся елика заповедах вам* (Втор. 11, 8). И вы знаете, братие и отцы, что монаху не подобает быть непослушну. И я советую вам: идите к вашему архимандриту, которого цари поставляют протом на Св. Горе, да имеет власть во всем и на все.

И, не желая более тратить слов, государь отослал их к патриарху с письмом следующего содержания:

«Цель поставлена вселенной, отец святыи и вселенский патриарх! Твоя цель хранить, учить и деписать (τηρησαι καὶ διδάξει καὶ προᾶξει). А я поставлен над народами и языками. Ибо люд христианский и языческий повинуется законам и уставам царей; и страх соблюдает заповедь. Святогорцы же, как оказалось, не познали и не уразумели, что гнев царя есть ярость льва, и понудили меня погрозить им, как написано древле: *неисправимых наказываем на площадях городским, а некоторым и носы урезаем, да и прочие страх имут*. Узнали же мы и то, что сии безмолвники суть экзархи бесов, смущающие святое место и святых старцев. Итак, если можешь, вразуми их: а если нет, то я отрежу им носы и отошлю на Св. Гору, да знают и прочие: что такое есть закон Бога и царя».

Государь писал и проту:

«Без твоего ведома и письменного дозволения не ходить святогорцам в столицу, не принимать поддельных бумаг, будто царь писал, или патриарх, или митрополит, или епископ, и никакого ходатая не посылать к хартофилаксу (хранителю дел). Такие бумаги приносятся на Св. Гору и смущают старцев. Прими сие повеление наше от Бога и царя Алексея Комнина и патриарха Николая.

Илариону монаху и проту Св. Горы.»

Безмолвники, приняв это письмо, явились к патриарху, который дал им следующее наставление: •[III/1 242]•

«Возвратитесь, братие и отцы, каждый в свою келью и блюдите свои души. Так вы не прогневаете ни Бога, ни царя, которого вы привели в негодование и ярость, что непристойно вам. Подчинитесь вашему проту. Ибо его Бог посадил как на Моисеевом седалище и от него потребует отчета. Какая была польза Арию от того, что он не захотел подчиниться Афанасию Великому? Но диавол сделал его чересчур умным, и потому он не пожелал принять глаголов жизни и спасительных врачеваний. Кстати присовокупляю: как бы и вам не подпасть анафеме вместе с ним и с подобными ему. Что же касается до детей и безбородых (юношей) и евнухов, то вы не имеете никакого оправдания пред Богом и людьми, и только обнаруживаете гордость диавольскую и то, что вы сделали, как говорят отцы наши, орудиями

бесов и седалищами дьявола. Если вы ушли из мира, то с великим Арсением говорите себе, для чего вы ушли, а припоминаниями демонов не увлекайтесь и не делайтесь из человеков бесами. Перестаньте думать о прещении, которое, по вашим словам, наложено на Св. Гору. Пусть оно останется у меня, у царя и прота, а вы будьте спокойны. И, сотворив молитву, отпустил их.

А монах Иоанн, Хортаитинский игумен, говорил, что в это время царь послал евнуха Мосинополита звать к нему наместника, зятя его, кесаря Мелиссина*. Тогда же и этому Иоанну довелось быть во дворце; и если бы не ходатайство его, то отрезали бы носы семи монахам. За что же? За пререкание, которое они сделали царю, сказав: «Владыка! о безбородых гремели пророки, и совершенно справедливо». За это хотели отрезать им носы и после позора пред народом отослать их на Св. Гору; и за то, что они не удовлетворились ответом государя: *имут Моисея и пророков*. Как только они повернули сей ответ, разгневался на них человеколюбивейший и милосердный царь, однако отослал их к патриарху, и •[III/1 243]• они слышали от него богодухновенные наставления и возвратились домой».

«Древние отцы говорили, что дьявол никогда не переставал быть орудием зла. Посему-то святогорцы докуча-

ли не только патриарху, но и самим царям, иногда о животных, иногда о безбородых».

«Патриарх Николай после беседы с безмолвниками, разгневавшими государя, написал два письма: одно проту, а другое царю.

Проту:

«Слышали мы, что разделения и соборы бывают на Св. Горе, отец святой и прот Горы. Причина тому — простота и невежество людей. Виновики таких беспорядков понудили самого Бога назвать их лицемерами, потому что они суетные, коварные, обманщики, иное говорят и иное делают. А слово Божие касается всех, хотя бы кто был сын царя. Многое мы слышали и узнали о тех, которые заседают в собрании Карейском; и ваша святость пусть наблюдает, что есть люди, любопытствующие о делах, и ничего не делающие, и ни во что ставящие спасительные заповеди Божии, и переходящие с места на место, извиняющие извинения в грехах, так что и Бога не имеют пред очами своими, и, сказать по Писанию, *яд аспида во устах их*; есть неумолкающие обольстители народа и отверстые пасти, им ничего не стоит перевернуть и погубить ближнего. Но вы, ведущие благо, пресеките дорогу таким людям. Ибо вы не знаете супостата нашего дьявола, рыкающего и ищущего, кого бы поглотить. Не только грешников, но и великих святых и божественных мужей и близких к Богу запинал сей лютый враг. И ныне не удивляйтесь тому, что

* Чтобы резать носы афонским безмолвникам.

некоторые уклонились с прямого пути, и расслабили их подколенки. Хотя они риторы, или ученые, или придворные, но у всех их ожила любовь к Египту. Посему то они искусно расцвечивают свои обаятельные предлоги, да не явятся пред людьми •[III/1 244]• смешными и нетерпеливыми. Итак, не должно садить такие растения на земле пустынной, непроходимой и безводной. Ибо от плодов их вы часто получали оскомины. Кроме сего имею сказать вам многое другое. Дошло до нашего слуха, что на Св. Горе есть дети и безбородые. Видно, святогорские старцы низвратили учение отцов наших. Так, мы непрестанно размышляем о словах писания и читаем законы, но ежедневно забываем то, что они говорят нам: «изми око твое, отсеки руку твою. Лучше тебе одноокому или безрукому войти в царство небесное, нежели имеющему руки и очи войти в геенну огненную, где червь не умирает и огонь не угасает». Да и отцы что заповедуют нам? «Не приближай к себе отрока, не говори с ним после стола и даже в церкви не целуй его». И еще: «сотворим дела ниневитян, да не потерпим казни содомитян». Ваша *Святая* и достоуважаемая Гора знаменательно носит такое название. Бог назначил ее для обитания мужам святым. Итак, будьте святы. Сам Бог вещает, что бывает великая радость на небе о кающемся. И еще: Бог есть Бог кающихся. Вас же и нас да сподобит Он стоять одесную Его и услышать блаженный глагол сей: приидите благословеннии

Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира. Радуйтесь и здравствуйте о Господе и вспоминайте в молитвах наше смирение, да и я с дерзновением скажу вам: се, аз и дети, яже ми дал есть Бог».

Царю:

«Да будет известно тебе, Владыка, что монахи цареградские не могут жить на Св. Горе, что они не соблюли требований места, и вот место гонит их, и что у всех их в сердцах ожила любовь к Египту, и потому они искусно прикрывают свои обаятельные предлоги, да не явятся людям смешными. Не надобно святогорцам насаждать севастов и придворных на земле пустынной, непроходимой и безводной. Ибо от плодов их они часто получали оскомину»⁽⁹⁴⁾. •[III/1 245]•

В другое время святогорцы докладывали патриарху чрез посредство хранителя дел: «Мы желаем видеть прещение патриарха, точно ли оно подписано им». Патриарх, услышав это, вознегодовал на них и, позвав их к себе, сказал им: Кто вы таковы? И с чьего дозволения требуете на показ прещение? Так ли отправлялись с места преподобные и чудотворные отцы, святой и освященный Савва, который и исцеления совершал на пути, и другие отцы, Феодосий, Евфимий? По получении свидетельств, подписанных отцами и архиереем, и по молитве всего собора старцев они отправлялись к царю или к патриарху, зато и назад возвращали их с великою честью, прося их молитв, и давали им много золо-

та и облегчали затруднительные дела их. Святой Савва получил 3000 монет на укрепление своей лавры пустынной и многие пособия на содержание братьев, и от кого же? От царя Анастасия, который был даже не православен. Но такую силу имели молитвы святых отцов и житие их. Кто же на вас посмотрит, тот потеряет свою веру, потому что вы оставили заповеди Бога и святых и шатаетесь по городам и селам; и куда влекут вас бесы, туда вы и идете. Бог глаголет нам так много, что *ни самому, мню, миру вместити пишемых книг: и все глаголы сии суть заповеди и оправдания* (ср. Ин. 21, 25). И еще: *соблюдайте вся, елика заповедах вам* (Втор. 11, 8). И еще: *заповедь новую даю вам, да любите друг друга* (Ин. 13, 34). И еще: *любяй Мя, заповеди Мои соблюдает* (Ин. 14, 15). Итак братие мои, заповеди ли Божии соблюдаете вы, шатаясь по городам и селам? Извиняя извинения во грехах? Доколе мы не будем соблюдать заповедей Божиих, Дух Святой не внидет в нас, но изыдет. Посему ходите в след Его и будьте покорны Ему. И мне приходится плакать о том, что вы отреклись от обета послушания и уселись на собственных хотениях. Но послушайте, что изглаголено: «горе единому... следуете за бессоветным, который не имеет возбуждающего его...» •[III/1 246]• блажен тот монах, который послушествовал многим монахам и отринул тяжесть своих грехов, в противном случае он играет с бесами».

Тут митрополиты, смотря на патриарха и слушая его, разгневались и в негодовании сказали афонцам: «Свя-

тый царь требовал прещения патриарха, но не нашли ни его, ни запрещения митрополитов: в кодексе оказались только некоторые имена. Итак, если вы постриглись ради Бога, то ступайте в монастырь и спасайте ваши души. Притом же мы слышим, что святогорских безмолвников находят в кабаках и даже задерживают в номерах (в частях), и от того хулится небесное и ангельское житие. И еще: вы внимаете тем предлогам, кои внушает вам диавол, идете в след его и подмечаете на Св. Горе мулов, кобыл, собак и кошек женского рода и как это, так и многое другое ставите в вину святым старцам. Но Церковь Божия анафематствует всех, которые позорят христиан. Впрочем, все это цари и патриархи возложили на прота. Вы же заболели недугом диавола и ищете извинений во грехах».

Митрополиты замолчали, святогорцы же ушли со стыдом.

А по рассказу других, над безмолвниками подшучивали и диаконы патриаршие, возглашая: «Елицы приближеннии к миру, сии соделашася безмолвницы святогорстии. Слепи их самоуправление и самодовольствие: и сего ради не имут силы отдатися в послушание».

Тогда же были некоторые игумены и поведали патриарху: «Владыка! эти монахи учатся петь песни в своих келейных монастырях». Патриарх позвал их и сказал им: «Петь песенки обещались вы, братие? И песенниками быть хотите, а не монахами? Справедливо

говорил царь кир Алексей, что если не отрезать носы некоторым святогорцам, то они никогда не сделаются добрыми старцами и что глупее их никого нет в целом свете. Видно, они ищут соутешников, которые потворствовали бы их хотениям, паче же демонов, которые вас •[III/1 247]• пасут. Ибо вы оставляете Св. Гору и ищите мира». Потом патриарх сказал: «*Пощади, пощади, Господи!*» — и отпустил всех». Это поведал монах и игумен Каракальской обители Василий Склирос⁽⁹⁵⁾.

VI

Настал двадцатый год афонской драмы (1100-й по Р. Х.). Тогда госпожа Хромитиосса, по реклу Хромица, построила на Афоне два монастырька, один во имя святого Антония, прозываемый Аникитовым и находившийся между Зографом и Кастамонитом, а другой, имярек, в нынешнем владении Афоно-Руссика под челом высоты Мегаловиглийской. Знать, она была благочестива, и переместилась со Св. Горы по приказу царя Алексея Комнина, оставив по себе добрый поминок. (Περίγραφή τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἀθῶ ὑπὸ Θεοδώρητου, κεф. δ', τμήμα III. Χειρόγραφον.)

Другая же афонская госпожа Вáнисса, вероятно, современница Хромитиоссы, построила монастырек во имя пяти мучеников Акиндина, Пигасия, Аффония, Анемподиста и Елпидифора на местности, называемой Моноксилит и принадлежащей монастырям Дионисиатскому и Павловскому. (Ibidem. Кеф. δ', τμ. V).

VII

Прошли еще десять лет (1100–1110). А недоразумение царя и святогорцев о прещении патриарха еще не разъяснилось. Но наконец, пришло-таки время развязки драмы; и она последовала у смертного одра святейшего патриарха Николая. Эта развязка в высшей степени занимательна. Оповещаю ее речью афонскою.

«Когда игумен Лавры Афанасия Афонского и прот Св. Горы Иоанникий Валма услышал о приближении смерти патриарха, тогда явился к нему и исповедался так: Владыка мой! Я •[III/1 248]• написал прещение от лица твоего и подписал его своею рукою, думая сделать некое устройство святому месту. Согрешил я на небо и пред тобою.

Патриарх: Если ты изгладишь это прещение из книги, в которой оно написано, то и Бог изгладит грехи, сделанные тобою от юности даже до последнего дыхания твоего. А что говорю тебе, то говорю и другим. Те, которые написали то же самое ради благочиния, пусть уничтожат свои рукописания. За то будут иметь благословение от Бога и прощение от меня грешного. В противном случае все епитимии, какие они написали тут, да будут на главах их. Всякий, кто в этом деле ослеплен тщеславием, подобен слепню, и конец его погибель.

Монах Иоанникий: Но, Владыка мой, дети размножились на Св. Горе и не имеют страха Божия.

Патриарх: Нашел ли ты когда-нибудь закон христианский, препятствующий держать детей? Сам ты и я, не безбородые ли мы вступили в монастыри? А святые и вожди отцов? Евфимий, Савва и другие? Что пишется в их житиях? Например, св. Савва, будучи семи лет, вошел в хлебопекарню и из горящей печи вытащил одежду одного брата. И однако ж управлялись с ними игумены их. Никто не будет винить детей, слыша слово богоизбранного гласа: *пустите детей приходить ко Мне, тацех бо есть царствие небесное* (Мк. 10, 14). И мы ли можем сказать что-либо противное сему? Ежели прекращение печалит Бога; то и мы печалим Его, говоря сие и осуждая других. Известно, что все древние отцы держали детей и наставляли их, по примеру великого Пахомия, у которого в монастыре было 800 детей и который как светило озарял вселенную. Так мы научены и так читаем в книгах. Что же касается тех, которые хотели извинять извинения в грехах и причинять язву и пагубу себе и ближнему, то с ними нечего и говорить. Пусть они идут своим путем. Ты же, возвращаясь, выскобли и изгладь прещение, и Бог простит тебя. Но и все •[III/ 249]• те, у которых есть поддельная подпись моя, пусть сделают то же. И я буду молиться, да перстом Божиим напишется имя ваше в Царстве Небесном⁽⁹⁶⁾.

При смерти патриарха Николая случился монах Иоанн Хортаитинский по устроению Божию. Ибо царь кир

Алексей писал в Хортаит^{*}, чтобы монахи явились к нему с деписаниями и уставом монастыря. Когда же словеснейшие братия, способные отвечать на вопросы царя, явились к нему и принесли с собою требуемые хартии, тогда государь выслушал доклад их и, будучи руководим Богом, пожаловал более, нежели сколько они просили у державы его. Между тем как это происходило, ему дали знать, что патриарх при смерти. Тогда он подозвал к себе Иоанна Хортаитина и сказал ему: Хочешь, доставлю тебе мзду? Тот отвечал: Повели, владыка, знать: какая мзда готовится нам царственностью твоею?

Царь сказал: Иди к патриарху вместо меня и после обычного приветствия скажи ему: царь повещает тебе: не оставь какого-либо прещения после себя, да не будет тяжело душе твоей. Ибо ты, как я узнал, имел дела со многими церквями и архонтами. Итак, исправь все, и будешь иметь во мне споспешника и помощника.

Сказав это и кое-что другое, он промолвил, чтобы с Иоанном пошли зять его кесарь и сын его и некоторые придворные, и приказал всем им возвратиться скорее и принести ответ патриарха.

Иоанн же, выслушав это, сказал ему: Такова мзда, которую предлагает мне царственность твоя? Вместо того, чтобы мне сподобиться благословения

* Недалеко от Солуны, по пути к Афону, налево от моря, высится гора Хортаит. Тут был монастырь сего Иоанна, к которому писал царь Комнин.

патриарха при конце его жизни, я получу от него проклятие, а не благословение?

Царь, выслушав Иоанна, сказал: Итак, сам я иду с вами к патриарху.

•[III/1 250]•

Пришедши к нему, он сел подле патриарха и после приветствия начал говорить: «Отец святой! Все мы знаем и верим, что ты свят, и все взираем на тебя как на иже во святых великого Николая. Но умоляем тебя сподобиться и части его. Итак, я имею сказать нечто святыне твоей. Не отяготись этим, но прими меня как чадо свое. Часто я слышал от некоторых, что святыня твоя налагала грозные прещения и епитимии на монастыри и митрополии; и кратко сказать: прошу святыню твою, не оставь после себя какого-либо прещения». Патриарх, услышав сие, велел принести кодекс, в котором он собственноручно подписал прощение каждому, и сказал царю и всем предстоявшим: «Никогда, братия мои, я не попускал, чтобы солнце зашло во гневе моем, и не длил епитимий или прещений, потому что никто не соблюдает их и потому что в случае несоблюдения их я не желал возвесть осуждение на голову свою». После этих слов патриарх взял в руки свой кодекс и подал его царю. Сей прочитал его и вельми удивился великой мудрости патриарха и увещаниям его к митрополитам о твердом хранении веры, о милостыне, о смерти, о горнем мудрствовании, о воскресении и вечном мучении, и кратко сказать, удивился Синайской горе

дымящейся и Богу разглагольствующему с Моисеем; и перст Божий запечатлел слова и письма патриарха: «Боже, утверди Церковь Твою веровать в Отца, Сына и Святого Духа, едино Божество, и царствующий град и всех христиан».

После сего царь попросил патриарха отпустить всех с молитвою. Святитель же, подняв руки, благословил его и сказал: «Да утвердит тебя Господь Бог и да укрепит тебя, чадо, и да сотворит державу твою многолетну. О Церкви же нимало не беспокойся, владыка мой. Ибо я дал отчет за нее, и не только за Церковь, но и за все, что ты объявил мне. Что касается до епитимий и прещений, то хартия завещания моего докажет, что я ни против кого ничего не имею, потому что св. Павел, труба вселенной, учит нас: *солнце да не зайдет во •[III/1 251]• гневе вашем* (Еф. 4, 26); и ни в чем не осудила меня совесть поныне. Да и ты, будучи воин и царь, поведал мне писанием твоим, что Бог дал заповедь праотцу нашему и что он не мог соблюсти ее, как писал ты, не только в целый день, но и в течение трех часов. И я давно знал, что ничего не соблюдает человеческое естество. Да и проту мы писали и многократно говорили ему, что безумно налагать епитимии на людей». Государь, присмотревшись и заметив притрудность патриарха, чтобы не обременять его много, попросил его отпустить всех с молитвою.

И возрев, патриарх увидел Иоанна Хортаитина, сидящего у ног его, и сказал ему: Брате Иоанне! Ты очень долго

жил на Св. Горе; так нашел ли там когда-либо прещение, подписанное мною?

Иоанн отвечал: Ни, владыка мой. Но слышу говор некоторых, будто у меня находится подписанное тобою прещение.

Патриарх: Все, которые накинули на глаза свои покрывало безумия своего, извиняют извинения погибели, как своей, так и других многих.

Услышав это, царь молвил патриарху: Отец святой! Если б не ходатайство Хортаитина, то я приказал бы отрезать носы святогорцам и отослать их на Св. Гору, но не сделал сего.

Патриарх: Хорошо ты сделал; а отныне прекрати убийства; довольно с тебя и прошедшего, чадо; но паче любовь и милость покажи монахам. Ибо никто из человеков не имеет совершенства. Если тебе угодно, то блюди и нас, учителей народных, ибо и мы погрешаем. Как же? Выслушай. Великое правило святых апостолов 33 гласит: «Ежели какой епископ, или пресвитер, или диакон, не постится в св. сорокатицу или в среду и пяток, да будет низложен, а мирянин да отлучится, кроме немощи, и притом телесной». (После сего патриарх говорил много и речь свою запечатлел так: *аще кто благовестит вам паче, неже благовестихом вам, анафема* • [III/1 252] • *да будет, аще и ангел с небеси благовестит вам* (Гал. 1, 8). Ибо Дух Божий говорил устами его). А теперь найдешь ли постящихся иереев или царей? Все извиняются немощью, даже сами законники и про-

поведники церковные. Кто теперь постится? Разве где какой затворник или пустынник, да и те редко. Как же налагать прещения на легкомысленный и необразованный народ, просто и как попало, и притом когда никто не соблюдает их? Грех останется на главе запрещающего, если он не разрешит людей скоро.

Государь выслушал это. А все пришедшие с ним возблагодарили Бога за то, что ради царя слышали и узнали так много. Наконец патриарх благословил их и, облобызав, отпустил с миром. Царь же, воздев руки, помолился: Удостой тебя Бог, отец святой и вселенский патриарх, Царства Небесного; и дал ему покой. Все вышли с великою радостью, потому что, как писано, где царь, там и порядок. При выходе сын царя Иоанн взял Хортаитина за руку и сказал ему: «Подожди немного»; потом вынул письмо и, подав его патриарху, сказал: *«Прими, отец святой, и разреши сие; по вере моей да будет мне»*. Патриарх отвечал ему: «Да будет тебе по слову твоему; иди в мире; но примолви отцу твоему: *вспомни слова патриарха, перестань (убивать), да простит тебе Бог прежние грехи твои; Иоанн будет преемником отца своего, Иоанн же будет и после меня (патриархом)*». Говоря это, патриарх обрадовал обоих их и воскрилил обитающею в нем благодатию Божиею; и они, выслушав богодухновенные и назидательные глаголы богоносного отца, в радости догнали царя. С ними был и кир Симеон, патриарший хранитель дел.

Он нес к царю патриаршее письмо, в котором первосвященитель так повещал его: «Владыка мой святой! Не думай, что ты более меня любил Святую Гору. Ни, клянусь вечностью, в которую отхожу. Предполагаю же, что *по ревности* не доволен был ты мною. Но верь тому, что я говорю тебе. Радуйся и здравствуй о Господе». Государь, поцеловав это патриаршее письмо, отослал •[III/1 253]• назад хранителя дел с честью и щедрою наградою. — Так почитали друг друга приснопамятные и блаженнейшие царь кир Алексей и патриарх кир Николай!»⁽⁹⁷⁾.

§ 46. Продолжение афонской драмы

«После Алексея Комнина воцарился сын его Иоанн. Тогда изобретатели зол опять стали раздувать огонь и опять заговорили о прещении и как демоны облетали небо, землю и море. Посему царь Иоанн созвал Собор при патриархе Льве (1134–1140 гг.) и чрез посредство своего номофилака потребовал прещение налицо; но его не нашли, а государь услышал только, как митрополиты говорили ложь и суесловие на святогорцев, что они — водосмесники (ὅτι ὑδρομίκται εἰσίν) и что принимают к себе морских разбойников и держат у себя безбородых и евнухов и многое другое отрыгали из своего чрева. Царь уверен был, что не найдут подписанного прещения, ибо отец его Алексей долго исследовал и пытал о нем патриарха Николая даже

до последнего дыхания его и ничего не открыл. Затем сын его царь, кир Иоанн, приказал составить записку об этом деле. Некоторые из митрополитов возражали против нее в чаянии подарков; но он обласкал главных из них, и таким образом все нагнули головы и подписали дело. Подписал его и сам царь, возблагодарив Бога, и вручил святогорцам с великою радостью и веселием, сказав им: «Поминайте отца моего, который более всех любил Святую Гору, но и меня не забывайте; ибо вы сами знаете, сколько я старался освободить Св. Гору от прещения, которое вас мучит». После этих слов он дал им издержки на дорогу и отпустил их с миром. Они же выразили ему свои молитвенные благожелания и отправились домой, радуясь донныне во славу Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и вовеки веков. Аминь»⁽⁹⁸⁾.

Приписка. «Я, монах Иоанн Хортаитин, строго следил за этим делом и как очевидец описал его в удостоверение •[III/1 254]• многих и на пользу им, дабы благодарили Бога (*и Пресвятую Богородицу в Ее жребии*)»*.

* «Τοῦ εὐχαριστεῖν τῷ Θεῷ καὶ τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον ἐπὶ τὸν κλήρον αὐτῆς». Слова, дабы благодарили и Пресвятую Богородицу в Ее жребии, эти слова я считаю прибавкою позднейшего переписчика сего деписания, в котором монашеский Афон называется Селением Бога, а не жребием Богоматери. Этот переписчик не знал даже грамматики и вместо τῇ ὑπεραγίᾳ Θεοτόκῳ написал τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον.

§ 47. Окончание афонской драмы

«Патриарх Николай отлучил от Церкви вообще всех святогорцев за то, что они нарушали свои уставы и в противность им принимали на гору скопцов и безбородых (юношей). Презрители уставов продолжали нарушать их, несмотря на епитимии, налагаемые уставами и патриархом. Многие же добросовестные удалились с горы, страшась прещения. Один из таковых, имярек, вспомнив о своей аскетической и безмолвной жизни на горе, в 1177 году написал прошение к патриарху Харитону следующего содержания^{(99)*}:

«Я, смиренный монах и богомолец великой святыни твоей, челом бую тебе, владыка мой святой.

Святая Гора есть место душеполезное. Она вельми способствует спасению монахов, кроме другой благодати и потому, что ограждена от мирских смут. Но дело об епитимиях, как камень преткновения и соблазна, налегло не только на нарушителей, но и на исполнителей уставов, данных святогорцам для соблюдения. Спасительное врачевство, придуманное для недужных, оказалось смертельным для здоровых. И вот они, не видя искусства в исправлении общества спасительной горы, переселяются в мирские места, дабы при своей невинности, какая у

них есть по отношению к уставам, не подпасть каре чужих преступлений по буквальному смыслу епитимий. По сей причине и я невольно оставил гору, убоясь страха, идеже не бе страх. А вышло другое, так что мне, при всей предосторожности, довелось с Авситидийским Иовом страдать и •[III/1 255]• говорить: *страх, о котором я думал, пришел на меня, и которого я ужасался, встретился со мною*; и вот уже, чувствуя вред и желая возвратиться, но имея в виду прещение, я припадаю к великой святыне твоей и прошу освободить нас от вины общения твоим достопоклоняемым письменным разрешением и определить, чтобы прещению подлежали только те, которые участвуют в случающихся у нас грехах, означенных в находящемся на горе прещении, а нам бы не быть повинным в чужих грехах ради одного общения в пище, в собраниях и в беседах, без чего нельзя обойтись по причине взаимности нужд и взаимной передачи надобных вещей. Ибо как ученик Христов и подражатель Его в воздаянии каждому по делам его разреши невинных от виновности в грехопадениях чужих и дозволи селиться на спасительной горе тем, которые с чистою совестью желают жить там; уходящие оттуда пусть подлежат осуждению и за чужие грехи.

Ибо если это сбудется и просьба наша исполнится обитающею в тебе благодатью Духа, то мы не престанем во всю жизнь молиться о великой святыне твоей по исцелении от язвы души и от раны совести.

* Новое издание: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 10. Здесь переписка датирована 1178–1179 гг. — П.К.

Мы, как богомольцы, дерзнули подать сие прошение».

Патриарх Харитон по сему поводу дал афонитам свой сигиллион (т.е. грамоту со свинцовой печатью) на пергаменте, поместив на одной половине его вышепрописанное прошение, а на другой свое решение.

РЕШЕНИЕ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
КИР ХАРИТОНА НА ЗАПИСКЕ
НЕКОЕГО БРАТА:

«Мерность наша, выслушав записку твою и присудив правое решение просьбы твоей, по данной нам от Всесвятого Духа благодати, как общежительных монахов, так и безмолвников, при нерушимости уставов, данных святогорцам под угрозою епитимий, невинует (ἀθωεῖ) и облегчает от тяжести общения с нарушителями сих уставов и впредь возлагает вину за нарушение их на одних преступников. А если •[III/1 256]• блаженной памяти святейший патриарх кир Николай на основании доклада ему о душевредных делах, противных правилам устава, наложил *прещение* как на виноватых, так и невиноватых за одно общение этих с теми, то он имел в виду исправление; и коль скоро достиглась бы цель общей епитимии, тотчас было бы отменено и общее для всех прещение. Поелику же беззаконник беззаконует даже и тогда, когда его вразумляют исполнители заповедей, каковое вразумление предполагалось при наложении *общей* епитимии, то были бы обижены при-

нимающее кару за чужие грехи после обличения ближних в грехах, чего одного желает и св. Писание. Обличением бо, — говорит оно, — обличиши брата твоего, да не останется на нем грех. А так как многие удаляются с Горы под предлогом епитимии за общение с повинными, то мы в видах общей пользы определяем: всем правым быть свободным *от вины общения*; впрочем, с тем обязательством, чтобы они нарушителям устава напоминали их прежние обеты и братскими увещаниями побуждали их к исполнению отеческих заповедей и исправлением их приобретали бы себе братий, а в случае упорства их отдавали бы дело на суд прота Горы; и с той поры уже ему следует заботиться об исправлении падающих, потому что на нем возлежит обязанность судить все делана Горе. Если же сам он возненавидит, чего не дай Бог, то те будут неповинны, а он даст ответ за нерадение.

† Харитон, милостию Божиею архиепископ Константина града, Нового Рима, и вселенский патриарх».

§ 48. Суждение о всем этом деле афонском

Так кончилось это афонское дело. Завязку его составляли услужливая монахам женщина и благочестивая ложь Лаврского игумена Иоанникия Валмы, а сильными пружинами, кои двигали это дело так долго, служили простота и невежество афонитов, веривших тому, что не доказано; епити-

мня патриарха Николая, •[III/1 257]• наложенная на всех их без разбора правых и виноватых; паче же ревнивость царской власти, отстранявшая патриаршую власть от духовного воздействия на Афон. Между этими двумя властями афониты двоились: одни были на стороне царской, а другие, немногие (Валма, исихасты), на стороне патриаршей: первые просили царя отменить патриаршую епитимию, вторые попрекнули царю за послабления детям, юношам и евнухам на Афоне и за то едва не заплатились своими носами. Тех и других смущала и разгоняла патриаршая епитимия, поражавшая виноватых и невиновных — тех за нарушение уставов святогорских, а этих за общение с ними, хотя оно на одной и той же местности было неизбежно. Но эту епитимию отменил святейший патриарх Харитон, хотя и поздно, но весьма умно и справедливо. А эта мера, как увидим, опять густо населила разрезанный Афон, так что в начале XIII века там было уже 300 обителей,

коим оказывал свое архипастырское покровительство папа Иннокентий третий.

В изложении одного афонского дела нет ни малейшей примеси моей *яйности**. Я не мог бы выражаться насчет афонцев так резко, как выражались царь и патриарх. Знать, у древних правда была строже нашей, особенно в отношении к монахам, которых цари и народы хорошо содержали как высокие образцы жизни духовной и которых достойно порицали за уклонение от образцовости.

Что касается достоверности афонского дела, то она несомненна. Это дело описано было участниками в нем, именно — протом Иларионом и игуменом Хортаитинского монастыря Иоанном⁽¹⁰⁰⁾.

Оставляю это дело и оповещаю другое важнейшее событие на многонародном Афоне, именно — основание монастырей славянских в века одиннадцатый и двенадцатый. •[III/1 258–259]•

* Производите это новое слово от местоимения «я». По мне, гораздо лучше оно, нежели слово *субъективность*. Всякий неглупый простолюдин поймет меня, когда я скажу: таков яйный взгляд мой. А кому понятно чужестранное речение *субъективный*? Говорите вместо *объективный* нейный, предметный.

ОПРАВДАНИЯ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОГО АФОНА МОНАШЕСКОГО

№ 1. Рукопись Филофеевского монастыря, содержащая критическое рассуждение о нача ле монашества на Афоне и уставы царей Иоанна Цимисхия и Константина Мономаха и проч.

I

«Ἐκ τίνων χρόνων ὀράται τὸ ὄρος Ἄθω παρὰ μοναχῶν οἰκούμενον καὶ πότε ἤρξατο γίνεσθαι μοναστήρια;

Ἡ μὲν κοινῶς φερομένη φήμη θέλει τὸ ὄρος ἐκ τοῦ καιροῦ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, καὶ δεικνύουσί τινες ἐκ χειρογράφοις κώδιξιν ἱστορίαν τινά, ὅτι ἡ Θεοτόκος θέλουσα νὰ ἰδῇ ἐν Κύπρῳ τῇ νήσῳ τὸν Λάζαρον, ἐμβῆκεν εἰς πλοῖον ἔχουσα εἰς συνοδίαν αὐτῆς Ἰωάννην Θεολόγον καὶ Κλήμεντα...» к. т. л.

Далее излагаются известные афонские сказания о том, как Богородица проповедовала на Афоне и основала епископию на том месте, где ныне стоит обитель Филофеева, называемая обителью Богородицы, как Антоний Каракалла, уверовавший во Христа ради мученицы Параскевы, построил монастырь Каракальский, как Константин Великий создал на Афоне три монашеские обители, а Иулиан Богоотступник разрушил их, как Феодосий Великий снова построил Ватопедский монастырь в память чудесного спасения сына его Аркадия от потопления в море, а сын Константина Великого Констас соорудил [III/1260] монастырь Конста-

монитский. Иверская же обитель прозвалась Климентовою от спутника Богородицы Климента.

«Ἐτεροὶ δὲ ἐπιστατικώτερα κρίνοντες καὶ ἐρευνῶντες δι' ἀποδείξεων τὰς ἀρχὰς τῶν μοναχῶν ἐν τῷ ὄρει, τὰς ἀκολουθοῦσας παρατηρήσεις λέγουσι —

α) Πῶς ἐν τῷ ὄρει τούτῳ οὐχ' εὐρίσκεται οὐδεὶς λόγος ἐν ταῖς ἱστορίαις, οὔτε τοῖς τῶν ἁγίων σημειώμασιν ἐν τοῖς μηνολογίοις, ἀλλὰ μετὰ τὴν δευτέραν εἰκονομαχίαν, ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Μιχαὴλ βασιλέως υἱοῦ τοῦ Θεοφίλου καὶ Θεοδώρας, τότε μόνον βλέπομεν, καὶ ἦλθον ἐρημιταὶ τινες, καὶ ἡσύχασαν ἐν τῷ ὄρει.

β) Οὐδὲν μοναστήριον ῥητῶς οὐδαμῶς φαίνεται ἄλλο, πλὴν τῆς πλησίον τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ νεοεργηθείσης μονῆς παρὰ τοῦ μοναχοῦ Ἰωάννου Κολοβοῦ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Βασιλείου Μακεδόνα. Οὗτος ὁ Ἰωάννης ἐζήτησεν ἀπὸ τὸν αὐτοκράτορα Βασίλειον τὸ ὄρος Ἄθω, ὡς ἐρημον οἰκητόρων εἰς κατοικίαν μοναχῶν, καὶ ἐδόθη αὐτῷ σιγίλλιον τοῦ βασιλέως, ὡς κατώτερα σημειοῦται. Καὶ τοῦτο τὸ σιγίλλιον ἐπικυροῖ καὶ ὁ Λέων ὁ σοφός, καὶ ἔπειτα ὁ υἱὸς αὐτοῦ Κωνσταντῖνος μετὰ Ῥωμανοῦ καὶ τῶν συμβασιλευόντων. Οὗτοι μόνης μονῆς μνημονεύουσι, τῆς τοῦ Κολοβοῦ· σημειοῦνται καὶ τινὰ μοναστήρια, ἀλλ' ἔξω τοῦ ὄρους καὶ μακρὰν τῆς μονῆς Κολοβοῦ, ἣτις σημειοῦται ἢ πλησιέστερα τοῦ ὄρους Ἄθω· τοὺς δὲ ἐν τούτῳ μοναχοὺς

ἐρημίτας ἡσυχαστὰς γράφουσι τὰ σημειωθέντα βασιλικά γράμματα.

γ) Λέγουσιν, ὅτι ὁπότεν διὰ βασιλικῆς προσταγῆς Κωνσταντίνου Πορφυρογεννήτου καὶ τῶν συμβασιλευόντων αὐτῷ ἐπωλήθη τοῖς οἰκήτορσι τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ ἡ κλασματικὴ λεγομένη γῆ, καὶ οἱ μοναχοὶ ἐζήτησαν, νὰ γένῃ διαχωρισμὸς τῶν ὁρίων αὐτῶν καὶ τῶν οἰκητόρων τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ, καὶ ἐν τούτῳ τῷ γράμματι τοῦ διαχωρισμοῦ τῶν ὁρίων κοινῶς ὀρῶνται οἱ μοναχοὶ Ἀθωνῖται δημοκρατικῶς, οὐδένα ἡγούμενον, ἢ μοναστήριον ἐν τῷ Ἄθῳ ἔχοντες.

δ) Ἐν τῷ βίῳ τοῦ ὁσίου Εὐθυμίου τοῦ ἐν Θεσσαλονίκῃ γράφει ὁ χρηματίσας ὑποτακτικὸς αὐτοῦ ἀρχιερεὺς Βασίλειος, ὅτι ὁ Εὐθύμιος ὁδηγηθεὶς πρῶτον ἀπὸ τὸν ἅγιον Ἰωαννίκιον ἐν τῷ Ὀλύμπῳ τῆς Προύσης εἰς ὑπακοὴν Θεοδώρου τινὸς ἐναρέτου, εἶτα μαθὼν ὅτι ἐν τῷ Ἄθῳ ὄρει ἔστιν ἐρημος τόπος καὶ ἐπιτήδειος πρὸς ἀσκήσιν, ἦλθεν εἰς τὸν Ἀθῶνα, καὶ μόνον εὗρε μονάζοντα ἐν τούτῳ τὸν ἅγιον Ἰωσήφ, καὶ ἔμεινε μετὰ τούτου ὑπὲρ τὸν χρόνον, ἔπειτα μόνος δύο ἔτη. καὶ οὐδένα ἄλλον εἶδεν. ἔπειτα •[III/1261]• ἐξῆλθε τοῦ ὄρους καὶ ἀπῆλθεν εἰς Θεσσαλονίκην. καὶ πάλιν ὁ ὁσιος Εὐθύμιος μετὰ τοῦ εἰρημένου ἁγίου Ἰωσήφ καὶ Ἰωάννου τοῦ Κολοβοῦ ἦλθον εἰς τὸν Ἀθῶ, καὶ ἐκ τούτου ἀπῆλθον ἐν τῇ νήσῳ τῶν Νέων, τῇ νῦν καλουμένη ἅγιος Εὐστράτιος, ἐκεῖσε αὐθις φυγόντες ἐπανῆλθον εἰς τὸν Ἀθῶ καὶ εὗρον Συμεὼν τινα. εἶτα πλοῖα ἰδόντες θαλασσοληστῶν ἀνεχώρησαν, ὁ μὲν Συμεὼν εἰς τὴν Ἑλλάδα, ὁ δὲ

Εὐθύμιος καὶ Ἰωσήφ εἰς τὰ Βραστάμου, τὰ νῦν ἀπλῶς Βραστὰ καλούμενα, εἰς τὴν ἐπαρχίαν Κασσανδρείας. καὶ ἐκ τὰ Βραστάμου κινήθεις, ἔκτισε τὴν ἐν τῇ Περιστερᾷ μονὴν τοῦ ἀποστόλου Ἀνδρέου. Ὁ Κολοβὸς Ἰωάννης ἀπῆλθεν εἰς Σηδηροκαύσια, καὶ ἔκτισε τὴν ἐπώνυμον αὐτῷ μονὴν Κολοβοῦ.

Οὗτοι φαίνονται οἱ πρῶτοι μοναχοὶ καὶ ἅγιοι οἱ ἐν Ἄθῳ ἐλθόντες καὶ παροικήσαντες. καὶ ὁ μὲν Ἰωσήφ, ὡς ὁ ἀρχιερεὺς Βασίλειος γράφει ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίου Εὐθυμίου, ἐτελείωσεν ἐν ἐνὶ σπηλαίῳ εἰς τὰ Βραστάμου, καὶ τὸ ἅγιον αὐτοῦ λείψανον ἔμεινε χρόνους πολλοὺς ἀδιάφθορον, καὶ μῦρον εὐωδέστατον βλύζον, ὅπερ καὶ οὗτος, ὡς γράφει, ἡσπάσθη, καὶ ἐκ τοῦ ῥέοντος ἐκ τῶν κροτάφων ἐκείνου μύρου χρυσθεῖς, εἶχεν εἰς πολλὰς ἡμέρας τὴν εὐωδίαν. Ὁ ἅγιος Εὐθύμιος προγονοὺς τὴν πρὸς Θεὸν ἐκδημίαν αὐτοῦ, ἵνα μὴ τιμήσωσιν αὐτόν, ἀπῆλθεν ἀγνώριστος εἰς τὴν νήσον Λέσβον, καὶ ἐκεῖ τελευτήσας, ἔφερον τὸ ἅγιον αὐτοῦ λείψανον ἔπειτα εἰς Θεσσαλονίκην. Ὁ ταῦτα γράφων ὁ ἀρχιερεὺς Βασίλειος φαίνεται νὰ εἶναι Βασίλειος Θεσσαλονίκης, ὁ ἐν ἁγίοις τεταγμένος. Ἐν τῇ βιογραφίᾳ ὅμως ταύτῃ ἀρχιερεὺς ὀρᾶται Βασίλειος, χωρὶς ὀνόματος ἐπαρχίας, καὶ ἐπιστημῶν ἀνὴρ δείκνυται, διότι λέγει, πῶς ἀνεχώρησεν ἐκ τῆς συνοδίας τοῦ ἁγίου Εὐθυμίου διὰ τὰ μαθήματα τῶν ἐπιστημῶν. Ὁ σοφὸς οὗτος ἀρχιερεὺς, πολλάκις τοῦ ὄρους τούτου μνημονεύων, ὡς ἐρήμου τόπου μέμνηται καὶ ἀκατοικήτου, μάλιστα γράφει καὶ ταῦτα, ὅτι τινὲς τῶν μαθητῶν τοῦ ὁσίου

Εὐθυμίου ἠθέλησαν, νὰ ἰδῶσι τὸ ὄρος καὶ νὰ ἀνεβῶσι καὶ εἰς τὴν κορυφήν, οὗτοι ἐλθόντες ἔτυχον εἰς κακοκαιρίαν, καὶ ἐκλείσθησαν ἀπὸ χειμῶνα καὶ ἐκινδύνεον ἀποθανεῖν, οὔτε πῦρ οὔτε τροφὰς ἔχοντες, καὶ ἔλαβεν ὁ ὅσιος Εὐθύμιος (γνούς διὰ πνεύματος ἁγίου) πῦρ καὶ βρώματα, καὶ ἦλθεν εἰς τὸ ὄρος καὶ εὗρεν αὐτοὺς μόλις πνέοντας καὶ ἐζωογόνησεν αὐτούς. Τὰ διηγήματα ταῦτα παριστῶσιν ἔρημον τὸ ὄρος οἰκητόρων.

Πρὸς τούτοις ἐπιφέρουσι καὶ τὰς ἐκ τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου ἀποδείξεις. Ὁ ὅσιος Ἀθανάσιος ἦλθεν εἰς τὸ ὄρος ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τῆς βασιλείας •[III/1 262]• Ῥωμανοῦ τοῦ νέου υἱοῦ Κωνσταντίνου Πορφυρογεννήτου. Ποῖον τότε βίον εἶχον οἱ ἐν τῷ ὄρει μονάζοντες, ὅρα αὐτολεξεῖ κατωτέρω.

«Ὡς δ' οὖν ἐπέβη τοῦ ὄρους (ὁ Ἀθανάσιος), περινοστεῖ μὲν αὐτὸ, περισκοπεῖ δὲ καὶ τοὺς ἐν αὐτῷ οὐ πολλοὺς ὄντας τότε τοὺς ἀσκουμένους, καὶ τούτων τὴν τραχυτάτην ἀγωγὴν, ἀνιχνεύσας καὶ τὸν ἐρημικὸν καὶ ἀπράγμονα βίον, ἐθαυμάζετο, καὶ ᾔδετο τούτοις, καὶ ὡς ἀληθῶς ὄρεσιν ἐγγίξειν αἰωνίοις ἐπέιθετο, Θεῷ πολλὴν ὁμολογεῖ τὴν χάριν, ὡς ὠδήγησεν, ὡς ἤγαγεν αὐτὸν εἰς ὄρος ἅγιον αὐτοῦ καὶ εἰς τὰ σκηνώματα αὐτοῦ. Καὶ γὰρ ἦν αὐτοῖς ἀτεχνῶς, κατὰ τὸ ἀδόκμενον, ἄσπαρτα καὶ ἀνήροτα πάντα. οὐ γὰρ γῆν ἤρουν, οὐκ αὐλακα ἔτεμνον, οὐ βούν εἶχον, οὐχ' ὑποζύγιον, οὐκ ἄλλο τι τῶν ἀχθοφόρων ζῶον, οὐ κυνάριον, οὐ κύνα, ἀλλὰ καλύβας ἐκ μικρῶν πηξάμενοι ξύλων καὶ ὀροφὴν αὐταῖς ἐκ χόρτου

συμφορηθεῖσαν ἐπισχεδιάσαντες, οὕτως ἐν θέρει, οὕτως ἐν χειμῶνι διεκαρτέρουν, τῶν ἐναντίων τοῦ ἄερος ἀνεσχόμενοι προσβολῶν. εἰ δέ ποτε καὶ γένοιτό τις χρεῖα μετακομίσαι τι τῶν παρ' αὐτοῖς, αὐτοὶ δι' ἑαυτῶν τὴν τῶν νοτοφόρων ζῶων χρεῖαν ἐπλήρουν. ἐπιστρώματα γὰρ τινα οἶα τὰ τῶν ἡμιόνων τοῖς ἑαυτῶν ἐπιθέντες νώτοις, ταῦτα δὴ τὰ τοῦ Χριστοῦ ὑποζύγια, οὕτως ἐν αὐτοῖς τὰ ἄχθη μετέφερον. Τροφὴ αὐτοῖς μετὰ τὴν πνευματικὴν ἢ σωματικὴ ἄσκευος πᾶσα καὶ ἀπέριτος καὶ τὸ ὅλον ὄρθος ... τῶν γὰρ ἀγρίων δένδρων συλλέγοντες τοὺς καρπούς, αὐτοσχέδιον ἑαυτοῖς παρετίθουν τὴν τράπεζαν, πλὴν εἰ μὴ που πλοίου ποθὲν ἐποκείλαντος, εὐχῆς χάριν παρέβαλλόν τινες. Τοῦτο γὰρ εἴθιστό τις ἐκ πολλοῦ, οἷς καὶ τῶν ἐξ ἔθους ἐπικομιζομένων μεταδίδοντες, οἷον σίτου, ἢ κέχρου εἰ τύχοι, ἢ τινος ἄλλου τῶν σπερμάτων, τῶν παρ' ἐκείνοις ἀντελάμβανον ὠπαρῶν· οὐκ ἔσαε δὲ τοῦτο, οὐδ' ἀδεῶς ἐπράττετο, ἀλλὰ σπανίας καὶ παρατετηρημένως καὶ σὺν φόβῳ διὰ τὴν ἀπὸ τῶν ἀθέων τὸ τηνικαῦτα Κρητῶν ἐπικειμένην καταδρομὴν».

II

Ἐρημικὸν οἱ τότε τοῦ ὄρους μοναχοὶ καὶ ἀκοινώνητον, ὡς εἶδομεν, ἔχοντες βίον, πότε καὶ πῶς καὶ τίνος ἕνεκεν ἠθροίζοντο, καὶ ποῦ τὴν σύνταξιν ἐποίουν; •[III/1 263]•

Ἐκ τοῦ βίου τοῦ αὐτοῦ πατρός.

«Ἡ σύναξις δὲ (δεῖ γὰρ ἴσως ποθοῦσιν ὑμῖν καὶ τὴν ταύτην τελετὴν ἣτις ποτέ ἐστι, διαγράψαι) αἰτίαν μὲν τὸ κοι-

νονικὸν καὶ φιλάλληλον ἔσχε διὰ τὸ πάντῃ τῶν ἐκεῖσε μοναδικὸν τε καὶ ἀκοινόνητον. ἐτελείτο δὲ τῇ τῶν γερόντων συνελεύσει τρεῖς τοῦ ἐνιαυτοῦ πάντων ἐν τῇ τῶν Καρεῶν οὕτῳ λεγομένη Λαύρα συνιόντων, καὶ τὰς συνήθεις τρεῖς ἐπιτελούντων ἑορτάς, ἐπὶ τε τὸ κοινῇ τῶν θείων τυχεῖν ἁγιασμάτων, καὶ ἀλλήλοις ἀλῶν κοινωνῆσαι».

III

Αἱ ἄνωθεν μαρτυρίαι συμφωνοῦσι τοῖς βασιλικαῖς γράμμασι, Βασιλείου, Λέοντος, καὶ Πορφυρογεννήτου καὶ Ῥωμανοῦ καὶ τῶν υἱῶν αὐτοῦ, καὶ τῷ Πρακτικῷ Θεσσαλονίκης περὶ διαχωρισμοῦ τῶν ὁρίων Ἀθωνιτῶν μοναχῶν καὶ τῶν οἰκητόρων τοῦ κάστρου Ἱερισσοῦ, ὅτι οἱ μοναχοὶ εἶχον τὰς εὐτελεῖς αὐτῶν σκηνάς, ὡς διάφορα σκηνώματα οἰκοῦντες ἐν ἡσυχίᾳ καὶ ἐρημίᾳ. Ὅθεν καὶ ἡσυχαστὰς ἐρημίτας αὐτοὺς γράφουσι τὰ βασιλικά εἰρημένα γράμματα. Ὅρῳμεν λοιπόν, πρῶτον, ὅτι ὁ ὅσιος Ἀθανάσιος ἐλθὼν ἐν τῷ ὄρει ἐπεριτριγύρισεν αὐτό, καὶ ἐστοχάζετο τοὺς ἐν τούτῳ οἰκοῦντας τότε ὀλίγους μοναχοὺς· δεύτερον, ὅτι οἱ ὀλίγοι οἱ τοῦτοι μοναχοὶ εἶχον ἀγωγὴν τραχυτάτην καὶ βίον ἐρημικὸν καὶ ἀπράγμονα· τρίτον, ὅτι οὔτε ἔσπερον τι καὶ ἐγεώργουν, οὔτε ἐθέριζον, οὔτε εἶχον γένος τι ζώου οὐδενὸς εἰς τὰς χρείας αὐτῶν· τέταρτον, ὅτι οἰκοδομὴν τινα ναοῦ, ἢ οἴκου ἐκ λίθων οὐκ εἶχον, πλὴν ἑνὸς ναοῦ στενοτάτου ἐν Καραις, εἰς ὃν ἠθροίζοντο τρεῖς τοῦ ἐνιαυτοῦ, τῶν Θεοφανίων, τὸ Πάσχα καὶ τῇ 15

αὐγούστου. διὸ καὶ ἐδέοντο τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου, νὰ παρακινήσῃ τὸν φίλον τοῦ Λέοντα τὸν μάγιστρον, νὰ αὐξήσῃ τὸν ναὸν τοῦτον τὸν ἐν Καραις, ὡς μικρὸν πολλὰ καὶ μὴ χωροῦντα οὔδε τότε ὀλίγους ἐν ταῖς συνάξεσι. τὰ δὲ οἰκήματα τούτων ἦσαν εὐτελεῖς καλύβαι ἐκ ξύλων, σκεπασμένα μὲ χόρτα· πέμπτον, τροφὴν εἶχον ἄσκευον καὶ ἀπέριπτον ἐκ τῶν ἀγρίων δένδρων ὁπώρας. Ὅθεν καὶ ἡ τράπεζα αὐτῶν αὐτοσχέδιος, σπανίους δὲ συνέβαινε καὶ μετὰ φόβου νὰ ἐλθῶσι τινὲς φέροντες σίτον, ἢ ἄλλα σπέρματα, νὰ τὰ ἀλλάξωσι μὲ ἀγρίων δένδρων καρπούς· ἕκτον, ὅτι οἱ τότε •[III/1 264]• οἰκοῦντες τὸ ὄρος μοναχοὶ εἶχον βίον πάντῃ μοναδικὸν ἀκοινόνητον. καὶ διὰ ταῦτα ἐποιοῦν τὴν σύναξιν, διὰ νὰ μεταλαβῶσι κοινῶς τῶν ἀχράντων μυστηρίων καὶ νὰ φάγωσι ἐν μία τραπέζῃ. Τοῦτον τὸν βίον εἶχον καὶ τὴν διαγωγὴν ἄχρι τῆς βασιλείας Ἰωάννου Τζιμισχῆ, ὡς φαίνεται σαφέστατα ἐκ τῆς κατὰ τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου ἀγωγῆς πάντων τῶν μοναχῶν τοῦ ὄρους διὰ τὴν παρὰ τοῦ βασιλέως Νικηφόρου τοῦ Φωκᾶ γενομένην οἰκοδομὴν τῆς Λαύρας. Ἐν ὅσῳ ἔζη ὁ Νικηφόρος, φοβούμενος ἡσυχάζον· τούτου δὲ θανατοθέντος καὶ τοῦ Τζιμισχῆ λαβόντος τὴν βασιλείαν, εὐθέως ἀπῆλθον εἰς τὸν βασιλεῖα ἐγκαλοῦντες τὸν ὅσιον, ὅτι τὴν ἀρχαίαν τάξιν τῆς ζωῆς αὐτῶν ἀνέτρεψε, καὶ ἔκτισε μοναστήριον, καὶ ἐποίησεν οἰκοδομὰς καὶ τεῖχη, καὶ ἔφερε ζῶα, καὶ ἐφύτευσεν ἀμπελῶνας καὶ κήπους, καὶ τὰ ἐξῆς, καὶ ἐζήτουν κατασκαφῆναι καὶ ἐρημοθῆναι πάσας ἐκεῖνας τὰς

οικοδομάς. ἀπολογηθέντος πρὸς ταῦτα τοῦ ὁσίου καὶ ἀποδείξαντος ἐνώπιον τοῦ βασιλέως, ὅτι ὁ κοινωνικὸς βίος τοῦ ἐρημιτικοῦ κρείττων ἐστί, ἤρесе τῷ βασιλεῖ ἡ γνώμη τοῦ Ἀθανασίου, καὶ ἐγένεε συμμέτοχος τοῦ κτητορικοῦ δικαίωμάτος εἰς τὴν Λαύραν, δούς ἴδιον χρυσόβουλλον, καὶ διορίσας ἔλεος, ὅσον καὶ ὁ Νικηφόρος, καὶ κτίσας ὡς ἀκρόπολιν τῆς Λαύρας τὸν μέγαν πύργον καὶ ὀχυρὸν τοῦ ἁγίου Στεφάνου. Ταῦτα ἰδόντες οἱ μοναχοὶ ἐρημιῖται ἐκλιναν εἰς τὸν Ἀθανάσιον τὸν αὐχένα, συγχώρησιν ζητήσαντες, ἐποίησαν αὐτὸν ὁδηγὸν καὶ ποιμένα, καὶ ἤρξαντο ἔκτοτε οἰκοδομεῖν μοναστήρια, καὶ ναοὺς καὶ εὐκτηρίους οἴκους, καὶ καταλιμπάνειν τὰς καλύβας, ὡς ἐν τῷ βίῳ τοῦ Ἀθανασίου φαίνεται. ὅτι οὐκ ἦσαν ἄχρι τοῦ καιροῦ τούτου ὀνομασίαι ἐν τῷ ὄρει ἄλλαι προγεγονότων μοναστηρίων, πλὴν τῆς βασιλικῆς Λαύρας τῶν Μελανῶν, τῆς τότε κτισθείσης, μάρτυς τὸ Τυπικὸν τοῦ ὄρους, ὁ καλούμενος Τράγος, διότι εἶναι γεγραμμένον εἰς δέσματα τράγων. Ἡ αἰτία τούτου τοῦ τυπικοῦ ἐστάθη εἰς τὸ νὰ παύσῃ τὰ τρέχοντα σκάνδαλα μεταξὺ τῶν μοναχῶν κατὰ τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου καὶ τῆς Λαύρας· ἐδίδωρiscen ὁ Τζιμισχῆς τὸν καθηγούμενον τῆς μονῆς τῶν Στουδίων Εὐθύμιον, καὶ ἦλθεν εἰς τὸ ὄρος, καὶ ἐσύναξε πάντας τοὺς μοναχοὺς καὶ ἐξέθετο τοὺς ἀκολουθοῦς νομοὺς κατὰ κοινὴν πάντων ἀρέσκειαν. •[III/1 265]•

IV

Πρῶτον τυπικὸν τοῦ ἁγίου ὄρους, γεγονὸς περὶ τὸ 970 σωτήριον ἔτος,

τὸ δεύτερον ἢ τρίτον ἔτος τῆς βασιλείας Ἰωάννου Τζιμισχῆ, καὶ ἐπικυρωθὲν παρ' αὐτοῦ.

[Οἱ ἐνασκοῦμενοι ἐν τῷ ὄρει]* τοῦ Ἀθω εὐλαβέστατοι μοναχοί, ὅτε Ἀθανάσιος ὁ εὐλαβέστατος μοναχὸς καὶ Πρῶτος τοῦ ὄρους, [καὶ Παῦλος ὁ εὐλαβέστατος μοναχὸς] ἐν τῇ θεοφυλάκτῳ γενόμενοι πόλει κατενώπιον τοῦ φιλαγάθου βασιλέως ἡμῶν [παραστάντες] εἶπον· σκάνδαλά τινα καὶ φιλονικείας ἐφ' ἱκανοὺς χρόνους γίνεσθαι μεταξὺ αὐτῶν τε καὶ Ἀθανασίου τοῦ εὐλαβεστάτου μοναχοῦ τοῦ τῆς βασιλικῆς Λαύρας, τῆς οὕτω λεγομένης τὰ Μελανά, καθηγουμένου, ὡς ὅτι περικόπονται τινες** ἔλεγον δὲ μηδεμίαν μηχανὴν περινοηθῆναι εἰς τὸ ταῦτα διαλυθῆναι καὶ εἰρήνην βραβευθῆναι αὐτοῖς. Ἐνθεν ὁ θεοστεφής καὶ κραταιὸς βασιλεὺς ἡμῶν, ὡς ὑπὸ τοῖς [τοῦ Υἱοῦ τοῦ] Θεοῦ νόμοις ζῶν, καὶ φυλαττόμενος ὑπ' εὐθύτητος διὰ φροντίδος τιθέμενος τὸ εἰρηνεύειν τοὺς μοναχοὺς, καὶ τὸν εἰρηνικὸν καὶ γαλήνιον βίον βιοτεύειν [εἰ περ τινὰς] καὶ μὴ πρὸ ὑπὸ κοσμικὸν ἄγεσθαι κριτήριον, μηδὲ παρὰ ἀρχοντικῶν προσώπων τὰ κατ' αὐτοὺς διεξετάζεσθαι, καὶ τὰ ὑπ' ἐνίων

* Что напечатало здесь разгонисто, того нет в списке Афоно-Павловского монастыря, переписанном с подлинника в 1784 году. Значит, все эти слова изгладилась в этом подлиннике, или не разобрал их переписчик. — Прим. П.К.: Разреженный шрифт заменен квадратными скобками.

** Видя эти точки, знай, что в подлинном уставе этом, с которого списана Филофеевская рукопись, изгладилось несколько слов.

κατ' αὐτῶν λεγόμενα τοῖς πολλοῖς ἔκφορα γίνεσθαι. ἄλλως τε δέ, καὶ διὰ τὸ τὰ τῶν μοναχῶν τοῖς κοσμικοῖς μὴ διὰ βάθους [δυνάμενα] ἰκέσθαι. ἀλλὰ γὰρ τὰ τῶν μοναχῶν ἦθη, αἱ τε διαφοραὶ καὶ ἐγκλήσεις, καὶ αἱ κατ' αὐτῶν ἀποφάσεις, διωρίσατο τῇ ἡμῶν μετριότητι ἐπὶ τοῦτο πιττακίου γενέσθαι, καὶ ἀμφοτέρωθεν τὰ μέρη ἐνῶσαι, καὶ τὰ παρ' αὐτῶν ἐναγόμενα ἐνωτίσασθαι, καὶ τὴν οἰκοῦσαν τοῖς πράγμασι διόρθωσιν συνεπιβαλέσθαι ἡμᾶς, κατὰ τὴν τῶν θείων κανόνων εἰσήγησιν. Καὶ δὴ γενομένων ἡμῶν ἐπιτοπίως, συμπαρόντων ἀμφοτέρων τῶν διαδικαζομένων μερῶν, τῶν τε ἡγουμένων ἀπάντων τοῦ ὄρους συνεδριαζόντων • III/1266 • ἡμῖν, πάσης τε τῆς τῶν ἀδελφῶν συνάξεως συμπαρούσης· τῶν τε πράγματων κινηθέντων καὶ δοκιμασθέντων δι' ἀκριβοῦς ἐρεῦνης μέχρι μίας ἡμερῶν ἑβδομάδος, εὐρέθη κατὰ πᾶσαν ὑπόθεσιν ἀμφοτέρωθεν τὰ μέρη ἀνεύθυνα, εἰ καὶ παράδοξόν πως τὸ λεγόμενον τῷ μὴ βαθέως καὶ πνευματικῶς ἐπιστῆσαι δυναμένῳ τοῖς πράγμασιν. ἢ γὰρ προχωρήσασα μεταξὺ αὐτῶν διαφορὰ ἐκ σατανικῆς ἐνεργείας συμβεβηκέναι διέγνωσται. Ἐντεῦθεν εἰρήνη βαθεῖα καὶ ἀστασία· στος ἐπεβραβεύθη αὐτοῖς τῇ τοῦ Θεοῦ συνεργείᾳ καὶ χάριτι, πάντων τῶν ἀμφισβητούμενων διαλυθέντων. Ἐπὶ τούτοις καὶ ἄλλας τινὰς ὑποθέσεις εὐρηκότες διορθώσεως ἐπιδεομένας κατὰ τὸ ἡμῖν ἐγχωροῦν καὶ τὸ τοῖς θείοις κανόσι παριστάμενον ἀκριβές, τὴν διόρθωσιν ἐποιήσαμεθα. Ἐτέρους τέ τινὰς τῶν μοναχῶν κατ' ἀλλήλων ἀμφισβητήσεις καὶ δίκας ἔχοντας

εὐρηκότες διελύσαμεν, τούτους εἰρηνοποιήσαντες. Ἐπιστήσαντες δὲ τοῖς πράγμασιν ἀκριβέστερον εὐρομεν καὶ ἐκ τῶν συνάξεων σκάνδαλά τινα, φιλονεικίας τε καὶ ζιζάνια ἀναφύεσθαι. Ἐπεὶ οὖν τὰς συνάξεις ἕνεκα τινὸς ὠφελείας ἀδελφῶν καὶ παρακλήσεως παρὰ τῶν ἐπινοησάντων γινώσκομεν ἐπινενοῆσθαι, συνέβαινε δὲ ταύτας εἰς τὸ ἐναντίον προβαίνειν, συνευδοκῆσαι καὶ συνωκονομήσαμεν κοινῇ γνώμῃ καὶ αἰτήσῃ καὶ θελήσῃ πάντων τῶν συνεδριαζόντων ἡμῖν εὐλαβεστάτων μοναχῶν καὶ ἡγουμένων (ὧν τὰ ὀνόματα καὶ αἱ ὑπογραφαὶ ἐν τῷ τέλει τοῦ Τυπικοῦ διασημαίνονται), τὰς δύο συνάξεις ἀποκοπῆναι, τοῦ τε Πάσχα καὶ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως, καὶ ἅπαξ τοῦ ἐνιαυτοῦ κατὰ τὴν σεβασμίαν ἑορτὴν τῆς ἀχράντου Θεοτόκου καὶ Θεομήτορος ἐπισυνάγεσθαι αὐτοὺς καὶ ποιεῖν τὴν σύναξιν, φυλάττεσθαι καὶ τὴν ῥόγαν* μέχρι τῆς ἡμέρας ἐκείνης. εἰσηγούμεθα οὖν, κατὰ τὴν ὀρισμένην ἑορτὴν, ἔρχεσθαι τὸν Πρῶτον μετὰ μαθητῶν τριῶν καὶ μόνον, τὸν δὲ εὐλαβεστάτον Ἀθανάσιον καὶ καθηγούμενον τῆς μεγάλης Λαύρας μετὰ δύο, καὶ τὸν μοναχὸν Παῦλον μεθ' ἑνὸς**, τοὺς δὲ λοιποὺς ἡγουμένους, κελλιῶτας καὶ

* Ῥογαν καλεῖ τὸ ἐκ διαφόρων προσώπων συναθροιζόμενον ἕλεος, καὶ ἔπειτα διανεμόμενον πρὸς πάντας τοὺς δεηθέντας ὑπὲρ τῶν ἐλεησάντων, ὡς ἐν τῷ κζ' τύπῳ τοῦ παρόντος τυπικοῦ σαφέστερα φαίνεται.

** Παῦλος ὁ μοναχός, ἀνὴρ ἐπίσημος, ὡς φαίνεται, ἔχων τὰ δευτερεῖα Ἀθανασίου. Οὗτος ἐν τῷ βίῳ τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου Ξηροποταμηνὸς λέγεται. οὐχ ὑπογράφεται ἡγούμενος κατοθέν, ἀλλὰ Παῦλος μοναχός καὶ πρεσβύτερος.

ήσυχαστὰς ἅπαντας •[III/1 267]• ἄνευ ὑπουργῶν συνάγεσθαι. ἐπειδὴ, ὡς εὐρήκαμεν, ἐκ τῶν ὑπουργῶν αἱ ἀταξίαι καὶ αἱ φιλονεικεῖαι ἐγίνοντο ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖστον*. Ἡμεῖς μὲν κατὰ τὸ ἐνόν, ὡς ἡμῖν δοκεῖ, τρόπον ἰάσεως περιενοησάμεθα, ὅπως καὶ τὸ τῆς εὐλαβείας σεμνὸν περινοηθεῖ τῷ τῶν μοναχῶν ἀμφοτέροις μέρεσι, καὶ εἰρηναῖα κατάστασις καθόλου κυρωθεῖ εἰς τὸ μὴ στασιάζειν αὐτούς, μήτε σχίσματα ἢ, μήτε εἰς τὸ ἐξῆς πρόσκομα γίνεσθαι τοῖς κοσμικοῖς, καὶ μάλιστα τὰς θείας ἐνοχλεῖν ἀκοὰς τοῦ φιλευσεβοῦς καὶ κραταιοῦ βασιλέως ἡμῶν. Εἰ δέ γε τοῦ καιροῦ προϊόντος τελεία κατάστασις γένηται τῇ τοῦ Θεοῦ συνεργείᾳ καὶ χάριτι, βουλευθῶσι δὲ κοινῇ γνώμῃ πάντες καὶ ἕτεραν σύναξιν γίνεσθαι, χαίρομεν ἐπὶ τούτῳ καὶ ἡμεῖς καὶ ἀγαλλιώμεθα· πλὴν παρακαλοῦμεν δηλοποιηθῆναι καὶ ἡμῖν διὰ γραφῆς αὐτῶν, ἵνα μὴ παρείδουσιν λάβωσι καταλύειν τί ἐκ τοῦ Τυπικοῦ. Εἰσηγητέον οὖν ὑμῖν καὶ τύπους φυλάττεσθαι τοιοῦς δέ, οἳ καὶ Θεῷ εὐάρεστοι, ὡς οἶμαι, νομισθήσονται, καὶ τῷ φιλαγάθῳ βασιλεῖ ἡμῶν εὐαπόδεκτοι, καὶ τῷ ἀσκητικῷ βίῳ ἐπιτήδαιοι καὶ τῇ γνώμῃ πάντων καὶ κρίσει ἐκτεθέντες τῶν ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἄθω καθηγουμένων.

* Ὅρα, ὅτι οἱ ἡγούμενοι ἦσαν κελλιῶται καὶ ἡσυχασταί, ἀλλ' οὐ καθηγούμενοι μονῶν, ἢ Λαύρων. Τὸν δὲ Παῦλον, μοναχὸν λέγει καὶ οὐ ἡγούμενον μονῆς τινος ὀνομαστής, συνάγεται δὲ ἐκ τῆς συνεπειᾶς τοῦ λόγου, ὅτι ἦν ἐκ τῶν κελλιωτῶν, ἢ τῶν ἡσυχαστῶν ἡγουμένων, καὶ εἶχεν ὑπουργοὺς εἰς ὑπακοὴν αὐτοῦ. ὅθεν καὶ μεθ' ἐνὸς ὑπουργοῦ ἔρχεται ἐν τῇ συνάξει γράφει.

ΤΥΠΟΣ

(α.) Χρῆναι τοιγαροῦν ὑπειλήφαμεν, ὡς εἶγε ἄρα τι συμβαίη δεόμενον ἐπιδιορθώσεως ἐπὶ τὸ κοινόν, εἴτε ἰδικῶς εἰς πρόσωπόν τινος ἔχον ἀδελφοῦ τὴν ἀναφορὰν τὸ ἐπισυμβαῖνον ἐλάττωμα, ἐκτὸς εἰδήσεως τοῦ Πρώτου μὴ ἔχειν ἐπ' ἀδείας τινὰ τῶν ἡγουμένων ἐπανακρίνειν, ἢ διορθοῦσθαι τοῦτο, ἢ ἐπιτιμᾶν, ἢ κατὰ τοῦ ἐπταικότος ἀποφαίνεσθαι· μήτε δὲ πάλιν τὸν Πρώτον ἔχειν ἐπ' ἐξουσίας, ἄνευ συνελεύσεως τῶν ἡγουμένων τοῦ ὄρους, βουλῆς τε καὶ γνώμης αὐτῶν ποιεῖν τι τῶν μὴ ἀρεσκόντων αὐτοῖς, εἰ καὶ μάλιστα ἐπὶ λυσιτελείᾳ τοῦ κοινοῦ, εἴτε τινὸς ἄλλου ἰδικοῦ προσώπου τὸ γινόμενον δόξειε.

(β.) Τοὺς ἐν ἑτέροις ἀποκειρομένους μοναστηρίοις, εἴτα ἐκεῖθεν ἐξερχομένους, καὶ τὸ σεμνὸν τοῦτο ὄρος καταλαμβάνοντας καὶ ἀξιουμένους ὑποδοχῆς, •[III/1 268]• δίκαιον ἡγούμεθα καὶ βουλόμεθα, μὴ ἐξουσίαν ἔχειν αὐτούς, μήτε ἀγροὺς ὄνεισθαι, μήτε τόπους ἀδεσπότης κατακρατεῖν ἐξ οἰκείας αὐτῶν ὁρμῆς καὶ θελήσεως, μήτε κελλίου ἐπιστατεῖν, ἄνευ τῆς διακρίσεως καὶ ἐπιτροπῆς τοῦ Πρώτου καὶ τῶν ἡγουμένων.

(γ.) Προσῆκει πάντας τοὺς πρὸς ἡμᾶς ἀφικνουμένους καὶ ἐπαγγελλομένους τὴν μοναχικὴν κουρὰν ἀναδέχεσθαι, ὑποδοχῆς μὲν τυγχάνειν· τούτους παρὰ πᾶσι τοῖς ἡγουμένοις, καὶ μηδαμῶς ἔξω τῆς πνευματικῆς συγχωρεῖσθαι μάνδρας, μὴ μέντοι καὶ ἀποκεῖρειν αὐτοὺς ἐκ τοῦ παραχωρήμα, ἄχρις ἂν τῷ ἐκκλησιαστικῷ κανόνι παραμείναντες ἐπὶ ἐνιαυτὸν ἓνα τὰ μοναχικὰ παιδευθῶσι,

καὶ βέβαιον ἐπιδείξονται τὸν λογισμὸν αὐτῶν καὶ ἀσάλευτον, καὶ δεικνυμένων αὐτῶν τοιούτων τότε τῇ κρίσει τοῦ ἡγουμένου τούτους τὸ σχῆμα τῶν μοναχῶν ἀμφιέννυσθαι. Εἰ δὲ προσέλθοι κατὰ περιστάσιν, ἢ κατὰ τινα τρόπον ἄλλον, οὐκ ἔστι δὲ τῶν ἐνδεχομένων ἐκδέξασθαι αὐτὸν τὸν ἐνιαυτόν, ἀλλ' ἀπαιτεῖ παρευθὺς ἀποτάξασθαι τὸν προσιόντα, τοῦτο εἰς τὴν τοῦ ἡγουμένου κρίσιν ἀνατιθέμεθα. Αὐτὰ δὴ ταῦτα καὶ εἰς τὸν διὰ τινα ἀσθένειαν ἐπειγομένον τοῦ κουρευθῆναι, καὶ τὸ μοναδικὸν ἐνδύσασθαι σχῆμα προαφούμενον προτρεπόμεθα, ἵνα μὴ φθάσας ὁ θάνατος, πρὸ τοῦ ὀρισμένου καιροῦ, ὃν ἐξεθέμεθα, ἐπελθεῖν τοῦ βίου τοῦ δέ, αὐτὸν μεταστήσειε.

(δ.) Δεῖ τὸν προσερχόμενον κοσμικόν τινι τῶν ἡγουμένων, εἴτε προσκαρτεροῦντα ἑξαμηνιαῖον χρόνον, εἴτε καὶ ἐνιαυτόν, ἀπαρεσκόμενον διὰ τινας προφάσεις καὶ εὐλογοφανεῖς αἰτίας τοῦ μὴ ὠφελῆσθαι αὐτόν, εἰς ἕτερον ἡγούμενον πνευματικὸν παραδίδοσθαι, ὃν ἂν αὐτὸς ἐκλέξηται, μαρτυρούμενον δηλονότι καὶ παρ' ἄλλων προσώπων ἀνεπίληπτον εἶναι καὶ ἱκανὸν ψυχὰς ὠφελεῖν μὴ ἐξεῖναι δὲ αὐτῷ ὑποχωρεῖν, ἄνευ προτροπῆς, εἰδήσεως τε καὶ παραθέσεως τοῦ προηγησαμένου, ἀλλὰ τῇ βουλῇ αὐτοῦ καὶ γνώμῃ παραδίδοσθαι εἰς ὃν ἂν ἡρετίσατο.

(ε.) Εἴ τις μοναχὸς εὐλόγως ἀπαρέσκεται τοῦ συνδιαγείν τῷ ἡγουμένῳ αὐτοῦ, διὰ τινας αἰτίας βλάβος προξενούσας τῇ ψυχῇ αὐτοῦ, εἰ καὶ τάχα
 •[III/1 269]• ἀπ' αὐτοῦ τὸ μοναχικὸν σχῆμα εἴληφεν, ἀλλ' οὖν εὐρίσκει ἕτερον

ἡγούμενον καὶ γνώμῃ καὶ βουλῇ καὶ προτροπῇ τοῦ προηγησαμένου πατρὸς παραδίδοσθαι αὐτόν, μὴ ἐξεῖναι δέ τινι τῶν ἡγουμένων παρεγγνώμεθα ἑτέρου ἡγουμένου μαθητὴν δέξασθαι ἄνευ τῆς τοῦ ἡγουμένου αὐτοῦ εἰδήσεως. εἰ δέ τις φωραθεῖ ἀνδραποδίζων τὸν τοιοῦτον μαθητὴν, μὴ παραδίδοσθαι αὐτόν τῷ τοιούτῳ.

(ζ.) Εἴ τινι τῶν ἡγουμένων ἔτι περιόντι αἰρετὸν κατάφανείῃ πωλεῖν ἢ χαρίζιν ἰδίων ἀγρόν, ἢ καὶ διαπέμπειν ἐν ᾧ ἂν βούληται πρῶσῳ, ἢ καὶ μετὰ τὴν ἐντεῦθεν τοῦ βίου ἐκδημίαν τὰ αὐτὰ διατάττεσθαι περὶ τῶν αὐτῷ διαφερόντων, ἐξεῖναι αὐτῷ μετὰ πάσης ἀδείας τῇ ἰδίᾳ δεσποτείᾳ καὶ ἐξουσίᾳ κεχρῆσθαι προτρεπόμεθα, καὶ μηδαμῶς κωλύεσθαι. εἰ δὲ πρὸς τὸν μαθητὴν αὐτοῦ θελήσει καταπέμψαι τὴν τοῦ τοιούτου ἀγροῦ δεσποτείαν καὶ κυριότητα, ἔξεστιν αὐτῷ καὶ τοῦτο διαπέμπεσθαι, καὶ μὴ παρὰ τινος ἐμποδίζεσθαι.

(ζ.) Εἴ τις τῶν ἡγουμένων τοῦ ὅρους μέλλων τελευτᾶν καταλείψει τινὶ τῶν ἐπιτρόπων τὸν ἀγρόν αὐτοῦ εἰς τὸ καλῶς καὶ θεαρέστως διοικῆσαι τὰ περὶ αὐτοῦ καὶ οἰκονομήσασθαι, μὴ ἐξεῖναί τινι αὐτῶν ἐξουσίαν ἔχειν προσκυροῦν τὸν τοῦ τελευτῶντος ἀγρόν μήτε ἐν τῇ μεγάλῃ Λαύρᾳ, μήτε ἐν ἐτέρῳ, μήτε ἐν ἀλλοτρίῳ ἀγρῷ, μήτε ἐν ἰδίῳ, ἀλλὰ πιπράσκεσθαι ἢ χαρίζεσθαι εἰς ἀξίολογον καὶ εὐλαβὲς πρόσωπον, εἴ γε ἄρα φαίνοιτο μὴ ἔχειν ἀγρόν ἕτερον, ὡσαύτως καὶ τὰ ἀπὸ χαριστικοῦς διδόμενά τισι, κατὰ τὸν ῥηθέντα ὅρον τηρεῖσθωσαν ἀπὸ τοῦ παρόντος.

(η.) Ὅσοι ἀπὸ τῶν ἰδίων ἡγουμένων ὑποχωροῦντες οὐ προαιροῦνται εἰσελθεῖν ἐν ὑποταγῇ πατρὸς κατὰ τὸ παρ' ἡμῶν ἐκτεθὲν τυπικόν, ἀλλὰ βούλονται θρασέως καὶ ἀπαιδεύτως τὸ ὄρος ἅπαν περιῖεναι καὶ μισθαρνεῖν, οὗτοι καὶ ἅπαξ καὶ δις καὶ πολλάκις παραινέσθωσαν, καὶ εἰ μὴ βούλονται πειθαρχεῖν τοῖς ἐπὶ τῷ συμφέροντι αὐτῶν λέγουσιν, ἄκοντες καὶ μὴ βουλόμενοι πνευματικοῖς πατράσι παραδεδόσθωσαν.

•[III/1 270]•

(θ.) Ἐντελλόμεθα καὶ παραινῶμεν, ὥστε μὴ ἐξεῖναι τινι κατὰ τὸν ἀρχαῖον τῶν ἀγίων πατέρων ὅρον θεατριζεῖν ἢ ἐκπομπεύειν διαλογισμούς τινων καὶ ἐξομολογήσεις· εἰ δέ τις τοῦτο ποιῶν φωραθῇ, ὅποιος ποτ' ἂν εἴη, τοῖς τῶν κανόνων ἐπιτιμίαις ὑποκεῖσθω.

(ι.) Ὅσοι τῶν ὑποτακτικῶν πνευματικοὶ καὶ ἀσκητικοὶ ἔφθασαν γεγενῆσθαι διὰ τῆς τῶν ἀρετῶν ἐργασίας, καὶ οἱ ἡγούμενοι αὐτῶν κρίνουνσιν ἱκανοὺς εἶναι πρὸς τὸ τῆς ἡσυχίας ἀποδύσασθαι στάδιον, συνεπιτρέπομεν καὶ συνευδοκοῦμεν καὶ ἡμεῖς τούτους κατὰ μόνας καθῆσθαι, καὶ κατὰ τὴν ἀρέσκειαν καὶ κρίσιν τῶν ἡγουμένων αὐτῶν ἀσκεῖσθαι.

(ια.) Περὶ τῶν εἰσερχομένων ἀγνώστων ἱερέων εἰσηγητέον ὥστε μὴ ἔχειν ἐξουσίαν αὐτοὺς ἱερουργεῖν, μήτε ἰδίᾳ μήτε κοινῇ τῆς θείας κατατολμᾶν λειτουργίας, ἐκτὸς συστατικοῦ γράμματος τῶν ἐπισκόπων αὐτῶν, ἢ βεβαίας μαρτυρίας καὶ ἀληθοῦς.

(ιβ.) Παραινῶμεν δὲ καὶ τοῦτο, κατὰ τὸν καιρὸν τῆς ἀγίας τεσσαρακοστῆς, πάντας τοὺς τε κατὰ μόνας ἀσκούντας,

καὶ τοὺς ἐν τῷ κοινῷ, ἐν ἡσυχίᾳ καθεζεσθαι, καὶ μὴ παραβάλλει ἕτερον τῷ ἑτέρῳ ἐκτὸς εὐλόγου προφάσεως, ἢ ἀνάγκης κατεπειγούσης, ἢ καὶ περὶ θεραπείας τῶν πονηρῶν καὶ αἰσχυρῶν λογισμῶν. ἔτι μὴν μηδενὶ ἐξεῖναι τῶν ἡγουμένων κατὰ τὰς ἀγίας ταύτας ἡμέρας ἐργατείας ποιεῖν, πλὴν ἐν τοῖς σάββασιν, ἢ ἄλλοτι, ἐκτὸς τῶν πνευματικῶν ὁρᾶσθαι ἐπιτηδεύοντα. Πρὸς τούτοις ἰχθύων μετάληψις ἐν ταῖς ἀγίαις ταύταις ἡμέραις τὸ καθόλου μὴ ἐξέστη ὑμῖν, ἐκτὸς τῆς σεβασμίας ἐορτῆς τοῦ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου εὐαγγελισμοῦ, καὶ ἀσθενείας τινὸς ἐνοχλοῦσης.

(ιγ.) Ὅσοι τῶν μοναχῶν ἀγροὺς κτησάμενοι πωλοῦσιν αὐτοὺς, εἴτα πάλιν ἄλλους ὠνούμενοι αὐθις μεταπιπράσκουσι φυλαργυρίας ἔνεκα καὶ αἰσχροκερδείας, •[III/1 271]• οὐ παραιτούμενοι καπηλικῶς ἐμπορεύεσθαι, τούτους εἰργεσθαι τῆς τοιαύτης ψυχοβλαβοῦς ἐμπορείας παντὶ τρόπῳ διεντελλόμεθα, ἢ πάντῃ ἐξελαύνεσθαι τοῦ ὄρους, δηλαδὴ μὴ διορθουμένους μετὰ μίαν καὶ δευτέραν νουθεσίαν, μηδὲ ἀπὸ τῆς πονηρᾶς ὁδοῦ ἐπιστρέφοντας.

(ιδ.) Μηδενὶ συγχωρεῖσθω τῶν ἀδελφῶν τοῦ ὄρους ἐξέρχεσθαι, καὶ συντεχνίας ἢ ἀδελφοποιήσεις ποιεῖν μετὰ κοσμικῶν, καὶ εἰ προλαβόντως τινὲς τοοῦτόν τι κατεπράξαντο, μηκέτι εἰς τοὺς οἴκους αὐτῶν ἀπιέτωσαν, ἢ συναριστευέτωσαν, ἢ συνδειπνήτωσαν, ἢ ὅλως μετ' αὐτῶν συμποσιαζέτωσαν.

(ιε.) Περὶ τοῦ οἴνου διοριζόμενα γνώμη κοινῇ καὶ προτρεπόμεθα. Ἐπειδήπερ αἶρετόν ὑμῖν τοῦτο κατεφάνη, τὸ

πρακτέον εισηγήσασθαι· μηδένα τολμᾶν ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ τοῦ Ζυγοῦ καὶ ἐνδοτέρῳ ἐπὶ τὸ ὄρος τοῦτον εἰς κοσμικοὺς πιπράσκειν, ὡς ἐκ τούτου συγχωρεῖσθαι τοὺς ἔξωθεν ἐπιχωριάζειν τοῖς μοναχοῖς πυκνότερον, καὶ τῆς βιωτικῆς λύμης τούτους ἀναπληροῦν. ἀλλ' εἰ καὶ περιττεῖον τί γεωργεῖη τις, τοῦτο μοναχοῖς πιπρασκέτω, καὶ παρὰ τῶν ὠνουμένων, ὁ μὴ ἔχει, ἀντιλαμβάνετω. διὰ δὲ ἐνδεεῖς χρειῶν εἶναι τινὰς τῶν ἐν τῷ ὄρει μοναχῶν, (οὐ γάρ εἰσιν ἅπαντες ἀνελλειπεῖς), εἰ καὶ κοσμικοὶ τινες τύχειεν πρὸς τὸ ὄρος φοιτῆσαι μετὰ χρειῶν τινων, ὧν τὸ ὄρος ἐπιδέεται τὸ τηνικαῦτα διὰ τὴν ἀπαραίτητον χρεῖαν, καὶ αὐτοῖς ἀντικαταλλάτεσθαι συγχωρεῖσθαι ὁ οἶνος.

(ιζ.) Τοὺς νεωτέρους καὶ ἀγενεῖους καὶ εὐνούχους ἔνεκεν κουρᾶς τῷ ὄρει προσφοιτῶντας, παντελῶς μὴ παραδέχεσθαι παρεγγυώμεθα μετὰ πάσης ἀσφαλείας· εἰ δέ τις ἀπαραίτητος καὶ ἀναγκαῖα ἐπισυμβαίη περιστάσις, ἄνευ βουλῆς καὶ γνώμης καὶ ἐπισκέψεως τοῦ τε Πρώτου καὶ τῶν ἡγουμένων ἀπάντων τοῦ ὄρους, μηδὲν γίνεσθαι, μηδένα προσίεσθαι, μηδὲ ἀποκειρεῖν. εἰ δέ τις τῶν ἡγουμένων τῶν κελλιωτῶν καταφρονήσας τῶν τυπωθέντων εἰσαγάγῃ εἰς τὸν ἀγρὸν αὐτοῦ, ἢ εἰς τὸ κελλίον εὐνούχον, ἢ παιδίον, καὶ παραγγεληθεὶς ἅπαξ καὶ δις οὐ τὴν προσήκουσαν διόρθωσιν ἐπιδείξαιτο, τοῦτον παντελῶς τοῦ ὄρους διώκεσθαι λυσιτελεῖν ἡγούμεθα. •[III/1 272]•

(ιζ.) Ὅσοι τῶν ἀδελφῶν ιδιωταὶ μὲν ὄντες τῷ λόγῳ, πνευματικοὶ δὲ τῇ γνώσει, ἔφθασαν γεγενῆναι ἡγούμενοι,

ἐχέτωσαν ἐπ' ἀδείας κουρεῦναι τινὰς τῶν προσιόντων αὐτούς, ὥσπερ καὶ οἱ λοιποὶ τῶν ἡγουμένων, καὶ μὴ εἰργέσθωσαν. Ἐτι οὖν καὶ αὐτοὺς τοὺς ἡγούμενους μὴ γεγονότας, διὰ τὸ φθάσαι τὴν διακονίαν, ἀρπάσαι ταύτην, μὴ δυναμένους δὲ μηδὲ αὐτοὺς διακυβερνᾶν, τούτους ἐντελλόμεθα πνευματικοῖς παραβάλλειν πατράσι, καὶ τῆς παρ' αὐτῶν ἀπολαύνειν ὠφελείας διὰ τῆς τῶν λογισμῶν ἐξαγορεύσεως.

(ιη.) Εἴ τις ἐν ὑποταγῇ ὧν τινος τῶν ἡγουμένων, εἴτε ἀπὸ ξένης παραβάλλοι, θελήσει καὶ γνώμη αὐτοῦ κελλίον οἰκοδομήσειεν, μὴ ἀναπαυόμενος δὲ βουληθείη ἐκεῖθεν ὑπαναχωρεῖσαι μὴ ἐνοχλούμενος παρὰ τοῦ ἡγουμένου αὐτοῦ, λαμβανέτω τὴν ἡμισίαν τῆς ἐξόδου τοῦ κελλίου αὐτοῦ. Εἰ δὲ παρὰ τοῦ ἡγουμένου θλιβόμενος βούλεται μεταναστεῦσαι λαμβάνειν τὴν ἐξοδὸν αὐτοῦ ἀνελλιπῶς παραγγυώμεθα, εἰθ' οὕτως ὑπαναχωρεῖν. Αὐτὰ δὲ ταῦτα περὶ τε χωραφίου καὶ ἀμπελῶνος διορίζομεθα.

(ιθ.) Εἴ τις μοναχὸς εἰσελθὼν δουλεύσει τινὶ τῶν ἡγουμένων ἐπὶ ἐστιχημένῳ ἐνιαυτῷ, ἔσωθεν δὲ τοῦ ὠρισμένου καιροῦ τούτου κατολιγωρήσας ὑπαναχωρήσειεν, ἔξεσται αὐτῷ λαμβάνειν τὸν μισθὸν τῆς δουλείας αὐτοῦ. Εἰ δὲ κακουργία τινὶ χρώμενος ὁ ἡγούμενος, καὶ μετὰ δουλείαν τετραμηνιαίου, ἢ ἑξαμηνιαίου χρόνου παραθεὶς θλίψαι τὸν ἀδελφὸν ἐν τῷ καταδιώκειν αὐτὸν ἀμισθί, ἐξ ὀλοκλήρου λαμβάνει τὸν μισθὸν αὐτοῦ προτρεπόμεθα. Εἰ δὲ γε ἀντιδιατίθεται ὁ κατὰ πάθος ἀποστερῶν μὴ δίδοναι μισθὸν τῷ δουλεύσαντι,

ἐναγέτω κατ' αὐτοῦ τοῖς γέρουσι, καὶ ἀνυπαρθέτως ἀπαιτεῖσθω ὁ μισθὸς αὐτοῦ παρ' αὐτῶν ἐξ ὀλοκλήρου, καὶ τῷ ἐγκαλοῦντι διδόσθω. ὡσαύτως καὶ τὸν ἀστιχῆτως εἰσιόντα ἐν ὑποταγῇ καὶ δουλεύοντα, διωκόμενον δὲ παρὰ τοῦ ἡγουμένου, εἴτε θλιβόμενον παρ' αὐτοῦ καὶ ὑπαναχωροῦντα, λαμβάνειν ἐξ ὀλοκλήρου τὴν ῥόγαν αὐτοῦ παρὰ τοῦ ἡγουμένου ἐντελλόμεθα.

(κ.) Τὰς λεγομένας ἀγκαρίας ἐκοπῆναι προσηκόντως ἡγησάμεθα, τὰς παρὰ τῶν κελλιωτῶν πρὸς τοὺς ἡγουμένους γινομένας. ταῦται γὰρ κοσμικοῖς, οὐ •[III/1 273]• μοναδικοῖς ἐστῶσι σύμβολα. εἰ δέ τις ἐκόν τι, μὴ καταναγκάζοντάς τινος, αἶρεσθεὶς ἀφείχθαι καὶ βοήθησαί τινι, ἐν τῇ ἐξουσίᾳ τοῦ δουλεύοντος κείσθω τοῦτο.

(κα.) Τῷ τὴν μέσσην ἐπιστάσιαν ἐγκεχειρισμένῳ οἰκονόμῳ διεντελλόμεθα, ἔχειν ἐπ' ἀδείας, εἴ γε ἄρα ἐφευρίσκει τινάς, σκάνδαλα καὶ φιλονηκείας διεγείροντας, τούτους ἐξελαύνειν τῆς Μέσης, καὶ γὰρ εἴ τι παρ' αὐτῶν συμβαίῃ ζιζάνιον γίνεσθαι καὶ μὴ τὴν προσηκουσαν διόρθωσιν παρὰ τοῦ οἰκονόμου δέξεται, ἢ αἰτία εἰς αὐτὸν διαβήσεται. εἰ δὲ διὰ τινος δουλείας ἀναγκαίως εὗρεθείῃ ἀποδημῆσαι τοῦ ὄρου, καταλιμπάνειν ἀντ' αὐτοῦ ἄνθρωπον ἱκανόν, κρείττονα πάντων διευθύνοντα τοὺς μοναχοὺς πρὸς εἰρηναίαν κατάστασιν. εἰ δὲ καὶ ἔξω τῆς Μέσης συμβαίῃ σκάνδαλον κατὰ τὸ ὅρος γεγονέναι, ὀφείλειν τὸν οἰκονόμον προτρεπέμεθα συμπαραλαμβάνειν τρεῖς ἢ τέσσαρας ἡγουμένους ἐκ τῶν πλησιαζόντων τῷ τόπῳ, ἐν ᾧ τὸ σκάν-

δαλον ἐπισυμβέβηκε, καὶ δι' ἀκριβοῦς ἐρεῦνης τὴν προσηκουσαν διόρθωσιν ἐπιχορηγῆσαι τῷ πράγματι.

(κβ.) Ἐπεὶ οὖν πρὸ χρόνων τινῶν, διὰ τὴν τῶν ἐθνῶν ἐπιδρομὴν, εὗρέθη τὰ κτήνη τῆς μεγάλης μονῆς εἰς τὸ ὄρος εἰσελθόντα, εἰδήσει τῶν ἐν τῇ μεγάλῃ Λαύρᾳ προτρεπέμεθα μηκέτι τοῦτο γενέσθαι ἐκτὸς ἀνάγκης, ἢ πάλιν ἐπιδρομῆς τῶν ἐθνῶν. Τὸ αὐτὸ δὲ καὶ παρὰ τῶν λοιπῶν ἡγουμένων παραφυλάττεσθαι, ὥστε μὴ ἰδικῶς εἰσάγειν αὐτά. Περὶ τῶν συνήθως εἰσερχομένων κτηνῶν τῇ κοινῇ γνώμῃ τῶν γερόντων, εἰς τὴν αὐτῶν γνώμην καὶ προαίρεσιν ἀνατιθέμεθα, κἂν τε προαιρῶνται ἐκκόψαι αὐτὰ τοῦ μὴ εἰσάγεσθαι, κἂν τε μὴ.

(κγ.) Καὶ περὶ ζευγαριῶν παραγγυόμεθα μὴ ἔχειν τινὰς ταῦτα τῶν ἡγουμένων, εἰ μὴ μόνον τὴν μεγάλην Λαύραν ζευγάριον ἐν διὰ τὴν ἀναγκαίαν χρεῖαν τῆς ζύμης, καὶ διὰ τὸ πολυάνθρωπον αὐτὴν εἶναι, καὶ τοῦ ἐκτὸς ζευγαρίου ἀνένδεκτον εἶναι τὴν Λαύραν συνίστασθαι. •[III/1 274]•

(κδ.) Περὶ τῶν ἐν τῷ ὄρει κοπτομένων δαδίων παρὰ τῶν μοναχῶν, βουλόμεθα μὴ ἔξω τοῦ ὄρους ἐκφέρειν καὶ πιπράσκειν αὐτά, ἀλλ' ἐν τῷ ὄρει πωλεῖσθαι. Εἰ δὲ ἀναγκαῖα χρεῖα κατεπείγῃ, καὶ εἰς κοσμικοὺς πιπρασκέτωσαν.

(κε.) Περὶ δὲ τῶν εἰσερχομένων οἰκονόμων γνώμην διδόμεν, μὴ συνεισέρχεσθαι αὐτοῖς παιδία χάριν τῆς συνεπιβολῆς καὶ συνδρομῆς τῆς πρὸς ἔργον.

(κς.) Περὶ τῆς προβολῆς τοῦ οἰκονόμου ἐντελλόμεθα, ἵνα κατὰ τὴν σεβασμίαν ἐορτὴν τῆς κοιμήσεως τῆς Θεοτό-

κου περὶ τὴν σύναξιν, ὅτε καὶ τὸν λόγον ὀφείλει ποιῆσθαι τῆς ἐγχειρισθείσης αὐτῷ οἰκονομίας, εἰ μὲν καλῶς εὕρεσκειται διατιθέμενος περὶ αὐτήν, καὶ εἴ γε ἀρέσκονται ὃ τε Πρῶτος καὶ πάντες οἱ ἡγούμενοι εἰς αὐτόν, μενέτω ἐν τῇ διακονίᾳ αὐτοῦ ἀνενόχλητος, εἰ δὲ μὴ ἀρέσκονται, ἐξεοῦν αὐτόν τῆς τοιαύτης ἐγχειρήσεως, καὶ ἄλλον προβάλλεσθαι συγχωροῦμεν.

(κζ.) Ἐπειδὴ τῶν δύο συνάξεων ἐκκοπησῶν ἐπάναγκες περιττεύειν ἅπερ ὀφείλον εἰς παράκλησιν τῶν γερόντων ἐξοδιάζεσθαι, καὶ ταῦτα μίγνυσθαι τῇ ῥόγᾳ, καὶ τοῖς μοναχοῖς διανέμεσθαι.

(κη.) Περὶ δὲ τῆς προβολῆς τοῦ Πρώτου, τὸν ἐξ ἀρχῆς καὶ ἄνωθεν παρακολουθήσαντα τόπον φυλάττεσθαι προαιρουμέθα βέβαιον καὶ ἀκίνητον.

Τούτοις πᾶσι τοῖς τυπωθεῖσι καὶ ἐκτεθεῖσιν ἅπαντας τοὺς ἡγουμένους καὶ μοναχοὺς τοῦ ὄρους ἐμμένειν καὶ μηδαμῶς κατατολμᾶν τινα πρὸς ἀνατροπὴν χωρεῖν τῶν τοῦ τοιοῦτου Τυπικοῦ κεφαλαίων συνεισηγησάμεθα. Εἰ δέ τις φωραθῇ, παρὰ φαῦλον θέμενος ἅπερ κοινῇ γνώμῃ καὶ οὐ μόνον τῇ ἡμῶν ὀρμῇ τε καὶ ἐξουσίᾳ ἐκτέθεται καὶ τετύπεται, ὑποκείσθω τοῖς τῶν θείων κανόνων ἐπιτιμίαις, ὡς καταπατηκῶς τὴν ἰδίαν συνείδησιν, καὶ ἀφορμὴ σκανδάλου καὶ βλάβης μεγίστης τοῖς πολλοῖς γενόμενος.

Διῶριστα ταῦτα καὶ τετύπεται κοινῇ γνώμῃ καὶ συνενέσει πάντων •[III/1 275]• τῶν τοῦ Ἁθω εὐλαβεστάτων ἡγουμένων παρὰ Εὐθυμίου μοναχοῦ τῆς τῶν Στουδίων εὐαγεστάτης μονῆς, καὶ πρὸς τούτοις ἔνεκα τοῦ τελειωτέραν,

ἀσφαλεστέραν τε καὶ παγίαν αὐτὰ λαβεῖν τὴν βεβαίωσιν καὶ διαμονήν, ἐν τῇ κρίσει καὶ ἐπισκέψει Ἰωάννου τοῦ φιλαγάθου, κραταιοῦ τε καὶ εἰρηνοποιοῦ βασιλέως ἡμῶν ἀνετέθεται, καὶ ὡς παρὰ τῆς αὐτοῦ ἀηττήτου καὶ κραταιᾶς βασιλείας ζώση φωνῇ διορισθέντων καὶ ἀποσταλέντων, καὶ διὰ τιμίας καὶ ἀγίας κελεύσεως τῶν θείων βασιλικῶν γραμμάτων δεξαμένων ἡμῶν τὰ καθ' ἕκαστον ἐξετάσαι, καὶ ἅπασαν διαλύσαι διαφοράν, εἰρηνοποιῆσαι καὶ τυπῶσαι ἅπαντα τὰ πραχθέντα, ὡς κανονικῶς προβάντα, ἀποδέδεικται καὶ βασιλικῇ σφραγίδι ἐπεσφάλισται.

Ἰωάννης ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς βασιλεὺς Ῥωμαίων.

Ἡ χρονολογία τούτου τοῦ τυπικοῦ διεφθαρμένη καὶ ἀκατάληπτος. Εἴτα ἄρχονται αἰὺν πογραφαιτῶν ἡγουμένων, ὡς σημειοῦνται ὀπισθεν, οὐ μίας ἢ δύο χειρῶν, ἀλλὰ διάφοραι καὶ ἀνόμιοι σημειοῦνται ἀπαραλλάκτως, ὡς ἐν τῷ πρωτοτυπῷ εὕρισκονται σημειούμεναι τυπικῶ*:

† Αθανάσιος μοναχὸς καὶ Πρῶτος.

† Αθανάσιος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος τῆς μεγάλης Λαύρας.

† Χριστόφορος [Χριστόδουλος] μοναχὸς καὶ ἡγούμενος ὁ τοῦ Πρώτου.

† Ἰάκωβος μοναχὸς πρεσβύτερος καὶ ἡγούμενος.

† Θωμᾶς μοναχὸς πρεσβύτερος καὶ ἡγούμενος.

† Ἰωάννης μοναχὸς καὶ πρεσβύτερος.

* Ниже в квадратных скобках даны чтения подписей по новому изданию Типикона Цмисхия: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. (Archives de l'Atchos; vol. 7). P. 215.— П.К.

.....

...*

† Γεώργιος ὁ ζωγράφος. (21-й подписан)

...

† Θεόδουλος μοναχὸς ὁ ἄβχε^πχ [Αβλέπ(ης) κ(αὶ) ἡγούμενος †].

...

† Λουκάς μοναχὸς καὶ οἰκονόμος. (30-й подписался). ...

† Παῦλος μοναχὸς καὶ πρεσβύτερος. (36-й)**. ...

† Κοσμάς μοναχὸς καὶ ἐκκλησιάρχης. (46-й). ...

† Νικόλαος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος ὁ Καλλιγράφος. (48-й). •III 276•

† Κοσμάς μοναχὸς καὶ ἡγούμενος ὁ τοῦ Θεοκτίστου. (51-й).

† Σάβας μοναχὸς ἡγούμενος, καὶ κουβουκλίσιος ... (58-й).

В числе подписавшихся под Уставом значатся: 10 пресвитеров-монахов, 1 еkkлисиарх, 1 кувуклисий, 1 эконоμ, 1 каллиграф.

Τὸ Τυπικὸν λέγει, ὅτι ἐν τῇ συνάξει ταύτῃ ἦσαν συνηγμένοι πάντες οἱ ἡγούμενοι τοῦ ὄρους ὡς ἐπὶ λέξεως γράφει. «Καὶ δὴ γενομένων ἡμῶν ἐπιτοπίως, συμπαρόντων ἀμφοτέρων τῶν

διαδικαζομένων μερῶν τῶν τε ἡγουμένων ἀπάντων τοῦ ὄρους συνεδριαζόντων ἡμῖν». Καὶ κατωτέρω γραφεῖ τὸ Τυπικὸν ὁρῶν, «κοινῇ γνώμῃ καὶ αἰτήσῃ καὶ θελήσῃ πάντων τῶν συνεδριαζόντων ἡμῖν εὐλαβεστάτων μοναχῶν καὶ ἡγουμένων, ὧν τὰ ὀνόματα καὶ αἱ ὑπογραφαὶ ἐν τῷ τέλει τοῦ Τυπικοῦ διασημαίνονται». Καὶ ἐν τῷ ἐπιλόγῳ τὰ αὐτὰ γράφει, ὅτι κοινῇ γνώμῃ οἱ νόμοι ἐτυπώθησαν. — Ἐν τῷ Τυπικῷ εὐρίσκομεν ὑπογραφομένους ἡγουμένους ὁκτώ· ποίας καταστάσεως ἄρα ἦσαν οἱ ἡγούμενοι οὗτοι; τὸ παρὸν Τυπικὸν καλεῖ αὐτοὺς κελλιώτας καὶ ἡσυχαστὰς ὅλους, ἐν οἷς διατάττει περὶ μαθητῶν· τρεῖς ἔχειν τὸν Πρῶτον ἐν τῇ συνάξει, δύο τὸν ἐν ἀγίοις Ἀθανάσιον τῆς μεγάλης Λαύρας, καὶ ἓνα τὸν μοναχὸν Παῦλον, τοὺς δὲ λοιποὺς ἡγουμένους κελλιώτας καὶ ἡσυχαστὰς ἀπάντας ἄνευ ὑπουργῶν (τοὺς ὑποτακτικούς καλεῖ ὑπουργοὺς καὶ μαθητάς) συνάγεσθαι. Ὁ Παῦλος ἔχων ὑπουργὸν πῶς οὐ γράφεται ἡγούμενος; ὅθεν ἐτέρας τάξεως ὑπῆρχε· τυχὸν δὲ ὡς γέρων ἐλάμβανε τινὰ, ἢ συνοικῶν ἄλλοις ὑπηρετοῦσι ταῖς χρεῖαις αὐτοῦ. Τοῦτον οἱ τῆς τοῦ Ξηροποτάμου μονῆς καὶ ἀγίου Παύλου θέλουσιν ἀρχηγὸν καὶ κτήτορα τῶν μονῶν αὐτῶν, καὶ βασιλοπαῖδα γράφουσιν υἱὸν Μιχαὴλ Ραγκαβέ τοῦ βασιλέως, τοῦ βασιλεύσαντος εἰς τοὺς 811 δύο μόνᾳ ἔτη ἐκράτησεν τὰ σκήπτρα*. Ἐκ τοῦ Τυπικοῦ ὡς τρανῶς •III/1 277• ὁρῶμεν οὐδὲ μία ἄλλη μονὴ γράφεται ἔνδον τῶν ὁρίων τοῦ ὄρους, πλὴν τῆς

* Теперь жалею, что я не списал дальнейших подписей. — Прим. П.К.: Выше в русском переводе Устава Цимисхия пропущенные подписи восполнены по парижскому изданию 1975 г.

** Παῦλος μοναχὸς καὶ πρεσβύτερος. — Οὗτός ἐστιν ὁ μοναχὸς Παῦλος, ὁ μετὰ τοῦ Πρώτου ἀποσταλὴς ἐκ μέρους πάντων τῶν μοναχῶν τοῦ ὄρους εἰς τὸν βασιλέα Ἰωάννην κατὰ τοῦ Ἀθανασίου ἡγουμένου Λαύρας τῶν Μελανῶν, ὡς τὸ Τυπικὸν γράφει, εἰς τὸν ὅποιον δίδεται καὶ εἰς ὑπουργός, ὅταν ἔρχεται ἐν τῇ συνάξει.

* Τὸ τυπικὸν γέγονεν εἰς τοὺς 972. Φαίνεται λοιπὸν νὰ ἔζησεν ὁ Παῦλος ὑπὲρ τοὺς 160 χρόνους!!!

Λαύρας, οὔτε ἔχουσιν οἱ κελλιῶται οὔτοι ἡγούμενοι καὶ ἡσυχασταὶ τόπους κεχωρισμένους καὶ διακεκριμένους, ἀλλ' ἀορίστως ἡγούμενοι μόνον γράφονται, ὡς ἔχοντες ὑποτακτικούς, διότι ἄλλως ἡγούμενοι οὐ δύνανται λέγεσθαι. Ποῦ δὲ τούτους εἶχον; Ἐν κελλίοις καὶ ἡσυχαστηρίοις. Τὰ κελλία καὶ ἡσυχαστήρια ταῦτα, ἐν οἷς ἡγουμένεον, ὀνομασίαν οὐκ εἶχον ἔτι, ὡς μὴ ἔχοντα τάξιν οὔτε μονῆς καὶ μονηδρίου, οὔτε σκήτης, ἀλλ' ἦσαν ἄνευ ναῶν αὐτοσχέδια μικρὰ καταλύματα, ὡς ἐκ τῶν τύπων συνάγεται. Εἶχον δὲ ἀγρούς, ὡς γράφει, ἰδίους καὶ ἀμπέλια, καὶ ταῦτα φυτεύειν καὶ ἀγρούς ποιεῖν μετὰ τὴν οἰκοδομὴν τῆς Λαύρας ἔλαβον τὰς αἰτίας. δῆλον ὅτι ἦσαν ἐρημικὰ αὐτοσχέδια καλύβια τὰ καλούμενα κελλία καὶ ἡσυχαστήρια, ἐν οἷς ἦσαν οὔτοι ἡγούμενοι. Ἐκατηγόρουν τὸν ὅσιον Ἀθανάσιον πρὸς τοῖς ἄλλοις, καὶ διὰ τι ἔφερε ζῶα βοῶν καὶ ἡμιόνων διὰ τὰς χρείας τῆς Λαύρας, ὡς ἐν τῷ κγ' τύπῳ φαίνεται, ὅτι μηδεὶς τῶν ἡγουμένων ἔχειν ζευγάριον ἐκτὸς τῆς Λαύρας ἔχειν ἐν διὰ τὴν ζύμην. Ὅταν οὔτε ζῶα καὶ ζευγάρια ἔσχον οὔτοι ἡγούμενοι, οὔτε ὅσα προεῖδομεν κατηγοροῦντας τὸν Ἀθανάσιον ὅτι ἔφερεν εἰς τὸ ὄρος, καὶ ἐγένεν ἀρχηγὸς καὶ καινοτόμος· ποῦ συνάγεται τότε μοναστηρίου σύστημα; διότι τὰ μοναστήρια καὶ κοινόβια ἐχρειάζοντο καὶ κήπους καὶ μύλους καὶ ζῶα καὶ ἀγρούς καὶ ἀμπελῶνας, καὶ ὅσα νῦν ἔχουσι πρὸς σύστασιν. Ἐν δὲ τῷ δευτέρῳ τυπικῷ, τῷ ἐπὶ Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου, βλέπομεν σύστασιν λαβόντες οἱ μο-

ναχοὶ καὶ μοναστήρια καταστήσαντες, ὀνόματα ὀρῶμεν τῶν τόπων εἰς οὓς ὑπῆρχον ἡγούμενοι, καὶ τῆς Λαύρας τῶν Καρεῶν, καὶ Βατοπεδίου, καὶ Ἰβήρων, καὶ ἄλλων πολλῶν ὀνομάτων. Ὅθεν ἐν τῷ δευτέρῳ τυπικῷ ἄλλην ὀρῶμεν τοῦ ὄρους κατάστασιν, ἣν καὶ σημειοῦμεν πρὸς ἀληθείας πληρεστέραν ἀπόδειξιν.

V

Τυπικὸν δεύτερον τοῦ ὄρους γερονὸς διὰ προσταγῆς τοῦ αἰοδίου γενοῦς αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου Μονομάχου τῷ ,Ζφνδ' ἔτει κατὰ μῆνα σεπτέμβριον, ἰδικτιῶνος δ'.

(Ἀπὸ τὸν καιρὸν ὅπου ἐγένετο τὸ πρῶτον τυπικὸν ἄχρι τοῦ παρόντος ἐπέρασαν 76 ἔτη).

Αὐτοκρατορικῇ τῷ ὄντι καὶ θείας καὶ βασιλικότητος φρενός, τὸ μὴ μόνον πολιτικῶν πραγμάτων ἐπιμέλειαν ἀκριβῆ ποιεῖσθαι καὶ στρατοῦ φροντίζειν •[III/1 278]• καὶ ἔθνη τροποῦσθαι πολέμια, καὶ ἐχθροὺς καταδουλοῦσθαι, καὶ πόλεις πολυανθρώπους ὑπὸ τὴν οἰκίαν ἄγειν χεῖρα, ἀλλὰ καὶ τὸ θεῖον ἐξαιρέτως θεσμῶν καὶ ἱερῶν κανόνων ἀντέχεσθαι, καὶ τῶν τῷ θεῷ ἀνακειμένων καὶ κόσμον φυγόντων καὶ ἐν ὄρεσι διαιτωμένων, καὶ μόνον εὐχομένων θεόν, ἀρετῆς τε ἐπιμελουμένων, καὶ μηδὲν πλέον ταύτης εἰδότης, πολλὴν ποιεῖσθαι τὴν πρόνοιαν, ὡς μὴ μόνον ἐπηρεῖων καὶ ἄλλης πάσης κακώσεως ἀνωτέρους αὐτοὺς συντηρεῖν καὶ φιλοτιμίαις ἀμείβεσθαι βασιλικαῖς ὡς ἀληθῶς καὶ πλουσίαις ἀλλὰ καὶ τὰς

τούτων παρατροπὰς, τὰς ἐκ σατανικοῦ φθόνου, ἅτε ἀνθρώπους ἐπισυμβαινούσας, ἐπανορθοῦσαι, καὶ τὸν σάλον τούτων ἰστᾶν καὶ τὰ διαρρώγοτα συνάπτειν καὶ πρὸς εἰρήνην καὶ ὁμόνοιαν ἄγειν τὸν ἐξαίρετον τοῦ κυρίου λαὸν καὶ περιούσιον, οἷα δὴ καὶ ἐπὶ τοῦ φιλοχρίστου καὶ εὐσεβεστάτου βασιλέως ἡμῶν Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου ἔξεστι κατιδεῖν. Οἱ γὰρ μοναχοὶ τοῦ περιωνύμου ὄρους τοῦ Ἄθω τῶν ἄλλων μᾶλλον σφοδρότερον κατὰ τοῦ κοινοῦ ἔχθρου καὶ πολεμίου ἄνωθεν τοῦ ἀνθρωπίνου γένους τὴν παράταξιν αἰεὶ ποιούμενοι, οὐδ' αὐτὸν ἔσχον ἀμελοῦντα, ἢ κατολιγοροῦντα τοῦ ἀντιπολεμεῖν τούτοις καὶ ἀντιμάχεσθαι. καὶ γὰρ ῥαθυμήσασι καὶ ἀπονυστάξασιν ἐν τῷ καλῷ τούτων σπόρῳ τῆς τε εἰρήνης καὶ ἀγάπης καὶ ὁμονοίας, τὰ τῆς μάχης καὶ ἔριδος καὶ διχοστασίας λανθανόντως ἐπέσπειρε ζιζάνια. Ἐπὶ πολὺ δὲ τοῦ τοιοῦτου προβάντος κακοῦ, τῇ βασιλικῇ προσήλθον οὗτοι μεγαλειότητι, ἐξαιτούμενοι τῶν ἐπηρημένων κακῶν, καὶ τοῦ ἐξ αὐτῶν τικτομένου ψυχικοῦ κινδύνου, καὶ δι' αὐτῆς λύσιν εὑρεῖν. Τοῦτο δὲ γενέσθαι ἐδέοντο δι' ἀποστολῆς τινος τῶν πείραν ἔχόντων βίου μοναδικοῦ καὶ θείων θεσμῶν καὶ διορθώσεως καὶ θεραπείας τῶν ἐπισυμβαινόντων ἐκ τοῦ πονηροῦ σκανδάλων. Ὁ δὲ ῥηθεὶς φιλόχριστος ἄναξ καὶ ἐδέξατο τούτους, καὶ εὐμενῶς εἶδε καὶ ἠκροάσατο τῶν λεγομένων, καὶ προσήκατο τὴν αὐτῶν αἴτησιν, καὶ ἀποστεῖλαι οἷον αὐτοὶ ἐπέζητουν ὑπέσχετο μοναχόν, ὡς ἂν διόρθωσιν δι' αὐτοῦ τὰ μὴ καλῶς γινόμενα δέξωνται, καὶ

κατάστασις τῷ ὄρει καὶ ὁμόνοια ἀληθῆς τοῖς ἐν αὐτῷ ἀσκουμένοις μοναχοῖς ἐπιβραβευθῇ. διὰ τι τοῦτο καὶ σεβαστὴν καὶ τιμίαν τῆς αὐτοῦ βασιλείας γραφὴν πρὸς τοὺς εὐτελεῖς ἡμᾶς ἐξαπέστειλεν, ταῖς αὐταῖς λέξεσι διαλαμβάνουσαν τάδε.

«Οἱ μοναχοὶ τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου ὄρους* πρὸ καιροῦ τινος εἰσελθόντες •[III/1 279]• εἰς τὴν βασιλείαν μου ἐδεήθησαν, ὡς παρὰ τὴν δύναμιν τοῦ τυπικοῦ αὐτῶν, καὶ τῶν ἐναποκειμένων ἐν τῷ ὄρει χρυσοβούλλων, καθέλκονται εἰς κοσμικὰ δικαστήρια, καὶ τῇ δυνάμει τούτων προχειρίζονται καὶ ἡγούμενοι, καὶ τὰ ἄλλα πάντα γίνονται, ἢ δὲ τῶν τυπικῶν δυνάμεις καὶ αἱ τῶν χρυσοβουλλίων διατάξεις ἐν γράμμασι μόνοις κεῖνται. Καὶ ἐπεὶ καὶ νῦν ἐνεφύησαν τινὰ ζητήματα μέσον αὐτῶν περὶ τε τοῦ ἡγουμένου καὶ περὶ τινῶν ψυχικῶν αἰτημάτων, δεῖν ἔκρινεν ἡ βασιλεία μου τὴν τομὴν τῶν ὑποθέσεων ἐμπιστεῦσαι ἀνδρὶ κατὰ Θεὸν βιοῦντι, καὶ τῆς διορθώσεως τῶν ψυχικῶν παθῶν πείραν ἔχοντι, ἵνα μὴ τὸ ποιμνίον τοῦ Χριστοῦ πρὸς ἄλληλα στασιάζον ἐπὶ πολὺ διαμένῃ. κρείττων δὲ σοῦ οὐδεὶς ἔσται ὁ μεταχειρισόμενος τὰ πρᾶγματα, διὰ ταῦτα κελεύει σοι, ἵνα κόπον ἔμμισθον ὑπομείνης, καὶ ἀπέλθῃς ἐκεῖσε, καὶ ζητήσῃς τὸ τυπικόν καὶ τὴν τῶν χρυσοβουλλίων διάταξιν, ἔτι δὲ καὶ τὰ κινούμενα πάντα παρ' αὐτῶν ἐρευνήσῃς, καὶ τὴν θεραπείαν

* Ἅγιον ὄρος, ὁ Ἄθως τὸ ὄρος ἐνταῦθα πρῶτον γράφεται ἐν τῷ τυπικῷ τούτῳ. Ὅθεν ἡ ἀρχὴ, ἅγιον ὄρος.

πρόσφορον εἰσενέγκης, ἐν μηδενὶ προσισταμένοις σοὶ τῆς τοῦ κριτοῦ πράξεως. δηλώσης δὲ καταλεπτῶς καὶ τὰ παρὰ τῆς εὐλαβείας σου διοικηθέντα, ἵνα καὶ ἡ βασιλεία μου διάγνωνσιν ἔχουσα, ἔκτοτε τοὺς ἴσως ἀντιλέγειν ἐθέλοντας ἀποκρούηται. Οὐδὲν γὰρ ἡ βασιλεία μου νεώτερον καινισθῆναι βούλεται ἐπὶ τῷ ἀγίῳ τούτῳ ὄρει, ἀλλὰ τοὺς παλαιοὺς θεσμοὺς καὶ τύπους φυλαχθῆναι, καὶ κατὰ τὰς διατάξεις τῶν μακαριστῶν βασιλέων τὰ πάντα γενέσθαι, καὶ τὰ περὶ ψυχικῶν δὲ ἅπαντα αἰτιαμάτων σὺν ἀκριβείᾳ λυθῆναι τῇ σῇ ἐπιστάσει καὶ δοκιμασίᾳ, ἀλλὰ καὶ τὴν ἐκλογὴν τοῦ Πρώτου κατὰ τὸν παλαιὸν τύπον γενέσθαι, καὶ ἀποσταλεῖν εἰς τὴν βασιλείαν μου».

Ταῦτα τοίνυν τῆς βασιλικῆς καὶ θείας κελευούσης γραφῆς, παραγενόμενος ἐγὼ Κοσμᾶς ὁ ἐλάχιστος μοναχὸς ὁ Τζιτζιλούκης* ἐν τῷ ἀγίῳ τούτῳ ὄρει, ἅτε θεοφιλοῦς τῆς ἐπιταγῆς οὔσης καὶ εὐλόγου καὶ δικαίας τῆς βασιλικῆς θείας προστάξεως, συνεκαλεσάμην ἅπαντας τοὺς ἐν τῷ τοιούτῳ ὄρει ὑπάρχοντας εὐλαβεστάτους μοναχοὺς καὶ καθηγουμένους, τῶν ρπ' πλέον ὑπάρχοντας**, τοῦ παραγενέσθαι πρὸς ἡμᾶς ἐν τῇ τῶν Καρεῶν •[III/1 280]•

* Τζιτζιλούκη τὸ νῦν λεγόμενον Κουσγουντζούκη ἐν τῷ Βοσπόρῳ, ὅπου μοναστήριον ἀναγύρων Ἐρμούλου καὶ Παντελεήμονος ὑπῆρχε σεβάσμιον, ἐν ᾧ καὶ βασιλεὺς Μιχαὴλ ὁ Παφλαγῶν ἐμόνασε· μητρόπολις τοῦ Χαλικηδόνος.

** Ἐν τῷ πρώτῳ τυπικῷ ... οἱ ὑπογραφομένοι ἅπαντες ἦτον νη'· ἐν ὀλίγοις χρόνοις ἔγιναν ρπ'.

Λαύρα*, ὡς ἔθος, οἱ καὶ συνηθροισθησαν ἅμα τῷ μηνυθῆναι ἅπαντες, καὶ πολλὰ μὲν τῷ θεῷ εὐχαρίστησαν, οὐκ ὀλίγα δὲ καὶ τοῦ κραταιοῦ ὑπερηύξαντο**. ὅτι περ τὸ τούτοις καταθύμιον εἰς πέρας ἤγαγε, καὶ ὁ λόγῳ ὑπέσχετο ἐπὶ τῷ ἔργῳ ἐκπεπλήρωκε. Συγκαλεσθέντες οὖν ἡμεῖς τοῖς ῥηθεῖσι καθηγουμένοις καὶ τῷ Πρώτῳ τοῦ ὄρους καὶ τῶν μεταξὺ ἀμφοτέρων ἀκροασάμενοι εὖρομεν μηδὲν ἄλλο, ἢ ἐπήρειαν δαιμόνων ὑπάρχοντα τὰ παρ' αὐτῶν προτεινόμενα, καὶ ἔριν ἀλόγιστον. Ἐπιζητήσαντες δὲ ἡμεῖς τὸ τοῦ ὄρους χρυσόβουλλον τυπικόν***, καὶ τὰ παρὰ τῶν μακαριστῶν βασιλέων γενόμενα χρυσοβούλλια****, ἠνέχθησαν ἅπαντα, καὶ εἰς ἐπίκοον πάντων ὑπανεγνώσθησαν. ἠρωτήθησαν δὲ καὶ τινὲς οἱ τύποι, οὓς διορθωθῆναι τῆς βασιλικῆς ἐδέοντο μεγαλειότητας;

Τύπος α'.

Καὶ πρόγε πάντων ἔφησαν τὴν ἐν τοῖς τυπικοῖς αὐτῶν προαποκειμένην

* Καὶ τὸ ὄνομα τῆς Λαύρας τῶν Καρεῶν ἐν τῷ πρώτῳ Τυπικῷ οὐ σημειοῦται, μήπω δοθείσης τῷ τόπῳ τούτῳ τῆς ὀνομασίας, ἀνῶθεν δὲ αἱ συνάξεις ἐν τούτῳ ἐγίνοντο τῷ τόπῳ, ἐν ᾧ ὁ Πρῶτος ἦν. ὀνομασίαν Καρεῶν οὐκ εἶχεν ἔτι, ἴσως οὐδὲ Λαύρας, εἰ μὴ μίαν Λαύραν τοῦ ὀσίου Ἀθανασίου.

** Δύο εὖρον ἀρχαῖα γράμματα τοῦ παρόντος Τυπικοῦ· ἐν μὲν τῷ Πρωτάτῳ ἐν μεμβράνῃ κείμενον ἄνευ ὑπογραφῶν, εἰ μὴ τεσσάρων μόνον, ἐν δὲ τῇ Λαύρᾳ τὸ παρὸν ἐπικυρώμενον καὶ ὑπογραφὰς ἔχον πλείονας. Ἐν τῷ τοῦ Πρωτάτου γράφει «τοῦ κράτους ὑπερηύξαντο».

*** Χρυσόβουλλον τυπικὸν τὸ προγραφεῖν τοῦ Τζιμήσχη λέγει.

**** Ὅσα βασιλικά χρυσοβούλλα σώζονται, ὅρα μετὰ ταῦτα.

ἀσφάλειαν, ἡγουν τὸ μὴ εὐνούχους ἢ ἀγενεῖους δέχεσθαι, ἢ ἀποκείρειν, ἢ ἐν ἀγρῷ, ἢ ἐν μοναστηρίῳ κατέχειν τούτους, καταφρονηθῆναι παρὰ τινῶν, καὶ δεῖσθαι πάντως τὸ τοιοῦτον κακὸν διορθώσεως. Εὐθὺς οὖν εἰς ἐκδίκησιν τούτου ὀρμηθέντες αὐτοὶ καὶ διόρθωσιν τοῦ προσήκοντος εὗρομεν ἅπαντας ἀπὸ τε μεγάλων ἕως μικρῶν, εὐπειθήσαντας, καὶ σὺν προθυμίᾳ πάσῃ ὑποσχομένους τοῦ ὅρους ἅπαντα τὰ τοιαῦτα πρόσωπα ἀπελάσαι· ἡ δὲ τούτων ἕξωσις κοινῇ γνώμῃ καὶ θελήσει τοῦ τε εὐλαβεστάτου μοναχοῦ καὶ Πρώτου Θεοφυλάκτου, καὶ Νεοφύτου τοῦ εὐλαβεστάτου μοναχοῦ καὶ τῆς μεγάλης Λαύρας καθηγουμένου, καὶ Ἀθανασίου τοῦ εὐλαβεστάτου μονάχου καὶ τῆς τοῦ Βατοπεδίου μονῆς καθηγουμένου*, καὶ Γεωργίου τοῦ εὐλαβεστάτου μοναχοῦ τῆς τῶν Ἰβήρων καθηγουμένου μονῆς, καὶ ἡμῶν αὐτῶν κρίσει •[III/1 281]• καὶ δοκιμασίᾳ ἐπιτέτραπται γενέσθαι παρὰ τε τῶν εὐλαβεστάτων μοναχῶν ἐπιτηρητῶν τοῦ ὅρους καὶ τῶν συναποσταλέντων τούτοις γερόντων.

Τύπος β'.

Δεύτερον οὖν ἐπὶ τοῦτο ἐκίνουν κεφάλαιον, ὡς ὅτι πλοῖα τινες τῶν μοναχῶν καὶ ἡγουμένων κατεσκευακότες, οἶνον καὶ τινα ἕτερα εἶδη ἐξωνούμενοι, εἰς τε τὴν βασιλεύουσαν καὶ ἐτέρας πόλεις ἀπέρχονται καὶ ἐμπορικῶς

ταῦτα διαπιπράσκουσι. Ζητήσαντες οὖν καὶ περὶ τούτου, εἶγε τετύπεται τούτοις παρὰ τινος μετὰ τὴν τοῦ τυπικοῦ διάταξιν πλοῖα κέκτησθαι; Εὗρομεν ἔγγραφον καὶ ἐνυπόγραφον τυπικὸν ἐπὶ τοῦ μακαρίτου βασιλέως κυροῦ Βασιλείου, κοινῇ γνώμῃ τοῦ τε τῆνικαῦτα Πρώτου καὶ πάντων τῶν ἐν τῷ ὄρει προκαθημένων μοναχῶν γεγενημένον, οὐ μόνον οὐκ ἐπιτρέπον, ἀλλὰ καὶ κωλύον μᾶλλον τὸν τοιοῦτον καπηλικὸν πορισμὸν καὶ ἀπέλασιν τὴν ἐκ τοῦ ὅρους τελείαν, τιθέμενον τὸ ἐπιτίμιον τοῖς τοιοῦτόν τι κατατολμῶσι διαπράττεσθαι, κεκτῆσθαι δὲ συγχωροῦν πλοῖα μικρά, καὶ μέχρι Θεσσαλονίκης καὶ τῶν ταύτης ἔνδον πολυχνίων, τὸν περιττεύοντα οἶνον τοῖς μοναχοῖς ἀπεμπωλεῖν παραγγυόμενον, εἰ γε μὴ πλοῖα ἔξωθεν παραγένοιτο, μὴ μέντοι ἐξ ἄλλων ὠνεῖσθαι καὶ εἰς ἄλλους πωλεῖν, ὅπερ φυλαργυρίας καὶ αἰσχροκερδίας ἐστὶν ἴδιον. Ἐβουλήθημεν οὖν καὶ αὐτοὶ ἀναγκάσαι τούτους τῷ αὐτῷ στοιχῆσαι κανόνι· ἀλλ' ἔδοξεν ἅπασιν τὸ πρᾶγμα βαρὺ λίαν καὶ ἐπαχθέες διεβεβαιώσαντο γὰρ, ὡς εἰ μὴ πλοῖα κέκτηνται εἰς μετακομιδὴν τῶν τῆς μονῆς αὐτῶν χρειῶν καὶ διάπρασιν τῶν ὀπωρῶν καὶ τοῦ περιττεύοντός τισιν οἶνου, μηδὲ μίαν ἡμέραν ἐν τῷ ὄρει προσμεῖναι δύνασθαι. Πολλῆς οὖν περὶ τούτου ζητήσεως γενομένης, συνηρκέσθησαν ἅπαντες, ἵνα κέκτηνται τὰ μοναστήρια* πλοῖα μικρά, χωρητ-

* Πρῶτον ἐν τῷ τυπικῷ τούτῳ ὁρῶνται μονῶν ὀνόματα, καὶ ἡ τοῦ Βατοπεδίου μονή, ἥτις ἐν πᾶσι τοῖς κώδιξι, ὡς καὶ οἱ ἡγούμενοί ταύτης, ὑπογράφονται οὐ διὰ τοῦ «αι», Βατοπαιδίου, ἀλλὰ διὰ «ε», Βατοπεδίου, εὐρίσκονται γραφόμενοι.

* Πρῶτον βλέπομεν τὰ κελλία καὶ ἡσυχαστήρια σημειούμενα μοναστήρια ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ.

ικὰ ὑπάρχοντα διακοσίων ἢ τριακοσίων μοδίων* εἰς χρεῖαν μόνην καὶ ὑπηρεσίαν ἐξαρκούντα αὐτῶν. ἀπέρχεσθαι δὲ μέχρι Θεσσαλονίκης καὶ Αἵνου· καὶ τὰ περιττεύοντα τούτοις δίδοντες οἱ μοναχοί, ἀντιλαμβάνονται τὰ ἐνδέοντα. μὴ ἐξεῖναι δὲ τινι τοιούτων κατὰ τὰς ἀγίας καὶ σεβασμίους ἡμέρας τῆς τεσσαρακοστῆς προόδους ποιεῖν, καὶ •[III/1 282]• ἔξω τοῦ ὄρους ἐξέρχεσθαι ἀλλὰ προσμένειν τοῖς οἰκείοις μοναστηρίοις καὶ ἀπερισπάστως Θεῷ προσανέχειν καὶ ἑαυτοῖς. μῆτε δὲ ἐκ τοῦ ὄρους μὴδὲ ἔξωθεν εἶδη τινὰ ἐξωνεῖσθαι, σιτόν, φημί, ἢ κριθήν, ἢ οἶνον, ἢ ἔλεον, ἢ ἕτερόν τι τὸ οἰονοῦν, καὶ ἐμπορικῶς ἀλλαχόσε, ὡς οἱ βιωτικοί, πραγματεύεσθαι. ὁ δὲ καὶ γέγονεν οἰκονομικῶς καὶ τετύπεται ἀσφαλιζομένων δηλαδὴ τῶν τὰ τοιαῦτα μελλόντων κτήσασθαι πλοῖα πρὸς τε τὸν Πρῶτον τοῦ ὄρους καὶ τὸ κοινόν, ὡς εἴ γε τοῦ παρόντος τυπικοῦ καταφρονήσωσιν, ἵνα πιπράσκωνται τὰ τούτων πλοῖα παρὰ τε τοῦ Πρῶτου καὶ τοῦ κοινοῦ, καὶ τὸ τούτων τίμημα δίδοσθαι τῷ τοῦ ὄρους οἰκονόμῳ, ὡς ἂν εἰς κοινὴν χρεῖαν ἐξοδιάζεται. μηκέτι δὲ συγχωρεῖσθαι τὸν τοῦτο καταπραξάμενον ἕτερον πλοῖον κτῆσθαι, ἢ τοῦ ὄρους ἐξέρχεσθαι, ἵνα καὶ οἱ λοιποί, ἀποστολικῶς φάναι, φόβον ἔξωσι. Τὰ δὲ μεγάλα πλοῖα κέκριται παρασταλῆναι τέλεον, ἐκτὸς τῶν φιλοτιμηθέντων ἔχειν ταῦτα διὰ χρυσοβούλλων σιγιλλίων τῶν μακαριστῶν βασιλέων ἡμῶν, καὶ τῆς τοῦ Βατοπεδίου

μονῆς, οἷα καὶ ταύτης ἔκπαλαι τυπωθείσης πλοῖον κεκτήσθαι δι' ἐγγράφου ἀρεσκείας καὶ θελήσεως τοῦ τηνικαῦτα Πρώτου καὶ τῶν ληπῶν τοῦ ὄρους καθηγουμένων*.

Τύπος γ'.

Τρίτον δὲ προετείνοντο κεφάλαιον ὅτι πάντων τῶν τυπικῶν καὶ τῶν βασιλικῶν διαταγῶν προσταττόντων ἐπίσης, μὴδὸλον ἐξεῖναι τινα τῶν μοναχῶν κτήνη, ἢ ζευγὴ βοῖκὰ κεκτήσθαι, μῆτε μὴν ἀπὸ ξένης χάριν νομῆς εἰς τὸ ὄρος εἰσερχεσθαι, εἰ μὴ τι κατὰ θέλησιν τῶν μοναχῶν τοῦτο γένηται. Τὰ νῦν πολλὰ τῶν μοναστηρίων ἐκτήσαντο πρόβατα καὶ αἴγας, ἢ δὲ Λαύρα τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου καὶ βόας. Συνιδόντες οὖν καὶ ἡμεῖς, ὡς εὐλόγως περὶ τούτου κινουῖσι καὶ καλῶς, πᾶσαν ἐθέμεθα σπουδὴν καὶ ἀποκτήσασθαι ταῦτα πάντα, οἷς ἀθέσμως ἢ τούτων προσεγένετο κτήσις. καὶ δὴ οἱ μὲν ἄλλοι ἅπαντες σὺν προθυμίᾳ τὴν τούτων ἀπόκτησιν κατεδέξαντο· ὁ δὲ εὐλαβέστατος μοναχὸς Νεόφυτος, ὡς ἀδύνατον ἐστὶ τούτων ἄνευ τὸ πολὺ •[III/1 283]• πληθὸς τῶν τῇ κατ' αὐτὸν Λαύρᾳ μοναχῶν καὶ ἀδυνάτων γερόντων τραφῆναι. προεβάλετο δὲ εἰς εὐλογον δηθεν, μὴ παρ' αὐτοῦ τὴν τούτων γενέσθαι εἰς τὸ ὄρος εἰσαγωγήν, ἀλλὰ πρὸ πεντήκοντα

* Ἐτι τῶν ἡμέρων τοῦ αἰοδίου βασιλέως Βασιλείου τοῦ δευτέρου, υἱοῦ Ῥωμανοῦ, ἐγένετο περὶ πλοίων διατύπωσις, ὡς εἶδομεν, καλύουσα μὴ ἔχειν πλοῖα τοὺς ἐν τῷ ὄρει μοναχοὺς, εἰ μὴ πλοῖα μικρά, καὶ τὰ ἐξῆς, ὡς ἄνωθεν ἐσημείωσεν. ἡδὲ λέγει, «ἐκτὸς τῶν φιλοτιμηθέντων ἔχειν διὰ χρυσοβούλλων βασιλικῶν».

* 200 ἢ 300 μοδίων, τουτέστι μουντζουρίων.

ἤδη χρόνων* ὑπὸ τῶν πρὸ αὐτοῦ ἡγου-
μενευσάντων, καταδέξασθαι δὲ τὸ
γεγονὸς καὶ τοὺς τοῦ ὄρους καθηγου-
μένους. Ἡμῶν δὲ καὶ αὐθις ἰσχυρῶς
ἐνισταμένων τὴν μὲν τῶν προβάτων
ἐξέωσιν κατεδέξατο, ἀγελαιὰς δὲ βοῦς
κεκτῆσθαι ἐν τόπῳ ἰδιάζοντι καὶ ἀπω-
κισμένῳ εἰς παραμυθίαν τῶν ἀσθενῶν
καὶ ταλαιπόρων γερόντων ἡτεῖτο.
Κατένευσαν εἰς τοῦτο καὶ οἱ τοῦ ὄρους
καθηγούμενοι ἅπαντες καὶ ὁ αὐτῶν
Πρῶτος, ὁ πολλάκις ῥηθεὶς εὐλαβέστα-
τος μοναχὸς Θεοφύλακτος· ἐφανήσαμεν
δὲ καὶ ἡμεῖς περὶ τούτου δυσωποῦντες.
Καὶ δὴ εἰδότες καὶ αὐτοὶ ὡς ἀδύνατόν
ἐστὶν ἑπτακοσίους μοναχοὺς ἐκ μόνου
ἰχθύος διατρέφεσθαι, ὠκονομήσαμεν
τῇ γνώμῃ τοῦ καθηγουμένου εἶξαι, καὶ
τῇ τῶν γερόντων καὶ καθηγουμένων
τοῦ ὄρους συγκατανεῦσαι ἀρεσκείᾳ· καὶ
τετύπεται μήκοθεν πάντων τῶν μονα-
στηριῶν ὑπάρχειν τὰς ῥηθείσας βοῦς,
ὡς ἀπὸ μυλίων εἴκοσι, καὶ παρὰ μοναχῶν
αὐτὰς νέμεσθαι, καὶ μὴ τὸ σύνολον
τοῖς μοναστηρίοις πλησιάζειν.

Τύπος δ'.

Ἐπεὶ δὲ καὶ ζευγὸς ἐν ἐτυπώθῃ
ἄνωθεν κεκτῆσθαι τὴν Λαύραν τοῦ
κυροῦ Ἀθανασίου εἰς ὑπηρεσίαν τῆς
ζύμης τοῦ ἄρτου τῶν ἀδελφῶν, τὰ νῦν
δὲ εἰς 700 ἀπὸ 100 ηὐξήθησαν, ἤρρεσεν

ἅπασιν τοῖς ἐν τῷ ὄρει μοναχοῖς καὶ
ἕτερα ζεύγη τρία προστεθεῖναι τῷ ἐνί.
καὶ τῇ πάντων ἀρεσκείᾳ καὶ αὐτοὶ
συναινέσαντες τυποῦμεν κεκτῆσθαι τὰ
τοιαῦτα ζεύγη εἰς ὑπηρεσίαν τῆς τῶν
ἀδελφῶν ζύμης, ὡς εἴρηται, μὴ μέντοι
τὸ σύνολον μετὰ τῶν τοιούτων ἀροτ-
ριᾶν, ἢ σπόρον τινὰ τῇ γῇ καταβάλ-
λεσθαι. ὠκονομήθη δὲ καὶ εἰς τὴν τοῦ
Βατοπεδίου μονήν, διὰ τὸ πολυάνθρο-
πον καὶ αὐτὴν ὑπάρχειν, ἐν ζευγὸς
εἶναι εἰς ὑπηρεσίαν τῆς ζύμης τοῦ
ἄρτου τῶν ἀδελφῶν, ὡς ἀρεσθέντων δὲ
ἐν τούτῳ τοῦ τε Πρώτου καὶ τῶν λοιπῶν
ἀπάντων γερόντων. •[III/1 284]•

Τύπος ε'.

Ἀλλὰ καὶ περὶ πλοίου ὠκονόμηται
παρὰ πάντων, ἵνα κέκτηται ἡ μονὴ τῶν
Ἀμαλφινῶν*, διὰ τὸ μὴ ἄλλως δύνασθαι
ταύτην συνεστάναι· μὴ μέντοι δὲ εἰς
ἐμπορίας τοῦτο χρεῖσθαι, ἀλλ' εἰσέρχε-
σθαι δι' αὐτοῦ εἰς τὴν βασιλεύουσαν,
καὶ εἰσάγειν εἴ τι ἐκ τῆς κατ' αὐτοὺς
μονῆς βούλονται παρὰ τῶν φιλοχρίσ-
των διακονεῖσθαι.

Τύπος ς'.

Ἐπειδὴ καὶ τινες περὶ τούτου ἐνήγα-
γον, ὡς ὅτι ξύλον ἐργάσιμον καὶ
σανίδας καὶ δάδας καὶ πίσαν ἐξάγουσί
τινες τῶν μοναχῶν ἀπὸ τοῦ ὄρους διὰ

* Ὁ τῆς Λαύρας ἡγούμενος γράφει πρὸ 50 ἔτη
τὴν ἄδειαν τῶν ζώων· συνάγεται ὅτι ἔτι ζώντος
τοῦ ὁσίου εἰσήγαγον ζῶα. καὶ ἴσως πιθανόν, διότι
ὁ τύπος περὶ εἰσαγωγῆς ζώων εἰς τὴν θέλησιν
δίδοται τῶν ἡγουμένων, διότι ἂν μετὰ 44 ἔτη ἦν ὁ
Ἀθανάσιος κατὰ τοὺς κώδικας, καὶ πρὸ 50, ὡς ὁ
Νεόφυτος λέγει, δηλὸν ὅτι τὸ 'ςφ' ἔτος καὶ ἀπὸ
Χριστοῦ 995 ἔτι ζώντος τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου ἦσαν
τὰ θηλυκὰ ζῶα κατὰ τὴν τοῦ τυπικοῦ περιλήψιν.

* Περὶ τῆς μονῆς τῶν Ἀμαλφινῶν, τῆς ἐκ τῶν
ὀρθοδόξων Ἰταλῶν, τῶν ἐκ τῆς πόλεως Ἀμαλφίας,
οἰκοδομηθείσης ὡς φρουρίον ὀχυρὸν ἐπὶ τινος
λόφου παραλίου, ἔχον τόπον τεργινότατον, νῦν
Μορφηνοῦ καλουμένης, δεσποζόμενον παρὰ τῆς
μεγάλης Λαύρας ἐρίπιον. Οἱ ταύτης ἡγούμενοι
ὑπογράφονται λατινιστί, ὡς ἐν τοῖς κώδεσσιν εὐρίσ-
κεται, εἶχεν ὁμώνυμον μετόχιον τῆς ἐν Κωνσταντι-
νουπόλει μονῆς τῶν Ἀμαλφινῶν διὰ ταῦτα ἐδόθη
τὸ πλοῖον τῇ ἐν τῷ ὄρει ἀπερχεσθαι ἐν ἐκείνῃ.

πλοίων, καὶ ἀπεμπωλοῦσι ταῦτα τοῖς κατὰ κόσμον, κεκάλυται δὲ τὸ τοιοῦτον καὶ παρὰ τοῦ παλαιοῦ Τυπικοῦ, ἐπισκῆπτωμεν, μὴ δεῖν τινὰ τοῦ λοιποῦ τὸ τοιοῦτον διαπράττεσθαι, ἀλλὰ τοῖς ἔνδον τοῦ ὄρους ταῦτα ἀπεμπωλεῖν εἰς ἰδίαν τῶν μοναστηριῶν αὐτῶν χρειαν. Εἰ δέ τις φωραθῇ τοῦτο διαπραξάμενος, ζημιωθήσεται καὶ αὐτὴν τὴν ναῦν, ὃν τρόπον εἰρήκαμεν ἄνωθεν.

Τύπος ζ'.

Περὶ δὲ τοῦ μοναχὸν ἀπὸ μοναστηρίου ἐξέρχεσθαι, καὶ ὑφ' ἑτέρου δέχεσθαι, διεξοδικότερον ὁ οὐρανοφάντωρ καὶ θεῖος διετάξατο Βασίλειος. Ἐκώλυσε δὲ τοῦτο γίνεσθαι καὶ τὸ τοῦ ὄρους Τυπικόν, μὴ ἐξεῖναι διαλαμβάνον ἄνευ εἰδήσεως καὶ θελήσεως τῶν ἡγουμένων δέχεσθαι ἀδελφὸν ἀπὸ μοναστηρίου ἐξελθόντα ὑφ' ἑτέρας ἀδελφότητος, εἰ μὴ που τοῦτον ὁ τῆς αὐτοῦ μονῆς προεστὼς παραδῶ ταύτῃ θελήσει οἰκεία καὶ συναινέσει τῆς ὑπ' αὐτὸν ἀδελφότητος.

Τύπος η'.

Ἦλθε δὲ εἰς τὰς ἡμετέρας ἀκοὰς καὶ τοῦτο, μᾶλλον δὲ ἐπὶ τῶν •III/1 285J• πραγμάτων αὐτῶν εὗρομεν, ὥς κατατολμῶσί τινες τὰς διατάξεις τῶν ἀποικομένων ἡγουμένων ἀνατρέπειν καὶ ἀκυροῦν, καὶ ἐν οἷς ἐκεῖνοι διορίζονται ἐπιδιατάσσεσθαι, καὶ εἰσάγειν ἡγουμένους καὶ ἐξάγειν, καὶ τ' ἄλλα πάντα ἀπερισκέπτως ποιεῖν. Τυποῦμεν οὖν καὶ περὶ τούτου, τῷ παλαιῷ σύνοδθ ποιοῦντες Τυπικῶ, ἵνα βέβαιοι συντηρῶνται καὶ ἀμετακίνητοι τῶν μεδισταμένων αἱ διατάξεις, καὶ κατὰ τὴν περιλήψιν τῶν ὑπ' ἐκείνων γινομένων διαθηκῶν

πάντα γίνεσθαι καὶ διενεργεῖσθαι. εἰ δέ τινες πειραθεῖεν παρὰ ταῦτά τι, διαπράξασθαι, τὸ μὲν πραχθὲν παρ' αὐτῶν μενέτω ἀργὸν καὶ ἀνόνητον, αὐτοὶ δὲ τοῖς τῶν κανόνων ἐπιτιμίαις ὑποκείσθωσαν.

Τύπος θ'.

Ἐγνωσται δὲ τῇ ταπεινώσει ἡμῶν, ὥς καὶ δωρεὰς τινες ἀργῶν καὶ μοναστηριῶν καὶ πράξεις αὐτῶν καὶ ἀνταλλαγὰς ποιοῦντες, καὶ ἐν ταύταις τὸν τίμιον σταυρὸν ἰδιοχείρως διαχαράττοντες, καὶ πολλοὺς ἄλλους προσκαλούμενοι μάρτυρας τῶν γεγονότων, καὶ τούτων ὁμοίως ἐκείνοις συγκαταπηγνύντων τὰ ἴδια σίγνα ἰδιοχείρως, εἰς μετὰ μελὸν μετὰ ταῦτα χωροῦσι καὶ τῶν γενομένων ἀνατροπὴν θρασέως, φεῦ, καὶ τολμηρῶς τοῦ τοσούτου καταφρονούντες πράγματος. κάντεῦθεν πρῶτον μὲν τὴν χριστιανοῖς ἀρμόζουσιν ἀθετοῦντες πίστιν, ἔπειτα δὲ καὶ τὴν ἰδίαν καταπατοῦντες συνείδησιν. διὰ τι τοῦτο ἀρεσκεία τοῦ εὐλαβεστάτου Πρώτου καὶ τῶν λοιπῶν πάντων καθηγουμένων τετύπωται παρ' ἡμῶν, ἵνα τοῦ λοιποῦ ὁ τοιοῦτου κατατολμῶν πράγματος καὶ αὐτῆς ἐκπίπτῃ τῆς ἡγουμενείας καὶ ἕτερος ἀντ' αὐτοῦ ἐκ τῆς αὐτοῦ μονῆς προχειρίζεται, καὶ τὰ παρ' αὐτοῦ γεγονότα ἐπὶ τῆς προτέρας μένῃ ἀσφαλείας.

Τύπος ι'.

Περὶ δὲ κοπῆς ξύλων ἐνεκάλουν τινὲς τῶν ἐν τῷ ὄρει μοναχῶν, κωλύεσθαι παρὰ τῶν δυνατωτέρων μοναστηριῶν κόπτειν εἰς τε χρειαν καύσεως τῶν μαγηρείων αὐτῶν καὶ τῶν ἀρτοποιῶν, καὶ εἰς χρειαν τῶν εἰς οἰκοδομὰς

συντεινόντων. Ἐτυπώσαμεν οὖν καὶ περὶ τούτου, ἵνα τὰ μὲν εἰς χρεῖαν καύσεως ξύλα, ὅθεν ἂν βούλωνται, ἀναλαμβάνονται, τὰ δὲ εἰς οἰκοδομὰς ἐν μὲν τῷ κοινῷ ὄρει ἀδεῶς κόπτωσι καὶ ἀκολύτως, ἐν δὲ τοῖς τῶν μοναστηριῶν περιορισμοῦς, εἰδήσει τῶν ἐκάστης μονῆς μοναχῶν •[III/1 286]• καὶ ἐπιτροπῇ καὶ τοῦ προεστώτος· ταύτης τοῦτο διαπράττεσθαι, καὶ ὅσα ἂν οὗτοι ἐπινεύσωσι, τοσαῦτα κόπτειν καὶ ἀντιλαμβάνεσθαι.

Τύπος ια΄.

Πολλοὶ δὲ τῶν μοναχῶν διενεκάλουν, ὥς ἦν μὲν ποτε πολὺς ὁ τοῦ κοινοῦ τόπος καὶ διαρκῶν εἰς τὴν χρεῖαν αὐτῶν· διὰ δὲ τὸ τοὺς κατὰ καιροὺς Πρώτους διάτινας μερικὰς φιλίας, ἥ καὶ ἄλλ’ ἄττα μετὰ τινῶν μοναχῶν καὶ καθηγουμένων ὀλιγοστών ἢ καὶ πλειόνων, δωρεῖσθαι τοῦτον, ἐν οἷς ἂν καὶ βούλοιτο, ὀλιγοθῆναι μὲν τὸν ἐπίκοινον τόπον στενοχωρεῖσθαι δὲ ἐντεῦθεν τὰ μοναστήρια. Καὶ δὴ τῇ πάντων κρίσει καὶ ἀρεσκείᾳ τετύπεται, μὴ ἐξεῖναι μηδενὶ τοῦ λοιποῦ τῶν μελλόντων ἐν τῇ τοιαύτῃ ἀνιέναι ἀρχῇ ἐκ τῶν κοινῶν τοπίων δωρεῖσθαι τινι, ἢ ἀπεμπωλεῖν*.

Τύπος ιβ΄.

Τὴν δὲ Λαύραν τῶν Καρεῶν φασιν, ἀντὶ Λαύρας, ἐμπόριον γενέσθαι, ὥστε

καὶ αὐτὰ τὰ ἀπηγορευμένα μοναχοῖς πιπράσκεσθαι ἐν αὐτῇ· καὶ ἐκρίναμεν καὶ ἐτυπώσαμεν τῇ ἀρεσκείᾳ πάντων μένειν ταύτην κατὰ τὸν παλαιὸν Τύπον, καὶ ἐν οἷς ἂν εὐρίσκωνται τὰ ἀπηγορευμένα ταῦτα (αἰδοῦμαι γὰρ κατ’ ὄνομα λέγειν αὐτά) ἐκδιώκεσθαι τούτους τέλεον ἐκ τῆς τοιαύτης Λαύρας.

Τύπος ιγ΄.

Ἐπειδὴ πολὺς ὁ θρῆνος ἦν διὰ τὸ λέγειν σχεδὸν ἅπαντας, ὅτι μετὰ πολλῶν ὑπουργῶν οἱ τῶν μεγίστων Λαύρων ἡγούμενοι ἐν ταῖς συνάξεσι •[III/1 287]• παραγενόμενοι πολλῶν κακῶν αἰτίοι τῷ ἀθροίσματι τῶν γερόντων καὶ καθηγουμένων καὶ τῇ τούτων συναγωγῇ γίνονται, ὥς ἐντεῦθεν ἔσωθεν μὲν φόβους, ἔξωθεν δὲ μάχας ἀποτίκτεσθαι, ἀλλὰ καὶ αὐτοῖς τοῖς κρινούσι καὶ δοκιμάζουσι τὰ εἰς διόρθωσιν τοῦ κοινοῦ κινούμενα ἐμπόδιον οὐ μικρὸν τὸ τοιοῦτον καθίσταται, διὰ τὸ ἕκαστον τὸν ὑπουργόν, ὃ ἂν βούληται, θρασέως λέγειν καὶ αὐθαδῶς, καὶ πρὸς τοὺς κρίνοντας διαμάχεσθαι, προσεῖπον δὲ ὥς ἐπὶ τὸ πλεῖστον τῷ τῆς Λαύρας καθηγουμένῳ τὸ πᾶν. Ὁ δὲ τοιοῦτος εὐλαβέστατος μοναχὸς Νεόφυτος καὶ καθηγούμενος τῆς τοιαύτης τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου Λαύρας, καὶ εἰς τ’ ἄλλα μὲν

* Οὕτω ὁ Θεοφύλακτος Πρῶτος ἐν τῷ διαχωρισμῷ τῶν μονῶν Ξηροκάστρου καὶ Νεακίτου γράφει, ὅτι πρὸ τοῦ καιροῦ αὐτοῦ οὐδεμία τῶν μονῶν εἶχεν ἰδιοπεριοριστὸν τόπον, ἀλλ’ ἦν κοινὸς ὁ τόπος· τότε δὲ ἤρξαντο περιορίζειν τόπους τὰ μοναστήρια. Ξηρόκαστρον μονὴ τῷ πάλαι διάσημος τιμωμένη ἐπ’ ὀνόματι τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου, ἀφ’ ἧς πολλοὶ ἐν τοῖς κώδιξιν εὐρίσκονται ἄνδρες λόγιοι καὶ ἐπιφανεῖς, ἐρημωθεῖσα ἀφιερῶθη παρὰ τοῦ Πρώτου καὶ τῆς κοινότητος ἐν τῇ μεγίστῃ Λαύρᾳ. Οἱ Λαυριῶται ἥλλαξαν μετὰ τῶν ζωγραφετῶν, λαβόντες ἀγρόν τινα καλούμενον Ἀρμενον ἐν Ἱερισσῷ. σώζεται ἄχρι τοῦ νῦν τὸ τεῖχος. εἰς Γιοβάνιτζαν πλησίον Νεακίτου μονὴ μεταξὺ Ζωγράφου καὶ Κασταμονίτου διάσημος τὸ πάλαι συνηγνῶθι με τοῦ Κασταμονίτου, ἐν ἧ σώζονται τοῦ Πρώτου Θεοφύλακτου γράμματα.

πάντα καταπειθήs, διὰ φιλάγαθον πρόθεσιν, τῇ ἡμετέρᾳ ταπεινότητι ὀφθεῖς, καὶ ἐν τούτῳ δὲ τῶν ἄλλων πάντων φανείς καταπειθέστερος, ἀρκεῖσθαι ἔλεγεν εἰς τὴν τοῦ παλαίου Τυπικοῦ διάταξιν, αὐτὸν μὲν μετὰ δύο ὑπουργῶν παραγίνεσθαι, μετὰ δὲ τριῶν τὸν Πρῶτον, τοὺς δὲ λοιποὺς ἄνευ ὑπουργῶν ἅπαντας*.. Οὕτῳ γὰρ τὸ χρυσόβουλλον τυπικὸν διὰ τὸ ὀλιγάνθρωπον τηρικαῦτα εἶναι τὸ ὅρος διεκελεύετο. Οἱ δὲ τῶν λοιπῶν μοναστηριῶν καθηγούμενοι τοῦτο ἀκούσαντες ἐδυσχέραναν, καὶ ἀδύνατον εἶναι ἐνίσταντο ἄνευ ὑπουργῶν τῶν τῷ γήρᾳ τούτων καὶ τῇ ἀσθενείᾳ ὑπηρετεῖν ὀφειλόντων ἐν ταῖς συνάξεσι παραγενέσθαι. διὰ τοῦτο συναρεσθέντες ἅπαντες ἡτήσαντο τυπωθῆναι, τὸν μὲν κατὰ καιρὸν Πρῶτον μετὰ τριῶν ὑπουργῶν παραγίνεσθαι, τὸν δὲ τῆς εὐαγεστάτης Λαύρας τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου καθηγούμενον μετὰ ἑξ, τὸν δὲ τοῦ Βατοπεδίου ἡγούμενον μετὰ τέσσαρας, ὡσαύτως καὶ τὸν

* Σημείωσαι, ὅτι ὁ δοθεὶς ὑπουργὸς τῷ μοναχῷ Παύλῳ ἐν τῷ πρώτῳ Τυπικῷ οὐκ ἦν δεδομένος εἰς σύστημα μοναστηρίου καὶ ἀδελφότητος, καθὼς εἰς τὸν ἀρχηγὸν παντός τοῦ ὅρους Πρῶτον, καὶ καθὼς εἰς τὴν Λαύραν, καὶ ἤδη εἰς τὰ μοναστήρια Βατοπεδίου καὶ Ἰβήρων, ἀλλὰ προσωπικῶς εἰς μόνον τὸν Παῦλον, ἢ ὡς εἰς γέροντα ἀσθενῆ, ἢ ὡς εἰς σεβασμιώτερον τῶν τότε γερόντων, διότι ἐὰν ὁ ὑπουργὸς εἶδετο τότε εἰς σύστημα ἀδελφότητος καὶ μοναστηρίου, ἔπρεπε νὰ προστεθῇ καὶ ἄλλος. Ὁ τόπος οὐδεμίαν ἔδωκεν εἰς τὸν Παῦλον ἐξαίρεσιν. Ὅθεν εἰς μόνον τὸν Παῦλον ἐδόθη ὁ ὑπουργός, οὔτε ἡγούμενον ὄντα, οὔτε μοναστήριον ἔχοντα, καθὼς καὶ μόνος ὑπογράφεται, ὡς εἶδομεν. ἤδη φαίνονται τρία μεγάλα μοναστήρια σημειούμενα, τὰ δὲ ἄλλα ἰσότημα. ὅθεν καὶ ἐπίσης αὐτοῖς δίδονται εἰς ὑπουργὸς ἅπασι, πλὴν τῶν τριῶν.

ἡγούμενον τῆς τῶν Ἰβήρων μονῆς, τοὺς δὲ λοιποὺς ἅπαντας μεθ' ἑνός. εἶναι δὲ τοὺς τοιοῦτους ὑπουργοὺς ἐν τοῖς τῶν μοναστηριῶν κελλίοις, καὶ μὴ τῇ συνάξει παραβάλλειν ὅλως, μηδὲ συναναμίγνυσθαι τοῖς κρίνουσι γέρονσι, καὶ εἰς ὄχλησιν τούτων καὶ περικοπὴν γίνεσθαι. Εἰ δὲ θέλει ἓνα ἢ δύο ὁ τῆς περιωνύμου τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου καθηγούμενος παρίστασθαι αὐτῷ, ὡσαύτως •[III/1 288]• καὶ ὁ τοῦ Βατοπεδίου ἡγούμενος καὶ ὁ τῶν Ἰβήρων ἀνὰ ἓνα, παριστάσθωσαν μὲν, μὴ μέντοι τὸ σύνολον λαλήτωσαν. ὁ δὲ μὴ βουλούμενος σιωπᾶν ἐκβαλέσθω καὶ ἄκων τούτων πατέρων συλλόγου.

Τύπος ιδ'.

Ἐπὶ τούτοις οὖν πᾶσι καὶ τοῦτο τετύπεται ἀρεσκείᾳ πάντων, ἵνα αἱ ἀξιόλογοι ὑποθέσεις ἅπασαι εἰς τὰς καθολικὰς κρίνωνται συνάξεις, αὐτοῦ τε Πρώτου προκαθεζομένου καὶ συγκαθεζομένων τούτῳ τοῦ τε εὐλαβεστάτου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς Λαύρας τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου καὶ τῶν λοιπῶν προκρίτων ἡγουμένων, εἴ γε δῆλον ὅτι τῷ ὄρει περὶ εἰσι καὶ τῇ συνάξει, καὶ πάντων τῶν εὐλαβεστάτων γερόντων συμπαρόντων καὶ συγκρινόντων μετὰ φόβου Θεοῦ καὶ ἀληθείας, προσωποληψίας τε πάσης ἐκτὸς καὶ δωροληψίας, καὶ μερικῆς φιλίας καὶ προσπαθείας καὶ ἄλλου πάθους παντός, ἡγουν φθόνου, ἔριδος, μνησικακίας, πάντα δοκιμαζέσθω καὶ ἐκβιβαζέσθω τὰ κινούμενα. Εἰ δὲ τινες μικρὰς καὶ εὐτελεῖς ὑποθέσεις ἔχοντες τῷ Πρώτῳ προσέλθωσιν, ἵνα συμπαραλαμβάνῃ ὁ τοιοῦτος πέντε καὶ δέκα ἡγουμένους,

καὶ μετὰ τούτων ἀπέρχεται, καὶ τὴν τῶν ἐσφαλμένων ποίησιν διόρθωσιν. Μὴ ἔξεστι δὲ Πρώτῳ τοὺς αὐτοὺς αἰεὶ συμπαραλαμβάνειν, ἀλλ' ἐν ταύτῃ μὲν τῇ ὑποθέσει τούτους, ἐν ἑτέρᾳ δὲ ἑτέρους, ἵνα μὴ ὑπόνοιαι καὶ σκάνδαλα ἐν τῷ κοινῷ ἀναφύωνται.

Τύπος ιε'.

Ὁ δὲ ἔδει τῶν ἄλλων τύπων προτεθεῖναι πάντων ἀναγκαιότερον, τοῦτο ἔσχατον οἱ τιμιώτατοι γέροντες ἅπαντες· ἐπὶ τῆς συνάξεως ἐξεφώνησαν, ὅτι πέρ τινες τῶν μοναχῶν καὶ ἡγουμένων, εἴτε ἀπλότητι, εἴτε κουφότητι, εἴτε κανόνων ἀπειρία ἀγόμενοι, παιδας οὐπω εἰκοστοῦ χρόνου ἐπιβάντας, οὐ μόνον διακόνους, ἀλλὰ καὶ πρεσβυτέρους χειροτονοῦσιν, ἄλλοι δὲ καὶ ἡγουμένους τῆς αὐτῆς ἡλικίας ὄντας, διὰ τινὰ ἀγχιστείαν, ἢ καὶ ἄκαιρον προσπάθειαν, ὥς μὴ θέμις, καταλιμπάνουσιν ἐν διαθήκαις. Ταύτην οὖν τὴν ἄθεσμον καὶ παράλογον πράξιν, (ἵνα μὴ λύμην λέγω καὶ φθορὰν καὶ ἱερῶν κανόνων ἀνατροπήν) ἐκ ριζῶν ἀνασπώντες, ὀρίζομεν καὶ τυποῦμεν, εἴκοσι πέντε χρόνων χειροτονεῖσθαι διάκονον, κατὰ τοὺς θεῖους θεσμούς, τριάκοντα δὲ πρεσβύτερον, τοῦ αὐτοῦ δὲ χρόνου καὶ ἡγούμενον ἐν διαθήκαις καταλιμπάνειν. •[III/1 289]•

Οὗτοι οὖν ἐνθεσμοὶ τύποι καὶ ψυχοφελεῖς, οὐκ ἐξουσιαστικῶς, οὔτε μὴν αὐθεντικῶς, οὔτε ἀβουλεύτως, ἀλλὰ θελήσει καὶ ἀρεσκείᾳ ἀπάντων τῶν τοῦ ὄρους εὐλαβεστάτων μοναχῶν καὶ καθηγουμένων, ὧν καὶ ὑπογραφαὶ τὰ ὀνόματα κατωτέρω δηλοῦσιν, ἐτυπώθησαν καὶ ἐπράχθησαν παρ' ἐμοῦ

Κοσμᾶ εὐτελοῦς μοναχοῦ τοῦ Τζιντζιλούκη, κατὰ τὴν θείαν καὶ βασιλικὴν πρόσταξιν, καὶ ὑπεγράφησαν παρὰ τῶν ἀξιολογοτέρων γερόντων τοῦ ὄρους Ἄθω, καὶ τοῖς μοναχοῖς ἐπεδόθησαν ἀντιλήψει τοῦ κραταιοῦ καὶ ἀγίου ἡμῶν βασιλέως. οὐστinas τύπους καὶ θεσμούς, ὥς ἐξ ἀποστολῆς βασιλικῆς παρ' ἡμῶν ἐκτεθέντας τῶν εὐτελῶν ἀπαρθραύστως τηρεῖν ὀφείλουσιν ἅπαντες οἱ ἐν τῷ ἀγίῳ τούτῳ ὄρει μοναχοί. Ὁ δὲ παραβαίνων τούτους καὶ τῇ τῶν θείων κανόνων δίκη ὑποπεσεῖται καὶ τῆς ἀνακτορικῆς ἀγανακτήσεως πειραθήσεται. Ὀφείλουσι δὲ τὸ παρὸν τυπικὸν καὶ τῷ κραταιῷ καὶ ἀγίῳ ἡμῶν ἐμφανίσαι βασιλεῖ, ἵνα διὰ τῆς αὐτοῦ φιλοχρίστου καὶ εὐσεβοῦς βασιλείας ἡ κυριότης τούτῳ καὶ βεβαιότης ἐπιβραβευθῇ. καθὰ δὴ καὶ ἐν τῷ ἐκτεθέντι παρὰ Εὐθυμίου τοῦ εὐλαβεστάτου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς τῶν Στουδίων εὐαγεστάτης μονῆς, τοῦ ἐξ ἐπιταγῆς βασιλικῆς εἰς κατάστασιν τοῦ ὄρους προαποσταλέντος, τυπικῶ. γέγονε, παρὰ τοῦ ἐξαποστείλαντος τοῦτον μακαρίτου βασιλέως κυροῦ Ἰωάννου, οὓς τινὰς τύπους καὶ αὐτοὶ βεβαιοῦμεν καὶ ἐπικυροῦμεν καὶ ἀπαρασαλεύτους εἰς τὸν αἰῶνα συντηρεῖσθαι βουλόμεθα.

Ταῦτα ἐξετέθη καὶ ἐγράφη καὶ ὑπεγράφη παρὰ τε Θεοφυλάκτου μοναχοῦ καὶ Πρώτου τοῦ ὄρους, καὶ Νεοφύτου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς περιβοήτου μονῆς τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου, καὶ Ἀθανασίου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς μονῆς Βατοπεδίου, καὶ Γεωργίου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς

μονῆς τῶν Ἰβήρων, καὶ Ἰωάννου μοναχοῦ καὶ καθηγουμένου τῆς μονῆς τοῦ Ζυγοῦ, καὶ τῶν λοιπῶν ἐγκρίτων μοναχῶν καὶ καθηγουμένων τοῦ ὅρους Ἀθω· μηνὶ σεπτεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος δ', ἔτους ,Ζφνδ'.

Εἵτα ὑπῆρχεν ἀμέσως ἡ βασιλικὴ ὑπογραφή καὶ σφραγίς, ὡς ὁ τὸ παρὸν ὑποβεβαιῶν μητροπολίτης Θεσσαλονίκης γράφει· «ἔστι δὲ τὸ τοιοῦτον κεκανικλωμένον* καὶ βεβουλouμένον τῷ βασιλικῷ βουλλωτηρίῳ καὶ •[III/1 290]• ὑπογεγραμμένον παρὰ τῶν τότε ὄντων καθηγουμένων, ὧν τὰ ὀνόματα εἰσὶ ταῦτα:

† Θεοφύλακτος μοναχὸς καὶ	
Πρῶτος	1.
† Νεόφυτος, игумен Лавры	
Αφanasia	2.
† Γεώργιος μοναχὸς ὁ Ἰβηρ	3.
† Αθανάσιος μοναχὸς καὶ	
καθηγούμενος τῆς μονῆς	
Βατοπεδίου	4.
† Ἰωάννης μοναχὸς καὶ	
καθηγούμενος τῆς μονῆς	
τοῦ Ζυγοῦ	5.

Дальнейших подписей я не списал, а только заметил названия монасты-

* Κανίκλωμα τὴν βασιλικὴν ὑπογραφὴν λέγει, τὴν νῦν μονοκονδηλίαν καλουμένην· ἥτις διὰ τῆς βασιλικῆς ἐντέχνου ἐρυθρᾶς ὑπογραφῆς καὶ ἐν ταῖς συνάψεσιν ἐτίθετο τῶν ἐκ μεμβράνος ἡ σταχέως, χαρτίου τεμαχίων πρὸς ἀσφάλειαν. Βουλλωτήριον δὲ τὴν βασιλικὴν σφραγίδα τὴν ἔχουσαν τὴν εἰκόνα τοῦ βασιλέως καλεῖ... Τοῦτο τὸ πρωτότυπον, ὅπερ ὁ Θεσσαλονίκης καὶ κάτωθεν βεβαιῶ, οὐκ εἶδον. Ἔστιν ἐν τῷ κοινῷ ἐν μεμβράνῃ ἴσον, ὅμοιον τῷ παρόντι, ὅμως οὔτε τοῦ βασιλέως τὴν ὑπογραφὴν ἔχει, οὔτε ἄλλην τινά.

рей, которых игумены подписались. Эти монастыри суть:

— Μονὴ τοῦ Ἑσφιγμένου,	6.
— Μονὴ τοῦ ἀγίου Νικηφόρου,	7*.
— Μονὴ τοῦ Κάσπακος,	8.
— Μ. Ξηροποτάμου,	9.
— Μονὴ τοῦ κυροῦ Ἀθανασίου	
τῶν Μηλεῶν,	10.
— Μ. Δοχειαρίου,	11.
— Μονὴ τῆς ὑπεραγίας	
Θεοτόκου,	12.
— Μονὴ τοῦ κυροῦ Σισώη,	13.
— Μ. Καλιάγρας,	14.
— Μ. τοῦ Φακινοῦ,	15.
— Μ. τοῦ Σωτήρος,	16.
— Μ. Αντωνίου,	17.
— Μ. τοῦ ἀγίου Εὐστρατίου,	18.
— Μ. τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου,	19.
— Μ. τοῦ Βερριώτου,	20.
— Μ. τοῦ Φαλακροῦ,	21.
— Μ. τοῦ Κολετζῆ,	22.
— Μ. τοῦ Ξηροκάστρου,	23.
— Μ. τοῦ Ἀρχηστρατήγου,	24.
— Μ. τοῦ Φιλαδέλφου,	25.
— Μ. τοῦ Λουτρακίου,	26.
— Μ. τοῦ Νεακίτου,	27.
— Μονὴ τῶν ἀγίων ἀναργύρων,	28.
— Μ. τοῦ ἀγίου Νικολάου,	29.
— Μ. τοῦ ἀγίου Ἐφρέμ,	30.
— Μ. τοῦ ἀγίου Ὀνουφρίου,	31.
— Μ. τοῦ ἀγίου Πέτρου	(все).

Имена игуменов всех этих монастырей смотри ниже в подобной кутлумушской рукописи.

* Ἡ μονὴ τοῦ ἀγ. Νικηφόρου λέγεται καὶ Ξηροποτάμου, ὡς ἐν τινὶ κώδικι τῆς Λαύρας φαίνεται. — Καὶ ἐν τῷ πρακτικῷ τῆς μονῆς τοῦ ὁσίου Σάβα τοῦ Χάλδου δύο μοναὶ εὐρίσκονται Ξηροποτάμου καλούμεναι.

Τὰ παρόντα ἴσα παρεκβληθέντα, καὶ ἐν τῇ Θεοσώστῳ πόλει Θεσσαλονίκης ἐκφανισθέντα παρὰ Ἰωαννικίου μοναχοῦ καὶ Πρώτου τοῦ ἁγ. ὄρους τοῖς πρωτοτύποις τοῦ αὐτοῦ ἁγ. ὄρους, καὶ ἰσάζοντα τῷ ἁγίῳ ἡμῶν ἀπεστάλῃ βασιλεῖ διὰ Νήφωνος τοῦ εὐλαβοῦς μοναχοῦ ἐκ τῆς •[III/1 291]• μεγάλης Λαύρας καὶ ἡσυχαστοῦ ἐν μηνὶ Σεπτεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος ε', ἔτους ,Cχξ' (1097).

Ἡ σφραγὶς μολυβδίνῃ κρεμάται καὶ νῦν διὰ νήματος λινοῦ ἔχουσα γράμματα κεφαλαιώδη· Σφραγὶς Θεοδούλου Θεσσαλονίκης.

Ἀντεγράφη ἐκ τοῦ ἰδίου πρωτοτύπου διὰ χειρὸς διδασκάλου κῦρ Θεοδωρήτου. Σώζεται ἐν τῇ μονῇ τοῦ Ἑσφιγμένου ὅσον τὸ πρωτότυπον, τόσον καὶ τὸ ἀντίγραφον τοῦ κῦρ Θεοδωρήτου*. Ἀντεγράφη ἤδη τῷ 1819 ἔτει. Τῷ δὲ ἐν τῷ Πρωτάτῳ ἀντιγράφῳ οὐκ ἔχει τὰς ὑπογραφὰς τὸ πρῶτον τοῦ Τζιμήσχη Τυπικὸν καὶ παλαιγενέστερον εὐρίσκεται τὸ ἴδιον, τὸ παρὸν οὐχ εὐρίσκεται, εἰ μὴ ἡ βασιλικὴ τούτου ἐπικύρωσις. Ὁ Θεσσαλονίκης ὅμως οὐκ ἠδύνατο ψευδῇ ἀντιγραφῇν ἀποστεῖλαι τῷ αὐτοκράτορι Ἀλεξίῳ Κομνηνῷ, τῷ ζητήσαντι τὸ Τυπικὸν τὸ 1097 ἔτος, διὰ τὰς τότε τῶν πατέρων τοῦ ὄρους ἀκαταστασίας καὶ ἔριδας.

Πάντες οἱ ὑπογράψαντες ἐγκριτότεροι τῶν ρπ' ἡγουμένων καὶ ἔτι πρὸς δύο καὶ τριάκοντα σημειοῦνται ἐνταῦθα.

* Эта заметка доказывает, что филофеевская рукопись сия составлена не Феодоритом, а кем-то другим.

θα. Ἐκ τῶν μοναστηριῶν τῶν ἐνταῦθα σημειουμένων σώζονται νῦν ἡ Λαύρα, Βατοπεδῖον, Ἰβήρων, Ἑσφιγμένου, Δοχειαρίου καὶ Ξηροποτάμου = τῶν τεσσαράκοντα μαρτύρων; ἢ ὄχι; ἀγνοεῖται τοῦτο, ἐκ τῶν ὁποίων ἢ τοῦ Δοχειαρίου μονῇ ὑπῆρχεν ἐν Δάφνῃ, καὶ μετετέθη ἔπειτα, ἐνθα νῦν ἐστί. Τοῦ δὲ Ἑσφιγμένου ὑπῆρχεν πρὸς δυσμὰς ὡς ἐν μίλιον ἀπεχωρίσθη μέρος πολὺ τοῦ ἄνωθεν ἐκείνου τόπου καὶ ἐκάλυψεν τὸ ἥμισυ τῆς μονῆς καὶ ὅλον τὸ νότιον τεῖχος τοῦ καθολικοῦ ναοῦ, καὶ οὔτε ἵχνος φαίνεται. Ἡ τοῦ ἁγίου Νικηφόρου φαίνεται ἢ νῦν τοῦ Ξηροποτάμου κυρίως καλουμένη μονὴ τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα μαρτύρων. Ἡ τοῦ Ξηροποτάμου καλουμένη συμπεραίνεται ἢ νῦν καλουμένη τοῦ ἁγ. Παύλου, ὡς ἐκ τοῦ γράμματος τοῦ περιορισμοῦ τῶν Βουλευτηρίων συνάγεται. Ἐπρεπε νὰ ἔχη τινὰς ὅλους τοὺς ἀρχαίους κώδικας τῶν μοναστηριῶν, διὰ νὰ κρίνῃ ἀσφαλῶς τὰ παρόμοια. Ἡ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, ὡς ἐκ τῶν χρυσοβούλλων τῶν βασιλέων διατεκμαίρεται, φαίνεται ἱερὰ αὕτη μονὴ τοῦ Φιλοθέου, ἥτις καὶ ἐξ ἐτέρων κωδίκων, ὡς μέλλομεν ἰδεῖν, ἀρχαία φαίνεται.

— Ἡ τοῦ Σωτήρος, Φαλακροῦ καὶ Φακινοῦ εἰσὶ τόποι ὑποκείμενοι εἰς τὴν ἱερὰν μονὴν τοῦ Παντοκράτορος. — Ἡ τοῦ Κάσπακος •[III/1 292]• ἄνωθεν τοῦ Μηλοποτάμου ἐρείπιον, ὑποκείμενον τῇ ἱερᾷ μονῇ τῶν Ἰβήρων. — Ἡ τῆς Καλλιάρχας περιβόλιον τῆς ἱερᾶς μονῆς Κουτλουμούση. — Ἡ τοῦ Ξηροκάστρου πανέρημον δεσποζόμενον νῦν ὑπὸ τῆς μονῆς τοῦ Ζωγράφου. — Ἡ τοῦ

Ζυγοῦ θαυμάσια μονή, μόλις ἵχνη σώζονται τοῦ ναοῦ καὶ τῶν ἐρειπίων αὐτῆς εἰς τὸν Ζυγόν, νῦν ἐστὶ νομὴ τῶν κτηνῶν τῆς μονῆς Χελανταρίου. — Τῶν λοιπῶν ἀγνοοῦνται παντελῶς τὰ ὀνόματα, ἂν τινες ἐκ τούτων εἰσὶ κελ-λία, ἣ ἐρημώθησαν παντελῶς. Αὗται ἦσαν αἱ ἐν τῷ τυπικῷ τότε γραφόμεναι κρεῖττονες τῶν ἐπέκεινα τῶν ρπ'. ἐξ ὧν ἤδη σώζονται αἱ σημειωθῆσαι. Αἱ δὲ νῦν σωζόμεναι πᾶσαι οὐ σημειοῦνται ἐν τῷ τυπικῷ, ἣ ὅτι οὐκ ἦσαν, ἣ ὡς σμικραὶ καὶ ἀσήμαντοι. — Γεώργιος ὁ Ἰβηρ, ὁ τῆς τοῦ γένους αὐτοῦ μονῆς ἡγούμενος, ὁ καὶ Τορνίκιος ὑπογραφόμενος, σπαθάρης ὢν Ἑλλάδος καὶ διοικητής, ἦλθεν ἐν τῷ ὄρει καὶ ἡγόρασε μίαν μονὴν τοῦ προδρόμου, ἐπιεκλημένην τοῦ Πίθου καὶ Χαρζανᾶ διὰ τετρακόσια χρυσᾶ νομίσματα ἐπὶ σκοπῷ, νὰ ἔλθῃ νὰ μονάσῃ ἐν αὐτῇ. Οὗτος ἐλθὼν ἔπειτα ἦλθεν ἐν τῇ τῶν Ἰβήρων, καὶ ἔκτισε καὶ τὸν μέγαν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου ναόν. Ἡ τῶν Ἰβήρων μονὴ πρότερον ἐτιμᾶτο ἐπ' ὀνόματι τοῦ προδρόμου· μήπως αὕτη ἐκαλεῖτο καὶ τοῦ Πίθου καὶ Χαρζανᾶ; διότι Ἰβήρων τοῦ γένους ἐστὶν ὄνομα, οὐχὶ δὲ τοῦ τόπου, ἣ τοῦ κτήτορος τῆς μονῆς.

Ἡ δι' ἰδίου βασιλικοῦ χρυσοβού-λου τοῦ αἰοδίου βασιλέως Κωνσταν-τίνου τοῦ Μονομάχου ἐπικύρωσις τοῦ Τυπικοῦ.

(Κατ' ἀρχὰς σηραὶ τινες γραμμῶν ἐφθάρησαν παντελῶς· τὰ δὲ σωζόμενα καὶ ἀναγινωσκόμενα εἰσὶ ὡς ὀρῶνται κάτωθεν)

.....
.....

εἰς τὸ αὐτὸ στασιάζοντος καὶ τῇν φίλῃν εἰρήνην ἀπεσυρμένην κατέχον-τος, καὶ τοὺς κατὰ τὸ ὄρος θεσμοὺς καὶ κανόνας ἡθετηκότος, καὶ διὰ πάσης ἐντολῆς ἐπιλεησμένου, καὶ κοσμικοῖς ἀνδράσι διαιτᾶν τὰ κατ' αὐτοὺς ἐπιτρέποντας, καὶ ἀσ..... τὴν τάξιν ὡς γὰρ ἡ σὰρξ ὑποτέτακται τῷ πνεύματι, καὶ τινι δεσπότῃ καὶ βασιλεῖ καθυπείκειν τέτακται, οὕτω δεῖ μᾶλλον τοὺς καταπεφρονηκότας κόσμου καὶ τῶν ἐν κόσμῳ, καὶ Θεῷ μόνῳ ζῆν ἐλομένους, προτετάχθαι τῶν ἄλλων καὶ δικαστὰς αὐτοῖς καθίστασθαι περὶ ψυχικῶν αἰτιαμάτων, καὶ πολλῆς ἐντεῦθεν ἄνα τὸ ὄρος ἀνατροπῆς τῶν πραγμάτων γεγεννημένης περιαλγή-σαντες, ὡς εἰκὸς ἐπὶ τούτοις, οἱ καὶ χρόνῳ καὶ πόνοις ἀσκητικοῖς τῶν ἄλλων διαφέροντες, καὶ περιπαθῶς ἐσχηκότες •ΠΠ/1 293I• ἐφ' οἷς ἑώρων, πάν-τας μὲν θεσμοὺς ἀθετουμένους, ἐκθέσ-μους δὲ τινὰς πράξεις καὶ ἀσυνήθεις τολμωμένους, καὶ τὴν μὲν εὐταξίαν ἀπεληλαμένην, τὴν δ' ἀταξίαν εἰσαγο-μένην, οὐκ ἡρέμησαν, οὐδ' ἡσύχασαν, ὥσπερ ἀγαπῶντες ἐπὶ τοῖς πεπραγ-μένοις, ἀλλὰ τῷ περὶ τὰ καλὰ ζήλω διαθερμαινόμενοι στέλλουσί τινὰς εἰς τὸ ἡμέτερον κράτος δεηθησομένους περὶ τῆς ἀγούσης φορᾶς τὰ τοῦ ὄρους πάντα καὶ συγχεούσης, καὶ οἱ πεμ-φθέντες διαγγέλλουσι μὲν, ὅσα δὴ καὶ συμβέβηκεν ἐπὶ τὸ χεῖρον ὀσημέραι αὖξοντα καὶ προχωροῦντα, ἡμῶν μὴ παρόψεσθαι αὐτοὺς καθικετεύουσιν οὕτω κακῶς πάσχοντας, μηδὲ τὸ

πολυάνδριον ἐκεῖνο ὄρος καὶ τὸ ἅγιον ποίμνιον, ἐκ μικροῦ καὶ ἐλαχίστου εἰς ὃ νῦν ὁράται προελθόν τε καὶ νεύσει Θεοῦ πλατυνθὲν ἑᾶσαι πάλιν τοῖς τοῦ πονηροῦ σπέρμασι καὶ ταῖς περινοίαις ἐλαττωθῆναί τε καὶ ἐπὶ ὄρη καὶ βουνούς διασπαρῆναι, καὶ θρῆνων πάσχειν ἄξια. Οὐκοῦν οὐδὲ παρείδομεν αὐτούς, ἀλλ' ἐφ' οἷς διηγῆσαντο δηχθέντες τὴν καρδίαν, καὶ τὸ ὅλον τοῦ πονηροῦ δράμα ὑπειληφότες εἶναι ἔγκοτον αἰεὶ πρὸς τὸ τῶν ἀνθρώπων ἔχοντος γένος, ταχινήν τε ἅμα καὶ προθείνην τὴν ἰασιν αὐτοῖς ἐπηνέγκαμεν, καὶ τὴν θεραπείαν τοῦ νοσοῦντος ἐτεχνευσάμεθα. Ἐνετειλάμεθα γὰρ Κοσμᾷ τῷ εὐλαβεστάτῳ μοναχῷ καταλαβεῖν τὸ ὄρος, ἐπισκέψασθαι τε τὸ νοσοῦν καὶ ἰασθαι καὶ ζητῆσαι μὲν πᾶσαν ἀρχαίαν συνήθειαν καὶ τύπον καὶ θεσμούς πατέρων, καὶ τὰς ἐπισυμβαίνουσας αὐτοῖς τῶν βασιλικῶν χρυσοβούλλων πράξεις, καὶ κοινῇ γνώμῃ καὶ συνδιασκέψει τῶν ἐχόντων τὴν ἡγεμονίαν ἐκάστης Λαύρας καὶ τῶν πρεσβυτέρων ὑπὲρ τοὺς ἄλλους ἀποδοῦναι τῷ ὄρει τὴν παλαιὰν πολιτείαν, τὰ δὲ καινοτομηθέντα καὶ ἀσυνήθη, τοῖς νῦν μοναχοῖς αἰτία σκανδάλων τυγχάνοντα ἀποδοκιμᾶσαι τε καὶ ἀκυρῶσαι καὶ τοῦ κατὰ ὄρους ἀπελάσαι πολιτεύματος...

Далее говорится, что благоговейный монах Косма отправился на Афон и, увидев там все, как должно, начертил Устав.

Ἐπεὶ δὲ καὶ τῇ βασιλείᾳ ἡμῶν ἐνεφανίσθη τὸ τοιοῦτον τυπικόν, καὶ καλῶς ἔχειν ἐπὶ πᾶσιν ἔδοξε, τοῦτο μὲν τῇ σφραγίδι ἡμῶν ἐσφραγίσαμεν, καὶ κατὰ τὰς συνάψεις ἐκάστης μεμβράνος

τῷ διὰ κινάβρεως κανικλώματι ἐκυρώσαμεν, ἵνα μηδὲν μηδέποτε περὶ αὐτὸ κακουργηθεῖ. Θεσπίζομεν δὲ διὰ τοῦ παρόντος ἡμῶν εὐσεβοῦς χρυσοβούλλου Λόγου соблюдать Уставы нерушимо вовеки.

Τοῦτο χρυσόβουλλον εἶναι χαρτίνον, ἐκ πολλῶν χαρτιῶν προσφυνέστατα προσηρμοσμένον· τὸ μήκος ἐκάστου καὶ πλάτος δύο πιθαμῶν. Παχὺ •**ΠΠΠ/1 294**• τὸ χαρτίον καὶ ἀπαλόν. Τὰ γράμματά του σχεδὸν ἀμίμητα, ἐν μέσῳ δὲ τῶν στίχων σημειοῦνται αἱ λέξεις διὰ σαφῶν χαρακτῆρων.

Ἐκ τούτων τῶν δύο τυπικῶν πᾶς κριτικὸς ἀναγνώστης δύναται νὰ ἐξεικάσῃ τὴν τοῦ ὄρους κατάστασιν, τὴν τε ἐν τῷ πρώτῳ τυπικῷ καὶ τὴν ἐν δευτέρῳ. Ἐν τῷ πρώτῳ οἱ κελλιῶται καὶ ἡσυχασταὶ ἡγούμενοι οὔτε ὀνομαστὸν τόπον εἶχον, οὔτε μοναστηρίου ὄνομα γράφεται, πλην τῆς μεγάλης Λαύρας, οὔτε αὐτῶν τῶν Καρεῶν, ἀλλὰ τὸ κοινὸν ὄνομα τοῦ ὄρους καὶ τὸ τῆς Λαύρας· ἐν τῷ δευτέρῳ καὶ τῶν Καρεῶν Λαύραν ὀρώμεν καὶ μοναστηρίων καὶ Λαυρῶν ὀνόματα, καὶ οἱ ἡγούμενοι ὀρισμένον τόπον, καὶ μοναστηρίων σημειοῦνται ἡγούμενοι. Ποῖα ἄρα κατάστασις συνάγεται ἢ ἐν τῷ πρώτῳ Τυπικῷ; ὥς νομίζω, ὁμοιάζει ὅποσόν ἢ κατάστασις ἐκεῖνη μὲ τῶν σημερινῶν σκήτεων καὶ κελλιῶν, ἐξαιρουμένων τῶν ἐκκλησιῶν καὶ τῆς πολιτείας. διότι τότε ἐκκλησίας οὐκ εἶχον, παρὰ καλύβας εἰς γέροντας μὲ ὑποτακτικούς· οἵτινες ὀνομάζονται οἱ ἡγούμενοι ὁ κάθε γέροντας.

VI

Πότε τὸ ὄρος Ἄθω καὶ παρὰ τίνος ἐδιορίσθη εἰς κατοικίαν καὶ ἐκδιώχθησαν ἐκ τούτου οἱ κοσμικοί;

Выше я заметил, что первобытное состояние Св. Горы познается из Жития преподобного Евфимия, написанного архиереем Василием, и из Жития св. Афанасия Афонского.

Προγενέστερος δὲ ὁ συγγραφεὺς τοῦ βίου τοῦ ὁσίου Εὐθυμίου, ὁ ἀρχιερεὺς Βασίλειος, ὃς καὶ μαθητὴς ἐ χρημάτισε τοῦ ὁσίου Εὐθυμίου πρὶν ἀρχιερατεύσει, ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Βασιλείου τοῦ Μακεδόνο (ἦν) καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Κωνσταντίνου, ὡς ἐν τῷ βίῳ φαίνεται, ὅτι ἔκτισεν ὁ Εὐθύμιος τὴν ἐν Περιστερᾷ μονὴν βασιλευόντων Βασιλείου καὶ Κωνσταντίνου, οὐ τῶν αὐταδέλφων, ἀλλὰ τοῦ πατρὸς καὶ υἱοῦ. διότι ὁ ὁσιος Εὐθύμιος ἐγεννήθη ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Θεοφίλου, τοῦ πατρὸς Μιχαήλ, εἰς τοῦ ὁποίου τὴν βασιλείαν ἦλθεν ὁ Εὐθύμιος εἰς τὸ ὄρος Ἄθω· καὶ ἦν ἔρημος ὁ τόπος· καὶ μόνον ἓνα εὗρεν τὸν ὅσιον Ἰωσήφ. Μὴ δυνηθέντες δὲ ἐν τῷ ὄρει μένειν, καίτοι πολλάκις •[III/1 295]• δοκιμασθέντες, ἐξῆλθον τοῦ ὄρους, καὶ κατὰ θείαν ἀποκάλυψιν ἔκτισεν ὁ Εὐθύμιος τὴν ἐν Περιστερᾷ μονὴν γέροντων ὧν ἑβδομηκοντούτης καὶ ὁ ἐν τῷ βίῳ τούτῳ συνασκητὴς αὐτοῦ καὶ συναγωνιστὴς περὶ τὸν Ἱερισσὸν εἰς τὰ Σιδηροκαύσια (ὡς ἀρχιερεὺς Βασίλειος γράφει) Ἰωάννης Κολοβὸς ἔκτισε τὴν ἐπώνυμον αὐτῷ μονὴν τοῦ Κολοβου, ἦν τὸ τυπικὸν μεγάλην καλεῖ, καὶ τὰ κατωτέρω χρυσόβουλλα μνημονεύουσιν αὐτῆς. Οὗτος ὁ Ἰωάννης

ἐδεήθη τοῦ βασιλέως Βασιλείου, νὰ ἀφορίσῃ τὸ ὄρος Ἄθω εἰς κατοικίαν μοναχῶν, καὶ ἐξέδωκεν ὁ βασιλεὺς τὸ ἀκόλουθον πρόσταγμα.

Χρυσόβουλλον τοῦ βασιλέως
Βασιλείου, ἐξ οὗ μέρος
ἀντεγράφη πρὸς δῆλωσιν τῆς
ὑποθέσεως ἡμῶν.

«Τοὺς τὸν ἐρημικὸν βίον ἐλομένους καὶ τὰς καταμονὰς καὶ διατριβὰς ἐν τῷ τοῦ Ἄθωνος λεγομένῳ ὄρει ποιησάμενους, καὶ τὰς εὐτελεῖς σκηναὺς ἐκεῖ πηξαμένους, παρὰ τῶν ἐπιχωριαζόντων καὶ τῷ ὄρει τούτῳ προσομορούντων ἐπηρεαζομένους καὶ μὴ συγχωρουμένους καθαρῶς καὶ ἀταράχως τὰ τοῦ οἰκείου λογισμοῦ διεπετελεῖν, ἢ θεοσυνέργητος ἡμῶν βασιλεία δικαίου ἡγήσατο, διὰ τοῦ δὲ ἡμῶν τοῦ συγγιλλίου, τοῦ λοιποῦ ἀθορύβους καὶ ἀταράχους διάγειν, εὐχεσθαί τε ὑπὲρ τῆς ἡμῶν γαληνότητος καὶ ὑπὲρ τοῦ παντὸς τοῦ τῶν χριστιανῶν συστήματος, καὶ ἐξασφαλιζόμεθα πάντας ἀπὸ τε στρατηγῶν, βασιλικῶν ἀνθρώπων καὶ ἕως ἐσχάτου ἀνθρώπου τοῦ δουλείαν καταπιστευομένου, ἔτι δὲ καὶ ιδιώτας καὶ χωριάτας καὶ ἕως τοῦ ἐν τῷ μύλῳ ἀλήθοντος, ἵνα μὴ ὑπηρετήσῃ τις τοὺς αὐτοὺς μοναχοὺς, ἀλλὰ μηδέ, καθὼς ἐστὶ τοῦ Ἱερισσοῦ ἢ ἐνορίας, καὶ τὴν ἔσω πρὸς τὸ τοῦ Ἄθωνος ὄρος εἰσέρχεσθαί τινας, μήτε ποιμένας μετὰ τῶν ποιμνίων αὐτῶν, μήτε βουκόλους μετὰ τῶν βουκολίων αὐτῶν» — καὶ τὰ ἐξῆς.

Βλέπομεν ἐνταῦθα τοὺς ἐπὶ τοῦ βασιλέως τούτου μοναχοὺς, τότε

πηξαμένους εἰς τὸ ὄρος Ἄθω τὰς εὐτελεῖς σκηνάς, καὶ ἐπηρεαζομένους παρὰ τῶν γειτνιαζόντων τῷ ὄρει.

Σημειοῦμεν ἀκολουθῶς καὶ τὸ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Λέοντος σιγίλλιον, ἡ χρυσόβουλλον. Δι' ἣν αἰτίαν ὁ βασιλεὺς Λέων δίδωσι τοῖς μοναχοῖς τοῦ Ἄθω τὸ ἀκόλουθον σιγίλλιον;

Τὸ ἄνωθεν τοῦ πατρὸς αὐτοῦ σιγίλλιον, ἐπειδὴ δι' ὑπομνήσεως τοῦ ὁσίου Ἰωάννου τοῦ Κολοβοῦ ἐδόθη, ὡς τὸ κάτωθεν τοῦ Λέοντος μαρτυρεῖ, ἠρύσκειτο πρὸς φύλαξιν ἐν τῇ μονῇ Κολοβοῦ. Μετὰ τὴν τούτου •[III/1 296]• ἀποβίωσιν καὶ τοῦ βασιλέως, εἰς τὸν πρῶτον χρόνον τῆς βασιλείας Λέοντος, οἱ διάδοχοι Κολοβοῦ ἔφερον πρὸς ἐπικύρωςιν τὸ σιγίλλιον τὸ ὁποῖον φαίνεται ὅτι ἐδέχθη εὐμενῶς ὁ βασιλεὺς καὶ ἔδωκεν αὐτοῖς ἄδειαν, ἵνα συντεθῇ καὶ ἐκ μέρους αὐτοῦ σιγίλλιον. Οἱ μοναχοὶ Κολοβοῦ ἀντὶ ἐπικυρωτικοῦ ἐποίησαν Χαριστικῆς σιγίλλιον, καὶ ἔγραψαν πολλὰ χωρία καὶ μοναστήρια εὐρισκόμενα εἰς τὰ Σιδηροκαύσια ἕως εἰς τὸ ὄρος Χωλομόντα, ἔγραψαν καὶ ὅλον τὸν Ἄθωνα ὑποκειμένον τῇ μονῇ αὐτῶν. Ὁ βασιλεὺς ἀπεριέργως ἐπεκύρωσε τοῦτο τὸ σιγίλλιον, ὡς μόνος γράφει. Οἱ τοῦ Κολοβοῦ μοναχοὶ ἔχοντες τοιαύτην ἐξουσίαν διὰ τοῦ ἐξ ἀπάτης σιγιλλίου, ἔθλιβον τοὺς ἐν τῷ ὄρει ἀσκητάς, καὶ ἐδίωκον αὐτούς, ὡς ἐκ τῆς δεσποτείας αὐτῶν, καὶ τὸ ὄρος ἐποίησαν πρὸς νομὴν ζώων, φέροντες τῶν πλησιοχώρων τὰ ζῶα ἐπὶ συμφωνία πληρωμῆς, ἐστενοχῶρουν καὶ τοὺς κατοίκους τῶν χωρίων. Συνέβη δὲ νὰ ἔλθῃ ἐν Θεσσαλονίκῃ εἰς ἄρχων

βασιλικός· οἱ μοναχοὶ καὶ οἱ χωρικοὶ ἀπῆλθον καὶ ἐσυμβουλευθήσαν τὸν ἄρχοντα περὶ τῆς γενομένης αὐτῆς καταδυναστείας παρὰ τῶν μοναχῶν τῆς μονῆς Κολοβοῦ· καὶ ὁ ἄρχων ἔδωκεν αὐτοῖς συμβουλήν, νὰ ἀναφέρωσι τῷ βασιλεῖ τὴν ὑπόθεσιν. Ὁ βασιλεὺς μαθὼν, ἐπρόσταξε τοὺς μοναχοὺς Κολοβοῦ, νὰ πάρωσι τὰ γράμματα καὶ νὰ παρασταθῶσιν εἰς τὸ κριτήριον πρὸς ἐξέτασιν. Ἐξετασθείσης τῆς ὑποθέσεως, ἐσχίσθη ὁ ἐξ ἀπάτης ἐκεῖνος χάρτης, καὶ ἐδόθη τὸ παρὸν σιγίλλιον ἐπικυρωτικὸν τῶν ἰδίων προνομίων τοῦ πατρὸς αὐτοῦ τῶν δοθέντων τοῖς Ἀθωνítais μοναχοῖς, καὶ συνέστειλε τὰ ὅρια τῆς μονῆς Κολοβοῦ, φερουμένως κολοβώσας διὰ τὴν γενομένην ἀπάτην, ἀποκαταστήσας καὶ τὰ χωρία καὶ τὰ ἐν τοῖς χωρίοις μοναστήρια εἰς τὴν πρωτέραν αὐτῶν κατάστασιν. Ἀξιόλογον τὸ σιγίλλιον τοῦτο ἐν μεμβράνῃ σημειούμενον· πλὴν βάρβαρός τις διὰ χρεῖαν ἰχθύων μελανουρίων ἀπέκοψε τὰς ἐν τῇ ἀρχῇ δύο ἄκρας, καὶ τὰ τέλη οὐκ ἀναγινώσκονται· εὐρίσκεται ὁμως ἡ ἔννοια τῆς ὑποθέσεως ἐκ τῶν σωζομένων γραμμάτων ἐχόντων οὕτως·

«... . πάσης παρενοχλήσεως ...
 .. ἐλευθεριάζοντες περιστάσεων ...
 τῷ ὄμματι ...
 τῆς βασιλείας
 ὑπερεύχοντο. Τοίνυν καὶ τοῖς ἀσκηταῖς
 ἅπασι πάλαι μὲν ὁ ἐν τῇ θεῇ
 λήξει πατὴρ ἡμῶν καὶ βασιλεὺς σιγίλλιον •[III/1 297]• ἐξ αἰτήσεως Ἰωάννου τοῦ
 ἐπιλεγομένου Κολοβοῦ λαβεῖν ἐδικαίωσε τοῦ παραφυλάττεσθαι πάντας
 τοὺς ἐν τῷ αὐτῷ ὄρει σχολάζοντας

τοὺς θείους ἄνδρας ἐν διαφόροις κατασκηνώσεσι, καὶ πρὸς τούτοις καὶ τὴν παρ' αὐτοῦ Ἰωάννου νεουργηθεῖσαν μονὴν τῆς τοιαύτης προνοίας καταπολαύειν, καὶ κατέχειν τὴν ἐνορίαν τοῦ Ἑρισσοῦ καὶ μόνον. Καὶ τῆς τοιαύτης θείας κελεύσεως τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει πατρὸς ἡμῶν καὶ βασιλέως ἐπὶ χρόνους τινὰς κρατήσας, ὕστερον δὲ προσελθόντες οἱ τῆς μονῆς Κολοβοῦ ἐν ἀρχῇ τῆς ἡμετέρας αὐτοκρατορίας, καὶ πλαγίως διδάξαντες, ὡς ἐν τάξει ἐπικυρωτικοῦ τοῦ ἐν τῇ θείᾳ λήξει πατρὸς ἡμῶν καὶ βασιλέως σιγιλίου ἐπεζήτησαν, ἐν ᾧ παραλόγως τῆς τοῦ σιγιλίου μετενεχθέντες τάξεως, χαριστικῆς τύπον, ὡς οὐκ ὠφελεν, διεγράψαντο, καὶ περιορισμὸν ἐκθέμενοι σχεδὸν τὸν ὅλον εἰς δεσποτείαν καὶ κυριότητα κατακρατήσαντες Ἀθῶνα, καὶ πρὸς τούτοις καὶ χωρία, ἀπὸ τε τῶν λεγομένων Σιδηροκαυσίων καὶ τῶν Χλωμουτλῶν καὶ ἄλλων τινῶν, καὶ πρὸς τούτοις καὶ μοναστήρια ἀπὸ τε τοῦ Μουστάκωνος, τοῦ Καρδιογνώστου, καὶ τοῦ Ἀθανασίου, καὶ τοῦ Λουκᾶ, καὶ τὴν τῶν γερόντων ἀρχαίαν κάθεδραν. Ἐπειδὴ δὲ ἐκ τοῦ αὐτοῦ περιωνύμου ὄρους Ἀθῶνος Ἀνδρέας ὁ εὐλαβέστατος μοναχὸς καὶ Πρῶτος, ἡσυχαστὴς τοῦ αὐτοῦ ὄρους, ἀπὸ προσώπου πάντων τῶν ἐκεῖσε σχολάζοντων θείων ἀνδρῶν, τὴν βασιλεύουσαν καταλαβὼν, ἐδεήθη τῆς ἡμετέρας βασιλείας ἀναδιδάξας, ὡς οἱ τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ τῆς τοιαύτης ἐπειλημμένοι προφάσεως, καὶ εἰς δικαίωμα τῆς ἀδίκως τηνικαῦτα γενομένης κατὰ πανουργίαν περιγραφῆς τὸν

αὐτὸν χάρτην προοκομίζοντες, κατεκράτησαν τὸ ὅλον ὄρος τοῦ Ἀθῶνος, καὶ τοὺς ἐν αὐτῷ σχολάζοντας θείους ἄνδρας, ὡς ὑπὸ ἰδίαν παροικίαν, πολλάκις διαπληκτιζόμενοι, ἀποφαίνονται καὶ ἀποδιώκειν, ὥσπερ ἀπὸ οἰκείων κτημάτων, ἰσχυρῶς διατείνονται, καὶ πρὸς τούτοις νομαδικὸν προάστειον τὸν ὅλον διακρατοῦντες Ἀθῶνα, καὶ τῶν πλησιαζουσῶν χωρῶν εἰσάγοντες τὰ βοσκήματα, καὶ τὰ ὑπὲρ τῆς τούτων νομῆς κομιζόμενοι, μικροῦ δεῖν ἀπελαύνειν αὐτοὺς ἐκεῖθεν παντελῶς ἐκβάλλονται. Πρὸς τούτοις δὲ καὶ ἐκ τοῦ μέρους τῶν εἰρημένων χωρῶν συνανελθόντες τῷ αὐτῷ εὐλαβεστάτῳ ἀνδρὶ περὶ τοιαύτης πλεονεξίας καὶ παραλόγου κατασχέσεως τῶν τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ κατεβόησαν. Περὶ ὧν δεξάμενος ὁ πρωτοσπαθάριος Νικηφόρος, ᾧ ἐπώνυμον τοῦ Εὐπράξη, ἀκριβῶς διερευνήσασθαι, τὴν ἀλήθειαν οὕτως ἔχειν τῇ βασιλείᾳ ἡμῶν ἀνηνέγκατο, καὶ δεξάμενος παρὰ τῆς βασιλείας ἡμῶν ἀμφοτέρω αὐτῶν τὰ μέρη, •[III/1298]• τὴν βασιλεύουσαν καταλαβεῖν προσέταξεν. Καὶ δὴ ἐπὶ τῇ παρουσίᾳ τοῦ πρωτοσπαθαρίου Νικηφόρου, δοθέντος παρὰ τοῦ ἡγουμένου τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ εἰς πρόσωπον τῆς οἰκείας μονῆς Παχωμίου καὶ Ἀθανασίου μοναχῶν, καὶ ἀμφοτέρων τῶν μερῶν παραγενομένων, καὶ ἐξετασθέντων κελεύσει τῆς βασιλείας ἡμῶν ἐπὶ Στεφάνου μαγίστρου καὶ Κωνσταντίνου βασιλικοῦ πρωτοσπαθαρίου καὶ πρωτασικρίτου, καὶ Βασιλείου πρωτοσπαθαρίου καὶ ἐπὶ τῶν δεήσεων ἐπὶ τοῦ περιωνύμου σεκρέτου τῶν

ἀσκηριτίων, ἠρύεθσαν ταῖς ἀληθείαις παραλόγως προγραφέντα τὰ τοιαῦτα τόπια ἐν τῷ παραλόγως γενομένῳ χάρτη τῆς βασιλείας ἡμῶν. Ὅπερ δὴ καὶ αὐτοὶ οἱ προειρημένοι μοναχοὶ τοῦ Κολοβοῦ ἐπὶ τῇ παρουσίᾳ πάντων συνομολογήσαντες κατέθεντο. Ταῦτα οὖν ἡ θεοπρόβλητος ἡμῶν βασιλεία παρ' αὐτῶν ἀναμαθοῦσα καὶ τὰ τῆς δικαιοσύνης ἀκοὰς εὐμενῶς ἐπικλίνασα, ἐπέταξε τὸν τοιοῦτον τῆνικαῦτα παραλόγως γενόμενον χάρτην διαρῶν χθῆναι, διαφυλάττεσθαι δὲ κατὰ τὴν γνώμην τοῦ ἐν τῇ θείᾳ λήξει πατρὸς ἡμῶν καὶ βασιλέως πάντας τοὺς ἐν τῷ Ἀθωνί σχολάζοντας μοναχοὺς ἀπαρενοχλήτους ἀπὸ παντοίας ἐπηρείας, καὶ τῆς ὡς εἰκὸς ἐγγινομένης παρενοχλήσεως. ὡσαύτως καὶ τὰ χωρία κατέχειν ἀκαινοτόμητα τὰ ἴδια δίκαια. τοὺς δὲ τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ ἀρκεῖσθαι κατὰ τὸν χάρτην τοῦ ἐν τῇ θείᾳ λήξει πατρὸς ἡμῶν καὶ βασιλέως εἰς τὴν τῆς ἐνορίας τοῦ Ἐρισοῦ διακράτησιν καὶ τὴν κατανομήν μόνην τῶν Καμένων σὺν τοῖς τόποις τῶν ἀμπελόνων καὶ κηπουρίων αὐτῶν καὶ μόνον. Τὰ δὲ λοιπὰ πάντα κλάσματα τῶν τε Καμένων καὶ τῶν λοιπῶν, κατὰ τὸν τύπον τῶν κλασματικῶν, ἐλευθεριάζειν καὶ νέμεσθαι αὐτὰ πάντας τοὺς παρακειμένους. Διὸ καὶ πρὸς περισσοτέραν ἀσφάλειαν καὶ διηνεκὴ δικαίωσιν τοῦ τε μέρους τῶν ἐν τῷ ὄρει τοῦ Ἀθωνος ἀσκητῶν, καὶ τῶν χωρίων ἀπόλαυσιν καὶ καταδίκην τοῦ μέρους τοῦ Κολοβοῦ, τὸ παρὸν ἡμῶν εὐσεβεῖς σιγίλλιδες ἐν μεμβράναις γράμμα ἐπικυρωτικὸν τοῦ ἐν τῇ θείᾳ τῇ λήξει πατρὸς

ἡμῶν καὶ βασιλέως ἐπιδιοθῆναι τῷ μέρει τῶν ἐν τῷ Ἀθωνί ἀσκητῶν ἐκελεύσαμεν, γεγεννημένον κατὰ τὸν μῆνα ἰνδικτ. ἐν ᾧ καὶ τὸ ἡμέτερον εὐσεβεῖς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσημῆματο κράτος».

Ἡ χρονολογία καὶ ἡ ὑπογραφή ὡς ἐξελημμένα καὶ ἀκατανόητα ἔμειναν ἄγραφα. •[III/1 299]•

Ἔτερον χρυσόβουλλον
Ῥωμανοῦ καὶ τῶν
συμβασιλευόντων.

«Ἐν ὀνόματι πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. Ῥωμανὸς καὶ Κωνσταντῖνος, Στέφανος καὶ Κωνσταντῖνος πιστοὶ βασιλεῖς Ῥωμαίων.

† Τὸ ταῖς ἀγαθαῖς πράξεσιν ἐπακολουθεῖν καὶ ταύτας ἐπικυροῦν, βασιλικῆς ἐστὶν ἀληθῶς προνοίας καὶ ἀγχινοίας, ὡς ἂν μόνιμον ἦ τὸ ἀγαθὸν καὶ ἀναλλοίωτον ἐς αἰεὶ. διὰ τοῦτο τῶν πρὸ ἡμῶν βεβασιλευκότων, χρυσόβουλλον ἐπιδεδωκότων τοῖς ἐν τῷ Ἀθωνί ἀσκηταῖς, τοῦτο καὶ ἡ ἡμετέρα ἐπισκεψαμένη καὶ ἀποδεξαμένη βασιλεία, διὰ τοῦ παρόντος αὐτῆς εὐσεβοῦς ἐπικυροῖ χρυσοβουλλίου Λόγου, τοῦ παραφυλάττεσθαι πάντας τοὺς ἐν τῷ αὐτῷ ὄρει σχολάζοντας θεῖους ἄνδρας ἐν διαφόροις κατασκηνώσεσι. καὶ πρὸς τούτοις καὶ τὴν παρὰ τοῦ Κολοβοῦ Ἰωάννου νεοεργηθεῖσαν μονὴν τῆς τοιαύτης προνοίας καταπολαύειν, καὶ κατέχειν τὴν ἐνορίαν τοῦ Ἐρισοῦ καὶ μόνον. καὶ ἀπλῶς πᾶν εἴ τι ἕτερον ἐν τῷ χρυσοβουλλίῳ ἀναγράφεται, ἀπαρα-

ποίητον διαφυλάττεσθαι, μήτε προσθήκης, μήτε ύφαιρέσεως τῆς οίασούν γινομένης. Πλὴν τοῦτο διορίζομεθα, ἵνα καὶ ἡ ἐμφερομένη ἐν τῷ αὐτῷ χρυσοβουλλίῳ ἀρχαία τῶν γερόντων καθέδρα ἀπαρενόχλητος διατηρεῖται ἀπὸ πάσης ἐπηρείας, ἀγγαρείας καὶ ζημίας, τῆς ὡς εἰκὸς ἐγγινομένης, παρὰ τε ἐπισκόπων καὶ ἀρχόντων, καὶ ἄλλου παντός, καθὼς ἦν καὶ ἐξ ἀρχῆς· ὡς βεβαίου καὶ ἀσφαλοῦς χρηματίζοντος τοῦ παρόντος ἡμῶν εὐσεβοῦς χρυσοβουλλίου Λόγου, γεγεννημένου κατὰ τὸν Αὐγουστον μῆνα τῆς ἐβδόμης ἐπινεμήσεως ἐν ᾧ καὶ τὸ ἡμέτερον εὐσεβὲς καὶ θεοπρόβλητον ὑπεσημῆνατο κράτος.

Ῥωμανός» κ. τ. λ.

Седьмой индикт совпадает с 919/920 сентябрьским годом от Рождества Христова*.

Καὶ τὰ τρία ταῦτα μίαν ἔχουσι καὶ τὴν αὐτὴν ἔννοιαν καὶ ὑπόθεσιν τὸ μὴ ἐνοχλῆσθαι παρὰ τινος τοὺς ἐν τῷ ὄρει ἀσκητάς. Καὶ τὸ τοῦ Λέοντος καὶ τὸ παρὸν ἐπικυροῦσι τὸ πρῶτον τοῦ αἰοιδίμου Βασιλείου σιγίλλιον, τὸ ὁποῖον καὶ χρυσόβουλλον ὀνομάζει τὸ παρὸν τοῦ Ῥωμανοῦ, οὐχ εἰς τὴν σφραγίδα, ἀλλ' εἰς τὴν ὑπόθεσιν ἀποβλέψας τοῦ γράμματος. διότι μολύβδινας ἔχουσι καὶ τὰ τρία σφραγίδας. Ἡ αὕτη ἦν τάξις ἐν τῷ ὄρει •III/1 300• τῶν μοναχῶν σχολαζόντων ἐν διαφόροις κατασκευνώσεσιν, ἃς αὐτοὶ δηλαδὴ ἔπηξαν εὐτελεῖς σκηνάς. Τοῦτο μόνον προστί-

θησι, τὴν ἀνενοχλησίαν τῆς καλουμένης καθέδρας τῶν γερόντων, ἣτις ὑπῆρχεν ἐν τῷ νῦν μετοχίῳ τῆς ἱερᾶς τῶν Ἰβήρων μονῆς, τὰ καλοῦμενα Πυργουδία. Περὶ τῆς τοποθεσίας ταύτης εἶχον ποτὲ οἱ Ἰβηρες τὸ γένος μοναχοὶ καὶ οἱ Λαυριῶται διαφοράν, ὡς ἐν τινι κώδικι τῆς Λαύρας σεσαθρωμένῳ φαίνεται σημειομένη ἡ διαφορά αὕτη. ὅτι εἶχον οἱ μοναχοὶ Ἰβηρες μετόχιον, εἶχον καὶ οἱ Λαυριῶται τὴν καθέδραν τῶν γερόντων, καὶ οἱ μοναχοὶ Ἰβηρες ἔλεγον εἶναι καὶ ταύτην ἐν τοῖς ὁρίοις τοῦ μετοχίου αὐτῶν, ὥστε πλησίον ὑπῆρχε Πυργουδίων καὶ Κομίτζης ἡ καθέδρα αὕτη. ἐπειδὴ οἱ Λαυριῶται τὴν Κομίτζαν εἶχον μετόχιον*. Ἦσαν γάρ, ὡς ἐν τοῖς ἄνωθεν βασιλικαῖς γράμμασιν εἶδομεν, καὶ ἐν τῷ πρακτικῷ γράμματι τοῦ διαχωρισμοῦ ὁράται**, μοναστήρια ἐν τῇ ἐνορίᾳ Ἐρισσοῦ, ἅτινα ἢ ἐν τοῖς αὐτοῖς ὁρίοις μονὴ Κολοβοῦ ὑπέταξεν ἐν τῷ παραλόγῳ γράμματι. Τὰ μοναστήρια ταῦτα ἐν τῷ καιρῷ τοῦ διαχωρισμοῦ τῶν ὁρίων Ἀθωνιτῶν

* Καὶ ἡ καθέδρα τῶν γερόντων ἦν ἀμφισβητήσιμος. Αὕτη φαίνεται ὡς μετόχιόν τι πρὸς ἀνάπαισιν τῶν ἡσυχαστῶν γερόντων μοναχῶν, ἴσως καὶ ὡς τόπος κοινός, εἰς ὃν συνήρχοντο ἐκ τῆς ἐρήμου, καθὼς ἔπειτα ἐγένεν ὁ τόπος τῶν Καρεῶν. διότι κατ' ἀρχὰς ἐν τοῖς μέρεσιν ἐκεῖνοις τοῖς περὶ τὸν Ζυγὸν ἡσύχαζον ὡς θερμότεροις, καὶ ἐπειδὴ εἶχον ἐνίοτε καὶ τινα παραμυθίαν ἀπὸ τῶν οὐ μακρὰν ἐκείσε εὐρισκομένων μοναστηρίων ἐν τῇ ἐνορίᾳ Ἐρισσοῦ. — Οὕτω καὶ τὰ χρυσόβουλλα καὶ οἱ Θεσσαλονίκης ἀρχόντες οἱ διαχωρίσαντες τὸν τόπον ἐκείνον διὰ προσταγῆς τῶν βασιλέων Ῥωμανοῦ καὶ τῶν σὺν αὐτῷ, Ἐρισσόν, καὶ ὄχι Ἰερισσόν, ὡς οἱ τούτων μεταγενέστεροι γράφουσι τὸν τόπον αὐτόν.

** Эту грамоту смотри ниже в Кутлумушской рукописи, содержавшей грамота ἀρχαία

* С сентября 918-го по август 919 г.— П.К.

μοναχῶν καὶ Ἑρισιωτῶν ἦσαν ἐναντία τῶν Ἀθωνιτῶν μὲ τὸ μέρος Ἑρισιωτῶν καὶ ἡ μονὴ Κολοβοῦ, ὡς εἶδομεν, ἐν τῇ ἐνορίᾳ Ἑρισοῦ ὑπῆρχεν. ἔπειτα ἦν ἡ ἐλευθέρα γῆ ἡ κλασματικὴ καλουμένη, καὶ Καμένα καὶ ἀκολούθως ἦν ὁ τοῦ Ἀθωνος διαχωρισμός· σαφῶς τὸ πρακτικὸν τοῦ διαχωρισμοῦ γράμμα διακρίνει αὐτοὺς τοὺς τόπους. Ἐπειδὴ τὸ χρυσόβουλλον τοῦ βασιλέως Βασιλείου γράφει, ὅτι μετὰ τὴν ἐνορίαν Ἑρισοῦ ἀκολουθεῖ ὁ τόπος τῶν μοναχῶν τοῦ Ἀθωνος, μετὰξὺ δὲ ἦν ἡ κλασματικὴ γῆ καὶ τὰ Καμένα ὁμοροῦντα τῇ ἐνορίᾳ Ἑρισοῦ ἐξ ἀνατολῶν καὶ ἐκ δυσμῶν μὲ τὸν Ἀθω. Καὶ οἱ τόποι οὗτοι ἦσαν κοινοὶ καὶ ἐλεύθεροι, ὡς τὸ γράμμα γράφει τοῦ Λέοντος. Οἱ ἄνωθεν βασιλεῖς ἐπώλησαν τοῖς Ἑρισιώταις τὸν τόπον τοῦτον. Οἱ μοναχοὶ •ΠΠ/Ι 3011• βλέποντες ταῦτα, καὶ διαχωρισμὸν μὴ ἔχοντες ἄλλον, πλὴν τοῦ ἀορίστου τοῦ βασιλέως Βασιλείου μετὰ τὴν ἐνορίαν Ἑρισοῦ ἐζήτησαν προσταγὴν βασιλικὴν εἰς τοὺς ἄρχοντας Θεσσαλονίκης καὶ τὸν μητροπολίτην, νὰ τοὺς διαχωρίσωσι τὰ ὅρια. ἐπρόσταξαν οἱ βασιλεῖς, καὶ οἱ Θεσσαλονικεῖς ἔστειλαν ἄρχοντα εἰς τὸν τόπον, καὶ ἐξέτασε τὴν ὑπόθεσιν· καὶ οἱ μὲν Ἀθωνῖται κατὰ τὸ γράμμα τοῦ βασιλέως Βασιλείου ἐζήτησαν ἀπὸ τὸ μέρος ἐκεῖνο, ὅπου ἐτελείωναν τὰ ὅρια τῆς μονῆς Κολοβοῦ, ἥτις ἦν, ὡς εἶδομεν, ἐν τῇ ἐνορίᾳ Ἑρισοῦ. Οἱ Ἑρισιώται καὶ τὸ μέρος αὐτῶν — οἱ τῶν ἐκεῖ μοναστηριῶν ἡγούμενοι, καὶ οἱ τοὺς τόπους ἀγοράσαντες — ἔλεγον, ὅτι ἡ κλασματικὴ καὶ τὰ Καμένα καὶ τὰ ὅρια αὐτῶν ἐκτείνονται ἕως τὸν Ζυγόν, καὶ ἀπὸ τὸν

Ζυγὸν ἐκεῖθεν ἐξουσιάζουν οἱ μοναχοὶ Ἀθωνῖται. ἔπειτα ἐσυμβιβάσθησαν, καὶ ἐγένεν ὁ διαχωρισμός.

Ὡστε καὶ ἐκ τούτων γραμμάτων εἰς τὸ ὄρος καὶ τὰ ὅρια αὐτοῦ οὐδὲν ὁράται μοναστήριον, ἀλλὰ μοναχοὶ καὶ ἡσυχασταί, ἄχρι τῆς ἐκδοσεως τοῦ πρώτου Τυπικοῦ τοῦ ἐπὶ Ἰωάννου Τζιμισχῆ· τὸ ὁποῖον τυπικὸν ἐγένε ἐξ αἰτίας τῆς ἐπισυμβάσης διαφορᾶς μετὰξὺ Πρώτου καὶ τῶν ὑποκειμένων αὐτῷ ἡσυχαστῶν καὶ κελλιωτῶν ἡγουμένων ἐναντίον τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου καθηγουμένου τῆς βασιλικῆς Λαύρας τῶν Μελανῶν, ὡς αὐτὸς μαρτυρεῖ. διότι ἐν σύστημα συμφωνῶν ὧν ὁ Πρῶτος καὶ οἱ ἡσυχασταὶ καὶ κελλιῶται ἡγούμενοι, καὶ ἄλλο ὁ Ἀθανάσιος καὶ οἱ ὑπ' αὐτῷ ὑποκείμενοι μοναχοί, νεώτερον ἔχοντες βίον κοινοβιακόν, καὶ ἀνόμιον καὶ ἀσυνήθη τῶν ἡσυχαστῶν καὶ κελλιωτῶν, ἠκολούθησε σκάνδαλον καὶ σύγχυσις· καὶ ἀπῆλθεν ὁ Πρῶτος καὶ μοναχὸς Παῦλος εἰς τὸν βασιλέα, ἐγκαλοῦντες τὸν Ἀθανάσιον, ὅτι νεώτερα ἤθη καὶ τάξεις ἐσύστησεν εἰς τὸ ὄρος, οἰκοδομὰς ποιήσας καὶ καλλιέργειας, καὶ κτήνη εἰσαγαγὼν, καὶ Λαύραν ἰδίαν ποιήσας, τὰ ἀρχαῖα ἔθιμα διέφθειρε τῶν πατέρων. ὅθεν ἐζήτησαν τὴν οἰκοδομὴν ἐκείνην καὶ τὸ σύστημα παντελῶς ἐρημωθῆναι, καὶ ἐκ θεμελίων κατασκαφῆναι, καὶ τὸν ὅσιον τοῦ ὄρους ἐκβληθῆναι, καὶ μακρὰν αὐτοῦ μετὰ τῶν σὺν αὐτῷ ἀπελαθῆναι, ἵνα μείνῃ τὰ ἀρχαῖα ἔθιμα τῆς ἐν τῷ ὄρει πολιτείας αὐτῶν τῆς ἡσυχαστικῆς καὶ ἀσκητικῆς ὡς τὰ βασιλικά ἐγγραφον χρυσόβουλλα, Βασιλείου δηλαδὴ, καὶ τὰ σημειωθέντα ἀνωτέρω.

Ἀπολογηθέντος εἰς τὰς κατηγορίας αὐτῶν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου, καὶ τοῦ βασιλέως ἀρισθέντος εἰς τὸ σύστημα τῆς μοναχικῆς πολιτείας αὐτοῦ, καὶ ὅχι εἰς τὸ τῶν ἄλλων, καὶ βοηθήσαντος καὶ συστήσαντος αὐτὸν ἰδίῳ χρυσοβούλλοις βασιλικοῖς γράμμασιν, ἔμειναν οἱ ἐνάντιοι, καὶ •[III/1 302]• ἐζήτουν συγχώρησιν, ὡς ὁ βίος αὐτοῦ γράφει, καὶ ἐκ τοῦ τυπικοῦ φαίνεται. Ἐκτοτε λοιπὸν ἤρξαντο συνιστᾶν κατὰ τὸ παράδειγμα τῆς Λαύρας συστήματα· καὶ συνέστη ἡ τοῦ Βατοπεδίου παρὰ τοῦ ἰδίου ὁσίου Ἀθανασίου, τοῦ καὶ τύπους αὐτῇ θεμένου καὶ διατάξεις. διότι, ὡς ὁ βίος τοῦ ὁσίου γράφει, ὑπὲρ τὰς τρεῖς χιλιάδας ἦλθον εἰς αὐτὸν μαθηταὶ ἐκ παντὸς εὐσεβοῦς ἔθνους καὶ αὐτὸς ὠδήγησε καὶ διέταξε τὸν τρόπον τῆς πολιτείας αὐτῶν.

— Ταῦτα μανθάνουσιν οἱ βουλόμενοι καταλεπτῶς ἔκ τε τοῦ βίου τοῦ ὁσίου Εὐθυμίου τοῦ ἐν Θεσσαλονίκῃ, οὗτινος ἡ μνήμη εὐρίσκεται εἰς ὅλα τὰ χειρόγραφα μηναιᾶ, καὶ εἰς τὰ Σλαβονικὰ τῇ ιη΄ Οκτωβρίου· καὶ τροπάρια καὶ κανόνα ἔχουσιν ἀρχαῖα ἐν τῇ αὐτοῦ μνήμῃ, καὶ ἐκ τῶν βασιλικῶν σημειωθέντων γραμμάτων καὶ Ἐρισιωτῶν, καὶ τοῦ Τυπικοῦ, τοῦ τε πρώτου καὶ τοῦ δευτέρου, καὶ μάλιστα ἐκ τοῦ βίου τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου.

VII

Ἄν ποτε ὑπῆρχον μοναστήρια, καὶ ἐρημώθησαν ὑπὸ τῶν θαλασσοληστῶν Σαρακηνῶν, καὶ ἔπειτα ἦλθον οὗτοι οἱ ἐρημίται ἡσυχασταί, οὐ δηλοῦνται ἐγγράφως ἐν οὐδενὶ ἄλλῳ, εἰ μὴ ἐν τῷ κατ' ἀρχὰς εἰρημένῳ βιβλίῳ εἰς ὕψος ἀτεχ-

νόν τινος Σέρβου δράμα, μόλις τὰ ὀκτὰ μέρη τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης διακρίνοντος. διότι γράφει καὶ λέξεις Σλαβονικὰς ἐν τισιν ὑποθέσεσιν ἐκεῖσε, ἐν τῷ βιβλίῳ, ὁ εἶδον εἰς τὴν Λαύραν. Δύναται τις εἰπεῖν, ὅτι ἦσαν τὰ ὀνόματα τῶν ἐρημοθέντων μοναστηριῶν ἐν τοῖς κώδιξι Θεσσαλονίκης καὶ Κωνσταντινουπόλεως, καὶ ἔπειτα ἠρύεθησαν, ἀγνοουμένων τῶν ὀνομάτων αὐτῶν παρὰ τῶν ἐν τῷ πρώτῳ ὑπογραψάντων τυπίκῳ, γνωσθέντων ἔπειτα παρὰ τῶν ἐν τῷ δευτέρῳ ὑπογραψάντων; —

Μίαν τοιαύτην ἴσως εἶχεν ἰδέαν ὁ συγγραφεὺς τοῦ βίου τοῦ ὁσίου Πέτρου τοῦ ἐν τῷ Ἀθῶ. Ὁ Νικόδημος γράφει, ὅτι συνέγραψε τὸν βίον τοῦτον Γρηγόριος ὁ ἐν ἀγίοις Θεσσαλονίκης ἀρχιεπίσκοπος ὁ Παλαμᾶς, ὁ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἰωάννου υἱοῦ Ἀνδρονίκου τοῦ νέου τῶν Παλαιολόγων βασιλέων ἀρχιερατεύσας. Ἐγὼ Ἑλληνιστὶ εἰς ὕψος κάλλιστον καὶ ῥητορικώτατον ἀνέγνων τοῦτον τὸν βίον· καὶ ὁ συγγραφεὺς ὁ ἴδιος γράφει τὸ ὄνομά του, Νικόλαος. δείκνυται τεχνίτης εἰς τὸ γράφειν οὗτος ὁ Νικόλαος, κρίσεως δὲ ὀρθῆς, εἴτε μὴ, παντάπασιν ὑστερημένος. διότι εἰς τόσον βαθμὸν συγχέει ἐκείνην τὴν ἀχρονολόγητον συγγραφὴν του καὶ ἀνώμαλον, ὥστε •[III/1 303]• παρίστησιν αὐτὴν σαφῇ πλαστογραφίαν, διότι λέγει, ὅτι ὁ ἅγιος Μεθόδιος Πατάρων, συγγράφων τὰ θαύματα τοῦ ἁγίου Νικολάου, ἔγραψε καὶ τὸ εἰς τὸν Πέτρον τὸν ἀπὸ σχολαστικῶν, καθὼς ἤκουσεν αὐτὸ παρὰ τινων ἐναρέτων μοναχῶν ἀσκητῶν, καὶ αὐτὸς συνέγραψε τὸν βίον τοῦτον, καθὼς οἱ πνευματικοὶ αὐτοῦ τὸν ἐδίδαξαν. εἴτα

γράφει, ὅτι καὶ μόνος ἠνυρέθη καὶ εἶδε τὸ τοῦ ὁσίου λείψανον ἐν Θράκῃ ἐν ταῖς Φώκαις, παρὰ τοῦ ἐπισκόπου ληφθὲν ἀπὸ τοὺς ἐν τῇ μονῇ Κλημεντία τῇ ἐν τῷ ὄρει ἐπ' ὀνόματι τῆς Θεοτόκου τιμωμένη κλέψαντας αὐτὸ μοναχοὺς, εἶτα οὗτος ὅλην τῆς διηγήσεως τὴν ὑπόθεσιν, καὶ τοῦ θαύματος, καὶ τῆς τοῦ Πέτρου ἐν Κωνσταντινουπόλει καταστάσεως καὶ τῆς αἰχμαλωσίας αὐτοῦ, καὶ ἐλευθερίας, καὶ ἐν τῇ πρεσβυτέρᾳ Ῥώμῃ κουρᾶς, καὶ τὰ θαύματα, καὶ τὴν ἐν ἐρημίᾳ τοῦ Ἀθω νγ' ἐτῶν ἀσκησιν, καὶ ὅσα ὁ Πέτρος ἔπαθε, καὶ εἶδεν ἐν αὐτῇ εἰς χωρικὸς κυνηγὸς ὁ εὐρών αὐτὸν ἐν τῷ σπηλαίῳ, διηγήσατο. Εἰσὶ δὲ τὰ πλείω πάντῃ ἀνοίκεια καὶ ἀνάρμοστα. Εἰς ἅγιος ἀσκητὴς τοιοῦτος νὰ διηγηθῇ παρόμοια εἰς ἓνα κυνηγόν, πρὸς δοξομανίαν ἀποβλέποντα. Ἀλλ' ὡς εἶπον· εἴτε ἄλλην ὑπόληψιν ἰδεῶν ἔσχεν περὶ τοῦ ὄρους· τὴν ὁποίαν λέγουσιν, ὅτι ἦλθεν ἡ Θεοτόκος εἰς τὸν λημμένα τοῦ Κλήμεντος, καὶ ὁ Κλήμης ἐκεῖ ὦν μετὰ τῆς Θεοτόκου ἔκτισεν εἰς τὸ ὄνομα αὐτῆς μονήν, ἐκ τοῦ ὀνόματος τοῦ κληθεῖσαν Κλημέντιαν. Ἀλλ' ὁ γράψας ἐκεῖνα τὰ ἀρχαῖα γράφει, ὅτι τὰ εἰδωλα ἔλεγον τοῖς εἰδωλολάτραις· «δράμετε εἰς τοῦ Κλήμεντος τὸν λιμένα», ὡς εἰς γνωστὸν αὐτοῖς τόπον. ὁ Κλήμης ἦλθεν μετὰ τῆς Θεοτόκου καὶ τοῦ Θεολόγου, καὶ οἱ εἰδωλολάτραι οὐκ εἶδον αὐτούς· πῶς ἐκ τοῦ Κλήμεντος ὠνομάσθη ὁ καὶ πρῶτον γινωσκόμενος, πρὶν ὁ Κλήμης ἔλθῃ, λιμὴν καὶ τόπος Κλημέντια; αἱ ἀλλόκοται αὗται ἰδέαι τὸν συγγραφέα τοῦ ὁσίου Πέτρου τοῦ βίου, ὡς φαίνεται, ἐμάκρυναν τῆς

ἀληθείας, ἢ προαιρούμενον, ἢ ἀπατώμενον, νὰ γράψῃ τερατολογίας ἀσυμβιβάστους. Ὁ ἅγιος Μεθόδιος Πατάρων ἐπίσκοπος ὑπῆρχε πρὸ τοῦ ἁγίου Νικολάου σχεδὸν ἑκατὸν χρόνους προγενέστερος. ἅς ἰδῇ ὅστις θέλει τὸν βίον τούτου ἐν τοῖς μηνολογίοις κατὰ τὴν κ' Ἰουνίου, ὅτι διὰ μαρτυρίου ἐτελειώθη ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Αὐριλιανοῦ τοῦ βασιλέως Ῥώμης. Οὗτος φαίνεται καὶ συγγραφεὺς τίνων συγγραμμάτων. Ἄλλος Πατάρων Μεθόδιος ἅγιος καὶ συγγραφεὺς οὐκ ἔστι. Αὐτὸν ὁ συγγραφεὺς συναξαρίου γράφει, κατὰ τὴν κ' Ἰουνίου, συγγραψάμενον καὶ περὶ Κωνσταντινουπόλεως τινὰ καὶ τῶν βασιλέων προφητικώτερον. ἔπεται λοιπόν· ὁ Πέτρος προγενέστερος Μεθοδίου, καθὼς καὶ •[III/1304]• ὁ ἅγιος Νικόλαος, κατὰ τὸν συγγραφέα τοῦ ὁσίου Πέτρου, πλέον παλαιγενέστεροι καὶ οἱ Ἀθωνῖται ἀσκηταὶ οἱ τῷ Μεθοδίῳ διηγηθέντες θαῦμα τοῦ ἁγίου Νικολάου εἰς τὸν Πέτρον σχολαστικόν. Αὐτὸς ὅμως ὁ ῥαψωδῶν τὰ τέρατα ταῦτα γράφει τὸν Πέτρον Κωνσταντινουπολίτην σχολαστικόν τῆς πέμπτης κλάσεως, καὶ ὅτι ἐψηφίσθη ἀρχιστράτηγος παρὰ τοῦ βασιλέως Κωνσταντινουπόλεως ἐναντίον τῶν Σαρακηνῶν εἰς τὴν Συρίαν, καὶ τὴν μὲν τάξιν καὶ κατάστασιν τοῦ Πέτρου ἐγίνωσκε, τὸν δὲ βασιλέα τὸν ψηφίσαντα στρατηγὸν τὸν Πέτρον οὐ γινώσκει; καὶ τὸν παράδοξον τρόπον καθ' ὃν εἰς Ῥώμην ἦλθε, καὶ ἀπεκαλύφθη ἡ ἔλευσις αὐτοῦ τῷ πάπᾳ Ῥώμης, καὶ ὁ πάπας ἐξήτασεν αὐτὸν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, γινώσκει, καὶ τὸ ὄνομα τοῦ πάπᾳ ἀγνοεῖ; καὶ τὸ ὄρος γινώσκει

ἐρημον ἀνθρώπων, ὅτε ὁ Πέτρος ἦλθεν ἐν αὐτῷ, γινώσκει δὲ καὶ ὅτι ἐκατῳκίσθη ὀγλήγορα, καὶ ὅτι ἦν ἡ Κλημέντια μονὴ κτισμένη καὶ κατῳκημένη, ἔχουσα ναὸν τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου μέγαν, καὶ ὅτι ἡθροίζοντο εἰς αὐτὸν οἱ τοῦ ὄρους πατέρες τρεῖς τοῦ ἐνιαυτοῦ, καὶ ὅτι τὸ λείψανον τοῦ Πέτρου διὰ θαύματος ἐξήγαγον ὁ ἡγούμενος τῆς Κλημεντίας μονῆς καὶ οἱ πατέρες οἱ σὺν αὐτῷ, γινώσκει πάντα καὶ ὅτι ἦρχοντο πλήθη μοναχῶν καὶ χωρικῶν καὶ ἐθεραπεύοντο· ὅτι δὲ τὴν μονὴν Κλημέντιαν ἔκτισαν πρῶτον ἐκ θεμελίων οἱ αἰοιδίμοι Ἰβήρες Ἰωάννης καὶ ὁ υἱὸς αὐτοῦ Εὐθύμιος*, καὶ τὸν τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου ναὸν Γεώργιος ὁ Τορνίκιος (ἐπεὶ δὴ πρῶτον ἡ μονὴ εἰς τὸ ὄνομα τοῦ τιμίου Προδρόμου ᾠκοδομήθη ἀπὸ τὸν Ἰωάννην καὶ Εὐθύμιον), ταῦτα οὐδαμῶς γινώσκει; διὰ νὰ ἀπατήσῃ καὶ παραστήσῃ τὸ δρᾶμα τοῦ τοῦτο τοῦ ἱερομάρτυρος Μεθοδίου πρεσβυγενέστερον. Ὅθεν οὐδὲ μέμνηται Ἰβήρων μονῆς παντελῶς, εἰ μὴ ὅτι ἡ μονὴ αὐτὴ ἐκαλεῖτο τὰ Κλήμεντος, καὶ ὅτι ἐν ταῖς ὀλίγοις ἐκείνοις χρόνοις, ἐν οἷς ὁ Πέτρος ἐσχόλαζεν ἐν τῇ ἐρήμῳ ἔτη νγ', τὸσον τὸ ὄρος Ἀθῶ ἐπλήθυνεν ἀπὸ μοναχούς, ὥστε ἀπὸ σταγόνος ἔγινε θάλασσα, ὡς νῦν ὁράται. λέγει δὲ ὅτι, ὅτε ἔκλεψαν τὸ λείψανον ἐκ τοῦ ναοῦ τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου οἱ δύο

ἐκεῖνοι μοναχοί, οἱ μετὰ τοῦ κυνηγοῦ εὐρόντες τὸ ἅγιον λείψανον, ἦν καὶ οὗτος ἐν τῇ Κλημεντίᾳ ταύτῃ μονῇ τῆς θεοτόκου, ἦν καλεῖ τὰ Κλήμεντος, ὡς ἐπὶ λέξεως λέγει «Τούτων αὐτὸς (τῶν ἐν τῇ συμβάσει δηλαδὴ κλοπῇ τοῦ ἁγίου λειψάνου ἦν περιγράφει) •[III/1 305]• αὐτήκοος καὶ αὐτόπτης ὁ ταπεινὸς Νικόλαος γεγωνῶς ἔσπευσα, εἰ καὶ μὴ πάντα, ἀλλ' οὖν ὀλίγα ἐκθέσθαι, καὶ τῷ παρόντι συντάξαι συγγράμματι». — Ἐν τῷ προοιμίῳ λέγει, ὅτι τοῦ γέροντος αὐτοῦ, ἦγουν τοῦ πνευματικοῦ πατρὸς αὐτοῦ ἐπιταγῇ πειθόμενος γράφει. Καὶ ὅταν ὁ Πέτρος ἦλθεν εἰς τὸν Ἀθῶ, ἦν ἔρημος καὶ ἀκατοίκητος, καὶ μετὰ ἔτη νγ' τὰ Κλήμεντος ἡ τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου μονὴ εἶχε μοναχοὺς πολλούς, καὶ πλοῖον, καὶ σμύρναν, καὶ ὀθόνην, καὶ εἴλιξε καὶ ἐσφυρναλόησε τὸ λείψανον τοῦ ὁσίου Πέτρου, καὶ ἔθηκεν ἐν μνήματι εἰς τὸν ναὸν τῆς θεοτόκου· καὶ τὸ ὄρος ἦτον πλήρες μοναχῶν, καθὼς ἡ θάλασσα ὑδάτων, καὶ καθὼς ἦσαν αἱ σκηναὶ Ἰσραὴλ καὶ οἱ οἴκοι Ἰακώβ· ὅθεν καὶ τὸ ῥητὸν φέρει εἰς ἔνδειξιν τοῦ πληθυσμοῦ· «ὡς καλοὶ οἱ οἴκοι σου Ἰακώβ...» καὶ τὰ ἐξῆς. οὔτε δὲ Λαύρας μέμνηται, οὔτε Καρεῶν, οὔτε ἄλλης μονῆς τινος, εἰ μὴ τὰ Κλήμεντος μόνον, καὶ τὰ τρέχοντα πλήθη τῶν μοναχῶν καθ' ἡμέραν καὶ θεραπευόμενα ἀπὸ τοῦ ἁγίου λειψάνου τοῦ Πέτρου· πόθεν ἔτρεχον, οὐ σημειοῖ οὐδαμῶς, καὶ ἂν ὁ μεταγράψας τὸν βίον τοῦτον εἰς τὸ ἀπλοῦν δὲν ἔγραφεν, ὅτι τὰ Κλήμεντος εἶναι ἡ τῶν Ἰβήρων ἱερὰ μονή, ἥθελον μένῃ ἀκατάληπτα ταῦτα καὶ τὰ Κλήμεντος. διότι ἐν οὐδενὶ μέρει ἄλλῳ

* Нет. Они выпросили ее готовую у царя Василия в 980 году. Это видно из хрисовула этого царя, данного Иверской обители на Афоне в этом году. См. Оправдания истории этой обители. — Прим. П.К.: Указанное сочинение Порфирия не было опубликовано.

εύρηνται σημειούμενα. εἴσιν ἐν τοῖς κώδιξι τῆς Λαύρας ὑπογραφαὶ δύο τῆς μονῆς Κλήμεντος ἡγουμένων· ἀλλ' ἐν τούτοις εὐρίσκεται καὶ ὁ τῆς μονῆς Ἰβήρων ἡγούμενος ὑπογραφόμενος, καὶ φανερώς αἱ ὑπογραφαὶ ἐκεῖναι δεικνύουσι μονήδριον Κλήμεντος μοναχοῦ τινος. Ὡς δὲ τὰ Κλήμεντος γράφει οὗτος ὁ Νικόλαος, βούλεται, ὡς εἶπον, νὰ ἀποδείξῃ ὡς ἀληθὴ τὴν εἰς τὸ ὄρος Ἄθω μετὰ σώματος ἔλευσιν τῆς θεοτόκου, ὡς προοδηλωται. Ἄν εὐρίσκεται ἕτερός τις Μεθόδιος Πατάρων συγγραφεὺς, οὐκ εἶδον, οὔτε ἤκουσα ἄλλον, πλὴν τοῦ μνημονευομένου τῇ εἰκοστῇ Ἰουνίου. Λέγει δὲ ὁ συγγραφεὺς τοῦ βίου τοῦ ὁσίου Πέτρου ἐν τῇ ἀρχῇ τῆς διηγήσεως οὕτω περὶ Μεθοδίου Πατάρων· «ὡς αὐτὸς ὁ μέγας πατὴρ ἡμῶν Μεθόδιος ὁ Πατάρων ἐπίσκοπος συνεγράψατο». εἰς ὁ συγγραφεὺς Μεθόδιος ὁ Πατάρων ἐπίσκοπος, ὁ καὶ κατὰ Ὠριγένους καὶ βιβλίον Συμπόσιον, καὶ τὰ ἄλλα. Κατὰ λάθος ὁ Νικόδημος γράφει ἐν τῇ ὑποσημειώσει τοῦ συναξαρίου τῆς κ' Ἰουνίου, ὅτι ἦν τῷ 550 ἔτει, ὅτε ἀνεθεματίσθη ὁ Ὠριγένης. Ὁ κατὰ πλάτος βίος αὐτοῦ γράφει αὐτὸν ἐναντιούμενον εἰς τὰ δόγματα Ὠριγένους καὶ τὰς διδασκαλίας αὐτοῦ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Αὐρηλιανοῦ αὐτοκράτορος Ρώμης. Οὕτω γράφει καὶ ὁ ἅγιος Δημήτριος Ῥοστοβίας σλαβωνιστὴ ἐν τῷ συντετμημένῳ αὐτοῦ βίῳ. •[III/1 306]• Γινώσκεται δὲ ὁ τοῦ βίου τοῦ ὁσίου Πέτρου συγγραφεὺς, ὅτι εἶναι μεταγενέστερος, ἐξ ὧν περὶ τῆς πληθούς τοῦ ὄρους λέγει, καὶ τῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου καὶ τοῦ ναοῦ αὐτῆς,

διότι ἡ τῶν Ἰβήρων ἱερὰ μονὴ ἐτιμᾶτο εἰς ὄνομα τοῦ Προδρόμου πρὸ τῆς ὑπὸ Γεωργίου Τορνικίου οἰκοδομῆς τοῦ ναοῦ τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου. καὶ μαρτυρεῖ εἰσέτι καὶ ὁ παλαιὸς ναὸς τοῦ Προδρόμου, ὁ ὑπὸ τῶν πρώτων κτητόρων οἰκοδομηθεὶς, Ἰωάννου τοῦ Ἰβηρος, ὡς ὁ Μελέτιος Ἀθηνῶν ἐν τῷ β' τόμῳ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας γράφει, ἐν τῇ βασιλείᾳ Ρωμανοῦ Ἀργυροπόλου ἐκτίσθη εἰς πλάτος ἡ μονὴ τῶν Ἰβήρων παρὰ τινος Ἰβηρος ἡγεμόνος Βαρασβατζέτου καλουμένου, ὅστις πάντως διὰ προτροπῆς τοῦ ὁμογενοῦς αὐτῷ Γεωργίου Τορνικίου τοῦ ἡγεμονεύοντος ἐν αὐτῇ ἐπαρακινήθη. Ἄν λοιπὸν τὸ λείψανον τοῦ ὁσίου Πέτρου ἐφέρθη καὶ ἐνταφιάσθη εἰς τὸν ναὸν τῆς θεοτόκου ἐν τῇ μονῇ ταύτῃ, ὅταν τὸ ὄρος ὑπῆρχε πληρὲς μοναχῶν, γίνεται δῆλον, ὅτι ὁ Πέτρος εἶναι τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου μεταγενέστερος, καὶ διὰ νὰ δυνηθῇ νὰ σκευωρήσῃ τὰ Κλήμεντος ὁ συγγραφεὺς τοῦ ὁσίου Πέτρου, ἔγραψεν αὐτὴν τὴν ἀγενεαλόγητον βιογραφίαν καὶ ἀμάκτυρον. διότι γράφει, ὡς εἶπον, ὅτι ἦν σχολαστικὸς τῆς πέμπτης κλάσεως τῶν σχολαστικῶν, πότε δὲ ἦν; οὐ λέγει. Γράφει, ὅτι ἐπέμφθη στρατηγὸς εἰς Συρίαν, παρὰ δὲ τινὸς βασιλέως; οὐ γράφει. Διηγεῖται, ὅτι ἦλθεν ὁδηγούμενος παρὰ τοῦ ἁγίου Νικολάου εἰς Ρώμην, καὶ ὅτι ἀπεκάλυψεν ὁ ἅγιος Νικόλαος τῷ πάπᾳ τῆς Ρώμης τὰ κατὰ τὸν Πέτρον, καὶ τὰ ἄλλα· τίς δὲ ὁ πάπας; οὐ γράφει. Αὐτὸς παρίστησιν ἐν τῇ βιογραφίᾳ, ὅτι ἐγίνωσκε πάντα τὰ συμβάντα τῷ Πέτρῳ, καὶ τὸν καιρὸν τῶν μεγάλων τούτων περιστατικῶν

ἀποκρύπτει, καὶ ἄλλο γνῶρισμα σαφηνείας ἐν ὅλῃ τῇ ἱστορίᾳ ταύτῃ οὐ τίθησιν, εἰ μὴ τὸ ὄνομα τοῦ ἁγίου Μεθοδίου Πατάρων, καὶ ὅτι ἔρημον ὑπῆρχε τὸ ὄρος Ἄθω, ὅτε ὁ Πέτρος ἦλθε, καὶ ἐν διαστήματι ἐτῶν νγ' ἐπληρώθη μοναχῶν, καὶ εἶχε μοναστήρια, καὶ τὰ ἐξῆς. — Περὶ τοῦ ἱεροῦ Μεθοδίου εἶπον, ὅτι ὁ Ρῶστος ἅγιος Δημήτριος, καὶ εἰς τὸ Βλάχικον βιογραφία αὐτοῦ λέγουσιν, ἐπὶ Αὐρηλιανοῦ μαρτυρήσαντα τὸν ἅγιον Μεθόδιον. Ὁ Νικόδημος ἰδὼν τὸν συναξαριστὴν γράφοντα, πῶς ὁ ἅγιος Μεθόδιος συνέγραψε κατὰ Ὠριγένους, ἐπειδὴ ἡ πέμπτη σύνοδος ἀναθεμάτισε τότε τὸν Ὠριγένην, γράφει εἰκαστικῶς, ὅτι ὁ Μεθόδιος Πατάρων ἦν τῷ 550 ἔτει. Ὑποθετέον, ὅτι ἂν καὶ κατὰ τοῦτον ὑπῆρχεν ὁ Μεθόδιος τὸν χρόνον τὸ ὄρος Ἄθω μοναστήρια οὐκ εἶχεν, ὥς διεξοδικῶς εἶδομεν. Καὶ ὅτι ἂν τὰ Κλήμεντος εἶναι ἡ ἱερὰ μονὴ •III/1 307• τῶν Ἰβήρων, ναὸς ἐν αὐτῇ ἐπ' ὀνόματι τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου ἐκτίσθη, ὥς εἶδομεν, ἔπειτα. Οὐδὲν ἄρα ὑγιὲς δυνάμεθα εὐρεῖν ἐκ τῆς βιογραφίας ταύτης. Ἄν ἐπὶ Τζιμισχῇ οἱ πατέρες τοῦ ὄρους, πλὴν τῆς Λαύρας τῶν Μελανῶν, ἄλλο τοπικὸν ὄνομα οὐ γράφουσιν· πῶς τὸ σπῆλαιον τοῦ ἁγίου Πέτρου ἦν γνωστόν, μὴ ὑπαρχούσης διαδοχῆς μοναχῶν, τῆς γινωσκούσης τὸν τόπον ἀλληλοδιαδόχως; καὶ ἐκ ταύτης τῆς παρατηρήσεως, ὥς καὶ ἐξ ἑτέρων, ὁ Πέτρος φαίνεται τοῦ Ἀθανασίου μεταγενέστερος· καὶ διὰ τὴν συστήσιν τὰ Κλήμεντος ὁ συγγραφεὺς, οὗτος τοῦ βίου ἐσκευώρησε τὴν ἱστορίαν ταύτην τοιουτοτρόπως. — Καὶ περὶ μὲν τούτων ἱκανὰ ταῦτα πρὸς

τοὺς θέλοντας μαθεῖν καὶ εὐρεῖν τὴν ἀλήθειαν. Γράφουσι καὶ οἱ ἱστορικοὶ, ὁ τε Μελέτιος Ἀθηνῶν ἐν τῇ ἐκκλησιαστικῇ ἱστορίᾳ (σελ. 365), ὅτι ἐπὶ Νικηφόρου Φωκᾷ ἤρξαν τὸ ἐν τῷ ὄρει Ἄθωνος γίνεσθαι μοναστήρια, καὶ Ἰωάννου Τζιμισχῇ, καὶ ὁ Νεκτᾶριος ἐν τῇ Ἀραβικῇ ἱστορίᾳ, ὅτι ἔπειτα μοναχοὶ ἦλθον εἰς τὸ ὄρος Ἄθω. — Ἡ ἔρευνα αὕτη πρὸς ἀληθείας εὐρεσιν ἐγένετο.

Ἄλλως τὰ τῆς ἡμετέρας μονῆς ταύτης τοῦ Φιλόθεου, καὶ κατὰ τοὺς τὰ πρῶτα ταῦτα τὰ Κλήμεντος θέλοντας, καὶ τὰ Καρακάλλου, καὶ Κώνσταντος, καὶ τὰ ἐξῆς, δείκνυται ἀρχαιοτάτῃ, διότι αὕτη ἐχρημάτισε διὰ τῆς θεοτόκου ἐπισκοπεῖον, ὥς λέγουσι... κ. τ. λ.

Далее следуют заметки о древности Филофеевского монастыря и некоторые старинные Деписания, как то:

1) Γράμμα ἀρχαῖον τοῦ Πρώτου τοῦ ἁγ. ὄρους, ϸφϸε' ἔτους· «Εἶχον μὲν οἱ ὅλως τῷ Θεῷ οἰκειωθέντες...».

2) Χρυσόβουλλον Ἀνδρονίκου, ἐκδοθὲν τῷ ϸφϸε' ἔτει· «Πᾶς μὲν ὅστις καὶ προσάγειν θελήσειε...».

3) Χρυσόβουλλον τοῦ αὐτοῦ βασιλέως, γεγονὸς τῷ 1284 ἔτει· «Παῖδες Ἑλλήνων ἀσεβεῖς...».

4) Χρυσόβουλλον τοῦ βασιλέως Ἀνδρονίκου τοῦ νέου, τῷ ϸωλε' ἔτει· «Ἐπεὶ ὁ περιπόθητος ἀνεψιός...».

5) Χρυσόβουλλον Στεφάνου βασιλέως Σερβίας τῷ ϸωνδ' ἔτει· «Ἡ βασιλεία μου τῇ τοῦ Θεοῦ χάριτι...».

6) Χρυσόβουλλον Ἰωάννου τοῦ Παλαιολόγου τῷ ϸωξγ' ἔτει· «Βασιλικῆς ἄρα καὶ σπουδῆς ἐπαινουμένης...».

•III/1 308•

7) Γράμμα, τῷ 1580 ἔτει· «Παναγιώτατε ἡμῶν αὐθέντα...».

8) Χρυσόβουλλον τοῦ βασιλέως Μαυρουήλ Παλαιολόγου τῷ ,CϞιδ' ἔτει· «Καὶ ἰατροὶ δὲ ἄρα...».

9) Χρυσόβουλλον Ἀνδρονίκου βασιλέως τῷ ,Cωκα' ἔτει· «Πάσῃ μὲν νοητῇ κτίσει...».

Σмотри все эти дееписания и заметки частью в Оправданиях критической истории Афона, частью в сборнике документов Филофеевского монастыря.

№ 2.

Λόγος ἱστορικὸς τῆς μονῆς Κασταμονίτου. Sect. IV.

Σмотри архив Кастамонитского монастыря и тут дееписание под № 1, а выписку из него смотри здесь ниже под № 16.

№ 3.

Ibidem. Λόγος ἱστορικὸς τῆς μονῆς Κασταμονίτου.

№ 4.

В Оправданиях истории монастыря Дохиарского № ...: «Τὸ μηδεμίαν ὀχλησιν...» [Сочинение не было опубликовано. Акт издан еп. Порфирием во «Втором путешествии по Святой Горе Афонской» (М., 1880. С. 91–101). Новое издание: Actes de Docheiariou. Paris, 1984. № 1. — П.К.]

И в Оправданиях истории монастыря Есфигменова: «Περὶ τῆς ἀλλαγῆς τῆς Βάνιτζας γράμμα ἀρχαίων ,Cωκδ' ἔτους».

№ 5.

Σмотри выше № 1 и тут Прῶτον τυπικὸν τοῦ ἁγίου ὁρους, κη'· Περὶ δὲ τῆς προβολῆς τοῦ Прῶτου... к. т. л.

№ 6.

Хрисовул царя Константина Порфирородного 6466 года об имениях монастыря Ἄθω в архиве монастыря Афоно-Иверского. •[III/1 309]•

№ 7.

Σмотри мою историю Афона. Ч. II. § 23.

№ 8.

Σмотри в моей Статистике Афона: Θεορωρήτου Περιγραφὴ τοῦ ὁρους Ἄθω, κεф. γ'.

№ 9.

Ibidem. Кеф. β', τμήμα II.

№ 10.

Ibidem. Кеф. γ', τμήμα V. — Σмотри ниже Кутлумушскую рукопись под № 30, Γράμματα ἀρχαῖα, τμήμα 12.

№ 11.

Ibidem. Кеф. γ', τμήμα IV.

№ 12.

Ibidem. Кеф. δ', τμήμα I.

№ 13.

Theophanis Chronographia. Vol. I. Pag. 557: «Τῷ ἔτει 688 ἐπεστράτευσεν Ἰουστινιανὸς κατὰ Σκλαβινίας καὶ Βουλγαρίας, καὶ τοὺς μὲν Βουλγάρους πρὸς τὸ παρὸν ὑπηντηκότας ὤθησεν, μέχρι δὲ Θεσσαλονίκης ἐκδραμών, πολλὰ πλήθη τῶν Σκλάβων τὰ μὲν πολέμῳ, τὰ δὲ προσρύντα •[III/1 310]• παραλαβὼν, εἰς τὰ τοῦ Ὀψικίου διὰ τῆς Ἀβύδου περάσας κατέστησε μέρη». — Это же самое слово в слово повторил Кедрин. Vol. 1. Pag. 771.

Nicephori Constantinopolitani De rebus post Mauricium gestis. Bonnae, 1837. P. 41: «Ἰουστινιανὸς ἱππικὰ στρατεύματα πρὸς τοῖς Θρακώοις διαγαγὼν

χωρίοις κατὰ τῶν Σκλαβήνων εὐθέως ὥρμησε. μέχρι δὲ Θεσσαλονίκης ἐκδραμὼν πόλεως, πολλὰ τῶν ἐκεῖσε Σκλαβήνων γένη τὰ μὲν πολέμῳ, τὰ δὲ ὁμολογία παραλαβὼν, εἰς τὴν τοῦ Ὀψικίου λεγομένην χώραν διὰ τῆς Ἀβύδου διαβίβασας κατέστησεν».

Ioann. Cameniata, De excidio Thessalonicae. Bonnae, 1838. P. 514: «Σκλαβῆνοι ὑπὸ τὸν στρατηγὸν Στρυμόνος τῆς τοξικῆς ἔμπειρον».

№ 14.

Theophanis Chronographia. Ed. Bonnae. Vol. 1. Pag. 621–2: «Ἐν αὐτῷ τῷ ἔτει (726) ἰνδικτιῶνι θ', ὥρα θέρους, ἀτμὶς ὡς ἐκ καμίνου πυρὸς ἀνέβρασεν ἀναμέσον Θήρας καὶ Θηρασίας τῶν νήσων ἐκ τοῦ βυθοῦ τῆς θαλάσσης ἐπὶ ἡμέρας τινάς, καὶ κατὰ βραχὺ παχυνομένης καὶ ἀπολιθουμένης τῇ ἐξάψει τῆς πυρῶδους ἐκκαύσεως, ὅλος ὁ καπνὸς πυροφανῆς ἐδείκνυτο. τῇ δὲ παχύτητι τῆς γεώδους οὐσίας, πετροκισσῆρους μεγάλους ὡς λίθους τινὰς ἀναπέμφαι καθ' ὅλης τῆς μικρᾶς Ἀσίας καὶ Λέσβου καὶ Ἀβύδου καὶ τῆς πρὸς θάλασσαν Μακεδονίας, ὡς ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς θαλάσσης ταύτης κισσῆρων ἐπιπολαζόντων γέμειν. μέσον δὲ τοῦ τηλικούτου πυρὸς νήσος ἀπογεωθεῖσα, τῇ Ἱερᾷ λεγομένη νήσῳ συνήφθη, μήπω τὸ πρὶν οὖσα, ἀλλ' ὡς αἱ προῤῥηθεῖσαι νῆσοι, Θήρα καὶ Θηρασία ποτὲ ἐξεβρᾶσθησαν, οὕτω καὶ αὕτη νῦν ἐπὶ τῶν χρόνων τοῦ θεομάχου Λέοντος· ὃς τὴν κατ' αὐτοῦ θείαν ὁργὴν ὑπὲρ ἑαυτοῦ λογισάμενος, ἀναιδέστερον κατὰ τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν εἰκόνων ἤγειρε πόλεμον...» — Ἐτο сказание повторил слово

в слово Георгий Кедрин, заметив, что вышеописанное вулканическое извержение из моря •(III/1311)• случилось в 10-й год царствования Льва Исавра, следовательно, в 726-й по Р.Х. (Georgii Cedreni Histor. compend. Bonnae, 1838. T. 1. P. 795). С этим годом совпадал индикт 9-й.

№ 15.

Читай этот канон в моей Статистике Афона.

№ 16.

Λόγος ἱστορικὸς τῆς μονῆς Κασταμονίτου, Sect. IV.

Смотри Архив Кастамонитского монастыря и тут деписание под № 1.

«Κατὰ τὰς ἡμέρας τῶν εἰκονομάχων βασιλέων, τὰ ἔθνη ἀπὸ τὰ παραδουνάβια μέρη, εὐρόντα καιρὸν ἀναρχίας, διότι οἱ βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων εἶχον πόλεμον κατὰ τῶν ἁγίων εἰκόνων οἱ ἀσεβεῖς, τότε δὴ τότε οἱ λεγόμενοι Ῥηχίνοι, καὶ ἀπλούστερον Βλαχορηχίνοι, καὶ Σαγουνδάτεοι, ἐξουσιάσαντες τὴν Βουλγαρίαν, καὶ ἀπλώσαντες ἀπὸ ὀλίγον κατ' ὀλίγον εἰς διάφορα μέρη ἐκυρίευσαν καὶ τὴν Μακεδονίαν, τέλος ἦλθον καὶ εἰς τὸ ἅγιον ὄρος μὲ ὅλα τοὺς τὰ γυναικόπαιδα, διότι δὲν ἦτο τινὰς νὰ τοὺς ἀντισταθῇ καὶ νὰ τοὺς πολεμήσῃ. Οἵτινες μὲ τὸν καιρὸν ἐπειδὴ ἐκατηχρήθησαν ἀπὸ τοὺς ἁγίους πατέρας, ἐπίστευσαν καὶ ἔγιναν τέλειοι Χριστιανοί. Ὅμως ὁ καρκίνος δὲν συνηθίζει νὰ περιπατῇ ὀρθά, ἀλλὰ πλαγίως εἰς ἓνα καὶ ἄλλο μέρος περιτριγυρίζει οὕτω καὶ αὐτοὶ οἱ δόλιοι ἐπίστευσαν καὶ ἐξαπτίσθησαν, καὶ μετὰ ταῦτα ὑπετάχθησαν καὶ εἰς τοὺς βασιλεῖς

Κωνσταντινουπόλεως, καὶ διὰ τοῦτο ἐπροχώρησαν ἐδῶ εἰς τὸ ἀγίωνυμον ὅρος τοῦ Ἀθωνος, τάχα νὰ κατηχηθῶν καλλίτερον μὲ τὸν καιρὸν... ἀλλ' εἶχον οἱ πατέρες τοῦ καιροῦ ἐκείνου πειρασμοὺς πολλοὺς, ἀπὸ τοὺς ἰκονομάχους, λέγω, καὶ αἰρετικούς, καὶ ἀπὸ ἄλλα ἔθνη βάρβαρα».

№ 17.

Ibidem. Смoтpи кoнeц № 16 •[III/1 312]•.

№ 18.

Theophanis continuati Lib. III, De Theophilo imperatore. Pag. 187: «Κατὰ τὸν τῆς αὐτοκρατορίας χρόνον (830 ἀπὸ Χρ.) αὐτοῦ (Θεοφίλου) καὶ τὸν Ὀκτώβριον μῆνα, εἰς ἰνδικτιῶνα ὀγδόην, ὁ τῶν Ῥωμαίων στόλος ἐν τῇ νήσῳ τῇ Θάσῳ καταναυμαχηθεὶς ἄρδην ἅπας ἀπώλετο. καὶ κατὰ τὸ ἐξῆς δὲ τὰς Κυκλάδας νήσους, ἀλλὰ μὴν καὶ τὰς ἄλλας ἀπάσας, ὁ τῶν Ἰσμηλιτῶν κατασύρων στρατὸς οὐκ ἐπαύετο».

№ 19.

Προσκυνητάριον τοῦ ἁγ. ὁρους τοῦ Ἀθωνος, παρὰ Ἰωάννου ἱατροῦ τοῦ Κομνηνοῦ. 1701. Приложения к моеѣ истории Ватопеда №№ 2 и 3.

№ 20.

Simeon. magistri de Basilio Macedone. Bonnae, 1838. Pag. 686: «Βασίλειος ἦν τὴν μὲν μορφὴν τοῦ σώματος ἀνθηρότατος, εὐεκτικός, σύνοφρος, εὐόμματος, σκυθρωπός, μελανόχρους, τὴν ἡλικίαν μέσος τοῦ εὐμήκους, τὰ στέρνα πλατύς, κατηφής, καὶ ὡς ἂν τις εἰκάσῃ, τῶν ἑαυτοῦ συλλογιζόμενος».

№ 21.

Смoтpи изданные мною Четыре беседы Фотия [СПб., 1864.].

Theophan. continuati Lib. V, de Basilio Macedone: «Τὴν ἐνδεχομένην τῇ ἐκκλησίᾳ γαλήνην τῇ οἰκείᾳ σπουδῇ καὶ προμηθείᾳ παρέσχετο... Πολλοὶ Ἰουδαίους τοῦ ἐπικειμένου καλύμματος τῆς πωρώσεως ἠλευθέρωσε, καὶ πρὸς πίστιν εἵλκυσε τοῦ Χριστοῦ, εἰ καὶ πάλιν οἱ πλείους (ὑστερον) πρὸς τὸν οἰκεῖον ἐπέστρεψαν ἔμετον... Πάντων Χρωμάτων καὶ Σερβλῶν ἐν Δαλματία, τοῦ θείου μετασχόντων βαπτίσματος, ἐδέξατο κατὰ τοῦτο μέρος τὴν •[III/1 313]• ὀλοκληρίαν ἢ βασιλέως ἀρχή... Καὶ τὸ τῶν Ῥῶς ἔθνος ἐν μετοχῇ γενέσθαι καὶ τοῦ σωτηριώδους βαπτίσματος ἔπεισε, καὶ ἀρχιεπίσκοπον δέξασθαι παρεσκεύασεν...» κ. τ. λ.

№ 22.

Смoтpи выше № 1, рассуждение Филофеита об Афоне, отд. VI: «Τοὺς τὸν ἐρημικὸν βίον ἐλομένους...»

№ 23.

Смoтpи в моеѣ Статистике Афона, Βίος τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Πέτρου τοῦ Ἀθωνίτου, χειρόγρ. 1422 ἔτους.

№ 24.

Theophanes. continuatus, De Basilio Maced. P. 299 sq. — Confer Symeon. magistri de eodem rege. Pag. 694: «τῷ ἰζ' ἔτει Βασιλείου αἱ τῶν Σαρακηνῶν ναυστολῖαι καὶ Ἰταλίας καὶ Σικελίας καὶ τῶν λοιπῶν χωρῶν ἐπῆλθον» κ. τ. λ.

№ 25.

Τύπως παρὰ τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ σοφοῦ, ὅπως ἔχουσι τάξεως οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν. Χειρόγρ. 1661 ἔτους ἐν ἐμῇ βιβλιοθήκῃ, σελ. 41, 42: «Τῷ Θεσσαλονίκῃς Θετταλίας ὑπόκεινται αἱ ἐπίσκοπαί· α) ὁ Κίτρος, β) ὁ

Βέροιας, γ) ὁ Δρουγουβιτίας, δ) ὁ Σερβίων, ε) ὁ Κασσανδρείας, Ϛ) ὁ Καμπανιάς, ἥτοι Καστρίου, ζ) ὁ Πέτρας, η) ὁ Ἐρκολίων, ἥτοι Ἀδραμέρεως, θ) ὁ Ἰερισσοῦ καὶ Ἀγίου Ὁρους, ι) ὁ Λιτῆς καὶ Ρετίνης, ια) ὁ Βαρδαρίου, ἥτοι Τούρκων, ιβ) ὁ Λυκωστόμου». •[III/1 314]•

№ 26.

Смотри выше № 1 — рассуждение Φιλοφειτα об Афоне, отд. VI: Σιγίλλιον Λέοντος σοφοῦ.

№ 27.

Смотри выше греческий подлинник сей грамоты в рассуждении Φιλοφει-та об Афоне (№ 1), отд. VI.

№ 28.

Смотри ниже № 30-й, отдел. 2, 3.

№ 29.

Theophanis continuati Lib. VI, de Romano Lacapeno. Bonnae, 1838. Pag. 429–430: «Ὁ βασιλεὺς Ῥωμανὸς εἰκοστῶ δευτέρῳ αὐτοῦ χρόνῳ (942) ἐκκλησίας καὶ μοναστήρια πολλὰ ἔκτισεν, ... διωρίσατο δὲ τοὺς μοναχοὺς τοῦ Ὀλύμπου, τοῦ Κυμινᾶ, τοῦ Ἀθωνος, τοῦ Βαραχέως καὶ τοῦ Λάτρους, καὶ πάντας λαμβάνειν ἀνὰ νομίσματος ἑνός· ταῦτα δὲ λαμβάνειν αὐτοὺς ἐκ τῆς ἰδίας αὐτοῦ μονῆς».

№ 30.

Рукопись Кутлумушского монастыря, на бумаге, в лист, под заглавием: Γράμματα ἀρχαῖα σωζομένων τῶν πρωτοτύπων ἐν τῷ Πρωτάτῳ, ἀντιγραφέντα δι' αἰτήσεως τοῦ πανοσιολογιωτάτου ἀρχιμανδρίτου καὶ ἐπιτρόπου τῆς ἱερᾶς μονῆς Κουτλουμούση κυρίου Γρηγορίου.

•[III/1 315]•

1

Хрисовул греческих царей Романа, Константина, Стефана и Константина. Смотри его в рукописи филофеевской: «Τὸ ταῖς ἀγαθαῖς πράξεσιν...» [см. выше, № 1.VI].

2*

Περὶ τῶν γενομένων ὁροθεσιῶν μεταξὺ τῶν Ἀθωνιτῶν μοναχῶν καὶ τῶν Ἰερισσοτῶν· καὶ πότε ἐγίναν, καὶ ἐπὶ τίνων βασιλέων, καὶ τίς ἢ τῶν γερόντων καλουμένη καθέδρα ὑπῆρχε, καὶ ὅτι μονὴ ἐτέρα μεγάλη, ὡς ἢ τοῦ Κολοβοῦ, ἄλλη οὐκ ὑπῆρχεν, ἀλλ' ἢ μικρὰ μοναχῶν σκηνώματα. καὶ ὅτι καὶ δύο ὁ ἔχων, ἢ τρεῖς, ἢ καὶ τεσσάρας συνοδίαν, ἡγούμενος ἐκαλεῖτο τὸ πάλαι. — Ἡ ἀρχὴ τοῦ πρωτοτύπου διεφθαρμένη.

«.....

.....

..... Ἐπειδὴ ἡ κλασματικὴ

γῆ τῆς ὑποταγῆς τοῦ Ἰερισσοῦ ἐστὶ, καὶ συνήνεται τῷ ὄρει τοῦ Ἀθωνος, καὶ ἡ ἀποκληρωθεῖσα γῆ τῇ μονῇ τοῦ Κολοβοῦ ἢ μὲν παρὰ διαφόρων προσώπων διεχωρίσθη, καὶ σύνορα ἀναμεταξὺ αὐτῆς τε μονῆς καὶ τῶν χωριατῶν ἐγένετο, κατὰ τὸν αὐτὸν διαχωρισμὸν κατέλιπον τῇ μονῇ τοῦ Κολοβοῦ δωρεὰν τὴν τοιαύτην γῆν. ἀπὸ δὲ τῶν τοιούτων συνόρων τῆς αὐτῆς μονῆς, καὶ πρὸς τὸν Ἀθωνα,

* В скобках указаны некоторые исправления по новому изданию: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 5.— П.К.

κατεῖχον οἱ χωριάται* καὶ τὰ λοιπὰ μοναστήρια**, καὶ ἐνέμοντο. οὐ μὴν προέβη πρὸ τούτου διαχωρισμός μεταξὺ αὐτῶν τε καὶ τῶν μοναχῶν τοῦ ὄρους τοῦ Ἀθωνος, ἵνα ἐκ τούτου ἐδεικνυτο· ἕως ποῦ ἔστιν ἡ τῶν μοναχῶν ἐπικράτεια, κακεῖθεν ἡ κλασματική γῆ, ἡ παρὰ τῶν χωρίων καὶ τῶν λοιπῶν μοναστηριῶν κατεχομένη, ἀλλ' οὕτως συγκεχωμένη καὶ ἀδιάνγνωστος ὑπῆρχεν ἡ ἐκάστου δεσποτεία, διὰ τὸ μὴ γενέσθαι μέχρι τοῦ •ΠΙΛΙ 316• νῦν ἐκείσε ἐποπτικήν διάνγνωσιν καὶ τὴν τοῦ κλάσματος διάπρασιν. Ταύτην οὖν τὴν παρὰ τοῦ κάστρου Ἐρισσοῦ οἰκητόρων κατεχομένην κλασματικὴν γῆν διέπρασαν εἰς αὐτοὺς. Περί δὲ τῶν μεταξὺ συνόρων, αὐτῶν τε τῶν ἐξωνησάντων τὴν τοῦ κλάσματος γῆν καὶ τῶν μοναχῶν τοῦ Ἀθωνος, διὰ τὸ τῆνικαῦτα μηδεμίαν φιλονεικίαν παρὰ τινος κινηθῆναι, οὔτε παρ' ἡμῶν περιεργώτερον ἐξετάσθη, ἢ ἐπολυπραγμονήθη περὶ τοῦ διαχωρισμοῦ αὐτῶν. Ἀποστείλαντες οὖν μετὰ τοῦτο οἱ μοναχοὶ τοῦ Ἀθωνος, ἐδεήθησαν τοὺς βασιλεῖς ἡμῶν τοὺς ἁγίους, καὶ ἐδέξαντο ὃ τε Στρατηγὸς καὶ ὁ Τζουλᾶς, ἵνα διαχω-

ρίσωσι τὰ δίκαια αὐτῶν ἀπὸ τῶν οἰκητόρων τοῦ κάστρου, ἀπαιτήσωσι δὲ ἔγγραφον ἀσφάλειαν τοὺς αὐτοὺς οἰκήτορας, εἰς τὸ μηκέτι παρενόχλησιν τινα ἐπάγειν τοῖς μοναχοῖς. Καὶ ἀποστείλαντες ἤγαγον τοὺς οἰκήτορας τοῦ Ἐρισσοῦ*, καὶ ἐνώπιον ἅμφω ἡμῶν ἔστησαν μετὰ τῶν μοναχῶν, καὶ οἱ μὲν μοναχοὶ τοῦ Ἀθωνος προεβάλλοντο τὴν ἐξ ἀρχῆς δεσποτείαν εἰς τὸ ὄρος, καθὼς καὶ ἐν τοῖς τοῦ κλάσματος κώδικιν ἀναγράφεται δημόσια εἰς πρόσωπον τῶν μοναχῶν τοῦ Ἀθωνος, οὐ μὴν, ἀλλὰ καὶ τὴν βοήθειαν τῆς ἀσφαλείας τοῦ χρυσοβούλλου τοῦ βασιλέως τοῦ κυροῦ Βασιλείου, πᾶσαν ἄδειαν καὶ ἐξουσίαν παρέχοντος αὐτοῖς ἀπὸ τὴν ἐνορίαν τοῦ Ἐρισσοῦ καὶ τὴν ἔσω, καὶ ὡς ἐκ τούτου ἐνορίαν οὐ τὴν ὑποταγὴν τοῦ τέλους, ἀλλὰ τὴν τοῦ κάστρου λέγοντες, ἐπειρῶντο μέχρι τῆς τοῦ Κολοβοῦ κατοχῆς εἶναι τὴν αὐτὴν ἀπὸ χρυσοβούλλων βοήθειαν, ἐξ ὧν συνέβαινε πάντα τὰ τοιαῦτα κλασματικὰ τόπια ἰδιοποιεῖσθαι αὐτούς, καὶ τὸ σύνολον

* Ὅρα ταῦτα καὶ ἄχρι τῆς σήμερον εἰς τὸν Πρόβλακα καλούμενον ὁρώμενα. διότι μετὰ τὰ μετόχια εὐρίσκεται τῶν Ἱερισσῶν τὸ Ἀλαδιάβα καλούμενον χωρίον μεταξὺ Πυργουδιῶν καὶ Κομίτζης. Τοῦτο τὸ χωρίον ὁ ἥρως ἐκεῖνος Παρθένιος Τζεπέλης περὶ τὸ 1700 ἔτος ἐρήμωσε.

** Λοιπὰ μοναστήρια λέγει τὰ μετόχια τὰ μεταξὺ Ἱερισσοῦ καὶ Ἀλαδιάβα κείμενα, ὡς τότε μὴ ὄντα συνημμένα εἰς τὴν δεσποτείαν τῶν ἐν τῷ ὄρει μοναζόντων. Κλασματικὴ καλεῖται γῆ ὁ περὶ τὴν Πρόβλακα τόπος, ὡς χωρισμένος καὶ κεκομμένος.

* Λέγουσι, ὅτι ἱερισσῶν παρθένων ἦν ποτε κατοικία ὁ τόπος, καὶ διὰ ταῦτα ἔμεινε τὸ ὄνομα ἄχρι τῆς σήμερον. — Γίνεται δὲ ὁ διαχωρισμός οὗτος ἐπὶ τῶν ἡμερῶν πορφυρογεννήτου Κωνσταντίνου, ὅτε τῷ πενθερῷ καὶ τοῖς γυναικαδέλφοις συνεβασίλευε. Ὁ Ρωμανὸς τότε ἐξέδωκε πρόσταγμα, νὰ παληθῇ ἡ γῆ, καὶ ἐξουσιάξῃ, ἕκαστος ἰδιοπεριόριστως ἀγροὺς εἰς καλλιέργιαν, καὶ ἄφησε κοινὴν τὴν νομὴν τῶν ζώων καὶ τὰ ξύλα. Καὶ οἱ Ἱερισσῶται ἀγοράσαντες τόπον, ἠναγκασθησαν οἱ μοναχοὶ, νὰ ζητήσωσιν ὁροθέσια, δηλον δέ, ὅτι εἶχον χρυσοβούλλα προγενέστερα ἄνωθεν χρυσοβούλλου Ρωμανοῦ καὶ τῶν συμβασιλευόντων· διότι μέμνηται ἐνταῦθα τὸ ὄνομα Βασιλείου τοῦ ἀπάππου τοῦ πορφυρογεννήτου Κωνσταντίνου.

μηδὲν ἐναπομένειν τοῖς οἰκήτορσι τοῦ Ἐρισσοῦ. Πάλιν δὲ οἱ αὐτοὶ οἰκήτορες ἐνίσταντο, μέχρι τοῦ Ζυγοῦ εἶναι τὴν κλασματικὴν γῆν, καὶ ἕως τοῦ τοιούτου τόπου δεσπάζειν αὐτούς, τοὺς δὲ Ἀθωνίτας ἐξουσιάζειν ἀπὸ τὸν Ζυγὸν καὶ τὴν ἔσω. Καὶ ἀπλῶς πολλὰ φιλονεικήσαντες περὶ τούτου. Τὸ γὰρ παρ' ἄμφω στασιαζόμενον τοῦτο ἦν, τοῦ ὀρισθῆναι τόπον, ἔνθα ἔμελλον γενέσθαι •[III/1317]• σύνορα, τὰ διαχωρίζοντα τὰ ἀμφοτέρων δίκαια. Τελευταῖον οὖν οἰκεία προθέσει ἠρέσθησαν διὰ τὸ ἀφιλόνεικον, τὸ πλέον δὲ διὰ τὸ συγκενωμένον τῆς ὑποθέσεως καὶ ἀδιάγνωστον, καὶ διωρίσαντο τόπον, ἔνθα ἔμελλον γενέσθαι τὰ σύνορα τὰ διαχωρίζοντα αὐτούς. Τοῦ δὲ Στρατηγοῦ καὶ τοῦ Τζουλά, οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τοῦ ἀρχιεπισκόπου, κρατησάντων μὲν τοῦ γενέσθαι ἐπιτοπίως καὶ διαχωρίσαι αὐτούς, καθὼς καὶ ἠρέσθησαν ἐπιδουναί τε ἀμφοτέροις καὶ λιβέλλους τῆς τοιαύτης ἡμῶν πράξεως, ὡσαύτως καὶ ἀμφοτέρων τῶν διαδικαζομένων εἰς τοῦτο, οὐ μὴν τὸ ἀπέρατον αὐτῶν γινώσκων οὐ κατένευσα ἀπλῶς καὶ ὡς ἔτυχεν ἀπὸ φωνῆς αὐτῶν ἐξελθεῖν..... ἀλλ' εἶπον εἰς ὅπερ ἠρέσθητε, ἐξασφαλίσασθε ἀμφοτέροις πρὸς με, ἵνα ἀμεταμελήτως καταδέξησθε τοῦτο. Καὶ ἐξέρχοντο καὶ ἐξησφάλισαντο ἀμφοτέροι ἐνόρκως, τοῦ ἀρέσκεσθαι αὐτοὺς ἐκεῖ γενέσθαι τὰ μέλλοντα διαχωρίζειν ἀμφοτέρους σύνορα. Ἐξασφαλισμένων δὲ αὐτῶν δεδώκασιν ὁ τε Στρατηγὸς καὶ ὁ Τζουλάς καὶ ὑπομνημάτοις μοναχοῖς ἐμφαῖνον τὴν ἀμφοτέρων ἀρέσκειαν, καὶ τὴν τῆς πράξεως ἡμῶν ἀναντιῶρητον ἐνέργειαν. Τῆς τοιαύτης οὖν

ἀσφαλείας διὰ τε τῆς τοῦ ἀρχιεπισκόπου ὑπογραφῆς καὶ τῶν λοιπῶν βεβαιωθείσης, ἐξῆλθον ἐντοπίως καὶ διεχώρισαν, κατὰ τὴν ἔγγραφον αὐτῶν ἀσφάλειαν, εἰ ὃν ἠρέσθησαν τόπον. καὶ ἀπὸ μὲν τῆς διακατοχῆς τοῦ τόπου τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ μέχρι τῶν τοιούτων συνόρων, πᾶσαν τὴν μεταξὺ οὖσαν γῆν, ὡς κλασματικὴν, διέπρασα τοῖς οἰκήτορσι τοῦ κάστρου, καὶ ἠρέσθησαν καὶ παρέλαβον αὐτήν, καὶ ἀνελάβοντο λίβελον παρ' ἡμῶν περὶ τῶν τοιούτων συνόρων. ἀπὸ δὲ τῶν τοιούτων συνόρων τῇ ἰσότητι ἀπὸ θάλασσαν εἰς θάλασσαν καὶ πρὸς τὸν Ἄθωνα παρεδόθη τοῖς μοναχοῖς τοῦ αὐτοῦ ὄρους, καὶ ἐπεδόθη αὐτοῖς ὑπόμνημα καὶ περιορισμὸς εἰς οἰκείαν αὐτῶν ἀσφάλειαν καὶ ὀφείλουσιν ἔχειν ἀμφίβολον οἱ οἰκήτορες τοῦ Ἐρισσοῦ ἕως τῶν αὐτῶν συνόρων, καθὼς καὶ ὁ λίβελος αὐτῶν περιέχει, ὡσαύτως καὶ οἱ μοναχοὶ τοῦ Ἄθωνος ἀπὸ τῶν αὐτῶν συνόρων καὶ πρὸς τὸν Ἄθωνα. Πλήν τοῦτο μόνον καὶ παρὰ τῶν οἰκητόρων τοῦ κάστρου καὶ ἔτι ἐλογομαχεῖτο, περὶ τοῦ μὴ κωλύεσθαι τυχὸν τὰ κτήνη αὐτῶν εἰς καιρὸν ἐθνικῆς ἐφόδου τῇ προφάσει τοῦ διαχωρισμοῦ τοῦ μὴ εἰσέρχεσθαι καὶ περισώζεσθαι εἰς τὸ τοιοῦτον ὄρος, καὶ περὶ τούτου ἵνα οἰκονομηθῇ, μανδρεῖα δὲ μὴ ποιεῖν, μήτε μελισσουργεῖα, ἀλλὰ μηδὲ ἀδείας οὐσης ἄνευ εἰδήσεως τῶν μοναχῶν εἰσάγειν τὰ κτήνη αὐτῶν· μεγάλως γὰρ εἰς τοῦτο οἱ μοναχοὶ παρενοχλοῦντο. ἐπεὶ ἀπὸ τῶν τοιούτων συνόρων καὶ πρὸς τὸν Ἄθωνα καὶ ὀλιγοστή καὶ •[III/1318]• ἀχρεῖα γῆ ὕστερον

ἀπεκληρώθη τοῖς μοναχοῖς*. Καὶ γὰρ οἱ οἰκήτορες τοῦ κάστρου ἔχουσι μὲν καὶ ἦν παρ' ἡμῶν ἐξωνήσαντο γῆν, ἔλαβον δὲ καὶ ἐσχάτως ἐκ προστάξεως βασιλικῆς, καὶ τοῦ ἁγίου μου αὐθέντου, καὶ ἐκ τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ ὥσεί χιλίων μοδίων, καὶ οὐ δύνανται λέγειν μὴ ἔχειν αὐτοὺς τὴν αὐτάρκειαν αὐτῶν. Ἡ δὲ λεγομένη καθέδρα τῶν γερόντων ἐν ἐτέρῳ μέρει ἐστὶ τοῦ Ἐρισοῦ ὑπὸ τὴν γῆν τοῦ κλάσματος τοῦ Καμένου, ἀπεδόθη δὲ διὰ χρυσοβούλλου τοῖς μοναχοῖς, καὶ ὠρίσθη παρ' ἡμῶν καὶ ἐν

* Ἐν τῇ ἀγωγῇ τοῦ ἄρχοντος τούτου πρὸς τὸν αὐτοῦ ἡγέμονα καὶ δεσπότην συνάγεται, ὅτι οἱ μοναχοὶ τοῦ ὄρους Ἀθωνος καὶ οἱ μοναχοὶ τῆς μονῆς Κολοβοῦ εἶχον τοὺς τόπους ὅλους τοὺς περὶ τὸ κάστρον Ἐρισσοῦ, ὅπου νῦν τὰ μετόχια τῶν μοναστηρίων τοῦ ὄρους, ἅτινα, ὡς ἐν ἄλλοις εὐρηται κώδιξιν, εἰσὶν ἐκ διαφόρων ἀγορᾶς καὶ προσενέξεων ἔπειτα γενομένων. Ἡ μονὴ τοῦ Κολοβοῦ γράφεται ἡ μεγάλη μονή, ἥτις διὰ χρυσοβούλου τοῦ Βασιλείου ἔλαβεν εἰς τὴν ἐξουσίαν τῆς ὅλον τὸ ὄρος τοῦ Ἀθωνος, ὡς φαίνεται εἰς τὰ ἀκόλουθα σιγίλλια τῶν βασιλέων. Ἡ αὕτη ἐξουσίαζε καὶ τοὺς τόπους Ἐρισσοῦ. Δῆλον οὖν, ὅτι ἔρημοι οἰκητόρων ἦσαν οἱ τόποι πρὸ τῶν ἡμερῶν Βασιλείου τοῦ Μακεδόνοιο ἀπὸ τὰς ἐφόδους τῶν Ἀράβων, καὶ ὅτε ἐνίκησεν αὐτοὺς ὁ Βασίλειος, τότε καὶ τὸ ὄρος ἤρξατο πάλιν οἰκεῖσθαι ἀπὸ μοναχῶν καὶ τὸ κάστρον ἀπὸ οἰκήτορας. Καθ' ὃν καιρὸν δὲ ἦσαν ἔρημοι, συστηθεῖσα ἡ μονὴ Κολοβοῦ ἐξουσίαζε καὶ τὸν Ἀθῶνα καὶ τὸν Ἐρισσόν. Ὅθεν ἔπειτα καὶ οἱ Ἀθωνῖται καὶ οἱ Ἐρισσῶται ἐξήτουν τὰ ἀρχαῖα αὐτῶν ὄρια καὶ οἱ Ἀθωνῖται μοναχοὶ ἔχοντες τὴν ἀρχαίαν καθέδραν τῶν γερόντων, τόπον, εἰς ὃν ἐθεώρουν τὰς ὑποθέσεις αὐτῶν. Πρῶτος δὲ τόπος τοῦ ὄρους μετὰ τὴν ἐρήμωσιν, εἰς ὃν ἄνωθεν οἱ μοναχοὶ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τῶν βασιλέων Λέοντος καὶ Ἀλεξάνδρου καὶ Κωνσταντίνου πορφυρογεννήτου καὶ καθεξῆς, ὁ τόπος οὗτος τῶν Καρυῶν ἐχρημάτισε. Καὶ οὗτος ἦν ἡ ἀρχαία καὶ μεγάλη Λαύρα τοῦ ὄρους. Ἐν πολλοῖς δὲ κώδιξιν ἀρχαίοις Λαύρα μεγάλη τῶν Καρυῶν γράφεται, ἔπειτα καὶ τῶν Καρεῶν.

τῷ ὑπομνήματι ἡμῶν ἀντεγράφη, ἵνα οὕτω κατέχηται παρὰ τῶν μοναχῶν, καθὼς καὶ προκατεῖχετο. Ταῦτα ἐμοὶ τῷ δούλῳ σου δίκαια διοικῆσαι ἀνεφάνη. Ὁ δὲ ἅγιος μοῦ αὐθέντης τὸ δίκαιον ὑπὲρ πάντας ἐπειπάμενος, ὡς ὁ Θεὸς <ὀδηγήσαιο> [ὀδηγήση σε]».

3*

Τὸ παρὰ Ἀθωνιτῶν μοναχῶν καὶ τῶν Ἐρισσωτῶν περὶ τοῦ διαχωρισμοῦ τῶν συνόρων.

† σῖγγον Γρηγορίου μοναχοῦ ἡγουμένου τῆς μονῆς τοῦ Ὁρθογομάτου [Ὁρφα(νοῦ) ὁ Γωμάτης]

† σῖγγον Μεθοδίου μοναχοῦ ἡγουμένου μονῆς τῆς ἁγίας Χριστίνης

† σῖγγον Ἀνδρέου μοναχοῦ ἡγουμένου τοῦ Σπηλαιώτου — † σῖγγον Βασιλείου [τοῦ Γαρασδοῦ]

† σῖγγον Ἰωάννου <τοῦ Γοράζδου> [ἐκ χωρίου Ἀραβεινίκιας] — † σῖγγον <μοναχῶν ἀποκεντάρων> [Μιχαὴλ ἀπὸ κεντάρων]

† σῖγγον Κωνσταν[τίνου] τοῦ Χαλούμα [Λαλουμα] — † σῖγγον [Δημητρίου] κυνηγοῦ τοῦ Νεπροβάδη [Νεπριβαδ(ου)]

† σῖγγον Ἰωάννου [μοναχοῦ καὶ] ἡγουμένου τοῦ Ἀθωνος — † σῖγγον <πάντων μοναχῶν> [Παύλου μοναχοῦ] τοῦ Ἀθωνος

† σῖγγον <Ἀρκαδίου> [Βάρδα] μοναχοῦ Ἀθωνίτου — † σῖγγον Θεοδώρου [Ἀθωνίτου τοῦ Γοιρευτου]

* В скобках указаны исправления по новому изданию: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. N 4.— П.К.

<† σῖγνον πάντων — † σῖγνον πάντων (τῶν) τοῦ Κάστρου> •[III/1 319]•

Ἐν ὀνόματι Πατρὸς, Υἱοῦ καὶ ἁγίου Πνεύματος· ἡμεῖς οἱ προγεγραμμένοι καὶ τοὺς τιμίους καὶ ζωποιοὺς σταυροὺς ἰδιοχείρως πῆξαντες, τὴν παροῦσαν ἔγγραφον ἀσφάλειαν καὶ τελείαν διάλυσιν ποιούμεν εἰς ὑμᾶς Θωμᾶ βασπαθάρη ἀσηκρίτη ἐπόπτη Θεσσαλονίκης· ἡμεῖς μὲν οἱ ἡγούμενοι μετὰ τῶν χωριάτων ὑπὲρ πάσης τῆς κοινότητος τῆς χώρας, ἡμεῖς δὲ οἱ Ἀθωνῖται μοναχοὶ ὑπὲρ πάντων τῶν μοναχῶν τοῦ Ἀθωνος τοῦ ὄρους. Ἐπειδὴ πρὸ χρόνου τινὸς ἐπώλησαν εἰς τοὺς χωριάτας τὴν παρ' αὐτῶν κατεχομένην κλασματικὴν γῆν, οὐ διεχώρισαν δὲ τό, ἕως ποῦ ὀφείλουσι δεσπάζειν οἱ ἀγοράσαντες καὶ ἐκεῖθεν οἱ Ἀθωνῖται· διὰ τοῦτο εἰσῆλθομεν ἐν Θεσσαλονίκη, καὶ ἐνώπιον τοῦ πανευφήμου <πρωτεπόπτου> [στρατηλάτου] Κατακάλων, καὶ Γρηγορίου τοῦ ἀγιωτάτου ἡμῶν ἀρχιεπισκόπου, Θωμᾶ βασπαθαρίου τοῦ Τζουλαῖ, καὶ Ζωή<κ>του βασπαθαρίου [καὶ] κριτοῦ, καὶ σοῦ τοῦ προειρημένου ἐπόπτου, ἔγκλησιν ἐποιησάμεθα ἐπιζητοῦντες χωρισθῆναι τὰ τοῦ Ἀθωνος ὄρια ἀπὸ τῆς διαπραθείσης γῆς. Καὶ ἡμεῖς μὲν οἱ τῆς χώρας ἐλέγομεν εἶναι τὴν ἡμετέραν δεσποτείαν ἕως τοῦ Ζυγοῦ, ἐκεῖθεν δὲ τῶν Ἀθωνιτῶν· ἡμεῖς δὲ οἱ Ἀθωνῖται ἀντελέγομεν πάλιν, ὅτι κατὰ πολὺ μέρος ἀνήκει πρὸς ἡμᾶς ἐκ τῆς παρ' ὑμῶν ἐξωνθείσης γῆς. Περὶ τούτων πολλὰ φιλονεικήσαντες, συνείδομεν ἀμφοτέροι καὶ συνεβίβασθημεν γενέσθαι οὕτως· ἵνα ἀπὸ τὸ πλήρωμα τῶν χωραφίων τοῦ κυροῦ Μεθοδίου

πρὸς τὸν Ζυγὸν κοποῦν τὰ σύνορα ἀπὸ θάλασσαν εἰς θάλασσαν, καὶ τὰ μὲν πρὸς τὸν Ζυγὸν πάντα χωράφια τε καὶ χέρσα ἵνα ᾧσι τῆς δεσποτείας τῶν Ἀθωνιτῶν, ἀπὸ δὲ τὰ τοιαῦτα σύνορα καὶ πρὸς τὸν Ἐρισσὸν ἵνα ᾧσι πάντα τῆς δεσποτείας τῶν ἀγορασάντων καὶ τοῦ Κολοβοῦ. Καὶ μήτε ἡμεῖς οἱ Ἀθωνῖται ἀπὸ τὰ τοιαῦτα σύνορα καὶ πρὸς τὸν Ἐρισσὸν ἔχομεν ἐξουσίαν τὸ σύνολον ἐπιζητεῖν, μήτε ἡμεῖς οἱ τῆς χώρας ἀπὸ τὰ τοιαῦτα σύνορα καὶ •[III/1 320]• πρὸς τὸν Ἀθωνα ἔχειν τινὰ ἐξουσίαν. Καὶ εἰς ταῦτα συμφωνήσαντες καὶ ἀρεσθέντες ἐξησφαλισάμεθα πρὸς σε τὸν ἐπόπτην, ἵνα κατανυγῆς καὶ ἐξέλθῃς καὶ διαχωρίσης ἡμᾶς, καθὼς καὶ συνεβίβασθημεν. Οἷον δὲ μέρος ἀντιλογήσῃ καὶ οὐκ ἀσμενίσῃ εἰς ταῦτα τὰ προειρημένα, ἐν πρώτοις ἀρνητὴς ἐστὶ τῆς ἁγίας καὶ ὁμοουσίου Τριάδος, καὶ ξένος τῆς τῶν Χριστιανῶν πίστεως καὶ τῆς μοναχικῆς καταστάσεως, ἔπειτα καὶ καταδικάζεσθαι δικαιουμένου τοῦ ἐμμενοῦς καὶ στέργοντος μέρους εἰς τὰ εἰρημένα σύμφωνα. Ἐξῴθεν δὲ τούτων ἔχειν ἡμᾶς καὶ τὴν καθέδραν τῶν γερόντων τὴν ἐν τῷ χρυσοβουλλίῳ μνημονευομένην. εἰς ταῦτα πάντα ἀρεσθέντες, προετάξαμεν τοὺς τιμίους καὶ ζωποιοὺς [ἡμῶν] σταυροῦς.

Γραφέντος τοῦ ὕφους διὰ χειρὸς Δημητρίου κληρικοῦ <κουβουκλίων> [κουβουκλησίου] καὶ ὀρφανοτρόφου, ἐν μηνὶ Μαΐῳ ἰνδικτιῶνος ιε'. †

† Γρηγόριος ἐλάχιστος ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης μαρτυ[ρῶν] τοῖς προγεγραμμένοις ὑπέγραψα ἰδιοχείρως. †

† Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος Θωμᾶς βασπαθάριος [καὶ] νοτάριος <τῶν κομερκῶν> [τοῦ κομερκίου] πάρεμι ἐπὶ πᾶσιν τοῖς προγεγραμμένοις μαρτυ(ρῶν) ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

† Βασίλειος [βα(σιλικός)] κανδιδάτος ὁ Σκρινιάρης πάρεμι ἐπὶ πᾶσι τοῖς προγεγραμμένοις μάρτυς ὑπέγραψα ἰδιοχείρως.

† Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς ... Μιχαὴλ κληρικός [τῆς Μεγάλης] ἐκκλησίας πάρεμι ἐπὶ πᾶσιν ... κ. τ. λ.

† Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς ... Γρηγόριος βασπαθάρης ὁ <Φουσκός> [Φουσκούλος] πάρεμι κ. τ. λ.

Υποκάτω κρεμάται σφραγὶς μολυβδίνη ἐν ῥάμματι καννάβης (пенька́).

4

Сигиллион царя Льва Мудрого. Смотри его в Филофеевской рукописи: «..... πάσης παρενοχλήσεως». •[III/1 321]•

5

Хрисовул царя Василия Македонского. Смотри его в этой же рукописи: «..... τοὺς τὸν ἐρημικὸν βίον ἐλομένους».

6

Что надобно заключать из вышеприведенных пяти Деписаний:

α) Ἐκ τοῦ χρυσοβούλλου Ῥωμανοῦ καὶ τῶν σὺν αὐτῷ μανθάνομεν, ὅτι οἱ μοναχοὶ τοῦ ὄρους Ἄθω εἶχον προνομία ἐκ τῶν προβεβασιλευκότων. Ταῦτα ἴσως εἰσὶ τὰ ἐν τοῖς σιγιλλίοις Βασιλείου καὶ Λέοντος.

β) Ὁρῶμεν ἐν τῷ περὶ ὁρίων πρακτικῷ περὶ τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ, ὅτι αὐτὴ ἐκεῖτο μετὰ τὸν Ἱερισσὸν πρὸς τὸν Ἄθωνα, καὶ ὅτι παρὰ διαφόρων προσώπων ἦσαν διακεκριμένα τὰ ὅρια αὐτῆς, καὶ μετὰ τὰ ταύτης ὅρια ἠκολούθη ἡ κλασματικὴ γῆ, ἡ πωληθεῖσα τοῖς οἰκήτορσιν Ἱερισσοῦ. Ἡ γῆ αὕτη ἡ πωληθεῖσα, ὡς γράφει τὸ περὶ ὁρίων πρακτικόν, ἦν ἐξ ἀρχῆς τῶν μοναχῶν Ἀθωνιτῶν, καὶ οὕτως ὑπῆρχε γεγραμμένη καὶ ἐν τῇ καταγραφῇ αὐτῆς, ὅτι ἦν τῆς δεσποτείας τῶν μοναχῶν τοῦ Ἄθω, ὥστε εἶχον αὐτὴν καθὼς καὶ τὴν καλουμένην καθέδραν τῶν γερόντων, καὶ ἦσαν ὁμοροὶ οἱ Ἀθωνῖται καὶ οἱ τῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ. Ἐκ τούτων τεκμαίρομενα, ὅτι ἦσαν μοναχοὶ εἰς τὸν Ἄθωνα πρὸ τῆς νεοσυρηθίσεως μονῆς τοῦ Κολοβοῦ, καὶ ὅτι ἡ μονὴ Κολοβοῦ εἰς τὰ ὅρια τῶν Ἀθωνιτῶν μοναχῶν ὑπῆρχε· καὶ διὰ ταῦτα ὁ Κολοβός, ὡς Ἀθωνίτης μοναχός, κοινὸν ἔλαβε γράμμα ἐλευθερίας ἀπὸ τοῦ Βασιλείου καὶ τὸ χρυσοβούλλιον Ῥωμανοῦ καὶ τῶν συμβασιλευκότων ὡς Ἀθωνίτιδα μονὴν τοῖς αὐτοῖς αὐτὴν τιμᾷ προνομίαις. — Ποелику Колову только обновил монастырь Афонский, посему можно думать, что были на этой горе и другие монастыри, разрушенные арабами, и что оба Феодосия строили там обители.

γ) Ὅταν ἐξελέγχθη ἡ σκευωρία μοναχῶν τοῦ Κολοβοῦ· τότε, ὡς ἐν τῷ σιγιλλίῳ Λέοντος φαίνεται, καὶ τὴν κλασματικὴν ταύτην γῆν εἶασε κοινὴν τοῖς γειτνάζουσι πᾶσι. Γενομένης ἔπειτα τῆς διὰ Ῥωμανοῦ προσταγῆς •[III/1 322]• διαπραθῆναι πᾶσαν τὴν ἄχρὶ τοῦ

καιροῦ ἐκεῖνου ἀδέσποτον καὶ κοινῶς ἐξουσιαζομένην ὁμαλῇ πρὸς γεωργίαν γῆν, καὶ μένειν κοινήν τὴν χέρσον, καὶ ἀνήριτον, καὶ νομαδικήν, καὶ ὑλώδη, καὶ τὴν παντοίου εἶδους ξυλουργικὴν· ἐντεῦθεν ἐνέμυσεν ἡ παγχάλεπος περὶ συνεχῶν καὶ ἀδιαλείπτων διενέξεων τῶν ὁρίων ἀλληλομαχία. Σώζεται ἐν τοιοῦτον θεοστυγὲς πρωτότυπον πρόσταγμα εἰς τὴν ἀγίαν Λαύραν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου· διότι ὅστις ἡγόρασε τόπον πρὸς γεωργίαν, ἔπρεπε λαβεῖν καὶ ἴσον τοῦ προστάγματος*.

Εὐθύμιος ὁ ἡγούμενος τῆς ἐν Περιστερᾷ μονῆς αὐτοῦ ἡγόρασε γῆν εἰς τὴν Κασάνδραν. Ὅθεν εἰς τὸ τῆς ἀγορᾶς γράμμα κεῖται πρῶτον τὸ πρόσταγμα τῶν πέντε αὐτοκρατόρων, Ῥωμανοῦ καὶ τῶν τριῶν υἱῶν καὶ τοῦ γαμβροῦ. Ἐπειδὴ δὲ Βασίλειος καὶ Κωνσταντῖνος οἱ πορφυρογέννητοι ἔγγονοι Κωνσταντίνου πορφυρογεννήτου ἔκτισαν τὴν Λαύραν μεγάλην τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου (Никифор Фока и Иоанн Цимисхий были похитители престола), καὶ διὰ ταῦτα οἱ βασιλεῖς οὗτοι μονὴν αὐτῶν τὴν Λαύραν ὀνομάζουσι· ἀφιέρωσαν εἰς τὴν μονὴν αὐτῶν τὸ μοναστήριον τοῦ ἁγίου Εὐθυμίου τὸ ἐν Περιστερᾷ μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ κινητῶν καὶ ἀκινήτων, καὶ τὸ ἐν Κασσανδρείᾳ μετόχιον τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Εὐθυμίου. Διὰ ταῦτα σώζεται τὸ πρόσταγμα τοῦτο ἐν τῇ Λαύρᾳ**. Οἱ Ἀθωνῖται μοναχοὶ ζητοῦντες, νὰ ἀποφύγῃσι τὸν Ζυγὸν τοῦ

Κολοβοῦ, ἔπесον εἰς χαλεπώτερον τῶν Τερисσωτῶν. Ὅθεν ἡναγκάσθησαν, νὰ ζητήσωσιν ὅρια, καὶ ἐπειδὴ ἐπράθη ἡ ἄνωθεν γῆ αὐτῶν, ὑστερήθησαν αὐτῆς, καὶ συνεστάλησαν τὰ ὅρια αὐτῶν. ἔπειτα ἐξ ἀγορασίας καὶ προσενέξεων ὀρίζουσιν ἤδη οὐ μόνον ἄχρι τῆς χώρας Τερισσοῦ, ἀλλὰ καὶ πόρρω.

7

Во дни Иоанна Колову как жили Афонцы? И какие монастыри должно разуместь в акте о разделе границ с Ериссовцами? •[III/1 323]•

Ἐκ τῶν εἰρημένων ἀρχαίων γραμμάτων, ὡς ἀρχηγὸς τῶν ἐν τῷ ὄρει μοναχῶν ὁ ὁσιος Κολοβὸς φαίνεται, διότι αὐτὸς ἐκ προσώπου πάντων παρίσταται εἰς τὸν βασιλέα, καὶ ποιεῖ τὸ ὅρος ἐλεύθερον, καὶ εἰς τοὺς διαδόχους τῆς μονῆς αὐτοῦ μένει τῆς ἐλευθερίας τὸ βασιλικὸν πρόσταγμα.

Ὁ Πρῶτος ἐξουσίαζε τὰ μονήδρια καὶ κελλία καὶ σκητάς, ὅχι ὅμως καὶ τὰ βασιλικὰ καὶ πατριαρχικὰ μοναστήρια. Ὅθεν ἐν πολλοῖς κώδιξιν ὀρώμεν τὸν Πρῶτον γράφοντα· κατὰ προσταγὴν τοῦ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως ἐπροστάχθη νὰ κάμω τότε ἢ τότε. τὰ δὲ μονήδρια καὶ ἡσυχαστήρια ἀνεξαρτήτως ἐδιοῖκει καὶ ἐχάριζεν εἰς μοναστήρια ἄνευ εἰδήσεως βασιλικῆς καὶ πατριαρχικῆς· κατὰ δὲ τὸν ἀρχαῖον τύπον ἐκάλει πρὸς μαρτυρίαν ἡγουμένους.

Этимология названий монастырей.

— Ξενόφου ἐκ τῶν ξεινῶν υδάτων.

— Χελανταρίου ἐκ τοῦ χέειν τὸν τόπον ἀντάραν· ἀντάρα δὲ ἡ ἀναθυμίασις.

* Я (Порфирий) не видел этого акта в Лавре. Мне не показали его.

** И этого акта не показали мне в Лавре.

— Ἐκ γένους· ἡ μονὴ τῶν Ἰβήρων, μονὴ Χάλδου τοῦ Αἰγυπτίου.

— Ἐκ κτητόρων· μονὴ Ζωγράφου, Δοχειαρίου, Κολετζίου, Φιλοθέου, Νικολάου, Καρακάλλου, Κατζάρη, Σκαμανδρινοῦ καὶ Σταυρονικήτα.

— Ἐξ ἐπιτηδευμάτων· Εὐλουργοῦ, Καλλιγράφου, Καλυμαυχᾶ, Ἰχθυοφάγου.

— Ἐξ ἐπωνυμίας· τοῦ Κάσπακος, Μινίτζη, Φιλοπάτορος καὶ Σαράβαρη.

— Ἐκ περιστάσεως· ἡ τῶν Βουλευτηρίων.

— Ἐκ τοποθεσίας· ἡ τοῦ Χαίροντος, Βοροσκόπου, Ζυγοῦ.

— Ἐξ ὀφθικίων· ἡ τοῦ Ραβδούχου.

8

Устав царя Иоанна Цимисхи. Смотри его в Филофеевской рукописи.

Упоминаемые тут обители ныне называются:

— Εὐστρη — ὁ εἰς Καραῖς ἅγιος Ἀντώνιος (келя).

— Τοῦ Μηνίτζη — πλησίον τοῦ Κουτλουμούση Λαυριότικο κελλίον νῦν.

— Τοῦ Μακροῦ — πλησίον Κουτλουμούση νῦν κελλίον τοῦ ἁγίου Νικολάου.

•[III/1 324]•

— Τοῦ Γομάτου — ἡ μεγάλη Παναγία, κελλίον Κουτλουμουσιανόν.

— Ραβδούχου, Φαλακροῦ, Φακινού, Ἰάγαρη — ὑποκείμενα εἰς τὴν μονὴν τοῦ Παντοκράτορος.

— Τοῦ ἁγ. Τρύφωνος — ὑποκείμενον εἰς τὸ Γρηγορίου.

— Τοῦ Κοχλιαρᾶ — κελλίον Χελανταρινόν πλησίον τοῦ Εὐστρη καὶ τὸ Ρούσικον κελλίον ἐγγύτατον τῇ Εὐστρη, ὁ

ἅγιος Βασίλειος, μοναστήρια ἐλέγοντο.

Ὅρια ἐξ ἀρχῆς καὶ μέχρι Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου τὸ ὅρος δὲν εἶχε, καὶ ἕκαστον μοναστήριον μόνον τοὺς ὑπ' αὐτοῦ καλλιεργηθέντας ἐξουσίαζε τόπους. οἱ δὲ λοιποὶ ἦσαν ἀδέσποτοι, ἐν οἷς ἀπὸ μὴ μοναστήρια ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Τζιμισχῇ, τὸ 6475/967 ἔτος, μετὰ παρέλευσιν 79 χρόνων, ὅτε ἐγίνε τὸ δεῦτερον τυπικόν, τὸ 6554 ἔτος, ὁρῶνται πλείονα τῶν ρπ' μοναστηρίων, ἥγουν προσετέθησαν ρλβ'. Δῆλον, ὅτι οὐκ ἦσαν ὅρια. Εἰ γὰρ εἶχον ὅρια, ἄλλην οἰκοδομὴν μοναστηρίων γενέσθαι ἐν τοῖς ὁρίοις αὐτῶν οὐκ ἐπέτρεπον. Ἡμεῖς ὁρῶμεν μοναστήρια οἰκοδομούμενα καὶ μέχρι ἀλώσεως καὶ μετὰ τὴν ἄλωσιν, τὸ 1500 ἔτος, τὸ τοῦ Σταυρονικήτα. Ἐξ ὧν συνάγεται, ὅτι οἱ τόποι, εἰς οὓς ἐγίναν τὰ μοναστήρια Παντοκράτορος, Κουτλουμούση, Ζωγράφου, ἅτινα ἐγίναν ἐπὶ τῆς βασιλείας Μιχαὴλ τοῦ πρώτου τῶν Παλαιολόγων, ἦσαν κοινοί. Ἡ Σιμόπετρα (1370 ἔτος) καὶ τοῦ Διονυσίου ἐκτίσθησαν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἰωάννου Παλαιολόγου, υἱοῦ Ἀνδρονίκου τοῦ νέου. Ἡ τοῦ ἁγίου Παύλου μονὴ ἀνεκαίνισθη ἐπὶ τὰ τέλη τῆς βασιλείας τοῦ ἐσχάτου Ἰωάννου Παλαιολόγου (1448) ὑπὸ Γεωργίου δεσπότης Σερβίας. Ἄν οὐκ ἦσαν ἀδέσποτοι τόποι τοῦ κοινοῦ· πῶς ἀφαιροῦντο τόποι ἑνὸς μοναστηρίου, καὶ ἐδίδοντο εἰς τὸ ἄλλον; Ἀλλὰ μὰ τὴν ἀκαταμάχητον ἀλήθειαν! ὅλα τὰ παλαιὰ περὶ ὁροθεσιῶν γράμματα ἔπεται νὰ εἶναι πλαστογραφίαι αἰσχροκερδῶν ἀνθρώπων.

9

Опровержение хрисовула царя Романа, данного будто бы Ксиропотамскому монастырю. •[III/1 325]•

10

Исследование о царе Михаиле Рангавэ и о Павле Ксиропотамском.

11

Исследование о патриархе Феофилakte (βασιλόπαιδον) (933–956 гг.).

12

Устав царя Константина Мономаха. Смотри его в филофеевской рукописи [Оправдания, № 1, отд. V.].

Примечания к сему уставу:

Τύπος β'. — Σημείωσον, ὅτι ἄλλαι μοναὶ εἶχον διὰ προσταγῆς βασιλικῆς πλοῖα· ἡ δὲ ἱερά μονὴ τοῦ Βατοπεδίου δι' ἀδείας τοῦ Πρώτου καὶ τῶν ἡγουμένων.

Τύπος γ'. — Ὑποσημείωσις εἰς τὰ λόγια· «ἀλλὰ πρὸ 50 ἡδὴ χρόνων». — Εἰς δύο πρακτικὰ τοῦ Πρώτου καὶ τῆς συνάξεως ἐν μεμβράναις, εἰς τὴν Λαύραν εὐρισκόμενα, ἐν οἷς προσφέρουσι τῷ ὁσίῳ Ἀθανασίῳ δῶρον, τὴν μονὴν Μονοξυλίου καὶ τοῦ Πλατέως, τὸ 799 ἔτος, ζῶν φαίνεται ὁ Ἀθανάσιος· καὶ πολλὰς αὐτῷ χάριτας ὁμολογοῦσι, καὶ ἐπαίνους ἐν τούτοις πλέκουσιν. Ὡς δὲ νῦν ὁ ἡγούμενος Λαύρας Νεόφυτος λέγει πρὸ 50 ἐτῶν ἔχειν τὴν Λαύραν τὰ πρόβατα καὶ αἰγας, ἔπεται ἐν ἐκ τῶν δύο ἀληθεύειν· ἢ ὁ Νεόφυτος ἀπερισκέπτως ἐπρόθεσε χρόνους, ἢ τὰ πρακτικά· διότι ἀδύνατον φαίνεται ὁ ὁσῖος

Ἀθανάσιος νὰ καταπατήσῃ τὴν ἐν τῷ πρώτῳ Τυπικῷ ὑπογραφὴν τοῦ, κωλύοντι τοῦ εἰσερχεσθαι εἰς τὸ ὄρος ζῶα.

Τύπος ε'. — Кем и когда создан монастырь Амальфинский — это неизвестно. Σῶζονται ἐν τῇ ἀγίᾳ Λαύρᾳ δύο ἴσα τῶν χρυσοβούλλων αὐτῆς Ἀλεξίου Κομνηνοῦ καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Ἰωάννου περὶ τινῶν χωρίων καὶ τόπων εἰς τὸν κάμπον Σερόρων καὶ Ζιχνῶν, ὧν ἐδέσποζε •[III/1 326]• Δοξόμπους, καὶ Αἰδαρόκαστρον καλούμενα. Εἶχεν ἐν Κωνσταντινουπόλει ὡς μετόχιον μονὴν ὁμώνυμον, τῶν Ἀμαλφηνῶν καλουμένην.

Подписи на втором Уставе:

— Прот Феофилакт,	1.
— Неофит игумен Лавры,	2.
— Афанасий монах и игумен Ватопедский,	3.
— Георгий Ивир,	4.
σπαθάριος ἔτι ὧν καὶ διοικητὴς Ἑλλάδος ἦλθεν εἰς τὸ ὄρος.	
— Иоанн, монах, пресвитер и игумен обители Зигу,	5.
— Кирилл, монах и игумен обители Есфигмена,	6.
— Илларион, монах и игумен обители св. Никифора,	7.
— Иоанн, монах и игумен обители Каспака,	8.
— Илия, монах и игумен обители Ксиропотама,	9.
— Петр монах и игумен кир Афанасия,	10.
— Феодул, монах и игумен Дохиарский,	11.
— Лука, монах и игумен Пресвятой Богородицы,	12.

— Αφanasий, монах и игумен
τοῦ κυροῦ Σισῶη, 13.
— Симеон, монах и игумен
μονῆς Καλλιάρης, 14.
— Иеремия, монах и пресвитер, 15.
— Марк, монах и игумен, 16.
— Иоанн, монах и игумен
μονῆς τοῦ Φακινού, 17.
— Варфоломей, монах и игумен
μονῆς τοῦ Σωτήρος, 18.
— Антоний, монах и игумен
μονῆς τοῦ ἁγίου Εὐστρατίου, 19.
— Никифор, монах и игумен
μονῆς τοῦ Βερόριου, 20.
— Леонтий, монах и игумен
μονῆς τοῦ Φαλακροῦ, 21.
— Феодор, монах и игумен
μονῆς τοῦ Καλέστρη, 22.
— Никифор, монах и игумен
τοῦ Ξηροκάστρου, 23.
— Михаил, монах τοῦ
Ἀρχιστρατήγου, 24.
— Козма, монах и игумен
τοῦ Φιλαδέλφου, 25.
— Георгий, монах и игумен
τοῦ Νεακίτου, 26.
— Герасим, монах и игумен
τῶν ἀναργύρων, 27.
— Варфоломей, монах
и игумен τοῦ ἁγίου Νικολάου, 28.
— Никифор, монах и игумен
τοῦ ἁγίου Ἐφραίμ, 29.
— Иона, монах и пресвитер
τοῦ ἁγ., 30.
— Арсений, монах и игумен
μονῆς τοῦ ἁγίου Πέτρου, 31.
Οἱ πάντες εἶναι τριάκοντα. Οὗτοι ἦσαν
τότε οἱ ἐγκριτότεροι ἐκ τῶν ρπ' ἡγου-
μένων.

—
Ἡ τοῦ Κάσπακος μονή ἐστὶ κελλίον
εἰς τοῦ Μαγουλά. — Ἡ Καλλιάρης
περιβόλιον Κουτλουμούση. — Ἡ Φα-
κινού ἀμπελίκιον τοῦ Παντοκράτορος
•III/1327• πλησίον Στρανονικήτα. — Ἡ
Ξηροκάστρου πλησίον Ἰβανίσσης οὐ
μακρὰν τῆς ἀποθήκης τοῦ Ζωγράφου
πρὸς δυσμᾶς. Αὕτη ἐπ' ὀνόματι τῆς
ὑπεραγίας θεοτόκου ἐτιμᾶτο. — Ἡ τοῦ
Νεακίτου μεταξὺ Ζωγράφου καὶ
Κασταμονίτου κελλίον πλησίον τοῦ
μικροῦ κελλίου τῶν ἁγίων ἀποστόλων.

—
Ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἀλεξίου Κομνηνοῦ
(1097 ἔτος) οἱ μοναχοὶ εἶχον διενέξεις
καὶ διαφορὰς περὶ τε ἀγενεῖων καὶ
εὐνούχων, καὶ περὶ ζώων, καὶ τῶν ἐξ
Ἰταλίας ἐλθόντων τότε σταυροφόρων,
τῶν καλουμένων Κρουτζο-Βλάχων·
κρουτζε γὰρ παρ' αὐτοῖς ὁ σταυρός,
Βλάχοι δὲ καὶ Βαλάχοι καὶ Βέλχοι οἱ
Ἰταλοὶ ἐκαλοῦντο τὸν καιρὸν ἐκεῖνον
(καὶ νῦν οἱ Γερμανοὶ Βέλχους τοὺς
Ἰταλοὺς ὀνομάζουσιν). Εἰς τὸν καιρὸν
τῆς ἐκστρατείας τῶν καλουμένων
σταυροφόρων ὅσοι ἐκ τῶν Ἰταλῶν
ἔμειναν ἐν Γραικίᾳ καὶ Παιωνίᾳ, ἢ Οὐγ-
γαρίᾳ ὠνομάσθησαν Βλάχοι ἐκ τοῦ
Βέλχοι καὶ φοροῦντες τὸν σταυρόν,
κρουτζε παρ' ἐκείνων, οἱ Γραικοὶ ἐκ τῆς
ιδίας αὐτῶν γλώσσης Κρουτζοβλάχους,
καὶ κοινῶς Κουτζοβλάχους ὠνόμασαν.
Τοὺς ἐξ Ἑλβετίας τότε μέινοντας ἐκ
τοῦ στρατεύματος ἐκείνου Ἀλβανίτας
ὠνόμασαν. Οἱ Κρουτζοβλάχοι, καθὼς
καὶ οἱ Ἀλβανῖται, ἔχοντες μεθ' ἑαυτῶν
καὶ γυναῖκας, διότι πρὸς ἀποικίαν
ἀπήρχοντο τῆς Ἱερουσαλήμ· οἱ Βλάχοι

μείναντες πλησίον τοῦ ὄρους, ἤρχοντο εἰς αὐτό, ἀνδρικά ἔχοντες φορεμένας τὰς ἰδίας γυναικας. Οἱ μοναχοὶ ἀνέφεραν εἰς τὸν βασιλέα Ἀλέξιον, καὶ ὁ βασιλεὺς ἐξέδωκε πρόσταγμα, ὁ Νικόλαος ὁ Πατριάρχης ἀφορισμὸν καὶ ὁμοῦ Βλάχους καὶ ἀγενεῖους ἔξωσαν τοῦ ὄρους. Διὰ ταῦτα ὁ βασιλεὺς ἐξήτησε τὰ τυπικά.

13

Χρυσοβούλλιον σιγίλλιον χάρτινον τοῦ αἰοιδίου εὐσεβοῦς βασιλέως Κωνσταντίνου τοῦ Μονομάχου ἐπικυρωτικὸν τοῦ ἀνωτέρω τυπικοῦ. Смотри его в Филофеевской рукописи: «..... αὐ τῷ Λαύρα, τοῦ γὰρ εἰς τὸ αὐτὸ στασίαζοντος».

Τοῦτο χρυσοβούλλιον ἔχει γράψιμον σχεδὸν ἀμίμητον διὰ χαρακτήρων μεγάλων προσφυῶς συνεστρεμμένων, καὶ καταλλήλων τῷ μεγέθει, καὶ δι' ἐτέρων γραμμάτων εὐλήπτων δηλουμένων τῶν μεγάλων συνεστρεμμένων δυσλήπτων γραμμάτων. Ἐχει προσφυῶς ἐγκεκολλημένα πολλὰ •[III/1 328]• χαρτίων τεμάχια, τὸ πλάτος ἐκάστου τεμαχίου ἐστὶ πυθαμῶν β', καὶ τὸ μήκος διπλοῦν τὸ χάρτιον ἐκεῖνο μαλακὸν καὶ χοντρὸν. Ἐνθα τὰ χαρτία εἰσι συνδεδεμένα, ὅπισθεν ἔχουσι γράμματα ἐλικοειδῶς περιπλεγμένα πρὸς ἀσφάλειαν.

Ὁ αὐτὸς βασιλεὺς παρόμοιον χάρτινον χρυσόβουλλον ἔδωκε καὶ τῇ Λαύρα, ἐν ᾧ προστάζει εἰς τὸ ἐξῆς παρὰ πάντων ἅγιον τὸ ὄρος καλεῖσθαι, καὶ τὴν Λαύραν τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου κατ' ἐξοχὴν καλεῖσθαι θείαν καὶ ἁγίαν καὶ βασιλικὴν μεγάλην Λαύραν· ὥστε τὸ

ὄρος τοῦ Ἄθω τὴν ἀρχὴν τοῦ καλεῖσθαι ἅγιον ἐκ τούτου βασιλέως ἔλαβε. Οὐδὲν γὰρ πρόσταγμα βασιλικὸν τῶν πρὸ τούτου βασιλέων, οὐδὲ τὸ πρῶτον Τυπικὸν καλοῦσιν ἅγιον, ἀλλ' ἀπλῶς ὄρος Ἄθω.

14 и 15

Прошение Афонских монахов Константинопольскому патриарху Харитону и решение его. Смотри оба эти Деписания ниже, под 1177 годом [Οπρᾶβδᾶνῐᾶ, № 99].

16

Разные заметки об афонских монастырях и о протѣ.

— Εἶδον καὶ ἐν ὠραιότατον σιγίλλιον Νήφωνος πατριάρχου ἀρχόμενον· «Μὴ κλίνειν εἰς δεξιὰ, καὶ εἰς ἀριστερὰ μὴ ἐκκλίνειν». Ἡ δὲ ἐν τούτῳ ἔννοια — ἔπαινος τοῦ ὄρους, καὶ ὅτι ἄχρι τοῦ καιροῦ ἐκεῖνου ὁ πατριάρχης οὐδεμίαν εἶχεν ἐν τῷ ὄρει μετοχὴν, ἀλλ' ὁ βασιλεὺς ἀπεφάσιζε τὸν Πρῶτον, καὶ ὁ Πρῶτος τοὺς ἡγουμένους. Τότε ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ πατριάρχης συσκεψάμενοι ἔκριναν τοῦτο ἐναντίον τῶν θείων νόμων, καὶ ἀπεφάσισαν, νὰ ἱερωθῇ ὁ Πρῶτος καὶ νὰ λαμβάνῃ τὴν ποιμαντικὴν βακτηρίαν ἀπὸ τὸν πατριάρχην, καὶ ὅχι ὡς πρότερον ἀπὸ τὸν βασιλέα, διὰ νὰ ἔχη κανονικῶς τὴν χάριν, νὰ μεταδίδῃ καὶ οὗτος τοῖς ἡγουμένοις, τοῖς παρ' αὐτοῦ προχειριζομένοις. Εἶχεν Πρῶτος οὗτος προνόμιον ἱερουργεῖν, ὡς οἱ ἔγκριτοι ἀρχιερεῖς διὰ πολυσταυρίου φελωνίου, καὶ ἐν Κωνσταντινουπόλει εὐρισκόμενος συνεκάθητο ἐν

ταῖς συνόδοις τοῖς ἀρχιερεῦσι καὶ τῷ πατριάρχῃ •[III/1 329]• ἐφόρει ἱεροπραττῶν ὑπογονάτια, ὡς τὸ σιγίλλιον τοῦτο τοῦ Νήφωνος γράφει. ἐχειροτόνει ἀναγνώστας καὶ ὑποδιακόνους, καὶ ἀπεκαθίστη πνευματικούς πατέρας. τοῦτο ἔπειτα τὸ προνόμιον διὰ πατριαρχικοῦ συνοδικοῦ σιγίλλιου ἐδόθη εἰς ὅλους τοὺς προεστώτας τῶν μοναστηρίων τοῦ ὄρους ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Παΐσιου τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου, περὶ τὸ 1740 ἔτος, εἰς τὸ νὰ ἐκλέγωσι καὶ ἀποκαθιστῶσι πνευματικούς δοκίμους ἐν τοῖς μοναστηρίοις αὐτῶν, ὡς τὸ σιγίλλιον τοῦ παρίστησιν ἐν τῇ Λαύρᾳ σωζόμενον, παρέχον ἀκολύτως ἄδειαν εἰς τὸ ἐξῆς ἀποκαθιστᾶναι πνευματικούς χωρὶς εἰδήσεως πατριαρχικῆς.

— Прот Св. Горы и игумен Лавры пророчествуемы были царем и в Афонском Собрании заседали, держа жезл в руках. Прочие игумены не имели сего права.

— Ὁ τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου μέγας ναὸς τῆς συνάξεως ἐν μονῇ τῶν Ἰβήρων ἐγένετο ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Κωνσταντίνου Μονομάχου, ἡγουμενεύοντος Γεωργίου Τορνικίου, 6550 (1042) ἔτος.

— Πρώτη οἰκοδομὴ μοναστηρίου εἶναι ἡ Λαύρα, 6469 (961/3) ἔτος.

— Ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου ἐσυστήθησαν αἱ μοναὶ Βατοπεδίου καὶ Ἰβήρων· διότι αἱ τοπικαὶ διατάξεις περὶ ἀκολουθιῶν καὶ διαίτης τῆς μονῆς Βατοπεδίου εἶναι τοῦ ὁσίου τούτου. Ἐν τῇ διὰ Ἰωάννου τοῦ Ἰβηρος συστηθείσῃ μονῇ εἶχεν ὁ ὁσιος κοινωνικὰ κελλία ὀκτὼ τῆς Λαύρας, ὡς ἐν τῇ διαθήκῃ αὐτοῦ γράφει.

— Εἰς τοῦ ἰδίου τὰς ἡμέρας εὐρίσκεται συστημένη ἡ μονὴ Ἑσφιγμένου, ὡς ὁ Πρῶτος Ἰσαὰκ μαρτυρεῖ ἐν τῷ γενομένῳ πρακτικῷ περὶ τῆς διαλλαγῆς Βατοπεδινῶν καὶ Ἑσφιγμενιτῶν.

— Ὁ ὁσιος Ἀθανάσιος, ὡς μαρτυροῦσι δύο ἀφιερωτικὰ πρακτικὰ περὶ τοῦ Μονοξυλίου καὶ τοῦ Πλατέως, ἂν δὲν εἶναι πλαστογραφία, περιῆν τῷ βίῳ 6505 (997) ἔτος.

— Μονὴ Ξηροποτάμου καὶ μονὴ Ζυγοῦ ὀρῶνται ἐν τῷ τυπικῷ βασιλέως Κωνσταντίνου Μονομάχου.

— Ἡ μονὴ τῶν Ἀμαλφινῶν καὶ ἡ μονὴ Δοχειαρείου ὀρῶνται ἐν τῷ αὐτῷ τυπικῷ 6554 ἔτους.

— Τοῦ Φιλοθέου ἡ μονὴ εὐρίσκεται εἰς ἐν πρακτικὸν ἐν μεμβράνῃ ὑπάρχουσα 6554 ἔτει, ἐν ᾧ πωλεῖ τὸ μονήδριον Ἀτζιωάννου εἰς τὴν Λαύραν, •[III/1 330]• τὸ ὅποιον μαρτυρεῖ μετόχιον τῆς Λαύρας καὶ τὸ περὶ τοῦ Χάλδου εἰρημένον πρακτικὸν 6595 (1087) ἔτους. (Смотри этот практикон в числе Деесписаний Филофеевского монастыря).

— Τὸ μοναστήριον Καρακάλλου ὑπῆρχεν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ῥωμανοῦ Διογένους τοῦ βασιλέως καὶ Εὐδοκίας, ὡς ἐν σιγίλλιον αὐτῶν ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ οἰδόμενον μαρτυρεῖ. Εὐρίσκεται ἡγούμενος Καρακάλλου καὶ ἐν τῷ πρακτικῷ...

— Ἡ μονὴ Ξενόφου, ἢ Ξενοφώντος, ὀρᾶται συστηθεῖσα παρὰ Συμεῶν ἡγιασμένου τοῦ χρηματίσαντος ἀρχιευνούχου τοῦ βασιλέως Νικηφόρου Βοτανειάτου.

— Ἡ τῶν Ῥώσων εἰς τὸν αὐτὸν καιρὸν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀλεξίου Κομνηνοῦ,

τοῦ μετὰ τὸν Βοτανειάτην βασιλεύσαντος.

— Ἡ τοῦ Κασταμονίτου φαίνεται ἐν τοῖς οὖσιν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀνδρονίκου τοῦ νέου, ἐν ᾧ μετὰ τῆς μονῆς Ζωγράφου ἐμάχοντο περὶ ὁρίων.

— Ἡ μονὴ Χελανταρίου ἤρξατο γενέσθαι 1240 ἔτει.

— Αἱ μοναὶ Ζωγράφου, Παντοκράτορος, Κουτλουμούση, σχεδὸν συγχρόνως ἐσυστήθησαν.

— Ὁ Πρῶτος Ἰσαὰκ καὶ ἐν πληθος ἡγουμένων ἐν τινι πρακτικῷ περὶ τῆς μονῆς Νεακίτου ἀρχαίας οὔσης καὶ προγενεστεράς τῆς μονῆς Ζωγράφου, ἐνοχλουμένης περὶ ὁρίων παρὰ τῶν Ζωγραφεπτῶν, λέγει, τὸ 6841 (1333) ἔτος, ὅτι ἡ μονὴ Ζωγράφου κελλίον οὔσα ὑποκείμενον τῷ Πρῳτῷ, δὲν εἶχε τότε ἐξήκοντα ἔτη, ἐξ ὅτου ἤρξατο λαμβάνειν σχῆμα μοναστηρίου καὶ ἀπέδειξεν ἡ σύναξις αὕτη πλαστόγραφα τὰ ἐμφανισθέντα γράμματα τῶν Ζωγραφεπτῶν. ὥστε ἤρξατο ἡ μονὴ Ζωγράφου περὶ τὸ 1280 εἰς τὰ τέλη τῆς βασιλείας Μιχαὴλ τοῦ Πρῶτου τῶν Παλαιολόγων, καὶ ἀρχὰς τῆς βασιλείας τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Ἀνδρονίκου.

— Ἡ τοῦ Παντοκράτορος ᾠκοδομήθη παρὰ Ἰωάννου Πριμμικηρίου ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ Μιχαήλ.

— Ὁ ὅσιος Κουτλουμούσης ἐν τοῖς αὐτοῖς χρόνοις ἤρξατο συνιστᾶν τὴν μονήν· ἔζη δὲ καὶ ἐν τοῖς χρόνοις Ἀνδρονίκου τοῦ γέροντος.

— Αἱ ἱεραὶ μοναὶ Διονυσίου καὶ Σίμωνος — τὸ 6870 (1362).

— Γρηγορίου ἱερὰ μονὴ ὁρᾶται ὑπάρχουσα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Μανουὴλ Παλαιολόγου.

— Ἡ ἐπ' ὀνόματι τοῦ ὁσίου Παύλου ἦν πάλαι, ὡς μαρτυρεῖ ὁ Πρῶτος Ἰσαὰκ, εἰς τὸν καιρὸν αὐτοῦ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀνδρονίκου τοῦ νέου, καὶ •ΠΠ/1 331• Ἰωάννου τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ ἦν ἐρείπιον πανέρημον· πότε ἤρξατο συνίστασθαι ἔπειτα, ἄδηλον. ὁρᾶται μοναστηρίου τάξιν ἔχουσα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Μανουὴλ Παλαιολόγου. Ἐκτίσθη δὲ καὶ ἐκαλλωπίσθη παρὰ τοῦ δεσπότης Σεργίας Γεωργίου περὶ 1440 ἔτος, καὶ παρὰ τῆς θυγατρὸς αὐτοῦ κυρᾶς Μάρας τῆς γυναικὸς τοῦ πατρὸς Σουλτὰν Μεχμέτ β'.

— Ἡ τοῦ Σταυρονικήτα περὶ 1500 ἔτος.

№ 31.

Ἀσφάλεια Ἀθανασίου μοναχοῦ καὶ ἡγουμένου Λαύρας, μην. δεκεμβρ. ἰνδικτ. ιγ' ἔτους 6493.

«Ὁ εὐλαβέστατος μοναχὸς Ἰωάννης, ἀφ' οὐπερ εἰς τὸ καθ' ἡμᾶς παραγένονεν ὄρος καὶ ἡνώθη μοι τῷ ταπεινῷ καὶ ἁμαρτωλῷ καὶ ὑπετάγη τῇ ἐμῇ ταπεινότητι διὰ τὴν τοῦ Θεοῦ ἐντολήν καὶ τὴν οἰκείαν ἀρετὴν καὶ σεβασμίαν ψυχὴν, ἐν πολλοῖς καὶ ποικίλοις διέπρεψεν πνευματικούς..... καὶ κατορθώμασι, καὶ πλείστας καὶ μεγάλας ἐξετέλεσε διακονίας ἐν τῇ προρρήθεισῃ ὑποταγῇ, διὰ τοι τοῦτο οὐ μόνον Θεόν, ἀλλὰ καὶ ἐμὲ τὸν ταπεινὸν καὶ πᾶσαν τὴν καθ' ἡμᾶς ἐν Χριστῷ ἐθεράπευσε καὶ ὠφέλησε ἀδελφότητα, ὡς οὐδεὶς τῶν ἄλλων ἀπάντων ἢ τῶν νῦν ἢ τῶν ἐν τοῖς πάλαι διαλαμψάντων χρόνοις. Καὶ γὰρ τοσαῦτα κεκοπίακεν ὁ ἀνὴρ πολλάκις ἐν τῇ βασιλευούσῃ τῶν πόλεων ἀνελθὼν καὶ τοῖς κατὰ καιροὺς βασιλευσίν ἐντυχὼν ἀπὸ τε τοῦ

κῦρ Νικηφόρου τοῦ βασιλέως καὶ μέχρι τῆς σήμερον, ὥστε καὶ διὰ χρηστῆς αὐτοῦ σπουδῆς καὶ ἀγαθῆς μεσιτείας καὶ ὑποταγῆς χρυσοβούλλιον λαβεῖν παρὰ τοῦ κῦρ Ἰωάννου τοῦ βασιλέως λόγῳ τῆς Λαύρας ἡμῶν περιέχον λαμβάνειν ἡμᾶς σολέμνιον ἐκ τῆς Λήμνου, νομίσματα διακόσια τεσσαράκοντα τέσσαρα ὅπερ καὶ λαμβάνομεν ἐτησίως μέχρι τῆς δεῦρο· καὶ παρὰ τοῦ κῦρ Βασιλείου τοῦ βασιλέως ἕτερον χρυσόβουλλον ἐδώρῃθη αὐτῷ περὶ τῆς νήσου τῶν Νέων, ὅπερ ἐν τῇ Λαύρᾳ δέδωκε καὶ τὴν νήσον αὕτη προσεκύρωσεν. Εἶτα Θεοῦ συνεργήσαντος αὐτῷ καὶ τὴν ἰδίαν αὐτοῦ συστησάμενου Λαύραν, καὶ ἐν οἰκείᾳ ἐξουσίᾳ διατελοῦντος καὶ ἡγουμενεύοντος, οὐδὲ οὕτως ἔληξεν ἢ ὅλως καθυστέρησεν τὴν ψυχὴν αὐτοῦ τιθέναι ὑπὲρ τε ἡμῶν αὐτῶν, καὶ τῆς καθ' ἡμᾶς Λαύρας».

•[III/1 332]•

№ 32.

Georgii Cedreni Historiarum compendium. Bonnae, 1839. T. II. Pag. 417–431: «Ἐκείθεν οὖν ὁ Φωκᾶς, ὡς εἶχε, διὰ ταχέων ἄνεισιν εἰς τὴν Ἰβηρίαν καὶ Δαβίδ τῷ τῶν Ἰβήρων ἄρχοντι προσελθὼν εἰς ἐπικουρίαν ἤτει στρατόν· τοῦ δὲ μετὰ προθυμίας ὑπηρετοῦντος (ἐπεφιλίωτο γὰρ τῷ Φωκᾷ ἐξ οὗ δουξ ἦν ἐν Χαλδίᾳ) λαὸν ἐκείθεν εἰληφὼς οὐκ ὀλίγον, ἀθροίσας δὲ καὶ τοὺς μετ' αὐτοῦ ἐσκεδασμένους ὄντας ἐκ τῆς τροπῆς, κάτεισιν εἰς Παγκάλειαν, ἔνθα στρατοπεδευσάμενος ἦν ὁ Σκληρός» κ. τ. λ.

№ 33.

Житие свв. Отцов Иоанна и Евфимия Афонских, переведенное по-рус-

ски с грузинского языка. Рукопись смотри в моей *Статистике*, Жития святых афонских.

№ 34.

Cedreni Historiarum compendium T. II. Pag. 431–433.

№ 35.

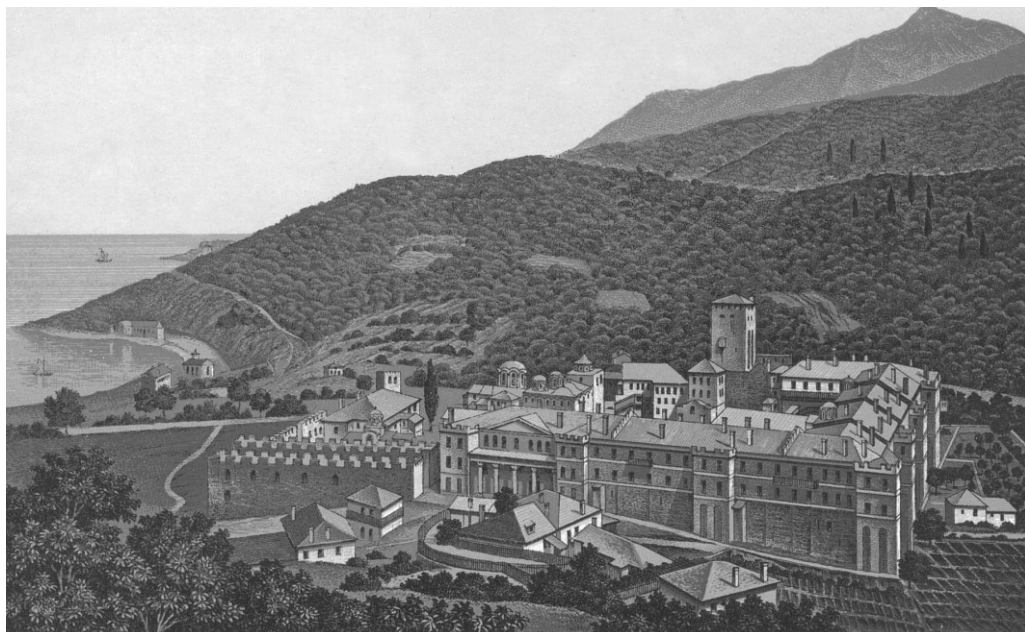
Διάγνωσις τινος πράκτωρος, γράμμα ἀρχαῖον, XI αἰῶνος, ἐν μονῇ τῶν Ἰβήρων. Ἀρχεται οὕτως: «Ἦρκουν τῇ εὐαγεστάτῃ μονῇ τῶν Ἰβήρων...»

В этой записи, между прочим, перечисляются хрисовулы греческих царей, данные Иверскому монастырю на Афоне, называемому Ἄθω, ранее пришествия Иоанна Ивира на Св. Гору:

Χρυσόβουλλος λόγος Κωνσταντίνου τοῦ παλαιοῦ τοῦ Πορφυρογεννήτου γεγωνῶς κατὰ τὸ ,Ζυξ΄ (958) ἔτος, τὸ πιστὸν ἀποφαινόμενος ὑπογραφῇ ἐκείνου καὶ χρυσῇ βούλλῃ, ἐξουσίαν καὶ περίθαλψιν τοῖς ἐν τῇ νήσῳ Κασανδρείας οἰκημένοις προαστείσις τῆς τοῦ Ἄθω μονῆς, τῷ τε λεγομένῳ Ἀλικαὶ καὶ τῷ καλουμένῳ Ταχέαι, σὺν τοῖς προαστείσις αὐτῶν τῆς τε Ψαλλίδος καὶ τοῦ Δοβροδόλου καὶ τῆς Δοβρίτζας...

•[III/1 333]•

...Καὶ τοῦ παναιοδίου βασιλέως κῦρ Βασιλείου τοῦ Πορφυρογεννήτου χρυσόβουλλος γεγωνῶς κατὰ τὸ ,Ζυπη΄ (980) ἔτος τῷ μοναχῷ Ἰωάννῃ καὶ συγγέλλῳ τῷ Τορνικίῳ, κατὰ τρόπον ἀνταλλαγῆς ὑπαγορεύων αὐτῷ δωρεθῆναι τὴν μονὴν τὴν Λεοντίας ἐν τῇ Θεσσαλονίκῃ, καὶ τὴν μονὴν τοῦ Κολοβοῦ ἐν Ἐρισσῷ, πρὸς δὲ καὶ τὴν μονὴν τοῦ Κλήμεντος, ἣτις ἐπ' ὀνόματι μὲν τοῦ τιμίου Προδρόμου καὶ Βαπτισ-

Иверский монастырь

τοῦ Ἰωάννου καθύδριται, κατὰ δὲ τὸ ὄρος τὸν Ἄθωνα διάκειται, ἀνθ' ὧν παρητησατο δύο μονῶν, τῆς τε μονῆς τῆς Ἰβηρίσσης, τῆς ἐν τῇ βασιλίδι τῶν πόλεων τυγχανούσης, καὶ τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Φωκᾶ τῆς ἐν Τραπεζοῦντι διακειμένης...

Καὶ χρυσόβουλλος τοῦ μακαρίτου βασιλέως κυροῦ Μιχαὴλ τοῦ Παφλαγόνος (1034–1041) γεγονώς ἐπὶ τῇ μονῇ τοῦ Ἄθω, ἥτοι τῶν Ἰβήρων, δωρούμενος αὐτῇ τὰ τε μοναστήρια καὶ τὰ κτήματα, τὰ προσαφορισθέντα τῷ δημοσίῳ ἐκ πταιίσματος τοῦ μοναχοῦ Γεωργίου...

№ 36.

Житие свв. отцов Иоанна и Евфимия Афонских. Моя рукопись, перевод с грузинского.

«Наши отцы (Иоанн и Евфимий) опять стали рассуждать между собою:

«Невозможно нам жить здесь, потому что к нам приходит множество грузин». И вот они решились выстроить новый монастырь, и притом с тем, чтобы в нем обитали одни грузины. На прекрасном месте выстроили они церкви во имя пресвятой Богородицы и Иоанна Крестителя; построили также много келий для подвижников и приобрели на собственное иждивение место до самого моря. Притом в благодарность за оказанную Торникием услугу цари греческие охотно дарили ему всякое место и селение, какое только он просил у них, и укрепляли дарственный документ приложением золотой печати своей. Торникий отдал этому новому монастырю большую часть драгоценных вещей и деньги, приобретенные им на войне с персами, а сам предался

воле настоятеля и был во всем ему послушен. Настоятелем же был св. Иоанн. •[III/1 334]•

— Ασφάλεια Ἀθανασίου μοναχοῦ... 6493 ἔτους (985): «Ἀθανάσιος ὁ εὐτελής μοναχὸς καὶ ἡγούμενος τῆς Λαύρας... δωρεὰν τίθημι... εἰς ὑμᾶς Ἰωάννην τὸν εὐλαβέστατον μοναχὸν καὶ ἡγούμενον τὸν Ἰβηρα καὶ δι' αὐτοῦ τῇ κατ' αὐτὸν εὐαγεστάτῃ Λαύρῃ τῇ ἐπονομαζομένῃ τοῦ Κλήμη... διορίζομεθα, ἵνα παρέχωσιν οἱ τῆς εὐαγεστάτης Λαύρας τοῦ Κλήμη, καθ' ὃν καιρὸν ζητηθῇ τὸ τοιοῦτον χρυσοβούλλιον, μᾶλλον δὲ δι' αὐτῶν ἐκείνων τῶν ἐκ τοῦ Κλήμη ἀδελφῶν καὶ τῶν ἐκ τῆς ἡμετέρας Λαύρας τοῖς βουλομένοις εὐλόγως αὐτὸ καθιδεῖν, καὶ πάλιν ἀναλαμβάνεσθωσαν αὐτὸ οἱ τῆς Λαύρας τοῦ Κλήμη ἀδελφοὶ ἐν τῇ οἰκείᾳ μονῇ».

№ 37.

Житие свв. отцов Иоанна и сына его Евфимия. Перевод с грузинского. Рукопись в моей Статистике Афона.

№ 38.

Житие и подвиги преподобного отца нашего Афанасия Афонского. Рукопись в моей Статистике Афона.

№ 39.

«Ἡ τῆς θεοτόκου πρόρρησις ἥδη προβαίνειν ἤρξατο. Καὶ τὸ δὴ λεγόμενον, ἀπὸ σταγόνας ὕδατος, τῆς τῶν κατοικούντων δηλονότι ὀλιγότητος εἰς πέλαγος αὐξηθῆναι ἄπειρον, τὰ ἐνταῦθα καὶ πλατυσμόν καὶ πλήθος, τὸ νυνὶ φαινόμενον ἢ τῶν καλῶν συνεργὸς ὠκονόμησε πρόνοια». (Из Жития Петра Афонского. Ватопедская рукопись 1422 года).

№ 40.

Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Πέτρου τοῦ Ἀθωνίτου. Χειρόγρ. ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου, 1422 ἔτους. Смотри в моей Статистике Афона, Жития святых афонских, № 1. •[III/1 335]•

№ 41.

Ἀκολουθία εἰς τὸ Ἄξιόν ἐστιν. Ἡ παρούσα ἀκολουθία πεφιλοπύνηται παρὰ τοῦ ἀοιδίμου διδασκάλου κυρίου Βενεδίκτου ἱεροδιακόνου τοῦ ἐκ τοῦ Ῥωστικοῦ ἱεροῦ κοινοβίου, εὐλαβεῖα τῇ πρὸς τὴν κυρίαν Θεοτόκον, αἰτήσῃ τῶν τοῦ Πρωτάτου ἐκκλησιαστικῶν, κατὰ τὸ ἁωλή, μετεγράφη ἐν τῷ ἁγιωνύμῳ ὄρει τοῦ Ἀθω. Νῦν πρῶτον ἐκδίδεται δαπάνῃ Στεφάνου Κ. Σκαθάρου τοῦ ἐξ Ἀθηνῶν, εἰς κοινὴν ὠφέλειαν τῶν ἀπανταχοῦ ὀρθοδόξων χριστιανῶν. Ἀθήνησιν, 1854.

«Τὸ παρὸν θαῦμα ἐγένετο ἐπὶ τῆς βασιλείας Βασιλείου καὶ Κωνσταντίνου τῶν ἀνταδελφῶν τῶν καὶ πορφυρογεννήτων καλουμένων, υἱῶν Ῥωμανοῦ τοῦ νέου ἐν ἔτει σωτηριῷ 980, Νικολάου δὲ τοῦ Χρυσοβέργου πατριαρχοῦντος, ἐν ἔτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου 6490».

№ 42.

Τυπικόν, ἥτοι κανονικὸν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἀθῶ, τμήμα V. «Εἰδέναι χρὴ ὅτι καὶ περὶ τῆς τῶν Περιστερῶν, ἥτοι τοῦ ἁγίου καὶ κορυφαίου τῶν ἱερῶν ἀποστόλων Ἀνδρέου μονῆς, τῆς ὑπὸ τὴν ἡμετέραν τελοῦσης κατὰ τὴν τῶν δύο εὐσεβῶν χρυσοβουλλίων περιοχὴν τε καὶ διάταξιν, τοῦ τε ἀοιδίου βασιλέως Νικη-

φόρου καὶ τοῦ ἔτι περιόντος εὐσεβοῦς
ἡμῶν βασιλέως τοῦ κῦρ Ἰωάννου, τοῦ
νῦν τὰ τῆς βασιλείας Ῥωμαίων σκῆπ-
τρα διέποντος, διατιθεμένους ἡμῖν
οὕτως ἔδοξε διατάξασθαι βουλόμεθα
τοίνυν Στέφανον τὸν εὐλαβέστατον
μοναχὸν καὶ καθηγούμενον, καθὼς
καὶ ἀρχεῖ τῆς τοιαύτης μονῆς, μέ-
νειν ἀδιάσυστον καὶ ἀλογαρίαστον...»
к. т. λ.

№ 43.

Смотри житие прп. Афанасия Афон-
ского в моей Статистике Афона.

•[III/1 336]•

№ 44.

То же.

№ 45.

То же.

№ 46.

Смотри этот подлинник в *Οπρᾶβδᾶ-
νιᾶι* истории монастыря Афоно-Ивер-
ского. [Этот труд Порфирия издан не
был. Издание акта см.: Actes d'Iviron.
T. I. Paris, 1985. N 15.— П.К.]

№ 47.

Смотри в моей Статистике Афона:
Βίος τῶν ὁσίων πατέρων Ἰωάννου καὶ
Εὐθυμίου, 1758 ἔτους (χειρόγραφον) и
переведенное с грузинского Житие
Иоанна и Евфимия (моя рукопись).

№ 48.

Тут же.

№ 49.

Житие св. Георгия Мтацминдели,
переведенное с грузинского. Моя руко-
пись, в Статистике Афона.

№ 50.

Смотри в *Οπρᾶβδᾶνιᾶι* моей исто-
рии Афоно-Иверского монастыря дее-

писание: «Ἦρκουν τῇ εὐαγεστάτῃ
μονῇ τῶν Ἰβήρων». [Не издано.— П.К.]

•[III/1 337]•

№ 51.

Cedreni Histor. compendium. P. 521.

№ 52.

Ibidem. Pag. 525, 533.

№ 53.

Ἱστορικὸς λόγος τῆς μονῆς Κασ-
ταμονίτου. Τμῆμα VI.

№ 54.

Διήγησις περὶ ὀπτασίας μοναχοῦ
Ἀγάθωνος в *Οπρᾶβδᾶνιᾶι* истории
монастыря Кастамонитского.

№ 55.

Ἱστορ. λόγος. Κασταμ. Τμῆμα VI.

№ 56.

Ibidem.

№ 57.

Διήγησις περὶ ὀпτᾶσίας τοῦ Ἀγάθω-
νος.

№ 58.

Протатское дееписание 1071 го-
да, индикта V. В архиве Ватопеда.

•[III/1 338]•

№ 59.

См. в *Οπρᾶβδᾶνιᾶι* моей Истории
монашеского Афона [выше], ἀρχαῖα
γράμματα под моим № 30 и тут отде-
ление 13-е.

№ 60.

Смотри греч. текст сего устава и
сигиллиона в моих *Οπρᾶβδᾶνιᾶι* исто-
рии Афона, под № 1 [см. выше].

№ 61.

Тут же. Τμῆμα V.

№ 62.

Смотри *Οπρᾶβδᾶνιᾶι* под № 30, отде-
ление 13.

№ 63.

Οправдания, № 1, ὑποσημείωσις. — Cedren. histor. compend. pag. 533/4: «Τῇ δὲ κατεχούσῃ τοῦτον νόσῳ ἐντρύχωθεις, καὶ πάντοθεν τῆς οἰκείας ἀπογνοῦς σωτηρίας, ἀποκείρεται μοναχὸς παρὰ τοῦ μοναχοῦ Κοσμᾶ τοῦ Τζιντζουλοῦκη, ὃς διὰ παντὸς συνῆν αὐτῷ καὶ ἐνουθέτει τὰ δέοντα. Δεκεμβρίου δὲ δεκάτῃ τοῦ ᾿Ρφν' ἔτους, ἰνδικτιῶνος ι', θνήσκει ἐν μετανοίᾳ καὶ ἐξομολογήσει, βασιλεύσας ἐπὶ ἔτη ζ' καὶ μῆνας η', ἀνὴρ τᾶλλα μὲν ἐπιεικὴς καὶ χρηστὸς καὶ εὐλαβῶς δόξας βιοῦν, πλὴν τοῦ εἰς τὸν βασιλέα Ῥωμανὸν ἀμαρτήματος· ἀλλὰ καὶ τοῦτο οἱ πολλοὶ τῷ ὀρφανοτρόφῳ προσάπτουσιν».

№ 64.

Χρυσόβουλλος λόγος τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ τοῦ νέου 6565 ἔτους в Оправданиях моей истории афонской Лавры Афанасия. [Сочинение опубликовано не было. См. издание акта: Actes de Lavra. T. I. Paris, 1970. № 32. — П.К.]

•[III/1 339]•

№ 65.

Χρυσόβουλλος λόγος Κωνσταντίνου τοῦ Δούκα 6568 ἔτους, в Оправданиях этой же истории. [Сочинение опубликовано не было. См. издание акта: Actes de Lavra. T. I. Paris, 1970. № 33. — П.К.]

№ 66.

Переведенное с грузинского Житие св. Георгия Мтацминдели. Моя рукопись.

№ 67.

В моих Оправданиях Истории монашеского Афона № 30, отд. 16 [см. выше].

№ 68.

В Оправданиях моей истории Ватопеда деписание 1071 года. [Сочинение опубликовано не было. Первое издание акта: Actes de Vatopédi. T. I. Paris, 2001. № 9. — П.К.]

№ 69.

В Оправданиях моей истории Дохиарского монастыря «Διάταξις Νεοφύτου». [Сочинение опубликовано не было.]

№ 70.

Ibidem. Деписания под №№ 1, 2, 4. [Ср.: Actes de Docheiariou. Paris, 1984. № 2 (акты передатированы 1089 г.). — П.К.]

№ 71.

Χρυσόβουλλον λόγος Νικηφόρου Βοτανειάτου ἀπολυθεὶς τῇ μονῇ τῶν Ἰβήρων ἐν ἔτει 6586, в Оправданиях истории монастыря Иверского. [Сочинение опубликовано не было. Издание акта: Actes d'Ivirôn. T. II. Paris, 1999. № 41. — П.К.] •[III/1 340]•

№ 72.

Ὑπόμνημα τοῦ Πρώτου κυρίου Παύλου в Оправданиях истории монастыря Ксенофонтонского. [Сочинение не опубликовано.]

№ 73.

Διάταξις Νεοφύτου ἡγουμένου τῆς μονῆς τοῦ Δοχειαρίου 6600 ἔτους, в Оправданиях истории монастыря Дохиарского. [Не опубликовано.]

№ 74.

Ὑπόμνημα τοῦ Πρώτου Παύλου. [Издание: Actes de Xénophon. Paris, 1986. № 1. — П.К.]

№ 75.

Ibidem.

№ 76.

**Νικολάου τοῦ ἀγιωτάτου
πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως
πρὸς τὸν Πρῶτον τοῦ ἀγίου ὄρους
ἐπιστολὴ συμβουλευτικῇ.**

Ι. Πολλάκις ἐβίασας καὶ ἐξέθλιψας τέκνον, μᾶλλον δὲ παρεκάλεσας καὶ ἠξίωσας πλείστα εὐσύνοπτον καὶ σύντομον δέλταν μικρὰν σοι γράψαι, δι' ἧς δυνήσῃ τοῦ μαθεῖν, τί ποιῆσαι ὀφείλεις, καὶ πῶς τὸν βίον σου καλῶς διάξεις ἕως τέλους, ἵνα καὶ τῆς ἐκ δεξιῶν στάσεως ἐπιτυχῇς. Ἀλλὰ τὸ πρᾶγμα ἐννοῶν ὑπὲρ δύναμιν εἶναι, οὐ μόνον τοῖς κατ' ἐμὲ ιδιώτην τῷ λόγῳ καὶ ἀμέτοχον πράξεων καὶ θεωρίας πάσης, ἀλλὰ καὶ τοῖς γραμματικοῖς, καὶ πολλὴν πείραν σχοῦσιν, ἐμπράκτοις οὖσι τῶν καλῶν καὶ πάσης θεωρίας, καὶ ἔργα ἀδιάπαστα σχοῦσι, τοιαῦτα γράφειν καὶ διὰ τοῦτο ἔσπευδον τὸ βάρος ἀπορρῖψαι ἀπ' ἐμαντοῦ μὴ δυνάμενος τοῦτο. Ἀλλ' ἡ πολλὴ ἐπίθεσις ὁμοῦ τε καὶ ἡ βία τῆς σῆς τάχα προθέσεως τῆς καλλίστης καὶ [III/1 341] θείας, τῶν ἀνεφίκτων ἄψασθαι ἔπεισεν, ὥς οὐκ ἔδει. Ἐντεῦθεν λοιπὸν ἄρξομαι τὴν ὑπόθεσιν ταύτην, ἀρῶ γὰρ πρὸς προβαλλόμενος τῆς ἐμῆς ἀσθενείας, ιδιωτίας, μᾶλλον δὲ καὶ πολλῆς ἀγροικίας τὸν Λόγον τοῦ Πατρός, τὸν Δεσπότην Χριστόν μου, ὡσαύτως καὶ τὴν Δέσποιναν Θεοτόκον Μαρίαν, καὶ τοὺς ἁγίους ἅπαντας προσκαλούμενος πρέσβεις.

II. Ὀφείλει πᾶς χριστιανὸς τὸν θεμέλιον ἔχειν (καὶ τις οὖν ὁ θεμέλιος ὄνπερ ὀφείλει ἔχειν; ἡ πίστις ἡ ἀνόθευτος ἐκ καθαρᾶς καρδίας), ἀγάπην τε τὴν πρὸς Θεὸν ἐξ ὅλης τῆς ἰσχύος, ἐξ ὅλης

διανοίας τε καὶ ἐξ ὅλης ψυχῆς τε, ὡσαύτως καὶ τὸν πλησίον ὡς ἑαυτὸν ἔχειν οὕτως· ἐν ταύταις οὖν ταῖς ἐντολαῖς, ὡς ἔφη ὁ δεσπότης, ὅλος ὁ νόμος κρέμαται καὶ οἱ προφῆται πάντες. Οὐ φονεύσεις, οὐ μοιχεύσεις, οὐ ψευδομαρτυρήσεις, ἀλλ' οὐδὲ ἐπιορκήσεις ἀληθῶς, οὐδὲ ὁμώσεις ὅλως, ἀποδιδούς τοὺς ὅρκους σου Κυρίῳ τῷ Θεῷ σου· ἀλλ' οὐδὲ κλέψεις ὅλως, ἢ καὶ ἀπλῶς πορνεύσεις. Ταῦτα ὁ παλαιὸς νόμος ἐντέλλεται καὶ γράφει. Ὁ δὲ Χριστὸς καὶ Κύριος καὶ Δεσπότης τῶν ὅλων ὁ παλαιᾶς καὶ τῆς νέας διαθήκης πλείονα τὴν ἀκριβείαν ἔχειν ἡμᾶς θέλων, διδάσκει τὸ μὴ ὁμνῦναι ἀληθῶς, ἢ τινα ὅρκον λέγειν· ἔστω τι μόνον ἐν ἡμῖν τό ναί, ναί, καὶ τό· οὐ, οὐ· ὁ δὲ γε τούτων περισσὸς ἔστι διαβόλου. Ὁ γὰρ νόμος ἐκόλασε τῶν πράξεων τὸ τέλος, ἀλλ' ὁ σωτὴρ ἡμῶν Χριστὸς τὴν ἀρχὴν μᾶλλον πλέον. ὁ γὰρ ἐμβλέψας γυναικὶ πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι, ἤδη ἐμοίχευσεν αὐτὴν ἐν τῇ καρδίᾳ. Ἄλλως δέ· μὴ ἀντιστῆναι τῷ πονηρῷ διδάσκει, ἀλλ' ἀγγαρευόμενόν τινα μίλιον ἔν, δύο ἔπεσθαι μετ' αὐτοῦ, καὶ μὴ ἀντιλέγειν ὅλως τῷ πλήσسونτι τὴν δεξιὰν σιαγὸνα ὀργίλως, ἡμέρως τε καὶ προσηνοῦς καὶ τὴν ἄλλην παρέχειν· καὶ ἀπλῶς, εἰτιοῦν ἕκαστος πάσχει ἐκ τοῦ πέλας, ὕβρεις ὁμοῦ καὶ μάστιγας ὑπομένειν γενναίως· τῷ θέλοντι κριθῆναι δὲ καὶ λαβεῖν σὸν χιτῶνα, δοῦναι καὶ τὸ ἱμάτιον ὁ Δεσπότης κελεύει. Καὶ, εἴ τι πάθοι ἕτερος κακὸν ἐκ τοῦ πλησίον, εἴτα καὶ ὀργισθῇ αὐτῷ, εἰκὴ ὠργίσθη τούτῳ. Τῷ αἰτοῦντι σε διδόναι προστάττει ἀπραγμόνως. Τὸν θέλοντα δανείσασθαι κενὸν μὴ

ἀποστρέφειν. Ἀγαπᾶν τε ἐχθρούς ἡμῖν ἐντέλλεται ὡς φίλους, καὶ ὑπερεύχεσθαι πάντων τῶν ἐπηρεαζόντων, καὶ καταρωμένους εὐλογεῖν, καὶ καλῶς ποιεῖν μισοῦντας. Καὶ πάλιν περὶ προσευχῆς οὕτως ἡμᾶς διδάσκει, ἵνα μὴ προσευχώμεθα ὥσπερ οἱ ὑποκριταί· μηδὲ μεθ' ὑποκρίσεως τὴν νηστείαν ποιοῦντες, καὶ σκυθρωποὶ γινόμενοι τὰ πρόσωπα μειοῦντες. Καί, τοῦ μὴ ἐπὶ τῆς γῆς ἡμῖν θησαυροὺς θησαυρίζειν. Τῆς δὲ δεκάτης ἐντολῆς τὸ τέλος [III/1342] οὕτως ἔχει· τινὰ μὴ κρίνειν ἔφησε, ἵνα μὴ καὶ κριθῶμεν. εἶτα καὶ τὸν θέλοντα εἰς τελείωσιν φθάσαι, πωλεῖν διδάσκει ἅπαντα τὰ ὑπάρχοντά του καὶ ἐπιδοῦναι τοῖς πτωχοῖς σὺν προθυμίᾳ πάσῃ· ἔξιν δ' ἐκ τούτου θησαυρὸν ἐν οὐρανοῖς καὶ δόξαν, καὶ οὕτως αἴρειν τὸν σταυρὸν καὶ ἀκολουθεῖν αὐτῷ. Καὶ ταῦτα μὲν ὁ Κύριος ἐν τοῖς εὐαγγελίοις.

Ὁ δὲ θεῖος ἀπόστολος καὶ μέγας κήρυξ Παῦλος τὸν ἀληθῆ χριστιανὸν καὶ πιστὸν κατὰ πάντα, ἐνοικοῦντα ἔχοντα τὸ πανάγιον πνεῦμα ἐδίδαξεν, ὡς ἀληθῶς φθεγγάμενος τοιάδε· «Ὁ καρπὸς ὁ τοῦ πνεύματος, πρῶτον ἡ ἀγάπη πέλει, χαρὰ, εἰρήνη, σὺν αὐταῖς καὶ ἡ μακροθυμία, ὡσαύτως ἡ χρηστότης καὶ ἀνεξικακία, πραότης, πίστις ἀληθής, καὶ ἐγκράτεια πάντων». Καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν φησὶν· «Ἀδελφοί, μὴ πλανᾶσθε· οὔτε μοιχοί, οὔτε πόρνοι, οὔτε ἄρσενοκοῖται, οὔχ ἄρπαγες, οὐ λοῖδοροι, οὐ μέθυσοι, ἢ μαλακοί, ἢ κλέπται, οὐκ ἄδικοι, ἀλλ' οὐδὲ πλεονέκται, βασιλείαν τὴν τοῦ Θεοῦ οὐ μὴ κληρονομήσουσιν». Ἀλλὰ πρὸ τούτων καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων, τὴν τοῦ Θεοῦ

βαπτίσματος φρικτὴν ὁμολογίαν, ἣν ἀπαιτεῖσθαι μέλλομεν ἐν μέλλοντι αἰῶνι. καὶ γὰρ ἀποτασσόμεθα τῷ διαβόλῳ πάντες καὶ τοῖς ἔργοις αὐτοῦ πᾶσι καὶ τῇ λατρείᾳ καὶ πάσῃ τῇ πομπῇ αὐτοῦ, τρισσῶς ὁμολογοῦντες. Καὶ τὰ μὲν ψυχικὰ πάθη ἀπαριθμοῦνται οὕτως· ὑπερηφάνια πρῶτον, φθόνος ὁμοῦ καὶ μῖσος, θυμὸς, ὀργὴ παράλογος, καὶ σὺν αὐτοῖς ὁ φόνος, ἐπιθυμία ἄτοπος, ἀπρεπεῖς λογισμοὶ τε, λοιδωρία, κατάκρισις, ζῆλος, πλεονεξία, κλεψία, μέθη, ἄρπαγὴ καὶ ἀδικία πᾶσα. Ταῦτά εἰσι τὰ ψυχικὰ ἔργα τοῦ διαβόλου. Ὡσαύτως καὶ σωματικὰ ἀπαριθμοῦνται οὕτω· μαλακία, πορνεία καὶ μοιχεία, σὺν τούτοις ἡ ἄρσενομανία τε καὶ ἡ παιδοφθορία, κτηνοβατία τε τριπλὴ καὶ ἡ πτηνοβατία, καὶ τὰ ἐπιτηδεύματα πάσης ἀκαθαρσίας. Ἡ δὲ λατρεία τοῦ σατανᾶ, ὡς εἰπεῖν, αὕτη ἐστὶ· τὸ πιστεῦν μὲν ταῖς μαγείαις καὶ τοῖς μάγοις προστρέχειν, τοὺς ἀστρονόμους προσκαλεῖν καὶ τοὺς νεφοδιώκτας· τὸ φυλακτὰ προσδέχεσθαι καὶ τὰ περὶ αὐτὰ τε γοητείας παραδέχεσθαι καὶ τοὺς κριθαρομάντεις, τοὺς ἔχοντας τοὺς δαίμονας, καὶ τοὺς ὀρνεοσκόπους, καὶ ἅπαν ἐπιτηδεύματα ἐθνικῶν καὶ ἀπίστων. Ταῦτα λατρεία πέφυκε τῷ διαβόλῳ πάντα. Λέγεται οὖν εἰπεῖν, τίς ἡ πομπὴ ὑπάρχει τούτου· μάταια τραγωδήματα καὶ πᾶν ὄργανον ἄλλον, ταυλία καὶ ζατρίκια καὶ αἱ ἵπποδρομίαι. Ταῦτα ἀπεταξάμεθα ἐν τῷ λουτρῷ τῷ θείῳ, καὶ σὺν αὐτοῖς τὸν σατανᾶ, [III/1343] ὡς διδάσκαλον τούτων, καὶ συνετάγημεν Θεῷ ὁρθῶς αὐτῷ πιστεῦν, φυλάττειν τε προστάγματα τοῦ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος,

ἅπερ αὐτὸς ἐδίδαξε τοῖς αὐτοῦ ἀποστόλοις· τῶν μὲν κακῶν ἀπέχεσθαι ὡς ἔργων τοῦ διαβόλου, τῶν δὲ καλῶν ἀντέχεσθαι ὡς ἐντολῶν Κυρίου. Ταύτην λοιπόν, ὡς εἴρηται, τὴν συνταγὴν τὴν θείαν προσαπαιτεῖσθαι μέλλομεν μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, ἐπίσκοποι καὶ βασιλεῖς, μοναχοὶ καὶ μιγάδες, ἄρχοντες τε καὶ πένητες, καὶ πᾶς πιστῶν ὁ δῆμος. — Ταῦτα δὲ, ἅπερ ἔγραψα, οὐκ εἰσι μοναζόντων, ἀλλὰ πάντων τῶν πιστῶν καὶ Χριστοῦ τῆς μερίδος.

III. Τῶν μοναχῶν, ὡς ἔφην, ἄλλος ὑπάρχει βίος· διότι ἀπηρνήσαντο τὸν παρόντα κόσμον οὗτοι, καὶ ἔχουσιν ἀκρίβειαν φοβερὰν καὶ μεγάλην, καὶ μετὰ τῶν ἄνωθεν γραφέντων ἐνταλμάτων πλείονα τὴν ἀκρίβειαν προσαπαιτοῦνται οὗτοι ἀκτημοσύνην παντελῇ, παρθενίαν εἰς ἄκρον, ἐγκράτειαν τῶν παθῶν ὁμοῦ καὶ βρωμάτων, αἰσθήσεις χαλιναγωγεῖν, τῶν κακῶν τι μὴ πράττειν, ὄρασιν, ὄσφρησιν ἀφήν, ἀκοὴν καὶ τὴν γεῦσιν, τὴν ψαλμωδίαν ἄπαυστον καὶ πολλὴν ἀγρυπνίαν, χαυμενεῖν καὶ ξηροκοιτεῖν καὶ ἀλουσίαν ἔχειν· συνδιαιτᾶσθαι γυναιξίν, ἢ ἄλλως σχεῖν φιλίαν ἀπαγορεύει ὁ κανὼν τῶν μοναχῶν τελείως, πολλῷ μᾶλλον καὶ προσομιλεῖν, ἢ ὅλως συνοδεύειν· παιδία μὴ προσιέσθαι ἢ ὅλως συνδυάζειν· καταλαλεῖν, ἢ λοιδορεῖν ἢ ὅλως κατὰκρίνειν, πᾶσι πιστοῖς κεκώλυται, πόσῳ γε μᾶλλον τούτοις. ὁμῶς ἢ ἐπιορκεῖν ἀπηγόρευται πάντη. Φιλάργυρον ἢ φίλαντον οὐ δεῖ μοναχὸν εἶναι. Καὶ ἵνα τι φιλολογῶν τὸν καιρὸν ἀναλίσκω; εἰ βασιλείαν οὐρανῶν ἐπιτυχεῖν ἐθέλεις, ἀπόσχου πάντων τῶν κακῶν,

καὶ τῶν καλῶν ἀντέχου· ἀδύνατον γὰρ πέφυκε καὶ δυσχερὲς εἰς ἅπαν, φιλήδονον ὑπάρχοντα καὶ κενόδοξον ἐπιτυχεῖν τῆς ἀληθοῦς ζωῆς τῆς αἰωνίου. Καὶ ταῦτα μὲν σοι ἔγραψα ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα. Σὺ γὰρ ἐπίστασαι καλῶς τὴν ἐμὴν ἀγροικίαν. Καὶ πάλιν ἐπείγομαι εἰς ὑπόθεσιν ἄλλην, δηλωποιῆσαι ἀκριβῶς, πῶς ὀφείλεις διάγειν, εἰς εὐχήν, εἰς ἐγκράτειαν καὶ ἀληθῆ νηστείαν· ἔτι δὲ διαιτᾶν, ἀπλῶς φημι, τοῦ ὅλου χρόνου, ἀρχὴν τοῦ λόγου θέμενος τὴν ἀρχὴν τῆς ἰνδίκτου.

Ὅθεν καὶ δεῖ σε φυλακὴν ἔχειν ἐν τῇ νηστείᾳ. Νηστείαν δὲ ποῖαν φημί; τῶν ἡμερῶν τῶν δύο, τετράδα καὶ παρασκευὴν, ὡς οἱ πατέρες φάσκουσιν· ἰχθύωντε ἀπέχεσθαι, ἐλαίου τε καὶ οἴνου· ξηροφαγίαν τε ἀσκεῖν ἅπας ἐν τῇ ἐννάτῃ· ἀλλὰ γε σύ, ὡς ἀσθενής, οἶνω ὀλίγῳ χρήσῃ· εἰ δὲ καὶ τούτου δυνηθῇς ἀπέχεσθαι τῆς χρείας, πλείονα ἔξεις ὠφέλειαν, τὴν ἐντολὴν [III/1 344] πληρώσας. Οἱ θεῖοι γὰρ ἀπόστολοι ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις, ἀλλὰ γε καὶ οἱ μετ' αὐτοὺς θεοφόροι πατέρες ἀκρίβειαν ὀρίζονται φοβερὰν καὶ μεγάλην, ἄρτω καὶ μόνῳ τρέφεσθαι, ἅλατι τε καὶ λαχάνοις· καὶ τὸ πόμα ὡσαύτως γε ὕδωρ καὶ μόνον ἔσται· εἰ μὴ που δι' ἀσθενείαν τις ἀδυνάτως ἔχειν, οἶνω ὀλίγῳ χρώμενος διὰ τὴν ἀρρώστίαν. τῶν δὲ λοιπῶν, ὡς γέγραφα, ἀπέχου πάμπαν ὅλως, εἰ μήπου τις ἀσθένεια καὶ ἀφορμὴ ἐπέλθῃ, ἀλλ' οὐδ' οὐχ ὡς ἔτυχεν, ἀλλ' ἀναγκαῖα πάνυ. Καὶ ταῦτα γέγραφα ἀπλῶς περὶ παντὸς τοῦ χρόνου. Αὕτη δὲ ἡ ἀκρίβεια τῶν νηστειῶν, ὧν γράφω, οὐ πρὸς ἡμᾶς τοὺς μοναχοὺς ἐγράφη

καὶ μόνον, ἀλλὰ πρὸς πάντα πιστὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ μερίδος. Πρὸς ἡμᾶς δὲ τοὺς μοναχοὺς οἱ ἅγιοι πατέρες μονοσιτίαν γράφουσιν ἔχειν τὸ καθ' ἡμέραν. ἐν σαββάτῳ δὲ καὶ κυριακῇ μὴ νηστεύειν ἡμᾶς ὅλως. — Νῦν οὖν ἀπαρξομαι λοιπὸν τοῦ γράφειν ὥδε πάλιν περὶ τῶν δεσποτικῶν ἐορτῶν.

IV. Τὰς ἐορτὰς ἀς λέγομεν δεσποτικάς οἱ πάντες, καὶ λύομεν ἐν ἅπασιν εἰς βρῶσιν τε καὶ πόσιν. Καὶ προτιθέσθω πρότερον ἡ γέννησις τῆς θεοτόκου καὶ παρθένου ἀληθῶς τῆς πανάγνου δεσποίνης· ὡσαύτως ἡ εἰσόδος αὐτῆς εἰς τὸν ναὸν τοῦ Κυρίου, λοιπὸν καὶ τοῦ δεσπότης ἡ κατὰ σάρκα γέννησις· ἡ τούτου πάλιν βάπτισις, ἡμᾶς τοὺς φθαρτοὺς ἀνακαινίσαι θέλοντος ἐν ῥείθροις Ἰορδάνου· ἡ τούτου οὖν εἰσέλευσις εἰς ναὸν τὸν θεῖον, ἣν πάντες ὀνομάζομεν ὑπαπαντὴν Κυρίου· σὺν ταύταις ἡ ἐν τῷ Θαβῶρ ἔλλαμψις τοῦ προσώπου· Χριστοῦ γὰρ οὕτως λέγομεν μεταμόρφωσιν θεῖαν. τῆς παναμώμου καὶ μητρὸς τοῦ Θεοῦ κατὰ σάρκα ἡ κοίμησις ἡ ἔνδοξος καὶ ξένη ἐκδημία, ἐν ἣ νηστεία προ αὐτῆς κανονικῶς τελεῖται. — Ἀρχὴν καὶ τέλος εἰλήφασιν αἱ πάντημαι καὶ θεῖαι τῆς θεοτόκου καὶ μητρὸς τοῦ Κυρίου ἐορταί· ἀρχὴν ἡ γέννησις, καὶ ἡ κοίμησις τὸ τέλος. Προκείμεσθωσαν λοιπὸν αὐταῖς αἱ δύο τοῦ Προδρόμου ἡ γέννησις ἡ πάντιμος καὶ παράδοξος οὕτως, καὶ τῆς κεφαλῆς ἡ ἐκτομή, ἣν ὑπέστη ἀδίκως. — Ἐπισυνάψεις δὲ αὐταῖς ταῖς θεαῖς καὶ τῶν ἀποστόλων τὴν μνήμην, Παύλου τοῦ κήρυκος καὶ Πέτρου τοῦ κορυφαίου. — Ἐν ταύταις οὖν ἐορταῖς εἰ μέλλεις

καταλύειν, ἐν αἷς ὑπάρχει ἡ τετρας τῶν ἡμερῶν καὶ ἡ ἕκτη, ὁψάριον κατάλυε μόνον σὺν τῷ ἐλαίῳ· εἰ δέ γε θέλεις καὶ τυρόν, οὐδὲν μοι διαφέρει. Ἐν μόναίς δὲ ταῖς τέσσαρσιν οὕτως ἔσθιε· ἐν τῇ γεννήσει τοῦ Χριστοῦ, καὶ ἐν τῇ ἐορτῇ τῶν θεοφανείων, καὶ μὴν καὶ τῇ ὑπαπαντῇ τοῦ Χριστοῦ, καὶ τῇ μεταμορφώσει, καὶ ταῖς λοιπαῖς ἀρκέσθητι εἰς ἰχθύας καὶ οἶνον. ἄλλως οὐ κανονίζονται, [III/1 345] οὐδὲ νομοθετοῦνται, οὐδὲ πρὸς τὴν τῶν κανόνων ἀκριβείαν λέγομεν, ἀλλὰ πρὸς τὴν ἀσθένειαν τὴν ἡμετέραν γράφω. — Τὰς δὲ λοιπὰς τῶν ἐορτῶν, ἐν αἷς ἐστὶν ἀργία, ἐννοῶν ἀργίαν τῶν ὠρῶν καὶ τοῦ ἔργου, καὶ τινες δὲ ὑπάρχουσιν, ἀπαριθμοῦμαι ἤδη. — Τῶν ἀποστόλων τῶν σεπτῶν καὶ μύστων τοῦ Κυρίου ἡ δωδεκάς ἡ θαυμαστή καὶ πάντιμος καὶ θεῖα, καὶ τῶν μαρτύρων τῶν στερόρων ἐξόχως αἱ μνήμαι· σὺν τούτοις καὶ τῶν ἱεραρχῶν καὶ τῶν ἱερομαρτύρων καὶ τῶν ἀσκητῶν προέρχονται τῶν ἄλλων αἱ ὁμηγύρεις. Ἐν ταύταις οὖν ἐορταῖς ἔκλυε τὴν νηστείαν εἰς βρῶσιν μόνον ἐλαίου, καὶ τὴν πόσιν εἰς οἶνον ἄλλο τε δὲ τι μὴ ἄψη ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις. Καὶ μὴ μοι μέμνη λοιπὸν ὡς ἀκριβολογοῦντι. καὶ τῶν πολλῶν μὴ φθέγγεσθαι τοὺς ψόγους καὶ τοὺς λόγους, ἀλλὰ σαυτὸν εὐτρέπιζε πρὸς τὴν μέλλουσαν κρίσιν, ἐν ἣ οὐκ ἔστι πρόφασις οὐδὲ ἀπόκρισις λόγου. — Ἐγὼ δὲ περὶ τούτων καταπαύω τὸν λόγον. Ἀρκέσθητι οἷς ἔγραψα, καὶ μηδὲν ζήτηι πλέον. Εἰ δὲ τὴν ἀγροικίαν μου καὶ τὸ στενὸν τοῦ λόγου... (ἡ ἔννοια πάσχει ἔλλειψιν)... Ὑπόθεσις γὰρ πρόκειται πλείων τῶν

γεγραμμένων. Καὶ δὴ λοιπὸν ἀπάρξομαι τοῦ γράφειν πάλιν ταύτην.

V. Τεσσαρακοστὴ εἰσέρχεται ἁγία καὶ μεγάλη, καὶ ταύτης ἡ ὑπόθεσις, ὡσπεράνωθεν εἶπον. Καὶ μὴ σοι δόξη περιττόν, ὁ μέλλω γράφειν ἄρτι. Ἄλλον σκοπὸν ἐγράψαμεν ἄλλης νηστείας ὁρους· τῆς νῦν λοιπὸν ἡ δίαίτα ὅλως ἐξηλλαγμένη. διότι καὶ πανθαύμαστος καὶ φοβερά τυγχάνει. καὶ γνώση τοῦτο ἀκριβῶς, εἰ νοῦν ἔχων προσέχεις. Τὸ πρῶτον τοίνυν στάδιον τῆς πρώτης ἐβδομάδος οἱ πλείους τῶν ἀγωνιστῶν ἄσιτοι περαιοῦσι. Σὺ δὲ ὡς ἀσθενέστερος ἄρτον καὶ ὕδωρ λήψη, παραμικρὸν τῆς χρείας σου ἐσθίων καθ' ἡμέραν, ὡς ἔφη ὁ πατὴρ ἡμῶν Θεόδωρος ὁ μέγας. Τὰς πέντε τοίνυν φύλαξον ἡμέρας, ὡς προέφην, τὰς δὲ δύο κατάλυσσον εἰς ἔλαιον καὶ οἶνον, καὶ εἴ τι ἄλλο εὑρεθῇ ἐκ τῶν ὀστρακοδέρμων. Ὅταν δὲ ἡ πρώτη ἐβδομάς σὺν Θεῷ πέρας λάβῃ, τὰς τρεῖς ἡμέρας φύλαττε τῶν λοιπῶν ἐβδομάδων, τετράδα καὶ παρασκευὴν καὶ τὴν δευτέραν, τὰς δὲ δύο κατάλυσσον εἰς οἶνόν τε καὶ μόνον. Εἰ δὲ καὶ ταύτας δύνασαι φυλάττειν ὡς τὰς ἄλλας, ἔξεις πλεῖον τὴν ὠφέλειαν, τὴν ἐντολὴν πληρώσας. Ἐν σαββάτῳ καὶ κυριακῇ λύε, ὡς προεγράφη· καὶ ἰχθύς μὴ καθάψῃ ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις, εἰ μὴ τοῦ εὐαγγελισμοῦ τὴν ἐορτὴν καὶ μόνον. Τὴν δὲ σεπτὴν καὶ πάντιμον μεγάλην ἐβδομάδα, ὡς τοῦ Κυρίου ἔχουσιν τὸ σωτήριον πάθος, οὕτω σὲ δεῖ φυλάξασθαι, ὡς οὐδεμίαν ἄλλην· ἅπαξ καὶ [III/1346] μόνον λῦσαι δεῖ τῇ ἐβδομάδι ταύτῃ, εἰ ἐν μιᾷ τῶν ἡμέρων ἐορτὴ ἀπαντήσῃ. Ἐορτὴν δὲ ποίαν φημί; τὴν

κεφαλὴν πασῶν, ἐν ἣ ὁ εὐαγγελισμός· ἀλλ' οὐκ ἰχθύς ὡς τινες, ἀλλ' ἔλαιον καὶ οἶνον. Τὰς δὲ λοιπὰς τῶν ἐορτῶν παρέλκον ἐστὶ γράφειν. Μᾶλλον μὲν οὖν εἰ δύνασαι, τὰς δύο μοὶ σύναψον· παρασκευὴν καὶ σάββατον ἄσιτος διαμείνης, ἕως τὸ τέλος δέξηται ἡ θεία λειτουργία, καὶ οὕτως ἐσθιάσθητι εὐχαριστῶν Κυρίῳ.

VI. Ἴδου λοιπὸν ἐφέστηκεν ἡμέρα λαμπροφόρος, ἡ τοῦ Χριστοῦ ἀνάστασις, πιστῶν ἡ εὐφροσύνη· πατήσας γὰρ τὸν θάνατον ὡς Θεὸς καὶ Δεσπότης, ἐξάνεστη τριήμερος, ὡσπερ πάλαι προεῖπεν. Ἀπόθου τοίνυν καὶ αὐτὸς τὸν πενθηρὸν χιτῶνα, καὶ τὴν νηστείαν σχόλασον· οὐκέτι γὰρ νηστεία, ἀλλ' εὐφροσύνη καὶ χαρά, ὡς μοναχοῖς ἀρμόζει. Ἐνταῦθα δὲ γενόμενος βούλομαί τι προσθεῖναι ἐκ τῶν πανσόφων καὶ χρυσῶν λόγων τοῦ Χρυσοστόμου· ἐκεῖνος γὰρ ἐφθέγγετο εἰς ἓνα τούτων οὕτως· «Εἰ καὶ παρῆλθεν ὁ καιρὸς τῆς παντίμου νηστείας, ἀλλ' ἡ αὐτῆς ὠφέλεια ἐν ἡμῖν αἰεὶ ἔστω». Ὅθεν καὶ γὼ σοι παραινῶν ταῦτα ὥδε πως γράφω· εἰ τάχα καὶ παρήλασεν ὁ τῆς νηστείας χρόνος, ἀλλὰ τῆς ἐγκρατείας παρέδραμεν οὐδόλως, καὶ δεῖ σε ταύτην ἀσφαλῶς ὡς τίθηνον κατέχειν. κἂν διέλθῃ ἡ ἐβδομάς τῆς διακαινισίμου, μονοπροσώπως φύλαττε τετράδα καὶ τὴν ἕκτην· τυροῦ μὴ ἄπτου καὶ ὠοῦ μηκέτι. ἀλλ' ἔσο νῦν ἐλεύθερος ἐν ταύταις ἡμέραις· νηστεία γὰρ οὐ γέγραπται οὐδὲ γονυκλισία. Ταύτας γὰρ τὰς πεντήκοντα οἱ ἅγιοι πατέρες ἀνακυκλοῦντες ἔφησαν ἡμέραν εἶναι μίαν. Καὶ περὶ τούτων δὴ λοιπὸν ἀρκέσθητι

ἐνταῦθα. Ἀγὼν γάρ μοι ἐπὶκείται ἐντεῦθεν ἄλλος.

VII. Αἱ δύο τεσσαρακοσταὶ κατελείφθησαν οὕτως· μᾶλλον καὶ ἢ τὸν Αὐγουστον τελουμένη νηστεία, ἣν πολλοὶ ἀβροδῖαιτοι διαβάλλουσι πάμπαν. Καὶ περὶ τούτων δεῖ εἰπεῖν, ὥς δυνατὸν ὑπάρχει. Καὶ πρότερον δηλώσωμεν περὶ τῶν Χριστουγέννων.

Παράδοσιν ἐλάβομεν ἐκ τῶν ἑκπαλαί χρόνων ἐν ταύτῃ τῇ σαρακοστῇ μονοσιτίαν ἔχειν· ἀλλ' οὐκ ἰχθύων ἄπτεσθαι ἐν ταύταις ταῖς ἡμέραις. δευτέραν λέγω σὺν αὐταῖς, ἀλλ' ἤδη καὶ τὴν πέμπτην, τετράδα καὶ παρασκευὴν, οὐκ ἔλαιον, οὐκ οἶνον· σαββάτω καὶ κυριακῇ μεταλαμβάνειν πάντων. Καὶ ἄλλα περὶ αὐτῆς οὐ γὰρ δεῖ πλέον γράφειν. Ἀνάγκη τοίνυν διελθεῖν περὶ τῶν τελευταίων. Συνήθεια κεκράτηκεν ἐν ταῖς νηστεαῖς ταύταις δις τῆς ἡμέρας [III/1 347] ἐσθίειν, οὐκ οἶδ' ὅθεν λαβόντες· οἶμαι δὲ διὰ τὸν καιρὸν, καυσώδη ὄντα τότε. Ἀλλ' οὐ τῇ συνηθείᾳ δεῖ προσέχειν ἡμᾶς ὅλως, οὐδὲ τό, πῶς, καὶ διὰ τί πράττεται τὸ δέ, λέγειν, ἀλλ' ἔρευναν καὶ ἀκριβοῦν τοὺς λόγους τῶν πατέρων, καὶ τοὺς κανόνας τῶν σοφῶν καὶ θείων ἀποστόλων, δι' ὧν καὶ τὸν ἡμέτερον οὕτω βίον ῥυθμίζειν. Ὅμως εἰ τὴν ἀκρίβειαν καὶ τούτων ἔχειν θέλεις, ζήτησόν τι μικρὸν ἐν τῇ τῶν Χριστογεννῶν· πάλιν κάκει εὐρήσεις ὃ ζητεῖς, καὶ ὅπερ βούλη, πράττε. Ἐνταῦθα ἐβουλόμην νῦν καταπαῦσαι τὸν λόγον, ἀλλὰ βία μοι πρόσεστι μικρά τινα προσθῆναι. δέδοικα δὲ, μὴ φορτικὸς φανοῦμαι καὶ ἐν τούτοις.

VIII. Γονυκλισίας δεῖ ποιεῖν πάντα τὸν χρόνον, εἰ μὴ που τύχη ἐορτῇ,

νηστείας μὴ παρούσης, ἐν ἣ ἀργία γίνεται τῶν ὥρων καὶ τοῦ ἔργου. Μὴ φοβηθῇς τὸν ἀριθμὸν ὀλιγοστοὶ ὑπάρχουσι. Δώδεκα μέλλεις ἀριθμεῖν ἐν ταῖς λιταῖς ἡμέραις, τὰς δέ γε τεσσαρακοστὰς ψηφίζειν δεκαπέντε ἐν τῇ τῶν Χριστογεννῶν καὶ ταῖς δύο λοιπαῖς. τὴν δ' ἄλλην τεσσαρακοστὴν ἥς ἡ κλήσις μεγάλη, διπλασιάζειν ταύτας γε, εἶπερ καὶ οὐκ ὀκλάζεις. εἰ δὲ βαρὺ σοι φαίνεται τὸ ἐκμετρεῖν τοσαύτας, κἂν τὰς εἰκοσιτέσσαρας πλήρωσον δίχα λόγου. Οὐ μὴν ἅπαξ ἡ δεύτερον τῆς ἡμέρας τελέσεις, ἀλλ' ὥς ἐδίδαξεν ἡμᾶς Δαβὶδ ὁ θεοπάτωρ· Θεὸν αἰνεῖν προτρέπεται ἐπτάκις τῆς ἡμέρας. Ψηφίσας οὖν ὡς νουνεχῶς εὐρήσεις ὅπερ λέγω. Ἀπὸ φωτὸς ἀπάρξομαι καὶ λήξω εἰς τὸ σκότος· ὀρθρος καὶ πρωτοτρίτῃ ἔκτη τε καὶ ἑννάτῃ ἐσπερινό, ἀπόδειπνον σὺν τῷ μεσονυκτίῳ· ἔτι προσθήσω οὖν μικρὸν σὺν τούτοις τὰ ἀναγκαῖα, καὶ μὴ μεμθῶ ὥς ὕστερον τοῦτο διασαφήσας.

IX. Τὴν ἑβδομάδα λέγω τῆς πρωταποκρέω, ἣν καὶ ὀνομάζομεν τὴν τοῦ Ἀρτζιβουρίου, οἱ πλεῖστοι ἔθος ἔλαβον ἀδεῶς καταλύειν τετράδα καὶ παρασκευὴν οἱ κοσμικοὶ τὸ κρέας, ὡσαύτως καὶ οἱ μοναχοὶ τυροῦ μεταλαμβάνειν, κακῶς νοοῦντες ἀληθῶς καὶ πράττοντες ὁμοίως. εἰ μὲν φυλῆς κατάγονται ἐκ τῆς τῶν Ἀρμενίων, καὶ εἶχον καὶ τὴν αἵρεσιν τὴν τοῦ Ἀρτζιβουρίου, καλῶς ποιοῦσι λύνοντες πᾶσαν ὑποψίαν. Εἰ δὲ πιστοὶ καὶ ὀρθόδοξοι εἰσὶν ἐκ προγόνων, ἄρα μάτην προφασίζονται, λύνοντες τὴν νηστείαν. Ἐκεῖνοι γὰρ νηστεύουσιν ὅλην τὴν ἑβδομάδα, ἄρτω μόνῳ

τρεφόμενοι, ἄλατί τε καὶ ὕδατι ἡμεῖς δὲ καταλύομεν ἀπ' αὐτῆς τῆς δευτέρας. Λοιπὸν ἐκ τούτου δείκνυται μὴ κοινωνοῦντες τούτοις, καὶ μάτην προφασίζονται τὸν Ἀρτζιβούρην. Ἐπεὶ δὲ ἔλαθεν ἡμᾶς ὑπόθεσις μικρά τις, διασαφῆσαι ἔρχομαι καὶ περὶ ταύτης οὕτως. — Τῆς τυρινῆς ἡ ἑβδομάς λελυμένη ὑπάρχει, καὶ ἡ τετράς τῶν ἡμερῶν, ὡσαύτως [III/1 348] καὶ ἡ ἕκτη· καὶ πόθεν δῆλον πέφυκε τοῦτο, εἴποι τις ἴσως. Ἰακωβίται ὥς φασι τὴν ἑβδομάδα ταύτην φυλάττουσι καὶ καθαρὰν τελείως, ἄρτου μόνου γεύομενοι καὶ ὕδατος. Καὶ διὰ τοῦτο ὁ καλὸς τῷ ὄντι Νικηφόρος ὁ Κωνσταντινουπόλεως ὁ μέγας ἐργάρχης κανονικῶς παρέδωκεν ἐν ταύταις καταλύειν, ἀνατρέπων τὰ δόγματα αἰρέσεων τῶν δύο, τοῦ Ἰακώβου φημί σὺν καὶ τοῖς τετραδίταις. Ὅθεν τὰ μοναστήρια οὕτως ἔχουσιν ἔθος, τὴν ἐννάτην πληρώσαντες, καὶ ὕμνον τῆς ἐσπέρας, οὕτως εἰσέρχονται λοιπὸν ἐν τῇ κοινῇ τραπέζῃ, τυροῦ μεταλαμβάνοντες, ἰχθύων τε καὶ οἶνου. Καὶ ἡμεῖς μὲν ἐγγράψαμεν, ὡς εὔρομεν ἐγγράφως. Εἰ δέ τις οὐ προσίεται, οὐδὲ πιστεύει ταῦτα, ὡς θέλει καὶ ὡς βούλεται οὕτω πορευέσθω.

Χ. Προσθήσω τοίνυν ἕτερον δι' ἄλλην ἑβδομάδα, ἣν καὶ ἐπονομάζομεν τὴν τῶν ἁγίων πάντων. Τινὲς ὑπολαμβάνουσι μὴ εἶναι λελυμένην, κακῶς ὑποτοπάζοντες καὶ ἀγνοοῦντες ὅλως. Οἱ θεῖοι γὰρ ἀπόστολοι καὶ νομοθέται πάντες καὶ περὶ ταύτης ἔγραψαν τοῦ εἶναι λελυμένην. Ἀλλ' ἴσως ἀναφθέγγοιτό τις τῶν γνωστικωτέρων καὶ ποῦ

ταύτης ἐμνήσθησαν οἱ μαθηταὶ τοῦ Λόγου; Ἐρευνήσάτω ἀκριβῶς, καὶ πάντως εὐρήσει τοῦτο. Ἀδυνατῶ γὰρ ἐν λεπτῷ πάντα ἀναδιδάξαι· οἱ δὲ φιλοπονότεροι τὴν γραφὴν μετιόντες, πληροφορίαν λαμβάνουσιν ἐξ αὐτῆς τὴν τελείαν.

XI. Ταῦτα σοι τοίνυν ἔγραψα ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα. Ἀλλ' οὐν διαμαρτύρομαι καὶ βεβαιῶ σοι τοῦτο· εἰ τούτων φύλαξτε φανῆς, ἐγγυῶμαί σοι ταῦτα· στάσεως τῆς ἐκ δεξιῶν τοῦ Σωτῆρος τυχεῖν σε, καὶ σὺν αὐτῷ κληρονόμον βασιλείας τῶν οὐρανῶν καὶ ζωῆς τῆς ἀγήρω σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις. Ἰδοὺ τοίνυν πεπληρωκα τὴν αἰτησίαν σου, τέκνον, ὡς ἐφικτὸν ὑπῆρχέ μοι καὶ δυνάμει εἶχον. Σὺ γὰρ καλῶς ἐπίστασαι τὸ πάμπαν ἄμουσόν μου, καὶ ὅλως ιδιωτικῶν πρὸς τὰ τοιαῦτα γράφειν. Εἰ δὲ τὸ κατὰ δύναμιν φίλον Θεῷ ὑπάρχει, δέξαι καὶ σὺ ὡς ἀγαθὸς τὴν προαίρεσιν μόνην. Ἐνταῦθα σταίημεν λοιπὸν τοῦ σκοποῦ καὶ τοῦ πόθου. Εἰ μὲν ἀποδεκτέα σοι, Θεῷ χάρις ἐν τούτῳ, εἰ δὲ πολλάκις φορτικά, ὡς βούληται λοιπὸν πράττε. Ὁ δὲ τῶν πάντων Θεὸς Κύριος καὶ Δεσπότης, ὁ θέλων πάντας σώζεσθαι διὰ φιλανθρωπίαν, αὐτὸς καὶ σε στηρίξειεν ἐν ἀγαθοεργίᾳ, τοῦ πληρωτὴν γενέσθαι σε τῶν αὐτοῦ ἐνταλμάτων, καὶ βασιλείας οὐρανῶν ὀφθῆναι κληρονόμον ἐν Χριστῷ τῷ Κυρίῳ μου ᾧ ἡ δόξα. Ἀμην.

(Ἀντεγράφη ἀπὸ μεμβράνης ἐν μονῇ Ζωγράφου ἐν ἀγίῳ ὄρει τοῦ Ἀθω, 1859 ἔτ.) [III/1 349]

№ 77.

Ἐρωτήσεις μοναχῶν ἁγιοριτῶν πρὸς τὸν ἀγιώτατον πατριάρχην Νικόλαον.

Ἀπὸ τῆς καθ' ἡμᾶς Λαύρας ἀδελφὸς ἀπεστάλη πρὸς τὴν ἀγιοσύνην σου ἐρωτῆσαί τινα ἐγγράφως ζητήματα ὄντα παρ' ἡμῖν ἀναγκαῖα· ὅς καὶ ὑπεστρέψας ἔδειξεν ἡμῖν τὸ ὑπομνηστικόν, ὃ ἐποίησε πρὸς τὴν ἀγιοσύνην σου, καὶ τὴν ἐξεληθοῦσαν λύσιν, ὅπισθεν ἔχουσιν οὕτως.

— Ὡς οὐ δεῖ καταλύειν τὴν νηστείαν ἐν τετραδοπαρασκευῇ χάριν μνήμης ἁγίου, ἢ ἀποστόλου τινός, εἰ μὴ μόνον ἐν ταῖς δεσποτικαῖς ἑορταῖς.

— Καὶ ὅτι δεῖ εἰσιέναι τὸν μοναχὸν εἰς τὸ ἅγιον θυσιαστήριον, εἰ οὐ κεκώλυται τῶν ἁγιασμάτων· ὁ γὰρ μοναχὸς ἀναγνώστου τάξιν ἐπέχει.

— Καὶ ὅτι δεῖ νηστεύειν τὰς παραδεδομένας νηστείας καὶ ἐν αὐτῇ τῇ πεντηκοστῇ καὶ τῷ δωδεκαημέρῳ, χωρὶς τῆς ἑβδομάδος τῆς διακαινισίμου.

— Καὶ ὅτι οὐ δεῖ κλίνειν γόνυ ἐν σαββάτῳ, οὔτε φυλάττειν ἐξ ἀρχῆς τοῦ αὐγούστου καὶ μέχρι τῆς ιε' αὐτοῦ νηστείαν.

Πρὸς ταῦτα διαπορήσαντες ἡμεῖς, ἡ τὸν μοναχὸν διαψεύδεσθαι, ἡ ἡμᾶς σφάλλεσθαι ὑπελάβομεν. Διὸ καὶ ἐγράψαμεν νῦν ταῦτα πρὸς τὴν σὴν ἀγιότητα, ὥσάν μάθωμεν περὶ αὐτῶν ἀκριβέστερον. Τὸ γὰρ καταλύειν τὴν νηστείαν ἐν ταῖς τῶν μεγάλων ἁγίων καὶ ἀποστόλων ἑορταῖς εὐρίσκομεν ἐν τοῖς τυπικοῖς καὶ συναξαρίοις τοῦ τοῦ ἁγίου Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου καὶ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου καὶ ἄλλων πολλῶν, ὅπερ οὐ διαλανθάνει τὴν σὴν ἀγιοσύνην, ὡσαύτως καὶ τὴν πεντηκοστήν καὶ ἅπαν τὸ δωδεκάημερον.

Περὶ τούτων καὶ ὁ μέγας Ἀθανάσιος τάδε φησὶν ἐν τισὶ τῶν συγγραμμάτων αὐτοῦ· ὅτι οὐ δεῖ παραμένειν νηστείαν Κυρίου τὸν μοναχὸν ἢ τὸν ἱερέα, τουτέστι τετράδα καὶ παρασκευὴν, εἰ μὴ ἐπὶ νόσῳ βεβάρηται, χωρὶς τῆς πεντηκοστῆς καὶ τῶν Ἐπιφανίων. Καὶ πάλιν τὰ αὐτὰ γράφομεν περὶ νηστείας ἐν τῇ τετράδι καὶ ἐν τῇ παρασκευῇ. Οἱ γὰρ θεοκήρυκες ἀπόστολοι πᾶσαν ἀπλῶς τετράδα δεῖ, εἶπον, νηστεύειν τὸν πιστόν, εἰ μὴ δι' ἀσθένειαν κωλύει τι· ἀλλ' οὐχὶ τὴν δὲ καὶ τὴν δέ, ἐν δὲ ταῖς τῶν ἁγίων [III/1350] μνήμαις οὐχὶ καταλύειν νηστείαν, ἀλλ' ἐκ τῶν ἔργων σχολάζειν ἐπέταξαν.

Ἐρώτησις: Τὸν δὲ μοναχὸν μὴ εἰσιέναι εἰς τὸ ἅγιον θυσιαστήριον καὶ μάλιστα τεθρονιασμένον σκοποῦμεν ἀπὸ τοῦ λγ' κανόνος τῆς ἐν τῷ Τρούλλῳ ἁγίας συνόδου, μὴ παραχωρούσης ἐπ' ἄμβωνος ψάλλειν, ἢ ἀναγινώσκειν ἀσφράγιστόν τινα, ἢ μοναχόν, καὶ εἰ ἐπὶ τούτοις οὐ παραχωρούσης, πολλῷ μᾶλλον εἰς θυσιαστήριον εἰσιέναι· ὡσαύτως καὶ ὁ τῆς ἐν Λαοδικεῖᾳ κανὼν ιε' καὶ ὁ κα' περὶ τούτου λέγει.

Ἀπόκρισις: Τὸ μὲν δίχα χειροθεσίας ἐπὶ ἄμβωνος τὰς ἀναγνώσεις ποιεῖσθαι πανταχοῦ κεκώλυται. τὸ δὲ εἰς θυσιαστήριον εἰσιέναι μοναχὸν ἀπλῶς χάριν ὑφάψεως κηροῦ ἢ λυχνοῦ, τὸν μηδενὶ ἐγκλήματι γενόμενον ἔνοχον, οὐκ οἶμαι δεῖν κωλυθῆναι διὰ τὴν τοῦ μοναχικοῦ σχήματος σεμνότητα.

Ἐρώτησις: Περὶ δὲ τοῦ δεῖν κλίνειν γόνυ ἐν σαββάτῳ ἢ ἐν Νικαίᾳ σύνοδος καὶ ἡ ἐν τῷ Τρούλλῳ διωρίσαντο μεθ'

ὦν καὶ ὁ μέγας Ἀθανάσιος τάδε φησι· μή τις σὲ πλανήσῃ τὸ παρὰ πᾶν ἐν κυριακῇ γονυπετῶν ἢ ἐν πεντηκοστῇ· καὶ περὶ σαββάτου οὐκ εἶπεν.

Λύσις: Οὕτως ἔχει ἡ ἀλήθεια· πλήν οἱ πολλοὶ διὰ τὸ μὴ γίνεσθαι νηστείαν ἐν σαββάτῳ καὶ τὴν γονυκλισίαν παρήκαν.

Ἐρώτησις: Περὶ δὲ τῆς εἰς τὸν αὐγουστον μῆνα νηστείας εὐρίσκομεν εἰς τὴν τῆς ἐνώσεως σύνοδον, τὴν γενομένην ἐν Κωνσταντινουπόλει περὶ τῶν γάμων*, καὶ περὶ ταύτης μνήμην τινά. Ταῦτα ἀπορήσαντες αἰτοῦμεν τὴν ἀγιωσύνην σου ἀπαλλάξαι ἡμᾶς τοῦ ἐνδοιασμοῦ.

Λύσις: Ἦν ἡ νηστεία πρότερον ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ, μετετέθη δὲ διὰ τὸ περιπίπτειν ταῖς κατὰ τὸν καιρὸν τούτον γινομέναις ἐθνικαῖς νηστείαις. Πλὴν καὶ ἔτι πολλοὶ τῶν ἀνθρώπων διὰ τὸ καθαρεύειν τῶν ἀρῶσθημάτων νηστεύουσι.

Ἐρώτησις: Σὺν τούτοις ἄξιον μὲν λυθῆναι καὶ τὸ δὲ ἡ ἐν Νεοκαισαρείᾳ γινομένη ἀγία σύνοδος εἰς κανόνα θ', καὶ ὁ μέγας Βασίλειος ἐν ταῖς πρὸς Ἀμφιλόχιον ἐπιστολαῖς αὐτοῦ εἰς κανόνα γ', ἡ μὲν περὶ τοῦ προημαρτηκότος ἱερέως, ὁ δὲ περὶ τοῦ διακόνου μετὰ τὴν διακονίαν πορνεύσαντος, διετάξαντο· εἰ οὖν εὐρεθῇ τις προημαρτηκῶς πολλὰ ἢ ὀλίγα καὶ μετὰ τὴν [III/1351] χειροτονίαν τὸ αὐτὸ ποιήσας, χρὴ τοῦτον ἀρκεσθῆναι μόνον τῇ ἀφαιρέσει τῆς λειτουργίας, κοινω-

νεῖν δὲ τῶν ἀγιασμάτων καὶ τῶν εὐχῶν*.

Λύσις: Ὁ πρῶτος κανὼν τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου λύει τὴν ἀπορίαν, εἰς τὸν τῆς μετανοίας τόπον ἰστῶν τὸν οὕτως ἁμαρτήσαντα· καὶ ὁ τοῦ μεγάλου Βασιλείου γ' οὐκ ἐπὶ τῆς συνηθείας μόνον ἴσταται, ἀλλὰ καὶ τὴν ἀκριβείαν ἐπιζητεῖ.

Ἐρώτησις: εἰ δεῖ τὸν δαιμονιζόμενον μεταλαμβάνειν τῶν ἀγιασμάτων· ὁ μὲν γὰρ Τιμόθεος εἰς τὰς πρὸς αὐτὸν ἐρωτήσεις εἶπεν ἄλλως, καὶ οἱ ἅγιοι ἀπόστολοι ἄλλως, καὶ οἱ μεταγενέστεροι ἄλλως. Δηλωθήτω οὖν ἡμῖν τὸ κρεῖττον.

Λύσις: εἰ ἀπὸ μέλανος ἐνοχλεῖται χυμοῦ τις, ὥς δοκεῖν δαιμονᾶν, οὐ κωλυθήσεται· εἰ δὲ τῇ ἀληθείᾳ δαιμόνων ἐστίν, ἥκιστα τῶν ἀγιασμάτων ἀξιωθήσεται, ὅτι οὐδεμία κοινωνία φωτὶ πρὸς σκότος.

Ἐρώτησις: εἰ δεῖ τὰ προσφερόμενα ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ, οἷον προσφορὰς καὶ νάματα ἀδιαφόρως ἐσθίειν αὐτά, ἢ μετὰ προσοχῆς πολλῆς καὶ φειδούς καὶ ὀλίγον· εἰ δὲ περιτὰ εἰσι, τί χρὴ ταῦτα ποιεῖν; γίνονται γὰρ ἐνταῦθα μεγάλοι προσφοραὶ, καὶ μερίζουσι ταῦτα ἱερεῖς καὶ διδόασιν ὥτινι βούλονται.

* Καθόλου δὲ ἀληθέστερόν ἐστιν ἴαμα, ἡ τῆς ἁμαρτίας ἀναχώρησις· ὥστε ὁ διὰ σαρκὸς ἡδονὴν ἀθετήσας τὴν χάριν, διὰ τοῦ συντριμμοῦ τῆς σαρκὸς, καὶ πάσης δουλαγωγίας τῆς κατ' ἐγκράτειαν, ἀποστὰς τῶν ἡδονῶν, ὅφ' ὧν κατεστράφη, τελείαν ἡμῖν παρέξει τῆς ἰατρεύσεως αὐτοῦ τὴν ἀπόδειξιν. Ἀμφότερα τοίνυν εἰδέναι ἡμᾶς δεῖ, καὶ τὰ τῆς ἀκριβείας, καὶ τὰ τῆς συνηθείας· ἔπεσθαι δὲ ἐπὶ τῶν μὴ καταδεξαμένων τὴν ἀκρότητα τῷ παραδοθέντι τύπῳ. (Βασίλειος).

* Ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν ἔτει 920.

Λύσις: Τὰ μὲν τῆς ὑψωθείσης κλάσματα οὐχί· ἀλλ' ἐν ἐκκλησίᾳ ἐσθίειν ἐς τ' ἂν ἅπαντα δαπανήσωσι· τὰ δὲ περιττὰ τῶν ἄλλων μὴ μετὰ γάλακτος, καὶ τυροῦ, καὶ ἰχθύων, καὶ ὠοῦ, ἀποτεταγμένως καὶ ἰδιαζόντως.

Ἑρώτησις: Ὁ ἡγούμενος τελευτῶν κατέλιπεν ἕτερον ἀνθ' ἑαυτοῦ, δεσμήσας αὐτὸν μὴ ὑποχωρῆσαι· ἀλλ' ὁ τοιοῦτος καταγνοὺς τὴν ἑαυτοῦ ἀσθενίαν ὑπεχώρησε. Τί οὖν χρὴ ποιῆσαι περὶ τοῦ δεσμοῦ;

Λύσις: Ἀλογος ὁ δεσμός καὶ διὰ τοῦτο ἀνίσχυρος, καὶ ὁ δεσμευτεὶς ἀπολυθῆσεται ἀρχιερεῖ προσελθόν, καὶ τὰ καθ' ἑαυτὸν ἀπαγγείλας.

Ἑρώτησις: Ἐὰν φθάσῃ δεσποτικῶν ἑορτῶν παραμονὴ τετραδοπαρρασκευῇ· χρὴ καταλύειν τὴν νηστείαν τῇ ἐσπέρᾳ διὰ τὴν παραμονήν; [III/1 352]

Λύσις: Οὐχί.

Ἑρώτησις: Ἐάν τις ἀποκαρῇ ἐν Κωνσταντινουπόλει ἢ ἀλλαχοῦ κατὰ κόσμον, καὶ δώσῃ τὰς συνθήκας ἐκεῖσε, βλάπτεται δὲ ἴσως ψυχικῶς καὶ βουληθῇ ὑποχωρῆσαι διὰ τὴν γνώμην, γνῶ δὲ αὐτὸν ὁ ἡγούμενος καὶ δεσμήσῃ, τί δεῖ ποιῆσαι τὸν ἀδελφὸν περὶ τῆς βλάβης καὶ τοῦ δεσμοῦ;

Λύσις: Χρὴ τοῦτον λέγειν τῷ προεστώτι τὴν βλάβην καὶ οὕτως ἀναχωρεῖν.

Ἑρώτησις: Ἀδελφός τις ὁ μεθ' ἡμῶν πρότερον κατὰ κόσμον κατήμενος πολλῶν ἀνεδέχετο λογισμούς, καίπερ μηδὲν τῶν κανονικῶν ἐπισταμένος διατάξεων, ἱερεῖς οὖν παραπεσόντας καὶ μοναχοὺς ὁμοίως δεξάμενος, καὶ ἄλλα βαρέα ἐγκλήματα συνεχώρει πᾶσι, μηδὲν ἄλλο ποιῶν. Πάντων οὖν ἐκείνων

τεθνηκότων, οὗτος εἰσελθὼν ἐνταῦθα καὶ τοὺς θεῖους κανόνας διερευνῶν τὴν ἑαυτοῦ βλάβην ἐπέγνω καὶ πλάνην. Δηλωθήτω οὖν παρὰ τῆς ἁγιοσύνης σου τῷ τοιούτῳ, τί ὀφείλει ποιῆσαι περὶ τούτῳ;

Ἀπόκρισις: Ἵνα ποιῇ ὑπὲρ ἐκείνων καθ' ἐκάστην τρισάγιον καὶ μετανοίας, ἐκτὸς ὧν ὀφείλει ὑπὲρ αὐτοῦ ποιεῖν.

Ἑρώτησις: Ἀλλὰ καὶ τὸν ἐπ' ἐγκλήματι καθαιρεθέντα ἱερέα, ἢ ἐκουσίως τὴν ἱεροσύνην καταλείψαντα χρὴ λέγειν τό· εὐλογητὸς ὁ Θεός, καὶ τό· ὁ Θεὸς οἰκτειρῆσαι ἡμᾶς, ἢ· Χριστὸς ὁ ἀληθινὸς Θεὸς ἡμῶν, ἢ θυμῶν μετὰ θυμιατοῦ, μὴ παρόντος ἱερέως, ἢ εἰσέρχεσθαι καὶ μεταλαμβάνειν ἔνδον τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου;

Λύσις: Οὐχί. Εἰς γὰρ τῶν λαϊκῶν κατενήνκεται τόπον.

Ἑρώτησις: Τί ἐστίν, ὃ εἰρηκεν ὁ ἅγιος Βασίλειος· ἐν χεῖλεσι μianθεις;

Λύσις: Οὐδὲν ἕτερον οἶμαι, ἢ τὸ ἐνπαθῶς ἀσπάσασθαι.

Ἑρώτησις: Ὡσαύτως καὶ ὅπερ λέγει ὁ ἅγιος Βασίλειος εἰς τοὺς μικροὺς κανόνας· Ἔστω ἀπὸ εὐλογίας κατὰ τὴν ἀναλογίαν τοῦ σφάλματος;

Λύσις: Τὸ ἀποστερεῖσθαι τοῦτον τῆς διδομένης ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ προσφοράς.

Ἑρώτησις: Εἰ χρὴ τοῖς κεκαλυμένοις ἀπὸ τῆς ἁγίας δωρεᾶς ἐσθίειν ὑψομένην προσφοράν, ἥτοι προσκεκομμένην;

Λύσις: εὐρίσκομεν ἐν τῷ βίῳ τοῦ ἁγίου Θεοδώρου τοῦ Συκεώτου τοὺς τοιούτους κεκαλυμένους. Ἀλλὰ καὶ οἱ θεῖοι κανόνες τοὺς τοιούτους κωλύουσιν. [III/1 353]

Ἐρώτησις: Εἰ χρη κανονίζειν κατὰ τὸ κανονάριον τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ νηστευτοῦ;

Λύσις: Ἐπεκράτησε νῦν ἡ συνήθεια διὰ τῆς βίβλου ταύτης κανονίζεσθαι τοὺς πολλούς. πλὴν ἐν γνώσει τοῦ καλοῦ ὄντες καὶ σφαλλόμενοι, διὰ τῆς κανονικῆς ἐπανορθωθήσονται βίβλου.

Ἐρώτησις: Ἀλλὰ καὶ περὶ τῶν τελειωμένων πατέρων καὶ ἀδελφῶν ἡμῶν· εἰ χρη τὰ τούτων ἐτερωθῇ μετακομίζεσθαι λείψανα καὶ κενουῖσθαι τοὺς τάφους, ἔνθα δὴ καὶ ἐνθάπτονται, εἴ τε καὶ μὴ; ἀπὸ γὰρ τῶν πολλῶν πληροῦνται τὰ κοιμητήρια, ὅθεν καὶ ὥκονομήθη ἐξ ἀρχῆς ἐνδότερος τόπος εἰς τὴν αὐτὴν ἐκκλησίαν, ἔνθα καὶ οἱ τάφοι εἰσὶ. καὶ ὅτε πληρωθῶσιν οἱ τάφοι τῶν λειψάνων, γίνεται ἀνακομιδὴ, καὶ τίθενται τὰ λείψανα ἐκεῖσε· ὃς καὶ περικεκλεισμένος ὢν, ἔχει ἐνδοθεν κανδήλαν ἐπάνω τῶν λειψάνων δι' ὅλου ἀνάπτουσαν.

Λύσις: Τὸ δι' οἰκονομίαν τινὰ γινόμενον καὶ εἰς ἀγαθὸν συντεῖνον σκόπον οὐδενὶ τῶν συνετῶν ὑπὸ τινα αἰτίαν καθίσταται. Ὅθεν καὶ οὐδὲ τὸ περὶ τῶν τεθνεώτων παρ' ὑμῖν οἰκονομούμενον ὑπὸ μέμψιν τοῖς εὐφρονοῦσι γενήσεται.

Ἐρώτησις: Καὶ περὶ τῶν ποιούντων ἰδιοχείρους σταυροὺς καὶ παραιτήσεις ἡγουμενίας καὶ λοιπῶν τινων ἀφοριζόντων τὰ ἰδιοχεῖρα καὶ ἐγχειριζομένων πάλαι ἃ παρητήσαντο, εἰ χρη δέχεσθαι τούτους, καὶ ποίας ἐντολῆς εἰσὶν ἄξιοι;

Λύσις: Ὁ μὲν πολιτικὸς νόμος προστίμως οἶδε κολάζειν τοὺς τῶν μὴ παρὰ νόμων ἐγγράφων ἀθετητάς· ὁ δὲ

ἐκκλησιαστικός, εἰ μὴ προστίμοις τοῖς τῶν ἐγγράφων ὑποπεσῶν ἐφθασεν, ἑτέρως ἐπάγει τὴν ἐπιτίμησιν, οὐκ ἀπὸ κανόνων διαταγῆς, ἀλλ' ἐκ τῆς ἀρχιερατικῆς αὐθεντείας. Πλὴν εἰ μὴ τῶν ἐγγράφων ἡ δύναμις σκοπευθῇ, καὶ ἡ ἐκτῆς ἀθετήσεως τούτων προσγινομένη τισὶ βλάβη ἀδύνατον ἡμᾶς ἑτέρως τι ἀποκριθῆναι.

Ἐρώτησις: Εἰ δεῖ τὰ Κλήμεντος ἀποστολικά βιβλία ὀκτὼ ἀναγινώσκεσθαι καὶ φυλάττεσθαι;

Λύσις: Οὐυχί. διὰ τὸ ἐν διαφόροις χωρίοις νοθευθῆναι. [III/1 354]

— Выписки о двенадцатидневнике из моей греческой рукописи 1661 года, содержащей списки епархий Льва Мудрого и Нила Доксопатрия, правила свв. апостолов и проч.

I. Τοῦ μακαριωτάτου μητροπολίτου κυροῦ Μάρκου Ἐφέσου περὶ τῆς ἑορτῆς τῶν φῶτων ἦτοι τῶν δώδεκα ἡμερῶν.

Περὶ τῆς ἑορτῆς τῶν φῶτων οὕτω φαμέν· ὅτι καθὼς παρελάβομεν παρὰ τῶν πατέρων ἡμῶν, οὕτω τηροῦμεν ἐν πάσαις ταῖς καθ' ἡμᾶς ἐκκλησίαις ἵνα καταλύομεν τὸ δωδεκαήμερον ὅλον πλὴν τῆς τελευταίας ἡμέρας, ἥτις ἐστὶν ἡ παραμονή· ταύτην γὰρ νηστεύομεν, καὶ ἐν σαββάτῳ τύχῃ, ἢ κυριακῇ, κατὰ τὸν κανόνα τοῦ Θεοφίλου· ἀντ' αὐτῆς δὲ καταλύομεν ὡς τελευταίαν καὶ δωδεκάτην αὐτὴν τὴν ἡμέραν τῆς ἑορτῆς, καὶ ἐν τετράδι τύχῃ, ἢ παρασκευῇ· τὴν δὲ παρασκευὴν, ἐν ἣ τὰ τροπάρια καὶ ἡ ἐννάτη σὺν τῷ ἐσπερινῷ ψάλλοντας οὐκ ὀφείλομεν νηστεύειν ἐντὸς τῶν δώδεκα ἡμερῶν οὕσαν. εἰ δέ

τις προυβάλλοι τὸ τὴν ἐννάτην καὶ τὸν ἑσπερινόν, ἐνθυμήτω ὅτι καὶ τῇ τετάρτῃ καὶ τῇ παρασκευῇ τῆς τυρινῆς ἐννάτην καὶ ἑσπερινὸν ψάλλομεν, ἀλλ' οὐδὲν ἦττον, τυρὸν καὶ ὠὰ αἰσθίομεν.

II. Ἐκ τῶν ἀποκρίσεων Ἰωάννου ἐπισκόπου Κύτρου πρὸς τὸν ἱερώτατον ἐπίσκοπον Διρραχίου τὸν Καββάσιλαν.

Καταλύομεν καὶ τὸ δωδεκάημερον εἰς ἀναίρεσιν τῆς τῶν Ἀρμενίων νηστείας. Οὗτοι γὰρ τὸ πρὸ τῶν φώτων δωδεκάημερον νηστεύοντες, οὕτω τὰς τρεῖς ἑορτὰς τῇ πέμπτῃ τοῦ Ἰαννουαρίου ἐκτελοῦσι, τὸν εὐαγγελισμόν φημι, τὴν τοῦ Χριστοῦ γέννησιν καὶ τὴν βάπτισιν· μᾶλλον γε μὴν, ἀμυδρῶς καὶ σκιωδῶς τῇ ὀλεθρίῳ καὶ μιαιρῶ δόξῃ τοῦ σφῶν αἰρεσιάρχου, Ἀσχάνιος αὐτῷ ὄνομα· ἐντεῦθεν τιθέμενοι φαντασίᾳ, καὶ οὐκ ἀληθείᾳ τὴν τοῦ Θεοῦ Λόγου οἰκονομίαν λέγοντες γεγενῆσθαι.

III. Ἀπὸ τοῦ νομίμου τοῦ ἁγίου Θεοφίλου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας κανὼν ζ' προσφώνησις τῶν ἁγίων Θεοφανείων ἐπιστάντων ἐν κυριακῇ.

Καὶ τὸ ἔθος καὶ τὸ πρόπον ἡμᾶς ἀπαισεῖ πᾶσαν κυριακὴν τιμᾶν καὶ [III/1355] ἐν ταύτῃ πανηγυρίζειν, ἐπειδήπερ ἐν ταύτῃ ὁ Κύριος ἡμῶν ΙC ΧC τὴν ἐκ νεκρῶν ἀνάστασιν ἡμῖν ἐπρυτάνευσεν· διὸ καὶ ἐν ταῖς ἱεραῖς γραφαῖς καὶ Πρώτῃ κέκληται, ὡς ἀρχὴ ἡμῖν ζωῆς ὑπάρχουσα, καὶ Ὀγδοή, ἅτε δὴ ὑπεραναβεβηκυῖα τὸν τῶν Ἰουδαίων σαββατισμόν. Ἐπεὶ οὖν ἐν ταύτῃ συνέβη τὴν τῶν ἁγίων Θεοφανείων νηστιμον ἡμέραν εἶναι ταύτην οἰκονομήσωμεν, καὶ πρὸς ἐκάτερον ἐπιστημόνως χωρήσωμεν, ἵνα μεταλαμβάνοντες

ὀλίγων φοινίκων ἐκκλίνωμεν ἅμα καὶ τὰς αἱρέσεις, τὰς μὴ τιμώσας τὴν ἀναστάσιμον τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ ἡμέραν, καὶ τὸ ὀφειλόμενον τῇ νηστείμῳ ἡμέρᾳ ἀποδῶμεν, περιμένοντες τὴν ἑσπερινὴν σύναξιν, ἣτις ἐνταῦθα Θεοῦ θέλοντος τελεῖται. συναχθῶμεν τοίνυν ἀπὸ ὥρας ἐννάτης.

№ 78.

Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως, καὶ Νικολάου πατριάρχου, γενομένη κατὰ διαφόρους καιροῦς. — Часть повременного повествования о переписке царя Алексия с Николаем патриархом. Извлечено из «Сборника» (Панθέκτης), хранящегося в библиотеке Афоно-Иверского монастыря.

I

Ἐλεγεν ὁ μοναχὸς Ἰωάννης ὁ Τραχανιώτης, ὅτι τὰ κατὰ τοῦ ἁγίου ὄρους γενόμενα ἄνωθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς, τὰ πρὸ τῆς ἐντολῆς τοῦ Πατριάρχου, καὶ μετὰ τὴν ἐντολήν, οὐ μόνον ὁ μοναχὸς Λεόντιος ὁ Ἐπίσκοπος, ἀλλὰ καὶ πολλοὶ τῶν ἁγίων Πατέρων συνεγράψαντο*, καὶ ἔχουσιν οὕτως, ὡς πρὸς εἶδησιν.

Ὅτι μετὰ τὸ ἀπελασθῆναι καὶ τὰ ζῶα, καὶ τοὺς Βλάχους ἀπὸ τοῦ ἁγίου ὄρους, ἀντὶ τοῦ εὐχαριστήσαι τῷ Θεῷ, ὅτι ἐξῆλθεν ὁργὴν μεγάλην καὶ ὀλέθριον, ὅτι ἐπισκοπὴ ἐπισκέψατο ἡμᾶς ὁ Θεός,

* Παραδείγματος χάριν Ἰλαρίων καθηγούμενος τῆς μονῆς Κασταμονίτου, ὁ καὶ Πρώτος χρηματίσας τοῦ ἁγ. ὄρους, ὄντας μάλιστα καὶ συγγενῆς τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ. (Смотри Деписания Кастамонитского монастыря).

καὶ ἐκαθαρίσθη τὸ ἅγιον ὄρος, ὃ εὐδόκησεν ὁ Θεὸς κατοικεῖν ἐν αὐτῷ, μᾶλλον ἐκλαίον καὶ ἐκόπτοντο. Καὶ ἦν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει κοπετὸς μέγας Αἰγυπτιακός. Καὶ ἐκεῖνοι [III/1356] μὲν τῆς Αἰγυπτιακῆς ἐμέμνηντο τροφῆς, τὰ κρήνη καὶ τοὺς λέβητας, ἔτι δὲ καὶ κρόμυα καὶ σκόρδα καὶ πέπονας· οἱ δὲ ἁγιορεῖται μέμνηνται τὰ τῶν Βλάχων ὅσα καὶ οἶα τῆς ἡδονῆς ἢ συνήθεια, τὰ τε γάλατα καὶ τὰ τυρία καὶ τὰ μαλία, τὰ συμπόσια καὶ συναλάγματα, καὶ τὰς πραγματείας τὰς πρὸς ἀλλήλους (οἱ Βλάχοι λέγω μετὰ τῶν μοναχῶν)· τὰς τε μεθυσίας τὰς διαβολικὰς, αἵτινες ἐφάνησαν ἐν ὑστέρῳ. Εἰσῆλθε γὰρ ὁ διάβολος εἰς τὰς καρδίας τῶν Βλάχων, καὶ εἶχον καὶ τὰς γυναικας αὐτῶν μεθ' ἑαυτῶν φοροῦσας ἀνδρεῖα, ὡς οἱ ποιμένες, καὶ ἔβοσκον τὰ πρόβατα, καὶ τὰ μοναστήρια ἐδούλευον, κουβαλοῦσαι εἰς αὐτὰ τὰ τυρία, καὶ τὰ γάλατα, καὶ τὰ μαλία, ποιοῦσαι καὶ τὰ ζυμωτὰ εἰς τὰς πανηγύρεις τῶν μοναστηρίων, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν ὡς δουλοπάροικοι καὶ ποθεινοὶ ἦσαν μοναχοῖς. Τὰ δὲ ὑπ' αὐτῶν γενόμενα αἰσχρόν ἐστι καὶ λέγειν καὶ ἀκούειν. Ὅμως οἱ παθόντες καὶ τὴν ἁμαρτίαν μισήσαντες, αὐτοὶ καὶ τὰ σφάλματα διορθώσαντο, καὶ οὐ μόνον ἡσυχασταῖς, καὶ ἐγκλείστοις, καὶ στυλίταις εἶπον καὶ ἐξήγγειλαν περὶ τούτου, ἀλλὰ καὶ αὐτῷ τῷ πατριάρχῃ κϋρ Νικολᾶῳ πάντα ἐγγράφως ἐξέδωκαν καὶ ὅτι Βλάχοι τὰς γυναικας αὐτῶν ἔχουσι βοσκούς. Ὅσα δὲ δι' αὐτῶν ἔπραττεν ὁ διάβολος, οὐ θέμις ἦν γραφῇ παραδοῦναι. Πλὴν οὐκ ἐστι κρυπτόν, ὃ οὐ γνωθήσεται καὶ εἰς φανερόν ἔλθῃ· ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὕστερον.

Περὶ δὲ τῶν Βλάχων, μᾶλλον δὲ τῶν μοναχῶν τῆς ἐκβολῆς διηγήσομαι, καὶ ὅσα ἐπράχθησαν τότε.

II

Εὗρεν οὖν ὄργανα ἐπιτήδεια ὃ ἐφευρετῆς τῆς κακίας, ὃ ἐξάνωθεν φθονήσας τὴν ἡμετέραν ζωὴν, καὶ ἐξορίστους ἡμᾶς ποιήσας, καὶ ἀπὸ Θεοῦ κρύπτεσθαι, καὶ τὸν θάνατον κερδάνειν, ἔφθασε καὶ ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει, καὶ ὑπέβαλεν εἰς τοὺς ἁγίους γέροντας προφάσεις δῆθεν εὐλογους, ὅτι «ἐντολὴν δέδωκεν ὁ Πατριάρχης, καὶ ἐὰν ἀποθάνωμεν ὧδε, γινόμεθα αἵτιοι τῆς ψυχῆς ἡμῶν». Καὶ ἐφάνησαν ὡσεὶ λῆρος τὰ ῥήματα αὐτῶν, μᾶλλον δὲ φρενοληψίας ἀνάμεστα. Καὶ τούτον τὸν λόγον ἀκούσαντες οἱ πολλοί, οὐ μόνον ὁ ἀγυρτώδης λαός, ἀλλὰ καὶ πολλοὶ τῶν ἐλλογίμων ἀνθρώπων, καὶ ἡγουμένων καὶ ἡσυχαστῶν, ἐταράχθησαν· οἵτινες ἐπολέμησαν μετὰ τῶν δαιμόνων πεντήκοντα καὶ ἐξήκοντα ἔτη, καὶ οὐκ ἴσχυσαν ἐκβαλεῖν αὐτοὺς ἀπὸ [III/1357] τὰς κέλλας αὐτῶν. Τότε δὴ τότε ἦν ἰδεῖν μέγα θέαμα, καὶ πολλοῦ θρήνου ἄξιον. Ἀπήρχετο τοίνυν κλαίων ὁ ἡσυχαστῆς πρὸς τοὺς ἡσυχάζοντας λέγων αὐτοῖς, ὅσα παρὰ τῶν δαιμόνων ἐδηδάχθη· ὁμοίως καὶ ὁ ἡγούμενος πρὸς τοὺς ἡγουμένους, λέγων, ὅτι ἀπὸ τοῦ νῦν οὔτε ζωὴν ἔχομεν, οὔτε ἀνάπαυσιν, ἐπεὶ τὸν Βλάχους καὶ τὰ ζῶα ἐκβάλλουσιν. ἀλλὰ καὶ ὁ πατριάρχης ὅλον τὸ ὄρος ἐδέσμησε, καὶ τὰ ξύλα, καὶ τὰ νερά· ἡμεῖς δὲ ποίαν κοινωνίαν ἔχομεν ἐν τῷ ὄρει τῷ ἁγίῳ; οἶμαι οὐδεμίαν. Τότε δὴ τότε ἦν ἰδεῖν σχίσματα καὶ

παρασυναγωγὰς κατὰ τόπους, καὶ λαοσυνάκτας καὶ λαοπλάνους, καὶ τό, πείθιν μάλλον, ἢ πείθεσθαι, καὶ γραφικῶς εἰπεῖν ἔθεντο εἰς οὐρανὸν τὸ στόμα αὐτῶν, καὶ ἡ γλῶσσα αὐτῶν διήλθεν ἐπὶ τῆς γῆς· καὶ ἰὸς ἀσπίδος ὑπὸ τὰ χεῖλη αὐτῶν, κατὰ τὸν Δαβὶδ· ὅτι τί δοθείη σοι, καὶ τί προστεθείη πρὸς γλῶσσαν δολίαν; Τὰ πάντα ἐξόγκωσεν ὁ καιρὸς ἐκεῖνος. Ἐξήρχετο γὰρ μετὰ τῶν Βλάχων ἅπαν τὸ πλῆθος τῶν μοναχῶν εἰς τὸν ἄρχοντα τοῦ κόσμου, καὶ ἡ λύπη πεπλήρωκεν ἡμῶν τὴν καρδίαν ὅτι οὐ μόνον οἱ δαίμονες ἔχαιρον, ἀλλὰ καὶ οἱ μοναχοὶ τὸ αὐτό. Τριακοσαίαι γὰρ φαμίλια ἦσαν ἅπαντες οἱ Βλάχοι. Ὁ δὲ βασιλεὺς κατοῦνας ἔλεγεν εἶναι τῷ πατριάρχῃ, ὥστε καὶ δεκατίαν πολλάκις ἡβουλήθη εἰς αὐτοὺς θεῖναι· διὰ δὲ τοὺς ἄρχοντας τῶν ἐπαρχιῶν οὐκ ἠθέλησε τοῦτο γενέσθαι, ἵνα μὴ ἐπιβαρῶσι τὰ μοναστήρια, καταγινώσκωσι δὲ καὶ τοὺς μοναχοὺς. Καὶ ὁ μὲν τῶν Βλάχων ἀριθμὸς κατάδηλος γέγονε· τῶν δὲ μοναχῶν οὐκ ἦν ἀριθμὸς διαγράψαθαι, καὶ εἰπεῖν τὸ ἄπειρον πλῆθος ἐκεῖνο. Καὶ ὦ τοῦ παραδόξου θαύματος! Ἐλεγον, ὅτι ὁ ἡσυχαστὴς ἐκεῖνος, ὁ ἀκουστὸς καὶ φοβερὸς τοῖς δαίμοσιν μετὰ τοῦ δεινὸς Βλάχου συνεξέρχεται καὶ ὁ δεῖνα εὐλαβέστατος ἡγούμενος μετὰ τοῦ δεινὸς ἡγουμένου συνεξέρχονται· ὁμοίως καὶ τὰ λοιπὰ μοναστήρια μετὰ τῶν ἑαυτῶν φίλων συνεξέρχονται Βλάχων ἅπαντες πανοικεῖ. Τὴν δὲ ἰδεῖν τὰ θεόκτιστα καὶ θεοφύλακτα μοναστήρια ὑπὸ κουτζῶν καὶ τυφλῶν γερόντων φυλαττόμενα. Καὶ οὕτως κατηγωνίσατο ὁ ἄρχων τοῦ

σκότους καταδιῶξαι ὀπίσω αὐτῶν, ὁ νοητὸς φαραώ, καὶ επισύραι αὐτοὺς βιαίως ἕως τῶν ποταμῶν Βαβυλῶνος, καὶ οὐ παύεται μέχρι σήμερον, τὰ αὐτὰ ποιῶν ὁ σκόλιος δράκων. Τούτων δὲ οὕτως γινομένων ἐπέστη ἡ ἑορτὴ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως· καὶ συναχθέντες ἅπαντες κατὰ τὸ σύνηθες εἰς τὰς Καρτέας, πρῶτον μὲν ἀναθεμάτισαν τοὺς δημογέοντας ἐπ' ἐκκλησίας πᾶς ὁ λαός, τοὺς λαοπλάνους, τοὺς ταράσσοντας ἅπαν τὸ ἅγιον ὄρος, ὡς δῆθεν ἐκ προφάσεων εὐλόγων, ἔπειτα ἐκ συνηθείας κρούσματος γενομένου, καθίσαντες [III/1 358] ἐν τῷ κριτηρίῳ. ἐξελέξαντο ἄνδρας θεοσεβεῖς τρεῖς, τὸν τε μοναχὸν κῦρ Ἰωαννίκιον καὶ ἡγούμενον τοῦ Βατοπεδίου, καὶ τὸν μοναχὸν κῦρ Συμεῶν καὶ ἡγούμενον τοῦ Καρακάλλου, καὶ τὸν Κασταμονίτην συγγενὴ ὄντ' αὐτοῦ βασιλέως κῦρ Ἀλεξίου, καὶ δύο ἐπιτηρητάς, τὸν Τζαῖνον καὶ τὸν Φαλακρόν, καὶ ἀπέστειλαν αὐτοὺς πρὸς τὸν βασιλέα κῦρ Ἀλέξιον, γράψαντες καὶ ἐπιστολὴν περιέχουσαν οὕτως·

«Δέσποτα ἡμῶν ἅγιε! Γνωστὸν ἔστω τῷ κράτει τῆς βασιλείας σου, ὅτι ἡ ἐντολὴ τοῦ πατριάρχου ἅπαν τὸ ἅγιον ὄρος ἐξώκησε, καὶ δεόμεθα τῆς κραταιᾶς βασιλείας σου, ἵνα λύσῃ τὴν ἐντολήν, ἐπεὶ πάντες ἀπολλύμεθα. Ἐν γὰρ τῇ ὑμετέρᾳ γαλήνῃ καὶ ἡμεῖς ἡρεμον καὶ ἡσυχον βίον διάγωμεν, εὐχόμενοι καὶ ὑπὲρ τοῦ κράτους σου. Ἰδοὺ ὑπεμνήσαμεν τῇ βασιλείᾳ σου. καὶ προσθήσει Κύριος ὁ Θεὸς τοὺς χρόνους αὐτῆς ὡς τῷ εὐσεβεῖ βασιλεῖ Ἐzekία, ἵνα ὡς ἐκεῖνος καὶ σὺ ἀξιωθῇς μετὰ παρόρησίας εἰπεῖν τῷ ἐπουρανίῳ

βασιλεῖ καὶ Θεῷ. μνήσθητι κύριε, ὡς ἐπορεύθην ἐνώπιόν σου μετ' ἀληθείας ἐν καρδίᾳ τελείᾳ, καὶ τὰ ἄρεστὰ ἐνώπιόν σου ἐποίησα. Ἡμεῖς δὲ πάλιν, ὡς ἔχομεν καὶ διακείμεθα πρὸς σε, λέγομεν ὅτι οἱ εὐλογοῦντες σὲ εὐλογημένοι, οἱ δὲ καταράμενοί σε κεκατήρηνται. καὶ ἀξιῶσαί σε Κύριος ὁ Θεὸς τῆς μερίδος τῶν ἁγίων καὶ μεγάλων βασιλέων, Δαβὶδ καὶ Ἐζεκίου, καὶ πλησίον τοῦ ἐν ἁγίοις Κωνσταντίνου εὐρεθῆναι τὸν θρόνον σου, καὶ μετὰ τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἔση εὐφραινόμενος ἐνώπιον τοῦ Θεοῦ εἰς αἰῶνα αἰῶνος. — Καὶ χαῖρε καὶ ἔρῳσο πανοικεῖν.

Ταῦτα λαβὼν ἀνὰ χειρὰς ὁ βασιλεὺς κῦρ Ἀλέξιος· καὶ ὅλον τὸ παλάτιον καὶ ἡ σύγκλητος ἀκούσαντες ταῦτα, χαρὰς ἐπλήσθησαν ἅπαντες, καὶ τῷ βασιλεῖ συνεβούλευον, τὸν πατριάρχην ἐλθεῖν καὶ ἀπολογίσασθαι. ὁ δὲ βασιλεὺς δι' εὐλάβειαν οὐκ ἠθέλησε τοῦτο ποιῆσαι, ἀλλ' ἔγραψε πρὸς αὐτὸν ταῦτα, ἀποστείλας καὶ αὐτοὺς τοὺς ἀποσταλμένους μοναχοὺς.

Βασιλικὸν πιπτάκιον.

«Πάτερ ἅγιε καὶ οἰκουμενικὲ πατριάρχα! Οἶδας, ὅτι ἐντολὴν ἔδωκεν ὁ Θεὸς τῷ προπάτορι ἡμῶν ἐν τῷ παραδείσῳ, καὶ οὐδεμίαν ὅλην ἡμέραν, τάχα δὲ οὐδὲ τρεῖς ὥρας ἐφύλαξε*. Καὶ ἰδοὺ ἡ ἐντολή σου ἐξήλειψε τὸ [III/1 359] ἅγιον ὄρος μὴ ὑποκείμενον τῇ σῇ ἐξουσίᾳ, ἀλλ' ὑπὸ τῶν βασιλέων κατὰ διαδοχὴν τοῦτο ἐθέσπισαν, καὶ οὐχ ὑπὸ ἄλλης

ἐξουσίας, ἀλλ' ὥρισαν ἐλεύθερον τοῦτο εἶναι ἀπὸ πάσης ἐπηρείας. ἀλλὰ καὶ αὐτοὺς τοὺς ἄρχοντας τῶν ἐπαρχιῶν μηδεμίαν μετοχὴν ἔχειν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει. Καὶ γὰρ ἐγὼ αὐτὸς πολλάκις ἠβουλήθην δεκατίαν ἐπιθῆναι τοῖς Βλάχοις, ἀλλὰ τὰς εὐχὰς τῶν πατέρων δυσωπούμενος, καὶ διὰ τοὺς ἄρχοντας τῶν ἐπαρχιῶν, ἵνα μὴ πλεονεκτῶσι τὰ μοναστήρια, ὡς ἔχομεν πάντες τὸ πλεονεκτικόν, καὶ ἵνα μὴ καταγινώσκωσι τοὺς μοναχοὺς, τοῦτο οὐκ ἐποίησα. Τί δέ σοι ἔδοξε, πάτερ ἅγιε; ἀπορῶ, ἐμοῦ μὴ θελήσαντος ὅλως, καὶ μόνον ἀκοῦσαι τὸ ἀπελασθῆναι τὰ ζῶα. Ἀλλὰ καὶ οἱ μητροπολίται τῷ ὀρισμῷ σου ἀντέλεξαν, ἃ ὁ Θεὸς ἔκτισε, λέγοντες, εἰς μετάληψιν, καὶ πάντα ὑπέταξεν ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ, ὁμοίως καὶ τῶν ἡγουμένων πολλοί. χαῖρε, καὶ ἔρῳσο ἐν Κυρίῳ».

Ταῦτα ὁ πατριάρχης δεξάμενος, καὶ ἀναγνοὺς τὰ τοῦ βασιλέως γράμματα, ἀντεδήλωσε τῷ βασιλεῖ ταῦτα·

«Καλῶς εἶπας, Δέσποτά μου ἅγιε, ὅτι σὺ ἔχων τὴν ἐξουσίαν καὶ τὴν ὑπόθεσιν, οὐχ ὑπέγραψας. Οἱ μητροπολίται οὐκ ἠθέλησαν, ἀλλὰ μᾶλλον ἀντέλεξαν, ὡς παράνομον τὸ γινόμενον. Τῶν μοναστηρίων οἱ ἡγούμενοι πλέον πάντων ἐταράχθησαν. Καὶ ἐγὼ πῶς εἶχον τοῦτο ποιῆσαι; ἀλλὰ διὰ τὰς κακουργίας τῶν Βλάχων καὶ τὰς τελεσιουργίας αὐτῶν ἐδεξάμην τί ποτε. διότι μέγα ἦν τὸ δεινὸν καὶ ὀλέθριον. Ὡσπερ γὰρ οἱ Μαδιαναῖοι ἐποίουν, καὶ ἐκαλλῶπιζον τὰς γυναῖκας αὐτῶν καὶ ἔφερον ἐνώπιον τοῦ λαοῦ τῶν Ἰουδαίων, ἵνα πορνεύσῃ ὁ λαὸς καὶ ἀποστράφηται

* Καὶ ἐκ τούτου πληροφορήσου ἡ ἀγιωσύνη σου, ὅτι ἡ ἐντολή σου ἐξήλειψε ἅπαν τὸ ἅγιον ὄρος... (так в рукописи Кастамонита).

αὐτοὺς ὁ Θεὸς αὐτῶν, οὕτως καὶ ὁ διάβολος εἰσῆλθεν εἰς τὰς καρδίας τῶν Βλάχων, καὶ ἐστόλιζον τὰς γυναῖκας αὐτῶν καὶ τὰς θυγατέρας, καὶ ἐνεδύοντο σχῆμα ἀνδρεῖον, ἵνα καταστρέψῃ τοὺς εὐσεβῶς θέλοντας ζῆν· καὶ εἶχον αὐτὰς ὥσπερ βοσκούς μέθ' ἑαυτῶν, ἀλλὰ καὶ εἰς δουλείας τῶν μοναστηρίων πάσας, αὐτὰς εἶχον οἱ μοναχοὶ ἐξυπηρετούσας. Τὰ δὲ ὑπ' αὐτῶν γενόμενα αἰσχρὸν ἐστὶ καὶ λέγειν, καὶ γράφειν, καὶ ἀκούειν. Οἱ οὖν παθόντες, καὶ τὴν ἁμαρτίαν μισήσαντες, αὐτοὶ μοι δέδωκαν ταῦτα ἐγγράφως, τὸν Θεὸν μάρτυρα προβαλλόμενοι. Καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῆς κακίας τῶν ἀνοσιῶν καὶ αἰσχυρῶν Βλάχων, ὅτι εὐρέθησαν δόλιοι καὶ ἀπαταίωνες. Περὶ δὲ τῆς ἐντολῆς, ὅτι ἐξήλειψε τὸ ἅγιον ὄρος, καὶ ὅτι λέγεται, οἰκεία χειρὶ ὑπέγραψεν ὁ πατριάρχης, φημί, «ἀναστάντες μοι μάρτυρες ἄδικοι, ἃ οὐκ ἐγίνωσκον, ἡρώτων με». Ἄλλως τε δέ, σὺ αὐτὸς ὁ ἔχων τὴν ἐξουσίαν [III/1 360] οὐχ ὑπέγραφες, ἡ σύνοδος τῶν πατέρων οὐχ ὑπέγραφε· καὶ ἐγὼ μόνος εἶχον ὑπογράψαι οἰκεία χειρὶ; ἀλλ' ἀνέχεται ὁ Θεός ἢ αἱ σύνοδοι τῶν πατέρων ἑνὸς μάρτυρος ὑπογραφῆν· ὡς ἔγραψαν καὶ ἐπεσφράγισαν μὴ παραδεχθῆναι ποτὲ ἑνὸς μάρτυρος μαρτυρίαν, κἂν πᾶσαν τὴν σοφίαν τοῦ κόσμου ἐπίσταται. Ἦκούσαμεν παρὰ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν διαλεγομένου τοῖς Ἰουδαίοις, ὅτι δύο ἀνθρώπων ἡ μαρτυρία πιστὴ ἐστίν· ὅτι παρὰ τῆς θεοφθόγγου φωνῆς τοῦτο ἠκούσαμεν, τὸ μὴ παραδέχεσθαι γραφὴν, ἢ μαρτυρίαν ἑνὸς ἀνθρώπου, κἂν ὁ σοφώτερος τῶν ἀνθρώπων ὑπάρχῃ, κἂν αὐτὸς

ὑπάρχῃ ὁ ταπεινὸς Νικόλαος καὶ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως. Καὶ ἰδοὺ μαρτυροῦσιν αἱ θεῖαι γραφαί, ὅτι οὐκ ἔχει ἐντολὴν τὸ ἅγιον ὄρος, ἀλλὰ παραγγελίας μόνον καὶ ἐπιτιμῆσεις, ἵνα μὴ ἐμβάσωσι Βλάχους εἰς κατοικίαν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει. Περὶ δὲ τῶν ἑαυτῶν προβάτων καὶ κτημάτων εἰς τὰ καταλύματα τοῦ ὄρους ἔχειν τὰς κατοικίας ὠρίσαμεν. διότι ἐξουσίαν ἔχουσιν οἱ ἀρχιερεῖς, ἐπιτιμᾶν, καθὼς καὶ ἡ ἁγία σύνοδος ὠρίσεν, ὡς τοῦ δεσμεῖν καὶ λύειν τὴν ἐξουσίαν παρὰ Θεοῦ εἰληφότες. Καὶ ἐὰν ὁ ἀρχιερεὺς παρὰ τὸν σκοπὸν τοῦ Θεοῦ ἐπιτιμήσῃ, οὐκ ἔπεται αὐτῷ τὸ θεῖον, ὅτι οὐκ ἀκολουθεῖ. καὶ ἰδοὺ εὐρίσκεται ἡ ἐπιτίμησις ἄλογος, διὰ τοῦτο καὶ ἀνίσχυρος· εἰ δὲ δοκεῖ τῷ Θεῷ καὶ εὐάρεστον αὐτῷ ἐστὶ, δυνάμωσαν τοῦτο τῇ σῇ βασιλικῇ ἐξουσίᾳ, ἵνα μηκέτι Βλάχους εἰσάξωσι πῶποτε ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει εἰς τὸν αἰῶνα. Ἐνταῦθα ζῆτει τὴν ἀκολουθειάν τοῦ λόγου, ἣν ἐφάνέρωσεν ὁ Θεὸς ἐπὶ τὸ κράτος τῆς βασιλείας σου.

Δεῖ οὖν εἰπεῖν καὶ περὶ τῶν ἐξεληθόντων ἀπὸ τοῦ ἁγίου ὄρους καὶ ἐξερχομένων ὅτι οὐκ ἐποίησαν τὰ τοῦ τόπου, καὶ ὁ τόπος διώκει αὐτούς. Περὶ δὲ τῶν τοιούτων εἶπεν ὁ Κύριος· «ἄφετε αὐτοὺς ὑπάγειν, τυφλοὶ εἰσι· τυφλὸς δὲ τυφλὸν ἐὰν ὁδηγῇ, ἀμφώτεροι εἰς βόθυνον πεσοῦνται. οὐς δὲ οὐκ ἐφύτευσεν ὁ Πατήρ μου ὁ οὐράνιος, ἐκριζωθῇσονται»· καὶ διὰ τοῦ προφήτου· «οὐκ ἔγνωσαν, οὐδὲ συνῆκαν, ἐν σκότει διαπορεύονται, καὶ οὐκ ἠθέλησαν εὐλογίαν τοῦ εὐλογημένου τόπου, καὶ μακρυνθήσονται ἀπ' αὐτοῦ». — Οἱ δὲ

ἐξερχόμενοι τοῦ ἁγίου ὄρους, ἡρωτῶντο ὑπὸ τῶν μητροπολιτῶν καὶ ἐπισκόπων θελόντων μαθεῖν τὴν αἰτίαν, δι' ἣν ἐκτραπέντες τοῦ ὄρους ἀσκόπως ἐξέρχονται, καὶ ἔλεγον, ὅτι «ὁ Πατριάρχης ἔδωσεν ἐντολὴν εἰς ὅλον τὸ ὄρος, καὶ διὰ τοῦτο ἀγανακτήσαντες ἐξερχόμεθα», προφασιζόμενοι προφάσεις ἐν ἁμαρτίαις. Ἐκεῖνοι δὲ ἐντολὴν ἀκούσαντες, καὶ μὴ γινώσκοντες τὴν ἀκρίβειαν τοῦ πράγματος, συνηυδόχουν αὐτοῖς τὸ γινόμενον· τὰ δὲ σωτήρια φάρμακα μὴ ἐπιστάμενοι, καὶ ζωῆς ῥήματα μακρὰν [III/1361] που θέμενοι, τὴν πᾶσαν ἀσχολίαν καὶ μέριμναν εἰς τὰς τῶν γεννημάτων εἰσόδους ποιούμενοι, καὶ τῶν ἄλλων εἰσόδων τῶν δὲ ψυχῶν τῶν προσερχόμενων αὐτοῖς φροντὶς οὐδεμία· ἀλλὰ ποιοῦσι αὐτοὺς βοσκοὺς δαιμόνων, ἀσκόπως οὕτως καὶ ἀπερινοήτως συμβουλευόντες αὐτοὺς τοῦ ἁγίου ὄρους ὑποχωρεῖσαι, καὶ γυρεῦν πόλεις καὶ χώρας, ὡς περιπλανόμενοι· καὶ γίνονται οἱ ἄνθρωποι οἱ κατ' εἰκόνα Θεοῦ γενόμενοι ὑποχείριοι τῷ διαβόλῳ. καὶ ἐγεμίσθη ἡ Κωνσταντινούπολις ψευδοησυχαστῶν ἁγιορειτῶν, ματαιολόγων, καὶ ἀπατεόνων καὶ ψευδολόγων· ἀγανακτοῦσι δὲ καὶ ἡμᾶς καθ' ἐκάστην ἡμέραν, γραφὰς ἐπιζητοῦντες οἱ ἀγράμματοι καὶ χοιροβοσκοί. Καὶ εἰσὶ τὰ πάντα ματαιότης ματαιότητων, ὅσα ὑπὸ τὸν ἥλιον, κατὰ τὴν Σολομώντα. Καὶ γίνωσκε, Δέσποτά μου ἅγιε, ὅτι τὰ δόγματα τῶν πατέρων ἀνετράπησαν ὑπὸ τῆς ἡμετέρας γενεᾶς. Ἀπέθνησκε ποτέ τις μοναχὸς ἐν τῇ Σκῆτι, καὶ ὡς οὐκ ἡδύνατο λαλῆσαι μικρὸν τοῖς αὐτῷ παρεστῶσιν, ἐζήτησεν

ὄξος, ἵνα θήσῃ εἰς τὰς ῥίνας αὐτοῦ, καὶ λαλήσῃ αὐτοῖς· καὶ ὅλην τὴν Σκῆτην γυρεύσαντες, οὐχ εὐρέθη ποτήριον ὄξους. Οἱ δὲ ἁγιορεῖται βαγένια ἔχουσι μέγιστα, καὶ οὐσίας καὶ γλυκοπάλαια. καὶ διὰ τοῦτο σκιρτῶσιν ὥσπερ πῶλοι τῶν ὀνάντων, καὶ διὰ τὰ καὶ τὰ, ἀνετρέψαμεν τὴν ὁδὸν τῶν πατέρων. Ὁ δὲ Θεὸς καὶ αὐτοὺς καὶ ἡμᾶς ἐλεῆσαι. Χαῖρε, καὶ ἐρῶσο ἐν Κυρίῳ. Καὶ δακτύλῳ Θεοῦ γραφήσεται τὸ ὄνομά σου ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν».

Ταῦτα γράψας ὁ πατριάρχης, ἀπέστειλε πρὸς τὸν κραταῖον καὶ ἅγιον ἡμῶν βασιλέα, ἡμᾶς δὲ εὐλογήσας καὶ λίτραν νομισμάτων ἐπιδούς ἀπέλυσε μέτ' εἰρήνης.

Ὁ δὲ βασιλεὺς ἀναγνούς, τὸ ἴσον δέδωκεν ἡμῖν, καὶ νομίσματα ρ'. Καὶ στραφεὶς δεξιᾷ καὶ ἀριστερᾷ ἔφη τοῖς παρεστῶσιν· «ὡς εἶδατέ με ποιοῦντα, καὶ ὑμεῖς ὁμοίως ποιήσατε». Καὶ πολλοὶ τῶν Σεβαστῶν ἐφοδιάσαντες ἡμᾶς ἀναλώμασι πλείστοις, τὴν ὁδὸν ἡμῶν ἐπορεύθημεν. Τοῦτο δὲ μόνον εἰπὼν ὁ βασιλεὺς πρὸς ἡμᾶς ἐξέπεμπε· «ὡς ἐξ ἐμοῦ τὸν Πρῶτον προσαγορεύσατε καὶ πᾶσαν τὴν γερουσίαν εὐχεσθαι τὸ κράτος τῆς βασιλείας μου». Ἡμεῖς δὲ οἴκαδε ἐπανιόντες, καὶ μικρὸν τοῖς κελλίοις ἡμῶν διατρίψαντες, οὐ πολὺ γέγονε τὸ ἐν μέσῳ, καὶ ὁ Πρῶτος τέλει, τοῦ βίου ἐχρήσατο.

III

Θέσπισμα τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου Κομνηνοῦ.

«Θεσπίζομεν τοίνυν καὶ ἡμεῖς εἶναι τὸ ἅγιον ὄρος ἐλεύθερον, καὶ μηδεμίαν

φορολογίαν, ἢ ἐπηρείαν τινὰ ἔχειν τοὺς ἐν αὐτῷ μοναχοὺς ἕως [III/1 362] τῆς συντέλειας τοῦ αἰῶνος· μνημονεύει δὲ τῶν βασιλέων, καὶ ὑπὲρ ὅλου τοῦ κόσμου ἀπερισπάστως εὐχέσθαι. Καὶ διορίζομεν καὶ τοὺς ἐπαρχιῶν ἄρχοντας καὶ πλησιοχώρους· μηδεμίαν κοινωνίαν ἐχέτωσαν οἱ πολιτικοὶ ἄρχοντες ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει. Ἀλλ' οὐδὲ ἐπίσκοπόν τινα ἐθέσπισαν, ... οὔτε ἡμεῖς θεσπίζομεν διὰ τὰ καὶ τά, καὶ διὰ τὰς προσλήψεις τὰς λεγομένας κατὰ τῶν ἐπισκόπων, καὶ διὰ τὸ μὴ δεσμεύειν τὰς ἐκκλησίας καὶ ἐντολὰς δίδειν τοῖς πρεσβυτέροις καὶ ἐπιτιμᾶν αὐτούς, ἀλλὰ μίαν κεφαλὴν καὶ μίαν δεσποτείαν τὸν Πρῶτον ἐχειροτόνησαν κἀκεῖνοι καὶ ἡμεῖς. Οἱ δὲ καταφρονοῦντες αὐτόν, ἔστωσαν ὑπὸ τὴν ἡμετέραν ἀγανάκτησιν.»

Εἶχε δὲ καὶ δι' ἐρυθρῶν γραμμάτων τῆς θείας καὶ βασιλικῆς χειρός.

Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ἰνδικτικῶνος γ'.

IV

Καὶ πάλιν ἀνήλθωμεν πρὸς τὸν βασιλέα ἐξήκοντα ἡγούμενοι. Ἐγὼ δὲ εἶχον λόγον τοῦ βασιλέως κύρ Ἀλεξίου. Καὶ ἐδέξατο ἡμᾶς ὁ βασιλεὺς μετὰ χαρᾶς ὅτι πλείστης· καὶ παραντίκα ἐμὲ ἐσφράγισε Πρῶτον ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει τὸν δὲ κύριον Θεόδωρον τὸν Κεφαλᾶν ἡγούμενον εἰς τὴν Λαυρὰν τοῦ ἀγίου Ἀθανασίου, τυπώσας αὐτῷ ἔκτοτε λαμβάνειν καθ' ἕκαστον ἐνιαυτὸν νομίσματα 100 εἰς ὀψώνια τῶν μοναχῶν, ἐμὲ δὲ ἅπαξ καὶ μόνον 300 νομίσματα, καὶ βιβλίον βασιλικὸν τὸ μέγα Νομοκάνονα, ἔχον καὶ τοῦ μεγάλου Βασι-

λείου τὰς διατάξεις, καὶ Ἰουστινιανοῦ τοὺς νόμους· παρήγγειλε δὲ τοῦτο ἀναγινώσκεσθαι κατὰ πάσαν σύναξιν τῶν Καρεῶν. Καὶ στραφεῖς πρὸς τοὺς ἡγουμένους προσέταξεν ὑπομνυστηκὸν ποιῆσαι ἕκαστον κατὰ τὸ αἶτημα αὐτοῦ· καὶ πάντας χαροποιήσας, ἐξαπέστειλεν ἡμᾶς. Ἀμφώτεροι δὲ τὴν πρέπουσαν τιμὴν, τῷ βασιλεῖ ἀπονείμαντες, ἀπήλθομεν πρὸς τὸν πατριάρχην κύριον Νικόλαον. Ἐρωτήσεις δὲ ἅπαντες πολλὰς ποιησάμενος πρὸς αὐτόν, καὶ μᾶλλον ὁ μοναχὸς Ἰωάννης ὁ Χωρταΐτινος, καὶ προφήτης. Τέλος δὲ πάντων, ἠρώτησα καὶ γὰρ τοῦτο τὸν Πατριάρχην, εἰπὼν· «Δέσποτα ἅγιε· εἰσὶ τινες τῶν ἱερέων, καὶ μὴ ἔχοντες διάκρισιν τοῦ διακρίναι τὰς ὑποθέσεις, δέχονται λογισμοὺς ἀνθρώπων, καὶ εἰσὶ τινες τῶν ἀνιέρων, καὶ ὠφέλουσι ψυχὰς ἀνθρώπων. Τί κελεύει ἡ ἀγίωσύνη σου πρὸς τοῦτο;» Καὶ εἶπεν ὁ Πατριάρχης, ὅτι «οἱ δεχόμενοι τοὺς λογισμοὺς τῶν ἀνθρώπων, ὡς εἶπας, καὶ τὰς ἐξαγγελείας αὐτῶν, ἱατρῶν τάξιν πεπειραμένων ἐπέχουσι, τοῖς νοσίμασι κατάλληλα ἐπάγειν τὰ φάρμακα· καὶ εἰ μὲν ἐστὶν ἱερεὺς, ιδιώτης δέ· ἕτερος δὲ οὐχ ἱερεὺς, γινώσιν δὲ ἔχων, καὶ εἰδὼς λογισμοὺς διακρίνειν καὶ κανονίζειν ὡς [III/1 363] εἰκός, οὗτος ἂν μᾶλλον τοῦ ἱερέως δίκαιος εἴη τοὺς λογισμοὺς ἀναδέχεσθαι, καὶ κανονικῶς διορθοῦν».

V

Περὶ παίδων ἀγενείων.

Πάλιν ἐν ἄλλῳ καιρῷ ὑπομνήσαντες τὸν βασιλέα κύριον Ἀλέξιόν τινες ἔλεγον· «Δέσποτα ἡμῶν ἅγιε· εἰ καὶ

πρόβατα οὐκ ἔχουσιν οἱ ἁγιορεῖται καὶ ἀγελάδια, ἀλλ' ἔχουσι παιδία καὶ ἀγενεῖους».

Ὁ δὲ τρισμακάριστος καὶ αἰδιδίμος βασιλεὺς, ὁ καὶ βασιλικὸν ἔχων τὸ φρόνημα, εὐαγγελικῶς ἐφίμωσεν αὐτούς, οὕτως εἰπών· «ἔχουσι Μαυῤῥέα καὶ τοὺς προφήτας».

Ἐκεῖνοι δὲ προσέθηκαν, καὶ τῷ βασιλεὶ ἀντεῖπον· «Δέσποτα ἅγιε, περὶ τῶν ἀγενεῖων οἱ προφήται ἠτόνησαν, καὶ πᾶς δικαίου λόγος· καὶ ὅτι διὰ τὰ παιδία καὶ τὰ σκάνδαλα αὐτῶν, οὐ δυνάμεθα εἰς τὰ μοναστήρια βαλεῖν ἀρχήν, ὅτι ὑπὲρ τοὺς γέροντας πλέα εἰσὶ τὰ παιδία».

Καὶ ὁ βασιλεὺς· «καὶ τί ὀφείλομεν ποιῆσαι τὰ παιδία; ὅτι Ἡρώδης ἀπέθανε, καὶ ἐγὼ παιδοκτόνος οὐ γίνομαι, καὶ μᾶλλον, ἐὰν οἶδατε καὶ τὰς μητέρας αὐτῶν θρηνοδούσας ἐρχομένας πρὸς ἡμᾶς. Καὶ θαυμά ἐστι, πῶς οὐκ ἐφοβήθητε τὴν ἐντολὴν τοῦ πατριάρχου. Καὶ ὁμως ἐρωτῶ ὑμᾶς, πατέρες· ἡσυχασταὶ ἐστε ἢ ἡγούμενοι;»

Οἱ δὲ εἶπον· «ἡσυχασταί, δέσποτα ἅγιε».

Καὶ ὁ βασιλεὺς· «καὶ διὰ τί ἀπωλέσατε τὴν ὁδὸν τῶν πατέρων, καὶ οὐ μόνον τὴν ἡσυχίαν ἀπολέσατε, ἀλλ' ὁμοιώθητε ταῖς ἀποστατικάς δυνάμεις; Ἐκεῖναι γὰρ καταλιποῦσαι τὸ ἄδυτον φῶς, σκότος γεγόνασι, καὶ εἰκότως θρηνοῦσι. Θρηνήσατε οὖν καὶ ὑμεῖς, ὅτι ἐχλευάσθητε ὑπὸ τοῦ σατανᾶ. Καὶ ὁ Θεὸς συγχωρῆσαι ἡμῖν καὶ ὑμῖν. Ἐρωτῶ δὲ ὑμᾶς· ἔχετε προτροπὴν ἀπολύσεως τῆς κεφαλῆς ὑμῶν πρὸς ἡμᾶς; ἐστι γὰρ αἵρεσις τῶν ἀκεφάλων, ὅπερ ἀπεύχομαι».

Ἀπορήσαντες δὲ οὗτοι, καὶ μὴ ἔχοντες τι ἀποκριθῆναι, ἠρώτησε πάλιν ὁ βασιλεὺς· «οἶδατε γραφάς, ἢ ἀνέγνωτε νόμους πατέρων, ἢ διατάξεις βασιλικάς; ἢ οὐκ οἶδατε, ὅτι αἱ σύνοδοι τῶν ἁγίων πατέρων λέγουσιν, ὅτι ὁ μητροπολίτης οὐ δύναται ἀνελθεῖν εἰς βασιλέα, εἰ μὴ ὁ πατριάρχης προτρέψει αὐτῷ; ὁμοίως καὶ ὁ ἐπίσκοπος, χωρὶς γνώμης τοῦ μητροπολίτου αὐτοῦ [III/1 364] οὐ δύναται εἰσελθεῖν εἰς Κωνσταντινούπολιν, μὴ τοί γε εἰς βασιλέα. ὁμοίως καὶ οἱ κληρικοὶ μετὰ βουλῆς τοῦ ἐπισκόπου αὐτῶν ἐπέρχονται. Καὶ ταῦτα μὲν τῶν ἁγίων καὶ ἱερῶν συνόδων καὶ ἱερῶν κανόνων διὰ τό· «πέιθεσθε τοῖς ἡγουμένοις ὑμῶν καὶ ὑπέκείτε αὐτοῖς». Οἱ δὲ δεσποτικοὶ νόμοι τῶν βασιλέων, καὶ αὐτοὶ τοῖς ἱεροῖς νόμοις ἀκολουθοῦσι· καὶ εἰ ἔχει ὁ πριμικήριος δουλείαν πρὸς τὸν βασιλέα, τὸν μέγαν δομέστικον βουλευεται, ὁμοίως καὶ ὁ στρατιώτης χωρὶς γραμμάτων ἐλθεῖν πρὸς τὸν βασιλέα οὐ δύναται· εἰ δὲ καταφρονήσῃ τὸν τύπον, δέρεται, καὶ κουρεύεται, καὶ μὲ ξυλοπάντουρα πομπεύεται εἰς τὸ φουσάτον, καθὼς οἱ νόμοι διαγορεύουσιν· «τοὺς ἀνιάτως διακειμένους, ἐπὶ τὰς πλατείας παιδεύομεν αὐτοὺς ἵνα καὶ οἱ λοιποὶ φόβον ἔχωσι», καθὼς γέγραπται· ὅτι πάσαις ἐξουσίαις ὑποτάσσεσθαι χρή, καὶ πάντα τηρεῖν, ὅσα ἐνετειλάμην ὑμῖν. καὶ ὅτι οἶδατε, ἀδελφοὶ καὶ πατέρες, ὅτι οὐδεὶς τὸν μοναχὸν ἀνυπότακτον εἶναι. Καὶ συμβουλεύομαι ὑμῖν· ἀπέλθετε εἰς τὸν ἀρχιμανδρίτην σας, ἐπειδὴ αὐτὸν σφραγίζουσιν οἱ βασιλεῖς Πρῶτον ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει, ἵνα ἔχη τὴν ἐξουσίαν εἰς πάντα καὶ ἐπὶ πάντα».

Καὶ πλέον μὴ θελήσας συναίρειν λόγους ὁ βασιλεὺς εἰς τὸν πατριάρχην τοὺς ἀπέστειλεν, γράψας οὕτως·

Πιττάκιον βασιλικὸν πρὸς τὸν
πατριάρχην.

«Σκοπὸς ἐτέθη τῇ οἰκουμένῃ, πάτερ ἅγιε καὶ οἰκουμενικὲ πατριάρχα.

Καὶ τοῦτος σκοπὸς ἐστὶν ἐνώπιόν σου, τηρῆσαι, καὶ διδάξαι, καὶ πράξαι· καθὼς ἐγὼ ἐπὶ τῶν δήμων καὶ τῶν ἐθνῶν· ὅτι ὁ δῆμος τῶν χριστιανῶν καὶ τῶν ἐθνῶν ὑποτάσσεται τοῖς νόμοις τῶν βασιλέων καὶ τοῖς τύποις, καὶ ὅτι ὁ φόβος τηρεῖ καὶ τὴν ἐντολήν. Οἱ δὲ ἁγιορεῖται, ὡς ἔοικε, οὐκ ἔγνωσαν οὐδὲ συνήκαν, ὅτι ὀργὴ βασιλέως — θυμὸς λέοντος, καὶ ἡνέγκασάν με ἐπεστελθεῖν αὐτούς· καθὼς γέγραπται ἄνωθεν, ὅτι «τοὺς ἀνιάτως διακειμένους, ἐπὶ τὰς πλατείας τῶν πόλεων παιδεύομεν αὐτούς, τινὰς δὲ καὶ ῥινοκοποῦμεν, ἵνα καὶ οἱ λοιποὶ φόβον ἔχωσι». — Ἐμάθομεν δὲ καὶ τοῦτο, ὅτι οὗτοι εἰσὶν οἱ ἑξαρχοὶ τῶν δαιμόνων, οἱ ταράσσοντες τὸν ἅγιον τόπον καὶ τοὺς ἁγίους γέροντας. Καὶ εἴ τι δύνασαι, βοήθησον αὐτούς· εἰ δὲ μὴ γε, θέλω ῥινοκοπηθῆσαι αὐτούς καὶ ἀποστεῖλαι εἰς τὸ ἅγιον ὄρος, ἵνα καὶ οἱ λοιποὶ μάθωσιν, τί ἐστὶν ἡ ἐντολὴ Θεοῦ καὶ βασιλέως».

Ἐγραψε δὲ καὶ πρὸς τὸν Πρῶτον οὕτως· [III/1 365]

Βασιλικὸν Πιττάκιον.

«Χωρὶς εἰδήσεώς σου καὶ προτροπῆς ἐγγράφου, μὴ ἐξέρχεσθαι ἁγιορεΐτας εἰς πόλιν, μηδὲ ψευδοχάρτια παραδέχεσθαι· ὅτι ὁ βασιλεὺς τοῦτο ἔγραψεν,

ἡ ὁ πατριάρχης, ἡ μητροπολίτης, ἡ ἐπίσκοπος· ἡ μεσιτεύοντά τινα εἰς τὸν χαρτοφύλακα, καὶ φέρουσι ταῦτα εἰς τὸ ἅγιον ὄρος, καὶ ταράσσουσι τοὺς ἁγίους γέροντας· ἀλλὰ δέξου τὸν ὀρισμὸν τὸν ἡμέτερον ἀπὸ Θεοῦ καὶ βασιλέως Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ καὶ πατριάρχου Νικολάου».

Ἐπιγραφή τῆς ἐπιβολῆς· Ἰλαρίωνι μοναχῷ καὶ πρῶτῳ τοῦ ἁγίου ὄρους.

Ἀπὸ τοῦ πατριαρχικοῦ Πιττακίου ἐμάθομεν, τί ἐλάλησε καὶ αὐτὸς πρὸς αὐτούς.

«† Ἀπέλθατ' ἀδελφοὶ καὶ πατέρες εἰς τὰ κελλία σας ἕκαστος, καὶ τηρήσατε τὰς ἰδίας ψυχάς, καὶ μὴ θελήσετε παροργίζειν Θεὸν καὶ βασιλέα, καθὼς ἐφέρετε τὸν βασιλέα εἰς ἀγανάκτησιν καὶ εἰς θυμόν, καὶ οὐ συμφέρει σας· ἀλλ' ὑποτάγητε τὸν Πρῶτον. Αὐτὸν γὰρ ἐκάθισεν ὁ Θεὸς ὡς ἐπὶ Μαυρσέως καθέδραν, αὐτὸν καὶ ἀπαιτήσουσιν. Τί γὰρ ὠφέλησε τὸν Ἄρειον, ὅτι οὐκ ἠθέλησεν ὑποταγῆναι τὸν μέγαν Ἀθανάσιον; ἀλλὰ περισσοφρόνιμον ἐποίησεν αὐτὸν ὁ διάβολος, καὶ οὐκ ἠθέλησεν ὑποταγῆναι τὰ ζωῆς ῥήματα καὶ τὰ σωτήρια φάρμακα. Καὶ προσεκτέον, ἵνα μὴ καὶ ὑμεῖς ἀναθεματίζετε μετ' αὐτοῦ καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῦ. — Περὶ δὲ παιδίων καὶ ἀγενεῶν καὶ εὐνούχων, οὐδεμίαν ἀπολογίαν ἔχετε εἰς τὸν Θεόν, καὶ εἰς τοὺς ἀνθρώπους, ἀλλ' ἡ μόνον τὴν ὑπερηφανίαν τοῦ διαβόλου, καὶ ὅτι ἐγένεσθε, ὡς λέγουσιν οἱ πατέρες ἡμῶν, ὄργανα δαιμόνων καὶ καθέδραι τοῦ διαβόλου. Εἰ γὰρ ἐξήλθετε ἀπὸ τοῦ κόσμου, καθὼς ὁ μέγας

Ἀρσένιος, εἶχετε λέγει καὶ ὑμεῖς τό, δι' οὗ ἐξήλθετε. καὶ οὐ μὴ ἐγυρεύετε τῶν δαιμόνων τὰς ἐνθυμήσεις, καὶ γίνεσθε ἐξ ἀνθρώπων δαίμονες. Ἄφετε τὴν ἐντολήν, ἣν λέγετε, ὅτι ἔχετε εἰς τὸ ἅγιον ὄρος. Ἐστω ἐπ' ἐμοῦ καὶ τοῦ βασιλέως καὶ τοῦ Πρώτου· καὶ ὑμεῖς ἀμέριμνοι ἔσθε».

Καὶ ποιήσας εὐχὴν ἀπέλυσεν ἡμᾶς.

Λέγει δὲ ὁ μοναχὸς Ἰωάννης ὁ Χορταΐτινος καθηγούμενος, ὅτι τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἀπέστειλεν ὁ βασιλεὺς τὸν εὐνοῦχον τὸν Μοσυνοπολίτην, ὅτι III/1 366 φέρε μοι ὧδε τὸν ἐπίτροπον τοῦ γαύρου μου τοῦ Καίσαρος τοῦ Με-λισινοῦ. Καὶ εὐρέθη ἐγὼ κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἐν τῷ παλατίῳ. καὶ εἰ μὴ ἐμεσίτευον, ἐρινοκοποῦσαν καὶ τοὺς ἐπτά καλογήρους. Τί δέ; διὰ τὴν ἀντι-λογίαν αὐτῶν, ἣν ἐποίησαν εἰς τὸν βασιλέα, λέγοντες, ὅτι «δέσποτα, περὶ παιδίων καὶ ἀγενείων προφῆται ἠτό-νησαν, καὶ πᾶς δικαίου λόγος». Διὸ καὶ ἡβουλήθη ῥινοκοπήσαι καὶ πομπεῦσαι αὐτούς, καὶ ἀποστεῖλαι εἰς τὸ ἅγιον ὄρος, ὅτι οὐκ ἠρκέθησαν εἰς τὸν λόγον τοῦ βασιλέως λέγοντος, ὅτι «ἔχουσι Μωϋσέα καὶ τοὺς προφήτας». Καὶ τοῦτο ἀνατρέψαντες, ἐθυμώθη ἐπ' αὐτούς ὁ φιλανθρωπότατος καὶ ἐλεήμων βασιλεὺς, ὅμως ἀπέστειλεν αὐτούς εἰς τὸν πατριάρχην καὶ ἤκουσαν ἀπ' ἐκεῖνου τὰ θεόπνευστα ῥήματα, καὶ ἀνεχώρησαν. Λέγουσιν οἱ πατέρες οἱ ἀρχαῖοι, ὅτι οὐδέποτε ἔλειψε τὸν δαίμο-να ὄργανον εἰς κακίαν. Τοίνυν ποτὲ μὲν διὰ τὰ ζῶα, ποτὲ δὲ διὰ τοὺς ἀγε-νεῖους οὐ μόνον τὸν πατριάρχην, ἀλλὰ καὶ αὐτοὺς τοὺς βασιλεῖς ἐνόχλησαν.

VI

Ἀπὸ τοῦ βασιλικοῦ Πιττακίου.

«Πατέρες ἅγιοι, οἱ τὸ ἅγιον ὄρος κα-τοικοῦντες· οἶδατε, ὅτι καθάπερ ἡ Κωνσταντινούπολις καὶ βασίλισσα τῶν πόλεων ἐπάνω πάντων ἐστί· οὕτως τὸ βασιλικώτατον καὶ θεῖον ὄρος εἰς τὰ τῆς οἰκουμένης ὄρη. Καὶ τὸ ἡμέτερον φῶς καὶ τὸ ἅλας ὑμεῖς ἔστε. Καὶ οὕτως ἔχομεν, καὶ οὕτω πιστεύομεν. Καὶ οὐ μόνον οἱ βασιλεῖς χριστιανῶν, ἀλλὰ καὶ αὐτὰ τὰ ἔθνη τὰ γύρωθεν ἡμῶν κατοικοῦντα, σὺν ἡμῖν καὶ αὐτὰ ἐπισεμ-νύνονται καὶ ἀγάλλονται μεθ' ἡμῶν διὰ τὴν ὑπερανθρώπινον ὑμῶν πολι-τείαν. Ἀπὸ Θεοῦ χαίρετε, καὶ ὑπὲρ τοῦ κράτους τῆς βασιλείας ἡμῶν εὐχεσθε, καὶ ὑπὲρ ὅλου τοῦ κόσμου. Αἱ δὲ τίμιαι καὶ ἅγιοι εὐχαὶ ὑμῶν χαρισθείησαν ἡμῖν, καὶ βοηθήτωσαν ἡμῖν ἐν καιρῷ ἐξόδου».

VII

Ἀπὸ τοῦ πατριαρχικοῦ Πιττακίου.

«Σχίσματα καὶ παρασυναγωγὰς ἠκούσαμεν γίνεσθαι ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει, πάτερ ἅγιε καὶ Πρῶτε τοῦ ὄρους. Καὶ ταῦτα μὲν ἐξ ἀφελῶν καὶ ἀγροίκων ἀνθρώπων. Καὶ οἱ ταῦτα ποιοῦντες αὐτὸν τὸν Θεὸν παρεσκεύασαν ἀπο-καλέσαι αὐτοὺς ὑποκριτάς, ἡγουν, ὅτι μάταιοι, δόλιοι, καὶ ἀπατειῶνες, ἄλλα μὲν III/1 367 λέγουσιν, ἄλλα δὲ πράτ-τουσι. Καὶ πάντων ἄπτεται ὁ τοῦ Θεοῦ λόγος, κἂν αὐτὸς ὑπάρχη ὁ τοῦ βασι-λέως υἱός. Πολλὰ γὰρ ἐμάθομεν καὶ ἠκούσαμεν περὶ τῶν καθημένων εἰς τὴν σὺναξιν τῶν Καρεῶν. Καὶ ἐπιτηρεῖτω

ύμῶν ἢ ἀγίωσύνη, ὅτι εἰσὶ τινες περιεργαζόμενοι καὶ μὴ ἐργαζόμενοι, καὶ εἰς οὐδὲν θέμενοι τὰ σωτήρια καὶ ἅγια ἐντάλματα τοῦ Θεοῦ, καὶ περιφερόμενοι ἀπὸ τόπου εἰς τόπον, προφασιζόμενοι προφάσεις ἐν ἀμαρτίαις, ὥς μήτε τὸν Θεὸν προ ὀφθαλμῶν ἔχοντες, καὶ γραφικῶς εἰπεῖν ἰὸς ἀσπίδων ὑπὸ τὰ χεῖλη αὐτῶν ἀθυρόστομοι, λαοπλάνοι, καὶ ἀπύλῳτα στώματα, τοῦ ἀνατρέψαι καὶ ποτίσαι τῷ πλησίον αὐτοῦ ἀνατροπὴν θολερὰν εἰς οὐδὲν ἔχοντες. Ἀλλ' ὑμεῖς τὸ καλὸν εἰδότες, ἀνακόπτετε τὰς ὁρμὰς τῶν τοιούτων· οὐ γὰρ ἀγνοεῖτε τὸν ἀντίδικον ἡμῶν διάβολον τὸν ὠρῶμενον καὶ ζητοῦντα τινὰ καταπιεῖν. Καὶ γὰρ οὐ μόνον τοιούτους ἀνθρώπους, ἀλλὰ καὶ μεγάλους ἀγίους καὶ θείους ἀνδρας καὶ εἰς Θεὸν ἐγγίζοντας ὁ παλαμναῖος ἐχθρὸς ἐσκέλισεν. Καὶ νῦν μὴ θαυμάζετε τοῦτο, εἰ ἐξέκλιναν τινες, καὶ ταῖς ἰδίαις ἰγνύαις ἐσχόλανεαν, καὶ ῥήτορες καὶ τῶν ἐλλογίμων εἰσίν, ἢ καὶ ἀπὸ τοῦ παλατίου, πάντας ἢ Αἴγυπτος ἔκραξε ταῖς καρδίαις αὐτῶν εἰς τὰ ὀπίσω· διὰ τοῦτο καὶ σοφῶς τὸ δέλεαρ ἐπιχρῶσουσι τῆς προφάσεως, ἵνα μὴ καταγέλαστοι καὶ ἀνυπομόνητοι φανῶσι τοῖς ἀνθρώποις. Ἐξεστὶ τοίνυν τὰ τοιαῦτα φυτὰ μὴ φυτεύειν ἐν γῇ ἐρήμῳ καὶ ἀνύδρῳ. Ὅτι πολλάκις καὶ ἀπὸ τῶν καρπῶν αὐτῶν ἐμωδιάσατε. Καὶ ἔτι πολλὰ ἔχω εἰπεῖν περὶ τούτου. Ἀγενεῖους καὶ παῖδας ἠκούσαμεν ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει εἶναι. Καὶ ὥς ἔοικεν, ἀνητράπησαν πατέρες ἅγιοι τὰ δόγματα τῶν πατέρων ἡμῶν εἰς τὰ ὀπίσω· καὶ συλλαβὰς καὶ γραφὰς μελετῶμεν διακενῆς, καὶ νόμους ἀναγινώσκοντες

τοὺς λέγοντας ἡμῖν, καθ' ἐκάστην ἀμνημονοῦμεν· ἔκβαλε τὸν ὀφθαλμόν σου, κόψον τὴν χεῖρά σου· καλὸν σοὶ ἐστὶν μονόφθαλμον ἢ κυλὸν ἀπελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, ἢ ἔχοντα χεῖρας ἢ ὀφθαλμοὺς ἀπελθεῖν εἰς τὴν γεένναν τοῦ πυρός, ὅπου ὁ σκῶληξ αὐτῶν οὐ τελευτᾷ, καὶ τὸ πῦρ οὐ σβέννεται. Τί δὲ καὶ οἱ πατέρες; Μὴ ἐγγίσης παιδίον, μὴ συλλαλήσης αὐτὸ χορτασμένος, μὴδὲ ἐν ἐκκλησίᾳ ἀσπάσησθε αὐτό. καὶ ποιήσωμεν τὰ τῶν Νινευητῶν, καὶ οὐ μὴ πάθωμεν τὰ τῶν Σοδομιτῶν. Τὸ γὰρ ἅγιον καὶ σεβασμιώτατον ὄρος φερωνύμως φέρει τὴν ἐπωνυμίαν καὶ Θεοῦ εὖρεμαί ἐστι πρὸς κατοίκησιν ἁγίων ἀνδρῶν· καὶ γίνεσθε ἅγιοι, Θεὸς ἐστὶν ὁ λέγων ὅτι χαρὰ μεγάλη γίνεται ἐν τῷ οὐρανῷ· καὶ ὁ Θεὸς τῶν μετανοούντων ἐστίν. Ὑμᾶς τε καὶ ἡμᾶς τῆς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ στάσεως ἀξιώσει τοῦ ἀκοῦσαι τῆς [III/1 368] μακαρίας ἐκείνης φωνῆς· δεῦτε λεγούσης, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου. — Καὶ χαίρετε καὶ ἑρῶσθε ἐν Κυρίῳ, τῆς ἡμετέρας εὐτελείας μνεῖαν ποιούμενοι, ἵνα καὶ γὰρ κηρύξω ὑμᾶς μετὰ παρόρησίας· ἰδοὺ ἐγὼ καὶ τὰ παιδία, ἃ μοι ἔδωκεν ὁ Θεός». †

Ἀπὸ τοῦ πατριαρχικοῦ
Πιττακίου πρὸς τὸν βασιλέα κῦρ
Ἀλέξιον.

«Γνωστὸν ἔστω σοι, Δέσποτα, ὅτι οἱ καλόγηροι τῆς πόλεως οὐ δύνανται ὑπομεῖναι ἐν τῷ ἀγίῳ ὄρει, καὶ ὅτι οὐκ ἐποίησαν τὰ τοῦ τόπου καὶ ὁ τόπος διώκει αὐτούς· καὶ ὅτι Αἴγυπτος πάντας

ἔκραξε ταῖς καρδίαις αὐτῶν εἰς τὰ ὀπίσω· καὶ διὰ τοῦτο καὶ σοφῶς τὸ δέ-
λεαρ τῆς προφάσεως ἐπιθήσουσιν, ἵνα
μὴ καταγέλαστοι τοῖς ἀνθρώποις φα-
νῶσιν. Ἐξεστι τοῖς ἀγιορεΐταις μὴ φυ-
τεύειν Σεβαστούς, καὶ ἀπὸ τοῦ παλατίου
ἐν γῇ ἐρήμῳ καὶ ἀβάτῳ καὶ ἀνύδρῳ,
ὥστε πολλάκις καὶ ἀπὸ τῶν καρπῶν
αὐτῶν ἐμωδίασαν». †

VIII

Πάλιν ἐν ἄλλῳ καιρῷ ὑπέμνησαν
τὸν πατριάρχην διὰ τοῦ χαρτοφύλακος,
ὅτι θέλομεν ἰδεῖν τὴν ἐντολὴν τοῦ
πατριάρχου, εἴ ἐστιν ὑπογεγραμμένη.
Καὶ ἀκούσας ταῦτα ὁ πατριάρχης
ἠγανάκτησε κατ' αὐτῶν, καὶ λέγει πρὸς
αὐτούς·

«Καὶ τίνες ἔστε; καὶ ἐν ποίᾳ τὴν ἐν-
τολὴν τοῦ πατριάρχου ζητεῖτε; Οὕτως
ἐξήρχοντο οἱ ὅσοι καὶ σημειοφόροι
πατέρες ἐκείνοι; ὁ ἅγιος καὶ ἡγιασμένος
Σάββας, ὥστε καὶ ἰάσεις ἐπιτελεῖν κατὰ
τὴν ὁδόν; ὁμοίως καὶ οἱ λοιποὶ τῶν
πατέρων, Θεοδόσιος, Εὐθύμιος; Μετὰ
τὰς γραφὰς τῶν πατέρων καὶ τοῦ
ἀρχιερέως ὑπογεγραμμένας, καὶ ὅλης
τῆς συνόδου πατέρων τὰς εὐχὰς ἐφο-
διάζοντο, καὶ οὕτως ἐξήρχοντο πρὸς
τὸν βασιλέα ἢ πρὸς τὸν πατριάρχην.
Καὶ πάλιν μετὰ τιμῆς μεγάλης ἐξέπεμ-
πον αὐτούς, δεόμενοι τὰς εὐχὰς αὐτῶν,
καὶ πολὺ χρυσίον διένεμον αὐτοῖς, καὶ
τὰς ἐπήρειας τῶν πρακτέων διέλυον
καὶ 3000 νομίσματα ἔδωκε τὸν ἅγιον
Σάββα, ἵνα κάστρον ἐν τῇ Λαύρᾳ τῆς
ἐρήμου κτίσῃ καὶ σιτηρέσια πολλά, καὶ
οὐδὲ ἦν ὀρθόδοξος ὁ βασιλεὺς Ἀναστά-
σιος· ἀλλ' ἡ κατάστασις αὐτῶν, καὶ τῶν

ἀγίων πατέρων αἱ προσευχαὶ ἐνεργού-
σαν ταῦτα. Ὑμᾶς δὲ οἱ βλέποντες καὶ
ἀπιστίαν λαμβάνουσι καὶ ὅτι ἀφήκατε
τὰς ἐντολὰς τοῦ Θεοῦ καὶ τῶν ἀγίων,
καὶ γυρεύετε πόλεις καὶ χώρας καὶ ὡς
πλανώμενοι ἀπὸ τῶν δαιμόνων [III/1 369]
οὕτως γυρεύετε. ὁ Θεὸς ὅσα ἐλάλησεν,
οὐδὲ αὐτόν, οἶμαι, τὸν κόσμον χωρῆσαι
τὰ γραφόμενα βιβλία, καὶ πάντα ταῦτα
ἐντολαὶ εἰσι καὶ δικαιώματα καὶ προσ-
τάγματα, καὶ ὅτι τηρεῖν πάντα, ὅσα
ἐνετειλάμην ὑμῖν, καί· ἐντολὴν καινὴν
δίδωμι ὑμῖν, ἵνα ἀγαπᾶτε ἀλλήλους,
καί· ὁ ἀγαπῶν με τὰς ἐντολὰς μου
τηρήσει. Ἄρα οὖν ἀδελφοί μου τὰς ἐν-
τολὰς τοῦ Θεοῦ τηρεῖτε, καὶ γυρεύετε
πόλεις καὶ χώρας, προφασίζόμενοι
προφάσεις ἐν ἁμαρτίαις; Ἔως οὖν οὐ
τηρῶμεν τὰς ἐντολὰς τοῦ Θεοῦ, πνεῦμα
ἅγιον εἰς ἡμᾶς οὐκ εἰσελεύσεται, ἀλλὰ
τοῦνάντιον. Καὶ διὰ τοῦτο ἀκολουθεῖτε
ὀπίσω αὐτοῦ, καὶ ὡς ὑποχείριοι, αὐτῷ
λογίζεσθε. Καὶ ἐμοὶ δακρύειν ἐπέρχε-
ται, ὅτι πρῶτον ἀρνήσασθε τὴν ὁμολο-
γίαν τῆς ὑποταγῆς, καὶ ὅτι ἐκαθήσατε
εἰς τὰ ἴδια θελήματα. Καὶ ἀκούετε· οὐαὶ
τῷ ἐνί. ἀκολουθεῖτε τῷ ἀσυμβούλῳ· ὅτι
οὐκ ἔχει τὸν διεγείραντα αὐτόν· μακά-
ριος μοναχὸς ὅστις ὑπετάγῃ πλείστοις
μοναχοῖς, καὶ ἀπέτριψε τὸ ἑαυτοῦ
φορτίον τῶν ἁμαρτημάτων, εἶδε μῆγε
μετὰ δαιμόνων ἐμπαιζοται. Περὶ δὲ
τοὺς μητροπολίτας, ὅτι βλέπόντων καὶ
ἀκουόντων τὸν πατριάρχην ἐκινήθησαν
εἰς ὀργήν, καὶ ἀγανακτήσαντες εἶπον
πρὸς αὐτούς· ὅτι ὁ βασιλεὺς ὁ ἅγιος
ἐζήτησεν ἐντολὴν τοῦ πατριάρχου, καὶ
οὐχ εὐρέθη, ἀλλ' οὐδὲ μητροπολιτῶν,
ἀλλὰ μόνα τὰ ὀνόματα σημειόμενα εἰς

τὸν κόντικα. Ὑμεῖς δὲ εἰ ἐκουρεύθητε διὰ τὸν Θεόν, ἵνα εἰσέλθῃτε εἰς μοναστήρια, καὶ ἐσώσατε τὰς ψυχὰς ὑμῶν. Πρὸς τοῦτοις ἀκούομεν, ὅτι τοὺς ἡσυχαστὰς τῶν ἀγιορειτῶν εἰς τὰ καπήλια τοὺς εὐρίσκουσι, καὶ εἰς τὰ νούμερα τοὺς ἐκράτησαν. καὶ βλασφημεῖται ἡ οὐράνιος καὶ ἀγγελικὴ πολιτεία. Καί προσέχετε τὰς προφάσεις, ἃς ὑποβάλλει ὁ δαίμων, καὶ ἀκολουθεῖτε ὀπίσω αὐτοῦ, καὶ βλέπετε μουλάρια, καὶ φοράδια, καὶ σκυλία, καὶ κάρτια θυλικά καὶ ἄλλα τινα προβάλλεστε εἰς κατηγορίαν τῶν ἀγίων γερόντων. Καὶ τοὺς τοιοῦτους ἀναθεματίζει ἡ ἐκκλησία τοῦ Θεοῦ, ὡς χριστιανοκατηγόρους. Ἀλλὰ ταῦτα πάντα οἱ βασιλεῖς καὶ πατριάρχαι εἰς τὸν Πρῶτον ἀνέθηκαν. Ὑμεῖς δὲ ἐνοσήσατε τὴν τοῦ διαβόλου νόσον, καὶ γυρεύετε προφάσεις ἐν ἁμαρτίαις».

Καὶ οἱ μητροπολίται ἐπαύσαντο· οἱ δὲ ἀγιορεῖται ἀνεχώρησαν κατησχυμένοι. ἄλλοι δὲ ἐξηγήσαντο ταῦτα ἡμᾶς, καὶ ἐμάθομεν τὰ τοιαῦτα· κομωδίσαντες αὐτοὺς καὶ οἱ παριστάμενοι τὸν πατριάρχην λέγοντες· ὅσοι παραπλήσιοι μετὰ τοῦ κόσμου, ἐγένοντο καὶ αὐτοὶ ἡσυχασταὶ τῶν ἀγιορειτῶν. Ἀπετύφλωσεν αὐτοὺς ἡ αὐτονομία καὶ ἡ αὐταρέσκεια, καὶ διὰ τοῦτο οὐ δύνανται εἰς ὑποταγὴν ἐκδόσειν ἑαυτούς.

Ἦσαν δὲ τινες τῶν ἡγουμένων καὶ λέγουσι τὸν πατριάρχην· Δέποστα, [III/1370] αὐτοὶ τὸ ἄσμα μανθάνουσιν οἱ καλόγηροι καὶ εἰς κελλιότικα μοναστήρια. Καὶ κράξας αὐτοὺς ὁ Πατριάρχης, εἶπεν αὐτούς· ἀσματικὰ ὁμολογήσατε

ἀδελφοί, καὶ ἀσματικοὶ ἵνα γέννησθε, καὶ οὐχὶ μοναχοί; Καλῶς ἔλεγεν ὁ βασιλεὺς κύρ Αλέξιος, ὅτι ἐὰν μὴ ῥινοκοπήσω τινὰς τῶν ἀγιορειτῶν, οὐ μὴ γένωνται καλόγηροι, ὅτι μωροτέρους ὅλος ὁ κόσμος οὐκ ἔχει». Καὶ ὡς ἔοικε, συνηγόρους γυρεύουσιν, ἵνα συνηγορήσουσιν τὰ θελήματα αὐτῶν, μᾶλλον δὲ τοὺς δαίμονας, ὅπου σὰς βόσκουν· ὅτι ἀφίετε τὸ ἅγιον ὄρος, καὶ γυρεύετε τὸν κόσμον. Καὶ τό, φεῖσαι, φεῖσαι Κύριε, ὁ Πατριάρχης εἰπὼν, ἀπέλυσε πάντας. Καὶ ταῦτα ἐξηγήσατο ὁ μοναχὸς Βασίλειος ὁ Σκληρὸς καὶ ἡγούμενος τοῦ Καρακαλᾶ. †

IX.

Περὶ τῶν Σαρακινῶν.

Ὑπέμνησε τὸν βασιλέα κύρ Αλέξιον ὁ μοναχὸς Ἰλαρίων ὁ καὶ Πρῶτος· Δέσποτα ἅγιε, ἐξήλειψαν τὸ ἅγιον ὄρος οἱ Σαρακινοί.

Καὶ ὁ βασιλεὺς· ὑμεῖς ἡμελήσατε, ἀλλὰ μὴ παύσητε τὸν Θεὸν ἐξιλεούμενοι, τό· ὁ Θεός, ἤλθοσαν ἔθνη εἰς τὴν κληρονομίαν σου, λέγοντες, καὶ τό· Κύριε ἐξέγειρον τὴν δυναστείαν σου καὶ ἐλθὲ εἰς τὸ σῶσαι ἡμᾶς, καί· μὴ δῶς ἔθνεσι τὴν κληρονομίαν σου εἰς τὸ κατάρξαι ἡμᾶς, ἵνα μὴ εἴπωσι, ποῦ ἐστὶν ὁ Θεὸς αὐτῶν; καὶ ὅσα τοιαῦτα. Καὶ πιστεύομεν, ὅτι ποιήσει ὁ Θεὸς ἔλεος μεθ' ἡμῶν. Καὶ γίνωσκε, ἅγιε μου γέρον, ὅτι ἕως τὸ Δάμαλιν ἤλθοσαν τῆς Ἀγὰρ οἱ ἀπόγονοι, καὶ μαστίζονται πόλεις καὶ χῶραι δι' ἐνὸς ἀνθρώπου ἁμαρτωλοῦ ἁμαρτίαν, ὅστις εἰμὶ ἐγώ. Ἀλλ' ὁ Θεὸς καὶ ὑμᾶς καὶ ἡμᾶς ἐξίληται ἐκ τῆς ἐφεστώσης ἀνάγκης. †

Χ

Λύσις τοῦ ἀειμνήστου ἁγίου ἡμῶν
 βασιλέως κύρ Αλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ
 Ἐπὶ ὑπομνήσει τοῦ Πρώτου κύρ
 Γαβριήλ.

Ἀναγκαῖόν ἐστιν ἵνα ἡ ἐλευθερία τοῦ
 ὄρους φυλαχθῇ, καὶ μηδέποτε ὑπὸ
 ἐνορίας μητροπολίτου ἢ ἐπισκόπου
 γένηται. Καὶ πάλιν ἀναγκαῖόν ἐστιν,
 ἵνα δι' ἐνὸς ἐπισκόπου αἱ χειροτονίαι
 τῶν ἱερέων καὶ διακόνων γίνονται.
 Δέον οὖν ἐστὶ τὸν μάλιστα πλησιάζοντα
 τοῦ ὄρει κατὰ μόνους τοὺς [III/1371]
 καιροὺς τῶν συνάξεων προσκαλούμε-
 νον παρὰ τοῦ Πρώτου εἰσέρχεσθαι καὶ
 τελειοῦν κανονικῶς τοὺς τε ἱερεῖς καὶ
 διακόνους προσαγομένους παρὰ τοῦ
 Πρώτου· μὴ μέντοι δίκαιον ἐνορίας ἐκ
 τούτου ἑαυτῷ περιποιεῖσθαι, ἢ ἕτερόν
 τι εὐλογον ἐπὶ τοῦ ὄρους προβάλλεσθαι·
 μόνης τῆς ἀναφορᾶς αὐτοῦ γινομένης
 ἐν παντὶ τῷ ὄρει. Καὶ γινέσθω τοῦτο
 ἀπὸ τοῦ νῦν ἕως τοῦ αἰῶνος. — Τῷ μηνὶ
 Νοεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος β'. Δι' ἐρυθρῶν
 γραμμάτων τῆς βασιλικῆς χειρός.

XI

Διηγῆσατο ἡμῖν ὁ μοναχὸς Ἰωάννης
 ὁ Χορταΐτινος, ὅτι ἔτυχον εἰς τὸν
 θάνατον κύρ Νικολάου τοῦ Πατριάρχου
 κατ' οἰκονομίαν Θεοῦ. «Ἦν δὲ καὶ ὁ
 βασιλεὺς κύρ Ἀλέξιος γράψας εἰς τὸν
 Χορταΐτην, τοῦ ἐλθεῖν πρὸς αὐτὸν
 μοναχοὺς ἐπιφερομένους καὶ τὰ
 δικαιώματα τοῦ μοναστηρίου καὶ τὸ
 Τυπικόν. Καὶ δὴ τινες τῶν ἐλλογιμο-
 τάτων ἀδελφῶν ἀναλαβόμενοι ταῦτα,
 ὥστε καὶ δύνασθαι καὶ τὰς ἐρωτήσεις

τοῦ βασιλέως ἀνταποκρίνεσθαι,
 ἦλθοσαν. Ὑπομνησθεὶς οὖν ὁ βασιλεὺς
 παρ' ἡμῶν, καὶ ἐκ Θεοῦ ὁδηγηθεὶς,
 μᾶλλον προσέθηκεν ἡμῖν ὅσα ἂν τὸ
 κράτος αὐτοῦ ὑπεμνήσαμεν. Τούτων
 οὕτως γενομένων, ἤκουσεν ὁ βασιλεὺς
 τοῦ Πατριάρχου τὸν θάνατον, καὶ
 κράζας ἐμέ, λέγει· «θέλεις, προσενήσω
 σοὶ μισθόν;» Ἐγὼ δὲ ἔφη· «κέλευσον
 Δέσποτα, ὅπως μαθήσω τὸν μισθόν, τίς
 ἐστὶ ὁ παρὰ τῆς βασιλείας σου ἡμῖν
 προξενούμενος;»

Καὶ ὁ βασιλεὺς· «ἵνα, ἔφη, κοπιασθῇς
 εἰς τὸν Πατριάρχην ἀντ' ἐμοῦ, καὶ προ-
 σείπῃς αὐτῷ ὡς εἰκός, εἶτα εἶπε αὐτῷ,
 ὅτι μηνύει σε ὁ βασιλεὺς· μὴ ἀφήσεις
 ἐντολήν σου ὀπισθέν σου, ἵνα μὴ βάρος
 γένηται τῇ ψυχῇ σου. πολλὰς γάρ, ὡς
 ἔμαθον, πέπρακας ἐκκλησίας καὶ τοὺς
 ἄρχοντας. Καὶ διόρθωσον ταῦτα, καὶ
 ἕξεις καὶ μὲν συνήγορον καὶ βοηθόν».

Ταῦτα εἰπὼν ὁ βασιλεὺς πρὸς με καὶ
 ἄλλα τινά, — εὐλογητὸς γὰρ ὁ Θεὸς ὅτι
 οὐ ψεύδομαι, — προσέθηκεν ἐλθεῖν
 μετ' ἐμοῦ καὶ τὸν γαυρὸν αὐτοῦ τὸν
 Καίσαρα, καὶ τὸν υἱὸν αὐτοῦ, καὶ τινὰς
 ἄλλους ἀπὸ τοῦ παλατίου. Προετρέπετο
 δὲ ἡμᾶς ἐνσυντόμως ἀπελθεῖν καὶ
 κομῆσαι αὐτῷ ἀπολογία ἀπὸ τοῦ
 Πατριάρχου.

Ἐγὼ δὲ ταῦτα ἀκούσας, ἔφην αὐτῷ·
 «αὐτός ἐστιν ὁ μισθός, ὃν μοι προξενεῖ
 ἡ βασιλεία σου; ἀντὶ τοῦ εὐλογηθῆναί
 με περὶ τὸ τέλος τοῦ πατριάρχου, ἵνα
 σχῶ ἐξ αὐτοῦ κατάραν καὶ οὐκ εὐλο-
 γίαν;» [III/1372]

Ἀκούσας οὖν τοῦτο ὁ βασιλεὺς ἐξ
 ἐμοῦ, ἔφη· «ἰδοὺ οὖν ἔρχομαι καὶ γὰρ μεθ'
 ὑμῶν εἰς τὸν πατριάρχην».

Ἀπελθὼν οὖν ὁ βασιλεὺς καὶ καθίσας πλησίον τοῦ πατριάρχου, καὶ ἀσπασάμενος αὐτὸν ἔφη· «Πάτερ ἅγιε, πάντες οἶδαμεν καὶ πιστεύομεν, ὅτι ἅγιος εἶ, καὶ οὕτως σὲ βλέπομεν ἅπαντες, ὡς τὸν ἐν ἁγίοις μέγαν Νικόλαον. Εὐχόμεθα δέ σε καὶ τῆς μερίδος ἐκείνου γενέσθαι σε. Τίποτε οὖν μέλλω εἰπεῖν τὴν ἁγιοσύνην σου, καὶ μὴ τὸ φέρεις βαρέως, ἀλλὰ δέξου με ὡς τέκνον σου. Πολλάκις ἤκουσα παρὰ τινων ὅτι πέπρακεν ἡ ἁγιοσύνη σου ἐκπηκτικὰ (?) καὶ ἐπιτιμήσεις εἰς τὰ μοναστήρια καὶ εἰς τὰς μητροπόλεις, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν· ἄξιῶ τὴν ἁγιοσύνην σου, ἵνα μὴ ἀφίσης ἐντολὴν ὀπισθὲν σου τινά».

Ὁ δὲ Πατριάρχης ἀκούσας ταῦτα, ὥρισε κομισθῆναι τὸν κώδικα αὐτοῦ, ὃν ὑπέγραψεν ἰδίαις χερσὶ τὴν ἐκάστου συγχώρησιν. Καὶ ἔφη ὁ Πατριάρχης πρὸς τὸν βασιλέα καὶ πρὸς πάντας ἡμᾶς· «Οὐδέποτε, ἀδελφοί μου, ἀφῆκα τὴν ὀργὴν ἐπιδῦναι τὸν ἥλιον, ἢ ἐπιτίμησιν, ἢ ἐντολὴν· ὅτι οὐ φυλάττεται παρὰ τινος, καὶ ἵνα μὴ ἐπάξω κρίμα ἐπὶ τῆς ἐμῆς κορυφῆς, ὡς οὐ μὴ φυλασσομένης παρὰ τινος, ὡς ἄνωθεν εἴρηται». — Καὶ ταῦτα εἰπὼν ὁ πατριάρχης, καὶ τὸν κώδικα τὸν ἴδιον ἐπὶ χεῖρας λαβὼν τῷ βασιλεῖ ἐπέδωκε. Καὶ ἀναγνὼν ταῦτα ὁ βασιλεὺς, καὶ ὑπερθαυμάσας τὸ μέγα φρόνημα τοῦ πατριάρχου, καὶ τὰ πρὸς τοὺς μητροπολίτας παραγγέλματα, ὅπως τε τὴν πίστιν τηρεῖν ἀσφαλῶς, περὶ ἐλεημοσύνης, περὶ θανάτου, περὶ τοῦ τὰ ἄνω φρονεῖν, περὶ ἀναστάσεως, περὶ κολάσεως, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, Σίναιον ὅρος

καπνιζόμενον, καὶ τὸν Θεὸν πρὸς Μωϋσῆν διαλεγόμενον καὶ δάκτυλος Θεοῦ ἐπεσφράγισε τὰ λεγόμενα καὶ γραφόμενα ὑπὸ τοῦ πατριάρχου· «ὁ Θεὸς στήριζον τὴν ἐκκλησίαν σου πιστεύειν εἰς Πατέρα καὶ Υἱὸν καὶ ἅγιον Πνεῦμα, μίαν θεότητα, καὶ τὴν βασιλεύουσιν πόλιν καὶ πάντας τῶν Χριστιανῶν». Καὶ ἐκ πολλῶν ὀλίγα ἐρῶνισάμενοι καὶ συνταξάμενοι· τὸν πατριάρχην τοῦ ἀπελθεῖν ἡμᾶς, ἤτησεν ὁ βασιλεὺς εὐχήν. Καὶ ὁ πατριάρχης ἐπάρων τὰς χεῖρας εὐλόγησε καὶ εἶπε· «τηρήσαι σε Κύριος ὁ Θεὸς καὶ ἐνδυναμῶσαι σε τέκνον, καὶ πολυχρόνιον ποιῆσαι τὸ κράτος σου. Περὶ δὲ τῆς ἐκκλησίας μηδαμῶς φρόντιζε, Δέσποτά μου. Ἐγὼ γὰρ ὑπὲρ ταύτης ἀπολογήσομαι, μὴ μόνον δὲ ὑπὲρ τῆς ἐκκλησίας, ἀλλὰ καὶ εἰς πάντα, ἅπερ ὑπέμνησάς με· περὶ τε ἐπιτιμήσεων καὶ ἐντολῶν ὁ χάρις τῆς διατυπώσεώς μου διδάξει πάντα, ὅτι οὐδὲν ποτε ἔχω κατὰ τινος· καθὼς ὁ ἅγιος [III/1 373] Παῦλος ἐδίδαξεν ἡμῖν τῆς οἰκουμένης σάλπιγξ. ὅτι μὴ ἐπιδυέτω ὁ ἥλιος ἐπὶ τῷ παροργισμῷ ὑμῶν· Καὶ οὐδὲν μὲ ἔκρινε τὸ συνειδὸς μέχρι τὴν σήμερον. Ἀλλὰ καὶ σύ, στρατιώτης ὢν καὶ βασιλεὺς, ἐδήλωσάς μοι διὰ γραφῆς σου, ὅτι ἔδωκεν ὁ Θεὸς ἐντολὴν τῷ προπάτορι ἡμῶν, καὶ οὐδεμίαν ἡμέραν, ὡς γέγραπται, ἀλλ' οὐδὲ τρεῖς ὥρας ἡδυνήθη φυλάξαι. Καὶ γὰρ ἤδειν, ὅτι οὐδὲν φυλάσσει ἀνθρωπίνη φύσις. Καὶ πρὸς Πρῶτον* ἐγράψαμεν, καὶ πολλάκις περὶ τούτων

* Καὶ πρὸς α' ἐγράψαμεν...

εἶπομεν ὅτι φρενολειψία ἐστὶ τὸ ἐπιτιμᾶν ἀνθρώπους».

Ὁ δὲ βασιλεὺς πειράσας καὶ εἰδὼς τὸ ἀκαίρεον τοῦ πατριάρχου, ἵνα μὴ ἐπὶ πολὺ βαρέσῃ αὐτόν, ἐζήτησεν εὐχὴν τοῦ ἀπολυθῆναι ἡμᾶς. Καὶ ἀναβλέψας ὁ πατριάρχης, ἶδε μὲ παρακαθόμενον εἰς τὰς πόδας αὐτοῦ, καὶ λέγει μοι· «Ἀδελφὲ Ἰωάννε, ἐσὺ πολλοὺς χρόνους ἐποίησας ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει εὐρες πῶποτε ἐντολὴν ἐμὴν ὑπογεγραμμένην;» Ἐγὼ δὲ εἶπον· «οὐχί, Δέσποτά μου· ἀλλ’ ἀκούω τινὰς λέγοντας, ὅτι ἐγὼ ἔχω ἐντολὴν ὑπογεγραμμένην τοῦ πατριάρχου».

Καὶ ὁ Πατριάρχης· «ὅσοι προκάλυμμα ἔθηκαν πρὸ ὀφθαλμῶν τῆς ἑαυτῶν βδελυρίας, οὗτοι προφασίζονται προφάσεις τῆς ἑαυτῶν ἀπολείας καὶ ἐτέρων πολλῶν».

Ἀκούσας δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς λέγει πρὸς τὸν Πατριάρχην· «Πάτερ ἅγιε· εἰ μὴ ἐμεσίτευεν ὁ Χορταΐτινος, ἐβουλήθη ῥινοκοπῆσαι ἁγιορείτας, καὶ ἀποστεῖλαι εἰς τὸ ἅγιον ὄρος, καὶ οὐκ ἐποίησα τοῦτο».

Καὶ ὁ Πατριάρχης πρὸς τὸν βασιλέα· «καλῶς ἐποίησας, καὶ ἀπὸ τοῦ νῦν παῦσον τὰς μαιφονίας. Ἀρκεῖ σοι τὰ προλαβόντα, ὦ τέκνον, ἀλλὰ μᾶλλον ἀγάπην καὶ ἐλεημοσύνην κτήσου εἰς τοὺς μοναχοὺς· ὅτι οὐδεὶς ἐν ἀνθρώποις ἔχει τὸ τέλειον. Καὶ εἰ βούλῃ, ἡμᾶς τήρησον τοὺς διδάσκοντας λαόν, ὅτι καὶ ἡμεῖς παραβαίνομεν. Καὶ πῶς; Ἄκουσον. Μέγας ὁ κανὼν τῶν ἁγίων ἀποστόλων ὁ λγ’· «εἴ τις ἐπίσκοπος, ἢ πρεσβύτερος, ἢ διάκονος τὴν ἀγίαν

τεσσαρακοστὴν οὐ νηστεύει, ἢ τετράδῃ καὶ παρασκευῇ οὐ νηστεύει, καθαιρεῖσθω, εἰ δὲ λαϊκὸς ἀφοριζέσθω, εἰ μὴ δι’ ἀσθένειαν καὶ μόνον σωματικὴν». (Καὶ ἐπισφραγίζων ὅσα ἐλάλησεν, ἐβεβαίωσεν οὕτως λέγων· «εἴ τις εὐαγγελίζεται ὑμᾶς, παρ’ ὃ εὐηγγελισάμεθα ὑμῖν, ἀνάθεμα ἔστω, κἂν ἄγγελος ἐξ οὐρανοῦ εὐαγγελίζεται ἡμᾶς». Εἶχε γὰρ τὸν λαλοῦντα ἐν [III/1 374] τῷ στόματι αὐτοῦ). Ἄρα εὐρίσκεται ἄρτι εἰς ἱερεῖς, ἢ βασιλεῖς νηστεία; ὅλοι εἰς τὴν ἀσθένειαν κατέφυγον, καὶ αὐτοὶ οἱ νομοθέται καὶ οἱ ῥήτορες τῶν ἐκκλησιῶν καὶ οὐδαμῶς εὐρίσκεται*, εἰ μὴ που ἔγκλειστος, ἢ ἐρημῆτης, ἀλλὰ καὶ αὐτὸς σπανίως· Ὁ δὲ τὸν ἀγυρτώδῃ λαὸν καὶ ἀπαιδεύτον, ἀπλῶς καὶ ὥς ἔτυχεν, ἐντολιάζων, προσεκτέον, ὥς οὐ φυλάσσεται παρὰ τινος. καὶ ἐπὶ τῆς κορυφῆς αὐτοῦ ἀνατρέχει, εἰ μὴ παραυτικά λύσει αὐτόν».

Καὶ ἀκούσας ταῦτα ὁ βασιλεὺς καὶ ἡμεῖς οἱ ὄντες μετ’ αὐτοῦ, ἠὺχαριστήσαμεν τὸν Θεόν, ὅτι διὰ τὸν βασιλέα ταῦτα πάντα ἠκούσαμεν καὶ ἐμάθομεν. — Καὶ εὐλογήσας ἡμᾶς καὶ ἀσπασάμενος ἀπέλυσεν ἐν εἰρήνῃ. Ὁ δὲ βασιλεὺς καὶ αὐτὸς τὰς χεῖρας ἐπάρας, ἠϋξάτο οὕτως· «ἀξιῶσαι σε ὁ Θεός, πάτερ ἅγιε καὶ οἰκουμενικὲ πατριάρχα, τῆς αὐτοῦ βασιλείας». Καὶ ἀνέπαυσε τὸν πατριάρχην ὁ βασιλεὺς, καὶ ἐξήλθομεν ἅπαντες μετὰ χαρᾶς μεγάλης, ὥς γέγραπται· ὅπου βασιλέως παρουσία καὶ ἡ τάξις εὐδοῦται. — Εἰ γὰρ καθὼς

* νηστεύων?

ἀπεστελλόμενῃ παρὰ τοῦ βασιλέως, ὡς ἄνωθεν εἴρηται, εἰπεῖν τὸν πατριάρχην τὰ καὶ τά, πῶς αὐτὰ ἐδέξατο ὁ πατριάρχης, οὐκ οἶδα, Θεὸς οἶδε. καὶ ἂν τύχη, ἀντὶ εὐλογίας νὰ ἐκερδησάμην κατάραν. Ἀλλ' ὁ Θεὸς οὐκ ἐπαρηχώρησεν, ἀλλ' ἐκομισάμεθα τὰς ἀγίας αὐτοῦ εὐχάς, καὶ ἐξήλθομεν. Καὶ ἐπερχόμενοι ἐκράτησε τῆς χειρός μου ὁ τοῦ βασιλέως υἱὸς καὶ λέγει μοι: «Καρτέρισον μικρόν», καὶ ἐκβαλὼν πιττάκιον, δέδωκε τῷ πατριάρχῃ εἰπὼν ταῦτα: «δέξαι πάτερ ἄγιε, καὶ λύσον ταῦτα, εἰπὼν, ὡς ἐπίστευσα, γεννηθήτω μοί». — Καὶ ὁ πατριάρχης εἶπε: «γεννηθήτω σοί, καθὼς εἶπας· πορεύου ἐν εἰρήνῃ, προσειπὲ δὲ καὶ τὸν πατέρα σου· ὅτι μνήσθητι τῆς ὑπομνήσεως, ἧς ὑπέμνησά σοι, καὶ παῦσαι, ἵνα συγχωρήσῃ ὁ Θεὸς τὰ προλαβόντα σοί. Ἰωάννης διαδέξεται καὶ τὸν πατέρα σου, Ἰωάννης καὶ τὴν ἐμὴν εὐτελείαν». — Ταῦτα φάναι τὸν πατριάρχην καὶ χαρὰς ἐκπληρωσάμενος, καὶ ἀναπτερώσας ἡμᾶς ἀπὸ τῆς αὐτῷ ἐνοικουσης θείας χάριτος, καὶ τὰ θεόπνευστα καὶ ὅσια ῥήματα τοῦ θεοφόρου πατρὸς ἀκούσαντες, χαίροντες τὸν βασιλέα ἐφθάσαμεν, ἔχοντες μέθ' ἡμῶν καὶ τὸν κύρ Συμεὼν τὸν χαρτοφύλακα τοῦ πατριάρχου ἐπιφερόμενον ἕνα ῥῆμα τοῦ πατριάρχου πρὸς τὸν βασιλέα, ὅτι ἐμήνυσε ὁ πατριάρχης: «Δέσποτά μου ἄγιε, μὴ ὑπολάμβανε, ὅτι πλέον ἐμοῦ ἡγάπησας σὺ τὸ ἅγιον ὄρος· οὐ, μὰ τὴν αἰῶνα, ὅπου μέλλω ἀπελθεῖν. ὑπολαμβάνω δέ, ὅτι καὶ διὰ τοῦτο [III/1375] τὸ πλεῖον ἐσκύλθης πρὸς ἡμᾶς. ἀλλὰ πίστευε τὰ

λεχθέντα πρὸς ὑμᾶς. Καὶ χαῖρε, καὶ ἔρῳσω ἐν Κυρίῳ». — Ὁ δὲ βασιλεὺς τὰ ῥήματα τοῦ πατριάρχου ἀσπασάμενος, καὶ τὸν χαρτοφύλακα ἐντίμως καὶ μετὰ πολλῆς δωρεᾶς εἰς τὸν πατριάρχην προέπεμψεν. — Οὕτως ἐφάνησαν ἐκεῖνοι οἱ αἰοδημοὶ καὶ μακαριώτατοι τῇ τιμῇ ἀλλήλους, ὃ τε βασιλεὺς κύρ Ἀλέξιος καὶ ὁ πατριάρχης κύρ Νικόλαος.

XII

Μετὰ δὲ Ἀλέξιον ἐβασίλευσεν ὁ υἱὸς αὐτοῦ Ἰωάννης, καὶ πάλιν οἱ ἐφευρεταὶ τῶν κακῶν ἀνεριπίζοντο, καὶ πάλιν τὴν ἐντολὴν ἐξανανέωσαν, καὶ οὐρανὸν καὶ γῆν καὶ θάλατταν διέτρεχον ὡς δαίμονες. Ὁ δὲ βασιλεὺς Ἰωάννης σύνοδον παρασκευάσας ἐπὶ Λέοντος τοῦ πατριάρχου, καὶ τὸν νομοφύλον τὸν ἴδιον ἐξαποστείλας, καὶ τὴν ἐντολὴν εἰς μέσον ζητήσας, καὶ μηδὲν εὐρόντες. καὶ ἀκούσας ὁ βασιλεὺς, ὅτι ψευδολογίας καὶ ματαιολογίας ἤρξαντο λέγειν οἱ μητροπολίται πρὸς τοὺς ἀγιορείτας, ὅτι ὑδρομίκται εἰσὶν, καὶ ὅτι ἀποδέχονται τοὺς κουρσαρίους, καὶ ὅτι ἀγενεῖους καὶ εὐνούχους εἰσδέχονται, καὶ ἄλλα τινὰ ἀπὸ κοιλίας λαλοῦντες· ἦδει γὰρ ὁ βασιλεὺς, ὅτι οὐδὲν θέλουν εὐρεῖν ὑπογεγραμμένην ἐντολὴν, ὅτι ὁ πατὴρ αὐτοῦ ὁ Ἀλέξιος πολλὰ ἀνίχνευσε καὶ ἐπείρασε τὸν πατριάρχην Νικόλαον μέχρι καὶ τελευταίας ἀναπνοῆς αὐτοῦ, καὶ οὐχ εὔρε. Καὶ σημείωμα ποιήσας ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ βασιλεὺς κύρ Ἰωάννης, ἀντέλεγόν τινες τῶν μητροπολιτῶν, ἀποβλέποντες εἰς δῶρα· καὶ

ὁμως τινὰς τῶν μεγάλων ἐδεξιῶσατο, καὶ οὕτως ὑπέκυψαν, καὶ τοῦτο ὑπέγραψαν. καὶ ὁ βασιλεὺς εὐχαριστήσας τῷ Θεῷ καὶ αὐτὸς ὑπέγραψε, καὶ ἐπέδωκεν αὐτὸ εἰς τὰς χεῖρας τῶν ἀγιορειτῶν μετὰ πολλῆς χαρὰς καὶ εὐφροσύνης, λέγων πρὸς αὐτούς· «ἡμνημονεύετε τὸν πατέρα μου, ὅτι ὑπὲρ πάντας ἀνθρώπους ἠγάπα τὸ ἅγιον ὄρος· ἀλλὰ καὶ μὴ ἐπιλάθεσθε· αὐτοὶ γὰρ ὑμεῖς οἴδατε, ὅσα ἠγωνισάμην, ἵνα ἐλευθέρωθῇ τὸ ἅγιον ὄρος ἀπὸ τῆς ἐντολῆς τῆς τυραννούσης ὑμᾶς». — Ταῦτα εἰπὼν ὁ βασιλεὺς, καὶ ἀναλώματα δοὺς αὐτοῖς εἰς τὴν ὁδὸν αὐτῶν, ἀπέλυσεν ἐν εἰρήνῃ. Ἡμεῖς δὲ εὐχὰς πολλὰς τῷ βασιλεῖ ἀπονήμεντες, ἐξήλθομεν χαίροντες μέχρι τῆς σήμερον εἰς δόξαν Πατρὸς καὶ Υἱοῦ καὶ ἁγίου Πνεύματος, νῦν, καὶ αἰεὶ, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

Ἐγὼ δὲ ὁ μοναχὸς Ἰωάννης ὁ Χορταΐτινος ταῦτα παρακολουθήσας [III/137f] ἀκριβῶς, καὶ ἰδὼν πάντα ἔγραψα εἰς πληροφορίαν πολλῶν καὶ ὠφέλειαν τοῦ εὐχαριστεῖν τῷ Θεῷ καὶ τὴν ὑπεραγίαν Θεοτόκον ἐπὶ τὸν κληρὸν αὐτῆς». †

ΧΙΙΙ

Περὶ τοῦ Ἰωαννικίου
τοῦ Βαλμᾶ.

Οὗτος γέγονεν ἡγούμενος ἐν τῇ Λαύρᾳ τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου, ἀλλὰ καὶ Πρῶτος ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει, καὶ γνώριμος εἰς τὰ βασίλεια τοῦ βασιλέως κῦρ Ἀλεξίου, ὅστις καὶ εἰς τὸν πατριάρχην κῦρ Νικόλαον ἐγνωρίζετο ἀπὸ τὰς

μυστικὰς γραφάς, ἃς ἔδωκε τὸν πατριάρχην κατὰ τοῦ ὄρους περὶ τὰς κακίας τῶν Βλάχων καὶ περὶ τὴν βλάβην τῶν γυναικῶν αὐτῶν καὶ θυγατέρων, καὶ ὅτι καὶ εἰς τὰ ζῶα ἁμαρτάνουσιν, καὶ ἄλλα τινα ἐφευρέσεως τῆς κακίας τῶν δαιμόνων. εἶχε δὲ καὶ τινας μετ' αὐτοῦ εἰς βεβαίωσιν τῶν λεγομένων παρ' αὐτοῦ. Καὶ οὗτος γέγονεν ἡ ἀρχὴ καὶ ἡ ῥίζα τῶν κακῶν ἀπάντων τῶν ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει. Οὗτος ἀκούσας περὶ τὸν θάνατον τοῦ πατριάρχου, ἦλθε καὶ ἐξομολογήσατο, ὅτι «ἐγώ, Δέσποτά μου, ἔγραψα ὡς ἐκ προσώπου σου τὴν ἐντολήν, καὶ τὸ οἰκεία χειρὶ ὑπέγραψα, ὡς νομίζων οἰκονομίαν τινὰ ποιεῖν εἰς τὸν ἅγιον τόπον ἐκείνον· καὶ ἡμαρτον εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἐνώπιόν σου».

Καὶ ὁ Πατριάρχης· «εἰ μὲν ἀπαλείψεις αὐτὸ ἀπὸ τῆς βίβλου, ἧς ἔγραψες, ἀπαλείψει Κύριος ὁ Θεὸς καὶ τὰς ἁμαρτίας σου, ἃς ἔπραξας ἀπὸ νεότητός σου μέχρι καὶ τελευταίας ἀναπνοῆς σου. Καὶ ὁ λέγω ὑμῖν, πάντας λέγω· Ὅσοι τοῦτο ἔγραψαν λόγου οἰκονομίας, ἀπαλείψωσι αὐτό, καὶ ἔχωσιν εὐλογίαν ἀπὸ τοῦ Θεοῦ, καὶ συγχώρησιν ἀπ' ἐμοῦ τοῦ ἁμαρτωλοῦ. εἰ δὲ μή, ὅσα γράφουσιν ἐκεῖ ἐπιτίμια, ἐπὶ τῆς κορυφῆς αὐτῶν ἔστωσαν· ὅστις ἀπὸ κενοδοξίας εἰς τοῦτο τετύφλωται, τυφλὸς ἐστὶ μυωπάζων, ὧν τὸ τέλος αὐτῶν ἀπώλεια».

Καὶ ὁ μοναχὸς Ἰωαννίκιος· «Δέσποτά μου· ἀλλὰ τὰ παιδία ἐπλεόνασαν εἰς τὸ ἅγιον ὄρος, καὶ οὐκ ἔχουσιν φόβον Θεοῦ».

Καὶ ὁ Πατριάρχης· «Καὶ εὐρὲς ποτε νόμον χριστιανικὸν κωλύοντα τὰ παῖδιά; Σὺ δὲ καὶ ἐγὼ οὐκ ἀπήλθομεν ἀγένειοι ἐν τῷ μοναστηρίῳ; Οἱ δὲ ἅγιοι καὶ ἀρχηγοὶ τῶν πατέρων· Εὐθυμίου, Σάββα καὶ τῶν σὺν αὐτοῖς ἀπάντων, τίς ἐξιχνιάσει; Καὶ ὁ μὲν ἅγιος Σάββας ἑπτὰ χρονῶν εἰσῆλθεν ἐν τῷ κλιβάνῳ, καὶ ἐξήνεγκεν τὰ ἱμάτια τοῦ ἀδελφοῦ ἀπὸ τοῦ φούρνου; Καὶ ὅμως οἰκονομοῦντο ὑπὸ τῶν ἡγεμονευόντων αὐτῶν. Καὶ οὐδεὶς ἐγκαλέσει [III/1371] κατὰ παῖδια, ἀκούων τὰ τῆς θεολέκτου φωνῆς λεγούσης· ἄφετε τὰ παῖδια ἔρχεσθαι πρὸς με. τῶν γὰρ τοιούτων ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν. Ἡμεῖς δὲ τί ἔχομεν λέγειν, ἢ ἀντιλέγειν; Εἰ γὰρ ἀντιλογία Θεὸν ἐλύπησεν· εὐρέθημεν καὶ ἡμεῖς, ὅτι Θεὸν λυποῦμεν, ταῦτα λέγοντες, καὶ κατακρίνοντες ἄλλους. Εἰ γὰρ ἐγίνωσκον ὅτι πάντες οἱ ἀρχαῖοι πατέρες παῖδια εἶχον καὶ ἐπαίδευον αὐτά, κατὰ τὸν μέγαν Παχώμιον, ὃς εἶχε 300 παῖδια εἰς τὸ ἔξω μοναστήριον, καὶ δίκην φωστήρος ἐξέλαμψε τῇ οἰκουμένῃ. Καὶ οὕτως ἐμάθομεν, καὶ οὕτως ἀναγινώσκομεν. Οἱ δὲ θέλοντες προφασίζεσθαι προφάσεις ἐν ἀμαρτίαις, καὶ ποτίζειν ἑαυτοὺς καὶ τὸν πλησίον ἀνατροπὴν θολεράν, οὐδεὶς λόγος πρὸς αὐτούς. Τὴν ὁδὸν αὐτῶν πορευθῆτωσαν. Σὺ δὲ ἄπελθε, ζύσον ἐκεῖνα, καὶ ἀπάλειψαν, καὶ ὁ Θεὸς συγχωρήσει σοί. Ἀλλὰ καὶ ὅσοι ἔχωσιν τὴν ψευδῶνυμον ἐπιγραφὴν μου, οὕτως ποιήσωσι. Καὶ εὐχομαι, ἵνα δακτύλω Θεοῦ γραφήσεται τὸ ὄνομα ὑμῶν ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν».

XIV

В одной рукописной книжке, обретающейся в Иверском монастыре, переписка царя Алексия с Патриархом Николаем и несколько писем и узаконений его размещены в следующем порядке:

1) Αναφορὰ τῶν ἀγιορειτῶν πρὸς Ἀλέξιον.

2) Πιττάκιον Ἀλεξίου πρὸς Νικόλαον.

3) Πιττάκιον Πατριάρχου πρὸς Ἀλέξιον.

4) Θέσπισμα Ἀλεξίου περὶ ἐλευθερίας τοῦ ὄρους.

5) Πιττάκιον αὐτοῦ πρὸς τοὺς ἀγιορείτας («ὕμεις ἔστε τὸ φῶς...»).

6) Πιττάκιον αὐτοῦ περὶ τῆς ἐπιθέσεως τῶν Σαρακινῶν.

7) Λύσις αὐτοῦ πρὸς τὸν Γαβριήλ.

В конце сей последней статьи приписано:

Εἶχε τὸ πρωτότυπον ἀντίγραμμον καὶ τὰς ὑπογραφὰς ταύτας, οὕτω κατὰ λέξιν ἐχούσας· «Τὰ παρόντα ἴσα τοῖς πρώτοις τύποις ἀντιβαλὼν καὶ ἰσάζοντα εὐρὼν ὑπέγραψα, ὁ ταπεινὸς καὶ ἐλάχιστος ἐπίσκοπος Ἱερισσοῦ Βασίλειος». Εἶχε καὶ ἔξωθεν ἐν τῇ συμπήξει τῶν κολλῶν· μηνὶ Ὀκτωβρίῳ ἰνδικτ. ιδ'. — Ὁ κριτὴς τοῦ βήλου καὶ ἐπὶ τοῦ ἵπποδρομίου Λέων ὁ Μοναστηριώτης [III/1371] τὰ παρόντα ἑπτὰ ἴσα τοῖς ἐμφανισθεῖσι πρωτοτύποις ἀντιβαλὼν ὑπέγραψα. — Ὁ κριτὴς τοῦ βήλου καὶ ἐπὶ τοῦ ἵπποδρομίου Βασίλειος ὁ Λιπαρίτης τὰ παρόντα ἑπτὰ ἴσα τοῖς ἐμφανισθεῖσι πρωτοτύποις ἀντιβαλὼν

ὑπέγραψα. — Ὁ κριτὴς τοῦ βήλου καὶ ἐπὶ τοῦ ἵπποδρομίου Κωνσταντῖνος Καισαρίτης κ. τ. λ.

Ταῦτα μετεγράφησαν ἐν τῷ τετραδίῳ τούτῳ ἐκ τοῦ μεμβράνου χαρτίου τῶν Καρυῶν ὅπερ εἶχε καὶ τὴν παροῦσαν ὑπογραφὴν· Τὰ παρόντα ἴσα ἀπὸ τῶν πρωτοτύπων ἴσων διὰ δευτέρας φορᾶς μεταγραφέντα ἀντιβληθέντα τε καὶ κατὰ πάντα ἴσα τοῖς πρωτοτύποις εὐρεθέντα ὑπεγράφησαν παρ' ἐμοῦ. Ὁ ταπεινὸς ἐπίσκοπος Ἱερисσοῦ Γρηγόριος.

№ 79.

Χρυσόβουλλος γραφὴ Ἀλεξίου βασιλέως 6592 ἔτους в архиве Афонской Лавры Афанасия. [Издание: Actes de Lavra. T. I. Paris, 1970. № 46. — П.К.]

№ 80.

Ὑπόμνημα τοῦ Πρώτου Παύλου в *Οправданиях* моей истории монастыря Ксенофоновского. [Сочинение не опубликовано. Издание акта: Actes de Xénophon. Paris, 1986. № 1. P. 71. — П.К.]

№ 81.

Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιστολῶν Ἀλεξίου βασιλέως καὶ πατριάρχου Νικολάου. Τμῆμα Χ.

№ 82.

Ibidem. Τμ. III. [III/1 379]

№ 83.

Разумеется Диήγησις μερικὴ...

№ 84.

Ibidem. Τμ. II.

№ 85.

Ibidem. Τμ. II.

№ 86.

Ibidem. Τμ. XIII.

№ 87.

Ibidem. Τμ. II.

№ 88.

Ibidem. Τμ. II.

№ 89.

Ibidem. Τμ. XIII.

№ 90.

Ibidem. Τμῆμα I. [III/1 380]

№ 91.

Ibidem. Τμ. II.

№ 92.

Ibidem. Τμ. IV.

№ 93.

Ibidem. Τμ. IX.

№ 94.

Ibidem. Τμ. V, VII.

№ 95.

Ibidem. Τμ. VIII.

№ 96.

Ibidem. Τμ. XIII.

№ 97.

Ibidem. Τμ. XI.

№ 98.

Ibidem. Τμ. XII. [III/1 381]

№ 99. 1177 года.

Αἵτησις ἐλλογίμου τινὸς ἀσκητικοῦ μοναχοῦ πρὸς τὸν πατριάρχην Χαρίτων^{*} τὸν μετὰ τὸν Νικόλαον πατριαρχεύσαντα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τῆς βασιλείας Ἀλεξίου.

* «Χαρίτων μοναχὸς ἐκ τῆς μονῆς τῶν Μαγγάνων ἐπατριαρχευσεν ἔτος ἐν (1177) καὶ μῆνας δύο». Κατάλογος ἱστορικὸς τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει πατριαρχῶν. 1837. — *Прим. П.К.*: Харитон патриаршествовал в 1178–1179 гг. Этим временем датируется и данная переписка. См. новое изд.: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 10.

Ὁ πατριάρχης Νικόλαος κοινῶς ἀφώρισε πάντας τοὺς ἀγιορεῖτας, ὡς παραβάτας τῶν τύπων, καὶ παρὰ τὴν ἄδειαν τούτων δεξαμένους εὐνούχους καὶ ἀγενεῖους εἰς τὸ ὄρος. καὶ οἱ μὲν παραβάται τῶν τύπων, ὡς φαίνεται ἐκ τῆς αἰτήσεως, ἔμενον παραβαίνοντες καὶ ἀδιαφοροῦντες εἰς τὰ ἐπιτίμια καὶ τῶν τύπων καὶ τοῦ Πατριάρχου. Πολλοὶ δὲ εὐσυνειδήτοι ἀνεχώρησαν τοῦ ὄρους, τὸ ἐπιτίμιον φοβούμενοι. Ἀνεχώρησε καὶ ὁ εὐλαβὴς οὗτος ἀσκητής, καὶ μεμνημένος τῆς ἐν τῷ ὄρει ἀσκητικῆς αὐτοῦ καὶ ἡσύχου διαγωγῆς γράφει πρὸς τὸν πατριάρχην Χαρίτωνα ταῦτα αὐταῖς λέξεσιν, ὡς κάτωθεν σημειοῦνται.

«Ταῦτα ὁ εὐτελὴς μοναχὸς καὶ εὐχέτης τῆς μεγάλης ἀγιοσύνης σου δέομαι, ἅγιέ μου Δέσποτα· τοῦ ἀγίου ὄρους ψυχοφελοῦς ὄντος τόπου, καὶ μοναχοῖς συντελοῦντος πρὸς σωτηρίαν τὰ μέγιστα, διὰ τε τὴν ἄλλην χάριν, καὶ τὸ τῶν κοσμικῶν συγχύσεων ὑπερόριον, ἢ τῶν ἐπιτιμιῶν ὑπόθεσις λίθος ἐτέθη προσκόμματος καὶ πέτρα σκανδάλου οὐ μόνον τοῖς παραθραύουσι τὰ ἐπιτεταγμένα πρὸς φυλακὴν τοῖς ἀγιορεῖταις φυλάττειν, ἀλλὰ καὶ αὐτοῖς τοῖς φυλάττουσι ταῦτα

.....

ἐπιτιμίαις, ὡς λέγεται τοὺς ταῦτα φυλάττοντας μὴ συγκοινωνεῖν τοὺς ἐκεῖ διατρίβοντας. Καὶ τὸ τοῖς πάσχουσιν ἐπινοηθὲν ἀλεξικάκον φάρμακον, τοῖς ὑγιαίνουνσι γίνεται δηλητήριον· δι' ἀμηχανίαν τῆς τοῦ κοινοῦ διορθώσεως σωτηριώδους ὄρους πρὸς κοσμικότερους

τόπους μεταναστεύουσι, μήποτε καθ' ἑαυτοὺς ἀνεύθυνοι ὄντες ὅσον τὸ ἐπὶ τούτοις, ἀλλοτρίων πταισμάτων τι σουσιδίκα, κατὰ τὴν τῶν ἐπιτιμιῶν περίληψιν. Δι' ἣν αἰτίαν καὶ αὐτὸς ἄκων [III/1 382] τοῦ ὄρους ἀνεχώρησα, φοβηθεὶς φόβον, ὅπου οὐκ ἔστι φόβος, καὶ τοῦ φόβου τὴν πείραν σκεψάμενος προφυλάξασθαι, μήποτε συμβῇ καί μοι τὸ τοῦ Αὐσίτου Ἰώβ καὶ παθεῖν καὶ εἰπεῖν· φόβος, ὃν ἐφρόντισα, ἤλθέ μοι, καὶ ὃν ἐδεδοίkein συνήνησέ μοι. Ἦδη δὲ τῆς ζημίας αἰσθόμενος καὶ ὠδίνων μὲν τὴν ὑποστροφὴν, ὑφορόμενος δὲ τὴν ἐντολήν, προσπίπτων τῇ μεγάλῃ ἀγιοσύνῃ σου δέομαι, τοῦ τῆς συγκοινωνίας ἡμᾶς ἐγκλήματος ἀνιέναι διὰ προσκυνητῆς ἐγγράφου λύσεως, καὶ μόνοις ὠρίσαι τοῖς καθ' ἡμᾶς αὐτοὺς ἐνέχεσθαι κρίμασιν, ὅσον τὸ ἐπὶ τῇ κειμένῃ τοῖς ἀγιορεῖταις ἐντολῇ, καὶ μὴ τοῖς ἄλλων ἡμᾶς εὐθύνεσθαι κρίμασι διὰ μόνην συμμετουσίαν τροφῆς καὶ συνάξεων καὶ ὁμιλίας, ἃ τῶν ἀδυνάτων ἐστὶ φυλάξασθαι διὰ τὴν ἐν τοῖς ἀναγκαίοις ἀλληλουχίαν, καὶ τῶν χρεωδῶν ἀλλήλοις μετάδοσιν. Ὡς οὖν Χριστοῦ μαθητῆς καὶ μιμητῆς τοῦ ἀποδοῦναι ἐκάστω αὐτοῦ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ λῦσον τοὺς ἀνευθύνους, ὅσον τὸ ἐπ' αὐτοῖς, τῆς ἐφ' ἑτέρων εὐθύνῃς πταισμάσι καὶ ἐν καθαρᾷ συνειδήσει τὸ σωτήριον ὄρος δίδου κατοικεῖν τοὺς ἐπιποθοῦντας μὲν τὰς ἐκεῖσε διατριβάς, ἀποχωροῦν τὰς δὲ τὸ ὑφορᾶσθαι τὴν ἐπ' ἀλλοτρίαις ἀμαρτίαις κατάκρισιν. Τούτου γὰρ γενομένου, καὶ τῆς αἰτήσεως ἡμῶν ἀνυθείσης, τῇ ἐν σοὶ τοῦ πνεύματος χάριτι, οὐ παυσόμεθα

διὰ βίου τῆς μεγάλης ἀγίωσύνης σου ὑπερευχόμενοι, τραῦμα θεραπευθέντες ψυχῆς καὶ πληγὴν συνειδήσεως, ὡς εὐχεται τολμήσαντες ἐδεήθημεν».

Ταῦτα ἐν τῷ σιγιλίῳ κεῖνται ἐκ τοῦ ἐνὸς μέρους τῆς μεμβράδος, ἐκ δὲ τοῦ ἑτέρου ἢ λύσις τοῦ αἰοιδίου πατριάρχου Χαρίτωνος.

Λύσις τοῦ ἀγιοτάτου πατριάρχου
κῦρ Χαρίτωνος ἐξ ὑπομνήσεως
ἀδελφοῦ τινος.

«Ἡ μετριότης ἡμῶν τῆς σῆς ὑπομνήσεως ἐπακούσασα, καὶ δικαίαν τὴν λύσιν τῆς αἰτήσεως κρίναςα, διὰ τῆς δοθείσης ἡμῖν τοῦ παναγίου πνεύματος χάριτος, τοὺς τε ἐν κοινωβίοις, τοὺς τε καθ' ἡσυχίας τὰ μετ' ἐπιτιμιῶν ἐντεταλμένα τοῖς ἀγιορεῖταις φυλάττειν, τοῦ τῆς συγκοινωνίας τῶν παραθραβόντων ταῦτα, ἀνακουφίζει βάρους καὶ ἄθωεῖ, παριστῶσα τὸ τῆς παραβάσεως ἔγκλημα τὸ λοιπὸν εἰς μόνους τοὺς παραβαίνοντας, εἰ καὶ ὁ μακαρίτης ἐκεῖνος καὶ ἀγιώτατος πατριάρχης κῦρ Νικόλαος, ἐφ' οἷς ἐπεμνήσθη κεφαλαίοις ψυχοβλαβέσι* ἀφόρισμον ἐπιθεῖς προμηθέστερόν τι δῆθεν [III/1383] οἰκονόμων, τοῖς ὑπευθύνοις καὶ τοῖς ἀνευθύνοις συγκατεδίδχασε μόνον συγκοινωνίας αἰτιάματι. καὶ γὰρ ἔμεινεν ἂν ὁ κοινὸς ἀφορισμὸς ἀμετάθετος, εἴπερ ὁ σκοπὸς τοῦ κοινοῦ ἐπιτιμίου εὐδοοῦτο; Ἐπεὶ δὲ ὁ ἀθετῶν ἀθετεῖ, προσέτι καὶ ἐλεγχόμενος ὑπὸ

τῶν φυλαττόντων τὰ ἐπιτάγματα, πρὸς ὃ καὶ τὸ τῆς συγκοινωνίας ἐπέβλεπεν ἐπιτίμιον, ἀδικοῦντο ἂν οἱ πταισμάτων ἁλλοτρίων δίκην ὑφεστόντες, καὶ μετὰ τὸ ἐλέγξαι τοὺς πέλας ἐφ' ἁμαρτήμασιν ὃ δὴ μόνον καὶ ἡ γραφὴ βούλεται· «Ἐλεγχμῶ γάρ, φησί, ἐλέγξης τὸν ἀδελφόν σου, καὶ οὐ λείψῃ ἐπ' αὐτῷ ἁμαρτία». καὶ ἄλλως γὰρ ἐπεὶ τοῖς πολλοῖς πρόφασις γίνεται τῆς τοῦ ὄρους ἀναχωρήσεως διὰ μόνην συγκοινωνίαν τῶν ὑπαιτίων τὸ ἔγκλημα, προμηθέστερόν τι ποιούμενοι, ἐλευθέρους εἶναι διοριζόμεθα τοῦ τῆς συγκοινωνίας ἐγκλήματος τοὺς ἀναιτίους καθ' ἑαυτούς, τοῦτο μὲν ὀφείλοντας, τὰ πρῶτα μὲν αὐτοὺς ὑπομῆσαι τοὺς ποιῶντας τὰς παραβάσεις, καὶ πρὸς πατρικῶν ἐντολῶν συνελάσαι ἀδελφικαῖς παραινήσεσιν, καὶ διορθώσει κερδᾶναι τοὺς ἀδελφούς, εἰ δὲ τοῖς αὐτοῖς ἐπιμένουσιν, ἀναφέρειν τὸ ἔγκλημα τοῦ λοιποῦ τῷ τοῦ ὄρους Πρωτεύοντι. Ἐκτοτε δὲ ἐκεῖνῳ μελήσει τῆς τοῦ πταίσματος διορθώσεως ὡς δίκην ὑφέξ... τῶν ἐκεῖ γινομένων ὀφείλοντι. Εἰ δ' ὅπερ ἀπευχόμεθα, αὐτὸς αὐτοὶ μὲν ἁθῶι ἐσονται, ἐκεῖνος δὲ τῷ τῆς ἀμελείας ἐγκλήματι ὑπεύθυνος λογισθήσεται. †

Χαρίτων ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως, νέας Πώμης, καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης».

№ 100.

Διήγησις μερικὴ... Τμῆμα XIV.

* Ταῦτα δὲ εἰσιν τὰ ψυχοβλαβῆ κεφάλαια τοῦ τυπικοῦ· οἱ εὐνοῦχοι, οἱ ἀγένειοι, καὶ τὰ ζῶα.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Издание Императорской Академии наук под редакцией П. А. Сырку.
Санкт-Петербург, 1892.

Gens aeterna, in qua nemo nascitur.
Plinius.

•[III/2 XI]• Императорская Академия наук в общем собрании 5 апреля 1891 г. постановила приступить к выполнению воли еп. Порфирия относительно его сочинений, т. е. начать постепенное печатание и издание в свет сочинений покойного иерарха, пожертвовавшего Академии все свои бумаги и на издание их оставившего в распоряжение Академии 24 тысячи рублей*. Для этой цели Академия учредила комиссию из трех своих членов: А. Ф. Бычкова, А. А. Куника и В. Г. Васильевского, которые потом пригласили к участию в деле издания академика П. В. Никитина. Комиссия, имея в виду порядок, установленный самим автором в своем завещании для сочинений, которые предназначены им к печатанию, остановилась прежде всего на окончании «Истории Афона», первые два тома и первое отделение третьего тома которой изданы были еп. Порфирием в Киеве в 1877 г., тем более что издание в свет этого сочинения имелось в виду еще раньше**. Редакцию издания комиссия возложила на меня, а наблюдение над изданием

принял на себя акад. В. Г. Васильевский для русской и, по приглашению комиссии, П. В. Никитин для греческой части.

Относительно текста этой части «Истории Афона» комиссия решила напечатать его в том виде, в каком оставил его сам •[III/2 XIII]• автор, а при печатании иметь в виду те приемы, какие установил еп. Порфирий в напечатанных уже им частях этого сочинения, чтобы таким образом не нарушить однообразия и единства с прежде изданными частями «Истории». Вместе с тем комиссия постановила, что «следует печатать все документы, заключающиеся в оправдательных статьях (т. е. в приложении), не исключая и тех, которые уже были ранее изданы другими»; при этом «те из документов, которые заимствованы самим преосвящ. Порфирием из печатных изданий, следует проверить по этим последним; а те из них, которые, хотя и были ранее издаваемы, но приведены преосвящ. Порфирием по новым спискам», решено было «издавать по тексту преосвящ. Порфирия». Сверх того имелось в виду, чтобы «греческие тексты» оправдательных статей, а также и негреческие, уже изданные раньше, были проверяемы «по подлинникам», если, конечно, последние ока-

* Об этом см. в моем «Описании бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию Наук по завещанию» (СПб., 1891. С. III–IV).

** См. там же. С. XV.

зывались доступными при сем издании «Истории Афона». Что же касается «правописания» греческих текстов, то решено было «употреблять общепринятое греческое»; но если тот или иной «акт последовательно представляет» в правописании «имеющие характерическое значение неправильности, то удерживать правописание подлинника». Наконец, комиссия решила допустить «краткие примечания исторического, орфографического и историко-литературного содержания» в нужных случаях, но всякий раз «с отметкой о принадлежности их редактору».

«История Афона» составлена на основании рукописных и отчасти печатных материалов, собранных еп. Порфирием на Афоне главным образом, затем в Фессалийских монастырях и наконец в разных местах Азии и Африки, и в особенности в последней — на Синае и в Каире. Это можно сказать об издаваемой теперь части по преимуществу. Иногда наш автор пользовался при составлении своей «Истории» и материалами отечественными, но таких сравнительно немного. Под материалами •[III/2 XIII]• в данном случае я разумею как первоисточники, так и пособия. Как отнесся еп. Порфирий к большей частью впервые собранному им материалу — это дело критики. Но нельзя не высказать, что такой огромный труд нашего усердного исследователя православного Востока, как его «История Афона», потребовавший и много труда, и громадных сил, и огромных издержек, и беспример-

ного самоотвержения, представляет огромную массу большею частью совершенно новых данных, нередко впервые найденных или открытых еп. Порфирием и частью им самим обнаруженных, не только об Афоне, этой монашеской республике, всегда имевшей и имеющей еще и ныне большое значение на православном Востоке и отчасти на Западе православном, но также и о Византии, православном славянстве, дальнем православном Востоке и отчасти Южной Италии.

Напечатанная ныне часть «Истории Афона» впервые издается в свет. Между тем как вышедшие в 1877 г. части «Истории» есть только второе ее издание, сделанное в Киеве в 1877 г., исправленное и дополненное и с прибавлением «Оправданий», которых не было при первом издании, вышедшем тоже в Киеве в 1871 г. сперва в Трудах Киевской Духовной Академии, а потом и отдельными оттисками*, текст издаваемой ныне части почти весь целиком написан впервые, сперва начерно в виде отдельной книги (ША23а или № 103), а потом набело также в отдельной книге (ША23 или № 102).

Последняя книга включает в себе 454 л. большею частью листового формата; она состоит из 2-х частей, которые различаются и самим автором «Истории Афона» в его духовном завещании: 1) из белого списка собственно «Истории Афона» и 2) приложений,

* Подробно об этом см. в моем «Описании», (С. 276–280, 405).

которые еп. Порфирий обыкновенно называет «Оправданиями истории Афона». На основании завещания комиссия решила выпустить в свет издаваемую ныне часть «Истории» Св. Горы в 2-х книгах, сохранив, однако, общую пагинацию. •[III/2 XIV]•

Прежде всего я останавлиюсь на первой из этих частей, состоящей из 823 листов, все листового формата; о второй будет сказано ниже.

Беловой список «Истории» весь от начала до конца написан или, вернее, переписан рукою еп. Порфирия, и притом довольно аккуратно, и затем пересмотрен автором, кое-где исправлен и дополнен немногими примечаниями; также самим автором пронумерованы и все листы списка. На лицевой стороне первого листа выставлено заглавие: «История Афона. Часть III. Отделение второе», а на оборотной девиз. Автор, таким образом, окончательно приготовил эту часть своей «Истории Афона» к печати, что и отмечено им карандашом в верхнем углу лицевой стороны 1-го листа: «Не печатано. Печатай». Но указанное сейчас число листов списка содержит не весь приведенный ниже текст «Истории»: часть его представлена в 3-х печатных статьях или тетрадях в виде отдельных оттисков из журнала «Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения»*, которые должны следовать непосредственно за л. 263; в конце лицевой стороны этого листа написаны только заглавие и началь-

ные слова § 113-го и затем отмечено: «смотри печатное»; а это печатное и есть самый § 113-й; за ним следуют в таком же печатном виде §§ 114-й, который в оттиске озаглавлен «Афонские книжники», и 115-й. Впрочем рукопись § 114-го сохранилась, но с явными признаками, что она была в руках наборщика. В конце первых двух параграфов или печатных статей написаны карандашом заглавия и начальные слова последующих параграфов. В тексте оттисков еп. Порфирий сделал только немногие мелкие исправления и изменил цифры, указывающие №№ приложений. Относительно времени переписки этой части «Истории Афона» можно сказать следующее. В конце 3-го печатного оттиска отмечено: «Москва. 29 июня 1882 г. В Новоспасском монастыре», что приведено мной ниже (С. 607). Эта отметка перешла сюда, несомненно, из •[III/2 XVI]• белового списка, послужившего оригиналом для § 115-го, а в этот список — из чернового, в конце которого она действительно и находится. Так как § 115-й, представляющий 3-ю печатную статью, помещен в названном выше журнале уже в половине 1883 г. (начиная с книжки 9-й), то из этого ясно, что беловой список приготовлен немного спустя после чернового. К этому можно прибавить, что и почерк в обоих списках почти совершенно одинаковый — старческий, что особенно замечается в беловом списке и в тех частях чернового, в которых видны исправления и дополнения.

* См. об этом там же. (С. 251 и 408).

Приводимый ниже текст «Истории» напечатан без всяких изменений в том виде, в каком он является в беловом списке ее и в 3-х указанных оттисках или печатных тетрадах.

Что же касается чернового списка, то он во многом отличается от белового. Прежде всего, он весь почти написан карандашом, за весьма небольшими исключениями, на довольно толстой бумаге в лист меньше обыкновенного листа писчей бумаги, с 3-мя листами в начале и 4-мя в конце книги большего формата и множеством вставных листов разных размеров, начиная с малого и кончая четвертушечным. Кроме того, в этой книге есть семь листов, взятых из печатных изданий: 2 в начале, между 5-м и 6-м, и 5 в середине, между 206-м и 207-м листами, и наконец, есть еще вырезка из *Journal des Débats*, 21 января 1867 г. Всех листов, таким образом, 759, из которых пронумерованы только написанные карандашом, хотя не все и не по порядку. В черновом списке заключается только «История Афона» без оправданий или приложений. Он начинается 2-мя листками малого формата; на лицевой стороне 1-го из них, в левом его углу, записано: «§ 61. Разложение греч. Царства», а на обычном месте помещено заглавие книги: «История Афона. Часть III. Отделение второе (с XI века по 1861 год века XIX)», далее следует девиз книги: «Gens aeterna...». Но не все листы книги относятся собственно к тексту «Истории». Так, в начале •[III/2 XVI]• книги, между лл. 5-м и 6-м, помещена печат-

ная статья нашего автора «Взгляд на плавание наших торговых пароходов к берегам Афона» на 2-х листах, вырванных из № 77 «Листка Русского Общества Пароходства и Торговли» 1860 г., не вошедших в число других листов, а помеченных цифрами 377 и 378, указывающими, что листы должны находиться в конце книги, вслед за вставочным, после л. 376-го, листом, где отмечено: «(смотри печатное)», именно в одной из тех частей черновой, которые, как будет видно ниже, в белой список не вошли. Затем в конце книги, по окончании текста «Истории», на 3-х листках и одной вырезке из печатного издания, находится три заметки:

а) последние слова, написанные рукою еп. Порфирия, какого-то французского рассуждения о *premier époque de la conquête et de l'établissement de Francs*, с пометкою: «1847. Август, 25. С.-Петербург»; б) следующая довольно интересная греческая заметка о побратимстве, сделанная, по-видимому, рукою нашего автора; в ней говорится, что в Константинополе и ныне существует обычай, что в честь некоторых святых совершаются братания (побратимства), т. е. некоторые из прихожан дают обет праздновать и почитать такого-то святого и от этого они называют друг друга крестовыми братьями или попросту названными братьями. Текст этой заметки читается так: «Εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν καὶ νῦν ὑπάρχει συνήθεια· εἰς τιμὴν τινῶν ἁγίων γίνονται ἀδελφάτα, δηλαδὴ τινες τῶν ἐνοριτῶν

συνδέονται ἐπὶ συνθήκη νὰ τιμοῦν τὴν ἑορτὴν καὶ νὰ εὐπρεπίζουσιν τὸν (δεῖνα) ἅγιον, καὶ ὡς ἐκ τούτου ὀνομάζονται ἀναμεταξὺ τῶν σταυραδελφοὶ ἢ ἀδελφοποιητοὶ ἀπλῶς». «29 августа 1847 года» (дата рукою еп. Порфирия);

в) Выметка из *Journal des Débats*, 17 апреля 1858 г.: «Application de la photographie à la reproduction des manuscrits à mont Athos par M. Sevastianoff»;

г) «Остров Лимнос» — заметка на русском языке, написанная не еп. Порфирием и взятая, несомненно, из какого-нибудь периодического издания: здесь говорится о добывании «священной персти» у подошвы горы Мосихлона, подле гор •[III/2 XVIII]• Ифестии, которая персть добывается и по нынешнее время при установленном священнослужении; наконец,

д) библиографическая заметка из *Journ. des Débats* 1867 г., 21 января, об издании «Географии Страбона» Амадеем Тардьё и о фотолиотографированном издании Ф. Дидо «Географии Птолемея» по афонско-ватопедскому списку.

Весь остальной текст книги представляет «Историю Афона», хотя не в таком виде, как в чистовом списке: в последнем не воспроизведена некоторая часть текста чернового списка. Сходство текстов «Истории» в обоих списках, т. е. в черновом и беловом, почти до буквальности соблюдается до конца § 112-го (см. ниже, с. 405); встречающиеся по местам разности заключаются в замене какого-нибудь слова дру-

гим или какой-либо фразы другою, в добавлении или убавлении отдельных слов и целых, но мелких подстрочных примечаний в беловом. Кроме этого в чистовом списке (С. 486; ср. ниже, с. 379) не приведена следующая надпись из Филофеевского монастыря:

«† Κατὰ τὸ ζμῆ' ἔτος ἀνεκαινίσθη τὸ παρὸν ἱερὸν κτήριον τῆς σεβασμίας καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ Φιλοθέου τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς κεκλημένης Εὐαγγελίστρια παρὰ τοῦ εὐσεβεστάτου Λέοντος βασιλέως τοῦ Καχετίου τῆς Ἰβερίας καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Ἀλεξάνδρου εἰς ψυχικὴν αὐτῶν σωτηρίαν». То есть: «В 7048 году возобновлено сие священное здание досточтимой царской обители Филофея, чествуемой во имя Пресвятой Богородицы, называемой Евангелистрия, благочестивейшими царями Кахетии в Иверии, Львом и сыном его Александром, ради спасения душ их» (л. 183).

Зато, начиная с § 113-го, черновой список представляет довольно значительную разницу в сравнении с беловым. В самом § 113-м перед его заключением находится длинное рассуждение о «просопографической достоверности иконописания, какая только возможна» (лл. 427–524), которого нет в беловом списке; во многих местах этого рассуждения в тексте сделаны грубо наведенные кружки и четвероугольники, означающие, что на их местах должны быть рисунки, местами в таких кружках отмечено карандашом «рисунок» •[III/2 XVIII]• или что-либо подобное, а к некоторым листам рассуждения

приклеены изображения малого формата Спасителя, Богородицы, ангелов, апостолов и других святых, сделанные от руки на прозрачной бумаге. В этом же параграфе начинаются различные цифровые указания Оправданий, или приложений, в обоих списках: в черновом их больше — 106, а в беловом меньше — 97; одинаковые указания идут до 81 включительно. Таким образом, указания под №№ 82–86 находятся в не внесенной в беловой список части § 113. Следует заметить еще, что указание на № 81 оправдания или приложения в § 114 является два раза (на страницах 2 и 5), что заставило меня удержать его и в нынешнем издании (см. ниже, с. 407 и 409), хотя в Оправданиях под № 81 помещено письмо Критулу к Магомету II, следовательно, относится совсем не к иконописанию, да и в списке Оправданий, сохранившемся между черновыми листами, о котором будет речь ниже, нет ни одного приложения, которое относилось бы к иконописанию афонскому или вообще.

Содержание § 115-го в черновой гораздо богаче и обширнее, чем в печатном издании, в котором заключается только то, что в черновом списке изложено сначала и до л. 706-го и затем с л. 747-го в виде §§ 117 и 118 до л. 756-го, т. е. до окончания «Истории Афона». На лл. 706–747-м изложены весьма интересные рассказы еп. Порфирия об экспедиции Севастьянова на Афон и о приискании там пристани для русских пароходов, которых рассказов в печатном издании нет. После

слов: «А о праведнике давным-давно сказано: когда бы весь мир разрушался, тогда праведник стоял бы на развалинах его, не бледнея» (л. 706; оттиск, с. 62; см. ниже, с. 596) начинается рассказ об экспедиции Севастьянова таким образом:

«Годы 1858 и 59-й на Афоне ознаменованы были замечательными трудами там нашей так называемой художественной экспедиции под руководством действительного статского советника Петра Ивановича Севастьянова. Так как и я принимал прямое и косвенное •[III/2 XIX]• участие в трудах ее, то считаю не излишним поведать о ней всё, что только известно мне» (л. 706).

Этот рассказ продолжается до л. 724^б, где он оканчивается так:

«В 1860 году, 12 января, я уехал с Афона в Константинополь и отсюда в Иерусалим и Египет для переговоров с Коптским патриархом Кириллом о воссоединении его и папства его с Православною Церковью; из Египта же возвратился на Афон в 1861 году, где и провел три месяца: май, июнь и июль в ученых занятиях, и наконец водворили <меня> в богоспасаемом отечестве. Ученые и художественные труды Севастьянова не подлежат моей оценке, потому что я не видел всех изделий его. Слышно было, что его прорисы священных изображений афонских на прозрачной бумаге не возбудили особенного внимания в профессорах нашей Академии Художеств и не заслужили похвал их, так как и самые подлинники этих прорисей не очень

изящны. А на мой взгляд, Севастьяновские мертвенные прориси без красок не дают верного понятия о живописных образах иконописцев, работавших на Афоне: в Лавре, Ивере, Ставроники, в Карее, Пандократоре, Ватопеде и Хиландаре. Лучше бы Севастьянову представить *немногие*, но точные образцы иконописания Феофана, Панселина, Фралга, грузина Марка и других художников, образцы живописные, а не прориси. Тогда по ним мы могли бы строго судить об афонской иконописи и свое суждение занести на скрижали истории сего искусства на Востоке. Что же касается до фотографических снимков Севастьянова с афонских рукописей, с царских и других грамот, то фотографированная им География Птолемея с помещенными в ней топографическими картами (и перефотографированное в Париже каким-то Ланглуа и посвященное нашему Государю Императору Александру Николаевичу) есть памятник драгоценный для науки; снимки же с грамот неудобочитимы (чит.: неудобочитаемы) по причине мелкости букв и инде неясности целых речений. Слышно было и то, что г-н Севастьянов умер в какой-то больнице петербургской, бедный и забытый властями. •|||/2 хх|• Так кончилась ученая и художественная экспедиция наша на Афоне» (лл. 724^б–725^б).

За этим непосредственно еп. Порфирий рассказывает о другом своем деле на Афоне, говоря: «Неудачны были и мои хлопоты о приискании там удобной пристани для наших парохо-

дов, которые начали посещать Св. Гору с 1858 г. Рассказываю, как это было» (725^б). Следует еще заметить, что в этой ненапечатанной части рассказа есть указание на № 102-й оправдания. Рассказ оканчивается (на л. 747) почти такими же словами, как и в печатном тексте (С. 62; см. ниже, с. 558):

«Таковы были крупные события на Афоне с 1858 года по 1861-й г.»

Но и в той части рассказа, которая есть и в черновом списке, и печатном издании, являются различия между одним и другим; прежде всего тут встречаются указания на разные №№ приложений: в черновом с 93 по 101-й, а в печатном по исправлению старых или прибавлению новых карандашом с 87 по 97-й, и притом эти указания находятся не на одних и тех же местах: одно из них, № 101-й (на л. 702-м), осталось и в печатном оттиске, и по ошибке, удержано и в нынешнем издании (см. ниже, с. 595). Кроме этого в черновом списке прибавлена еще одна глава, двадцать вторая, которая разделена на две такие рубрики:

«Летопись событий на Афоне с 1456 года по 1860-й. — Святогорцы суть человеки не только Божии, но и народные» (л. 661^б) — и затем следует § 116. «События на Афоне». Глава начинается в том месте, откуда следует обозрение событий с 6964(1456) г. (печ. отт., с. 27; см. ниже, с. 561). Наконец, следует отметить два-три подстрочных примечания в черновом списке, которых нет в печатном издании, как, например, на л. 686^б, там, где говорится о видении

преп. Даниила, виденном им в бытность его в Константинополе в 1770 г., замечено: «Это видение неизвестно мне» (отт., с. 48; см. ниже, с. 584); или на •[III/2 XXI]• 688-м, где говорится о вожделениях афонцев: «одному быть бы властелином в Солуне...» (отт., с. 49; см. ниже, с. 585), наш автор восклицает: «Забавно! Ай да афонцы!»; или же на обороте того же листа, там, где рассказывается о намерении афонцев прокопать Афонский перешеек, он замечает: «Возобновить канал, прокопанный тут еще персидским царем Ксерксом» (отт., с. 50; см. ниже, с. 585).

Черновая книга написана в течение второй половины 1881 и 1882 гг. в Новоспасском монастыре в Москве, как видно из отметок на полях листов в разных местах книги. Первая такая отметка сделана на обор. л. 267-го: «20 сентября 1881 года. Новоспасс. м-рь в Москве»; 2-я на обор. л. 485-го: «24 марта 1882 г.»; 3-я на обор. л. 603-го: «10 мая 1882 г.»; 4-я на обор. л. 619-го: «15 мая 1885 г.»; 5-я на обор. л. 661-го: «30 мая 1882»; 6-я на обор. л. 696-го: «14 июня 1882» и наконец 7-я в самом конце «Истории»: «Москва. 1882 года 29 июня. В Новоспасском монастыре». Текст книги после написания был тщательно пересмотрен, исправлен и дополнен самим автором. Это видно из множества помарок, зачеркиваний и приписок большею частью чернилами между строками и на отдельных листках и листочках различных форматов.

Следует еще заметить, что в издаваемой ныне части «Истории» еп. Порфирий воспользовался в одном случае и готовым чужим текстом или трудом, из которого часть включил с несколькими исправлениями в отдельных словах в свой текст, хотя об этом и не упомянуто. Выше я сказал, что между листами 206 и 207-м находятся пять листов печатного текста. Эти-то листы составляют часть статьи г-на Недетовского «Варлаамитская ересь», помещенной в Трудах Киевской Духовной Академии (1872. Февраль. С. 316–357); из нее еп. Порфирий взял страницы 311–330 включительно, но из них перепечатаны почти целиком только страницы 321–327 (см. ниже, с. 219–225, начиная словами: «Папа прежде всего спросил Варлаама...» и кончая: «Но ни Вселенский Собор, ни уния не состоялись»). Рассказ об архимандрите •[III/2 XXII]• Анатолии Мелесе (см. ниже, С. 668–572), несомненно, не принадлежит нашему автору, а взят им, скорее всего, из дел Святейшего Синода, судя по зачеркнутой карандашом рубрике рассказа в черновом: «Извлечение из дела об Анатолии Мелесе, который делал разные неприятности Св. Синоду». Впрочем, быть может, он заимствован из неизданной части сочинения Муравьева: «Сношения России с Востоком по делам церковным». На это как будто намекает написанное в верхнем углу лицевой стороны 1-го листа рассказа: «Афон. Сношение с Россиею».

Выше я уже заметил, что белой список «Истории Афона» состоит из

двух частей, из которых 2-ю составляют приложения, или Оправдания истории Афона. Приложения имеют на отдельном листе, на его лицевой стороне, особое заглавие, написанное рукою еп. Порфирия: «Оправдания Истории Афона. Часть третья. Отделение второе»; там же, т. е. на той же стороне листа, в верхнем его углу, автор «Истории» отметил карандашом своею рукою: «Не печатано. Печатай», а на листе 2-м в самом начале приложений также записано их заглавие, но только в таком виде: «Оправдания моей Истории Афона. Часть III. Отделение 2-е», но последнее было зачеркнуто и вместо него было написано: «Приложения к второму отделению», которое в свою очередь также зачеркнуто и над первым словом опять написано только: «Отделение 2-е». Первоначально это заглавие стояло не здесь, а над № 1-м, где собственно и начинались приложения; но тут «Оправдания моей Истории Афона. Ч. III. Отдел...» зачеркнуто карандашом. Отсюда ясно, что приложение под буквою **Ѕ** прибавлено впоследствии, когда все приложения со своими №№ были окончательно установлены. Так или иначе, но под указанными заглавием приведены далеко не все приложения; их нужно искать в 2-х книгах или в 2-х сборниках бумаг еп. Порфирия, имея в виду и черновые, и беловые их списки. Приложения **Ѕ** + №№ 1–35 в беловых и черновых списках, а также черновые некоторых •[III/2 XXIII]• последующих №№, кото-

рые будут перечислены ниже, в виде копий и отдельных листов, вырванных из старинных подлинных рукописей, находятся при беловом списке «Истории Афона»; остальные №№ в их беловых и отчасти черновых списках помещены в другой книге, или сборнике бумаг еп. Порфирия, а именно в книге «Ереси» (III А6, или № 74) в беловых списках*.

Как я уже заметил выше, сначала число №№ оправданий было больше, чем в нынешнем издании. Это видно не только из указаний в черновом и отчасти в беловом текстах «Истории», но всего лучше из списка или, вернее, перечня оправданий, находящегося между их черновыми списками (С. 70–80) и помещенного вслед за № 7-м оправданий, которые до № 8-го приводятся в черновых текстах. Таким образом, самый перечень начинается с № 8-го, под которым помещены заметки еп. Порфирия об этом оправдании и начальные его слова и затем и следующее: «Послесловие при второй половине Шестоднева»; под остальными №№ стоят только одни заглавия приложений, а вслед за некоторыми заглавиями, а при № 8-м перед заглавием, отмечено или «переписано набело», или «(Есть)» и «Есть», а за заглавием № 72-го: «(печатное)». Перечень включает в себе 106 №№, расположенных в том порядке, какой является в черновом списке

* Об этой книге подробно см. в моем «Описании» (С. 224–230).

«Истории». Итак, в нынешнее издание не вошли следующие №№:

№ 81, «Письма о Панселине», под которыми нужно понимать письма об этом афонском живописце к архим. Антонину, напечатанные в Трудах Киевской Духовной Академии 1867 г.

№ 82, Irenaei L. I. Cap. 24 Adversus haereses.

№ 83, Ἐκ τῶν Ἑλληνικῶν Ῥωμαίων.

№ 84, Ἐπιφανίου περὶ θεοτόκου.

№ 85, Συναξάριον Πέτρου. Μηνὶ Τουλίῳ β'.

№ 86, «Просопография», под которой нужно понимать •[III/2 XXIV]• «Сказания о внешнем виде св. мужей и жен и о возрасте их», помещенные в 1-й книжке того же журнала за 1867 г.

№ 102, «Св. Синоду казанского Афанасия», т. е. представление архиеп. казанского Афанасия Святейшему Синоду о рукописной книге под заглавием «Руководство к церковному живописанию», помещенное в копии в книге «Моя служба (Моя судьба)»*, где она действительно помечена № 102-м и цифрами 394–397, означающими счет листов, но потом и №, и эти цифры зачеркнуты.

№ 103, «Письмо ко мне Мансурова».

№ 104, «Мои письма к хиландарцам».

Последние два №№ касаются вопроса о постройке русской морской стоянки у Афона. Какое именно письмо

Мансурова нужно здесь понимать, определенно трудно сказать; я думаю, однако, что еп. Порфирий в данном случае имел в виду письмо из Бейрута (№ 45-й). Что же касается писем к хиландарцам, то это — письма и проект условий, названных «Братское соглашение», которые наш автор предложил Хиландарскому монастырю, по вопросу о постройке странноприимной келии для русских поклонников на земле этого монастыря*.

Не все №№ оправданий списаны еп. Порфирием; многие из них переписаны по его заказу на месте, где найдены рукописи, из коих они взяты; некоторые же приводятся в листах из подлинных рукописей, без всяких изменений; в этих последних иногда исправлено кое-что рукою еп. Порфирия или раскрыты сокращения. Кроме того, не все №№ оправданий представляют цельные акты, документы и т. п. памятники, но нередко между ними встречаются одни извлечения, сделанные нашим автором, затем отдельные статьи, принадлежащие частью еп. Порфирию, частью другим, хотя на это наш собиратель не всегда указывает: редко встречаются отметки, указывающие, из какого журнала заимствована та или другая статья; а в двух случаях приведены печатные •[III/2 XXV]• листы с означением №№, указывающих, в каком месте должны стоять находящиеся под

* Подробно об этой книге см. в моем «Описании» (Ав/1 или № 17. С. 159–162).

* Об этих письмах см. в моем «Описании» (Ав/16 или № 31. С. 183).

ними приложения, а для трех случаев приложена цельная книга с указанием, какие места из нее нужно перепечатать.

Значительная часть из издаваемых ныне при этой части «Истории Афона» №№ приложений является не в одном и том же виде в черновых и беловых списках: черновые списки гораздо богаче содержанием, чем беловые, и при том в первых иногда есть кое-что такое, что не относится к содержанию данного акта, документа или вообще памятника. Нужно, однако, заметить, что не все №№ имеют беловые и черновые списки: большая часть из них представлены только в беловых списках.

Чистовой список приложений окончен в том же году, когда окончен был и чистовой список текста «Истории Афона», как видно из следующей отметки, сделанной еп. Порфирием в конце последнего номера оправданий:

«Кончено 1 июля 1882 года, в 5 часов пополудни, в Московском ставропигиальном Новоспасском монастыре. Тогда был день ясный и жаркий, а сам я был здоров и благодушен».

По предложению академика П. В. Никитина, одобренному членами комиссии, при издании статей оправданий или, вернее, приложений имелись в виду и некоторые из сохранившихся черновых, к которым я обращался вообще только в необходимых случаях, в том предположении, что можно будет разрешить неясности и

выяснить испорченные места, встречаемые в чистовых списках некоторых из приводимых еп. Порфирием греческих и иных актов. Эта мера если и не давала вполне удовлетворительных результатов для указанной цели, зато раскрыла нам некоторые приемы, какие практиковал еп. Порфирий при собирании материала для своей «Истории Афона». Сравнение черновых списков с чистовыми ясно показало нам, что приготовленные к печати еп. Порфирием списки документов представляют •[III/2 XXVI]• в научном отношении немалый интерес. Еп. Порфирий одни и те же статьи оправданий, которые он заимствовал из рукописей или из печатных изданий, как я заметил выше, далеко не всегда приводит в одном и том же виде в черновых и чистовых списках: в последнем они являются нередко с целым рядом исправлений и дополнений. Впрочем, дополнения и исправления являются и в некоторых черновых списках, особенно в тех, которые писаны не его рукою. Ясно отсюда, что наш почтенный исследователь христианского Востока иногда находил тот или иной акт в двух и более рукописях или, иначе говоря, списках и, наверное, не всегда в одной и той же редакции; не желая, однако, при этом выбросить что-либо из того, что являлось лишним или различным в одном списке в сравнении с другим или другими, он составлял сводный текст или нечто в этом роде, полагая один список в основу сводного текста.

Иной раз в беловых списках зачеркиваются целые строки и над ними записываются другие, несомненно, из другого списка, в том расчете, что в последних одна и та же мысль передается яснее, чем в другом или, вернее, в основном*. Правда, еп. Порфирий не всегда указывает на бывшие у него под руками списки, но это нельзя поставить ему в вину. Работая при исключительных, нередко тяжелых условиях и притом подавленный массой материала, он не имел ни времени, а иногда ни возможности относиться с должным вниманием ко всем подробностям ученой работы. Наконец, он же сам в своей «Истории» выражает ту мысль, что одному человеку невозможно сделать всего, что в том или ином случае было бы полезно, а что нужно предоставить известную долю работы и другим (ср., например, ниже, с. 274)**.

Так или иначе, но приводимые еп. Порфирием списки оправдательных документов имеют высокую научную ценность, тем более что они нередко являются в более исправном и более

•[III/2 XXVIII]• полном виде в сравнении с напечатанными раньше него списками.

Акад. Никитин кроме этого предложил напечатать и то, что осталось в черновых списках и не внесено в беловые списки приложений, а также и те заметки и отметки, которые еп. Порфирий по обыкновению и нередко

помещает вслед за тем или другим номером в черновых списках приложений и в которых говорится о месте и времени первоначального списков, а также и разные заметки и отрывки, показавшиеся нашему исследователю почему-либо интересными или важными и ввиду этого приводимые им попутно из тех рукописей, откуда он заимствовал оправдания для своей «Истории Афона». Не желая примешивать, так сказать, к деловому содержанию оправданий статьи, не имеющие ничего или имеющие очень мало общего с самими оправданиями, я счел более удобным эти заметки, отметки и отрывки поместить в предисловии, тем более что они могут иногда служить немаловажным материалом для истории Афона и вообще православного Востока. Вместе с тем признано комиссией необходимым привести здесь же из черновых и те части того или иного приложения, которые почему-то нашим исследователем не приведены в его беловых списках, несмотря на то, что эти части раньше не были нигде обнаружены и в то же время имеют немаловажное значение для специальных вопросов в истории политики и литературы Византии. Таким образом, служа дополнением к некоторым номерам оправданий, они не нарушают ни плана автора «Истории Афона», ни цели комиссии.

Следует еще заметить, что издания, из которых взяты или напечатаны в иной редакции или версии некоторые

* Ср. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Ч. I. Отд. 2. С. 218.

** Ср. там же. С. 279.

приложения, всегда отмечены мной мелким шрифтом вслед за такими приложениями*. •[III/2 XXVIII]•

Приступая к рассмотрению некоторых выдающихся чем-либо списков приложений, я прежде всего останавлиюсь на стоящем во главе всех оправданий приложении под №. Оба списка этого приложения сделаны еп. Порфирием: черновой — в 1845 г. на Афоне**, а белой — в 1882 г. в Москве. Приложение помещено на первых трех листах тетради из серой бумаги, вырванной, несомненно, из афонской записной книги; в тетради 12 большого формата полулистов или 6 листов, т. е. 24 страницы; но после л. 3-го или с. 6-й вставлены впоследствии другие 10 листов другой бумаги, взятые также из записных книг; на этих листах помещаются первые четыре нумера оправданий, написанные, за исключением 3-го, карандашом. Следующее в тетради за № приложение помечено № 5-м. Тетрадь имеет две даты: одна находится на с. 5-й, перед Κλίμαξ χαρίτων (см. ниже, с. 613): «30-го ноября 1845. Иверский Монастырь», а другая — в конце тетради, на странице 44: «1845 года декабря

2-го дня. Ночь. Кончено», которая повторяется и в белой: «1845 года декабря 2 дня. Кончено ночью». В начале тетради было записано «Общие. Афон. (3)», но потом все это зачеркнуто и написано приведенное выше заглавие приложений. В тексте приложения прежде всего нужно отметить, что τάξεις, ἔργα и проч. размещены под полигонами, и притом гораздо яснее, чем в белом списке. Кроме того, в последнем нет следующих слов, которые есть в черновом, на с. 3-й, под 1-м из βαθμῶν κατὰ τὴν πτεροφυΐαν (см. ниже, с. 612), в отдельном цилиндре, в нижнем левом углу страницы: «μικρὰ θριξ ταράσσει ὀφθαλμὸν καὶ μικρὰ φροντὶς ἀφανίζει ἡσυχίαν». Несомненно, эти слова взяты из той же рукописи, из которой взято и все приложение и в которой они стоят в том именно месте, где стоят и в черновом списке; но так как наш автор не знал, куда нужно отнести эти слова, то и не внес их в белой список; •[III/2 XXIX]• самые же βαθμοί в черновом озаглавлены так: «οἱ δὲ βαθμοὶ οὐ κ.....». Что же касается напечатанного ниже (на с. 612): «Πε.....καί», я предлагаю читать: Πνευματικάι*. Следует еще заметить, что Κλίμαξ χαρίτων — творение монаха Феофана, — напечатан-

* Считаю нужным отметить, что скобки () употребляются или еп. Порфирием, или в тех отрывках, которые приводятся им из подлинных старинных рукописей; а [] и < > — академиком П. В. Никитиным и мною: первые означают, что заключенные в них слово, слова, слоги и отдельные буквы должны быть опущены как излишние, а вторые — что или исправлены, или прибавлены или слово, или слова, или слоги, или отдельные буквы.

** См. об этом ниже, с. 211.

* Так можно думать, имея в виду, между прочим, следующие слова Григория Синаита: «Τῶν ἀρετῶν αἱ μὲν εἰσι πρακτικά, αἱ δὲ φυσικά, αἱ δὲ θεῖαι καὶ Πνεύματος». Migne, Patr. gr. T. 150. Col. 1268. Славянский перевод: «Добродетели овы суть деятельны, овы же естественны, овыя божественны и духовны». Добротолюбие. Изд. 6-е. М., 1880. Ч. 1. Л. 98.

ная в Φιλοκαλία, в приведенном ниже приложении далеко не полна: в таблице самой высшей степени нет:

«Ἀνάβασις θεία — Восхождение божественное»;

из стихов же приведены только первые 15 и 30–34 включительно, а всех их 73*. Кроме этого, в тетради, на с. 27-й, отмечено рукою еп. Порфирия: «Стихотворение», а за этим следует:

«1) Νόννου ποιητοῦ Πανοπολίτου μεταβολὴ τοῦ κατὰ Ἰωάννην ἀγ. εὐαγγέλ.», из которой (μεταβολῆς) наш автор приводит 9 начальных стихов, представляющих некоторые отличия в тексте от печатных изданий. С левой стороны продольною строкою отмечено еп. Порфирием: «Прекрасные стихи», а ниже находится русский перевод этих стихов, написанный им же, судя по почерку, в довольно позднее время. Как стихи, так и переводы напечатаны автором «Истории» в описании его первого путешествия в афонские монастыри и скиты, ч. I, отд. 2, на с. 277–278. Между стихами и переводом помещено еще следующее:

2) Τὰ παρόντα ὁμηρόκεντρα συντέθη μὲν ὑπὸ Πατρικίου Ἐπισκόπου, διωρθωθὲν δὲ ὑπὸ Εὐδοκίας βασιλίσσης, ἧς καὶ τὸ παρὸν ἐπίγραμμα:

1. Βίβλος Πατρικίῳ θε<ο>υδέος ἀρητήρος

Κυδαλίμων ἐπέων τεύξας ἐρίτιμον αἰοιδῆν

Ὅς μέγα ἔργον ἔρεξεν ὁμηρ<ε>ίης ἀπὸ βίβλου,

Πρῆξις ἀγγελέουσιν ἀνικήτοιο θε<ο>ῖο κ. т. л. •[III/2 xxx]•

Относительно № 5-го нужно заметить, что в самом конце § VI-го на поле листа записан мелким шрифтом вольный перевод небольшой части §, начиная со слов τοὺς ἀποσχίζοντας... (см. ниже, с. 630), а именно:

«Отделяющиеся от общения с предстоятелем ради некия ереси, осужденные св. соборами или отцами, когда т. е. он проповедует ересь всенародно и учит оной откровенно в церкви, такие еще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения не токмо не подлежат положенной правилами епитимии, но достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей и не расколом пресекли единство церкви, но потщились охранять церковь от расколов и разделений»*.

Из вставленных в тетрадь четырех номеров приложений, начиная с 1-го, 2-й представляет отрывок из афонских дневников нашего автора; в конце № 3-го сделано такое примечание: «Это дело помещено в конце древнего устава монастыря Ватопедского и оттуда переписано. А. Порфирий». Текст этого № представлен в 2-х столбцах: в одном греческий оригинал, а в другом русский перевод, как и в некоторых других №№; но перевод зачеркнут, с отметкою не печатать или без оной. Также зачеркнуты переводы русские и в других

* Добротолюбие. Ч. 1. Л. 132–133.

* Ср. там же. С. 297.

случаях, так как они напечатаны в разных других сочинениях еп. Порфирия. Отрывок грамоты под № 4-м ср. с текстом у Априлова: Болгарские грамоты. Одесса, 1845. С. 33.

Заслуживает внимания в № 6-м, б), что вместо слов: «содержащей между прочим ἅπαντα τὰ ἐν τῷ ἁγίωνύμῳ ὄρει γενόμενα. Διήγησις περὶ τῶν ὁσίων...» (см. ниже, с. 634) в черновом было: «содержащей разные разности, например, ὀρισμὸς τοῦ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ, ὃν ἐποίησεν δια τὸ θεοβάδιστον ὄρος τοῦ Σινᾶ, προστάγματα τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ διὰ τὸ ἁγ. ὄρος τοῦ Ἄθω, и между прочим — ἅπαντα τὰ ἐν τῷ...», что потом •[III/2 xxxi]• зачеркнуто, и затем написаны вышеприведенные слова. Не лишено будет интереса сравнение небольшого отрывка в двух списках еп. Порфирия того же акта, — одного списка раннего, а другого более позднего времени. Оба списка находятся в чистовых.

Ранний список.

После заглавия Διήγησις... непосредственно начинается статья из Синайской рукописи:

«Μιχαὴλ βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων ὁ πρῶτος τῶν Παλαιολόγων ὁρῶν τὸ Ῥωμαϊκὸν σκῆπτρον ἄκρως ταπεινωθὲν ... σὺν τῷ τότε πατριαρχοῦντι Ἰωάννῃ τῷ Βέκῳ τῷ λατινόφρονι*». С. 43.

Поздний список.

«... καὶ Μιχαὴλ τοῦ βασιλέως τοῦ πρώτου τῶν Παλαιολόγων, τοῦ τῶν

Ῥωμαίων σκῆπτρον διέποντος καὶ ὁρῶντος αὐτὸ ἄκρως ταπεινωθὲν ... σὺν τῷ τότε πατριαρχοῦντι Ἰωάννῃ τῷ Βέκῳ τῷ λατινόφρονι (1274–1283 ἔτ.)...». С. 41 (ср. ниже, с. 634).

В раннем списке, начиная с заглавия и кончая словами «καὶ καραδοκῶν, εἰ τοὺς» (см. ниже, с. 635), все это место зачеркнуто, а дальнейший текст служит продолжением до конца позднего списка. Не было ли у еп. Порфирия под руками два списка этой Διηγέσεως?

Вслед за перечнем приложений в черновом помещены списки № 21, исповедания иеромонаха Симеона (см. ниже, с. 789) и части такой же статьи монаха Ксенофонта (см. там же, с. 789–790). Списки сделаны не рукою о. Порфирия.

№ 22-й первоначально был озаглавлен так: «Νόμος καὶ τύπος τοῦ ἁγίου Ὁρους τοῦ Πρωτάτου ,αττη’», а потом все это зачеркнуто, и над ним записано напечатанное ниже заглавие (С. 667), очевидно, по другому списку. Вообще нужно заметить об этом №, что для него, судя по черновому списку, еп. Порфирий имел под руками не один список. Перед Ἀριθμὸς τῶν ἐν τῇ ἁγίᾳ συνόδῳ... отмечено: τὸ τέλος τοῦ τυπικοῦ и затем записано: Θέσπισμα βασιλικόν, которое зачеркнуто и написано: τὸ ἀειμνηστοῦ βασιλέως кῦρ Ἀλεξίου Κομνηνοῦ θέσπισμα. На нижнем •[III/2 xxxii]• поле листа отмечено карандашом еп. Порфирием: «эту статью перенести в другое место; и перенесена». Это говорится относительно

*Ἐπατρίαρχευσε 1274–1283 ἔτ. — Прим. еп. Порфирия.

θέσπισμα, которое действительно приведено под № 3-м, где оно и напечатано (см. ниже, с. 619). Далее, непосредственно за ее последним словом ἀγανάκτησι, следует греческий текст, начинающийся словами: «Καὶ πλεόν μὴ θελήσας συναίρειν λόγους ὁ βασιλεύς» и кончающийся «Ἰλαριῶνι μοναχῷ καὶ πρώτῳ τοῦ Ἀγίου ὄρους. †», но без «καὶ ταῦτα», которые находятся в черновом списке. Этот текст напечатан в приложении к этой же части «Истории Афона», отд. 1-го, с. 364–365, под № 78-м и составляет «Πιττάκιον βασιλικὸν πρὸς τὸν πατριάρχην» и «Βασιλικὸν Πιττάκιον». На поле листа вдоль текста написано: «Перенести в другое место. Смотри страницу 41».

Между документами, собранными еп. Порфирием в приложениях к своей «Истории Афона», есть немало нового по истории спора между Паламитами и Варлаамитами; в особенности обращают на себя внимание отрывки из неизданных сочинений Григория Паламы, касающихся этого спора. Наш историк Афона заимствовал их из богатой содержанием этого рода материалов афонской рукописи Маврокордата (ср. ниже, с. 247 и след.). В черновых оправданий приводится из записной книги целая тетрадь, состоящая из 12-ти листов, которая носит такое заглавие: «Анализ сочинений Григория Паламы в рукописи Лаврской, переписанной, как замечено на заглавном листе, попечением и иждивением Николая Маврокордата Константинополита, великого логофета

великой церкви Христовой и главного (γενικοῦ) драгомана (переводчика) Оттоманской Порты, 1708 года от Р. Х.». О месте и времени составления анализа узнаем из следующей приписки в конце анализа: «16 сентября 1845. Лавра Афонская» и в конце тетради «18 сентября 1845», после которой непосредственно отмечено: «Обмороки тревожат меня от непрерывных трудов. Худо!» В этой тетради есть много интересных данных, для которых еп. Порфирий не нашел места между приведенными им •[III/2 xxxiii]• номерами «Истории Афона»; она, т. е. тетрадь, начинается № 33-м приложений, за которым следует № 34-й, а за этим приводится ряд ненапечатанных отрывков греческих текстов сочинений Паламы, которые здесь стоят под цифрою 3, т. е. под № 3-м. Вот эти отрывки*:

«Γρηγορίου Παλαμᾶ τῷ φιλοσόφῳ Βαρλαάμ περὶ ὧν ἔφη δύο ἀρχῶν ἡ καθ' ἑλληνικῆς ἐποψίας, C'.

Письмо огромное, исполненное замысловатыми и остроумными изречениями и личностями.

Некоторые изречения:

«Πεπαρόρησιασμένος ἔλεγχος εἰρήνης βραβευτής».

«Ἡ ταπείνωσις τῆς ἀληθείας εἶναι ἐπίγνωσις».

Личности:

«Ἐγὼ δὲ νικᾶν ἐν τοῖς τοιοῦτοις αἰσχύνομαι (т. е. в диалектике)».

* Все это ср. с содержанием рукописи 100-й (C) у Montfaucon'a, Bibliotheca Coisliniana. Paris, 1715. P. 171–175.

«Ἡ διαλεκτική σοι ὡς χνοώδης σοι ἐκπεφύσθαι».

Замечательные места.

Παλαμα σсылается на письма некоторых, в коих ясно сказано что Сын есть второе начало Духа Святого:

«Ὁ τοίνυν λέγων τὸν Υἱὸν οὐκ ἀρχὴν μόνον, ἀλλὰ καὶ δεύτερον, ἅρ' οὐ δύο λέγει φανερώς ἀρχάς;»

«Ἀδὲ σὺ φῆς ἐκείνους ὑποκρινόμενος, καὶ ἐκείνους ὑπὲρ ἡμᾶς δικαιῶσαι φιλονεικῶν, ὡς ὁ Υἱὸς εἰ καὶ πηγὴ, ἀλλ' ἐκ πηγῆς καὶ ὡς ἦττον πηγὴ καὶ ὡς πρὸς θάτερον μόνον πηγὴ· ταυτ' ἡμεῖς οὔτε σοὶ οὔτε ἐκείνοις συγχωρήσομεν ἀκολούθως ἑαυτοῖς οἰομένοις λέγειν, μέχρις ἂν διδασκάλῳ χρῶνται τῷ εἰπόντι· μόνῃ πηγῇ τῆς ὑπερουσίου θεότητος ὁ πατήρ...»

В сем письме Παλαμα настаивает на том, что одно есть начало и Сына и Св. Духа — Отец; нападает на силлогизмы Варлаама, уличает его в пристрастии к диалектике; удивляется, что он еллинских философов уважает*, и критикует сих философов.

«Καὶ σε πείσω τῇ τῶν πατέρων ιδιωτείᾳ μᾶλλον ἢ πλουτῷ (Πλάτωνι) τοῦ νικομάχου τὸν νοῦν προσέχειν (sic)». •[III/2 xxxiv]•

«Φέρε' ἴδωμεν ἀπὸ τῶν καρπῶν αὐθις, δηλονότι τῶν ἔργων, τὸν Σωκράτους καὶ Πλάτωνος καὶ τῶν κατ' αὐτοὺς φωτισμόν. Πόθεν οὖν τοῦτον ἀκριβῶς ἐπιγνώμεν; ἅρ' ἐκ τῶν νόμων τῆς ἀθεμιτογαμίας ἢ τῶν ἔργων τῆς παιδερασ-

τείας ἢ τῶν περὶ θεοὺς καὶ δαίμονας καὶ ἥρως δογμάτων ἢ τῆς τῶν ψυχῶν ἡμῶν κατακεχυμένης τερατολογίας ἐκείνης, ἢ προχεῖ ταύτας οὐρανόθεν καὶ μετεγχεῖ πλαζομένας ἐν γῇ ἀπὸ σωμάτων εἰς σώματα...

... Βάλε μὴ τὰς ιδέας μόνον, ἀλλὰ καὶ τὰς θεωρίας τοῦ Πλάτωνος καὶ ψευδώνυμα τούτου φῶτα, δι' ὧν ἐκεῖνος ἀπατηλοῖς δαίμοσι συνεζύγη καὶ δι' ὧν ἐμ<υή>θη μὴ ὅτι κακοῦς, ἀλλὰ καὶ ἀγαθοῦς εἶναι δαίμονας καὶ ψυχὴν αἰθέρος καὶ ψυχῶν ποριόδους, καὶ τοὺς ἐπ' αὐτὰς διὰ τῶν καλῶν σωμάτων οὐ καλοὺς ἔρωτας. Τί δ' οἱ πρῶτοι θεοὶ καὶ δεῦτεροι καὶ τούτων ἔτι μείους, τὴν φύσιν τε καὶ τὴν δύναμιν; ὧν οἱ μὲν τὸ καὶ τὸν τῆς οὐρανίου σφαίρας ἐπιπορεύονται, οἱ δ' ἔγγειοι, οἱ δ' ὑπόγειοι, τῶν τεθνηκότων αὐτοκράτορες ὄντες...

Τί τοίνυν Ἀριστοτέλους ἢ μικρολόγος πρόνοια καὶ οἱ θνητοὶ περὶ ψυχῆς λόγοι καὶ τὸ ἀνθρωπικὸν τῶν δογμάτων...»

Ερώτησις πρώτη.

«Ἐπειδὴ τινων ἤκουσα λεγόντων δεῖν μεταδιώκειν τὴν ἔξω σοφίαν καὶ τοὺς μονάζοντας, ὡς ἄνευ ταύτης οὐκ ἐνὸν ἀγνοίας καὶ ψευδῶν ἀπαλλαγῆναι δοξασμάτων, καὶ εἰς ἀπάθειαν ἀφίκηταί τις ἄκραν, οὐδὲ τελειότητός τε καὶ ἀγιότητος ἐπιλαβέσθαι, εἰ μὴ πανταχόθεν τὸ εἰδέναι συλλέξει, μάλιστα δὲ τῆς καθ' Ἑλληνας παιδείας Θεοῦ γὰρ καὶ αὕτη δῶρον τῶν προφήταις καὶ ἀποστόλοις δι' ἀποκαλύψεως δεδομένων ὁμοίως καὶ γνῶσις δι' αὐτῆς τῶν ὄντων τῇ ψυχῇ προσγίνεται καὶ τὸ

* Сперва было: «предпочитает св. отцам», а потом эти слова зачеркнуты.

γνωστικὸν κρεῖττον ὄν ἀπασῶν τῶν
τῆς ψυχῆς δυνάμεων κοσμεῖ πᾶσάν τε
ἄλλην κακίαν ἐξορίζει τῆς ψυχῆς· καὶ
γὰρ πᾶν πάθος ἐξ ἀγνοίας φύεται καὶ
κρατύνεται· ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν τοῦ Θεοῦ
γνώσιν ποδηγεῖ τὸν ἄθροπον· ἄλλως
γὰρ οὐκ ἐνὶ γνῶναι τὸν Θεόν, εἰ μὴ διὰ
τῶν αὐτοῦ κτισμάτων. Ἐπειδὴ ταῦτ'
ἤκουσα λεγόντων, ἤκιστα μὲν ἐπέεσσιν
τῆς μικρᾶς ἐν τῇ μοναχικῇ πολιτείᾳ μοι
πεύρας πᾶν τοῦνάντιον προδειξάσης,
ἀπολογίσασθαι δὲ πρὸς αὐτοὺς οὐκ
ἐδυνήθη· ἐπεὶ καὶ λόγον ὑψηλότερόν
τινα φασίν, ὡς οὐχ ἀπλῶς τῆς τε
φύσεως πολυπραγμονοῦμεν τὰ μυστή-
ρια καὶ τὸν οὐρανοῦ καταμετροῦμεν
κύκλον καὶ τὰς ἀντιπερχόμενας τῶν
ἄστρον κινήσεις ἐρευνόμεθα, συνόδους
τε καὶ ἀποστάσεις καὶ ἐπιστολὰς τὰς
τούτων, καὶ τὰ ἐκ τούτων συμβαίνοντα
•[III/2xxxv]• θηρώμεθα, καὶ μέγα φρονοῦ-
μεν ἐπὶ τούτοις· ἀλλ' ἐπὶ τούτων μὲν οἱ
λόγοι ἐν τῷ θείῳ καὶ πρώτῳ καὶ δημι-
ουργικῇ νῷ, τῶν δ' ἐν ἐκείνῳ λόγων αἱ
εἰκόνες ἔνεισι τῇ καθ' ἡμᾶς ψυχῇ· τούτων
οὖν ἐν ἐπιγνώσει σπεύδωμεν γενέσθαι
καὶ διαιρετικαῖς καὶ συλλογιστικαῖς καὶ
ἀναλυτικαῖς μεθόδοις τῶν τῆς ἀγνοίας
ἐαυτοὺς τύπων ἀπαλλάξαι, καὶ οὕτω
καθ' ὁμοίωσιν ζῶντές τε καὶ μετὰ θά-
νατον εἶναι τοῦ ποιήσαντος· ἐπεὶ οὖν
πρὸς ταῦτα οὐχ ἰκανὸς εἶναι ἀντειπεῖν
ἐνόμισα, σιωπήσας πρὸς ἐκείνους τότε,
παρά σου νῦν ἀξιῶ, πάτερ, διδαχθῆναι
τοὺς ὑπὲρ τῆς ἀληθείας λόγους, ὡς
ἔτοιμος γενοίμην, κατὰ τὸν ἀπόστολον,
διδόναι λόγον περὶ τῆς ἐν ἡμῖν ἐλπίδος
(Так встревожили его рассуждения
ученых!...).

Ἀποκρίσις πρώτη.

«Γρηγορίου... λόγος ὑπὲρ τῶν ἱερῶς
ἡσυχάζόντων, τῶν προτέρων ὁ
πρῶτος.

Ἀδελφέ, καλὸν χάριτι βεβαιοῦσθαι
τὴν καρδίαν, ἀποστολικῶς εἰπεῖν· λόγῳ
δὲ πῶς ἂν ἐνδείξαιτο τις τὸ ὑπὲρ
λόγον ἀγαθόν; ...

«λόγῳ παλαίει πᾶς λόγος...»

Καθάπερ οἱ τῆς παρ' ἀνθρώπων
ἐφίεμενοι δόξης καὶ πάνθ' ὑπὲρ αὐτῆς
πράττοντες ἀδοξίας μᾶλλον ἢ δόξης
ἐπιτυγχάνουσιν, ἐπεὶ περ ἄλλοις ἄλλα
ἀρέσκει· τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ οἱ παρὰ
τῶν ἔξω σοφῶν τὴν γνῶσιν θηρώμενοι
μᾶλλον ἀγνωσίαν κατ' αὐτοὺς ἐκείνους
ἢ γνῶσιν καρποῦνται· διαφέρουσι γὰρ
ἀλλήλων αἱ δόξαι καὶ διαφέρονται
πρὸς ἀλλήλας. Τὸ δὲ πιστεύειν εὐρη-
κέναι τινὰ τούτων δυνηθῆναι τοὺς ἐν
τῷ δημιουργικῷ νῷ λόγους μὴ καὶ λίαν
πλημμελεῖς ἢ· τίς γὰρ ἔγνω νοῦν Κυρίου,
φησὶν ὁ ἀπόστολος· εἰ δὲ μὴ τούτους,
οὐδὲ τὰς ἐν τῇ ψυχῇ τούτων εἰκόνας ἐκ
τῆς ἔξω σοφίας συνιδεῖν ἐστι. Ψευδο-
γνωσία τοίνυν ἐστὶν ἢ ἐκ ταύτης τῆς
σοφίας τὸ κατ' εἰκόνα θείαν θηρωμένη
γνώσις· οὐκοῦν οὐκ ἔσται δι' αὐτὴν τῇ
αὐτοαληθείᾳ ἐμφερῆς ἢ ταύτην ἔχουσα
ψυχὴ, ἀλλ' οὐδὲ ποδηγοῖτο ἂν πρὸς τὴν
ἀλήθειαν ἐκ ταύτης. Καὶ ἡ καύχησις
λοιπὸν ματαία τῶν ἐπὶ ταύτῃ τούτου
γε ἔνεκα σεμνυνομένων· (Приведены
слова апостола Павла о плотском муд-
ровании) ἢ τῆς σαρκὸς σοφία σοφὴν
οὐκ ἀπεργάζεται διάνοιαν.

Ἐπεὶ, καθάπερ κάκεῖνοι λέγουσι,
τῶν ἐν τῷ δημιουργικῷ νῷ λόγων αἱ

εἰκόνες ἐν ἡμῖν εἰσι, τί τὸ ταύτας τὴν ἀρχὴν ἀχρειώσαν τὰς εἰκόνας; Οὐχ ἡ ἁμαρτία καὶ ἡ τοῦ πρακτέου περιφρόνησις; Διὰ τί μὴ ἀδιδάκτως ἐνορῶμεν ταύτας ἐν ἡμῖν αὐτοῖς οὕσας ἐντετυπωμένας; Οὐχ ὅτι τὸ παθητικὸν •III/2 xxxvii• μέρος τῆς ψυχῆς κακῶς ἐπαναστὰν αὐτάς τε διέστρεψε καὶ τὸ διορατικὸν αὐτῆς συνέχει καὶ μακρὰν ἐποίησε τῆς ἀρχετύπου καλλονῆς; Οὐκοῦν τούτου παντὸς μᾶλλον ἐπιμελητέον καὶ τῆς ἁμαρτίας ἀφεκτέον καὶ τὸν νόμον τῶν ἐντολῶν ἀναγνωστέον καὶ ἀρετῆς πάσης ἀνθεκτέον καὶ δι' εὐχῆς καὶ θεωρίας ἀληθινὰς ἐπανιτέον πρὸς Θεόν τὸν βουλούμενον τότε κατ' εἰκόνα σῶν καὶ τὴν ἀληθογνωσίαν σχεῖν. Καθαρότητας γὰρ ἄνευ, κἂν μάθῃς τὴν ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι συντέλειας φυσικὴν φιλοσοφίαν, μωρὸς οὐδὲν ἦττον ὅτι μὴ καὶ μᾶλλον ἔση, ἢ σοφός. Ἐκείνης δὲ ἄνευ, καθαρθεὶς καὶ τῶν πονηρῶν ἡθῶν καὶ δογμάτων ἀπαλλάξας τὴν ψυχὴν, τὴν νικῶσαν τὸν κόσμον τοῦ Θεοῦ σοφίαν κτήσῃ...

... εἰκὼν ὄντως καὶ ὁμοίωμα Θεοῦ διὰ μόνης τῆς τῶν εὐαγγελικῶν ἐντολῶν τηρήσεως τετελεσμένος· ὁ καὶ ὁ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱεραρχίας ὑποφύτης Διονύσιος κατ' αὐτὴν ἀπεφήνατο σαφῶς· ἡ γὰρ πρὸς τὸν Θεόν ἀφομοιώσις τε καὶ ἔνωσις ταῖς τῶν σεβασμιωτάτων ἐντολῶν ἀγαπήσεσι καὶ ἱερουργίαις μόνως τελεῖται.

Ὁ πρὸ τῶν αἰώνων ὢν (Ι<исус> Χ<ристос>) καὶ ἐλθὼν εἰς τὸν κόσμον, ἵνα μαρτυρήσῃ τῇ ἀληθείᾳ καὶ ἀνακαινίσῃ τὸ κατ' εἰκόνα καὶ πρὸς τὰ ἀρχέτυπον ἐπαναγάγῃ, πῶς οὐ

παρέσχε ταύτην τὴν διὰ τῶν ἔξω μεθόδων ἄνοδον; Πῶς δ' οὐκ εἶπεν· εἰ θέλεις τέλειος εἶναι, τῆς ἔξω παιδείας ἐπιλάβου, σπεῦσον πρὸς τὴν τῶν μαθημάτων ἀνάληψιν, περιποιήσαι σεαυτῷ τὴν ἐπιστήμην τῶν ὄντων· ἀλλὰ τὰ ὑπάρχοντα πώλησον, διάδος πτωχοῖς, τὸν σταυρὸν ἄρον κ. τ. λ.»

«Τί ὄφελος δογμάτων θεοφιλοῦς ἀπόντος βίου»

«Χωρὶς ἀγάπης γνῶσις μηδαμῶς καθαιροῦσα, ἀλλὰ καθαιροῦσα τὴν ψυχὴν».

«Ταῦτ' ἄρα τὴν ἔξω παιδείαν μετιέναι τοὺς βουλομένους τῶν μὴ τὸν μονήρη βίον ἐπανελομένων οὐκ ἀναπείραξαιμεν· διὰ τέλους δὲ ταύτῃ προσεσχηκέναι παραινοῦμεν ἥκιστα τῶν ἀπάντων οὐδένα, προσδοκᾶν δέ τι τῶν θείων ἀκριβῶς παρ' αὐτῆς εἴσεσθαι καὶ τελῶς ἀπαγορεύομεν».

«Ὁ Πλάτων διὰ Τιμαίου μέλλων περὶ κόσμου φύσεως φιλοσοφεῖν εὐχεταί μηδὲν εἰπεῖν, ὅτι μὴ τοῖς θεοῖς φίλον· ἡ δὲ τοῖς δαίμοσι φίλη φιλοσοφία πῶς ἂν εἴη Θεοῦ τε καὶ ἐκ Θεοῦ»

«Ὡς ἡ ἐπὶ παιδοπ<ο>ία κατὰ τοὺς νομίμους τῶν γάμων ἡδονὴ θείον Θεοῦ δῶρον ἦκιστ' ἂν κληθεῖ· σαρκικὸν γὰρ καὶ φύσεως, ἀλλ' οὐ χάριτος τὸ •III/2 xxxviii• δῶρον, καίτοι τὴν φύσιν ὁ Θεὸς ἐποίησεν· οὕτω καὶ ἡ παρὰ τῆς ἔξω παιδείας γνῶσις, εἰ καὶ καλῶς τις ταύτῃ χρώτο, φύσεως ἐστίν, ἀλλ' οὐ χάριτος τὸ δόμα διὰ τῆς φύσεως παρὰ Θεοῦ κοινὴ πασὶ δεδομένον καὶ μελέτῃ πρὸς ἐπίδοσιν ἀγόμενον· ὁ καὶ τοῦτο τεκμήριον ἐναργὲς ὡς φυσικόν, ἀλλ' οὐ πν<ευματι>κὸν ἄρα δῶρον, τὸ μὴ

σπουδῆς καὶ μελέτης ἄνευ μηδενὶ τῶν ἀπάντων παραγίνεσθαι· Θεοῦ γὰρ κυρίως δῶρον, ἀλλ' οὐ φυσικὸν ἢ καθ' ἡμᾶς θεοσοφία, ἢ καὶ ἀλιεῦσιν ἄνωθεν ἐπιπτῇ, βροντῆς υἱοὺς ἀπεργάζεται περιηχοῦντας τῷ κόσμῳ τῆς οἰκουμένης τὰ πέρατα, καὶ τελώναις, ψυχῶν ἐμπόρους δημιουργεῖ, καὶ διώκταις θερμοῖς, τὸν ζῆλον μετατίθησι καὶ ποιεῖ Παύλους ἀντὶ Σαύλων, ἀπὸ γῆς μέχρι οὐρανοῦ τρίτου φθάνοντας καὶ ἀκούοντας ἄρρόγητα· δι' αὐτῆς τοίνυν ἔνι καὶ ἡμᾶς κατ' εἰκόνα Θεοῦ γενέσθαι καὶ μετὰ θάνατον εἶναι».

«Πῶς οὐ πρὸ Χριστοῦ δι' αὐτῆς (φιλοσοφίας) ἀνεκαίνισθμεν, ἀλλ' ἐδεήθημεν ...

Ταῦτα πρὸς τοὺς τὴν ἔξω σοφίαν πλεον ἢ δέον ἐξαίροντας, ἀδελφέ, εἶπε, καὶ πρὸς τούτοις δεῖξον αὐτοῖς λόγους σοφούς τοῦ μεγάλου Βασιλείου, τοῦ Νύσσης, τοῦ Χρυσοστόμου, Διονυσίου κ. τ. λ.»

Следуют выписки из св. отцов. Напр., св. Григория Богослова: «Σοφία πρώτη — βίος ἐπαινετὸς καὶ Θεῷ κεκαθαρομένος».

Св. Василия: «Дύο τὰ σημαινόμενα τῆς ἀληθείας ἔχομεν· ἐν μὲν τὴν κατάληψιν τῶν ἐπὶ τὸν μακάριον βίον φερόντων, ἕτερον τῶν περὶ οἴου δήποτε τῶν ἐν τῷ κόσμῳ εἰδήσιν ὑγιῇ».

NB. Вопрос второй с ответом напечатан в греческой Филокалии. Смотрите там.

Ἐρωτήσεις τρίτη.

«Ἄρτι, πάτερ, ἀκριβέστερον ἔγνω μὴ μόνον τὴν ἀπὸ τῶν ἔργων οὐκ ἔχοντας εἰδήσιν μηδὲ τῆς ἀπὸ τοῦ βίου

πείρας, ἢ καὶ μόνη βεβαία καὶ ἀνεξέλεγκτος, ἀνεπιγνώμονας ὄντας τοὺς κατὰ τῶν ἡσυχάζόντων γράφοντας, ἀλλὰ καὶ τῶν πατρικῶν λόγων ἀνηκόους παντάπασιν· εἰκῇ δὲ φυσιοῦμενοι, κατὰ τὸν ἀπόστολον, καὶ ἂ μὴ ἐωράκασιν ἐμβατεύοντες ὑπὸ τοῦ νοὸς τῆς σαρκὸς αὐτῶν, εἰς τοσοῦτον ἐξετράπησαν τῆς εὐθείας, ὡς ἐκείνους μὲν συκοφαντεῖν φανερώς, ἑαυτοῖς δὲ μηδ' ὅπως οὖν συμφωνεῖν. Δίῳ καὶ περὶ φωτισμοῦ λέγειν ἐπιχειροῦντες ἀπαγορεύουσι μὲν ὡς πλάνην πανταφωτισμῶν •[III/2 XXXVIII]• αἰσθήσει ληπτόν, οἱ αὐτοὶ δὲ καὶ πάντα, φωτισμὸν θεῖον αἰσθήσει λέγουσι ληπτόν, συμβολικοὺς μὲν φάσκοντες τοὺς ἐν τῷ πάλαι νόμῳ, πρὸ τῆς Χριστοῦ παρουσίας, ἐν Ἰουδαίοις καὶ τοῖς ἐξ αὐτῶν προφήταις γενομένους, αἰσθητὸν δὲ σαφῶς τὸν ἐν Θαβορίῳ ἐπὶ τῇ μεταμορφώσει τοῦ Σωτῆρος* καὶ τὸν ἐπὶ τῆς τοῦ ἁγίου Πνεύματος καθόδου, καὶ ὅσοι κατ' αὐτούς. Ὑπὲρ αἰσθησιν δὲ φωτισμὸν τὴν γνῶσιν μόνην λέγουσι· διὸ καὶ ταύτην κρείττω τοῦ φωτὸς καὶ τέλος πάσης ἀποφαίνονται θεωρίας. Ἀ δὲ φασὶ παρὰ τινων ἀκοῦσαι, νῦν ὡς ἐν βραχεῖ σοι διηγήσομαι. Παρακαλῶ δ' ἀνέχεσθαι μου καὶ διανοεῖσθαι, ὡς παρ' οὐδενὸς ἐγὼ ποτε τοιαῦτ' ἀκούσας τῶν ἡσυχάζόντων οὐ δύναμαι πείθειν ἑμαυτόν, ὡς ἐκεῖνοι τοιοῦτό τι παρὰ τινος ἀκηκόασιν τῶν ἡμετέρων, λέγουσι δ' ὅμως ὑποκριθῆναι μὲν μαθητιῶντας, ἀλλ' οὐκ εὐμαθεῖς· διὸ γραφῇ διδόναι

* В списке еп. Порфирия, в этом месте, написано: σρες?

τὰ παρὰ τῶν διδασκάλων πρὸς αὐτοὺς λεγόμενα λιπαρῆσαι τε καὶ πείσαι. Γράφουσι τοίνυν φάναι τοὺς διδάσκοντας αὐτοὺς, πάσης μὲν γραφῆς ἱερᾶς ὡς πονηρᾶς ἀφείσθαι, προσανέχειν δὲ μόνη τῇ εὐχῇ, δι' ἧς ἀπελαύνεσθαι μὲν τὰ πονηρὰ πνεύματα συνουσιώμενα ὄντα τοῖς ἀνθρώποις, ἐκπυροῦσθαι δὲ τοὺς αὐτοὺς αἰσθητῶς καὶ σκιρτᾶν καὶ ἡδεσθαι, μηδὲν ἀλλοιουμένης τῆς ψυχῆς, βλέπειν δὲ φῶτα τούτους αἰσθητά· σημεῖον δ' ἡγεῖσθαι τῶν μὲν θείων τὴν ἐπικεχρωσμένην λευκότητα, τῶν δὲ πονηρῶν τὸ οἷον πυρῶδες καὶ ξανθόν. Τοὺς μὲν διδάσκοντας αὐτοὺς φάναι ταῦτα γράφουσιν. Αυτοὶ δὲ δαιμονιώδη ταῦτ' εἶναι πάντα ἀποφαίνονται. Κἂν τις ἐπὶ τινας τῶν εἰρημένων ἀντιλέγοι τούτοις, σημεῖον μὲν τοῦτο τίθενται τῆς ἐμπαθείας, τὴν δ' αὖθις δεῖγμα τίθενται τῆς πλάνης. Καὶ διὰ πολλῶν ἂν τις ἐπισκέψαιτο περιπίπτοντας οἷς κατηγοροῦσι καὶ μάλιστα τὸ πολυέλικτον καὶ δολερὸν τοῦ ὄψεως ἐν τοῖς ἑαυτῶν μιμούμενους γράμμασι πολλάς τε στροφὰς στρεφομένους καὶ πολλάς ἐξελίττοντας πλοκάς καὶ ἄλλοτε ἄλλως καὶ ἐναντίως τὰ σφῶν αὐτῶν ἐξηγουμένους· τὸ γὰρ ἑδραῖον καὶ ἀπλοῦν οὐκ ἔχοντες τῆς ἀληθείας εὐπερίτρεπτοί εἰσιν εἰς τοῦναντίον καὶ τῷ ἐλέγχῳ τοῦ ἰδίου συνειδότος αἰσχυρόμενοι κρύπτειν ἑαυτούς, ὡς καὶ ὁ Ἀδάμ, ἐπιχειροῦσι τῷ ποικίλῳ καὶ γρυφοειδεῖ καὶ ἀμφιῳρεπεῖ πρὸς διάφορα νοήματα τῶν λόγων. Σὺ δ' ὅπως ἡμεῖς ἔχομεν δόξης περὶ τῶν ὑπ' ἐκείνων εἰρημένων, ἀξιῶ, πάτερ, σαφηνίσαι».

Следует ответ огромный. •[III/2 xxxix]•

Извлечение из ответа 3-го.

Γρηγορίου λόγος ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζόντων τῶν προτέρων ὁ τρίτος.

«Ψευδοδοξία σχεδὸν πᾶσα προσωπεῖον φέρει τῆς ἀληθείας τοῖς μὴ τὴν μικρὰν ἔλλειψιν ἢ προσθήκην συνορᾶν δυναμένοις. Τέχνη δὲ καὶ τοῦτο δεινὴ τοῦ πρὸς ἀπάτην εὐμηχάνου πονηροῦ δαίμονος. Μὴ μακρὰν γὰρ ἀποστήσας τὸ ψεῦδος τῆς ἀληθείας διπλὴν συνεσκευάσατο τὴν ἀπάτην· τῇ γὰρ βραχύτητι τῆς διαφορᾶς τοὺς πολλοὺς λανθανούσης ἢ τὸ ψεῦδος ἡγήσεται τις ἀλήθειαν ἢ καὶ τὴν ἀλήθειαν ὡς παραπλησίαν τῷ ψεύδει ψεῦδος, ἐκατέρωθεν δὲ πάντως ἐκπεσεῖται τῆς ἀληθείας».

«Σκιρτᾶν δὲ τὴν καρδίαν οἰονεῖι πηδῶσαν τῷ ἐνθουσιασμῷ τῆς ἀγάπης τοῦ ἀγαθοῦ καὶ ὁ μέγας εἶρηκε Βασίλειος· καὶ ὁ μέγας Ἀθανάσιος σημεῖον τοῦτο τίθεται τῆς χάριτος. Ἐξέρχεσθαι τε ἀπὸ τῆς εὐχῆς οἷον ἀπεπυρωμένον, ὅταν ἀνεπιθολώτῳ νῶ τὴν πρὸς τὸν Θεὸν ἔντευξιν ποιήσῃται τις, ἢ τε πείρα καὶ ὁ τῆς Κλίμακος σαφῶς διδάσκει».

По мнению св. отцов,

— Дионисия Ареопагита: «τὸ τῆς γνώσεως φῶς ὑπὸ τῆς παρουσίας τοῦ φωτὸς τῆς χάριτος χορηγεῖται. Οὐκοῦν ἄλλο μὲν ἢ γνῶσις, ἄλλο δὲ τὸ νοητὸν φῶς, ὃ παρεκτικόν ἐστιν αὐτῆς».

«Φασί, ὡς αὐτὸς εἶπες, συμβολικοὺς εἶναι τοὺς ἐν τῷ πάλαι νόμῳ φωτισμούς. Ἐκεῖνοι τοίνυν τοῦτ' αὐτὸ δεικνύουσιν, ὡς ἔστιν ἱερὸς φωτισμός, οὐ γεγόνασιν αὐτοὶ σύμβολον. Ὅτι δὲ τούτου ἦσαν οἱ πλείους ἐκείνων σύμβολα καὶ παρὰ τοῦ θείου μεμαθήκαμεν Νείλου λέγοντος· ὅταν ὁ νοῦς τὸν παλαιὸν ἄνθρωπον

ἀποδυσάμενος τὸν ἐκ τῆς χάριτος ἐπενδύσῃται, τότε καὶ τὴν ἑαυτοῦ κατάστασιν ὁψεται κατὰ τὸν καιρὸν τῆς προσευχῆς σαπφείρῳ ἢ οὐρανίῳ χρώματι παρεμφερεῖ· ἦντινα καὶ τύπον Θεοῦ ἢ γραφῇ ὀνομάζει ὑπὸ τῶν πρεσβυτέρων ὀφθέντα ὑπὸ τὸ ὄρος Σινᾶ».

«Ἐπεὶ δ' ἐκείνῃ οὐ γινώσις ἦν, ἀλλὰ λαμπρότης ἐπιφαινομένη τῷ προσώπῳ (разумеется Моисея), καὶ ἡ ἐν ἡμῖν ἔλλαμψις οὐ γινώσις, ἀλλὰ λαμπρότης ἐστὶ ψυχῆς ἐπιφαινομένη τῷ κεκαθαρμένῳ νῶ.

Τί ἅγιος Διάδοχος λέγει; Οὐ δεῖ ἀμφιβάλλειν, ὡς ὅταν ὁ νοῦς ἄρξῃται πυκνῶς ὑπὸ τοῦ θείου φωτὸς ἐνεργεῖσθαι, διαφανῆς τις ὁλος γίνεται, ὥστε τὸ ἑαυτοῦ φῶς αὐτὸν πλουσίως ὁρᾶν· τοῦτο γὰρ ὅλως γίνεται, ὅταν ἡ δύναμις τῆς ψυχῆς κατακυριεύσῃ τῶν παθῶν».

— Василий Вел<икий>: «Τὴν μὲν ἀνθρωπίνην γινώσιν μελέτη καὶ γυμνάσια κρατεῦει, τὴν δὲ ἐκ Θεοῦ χάριτος ἐγγινομένην δικαιοσύνη καὶ ἔλεος. •III/2 XLJ• Καὶ τὴν μὲν προτέραν δυνατόν καὶ τοὺς ἐμπαθεῖς ὑποδέξασθαι, τ<η>ς δὲ δευτέρας οἱ ἀπαθεῖς μόνοι εἰσι δεκτοί».

«Ἀδελφέ, γίνωσκε, ὅτι νοῦς παθῶν ἀπαλλαγείς ὡς φῶς αὐτὸς ἑαυτὸν κατὰ τὴν προσευχὴν ὁρᾷ καὶ θεῖῳ περιλάμπεται φωτὶ ... νοῦς αὐτὸς ἑαυτὸν ὁρῶν ὡς φῶς ὁρᾷ».

«Ἐμφανίζει ὡς ἐν ἐσόπτρῳ τῷ κεκαθαρμένῳ νῶ τὸ καθ' ἑαυτὸν ἀόρατος ὑπάρχων.....»

«Φασὶ ἀόρατον εἶναι τὸν Θεὸν καὶ ἀπερινόητον. Θεὸν γοῦν οὐδεὶς ἐώρακε

πώποτε...» Но ежели Дух Божий испытует глубины Божии, то и христианину, отложившему дух мира и приявшему Духа Божия, как ему* не видеть посредством Духа невидимого света? «Ὡς ἡ ἐν ὀφθαλμοῖς αὐγὴ ἐνωθεῖσαι ταῖς ἡλιακαῖς αὐγαῖς φῶς ἐντελεχεῖα γίνεται, καὶ οὕτως ὁρᾷ τὰ αἰσθητά· τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ ὁ νοῦς ἐν Πνεῦμα μετὰ τοῦ Κυρίου γεγωνώς ο<ύ>τω τὰ πνευματικὰ τρανῶς ὁρᾷ».

«Ἄγ. Ἰσαὰκ λέγει· προσευχὴ ἐστὶ καθαρότης νοός, ἥτις μόνη ἐκ τοῦ φωτὸς τῆς ἀγίας Τριάδος μετ' ἐκπλήξεως τέμνεται. Καὶ πάλιν· καθαρότης ἐστὶ νοός, ἐφ' ἣ διαυγάζει ἐν τῷ καιρῷ τῆς προσευχῆς τὸ φῶς τῆς ἀγίας Τριάδος· καὶ τότε ὁ νοῦς ὑπεράνω τῆς προσευχῆς γίνεται, καὶ οὐ δεῖ καλεῖν ταύτην προσευχήν, ἀλλὰ τοκετὸν τῆς καθαρᾶς προσευχῆς, τῆς διὰ τοῦ Πνεύματος διαπεμπομένης, οὐδὲ προσευχῇ τότε προσεύχεται ὁ νοῦς, ἀλλ' ἐν ἐκστάσει γίνεται ἐν τοῖς ἀκαταλήπτοις πράγμασι. Καὶ αὕτη ἐστὶν ἡ ἄγνοια ἢ ὑπερτέρα τῆς γνώσεως».

Бог сообщает нам не Свое естество, а Свою славу, Свой блеск.

«Θεότητα λέγουσι διδάσκαλοι τὴν θεοποιὸν ἐκ Θεοῦ προεληλυθυῖαν δωρεάν».

«Τίς ὁ τῶν ἀγγέλων ἄρτος, εἰ μὴ τὸ θεῖον καὶ ὑπερουράνιον φῶς;»

О фавор<ском> свете. Дионисий Ар<еопагит> называет его феофаниею, феоптиею. Григорий Богослов: свет

* В рукописи еп. Порфирия было: «почему бы так», а потом все это зачеркнуто.

фаворский есть божественность (θεότης), показанная ученикам. Стефан первомученик видел Христа одесную Бога. И так зрится невидимый теми, у коих чисто сердце.

И тела приобщаются некот<орым> обр<азом> благодати, действующей в душе: так просияло лице Моисея; лице Стефана казалось •[III/2 XII]• как лице ангела; Мария Египетская, или лучше небесная, μετέωρος γέγονε...

За гробом мы увидим Божий свет даже телесными очами, в предзнаменовании чего апостолы сподобились видеть сей свет на Фаворе*.

Говоря, что диавол преобразуется в ангела света, Григорий Палама ничего не говорит о багровом свете как при знаке заблуждений от диавола».

После этого приведено в 6-ти продольных строках карандашом следующее:

«Исихасты** открыли Варлааму, что Св. Писание бесполезно, что наука вредна, что существо Божие зримо для чувства, и что к созерцанию Бога ведут некоторые чувственные приемы действия (τηρήματα, ἐνεργήματα, ἐπιτηδεύματα), кои Варлаам назвал ὀμφαλοψυχία».

А ниже этого записано также карандашом, что «Палама в одной статье говорит о Варлааме, что он послан к

монахам... Появлению его обрадовались монахи и исихасты; они говорили: «этот книжник, да будет он для нас как (было: подобен) сокровище, изнасящее древнее в новое». Но вышло противное.

Сочинений своих против исихастов, под клятвою, не велел* своим показывать исихастам и Паламе не показывал сам.

Ὀμφαλοψυχία — чревовещание, духочревие**, — так Варлаам называет учение исихастов» (ср. ниже, с. 239).

В конце № 27-го замечено:

«Это слово Паламы оч<ень> огромно. Это — музыкальная пьеса, выражающая разными вариациями один тон главный, т. е. что иное есть учение Св. Духа и иная плотская человеческая мудрость.

Λόγος περὶ προσευχῆς
(τῶν ὑστέρων ὁ δεύτερος).

В начале сего слова •[III/2 XII]• Палама упоминает о каком-то Никифоре, родом из Италии, который отверг латинское учение и принял православное; но за это исповедание сослан был в ссылку первым Палеологом латиномудрствовавшим. Сей Никифор жил на Афоне***. Стало быть, папское учение утвердилось не без противоречий и даже не без мучений неповинным... (ср. ниже, с. 634).

* За этим следует зачеркнутая строка: «Ἀγγέλων φωτὸς ἀποκρίνεται ὁ διάβολος, γινώσκιν οὖν μόνην, ἦ...».

** Еп. Порфирий после этого слова написал было под строкою: «будто», но затем зачеркнул его.

* Т. е. Варлаам.

** Эти три слова еп. Порфирий заключает в скобки.

*** На поле листа против этих слов еп. Порфирий отметил карандашом: «к XIII веку».

Λόγος περὶ φωτὸς ἱεροῦ (τῶν
ύστέρων ὁ τρίτος).

Слово огромное. Главные тоны его известны. Например: и тело участвует во свете. Фаворский свет несоздан... и пр.»

В № 28-м перед Τοῦ αὐτοῦ Παλαμᾶ κατάλογος... (см. ниже, с. 690) отмечено:

«Слово огромное... рассуждает о свете, об энергии, о сущности Божией...»; а в конце находится еще следующее:

«По Максиму: ἡ ὀντότης καὶ ἡ ζωὴ καὶ ἡ ἀγιότης καὶ ἡ ἀρετὴ ἔργα τοῦ Θεοῦ εἰσὶν οὐκ ἡργμμένα χρονικῶς».

Κατάλογος τῶν ἀτόπων.

Κατὰ τῶν δευτέρων ὁ τρίτος. Варлаам называет богодухновенных про- роков бесноватыми.

«Οὐκ ἔνι, — φησὶν Βαρολ<άμ>, — εἰ μὴ δι' ἀγγέλου τὸν Θεὸν ἀνθρώπων συντυχεῖν, δι' ἀγγέλων γὰρ ἱεραρχοῦμεθα». — Τί ποιεῖς, ἄνθρωπε; εἶπε δὴ μοι τίς ἦν ἀγγέλων ὁ τῷ Μωϋσῇ εἰπὼν· Ἐγὼ εἰμὶ ὁ ὢν, ὁ Θεὸς τοῦ Ἀβραάμ, Ἰσ<αὰκ> καὶ Ἰακ<ώβ>...»

Далее рассуждение идет о свете и пр.»

Над № 39-м написано зачеркнутое карандашом:

«Выписка из завещания вселенского патриарха Исидора (1347–1350) о Варлааме и Акиндине».

В № 41-м передается, что говорит Григорас о Паламе: «Μεταγράψας...» (см. ниже, с. 738) и еще прибавлено:

«...ὁ δὲ (т. е. Γρηγοράς) κατεγνώκεναι μὲν καὶ τὸν βασιλέα φησὶ τῶν τοῦ

Παλαμᾶ βλασφημιῶν, ὅσα εἰκός, ἐκφῆναι δὲ μὴδὲν μὴδαμῇ*. Πόθεν •ΠΠ/2 κΠΠ• εἰκός εἶναι λέγεις τὸν βασιλέα κατεγνώκεναι, ὃ μὴδὲν τῶν εἰκότων λαλῶν, βασιλέα, ὃς τῇ μὲν Θεσσαλονίκῃ παρὼν, присутствовал при богослужении Паламы напустивал θείοις καὶ προσκυνητοῖς προστάγμασι ... (ср. ниже, с. 257–258). Ἀλλ' ἀναλφάβητον εἶναι φησὶ τοῦτον (Παλαμῆν) ὁ Γρηγοράς**»;

а в конце его:

«Вот кто Григорас!

Περὶ τῆς τοῦ Γρηγορά ψευδογραφίας καὶ δυσσεβίας λόγος β'».

За этим следует выдержка из этого слова в переводе, приведенная ниже, на с. 258, в конце.

Далее представлено изложение № 36-го почти в том виде, в каком напечатан в издаваемой ныне части «Истории» (С. 249–258), с тою только разницею, что в черновом списке приведен ряд греческих выдержек из акта. Всё это изложение здесь начинается так:

«Ἀρχὴ σὺν Θεῷ τῶν ἱερῶν τόμων.

1) Ἀγιορειτικὸς τόμος (напечатан в Филокалии греческой)***.

2) Συνοδικὸς τόμος α' (Переписан. Смотри в моих тетрадах)****.

3) Ἐτερος Συνοδικὸς τόμος, подтверждающий первый Собор против

* Между строками записан и перевод этих слов, приведенный ниже, с. 257.

** Эти слова зачеркнуты еп. Порфирием.

*** Напечатан ниже, под № 26, на с. 683–683 по этой рукописи.

**** Напечатан там же, под № 27-м, на с. 688–689, также по этой рукописи.

Варлаама и Акиндина и обличающий и низлагающий единомышленного с ними Иоанна патриарха, по прозванию Калеку*.

Выметки из сего синодального протокола»,

и затем идет самое изложение; а в конце, в отличие от напечатанного ниже (С. 734), приводится еще следующее:

«М-ца Февраля, инд. ιε'»,

и за этим следует все напечатанное ниже, на с. 725–726. Следует еще заметить, что вместо напечатанного (см. ниже, на с. 725) Λιλίτζης(?) нужно, по моему, читать Λιτίτζης**. Наконец, в самом конце тетради записано: •[III/2 XLV]•

«Варлаам осужден при Андронике Палеологе и патриархе Иоанне; Акиндин — при Иоанне Палеологе и его матери. Варлаам был монах: так он назван в Синодальном определении против Ефесского митрополита».

В конце № 47-го белого списка рукою еп. Порфирия отмечено:

«Ἐν ἔτει σωτηρίῳ ,αωξγ', μηνὶ Μαΐῳ 25 ἡμέρᾳ, σαββάτῳ, ἐν τῇ θεοσωστῷ Λαύρᾳ τῆς Πετροπόλεως. Χεὶρ ἀρχιμανδρίτου Πορφυρίου Οὐσπένσκυ».

№ 48-й написан не рукою еп. Порфирия; только в конце его последним отмечено:

* Напечатан там же, под № 36-м, на с. 713–726 по той же рукописи.

** См. Miklosich et Müller, Acta Patr. Cont. I. № 99, P. 277; II. P. 599; ср. Λιτίτις у Parthey, Hieroclis Synecdemus et Notitiae graecae episcopatum. Berolini, 1866. P. 136. Not. 4. № 64.

«Сия рукопись переписана с печатной книги в Ксиропотамском монастыре на Св. Горе. А. Порфирий. 1846 года. Апреля 29 получена в Есфигмен».

Печатная книга оказалась «Graecia Orthodoxa» Л. Алляция.

№ 49-й представлен между чистовыми (III А6 или № 74) без копии, в отрывке в 9 листов бомбициновой бумаги (в 4-ку) из подлинной рукописи XIV в.; к этим 9-ти листам прибавлен еще один лист, 10-й, на лицевой стороне которого современною нам рукою и на другой бумаге написан конец статьи. Отрывок извлечен из рукописи Метеоро-Варлаамского монастыря в Фессалии, как отмечено еп. Порфирием. Текст отрывка остался без изменения; только в нескольких местах раскрыты сокращения. Видно, составитель «Истории» имел в виду сдать его в типографию без переписки.

В конце № 50-го чистовой отмечено рукою еп. Порфирия: «Кончил (было: Переписал) 4 июля 1868 года в Киевских-айловском монастыре».

В начале № 66-го чистового списка написано, а потом зачеркнуто:

«Опись имений Григориатского монастыря 1598 года, переведенная с турецкого языка на греческий»;

а в конце его: •[III/2 XLV]•

«Два приказа султана Мурата и один приказ султана Ахмета, написанные каждый на полулисте бумаги и сзади подшитые толковою материею красного цвета, подтверждают выше приведенную опись. Это сказал мне игумен Григориата Неофит.

Мурат царствовал с 1566 года по 1574–5. Ахмет — с 1595 г. по 1603-й».

Эта заметка составляла прежде особый № 67-й, но потом и №, и текст зачеркнуты карандашом. [См. далее основной текст, с. 311; годы правления выше указаны неверно для обоих султанов, но на с. 311 — только для Ахмета. — П.К.]

№ 68-й представлен между черновыми, по-видимому, также в отрывке в 5 листов (в 4-ку) из подлинной рукописи прошлого столетия. В начале написано карандашом: «(Общий монастырь)», а под этим чернилами: «для всего Афона» и затем рядом с титулом: «1682 год», — все рукою еп. Порфирия. В конце акта рукою его писца, но другими, более бледными чернилами, повторена подпись воеводы, и затем записано в одну строку:

«Πρὸς δὲ τοῦτοις διορίζομεν ὅπως γνώμῃ κοινῇ πάντα τῶν...»,

что составляет, по всей вероятности, начало какой-либо статьи.

За № 73-м между черновыми списками оправданий помещены вторая грамота 1773 г. июня 10-го вселенского патриарха Феодосия II о поминальных службах в воскресные и субботние дни (см. об этом ниже, с. 380–381) и «Ἐκθεσις, εἵτουν ὁμολογία τῆς ἀληθοῦς καὶ ὀρθοδόξου πίστεως γενομένη ὑπὸ τῶν ἀδίκως διαβληθέντων ὡς καινοτόμων πρὸς θεοφιλή πληροφορίαν τῶν σκανδαλιζομένων ἀδελφῶν» монаха Афанасия, напечатанная вместе с грамотою во Втором путешествии по

Св. Горе Афонской (С. 482–495). Обе эти статьи написаны не рукою еп. Порфирия в тетради из 11 листов (в 4-ку). В начале написано карандашом автором «Истории»: «О коливадах*». Переписано. Смотри кодекс скита Анны».

№ 77-й в черновом переписан также не еп. Порфирием. Над началом листа им отмечено: «Получ. 23 Генвар<я> 1846 <г.> из скита св. Анны», а под заглавием: «Καλλινικ с •[III/2 LXVI]• 1801–1806 г. Он же во 2-й раз в 1807 году 10 месяцев», т. е. патриарх Καλλινικ был на патриаршем столе.

В № 78-м после слов «Ὡστε ἐκ τοῦ λόγου τούτου τοῦ θεοῦ Δαμασκηνοῦ» написано:

«далее печатай с приложенной при сем книжицы греческой, с страницы 11 до страницы 50, где читается последнее слово: παρὰ τῷ Τριφδίῳ. Далее не печатай».

За этим в черновых же следует отрывок в 12 листов (в 4-ку) из подлинной рукописи начала нынешнего столетия Ксенофского монастыря, как видно из отметки карандашом на нижнем поле 1-го листа: «Из м-ря Ксенофского на Афоне». Вначале был означен № 88-й, но потом зачеркнут. Отрывок представляет оригинал № 82-го, в конце белогого списка которого отмечено еп. Порфирием:

* Об афонских коливадах см. Γεδεών'α Ὁ Ἀθωῶς. С. 152–153; ср. его же Κανονικαὶ διατάξεις. Τ. I. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1888. С. 263–264.

«1868 года, 19 мая, переписал я в Киеве. NB. Дельное рассуждение! Но не все в нем основательно! П. Е. Ч.».

В начале № 92-го в черновом записано карандашом еп. Порфирием: «Начало и конец Святогорского устава, которого середина переписана в кожаной книге № 2 (Афон. Павловский монастырь, № 26), 1783 года. № 98», а в конце его чернилами: «Ивиرون. 1846. Июня 13 дня. Арх. Порфирий»; затем опять карандашом: «νεκρολογεῖν ἐν Κυριακῇ. Собрание, решение, силлогизмы против скита Анны». Очевидно, эти выражения относятся к вопросу о коливадах.

№ 93-й в черновом отмечен № 99-м; в конце его записано: «Эта заметка на рукописи Кириакодромиона Максима Маргуния в Руссике», а на поле листа: «1793. Затмение солнца и за-суха».

№ 94-й в черновом носит такое заглавие, написанное карандашом: «О восстании элинов в 1821 году и об участии в нем Афона», и за этим стоит отметка: «Из библиотеки> Кастамон<ита>». Приведенный ниже этого текст является в виде продолжения рассказа о восстании греков, и только на обороте 1-го листа рассказа начинается № 94-й, т. е. рассказ об участии •[III/2 XLVIII]• афонцев в этом восстании, помеченный № 100-м. В рукописи, из которой заимствован № 94-й, наш рассказ был вторым, как видно из того, что перед ἀνάπτυξις стояло δευτέρα. Таким образом, заглавие рассказа начиналось так: Δευτέρα ἀνάπτυξις

σύντομος... Черновой список сделан не рукою еп. Порфирия.

В конце № 95-го в беловом списке находится следующая заметка еп. Порфирия:

«Ἐτελεώθη τὸ παρὸν βιβλίον εἰς τοὺς 1882 χρόνους, ἐν μηνὶ Ἰουνίῳ, ἡμέρᾳ δεκάτῃ, ἐν Θεοδορουπόλει Μόσχᾳ, ἐν μονῇ Νοβοσπάσκι».

Отсюда ясно, что № 95-м заключались, т. е. оканчивались приложения или оправдания «История Афона» в беловом списке, и только впоследствии еп. Порфирий прибавил еще №№ 96 и 97, которых нет в черновом списке оправданий, тогда как № 95-й есть и стоит последним.

Черновой список приложений оканчивается листком (в 4-ку) заметок; на верхнем углу лицевой его стороны карандашом, как и весь текст на этом листке, отмечено: «Летом 1840 <г.>» и в уровень с этим записано заглавие: Τόμος ἀγάπης..., а под ним: «Храм св. Троицы. Нартекс построен с основания 1804 г., а расписан 1820 <г.>». О каком это храме здесь говорится, не отмечено. За этою заметкою помещено следующее довольно интересное известие об Афоне:

«1840 <г.>, м-ца февраля 10 дня, началась зима и выпал снег, и день ото дня увеличивался так, что нанесло его до 3 сажень, и завалило им каливы Капско-каливского скита; 25 дней монахи сидели в своих кельях — до 5-го марта.

В течение сего времени, именно 15 февраля, в четверг, в полночь σιφώνας ἄνεμος σφοδρὸς λαίλαψ ὀργῇ μεγάλη

ἔπεσεν ἐκ τῆς κορυφῆς τοῦ Ἀθωνος εἰς τὸ πλάγι, μέρος τοῦτου τὸ νότιον, ὥστε ὅπου ξεριζῶνε τὰ δένδρα, ὡσὰν χόρτα, τόσον μεγάλα καὶ πολλὰ μέτρον δὲν ἦχον πόσα· ἀνδρῶν χιλίων δύναμις διόλου δὲν ἤμπορεῖ νὰ σύρη ἓνα ἀπ' αὐτά, ὅτι νὰ ξεριζώσῃ •[III/2 XLVIII]• σιφώνας δ' ὁ σφοδρότατος καὶ ἡ ὀργή ἡ θεία ἐσύντριψεν ἐλίκμισεν, ὡς ἄχυρα, ὡς φύλλα ὁμοῦ μὲ πέτρας, χρώματα δένδρα ξεριζόμενα, καὶ ἀοράτως ἔσυρεν ἀπὸ ἐκεῖ καὶ κάτω, ὡς ἐν ὀπῇ δ' ὀφθαλμοῦ ἔφερεν ἐν τῷ λάκκῳ μέχρι τῆς σκητέως ἐδῶ ἐστύβασε τὰ ξύλα. Отцы рубили эти деревья несколько месяцев и нарубили на 3 года».

Наконец, в самом конце оборотной стороны листа отмечено чернилами:

«1845 года, августа 15 дня, в Ивер-ском монастыре служил обедню епископ Иоанникий из Гревены и говорил проповедь о 5 чувствах».

Что же касается негреческих приложений, то о них скажу следующее. Их можно разделить на: а) документы, б) статьи, написанные еп. Порфирием, и в) статьи, написанные не им и заимствованные из печатных изданий. Я не буду останавливаться на всех этих приложениях, но сделаю по несколько заметок только о некоторых из них.

№ 8-й представляет перепечатку с издания Шестоднева Иоанна Екзарха Болгарского, сделанного Обществом истории и древностей российских при Московском университете, ввиду того, что оно точнее издания отрывков из Шестоднева у Калайдовича.

№ 12-й, по всей вероятности, на Афоне существует в 2-х списках, судя по тому, что текст его значительно отличается от текста, изданного у Миклошича, в «Monumenta Serbica»*.

№№ 69-й и 71-й, несомненно, списаны еп. Порфирием с оригиналов на Афоне, причем в первом из них в списке еп. Порфирия вместо «Щелкалов» написано «Шинкалов» (ср. ниже, с. 944).

Текст № 70-го сравнен мною с текстом того же акта по изданию Палаузова, оставшемуся еп. Порфирию неизвестным; приводимые ниже, на С. 945-й в примере 3-м, слова по изданию Палаузова хотя я не внес в текст нынешнего издания, но они, несомненно, находятся в оригинале, хранящемся в •[III/2 XLIX]• Хиландарском монастыре на Афоне в весьма плохом состоянии, в каком я видел его там в 1887 г.

№ 86-й заимствован из «Вестника Западной России», как видно из отметки еп. Порфирия в начале текста. Но так как в этом издании текст афонского послания Иоанна Вишенского представлен весьма неисправно, с целым рядом неправильных чтений и пропусков**, то в нынешнем напечатан по рукописи Публичной Библиотеки, т. е. по той самой рукописи, по

* Ср. мою заметку о хрисовуле болгарского царя Иоанна Александра в «Записках Археологического Общества», т. II нов. сер., с. 127–128.

** См. об этом и в «Киевской Старине», т. XXV (1889 г., апрель), в статье Мирона (Житецкого, сына) о сочинениях Иоанна Вишенского, с. 24–26 приложений.

которой сделано издание послания и в т. 2-м «Актów, относящихся к истории южной и западной России», откуда уже оно повторено в Вестнике. Список сделан не рукою еп. Порфирия. Послание написано, по всей вероятности, в 1598 или 1599 г.* По-видимому, еп. Порфирий имел в виду напечатать в приложениях под № 86-м не одно только послание Иоанна Вишенского, но и статью о нем. Так можно думать по тому, что между черновыми списками приложений находятся извлечения из рассуждения г-на С. Лебедева, помеченные № 92-м, под заглавием: «Иоанн Вишенский, полемист времени унии в XVI веке», а после этого в скобках: «Заимств. из Литовск. Епарх. Ведомостей», где эта статья и находится за 1876 г., в №№ 32, 33, 35, 44, 47, 48 и 49-м; но первоначально она напечатана была в «Подольских Епархиальных Ведомостях» за 1875 г., №№ 15, 17, 18–21. Эти извлечения переписаны рукою еп. Порфирия на 6-ти листах почтовой бумаги большого формата; в них заключается только та часть рассужде-

ния, которая помещена в № 33-м •III/2 IJ• «Литовских Епархиальных Ведомостей», или в № 17-м «Подольских Епархиальных Ведомостей, хотя и эта не вся целиком и с опущением всех подстрочных примечаний, какие там есть. В верхнем углу 1-го листа списка отмечено тою же рукою: «К Истории Афона».

Из статей второй категории отмечу только № 73-й. Она написана еп. Порфирием «по требованию митрополита, по случаю завещания 29 тыс. рубл<ей> на Афон<ские> монастыри», как отмечено им карандашом в верхнем углу поля л. 1-го Списка в черновой. О месте и времени его написания есть отметка в конце белого и черного списков: «1865 года, 27 января. Александро-Невская лавра». Место, впрочем, в черновом списке не означено.

Что же касается статей третьей категории, то о них замечу следующее. В верхнем углу л. 1-го № 51-го в белом списке отмечено рукою еп. Порфирия: «Из Правосл. Обозрения. Июль, 1875 г.»; тою же рукою переписано сначала 3 $\frac{1}{2}$ листа; остальное до конца переписано другою. Статья принадлежит г-ну Гр. Киприановичу; перепечатана она ниже вся целиком, как и списана. Но в черновом списке под № 51-м помещено небольшое рассуждение еп. Порфирия. Оно озаглавлено: «Об ереси Богомилов»; за этим следуют:

«Первоисточники сведений о ней:

— Козьмы пресвитера Болгарского Слово на еретики препреение. Рукопись М<осковской> Д<уховной> Академии, №№ 160–173.

* Эту дату я устанавливаю ввиду того, что в послании упоминается ексарх Никифор (см. ниже, С. 1054–1056) как еще недавно живший и действовавший в самом недалеком прошедшем, когда память о Никифоре была еще самая свежая. По-видимому, Никифор умер в 1598. Таким образом, послание могло быть написано или в самом конце этого года, или в первой половине следующего. Ср. Кудринского: Судьба ексарха Никифора в Западной Руси, в «Киевской Старине», (1892. Июль. Т. XXXVIII. С. 15–16). Г. Мирон (Житецкий, сын) относит это послание «к последним годам XVI стол., а именно 1596–1600» (Киевская Старина. 1889. Апрель. Т. XXV. С. 150).

— Евфимия Зигавина «Паноплии» часть 2-я, титул XXIII. Он пользовался вероучительною книгою Богомилов. Но она утрачена.

— Терновского патриарха Евфимия (sic) Житие Илариона Меглинского. Рукопись Волоколамская, № 129.

— Патриарха Константинопольского Каллиста Житие Феодосия Терновского. Напечатано в «Чтениях <в> Обществе истории и древностей» 1860 г. Книг<а> I.

Исследования о той же ереси».

Под этой последней рубрикой приведены заглавия сочинений о богомилах и богомильстве: Вольфа, Энгельгардта, Гильфердинга, Петрановича и Рачкого. Но все это зачеркнуто карандашом, и перед начальным словом своего рассуждения автор •[III/2 Ц]• «Истории Афона» отметил карандашом «№ 51», между тем как в самом начале рассуждения стоит только «№». Отсюда ясно, что эта статья первоначально предназначалась для приложений под № 51-м; но потом еп. Порфирий нашел, что статья г-на Киприановича в достаточной мере исчерпывает предмет, и ею заменил свое рассуждение, которое с небольшими сокращениями поместил в «Истории» (см. ниже, с. 274–279).

№ 72-й представлен в числе беловых списков оправданий в 2-х печатных листах № 128-го московской газеты «Восток». Эта статья едва ли принадлежит еп. Порфирию*.

Вот все, что я счел нужным сказать о приложениях к этой части «Истории Афона» еп. Порфирия.

В заключение считаю нужным еще сказать, что в издании настоящего труда еп. Порфирия в одном случае пришлось несколько отступить от приемов автора, которых он держался при составлении своей «Истории Афона». Обыкновенно для своих изданий наш автор оставлял довольно общие оглавления, какие находятся и при прежде изданных им частях своей «Истории». Имея, однако, в виду огромное количество материала, заключающегося в издаваемой ныне этой части «Истории», я нашел необходимым составить для нее более подробное оглавление, которого, кстати замечу, еп. Порфирий не оставил, и притом для каждой книги отдельно, чтобы, таким образом дать возможность читателю ориентироваться и пользоваться удобнее и легче этою частью столь обширного труда нашего неутомимого исследователя христианского Востока.

П. Сырку.

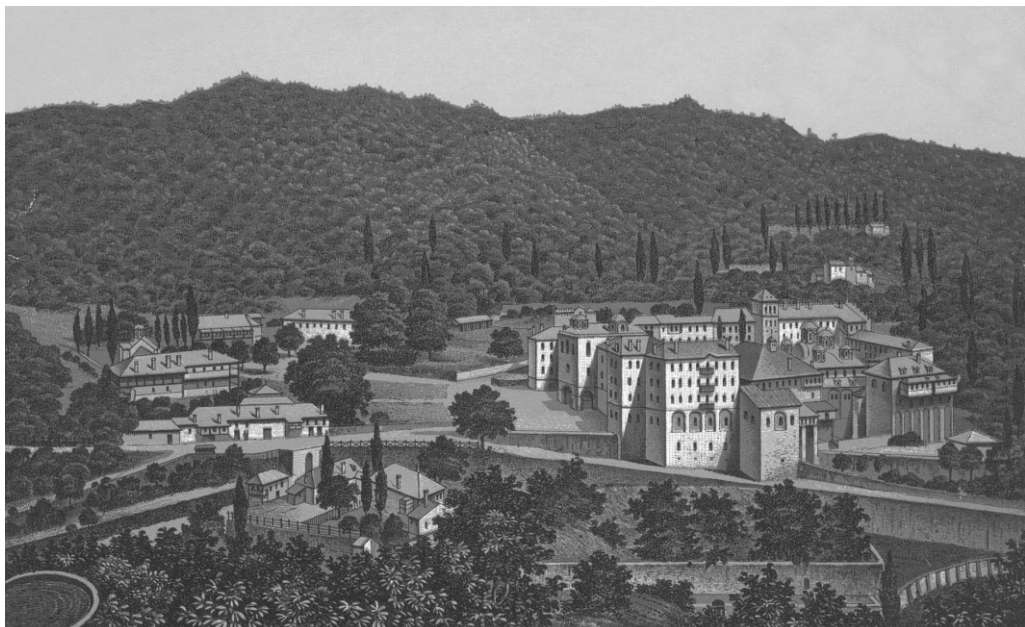
С.-Петербург, 5-го ноября 1892 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Славянские монахи из Болгарии

§ 49. Славяне на Афоне

Многие народы, как то: греки, итальянцы, сирийцы, грузины и соседи их халды издавна имели своих усердных

* Ср. мое «Описание...». (С. 228).

Зограф.

богомольцев на монашеском Афоне. Число таких разнородных, но единоверных богомольцев с одиннадцатого века увеличилось там появлением монахов из среды обращенного в христианство многочисленного народа славянского, состоявшего тогда под владычеством болгар, россов и сербов, которые основали там свои племенные монастыри. С той поры великая идея о многонародности Афона монашеского осуществилась в размерах весьма обширных.

О происхождении славян, о разных племенах и судьбах их я сказал свое слово в особом сочинении моем под названием «Эдем и вышедшие из него народы». Тут помещено сказание и о болгарях, и о подвластных им славянах, которые первые водворились на

Афоне. А здесь вашему вниманию •III/2 21• предлагается основательное известие об этих афонских первенцах из славянского рода, водворившихся в купленном ими монастыре Зографском.

§ 50. Первоначальное водворение славян из Болгарии в Зографе и пребывание их тут в XI и XII веках

В юго-западной части Афона, ближе к перешейку сей горы, над морем высятся холмистый околоток под названием Иованица*. На этой выси и окрестностях ее в десятом веке христианском находилось несколько маленьких иноческих обителей, основан-

* Смотри его на моей карте Афона подле Зографа.

ных греками, и в числе их монастырьки Хромаитиса, Ксирокастро, Ванисса, Ту Селину и Ту Зографу.

Монастырек Зографский построен был в 911 году, в царствование греческого государя Льва Мудрого, греческим монахом Георгием, по прозванию Зографом. Так как на Афоне монастыри, по тамошнему старинному обычаю, носят имена и прозвища основателей их, например, Лавра Афанасия, монастырь Иверцев, обитель Ксенофонта, Павла, Дионисия, Григория, Кутлумуша, Ставреникиты, Есфигмена, то и монастырек, о котором начата речь, прозван Зографом, потому что построил его монах Георгий Зограф.

Сей монах в 971 году подписался под первым святогорским уставом, который тогда утвержден был греческим царем Иоанном Цимисхием.

Зографский монастырек, которого развалины поныне видны в долине между нынешним Зографом и Хиландаром и слынут под названием старого Зографа, упомянут в протатском деле 980 года, когда индикт был 8-й, по случаю продажи огорода, ἀγροῦ, неким игуменом Фомою игумену свв. Апостолов Онисифору с братиею его при проте Св. Горы Фоме, и упомянут потому, что границы сего огорода были смежны с границами •[III/2 3]• поземельного участка Зографского: «Ἐστὶν δὲ ὁ περιορισμὸς τοῦ μοναστηρίου οὗτος ἀπὸ τὸν βαθὺν Βηρὸν τοῦ Ξηροκάστρου ἀνατρέχει τὸν ποταμὸν καὶ ἀκουμπίζει τοῦ Ζωγράφου ἄνωθεν... Γραφὲν μηνὶ Αὐγούστῳ ηἱ ἔτους ,Cυτπῆ».

Вскоре после падения Болгарского царства в 1019 году и присоединения его к царству Греческому на Афон пришли из болгарского города Охриды три брата знатного рода: Моисей, Аарон и Иоанн, пришли туда спасаться. Иоанн купил себе монастырек, когда-то построенный греком Селином в виде башни, а два брата его выпросили себе у Протата малые участки земли около старого Зографа и тут построили себе две жилые башни не в далеком расстоянии одна от другой. В этих селениях все трое они жили как исихасты. Настал 1046 год. Тогда увеличилась давняя распря между Иоанном, игуменом Селинским, и Павлом, игуменом Иованицким, касательно границ поземельной собственности обоих их*. «И не возмогше смиритисе никакo же». Посему Иоанн просил суда у прота Феофилакта, который и «оуставилъ предѣлы своимъ местомъ» (Зографский архив). Между тем преподобное житие вышеназванных исихастов привлекло к ним многих славян из Болгарии. От того оказалось

* В синодальной грамоте вселенского патриарха Феолипта 1586 года прописано: «Ὅσως ἐνασκοῦμενοι τῷ σεβασμιωτάτῳ μοναστηρίῳ τοῦ Ζωγράφου προσέφερον ἡμῖν γράμματα παλαιγενῆ, κυρωθέντα πρὸ χρόνων ἤδη πεντακοσίων τεσσαράκοντα παρὰ τε τοῦ τότε πανοσιωτάτου Πρώτου τοῦ ἀγιωτάτου ὁρους καὶ λοιπῶν τῆς ἐκείσε εὐρεθείσης τότε ἱερᾶς συνάξεως διαλαμβάνοντα, ὡς ἀπὸ τῆς Βουλγαρικῆς μετεγλωτίσθησαν, ὅτι ἀναμεταξὺ Ἰωάννου τοῦ Σελήνου τοῦ ἡγουμένου καὶ τοῦ Παύλου τῆς Γιοβάνιτζας ἦν σκάνδαλον οὐ μικρόν, ὅθεν καὶ τοπικῶς συνδραμόντες, διεχώρησαν τὴν διαφοράν, ῥητῶς τὰ ὅρια οὕτω καταγράψαντες: ὁ λάκκος, ὁ λεγόμενος Ἰωαβάνιτσα...» к. т. л.

у них надобность иметь общую церковь для совершения в ней богослужения. Тогда они приобрели в собственность соседний монастырек Зографский или покупкою его, или по дарственной записи святогорского прота, приобрели как обитель запустевшую и водворились в ней, не оставляя, однако, прежних покоищ своих. Это произошло либо в конце 1048 года, либо до апреля месяца 1049 лета, в которое вышепереченный •[III/2 4]• Иоанн был игуменом уже в старом Зографе, а не в обители Селина, присоединенной, однако, к Зографу, и подписался под протатским делом 6557 года, месяца апреля, индикта 2-го (Зографский архив).

В 1094 или 1095 году случилось в Палестине: тамошние лиддо-фануильские монахи, опасаясь поругания и мести магометан, которым угрожали крестоносцы, переселились на Афон в старый Зограф, принеся с собою досточтимую икону св. великомученика Георгия, которая поныне находится в соборном храме Зографского монастыря. (Читай сказание о сей иконе во *Втором путешествии моем по Афону*, на страницах 137–140).

В 1100 году, когда заиорданские бедуины собирались громить палестинских христиан из какой-то аравийской за Иорданом обители, монахи ушли на Афон и здесь водворились в старом Зографе, принеся свою икону св. великомученика Георгия, которая цела и ныне. (Читай о ней там же).

В 1142 году сестра царя Алексея Комнина, Мария Цусми, владевшая удель-

ным имением на Афонском перешейке вместе с тамошним городом Ериссо, узнав, что в околотке сего города часть пахотной земли принадлежит Зографскому монастырю, послала туда своего поверенного с тем, чтобы он достоверно узнал границы сего зографского имения. Поверенный ее вместе с Ериссовским епископом Василием и с другими понятыми исполнил порученное ему дело. А Мария Цусми дала Зографу свой сигиллион на греческом языке, подписанный ею зеленым чернилом и утвержденный привешенною к нему свинцовою печатью с изображениями на ней святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата; и в этом сигиллионе признала и утвердила неприкосновенность обмежеванной зографской земли, а своих родственников и чужих заклала именами Христа, Всесвятой Матери Его и триста семнадцати богоносных отцов никейских, чтобы никто из них не дерзал присваивать себе оной земли (Зографский архив).

Кроме вышеизложенных сведений, Зографский архив не •[III/2 5]• дает никаких других показаний о быте славяно-болгарских монахов на Афоне в течение одиннадцатого и двенадцатого веков. Не нашел я ни строки о них в этот круг времени и в библиотеке Зографа, которую переселял тщательно. А под перо напрашиваются три вопроса: 1) на каком языке реченные монахи совершали богослужение в своей афонской обители? 2) оставались ли они в ней во время валахского соблазна, смутившего и едва не опустошившего всю Святую

Гору с начала одиннадцатого века до 1177 года? 3) проникла ли тогда в Зограф ересь богомилов, явившаяся в Болгарии еще в царствование государя Петра (941–968 гг.)? Постараемся решить эти вопросы.

На многонародном Афоне испокон веков богослужение совершали греки на своем языке, грузины на своем, а италийские амальфийцы даже по-латински. Такую благоразумную свободу застали там славяне из Болгарии и воспользовались ею, тем паче что в отечестве их еще задолго до водворения их на Святой Горе богослужение совершалось на языке славянском, что известно всякому ученому мужу. Но, к сожалению, в Зографе не уцелела ни одна богослужebная книга века XI и XII. Кто виноват в этом? Люди и время.

В годину валахского соблазна на Афоне зографцы не оставляли своей скромной обители. Доказывается это сохранившимися в архиве их протатскими и другими описаниями онoго времени в годы 1046, 1049, 1051, 1142-й.

А бывали ли богомилы на Афоне в XI и XII столетиях и проповедовали ли свое богохульное учение — это можно отрицать смело, потому что тогдашний афонский Протат высоко и крепко держал знамя православия, да и у византийских историков нет ни слова о богомилстве на Афоне в сказанные века; а они же упоминают о появлении там сей ереси в XIV веке. (Смотри ниже, § 99).

Оповещено мною начало водворения славянских монахов из Болгарии на Святой Горе Афонской. Оповещаю начало поселения там иноков и из нашей Днепроvской России. •(III/2 6)•

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Славянские монахи на Афоне из России

§ 51. Первоначальное водворение их на Св. Горе

Почти современно со славянами из Болгарии на Афоне явились россы, дабы там спасти свои души.

Ежели вы хотите иметь надлежащее понятие о происхождении и древнейшей судьбе сего народа, то прочтите мою статью о нем в моем «Эдеме». А в настоящей истории Афона оповещается только водворение наших днепровских прапращуров на этой горе и пребывание их там в XI и XII столетиях.

С 961-го лета Господня началось преобразование монашеского жития на Афоне по воле греческих царей Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия и уважаемого ими монаха Афанасия Афонского. Житие афонитов, пустынное, своежительное, не определенное общим уставом, было изменено в быт монастырский, общежительный, общеуставный.

Когда Иоанн Цимисхий вразумил и смирил афонских исихастов, посольством просивших его разрушить Лавру Афанасия и дозволить им жить по — прежнему в каливах без малейшего

* Петр, царь Болгарии с 927 до 968/9 г.— П.К.

помышления о нивах и виноградниках и без приобретения доходных имений где бы то ни было и утвердил первый устав, определивший правильный быт монашеский на Афоне, тогда на этой горе еще при жизни Афанасия явилось много монастырей, а в течение 74 лет, начиная от первого устава до второго, данного святогорцам Константином Мономахом в 1046 году, учредились там 180 общежительных обителей, из коих некоторые считались царскими.

Слава о преобразованном Афоне и о богоугодном житии тамошних иноков распространилась не только в Греческом царстве, но и за пределами его. Еще к святому Афанасию собрались 3000 монахов и мирян для пострига из Италии (Рима, •III/2 7)• Амальфи, Калабрии), из Греции, Фессалии, Епира, Македонии, Фракии, из придунайских областей, из Малой Азии, Грузии и Армении. Эта слава достигла и России, недавно возрожденной в купели святого крещения, и привела оттуда на Афон тех избранников, которые, по слову Евангельскому, желали *восхитить царствие Божие*.

Один из этих избранников известен по имени. Это гражданин города Любеча, принявший на Святой Горе ангельский образ с именем Антония*.

Не считаю надобным помещать здесь житие сего преподобного инок, изложенное в Киево-Печерском Патерике, потому что не он основал первый русский монастырь на Афоне, но при-

знаю не излишним сказать несколько слов о пребывании его на этой горе. Так как он пришел в Киев и там поселился в пещере Илариона в 1051 году то его богомолье на Афоне приходится относить к средним годам царствования Константина Мономаха, численно сказать, в 1047–1048 годах. Тогда еще не жили там русские монахи иначе о них было бы упомянуто в житии Антония. Тут не говорится даже и о том, в каком святогорском монастыре проживал сей преподобный отец. А это, по мнению моему, значит, что он, как поклонник и соглядатай афонского монашества, побывал во всех тамошних монастырях и скитах и пред возвращением своим в Россию получил известное благословение от прота Св. Горы и вместе игумена Афоно-Карейской лавры. В то время царь Константин Мономах удалил с этой горы мирских жителей и повелел называть и писать ее *Горою Святою*, давши ей новый устав свой. Такое преобразование Афона, без сомнения, понравилось Антонию, и потому он у тамошнего прота просил благословения на учреждение монашества в России под покровительством верховной власти мирской, а не духовной, по примеру монашества афонского, уже давно пользовавшегося подобным покровительством, •III/2 8)• потому что монах есть мирянин, отслуживший миру и служащий Богу.

Хорошие отзывы Антония о сем монашестве и о самом Афоне как о месте, очень удобном для богоугодной жиз-

* Он родился в 983 году, а скончался в 1073-м.

ни, вызвали в подобных ему ревнителях иноческого благочестия охоту поселиться там навсегда; и они поселились. Но где именно и когда?

По письменным актам святогорским, русские иноки впервые явились на Афоне в монастыре *Ксилургу* уже в конце одиннадцатого века*. Оттуда и начнем следить за ними, предварительно узнавши прежнюю судьбу сего монастыря.

§ 52. Сказание о Ксилургийском монастыре, чествуемом во имя Пресвятой Богородицы**

Между афонскими обителями Ватопедскою и Пандократорскою на горной выси, от которой стелется к морю узкая и крутоярая дебрь, лежат развалины малого монастыря Ксилургу, который поныне пандократорцами называется Русским. Я осматривал их в октябре месяце 1859 года и сказал о них мое слово во втором отделении второй части *Первого путешествия моего по Афону*, с. 171–172. А здесь излагаю судьбу сей древнейшей обители по актам, хранящимся в архиве Афоно-Руссика***.

* Древнейшим свидетельством о пребывании русских иноков на Афоне считается подпись монаха Герасима, «пресвитера и игумена монастыря Роса», под актом 1016 г. (*Actes de Lavra*. Т. 1. Paris, 1970. № 19).— П.К.

** Смотри его на моей большой карте Афона, между Ватопедом и Пандократором.

*** Далее следуют ссылки на акты по изданию: Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. Пантелеимона. Киев, 1873.— П.К.

Эта обитель построена была во второй половине десятого века греческим монахом, происходившим из семейства Ксилургов, жившего в Солуне. Из деписания ее под № 5 видно, что она сначала была управляема не игуменами, а дикейми, которые приобрели ей участок земли подле монастыря Скорпиева, а потом возведена на степень игуменария.

В 1030 году месяца февраля индикта 11-го ксилургийский игумен Феодул купил одну из келий, назначенных к продаже •III/29I• по смерти Димитрия τοῦ χαλκέως = *ковача* за 22 монеты*. Около того же года он получил в подарок от игумена Дометиева монастыря Григория одно запустевшее место у моря и построил тут дом с сараем для своих лодок (Акт 1 и 3).

Преемником Феодула был племянник его Иоанникий. При нем Ксилургийский монастырь потерпел внезапный ущерб. Монахи обители Дометиевой «по научению диавола или злых людей» разорили дом на земле, подаренной игуменом Григорием. Иоанникий жаловался на них царю Константину Мономаху, яко верховному владыке всего Афона. По царскому приказу произведено было следствие, и дело решилось тем, что игумен Григорий уступил Иоанникию новое место в восемь сажень ширины и длины напротив пристани монастыря Филадельфа, а

* Этот Дмитрий Халкеев основал монастырек, на месте которого ныне находится скит св. Димитрия, принадлежащий Ватопеду. Смотри его на моей большой карте Афона.

Иоанникий дал ему за него 6 монет. Это случилось в мае месяце 1048 г., когда индикт был 1-й (Акт 3).

В 1071 году ноября 23 дня индикта 9-го афонское управление под председательством прота, монаха Павла, решило тяжбу обители Ксилургийской с монастырем Скорпиевым за одну смежную землю тем, что спорный участок разделен был пополам (Акт 5).

Вскоре после сего на Афоне появились русские монахи или из Киева, или из Чернигова и поселились в Ксилургийском монастыре, купив его у отрекшегося от игуменства настоятеля его, об отречении которого упомянуто в акте 1143 года под № 6*. [Περιγραφή τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθω, ὑπὸ Θεοδοῦργου, 1805–1817 ἔτους].

Прошло лет 18 от 1071 года. В эти годы число русских иноков в Ксилурге увеличилось так, что им стало тесно тут, и они просили приснопамятного царя Алексея Комнина I, чтобы им дан был монастырь больший. Сей государь, •[III/2 10]• горячо любивший афонитов, внял их просьбе (вероятно, по ходатайству тогдашнего великого Киевского князя Всеволода, набожного, трезвого и целомудренного от самой юности), и по его царскому приказу прот Св. Горы Павел дал им монастырь Фессалоникийцев, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеимона, который с той поры и стал именоваться Русским. А так как сей Павел начальствовал на Св. Горе в 1083 году и после прота

Саввы в 1089 г., то к этому времени, и наипаче к последнему году, и надобно относить передачу Пантелеимонова монастыря русским инокам*. Эти события, не оповещенные нашими летописцами древними, упомянуты есфигменским игуменом Феодоритом в его описании Афона, которое он составил в начале нашего века по актам святогорских монастырей. Вот его слова:

«Ἀνωθεν τοῦ τόπου, ὄντος ὑπὸ τὴν δεσποτείαν τοῦ Παντοκράτορος καὶ καλουμένου τῷ παλαιῷ ὀνόματι τοῦ Φαλακροῦ κεῖται ἡ μονὴ τοῦ Ξυλουργοῦ [Μπογορόδιτζα νῦν λεγομένη, ἰδιοπεριόριστος, οἰκήματα ἔχουσα καλὰ καὶ ναὸν ἀρχαῖον]. Αὕτη ἐδόθη τῷ πάλαι παρὰ τῷ Πρώτῳ πρὸς κατοικίαν τῶν Ῥώσσω μοναχῶν. Πληθυνθέντων δὲ αὐτῶν καὶ στενοχορουμένων, ἐζήτησαν ἀπὸ τὸν αἰοίδιμον βασιλέα Ἀλέξιον Κομνηνὸν τὸν πρῶτον, νὰ δοθῇ αὐτοῖς μονὴ μεῖζων καὶ διὰ βασιλικῆς προσταγῆς •[III/2 11]• Παῦλος ὁ Πρῶτος τοῦ ὄρους ἔδωκεν αὐτοῖς τὴν μονὴν τῶν Θεσσαλονικέων καλουμένην καὶ τιμωμένην τῷ ὀνόματι τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Παντελεήμονος, καὶ ἀπὸ μονὴν Θεσσαλονικέων διὰ τοὺς ἐκεῖ οἰκήσαντας μοναχοὺς Ῥώσσους ὠνομάσθη καὶ νῦν ψευδῶς ὀνομάζεται τῶν Ῥώσσω, μηδενὸς ὄντος Ῥώσσου μονάζοντος ἐν αὐτῇ».

* В 1071 году в этом монастыре жили монахи греческие. Тогда игумен их Феодосий был экономом Протата, т. е. средоточного управления на Афоне. А такую должность русский по незнанию греческого языка и греческого делопроизводства занимать не мог. (См. в архиве Руссика дееписание 6579 (1071) года).

** Χαρτὶ παρατήσεως ἡγουμένου.

«Выше того места, которым владеет Пандократор и которое называется древним именем *Ту Фалакру*, находится обитель Ксилургу [ныне именуемая *Богородица*, обитель своежительная, имеющая хорошие кельи и храм древний]. Она древле отдана была протом монахам российским для жительства. Когда же число их увеличилось и стало им тесно, тогда они просили приснопамятного царя Алексея Комнина первого дать им большую обитель; и по царскому приказу Павел, прот Горы, передал им обитель, называемую Фессалоникийцев и чествуемую во имя святого великомученика Пантелеимона. Эта обитель ради поселившихся в ней монахов-россов стала называться и ныне *ложно* называется обителью Россов, потому что в ней нет ни одного русского монаха».

NB. В этом сказании Феодорита весьма важно для нас известие о том, что обитель Фессалоникийцев передана была российским монахам греческим царем Алексеем Комниным (1081–1118 гг.). А Феодоритова заметка о местоположении Ксилургийского монастыря, смею думать, кем-то переделана. Этот игумен в своем же описании Афона обитель, рекомую *Богородица*, назвал обителью Верриотов, разумея под ними монахов из македонского города Веррии. Стало быть, кто-то другой вставил в оное описание слова «Μπογορόδιτσα νῦν λεγομένη = *Богородица ныне именуемая*», вставил потому, что не знал о существовании развалин Ксилургу в околоте Пандократора.

Притом место под древним названием *Ту Фалакру* поныне известно под этим же самым названием и находится в околоте Пандократора *близ* помянутых развалин и далеко от русского скита, рекомого *Богородица*. Оно верно показано на моей большой карте Афона. Тут знал его и Феодорит и потому в собственноручном перипле Афона, как я полагаю, написал: «κάτωθεν τοῦ τόπου», а не «ἄνωθεν». Действительно, Ксилургу стоит немного ниже Фалакрийской выси горной. Тут знал Русский скит и наш Барский.

После этого примечания продолжая сказание о пребывании российских монахов в Пантелеимоновом монастыре, предварительно •[III/2 12]• поведав что нужно об основании и судьбе его до водворения в нем наших родичей.

§ 53. Первоначальная судьба монастыря св. Пантелеимона

Монастырь св. великомученика Пантелеимона находится на юго-западной стороне Афона, немного ниже хребта сей горы. В наши дни тут стоят развалины его. Этот монастырь — самый древний на Афоне. Оповещаю первоначальную судьбу его.

На месте сего монастыря во времена дохристианские не было города, потому что нет тут морской пристани, а находилось какое-либо село*. Оно вместе с прочими селищами на Афоне

* Смотри мое *Первое путешествие по Афону*. Ч. I. Отд. I. С. 84 и 85.

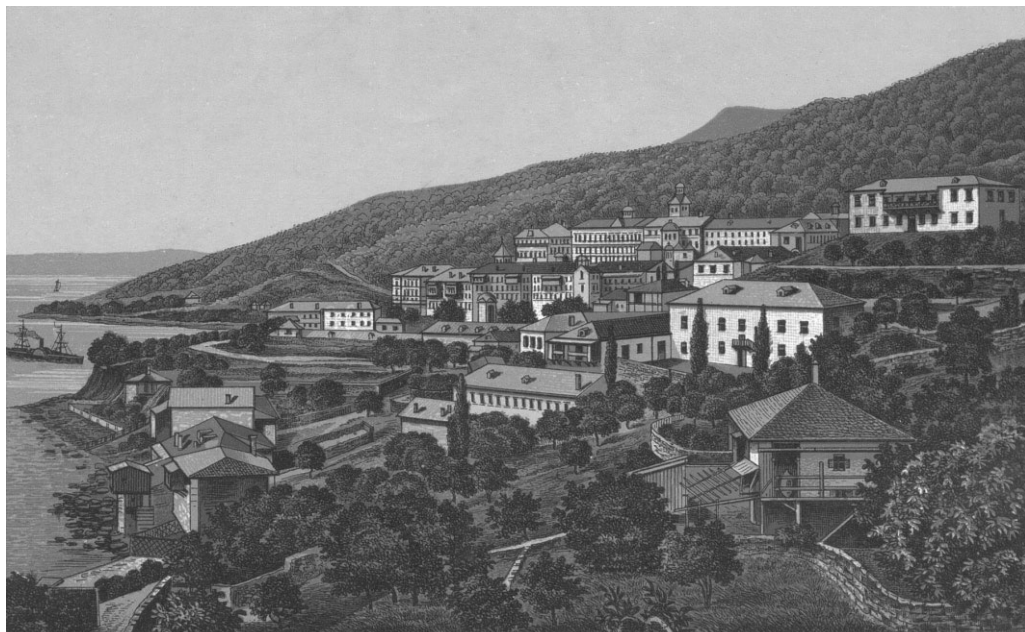
опустело во время битв арабов с греками при царе Константине Погонате. Когда же сей государь в 676 году заключил мир с этими неприятелями своими и Афон как выморочное имение в 680 году отдал монахам, которые в то время скитались по городам, укрываясь в них от убийственных нашествий варваров*, тогда жители богатого города Фессалоники, желая освободиться от таких злополучных скитальцев и вместе жалея об участи их, построили некоторым из них на месте покинутого афонского села (вероятно, бывшего торговым станом их на Афоне)** небольшой монастырь, возобновив тут прежнюю сельскую церковь, чествуемую во имя св. и многоцелебного врача Пантелеимона. В память постройки сего монастыря *общим* иждивением сказанного города он и назывался, и в судебных делах писался *обителью Фессалоникийцев****. А когда Афон, уже монашеский, очень запустел с 830 года по 870-й и когда царь Василий Македонский опять отдал его монахам, тогда один из них, родом фессалоникиец, создавший монастырек св. Пантелеимона •[III/2 13]• на острове Кассандре и давший ему свое прозвание *Френти*, обновил и на Афоне Пантелеимонову же обитель, давню построенную родичами его. Посему она в актах Руссика 1169 года (№ 4 и 7) названа обителью Фессалоникийца:

μονὴ τοῦ Θεσσαλονικέως. Такую древность я усвояю ей на основании седьмого руссиковского акта, в котором сказано, что она *древле* была многолюдна: πολυάνθρωπος αὐτὴ πάλαι ἐτύγχανεν. В 1169 году ее называли древнею. Как же велика была тогдашняя древность ее? Ежели Пантелеимонова обитель в первый раз возникла после 870 года, то древность ее в 1169 году была 299-летняя; а если ее построили богатые фессалоникийцы вскоре после 680 года, то в 1169 году исполнилось 489 лет ее существования. Та и другая древность значительна, но старшая почтеннее младшей. Я признаю древность ее 480-летнюю и отстаиваю это мнение свое вот как. Вскоре после 870 года фессалоникийцам не было никакого повода строить монастырь на Афоне *общим* иждивением своим, а в 680 году был повод к тому законный. Тогда Шестой Вселенский Собор, созванный царем Константином Погонатом, узаконил своими правилами 18 и 42-м: «Клирикам, по причине нашествия варваров оставившим свои места, возвращаться в свои церкви, когда прекратятся варварские нашествия, бывшие причиною удаления их. А пустынных, которые в черных одеждах с отрощенными волосами ходят по городам, определять в монастыри, а если не пожелают сего, изгонять их из городов и жить им в пустынях, от коих и именование себе составили». По силе этих правил Константин Погонат отдал опустевший Афон монахам, и они из материалов тамошних городов и улиц построили

* Смотри мою *Историю Афона*. Ч. III. § 1.

** Сия вероятность подтверждается тем, что приморская башня Пантелеимонова монастыря называлась Солунскою еще в 1561 году.

*** Μονὴ τῶν Θεσσαλονικέων в акте под № 5.

Русский Пантелеимонов монастырь.

себе обители с помощью христолюбцев и воспользовались тамошними прежними церквами*. Тогда фессалоникийцы христолюбивые и монахолюбивые помогли ушедшим от них пустынникам возобновить в своем афонском торговом стане церковь св. Пантелеимона и обстроили ее в виде монашеской обители. •[III/2 14]•

Эту обитель, как я уже сказал, после 870 года обновил монах Френти Фессалоникиец, и она во вторую эпоху афонского иночества после 870 года была многолюдна.

В 1057 году месяца мая индикта 1-го прот Иларион с собором игуменов по царскому приказу решил тяжбу обители, о которой идет речь, с соседним

монастырем св. Никона за одно смежное место, и решил в пользу первой. Тогда пантелеимоновским игуменом был монах Леонтий (Акт Руссика под № 7).

В 1071 году игуменом греческого Пантелеимонова монастыря был монах Феодосий. Тогда же он правил должность и эконома Средины, т. е. Афонского Протата (Акт Руссика № 5: Θεοδόσιος μοναχὸς καὶ ἡγουμένος τῆς μονῆς τῶν Θεσσαλονικέων καὶ οἰκονόμος τῆς Μέσης).

В 1089 году российские иноки, поселившиеся в Ксилургу, выпросили себе Пантелеимонов монастырь у царя Алексея Комнина и водворились в нем (Феодорит), отдавши Ксилургийскую обитель свою в распоряжение Протату. Но недолго они жили в выпрошенном монастыре и оставили его навсегда

* Смотри мою *Историю Афона*. Ч. III. § 1.

по причине соблазнов и смут, причиненных афонцам жившими среди них валахскими семействами, и по примеру греческих монастырников и скитников, удалившихся с Афона по той же причине. Это, по расчислению моему, случилось в 1100 году, когда все афониты сильно встревожены были (мнимым) проклятием вселенского патриарха Николая за допущение ими скоромного зла. После удаления русских монахов из Пантелеимонова монастыря им заведовал Протат до 1169 года, в который, как сейчас узнаем, эта обитель передана была афонским управлением инокам сербским в самом жалком состоянии. Что же делалось в Ксилургии с 1089-го по 1169 лето Господне?

§ 54. Еще слово о Ксилургийском монастыре

Мы уже знаем, что по смерти строителя Ксилургийского монастыря управляли им так называемые на Афоне дикей; знаем •[III/2 15]• также и то, что в 1030 году там был уже игумен Феодул, а после него игумен Иоанникий в 1048 году, а после Иоанникия же имярек, отрекшийся от настоятельства, как это видно из акта 1143 года под № 6, в котором упомянута запись отречения его. У сего-то отреченца русские иноки купили себе Ксилургийский монастырь малый около 1071 года, а в 1089 году перешли из него в обитель св. великомученика Пантелеимона. В 1090 году этот монастырек заняли благочестивые монахи Сербии. Неизвестны ни имена,

ни деяния первых игуменов; ведомо только то, что один из них скончался там, так как запись о кончине его упомянута в Ксилургийском акте под № 6: Χαρτὶ τῆς ἡγουμενίας τοῦ τελευτήσαντος ἡγουμένου. Настал 1143 год, в который индикт был 6-й (sic). Тогда в первые дни декабря месяца избран был новый игумен Христофор, а в 14-й день того же месяца ему передано было все монастырское имущество по описи, составленной властными старцами, назначенными от Протата. В этой описи упоминаются вещи и книги русские, как-то:

Епитрахиль золотой парчи *русская*, наручник Богородицы* русский с золотой оторочкою и таким же крестом (нашивным), занавески старые русские (παλαιὰ ρούσικα). Русские книги: апостолов 2, параклитиков 2, октоихов 2, ирмологов 2, синаксарей 4, паремейник 1, миней 12, патериков 2, псалтирей 2, св. Ефрем 1, св. Панкратий 1, часословов 2, номоканон 1. Сверх того, лохань русская, шляпа русская и тулуп из бараньей черной овчины, очевидно, русский.

Эта опись положительно доказывает вот что: во-первых, в монастыре Ксилургу некогда жили иноки русские, ибо некоторые вещи их помечены в описи старыми; во-вторых, в 1143 году этих иноков уже не было там, посему-то иные •[III/2 16]• насельники поместили оставленные ими вещи и книги *русски-*

* Εγχείριον τῆς Θεοτόκου должен быть большой платок, который брали на руки, когда надлежало нести икону Богоматери в крестном ходу.

ми, каковые пометки не были бы деланы в описи, если бы составляли ее иноки русские; в-третьих, хозяйство Ксилургийского монастыря было скудно. Из переписки церковной утвари видно, что к серебро-позолоченному потиру и дискусу не доставало звезды и лжицы, а другой потир с прибором, кадила и подсвечники все были медные с добавкою железных. В числе скудной ризницы игумен Христофор получил по описи восемь льняных покрывал для святого престола, два льняные платка, одну пару поручей, восемь льняных наручников для держания св. образов. Святых икон, кроме местных в иконостасе, украшенном позолоченною резьбою, в церкви считалось *девянсто*. Некоторые из них были украшены серебряными позолоченными вещами и таковыми же поручами, но не ризами. Кроме немногих серебряных лампад в церкви висели семь стеклянных. Жизненных припасов принято было по описи немного: пшеницы 50 модиумов*, ячменя 30, чечевицы 10, гороха 8. Монастырь держал одного коня и для него седло и узду. Он разным лицам должен был 30 иперпиров. В пристани его находились два мачтовых судна: одно в 250 модиумов,

другое в 150. Число монахов не показано в описи. Но судя по количеству запасных одеяний, между коими значатся 8 ряс, мы полагаем, что в малообъемистом Ксилурге в 1143 году едва ли было больше 20 монахов.

Упомянутые в описи названия *мандал* и *харзан* доказывают, что в Ксилурге жили монахи из племени сербского, у которого поныне слышатся эти оба названия и означают: первое — засов у дверей, а второе — длинное метательное копье (Српски рјечник Вука Стефановича Караџића, 1852: «*Мандал* = засовница, der Thorriegel, vectis portae. *Харзлак* = telum majus). •[III/2 17]•

Замечательно, что Ксилургийский монастырь и после водворения в нем сербских монахов назывался Русским (Акт № 7: $\mu\omicron\nu\eta\ \tau\omicron\upsilon\ \Xi\eta\lambda\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\upsilon\ \eta\tau\omicron\iota\ \rho\omicron\upsilon\varsigma\omega\nu$). Это объясняется исконным обычаем афонского Протата прописывать в судебных актах названия тех негреческих народов, из среды которых явились на Св. Горе первые основатели или устроители монастырей, хотя бы они ушли из них. Так, сей Протат постоянно писал: обитель Афо, или Иверийцев, обитель Амальфинов, которые пришли из итальянского города Амальфи, обитель Болгаров, Сербов, Руссов, приобретших в собственность Ксилургийский укромник.

От 1143 года прошли 26 лет. В течение сего времени число сербов, иноков в Ксилурге увеличилось так, что им стало тут тесно. Тогда игумен Лаврентий решил просить у прота Св. Горы другого большого монастыря. Настал

* Модиум есть мера хлебная. Вероятно, он равен нынешней мере афонской, называемой мазура, и содержит в себе $3\frac{1}{2}$ пуда и 4 фунта. Посему судно в 250 модиумов вмещало в себе 900 пудов. — П.К.: 1 морской или гражданский модий (музурион) равен ок. 17 дм³; 1 монастырский модий равен ок. 14 дм³ (см.: Schillbach A. Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 270).

15-й день августа 1169 года. В этот день игумены всех монастырей, по древнему обычаю и уставу, съехались на праздник Успения Богоматери в Протат и после литургии пошли в управление, где и заняли свои места. Пред ними предстал игумен монастыря Ксилургу, или Россов, и, сотворив обычный поклон, *μετάνοιαν*, смиренно просил священное собрание передать ему какой-либо побольше монастырь из числа находящихся на Св. Горе. Прот Иоанн и весь собор игуменов, зная похвальную жизнь просителя и братии его и усердие их к устройению монашеской обители и приложив к ним слова Спасителя, — *рабе благий и верный! о мале был еси верен, над многими ты поставлю; и еще: всякому имущему дано будет и приизбудет, у неимущаго же и еже мнится имея, отъято будет от него* [Мф. 25, 21, 29] — решили *дать, передать и отдать* (*δίδομεν, παραδίδομεν καὶ ἀποδίδομεν*) Лаврентию монастырь Фессалоникийца, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеимона. При сем решении они имели в виду, что этот монастырь «хоть и многолюден был древле и считался первым между второстепенными обителями •[III/2 18]• по обширности и великолепию, но теперь находился в совершенном упадке от малочисленности монахов и от недостатка продовольствия, так что кажется исчезающим оттого, что некоторые стены и кельи его разрушились, да и те, кои еще стоят, готовы пасть» (*σήμερον καὶ ἀφανὴς ὄραται, καὶ εἰς τὸ μὴ εἶναι παρὰ πᾶσιν καὶ φαίνεται καὶ λογίζεται ἔκ τε*

τῆς σπανῆς τῶν μοναχῶν, ἀπὸ τοῦ μὴ εὐπορεῖν τὰ χορτάσματα, καὶ διὰ τὸ συμπλεπτοκέναι τὰ τε τεῖχη αὐτῆς καὶ τὰ οἰκήματα, ἀλλὰ καὶ ἅπερ ἴστασθαι φαίνονται πτωσὶν παντελῇ καὶ ἀφανισμόν προμηνύοντα). Игумен Лаврентий был обрадован: знать, был в состоянии возобновить передаваемый ему монастырь. Но когда святые отцы объявили ему, что они передадут Ксилургийский монастырь другим монахам, тогда он взмолился пред ними: «Как это можно? Все мы пострижены тут, да и наши родители и сродники тут же скончались, они давали нам и средства жить и поддерживать обитель эту; притом мы отказываемся от своего права требовать от Средины 30 иперпиров, кои она должна нам». Собор, выслушав это, рассудил оставить за сербами Ксилургийскую обитель, с тем, однако, условием, чтобы она была и называлась не подворьем, а приписным монастырем и чтобы в ней жили монахи и эконоμ. Тогда же составлен был акт и утвержден подписями прота и многих игуменов, между которыми подписался по-латыни и авва Амальфийской киновии Пресвятой Марии Фома: «Ego monachus presbyter Thoma abbas Sacrosanctae Mariae cenobii Amalfitanorum me subscripsi» (Акт № 7).

§ 55. Еще слово о Пантелеимоновом монастыре

Est nexus rerum: есть связь бытий. Историк должен поставлять ее на вид наипаче тогда, когда писатели и писа-

ки смешивают и перепутывают лица, предметы и события. Вот и я показываю эту связь, составляя летопись Пантелеимонова монастыря святогорского, в котором *иные* видят древних насельников не сербов, а россов. •[III/2 19]•

Не уйди русская братия из названного монастыря в 1101 году, он не пришел бы в такое жалкое состояние, в каком Протат передал его Ксилургийскому игумену Лаврентию в 1169 году. Ушли русские восвояси? И этот монастырь, покинутый ими и не поддерживаемый фессалоникийскими христианами, разумеется, обиженными передачею его нашим прапращурам, в течение 68 лет разорился так, что всем казался *исчезающим*. Это понятно. А если вы оставите там наших русских иноков до 1169 года, то никак не поймете многого: во-первых, как эти иноки, устроившие обитель Ксилургийскую, расстроили свой Пантелеимонов монастырь и как Протат не прогнал их за это в их тулупную Скифию; во-вторых, как так один и тот же монастырь Пантелеимонов в течение 68 лет *дважды* передаваем был *одним и тем же* монахам (будто бы) *русским*, сперва царем Алексеем Комниным, а потом афонским Протатом, и как так умершие в Ксилурге родители и сродники игумена Лаврентия, если он был русский, пока жили, поддерживали своими пособиями сию обитель, а о Пантелеимонове монастыре вовсе не заботились? Явно, что они были не русские и потому не давали ни одной лепты этому монастырю, чужому

для них, пока он не отдан был им во владение.

Нет и еще раз нет! Русские монахи по доброй воле своей ушли из Пантелеимонова монастыря в 1101 году. С той поры он в течение 68 лет постепенно разрушался и пустел. А в 1169 году Протат отдал его для возобновления и жительства *иным* монахам, которых зажиточность и усердие были известны ему с 1090 года. Кто же эти иные монахи и откуда они пришли на Афон?

Это монахи, с детства знавшие сербские слова *мандал*, *харзан* или *харзлак* и пришедшие на Св. Гору из далматосербского города Роса*. Вся последующая история занятого ими •[III/2 20]• Пантелеимонова монастыря доказывает, что они были сербы. Вот первое неопровержимое доказательство ее. Около 1180 года некоторые святогорцы пришли к великому жупану Стефану Неманю, самодержавному владельцу Диоклитии, Далмации, Травунии, Боснии, Славонии, *Рассии* и Иллирика, *просити милостыню*. *Случисе же единъ отъ нихъ Русинъ родомъ, инокъ непростъ, но искусенъ сказаемымъ*. У великого жупана был сын Растка, 17-летний юноша. Русин понравился ему. Растка, наслушавшись от него об ангелоподобном

* Город Рос существовал в девятом веке. Тогда, во дни царя Василия Македонского, агаряне на своих кораблях пристали к берегам Далмации и взяли тамошние города: Вутому, Рос и Каттаро: «Βούτομα καὶ Ρῶσα καὶ τὰ κάτω Δεκάτορα ... ἦλθον καὶ εἰς μητρόπολιν, ἣ Ραοῦσιον λέγεται». Theophrast. continuat. Lib. V. Ed. Bonnae. P. 289.

житии святогорцев и чувствуя в себе рвение к монашеству, открыл свое сердце Русину и уговорился с ним бежать тайно от отца и матери на Афон. Однажды он выпросился у родителей своих поохотиться за оленями и, приказав ловчим согнать этих зверей до утра, остался с некоторыми из своих ночевать у одной горы. Когда они после веселья заснули, тогда он и Русин *бѣгомъ бѣгуще убѣжаша*. Родители скоро узнали о бегстве своего возлюбленного сына и, догадавшись, что не инъ кто, но Русинъ отведе его во Святую Гору, послали за ним верных людей в погоню. Эти по горячим следам его прибыли на Афон в монастырь св. Пантелеимона и тут застали Растку еще не постриженного в монашество. Юный князь показал им вид, будто на другой же день отправится с ними домой, и игумена упросил угостить воинов как можно лучше. Когда они после веселья крепко заснули, тогда Растка ночью ушел с одним иеромонахом в большую башню монастыря и там принял ангельский образ с именем Саввы. Утром он сбросил с башни посланцам свои светозарные власы и княжеское одеяние и приказал им отдать их родителям его. Таким образом кончилась жизнь князя Растки и началось житие монаха Саввы, который впоследствии сделался архиепископом сербов. Однако он недолго жил в Пантелеимоновом монастыре и перешел в Ватопед. Это повествование занято мною из сербской рукописи, хранящейся в библиотеке Афоно-Павлов-

ского монастыря, в котором древле живали и хозяйствовали сербы. В этом повествовании •[III/221]• видное место занимает Русин, уговоривший Растку бежать на Афон. Он был искусен сказаемым, т. е. большой мастер говорить по-сербски, значит, родился и учился не в нашей России, а либо в *Рассии* сербской, бывшей тогда под властью родителя Растки, либо в городе *Раусии* (Рагузе), в котором в то время были хорошие школы. Правда, в этом городе большинство жителей содержало веру римско-католическую, но были там и православные христиане, как и в наши дни там они находятся (я видел их в 1842 году). Один из них, Раусин, короче Русин, сманил Растку в Пантелеимонов монастырь на Афоне, чего не сумел бы сделать русак, несильный в сербском наречии. Стало быть, сей монастырь был уже не русский, а сербский, хотя по вышепомяннутому обычаю Протата и писался Русским в память *первой* передачи его нашим руссам. Господство и хозяйствование в нем сербских монахов сильно доказывается еще и тем, что когда монах Савва перешел от них в Ватопед, тогда они роптали и говорили: *благо-творил бы своим, а не чужим*. Так не могли говорить наши русаки, потому что они не были *свои* сербскому иноку Савве.

Итак, недолго и неславно жили на Афоне русские иноки в монастырях Ксилургийском и Пантелеимоновом. Их тут сменили сербы, о которых начинается особая речь моя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Славянские монахи из Сербии

§ 56. Первоначальное водворение их на Афоне

Сербы пришли на Афон и омонашили там в конце одиннадцатого века, сперва, как мы уже знаем, в Ксилурге, а потом, в 1169 году, в монастыре св. великомученика Пантелеимона, покинутом русскими иноками в 1101 году. Кто был первым игуменом их в Ксилургийской обители, это неизвестно. А в 1143 году настоятельством тут Христофор, по описи •[III/2 22]• принявший имущество сей обители вместе с записью о кончине предместника его. Преемником его был Лаврентий, выпросивший себе большой монастырь. При нем ли сербский княжич омонашился или при другом, об этом нет никаких сведений ни в актах Пантелеимонова монастыря, ни в житии Растки-Саввы. Да и дальнейшая судьба сего монастыря до царствования Михаила Палеолога неизвестна. А что известно о сербах-афонитах, то предлагается здесь благосклонному вниманию читателя.

§ 57. Сербь-афониты в Хиландаре

Когда по всей Святой Горе быстро разнеслась молва, что сын сербского самодержца омонашился, тогда каждый монастырь там желал *придомить его к себе*. Но счастье досталось Ватопеду. Савва, позванный в эту обитель,

полюбил ее и остался в ней. Сюда прибыл и отец его, сложивший с себя сан великого жупана в 25-й день марта 1195 года и принявший ангельский образ с именем Симеона в построенном им в Сербии монастыре, называемом Студеница, а прибыл 2 ноября 1197 года. Однажды к Савве и Симеону пришел в Ватопед благочестивый старец и посоветовал им создать новый или возобновить какой-либо запустевший монастырь с тем, чтобы он уже навсегда принадлежал отечеству их, дабы приходящие на Афон спасаться сербы находили себе тут теплое пристанище. Оба они приняли этот совет его как внушение Божие и пересказали его проту и священному собору властных при нем старцев и, получив согласие их, пошли избирать себе место. Им понравился запустевший монастырь Хиландарский, в котором была церковь в память Введения во храм Пресвятой Девы Марии. Савва выпросил его у своего родственника, греческого царя Алексея III Ангелоса, в собственность Сербии. А щедрое пожертвования родного брата его Стефана, сербского державца, дали возможность скоро устроить сей монастырь с оснований его. Но •[III/2 23]• пусть говорит об этом сам Савва.

«Сии оубо монастырь нами отъ основания вѣсь создасе, а црьковь обновихомъ тѣчию и пописахомъ*: приложихомъ же книги такожде и светые

* И церковь только обновили мы и расписали.

сосуды, божественные иконы и рызы, завѣсы же и все оукрашение. иеще же и братиѣ на потрѣбоу тѣлесноу иелико можно бѣ. о нихъ же хотѣщимъ вамъ извѣстно оуразоумѣти отъ хрисовоула можно боудеть»*.

Помянутый державец Стефан приписал к Хиландару села: Непробище, Момушу, Сламодраву, Ретивлу, Тръние, Ретивщицу, Тръновц, Хѳчу и другую Хѳчу, 170 влахов, четыре пасеки с ульями и проч.** А греческий царь Алексей Комнин в июне месяце 1199 года, когда индикт был 2-й, отдал Савве и еще монастырь на Афоне, называемый Зигу и находившийся недалеко от Хиландара, дозволил ему держать мореходное судно и предоставил Хиландару право именоваться царским и, подобно святогорским обителям Амальфийской и Иверской, не зависеть от прота. Преподобный Симеон только восемь месяцев жил в Хиландаре и почил о Господе в 13-й день февраля месяца 1200-го года (Архив).

Достаточно сказано о первоначальном водворении славян на Афоне. Цельность истории сей горы требует дополнительного слова и о греческой половине тамошнего монашества, и об отношениях к нему византийских государей, царствовавших после Иоанна Комнина, который уверил афонитов, что патриарх Николай не проклинал их. •[III/2 24]•

* Из Устава св. Саввы, напечатанного в Белграде в 1866 году.

** Из хрисовула великого жупана Стефана Неманя, в монашестве Симеона, в Хиландарском архиве.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

**Ряд греческих царей после Иоанна Комнина с 1143 года по 1204-й, и недостаточность сведений о действиях их на Афоне в эти годы.
Внутреннее расстройство Греческого государства и раздробление его.
Состояние Афона в показанное время**

§ 58. Список византийских царей после Иоанна Комнина по 1204 г.

После Иоанна Комнина, успокоившего взволнованный мнимым проклятием патриарха Николая Афон, царствовали следующие государи:

Мануил	с 1143 по 1179 год
Алексей II	с 1179 по 1182 год
Андроник I	с 1182 по 1184 год
Исаак II	с 1184 по 1194 год
Алексей III	с 1194 по 1202 год
Исаак II снова	в 1203 году
Алексей IV	в 1204 году
[Алексей V]	в 1204 году
Дука Мурзуфл	

Ни хрисовулов, ни сигиллионов, ни приказов этих государей, кроме Алексея III, я не видал в монастырях афонских. Или не показаны мне эти деесписания, или их вовсе нет*. Эту дилемму уяснят следующие за мною историки Афона. А я сообщаю здесь содержание двух грамот, пожалованных Алексеем III

* Государь Мануил, царствовавший с 1143 года по 1180-й, не давал монастырям никаких доходных имений (Никиты Хониата история в русск. переводе. Т. I. С. 268).

Ангелосом преподобному строителю
Афоно-Хиландарской обители Савве в
1198 и 1199 годах.

СОДЕРЖАНИЕ ХРИСОВУЛА
1198 ГОДА МЕСЯЦА ИЮНЯ
ИНДИКТА 1-го*

Благороднейший великий жупан
Сербии господин Стефан Неман, в
монашестве Симеон, и сын его Растка,
в •III/2 25]• монашестве Савва, поселив-
шиеся на Св. Горе в Ватопедской
обители, просили Протат отдать сей
обители во владение Хиландарский
монастырь, древле многолюдный и
знатный, а ныне запустевший и разру-
шающийся, отдать вместе со смежным
местом Милеон, на котором находятся
монашеские укомники (σεμνεῖα). Но
проту и властным игуменам монасты-
рей тяжкою показалась (ἐπιβαρὺς
ἔδοξε) такая отдача. Посему это де-
ло представлено было государю; и
его величество отдал Симеону и Савве
названный монастырь с Милеонским
местом и с находящимися на нем
монашескими жилищами, отдал с
тем, чтобы обновленный ими Хилан-
дар и Милеон были независимы от
Протата, по примеру монастырей
Иверского и Амальфийского, и отда-
чу эту утвердил своим хрисовулом,
данным в Константинополе в июне
месяце 6706(1198) года, когда индикт
был 1-й.

* В этом хрисовуле некоторые слова изгладил-
ись так, что невозможно прочесть их. Однако
смысл его понятен.

СОДЕРЖАНИЕ ХРИСОВУЛЬНОГО
СИГИЛЛИОНА 1199 ГОДА,
МЕСЯЦА ИЮНЯ, ИНДИКТА 2-го

В следующем году монахи Симеон
и Савва просили у царя Алексея III
Комнина дозволения: 1) держать море-
ходную лодку в 1000 модиумов для
привоза в монастырь всего необходи-
мого и 2) присвоить давно опустевшую
ближнюю обитель Зигу. Государь бла-
госклонно внял их прошению и, давши
им просимое дозволение, выразил
оное в хрисовульном сигиллионе
своем, данном в Константинополе в
июне месяце 6707(1199) года, когда
индикт был 2-й. Эта царственная гра-
мота начинается так:

«Ἀγαπητὸς μὲν Ἀβραὰμ τῷ Θεῷ διὰ
τὸ φιλόξενον, Ἰακώβ δὲ πεφιλημένος
αὐτῷ διὰ τὸ ἁπλαστον καὶ κατὰ μόνας
οἰκεῖν ἐπιτόθητον τοῖς αἰρουμένοις. Οὐ
κενὸν δὲ καὶ ἡ βασιλεία μου τὴν τοῦ
Ἀβραὰμ παρὰ Θεῷ ἀγάπην [III/2 26]
ἐφ' ἑαυτὴν ἐφέλκεται διὰ τῆς φιλοξε-
νίας, ἣν ἐπὶ τῷ τιμιωτάτῳ μοναχῷ
κυρίῳ Σάββα... ἐνδείκνυται». — «Воз-
люблен Авраам Богом за страннопри-
имство, а Иаков приятен ему за просто-
ту и склонность к житию уединенному.
Недаром же и царственность моя, как
Авраам, от Бога получает милость за
гостеприимство, оказываемое честней-
шему монаху господину Савве».

§ 59. Внутреннее расстройство
Греческого царства

С 1180 года, в который умер добле-
стный царь Мануил Комнин, началось

внутреннее расстройство Греческого царства, окончившееся раздроблением его. Так как последствия этого события были тяжки для Афона, то я считаю надобным оповестить здесь как и почему расстроилось названное царство и какие новые державы явились в пределах его. В основание сего оповещения положена «История» Никиты Хониата, переведенная с греческого языка на русский и напечатанная в С.-Петербурге в 1860 году. А оповещается сперва внутреннее расстройство государства, а потом раздробление его.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ II

«В 1180 году провозглашен был царем сын Мануила Алексей II, еще не вполне достигший юношеского возраста и имевший нужду в няньке и дядьках. Посему дела ромеев шли дурно, даже хуже, чем когда Фаэтон, взошедши на отцовскую колесницу, не смог пройти между небесными звездами. Сам царственный отрок, занятый пустыми удовольствиями и еще не совсем умевший отличать горе от радости, забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время с юными товарищами своими в играх и развивая в себе самые дурные привычки. А те, которые по отцу были в родстве с ним, будучи заняты другими делами, ни мало не заботились о том, чтобы дать ему наилучшее воспитание и образование, и не обращали никакого внимания на расстройство государственных дел. Одни из них были влюблены в царственную мать Алексея Ксению и

явно ухаживали за нею. Добиваясь взаимной любви от нее, •[III/2 27]• они с искусством Венеры завивали себе волосы, намащались благовониями, подобно женщинам украшались ожерельями из дорогих камней и смотрели на нее во все глаза. Другие, люди жадные до денег и грабители народа, обкрадывали казну, без всякой бережливости тратили назначенные на расходы деньги и придумывали новые расходы, дабы мешок свой, вчера пустой, сегодня наполнить и битком набить. А иные, имея виды на царский престол, всё направляли к этой цели своей. Люди, которые тогда имели особенно большую силу, состоя в родстве с царем, не признавали равенства прав на должности и почести, а посему заботы об общественных делах были покинуты, собрания же и советы прекратились. Между тем протосеваст Алексей Комнин, который по отцу был племянник царя Мануила, совершенно овладел матерью царя-отрока и усилился больше всех других вельмож. Все это возбуждало крайнюю досаду в сановниках, которые принадлежали к тому же дому, имели при царе Мануиле одинаковую с Алексеем власть и были награждены величайшими почестями. Некоторые же из них видели уже и начало тирании и подозрительно смотрели на протосеваста, опасаясь не столько того, чтобы не потерпел чего-либо неприятного малолетний царь Алексей, сколько того, чтобы их самих не схватили. Посему, выжидая, что будет, они заботились только о своей безо-

пасности. Действительно, молва уже громко говорила, что протосеваст Алексей, согласившись с матерью царя, привлекает к себе многих дружбою и деньгами, замышляет свергнуть царя с престола и рассчитывает сам овладеть как его царством, так и царицею. А когда таким образом в царском дворце все было исполнено смутами и всякого рода тревогами, то и в государственных делах можно было видеть то, что в сказке говорится о драконе, который бедствовал от того, что в движениях своих управлялся своим хвостом. Теперь исполнялось и предзнаменование, которое случилось при конце жизни самодержца Мануила. Одна женщина, жившая близ Пропонтиды, родила дитя мужского пола, у которого все члены •[III/2 28]• были чрезвычайно малы, а голова на плечах необыкновенно велика. Полагали, что это предзнаменовало многоначалие, от которого рождается безначалие.

Между тем Андроник Комнин, двоюродный брат государя Мануила и дядя царя-отрока, проживавший вдали от Константинополя, услышал, что несовершеннолетний Алексей забавляется конскими скачками и детскими играми, а его знатные воспитатели одни, подобно пчелам, часто летают в провинции и, как мед, собирают себе деньги, другие, подобно козлам, охотникам до молодых ветвей, скрытно домогаются царского скипетра, а иные, подобно свиньям, тучнеют от самых грязных доходов; о славе же и пользе общего отечества не хотят и подумать,

но валяются в грязи нечистых дел и, как свиньи, склоняются ко всякой гадости. Посему он стал придумывать и изыскивать средства, как бы под благовидным предлогом захватить себе царство. Перебрав множество планов и обдумав все способы, он наконец ухватился за присяжный лист, по которому клялся Мануилу и сыну его Алексею. Тут он нашел между прочим следующие слова: «Если я увижу или узнаю или услышу что-либо такое, что клонится к вашему бесчестью и ко вреду для вашего венца, то и вам дать знать о том, и сам, сколько мне возможно, буду тому противодействовать». Эти слова вполне годились для присвоения власти, которой он давно домогался как человек гордый и властолюбивый. Посему он стал посылать письма за письмами и к царю Алексею, и к патриарху Феодосию, и ко всем другим лицам, в которых еще оставалась искра любви к умершему царю Мануилу. В своих письмах он преувеличивал дурные слухи, распространенные молвою, и высказывал притворное негодование на то, что протосеваст Алексей не лишен власти как по той причине, что отсюда возникает и уже явно грозит малолетнему царю погибель, так и по причине непристойных и неприятных слухов, которые разглашаются уже со стен, рассказываются у дверей народных властителей и распространяются по всему •[III/2 29]• миру. И о всём этом он говорил и писал с необыкновенною убедительностью и увлекательностью. Посему все соглашались с его

мыслями и склонялись на его сторону, считая его единственным человеком, который предан интересам ромеев и при своей долговременной опытности соединяет в себе наилучшие качества. Сам он, между тем, оставив город Эней, направлялся к столице, разглашая везде, где ни проходил, о своей присяге и рассказывая всем о причине своей поездки. Около него начали собираться все желавшие нового порядка дел и охотно верили давнишней молве, предвещавшей, что Андроник некогда будет царствовать. Итак, он вступил в пределы Пафлагонии и везде был принимаем с величайшими почестями как избавитель, идущий по внушению Божию.

Что касается до протосеаста Алексея, то он, гордясь своею силою и во зло употребляя власть государыни, распространял свое влияние на все дела. Без него ничто не делалось. Если же кому и случалось сделать что-нибудь тайно от него, по соизволению государыни или царя Алексея, когда он играл орехами или забавлялся бросанием камешков, то и это не проходило мимо его. Он достиг того, что и все, сделанное другими, восходило к нему же, испросив у царя повеление, чтобы грамоты, подписанные царскою рукою, считались имеющими силу только тогда, когда будут представлены протосеасту Алексею и он своею рукою сделает на них надпись темно-зеленым чернилом: «*смотрено*». Таким образом, он всем управлял и распоряжался по своему произволу; и те деньги, кои

собрали прежние цари из рода Комниных, и собрали с большим трудом, достались на расточение ему и царице. Теперь сбывалось изречение Архилоха, который говорил, что в утробу развратной женщины часто течет то, что собрано долговременным и тяжким трудом. А посему весь Константинополь обращал взоры свои на Андроника, и его ожидали как лучезарной звезды. Тогдашние вельможи тайными письмами своими убеждали его поспешить с прибытием, уверяя, что никто не будет противодействовать •[III/2 30]• ему, но все примут его с распростертыми объятиями. Особенно же ободряли его и понуждали смело идти к ним порфирородная Мария, сестра царя Алексея, и муж ее кесарь, родом итальянец. Она крайне досадовала, что отцовское царство присвоит себе протосеаст; к тому же она была женщина смелая и мужественная, питавшая естественную ненависть к царице Ксении, яко к мачехе своей, и не терпевшая, чтобы кто-нибудь был выше ее самой. Поэтому она письмами, словно шпорами, подстрекала Андроника, хотя чрез это ускоряла свою собственную гибель. В то же время она явно противодействовала протосеасту и не опускала ничего, что клонилось к гибели его. Привлекши на свою сторону тех родственников своих, о которых верно знала, что они расположены к Андронику и питают неприязнь к протосеасту, именно: Алексея Комнина, незаконнорожденного сына царя Мануила, Андроника Лопарду, двух сынов Анд-

роника, именно Иоанна и Мануила, городского епарха Иоанна Каматира и многих других, она составила заговор и, клятвою утвердив верность царю и брату, присудила смерть протосевасту и только выжидала благоприятного случая умертвить его. Но заговор ее был открыт. Тогда все заговорщики были представлены в царское судилище, сделано исследование их преступления, но только для вида, потому что немедленно последовало осуждение; и они отведены были в тюрьму, не получив даже позволения защитить свои намерения.

А кесарисса Мария с мужем своим ушла в церковь Св. Софии и объявила, что ищет тут убежища от мачехи, питающей к ней непримиримую вражду, и от жестокого любовника ее. Этим она не только возбудила жалость в патриархе и во всех священнослужителях, но и многих из собравшегося народа так тронула, что они чуть не плакали о ней. Ободренная участием народа, а частью и сама побудив к восстанию бедную толпу раздачею медных *статиров*, она пренебрегла тем, что обыкновенно дается ищущим спасения в священных убежищах, и когда ей предлагали прощение за те преступления, в •[III/2 31]• которых она была уличена, не только не хотела ничего слушать, но требовала, чтобы соумышленники ее вторично были судимы и освобождены из заключения. Не соглашаясь на то, чтобы протосеваст Алексей управлял общественными делами, она всячески унижала его и говорила, что он

заходит за пределы дозволенного, отваживается на дела совершенно незаконные и так кладет пятно на весь род ее. Затем, увеличивая свои требования, она настаивала, чтобы онный Алексей был выгнан и из дворца и, как терние, выросшее около благородного растения, был с корнем исторгнут и истреблен, потому что сие терние, разросшись, задушит малолетнего самодержца, как пшеницу. Явно: она желала того, что не могло быть сделано. Протосеваст и не думал выходить из дворца. Между тем он именем царя и его матери грозил кесариссе, что если она добровольно не оставит святилища, ее выведут оттуда насильно. Но она отвечала, что никогда не выйдет оттуда по доброй воле и, опасаясь, как бы не схватили ее, приставила к храму стражей и заняла все выходы часовыми. Этого мало. Созвала на помощь себе тяжело вооруженных итальянцев, вооружила мужественных ивилов, приехавших в город по торговым делам, и привлекла на свою сторону вооруженную ромейскую фалангу. Она не слушала никого, кто склонял ее к миру, не уважив и самого патриарха, который предлагал ей весьма дельные советы и часто даже с гневом порицал ее. Во всех других городах народная толпа бывает неразумна и необузданна в своих стремлениях, но в Константинополе больше, чем где-нибудь, сия толпа склонна к возмущениям, отличается дерзостью; и это потому, что она состоит из разноплеменных людей и от занятия ремеслами теряет здравый смысл. А так как

худшее обыкновенно всегда берет перевес, то сия толпа неохотно отступает от своих незаконных требований. Иногда, возбужденная к восстанию одним лишь слухом, она бывает яростнее огня, с радостью идет против мечей и упорно противится, а иногда бывает крайне боязлива. Посему-то сброд людей, •[III/2 32]• населяющих Константинополь, ни сам для себя никогда не придумал и не сделал ничего хорошего, ни других не слушал, когда кто хотел ввести какую-нибудь благотворную и общепользную меру. Всегда действуя противоположно тем городам, которые наслаждаются благоденствием и спокойствием, эти люди всё, что приносят им залив и море, без всякой пользы для себя передают в города иноплемennые. А неуважение к властям есть врожденное в них зло: кого сегодня превозносят как законного властителя, того на другой день поносят как злодея, в том и другом случае действуя легкомысленно и глупо. (Читая это, предвидишь падение Греческого царства.)

Посему-то и теперь начались у них сходы. Сперва они жалели о порфирородной Марии, говоря, что она страдает незаслуженно, кричали против протосеаста как против человека, который во зло употребляет свое счастье, и негодовали на мать царя. Потом дошли до явного возмущения, и когда один священник вынес на площадь изображение Христа Спасителя, другой явился с крестом и еще один с развевающимся священным знаменем, к

ним, как мухи к молоку, налетели мятежники. Все, как бы условившись заранее, шумно выражали благожелания царю и в то же время проклятиями осыпали протосеаста и государыню. Все это продолжалось несколько дней, волновало народ и поощряло его к мятежу. Наконец, чернь взбунтовалась и бросилась грабить и разрушать прекрасные дома тех людей, к которым особенно расположены были протосеаст и вдовствующая царица. Мятежники не пощадили даже государственных актов, в которых изложены были права граждан, утвержденные прежними царями. Протосеаст и его приверженцы, видя, что зло увеличивается, собрали совет и рассуждали о прекращении мятежа. И так как они уверены были, что кесарисса Мария не думает отказаться от своих намерений и нисколько не уменьшает своих чрезмерных притязаний, то решились с помощью военной силы вывести ее из божественного храма... (Произошли кровавые схватки и кончились •[III/2 33]• амнистиею. Кесарисса и супруг ее вышли из храма Св. Софии и отправились в Большой дворец, в котором тогда жили царственные особы.)

Между тем Андроник, который пламенно домогался власти и которого надежды поддерживались частыми письмами знаменитых особ, получил наконец самые верные сведения о всем, что делается во дворце, от дочери своей Марии, которая бежала к нему. Приятные вести, какие он услышал от нее, подстрекнули его, как шпоры под-

стрекают бегового коня. Оставив пределы Пафлагонии, он приходит в Понтийскую Ираклию, а оттуда отправляется далее и всюду своими хитростями, притворством и изворотливым умом привлекает к себе всех, встречающихся на пути... Ему передаются полководцы и флот. Приверженцы его хватают протосеваста Алексея, отводят его в темницу, а отсюда к Андронику, который приказывает выколоть ему глаза. Таков был конец тирании его.

Андроник же, находясь еще на малоазийской стороне Пропонтиды, в Халкидоне, объявил войну находившимся в Константинополе латинам, выслав против них корабли, которые предались ему вместе с адмиралом, а равно и отборную часть военных отрядов, присоединившихся к нему на пути. А так как и городские жители восстали против них, то в одно время началась битва и на суше, и на море. Латины, будучи не в состоянии противиться окружившей их отовсюду двойной толпе, спасались, кто как мог спасать себя, оставив на произвол грабителей свои богатые дома. Одни из них рассеялись по городу, другие укрылись в приятельских домах, иные же, добравшись до кораблей единомышленников своих, кое-как избегли опасности погибнуть от меча. А которые были пойманы, те все были умерщвлены и все без исключения лишились своих имуществ. Что же касается до тех латинян, которые ушли на единоплеменные корабли, то они на Принцевых

островах сожгли несколько святых обителей и, выступив оттуда на всех веслах и с распущенными парусами, высаживались на берег •[III/234]• где хотели и делали грекам всякое зло, какое только могли. (Ниже увидим, что и что они наделали в Константинополе, когда взяли сей город с бою в 1204 году.)

Когда придворные дела устроились так, как хотелось Андронику, тогда он отправился из Дамалиса в Константинополь и, переплывая чрез пролив, напевал стихи псалма Давидова: *Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь благодетель твой. Он избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения* (Пс. 114, 7–8). Между тем юный царь Алексей и мать его Ксения, по желанию Андроника, оставили Большой дворец и переселились в царские чертоги, называемые Манганскими. Сам же он, прибывши в царствующий город, явился к царю, стал пред ним на колени и, обнимая ноги его, заливался слезами, а матери его Ксении поклонился холодно и мимоходом сказал ей приветствие, исполненное пренебрежения и обнаруживавшее ненависть, которая с давних пор таилась в душе его.

После сего Андроник, занявши все великолепные дома и проживая в них, подобно странникам, начал распоряжаться общественными делами по своему усмотрению. Юному царю Алексею он предоставил заниматься псовой охотой и проводить время в других забавах с телохранителями, которых приставил к нему для того, чтобы они

не только наблюдали за всеми выходами и входами его, но и никого не допускали бы говорить с ним о каком бы то ни было деле. А самого себя он всецело посвятил заботам не о том, чтобы благоустроить дела ромеев, но чтобы изгнать из дворца всякого доброго советника, всякого человека воинственного, подозрительного ему и способного к управлению. Распоряжаясь по своему произволу почетными местами и высшими должностями, он некоторые из них отдал детям своим, а другие — тем, которые последовали за ним; из людей же знатных одни были изгнаны им из дома и отечества, другие заключены в темницы и железные оковы, иные лишены зрения, и притом так, что сами не знали •[III/235]• никакой явно взводимой на них вины. Тайно же их обвиняли кого за то, что был знатного происхождения, кого потому, что часто отличался на войне или был замечательно красив или имел в себе что-нибудь другое хорошее, что язвило Андроника и внушало ему недобрые надежды или раздувало искру прежних мелких оскорблений и воспламеняло тлевший до сей поры под золою жар гнева. Вообще, невыносимо было то время, а взаимное недоверие даже между ближайшими родственниками было нестерпимое зло. Мало того что брат не смотрел на брата и отец покидал сына: если это было угодно Андроннику, они неумоимо содействовали предателям и вместе с ними устроили гибель своего рода. Было и так, что иные сами доносили на

своих домашних, обвиняя их или в том, что они издеваются над действиями Андроника, или даже в том, что они расположены к юному царю Алексею и не признают над собою власти Андроника. Многие были обвиняемы в то время, когда сами обвиняли других в злоумышлениях против сего деспота. Так, Иоанн Кантакузин в тот самый час, когда жестоко избил кулаками какого-то скопца Циту, вышиб ему зубы и до крови разбил губы за то, что он, как было доказано, говорил с царем Алексеем об общественных бедствиях, сам был вдруг схвачен, ослеплен и брошен в мрачную тюрьму за то, что с темничным сторожем послал поклон одному из братьев своей жены, бывшему в заключении, именно Константину Ангелосу. При таком порядке дел всякой голове было о чем кручиниться. Кому вчера Андроник подавал лучший кусок хлеба, кому предлагал откормленного тельца, кого поил благовонным цельным вином и включал в кружок своих приближенных, с тем сегодня поступал злейшим образом. Посему многие из приближенных его, люди с умом проницательным, принимали одобрение его за начало опалы, награду каким-либо подарком считали предвестницею потери имущества, а благосклонность — признаком гибели. От него плачевный переход в могилу прежде других испытала кесарисса •[III/236]• Мария, дочь царя Мануила, которая прежде всех и больше всех желала возвращения Андроника в Константинополь. Говорили,

что и муж ее скончался не естественною смертью: одна смертоносная чаша прекратила жизнь обеих особ этих.

А как поступал Андроник с матерью юного царя? Он не переставал обвинять ее и постоянно показывал вид, будто намерен удалиться от царского престола, ссылаясь на то, что она явно идет наперекор ему и противодействует всем распоряжениям его, предпринимаемым для блага общества и царя. В то же время возбуждал против нее негодование народа и своими происками достиг того, что народ не раз собирался шумными толпами к святильским палатам и принудил патриарха Феодосия не только против воли согласиться на следствие и приговор против государыни, но и одобрить своим мнением удаление ее из дворца. Буйная и наглая чернь, ни во что ставя подобающее патриарху благоговение, быть может, схватила бы его и за бороду, если бы он не согласился на требование Андроника.

Достигнув удаления государыни из дворца, сей тиран принялся за вельмож. Сын Константина Ангелоса Андроник с сыновьями своими едва спасся от меча, уплыв из Константинополя в малой лодке; великий дукс Кондостефан, четыре сына его и многие другие были схвачены и ослеплены не после улики, а по слуху о том, что все они участвовали в заговоре против него. Так сгубил Андроник тех, кого уже давно желал захватить в свои руки, но до времени откладывал это желание свое. А некоторых он заключил в темницу,

иных осудил на изгнание из отечества, других погубил иными способами. Когда же увидел, что уже немногие остались такие, которые еще недавно отваживались идти наперекор большинству, да и те дозволяют ему попирать свою шею и движутся вместе с ним на оси его, то решился ускорить погибель государыни. После различных выдуманных обвинений он наконец уличает ее в измене: будто бы она вошла в переговоры с своим •[III/237]• зятем по сестре, венгерским королем Белою, и побуждала его письмами и щедрыми обещаниями разрушить Браничево и Велеград. Обвиненная отведена была с бесславием в монастырь св. Диомида и тут заключена в самую тесную келью. Здесь она терпела наглые оскорбления от сторожей, осыпавших ее насмешками, томилась от голода и жажды и непрестанно воображала жестокого убийцу, стоящего с ножом подле нее. Между тем Андроник нимало не смягчил своей свирепости, но горел желанием предать царицу смерти. Чрез несколько времени, негодуя, что она еще жива, он снова собрал несправедливых судей и предложил им вопрос: какое наказание полагается законами предателям городов и областей? Получив письменное решение, что такие люди обрекаются на смерть, он с этой минуты неудержимо устремился на погибель императрицы. А так как те незаконные судьи громко заговорили, что надобно лишить жизни эту злополучную царицу, то и представили сыну ее, царю,

бумагу, написанную брызгами материнской крови, осуждающую ее на смерть; и он подписал ее. Вскоре несчастная была задушена в келье. Так погибла эта красавица, радость очей, и была засыпана песком на морском берегу. О солнце! Какое черное преступление! О Боже, как непостижимо Твое долготерпение!

А в каком восторге был от сего Андроник, сего и выразить невозможно. Он таял в душе своей от удовольствия, видя, как уничтожается род Мануила, и воображая, что он один останется в Греческом царстве и будет безбоязненно держать скипетр. В начале сентября месяца 1192 года он решился провозгласить себя царем-соправителем юного Алексея. Подлые приверженцы его привели в исполнение эту решимость. В одном собрании они во все горло запели: «Алексею и Андронику, великим царям и самодержцам греческим Комниным, многая лета!» Когда слух об этом разнесся между городскими дураками — константинопольский народ стоит такого названия, — толпы людей всякого рода, ремесла и возраста, подобно •[III/2 38]• несметному рою пчел, сошлись к месту собрания. В это же время один сановник, заведовавший прошениями, и еще один продажный крикун и подлейший слуга тирании, почтенный званием протонотария, как бы одним духом прилетели к тиранову дому, так называемому дому Михаилицы, где совершались эти незаконные дела. Сбросив с себя сенаторские головные уборы, они рас-

пустили свои белодольные плечи наподобие пузырей, составили из простонародья хоровод и стали петь, кружились в середине и, сопровождая свою пляску пением и криками, колотили землю. Какая глупость! Какое легкомыслие! Когда Андроник из дома тиранова прошел во Влахернский дворец и вступил тут в высокую горницу, называемую Политимон, явился туда и царь Алексей, услышав во дворце этом и радостные крики, и плачевные стоны, потому что не все увлеклись тогдашними обстоятельствами. Видя, что почти все провозглашают Андроника царем, он поневоле должен был уступить силе событий и потому и сам начал вместе с другими лстыть старикашке, упрасывая его соцарствовать с ним. Андроник жеманился и шутил над собранием. Тогда более жаркие приверженцы сего похитителя престола схватили его обеими руками и посадили на златотканое ложе, на котором восседал царь. Другие сняли с него дымчатую пирамидальную шляпу и возложили на голову его повязку огненного цвета, третьи облекли его в одежду царскую. В следующий день, когда в Великой церкви началось провозглашение царей, порядок в произношении имен был изменен: имя Андроника возглашено было прежде имени Алексея. Говорили: неприлично безбородого юношу поминать прежде Андроника, седовласого и одаренного обширным умом. Когда же наконец и сам Андроник вошел в священный храм для венчания на царство, тогда в пер-

вый раз показался народу веселым, переменив свой зверский и страшный взгляд, и многим просителям обещал направление дел к лучшему. Но все это было ложно. В храме после обычного венчания на царство он приступил к принятию пречистых •[III/2 39]• таинств и, подойдя к чаше, поднял руки и, притворившись растроганным, вслух всех, бывших тогда в алтаре, поклялся страшными тайнами, что он принял царскую власть единственно по желанию помочь юному царю Алексею, которого спустя несколько дней удавил и бросил в море, предварительно толкнув его, мертвого, в бок и обрутав его родителей. Так скончался царь Алексей, прожив пятнадцать лет неполных и царствовав только три года под руководством сперва матери, управлявшей государством, а потом двух тиранов, захвативших себе государственные дела.

ЦАРСТВОВАНИЕ АНДРОНИКА

Как же царствовал Андроник? Часто оставлял он Константинополь и с толпою блудниц и наложниц проводил время в уединенных местах, где благоприятнее воздух. Придворным своим, только немногим и самым приближенным, показывался лишь в назначенные дни и как бы сквозь завесу; а певицам и блудницам у него всегда был открытый доступ: их он принимал во всякое время. Негу и роскошь он любил подобно Сардапалу и подражал Геркулесу в растлении девиц, но так как не имел сил его для сладострастия,

то прибегал к пособию разных мазей и к изысканным снадобьям, дабы укрепить свои детородные члены. В обращении с жителями Константинополя мало-помалу дошел до того, что издевался над простодушием их, водил их за нос и смеялся над готовностью их угождать царям, не зная того, что они лишат его власти и подвергнут жесточайшей казни. Так, он на портиках площадей повесил большие рога оленей, по-видимому, для того, чтобы показать величину этих пойманных им зверей, на самом же деле — чтобы наругаться над гражданами и осмеять распутство их жен, *ставивших им рога*. Положив однажды навсегда в основание души своей жестокость и ей подчиняя всю свою деятельность, сей человек •[III/2 40]• считал тот день потерянным, в который он не ослепил какого-нибудь вельможу или кого-нибудь не обругал или не устрасил грозным взглядом и диким выражением гнева. Посему люди того времени жили печально и уныло. Не было пощады и женщинам: и они не избавлялись от тяжких наказаний, напротив, и из них многие были ослеплены, брошены в тюрьмы, подвержены телесному наказанию. Отец тогда пренебрегал детьми, дети не заботились об отце. Если в одном доме было пять человек, то трое восставали против двоих и двое против троих. Многие, избегая гнева Андроника как пожара, без оглядки бежали из отечества и поселялись у соседних народов.

Выслушаем рассказы Хониата об ужасных жестокостях сего человека.

Повесив братьев Севастианов за то, что они хотели будто бы свергнуть его с престола и воцарить Алексея Комнина, вступившего в брак с дочерью его Ириною, он схватил его, ослепил и сослал в город Хилу, где и запер его в башне, а жену его, свою дочь родную, возненавидел и удалил от себя, *приказав ей не скорбеть о своем муже*. Однако она плакала и приняла монашеский постриг. У мужа ее был письмоводитель, по имени Мамала. Андроник приказал сжечь этого человека на конном цирке. И вот разведен был огонь. Привели юношу, у которого только что начала показываться борода, в оковах, нагого. Сожигатели обступили его и длинными острыми шестами стали толкать его в самую середину огня. Но он, чувствуя боль, то бросался на обращенные против него шесты, то, пламенем объятый, быстрым прыжком выскакивал из костра. Такое зрелище продолжалось долго. Зрители плакали. Наконец он, выбившись из сил, упал навзничь и сгорел. Какое лютое пожарище!

Андроник не одобрял бывшего в то время обычая спорить о божественных догматах и отнюдь не любил говорить или слушать что-нибудь новое о Боге. Посему он не только •[III/2 41]• разбранил Евфимия, епископа Новопатрского, мужа ученейшего, и Иоанна Кинама за то, что они в царском дворце, в бытность его в Лопадии рассуждали о словах Богочеловека: *Отец Мой болий Мене есть*, но и с великим гневом сказал им, что бросит их в реку Риндак,

если они не перестанут говорить о Боге. Однако он ценил образование и не удалял от себя людей ученых, напротив, приближал их к своему престолу, часто поощрял подарками и удостоивал немаловажных почестей, ободрял красноречивых ораторов и весьма уважал искусных правоведов. А портреты задуманной им царицы Ксении, матери царя Алексея, он приказал переписать и представить ее в виде морщинистой старухи, опасаясь сожаления прохожих при виде ее блистательной, прекраснейшей и истинно достойной царствования наружности.

Так раздражителен, суров и жесток был Андроник. Но в нем были и добрые качества. Он помогал бедным поданным щедрыми подающими, если они не враждовали против него за злодеяния его. Он до такой степени обуздал хищничество вельмож, что в его царствование население увеличилось во многих областях. Кто отдал *Кесарева Кесареви*, с того никто больше не спрашивал, у того не отнимали, как бывало прежде, последней рубашки и насильем не доводили до могилы. Но что еще важнее: Андроник, посылая в области правителей, назначал им большое жалованье и в то же время объявлял, каким подвергнутся они наказаниям, если нарушат его повеления. Он не продавал общественных должностей, но предоставлял их даром лицам избранным. У ромеев был безумный обычай: когда взволнованное море бушевало и выбрасывало корабли на берег, тогда прибрежные жители не оказыва-

ли им никакой помощи, а, напротив, расхищали все, чего не унесли волны. Андроник совершенно прекратил это грабительство кораблей, и не было случая, чтобы корабль, пострадавший от напора волн, потерял что-нибудь из клажи, или чтобы сняли часть палубы его, или срубили мачту, или унесли якорь, или •[III/2 42]• похитили хоть малейшую веревочку. Кроме сего, этот государь возобновил в Константинополе старый подземный водопровод, проведши воду в него из речки Идралы. Еще одна хорошая сторона! Андроник был доступен для всех, кто приходил жаловаться на самоуправство и насилие. Наравне с людьми простыми, он призывал к суду и людей знатных по роду и богатству, тех и других выслушивал внимательно и, если оказывалось, что человек гордый и считающий бесчестьем для себя судиться с бедняком обижал, или теснил, или бил кулаком своего ближнего, жестоко ругал его за это и наказывал. Так, однажды пришли к нему поселяне и жаловались на Феодора Дадиврина, что он, остановившись у них проездом и взявши все, что нужно было ему самому и всей прислуге его и лошадям, уехал, ничего не заплатив. Рассмотрев дело и увидев, что поселяне говорят правду, Андроник Дадиврина наказал двенадцатью палочными ударами, а поселянам приказал выдать из царской казны гораздо больше, чем сколько стоили их издержки. А к некоторым народным правителям он писал: «Истинный князь лжи, ты, глупый мой Синезий, и ты,

продажный Лахана! Дошло до моего царского слуха, что вы делаете много обид: так перестаньте обижать или проститесь с жизнью. Что вы обижаете и живете, это и Богу неуютно, и мне, рабу Его, несносно».

Андроник имел завидную наружность. Стан у него был прямой, рост высокий, лицо даже в глубокой старости млажавое. Он был необыкновенно здоровый человек, потому что чуждался изысканных лакомств, не был ни обжора, ни пьяница и любил есть только жаренное на огне, отчего не бывало у него отрыжки.

Последнее намерение его, к счастью, не исполненное, выходило из пределов бесчеловечия. Видя, с одной стороны, что владения его уменьшаются и что латины (сицилианцы и итальянцы) опустошают все, встречающееся им на пути к Константинополю, а с другой замечая, что и подданные его начинают говорить •[III/2 43]• свободнее и склоняются к мятежу, Андроник осудил на смерть не только всех, содержавшихся в тюрьмах, но и родственников их. «Какая польза, — говорил он, — если на место одной отрубленной головы народится множество новых, и никто не приложит к ним раскаленного железа?» Собрав совет из своих друзей и продажных судей, которые ищут царского стола, как коршуны трупов, Андроник представил им в трогательном виде, сколько бед наделали итальянцы, каким опустошениям подвергли они западные области и сколько завоевали городов; и виновниками всего

этого объявил своих противников. «Они, — говорил он, — жаждут погубили Андроника и готовы на все, только бы лишить Андроника власти и умертвить его. Не имея возможности осуществить свое желание при содействии своих соотечественников, они призвали иноземное войско. Но, клянусь моей старостью, не порадуются враги Андроника и что замышляют против Андроника, то сами получают от Андроника. Ежели судьба влечет и Андроника в жилище ада, то они будут предшествовать ему и первые откроют путь туда, и уже за ними пойдет Андроник». Так как все сообщники его громко закричали, что этих людей надобно стереть с лица земли, то и решено было истребить всех, кто только содержался в темнице или был отправлен в ссылку, да и всех приверженцев их и родственников. Такой приговор тотчас изложен был на бумаге. Начинаясь же он так: «По внушению Божию, а не по приказанию державного и святого государя, определяем и объявляем, что для пользы государства и для блага Андроника, спасителя ромеев, необходимо уничтожить тех дерзких крамольников, которые содержатся в темницах или отправлены в ссылку, равно захватить и умертвить и всех их приверженцев и родственников» и проч. Этот приговор изумляет меня. Не могу понять, почему они убийство приписывали Богу, бесстыдно называя вдохновением Божиим то, что внушил исконный человекоубийца. Они могли говорить иначе и не клеветать на Бога,

как будто Ему приятно •[III/244]• убийство, когда Он вначале создал человека для жизни и не сотворил смерти, когда к Нему вопиет кровь Авеля, и Сам Он вещает, что не хочет смерти грешника, но желает, чтобы он обратился и жил. Осудивши, таким образом, всех на погибель, судьи оставили собрание, а Андроник в сундук положил гнусный приговор их и не успел исполнить его, потому что вскоре умер позорно.

Случилось: взбунтовались жители Константинополя и провозгласили царем Исаака Ангелоса в храме Св. Софии, где он укрылся от мести Андроника, который в это время жил в Милудийском дворце на восточной стороне Пропонтиды. Напрасно приверженцы сего лютого человека старались укротить волнение народное. Напрасно воротился в столицу свою Андроник и, переговаривая с народом, отказывался от царства и передавал его сыну своему Мануилу, надеясь так отдалить близкую и крайнюю опасность. Народ не слушал его и самыми гнусными ругательствами осыпал как его самого, так и того, кого он представлял ему как наследника царства. Когда же чернь ворвалась во дворец, Андроник обратился в бегство и на судне отплыл в Милудийский дворец, вознамерившись бежать оттуда к тавроскифам. Но Исаак послал за ним погоню. Его поймали и в оковах привели к сему новому государю. Тут его ругали, били по щекам, толкали пинками, щипали у него бороду, вырывали зубы и волосы на голове. Затем он отдан был на общее всем

порушение, причем били его даже женщины, и особенно те, которых мужей он умертвил или ослепил. Наконец, ему отрубили правую руку и снова бросили в тюрьму, где он оставался без пищи и питья и ни от кого не видел ни малейшего попечения. А спустя несколько дней ему выкололи левый глаз, посадили на паршивого верблюда и водили по площади. Тогда голова его была обнажена, а тело прикрыто коротким рубищем. Жалкое было то зрелище, исторгавшее потоки слез из кротких очей. Но глупые и наглые жители Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и все те, •[III/245]• которые кое-как живут починкою сапог или с трудом добывают себе хлеб иголкою, сбежавшись на это зрелище, с бессмысленным гневом злодейски напали на Андроника; и не было зла, которого не сделали бы ему. Одни били его по голове палками, другие пачкали ему ноздри пометом, третьи, намочив губку скотскими и человеческими извержениями, выжимали их на лицо его. Некоторые срамными словами поносили мать и отца его, иные рожнами кололи ему бока, а люди еще более наглые бросали в него камни и называли его бешеною собакою. Одна же распутная женщина, схвативши из кухни горшок с горячею водою, вылила ее на лицо его. Словом, не было никого, кто не злодействовал бы над Андроником. Наконец, привели его в открытый театр, стащили с жалкого верблюда и повесили за ноги между двумя столбами. Перенеся такое множество страданий,

Андроник все еще крепился и говорил: «Господи, помилуй! Для чего вы еще ломаете сокрушенную трость?» Между тем бессмысленнейшая чернь, разорвав у него рубашку, терзала детородные члены его, а один злодей вонзил ему длинный меч в горло до самых внутренностей. Некоторые же из латинян со всего размаха всадили ему в задницу ятаган и, ставши подле него, рубили его мечами. Наконец, после такого множества мучений и страданий он с трудом испустил дух свой.

Царствовал он два года, а один год управлял делами без порфиры и царской диадимы.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИСААКА

Исаак Ангелос, нечаянно получивший царскую власть, перешел во дворец Влахернский и показал себя государем, по-видимому, правосудным. Все, томившиеся в ссылках, были возвращены им в дома их, а имущества их частью отысканы и отданы им, частью оплачены государственною казною. Греки, видя в воцарении Исаака как бы перемену зимы на весну или •[III/246]• бури на тишину, со всех сторон пошли в Константинополь: одни для того, чтобы только взглянуть на нового Зоровавеля, другие чтобы получить следующее служащим в войске содержание, а некоторые и для того, чтобы записаться в полки и отправиться на войну с сицилианцами, из которых одни стояли лагерем при реке Стримоне, в окрестностях города Амфиополя, и другие в Мосинополе.

Между тем, как только падение Андроника стало известно сопровождавшим сына его Иоанна в Филиппополь, тотчас и он был ослеплен и умерщвлен. Брат его Мануил был также ослеплен в тюрьме, хотя ничем нельзя было доказать, что он сколько-нибудь участвовал в преступлениях своего отца.

Была война у греков с болгарами. Царь Исаак не участвовал в ней лично и начальство над войском своим вверил своему дяде по отцу, севастократу Иоанну, но вскоре лишил его сего начальства по подозрению в замысле на царскую власть. Его место заступил кесарь Иоанн Кантакузин, зять царя по сестре. Это был человек со счастливой наружностью и весьма опытный в военной тактике, но тогдашнюю войну с болгарами и валахами вел несчастливо. Посему на место его назначен был Алексей Врана. А Врана этот уже давно задумал быть царем. В настоящее время начальство над полками пришлось ему кстати. По совету своих многочисленных и могущественных единомышленников, адрианопольских граждан, преданных ему по родству с ним, он надел красные сандалии, перешел с места военных действий в Адрианополь и тут, быв провозглашен царем от всего войска, двинулся к Константинополю и там расположился лагерем около Филопатииона. Произошли перестрелки между солдатами его и царскими. Наконец Врана был убит кесарем Конрадом, а войско его обратилось в бегство и рассеялось. Тогда царь в час

пиршества велел принести голову Враны. Принесли ее, бросили на пол и, как мяч, начали дротиками перекидывать в разных направлениях; наконец поднесли ее супруге Враны, сошедшейся •[III/2 47]• в царских покоях, и спросили несчастную женщину: узнает ли она, чья это голова. «Знаю, — отвечала она, — и плачу». Супруга Враны была умная женщина, высоко ценившая приличную полу ее скромность, за что дядя ее по матери, царь Мануил, называл ее красою женщин и благоуханным букетом ее пола в царском роде.

Между тем произошло неожиданное событие. Царь Исаак дозволил столичным обывателям и иногородцам наказывать переходивших на сторону Враны подгородных поселян и жителей Пропонтиды. И вот в ночь после поражения Враны по домам несчастных пропонтидцев разливается греческий огонь, который, будучи затаен в закрытых сосудах, вдруг вырывается из них молниями и пожигает все, на что ни падет. Врываясь за ограды, он истреблял каждое здание: было ли оно святой храм, монастырь, общественное или частное строение. И так как беда постигла неожиданно, то огонь истреблял не только жилища, но и имущества людей, потому что никто ничего не мог спасти, кроме какой-нибудь мелочи. С наступлением утра выступил из города собранный кесарем Конрадом латинский отряд в сопровождении множества бродяг и нищих, вооруженных тем, что попало в руки. Вся эта

толпа бросилась грабить и разбойничать в окрестностях Константинополя. Жилища были разрушены до оснований; имущество, какое было в них, расхищено; святые обители ограблены; седина почтенных иноков пренебрежена. Царь прекратил сей мятеж, но поздно — когда все большею частью было истреблено. Вскоре после сего городские ремесленники решились отомстить латинам за их заносчивость и за те ужасные бедствия, кои они только что причинили подгородным жителям. Скопившиеся толпой управляла не одна безумная ярость, но и жажда чужих денег. Рыночные торгаши думали, что теперь наступило самое удобное время прогнать латинян из домов их и расхитить их имущества, как это было во дни царя Андроника. Но они ошиблись в своих расчетах. Латины огородились рогатками и из-за них стрелами •[III/2 48]• поражали мятежников. Наконец посланные царем умные люди успели остановить их. Так-то, — говорит Хониат, — шли дела наши!

Как поступал Исаак с вселенскими патриархами? Воцарившись, он отрешил от патриаршего престола Василия Каматира, несмотря на то что сей архипастырь много содействовал ему в получении царской власти. Причиною низложения его послужило то, что он дал разрешение снять черное платье и жить по-мирски тем женщинам высшего сословия, которых Андроник против воли омонашил. На место его поставлен был сакелларий Великой церкви Никита Мунтан. Но царь не

дал, однако, и этому дряхлому старцу скончаться на патриаршем престоле и, называя его человеком бесполезным и осуждая за старость, сверг и его с кафедры без всякой вины и против его желания. Потом будто бы Богоматерь ночью указала ему преемника сверженного архипастыря в лице монаха Леонтия, описав вид его и доблести и поведав место, в котором он жил. Но не прошло года, как и этот был лишен патриаршества. Осрамив сего Леонтия, Исаак хитро возвел на вселенскую кафедру Иерусалимского патриарха Досифея, родом венецианца. А так как все ненавидели его как искателя чужой кафедры и как человека, который внушал государю самые неблагоприятные распоряжения и в то же время был непростительно самолюбив, то и он принужден был расстаться с пышностью вселенского престола, да лишился и Иерусалимской кафедры, на которую возведен был другой.

Царь Исаак от первого брака имел двух дочерей и одного сына. Старшую дочь он омонашил, а младшую отдал в замужество за сына сицилийского короля Танкреда; сына же своего Алексея готовил в наследники престола, хотя и воображал, что сам будет царствовать 32 года. Во дни его являлись самозванцы, предъявлявшие права свои на царский престол. Однако все они были истреблены. Причиною таких частых мятежей была слабость правления Исаака, который крепко убежден •[III/2 49]• был в том, что как Бог даровал ему власть, так Он один и охранять его

должен. Но пуще всего побуждал властолюбивых людей к мятежу пример самого царя, получившего власть без всякого труда. Им казалось, что стоит только захотеть, и они будут царствовать. При таком самообольщении многие из них брались за выполнение своих предприятий даже без оружия, утапывая только ту дорожку, которую в виду их проложил сам Исаак, вечером убивший Агиохристорита и искав убежища в Великой церкви, а на другой день утром восшедший на царский престол. Посему насколько расчет их предприятия был слаб, настолько несчастны были его последствия; и они вместо мантии из багрянцы покрывались мантией багрового стыда, а иногда даже чернобагровой смерти.

С другой стороны, Исаак, будучи чрезмерно раздражителен и слишком высоко мечтая о себе, казнил многих не только по какому-нибудь ничтожному и случайному поводу, но иногда по одному подозрению или по наущению других. Так, он ослепил солунского градоначальника Андроника Комнина по доносу на него, будто он простирает свои виды на царский престол, а *мнимого* соучастника его Алексея, сына Феодоры Комниной, умного и весьма любезного ко всем мужа, омонашил и, приглашая его к своему столу и предлагая мясные снеди, частенько приговаривал: «Кушай, настоящий». Так же точно он лишил зрения Константина Аспиета за то только, что сей военачальник попросил у него для

войска своего провиантских денег, не выдававшихся целый год.

Станный человек был этот Исаак. Он вполне верил всем нелепым отзывам о нем придворных льстецов и, высказывая то, что таилось в сокровенной глубине его сердца, часто говорил, что Господь перестал слышать молитвы наши и предал нас для наказания народу буйному и неразумному (болгарам и команам) не за общие грехи наши, а за участие в восстании Враны. Но то ли еще говорил сей государь, •[III/2 50]• побежденный болгарами? Он говорил, что оснует всемирную монархию, выжмет сок из всех народов, сам пойдет в Палестину, освободит ее и приобретет *славу Ливанову*, а измаильтян оттеснит за реку Евфрат и пленит и разгонит всех язычников. Царь прибавлял к сему, что тогдашние полководцы его не будут похожи на нынешних, напротив, будут сильнее, съедят богатство народов и высосут жирный мозжечок из костей их, по власти и знатности равняясь нынешним королям. Всё это вдолбили Исааку разные пустомели, подобною болтовней подтачивая и проедая, подобно моли, рассудок его, жадный до всякой диковины и новизны, или, лучше, как няньки убаюкивают детей в колыбели, так они напевом подобных басней усыпляли царя в его праздной и распущенной жизни, как будто бы при всей праздности его наступит определенный час, в который все царства сами покорятся ему, точь-в-точь как древние живописцы рисовали Тимофея:

он спит, а счастье ходит около него, загнавши все города в одну сеть, и передает их ему во владение.

Подобно состязателю на ристалище, царь Исаак тотчас остановился у черты, от которой начинается бег, и не только не сделал больших кругов на арене доблестей, но в изнеможении потерял необходимую для состязания бодрость и совершенно обессилел от одного порыва своих предположений. Таким образом, передавая бразды общественного правления то одному, то другому, он наконец вверил управление всеми делами своему дяде по матери, Феодору Кастамониту. Это был образованный человек, весьма хорошо понимавший управление делами и особенно сбор общественных податей; и царь, возведя его в сан логофета, стал как бы подданным его, во всем следуя указаниям его, или, лучше, сделался крепостным слугою его, без всякого рассуждения исполняя все, что он прикажет ему. По смерти Кастамонита благосклонность Исаака перешла к одному очень молодому человеку, которому надлежало бы еще учить таблицу умножения. А когда и этот скончался, тогда •[III/2 51]• главное управление общественными делами взял на себя один мальчик, только что ознакомившийся с употреблением пера и чернил. Он не только вертел по своей воле самого государя, но распоряжался всеми делами даже по военному ведомству; вообще при своей бойкости в суждениях почти о всем и при изобретательности в деловых предприятиях,

что хотел, то и приказывал царю и потому считался у него свыше ниспосланным благом, веселящим душу. И был он точно шмель или комар, жужжащий в ухо льву, чернокожий карлик, управляющий громадным слоном, снурочек, которым тащат верблюда за нос, узкая дверка и замочек на дороге к царю. Широкие ворота, чрез которые прежде свободно просители проходили к государям, окончательно были заперты. Всегда надлежало заходить с заднего крыльца. Но и там нелегко было добиться пропуска, если кто не нес чего-либо в своей пазухе, хотя бы пришлось продать даже рубашку свою. Дабы приобрести любовь царя и одному заменить у него всех, этот мальчик-старец употреблял в дело как свой оборотливый, льстивый и в затруднительных случаях находчивый ум, так и изменчивость и скрытность. Но в особенности он привлек к себе расположение и доверенность царя тем, что, делясь иногда с ним взятками, отличался в этом отношении замечательными промышленными способностями и такую страсть к поборам, что не только хапал деньги и вещи, но брал и дыни и овощи.

Царь Исаак жил великолепно и любил подчивать гостей. На каждом пиру у него были горы хлеба, царство зверей, море рыб и океан вина. Через день он принимал освежительные ванны, натирался благовонными мастями, прыскался духами, увешивался разными одеждами и завивался. Любя забавы и услаждаясь песнями, этот государь

наполнил свой дворец шутами и карликами, комедиантами, скоморохами, тунеядцами и песенниками. За всем этим, разумеется, следовало бесчинное пьянство, наглое сладострастие и все прочее, что быстро разрушает •[III/2 52]• благоустроенное государство. Однажды Исаак за обедом сказал: «Подайте мне соли», а веселый и остроумный комедиант Халивур, окинув взором сидевших за столом женщин, родственников царя и прислужниц, крикнул: «Царь! Наперед познаем вот этих, а потом пусть подадутся оли» (т.е. другие женщины). Услышав это, все расхохотались. Более всего Исаак был занят постройкой громадных зданий. Он даже священные сосуды брал из Божьих храмов для собственного стола. Кроме сего, вместо кубков для питья употреблял чашеобразные изделия из чистого золота и драгоценных камней, висевшие над царскими гробницами, а красивые умывальницы церковные обращал в рукомойники, с крестов же и с досок, на которых начертаны были изречения Христовы, снимал драгоценные оклады и из них делал ожерелья и цепи, а после и эти цепи переделывал для другого употребления, некстати прилаживая их к разным царским одеждам. Когда кто-нибудь решался напомнить ему, что такие поступки неприличны боголюбивому самодержцу, наследовавшему от предков славу благочестия, тогда он сильно вооружался против таких напоминаний, говоря, что царям позволительно делать все и божественное употреблять наряду со

своим, так как власть свою они получили от Бога, и между Богом и ими нет несоединимого расстояния. Кроме сего он, подделывая серебро, чеканил неценную монету, вообще небезукоризненно собирал деньги, увеличивал тяжесть общественных налогов, употребляя их на излишество своей беспутной жизни, и торговал должностями. Что же касается церковей и иноческих обителей, то щедростью к ним он превзошел всех государей: одни из них возобновлял, другие украшал стенописью и мозаикой. Им построены были бесплатная гостиница на сто человек, больница при храме святых Сорока мучеников и особый приют для недужных. В Страстную неделю Исаак рассылал пособия вдовам и дарил девицам что им нужно было на приданое, на брачные подарки и свадебные расходы. Он оказывал благодеяния даже •[III/2 53]• целым городам, освобождая их от податей. Словом сказать, он так любил расточать милости и так разорялся на пособия нищим, что сыпал на них казенные доходы обеими руками. А отсюда явилась и угнездилась в душе его мысль, что он вправе приобретать деньги не всегда праведно и на должности может назначать людей, которые доставляли бы ему на благочестивые расходы собранные ими деньги, как просовые семена хорошему земледельцу. Если он был раздражителен, то бывал и сострадателен. При таких действиях этот государь думал, что на своем престоле он тверже, чем солнце на небе. Но иное присудил ему Бог.

Родной брат его Алексей сверг его с царского престола и ослепил, а поместил в темнице близ Диплокиона у константинопольского Босфора. Тут он влачил свою жизнь, питаясь умеренно хлебом и вином.

Исаак царствовал девять лет и семь месяцев. Лицо у него было румяное, волосы огненные, рост средний, телосложение крепкое. Ему еще не исполнилось сорока лет, когда он лишен был престола.

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ, БРАТА ИСААКОВА

Этот переворот совершился в военном стане вдали от Константинополя. Оттуда Алексей ехал в эту столицу медленно. Между тем супруга его Евфросиния приготовила ему въезд самый торжественный, потому что сенат и народ с радостью встретили совершившееся событие. Однако когда она переезжала в Большой дворец, тогда несколько беспокойных ремесленников и случайно приставших к ним людей стройным порядком двинулись по направлению к Великой церкви, провозглашая царем астролога, давно замышлявшего быть царем, именно Алексея Кондостефана, и объявляя, что они более не хотят терпеть правления Комниных, которые им надоели. После того •[III/2 54]• как царица Евфросиния не без опасности вступила в Большой дворец, сопровождавшие ее люди знатного рода более отважно, нежели благоразумно, устремились против Кондостефана и тотчас разо-

гнали чернь, а астролога схватили и посадили в тюрьму. Когда народное движение было таким образом оставлено, тогда духовенство стало на стороне нового правительства; и один церковник, подкупленный небольшим количеством денег, не дожидаясь приказания архипастыря своего, взошел на священный амвон и провозгласил Алексея царем. Затем и патриарх после небольшого противления перешел на сторону сильную. Когда же он уступил, тогда уже никто не посмел спорить; все, как рабы, побежали в Большой дворец к царице и прежде, нежели увидели нового властителя или узнали точно, что сделано с прежним царем, перегнулись в три сгиба пред женою человека, о котором сказали им, что он царь, подложили ей под ноги свои головы как скамеечку, наперерыв стремились, подобно тявкающим собачонкам, лизать кожу башмаков ее. До такой степени одна молва овладела этими бедняками! Со своей стороны хитрая царица, умевшая пользоваться обстоятельствами, каждому сказала приличное слово и своею любезною болтовнею очаровала византийских простаков так, что они, как свиньи, кои от услаждения опрокидываются навзничь, когда им почешут брюхо, дав пощекотать себе уши ласковыми приветствиями, нашли, что во всем случившемся не было ничего возмутительного. Так все было подготовлено ко вступлению царя Алексея без пролития капли крови и даже без наказания кого бы то ни было лишением имущества. Спусти

несколько дней наконец сам он вступает в Византию и во всем убранстве, сидя на раззолоченном ложе, весело принимает всех, явившихся к нему, нимало не смущаясь мыслью о том, что он сделал со своим братом. Затем Алексей в храме Св. Софии был помазан на царство. Но когда он вышел оттуда и стал садиться на арабского коня, это животное взбесилось так, что с головы царя слетел венец, да и сам он сброшен был •[III/2 55]• с него. Привели другого коня, и царь поехал. Но заметно было, что корона на нем была не цела; и это было сочтено предзнаменованием будущности неблагоприятной.

Алексей после венчания на царство предался праздности, как будто бы царствование, по его понятиям, состояло не в попечительности о благе людей, а в удобствах роскоши и наслаждениях неги. Итак, бросив управление общественными делами, как бросает свое кормило кормчий, изнемогший в борьбе с волнами, он только и делал, что рядился в золото, выслушивая всякие доклады и исполняя просьбы всех лиц, содействовавших ему в достижении власти, и беспощадно сорил деньги, которые собирал Исаак. Супруга сего государя, женщина умная, наделенная даром говорить увлекательно, любезно, сладко, грациозно, способная предвидеть будущее и в то же время умеющая пользоваться настоящим, была также злая зараза. Я не обращаю внимания (говорит Хониат) на ее наряды, на роскошь, которую она завела, на ее

страсть переменять все, что есть, и выдумывать небывалое; но говорю о том бесстыдстве, с каким она, отбросив приличие, срамила себя и позорила своего мужа. Между тем она достигла того, что царская власть разделилась между двумя: уже не один государь приказывал теперь, что ему было угодно, но с полномочием распоряжалась всем и государыня по своему усмотрению, часто даже отменяя то, что повелено было царем, и делая распоряжение иное. Помощником ей был Константин Месопотамский, тот самый, который имел большую силу при Исааке Ангелосе. Она помирила его с мужем. Тяжело было перенести эту неожиданную новость всем, кто прежде имел силу, а теперь утратил ее и подобно *светляку* сделался незаметен с рассветом дня; но кровные родственники государыни едва не задохлись с досады от такой перемены дел. Тогда они восстали против нее и изыскивали средства отмстить ей жестоко. И отмстили. Явившись к государю, они между прочим сказали ему: «Твоя невинная супруга, государь, открыто ведет себя самым гнусным образом, и мы •[III/2 56]• опасаемся, как бы она, оскверняя, как блудница твое супружеское ложе, не вздумала произвести какой-либо новый переворот, потому что она употребит все старания, чтобы царем был тот, с кем она постоянно любезничает и бесстыдно разделяет ложе. Посему, необходимо положить конец ее могуществу и остановить отовсюдное стечение к ней огромных сумм. Ее любов-

ника, которого ты усыновил, а она сделала своим наложником, надобно безотлагательно теперь же уничтожить, дабы пресечь навсегда такой позор. Суд же над преступною женой лучше отложить до того времени, когда ты, с Божией помощью совершив настоящий поход (в западные области), возвратишься в Константинополь». Между тем царица Евфросиния, сметив, какая буря готова разразиться над нею, жалобно просила всякого, кто только пользовался доверенностью царя, защитить ее пред ним, так как ей грозит опасность быть изгнанной из дворца и даже лишиться жизни. Действительно, весьма многие сжалились над нею, и одни из них убеждали царя пренебречь взведенными на жену обвинениями, называя обвинителей ее колючими и лукавыми сплетниками; другие советовали ему действовать в настоящем случае осмотрительно, дабы после не пришлось опять принять в свой дом ту, которую теперь прогонит как блудницу. После сего царь, перешедши во Влахернский дворец, не вдруг излил свой гнев. Однажды он допустил Евфросинию к своему столу, потом не хотел более жить с ней. Она же настоятельно требовала суда. Но царь, строго допросив некоторых спальничных женщин и евнухов, приказал удалить ее из дворца с лишением всех царственных украшений и отличий. Итак, вывели ее оттуда тайным ходом в бедном балахончике, какой обыкновенно носят женщины, трудами рук своих добывающие себе пропитание, в сопровождении

двух служанок варварского происхождения, плохо понимавших греческий язык, посадили в двухвесельную лодку и отвезли в женский монастырь, построенный около устьев Понта, именно Ниматарейский. После того как эта государыня •[III/257]• была удалена таким образом, оговорившие ее родственники пожалели о ней тем более, что общее презрение преследовало их за то, что они без всякой надобности обесславили женщину, которая была виновницей их собственной славы. Все родственники царя составили союз между собой в этом общем деле, а Константин Месопотамский пустил в ход все машины. Таким образом царица по прошествии шестимесячного заточения ее в монастыре опять была призвана и получила силу более прежней. Она не мстила своим врагам, а мужа своего, хоть он и прервал все супружеские сношения с нею, подчинила себе хитрым обращением с ним, делала из него с помощью искусной лести все, что хотела, и забрала в свои руки все отрасли государственного управления. (Удивительная женщина!)

«Между тем Константин Месопотамский, по собственной просьбе его, рукоположен был сперва в диакона Великой церкви, потом в епископа в город Солунь, но жил в Константинополе, занимался здесь государственными делами и подобно блохе скакал по головам многих людей. Однако эти люди соединились против него, составили несколько пустых и бессвязных обвинений и успели в своем замысле.

Константин не только был выброшен из дворца как какой-нибудь небольшой шарик, пущенный сильною машиною, но лишен и архиерейского сана.

В таких и подобных делах прошли три года после воцарения Алексея Комнина. Дальнейшее время его царствования не представляет ничего особенно нового сравнительно с прежним: те же порядки, та же распущенность в жизни и непременно то же беспредельное высокомерие!

Во все это время царица Евфросиния заботилась о здоровье своего мужа, страдавшего подагрой, но гораздо более думала о том, кто будет преемником царя, у которого не было сына, и хотела, чтобы этот человек был почителен к ней. Разные лица указывали ей разных сановников и при этом руководствовались •[III/2 58]• единственно своеличною выгодой. Из знаменитых родом и богатством протостратор Мануил Камиц противодействовал своему дяде по матери севастократору Иоанну, а этот в свою очередь мешал ему. Три царские брата, ослепленные Андроником, и зять их по сестре, Иоанн Кантакузин, также лишенный зрения, прочили на престол своих детей. Были люди, которые недавно грызли желуди и жевали понтийскую свинину, а теперь открыто изъясняли свои притязания на царский престол. О, знаменитая Греческая держава! Кто не овладевал тобою насильно? Кто не бесчестил тебя нагло? Кого ты не украшала диадимом и не обувала в царские сандалии? Тебя можно сравнить с цар-

ственной женщиной, которая наделена всеми счастливыми дарами природы и внушает благоговение строгою красотой своею, величественною осанкой и благородным взглядом, но увлечена бесстыдными развратниками, не стоящими полушки. О, позор! Чего ты не вытерпела? Чего не нагляделась? Исчезли то скромное выражение в лице, та безыскусная красота, то целомудренное и сдержанное обращение с людьми, кои отличали тебя прежде. Твое лицо подделано и расписано разными снадобьями; ты стала сладострастной и предалась распутству. Когда же наконец не будет у тебя благообразия безобразного, прелести отвратительной, походки дерзкой, взгляда искусственного? Или кто хоть насильно вырвет тебя из тиранических объятий и возвратит к прежнему независимому образу жизни? А теперь, вместо того чтобы жалеть тебя, мы скорее готовы смеяться над тобою, замечая твои предосудительные связи и видя позор твой, боимся, как бы ты не погибла окончательно и не испытала такого падения, после которого уже нет восстания». Горьки эти слова Хониата, предвидевшего падение Византийского царства!

Не менее горько повествование сего историка о царице Евфросинии.

«Ее необузданность портила и затмевала даже и то, что в жизни ее, по видимому, согласовалось с требованиями долга •[III/2 59]• и благоприличия. Увлекаясь страстно знать будущее, она позволяла себе разные постыдные гадания и прорицания и множество

непристойных поступков. Так, она отрубила нос у медной статуи Калидонского вепря на ипподроме, жестоко высекла розгами по спине истукан знаменитого Геркулеса — дивное произведение Лисимаха. У иных статуй мужских отбила половые члены, другие обезглавила ударами молота по голове. Зато в каких непристойных выражениях не отзывались о ней в городе и какой поносною бранью не ругал ее народ за такие деяния? Но она, не обращая внимания на все толки, в мужской одежде, с ловчею птицей в руке, в сопровождении охотников и ловчих отправлялась на охоту и предавалась всем наслаждениям травли, подускивания и разных охотничьих криков.

Царь Алексей, свергнув с престола брата своего Исаака, позволил ему жить свободно близ Диплокиона и никому не запрещал посещать его, забыв, что огорчения раздражают людей и долго помнятся и что мстительность никогда не дремлет, но всегда готова воспользоваться благоприятными обстоятельствами, дабы нечаянно всею тяжестью своей пасть на оскорбителей. Таким образом, всякий желающий имел свободный доступ к Исааку, и между прочими ходили к нему латины. С ними он тайно совещался, как бы низвергнуть Алексея, и посылал письма к дочери своей Ирине, супруге Филиппа, тогдашнего правителя Сицилии, с мольбою, чтобы она заступилась за отца своего. Равным образом сыну Исаака Алексею по осво-

бождении его из заключения царь предоставил полную свободу и даже сам, отправляясь в поход против протостратора, позволил ему сопровождать себя в Дамокранию. Между тем этот Алексей, без сомнения, по мысли отца своего Исаака, условился бежать с одним пизанцем, имевшим большой купеческий корабль, и только ожидал удобного времени ускользнуть морем и закрыть свой след водою. Когда удобное к отплытию время наступило, тогда корабль распустил паруса и доставил •[III/2 60]• Алексея в Сицилию. Здесь сестра его Ирина выслала навстречу ему телохранителей, приняла брата с распростертыми объятиями и неотступно стала просить своего мужа Филиппа, чтобы он сколько можно помог ее отцу, лишенному своими родными не только власти, но и зрения, и приютил брата ее, который странствует подобно блуждающей звезде, ничего не имея с собой, кроме своей собственной особы.

При этом надобно оповестить еще одно важное обстоятельство. Братья Ангелосы недобросовестно пользовались властью, но особенно были корыстолюбивы, не опуская случаев извлекать деньги даже из нечистых источников, и притом не берегли собираемых богатств, но сыпали их обеими руками на драгоценные одежды, более же всего разорялись на любовниц и на родню бесполезную. Посему они не только опустошали греческие города, взимая с них новые небывалые подати, но обирали и латинян. Нарушая мирные

договоры с Венецией, они часто налагали на венецианцев разные денежные налоги, брали с их кораблей контрибуции и ссорили их с пизанцами, так что нередко можно было видеть, как среди самого Константинополя или в открытом море граждане обеих республик схватывались между собою и грабили своих соперников или подвергались их грабежу. Помня все это, венецианцы выискивали удобный случай отмстить грекам, особенно с того времени, когда царь Алексей по скряжничеству отказался уплатить им 200 *мин* золота в вознаграждение за имущества, конфискованные у них еще царем Мануилом. К крайнему бедствию византийцев в это время дожем Венеции был Генрих Дандуло, весьма озлобленный против них. Он не хотел умереть до той поры, пока не отмстит грекам за все обиды, причиненные ими народу его, и решился взять Константинополь. В течение трех лет были построены им в Венеции двести сорок судов, и по изготовлении их посажены были на палубы 1000 всадников, закованных в железо, и 30 000 пехоты. Как только сей флот приготовился выступить, к одной беде для греков присоединилась •III/261• другая, по пословице: *беда за бедою, как волна за волною*. Перед самым отплытием флота явился в Венецию юный сын ослепленного царя Исаака, Алексей, снабженный грамотами Римского папы и сицилийского державца Филиппа, которые обещали величайшие выгоды всем вождям сего воинства, если они этого Алексея воз-

ведут на отцовский престол. Само собою разумеется, что они охотно приняли его на свой флот, рассчитывая таким образом не только прикрыть благонамеренностью свое разбойническое предприятие, но и вполне удовлетворить свою алчность несметными грудками денег. Приняв к себе Алексея, они заставили его клятвенно согласиться на такие условия, которых он никогда не мог исполнить. Юноша же этот обещал не только дать им целый океан денег, но и отправиться вместе с ними на войну против сарацинов с греческими пехотными полками и с пятьюдесятью трехгребными кораблями. Сего мало. Он еще обещал принять латинские уклонения от веры и признать все преимущества Римского папы.

Венецианский флот подступил к Константинополю, и этот город осажден был с моря и суши. Не было ни вала, ни других каких-либо оборон, и только одни стены города отделяли осаждаемых от осаждающих. Были вылазки и сшибки, но не сражения. Царь Алексей со своею дочерью Ириною поспешно убежал в Девельт, где наперед приготовил себе убежище. Трусливейший из людей! Его не остановила любовь к детям и жене, его не тронула судьба великого города, но в малодушии и трусости он променял благо всех городов, областей и всего народа на свое личное спасение, и то сомнительное! Алексей царствовал восемь лет, три месяца и десять дней.

ЦАРСТВОВАНИЕ
ИСААКА АНГЕЛОСА
ВМЕСТЕ С СЫНОМ ЕГО АЛЕКСЕЕМ

Между тем как этот беглец спешил куда отправился, народ, устранив от управления всех приверженцев беглеца •[III/2 62]• и жену его Евфросинию, обратил взоры свои на брата его Исаака, томившегося в заключении внутри дворца. Начальник царской казны, евнух Константин, позвал секироносцев и сказал им надлежащую речь. Между тем собрались сановники, которые давно с нетерпением желали вторичного воцарения Исаака. И вот царицу Евфросинию арестовали, всех родных ее заключили в темнице, а слепого Исаака возвели на царский престол. Немедленно Исаак послал вестников к своему сыну Алексею и к вождям латинского войска с уведомлением о бегстве своего царственного брата. Правда, латины не воспользовались этим обстоятельством, чтобы произвести новое нападение на Константинополь, но, с другой стороны, не прежде отпустили от себя сына Исаакова, как уже тогда, когда Исаак и сам изъявил согласие на выполнение тех обещаний, кои дал им сын его Алексей. А эти обещания были таковы, что латинам не оставалось желать ничего более ни для своей славы, ни для своих выгод. Соглашаясь на все для занятия отцовского престола, Алексей, легкомысленный и неопытный юноша, не взвесил ни надлежащего значения некоторых предъявленных ему требований, ни той ненависти, которую латины питали к грекам. Купив, таким

образом, возможность свободно вступить в Константинополь унижением царского сана, Алексей в награду за свой подвиг сел в качестве соправителя рядом с отцом своим на царском троне. Все население города пошло ко дворцу, чтобы посмотреть на отца и сына вместе и обоим поклониться. То же сделали и военачальники латинские. Им Исаак передал все, что нашел в царской казне; когда же не стало у него денег, пошел за ними в Божии храмы. Началось печальное зрелище. Мало того что топорами отбивали и на пол повергали святые иконы Христовы, а драгоценные оклады сдирались с них на переливку не с бережью, а как попало; с такою же точно безбоязненностью брали из церквей священные сосуды, переплавляли их и отдавали неприятельским войскам в виде обыкновенного золота и серебра». •[III/2 63]•

Не оповещаю (я, Порфирий) дальнейших неурядиц, междоусобий, пожаров и грабежей в Константинополе в царствование слепого Исаака и сына его Алексея и пером Хониата описываю только окончательное падение Византийского царства под ударами латинян.

«Константинопольцы, не видя никакой помощи себе от правительства тогда, когда извлечен был ими меч против латинян, начали готовить восстание, порицать государей своих и обнаруживать мысли, кои уже давно в них таились. Наконец, 25 января 6712(1204) года в Великой церкви составилось

чрезвычайно большое собрание. Собравшиеся силою принудили явиться сюда сенаторов, архиереев и почетный клир для общего рассуждения о избрании нового царя и, горячо занявшись приисканием желанного, без всяких соображений выбирали в цари то одного, то другого из круга высшей знати, а забрав ее, начали выбирать вожakov черни. Схватят кого-либо за руку, поставят на средину и с обнаженными мечами в руках начнут убеждать принять царский венец. Ох, ох, ох! Что могло быть прискорбнее и тяжелее подобной пытки или что можно представить себе смешнее и бестолковее дурачества тогдашнего сборища? *Ризу и маши: начало вождь нам буди* (Ис. 3, 6). Вот как просто решали тогда дело! В заключение всего через три дня взяли одного молодого человека, Николая Канавосу, и против его воли помазали на царство. Когда дошло это до сведения юного царя Алексея (Исаак лежал при последнем издыхании), тогда он пригласил к себе маркиза Вонифатия, и оба они решили, что нужно ввести во дворец латинское войско, дабы таким образом низложить новопоставленного царя. Как только их намерение сделалось известным, Дука Мурзуфл воспользовался этим удобным случаем для совершения замышленного им переворота и, кроме великого числа своих родственников, склонил на свою сторону евнуха, управлявшего царским казначейством. В глубокую ночь он вошел к государю и с тревожным участием ска-

зал •III/2 64]• ему, что его родственники, множество неизвестных людей и впереди всех секироносный отряд варваров рвутся в дверь с тем, чтобы убить его за дружескую связь с латинами. Пришедши в ужас от такого известия и почти не владея сознанием, юный Алексей умолял его дать совет, что ему делать. Дука скоро окутал его широкою домашнею одеждою, схватил за руку и торопливо повел через потаенную дверь в секретную комнату внутри дворца. Алексей почти благодарил его за участие, однако вскоре закован был по ногам в железные цепи и брошен в самую ужасную тюрьму, а Дука возложил на себя отличия царского сана. После сего одни из царедворцев принесли ему обычные поздравления, а другие собрались к находившемуся при Великой церкви Канавосу, человеку добродушному, благонамеренному и не лишенному военных дарований. Но так как у константинопольцев всегда получало перевес то, что худо, то Дука брал верх и усиливался, а Канавос постепенно ущербал подобно луне. Наконец, немного спустя, оруженосцы Дуки арестовали его. Что же касается до сверженного с престола Исаакова сына Алексея, то Дука дважды подносил ему чашу с отравою. Но так как юность крепко противилась действию яда — тем более что молодой царь принимал противоядия, — то Мурзуфл пресек нить его жизни петлею после шестимесячного и восьмидневного царствования его.

ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСЕЯ ДУКИ МУРЗУФЛА

Окончательно утвердившись на престоле, Дука, хитрый, скрытный и самонадеянный, нашел царские сокровищницы пустыми и потому начал жать, где не сеял, и собирать, где не расточал. Он обложил тяжелыми взысканиями все лица, в сане кесарей и севастократоров занимавшие прежде высшие правительственные должности, и выреченные отсюда деньги обратил на государственные расходы. Прежде всего и нетерпеливее всех он желал окончательно поразить латинян, считая •[III/2 65]• сие дело легким, посему увеличил бревенчатыми надстройками высоту прибрежных стен города, огородил земляные ворота укреплениями и собственным примером одушевил войско свое. Много раз, опоясавшись мечом, с медною булавою в руках, он то отражал неприятельские нападения, то сам храбро и неожиданно напал на неприятелей, когда те вроссыпь искали себе продовольствия. Но все эти схватки были напрасны. Латины взяли Константинополь с боем в 1204 году. Тогда Дука Мурзуфл, посадив с собою в лодку супругу царя Алексея, Евфросинию, и дочь ее Евдокию, в которую был влюблен (с ранних лет, бесстыдный развратник и сластолюбец, без всякой справедливости разведшийся с двумя законными женами), оставил Константинополь, царствовал только два месяца и шестнадцать дней».

NB. Сей Дука потом был ослеплен и попал в руки латинян. Они привезли

его в Константинополь, там втащили на высокую Таврскую колонну и оттуда столкнули вниз. Несколько мгновений несчастный летел стоямя, потом перевернулся вниз головою и разбился вдребезги. А царица Евфросиния вместе с мужем ее Алексеем III, братом Исаака Ангелоса, отослана была латинским королем Балдуином в местечко, называемое Алмирос; отсюда же солунский державец Вонифатий отправил обоих их к королю немецкому.

§ 60. Раздробление Греческого царства

У кого гниют внутренности, тот скоро умрет. Умерла и Византийская держава, пораженная внутренним гниением. Но подчиненные ей племена очутились под властью держав иностранных.

«Самою главною причиной падения Греческого царства, — говорит Хонигат, — были мятежники и искатели престола из рода Комниных. Укрываясь у народов, враждебных грекам, они становились смертельною язвой отечества своего, тогда как, •[III/2 66]• живя среди нас, они были самыми бесполезными людьми, совершенно неспособными управлять государством».

Примеры греческих царей, низвергавших друг друга с престола, породили в смелых подданных их непокорность и стремительную охоту к независимости от них, так что Греческое царство с последнего 25-летия XII века начало распадаться на отдельные державы.

В 1186 году Петр Асень, потомок древних влахо-болгарских державцев, освободил Болгарию и живущие в ней племена от ига византийских царей. Преемник его Иоанн Асень присоединил Болгарскую церковь к церкви Римской и, по благословению тогдашнего папы Иннокентия III, в марте месяце 1204 года помазан был на царство папским кардиналом. С той поры Болгария оставалась самостоятельной державой, пока не сокрушили ее турки.

Современно с болгарами сербы сделались независимыми от византийских греков в последние годы двенадцатого века, когда великим жупаном у них стал Стефан Неманя, впоследствии омонашившийся на Афоне.

В 1197 году, когда царствовал брат Исаака Ангелоса Алексей, один генуэзец по имени Кафур, снарядив несколько морских судов, снабженных двумя и тремя рядами весел, и запасшись купеческими кораблями, начал опустошать приморские города и своими нападениями привел в бедственное состояние острова на Эгейском море. Между прочим он напал даже на Адрамитий (малоазийский город против острова Лесбоса), захватил там разнородную добычу и награбил неисчислимое богатство. Когда византийское правительство, которому надлежало смотреть за ним, пробудилось от глубокого сна, тогда против Кафура послало с тридцатью кораблями Иоанна Стириона, бывшего некогда морским разбойником. Но он был побежден

генуэзцем. Этот опустошитель коварно напал на греческие корабли, стоявшие около Систа, в полуденное время, когда все матросы сошли на берег, и забрал их с оружием и со всеми •[III/2 67]• съестными припасами. После сего он уже без всякого опасения нападал на острова и грабил приморские области, взимая с них такие подати, какие угодны были ему. Однако царь Алексей снарядил другие корабли и поручил их тому же Стириону, который при содействии флота пизанцев неожиданно для Кафура сразился с ним, взял его в плен, лишил жизни и овладел всеми кораблями его. Но от того не легче было островам и приморским областям, кои ограблены были Кафуром (Хониат. Т. II. С. 181 и след.).

В конце одиннадцатого века турецкие султаны из рода Сельджуков завоевали наилучшую часть Малой Азии. К ним переходили весьма многие семейства греческие из малоазийских городов, избегая смут и кровопролитных междоусобий византийских греков, и жили спокойно под защитой этих султанов.

В 1191 году известный Ричард *Львиное Сердце* завоевал остров Кипр у местного топарха Исаака Комнина, не повиновавшегося приказаниям своих царей, и подарил сей остров Гюи Лузиньяну. В древней Греции области Акарнания и Этолия почти всецело отняты были у византийских государей, и кем же? Теми сановниками, которые царским именем управляли этими областями, именно Сеннахири-

мами, Мелиссинами и Комниными. Пелопоннес был раздираем местными честолюбцами. В самой полуденной части сего полуострова, Мессинии, савновники Мелиссины, владевшие тут обширными имениями, приучали эту область повиноваться только их власти. В Евротской долине и во всей Лаконии господствовал честолюбивый Лев Камариопил, а в Аργοлиде, Навплии, Аргосе, Коринфе распоряжался как хотел некий Лев Сгур, женившийся на Евдокии, дочери низверженного царя Алексея III. (Хониат).

Когда латины с бою взяли Константинополь (1204 г.) и провозгласили императором фландрского графа Балдуина, тогда разделили между собою Греческую державу так, что сему императору дали четвертую часть ее, а из трех прочих частей •[III/2 68]• одну половину отделили венецианцам, другую же военачальникам французским и ломбардским. Граф Монферратский Вонифатий получил в удел Македонию со столичным городом сей области, Фессалоникой, и остров Крит, который, однако, вскоре продан был им венецианцам за сто тысяч *марок*; потом он в Греции завоевал города Фивы, Афины, Коринф и Навплию.

Тогда же Михаил, незаконнорожденный член семейства Комниных Ангелосов, присвоил себе высокий сан деспота и из областей Епира, Этолии и Фессалии, населенных воинственными племенами, составил себе особое княжество могущественное.

Тогда же греческий военачальник Феодор Ласкарис, женатый на дочери царя Алексея IV, удалился с небольшим, но храбрым ополчением в Малую Азию и здесь в Никее основал новое царство Греческое. Ближние города: Брусса, Филадельфия, Смирна и Ефес отворили ему ворота свои как освободителю их от ига латин, разрознившихся и потому слабосильных. Его победы над ними увеличили его силы так, что он стал повелителем областей, начиная от берегов реки Меандра и простираясь до предместий Никомидии и самого Константинополя.

Современно с ним Алексей, сын доблестного Мануила и внук свирепого Андроника, независимо и мирно княжил в Черноморских областях, от Синопа до реки Фазиса, а внук его Алексей же провозгласил себя там царем.

О всех поименованных державцах и преемниках их мы упомянем в дальнейшей истории Афона, а теперь спешим сказать несколько дополнительных слов о состоянии сей горы в века одиннадцатый и двенадцатый.

§ 61. Афонские проты и инвеститура их

В течение показанных веков управление афонскими монастырями (кроме Иверского, Амальфийского и Хиляндарского, •[III/2 69]• зависевших непосредственно от византийских царей) сосредоточивалось по-прежнему в Протате. Тогда известнейшие проты были:

— Феофилакт, подписавший святогорский устав, составленный в 1046 году и утвержденный царем Константином Мономахом;

— Павел, монах, по приказанию царя Алексея Комнина передавший обитель Фессалоникийцев русским монахам в 1089/90 году и Ксенофский монастырь тогда же монаху Симеону, из которого выслала его братия как евнуха, несмотря на то что он отлично хорошо устроил сей монастырь;

— Неофит, монах, обновивший обитель Дохиарскую и написавший известное духовное завещание в 1092 году;

— Иоанникий, монах, посылавший святогорские уставы царю Алексею Комнину в 1097 году по случаю соблазнов на Св. Горе от семей валахских;

— Иларион, монах, родственник сего царя, получивший от него сан прота во время помянутых соблазнов;

— Иоанникий Валма, смутивший всех афонитов оповещением проклятия, будто бы наложенного на них патриархом Николаем за валахские соблазны, и присутствовавший при кончине сего патриарха в 1110 году;

— Иоанн, передавший в 1169 году Афоно-Пантелеимоновскую обитель Фессалоникийцев монахам из Сербии.

Все эти и прочие проты управляли монастырями по прежним уставам не единолично, а вместе с избранными игуменами монастырскими; *инвеституру* же, то есть мантию и посох, получали в Константинополе от своих государей.

§ 62. Появление греческих монахов на Афоне из Калабрии. Существование Амальфийской обители в самом конце XII века. Опустошение монастырей Ксенофского и Каракальского

В царствование Алексея Комнина, с 1097 года по 1118-й, святогорские монастыри, большие и малые, почти опустели •[III/2 70]• по причине соблазнов от поселенных там валахских семейств и *выдуманного* проклятия их за это вселенским патриархом Николаем. Тогда оказалось внутреннее нестроение и в обители св. Василия Великого, которая и ныне, запустелая, существует на взморье, у пристани Хиландарского монастыря, супротив Самарийского холма*. Но так как сия обитель в то время имела в Константинополе знатного попечителя, именно Василия Калимериса, близкого к царю Алексею Комнину, то сей Калимерис и упросил прибывшего за милостыней в эту столицу из Калабрии греческого монаха Варфоломея ввести порядок и духовное житие в обитель, о которой идет речь. Варфоломей усердно и с умением исполнил это дело и возвратился в свой Калабрийский монастырь, оставив после себя игумена инока духовной жизни и искусного руководителя монашествующих. С той поры Афоно-Васильевский монастырек прозываем был Калабрийским.

* Смотри местность этой обители на моей большой карте Афона, № 1.

(Смотри в *Оправданиях* сей истории, № 1.)

В 1177 году вселенский патриарх Харитон отменил епитимию предметника своего Николая, которая поражала виновных и невинных афонитов за скромное валахское дело. А эта благоразумная и человеколюбивая мера, как увидим ниже, опять густо населила разреженный Афон, так что в начале тринадцатого века там находились уже триста обитателей больших и малых. (Смотри мою *Историю Афона*. Ч. III. Отд. I. С. 254–257.)

В числе этих обитателей состоял и Амальфийский монастырь, основанный еще при жизни св. Афанасия Афонского*. В 1046 году ему дозволено было уставом Константина Мономаха «держатъ мачтовое судно и перевозить на нем монастырские произведения в Константинополь, а оттуда получать подавания христолюбцев». Цари Алексей и сын его Иоанн Комнин •III/271• (1084–1143 гг.) пожаловали ему села Доксѡмпус и Аидерѡкастро у реки Стримона**. В 1169 году авва пресвитер киновии св. Марии Амальфийцев, Фома, собственноручно подписал по-латыни протатское дело о передаче россам мона-

стыря св. великомученика Пантелеимона. В 1198-м и следующем году по примеру сей киновии дана была независимость от Протата монастырю Хиландарскому, обновленному великим жупаном Сербии Стефаном Неманем. (Смотри выше, § 58.)

В 1183 году, когда царь Андроник с сожалением говорил своему сенату о бушевании итальянцев в западных областях его царства и о приближении их к Константинополю из ближней к Афону Стримонской области или, вероятнее, в 1197 году, когда генуэзец Кафур, как сильный *пират*, имевший несколько мореходных судов, разорял селения на островах Эгейского моря*, где и Афон, итальянцы или, вернее, Кафуровы пираты вторглись в святогорские монастыри Ксенофоновский и Каракальский и разорили их, наипаче второй, так, что он запустел и едва не уничтожился. Сведение об этом печальном событии добыто мною из двух дееписаний монастырей Зографского и Ксенофоновского. В первом дееписании (это приказ царя Андроника Старшего) сказано, что «Каракалл, по причине тиранства итальянцев**», пришел в совершенное запустение и едва не уничтожился и что тогда пропали все движимые и недвижимые вещи его, утратились и юридические акты». Во втором, под названием Παράδοτήριον γράμμα — *Передаточная, или Вводная*

* История Афона. Ч. III. Отд. I. С. 114.

** Περιγραφή τοῦ ἀγ. ὄρους, ὑπὸ Θεοδώρητου: «Ἡ μονὴ τῶν Ἀμαλφινῶν ἤκμαζε καὶ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀλεξίου καὶ Ἰωάννου τῶν Κομνηνῶν, ὡς ἐν τῷ παρὰ βασιλέων τούτων γενομένῳ χρυσοβούλλῳ εἰς τὴν μονὴν ταύτην φαίνεται, ἐν ᾧ οἱ βασιλεῖς ἐπικυροῦσι τῇ μονῇ τὴν δεσποτείαν τοῦ περὶ τὴν λίμνην Στρυμόνος χωρίου Δοξόμπους καὶ τοῦ Αἰδεροκάστρου».

* Смотри выше, с. [66–67].

** «Ἐκ τῶν ἀνομαλιῶν τε καὶ συγχύσεων ἐκ τῆς τῶν Ἰταλῶν τυραννίδος...»

запись, 1300 года, индикта 13-го, выражено, что «монастырь, чествуемый во имя св. великомученика Георгия, *назад тому уже много лет*, будучи взят итальянскими пиратами, потерпел много зол и лишился древних •[III/2 72]• документов на право владения именьями своими». Тут выражение *назад тому уже много лет* (πρὸ χρόνων ἤδη πολλῶν) нудит меня рассчитывать, что со дня разорения Ксенофа итальянскими пиратами до 1300 года прошло лет сто, иначе вместо прилагательного πολλῶν было бы написано ἱκανῶν. Такое мое расчисление сего времени подтверждается и началом *Вводной записи*:

«Εἰ δὲ καὶ χρόνου πλῆθος τῶν ὑπ' αὐτοῦ γεγονότων τὴν φυσικὴν ἰσχὺν

ἀποβάλλει καὶ εἰς τὸ μηδὲν ἀποκαθιστᾷ· ἀλλ' ὅ γε θεοστεφῆς ἡμῶν βασιλεὺς... νενεκρωμένα ταῦτα ζωογονεῖ...»

«Хотя продолжительнейшее время и отнимает естественную крепость у всего, что существовало, и обращает это в ничто, но Богом венчанный царь наш все это умершее оживотворяет...»

Составитель этой записи знал, что очень давно случилось разорение Ксенофской обители и эту давность выразил в своем деписании. А я даю ей 103 года.

Разорение Каракалла и Ксенофа итальянскими пиратами было последнее крупное событие на Афоне в самом конце двенадцатого века. А тринадцатым столетием начался новый период в жизни афонского монашества. •[III/2 73]•

V. ПЯТЫЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА (с 1204 года по 1313-й)

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

**Страдания афонитов от латин и защита им от Римского папы.
Киево-Печерский архимандрит
Досифей на Афоне.**

**Тогдашнее келейное правило
святогорцев. Афон под властью
царей болгарских**

§ 63. Страдания афонитов от латин и защита им от Римского папы

Мы уже знаем, что в 1204 году на месте Греческого царства появились державы латинские. Тогда в старом Риме священствовал папа Иннокентий III, покровитель Афона (скончавшийся 20 июля

1216 года), а в Новом Риме, т.е. в Константинополе, императором был Балдуин; в Солуне же господствовал над всею Македонией Монферратский маркиз Вонифатий, женатый на Марии Венгерской, бывшей супруге Исаака Ангелоса; что же касается Афона, то здесь водворился некий франк, мучитель злополучных святогорцев.

Годы 1204–1211. Вышепомянутый папа, обрадованный распространением своей церковной власти на греческом Востоке, держал в Константинополе своего легата, т.е. посла, именно •[III/2 74]• Венедикта кардинала, пресвитера св. Сусанны. Сей легат вверил попечение об Афоне какому-то епископу

СевастиЙскому. А этот епископ, проживая на сей горе, вероятно, в Карее, весьма грубо обращался с тамошними монахами, угнетал их и позволял себе многие вольности. Все это дошло до сведения папы, и он сменил реченного епископа, легату же своему предписал посоветоваться с вышепомянутою царицею Марией касательно выбора нового, лучшего радетеля об Афоне*. Кто был сей радетель, это неизвестно. А о царице Марии кстати замечу, что чуть ли не она начала дарить святогорским влиятельным монастырям плодородные участки земли на КаламариИ, принадлежащей к околотку Солуня, ибо недаром же афонцы твердят, что Каламарию пожаловала им царица *добрая Мария, калѣ Μαρία*. Папа Иннокентий III не подчинял Афона ни Константинопольскому патриарху латинскому, ни Солунскому митрополиту латинскому же, а принял его под непосредственное покровительство своего престола апостольского. Это доказывают письма его к разным лицам и к игумену Лавры св. Афанасия Афонского.

— Epistol. lib. 13, 40: «...custodiam monasteriorum montis Sancti, quae ad sedem apostolicam immediate pertinere dicuntur», то есть: «...монастыри Святой Горы непосредственно принадлежат престолу апостольскому».

— Epistol. 13, 19: «Cum libera monasteria, quae imperialia nuncupantur, graecorum quoque dominio nulli essent

archiepiscoporum vel episcoporum subiecta, praesentium vobis auctoritate mandamus, quatenus inquisita et cognita veritate, in monasteriis illis regalibus regni Thessalonicensis, quae graecorum tempore archiepiscopis vel episcopis subiecta non erant, non permittatis archiepiscopos vel episcopos, juris aliquid indebite usurpari». То есть: «Так как *свободные* монастыри, которые называются царскими, не были подчиняемы владычеству греческих архиепископов или •[III/275]• епископов, то мы властью своею повелеваем вам (легату), чтобы вы, после надлежащего разузнания истины, не позволяли архиепископам или епископам присвоить себе не принадлежащую им юрисдикцию в тех царских монастырях царства Солунского, которые во время греков не подчинялись ни архиепископам, ни епископам».

— Epistol. 16, 168, data abbati sancti Athanasii caeterisque abbatibus et monachis montis Sancti: «...Propter quod (pietatem)... ecclesiarum praelati et imperatores Constantinopolitani, pluresque principes seculares per privilegia sua multa olim tantae libertatis praeeminencia vos dotarunt, ut post Deum... nullius unquam essetis jurisdictioni subiecti». То есть: послание к игумену Лавры св. Афанасия и к прочим игуменам и монахам Св. Горы: «...Церковные епископы и цари константинопольские и многие князья мирские своими льготами издревле предоставили вам такую свободу и такое преимущество, что вы после Бога никогда не подлежали ничьей юрисдикции».

* Извлечено из письма папы Иннокентия 1211 года к архиепископу Ираклийскому.

Однако при всей заботливости папы Иннокентия III о благосостоянии *свободного* Афона тамошние монастыри, числом триста, были страшно угнетаемы поселившимся на этой горе каким-то франком в построенной им там крепости у подошвы Мегало-Виглийской выси*. В эту крепость он собрал подобных ему разбойников и оттуда, как враг Бога и Церкви, ездил с ними во все монастыри и в них забирал себе не только золотую и серебряную утварь, но и деньги, а у кого денег не находил, тех мучил, принуждая сказать, где они скрыты. Все это происходило в годы начиная с 1204 по 1214-й. Тогда все афонские монахи смиренно просили папу Иннокентия, чтобы он принял их под покровительство свое и блаженного Петра. Сей папа охотно исполнил их просьбу и, после того как он был прогнан с Афона властью императора Балдуина, •III/2 76]• написал афонским монастырям пастырское послание 12 января 1214 года, которого содержание передается здесь в русском переводе с латинского языка**.

«Теперь настало время, — говорится там, — когда Самария обратится к Иерусалиму. Бог избрал вашу гору, как гору, на которую собираются народы***, избрал ее как место прославле-

ния достойного почитания имени Своего, ибо она хоть и лишена земляного плодородия, но паче всех гор в мире украшена *тремястами монастырями* (trecentis monasteriis)* и достославным числом святых насельников, имеющих величайшую полноту духовных благ. Она поистине есть святое место, дом Божий, врата небесные и славное поприще для борьбы с сатаною, и потому многие народы любят ее, епископы, князи и цари покровительствуют ей и даровали ей полную независимость, дабы иноки безмятежно жили для одного Бога. Но, по грехам, эти льготы нарушила мирская власть посредством некоего врага Бога и Церкви, который, собравши разбойников в крепости, построенной им на вашей горе с помощью мирской руки, не только заграбил себе из ваших церквей, как святотатец и разбойник, золотую и серебряную утварь и все украшения, но дабы взять и все деньги, которые вы, по мнению этого сына погибели, собрали, жестоко мучил некоторых между вами разными муками, как безумный плотоядец и мучитель, однако не успел исполнить свое злое намерение, которое разжигал огнем жадности в камине любостыжательности, и наконец по требованию справедливости прогнан был императорскою властью**. •III/2 77]• А дабы впредь не терпеть вам подоб-

* Смотри местность этой крепости на 1-м листе моей большой карты Афона, на юго-западной стороне сей горы.

** Innocentii III epistol. II, ed. Baluze, pag. 829–830 и у Müller'a, p. 208.

*** Идея о монашеской многонациональности Афона была известна и папе.

* В этом числе считайте и скиты, и замонаштырные кельи с церквками в них.

** Ceterum peccatis exigentibus nunc ex parte has infregit mundana potentia libertates per quendam Dei et ecclesiae inimicum, qui latrunculis congre-

ных насилий, вы смиренно просили нас, чтобы мы, упрочив вашу свободу, удостоили принять вас под покровительство наше и блаженного Петра (nobis humiliter supplicastis, at vestrис vobis libertatibus confirmatis, sub beati Petri ac nostra protectione vos suscipere dignamur). Мы уже, благосклонно уважив это справедливое желание ваше, по естественной заботливости о вашей безопасности и о вашем спокойствии, принимаем под покровительство блаженного Петра и наше собственное лица и место, где вы служите Богу, и те достояния и имения, кои теперь принадлежат вам по праву или в будущее время достанутся вам правильно, с Божиею помощью. А вашу свободу и ваши льготы, издревле вам данные, подтверждаем вам и вашим монастырям апостольским авторитетом и заверяем настоящим защитительным писанием».

Замечательно в этом писании, между прочим, то, что папа Иннокентий имел высокое понятие о многочисленных иноках, подвизавшихся во дни его в трехах обителях на Афоне,

gatis in quodam castro, quod idem in monte vestro construxerat per auxilium brachii saecularis, non solum ecclesias vestras tanquam praedo sacrilegus et crudelis auro, argento et ornamentis omnibus spoliavit, verum etiam, ut pecuniam exhauriret, quam vos credebatis perditionis filius congregasse, tanquam insanus carnifex atque tortor peremit crudeliter quosdam vestrum multiplici genere tormentorum, sed tandem sua prava intentione frustratus, quam in camino cupiditatis ignis avaritiae succendebat, exinde iustitia exigente per imperatoris potentiam est dejectus.

называя их святыми и исполненными духовных благ, а самую эту гору именую домом Божиим, вратами неба и любимицею многих народов (греков, славян, иверов, итальянцев), князей и царей, но не уделом Богоматери*. Пусть же перестанут нынешние афонцы касаться Римского первосвященника, у которого искали защиты и покровительства духовные предки их, подобно голубям, гонимым ястребом и летящим в руки человека, могущего спасти их от растерзания. Папа Иннокентий спас триста обителей афонских от разорения их безумными латинами •[III/2 78]• и своим авторитетом утвердил все их льготы и имения, какими они владели тогда.

Но кто был тот злой франк, который грабил афонские монастыри и мучил тамошних монахов? И чья рука дала ему деньги на постройку крепости для шайки его? Это неизвестно. Могу сказать положительно только то, что ни солунский державец Вонифатий, ни православная супруга его Мария, ни латинский император Балдуин, прогнавший одного франка с Афона, не водворяли его на этой горе. Предполагается, что какой-либо маркиз или барон, владевший доходными местами у ближней к Афону реки Стримона, помог сему врагу Бога и Церкви построить крепость и взимать дань с афонитов.

* И тот афонит, который в 1177 году подал свое прошение вселенскому патриарху Харитону о снятии епитимии с святогорских монахов, не называл Афона уделом Ее.

Стены этой крепости существуют поныне. Я осматривал их 8 августа 1858 года, шагами измерил все занимаемое ими место и начертил план сего разбойничьего убежища. Смотрите его в Оправданиях сей истории моей под № 2. А здесь я замечая, что в крепостных стенах уцелели узкие прозоры для стрельания из лука, и видна цистерна для накопления дождевой воды; в середине же крепости, на холме, стоит полуразрушенная церковь греческой архитектуры. В этой церкви нет никакой надписи, и потому я не знаю, когда она построена была: после изгнания ли франка с Афона или до водворения его там, если он нашел тут готовое монашеское жилище, которое обнес крепостными стенами. Все это объяснится, когда кто-либо сделает раскопки в этом месте.

§ 64. Киево-Печерский архимандрит Досифей на Афоне. Тогдашнее келейное правило святогорцев

Во время подчинения Афона Римскому папе, около 1220 года, богомольствовал на Афоне Киево-Печерский архимандрит Досифей и описал свое пребывание там в ответ на предложенные ему кем-то вопросы о Святой Горе и о житии тамошних монахов. Но, к сожалению, из этого описания пока известен только следующий отрывок:

•[III/2 79]•

«Послушники живут на Афоне по воле и благословию старца. А братия, живущие отдельно в своих кельях,

держат во всю жизнь такое правило: во всякий день прочитывают половину Псалтири и 600 раз говорят молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*. Если кто хочет что прибавить, это в его воле. Сверх того полагают от трех до пяти сот поклонов. Но и ежечасно, сидя, ходя, лежа и работая рукоделие, беспрестанно говорят с вздыханием сердечным: *Господи Иисусе Христе!* Не умеющие грамоте совершают *семь тысяч* молитв Иисусовых, кроме поклонов и церковного правила, а немощным — легчайшее правило. Престарелым более предписывается произношение молитвы Иисусовой и внимание умное, а поклоны — по силе. Ради Бога святогорцы весьма любят молчание и бегают от молвы мятежа и бесед мирских. Святые отцы на Руси имеют обычай в Великий пост и в другие посты прочитывать всю Псалтирь, а кроме поста не читают ни одного псалма. Но святогорцы поступают не так: они во всю жизнь держат одно правило. Всякому брату надобно в келье иметь иконостасник или крест и пред ним совершать уставное правило. Не умеющий читать должен служить рукоделием и послушанием с отсечением своей воли» (История Российской Церкви Макария. СПб., 1857. Т. II. С. 169)*.

* Полный текст «Послания архимандрита Печерского монастыря Досифея священнику (иеромонаху? игумену?) Пахомию» издан в кн.: Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 141–144. Датировка памятника и личность Досифея остаются предметом научной дискуссии. — П.К.

Из сего отрывка видно, что архимандрит Досифей, он же и Феодосий, видел святогорских исихастов-безмолвников, у которых молитва Иисусова не сходила с языка. Они жили не в монастырях, а в кельях, построенных там-сям в околотках монастырских. Нелегко было келейное правило их, но они исполняли его, потому что жили для одного Бога и в Нем одном.

Оставим этих безмолвников в их кельях и обозрим исторические события, захватывавшие Афон. •[III/2 80]•

§ 65. *Афон под властью болгарских царей Асеня II и Калимана I*

С 1186 года Греческое царство, как мы уже знаем, быстро клонилось к упадку. Но с той поры быстро же возвышалось царство Болгарское, бывшее под игом греков с 1019 года. Первые виновники освобождения его были болгарские бояре, родные братья Иоанн Асень и Петр. Они царствовали один после другого десять лет.

Асень I (1186–1196 гг.) покорил своей власти обе Валахии, Большую и Малую, и насадил там веру православную, воспретив валахам совершать богослужение на латинском языке и содержать вероисповедание римское и обнародовав свое повеление, что если кто будет читать службу Божию по-римски, у того будет отрезан язык его. С той поры валахи поныне совершают богослужение по-славян-

ски*. Это деяние Асеня было зерновое начало той щедрой благотворительности валахов Афону, которая, можно сказать, золотила тамошние монастыри с XIV столетия поныне.

Афоно-зографцы, как славяне из Болгарии, просили этого государя ходатайствовать в Протате о наделении им большего участка земли, нежели каким они владели, но получили отказ, потому что просьба их была противна святогорским уставам царей Цимисхия и Мономаха, воспрещавшим под клятвою занимать большие участки на Афоне (смотри № 4 *Оправданий*).

Асень убит был племянником его Иванком за то, что сей государь хотел казнить его смертью за неприличную любовь, какую он питал к сестре Асеньевой.

Петр отомстил смерть брата своего, прогнав Иванка в Константинополь, но царствовал не более года († 1196 г.).

•[III/2 81]•

По смерти Петра воцарился в Болгарии Калоиоанн, младший брат предшествовавших государей, и царствовал с 1196 года по 1207-й. Счастливо воюя с греками, а с 1204 года и с латинами, он расширил свои владения в Македонии включительно по город Верию, а во Фракии — до Димотиха и Адрианополя. Афон же не видел никакого добра от него, потому что Римский папа

* Это известие заимствовано из *Болгарско-го Царственника*, напечатанного в Будиме в 1844 году.

Иннокентий III успел присоединить его к своей Церкви и венчал королевским венцом, а Терновского архиепископа возвел в звание *примаса* Болгарии (в ноябре 1204 года).

Ничего доброго не сделал для Афона и преемник Калоиоанна, Борис, похититель болгарского престола и гонитель секты богомилов, у которых тогда было 16 епископий: три во Франции, семь в верхней Италии и шесть у славян. Он царствовал до 1218 года.

А с этого года по июнь месяц 1241 лета самодержавил в Болгарии Иоанн Асень II, знаменитейший из государей второго Болгарского царства. Под властью его состояли Фессалия, Албания, северо-восточная Сербия по Белград включительно, большая часть Фракии кроме Константинополя и ближайших к нему городов, Македония с Солунем и Афонская гора.

Любопытно воздействие Асеня на эту гору. Оповещаю это.

Сей государь еще в начале своего самодержавия (до 1225 года) самовластно поставил и провозгласил патриархом в Болгарии Филиппопольского митрополита Григория. А этот самовластно посвятил в Солунь митрополита Михаила Протана, тогда как Солунская митрополия зависела от патриарха Константинопольского, и кроме сего Афоно-Иериссовского епископа почтил саном митрополита. Такое неканоническое деяние его понудило афонских монахов лично жаловаться греческому царю Иоанну Ватаци и самому Асеню, которые съехались в город Каллиполь

для бракосочетания детей своих. Это происходило в 1225 году. Тогда вселенским патриархом был Мануил •[III/2 82]• Сарандин Харитопул. При нем шли переговоры о бракосочетании, которое совершил уже преемник его Герман в 1226 году, и об учреждении самостоятельного, независимого патриархата Болгарского, что и состоялось. При нем соборно низложен был помянутый Михаил Протан и на место его посвящен в Солунь Мануил Дисипат, а Афону соборно же возвращена была давняя независимость его от митрополита Солунского и от владыки Иериссовского, который с той поры остался в сане епископском, а не митрополичьем.

Это известие заимствовано мною из древнего рукописного устава афонатовопедского. Так как в нем каллипольское событие оповещено с такими подробностями, каких нет у говорившего о нем византийского историка Акрополита, и с наименованием действовавших лиц, которых годы священнослужения, годы известные, определяют время одного события, то я передаю здесь в русском переводе афонатовопедский рассказ о нем, а греческий подлинник помещаю в Оправданиях сей истории моей под № 3.

«В царствование кир Иоанна Асеня, державствовавшего в Загорье и овладевшего многими греческими крепостями, учинено было *деяние*, о котором будет речь.

Он старался учредить патриаршество в своем месте и потому много приносил к сему Церковь (Греческую),

так что отнял у ней даяние свое; и было оповещено: *быть местному патриарху в Загорье*. Первым патриархом там поставлен был Григорий, бывший митрополит Филиппопольский. Сей-то патриарх рукоположил и митрополита в Солунь, вопреки канонам, и употребил все старание, чтобы и Иериссовского епископа сделать митрополитом, желая отнять у поставленного им Солунского митрополита Михаила, по прозванию Протана, заведывание этой епископией. Но Солунский вступился за свои права и явился к царю (Асеню) с жалобой на своего патриарха. К тому же и монахи, подвизающиеся на Святой Горе Афонской, собрались в числе *трех тысяч*, все почетные и давно •[III/2 83]• преуспевшие в отшельничестве ради Бога и в подвижничестве, и не принимая ни патриарха (Загорского), ни рукоположенного им митрополита Солунского, не желая также, чтобы епископ или митрополит Иериссовский рукополагаем был сим патриархом или Михаилом Протаном, отправились к царю (Асеню), который в то время находился в Каллиполе по случаю бракосочетания своей дочери Елены с сыном приснопамятного царя кир Иоанна Дуки Ватаци, где прилучился и Константинопольский патриарх кир Мануил (1221–1226 гг.), бывший митрополит Ефесский, и по этому делу просили суда и сильно говорили обоим царям и Константинопольскому владыке как против патриарха Загорского, так и против упомянутого Солунского и представили, кроме

других оправданий, однажды навсегда состоявшееся узаконение, с привешенною к нему восковою печатью, приснопамятного между царями кир Алексея Комнина. Сии монахи вполне оправдались, ибо в оном узаконении сказано было, что епископ Иериссовский не имеет ни единого права на Святой Горе; да и тогдашний (при сказанном царе) Константинопольский с постоянно пребывающим при нем синодом архиереев произнес суд, согласный с содержанием помянутого царского приказа. Что же касается до Загорского патриарха, то решено было: отнюдь не вмешиваться ему в митрополию (Солунскую), не подлежащую его ведомству, и не совершать хиротонии и никакого церковного деяния не составлять. А тогдашний митрополит Филадельфийский предлагал даже низложить патриарха Загорского. Но так как царь Асень настоял, чтобы не низлагали его, то решили низложить одного Солунского митрополита, как рукоположенного против канона и без согласия Константинопольского архиепископа, что и состоялось. После сего Константинопольский, еще в присутствии обоих царей, тотчас собрал голоса и рукоположил в Солунь святейшего митрополита кир Мануила Дисипата, который впоследствии сделался исповедником». •[III/2 84]•

Справки:

1) Узаконение царя Алексея Комнина с восковой печатью (в 1095 году).

«Узаконяем и мы: быть Святой Горе свободной, и монахам ее не знать

никаких податей и ничьего притязания до скончания века, а поминать царей и о всем мире молиться, так как у них нет никаких забот. Еще повелеваем начальникам областей и соседних мест: *гражданские начальники да не имеют никакого общения со Святою Горой*. А так как предшественники наши не подчиняли ее никакому епископу, то не подчиняем и мы, по многим причинам, и во избежание так называемых предубеждений против епископов, и для того, чтобы они *не вязали* церквей и не давали пресвитерам своих заповедей и епитимий. Но как предки наши рукополагали, так и мы рукополагаем одну главу и одного владыку — прота. Те же, которые презируют его, да будут под нашим негодованием».

На подлинном багрянными письмами божественной и царской руки было начертано:

«Месяца октября, индикта 3-го».

2) Синодальное определение.

«Присуждает же и священный Собор архиереев, чтобы никто из архиереев не начальствовал над святогорцами, и определяет: Иериссовскому епископу состоять в зависимости от митрополита Солунского, дабы митрополия Солунская не лишилась своих церковных прав, и никакой власти не иметь ему, как епископу, в находящихся на Святой Горе досточтимых обителях. Но когда окажется надобность совершить какое-либо священнодействие или закладку храма и когда его пригласят, тогда он пусть приходит

туда, если только •[III/2 85]• известен соблюдением всего того, что однажды навсегда постановил священный собор. Если же заметят, что он нарушает сие, то, по распоряжению преподобнейшего прота Святой Горы, пусть другой архиерей священнодействует в упомянутых обителях».

Следуют заклатья.

Все это дело, произведенное, конченное, утвержденное и скрепленное подписью Константинопольского патриарха и сущих при нем архиереев, скрепили оба царя багрянными подписями и повелели соблюдать его во все веки; что неложно предал письмени великий логофет Акрополит, который начал свою летопись от взятия Константинополя латинами».

Мое примечание. Акрополит не упомянул о пришествии святогорцев в Каллиполь и о жалобе их царям, греческому и болгарскому, а только поведал, что оба эти царя имели свидание в названном городе по случаю бракосочетания детей их, которое и совершено было патриархом Германом, но уже не в Каллиполе, а в Лампсаке, и присовокупил, что тогда и Терновский архиерей, прежде зависевший от Константинопольского владыки, почтен был автономиею (αὐτονομία τετίμηται) и провозглашен патриархом по царскому и синодальному определению, состоявшемуся в угодность Асеню ради бракосочетания и дружбы его с греческим царем (Georgii Acropolitae annales. Cap. 33. Ed. Bonnae, 1836. Pag. 54, 55).

Царь Асень, поладив со святогорцами, благотворил монастырям их, и особенно Лавре, Протату и Зографу. Зограф он выстроил *новый* на нынешнем месте в 1240 году. Во дни его афонский Протат переуступил древний греческий монастырь Никольский инокам болгарским и духовному вождю их, некоему Григорию, тогда подвизавшемуся в пещере близ этого монастыря, чуть ли не опустевшего от притеснений того поселившегося на Афоне франка, которого сам папа назвал врагом Бога и Церкви. Этот Григорий со сподвижниками своими обновил сказанный монастырь, и потому все начали прозывать •[III/286]• его Григориатом. Под этим прозванием он вошел и в роспись главных монастырей афон-

ских, составленную при Андронике Старшем в 1312/13 году.

Преемником Асеня был сын его Калиман I, рожденный от венгерки. Он наследовал отцовский престол, будучи двенадцатилетним отроком, и под опекою матери и бояр царствовал только четыре года с небольшим. Он задумал было увеличить околоток Зографского монастыря на самом Афоне, но побоялся «клятвы благочестивых царей и освященных патриархов греческих и *прадеда своего Иоанна царя, великаго въ бльгарехъ*» (Асеня I), воспре-щавших недуховным властям насилловать свободу Св. Горы и изменять ее древние уставы, и в 1243 году дал Зографу доходные имения в своем царстве, именно село Привище с метохом, с

Григориат.

людьми и с Поповым озером, на Дунае ловище морунов, в Сардикии, сиречь Софии, базар и в Серь-граде (Серресе) метох св. Николая. (Читай хрисовул его в *Оправданиях* сей истории Афона под № 4 и критический разбор сего дееписания. — П.К.: См. также издание полного текста хрисовула: *Actes de l'Athos, IV: Actes de Zographou* / Ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // Византийский временник. 1907. Т. 13. Приложение 1. С. 160–162.)

Калиман был последний обладатель Афона. После него эта гора опять стала подвластной царям греческим. Как-вы же они были для тамошних монастырей? Узнаем.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

**Дар царя Иоанна Ватаци
Афоно-Хиландарскому
монастырю. Щедроты
Михаила Палеолога,
оказанные многим обителям
на Афоне. Послание афонитов
и сему царю с увещанием
не подчинять Православную
Церковь Римскому папе.
Появление унии на Св. Горе.
Кончина Палеолога.
Изгнание евнухов со Св. Горы.
Основание там монастыря
Кутлумушского**

§ 66. Дар Иоанна Ватаци Хиландару

Греческий царь Иоанн Ватаци, которого мы видели в Каллиполе вместе с болгарским самодержцем Асенем, от-

воевал •III/2 871• у этого самодержца города Серрес и Солунь с Афоном. Это известно. А каким обителям святогорским он благодетельствовал, да и благотворил ли, сего я не знаю, ведаю же только то, что им пожертвованы были Афоно-Хиландарскому монастырю недельное Евангелие, написанное золотом в два столбца на отличном пергамене, и немалая часть Животворящего Древа Господня при хрисовуле. Обе эти святыни поныне сохраняются в названном монастыре. Я видел их. Самый же хрисовул Ватация, к сожалению, сторел в 1722 году вместе со многими другими древними памятниками во время пожара, случившегося тогда в Хиландаре*. Жители смежных с Афоном селений нередко приходят в этот монастырь на поклонение Животворящему Кресту и чудотворному образу Богоматери Троеручицы, особенно когда постигает их какое-нибудь бедствие, как то: повальная болезнь, саранча, бездождие или наводнение. Тогда они в крестном ходу несут обе эти святыни в свои селища и, если свирепствует болезнь, в домах своих служат молебны, а если появляется саранча или другое зло, то на полях своих совершают водосвятие. Нередко бывало, что во время такого моления совершалось чудо: все насекомые, истреблявшие плоды или зелень, улетали и падали в море, иногда через несколько часов или через день.

* Это несчастье упомянуто в *Краткой истории славяно-сербской Хиландарской лавры*. СПб., 1862. С. 52.

Царь Иоанн Ватаци скончался 30 ноября 1254 года. Преемником ему был сын его Феодор II Ласкарис, женатый на дочери Асеня II, и царствовал по 1259 год. В афонских монастырях я не видал ни одного памятника его внимания к ним.

§ 67. Воцарение Михаила Палеолога и его благодеяния Афону

Покойный Феодор Ласкарис (в августе 1258 г.) оставил царство своему семилетнему сыну Иоанну, а управление им до •[III/288]• совершеннолетия наследника поручил другу своему, протовестиарию Музалону. Но этот Музалон скоро пал жертвой темного заговора. Подкупленные заговорщиками итальянские наемники с шумом ворвались в церковь Сосандрийского монастыря, в которой правитель вместе со своим братом и со всеми придворными чинами совершал панихиду по умершем государе в девятый день после его смерти, и изрубили обоих Музалонов, которые тщетно искали спасения в святом алтаре*. Народная молва не наобум винила в насильственной смерти их великого коноставла Михаила Палеолога. Между тем весьма многие знатные лица, частью по родству с этим Палеологом, частью по натиску тайных пружин, пущенных им в ход, задумали назначить его опекуном малолетнего царя и правителем государства.

Составилось собрание государственных чинов по этому случаю. Но они, совещаясь о сем, надумали, что небезопасно предпринимать столь важное дело без участия Церкви и предстоятеля ее, и потому из Нимфея отправили посольство к патриарху Арсению в Никею. Арсений, зная Палеолога, когда он был еще градоначальником в Никее и высказал свою способность к управлению, изъявил посланным свое полное согласие на их предложение и скоро прибыл в Нимфей, зимнее жилище никейских царей, где и подтвердил опекунство Палеолога, не предвидя роковых последствий сего дела. По решении вопроса об опекунстве вопрос о титуле нового опекуна был решен без особенных затруднений и проволочек. Члены священного собора и государственные чины признали, что для царского опекуна унизительно носить титул великого дукса и недостаточно названия *царского отца* (βασιλέως πατήρ), которым хотели удовольствоваться некоторые члены собрания, а что необходимо поднести ему высший титул деспота. Патриарх Арсений дал свое согласие и на это. Спустя несколько дней после сего приверженцы Палеолога из духовного и мирского звания •[III/289]• начали разглаговльствовать, что «наилучшая царственность есть не наследственная, которую по случайному жребию судьбы может получить человек недостойный, и не родовая, которая нередко попадает в руки людей негодных, но та, которая предоставляется народом лицу доблестному»

* Георг. Акрополит. Гл. 75

(Пахимер). Понятно, что таким лицом оказывался Михаил Палеолог; и сторонники его приступили к патриарху с доукою, чтобы он взял на себя почин в этом деле. Не дремал и сам Палеолог. Он признавал эти суждения основательными и со своей стороны утверждал, что если собственный сын его будет признан недостойным царственности, то он сам устранил его от престола (Пахимер). Притом в народе давно носились слухи, что Палеологу на роду написано царствовать. Наконец, говорит историк, *победило небесное определение*: огромное большинство желало возвестить Палеолога на царский престол (Пахимер). Настал день, назначенный для коронования малолетнего Иоанна и Палеолога. Патриарх Арсений со священным собором начал совершать уставную службу. Оба царя находились в храме. С Палеологом пришла туда его супруга, одетая в великолепные царские одежды, потому что решено было короновать и ее. Три короны лежали на одном из боковых престолов храма. Но одна из них, именно корона малолетнего царя, к величайшему удивлению и ужасу патриарха, скоро исчезла. Тогда произошла неописанная сцена. Смысл совершившегося дела всем был понятен, но немногие знали подробности закулисной хитрости, подготовившей сие дело. А задумано и исполнено оно было ближайшими сослуживцами патриарха пред глазами его. Несколько архиереев и в числе их Адрианопольский Герман, Анкирский Григо-

рий и Мелангийский Константин вместе с Палеологом решили, что «неблагопристойно малолетнему отроку короноваться первому (как наследнику престола) и в торжественных выходах идти впереди того, кто уже достиг мужеского возраста и провел свою жизнь в занятиях государственными делами, и что лучше отложить коронование его до другого времени». В •[III/290]• этом смысле заговорщики написали постановление (τόμος), которое должны были подписать патриарх и остальные архиереи. Но они, опасаясь сопротивления патриарха, решились скрывать свое намерение и объявить его уже в час самой коронации, дабы имеющий возложить венцы на царей, предузнав о сем, не отложил коронования. Вот почему исчезла с престола корона наследственного цареви́ча, и патриарху предложено было к подписанию «Постановление», отлагавшее коронацию малолетка до более удобного времени. Но Арсений отказался не только подписать это постановление, но и совершать обряд коронации Палеолога. С ним вместе отказались от подписи и участия в коронации епископы Андроник Сардский и Мануил Солунский. Однако Палеолог и его сторонники имели слишком много средств остановить это благородное, но бессильное сопротивление. Коноводы заговора крикнули, что они изрубят в куски невинного отрока (Иоанна), если патриарх будет упорствовать в своем отказе. Величественный храм Св. Софии, в котором некогда

заседали мирные отцы Седьмого Вселенского Собора, превратился в шумное вече до самого вечера. Несчастный царевич плакал и протягивал свои слабые ручки к патриарху и умолял его уступить требованию заговорщиков. Тогда святейший отец сей и сподвижники его, сознавая бесплодность дальнейшего сопротивления, уступили им вечером; и Палеолог и супруга его были коронованы. «Когда же священный обряд венчания на царство был кончен, тогда венценосцы пошли в царские чертоги, а за ними следовал царевич без венца под покровом, украшенным драгоценными камнями и жемчугом» (Пахимер). Но злополучным сиротою никто не занимался. Взоры всех были устремлены на вновь восшедшее светило.

Никея ликовала. Пусто и печально было лишь в горницах царственных сирот (Иоанна и двух несовершеннолетних сестер его). Царевич был оставлен в небрежении и проводил время в детских играх. Счастливый возраст! Несчастный отрок! Патриарх же был несчастнее его. Сразбитым •III/291• сердцем он возвратился домой. Досада и стыд за себя, скорбь о царственном сироте, мрачное опасение за будущность не давали ему покоя. У этого аполло니아дского отшельника оказалась сильная, глубокочестная и тонкоблагородная душа. Палеолог опротивел ему. Однако совершившегося дела нельзя было переделать. Оставалось одно из двух: или примириться с ним, или протестовать. Первое было невозмож-

но для глубокочестного патриарха, и он решился на последнее и, удалившись из Никеи, поселился в обители Пасхазия.

Здесь я прекращаю повествование о дальнейшей расправе патриарха Арсения с Палеологом, об отлучении им сего царя от Церкви, об ослеплении малолетнего царевича Иоанна (25 декабря 1262 г.), о взятии Константинополя у латин кесарем Алексеем Стратигопулом в 1261 году, о водворении Палеолога в этой столице и начинаю говорить о благодеяниях сего государя, оказанных им Афону, и о преданности ему тамошних монахов, выраженной в том послании их к нему, в котором они увещевали его не предпринимать подчинения Восточной Церкви Римскому папе.

Михаил Палеолог вскоре после венчания его на царство начал благодетельствовать монастырям афонским. Так, в январе месяце 1259 года, когда индикт был 2-й, он пожаловал Лавре св. Афанасия Афонского весьма льготный хрисовул, написанный на узких пергаменных листах, на склейках которых читаются скрепы по листам, с привешенной к нему золотой печатью малой. В этом хрисовуле Палеолог сперва возвеличил Афон, назвав его *горою Богоименною, горою Святою, горою, которую возлюбил Бог, дабы обитать на ней* (а не уделом Богоматери), потом восхвалил тамошнюю Лавру св. Афанасия, сказавши, что она древнее прочих монастырей, а по местоположению своему есть *акрополь = краеград*

всей Св. Горы, насельники же ее — святы и любимы его величеством, наконец, к прежним имениям ее прибавил вновь пожалованное им самим село Токсόμπυς со всеми правами его в Кесаропольском •[III/2 92]• околотке Стримонской области и освободил оное от всех государственных и земских податей*. Прежние же имения Лавры со всеми правами их утверждены за нею этим же самым хрисовулом. Все эти имения прописаны тут поименно, например: остров Неон, метох на Лимносе, монастырь Калика, находящийся на Святой Горе, монастырь Ксирокастро здесь же, метох Озόλιμνος, деревня Камена и проч. В конце сего хрисовула Палеолог выразил, что афонская Лавра есть селение его царского величества, что он один ведает ее, и она ведает его одного, и что всякое дело ее должно быть представляемо ему одному на решение. (Οἰκείωσις τῆς βασιλείας ἡμῶν ἐστὶν ἡ τοιαύτη μονή, καὶ πλεόν τῇ βασιλείᾳ ἡμῶν γινώσκεται· καὶ πλεόν γινώσκει τὴν βασιλείαν ἡμῶν καὶ τῇ βασιλείᾳ ἡμῶν ὑπόκειται μόνῃ πᾶσα ἡ τοῦ προϋσταμένου αὐτῆς ἀνάκρισις καὶ ἐξέτασις, καὶ μὴ τινὶ τῶν ἀπάντων, ἢ ἀρχοντικῶ, ἢ ἐκκλησιαστικῶ προσώπῳ, ἢ δουρικῶ, ἢ ὅλως δημοσιακῶ ὑπάγῃται ἢ ἀναφέρεται.)

В том же 1259 году Михаил Палеолог хрисовулом своим утвердил за обителью св. Павла метохи ее, назы-

ваемые: 1) Св. Георгий с водяною мельницею и 2) Св. Николая Скутáру с работниками его.

Кроме Афанасиевой Лавры и монастыря св. Павла, сей государь пожаловал льготный хрисовул Иверской обители на Афоне. Я не видел этого дееписания, но оно упомянуто в хрисовуле соцарствовавшего с Андроником Старшим* Михаила Комнина Палеолога IX, данном сей обители в августе месяце 6818(1310) года, когда индикт был 8-й**. В этом хрисовуле (1310 г.) Михаил Комнин назвал Палеолога I-го своим •[III/2 93]• дедом и утвердил за Иверскою обителью все имения ее, прописанные в хрисовуле сего Палеолога I-го.

По милости сего же государя Афоно-Ксиропотамский монастырь, чествуемый во имя свв. Сорока мучеников, получил от него льготный хрисовул в 1276 году, когда индикт был 4-й. Я видел его и переписал. В нем сказано, что его царское величество утверждает за Ксиропотамом все имения его на Святой Горе и вне ее в разных местах, как те, кои уже давно приобретены им, так

* С 1293 года по 12 октября 1321 года сентябрьского.

** «...ἡ βασιλεία μου καὶ τὸν παρόντα χρυσόβουλλον λόγον ἐκβραβεύει, δι' οὗ καὶ προστάσσει, ἵνα κατὰ τὴν περιλήψιν τῶν πρώτων χρυσοβούλων, τοῦ τε αὐθέντου καὶ πάππου τῆς βασιλείας μου τοῦ βασιλέως, καὶ τοῦ ἁγίου μου αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ πατρὸς τῆς βασιλείας μου, διαμένη καὶ εἰς τὸ ἐξῆς ἡ κατ' αὐτοὺς (Ἱβήρας) τοιαύτη σεβάσμια μονή, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ πάντα χωρία, προάσθεια, ἀγρίδια, ἡσυχαστήρια, καὶ μετόχια πάσης βλάβης ἀθιγῇ...»

* Это село прежде принадлежало Афоно-Амальфийской обители. Следовательно, она была упразднена ранее января 1259 года.

и те, кои приложил ему родной брат его величества деспот, да и те 400 иперпиров, кои пожертвованы ему (Ксиропотаму) логофетом царственности его Димитрием Иатропулом.

Такой же милости Михаила Палеолога сподобился и Дохиарский монастырь на Афоне. В архиве сей обители хранится хрисовульный сигиллион сего государя, написанный на бумаге. Я видел его. Он так ветх, что с трудом читается. Однако опытная любознательность моя прочла его и переписала сокращенно. Из сего акта видно, что дохиарские монахи просили у Палеолога хрисовул, утверждающий за обителью их безмятежное владение всеми имениями ее, подаренными, купленными, обмененными, и что сей государь благосклонно внял просьбе их и исполнил ее*.

Он же в 1271 году, когда индикт был 14-й, уважил просьбу благороднейшего жупана Димитрия, родного брата

короля Сербии, просьбу о том, чтобы пожертвованное деспотом Иоанном Палеологом Афоно-Хиландарскому монастырю село Кастрин у реки Стримона было утверждено хрисовулом его величества за этой обителью. Хрисовул дан. На •[III/294]• задке его хиландарский архивариус написал по-сербски: «хрисовуль старого царя Палеолога о свободѣ села Градца на Строумѣ». Греческое название *Кастрин* он передал по-сербски *Градец*.

Вот шесть известных мне милостивых грамот Михаила Палеолога, кои доказывают, что он был благодетель афонитов! Заметьте сие вы, пишущие или преподающие историю Церкви. А я предлагаю основательное сведение о непринятии святогорцами затеянной сим государем унии.

§ 68. Затея Палеолога подчинить Восточную Церковь Римскому папе, не одобренная афонитами. Их послание к нему

Известно, что Михаил Палеолог затеял соединение Церквей, Восточной и Западной, с тем, чтобы первая подчинилась Римскому папе. Но как родилась в уме его эта затея? Как началась и продолжалась? Как отвергли ее афонские монахи? И чем она кончилась? Отвечаю на все эти вопросы.

Затея, о которой начинается речь моя, родилась в уме Палеолога от сильного влияния на него следующих неблагоприятных обстоятельств.

* «Н βασιλεία μου τὴν τοιαύτην αἰτήσιν αὐτῶν ὡς εὐλογον προσηκαμένη τὸ παρὸν χρυσόβουλλον σιγίλλιον ἐπιχορηγεί τῷ μέρει τῆς τοιαύτης σεβασμίας μονῆς τοῦ Δοχειαρίου, δι' οὗ καὶ παρακελεύεται κατέχειν καὶ νέμεσθαι τοὺς ἐν αὐτῇ μοναχοὺς ἅπαντα, τὰ ὅθεν δῆποτε καὶ ὅπως δῆποτε προσαρμόσαντα ταύτῃ δίκαια ἀπὸ κτητορικοῦ δικαίωματος, ἢ διὰ προσητάγματος τῆς βασιλείας μου, ἢ δωρεᾶς βασιλικῆς ἐτέρας χειρὸς, ἢ ἀπὸ ἐξωνήσεως, ἢ ἐξ ἀνταλλαγῆς, ἢ ἀπὸ προσενέξεως τινῶν, ἢ ἐξ ἀναστήματος καὶ βελτιώματος τῶν ἐν αὐτῇ μοναχῶν, ἢ ἐτέρου τρόπου παντός, ἥτοι μετόχια, παροίκους, ξένους, ἀνεπιγνώστους τοῦ δημοσίου, γῆν ἀροσιμὸν τε καὶ χερσαίαν, ἀμπελῶνα, κηπόρια, περιβόλια, μηλῶνας, καὶ πᾶν εἴ τι ἕτερον δίκαιον προσήρμοσται ταύτῃ, καὶ ἐν ὁποῦδῃτινι θεωρεῖται εἶδει».

В 15-й день августа месяца 1261 года сей государь торжественно вступил в возвращенную ему от латин столицу и вскоре пригласил патриарха Арсения занять вселенскую кафедру, дав ему знать, что он извинится пред ним в устранении малолетнего царевича от коронования. Арсений в этот раз был сговорчив и взошел на патриарший престол с величайшей торжественностью. Михаил Палеолог в присутствии всего синклита, гражданских и военных чинов и бесчисленного множества народа ввел его за руку в храм Св. Софии и, подводя его к кафедре, сказал: «Вот престол твой, владыка, которого ты лишен был долго; займи теперь свою кафедру» (Акрополит), и тут же гласно извинился пред его святейшеством. Вскоре затем совершена была Арсением вторичная коронация с расчитанным великолепием. При этом о царевиче •[III/2 95]• Иоанне не было и помину, а только повелено, после царствующих особ и после патриарха, в общественных молитвах помянуть взявшего у латин Константинополь кесаря Алексея Стратигопула.

Но доброе согласие патриарха и государя едва не прекратилось в самом же начале и неожиданно. Спустя несколько недель после коронации патриарх получил просьбу от супруги Палеолога, Феодоры, «спасти ее от несчастия и отстоять божеские законы». Эта просьба поразила его своей неожиданностью. Оказалось, что Михаил, влюбившись во вдову покойного царя Иоанна Ватаци Анну (дочь импе-

ратора Фридриха II Гогенштауфена и сестру тогдашнего сицилийского короля Манфреда), задумал развестись со своей женой без всякой причины и жениться на этой немке. Патриарх, узнав это, немедленно отправился к Палеологу, сделал ему строгое внушение и погрозил ему отлучением от Церкви в случае сопротивления. Михаил отказался от развода, но сделал другое тягчайшее преступление.

В 1262 году в день Рождества Христова во дворец несчастного царевича Иоанна явились подосланные Палеологом изверги с раскаленную до красна металлической побрякушкой и, держа его за голову, начали трясти ее пред глазами его, открытыми насильственно. От блеска и жара зрение отрока начало ослабевать, а потом и угасло. Узнал об этом злодействе патриарх Арсений и отлучил Палеолога от Церкви, но тайно, а явно во время литургии даже сам поминал его молитвенно (Пахимер). Такую полумеру, такую непоследовательность употребил он потому, что боялся, как бы раздраженный Палеолог не предпринял каких-либо нововведений в Церкви (Григорас).

Коронованный грешник смиренно принял данное ему наказание, старался скрыть свою досаду и у патриарха просил себе времени для покаяния, по истечении которого мог бы получить прощение, ибо, говорит Пахимер, «надеялся, что если немного помолчит, а потом покажет вид, что раскаялся, и станет просить •[III/2 96]• разрешение, то оно тотчас же и после-

дует». Червь совести точил его сердце. Не зная, как оправдаться, и не имея смелости отвергнуть патриаршее прещение, оправдываемое народом, Палеолог прибегнул к посредничеству духовных лиц, особенно близких к Арсению, и чрез них решил просить его снять с него отлучение от Церкви и взамен наложить какую угодно епитимию. Посредники должны были от имени просителя обещать патриарху, что государь исполнит все, что ни повелит ему патриарх, а сделанное уже не возвратимо (Пахимер). Но Арсений был глух ко всем ходатайствам и всем ходатаям говорил: «Я голубя пустил в свою пазуху, а этот голубь превратился в змия и ужалил меня смертельно». Что же Палеолог? Испытавши неудачу в постороннем ходатайстве, он вспомнил поговорку: *αὐτοπρόσωπον — ἀντιφάρμακον*, т.е. *личная просьба — лучшее лекарство*, и решил лично умолять патриарха о прощении. Но и эта мера оказалась недействительною. Всякий раз Арсений отвечал государю: «Употреби врачество, и я приму тебя». Однажды их разговор принял вот какой оборот. Палеолог сказал патриарху: «Да кто знает, согласишься ли ты принять меня, ежели я сделаю что-нибудь и особенное». Арсений отвечал ему: «Великие грехи требуют и врачевания великого». Тогда Палеолог, желая выведать сокровенную мысль патриарха, проговорил: «Что же, не велишь ли мне отречься от царствования?» И после этих слов взялся за ефес меча своего, как бы намереваясь отвязать его и

передать патриарху. Когда же Арсений быстро протянул руку, чтобы взять меч, государь тотчас запел *отходную* и стал упрекать патриарха в покусении на жизнь его (Пахимер). В другой раз он, снявши с своей головы *калентру* и не стесняясь присутствием посторонних лиц, пал ниц пред Арсением и, обнимая ноги его, умолял святость его простить ему сделанное преступление. Но неумолимый старец со гневом оттолкнул от себя лежавшего у ног его Палеолога и, когда этот, вставши, продолжал умолять его, круто отвернулся и, удалившись в свою •[III/2 97]• келью, захлопнул за собой дверь ее пред самым лицом государя. — «Так робко преступление! Так почтенна добродетель!» — промолвил современный историк Пахимер.

Многokrатно Палеолог делал подобные попытки у Арсения и всякий раз терпел неудачу или унижение. Наконец, в душе его явилась мстительность. Желчно стал он жаловаться окружающим его на патриарха, обвинял его в жестокости и в том, что он будто бы велит ему сложить с себя всякую власть. Так-то, приговаривал он, врачует нас духовный врач наш! А иногда и грозил, что если патриарх пренебрегает церковными правилами, предписывающими грешникам покаяние, то *пора мне обратиться к Римскому папе и у него искать помилования*.

Вот как впервые зародилась в Палеологе мысль спознаться с Римским папою! Эта мысль со временем созрела и произвела плод горький.

Когда всевозможные обещания, ласки, даже унижения Палеолога перед патриархом Арсением не доставили сему государю просимого им церковного разрешения, тогда он решился действовать грозно. Однажды (в 1265 г.) он пригласил к себе архиереев, жаловался им на то, что наложенное на него патриархом отлучение отнимает у него свободу действий, и настоятельно требовал, чтобы они придумали какое-нибудь средство к снятию с него этого отлучения, угрожая в противном случае обратиться за ним *туда*. Вот его речь этим архиереям: «Я просил у патриарха прощения с истинным раскаянием и настойчиво искал у него врачевства, хотя бы то было раскаленное железо, но он отказал и вместо раскаяния возбудил во мне отчаяние. Патриарх ничего не открывал мне, кроме необходимости исцелить язву, а как исцелить ее, не научил; приглашал к делу, а сам не знал, что надобно делать. Это похоже на насмешку... Мне кажется, он хочет, чтобы я за свой проступок оставил престол. Но кому предполагает он отдать царство, сего не вижу. А какие произойдут отсюда следствия •[III/2 98]• для государства, это очевидно. Что, если другой окажется не способным к такому великому служению? Притом кто поручится, что я по лишении власти буду жить спокойно? В особенности, что будет с моей женой и с моими детьми? Их на первых же порах всякий захочет сделать несчастными. Я не сомневаюсь в духовной мудрости патриарха, которая видна в других распо-

ряжениях его, но в деле моем никак не могу одобрить его. Где, у какого народа видано что-либо подобное? Есть ли примеры на то, чтобы и у нас мог он делать это безнаказанно? Или он не знает, что раз вкусившему сладости царствования не иначе можно расстаться с ним, как вместе с жизнью? Кто не знает, какими кознями окружен престол? Верность большей части подданных окоченела на маске, да и та держится, пока царь благоденствует, а будь он унижен, подданные становятся дерзкими... Зачем было возводить человека на высоту, когда чрез несколько времени надобно низложить его? Или зачем лишать власти того, кто едва отведал ее? Мы веруем, что Бог управляет судьбою царств. Сколько же безрассуден и какую беду накликает на себя тот, кто противится советам Божиим? Итак, вы должны вникнуть в это и содействовать моему царствованию, дабы никто не презирал нас. Разве не Церковью назначено покаяние? Разве не на божественных законах основано оно? Разве вы сами не врачуете им многих? Разве для царей в Церкви не те же законы существуют, какие для всех других? А ежели у вас недостаточны постановления о покаянии, *то есть другие церкви, и я к ним пойду и от них приму врачевание*. Я высказал, что и что было у меня на уме, теперь вам остается посоветоваться, что надобно делать. Я не могу далее переносить своих страданий, мне необходимо или от вас получить исцеление, или *в другом месте*».

Когда Палеолог кончил эту речь, тогда архиереи с огорчением объявили ему, что не одобряют действий патриарха по отношению к царю, и все единодушно согласились уврачевать •[III/299]• державного. Но прежде всего решено было просить еще раз патриарха Арсения о помиловании. Государь должен был отправить к нему особое посольство с просьбой о снятии с него отлучения, а архиереи со своей стороны обещались помогать успеху этого посольства. Но и сия последняя попытка не удалась. Наконец, дело приняло другой оборот. В 1267 году, 2 апреля, после стояния в честь Пресвятой Девы, обыкновенно бывающего с пятницы на субботу на пятой неделе Великого поста, приммикий патриарших нотариев Эпситопул подал Палеологу донос на патриарха Арсения, в котором главнейшие обвинения были следующие: 1) в начале утреннего богослужения псалом за царя (*Господи, силою Твоею возвеселится царь*) патриарх велел исключить и начинать утреню *Трисвятым* и прочим *последованием*; 2) он дружил с иконийским султаном Азатином, дозволил ему и челяди его мыться в церковной бане, где помещено изображение Честного Креста; 3) он приказывал своему келейному монаху давать святую воду сыновьям султана сего, тогда как неизвестно, крещены ли они; кроме сего, сам султан Азатин во время пасхальной утрени приходил к нему со своими сатрапами и присутствовал при священнослужении его.

Скоро узнал о всем этом Арсений и нимало не беспокоился, а на опасения своих приближенных отвечал, что ему легко оправдаться в возведенных на него обвинениях. Касательно псалма он оправдался тем, что сам же первый ввел его по обычаю монастырей и сам же опять отменил его. В самом деле, ежели патриарху усвоили право ввести псалом на утрени, то нельзя было отказать ему в праве и отменить его, тем паче что отлученный от Церкви государь не имел права жаловаться на это. Арсений мог совсем лишить его церковных молитв за величайшее преступление. А что султан со своей челядью мылся в церковной бане, этого он, патриарх, не знал и не позволял. Притом, присовокупляя он, одно из двух: или надобно выгонять их из всех бань, потому что во •[III/2 100]• всех них есть крест и иконы святые, или ежели другие бани открыты для них, хоть и неверующих, то я не вижу причины, почему можно бы удалять их из бани церковной. А что я обходился с султаном и с его сынами как с христианами, то не признаю себя виновным в этом, потому что о христианской вере их свидетельствовал мне епископ Писидийский: если же кто докажет, что они не христиане, то грех падет не на меня, а на сего епископа (Пахимер).

Это оправдание патриарха было пересказано Палеологу, но не убедило его. Посему он созвал Собор архиереев, который и осудил Арсения за то, что он, троекратно приглашаемый в Собор, не явился туда (Пахимер). Из двух

патриархов, присутствовавших в этом Соборе, Антиохийский Евфимий, имевший старые счеты с Арсением*, охотно присоединил свой голос к общему приговору, но Александрийский Николай решительно отказался дать свое согласие на низложение невинного патриарха, и хоть за это членами Собора был устранен от церковного общения, но до конца остался тверд в своем убеждении. Итак, один мужественный иерарх на целый Собор! В конце концов Арсения посадили в рыбацью лодку и отвезли на остров Мраморного моря, Приконис, где и поместили его в пустынной обители, приставив к нему стражу, которая никому не позволяла видеть его (Пахимер).

Преемником Арсения был Адрианопольский епископ Герман. Михаил Палеолог возлагал на него большую надежду в деле примирения своего с Церковью. Но этот примиритель оказался слишком добросовестным для той роли, которую назначал ему сей государь. Посему гибкий духовник его величества, Иосиф, помог ему отделаться и от сего патриарха (Пахимер). На кафедре двух низложенных владык очутился сам этот Иосиф; и желанное разрешение было получено Палеологом. •[III/2 101]• Он ликовал и в избытке радости даже вспомнил о несчастном царевиче Иоанне и велел кормить его лучше. Но радость его была возмуще-

на неожиданно. Общественная совесть оказалась не так сговорчива, как совесть духовника его Иосифа. Послышался глухой ропот и на царя, и на верного ему патриарха Иосифа. Монахи разных монастырей отказались от общения с этим патриархом. А многочисленные так называемые *Божьи люди*: *саккофоры-сумконосцы*, странники, юродивые, загадочные бродяги, кликуши и прочие люди без рода и племени, тайно, неуловимо, ходили в дома обывателей Цареграда и чернили Палеолога и сторонников его. Сей государь и патриарх сначала презирали эту силу темную, но потом принуждены были запугать общественную совесть решительной мерой. По общем совещании постановлено было передать дело о беспокойных монахах великому логофету. А этот в своем доме подвергал их жестоким истязаниям: сек, держал на весу, бил, почетнейших между ними бесчестил и как людей опозоренных водил по площадям и, наконец, ссылал их в отдаленные места. Однако все эти жестокости были потрачены даром. Общественная совесть хоть и была запугана, но боль осталась внутри и ждала случая, чтобы обнаружиться с новою силой. Рядом с этими церковными смутами шли смуты политические во имя ослепленного царя, отрока Иоанна. Восстания разных деспотов, севастократоров и латинских властителей Ахайи и Пелопоннеса пришлось останавливать силою. Болгария, у которой на престоле была дочь покойного царя Феодора Ласкариса и

* Евфимия обвиняли в том, что он будто бы придерживался армянщины. Поэтому Арсений обходился с ним сухо и холодно (Пахимер).

сестра ослепленного Иоанна, стала грозить и Византию постоянно держала настороже. Так же точно относились к этой державе и страшные тогда татары. Тогда уже ничего нельзя было сделать силой: надлежало прибегать к хитростям. Посему пущены были в ход подкупы, брачные союзы, клятвы, обещания (Пахимер и Григорас).

В таком положении были дела Восточной империи, когда пришла туда весть о грозных приготовлениях сицилийского •[III/2 102]• короля Карла против Константинополя. Он был тесть изгнанного незадолго пред сим из Константинополя латинского императора Балдуина и готовился возвратить своему зятю потерянный престол. Михаил Палеолог предвидел грозу с этой стороны, будучи уверен, что западники не простят ему легкого возвращения Константинополя, которым владели 58 лет, и заранее принимал меры отклонить от себя эту опасность. Крестовые походы еще у всех были в памяти. Палеолог хорошо знал, где находится сила, заправляющая эти походы, и вскоре по вступлении в Константинополь отправил посольство к папе с целью смягчить тяжкое впечатление, произведенное в Западной Европе изгнанием латин из Цареграда. Вслед за этим посольством отправлено было другое, за другим третье. Это последнее было вызвано уже прямо воинственными приготовлениями Карла и, по всей вероятности, осталось бы безуспешно, как и два первые, если бы не умер папа Климент IV, большой почитатель си-

цилийского короля. На кафедру его возведен был Григорий X. Это был старый знакомый Палеолога по Сирии, где он жил до той поры под именем Феобальда. Но особенно важно было для сего царя то, что новый папа был добр и мечтателен и искренно желал соединения Церквей, Восточной и Западной (Пахимер). Этот папа, знавший о сношениях Палеолога со своими предшественниками и об условиях, на каких велись они, вскоре по вступлении своем на кафедру первый отправил к нему посольство с извещением о своем вступлении и с предложением единения Церквей. Палеолог обрадовался. Противник его Карл был теперь обезоружен. Но отклонивши одно затруднение, Михаил встречал другое. Это новое затруднение состояло в том: как соединить Греческую Церковь с Римской на тех условиях, какие придумывались. А условия эти были: признание первенства папы, провозглашение имени его во время богослужения и апелляция на его имя. Вековая вражда Востока и Запада, усиленная в последние двести лет неистовствами крестоносцев на Востоке и •[III/2 103]• последним 58-летним владычеством латинян в Константинополе, была хорошо известна Палеологу. Он также сознавал ясно и свое натянутое отношение к Церкви, как отлученный, и к обществу, как похититель престола. В таких обстоятельствах трудно было вводить и менее смелую затею. Но он зашел уже так далеко, что отступать было поздно. Раз ставши на гладкую

дорогу, Михаил уже не хотел сойти с нее.

Папские послы приняты были великолепно. Великий логофет Акрополит получил от Палеолога приказ морочить глаза дорогим гостям. И действительно, он повел дело ловко, следя за всеми движениями православного населения столицы. Соглядатаи его верно доносили ему о всем, и он заблаговременно накрывал подозреваемых людей и разделялся с ними по-свойски. Во время прогулок папских послов по городу, особенно во время посещения ими православных храмов, предусмотрительный министр Палеолога заранее устранял от этих мест подозреваемых людей и расставлял тут продажных ревнителей унии.

Но такое мороченье не могло же быть продолжительно. Папские послы хотели наконец добиться толку. Надлежало удовлетворить их требования. Тогда Палеолог, подготовив наперед патриарха и архиереев, открыл в Константинополе Собор для рассуждения о предложении папы. Сверх чаяния, он встретил со стороны патриарха, своего прежнего верного слуги, и прочих архиереев такой отпор, что принужден был закрыть Собор. Однако это не понудило его ни на шаг отступить от своего намерения. Отложив расправу с ревнителями православия до более благоприятного времени, он озабочился теперь отправить торжественное посольство к римскому первосвященнику с приветом, с обещаниями и богатыми подарками для папы и карди-

налов его. Посольство состояло из духовных и мирских сановников. Во главе первых находился бывший патриарх Герман, а во главе вторых — великий логофет Акрополит. Потерявши половину своих спутников и подарков во время •III/2 104I• бури на море, духовные сановники вместе с Акрополитом прибыли в Рим, радушно были приняты папою и провели там весну и лето. Это было в 1273 году. В следующее же лето папа для рассуждений о соединении Церквей открыл Собор в Лутдуне. Туда приглашено было и посольство Палеолога.

Перенесемся оттуда на Афон и узнаем: приглашал ли Палеолог тамошних монахов к принятию унии, и если приглашал, то какой ответ они дали ему.

Так как сей государь, как мы уже знаем, по примеру царственных предшественников своих, крепко радел о благосостоянии афонских монастырей, дарил им доходные имения, дорожил духовными подвигами тамошних монахов, издавал инвеституру их проту, то угодно было ему пригласить их к молитвенному и послушному общению с Римским папою и, в случае согласия их на то, примером их увлечь к унии многое множество мирян, имевших высокое понятие о святогорцах. Для сего он прислал на Афон свой властный приказ (*πρόσταγμα*), в котором предлагал им воспоминать имя папы в молитвословиях и признать его первенство между всеми патриархами и право окончательного решения церковных дел. Этот приказ выяснил афон-

цам все, что они слышали неодинаково и что казалось им сомнительным. Тогда они сообща написали и представили Палеологу вероисповедное послание, в котором опровергли все папские нововведения в Христовой Церкви и выразили свое решительное нежелание принять их, а в конце послания сказали вот что: «Никак не позволяй сего ради души твоей святой, царю святой и Богом поставленный самодержец, и вместе Христу возлюбленный и христолюбивейший. Но держись, как держишься, по благодати Христовой, того, чему ты научен и что тебе вверено, зная, Кем ты научен [см. 2 Тим. 3, 14]. Храни добрый залог, избегая, по учению великого апостола, негодных пустословий лжеименного знания, да посредством тебя, с тобою и со всем домом твоим, славящим Бога, и мы, составляющие полноту христиан, будем соблюдены, как •[III/2 105]• православные и Богу угодные, на день явления Господа, и с вами и сами сделаемся неукоризненными наследниками Царства Его вечно».

В этом послании, которого греческий подлинник помещен в *Оправданиях* сей истории моей под № 5, а русский перевод напечатан в описании первого путешествия моего по Афону (Ч. 1. Отд. 2. С. 288–302), нет и намек на какое-либо гонение или притеснение святогорцев от Палеолога. Отсюда я заключаю, что оно было представлено сему государю ранее того остервенения его против монахов, о котором упомянул современный византийский

историк Пахимер и которое проявилось в нем в патриаршество Иоанна Векка*, незадолго до смерти его величества, последовавшей в 11-й день декабря месяца 1282 года. Едва ли я ошибусь, если укажу год послания святогорцев 1272-й. В самом послании этом сказано, что «Бог почтил Палеолога самодержавием *задолго пред сим*». Стало быть, послание, о котором идет речь, представлено было этому царю *спустя много лет* после венчания его на царство, бывшего в 1261 году.

§ 69. Неудачное введение унии в Греческую Церковь.

*Она принята на Афоне только
Лаврою и Ксиропотамом,
а прочие монастыри не изменили
православию и за то пострадали.
Кончина Михаила Палеолога.
Основание монастыря
Кутлумушского*

Так это было на Афоне. А в Италии, по единственному оповещению одной западной хроники латинской, в 1274 году, 24 июня, послы Палеолога прибыли в Лутдунский Собор. Тут все прелаты, камерарий папы со всем двором его блаженства, вице-канцлер, все нотари и все кардиналы встретили их и проводили до самого дворца, в котором поместился папа. Его блаженство в сенях своего помещения честно принял послов, •[III/2 106]• дав им лобзание мира. А они представили ему грамоты

* Иоанн Векк патриаршил с 1274 года по 1283-й.

своего государя, запечатанные золотыми печатями, и несколько писем от греческих архиереев и сказали господину папе, что они явились засвидетельствовать всяческую покорность (*omnimodam obedientiam*) святой Римской Церкви и принять веру, которую она исповедует, и первенство главы ее (*primatum ipsius*). В том же году и месяце, в день свв. апостолов Петра и Павла, было четвертое заседание Собора в присутствии греческих послов, которые занимали места на правой стороне от седалища папы. Его блаженство говорил Собору речь, в которой оповестил три помянутые причины созыва Собора и выразил, как и как греки, сверх общего ожидания, добровольно (*libere*) пришли с покорностью к Римской Церкви, исповедуя веру ее, признавая первенство ее и не требуя ничего временного, в чем много сомневались (*profitendo fidem, recognoscendo primatum illius, nihil que temporale quaerendo, de quo multum dubitabantur*). Когда же были прочтены грамоты Палеолога, тогда логофет Акрополит, сказавши предварительно, что он уполномочен своим государем делать то, что делает, клятвенно объявил, что греческий царь и все царство его содержат вероисповедание Римской Церкви, которое было прочитано в Соборе, и что они будут хранить оное постоянно (*perpetuo servaturos*). Вот это клятвенное обещание его:

«Я, Георгий Акрополит, великий логофет, посланник государя греческого Михаила Дуки Ангелоса Комнина

Палеолога, имея от него полномочие на нижеписанное, от всякой схизмы клятвенно отрицаюсь и подписанное единение веры (*subscriptam fidei unitatem*), как оно было вполне прочитано и верно изложено (*prout plene lecta est et fideliter exposita*), от имени реченного государя моего признаю верою истинной, святой, кафолической и православной, приемлю ее сердцем и исповедую устами, и обещаю, что сию веру, как истинно содержит ее и точно проповедует святая Римская Церковь, он (Михаил Палеолог) будет хранить нерушимо и никогда не уклонится от нее и не •[III/2 107]• совертится (*nec ab ea ullo unquam tempore recessurum, vel quoquo modo discrepaturum, vel deviatum promitto*). Равным образом и первенство святой Римской Церкви и должное повиновение ей именем его и своим собственным добровольно за него и за себя исповедую, признаю, допускаю и охотно приемлю. А также клятвенно всею душой обещаю и утверждаю, что все истины веры и первенство Римской Церкви он (Палеолог) будет признавать, принимать, соблюдать и крепко держать. В чем да поможет ему Бог и сие святое Евангелие Божие».

Пока податливый посол Палеолога от имени его вручал Греческую Церковь папе, его августейший господин подготавливал иеархию и народ к принятию папства. Он начал подготовку с патриарха Иосифа, который, однако, отправил окружное послание ко всем восточным епископам, предостерегающее их от затеваемой царем унии. Так

как эта мера его святейшества очень раздосадовала Палеолога и так как сей государь затруднялся пригрозить Иосифу, бывшему духовнику своему, которому был много обязан и вверял свои тайны, то и вздумалось ему войти в сделку с ним. Пригласивши к себе патриарха, он, по обыкновению своему, прежде всего расплакался пред ним, рисуя свое трудное положение ввиду угрожающего ему вооружения латинов, потом предложил ему такое условие: ежели послы его возвратятся от папы с унией, то патриарх добровольно откажется от своей кафедры, а ежели предполагаемая уния не состоится, то Иосиф останется на своем месте, до решения же сего дела будет жить в монастыре Перивлептовом, пользуясь всем содержанием своим и всеми правами (Пахимер). Волей-неволей патриарх принял это условие. Поладивши с ним, Палеолог обратился к епископам и, по обыкновению своему, начал с ласк и обещаний; когда же они ни к чему не повели, употребил меры строгие. «Чиновники начали описывать имения противников унии, а для них самих готовили лодки, чтобы отвести их на место ссылки. Сего мало. Некоторые духовные лица, более других противившиеся введению унии, были •[III/2 108]• подвергнуты жестоким истязаниям. Так, ритор Оловола, отказавшегося принять унию, привезли в Константинополь в оковах и сперва подвергли бесчеловечным пыткам, а потом по городу водили его и с ним приближенного к патриарху Иосифу

монаха Иасита Мелия и еще десять человек, били их, увешанных овечьими нечистыми внутренностями и печеньями, у церквей же подвергали еще большему бесчестию, угрожая таким образом другим духовным лицам и наводя на них страх» (Пахимер). Такие меры подействовали. Духовенство, видя висящую над собою грозу, начало умолять самодержца избавить его от своего гнева и водворить спокойствие, пока не возвратятся из Рима послы. Но многократные просьбы не убедили его, напротив, было объявлено, что просители будут обвинены в оскорблении величества, ежели не исполнят предложенных условий. Когда же иные, боясь подвергнуться еще большему насилию, начали спасаться бегством, тогда Палеолог сочинил золотую грамоту, в которой под самыми страшными клятвами уверял всех, что он и не думал употреблять насилие или прибавлять к Символу веры хоть бы одну черту и что домогается только общего признания первенства папы, деловой апелляции на его имя и молитвенного возгласения его имени в церквях, да и то лишь на словах для целей государственного благосостояния. Написав такую грамоту и скрепив ее золотой печатью, он послал ее в храм Св. Софии со своим протасикритом Михаилом Неокесарийским. Тогда архиереи, обеспеченные сей грамотой, подписали предложенные три условия. Правда, некоторые и теперь отказались принять их и за то были отправлены в ссылку, но спустя несколько

времени изменили свой образ мыслей, были возвращены и присоединились к Св. Церкви, так что никто из константинопольских клириков не остался в изгнании (Пахимер). Такими мерами вымучивал Палеолог согласие духовенства на принятие унии. Между тем посольство его возвратилось из Италии и привезло Палеологу радость, а Восточной Церкви скорбь. Уния состоялась. Надобно •[III/2 109]• было объявить ее торжественно. Патриарх Иосиф, по заключенному ранее условию с царем, оставил свою кафедру, которая объявлена была праздною по общему приговору. После сего провозглашена была уния вот как. В 16-й день января месяца 1275 года, когда в придворной церкви совершал литургию Халкидонский епископ Николай в присутствии послов и царя, прочитан был на двух языках Апостол из Деяний апостольских (ибо в тот день Церковь праздновала чествование вериг Петра), равно и Евангелие было прочтено по-гречески и по-латыни, и в свое время диакон возгласил имя папы Григория, назвав его *верховным архиереем апостольской Церкви и вселенским папою* (Пахимер).

Жестокими смутами отозвалась эта уния в Восточной Церкви. «Со времени введения ее, — рассказывает очевидец Пахимер, — дела пришли в совершенное расстройство; люди начали чуждаться друг друга, и между тем как один желал общения с папою в молитвенных собраниях, другие говорили: *не прикасайся и не осяжи*, и взаимное отчуждение простирали до того, что не

хотели ни говорить друг с другом, ни есть из одной посуды. Разделение увеличивалось с каждым днем, и с кем кто сходилась вчера, от того отворачивался сегодня... Те самые люди, которые одинаково не были согласны со всякою партией, разногласили еще и между собою и способствовали умножению разделений, одни так, другие иначе, иные не ретиво, некоторые с большою ревностью. Кто может достойно оплакать тогдашнее состояние Православной Церкви, когда всякое беззаконие отступников ставилось ни во что, иногда казалось выгоднее принять унию, нежели находиться в общении с Православною Церковью? Впрочем, не все дурное тогда было гласно: многое, совершавшееся в тайне, оказывалось злом еще большим. Люди бедные были подкупаемы щедрыми подарками злонамеренных людей и, увлекаемые ими, молчали. Когда же злонамеренные были говорливы, а слушатели просты и необразованны, тогда толки говоруннов казались достойными вероятия. Человеку •[III/2 110]• необразованному благоразумие не позволяло разбирать дело и внушало уступчивость без всяких хлопот. А кто под предлогом утверждения себя в вере затронул бы ходячий вопрос, тот ох какой получил бы насморг! Но если, напротив, начинали убеждать его самого, он должен был слушать скромно, показывая вид, что не знает ничего, кроме лопаты, заступа и насущного хлеба. Многие находили тогда многих и такими (мое слово касается не всех), что они знали,

в чем состоит разногласие Церквей, знакомы были с историей, читали писания, понимали важность обвинений, коими одна Церковь преследует другую, и, однако, же пользовались обстоятельствами, сколько умеренно, столько и осторожно, а это было хуже самого раскола. Может быть, надлежало бы им столько разногласить со своими, сколько недавно разногласили они с итальянцами; однако же иные и тогда *по нужде*, как говорили, имея общение с ними, отделялись от своих братьев, словно от заразы» (Пахимер. Кн. V. Гл. 23).

Так это было в Константинополе и в других городах греческих. Что же тогда происходило на Афоне?

Немного сведений о тогдашних смутах и страданиях афонитов дошли до нас. Излагаю здесь эти сведения в очищенном виде, поместивши рудники, из которых они добыты мною, в *Оправданиях* настоящей истории Афона под № 6 и под буквами а, б, в, г, д и пр.

В 1272 году афониты на приглашение Михаила Палеолога принять унию ответили отказом в своем догматико-защитительном послании к нему.

В 1274 году послы сего Палеолога в городе Лугдуне подписали единение Церквей, Восточной и Западной.

В 1275 году, 16 января, в придворной церкви сего царя, во время литургии, в присутствии его величества и послов римского первосвященника, папа Григорий был провозглашен верховным архиереем Апостольской Церкви и владыкою вселенским. •[III/2 111]•

С 1276 года начались и до 1283 года продолжались смуты в Греческой Церкви и на Афоне по причине насильственного введения унии.

Незадолго до 1280 года со Св. Горы сослан был Михаилом Палеологом куда-то в заточение монах Никифор, родившийся в Италии, отринувший латинское вероучение и принявший православие, сослан за противление унии. Жалею, что нет подробных сведений о нем. А сдается, что он сильно ратовал на Афоне за свободу Церкви Христовой и осуждал главенство Римского папы, так что многие и многие святогорцы были удерживаемы им от принятия унии. Недаром Михаил Палеолог заточил его далеко негде от Афона.

В октябре месяце 1280 года клеветы сего латиномудрствующего царя вместе с итальянскими попами причаляли к берегу Св. Горы у Афанасиевой Лавры, готовой признать верховенство папы, и тут встречены были лавриотами с возжженными свечами, с фимиамом и песнопениями. В соборном храме сей обители отслужена была литургия с провозглашением имен папы Григория, патриарха Иоанна Векка и царя Михаила Палеолога. Отсюда латины и единомысленные с ними византийцы на челнах своих приплыли к пристанищу монастыря Иверского и вошли в эту обитель с предложением унии. Но здешние преподобные монахи не на песке поставили свое основание, а на незыблемом утесе — Господе нашем Иисусе Христе, глаголавшем: *не убойтесь*

убивающих тело, души же не могущих убить; убойтеся же паче могущего и душу и тело погубить в геенне, — и не поддавались страху, не увлеклись примером Лавры, а воспротивились стойко и, надеясь на Господа, не поколебались, как гора Сион. Тогда паписты разделили их на две половины и грузин отправили в Италию, а прочих утопили в море, в монастырском продырявленном судне, обитель же их ограбили и оставили запустелою. Отсюда они морем отправились в Ватопед и тут предложили инокам единение с папою, но получили решительный отказ, изложенный в представленном •[III/2 112]• им письменном обличении антицерковного учения их. За такое сопротивление преподобные ватопедцы были повешены на одном близком к их монастырю холме. Из Ватопеда латины по горе перешли в Зограф и здесь в монастырской башне сожгли двадцать шесть болгаро-славянских монахов после неудавшегося переговора с ними. Это было в 10-й день октября месяца 1280 года. Из Зографа по горе же мучители пришли в Карейскую келлиотную лавру, где находился и прот Святой Горы вместе с властными старцами, и как его и их, так и всех прочих келлиашей стубили мечом, а протатскую церковь сожгли, монашеские же кельи ограбили. Из Карейи они по горе спустились на южную сторону Афона в Ксиропотам, где в Дафнийской пристани поджидал их корабль, отплывший туда от Ватопеда мимо Афанасиевой Лавры и Подафонья. Ксиропотамцы, уstraшенные

мучениями святогорцев и увлеченные примером названной Лавры, приняли их с возжженными свечами, с восклицаниями и с честью великой и вместе с ними служили литургию, вспоминая папу. Но Тот, Кто призывает на землю и творит потрястися, потряс ее и разрушил соборный храм, а монастырские стены развалил, пощадив лишь одного человека ... в знамение потомкам. Тогда латины, видя все это, с ответом возвратились восвояси. После сего те святогорцы, которые страха ради латинского укрывались в захолустях Афона, вышли оттуда в свои селитвы и, собравши мертвые тела, похоронили их честно, воспевая псалом Давида: *Боже, приидоша языцы в достояние Твое, оскверниша место святое Твое, положиша трупы рабов твоих брашно птицам небесным* [Пс. 78, 2]...

Так кончилась затея Палеолога на Афоне. «А сам он, по заверению историка Григораса, сверх всякого чаяния скончался в 6691 (1282/3) году и не удостоен был приличного царю погребения. Сын его Андроник только приказал, чтобы несколько человек, отнеся тело его ночью подальше от военного стана, зарыли его глубже в землю, дабы не растерзали •[III/2 113]• его звери*». Причиной тому было уклонение Михаила от учения православной церкви».

По смерти его, вдовствующая царица Феодора обнародовала исповеда-

* Историк Пахимер прибавил, что тело сего царя ночью было перенесено родственниками его в соседний монастырь, называемый Новый.

ние (ὁμολογία), которым обязалась пред Св. Церковью никогда не помянуть души усопшего супруга своего. Сообщая это исповедание, найденное мною в Каирской библиотеке Александрийского патриарха.

«Феодора во Христе Боге верная царица самодержица ромеев, Дукена Комнина Палеологина. — О вере я думаю не так, как о прочих делах добрых, какие кто может совершать для спасения себя самого. Хорошо скрывать сии дела от всех, да видящий их в тайне небесный Отец и Бог воздаст за них явно; а веру, как источник, начало, мать всякой добродетели, не скрывать, а исповедовать пред всеми и народовать спасительно. Она-то, как мне кажется, и есть тот свет, который, по заповеди святого Евангелия, должен светиться пред человеками. Посему царственность моя никогда не скрывала веры и теперь не скрывает ее, напротив, оповещает и подтверждает, что она верует так, как давно научила ее веровать и исповедовать Церковь Божия. Это знает Бог, испытующий самые глубины сердец наших, но да будет ведомо и всем людям, что мы не содержим никакого другого учения, кроме того истинного, которое преподает Церковь Соборная и Апостольская. Поелику же царственность моя, по благодати Божией, так мыслит и так полагает, то явно, что она всею душой отвергает, ненавидит и считает мерзким то дело (унию), которое недавно случилось в Церкви и смутило ее всю, как бы ни называли оное, *мир*, или *икономия*,

или иным подходящим именем, а тех, которые еще и теперь хвалят и одобряют оное, признает преоборителями Церкви Божией, противниками собственного спасения, врагами и заразителями всех тех, которые принимают •[III/2 114]• их, и отвергает как виновников гибели душ. Ибо ежели душевредность сего дела и не обнаруживалась прежде, то не скрывается от моей царственности теперь, быв обличена делами и речами, которых истинность не подлежит сомнению. Впрочем, царственность моя, по благодати Божией, еще и тогда, когда началось это дело, весьма тяготилась им и едва терпела необычайность и *новость* его, давно негодовала, хотя и не постигала всей опасности от него, а теперь негодует тем более, что ясно видит худой конец оного недоброго замысла. Но довольно об этом. Поелику же Церковь Божия осудила Векка за хульные догматы его и с ним Мелитиниота и Метохита, как единомысленников, и ославила и отлучила от общения с собою, то и царственность моя, вследствие такого решения ее, достолично считает их отобщенными и отверженными. А так как сия же Святая Церковь Божия определила не удостаивать уставных поминовений и скончавшегося супруга моего и владыку и царя за помянутое дело и смятение, то царственность моя, предпочитающая всему страх Божий и покорность Святой Церкви, любит и принимает и это определение ее, и никогда не понудит ее совершать поминовение души владыки моего и царя и супруга, или

что-либо другое сверх заповеданного мне. Ибо согласоваться во всем с Церковью Божией и следовать за нею *хочет* царственность моя, устрояющая таким образом спасение свое и желающая явно исповедать пред всеми веру свою, которую приняла от отцов, сохранила до настоящего времени и сохранит до конца, будучи хранима силою создавшего и воцарившего ее милосердного Бога».

(К этому Исповеданию была привешена золотая печать на шелковом шнурке пунцового цвета, а на печати с лица вычеканена была Пресвятая Богоматерь, носящая Младенца, на обороте же — столпописание самой святой царицы*). •[III/2 115]•

Кроме вышеизложенной затеи Михаила Палеолога, кончившейся так злополучно, в царствование сего государя были на Афоне такие два события, о которых нельзя умолчать.

Ранее 1263 года и после него дела святогорских монастырей ведал прот Арсений. При нем появились там многие безбородые, так называемые по-гречески *отпавоί*, т.е. скопцы и юноши, у которых еще и ус не пробился. Между ними был один сербин, по имени Феодор *Грамматик*, весьма хорошо переписывавший книги. О таком искусстве его узнал духовник Афоно-Хиландарского сербского братства Дометиан и пригласил его заняться перепискою книг. Но вдруг последовало распоря-

жение прота Арсения выслать из монастырей всех безбородых, дабы вместо их не явились женщины. Вследствие сего распоряжения изгнан был вместе с другими и реченный Феодор, как безбородый молодец. Он удалился в Солунь, где и провел полгода (в 1262 г.). Туда ходил за ним Дометиан и возвратил его на Афон, где и поместил в исихастии святой Богородицы. Тут Феодор переписал первую половину Шестоднева Иоанна, ексарха Болгарского. Но завистник диавол снова вооружился на него. О нем дали знать проту Арсению. Тогда защитник его Дометиан вместе с ним явился в Протат, но никак не мог смягчить разгневанного прота. По решению его Феодор опять должен был удалиться со Святой Горы, однако, при содействии своего покровителя, остался в каком-то метохе Хиландарском и в 1263 году окончил вторую половину Шестоднева, прописавши тут похождения свои по случаю преследования *безбородых*, недопускаемых на Св. Гору древними уставами ее*.

Во дни Михаила Палеолога, в 1279 году или в начале следующего лета, построен был новый монастырь подле афонской Кареи преподобным иноком Дионисием, по прозванию Кутлумуш^е, потому что он родился в фессалийском селе •[III/2 116]• Кутлумуш^е**. Его прозвание было усвоено и монастырю его и уцелело до наших дней.

* См. в *Оправданиях* № 8.

* Греческий подлинник Исповедания смотри в *Оправданиях* сей истории моей, под № 7.

** Смотри мое *Первое путешествие по Афону*. (Ч. II. Отд. 2. С. 237).

Монастырь этот вначале был очень мал. В нем спасались только 12 монахов, а в 1334 году число их увеличилось до сорока (Архив). Церковь же в нем освящена была в память Преображения Господня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. События на Афоне в царствование Андроника Старшего с 1283 года по 1313-й

§ 70. Страдание афонитов от морских разбойников в 1285 году

По смерти Михаила Палеолога воцарился сын его Андроник. Он, как и предшественники его, был главным владыкой всех афонских монастырей, но только до 1313 года.

«Сей государь, по окончании траура, занялся важнейшим и первым делом — умиротворением Церкви. При жизни отца заботу о ней он скрывал в душе своей, подобно тучной земле, скрывающей в себе во время зимы плодovитые семена. Но вот наступила весна, и он обнаружил то, что крылось в нем. Всюду разосланы были гонцы с царскими указами, которыми объявлялось исправление беспорядков, допущенных в Церкви, возвращение всех, за ревность о Церкви сосланных, и помилование испытывавшим другое какое-либо бедствие. Тогда патриарх Векк оставил тайно кафедру свою и водворился в обители Панахранта. На его место тотчас

возведен был прежний патриарх Иосиф.

Андронику царедворцы его при советовали уменьшить флот. «Бедствия, — говорили они ему, — понудившие нас увеличить число кораблей, прошли все; умер и король Италии Карл, главный виновник всех зол, посему напрасно издерживаться на корабли, •[III/2 117]• которые почти больше всех других предметов истощают царскую казну. Такой совет грозил явной гибелью ромеям, однако признан был выгодным и весьма полезным. Но с этого времени начались бедствия ромеев. Это ободрило латинян, прежде боявшихся ромейского войска, как непобедимого, и подстрекнуло их померяться силами с ромеями. С этой поры у латинян морские силы начали умножаться, славиться, увеличивать их богатства и расширять пределы их власти, а у ромеев они стали мало-помалу ослабевать и исчезать, бедствия же со дня на день возрастать. Разбойнические *трииры* (трехпалубные суда) то те, то другие, то оттуда, то отсюда, то еще откуда-нибудь, числом две-три и больше, начали безбоязненно подплывать даже к самому Цареграду. Посему острова и приморские местности начали страдать» (Григорас).

Пострадал и опарусенный Афон от этих же латинских пиратов. Это было в 1285 году, который показан в афонских *памятях* об унии, в сочинении патриарха Досифея о первосвятителях иерусалимских и в письме известно-го Евгения Вулгариса к англичанину

Клерку*, показан как год страданий афонитов от латинян, без объяснения, однако, кто были эти латины и какие монастыри наипаче пострадали от них.

§ 71. Нападение турков на Афон

Во дни Андроника, в самом конце XIII века или в самом начале XIV столетия (1300–1301 гг.), турки по жребию разделили между собой всю землю, сколько ее было в Малой Азии под властью греков. Карман Алисурий [Гермийан Али-шир] получил большую часть Фригии, а также земли, простирающиеся от Антиохии, что при реке Меандре, до Филадельфии и соседних с ней мест. Другой турок, по имени Сархан [Сару-хан], получил земли, пролегающие оттуда до Смирны и приморских мест в Ионии. А Магнезию, Приину и Ефес еще прежде успел подчинить себе другой сатрап, •III/2 1181• Сасан. Земли, тянущиеся от Лидии и Эолии до Мисии, прилегающей к Еллиспонту, заняли Калам и сын его Карас. Земли около Олимпа и потом всю Вифинию получил Отман. Пространство от реки Сангария до Пафлагонии разделили между собою дети Амурия, Хасан и Магомет (Григорас, книга 7-я). Некоторые из этих турков внезапно явились на Афоне, во дни тамошнего прота Луки, и грабили тамошние св. обители. Сие было ранее 1312 года,

в который прот Феофан упомянул об этом событии, как о минувшем, в своем «разграничении пределов монастырей Ватопедского и Верриотского»*. Когда же ранее? По расчислению моему, в 1304 или 1305 году.

§ 72. Нашествие каталанцев на Афон

В 1306–1308 годах каталанцы нападали на афонские монастыри. Нападение их описано очевидцем сего печального события, учеником тогдашнего Хиландарского игумена Даниила, и помещено в его Родослове. Каталанцы и их союзники с 1308 года, водворившись на ближнем к Афону полуострове Кассандре, в течение трех лет и трех месяцев тревожили и разоряли святогорские монастыри. «Ужась бѣ видѣти тогда, — писал ученик Даниила, — запоустѣние Св. Горы отъ роуки сопротивныхъ». Они осаждали Хиландар. Эту сербскую обитель мужественно защищал от них игумен ее, реченный Даниил, но когда они полуразрушили ее, успел укрыться в Афоно-Русском монастыре Пантелеимона, в котором тогда жили сербы же. Однако и сюда пришли каталанцы и тут, «въ монастырь Роушцемъ въ единочасъ церковь божественную и все полаты зажегоше». О разорении других монастырей *подробных* сведений я не имею.

* Смотри это дело в актах Руссика, изданных в Киеве в 1873 году, под № 8. Тут турки названы измайльтянами, так как род их в то время греки производили от сына Агари, Измаила.

* Смотри мое *Первое путешествие по Афону*. (Ч. 1. Отд. 2. С. 102).

Крумица. Виноградник Русского монастыря св. вмч. Пантелеимона.

Зато оповещаю другое, крупное событие на Афоне, именно: [III/2 119]

§ 73. Построение монастыря Пандократорского

О времени появления сего монастыря и о здателях его *местные* толки темны, сбивчивы, неудовлетворительны. Излагаю их и, по изложению, сообщая надлежащее сведение о сем предмете.

Англичанин Рикó, составивший описание афонских монастырей в 1698 году*, поведал, что «Феодосий основал Пандократор, а Алексей Комнин возобновил и увеличил сей монастырь, в

котором погребено и тело его». Но это известие, выслушанное господином Рико из уст пандократорцев, ничем не доказано им, да и не знаешь, кто эти Феодосий и Алексей. Если под первым разуместь императора Феодосия Великого, царствовавшего в Константинополе в конце четвертого века, то во дни его на Афоне жили миряне, а не монахи. Стало быть, он построил (если построил) Пандократорскую церковь для мирских христиан в соседнем с нынешним Пандократором городе Фиссосе, который впоследствии свалился в море от землетрясения. Можно допустить это, так как родной брат его Онорий создал (уцелевший поныне) храм в Ватопедиионе для мирян в 383 году. Что касается до Алексея Комнина, будто бы возобновившего Пандократорскую

* Histoire de l'estat present de l'église Grecque, par M. Ricaut, traduit de l'Anglois par M. de Rosemond. Amsterdam, 1698.

обитель и костыми легшего в ней, то под ним нельзя разуместь ни одного из греческих царей, имевших это имя и прозвание, потому что все они умерли и погребены не на Афоне. Ниже мы увидим, что то был царский родственник Алексей стратопедарх, не обновитель, а строитель Пандократора, бывший в живых в 1353 году.

В «Проскинитарии» врача Иоанна Комнина, напечатанном в 1701 году, сказано, что «Пандократор построен Алексеем стратопедархом, который был и царем ромеев, что видно из •[III/2 120]• хрисовула его, и братом его Иоанном приммикирием*». Тут верно то, что оба эти родные брата строили Пандократорскую обитель на Афоне, но неверно, что первый был царем греческим, а показываемый пандократорцами хрисовул его есть подделка, не стоящая ни малейшего внимания. Не обмануть пандократорцам знатоков византийской истории, в которой царюют несколько Алексеи Комнины, но не стратопедархи и в которой Алексей, взявший Константинополь у латин в 1261 году и за то возведенный в сан кесаря, прозывался *Стратигопул*, а не стратопедарх; иной же Алексей стратопедарх, объявивший себя царем в Малой Азии во дни Андроника Старшего, прозывался *Филанфронин*, а не Комнин (Григорас).

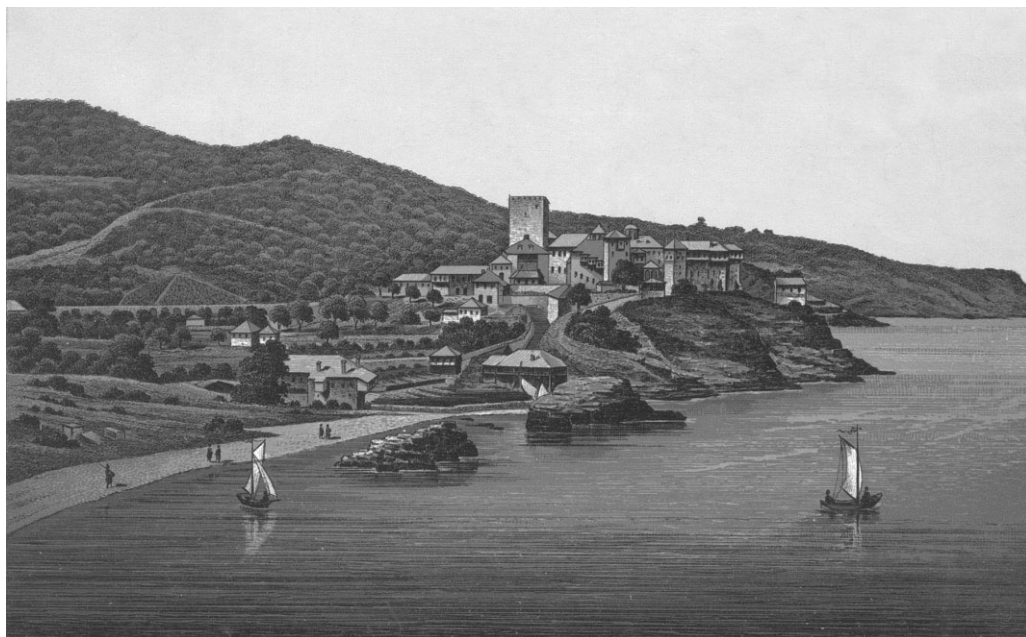
* С. 94: «Μοναστήριον τοῦ Παντοκράτορος εἶναι κτίσμα Ἀλεξίου τοῦ στρατοπεδάρχου, ὅστις ἐγένετο μετὰ ταῦτα καὶ βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων, καθὼς τὸ χρυσόβουλόν του διαλαμβάνει. Κτίτωρ εἰς αὐτὸ ἀκόμῃ ἐγένεν ὁ ἀδελφὸς τοῦ ἀνθρώπου Ἀλεξίου Ἰωάννης ὁ πριμμικήριος».

Немец Гейнекций в своей статье об Афоне, напечатанной в 1711 году в его книге под заглавием «Abbildung der alten und neuen Griechischen Kirche», повторил слово в слово известие господина Рико: «Pandokratora ist von dem Kaiser Theodosio gestiftet, von Alexio Comneno erweitert», т.е. «Пандократор построен царем Феодосием, распространен Алексеем Комниным». Только. Более ничего.

Наш Барский в 1744 году перевел слово в слово сказание врача Иоанна Комнина: «Обитель Пандократора созда Алексей стратопедарх, иже бысть последи и царь греческий, якоже и хрисовул его тамо свидетельствует». За это Барскому та же отповедь моя, какая предложена мною выше Иоанну Комнину.

Есфигменский игумен Феодорит в своем *Описании Афона* (1805–1817 гг.), которое я иногда называю Периплом, упомянул, что обитель Пандократора построена около 1270 года, в царствование Михаила Палеолога, иждивением родных братьев, Алексея Стратигопула, освободившего Константинополь от рабства латинян, и Иоанна приммикирия*. Отец Феодорит не •[III/2 121]• имел под руками подлинной царственной записи Пандократорскому монастырю Анны Пинкерниссы, составленной ею в 1353 году, в которой сказано, что этот монастырь построи-

* См. мое *Первое путешествие по Афону*. (Ч. 2. Отд. 2. С. 166). Тут я ошупывал цель, а в настоящей книге вижу ее ясно и осязаю твердо.

Пандократор.

ли Алексей стратопедарх (а не Стратигопул) и брат его Иоанн приммикирий, и из которой видно, что *тогда оба они еще были живы*. Посему Феодоритовой ошибке нет места в истории Афона. Его Алексей Стратигопул, взявший Константинополь в 1261 году, когда ему от роду было, по крайней мере, 30–40 лет, в 1353 году был бы старец 122–132-летний, что едва ли сбыточно. Да и не Стратигопул Алексей, а стратопедарх Алексей основал Пандократорскую обитель.

Итак, все, прежде меня говорившие о Пандократоре, сказали неудачное слово о построении сего монастыря и о здателях его. Поправляю их, имея в руках вышепомянутую запись Пинкерниссы. Прочтем эту запись в греческом подлиннике в Оправданиях (под

№ 9) и здесь в русском переводе и извлечем из нее надобные сведения о предмете, о котором идет речь.

ДАРСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ*

† По распоряжению владычному, патриаршему, предварительно узнавши помогающий мне закон касательно данного мне в приданое имения и отказываясь от содействия и помощи сего закона, собственноручно начертала
† Ἀννα Τορνηκίνα ἡ πικυέρονισα †

† Слуга державного и святого нашего господина и царя Димитрий Торникский пинкернис †

* Некоторые уточнения даны в квадратных скобках по новому изданию: Actes de Saint-Pantéléemôn. Paris, 1982. Actes grecs, № 12. — П.К.

Знак Иоанна, сына их. — Знак Андроника, другого сына их. •[III/2 122]•

Знак Марии, родной сестры их. — Знак Ирины, другой родной сестры их.

† Анна Пинкернисса [Торникина], выше собственноручно начертавшая типически подпись свою по соизволению и полному согласно и господина моего, супруга моего, и любезнейших чад наших: Иоанна, Андроника, Марии и Ирины.

Назад тому немало лет приснопоминаемому и блаженному господину и отцу моему, паракимомену, досталось, по божественному и досточтимому хрисовулу, вместе с другими имениями в Завалтии, у Панака, родовое имение, называемое *Велциста*. А эти имения перешли и ко мне как приданое. Потом при непостоянстве времени и великом смятении ими завладели сербы, и они до сей поры дают им тягло в руку. Бог же, устрояющий все на пользу, *ими же вестъ судьбами*, послал рабов своих, великого стратопедарха господина Алексея и великого приммикирия господина Иоанна, которые при неоторимой помощи свыше преизбыточно одолели врагов наших и делают и учиняют все, что приятно Богу и истинным служителям его. Я же имею дерзновенное и твердое упование на сего Бога, что они при свойственной им силе и деятельности овладеют и моим имением *Велцистою*. Посему добровольно и неотменимо даю настоящую запись упомянутым великому стратопедарху и великому приммикирию. Ежели соблаговолит Вседержитель

Бог, Которому они предали всю душу свою и ради Которого построили и божественное попечилище (монастырь), и ежели их одних силою и содействием будет возвращено реченное имение мое *Велциста*, прежде нежели возблаговолит Бог, и перейдет все тамошнее под власть царства ромеев, то одну половину с половинным доходом и околотком его удержим мы сами, прежние владельцы, как держали прежде, по крепости и силе •[III/2 123]• божественного и досточтимого хрисовула, а другую половину пусть держат они, как неотъемлемое господское владение, с принадлежащим ей половинным доходом и околотком, *яко посвящение и приношение* оному попечилищу *Вседержителя* (Пандократора) *Спаса Христа*, так как они вседушевно согласились на это и желают сего; и потом ни я сама, ни господин мой супруг мой, ни кто-либо из детей наших, ни из свойственников наших по крови, никак отнюдь мы не захотим хлопотать о возврате той половинной части, которая имеет отойти к ним и которая есть приданое мое, ибо я отказываюсь от помогающего мне в этом закона, и мы не будем приняты у всякого предержащего лица и во всяком суде, и всякая дверь судопроизводства нам затворится, если мы начнем какой-либо иск против них с тем, чтобы участвовать нам в их половинной части. Но и они отнюдь и никак не должны отрезывать и отнимать и нашу половинную часть имения моего каким бы то ни было способом и под каким бы то ни было предлогом, даже

благословным и справедливым, часть его или всё от тех, кому решимся мы передать ее при жизни нашей. А кто с наших сторон решился бы, вопреки условиям этой записи, отрезать или сузить часть или всё, хоть бы он был и преемник доставшейся ему половинной части, таковой, кто бы он ни был, да навлечет на себя проклятия трехсот семнадцати богоносных отцов, и часть и жребий его да будет с Иудею предателем, и будет он под вечною анафемой.

Это написано по нашему распоряжению, добровольно в присутствии нижеподписавшихся и предано помянутым великому стратопедарху и великому приммикирию в обеспечение, в месяце августе, индикта 6-го [11], года 6861 [6866].

† Анна Торникина Пинкернисса

† Слуга державного и святого нашего господина и царя Димитрий Торниковий † Пинкернис †

† По распоряжению владычному и патриаршему, спрошенная нами Пинкернисса и уведомленная о помогающем ей законе в •[III/2 124]• *приданных* ей делах, поелику вседушевно отказалась от принадлежащего ей права и обещалась навсегда соблюдать эту дарственную запись, то она для удостоверения подписана и нами:

† Смиранный митрополит Христополя Макарий †

† Великий сосудохранитель... Великой церкви... [и архидиакон Феодор Пердикис]

† (Феона или Феофан?) [Феодор] Пардолеон, свидетельствуя, подписал †

(Еще две подписи видны, но начертаны такую кудрявою вязью и так испорчены временем и человеком, что нельзя прочесть имен и прозваний свидетелей.)

Сие драгоценное дееписание найдено и перебелено было мною в архиве Русского монастыря на Афоне. Но оно принадлежит обители Афоно-Пандократорской. В летосчислении его ϸωξα' последняя буква хоть и видна, но по ней прочеркнута снизу подпись свидетеля так, что можно видеть в ней α' и ϸ', т.е. цифры 1 и 6. Я не без основания признаю в ней букву α' и ставлю год 6861 (1353-й), в который индикт был 6-й*.

Извлекаю из этого дееписания надлежащие сведения и поясняю их другими афонскими *памятями*.

1) Отец Анны Торникиной, чином паракимомен, т.е. царский постельничий, дал ей в приданое село Велцисту в Завалтии, у реки Панака. Но так как этим селом вместе с другими деревнями завладели сербы (в царствование государя их Стефана Душана, громившего Греческую империю), то госпожа Торникина, надеясь, что греческие полководцы, именно великий стратопедарх Алексей и великий приммикий Иоанн, при помощи Божией, смогут отвоевать у сербов занятые ими в Завалтии селения и приданое ее Велцисту, сделала дарственную запись (ἔγγραφοῦ ἐκδοσίου), в которой выразила,

* В парижском издании документ датирован августом 11 индикта, 6866 (1358) г. — П.К.

что по возвращении имения ее в Велцисте под власть царя греческого половиной его будут владеть она и дети ее, а другую половину она отдаст построенному (sic) оными полководцами монастырю Вседержителя Спаса Христа.

2) Итак, Алексей стратопедарх и Иоанн приммикирий •[III/2 125]• были современники Анны Торникиной, и оба жили, здравствовали и ратовали с сербами в 1353 году.

3) Оба они, по словам Торникиной, были *истинные рабы Божи*, т.е. благочестивые мужи, и оба построили (ἀνεδείμαντο) попечилище (о душах), т.е. монастырь, во имя Пандократора = Вседержителя Спаса Христа, ранее 1353 года.

4) Этот монастырь и есть Пандократорский, поныне существующей на Афоне. Сие доказывается духовным завещанием Иоанна приммикирия, которое хранится в архиве названного монастыря. В этом завещании, написанном в 1363 году, когда протом Св. Горы был Дорофей (sic), сказано, что родной брат сего приммикирия, Алексей, вместе с ним строил на Афоне с самых оснований обитель Пандократору Христу, но умер, не дождавшись *совершенного* окончания постройки ее, и что по смерти его прошло *много лет*, в течение которых Иоанн приммикирий *достроил недостроенное*: «Ἐπεὶ τοῖνυν πρὸ χρόνων πολλῶν ἔτι περιόντος τοῦ μακαριωτάτου μου ἐκείνου αὐταδέλφου μονὴν ἀμφότεροι τῷ Παντοκράτορι Χριστῷ κατὰ τὸ ἅγιον ὄρος τοῦ Ἀθῶ ἐκ βάθρων αὐτῶν ἀνηγείραμεν,

ἐκεῖνου τε ἐφ' ἑξῆς τὸ ζῆν ἐκμετρήσαντος μόνος αὐτὸς περιλειφθεὶς τὸ λειπόμενον τῆς τελείας ἀνεπλήρωσε ἀνακτίσεως».

5) Окончательная достройка Пандократора произведена была уже немного ранее 1363 года. Это видно из надписи на мраморной доске в западной верхней части тамошнего собора, называемой *катихумена*: † Μνήσθητι κύριε τῶν σοῦ δούλων Ἀλεξίου καὶ Ἰωάννου τῶν κτητόρων καὶ αὐταδέλφων. Ἐγένετο ἐν ἔτει Ϛωοά', т.е. «Помяни Господи рабов твоих, родных братьев Алексея и Иоанна здателей. Бысть в лето 6871 (1363)». Эта надпись, очевидно, есть надпись заупокойная, следовательно, сделана уже по смерти Иоанна приммикирия, однако вскоре после погребения его, последовавшего в том же 1363 году.

6) В знаменитом *Трагосе* афонском, в который внесено постановление царя Андроника Старшего о передаче всех монастырей святогорских под священноначалие вселенского патриарха, •[III/2 126]• и внесено вместе с расписанием старейшинства их в 1313 году, в этом Трагосе упомянут Пандократор в числе тогдашних главных 24 монастырей. Значит, он уже существовал ранее 1313 года. Когда же было положено основание его?

Полагаю в 1310 году, после того, как каталанцы, бушевавшие на Афоне и в окрестностях его с 1308 года, перестали грабить и жечь тамошние обители.

Принявши это летосчисление (1310 г.), выражаю численно весь ход дела о постройке Пандократора.

В 1310 году началась постройка сего монастыря. В 1313 г. соборный храм в нем, братская трапеза и несколько келий были уже готовы, посему этот монастырь, ради знаменитых строителей его, тогда включен был в число главных обителей святогорских, хотя многое еще и недоставало в нем, например, не было полного числа келий, некоторых необходимых служб, пристани для монастырских лодок, овощного огорода, водопровода*.

В 1353 году были живы строители Пандократора, Алексей стратопедарх и брат его Иоанн приммикирий, но ратовали тогда с сербами. Посему не удивительно, что окончательное устройство основанной ими обители на Афоне шло медленно.

В том же 1353 году Анна Торникина подарила этой новой обители их половину имения своего в Велцисте, если они отвоюют его у сербов.

В этом же году или в следующем Алексей стратопедарх скончался.

По смерти его прошли десять лет (χρόνοι πολλοί). В эти годы (1353–1363) Иоанн приммикирий жил в Пандократоре и dokonчил то, чего не доставало сей обители: τὸ λειπόμενον τῆς τελείας ἀνεπλήρωσε ἀνακτίσεως. •[III/2 127]•

В 1363 году, тотчас по смерти приммикирия, иссечена была в мраморе

вышеприведенная заупокойная надпись.

Я доволен своим изложением дела о появлении Пандократора на Св. Горе и затем оповещаю другие события там, как то:

§ 74. Щедроты царя Андроника афонским монастырям

В июне месяце 6791 (1283) года, когда индикт был 11-й (sic), хрисовулом царя Андроника утверждены были за Иверским монастырем все давние доходные имения его, находившиеся на Афонском перешейке, подле города Солуня, у реки Стримона и в других местах. Жаль, что начало сего подлинного хрисовула утратилось, и потому нельзя сказать, по какому поводу иверцы просили у Андроника сей жалованной грамоты. Но она доказывает, что монастырь их уже оправился после латинского погрома униатов, бывшего в 1280 году. Замечаю и то, что он в сей грамоте назван *обителью Пречистой Госпожи и Богоматери Вратарницы* (μονὴ τῆς ὑπεράγνου δεσποίνης καὶ θεομήτορος τῆς πορταΐτισης). Стало быть, икона Иверской Богоматери Вратарницы, с которой список чествуется в Москве, существовала в Афоно-Ивере в 1283 году.

В июле месяце 6792 (1284) года, когда индикт был 12-й, благочестивый Андроник отдал Афоно-Филофеевскому монастырю десницу св. Иоанна Златоустого, чествуемую в придворной церкви его, и сие даяние свое тогда же укрепил своим хрисовулом. Любопытно

* В феврале 1343 года царским приказом велено было Иоанну приммикирию и брату его Алексею стратопедарху рассмотреть спорное дело монастырей Хиландарского и Зографского о деревне Хандаке. (Извлечение из архива Зографского.)

знать это царственное деписание. Передаю его в русском переводе.

«Дети еллинов нечестивые усердно и суеверно почитали истуканы свои так, что даже подвергались опасности и благодушно умирали за них, когда было надобно. Кроме сего, они украшали скверные храмы и алтари свои многоценными утварями и вкладыми, соревнуя, кто кого превзойдет в усердии к ним, хотя в прорицалищах их не видны были ни сверхъестественные и чрезвычайные чудодействия, ни честное и богоугодное житие, •[III/2 128]• какое приличествовало бы священным особам, а все было противоположно целым поперечником. Ибо прорицалища давали ответы косвенные и неясные, жрецы же утопали в удовольствиях и сладострастии, вовсе не думая о том, что от обоюдных и темных прорицаний несчастные люди жалко гибли в години опасностей, идя всюду, куда бы ни повели их. Даже самые страсти свои они обращали и рукополагали в богов, каждый обожая собственные пороки, и воздавали им благоговейное почитание, даром что от сего гибли. Если же они, будучи служителями демонов, самопожертвованием за своих идолов, как мы сказали, и украшением их капищ всякими обычными у них вкладыми воздавали совершенную честь богам лжи и басней, жалко обкрадывающих ум и затемняющих истину, то нам, которые служим Богу истинному, триединому, из небытия в бытие приведшему небо и землю и

вся, яже в них, как нам посильно не воздавать Ему несравненно лучшее почитание и ради Его и самым храмам и священным обителям, в которых сияют лики иноков, упражняющихся во всяком роде добродетелей, и непрестанно струятся потоки чудес для приходящих с верой и благоговением? Таких обителей на Святоименной Горе Афонской немало сооружено с великолепием в давние времена. В числе их находится и благоустроенный монастырь, прозываемый Филофеев, в котором светло празднуется спасительное Благовещение родившей Христа Бога нашего Приснодеве Марии. Из сего монастыря приходили к нам в царствующий град два инока Макарий и Геннадий, украшенные божественным священством, весьма благоговейные и добронравные; и наша сущая от Бога царственность почтила их, и особенно Макария, которого, по прошествии небольшого времени, нам угодно было сделать и духовником наших помышлений. Ибо в сем муже и с летами, и от подвигов приятно расцвели степенность и добротолубие, да и речи его *виссонные*, как выразился некто, достойны того, чтобы говорить их царям, и того, чтобы цари достолично слагали их в сердцах своих, как •[III/2 129]• назидательные и законоположительные. Таковой и толикий муж, когда узнал, что в придворной церкви нашей царственности чествуется поклонениями всесвятейшая десница всесветозарного и всеблаженного, громогласнейшего и

златолаголивого проповедника покаяния Иоанна Златоречивого (которая, по счастью, досталась царственной державе нашей от прародителей), убедительно просил посвятить ее, при златопечатном Слове нашем, пречестному монастырю Филофея — или, что то же, изрядно чествуемой в нем госпоже моей Богоматери, — в котором столь многие добродетельные мужи воссылают молитвы свои в уши Господа Саваофа о нашей царственности ради сего дара. *Хотение бо боящихся Его исполнит и молитву их услышит.* Посему благочестивая царственность наша, размысливши, что подобная приличествуют подобным и святая святым селениям, вспомнив же и древле заповеданные Моисеем приношения израильского народа в скинию свидения, при всем раздвоении сердца нашего от жалости и радости, дарствуем ему, отцу, и чрез него святоименной обители Филофея, вместе с настоящим златопечатным Словом, один киот из плетеного золота, заключающий в себе десницу божественного Златоуста, дар всеценный, и сокровище всесвятое, и исцелений источник неисчерпаемый. Кто отчуждит ее от сей обители, тот да получит самые ужасные кары великого архиерея и всех святых, и да не видит успеха во всех делах своих, и да наследует проказу Гиезия и удушение Иуды. А дабы воздвигавшие в сей обители мед добродетелей возносили коленопреклоненные, всеусердные и преподобные молитвы свои ко влады-

ке Христу и к Пречистой Матери Его и Богородице Марии о благоденствии богоизбранной царственности нашей, о христолюбивом воинстве и, кратко сказать, о всей державе православных ромеев, для сего мы определяем и объявляем настоящим златопечатным Словом нашим, чтобы отцы обители Филофея получали из сокровищницы державного царства ромеев ежегодно, впредь навсегда, сто золотых монет на издержки, как для содержания их самих, так и •[III/2 130]• для пропитания приходящих к ним странных. Ибо такое, апостольски сказать, благословение и пособие освобождает их от житейских работ и, следовательно, соделывает неослабнейшими молитвенниками пред Богом. Для сего состоялось и настоящее златопечатное Слово нашей царственности и пожаловано реченной святой обители Филофея.

Дано месяца июля настоящего двенадцатого индиктиона, шесть тысяч семьсот девяносто второго года, в который и наша благочестивая держава подписалась.

† Андроник во Христе Боге верен царь и самодержец ромеев Дука Ангелос Комнин Палеолог».

Десница св. Иоанна Златоустого поныне сохраняется в монастыре Филофея, а киота для нее из плетеного золота давно нет.

В 1287 году приходили к Андронику монахи из обители Филофея и просили его утвердить за нею недавно

приложенные ей имения на острове Фасе, что супротив Афона, утвердить царским хрисовулом. Андроник благосклонно внял их прошению и пожаловал им вожденный хрисовул. Прочтем это царственное деписание ради знакомства с подобным делопроизводством в XIII веке.

«Все, что ни пожелал бы кто посвящать Пречистой Матери Бога Слова, все то окажется недостойным Ее; и никогда не найдется такой человек, который был бы в состоянии воздать некую малую часть за великие дары Ее, хоть бы он наделен был несравненно больше всех. Что же из этого следует? Не отказывать ли и во всем, потому что ничего достойного не может принести? Нет. Неосновательно такое суждение, не прав такой помысел. Надобно приносить и воздавать посильное. Впрочем, у всякого своя мера посильного приношения: мало имеющим мало и давать, а сущей от Бога царственности нашей, весьма многое получившей, подобает и приносить ежегодно; и если мы уже многим оказывали наше благоволение, то равно окажем оное и преподобным слугам нашим, будучи побуждаемы •[III/2 131]• новым усердием к добру. Поелику монахи, спасающиеся в находящемся на Святоименной Горе Афонской пречестном монастыре нашей царственности, называемом Филофеевым и чествуемом во имя Пренепорочной Владычицы моей и Всепречистой Богоматери, который с незапамятных времен считается старшим между пречестными обителями

афонскими*, пришли просить царственность нашу о том, чтобы им сподобиться нашего хрисовула на недавно приложенные им имения на острове Фасе, то царственность наша тотчас решилась взыскать милостью сей монастырь Пречистой Владычицы и нимало не медля исполнила их прошение. Итак, мы даем и жалуем реченным монахам настоящее златопечатное Слово наше, которым повелеваем и постановляем: владеть им и распоряжаться и впредь бестревожно, непоколебимо и неотъемлемо всеми принадлежащими обители их на помянутом острове Фасе имениями и метохами, как подаренными ей, так и купленными, которые поныне состоят в их ведении и подробно числятся так: метох, чествуемый во имя возлюбленного Христу ученика, и апостола, и девственника, и евангелиста, и богослова Иоанна, и от него получивши прозвание *Богослов*, со всею окружностью и пределами его, и с текущею водою и с мельницами у нее, и с дубняком и садами тут же, и с соседним храмом благопобедной мученицы и девы Марины и с окружностью его, в каковых местах никто чужой не имеет и пяди земли. — Другой монастырек, чествуемый во имя чиноначальника вышних сил Михаила, находящийся у древней каменоломни Фасосской, со всею окружностью

* Замечательно это. Прав же я был, когда говорил, что обитель Филофея построена была еще в первую эпоху афонского монашества, после 680 года. — Сммотри мое путешествие по Афону. Ч. II. Отд. 1. С. 338 и след.

его и с принадлежащими ему садами, елеоном и нивами. — Другой метох, которым по наследству владела она Софена с братом своим монахом Митрофаном, на так называемом там урочище *Вафиан Потамиан*, и который подарен ими сей пречестной обители на поминование их самих и •[III/2 132]• родителей их. Границы его начинаются у моря и восходят по большому отрогу горы до самых гребней, называемых *Крифаристриа*, и оттуда идут по дороге, именуемой *Ставри*, а с нее переходят до Захарии, отсюда же сходят к морю, напротив рыболовли. В этих границах заключаются сады масличные, пасеки и земля, невозделанная и пахотная, горная и полевая, дубняк и разный лес. — Другой монастырек, украшающийся пречестным именем иерарха моего возлюбленного Николая, и при нем масличия и нивы. — Еще другой на месте, называемом *Палирион*, с храмом иже во страстотерпцех победоносца и великомученика моего Георгия, со всем владением его, с масличными деревьями и границей, отделяющей его от других. — Другой на месте, называемом *Девмонарион*, со всем владением его и с масличными и другими деревьями. — Другой, также чествуемый во имя великомученика Георгия и прозываемый *Константиарион*, со всеми вокруг его садами и нивами. — Другой метох страстотерпцев и добропобедных великих мучеников моих Феодоров, которого границы, исстари назначенные, начинаются у большого потока и, восходя по ложбине, дости-

гают до большого темени горы, обозначая стоком вод грани до самой глубины великой ложбины; здесь пересекают и переходят пределы так называемого *Андриомила* и воды, нистекающие к западу, восходят по отрогу и опять нисходят по той же ложбине, где и начались. В этих границах заключаются сады, и нивы и земля невозделанная и неоранная, и пчельники, и разные плодовые деревья: орешник и другие. — У святых апостолов другой монастырек во имя св. Георгия с правами и владением его, и другой, чествуемый во имя целомудренной святой Фотиды, с границами и правами его. — По писцовому обследованию поименованных метохов сей пречестной обители нашей царственности, сделанному верным слугою нашим, описчиком и землемером сего острова, Верготовоным, и по деписаниям, предъявленным нашей царственности монахами касательно других разновременных стяжаний то куплею, •[III/2 133]• то от пожертвований, между которыми значится еще храм внутри новой крепости во имя чиноначальника вышних сил Михаила с соседними разными домами и с отбываемым тут торгом ежегодно 8 ноября; все эти одновладельческие имения принадлежат той же многократно упомянутой пречестной обители, так что никто другой не имеет ни малейшего участия в них. — Всеми ими будут владеть и распоряжаться спасающиеся в упомянутой пречестной обители без всякого притязания и утеснения, так что никто, ни

повременный сборщик поголовщины (κεφαλαικεύων), ни начальствующий, никто другой из властей не должен причинять сей пречестной обители или принадлежащим ей, как сказано, имениям и правам никакого ущерба и придирки. Ибо коль скоро будет показано настоящее златопечатное Слово нашей царственности, всякий попятится и удалится, кто только покусится причинить что-либо такое, и впредь не осмелится наложить на них притязательную руку; да и сам по благодати архиерей, который должен довольствоваться только возглашением его имени в подобающих ему поминовениях, и он не властен делать никаких притязаний, или отнять что-либо от имений и метохов сей пречестной обители, или отягощать проживающих в сих имениях монахов под предлогом какого-либо вспомоществования ему.

Все, принадлежащее упомянутой пречестной обители, будет свободно и от всякой общественной повинности, как то: от казенной работы и помощи, крепостного строения, кораблестроения, подвоза пехоты, от конничины и сбора на лагеря, от пастьбы скота, придачи (συνδοσίαις), от платежа за воздух* и от всякого иного, ныне существующего и впредь имеющего быть придуманным требования и налога.

* Под этим платежом я разумею подать за продажу воздуха над всем домом тому, кто пожелает построить себе тут верхний этаж с особым ходом туда снаружи. Продающий воздух над крышей своего дома, на углу ее, делает из кирпича малое возвышение в знак продажи воздуха наддомного.

А какие чужие люди, лишь бы неподведомые общественной подати (ἀνεπίγνωστοί τῷ δημόσιῳ), поселятся •[III/2 134]• в сказанных метохах и имениях сей пречестной обители, их держать ей так же бестревожно и неотъемлемо. Для сего и настоящее златопечатное Слово нашей царственности состоялось и приложено и пожаловано упомянутой пречестной обители нашей царственности, именуемой Филофеевою.

Дано месяца апреля настоящего пятнадцатого индиктиона, шесть тысяч семьсот девяносто пятого года, в который и наша благочестивая и богоизбранная держава подписалась:

† Андроник во Христе Боге верен царь и самодержец ромеев Дука Ангелос Комнин Палеолог».

Всякий, прочитавши этот хрисовул, как и предыдущий, скажет, что царственному владыке Афона так и подобало писать жалованные грамоты тамошним святым обителям, то есть благочестиво, с должным уважением к спасающимся в них преподобным инокам, с благоговением к тамошним святыням и с причетами: *мой* иерарх св. Николай, *мои* свв. мученики Феодоры, т.е. мои молитвенники и ходатаи пред Богом.

§ [74a]. Внимание Андроника к обители Зографской, к Лавре Афанасия, к Ватопеду, Ксиропотаму, Иверу и Руссику

Кроме Ивера и Филофея, Андроник оказал свое внимание и к другим монастырям афонским.

В августе месяце 6797 (1289) года, когда индикт был 2-й (sic), зографо-болгарские монахи просили этого царя, чтобы он хрисовулом своим утвердил за монастырем их все имения, принадлежавшие ему в разных местах. Их прошение было исполнено. Они сподобились получить желанный хрисовул. Не считаю надобным перечислять здесь поименованные в этом дееписании зографские имения, но сообщить начало его в русском переводе решаюсь охотно, потому что тут есть ясный намек на мученичество зографцев, сожженных латинами во дни Михаила Палеолога.

«† Если воинам, вооруженным против врагов осязаемых и с мужественным рвением идущим в бой, воздаются царями •[III/2 135]• почести и награды, после которых они наслаждаются покоем, воздвигнув трофеи и прославившись паче неприятелей своих, если даже и тогда, когда они только устояли против натиска супостатов и ничего более этого не сделали, если и тогда удостоиваются награждений, так как стойкость их уже считается делом, хотя оно и не доведено до конца, если уж и это вознаграждается, то что должно думать о мучениках Христовых? Какие нам присудить им награды? Можем ли мы соразмерить их с достоинством этих мужей, которые так побороли сатану, так победили не легко, а с большим страданием в чаянии лучшей жизни? Поелику же им у воздаятеля Христа уготовано награждение блаженством, которого не могут воспринять ни око,

ни ухо и никакое чувство, то нам хоть бы малым чем угодить им здесь посильно. А так как и ныне подвигающиеся в пречестной обители Зографа, построенной на горе Афонской, просили нас пожаловать им хрисовул на право владения всеми имениями ее, то хрисовул сей дается великомученику Георгию...» (Далее перечисляются имения и проч.)

В мае месяце 1291 года, когда индикт был 4-й, зографские монахи утруждали Андроника просьбой о том, чтобы он дал им такой *приказ*, по силе которого они по-прежнему владели бы метохом своим, находившимся у реки Стримона и чествуемым во имя Богоматери *Краниотиссы*. Эта просьба их была исполнена. Андроник в данном им *приказе*, между прочим, прописал, чтобы всепочтенный *квестор* защищал как живущих в этом метохе иноков, так и все принадлежащие ему права, когда предъявится ему сей приказ.

В июле месяце 1298 года иноки Лавры Афанасия явились к Андронику в Константинополе и просили его хрисовулом упрочить за их обителью все доходные имения, какие принадлежали ей издревле, и подтвердить все давние документы на право владения ими. Андроник благосклонно внял их просьбе и тогда же пожаловал им вожделенный хрисовул. В этом царском дееписании замечательно вот что: •[III/2 136]•

— Лавра Афанасия была тогда многочисленнее всех прочих монастырей на Афоне. Андроник отменно любил ее

наипаче за то, что спасающиеся в ней монахи отличались житием добродетельным и философствованием*, под которым разумеите не книжную философию, а такое евангельское любомудрие, по которому один старец был нищий духом, другой кроткий, третий чистый сердцем, четвертый не согрешал языком своим, пятый был младенец на злое и проч.

— Принадлежавшее Лавре село Доксомпус, что у реки Стримона, в уезде Серрон, вносило подать в государственную казну за землю и озеро 240 иперпиров (червонцев), да на чекан монеты (ἐνεκεν χάραγματος) 20 иперпиров, всего 260. Из этого количества царскими приказами в разные времена убавлены были сперва 60 иперпиров, потом 100, а в 1298 году еще 100, так что с сего года село Доксомпус стало уже свободно от вноса 260 иперпиров. Замечательно это! Видно, что монастырские имения в Греческом царстве не всегда и не все были свободны от государственных податей, и ежели освобождались от них, то освобождались по особенной милости царской. Значит: монастырь считался юридической личностью, обязанной платить подати и нести земские повинности за доходные имения свои наравне с прочими владельцами имений. По мне, это справедливо.

* ...διὰ τὸ τῆς ἀρετῆς τῶν ἐνασκουμένων καὶ τῆς φιλοσοφίας τούτων ὑπερβάλλον καὶ περιώνυμον, φθάνει γοῦν διὰ ταῦτα ἡ βασιλεία μου φιλοτίμως πάνυ διατεθεῖσα πρὸς τὴν τοιαύτην μονήν...

— Лавра в 1298 году владела метохом Афоно-Амальфийского монастыря, находившимся на местности Аидирокастра. Следовательно, этот монастырь тогда уже не существовал на Святой Горе.

— Тогда же Лавре принадлежала на Каламариин деревня Дримосирта с двумя мельницами, из коих одна с виноградником была куплена у фессалоникийца Иовлаха. Итак, неверно говорят афонцы, что название Каламариин произошло от •[III/2 137]• *доброй Мариин*, жены турецкого султана Мурата II и матери Магомета, взявшего Константинополь в 1453 году, будто бы упросившей его отдать святогорским монастырям все плодородное поморье Солунского залива, называемое Каламариин. Это название сего поморья известно было в 1298 году и ранее.

— Все деревни и метохии Лавры освобождаются от вноса установленной пени за убийство человека, какое случится в околотках их, если оно совершено ненамеренно, случайно; в противном случае пеня взыскивается.

— Мореходные суда Лавры освобождаются от *пристанной* и всякой другой пошлины.

В январе месяце 6807 (1299) года, когда индикт был 12-й (sic), сербские монахи Хиландарской обители просили Андроника, чтобы он своим хрисовулом утвердил за нею все метохии и имения, какими она владела по жалованным грамотам прежних царей. Прощение тогда же было исполнено.

Из этого хрисовула видно, что Хиландар в 1299 году держал свое море-

ходное судно, на котором привозимы были из метохов его все жизненные припасы, и что это судно было освобождено от всяких пошлин за вход в пристани и за ввоз и вывоз всего необходимого для сего монастыря. В этом же деписании сказано, что Хиландар, как и Ивер на Афоне, не подчинялся власти святогорского прота.

В июне месяце 6808 (1300) года, когда индикт был 13-й, сербский король Стефан Урош просил Андроника подарить ему деревню *Кастрион*, находящуюся в Солунском округе, у реки Стримона, с тем чтобы передать ее Афоно-Хиландарской обители. Андроник благосклонно внял просьбе его и дал ему свой хрисовул, а чрез него и названной обители. «Χρυσόβουλλος λόγος τῆς βασιλείας μου ἐπεδόθη τῷ δηλωθέντι ὑψηλοτάτῳ κράλει Σεργίας καὶ περιποθήτῳ υἱῷ καὶ γαμβρῷ τῆς βασιλείας μου, δι' αὐτοῦ δὲ καὶ πρὸς τὴν ῥηθεῖσαν μονὴν τοῦ Χελανταρίου».

В июле месяце 6809 (1301) года, когда индикт был 14-й, Андроник, по прошению ватопедских монахов, утвердил за •[III/2 138]• их монастырем не только те доходные имения его, кои прописаны были в царском хрисовуле 1292 года, но и вновь приобретенные, как то: пахотную землю при селе св. Маманта и на самом Афоне, около Ватопеда, местности Калисάμму, Михаила, св. Никола, Сотира, Продрома, св. Николая Стόμπу и Замофраката.

NB. В хрисовуле 1292 года упомянуто, что царь Алексей Комнин (1084–1118 гг.) благоразумно переселил всех

мирских жителей с Афона в Пелопоннес, дабы монахи не слышали мирского шума и жили безмятежно, и что по выселении их осталась никем не занятая местность некоего Михаила (мирянина), — ἡ χώρα τοῦ Μιχαήλ, — лежащая между Ватопедом и Есфигменом, за нее ссорились оба эти монастыря, желая присвоить ее каждый себе, и жаловались Андронику друг на друга, но сей государь присудил им разделить сию местность пополам.

Итак, не Константин Великий выселил мирян с Афона! Знайте это вы, афонцы, и вы, пишущие о Святой Горе неправду, со слов тамошних полуграмотеев.

В августе месяце 6818 (1310) года, когда индикт был 8-й (sic), монахи Афоно-Иверского монастыря просили соцарствующего с Андроником сына его Михаила Комнина Палеолога, чтобы он своим хрисовулом утвердил за их обителью как все прежние имения и метохи ее, так и вновь приобретенные, и сподобились того, чего просили.

В хрисовуле Михаила 1310 года сказано, что еще дед его, Михаил первый Палеолог, и его сын Андроник (отец сего Михаила) жаловали свои хрисовулы Иверской обители на Афоне и что сам Михаил этот дал ей свой хрисовул по соизволению отца его Андроника (καὶ πατήρ μου βούλεται τοῦτο). Кроме сего, в этом деписании упомянуто, что Иверская обитель вносила в царскую казну установленную подать за предместье Радоливу, а за прочие имения свои, освобожденные от всех повинностей, не давала ни овода.

В сентябре месяце 6820 (1312 года)*, когда индикт был •[III/2 139]• 10-й (sic), сербские монахи, жившие в афонском монастыре Россов, как давние владельцы его, просили Андроника утвердить за обителью их давние имения ее и метохи в Солуне, на Каламарии и в других местах, просили же об этом чрез посредство сербского короля Стефана Уроша (Милутина, который был женат

на Симониде, дочери Андроника). Прощение их было исполнено наипаче по отеческой любви к сему Стефану.

Итак, в 1312 году в Афоно-Руссике не было ни одного монаха из богоспаваемой России нашей, находившейся тогда под игом татарским.

Сей год был последний в пятом круге времени афонского монашества. В следующее лето начался новый круг. •[III/1 140]•

VI. ШЕСТОЙ КРУГ ВРЕМЕНИ СЕГО МОНАШЕСТВА (с 1313 года по 1453-й)

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Передача афонских монастырей царем под священноначалие патриарха вселенского

§ 75. Акт сей передачи

В 1313 году на Афоне совершилось весьма важное для тамошних монастырей дело. Царь Андроник Старший отказался от начальствования над ними и хрисовулом своим признал и утвердил подчинение их патриарху вселенскому. Выслушаем это царственное деписание, как благовест колокола нового, благовест, до сей поры неслышанный на Святой Горе. (Подлинный хрисовул смотри в Оправданиях, под № 10.)**

«Всякому разумному и чувственному созданию Бог, осуществивший и образовавший оное неизреченным своим словом, поставил пределы, поистине, как бы ограду с основанием и кровом безопасным, и без пределов не оставил ни одного существа, которое по своей природе и свободной воле склонно колебаться и переходить за черту долга, и притом далеко, дабы от беспорядочного и скакового порыва, так свойственного каждому существу, самое лучшее и превосходное творение Его не •[III/2 141]• впало, вместо благочиния, в бесчиние и расстройство, перешедши за пределы. Посему-то и проповедники и учителя благочестия, сообразуясь с этим законом Божиим и взявши его в пример и образец, также и свои собственные наставления и узаконения оградили и упрочили пределами, вообще запретив решительно прибавлять к ним или убавлять от них что-либо, кроме самого необходимого и близко-

* Сентябрьский стиль. — П.К.

** Новое издание: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 13. — П.К.

го к ним. Ибо часто случается считать чуждым то, что у истины и у Святой Церкви Божией право, и прямо, и не чуждо, и соблюдению канонов и преданию отнюдь не противно и не вредно. Когда же в виду нет такой цели, когда нет дела настойчивого, необходимого и неизбежного, тогда совсем неблагоразумно и несправедливо переходить за пределы отцов и уклоняться от того, что узаконено и достождолично. Ибо если допустить это, то придется следовать и за тем, что вовсе неуместно, как это обыкновенно и делается весьма часто. Посему отнюдь не должно быть ни преувеличений, ни недостатков в пределах и правилах. Недаром средина и соразмерность во всем, при похвальной и наилучшей мере, принята за правило и установлена людьми, имеющими здравый смысл. Ибо можно ли назвать полным и правильным то тело, которому довелось не иметь какой-либо части или иметь излишество? Или как бы мог сказать кто утвердительно и справедливо: вот это разделено равномерно, тогда как части его сами себе не равны и в одной из них есть излишек или недостаток? Даже ни астроном, ни геометр, ни другие ученые и знатоки философии не могут правильно и утвердительно выводить заключения, тогда как не соблюдены ими и строго не уставлены пределы и правила или посылки. Но к чему все это сказано моею царственностью?

Гора Афонская между другими горами, поистине, дивна и приятна и не

меньше тех пресловутых гор, кои стоят на востоке. А если бы кто назвал ее и вторым раем, или небом звездным, или убежищем всех добродетелей, тот не погрешил бы нимало. Ибо там можно находить укромники и благолепные •[III/2 142]• обители, красующиеся величием и снабженные разными удобствами. А в них лики и роды жизни монашествующих, весьма значительные числом и отличающиеся созерцанием и благоделанием, блистают как яркие звезды по причине чистоты их жизни и существования вне мира и плоти. Они постоянно мудрствуют горняя, и этим только услаждаются, как единым на потребу, и свыше приемлют просвещение и озарение, и ни о чем другом не воздыхают, как только о том, чтобы разрешиться и быть со Христом. Они же суть те деревья, *ихже насади Господь*, деревья рясные плодами Божественного Духа. Они-то суть те скитальцы в пустынях и горах и затворники в пропастях земных, о которых говорит божественный Павел. По причине их добродетельного и высокого жития и подвижничества и самая гора сия справедливо получила название Святой. А если дано ей такое название и потому, что ей выпал жребий, по счастливому положению ее, быть благоприятною и весьма удобною для жительства мужей деятельных и благоговейных, и иначе сказать, потому что сама она располагает пребывающих на ней к большему преуспению в добродетели и святости, то и сие недалеко от истины. Посему предшественники

наши, приснопоминаемые цари, ублажая такое житие и подвижничество сих мужей и любя оное чрезмерно, подвиглись священным усердием и пламенным сердцем к упрочению благосостояния сих иноков и своими хрисовулами дали им свободу и многие блага для успокоения, утешения и благосостояния их, дабы они не встречали никакой помехи в безмолвии и в подвигах добродетели. Нет ничего лучше такого благосостояния. Но они сами себе повредили, примешавши к свободе своей нечто и недолжное. Ибо сговорились и постановили: быть между ними проту так, чтобы они сами избирали и поставляли его на первенство и были бы судимы и управляемы им духовно, а сам бы он управлял и распоряжался своелично, и даже не получал бы благословения на то ни от святейшего патриарха, ни от другого какого-либо архиерея, как бы тому надлежало быть по церковному уставу. В [III/2 143]• этом виден прилог противника и действие всегдашнего мучителя людей и запинателя их в добрых делах, породившего и примешавшего нечто недолжное и к великим милостям и щедротам царей. Но благодать Божия, всем добре управляющая и распоряжающая, не допустила, чтобы это навсегда оставалось неисцелимым и неисправимым. Напротив, как всякому она уделяет от богатых дарований своих то или другое, так и мне ниспослала благодать свою, и ею будучи просвещаемая, царственность моя ясно сознала несовершенство прежне-

го постановления и потому усердно решила исправить ошибку и учредить, что должно, как для славы Бога и в угождение Ему, так и для усовершенствования того, что сделано было прежде. Ибо царям прилично и вместе надобно немедленно врачевать и исправлять все то, в чем случилось бы погрешить их предшественникам. Когда же царственность моя ясно сообщила дознанное дело это и желание свое всем подвизающимся на упомянутой горе предстоятелям и игуменам, как в безмолвии, так и в киновиях пребывающим, изъяснив и внушив им всю пользу и выгоду от нового распоряжения, именно, чтобы поставляемый между ними прот принимал архиерейское благословение, тогда все приняли это благодушно, как благомыслящие исполнители владыческих заповедей, и, изъяснив нам величайшую благодарность за такое попечение и промышление о них, упросили, чтобы прот получал благословение не от епископа или другого какого-либо архиерея, но только от одного святейшего и вселенского патриарха. Посему немедленно и с величайшею радостью отправили ныне находящегося у них преподобнейшего прота, иеромонаха кир Феофана; и он, прибывши сюда, тотчас принял благословение от всесвятейшего владыки моего, вселенского патриарха, по церковному чину и обычаю, и получил честную грамоту *сигиллиодную* на право как ему, преподобнейшему проту, так и преемникам его состоять под ведомом патриарха и от

него предварительно принимать благословение, и потом уже быть протом и начальствовать, дабы, принявши из сего источника благодать божественную, •[III/2 144]• он передавал ее подобным образом и другим, которых признает достойными и способными к предстоятельству и игуменству в находящихся там пречестных обителях. Ибо только сего постановления не доставало им поныне; и вот оно введено для пополнения узаконенного чина церковного. Что же касается до неизменяемости и непоколебимости всякой другой свободы их, то ее подтверждает и удостоверяет помянутая честная грамота сигиллиодная. Кроме сего, тот же всесвятый владыка мой, вселенский патриарх, реченною честною грамотой сигиллиодной дарует упомянутому преподобнейшему проту и преемникам его благодать совершать богослужение со священными набедренниками, вследствие многократных предложений и просьб моей царственности, потому что сие отличие не давалось прежде и не было обычно, а теперь в первый раз введено. Итак, по силе честной сигиллиодной грамоты патриаршей, объявляющей как сие, так и нечто другое, и наша благочестивая тихость жалуется и дарствует сие настоящее златопечатное слово свое, которым приемлет, подтверждает и удостоверяет сию честную патриаршую сигиллиодную грамоту так, что она должна быть во все последующее время неизменной, непреложной и нерушимой во всей силе ее и содержании; и

отныне прот, по временам находящийся на упомянутой Святой Горе, будет состоять под патриаршим великим духовным начальством после получения от него обычного благословения и совершать божественное священнодействие с набедренниками, как это установлено и утверждено настоящим хрисовулом. Подобным образом навсегда останется и пребудет твердым и непреложным и все прочее, что особливо изложено в упомянутой честной патриаршей сигиллиодной грамоте, ради свободы и спокойствия как самого преподобнейшего прота, так и реченных монахов. Ибо силой и крепостью настоящего златопечатного слова моей царственности сохранится и пребудет навсегда, как сказано, неизменной и нерушимой упомянутая честная патриаршая сигиллиодная грамота во всей ее силе и содержании, •[III/2 145]• так как она изложена и дана канонически, благословно и справедливо; и никто из всех будущих да не посягнет отвергнуть или изменить что-либо, подробно изложенное и содержащееся в ней. Ибо в удостоверение, обеспечение и упрочение всего этого состоялось, и дано, и пожаловано настоящее златопечатное слово моей царственности многократно упомянутому преподобнейшему проту, иеромонаху кир Феофану, и после него всем будущим протам.

Дано месяца ноября настоящего одиннадцатого индиктиона, в 6821 лето, в которое и наша благочестивая и богоизбранная держава подписалась:

† Андроник во Христе Боге верен царь и самодержец ромеев Дука Ангелос Комнин Палеолог».

Вот как совершилась передача афонских монастырей из ведомства царя в ведомство патриарха! Благочестивый Андроник думал и надумал, что производство в сан прота Св. Горы царем с возложением на него царской десницы и с вручением ему жезла не сообщает ему благодати Божией и есть действие нецерковное, неканоническое, и потому решил предоставить сие дело патриарху. А патриархом тогда был Нифон, бывший митрополит города Кизика. Его склонил Андроник принять прота Св. Горы и все тамошние обители под свое священноначалие и потом, заручившись согласием на это всех святогорцев, вызвал к патриарху прота Феодана. Его всесвятейшество, по уставу, молитвенно преподал ему благодатный дар управления, благословил его носить во время богослужения набедренник и палицу, чего прежде не бывало на Афоне, и снабдил его своей сигиллиодною грамотой о том, чтобы проты Св. Горы все получали власть от патриарха. Андроник подтвердил все, что было написано в этой грамоте, своим хрисовулом в ноябре 1313 года.

Сей грамоты патриарха Нифона я, к сожалению, не видел, а только узнал начало ее. Вот оно: «Μὴ κλίνειν εἰς δεξιὰ, καὶ εἰς ἀριστερὰ μὴ ἐκκλίνειν...», т.е. «Не уклоняться направо, и налево не отстраняться...» Предоставляю другому исследователю судеб •[III/2 146]• Афона отыскать и оповестить это важнейшее

дееписание*, а сам продолжаю свое повествование.

§ 76. О постановлении Андроника касательно порядка и числа монастырей святогорских

Андроник, передавая афонские монастыри вселенскому патриарху, сообщил ему новое постановление о порядке и числе их с указанием: кто и кто из игуменов имеет право являться в Протат для заседаний с жезлом в руке. Это постановление изложено в так называемом *Трагосе* афонском, т.е. в большом свитке, в котором вместо бумаги употреблен пергамент, выделанный из кожи козла (трагос). Сообщаю здесь этот любопытный акт.

Τύπος ἀρχαῖος τῆς κοινῆς
συνάξεως, ἡ καθεδρίας.

Древний устав общего собрания,
или заседания.

Прот с жезлом и игумен Лавры с жезлом.

Игумены: Ватопеда и Ивера, Хиландара и Ксиропотама, Каракалла и Кутлумуша, Ксенофонта и Алипия, Зографа и Дохиара, Василия и Филофея, Пандократора и Руссика, Кастамонита и Есфигмена, Св. Павла и Дионисия, Равдуха и Григория, Св. Саввы и Симонопетра.

Итак, в 1313 году существовали, кроме Протата, 23 монастыря, от которых

* См. издание: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 11. Датировано ноябрем 1312 г. — П.К.

зависели тогдашние скиты и внемонастырные кельи. Игумены этих монастырей имели право и обязанность являться в Протат и тут судить и рядить дела монастырские. Каждому из них указано было его место в общем собрании и в протатской церкви.
•[III/2 147]•

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.
Щедроты
греческих царей афонским
монастырям в четырнадцатом
и следующем веках

§ 77. Щедроты Андроника
Старшего и сына его Михаила
до 1328 года

С передачею афонских монастырей вселенскому патриарху не прекратились щедроты им греческих царей и продолжались по-прежнему. Оповещаю их, сколько это надобно для истории Афона.

В октябре месяце 1314 года*, когда индикт был 12-й (sic), Андроник Старший хрисовулом своим приписал к Хиландарскому монастырю село *Куци*, у реки Стримона, в благодарность за победу над турками, одержанную греками в союзе с сербами. Этот важный хрисовул целиком помещен в моем сборнике актов хиландарских**.

В январе месяце 6824 (1316) года, когда индикт был 14-й (sic), монахи

Хиландарского монастыря, по просьбе своей, удостоились получить от Андроника хрисовул, которым сей государь дозволил собратиям их, жившим в Солуне, в своем метохе, пользоваться водой, проведенной из горы Хортаитинской, и утвердил за Хиландаром пахотную землю и виноградники подле Солуня и монастырек (μονήδριον) на Каламари, чествуемый во имя пророка Илии.

В июле месяце 6825 (1317) года, когда индикт был 15-й, Андроник Младший, сын Михаила Палеолога, соцарствовавшего с отцом своим Андроником Старшим, по просьбе дяди его, сербского краля Стефана Уроша, дал хиландарцам хрисовул, в котором утвердил за их обителью все те имения около Солуня и на Каламари, кои упрочены были за нею хрисовулами отца его Михаила и деда Андроника Старшего, утвердил и право пользования хортаитинского водой внутри Солуня. •[III/2 148]•

В марте месяце 6827 (1319) года, когда индикт был 2-й, этот же Андроник Младший* и по просьбе же вышеназванного дяди его своим хрисовулом утвердил за Хиландаром имения его у реки Стримона: Георгила, Литохори, Малака, и около города Меленика и освободил их от всех податей и земских повинностей.

В том же марте месяце того же 1319 года и Андроник Старший по просьбе зятя его, сербского короля, вышеназванного

* Сентябрьский стиль. — П.К.

** Сборник не опубликован. Издание акта см.: Actes de Chilandar. T. I. Paris, 1998. № 29. — П.К.

* Домогавшийся престола деда своего Андроника Старшего.

Стефана Уроша, утвердил за Хиландаром имения его у Стримона (Георгила, Гореанци, Литохори, Малака), около города Меленика (Мациста), на Кассандрском полуострове Зимовище Свято-Троицкое и проч. и освободил их от всех податей и земских повинностей.

NB. Этот самый хрисовул Андроника Старшего упомянут в предшествующем ему здесь хрисовуле Андроника Младшего.

В октябре месяце 6828 (1320) года*, когда индикт был 3-й, Андроник Старший и сын его Михаил** по просьбе сербского короля Стефана Уроша, усердно помогавшего обоим им лично и войском своим (καὶ διὰ σώματος αὐτοῦ καὶ διὰ φροσύνης αὐτοῦ) против турок, дали хиландарцам два хрисовула, слово в слово сходные, в которых выразили только то, что последующие за ними цари да благоволят оставить за Хиландаром все прежние имения его, иначе отдадут ответ на Страшном суде Христовом.

NB. В моем сборнике дееписаний Хиландарского монастыря помещено еще несколько хрисовулов Андроника Старшего, данных сему монастырю. Но я не сообщаю здесь содержания их, потому что все они упрочивают за Хиландаром доходные имения и метохии его; скажу только то, что Андроник Старший, сын его Михаил и внук Анд-

роник Младший оказывали большое •[III/2 149]• внимание к названному монастырю из уважения к сербскому кралоу Стефану Урошу (Милутину), как родственнику по жене и как союзнику.

Кроме Хиландара царскими милостями до мая 1328 года пользовались афонские монастыри: Алипиев, Зографский и Филофейский. Не знаю точно, когда на Афоне подле Кареи основан был монастырь Алипия, чествуемый во имя св. апостолов Петра и Павла. В сигиллионе вселенского патриарха Иосифа 1428 года сказано глухо, что он *построен издревле боголюбивою душою и щедрою рукою* (φιλοθέῳ γνώμῃ καὶ φιλοτίμῳ χειρὶ συστήσατο ἐξ ἀρχῆς) и в лучшие времена был наполнен мужами избранными (λογάδων) и добродетельными, изобиловал великим добром и именьями вне Святой Горы и имел царские хрисовулы и патриаршие сигиллионы. Принимая во внимание слово ἐξ ἀρχῆς — *издревле, сначала*, полагаю, что некто Алипий построил себе и дружине своей монастырь во дни Афанасия Афонского, во второй половине десятого века. Но когда бы то ни было, а в феврале месяце 1322 года, когда индикт был 5-й (sic), прот. Св. Горы иеромонах Исаак выпросил у царя Андроника Старшего хрисовул, утверждавший право монастыря, о котором идет речь, владеть всеми принадлежавшими ему именьями по описи практора Фарисея. Имения же его тогда были следующие: у реки Стримона метох св. Георгия, прозываемый Птелеа и имевший пахотную землю по древним докумен-

* Сентябрьский стиль. — П.К.

** Этот Михаил скончался в Солуне 12 октября 1320 года. Следовательно, хрисовулы его и отца его даны были в начале сего месяца.

там, которая давала 2700 мер хлебного зерна; там же, в деревне Георгила, три рыболовные заводы; около Иерисса метох свв. Апостолов с пахотной землею, дававшая 600 мер, уступленный Афоно-Иверским монастырем взамен другого Алипиевского метоха; благоприобретенный виноградник в деревне Камена, приносивший 10 модиумов гроздьев, масличный сад с разными плодовитыми деревьями, выменянный у Иверского же монастыря, и нива, приносившая сто мер зерна.

NB. Обитель Алипия в 1428 году вселенским патриархом Иосифом соединена была со смежным монастырем Кутлумушским. •[III/2 150]•

В июле месяце 6833 (1325) года, когда индикт был 8-й, Андроник Старший по просьбе болгарского царя Михаила Асеня пожаловал Зографской обители свой хрисовул, которым утвердил за нею имение у реки Стримона, называемое Прэвиста. Имение же это названный царь купил за 300 иперпиров у племянницы Андроника, великой княгини Феодоры Палеологины, и подарил оное Зографу.

В сентябре месяце следующего, 1326 года*, при индикте 9-м, тот же Андроник по ходатайству того же болгарского царя утвердил своим хрисовулом за Зографской обителью все принадлежавшие ей тогда имения и метохи и освободил их от податей и земских повинностей, кроме Превисты, с которой повелел взимать только κεφάλαιον

τῆς σιταρκίας, т.е. подать с хлебного зерна.

В октябре месяце 1327 года*, при индикте 10-м, Андроник по просьбе племянника своего протосеваста и протовестиария Андроника Палеолога, ктитора и попечителя Афоно-Филофейской обители, утвердил за нею все метохи и имения ее, находившиеся в разных местах: около Серреса, в самом этом городе, у реки Стримона и в Солуне.

**§ 78. Кончина
последнего царственного
владыки Афона,
Андроника Старшего,
в монашестве Антония.
Щедроты Андроника Младшего
афонским монастырям**

Андроник Старший был последний царственный владыка Афона, передавший все тамошние монастыри вселенскому патриарху в 1313 году. Он царствовал только до 22 мая 1328 лета, невольно уступив престол свой внуку своему Андронику Младшему, но после сего жил еще три года и восемь месяцев в уединении, приняв монашество в 1330 году с именем Антония; умер же 12 февраля 1332 года.

Прочтем рассказ современного ему историка Григораса о кончине его. •[III/2 151]•

«Смерть Андроника, — говорит он, — предвозвестили многие знамения.

* Сентябрьский стиль. — П.К.

* Сентябрьский стиль. — П.К.

Во-первых, затмение солнца, предупредившее кончину его на столько дней, сколько годов ему было от роду (74 года). Затмение солнца было сменено затмением луны, а это затмение — землетрясением, случившимся в тот самый вечер, в который христиане, по древнему обычаю, совершали память соименного царю Антония. Потом 12 февраля, в тот самый день, в который вечером имела последовать неожиданная кончина его, подул свирепый южный ветер и разъярил море так, что оно, выступив из берегов своих, разбило волнами во многих местах восточные стены Византии, обращенные к морю, расшибло на этой стороне много ворот и, ворвавшись в город, словно неприятель, затопило здесь много домов. Тогда же упало много железных крестов, водруженных на храмах, так были сильны порывы ветра. В то же время упала и колонна, с давних пор стоявшая перед храмом Сорока мучеников. Когда солнце склонилось к вечеру, тогда историк Григорас по обыкновению пошел к Андронику-Антонию и, севши подле него, удостоился дружеской беседы его. А разговоры он вел большей частью ученые. В этот вечер у него были дочь его сербская королева Симонида и некоторые другие лица. Беседа их длилась до первого пения петухов. Тогда у царственного инока не было никаких признаков болезни. Потом он сказал всем: «Прощайте и идите домой, завтра dokonчим, чего не договорили сегодня». А сам сел ужинать. Пища в этот раз была вся очень грубая по причине пост-

ных дней. После стола вместо того, чтобы подкрепить старый желудок вином для сварения грубой пищи, он напился холодной воды, имея привычку в минуты внутреннего жара пить без меры холодную воду, дабы не нуждаться в кровопускании. Прибегнув и теперь к этому средству, он тотчас почувствовал, что ему дурно: началась у него боль в желудке и груди и стеснилось дыхание. Сознавши, что сейчас же умрет, и не имея в такую пору никого, кто преподал бы ему божественные Тайны, так как все ворота •[III/2 152]• дворца были заперты, он встал и начал молиться Богу о спасении души своей с обильными слезами и частыми коленопреклонениями. Потом вместо божественных Тайн приложил к устам своим святую икону Богоматери, которую носил на своей груди и, севши на кровать, тотчас скончался ночью еще до рассвета... С восходом солнца тело его перенесли в монастырь, называемый Лива*, который возобновила мать его Феодора. Здесь в девятый день, по обычаю, совершено было и поминание его».

«Андроник умер на 74-м году от рождения и на 50-м с того времени, когда принял скипетр самодержца. Он был высокого роста, красивый и весьма почтенной наружности, в которой от природы было что-то повелительное и внушающее страх. В нем непод-

* Основанный Константином Ливом в царствование Льва Мудрого, ранее 911 года (Anselm. Bandur. Comm. P. 526).

дельная кротость соединялась с очаровательною любезностью. Природа не поскупилась придать лицу его веселость, глазам приятность, говору благозвучие и чистоту. Вообще, в приятности, соединенной в нем с важностью, было что-то особенно привлекательное». Что-бы представить образчик его добродушия, Григорас упомянул о двух поступках его. Незадолго до своей кончины, живя в бедности и крайней нужде и не могши выносить холода (тогда зима была очень холодная), он приказал сделать себе ночное лисье одеяло. Когда сосчитано было все его богатство, тогда у него оказались только три монеты. На них-то и надобно было сделать покупку, которая могла бы защищать его от холода. Между тем в то время, когда он еще обдумывал сие дело, к нему явился один из давних домашних людей его и трогательно высказал ему свою бедность, которая, по словам его, так угнетала его, что ему ничего не оставалось ожидать, кроме смерти. Сжалившись над ним, Андроник-Антоний отдал ему свои три монеты, предпочитая несчастья других своей смерти. Вот первое доказательство сострадательности его сердца. А вот и второе. Когда врачи •[III/2 153]• запретили ему пить много холодной воды, а вина употреблять он не хотел, то, держась середины, он на одну монету, впрочем, не всю, и притом занятую в долг, купил было немного сладкого напитка, привозимого из Египта и Аравии, дабы им смягчить действие холодной воды. Но не успел еще и отведать его, как пришел к нему другой

из давних домашних людей его и просил у него чего-нибудь в облегчение своей долговременной болезни. Не имея ничего, чем бы помочь этому человеку, он велел отдать ему то лекарство, которое было приготовлено для подкрепления слабых сил его. Так он был сострадателен и скор на помощь всем страждущим. По смерти у него не осталось ничего, кроме долга. Таков был конец его. Он умер в 6840 (1332) году. В это время Андроник Младший, занявший престол его, имел на исходе уже 36-й год от рождения.

Сей государь царствовал с 1328 года по 15 июня 1341-го лета. Во главе правительства его стоял даровитый Иоанн Кантакузин.

Андроник Младший так же, как и дед его, благодетельствовал монастырям афонским. Оповещаю благодеяния его. В сентябре месяце 1328 года*, когда индикт был 11-й, сей государь по просьбе болгарского царя Михаила Асеня, превозделенного сына и зятя своего, пожаловал Зографской обители свой хрисовул, которым утвердил за нею деревню Сотирихон у Стримона с рыбною ловлей в тамошнем озере и планину Лактево и освободил все прочие имения и метохи от податей и от всяких повинностей, кроме Превисты, с которой повелел взимать ежегодно 50 иперпиров**.

* Сентябрьский стиль. — П.К.

** Издание: Actes de Zographou / Ed. W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // Византийский временник. 1907. Т. 13. Приложение 1. С. 58–61. Здесь акт атрибутирован Андронику II. — П.К.

В январе месяце 6837 (1329) года, при индикте 12-м, монахи из Лавры св. Афанасия Афонского по просьбе своей сподобились хрисовула Андроника Младшего, которым он утвердил за обителью их все имения и метохи ее в разных местностях и освободил как их, так и мореходные суда Лавры от всех податей и всяких повинностей. •[III/2 154]•

NB. В этом хрисовуле поименованы 32 имения включительно с метохами и выражено, что афонские лавриоты суть мужи боголюбивые, всем на земле пренебрегшие*, ревностнейшим благоделанием и неустанным служением Богу украшенные, везде на суше и море служащие предметом удивления, и в разные времена доказавшие свое нелицемерное и чистое благорасположение к Андронику.

В мае месяце 6837 (1329) года, при индикте 12-м, монахам Ватопедского монастыря по просьбе их Андроником Младшим пожалован был хрисовул, которым утверждены за сею обителью все принадлежавшие ей в разных местах имения и метохи.

NB. В этом дееписании Ватопед причислен к знаменитым обителям на Афоне: *μονὴ συναρυθμουμένη καὶ συνταττομένη ταῖς ἐν αὐτῷ ὀρεὶ ἐτέραις περιφανέσι μοναῖς.*

Около того же времени Ксенофоновский монастырь на Афоне по ходатайству тамошнего прота Исаака**

получил от того же государя хрисовул, утвердивший за ним все издавна принадлежавшие ему в разных местах имения и метохи*.

Андроник же Младший, по просьбе некоего честнейшего отца Афанасия, «известного многим» (*πολλοῖς γινώριμος*) и принявшего в свое попечение «пренебреженную обитель Каракальскую» (*ἀμεληθεῖσαν μονὴν τοῦ Καρακάλλᾳ*), пожаловал ей хрисовул, которым утвердил за нею все издавна принадлежавшие ей в разных местах имения и освободил их от податей и разных повинностей. (Извлечено из копии сего хрисовула, засвидетельствованной протом Исааком.) •[III/2 155]•

§ 79. Щедроты Иоанна Палеолога афонским обителям

В 1341 году, 15 июня, скончался государь, о котором сейчас была речь. Тогда старшему сыну его, Иоанну, едва минуло одиннадцать лет**. Опекунами его были мать его Анна и вселенский патриарх Иоанн Априйский, по прозванию Калека, и попечителем Иоанн Кантакузин, который с 1346 года соцарствовал с реченным Иоанном. Сей-то Иоанн, как законный наследник пре-

* Издание: Actes de Xénophon / Ed. D. Papachyssanthou. Paris, 1986. № 17. Здесь хрисовул датирован 1322 г. и атрибутирован Андронику II. — П.К.

** Cantacuzen. II. Cap. 40. — Gregor. XI. Cap. II. — В Мафином каталоге Константинопольских патриархов (стр. 141) упомянуто, что сей царевич тогда был девятилетний отрок.

* Πάντα τῇδε χαίρειν ἔασαντες.

** Он еще в 6832 (1324) году протатствовал на Афоне (архивы Кутлумушский и Каракальский).

стола, жаловал свои хрисовулы афонским монастырям.

В январе месяце 6850 (1342) года, при индикте 10-м (sic), он по просьбе болгарского царя Иоанна Александра, превожденного дяди своего, пожаловал Зографской обители свой хрисовул, которым утвердил за нею права владения деревнею Хандаком у реки Стримона и освободил ее от взноса 50 иперпиров, взимаемых за хлебное зерно (χάριν τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας). В том же месяце того же года сей же государь по просьбе зографцев, предъявивших ему хрисовул отца его Андроника Младшего, другим хрисовулом своим утвердил за обителью их все принадлежавшие ей имения и метохи включительно с Хандаком.

В декабре месяце 6851 (1343) сентябрьского года, при индикте 11-м, Иоанн Палеолог по просьбе бывшего патриарха Нифона пожаловал Афонской Лавре хрисовул, которым утвердил за нею все те дома и торговые лавки в Константинополе, кои подарил ей сей патриарх для поддержания возобновленной им лаврской гостиницы (ξενών), большой и хорошей, но угрожавшей падением.

В мае месяце 6851 (1343) года, когда индикт был 11-й (sic), сей царь по просьбе монахов Дохиарского монастыря своим хрисовулом утвердил за этим монастырем имения его, Рóсэон и Диаволо́камπος на Каламарии и пахотную землю в Ермилии, дававшую 350 мер хлебного зерна, с правом улучшать их, как хотят и как могут:

συνιστᾶν καὶ βελτιοῦν αὐτά, •[III/2 156]• καὶ ἐπὶ τὸ κρεῖττον καὶ βέλτιον προάγειν κατὰ τὸν ἐγχωροῦντα καὶ δυνατὸν αὐτοῖς τρόπον, καὶ ὡς βούλοντοί τε καὶ δύνανται.

В августе месяце 6852 (1344) года, когда индикт был 12-й, ватопедские монахи по просьбе своей сподобились получить от того же царя хрисовул, которым утвержден за обителью их метох Просфорион со всем имением и с людьми его и с построенною там башней (на Афоне).

В октябре месяце 6853 (1345) года*, при индикте 13-м (sic), Иоанн Палеолог пожаловал Страшимиру, пинкернису болгарского царя, свой хрисовул на право владения деревнею Мармарин у реки Стримона с передачею ее, если пожелает, Зографской обители на Афоне. Страшимир передал эту деревню по принадлежности.

§ 80. Афон под властью сербского царя Стефана Душана. Щедроты его тамошним монастырям

В конце 1345 года Афон очутился под властью сербского царя Стефана Душана. Сие время я указываю, потому что с января месяца следующего года этот царь уже начал жаловать тамошним монастырям свои хрисовулы.

Весьма замечательно начало хрисовула его, данного монастырю Афоно-Иверскому в январе 6854 (1346) года,

* Сентябрьский стиль. — П.К.

когда индикт был 14-й (sic). Перевожу это начало с греческого языка на русский.

«Царям сколько свойственно по природе дышать, столько свойственно и благотворить. А ежели царям свойственно благотворить всем, то гораздо свойственнее благотворить человекам, отрeksiмися от мира сего и монашествующим и внemлющим одному Богу и себе самим. *Посему царственность моя, принявши находящиеся на Св. Горе обители, от всей души прибежшие и подчинившиеся ей, общим хрисовулом всем им доставила и оказала богатое благодеяние, дабы подвизающиеся в них монахи безмятежно и тихо совершали дело Божие*». Отсюда видно, •[III/2 157]• что еще до января 1346 года все эти обители охотно подчинились Душану и сподобились общей милостивой грамоты, которая, по всей вероятности, хранится в архиве Протата (я не видал ее)*. Что касается до хрисовула, пожалованного Душаном Иверской обители, то сим златопечатным Словом своим он освободил имение ее Радоливу от взноса 400 аспр в царский *вестиарий* и как это имение, так и другие утвердил за нею.

В апреле месяце того же года и индикта сей же царь по просьбе иверских монахов в новом хрисовуле своем перечислил *все* издавна принадлежавшие монастырю их имения и метохы и освободил их от *всех* податей и зем-

ских повинностей, кои поименованы тут подробно.

В том же месяце и годе Душан, заботясь о поправлении хозяйства в метохах монастырей святогорских, потерпевшего ущерба от смутного времени, и заботясь о сем потому, что монахи сих монастырей оказали благомысленное расположение к нему*, благосклонно принял прошение иноков монастыря Филофейского и своим хрисовулом утвердил за ним все принадлежавшие ему имения и освободил их от всех податей и земских повинностей ради поправления расстроенного хозяйства его.

В апреле же месяце 1346 года Зографской обители по просьбе болгарского царя Александра Душаном пожалован был хрисовул, утвердивший за нею деревню Хандак у реки Стримона, так как Стримонская область была завоевана сербами**, и освободивший это имение от всех податей и земских повинностей.

В мае месяце того же года Душан, помня, что блаженной памяти предки его, Симеон и сын его Савва (архиепископ Сербский), способствовали благоустройству Ватопедской обители и что она с их поры была благополучна и богата, а теперь •[III/2 158]• весьма обеднела по причине непостоянства и смут времени, помня это, благоволил пожа-

* Хрисовул, данный Стефаном Душаном афонским обителям в 1345 г., издал М. Ласкарис: *Byzantinoslavica*. Т. 6 (1935/36). Р. 173–174. — П.К.

* «...Ἐνεδείξαντο εἰς τὴν βασιλείαν μου οἱ ἐν αὐτῷ ὄρει τοῦ Ἁθῶ ἀσκούμενοι μοναχοὶ σχέσιν καὶ εὐνοίαν».

** «...Προσῆλθεν ἡ τοιαύτη χώρα εἰς τὴν ὑποταγὴν καὶ ὑποχειριότητα τῆς βασιλείας μου».

ловать ей свой хрисовул, которым утвердил за нею все принадлежавшие ей имения и метохи: у реки Стримона, в Серресе, Солуне, Веррии, на Каламари и близ Св. Горы Афонской, и освободил их от всех податей и земских повинностей.

Тогда же подобный хрисовул получили от Душана и афоно-есфигменские монахи, изъявившие ему свое благорасположение*. Этим хрисовулом утверждены за обителью их все тогдашние имения ее в околотке Рендинском, в области Стримонской и в других местах.

В декабре месяце 1347 года тем же есфигменитам по просьбе их пожалован был Душаном хрисовул, которым возвращены метоху обители их, называемому Крусово, две части имения, из коих одна отдана была некоему Гаврилопуло, а другая какому-то Фармаки, и освобождены от всех податей и земских повинностей.

Стефан Душан в 1347 году, ранее декабря месяца, был на Св. Горе вместе с супругою своею Еленой, и оба они богомольствовали во всех тамошних монастырях, больших и малых, и одали их по-царски. В Карейской лавре Душан милостиво и кротко разговаривал с протом Св. Горы иеромонахом Германом, всех прочих старцев облакал и, поручив себя молитвам их, просил продать Сербо-Хиландарской оби-

тели местность Ливади близ Зига, в околотке Комитиссы*, и стоящий тут монастырек, чествуемый во имя святого и чудотворца Николая. По отшествии его, прот Герман вместе с властными старцами решил передать и передал названной обители эту местность и этот монастырек за 1760 златиц (χρυσὰ φλουρία), обмежевав границы их (Оправдания, № 11). Тогда же супруга Душана Елена посетила в Карее ту келью, в которой подвизался Савва, впоследствии архиепископ Сербский, и, заметив •[III/2 159]• тут нищету и скудость во всем, изъявила желание быть вторым ктиторм сей кельи с тем, чтобы настоятелем ее назначаем был один из благоговейных старцев хиландарских. А супруг ее Душан приписал к этой келье села в Герцеговине: Косорике, Чешково и Челопец, и соизволил давать ей ежегодно сто иперпиров венецианских; для содержания же хиландарской больницы купил у Афоно-Алипиева монастыря рыбную ловлю Оркинар в Стримонском заливе Св. Горы у подошвы Мегали Виглы. (Оправдания, № 12.)

Когда сей государь находился еще на Св. Горе, тогда хиландарский игумен Гervasий доложил ему, что границы Хиландара описаны в разных хартиях отдельно и что желательно и нужно осмотреть их и составить одну общую опись их в одном хрисовуле. Душан согласился на это и письмом

* «...ἀνεδείξαντο εἰς τὴν βασιλείαν μου οἱ τοιοῦτοι μοναχοὶ σχέσιν καὶ εὐνοίαν».

* На Афонском перешейке.

пригласил в Хиландар прота Германа и властных старцев Св. Горы для производства сего межевого дела. «Сии честные мужие, яко отци послушливи и чедолюбци, прїидоше, не закоснѣвше. И поведалъ имъ Доушанъ моленіе честныхъ отцовъ лавры Хиландарскіа, яко съединити окроужние синоре (границы) мѣстъ монастырскихъ въ единъ хрисовулъ. Протъ же квр Германъ и вси честнии отци отвѣщаше: все хотеніе твое, царю, исполнимъ». И исполнили! Подробно описали и поименовали все границы Хиландара на самом Афоне. А Душан внес их описание в свой хрисовул, который дал хиландарцам уже в апреле месяце 1348 года. (Этот хрисовул переписан моей рукой и присоединен к прочим актам Хиландара, давно приготовленным мною к напечатанию.)

В марте месяце 1349 года, когда индикт был 2-й (sic), Стефан, о котором идет речь, отменил свой прежний хрисовул, пожалованный Афоно-Дохиарской обители, которым даны были ей две деревни около Серреса, Варна́р и Сфести́ани, отменил потому, что оба эти селения понадобились царственности его; взамен же их дал крепостцу (καστέλλιον) Равеникию и башню ее с присельцами и с свободными виноградниками и •[III/2 160]• нивами и освободил это имение от всех податей и земских повинностей.

Сей хрисовул есть последняя, известная мне, жалованная грамота Стефана Душана, доказывающая обладание его Афоном.

§ 81. Новые щедроты греческих царей Афону

Недолго серб Душан благодетельствовал афонским монастырям начиная с конца 1345 года. Потом они опять очутились под покровом царей греческих до смены сих последних турецкими султанами. Кто же эти цари и что они сделали для Афона? Осведомимся.

Эти цари были Иоанн Палеолог и соцарствовавший с ним Иоанн Кантакузин, Мануил и сын его Иоанн Палеолог. А вот и благодеяния их Афону.

В августе месяце 6854 (1346) года, когда индикт был 14-й (sic), Иоанн Палеолог, по просьбе монахов Лавры св. Афанасия Афонского пожаловал им свой хрисовул, которым утвердил за их Лаврой имение ее на острове Лимносе, называемое *Палеока́стеллон-ту-Конте́а*, с пахотной землей *тон Трахиса́нон*, но под условием, если они будут верны его величеству и сохранять чистое благорасположение к нему. (В это время Афоном владел сербский царь Стефан Душан, от которого остров Лимнос не зависел.)

В июле месяце 6859 (1351) года, при индикте 4-м (sic), соцарствовавший с Иоанном Палеологом Иоанн Кантакузин по просьбе иверо-грузинских монахов двумя хрисовулами своими утвердил за обителью их все кельи, исихастирии, метохи и монастырьки с их землями на самом Афоне, на перешейке сей горы и в окрестностях ее [первый хрисовул] и все метохи и имения в Ермилии, Каламарии, в Солуне и в других местах [второй хрисовул] и

освободил их от податей и земских повинностей.

В сентябре месяце 6862 (1354) года*, при индикте 7-м**, хрисовулом Иоанна Палеолога утверждены были за Афоно-Руссиком •[III/2 161]• все принадлежавшие ему в разных местах имения и метохи с освобождением их от податей и повинностей.

В мае месяце 6863 (1355) года, при индикте 7-м [8-м], сей же государь по просьбе монахов обители Филофеевской хрисовулом своим утвердил за обителью их все принадлежавшие ей на острове Лимносе пахотные земли, дававшие небольшие количества хлебного зерна, от 6 до 50 и 80 мер. Все эти нивы тут поименованы.

Этим же государем даны были *подобные* хрисовулы афонским монастырям: Дохиарскому и Каракальскому в 1356 году, Есфигменскому, Иверскому и Ватопедскому в 1357 году, и тогда же в особой грамоте предоставлено было Ватопеду право иметь мореходную лодку, вмещающую 700 модиюмов.

В 16-й день февраля месяца 1391 года скончался Иоанн Палеолог и на престол его взошел сын его Мануил, соцарствовавший с ним с 25 дня сентября месяца 1373 года. Как этот государь, так и сын его Иоанн Палеолог*** разновременно жаловали святогорским обителям свои хрисовулы, подобные вышеписанным, именно: Пандо-

кратору в 1394 и 1396 гг., Лавре в 1404 г., по случаю посещения ее супругой Иоанна Палеолога, монастырю св. Павла в 1405, 1407 и 1437 гг., Дионисиату в 1408 г. и Ватопеду в 1414 г. Последний государь из рода Палеологов, Константин, воцарившийся в конце 1448 года и убитый во время защиты Константинополя от турков в 1453 году, не благотворил Афону, будучи стеснен турками.

Достаточно осведомились мы о щедротах царей греческих, оказанных святогорским монастырям. Осведоимся и о действиях там патриархов вселенских с той поры, когда царь Андроник Старший передал им власть свою над этими монастырями. •[III/2 162]•

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Афон под священноначалием вселенских патриархов с 1313 года

§ 82. *Благодеяние патриарха Нифона Лавре Афанасия*

Первый патриарх, которому в 1313 году переданы были все афонские монастыри, был Нифон. Он, по отзыву царя Иоанна Палеолога, выраженному в хрисовуле его 1343 года*, первенствовал пред другими в исполнении заповедей Спасителя, был отцом сирот и бедных, снабдевал больных, помогал отправляющимся в путь и возобновлял церкви и монастыри. Им возобновлена была в Афонской Лавре странноприимница,

* Сентябрьский стиль. — П.К.

** Тогда индикт был 8-й.

*** Хрисовул Иоанна VII Палеолога 1407 г. см. в Оправданиях, № 16.

* Тогда Нифон был еще жив и спасался в монастыре Перивлептском, после того как оставил патриаршую кафедру.

большая и хорошая, но угрожавшая падением, а для содержания ее подарены были принадлежавшие ему самому в Константинополе наемные дома и торговые лавки. Сей патриарх благословил прота Св. Горы надевать на себя набедренный и палицу в часы богослужения, чего прежде не бывало на Афоне. Его уставная грамота, данная сему проту и всем афонским монастырям, к сожалению, не попала мне в руки.

Преемниками Нифона были Иоанн Гликис, Герасим, Исаия Афонец, Иоанн Калекас и Исидор Вухирас. Но никаких грамот их афонским монастырям я не видел. А чьи грамоты читал и переписал, те оповещаю здесь кратко. Первые из них у меня есть:

**§ 83. Сигиллионы патриарха
Каллиста о независимости
обители Алипия и о передаче
соборного храма в Иверском
монастыре монахам греческим**

Патриарх Каллист, родившийся в предместье Константинополя Галате и омонашившийся в монастыре Ксанфопулов, муж добродетельный, возведен был на кафедру вселенскую в •III/2 1631• 1350 году и тогда же по просьбе монахов Алипиевой обители на основании хрисовула царя Андроника Старшего (1322 г.) дал ей свой *сигиллион* (грамоту со свинцовой печатью), коим подтвердил все прежние права ее, устранил зависимость ее от всякого лица вельможного (ἀρχοντικὸν πρόσωπον), восстановил полную свободу ее и обязал

ее вносить в Протат установленную дань на общие нужды Св. Горы.

Итак, оказывается, что попечительство архонтов, издревле допускаемое на Афоне, расстраивало названную обитель, посему насельники ее домогались у патриарха освобождения от их вмешательства в дела монастырские.

В 1350-х годах в Афоно-Иверском монастыре увеличилось число греческих монахов так, что они начали вытеснять *весьма немногих* грузинских иноков из тамошнего соборного храма Успения Богоматери и отсылать их в тамошнюю же церковь Вратарницы. Эти же не соглашались и жаловались на них сперва протам Св. Горы Арсению и Феодосию, а потом вселенскому патриарху Каллисту I, который святительствовал с 1350 года по 1362-й*. Каллист решил это дело в пользу греческих насельников Иверской обители, потому что они и числом, и духовными качествами превосходили грузинских монахов. Таким образом эта обитель досталась грекам. Это событие произошло или в 1353 году, или немного позже, но до 1362 года, в который вселенским владыкою был уже Филофей, а протом Св. Горы Дорофей, но не Феодосий (Acta Patriarchatus Constantinopolitani, edid. Franc. Miklosich et Jos. Müller. T. I. Vindobonae, 1860. Pag. 375–379).

Патриарх Каллист письменно просил государя Иоанна Палеолога или

* Патриарх Каллист I занимал кафедру в 1350–1353 и 1355–1363 гг. Упомянутый ниже акт датируется между январем 1355-го и декабрем 1356 г. (Actes d'Ivîrôn. T. IV. Paris, 1995. № 93). — П.К.

Иоанна Кантакузина о том, чтобы великий етериарх Тарханиот, присвоивший себе в Ермилии проданное Сирмуриным имение Афоно-Дохиарской обители, возвратил ей это имение. Государь исполнил прошение его всесвятейшества (Архив Дохиарский)*. •[III/2 164]•

§ 84. Помощь патриарха Филофея афонской Лавре и Зографу

Замечателен сигиллион патриарха Филофея, данный афонской Лавре в феврале месяце 6875 (1367) года, когда индикт был 5-й (sic). Передаю содержание его.

«Хотя и всем святым, мученики ли они, или преподобные подвижники, воздавать подобающее чествование достодолжно и богоугодно, ибо они непрестанно молятся о спасении нашем и избавляют нас от бед и опасностей, но я особенно чту дивного во святых Афанасия, основателя священной Лавры Афонской, в которой я провел долгое время и имел в сем угоднике Божиим своего руководителя, помощника и избавителя от тайных и явных наветов. Посему горячо желаю пособить сей Лавре хоть немного. А так как она в Константинополе имеет метох, чествуемый во имя Богоматери Живоносного Источника, и так как лавриотам весьма необходимо и полезно приобрести и другой метох у морской пристани,

супротив предместья Галаты, где они могли бы останавливаться по своим надобностям, да и я давно помышлял о предоставлении им такого удобного подворья; между тем подарен был мне метох св. Димитрия у *Широких ворот* Константинополя монахом Лукою, построенный блаженной памяти господином Елафросом и подаренный им Лимносскому архиепископу, и этим отданный оному Луке, Лукою же мне, то я и передаю сей метох Лавре с тем, чтобы проживающие в нем монахи поминали в молитвах своих наших царей, меня и преемников моих, и устроили и улучшали бы местное хозяйство. В удостоверение сего и дана мною настоящая сигиллиодная грамота в феврале месяце 6875 года»*.

В 1372 году некто Бранислав, построивший в околотке Зографского монастыря храм во имя св. великомученика Димитрия Мироточивого, просил патриарха Филофея о том, чтобы сей храм не подлежал ведомству епископа Иериссовского и Святогорского, •[III/2 165]• а был бы патриаршим и в нем поминалось бы имя патриарха, а не епископа. Его всесвятейшество охотно уважил эту просьбу и в июле месяце 6880 (1372) года, при индикте 10-м (sic), дал Зографу свою сигиллиодную грамоту, упрочивающую независимость Браниславова храма от Иериссовского епископа**.

* Издание: Actes de Lavra, III. Paris, 1979. № 144. — П.К.

** Издание: Actes de Zographou, № XLVI // Византийский временник. 1907. Т. 13. Приложение № 1. С. 105–106. — П.К.

* Упомянутое послание Каллиста I Иоанну V Палеологу датируется 1355 г. (Actes de Docheiariou. Paris, 1984. № 31). — П.К.

§ 85. Заботливость патриарха Нила о монастыре Кутлумушском в 1387 году

Кутлумуш издавна владел у реки Стримона деревней, называемой Митрополитова, в соседстве с деревнею Вернарус, которая принадлежала Афонской Лавре.

Лавриоты назад тому несколько времени письменно жаловались вселенскому патриарху, что кутлумушцы обижают их, отняв подле Стримона лаврскую землю, пристань, рыболовлю и доход питейный (καπηλειατικόν) и завладев на самом Афоне лаврским виноградником, разведенным между лаврскою кельей Профурни и кутлумушскою кельей Исихора.

Патриарх многократно просил лавриотов прекратить сие дело. Но они не соглашались и требовали суда, представляя в доказательство своей правоты юридические документы и опись границ деревни Вернаруса.

Патриарх Нил предписал кутлумушцам возвратить Лавре все, что она требовала от них, или явиться в суд с правинами (документами).

Но, к несчастью, кутлумушский игумен в это время взят был в плен турками, и братия в хлопотах об освобождении его не имели времени даже отвечать патриарху (οὐδὲ ἀπολογίσασθαι καὶ οὐκ εἶχον).

Лавриоты воспользовались этим случаем и нудили патриарха помочь им. Он же, не зная хорошо спорного дела, предписал Зихнийскому митро-

политу исследовать оное на месте. Сей, без кутлумушцев, с одними лавриотами и стримонскими •[III/2 166]• крестьянами их решил дело в пользу их на основании предъявленных ему правин. Его решение утвердил патриарх Нил своею сгиллиодной грамотой, так как кутлумушцы молчали (μηδενὸς ὄντος ἀντιλέγοντος).

В том же 1387 году освобожденный из плена кутлумушский игумен и вместе с экономом своим отправился к патриарху на суд, куда явился и поверенный от Лавры иеромонах Иеремия.

Кутлумушцы сперва извинились в том, что до сей поры молчали не по нерадению, а по роковой необходимости и просили прощения, которое и получили, потом возопили против обидчиков лавриотов и просили суда у патриарха, а не у кого-либо другого, потому что лавриоты сильны, имея многих могучих друзей, а они бедны, никем не знаемы и надеются только на свое право. Суд произведен.

Суд первый о винограднике. — Иеремия говорил, что лет за десять или менее кутлумушцы завладели виноградником Лавры, а игумен их отвечал, что Кутлумуш уже пятьдесят лет владеет им, и указывал свидетелей. Иеремия сознавался, что кутлумушцы насадили виноградник, но на чужой земле. Определено: допросить свидетелей.

Суд второй об именах. — Иеремия предъявил правины, в которых стримонские имения кутлумушцев значатся в границах соседних имений Лавры,

а игумен кутлумушский предъявил надлежащие копии с правин своих, как то: *продажные записи* на купленные имения свои, записи сербского царя Стефана, Радохны и деспота Углеша, *грамоту* патриарха Филофея и *приказ* государя, утверждающий все эти имения. Кроме сего, кутлумушцы говорили, что они издавна владеют этими имениями по правилам *истинным*, а лавриоты с помощью своих друзей и знакомых сочиняют *правины поддельные*, какие только удобны им. Тогда Иеремия заявил, что *он не уполномочен* Лаврой судиться, и таким образом приостановил судопроизводство, предвидя, что дело будет проиграно. Патриарх Нил хоть и счел •[III/2 167]• это заявление его суетным изворотом, но не отринул его, зато новою грамотой уничтожил силу прежней грамоты своей и строго предписал проту и игуменам Ватопедскому и Иверскому исследовать сие тяжёлое дело в течение августа месяца. Кутлумушцы были обрадованы, а лавриоты забрали-таки все плоды сего лета с имений Кутлумуша. Однако патриарх принудил их возвратить все забранное под угрозой проклятия. Они возвратили всё, но судиться не хотели. Прошел и сентябрь месяц. Тогда патриарх Нил, видя просрочку времени и упорство лавриотов и правоту кутлумушцев, дал им свой сигиллион в октябре месяце 1387 года*, коим утвердил за их обителью законные имения их у реки Стримона, с тамошней приста-

нюю, рыболовлей и с питейным доходом, и афонскую келью Исидора с виноградником, и погрозил проклятием нарушителям настоящего решения.

§ 86. Патриарх Антоний дал Кутлумушу права ставропигии в 1395 году

Монахи кутлумушские письменно просили вселенского патриарха Антония, чтобы он признал и объявил монастырь их патриаршим. Его всесвятейшество исполнил их просьбу. Но они вторично подали ему прошение о том, чтобы патриаршие экзархи, приходя на Св. Гору, не обременяли и не смущали обители: ἵνα καὶ ἀπὸ τῶν κατὰ καιροὺς ἐξάρχων τῆς ἡμῶν μετρούπολεως ἔχωσι τὸ ἀβαρεῖς καὶ ἀτάραχον, καὶ ἀνέπαφον. Тогда патриарх дал им свой сигиллион в июне месяце 6903 (1395) года, при индикте 13-м (sic), коим снова утвердил патриаршее достоинство Кутлумуша, дал ему право судиться в патриархии и повелел своим экзархам входить в сей монастырь, как в патриарший, ничем не обременять его и не требовать от него чего-либо. •[III/2 168]•

§ 87. Заботливость сего же патриарха о монастыре Пандократорском

Из Пандократорского монастыря в 1396 году два нарочитые иеромонахи приходили к патриарху Антонию и, предъявив ему хрисовул царя Мануила 1394 года, утвердивший за обителью

* Сентябрьский стиль. — П.К.

Дионисиат.

их все принадлежавшие ей имения и метохи, просили его всесвятейшество, чтобы и он своей сигиллиодной грамотой утвердил за нею эти имения. Патриарх благосклонно внял их прошению и исполнил просимое, присовокупив в своей грамоте внушительное увещание пандократорцам строго соблюдать общежитие, завещанное основателями обители их Алексеем стратопедархом и братом его Иоанном приммикирием. Грамота же сия дана им в месяце июне 6902 (1394) года, когда индикт был 2-й (sic).

**§ 88. Патриарх Матфей
распределил границы монастырей
Павловского и Дионисиатского
по указанию Протата**

В 1404 году монахи Дионисиатского монастыря просили вселенского патриарха Матфея повелеть, кому долж-

но, вновь размежевать границы обители их и смежного с ней монастыря Павловского, потому что им негде рубить дрова. Но павлиты представили его всесвятейшеству прежнее решение Протата 6909 (1401) года касательно границ обоих этих монастырей. Патриарх уважил это решение и дионисиатцам в просьбе их отказал, а павлитам дал свой сигиллион в октябре месяце 6912 (1404) года*, когда индикт был 12-й (sic), в обеспечение прежних границ их монастыря.

**§ 89. Патриарх Иосиф соединил
монастырь Алитиев
с Кутлумушским**

В 1428 году иеромонахи и монахи кутлумушские, побуждаемые не столько нуждою, сколько благочестивыми ви-

* Сентябрьский стиль. — П.К.

дами, вознамерились •[III/2 169]• оставить свою обитель, как тесную и неудобную для них, и переселиться в смежный монастырь Алипиев, который некогда процветал, а теперь запустел, Кутлумуш же обратиться в метох сего монастыря и просили патриарха Иосифа переместить их туда. Патриарх же вместе с находившимися тогда в Константинополе архиереями присудил и повелел: «Соединить Кутлумушский монастырь с Алипиевым, Кутлумушского игумена Карпа именовать Алипиевским, большей части кутлумушцев переселиться в обитель Алипия, но не оставлять и Кутлумуша; пользоваться всеми правами ее, документами, имениями, уварью и книгами, но отнюдь не подчиняться никакому другому монастырю, ни самому Кутлумушу, а быть ей по-прежнему обителью царской и свободной; Протату же давать только то, что установлено». Все это изложено в сииллиодной грамоте сего патриарха, данной в мае месяце 6936 года*.

Кроме всех вышеизложенных сииллионов патриарших, у меня нет других подобных грамот из века четырнадцатого. Посему я оповещаю иные дела, совершившиеся на Афоне в этот век и в следующий до 1453 года, припомнив и зады ради вящей внушительности их.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Крупные события на Св. Горе Афонской

§ 90. Перечень крупных событий там

В 1304 или 1305 году турки грабили святогорские обители. (Смотри выше, конец § 71.)

В 1308 году каталанцы осаждали Хиландар и полуразрушили сей монастырь, потом сожгли Руссику, в котором тогда жили сербские монахи* (§ 72). •[III/2 170]•

В 1310 году основан был монастырь Пандократорский родными братьями Алексеем стратопедархом и Иоанном приммикирием, а окончен в 1363 году.

В 1312 лето Господне в Ватопеде Арсений монах, из великокняжеского рода Цамблаков, своим иждивением расписал соборную церковь сего монастыря. О стенописи его я подробно говорил в Описании первого путешествия моего по Афону (Ч II. Отд. 2. С. 51 и след.).

В 1313 году царственный владыка Афона, Андроник Старший, передал

* Tafel. De Thessalonica ejusque agro. P. 226: «Annum 1308 spectat Chronicon Hispani Ramonis Muntaneris, cap. 233, ubi omnis Chalcidice ab Hispanis, Graecorum hostibus, vastata esse narratur; quibus addo de iisdem agentem Nicephorum Gregoram, 7, 6. — De eadem re agit Theodulus Magister in epistola (Boissonadiei Anecd. Graec. Volum. II. P. 226). Apud Theodulum montis Atbo per Catalanos Hispanos vastatio antecedit vastationem urbis Philippi. Hinc (montem S.) digressi, in Pallenes promontorio agebant Hispani, unde excursiones suas usque ad Thessalonicam instituebant (n. 50)».

* Издание акта: Actes de Kutlumuş. Paris, 1988. № 44. — П.К.

все тамошние обители в ведение вселенского патриарха.

В 1320 или 1324 году морские разбойники-турки приставали к берегам Св. Горы и грабили и обезлюдили тамошние монастыри и скиты, которые не имели высоких оград или недостаточно были укреплены*. Тогда нашествия их понудили одного честного старца и духовника по имени Григория Цареградца удалиться с этой горы в другое безопасное место. Взяв с собою ученика своего Афанасия, он отправился в Веррийский скит, находившийся в Македонии, близ тамошнего города Веррии, но, услышав о благочестивом житии монахов Стагонского скита в Фессалии, близ города Трикки, и о соседних с ним дивных и удобных для спасения души утесах Метеорских, решил поселиться в этом ските. Пришедши туда, оба они водворились в утесе, называемом Стилос-Дупьяни. Однако Григорий жил тут недолго. Не могли привыкнуть к новому, угрюмому и трудному месту, он возвратился в Царьград. А Афанасий остался жить в пещерах Стагонских и после немалоletних подвигов испросил у Стагонского епископа и у скитского прота благословение взойти на высокий и •[III/2 171]• широкий утес Метéоро и, по обычаю, получив от них грамоты, взошел туда и поселился тут с двумя учениками. Здесь они построили маленькую церковь во имя Богоматери, которую впоследствии все называли Метеорскою. Непри-

ступность названного утеса, его обширность и здоровый воздух, а более всего благочестие Афанасия привлекли к нему несколько учеников. Таким образом, сей афонит положил начало метеорского пустынножительства. (Извлечено из Описания путешествия моего по Фессалии в 1859 году. Тогда я богомольствовал во всех метеорских монастырях.)

В 1322 году игумен Афонской Лавры Афанасия, Герасим, участвовал в освобождении правителя города Солуня деспота Константина, дяди царя Андроника Младшего, и в омонашении его. Это дело было так. «Во время междоусобной войны сего царя с дедом его Андроником Старшим случилось: солунцы, преданные Андронику Младшему, пересилили соперников своих и решились передать ему сей город, а правителя его, деспота Константина, убежавшего в ближний монастырь Хортаитин, схватили и содержали под стражей. Об этом происшествии уведомил Младшего Андроника нарочитый гонец. Тогда сей государь тотчас послал в Солунь людей своих с тем, чтобы они привели к нему одного деспота, предварительно обязав их клятвами не убивать его и других не допускать до сего злодеяния. Эти люди нашли Константина и привели его в Дидимотих в монашеской одежде, которую он надел на себя прежде, нежели они пришли в Солунь, а надел по страху смерти. С ними прибыли в этот город многие солунцы из синклита, военные, владыка их, митрополит Иеремия, и Герасим, игумен

* Смотри в *Оправданиях* статью под № 15.

Лавры Афонской. Здесь солдаты Андроника Младшего в порыве бесчинности убили бы злополучного деспота, если бы не заступился за него этот государь. Он приказал втюрмить его. Спустя несколько дней деспот Константин чрез посредство некоего человека благодарил Андроника за спасение жизни своей и просил его облечь в монашескую схиму. Андроник •[III/2 172]• же, подозревая, что он просит сего не по желанию переменить образ жизни, а потому, что хочет избавиться от тюрьмы, послал к нему митрополита Иеремию и игумена Герасима выведать сущую правду. Эти узнали ее, и деспот был пострижен в сан иноческий» (*Cantacuzeni historiarum lib. I. Cap. 31. Ed. Bonnae, 1828*).

В 1322 же году царь Андроник Старший, утомленный междоусобною войной, которая происходила между ним и внуком его Андроником III, послал к нему прота Св. Горы Исаака, мужа умного и добродетельного, с предложением ему мира и повелел говорить ему так: «Если бы люди вначале были созданы Богом как не склонные к злу или если бы они, будучи одарены свободной волей, пребыли невинны, как этому и быть надлежало, то у них не явились бы такие преступления, какие совершаются ими. Но так как естество человеческое, вследствие первого греха, сделалось склонно к худшему, то с оной поры поныне все стало вверх дном, при содействии исконного супостата: что испытываем теперь и мы. Так, мне, опытно знавшему твое благорасполо-

жение ко мне и то уважение и почтение, какое приличествует чаду в отношении к отцу, мне надлежало бы отвергнуть как врагов всех тех, которые настроили тебя ставить мне ковы, а я, обманутый, не поверил тому, что ты доказывал мне делами твоими и, увлекшись речами порицателей, затеял войну среди мира. Ныне же опытом дознавши свое неблагоразумие, виню себя справедливо. А тебе, как добронравному и сохраняющему прежнее благорасположение и уважение ко мне, тебе надлежит позаботиться о том, чтобы у нас вместо войны был мир». Выслушав эту речь, Андроник Младший ответил: «Велию благодарность приношу Царю царствующих Богу, что Он, по своей милости и ко мне, не попустил мне ни наветовать, ни действовать против государя и царя моего, и порицателей не оставил без обличения, а самого царя моего явил свидетелем тому, что я не обидчик. Если же сам царь, обманутый негодными людьми, сделал то, чего •[III/2 173]• не надлежало делать, то мы, умеющие почитать родителей и сдерживаться, когда бы они обидели нас, подумаем о предложении (мира) и исполним его, сколько Бог соизволит». Получив такой ответ, посол Исаак отправился в военный стан Андроника Старшего и передал ему, что надлежало передать*. Наконец оба царя, Старший и Младший, после колебаний примирились.

* *Cantacuzeni historiarum lib. I. Cap. 32. Ed. Bonnae, 1828.*

В 1333 году Андроник Младший, желая избавиться от турков, которые тогда нахлынули в Македонию, Негропонт и Афины, просил у латинов помощи под условием соединения Греческой Церкви с Церковью Римской и дело это поручил доминиканским миссионерам, возвращавшимся тогда из Татарики чрез Константинополь к папе Иоанну XXII*. В помощь ему присланы были из Сицилии итальянские отряды военные. Но они, нарушив условия, сперва беспощадно разоряли во Фракии города и села, а жителей всякого возраста и состояния, даже младенцев, умерщвляли мечом и огнем, потом, соединившись с турками и оттого ставши дерзновеннее и бешенее, вторглись в Македонию и замыслили перейти даже в Фессалию. Тогда государь Андроник, заботившийся как должно о всех, и наипаче о дивном Афоне, и помышлявший о безопасности тамошних святых иноков, так как надеялся более на молитвы их, нежели на воинство свое, отправил к ним собственноручные письма свои, в которых советовал им, как живущим одиночками и двойниками, так и тем, у которых обители не имели оград, или легко было взять их по причине обветшания стен и малочисленности насельников,

советовал переместиться в монастыри укрепленные и даже в ближние города, *пока преидет гнев Господень*. Узнали это святогорцы, и одни •[III/2 174]• из них говорили: *камо пойдем от духа Твоего и от лица Твоего камо бежим*, и решались лучше умирать, нежели спастись бегством, а другие, повинувшись евангельскому закону, повелевающему бежать из одного города в другой, и подражая великому апостолу Павлу, который хоть и умирал ежедневно и желал быть со Христом, но в один раз уклонился от рук дамасского етнарха, будучи тайно спущен со стены в корзине, а в другой раз спасся от иудеев, объявив себя римским гражданином, уходили в города, на острова и в горы, когда дошла до них молва в 1334 году, что турки подошли к Солуню и окрестных жителей одних умертвили, а других взяли в плен (Оправдания, № 13).

Ранее 15 дня июня месяца 1341 года, в который день скончался Андроник Младший, наперсник его Иоанн Кантакузин ездил на Афон с тем, чтобы просить тамошних монахов молиться о здоровье сего Андроника, да и ему самому вымолить у Бога помилование, так как он многократно прогневался Его грехами своими. Кстати при сем Кантакузину, помышлявшему покинуть мир и омонашиться, угодно было избрать там и монастырь, в котором он мог бы спастись. Ему понравился Ватопед, и он здешним монахам дал деньги на устройство приличного и удобного помещения для него: что и было исполнено ими. Однако не уда-

* Essai de chronographie byzantine, par Muralt. T. II. P. 557: «Andronic pour se defendre des Turcs, qui avaient envahi la Macédoine, Négrepont et Athènes, recherche l'alliance des Latins au moyen d'une union avec l'église romaine. Des missionnaires dominicains, qui revenaient de la Tatarie, sont chargés de ses commissions auprès du pape Jean XXII».

лось ему жить там (*Cantacuzeni historiae*. L. IV. Cap. 24. Ed. Bonnae. Pag. 176, 177).

В 26 день октября месяца 1341 года Иоанн Кантакузин незаконно возложил на себя в городе Дидимотихе царскую одежду при жизни законного государя малолетнего Иоанна Палеолога, а в феврале 1342 лета осаждал не признававший его власти город Перифеорий и оттуда, из военного стана своего, отправил письмо к проту Св. Горы Исааку и к тамошним монахам, которые более других отличались святостью, и в этом письме, — говорю словами его самого, — умолял их предотвратить ежедневное пролитие крови христианской (между ним и вдовствующей царицей Анной тогда кипела междоусобная война) •[III/2 175]• и упрашивал отправиться в Константинополь и внушить царице, что настоящие политические дела вредны: авось она хоть их послушает и угасит пожирающий Ромейское царство пламень, возженный не по какой-либо законной причине, а по дьявольской клевете на него. Ибо многократные домогательства его самого остались безуспешны, так как управляющие Ромейским государством не только ничего не отвечали послам его, но еще обращались с ними жестоко и, выказав им полное презрение свое, наконец заковали их в цепи и посадили в тюрьму. Афонцы, прочитавши это письмо, рассудили, что для общественной пользы им подобает исполнить просьбу Кантакузина и поощряли к тому друг друга. Посему избранные ими старцы, именно, прот

Исаак, муж достопочтенный и святейший, игумен Лавры Макарий и другие настоятели святогорских монастырей не в малом числе, и с ними иеромонах Каллист (впоследствии патриарх Константинопольский с 1350 года по 1362-й) и Афоно-Ватопедский дивный (θαυμάσιος) подвижник Савва, отправились в Царьград*. Здесь они представились

* Этот Савва, в мире Стефан, произошел на свет в Солуне от благочестивых и добродетельных родителей знатного рода в царствование Андроника Старшего и там же изучил Св. Писание и еллинскую философию. Когда у него показались волосы на бороде, тогда он тайно ушел из родительского дома на Афон и здесь омонашился в Ватопедском монастыре; отсюда же, по случаю нашествия турков на Св. Гору во дни царя Андроника Младшего, отправился путешествовать; был на островах: Лимносе, Лесбосе, Хиосе, Патмосе и Кипре; с Кипра ходил в Иерусалим и, поклонившись там Гробу Господню и прочим св. местам, ушел в Иорданскую пустыню, где видел святых подвижников; отсюда же возвратился в св. Сион, а из Сиона отправился на Синай и там провел два года в подвигах духовных; с Синая же опять возвратился в Иорданскую пустыню, где и подвизался три года в монастыре св. Иоанна Предтечи. Здесь ему было откровение свыше, повелевавшее возвратиться в Греческое царство. Посему он отправился в Константинополь и, на пути туда посетив Дамаск, Антиохию, остров Крит, Пелопоннес, Афины, остров Тенедос и прошедши Македонию и часть Фракии, наконец прибыл в Царьград и здесь поселился в обители св. мученика Диомида. Стоустая молва о святости Саввы быстро разнеслась по всей этой столице. Услышал о нем и государь. Но праведник никому не показывался. Тогда стали подозревать его в ереси и подослали к нему мужей мудрых и ученых из синклита и из церковного клира для испытания его. Преподобный отшельник написал им Исповедание веры православно и красноречиво, а когда возложил на них свои руки и молился, тогда некая особенная благодать коснулась сердец их, так что они проливали слезы свои. После этого ►

царице •[III/2 176]• Анне и в присутствии патриарха и единомысленников его говорили:

«Видя бедствие, угнетающее ромеев, мы сознаем, что все, что теперь делается, есть величайшее зло, но, не имея сил предотвратить это, молим Бога о общественном благополучии, так как Он один может остановить ожидаемые несчастья, а ныне, узнавши, что отделившаяся часть ромеев (поборники Кантакузина) охотно склоняется к миру, и воздавши многие благодарения Богу, подателю мира, и презревши свою старость, телесную немощь и трудность путешествия, пришли и к вам и просим вас согласиться на мир и любованием не губить державы ромеев, которая ныне расстраивается, а впредь еще более пострадает, ежели не прекратится война скоро. Пощадите кровь, проливаемую ежедневно, пощадите и тех людей, которые содержатся в оковах, отправляются в ссылки и жестоко страдают; подпишите мир и избавьте ромеев от многих и тяжких опасностей, да прославится Бог, податель мира; царица же и патриарх и вы, синк-

лит, да примите достойные благодарения не только от всех ромеев, но и от нас смиренных за усердие их к делам добрым или заботливость о невинных людях, которых везде губит теперь война».

Эта речь нимало не огорчила царицу, напротив, согласовалась с мнением ее, потому что она, узнавши происки и обман патриарха и других лиц, желала прекратить войну как бы то ни было и примириться с царем Кантакузиным; однако, будучи связана клятвами, кои навязали ей обманщики, не могла •[III/2 177]• сделать сего. А клялась она подписать мир только тогда, когда пожелают его все и когда она дождетсЯ решения государственного совета. Патриарх же и сообщники его оскорбились речью монахов, которая, как предвиделось, навлекала на них крайнюю опасность, и хоть не отваживались отринуть мир явно, дабы не показаться бесстыдными и гневными, но стáкнулись между собою иным способом расстроить единомыслие монахов и, расхваливши их радение о общественной пользе, присоветовали им отдохнуть после трудного путешествия и ожидать ответа на предложение их, а между тем поместили их в разных местах, надеясь убаюкать каждого из них обещаниями и ласковыми словами. Время летело, а о монахах этих и о предложении их не было и помину. Тогда они, видя, что желательна брань, а не мировая сделка, попросились на Афон. Но приверженцы брани не уважили и этой просьбы их, полагая, что препо-

Савва возвратился на Афон и там в Ватопеде для всех служил образцом благочестия. Отсюда он хотя ездил в Константинополь с протом Исааком и с прочими святогорскими игуменами мирить царицу Анну с Кантакузиным, предсказавши безуспешность поездки, предпринятой в 23 день месяца дистра (17 марта 1342 года). Тогда шел шестой месяц междоусобия: ἐκτὸς ἤν οὗτος μὲν, ἀφ' οὗ τὰ τῆς κορμικῆς στάσεως ἤρξατο καὶ τῆς ζάλης. Следовательно, междоусобие началось в октябре 1341 года. (Извлечено из Жития прп. Саввы. Рукопись в библиотеке Ватопеда.)

добные отцы, по возвращении своем, будут оглашать их виновниками войны, а Кантакузина превозносить как миротворца, и что же сделали? Игумена Афонской Лавры Макария назначили митрополитом в Солунь с тем, чтобы он там обвинял афонитов в кантакузинизме, а прота Исаака поместили в монастыре, называемом *Пётра* (Каменец), доступ же к нему всем воспретили, приказавши довольствоваться его всем нужным, однако он ничего не принимал, говоря, что не подобает брать что-либо от людей, которые потешаются убийством и кровью. Что касается до прочих монахов, то их отпустили на Афон, кроме Саввы, который остался в Константинополе и там скончался о Господе (Cantacuzeni historiarum L. III. Cap. 34, 35. Ed. Bonnae. — Рукописное Житие прп. Саввы Ватопедского).

В 1342 году Кантакузин, после того как сербы, помогавшие ему в междоусобной войне, возвратились восвояси, ушел от Христополя на Афон с тем, чтобы там сложить с себя царский сан и облечься в иноческую схиму, но почему-то раздумал и продолжал междоусобие (Cantacuz. L. III. Cap. 50).

В 1344 или 1345 году прот Исаак вызван был царем •[III/2 178]• Иоанном Палеологом в Константинополь ради общепользных дел и, проживая там, предписал святогорцам, чтобы они избрали рассудительных старцев для производства всех дел Горы до возвращения его. Вследствие этого предписания состоялось общее собрание игуменов, и они из среды своей избрали

четырёх рассудительнейших старцев. Но в один день июня месяца 1345 года, когда они морем возвращались из обители Есфигменовой, напали на них пираты и взяли их в плен с прислугой и со всем, что у них было в лодке. Надлежало их выкупить, а пираты требовали за них 500 монет; и вот община Св. Горы продала Дохиарскому монастырю находившуюся в распоряжении ее келью Каллиграфа за 330 монет венецианских и выкупила пленных в июне 1345 года (Оправдания, № 14). К этому году я отношу разорение турками монастырька *Кацари*, отданного после этого несчастья русской обители Пантелеимоновской протом Св. Горы Антонием и возобновленного ею в 1363 году (Акты Афонорусского монастыря. Киев, 1873. С. 98). Тогда же (1345 г.) опустошен был турками и скит Глоссион и сделался необитаемым. Посему Протат в 1353 году передал местность его в ведение Лавры Афанасия (Оправдания, № 15). В конце 1345 года сербский царь Стефан Душан подчинил своей власти весь Афон, а в 1347 или 1348 году вместе с супругою своей Еленой богомольствовал в тамошних монастырях. Хиландаро-сербское предание гласит, что он на коне взъехал на самое темя высочайшей оконечности Афона и тут водрузил свое знамя, которое ныне показывается богомольцам в Хиландаре.

В 1350 году иеромонах Каллист, подвижник Афоно-Иверского монастыря, призван был царем на кафедру вселенского патриарха и в Константинополь

привезен оттуда на царском трехпалубном корабле (Cantacuz. L. IV. Cap. 16).

С 1354 года в монастыре св. Павла Афонского водворились монахи сербские. (Мое *Первое путешествие по Афону*. Ч. I. Отд. 2. С. 14.) •[III/2 179]•

В 1368* году Цареградский патриарх Каллист I по пути в Сербию заезжал на Афон и тут виделся с преподобным Максимом Кавсокаливским, который, предвидя близкую кончину его, сказал: «Этот старец потерял свою старицу», т.е. Константинополь, а когда Каллист уходил от него, тогда запел: *блажени непорочнии, в путь ходящи...* В самом деле, сей патриарх тяжело заболел в городе Фёрэ [Серры. — *Ред.*], тут скончался и был погребен сербской королевой Елисаветой с подобающим патриарху великолепием. При погребении его присутствовали афонские монахи, особенно из Лавры Афанасия, и просили эту королеву отдать им тело его для перенесения на Афон. Но она не согласилась на это (Cantacuz. L. IV, с. 50).

Во время, протекавшее между годами 1367 и 1371-м, перестроена была обитель Симонопетрская сербским деспотом Иоанном Угleshем. (*Первое путешествие по Афону*. Ч. I. Отд. 2. С. 149.)

С 1375 года по 1380-й строился на Афоне монастырь Дионисиатский иждивением трапезунтского царя Алексея Комнина III. (Там же. С. 109–116.)

В 1387 году турки взяли в плен игумена Кутлумушской обители. Но тогда же он и выкупился у них (§ 85).

В 1404 году ранее августа месяца богомольствовала в Лавре Афанасия племянница царя Мануила II и супруга Иоанна [VII] Палеолога, [Ирина], и испросила освобождение лаврского имения Дримосирты от податей*.

В феврале месяце 1407 года Иоанн [VII] Палеолог, правитель Солуня и всей области сего города с правами царскими (в монашестве Иосиф), обновивший стены и башни вокруг города Потидеи на ближнем к Солуню полуострове Кассандрском и тут же каналом соединивший Фермейский залив с заливом Торонским, этот Палеолог пожаловал свой хрисовул четырем •[III/2 180]• обителям на Афоне, именно: Лавре, Ватопеду, Ксиропотаму и Свято-Павлу, одинакового содержания, и в этом деписании из 24 частей зерновой десятины, получаемой с Кассандрского полуострова, выделил Лавре Афанасия четвертую часть, Ватопеду столько же, Ксиропотаму столько же, а Свято-Павлу третью часть (Оправдания, № 16).

В 1380 году пресловутый город Солунь, в котором все большие монастыри афонские имели свои подворья с церквями, был взят турками. Тогда эти варвары вдоволь наругались над монахами и пустынниками, связывая их с женщинами и девицами. Величайшее бедствие Солуня тогда было оплакано двумя греческими писателями, имярек — и диаконом Иоанном Евгеником.

* Извлечено из хрисовула сего царя, данного Лавре в августе месяце 1404 года. — П.К.: Издание см.: Actes de Lavra. T. III. Paris, 1979. № 155.

* Вернее, в 1363 г. — П.К.

Оба плача их переведены мною по-русски и напечатаны во втором отделении первой части моего *Первого путешествия по Афону* (С. 264–272).

В 1437 году, когда в Константинополе делались приготовления к известному Собору в Ферраре и Флоренции, вселенский патриарх и клир его вздумали запастись книгами, необходимыми для защиты своих догматов, и взять их из афонских монастырей, и для сего отправили туда нарочитых послов, духовных и мирских. Но эти послы вместо желанных книг привезли с собой только двух представителей всех святогорцев (τοποτηρηταὶ πάντων τῶν ἁγιορειτῶν), именно: Моисея из Лавры Афанасия и Дорофея из Ватопеда. Когда же надлежало отправить в Феррару защитников православия, тогда избраны были четыре епископа и в числе их знаменитый Марк Ефесский, а к ним присоединены афонские игумены: Пандократорский, Каликский и еще какой-то третий. Митрополит Марк отстоял православие и Римскому папе не подчинил Восточной Церкви*. А афно-ватопедский апокрисиарий изменил православию и принял унию, хотя Ватопед и не уполномочивал его на это дело, как Русская Церковь не уполномочивала на то своего •[III/2 181]• митрополита Исидора. Принявши же унию, сей отщепенец в 1439 году получил и грамоту от папы Евгения (в переписанной мною копии — от Григория), в

которой давалась индульгенция всем, имеющим приходить в Ватопед на богомолье после покаяния и исповеди. Прочтем эту грамоту в русском переводе с латинской копии ее, помещенной в Оправданиях настоящей истории, под № 17, и потом рассмотрим: на чем и как она написана, и не подозрительна ли подлинность ее:

«Григорий (Евгений) папа, раб рабов Бога, всем верным Христу, имеющим видеть настоящую грамоту, спасение и апостольское благословение. Созерцая благоговейным умом поистине превосходные красоты, коими сияет Царица небесная Дева, Богородица преславная, превысшая звездных кругов, сияет, как бы утренняя звезда, и к тому еще сознавая в глубине сердца своего, что Она, как мать милосердия и благодати, и как бы другиня благочестия, утешительница человеческого рода, неустанная и недремлющая молитвенница пред Царем, Которого родила, ходатайствует о спасении верных, но отягченных бременем грехов, Мы почитаем долгом своим церквам, освященным в честь имени Ее, оказывать любвеобильное снабдение и честить их раздаянием индульгенций. Посему Мы, желая, чтобы церковь монастыря Ватопедского, Ордена св. Василия, находящаяся на Св. Горе и основанная в честь и имя блаженной Марии, была учащаема надлежащими чествованиями верных Христу и вместе сохраняема и чтобы верные Христу охотнее стекались в нее для богомолья и поспешнее простирали бы помогающие руки

* Sguropuli historia concilii Florentini. Sect. III, cap. 7; sect. V, cap. 3.

свои к устроению ее и сохранению и снабжению рукоделиями, и видели бы, что за все это обильно преподан им обновляющей дар небесной благодати милосердием всемогущего Бога и блаженных апостолов Петра и Павла, Мы, имеющие авторитет их, Мы всем, истинно кающимся и исповедавшимся, которые в праздник сей блаженной Марии ежегодно с благоговением •[III/2 182]• придут в вышепомянутую церковь и прострут свои помогающие руки к устроению ее и сохранению и снабжению рукоделиями, Мы милостиво освобождаем их от наложенных на них епитимий в течение четырех лет и стольких же четырехдесятниц, от епитимий годовых, продолжительных, долговременных. Но изъявляем, что это освобождение не имеет никакой силы и верности для тех, которые *иначе** посещают реченную церковь, или простирают свои помогающие руки к устроению ее, или сохранению, или снабжению рукоделиями, или подают другие какие-либо милостыни, или какую-нибудь другую индульгенцию получили на неопределенное или определенное время, хоть бы и с сокращением его.

Дано во Флоренции, в лето от воплощения Господа тысяча четыреста тридцать девятое, в месяце сентябре... первосвященства же нашего в лето девятое.

† Цитициус».

Эта грамота написана на пергаминах листе, немало. Ни подписи папы, ни печати его тут нет. Стало быть: я

читал и переписал не подлинную грамоту, а *подобен* ее, который появился не современно с нею, а позже, в конце XV века или в первой четверти XVI столетия, когда все писали таким почерком, каким написан он *подобен*, мелко, неразборчиво, с сокращениями, с титлами. Латынь тут средневековая и правописание тогдашнее же, а выставленный 1439 год есть тот самый, в который состоялось соединение Церквей Восточной и Западной, на Флорентийском Соборе, куда из Афоно-Ватопеда послан был свой апокрисиарий. Но вот вопрос: каким образом в рассматриваемом нами подобне папской грамоты очутилось имя *Григорий* вместо имени *Евгений*, который первосвященствовал в 1439 году и устранен был тогда же, в девятый год его святительства, выставленный в оном подобне? Ведь •[III/2 183]• преемником сего Евгения провозглашен был Феликс V, в пятый день ноября 1439 года, а не Григорий; предметники же Евгения были Мартин V, Иоанн XXIII, Александр V и Григорий XII, который умер 18 октября 1417 года. Невозможно подразумевать сего Григория XII в Григории, прописанном в оном подобне. Из других же тезоименитых пап Григорий XI скончался в 1378 году, а Григорий X умер 10 января 1276 года*. Итак, и эти два Григория не подходят к нашим вычислениям. Как же объяснить замен Евгения Григорием? Приходится предположить,

* Без покаяния и исповеди.

* Dictionnaire des saints et saintes de l'église universelle. Paris, 1818. — Tablettes chronolog., par Dufresnoy. Paris, 1744. Tom. II.

что в Ватопед прислана была грамота Григория X, современника Михаила Палеолога, в которой сей папа, гадая, что этот монастырь примет унию, прислал ему индульгенцию, подобную индульгенции Евгения. Как эту грамоту, так и Евгениеву почему-то поручено было переписать монаху, который знал латинский язык. Переписчик разложил их пред собою на столе и сперва перебелил грамоту Григория X, начинающуюся так: «Gregorius papa...», потом, спустя несколько времени, приступил к переписке грамоты Евгениевой, но по рассеянию взглянул на начало грамоты Григория и настрочил имя его и еще несколько слов: «...universis Christi fidelibus praesentes litteras inspecturis salutem et apostolicam benedictionem», — после же этих слов, помещенных и в Евгениевой грамоте, продолжал смотреть уже в эту грамоту, лежавшую подле Григориевой, и списал ее до конца со всей точностью.

Этим предположением, как мне кажется, достаточно объясняется неясное.

В каком году и какому султану турецкому, Амурату ли II (1430–1451 гг.), или Магомету, до завоевания им Константинополя в 1453 году, подчинились афонцы добровольно, сего я не знаю, а ведаю только то, что они, предвидя падение Греческого царства, ходили с поклоном к султану *имярек* в город Бруссу •[III/2 184]• и поднесли ему 1400 червонцев, прося его предоставить им ту полную свободу, какою они пользовались при царях греческих. Султан принял дар их и исполнил их просьбу. Хатти-

хумаюн его, как слышно, хранится в архиве Протата (Оправдания, № 18).

Заключаю. Таковы были крупные события на Афоне начиная с 1304 года по 1439-й, события, так сказать, наносные извне. После воспоминания о них узнаем и внутренний быт святогорских монастырей, больших и малых, в это же самое время.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Внутренний быт святогорских монастырей, больших и малых, с 1304 по 1439-й год

§ 91. Посвящение прота Цареградским патриархом и установление песнопения «О тебе радуется»

В 1313 году священноначалие над афонскими обителями, как нам уже известно, передано царем Андроником Старшим вселенному патриарху. Тогда протом Св. Горы был иеромонах Феофан. Его-то патриарх Нифон посвятил в эту должность и как ему, так и всем последующим протам предоставил право носить во время богослужения набедренный и палицу, чего прежде не бывало. Прочие же права и обязанности прота остались прежние.

С 1350 года по 1362-й святительствовавший вселенский патриарх и духовный владыка Афона Каллист I, муж благочестивый и добродетельный. Он установил, чтобы во время литургии св. Василия Великого вместо *Достойно есть, яко*

во истину блажити тя Богородицу, пели: *О тебе радуется, благодатная, всякая тварь*. Это установление сообщено было афонцам ранее 1362 года, в который патриаршил уже Филофей*, во время игуменства в Афанасиевой Лавре преподобнейшего Иакова Триканы, который, как сейчас узнаем, составил свое духовное завещание в 1363 году или пред смертью своею, или пред отречением •[III/2 185]• от игуменства. Но патриарх Филофей отменил установление предшественника своего и повелел по-прежнему петь: *Достойно есть*. Тогда на Афоне и во всей Православной Церкви произошло разгласие. Одни пели: *О тебе радуется*, а другие: *Достойно есть*. Когда же Каллист во второй раз святительствовал в Царьграде с 1365 года по 1369-й**, тогда опять возобновил прежнее песнопесненное установление свое. В то время в афонской Лавре Афанасия спасался domestik, т.е. певец Великой церкви Константинопольской, преподобный Григорий, и богомольствовал Александрийский патриарх Григорий IV [III], святительствовавший с 1346 года по 1370-й. Сей-то святитель склонил вышереченного domestika петь: *О тебе радуется*. Песнь эта была пропета им накануне *Светов* (Богоявления). После бдения, совершавшегося под этот великий праздник, певец Григорий заснул и во сне увидел Богоматерь, которая проговорила ему:

«Благодарю тебя за пение в честь Мою». С того времени православные начали петь в церквах: *О тебе радуется*.

§ 92. Раздача монастырьков большим обителям на Афоне в четырнадцатом веке

В Эгейском море, омывающем Афон, волны следуют за волнами и, поглощая одна другую, воздымаются и высаятся. Подобное явление заметно и в монашеском быте на сей горе. Там пространые и многолюдные обители постепенно подчиняли и присвоили себе малолюдные монастырьки, разумеется, не насильственно и не своевольно, а с дозволения Протата, от которого они зависели со всем достоянием их, движимым и недвижимым. Еще в начале XIII века таких монастырьков было триста, как это читается в послании папы Иннокентия III к святогорцам. Но с начала XIV века это число постепенно уменьшалось по двум причинам. Во-первых, монастырек, по святогорскому обычаю, строился для самого малого числа иноков (для пяти, шести, много для двенадцати), строился иждивением •[III/2 186]• какого-либо отшельника, бывшего зажиточным в мире, и когда он был жив, поддерживался старанием его и доходом с данного ему Протатом участка земли, а по смерти его или оставался выморочным, или, по завещанию, передаваем был послушникам покойного строителя, которые иногда не могли поддерживать его даже по нерадению и передавали Протату, а Протат передавал, кому заблагорас-

* Филофей Коккин был патриархом в 1353–1354 и 1364–1376 гг. — П.К.

** Второе патриаршество Каллиста I датируется 1355–1363 гг. — П.К.

судит. При таком способе существования монастырьки эти не могли держаться долговременно, и иные пустели и разрушались, а другие становились достоянием Протата или больших монастырей, которых было двадцать четыре в 1313 году. Во-вторых, нашествия каталанцев и турков в четырнадцатом и следующем веке были так часты и опустошительны, что монастырьки, не имевшие оград и бойниц, обезлюдели, и потому Протат передал их обителям большим и укрепленным каменными высокими оградами и башнями. Сообщая здесь несколько случаев такой передачи. — Был на Афоне небольшой монастырь Верриотский (ныне скит *Богородица*) и в первые годы свои, как зажиточный, имел участок земли обширный, но по времени обеднел; посему преподобный прот Иларион часть владения его отдал Ватопеду. Но с той поры веррийцы и ватопедцы не переставали ссориться и тяжбами своими соблазнять прочих святогорцев. Их пререкания и соблазны решился прекратить прот Лука и точно разграничил пределы обоих монастырей, но по причине нечаянного нашествия измилитьян на Св. Гору не успел привести это дело в исполнение. Исполнил его уже прот Феофан в апреле месяце 1312 года*. Однако Верриотская обитель скоро запустела и, как я полагаю, отдана была Протатом сербским монахам, жившим в Афоно-Руссике, когда Святою Горою

владел сербский царь Стефан Душан (1346–1350 гг.). — В 1320 или 1324 году, по случаю нашествия турков на Св. Гору, малые там обители обезлюдели •III/2 187• и так разорились, что невозможно было ожидать восстановления их. Тогда те из них, кои уцелели кое-как, были розданы большим монастырям, и особенно Великой, честной и священной Лавре Афанасия*. — К 1322 году некий иеромонах Матфей подарил и завещал Кутлумушскому монастырю нагорную келлию свою, называемую Анапавсá, находящуюся на южной стороне Афона смежно с околотком Ксиропотамским**. В июле месяце 1334 года этому же монастырю прот Исаак отдал соседнюю обитель Филадельфа, давно уже запущенную по нерадению насельников ее, отдал по примеру предшествовавших протов, которые раздали монастырям многие келлии, находившиеся в Карее под властью Протата (Оправдания, № 19). В июне месяце 1345 года, когда индикт был 13-й, Протат продал Дохиарскому монастырю келлию Каллитрафа за 330 монет венецианских и этими деньгами выкупил взятых в плен пиратами четырех властных старцев***. В апреле месяце 1353 года отданы были Протатом Лавре Афанасия запустевшие и необитаемые келлии и исихастирии глоссийские с малыми виноградниками****.

* Смотри в *Оправданиях* сей истории № 15.

** Кутлумушский архив. [В новом издании акт датирован 1330 г. (Actes de Kutlumuş. Paris, 1988. № 16). — П.К.]

*** Смотри в *Оправданиях* № 14.

**** Смотри тут же № 15.

* Смотри *Акты Русского на Афоне монастыря*, и в числе их № 8. Киев, 1873. Стр. 91 и след.

В феврале месяце 1363 года монастырь преподобного Алипия получил от Протата келлию Гомату с исихастирией ее, неожиданно опустошенную безбожными агарянами (Оправдания, № 20)*.

Заметим, что Протат, передавая келлии большим монастырям, имел в виду и свой доход на общие нужды Св. Горы и на церковные потребности и потому обязывал эти монастыри вносить ему за них установленные дани, например шесть мер виноградного вина и шесть фунтов елея за вышеназванную келлию Гомату.

Заметим еще и то, что во время нашествия варваров на Св. Гору пострадали и запустели наиболее келлии и монастырьки, •[III/2 188]• отдаленные от больших и хорошо укрепленных монастырей. Τὰ πόρρω τῶν σεβασμίων μονῶν διακείμενα κέλλια πᾶν-πᾶν ἀπόλλωτο, τὴν ἐκ τῶν φρουρίων ἀσφάλειαν ἀποροῦντα (Из протатского дела в Оправданиях, под № 20).

§ 93. Нарушение прав Афоно-Иериссовского епископа и восстановление их патриархом Филофеем

Во всех монастырях, больших и малых, и даже в исихастириях совершалось богослужение; для совершения же его рукополагались иеродиакон и иеромонахи епископом Иериссовским и Святогорским. Посему он имел свою кафедру в Протатской церкви на Афо-

не и тут первенствовал пред протом. Но в 1368 году произошел разлад между этим епископом и протом, который разлад, однако, устранил вселенский патриарх Филофей. Так как это дело заслуживает внимания, то я сообщаю его, как оно изложено в сигиллионе сего патриарха, данном вышереченному епископу в апреле месяце 6896 (1368) года, когда индикт был 6-й.

СИГИЛЛИОН ФИЛОФЕЯ

† Филофей, милостью Божиею архиепископ Константинограда, Нового Рима, и вселенский патриарх †

«В третий день месяца апреля, индикта шестого, когда Мерность наша председательствовала в келлиях своих, находящихся на той правой стороне святейшей Великой церкви Божией, на которой помещаются оглашенные, и когда заседали с нами и преосвященные архиереи и всечестные* [митрополиты]: Кесарийский, Кизический, по расположению к нашей Мерности, Халкидонский, Визийский и Врисийский, представлены были письменные прошения боголюбезнейшего епископа Иериссовского и Святогорского о том, что он встречает искушения и затруднения со стороны преподобнейшего прота достоуважаемых на Св. Горе обителей, вознамерившегося отнять у него некоторые архиерейские права. Ибо он решается пускать на Св. Гору руко-

* В новом издании акт датирован ок. 1350 г.: Actes de Kutlumus. Paris, 1988. № 23.

* Дословный перевод почетного титула «ипертим» (ὑπερτιμος), который присваивался архиереям. — П.К.

положенных сербами, •[III/2 189]• вынес из Карейской церкви кафедру его и не позволяет ему держать там пастырский жезл, ни священнодействовать, ни поминать сперва епископа, а потом прота, а наоборот, ни даже ходить на Св. Гору без согласия и дозволения его, ни совершать хиротоний. Все это изложив письменно, боголюбезнейший епископ Иериссовский и Святогорский просил Мерность нашу помочь ему так, чтобы все это было исправлено, а он пользовался бы своими правами. Мерность же наша, по рассуждении о сем священного и великого собора освященных архиереев и всечестных [митрополитов], признала и объявила, согласно с повелением святого и Вселенского Собора в Халкидоне, гласящего в восьмом правиле его дословно так: «Клирики при богадельнях и монастырях да пребывают, по преданию св. отец, под властью епископов каждого града, и да не исторгаются, по дерзости, из-под управления своего епископа. А дерзающие нарушать сие постановление, аще будут клирики, да подлежат наказаниям по правилам, аще же монашествующие или миряне, да будут отлучены», — (объявила,) чтобы реченный боголюбезнейший епископ имел на Св. Горе все архиерейские права свои, какие имеют все архиереи в церквах своих, и приводил бы их в действие беспрепятственно, не встречая ни от кого на Св. Горе ни запинания, ни расспроса, и поступал бы как истинный архиерей Св. Горы, по установлению

священных канонов, ибо так это было прежде, о чем ведает Мерность наша, долго жившая там и хорошо знающая это. Посему-то и соборно повелевает она ходить ему на Св. Гору беспрепятственно, когда он хочет, как в свою епископию, и священнодействовать там где и когда пожелает, и держать пастырский жезл, как везде там, так и в Карее, и поминать сперва его, а потом прота, и иметь ему в Карее свою кафедру, так как издревле имел ее всякий архиерей Св. Горы, также и хиротониям бывать там по обычаю, т.е. в великих обителях избирать рукополагаемых самим игуменам и прочим иереям и им испытывать их и свидетельствовать о них, а потом представлять епископу для •[III/2 190]• рукоположения, а во внешних исихастриях и келлиях ему же рукополагать, но с ведома прота, и вообще совершать всякое архиерейское действие на Св. Горе беспрепятственно, так, чтобы не останавливал его ни прот и никто другой. Что касается до рукоположенных сербами, то Мерность наша настоящею сигиллиодною грамотой повелевает, чтобы никто из святогорцев не принимал их *теперь*, пока не возвратятся отправленные нами туда послы с тем, чтобы разузнать: присоединились ли они к святейшей у нас Великой Церкви Божией и подчиняются ли ей. По возвращении их будет то, чему быть надлежит. Итак, все это должно быть по настоящему повелению нашей Мерности так, чтобы он (Иериссовский) не встречал никакого

запинания или осуждения, но все делал бы беспрепятственно и налагал бы тяжкую епитимию отлучения на всякого, кто захочет отнимать у него хоть бы одно какое-либо право из присвоенных ему прав. А в обеспечение сего дано боголюбезнейшему епископу Иерисса и Св. Горы настоящее синодальное решение нашей Мерности, месяца апреля, индикта 6-го, 6876 года. †»

Мерность наша, как сказано, долго пребывая на Св. Горе, о чем знают и оставшиеся в живых святогорцы, очень хорошо знает тамошний порядок и то, что тогда некоторые из сильных затевали уничтожить права епископа, но нимало не успели в этом. Посему и теперь не быть сему; и настоящее деяние наше да соблюдается нерушимо во все последующее время. Что касается до хиротонии сербов, то не признавать ее святогорцам не с нынешней поры, а с той, когда они отделились от общения с нами и завладели церквями, принадлежащими нам и подведомыми сущей у нас Великой и Соборной Церкви: с оной поры они не принимаются ни здесь (в Царьграде) и нигде. Но так как они пожелали ныне воссоединиться с нами и мы отправили к ним и послов для воссоединения, посему Мерность наша повелела еще не принимать никого из них, доколе не возвратятся послы и доколе не узнаем, что и что будет. Как это делается здесь у священного и великого •[III/2 191]• синода и у всех прочих, подведомых ему, точно так да будет это и у обитающих на Св. Горе.

† На подлинном была подпись досточтимой патриаршей руки:

Филофей, милостью Божией архиепископ Константинограда, Нового Рима, и вселенский патриарх» (Оправдания, № 21).

§ 94. Подтверждение власти прота определением бывшего на Афоне Собора и посланием вселенского патриарха Антония и постановление касательно одежды прота и монахов

Кроме вышеизложенной неправды, случилась другая монашеская неправда на Афоне. Некоторые из тамошних монастырей нарушали древние уставы царские и дерзнули отнять у Протатской соборной церкви часть ее владений и доходов. Об этом донесли вселенскому патриарху Антонию прот Дометий иеромонах и игумен Лавры Афанасия Григорий в 1394 году. Вследствие донесения их сей патриарх со случившимися при нем многими архиереями тогда же решил искоренить зло и послал на Афон Солунского митрополита Гавриила и Веррийского митрополита Даниила с тем, чтобы они там составили Собор из рассудительных старцев для определения границ Протата и подтверждения всех прежних прав его, а к святогорцам отправил с ними послание свое, которое и сообщается здесь в русском переводе вместе с таким же переводом устава, начертанного Афонским Собором (Оправдания, № 22).

ПОСЛАНИЕ К СВЯТОГОРЦАМ
ВСЕСВЯТЕЙШЕГО И ВСЕЛЕНСКОГО
ПАТРИАРХА И СВЯТОГО СОБОРА
СЛУЧИВШИХСЯ ПРИ НЕМ
АРХИЕРЕЕВ

«Честнейшие отцы, провождающие ангельское житие на Святой Горе Афонской, обитающие в монастырях и пребывающие в безмолвии, все боящиеся Бога и ходящие в законе Его! Благодать и милость и мир Бога да будет со всеми вами!

Будь известно вам, что преподобнейший прот кир Дометий иеромонах, которого мы недавно рукоположили в прота всей Святоименной Горы, и преподобнейший игумен святой царской Лавры •[III/2 192]• кир Григорий объявили нам в святом синоде, что некоторые из ваших монастырей нарушают устав, начертанный святыми отцами со страшным и неразрешимым отлучением ради побуждения святогорцев к непремennomу соблюдению его, согласно с сигиллиодными грамотами приснопамятных царей и священных синодов, заповедавшими владеть горою и жить на ней со страхом и трепетом. Но ныне, как мы узнали, вы, подобно древнему деннице, отвратили лице свое от вашего владыки, и попрали пределы отцов, и крепко ратуете против кафолической Церкви нашей, и не только не удовлетворялись нарушением святых узаконений, но, быв подстрекаемы врагом ваших душ, устремились даже на расхищение чужой собственности и на святотатства, — увы! — дерзнув безбожно отнимать у церкви Протатской

часть владений ее и законных прав. А некоторые из ваших, сыны лжи и наследники геенны, даже и нас обманули и получили предписания, к гибели душ ваших. По сей причине царским и патриаршим приказом посланы к вам преосвященнейший митрополит Солунский кир Гавриил и преосвященнейший митрополит Веррийский Даниил с протом и с игуменом Лавры для того, чтобы составить у вас законное собрание из рассудительных старцев и определить границы Протата со всеми правами его, как это постановлено мною синодально. В синоде же заседали тогда следующие архиереи: Максим Ефесский и пречестный Геннадий Ираклийский, Макарий Кизический, Ахиллес Керасунтский, Михаил Никоидийский, Георгий Никейский, Гавриил Солунский, Климент Монеувасийский, Иларион Трапезунтский, Симеон Ларисский, Николай Серронский, Киприан Тианский, Митрофан Филиппопольский, Иосиф Митилинский, Афанасий Эносский, Макарий Димотихский, Михаил Анастасиупольский, Афанасий Меленикский, Даниил Веррийский, Неофит Лакедемонский, Симеон Маронийский, Паисий Месимврийский, Павел Филадельфийский, Иоиль Мелитинский, Антоний Смирнский, Никодим Зикхийский, Прокопий Авидский. Это мы изрекаем с неразрешимым проклятием, если нарушители •[III/2 193]• не обратятся к древнему уставу и к канонам святым отцов. А каким образом наши посланные вместе с

вашими святыми отцами разграничат пределы, так тому и быть; и все пусть живут вовеки по древнему определению и закону. Если же кто нарушит законоположение божественных отцов и наше, тот да будет проклят тремястами семнадцатью богоносными отцами Никейского Собора и прочими святыми Соборами и всеми нами; и успехи его да будут такие же, как у сынов Хама, и селения его да высятся так же, как башня в Халанне (Вавилонская). Кроме сего, всякая милость Божия отнимется от того монастыря и от того поколения, которые не обратятся к древнему уставу. Всех же, которые обратятся и послушают законоположений святых отцов и наших, расширь их Господь Бог, как племя Иафета, и да наследуют они царство, уготованное от сложения мира, и благодать и милость Божия да будет с ними. Аминь».

СВИТОК УСТАВА
СВ. ГОРЫ И ПРОТАТА
(Копия так называемого Трагоса)

«Итак, когда мы прибыли на Святую Гору по повелению благочестивейшего царя нашего и святого синода, немедленно собрались рассудительные и почетные старцы Святой Горы в Протат, по обычаю, и мы вручили им определение царя и синода. Они приняли его с великим страхом и благодарением. Потом, во-первых, мы узнали бесчиние и взаимное прение их о председаниях в собрании и уладили их по древнему уставу. Поелику же многие

монастыри были опустошены сарацинами и оттого разряды их переиначились, а иные вновь построены были православными, посему мы повелили им заседать так:

проту и игумену Лавры рядом, потому что оба они от патриарха получают рукоположение и держат жезлы в руках своих, как вожди. •[III/2 194]•

На обеих же сторонах их пусть сидят игумены:

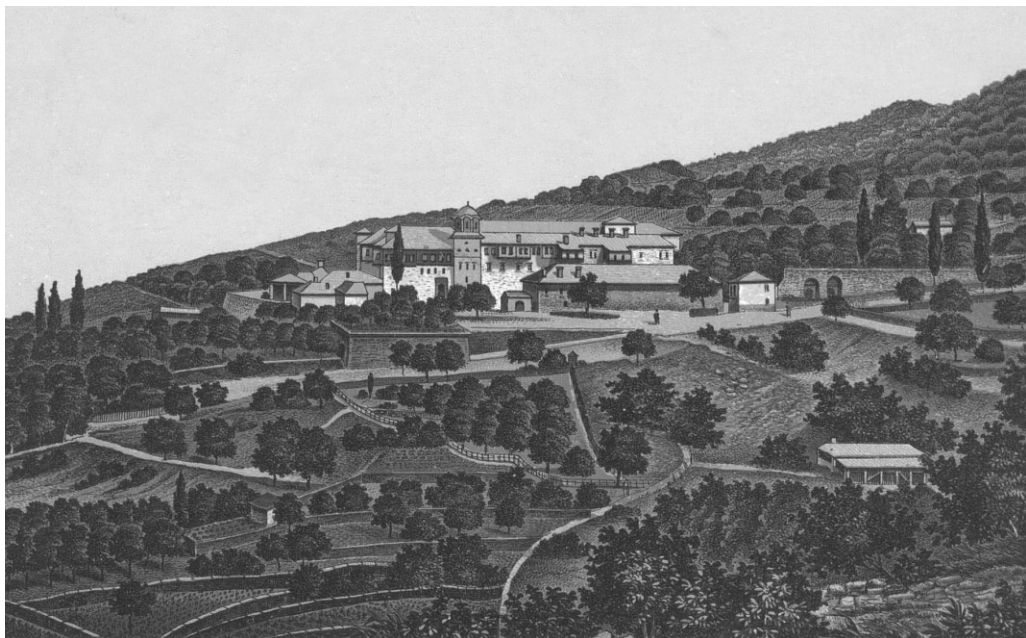
Ватопедский и Иверский, Хиландарский и Ксиропотамский, Каракальский и Алипиевский, Ксенофский и Есфигменский, Зографский и Дохиарский, Василиевский и Филофейский, Пандократорский и Росский, Кастамонитский и Харитоновский, Св. Павла и Св. Дионисия, Равдухский и Сараварийский, Св. Григория и Св. Симона Петры, Св. Саввы и Макрийский.

Из этих монастырей пусть избирают рассудительнейшего и духовнейшего старца и поставляют его протом с утверждения патриарха Константинопольского, по обычаю и древнему преданию, а он пусть рукополагает игуменов в монастыри, кроме Лаврского, который рукополагается патриархом. Надобно же почитать прота и повиноваться ему, как самому небесному Отцу. И он властен получать от всех монастырей: от больших две *мазуры** пшеницы или муки и три мазуры ячменя ежемесячно, а от меньших две

* На Афоне хлебные меры, как то: *око* равняется нашим 3 фунтам, *кутуло* — 36 фунтам, *мазура* — 3 1/2 пудам и 4 фунтам, *кило* — 7 пудам и 8 фунтам.

мазуры, овощи и другие потребности — по силе каждого из них, также ежемесячно. В церкви Протатской должны постоянно находиться 12 церковников: два из Лавры и Ватопеда на правом клиросе и два из Ивера и Хиландара на левом клиросе, остальные же восемь — из прочих монастырей; и им надобно отпускать ежемесячно хлеба по одной мазуре, также вино, елей, воск и ладан в достаточном количестве. Кроме сего, мы под угрозою неразрешимого отлучения постановляем следующее: церкви Протатской отнюдь не лишаться всего вышепрописанного и не презирать собрания •[III/2 195]• (управления) Св. Горы, а игуменам и духовным старцам исправлять и умиротворять всех и всё, и других назначать на службы вне и внутри; равным образом с ведома прота избирать достойных в иереи и диаконы и представлять их епископу для посвящения, но ранее 25 лет никого не возводить на степень диакона и ранее 30 — в сан пресвитера, в противном случае и рукоположивший, и рукоположенный да низложится по божественным законам. Всем ставропигиальным монастырям Св. Горы воспоминать имя только одного патриарха, а от местного епископа получать рукоположение. Ни патриаршему и никакому другому экзарху не иметь никакой власти над Св. Горою. Епископу не приезжать туда без спроса и согласия прота и ни в одном монастыре не совершать хиротонии без его грамоты и позволения. Безбородых юношей отнюдь не принимать на Гору — ни в монастырь, ни в

келлию, ни в потаенное место, хотя бы пришел сын, или брат, или родственник: всякий, дерзнувший придомить или коснуться их да будет отлучен и проклят, так же как едящие и пьющие вместе с сими безбородыми; и если не удалят их прот и собрание Горы, то и они да будут под анафемою. Мирянам проживать на Горе три года и потом или постригаться, или удаляться с Горы, в противном случае и они подлежат прещениям. Животных женского пола никому не вводить на Гору, да и мирянам запрещается пасти животных обоего пола. Предел и пастбище тех и других — до Мегали Виглы, за черту же ее отнюдь не переходить. Если же кто нарушить сие, да подлежит и он прещениям о безбородых. Если прот подаст отречение или будет уволен патриархом как неспособный, то отнюдь не брать ему ничего, кроме того, что у него было свое до поступления в должность, и кроме собственных риз. Если же он возьмет что-либо, да будет под анафемою, как святотатец. Ни одному монастырю отнюдь не иметь ни метоха, ни участка земли на Карее. Если же кто будет уличен в нарушении сего правила, да состоит и он под клятвами патриарха и синода; и ежели умолчат о сем прот и собрание, да •[III/2 196]• подлежат и они епитимии наравне с вышепомянутыми лицами, пока сами не откажут или не уведомят о сем патриарха. Келлии, какие находятся в Карее, ежегодно должны отбывать проту пять работ: во время собрания винограда, рубки леса и сенокоса,

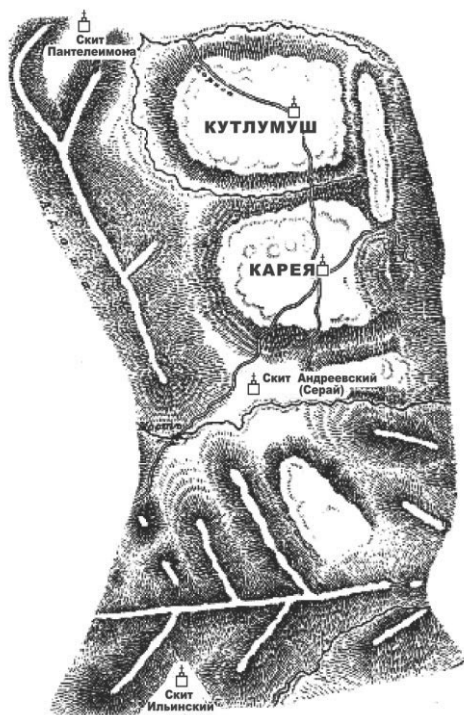
Ксиропотам.

и давать ему как *евлогию* вино, елей и орехи — одни больше, другие меньше, смотря по участкам. Никакой келлии не перегораживать границу или воду, кроме окружности собственного урочища. Никакой келлии не рубить дерев без спроса и дозволения прота, кроме дров. Инокам башни св. Саввы, которые частыми опросами докучают проту, соизволяем рубить деревья только на верхнем холме, далее же не простирасть им без воли прота; если же они нарушат сие правило, то будут повинны анафеме и холм тот отнимется у них к стыду их. А старец этой башни должен во всем повиноваться проту наравне со всеми прочими *кафизматами* и отнюдь не тщеславиться своей обителью и не иметь никакой власти, и только доставать себе пропитание согласно

с завещанием строителя*, что исполняют и прочие монастыри. Что касается до пределов Кареи, то граница ее начинается у родника Василиковского, текущего в обрыв, мимо обители Алипия, продолжается до великого потока, поворачивает к верху сего потока до устья великого потока Пандократорского, у соседней келлии во имя великомученика Георгия, так называемой Ту-Фанеромону и стоящей на границе Протата, отходит от устья великого потока Пандократорского в глубокий обрыв, оттуда по тому же потоку прямо, не уклоняясь ни направо, ни налево, восходит до вершины горы и там по хребту тянется к Афону до крестораспутья, что на дороге в Ксиропотам, где

* Саввы, архиепископа Сербского.

и крест стоит, склоняется к северу, сходит на дорогу Карейскую, стелется по ней и оканчивается там, где началась. Вот все о местности Карейской. А келлии скита все обязаны ежегодно доставлять проту сто досок, и только. Келлии же Факиновы и окрестные все должны отбывать ему пять работ: •[III/2 197]• там, у

Карта окрестностей Кареи
(границы ее в XIV в.)

башни, очищать лодочную заводь на берегу моря, собирать маслины и выделывать елей, также давать ему столько вина и елея, сколько положено. Сие постановление касательно границ и прав великой церкви Протатской состоялось согласно с древним и первоначальным уставом, и мы под

угрозою неразрешимого отлучения объявляем теперь: так все это да будет и пребудет твердо и нерушимо вовек. Всякий же противящийся сему, ныне ли, после ли (чего не дай Господи), и низвращающий сии законы, схозияствованные всей общиною)...*

Поелику от превращения и расстроенности дел монастыри понудили самый Протат дарить (келлии с участками их), несправедливо считая общее собственностью своей и раздавая оное, кому хотели, так что казалось, что Протат будет пустая развалина и, оставаясь без всякого пособия, не может содержать и владыку своего; посему богоугодный и великий царь наш и его патриаршее величество опять возвратили Протату все, что у него было отнято. Итак, все мы, по общему согласию, признали за должное прописать здесь количество ежегодных вносов, издревле представляемые Протату от каждого монастыря вином и елеем, дабы впредь пособия Средины (Протата) опять не истощились от любостяжания и беззаконной прихоти последующих протов. Сколько же вносила каждая обитель, это было узаконено издревле. Ныне же все должны непременно и верно давать то, что показано в настоящей росписи:

Лавра за всё — хорошие калиги и одну монету с платком; Ватопед за обители: Кузнецову, Триполитову и Трохалову — 25 мер вина и столько же

* В подлиннике недостает второй половины периода.

литр елея; Ивер — 10 мер вина и столько же литр елея; Хиландар — 7 мер вина и столько же литр елея и одну монету с платком за келлии Омологита и св. Георгия; Ксиропотам — 6 мер вина и столько же литр елея; Каракалл — столько же; Филофей — 4 меры вина и столько же литр елея; Есфигмен — столько же и за Ваницу одну монету; Алипиев — 7 мер вина и 5 литр елея; •[III/2 198]• Ксеноф — 5 мер вина и столько же литр елея, и за келлию во имя пророка Даниила одну монету; Зограф — 6 мер вина и столько же литр елея; Дохиар — 4 меры вина и столько же литр елея, и за участок земли и Каллиграфову келлию одну монету; Русский — 5 мер вина и столько же литр елея; Пандократор за келлии Фалакра и Авксентия — 17 мер вина и столько же литр елея; обитель Василия — 4 меры вина и столько же литр елея; обитель Кастамонита — 5 мер вина и 4 литры елея; обитель кир Харитона — 12 мер вина и 4 литры елея; Святопавел — одну монету; Дионисиат — одну монету и за келлию св. Онуфрия 7 мер вина; Григориат — одну монету; Симонопетра — то же; Саравари — 5 мер вина и столько же литр елея; Анапавсия — то же количество; Кацари — 7 мер вина и 3 литры елея; Равдух — 14 мер вина и 7 литр елея; Святосавва — 12 мер вина и 3 литры елея; Макри — 13 мер вина и 6 литр елея и четыре ореховые доски. Обители Хиландарская и Зографская должны ежегодно вносить проту по две монеты за луга его и тамошнее помещение.

Нам угодно, чтобы все это исполнялось непременно и прямо и чтобы никакой участок никогда никем не был дарен, так как это и державнейший и святой самодержец и царь наш определяет и узаконяет вместе со всесвятейшим владыкою нашим и вселенским патриархом и святым синодом. Если же кто из будущих протов поглумится над сим определением и дерзнет низвергнуть и уничтожить все вышеписанное, то да будет отлучен и проклят вселенским патриархом и синодом и древними святыми отцами и нами во веки веков. Аминь.

Состоялось в мае месяце, индикта 2-го, в 6902 лето, в царствование благочестивейшего царя Мануила, при вселенском патриархе Антонии».

«В святом соборе (Константинопольском) всех архиереев было 28, кроме преподобнейших архимандритов, протосингелов и игуменов, и благоговейнейших клириков и архонтов Великой церкви. В святогорском же синоде всех архиереев, игуменов и почетных старцев было 985». •[III/2 199]•

«Отличие, жалуемое проту Великою церковью, есть следующее: на фелоне два креста, искусно нашитые спереди и сзади из багряной материи в знак его начальства на Св. Горе, и палица. Он имеет право ставить чтецов и иподиаконов, освящать новосозданные церкви на всей Святоименной Горе и давать ставленные грамоты духовникам, и рукополагать всех игуменов на Св. Горе, кроме игумена Великой Лавры преподобного и богоносного отца нашего

Афанасия, и носить крест на камилавке, подобно архиереям. А если кто отнимет, или скроет, или переменит, или уничтожит сие преимущество великой церкви Протатской, тот да подлежит вечному проклятию. Аминь».

ИЗ ТРАГОСА

† «Когда я вижу старцев, во время божественного причащения носящих на себе кукули, испещренные разноцветными шелками, тогда весьма поражаюсь, так что странность такой схимы чуть не заставляет меня плакать. Сего решительно устыдились бы даже мирские целомудренные женщины, как позорного и весьма малоприличного благонравной и степенной женщине. Предлогом же к такому жеманству и тщеславию служит, увы, изображение креста. Но не понимают они, для чего мы изображаем крест на кукуле. Крест, изображаемый багряным цветом, означает нам не что иное, как кровавую смерть Христа. А они, бестолковые, подобно фарисеям, расширявшим хранилища (стихов закона) и удлинявшим полы одежд своих, вдоль всего кукуля изображают крест не только красным, но и желтым, и белым, и зеленым цветом и, кроме того, у подножия его выделяют череп, копьё и трость с губою, и другое к ним близкое, как некую икону. Если бы удобно было им, то они историровали* бы тут и Христа, висящего среди разбойников и толпы

людской, не ведая, как сказал я, что на кукуле уместно не иконное изображение креста, а только очертание его. Надобно сохранять достопочтенность схимы и полагать на ней печать Христа, т.е. крест, как главнейшее орудие страданий •[III/2 200]• Его, только для припоминания их, как сказано, да и мы поревнуем им, и для охраны нашей души, да не коснется нас всегубитель».

К сожалению, мне теперь неизвестно, когда и кто изрек это обличение и наставление афонским монахам. Но так как в вышеизложенном деписании 1394 года, после Устава, описаны отличия на одежде прота, то можно думать, что оное обличение и наставление провозглашено было тогдашним протом Св. Горы Дометием, если не вселенским патриархом Иеремией II, который в 1575 году соборно воспретил святогорцам принимать к себе безбородых юношей. (Смотри мое *Второе путешествие по Афону*. С. 343 и след.)

По прочтении одного уставного свитка оказывается, что на Афоне в 1394 году находились, кроме Протата, 25 больших монастырей (в том числе и Лавра Афанасия) и что от всех их великая Протатская церковь с протом получала 13 монет, 178 мер виноградного вина и 142 фунта деревянного масла, больше 2100 пудов пшеницы или муки и больше 3150 пудов ячменя. Спрашивается: на какие потребности? И дается ответ: на покупку восковых свеч и лада-на, на возжигание лампадок, на причащение хлебом и вином, на содержание

* Изобразили, от среднегреч. *ιστορεῖν* «изображать». — П.К.

12 церковников и самого прота с при-
слугою, на праздничные трапезы, на сне-
ди для работников, на угощение архи-
ереев и патриарших экзархов и на
корм выючного скота. А что и что полу-
чал прот за труды свои по управлению
монастырями? Ничего, кроме насущ-
ного хлеба; в случае же отречения или
увольнения он должен был взять с
собою только свои собственные книги,
иконы, одежду и на вечное спасение
надежду. Такое правительственное бес-
корыстие осуществимо только на
Афоне и нигде более.

§ 95. Протатское дело о Ливадогенийском монастыре

Много письменных дел было у прота
Св. Горы. Вот одно из них, решенное в
мае месяце 6907 (1399) года. •[III/2 201]•

Софроний, епископ Иериссовский
и Святогорский, многократно просил
прота Св. Горы и судных игуменов,
чтобы ему позволено было перемес-
тить разоренный сарацинами Ливадо-
генийский монастырек в *проастион*
Карееи, прозываемый именем препо-
добного Марка ту-Кофу. Прот Исаак и
игумены дозволили ему это; и он своим
иждивением перенес все, что надлежа-
ло перенести, в названный *проастион* и
обновил тут церковь свв. Архангелов
Михаила и Гавриила и все келлии около
нее. Посему Протат дал этой возобно-
вленной обители полную самоправ-
ность Ливадогенийского монастырька
и утвердил за нею поземельный участок;
кроме сего, передал ей келлию Мины на

берегу моря со всеми правами ее и на
Карее виноградники, масличья, ореш-
ник, огороды, овощи с тем, чтобы эта
обитель была самостоятельна и чтобы
игумен ее был избираем из среды бра-
тий ее, а проту она ежегодно давала бы
пять мер вина, 2 фунта елєя, 2 чашки с
орехами и отбывала бы ему 5 рабочих
помочей (Оправдания, № 23).

§ 96. Устав, данный святогорцам государем Мануилом Палеологом

В 1406 году, когда индикт был 14-й
(sic), афонские грешники получили от
царя Мануила новый Устав, доказы-
вающий болезненное состояние их. Про-
чем сие замечательное деписание,
помня заповедь: *не судите, да не суди-
мы будете*.

«Как врачи, когда моровая язва приль-
нет к телам и заразит их, несмотря на
трудность излечения, своими искусными
пособиями и спасительными поще-
ниями искореняют болезнь эту и мало-
помалу восстанавливают прежнее здоро-
вье недужного, так и те врачи душ,
которых весь труд состоит в том, чтобы
монахи, вступившие на путь тесный и
прискорбный, жили для Бога, в случае
уклонения их с прямого пути постепен-
но приводят их туда, откуда они сво-
ротили. И ежели пестуны учеников,
частенько нерадивых, своим словом, как
бы жалом, •[III/2 202]• по возможности
поощряют их к прилежанию, дабы от
нашедшей на них лености не ослабела
охота их к учению, то тем паче в деле

монашеского подвижничества, отлично названного искусством из искусств, надлежит всеми мерами руководствовать пренебрегших добродетельным житием и сбившихся с тесного пути на пространный и возвращать туда, откуда они уклонились. Поелику же и в пречестных обителях Святой Горы Афонской пренебрежена большая часть правил иноческого жития по причине расстройства времени и дел, посему царственность моя признала за должное возобновить и усовершенствовать пренебреженные правила, *сколько позволяет нынешнее время*, дабы от постепенного нерадения не расстроился весь чин жизни монашеской. Если же мы и не побудим скоро монахов к исполнению всех древних постановлений, то поэтому еще не следует презирать сии постановления, напротив, должно стараться дополнить и то, чего в них нет. Отвергаются ли здоровые снеди потому только, что не вдруг они истребляют болезнь? Напротив, не потому ли более желают их, что они возвращают здоровье мало-помалу? Иначе никак нельзя достигнуть и высших степеней монашеского жития, разве кто начнет восходить со степеней низших.

Самое же первое дело иноков есть отречение от всего. Ибо чин монашеской жизни состоит не только в стяжании добродетели и в приращении всех духовных деланий, чрез кои душа настраивается к лучшему и совершеннейшему, как это видно желающим из божественных Писаний, но и в памятовании отречений и в выполнении

послушаний. А поелику монахи точно знают и благовоздаяния, уготованные Богом для живущих достойно монашеского звания, и угрозы Суда нарушителям обетов, данных Богу при облечении в святую схиму, посему в какой мере они не исполняют своих обетов, в такой мере грешат пред Богом, являясь нарушителями своего обета пред Ним.

Всякий, вступающий в монастырь в число братства, должен •[III/2 203]• вступать без всякого требования чего бы то ни было и без всякого договора оказывать послушание настоятелю и жить мирно с братьями. Если же кто захотел бы внести что-нибудь в обитель как вклад или посвящение, тот пусть дает сие, но с тем, чтобы не иметь никакого особенного преимущества в обители за пожертвование. Таков обычай в священной и Великой Лавре, где не допускается никакое условие за вклады и где доброхотный датель пользуется от монастыря тем же, чем и каждый брат. А когда бы он вышел из обители своей, или переместился бы в келью (вне монастыря) без согласия своего игумена и стал бы жить своеособно под предлогом безмолвия, тогда он ничего не должен получать из обители своей, ни требовать от нее ни одного иперпира. Ибо дан ли вклад в монастырь как посвящение — святотатцем будет вкладчик, если покусится потребовать его назад; дан ли другим каким-либо образом, допущенным и в священной Лавре, — и тогда он не должен брать его из обители, потому что он не

соблюдал обещания своего и сам по своей воле не хочет жить наравне с прочими братьями. Итак, его надобно лишить того, чем пользуются от монастыря другие братия за свое постоянство, миролюбие и послушание, какое они оказывают друг другу и настоятелю.

Избравший иноческое житие должен быть нестяжателен и отречься от всего наличного, помня заповедь и угрозу, о которых сказано выше в правиле об отречении от всего, и вести жизнь крестную, по обету. Ибо тут его благо. *Никто бо, взявшись за рало и обращая вспять, управлен будет в царствие небесное*, говорит Писание [Лк. 9:62], разумея под *вспять* все то, что он отринул как тяжесть для легкого шествия к Богу. Поелику же монахи ныне имеют некоторые собственные стяжания, кои дают им небольшой доход и от коих посему нелегко отказаться, то уже пусть они пользуются прибытком с них всю жизнь свою, а пред смертью пусть передадут их своей обители, по господствующему доныне обычаю в Лавре. Но •[III/2 204]• впредь надлежит им, по наставлению св. Афанасия и по самому званию их, не иметь никакой собственности. Если же неблагоприятное время не позволяет им спокойно предпринять перемену к лучшему, то в случае будущих стяжаний пусть они поступают по настоящему обычаю на всей Св. Горе до тех пор, пока время, по изволению Божию, поможет им опять быть нестяжательными. Но из принадлежащих им движимостей пусть выделяют своим послушным при-

служникам, сколько заблагорассудят, в воздаяние за услуги их, имея в виду как способности их, так и неукоризненность их поведения.

Игумен должен быть поставляем не только по голосам и выбору пятнадцати внутренних совещателей, согласно с наставлением св. Афанасия, но и с общего согласия живущих вне обители рассудительных братий. Ибо для дел монастырских достаточны рассуждение и согласие внутренних совещателей, а для выбора игумена нужно присутствие и внешних, не потому, что нетяжело им однажды предложить обители единовременное дело, а потому, что всем надобно содействовать и согласиться при выборе себе духовного отца, которому надлежит последовать, подражать и повиноваться по однажды навсегда принятой заповеди. Они, избирая его, поступят по священному наставлению св. Афанасия, определившего, что и что им надобно делать. А игумен вместе с совещателями должен избирать управителей монастырских имений и одних с общего согласия посылать в метохии, а другим поручать служения в монастыре. Ибо таковым никто не будет противоречить, ни подозревать их в лихоимстве, так как они избраны совещателями.

Все братия должны иметь расположение и любовь к настоятелю и слушать его во всем, что бы он ни сказал и заповедал, по слову Писания: *слушаяй вас, Мене слушает, и отменяяся вас, Мене отменяется* [Лк. 10:16], и почитать его как отца и более чем отца, потому

что духовное выше плотского. А игумен *должен смотреть на всех как на своих братьев* и отцов и всеми способами стараться врачевать их и руководить •[III/2 205]• по пути спасения. Ибо и Господь наш и Бог удостоил назвать последователей своих отцами и братьями, говоря: *сии суть мать Моя, и сии братия Мои* [ср. Мк. 3:34, Лк. 8:21].

Ни возвращаться в монастырь, ни отправляться из него не должно по своей воле. Напротив, все пусть отправляются после поклона настоятелю и с его дозволения, а по возвращении пусть предлагают ему на рассуждение свои душевные или телесные искушения, случившиеся на пути, и от него получают епитимии, если это нужно, или разрешение и прощение. Сие правило обязывает и тех, которые прислуживают монахам-старцам. Ибо ежели сами эти старцы будут отправляться с дозволения игумена, то тем паче должны делать то же и их прислужники, иначе как бы они оказались учениками и прислужниками тех, которых житию и подвигам не подражают?

Все дела монастырские должны быть совершаемы по совету игумена и лучших старцев. Ибо и в числе городов процветают только те, которые управляются советом граждан наилучших, а не народом, и не кем попало, и не одним наибольшим — ибо одно есть народодержавие, а другое тирания; оба же равно непригодны. Справедливо было бы, если б ни одно дело монастырское не производилось без совета наилучших, но все делалось бы с ведома, рас-

суждения и одобрения как их, так и игумена. А им быть пятнадцати, по учреждению святого (Афанасия), и они поименно пишутся на таблице монастырской. Когда же кому из них придется заплатить *долг из долгов*, тогда, по совещанию оставшихся в живых, на место его да избирается другой, дабы число совещателей оставалось неизменным.

Они обязаны являться в собрание, если можно, ежедневно, но непременно в каждый понедельник, и совещаться с игуменом о подлежащих делах, и поверять: хорошо ли выполнены послушания монастырские избранными управителями. При них письмоводитель монастыря записывает приход и расход •[III/2 206]• их, а один из совещателей скрепляет счета для верности. Когда же произойдет какое-либо разногласие между ними касательно дел, тогда перевешивает большинство голосов.

Если какой монах перейдет из одной обители в другую, то игумен не должен принимать его тотчас. А лучше всего не оставлять без внимания тех, которые уходят из своей обители по поводу какого-либо преступления или непослушания и удаляются от своей духовной ограды, и всеми мерами возвращать их назад, по подражанию великому Богу и Спасу нашему, по притче, пришедшему спасти заблудших, оставив незаблудших. Если же выбывшие из одного монастыря непременно желают поступить в другой, то, по священным и божественным правилам, можно принимать их только

тогда, когда прежний игумен их, быв упрощаем простить согрешения их, не захочет сделать сего. Так поступать должно под опасением епитимии, какую налагают священные и божественные правила Перво-Второго Собора на переходящих из одной ограды в другую и на принимаемых без вышепоманутого дознания.

Квасное тесто, из которого будут благословенные просфоры для Божественной литургии, должно быть гораздо чище всякого другого, какое только готовится для монахов. Ибо ежели в древние времена для жертв к Богу, по ветхому закону, приносимы были начатки и все отборное, то кольми паче для совершаемой ныне священниками бескровной жертвы должно быть приготавливаемо чистое и наилучшее квасное тесто, из которого выйдет священный и пречистый хлеб. Пусть будет не много просфор, а столько, сколько потребно для службы церковной. Ибо заготовить их более и как лишние приносить не Богу, а отдавать в пищу монахам — грешно, и такой проступок низводит на дерзновенных ту самую кару, какой подвергся Илий с сынами своими: сии за то, что приносимое Богу брали себе, поедали и раздавали другим до жертвоприношения, а тот — за то, что не обличал их и не останавливал их своеволия. За такое беззаконие и отец их, и сами они погибли постыдно, и кивот Божий •[III/2 207]• предан был иноплеменикам, так как Богу не угодно было, чтобы он находился в руках таких грешников.

Никто из монахов не должен уходить со Святой Горы и вступать в сочадство или побратимство с мирянами. Ибо это не подобает инокам, отрекшимся и от детей, и от отцов, и просто от всех присных им по крови. Если же некоторые учинили это прежде, то отнюдь да не ходят в дома их, и не обедают с ними, и не ужинают, и даже не гостят у них, и не завещают им чего-либо как наследникам своим.

Метохи пусть отдаются в управление тем, которых назначит игумен с советателями своими, свидетельствуясь Богом и своею совестью в том, что они отданы не по приязни и не по страстию или мздоимству. Ибо иначе возникнут ропот и шепот между монахами, а отсюда происходит как разорение монастыря, так и порча и гибель душ, от сего расстраиваются и покой монахов, и иноческий быт, и подвижническое житие. Ибо если, по слову Господа, *иже соблазнит единого от малых сих, унее есть, да обесится жерновный камень на выи его, и да низвергнут его в море* [Мф. 18:6, Мк. 9:42, Лк. 17:2], — соблазняющие стольких и таких мужей какому осуждению подвергнутся? К нему идет сказанное: *лучше было бы, если бы не родился сей человек* [Мф. 26:24, Мк. 14:21]. Ибо он целое тело братства, которое есть Сам Христос, рассекает на части посредством оглаголения и ропота. Благовременно сказать о нем: изымите такового из среды, да малая закваска не попортит всего теста [ср. 1 Кор. 5:6].

Если бы что пожертвовано было в обитель: деньги ли, священные ли со-

суды, елей ли, другое ли что для потребностей телесных, то вещи церковные да полагаются в храме, как посвященные Богу, а прочие пусть вручаются управителям и с одобрения игумена и совета его употребляются на неизбежные нужды монастыря. Но никто из них да не присваивает себе чего бы то ни было. Ибо это святотатственно и противно житию иноческому.

Монахи пусть не принимают к себе никакого скопца или •[III/2 208]• безбородого, ни для услуг, ни для пострижения в иноческую схиму. Иначе у них могла бы укрыться и женщина, дерзнувшая войти внутрь монастыря в мужской одежде под видом скопца или юноши.

Отнюдь не позволяется держать на Св. Горе женское животное, какое бы оно ни было и какую бы ни доставляло пользу в нужде. Ибо это однажды навсегда запрещено добродетельными и святыми мужами не напрасно и не без рассуждения, но особенно для того, чтобы монахи были чисты и даже глаз своих не оскверняли бы воззрением на все женственное.

Домостройщики пусть входят внутрь обители и работают то, что нужно для братий, но пусть не берут с собою безбородых юношей под предлогом помочи. Ибо и к ним идет то же, что сейчас сказано насчет скопцов и безбородых.

Итак, мы признали за благо, чтобы все эти постановления, изложенные царственностью моею, соблюдаемы были всеми игуменами и монахами

Св. Горы и чтобы никто из них не дерзал низвращать ни одной из вышеначертанных глав, помня, как сказано, и угрозу, и мздовоздаяние. Ибо ныне венцы и награды у Бога исполнителям уставов; ныне же грозит и наказание и огонь презрителям их. Посему если бы кто уличен был в глумлении над тем, что установлено и изложено для блага и пользы монахов, тот пусть вспомнит угрозы священных и божественных правил и да ведает, что он испытает немалое негодование и царственности моей как человек, поправший совесть свою и многим подавший повод к соблазну.

Поелику же монахи просили и молили царственность мою начертать им и некоторые другие частнейшие, *деловые* правила, то и о сем состоялось наше определение в приказе*, где все это прописано подробно, каковой приказ и утверждаем мы настоящим златопечатным Словом нашим, дабы и эти правила соблюдались монахами наравне с изложенными здесь. Ибо •[III/2 209]• настоящее златопечатное Слово нашей царственности состоялось для того, чтобы оно служило честнейшим монахам Св. Горы Афонской уставом и руководством в подобающем им житии».

Дано месяца июня настоящего 14-го индикта в лето шесть тысяч девятьсот четырнадцатое, в которое и наша благочестивая и богоизбранная держава подписалась:

* Такого приказа я не видел.

† МАНУИЛ, в Христа Бога верен царь и самодержец ромеев Палеолог. † (Оправдания, № 24)*.

В этом деписании сего государя, что кому, а мне замечательно благодарное снисхождение, по которому монах в неблагоприятное время, например в случае нашествия варваров и разорения монастырей, может придержать у себя часть своей собственности, дабы в черные дни прожить где-либо в другом месте без отягощения других, пока настанут дни светлые.

А что и что доказывает весь устав Мануила? Доказывает, что человек грешит везде, даже и на Афоне.

Еще что оказывается по прочтении одного устава? Оказывается, что греческие цари, как *епископы внешних дел в Церкви*, со времени Андроника Старшего (1313 г.) передали вселенским патриархам *право рукополагать прота Святой Горы*, а давать благое направление тамошним монастырям и их делам, вместе с их святейшествами, не отказались.

§ 97. Воровое и нравственное состояние святогорцев

Как в златопечатном Слове и уставе царя Мануила, так и в прежних деписаниях царских и патриарших нет ни малейшего намека на ослабление веры христианской в святогорцах. Стало

быть, эта вера в них была тверда, непоколебима, чиста, вполне православна. Но нравственность их имела свои пятна, инде даже черные. По заверению патриарха Антония (1394 г.), между святогорцами были сыны лжи и геены, которые дерзали обманывать даже его всесвятейшество. Устав царя Мануила доказывает, •[III/2 210]• что афонские монастыри нарушали древние уставы свои и законоположения святых отцов. А в духовном завещании преподобнейшего игумена Афанасиевой Лавры, Иакова Триканы (1363 г.) слышны плачевные обличения многих и даже неестественных грехов афонского монашества. Выслушаем эти обличения его. Трикана писал: «Вы, допускающие дружбу с юными, празднословия, оговоры, усыновления и сближения безвременные и пагубные, пиршества и посиделки в кельях, вы, виновные в торгашестве и во всяком худом обращении, обычае и навыке, вы должны много остерегаться безбородых юношей и никого из них не впускать в обитель во избежание соблазнов и во исполнение отеческих уставов, и ради великой немощи людей, одаренных разумом, хотя бы сын царя пришел. Ибо Содом и Гоморра, эти пять городов, за все это погибли от огня и накрыты водою». После сего Трикана говорил, что прежде в монастырях и лаврах сияла благодать Божия, пока они имели страх Божий и целомудрие, и продолжал: «Когда же в них воцарилось презрение духовных старцев и непослушание им и появились любова-

* Новое издание хрисовула-типикона Мануила II Палеолога: Actes du Prôtaton. Paris, 1975. № 13. — П.К.

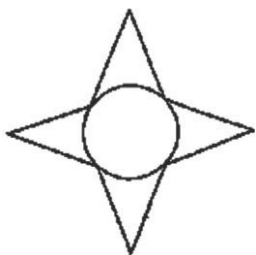
ния мужчинами и пиршества с молодыми и с безусыми, и смехотворства, и стремления к запрещенному, и разжигания и осызания удов, и сочетания для неестественного греха, и когда омрачение, выказавшееся в таких делах, охватило многие и различные души, и беззаконие оставалось неисправляемым, тогда Бог оставил сии места; и обитающие тут, по причине многих приражений и скорбей, скончали житие свое, а места сии с той поры опустошаются варварами за недостойнство настоящего рода. Внимайте же, прошу вас, святые отцы мои и братие, да за невнимательность и непослушание отеческим уставам не впадете и вы в пропасти у беспутый, да не разгорится у вас неестественное зло, и да не разгневается на вас Господь, так что святое место сие осквернится и запустеет ради недостойнства вашего». Это завещание окончено следующими словами: «Спасайтесь, отцы мои святые, спасайтесь, и паки реку: спасайтесь (Оправдания, № 25). •[III/2 211]•

В семье не без урода, но бывают в ней и красоты. То же явление и на Афоне. Там, в XIV и XV веках, в монастырях и наипаче в скитах, исихастириях и внемонастырных кельях многие иноки проводили жизнь ангельскую. Словущие между ними исихасты были Григорий Палама, Филофей, впоследствии патриарх Константинопольский, Григорий Синаит и ученики его: Герасим, который, будучи исполнен божественною благодатью, ушел с Афона в Елладу и там собрал учеников и на-

учил их строгому и ангельскому житию в исихастириях, Иосиф, впоследствии патриарх Константинопольский (1416–1440 гг.), авва Николай из Афин, дивный, Марк Клазоменийский, образец совершенной добродетели, Каллист, совсельник сего Марка, Иаков, впоследствии епископ Сервионский, Аарон слепой, но видевший умными очами, Моисей, Лонгин, Корнилий, Исаия и Клим болгарин, пастух овчий, и другие. Не рассказываю здесь житий этих богоугодных мужей, потому что им отведено место в особом Патерике Афонском, но об исихастическом учении их и о толках фавористов и богомилов говорю столько, сколько это нужно для округления истории Афона.

§ 98. Учение исихастов

В первом отделении третьей части моей истории Афона (С. 134–144) уже изложено учение исихастов, возникшее в Египте еще в четвертом веке христианском, а на Афон принесенное в конце седьмого столетия св. Петром Афонским и с той поры укоренившееся между тамошними скитниками и келлиашами. К этому изложению своему здесь я присовокупляю усмотренные мною (30 ноября 1845 г.) в Афоно-Иверском большом «Панфекте» *схемы* одного учения, *схемы* краткие, но весьма внушительные и твердо наслояющиеся в памяти. (Греческий подлинник их смотри в самом начале *Оправданий* сей истории Афона, под еврейскою буквою №.) •[III/2 212]•

«Диск, или кружок, — любовь,
свет в нем — надежда, а лучи — вера.

Все же это вместе — один отсвет
и едино сияние: Πάντα δὲ ἐν
ἀπαύρασμᾳ καὶ μία λαμπρότης.

Молитва есть полет ума к Богу, соединение человека и Бога, а по действию своему — уклонение от мира, замена его Богом, мать и дочь слез, очищение от грехов, мост над искушениями, преграждение скорбям, ободрение во время браней духовных, занятие Ангелов, питание всех бесплотных, постоянное веселие, нескончаемое делание, добродетелей родник, дарований духовных стяжательница, преуспеяние невидимое, душе пища, уму просвещение, отчаянью секира, надежде удостоверение, печали утоление, монахов богатство, безмолвников сокровище, преуспеяния зеркало, мероприятий проявление, состояний духовных показательница и откровение будущего.

Ἠσυχία (безмолвие) есть отложение помыслов, отречение от забот даже благословных, презрение тела.

Кто желает стяжать безмолвие, но забот не оставляет, тот подобен человеку, крепко связавшему себе ноги и пытающемуся ходить быстро.

Редки люди, глубоко изучившие философию, что в мире; редки и те, которые знают философию безмолвия, что в Боге. •[III/2 213]•

Кто еще не познал Бога, тот в безмолвии неопытен и подвержен многим опасностям духовным.

Безмолвие сокрушает неопытных, потому что они, не вкусивши сладости Божией, уклоняются на тьмочисленные стези.

Возлюбивший добротность молитвы будет убегать от людей, как онагр.

Кто охвачен страстями, а живет в пустыне, того утром искушают бесы тщеславия и пожеланий, а в полдень демоны лени, гнева и печали, вечером же смердящие тираны жалкого чрева.

Безмолвие есть неустанное служение Богу и стояние пред Ним.

Оно будет полезно тебе только тогда, когда с каждым дыханием твоим будет соединяемо памятование Иисуса.

Образцом безмолвия да будет тебе великий Арсений.

Безмолвник тот, кто наедине с одним Богом беседует и непрестанно ему молится.

Преуспевающему в безмолвии ведома глубина тайн.

Келья безмолвника есть затвор для тела, в котором затворе обретишь ведение.

Безмолвник тот, кто говорит: я сплю, а сердце мое бдит.

Монаху помогает человек, а безмолвнику Ангел.

Предварительное дело исихаста есть незаботливость о всем мирском, разумном и неразумном. Как невозможно

не учившемуся грамоте читать Писание, так и тому, кто не имеет оной заботливости, невозможно молиться неленостно и стяжать некрадомое сокровище сердца.

НОВИЧОК В БЕЗМОЛВИИ ДНЕМ И НОЧЬЮ УПРАЖНЯЕТСЯ:

в молитве и памятовании Господа Иисуса Христа, в псалмопении, в чтении, в памятовании грехов, суда, смерти и мучений, в рукоделии. •[III/2 214]•

Он должен редко выходить из своей кельи, а от всяких собеседований и глазений уклоняться.

ЧЕТЫРЕ ДЕЛА У БЕЗМОЛВНИКОВ:

ослабление страстей — у начинающих; прилежание к псалмопению — у преуспевающих; неустанная молитва — у преуспевших; созерцание — у совершенных.

ДВЕНАДЦАТЬ ПОПРИЩ У НИХ, КАК 12 БЛАЖЕНСТВ:

1) неволнуемость ума, 2) чистое неведение*, 3) стремление ко Господу, 4) умопредставление мук, 5) памятование смерти, 6) ненасытимая молитва

> надежная стража >

7) смерть для мира

< умерщвление блуда, неведение
пристрастия <

* Св. Исаак говорил: «Чистый ум во время молитвы озаряется светом Пресвятой Троицы, и тогда он перестает молиться, весь бывает в экстазе и созерцает непостижимое. А это созерцание и есть то неведение, которое выше ведения».

8) непозыв на снеди, 9) богословствование, 10) рассудительность духовная, 11) слез приумножение, 12) потеря многословия.

ПРИЗНАКИ ПРЕУСПЕЯНИЯ В БЕЗМОЛВИИ:

1) увеличение смирения, 2) уменьшение гнева, 3) прекращение помрачения, 4) приумножение любви, 5) отчуждение страстей, 6) оскудение похоти, 7) неведение вялости, 8) увеличение прилежания, 9) сострадательность, 10) отсутствие гордости. •[III/2 215]•

ГЛАВНЫЕ ХУДЫЕ ПОМЫСЛЫ:

1) чревоугодия, 2) блуда, 3) сребролюбия

— у послушников;

4) гнева, 5) печали, 6) вялости, 7) тщеславия, 8) гордости

— у безмолвников.

ЛЕСТНИЦА БЛАГОДАТЕЙ БЕЗМОЛВИЯ

Жалкий монах именем Феофан, ставлю лестницу божественных благодатей, которую опытом узнал у богоносцев.

На первой ступени чистейшая молитва, от которой происходит некая сердечная теплота, а после нее является святая энергия.

Потом божественные слезы сердца, при которых утихают всякие помыслы и очищается ум.

Созерцание горних тайн, после которого бывает странное озарение

неизреченным образом, а от сего озарения бывают неизглаголаные просвещения сердца.

Отсюда же полное совершенство.

10. Совершенство.

9. Просвещение сердца.

8. Озарение странное.

7. Созерцание тайн.

6. Очищение ума.

5. Тишина помыслов.

4. Сердечные слезы.

3. Святая энергия.

2. Теплота сердечная.

1. Молитва чистая.

Десятерица ступеней — божественная философия.

Десятерица ступеней — плоды всех книг.

Десятерица ступеней совершенство показывает.

Десятерица ступеней на небо возводит.

Десятерица ступеней к видению Бога приводит». •[III/2 216]•

Вот как высоко парят орлы Божии! А нам хоть бы по земле ходить с покаянием, верою, любовью и надеждою.

§ 99. Толк афонских исихастов, судьба его и литература

Но посмотрим еще раз на святогорцев XIV века, в который был славен их толк об энергиях существа Божия и о свете, воссиявшем из преобразившегося на Фаворе Иисуса Христа. Сей толк их имеет свою громкую историю. Действующими лицами в ней были афонские

монахи, цари, архиереи, ученые мужи, одни как защитники одного толка, а другие как порицатели его. Познакомимся же с этими лицами, выслушаем их мнения, усмотрим развитие мнений, проследим ход соборных деяний по случаю появления и усиления их и заглянем в дошедшие до нас сочинения о настоящем предмете.

Кто же и кто любил и защищал толк, о котором начата речь?

Его любили афонские монахи-исихасты, то есть безмолвники, занимавшиеся так называемую умною молитвою, а защищали: 1) Григорий Палама, малоазиатец, воспитанный в царских чертогах, постриженец и подвижник афонский, иеромонах и, наконец, архиепископ Солунский с 1347 года, причисленный к лику святых вселенским патриархом Филофеем за ангелоподобную жизнь его и за успешную борьбу с врагами православия; 2) этот патриарх, долго живший на Афоне до святительства своего, сочинивший 15 слов для обличения и вразумления современного ему философа Григораса, который писал против божественной энергии и боготворящей благодати и против видимого на Фаворе Божоявления и божества*; 3) царица Анна, родом лонгобардка, с золотистыми воло-

* Φιλόθεου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως πρὸς τὰ συγγραφέντα τῷ φιλοσόφῳ Γρηγορᾷ κατὰ τε τοῦ ἱεροῦ τῆς ἐκκλησίας τόμου καὶ θείας ἐνεργείας καὶ θεοποιοῦ χάριτος, καὶ διὰ καὶ τῆς ὁραθείσης ἐν Θαβορίῳ ὑπερφυῶς θεόφανειας τε καὶ θεότητος ἀντιρρήτικοί λόγοι ιε'. Рукопись XV века.

сами; 4) сын ее несовершеннолетний царь Иоанн Палеолог и 5) соцарствовавший •[III/2 217]• с ним Иоанн Кантакузин, весьма даровитый, деятельный и богатый.

Порицатели же афонских исихастов и их толка были: 1) монах Варлаам, родом калабриец, из итальянского города Семинариума, знаток греческой словесности, человек, по отзыву Иоанна Кантакузина, воспитанный в латинских обычаях и законах, остроумный, проныцательный, красноречивый, изучивший Евклида, Платона, Аристотеля и за то имевший громкую славу (Cantacuzeni lib. II, cap. 39); 2) Григорий Акиндин, богослов и философ; 3) вселенский патриарх Иоанн Калекас, святительствовавший с 1341 года по 1347-й, и 4) [Никифор] Григорас, византийский историк, астроном, философ и вития.

В числе этих исторических лиц самые замечательные, кроме Паламы, были Варлаам и Григорас. Посему я о том и другом сообщаю подробные известия.

В царствование Андроника Старшего (до 1328 года) калабриец Варлаам, приехавший из Италии в Грецию, дабы лучше изучить философию Аристотеля по греческим спискам ее, остановился сперва в Этолии и тут, приняв одежду и обычаи грека, выучился говорить по-гречески, потом перебрался в Фессалонику, которая тогда славилась ученостью и, оставаясь в этом городе долгое время, еще более освоился с греческим языком. В царствование же Андроника Младшего (1328–1341 гг.) он переселился в Константинополь,

где и был поставлен игуменом монастыря Спасителя*, изъяснял учение св. Дионисия Ареопагита многим ученикам своим и пользовался почетом и любовью названного царя и особенным уважением Иоанна Кантакузина. В первые годы своего пребывания в Царьграде (до 1341 г.) Варлаам написал много сочинений в опровержение тех пунктов учения Римской Церкви, которые наипаче послужили к разъединению Церквей Восточной и Западной в области вероучения. Из-под пера его явились против •[III/2 218]• латинян 18 сочинений: об исхождении Св. Духа и взаимном отношении Лиц Св. Троицы, несколько творений против учения о главенстве папы. Возражения его против сего главенства весьма сильны. Вот они.

Во-первых, каждый св. апостол, а не один Петр, был поставлен пастырем и учителем всей вселенной непосредственно от Самого Владыки Христа.

Во-вторых, блаженный папа Климент был рукоположен апостолом Петром в епископа города Рима, а не в епископа вселенной, как и всякой другой епископ рукополагается только для определенной епархии, да и епископский престол в Риме вначале не был ни первым, ни последним, но стал первым со временем, по узаконению святых отцов и благочестивых царей.

В-третьих, эти же отцы и цари возвеличили и престол Нового Рима

* Leo Allatius. De Ecclesiae Occidentalis atque Orientalis perpetua consensione. Lib. II. Cap. 17.

(Константинополя) наравне с папским престолом Рима древнего.

В-четвертых, нет ни закона, который повелевал бы, ни обычая, которым требовалось бы, чтобы патриархи были рукополагаемы папою, чего никогда и не бывало.

В-пятых, папа не выше Соборов, так как сами Соборы предписывали права подвластной ему Церкви.

В-шестых, святыми отцами было постановлено, чтобы одни Церкви подчинялись власти папы, а другие — патриархам.

В-седьмых, не позволительно никому из патриархов, равно и папе, прибавлять новые догматы без согласия всей Церкви.

В-восьмых, тому папе, который твердо соблюдал учения святых отцов, должно воздавать честь, определенную ему священными канонами; не соблюдающего же этих учений справедливо избегать, как волка и пагубного врага Церкви.

В-девятых, христиане должны содержать *кафолическую* веру и веровать в Церковь *кафолическую*, а не в *частную*, потому что сие установлено искони.

В-девятых, отвергающие предания святых апостолов и богоносных •[III/2 219]• отцов наших и верующие в *частную* церковь суть отсеченные и мертвые члены единого тела Церкви Христовой, тогда как люди, выше всего поставляющие предания *кафолической* Церкви, составляют здоровую часть тела ее (Migne. Patrologiae cursus completus Ser. graeca. T. CLI. Col. 1276–1278).

В 1339 году царь Андроник Младший посылал Варлаама к королям французскому Филиппу VI и к сицилийскому Роберту и к папе Бенедикту XII с тайным поручением выхлопотать у них военную помощь против занявших Малую Азию турков и переговорить о соединении Церквей, Восточной и Западной. Переговоры его с папою весьма занимательны. Вот содержание и ход их.

Папа прежде всего спросил Варлаама: имеет ли он письма от греческого царя или патриарха, или от других знатных, духовных и мирских лиц по делу о соединении Церквей, и высказал опасение, как бы это дело не кончилось и теперь со стороны Византии таким же обманом и насмешкою, какие будто бы Римская Церковь уже потерпела в Лионском Соборе от Михаила Палеолога и патриарха Иоанна. Хотя Варлаам отрицательно отвечал на предложенный ему вопрос, но папа все-таки не оставил без внимания интересный для него вопрос об унии и предложил Варлааму высказать свои соображения касательно способов и путей, какими может быть скорее достигнута великая цель соединения Церквей. Тогда Варлаам сказал ему:

«Святейший отец! Предложенной цели можно достигнуть, как мне кажется, двумя способами: или насильственно, или путем свободного убеждения и ученых рассуждений. Но первый из этих способов да будет оставлен на твое благоусмотрение. По второму же способу, наиболее желательному,

уния может состояться или по соглашению с вами одних только *ученых мужей*, или же по соглашению *всего греческого народа*. В первом случае дело может уладиться очень просто. С нашей стороны явятся к вашему святейшеству для рассуждений по делу •[III/2 220]• унии человек тридцать или сорок, наиболее мудрые, и легко и скоро согласятся с вами. Почему? Потому что ни вы, ни они не допустите, чтобы в этом деле взяла перевес неразумная страсть, но дружно будете заботиться о том, чтобы оставить победу за истиной. Итак, поелику та и другая сторона будут искать только истины, то, без сомнения, и найдут ее; и вы скоро согласитесь. Но здесь может быть вот какое неудобство. Когда наши представители, вступивши в церковное единение с вами, возвратятся домой, то им нелегко будет убедить народ в том, что они согласились с вами единственно на основании здравых учений святых отцов. Могут найтись такие люди, которые или по зависти, или по тщеславию, или просто по умственной слепоте вооружат против них народ, объясняя ему деятельность их по делу унии корыстолюбием или тщеславием. Народ поверит этим крикунам, и друзья единения церковного не только не достигнут своей цели, но еще подвергнутся большой опасности. Итак, этот способ соглашения Церквей, годный для мудрых, оказывается неудобным для народа. Каким же путем можно привести к единению с вами вместе и людей мудрых, и простой народ? А вот каким.

Простой народ, зная, что Вселенские Соборы сзываемы были всегда для большего благоустроения Церкви или для искоренения заблуждений, привык думать, что все, определенное Собором, справедливо и полезно. Поэтому, если бы и теперь созван был Собор для рассуждения о спорных предметах между вами и греками, так, чтобы мы могли обнародовать *соборные определения* об унии, тогда весь Восток принял бы эти определения, и никто не стал бы противоречить сему, и таким образом уния была бы принята легко и скоро. А если кто скажет, что по делу унии уже был в Лионе Собор, в котором присутствовали и греки, тот пусть знает, что никто не мог убедить греческий народ принять этот Собор без другого Собора. Почему? Потому что греки, которые участвовали в этом Соборе, не были посланы ни от четырех патриархов, управляющих Восточную Церковью, •[III/2 221]• ни от народа, а только от царя, который хлопотал об унии насильственной, а не добровольной. Итак, если ваше святейство согласно на мое предложение о Соборе, то пусть это дело начнется таким образом. Пусть будут посланы от вас в Восточную Церковь послы — люди, боящиеся Бога и благочестивые, исполненные духа кротости и терпения. С ними вы отправьте письменное приглашение к Собору всех патриархов, епископов и знатных мужей, с обозначением цели, места и времени Собора. Это приглашение с радостью выслушает и охотно примет весь Восток; царь же, патриархи и

народ немедленно позаботятся привести в исполнение ваше и свое заветное желание и условятся с вашими послами о месте и времени будущего Собора, которым уже, без сомнения, будет скреплена уния. После того все, кто будут присутствовать в этом Соборе, выйдут к народу и скажут: мужи, братья! *Святой и вселенский Собор определил то и то*, итак вы должны принять это. И тогда все без всякого колебания и сомнения примут унию. Мне кажется, святейший отец, что это единственный способ, которым можно устроить соединение Церквей».

Затем Варлаам перешел к рассуждению о главной цели своего посланничества. Он испрашивал у папы помощи против неверных и свою просьбу приправлял благовиднейшим предлогом и обставлял тонкими и искусными доводами.

«Прошу, — продолжал Варлаам, — или, лучше сказать, умоляю ваше святейшество еще вот о чем. В Турции находятся четыре большие и богатые области, принадлежавшие некогда грекам, но, по грехам нашим, уже много лет назад попавшие в руки нечестивых; и правители этих областей, христиане, насильно обращены в веру турецкую. Теперь же, желая снова обратиться ко Христу, эти правители дали знать царю нашему, чтобы он шел к ним с войском, и обещали отдать ему сказанные области. Царь же, не надеясь на один свой народ, послал нас к христианнейшему королю франков просить его помощи. А оказать помощь в этом слу-

чае — дело очень хорошее, •[III/2 222]• потому что, как скоро означенные области будут отняты у турков и возвращены нам, турки тотчас потеряют ту силу, какую они имеют теперь на море, тогда прекратятся те бедствия, какие терпят теперь христиане на море и тогда откроются широкие ворота для благочестивых путешествий в Святую землю. Король франков, выслушав нашу просьбу, послал нас к вам, чтобы узнать ваше мнение и волю касательно сего предмета. Итак, склонитесь на мольбы наши и пошлите в те страны вашу помощь или прежде прибытия туда послов ваших, или вместе с ними. Это последнее я предлагаю вам по следующим соображениям. Во-первых, все люди естественно бывают расположены подчиняться тому, кто делает им благодеяния: как ни были неблагодарны Христу иудеи, однако и они после того, как он наплатил их в пустыне пятью хлебами, хотели сделать его своим царем. Так и греки, имея, так сказать, пред глазами уже оказанную вами им помощь, с большою готовностью примут ваших послов и исполнят предложение их, и народ тогда отнесется к нам с большим доверием, когда мы будем склонять его к унии. И царь наш, воспользовавшись этим случаем (т.е. вашею помощью), скажет тогда патриарху и другим епископам: видите, как добры латины, они и словом и делом радеют о нашей пользе, как же нам после этого не любить их и не искать средств к соединению с ними? Во-вторых, царь будет не в

состоянии заняться приготовлением к Собору, если предварительно не будет окончена война с турками, потому что во время войны он не может ни созвать патриархов и других епископов, ни присутствовать в Соборе. Итак, нужно прежде как можно подальше прогнать врагов из пределов царства, а тогда уже успокоенный царь в точности исполнит все, что от него зависит.

А если некоторые у вас говорят, что пусть-де сначала греки соединятся с нами, потом мы дадим им помощь против турков, то такое рассуждение кажется мне не совсем •[III/2 223]• здоровым по многим причинам. Во-первых, турки притесняют греков вовсе не потому, что они греки и не согласны с вами в некоторых догматах, а потому, что они чтят Крест Христов. Посему турки прежде всего враги Креста Христова, а потом уже греков. Итак, ваша помощь грекам будет собственно помощь Христу. Справедливость требует, чтобы и вы были защитниками Христа, как и греки. Во-вторых, теперь, когда Греческая империя еще здравствует и пользуется своими силами, весьма удобно латинам вместе с греческим царем ниспровергнуть турков. Итак, нужно воспользоваться этим удобным временем, иначе настанет пора, когда вы будете думать не о том, как идти против турков, но о том, как защищаться от их нападений. В-третьих, вы не отказали бы в помощи даже и туркам, если бы они попросили ее у вас против татар и сарацин, потому что для вас было бы полезнее в союзе с турками воевать с

татарами и сарацинами, нежели одним с этими тремя народами вместе. Точно так же полезнее для вас в союзе с греками — примут ли они унию или нет — воевать с нечестивыми, нежели одним бороться с турками и нечестивыми. В-четвертых знайте и то, что *не столько различия в догматах веры отвращают от вас сердца греков, сколько многократные и тяжкие бедствия, какие греки в разные времена терпели от латинян и до сей поры ежедневно терпят*. Прежде нежели изгладится в их сердцах эта ненависть, не может состояться и уния. Ненависть же эта может исчезнуть, как скоро вы окажете им благодеяние, дадите им теперь требуемую помощь. Иначе никто не посмеет и намекнуть грекам об унии. В-пятых, да будет вам известно и то, что не народ греческий послал меня к вам просить помощи, а один царь его тайно, и если вы не пошлете помощи, то он не может объявить своему народу, что желает унии. Я со своей стороны сказал и объяснил вам все, что признавал за лучшее, но пусть будет так, как угодно Богу».

Папа, выслушав это, сказал, что подвергать новым •[III/2 224]• обсуждениям те пункты вероучения (об исхождении Св. Духа и от Сына и проч.), которые уже общим голосом Церквей Восточной и Западной были решены в прежних Соборах (Ефесском, Толедском и Лионском), значило бы возбуждать в людях сомнения в том, что требует безусловной и твердой веры, как освященное авторитетом Вселенской Церкви.

Тогда Варлаам предложил такой вопрос: «Нельзя ли допустить унию, предоставив грекам содержать Символ веры без *Filioque* — в том случае, если они не согласятся принять это прибавление?» Папа отвечал, что никак нельзя этого сделать, так как в католической Церкви должна быть только одна вера и не должно быть в ней никаких заблуждений. А для рассеяния заблуждений греческих и разрешения разных недоумений по вопросам веры всего лучше сделать так. Пусть царь и патриарх изберут мудрых представителей Восточной Церкви и пришлют их сюда для предполагаемой цели. Что же касается до Вселенского Собора, то он и всегда представлял немало затруднений, требуя слишком много времени, издержек и больших хлопот, а в теперешнее смутное время он становится почти невозможным. Варлаам заметил на это, что «без Вселенского Собора дело унии не состоится и посольство со стороны греческого царя, которое предлагает папа, ни к чему хорошему не поведет. Такие меры напомнят народу унию Михаила Палеолога и могут сопровождаться величайшей опасностью для царя со стороны народа. Кроме того, Константинопольская Церковь не может отправить к вам послов без согласия патриархов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, а созвать всех их вместе для совещания в настоящее время по причине войны невозможно. Поэтому не могу вам сказать наверное: придут ли от нас к вам послы, или нет. Но

если не придут, то не приписывайте это одному нерадению царя, который с своей стороны всю душою желает унии...»

Так объяснялся красноречивый Варлаам с неговорчивым папою. •[III/2 225]•

Была ли послана грекам помощь, это не известно. Но ни Вселенский Собор, ни уния не состоялись.

А о дальнейших действиях Варлаама будет говорено ниже. Здесь же место слову о Григорасе.

Никифор Григорас родился около 1295 года, в царствование Андроника Старшего, в малоазийской области Пафлагонии, в тамошнем городе Ираклии у дяди своего, митрополита Иоанна, получил первоначальное образование. Из Ираклии переместившись в Царьград, он поступил к тамошнему патриарху Иоанну Глике, учнейшему и красноречивейшему святителю того времени, и так дорожил наставлениями и беседами его, что и днем и ночью старался пользоваться ими; астрономии же учился у великого логофета Феодора Метохита, который любил его как родного сына. Сей Метохит, возобновив монастырь Хора (Χώρα), поместил в нем Григораса в особом доме, предоставил ему надзор за тамошними дорогими вещами и, умирая, поручил обитель попечению его. Так как дворец Андроника Старшего был приютом ученых мужей, то Григорас, на 27-м году жизни своей (в 1321 г.), представился этому государю и, принятый им благосклонно, сказал ему слово, в котором восхвалил его муд-

рость и красноречие. С течением времени он приобрел такую любовь Андроника, что некоторые начали завидовать молодому человеку, еще не имевшему никакого сана и никакой степени священства. Чтобы заградить уста завистникам Григораса, сей государь хотел дать ему сан хартофилакса и даже приготовил для него знаки этого сана, но Григорас отказался от предложенной ему чести в благодарственном и похвальном слове царю, где ссылался на свою неопытность и на свою любовь к ученым занятиям в уединении. Под высочайшим покровительством он смело мог высказывать все, что признавал справедливым и полезным; так, однажды во дворце, пред учеными, пространно развил мысль об исправлении Юлианского календаря. С ним был согласен Андроник, но привести эту мысль в исполнение не посмел, опасаясь церковных •[III/2 226]• смут. Тогда была самая лучшая пора в жизни Григораса. А впереди ожидали его многие огорчения. В 1328 году Андроник Младший ночью при помощи предателей взял Константинополь. После этого Андроник Старший лишен был всякой власти; дом Феодора Метохита был растащен с основанием его, а сам он сослан в Дидимотих, откуда возвратился уже через два года; Григорас же, приверженец Андроника Старшего, лишен был своего имущества, но не сослан. Этот год принес ему и другое горе — смерть дяди его Иоанна, митрополита Ираклийского, который, после Бога, был покровителем его с самого

детства. При такой перемене участи Григорас распростился со своими многочисленными учениками и слушателями и решил молчать. Однако неожиданное обстоятельство возвратило его к прежнему образу жизни. В Константинополе явился калабриец Варлаам (уже известный нам) и начал унижать Феодора Метохита, который тогда только что возвратился из ссылки, и Григораса, которого вызвал померяться с собою умом и ученостью. Вызов его был принят. Произошло состязание. Григорас довел соперника своего до признания, что он вовсе не знаком ни с астрономией, ни с грамматикой, ни с риторикой и поэзией, и, провозглашенный победителем, опять занял при дворе прежнее почетное место. А Варлаам, униженный, удалился в Солунь, где еще раз увидим его. К Григорасу по-прежнему сходилось много слушателей всякого звания, состояния и всякой народности, не только молодые люди, но и кончившие учение свое философы, астрономы, риторы. Дом его наполнен был книгами и астрономическими инструментами. В 1333 году от папы Иоанна XXII явились в Константинополе как послы два латинских епископа для рассуждения о спорных предметах веры. Патриарх Иоанн Калекас, не отличавшийся даром слова и мало надеявшийся на своих малоученых епископов, призвал к себе Никифора Григораса, как мужа ученого и красноречивого, и просил его состязаться с латинами. Этот сначала отказывался, но потом раздумал и по этому

поводу говорил в •[III/2 227]• собрании епископов речь, в которой высказал вот что. Не всякому надобно позволять препираться с итальянцами. При состязаниях неотменно нужно предполагать себе известную цель, а назначать судей из греков. Спорные вопросы о вероучении должны быть решаемы общим голосом предстоятелей Церкви. При рассуждении о Боге не должно допускать силлогистического метода доказывания. Из свидетельств отцов святых следует избирать только ясные. Состязание в настоящее время ни к чему не поведет, так как еще недавно рассуждали об этих вопросах. А того, что однажды навсегда определено древними отцами, не должно подвергать новому обсуждению, и так далее. С Григорасом согласились во всем этом ученейшие епископы, а за ними и другие. Таким образом, греки уклонились от вызова, сделанного латинами. Дальнейшая судьба Григораса будет оповещена мною ниже в связи с судьбою Паламы и Варлаама, а здесь высказывается только то, что этот замечательный грек умер неизвестно где, после 1359 года, до которого доведена «Византийская история» его, и что тело его долго было предметом посмеяния (Joannis Cyparissiotae De Palamitarum transgressionibus serm. LV. Cap. I).

Таковы были главные защитники и порицатели знаменитого толка афонских исихастов.

А вот вам и самый толк, изложенный этими исихастами в 1341 году и головщиком их Паламою.

ТОЛК АФОНСКИХ ИСИХАСТОВ

«Догматы, о которых говорят с недавней поры и которые всем известны и открыто проповедуются, содержались в Моисеевом законе как тайны (прообразы), их созерцали духом и пророки. А блага, обещанные святым в будущем веке, также суть тайны, кои сообщаются как залог лишь достойным созерцать их. Но как древле какой-нибудь иудей, не с благоговением слушающий пророков, говоривших, что Слово и Дух Божий соприсносущны и предвечны, затыкал свои •[III/2 228]• уши, почитая запрещенным делом выслушивать то, что противно вот сему глаголу: *Господь Бог твой, Господь Един есть*, так и ныне точь-в-точь поступает тот, кто без благоговения выслушивает тайны духа, ведомые лишь тем, которые очищены посредством святого жития. С другой стороны, как по исполнении пророчеств содержащиеся в них тайны открылись и оказались согласными с тайнами, исповедуемыми ныне, так что мы ныне веруем в Отца и Сына и Св. Духа, Божество триипостасное, естество единое, простое, несложное, несозданное, невидимое, превосходящее ум, так и тайны будущего века, который в свое время откроется по неизглаголанному обетованию единого в трех совершенных ипостасях Бога, окажутся согласными с тайнами, известными душам праведным. При сем следует заметить еще и вот что: ежели триипостасность Божества, в свое время признанная на концах земли вместе с исповеданием единосущности Его,

точно была ведома пророкам прежде исполнения предсказаний их и *приемлема теми, которые были послушны им в этом*, то равно и ныне мы внимаем тому, что говорится о тайнах, таинственно открываемых *достойными* внутри духа их и явно проповедуемых ими. Эти *достойные*, отказавшиеся от стяжания денег, от славы людской и от приятных наслаждений телесных ради жития евангельского и отказ этот подтвердившие своим послушанием старцам, достигшим меры возраста Христова, затем в беззаботном *покое* (безмолвии) строго внимавшие себе и Богу и при таком внимании посредством искренней молитвы ставшие выше себя самих и существовавшие в Боге, как соединенные с Ним таинственным непостижимым для ума единением, все они посвящены были в те тайны, кои выше ума, а другие познали сии тайны, веря этим мужам, уважая и любя их. Так и мы, внимая словам великого Дионисия (Ареопагита) во втором послании его к Гаю, верим, что Бог, дающий *достойным боготворящий дар*, который делает нас добрыми и сообщает нам *божественность*, сей Бог, дарующий такую благодать, есть •[III/2 229]•

превыше такой божественности, так как в Нем нет множественности*. А иной**, пожалуй, скажет, что мы признаем два божества. Однако боготворящую оную благодать Бога святой Максим в своем сочинении о Мелхиседеке признает несотворенной и всегда существующей в приносящем Боге, признает как нерожденный и самобытный свет, являемый *достойным*, когда бы они ни сделались *достойными*, но не тогда получивший бытие. Сей-то свет он называет также светом пренеизреченной славы и чистотою Ангелов, а великий Макарий называет его и брашном Ангелов, и славою естества божеского, и красотою будущего века, огнем божеским и небесным, светом неизглаголаным и духовным, залогом Духа Святого, освятителем елеем радования. Кто же к массалианам причисляет и двубожниками называет признающих эту боготворящую благодать Бога не-созданной, нерожденной и самобытной? Ежели таковой есть, то он — противник святым у Бога и сам себя извергает из сонма спасаемых, если не раскается, и сам отпадает от единого естеством Бога святых. А кто верует, послушествоует святым и вещает то, что

* Передаю самое послание Дионисия в хорошем французском переводе: «Est-il vrai que l'être suprême soit supérieur au principe même de la divinité, au principe même de la bonté? Oui, si par divinité et bonté vous entendez la grâce de ce don merveilleux, qui nous bonifie et nous divinise, et cette sublime imitation du type souverainement divin et souverainement bon, par laquelle nous devenons à notre tour bons et divins. Car, si cette grâce est réellement pour l'homme un principe de déification et d'amélioration, sans doute le principe radical de toute principe l'emportera sur la divinité et la bonté, par lesquelles, ainsi qu'il a été dit, nous sommes déifiés et rendus bons; sans doute encore, parce qu'il est inimitable et n'a pas de manières d'être, il l'emportera sur les imitations et manières d'être des créatures, et sur ceux qui le copient et participent de lui».

** Намек на Варлаама.

вещают они, и не выдумывает извинений во грехах, тот не отрывает возвещаемого явно, под предлогом неведения (хоть и не ведает, как совершается тайна), и спрашивает о сем ведущих и учится у них, да и узнает, что тут нет ничего не согласного с Божиим словом и с действительностью. Довольно сказано о необходимейшем, без чего никак не было бы у нас •[III/2 230]• ни догмата твердого, ни тайны богоприличной. — Кто же объявляет, что полное единение с Богом совершается без боготворящей благодати Духа, лишь одним привычным подражанием Ему, как это бывает у единомысленных и любящих друг друга, и о боготворящей благодати Бога говорит, что она есть действие души, проявляющееся вследствие одной подражательности, а не сверхъестественное озарение и не божеская неизреченная энергия, созерцаемая духовно удостоенными мужами и не постигаемая умом, таковой впал, хоть и бессознательно, в ересь массалиан. Ибо если обожение совершается силою нашего естества, то и Бог, по всей необходимости, будет обожаем так, как придумает наше же естество (а не так, как учит Слово Божие). Но таковой с своим шатанием и да не начинает приставать к тем, которые стоят твердо, и чистым предлагать веру нечистую, а лучше пусть отложит свое мудрование и узнает от опытных мужей или от учеников их, что благодать обожения — вполне независима и не обуславливается никакою в естестве нашем силою, иначе она была бы не благо-

дать, а проявление энергии естественной силы... Благодать обожения — превыше естества нашего, и ведения, и добродетели: все это, по слову св. Макасия, не нужно ей. Наша добродетель и наше подражание Богу делают нас только способными к единению с Богом, а самое единение это, неизглаголанное, производит благодать. Посредством ее Бог весь приобщается ко всем достойным, и все святые всею полнотою своею приобщаются к Богу, всего воспринявши в себя Бога и за восхождение к Нему в награду получивши Его Самого, так что Он, по причине соединения души с телом, удостоивает и самое тело Своего присутствия. — Кто утверждает, что массалиане суть те, которые помещают ум в сердце или в мозгу, тот есть противник святым, ибо великий Афанасий говорит, что разумная душа находится в мозгу, а Макарий, несколько не уступающий ему в величии, энергию ума помещает в сердце. С ними согласны почти все святые. Ибо если божественный Григорий Нисский говорит, •[III/2 231]• что *ум ни внутри, ни вне тела не находится, будучи бестелесен**, то сие не противо-

* Это место в рассуждении Григория Нисского «О строении человека» читается так: «Ум не заключается в какой-либо части нашего тела, но находится равно во всех частях его и действует посредством всех их, не охватывая их извне и не содержась внутри их, подобно сосудам, влагаемым один в другой. Общение же ума с телесностью состоит в каком-то невыразимом и недомыслимом соприкосновении: оно и не внутри бывает, потому что бестелесное не удерживается телом и не извне охватывает, потому что бесте- ►

речит оным святым, которые когда говорят «ум внутри тела», тогда разумеют соприкосновение его с телом. Утверждают, что божество не ограничивается местом или что оно бестелесно; но возведено и то, что Слово Бога некогда было внутри ложи девственных и пречистых, как соединенное паче слова и разума с естеством нашим по человеколюбию неизреченному. — Кто говорит, что свет, озаривший учеников на Фаворской горе, был призрак и такой символ, который является и исчезает, а не существенный свет, да и такая энергия, которая не только не выше всякого разумения, но и ниже его, тот явно противоречит мнениям святых. Ибо они то в песнопениях, то в сочинениях своих называют его неизреченным, несотворенным, вечным, безлетным, неприступным, беспредельным, неограниченным, невидимым для Ангелов и человеков, первообразною и неизменяемою красотою, славою Бога, славою Духа, сиянием Божества. «Прославляется, — сказано, — плоть восприятием (Бога Слова), и слава тела слава Божества бывает. Но невидима была слава в видимом теле и Ангелам, не постигающим того, что невидимо. Итак, преображается не воспринявший в Себя то, чего не было, и не изменившийся в то, чего не было, а явив-

лесное не охватывает собою ничего. Напротив, ум, каким-то неизъяснимым и недомыслимым способом приближаясь к естеству и соприкасаясь с ним, усматривается и в нем, и около него, но не в нем восседает, а так, что сего выразить или понять рассудком невозможно».

шийся ученикам Своим, чем был, и отверзший им очи и из слепых сделавший их видящими. Ибо пребывая одинаковым в тождестве Своем, увиден был учениками как явившийся таким, каким прежде не являлся. Ибо Он есть свет истинный, •[III/2 232]• красота славы и как солнце воссиял; неуловим образ, но ведь и непостижимо, как несотворенное может всецело отображаться в твари». — Кто говорит, что несоздано только одно существо Бога, но не вечные энергии Его, тот пусть выслушает слово Максима: «Все бессмертное и самое бессмертие, и все живущее и самая жизнь, и все святое и самая святость, и все добродетельное и сама добродетель, и все благое и самая благодать, и все сущее и самая существенность явно суть действенности, но такие, которых возможность существовать предвечна, потому что не было такого времени, когда бы не было доброты и благодати и святости и бессмертия». *И еще:* «Благодать и всякий вид ее, и просто жизнь и бессмертие, и несложность и неизменяемость, и все, что созерцается в Боге, существенно суть действенности Бога, но не начавшиеся во времени. Ибо безначальна всякая благодать: время не старше ее, так как родитель ее бытия есть один Бог вечный, который беспредельно превышает всего сущего». Итак, всякий да познает из сего, что не все, состоявшееся у Бога, временно: есть что-то и безначальное, нисколько не нарушающее единства единой безначальной по естеству Троицы и сверхъестественной несложности ее, подобно

тому, как ум, этот, хоть и несовершенный, образ божеской упрощенности, нимало не сложен, даром что имеет врожденные ему понятия. — Кто не признает, что от дарований Духа в душе живущих для Бога бывают духовные отражения и настроения, и умерщвление страстности считает апатией, тогда как сам свою энергию не обращает на лучшее, стяжавши наклонности худые и не обогатившись добрыми, таковой с таким мнением последовательно отрицает деятельность нашу с телом в будущем веке нетленном. Мы же полагаем, что ежели тело вместе с душою *тогда* будет участвовать в наслаждении неизреченными благами, то и *ныне* оно по возможности своей участвует в благодати, даруемой Богом таинственно и неизглаголанно уму очищенному и само, будучи лучше настроено и освящено, ощущает в себе божественное. По учению •[III/2 233]• св. Диадокха*, ум подвижника, отринувшего житейские блага в чаянии благ жизни будущей, не знающий заботливости о земном, сам неизреченно ощущает божественную благодать и телу *своему* передает сие ощущение по мере преуспевания в своей благодати. А бывающая тогда радость служит душе и телу несомненным удостоверением в том, что провождается житие бессмертное... Когда же достойные сподобятся духовной и сверхъ-

естественной благодати, тогда *чувством* и умом видят сверхчувственное и превышающее ум, что ведомо одному Богу и испытывающим сие, по слову св. Григория Великого.

Это мы узнали из писаний, это мы приняли от наших отцов, это мы извели своим малым опытом. Это же самое увидевши и в сочинениях честнейшего иеромонаха и брата нашего господина Григория Паламы и усвоивши себе, как строго согласное с преданиями отцов, подписали мы в удостоверение всех, кому случится читать сие» (Оправдания, № 26).

Излагаю сущность сего мистического писания афонских исихастов в кратких положениях.

1. Христианские догматы содержались в Моисеевом законе как тайны. Их созерцали духом и пророки, глаголавшие, например, что Слово и Дух Божий соприсносущны и вечны.

2. А блага, обещанные святым в будущем веке, также суть тайны. Они как залог сообщаются там достойным созерцать их.

3. Достойным Бог дает боготворящую благодать, которая, будучи несозданна и всегда существуя в присносущем Боге, есть *самобытный свет*, являемый святым мужам, когда бы они сделались достойными его, но не тогда получивший бытие. Этот свет, это брашно Ангелов, есть слава естества божеского и красота будущего века, огонь божеский и небесный, •[III/2 234]• свет духовный, неизглаголаный, залог Духа Святого, елей радования души.

* Он жил в пятом веке и написал *Сто глав о совершенстве духовном*. В них патриарх Фотий находил обилие опытов духовных, могущее руководствовать даже опытных в жизни духовной.

4. Боготворящая благодать Духа, и только она одна, производит полное единение человека с Богом. А наша добродетель и наше подражание Богу делают нас только способными к сему единению.

5. Посредством оной благодати Бог весь приобщается ко всем достойным, так что и самое тело их удостаивает Своего присутствия по причине тесного единения Его с душою.

6. Свет на Фаворе, озаривший апостолов в минуты преображения Иисуса Христа, был свет Божества, несотворенный, вечный, непреступный, беспредельный. Там явилась им первообразная и неизменяемая красота, слава Бога, слава Духа, сияние Божества.

7. В несозданном существе Бога — несозданны и энергии его вечные. Они нисколько не нарушают единства единой, безначальной по естеству Троицы и сверхъестественной несложности Ее, подобно тому, как ум наш, этот хоть и несовершенный образ божеской упрощенности, не сложен, даром что имеет врожденные понятия.

8. Если тело вместе с душою в будущей жизни станет участвовать в наслаждении неизреченными благами, то и ныне оно, по возможности своей, участвует в благодати, даруемой Богом душе чистой, и само, будучи освящено ею, ощущает в себе божественное. А бывающая тогда радость служит душе и телу несомненным удостоверением в том, что провождается житие святое.

9. Когда же достойные сподобятся духовной и сверхъестественной благо-

дати, тогда *чувством* и умом видят сверхчувственное и превышающее ум.

Таков был толк афонских исихастов. Он вполне согласен с учением голошника их Григория Паламы. Вспомним его учение*.

Существо Бога — единично, а энергий в нем много. Энергия, по Дамаскину, есть существенное и деятельное движение божества.

Общие триипостасной Единице энергии суть: зиждительство, провидение и благодать, или осуществления, оживотворения, умудрения, кои называются и преподаваниями свободными и неистощимыми. Как солнце, неистощимо сообщающее теплоту и свет восприимлющим их, в себе заключает эти природные ему и существенные энергии, так и оные божественные преподавания, неистощимо существующие в Преподающем их, суть естественные и существенные энергии Его и, следовательно, несозданные.

Имеет ли Бог ведение, предведение, творчество, провиденчество, причинность с последствиями (*συνεκτικόν*), богодейственность (*θεουργικόν*) — или не имеет? Если не имеет, то Он и не Бог. А ежели имеет, но силы эти приобрел со временем, то Он некогда был несовершенен, то есть и не Бог. Если же Он от вечности имеет в себе эти силы, то безначально и вечно не одно существо Его, а вечна и каждая из этих сил. По учению св. Максима, «бытие, и

* Смотри мое *Путешествие по Афону*. Ч. I. Отд. I. Стр. 229–262.

жизнь, и святость, и могущество суть действительности Бога, не со временем приобретенные».

Пророк Исаия изрек, что божественных энергий семь: дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, дух страха Божия. Этих духов варлаамисты и акиндиновцы признают сотворенными.

Предтеча Христов говорит: «Не в меру дан Христу Дух от Бога Отца». А Златоуст вещал, что дух этот есть энергия. Ибо все мы получаем энергию духа отмеренную, а Христос имеет всю энергию неизмеримую и целую. А если неизмерима энергия Его, то кольми паче существо Его. Неизмеримостью ее Креститель выразил несозданность ее.

Ежели энергии Бога ничем не отличаются от существа Его, а энергий много, то и существ в Боге много: чего никто еще и не вообразал.

Ежели существо и энергия — одно и то же, то Богу так же •[III/2 236]• необходимо действовать с энергией, как и существовать; а если так, то тварь будет совечна Богу, от вечности действующему с энергией. А такое мудрование будет еллинское.

Ежели существо и энергия — одно и то же, то даже доньше Бог рождает, даже доньше Дух исходит от Него.

Един есть Бог. Существо Его непостижимо, а божественные энергии Его, проявляющиеся в тварях, постижимы. Эти энергии суть предведящее хотение Его касательно нас, мудрость, беспредельное могущество и благодать. Варлаам и Акиндин, слыша это, винят

нас, будто мы признаем многих богов и многое несозданное и Бога делаем сложным. Но они не знают, как Бог нераздельно разделяется и делимый совокупляется, и потому в Нем нет ни множественности, ни сложности.

Если мы поныне имеем в себе образ Божий, как и Ангелы, то подобия Божия несравненно менее в нас, чем в добрых Ангелах, и наипаче ныне. Ибо усовершенствование по подобию Божию бывает только посредством озарения от Бога.

Такое озарение несозданно, но и не существо Божие оно. Единомышленники же Варлаама и Акиндина признают оное или творением, или существом Бога и так богохульствуют.

Сие-то божественное озарение, которого мы лишились преступлением Адама, явлено было на Фаворе, дабы мы знали, чем мы были и чем будем.

Такое озарение имел Адам до падения. Божественное и боготворящее озарение (ἐλλαμψις) и благодать есть энергия Бога, а не существо Его.

Божественное существо и божественная энергия нераздельны, а в нас созданных вмещается лишь одна энергия Бога, так как она, по мнению богословов, уделяется без ущерба. Св. Иоанн Златоуст вещает так: «Вместима в каждом из нас божественная благодать и энергия; а существо Бога как бы вместилось в тварях, когда оно неделимо само в себе?»

Энергия Бога, по учению Василия Великого, в нас входит, существо его пребывает неприступно. •[III/2 237]•

Мы — причастники божества. Под божеством богословы разумеют божественную энергию.

Праведники, удостоившиеся единения с Духом Божиим, не с существом Его соединяются, а с энергией.

Духоносные души, по учению св. Василия Великого, озаренные от Духа, сами становятся духовными и другим сообщают благодать: отсюда предвидение будущего, разумение тайн, разделение дарований, неземное жительство и проч.

Бог есть зачатие всех бытий, так как все они приобщаются к Нему и сим приобщением поддерживаются, но приобщением не к существу Его, — да не будет, — а к энергии Его. Как лица наши отражаются и видятся не во всех веществах, а только в гладких и прозрачных, так и энергия Духа действует не во всех душах, а только в тех, кои не имеют никакой кривизны и узловатости.

Дух Святой всем присущ, но силу Свою дает только чистым от страстей, а не тем, у кого владычица души загрязнена грехами.

Господь, сказавший ученикам Своим, что некоторые из предстоящих не вкусят смерти, пока не увидят Царствие Божие, пришедшее в силе, спустя шесть дней взял с собою Петра, Иакова и Иоанна и взошел на гору Фаворскую. Там Он воссиял, как солнце, и одежды Его сделались белы, как снег, так что ученики Его не могли смотреть и приникли к земле. Однако они, по обещанию Спасителя, увидели там Царствие Божие. Оный божественный и

неизреченный свет Григорий Богослов и Василий Великий называют божеством, говоря: «Свет на Фаворе есть явленное ученикам божество и красота Сильного, одними святыми зримая с помощью силы Святого Духа». — Тот же Василий в другом месте говорит: «Видели на горе и красоту его Петр и сыны Громы, превосходящую сияние солнца, и предзнаменование второго пришествия Его сподобились узреть *телесными очами*». И Дамаскин и Иоанн Златоуст свет оный назвали лучом божества. Первый писал: «В Сыне, безначально рожденном •[III/2 238]• от Отца, явился присносущный луч божества, и слава божества сделалась славою тела». Златоуст же вещал: «Светлее Себя показался Господь на горе, когда божество проявило в Нем лучи свои».

Акиндиновцы, ухищряясь прикрить свое неправомыслие, иногда и несозданным называют свет, воссиявший на Фаворе, и сущностью Бога. Но они заблуждаются, ибо ежели оный свет виден был апостолами, значит, они видели и сущность Бога. Но пусть они послушают глаголющего: «Никто не устанавливался в ипостаси и существе Бога и никто не видал и не изрекал божеского естества, и не только никто из людей, но даже ни один Ангел. Сами шестокрылатые Херувимы не могут видеть сияния, исходящего из существа Божия, но крыльями закрывают лица свои».

Все это учение афонских исихастов не было новостью XIV века; нет, оно издревле таилось не только у них, но и

езде, где были безмолвники. Даже упражнения в умной молитве в потемках с устремлением взора на пупок или на конец носа ради чувственного видения света, подобного свету Фаворскому, даже и такое упражнение занесено было на Афон издавна. Еще в одиннадцатом веке настоятель Ксирокеркского монастыря в Царьграде, Симеон, учил своих монахов так: «Заперши двери твоей кельи, сядь в углу ее и отвлеки мысль твою от всего земного, телесного и скоропреходящего. Потом склони подбородок твой на грудь свою и устреми чувственное и душевное око твое на пупок твой; далее, сожми обе ноздри твои так, чтобы едва можно было дышать, и отыщи глазами приблизительно то место сердца, где сосредоточены все способности души. Сначала ты ничего не увидишь сквозь тело свое, но когда проведешь в таком положении день и ночь, тогда — о чудо! — увидишь то, чего никогда не видал: увидишь весьма ясно, что вокруг сердца твоего распространяется божественный свет»*. •[III/2 239]•

Все это учение таилось бы в кельях афонских безмолвников и не смущало бы христианское общество. Но его обнаружил известный нам калабрийский монах Варлаам, а чуткая ко всем новым толкам Церковь Константинопольская обсудила оное учение соборно. Как же начался, продолжился и кончился ход сего дела? Рассказываю.

Реченный монах Варлаам, возвратившись от Римского папы Бенедикта XII в Константинополь в 1339 году, отсюда отправился на Афон с тем, чтобы здесь подготовить унию с Римом (что, однако, не удалось), и поселился там в Самарском ските, подле монастыря Есфигменова, в котором тогда подвизался Григорий Палама. В этом ските жили исихасты, занимавшиеся умственной молитвою по способу Ксирокеркского игумена Симеона. Они радовались прибытию его к ним и говорили: «Этот книжник будет для нас как сокровищница, ведающая старое и новое». Но вышло противное. Варлаам пристал к простейшим исихастам под видом ученика, но впоследствии поднял на них пятавую свою и в своих сочинениях, направленных против них, писал, что они Священное Писание считают бесполезным, а науку вредной, и думают и верят, что существо Бога можно видеть телесными очами, и что для возбуждения сего видения нужны некоторые чувственные приемы, усилия, сноровки (αἰσθητὰ τηρήματα, ἐνεργήματα, ἐπιτηδεύματα). Такой толк исихастов он назвал ὀμφαλοψυχία = *пуподушие* (душа в пупе). Но сочинений своих никому не показывал и даже ученикам своим и последователям под клятвою запретил оповещать их. Однако Паламе удалось приобрести их и опровергнуть письменно. Когда же Варлаам узнал опровержения его, тогда дрогнул так, что скрыл сочинения свои и пред Церковью исповедал, что они уничтожены им. За такую исповедь он

* Leo Allatius. De Ecclesiae Occident. et Orient. consens. Lib. II. Cap. 17.

освобожден был от справедливого осуждения, но потом случайно достал некоторые книжицы Паламы, опровергающие сочинения его, и сознал, что невозможно отвечать на обличения сего писателя; однако опять уселся и в •[III/2 240]• новом сочинении своем одно выпустил, а другое изменил, название *омфалопсихия* исключил, что же прежде обзывал демонским, то теперь назвал физическим. Это вторичное писание вручено было им даже не всем приятелям его, а только самым близким, да и тем немногим. Вот предисловие к нему. «Что здоровье, то и философия: дается от Бога, а поддерживается рачительностью; и как не иное здоровье дает Бог и не иное восстанавливает врач, а одно и то же, так и мудрость. Ее дал Бог пророкам и апостолам: Он же и нам сообщил священные наставления и философские учения, при помощи которых мы ищем и обретаем мудрость». На это писание Варлаама отвечал Палама предлинным рассуждением, в котором, как в музыкальном произведении, разными тонами выражал одну главную мысль, что иное есть учение Святого Духа, а иное — мудрование человека (Оправдания, № 27).

Кроме сего рассуждения, Палама написал еще три обличения нелепостей (*ἀτόπων*) Варлаама, содержащихся во вторичных сочинениях его. В первом обличении он рассуждал о божественном свете и осиянии и об энергии существа Божия, во втором — о безначальном существе Бога и о вечно при-

сущей Ему энергии, например: «Имеет ли Бог ведение, предведение, творчество, провиденчество, причинность с последствиями, богодейственность и просто все это — или не имеет? Если не имеет, то и не Бог Он. А ежели имеет, но силы эти приобрел со временем, то Он некогда был несовершенен, то есть и не Бог. Если же Он от вечности имеет в себе эти силы, то безначально и вечно не одно существо Его, а вечна и каждая из этих сил. По учению св. Максима, бытие, и жизнь, и святость, и могущество суть действия Бога, не со временем приобретенные (*ἡ ὀντότης καὶ ἡ ζωὴ, καὶ ἡ ἀγιότης καὶ ἡ ἀρετὴ ἔργα τοῦ θεοῦ εἰσὶν, οὐκ ἡργμένα χρονικῶς*). В третьем обличении Палама рассуждал о божественном свете (Оправдания, № 28). •[III/2 241]•

Все эти обличения не вразумили Варлаама. Он с Афона ушел в Константинополь и здесь, явившись к вселенскому патриарху Иоанну Калекасу, обвинял святогорских исихастов и наипаче Григория Паламу в двубожии и требовал, чтобы все они позваны были в Собор архиереев. Собор состоялся в 1341 году. В нем присутствовали не одни святители, но и синклит и окружные судьи ромеев (*οἱ καθολικοὶ τῶν Ῥωμαίων κριταί*) под председательством Андроника Палеолога. Подлинное деяние этого Собора помещено в афоно-лаврской рукописи Маврокордата 1708 года (Оправдания, № 29), а здесь я отмечаю начало и содержание его.

Начало. «Поистине хвалы достоин тот, кто сказал, что смирение постигает

истину. Ибо оно знает всему меру; с помощью его мы приобретаем мир с Богом и с ближними, а также и покой в настоящем веке и в будущем, по законоположительному и побудительному гласу Господа: *научитесь от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим*. Оно убеждает нас внимать себе и Богу».

Содержание. А калабриец Варлаам монах, безрассудно и самовольно зыблясь на пучине высокомерия о себе и гордясь своей философией, вооружился против выпренного и истинного любомудрия, против учения Духа. Притворившись учеником, он некогда коварно пришел к неким у нас монахам, которые, проводя житие безмолвное и всех других приветствуя *«радуйтесь»*, с одним Богом беседуют, и между ними расчитанно пристал не к умнейшим, а к простейшим, но и от них скоро ушел и письменно похулил толки их. Услышав от них, что те, у которых сердца очищены исполнением заповедей Божиих, таинственно и неизглаголанно сподобляются озарений божественных, Варлаам этот обвинил их в том, что они признают передачу самого существа Божия. Когда же они отвечали ему, что передается не существо это, а вечная, несозданная и боготворящая благодать Духа, тогда взвел на них обвинение в двубожии и даже, явившись •[III/2 242]• в церковь, поведал это и нашей Мерности, винил наипаче честнейшего иеромонаха кир Григория Паламу и требовал, чтобы все они позваны были в священный и божественный

Собор наш. Но когда они призваны были, то сам он не явился, оправдываясь тем, что в Соборе не было царя*, а на самом деле боясь обличения. Потом Собор открыт был в знаменитом храме Премудрости Бога Слова в присутствии царя, его синклита и немалого числа честнейших архимандритов и игуменов и граждан. Введен был туда и Варлаам. Ему предложили высказывать и доказывать все, что у него есть на уме против монахов, живущих в безмолвии. Но он, оставляя это в стороне, требовал прежде всего решения вопросов и недоумений догматических. Тогда патриарх повелел прочесть вслух всех присутствовавших в Соборе священные и божественные каноны, которыми воспрещено всем, кроме архиереев, рассуждать о догматах (64-е правило Шестого Вселенского Собора с изъяснением Григория Богослова и 19-е правило Халкидонского Собора). Затем были принесены и прочитаны сочинения Варлаама под заглавием «Против мессалиан» (так называл он безмолвников), в которых он выражался о Фаворском свете между прочим так:

«Свет, воссиявший на Фаворе, не был недоступный, не был истинный свет божества; он не только не превосходил Ангелов, но ниже и самого мышления нашего. Все мысли и умствования наши лучше этого света, который чрез воздух доходит до наших глаз, подчиняется силе чувствительности нашей и

* Тогда он находился в Акарнании. Cantacuzen. Lib. II. Cap. 39.

зрящим показывает только чувственные предметы, потому что и сам он веществен, является в пространстве и времени, окрашивает воздух и то спускается и является, то разрешается и ни во что обращается, будучи призраком, дробью и летучкою. Да и видели его люди, еще не восприявшие священных энергий, •[III/2 243]• еще не очищенные, несовершенные и при самом видении, какое было на Фаворе, еще не сподобившиеся понимания боговидений. Итак, те, которые говорят, что онный свет превосходит ум и есть истинная сущность и тому подобное, заблуждаются и, не зная ничего лучшего, кроме видимых красот, вводят в Церковь вредные догматы, как нечестивцы».

Такие рассуждения Варлаама Собор признал противными вещаниям святых отцов о Фаворском свете, и эти вещания их были прочитаны вслух всех.

Иоанна Дамаскина: «Днесь света неприступного бездна».

Дионисия Ареопагита: «Так Владыка явится своим совершенным слугам, как явился апостолам на горе Фаворе».

Св. Андрея Критского: «Спаситель на гору возводит высокую учеников, и что там сделает или чему научит? Он покажет им там прелучезарную славу и светлость божества Своего».

Св. Григория Богослова: «Приидет мое Слово таким, каким явилось ученикам, или открылось так, что божество превозмогло плоть»...

Затем прочитаны были вещания св. Максима, св. Василия Великого, св. Афанасия Александрийского.

Кроме сего, в сочинениях Варлаама указаны были нападки на особенности безмолвников и на обычную у них и у всех христиан молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, — произносимую с выдыханием воздуха внутрь себя. По словам Варлаама, наставник этих безмолвников (Палама), по примеру богомилов, научил их говорить: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, а не: *Господи Иисусе Христе, Боже наш*, помилуй нас, как говорят все христиане, и даже отменил *Отче наш*, считая эту молитву и все прочие излишним многоглаголанием. Но все это противно исповеданию верховного апостола Петра и ублажения его за то Владыкою. Ибо Петр сказал: «Ты еси Христос, сын Бога живаго», и Господь ответил •[III/2 244]• ему: «Блажен еси Симоне вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец мой иже на небесех». Да и в Символе веры мы читаем: «Верую во единого Бога Отца и в Сына Божия едиnorodного, иже от Отца рожденного прежде всех век». Итак, когда мы говорим: *верую в Сына Божия*, разве не Богом признаем Христа? Вещает же об оной священной молитве и Златоустый и божественный учитель Иоанн в своем послании к монахам: «Служите непрестанно Господу Богу вашему, доколе помилует вас, и ничего другого не просите, кроме милости от Господа славы. Прося же милости, просите ее в сердце

смирнном и умиленном и вопийте от утра до вечера и, если можно, во всю ночь: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя... Прошу вас: не удаляйте сердец ваших от Бога и ожидайте Царствия Небесного, непрестанно воспоминаая Господа нашего Иисуса Христа, доколе не укоренится это имя в сердце вашем, и помышляйте только о том, как бы возвеличился в вас Христос. Прошу вас: никогда не опускайте правила оной молитвы, но, ядите ли вы, или пьете, или ходите, или что делаете, непрестанно говорите: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя».

Далее изложены подобные же наставления Диадокха и Василия Великого.

Наконец, прописано следующее решение Собора: «Итак, оказалось, что Варлаам неправославно и хульно говорил и писал о Фаворском божественном свете и о священной молитве, часто произносимой монахами; монахи же оказались невиновными, так как они содержат предания и учения о сем святых отцов, что и исповедали они и подтвердили. Поелику же Варлаам испросил у них прощение, то мы объявляем, что если он истинно покается и исправится, и никогда не будет ни говорить, ни писать о сем, то благо ему будет; в противном случае будет отъявлен и отлучен от Святой Соборной и Апостольской Церкви Христовой и от православного единства христиан.

6849 (1341) года, месяца июля, индикта 9-го. •[III/2 245]•

Иоанн, милостью Божиею архиепископ Константинограда, Нового Рима, и вселенский патриарх.

Смиранный митрополит Сардийский, экзарх всей Лидии и всечестный Григорий.

Смиранный митрополит Лакедемонский и всечестный Нил.

Митрополит Мадитонский смиранный Исаак.

Смиранный митрополит Визийский и всечестный Макарий.

Смиранный митрополит Алании и Сотириуполя и всечестный Лаврентий».

Подобен (копия) расписки, данной архиереями 15 индикта, в принятии сего соборного тома:

«Любим и принимаем суждение о благочестии, и расследование, и решение сего великого Собора, в котором председательствовал и треблаженный и святой наш владыка и царь, да и составленный там том, как вполне согласный с благочестием, и изложенные в нем расследования и решения любим всецело и принимаем, а осужденного в нем Варлаама и тех, которые истинным и неумытным судом имеют быть обличены соборно как единомысленные с ним и не раскаявшиеся, от души отвергаем и отъявляем.

Смиранный митрополит Филадельфийский Макарий.

Смиранный митрополит Росионский и всечестный Феодул.

Смиранный митрополит Варнский и всечестный Мефодий.

Смиранный митрополит Силиврийский и всечестный Исаия.

Смиренный митрополит Дидимотихский и всечестный Феоктист».

Сзади тома было написано и сие:

«Сначала, до Собора, не позван я был выслушать дело, но и тогда, когда меня позвали в Собор, в который я принес писания для прочтения, их не читали. Да и после суда опять я не позван был для рассуждения о написанном томе. Посему я и не захотел подписать его, где мне следовало. Когда же случилось: некто принес мне часть сочинений честнейшего иеромонаха кир Григория Паламы, а были они перехерены, и когда •[III/2 246]• я прочел их, тогда узнал истину, убедившись, что все содержащееся в них во всем в точности согласно с учением святых отцов. При том и проповеди его, кои слушал я, найдены мною во всем согласными с святыми отцами. Посему-то особенно я подписал том во свидетельство и уверение, что истинно все, проповедуемое и написанное честнейшим иеромонахом кир Григорием Паламою и прочими монахами.

Смиренный митрополит Кизика, пречестный и экзарх всего Еллиспонта, Афанасий».

Отмечаю особенности этого соборного деяния.

— В конце его сказано, что «монахи (афонские) оказались невинными, так как они содержат предания и учения (о Фаворском свете) святых отцов: что и исповедали они и подтвердили». Эти последние слова доказывают, что афонские исихасты представили в Собор *Исповедание* свое. Действительно,

так это и было. О том, что они написали так названный *Том святогорский*, выше переведенный мною по-русски (С. 227–233), и представили его в Собор, об этом упомянули византийские историки Иоанн Кантакузин и Никифор Григорас (Оправдания, № 30).

— В конце же соборного деяния, о котором идет речь, упомянуто, что Варлаам испросил прощение у оправданных Собором монахов. Однако впоследствии оказалось, что он просил их лицемерно, а не искренне, уехавши в Италию, где и был посвящен папою в сан епископа (Cantacuzen. Lib. II. Cap. XX, 40).

— До Собора (1341 г.) митрополиты: Филадельфийский Макарий, Палеопатрский Митрофан, Росионский Феодул, Варнский Мефодий, Силиврийский Исаия, Дидимотихский Феоктист и Кизический Афанасий, были последователями учения Варлаама, но после Собора отреклись от него и потому отречение свое подтвердили расписками на самом деянии соборном. •[III/2 247]•

По окончании Собора 1341 года вселенский патриарх Иоанн Калекас в ноябре месяце 1345 года, индикта 13-го, письменно уведомил афонских монахов об осуждении Варлаама как еретика, а жителям Константинополя и тамошним инокам предписал уничтожить все сочинения сего еретика, какие нашлись бы у них (Оправдания, № 31, 32).

Варлаам очутился в Италии. А на место его явился единомысленный с ним монах Григорий Акиндин. Святогорец

ли он был, или инок константинопольский, и где и от кого родился, получил воспитание и обучение тогдашним наукам, все это, к сожалению, неизвестно*. Ведомо о нем только вот что. Сначала он был православен и знаком с Паламою, потом, не зная почему, усвоил себе мнения Варлаама и был осужден соборно как еретик. Известны два письма Паламы к нему, когда он числился еще между православными (ἔτι τοῖς εὐσεβέσι καὶ φίλοις ἐναριθμούμενον). Они помещены в афоно-лаврской рукописи Маврокордата 1708 года. В первом письме Палама рассуждал, что латины, исповедуя исхождение Святого Духа *и от Сына*, не могут избежать обвинения в том, что они одному Духу усвоят два начала, т. е. Отца и Сына, и что богословские силлогизмы гораздо лучше называть аподиктическими, нежели диалектическими. Вот выдержки из этого письма.

«Что побудило нас писать? Мы слышали, что калабриец Варлаам издал книжку против латин, и желали прочесть ее. Желание наше исполнилось. Некто пришел к нам в праздник Пятидесятницы и принес эту книжку.

Варлаам пишет, что нисколько не странно, ежели кто признает два нача-

ла, т. е. Отца и Сына, разумеется, неразделенные и не противоположные одно другому, *а одно под одним или одно из другого*. Продолжая же, он утверждает, что нимало не странно содержать такое учение, и свидетеля приводит Григория Богослова, говорившего о Сыне: ἡ ἐκ τῆς ἀρχῆς ἀρχή = Он есть Начало из Начала. Ведь так-де нерушимым остается догмат единоначалия в божестве. •[III/2 248]•

Но когда ты слышишь, что Сын есть Начало из Начала, то разумеи, что Он есть такое же *Начало творения*, как и Отец, а не начало Св. Духа. Дионисий Ареопагит, этот премудрейший Богоявитель (θεοφάντωρ), богословствует, что Отец есть Единный источник пресущественного божества, а Сын и Дух суть как бы цветы и пресущественные светлы богородительного божества... Потом заключает (Дионисий), что Дух от одного Отца исходит» (Оправдания, № 33).

Второе письмо Паламы к Акиндину о *разноречии Варлаама в изложении догматов*; это письмо небольшое показалось мне темным. Из него видно, что Варлаам часто переписывался с Паламою, а Акиндин беседовал с ним. Но вот и выдержки мои. «Вспомни слова мои... и спеши очистить себя самого посредством умиловительных молитв и оросительных оздравляющих учений». — Замечательно вот и это: «Теперь не знаю, что заболело у Варлаама, что он скорым шагом обходит богоносных отцов как неизвестных, а сократистов и платонистов рисует как

* Григорий Акиндин родился ок. 1300 г. в Прилепе, в крестьянской семье, учился в Фессалонике; с юности стал монахом, пытался подвизаться на Афоне, но был изгнан оттуда; был учеником Григория Паламы, пытался посредничать между ним и Варлаамом, но в итоге сам был осужден (1341). Затем при поддержке патриарха Иоанна Калекасса возглавил партию противников Паламы в Константинополе, но потерпел поражение (1347) и умер в добровольном изгнании (1348).— П.К.

боговидцев и осиянных» (Оправдания, № 34).

Акиндин после бегства Варлаама в Италию оставался в Константинополе и, боясь, «как бы не убил его народ»*, многократно анафематствовал сего беглеца, как бы невинный. Такова была у него совесть по этой причине, или ему хотелось обманывать**. Однако он сбросил с себя личину православного богослова и, подобно Варлааму, учил, что свет, виденный апостолами на Фаворе, был сотворенный и что в Боге существо Его, свойства и действия различаются между собою только нашим рассудком, а в действительности составляют одно и то же Божеское естество. Соперник же его Палама в своих сочинениях изъяснял и утверждал ту мысль, что существо Божие имеет, так сказать, две стороны — одну недоступную для человеческого понимания, а другую доступную: первая есть существо •[III/2249]• Бога, а вторая свойства Его. Посему, не допуская, что Фаворский свет был проявлением самой сущности божества, он утверждал, что в этом свете видимо проявилась доступная человеку сторона божества. Сторону Акиндина принял патриарх Иоанн Калекас и туда же завлек и царицу Анну, мать Иоанна Палеолога малолетнего. Она вместе с этим патриархом писала святоторцам, что Палама содержится

в заточении за единомыслие с Кантакузиным и за смущение Церкви Божией новым учением о двух божествах, из которых одно невидимо, а другое видимо (Оправдания, № 35). А патриарх Иоанн в 1345 году соборно отменил свое прежнее осуждение Варлаама; Паламу же осудил как неправославного и отлучил от Церкви единомышленников его. Однако он и Акиндин недолго торжествовали. Царица Анна сблизилась с Паламою и в феврале месяце 1347 года созвала Собор из приверженных к Паламе епископов, который и осудил Калекаса и лишил его патриаршества. Деяние этого Собора помещено в Маврокордатовой рукописи (Оправдания, № 36). Вот начало и содержание их.

Начало. «Поистине существует только один главный строитель разных зол: это — супостат, производитель и предстатель всякого нечестия. Он, древле отдалив от Бога человеческий род, научил его признавать и почитать множество богов, как будто один Бог не мог спасти человека, сие животное небесное и земное...»

Содержание. Варлаам называется головщиком и защитником подновленного арианства и савеллианства и безбожного и многобожного сочетания и рассечения божества (συστολῆς τε καὶ κατατομῆς τῆς θεότητος). Он многих увлек за собою и обвинил в ереси честнейшего монаха Григория Паламу. Посему созван был Собор (1341 г.), который и осудил его. Осужденный Варлаам изъяснил было раскаяние, но потом

* Из этих слов можно заключать, что Акиндин был монах и учитель константинопольский, лично известный народу.

** Из помещенной ниже рукописи Метеоро-Варлаамского монастыря в Фессалии.

передумал и убежал тайно, нахлобучив на себя, как говорят, адский колпак из выдры (τὴν ἄδου κυνὴν, ὃ φασιν, ὑποδύς). Вскоре после Собора скончался царь (Андроник Младший). Тогда ученики •[III/2 250]• Варлаама, и особенно Акиндин, снова зашумели и привлекли к себе многих. Узнал это Палама и многократно обличал Акиндина. А этот, не могши устоять против него, собственноручною распиской утвердил свое точное согласие во всем со святыми отцами*, но вскоре отринул и расписку, и подпись своей руки и опять зашумел. И опять состоялся священный Собор в присутствии царя, опять блистательным ключом било благочестивое учение Паламы и единомышленников его. Далее поясняется, как и при каких обстоятельствах этот Собор состоялся.

«После первого Собора, подписанного патриархом Иоанном Калекасом,

* На поле Маврокордатовой рукописи другим чернилом и почерком написана следующая расписка Акиндина: Τὸ τοῦ Ακινδύνου οἰκειόχειρον γράμμα: «Ἐπεὶ συνεληλύθαμεν καὶ συνηξέτασάμεν περὶ τῆς διαφορᾶς, ἧς εἶχομεν πρὸς ἀλλήλους, ἐφάνη δὲ χάριτι Χριστοῦ, ὅτι οἱ πατέρες πρὸς ἃ εἶχον τὴν διαφωνίαν, ἐν οἷς λέγουσι καὶ γράφουσι, σύμφωνοι εἰσὶν ἀλλήλοις καὶ τοῖς ἀγίοις, καὶ γὰρ συμφωνήσας αὐτοῖς κατὰ πάντα, τὴν παροῦσαν συμφωνίαν εἰς ἀσφάλειαν οἰκειοχείρως ἔγραψα. Γρηγόριος ὁ Ακίνδυνος». [Собственноручная расписка Акиндина: «После того как мы собрались вместе и исследовали взаимное расхождение, бывшее между нами, по благодати Христа оказалось, что в отношении того разногласия, которое мы имели, отцы в своих речениях и писаниях согласны друг с другом и со святыми; и я, во всем согласившись с ними, собственноручно написал настоящее подтверждение о согласии. Григорий Акиндин».]

не прошли и два месяца, как вдруг в Константинополе явились разделения и смуты по причине коварства и честолюбия некоторых из синклита. Эти сановники вознамерились устранить Иоанна Кантакузина от опекуинства над царскими детьми, несмотря на то, что он был ближайший единомышленник и друг покойного государя и все дела вел хорошо. К этой партии пристал патриарх Иоанн и завлек и царицу Анну. Все это возмутило священного Паламу. Он предвидел имеющую произойти отсюда пагубу для царства и не однажды, не дважды, а многократно наедине и в присутствии многих то сам один, то с помощью других благочестивых вел надлежащие беседы: сегодня о несправедливо обвиняемом Кантакузине, завтра о благе христоименитого народа, но когда убедился, что патриарх идет против него и относится к нему враждебно, тогда ушел из Константинополя и проживал в окрестностях его. А патриарх начал покровительствовать Акиндину и беседовал с •[III/2 251]• ним днем и ночью, пересчитывая многих сторонников своих, кроме царицы Анны Палеологины, и решился рукоположить Акиндина сперва в сан иерея, а потом и в архиерея. Но царица воспрепятствовала, так что произошел в церкви шумный беспорядок, и Акиндина с бесчестьем вывели из нее и после побоев отправили в оковах на галеры. Но он убежал оттуда чрез подземельные ходы и трубы. Патриарх же был помилован, однако сделался еще хуже и сочинил целую книгу против

Паламы и монахов ради переделки прежде подписанного им соборного тома. Но когда он вознамерился рукоположить в Солунь какого-то единомышленника Акиндинова, тогда царица снова пристыдила его. А он в оправдание свое представил ей оную книгу. Между тем святейший патриарх Иерусалимский Лазарь и освященные митрополиты и епископы, жившие вне Цареграда при своих церквах, с дозволения державного и святого царя Иоанна Кантакузина составили Собор и присудили низложить патриарха Иоанна не только за прежние общевредные действия его, но и за общение и согласие с Акиндином. То же самое сделали и проживавшие в Цареграде в своих домах митрополиты: Ефесский, Кизический, Аланский, Хриstopольский, Апрский и Лопадийский, и о своем отлучении патриарха уведомили царицу. После сего она пригласила к себе Паламу и, посовествовавшись с ним, созвала Собор архиереев. В этом Соборе, бывшем в царских палатах под председательством ее самой и сына ее Иоанна Палеолога, присутствовали весь синклит, знатные клирики, архимандриты, игумены и властные граждане. Сперва прочитан был вслух всех том первого Собора, содержащий осуждение Варлаама. Потом процедили книгу патриарха Иоанна Калекаса, которую он представил царице и в которой хитро опровергал оный Собор, обзывал сообщников Паламы многобожниками и изложил следующие анафемы:

«Говорящим, что слава божества Христова отлична от существа Бога, анафема. •[III/2 252]•

Говорящим, что божественная благодать хоть и несоздана, но отлична от существа Бога, анафема.

Говорящим, что несозданное божество видится телесными очами, анафема.

Глупы и слепы те, которые, рассуждая о Преображении Господа нашего Иисуса Христа, говорят, что чрез Него просиял свет несозданный».

В оной патриаршей книге помещены были и Акиндиновы сочинения, в коих Фаворский свет выставлен не только созданным, но и ниже естества Ангелов.

Исследовавши все это дело, мы, епископы, с согласия божественной и мудрой ревнительницы благочестия, Богом венчанной царицы нашей и святого самодержца нашего и царя кир Иоанна Палеолога, всего синклита, клира, благоговейных архимандритов и игуменов, и многих почетных граждан, мы патриарха, недостодолжно правившего, отменившего том, которым утверждены благочестивые догматы, и присоединившегося к Акиндину и единомышленникам его, отлученным от Соборной и Апостольской Церкви, а Паламу и сотрудников его, подвизавшихся за истину и оправданных Собором, отвергшего, лишаям святительского сана и священнослужения и низлагаем, а ежели не раскается, то предаем и анафеме; осуждаем же и все сочинения их, наполненные всяким

коварством и нечестием и произведшие междоусобное разделение; равно и Варлаама и Акиндина и всех сообщников их нераскаявшихся отлучаем от Церкви, а покаявшихся приемлем в общение и даже дозволяем им и священнослужение. Если же кто или мыслил, или говорил, или писал против Паламы, то и такового анафематствуем, а иеромонаха Паламу и других, учащих согласно с благочестием и преданием, почитаем защитниками Церкви и помощниками ей.

Месяца февраля, индикта 15-го.

† Смиренный митрополит Кизический всечестный и экзарх всего Еллиспонта Афанасий.

† Митрополит Филадельфийский Макарий. •[III/2 253]•

† Митрополит всей Алании Лаврентий.

† Митрополит Дидимотиха и всечестный Феоктист.

† Митрополит Мефимны и всечестный Малахия.

† Митрополит Апрский и всечестный Харитон.

† Митрополит Мадитонский и всечестный Исаак.

† Митрополит Росиона и всечестный Феодул.

† Митрополит Варны и всечестный Мефодий.

† Митрополит Силиврии и всечестный Исаия.

† Митрополит Помпиуполя и всечестный Григорий.

Настоящее соборное решение состоялось до святейшего патриарха на-

шего кир Исидора в присутствии божественных и святых царей наших и святейшего патриарха Иерусалимского.

И те томы, которые составлены во свидетельство православия честнейшего иеромонаха кир Григория Паламы и бывших с ним монахов, православны и неукоризненны.

Подписи:

Лазарь милостью Божиею патриарх Иерусалимский.

Афанасий Кизический.

Макарий Филадельфийский.

Иосиф Адрианопольский

(Далее те же, что и выше.)

Иерофей Лопадийский.

Иосиф Каллиупольский.

Иаков Макрийский всечестный.

Павел, митрополит Ксанфийский».

На обороте сего деяния:

«Всецело принимая сей священный и соборный том вместе с прежним, который подтвержден настоящим томом, мы подписываемся на нем собственноручно, и оправданных в этих томах приемлем и не винуем, а обвиненных Варлаама и Акиндина и бывшего патриарха и единомысленных с ними, как нераскаявшихся, обвиняем и оглашаем.

Митрополит Ираклийский Филофей.

Фессалоникийский Григорий (Палама).

Севастийский Иаков.

Брусский Иерофей.

Траянопольский Герасим.

Митилинский Маркиан.

Митрополит Эносский Даниил.

Согдейский Евсевий.

Визийский Кирилл.

Готфский Петр.

Гареллонский Иоанникий.

Каллиупольский Иосиф». •[III/2 254]•

В этом Соборе Акиндин, по заверению Кантакузина, обращаясь к монахам (афонским), жестоко поносил их и обзывал не только мессалианами и неправомыслящими, но и обжорами и пьяницами, говоря: «Едят они более свиней и пьют более слонов, а когда протрезвятся после перепоя, тогда хвастаются, что знают тайны Бога и предсказывают будущее» (Оправдания, № 37).

Благоприятный исход Собора, о котором идет речь, предзрел в сновидении вышепомянутый афоно-ватопедский подвижник Савва, который тогда проживал в Константинополе. Это сновидение помещено в Житии его, написанном вселенским патриархом Филофеем (1369–1375 гг.). Вот оно в русском переводе с греческого подлинника, хранящегося в библиотеке Ватопедского монастыря (Оправдания, № 38).

«...Была ночь. Я прилежно и долго молился (об умиротворении Церкви, возмущенной ересью Акиндина). Под конец сей молитвы объял меня сон, но то был не сон, а как бы дремота телесных чувств, что-то среднее между бодрствованием и сном. И мне казалось, что я стою внутри храма, весьма обширного и великолепного, и вижу: блистательный сонм архиереев в полном

облечении своем выходит из алтаря Божия сановито и пышно; вышедши же из царских врат, они направились не в одну сторону храма, а, подобно раздвоенному потоку, разделились на две половины. Одни из них заняли места направо, благоприлично ставши лицом к святым образам и составивши из себя как бы цепь золотую, а другие поместились налево так же, как и те, чинно и бок о бок. Неизреченное благоговение выражалось во всех них; а некоторые потупили очи свои и смотрели на себя самих. Было молчание, какое бывает при совершении Таинств; и потому все мы, — а было нас немало, — объяты были благоговением и страхом. Потом вдруг я вижу: из одного же алтаря выходит одинехонек муж, имеющий, как мне казалось, сан диакона в светлом облачении и со светлым лицом, выходит как вестник неких дивных •[III/2 255]• повелений, ибо в руках у него была книга, и он готов был читать намеченное в ней. Поклонившись одинаково предстоящим на обеих сторонах храма и чинно прошедши посреди его, он тотчас взошел на амвон по ступеням его, и, по обыкновению окинувши всех взором своим, в котором светился ум, потом недолго осмотрев себя самого, дабы слушателей своих сделать более внимательными и бодренными, при глубоком молчании всех, берет в руки свою книгу (прошу вас быть внимательными: что и что я буду говорить теперь, то сам я слышал от великого Саввы — *это говорит патриарх Филофей*) и, грозный, раскрывает ее, и —

о страшное зрелище и слышание! — возглашает: «Акиндину, изрекавшему хулы на Церковь Божию, другому Иуде, предателю православия, другому Арию, рассекшему, как и первый, Церковь Христову, отступнику, явному врагу и преоборителю истины, анафема». Ее же возгласил и оный светлый лик архиереев вместе с народом, тотчас нарушив молчание. Когда же этот смешанный голос раздавался под сводами храма и многократно произносил анафему и когда и я невольно возглашал то же самое вместе с прочими, тогда вдруг пришел в себя самого, повторяя, однако, оный грозный глагол вестника, хотя и исчезло мое дивное видение».

Не забыть бы. Против Варлаама и Акиндина вместе с Паламою успешно ратовал монах Исидор Вухирас, долго подвизавшийся на Афоне, так что не желал себе никаких благ земных (Оправдания, № 39), однако впоследствии бывший сперва епископом Монемавасийским, а потом патриархом вселенским с 1347 года по 1350-й. Он во второй раз венчал на царство Иоанна Кантакузина в Константинополе*. Он же, как сейчас узнаем, в августе месяце 1347 года, уже как патриарх вселенский, соборно осудил последователей Акиндина по следующему случаю.

Осужденные февральским Собором 1347 года акиндиновцы •[III/2 256]• не только не покорились Святой Собор-

ной и Апостольской Церкви, но тогда же составили свой Собор в самом Константинополе, в который явились десять епископов, а двадцать прислали свои письменные мнения и решения, в коих осудили патриарха Исидора Вухираса, Паламу и его сподвижников. Но и их самих, и наипаче Ефесского митрополита *имярек* и архиереев Неофита Филиппийского и Иосифа Ганского, осудил и анафематствовал (если не раскаются) Собор, созванный патриархом Исидором в августе месяце 1347 года. Деяние этого Собора, в подлиннике помещенное в Оправданиях сей истории моей под № 40, подписали, кроме вселенского владыки Исидора, Иерусалимский патриарх Лазарь и двенадцать митрополитов — те же, что и прежде, и в числе их Солунский митрополит Григорий Палама*. Стало быть, он рукоположен был в сан архиерейский вскоре после февраля месяца 1347 года.

После помянутого сейчас августовского Собора прошли четыре года. В течение их варлаамо-акиндиновщина была еще сильна. Тогда защитниками этой ереси были самые видные личности, именно: даровитый и учнейший философ и историк Григорас и вышепомянутые митрополиты Ефесский и Ганский. Тогда же митрополит Палама написал четыре слова в обличение Григораса. Передаю содержание их.

* Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐκκλησίας, ὑπὸ Μαθᾶ. 1837.

* Я не перевел его по-русски по причине слабости телесных сил после воспаления печени 7 августа 1871 года.

ПЕРВОЕ СЛОВО,
НАПИСАННОЕ КАК БЫ ОТ ДРУГОГО
ЛИЦА, О ЛЖИ И НЕЧЕСТИИ
ГРИГОРАСА
(Оправдания, № 41)

«Ложь, клеветы и наговоры употребляет Григорас против Паламы... Но как пощадил бы он Паламу, когда не пощадил и благочестивейшего государя (Иоанна Палеолога)?

«Государь по принуждению подписал соборный том, противный правой вере» — так говоришь ты, пустельгий мудрец, Григорас! Государь, которому от матерней утробы врожденно благочестие, благодатью Царя Христа, и на котором положена Его печать самодержавия? Государь, который, еще не достигши •[III/2 257]• совершеннолетия, сам по себе не мог благосклонно смотреть на Варлаама? Государь, который, будучи еще отроком, свыше от Бога побуждаемый, повелел предстоящим мужам изгнать акиндиновцев из царских палат? Такой государь подписал принужденно? Нет, не принужденно, а идя по следам блаженной памяти божественного царя и отца своего и царственного тестя своего, которого еще и теперь мы часто называем благочестивейшим, и притом убеждаясь патриархом и самою истиной. Что еще? Григорас говорит, что оный том произвел ссоры и разногласия, а что всего хуже, воздвиг волны на божественные догматы Церкви, и потом ярится на Паламу, как на причинившего все это. Но соборные протоколы утверждены тремя царями, припечатаны тремя

патриархами (из которых один, говорят, мученичеством запечатлел свою веру в Иерусалиме) и более чем 50 архиепископами, кроме подчиненных им епископов. Итак, ежели том, утвержденный такими и столькими лицами, произвел ссоры, то как тут виноват Палама? Сей том служит поводом к разногласию, но только в кружке тех, которые не покоряются истине.

Царицу (мать Иоанна Палеолога) всякий язык называет Христоролюбивою, а Григорас и сего не захотел слышать.

Когда Собор осудил патриарха Иоанна за то, что он уклонился на сторону Акиндина, тогда Григорас и не подумал защитить его пред царем. А теперь, как сова, любящая мрачную ночь, отдал мозги свои ненавистному демону и во мраке неправды сочиняет всякую ложь. Например, говорит, что царь признавал богохульства Паламы как должно, только не высказался. Но на каком основании ты говоришь, что царь признавал должное, ты, который не говоришь ничего должного? Царь, находясь в Солуне, присутствовал при богослужении Паламы и был первый из числа освящаемых. Он и в Константинополе слушал литургию, которую совершал патриарх вместе с Паламою, и после литургии целовал руку его в присутствии всего народа. А когда Палама, после разговора с тобою, о Григорас, •[III/2 258]• в присутствии царя, отправился в Солунь, тогда не его ли царь напутствовал достойными приказами?»

Григорас называл Паламу безграмотным (ἀναλφάβητος). Но и Палама не щадил его, говоря: «Как железо, будучи черно по природе своей, после сильного разжигания огнем изменяет цветность свою лишь на несколько минут и потом опять чернеет, так и Григорас, блеснув рассуждением, опять становится урожденным невеждою».

Палама сравнивал ползающего умом по земле Григораса с муравьем, который, когда разгневался на него Бог, подвязал себе крылья и полетел воевать с Богом, но упал и разбился.

Далее разбирается учение сего философа и говорится, что он был преемником Варлаама и Акиндина, хотя сам Григорас и говорит, что у него не было никакого общения с ними. — «Многое из творений богословов-отцов, не зная, по какому нездоровью, Григорас дословно приводит как произведение Паламы и потом опровергает оное, дабы подорвать авторитет сих отцов. Притом сегодня божественное ставит наравне с тварями, а завтра это же самое признает и сущностью Бога, и тварью; сегодня единство Лиц в божестве и различие их утверждает, а завтра различие божеских Ипостасей отрицает, единомысля с Савеллием; потом, отвергнув единение их и видя в них Несозданное (Отца) и Созданное (Сына и Духа), согласуется с Арием, Евномием и Македонием, часто употребляя даже выражения их, а также и все богодухновенное Писание вооружает само против себя, и богоносных богословов заставляет ратовать с собою же и с другими».

ВТОРОЕ СЛОВО О ЛЖИ И НЕЧЕСТИИ ГРИГОРАСА

«По когтям узнается лев и по ткани паук» — так начинается это пространное слово о Святой Троице, о существе Бога и об энергиях Его. Из него между прочим видно, что Григорас обвинял Паламу в многобожии. •[III/2 259]•

ЕГО ЖЕ ТРЕТЬЕ СЛОВО, НАПРАВЛЕННОЕ ПРОТИВ СОЧИНЕНИЙ ГРИГОРАСА И ПРЕДСТАВЛЕННОЕ СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ ВСЕЛЕНСКОМУ (Оправдания, № 42)

В нем содержится обличение хулы Григораса на божественный свет преобразившегося Господа и противоположное ей исповедание, что этот свет был поистине несозданный и вечный.

«Кто из нас Преображение называет божеством? Мы не о Преображении рассуждаем, а о том, во что преобразился Христос. Кто из нас Преображение Христа на горе признает за изменение и пресуществление естества божеского? Ибо во Христе преобразилось на горе не божеское естество Его, а занятое от нас естество человеческое, как все мы в церкви поем единогласно: *Пременивый е во славу и сияние Божества Своего*. Кто из нас понимал Преображение Христово на Фаворе как предложение человеческого естества Христова в естество божеское? Напротив, Творец на сей горе явил первообразную красоту Свою в твари, оставшейся тварью, как воспеваем мы и это. Кто из нас

говорил когда-либо, что тело Христово изменено в тело несозданное и что оно по природе своей было несозданное? Кто из нас уважает мудрование нечестивых иконоборцев? А Григорас, все это признав нашим мудрованием, вооружается против него, как против нашего учения».

ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО ПРОТИВ
СОЧИНЕНИЙ ГРИГОРАСА
(Оправдания, № 43)

Содержит «Обличение всяческого хуления Григораса на божественный свет Преображения Господня и пространнейшие доказательства на то, что сей по истине несозданный и вечный свет есть не божеское естество, никому никак не проявляемое, а сущая у Него истинная и наиприятнейшая красота, по учению боговещателей, которая и ныне открывается, как залог, только святым людям, а в будущем веке сообщается и созерцается вечно». •[III/2 260]•

Все эти словопрения были бесплодны. Число последователей Акиндина и Григораса не уменьшалось. Надлежало сокрушить их соборно. Собор против них созвал вселенский патриарх Каллист в августе месяце 1351 года. В этом Соборе, кроме многих архиереев, присутствовал сам царь Иоанн Палеолог. Подлинное деяние его помещено в Маврокордатовой рукописи и в моих Оправданиях настоящей истории Афона, под № 44. Оно весьма длинно. В нем изложено православное учение о божестве и энергиях его и о несозданном и вечном свете Фаворском, а

противники сего учения, и наипаче архиереи Ефесский и Ганский и Григорас, отлучены от св. Церкви и анафематствованы, если не покаются. Под этим деянием подписались, кроме патриарха Каллиста, 24 митрополита и 3 епископа.

После этого Собора был еще Собор в июле месяце 6860 (1352) года во Влахернской палате, в котором решено было внести в известный Чин православия анафемы Варлааму и Акиндину и всем последователям их. Эти анафемы помещены в афоно-кутлумушской рукописи, написанной на пергаменте в начале XV века. Смотрите греческий подлинник их в моих Оправданиях, под № 45, а здесь прочтите русский перевод этих анафем.

«В месяце июле 6860 года, когда индикт был 5-й, вот что говорено и изложено письменно божественным и священным Собором, созванным против Варлаама, Акиндина и единомысленных с ними в богохранимой палате Священновлахернской, внутри великого триклиния, называемого Алексиевским.

Варлааму и Акиндину и последователям и преемникам их анафема трижды.

1) Мудрствующим и говорящим иногда, что свет, воссиявший от Господа при божественном Преображении Его, был сотворенный призрак, явившийся на короткое время и скоро исчезнувший, а иногда признающим его существом Бога и таким образом безумно ринувшим себя в противоположности

и невозможности, то бесясь бешенством Ария, который едино божество •[III/2 261]• и единого Бога делил на сотворенное и несотворенное, то соглашаясь с нечестием мессалиан, говорящих, что божеское существо видимо, но не исповедующим согласно с богодухновенным богословствованием святых и с православным учением Церкви, что оный божественный свет есть ни творение, ни существо Бога, а несозданная и естественная благодать, и озарение, и энергия, всегда исходящая из самого божеского существа, однако не отдельно от него, анафема трижды.

2) Еще: этим же самым мудрствующим и говорящим, что Бог не имеет никакой естественной энергии, а есть Он единичная сущность, или вполне признающим тождество и безразличие божеского существа и божеской энергии и не допускающим никакой разности между ними, полагая, что одно и то же существо иногда называется существом, а иногда энергией; равно и тем, которые безумно отрицают даже самое божеское существо и доводят оное до небытия, потому что учителя Церкви говорят, что только небытие не имеет энергии, также недугующим ересью Савеллия, и его старинное слияние трех ипостастей божества дерзающим ныне возобновить в божеском существе и в энергии Его и, подобно Савеллию, сливающим первое и второе, но не исповедующим согласно с богодухновенным богословствованием святых и с православным учением Церкви, что в Боге есть существо и есть

существенная энергия Его, как прочие весьма многие святые и наипаче отцы святого и вселенского Собора ясно глаголали о двух энергиях Бога, божеской и человеческой, и о двух волях, и не хотящим понять, что как есть неслиянное единение божеского существа и энергии его, так есть и неразъединяемая разность их, так что существо есть причина, а энергия действие, то не сообщимо, а эта сообщима — всем таковым, нечестиво мудрствующим, анафема трижды.

3) Еще: этим же самым мудрствующим и говорящим, что творима есть всякая естественная сила и энергия Триипостасного Божества, и потому поставленным в необходимость допускать сотворенность и самого существа божеского, так как, по •[III/2 262]• учению святых, *творимая* энергия предполагает *сотворенность* и существа, тогда как *несозданная* энергия характеризует *несозданность* и существа, вследствие сего находящимся в опасности впасть в совершенное безбожие и чистой и непорочной вере христиан навязывать еллинское баснословие и поклонение тварям, но не исповедующим с богодухновенным богословствованием святых и с православным учением Церкви, что несотворенна есть вся естественная сила и энергия Триипостасного Божества, анафема трижды.

4) Еще: этим же самым мудрствующим и говорящим, что сим вводится в Божество некая сложность, но не покоряющимся учению святых, которые внушают, что в естестве не бывает ника-

кой сложности от естественных свойств, а еще осмеивающим не только нас, но и всех, которые во многих словах своих многократно показывали в Боге упрощенность и несложность и вместе разность божеского существа и энергии Его, так, однако, что эта разность нисколько не нарушает упрощенности Божества, иначе они в богословствовании своим противоречили бы себе самим; всем таковым, так пустословящим и не исповедующим, согласно с богодухновенным богословствованием святых и с православным учением Церкви, что при оной богоприличной разности весьма хорошо отстаивается упрощенность Божества, анафема трижды.

5) Еще: этим же самым мудрствующим и говорящим, что название *божество* приличествует только одному божескому существу, но не исповедующим, согласно с богодухновенным богословствованием святых и с православным учением Церкви, что сие название не менее прилагается и к божеской энергии, и противоречащим, когда бы кто божеством назвал не одно существо Отца и Сына и Св. Духа, а и энергию их, как и этому научают нас божественные тайноводцы, анафема трижды.

6) Еще: этим же самым мудрствующим и говорящим, что божеское существо сообщимо, и так дерзающим вводить в нашу Церковь ересь мессалиан, древле недуговавших таким •[III/2 263]• мнением, но не исповедующим, согласно с богодухновенным богословствованием святых и с православным учением Церкви, что оное существо вовсе неуло-

вимо и несообщимо, а сообщима только благодать и энергия, анафема трижды.

Всем нечестивым словам и писаниям их анафема трижды.

7) Андронику, приснопоминаемому и блаженному царю нашему Палеологу, создавшему первый Собор против Варлаама и мужественно постоявшему за Церковь Христову и за этот Собор священный и поддерживавшему евангельские и апостольские догматы и делами, и словами, и дивными своеустными речами к народу, а вышепереченного Варлаама поправшему и отъявившему за его ереси, и писания, и пустозвонство против правой веры нашей, так что среди сих священных подвигов и мужественных защищений православия блаженно скончал здешнюю жизнь и преставился к жизни лучшей и блаженной, вечная память трижды.

8) Григорию, святейшему митрополиту Солунскому, соборно в Великой церкви поправшему Варлаама и Акиндина, — этих вождей и изобретателей новых ересей, — и их сообщников, дерзавших называть тварями естественную и не делимую от Бога энергию и силу Его, и вообще все вместе естественные свойства Святой Троицы, да и неприступный свет божества, воссиявший на горе от Христа, называвших божеством созданным, и идеи Платона и еллинские басни предпринимавших опять вводить в Церковь Христову, и мудро и мужественно ратовавшему за общую Церковь Христову и за истинные и непогрешимые догматы о божестве

посредством своих писаний и словесных разглагольствий, и едино Божество и единого Бога триипостасного, действующего, хотящего, всемогущего, несозданного проповедававшему, согласно с божественным Писанием и с толкователями его и богословами, именно с Афанасием и Василием, Григорием, Иоанном и Кириллом, и кроме их с Максимом премудрым и богоречивым Дамаскиным и с прочими отцами и учителями Церкви Христовой, и сообщнику, и сподвижнику, и единогогласному радетелю, •[III/2 264]• и споборнику всех их, заявивших себя и словами и делами, вечная память трижды.

9) Всем, за православие подвизавшимся вместе с приснопоминаемым и блаженным царем оным и после него, и словами, и делами, разглагольствиями, и писаниями, и учениями и мужественно постоявшим за Церковь Христову и словом и делом, а лукавые и многообразные ереси Варлаама и Акиндина и единомышленников их в Церкви обличавшим и отъявлявшим, апостольские же и отеческие догматы православия блистательно поведавшим, и за то от худослушающих злоучителей поносимым и поругаемым вместе с священными богословами и богоносными отцами нашими и учителями, вечная память трижды.

10) Исповедующим единого Бога триипостасного, всемогущего, в Котором несозданно не только существо с ипостасями, но и энергия, и говорящим, что божеская энергия исходит из божеского существа и, исходя, не

отделяется от него, и чрез такое исхождение обозначающим неизглаголанное отличие ее, а чрез исхождение неотделимое показывающим преестественное единение (ее с существом божеским), как это возвестил и святыи Вселенский Собор Шестый, вечная память трижды.

11) Исповедующим Бога несозданного и безначального как по существу, так и по энергии и говорящим, что в Боге существо божеское несообщимо и недомыслимо, а сообщима достойным только божеская и боготворящая энергия, как это изрекают богословы Церкви, вечная память трижды.

12) Исповедующим, что свет, неизреченно воссиявший на горе от преобразившегося Господа, есть свет неприступный, свет беспредельный, и недомыслимое излияние божеского блеска, и слава неизреченная, слава божества пресовершенная и пречистая, и безначальная слава Сына, и царство Божие, и красота истинная и сладостная, окрест существа божеского и блаженного, и естественная слава Бога, и божество Отца и Духа, сияющее в Сыне едиnorodном, как это изрекли божественные и богоносные отцы наши: Афанасий и Василий Великие, Григорий •[III/2 265]• Богослов, Иоанн Златоустый и Иоанн Дамаскин, и потому учащим, что божественный свет сей не создан, вечная память трижды.

13) Учащим, что свет Господнего Преображения не создан, по вышепереченному, однако говорящим, что он не есть преестественное существо Бога, так как

оно все пребывает невидимо и несообщимо: *Бога бо никто же виде никогда же*, т.е. в существе Его, как говорят богословы; паче же говорящим, что оный свет есть естественная слава пресущественного существа, из него исходящая, неотделимая от него и являемая по человеколюбию Божию тем, у кого очищен ум, с каковою славою Господь наш и Бог приидет во второе и страшное пришествие Его судить живых и мертвых, как говорят богословы Церкви, вечная память трижды.

Возглас:

Многая лета царям! Боже храни державу их! Боже умиротвори царство их! Царю небесный сохрани земнородных!»

Все эти Соборы вместе с торжественными проклятиями варлаамо-акиндиновщины и провозглашениями вечной памяти ревнителям и защитникам православия имели сильное и благотворное влияние на современников, и наипаче на последователей Варлаама и Акиндина, так что многие из них письменно отрекались от учения сих еретиков, а вселенские патриархи с синодом своим от посвящаемых в архиерейский сан и даже от возводимых на патриаршие престолы требовали письменно исповедания веры со включением в него осуждения варлаамской ереси. Двенадцать таких вероисповеданий и отречений дошли до нас. Они напечатаны Миклошичем в его «Актах патриархата Константинопольского»*.

* Acta patriarchatus Constantinopolitani. Tom. I. Vindobonae, 1860.

Я перепечатал их в Оправданиях настоящей истории Афона, под № 46, для округления моего исследования афонского толка о Фаворском свете. Тут прочтите их в греческих подлинниках, •[III/2 266]• ежели они вам любы. А переводить их по-русски я не решился, потому что во всех их нет ни слова об Афоне и потому что нужнее их для сведения признаны мною сочинения Паламы, Акиндина, некоего *имярек* и вселенского патриарха Филофея о занимающем нас предмете. Перечисляю эти сочинения.

— Блаженнейшего архиепископа Фессалоники Григория Паламы главы физические, богословские, нравственные, практические и очищающие от заразы Варлаама, числом 150. — Из них я перевел по-русски сорок три главы и напечатал в описании Первого путешествия моего по Афону (Ч. I. отд. I. С. 251–259). Там прочтите их, а греческий подлинник посмотрите в Оправданиях настоящего сочинения моего, под № 47.

— Григория Акиндина *ямбические стихи о ересь Солунского архиепископа Григория Паламы* (Оправдания, № 48).

«Кто благочестив, да бежит поскорей от Паламы.

Он не ленив на безбожные выдумки;
Верные ж догматы мудрости святой
Разом грызет и слюнит, как удила,
Уклонясь от учений отцов.

Опасности нет. Но ведь свет для ума
И Церкви украшение всей
Это — догмы, внятные верным,

Светоносные догмы православия и проч. и проч.»

— Некогого имярек* *Сказание о том, как недугуют последователи Варлаама и Акиндина* (Оправдания, № 49).

«Варлаам, поклонник еллинских мудрований, полагал, что нет другого божественного света, кроме знания и кроме тщетной философии еллинской. Посему и не верил, что есть иной свет божественный и присносущее озарение от Бога, сообщаемое лишь тем, у кого сердце очищено посредством исполнения заповедей Бога, и только ими созерцаемое. Итак он, услышав от монахов о божеском осиянии и о многих богоявлениях, и •[III/2 267]• наипаче о свете, бывшем на горе Фаворской, услышав и то, что эти монахи свет преображения Господня признавали светом божеским и присносущим, так как просветилось лице Его, как солнце, и одежды Его сделались белы, как снег, пошел опровергать их и написал рассуждения, отрицающие сей божеский свет, желая выказать его вещественным, и исчезающим, и чувственным, и созданным и говоря, что этот свет не был всегдашний, но только тогда явился, да видят его ученики, сущие простецы, и дивятся, и опять пропал, исчез и обратился в небытие. Монахи же, увидевши эти рассуждения его, упростили Паламу беседовать с ним, усовестить его и остановить, чтобы он не говорил и не писал ничего подобного, не хулил бы сей божеский свет и не порицал бы святых, воспевающих его. Ибо Варлаам писал в рассуждениях своих, что всякий думающий об оном свете

иначе, нежели как он пишет, есть еретик и нечестивец и безбожник. Видел его Палама и многократно беседовал с ним, и умолял, и обличал, и переспоривал устно, но нисколько не мог убедить его, так что он еще более питал в себе оное хуление и порицал святых. После сего Палама вынужден был писать против него и, сделавши свод всех слов мужей святых о божеском свете Преображения, доказал этими словами, что этот свет — божествен и недоступен, безлетен, несоздан, что он есть вечное озарение, и благодать, и слава Бога, и что святые называют его божеством. Так, великий Григорий Богослов говорит, что оный свет есть божество, показанное на горе ученикам, едва стерпимое для зренья. На это Варлаам отвечал, что ежели оный свет был таков, то он был самое существо Бога и, следовательно, это существо сообщимо и видимо, а это хульно и нечестиво и отзывается учением мессалиан. Против сего Палама написал, что оный свет хоть и божествен и несоздан и хоть божеством называют его святые, но он не есть существо Бога, а есть только энергия Его и благодать, и слава, и осияние, ниспосылаемое святым из божеского существа. Ибо •[III/2 268]• все святые, и Ангелы, и человеки видят только безлетную славу Бога и благодать Его присносущую, и дарование получают; существо же Бога никто никогда не видел, ни человек, ни Ангел, да и видеть не может. Услышав сие, Варлаам отписал, что ежели существо Бога несообщимо и невидимо, а энергия Его и благодать — сообщима

* Давида Дисипата (XIV в.). — П.К.

и преподается святым, то, значит, существуют два бога, *превышний* и *подвышний*: превышний — это существо Бога невидимое, а подвышний — это энергия и благодать, которую получают святые от Бога. Таким образом, сковал обвинение в двубожии и наполнил им слух многих. На это отвечал Палама, что существо Бога хоть и несообщимо тварям и даже Ангелам, а сообщима энергия и благодать его боготворящая, которую получают и Ангелы и человеки, но, получаемая ими, остается, однако, неотделима от существа Бога и неразлучна с ним; посему нет двух богов или двух божеств. Ибо как в чувственном солнце диск его не осязаем и недоступен глазам, — ведь если бы кто приблизился к нему, тот лишился бы зрения от нестерпимого света, да и сгорел бы дотла, а лучи солнечные доходят до нас и освещают всё в мире, — так и в Боге, Который есть солнце умосозерцаемое, хоть мы и говорим, что несообщимо и невидимо существо Его, а сообщима энергия Его и благодать, которую получают все святые, но один и тот же Бог имеет в себе и существо и энергию. Ведь не послушали бы того, кто сказал бы, что существуют многие солнца, а не одно: так не стоит внимания и тот, кто сказал бы, что существуют многие боги, потому что есть энергии и благодати у Бога. Как, по учению Святой Церкви Божией, Отец имеет Сына и Духа Святого а мы называем Богом и Отца, Богом и Сына, Богом и Духа Святого, и не говорим, что существуют три Бога, а исповедуем, что три суть един Бог, так

точно хоть и говорим мы, что существо Бога имеет естественные энергии и благодати и что оно называется божеством, каковое название придается и боготворящей энергии и благодати Его (существа), но одно есть божество, •[III/2 269]• существующее нераздельно с энергией, которая неотделима от существа, подобно тому как Сын или Дух Святой не отделены от Отца. Это уясняется примерами и из чувственной области. Как луч неотделим от солнца или жар от огня и как мы говорим, что существо солнца, т.е. диск его, как несообщимый, превыспреннее лучей и сияния, посылаемого в наши глаза, потому что онный диск есть источник и начало, и корень, и податель сияния, так точно мы говорим, согласно с учением святых, что и божеское существо, как несообщимое и невидимое превыспреннее посылаемых из него озарений, и действий, и дарований, кои дает и сообщает святым Святая Троица: Отец, Сын и Святой Дух, ибо все божеские энергии и дары общи трем поклоняемым Ипостасям. И как Господь в Евангелии говорит: *Отец мой болий Меня есть*, — и говорит это, как человек, подразумевая наипаче то, что Отец есть родитель Сына, а не Сын Отца, так и в Боге, по учению богословов, существо божеское превыспреннее сообщаемых из него энергий и даров, яко причина их и источник. То есть причина, а эти — последствия, так как оно дает и сообщает их, а не эти производят его.

Что мудрствует Варлаам, то и Акиндин, то есть что свет, воссиявший на

Фаворе при божеском преображении, есть свет созданный и что все божеские энергии, и озарения, и дарования Духа созданны, и только одно существо Бога несозданно. Но и это мудрование неудобоприемлемо. Ибо если бы кто сказал, что лучи солнца темны, тот необходимо и самый диск солнечный, изливающий их, признал бы темным, потому что каков диск, таковы и лучи: если он светел, то и они светлы, а если темен, то и они темны. Подобно думай и о божеском существе и о божеских энергиях. Каковыми назовешь их, таковым наречешь и существо божеское. Если несозданны энергии, то несозданно и это существо, а ежели созданны, то создано и оно, так как энергии не отделены от существа. Как неправильно мыслил бы тот, кто сказал бы, что лучи диска темны: сам же он •[III/2 270]• светел, ибо по диску и лучи; так не вестъ что вещал бы о Боге и тот, кто говорил бы, что энергии его созданны, а существо несозданно, ибо каковы энергии, таково и источающее их существо; ежели они несозданны, то и оно несозданно, ежели они созданны, то и оно создано. Пример сему и источник. Каков он, такова и истекающая из него вода: он сладок, и эта сладка, он горек, и эта горька. Подобный пример представляет и огонь. Если бы кто сказал, что огонь издает жар, а исходящая от него энергия холодна, тот явно врал бы, потому что жаркое существо не может производить энергии холодной и, наоборот, существо холодное не даст энергии жаркой, так как вода не горя-

чит и огонь не прохлаждает, но та и сей имеют энергию, соответственную существу. Так точно и в Боге энергия подобна и соответственна существу: несозданно оно, несозданна и энергия; называющий же энергию созданою неизбежно представляет и существо созданным.

Выше я сказал, что мудрование Варлаама есть мудрование и Акиндина. Однако случилось вот что. Так как о Варлааме осужденном носилась худая молва, то Акиндин по этой причине отрекся от единомыслия с ним, опасаясь попасть в руки народа, яко защитник Варлаама, и многократно анафематствовал его, как невиновный, будучи виноват и выказавши такую совесть вследствие оной причины. Однако он лгал недолго и впал еще в худшую ересь в сравнении с Варлаамовой. Ибо и он мудрствует, что боготворящая благодать создана, но по страху, как бы и ему не потерпеть того, что потерпел Варлаам, говорит, что благодать несозданна, разумея, однако, под нею существо Бога, и выставляет его сообщимым всем тварям, разумным и Ангелам, одушевленным и неодушевленным: что превыше всякого нечестия.

Таковы, кратко сказать, нечестия Варлаама и Акиндина».

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ТОМ,
ЧТО БОЖЕСТВОМ НАЗЫВАЕТСЯ СВЕТ,
ОЗАРИВШИЙ УЧЕНИКОВ ВО ВРЕМЯ
ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДА •[III/2 271]•

Григория Богослова: «Свет, явленный ученикам на горе, есть божество, едва-едва стерпимое для зренья». *Его же:*

«Опять приидет Христос во плоти таким, каким явился ученикам на горе или показался, так что божество преодолевало плоть».

Дамаскина: «Исчезла тень после удаления закона: пришел же явно Христос — Истина. Моисей возопил, увидев на Фаворе Твое божество». «Нестерпимое твое светоизлияние и неприступное твое божество увидевши избранные апостолы...»; «Божества Твоего, Спасе, сияние...»; «Из плоти Твоей лучи божества исходили...».

Из Метафрастова Слова в день Иоанна Богослова: «Когда Иисус взшел на гору, тогда восходит (и Иоанн) и удостаивается видения дивного и невыразимого словом, узрев божество Слова открывшееся».

Василия Великого из нравственных наставлений: «Красота Сущего, Всесильного, есть божество Его умосозерцаемое. Эту красоту Его, превосходящую свет солнечный, видели Петр и сыны Громы на горе, и так удостоились видеть очами предначинание второго славного пришествия».

Дамаскина: «Днесь света неприступного пучина, днесь сияния божеского реяние на Фаворской горе светит апостолам. Ныне узрено незримое человеческими очами; из тела земного светится сияние, тело смертное источает славу божества. Ибо Слово воплотилось и плоть сочеталась с Словом. Если то и другое и не изменило естества своего, — о чуде! — то не извне слава сообщилась телу, но внутри его явилась неизреченно из соединенного с

ним в ипостаси Бога Слова пребожественного божества». •[III/2 272]•

Андрея Критского: «Сему удивляются Ангелы. Сие славословят Архангелы. Доказательством же реченного служит то блаженное и многопетое увлечение, которым на горе увлеклись апостолы, когда неприступный и невременный свет, преобразивший тело Господа, пресущественно блистал преизбыточествующим светоизлиянием».

Иоанна Златоустого: «Светлейшим показался Господь, когда божество явило лучи свои».

Василия Великого: «Бог живет во свете неприступном. Неприступное истинно, и истинное неприступно. Некогда попадали апостолы, не могли зреть славы света Сына, потому что Он есть свет неприступный».

«В проявленном свете Твоем днесь на Фаворе свет мы видели Отца, свет и Духа, освещающий всю тварь».

После этих свидетельств [в метеороваралаамской рукописи] непосредственно следует:

— Преподобнейшего Матфея* краткое указание, во сколько и какие ереси жалко впадают последователи калабрийца Варлаама.

«У говорящих, что Бог не имеет энергии, ученики Варлаама похищают Бога и провидение Его. Ибо что не имеет энергии, то не существует. А это равно безбожию Епикура.

* Не знаю, кто он и где спасался. А был писателем XIV века.

Которые же признают, что у Бога энергии созданны, те делают из Него тварь, так как созданная энергия напоминает созданное существо, несозданная же — несозданное. Ибо в простом и несложном существе, по словам Великого Василия, энергия характеризует существо либо несозданное, либо созданное. Таковые на степень твари низводят не только две ипостаси поклоняемой Троицы, как Арий, но и самого Отца. Древние монофелиты, придавая Христу одну волю и одну энергию, полагали, •[III/2 273]• что Он имеет и естество едино. А сие положение ведет к заключению, что в Нем страдало и божество. Варлаамиты же, считая божескую энергию созданною, и самое естество Божие, несомненно, понуждают считать созданным; затем уже никто не препятствует думать, что и оно участвовало в крестном страдании так же, как человеческое естество. Таким образом, и они повинны в ересь монофелитов, и монофизитов, и феопасхитов, да и ариан. Еще: так как они отрицают божескую благодать, очищающую прародительский грех посредством божественного Крещения и установившую уставы священства, то отрицают и божественное Крещение и домостроительство Церкви делают несостоятельным и таким образом ничем не отличаются от некрещеных иудеев или агарян. Которые же из них признают благодать Отца несозданною, а Сына и Святого Духа только энергиями Его, но не ипостасными существами, те, не давая Троице *общей* энергии, превращают

божеское естество в одну ипостась, как Савеллий и как иудеи; а мудрствуя, что Сын есть благодать Духа, представляют Христа, согласно с Несторием, простым человеком, имевшим только одну несозданную благодать Бога, как имели ее богоносные у нас мужи. Признавая же творениями дары и энергии Духа Святого, сопричисляют Его к тварям, согласно с духоборцем Евномием, потому что, как сказано выше, какова энергия, таково и существо. Когда они говорят, что самое существо Духа исходит и дается от Христа, тогда увлекаются то догматами латин, то учением мессалиан, полагавших, что добродетельные люди получают от Духа самое существо Его и сами делаются богами; а мудрствуя, что вся тварь сподобляется не провидения и благодати Бога, а самого существа Его, боготворят сию тварь, как боготворили ее идолопоклонники. Портя же Священные Писания и приспособляя их к своему зломыслию, строго подражают поддельвателю Маркиону».

Таково вкратце настоящее слово.

За сим непосредственно следует:

•[III/2 274]•

«Варлааму, Акиндину и последователям и преемникам их анафема.

Мудрствующим и говорящим *иногда*, что свет, воссиявший от Господа при божественном преображении Его, был сотворенный призрак, явившийся на короткое время и скоро исчезнувший, а *иногда* признающим его существом Бога... анафема...» (Выше смотри эту анафему под цифрой 1. стр. 260–261).

— «Святейшего и мудрого патриарха Филофея (1360–1374 гг.) 12-е слово против философа Григораса о монахах Святой Горы Афонской и о священнобезмолвствующих там». Греческий подлинник сего предлинного слова помещен в Оправданиях моих под № 50. Там читайте его, а меня увольте от перевода его на русский язык. В настоящие дни, когда я пишу эти строки, телесные силы мои слабы от продолжительной болезни (с 7 августа 1881 г.), именно от воспаления в печени. Quid potui feci, faciant meliora potentes. Надобно же и другим предоставить занятие переводчика. Пусть и они потрудятся, поговаривая: «Не все же деписания афонские перевел нам преосвященный Порфирий, некоторые из них оставил без перевода, дабы и мы удили рыбку в святогорском море разливанном».

Готовьте ваши удочки. А я закинул свою прежнюю мрежу в это море, и вот вам две тони на ваше счастье.

**§ 100. Богомилская ересь,
на Афоне не укоренившаяся.
Соприкосновение Афона
к делу об отщепенстве
Сербской Церкви
от Константинопольской**

Не одна варлаамо-акиндиновщина тревожила Афон в первой половине XIV века, тогда беспокоили его еще богомилская ересь и отщепенство Сербской Церкви от Константинопольской.

Ересь богомилов была продолжением и видоизменением армянских пав-

ликиан. Византийские цари, желая обезопасить •[III/2 275]• северо-западную границу своего государства от вторжений варварских племен, неоднократно переселяли из Армении в окрестности фракийского города Филиппополя павликиан, отличавшихся особой воинственностью, дабы составить из них пограничную охранную стражу. Первое известное переселение их было при царе Константине Копрониме (741–775 гг.), второе — при Иоанне Цимисхии в 970 году*. От сих еретиков заразились лжеучением и некоторые славяне в Болгарии и греки в Македонии, Фессалии и других областях. Болгарский пресвитер Козьма (конца X века) в своем слове о богомилах сказал, что «первѣе нача оучити ереси въ землѣ Болгарстѣй попѣ Богомилѣ, жившій въ лѣта православнаго царя Петра» (941–968 гг.). Последователи его назывались богомилами, бабунами, манихеями, мессалианами, евхитами, армянами, павликианами и фундаитами (от греческого слова φοῦνδα — мешок, так как они скитались с мешками) (Wolfii, Historia Bogomilorum. Vitembergae, 1712).

**УЧЕНИЕ БОГОМИЛОВ
было такое.**

1) Они признавали верховного Бога доброго, Который сотворил невидимый духовный мир, и отпадшего

* Георгий Амартол, изд. Муральта. С. 648. — Анна Комнина, Alexiad. lib. XIV, ed. Venetiis. P. 356. — Зонара, lib. XVII, ed. Venetiis. — Глика, lib. VI, ed. Bonnae. P. 623.

демона злого, который создал мир видимый, вещественный.

2) О падшем демоне они учили, что он есть сын Бога и назывался Сатанаилом, и что он старше Сына-Слова и превосходнее Его как первородный, но, возгордившись своим достоинством, замыслил отпадение от Отца, отпал от Него и увлек за собою многих духов, за что и был свергнут с ними с неба.

3) Низверженный оттуда Сатанаил, не могши поселиться на водах, так как земля была невидима и неустроена, а между тем еще сохраняя божеский вид и власть творить, решился создать себе сушу для обитания. Создав ее и всю видимую природу (как рассказывается это в книге *Бытия*), он сотворил •[III/2 276]• тело человека, но поелику не мог вдохнуть в него душу живую, то и отправил послов к доброму Отцу с просьбой послать в него дух свой, и обещал, что оба они будут владеть человеком сообща и что из человеческого племени будут пополняться места низверженных ангелов.

4) Скоро раскаявшись в этом обещании своем, Сатанаил позавидовал человеку и начал строить ему ковы. Он обманул Моисея и, взошедши на Синайскую гору, дал ему закон, посредством которого погубил бесчисленные тысячи людей. Итак, богомилы учили, что ветхий закон произошел от лукавого. По словам Козьмы пресвитера, они принимали только Евангелие и Апостол, а все книги ветхозаветные отвергали; по заверению же Евфимия Зигавина, чита-

ли Псалтирь, пророков, четыре Евангелия и Апостол с Апокалипсисом. Такая разница произошла от разных богомильских толков, которых, по свидетельству реченного пресвитера, было весьма много.

5) Богомилы, прельщая простых людей, будто веруют в Отца, Сына и Святого Духа, на самом деле усваивали эти три имени одному Отцу, а о Сыне и Святом Духе учили, что они, получив бытие от Отца спустя 5500 лет от создания мира, когда Бог восхотел искупить человека, по совершении искупления снова слились с Отцом, Который, таким образом, опять стал одно Лице.

6) Об искуплении богомилы учили так. Люди, будучи угнетаемы жестоким господством демонов, страшно погибали, так что немногие из них поступали в лик ангелов: именно, из всех ветхозаветных людей — только те, которые записаны в родословиях Иисуса Христа у евангелистов Матфея и Луки. Но наконец Отец приметил, что Его коварно обманывают, так как Он лишается большей части людей, между тем как предоставил им участь лучшую. Посему, пожалев о душе, которую вдувал в человека, Он в 5500 году отрыгнул из сердца Своего Слово, которое есть Михаил Архангел, ибо сказано: *наречется велика совета ангел*, — и которое называется •[III/2 277]• Иисусом, потому что врачует всякую болезнь, и Христом, потому что помазано было плотью. Слово сошло с небес и воплотилось не действительно, а только призрачно,

вошедши в правое ухо Девы и вышедши тем же путем. Это Слово, живя на земле как призрак, обмануло Сатанаила, связало его толстой и тяжелой цепью, заключило в тартаре и, отнявши от имени его окончание *ил*, оставило ему только *сатана*. По исполнении своего служения, Оно возвратилось к Отцу и снова исчезло во чреве Его, в котором было заключено прежде.

7) О крестных страданиях Христа богомилы учили, что Он распят был не по Своей воле и не за спасение человеческого рода, а по нужде (Козьма пресвитер) и что демоны выдумали крест, дабы погубить Его (Зигавин). Посему они называли крест враждою Бога и говорили: «Аще кто убьет царева сына деревом, может ли то дерево любо быти царю? Тако же и крест Богу» (Кормчая, гл. 90).

8) Новозаветная Церковь, как и ветхозаветная, по учению богомилов, не от Христа, а от диавола. Посему они отвергали ее со всем учением, со всеми таинствами, обрядами и учреждениями ее. О таинствах говорили, что в них — не благодать Святого Духа, а сила диавола. За иконопочитание они называли православных христиан идолопоклонниками; о мощах святых говорили, что при них сидят демоны и творят кажущиеся чудеса.

9) Богомилы не признавали воскресения тел и о своих последователях говорили, что они изменяются, как бы во сне, и без всякого труда скидывают грязное одеяние плоти и надевают на себя

бессмертную и божественную одежду Христову. А тело их обращается в пепел и прах и никогда не восстанет.

10) Св. Писание они толковали по своему, иносказательно, приспособляя толкования к своему учению и к истории своей секты.

Что касается до богослужения богомилов, то у них не было особых храмов. Они говорили, что Вышний живет не в рукотворенных храмах, а на небе, и молились каждый у себя дома. •[III/2278]•

Называя литургию и всеобщественное богослужение христиан многоглаголением, они произносили одну молитву *Отче наш* и совершали свои моления одни — четыре раза в день и пять раз ночью, другие — десять, а иные — пятнадцать раз.

При перекрещивании православных, которые переходили в их секту, были петы богомилами непотребные молитвы. Однако более строгие из них не допускали крещения. Праздников у них не было, а посты соблюдались в понедельник, среду и пятницу. Иерархическое устройство у них состояло в том, что каждая частная община имела своего учителя и при нем 12 апостолов. Впрочем, богомилы всех последователей своих называли священниками и диаконами, и сами себя исповедовали и разрешали от грехов, как мужчины так и женщины.

Нравственное учение богомилов было сурово-аскетическое.

1) Так как весь видимый мир и тело человека, по мнению их, произошли

от диавола, то они земную задачу человека поставляли в том, чтобы одолевать плоть духом посредством подвигов самоотвержения. Отсюда посты, продолжительные молитвы, воздержание от мяса и вина. Одежду богомилы носили монашескую.

2) Заповедуя своим последователям все вообще христианские добродетели, богомилы учили особенно нестяжательности и добровольной нищете. Ссылаясь на слова Св. Писания: *не делайте брашно гибнущее, но пребывающее в живот вечный, не пекуйтесь, что ясте, или что пиете и пр.*, — они заповедовали не заботиться о завтрашнем дне и сами большей частью питались милостынею.

3) Признавая Таинство Брака учреждением диавола, богомилы были безбрачны и ненавидели детей, даже происшедших от законных родителей, а некоторые между ними заповедовали отрезывать детородные уды.

Секта богомилов была не только противоцерковная, но и противогосударственная. Они, по всей вероятности, смотрели на гражданственность как на учреждение диавола и потому учили •[III/2 279]• своих последователей не повиноваться властям, хулили богатых, ненавидели царей и рабам не велели работать господам своим (Оправдания, № 51).

Эти еретики явились и на Афоне в своих мантиях и кукулях. Некоторые из них известны и по именам. Это были Иосиф с острова Крита, Георгий из

фессалийского города Лариссы, Моисей живописец, Исаак, Давид и Иов. Они нарочито усваивали себе имена древних святых мужей, дабы казаться благочестивыми и обманывать простаков, а на самом деле были подобны гробам, снаружи красивым, внутри же наполненным мерзостями. Однако учение их не принялось в святогорских монастырях и скитах. «Тамошние богоносные монахи, — по заверению Григораса, — всеми руками своими прогнали от себя этих гнусных лицемеров и в священный синод патриарший представили записку^{*}, в которой изложили хульное учение и нечестие богомилов, показавши, что они тайно раскалывают и жгут святые иконы, любят учительскую мочу и кладут ее в свои снеди, а воплощения Божества не признают. О прочем лучше молчать. Для чего перечислять многое и осквернять слух благочестивых, когда желающие могут узнать все это из вышепомянутой записки, внесенной в патриарший кодекс и передающей весьма подробно все нечестие богомилов? Эти еретики никак не могли обмолочить чистые очи боголюбивых мужей, живущих на Святой Горе для одного Бога, подобно тому как полынь с медом не обманывает тех, у кого не испорчен вкус, или зловоние, примешанное к розам, не превращается в благоухание у имеющих обоняние неповрежденное. Напротив, эти святые мужи, вос-

^{*} Я не нашел ее в библиотеках афонских. А архив Протата мне недоступен был.

пламенив свои души божественною ревностью как стремительным огнем, начали точно визнавать зло, мало-помалу изучая его и от худых ветвей добираться до корня. Нашедши же их корень, они некоторых из них наказали законным порядком, а других разверстыми ладонями вытолкали •[III/2 280]• от себя; иные же тайком убежали еще прежде, нежели разузвано было их нечестие. Эти ушли в города Солунь, Веррию и в державный Царьград, в котором, как в общем для всех вместилище, при разноязычии и разности мнений и нравов им легко было, по мнению их, прикрывать свое нечестие и подражать дятлам, которые, порхая по деревьям и пробуя их своими клювами, глубоко долбят на них не здоровые, а гнилые места и находят тут себе пищу» (Оправдания, № 52).

Все это происходило в годы с 1344-го по 1351-й. Тогда (ранее 1351 г.) в одном из афонских монастырей случилось вот что. Игумен сего непоименованного монастыря Нифон отлучился куда-то со Св. Горы. Во время отсутствия его некоторые монахи разгласили между святогорцами, что Нифон принимает к себе мессалиан (они же и богомилы) и снабжает их чем может. Когда же сей игумен возвратился в свою обитель и узнал такой наговор на него, то потребовал суда. Судить и рядить сие дело собрались Иериссовский архиерей, честнейшие игумены святогорских монастырей и почти все известные там добродетельною жизнью и, по строгом

исследовании, узнали, что обвиняемый только кормил богомилов остатками братской трапезы, как *бедных и нищих*. После такого дознания составлено было решение, оправдавшее Нифона, и подписано всесвятейшим владыкою вселенским патриархом, Ираклийским митрополитом всечестным и экзархом всей Фракии и Македонии, который тогда, как проигумен священной Лавры Афонской, заправлял делами и Протата, реченным архиереем Иериссовским, честнейшими игуменами и другими сошедшимися добродетельными мужами*. Спустя некоторое время после сего Нифон получил должность прота Св. Горы (ранее 1351 года). Тогда опять возгорелась ненависть к нему монахов, живших там, в сербской обители (Хиландаре); и опять рассудили прю между ним и ими честнейшие игумены святогорские под председательством •[III/2 281]• случившегося тогда на Афоне Солунского митрополита и, по строгом дознании дела, оправдали Нифона**. Когда же игумен отправился с Афона в Константинополь вместе с вселенским владыкою (Каллистом I) и пробыл у него малое время, тогда синодальные архиереи присоветовали сему владыке поместить Нифона в одном из столичных монастырей как обвиняемого. Нифон охотно перешел туда, но, подумав, как бы не затмилась

* Это решение отыскивайте в архиве афонского Протата.

** Там же ищите и это оправдание.

правда его, попросил оных архиереев рассмотреть и обсудить его дело. Просьбе его вняли они и, по приказу державного царя (Кантакузина), собравшись у вселенского патриарха, учинили строгое дознание дела, оправдали Нифона и вручили ему оправдание свое, которое подписали:

† Смиранный митрополит Кизический всечестный и экзарх всего Еллиспонта Арсений.

† Смиранный митрополит Понтоиракийский и всечестный Мефодий.

† Меленикский и всечестный смиренный Митрофан.

† Митрополит Веррийский и всечестный Дионисий.

† Смиранный митрополит Христопольский Макарий.

† Митрополит Родосский и всечестный Иоанн.

† Митрополит Дидимотихский и всечестный Феопит.

† Смиранный митрополит Априский и всечестный Гавриил и местоблюститель Евхаитского архиерея.

† Смиранный митрополит Амастридский и всечестный Кааллиник.

На задке сего дееписания подписались:

† Смиранный митрополит Ираклийский, председатель всечестных и экзарх всей Фракии и Македонии Филофей.

† Я, Солунский, заверяю, хотя и после прибыл.

† Игумен Лавры Афонской Иаков Трикана.

† Смиранный митрополит Филадельфийский всечестный и экзарх всей Лидии Макарий. •[III/2 282]•

† Смиранный митрополит Пигонский и Парийский и всечестный Георгий» (Оправдания, № 53).

Современно с делом богомильским на Афоне было церковное дело сербское. Вот начало, ход и конец его.

Мы уже знаем, что в первой половине XIV века Афоном овладел сербский князь Стефан Душан. Этот князь, присвоив себе титул царя, решился возвести архиепископа своего в сан патриарха всей Сербии, и это он сделал своею властью помимо греческих патриархов и не побоявшись привлечь на себя церковное отлучение владыки Константинопольского, под священноначалием которого состояла Сербия. Это событие должно быть относимо или к концу 1345-го или к началу 1346 года, потому что Душан короновался царским венцом 16 апреля 1346 года. Первым патриархом у него был Иоанникий, скончавшийся 3 сентября 1354 года, а вторым — Савва I, почивший в 1375 лето Господне, 29 апреля. Душан оставил неприкосновенным самовластие архиепископа Ахридского, которого епархии вошли в состав его царства, а епархии Константинопольского патриархата в восточной Македонии, Фессалии, горном Епире и в Акарнании* подчинил

* Эти епархии были — в Македонии: Меленикская, Филиппийская, Христопольская, Серреская, Веррийская, Драмская; в Фессалии: Лариская; в Епире: Навпактская и Иоаннинская. Солунь не был завоеван Душаном.

власти своего патриарха и поставил везде тут архиереев и священников из сербов. Это и было причиною отлучения его от Церкви. Константинопольский патриарх признал, что Душан учинил несправедливое хищение церковное и потребовал, чтобы все епархии патриархата его оставлены были за ним. Когда же он получил отказ Душана в этом, тогда отлучил от Церкви как его, так и Пеккского* патриарха и все его пресвитерство и диаконство и всю Церковь Сербскую. Еще сам Душан, вероятно, беспокойный смущением своих подданных от клятвы вселенского владыки, пытался было устроить примирение, но так как он все-таки не хотел уступить отнятых епархий, то не уступил ему •[III/2 283]• и сей владыка. В двенадцатилетнее правление сына Душанова, Уроша, сербы вовсе не помышляли о тяготевшем на них отлучении; и это дело опять возобновлено было только после того, как в 1367 году престол Уроша занял Волкашин. Брат сего последнего, Иоанн Углеш, бывший деспотом, или удельным владетелем, тех областей, из-за которых были спор и вражда, в конце 1367 года отправил в Константинополь к патриарху Филофею посольство с изъявлением своей готовности уступить его требованию и просил его прислать в Сербию свое посольство, которое сняло бы клятву с отлученных. Филофей немедленно отправил в Сер-

бию такое же посольство свое. Пока же длилось это дело, сербо-хиландарские монахи на Афоне ненавидели прота Нифона, родом грека, не признававшего права священнослужения за сербскими священниками и иеромонахами, а на прота Дорофея, родом славянина, подписывавшего святогорские дела по-славянски, жаловался Филофею Афонно-Иериссовский епископ в 1367 году, что он принимает на Св. Гору рукоположенных сербскими архиереями. Филофей отвечал сему епископу, что решение дела о сих рукоположенных последует, когда из Сербии возвратится его посольство (§ 92). Но оно почему-то замедлило там до 1371 года, в который и восстановлен был мир между Церквями Греческою и Сербскою. Главным восстановителем сего мира был некий старец Исаия, по всей вероятности, тот самый, который перевел на славянский язык творения св. Дионисия Ареопагита. Он, явившись к преемнику Волкашина, Лазарю, и возбудив его благочестивую ревность, успел, по поручению сего князя, склонить к уступчивости и Сербского патриарха и потом с полномочием Собора всей Сербской земли отправился в Константинополь, где и принят был патриархом Филофеем весьма благосклонно и получил все, чего домогался (Оправдания, № 54).

Благодарение Богу, подающему разум, силы и терпение! Я обозрел шестой круг времени афонского монашества. Теперь на очереди у меня. •[III/2 284]•

* Кафедра Сербского патриарха находилась в г. Печ, по-гречески Пеккий.— П.К.

VII. СЕДЬМОЙ КРУГ ВРЕМЕНИ СЕГО МОНАШЕСТВА ПОД ВЛАСТЬЮ ТУРКОВ (с 1453 года по 1861-й)

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Протат и Великое собрание святогорцев.

Образчики делопроизводства их. Водворение турецкого аги на Афоне. Монастыри под управлением протов и заменившего их Великого собрания

§ 101. Протат и Великое собрание святогорцев

Седьмой круг времени афонского монашества, с 1453 года до последнего дня пребывания моего на Св. Горе в 1861 лето Господне, составляют четыреста семь лет. Нелегко оповестить полный, сколько возможно, быт сего монашества, продолжавшийся в течение стольких веков. Однако сия работа по силам моим, хотя я уже и в преклонных летах. С охотою принимаюсь за нее и начинаю свое повествование со среднего управления всех афонских монастырей, известного под древним названием Протата.

Турки, уважающие христианские монастыри как убежища людей бедных, несчастных и набожных, пощадили все афонские •[III/2 285]• обители и предоставили им свободу богослужения и монашеского жительства под прежним управлением так называемого прота. С самого начала их владычества вся Св. Гора, не знаю как и почему, стала

удельным имением матери султана, что продолжается и ныне. Эта мать есть госпожа и покровительница монахов, которых, однако, никогда не видит. Вот странность! Вот диковина! Афонцы не пускают к себе женщин, а госпожа у них женщина. После этого поневоле скажешь, что жизнь человеческая есть сочетание противоположностей (*vita humana est synthesis oppositorum*).

Иная противоположность выказалась на Афоне и в том, что *своеличное*, хоть и ограниченное, управление прота сменилось управлением *многоличным*, без этой главы, под названием то Общины Св. Горы, то Великой Средины, то Великого собрания представителей всех монастырей афонских. Эта перемена совершилась в 1626-м или следующем году, без сомнения, с ведома вселенского патриарха и Оттоманской Порты*. О проте и Протате нет ни слова в письме Константинопольского патриарха Кирилла I к нашему царю Михаилу Феодоровичу 1634 года, тогда как в нем перечислены все тамошние монастыри**. Причина такой перемены неизвестна мне, а предположений я не выдумываю. Ведомо мне только то, что

* Должность прота исчезла в 1593 г., восстановлена в 1783 г. и окончательно упразднена в 1810 г.— П.К.

** Сношения России с Востоком по церковным делам. Ч. II. СПб., 1858. С. 169.

все кельи, принадлежавшие Протату в Карее, проданы были афонским монастырям около 1674 года для уплаты долгов Великой Средины. Кроме сего, я слышал от афонцев, что, по упразднении власти прота, церковь Протатская стояла полуоткрыта в течение 60 лет. В самом деле, уже лаврский старец Зосима в 1686 году украсил ее (Надпись).

Когда не стало на Афоне прота, тогда все тамошние монастыри сговорились посылать в Протат своих представителей, по одному из каждой обители с равным голосом каждого. Этот устав существует и ныне. В 1744 году, по свидетельству •III/2 286• Барского, в Протате заседали на первом месте игумен или скевофилак лаврский, на втором ватопедский, на третьем иверский, на четвертом хиландарский и последи прочие по чину и по чести. В мою бытность на Св. Горе в 1845–1846 годах представители заседали в своей синодской, ненарядной горнице в следующем порядке:

1. Лаврский, 2. Ватопедский, 3. Иверский, 4. Хиландарский, 5. Дионисиатский, 6. Кутлумушский, 7. Пандократорский, 8. Ксиропотамский, 9. Зографский, 10. Дохиарский, 11. Каракальский, 12. Филофейский, 13. Симонопетрский, 14. Святопавловский, 15. Ставроникитский, 16. Григориатский, 17. Ксенофский, 18. Есфигменский, 19. Руссиковский, 20. Кастамонитский*.

* Указанный порядок монастырей, с переменной мест 16 и 17, сохраняется и в ныне действующем Уставе Святой Горы от 1924 г.— П.К.

А *епистатами* (исполнителями) тогда были представители монастырей: Дионисиатского, Зографского, Хиландарского, Русского, Ксиропотамского, Кастамонитского, Святопавловского и Григориатского.

Делопроизводителем же был так называемый *грамматикос*, сидевший в Великом собрании представителей за особым столиком у входа в синодальную горницу, по правую сторону ее. Дела сего управления во время протов и во дни Великого собрания производились почти одинаково, а печать с изображением Знаменской Богоматери, разделенная на четыре части, соединяемые ручкою, ставилась над верхней строкой. Представляю здесь образчики делопроизводства, о котором идет речь.

ВО ВРЕМЯ ПРОТОВ

Дело 1102 года (№ 55 Оправданий)

Знак Домиана монаха.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Дамиан монах и игумен обители Пресвятой Богородицы, называемой *ту-Калафату*, собственноручно начертавший Честный и Животворящий Крест, даю удостоверение •III/2 287• посредством настоящего моего добровольного писания тебе, господину Иакову монаху, настоятелю честной и священной царской Великой Лавры преподобного отца нашего Афанасия и посредством тебя всем, находящимся в сей святой Лавре братьям и отцам по следующему делу.

Так как я совершенно обессилел и не могу заботиться о своей обители и

поддерживать ее, и нет у меня человека, который заботился бы о храме и поддерживал его и предстоял бы в нем, и так как после долгого разыскания никого не нашел, а нашел только тебя, вышепереченного господина Иакова монаха и игумена честной и священной царской Великой Лавры преподобного отца нашего Афанасия и всех находящихся в сей святой Лавре братий и отцов, яко могущих заботиться о монастыре моем и поддерживать его и меня руководить как духовного сына своего и покоить вполне, не отказывая мне ни в чем, по сему я с сей же поры передаю тебе сию обитель мою всецело, так чтобы быть ей во власти, и воле, и владычестве Лавры со всеми предметами ее, движимыми и недвижимыми, и с окружностью ее, и строить, и садить, и обрабатывать по своей воле, без препятствия со стороны моей или от другого кого-либо. А если бы кто нашелся и дерзнул когда-либо и решился нарушить сие мое деписание, тот да подлежит гневу и анафеме Святой и Животворящей Троицы и проклятию святых 318 отцов и всех святых, потом да отошлется назад из всякого судилища церковного и гражданского. Если же случится так, что я еще буду жив, то пусть дается мне пропитание: пшеницы 12 модиев, вина 40 мер, овощей модия 3, деревянного масла 12 фунтов, меда один горшок, воска 4 фунта, а по смерти моей пусть поминуют меня как много потрудившегося. При сем заклинаю вас Господом Богом нашим никогда не отчуждать сей обители моей от Лавры, ни дарить ее

кому-либо, ни переуступать, но во все веки да будет она лаврская, как мы сказали. Граница же места, которое приобрела сия обитель моя такова: начинается у моря и у потока, текущего от Комиотиссы, и восходит между востоком и западом прямо •[III/2288]• к югу, держится потока с левой стороны его и восходит даже до большой дороги Св. Горы, окружая внутри Демоноливанон, потом поворачиваешь на восток, держась оной дороги, и восходит до хребта, а оттуда склоняется к северу, держится хребта и проходит мимо Палеокастро и упирается в море, от которого поворачивает на запад, держится берега и упирается в то место, с которого началась, т.е. в поток. Другой кусок в этом же месте, называемый Ливадион, находится между двумя потоками и ограничивается ими. Если же я буду получать пропитание, то оставаться бы мне в обители моей и не отходить в иное место.

Писана же настоящая передаточная запись рукою Кирилла монаха обители Акиндина в 6610 году, индикта 10-го, в присутствии всепреподобнейшего прота и монахов подписавшихся.

† Прот Святой Горы Косма монах подписал.

† Никифор монах обители Зигу подписал.

† Лука монах из Стровилейской обители подписал.

† Давид монах из Ту-Калика.

† Гавриил пресвитер св. Феодосия.

† Иоанникий монах Хриомитисский подписал.

† Косма монах св. Филиппа.
 † Анастасий монах из Стефаници.
 † Иоасаф монах и пресвитер Скор-
 пийский.
 † Лука монах.
 † Дамиан монах.
 † Дионисий монах».

Дело 1324 года
 (№ 56 Оправданий)

«Честная обитель Каракалла, одна из числа тех, кои подчинены нам, имеющая мужей духовных, со всяким благоговением и скромностью подвигающихся, всякое благоговение нам оказывающих и имеющих подчинение и послушание подобающее, признана достойной и любви нашей, и попечения, и заступления нашего. При таких взаимных отношениях со временем просили нас подвигающиеся в ней монахи отдать им келью Ексаполита, дабы Каракальский монастырь беспрепятственно и безмятежно пользовался •[III/2 289]• водою, текущей от оной кельи, так как живущие в Ексаполите не пускают ее и не дают на поливку овощей и на другие надобности, а от сего происходят немалые смуты. Мы же, признав такую просьбу их справедливой, по общему определению подведомых нам игуменов отдаем им эту келью Ексаполита, которую и должны они иметь отныне и впредь неотъемлемо и неотчужденно со всеми правами ее, и хозяйствовать в ней беспрепятственно, и пользоваться всем доходом ее, но с тем, чтобы Каракалл давал Средине тот обычный взнос, какой давала сия келья. Просим же и

будущих после нас предстоятелей Святой Горы сей, преподобнейших протов, уважить сие решение наше и соблюдать его без изменения, так как и мы уважали деяния предместников наших. Ибо мы учинили это не в угодность, не своею волей и решимостью, но, как выше сказано, решением, и волей, и желанием многих; притом не новое что-либо и не странное и не против местного обычая мы сделали, напротив, что делали многие из предместников наших в разные времена, то сделали и мы. Итак, никто из всех преемников наших никогда да не решается отменить настоящее деяние наше, хорошо составленное после большого исследования, так как объявлены и клятвы, и связания церковные, и епитимии тому, кто дерзнул бы когда-либо учинить сие. Посему состоялось и настоящее писание и дано реченной уважаемой обители Каракалла в удостоверение, в месяце феврале, индикта 7-го, в лето 6832-е.

† Прот Св. Горы иеромонах Исаак.
 † Игумен царской Лавры Макарий иеромонах.
 † Игумен царской обители Ватопедской Нифон иеромонах.
 † Игумен Иверский (по-грузински)».

ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОГО
 СОБРАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
 МОНАСТЫРСКИХ
 Дело 1664 года (№ 57 Оправданий)

«В лето 1664-е, 15 апреля месяца, дохиариты явились в Великое собрание Протата с султанским приказом и с письмами бостанджи-баши, •[III/2 290]• когда

полицействовал на Св. Горе Хуссейнага; и дело их было таково. Они платили тяжкие подати, а монастырь их был весьма беден, и они просили уменьшить подать их. Мы же, зная наверное великую бедность и скудость монастыря сего и видя приказ султана и письма бостанджи-баши и повременного *завиджи*, общим мнением и волею всех монастырей и Великого собрания решили, чтобы дохиариты с тысячи грошей платили тридцать, а не пятьдесят пять, как это было до сей поры, да и простили им прежний долг их, а в удостоверение дали дохиаритам сию *омологию* с подписями старцев и проигуменов, состоящих в Великом собрании, и с печатью Протата.

† Проигумен Лавры Иосиф.

† Проигумен Ватопеда.

† Хиландарский проигумен Виктор».

NB. Не видать ни одного игумена.

Дело 1693 года
(№ 58 Оправданий)

«Настоящей *омологией* и соборным свидетельством все мы, игумены и дикейи всех священных монастырей и старцы Великого собрания нашего на Св. Горе, признаем, что задолго пред сим тогдашние отцы обители Росов имели соглашение с отцами обители Ватопеда, и дали отцы Ватопедской обители отцам обители Росов 500 грошей, а *русы* дали ватопедцам место, которое они имеют подле Великой Виглы, чтобы те там пасли свои стада и сбавляли некую толику из вышепоказанных 500 грошей, и по окончании лет и сбавки

грошей чтобы опять оное место оставалось во владении той же обители Росов. Место сие ватопедцы имели за собою до сего дня. Теперь же они, задолжавши отцам обители Иверской, согласились передать это самое место в уплату своего долга. А так как в настоящее время монастырь Росов находится в запустении и им самим и местом его заведует Великая Средина, то мы сосчитались с ватопедскими отцами: из показанных 500 грошей за истекшие •[III/2 291]• годы по условию внесли 100 грошей, и место опять осталось за ватопедцами за 400 грошей. Но они передали его иверцам за 400 грошей в счет долга их, по условию. Посему иверцы требовали у нас, Великой Средины, *омологию* ради верности. Тогда мы снова сговорились с самими иверцами, чтобы они Великой Средине прибавили к ватопедским 400 грошам другие 100 грошей и владели бы местом 100 лет, уплачивая ежегодно по пяти грошей и бесплатно сберегая несколько коз, принадлежащих обители Росов; если будет их более ста пятидесяти, то Великая Средина пошлет своего пастуха с платою ему от иверцев*. Оные 100 грошей иверцы уплатили Великой Средине, и мы получили их, так что сумма всех грошей за то место составляет 500.

Итак, настоящим писанием мы все по общему согласию заявляем, что оное место, принадлежащее росам и нахо-

* Итак, афонцы лгут, когда говорят нам, что у них на горе нет животных женского рода.

дящееся у Великой Виглы, мы отдали во всем объеме его с лутами и садовыми деревьями, сколько их находится вокруг загонных зданий. Да будет все это во владении отцов обители Иверской; пусть они держат оное место, по вышеизложенному соглашению, в течение ста лет; пусть пасут там свои стада как-кие угодно и уплачивают, как сказано выше, ежегодно по пяти грошей, пока не кончится уплата 500 грошей. По окончании же вышепоказанных лет и уплаты 500 грошей место опять останется свободным во владении Великой Средины. Если же кто-либо когда-нибудь явится противником сего и захочет с оного места устранить иверцев прежде окончания назначенных годов, то иверцы не обязаны более давать ежегодно по пяти грошей, но получают и свои 500 грошей от Великой Средины целы и сполна. Таким образом, мы сообща согласились и подписали настоящее деяние, и припечатали печатью Великой Средины, и вручили оное отцам иверским, игумену господину Дамаскину, •[III/2 292]• сосудохранителю господину Паисию и проигумену, и прочим отцам, для верности, в октябре месяце 1693 года.

Очищаем еще и следующее. Если когда-нибудь, Бог даст, обновится монастырь Росов и понадобится им оное место, то пусть будет произведен расчет с вычетом *аспр*, по вышеизложенному договору; остальное же да уплатится иверцам, и место опять да будет во владении (Росского) монастыря, если только он возобновится. Другому

же монастырю никто не властен передавать сие место, но постоянно да пребудет оно, как выше сказано, у иверцев, пока не окончатся годы. Если же насильно захотят взять оное и дать другому монастырю, то иверцы не платят денег, а сполна получают свои 500 грошей.

Проигумен Никифор и сосудохранитель Лавры, приемлю и свидетельствую вышеписанное.

Иаковъ Изоугравски дикей.

Игумен честной обители Ватопедской Максим.

Игоумен Хиландарскій Дамаскинъ еромонахъ.

Дикей Пандократора Анатолий.

Проигумен сей же честной обители Герасим.

Игумен Кутлумуша Анастасий.

Дикей Дохиара Савва иеромонах.

Проигумен честной обители Ксиропотама, старец Авксентий Лавриот.

Каллист Ватопедский.

Пахомий Хиландарский.

Герасим Иверский.

Игумен Григориата приемлю вышеписанное».

Так писались монастырские *дела* во времена протов Св. Горы и заменившего их Великого собрания. Склад этой святогорской письменности одинаков, а разница в языке ее весьма велика. При протах простая речь юридическая еще удерживала грамматические формы языка еллинского, книжного, а Великое собрание афонское писало все *дела* уже так, как говорило — писало языком самым простонародным, деревенским, обыденным. •[III/2 293]•

Но вот иная новость! Еще при протах турецкое правительство водворило в афономонашеском городке Карее своего чиновника, так называемого агу, — водворило для перечета монахов, для сбора податей с них и для полицейского надзора за ними. Это было в 1595 году. «Тогда, — как замечено в начале славянского Четвероевангелия, что в библиотеке Афоно-Павловского монастыря, — поселился на Св. Горе воевода калуеров, собрал к себе 40 момцов и бил монахов, грабил и сек их, а калуеров Ксиропотамского монастыря вешал» (Оправдания, № 59). С той поры поныне аги не переводились на Св. Горе.

§ 102. Число афонских монастырей во время турецкого владычества на Афоне и поземельный раздел между ними всей этой горы

Во все время турецкого владычества на Афоне, с 1453 года поныне, малые монастырьки там (μονήδρια) уже не существовали самостоятельно и под названием (внемонастырных) *келлий* принадлежали и принадлежат большим монастырям. Число сих монастырей, не считая Протата, никогда не превышало 20-ти. Француз Петр Беллон в своем описании Афона, составленном в 1553 году, а напечатанном в 1555, в одном месте мимоходом неопределенно сказал, что на этой горе находятся 23 или 24 монастыря, а в другом месте поименовал только 17, как то: Зограф, Хиландар, Есфигмен, Вато-

пед, Пандократор, Ивер, Филофей, Каракалл, Лавру, Павел, Дионисиат, Григориат, Руссик, Кастамонит, Симопетр, Карею и Кутлумуш. У него пропущены: Ксиропотам, Дохиар и Ставреникита*. Протонотарий Константинопольской Церкви Феодосий Зигомала в своей «Истории византийских царей и турецких султанов», написанной для Мартина Крузия в 1578 году, 8 мая, •[III/2 294]• упомянул, что на Афоне существуют 22 монастыря с 4000 монахов, но не поименовал**. В отчете посла Ивана Мешенина о раздаче милостыни царя Иоанна Грозного афонским монастырям в 1584 году поименованы, кроме Протата, 20 монастырей, те самые, которые существуют и ныне***. Это же число их и с теми же названиями показали: Константинопольский патриарх Кирилл в 1634 году в письме своем к нашему царю Михаилу Феодоровичу****, врач Иоанн Комнин в 1701 году, наш Барский в 1744 году и архимандрит Порфирий Успенский в своем Путешествии по Афону.

Всем этим монастырям издавна принадлежит весь Афон как собственность, начиная от перешейка до высочайшей оконечности его, омываемой Эгейским морем. Самыми большими местностями владеют Лавра и Хиландар. А Вели-

* Observations par Pierre Bellon. En Anvers, 1555. Chap. 37.

** Turcograeciae libri octo, a Martino Crusio. Basileae, 1584.

*** Сношения России с Востоком. СПб., 1858. Ч. I.

**** В этой же книге. Ч. II. СПб., 1860. С. 169.

кая Средина, т.е. Протат, не имеет ни пяди земли своей. Если кто теперь захочет построить новый монастырь на Афоне, тот должен купить себе участок земли у Лавры, или у Хиландара, или у другого какого-либо монастыря, а Великая Средина только утвердит за ним купленную местность, давши свое благословение на создание обители.

После сообщения этих сведений скажу: 1) о хозяйственном состоянии афонских монастырей, 2) о веровых толках там, о церковных уставах и службах святым, о песнотворцах и иконописцах, 3) о книжном деле и 4) житии иноческом, а в конце концов перечислю крупные события, имея под руками местные письменные *памяти* о всем этом. •[III/2 295]•

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Хозяйственное состояние афонских монастырей.

Распоряжения и притеснения турков. Пособия от греков, болгар, сербов, валахов, молдаван, русских и грузин

§ 103. Распоряжения и притеснения турков

Начинаются обещанные сказания мои. Первое из них есть сказание о хозяйственном состоянии афонских монастырей во время турецкого владычества.

Известно, что сии монастыри наделены были от греческих царей многими доходными имениями в Македо-

нии, Фракии и на ближних островах и что редко взимались с них подати в общественную казну; известно и то, что во дни оных царей ни один святогорец не вносил в эту казну ни одного овола лично за себя, чрез посредство начальства своей обители. Не так поступили турецкие султаны. Они обложили *подушными* и *десятинными* податями все монастыри в своем государстве, а между ними и афонские, и, как сейчас узнаем, отобрали от них все доходные имения с особенным условием, о котором речь впереди.

Вот мои сведения о податях с Афона. В 1553 году, по оповещению бывшего тогда на сей горе француза Петра Беллона, Константинопольский патриарх вносил султану 12 000 дукатов (червонцев) за святогорские и другие монастыри в Европе. «L'on dit que le patriarche de Constantinople paye douze mille ducats, tant pour le susdit mont Athos, que pour les autres monasteres d'Europe» (Chap. XXXV. P. 62).

В 1578 году, по заверению Мартина Крузия, лично знавшего тогда ученых греков, все афонские монастыри, во избежание притеснений турков, платили ежегодно в султанскую казну 2000 талеров из милостыни христиан. «Pendunt omnia monasteria, ne ullam molestiam Turcae inferant, quotannis aleorum •[III/2 296]• 2000 ex eleymosinis christianorum» (Martini Crusii Turcograecia, lib. IV. P. 332).

По расчислению кавалера Рико, которого описание Афона напечатано в 1698 году, афонские обители *ежемесячно*

платили султану 1000 экю, а в год 12 000*. Лавра Афанасия платила 110, Каракалл — 25, Филофей — ничего по бедности своей, Ивер — 85, Ставроникита — 18, Пандократор — 57, Кутлумуш — 55, Ватопед — 100, Есфигмен — 25, Хиландар — 100, Зограф — 35, Кастамонит — ничего по бедности своей, Дохиар — 30, Ксеноф — 30, Русик — ничего по бедности, Ксиропотам — 56, Григориат — 25, Симопेटра — 54, Дионисиат — 60, Свято-Павел — 35 экю. Так как все эти платежи составляли только 900 экю, то остальные 100 уплачивали богатые монастыри за три беднейшие вышепоименованные обители. «Афонские калуеры, — продолжает Рико, — непрерывно жалуются на свою бедность. Но трудно верить им, видя у них богатые сокровища в церквах. Плащаницы, которые они выставляют в великий пяток, вышиты золотом с драгоценными камнями. Переплеты евангелий, апостолов, псалтирей и служебников покрыты серебром и золотом. Утварь, как то: кресты, кадила, дароносицы, дискиосы, потиры, влагалища для св. мощей, водосвятные чаши, а также и ризы, — все это весьма богато и надарено царями московскими и грузинскими и господарями Молдавии и Валахии».

Так, господин Рико! Были и есть богатства в афонских церквах, но монахи-то бедны! У весьма многих между

ними в кельях ничего не найдешь, кроме иконы и молитвенника с четками, постельного войлока и кувшина для воды.

Гейнекций в своей статье об афонских монастырях, помещенной в его «Abbildungen der alten und neuen griechischen Kirche» (Leipzig, 1711), показал те же самые ежемесячные подати каждого монастыря, какие значатся и у г-на Рико. Он выписал их из сочинения сего кавалера. •[III/2 297]•

Ученый немец Иаков Ельснер, на основании показания архимандрита Константинопольского патриарха Афанасия Доростама, в своей статье об Афоне (1737 года) оповестил, что в монашеском городе Карее живет турецкий ага, посылаемый туда чиновником *бостанджи-баши*, под охраною которого стоит Св. Гора, и ежегодно дает ему 12 000 талеров, да в Солунь посылает почти столько же для вручения султану. Этот ага держит при себе одного слугу турка и несколько слуг из греков и ежедневно получает на свое содержание одну овцу, хлеб, рис, коровье масло, яйца, вино и водку, а повар у него монах (Оправдания, № 60).

Одинаковые показания господ Рико, Гейнекция и архимандрита Доростама у Ельснера о податях афонских монастырей можно признать верными.

Наш Барский в бытность свою на Афоне в 1744 году многократно слышал от тамошних монахов о тяжких податях, вносимых туркам, но не показывал их численности.

* Экю в лексиконе Рейфа показан как ефимок, талер.

Однако любопытны оповещения его о сем предмете. Прочтем их*.

«Ныне в Протат собираются от обителей начальницы и прочие иноцы едва не во всякую субботу, и рассуждают о общих данех (податях) Турецких и о прочих потребах иноческих и монастырских, и рассуждают случающиеся распри, и разделяют по силе коегождо монастыря тяжкая и насильственная Бесурманская поплащения, яже собравши относят в Солунь по повелению Великой Порты Константинопольской... Тамо сидит и един Ага Турчин, посланный от Бозтанджа Паши из Царя-града, да будет досмотритель во внешних судех монастырских и в знамение покорности; наипаче же казни ради непокорливых, на них же не могущи рук подымати иноцы по уставам Отеческим, вся прежде духовно сами судят, и согрешающих или прощают, или тайно наказуют, противящихся же •[III/2 298]• всему собору, Турчину в казнь предают, иже ничтоже не творит, кроме их воли и совета; тамо же и пирг каменный крепко зданный обретається, с вратами железными, идеже затворяют согрешающих, иных горé, а иных низу, по достоинству казни; Турчин же имать в год определенное поплащение трудов своих и кормление обще от всех монастырей» (С. 198–199).

«Лавра Афанасия, якоже и прочие монастыри, от милотины, яже соби-

рает на различных странах, нарочно посылаючи иноков, все свои доходы и расходы имеет; аще имать и метохи вне Святые горы, си есть подворья, идеже своя всевают семена и хранят волы, овцы, козлища и прочие скоты работные; обаче от тоейжде милотины и дань великую Туркам дают за оные (метохи) и за труждающихся в скитах и в земледелии, аще ли корыстуют или не корыстуют (получают доходы или не получают), но Турки и работники свое обычное взимают поплащение, еще же и кроме даяния Царского (кроме подати султану), каковую либо напасть вымысливши, насильованием многия взимают деньги» (С. 142).

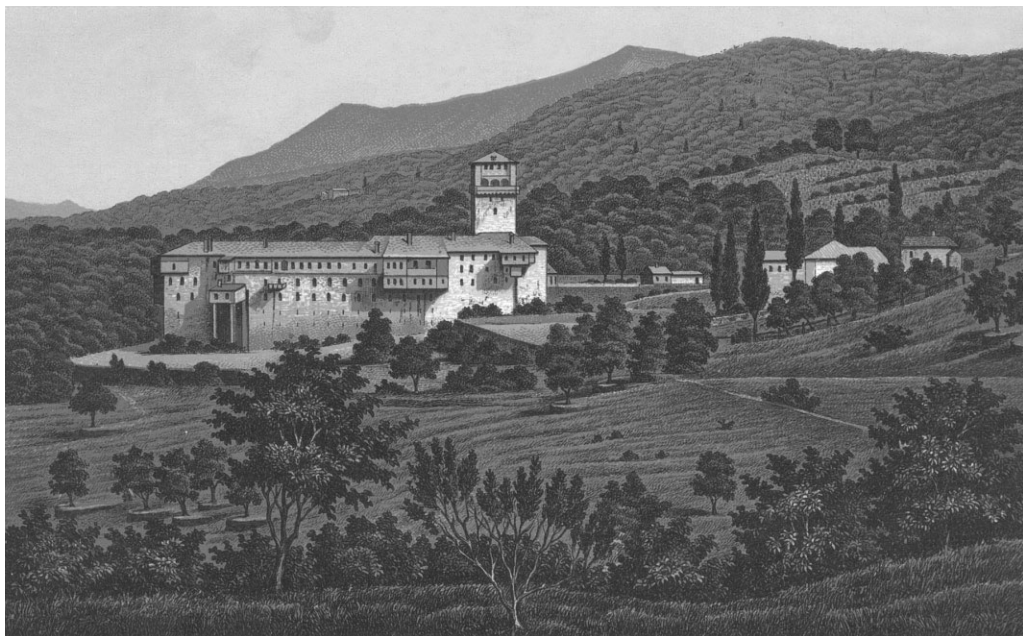
«В монастыре Каракалле скудость великую обретох не точию иноков, но и мног недостаток вещей нужных к снабдению, и долг не мал... Скевофилак же в расходах, доходах и даниях Турецких и в досмотрении всех потреб монастырских имать попечение» (С. 167).

«Из обители Филофея многия вещи в чужих руках лежаху за долг» (С. 171).

«В Ставрониките иноков бысть число мало, яко пятнадцать; ибо тогда монастырь оскуде и долженствоваше, сего ради посланны быша в грады и веси просити руку помощи; все бо монастыри Святогорские и прежде долга сим обычаем жительствоваху, и ныне жительствоуют» (С. 203).

«В Пандократоре иноков бяше число мало, иже ради скудости и долга монастырского, инны же ради непостоянства разбегошася» (С. 208).

* Путешествие к святым местам. Академич. изд. СПб., 1819. Ч. II.

Каракалл.

«Есфигмен бысть убог и под великим игом долга, не •[III/2 299]• вем, нерадения ли ради Начальствующих, или тяжестных ради даний Турецких» (С. 230).

«Хиландар сгоре около 1720 года, и разбегаша иноцы, яко серны, и запусте умаления ради людей, и обдолжившись, не может даже доселе свободитися, наипаче же ради небрежения их и несогласия между собою, ради сребролюбия неких безсовестных; ибо между братиею их инны суть зело добродетельны и нестяжательны, инные же средняго мернаго и благоговейнаго жития, суть же нецыи под овчею кожею волцы и хищницы, на которых мне тогда прочие добрые иноцы жаловахуся со многим соболезнованием глаголюще: яко недавних прошлых годов от тако-

вых лстецов, мнимых быти верных, двух обще послаша в Россию за прошением милостыни, не в едино время, но в разное, и взяша тамо количество не мало денег и прочих церковных дарований, не точию от Ея Императорскаго Величества, но и от Князей и от Архиепеев, обаче один от них, еще не всю поправ совесть, едва третью часть даде в монастырь, другой же с большею корыстью, ниже явися в Святую Гору, но отыде в страны Немецкия, и тамо, безсовестный, остася с имением, и не возвратися в монастырь, якоже и вран Ноев в ковчег» (С. 250).

«Иноцы Зографа благодатию св. Великомученика Георгия... еще не подпали быша под долг, и ничем же быша оскудны, но инным многим благодетельстваху» (С. 260).

«Кастамонит не име великих кораблей, яко же прочие, ради убожества своего, но малые ладии, ими же творяху свою потребу» (С. 267).

«Дохиар иногда бяше под тяжестным долгом; но года 1744-го прииде ему милостина велика от Господарства Волоскаго, егда и мое тамо бяше присутствие, и свободися от ига, радуясь» (С. 269).

«Ксеноф от времени первого моего ко Святей горе прибытия, около 1726 лета, наченши оскудевати, николиже даже до сего лета, си есть 1744, в силу прииде, но под пятнадесять тысящъ •[III/2 300]• Левов долга подпаде бяше, и виноват наибольше жидам в Солуне, и многие церковные сосуды в залоге имевше; иноки же от нужды разбегошася; точию три или четыре жительствоваху, ради хранения монастыря и ради Правила церковнаго, един точию Священник, прочие же Монахи» (С. 279).

«Русский монастырь св. Пантелеимона в 1744 году убог был, аще и не под великим долгом бяше, но скудости ради своей и от того свободитися не можаше... Живущии в нем иноцы Греки бяху малочисленны, яко десять или дванадесять; все же бяху страннолюбивы и тщаливы о монастыре, наипаче же Скевофилак, муж благонравный и смирительный, и во время его в лучшее благочиние и силу прииде обитель сия» (С. 284).

«В Ксиропотаме изрядная здания многовремения ради обветшаша и расседошася вся, и готова быша к падению; и иноцы ожидаху смотра

Божия и милостивы от руки великодарствующей во обновление, ибо в мое тамо прибытие, сей монастырь бысть при оскудении и долженствоваше лихоимцем, и иноцы умалении, иже тогда бяху внутрь обители, числом яко тридесять, большая же часть их разъидеся в страны различныя, ради собрания милотины» (С. 289). — «Ксиропотамская обитель общую с прочииими монастырями Святогорскими тяжестную дань поплащает» (С. 308).

«Монастырь Симопетра бысть в великом смущении ради многоаго оскудения и долга, его же име на себе больше 15 000 Левов, и имеяху заимодавцы при себе многия драгия вещи монастырския в залоге, иноцы же не могущи снабдеватися и даний Туркам нестерпимых давати, инные разбегошася в монастыри богатшие, инные же в мир за милостынею; тамо же во время мое бяху пять, и Скевофилак, иже монастырем обладаше, бяше простой монах» (С. 310–311).

«В Григориате иноков бяше пятнадесять, прочие же по дальним странам за милостынею разъидошася, иже все тогда счисляхуся близ ста; ибо тогда обитель благодатию святителя Христова Николая покрываема, аще и не должна бяше заимодавцем, •[III/2 301]• обаче не при всем изобилии обретаешася; ибо мало пред собою благой земли имяше, такожде мало и метохов вне Святыя горы» (С. 316).

«В Дионисиате иноцы быша малочисленны, понеже разбегошася по градам и весем ради прошения милостыны;

ибо монастырь сей тогда при оскудении бысть, и под долгом обретаешься» (С. 320).

«Обитель Святопавловская, в пришествие мое тамо последнее, не имевше иноков, ни же какового чина в монастыре и под долгом быше, точию Тит инок тогда тамо жительствова, и Скевофилак... не точию бо даний ради Турецких тяжестных Святогорские обнищевают монастыри, но наипаче разбежения ради иноков; первое, яко самовольно живут, и никто же их может удержати; второе, яко всяк от себя снабдается, точию едина пища от монастыря дается, и сандалия» (С. 335).

В 1765 году солунские аги обвиняли святогорцев в том, что они имеют у себя пушки на случай войны, да арсеналы и корабли на тот же случай, и что у них готовы 5000 мужей вооруженных. Посему Анан-ага послал пересчитать имена их: оказались 3000 калуеров; пересчитаны были и жилища их, орешники, виноградники и сады (Оправдания, № 61).

Кстати, веду речь о пушках в афонских монастырях.

В 1553 году француз Беллон видел только крепкие стены и башни монастырей и сказал о них свое слово, но о пушках тут не промолвил*. Знать, их не было там.

Кавалер Рико в своем описании Афона 1698 года не упомянул о тамошних пушках, а врач Иоанн Комнин в 1701 году заметил о них вот что. «В Лавре Афанасия, — говорит он, — есть пушки великие и хорошие для защиты пристани •[III/2 302]• и для оповещения монахов, когда приезжает какой-либо поклонник или *таксидиар*, т.е. собиратель милостыни. Ватопед в своих башнях держит великие и дивные пушки, из коих одна искусно составлена из двух частей, привинченных одна к другой. В высочайшей башне арсаны [пристани] Иверского монастыря вокруг установлены пушки и другие военные оружия» (Оправдания, № 62).

По сказанию нашего Барского, бывшего на Афоне в 1744 году, на двух высоких башнях Лавры Афанасия, что у входа в нее, «обретаются пушки малые и иное оружие огненное наподобие пушек, иже Италианским наречием именуются *приери*, яже и во всех Святогорских монастырях положены суть ради сопротивления находящихся Варвар... Ныне же употребляют иноцы оная оружия запалющи, егда пьют общую чашу, во здравие великаго коего лица, или на пришествие какового знаменитаго и благороднаго гостя или поклонника, или на приезд какового соборнаго инокa, повращающагося от

* «Des vingt et trois, ou vingt et quatre monastères, qui sont en cette montagne, il n'y en a point qui ne soyent forts et bien ferméz de muralle, tant pour soustenir la violence des ennemis, s'ils estoient assaillis, que pour resister aux coursaires de mer, s'il en estoit besoin». [«Из двадцати трех или двадцати четырех монастырей, которые есть на этой горе, нет ни одного, который не имел бы форта и не был бы укреплен стенами, чтобы в случае осады выдержать вражеское нападение и в случае нужды дать отпор морским корсарам»].

мира в обитель по собрании милостыни; тожде творят и на пристанищи моря; тамо бо сице все монастыри *приморстии* имут особливые бойницы с подобными оружиями»*. В Каракалле «посреде стены западной есть столп (башня) четвероуголен, широтою, высотою, крепостью и лепотою здания всех тамошних монастырей столпы и бойницы превосходящ...; суть же тамо и пушки малые и инная орудия огненная»**. Ватопед «имать... и пиргов (башен) десять, пять вышших, четыре низших и един зело мал; в них и пушки, нарицаемые *приери*, обретаются, наипаче же едина пушка паче всех изряднейшая, медная, от двою частью сложена и трупом (винтом) совокуплена, в удивление зрящим»***.

В 1821 году, когда греки восстали против турков и когда афонцы участвовали в их восстании, пришли на Св. Гору турецкие отряды военные и забрали все тамошние пушки. •[III/2 303]•

Кончены мои заметки о пушках на Афоне, продолжается сказание о подачах тамошних монастырей туркам.

По заверению Афанасия Комнина Ипсилантия в его «Церковно-гражданской истории» (книга 9, рукоп.)****, еще в 1764 году, когда была перепись афонских монахов, Порта в первый раз начала брать с них *харач* (подушную

подать), кроме других, прежних, подачей, в 625 пиастров ежемесячно, или 7500 пиастров ежегодно, на жалованье драгоману Порты, которое доставлять ему обязана была Великая Средин афонская. А в 1782 году ежегодные подати с афонских обителей были следующие:

На говядину для бостанджи-баши	1500 пиастров.
На келбази	666 пиастров.
Мукатас всей Горы	533 пиастра 40 пара.
Харчилык султана или чéпи-хумайюн	7000 пиастров.
Путевые издержки	1501 пиастр 60 пара.
Агалык слуге бостанджи-баши	2500 пиастров.
На пищу ему	1000 пиастров.
Десятина с маслин, винограда, орехов, вина и проч.	5000 пиастров.
На уплату процентов с капиталов	10 000 пиастров.
Харач	7500 пиастров.

Всего 37 200 пиастров и 100 аспр, а на наши деньги, считая тогдашний пиастр в 15 коп. сер., 2480 рублей (Оправдания, № 63).

Монах Афоно-Дионисиатского монастыря, бывший назир Св. Горы, в 1835 году показал нашему паломнику Владимиру Давыдову прихода-расходные книги Протата, в коих записано было, что в 1834 году из 315 000 пиастров, назначенных на общие расходы афонские, отправлены были в Константинополь 160 000 пиастров для уплаты подати султану и для подарков •[III/2 304]•

* Путешествие к святым местам. Ч. II. С. 108–109.

** Там же. С. 165.

*** Там же. С. 226.

**** Ср. Τὰ μετὰ τὴν ἁλωσιν. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870. Стр. 400–401.— *Ред.*

вселенскому патриарху и другим верховным лицам, 34 000 посланы в Солунь, 14 000 даны турецкому аге и начальству, учрежденному в Карее, 20 000 стражам горы грекам, 3600 каким-то десятиникам, 800 пиастров назирю и трем подчиненным его кроме благодарностей, 10 000 на покупку дров; всего 242 400 пиастров*. Я в бытность свою на Афоне, в годы 1845, с августа по июль 1846, потом в 1858 и 1859 и 1861-й, старался узнать количество доходов, получаемых тамошними монастырями с имений в Валахии и Молдавии для сообщения сведений о них нашему министерству иностранных дел (сообщены), и успел приобрести эти сведения, а о доходах с других имений афонских и о расходах справок не искал и только выслушивал и записывал случайные оповещения о сем предмете, да и те не во всех монастырях. Мои сведения о доходах из Молдавии и Валахии будут изложены ниже, где придется мне говорить о помощи этих княжеств Афону, а здесь я кстати помещаю оные случайные оповещения мои.

Турецкий ага, блюститель полицейского порядка на Афоне, получает жалованья от Протата 20 000 пиастров.

Лавра Афанасия ежегодно получает 25 000 пиастров из 300 000 пиастров, высылаемых *всем* святогорским монастырям из двух молдаво-валахских монастырей: Трехсвятительского и Котручанского.

Из этой же общесвятогорской суммы дается жалованье двум епитропам, посылаемым в Константинополь для ходатайства по делам афонским, и одному епитропу в Солуне, яко ходатаю там по этим же делам. Сему отпускается 6000 пиастров в год, а тем побольше. Филофейский монастырь в 1836 году получил валового дохода 4498 рублей, а израсходовал 3532 рубля; в 1845 году собрал только 2500 рублей (50 000 пиастров). Всех же податей взимается с него от 7 до •(III/2305)• 8000 пиастров. Ксиропотам податей вносит иногда 12 000, иногда 15 000 пиастров. Скит св. Димитрия, прозываемый *Лаккос* и принадлежащий монастырю Афонопавловскому, имеет торговые лавки в Константинополе, кои отдаются в наем за 50 000 пиастров ежегодно. Но эти деньги он хотя-нехотя отдает своему монастырю по требованию скитского устава.

Григориат в 1835 году получил дохода 38 000 пиастров, а израсходовал 29 510 пиастров: это — доход от поклонников, от продажи вина, масла, ячменя, пшеницы и шерсти, и в том числе 4300 пиастров с имений в Валахии.

Монастырю Симопетрскому метох его на острове Лимносе доставляет 4000 пиастров в год.

Но пора мне сказать верное слово о стеснительных распоряжениях турков касательно доходных имений святогорских монастырей. Скажу и это, предварительно представив вниманию читателя те древние дееписания, христианские и турецкие, на коих основано настоящее сказание мое.

* Путевые записки Владимира Давыдова. СПб.. 1840. Ч. II. С. 221.

I. ДЕЕПИСАНИЕ
АФОНО-ДОХИАРСКОЕ

«7076 (1568) год. — В то время, когда Слемин, царский чиновник султана Селима II, пошел с приказом его отбирать все принадлежности монахов и монастырей, движимые и недвижимые, как то: метохии, мельницы, огороды, виноградики, сады, нивы и прочее, принадлежавшие не только Святой Горе, но и всему миру в государстве его, тогда безжалостные продали все это, как государево, мирским людям. И мы, оплакивая сие великое лишение свое, прибегли к благочестивейшему Богдану, воеводе всей Молдо-Влахийской земли, и к матери его Роксандре, яко ктиторах Дохиарской обители; и они выкупили все движимости и недвижимости, освободили сию обитель от долга и во второй раз сделались ктиторами ее».

За это благодеяние обрадованные старцы условились с Роксандрю поминать воеводу Александра, отца Богдана, ктитора обители Дохиарской, который в монашестве назывался Пахомием. •[III/2 306]• Это условие сделано было в 7078 (1570) году, месяца августа, индикта 13-го. Богдан дал дохиарцам 165 000 аспр для выкупа их имений (Оправдания, № 64).

II. ДЕЕПИСАНИЕ СИНАЙСКОЕ

Бытийность сего рокового для восточных монастырей распоряжения султанского подтверждается и письмом Синайского епископа Евгения к немецкому императору Максимилиану. Прочтем это письмо.

«Державному и Богом венчанному царю Максимилиану — Евгений епископ, игумен Святой Горы Синайской, со всеми иеромонахами и монахами о Господе радоваться.

Я, слуга и боголюбец державной и Богом венчанной царственности твоей, владыка мой святой, осмеливаюсь писать. — Превожденное письмо Богом почтенной царственности твоей, написанное в начале июня 1565 года, мы получили с величайшею радостью, богоизбранный царю. Из него мы верно узнали величайшую милость твою к нам и кроме сего долупрекленно получили милостыню, которую державнейшая царственность твоя послала нам посредством достопочтенного монаха господина Меркурия, нашего главного епитропа, для обновления и воссоздания нашей обители. Она будет вечным памятником Богом прославленной царственности твоей и родителей твоих. Да воздаст же Господь Бог мзду Богом возвеличенной царственности твоей в сем веке и в будущем. Да будет!

В прошедшее время, Богом прославленный царю, великий Турок, который попущением Божиим владеет Константинополем и зависящими от него городами, издал державное повеление о том, чтобы во всей державе его проданы были доходы всех церквей и всех монастырей, какие только находятся в державе его, и чтобы эта продажа действовала только до третьего рода его, а после третьего рода его опять были бы проданы оные доходы. Это повеление

обнаружило злой умысел его совершенно истребить все святые храмы и монастыри вместе с христианами, которые живут под •[III/2 307]• тиранским владычеством его. Итак, и до нас достигла эта гроза и величайшая угнетенность. Посему мы дали пять тысяч золотых монет. А так как их не было у нас, то мы заложили все наши доходы, ризы и сосуды, дабы получить и внести оные монеты, заложили не без ущерба, а с процентом, какой заимодавцы обыкновенно берут в год, пока получают и капитал свой. В таких обстоятельствах мы смиренные не имеем иной твердой надежды, кроме Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятой Матери Его, и державы Богом венчанной царственности твоей со всем святым домом Австрийским, который донныне питает нас и поддерживает, что верно знает и богоизбранная царственность твоя, которую Господь Бог да хранит безболезненну, благодущну, долголетну, и преодолевающу врагов видимых и невидимых, и неприкосновенну от всякого злого обстояния, и да дарует ей и вечное Царство Небесное после царства земного. Аминь.

На Синайской горе в лето от Воплощения Христа 1569-е, месяца марта 20 дня, индикта 12.

† Смиренный епископ Евгений святой горы Синая и Раифы» (Оправдания, № 65).

III. ДЕЕПИСАНИЯ ТУРЕЦКИЕ

1) Вакуф-наме 1561 года в переводе с турецкого языка на русский.

«Настоящим (писанием) известно делается, что в Румелии к округу Сидирокавсийскому принадлежит Святая Гора, в которой находится и монастырь под названием Русский, которого ктиторы Иаков и Авксентий представили свои документы, что в сем монастыре находятся сорок семь монахов, и освидетельствовано ктиторство их Вениамином Лавриотом, Давидом и Дионисием Иверским. И поставили Дионисия полномочным ктитором, который добровольно со стороны отцов вместе с попом Матфеем того же Русского монастыря прибыл в суд, говоря, что реченный монастырь есть общежительный, имеет келий 98, один дом, называемый пирг, и другой дом общий с одною •[III/2 308]• кухней и домом, и внутри монастыря находятся пять церквей, две печи, одна чешма (струйник), одна мельница и одна конюшня; пред монастырем проходит вода текущая, а вне монастыря находится одна церковь, окружаемая пространном полем, на котором находятся пять дерев ореховых, пять черешен у одного источника; по самой же середине поля течет вода. (Далее следует подробное описание границ монастыря, в котором описании упомянут так называемый *Солунский пирг* у самого моря). На устах реченного моря находится один пирг, близ которого одна церковь и мельница, и на том месте находится и один вертоград, наполненный деревьями, померанцами, масличиями и орешником. В самой этой границе находятся десять келий, имущих десять церквей, виноградников, верто-

градов, кухонь и прочая. А вне реченных границ находится место, называемое *Богородица*, с которым граничит с одной стороны Ватопед, а с другой Пандократор; и на этом месте находится десять домов, церковь, виноградники, вертограды и источники, откуда же и *балкан месалик*, от которого секут дрова. В другом же месте находятся еще три дома, которые имеют церкви, виноградники и вертограды, и церквей их имена суть: одна св. Василия, другая св. Георгия, третья св. Стефана и четвертая св. Иакова. Имеют и одно зимнище, т.е. зимний квартир для скотов, называемый *Великий Караул**; и границы его с одной стороны Хромица, с другой великая дорога Св. Горы, с третьей море до камня Аксинир, с четвертой же граничит с местом, прозываемым Вазы; реченное же зимнище называют *Паророски*. — И на месте, называемом Лонгос, есть метох, близ которого лежит место, прозываемое Сикя, где есть также зимнище, дома, конюшни, сламницы, виноградники, вертограды, чешма и кухня. — Также и в округе Солунском на месте, называемом Каламария, есть метох с домами, кухнями, житницами, конюшнями, сламниками и источниками, в метохе же сем есть и одна церковь •[III/2309]• св. Николая; границы же метоха: с одной стороны Кастамонит до самого моря, а с другой до метоха Иверского. — Так же и в округе Реванинском есть метох с домами, житни-

цами, сламниками, конюшнями и нивами, которые нивы отданы в аренду за 80 солунских мер пшеницы в год; и имеет он 15 пар волов, 25 коров, 25 буйволов и 50 коз. — И исповедал выше-реченный ктитор Дионисий, что все эти стяжания принадлежат монастырю Русскому и вписаны в книгу царского вакуфа. Посему и все вышепомянутые здания, виноградники, вертограды, мельницы и скоты переданы вышепомянута-му настоятелю попу Матфею с таким уговором: он обещал, да сколько ни соберет от реченных стяжаний, после расходов и издержек на исправление зданий и на возделывание виноградников и вертоградов, и на поддержку мельниц, всю оставшуюся сумму приходов дать убогим реченного монастыря и убогим Святой Афонской Горы; скотов же пола мужеского да имеют власть продать ценою и отдать их сумму также убогим монастыря, либо употребить на иные потребности и нужды монастырские и на приходящих убогих; женский же пол да держат для монастыря. И отцы монастырские да имеют всегда свободную волю избирать настоятеля, кого хотят, и быть надзирателями монастыря и имений его. Такое условие сделали с вышепомянутым попом Матфеем, который и обещался остаться неподвижно на вышеизложенных условиях, для чего и поставлен был настоятелем и принял в свою власть все по вышеизложенной описи.

В конце *рамазана* лета оттоманского 976-го».

* Разумеется возвышенность Афона Мегали Вигла.

2) Вакуф-наме монастыря Григориатского 1561 года.

Перевод его с турецкого языка на новогреческий помещен в Оправданиях сей истории моей, под № 66, а здесь я излагаю только содержание его, так как сей акт походит на вышепрписанный.

«Игумен Григориева монастыря Иосиф и монах Максим, как епитропы 42 братий, имея в руках своих опись имущества, засвидетельствованную игуменом Лавры Никодимом и •[III/2 310]• старцем Виссарионом, показали в турецком суде:

В монастыре их находятся 137 келий каменных, а сам он построен на утесе морском; в нем есть церковь с куполом, кухня, две печи, больница, горница для гостей, житница, погреб и рукодельные покои, в которых шьют одежду и обувь, кладбище с церковью, *арсана* с домом при ней и два судна, одно малое, а другое большое, у ворот струйник и комнаты для прислуги. А окрест монастыря находятся деревья лимонные, масличные и ореховые. (Далее описываются границы обители.) В этих границах есть виноградники, огороды, сады и овощные огороды, а на гористом месте, которое называется Покарáва, находится церковь св. Стефана с шестью кельями и шестью храмами в них. В Карее есть одна келья с храмом св. Трифона и при ней виноградник, сад, огород и вода. В Полафе — келья, а в Кумхафе — сад. В селе Изворе — дом, а в Палеохоре — сад. На Лонгосе — метох, называемый Парфенон. В округе Фессалоники в селе, рекомом Ме-

тангичи, — хутор с шестью парами волов пашущих и мельница; в Драсуне — место, называемое Мадарадити, и в Меровлие — мельница и две пары волов пашущих; в Палиовари — одна пара таких же волов и 100 ульев. У св. Марины — хутор с восемью парами волов; в Прави — летние дома; в Карики — одно место; в Зихне — церковь во имя св. Варвары и проточная вода; в округе Прагиу, в деревне Орфани, — хутор с конюшней, с помещением для соломы, виноградники, овощной огород и церковь. В округе Серронском, в деревне Хандака, — три мельницы и 15 *стремм* виноградника. В Зохе — пять торговых лавок и церковь св. Николая. Еще 87 волов, 533 козы, 250 овец и 13 мулов. Все эти здания, виноградники, овощные огороды и животных мы вручили попу Каллисту с условием: расходовать часть доходов на исправление всего вакуфа, а по взносе узаконенных десятин выдавать бедным в монастыре и прохожим; животные мужеского пола пусть продаются на нужды бедных в монастыре, а женского пола пусть берегутся •[III/2 311]• для вакуфа.

В конце *рамазана* 976 года (Оправдания, № 66).

3) В архиве Григориата два приказа султана Мурата III и один приказ султана Ахмета, написанные каждый на полулисте бумаги и сзади подшитые шелковою материею красного цвета, подтверждают вышеприведенную опись. Это поведал мне игумен сего монастыря Неофит в 1845 году.

NB. Мурат царствовал с 1574 по 1595 год, а Ахмед с 1595 по 1603 год [в действительности — с 1603 по 1617 г., как верно указано ниже. — П.К.]

4) Вакуф-наме монастыря Есфигменова, 1582 года.

Содержание. Киновиатских монахов 51. В Афонской Карее два дома; в Иованице один дом и место в 20 *стремм*, и виноградник; в деревне Аладиава (на Афонском перешейке) дом; в селе Изворо дом; в Ахину большой дом; в Патрики дом с виноградником в три *стреммы*, граничащий с хутором монастыря Кутлумушского; в селе Никита дом; на Лонгосе, у св. Кириакии, дом с загонами для волов, буйолов, коров, коз и овец, граничащий с имениями монастырей Симонопетрского и Григориатского; в селе Портарее кухня, келья и проч. «Все это, вышепрописанное, как то: дома, горницы, амбары, сады, мельницы, лавки, проточные воды, струйники и стяжания (хуторы), суть наша собственность. При всех их находятся 20 буйолов и 20 волов, 120 животных, 10 кобыл и загоны. Все это мы сделали вакуфом и поручили попу Иосифу, который есть метевелис и епитроп, и заключили с ним условие такое, что он обязан улучшать все это, а доходы употреблять на поддержку и исправление оных вакуфов, животных же мужского пола продавать и выручку расходовать на бедных в монастыре и на приходящих в него бедняков, а женские животные сберегать для монастырского вакуфа. Метевелисом монастыря нашего да будет тот, кого пожелают и изберут

бедняки монастыря, приписанные нами к настоящим вакуфам» и проч. (Архив).

Следуют подписи 12 свидетелей турков. •[III/2 312]•

5) Вакуф-наме 1779 года, данное на имя святогорцев.

Это дееписание, дословно переведенное с турецкого языка на новогреческий, помещено в Оправданиях моих под № 67. А здесь я кратко передаю только главное содержание его.

В округе Серресском два хутора (чифлики) Ахину и Патрики, задолжавшие султанской казне в количестве 4000 пиастров, незадолго до 1194 года мусульманского (1779 г.) присоединены были к султанским вакуфам. Но святогорские монахи (не сказано, из какого монастыря) с ведома вселенского патриарха решились взять в аренду оба эти хутора на шесть лет с платою за них 10 000 пиастров и в этом же числе с погашением долга в 4000 пиастров в течение сих лет, но с рассрочками, так что ежелетно в месяц св. Димитрия будут вносимы в вакуф-хумаюн, т.е. имарет государства, 1666 пиастров и 80 аспр начиная с 1194 года. В течение этих шести лет святогорцы владеют оными хуторами как хозяева и никто не должен ни препятствовать им в этом, ни обижать их.

Дано в 10-й день месяца реджепа 1194 года.

По сопоставлении всех этих дееписаний и по соображении их с другими сведениями оказывается следующее.

α) Все имения церквей и монастырей во всем Турецком государстве

объявлены были вакуфами, т.е. имениями государства, по повелению султана Селима II, который самодержавил с 1566 по 1574 год, объявлены с тем, чтобы доходы с них отдаваемые были желающим в аренду, но только до третьего рода, то есть до третьего после него султана Ахмета I, воцарившегося в 1603 году, а при сем султানে снова были бы перепроданы желающим. Право покупать их у казны предоставлено было и монастырям и церквям.

β) По этому праву Синайский епископ Евгений выкупил имения своего монастыря за 500 золотых монет, отдавши в залог замоидавцам этой суммы священные сосуды, ризы и доходы с имений, а для уплаты им сего долга просил в 1569 году милостыни у немецкого императора Максимилиана, который •[III/2 313]• в 1565 году прислал ему деньги на обновление монастыря его, а не на уплату долга.

γ) По этому же праву Афоно-Дохиарский монастырь в 1563 году выкупил все движимости и недвижимости свои с помощью молдавского господаря Богдана и матери его Роксандры, которые дали 165 000 аспр для выкупа, о котором идет речь. (Ежели аспра равнялась тогда нашему пятаку серебряному, то Богдан дал Дохиару 8250 руб. сер.)

δ) По этому же праву Афоно-Есфигменов монастырь в 1582 году выкупил некоторые имения свои и отдал их в аренду своему попу Иосифу с известным условием.

ε) По этому же праву святогорцы в 1779 году взяли в аренду отчисленные в оттоманский вакуф афонские имения Ахину и Патрики в округе Серреском, взяли на шесть лет за 10 000 пиастров, обязавшись вносить за них в государев имарет 1666 пиастров и 80 аспр ежегодно до полной уплаты 10 000 пиастров.

ζ) До рокового повеления султана Селима турецкие чиновники подробно описывали имения афонских монастырей и взимали с них десятины, считая их тогда вакуфами монастырскими, а не государственными. Замечательно, что турецкое правительство тогда смотрело на монастыри, как и ныне смотрит на них, — как на учреждения богоугодные, обязанные кормить, поить и одевать бедных и убогих. Этот взгляд его занят у христианской Церкви, которая давно сказала, что *церковные и монастырские имения нищих имения суть и что их подобает снабдевать*, а не попов и детей их.

Вышепомянутое распоряжение Селима было разорительно для афонских монастырей. Они не могли выкупить *всех* имений своих и обеднели так, что принуждены были просить помощи и милостыни у всех православных князей и царей и подвластных им христиан. Помощь их и милостыня были подаваемы нескучно на поддержание и благоустройство святых обителей и на уплату долгов их. Греки, болгары, сербы, валахи, молдаваны, •[III/2 314]• русские и грузины сжалились над угнетенным Афоном и помогали ему

усердно. Представляю очерк помощи их, имея под руками *надписи* и *деловые памяти* в афонских монастырях.

§ 104. Помощь Афону от греков

Начинаю с ПРОТАТА.

Здесь в 1686 году лаврский монах Зосима украсил храм Протатский. Знать, с деньгами пришел он на Афон.

В 1781 году обветшавшая колокольная протатская вновь с основания воздвигнута хаджи Анастасием, Фомою, Михаилом и другими боголюбивыми христианами.

В 1795 году архиерейская кафедра в сем храме устроена была иждивением преподобнейшего монаха кир Матфея, поклонника с острова Фаса.

В 1815 году все афонские монахи сложились и на свою складчину сделали серебряно-позолоченную ризу на запрестольную икону Богоматери Карейской, известную под названием *Достойной*.

В ЛАВРЕ СВ. АФАНАСИЯ АФОНСКОГО.

В 1522 году Серронский митрополит Геннадий починил юго-западную зубчатую башню, в которой находится церковь св. архидиакона Стефана, и обновил братскую трапезу.

В 1535 году Веррийский архиерей Неофит, уроженец из города Афин, своим иждивением расписал соборный храм Лавры кистью монаха Феофана.

В 1560 году честнейший монах Киприан иждивением своим расписал пра-

вый Никольский придел сего храма кистью Фралга.

В 1578 году боголюбнейший епископ Червенский (Рушукский) кир Паисий иждивением своим историровал левый придел сего же храма, построенный немного ранее 1578 года покоившимся в Лавре Самосским архиереем Мартирием. •[III/2 315]•

В 1580 году лаврская больница с храмом в ней во имя свв. Бессребреников построена с самого основания иждивением монаха Мисаила Лесбосца для поминовения души его и родителей его. А на окончательное устройство и содержание этой больницы жертвовали свои деньги вселенские патриархи: Анфим II († 1623 г.), Дионисий III († 1669 г.) и Иеремия III Патмосец († 1735 г.), и митрополиты: Навпактский Неофит, 1744 г., Критский Константин, Терновский Иосиф и епископ Метронский Нил*.

В 1614 году, 24 декабря, солунский священник Антоний Оксиг уплатил свои деньги за написание немалой иконы, *Собор Бесплотных сил*, прикрепленной к срединной колонне, что направо, в литийном притворе соборного храма Лавры.

Немного ранее 1623 года вселенский патриарх Анфим был ктитором церкви св. великомученика Димитрия в большой трехъярусной башне лаврской.

В 1631 году в соборном храме Лавры царские двери, украшенные узорами

* Προσκυνητάριον τῆς ἁγίας Λαύρας. Ἐνετίσιν, 1772. С. 9–10.

из перламутра по кости индийской черепахи, устроены иждивением игумена Лавры Германа.

В 1634 году струйник против южной стороны соборного алтаря сооружен иждивением лаврского монаха Феоклита.

В 1635 году водосвятный фиал, что на дворе пред соборным храмом, расписан внутри иждивением архонта Иоаннакия Миха, жителя острова святого Евстратия.

В 1642 году струйник вне Лавры, против первой угловой башни ее, с оснований построен иждивением иеромонаха... когда игуменом Лавры был Симеон.

В 1661 году портомойное здание, отдельно стоящее на первом дворе Лавры, на восток от церкви Портаитиссы, воздвигнуто иждивением монаха Никифора.

Во время, протекавшее между 1665-м и 1696 годом, бывший вселенский патриарх Дионисий IV Андросец, сын богатого банкира, уплатил долги Лавры, в большой, высокой и крепкой •[III/2 316]• башне ее устроил кельи подле церкви свв. Архангелов и дал пособия больнице.

В годы от 1713 до 1719-го заново построен был с оснований и расписан отдельно стоящий храм Богоматери Вратарницы и Экономиссы старанием и иждивением бывшего игумена Лавры Иосифа, родом Хиосца из села Патрика.

В 1725 году проигумен Лавры Тимофей, родом с острова Скироса, на свои

деньги, *взятые из дома*, построил с оснований большую поварню подле братской трапезы.

В 1741 году Константин Парасх пожертвовал в соборный храм Лавры литые из желтой меди высокие подсвечники с круглыми на них яблоками. А другие подобные подсвечники, но выше и больше, пожертвованы в сей же храм солунским гражданином Иоасафом.

В 1782 году хаджи Димитрий из города Смирны был новым ктитором отдельного храма св. Михаила Синнадского.

В 1803 году вода проведена в сени гостиницы, что близ параклиса св. Николая, иждивением лаврского монаха Матфея.

В 1806 году кельи на восточной стороне Лавры в три жилья построены из тесаных камней иждивением архимандрита Нафанаила.

В 1810 году паперть и отчасти литийный притвор соборного храма с оснований построены иждивением и усердием старца Анфима Карпенисиота и проигумена Макария Критянина.

В 1852 году она паперть расписана иждивением архимандрита Вениамина Лавриота, а расписывал ее Захария Христо Самоковчанин.

Что касается до имений Лавры в пределах нынешней Греции, то они, по восшествии короля Оттона на престол ее, отобранны были в казну в Морее, Негропонте и на островах. В 1845 году лаврский монах Дионисий ходатайствовал в Афинах о возвращении их, но

возвращены ли они Лавре, не знаю.
•[III/2 317]•

В МОНАСТЫРЕ КАРАКАЛЬСКОМ.

В 1699 году Христофор иеромонах изготовил канонаршеский налож для левого клироса, украсив его мозаикой.

В 1707 году иждивением проигумена Дионисия Иверита построено северное отделение братских келий, против соборного храма.

В 1708 году паперть сего храма улучшена и расписана старанием и иждивением проигумена Неофита.

В 1714 году некий раб божий Николай возобновил колокольню (закладены пролетные арки).

В 1717 году соборный храм монастыря возобновлен и расписан пособием и трудом проигумена Неофита.

В 1754 году литийный притвор соборного храма возобновлен и расписан архимандритом Леонтием.

В 1838 году третье верхнее жилье в северном отделении братских келий отделано с помощью христиан старанием игумена Дамаскина.

Метохами и именами своими в освобожденной Греции Каракальский монастырь не пользуется давно. (Смотри мое *Первое путешествие по Афону в 1846 году*. Ч. II. Отд. 2. С. 247.)

В МОНАСТЫРЕ ФИЛОФЕЙСКОМ.

В 1765 году соборный храм во имя Богоматери построен и расписан иждивением многих христоролюбцев.

В 1776 году северный придел сего храма расписан иждивением благочес-

тивейшего поклонника Кира при пособии монаха Иоакима Критянина.

В МОНАСТЫРЕ ИВЕРСКОМ.

В 1597 году дверь о двух полотнищах, ведущая из второго литийного притвора в соборный храм, сработана и украшена весьма красивою мелкою мозаикой Феофаном, иверским монахом.
•[III/2 318]•

В 1607 году небольшой на престольный крест с господскими и богородичными праздниками на нем сделан из кипариса и обложен серебром с эмалью иждивением Симона и Константия при игумене Парфении.

В 1610 году этот же игумен устроил больницу с храмом св. Модеста под монашескими кельями, что налево от отдельной церкви св. Иоанна Предтечи. (В 1845 году монастырская больница находилась на противоположной южной стороне келий.)

В 1672 году в кладбищной церкви местная икона св. Афанасия Александрийского написана по заказу иверского архимандрита Дионисия.

В 1679 году иверские монахи Соломон и Дамаскин — первый пожертвовал в соборный храм четыре большие иконы хорошего письма московского, а второй положил на них серебряно-позолоченный оклад. Эти иконы прикреплены к четырем мраморным колоннам, поддерживающим купол этого собора.

В 1687 году возобновлены были в южном отделении братских келий верхние кельи и арки пролетного

коридора пред ними иждивением проигумена и сосудохранителя Дамаскина иеромонаха.

В 1708 году северное отделение братских келий с молитвенным домом в них св. Дионисия Ареопажита построено иждивением проигумена Дионисия.

В 1710 году отдельный храм Предтечи, называемого Климентия, возобновлен вместе с куполом, иконостасом и иконами иждивением проигумена Агапия Верриота.

В 1721 году мраморные косяки двери, ведущей из паперти соборного храма в темноватый притвор его, у входа в придел св. Николая, поставлены иждивением Артского митрополита Неофита, которого лично знал наш Барский в 1744 году.

В 1725 году башня с боевыми часами построена иждивением игумена Виссариона Иверита, родившегося в Букаресте. Он же в 1787 году возобновил и расписал придел св. Николая. •[III/2 319]•

В 1768 году второй от запада литийный притвор расписан иждивением старца Анании.

В 1774 году архимандрит Иоанникий вновь украсил отдельную церковь Богоматери Вратарницы. Он же в 1785 году на свои деньги соорудил мозаичскую дверь, ведущую из колоннадной паперти соборного храма в первый литийный притвор его.

В 1839 году близ монастыря, у моря, построена небольшая церковь иждивением архимандрита Григентия.

В 1842 году стенная живопись в этом же храме поновлена иждивением архимандрита Даниила Пелопоннесца.

В 1848 году на месте обветшавшей колокольни с основания построена новая, благолепнейшая, немалым иждивением архимандрита Афанасия. (Лучше бы он сделал, если бы укрепил и обновил старую колокольню, строенную грузинами по их рисунку. В 1845 году я видел эту колокольню, тогда она твердо стояла на своем месте.)

В 1851 году в обоих приделах соборного храма на местных иконах свв. Архангелов и св. Николая позолоченные ризы из серебра приобретены в Москве архимандритом Даниилом Иверитом.

В 1858 году иверский проигумен Анфим, уроженец Дидимотихский, иждивением своим возобновил первый от монастыря водопровод, что на арках.

В МОНАСТЫРЕ СТАВРОНИКИТСКОМ.

В 1546 году соборный храм св. Николая Чудотворца построен и огражден стенами, и многими вкладами украшен, и многими именами упрочен, и дивно историрован иждивением всесвятейшего Константинопольского патриарха Иеремии I при содействии и старании епископа города Ерисса и Святой Горы Макария и дикей монастыря Григория монаха.

В 1770 году братская трапеза, прежде бывшая развалина, возобновлена иждивением иерарха Иоакима при содействии епископа Раски Григория и поклонника Спандони Византийца. •[III/2 320]•

В 1810 году совещательная горница, что направо от входа в соборный храм,

построена иждивением проигумена Феодосия при содействии и смотре-нии проигумена Паисия и старца Каллиника, в потребность общины сего священного монастыря.

Во 1849 году архимандрит Аверкий своим иждивением соорудил архиерейскую кафедру у правого клироса в соборном храме.

В МОНАСТЫРЕ КУТЛУМУШСКОМ

В 1598 году северное отделение братских келий возобновлено было иждивением Серронского митрополита Кирилла.

В 1640 году соборный храм распи-сан общим иждивением кутлумушских братий.

В 1662 году северное отделение братских келий с больницей в нем кончено иждивением проигумена Иоасафа.

В феврале 1749 года местная икона Спасителя в кладбищной церкви, на-ходящейся близ монастыря, написа-на московским греком Георгием. Кисть московская!

В ноябре месяце 1767 года Алексан-дрийский патриарх Матфей, родив-шийся на острове Андросе и покоив-шийся в Кутлумуше с 1766 года, своим иждивением построил восточную стену сего монастыря. Он же во время девятилетнего покоя своего тут укра-сил соборный храм, с оснований воз-двиг братскую трапезу и насадил боль-шой виноградник.

В 1773 году проигумен Мелетий Кри-тянин Кутлумушец своим иждивени-ем сделал серебряный оклад на боль-

шой иконе, изображающей акафист Богородицы. Оклад положен на одни края ее.

В 1816 году архимандрит Григорий, родившийся в аграфском городе Рен-дине, соорудил струйник против мона-стырских ворот.

В 1818 году Серронский архипас-тырь Хрисанф, покоившийся в Кутлу-муше, соорудил струйник у братской трапезы. •[III/2 321]•

В МОНАСТЫРЕ ПАНДОКРАТОРСКОМ

В январе 1627 года иеромонах Исаия соорудил царские врата в соборном храме.

В 1640 году иконостас в этом же храме возобновлен иждивением Мат-фея священника.

В 3-й день мая 1703 года в паперти сего же храма возобновлена цистерна иж-дивением монаха хаджи Павла.

В 1715 году иеромонах Анфим, ро-дившийся на острове Сифне, устроил налой с сенью для праздничных икон.

В 5-й день августа 1749 году кончено возобновление и расписывание брат-ской трапезы иждивением монаха Тимофея Лимносца.

В 1770 году западное отделение брат-ских келий построено иждивением всех священных отцов Св. Горы.

В 1781 году скевофилак иеромонах Кирилл и некто Георгий перестроили наружную стену северных братских келий во всю длину ее и высоту, по-вредившуюся от давности времени. Тогда же и они же устроили параклис св. Анд-рея Первозванного и св. Иоанникия в

северо-восточном углу этих же келий, и над этим параклисом — церквичу во имя свв. Архангелов, а вне монастыря, у ворот его, соорудили струйник.

В 1783 году на иждивение иеромонаха Арсения написана поясная икона Богоматери, прикрепленная к передней налево подкупольной колонне в соборном храме.

В 1847 году паперть сего же храма и мраморный пол как в ней, так и в нем, вместе с другими переделками, возобновлены иждивением архимандрита Мелетия Кацорана Пандократорца, родившегося в Кидонии.

В 1847 году пандократорский старец Парфений своим иждивением соорудил струйник вне монастыря, у кузницы, и конюшни.

В 1854 году соборный храм, почерневший и обветшавший от времени, опять заблистал попечением *щедрого* Мелетия, вышепомянутого. •[III/2 322]•

В МОНАСТЫРЕ ВАТОПЕДСКОМ.

В 1637 году построена келарня с помощью бывшего игумена Феофана.

В 1678 году придел Богоматери, называемой Утешение, на левой стороне соборного храма, под хорами, построен и расписан пособием Лаодикийского митрополита Григория.

В 1683 году кладбищная церковь близ монастыря, освященная во имя свв. Апостолов, возобновлена и расписана иждивением ватопедского сосудохранителя иеромонаха Христофора, родом из села Галатисты (что между Солунем и Афоном).

В 1708 году ватопедский проигумен и сосудохранитель Филофей, родившийся на острове Паросе, своим иждивением устроил здание в северо-западном углу монастыря, между бойницами. Он же со старцем Моисеем соорудил налой для праздничных икон в соборном храме, украшенный узорами из перламутра, в 1716 году.

В 1720 году старец Гervasий своим иждивением соорудил два канонаршеские налож, украшенные узорами из перламутра.

В 1721 году духовник Парфений своим иждивением расписал Димитриевский придел соборного храма.

В 1726 году виноградное точило у выхода из монастыря устроено иждивением игумена Неофита.

В 1739 году стенная живопись в куполе соборного храма поновлена иждивением ватопедского сосудохранителя Паисия.

В декабре 1780 года Никольский придел соборного храма историрован иждивением проигумена Паисия и старца Пахомия.

В 1781 году Филофей, добрый предстатель Ватопедской обители, своим иждивением изготовил серебряный ковчег для хранения в нем части пояса Богоматери.

В 1785 году этот же Филофей Вифинийский, родившийся в местечке Мунтании, своим иждивением украсил внутренность братской трапезы. •[III/2 323]•

В 1788 году деревянный иконостас соборного храма сооружен и позолочен иждивением достопочтенного иерея

Иоанна, когда сосудохранителем был проигумен Филофей Мунтаниец.

В 1788 году параклис св. апостола Андрея, находящейся в северо-западном углу монастыря, строился архипастырем города Драмы Герасимом, которому родина — остров Парос, а обитель — Ватопед, а окончательно достроен им в 1798 году.

В 1789 году вышепомянутый иерей Иоанн из села Изворо (близ Афона) с сыновьями своими Христодулом и Василием иждивением своим исправил попортившуюся стенную живопись в соборном храме Ватопеда.

В 1794 году отдельный храм для священного пояса Девы Марии построен иждивением, старанием и пламенным усердием начальствующего в Ватопеде Феофила, которому отечество — город Созополь на Понте.

В 1811 году два брата архимандриты Григорий и Мефодий своим иждивением построили южное отделение братских келий.

В 1813 году некто Авраамий Латрос пожертвовал в соборный храм два огромных подсвечника, вылитых из желтой меди в Вене.

В 1842 году, 25 сентября, архимандрит Филарет окрасил соборный храм багряною краской на свой счет.

В 1842 году Кассандрийский архиерей Иаков, Патмосец, своим щедрым иждивением расписал водосвятный фиал у портика соборного храма.

В 1844 году вышепомянутый архимандрит Филарет вновь построил каменную ограду вокруг монастырского

сада, что налево от тропинки, ведущей к морю. Он же в 1845 году на свой счет обновил обветшавший параклис св. Андрея Первозванного, а в 1847 году соорудил большой мраморный киот для иконы Богоматери *Виматарницы*, т.е. Алтарницы, в алтаре соборного храма.

•[III/2 324]•

В МОНАСТЫРЕ ЕСФИГМЕНОВОМ

В 1716 году сосудохранитель Григорий построил или надстроил западное отделение братских келий.

В 1810 году игумен иеромонах Евфимий, родом из Кидонии, своим иждивением возобновил братскую трапезу.

В 1817 году Константинопольский патриарх Григорий V много заботился об устройстве обители Есфигмена.

В 1841 году новый соборный храм историрован иждивением бывшего Меленикского архипастыря Григория, в монашестве Герасима.

В МОНАСТЫРЕ КАСТАМОНИТСКОМ

В 1728 году восточное отделение братских келий устроено иждивением иеромонаха Анфима.

В течение десяти лет, между 1810 и 1820 годами, вновь перестроено южное отделение братских келий.

В МОНАСТЫРЕ ДОХИАРСКОМ

В 1547 году иждивением Прохора, архиепископа Охридского, написана была апрельская богослужебная Минея, хранящаяся в монастырской библиотеке. Сей же архиепископ устроил братскую трапезу.

В 1676 году сия трапеза расписана иждивением преподобнейшего господина Иакинфа.

В 1700 году в этой же трапезе исторированы чудеса свв. Архангелов и св. Николая и лики преподобных иждивением монаха Никодима и сосудохранителя монаха Макария.

В 1723 году северное отделение братских келий построено иждивением проигумена и сосудохранителя Мелетия иеромонаха.

В 1736 году колоколья построена иждивением игумена Стефана.

В 1742 году сосудохранитель Паисий своим иждивением сделал *дискеллий*, т.е. складный налой, украшенный узорами из перламутра. •[III/2 325]•

В 1744 году проигумен и сосудохранитель Мелетий своим иждивением расписал отдельную церковь Богоматери Скороуслышной.

В 1755 году иеромонах Стефан своим иждивением устроил потолок и дверь в братской трапезе.

В 1765 году водосвятный мраморный фиал с куполом с основания построен и украшен иждивением проигумена Иосифа Хиосца, для поминовения родителей его и благодетелей.

В 1768 году по заказу сосудохранителя Кирилла Хиосца написаны в соборном храме местные иконы: Спасителя, Богоматери Одигитрии, Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца и всех свя-

Костамонит.

тых. Сей же Кирилл в 1773 году сделал резной киот для иконы архангелов, которая покрыта серебряною ризою.

А в 1779 году этот киот позолочен иждивением старца Софрония Кефалонийца. Сей же старец тогда же позолотил и тот киот, в котором помещена икона св. Николая Чудотворца и который представлен к левой колонне, поддерживающей купол соборного храма.

В 1780 году проигумен Кирилл Хиосец своим иждивением позолотил архиерейскую кафедру.

В 1783 году иконостас соборного храма сооружен иждивением иеромонаха Софрония.

В 1784 году резной киот с иконою Богоматери, прикрепленный к задней подкупольной колонне в соборном храме, устроен и позолочен иждивением дохиарского старца Макария, родом из села Полигиро (недалеко от Солуны).

В 1788 году проигумен и сосудохранитель Кирилл своим иждивением, при пособии прочих братий, расписал портик, ведущий в монастырь.

В 1793 году гостинные горницы (архондарики) возобновлены иждивением проигумена Анфима Дохиарита.

В МОНАСТЫРЕ КСЕНОФСКОМ.

В 1609 году в старом Георгиевском храме царские двери устроены монахом Акакием. •[III/2 326]•

В 1679 году иеромонах Василий своим иждивением изготовил надыконостасный крест в старом Георгиевском храме и тут же резную сень над св. трапезою.

В 1815 году Паисий Дохиарит, видя чудеса от иконы Богоматери Скороуслышной, украсил эту икону.

В МОНАСТЫРЕ КСИРОПОТАМСКОМ

В 1766 году больничная церквушка во имя свв. Бессребреников устроена иждивением проигумена Дионисия.

В МОНАСТЫРЕ СИМОНОПЕТРСКОМ

В 1567 году башня у морской пристани вновь построена архонтом Оксиоти.

В 1633 году братская трапеза расписана иждивением игумена Иоасафа.

В МОНАСТЫРЕ ГРИГОРИАТСКОМ

В 1739 году кладбищная церковь во имя всех святых с основания построена двумя родными братьями Митрофаном и Нектарием. Они же сами и историровали его.

В МОНАСТЫРЕ ДИОНИСИАТСКОМ

В 1688 году проигумен Неофит пожертвовал серебряный венец, что на иконе Иоанна Предтечи, прикрепленной к правому столпу соборного храма.

В МОНАСТЫРЕ СВ. ПАВЛА

В 1801 году комната пред соборным храмом (уничтоженным) возобновлена была архимандритом Феофаном.

В 1820 году иждивением монастыря и архимандрита Анфима построены с оснований братская трапеза и архондарик с параклисом. Этот же Анфим в 1821 году соорудил струйник и колокольню суротив нынешнего соборного

храма, построенного из афонского мрамора; он же в том же 1821 году окончил постройку и восточной зубчатой ограды монастыря, начатую архимандритом Феофаном; он же создал и юго-восточную часть монастыря. •[III/2 327]•

§ 105. Помощь Афону от славян из Болгарии

В МОНАСТЫРЕ ИВЕРСКОМ.

В 1812 году северо-западный придел соборного храма, освященный во имя свв. Архангелов, расписан иждивением проигумена Софрония и поклонника Герги из местечка Казанлык.

В 1815 году отдельная церковь св. Иоанна Предтечи историрована иждивением болгар из Казана.

В МОНАСТЫРЕ ВАТОПЕДСКОМ

В 1791 году паперть придела св. великомученика Димитрия расписана иждивением поклонников болгар.

В 1802 году иждивением христиан Меленикской епархии: Константина иерея, Стояна и других, при пособии ватопедских отцов, историрована паперть Никольского придела соборного храма.

В 1843 году поклонники из габровского села Велмаса: Мило, Спас, Димо и Иван, иждивением своим починили малый архондарик, находящийся в северо-западном углу монастыря.

В МОНАСТЫРЕ ЗОГРАФСКОМ

Сей монастырь от начала его существования поныне устроаем и снабде-

ваем был болгарями. Именую известнейших между ними.

В 1726 году хаджи Статий из города Видина обновил братскую трапезу и настлал пол в паперти соборного храма.

В 1758 году «возобновися святая обитель, глаголемая Зограф, ктиторовством и иждивением благородного господина хаджи Волчо от села Банско ради душевного своего спасения и вечных благих восприятия. Паки же в лето 1768 иждивением и усердием того же ктитора возградися святой храм во имя Пресвятыя Богоматере, честнаго и славнаго Ея успения».

В 1783 году струйник внутри монастыря создася •[III/2 328]• иждивением хаджи Феодора и госпожи его Дарии от славного града Рушук.

В 1799 году киоты для двух больших икон св. Георгия, прикрепленные к передним подкупольным колоннам в соборном храме, устроены иждивением поклонников болгар.

В 1801 году соборный храм создася на месте старого иждивением *проистов* (предстоятелей) при епитропе проигумене Евфимии и проигумене Порфирии. В этом же храме средняя западная дверь с узорами на ней из перламутра устроена иждивением проигумена Евфимия в 1802 году; две малые боковые двери западные, чрез кои входят в собор из литийного притвора его, украшены узорами из перламутра иждивением проигумена Порфирия в 1803 году, а киоты для икон, прикрепленные к задним подкупольным колоннам, сделаны в 1803 и 1813 годах.

В 1810 году построена монастырская колокольня.

В 1813 году написаны местные иконы в соборном храме.

В 1817 году весь этот храм расписан кистью монаха Митрофана «иждивением софийского протосингелла Иоила, иже от Серреза, настоянием же честного кир Иоанна Алтыпармакова из Видина».

В 1818 году мраморные седалища по обе стороны западного входа в собор устроены проигуменами Захарием и Иоанникием, а у северного входа тут же, с паперти, такие же седалища сделаны в память архимандрита Анфима и хаджи Викентия в том же году.

В 1820 году киот для иконы св. Георгия, принадлежавшей молдованскому воеводе Стефану, устроен иждивением поклонников болгар.

В 1834 лето Иероним схимонах *направи порту* (резную дверь, ведущую с паперти соборного храма в литийный притвор его). *В сие же лето совершишь и темблo* (иконостас).

В 1850 году архимандрит Акакий пожертвовал в соборный храм паникадило.

•[III/2 329]•

В МОНАСТЫРЕ ХИЛАНДАРСКОМ
(когда заняли его болгары).

В 1774 году иконостас в соборном храме позолочен иждивением хаджи Цветка из Видина.

В 1779 году западная дверь того же храма обрамлена мрамором иждивением проигумена Даниила из Эски-Загора.

В 1780 году струйник супротив монастырских ворот соградися иждивением хаджи Фомы из Видина.

В 1785 году монастырская больница соградися иждивением почтенных господ Феодора, хаджи Волка, сына его, и зятя его Сьбо из села Копривщица.

В МОНАСТЫРЕ КУТЛУМУШСКОМ

В 1795 году иждивением некоего поклонника из Охриды расписан параклис свв. Бессребренников в юго-восточном углу южного отделения братских келий.

В 1798 году в том же углу, но в верхнем ярусе келий, подле гостиных горниц, параклис Трех Святителей расписан иждивением христиан из Охриды.

§ 106. Помощь Афону от славян из Сербии

В МОНАСТЫРЕ
КАСТАМОНИТСКОМ

В 1542 году струйник внутри сего монастыря соорудил Иоанн Вуйнь.

В МОНАСТЫРЕ КСЕНОФСКОМ

В 1642 году местную икону, собор свв. Архангелов, в соборном храме написал Иосиф митрополит городов «Банки* и Кракову и Щипу и Радовищу».

В СТАРОМ РУССИКЕ

Во дни благочестивого деспота Гюрга Сербского (1427–1457 гг.) сделаны были западные врата соборного храма иноком •[III/2 330]• Антонием Таха с

* Читай: Баньи (т.е. Кюстендия). — Ред.

следующими надписями, кои читал и списал наш Барский в 1744 году:

«Оная врата суть разделенна на две части: на десной убо части в крузе изрыта есть главными и прекрасными письмены надпись сия: *Отверзите мне врата правды*; на левой же части в подобном противу сего крузе: *Сия врата Господня, праведные вниидут в ня*; ниже же сих на десной части Архангел *Гавриил* изображен; а на другой Богородица Благовестуема, и мало далее за Архангелом *Давид*, а за Богородицею *Соломон*; ниже же сих такожде два крута подобны вышшим; на правом убо круге изрыта есть надпись сия: *И вшед в ня, и узрю, что речет мне Господь*; на левой же сия: *Якоже рече, мир на люди своя и на Преподобныя своя*; ниже же сих на десной части: *Слава Святей, Единосушней и Нераздельней Троице*, и проч. до конца изрыта; ниже же *Страстотерпче Святый Пантелеимоне моли милостиваго Бога*, и прочая до конца; ниже же сих на десной части изрыто: *Изволением Отца и сопоспешеством Сына и совершением Святаго Духа*; противу же сего на другой части: *Совершиися дело сие во дни благочестиваго Деспота Юрга Сербскаго*; и паки ниже сих на десной части: *В лето SX**, *месяца сентемвриа при Игумене Иеромонахе Арсении*; на левой же части сия: *Христу Богу во иноцех последний Антоний Таха*» (Акад. изд. Т. II. С. 285).

* Это летосчисление [6600] показано ошибочно. Деспот Гюрг из дома Бранковичей, благодетель Руссика, управлял Сербией с 1427 (6935) года по 1457 (6965-й).

В МОНАСТЫРЕ ХИЛАНДАРСКОМ СЕРБСКОМ

В 1610 году при игумене Феодосии были построены братские кельи в юго-восточном углу сего монастыря.

В 1621–1622 годах обновлена и расписана была братская трапеза повелением отец и братий и всего собора Хиландарского при отце игумене Иларионе иеромонахе трудом живописца Митрофана.

В 1632 году, при игумене Филимоне, деревянная дверь, •[III/2331]• ведущая из литийного притвора в соборный храм, украшена мозаикой из слоновой кости. Тогда же подобная дверь сделана была и в братской трапезе и написана большая икона св. великомученика Димитрия, прикрепленная к задней подкупольной колонне собора.

В 1633 году иеромонах Феодосий изготавил мозаико-штучную дверь, ведущую с паперти в литийный притвор собора.

В 1635 году Босанский митрополит Исаия соорудил архиерейскую кафедру при игумене Филимоне.

В 1640 году при игумене Феодосии построено было западное отделение братских келий близ соборного храма. Эти кельи впоследствии сгорели и вновь построены в 1777–1778 годах.

В 1643 году при игумене Феодосии основана была монастырская больница.

В 1649 году построено восточное отделение братских келий близ выхода из монастыря. Эти кельи ныне очень ветхи.

В 1652 году обновлен портик перед братскою трапезою при игумене Викторе.

В 1657 году иеромонах Исаия на свои деньги написал большую икону свв. апостолов Петра и Павла, прикрепленную к задней подкупольной колонне собора слева.

В 1671 году Лесковский митрополит Василий, при игумене Георгии, обновил башню в юго-западном углу монастыря.

В 1682 году Виссарион, состоявший в Сербской патриархии, на свои деньги устроил большую цистерну близ южной стены соборного храма.

В том же году Белградский митрополит хаджи Симеон, при игумене Гаврииле, укрепил сводами высокую башню св. Саввы на восточной стороне монастыря и в 1684 году украсил и расписал находящийся в этой башне храм св. Иоанна Предтечи, при игумене Симеоне.

В 1688 году митрополит Темешварский Василий своим иждивением сделал налой и украсил его узорами из перламутра на кости индийской черепахи. •[III/2 332]•

В 1740 году больничная церковь обновлена и расписана иждивением «архимандрита Герасима Исинова церкви Сараевске», при игумене Афанасии.

В 1762 году иждивением проигумена Герасима обновлена кладбищная церковь Благовещенская.

В МОНАСТЫРЕ ПАВЛОВСКОМ

В 1647 году на стенах уцелевшей паперти уничтоженного соборного храма написан красками акафист Пресвятой Богородицы иждивением владыки Бечь-

керекского (Бачского в венгерской Сербии) Михаила.

Кроме пожертвований всех этих частных лиц деспоты Сербии из владетельного дома Бранковичей, подчиненные турецким султанам, благотворили некоторым монастырям афонским. Веду речь и об этих благотворителях.

Новый деспот Сербии Георгий Бранкович был самый несчастный правитель (1427–1457 гг.). Теснимый турками, он в 1435 г. покинул свой деспотат и с многими сербскими семействами переселился в Венгрию, где и получил во владение от императора Сигизмунда тринадцать городов и в числе их Токай, но не долго жил он там, снова воротился в Сербию и управлял ею до 1455 года, в который турки заняли деспотат его, потом странствовал по разным местам и умер на чужбине. Во время его деспотства весьма многие сербы в 1438 году во второй раз переселились в Венгрию. Этот Георгий устроил Святопавловский монастырь на Афоне, с 1430 года жаловал Есфигменовой обители 50 литр серебра ежегодно, а Лавре св. Афанасия — 120 литр серебра с 1452 года и Ватопеду 60 литр серебра, Хиландару же не давал ни полушки, вероятно, потому, что еще мать его Мара пожаловала ему село Ораховац.

Георгий Бранкович, умирая, поручил управление Сербией жене своей Ирине и трем сынам своим: Григорию, Стефану и Лазарю, из которых первые два были ослеплены турками. •[III/2 333]•

Но по смерти его младший, Лазарь II, отравил мать свою, а братьев разогнал,

да и сам бесчадный умер от какого-то недуга в январе месяце 1458 года, ничего не сделав для Афона. До смерти сего Лазаря одни из сербов остались верны супруге его Елене, гречанке из царственного дома Палеологов, а другие в 1458 году, 3 февраля, избрали себе правителя Михаила Абоговича, служившего при дворе оногo Лазаря. Но Елена позвала его к себе на обед 30 марта того же года, и тут связала его и отправила в Венгрию, где он и очутился в тюрьме. А сама она, не захотевши покориться султану Магомету, который в 1459 году окончательно овладел всею Сербией без кровопролития, переселилась в венгерский город Будим и оттуда с 1504 года ежеледно посылала Хиландарскому монастырю 100 червонцев, *сотворив приношение от малие силе своей Пресвятей Богородице Хиландарской* с тем, чтобы в каждый вторник служилась литургия о здравии ее, а по смерти совершалось поминовение, *якоже есть обычно святым царем и ктитором*. Между тем брат Лазаря II, Стефан Слепец, захотел быть деспотом Сербии. Там некоторые в 1461 году признали власть его, а все остальные *изволили паче под игом турецким стенами, нежели своему государю повиноватися*, и выслали его в Албанию. Тут он, *ни стопы земли не имущий и ни от кого за деспота не признанный, едино точию голое титло носящий*, женился на Ангелине, дочери диррахийского и авлонского властеля Арианита Комнина, и с нею переселился в Италию, где и скончался, оставив двух наследников голо-

го титула своего, Георгия и Иоанна, из которых первый омонашился до 1485 года и впоследствии был Сербским архиепископом под именем Максима, а второй оставался при своей матери в Венгрии. Эта деспотица Ангелина и сын ее Иоанн в 1496 году начали давать афонскому монастырю св. Павла *от убогие пазухы своя 500 златик на всяку годину*, а с 1499 года продолжали денежное жалованье деспота Георгия Бранковича обители Есфигменовой; Хиландару же не давали ни одной литры серебра. •[III/2 334]• Хрисовулы Ангелины и сына ее Иоанна и вышепомянутой деспотицы Елены (1504 г.) суть последние сербские грамоты, жалованные афонским обителям. С конца XV века Бог послал им новых благодетелей, именно господарей валахских и молдавских, великих князей и царей российских.

§ 107. Помощь Афону от господарей и бояр валахских и молдавских

Господари Валахии и Молдавии и их бояре давали святогорским монастырям деньги и доходные имения в своих княжествах, а на самом Афоне на свой счет производили разные постройки и делали другие благотворения. О всех этих благодеяниях их говорю охотно, потому что ни один православный народ не сделал столько добра для Афона, сколько сделали румыны.

И во-первых, оповещаю денежные пособия Афону от господарей выше-названных княжеств.

ПОСОБИЕ ЛАВРЕ

В 1533 году Іѡ Владул, воевода Влашской земли, 12 января при хрисовуле своем пожаловал Лавре Афанасия Афонского 10 000 аспр ежегодно из своего имения ради церковного поминовения его самого, родителей и родственников его и 1000 аспр монахам, какие будут приходить к нему за этим жалованьем, на путевые издержки.

В 1579 году, 20 февраля, Іѡ Петр, воевода земли Молдавской, «сотвори оброкъ святѣй Лаврѣ по шесть тысящ аспри отъ годъ до годъ отъ богоданнаго ему стѣжания, и мнихомъ приходящимъ по триста аспри за спензу» (на путевые издержки) с тем, чтобы совершаемо было бдение в день св. архистратига Михаила и Гавриила и были бы мольбы непрестанные о здравии и спасении и отпущении грехов его и супруги и чад его. «И на то есть вѣра нашего господства и вѣра боярѣ нашихъ, вѣра пана Мурчу •[III/2 335]• дворника долнѣй земли, вѣра пана Билыи* дворника горнѣй земли, вѣра пана Вартика и пана Юрашко Вартика прѣкжлавоу хотинскихъ» и проч. и проч.

В 1598 году Іѡ Еремия Могила, воевода земли Молдавской, начал жертвовать Лавре Афонской ежегодно 6000 аспр за молитвы о здравии и спасении его и оставлении грехов его.

В 1619 году, 3 сентября, Іѡ Гавриил Могила, воевода молдавский [вернее, валахский], начал давать Лавре ежегодно 15 000 аспр и приходящим бра-

тиям спензу 1000 аспр на поминовение отца его Симеона Могилы воеводы и матери его Маргиты.

В 1756 году, 8 ноября, молдавский господарь Іѡ Константин Раковица пожаловал Лавре 7000 аспр.

ПОСОБИЕ
ОБИТЕЛИ ФИЛОФЕЙСКОЙ

В 1475 или 1477 году старцы этой обители Герман и Стефан приходили к валахскому господарю Іѡ Владу V и просили у него вспоможения и хрисовула. «Сего ради онъ съ Богоданными ему чадами Іѡ Радоуломъ и Мирчею сотворилъ оброкъ святому монастырю по „Д аспри, кроме спензе братѣямъ, а спенза по Т аспри... Приходить же имъ въ м-це маѣ... Да се въ поменникъ коу святой проскомидѣи въпишутъ наши родителіе, Іѡ Владѣ воевода и маѣика (мать) монахѣ Евпраѣѣ, и азъ Іѡ Владѣ воевода и чеда наша Іѡ Радоуль воевода и Владоуль и Мирча...»

В 1768 году Іѡ Александр Гика воевода пожаловал 6600 аспр, продолжив такое жалованье предшественников своих, которых два хрисовула 1734 и 1749 годов упомянуты в его собственном хрисовуле.

ПОСОБИЕ ХИЛАНДАРУ

В 1534 году, 27 апреля, воевода Угровлахийский Винтила, нарицаемый Влад, дал Хиландару 10 000 аспр и 800 аспр на содержание больницы сего монастыря.

В 1589 году, 8 февраля, Іѡ Михна, воевода Угровлахийский, пожаловал ему же 15 000 аспр. •[III/2 336]•

* Не Гольи ли?— Ред.

ПОСОБИЕ ЗОГРАФУ

В 1433 году, 9 февраля, Зографская обитель получила от Іѡ Александра, воеводы Угровлахийского, 3000 аспр.

В 1466 году, 10 июня, она же приняла от Іѡ Стефана, воеводы Молдавского, 100 дукатов венгерских, а в 1471 году, 13 сентября, от него же получила 500 аспр на содержание больницы своей.

В 1568 году благочестивейшая госпожа Роксандра, мать молдавского господаря Богдана, дала зографцам 52 000 аспр на выкуп их доходного метоха на Струме.

В 1575 году, 1 июня, Іѡ Петр, воевода Молдавский, пожаловал Зографу 100 дукатов венгерских.

В 1598 году, 14 марта, Іѡ Еремия Могила, воевода Молдавский, дал ему же 100 дукатов венгерских.

ПОСОБИЕ КАСТАМОНИТУ

В 1493 [1593? — П.К.] году Іѡ Петр, воевода Молдавский, назначил Кастамониту ежегодно 5000 аспр и 500 аспр монахам на путевые издержки от Афона до Молдавии.

ПОСОБИЕ КСЕНОФУ

В 1607 году, 3 августа, Іѡ Раду, воевода Валахский, отпустил сему монастырю 9000 аспр.

В 1636 году Іѡ Матфей, воевода Угровлахийский, пожаловал ему 10 000 аспр.

В 1658 году Іѡ Михна II воевода дал ему 10 000 аспр.

В 1766 году, 16 ноября, Іѡ Скарлат Григорий Гика, воевода Угровлахийс-

кий, повелел давать Ксенофу по *две аспры* с каждого ведра вина, выделяваемого в трех имениях его в кадилике Бузейском. Это даяние свое он подтвердил хрисовулом своим 23 февраля 1769 года. То же сделал и Александр Ипсиланти воевода в 1776 году, 8 июля. Этот же сбор аспр с виноградного вина утвердил и Константин Александр Мурузи воевода в 1800 году, 11 января.

•[III/2 337]•

В 1813 году, 14 мая, Іѡ Иоанн Георгий Караджа, воевода Угровлахийский, подтвердил сбор аспр с вина и пожаловал 200 грошей от караван-сарая в Бухаресте.

ПОСОБИЕ РУССИКУ

В 1487 году, 12 июня, Іѡ Влад [V], воевода Угровлахийский, назначил Руссику 6000 аспр ежегодно.

В 1496 году Іѡ Радул [IV], воевода Влашский, пожаловал сему монастырю 3000 аспр, как «*осиротевшему от святейших преждедних хтиторех*», а в 1502 году — 4000 аспр по личной просьбе прота Св. Горы Козмы, который известил его «об оскудении и тесноте всех афонских обителей, и наипаче монастыря св. Пантелеимона, глаголемого Руси».

В 1744 году монастырь Руссов послал в Константинополь таксидиара своего, иеромонаха Серафима, за сбором милостыни с главою св. Пантелеимона. Тогда случился там молдавский господарь Іѡ Иоанн Николай. В его доме появилась чума и заразила некоторых домочадцев. Отец Серафим позван был туда с оною главою, молебствовал,

святил воду; и никто не умер от смертоносной язвы. Господарь, видя такое благоволение Божие и многие чудеса в других домах, принял в свое призрение монастырь св. Пантелеимона, дал ему значительное денежное пособие и пожаловал свой хрисовул в июле 1744 года на право получения 100 левов ежегодно из доходов господарских.

В 1750 году иеромонах Мелетий ездил в Молдавию с главою великомученика Пантелеимона и, представив упомянутый хрисовул Іѡ Константину Чехану Раковице воеводе, получил от него новый хрисовул в том же году, 3 августа, и 150 левов ежегодного жалованья.

Производство 150 левов Руссику продолжали и преемники Раковицы: Іѡ Матфей Григорий Гика в 1754 году и Іѡ Иоанн Феодор в 1758-м. •[III/2 338]•

Преемники сего последнего господаря делали равные пожертвования сему монастырю. Так:

Григорий Каллимахи жаловал 150 левов в 1762 г.

Григорий Гика — 150 левов в 1764 г.

Константин Димитрий Мурузи — 150 левов в 1778 г.

Александр Иоанн Каллимахи — 250 левов в 1795 г.

ПОСОБИЕ КСИРОПОТАМУ

В феврале месяце 1760 года Іѡ Скарлат Григорий Гика, воевода Угровлахийский, пожаловал сему монастырю 5000 грошей (пиастров).

А в мае месяце сего же года пан Филиппескул подарил ему 30 фунтов белого воска.

ПОСОБИЕ ГРИГОРИАТУ

В 1778 году Іѡ Александр Иоанн Ипсиланти, воевода Угровлахийский, пожаловал сему монастырю 500 грошей.

Весь монастырь Григориатский после пожара с оснований построен был скевофилаком его Иоахимом (1761–1763 гг.) на иждивение любивших его господарей Молдавии и Валахии и Угровлахийского митрополита Григория. А любили его они за то, что он многих пленных выкупил у турков на свой счет и возвратил их на родину.

ПОСОБИЕ ДИОНИСИАТУ

В 1577 году Іѡ Петр, воевода Молдавский, дал сей обители 6000 аспр.

В 1640 году Іѡ Матфей Бессараб, воевода Угровлахийский, дал ей же 4000 аспр.

В 1696 году Іѡ Константина Бессараб, воевода Угровлахийский, дал Дионисиату свой хрисовул о денежном пособии на молдавском языке, которого я не разумею.

В 1713 году Іѡ Константин Бессараб, воевода Угровлахийский, пожаловал ему же 120 аспр. •[III/2 339]•

В 1715 году Іѡ Штефан Кантакузин, воевода Угровлахийский, дал ему 8000 аспр.

В мае месяце 1716 года Дионисиат получил 120 аспр от Іѡ Николая, воеводы Угровлахийского.

В 1717 году, 20 марта, он же принял 8000 аспр от Угровлахийского воеводы Иоанна Александра.

В том же году, 20 марта, принял 8000 аспр от Іѡ Иоанна воеводы Молдавского.

Кроме таких денежных пособий господари Молдавии и Валахии и их бояре жаловали афонским монастырям доходные имения в своих княжествах.

В Молдавии Василий воевода в 1641 году отдал всем двадцати обителям афонским построенный им в городе Яссах монастырь во имя трех Святителей с тем, чтобы они разделяли между собою все доходы с имений этого монастыря.

В Валахии Сербан [Шербан] Кантакузин Бессараб, воевода всей Угровлахии, в 1682 году, 15 октября, отдал всем же обителям афонским монастырь, построенный им во имя Успения Богоматери на месте, называемом Котручани, в память спасения его жизни от каких-то убийц, — отдал, как видно из хрисовула его, для поминановения его самого, родителей и предков его на следующих условиях.

1) Святогорцы обязаны присылать в сей монастырь своего игумена благочестивого, благоразумного, трезвенного и проч. и вместе с ним таких же иеромонахов, иеродиаконов, певцов и монахов по обычаю.

2) Игумены сего монастыря в плодородные годы должны высылать на Афон все доходы, какие останутся за домашними расходами, а в годы неблагополучные посылать пособия сообразно с приходом, дабы ни в чем не нуждался самый монастырь. Они же обязаны заботиться о благосостоянии и возобновлении его в случае надобности.

3) Им не дозволяется увозить на Св. Гору ни утвари, ни •[III/2 340]• ризницы монастырской, в случае же какой-либо

опасности они должны укрывать их на другой стороне Дуная. Равным образом они не могут продавать никакого недвижимого имения монастыря: ни нивы, ни места (τόπων), ни виноградника, ни мельницы под каким бы то ни было предлогом.

4) В монастыре должно быть общежитие по чину Св. Горы. А в праздники Успения и Сергия и Вакха все богомольцы, местные и чужие, и нищие пусть получают от монастыря пищу и питье.

После распоряжения о поминовении церковном следует:

5) В случае невыполнения прописанных условий родственники воеводы (они же и попечители монастыря) имеют право удалить святогорцев и заменить их другими монахами, а настоящую грамоту объявить недействительною.

6) Никому из родственников воеводы, даже в случае крайней бедности их, игумены не дают ни одной полушки из того, что посвящено Богу и Пречистой Богоматери.

7) Каждый игумен, избранный по согласию всех афонских монастырей, есть не кто иной, как эконом и называется так. По обычаю монастырей, он должен отдавать отчет Общине (τῷ Κοινότητι — афонской) в доходах и расходах за три года, и если Община опять признает его достойным управления, то пусть он останется на своем месте.

Под конец следуют проклятия игуменам, которые дерзнули бы нарушить эту грамоту или учинить какой-либо соблазн и проч. (Оправдания, № 68).

Оба вышепомянутые монастыря дают ежегодного дохода 28 000 рублей серебром. Сей доход разделяется между всеми обителями святогорскими, но не поровну.

Кроме сего общего дохода, почти все эти обители имеют в обоих княжествах доходные имения.

Лавре св. Афанасия в Молдавии принадлежит метох, называемый Берзунц, который, по заверению епитропов сей обители, приносит ежегодного дохода 40 000 пиастров, на наши деньги 2353 рубля серебром. •[III/2 341]•

Монастырь Иверский в горах Молдавии, где добывают соль, имеет монастырь с имением под названием *Окна*. Это богатое имение завещано ему каким-то Радуканом. В столице Валахии, Букаресте, Иверу принадлежит монастырь Троицкий, по просторечью называемый *Раду-вода* от Радула воеводы. Он построен был господарем Александром, сыном Мирчи воеводы, в 1568 году. Церковь тут взорвана была на воздух Синан-пашою, но спустя 27 лет после этого несчастья Іѡ Радул, по вступлении своем на воеводство, в 1614 году с основания воздвиг эту церковь и с имениями приложил ее Афоно-Иверской обители в 1615 году. Ктиторами Троицкого монастыря считаются: Радул и Аргира, Александр, Стефан Кантакузин и госпожа Роксандра, жупан Барбул и жупаница его Прѣда. В нем, в бытность мою в Букаресте в 1846 году, помещалось духовное училище.

Оба эти монастыря, по словам святогорцев, дают Иверской обители еже-

годного дохода 15 000 рублей серебром.

Монастырю Ватопедскому принадлежат:

— в нашей Бессарабии богатейшие имения, данные ему еще молдавскими господарями;

— в Молдавии, подле Фокшан, монастырь *Мера*, хороший метох Рекотоса и другие; в городе Яссах — монастыри Гольи и Барбою. — В 1606 году княгиня Анна, жена покойного логофета Гольи, приложила Ватопедскому монастырю храм Вознесения Господня в Яссах с имениями и виноградниками. Этот дар ее утвержден был за Ватопедом в том же году Иеремией Могилою, господарем земли Молдавской. В 1660 году Вознесенский храм монастыря Гольи с основания перестроен был молдавским господарем Василием и сыном его Стефаном воеводою при Молдавском митрополите Варлааме. В этом монастыре находятся наемные магазины и один дом. Здесь живут монахи ватопедские, числом 12, и управляют всеми имениями, какие принадлежат их братству в Молдавии. В монастыре Гольи помещена городская больница для умалишенных.

Монастырь Барбою получил свое название от строителя его Иоанна Барбоя. В нем храм во имя свв. Апостолов основан Иринопольским епископом Григорием и архимандритом Дионисием в 1838 году, июля 1 дня, а окончен и освящен в 1843 году, 29 июня, во дни господаря Григория Стурдзы и митрополита Вениамина для вечного

Малороссийский скит
св. пророка Илии.

поминовения рода Стурдзов, которые отдали сей монастырь Ватопеду. В нем многие покои отдаются в наем.

Число доходов со всех ватопедских имений, находящихся в Бессарабии и Молдавии, простирается до 30 000 рублей. •[III/2 342]•

Монастырю Есфигменову принадлежат в Молдавии: 1) в околотке Фальчи монастырь во имя апостолов Петра и Павла, прозываемый Пуртуци, с именами Лучени и Раи; 2) в околотке Тузовы монастырь во имя пророка Илии, прозываемый Флорешть, с нераздробленным большим имением близ города Бырлада, с другим имением, называемым Антони в другом месте, и с именами Тихулешть и Редепозетул; 3) в Хирсове скит Успения Пресвятой

Богородицы, прозываемый Галушка; 4) в Ракове, в Иванешть, скит св. Николая Голгофы. Оба эти скита владеют именьями. Они упоминаются в актах, но без указания времени и лиц, приложивших их монастырю Есфигменову. Что касается монастырей Пуртуцкого и Флорешть, то первый отдан был Есфигмену великим ворником Гавриилом Костаки в 1682 году с имением, которое впоследствии увеличено было приложениями других бояр, а второй — митрополитом Молдавии Вениамином с родовым имением его в 1806 году. Оба эти монастыря и именья их соединены были как один метох Есфигменский, по желанию сего митрополита; и этот метох вместе с упомянутыми скитами утвердил за Есфигменом своим

хрисовулом господарь Молдавии Скарлат Александр Каллимахи, а Цареградский патриарх Кирилл [VI] в 1814 году, 2 июня, почтил его достоинством ставропигии и независимостью от епархиальной власти; 5) в околотке Текуч, в Карлиманешть, метох во имя св. Николая с малым имением •[III/2 343]• завещан был Есфигмену боярами Негридами или Негрилештидами и, после того как потомки их несправедливо владели им в течение немалого времени, опять отдан был ими по увещанию митрополита Вениамина около 1804 или 1805 года; 6) в Галацах монастырь св. великомученика Димитрия, прозываемого Пáде, завещан был Есфигмену боярами Конакидами, но по причине небрежения монахов в нем не осталось ни алтаря, ни икон, и потому княжеское начальство обратило его в складочное место. В 1802 году, 14 октября, ветхая церковь в нем развалилась от землетрясения. Однако господарь Александр Мурузи, по ходатайству митрополита Вениамина, пожаловал Есфигмену хрисовул на право получения за этот монастырь 100 левов ежегодно,

Все имения, принадлежащие Есфигменову монастырю в Молдавии, слынут под общим именем Флорешть и, как говорят, доставляют доходу 4000 руб. серебром.

Имения *монастыря Ксиропотамского* суть:

— в Валахии: 1) монастырь во имя Рождества Предтечи в виду Букареста, прозываемый Плумбуита. Церковь в нем построена была господарем Пет-

ром, но от долговременности разрушилась. Во второй раз создал ее Александр воевода, отец Михны воеводы; в третий раз возобновил ее Матфей Бесараб воевода в 1647 году, 10 апреля. Сей монастырь владеет шестью имениями; 2) в Слатине есть церковь Успения Богоматери, построенная в 1739 году Иоанном Слатиняном, великим медильничаром, и братом его Николаем. Сыновья их, Константин, Радукан и Иоанн, приложили эту церковь Ксиропотаму в 1759 году, 20 октября, с имениями Верка, Преотешт или Бодоэшти, с мельницей на реке Олте и с местом для двух-трех лавок в Слатине среди базара. В том же году, 7 декабря, братья Фалкоианосы приписали к этой церкви часть своих имений в Берке и в Отешть с тем, чтобы доходы с них поступали на содержание монахов его метоха и на украшение церкви Слатинской. В 1760 году, 9 марта, Иоанн Постельник •[III/2 344]• записал этому же метоху отцовское имение Братково близ Рус-де-Веди. Все эти пожертвования сделаны были по случаю принесения животворящего древа в Валахию из монастыря Ксиропотамского. Часть сего древа велика. Она тогда вынесена была из Ксиропотама в первый раз. Эту святыню встречали и принимали валахские христиане с восторгом и ей приписали прекращение чумы.

В Молдавской столице, Яссах, Ксиропотаму принадлежит монастырь святых Архангелов. Он построен был Петром [Рарешем] воеводою в 1541 году. Сей монастырь заведует и ставропигиальным Троицким монастырем

близ Ясс, который был построен и завещан Ксиропотаму боярином Паго-ни Саули в 1671 году.

Оба эти монастыря и хорошие имения их слынут под общим названием Данку и вместе с валахскими дают ежегодного дохода до 4000 рублей серебром.

Монастырю Ксенофскому принадлежат в Валахии, близ Крайова, богатые имения, слывущие под общим названием *Робоя*, по хрисовулам многих господарей Валахии, например: Іѡ Радула [Шербана] воеводы 1607 года, Іѡ Матфея воеводы 1632 года, его же 1636 года, Іѡ Константина воеводы 1704 года.

Эти имения, как слышно, приносят ежегодно дохода 9000 руб. серебром.

Монастырь Ксенофский, по хрисовулам многих господарей молдавских*, начиная с 1792 года по 1820-й получал в Молдавии сперва 4000 ок соли, а потом 40 000 ок. Но со времени учреждения нового регламента в этом княжестве прекращен отпуск соли этому монастырю.

В 1709 году *Афано-Русской обители* молдавский господарь Михаил Раковица отдал во владение монастырь, называемый *Доамна*, близ города Ботошань, освободив его от всех налогов, •[III/2 345]• какие будут в стране и в других монастырях, от всех земских повинностей, от десятины с ульев и от подати

за овец и свиней, а также и послушников освободил от всех податей и налогов, какие будут в стране.

В 1737 году, 22 мая, Григорий Гика, господарь земли Молдавской, узнавши, что ботошанский монастырь *Доамна* очень беден и не имеет ни сел, ни цыган, ни послушников, а посвящен Св. Горе, умилившись и повелел, чтобы тамошние монахи отыскиали себе бесплатно трех посторонних людей, которые служили бы им как послушники; кроме сего, простил им четвертины и всякие подати и налоги, и освободил от всех земских повинностей.

В 1744 году, 25 мая, Иоанн Николай, господарь Молдавский, поразмысливши о монастыре, называемом *Доамна* и находящемся в упадке и плохом состоянии, сжалился над ним и повелел, чтобы навсегда были освобождены от платежа десятины: 300 ульев, 300 овец, 50 волов и 300 ведер вина. Эти же самые льготы подтвердили господа: Константин Михаил Ипсиланти Раковица в 1750 году, Скарлат Гика в 1757-м, Григорий Александр Гика в 1774-м, Константин Димитрий Мурузи в 1780-м, Александр Иоанн Маврокордато в 1786-м и Михаил Константин Суццо в 1793-м.

В 1760 году Иоанн Феодор, воевода Молдавский, отдал навеки царскому и ставропигиальному монастырю, называемому Русскому, собственную церковь св. Николая в Константинополе, в Богдан-сараях на Чаршам-базаре, с домами около нее и со всеми имениями ее. Но Русик лишился и этого подворья.

* Александра Константина 1792 г.; Александра Иоанна Каллимахи 1796 г.; Александра Ипсиланти 1800 г.; Александра Константина Мурузи 1808[?] г.; Скарлата Александра Каллимахи 1813 г.; Михаила Григория Сучу 1820 г.

В годы 1808 и 1809-й монастырь *Доамна* не имел ни настоятеля, ни хорошего управления, а хозяйство его со дня на день уменьшалось, церковь же в нем лишена была приличного украшения, и сам он отдан был по контракту на два года молдавскому чиновнику продовольствия Константину. Тогда экзарх Бессарабии, Молдавии и Валахии, митрополит Гавриил Бодони, в 1810 году назначил в сей монастырь игумена Феофана, •[III/2 346]• посвященного в монашество в Афоно-Руссике, к которому приписан монастырь *Доамна*, и обязал его управлять всеми недвижимостями и движимостями сего монастыря и блюсти в нем хороший порядок церковный и хозяйственный, а Руссику давать часть доходов. Но Руссик вскоре продал его и на вырученные деньги купил торговые лавки в Константинополе. Эти лавки сгорели, и обитель сия осталась ни с чем.

Монастырь Симонопетрский имеет в столице Валахии, Бухаресте, прекрасный монастырь во имя св. Николая Чудотворца, построенный Михаилом воеводою в 1594 году и приписанный им к Симонопетре с богатыми имениями в 1599 году. Здесь помещается городская больница. Но еще ранее одному метоху Симонопетрскому в Бурешть* даны были разными лицами лавки, виноградники и луга, а госпожа Капля завещала ему свои имения в Сфурчешть, Христианешть, Драгомирешть, Изво-

рань и Спанцогу, кои и утверждены были хрисовулами воевод Петра, Александра и Михны и, наконец, грамотою вселенского патриарха Иеремии II в марте месяце 1590 года.

Все эти имения слывут под общим, испорченным, названием Мегаловода* от вышепомянутого Михаила воеводы. По сознанию симопетритов, они приносят ежегодного дохода 8000 голландских червонцев (24 000 руб. сер. по константинопольскому курсу 1846 года).

Монастырю Зографскому принадлежит в Молдавии, в шести часах езды от Ясс, Святодуховский монастырь Добровец у речки Васлуй. Он построен был Іѿ Стефаном воеводою Старым и Добрым, а приложен Зографу Василием воеводою в 1651 году, 26 марта, «съ вси комати (участками) съ виногради, и съ соусиди, и съ цигани, и съ станове, и съ маини, и съ язерове рыбними, и съ всемъ приходомъ и съ садове и съ пасики».

В Бессарабии монастырь, так называемый Киприанов, отдан •[III/2 347]• был Зографу с богатыми имениями Антиохом Константином воеводою в 1699 году, 30 января.

Оба эти монастыря дают дохода 24 000 руб. серебром.

Монастырь Кутлумушский имеет в Валахии, подле города Слатины, метох Коркочаны по хрисовулам многих воевод угровлахийских, начиная с Іѿ Басараба.

Сей метох приносит Кутлумушу ежегодного дохода 2000 рублей серебром.

* По всей вероятности, Бухарешть = Бухарест. — *Ред.*

* Читай: Михай-воды. — *Ред.*

Монастырь Пандократорский имеет в Валахии, в шести часах езды от Букаresta, метох Качюры, который, по уверению афономестного иеромонаха Каллиника Боцана (отставного поручика русской армии), дает ежегодного дохода 50 000 пиастров, или 2941 рубль серебром.

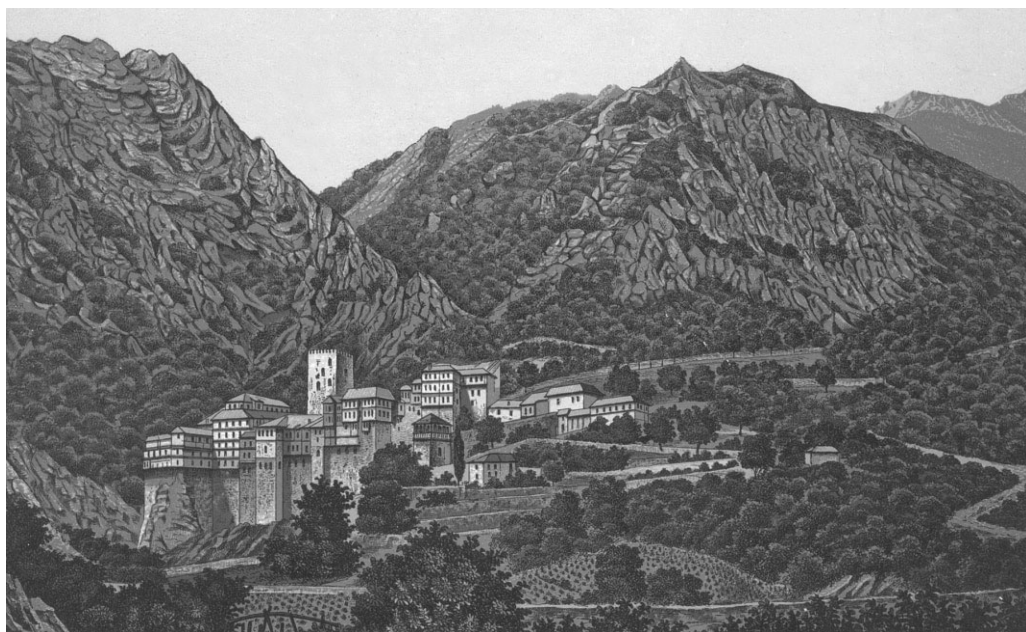
Монастырь св. Дионисия имеет в Валахии, у реки Олта, метох Хатарани, приписанный к нему, как видно из монастырского помянника, господами: Ратом, Сербаном, Андрианом, Константином, Марией и Нягою. Сей метох, по уверению дионисиатского монаха хаджи Максима (из молдавских бояр), приносит ежегодного дохода 25 000 пиастров, или 1470 руб. серебром.

Монастырю св. Павла принадлежит в Валахии, в Кралиове, метох св. Димит-

рия, прозываемый Житиань. В монастырском помяннике записаны следующие «хтиторы, кои соу положили мѣтохъ оу Влашкой земли, глаголемый Житїань»: Іѡ Радул воевода и госпожа его Ангира, Іѡ Матфей воевода и госпожа его Елена и проч. и проч. К этому метоху приписано было имение Бролощица, как видно из того же помянника, «болярами Влашкые земли Дросулемъ*, Бишею, Радуканом, Неделкою» и проч. и проч.

В Молдавии Афоно-Павловский монастырь имеет метох св. Димитрия в Галацах и метох с богатыми имениями под названием Бурдужень = Теодорень, близ Сучавы и австрийской границы.

* Читай: Гросулом.— Ред.

Монастырь св. Павла.

Все эти метохы и имения, по словам игумена Софрония •[III/2 348]• (1846 г.), приносят ежегодного дохода 17 500 рублей серебром. Но только одна половина его поступает в монастырь, а другая расходуется теми, которые держат на откупке эти имения.

Монастырь св. Григория принадлежат в Валахии метох св. Спиридона и при нем земля, имеющая 32 сажени в длину и 24 в ширину, с виноградником. Эта земля выделена была из имений митрополии Угровлахийской митрополитом Гавриилом в 1776 году и утверждена за Григориатом господарем Александром Иоанном Ипсиланти в 1778 году по случаю выкупа многих пленных григориатским монахом Иоакимом.

В Молдавии монастырь Византион с имением по тому же случаю отдан был Григориату господарем Григорием Гикою в 1777 году.

Со всех этих имений, по уверению григориатского игумена Неофита, получается 50 000 левов (2941 руб.), но в самый монастырь высылаются только 10 000 левов управителем этих имений, которого игумен желает заменить своим киновиатским монахом.

Монастырь Ставроникитский имеет в столице Валахии, Бухаресте, хороший монастырь во имя апостолов Петра и Павла, построенный Матфеем воеводою и обновленный Стефаном воеводою Кантакузином в 1715 году. Архимандрит Аверкий, управляющий имениями сего монастыря (1846 г.), вновь построил в нем церковь и освятил ее в 1843 году, 7 сентября. Им же построен

там дом по-европейски. Этот монастырь в 1846 году имел тяжбу за свои имения с соседями их.

По уверению ставроникитского иеромонаха Прокопия (из русских), с имений Петропавловского монастыря получают ежегодно 80 000 левов (4706 руб. сер.).

Монастырь Дохиарский владеет в Валахии хорошим доходным имением под названием Слободзия. Кто дал его сему монастырю, не знаю.

Итак, в Валахии богатыми имениями владеют одиннадцать •[III/2 349]• монастырей афонских, именно: Иверский, Ксиропотамский, Симонопетрский, Кутлумушский, Пандократорский, Дионисиатский, Павловский, Григориатский, Ставроникитский и Дохиарский.

В Молдавии богатые имения принадлежат восьми монастырям, именно: Лавре, Иверу, Ватопеду, Есфигмену, Ксиропотаму, Зографу, Свято-Павлу и Григориату.

Общий доход всех афонских обителей с имений их в обоих княжествах — не менее 175 000 рублей серебром в год. Кроме надела этих обителей доходными имениями, господари и бояре валахские и молдавские на самом Афоне расточали им щедроты свои. Что же и что они сделали тут? Оповедем и это.

В ПРОТАТЕ

В 1508 году благочестивый господарь Молдавии Богдан III пристроил к соборному храму паперть с западной стороны.

В ЛАВРЕ

В 1521 году Иоанн Владислав, господарь Валахии, пожертвовал в соборный храм большую икону св. Афанасия Афонского в серебрено-позолоченном окладе по краям ее, на котором по обе стороны сего преподобного, в уровень с ногами его, вычеканены сей господарь и супруга его Анна, оба в рост. Св. Афанасий написан в рост же. Лице его благообразно. Раздвоенная на две пряди борода его длинна. Колорит сей иконы темно-красноват. Живопись влахо-болгарская! Афанасий держит в руке хартию с словами: «ΑΓΑΘΗ ΨΥΧΗ ΒΡΥΗ ΔΑΚΡΥΑ· ΠΡΟΣΕΥΧΗ ΔΕ ΚΤΑΤΕ ΣΟΦΡΟΣΥΝΗ», то есть: *«Праведная душа источает слезы, а молитвою приобретает целомудрие»*. У ног Афанасия, на окладе иконы, вычеканены две надписи крупными буквами: «† Ἰωάννης Βλαντίσλαβος μέγας βοεβόδας ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστὸς αὐθέντης καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Οὐγκροβλαχίας. — † Ἄννα εὐσεβεστάτη μεγάλη βοεβόδισα ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστή καὶ αὐτοκρατορίσα πάσης Οὐγκροβλαχίας», т. е.: «† Иоанн Владислав, великий воевода, во Христа Бога верный владыка и самодержец всей Угровлахии. — •[III/2 350]• † Анна, благочестивейшая великая воеводица, во Христа Бога верная и самодержица всей Угровлахии».

В 1643 году отдельная небольшая церковь, освященная во имя св. Михаила Синнадского исповедника, воздвигнута с оснований ее светлейшим господарем Иоанном Матфеем, воеводою Угровлахийским, по старанию проигу-

мена Иосифа. А по прошествии десяти лет расписана и украшена сия церковь иждивением сего же господаря. Расписание кончено было 12 июля.

В МОНАСТЫРЕ ИВЕРСКОМ

В соборном храме, за архиерейской кафедрой, на южной стене высоко изображены в рост Михаил, воевода Угровлахийский, малолетний сын его Радул и Марк Ивир, живописец, в полном облачении иерейском. Воевода держит в руке крест, а игумен хартию со словами: «Ποίει, ἃ ἐγὼ σοὶ ἐντέλλομαι, καὶ σῶζου» («Делай то, что Я заповедую тебе, и спасайся»).

Подобную хартию держит и реченный Марк. На ней читаются игривые слова: «Φίλοι προοσπεμπησθῆναι φιλομένου φίλων ἄριστε πρὸς Τριάδος τῆς φίλης» («Люби слушать Возлюбленного (Господа), наилучший из любимых у Троицы возлюбленной»).

Михаил воевода управлял Угровлахией с 1592 года по 1610-й*. В сие время иждивением его, как доказывают надписи, историрован был соборный храм Иверского монастыря.

В 1620 году устроен большой водоем у ворот сего монастыря и в него проведена вода издалика иждивением архонта Сермазана Ивира и постельника Николая из Валахии.

В 1683 году, 80 сентября, отдельная церковь Богоматери Вратарницы расписана была иждивением Угровлахийского господаря Сербана Кантакузина. •[III/2 351]•

* Михаил Храбрый правил в Валахии с 1593 по 1601 г.— П.К.

В МОНАСТЫРЕ ВАТОПЕДСКОМ

В 1496 году благочестивый воевода Молдавский Стефан IV [III] построил на берегу моря каменное здание для укрытия в нем мореходных лодок.

В 1762 году Григорий Гика, воевода Молдавский, прислал золотую медаль на запрестольную икону Богоматери *Алтарницы*. Я видел на ней эту медаль в бытность свою на Афоне.

В 1820 году благочестивый господарь Молдавии Скарлат Каллимахи своим иждивением построил житницу (σιτοδόχον) ниже сада, при пути от монастыря к морю.

В МОНАСТЫРЕ КАРАКАЛЬСКОМ

В 1534 году Іω Петр, воевода Угровлахийский (или Молдавский Петр Рареш), на скалистом берегу моря построил малое укрепление с зубчатыми стенами и с башнею. Малая дверь в нем сделана очень высоко от земли. Туда входили по подъемной лестнице.

В МОНАСТЫРЕ ДОХИАРСКОМ

В 1568 году соборный храм свв. Архангелов Михаила и Гавриила с оснований его построен и расписан иждивением благочестивейшего господаря Іω Александра, воеводы всей Молдовлахии.

В МОНАСТЫРЕ КСЕНОФСКОМ

В 1545 году отдельный храм св. великомученика Георгия расписан иждивением боярина Константина ворника и брата его Радула, но кроме хоров, в которых становятся почетные старцы.

В 1564 году кончено расписание сего храма иждивением боярина Нижней Валахии господина Нилумана и жены его Аги.

Между литийным притвором Георгиевского храма и братскою трапезой, в крытой паперти, на стене изображены в венцах и в пубах Іω Матфей Бессараб, воевода Угровлахийский, •[III/2 352]• и супруга его Елена. Оба они, преклонив колена, держат нарисованный монастырь преподобного Ксенофонта. Это значит, что они были ктиторами сего монастыря. А воеводствовал реченный Матфей с 1633 года по 1654-й.

В МОНАСТЫРЕ РУССКОМ

В 1751 году благочестивейшая госпожа именем Султана, супруга Константина Михаила Раковицы, воеводы Молдавского, обложила золотом честную главу св. великомученика. Это поведено в греческой надписи на старинном серебряном ковчеге, в котором покоится часть главы св. Пантелеимона.

В 1796 году Александр Каллимахи, воевода Молдавский, и супруга его Роксандра изготовили для оной главы другой серебряный ковчег, в который вкладывается ковчег вышепомянутый. Тогда же сия Роксандра, рожденная от Чехана Михаила Аставуда, принесла в дар храму Бессребренника в Руссике небольшую плащаницу, вышитую серебром и золотом.

В 1812 году благочестивейший господарь всей Молдовлахии Скарлат Каллимахи своим иждивением с оснований

построил у моря новый монастырь, называемый Русский, и в нем храм св. великомученика Пантелеимона.

В МОНАСТЫРЕ ЗОГРАФСКОМ

В 1495 году Іѡ Стефан, воевода Молдавский, сын Богдана воеводы, построил братскую трапезу. Он же в 1500 году пожертвовал в монастырь большую, шитую шелками икону св. Георгия Каппадокийского.

В 1517 году сын его Іѡ Богдан своим иждивением создал башню с храмом в ней во имя св. Николая Чудотворца у Зографской пристани приморской.

В МОНАСТЫРЕ КУТЛУМУШСКОМ

В 1497 году Іѡ Радул, воевода Угровлахийский обновил северное отделение братских келий. Он же в 1508 году построил высокую башню в юго-западном углу Кутлумуша. •[III/2 353]•

В МОНАСТЫРЕ ПАНДОКРАТОРСКОМ

В 1537 году вода проведена в сей монастырь иждивением боярина Гавриила Трусиано, великого логофета молдовлахийского.

В МОНАСТЫРЕ ДИОНИСИАТСКОМ

В 1515 году башня внутри сей обители с оснований построена иждивением Неанга*, воеводы Валахского.

В 1542 году храм св. Бессребреников, в четвертом ярусе монастыря (считай

ярусы снизу), устроен иждивением Руманского* епископа Макария.

В 1553 году иконостас соборного храма сооружен иждивением Іѡ Александра, воеводы Молдавского, сына Богдана воеводы и внука старого Стефана воеводы.

В 1564 году Александр, воевода Молдавский, и супруга его Роксандра украсили икону Иоанна Предтечи.

В 1647 году соборный храм св. Иоанна Предтечи вновь с оснований его построен и расписан иждивением Іѡ Петра, воеводы всей Молдовлахии**.

В МОНАСТЫРЕ ГРИГОРИАТСКОМ

В 1497 году сей монастырь возобновлен был Молдавским господарем Александром, отцом Богдана воеводы***. Тогда же молдовлахийская господарша Мария Асанина Палеологина пожертвовала монастырю икону Богоматери; ее видел наш Барский в 1744 году, а я срисовал в 1846 году.

В МОНАСТЫРЕ ПАВЛОВСКОМ

В 1500 году «въ Христа Бога благовѣрный Іѡ Стефанъ, милостію Божию господинъ Молдавской земли, сынъ Богдана воеводы, доведе водоу монастыроу въ оупокоеніе, себѣ же въ

* Читай: Романского.— *Ред.*

** В указанное время воевода по имени Петр неизвестен ни в Молдове, ни в Валахии.— *П.К.*

*** Александр, старший сын Штефана Великого (1457–1504) и муж Марии Асанины Палеологины, самостоятельно не правил.— *П.К.*

* Читай: [Басараб III] Нягое.— *Ред.*

вѣчноую паметь». Это написано в темных сенях подле прежней братской трапезы. •[III/2 354]• А в сенях, ниже паперти прежнего соборного храма, надпись гласит: «Благочестивы Іѡ Стефанъ воевода, Господарь земли Молдавской, сынъ Богданъ воеводи, и сынъ его Іѡ Богданъ воевода доведоше сію водоу, и созда овоу крѣстилницю и воденицю, в лѣто ,ЗѢ, а господства его текущее лѣто МЕ, при игоуменоу св. Павла Кириллоу іеромонаху».

Вверху мраморной лестницы, ведущей к высокой монастырской башне, надпись гласит: «† Наче спю пиргоу (башню) Нѣгое воевода и съврѣши его Петроу воевода».

В 1522 году Іѡ Негое воевода и сын его Феодосий воевода, господари земли Угровлахийской, «сотворише си пиргъ (башню в северо-восточном углу) на оупокоеніе семоу монастироу, и господствоу ми поминокъ, въ лѣто ,ЗЛ с'здасе».

В 1708 году угровлахийский господарь Константин Бранкован своим иждивением устроил параклис во имя Константина и Елены и расписал его. Тут он изображен на стене вместе с супругою его Марией.

§ 108. Помощь Афону из России

Перенесемся из благотворивших Афону княжеств в наше богоспасаемое отечество и узнаем, какую помощь оно оказывало святогорским обителям во

время господства над ними оттоманского*.

Из челобитной прота Св. Горы Паисия, поданной великому князю Василию Ивановичу в 1509 году старцами Афоно-Русского монастыря Василием, Симеоном и Иаковом, видно, что в 1508 году архидиакон сего монастыря Пахомий и бывшие с ним находились в Москве и принесли оттуда реченному проту *сто шестьдесят златниц*, пожалованных великим князем Василием, и что сей прот принял их вместе с именами родителей сего князя, Ивана и Софии, и, раздав их во все •[III/2 355]• монастыри, велел вписать эти имена в проскомидийные помянники и совершить всенощное бдение.

В 1509 году, 24 июня, тот же князь Василий со старцами Руссика Симеоном и Иаковом послал проту Паисию пять сороков соболей и 5000 белок во все монастыри Св. Горы игуменам и братии, а проту сему писал грамоту, извещая его о своей милостыне и напоминая, чтобы молились о здравии его и об упокоении усопших родителей. Другою грамотою известил он прота о своем дозволении посылать в Россию монахов для сбора милостыни.

В 1515 году великий князь Василий известил прота Симеона и всех игуменов Св. Горы, что он послал с их старцами и со своими людьми большую

* Сведения о сем предмете заимствованы из подлинных грамот царских и из книги под названием: Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858–60. Ч. I–II.

милостыню, по приказу отца своего и матери своей княгини Софии, 1000 рублей и от себя столько же для раздачи во все монастыри, ради молитв за усопших родителей и предков, и о своем здравии, и о великой княгине Саломонии, и о своих детях (которых еще ожидал), и об устройении всего православного христианства, и о победе над врагами, обещая и впредь, доколе дозволит Бог, дозировать обители афонские.

В 1566 году царь Иоанн Грозный, по желанию супруги своей Анастасии, прислал в Хиландар шитую шелками катапетазму. (Смотри мое *Путешествие по Афону*. Ч. II. Отд. 1. С. 14.)

В 1582 году у Ивана Васильевича Грозного скончался сын, царевич Иоанн. Смерть его весьма опечалила сего государя. Тогда он разослал богатые милостыни многим восточным монастырям и архиереям на поминование души усопшего. На Афон послана была милостыня с Иваном Мешениным. Этот посол возвратился в Москву в 1584 году осенью и подал государю Ивану Васильевичу отчетливый список розданной им милостыни всем монастырям на горе Афонской. Из этого списка видно, в каком состоянии находились эти монастыри. Тогда:

1) Протом Св. Горы был Пахомий, а в скиту у него (на •[III/2 356]• Карее) находились 70 старцев, и им розданы *одинадцать рублей*.

2) В Лавре св. Афанасия настоятельством игумен Митрофан. Ему и 150 братьям даны 350 рублей, да 94 скитникам, спасавшимся около сей Лавры,

26 рублей; в скитах сих более 20 храмов каменных, и в них во всех совершалась служба. В пяти верстах от Лавры был особый скит, в котором спасались 29 человек, и им даны 5 рублей.

3) Ватопедского монастыря архимандриту Акакию чрез старцев его, бывших в Москве, даны были 720 руб. и в больницы его 100 руб.

4) Хиландарскому монастырю даны были 700 рублей еще в 1582 году в Москве, да при отпуске отсюда епископа Григория вручены были ему 60 руб. и 40 кунит, и 20 рублей четверем старцам его.

5) Русский Пантелеимонов монастырь уже десять лет стоял пуст (с 1574 г.) по смерти строителя Матфея, скончавшегося в Москве, и некому было отдать 500 рублей. В 1584 году Иоанн Грозный с торговым человеком Марком Самсоновым послал, опять по царевиче, ризы и стихарь для того, чтобы пантелеимоновцы опять записали в вечный свой помянник царевича со всеми предками его и молились о нем на всех службах своих, и о здравии бы молились царя и царицы Марии, царевича Феодора и супруги его Ирины и царевича Димитрия.

6) В монастыре Симонове (Есфигмене) при храме Введения был игумен Никифор и 50 старцев. Им даны 50 рублей и 3 рубли двенадцати старцам в трех скитах его.

7) В монастыре Панкратия (Пандократора) игумен Макарий и 150 человек братии. Им даны 100 рублей, и 3 рубля 26 скитникам.

8) В обители Ставроникиты игумену Симеону и 70 человекам братии — 80 рублей, да 18 скитникам 5 рублей.

9) В монастыре Кутлумуш игумену Илариону и 80 братиям — 100 рублей, а в скитах его 42 человекам 14 руб.

•[III/2 357]•

10) В монастыре Иверском игумену Аверкию и 150 братиям — 300 рублей и 12 рублей 43 старцам в окрестных скитах.

11) В обители Филофеевой игумену Матфею и 100 человекам братии — 150 рублей и 21 скитнику 5 руб.

12) В монастыре Калогриве (Каракалле) в храме святых Апостолов, где не было игумена, а старцев 50 человек, даны 100 рублей и 27 скитникам 7 рублей.

13) В монастыре Павла игумену Гавриилу и 50 братиям — 100 руб. и 30 скитникам 8 руб.

14) В монастыре Дионисия в храм Иоанна Предтечи игумену Лаврентию и 150 братиям — 250 руб. и 25 старцам в скитах 5 руб.

15) В монастыре Симонове (Симонопетре) игумену Нифонту и 80 братиям даны 150 руб., и 12 скитникам 3 руб., да с версту от сего монастыря в скит, где храм св. Николая Чудотворца (Григориат), 8 человекам 5 рублей. (В 1582–1584 годах Григориат был пуст с 1572 года, посему милостыня отдана была проту, 50 рублей. Григориатцам же, яко скитникам, даны только 5 рублей.)

16) В монастыре Серапотове (Ксиропотаме) игумену Иоилу и 70 братиям — 100 руб. и 41 старцу в скиту 11 руб.

17) В монастыре Ксенос (Ксеноф) игумену Антонию и 50 братиям — 200 рублей, и 32 скитникам 8 рублей.

18) В Дохиаре игумену Неофиту и 60 братиям — 93 руб. и 22 скитникам 6 рублей.

19) В Кастамоните, где не было игумена, 50 человекам братии даны 80 рублей и 18 скитникам 5 рублей.

20) В Зографе игумену Паисию и 100 человекам братии — 200 руб. и 33 скитникам 9 рублей.

В 1584 году, 18 марта, скончался Иоанн Грозный, приняв монашество с именем Ионы. В августе месяце того же года сын его Феодор Иоаннович послал с Борисом Благовым 1000 рублей патриарху Цареградскому и в обители афонские, по душе родителя своего. •[III/2 358]•

ПОСОБИЕ ВАТОПЕДУ

В сентябре месяце 1589 года Феодор Иванович дал ватопедцам свою жалованную грамоту, которою дозволил им собирать милостыню в Москве.

В 1623 году, 8 июля ватопедский игумен Никодим получил от Филарета Никитича 40 соболей, камку и 15 руб.

В 1625 году с ватопедским архимандритом Игнатием послано было государю жалованье для искупления долгов Ватопеда соболями на 200 руб., сто от царя и сто от патриарха Филарета Никитича, да монастырю дано было жалованье камками, соболями, кунницами и деньгами на 250 рублей.

В одиннадцатый день января месяца 1626 года царь Михаил Феодорович грамотою своею дозволил им же

приезжать в Москву за милостыней в каждый четвертый год.

В 1654 году в северо-западном углу Ватопеда устроена была больница иждивением царя Алексея Михайловича.

В 1655 году, при этом же царе, ватопедский архимандрит Дамаскин привез в Москву главу св. Иоанна Златоуста и запрестольный крест Константина Великого. Благодетельный царь сей упросил его оставить у него обе эти святыни лет на двадцать или менее, как случится, и милостыни дал соболями на 1000 рублей и деньгами 400 рублей, да архимандриту дал особо 400 рублей, и обо всем этом уведомил наместника Ватопедской обители Леонтия. В начале 1688 года из этой обители приезжал в Москву архимандрит Козма и просил царей Иоанна, Петра и Софью возвратить крест, *который соорудил Константин Великий*, и главу Иоанна Златоуста. Но их величества удержали у себя эти святыни для сохранения их, по причине утеснений Афона от турков, и повелели приезжать в Москву в каждый четвертый год для получения милостыни соболями на 500 рублей. С архимандритом Козмою посланы были в Ватопед 200 рублей. В 1693 году дана была такая же милостыня присланному оттуда старцу Симону. (О дальнейшей судьбе названного •[III/2 359]• креста смотри мое *Путешествие по Афону*. Ч. II. Отд. 2. (1846 год). М., 1877. С. 27).

В 1857 году граф Димитрий Николаевич Шереметев пожертвовал серебряно-позолоченные ризы на местные

иконы Богоматери и Архангела Гавриила в соборном храме.

ПОСОБИЕ РУССИКУ

В 1591 году Российский патриарх Иов своим окружным посланием приглашал всех православных россиян подавать милостыню Русскому на Афоне монастырю.

В сентябре 1592 года царь Феодор Иванович, по силе грамоты Иоанна Васильевича Грозного, дозволил старцам Руссика приезжать в Москву за милостыней.

Такое дозволение дал им и царь Михаил Феодорович в 1626 году, 22 июля.

А царь Алексей Михайлович в 1660 году, 29 февраля, повелел им приезжать в Москву за милостыней в четвертый или пятый год. Это повеление подтвердили и сыны его, Иоанн и Петр, в 1690 году, 31 мая.

В 1705 году вселенский патриарх Гавриил передал обитель св. Пантелеимона на Афоне русским монахам, убедив архимандрита Варлаама быть строителем ее. Сей архимандрит решился пойти в Россию за сбором милостыни. В приготовленном им *новом* помяннике он назвал эту обитель *Ново-русскою*, а братию — *новоизбранною*. С 1706 года по 1721-й он обошел всю Малую, Белую и Великую Россию, прося подаяний во имя Бога и св. великомученика Пантелеимона. Много благодетелей записано в его помяннике. Но странно! В сборной книге читаются только имена доброхотных дателей, а денежные даяния их не прописаны, и

только в конце книги есть какой-то глухой счет: «100, 200, 100, 115, 72, 22, 40, 40, 30, 10, 26, всего 875 рублей». Однако напрасны были труды отца Варлаама. В 1726 году наш Барский застал в Руссике только четырех монахов, «два от Руссов, и два от Болгаров: игумен •[III/2 360]• болгарин бяше». А в 1744 году он не нашел там ни одного русского инока. Уже спустя сто лет после него наши родичи поселились в Руссике и пособили этому монастырю своими приношениями. А дозволением ему сбора милостыни в России и выдачею денег из казны нашей (более 800 руб.), по палестинскому штату, за несколько прошедших годов оказано было ему немаловажное пособие. Наконец в 1873 году, по Высочайшему соизволению, Руссик устроил и открыл часовню в Москве — сперва при Богоявленском монастыре, а потом против церкви Владимирской Богоматери на Никольской улице. Эта часовня составляет ему доход обильный.

ПОСОБИЕ ХИЛАНДАРУ

В 1567 году царь Иоанн Грозный, по изволению супруги своей Анастасии, прислал в Хиландар шитую в 1566 году шелками катапетазму и триста рублей, да царевич Иоанн послал от себя панагию серебряную, вызолоченную, с жемчугами, а князь Юрий Васильевич 50 рублей, и столько же дано было священноиноку Сильвестру и старцам его от государя.

В марте месяце 1571 года сей государь пожаловал Хиландару двор с хоромами

в московском новом городе Китае, возле Устюжского двора (Оправдания, № 69). За это хиландарцы благодарили его благожелательным посланием (там же, № 70).

В сентябре месяце 1586 года царь Феодор Иоаннович своею грамотой подтвердил право Хиландара на владение оным двором.

В 1591 году, 16 апреля, всероссийский патриарх Иов дал Хиландарскому архимандриту Григорию свою грамоту, в которой приглашал всех православных христиан подавать ему и после него другим старцам милостыню Бога ради.

В 1603 году, 8 февраля, царь Борис Годунов своею грамотой подтвердил право Хиландара на владение приезжим двором в Москве, что по правую сторону Богоявленского монастыря, в городе Китае (Оправдания, № 71). •[III/2 361]•

В мае месяце 1623 года приехал в Москву хиландарский архимандрит Феодор и исходатайствовал своей обители утверждение царских грамот, данных Иоанном и Феодором на владение Хиландарским подворьем в Москве. В 30 день августа того же года он представлялся патриарху Филарету Никитичу и поднес ему мощи св. мученика Стефана, а от него получил образ Вознесения Господня, обложенный серебром, 40 соболей, камку и 20 рублей.

В августе месяце 1629 года явился в город Путивль хиландарский архимандрит Филипп. Но государь Михаил

Феодорович приказал выдать ему там царское *обычное* жалованье 12 рублей и отпустить его обратно, потому что хиландарцы недавно приезжали за милостыней.

В мае месяце 1628 года приехали в Москву бить челом о милостыне, по двум жалованным грамотам, Афонской горы Хиландарского монастыря митрополит Мардарий и келарь Макарий; и по именному указу изготовленные были сему митрополиту церковные облачения ценою в 113 рублей.

В сентябре месяце 1653 года государь Алексей Михайлович своею грамотой пожаловал Хиландару «на приезд двор со всеми потребными хоромами в Китае городе, у Богоявленского монастыря». (Разумей, что он подтвердил право Хиландара на владение сим двором.)

В 1658 году, 3 июня, сей же государь повелел «приезжати в Москву за милостынею в седьмой год трем или четверем старцам, да службе».

В марте месяце 1684 года «Великий государь царь и великий князь Иоанн Алексиевич и Петр Алексиевич всея великия и малыя и белыя России самодержцы и многих государств и земель восточных и западных и северных отчичи и дедичи и наследники, государи и обладатели, жалованную грамоту отца нашего, великих государей блаженные и вечныя памяти достойнаго, великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца, слушав, •[III/2 362]• пожаловали Афонския

горы Введения Пресвятыя Богородицы Хиландарскаго монастыря архимандрита Гавриила с братиею, велели им вместо монастырскаго их подворья, которое написано в жалованной грамоте отца нашего, — и живут в том месте великаго господина святейшаго Иоакима патриарха Московскаго и всея России певчие, дияки и подьяки, — давать нашего великих государей жалованья в прибавку к милостынной прежней даче к семидесят рублям по тридцати рублей, всего и с прежнею милостынною дачею по сто рублей из нашей царской казны соболами тогда, когда они будут на Москве в приезде по нашей царской жалованной грамоте в указной год, и для того сей наш государской милостивый указ на жалованной грамоте (Алексия Михайловича, 1653 г.) подписать повелели. — Думной дьяк Емельян Игнатьев сын Украинцев».

В 1684 году, 7 ноября, Иоанн и Петр Алексеевичи на обороте грамоты отца их Алексея Михайловича 1658 года о приезде хиландарцев в Москву за милостыней в седьмой год повелели надписать, и надписано: «Пожаловали архимандриту Гавриилу указом впредь быти по всему по тому, как в той отца их великих государей блаженные и вечно достойныя памяти великаго государя его царскаго величества жалованной грамоте писано. — Думной дьяк тот же».

Наша императрица Екатерина II пожертвовала в Хиландар большую причащательную чашу. Ее держит литой

ангел на голове своей, а сам стоит на большом поддонке ее. Вместе с этою чашей прислан был и большой дискос с звездицею и лжицею. На звездице чернью изображены составители литургии: Василий Великий, Иоанн Златоустый и другие.

В 1858 или 1859 году Хиландарскому монастырю дано было Высочайшее разрешение собирать милостыню в течение одного года. В конце его хиландарцы послали в наш Святейший Синод свое прошение следующего содержания*: •[III/2 363]•

В СЯТЕЙШИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СИНОД
ВСЕРОССИЙСКИЙ
БРАТСТВА СВЯЩЕННОГО МОНАСТЫРЯ
ХИЛАНДАРСКОГО
НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОНСКОЙ
ПОКОРНЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ

«Всемиловитейшее внимание Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Императора Александра Николаевича всея России ко многим и великим нуждам нашего священного монастыря, благословение Вашего Святейшества и милосердие православного народа российского уже окрылили нашу надежду на поддержание и благоустройство нашей бедной обители. Ибо наши собратия (архимандрит Софроний и др.), пребывающие в богоспасаемой России, уже собирают милостыню доброхот-

ных дателей, тепле молящихся о благостоянии всех святых божиих церквей и по вере, любви и надежде желающих всюду совершать поминовение душ их родителей, сродников и знаемых. Для сбора такой милостыни назначен один год, и этот срок истекает. В столь короткое время в пространнейшей Державе Российской слух о наших нуждах еще не достиг до всех доброхотных дателей, и если достиг, то не всякий из них изготовился принести или послать свое добровольное подаяние на поминовение ближних своих в нашей обители и на поддержание ее. Посему мы, проникнутые чувствами благодарения и упования, припадаем к стопам Вашего Святейшества и смиренно просим и молим Ваше преосвященнейшее и боголюбезнейшее архипастырство продолжить срок пребывания вышепоименованных собратий наших в богоспасаемой России для сбора милостыни настолько времени, насколько заблагорассудит Ваше Святейшество, по примеру прочих афонских обителей, кои сподоблялись подобной милости.

Вашего Святейшества нижайшие послушники со всею о Христе братиею».

Просимая отсрочка была дана на год. А как велик был сбор деньгами и вещами, этого я не знаю, потому что в то время находился не на Афоне. •[III/2 364]•

ПОСОБИЕ ЛАВРЕ
СВ. АФАНАСИЯ АФОНСКОГО

В 1513 или 1514 году приезжал в Москву из Лавры св. Афанасия ектисиарх

* Оно сочинено было мною в бытность мою в Хиландаре.

Мелетий и отпущен был обратно на Св. Гору уже в 1515 году. С ним посланы были в Лавру серебряная чара, камчатные ризы и пелены к иконам Благовещения и св. Афанасия Афонского.

В 1633 году лаврскому архимандриту Гавриилу отпущены были деньги и соболи счетом на 130 рублей.

В 1641 году явился в Путивль лаврский архимандрит Иосиф с братиею для испрошения милостыни в Москве. Но путивльскому воеводе велено было выдать ему из местных доходов государево жалованье, примеряясь к прежним дачам, и отпустить его назад.

В 1658 году царь Алексей Михайлович пожаловал лаврскому архимандриту Игнатию хрисовул, в котором повелел ему и другим, кто по нем будет, приезжать в Москву за милостыней в каждый четвертый год.

В 1695 году цари Иоанн и Петр Алексеевичи новым хрисовулом своим повелели лавриотам приезжать в Москву за милостыней также в каждый четвертый год.

ПОСОБИЕ КАРАКАЛЛУ

Каракальские монахи, сколько мне известно, никогда не ходили в Россию за сбором милостыни. Напротив, к ним приходил в 1584 году посланник Иоанна Грозного, Мешенин, и дал им сто рублей, да 27 скитникам семь рублей. Однако Каракаллу в городе Измаиле у Дуная, завоеванном нами у турков, принадлежит монастырь св. Николая. Из грамоты вселенского патриарха Иоанникия 1648 года, месяца июня, индик-

та 1-го, видно, что сей монастырь тогда числился в епархии митрополита Браиловского (Προϊλάβου), что храм в нем почти совсем разрушился и что монахи Афоно-Каракальской обители взялись перестроить его с основания с тем, чтобы сей монастырь был •[III/2 365]• отдан им как метох и был бы почтен достоинством ставропигии. Они сделали свое дело. А в каком состоянии находится этот метох ныне и сколько дает дохода Каракаллу, это мне неизвестно.

ПОСОБИЕ ОБИТЕЛИ ФИЛОФЕЯ

В 1584 году посланник Грозного Иван Мешенин подал игумену сей обители Матфею и ста братьям 150 рублей и двадцать одному скитнику 5 рублей.

В сентябре месяце 1642 года приехали в Москву бить челом о милостыне и на церковное строение архимандрит Григорий и келарь Феофан, а писал о них Феофан, патриарх Иерусалимский, чтобы государь пожаловал их своим жалованьем. Государь дал архимандриту камку смирную, сорок соболей в 25 рублей и денег 20 рублей, да грамоту, в которой повелел им приезжать в Москву в седьмой или восьмой год. В декабре же месяце того же года, вследствие другой челобитной архимандрита Григория о помощи его монастырю, государь приказал дать своего жалованья на церковное строение соболями 50 рублей. В январе 1643 года архимандрит обратно отпущен был из Москвы.

ПОСОБИЕ
МОНАСТЫРЮ ИВЕРСКОМУ

В 1584 году сей монастырь получил от посла Иоанна Грозного Мешенина 300 рублей, да окрестные 43 старца приняли от него 12 рублей.

В начале 1586 года государь Феодор Иоаннович отпустил из Москвы трех старцев иверских, но что и что пожаловал им, это не оповещено.

В ноябре 1628 года представлялся государю Михаилу Феодоровичу иверский архимандрит Акакий и поднес ему часть мощей св. Игнатия Богоносца, но какое жалованье получил от него, это неизвестно.

В октябре 1640 года иверский архимандрит Пахомий с •[III/2 366]• келарем и братиею подал государю Михаилу Феодоровичу прошение о том, чтобы их, богомольцев своих, пожаловал он своею царскою милостиною и велел им дать в монастырь свою грамоту, как и прочим монастырям, утешения ради и помощи, чрез сколько лет приезжать им в Москву. Прошение их было исполнено. В 17-й день декабря 1640 года была дана им жалованная грамота, в которой повелено им приезжать в Москву для милостыни в 7-й или 8-й год трем или четверем человекам и службе монастырскому.

В 1654 году по указу царя Алексея Михайловича «дан в Иверский монастырь в подворье и для отправления службы Божии греческаго языку Никольской монастырь, что за Иконным рядом». Но жалованная грамота государева на право владения сим Николь-

ским монастырем дана была уже 19 мая 1669 года. Вот она.

По титуле:

«Пожаловали есмь Афонския горы Иверскаго монастыря архимандрита Дионисия з братиею, что бил челом нам великому государю нашему царскому величеству он, архимандрит Дионисий, в прошлом де во РЕВ [(7)162=1654 г.] по нашему царскаго величества указу дан им в Иверской монастырь в подворье и для отправления службы Божии греческаго языку Никольской монастырь, что за Иконным рядом, а нашей великаго государя жалованной грамоты им на тот монастырь и по се время не дано, и нам бы великому государю, нашему царскому величеству пожаловать его архимандрита, велеть ему дать нашу великаго государя грамоту, почему им тем Никольским монастырем владеть, и по сколько человек брать и из их Иверскаго монастыря в Никольской монастырь для церковной службы и монастырской потребы приезжать; и Мы великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович вся великия и малыя и белыя России самодержец, наше царское величество, Иверскаго монастыря архимандрита с братиею, или кто по нем в том монастыре иные архимандриты будут пожаловали, велели им тем Никольским монастырем, •[III/2 367]• что за Иконным рядом, для отправления службы Божии владеть и в нем жить; а приезжать им в наше царскаго величества Российское царствие во четвертый год

четырем человекам старцам, да службе. И как ис того Иверскаго монастыря архимандрит или старцы с сею нашею царскаго величества грамотою... придут... и проч. Дана сия наша царскаго величества жалованная грамота в нашем царствующем величем граде Москве лета от создания мира ,ЗРОЗ [7177 (1669)], месяца мая ӨИ дня».

О сей поры Афоно-Иверская обитель прочно владеет и в наше время Никольским в Москве монастырем и получает от него дохода с наемных помещений его на Никольской улице 10 000 рублей ежегодно. Кроме сего, этому монастырю принадлежит дача с землею в Клинском уезде и озеро у села Чуднова в Рузском уезде Московской губернии. Сказание о сем монастыре помещено в Оправданиях сей истории моей, под № 72.

В 1766 году, 17 июля, указом ее императорского величества Екатерины Алексеевны, данным Святейшему Синоду, повелено: «1) чтобы состоящему в Москве Николаевскому греческому монастырю быть в собственном в синодальном ведомстве, 2) в сходственность жалованной в 7177 (1669) году от царя Алексея Михайловича Афонской горы в Иверской монастырь грамоты, как ныне находящихся в том греческом монастыре из греческой нации монашествующих оставить, так и впредь высылающимся на перемену их быть на прежнем основании, то есть не определять к ним из великороссийских монастырей монашествующих, и 3) положенную по штату на тот мона-

стырь денежную сумму из коллегии экономии в оной монастырь отпускать в надлежащее время всю сполна, не требуя от неполнаго монашествующих и прочих служителей числа остатков, и не чиня в той штатной сумме по иностранству их и незнании великороссийских обрядов никаких щетов, Мы оной Синода нашего доклад по прописанным в нем резонам сим •[III/2 368]• Всемиловитейше подтверждаем, повелевая о исполнении по сему, куда надлежит дать знать. — На подлинном: Екатерина. Ober-секретарь Михаил Остолопов».

Блаженной памяти император Александр Павлович в память изгнания французов из России в 1812 году пожертвовал в Иверский монастырь серебряное лимонное деревцо немалого роста в вазе.

ПОСОБИЕ ЕСФИГМЕНУ

В 1584 году посол Иоанна Грозного Мешенин лично подал игумену сего монастыря Никифору и пятидесяти старцам по рублю на каждого и еще три рубли двенадцати старцам в трех скитах его.

В мае месяце 1623 года приезжал в Москву за милостыней строитель Авксентий, а 30 августа представлялся патриарху Филарету Никитичу, которому и поднес часть мощей св. архидиакона Стефана, за что одарен был нескудно.

В ноябре 1634 года есфигменский архимандрит Симеон с келарем Герасимом приехал в г. Путивль и на пути оттуда в Москву скончался. Келарь же

был в этой столице и получил обычное жалованье.

В том же 1634 году отпущен был в Есфигмен проживавший в Москве Севастийский митрополит Иосиф, — отпущен по его прошению и при отпуске получил три сорока соболей на 100 рублей и еще сто рублей для монастыря в вечный поминак александрийского протосингелла Иосифа за его заслуги и труды, оказанные нашему правительству.

В январе месяце 1640 года прибыл в Путивль из Царьграда вышепомянутый митрополит Иосиф, а 31 дня того же месяца представлялся со своим архимандритом Леонтием государю и поднес ему, государыне и царевичу бархат, объяр и другие вещи, взамен чего получил обычное жалованье. Из челобитной его видно, что он в Есфигменовом монастыре •[III/2 369]• построил новую церковь в память Рождества Богоматери, где намерен был помянуть царских родителей, и потому просил у государя жалованной грамоты Есфигменову монастырю на проезд оттуда в Москву за милостыней, да еще ризницы, кадила и мантии. Указом 19 марта Иосифу велено было дать соболей на 200 рублей государева жалованья, по его челобитию, и жалованную грамоту, которою дозволялось есфигменитам приезжать за милостыней в седьмой или восьмой год.

По силе этой грамоты архимандрит их Антоний в первый раз приехал в Москву за милостыней в апреле 1644 года и в своей челобитной, поданной

государю, просил его выкупить монастырскую вотчину, заложенную у турков за 500 рублей. Но сколько дано было ему на сей выкуп, это не оповещено.

В 1656 году, 3 октября, государь Алексей Михайлович пожаловал Есфигменову монастырю новую грамоту, в которой повелено было старцам сего монастыря приезжать в Москву за милостыней в пятый год.

В 1847 году, 10 октября, в пятницу, явился в Санкт-Петербургскую Свято-Троицкую Лавру Есфигменский игумен Агафангел с двумя простыми монахами, по высочайшему разрешению, для сбора милостыни в течение полутора лет во всей России, на устройство церкви во имя святых киево-печерских внутри монастыря и на возобновление северной стены монастырской, подмытой волнами моря. Ему дана была расписка времени, и он собрал столь богатую милостыню, что вновь выстроил многоярусные кельи на северной и восточной стороне своей обители с церковью во имя святых чудотворцев киево-печерских.

ПОСОБИЕ ЗОГРАФУ

В 1584 году посланник Грозного Мешенин вручил игумену сей обители Паисию и 100 братьям 200 рублей да 33 скитникам 9 рублей.

В 1586 году, в царствование Феодора Иоанновича, приехал в Смоленск оный игумен Паисий с братиею, но не был •[III/2 370]• пропущен в Москву и отослан назад, хоть и привез с собою царю

мощи его ангела, св. великомученика Феодора Стратилата, преподобного Михаила Синнадского и мученика Пигасия, да две иконы Богоматери и св. великомученика Георгия также с мощами. Велено было принять от них эти святыни и выдать им заздравной милостыни 30 рублей и заупокойной 100 рублей, самих же отпустить обратно.

В 1627 году из Зографа приезжал в Москву келарь Гervасий за милостыней и получил ее, а после него являлся в Путивль архимандрит Неофит и тут же получил 15 рублей и отпущен восвояси, однако вскоре опять явился и был в Москве.

В феврале месяце 1639 года Зографский архимандрит Паисий получил от государя соболей на 100 рублей.

В 1642 году, 14 ноября, представлялся государю этот же Паисий и поднес ему миро св. великомученика Димитрия Солунского, а государь пожаловал его своим царским жалованьем и кроме сего приказал сделать серебряные сосуды, что и было исполнено. Из записки серебряного приказа видно, что на сосуды для Зографа пошли два фунта и 18 золотников серебра и 3 золотника золота.

В 1846 году усердием Санкт-Петербургского купца Симеона Максимовича Комарова изготовлена была серебряная риза на местную чудотворную икону Богоматери Предвозвестительницы, находящуюся в отдельной Успенской церкви, что среди двора монастырского.

ПОСОБИЕ КАСТАМОНИТУ

В 1584 году известный Мешенин подал милостыню 50 братьям сей обители 80 рублей и 18 скитникам 5 рублей.

NB. В самом начале царствования Феодора Ивановича отпущен был из Москвы чрез Смоленск Кастамонитский игумен Дионисий со старцем. Но когда он приехал туда и что получил, это из дел не видно. •[III/2 371]•

В 1864 и 1865 годах игумен Кастамонита Симеон собирал обильные подаяния во всей России, и наипаче в Сибири, где был даже в Кяхте и тут входил в молельню монгольскую и видел идолов.

ПОСОБИЕ ДОХИАРУ

В 1584 году тот же Мешенин подал игумену сей обители Неофиту и 60 братьям 93 рубли и 22 скитникам 6 рублей.

В 1630 году, 3 января, представлялся государю Дохиарский архимандрит Климент и представил ему письмо Константинопольского патриарха Кирилла [Лукариса], в котором его святейшество просил пожаловать 1000 рублей для выкупа дохиарских имений у турков. В мае месяце того же года сей архимандрит был отпущен восвояси, но что и что получил, неизвестно.

ПОСОБИЕ КСЕНОФУ

В 1584 году Мешенин вручил игумену сей обители Антонию и 50 братьям 200 рублей и 38 скитникам 8 рублей.

В октябре месяце 1605 года, при Борисе Годунове, явился на рубеж России архимандрит Ксенофский Иаков с грамотою к сему царю в чаянии милостыни. Он был пропущен в Москву и 24 июня 1606 года представлялся государю, которому и поднес часть мощей св. великомученика Димитрия, но что и что получил от него, это не известно.

В 1625 году был в Москве строитель Ксенофа Авксентий, и он же в конце 1630 года приехал в город Путивль, но оттуда отослан был назад, потому что многая царская казна в 1626 году сгорела во время московского пожара.

ПОСОБИЕ КСИРОПОТАМУ

В 1584 году Мешенин вручил игумену сего монастыря Иоилю и 70 братьям 100 рублей и 41 старцу в скитах 11 рублей. •[III/2 372]•

В начале царствования Феодора Ивановича отпущены были из Москвы чрез Смоленск два ксиропотамских старца; но с чем? Из дел не видно.

ПОСОБИЕ ГРИГОРИАТУ

В 1629 году с иеромонахом сего монастыря Даниилом посланы были: игумену 1 золотой, 16 иеромонахам по полу червонцу, 6 диаконам по полужолотому да 68 монахам по четверти золотого.

В 1630 году, 3 января, представлялся государю Григориатский архимандрит Парфений, но с чем был отпущен, неизвестно.

В 1805 и 1806 годах архимандрит Никита собирал подаяния в России, и осо-

бенно во флоте и в армии. Пожертвовали: род графа Моценега (sic) 200 руб., фрегат *Крепкий* 10 руб., фрегат *Назарет* 18 руб., корабль *Селафеил* 10 руб., адмирал Синявин (sic) 7 руб. Были подаяния от солдатских артелей, капральств и рот пехотных и артиллерийских, и от полков Витебского, Сибирского, 13-го Егерского, Колыванского, Козловского и Курянского мушкетерского. В конце сборной книги приписано: «1806 г., мая 10. Прислано чрез иеродиакона Герасима 1600 пиастров. Вторительно сам пришел в 1809 году, марта 25, и принес с собою денег 250 червонцев».

ПОСОБИЕ ДИОНИСИАТУ

В 1584 году Мешенин дал игумену сей обители Лаврентию и 150 братьям 250 рублей да 25 старцам в скитах 5 рублей.

В 1628 году Дионисиатский архимандрит Иеремия, в бытность свою в Москве, успел выхлопотать милостынную грамоту царя Михаила Феодоровича, которою повелено было дионисиатским монахам приезжать в Москву за сбором милостыни на монастырское строение в пятый или шестой год. Эту грамоту я видел и читал в Дионисиевом монастыре. Она весьма ветха •[III/2 373]• и изорвана в том месте, где прописан был год*. В ней привешена печать из красно-ярого воска.

В 1635 году Дионисиатский архимандрит Лаврентий приехал в Москву

* Это был 1628 год. Он указан в акте нашего Св. Синода 1763 года.

просить жалованной царской грамоты для приезда в Россию *чрез каждые три года* вместо указанных в прежней грамоте шести лет. Но ему выданы были тафта, сорок соболей в 16 рублей и деньгами 12 рублей, а в перемене срока грамоты отказано.

В 1763 году, 18 февраля, Дионисиатский архимандрит Парфений, в бытность свою в Москве, получил от нашего Святейшего Синода письменное свидетельство, в котором сказано, что Дионисиеву Предтечеву монастырю, по палестинскому штату императрицы Анны Иоанновны, назначено производить жалованья 35 рублей ежегодно и что за этими деньгами монастырь должен присылать своего доверенного старца в Москву или в Петербург *чрез пять лет в шестой год*.

ПОСОБИЕ МОНАСТЫРЮ СВ. ПАВЛА

В 1584 году Мешенин вручил игумену сего монастыря Гавриилу и 50 братьям 100 рублей да 30 скитникам 8 рублей.

В мае месяце 1629 года прибыл в Москву Павловский архимандрит Савва и привез с собою государю и патриарху мощи св. Григория Богослова, а получил от государя сорок соболей в 20 рублей и деньгами 15 рублей, от патриарха же столько же соболей и 10 рублей.

В 1645 году, 28 марта, приказал Михаил Феодорович быть у себя всем приехавшим или уже находившимся в Москве властям за милостыней и в числе их

Павловского монастыря архимандриту Савватию. Государь принимал их в столовой избе, которую приказал устлать коврами. Савватий получил обычное жалованье.

В 1754 году, 13 мая, императрица Елисавета Петровна •[III/2 374]• пожаловала Павло-Георгиевскому монастырю три тысячи рублей, да архимандриту Анатолию, поднесшему ей ковчег с животворящим древом, — тысячу рублей. От сего древа она отделила часть, а остальное отдала сему архимандриту, прежнюю же милостынную грамоту высочайших предков своих заменила новою великолепною, в которой повелено «для получения милостыни во всероссийскую Империю приезжать из того монастыря трем или четырьмя монахам с одним служителем так, как и прежде было, в пятый год, и получать из Св. Синода в оной монастырь то число, что по штату положено, и во время проезда их в Империю и обратно за границу не токмо свободно и без задержания их везде пропускать, но в потребном случае и возможное вспоможение им показывать и перевозу и мостовщины и с их вещей пошлины не брать».

ПОСОБИЕ ПАНДОКРАТОРУ

В 1584 году Мешенин дал игумену сей обители Макарию и 150 братьям 100 рублей да 26 скитникам 3 рубля.

В марте месяце 1586 года приехал в Москву Пандократорский игумен Роман с братиею и просил царя Феодора Ивановича обновить им братскую тра-

В 1837 году по сему штату выдано было Есфигменову монастырю милостынное пособие за 70 лет прошедших

2100 руб., считая по 30 руб. за каждый год. •[III/2 376]•

В 1837 году по сему же штату отпущена милостынная дача Дионисиевой обители на Афоне за пять лет 150 руб. серебром, а Зографскому монастырю за 12 лет 360 рублей.

В 1839 году по тому же штату отпущены такие же дачи афонским обителям Григориатской и Павловской за 20 лет по 600 рублей и Хиландарской за 24 года 720 рублей.

В том же году, по просьбе настоятеля и братии русского Ильинского скита на Афоне, допущен с высочайшего разрешения сбор dobroхотных приношений на построение в нем церкви во имя святителя Митрофана, начатой покойным иеромонахом Аникитою из фамилии князей Шихматовых-Ширинских.

В 1841 году препровождены были в этот скит чрез азиатский департамент нашего министерства иностранных дел 984 рубля и 35 копеек серебром, собранные на построение поименованной церкви.

В том же году по палестинскому штату отпущено было определенное милостынное пособие Есфигменову монастырю с 1837 года и назначены к выдаче, с восшествия на престол императора Николая Павловича, афонской Лавре св. Афанасия 35 руб. за каждый год (с 19 ноября 1825 года)*.

БОГАТОЕ ПОСОБИЕ
АФОНСКИМ ОБИТЕЛЯМ
ГОСПОЖИ БАБАРЫКИНОЙ

В 1864 году или немного ранее некая госпожа Бабарыкина завещала афонским обителям 29 000 рублей, кроме церковных вещей. Для более правильной раздачи столь богатой милостыни первоприсутствующий в Св. Синоде митрополит Исидор в январе 1865 года просил меня представить ему список бедных и нуждающихся монастырей и скитов на Св. Горе Афонской. Этот список ему подан был мною в 27 день того же месяца. В нем указаны 13 монастырей и 11 скитов, нуждающихся в помощи. Но как распределены были между ними завещанные деньги, это осталось неизвестно мне, •[III/2 377]• потому что я скоро рукоположен был во епископа и уехал в богоспасаемый Киев. Прочтите этот список мой в Оправданиях сей истории Афона, под № 73, а здесь предлагаются вам к сведению мои замечания о нашей благотворительности Афону и о святогорцах, принимавших ее.

Наши государи и частные люди жертвовали святогорским монастырям церковные принадлежности, меха и деньги, а в Москве приписали Никольский монастырь к Иверу и дозволили Руссику открыть часовню, но не давали им ни одной пяди земли, ни рыбной ловли, ни мельницы, ни торговой лавки, тогда как молдавские и валахские государи и бояре угожда-

* Из отчетов обер-прокурора Св. Синода за годы 1837, 1838, 1839 и 1841. Дальнейших отчетов его у меня нет.

ли их всеми этими благами. Затрудняюсь объяснить эту расчетливость нашу тем более, что наши-то монастыри тогда владели же доходными имениями. Опасения от единоверных греков у нас не было. Помочь им мы охотились. Откуда же препятствие? От татарщины? Но она сокрушена была еще Иоанном Грозным. От строгого понятия о нестяжательности монахов? Да, было у нас это понятие и усилилось так, что в конце концов даже у наших-то монастырей отняты все имения и заменены скудным жалованьем из казны.

Святогорцы наделяемы были в Москве мехами собольими, кунными и беличьими. Но они не шили из них себе шуб, а продавали их в Константинополе торговому и богатому обществу *шубников* (ϰουνναράδων), которые сбывали наши меха туркам, армянам, грекам и евреям. Итак, наши пожертвования мехами были выгодны для афонцев.

Приезжавшие в Москву святогорские иеромонахи назывались и писались у нас архимандритами, тогда как на Афоне никогда не бывало и нет архимандритов, а есть только игумены и проигумены. Никто их не посвящал в архимандритский сан ни там, ни у нас. Следовательно, они, пока находились в России, носили одно голое название архимандрита — сдается, для почетного уравнивания с архимандритами московскими. Напрасная затея! После этих замечаний излагаю последнее сказание •[III/2 378]•

§ 109. О помощи Афону из Грузии

Известно, что грузины в конце десятого века построили себе на Св. Горе особый монастырь, существующий и в наши дни под названием Иверского. С той поры до 1353 года, или немного позже, в этом монастыре постоянно жили одни грузинские монахи, а потом вселенский патриарх Каллист I, святительствовавший с 1350 года по 1362-й, водворил в нем иноков греческих, потому что они превосходили грузин и числом и духовными качествами*. Эти иноки с 1492 года постепенно возобновляли, расширяли и обогащали сию обитель с помощью царей, князей и бояр не только российских и влахомолдавских, но и грузинских. Кто же и кто из грузин благотворил занятию с показанного времени греками Иверу?

В начале XVI века (1500–1516 гг.) самцхетские и кларджетские властители, именно сын атабека Куаркуария [Кваркваре] III, Кай-Хозро I и Мцедшабук [Мзечабук], сын сего Хозроя, возобновили обветшавшие башни и кельи, с основания построили высокую крепостную башню внутри обители и соорудили куполы соборного храма и внешний нартик (паперть). (Мое *Первое путешествие по Афону*. Ч. II. Отд. 2. С. 117.)

* Мое *Первое путешествие по Афону*. Ч. II. Отд. 2. С. 260.

В 1619 году у ворот Иверского монастыря устроен большой водоем, в который вода проведена издалека иждивением архонта Сермазана Ивира и Николая постельника из Валахии (Надпись).

В 1680–1683 годах с оснований построена отдельная церковь во имя Богоматери Вратарницы у выхода из монастыря иждивением грузинского князя Ашотана (он же и Никифор) и Стефании, когда грузинским кафоликом был Николай (Надпись).

В столице Грузии, Тифлисе, Афоно-Иверу принадлежит метох с доходным именем. Но когда и кем он отдан был ему, сего пока не знаю.

В 1540 году благочестивейший царь Кахетии Лев и сын •[III/2 379]• его Александр, возобновили в монастыре Афоно-Филофейском братскую трапезу. Тут оба они изображены на правой стене, впереди, в зубчатых венцах и в золотошвейных одеждах (Надпись).

Близ Тифлиса филофеиты имеют метох с деревенькою в 17 домов и с виноградником. Думается, что он есть дар вышеназванного царя кахетинского. Придумывается и то, что греческие монахи монастыря Афоно-Иверского, смежного с обителью Филофея, упростили сего царя помочь ей своими щедротами.

Кончено мое оповещение о хозяйственном состоянии афонских монастырей от начала турецкого владычества над ними до наших дней. Начинается новая

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. О веровых толках на Афоне, о богослужении, стенном иконописании, книжном деле и житии иноческом

§ 110. О веровых толках

Афон испокон веков был и есть православен. Но по временам появлялись там веровые толки. После известного учения паламитов возникли три различные толка: 1) о поминовении усопших, субботнем и воскресном, 2) о частом и редком причащении Святых Таин и 3) о принятии не всего Христа под видом хлеба и вина. Стало быть, у святогорцев были свободные умственные веяния. Прислушаемся к ним.

I. С половины 1769 года начались прения афонских скитников и келлиашей о днях заупокойных поминовений. Скитники аннинские издавна, по местному преданию, совершали такие поминовения только в воскресные дни, а монахи других скитов, служившие панихиды с коливом, по общесвятогорскому уставу, только по субботам, ни с того ни с сего начали упрекать их за это и даже письменно огласили их еретиками и нововводителями и дали знать об этом вселенскому патриарху. Анниты же обзывали •[III/2 380]• этих соперников своих *коливадами* и даже *фармасонами*. Такое беспокойство между ними продолжалось три года. Тогда вселенский патриарх Феодосий в синодальной грамоте своей, данной в июле месяце 1772 года, писал епископу горо-

да Иерисса и Святой Горы и игуменам всех тамошних монастырей: «Скитники спорят между собою и рассуждают: в субботу или в воскресенье должно быть совершаемо заупокойное поминовение. Но не надлежало бы им заниматься такими рассуждениями. Кто поминает усопших в субботу, тот поступает хорошо; однако не подлежат осуждению и те, которые поминают их в день воскресный... Предписываем всем скитникам прекратить такие прения и заниматься рукоделием. Противящиеся же будут прокляты». (Подписались, кроме вселенского, Иерусалимский патриарх Софроний и члены константинопольского Синода.)

Однако ни увещания, ни наставления патриарха Феодосия и синода его, ни запрещение Лавры св. Афанасия Афонского подведомым ей скитникам спорить с посторонними монахами не укротили задорных богословов святогорских. Смуты и беспокойства продолжались. Противники аннинских скитников, ходя по городам и селам, везде благовестили, что эти скитники делают нововведения и нарушают древние постановления апостолов и свв. отцов. Они во второй раз прибыли в Константинополь и чего там ни говорили, чего ни делали, только бы отменить патриаршее и синодальное дозволение помянуть усопших, кроме субботы, и в воскресные дни, но ни в чем не успели. Тот же патриарх Феодосий в 1773 году, 10 июня, вторично синодальною грамотой подтвердил, что ежели суббот-

нее поминовение усопших древнеуставно, то и в воскресенье безгрешно, склонял ссорящихся к миру и непокорным угрожал отлучением от Живоначальной Троицы и от Святой Церкви, даже присовокупил и такие проклятия: «Гнев Божий да будет на главах их, и часть их — с Иудею Предателем; да разверзнется земля и да поглотит их, как Дафана и Авирона; да стонут и да трясутся они подобно Каину, и ни в чем да не успевают, •[III/2 381]• привлекиши на себя клятвы 318 богоносных отцов никейских и прочих святых Соборов и всех нас». (Подлинная грамота сия напечатана в моем *Втором путешествии по Афону*. С. 482–485.)

Однако строптивые и упорные не побоялись этих угроз и проклятий, и не приняли сего решения, и опять пришли в Константинополь уже к новому патриарху Самуилу с прошениями в 1773 же году, но опять ни в чем не успели. В этом году сей патриарх прислал на Афон свою синодальную грамоту, в которой предписано было всем келлиотам и скитникам, находящимся на Святоименной Горе, согласоваться с поминальным уставом тамошних монастырей, так что в какой день *обычно* совершают поминовение усопших эти монастыри, в тот самый день должны делать сие и насельники келий и скитов. «Поелику же святогорские монастыри поют панихиды в субботу, а не в воскресенье, то по их уставу и обычаю должны делать сие и келлиоты и скитники» (Оправдания, № 74).

Но и сего решения патриаршего и синодального не приняли зазорные богословы святогорские, горланившие (λαρυγγίζοντες), что поминающие усопших в воскресенье подлежат анафеме. Известны имена их. Это Афанасий Парийский, Иаков Пелопоннесец, Агапий Кипрянин, некий Христофор и Никодим Агиорит.

Сейчас помянутый Афанасий в 1774 году, 3 апреля, написал и оповестил *Исповедание истинной и православной веры в защиту несправедливо обвиняемых как нововводителей, для боголюбивого удостоверения соблазняемых братий** и в этом сочинении, между прочим, высказал вот что: «Поминование усопших с коливом в субботу принято по древнему преданию, а поминование их в день воскресный непристойно и греховно (ἀνοίκειον καὶ ἁμαρτιῶδες): непристойно потому, что сей день есть день радости, а память об усопших и самая панихида — печальны •[III/2 382]• и плачевны, и еще потому, что воскресенье есть день Господень, день царственный, а суббота — день невольный и рабочий (δουλική καὶ ταπεινή); греховно потому, что по постановлениям святых апостолов виноват тот, кто унижает день Господень, так как не подобает совоскресшему со Христом унижать воскресенье. Сколь неуместною и сколь греховною показалась бы панихида, если бы стали служить ее во дни Рождества Христова, или Богоявления, или

Вознесения, или Благовещения? Не была ли бы она явным унижением праздника Пасхи? Даже Преждеосвященная литургия не полагается в день Благовещения, потому что она есть литургия поста. Мы не поминаем усопших с коливом в воскресенье и потому, что боимся нарушить церковное предание, так как во всех церковных книгах: Триодях, Пендикостариях, Параклитиках и Уставах, предписано совершать поминования в субботу, а не в воскресенье», и проч.

Прошел 1775 год. Настало следующее лето. Во все это время головщики толка о поминовании усопших в субботу продолжали оспаривать обычай Аннинского скита и клеветать на насельников его. Тогда скитники эти, с дозволения своей Лавры, отправили к вселенскому патриарху Софронию (бывшему патриархом Иерусалимским) словеснейшего старца Виссариона из соседнего скита Пиргу с письмами и просьбами. Он был головщик их толка о поминовании усопших в воскресенье. По его настоянию патриарх Софроний созвал архиереев своих в 1776 году, 9 июня, пригласив и Иерусалимского патриарха Авраамия, проживавшего тогда в Константинополе. Этот Собор решил и грамотою объявил всем афонцам и всем архиереям и христианам, что «поминование усопших подобает совершать и в субботу, и в воскресенье, и во все дни недели, по преданию апостольских постановлений, глава 42, книга 8, и что противящиеся сему решению лжеучители

* Греческий подлинник читай в моем *Втором путешествии по Афону*. С. 435–495.

прокляты Богом и Святой Церковью». Под эту грамоту, кроме вселенского владыки Софрония, подписались Иерусалимский патриарх Авраамий и митрополиты: Ефесский Мелетий, Ираклийский Мефодий, Никомидийский Никифор, Халкидонский Парфений, Фессалоникский Дамаскин, Критский Захария, Боснийский Кирилл, Серресский Агапий и Ериссовский и Святогорский Иаков.

Передаю по-русски следующие слова сей грамоты, напечатанной по-гречески во *Втором путешествии моем по Афону*. (С. 496–498.). «Уже несколько лет назад смута охватила Церковь и христоименный народ Божий и перевернула чин священнослужителей, монахов и мирян посредством некоторых мнимых мудрецов, больных нечестием. Они, вместилища сатаны... самые худые люди, начали учить и узаконять, что не должно в воскресенье совершать поминовение усопших и в чаянии жизни вечной преставившихся благочестивых и православных христиан и что совершающие оное в воскресенье подлежат анафеме, и не переставали горланить (λαρυγγίζειν) и проповедовать сие нечестие. Головщики их и первовиновники такого нововведения суть Афанасий Парийский, Иаков Пелопоннесец, Агапий Кипрянин и Христофор. Когда разгласилось такое лжеучение и от того произошли вредные для душ соблазны, тогда против них однажды и дважды и трижды оповещаемы были патриаршие и синодальные грамоты *отлучительные*, решительно

предписывающие совершать поминовение преставившихся без разборчивости и в субботу, и в воскресенье, по искони установившемуся обычаю у нашего апостольского, патриаршего и вселенского престола и у других святейших патриарших престолов, и во всяком городе и стране. Ибо везде Святая Церковь Христова при священнодействии страшных Таин воспоминает усопших во Христе на проскомидии и на ектениях в каждое воскресенье, да и в святой и великий день Пятидесятницы Василий Великий заповедал нам творить моления об усопших. А злонаправленные и недугующие противлением Церкви и соборным решениям ее дерзнули, проклятые, письменно уничтожить соборные предписания, проповедуя противное им и других склоняя единомыслить с ними. Таким образом, они перемутили всё и сообщества составили, проклятые, введши в •[III/2 384]• заблуждение многих простодушных, а созвавши соборище варваров и безграмотных, произвели великое разделение. Обнаживши же головы свои и вопия против соборных решений Церкви, они дошли до такого безумия и презрения, что говорили нечестиво, будто неправо мудрствует Святая Церковь Христова. Но мерность наша вместе с блаженнейшим патриархом Иерусалимским Авраамием и с нашими архиереями и с присутствующими благороднейшими архонтами рода нашего, мы постановляем совершать поминовение православных христиан и в субботу, и в воскресенье, и во все

дни недели, по преданию апостольских постановлений (глава 42, книга 8)».

Вселенского владыку Софрония, когда он был еще Иерусалимским патриархом (до 1774 года), спрашивал бывший Лакедемонский архиерей Феофан, покоившийся на Афоне в Новом Ските: когда надобно совершить поминовение усопшего преподобнейшего старца хаджи Мелетия — в субботу или в воскресенье? Софроний письменно ответил ему, что «Церковь решила, чтобы скитники и келлиаши касательно поминовений усопших сообразовались с уставом священных монастырей афонских». Следовательно, его блаженство тогда полагал, что поминовения должны быть совершаемы в субботу, а не в воскресенье, потому что оные монастыри издревле делали это во дни субботние. Но в 1776 году, 9 июня, он, будучи уже вселенским патриархом, своей синодальною грамотой разрешил поминать усопших *без разбора дней* (ἀπαράτηρῆτως) — и в субботу, и в воскресенье, и во все дни недели. А это он сделал *не по строгости законной, а по снисхождению*, дабы умиротворить ссорящихся афонитов и успокоить волнующийся мир христианский (Оправдания, № 75).

Волнение притихло. А ссора, о которой идет речь, после тридцатилетнего молчания опять возобновилась. Опять явились на Афоне злоречивые порицатели и обзывали невинных братьев своих коливадами, фармасонами и еретиками. Между ними особенно

злословил их какой-то диакон Есфигменова монастыря. •[III/2 385]•

Это было в 1807 году. Тогда, в 19-й день мая, священный собор представителей двадцати монастырей святогорских составил дееписание, в котором, между прочим, сказано было вот что. «Пример сего сварливого диакона (вероятно, порядком наказанного) пусть вразумит и других сварливых порицателей, которые, имея сердце, приученное ко лжи, и язык, скорый на обвинения, и будучи подстрекаемы диаволом, открывают широкий рот свой и безбогобоязненно ругают неповинных и православных братьев, обзывая их коливадами, фармасонами, еретиками и лжеучителями. Ибо сии ложные порицания их производят побоища, рождают смуты, возбуждают ненависть, нарушают общий мир на Святой Горе и искореняют из сердец ту любовь, по которой узнаются ученики Христовы, которая есть главизна всех добродетелей и без которой никто не может спастись. Если таковые не вразумятся и не перестанут бесславить безвиновных братьев, бросая нечистое на чистых, отнимая почет у почетных мужей, то пусть знают, что будут наказаны строго священным у нас собором и келейно, и некелейно, кто бы они ни были, как нарушители общего мира сего святого места, как виновники соблазнов и любители смут и как губители любви братской» (Оправдания, № 76).

Но и эта угроза не сомкнула злоречивым уста на Афоне, да и вне этой горы некоторые христиане недоумевали:

когда уставнее служить панихиду: — в субботу или в воскресенье. В 1808 году один из них спрашивал об этом вселенского патриарха Каллиника, и его святейшество в письме своем высказал ему, что древние цари греческие, например Константин и Феодосий Младший, делали поминки в воскресенье и что узнать сие довелось ему в монастыре на горе Синайской, куда он сослан был в 1805 или 1806 годах (Оправдания, № 77). В этом же (1808) году были жили на Афоне немногие (μερικοί), которые, не зная, что значит слово *колива*, и не ведая, за что и про что, — говорит Никодим Святогорец, — порицают и •[III/2 386]• бесславят нас, а только слыша, как другие обзывают нас *коливадами* и еретиками, тотчас и они повторяют хулы их, так что на них оправдывается поговорка: «βαῦζοντος ἑνός, αὐτίκα βαῦζει καὶ ἕτερος κύων», т.е. «начни лаять один пес, залает и другой». В таких обстоятельствах реченный Никодим († 1809 г.) вынужден был писать и написал апологию, т.е. защиту, правого учения о поминовении усопших, которая, однако, напечатана была в Венеции уже по смерти его, в 1819 году. В этой апологии он выставил девять оправданий правильности поминовения усопших в субботу, а не в воскресенье, не считая, однако, погрешительным поминовение их и в прочие дни недели, кроме дня воскресного. Передаю эти оправдания его сокращенно, предложив их знатокам греческого языка в полном составе в Оправданиях сей истории моей, под № 78, потому

что апология Никодима Святогорца есть такая книжная редкость, о которой можно сказать: это — *ненайдённый*.

«1. Многие братия, клеветующие без страха Божия, называют нас *коливадами*. Но неправильно прилагают они к нам это название, ибо мы соблюдаем *древнее предание Церкви*, которая истинно совершает поминовение усопших в субботу, а не в воскресенье (мы разумеем поминовение с *коливом*, особое от того, которое бывает во время литургии без *колива*). Это предписано в священной Триоди, в Пендикостарии и в Параклитике. А почему для поминовения избрана суббота, на это есть достаточные причины. Во-первых, Господь сошел во ад в сей день для изведения оттуда душ в рай. Следовательно, в этот самый день и молиться о них надобно по апостольскому уставу, о чем ясно говорил божественный Иоанн Дамаскин в своем послании к Комитану о святом посте. Вот его слова: «Дух Святый, узаконивший чрез служителей Слова (апостолов) пощение в течение пяти дней каждой недели Великого поста до вечера, разрешил вкушение снедей в субботу и воскресенье ради торжественности восстания Христова из гроба и установил *Святое Возношение* за всех усопших, которое повелено •[III/2 387]• нам совершать во всякую субботу ради той субботы, в которую Христос связал крепкого (диавола) и опустошил селения его. Во-вторых, еврейское слово *суббота* значит *покой*. А так как души усопших успокоились от всех житейских дел, то и пристойно помянуть их

молитвенно в день покоя, т.е. в день субботний. Это выражено в Синаксаре священной Триоди, написанном для субботы масляничного заговенья: «В субботу же всегда (заметь это *всегда*) мы творим память душ; так как суббота на еврейском языке значит *покой*, то мы в сей день покоя и творим молитвы об умерших, успокоившихся от всех житейских и прочих дел: *чему установлено быть во всякую субботу*. Поелику же воскресный день не есть день покоя, а есть начаток жизни вечной, то в течение его и не бывают поминовения». Что касается других дней недели, то мы не спорим о них, потому что сами тогда совершаем поминовения господских и богородичных праздников, в которые не бывает скорбных панихид, так как, по священным постановлениям апостолов, *не должно скорбеть в день праздничный* (οὐ χρεῖ πένθειν ἐν ἡμέρᾳ ἑορτῆς). Мы исключаем только день недельный, потому что в этот день воскрес Господь, воскреснут и все мертвые, и потому что он есть день радости.

2. Церковное предание о поминовении усопших в субботу знали толкователи соборных правил, священный Вальсамон и мудрый Матфей Властарь. Вальсамон, толкуя 51-е правило Собора Лаодикийского, а Властарь в пятой главе под буквою Тединогласно сказали, что ни в один день св. Четыредесятницы не совершаются поминовения усопших, а только в субботу. Если же в одну субботу, то в воскресенье не быть панихидам.

3. Подтверждают сие и уставы многих монастырей, и наипаче величай-

шей Лавры Афонской и обители Дохиарской. В них сказано, что если поминки ктиторах монастырским придутся в воскресенье, то да поминаются они с коливом после третьего часа по полудни в субботу, и уже по окончании панихиды пусть начинается вечерня воскресная. •[III/2 388]•

4. Это же самое подтверждает и устав славного храма Протатского на Афоне. В 116-й главе его читается вот что: «Должно знать, что если брат представится ко Господу в сии святые дни (Четыредесятницы), то в середине недели не быть панихиде в третины его до вечера пятницы: только в сей вечер быть панихиде по нем, а в субботу служится литургия, в следующую же субботу справляются девятины его, а сорочины — по прошествии сорока дней». То же гласят уставы и других монастырей афонских: Дионисиата, Дохиара и Ватопеда (устав ватопедский, написанный на пергаменте, хранится в ризнице с надписью: *Устав Студитов*).

5. В Лазареву субботу, несмотря на то что в субботние дни бывают поминовения, ничто заупокойное не поется и не возглашается, ни тропарь, ни молитва. В уставе Лавры Афонской наотрез сказано, что *в утро Лазаревой субботы не поется панихида с коливом на кладбище, потому что тогда воспоминается воскресение*. Так как Церковь причислила сей день ко дням воскресным, то в богослужебные часы его и поются воскресные евогитарии (Ангельский Собор и др.) и *Воскресение Христово* видевше. Что яснее этого? Да такой

устав внушает самому упрямому мнителю, что в воскресные дни не подобает быть поминаениям усопших.

6. Великая Церковь Константинопольская в патриаршество приснопамятного Феодосия, в 1772 году, оповестила патриаршую и синодальную грамоту о поминаениях усопших, в которой ясно выразила, что «совершающие такое поминаение в субботу *поступают хорошо, соблюдая древнее предание Церкви*, но поминающие их и в воскресенье не подлежат осуждению». За что же нас обзывают коливадами и еретиками, когда мы соблюдаем древнее преданье Церкви и так поступаем хорошо?

7. Та же Великая Церковь в патриаршество премудрого Самуила, в 1773 году, обнародовала патриаршую и синодальную грамоту, в которой предписано всем скитам и внемонастырным кельям, находящимся на Святой Горе, согласоваться с •[III/2 389]• тем чином поминаний, какой содержат тамошние монастыри. А монастыри эти поминают усопших в субботу. Следовательно, не подобает помянуть их с коливом в воскресенье.

8. Иерусалимская Церковь в патриаршество приснопамятного Софрония единомудрствовала с Великою Церковью Константинопольскою касательно дней поминаения усопших. Пастыреначальник ее, реченный Софроний, подписал помянутые синодальные грамоты Феодосия и Самуила. А ежели он впоследствии издал другую грамоту, в которой сказано, что поминаения

пусть бывают без разбора (ἀπαράτη-ρήτως) и в субботу, и в воскресенье, то сие сделал по внушению святогорца Виссариона, насаждавшего ему на нас тысячу обвинений, и наипаче потому, что для прекращения пагубного спора предпочел *строгости правил* позволившее Церковью *снисхождение*.

9. Наконец, древнее предание о субботнем поминании подтверждается вековым продолжением его и исполнением в большей части вселенной, где живут православные христиане. Везде там они поминают усопших в субботу, а не в воскресные дни. Если же у них инде и бывают отклонения от всеобщего обычая, то сие делается или по неведению, или по своекорыстию попов, или по своенравию, или по челоукоугодию, или по снисхождению. Но *что бывает редко, то, по изречению св. Григория Богослова, не ставится в закон*.

Случилось: некий христианин в 1808 году или немножко ранее спрашивал вселенского патриарха Каллиника о возможности поминаения усопших в воскресенье. Его святейшество ответил ему письмом, в котором уверял его, что древние цари греческие, например Константин, Феодосий Младший, служили панихиды во дни воскресные, и ссылался на рукописи Синайской библиотеки, в котором он читал-де о воскресных поминаениях. «Это письмо его, — говорит Никодим Агиорит, — показывают, как Ахиллесово копье. Но оно — не копье, а тростниковый жезл, не могущий поддержать тех, которые

опираются на него. Ибо мы, когда увидели письмо кир Каллиника, •[III/2 390]• взяли в руки 22 тома греко-латинской «Византиды» (византийских историков) и, отыскав тут помянутых царей и других, которых указал кир Каллиник, и с большим любопытством и вниманием прочитавши все, что говорится о них, узнали, что ни один из них не делал поминков *в воскресенье*, и пришли к заключению, что кир Каллиник сам от себя прибавил речение *в воскресенье* в угодность делающим поминки в этот день. А если он говорит, что в бытность свою на Синайской горе читал это в пергаменных книгах, то ведь византийские истории напечатаны были с пергаменных же рукописей древних; следовательно, в них читалось бы то, что кир Каллиник читал на Синае, а этого нет в «Византиде». Значит, он во избежание чьей-либо справки с «Византидою» и с другими подручными всем книгами указал нам *самое далекое* место справочное, именно Синайскую гору. Идите, мол, туда: там вы узнаете, что древние цари делали поминки во дни воскресные».

Апология реченного Никодима напечатана была в 1819 году. С той поры прекратились вышеизложенные мною споры святогорцев. Но зато поныне продолжается у них разноречивый толк о частом и редком причащении Святых Таин Христовых. Он имеет свою коротенькую историю. Вот она.

II. Неизвестно, когда появился толк, о котором начинается речь. Но в 1772 году он был уже в разгаре. Тогда все-

ленский патриарх Феодосий в своей синодальной грамоте внушал часто и *редкопричастникам* афонским, что для причащения пречистых Таин время не определено, а необходимо приготовление покаянием и исповедью (Περὶ δὲ τοῦ πικνότερον ἢ βραδύτερον προσέρχεσθαι τῇ μεταλήψει τῶν ἀχράντων μυστηρίων, φάμεν, ὅτι ὁ χρόνος μὲν οὐχ ὥρισταί, ἀναγκαία δὲ ἡ πρὸ τῆς μετανοίας καὶ ἐξομοούργησεως προετοιμασία). Согласно с этим внушением учил и святогорский дидаскал Афанасий Парийский в 1774 году. Вот его учение*.

«О том, в чем обвиняют нас, мы мудствуем •[III/2 391]• и говорим, что для причащения пречистых Таин не назначается определенное время ни божественным Писанием, ни каким-либо правилом церковным, ни каким-либо великим отцом и учителем Церкви, за исключением запрещений, напротив, богодухновенное Писание, и священные каноны, и великие учителя и светила вселенной доказывают, что время для божественного причащения определено не днями, а совестью. Божественный апостол Павел, уста Христовы, передал нам, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, сказал: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие делайте в воспоминание о Мне»; также и чашу взял после вечери и сказал: «Сия чаша есть Новый Завет Моею

* Читай греческий подлинник его во *Втором путешествии моем по Афону*. С. 485 и след.

Кровью; сие делайте, когда ни будете пить, в воспоминание о Мне». К сим словам тот же божественный апостол прибавил от себя: «Всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, вы возвещаете смерть Господню, доколе Он придет. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет пред Телом и Кровью Господнею. Итак, да испытывает себя человек и так пусть ест хлеб сей и пьет из чаши сей. Ибо кто ест и пьет недостойно, тот пьет осуждение себе, не уважал Тела Господня» [ср. 1 Кор. 11, 24–29]. Не надо много ума, чтобы понять, что речение апостола *всякий раз* не значит *столько-то раз* в месяц, или в Четыредесятницу, или в три месяца, или в шесть месяцев, ибо это речение явно обозначает время неопределенное. Кто не знает того, что ни Господь, ни апостол его не назначили столько-то или столько-то времени для причащения? Далее, св. Павел говорит, что виновен будет пред Телом и Кровью Господа не ядущий и пьющий *прежде времени*, а тот, кто ест и пьет *недостойно*; следовательно, не говорит: да прибавит человек несколько дней, — а внушает: да испытает человек себя самого, и так от хлеба да яст и от чаши да пьет. Когда же? Явно, когда желает. Ибо ядущий и пьющий суд себе ест и пьет не как запоздавший или поторопившийся, а как недостойный. Но •[III/2 392]• дабы кто-либо не сказал, что не тот смысл апостольского речения, какой насильственно даем ему мы для подтверждения нашего мнения, тако-

вой пусть выслушает толкование великого учителя вселенной, божественного Иоанна Златоустого, глаголющего тако: «Апостол, сказавший: *всякий раз, как едите хлеб сей* и пр., господином сделал приступающего к причастию, освободив его от всякого расчета времени». Итак, и апостольским глаголом и златоустовским толкованием его доказано, что не определены дни, в какие надлежит причащаться, и что это надобно делать только по совести. Сие блистальнее открывается и из других многих изречений Златоустого, например: «Жалко то, что ты не чистотою совести, а расстоянием времени определяешь достоинство приступления к причастию, и благочестивым делом считаешь причащение редкое, не зная, что недостойно приступить к Св. Таинам хоть бы однажды, значит повредить себе, а достойно, хоть многократно, хоть однажды в круглый год, значит спасти себя. Дерзновенно не многократное причащение, а недостойное». Что яснее и благочестивее этих слов? Вот так и мы мудрствуем и действуем, т.е. приступаем к божественному причащению, один реже, а другой чаще, по совести каждого, не как неуважающие божественные тайны, — да не будет! — но как со дерзновением уповающие на человеколюбие Иисуса; и при том если мы часто принимаем Святое Причастие, то сие делаем для того, чтобы нас, долго не причащающихся, не похитил мысленный волк, веруя несомненно, что благодатью и силою Таин, часто принимаемой, мы укрепляемся

против бесов и страстей и освобождаемся от всякого диавольского искушения и вреда, так как враг души не дерзает вредить ей, коль скоро в ней пребывает Христос после причащения. Наконец, мы не в каждый же день приступаем, да и других не научаем сему, как клеветают на нас. А если найдется делающий это по испытании своей совести, то мы мудствуем, что он не будет осужден за частое причащение, будучи защищаем своею совестью и святыми». •[III/2 393]•

Все это дельное рассуждение доказывает, что Афанасий Парийский принадлежал к сонму *частопричастников* афонских.

К ним же принадлежал приснопамятный Никодим Святогорец. Он написал даже книжицу «О *частом* причащении Святых Таин», в которой внушал, что такое причащение, после надлежащего приготовления к нему, весьма полезно для христиан (Απολογία αὐτοῦ, σελ. 84). Его и единомысленных с ним обвиняли даже в том, что он и они в камилавках своих носят дароносицу со святым хлебом и где присядут на дороге, там и причащаются. Но когда он в первый раз услышал такое обвинение, засмеялся и осмеял своих обвинителей. В апологии же своей (с. 84) сказал вот что: «Так как мы имеем полную свободу и ходим в храм Божий причащаться от иерея всякий раз, как только испытаем себя самих, по заповеди апостола, и приготовимся, то какая надобность нам носить с собою священную дароноси-

цу? Впрочем, пусть пресыщаются наши лжебратия клеветами на нас. Близок Судия, Которому они дадут ответ в том, в чем обвиняют нас, выдумывая несуществующее».

В числе *редкопричастников* состоял афонокерасийский пустынник Неофит, он же и духовник пяти монастырей и архиереев, покоящихся на Афоне. Я видел его 5 сентября 1845 года в его безмолвище. Тогда, между прочим, он поведал мне, что монахи общежительных монастырей святогорских *нередко* причащаются Святых Таин, но без строгого поста, так что накануне причащения едят сыр и масло, и не одобрял такое неблагоговейное совершение величайшего Таинства. (Смотри мое *Первое путешествие по Афону*. Ч. I. Отд. I. С. 177.)

III. К толку о частом причащении привился у некоторых святогорских келлиашей побочный толк и о том, что причащающийся принимает в себя не все Тело Христово, а только какую-либо часть его, посему надобно-де причащаться как можно чаще, дабы вместить в себе целого Христа. Такое странное учение навязываемо было и Никодиму Святогорцу. Но •[III/2 394]• он в апологии своей (с. 85) с негодованием отозвался о навязчивых неприятелях своих. Вот его отзыв о них: «Нас обвиняют в том, что мы причащаемся не всего Тела Христова. Но обвинители наши по истине суть уста диавола, которыми он изрекает все, что влагает в сердцах. Мы же так далеки от сего нечестивого мудрования, что оно нико-

гда и в уме нашем не появлялось. Посему, мы вместе с невинной Сусанной взываем: Боже вечный, знающий сокровенное и ведающий всяческая прежде бытия их, Ты знаешь, что ложь на нас возвели». — Я в бытность свою в Филофейском монастыре в 1845 году слышал от начальствовавшего тут епитропа, что на Афоне тогда находились келлиаши, которые воображали, что они в Святом Причастии принимают в себя не целого Христа, а только частицу Его: кто ушко, кто глазок, кто носок, пальчик, ножку и проч.

Кроме этих *христочастичников* на Св. Горе недавно были-жили *мученикотворцы*, которые толковали, что христианин потурчившийся должен неотменно смыть этот грех кровью своею. Но их уже нет там давненько, потому что султанское правительство, по настоянию англичан, более не мучит христиан, возвращающихся из магометанской мечети в Церковь Христову. Посему я умалчиваю здесь об оных мученикотворцах тем поваднее, что о них достаточно поведано в *Первом путешествии моем по Афону* (Ч. 1. Отд. 2. С. 328–341).

Под перо мое напрашиваются другие предметы, и я показываю их как историк.

§ 111. Святогорские уставы и особые службы святым

Разоблачается внутренняя, духовная сторона афонского монашества.

В афонских монастырях богослужение издревле совершается так же, как

и во всех иноческих обителях в Египте, Палестине, Сирии, Греции, Болгарии, Сербии, Молдо-Влахии и России. Везде тут вечерня, утренняя, три литургии и другие •[III/2 395]• службы церковные, например водосвятия, чин погребения умерших, панихиды, чин монашеского пострижения, молебны и проч., все это истари одинаково, тождественно, за исключением немногих, неважных разниц, т.е. дополнений и укорочений чинопоследования служб церковных в разных местностях. Мимоходом показываю вам несколько таких разниц для сведения. На Афоне в начале всенощного бдения псалом *Благослови душе моя Господа* читается до слов *отверзшу тебе руку*, а с этих слов поется медленно. В наших же обителях и приходских церквях он или читается весь от начала до конца, или из него поются лишь немногие стихи. — На Афоне вся кафизма *Блажен муж* поется протяжно и долго, а у нас из нее слышатся немногие отрывочные стихи. Там ирмосы и тропари канона поются, а у нас поются одни ирмосы, тропари же читаются.

На Афоне во время литургии диакон возглашает ектении без перерыва их пением *Господи помилуй*, *Поддай Господи*, как это введено у нас. Там на диаконский призыв к молению, например *о свяшнем мире и спасении душ*, всякий про себя тихо отвечает: *Господи помилуй*. Посему, каждая ектения хорошо слышится от начала до конца, и слушая ее, знаешь, о чем надобно молиться. А у нас певчие заглушают диакона, который, в

добавок к нашему неразумию, производит ектении во время пения хора; посему народ наш крестится машинально, не слыша, о чем молиться призывает его диакон. На Афоне Символ веры и молитва Господня *Отче наш* читаются, а у нас поются. Там диакон громко возглашает: *Кийждо их же имать в помышлении своем да помянет*, и ему певец отвечает: *и всех и вся*. У нас такое диаконское возглашение не слышится; посему в эту минуту никто никого не поминает, ни усопшего, ни живого. На Афоне пред освящением даров ни иерей, ни диакон не говорят: *Господи иже пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом ниспославый... Сердце чисто созижди в нас, Боже...* А у нас эти моления тихо произносятся, •[III/2 396]• да еще с воздеванием рук. Наш диакон возглашает: *Со страхом Божиим и верою приступите*, а греческий диакон прибавляет, по Студийскому уставу, *и любовью*. У нас во время Преждеосвященной литургии певцы пред алтарем поют: *Да исправится молитва моя* и проч.; священник же тогда молча стоит и кадит пред св. трапезою. А на Афоне он поет стихи этого псалма в алтаре, сперва пред сею трапезою, потом на южной стороне ее, затем на восточной и северной, держа кадильницу в руках и помавая ею.

Есть много и других подобных различий в выполнении одного и того же устава и порядка богослужения у нас и на Афоне. Не перечисляю их, внушив довольным и недовольным такими различиями, что мы и афонцы предстоим

пред Богом, как пред Отцом премудрым и многомилостивым, одни в коротких, а другие в длинных одеждах, одни в мягких, а другие в жестких тканях, но у всех нас разнопокройное одеяние сшито так, что *около сердца тепло*. Под теплотою разумею одну и ту же догматическую веру нашу и моление наше по одному и тому же уставу божескому.

Достойна внимания судьба сего векового устава. Ознакомимся с нею по рукописи Афоно-Кутлумушского монастыря 1580 года, до слова схожей с рукописным уставом 1392 года, из которого выписки сделаны мною в 1861 году.

«Все переданное нам последование церковной службы узаконено прежде нас бывшими святыми отцами в монастырях и лаврах Евфимия Великого, Саввы Освященного, Феодосия Киновиярха, Герасима Иорданского, которому прислуживал лев, Харитона Исповедника и Кириака Отшельника. Эти отцы друг у друга приимательно заимствовали оное последование от первых уставщиков, как дети от отцов получают наследство. Но дабы оно не затмилось по причине незаписанности его и не было бы со временем забыто, для сего Иерусалимский патриарх Софроний, движимый ревностью божественною, ранее 616 года письменно передал оное потомству. Когда же Лавра великого Саввы (что •[III/2 397]• близ Иерусалима) была сражена варварами (персами в 616 г.) и написанный блаженной памяти Софронием

устав сгорел там, тогда умудренный в божественном Иоанн, по прозванию Дамаскин († 776 г.), как трудолюбивая пчела, собрал воедино сладчайшие мёда и сота священноотеческие предания (уставные). С той поры они доныне соблюдаются каждым родом» (Оправдания, № 79).

Церковный устав Дамаскина по временам дополняли стихирарные пииты, и особенно студиты, своими песнопениями. В начале десятого века к нему присоединены так называемые *Марковы столбцы*. Марк, епископ города Отранта в итальянской Калабрии, был современник греческого царя Льва Мудрого, которому в 901 году предсказал продолжение жизни на десять лет, что и сбылось.

На Афоне св. Афанасий во второй половине десятого века написал особый устав для своей Лавры, основанной им в 963 году, а для Хиландарского монастыря составил особый устав строитель его, св. Савва (впоследствии архиепископ Сербский), в начале XIII века. Русский перевод первого устава напечатан в известных «Заметках поклонника Святой Горы» архимандрита Антонина, а второй устав напечатан в сербском Белграде в 1866 году; у меня же есть рукотворенный список с него, перебеленный с хиландарской рукописи в 1846 году. Место обоим этим уставам — в Статистике Афона или в каталогах тамошних рукописей. А здесь мимоходом упоминаются другие *рукописные* уставы афонские: 1) Устав Протатский с заимствованиями из

общецерковного устава Дамаскина, 2) Устав Великой Лавры св. Афанасия Афонского, 3) Устав Ватопедский с надписью на нем «Студитов» (τῶν Στουδιτῶν), 4) Устав обители Дохиарской и 5) Устав монастыря Дионисиатского. К сожалению я не имел времени заняться рассмотрением и сличением всех этих уставов. Пусть же другие описатели Афона восполнят сей недостаток мой. А мне теперь пора поговорить о особых службах святым, сочиненных на Афоне. •[III/2 398]•

В ризнице обители Ксиропотамской хранится рукописная служба святой царице Пульхерии. Творение недавнее!

В библиотеке монастыря Симонопетрского в рукописной Минее XIII века, под 11-м днем месяца декабря, положено и написано последование службы в память царя Никифора Фоки, основателя Лавры Афонской (968 г.). Я по недостатку времени не успел переписать этой диковины, а последующих за мною путешественников по Афону прошу сделать это. Ибо в высшей степени любопытно знать, как написана эта служба сему царю: как святому ли молитвеннику о нас пред Богом или как знаменитому усмирителю критских агарян, громивших Афон, как любителю монахов и строителю Лавры на Афоне, без поручения нас молитвам его.

В 1770 году в Кавсокаливском ските спасался ученый и знавший многие восточные и европейские языки Феоклит, в мире Феодор, производитель

дел Великой церкви Христовой в Константинополе. Им написаны разные каноны во славу святых. Они не напечатаны.

Немного ранее 1780 года кавсокаливский подвижник священнословеснейший Рафаил сочинил акафист св. великомученице Варваре. Это произведение пера его, исправленное лаврским проигуменом Кириллом, напечатано в Венеции в показанном году. Из этого рифмованного акафиста переведены мною по-славянски и помещены во *Втором путешествии моем по Афону* (с. 365) один кондак и один икос. А здесь я передаю начало его.

КОНДАК. ВЗБРАННОЙ

Христову мученицу, вернии,
и невесту чистую,
Благообразну деву и вкупе
приснодеву
Песними увенчаем Варвару
страстотерпицу,
Яко избавляющую от всякаго
язвеннаго недуга
С любовию припадающих
к образу ея
И вопиющих: Радуйся дево
Богоневесто. •[III/2 399]•

ИКОС 1-й

Ангелы горé и человецы низу воспе-
вати тя по достоянию, Варваро, те не-
вещественными песнями, сии же телесны-
ми гласы, не могуще, радуясь удивля-
ются, вопиюще прилежно сиче:

Радуйся, ею же Троица сияет.

Радуйся, ею же баснословие исчезает.

Радуйся, нерожденного Отца дево
непорочная.

Радуйся, едиnorodного Сына
невесто неневестная.

Радуйся, обогословившая Троицу
светом (триех окон).

Радуйся, поток исцелений
предзнаменовавшая банею.

Радуйся, яко Троица возлюби
твою красоту.

Радуйся, яко чистая принесена
еси Троице.

Радуйся, мрак двубожия
прогнавшая.

Радуйся, свет Троицы
проповедавшая.

Радуйся, Ею же престом
знаменуемся.

Радуйся, Ею же от врага
свобождаемся.

Радуйся, дево Богоневесто.

Силою Троицы оужествованную
женственность твою на ужаснейшем
поприще видящи Иулиания и сама
разжигается к тому же, и совершает
блаженный подвиг с тобою, вопия:
аллилуиа.

Имущи Россия твоё тело божествен-
ное, восписует ти благодарственная:
мы же, богати суще главою твоею, како
не увенчаем тя такожде, и песнями, яко
стрелами не низложим Велиара сиче-
выми:

Радуйся, Адама благоцветущая
отрасле.

Радуйся, Евы неувядаемый цвете.

Радуйся, крест рукою взявшая.

Радуйся, Распростертого на нем
прославившая.

Радуйся, духи прогоняющая,
 губящие нас.
 Радуйся, потоки чудес
 источающая обильно.
 Радуйся, крепчайшая и меди
 и железа.
 Радуйся, дражайшая и злата и
 сапфира. •[III/2 400]•
 Радуйся, Божия маслина
 златоветвенная.
 Радуйся, язвы пагубу
 прекращающая.
 Радуйся, гнева Божия отишие.
 Радуйся, примирение наше с Богом.
 Радуйся, дево Богоневесто. ...

В январе месяце 1847 года на острове Сире, в городе Ермуполе, в первый раз напечатана была служба преподобным и богоносным отцам нашим, на Святой Горе Афонской воссиявшим, сочиненная известным там учнейшим и трудолюбивейшим монахом Никодимом ранее 1809 года, в который он скончался. В этой службе, совершаемой после Недели всех святых, присовокуплено им же похвальное слово всем этим отцам. В ней содержатся вечерня малая и великая и утренняя с каноном. Слог всех песнопений ее такой же, как и во всех подобных службах. Перевожу некоторые из них по-славянски.

НА МАЛЕЙ ВЕЧЕРНИ.

ГЛАС ВТОРЫЙ

Еда с древа ты мертва...

Егда Господень крест взясте на рамена Своя, отцы, и zde внидоште на поприще жития иноческаго, и плоть пре-

возмогосте, и вся мира и миродержца ухищрения отреясте, тогда демонов сонмы с унынием вопияху: Друзи, крепость наша исчезе.

Егда zde священныя лавры и обители во славу Божию воздвигосте и украсисте я разными подвиги, и покажете яко селения душ спасаемых, отцы преподобнии, тогда опустеша грады*, Афон же, сый прежде пуст, соделася град от множества монашествующих.

СЛАВА.

ГЛАС ПЕРВЫЙ

Приидите вси сонмы монашествующих, тмочисленное воинство Давида, предводимое тысящами добродетелей, сущих на Афоне отцов восхвалим, преподобных и иерархов, преподобномучеников и священномучеников, и всех вкупе, их же имена •[III/2 401]• ведомы и неведомы. Они бо воистину дела и словесы, и многообразным и равноангельным житием, и благодатными дарами Бога показашася святы и горе сей нарицание святое даша, их же и гробы Бог чудесами и благоуханиями и миром прослави. И ныне они, предстояще пред лицом прославившаго их Христа, молятся непрестанно о нас, с любовию совершающих светлое их празднество.

НА ВЕЛИЦЕЙ ВЕЧЕРНИ.

ГЛАС ЧЕТВЕРТЫЙ

Иже в телеси безплотнии и Божии воистину человецы, Афон весь освятившии,

* Poetis omnia licent. [Все позволено поэтам.]

столпы горы огнени, стоящи с любовию и радостию пред Богоматерью пречистою, яко созерцатели в божественном видении, честнии отцы наши да восхвалятся.

СЛАВА.
ГЛАС ШЕСТЫЙ

Днесь возсия над многозвездным крутом новое торжество сущих на Афоне отцев, дросвещающее умы празднующев. Приидите убо, иноцы, песенные хвалы речем им, глаголюще: радуйтесь, во плоти безплотных победившии демонов, и на земли ангелов житию подражавшии; радуйтесь, Афона стражи и насельницы и всего мира молитвенники крепльшии; радуйтесь, после Богородицы наши предстатели и всячестии благодетели; молитесь ко Господу спастися душам нашим.

НА ЛИТИИ.
ГЛАС ЧЕТВЕРТЫЙ

Ежелетну память днесь сущих на Афоне отцев ублажим мы, пчелы Афона. Они бо воистину все блаженства Господа имеяху: нищии духом обогатишася, кротцы и землю кротких наследоваха, плачущии утешишася, алчущии правды насытишася, милостивии помиловани, чистии сердцем Бога, елико мощно, зреша, миротворцы божественнаго сподобишася усыновления, гонимии и мучимии за правду и благочестие на небеси ныне радуются и веселятся, и прилежно молят Господа спасти души наша.

НА УТРЕНИ. КАНОН.
ИРМОС. КОЛЕСНИЦЕГОНИТЕЛЯ
ФАРАОНА

Боже всяческих, благодать даруй мне, рабу Твоему, ныне •[III/2 402]• благохвалити песнми воссиявших на горе Афонстей преподобных Твою исполнивших волю.

Величайшия Лавры священнаго здателя песнми ублажаю, яко начаток божественный, великаго Афанасия, воистину бывша образ и пример сущым на Афоне отцам в созерцаниях и деяниях.

В Ватопеде славнаго Агапия восхвалити должен есмь: слыша бо глас Богородицы, и быв рабом, свободи господина своего с сынами его, яко свободный, от вечныя муки.

Афанасия, Есфигменовы обители благолепнаго финикса, хвалю житие; тоже и божественнаго Акакия Новаго, и Ивира Гавриила преподобнаго, с моря приившаго чудотворную Вратарницу.

Како не почту честнаго Геннадия, яже видевшаго в Ватопеде умножение елея Богоматерью; и како умолчу о богоносном Георгии, здателе обители Иверов?

БОГОРОДИЧЕН

Егда языцы Бог разделяше ангелом своим, тогда провидя, яко ты, дево, будещи пречистая Матерь Его, тебе удели сию великую и благолепнейшую гору, яко наследие избранное*.

* Poetis omnia licent. — Афон уделен Богоматери еще тогда, когда ее и на свете не было!!!

ИРМОС.

НЕБЕСНАГО КРУГА

Богослова великаго, и священный орган Духа Святаго, божественнаго Григория Паламу воспеваю, богословов всех прямое возстановление и запечатление.

Обитель Есфигмена даде крин Дамиана, Филофеева же произрасти другаго Дамиана преподобномученика и с ним божественнаго Дометия, их же ублажим.

Дионисия величаю, дивнаго, преподобнаго здателя предтечи Иоанна обители, и друга его Дометия, Духа дарованиями украшеннаго.

Дионисий другий, Иверов лето-расль, и Дамаскин, Лавры божественное украшение, ныне ублажаются; сугубые бо приаши венцы, яко мученики и подвижницы.

БОГОРОДИЧЕН

Ты обещала еси, Дево, предратовати всегда за всех, на сей •[III/2 403]• горе начавших брань с врагом ратующим с человеки. Исполни убо, Владычице, обещание твое».

Довольно. Спешу сказать, что составитель сей службы, преподобный Никодим, ни однажды не упомянул в ней о том, что Богоматерь будто бы по жребию получила в удел себе Афону, *когда апостолы метали жребий, кому куда идти для проповедания Евангелия*, и лично была на сей горе. Напротив, он в похвальном слове святогорцам повторил сказание св. Григория Паламы о том, что Она явилась преподобному Петру

Афонскому и ему предсказала заселение Афона монахами и обещала быть заступницею их (Оправдания, № 80).

Никодим Святогорец сочинил умильный канон Богоматери *Скороуслышной*, чествуемой в Афоно-Дохиарской обители, и исправил древний акафист Архангелам Михаилу и Гавриилу. Я напечатал его во *Втором путешествии* своем по Афону (с. 124–133).

В 1838 году написано было Последование службы Богоматери Кариотиссе, *Достойной* (Ἀξίον ἔστί), приснопамятным Венедиктом, диаконом священной киновии Российской на Афоне, по просьбе церковников протатских. А напечатано оно в первый раз в Афинах изданием Стефана Скафара афинца в 1854 году. В этом последовании воспевается чудоявление Архангела Гавриила одному афонскому старцу, (будто бы) написавшего ему на камне песнь *Достойно есть яко во истину блажити Тя Богородицу* и научившего его петь ее. Чудо же это было в царствование Василия и Константина, сынов царя Романа Младшего, в 982 году. Запоздлое предание!

Не знаю никаких других служб святым, сочиненных на Афоне, если только сочинены они были там. Посему говорю о других известностях.

§ 112. О песнотворцах, трюдившихся на Афоне

В святогорских монастырях, скитах и келлиях церковные псаломщики всегда

пели уставные песнопения по нотам, •[III/2 404]• сочиненным не только чужими, но и своими *доместиками*. Известны мне имена этих домашних там песнотворцев и произведения их певческого искусства.

В конце XIII века и в первой половине XIV столетия славился на Афоне Иоанн Кукузель своим голосом, мастерским пением и своими нотными композициями. Все, что нужно знать о нем и о певческих произведениях его, напечатано мною в Приложениях ко второму отделению второй части *Первого путешествия моего по Афону* (С. 72–74).

В царствование Андроника Младшего (1324–1341 гг.) солунский гражданин Фома Фикара, магистр и придворный ритор, принявши монашество на Афоне с именем Феодула, сочинял мелодии для церковных песнопений. В афоно-пандократорской нотной рукописи 1433 года помещены его *мелодии стихирные*, а в афоно-ватопедских рукописях 1434 года — *Μάθημα, певческий урок*; 1575 года — *Аллилуия*; 1780 года — *Херувимские*.

В пятнадцатом веке иеромонах Григорий Алиат, родившийся в Константинополе, а омонашившийся в Афоно-Есфигмене, своею рукою написал в 1437 году на бумаге, в четвертую долю большого листа, нотную книгу под названием «Κοντάκια καὶ ἀκάθιστος ὕμνος», *Кондаки и акафистное пение*. Эта книга его находится в библиотеке Синайской обители. Но он был не только краснописец, но и песнотворец. Я видел его *Терентизму рекомую Псал-*

тирь в синайском певческом учебнике, в котором слов нет, а одни ноты, и его *Мелодии* в ватопедских рукописях 1674 и 1780 год. Тут прибавлено новое прозвание его — то Буни, то Буи.

В шестнадцатом столетии сочинял нотные мелодии игумен афонской Лавры св. Афанасия преподобный Анфим, который жив был в 1564 году. В ватопедских нотных рукописях 1575, 1674 и 1780 гг. помещена его Херувимская и в подобной рукописи синае-джуванийской 1689 года — также Херувимская. •[III/2 405]•

В семнадцатом веке афоно-иверский монах Козма в 1689 году написал Нотный обиход и в нем поместил Славословие великое и Херувимскую учителя своего Германа, епископа Неопатрского, и свои собственные мелодии, как то: *Πᾶσα πνοὴ καὶ Δοξολογία* (*Всякое дыхание и Славословие*), и нотный причастен земляка своего Дамиана, иеромонаха ватопедского. Обиход Козмы я рассматривал в библиотеке Синае-Джуванийского подворья в Каире, а нотные ирмосы Дамиана видел в ватопедской рукописи 1780 года.

Кроме этих песнотворцев святогорских известны и другие, а именно:

— Лонгин монах, Агиорит, упомянут в афоно-кутлумушской *Анфологии поповского искусства* XIV века, в которой прописаны *Многолетия* греческим царям Иоанну Палеологу и супруге его Елене, Андронику Палеологу и супруге его Марии;

— Досифей монах, святогорец, показан в синае-джуванийской рукописи

времени царя Иоанна Палеолога и супруги его Марии, 1425–1448 гг.;

— Панкратий иеромонах, domestик Афоно-Иверского монастыря, и Афанасий иеромонах, Иверит же; его произведения помещены в ватопедской рукописи 1674 года;

— Клим иеромонах святогорский, родом с острова Митилины, показан в ватопедской нотной рукописи 1680 года.

Но так как я не знаю точно, когда эти песнотворцы жили, пели и сочиняли свои мелодии, то не мне и говорить о них подробно. Пусть другие постараются отыскать труды их в библиотеках афонских, сионских, синайских и фессало-метеорских и олимпийских. А у меня готово летописное сведение о стенной живописи, появившейся на Афоне в турецкое время, сведение, занятое мною из надписей в тамошних монастырях.

§ 113. Зографическая летопись Афона и мое суждение о тамошней иконописи

На Афоне стенная живопись в церквах и братских •[III/2 406]• трапезах есть явление не очень давнее. До XVI столетия там расписаны были только два соборных храма, Введенский в Хиландаре вскоре после 1198 года и Ватопедский в 1312 году, да еще один из параклисов в монастыре св. Павла в 1393 году; но первой стенописи и следов нет, потому что Введенский собор сломан был в конце XIII века и на месте его тогда же

построен новый храм, а ватопедская и павловская стенописи хотя и уцелели поныне, но после появления их ни один святогорский монастырь не расписывал своих святыниц до 1526 года. Почему же? Потому что в это время вокруг Афона города и деревни пылали, а христиане своими слезами и кровью орошали мать сыру землю. То время было грозное, ужасное, роковое. Тогда Сербия пала, Болгария была сокрушена, Валахия поработчена, Молдавия пленена, Фракия, Македония и Епиро-Албания заняты чадами Измаила и Агари, Грецию предал султану Баязиду тройной изменник веры, отечества и христианок в лице княгини Труделуды, епископ Фокидский. Тогда в монашеских обителях на Олимпе, у города Бруссы, поселились дервиши, город Солунь пал под ударами султана Мурата II (в 1430 г.), и воины его попарно связывали местных и афонских монахов с монахинями. Тогда Царьград, это око вселенной, потемнело, это зеркало было разбито, это средоточие веры, ведения и изящных искусств было потоптано варварами. Тогда святогорцы, грабимые каталонцами и турками, только плакали и молились. Итак, до живописи ли?

С шестнадцатого века, в который турки были сильны, христиане, сколько можно, успокоились и сосредоточили свои народности у алтарей Господних. С той поры афонские монахи искали и находили всякую помощь у деспотов и деспотиц Сербии, у господарей Молдавии и Валахии, у царей

грузинских и российских, и даже у зажиточных болгар. Оттого благосостояние их улучшилось и святилища их начали украшаться стенописью. Вот вам летопись сего священного искусства, любимого святогорцами.

В 1526 году в Протатском храме расписан был, при •III/2 407I• проте Св. Горы Гаврииле, малый придел св. Иоанна Предтечи, устроенный над северною папертью сего храма. Живопись тут — неказистая. Имя маляра неизвестно.

В 1535–1536 годах старанием прота Серафима Фиипола историрован был Протатский храм, починенный его преподобием в 1534 году (sic). Историровал же его пресловутый на Афоне живописец Мануил Панселин. Он же в 1537 году расписал церковь в прикарейской келье, называемой Моливоклисыя, а в промежуток времени между 1554 и 1574 годами — соборный храм в Старом Русике (давно уже сломанный до основания); во время же, протекавшее между 1571 и 1582 годами, историровал соборную церковь в обители Хиландарской (Оправдания, № 81).

В 1535 году, 14 дня месяца декабря, когда индикт был 8-й (sic), современник Панселина, монах Феофан, родом критянин, расписал весь соборный храм в Лавре св. Афанасия Афонского. Им же и сыном его Симеоном в следующем году историрована была там братская трапеза. Над входом в нее изображены на стене царственные ктитории Никифор Фока и Иоанн Цимисхий, а около них помянутый св. Афанасий и Серронский митрополит Геннадий.

Так как сей митрополит в надписи тут назван *ктитором трапезы* и так как он же в 1522 году починил юго-западную башню Лавры с церковью в ней св. архидиакона Стефана, то я полагаю, что его иждивением историрована и она трапеза, построенная в виде креста. «В западной части ее, наиболее длинной, стенные изображения размещены в трех рядах. Нижний ряд занят изображениями преподобных; второй над ним представляет святцы в лицах, начиная с сентября по 6 число ноября. Третий ряд посвящен изображениям жизни Божией Матери и частью — жизни Предтечи. Северная и южная стены боковых сторон креста заняты, во всю высоту их, одна — чудесами св. Афанасия Афонского, а другая — древом праотцев, исходящих из Иессея. Под сенью этого дерева изображены 12 языческих философов, а еще ниже — события из жизни Адама в шести нераздельно писанных картинах. •III/2 408I• Вся восточная сторона трапезы занята изображениями страшного суда, рая и ада» (заимствовано сие из «Заметок поклонника Святой Горы» архим. Антонина).

В 1540 году расписана братская трапеза Филофеевского монастыря. Тут на стене изображены ктитории сей обители, кахетинский царь Лев и сын его Александр, оба в зубчатых венцах и в златошвейных одеждах. Их осеняет Богоматерь из облаков.

В 1445 [читай 1545] году иждивением архонта Константина ворника и брата его Радула историрован безвестным

живописцем древний храм св. великомученика Георгия в монастыре Ксенофском, но не весь. Этот живописец почему-то оставил пустыми оба клиросных полукружия, в которых обычно становятся почетные старцы. В этих полукружиях написаны мученики уже другим агиографом*, о котором будет говорено ниже, под 1564 годом.

В 17-й день января месяца 1546 года кончена роспись соборного храма в обители Ставроникитской. Расписывали же его вышепомянутые критяне, монах Феофан и сын его Симеон.

В 1560 году в афонской Лавре св. Афанасия историрован южный Никольский придел соборного храма даровитым живописцем Фралгом [Франгом], уроженцем города Фив, что в Виотии.

В 1564 лето Господне вышепомянутый монах Феофан Критянин написал лики св. мучеников в клиросных полукружиях древней Георгиевской церкви Ксенофской обители. Тут все лики хороши. Но особенно привлекает внимание лик св. Георгия. Сей великомученик сидит на седалище с копьем в одной руке и со стрелами и луком в другой. Ангелы держат над ним венец, спущенный из облака рукою Спасителя. Св. Георгий представлен в те минуты, когда он решился идти исповедать Христа. Над ним надписано прозвание его Сорианес, т.е. сирианин.

В 1567 году историрована братская трапеза в монастыре Ксенофском иж-

дивением архонта Иоанна Симонова и детей его, •[III/2 409]• при игумене Феофиле. Но какой живописец историровал ее, это неизвестно.

В 1568 году расписан соборный храм в обители Дохиарской, но кем? Это в местной надписи не сказано.

В 1578 году в Лавре Афанасия иждивением боголюбезнейшего епископа Червенского (Рушукского) Паисия историрован безвестным художником левый придел соборного храма, посвященный памяти сорока мучеников. Но стенопись в 1854 году заменена новою невзрачною, которая произведена кистью Мануила Георгия из Селиды, что в Сисанийской епархии.

В 1592–1600 гг. в Иверской обители соборный храм расписан грузинским иеромонахом Марком на иждивение угровлахийского господаря Михаила II. Стенопись тут поновлена в 1842 году.

В семнадцатом веке многие здания на Афоне украшены были стеною живописью.

В 1615 году в Дионисиатском монастыре паперть соборного придела св. Иоанна Богослова расписана молдавским иеромонахом Антонием.

В 1651–1652 годах в Хиландаре братская трапеза историрована Георгием Митрофановиком.

В 1633 году симонопетрские иноки возобновили соборный храм свой после пожара, случившегося в обители их в 1581 году, а игумен их Иоасаф иждивением своим украсил живописью братскую трапезу и реченный храм.

* Здесь, по греческой традиции, агиографом именуется иконописец.— П.К.

В 1635 году в Лавре Афанасия купол водосвятного фиала расписан художниками Меркурием и Ацали; издержки же оплачены архонтом Иоаннаки Михою, жителем острова св. Евстрагия.

В 1640 году братия Кутлумушского монастыря иждивением своим историровали соборный храм свой. Имя живописца не упомянуто в тамошней надписи.

В сем же году или в следующем расписан соборный храм в Пандократоре после возобновления его в 1640 году (Оправдания, № 81). •[III/2 410]•

В 1647 году щедротами молдовлахийского господаря Петра историрован соборный храм в Дионисиате.

В сем же году в монастыре св. Павла Афонского, на стенах большого притвора церкви св. Георгия, изображен весь акафист Пресвятой Богородицы, при игумене Луке, иждивением Бечкеречского епископа Михаила. Эта церковь давно сломана. А притвор ее уцелел, и в нем я видел акафист Божией Матери в лицах с заглавиями иконов и кондаков на славянском языке. Живопись эта неказиста. Тут же изображены св. великомученик Георгий и епископ Михаил в фиолетовой мантии.

В 12-й день июля месяца 1653 года кончена была роспись отдельной лаврской церкви, освященной во имя св. Михаила Синнадского. Тут на стене изображены Иоанн Матфей, воевода угро-влахийский, в соболей шубе и шапке и супруга его Елена с молитвенным платком в руке и в шапочке с кисточкою

над правым глазом. А надпись гласить, что эта церковь расписана иждивением их.

Сей же воевода и супруга его Елена изображены в Ксенофе на стене крытой паперти, между притвором Георгиевского храма и братскою трапезою. Оба они, в венцах и шубах, преклонив колена, держат своими руками нарисованный монастырь Ксенофский. Это означает, что они были ктиторами сего монастыря. Стало быть: их иждивением историрована и оная паперть.

В 1672 году для монахов Иверского монастыря, при игумене их Дамаскине, перестроена была их трапеза и тогда же вся расписана иждивением сийательнейшего князя Иверии Асотана. Подле нее, на древней колокольне, замечательно изображение Богоматери: Ангел подает Божественному Младенцу орудия будущих страданий Его.

В 1674 году помянутый Дамаскин на свой счет украсил стенною живописью приделы соборного храма, Никольский и Архангельский. •[III/2 411]•

В 1676 году в братской трапезе Дохиарского монастыря украшена была живописью стена за игуменским столом, а в 1700 году в этой трапезе исторированы чудеса божественных архангелов и св. Николая Чудотворца и лики преподобных. Живописец неизвестен.

В 1678 году в Ватопеде устроен и расписан придел Богоматери, называемой *Утешение* (Παράμυθια), пособием Лаодикийского митрополита Григория. Стенопись тут поновлена в 1846 году.

В 1683 году кладбищная церковь Ватопеда, посвященная апостолам, возобновлена и историрована иждивением сосудохраниителя сей обители Христофора, родившегося в ближнем к Афону селении Галатисте.

В 30-й день сентября месяца 1683 года кончена была роспись отдельной в Иверском монастыре церкви Божией Матери Вратарницы, во дни святительства грузинского кафоликоса Николая. Тут, на стенах, изображены иверийский князь Асотан с малолетним сыном его Иесеем, и угровлахийский воевода Сербан Кантакузин с малолетним же сыном его Георгием, украсивший эту церковь стенописью на свой счет.

В 1684 году в Хиландаре расписан параклис св. Иоанна Предтечи, находящийся в высокой башне Саввинской, на восточной стороне сего монастыря.

В 1687 году в Каракалле историрована братская трапеза сего монастыря.

В течение XVIII века украшены стенописью многие и многие священные здания на Афоне.

В 1708 году в Каракалле расписан литийный притвор иждивением проигумена Неофита.

В том же году в монастыре св. Павла историрован параклис Константина и Елены иждивением угровлахийского господаря Константина Бранкована. Тут он, на стене, изображен вместе с супругою его Марией. •III/2 412]•

В 1712 году над воротами Ставроникитского монастыря написан образ святителя и чудотворца Николая.

В 1715 году в Лавре Афанасия, при отдельной церкви Богоматери Вратарницы и Икономиссы, сквозной квадратный притвор весь внутри замысловато историрован смиреннейшим Давидом из албанского города Авлона. В средоточии безоконного купола изображен в радужном круте Вседержитель Иисус Христос, держащий в шуйце закрытое Евангелие и простирающий десницу вперед Себя с разверстою дланью. Вокруг Его, в первом ряду, написаны все девять чинов ангельских отдельными купами. Под этим рядом, в узком поясе, нарисованы знаки зодиака. Еще ниже, в широкой полосе, непосредственно опускающейся на карниз притвора, изображено так называемое *Богохваление* вот как. Прямо на востоке стоит Давид с арфою; вправо от него юноша и три девы, одетые по-восточному, но с открытыми лицами, пляшут, схватившись за руки, пред каким-то зданием под звуки флейт и барабана, раздающиеся *из прозоров* стены реченного здания, вблизи которого, на колонне, видится чья-то статуя, а может быть, идол (*licentia poëtica!* [поэтическая вольность]); влево от Давида монахи несут церковь Сионскую; за ними (идя к солнцу) изображен лик пророков, потом обращенные одна к другой купы старцев и юношей, далее юноши с девицами, *затем царие и судии земстии*: последние представлены в самых старинных одеждах и головных уборах. Далее следуют всякого рода животные, в числе их и сатир, и сирена, и иппокентавр. Еще далее — деревья,

горы, дух бурен в образе ангела, окруженного белою звездою, составленною из двух квадратов, коленопреклонного и дующего, лед, снег, градины, огонь. Наконец, примыкающее к упомянутому хору дев последнее изображение: $\epsilon\kappa\ \tau\eta\varsigma\ \gamma\eta\varsigma\ \delta\rho\acute{\alpha}\kappa\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ представляет змей, крокодилов и всяких чудищ многоголовых и многохвостых. Ниже всего этого, по карнизу купола, расположены в малых кругах святые сорок мучеников. Еще ниже, в четырех подкупольных навесах, изображены, к востоку, •[III/2 413]• святые песнописцы Косма и Иоанн, сидящие за письменным столом в темной одежде, которая в живописце обличает большую изобретательность и свободу; к западу, купы лиц в объяснение стихов псалма: *связати цари их путы и славыя их ручными оковами железными, и возношения Божия в гортани их, и мечи остры в руках их*. Как то, так и другое изображение поражает зрителя смелостью воображения. Вообще же, кисть Давида Авлонского, украсившая притвор, бойка, затейлива и не лишена приятности. Он скончался в 1715 году.

Самая же церковь Икономиссы историрована в 1719 году другим живописцем, именно иеромонахом Дамаскиным, родившимся в албанском городе Иоаннине.

В 1717 году расписан соборный храм в Каракалле старанием вышепомянутого проигумена Неофита.

В 30-й день мая 1721 года в Ватопеде кончено было расписание придела

св. Димитрия великомученика иждивением духовника Парфения.

В 1737 году в Ивере историрован соборный придел св. Николая Чудотворца за счет местного ризничего Виссариона, а вновь расписан в 1846 году пособием архимандрита Даниила Пелопоннесца.

В 1739 году в куполе соборного храма Ватопедского стенопись возобновлена.

В том же году расписана кладбищная церковь монастыря Григориатского.

В 1740 году в Хиландаре расписана церковь больничная.

Ранее 1744 года историрован Апокалипсис в колоннадной паперти собора Иверского монастыря. Изображения тут невзрачны. В 1744 году их видел наш Барский.

В 1744 году в Дохиаре отдельный храм Богоматери Скороуслышной украшен стенописью иждивением проигумена и сосудохраниителя Мелетия.

В сем же году в Пандократоре историрована братская •[III/2 414]• трапеза живописцами: Серафимом, Космою и Иоанникием из Иоаннины.

В 1752 году историрован соборный храм Филофеевской обители, построенный в 1746 году.

В том же 1752 году в ските св. Анны расписан кириакон кистью Константина из Козана и на Керасе историрована Успенская церковь в большой келье преподобного Нила.

В 1754 году в Каракалле живописец Серафим из Иоаннины историровал литийный притвор соборного храма.

В 1755 года в ватопедском ските св. Димитрия расписан кириакон. Здесь Пресвятая Дева Мария, слушающая благовестие Архангела, изображена с прялкою и веретеном, прядущая червленицу для храма.

В 1760 году в Ватопеде украшен стенописью второй от входа темноватый притвор соборного храма.

В 1765 году в монастыре Филофейском расписана паперть соборного храма, а в следующем году украшен стенописью северный придел его.

В 1766 году в Благовещенском ските Ксенофской обители кириакон расписан кистью Константина и Афанасия из города Корица*.

В 1767 году в Каракалле покрыта стенописью паперть соборного храма.

В 1768 году в Ивере расписан второй от входа литийный притвор соборного храма иждивением старца Анании.

В 1776 году историрован соборный храм монастыря Григориатского и северный придел собора в обители Филооейской. В 1780 году в Ватопеде украшен стенописью соборный придел святителя Николая. Тут изображены державные ктитеры Ватопеда: св. Симеон, св. Савва и св. Лазарь — все сербы. В этом же году в Зографе расписана отдельная церковь Успенская. Живопись тут нехороша. •[III/2 415]•

В 1784 году в Кутлумуше историрован соборный придел акафистой Богоматери с помощью христиан из города Серреса, Николая и Георгия.

В 1786 году в Ватопеде братская трапеза расписана кистью монаха Макария из ближнего к Афону села Галатисты.

В 1788 году этот же художник расписал навес у входа в Дохиар, что со стороны моря.

В 1789 году в соборном храме Ватопеда «что попортилось и обветшало от времени, то историровано иждивением, старанием и усердием благоговейного иерея из (приафонского) кастра Изворо и возлюбленных чад его Христодула и Василия, ради поминовения и незабвенной хвалы».

В 1791 году в Ватопеде же паперть Димитриевского придела соборного храма расписана иждивением поклонников болгар.

В 1795 году в Ивере колоннадная паперть соборного храма историрована словущим на Афоне живописцем Никифором Карпенисиотом. Тут замечательны изображения: *Богохваления, акафиста Божией Матери и царственных ктиторов Иверской обители*. Все они описаны в моем *Путешествии по Афону*. Ч. 1. Отд. 2. С. 189.

В том же году в Кутлумуше малая церковь св. Бессребреников, находящаяся в юго-восточном углу южного отделения братских келий, в среднем ярусе их, расписана иждивением некоего поклонника из города Ахриды.

В 1798 году в Кутлумуше же келейная церковь трех святителей украшена живописью иждивением христиан ахридских.

* В Македонии, недалеко от реки Аксия.

В 1799 году в Предтеченском ските Иверского монастыря историрован кириакон.

В наш девятнадцатый век святогорцы продолжали украшать свои храмы стеною живописью.

В 1802 году в Ватопеде расписана паперть Никольского придела соборного храма иждивением христиан меленикских. •[III/2 416]•

В августе 1803 года в Хиландаре кончено было расписание паперти соборного храма афонскими живописцами, монахом Вениамином и иеромонахом Захариею, племянниками иконописца Макария Галатистанского.

В 1804 году в том же Хиландаре поновлена стенопись соборного храма.

В 1806 году в келлии на Карее, принадлежащей Хиландару и называемой *Постница*, паперть церкви расписана иждивением болгар-поклонников.

В том же году в ватопедском ските св. Димитрия украшена стенописью паперть кириакона.

В 1812 году в Ивере историрован Архангельский придел соборного храма.

В 1815 году в том же Ивере историрована отдельная церковь св. Иоанна Предтечи.

В 1817 году в Зографе монах Митрофан расписал соборный храм.

В 1820 году в Аннинском ските украшена стенописью паперть кириакона.

В 1841 году в Зографе живописец Иоанн, родом влах, на стене ворот, ведущих в сей монастырь, изобразил мученичество зографских монахов, сожжен-

ных в башне будто бы Римским папою, который написан тут.

В 1841 году в Есфигмене историрован соборный храм афонскими живописцами: Иоасафом, Никифором, Герасимом и иеродиаконан Анфимом.

В 1842 году в Ивере поновлена стенопись соборного храма.

В том же году в Ватопеде расписан водосвятный фиал живописцами — сотрудниками Матфея Иоаннова.

В 1847 году в Хиландаре афонские живописцы Макарий, Вениамин и Захария историровали водосвятный фиал.

В 1852 году в Лавре Афанасия живописец Захария Христович, болгарин, расписал новую паперть соборного храма. Кисть его оскорбляет зрение и вкус эстетический. •[III/2 417]•

В 1854 году в Пандократоре стенопись соборного храма (не вся) поновлена кистью вышепомянутого Матфея Иоаннова Влаха.

В сем же году в Руссике русский живописец Василий изрядно написал лики Спаса и Богоматери на стене в литийном притворе соборного храма.

В 1855 году в Дохиаре поновлена стенопись в соборном храме афоно-карейским живописцем Геннадием.

В 1859 году в Ватопеде афонские живописцы монах Никифор и архимандрит Анфим (вышепомянутый иеродиакон) историровали отдельную церковь *Пояса Богоматери*.

Кончен мой перечень стенописных изображений в священных зданиях на

Афоне. Оценку их отыскивайте в описаниях моего Путешествия по сей горе. Я не включил ее в этот перечень по пословице греков: *Δὶς ἔψειν κράμβην περὶ ττόν, πολλῶ μάλλον τρίς*, т.е. *Не варят капусту дважды, еще менее трижды*. У меня на очереди оповещение появления на Афоне *постоянных* местных иконописцев, вместо пришедших оттуда и отсюда.

Пусть никто не воображает и не говорит, что на Святой Горе издревле существовала своя школа живописи церковной. Ее не было там до второй половины прошедшего столетия. Все тамошние замечательные иконы принесены из разных стран и мест, например, дионисиатская богоматерьяная, которую Цареградский патриарх Сергий погружал в море в 626 году, принесена из Трапезунта, иверская — из Никеи, две зографские иконы св. Георгия — из Палестины и Аравии, кастамонитская св. архидиакона Стефана — из Иерусалима, две ксенофские мозаические, св. Георгия и св. Димитрия великомучеников, — из Константинополя, хиландарская Троеручица — из Сербии. Что касается до живописи стенной, то и она была произведена художниками не афонскими: в Лавре Афанасия — Феофаном Критянином и Фралгом [Франгом] Виотийцем, в Протате, Хиландаре, Старом Руссике, в Ватопеде — Панселином Солунцем, в Ивере — иеромонахом Марком из Грузии; в прочих монастырях, как видно из •[III/2 418]• вышеизложенной зографической летописи, работали пришедшие

живописцы из Фессалии и Епира, из Болгарии, Валахии и России, из города Смирны и с острова Хиоса. Имена и прозвания их, годы и месяцы, в которые они трудились, помечены ими самими в местных надписях, кои все несомненно удостоверяют наблюдателя в том, что афонские монахи долго, очень долго сами не занимались живописью, а приглашали к себе иконописцев посторонних. Уже во второй половине прошедшего века они обзавелись своими художниками. Сведения о них собраны мною на месте (в 1859 г.) от тамошних современных иконописцев и вписываются сюда из тогдашней путевой книги моей.

В монашеском городке на Афоне, называемом Карея, находятся две келлии, как два отдельных дома, принадлежащие монастырю Каракальскому и отдаваемые им внаем желающим жить в них монахам, — одна Всесвятская, а другая Рождество-Богородичная. Обе эти келлии суть две частные школы церковной живописи, и они имеют свою историю.

Местность Всесвятской келлии отмечена мною так. В Карее за темничною башнею Протата есть малая поляна, обнесенная с северо-востока каменною низкою стеною, в которой есть калитка. Когда чрез эту калитку выйдешь за эту стену и тотчас поворачишь направо, тогда скоро придешь в оную келлию, в которой есть церквца, освященная во имя всех святых. Она построена на покатости, понижающейся к сказанной поляне. Эту келлию в 1681 году купил

у Каракальского монастыря иеромонах и духовник Гавриил, пришедший на Афон из села Карпениси, что в Румелии, и пристроил к ней церквичу во имя всех святых, в которой на южной стене вверху сделана надпись на мраморной дощечке:

† Ἐτους 1681 μαῖω ἀρχή. Ἐκ θεμελίων ἐκτίσθη ὁ πανάγιος ναὸς τῶν ἁγίων πάντων διὰ ἐξόδων τοῦ ἐλαχίστου Γαβριὴλ θύτου καὶ πνευματικοῦ πατρὸς ἡμῶν. ...* τῆς Ρουμέλης ὑπάρχει χωρίον Καρπενήσι. (Перевод: «† В мае 1681 года начало. С оснований построен Всесвятский храм сей всех святых иждивением наименьшего Гавриила иеромонаха и духовника отца •[III/2 419]• нашего. Родина его — село Карпениси в Румелии»).

Эта церквичка имеет купол. Она мала, но светла и опрятна. Тут весьма замечательна икона, представляющая божественную литургию, которую служат все девять чинов ангельских. Написал ее Николай Критянин на иждивение о. Гавриила, что видно из приписок на ней:

Χεὶρ ἔγραψεν Νικολάου τοῦ Κρητός. Δέησις τοῦ δούλου τοῦ θεοῦ Γαβριὴλ ἱερομονάχου καὶ πνευματικοῦ πατρὸς ἡμῶν. (Писала рука Николая Критянина. Моление раба Божия Гавриила иеромонаха и духовного отца нашего.)

Но сам этот раб Божий не был иконописец, как и преемник его по Всесвятской школе, епископ Раски (δεσπότης

Ῥάσкас) Серафим, тот самый, который у турков купил себе патриаршество Александрийское, когда еще жив был тамошний патриарх Паисий, судивший нашего Никона, и который, как не принятый египетскими христианами, удален был на Афон, где и поселился во Всесвятской келлии в конце XVII века. После него кто и кто жил в этой келлии до второй половины XVIII столетия, это неизвестно. А с сей половины начинается ряд уже известных по именам хозяев ее и вместе иконописцев.

Первый из них Дамаскин. Он родился в румелийском селе Карпениси и, выучившись живописи, водворился на Афоне, во Всесвятской келлии. Тут в церквичке я видел написанный им св. Убрус в малом размере. Живописное искусство его было очень посредственно. Но он воспитал и обучал ему даровитого художника, которому имя

Никифор 1-й. Он родился в том же селе Карпениси, но не был в родстве со своим учителем Дамаскиным, который принял его к себе юного и омонашил. Этот ученик превзошел своего учителя в иконописании. Когда он еще обучался этому искусству, тогда был на Св. Гору грек Николай, •[III/2 420]• родившийся на острове Хиосе и обучавшийся живописи в Москве, и показавший Никифору, как надобно рисовать масляными красками. Никифор скоро перенял эту *новость*, ибо до той поры на Афоне никто не писал икон масляными красками, а все писали их красками яичными. Вот произведения кисти сего иконописца:

* Преосвящ. Порфирий ставит здесь σῶσος, но что это значит, непонятно.— *Ред.*

а) Местные иконы Спасителя, Богоматери, Предтечи и Собор свв. апостолов в келейной церкви Всех святых. Последняя икона, очень хорошая, написана им в 1790 году, показанном на обрании ее. Он же написал замечательный поясной образ св. Харалампия, находящийся в принадлежащей Руссику Харалампиевской келлии на Карее.

б) Вся колоннадная паперть соборного храма в Иверском монастыре расписана им в 1795 году, показанном тут, на стене, по правую сторону входа в собор. Здесь живопись его очень хороша.

в) Кириакон в Предтеченском ските Иверского монастыря историрован им в 1799 году.

г) Он начал расписывать соборный храм в Зографе в 1816 году, но в этой обители заболел и скончался. Там же и погребен. Работу его тут продолжал и кончил ученик его Митрофан в 1817 году.

Современники сего Никифора были монахи Григорий и Митрофан, оба не ученики его.

Григорий жил в келлии монаха Дамаскина, что на пути из Карее к Руссику, немного ниже хребта Афонской горы, зрящего к Карее, и писал иконы красками яичными. Произведения кисти его суть:

а) В соборном храме Руссика, освященном в 1817 году, местные иконы Спасителя, Предтечи и св. великомученика Пантелеимона на колонне, у выхода из сего храма.

б) Местные иконы в соборной церкви монастыря Кутлумушского.

в) Местные иконы в такой же церкви обители Есфигмена. •[III/2 421]•

Этот Григорий был ревнив и завистлив и потому не имел учеников. А у Никифора 1-го их было двенадцать.

Митрофан жил в карейской келлии св. апостола Фомы и писал иконы красками яичными. Лучшее из них считается местная икона Богоматери Портитиссы в карейской церкви Иверского подворья, обновленной в 1760 году. Тут я видел эту икону. На ней заметно много женственности. Лик Богоматери — лик гречанки. Сей Митрофан скончался в 1799 году.

Преемники Никифора 1-го по Всесвятской келлии и ученики его были Митрофан и Иоасаф.

Митрофан родился в селении Виза, находящемся на расстоянии трех дней пути от Византии, т.е. Константинополя, а омонашен реченным Никифором и в келлии Всех Святых скончался. Известны живописные труды его.

а) Он яичными красками написал небольшую поясную икону Иисуса Христа в церковь Всесвятской келлии. Я видел ее. Кисть академическая!

б) В Зографе им историрован соборный храм в 1817 году, а

в) в 1820 году расписан кириакон скита Кавсокаливского.

Иоасаф, племянник Никифора 1-го, родился в Карпениси, а омонашен дядею в Всесвятской келлии, скончался же в 1842 году. Он историровал западную часть соборного храма в Есфигмене в апреле месяце 1841 года и поновил стенную живопись в соборном же храме

Иверского монастыря масляными красками. Преемники его по Всесвятской келлии и ученики суть Никифор и Герасим.

Никифор 2-й, простой монах, родной брат Иоасафа, родился в Карпениси в 1794 году, и в юных летах, водворившись во Всесвятской келлии, никогда никуда не ходил с Св. Горы Афонской. «Разве епитимия, — говорил он мне, — понудила бы меня выехать отсюда и поглядеть на Константинополь». Роста он малого, сухощав; белое лицо его с тонкими чертами, •[III/2 422]• приятно. Он весьма простосердечен, прямодушен и добр. Его благодать подарила мне две старинные иконы, именно — вышеупомянутую литургию, совершаемую ангелами, кисти Николая Критянина, и триморфон Панселина (складень); и я обещался (9 марта 1859 г.) прислать в его церковь серебряные потир и дискос, и исполнил свое обещание, купив эти сосуды в Одессе. Произведения кисти его суть стенные изображения во Всесвятской церкви 1839 года и в Есфигменовом соборном храме 1841 года и разные иконы заказные.

Герасим родился в селении Визе близ Константинополя в 1794 году. Он роста малого, толст и невиден собою, но кроток, прост и стыдлив. Им написаны стенные изображения в той же Всесвятской церкви в 1839 году, икона Предтечи тут же, написанная яичными красками, разные иконы заказные и изображения на стенах соборного храма в Есфигмене в 1841 году.

Ученики Никифора 2-го и Герасима суть Анфим и Гавриил.

Анфим, священноархимандрит, родился в селе Перистаси, что близ Каллиполя у Дарданелльского пролива, в 1818 году. Он, кроме живописи, знает церковное пение и очень искусно поет тенором чистым, нежным и приятно-звучным, не в нос. Роста он среднего, благообразен, тих, любезен. Я познакомился с ним в Иверском монастыре и там слышал усладительное пение его, а в Есфигменовом соборном храме видел стенопись его (1841 года).

Гавриил иеромонах, родившийся в Визе, племянник Герасима, рисует изрядно.

Все они трое в сентябре месяце 1859 года, в бытность мою в Ватопеде, расписывали тамошнюю отдельную церковь *Пояса Богоматери*. Я расспрашивал Никифора и Герасима о других иконописцах афонских и узнал от них то, что выше написано мною о современниках Никифора 1-го, Григории и Митрофане.

В 1859 году, 10 марта, во вторник, мне прилучилось быть •[III/2 423]• у иконописца иеромонаха Макария (он же и типикарь, т.е. уставщик Протатской церкви), живущего в каракальской келлии Рождества Богородицы. По заверению его, в этой келлии работали иконописцы Макарий и Вениамин.

Макарий 1-й, монах, родившийся в селе Галатисте, что в девяти часах пути от Солуня к Афону, жил в названной келлии и занимался церковною живописью. Он в 1787 году, 24 августа, кончил историрование кладбищной Никольской церкви в Карее, о чем и

поведал в надписи на откосе окна, освещающего левый клирос: «Ἰστορήθη τὸ παρὸν παρεκκλήσιον διὰ συνδρομῆς τῶν πανοσιотάτων ἐν ἱερομοναχοῖς κυρίου Νικηφόρου καὶ κυρίου Τιμοθέου. Χεῖρ Μακαρίου μοναχοῦ. 1787, αὐγούστου 24». То есть: «Историрован сей параклис складчиною преподобнейших иеромонахов Никифора и Тимофея. Кисть Макария монаха. 1787 года, августа 24 дня». Смерть похитила сего иконописца в 6-й день мая 1814 года.

Ученики его были монахи: Вениамин, Захария и Макарий — три родные брата из села Галатисты.

Вениамин 1-й писал местные иконы в кладбищенную церковь карейскую, поновлял стенную живопись в соборном храме Хиландарского монастыря в 1804 году, сделал верные снимки с фресок Панселина в Протатской церкви и в Хиландарском соборном храме и росписал переднюю часть собора в Есфигмене. Я видел реченные снимки его. Их много. Все они на бумаге сделаны удачно. Особенно понравились мне головки апостола Петра и их же с ним. Вениамин почил о Господе в 1844 году.

Захария иеромонах вместе с этим Вениамином в 1803 году расписал паперть Хиландарского собора. Моя оценка их искусства помещена в моем *Первом путешествии по Афону*. Ч. 2. Отд. 1. С. 28.

Макарий 2-й, иеромонах и типикарь Протатской церкви, родившийся в 1796 году, роста среднего, белокур, бледен, приветлив. В 1859 году ему испол-

нилось 63 лета от роду. Он •[III/2 424]• дал француззу Дидрону греческий список с Ерминии иеромонаха Дионисия Фурноаграфиота за 300 пиастров и за то потерпел порицание от всесвятских иконописцев Иоасафеев и от властных и судных старцев Протата. Когда я спросил его о времени жизни вышепомянутого иеромонаха Дионисия, тогда он отыскал у себя какую-то печатную книгу, в конце которой было записано, что в 7223 году от Адама (1715 от Р.Х.) умер работавшей на Афоне живописец Давид, родившийся в албанском городе Авлоне, и поведал мне, что сей Давид был учителем сего Дионисия, а об этом говорил ему, Макарию, наставник его Макарий 1-й. Итак, Ерминия Дионисия есть произведение недавнее. Она напечатана в Афинах известным греком Симонидисом, обманщиком и подделывателем старинных греческих почерков. В предисловии к ней этот греховодник сказал, что Дионисий жил в 1458 году. Но это сказание есть чистая ложь. Симонидис, в бытность свою на Афоне свидевшись с отцом Макарием, говорил ему: «Ерминию Дионисия надобно продать, а для сего нужно ей придать большую старину». Теперь понятно, почему это руководство к церковной живописи написано худым языком (χυδαῖα γλῶσσα), так что встречаешь в ней много варварских и немецких слов, например: γόλδ, φάρβε = Gold Farbe, τεζγιάχι, σουραγί, τζιγγιάρι и проч. и проч., и почему оно неизвестно было ни у нас, ни в Европе. О времени художественных трудов Панселина

отец Макарий ничего не знал, а на вопрос мой: какие десять царей изображены в Протатской церкви, отвечал: это — прародители Иисуса Христа, ветхозаветные патриархи и цари, и показал мне Вениаминовы снимки с них. В числе их оказались иудейские цари — Езекия в омофоре с воздетыми руками, Манассия, Ахаз — и сын патриарха Иакова Вениамин, с торчащими волосами. Замечено мною, что снимки с фресок протатских и хиландарских очень сходны в очертаниях. Итак, справедливо полагают, что Панселин расписывал и Хиландарский собор. По заверению отца Макария, деревянный потолок •[III/2 425]• в Протатской церкви вновь устроен и понижен за 60 лет назад (от 1859 г.), в 1799 году. До устройства же его свет проходил в нее чрез верхние окна ее, кои теперь заложены. Он же говорил мне, что по смерти последнего прота Св. Горы Протатская церковь долго стояла без крыши и потому попортилась в ней стенная живопись. Отец Макарий в 1859 году историровал что-то в Симонопетрском монастыре. В келейной церквице его замечательны св. образа:

- 1) св. Ефрема Сирина очень малый;
- 2) свв. Сорока мучеников Севастийских, XVI века;
- 3) священномученика Харлампия. Он написан в рост. Живопись хороша, полагаю, XVII века;
- 4) Снятие Спасителя с креста и погребение Его, на длинной и тонкой дощечке. Живопись превосходная. Рисунки сходны с теми, которые поме-

щены в афоно-иверском Евангелии 1387 года.

5) Покров Пресвятой Богородицы кисти греческой и с надписью греческою: Σκέπη. Старинная икона. Очень хорошо нарисованы Андрей Юродивый и Епифаний.

Ученик Макария 2-го, Вениамин 2-й, иеромонах, родившийся в загорской Димитриаде, молод, смугл, кипуч. Он на промасленной бумаге отподобил много голов Панселиновой кисти, что в Протатской церкви. Все эти головы отменно хороши и похожи на свои подлинники. Они отподоблены гораздо лучше и вернее, чем снимки с них известного Петра Ивановича Севастьянова.

Кроме всех поименованных иконописцев, мне известны еще три агиографа афонские, Дамаскин, Савва и Геннадий. Первого я видел в 1845 или 1846 году в его кельи, что ниже Карейского хребта Св. Горы, а второго многократно видал в Руссике, потому что он жил близ сего монастыря, в принадлежащей ему кельи Всесвятской у моря. А какие иконы были написаны ими, узнать это не удалось мне, вероятно, по недосугу. В кельи Дамаскина, более ростовщика, чем иконописца, замечен •[III/2 426]• был мною образ: *Истязание Иисуса Христа*. Его изрядно написал какой-то Афанасий Афинянин в 1769 году. На этом образе читается его надпись: Χεῖρ Ἀθανασίου τοῦ ἐξ Ἀθηνῶν, αψξθ'. В Дамаскиновой же келье находится портрет молодого Панселина. Спутник мой, Николай Благовещенский, срисовал его

для меня. Что касается до иконописца Геннадия, то он в 1855 году поновил стенопись в Архангельском соборе Дохиара.

Многовековая и разнообразная иконопись на Афоне сильно занимала меня. Весьма многие иконы и стенные изображения напечатлелись в воображении моем, как будто оно есть бесконечное полотно, на котором душа рисует все, что видит. Но не одни эти впечатления я получил на Св. Горе; нет, там душа моя, эта самоучка-искусница расписывать чертог свой изображениями видимых и невидимых предметов, обогатилась многими новыми понятиями о священной живописи, и после сравнительных наблюдений над древними и новыми произведениями кисти в церквах и картинных храминах на западе привела эти понятия к следующему знаменателю:

«Православная иконопись на Афоне выражает христианские догматы, предания, обряды, добродетели, но так, что догматическая непреложность иконописания сочетается со свободностью вдохновения веры и эстетического вкуса, а эта свобода ограничивается просопографическою достоверностью*, священным приличием и надобностью возбуждать и поддерживать в христианах высокие помыслы и святые чувствования».

* Просопографией называется сказание о внешнем виде Богочеловека, Его Матери и многих святых.

Вот итог моих наблюдений над оною иконописью. Разлагаю его на числа и дробь, испросивши у читателя позволение говорить сперва о меньшем, потом о большем, а *minori ad majus* [от меньшего — к большему].

На Афоне достойна внимания иносказательная *знаменность* (символика) многих предметов на иконах и стенописях •[III/2427]• изображениях. Там нет таких эмблем, какие видел я в церквах римско-католических, нет ни воспрещенных Седьмым Вселенским Собором агнцев, означающих Спасителя и апостолов, ни голубей, напоминающих апостолов же, которым сказано: *Будите цели, яко голуби*; нет ни еленей, пьющих воду из четырех райских рек у подножия креста и знаменующих сонмы уверовавших в Господа язычников; нет ни бочонков с обручами, ни поблекших листьев, ни голубей с веточками в клювах, из коих первые означают крепкий союз христиан, вторые — скоротечность жизни, третьи — полет чистых душ на небо; нет венцов Христу в руках мучеников. Зато есть другие знаменности. — У трех ангелов под дубом Мамврийским на столе видны треугольники: это — символы Св. Троицы. Ангелы изображаются кудрявыми с вьющимися у ушей их ленточками, в диаконских стихарях, иногда с жезлами, увенчанными крестиком. Кудри знаменуют красоту и силу их, ленточки — слышание молитв наших, а диаконская одежда и жезл — служение их всем хотящим наследовать спасение. — Огнезрачные фиалы на головах пророков в

виде опрокинутых стаканчиков означают излияние на них прозорительной благодати Духа Святого. Св. Иоанн Предтеча иногда пишется с крыльями по смыслу пророчеств Малахии, в котором он предсказан как агнец, готовящий путь Господу, идущему в Церковь Свою: *Се, аз посылаю ангела Моего, и призрит путь пред лицом Моим: и внезапно придет в церковь свою Господь* (гл. 3, 1). Ежели кто изображен с крестом или пальмою в одной руке и с открытою ладонью другой руки, обращенною к зрителю, то сим выражается чистосердечное исповедание Христа этою святою душою. Замечательно, что греки и *гречанки* и теперь, когда уверяют кого-либо в чистоте своих намерений и в твердости своих убеждений, выпрямляют ладонь и, порывисто простирая ее к собеседнику, говорят: *На!* Этим они показывают, что душа их так открыта и чиста, как ладонь. — Три звезды, рисуемые на челе и раменах Божией Матери, напоминают, что •[III/2 428]• она есть *звезда назаходимая, вводящая в мир великое солнце**, *Приснодева, чистейшая светлостей солнечных и Царица высшая небес и честнейшая Херувим*. Сторочка у выи, унизанная драгоценными камнями, служит знаком царственного рода Ее. Белый платок за поясом у Ней, молящейся с воздетыми к небу руками, пишется агиографами, как памятник плача и рыдания Ее при погребении возлюбленного Сына Ее.

С таким платком Пресвятая Дева изображена на мозаической иконе в римском храме св. Венанция в 624 году, на рукописной Палее шведской королевы Христины в девятом веке, в Киево-Софийском соборе и на Афоне. — Богоматерь с Младенцем у персей Ее, молящаяся с распростертыми руками, пишется в чаше, у которой из двух боков льются два потока спасительной воды, и называется иконою Живоносного источника. Этот источник есть не она сама, а рожденный Ею Богочеловек, Спас, Иисус Христос, к Которому мы приближаемся с помощью Матери Его. Она — Мать Живоносного источника — Христа, и нас зовет к Нему, говоря нам с пророком Исаиею: *Почерпните воду с веселием от источника спасения* (глава 12, 3). Впрочем, и сама Она есть *кладязь воды живы и истекающая от Ливана* (Песнь песней, 4, 15), то есть второй проток милостей Божиих. — В Ватопедском соборе, выше окна правого клироса, в нише, изображено Крещение Господне так, что поодаль от крещаемого Христа, позади ангелов, стоят Андрей Первозванный и Иоанн Богослов юный, а за ними, у скалистой пещеры, виден безобразный и нагой человек: он стащил с другого человека багряную рубашку, и стащил навыворот почти всю, так что она осталась только на руках ниже локтей. Этот обнаженный человек оспаривает ее у своего противника. Сдается, что таким образом выражено учение о диаволе или о грешном прелюбодейном мире, усиливающимся совлечь с христианина

* Канон Богоматери с акафистом. Песнь 9, тропарь 2-й.

одежду спасения. — В Афоно-Лаврской отдельной от прочих зданий церкви Богоматери •[III/2 429]• Кукузелиссы на замечательном по изяществу большом Распятии, внизу, написан башмак с носком кругловатым. Помещение его тут озадачило меня. Античные надписи на гробницах: «*Quidquid pes tuus calca-verit, tuum erit*» (т.е. *На что наступит нога твоя, то будет твое*), «*Pro itu ac reditu felici*» (*В память счастливого отшествия и возвращения*) — эти надписи, по разумению моему, были не подходящими к Распятию. Наилучшее объяснение оной обуви дало мне Евангелие, в котором сказано: *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себя самого, и да возмет крест свой и по Мне грядет*. Башмак внизу Распятия напоминает поклоннику креста долг его идти по следам Христа, претерпевшего крестную смерть ради спасения нашего. В Хиландарском соборе, у левого клироса, высоко на стене, историровано Снятие со креста. Тут много женщин плачущих и рыдающих. Тут же апостол Филипп или Фома обратился к каменщику, иссекающему в камне ложе для Распятого, наклонился и пальцем указывает ему это ложе. Думается, что он говорит ему: *Бог не есть Бог мертвых, но живых*. На иконах и стенных изображениях Воскресения Христова, внутри погребального вертепа, пишется особо убрус Его и особо — плащаница, повитая пеленами, как повивается младенец. Смотришь на нее и понимаешь, что Воскресший вышел из гробовых пелен, не расторгнувши их, как выходит хри-

салида из куколки своей, оставив ее целою. Таким образом, иконопись отображает учение об изменении воскресшего тела Христова в тело духовное и вместе поясняет, как совершалось Воскресение Его. Так писать икону Воскресения Христова, со светозарным ангелом, сидящим у погребального вертепа, гораздо правдоподобнее, нежели представлять Его парящим в воздухе над этим вертепом, да еще с хоругвию в руке. Кто видел Его в таком состоянии? Никто. А цельную плащаницу без мертвенного тела видели апостолы и мирноносицы.

Во всех афонских храмах местные иконы ставятся там же, где ставим их и мы. А расположение стенной живописи •[III/2 430]• не условлено общим правилом или обычаем и потому не везде одинаково, но по большей части распределено так.

В небе купола видится или Господь Вседержитель (в Лавре, Ивере, Ватопеде, Пандократоре), или Богоматерь Ширшая небес и молящаяся с распростертыми руками (в Зографе и Кастамоните). На шее купола в Ивере, Ватопеде, Хиландаре, Зографе и Кастамоните изображены ангелы, совершающие великий выход с дарами, а ниже их — пророки и евангелисты; в Лавре же — ветхозаветные праотцы в кружках и под ними пророки в рост. Ангелы на великом выходе одни несут плащаницу с изображением умершего Христа, другие предшествуют им с подсвечниками, рипидами, дикириями и трикириями, с потиром и диском.

Эта картина напоминает песнь: *Яко да Царя всех подыдем, ангельскими дориносима чинми*, и выражает учение о сослужении с нами этих чинов во время литургии. В алтарях помещены:

— Богоматерь над горним местом с двумя ангелами подле нее, в церквах: Протатской и Лаврской, а в Никольском приделе Лавры — Богоматерь с Младенцем у персей Ее.

— Она же в Ивере над средним окном алтаря в рост, но без ангелов и без Младенца с белым платочком в правой руке.

— Она же и тут же, в Хиландаре, но Ширшая небес.

— Ниже Богоматери в Протате, на правой стороне алтаря, Господь стоя преподает Тело Свое благоговеино подходящим к Нему один за другим апостолам, а на левой стороне Он же стоя причащает их из чаши Своею Кровью; под этими причащательными изображениями помещены святители, составлявшие и служившие литургию; в Ивере видятся эти же картины с добавкою ангелов, совершающих великий выход с дарами; в Лавре оные же картины с добавкою таковых же ангелов, то же и в Никольском приделе сей обители.

Изображение великого выхода с дарами, совершаемого ангелами, я видел только на Афоне, где стенопись не древнее •[III/2 431]• XVI века, за исключением Ватопедской 1312 года. А причащение апостолов Господом под двумя видами на двух отдельных картинах рисовалось с ранних пор христианства. Самые старшие две картины, представляю-

щие такое причащение, находятся в недавно открытом в итальянском городе Россане Евангелии, написанном на пергаменте с многими миниатюрами в VI веке*. Такие же две картины, не говоря о киево-софийских и киево-михайловских, я видел в архиерейском служебнике, принадлежащем арабо-униатской церкви в Иерусалиме, написанном за 233 лета назад от 1882 года в городе Алеппе. Обе они срисованы оттуда красками и хранятся у меня вместе со снимками с миниатюр арабских. В церквах афонских, в алтарном углублении их, за св. престолом, на стенах пишутся составители литургии: Иаков брат Господень, Василий Великий, Иоанн Златоустый и Григорий Двоеслов, каждый с развернутым свитком в руке, на котором начертаны начальные слова литургийных молитв, например: *Боже святыи, Иже во святых почиваяи... Иже общия сия и согласныя даровавый нам молитвы... Еще приносим Ти словесную сию службу...* Тут же, если алтарь обширен, пишутся и другие святители: Афанасий и Кирилл Александрийские, Григорий Богослов, Николай Чудотворец, Спиридон Тримифунтский и другие, также со свитками в руках и с начертанными на них литургийными словами, хотя они и не писали литургий. Помещение их тут наравне с литургистами соответствует тому порядку совершения литургии, какой с древнейших времен доныне соблюдается в Православ-

* Evangeliorum codex graecus purpureus Rossanensis. Leipzig, 1880. Tafel X.

ной Церкви. Известно, что при соборном служении архиерейском каждый священник произносит свой возглас, а в восточных церквах служащие с патриархом или митрополитом архиереи и иереи один после другого произносят даже так называемые канонные или тайнодейственные изречения, как то: *Победную песнь поюще... Примите, ядите... Пийте* •[III/2 432]• *от ея вси... Твоя от Твоих...* Такое разделение молитвенных возгласов и тайнодейственных изречений между сослужащими в алтаре установлено для того, чтобы главный священнодействующий архиерей не был останавливаем ими в молитвенном парении своем к Богу и не прерывал бы смысла произносимой им молитвы благодарения. Он молится непрерывно, а служащие с ним, внимая молитвам его, своими, отделенными каждому, возгласами дают знать предстоящим христианам, что и что совершается в алтаре. Таким образом, литургия в действии и иконопись, изображающая священнослужителей, преемственно возглашающих то и то, поясняют себя взаимно.

Так как во время литургии воспоминаются, кроме Богоматери, пророки, апостолы, мученики, исповедники, девственники, преподобные подвижники и даже все верующие в Господа, живые и усопшие, то все они в афонских храмах изображены на стенах как участвующее с иноками в служении Богу. Размещение их ликов условлено благочестивыми желаниями игуменов или благотворителей монастырям их.

Мученики написаны на нижних частях стен среди храмов так живо и так впечатлительно, что, смотря на них, невольно сознаешь в себе сперва слабость своей веры и нестойкость исповедания Христа пред человеками, а потом решимость даже пролить кровь свою за имя Его. Я уверен, что афонские монахи, часто и долго страдавшие от магометан, воодушевлялись и укреплялись в злостраданиях своих воззрением на святые лики страстотерпцев и победоносцев Христовых. Эти лики достойны изучения. *Разные одежды и оружия мучеников, наипаче из воинов, соответственные разным полкам, в которых они служили, их геройская сановитость, сила, мужество, твердость веры, самоотвержение, преданность Царю Христу, выраженные в лицах и в сановитости их, — всё это внушительно и назидательно.* Думать надобно, что работавшие на Афоне иконописцы имели у себя под руками древние рукописные жития святых с изображениями их. — Верхние части стен в алтарях и среди храмов •[III/2 433]• покрыты больше изображениями господских и богородичных праздников. На восточной стороне, выше иконостаса, помещено Благовещение, а на западной Успение Богоматери, под ним же — инде Недреманное Око. Места для историрования акафиста Богоматери, Апокалипсиса и псаломского богохваления всей твари отведены на папертях. А ктитории монастырей обоого пола изображены на стенах среди храмов и в литийных приворах их. (Французский живописец

Дюран, бывший на Афоне, тамошних ктиторов, угрволахийских господарей, написанных в собольих шапках и шубах, ошибочно признал за своих королей из рода Меровингов.)

Любимые цвета трудившихся на Афоне иконописцев суть голубой, багряный, белый, желтый и темноватый. Первый цвет, небесный, предпочитаем был ими зеленому, потому что его любили все православные цари греческие, поддерживавшие *партию голубых* в отличие от еретиков, усвоивших себе цвет земляных лугов и принадлежавших к *партии зеленых*. Притом голубой цвет напоминает сшедшего с небес и вознесшегося на небеса Господа и наше вечное житие в небесных обителях. Этот цвет виден в афонских церквах как на фоне стенной живописи, так и на одеждах Спасителя и Пресвятой Матери Его. — Цвет багряный избран для писания верхнего или нижнего одеяния Спасителя, как знаменование царского величия Его и таинства искупления рода человеческого кровью Его; поелику же послужила сему таинству и Пресвятая Дева, происходившая из царского и первосвященнического рода, то и Ее омофорион признано за приличное писать багряным. — Лица Спасителя, Богоматери и праотцев их большею частью пишутся белые. Так это быть должно. Священное Писание внушает нам, что первый человек Адам был белый и алый и что он родил сына Сифа по образу и подобно своему. Итак, сих первых праотцев и потомков их надобно изображать белыми. Из того

же Писания видно, что Авраам пришел в Землю обетованную •[III/2 434]• из-за Евфрата, где поныне живут древние племена белокожие, что внук его Исав был рыжий, а Иаков женился на Лии и Рахили, которых отец был бел, как это доказывает самое имя его *Ливан*, т.е. *снежный*; видно также, что царь Давид, от которого происходили Иисус Христос и Матерь Его, был *чермен*, т.е. рус. Посему как праотцы народа Божия, так и Иисус Христос, сын Авраамов, сын Давидов (см. Мф. 1, 1), и Матерь Его правильно пишутся белыми. — Цвет желтоватый (θαῖος = *серный*) издревле употребляется агиографами для писания нижней одежды святых иноков, потому что *горючая сера* напоминает монаху о переплавке и очищении всего существа его. — Темноватые иконы, старинные и недавние, нередко на Афоне. К разряду первых там принадлежат: 1) в монастыре св. Дионисия та икона Богоматери, пред которою вселенский патриарх Сергий с народом молился об освобождении Константинополя от осады его персами и аварами в 626 году; 2) в Ивере икона, приплывшая по морю к этому монастырю и взятая с воды грузинским монахом Гавриилом в 829 или 830 году, но ранее октября месяца, в который весь Афон опустошен был сарацинами; 3) в монастыре св. Павла икона на небольшой и нецельной доске, будто бы принадлежавшая Феодоре, супруге иконоборного царя Феофила (829–842 гг.), и не сгоревшая в огне; 4) в Лавре — так называемая Кукузелисса. О всех этих

иконах я сказал надобное слово в своем Путешествии по Афону. А здесь о святопавловской иконе присовокупляю, что на ней лице Богоматери написано так же необыкновенно, как написан лик св. Иоанна Предтечи на местной иконе в соборном храме Метеоро-Преображенского монастыря в Фессалии близ города Трикки. Вот вам моя заметка о сем лике, начертанная в оном храме. «Весь лик иорданского проповедника покаяния виден как бы в тумане, как бы тень, как бы дух, молящийся не здесь, на земле. Весь он покрыт темным колоритом с отливом цвета темно-багровой малины. Такой пошиб иконописания я называю *очертательным*. Его любили особенно болгарские •[III/2 435]• и сербские иконописцы. Посему я думаю, что эта икона была написана сербом и принадлежала строителю Метеоро-Преображенского монастыря Иоасафу из семейства сербских князей Урошей (XIV века)». Точно так же и на святопавловской иконе лице Богоматери видно как бы в тумане, как бы тень, как бы дух, смотрящий на нас из глубины отдаленного неба, и все оно покрыто темным колоритом и тем же багрово-малиновым отливом. Сознаю, что такой способ иконописания весьма оригинален. Изобразить лице так, что оно смотрит на тебя как тень, как дух из туманной глубины неба, — это замечательно и достойно подражания.

На Афоне строго соблюдена догматическая непреложность иконописания. Там только в одном Ватопедском соборе, на середине свода, накрываю-

щего правый клирос, изображен в 1312 году Господь Саваоф как ветхий денми старец, с открытым Евангелием, в котором написано: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих**, а во всех прочих храмах нет сего лика. Там нигде не увидишь Св. Троицы, представляемой у нас так, что справа на облаках и херувимах восседит Иисус Христос с Своим крестом, даже обнаженный по пояс (Брюллова), слева Бог Саваоф с треугольником около головы и с державою и скипетром в руке, а среди их парит голубь в сиянии. Никто там не решался изображать Бога, о котором сказано в Евангелии Иоанна: *Бога никто же виде нигдеже* [Ин. 1, 18]. Иконописцы на Св. Горе Афонской писали Св. Троицу в виде трех ангелов под Мамврийским дубом по древнейшему установлению. Такой образ мусийный я видел в римской церкви св. Марии *Маджоре*, украшенной многими мозаическими изображениями папою Сикстом III в первой половине пятого века (432–440 гг.). На Афоне приняты лишь такие изображения, какие указал и благословил Седьмой Вселенский Собор, бывший в Никее в 788 году [осенью 787 г.], именно: лики Спасителя, •[III/2 436]• яко *Богочеловека*, Пресвятой Матери Его, украшенной всеми дарами благодати после наития на Нее Святого Духа, ангелов, являвшихся людям в образе человеческом, праотцев, пророков, апостолов, мучеников и святых. Этот Собор

* Смотри мое *Путешествие по Афону*. Ч. II. Отд. 2. С. 47.

воспретил писать Иисуса Христа в виде агнца, вопреки римскому обычаю изображать его в таком виде, и вы нигде на Афоне не встретите нарушения сего воспрещения. — Всякий, кто только читал православный катехизис, знает, что Господь Иисус Христос есть Царь-Вседержитель, первосвященник-пастырь и пророк-учитель. Эти три догматические понятия о нем тонко отображены живописью на Афоне. Как Вседержитель, Он изображен там с державою в шуйце и с двумя поднятыми вверх перстами десницы, указательным и средним, у которых прочие персты поджаты. Такое перстосложение означает не столько благословение, сколько повеление, мироправление и промышление о всех созданиях, и Ему одному приличествует точно так, как земной царь один имеет право возвышать два перста в знак верховной власти своей, и ему одному отвечают тем же знаком, признавая его самодержцем, повелителем, правителем, которого воля управляется волею Божиею. Двуперстное перстосложение на иконах Спасителя весьма древне. В Риме, на Космединской иконе Богоматери, написанной немного ранее 431 года, божественный Младенец, как Вседержитель, изображен с державою в шуйце и с двуперстием, означающим две воли Его, божескую и человеческую. В римской церкви свв. мучеников Нерее и Ахиллея, возобновленной папою Львом III до 796 года, на приалтарной арке, которую сей папа облицовывал мозаикою, над самым ключом свода сей арки, изображен преобра-

звившийся Христос с перстосложением Вседержителевым. С таким же перстосложением Он мозаично представлен и в римском *триклинии*, что направо от входа в Латеранский собор, построенном этим же папою в 797 году. В Афонно-Павловском монастыре Спаситель, величественно написанный на стекле, благословляет двуперстно как Вседержитель, держа в •[III/2 437]• шуйце державу*. Весьма замечательно, что святые отцы Церкви, например Николай Чудотворец, Григорий Богослов и другие, на древнейших иконах мозаических и писанных красками представлены с перстосложением строго двуперстным. Почему же так? Да потому, что они во Вселенских Соборах, Никейском 325 г. и Константинопольском 381 г., по наставлению от Духа Святого, определили исповедовать и почитать Иисуса Христа, Сына Божия, Богочеловеком и мироправителем, *Его же царствия не будет конца*, а иконописцы, по тогдашнему обычаю изображать римских царей с двумя поднятыми вверх перстами в знак их власти, данной им от Бога и от народа, узнавши такое определение Соборов, начали писать и Богочеловека с двуперстным сложением десницы Его, и богоносных отцов вселенских с двуперстием же для внушения понятия о том, что эти отцы исповедали Его мироправителем, Которому *вся предана суть Отцем Его и Которого царствию не будет конца*. Двуперстие у этих

* Смотри мое *Первое путешествие по Афону*. Ч. 1. Отд. 2. С. 82.

отцов есть ответ двуперстию Царя Небесного, подобно тому, как двуперстие военачальника под козырьком есть ответ двуперстию императора его, которого сердце в руке Божией. По непреложному догматическому понятию афонские агиографы писали Спасителя, как первосвященника или пастыря, то в полном архиерейском облачении, то без оно, но всегда с раскрытым Евангелием, в котором читаются слова: *Аз есмь пастырь добрый* и проч. — и с перстосложением священническим, *именословным**. По такому же понятию, Иисус Христос как учитель изображаем был иконописцами с разверстым Евангелием, в котором написано: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*. Взирая на такие иконы, просишь Господа как Вседержителя: *да придет царствие Твое, да будет воля Твоя*; а как архиерея великого умоляешь *оставить нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим*, •[III/2 438]• к учителю же Ему зываешь: *благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим*. От воли храмоздателей зависит избирать первое, или второе, или третье изображение Господа на местной иконе Его, но неопределенность тут лика Его неодобрительна. Можно и должно писать Спасителя, причащающего апостолов, благословляющего детей, врачующего недуги, стоящего среди пророков и апостолов, грядуще-

го судить живых и мертвых, благословляющего певцов перстосложением певческим*, или как Еммануила (Младенца по пояс), или как Недреманное Око. Это — Божественный Отрок, спящий на кресте с открытым оком в виду бдящей над ним Матери Его. — Догматическая непреложность требует, чтобы на иконах Богочеловека и Пресвятой Марии Девоматери было сияние вокруг ликов их со словами ὦν = СЫИ [Сущий], и ΜΡ ΘΥ [μήτηρ Θεοῦ = Богоматерь]. Не будь тут ни то ни другое, тогда можно подумать, что или живописец не верил в божество Христа и в богорождение Марии, или иконы написаны по желанию таких людей, которые почитали обоих их не более как наилучшими человеками. На Афоне не увидишь ни одной иконы без сияния и без букв или слов, дающих понять кто и кто изображен. Там видел я несколько икон Богоматери, называемой у нас Знаменскою, с Божественным Младенцем у персей, а не на руке ее, и смотрел на них с тем же благоговением, с каким рассматривал их в Св. Софии Солунской (VI века) и в подземельной усыпальнице римской церкви св. Агнии (IV века), потому что Знаменская икона точнее и впечатлительнее отображает догмат о рождении и вочеловечении Богочеловека *от Духа Свята и Девы Марии*. Он тут является из лона ее. Правильно и догматично пишутся крылатые эмблемы евангелистов:

* Такое перстосложение, самое старшее, видится на мозаическом изображении Преображения Господня в соборном храме Синайского монастыря 551 г.

* Смотри это перстосложение в моем *Первом путешествии по Афону*. Ч. II. Отд. 1. С. 24.

ангел, лев, вол и орел. Их крылья знаменуют, что Матфей, Марк, Лука и Иоанн не сами сочинили Евангелия, а по откровению свыше написали их. Это откровение как бы на крыльях сле- тело к ним с неба. •[III/2 439]•

Достоинo внимания и изучения иконописание на Афоне. Там с догматическою непреложностью соединена свобода сего священного искусства. Самое историрование (стенописание) тамошних церквей как храмин, уготовленных для Тайной Вечери Господней, в которых Христос причащает апостолов, а святые составители литургий и иерархи держат в руках своих хартии с литургийными молитвами, ангелы же, как иереи, совершают великий выход, святые мученики и преподобные мужи и жены предстоят, как участники в оной вечери, — такое историрование есть замечательное проявление прогрессивной свободы, о которой идет речь. Ибо в века пятый, шестой и последующие христианские церкви исторированы были по иной идее, отличной от афонской идеи о Церкви как о храме Тайной Вечери, тогда была любимая мысль мусиею изображать Христа не как установителя Тайной Вечери, а как Божественного Основателя Церкви вселенской посредством апостолов и мучеников. Посему лик Его помещаем был или в небе купола, или в алтарной апсиде, так что к Нему идут апостолы, мученики и иерархи и подносят Ему венцы. Так, например, исторированы в итальянском городе Равенне храмы св. Иоанна in Fonte (425–430 гг.),

св. Марии *ин-Космедин* (V века) и св. Аполлинария Nuovo (553–566 гг.), в Риме — церковь свв. Козмы и Дамиана (526–530 гг.) и церковь св. мученика Лаврентия in Agro Verano (578 г.). Не такие, а свои собственные историрования храмов свободно воспроизвел Афон евхаристический. По художественной же свободе там святые лики изображены в разных размерах и видах, поясные и во весь рост, очертательные, как бы бесплотные, и живоизобразительные, а лица Господа Иисуса Христа и Пречистой Матери Его разнообразны. Нигде на Афоне и вообще на Востоке я не видал, чтобы лица их походили одно на другое. Замечательно, что и западные иконописцы не придавали их сходства в чертах лица, только Тициан Вечелли (1576 г.) на своей картине, представляющей Святое семейство, и Варфоломей Флорентинец на иконе Снятия •[III/2 440]• Иисуса со креста изображали Сына и Матерь похожими друг на друга*, но эти два изображения составляют исключение из общего иконописного порядка или устава. *Разнообразие лиц Христа и Матери Его допущено Церковью, потому что ей нужно только напоминание о сих двух первообразах, а не припоминание их обличий.* В Евангелии не описан наружный вид ни Иисуса, ни Матери Его; на каком же основании мы стали бы изображать их вполне похожими друг на друга? Наоборот, самое молчание евангелистов

* В картинной галерее Флоренции in Uffizio, Scuola Venetiana, et palais de Pitti.

о сходстве или несходстве их дает иконописцам полную свободу изображать их *идеально*, а догматическое учение о бессеменном зачатии Христа и о совершенстве Его внушает мысль писать лик Его, по крайней мере, не совсем похожим на лик Дево-Матери. Ведь свет не отблеск, солнце не луч, первообраз не подобие. Недаром на древних наилучших иконах Богоматерь изображена благоговейно пред Сыном Своим, Которого держит на руке или у персей Своих. Иконописцы помнили слова Ее: *И возрадовася дух мой о Бозе, Спасе моем*, и знали, что Она видела в Нем Спаса своего, и потому писали Его не вполне похожим на Нее, дабы молящиеся не думали, что Она видела в Нем только сына Своего, только образ и подобие Свое. Однако сей предмет подлежит общему рассуждению*. Оставляю его в стороне и продолжаю речь о сочетании догматов с свободностью иконописания. Известно богодухновенное откровение св. апостола Павла в Послании к Евреям (1, 6): *Егда (Бог) вводит Первородного (Сына Своего) во вселенную, глаголет: да поклонятся Ему еси ангели Божии*. Сие дивное откровение выражено на местной иконе в соборном храме Афоно-Иверского монастыря. Впереди два Архангела Михаил и Гавриил держат поясный образ Еммануила, нарисованный в круге, означающем вселенную, в которой позади Его помещена земля в виде двух квадратов, а

пред нею написан Сам Он со свитком в шуйце, яко Вседержитель •[III/2 441]• судьб вселенной; позади Архангелов стоять три ангела, но так, что видны их лица; из-за них смотрят четыре ангела; выше этих взирают пять ангелов; в пятом, заднем ряду виднеются четыре ангела, а в шестом — три, в седьмом же — два. Постановка всех их художественна. Ножки первого и второго лика ангельского нарисованы так, что собою составляют как бы гирлянду. Вот вам подобие этой иконы. Пиша ее, удержите общий вид ее, а лица Архангелов, ангелов и Еммануила изображайте свободно, как умудрит вас собственное ваше вдохновение и искусство. Нам же вы дадите превосходную икону, как образец сочетания догмата со свободностью, о которой идет речь. Эта свобода не стесняется догматами. По догматическому учению, Иисус Христос есть *Еммануил*, т.е. *с нами Бог, Отроча рожденный нам и Сын данный нам* [Ис. 9, 6], как провещал пророк Исаия. Сие пророческое слово о Нем вдохновляло восточных иконописцев, и они любили изображать Еммануила в виде отрока, рисуя только головку, плечики и грудь Его в царственной рубашечке с разноцветным шитьем на рукавчиках и с оторочкою из драгоценных камней у шейки. В моем собрании древних икон есть лики Его письма индийского, абиссинского, коптского, греческого. На Афоне, в Лавре св. Афанасия, хранится образ отрока Еммануила, принадлежавший Феодоре, супруге иконоборного царя Феофила (IX века). У нас, не

* У Дамаскина и Никифора Каллиста Иисус Христос похож на Матерь Свою.

знаю почему, не пишут такого образа. А для детей в отроческом возрасте он был бы весьма люб. Иконописцам же свободно рисовать красоту Божественного Отрока. Полную свободу предоставила им Св. Церковь в историровании Ветхого и Нового Завета, господских и богородичных праздников, вселенских и поместных Соборов, и в изображении девяти чинов ангельских, праотцев, пророков, апостолов, мучеников, преподобных мужей и жен, Апокалипсиса, псаломского хваления Бога всеми тварями, храмоздателей и даже языческих мудрецов: Солона, Сократа, Платона, Аристотеля, Плутарха на папертях. Живописуй все это свободно, но только не •[III/2 442]• уклоняйся от догматов и от просопографической достоверности. А задачи твоему свободному таланту? Задачи, которых нельзя выполнить без того благоговейного и молитвенного настроения, с каким приступал к писанию икон Леонардо да Винчи? Таких задач много. Ожидаются от тебя, православный агиограф, образцовые иконы Господа Иисуса Христа, яко Вседержителя, Всевидца, Жизнодавца, Спасителя мира, Великого Совета Ангела, Еммануила, Праведного Судии, Великого Архиерея, Доброго Пастыря, Дверника, Человеколюбца, Многомилостивого, Щедродавца, Предвозвещенного пророками, Учителя среди апостолов, Чудотворца среди народа, Отца детей, Молчаливого — под церковным названием «Благое Молчание». Ожидается от тебя на образцовых иконах Богоматерь: Влады-

чица ангелов, Всецарица, Всепетая, Пречистая Владычица, Высшая небес, Ширшая небес, Живоносный Источник, Огненная Лжица, Неопалимая Купина, Крин неувядаемый, Сладкое целование, страшное Предстательство, Грешных Спасение, всех Радость, Милостивая, Скоропослушница, Умягчение злых сердец, Не рыдай мене Мати, Нерукотворенная, Божественная Червленица, всех Удивление, Старица без Божественного Младенца, Умоляющая Господа вместе с Предтечею миловать грешников.

Итак, есть что писать для церквей! Надобно только присмотреться к старинным иконам и стенным изображениям на Афоне, Синае, в Равенне и Риме и изучить там все догматическое, правильное и изящное, а потом приступать к свободной работе.

Афонская живопись не то что итальянская, или французская, или немецкая. Она уступает им первенство в пошибе, колорите, выразительности, но не переступает пределов священного приличия, каковое прегрешение замечено мною в картинных галереях Европы. Тут я видел прекрасные, дивные произведения живописной кисти и по ним поверял главные наклонности •[III/2 443]• и настроение души моей, долго останавливаясь пред картинами, изображающими... не скажу что, по скромности. Но между этими произведениями усмотрены были мною и такие, кои заставляли меня улыбаться и жалеть о порче или недостаточности изящного вкуса даровитых живописцев, или о

прихотях воображения их, непослушного рассудку. Смешно и неприятно мне было видеть на некоторых иконах и картинах кое-что неприличное. Во флорентийской картинной галерее in Ufficio [Уффици] на иконе Гирландайя († 1560 [точнее, 1494] г.), представляющей Святое Семейство, маленький Иоанн спит, а в Палате Питти на такой же иконе г-на Салимбени *собачка лает на Предтечу*. В той же галерее на картине Сошествия Господа во ад все лица очень хороши, но между ними написаны *ребятишки, играющие в аду*. Во Флоренции же, в церкви Св. Креста, Тайная Вечеря написана так, что апостол Иоанн спиною возлежит на персях Господа, *Который обнял его обеими руками*, что весьма неприлично и необычно. Тут же, в одном приделе, написано коронование Пресвятой Девы Марии: Бог-Отец палочкою прикасается к голове Ее. Странно это! В венском Бельведере, на картине Благовещения, написанной Уффенбахом († 1640 г.), младенец Иисус в светлом облаке с крестом, *вниз головою, летит за Духом Святым к Деве Марии*. Нелепо это! Ничего подобного нет на Афоне. Здесь все иконы и стенные изображения (кроме Христофора с собачьею головою) написаны весьма благопристойно. Ни один мученик не изображен на коне: напротив, все страстотерпцы написаны молящимися или идущими на страдания, или торжествующими победу над мучителями и увенчанными славою небесною. Вообще, во всем тамошнем иконописании видно святое, строгое и спасительное православие.

Так как храмы Божии суть такие места, куда христоименитый народ приходит молиться Богу и поучаться праведной жизни, то отцы Церкви искони благословляли *историровать их*, т.е. обращать в живописное благовестие о делах Божиих в роде человеческом и о святых людях, которых жития, •[III/2 444]• подобно свету, озаряют темные и стропотные пути земного бытия нашего. Такое благовестие назидательно, наипаче для тех, которые, будучи нищи духом, но богаты верою, не умеют читать. Учить сих верующих богопознанию и священной истории Ветхого и Нового Завета и поддерживать в них горячее благочестие предоставлено было и иконописцам. Высоко же и благотворно значение их в обществе христианском! На них возлежит священный долг давать христоименитому народу образа святые, напоминающие ему Дивного во святых и впечатлительно поучающие его той святой вере, которую исповедовали, и тем святым добродетелям, кои имели представленные на них для созерцания первообразы. Сей долг хорошо понимали и исполняли древние иконописцы. Свидетель тому Афон. Там иконная и стенная живопись не только назидательна, но и весьма впечатлительна. Там в каждом храме стоишь пред Богом вместе со всеми святыми и сознаешь себя вполне кафолическим христианином по пространству, времени и вечности. Там душа расширяется и верою, любовью и надеждою приобщается к Богу, к ангелам и ко всем святым.

Там живописная, псаломская, хвала Богу настраивает ее, как арфу, и побуждает к славословию Творца неба и земли, Промыслителя и Спасителя. Там лики преподобных внушают, что все суета сует и что истина и благо есть святое житие. Там лики мучеников укрепляют твою веру во Христа. Там при воззрении на изображения литургии, совершаемой ангелами, *молчит всяка плоть человека* и со страхом и трепетом предстоит у святого алтаря, в котором приносится жертва Любви. Нежное впечатление в душе производит афонская живопись изображением добродетелей семейных. Твердо веришь в силу родительских молитв и благословляешь домашнее воспитание в духе благочестия, когда смотришь на иконы, представляются зачатие праведной Анны, рождение Пресвятой Марии и введение Ее во храм. Внушительно написаны эти иконы на Св. Горе. Праведная Анна в саду умоляет Бога даровать ей дитя: над ней парит ангел и •[III/2 445]• благословляет ее. Она же в доме своем лежит на постели; сзади две отроковицы поддерживают ее, а впереди одна девица обвеивает ее; другие женщины выходят из боковой горницы и несут ей снеди, а иные у постели ее обмывают новорожденную Марию и потом качают Ее в колыбели. На другой иконе Иоаким, по исполнении дней очищения Анны, призвал в дом свой иереев и угощает их, стоя пред трапезою и на руках своих держа Пресвятую. Они же любят Ее и благословляют Ее. На иной иконе Пресвятая, по прошествии

трех лет, вводится во храм. Во вратах его стоит первосвященник и простирает к Ней руки свои; Она быстро восходит по ступеням, держа в ручке свечу; позади Ее Иоаким и Анна смотрят друг на друга и указывают на Нее, а подле них стоят девицы с возжженными свечами и ликуют. Крепче любишь мать свою, когда смотришь на образа Богоматери, молоком Своим питающей Божественного Младенца Своего или целующей Его. Свято чтишь супружество, гостеприимство и дружбу, когда на иконах видишь Господа среди брачных гостей в Кане Галилейской, в доме Симона, где грешница миром помазывает стопы Его, и в благочестивом и дружеском семействе Лазаря, Марфы и Марии. Поучаешься прощать ближнему огорчения, когда видишь икону, на которой апостолы Петр и Павел лобызаются после взаимного примирения. Велика сила христианской живописи. Эта живопись может служить хорошею помощницею в разумном и благочестивом воспитании юных поколений, напечатлевая в юных и восприимчивых душах прекрасные образцы веры, любви, надежды, ведения, добродетелей и доблестей христианских. Незабвенные уроки получали бы девицы в училищных исторированных храмах и в горницах столовых и сборных, когда бы тут указывали им священные изображения и говорили: вот две снохи стоят пред св. Макарием Египетским и признаются ему, что они, будучи неродные, пятнадцать лет прожили в одном доме со своими мужьями, но не сказа-

ли друг другу ни одного непристойного слова, никогда не •[III/2 446]• спорили между собою и постоянно были мирны и единомышленны; вот св. мученица Иулиания просит императора Аврелиана помиловать брата ее Павла и говорит ему: «За что ты мучишь брата моего? Оскорбил ли он хоть раз царское величество? Обидел ли сограждан своих? Мое сердце ручается за хорошее поведение его, весь народ ручается за добродетели его; государь, пощади невинного». Вот св. Фавста после всех мучений молится: «Благодарю Тебя, сладчайший Иисусе, Свидетелю сердец, что Ты сподобил меня исповедать пред всеми святое имя Твое, и молю Тебя: возлюбь мучителя моего, просвети его верою и утверди в страхе Твоем». Вот блаженная Мелания обращает ко Христу невестку свою Албину; вот царица Евдокия, супруга Феодосия Младшего, пишет житие св. Киприана; а здесь царевна Анна Комнина излагает историю державного родителя своего Алексия; там изображены христианские жены и девицы в Риме, решившиеся исполнить указ императора Деция, повелевшего им ходить везде с открытым лицом: они открылись, но для одного Христа. Тут святой Памва поучает знатную и богатую римлянку Меланию и искореняет в ней тщеславие: она принесла ему много серебра, а пустынный и не посмотрел на этот подарок ее и послушнику своему велел раздать серебро бедным отшельникам; Мелания не утерпела и сказала ему: «Отец мой, да ведь тут триста фунтов серебра!» Но Памва, не

взглянув на него, ответил ей: «Дочь моя! Тот, Кому ты отдала сию драгоценность, не нуждается в том, чтобы ты напомнила Ему, сколько в ней весу, потому что Сам Он, взвешивая горы и холмы, не может не знать вес серебра твоего». Какие уроки! Какие предметы для живописи! Что слабее кисти художника? А ею изображается небо со звездами.

Кончено мое сказание об иконописании на Афоне. Начинается мое слово •[III/2 447]•

§ 114. О книжном деле святогорцев

Афонские монахи, греческие и славянские, с конца девятого века поныне постоянно проводили жизнь свою в богомыслии и молитве и потому не занимались науками. Даже и те, которые приходили на Афон из мира с научным образованием, и те пренебрегали ученостью и заботились только о спасении душ своих. Лишь редкие из них оставили после себя кой-какие книжные изделия. Основатель афонской Лавры Афанасий написал *«Духовное Завещание»*, в котором выразил свою заботливость об упрочении будущего благосостояния этой обители*, и весьма краткий *«Церковный устав»*. Прот Иларион, современник и родственник царя Алексия Комнина (1081–1118 гг.), составил правдивое и весьма любопытное повествование о скромном

* «Διατύπωσις» св. Афанасия, датируется после 993 г. Отрывок напечатан в *Оправданиях* к этому отделению, № 96.— П.К.

зле, причиненном святогорцам валахскими семействами, кои поселил между ними названный царь. Св. Савва, основатель монастыря Афоно-Хиландарского, впоследствии архиепископ Сербский, написал «Указание жития сущего в монастыри пресветые Богородице наставнице» («Хиландарской»)*. А одним из учеников его сочинено Житие сего архиепископа в роде панегирика ему. Самые лучшие умственные произведения афонитов — это: а) вероисповедное послание их к царю Михаилу Палеологу, когда он спешил ввести унию в монастыри их**; б) канон отцам и троичные припевы подвизавшимся на Афоне Григория Синаита***; •[III/2 448]• в) богословско-обличитель-

ные письма Григория Паламы к еретикам Варлааму и Акиндину и его Главы физические, богословские, нравственные, практические и очищающие от заразы Варлаама*; г) том афонских исихастов о Фаворском свете и о благодатном озарении**. Все эти писания появились до подчинения Афона туркам. А после сего подчинения, с 1453 года поныне, одни афониты издавали в свет готовые творения разных духовных писателей, а другие сами сочиняли и печатали свои умственные изделия. Представляю перечень тех и других в хронологическом порядке.

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ, ПЕРЕВОДЧИКИ И ИЗДАТЕЛИ

Первое и второе место между ними занимают афонский монах Критовул и известный у нас Максим Грек.

И. Критовул в 1468 году от Р.Х., по прошествии 17-летнего царствования турецкого султана Магомета II, взявшего Константинополь, сочинил и посвятил ему книгу, в которой описал славные дела его. Эта рукопись Критовула в 1860 году была в руках известного Тишендорфа; и он в своей «Записке о синайской рукописной библии» (*Notitia editionis codicis Sinaitici*. Lipsiae, 1860. P. 123) напечатал предисловное письмо Критовула к Магомету II, доставленное ему нашим посланником при Оттоманской Порте, князем Лобановым.

* Сей устав напечатан в столице Сербии, г. Белграде, в 1866 году. А я перебелил его для себя с хиландарской рукописи.

** Русский перевод этого послания напечатан в *Первом путешествии моем по Афону*. Ч. 1. Отд. 2. С. 288–301.

*** В каноне его между похвалами разным подвижникам читается следующее обращение к Афону: «Горо божественная (Богоматерь), гору Афонскую, Владычице, сохраняй присно. Храм бо твой есть и дом, и палата, и божественное селение... Гору твою святую, Отроковице, в ней же мы живем, и иночи и смеснии (μυγάδες), сохраняй, Дево, во вся веки. — Горы святые предстателю, Афанасие блаженне, инокующим похвало словущая и светлая, Павел преддутьвержение, Петр — степень тверд. Приидите, горняго Иерусалима ходатаев воспоём, к свету водителей сербских, Савву в святителих великаго, Симеона, иже царство презревше, гору Афона постигши и в ней от Бога за труды дары приемше, и чудесами и миром всех просвещают». Вот, Григорий Синаит, афонский подвижник XIV века, назвал Афон не жребием Богоматери, а только храмом Ее, домом, палатой, селением.

* Смотри их в *Первом путешествии моем по Афону*. Ч. 1. Отд. 1. С. 229–259; см. и выше, в настоящей *Истории Афона*. § 99. С. 266.

** Смотри выше этот же § 99. С. 227–233.

Письмо это я перепечатаваю в своих *Оправданиях*, под № 81. А здесь сообщая содержание его.

«Блистательные деяния царей персидских, римских и эллинских оповещены историками. А деяния Магомета II гораздо блистательнее и превосходнее их. Посему было бы несправедливо предать их забвению. Правда, они описаны историками персидскими и арабскими, но Европа не знает языков их: ей знаком язык эллинский. Сим-то общеизвестным •[III/2 449]• языком и оповещаются знаменитые деяния Магомета, как то: переход из Малой Азии в Европу, война с греками, взятие Константинополя, Эноса, Фокеи, покорение царства триваллов (сербов), двукратный поход в Пелопоннес и завоевание его, взятие городов Синопа и Трапезунта с областями их, восстание валахов при Дракуле, усмирение и подчинение их, занятие обширного и богатого острова Лесбоса, покорение Далмации и Иллирии, пятилетняя брань с венецианами и, кроме того, построение в Константинополе мечетей, дворцов, торжищ, баней и крепостей у Босфора и Еллиспонта». В конце письма Критовул просит султана (знавшего греческий язык) принять его книгу и обсудить ее благосклонно или отвергнуть, если повествование о делах его окажется слабо.

II. Максим Грек родился в 1480 году в епирском городе Арте. В одном из сказаний о жизни его, находящемся в Троицко-Сергиевой лавре, упомянуто о родовом происхождении его так: «Рождение его от Арты города..., от

отца же Мануила и матери Ирины, христиан, греков». В сказании же о нем диакона Исаии при переводной Псалтири (1591 г.) читается: «Максим, сын воеводский, инок, родом грек». Сам он о греческом происхождении своем упомянул в своем «Исповедании православной веры»: «Грек бо аз и в Гречестей земли и родихся и воспитан и постригся в иноки». Родители отправили его, еще юного, в Венецию для обучения. Там Максим, как сам сказал, «жил у мужей, премудростию многоукрашенных, зело юн сый, лета довольна». Во Флоренции он знал Анджело Полициана, преподавателя классической словесности, поэта и прозаического писателя, умершего в 1494 году, и в этом же городе в течение пяти лет слушал проповеди Иеронима Савонаролы, сожженного в 1498 году. В бытность свою в Венеции Максим часто хаживал за книжным делом к известному книгопечатнику Альдо Мануччи, скончавшемуся в 1515 году, и там же учился философии у Ласкариса, который около пяти лет был там посланником французского короля Людовика XII. В городе •[III/2 450]• Ферраре он знал Кобезмика, превосходившего многих всяким учением, а в городе Падуе Сесу — философа неаполитанского. О своей начитанности Максим заметил, что он «многа и различна сам прочет писания, христианская же и сложена внешними мудрецы, и доволну душевну пользу отуду приобрел». В самом деле, в сочинениях его встречаются ссылки на изречения Омира, Исиода, Пифагора,

Сократа, Платона, Аристотеля, Епикура, Диагора, Фукидида, Плутарха, Менандра, на законы Иустиниана и проч. В 1507 году он отправился из Италии на Афон, и здесь, омонашившись в Ватопедском монастыре, провел десять лет в иноческих подвигах. Отсюда афонский прот Симеон по просьбе великого князя Василия Иоанновича от 15 марта 1515 года послал его в Москву для книжного дела. В Москве Максим занимался этим делом до 1525 года, в которой был заподозрен местным Собором в еретическом мнении, будто «седение Христова одесную Отца было мимошедшее и минувшее, якоже Адамово селение в раю и прямо рая седение», и заточен в монастырь Волоколамский, где и пробыл до 1531 года. Здесь он страдал от дыма, холода и голода и по временам приходил в омертвление. Однажды им излита была скорбь его в каноне Святому Духу, написанном, за неимением чернил и бумаги, углем на стене темницы:

«Иже манною препитавый Израиля в пустыне древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни Всесвятаго, яко да о нем богоугодно служу Ти выну (всегда). Всегда бурями губительных страстей и духов возмущаем душею, Тебе всеблаженному Параклиту (Утешителю) яже о моем спасении, яко Богу, возлагаю».

В 1531 году Максима снова потребовали в Москву для соборного суда и снова осудили его и сослали в Тверской Отрочь монастырь за то, что он

1) сносился с турецким правительством и послом султана, умершим в Москве в 1530 году; •[III/2 451]•

2) настаивал на подчинении Русской Церкви Константинопольскому патриарху;

3) не исправил в своем переводе Жития Богородицы неправильности, несмотря на замечания об этом других;

4) порицал монастыри и «чудотворцев» за владение именьями, что, по понятию Собора, равнялось похулению церковных уставов и угодников Божиих;

5) письменно сносился с разными лицами и рассылал свои сочинения, несмотря на запрещение прежнего Собора;

6) порицал великого князя и дурно отзывался о митрополите и архиереях («им надобны пиры и села, и скакати и смеяти с воры»), и

7) выключал из церковных книг то, что тогда называли великими и премудрыми догматами, и делал отступления в переводах.

Тверской епископ Акакий, несмотря на соборное осуждение Максима, принял его благосклонно, приглашал к своей трапезе и вообще благоволил к нему, так что заточник называл его своим *промысленником*. Кроме Акакия, Максиму покровительствовали Сильвестр (Адашев), какие-то монахини, некто Григорий и ризничий Вассиан. Но тяжело ему было, лишенному свободы и предвидевшему невозможность возвратиться на Афон. При таком настроении он во время заточения в Отрочем монастыре написал «Словеса в темнице, ими же себя утешание и утверждаше в терпении», где свои бедст-

вия назвал *лихвою долга пред Творцом*. По смерти Василия Иоанновича (1533 г.) он написал «Исповедание православныя веры», в котором выразил свои убеждения в Православии, заметив между прочим: «Если по чьему иному *еретика мене называть* неции не ужасаются, то да сподобят меня исправления, в яве да обличать. Не отреваю исправления, не стыжуся обличении, дондеже от отеческия любви с миром и кротостью происходят». Теперь Максим сознавался в своей ошибке касательно речения: *седел еси* и *сedeв*, оправдываясь тем, что он «тогда не ведал •[III/2 452]• различие сицевых речений; аще бы ведал, никакоже бы замолчал, но всяко исправил бых такову нелепостную опись». В этом же «Исповедании» Максим писал, что он не враг русской державы, но «десятижды по вся дни преклоняет колена о великом князе Иоанне Васильевиче и брате его Георгии»; если же не нравится истина, то к чему держать его насильно; а если он виновен, то подлежит суду вселенского патриарха, а не святителей Русской земли. Наконец он заметил: «Многа суть случающаяся на всяк час несовершенному сущу уму человеческому; ибо и забвение омрачает его, и скорбь смущает; есть же, егда и ярость, и гнев, и пьянство отемневает его. Толикими убо тревожении обуреваемому немощному уму человеческому, аще что негде презрено бысть ему, не подобает дивиться, ниже смущатися, ниже ересью осуждати его, но паче ущедрити праведно есть; и яже от него презренная

ли по забвению, или по некоторому иному обстоянию, правити вкупе с ним, понеже никто же в человецех совершенство получил, вси бо забвенью и неведению подлежат, овы убо больше, овы же меньше, вси же друг от друга требуем и совета и помощи». Афонцы и патриархи: Константинопольский Дионисий, Иерусалимский Герман и Александрийский Иоаким (1545 г.) просили великого князя Иоанна Васильевича отпустить Максима на Афон. Но напрасно. Только митрополит Макарий разрешил ему ходить в церковь и причащаться Святых Таин, что запрещено было ему в течение 17 лет. В 1553 году по ходатайству некоторых бояр и Артемия, игумена Троицкого, освободили Максима от заточения в Отрочем монастыре и перевели на житье в Троицко-Сергиеву лавру. Здесь он скончался в 1556 году.

Книжные труды Максима Грека достаточно описаны в биографии сего афонского монаха, составленной г-ном Иконниковым, и в «Истории Русской Церкви», написанной известным архиепископом Макарием (тт. VI и VIII). Посему я увольняю себя от повторения такого описания, хотя и кстати было бы сказать, что арианские изречения в виденных Максимом церковных книгах •[III/2 453]• наших суть не выдумки переписчиков, а вставки их памятования этих изречений, принятых со времени проповедания христианства жителям Дона и Волги египетскими монахами в VIII веке. Не всякое слово в строку.

А что надобно встрочить, то пишется. Что ж это такое? Читайте.

В сочинениях Максима Грека, изданных Казанской Духовной Академией в 1862 году с оговоркой, что в них есть вставки, не принадлежащие перу сего святогорца, — в этих сочинениях (ч. III, с. 109 и след.) помещена статья XVI-я под заглавием: «Инока Максима Грека вопрошение известно от неких: почто от тридневнаго воскресения Христова до Фомины субботы воздвизают токмо артус, и глаголет диакон: Христос воскресет, и потребляют артос в Фомину субботу». А в эту статью втиснуты четыре не относящиеся к ней сказания: 1) о хождении Богоматери на Афон с Иоанном Богословом, 2) о разностях столования разных народов, 3) о постройке грузинского монастыря на Святой Горе грузинским царем имярек и 4) о создании там же обители Ватопедской. Вот эта афонщина подала повод доценту Новороссийского университета Терновскому заметить в его «Истории Христианской Церкви», что Максим Грек *первый* у нас оповестил хождение Богоматери на Афон, а не Стефан Болгарин, которому я приписал первенство сего оповещения в своей «Истории Афона». Но г-н Терновский упомянул об этом вскользь, не разглядевши, что она афонщина вставлена в сочинение Максима каким-то русским грамотеем из какой-то рукописи не Максимова изделия. Прочтите эту вставку и судите сами.

Статья XIV. «Ведомо да есть вам: многия вещи церковныя, преданны пись-

мом и без письмени, церковь Божия держит: тридневное воскресение до Фомины субботы един день именуется. Святти апостоли (до) воскресения Христова ходили втайне и явленне, а после воскресения Христова ходили апостоли по стране Иерусалимстей, и держали подушки чисты и клали на месте Спасове, а на той подушке клали часть хлеба на имя Спасово во время •[III/2 454]• ядения своего, а после ядения востав Петр апостол, взял хлеб Спасову часть с подушки, и воздвизает руце горе и глаголет: Христос воскресе, и апостоли рекоша: Во истину воскресе. И паки Петр глаголет: Христос воскресе, и апостоли рекоша: Во истину воскресе; и паки третицею глаголет: Христос воскресе, и апостоли рекоша: Во истину воскресе. А тот чин держали апостоли даже до вознесения Христова, доколе пришли во Антиохию Сирийскую, и по обычаю сели ясти и положили подушку на Спасове месте, а часть Спасова хлеба положили на подушку, и после ядения востав Петр и вси апостоли с ним, и взял Петр хлеб Спасову часть, и воздвизая глаголет: Христос воскресе трижды, и апостоли отвещаху трижды, по обычаю: Во истину воскресе; и абие пречистая Богородица явися им, и покры их благодатию своею, якоже облаком светлым; и видеша апостоли лице Пресвятыя, и рекоша вси велием гласом: всесвятая Богородице помогай нам! А та чудеса видеша апостоли после преставления Пречистой.

(Вставка первая.) А до преставления Пречистые ходили апостоли пропове-

дати по земли, и опять пришли в Иерусалим поклониться Пречистой Богородице, аки Спасу, и св. апостолу Иакову, брату Господню. А Пречистая тогда ходила с апостолом Иоанном во Святую Гору кораблем; и пристав корабль на пристанище на том месте, где стоит Иверский монастырь и до ныне, и от того места пошла Пречистая с Иоанном апостолом пеша на то место, где ныне стоит монастырь Ватопед, а на том месте тогда жили Еллины некрещены. И спросили Еллины апостола Иоанна глаголюще: которая тая честная жена? И отвеща им апостол Иоанн: та есть мати Иисусова. И поклонилися ей. И она многа сотвори чудеса; и крестилися многие на том месте. И после того, времени минувшу, великий царь Константин создана том месте монастырь во имя святыя Богородицы; и после того, спустя время, тот монастырь разорил Иулиан Преступник, и, опять спустя, тот монастырь создали православные крестьяне: •[III/245]• по чудеси дали и имя монастырю Пречистыя Ватопед. И оттоле Пречистая пошла с Иоанном в корабле во остров Кипрский к четверодневну Лазарю, епископу Кипрскому, а носила ризы своего рукоделия; и те ризы до сего дни лежат в Амохосте, монастыре Иверском».

(Вставка вторая.) «А по всей земли три роды едят на столе: Греки, Сербины, Руси, те два един род, а третий род Латина, иже живут в Европии; а Палестини, и Сирияне, и Египтяне, и Аравли, и Перси, и Ефиопы, и Ибе-

ри и до конца земли, все те едят на земле. А обычай Спасов был с учениками столование кругом по земли; а в Иерусалиме стоит та горница и до сего дни, в коей Спас ел пасху со ученики своими: а внутрь в ней нет ни лавок, ничего».

За сим чего хочешь, того просишь.

(Вставка третья.) «В Иверской земле град был на устье реки Фасии близ поморя, а граду имя было Фасье, а над градными вороты от реки стояла икона в киоте, образ Пречистыя Богородицы, чудна вельми, да пред нею свеча поставная. И тот град Божиим строением за людское согрешение потонул, якоже Содом и Гоморр, а прежде потопа градскаго задолго с ворот изыде икона и свеча без вести неведомо никому. И о том благочестивый царь и вси Христоименитые людие оскорбеша вельми о иконе; и абие, спустя время, прошла весть к царю, что та икона Пречистой образ и свеча явилася во Святой Горе, а пред нею свеча горит; а от Фасии града до Святой Горы более трех тысяч верст. И тот благочестивый царь с радостию великою на то место посла много имения и созда монастырь славен и честен вельми, во имя святыя Богородицы, нарицаемая Портятис. И спустя время, Божиим повелением тот монастырь пленили Аравляне».

За сим непосредственно следует:

«А весь народ, иже прежде Воскресения и по Воскресения, доколе апостоли пришли в Антиохию Сирийскую и видели и •[III/246]• слышали та чудеса;

и давали апостоли народу имена, кои веровали во Христа и крестилися, и нарекоша их крестьяны по всей земли, а град Антиохию нарекоша Божий град великий».

За сим непосредственно читается:

(*Вставка четвертая.*) «Ино сказание. Ино чудо скажу вам про ту же чудную икону Пречистыя образа чудотворнаго. В Цареграде был некий царь, не имея у себя чад; у того же царя брат во граде Ишпаниии имеет у себе чадо едина не велико. Царь же посла в Ишпанию по брата своего, повеле ему быти у себе и с сыном; он же поехал к царю морем в кораблех и в каторгах и приста на пристанище в том месте, где был монастырь Ватопед во имя пречистыя Богородицы Ватопеди. И вышел царь и его сын и вси людие на берег из кораблев, и учили ести и пити и веселитися, а сын царев учал на том месте гуляти и с травы цветки рвати, и от своего отца и от всех людей отгулял прочь подале; отец же его веселяшеся, пошел со всеми своими людьми в корабли, и побежаша от места того паруси, сына же своего забы на месте том. Отрок же обрете на месте том купину, и вшед в ню и зрит; и се, сидит внутри купины жена в багряне ризе, и мнит, что его мати сидит; жена же полюби отрока и держа его у себе. Отец же отрока отбежа от места того далеко, и възыща сына своего, чаял, что сын его у дядек, а дядки чаяли его у отца, искаше и не обрете; они же в велицей скорби учили тужити, а мнят, что сын царя,

с корабля в море утопл, и поеха к Цареграду скорбны. Царь же, держа брата своего у себе год, и отпустил его опять в его имение; и поехал от царя в свою землю во град Ишпанию, и приста на пристанищи, на том же месте, где сын его изгибе. И выйде царь из корабля и вси людие с ним на берег, и обрете сына своего на том же месте играюща. И вопроси сына: где еси был в толико время, и с ким жил еси в сем месте? Отрок же отвеща •[III/2 457]• отцу своему: жил есмь в сем месте с своею матерью. Отец же его вопроси: покажи нам место, где твоя мати? Отрок же рече: отселе недалеко, пойдите со мною, покажу вам место, где моя мати. И дойде с отроком до купины; отрок же пойде на коленцех внутрь купины, а им есть непроходно, бе бо купина часта вельми. И начаша сещи купину, и обретоша в том месте икону образ Пречистыя Богородицы чудну вельми, а пред нею свеча горит и отрок ту стоит. И в той час царь образу поклонися с радостию великою, и посла корабль во свой град, повеле привезти своя казны много. И прииде корабль его с казною; и абие ту паки сам созда монастырь с великою красотою, и нарекл монастырю имя *Ватопеди*, по русски *Купинное место*, где нашли икону, и образ Пречистыя поставиша внутрь церкви, да пред нею свещу. И донныне стоит тот образ и свеча, которую нашли пред иконою. Царь же и своего сына ту (остави) в монастыре, и постризе власы главы своя, и скончася ту во

иноцех и с сыном. Богу нашему слава всегда, ныне и во веки веков. Аминь»*.

Вот вам афонские сказки, в которых брехня брехню брехнею погоняет. Только невежественные святогорцы, приходившие в Москву за сбором милостыни, могли говорить нашим простакам, что Испания есть город, а не царство, что тамошний царь, построивший Ватопед, омонашился тут вместе с малолетним сыном своим, — чего знать не знает сам Ватопед, — и что брат сего царя, константинопольский государь, был бездетен, тогда как у государя Феодосия, строившего Ватопед вместе с братом своим Онорием, были дети: Аркадий, Онорий и Плакидия. Таких неправд не мог говорить Максим Грек, многоученый и многосторонний писатель, и притом монах ватопедский. Не мог поворотиться язык его и для того, чтобы промолвить такие небылицы в лицах, каковы забвение царственного отрока на Ватопедской равнине в час •[III/2458]• отплытия оттуда отца его, годовое пребывание сего отрока в купинной чаще то подле иконы Богоматери, то подле живой жены в багряной ризе, и сознание его, будто жена эта

есть мать его. Что касается до сказки о чудесном перемещении Иверской Богоматерной иконы с ворот какого-то грузинского приморского города Фасья на Святую Гору и тут на то место, где поныне стоит Иверская обитель, то сия сказка, не определяющая времени, когда это случилось, вполне не согласна с преданием названной обители, по которому Иверская икона приплыла по морю к Афону не из Грузии, а из малоазийского города Nikei. Это предание известно было Максиму Греку, как известно оно и в наши дни всякому мало-мальски учившемуся грамоте афонцу. Итак, не он переиначил его, а кто-то другой, статья может, смутно слышавший о грузинском происхождении Иверской иконы и не знавший, что она находилась в Nikee у вдовицы. Не от Максима Грека произошла вставка о хождении Богоматери на Афон с Иоанном Богословом, потому что сия вставка никак не вяжется со сказанием его о чествовании артоса. Эту вставку вметил в сие сказание какой-то неумелый собиратель сочинений реченного Максима.

После этого ученого ватопедца во второй половине XVI века и во всё следующее столетие не было на Афоне ни одного книжника из греков.

NB. Виноват! — В 1664 году иеродиакон Ватопедского монастыря Акакий составил краткую повесть о сем монастыре. Ею пользовался врач Иоанн Комнин при своем описании Афона в 1701 году. А в 1668 году архимандрит

* Весьма близкий текст о посещении Афона Богоматерью находится в послании тверского епископа Нила Грека (1508–1521) к кн. Георгию (Юрию) Траханиоту. Это позволяет датировать его несколько более ранним временем, чем предполагал еп. Порфирий (см. Ч. II. С. 21). Кроме того, вариант этого же известия читается в более раннем послании Максима Грека к великому кн. Василию III (см. ст. в «Православной энциклопедии». Т. 9. С. 467–468). — П.К.

Иверской обители Дионисий из славянских книг собрал сведения о начале россос, о крещении их и об апостоле Андрее, пришедшем *лично* в Россию и проповедовавшему там слово Божие. Этот сборник его на греческом языке я рассматривал в Синае-Джуванийской библиотеке в Каире. Вот заглавие его и мои выписки из него:

Ἱστορία, ἣτοι διήγησις περὶ τῆς ἀρχῆς τῶν Ῥώσων, πόθεν •[III/2 459]• κατὰγονται οἱ ἀρχηγοὶ αὐτῶν καὶ περὶ τοῦ, πότε καὶ πῶς ἔλαβον τὸ ἅγιον βάπτισμα· καὶ περὶ τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἀνδρέου, ὅπου ἦλθε σωματικῶς εἰς τὴν Ῥωσσίαν καὶ ἐκήρυξεν τὸ θεῖον κήρυγμα. Μεταφρασθὲν δὲ καὶ συλλεχθὲν ἐν συντομίᾳ ἐκ τῶν σλαβικῶν βιβλίων παρὰ Διονυσίου Ῥακενδίτου καὶ μεγάλου ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἰβήρων εἰς τὴν ἡμετέραν διάλεκτον κατὰ τὸ ,αχξη' ἔτος Χριστοῦ.

† Ἐτελειώθη τὸ παρὸν ἐν Ῥαχήτῃ διὰ χειρὸς Ἀναστασίου ἱερομονάχου Κυπρίου κατὰ τὸ 1673 ἔτος, ἐν μηνὶ μαΐῳ α'.

Ἀρχή· Ὁ ἅγιος ἀπόστολος Ἀνδρέας...

[История, или Повествование о начале россос, откуда происходят князья их и о том, когда и как приняли они святое крещение, и о святом апостоле Андрее, который *лично* пришел в Россию и проповедовал божественную проповедь. Переведено и собрано вкратце из славянских книг Дионисием Ракендитом, великим архимандритом Ивера, на наше наречие в 1668 году Христа. † Исполнено сие в Рашиде

рукой иеромонаха Анастасия Киприота в 1673 году, 1 мая. Начало: «Святой апостол Андрей...».]

«Олег завоевал многие места, принял великую войну против Константинополя, и великое разорение причинил грекам в царствование Льва Мудрого и брата его Александра в 6415 (907) году, и дани с них взял.

В 12-е лето царствования Льва Мудрого, по прошествии 30 лет после крещения болгар, переведены были на славянский язык Евангелие и Апостол».

После Российской истории следуют сказания о Грузии (1660 года):

«В Имеретии вторая епископия называется Кенатели (Генат), удивительнейший монастырь и красивый. Тут чествуются иконы Пресвятой Богородицы, которую написал евангелист Лука, и св. великомученика Георгия в ризе, сделанной из 30 сребреников, за кои Иуда продал Христа.

В Кахетии находятся иаковиты, называемые Хепсури, и иное племя Тухи. Они христиане кафолические. Еще есть племя Дидо и иное племя Кэсти.

В Мингрелии третья епископия называется Педиэлос. Тут есть образ Влахернской Богоматери, называемой «Педиелос». Лицо Ее и ручки как бы плотяные (ὡσὰν σάρκα)».

В первые годы восемнадцатого века на Афоне жил-был книжный старец

III. **Иерофей**, иеромонах тамошнего монастыря Иверского. Он перевел слова св. Ефрема Сирина и несколько житий святых •[III/2 460]• с эллинского языка

на простое наречие новогреческое; а напечатал их в Венеции в 1721 году проигумен того же монастыря Дионисий, родившийся на острове Паросе, — напечатал своим иждивением. Мне известно только заглавие этой книги. Вот оно: Λόγοι καὶ παραίνεσεις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἐφραίμ τοῦ Σύρου, εἰς ἀπλὴν φράσιν μεταγλωττισθέντες, καὶ μερικοὶ βίοι ἁγίων τινῶν μεταφρασθέντες καὶ αὐτοὶ ἐκ τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης παρὰ Ἱεροθέου ἱερομονάχου Ἰβηρίτου, καὶ νῦν τὸ πρῶτον τύποις ἐκδοθέντες ἀναλώμασι Διονυσίου ἐκ νήσου Πάρου τοῦ πανοσιωτάτου προηγούμενου τῆς ἱερᾶς καὶ βασιλικῆς μονῆς τῶν Ἰβήρων, τῆς κατὰ τὸ ὄρος τοῦ Ἀθω κειμένης. — Ἑνετίησιν, ἀψκά'. [Слова и увещания преподобного отца нашего Ефрема Сирина, переложенные на простой язык, и несколько житий некоторых святых, также переведенные с эллинского языка иеромонахом Иерофеем Иверитом, а ныне впервые напечатанные на средства Дионисия с острова Парос, преподобнейшего проигумена священного и царского монастыря Иверов, расположенного на горе Афонской. Венеция, 1721.]

За Иерофеем следовали другие сочинители, переводчики и издатели, именно:

IV. **Кесарий Дапонт**е, в мире именовавшийся Константином и бывший учителем некоего румунского боярина Каминари, а скончавшийся монахом в монастыре Афоно-Ксиропотамском в 1784 году, кроме переводов и изданий

написал несколько своих сочинений. Оповещаю известные мне книжные труды его в хронологическом порядке:

— В 1746 году он, будучи еще мирянином, издал в Венеции своим иждивением последование службы св. священномученику Ригину, епископу острова Скопело, с присовокуплением акафиста Честному Кресту Христову, посвятив эту книгу молдо-влахийскому господарю Иоанну Николаю Маврокордату: Βίβλος ἱερὰ, περιέχουσα τὴν ἅπασαν ἀκολουθίαν τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Ρηγίνου, ἐπισκόπου Σκοπέλων, καὶ τὸν ἀκάθιστον ὕμνον εἰς τὸν τίμιον σταυρὸν τοῦ Χριστοῦ κ. τ. λ., in Venezia, 1746 (εἰς 8°). Я не видел этой книги.

— В 1763 году иждивением ватопедского монаха Гавриила напечатаны были в Венеции для даровой раздачи православным христианам следующие переводы и сочинения Константина Дапонт: а) стихомерный перевод слова св. Кирилла Александрийского об исходе души и о Втором пришествии Христовом на новогреческий язык; б) два разговора, Богоматери и грешника, •[III/2 461]• и грешника и диавола, в) и «Прекрасное сказание об Афоно-Ватопедской обители». Мне ведомо только заглавие сего книжного труда: Λόγος τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας περὶ ἐξόδου ψυχῆς καὶ περὶ τῆς δευτέρας παρουσίας, μεταφρασθεὶς εἰς ἀπλὴν διάλεκτον διὰ στίχων πολιτικῶν παρὰ κυρίου Κωνσταντίνου Δαπόντε, μετὰ δύο διαλογῶν τῆς θεοτόκου καὶ τοῦ ἀμαρτωλοῦ

καὶ τοῦ ἁμαρτωλοῦ πρὸς τὸν διάβολον προσέτι μία ὥραϊα διήγησις περὶ τῆς σεβασμίας μονῆς τοῦ Βατοπεδίου (Ἄθω), νῦν πρῶτον οὕτω τυπωθέντα δι' ἐπιμελείας καὶ ἐξόδου τοῦ πανοσιωτάτου κύρ Γαβριήλ ἐκ τῆς αὐτῆς μονῆς, ἵνα δωρεὰν χαρίζηται τοῖς ὀρθοδόξοις χριστιανοῖς. Ἐνετίησιν. 1763.

— В 1766 году в Лейпциге напечатана была книга в двух частях под названием «Зеркало библейских жен, добрых и худых», стихомерно изложенная Константином Дапонте и посвященная благочестивейшей домне (господарше) всей Молдовлахии Елене Маврокордато: Καθρέπτis γυναικῶν, ἐν ᾧ περιέχονται γραφικῶς αἱ ἐν τῇ παλαιᾷ γραφῇ περιεχόμεναι σποράδην ἱστορίαι κακῶν τε καὶ καλῶν γυναικῶν, συντεθεῖσαι μὲν καὶ στιχουργηθεῖσαι παρὰ Κωνσταντίνου Δαπόντε, προσφωνηθεῖσαι δὲ τῇ εὐσεβεστάτῃ Δόμνῃ πάσης Μολδοβλαχίας Ἑλένῃ Μαυροκορδάτῃ. Ἐν Λειψίᾳ τῆς Σαξωνίας. 1766. Τόμοι 2 (εἰς 8°).

— В 1770 году в Венеции напечатан был стихомерный Дапонтиев перевод «Нравоучения» с присовокуплением к нему некоторых речей, историй и гимнов, посвященный «пану Муруци Маркизу, советнику самодержицы всех Россий и ее поверенному в делах при государствах всей Италии»: Χρηστοθήεια διδάσκουσα τοὺς τρόπους, δι' ὧν ἀποκτῶνται τὰ καλὰ ἤθη τῆς ψυχῆς καὶ τοῦ σώματος, μετὰ προσθήκης λόγων τινῶν, ἱστοριῶν καὶ ὕμνων μεταφρασθεῖσα καὶ στιχουργηθεῖσα

παρὰ Κωνσταντίνου Δαπόντε, προσφωνηθεῖσα δὲ τῷ ἐκλαμπροτάτῳ Πάνῳ Μουρουτζῇ Μαρκέζῳ, τῷ νῦν βουλευτῇ τῆς αὐτοκρατορίσεως πασῶν τῶν Ῥωσσιῶν, ἐνεχειρισμένῳ ὑποθέσεις τῆς αὐτῆς βασιλίσεως παρὰ τὰς αὐθεντίας πάσης Ἰταλίας. Ἐνετίησιν, 1770. (εἰς 8°).

•[III/2 462]•

— В 1770 же году в Венеции вышла в свет книга Константина Дапонте, тогда именовавшаяся уже Кесарием, под заглавием: Ἐγκόλπιον λογικόν, ἢ ὕμνοι εἰς τὴν πανύμνητον Θεοτόκον καὶ εὐχαὶ διὰ στίχων, то есть «Словесный наперстник, или Гимны всепетой Богородице и молитвы в стихах» (в четвертку). В сей книге, находящейся в библиотеке моей, содержится 90 гимнов хвалебных, акафистных и молитвенных, гимн надгробный (91-й), поемый во время всеобщего бдения накануне праздника Успения Богоматери, 7 кратких гимнов (92–99), три молитвы (99, 100, 101) и, наконец, слово преподобного Иоанна Дамаскина на Благовещение Пресвятой Владычице нашей Богородице, то самое, которого начало я перевел по-русски и напечатал в статье о проповедниках в патриархате Иерусалимском. Все эти гимны и молитвы написаны рифмованными стихами. Кесарий Дапонте был даровитый пиит. Стихам своим он дал разные размеры, длинные и короткие. Читая их, удивляешься богатству созвучий в греческом языке и памятливому умению Кесария Дапонте разнообразить каждый гимн особыми рифмами. Например:

Ὑμνος κ'.

Ἐκ τοῦ Ἰεζεκιήλ.

Βίβλος, Παρθένε, βεβουλλωμένη,
 Πηγὴ ἀγία ἐσφραγισμένη,
 Καὶ πύλη μόνη σὺ κεκλεισμένη,
 Πύλη ἐκείνη ἡ ἐξώτερα,
 Παντὸς τοῦ κόσμου ἡ ἀνωτέρα,
 Τῷ θεῷ μόνῳ ἡ ἐγγύτερα, κ. τ. λ.

Ὑμνος να'.

Χαῖρε Κόρη λειτουργία,
 Χαῖρε Κόρη βρεφουργία,
 Χαῖρε Κόρη καινουργία,
 Χαῖρε Κόρη ἐπιγεία,
 Τοῦ θεοῦ, ὑπεραγία
 Τοῦ θεοῦ, καὶ πλαστουργία
 Τῶν βροτῶν, καὶ θεουργία
 Θείων δὲ μυσταγωγία

Χαῖρε Κόρη χορηγία
 Χαῖρε Κόρη ὁδηγία
 Χαῖρε Κόρη ἡ ὑγεία
 Χαῖρε μήτερ εὐωδία •[III/2 463]•
 Τῶν καλῶν, καὶ εὐπραγία
 Πάντων, καὶ ἀπολογία
 Τῶν σῶν δούλων ἡ παγία
 Τοῦ θεοῦ καὶ θυμηδία.

Далее в этом гимне 20 стихов оканчиваются каждый созвучием -διά, 20 стихов — созвучием -θεία, в 20 стихах конец на -ία, в 20 на -κία, в 20 на -λία, в 20 на -μία, в 20 на -νία, в 20 на -σία, в 20 на -τία, в 20 на -φία, в 20 на -χία. Итак, все эти созвучия подобраны по азбучному порядку: γ. δ. θ. ι. κ. λ. μ. ν. σ. τ. φ. χ. — Богато и замысловато.

Гимн 68-й надписан Εὐλογητάρια, т. е. Благословения. И действительно, это гимн благословений души верующей и любящей.

«Благословляем тя, Чистая,
 прееблагословенную
 Владычицу, женами и мужами
 воспеваемую.
 Благословляем тя, Чистая,
 яко благословенный

Плод Иоакима и Анны,
 и благодатный.
 Благословляем тя, Чистая,
 благословенную
 Руками иереев, и в храм
 Божий приведенную»
 и проч. и проч.

Гимн 69-й надписан Μακαρισμοί, т. е. Ублажения. И действительно, это гимн души, ублажающей Богоматерь.

«Ублажаю тебя, Дева чистая,
 по прореченью твоему,
 Блаженным сердцем, и гласом,
 и любовию.
 Ублажаю тебя, Дево,
 от блаженного отца
 И от блаженной матери
 рожденную.

Ублажаю тебя, Дево, яко
родившую Бога,

Блаженного Владыку неба и земли.

Ублажаю тебя, Дево, юже
немолчным гласом

Ублажают умы и сами небеса»,
и проч. и проч.

Гимн 70-й надписан Μεγαλυνά-
ρια, т.е. Величания. И действительно,
это гимн души, величающей Пресвя-
тую Деву.

«Величаю тебя, Госпоже,
как велие к Богу

Дерзновение и надежду
благочестивых людей. •[III/2 464]•

Величаю тебя, Госпоже,
как велие верных

Спасение и ходатайство,
и как родившую Христа.

Величаю тебя, Госпоже,
во дни и в нощи,

После Бога великую и единую
во всем.

Величаю тебя, Госпоже,
манием, языком и умом,

Как великомогущую на земле
и на небе»

и проч. и проч.

Гимн 72-й надписан Νυμφικός, т.е.
Невестный. И точно, в нем изглагола-
ны обрадования и приветствия При-
снодеве как Невесте.

«Радуйся, Невесто Бога,
уневещенная ради божественной

Благости твоей и чистоты
совершенной.

Радуйся, Невесто Бога и
Восточе Божий,

Свет, что от Света воссиявшая.

Радуйся, Невесто Бога,
свято родившая

Бога, от Бога рожденного вечно»

и проч. и проч.

Гимн 75-й написан особым, игри-
вым размером стихов:

Μάνα παρθένος

Βεβαιωμένως,

Θεὸς βροτὸς τε

Εἰς ὁ αὐτός τε,

Καὶ Κόρη μόνη

Τὰ κατορθώνει.

Τίς οὖν μὴ φοίξει;

Καὶ μὴ κηρύξει;

Δόξα σοί, Κόρη.

Οὐρανὸς χαίρει,

Καὶ τῇ γῇ φέρει

Νῦν τὰ πρεσβεῖα,

Καθὸ βραβεῖα

Κόρης Μαρίας

Τῆς ἐπιγείας.

Τίς μὴ κροτήσῃ,

Οὖν καὶ βοήσῃ;

Δόξα σοί, Κόρη.

Гимн 83-й надписан: Εἰς τὴν Ζωοδόχον
Πηγὴν, т.е. Живоносному Источнику.
Выписываю из него несколько стихов.

Δόξα σοί, μῆτερ τοῦ Θεοῦ, πηγὴ ἢ
ζωοδόχος,

Τῶν ἱαμάτων ἢ Πηγὴ, χρυσοπηγὴ
ἐξόχως. •[III/2 465]•

Χρυσοπηγὴ, χρυσοῦ τε παντὸς
τιμιωτέρα,

Πηγὴ ζωῆς, πηγὴ φωτός, φωτός
ποθεινότερα.

Φωτός, ζωῆς, ἁγιασμοῦ πηγὴ καὶ
σωτηρίας

Ἦ θεοδόχος ἢ πηγὴ, πηγὴ τῆς
εὐδοκίας.

Ἦ ζωοδόχος ἡ πηγὴ, πηγὴ ἡ
 Παναγία,
 Ἐξ ἧς πηγᾶζει ἡ πηγὴ αὕτη ἡ
 θαυμασία.

к. т. л.

Гимн 84-й надписан: Εἰς τὴν τιμίαν
 ἐσθῆτα καὶ ζώνην τῆς θεοτόκου, т. е.
 Честной ризе и поясу Богородицы.

Φόρεμα τῆς Παναγίας καὶ τίς
 δὲν τὸ προσκυνεῖ;
 Φόρεμα μαζί καὶ ζώνη, καὶ τίς
 δὲν τὰ ἀνυμνεῖ;
 Φόρεμα ὁποῦ φοροῦσεν ἓνα
 σῶμα μητρικόν,
 Ἐν ταύτῳ δὲ καὶ παρθένον,
 καὶ θεομητορικόν.
 Ζώνη ὁποῦ πᾶσα ᾿μέρα
 περιέζωνε κορμί,
 Ἀμετρα χαριτομένο, ὅλο
 γνῶσι καὶ τιμῇ,

к. т. л.

МОЛИТВА 99.

О Владычице, мира Царице,
 Которой благодати издавна
 возжелал я,
 Видимых, невидимых Всецарице,
 Которой славу с детства возлюбил я.
 Богородице Дево, Госпоже моя,
 Воспеваемая мною присно,
 созерцаемая мною,
 Мариам царственная, Царица
 небес тмоименная.
 Как раб к Владычице приходящий,
 И мольбы свои слезно изрекающий.
 Воплем вопию, Всесвятая моя:
 Согрешил я пред Господом,
 Госпоже моя.

Согрешил пред Господом: пред
 Тобою бью перси мои.
 Богородице Дево, помоги мне.
 Согрешил я пред Господом:

предстательствуй

О мне, ходатайствуй о мне. •[III/2 466]•

Гнев Господа укроти,
 От гнева Божия меня свободи,
 Множество грехов содеявшего
 Страху Божию меня научи,
 и проч. и проч.

МОЛИТВА 100.

Пречистая Дево, пренепорочная,
 Цвет, крин, роза, киннамон,
 Самые гимны мои благоухай,
 Благодатию твоею подновляй.
 Прими их, как Господь
 Принял лепты вдовицы.
 Приклони ухо твое и услышь,
 Воспевающим тебя внимли,
 Избавляя их от всех напастей
 И сохраняя под твоим покровом.
 Верных, Дево, удержави
 Царей наших и утверди их.
 Архиереев освяти,
 Иереев осени,
 Христиан всех храни,
 Веру православную распрости.
 Недугующих исцели,
 Здоровых же укрепи,
 Обидимым помоги,
 А сущих в напастях утешь!
 Итак, Кесарий Дапонте был пиит
 набожный.

— В 1795 году напечатано было в Вене его стихотворное изъяснение божественной литургии, посвященное Угровлахийскому митрополиту Филарету в

господарство Константина Николая воеводы Маврокордата: Ἐξήγησις τῆς θείας λειτουργίας, συλλεχθεῖσα καὶ στοιχορηγηθεῖσα παρὰ Κωνσταντίνου Δαπόντε, τοῦ μετονομασθέντος Καίσαρος, ἀφιερωθεῖσα δὲ τῷ μητροπολίτῃ Οὐγγροβλαχίας κυρίῳ κυρίῳ Φιλαρέτῳ, ἡγεμονεύοντος Ἰῶ Κωνσταντίνου •[III/2 467]• Νικολάου βοεβόδα τοῦ Μαυροкорδάτου. Τόμος α΄. Ἐν Βιέννῃ. 1795 (Εἰς 8°).

Кроме этих сочинений сего писателя, мне известны еще рукописные творения его:

— История византийских царей от Константина и Ирины до Константина Палеолога, у которого турки взяли Царьград в 1453 году, в стихах. Том 2-й на бумаге (in 8°): Κωνσταντίνου Δαπόντε, μετονομασθέντος Καίσαρος μοναχοῦ, Βασιλεία. Τόμος β΄. Ἐν βιβλιοθήκῃ Λαύρας τοῦ ἀγ. Ἀθανασίου.

— Ἰδιόχειρον τοῦ μακαρίτου διδασκάλου Καίσαρος Δαπόντε, τελευτήσαντος ἐν τῷ Ἀγίῳ ὄρει, τῇ μονῇ Ξηροποτάμου ἐν ἔτει ,αψπδ΄, то есть: Своерукопись блаженной памяти учителя Кесария Дапонте, скончавшегося на Афоне, в Ксиропотамской обители в 1784 году. В этой принадлежащей мне рукописи, кроме списков с грамот господарей и бояр Молдовлахии и кроме переписки патриархов Константинопольского и Александрийского и митрополита Халкидонского Гавриила с нашими царями Иоанном, Петром и Софьей, помещены краткие жития новых мучеников Греческой Церкви с 1520 года по 1745-й. В предисловии

к ним Дапонте говорит: «Благословен Бог! Ибо и в наше время, в нашем последнем и несчастнейшем роде христианском явились воины Всецаря Христа и мученики, с радостию умиравшие за спасительное имя Его в разных местах и в разное время. Число их знает один Бог, ради Которого они пролили кровь свою. А мы описали житие и страдания только тех из них, которых видели своими очами или о которых слышали от других либо читали готовые сказания, присовокупив краткие жизнеописания некоторых преподобных во славу их и для собственного назидания и для подражания им».

Передаю имена этих мучеников и преподобных.

Мученики:

- 1) Иаков новый, 1520 г.
- 2) Михаил новый, пострадавший в Солуне, 1544 г. •[III/2 468]•
- 3) Никодим из Метеор, 1551 г.
- 4) Феофан, 1559 г.
- 5) Димитрий, 1564 г.
- 6) Иоанн Кулика, 1564 г.
- 7) Дука Швец, второй Иосиф Целомудренный, 1564 г.
- 8) Иоанн Лептург, 1575 г.
- 9) Марк Педий Критянин, 1643 г.
- 10) Иордан из Трапезунта, 1506 г.
- 11) Симеон, золотых дел мастер из Трапезунта, 1653 г.
- 12) Анастасий, живописец из Навплии, 1655 г.
- 13) Иоанн Влах, 1662 г.
- 14) Иоанн, замученный на острове Ко, 1669 г.
- 15) Афанасий из Ггиá, 1670 г.

- 16) Николай Карпенисиот, 1672 г.
 - 17) Турок Ахмет, уверовавший во Христа и пострадавший за Него, 1672 г.
 - 18) Гавриил монах из епархии Приконисской, 1676 г.
 - 19) Киприан, иеромонах Афонский, 1679 г.
 - 20) Павел Русский, 1683 г.
 - 21) Коринфский епископ Захария, 1684 г.
 - 22) Иосиф из Алеппа, 1686 г.
 - 23) Роман Карпенисиот, 1694 г.
 - 24) Никодим, монах Афонский, 1709 г.
 - 25) Праведная и целомудренная Аргира из Бруссы, 1725 г.
 - 26) Пахомий Русский, 1730 г.
 - 27) Константин, иеромонах русского посольства в Константинополе, 1743 г.
 - 28) Анастасий, иерей, 1743 г.
- Преподобные:
- Акакий новый, 1730 г. и Иерофей, 1745 г.

Знаменитее Кесария Дапonte был

V. Евгений Вулгарис, основатель эллинской академии на Афоне подле Ватопедского монастыря. Житие его оповещено мною в *Первом путешествии моем по Афону*. Ч. II. Отд. 2. С. 62–70. Тут же поименованы и книжные труды его, но не все. Посему здесь указываются другие подобные труды его, как то:

•[III/2 469]•

— Ἡ Λογικὴ ἐκ παλαιῶν τε καὶ νεοτέρων συνερανισθεῖσα ὑπὸ Εὐγενίου διακόνου τοῦ Βουλγάρεως. Ἐν Λειψίᾳ, 1766 (εἰς 8°).

— Ἰωσήφ μοναχοῦ τοῦ Βρουννίου τὰ εὐρεθέντα δι' ἐπιμελείας διακόνου τοῦ Βουλγάρεως, ἥδη τὸ πρῶτον τύποις

ἐκδοθέντα. Τόμοι 3. Ἐν Λειψίᾳ, 1768 (εἰς 8°).

— Ἐπιστολὴ τοῦ σοφωτάτου κυρίου Εὐγενίου ἀρχιεπισκόπου πρῶην Σλαβωνίου καὶ Χερσῶνος. Τεργεστίῳ, 1797 (εἰς 8°).

— Ἐπιτομὴ τῆς ἱστορίας Γεωργίου τοῦ Καστριώτου, τοῦ ἐπονομασθέντος Σκεντερμπέη, βασιλέως τῆς Ἀλβανίας, μεταφρασθεῖσα ἐκ τοῦ Γαλλικοῦ, μετὰ προσθήκης τοῦ γενεαλογικοῦ καταλόγου τῶν Ὀθωμανῶν Σουλτάνων, συνερανισθέντος παρὰ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Εὐγενίου τοῦ Βουλγάρεως. Ἐν Μόσχᾳ, ἐν τῷ τυπογραφείῳ τοῦ Ν. Σ. Βσεβόλζσκη, 1812 (in 8°).

Этих четырех книг Евгения Вулгариса я не видел, и потому не могу оценить их. Зато перевожу по-русски речь его, говоренную императрице Екатерине II в день рукоположения его в архиерейский сан, 1-го дня октября. (Эта речь на греческом языке найдена была мною в библиотеке Метеоро-Варлаамского монастыря в Фессалии близ тамошнего города Трикки):

«И что могу я сказать, благодаря тебе, о величайшая самодержица, сказать достойное твоего благорасположения ко мне и твоей богатой милости, которую ты излила на меня? Смиранный, наименьший, состарившийся в низшем служении (диаконстве) алтарю, вот я наконец твоим после Бога самодержавным вниманием украшаюсь и возношусь на высочайшую степень Церкви и иерархии, облеченный в ефуд и епомиду, в священный логион и кидар. Из какой глубины на какую

высоту возвеличен я: это сознаю. Да, сознаю, но не имею слов равносильных для выражения великого долга моего, тем паче, что не я один должник твоего самодержавного величества: вся Восточная Церковь Христова признает себя одолженною твоим царским благочестием. Храм новый с основания зиждется среди гонителей и варваров, храм древний и истлевший возобновляется, престол архиепископский водружается теперь, новое вместилище для принятия •[III/2 470]• прибегающих овец словесных с трудом ограждается среди лютых волков и против них, кивот между иноплеменниками чувствуется, и Дагон, падая перед сим кивотом, разбивается в дребезги. Всё это Церковь передает из рода в род в памятях своих, вписавши в них имя великой Екатерины наряду с именами Константинов, Феодосиев, Иустинианов и Владимиров, Елены и Феодоры, Ирины и Ольги. Посему и мы самодержавному величеству твоему испрашиваем у Бога многолетия и благополучные дни христолюбивого царства твоего, и сохранения возлюбленного сына твоего и наследника великого князя Павла Петровича и благочестивейшей супруги его великой княгини Наталии Алексеевны для непрерывного от них преемства державы твоей и для утверждения ее во все веки до смещения луны».

После этой речи представляю вниманию нашего духовенства дельное рассуждение некоего миссологического священнопроповедника о поздних и

излишних прибавках к литургиям св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого, так как эти прибавки в первый раз обличены были в афонской академии Евгением Вулгарисом.

«Преподобнейшему и во Христе возлюбленному брату господину Дорофею душевный привет и обрадование братское*.

† Вот тебе, возлюбленный о Господе брат, исполнение просьбы любви твоей. Так как благословным и угодным показалось тебе всё то, что я прежде говорил тебе о порче священных молитв в Божественной литургии божественного отца Златоуста и небоявителя Василия, — *я разумею молитвы о божественном и неизглаголанном пресуществлении*, — и так как ты пожелал, чтобы всё это было изложено мною письменно для большего удостоверения тебя и для отчетливого убеждения других в том, что ты правильно делаешь, не произнося (в час литургии) •[III/2 471]• странных и неуместных вставок в оные священные молитвы, то я, удосужившись от текущих трудов, приступаю теперь к исполнению данного тебе мной обещания. А изложение свое пишу языком обыденным для пользы простейших иереев. Начинаю же с первого повода к сему, который есть следующий:

* Полагаю, что сей Дорофей есть тот самый, который в 1799 году был священнопроповедником в Великой Церкви Христовой в Константинополе. [Смотри ниже книжные труды Никодима Святогорца († 1809 г.)].

ДРУГИЕ ПРЕЖДЕ МЕНЯ
РАССУЖДАЛИ О СЕМ

Назад тому лет тридцать с небольшим в школе Святой Горы (Афонской) в первый раз довелось мне услышать от некоего ученика (имени его не помню), что молитвословие Божественной литургии испорчено и что есть тут поздние прибавки: *Господи, иже пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом ниспославый* и проч. до слов: *И сотвори убо хлеб сей*. А оные прибавки (говорил сей ученик) приставлены к прерванной молитве Златоуста: *Ниспосли Духа Твоего святаго на ни и на предлежащие дары сии, и сотвори убо хлеб сей* и проч. Когда он сказал это, я тотчас понял, что он говорил правду. Но оба мы недоумевали: кто и когда дерзнул сделать сии прибавления, и надобно ли опускать их или произносить, коль скоро они написаны и повсюду сообщены; и быть может, хорошо делает тот, кто произносит их? Итак, мы расстались. Но после сего довелось мне побывать в Корфу (в 1760 году), и я, не забывая сего, спросил об этом тамошних наставников, именно Иеремию, у которого учились два наших светила: кир Евгений и кир Никифор Феотоки, и попа Антония Спицула — мужей поистине любомудренных и многоученых. И оба они единогласно, без всякого сомнения ответили мне, что есть прибавки каких-то поздних неучей и что сами они, совершая литургию, не произносили их.

В ДРЕВНИХ ЛИТУРГИЯХ НЕТ ИХ

Получив такие ответы, я отправился из Корфу в Миссолонги и тут, бывши

священнопроповедником, говорил об этом в домашних беседах. Однажды приходит •[III/2 472]• ко мне некто и вручает мне рукопись, говоря, что она принадлежала блаженной памяти учителю Гордию. Гордий же этот был муж премудрый и весьма добродетельный, родом из области Аграфской, и оставил по себе великое имя как знаток науки церковной и мудрости внешней. Собственное имя ему было Анастасий, а Гордий — прозвание; учительствовал же он в Комополе Анатолийском. Там нашлась и вышеупомянутая рукопись вместе с другими книгами его. А содержались в ней одни только литургии Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященная. Итак, взявши ее в руки с подобающим оному учителю уважением, я внимательно пересмотрел обе литургии и — говорю истину во Христе — ни в той, ни в другой не нашел вышепоказанных прибавок; напротив, всё подряд читалось так, как сначала сочинили оные божественные отцы. Однако не очень давно жил этот Гордий. Еще и теперь живы люди, которые знали его.

После сего я из Миссолонги в 1767 году отправился в Солунь, а оттуда, по причине военной угрозы, — на Святую Гору. Здесь, нуждаясь в одной книге, я искал ее в катихуменах Ватопеда, в которых хранятся весьма многие книги, и тут нашел два пергаментных свитка с написанными на них тремя литургиями, в коих заглавия и заглавные буквы весьма изящно раззолочены и раскрашены. Но и в них, как в рукописи

Гордия, поистине, не оказалось никаких прибавок. По прошествии двух лет, возвратившись опять в Солунь, я по встретившейся мне надобности пересмотрел старые книги в тамошней митрополии, авось попадетсЯ какая-нибудь из них полезная, и там нашел один пергаментный свиток и в нем две литургии, но и в них, как в свитках Гордия и Ватопеда, не оказалось никаких прибавок. Да и что говорить много? И здесь, в *Новой Обители* (Νέα Μονή), нашелся один свиток на бумаге также без всяких прибавок, в чем каждый может удостовериться своими глазами. •[III/2 473]•

И В ТОЛКОВАНИЯХ ЛИТУРГИЙ НЕТ ПРИБАВОК

После рассмотрения древних рукописей я внимательно прочел и толкования священных литургий, но и тут не мог найти ни одного слова о прибавках к ним. Значит, эти прибавки появились недавно. Оставляю в стороне Германа, патриарха Константинопольского, и Николая Кавасилу, митрополита Диррахийского, так как они — толкователи очень давние, да и сочинения их не везде находятся, и выставляю на середину священного Симеона Солунского, которого книга весьма известна и сподручна. Пусть возьмет ее всякий желающий удостовериться и пусть хорошенько прочтет в ней объяснение Божественного пресуществления: тогда увидит, что Симеон приводит одни слова божественных отцов (Златоуста и св. Василия), а о прибав-

ках к ним вовсе не упоминает. Есть еще и другой новейший толковник Божественной литургии, хоть и невкусный по причине плоховатости простого языка новогреческого: это Критянин Нафанаил, протопресвитер и епитроп вселенского патриарха, живший, как кажется, в то время, когда еще венециане владели Критом. Но и он, даром что новый толковник, не говорил о прибавках. В священном Катехизисе премудрого Николая Керкирийца помещено начало прибавочной молитвы: *Господи, иже пресвятаго Твоего Духа*, — и только это начало и ничего более. Но на это мы отвечаем, что сей Николай — один-одинехонек, а один должен согласоваться с многими и наипаче с древними и святыми, каковы — божественный Герман, Кавасила и священный Симеон Солунский. Это — *первое*. А вот и *второе*. По мне, сам Николай этот не делал оной прибавки, что доказывает связь его речи, а ее вставили в Катехизис его те, которые печатали эту книгу его, привыкнув к новопечатным литургиям, в которых она читалась. А что реченный Николай не писал слов «*Господи, иже пресвятаго...*», сие видно и из того, что эти слова приставлены у него только к молитве Златоуста, а при молитве Василия Великого их нет. Притом молитвы и других литургий, кои премудрый •[III/2 474]• Николай напечатал непосредственно после литургий Златоуста и Василия, доказывают, что прибавки, о которых идет речь, суть измышления поздние. Если бы они издревле входили в состав литургийных молитв, кои

священник произносит перед Богом для Божественного пресуществления, то их можно было видеть хотя бы в одной какой-либо древней литургии, уж не говорю — апостольской, а хотя бы в Златоустовой или Василиевой. А так как их нет ни в древних, ни в новых свитках литургийных и так как ни один толковник не приводит их, то не явно ли и без нашего указания, что некоторые поздние *неучи* по-своему произволу вставили их в литургийные молитвы и напечатали? А печать сообщила их повсюду.

ЭТИ ПРИБАВКИ ВНУШАЮТ НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ

Во-первых, ими нарушается грамматический состав молитвы о пресуществлении, а с нарушением его нарушается и смысл ее. Так как в литургии Василия Великого священник, проговоривши: *Тебе молимся, Тебе призываем, Святе святых, благоволением Твоея благодати прииди Духу Твоему святому на ны и на предлежащая дары сия, и благослови ти я, и освятити и показати*, — после этих слов говорит: *Боже, очисти мя грешнаго. Господи, иже пресвятаго Твоего Духа...* и проч. и уже потом произносит по Служебнику: (*показати*) *хлеб убо сей самое честное тело* и проч., то всякий, кто хоть мало-мальски знает грамматику, не может потерпеть такого неграмматического перерыва смысла молитвы, призывающей Святого Духа на дары, ибо ни слова «*Боже, очисти мя*» не вяжутся с глаголом «*показати хлеб сей*», ни этот глагол не сочетается со

словами «*Боже очисти мя*», ни повелительные наклонения: *очисти, не отыми, созижди* не ладят с неокончательным наклонением: *показати*. Так много смешал и испортил неуч оный правильность сочинения божественного отца своего нестерпимой прибавкой! Первоначальная же молитва составлена св. Василием так, что после глагола *показати* непосредственно следует: *хлеб убо сей* (*показати*) •[III/2 475]• *самое честное тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, чашу же сию, самую честную кровь Господа* и проч. Так и в литургии Златоуста: предыдущее непосредственно вяжется с последующим, и совершается непрерываемое моление так: *посли Духа Твоего святого на ны и на предлежащая дары сия, и сотвори убо хлеб сей честное тело Христа Твоего, а еже в чаши сей честную кровь Христа Твоего*. Вот как складно божественные отцы сначала сочиняли святые молитвы свои! А оный неуч разорвал и испортил правильную речь, красоту и великолепие ее, вставив в нее свои измышления. Эта порча наиболее заметна в литургии Великого Василия, так что и исправить ее никак нельзя. За грамматическою же неправильностью следует неправильность смысла литургии. Известно всякому, что в Церкви существуют молитвы и тропари, из которых одни относятся к Лицу Отца, а другие — к Лицу Сына, иные же — к Лицу Святого Духа, и что некоторые молитвы и тропари читаются и поются просто всей Святой Троице. Так, на утрене молитвы во время шестопсаломия и молитвы

светильничные возносятся вообще к Святой Троице. Посему те, которые знают сие, не становятся пред иконою Христа, когда читают их, как это делают некоторые неучи, а стоят супротив святой трапезы, вне алтаря, вознося свой ум к Святой Троице. Многочисленны же те молитвы, кои возносятся только к одному Лицу. Не перечисляю их, дабы не отдалиться от главного предмета нашего, и представляю в пример только совершение Тайной Вечери. Совершения ее иерей испрашивает от одного безначального Отца, издавляя начиная оное благодарственными гимнами. Послушай, как он беседует с Отцем, говоря: «Достойно и праведно Тя пети... Ты бо еси Бог неизреченен... Ты и едиnorodный Твой Сын и Дух Твой святыи». И еще: «С сими и мы блаженными силами, Владыко человеколюбче, вопием и глаголем: свят еси и пресвят, Ты и едиnorodный Твой Сын и Дух Твой святыи»; и, сказавши это и воспевши повествовательно Богу Отцу, как Сын Его Единородный Господь наш Иисус Христос, •[III/2 476]• Которого Он отдал на смерть ради нашего спасения, в ту же ночь, в которую надлежало быть преданным Ему, преподав святым ученикам Своим всё Тело и Кровь, и заповедь дал, да и они то же творят в воспоминание смерти, которую претерпел ради нашего спасения, и присовокупил еще, что и мы, воспоминав эту спасительную заповедь и прочие действия божественного смотра, Тебе приносим Твоя от Твоих, о всех и за вся, за сим непо-

средственно, не прерывая смысла речи, молит и просит это же самое блаженное Лицо, т. е. безначального Отца, ниспослать с неба всесвятото Духа для того, чтобы совершить подлежащая, т. е. положить хлеб в Тело Христа, а вино в Кровь Христа, и не просто Христа, а Христа Твоего. Но пропишем сами слова литургии: «Еще приносим Ти (т. е. Тебе, Богу Отцу) словесную сию и безкровную жертву и просим и молим, ниспосли Дух Твой святыи на ны и на подлежащая дары сия, и сотвори убо хлеб сей честное тело Христа Твоего, а еже в чаши сей честную кровь Христа Твоего, предложив Духом Твоим святым, во еже быти причащающимся во трезвение души» и проч. Это же читается и в литургии Великого Василия: «Сый владыко, Господи Боже Отче, вседержителю», — говорит иерей тому же безначальному Отцу, как это доказывают следующие слова: «Безначальне, невидиме, непостижиме, неописанне, неизменне, Отче Господа нашего Иисуса Христа» и проч. И ниже: «Егда же прииде исполнение времен, глагола еси нам самым Сыном Твоим, Им же и веки сотворил еси»... и проч. И еще: «И пожив в мире сем, дав повеления спасительная, оставив нас прелести идольския, привеле в познание Тебе истинного Бога и Отца»... и проч. Воспевши сие и оповестивши благодарственно преподавание страшных Таин ученикам и посредством их нам Единородным Сыном, Господом нашим Иисусом Христом, иерей приступает наконец и к пресу-

ществлению предлежащих даров и, соблюдая и здесь последовательную связь речи, говорит: «Сего ради, Владыко пресвятой, и мы грешнии... Тебе молимся и Тебе призываем, Святе святых, благоволением Твоея •[III/2 477]• благодати приити Духу Твоему святому на ны и на предлежащая дары сия, и благословити я, и освятити и показати хлеб убо сей самое честное тело Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, предложив Духом Твоим святым, нас же всех, от единого хлеба и чаши причащающихся, соедини»... и проч. Рассмотрим теперь неправильности оной прибавки. Ни у кого не может быть никакого сомнения в том, что оные моления и прошения возносятся только к безначальному Отцу. Полагаю, что никто не усомнится и в том, что тропарь или молитва: «Господи, иже пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом ниспославый»... говорится одному Христу, и что Ему одному усвоется ниспослание Духа Святого, так как сам Он ясно говорит: *И иного утешителя пошлю вам, Духа истинны* (Ин. 14, 17), и еще: *Егда же приидет утешитель, его же Аз пошлю вам* (Ин. 15, 26). Это самое и Церковь многократно возвещает в песнопениях своих, и в отпусте святой Пятидесятницы глаголет: «Иже в виде огненных языков с небесе ниспославый пресвятаго Духа на святые Своя ученики и апостолы, Христос истинный Бог наш»... Итак, и поэтому не может быть никакого сомнения в том, что молитва: «Господи иже пресвятаго...» возносится к одному Лицу Хрис-

та. А ежели то и другое неоспоримо и истинно, т.е. ежели иерей, произнося оные молитвы, беседует с Отцем, дабы умолить Его пресуществить предлежащая дары Святым Духом Его, и ежели прибавочной молитвой беседует со Христом и просит Его обновить нас посредством Святого Духа Его, ежели, повторяю, то и другое истинно, то кто не видит ясно, что иерей таким образом внезапно и непоследовательно и нескладно перескакивает от одного Лица к другому, от Отца к Сыну, и, прекращая молитву первому, умоляет второго? Непростителен такой внезапный и непоследовательный скачок: странно не окончив одного, начинать другое! Но всего хуже то, что иерей просит Христа послать Духа Святого не для того, чтобы освятить *нас*, как сего просим мы в третий час дня, а для того, чтобы хлеб предложить в честное Тело Христа *Его* и вино — в Кровь Христа *Его*. •[III/2 478]• Но выслушаем саму молитву прибавочную в связи с молитвой литургии, дабы лучше понять нам всю неуместность ее при совершении пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Христову: «Господи, иже пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый, того благий не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся, и сотвори убо хлеб сей честное тело Христа *Твоего*, а еже в чаши сей честную кровь Христа *Твоего*, предложив Духом Твоим святым». Слышишь, возлюбленный! Ты, Христос, ниспославший Духа Твоего святого апостолам Твоим, пошли Его сегодня и

нам, и сотвори хлеб сей Тело Христа Твоего. Какого другого Христа Тело сотворить должен Христос же по силе этой прибавочной молитвы? Скольких Христов мы имеем? Сколько Сынов Божиих? Сколько спасителей и спасений? О, антихристова дерзость! О, нечистая рука и мысль! Как дерзают говорить некоторые, что такое моление и призывание не содержит в себе ничего неправильного, неуместного? Может ли быть что-либо неправильнее, как это допущение *двух Христов*? Конечно, тот, кто вставил эту прибавочную молитву не думал о двух Христах, так как все нововводители не замечают неправильностей в своих новшествах. Но мы, православные, усматриваем их как порождения худой матери. Итак, ежели она прибавка прерывает связь священных молитв и отделяет последующее от предыдущих, к одному и тому же Лицу возносится моление: Господи иже Пресвятаго Твоего Духа *ниспосли и преложи* хлеб в Тело, — что само собой разумеется, так как это моление произносится нерассудительным благочестием с великим усердием и жаром, — ежели с Божиим Сыном так благоговеино беседует иерей и его просит преложить хлеб в Тело Сына же *Его Самого*, то нет ничего хуже сего нечестия и хуления.

ПОЧЕМУ ЯВИЛАСЬ ЭТА ПРИБАВКА,
И ОПАСНО И НЕПРОСТИТЕЛЬНО
УДЕРЖИВАТЬ ЕЕ

Многие недоумевают, кто первый дерзнул сделать эту •[III/2 479]• прибавку и почему. Но кто может указать такое

дерзновенное лицо? Никто. Итак, не будем искать его, потому что не найдем. А какая причина понудила его к сему: это я показываю по своему разумению. Есть разногласие между нами и латинами касательно совершения таинств. Латины учат, что хлеб предлагается в Тело Христово и вино — в Кровь Христова тогда, когда иерей произносит слова Господа: *Примите, ядите... Пейте от нее еси...* Посему они говорят, что не нужна тут иерейская молитва, и обвиняют нас в неверовании во всемогущество оных слов Господа. Таково, вкратце, мудрование худославных латинян. Но они содержат его так твердо, что, дерзкие, дерзают обвинять нас, восточных, в том, что мы худо делаем, прибавляя к словам Господним свои собственные моления. На Флорентинском лжесоборе паписты много принуждали наших восточных вписать в латинское определение их, что принимается ими и это латинское мудрование и что впредь перестанут все восточные произносить свое собственное моление после слов Господних, сознавая, что достаточно одних этих слов для совершения таинства. Однако все восточные и вместе с ними и царь греческий не решились уступить в этом латинам, опасаясь, как бы не взбунтовались константинопольцы, услышав, что царь испортил литургии Златоуста и Василия, в которых положено молитвенное призывание Святого Духа на дары иереем, и не только не приняли такого латинского нововведения, но еще упростили иже во святых премудрейшего

Марка Ефесского написать удостоверение, что так и так, святые совершали святую тайну с молитвенным призыванием Святого Духа, как и ныне совершают ее наши восточные иереи, и что слова Господни иерей произносит *повествовательно* пред Богом и Отцом, представляя действие вот так: я, Господи мой, не от себя, не по своему произволу совершаю всё тайнодействие, а Сын Твой Единородный, Господь наш Иисус Христос, Который ученикам Своим сказал и установил то и то и нам повелел делать то же самое, Он-то, Он дал нам дерзновение просить Тебя, Боже и Отче, и потому •[III/2 480]• мы просим и молим ниспослать Духа Твоего Святого на дары и на нас. Таким образом, необходимо после повествовательного возглашения слов Господних следуют слова и молитвенного призывания Святого Духа, заимствованные Златоустом и Василием из литургий Иакова и других апостолов. Поелику же такое существует разногласие касательно Божественного пресуществления между западниками и нашими восточниками, то и оказывается что какой-то восточник, хотя и ревнитель, но неуч, желая идти против латинского новшества, не удовольствовался теми молитвенными призываниями Святого Духа, кои читаются в литургиях Златоуста и Василия и посредством коих дары прелагаются в Тело и Кровь Христа, но в укор франкам прибавил еще и иные известные моления («Господи иже пресвятаго... Сердце чисто созижди... Не отвержи мене от лица

Твоего...»), как бы способствующие совершению таинства, как будто недостаточно действительнейшее моление Златоуста: «Еще приносим ти словесную сию и безкровную жертву, и просим и молим: ниспосли Духа святого на ны и на предлежащая дары сия, и сотвори убо хлеб сей...» и проч. и как будто недостаточна такая же молитва и Василия Великого. Но, как видно, или сей нововводитель забыл, что таких прибавок не принимают латины, говоря, что мы, позднейшие, примыслили их, или был какой-то мечтатель, который возмечтал, что он умеет прибавлять молитву к молитве и призывание к призыванию, а прибавил только неправильность и хуления, обличенные нами выше. Вот по какому поводу явилась неуместная, неразумная и хульная прибавка она; и статья может, изобретатель ее сначала только наизусть произносил ее, когда литургисал, как это делают и ныне многие, не довольствуясь даже этой прибавкой, а вычитывая многое и другое; потом он вписал ее в литургию свою, а потомки, нашедши ее и признавши богодухновенной, напечатали, благо что имели печатный станок у ног своих. Сдается, что такая прибавка впервые явилась или у критян, или в Венеции. Однако кто может присвоить себе власть прибавлять к Божественной литургии то, •[III/2 481]• что кажется ему хорошим, и прибавлять так, что прибавка нарушает последовательность и целостность тех священнейших молитв, кои написаны со всей мудростью Пресвятого Духа,

сохранены с крайним благоговением и уважением всеми прошедшими веками и подтверждены всеми святыми и Вселенскими Соборами и, просто сказать, всей Кафолической Церковью от конец до конец вселенной? По моему мнению, тот, кто сделал это, или другой, имеющий сделать другое что подобное, грешит так же, как и тот, кто прибавит хоть мало что к Символу веры или убавит от него. Ибо как этот Символ есть показатель веры всех христиан, так и Божественная литургия Златоуста и Великого Василия есть всеобщий указ всем Церквам в мире, как совершать Тайны; и как там, так и здесь, прибавка доказывала бы незаконченность оных божественных молитв и осуждению подвергала бы совершеннейших и премудрейших иерархов и учителей Кафолической Церкви за то, что они как будто не вполне научили нас совершать Святые Тайны.

ОТНЮДЬ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ПРОИЗНОСИМЫ ПРИБАВКИ,
И ЦЕРКОВЬ ОБЯЗАНА ПРЕКРАТИТЬ
ИХ И МНОГОЕ ДРУГОЕ.

Итак, возлюбленный, есть ли надобность делать заключение и говорить наотрез, что иерею не подобает произносить те моления, кои указаны как прибавки странные и неуместные, и к тому же хульные и внушающие неуважение к святым? Нет такой надобности, потому что каждый иерей, который имеет совесть и уважение к божественным учителям, никогда не решится порицать как их, так и всю древность,

после того как прочтет сие и узнает истину. Однако и святой Церкви нашей, богатой апостольским достоинством, надлежит позаботиться о том, чтобы перед лицом всего мира исправить не исправное и наложить великую епитимию на того, кто бы впредь дерзнул сделать хоть бы малейшую прибавку. Сам суди, возлюбленный, ведь некто первый прибавил только: «Господи иже пресвятаго Твоего Духа...» и еще два стиха: «Сердце чисто созижди во мне •Пш/2 482• Боже... Не отвержи мене от лица Твоего», — и одни эти прибавки мы находим в старинных литургиях и требниках. А в новейших читаем уже и: *Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей...* и *Егда снисшед языки смеси* (хотя эти прибавки содержат не молитвы и прошения, а гимны и славословия). Я думаю, что в непродолжительное время потомки наши увидят и такую прибавку: *Приидите люди, триипостасному божеству поклонимся*, потому что и эта песнь содержит в себе выпреннее богословие; и еще: *Царь небесный за человеколюбие на земли явися*, потому что и тут выражено всё домостроительство нашего спасения, и еще: *Господи услыши молитву мою и вопль мой к Тебе да приидет*, и прочее без числа и предела, что и как кому внушит неразумное благочестие. Посему, брат, необходимо, чтобы святая Церковь наша сперва очистила Евхологий от всех вставок, какие включены в него повременно неучами дерзкими и, прибавлю, худомудренными. В самом деле, не худомудренное ли

латинское указание (в Службениках) диакону, чтобы он вместе с иереем простирал руки свои к дискусу и потиру, когда возглашаются слова Господни: *Примите, ядите... Пийте от нея вси...*? Верно, кто-то латиномудрствующий напечатал это указание диакону, веря, что Тайны совершаются силой этих слов. А гораздо хуже то, что в некоторых печатных Службениках указано иерею в эти минуты благословлять крестообразно хлеб и вино и потом снова благословлять их во время призывания Святого Духа. Поистине, тут помещено указание латинское. Ибо чистый латинец не допускает вторичного благословения. Не надлежало ли прежде, ранее, в начале, устранить такие прибавки, дабы не видели их наши неученные иереи и не грешили бы невольно, бедненькие, думая, что они — предания и уставы Кафолической Церкви? К числу латинских художествований принадлежит и освящение дискаса и потира и достопокланяемых икон, как это обличает Иерусалимский патриарх Досифей в своей книге «О патриархах Иерусалимских». Ибо то и другое противно определению святого •[III/2483]• и Вселенского Собора VII-го. Все эти новшества суть выдумки антихриста-папы. Что сказать мне и о скверном, богопротивном и на зло выдуманном поборатимстве? Выслушай, возлюбленный, и подивись бесстыдству и бесстрастию перед Богом того, кто напечатал чин *побратимства*. Он говорит: «Да будет ведомо, что сей чин воспрещен и церковным, и царским законом; но мы

напечатали его, потому что нашли во многих других книгах». Слышишь, что говорит сей треклятый? Он оповещает, что сей чин воспрещен и церковным, и царским законом, и однако же, не покоряясь этому закону, печатает его. Не надлежало ли же Церкви нашей излить праведный гнев свой на сего беззаконнейшего типографа? Да! Надлежало и дерзость его наказать, и книгу его осудить, и иереям строго приказать, чтобы они не покупали ее. А чего не сделали тогда, то пусть сделают теперь: пусть исключат из Требника всё противное святой Церкви и не принятое ею и, сделав это, пусть печатают его, уже очищенный и исправленный, а иереи пусть покупают его или исправляют свои старые Требники по новому Требнику, очищенному и утвержденному властью владычною; в то же время с угрозою страшной епитимии пусть будет отнято у всякого право печатать, что и что ему вздумается и что не дозволено Церковью. Это я говорил некоторым архиереям и просил их доложить Священному Синоду, дабы он позаботился исправить и другие церковные книги, особенно Евхологий, которого содержание сколько важно, столько испорчено. Говорил я это, но тщетно. Слово же осталось без исполнения, как бы лишнее, ненадобное. Впрочем, я сделал свое дело, которое было под рукою моею — сделал его по просьбе любви твоей». (Оправдания, № 82).

Это рассуждение найдено было мной в библиотеке монастыря Афоно-Ксенофского. Имя сочинителя его не

подписано и потому неизвестно мне. Из самого же рассуждения видно, что он написал его после того, как была напечатана книга Иерусалимского первосвященника Досифея «О патриархах Иерусалимских», •[III/2 484]• упомянутая в рассуждении, о котором идет речь: следовательно, написал после 1709 года, когда Досифея уже не было в живых, даже после 1799 года, в котором священнопроповедником в Константинополе был друг его Дорофей. Дельно это рассуждение. Но не всё в нем основательно и благословно. Не говорю о резких и поносных нарицаниях, какими автор осыпал папу, латинян и даже своих собратий, обозвав их антихристами, худомудрствующими, треклятыми, проклятыми, невеждами, неучами, что весьма неприлично священнопроповеднику, каким был автор и служитель Бога любви и мира. Не говорю об этом, но считаю нелишним высказать всё, что мне известно о четырех содержащихся в оном рассуждении предметах, как то: 1) о побратимстве, 2) об освящении икон и церковных сосудов, 3) о мановениях рук иерея и диакона при возгласении слов: «Приимите, ядите... Пийте от нея вси...» и наипаче 4) о прибавках к молитвенному призыванию Святого Духа на дары.

1) Есть у меня Третье Евангелие (Εὐχολόγιον), написанный на пергаменте в конце VII или в начале VIII века. В нем не положены молитвы на побратимство (ἀδελφοποιία) и даже не упомянуто о нем. В первом афонском, нецерков-

ном, уставе 971 года (правило 14) «воспрещено святогорским монахам вступать в сочадство или побратимство с мирянами. Если же некоторые из них сделали это прежде, то отнюдь да не ходят они в дома их, не обедают, не принимают, не гостят у них». Это запрещение им повторил и царь Мануил в 1406 году: «Никто из монахов не должен уходить со Святой Горы и вступать в сочадство или побратимство с мирянами. Ибо это не подобает инокам, отрекшимся и от детей, и от отцов, и просто от всех присных им по крови. Если же некоторые учинили это прежде, то отнюдь да не ходят в дома их, и не обедают с ними, и не ужинают, и даже не гостят у них, и не завещают им чего-либо как наследникам своим». Итак, у греков известны побратимства с 971 года до 1406-го. Но •[III/2 485]• и после они постоянно существовали у них и заводились даже по благословлению церковномолитвенному. Их знал вышепомынутый миссолонгский священнопроповедник и не одобрял, вероятно, потому, что греки в церквях братались, а в домах сватались с женами, дочерьми, служанками побратимов. В Константинополе даже в наши дни составляются в честь святых так называемые *адельфаты*. Некоторые прихожане такой-то церкви сговариваются чествовать праздник своего святого и украшать образ его, и потому между собою называются *крестовыми братьями* и просто побратимами. Но читается ли ими какая-либо молитва в церкви, этого я не знаю.

2) В рассуждении миссолонгского проповедника освящение церковных сосудов и икон посредством молитвы названо противным святому Вселенскому VII Собору. В правилах этого Собора нет ни слова о сем предмете. Но в одном из деяний его сказано: «Над многими предметами, которые мы признаем святыми, не читается священная молитва, потому что они по самому имени своему полны святости и благодати. Поэтому такие предметы мы почитаем как достойные почитания и лобызаем их. Так и самый образ животворящего креста, хотя на освящение его и не полагается особая молитва, считается у нас достойным почитания и служит для нас достаточным средством к получению освящения. Что же касается воздаваемого нами ему поклонения или изображения его на чем-либо и очертания его в воздухе, то мы уповаем, что через это прогоняются демоны. То же самое относительно и иконы: обозначая ее известным именем, мы относим честь ее к первообразу; целуя ее и с благоговением поклоняясь ей, мы получаем освящение. Равным образом, когда мы целуем и объемлем разные священные сосуды, то надеемся, что получим чрез них некое освящение. Иконоборцы должны признать также вещами обыденными и незаслуживающими чествования крест и священные сосуды как приготовления плотника, или живописца, или ткача, так как эти вещи не имеют освящающей их молитвы, или же и

честные иконы они должны •[III/2 486]• считать святыми и достойными почитания»*. Отсюда видно, что в век VII Вселенского Собора (787 г.) не освящались ни церковные сосуды, ни кресты, ни иконы особыми молитвами.

3) В рассматриваемом сочинении осуждено диаконское указание орарем на дискос и потир во время возгласения Господних слов: *Примите, ядите... Пейте от нея вси...* — осуждено это действие, как выражение латинского верования, что силою этих-то слов и пресуществляются хлеб и вино в Тело и Кровь Христову. Согласен я с этим осуждением, хотя и знаю, что наши диаконы, иереи и даже архиереи делают сие, не усвоив такой силы словам Господним. А если они не усваивают ее им и веруют, что пресуществление даров совершается в минуту молитвенного призывания на них Духа Святого, то машинальное простираение их рук к потиру и дискосу в это время неуместно и излишне. Следовательно, надобно прекратить это излишнее действие, тем паче, что некоторые диаконы совершают оное с вычурными выпибками ораря и с бессмысленным наклоном головы, ни о чем не думая в эту минуту и не зная, что таким действием напоминают латинщину.

4) Основательно и неоспоримо учение миссолонгского проповедника,

* *Деяния Вселенских Соборов*, изданные в русском переводе при Казанской духовной академии. Казань, 1875. Т. VI. С. 488–489.

что все молитвы в литургии возносятся к Богу Отцу, а молитва: «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа» и проч. относится к Сыну Божию, и что один Бог Отец посредством Духа Святого и претворяет хлеб и вино в Тело и Кровь Христа *Своего*; следовательно, моление иерея о ниспослании сего Духа на дары отнюдь не должно быть прерываемо умолением Христа Сына Божия претворить дары в Тело и Кровь *Его же Самого*. Такого умоления сей проповедник не видел в бывших у него под руками *древних* рукописях. И я, рассмотревший множество литургийных рукописных свитков древних в восточных библиотеках, ни в одном из них не нашел молитвы перед освящением даров: «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа...» •[III/2 487]• В принадлежащем мне Евхологионе, написанном на пергаменте в конце VII или в начале VIII века, нет ее; напротив, после возгласа священника: «Твоя от Твоих Тебе приносяще» — непосредственно без перерыва читается в литургии Василия Великого:

Ὁ χορός ψάλλει· Σὲ ὑμνοῦμεν, σὲ εὐλογοῦμεν, σοὶ εὐχαριστοῦμεν, Κύριε.

Ὁ ἱερεὺς μυστικῶς· Διὰ τοῦτο, δέσποτα πανάγιε, καὶ ἡμεῖς ἁμαρτωλοὶ καὶ ἀνάξιοι δοῦλοι σου, οἱ καταξιωθέντες λειτουργεῖν τῷ ἁγίῳ σου θυσιαστηρίῳ, οὐ διὰ τὰς δικαιοσύνας ἡμῶν, οὐ γὰρ ἐποιήσαμεν τι ἀγαθὸν ἐπὶ τῆς γῆς, ἀλλὰ διὰ τὰ ἐλέη σου καὶ τοὺς οἰκτιρμοὺς σου, οὓς ἐξέχεας πλουσίως ἐφ’ ἡμᾶς, προσεγγίζομεν τῷ ἁγίῳ σου θυσιαστηρίῳ· καὶ προσθέντες τὰ ἀντίτυπα τοῦ ἁγίου σώματος τοῦ Χριστοῦ

σου, σοῦ δεόμεθα καὶ σὲ παρακαλοῦμεν, ἅγιε ἅγιον, εὐδοκία τῆς σῆς ἀγαθότητος, ἔλθειν τὸ πνεῦμα σου τὸ ἅγιον ἐφ’ ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ προκείμενα δῶρα ταῦτα, καὶ εὐλογῆσαι αὐτὰ καὶ ἀγιάσαι καὶ ἀναδείξαι τὸν μὲν ἄρτον τοῦτον, τὸ τίμιον σῶμα τοῦ κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τὸ δὲ ποτήριον τοῦτο, αὐτὸ τὸ τίμιον αἶμα τοῦ κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τὸ ἐκχυθὲν ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου τῷ ἁγίῳ.

Ἡμᾶς δὲ πάντας, τοὺς ἐκ τοῦ ἐνὸς ἄρτου καὶ τοῦ ποτηρίου μετέχοντας ἐνώσαι ἀλλήλοις...

В литургии Златоуста также без перерыва читается:

Ἐκφώνησις· Τὰ σὰ ἐκ τῶν σῶν σοὶ προσφέροντες κατὰ πάντα καὶ διὰ πάντα.

Ὁ λαός· Σὲ ὑμνοῦμεν, σὲ εὐλογοῦμεν...

Ὁ ἱερεὺς· Ἐτι προσφέρομεν σοὶ τὴν λογικὴν ταύτην λατρείαν καὶ ἀναίμακτον θυσίαν, καὶ παρακαλοῦμεν, καὶ δεόμεθα, καὶ ἱκετεύομεν· κατάπεμψον ἐφ’ ἡμᾶς τὸ πνεῦμα σου τὸ ἅγιον, καὶ ἐπὶ τὰ προκείμενα δῶρα ταῦτα.

Καὶ σφραγίζων τὰ ἅγια δῶρα λέγει·

Καὶ ποιήσον τὸν μὲν ἄρτον τοῦτον αὐτὸ τὸ σῶμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου ἁγίῳ. •[III/2 488]•

Καὶ ὁ διάκονος· Ἀμήν.

Ὁ ἱερεὺς πάλιν τὸ ποτήριον·

Τὸ δὲ ἐν τῷ ποτηρίῳ τούτῳ αὐτὸ τὸ τίμιον αἶμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν πνεύματί σου τῷ ἁγίῳ.

Καὶ πάλιν κλινόμενος λέγει· Ὅστε γενέσθαι τοῖς μεταλαμβάνουσιν ἐξ αὐτοῦ εἰς νίψιν ψυχῆς.

В литургии святого апостола и евангелиста Марка, которой древнейший список хранится в Ватиканской библиотеке, а туда принесен из калабрийского православного монастыря Одигитрии, прозываемого Крипта-Феррата, в этой литургии без перерыва читается:

Σοί, Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, τὰ σὰ ἐκ τῶν σῶν δώρων προεθήκαμεν ἐνώπιόν σου. καὶ δεόμεθα καὶ παρακαλοῦμεν σε, φιλάνθρωπε ἀγαθέ· ἐξαπόστειλον ἐξ ὕψους τοῦ ἁγίου σου ... αὐτὸν τὸν παράκλητον, τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας, τὸ ἅγιον, τὸ κύριον, τὸ ζωοποιόν, ... τὸ σοιόμοουσιον, τὸ ἐκ σου ἐκπορευόμενον, τὸ σύνθρονον τῆς βασιλείας σου καὶ τοῦ μονογενοῦς σου Υἱοῦ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ· ἔτι δὲ ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τοὺς ἄρτους τούτους, καὶ ἐπὶ τὰ ποτήρια ταῦτα, τὸ πνεῦμα σου τὸ ἅγιον, ἵνα αὐτὰ ἁγιάσῃ καὶ τελειώσῃ, ὡς παντοδύναμος Θεός. (Ἐκφώνως·) Καὶ ποιήσῃ τὸν μὲν ἄρτον σῶμα...

Ὁ λαός· ἀμήν.

Ὁ ἱερεὺς ἐκφώνως·

τὸ δὲ ποτήριον αἷμα τῆς καινῆς διαθήκης αὐτοῦ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ σωτῆρος καὶ παμβασιλέως ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἵνα γενῶνται πᾶσιν ἡμῖν ἐξ αὐτῶν μεταλαμβάνουσιν εἰς πίστιν, εἰς νίψιν, εἰς ἰασιν...

В литургии святого апостола Иакова, которой список XIII века находится в библиотеке Александрийского патриарха в Каире, без перерыва читается:

Ὁ ἱερεὺς λέγει· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεὸς ὁ παντοκράτωρ· ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ

Θεός ὁ •[III/2 489]• σωτὴρ ἡμῶν· ἐλέησον ἡμᾶς ὁ Θεὸς κατὰ τὸ μέγα ἔλεός σου καὶ ἐξαπόστειλον ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ προκείμενα δῶρα ταῦτα τὸ πνεῦμα σου πανάγιον.

Εἶτα κλίνας τὸν αὐχένα λέγει·

τὸ κύριον καὶ ζωοποιόν, τὸ σύνθρονον σοὶ τῷ θεῷ καὶ πατρὶ καὶ τῷ μονογενεῖ σου Υἱῷ, τὸ ὁμοούσιόν τε καὶ συναΐδιον... τὸ καταβὰν ἐπὶ τοὺς ἀποστόλους ἐν εἶδει πυρίνων γλωσσῶν ἐν τῷ ὑπερώῳ τῆς ἁγίας καὶ ἐνδόξου Σιών ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς πεντηκοστῆς, αὐτὸ τὸ πνεῦμα σου τὸ πανάγιον κατὰπεμψον, δέσποτα, ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ προκείμενα ἅγια δῶρα ταῦτα.

Εἶτα ἀνιστάμενος ἐκφώνει· ἵνα ἐπιφοίτησαν, τῇ ἁγίᾳ καὶ ἀγαθῇ καὶ ἐνδόξῳ αὐτοῦ παρουσίᾳ, ἁγιάσῃ καὶ ποιήσῃ τὸν μὲν ἄρτον τοῦτον σῶμα ἅγιον τοῦ Χριστοῦ σου.

Ὁ λαός· ἀμήν.

Ὁ ἱερεὺς·

καὶ τὸ ποτήριον τοῦτο, αἷμα τίμιον τοῦ Χριστοῦ σου.

Ὁ λαός· ἀμήν.

Ὁ ἱερεὺς καθ' ἑαυτὸν ἱστάμενος·

ἵνα γένηται πᾶσι τοῖς ἐξ αὐτῶν μεταλαμβάνουσιν εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν καὶ εἰς ζωὴν αἰώνιον, εἰς ἁγιασμὸν ψυχῶν καὶ σωμάτων...

В литургиях Василия Великого и Иоанна Златоуста, которых пергаментные списки хранятся в библиотеке монастыря Афоно-Ксенофского, без перерыва читается:

В литургии Василия:

Τὰ σὰ ἐκ τῶν σῶν σοὶ προσφέροντες κατὰ πάντα καὶ διὰ πάντα.

Ὁ λαός· Σὲ ὑμνοῦμεν...

Ὁ ἱερεύς· Διὰ τοῦτο, δέσποτα πανάγιε..., σοῦ δεόμεθα καὶ σὲ παρακαλοῦμεν, ἅγιε ἁγίων, εὐδοκία τῆς σῆς ἀγαθότητας, ἔλθεῖν τὸ πνεῦμα σου τὸ ἅγιον ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ προκείμενα δῶρα ταῦτα, καὶ εὐλογῆσαι αὐτὰ καὶ ἀγιάσαι καὶ ἀναδεῖξαι.

Καὶ ἀνιστάμενος ὁ ἱερεύς, σφραγίζων τὰ ἅγια δῶρα, λέγει· τὸν μὲν ἄρτον τοῦτον, αὐτὸ τὸ τίμιον σῶμα... •[III/2 490]•

Ὁ διάκονος· ἀμην.

Ὁ ἱερεύς· τὸ δὲ ποτήριον τοῦτο, αὐτὸ τὸ τίμιον αἶμα...

Ὁ διάκονος· ἀμην.

Ὁ ἱερεύς· τὸ ἐκχυθὲν ὑπὲρ τῆς τοῦ κόσμου ζωῆς... ἡμᾶς δὲ πάντας, τοὺς ἐκ τοῦ ἐνὸς ἄρτου καὶ τοῦ ποτηρίου μετέχοντας...

В литургии Златоуста:

Ὁ ἱερεύς· Ἐτι προσφέρουν σοὶ τὴν λογικὴν ταύτην λατρείαν καὶ ἀναίμακτον θυσίαν, καὶ παρακαλοῦμεν καὶ δεόμεθα καὶ ἱκετεύομεν· κατὰπεμψον τὸ πνεῦμα σου τὸ ἅγιον ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ προκείμενα δῶρα ταῦτα.

Καὶ ἀνιστάμενος καὶ σφραγίζων τρίτον τὰ ἅγια δῶρα λέγει· Καὶ ποιήσον τὸν μὲν ἄρτον τοῦτον, αὐτὸ (τὸ) τίμιον σῶμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου ἁγίῳ, τότε ἐν τῷ ποτηρίῳ τούτῳ, αὐτὸ τὸ τίμιον αἶμα τοῦ Χριστοῦ σου, μεταβαλὼν τῷ πνεύματί σου ἁγίῳ.

— В литургийном свитке, написанном на пергаменте в 1809 году и хранящемся в библиотеке Афоно-Ватопеда, не положена молитва: «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа...».

— Не положена она и в наших славянских Службениках преподобного Антония Римлянина и Варлаама Хутынского.

— Не положена и в славянской литургии Василия Великого, напечатанной в Венеции в 1554 году повелением господина Божидара и хранящейся в моей библиотеке. В сей литургии без перерыва читается:

«Св[я]щенникъ возглашаетъ:

Твоа от твоихъ тебѣ приносеще, о всехъ и за все.

Св[я]щенникъ м[о]литсе.

Сего ради вл[ады]ко прѣс[вя]тыи + и мыи грешнии и недос[то]инии рабы твои + спод[о]б[ь]льшеисе служити с[вя]тому твоему ж'рьт'внику + не за правды наше, не бо сътворихомъ что бл[а]го на земли + нъ за м[ило]сти твои и щедроти твое их'же излиахъ иеси богат'но на насъ + дръзающе приближаем'се къ с[вя]тому твоему жрьт'внику + и прѣдложеше мѣсто образна с[вята]го тѣлесе и кърве Х[рис]та твоего + тебѣ м[о]лимъ, и тебѣ се мили дѣиємъ + с[вя]те с[вя]тїи, бл[а]говоленїемъ твоее бл[а]гости + прїити д[у]ху твоему с[вя]тому •[III/2 491]• на насъ и на прѣдлежащее дары сїе + и бл[а]гословити сїе, и ос[вя]тити, и показати +

И вьсклонсе прѣкръститъ Г + с[вя]тїе дары гл[аголющ]е + хлѣбъ убо съ, самое ч[ес]тное тѣло г[оспо]да и б[о]га наше-го І[ис]у[са] Х[рист]а +

Дїаконъ + аминь.

Попъ. Чашоу же самую ч[ес]тнуюю кровь г[оспо]да и б[о]га и сп[ас]а наше-го І[ис]у[са] Х[рист]а.

Діаконъ. аминь.

Попъ. Излипанною за мир'скими животь.

Діаконъ. аминь.

С[вя]щенникъ + м[о]литсе +

Нась же всѣхъ, иже от единого хлѣба и чаше причещающіихъ се + съедини другъ къ другоу...»

Итак, в древние времена иереи и архиереи освящение даров совершали по Службникам Василия Великого и Иоанна Златоуста, не произнося молитвенного тропаря: «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа...», прерывающего связный смысл литургии. Кто же первый внес ее в сей тропарь? На этот вопрос миссологический отвечал неведением и ничем не оправданной догадкой, что моление «Господи иже Пресвятаго...» кем-то вставлено в литургию или на острове Крите, или в Венеции. По моему же исследованию, оно вставлено тут Константинопольским патриархом Филофеем, святительствовавшим в первый раз с 1362 года по 1365, а во второй — с 1369 года по 1375. Это доказывается списками с его *чина Божественной и священной литургии*: *Διάταξις τῆς θείας καὶ ἱερᾶς λειτουργίας*, кои напечатаны ученым Гоаром под заглавием *Εὐχολόγιον, sive Rituale graecorum*. [Lutetiae Parisiorum, 1647] и из коих один, написанный на бумаге в 7110 (1602) году, я рассматривал в библиотеке Афоно-Есфигменова монастыря и сделал немало выписок из него. Вы спросите меня: откуда же Филофей заимствовал оную вставку? Отвечаю. Филофей был монах синайс-

кий* как раз в то время, когда богослуженный Синай духовно зависел от патриарха Александрийского**. А в Александрии тогда соблюдался •[III/2 492]• древний обычай тотчас после литургического призывания Святого Духа на дары *воспомянуть о сошествии сего Духа на апостолов в третий час дня и про себя произносить моления*: «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолам ниспославый... Сердце чисто созижди во мне Боже, и дух прав обнови во утробе моей... Не отвержи мене от лица Твоего...». По этому обычаю сии *тайные* моления тихо произносил не один священник с диаконом, а и весь предстоящий во храме народ, потому что Дух Святой, по словам литургии, призывается не на одни дары, т. е. не на один хлеб и не на одно вино Евхаристии, а и на ны, т. е. на всех молящихся во храме при пении стиха: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим Господи, и молимтися Боже наши». О чем же молимтися? О ниспослании Святого Духа. Как молимтися? Говоря *про себя* тихо: «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа... Сердце чисто созижди... Не отвержи мене от лица Твоего...» Вот эти *тайные* моления и внес Филофей в состав литургии, услышав их в Александрии и в Синайской обители, пока она состояла под священноначалием Александрийского патриарха, внес их

* Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν Κωνσταντινουπόλεως, ὑπὸ Μάθα, 1837.

** Смотри мое Второе путешествие на Синай. СПб., 1856. С. 361 и след.

потому, что заблагорассудил научить христиан молиться о принятии в себя Духа Святого в минуты ниспослания Его на евхаристические дары, внес их, не думая прерывать связь и смысл литургийного моления Богу Отцу, внес с указанием произносить оные вставочные моления *тайно про себя*, как это читается в литургийном чине его: Διάκονος καὶ ἱερεὺς εὐχόμενοι καθ' ἑαυτοὺς τὸ ὁ Θεὸς ἰλάσθητί μοι τῷ ἁμαρτωλῷ, λέγουσι μυστικῶς τοῖς Κύριε, ὁ τὸ πανάγιόν σου πνεῦμα ἐν τῇ τρίτῃ ὥρᾳ τοῖς ἀποστόλοις καταπέμψας..., то есть: «Диакон и священник, молясь *внутри себя*: “Боже, очисти мя грешного”, говорят *тайно* трижды: “Господи иже Пресвятого Твоего Духа в третий час апостолом ниспославый...”» А что в Александрии произносились были оные моления в минуты призывания Святого Духа на дары, это сведение заимствовано мною из следующего *Синтагматикона* Александрийского патриарха Герасима (1688–1710 гг.), прочитанного мной в •[III/2 493]• Синае-Джуванийской библиотеке 25 января 1861 года. (Оправдания, № 83).

«Синтагматикон Герасима, смиренного патриарха Александрийского, против тех, которые лжемудренно говорят, что Святые Тайны честного Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа совершаются Господними словами, и истинное показание, что они совершаются при словах: “Сотвори убо хлеб сей самое Честное Тело...”»

Сего истинного показания письмом на арабском языке испрашивали у Герасима парасамцы.

«Честные архонты, живущие в Сиро-Триполийской епархии, вообще называемой Парасамы, и прочие благословенные христиане.

...Благоговейное письмо вашего боголюбивого богоразумия и благопослушного расположения и принесено к нам смиренно, и подано благоговейно. Прочитав его, я узнал искреннюю любовь вашу ко Христу Богу и чистоту жительства вашего и незапятнанность веры вашей. Притом я прочел вопрос, в котором выражено ваше горячее желание получить ответ на него верный и православный и согласный с *исконным* преданием, насажденным апостольски по божеской воле в Святой Соборной Восточной и Вселенской Церкви Христа. Вопрос же этот таков: в какое время и какими словами Божественной литургии совершается таинственное и истинное пресуществление святого хлеба и святого вина в Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа? Господними ли словами: *Приимите, ядите... Пийте от нея вси*, — или благословением иерея, когда он говорит: *И сотвори убо хлеб сей Честное Тело...»? (Далее следует длинное рассуждение, из которого я выписал только следующие строки):*

«Итак, во-первых, знайте, что Господни слова: *Приимите, ядите... Пийте от нея вси...* имеют великую силу; и никто не отрицает сего, так Сам в Себе Христос есть сила.

Но иную силу имели оные слова Господни в честных и божеских устах Иисуса Христа, Творца всяческих, и иную

•[III/2 494]• силу — в устах твари, т.е. иерея. Не Господни ли были слова, когда Бог, творя мир, сказал: да будет свет и бысть свет? Пусть же скажет их теперь, кто хочет, и пусть исчислит, сколько светов сотворит».

Далее припоминаются разные творческие изречения Спасителя, когда Он исцелял недужных и воскрешал мертвых.

«Потребна молитва священника. (Сам Христос молился. Апостолы молились.) Пусть скажут мне сопротивные: какое таинство совершает велий Бог, всесовершенный Святой Дух без посредства и молитвы священника? Я разумею не какую-либо молитву, а ту горячую молитву, которая произносится при совершении таинства в слова немногих, но действенных, и которая бывает в таинстве Евхаристии, то есть: *Господи иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом твоим ниспосланный, Того благий не отыми от нас, но обнови нас молящихся*. Без такого посредства иерея и без такой краткой, но с великим умилением произнесенной молитвы не совершаются Святые Тайны. Если иерей просто будет стоять без священнического облачения, без молитв и без многих и витийственных обстановок призывания Святой Троицы и станет говорить или: *Сотвори убо хлеб сей*, или: *Приимите, ядите*, то ничего не будет. Итак, я сказал а) о словах Господних, б) о посредничестве иерея и о подходящей молитве его. Теперь говорю о третьем предмете.

Третья потребность есть Святой Дух. (Крещение совершается водою и Ду-

хом. Миропомазание действует от Святого. Евхаристия, по словам святого апостола Иакова, свв. Василия и Иоанна Златоуста, совершается наитием Святого Духа)».

Итак, от Александрийской Церкви заимствовано Филофеем вставочное моление, о котором идет речь. Литургийный устав его введен был в России нашим митрополитом Киприаном, современником сего патриарха, состоявшим под священноначалием его. Мы как покорные чада обоих их приняли этот •[III/2 495]• устав беспрекословно, а ныне даже не тихо, даже с воздеянием рук своих произносим молитвенный тропарь: «Господи иже пресвятаго...», что не положено в Филофеевском уставе, тогда как еще при патриархе Никоне и при царе Алексее Михайловиче наши диаконы и священники пред святой трапезой молились в себе, глаголя: «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа»*. Филофеевская вставка сего тропаря в литургию появилась в греческих Служебниках, напечатанных в Венеции. По этим Служебникам она произносима была малограмотными иереями. А священники, игумены и архиереи, знатоки церковного предания и устава, не приняли ее, потому что она прерывала смысл литургии. Даже современник Филофея, Болгарский патриарх Евфимий, в своем списке литургии не поместил моления: «Господи иже

* Сие заимствовано из хранящейся у меня славянской литургии, напечатанной при сем патриархе и государе.

Пресвятаго Твоего Духа...»*. Не помещено оно и в пергаментном списке трех литургий: Златоустовой, Василиевой и Преждеосвященной, написанном в 1409 году и хранящемся в библиотеке Афоно-Руссика. Нет его и в вышеупомянутой славянской литургии, напечатанной в Венеции в 1554 году. Итак, в одной и той же Православной Церкви есть литургийное разгласие. Как же устранить его? Не отменить ли моления: «Господи иже Пресвятаго...», которое произносилось у нас в алтаре в течение 500 лет? Нет, не будем отменять его; а во-первых, перестанем произносить его вслух с поднятыми руками: что не положено даже в чине Филофея; во-вторых, будем внушать православным, чтобы они в минуты пения молитвы: «Тебе поем... и молимся Боже наш» тайно в душе своей молились «Господи иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом ниспославый, того благий не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся. Сердце чисто созижди во мне Боже... Не отвержи мене от лица Твоего», — молились так по уставу литургии, в которой Дух Святой призывается не на одни дары, но •[III/2 496]• и на ны, на нас самих; в-третьих, произнося эти моления перед святым престолом *тайно про себя*, пусть твердо ведаем и помним, что произносим их вместе с предстоящими во храме христианами в

самую важную минуту ради себя самих, ради своего облагодатствования, а отнюдь не для освящения даров, лежащих перед нами, и после произнесения их пусть мысленно возносимся не к Богу Сыну, а к Богу Отцу и глаголем: «и сотвори убо хлеб сей Честное Тело Христа *Твоего*, а еже в чаши сей честную Кровь Христа *Твоего*». Так мы не перервем связи молитв Божественной литургии, возносимых к Богу Отцу.

Достаточно сказано о сем предмете. Узнаем теперь, кто и кто еще занимался книжным делом на Афоне.

VI. **Феоклит**, спасавшийся в Кавсокаливском ските в 1770 году, написал разные каноны во славу святых. Но они не напечатаны.

VII. **Рафаил**, подвизавшийся в том же ските немного ранее 1780 года, сочинил акафист святой великомученице Варваре. Это произведение пера его, исправленное лаврским проигуменом Кириллом, напечатано в Венеции в показанном году. Мои выписки из этой книжицы помещены выше, в § 111 (с. 398–403).

VIII. **Макарий Кидониат** составил описание афонской Лавры, напечатанное в Венеции (in 8°) в 1772 году под заглавием: Προσκυνητάριον τῆς βασιλικῆς καὶ σεβασμίας μονῆς μεγίστης ἁγίας Λαύρας τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου, τοῦ ἐν τῷ Ἀθῶ. Συντεθὲν μὲν παρὰ Μακαρίου Κυδωνέως. Ἐνετίῃσιν (εις 8°). Я воспользовался этою книжицею при описании сей Лавры.

* Смотри мое *Второе путешествие по Афону*. С. 153.

IX. **Неофит**, родившийся в Пелопоннесе и живший в Афоно-Кавсокаливском ските, учитель и иеродиакон, написал службу преподобным и богоносным отцам нашим Варнаве и Софронию Афинцам и священномученику Христофору, подвизавшимся на горе Мелá, совершаемую в 18 день августа и во время появления вредной саранчи. К этой службе он •[III/2 497]• присоединил житие оных отцов, историю царской обители ту-Сумелá и сказание о принесении на гору Мелá третьей иконы Богородицы, написанной евангелистом Лукою. Вся эта книга издана была в Лейпциге в 1775 году (in 4°) архимандритом Сумелийской обители Парфением Метаксопулом, который сам сочинил историю Трапезунтского царства и напечатал ее в том же году и там же: Ἡ θεῖα καὶ ἱερὰ ἀκολουθία τῶν ὁσίων καὶ θεοφόρων πατέρων ἡμῶν Βαρνάβα καὶ Σωφρονίου τῶν ἐξ Ἀθηνῶν, καὶ τοῦ ἱεροῦ Χριστοφόρου, τῶν ἐν Μελᾷ ὄρει ἀσκησάντων, ψαλλομένη τῇ 18 αὐγούστου καὶ ἐν καιρῷ τῶν φθοροποιῶν ἀκριδῶν, ἐν ἣ καὶ ἱερὰ ἱστορία τῆς Βασιλικῆς μονῆς τοῦ Σουμελά, Βίος τε καὶ πολιτεία ἁνωθεν πατέρων, καὶ περὶ ἧς εὐαγγελιστῆς Λουκᾶς ἰστόρησε σεβασμίας τρίτης εἰκόνης τῆς Θεοτόκου, ὅθεν τε καὶ ὅπως εἰς τὸ τοῦ Μελᾷ ὄρος μετηνέχθη, συντεθεῖσα παρὰ διδασκάλου Νεοφύτου ἱεροδιακόνου Πελοποννησίου τοῦ Καυσοκαλυβίτου, καὶ ἐκδοθεῖσα συνδρομῇ τοῦ ἐκ τῆς αὐτῆς μονῆς Παρθενίου, ἀρχιμανδρίτου Τραπεζουντίου τοῦ Μεταξοπούλου, παρ' οὗ συντεθεῖσα καὶ ἡ ἐν συνόψει ἱστορία

τοῦ βασιλείου τῆς περιφήμου Τραπεζοῦντος. 1775. Ἐν Λειψία (in 4°).

X. **Агапий**, родом критянин, монах афонский, с помощью святогорских книг составил Феотокарий и напечатал его в Венеции в 1775 году (in 4°)*. Θεοτοκάριον, συγγραφὲν ἐκ τῶν Ἀγίου ὄρους βιβλίων παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός. Ἐνετίησιν. 1775 (in 4°)**.

Он же составил и напечатал в Венеции в 1779 году книгу под названием «Грешных спасение», поместив в ней и умильный канон Пресвятой Богородице с акафистом: Βιβλίον ὠραιότατον, καλούμενον Ἀμαρτωλῶν σωτηρία, περιέχον καὶ κανόνα ἱκετήριον εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον μετὰ τῶν εἰκόνων..., συντεθὲν παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός, Ἀθωνίτου. Ἐνετίησιν. 1779***.

Этим же трудолюбивым монахом переведены на новогреческий язык избранные из Четвы-Минеи Симеона Метафраста 24 жития святых мужей и жен, и напечатаны в Венеции в 1797 году (in 4°) под названием «Пара́дисос», т.е. Рай: Βιβλίον, καλούμενον Παράδεισος, ἐκ τῶν λόγων τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Συμεῶνος τοῦ Μεταφραστοῦ, μεταφρασθὲν παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός. Ἐνετίησι. 1797 (in 4°)****.

Второе издание сей душеполезной книги вышло в •[III/2 498]• Венеции же

* Агапий Ланд (Критянин) жил и писал в XVII в. Указанные здесь даты относятся к переизданиям его сочинений. — П.К.

** Первое издание: 1643. — П.К.

*** Первое издание: 1641. — П.К.

**** Первое издание: 1641. — П.К.

в 1840 году. В этом издании, приобретенном мною на Афоне, после жития Иоасафа, Индийского царевича, помещена служба сему угоднику Божию, сочиненная Агапием. Вот начало ее:

Χαίροις, Ἰωάσαφ πάνσοφε, ὁ τὸν ζυγὸν τοῦ Χριστοῦ, τὸν χρηστὸν καὶ ἡδύτατον ἐπ' ὤμων ἀράμενος... («Радуйся, Иоасафе всеумудре, иже иго Христа благое и сладчайшее на рамена подъявил...»).

А вот и обрадования сему угоднику Божию:

ИКОС

«Ангел плотоносец на земли явился еси, всеблаженне Иоасафе, делом. Житие бо, равное ангелом, избравый, вся сладостная, яко уметы, вознепщева. Сего ради тебе достойную песнь поя, вопию ти сице:

Радуйся, им же Христос
проповедан бысть.

Радуйся, им же сатана попра́н бе.

Радуйся, подвижников венче
и основание.

Радуйся, индийцев украшение
и спасение.

Радуйся, презре́вый плоти
услаждения.

Радуйся, обрeтый многоценный
камень.

Радуйся, имение твое раздели́ый
алчущим.

Радуйся, им же полчища
прогоняются демонов.

Радуйся, им же капища пали
идольския.

Радуйся, оставивый преходящее
царство.

Радуйся, наследивый царствие,
вместо временного,
вечно пребывающее».

Замечательно, что Агапий в настоящей службе, величая Богоматерь тьмочисленными обрадованиями и называя Ее горою Святою, приосененною, Божиею, не сказал, что Афонская гора есть жребий и удел Ее. Святогорцы! Знайте и помните сие!

Сей же благочестивый книжник афонский в 1801 году напечатал в Венеции (in 4°), книгу под названием «Καλοκέρυνη» — *Хорошее время* (с 1 марта до конца августа) поместив в ней жития 23 святых мужей и жен и сказания о ризе и поясе Пресвятой Богородицы и о Нерукотворном Образе Спаса: Βίβλος καλουμένη Καλοκαιρινή, ἣ μερικὸι βίοι ἁγίων τινῶν, οἱ ὠραιότεροι τοῦ Καλοκαιρίου, παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ. Ἐνετίῃσι. 1801*. Тут читаются жития св. Панкратия, епископа Тавроменийского, св. Афанасия •[III/2 499]• Афонского и дяди его, преподобного Малеина. Эта книга дважды была перепечатана в Венеции в 1818 и в 1851 году. В предисловии к ней Агапий упомянул о бедственном состоянии современных ему православных христиан в Турции и о примерном терпении их. Вот его слова: «Поистине, все бедные, которые в скорбях своих не ропщут, а благодарят Бога, удостоиваются великого почитания и славы в раю. Я видел много таковых в

* Первое издание: 1656.— П.К.

разных местах, и особенно на островах Скире, Андросе, Сифне, Фермии и на других, где они не в сытость ели ячменный хлеб и не имели нужных одежд и, однако же, не только не роптали на Бога, но еще и благодарили Его и славили. Такие поистине суть мученики, так как их обнажают сборщики *харача* (выкупа жизни) и берут у них хлеб и одежды по причине ненасытимости владеющих ими агарян. Посему они, угнетаемые нуждою, прядут хлопчатую бумагу, или шерсть, или лен и работают целый день для одного ячменного хлеба. Многие из них, злополучные, сидят без хлеба и постятся по несколько дней. Телесным страданиям их я сострадал, а благодушие их ублажал».

Он же в 1803 году издал в Венеции Кириакодромион, т.е. *Поучения и беседы в воскресные дни всего года, избранные из слов разных учителей, и Изъяснение одиннадцати утренних воскресных Евангелий, составленное св. Григорием, епископом Тавроменийским*: Βιβλίον, καλούμενον Κυριακοδρομιον, ἡγουν διδασκαί καὶ ὁμιλίας εἰς τὰς κυριακάς ὅλου τοῦ ἐνιαυτοῦ, συλλεχθεῖσαι παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητὸς ἐκ διαφόρων διδασκάλων, προστεθείσης ἐν τῷ τέλει τῆς ἐξηγήσεως τοῦ ἁγίου Γρηγορίου Ταυρομενίας εἰς τὰ ἑνδεκά ἑωθινὰ εὐαγγέλια. Ἐνετίησιν. 1803 (εἰς 4°)*.

Агапий же в 1805 году напечатал в Венеции, (in 4°), книгу под названием «Ἐκλόγιον», т.е. *Выбор наилучших жи-*

тий святых из Четъи-Минеи Симеона Метафраста, переведши их на •[III/2 500]• новогреческий язык: Ἐκλόγιον, τουτέστιν οἱ ὠραιότεροι βίοι τῶν ἁγίων ἐκ τοῦ Μεταφραστοῦ Συμεῶνος ἐκλελεγμένοι, καὶ εἰς κοινὴν διάλεκτον μεταφρασθέντες παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ. Ἐν Βενετίᾳ. 1805*. Я не видел сей книги.

Он же в 1806 году напечатал в Венеции жития святых на новогреческом языке, избранные из Четъи-Миней Метафраста, — напечатал под названием *Новый Рай*: Νέος παράδεισος, ἧτοι λόγοι διάφοροι καὶ βίοι ἁγίων ἐκ τοῦ Μεταφραστοῦ Συμεῶνος, παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ. 1806 (εἰς 4°)**. Эта книга вновь издана была в Венеции в 1840 году под тем же названием. В этом издании, которое я имею в своей библиотеке, помещены жития святых: в сентябре — два, в октябре — 23, и в числе них жития св. Дионисия Ареопагита и преподобного Филофея Афонского, в ноябре — 25, и в числе них сказание о разорении Иерусалима во дни пророка Иеремии и о сподвижниках его Варухе и Авимелехе, спавшем 70 лет под тенью фигового дерева, в январе — 17 житий, в феврале — 7, в мае — одно житие Константина и Елены, в июне — одно житие преподобного Дионисия, построившего на Афоне монастырь св. Иоанна Предтечи.

В 1783 году из библиотеки Афоно-Кутлумушского монастыря взята была рукопись Павла Евергетина, ктитора

* Первое издание: 1675.— П.К.

* Первое издание: 1656.— П.К.

** Первое издание: 1641.— П.К.

монастыря Пресвятой Богородицы Евергетиды, содержащая изречения и наставления свв. отцов, и напечатана в Венеции в лист: *Συναγωγὴ τῶν θεοφθόγγων ῥημάτων καὶ διδασκαλιῶν τῶν θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων ἀπὸ πάσης γραφῆς θεοπνεύστου συναθροισθεῖσα, οἰκείως τε καὶ προσφόρως ἐκτεθεῖσα παρὰ Παύλου, τοῦ ὁσιωτάτου μοναχοῦ καὶ κτήτορος μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Εὐεργετίδος, καὶ Εὐεργετινοῦ καλουμένου· ἥτις ληφθεῖσα ἐκ τῆς βιβλιοθήκης τῆς ἐν τῷ ἁγιωνύμῳ ὄρει τοῦ Ἀθω ἱερᾶς βασιλικῆς τε καὶ πατριαρχικῆς μονῆς τοῦ Κουτλουμούση ἐπονομαζομένης, νῦν πρῶτον τύποις ἐξεδόθη. Ἑνετίησι. 1783, παρὰ Ἀντονίῳ τῷ Βάρτολι (in folio)*.*

Много душеполезных книг издал в свет монах Агапий, но более его потрудился в книжном деле Святогорец

XI. Никодим. Он родился на острове Наксосе и в •[III/2 501]• юных летах учился в Смирне у наставника Иерофея. Сознывая в себе призвание к одинокой жизни, он пришел на Святую Гору в 1775 году и там омонашился в Дионисиатской обители, переименовавшись из Николая в Никодима; тут же был чтецом и письмоводителем. Минули два года. Тогда на Афон приехал Коринфский архиерей Макарий (по смерти прославленный благоуханием и чудесами) и передал ему на рассмотрение Филокалию — *Добротолубие*. Никодим

сочинил предисловие к этой книге и написал краткие жития упоминаемых в ней писателей. Потом исправил вышеупомянутую рукопись Евергетина, увеличил свою книжицу о частом причащении Святых Таин и исправил «Алфавиталфавитон» Мелетия Исповедника. Затем пожелал отправиться в Молдавию к пресловутому тогда подвижнику русскому Паисию Величковскому, но остановлен был силою Божиею и, поступивши в послушание к некоему старцу Арсению Пелопоннесцу в ските Пандократорском, здесь ревностно занялся изучением Священного Писания и святых отцов. В 1783 году им куплена была *калива* старца Феоны в том же ските. Тут он принял великую ангельскую схиму от старца Дамаскина Ставруда и целое шестилетие безмолвствовал и изучал Священное Писание. Когда же вышепомянутый митрополит Коринфский во второй раз прибыл на Афон, тогда Никодим, по поручению его, исправил творения св. Симеона Нового Богослова; потом сочинил *Εκσολογитарιον* (об исповеди), книжицу под названием «*Ἀόρατος Πόλεμος*» — *Невидимая брань, Новый Мучениколог, Πνευματικὰ Γυμνάσματα* — *Духовные упражнения, Новый Еклогион* и, по просьбе учителя Афанасия Парийского и приснопамятного Леонтия, архиепископа Илиупольского, собравши все сочинения св. Григория Паламы в трех отдельных книгах и по обычаю своему снабдивши их весьма многими примечаниями, отослал их в Вену для напечатания, но там они и заглохли по

* Это издание флорилегия византийского монаха Павла Евергетина († 1054) подготовлено митрополитом Коринфским Макарием совместно с Никодимом Атиоритом. См. ниже.— П.К.

некоторым обстоятельствам. Долго занимало его и священноучителя Агапия, родившегося в Димицане, составление *Кормчей книги* (Πηδάλιον). Потом он усовершенствовал песнопения и •[III/2 502]• хваления великосубботные и, издавши *Новый Феотокарион*, написавши *Нравоучение* и составив *Евхологий*, приступил в 1794 году к толкованию семи соборных посланий и всех Посланий св. апостола Павла; затем приготовил к печати *Псалтирь* Евфимия Зигавина и *Девять Песней* (Ἐννέα Ὡδαίς) в особой книге, которую назвал *Вертоградом Благодатным* (Κήπος Χαρίτων), по настоящию же святогорских отцов изложил краткие сведения о святых мужах, подвизавшихся на Афоне, и сочинил службу им. В 1805 году исполнилось 57 лет его жизни, но книжные труды его не прекратились, хотя он и утомлен был ими и более всего аскетическими подвигами. Тогда он составил *Синаксарь* на круглый год и, купив другую келью выше скитской церкви, тут написал «*Исповедание веры, или Апологию в защиту себя от порицателей*», приготовил к печати *Еортоδροмион* и «*Новую Лествицу*», о которых речь будет ниже. Все эти многолетние труды изнурили его. Тогда он оставил свою скитскую каливу и перешел на жительство к иеромонахам и иконописцам Стефану и Неофиту, так называемым Скуртеям (куцовла-хам), и упросил их напечатать неизданные сочинения свои, как то: «*Псалтирь*» Зигавина, «*Толкование Посланий Павла, Вертоград Благодатный*», все

творения св. Григория Паламы, *Алфавиталфавитон* Мелетия, *Еортоδροмион*, *Новую Лествицу* и *Исповедание веры*. У Скуртеев болезнь свела его в могилу 14 июля 1809 лета на 60-м году жизни его. Был же он прост, незлобив, ласков, нестяжателен и весьма сосредоточен в себе самом. А память у него была так обширна и тверда, что он наизусть знал все главы, стихи и страницы Священного Писания и весьма многие изречения святых отцов. Тревожили его враги невидимые и порицали враги видимые — неучи и лицемеры. (Βίος ἐν συνόψει τοῦ μακαρίτου διδασκάλου Νικοδήμου Ἀγιορείτου, συγγραφείς παρὰ Ὁνουφρίου Ἰβηρίτου. Это житие помещено в начале толкований 14-ти Посланий святого апостола Павла).

Перечисляю все книжные труды Никодима в хронологическом порядке: •[III/2 503]•

1) *Филокалия*, исправленная им по просьбе коринфского архиерея Макария, напечатана в Венеции, в лист, в 1782 году.

2) Книжица *О частом причащении* (Περὶ συνεχοῦς μεταλήψεως), издана в Венеции (in 8°) в 1783 году.

3) *Алфавиталфавитон* Мелетия *Исповедника, не издан*.

4) Творения Симеона Нового Божеслова, напечатаны в Венеции, в лист, в 1790 году.

5) *Невидимая брань* — Ἀόρατος Πόλεμος; эта книжица (in 8°) вышла в свет в Венеции в 1796 году.

6) В сем году Никодим напечатал в Венеции сборник 62-х канонов Пресвятой

Богородице, написанных двадцатью двумя священными песнописцами и извлеченных им из рукописей афонских, — напечатал под названием: *Венец Приснодевы, или Феотоκάριон Новый, на восемь гласов*: Στέφανος τῆς Αειπαρθένου ἤτοι Θεοτοκάριον νέον, ὡραιότατον ὀκτώηχον, περιέχον 62 κανόνας πρὸς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον, μελουργηθέντας ὑπὸ 22 ἱερῶν καὶ θεσπεσιῶν μελωδῶν, ἐκ τῶν τοῦ Ἁγίου ὄρους χειρογράφων βιβλίων μετὰ σπουδῆς καὶ πόνων πολλῶν συνταχθὲν καὶ μετ' ἐπιμελείας διορθωθὲν παρὰ Νικοδήμου μοναχοῦ τοῦ Ναξίου. Ἐνετίησιν. 1796 (εἰς 4°). Эта книга в 1849 году вновь издана была в Константинополе под тем же названием и посвящена тогдашнему вселенскому патриарху Анфиму Византию. В предисловии к ней поименованы двадцать два творца канонов и охарактеризован поэтический дар каждого из них. Вот имена их и характеристика: 1) Андрей Критский — приятнозвучный лебедь Церкви; 2) Иоанн Дамаскин — сладкогласный соловей Христов; 3) Феофан Начертанный — песнелюбивейший скворец; 4) Иосиф Песнописец — многогласная верных ласточка; 5) Иоанн Евхаитский — нежнозвучная свирель Духа Святого; 6) Митрофан Смирнский — благоглаголивый петел Церкви; 7) Феодор Студит — музыкальный кузнечик православных; 8) Фотий Константинопольский — песенный кокош Церкви; 9) Георгий Никомидийский — благозвучная кифара; 10) Феоктист Студит — десятиструнная псалтирь; 11) Павел

Аморийский — сладостная лира Духа; 12) Николай Катаскéпин •[III/2 504]• — духовная и стройная кинпира; 13) Константинопольский Афанасий — орган, надыхаемый веяниями Утешителя; 14) Константинопольский Игнатий — священный тимпан; 15) Марк Ефесский — громогласная труба; 16) Феодор Ласкарь — сладкогласная свирель; 17) Мануил Ритор — глаголивый кимвал; 18) Климент — сладковещанная Духа цевница (ναῦλα); 19) Илия Екдик — приятные благодати гусли (σαμβύκη); 20) Каллиник Ираклийский — свирель пастушеская; 21) Николай иной — весенний врабий (σπῖνος); 22) Фекла инокиня — сладчайшее эхо.

7) *Евхологион* — напечатан в Константинополе (in 8°) в 1799 году.

8) В сем году издан в Венеции «Новый Мартиролог» в большую осьмушку листа.

9) Книжица под названием *Духовные упражнения* вышла в свет в Венеции в 1800 году: Γυμνάσματα πνευματικά, παρὰ Νικοδήμου Ἀγιορείτου. Ἐνετίησιν. 1800 (εἰς 4°).

10) *Кормчая книга* в 1800 году напечатана в Лейпциге. Πηδάλιον, ἤτοι ἅπαντες οἱ ἱεροὶ καὶ θεῖοι κανόνες τῶν ἁγίων ἀποστόλων, τῶν ἁγίων οἰκουμένων συνόδων, τῶν τοπικῶν, καὶ τῶν κατὰ μέρος θείων πατέρων. Ἑλληνιστὶ μὲν χάριν ἀξιοπιστίας ἐκτιθέμενοι, διὰ δὲ τῆς καθ' ἡμᾶς καινοτέρας διαλέκτου πρὸς κατάληψιν τῶν ἀπλουστέρων ἐρμηνευόμενα παρὰ Ἀγαπίου ἱερομονάχου καὶ Νικοδήμου μοναχοῦ, καὶ μετ' ἐπιμελείας ἀνακριθέντες καὶ διορ-

θωθέντες, ψήφῳ τοῦ παναγιωτάτου καὶ τῆς ἱεραῆς συνόδου, παρὰ τοῦ διδασκάλου καὶ ἱεροκέρυκος Δωροθέου, νῦν πρῶτον ἐκδοθέντες ἀδείᾳ μὲν καὶ προτροπῇ καὶ ἐπιταγῇ τοῦ παναγιωτάτου καὶ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου καὶ τῆς ἁγίας συνόδου, ἐπιστάσι δὲ καὶ ἐπιμελείᾳ τοῦ εὐτελοῦς ἐν ἱερομονάχοις Θεοδώριτου Ἀθωνίτου, τοῦ ἐξ Ἰωαννίνων. Ἐν Λειψίᾳ τῆς Σαξωνίας. 1800 (in folio). Эта книга имеет свою историю. Пересказываю ее. До издания *Кормчей* у греков, духовных и мирских, были Номоканоны рукописные, неполные и испорченные так, что толкования их выдавались за законы, а там-сям читались нелепости и прибавки. Надлежало искоренить эту зловредную неправду и насадить правду общепользную •III/2 505]• и святую. Сей труд взяли на себя святогорцы Агапий и Никодим. Сначала они отыскиали в афонских библиотеках наилучшие рукописи, содержащие правила святых апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов и толкования их, составленные Зонарою, Феодором Вальсамом, Алексием Аристином и другими канонистами, переписали все это по-эллинически и перевели на язык новогреческий. По окончании сего труда Агапий представил его вселенскому патриарху Неофиту в 1799 году для рассмотрения; патриарх же этот передал сей «Пидалион» митрополитам Дерконскому Герасиму и бывшему Ларисскому Мелетию. Они одобрили его, но патриарху советовали напечатать его только на эллинском языке, дабы свя-

щенные правила Церкви были неведомы простому люду. Патриарх не согласился с ними, поставив им на вид, что когда составлялись оные правила на эллинском языке, тогда понимали их и простолюдины, потому что разумели этот язык. Такого же мнения держались и прочие синодальные архиереи. «Пидалион» был передан для рассмотрения сперва учителю и священнопроповеднику Великой Церкви Христовой кир Дорофею как знатоку канонов и многоученому мужу, который мало что исправил тут, потом отослан был на остров Хиос к проживавшим там светилам, именно к учителю Афанасию Парийскому и к бывшему в Коринфе архиерею Макарию. И они одобрили его. Тогда патриарх Неофит отправил «Пидалион» на Святую Гору к Агапию и Никодиму с тем, чтобы они за его счет переписали эту книгу и напечатали. Эти труженики перебелили ее, но Неофиту не удалось издать ее на свое иждивение, потому что он лишен был патриаршества и сослан на Афон. Однако святогорцы решились напечатать надобный многим и многим «Пидалион» и, сделав складчину денег, отправили его в Лейпциг, поручив печатание сей книги проживавшему там афонскому иеромонаху Феодориту. Феодорит напечатал ее в 1800 году, но со своими прибавками, которых никто не просил у него и которые оказались достойными осуждения. Этих прибавок было семь: а) Господь •III/2 506]• Иисус Христос воскрес в субботу; б) надобно преклонять колена во дни воскресные

и даже в день Пятидесятницы до вечера; в) суббота равна воскресению, потому что и она есть показатель (τύπος) восстания Христова; г) софистически обновлено Феодоритом афонское прение о поминовении усопших, тогда как синодально воспрещено было говорить и писать о сем тревожном предмете; д) названы им святогорские уставы несогласными с всеобщим уставом церковным и противными ему, тогда как они поясняют сей устав; е) в прибавках его заметно противоречие канонам святых Соборов Вселенских и Поместных и преданиям христианской Церкви; ж) наконец, он осмелился поместить в «Пидалионе» такое дерзкое и страшное слово об антихристе, что не только нельзя печатать его, но и произносить устами как опасное и нелепое. Все эти прибавки читаются на следующих страницах Феодоритова издания Пидалиона: 96, 104, 141, 167, 183, 184, 203, 204, 212, 300, 383, 399, 419, 502, 533, 548, 549. Когда эта книга была получена на Афоне, тогда Агапий и Никодим густо замарали эти прибавки и в таком виде пустили ее в продажу, а бывший патриарх Неофит, принимавший горячее участие в издании «Пидалиона», оповестил прегрешения Феодорита окружным посланием своим к христианам в августе месяце 1802 года. Из этого послания и заимствована мною история сего издания. («Оправдания», № 84).

После первого появления «Пидалиона» в 1800 году прошло сорок лет. В течение их разошлись все издания сей книги. Тогда некто Гарполá Олимпиец

во второй раз напечатал ее в Афинах в 1841 году (in 4° majori), выпустив все Феодоритовы измышления и получив деньги от многочисленных подписчиков, между которыми не значится ни один русский. Я имею эту книгу в своей библиотеке. Так как полная оценка ее требует много времени, а оно собирается мною для иных писаний моих о Христианском Востоке, то я прошу других, и наипаче наших канонистов, заняться этим книжным делом. Однако и сам спешу сказать о нем нечто достойное внимания •[III/2507]• общего. В «Пидалионе», перепечатанном в 1841 году, помещено весьма много основательных примечаний Агапия и Никодима. Передаю некоторые из них по-русски.

Оба эти труженика пользовались толкованиями канонов не одного Зонары, или Вальсамона, или Аристина, или Властаря, но еще некоего пресвитера египетского, который жил в 1398 году и перевел каноны с объяснениями их на арабском языке. Этот канонист едва ли известен у нас. Толкования его пусть отыщутся в «Пидалионе» Никодима нашими критиками.

— Благоверный царь Иустиниан в своей 131-й неаре (novella) оповестил: «Итак, мы узакониваем, чтобы церковные каноны, изложенные святыми четырьмя Соборами — Никейским, Константинопольским, Эфесским и Халкидонским, — имели силу законов».

— Догматы семи Вселенских Соборов принимаются наравне с освященными писаниями, а каноны Церкви соблюдаются так же, как и законы.

(Τῶν Βασιλικῶν βιβλ. β', τίτλ. γ', κεφ. β'. Παρὰ Φωτίῳ τίτλ. α', κεф. β'.)

— Царь Лев Мудрый изрек: «Принимаю святые Вселенские Соборы все семь, как святое Евангелие». (Βασιλικῶν βιβλ. ε', τίτл. γ', κεф. α'.)

— Недействительны прагматические уставы, которые противны канонам. («Οἱ τοῖς κανόσιν ἐναντιούμενοι πραγματικοὶ τύποι, ἄκυροί εἰσι». Φωт. τίτл. α', κεф. β'.)

— В подстрочном примечании к 85 правилу святых апостолов, в котором перечислены канонические книги Священного Писания, содержится учение об этом Писании, извлеченное из неизданного богословия Евгения Вулгариса. Оно напечатано весьма мелко и убористо на трех страницах в два столбца. В этом учении весьма замечательны следующие мнения:

а) Название некоторых книг библейских *апокрифами* выдуманно еретиками для того, чтобы им можно было писать, что угодно, и выдавать свои писания за апокрифические, т. е. за потаенные книги святые и древние. Итак, вернее называть •[III/2 508]• некоторые неканонические книги Священного Писания, например: Неемии, Песнь трех отроков о Виле и Драконе, о Сусанне, — называть *удостоенными чтения*, а не апокрифами. Эти книги не упомянуты ни в 85 правиле апостольском, ни Соборами Лаодикийским и Карфагенским, ни Афанасием, Григорием и Амфилохием.

б) Священное Писание есть глагол Бога, написанный по вдохновению Его

(Ἡ θεία γραφή ῥῆμα θεοῦ ἐστί, αὐτοῦ ἐμπνεόντος γεγραμμένον.)

в) Богословы, рассуждая о богодухновенности Священного Писания, различают три степени ее: *откровение* (ἀποκάλυψιν), *вдохновение* (ἐμπνευσιν) и *освещение* (φωτισμόν). Откровение есть свыше открытие истины неведомой. Вдохновение есть такое веяние Духа Святого внутри души или такое наитие Его на нее, которое побуждает говорить или делать что-либо не от себя, однако так, что им не стесняются ни ум, ни воля вдохновляемого. Освещение есть вспоможение или наставление Бога, охраняющее говорящего или пишущего от всякого обмана и погрешности. Итак, божественное Писание начертано не только по наставлению (присмотру), но и по вдохновению Духа Святого. *Всяко пророчество книжное*, — говорит св. Петр (2 Пет. 1, 20–21), — *по своему сказанию не бывает. Ни бо волею бысть когда человеком пророчество, но от Святаго Духа носимы глаголаша святии Божии человецы*. Еще: *Все Писание богодухновенно и полезно есть к учению* (2 Тим. 3, 16). Еще: *Какое Давид Духом Господа Его (Христа) нарицает, глаголя: рече Господь Господеви моему* (Мф. 22, 43–44). Еще: *веруем и в Духа Святаго... глаголавшаго пророки*. Оповещали эту истину и Игнатий Богоносец, Иустин Мученик, Климент Александрийский, Ориген, Афинагор, Иероним, Августин, Златоуст и другие. Дионисий же Александрийский и Иероним полагали, что всё существенное и таинственное в Писании начертано по

вдохновению Духа, а всё историческое — только по наставлению Его, да и такому, что тут выразился собственный характер писателей; а полагали они это, имея в виду, во-первых, разное пересказание Моисеем •[III/2 509]• десятизакония в книге Исхода (гл. 20) и во Второзаконии (гл. 5); во-вторых, слова писателя второй книги Маккавейской: *Если я изложил повествование хорошо и трогательно, то я сего и желал; если же слабо и посредственно, то такова способность моя* (гл. 15, 38). Как же, говорили Дионисий и Иероним, как же мог бы сказать это сей писатель, если бы ему и Моисею всякое слово, даже йоту, изрек сам Дух Святой? Впрочем, разность этих двух мнений невелика, даже весьма мала. Ибо то и другое мнение внушает, что 1) главное и существенное в Писании вдохновлено и сказано Духом Святым и что 2) сей же Дух, присутствующий в священных писателях, не допускал их ошибаться в чем бы то ни было. Следовательно, — всё в божественных книгах: и догматы, и нравоучения, и повествования, всё это есть глагол Бога. Бог же истинен (см. Рим. 3, 4). Истины взыскает Господь (Псал. 30, 24). (Оправдания, № 85).

Одобряю, усваяю себе и другим внушаю сие учение Евгения, Агапия и Никодима, одобренное Великою церковью в Константинополе. В Священном Писании *неведомые истины*, например: мир сотворен Богом, а не сам собою произошел, грехом Адама введена в мир смерть, крестною смертью Богочеловека спасены все люди, возрожда-

ется человек водою и Духом Святым, самоотвержение и любовь к врагам обязательны, — эти неведомые языческому миру истины сообщены *откровением Божиим* — *κατ' ἀποκάλυψιν*, а все пророчества о Христе и о святой Церкви изречены по *вдохновению* Святого Духа — *κατ' ἐμπνευσιν*; все же библейские повествования и летосчисления написаны при помощи *просвещения* сего Духа, *κατὰ φωτισμόν, ἢ ἑλλάμψιν*, не стеснявшего ума священных писателей, но и не допускавшего их до заблуждений и ошибок. Соответственно этим *трем* степеням богодухновенности в часы наших всенощных бдений накануне праздников слышатся *три* чтения: бытийные, или исторические, пророческие и приточные, или нравоучительные. Признавши эти три степени, ясно понимаешь, почему, например, •[III/2 510]• евангелисты Матфей, Марк и Лука, приосеняемые одним и тем же Духом Святым, рассказали *одни и те же* события *разными* словами, то пространнее, то короче. Разность эта у них в повествованиях произошла от того, что Дух Святой сообщал им только события, а не слова, подобно тому как и мы, пища сочинения свои, иногда сказуем писцам и мысли, и слова свои, а иногда одни мысли, а слова для выражения их они подбирают уже сами. В этом вы согласитесь со мною вполне, когда прочтете, например, следующие повествования евангельские:

У Матфея (26, 63–68):

«Иисус же молчалше и отвечав архиерей рече Ему: заклинаю Тя Богом

живым, да речеши нам, аще Ты еси Христос Сын Божий; глагола ему Иисус: ты рекл еси, обаче глаголю вам: отселе узрите сына человеческого, сидяща одесную силы, и грядуща на облацех небесных. Тогда архиерей, растерзая ризы своя, глагола, яко хулу глаголя: что еще требуем свидетелей? Се, ныне слышасте хулу Его. Что вам мнится? Они же, отвещавша, реша: повинен есть смерти. Тогда заплеваша лице Его, и пако-сти Ему деяху, овии за ланиту удари-ша, глаголюще: прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя?» [Русский синодальный перевод: *Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разорвал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен в смерти. Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?»]*

У Марка (14, 61–65):

«Он же молчал, и ничтоже отвещавше. Паки архиерей вопросы и глагола Ему: Ты ли еси Христос Сын Благословенного? Иисус же рече: Аз Есмь, и узрите сына человеческого одесную сидяща Силы и грядуща со облаки небесными. Архиерей же, растерзав ризы своя, глагола: что еще требуете

свидетелей; слышасте хулу: что вам мнится? Они же вси осудиша его быти повинна смерти. И начаша неции плювати нань, и прикрывати лице Его, и глаголати Ему: прорцы. И слуги по ланитома Его бияху». [Русский синодальный перевод: *Но Он молчал и не отвечал ничего. Опять первосвященник спросил Его и сказал Ему: ты ли Христос, Сын Благословенного? Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник, разорвав одежды свои, сказал: на что еще нам свидетелей? Вы слышали богохульство; как вам кажется? Они же все признали Его повинным смерти. И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам.]*

У Луки (22, 63–71):

«И мужие, держащие Иисуса, ругахуся Ему, бьюще: и закрывше Его, бияху Его по лицу, и вопрошаху Его, глаголюще: прорцы, кто есть ударей Тя. И ина многа хуляще глаголаху нань. И яко бысть день, собравшася старцы людстии и архиерее и книжницы, и ведоша Его на сонм свой, глаголюще: аще Ты еси Христос; рцы нам. Рече же им: аще вам реку, не имете веры: аще же и вопрошу вы, не отвещаете Ми, ни отпустите. Отселе будет сын человеческий седяй одесную силы Божия. Реша же вси: Ты ли убо еси Сын Божий? Он же к ним рече: вы глаголете, яко Аз есмь. Они же реша: что еще требуем свидетельства; сами бо слышахом от

уст Его». [Русский синодальный перевод: *Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя? И много иных хулений произносили против Него. И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синагог и сказали: Ты ли Христос? скажи нам. Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня; отныне Сын Человеческий восседит одесную силы Божией. И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его.]*

Таких разнословесных повествований в Евангелиях об одном и том же событии очень много. Значит, Дух Святой припоминал евангелистам только события, а рассказывали о них евангелисты своими словами. Напрасно же некоторые богословы наши твердят, что и самая буква Священного Писания внушена Духом Святым. Нет, были три степени богодухновенности: откровение, вдохновение и просвещение. Сие учение, надеюсь, усвоят будущие богословы наши, а нынешние — едва ли, •[III/251]• потому что они не бывали в пальмовых рощах Востока и привыкли бродить в немецких шварцвальдах — черных лесах — и питаться тамошними ягодами и грибами. Оставляю их там, а сам остаюсь на Афоне, держа в руках своих *Кормчую* Никодима Святогорца.

— В этой книге (с. 64) перечислены мнения христианских писателей о происхождении книги Иова. Полихроний и Никита, толковавший творения св. Григория Богослова, полагали, что эта книга переведена с арабского языка на еврейский или сочинена царем Соломоном. Другие же думали, что она написана самим Иовом. Но сего мнения не принимал Иулиан Аликарнаасский, так как Иов не имел такого самолюбия, которое побуждало бы его прославлять себя самого. Иные утверждали, что три друга Иова написали книгу, о которой идет речь, по желанию сего праведника, высказанному им так: *О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, — на вечное время на камне вырезаны были!»* (Иов 19, 23–24). Многие же и многие полагают, что эта книга или переведена с сирийского языка Моисеем, или сочинена им для научения и ободрения евреев, страдавших под игом фараонов египетских.

— В «Пидалионе» Никодима греческому переводу Ветхого Завета, сделанному 70-ю толковниками, отдано предпочтение перед подлинником еврейским по следующим показаниям. Этот перевод искони приняла христианская Церковь как правильный и достаточный для руководства. Из него приводили пророческие речения божественные апостолы; да и вся Церковь, не только Восточная, но и Западная, читала его до появления латинского перевода Иеронима. Иудей Филон хвалил 70 толковников не только как пере-

водчиков, но и как пророков, вдохновенных Духом Божиим. И Августин в своей книге о «Граде Божиим» сказал, что Дух, Который просвещал пророков, тот же Дух просвещал и 70 толковников. Если в переводе их некоторые места несходны с еврейским подлинником, то что •[III/2512]• сказать об этом? Блаженный Августин, отвечая на сей вопрос, говорит: «Дух мог опустить или прибавить что-либо, дабы кто-нибудь не подумал, что искусство человеческое произвело такое книжное издание, в котором помещен перевод дословный, и дабы всякий понял, что божественная сила просвещала и направляла ум переводчика». Должно сказать и то, что еврейская Библия разнится от греческого перевода 70-ти, потому что евреи, как заметил [Георгий] Синкелл, испортили свое Священное Писание. По счету оной Библии, Ной дожил до 58 года Авраама, а это ложно. Св. мученик Иустин в своем разговоре с Трифоном упомянул, что евреи в 95-м псалме, ст. 10, где читалось: *Господь воцарися с древа*, — выпустили речение *с древа* (однако и в переводе 70-ти, какой дошел до нас, нет сего речения, быть может, по нерадению переписчиков). Псаломский стих: *ископаша руце мои и нозе мои* не существует в еврейском тексте. В этом тексте читается, что ворон возвратился в ковчег Ноя, а Иосиф Флавий и 70 толковников, Златоуст, Августин, Амвросий и Иероним говорят, что он не возвратился. Посему-то и раввин Илия откровенно сказал, что древний текст еврейский разнится от нынешнего еврей-

ского текста. Итак, справедливо слово Симелха (Σιμελχος), что 70 переводили Писание с еврейского текста древнего и неповрежденного. Да это доказывается и тем, что божественные апостолы те речения, кои Господь приводил из Ветхого Завета по-еврейски, передали так, как перевели их 70 толковников по-гречески. Но Господь как Бог истины и Законодатель приводил их из неиспорченного подлинного текста еврейского; следовательно, и 70 толковников имели под руками этот же неиспорченный и подлинный текст.

— Св. Златоуст в 27-м *Слове* своем к иудеям поведал, что еще в его время хранился перевод 70-ти в капище египетского бога Сераписа.

— Если многие из отцов, толкуя ветхозаветное Писание, пользовались переводами Акилы, Симмаха и Феодотия, то они •[III/2513]• делали это не потому, что предпочитали эти переводы переводу 70-ти, а потому, что в них находили речения более ясные, нежели у 70-ти, которые передавали более смысл Писания, нежели букву его: οἱ τινες οὐ κατὰ τὸ νόημα περισσότερον, καὶ ὅχι κατὰ τὰ ῥήματα καὶ λέξεις ἡρμήνευσαν τὰς γραφάς.

— В конце «Пидалиона», с 447-й страницы до 484-й, помещены краткое, но точное учение о степенях родства, заимствованное из разных книг*, подробнейший алфавитный указатель

* Ἡ διδασκαλία αὕτη μάλιστα συνερανίσθη ἐκ τῆς βίβλου Γιουρῆς (Juris), ἣ γουν Νομίμου γραικορωμαϊκοῦ.)

содержащихся в нем замечательных сведений и законоположений и именной список лиц, купивших эту драгоценную книгу в 1841 году, в числе которых значится один англичанин и нет ни одного русского.

Познакомились мы с *Кормчею книгой* Никодима. Познакомимся же и с прочими творениями и изданиями его:

11) *Советная ручная книга о хранении пяти чувств фантазии, ума и сердца и о духовных наслаждениях ума*, напечатана в Вене в 1801 году. Ἐγχειρίδιον συμβουλευτικὸν περὶ φυλακῆς τῶν πέντε αἰσθήσεων, τῆς τε φαντασίας καὶ τοῦ νοῦ καὶ καρδίας περὶ τοῦ ποῖαί εἰσιν αἱ πνευματικαὶ καὶ οἰκεῖαι τοῦ νοῦ ἡδοναί. Παρὰ Νικοδήμου Ἀγιορείτου. Ἐν Βιέννῃ. 1801.

12) *Νέον Ἐκλόγιον* — *Новый изборожитий святых*, изданный в Венеции в 1803 году.

13) Книга под названием *Благонравие христиан*, содержащая 13 слов Никодима, напечатана в Венеции в 1803 году: Βιβλίον καλούμενον Χρηστοθήθεια τῶν χριστιανῶν, περιέχουσα λόγους 13, παρὰ μοναχοῦ Νικοδήμου Ἀγιορείτου. 1803.

14) *Учение об исповеди* — Ἐξομολογητάριον, во второй раз издано было в Венеции в 1804 году, в третий раз — в Венеции же в 1818 году, в четвертый — не знаю, где и когда, в пятый — в Венеции в 1842 году. Это последнее издание находится в моей библиотеке. Вот заглавие его, которое показывает содержание сей душеполезной книги:

Ἐξομολογητάριον, ἧτοι βιβλίον •[III/2 514]• ψυχωφελέστατον, περιέχον 1) διδασκαλίαν σύντομον πρὸς τὸν πνευματικόν, πῶς νὰ ἐξομολογῇ μὲ καρπὸν, 2) τοὺς κανόνας τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ ἀκριβῶς ἡξηγημένους, 3) συμβουλήν ἐλαφρὰν πρὸς τὸν μετανοοῦντα, πῶς νὰ ἐξομολογῇται, καθὼς πρέπει, καὶ 4) λόγον ψυχωφελῆ περὶ μετανοίας, συνερανισθὲν μὲν ἐκ διαφόρων διδασκάλων καὶ εἰς ἀρίστην τάξιν ταχθὲν παρὰ τοῦ ἐν τῷ Ἀγίῳ ὄρει ἀσκήσαντος ἀοιδίμου διδασκάλου Νικοδήμου. Πέμπτη ἔκδοσις. Ἐν Βενετίᾳ. 1842, то есть: «Исповедь, или душеполезнейшая книга, содержащая 1) сокращенное учение для духовника, как он должен исповедовать с пользой, 2) каноны (епитимий) св. Иоанна Постника, точно истолкованные, 3) открытый совет кающемуся, как он должен исповедоваться надлежащим образом, и 4) душеполезное слово о покаянии, собранная из творений разных учителей* и в наилучший порядок приведенная приснопамятным Никодимом». Эта книга и вправду душеполезна и для духовников, и для исповедующихся у них грешников; для духовников — потому что в ней полно и ясно изложено учение о качествах, познаниях и добродетелях их, объяс-

* Прежде Никодимова *Εξομολογητάρια* вышли в свет следующие подобные книги: 1) Ἐξομολογητάριον, ἀναγκαῖον περὶ τοῦ μυστηρίου τῆς μετανοίας Νικηφόρου ἱερομονάχου τοῦ Πασχαλέως. Ἐνετίῃσιν, 1673, и 2) Διδασκαλία ὠφέλιμος περὶ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως, παρὰ Χρυσάνθου, ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἱεροσολύμων. Ἐνετίῃσιν, 1724.

нены епитимийные каноны св. Иоанна Постника и указаны врачевства для душ; для грешников — потому что в вопросах, не согрешил ли в том и том, так и так, соответственных десяти заповедям, припоминаются им грехи их, обыкновенные, тяжкие и смертные, и таким припоминанием вызывается их полная откровенность, без которой и исповедь не исповедь. Есть тут вопросы царям, архиереям, настоятелям монастырей и самим духовникам. Последнее в этой книге слово о покаянии весьма внушительно, убедительно и трогательно. Доброе дело сделал бы тот, кто перевел бы по-русски это душеспасительное творение святогорца Никодима.

15) *Толкование семи Соборных Посланий святых апостолов* •[III/2 515]• *Иакова, Петра, Иоанна и Иуды*, напечатано в Венеции (in 4°) в 1806 году на иждивение иоаннинского митрополита Иерофея: Ἐρμηνεία εἰς τὰς ἑπτὰ ἐπιστολὰς τῶν ἁγίων ἀποστόλων Ἰακώβου, Πέτρου, Ἰωάννου καὶ Ἰούδα, ὑπὸ Νικοδήμου Ἀγιορείτου ἐκ διαφορῶν συνερανισθεῖσα. Ἐνετίησιν, 1806. В конце сей книги помещены некоторые тропари Никодима и написанный им всенощный канон Иакову, брату Господню. Сие толкование, начатое по соизволению и предложению Константинопольского патриарха Неофита и переписанное на его иждивение, готово было к печати еще 19 июня 1803 года, как это видно из помещенной в начале сей печатной книги просьбы к вышепомянутому владыке Иерофею, чтобы он издал ее на свой счет. Иерофей

исполнил его просьбу в 1806 году после предварительного рассмотрения и одобрения этой книги патриархом Неофитом, святогорским духовником, иеромонахом Кириллом, иоаннинским священнопроповедником Евстратием и учителем Флангинианского училища в Венеции Спиридоном Влантисом. Все толкования Никодим заимствовал из творений Икумения, Феофилакта Болгарского, а более всего из объяснения Соборных Посланий апостолов, написанного Смирнским митрополитом Митрофаном, современником знаменитого патриарха Фотия, и найденного в библиотеке монастыря Афоно-Дионисиатского. В этой книге трудолюбивого святогорца помещены весьма многие примечания его, напечатанные мелко и убористо, гравированные лики апостолов Иакова, Петра, Иоанна и Иуды в рост с хартиями, на которых читаются начальные слова их Посланий, и подробнейший алфавитный указатель содержания книги, в которой всего 366 страниц. Драгоценна эта книга. Русский перевод ее был бы богатый подарок нашим богословам, пастырям и всем православным христианам. Много сведений основательных, глубоких и обширных почерпнули бы они из этого чистого источника.

16) *Новая Лествица, или толкование 75-ти степенных песней Октоиха, избранное из творений разных церковных писателей* •[III/2 516]• *Никодимом Святогорцем*, посвященное Афоно-Иверскому монастырю и иждивением

его напечатанное в Константинополе в 1844 году в четверть большого листа: Νέα Κλίμαξ, ἥτοι ἐρμηνεῖα εἰς τοὺς 75 ἀναβαθμοὺς τῆς Ὀκτωήχου ἀπὸ διαφορῶν ἐκκλησιαστικῶν συγγραφέων ἐρανισθεῖσα ὑπὸ τοῦ Νικοδήμου Ἀγιορείτου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1844. Эта книга написана была Никодимом еще в 1804 году, и тогда же, в 13 день августа, одобрена церковным центральным (κεντρική) попечительством в Царьграде, потом вселенским патриархом Григорием в апреле 1806 года. Но Иверский монастырь напечатал ее уже в 1844 году. После предисловия в ней помещено изящное изображение лестницы, суживающейся кверху, с 75 ступенями; по ним восходят восемь ангелов к Вседержителю Иисусу Христу, сидящему на облаке и благословляющему их обеими руками. По обе стороны Его парят восемь херувимов в облаках, а справа видна четверть луны, слева же — круглое солнце. Внизу у лестницы, слева от зрителя, изображен писатель 75 степеней с посохом в правой руке — св. Феодор Студит, а слева — многоярусные горы, приосененные деревьями, и одно высочайшее, трехъярусное дерево. В конце книги, с 327 страницы до 365, напечатан весьма подробный указатель содержащихся в ней изречений догматических и нравственных. Степенные песнопения на все восемь гласов, начиная с первого: «Внегда скорбети ми, услыши моя болезни, Господи, Тебе зову», — объяснены пространно и внушительно. Хорошо бы и эту книгу перевести по-русски и напе-

чатанную распространить в русском народе, жаждущем книг духовных.

17) *Еортодрόμιον*, или изъяснение песенных канонов, кои поются накануне господских и богородичных праздников, собранное из творений разных отцов Церкви и обогащенное многими примечаниями святогорским монахом Никодимом в 1806 году, а изданное в первый раз в Венеции в 1836 году изданием афоно-лаврских иеромонахов Стефана и Неофита (Скуртеевых), под наблюдением бывшего Далматинского •III/2517• архиепископа Венедикта Кралевича, жившего тогда в Венеции и получавшего пенсию от австрийского правительства: *Ἐορτοδρόμιον, ἥτοι ἐρμηνεῖα εἰς τοὺς ἀσματικοὺς κανόνας τῶν δεσποτικῶν καὶ θεομητορικῶν ἐορτῶν, ὑπὸ Νικοδήμου Ἀγιορείτου. Ἐν Βενετίᾳ, 1836, in 4° majori*. В этой книге в 750 страниц, снабженной в конце подробнейшим указателем содержащихся в ней догматических и нравственных учений и списком весьма многих лиц духовного и мирского звания, купивших ее (между ними нет русских), достойны внимания и памятования, кроме изъяснений канонов, весьма многие примечания Никодима, библиографические, исторические и филологические. Перевод ее на русский язык был бы весьма полезен для наших благочестивых христиан.

18) *Толкования 14-ти Посланий святого апостола Павла, написанные архиепископом Болгарским Феофилактом по-эллиниски, переданы Никодимом на новогреческом наречии ранее 1809 года,*

а напечатаны в Венеции уже в 1819 году содействием и иждивением константинопольских патриархов Григория [V] и Кирилла [VI], служившего в России графа Иоанна Каподистрии и других ревнителей Православия, духовных и мирских, в трех книгах in 4° majori: Παύλου ἀποστόλου αἱ ἰδ' ἐπιστολαί, ἐρμηνευθεῖσαι μὲν ἑλληνιστὶ ὑπὸ τοῦ μακαριωτάτου Θεοφυλάκτου, ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας, μεταφρασθεῖσαι δὲ εἰς τὴν κοινωτέραν διάλεκτον παρὰ Νικοδήμου Ἀγιορείτου. Ἐνετίησιν, 1819. В начале первого тома помещен гравированный портрет Никодима в круте. Он в полном монашеском одеянии сидит и пером пишет перевод толкований Феофилакта. Голова у него велика, черты лица крупны и приятны, глаза велики и круглы, взор проницателен и добродушен, нос продолговат, уста улыбаются, некороткая борода внизу разделена на две пряди. Подле него слева на трех полках видны 33 переплетенные книги. Издатели Никодимова перевода, о котором идет речь, Стефан и Неофит (Куртеи), посвятили его отцу известного у нас Каподистрии, графу Антону Марии Каподистрии. Посвящение их ему написано витиевато с •[III/2 518]• переводом изречений греческих поэтов в похвалу сына его Каподистрии:

Οὐρανῶ ἐστήριξε κάρη, καὶ ἐπὶ χθόνι βαίνει. «Голова его в небе, а ходит он по земле».

Ἰσθματα μὲν χέρσω, κεφαλὰ δὲ οἱ ἄψατ' Ὀλύμπῳ. «Перешейки на равнине, а голова на Олимпе» (т.е. де-

ла — земные, а душа — небесная). (Каллимах).

Σὺ ἀγαθός, ἐσθλὴ μὲν σοῦ ἀπόκρισις, ἐσθλὰ δὲ ἔργα. «Ты добр; полезна твоя ответственность, полезны и дела». (Феогнид).

Видно, святогорцы Куртеи читали не один Часослов и не одну Псалтирь, а и эллинских поэтов. Замечателен способ собирания денег на издание рассматриваемой книги. Издатели ее — Стефан и Неофит — уговорили собратий своих Давида Калимавхаса и духовника Иакова Митилинца пойти в мир за сбором денег для одного издания и просили позволения на это у вселенского патриарха Григория. Он исполнил их просьбу 23 мая 1818 года. По такому почину дела афонское управление 8 июня того же года своим окружным посланием ко всем 20 монастырям своим, скитам и келлиотам просило всех святогорцев дать деньги на предполагаемое издание. Подписались и дали свои гроши 488 афонцев. Кроме них помогли этому делу своими денежными даяниями жители острова Идры, духовенство в Яссах, духовные и миряне в Триесте и в других местах; в нашем Петербурге какой-то безвестный филэллин выписал 100 экземпляров, а граф Каподистрия — 50, в Москве какой-то филэллин — 37 и Николай Пацимадис — 5. Умеют же греки сбыть книгу! У нас подобного уменья нет. Но закончим библиографические заметки. Все три тома Никодима снабжены многими весьма дельными примечаниями и подробнейшими указаниями содержащихся в них сведений.

19) Последование службы всем святым афонским с похвальным словом им написано было Никодимом ранее 1809 года, а напечатано уже в 1847 году в греческом городе Ермуполе, что на острове Сире. В начале этой книжицы на 128 •[III/2 519]• страницах (in 8°) помещены литографические изображения этих святых с ликом Богоматери *Ширшей небес* на облаке над ними. Отрывки из последования этой службы я изложил выше в § 111 (с. 400–403), а выписки из похвального слова святым афонитам сообщу в следующем сказании моем о религиозно-нравственном состоянии афонитов во время турецкого владычества над ними.

20) Книга *Варсонофий* издана в Венеции в 1816 году в большую осьмушку.

21) Νέος Συναξαριστής — *Новый Синаксарь* в трех томах напечатан в Венеции в 1819 году. В сем творении Никодима помещены, кроме кратких житий святых мужей и жен, описания наружного вида именитых между ними. Я сообщил эти описания в своих *Сказаниях о внешнем виде святых*, напечатанных в «Трудах Киевской Духовной Академии» в 1867 году, а в *Оправданиях* к сей истории моей под № 86 перепечатаваю их, где надобно*.

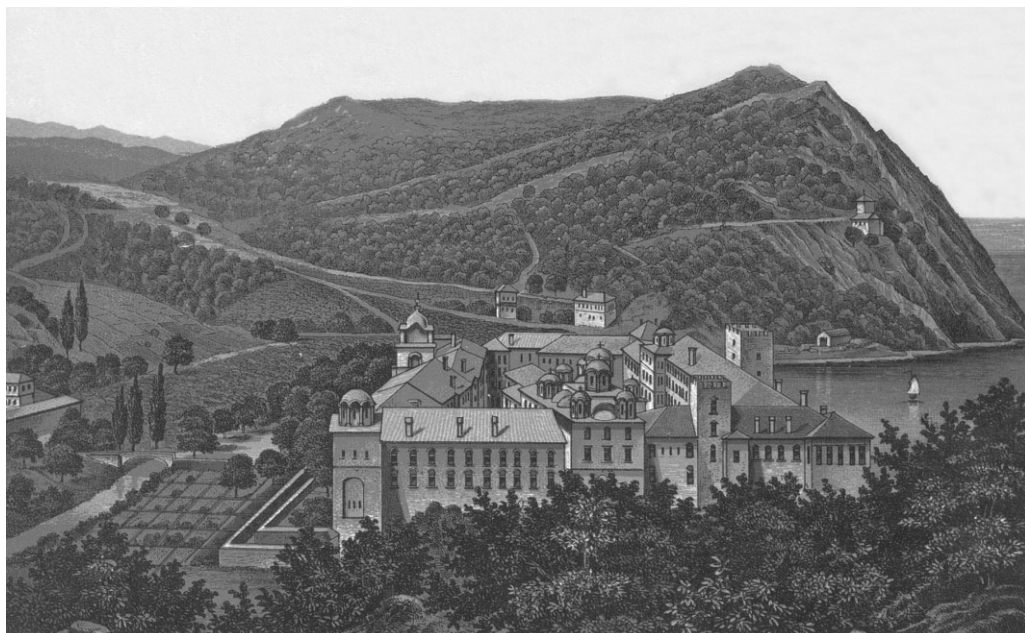
22) Исповедание веры и самозащита Никодима против порицателей его изданы в Венеции в 1819 году под следующим заглавием: Ὁμολογία πίστεως, ἥτοι ἀπολογία δικαιοσύνης κατὰ

τῶν, ὅσοι ἀμαθῶς καὶ κακοβούλως ἐτόλμησαν παρεξηγεῖν καὶ διαβάλλειν παραδόσεις τινὰς τῆς ἁγίας ἐκκλησίας, καὶ ἄλλα τινὰ τῶν περὶ πίστεως ὑγιῆ καὶ ὀρθόδοξα φρονήματα τοῦ αἰοιδίου διδασκάλου Νικοδήμου τοῦ Ἀγιορείτου, νῦν πρῶτον τύποις ἐκδοθεῖσα. Ἐν Βενετία, 1819. Выдержки из этой книжицы в 94 страницы, начиная с 11 страницы до 50, напечатаны в *Оправданиях* к сей книге моей под № 78; а дальнейшие статьи Никодима: о преимуществах воскресного дня, о том, что Господь Иисус Христос занимался древоделением, о персидских магах и о таинстве божественной Евхаристии — оставлены мной без внимания как не очень важные. Пусть другие исследователи Афона займутся переводом и оценкой их. •[III/2 520]•

Прочие рукописания Никодима, как то: 23) Κῆπος χαρίτων, 24) Ὑπομνήματα ἁγίων ἀνδρῶν ἁγιορείτων, 25) Ψαλτήριον εἰς τόμους δύο, 26) Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ τὰ σωζόμενα изданы ли в свет или нет, — сего не знаю.

Никодим Святогорец был книжник многоученный, многоприлежный и многополезный. Это — афонская пчела, собравшая много меда и сота с разных цветов в пищу православным христианам. Он был и поэт. В начале почти каждой книги его помещены стихотворения его, так называемые *проо-элегические и политические*. Они доказывают, что язык древних эллинских поэтов ему был как свой. А составленные им подробнейшие указатели содержа-

* Смотрите под этим № просопографию.

Есфигмен.

щихся в книгах его разнообразных сведений внушают, что терпение у сего богомудрого мужа было необыкновенное, афонское, да и то особенное. Помериться с ним нельзя, а подражать ему должно.

В одно время с Никодимом и после него на Афоне книжным делом занимались следующие монахи:

ХII. Христофор монах, подвизавшийся в Предтеченском ските, принадлежащем Иверскому монастырю, составил *Каноникон*, или *Правила святых апостолов и Соборов Вселенских и Поместных*, и, снабдив их примечаниями, заимствованными из творений разных учителей, напечатал в Константинополе в 1800 году по удостоению вселенского патриарха Неофита, изданием состоявшего при нем Свя-

щенного Синода. *Κανονικόν*, ἤτοι οἱ θεῖοι κανόνες τῶν ἁγίων ἀποστόλων τῶν τε οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων, ἐν ἐπιτομῇ συνειλεγμένοι παρὰ Χριστοφόρου μοναχοῦ, τοῦ ἐκ τῆς κατὰ τὴν μονὴν τῶν Ἰβήρων Προδρομικῆς σκήτεως, ὑφ' οὗ καὶ σημειώσεις ἐκ διαφόρων ἱερῶν διδασκάλων συνερανισθεῖσαι προσετέθησαν· ὅπερ τῇ τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κῦρ Νεοφύτου ἀξιώσει, σπουδῇ τε αὐτοῦ καὶ δαπανῇ τῆς ἱερᾶς συνόδου νῦν πρῶτον τύποις ἐκδίδεται. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1800 (εἰς 4°).

ХIII. Феодорит иеромонах, родившийся в епирском городе Иоаннине, тот самый, который, печатая «Пидалион» Никодима •[III/2 521]• в Лейпциге в 1800 году, попортил его своими неудачными прибавками, там же и в том же

году издал свое толкование Апокалипсиса, которое, однако, не одобрено было Великой Церковью в Константинополе: Ἑρμηνεία εἰς τὴν ἱερὰν Ἀποκάλυψιν Ἰωάννου τοῦ θεολόγου. Ἐν Λειψία, 1800 (in folio). Он же, будучи игуменом Афоно-Есфигменовой обители, составил подробное описание ее и, кроме сего, в своем Перипле Афона поместил много дельных сведений о тамошних монастырях, скитах и внемонастырских кельях. Оба эти сочинения не изданы в свет. Я читал их в рукописях, перебелил для себя и пользовался ими во время своего любознательного путешествия по Святой Горе.

XIV. **Пахомий**, родившийся в городе Тырнове, что близ Лариссы в Фессалии, и монашествовавший на Афоне, напечатал ранее 1804 года *Маргариты* (жемчужины), или *Слова св. Иоанна Златоуста и других святых отцов, переложенные с эллинского языка на простое наречие новогреческое разными учителями*. А перепечатаны они были в лучшем порядке, с добавлениями и прибавлениями, в 1804 году в Венеции: Μαργαρίτας ἦτοι λόγοι διάφοροι τοῦ ἁγίου Ἰωάννου Χρυσοστόμου καὶ ἑτέρων ἁγίων πατέρων, παρὰ διαφόρων διδασκάλων περὶ εὐθέντες εἰς ἀπλὴν γλῶσσαν· ἐκδοθέντες μὲν πρῶτον παρὰ τοῦ ὁσιωτάτου ἐν μοναχοῖς κυρίου Παχωμίου, τοῦ ἐκ τῆς πόλεως Τορνάβου, ἦτοι ἐκ τῆς μητροπόλεως Λαρίσης, τοῦ ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει μονάζοντος· τὰ νῦν δὲ μετατυπωθέντες μετὰ κρείττονος τάξεως καὶ τινος προσθήκης καὶ ἀκριβοῦς ἐπιδιορθώσεως πάντων. Ἐνετίησιν, 1804.

XV. Безымянный монах святогорский, родившийся в Кесарии в 1805 году, напечатал в Венеции *Словарь греко-турецкий*: Λεξικὸν τοῦρκικὸν καὶ γραικικὸν παρὰ τοῦ ἐν μοναχοῖς κυρίου Ἀγιορείτου, τοῦ ἐκ Καισαρείας. Ἐνετίησιν, 1805.

XVI. Скит св. Димитрия, принадлежащий Ватопедскому монастырю, своим иждивением в 1806 году издал в Венеции книгу под названием: Θύρα τῆς μετανοίας — *Дверь покаяния, сочиненная неким мудрым мужем, с присовокуплением к •[III/2 522]• ней некоторых неоповещенных чудес и канонов на восемь гласов св. великомученику Димитрию*: Θύρα τῆς μετανοίας, συντεθεῖσα πρὶν παρὰ τινος σοφοῦ ἀνδρός, καλλωπισθεῖσα δὲ νῦν καὶ διορθωθεῖσα διὰ συνδρομῆς τῆς σκήτεως τοῦ Ἀθῶ, κατὰ τὸ Βατοπέδιον κεκμένης· ἥτινι βίβλῳ προσετέθησαν καὶ θαύματά τινα ἀνέκδοτα καὶ ὀκτώηχοι κανόνες τοῦ αὐτοῦ ἁγίου Δημητρίου. Ἐν Βενετία, 1806 (εἰς 4°).

XVII. **Онуфрий**, иеромонах Афоно-Иверского монастыря, в 1809 году написал *Житие* уже известного нам Никодима Святогорца и напечатал оное в предисловии к *Толкованиям Посланий св. апостола Павла*, составленным Болгарским архиепископом Феофилактом. Это житие я перевел по-русски и поместил выше (с. 501–502) в сказании о книжных трудах сего Никодима.

XVIII. **Прокопий Дендрин**, архимандрит Афоно-Русского общежительного монастыря, в 1841 году в Афинах напечатал *Священный катихизис*: Διδασκα-

λία χριστιανική, ἥτοι ἱερὰ κατήχησις τῶν ὀρθῶν δογμάτων καὶ μυστηρίων τῆς ἀγίας καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας, συλλεγεῖσα παρὰ διαφορῶν πατέρων πρὸς χρῆσιν τῶν παιδῶν καὶ τοῦ ἱεροῦ κλήρου, ἥτις τανῦν πρῶτον ἐκδίδεται παρὰ τοῦ ἀρχιμανδρίτου Προκοπίου Δενδρινοῦ, τοῦ ἐκ τοῦ ἱεροῦ κοινοβίου τοῦ Ῥωσσικοῦ, ἀδεία τῆς ἱερᾶς συνόδου. Αθήναις, 1841.

Им же изданы в свет: Εἰσαγωγή εἰς τὰς Γραφάς — *Введение в Св. Писание*; Ἐγκόλπιον ὑπὲρ τῆς θεοτόκου καὶ τοῦ ζωοποιοῦ σταυροῦ — *о Богородице и Животворящем Кресте*; Περί τῆς καταγωγῆς τοῦ πρωτοπατορικοῦ ἁμαρτήματος — *О наследственности прародительского греха*. А не изданы им его же сочинения: Χριστιανικὴ διδασκαλία διαλογικῇ. Περί προορισμοῦ. Περί τοῦ μυστηρίου τῆς εὐχαριστίας καὶ κατὰ Ἰουδαίων.

ХІХ. Кирилл, родом из города Смирны, бывший великий протосингелл Великой Церкви Христовой в Константинополе, потом живший в Афоно-Дохиарском монастыре ранее 1842 года, а в этом году бывший архиереем в пелопоннесском городе •[III/2 523]• Арголиде, в бытность свою в Дохиаре сочинил историческое описание сего монастыря под названием: «Προскиνιταрий царской, патриаршей, ставропигиальной обители Дохиарской». А это сочинение его напечатано было в Букаресте уже в 1843 году Слободзейским в Валахии архимандритом Гавриилом с приложением к нему древнего акафиста Архангелам Михаилу и Гавриилу, исправ-

ленного Никодимом Святогорцем, и канона Пресвятой Богородице Скороуслышной, чтимой в Дохиаре, сочиненного же Никодимом: Προσκυνητάριον τοῦ βασιλικοῦ καὶ σταυροπηγιακοῦ μοναστηρίου τοῦ Δοχειαρίου. Ἐν Βουκορεστίῳ, 1843. Выдержки из сего Проскинитария помещены в моем описании Дохиара.

XX. Варфоломей Кутлумушец известен мне как последний книжник афонский. Он родился на острове Имбросе, в деревне Глики, 22 декабря 1773 года, в день воскресный. А где учился так, что понимал и эллинских поэтов, и когда омонашился в Афоно-Кутлумушском монастыре, которого метохи Архангельский и Предтеченский находились подле самой родины его, — этого я не знаю. В 1836 году он проживал на острове Керкире (Корфу) и тут был искренно дружен с именитым тогда археологом и филологом Андреем Мустоксиди, который сообщил ему надобные сведения об острове Имбросе, почерпнутые из эллино-классических писаний. В 1839 году он проживал на своей родине, вероятно, как управитель тамошних метохов Кутлумушского монастыря. Оттуда вселенский патриарх Григорий VI вызвал его в богословское училище, недавно учрежденное в предместье Константинополя, Фанаре. Здесь Варфоломей преподавал богословие до половины июня 1840 года, а в 22 день того же месяца и года перемещен был на остров Халки в качестве начальника и наставника тамошнего народного училища, основанного в 1831 году

патриархом Константием I, учившемся в нашей Киевской академии. Здесь в досужные дни были написаны им две книжицы: 1) об острове Имбросе и 2) о монастыре Богородицы на острове Халки и об учрежденном в •[III/2 524]• нем народном училище. В 1843 году, октября 6 дня, в среду, я посетил сего афонита и провел у него в училище день и ночь. В минуты входа моего в училищный монастырь отец Варфоломей преподавал ученикам Священную Историю. Какой-то учитель в красной феске с синей кистью хотел вызвать его из класса, но я упросил его не беспокоить старца до окончания урока. Меня и бывшего со мною иеродиакона нашей посольской церкви, о. Григория (монаха из болгар), поместили в опрятной келье, назначенной для приема дорогих гостей и попечителей училища. Наконец желанный старец явился. Я вручил ему письмо друга моего — Александра Скарлатовича Стурдзы. Прочитав его, он начал разговор со всей холодностью и медлительностью старческой и между прочим жаловался на безденежье и на иго турецкое. Мне скучно было слышать эту жалобу. К счастью, о. Варфоломей пригласил меня к вечерне. Но и тут искушение! Как на грех, мой о. Григорий, поместившийся подле меня на правом клиросе, начал петь по-гречески: «Господи, воззвах к Тебе услыши мя», и в нос выводить верхние и нижние и всякие ноты и рулады, к каким способны только греческие и болгарские носы, да так громко, с такой трескотней, с таким несносным щегольством и сопер-

ничеством с местным священником, что даже о. Варфоломей при всей своей флегме приподнял свою голову, поправил очки на своем носу и, посмотрев на нового Романа несладкопевца, тихонько с перерывами стал подпевать одним тоном (унисоном), а я, грешный, избалованный мелодическим пением европейским, едва сохранял присутствие духа, а внутренне смеялся, как ребенок. Взгляну на о. Григория, и мне видится, как нос его надувается, как волынка; зажму глаза — так трещат в ушах дробь носового голоса; начну молиться — не могу докончить крестного знамения от какой-нибудь новой, неожиданной рулады; посмотрю на местные образы — лики на них смотрят так сердито, как будто им не нравится хваление Бога носом. Искушение! После вечерни и прогулки по острову, когда наступил час ужина, о. Варфоломей •[III/2 525]• пригласил меня разделить трапезу вместе с воспитанниками. Долго шли мы по темным коридорам и спускались вниз по лестницам. В самом нижнем этаже, у дверей столовой комнаты, ожидали нас все учителя — четыре-пять. Отец Варфоломей, умывши свои руки, представлял мне в потемках мудрецов своих, а я, не дождавшись полотенца, мокрыми руками благословлял их поодиночке и выслушивал краткие приветствия их на разных языках, даже на турецком, которого я не знаю. Наконец, все мы вошли в столовую. Тут воспитанники, числом 65, стояли за двумя длинными столами, по обе стороны их, и после молитвы усе-

лись. Мы заняли поперечник, придававший столам вид буквы П. Мальчик влез на кафедру и начал весьма быстро читать отрывки из Священной Истории по-новогречески. Все слушали и ели. После ужина началась молитва на сон грядущий. Ученики стояли лицом к иконе, а начальники и учителя молились на них. Как ни дико мне было кланяться в ту сторону, где стояли питомцы, но надлежало подражать отцу Варфоломею и мудрецам его. Стоя так, я заметил, что ни один ученик не перекрестился и что одни из них стояли, как статуи, другие смеялись потихоньку, а иные дремали, прижавшись к стенам. Это зрелище не понравилось мне. После ужина все учителя пришли в келью своего начальника. Быть может, они желали послушать иперборейского Анахарсиса, но этот ипербореец тогда еще не умел говорить по-гречески, и потому молчал. Итак, разговоров не было; только о. Варфоломей и о. Григорий поделились двумя непристойными анекдотами касательно турецкого обрезания. На другой день утром меня позвали к о. Варфоломею. За чашкой чая он говорил мне, что собирает материалы для подробного описания острова Халки, потом показал мне две рукописи двенадцатого века на пергаменте, именно Евангелие с миниатюрами и свиток литургии Златоуста. По рассмотрении их я братски простился с о. Варфоломеем. А вновь свиделся с ним уже на Афоне в Кутлумушском монастыре 18 июня 1846 года. Здесь он подарил мне два печатные

сочинения и •[III/2 526]• издания свои, как то: Ὑπόμνημα ἱστορικὸν περὶ τῆς νήσου Ἰμβροῦ, т.е. *Историческое воспоминание об острове Имбросе*, напечатанное в Константинополе в 1845 году с приложением Киппертовой карты сего острова, и Ὑπόμνημα ἱστορικὸν περὶ τῆς κατὰ τὴν Χάλκην μονῆς τῆς θεοτόκου, καὶ περὶ τῆς μεταρρύθμισεως αὐτῆς εἰς ἑλληνικὸν φροντιστήριον, т.е. *Историческое воспоминание о монастыре Богородицы на острове Халки и о преобразовании его в эллинское училище*. Это воспоминание напечатано в Константинополе в 1846 году. Обе эти книжицы его многосодержательны. Они послужат мне готовым материалом для составления моего повествования *О Православии на островах Пропонтиды, Егейской пучины, Архипелага и Средиземного моря* (это повествование уже начато мною, но только начато).

Такие и столькие на Афоне были книжники из греков во время турецкого владычества. А из славянских монахов там немногие писали и печатали кое-что.

В сербском Хилиндаре тогда никто не сочинил ни одной книжицы.

В сонме афоно-болгарских иноков, кроме **Стефана Болгарина**, написавшего повествование о хождении Богоматери на Афон, известны еще три книжника: игумен **Паисий**, ученик его **Софроний** и архимандрит **Софроний**. Первый около 1762 года распространил в Болгарии свое историческое писание под названием: *История славяно-болгарская о народах и о царях и святых болгарских*

и о всех деяниях болгарских. Второй, впоследствии епископ Врачанский († 1815 г.), оставил после себя свою автобиографию под заглавием *Житие и страдание грешного Софрония*, а в 1806 году напечатал в городе Рымнике болгарскую книгу *Кириакодромийон, т.е. Собрание поучений на круглый год*. Третий в 1862 году в Петербурге издал *Краткую историю славяно-сербской Хиландарской Лавры*.

Афонские иноки русского рода из Червонно-Галицкой Руси и из нашей Малой и Великой России как писатели и издатели •[III/2 527]• книг духовного содержания известны мне следующие: галичане Христофор, Феодул и Иоанн Вишенский.

Христофор, странствовавший по Афону, и **Феодул**, подвизавшийся там в каком-то ските до 1608 года, написали два небольших сочинения в опровержение книги польского иезуита Скарги «О единстве Церкви». В обоих сочинениях этих рассказывается, что блаженной памяти Гедеон, епископ Львовский († 1607 г.), прислал бывшему патриарху Александрийскому Мелетию названную книгу Скарги, а Мелетий, не зная польского языка, отправил ее на Афон, дабы там, если признают нужным, дали отповедь, но без словопрений. Отповедь дана. Христофор и Феодул отправили свои сочинения к православным христианам Малой России. В предисловии к первому сочинению Христофор убеждает сих христиан крепко держаться старой веры, т.е. Православия, и чуждаться новой, т.е. унии, запо-

ведует обучать детей в школе *правоверной* сперва грамматике греческой или славянской, потом Часослову, Псалтири, Октоиху, далее богословию и толкованию книг Священного Писания, но отнюдь не философии и не диалектике, коими гордятся латины и кои ведут к ересям, и советует составить и напечатать для руководства *сборник слов* на весь год, заимствованных из учения Спасителя, апостолов и святых отцов. А в самом сочинении он опровергает только два артикула в книге Скарги: *артикул хульный*, в котором Скарга порицает греков за то, что они будто не сообщили своей науки русскому народу, и *артикул самохвальный*, где Скарга превозносит Римскую церковь за процветающие в ней школьные науки. Во втором сочинении Феодул сначала порицает Скаргу за то, что он в предисловии к своей книге сказал ложь, якобы богатая Русь скупила все экземпляры первого издания этой книги и сожгла их, и за то, что убеждал польского короля насильно обращать русских к римской вере; а потом занимается решением вопроса, какая Церковь есть истинная, и для сего перечисляет признаки истинной Церкви и прилагает их к Церкви Восточной, а с другой стороны — показывает, •[III/2 528]• что Скарга несправедливо Римскую Церковь называет истинною. (Оба сочинения напечатаны в «Трудах Киевской Духовной Академии» в 1878 году).

В конце XVI и в начале XVII века жил на Афоне, в Зографском монастыре, русинский монах **Иоанн Вишенский**.

Он был галичанин. Во дни его в Юго-Западной Руси явилась уния, т. е. единение с Церковью Римской. Вишенский был самый ревностный противник ее и защитник Православия. С 1596 года он писал и отправлял с Афона самые горячие послания против унии 1) к князю Василию Острожскому и ко всем православным христианам в Малой России, 2) ко всем православным жителям Юго-Западной Руси и Польско-Литовского королевства, 3) к митрополиту и епископам оной же Руси, принявшим унию, и сверх того 4) сочинение о заблуждениях Римской Церкви. В 1621 году он был еще жив, ибо Киевский собор тогда определил «вызвать с Афона преподобных мужей русских, в том числе блаженных Киприана и Иоанна Вишенского и прочих, там находящихся и процветающих житием и богословием». Год кончины Вишенского неизвестен.

Послания Иоанна Вишенского, написанные наречием червонно-русским по поручению Александрийского патриарха Мелетия Пига, сообщают нам некоторые подробности появления унии, знакомят нас с личностями, участвовавшими в этом деле, и представляют живое и интересное изображение понятий верований, церковного порядка, общественных нравов, обычаев и вообще всех родов жизни в Юго-Западной Руси. Появление их вызвано было введением унии в этой Руси; и писатель их как замечательный полемист своего времени задал себе задачу, с одной стороны, обличить унию и

утвердить малороссов в Православии, с другой — исправить недостатки самой Церкви Южно-Русской. Отец Вишенский в своих сочинениях выражает оригинальный взгляд на унию. Отпадение некоторых княжеских семейств и части православного народа с несколькими архиереями в *еретичество* (так он называл римскую веру), по мнению •[III/2 529]• его, произошло по причине укоренения в южной России западной науки. Римо-католиков он как ученик святых отцов Православной Церкви считал *погаными*, *богомерзкими* и не только нехристианами, но и подлейшими турков: «Стосутубней некрещенные во имя Отца и Сына и Святаго Духа, прельщенные от диавольскаго лжепророка Магомета турки суть честнейшие перед Богом в суде и правде якой-такой, нежели крещеные ляхи, которые на евангельскую науку сопротивно борют и оную своим злым житием и гордостию антихристового духа попирают». А униаты у него не только недуховные, но даже и нехристиане. В польском обществе тогдашнего времени царило сильное предубеждение против языка славянского. Ученые презрительно улыбались, когда кто-либо говорил им о литературе славянской; даже многие из православных отдавали предпочтение польскому языку перед славянским. Иезуит Скарга называл его источником невежества русского. «Еще не было, — говорил он, — на свете академии, где бы философия, богословие, логика и другие свободные науки преподавались по-славянски. Да и что это

за язык, которого теперь никто не понимает? На нем нет ни грамматики, ни риторики и быть не может. Попы русские на нем отправляют богослужение, а сами не в силах объяснить, что и что читают они в церкви, и даже у других спрашивают объяснений попольски. У них и вся наука в том, чтобы выучиться читать кое-как. Отсюда и невежество и заблуждения. С этим языком слепой ведет слепого». А о. Вишенский как жаркий защитник славянского языка восхвалял превосходство его пред всеми языками. «Скажу вам тайну великую, — писал он князю Острожскому, — яко диавол толикую зависть имеет на славянский язык, что едва жив от гнева: рад бы его до тщеты погубити, и всю борьбу свое на тое двинул, да его обмерзит и в обиду и ненависть приведет. А что некоторые наши славянский язык хулят и не любят, то знай наверно, яко того же мастера действием и рыганием творят, духа его принявши. А то для того диавол на славянский язык борьбу •[III/2 530]• тую мает, за неже есть плодоноснейший из всех языков и боголюбимейший, понеже без поганских хитростей и руководств, се же есть грамматик, риторик, диалектик, и прочих их коварств тщеславных, простым прилежным чтанием, без всякаго ухищрения к Богу приводит, простоту и смирение будит, и Духа Святаго подъемлет. *В злоковарну же душу, — рече премудрый, — не внидет премудрость*; что ныне латинская злоковарная душа, ослепленная и насыщенная поганскими тщеславами

и гордыми догматы, страждет, которая Божия премудрости и разума духовнаго, смирения, простоты и беззлобия вместити никакже не может. Тем же блюдите православные от той гнили детей своих, да знаете, истинно вам глаголю: идеже дух любви к сим поганским догматам прильнет, то в вере погрешит, и наверно совсем от благочестия отпадет: что есть ныне вы ясно пострадали. Егда есте на латинскую и мирскую мудрость ся полакомили, тогда есте и благочестие стратили, в вере онеможили и поболели и ереси породили и в Него же крестихомся, Того прогневали. Не лучше ли тебе изучити Часословец, Псалтырь, Октоих, Апостол и Евангелие, с иными церкви свойственными быти простым богоугодником и жизнь вечную получитьи, нежели постигнути Аристотеля и Платона, и философом мудрым в жизни сей зватися, и в геену отойти? Рассуди! Кажется лучше *аза* не знати, только бы до Христа достигнути, Который блаженную простоту любит и в ней обитель Себе чинит и там упокоевает. Тако да знаете, яко славянский язык пред Богом честнейший есть и эллинскаго, и латинскаго. Се же не басни суть». (Послание Вишенского к принявшим унию архиереям прочтите в *Оправданиях* моих под № 86).

Кроме этого писателя, на Афоне были книжники из нашей Малороссии — иноки Паисий Величковский и ученик его Платон, а из Великой России — монахи Пантелеимоновской обители Сергей и Азария да издатели

книг духовного содержания, о коих речь ниже. •[III/2 531]•

Паисий Величковский († 1794 г., 15 ноября), которого житие рассказано мною во *Втором путешествии по Афону* (с. 421–425), написал 14 глав в ответ кавсокаливскому скитнику Афанасию Молдавану, оглашавшему его на Афоне льстецом, лицемером и еретиком и хулившему умную внутреннюю молитву (этих глав я не видел), и перевел с греческого языка на славянский *Добротолубие* (Φιλοκαλία) и *Творения Исаака Сирина*. А ученик его Платон-схимонах сочинил житие сего божественного старца и напечатал в Нямецком Вознесенском монастыре в лето 1886, ноября 20 дня. Сие-то житие оповещено во *Втором путешествии моем по Афону*.

Сергий Святогорец, в мире Симеон, в монашестве Серафим, в схиме Сергий, родился в Вятской епархии от дьячка Пищальского села Авдия Веснина 27 августа 1814 года и по окончании учения в Вятской семинарии в 1834 году рукоположен был в сан священника 11 февраля 1835 года, и в том же году, 13 декабря, овдовел, в 1839 году омонашился, а в 1844 году, 23 марта, в Великий Четверток, принял схиму с именем Сергия в Афоно-Руссике, где и кончил свою жизнь 17 декабря 1853 года.

У нас известны сочинения этого святогорца. Вот перечень их:

1) *Письма к друзьям о Святой Горе Афонской* в двух частях. (У меня издание 3-е. СПб., 1856).

2) *Путеводитель по Святой Горе Афонской и указатель ее святынь и достопамятностей*. СПб., 1854.

3) *Нынешний Русский Пантелеимонов монастырь на Святой Горе Афонской*. СПб., 1854 (издание 2-е).

4) *Сочинения и письма святогорца, собранные после его смерти*. СПб., 1858. В этой книге, между прочим, помещены: а) описание Афоно-Есфигмена монастыря, б) отрывок из «Записок Палестинских», в) начаток келейных записок о чудных событиях, в которых проявлялись или особенные благодатные действия и попечения о нас Промысла Божия, или чудесное •[III/2 532]• заступничество и ходатайство святых его, г) исторический очерк под названием: *Русские иноки на Святой Горе Афонской с десятого века до половины девятнадцатого, доведенный до шестнадцатого столетия*.

Сергий был поэт, а не историк и не археолог. Речь у него чисто русская, приятная и инде увлекательная. Но в сказаниях его об Афоне много ходячих бредней местных. Посему настоящим и будущим писателям о сей Горе совету не увлекаться этими сказаниями. Грешно говорить ложь и неправду о таком священном месте, каков Афон. Эта Гора привлекательна только под освещением исторической правды.

Продолжатель книжных трудов Сергия в Афоно-Руссике был монах **Азария** из вятских семинаристов, недавно скончавшийся от каменной болезни. Из-под пера его вышли следующие книги:

1) *Вышний покров над Афоном, или Сказания о святых чудотворных, в Афоне прославившихся, иконах Божией Матери и других святых с литографированными изображениями Богоматери* (22), Предтечи, Николая Чудотворца, Пантелеимона, Георгия (3) и явления Богоматери Афанасию Афонскому. СПб., 1860. 115 с.

2) *Афонский Патерик, или Жизнеописания святых, во Святой Афонской Горе просиявших, в двух книгах.* СПб., 1860.

3) *Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона.* Киев, 1873.

В первой книге все изображения не имеют ни малейшего сходства с подлинниками. Жалею об этой художественной неправде, а еще более сожалею о том, что в сей книге помещены сказания об иконах Богоматери неверные, странные и унижающие величие и святую благодать Ее. Тут Она, послужившая таинству любвеобильного спасения грешных человеков, губит их, сушит, топит, умерщвляет.

Во второй книге все жития святых афонских переведены •[III/2 533]• по-русски с греческих книг и рукописей. Но перевод сей не везде верен и точен. Например, в *русском* житии преподобного Евфимия Нового (IX века) напечатано: «Святой Евфимий предложил своему сподвижнику: оставим теперь, добрый Иосифе, злострадание жития беспокровного, заключимся в какой-нибудь пещере и будем пребывать в ней неведомыми от всех других нахо-

дящихся здесь иноков»; а в *греческом* житии слова *иноков* нет. Еще, в переводе: «Иосиф, расслабевши после первого года, вышел из пещеры и ушел к другим монахам», — этих напечатанных курсивом слов нет в греческом подлиннике. В русском переводе жития Феофила Мироточивого (ч. 2, с. 69 и след.) многое передано вольно и неверно, например:

«Феофил воспитание получил истинно христианское» — «ἀνετρέφῃ μὲ ἥθη καλὰ καὶ χρηστὰ [воспитан в нравах добрых и порядочных]»,

«посвятил себя высшим наукам» — «εἰς τὰ ἑλληνικὰ μαθήματα [эллинским, т. е. языческим наукам]»,

«в короткое время кончил свое образование» — «ἔφθασεν εἰς μέτρα ἱκανὰ τῆς γραμματικῆς τέχνης, ἔμαθε καὶ τὴν καλλιγραφίαν [постиг в достаточной мере грамматическое искусство, выучился и каллиграфии]».

Епископ Акакий «рукоположен был святейшим патриархом Константинопольским Нифоном» — «Τοῦτον ἐπίσκοπον ἐχειροτόνησεν ὁ ἀγιότατος ἐκείνος πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως Νήφων, ὅταν ἀκόμη ἦτον Θεσσαλονίκης [Этого епископа рукоположил святейший патриарх Константинопольский Нифон, в то время еще бывший митрополитом Фессалоникским]».

Один из еврейских врачей распустил между турками молву, что «христиане виною несчастья, постигшего их» — «πῶς οἱ χριστιανοὶ κάμνουν μαγείαις καὶ γοητεύματα [будто христиане занимаются магией и колдовством]».

«...патриарх в сильных убеждениях и ясных доказательствах оправдал веру христианскую и уничижил исла-мизм» — «...πατριάρχης ἐνίκησεν εἰς τὴν διάλεξιν [патриарх победил в диспуте]» (только!) •[III/2 534]•

Феофил переписывал «книги обветшавшие» — «τὰ βιβλία τῆς ἱεραῆς ἀκολουθίας [книги священного последования]», и проч., и проч.

Не подумайте, что переводчик Азария имел под руками другую рукопись. Нет, у него и у меня греческий подлинник был один и тот же.

Заявивши все это, прошу наших книголюбивцев писать жития святых афонских не по переводу Азарии, а по греческим подлинникам.

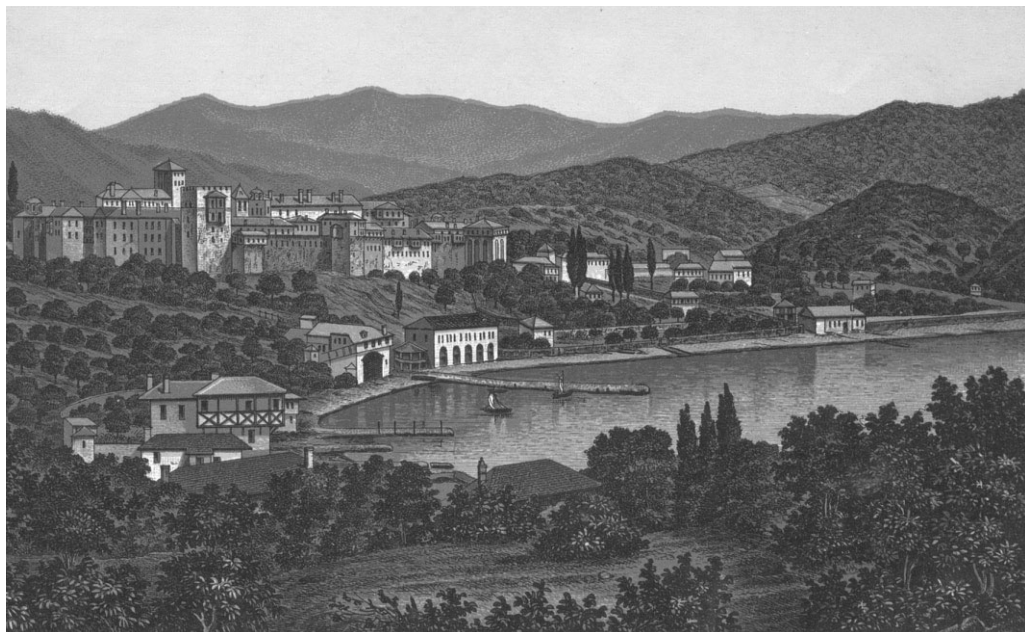
В третьей книге русский перевод греческих актов ожидается более точный и складный.

Кроме всех вышепоименованных книг, афоно-русские пантелеимоновцы напечатали:

— Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы с изложением учения Церкви, преобразований и пророчеств о Ней и Чудес Ее, с 14 рисунками и 26 политипажам. СПб., 1869. Издание роскошное, но с примесью неверностей!

— Цветник духовный: назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых в двух частях. Москва, 1880. Книга народная и душеспасительная! Умудрится тот, кто прочтет ее со вниманием и сложит глаголы ее в своей памяти.

Великороссийские монахи, спасающиеся в Афоно-Андреевском ските, издали в свет описание своего укромника

Ватопед.

под названием: *Серай, новый русский скит св. апостола Андрея Перво-званного на Афоне*. СПб., 1852, 1858 и 1859 годы. Сказания, помещенные в этом описании, переданы мною во *Втором путешествии моем по Афону*. (С. 437–464).

Изложив сведения о книжном деле афонитов, греческих и славянских, заимствованные частью из самих сочинений и изданий их, частью из каталога греческих книг, напечатанных со времени падения Константинополя до 1821 года, который каталог составлен и издан в Афинах в 1845 году Андреем Попадопуло Врето*, предлагаю вниманию читателей новое слово.

•[III/2 535]•

§ 115. О религиозно- нравственном состоянии афонских обитателей

Первое слово об этом предмете — не мое, а второе — мое.

I.

В 1553 году на Афоне француз Беллон, описавши, даже срисовавши, тамошние деревья и поименовавши тамошних птиц, молвил кое-что и о быте монашеском. Вот его молва.

* Νεοελληνική φιλολογία, ἥτοι κατάλογος τῶν ἀπὸ πτώσεως τῆς βυζαντινῆς Αὐτοκρατίας μέχρι ἐγκαθιδρύσεως τῆς ἐν Ἑλλάδι βασιλείας τυπωθέντων βιβλίων παρ' Ἑλλήνων εἰς τὴν ὁμιλουμένην ἢ εἰς τὴν ἀρχαίαν ἑλληνικὴν γλῶσσαν. Αἰθῆραι, 1845; 1854–1857² — П.К.

«Афонские монахи почти все невежи. Их шесть тысяч. Но среди такого множества едва можно найти двух-трех в каждом монастыре, которые умеют читать и писать. Ибо епископы Греческой Церкви и патриархи, как враги философии, погрозили отлучением от Церкви всем священникам и монахам, которые осмеливались бы читать или сочинять какие-либо книги, кроме церковных и богословских, да и мирянам внушили, что непозволительно христианам заниматься поэзией и философией... Афонские монахи носят рубахи не пеньковые и не льняные, а шерстяные, шерсть же для них прядут сами. Между ними нет ни одного, который не знал бы ремесла, посему монастыри не нанимают работников для своих надобностей; если же что нужно им, то монахи изготовляют или все вместе, или порознь, пасынкуя виноградники, копая землю, рубя дрова, обрабатывая огороды, ловя рыбу. Одни из них — башмачники, другие — портные, иные — плотники и строители лодок, мельники и кузнецы. Всякий, поступающий в афонский монастырь, ежели имеет какую-либо собственность, отдает ее своей общине. Между собой они зовутся не братьями, а отцами и сынами. Те, которые умеют читать по-гречески или немножко учены, предпочитаются неучам: они-то отправляют церковные службы так, что один читает, а другой поет с его слов. Мало между ними иеромонахов и диаконов, но и они обязаны работать наравне с прочими отцами, посему им некогда

было заниматься изучением чего бы то ни было: и они коротают век свой в дивном царстве невежества... Все калуеры афонские подчинены патриарху Константинопольскому. •[III/2 536]• Они у всех православных народов пользуются почетом и уважением паче всех прочих монахов. У них строго соблюдаются церковные обряды, в церквах горят свечи и лампы, стоят живописные образа, звонят колокола и употребляется железное клепало толщиной в три пальца, в виде дуги. Оно висит на гвозде у входа церкви и созывает монахов к богослужению. А монахи на всей Святой Горе никогда не едят ни кур, ни голубей, ни мяса коровьего и овечьего, ни рыбы в посты, в которой есть кровь. Обыкновенная пища у них, кроме хлеба, солёные маслины, лук, чеснок, огурцы, капуста, черепокожные морские животные, анчоусы, каракатица, икра, солёные рыбки». (*Les observations de plusieurs singularités, par Pierre Bellon du Mains. En Anvers, 1555. Pag. 61–78.*)

Итак, Беллон видел афонских монахов, их одежду, пищу и работы, их церкви, колокола, клепала, иконы, восковые свечи и лампы, слышал их богослужение и не понимал его, обозвал их невеждами, а о духовных подвигах и добродетелях их не справлялся. Ложно оповещение его о патриаршем отлучении от Церкви священников, монахов и мирян за занятия поэзией и философией. Такое отлучение никогда не было объявлено. Напротив, во дни Беллона, в 1526 году, напечатан был в Венеции старинный перевод Омировой «Илиа-

ды» на новогреческом языке*, а в Париже в 1542 году вышли в свет эпиграммы Яна Ласкаря Риндакина**, в Риме же — вопросы о исчислении годов***.

Спустя 145 лет после Беллона, в 1698 году, издан был французский перевод книги англичанина Рико о тогдашнем состоянии Церкви Греческой. В этой книге Рико описал и Афон. Статистическое описание его сухо, бесцветно, неполно. О житии •[III/2 537]• святогорцев поведал он вот что:

«Когда миряне принимают монашество, тогда назначаются им занятия, к которым они способны. Вне монастыря они обрабатывают виноградники, ограждая их каменными стенками и рвами, собирают маслины и выделывают из них масло, стерегут стада баранов и стригут их, но ничего не сеют и не пашут, внутри же монастыря куют топоры, косы и другие орудия, надобные для хозяйства, шьют, ткнут, делают камилавки и обувь. Когда община их снабжена всеми этими вещами, тогда излишек их продается чужим, а выручка употребляется на нужды монастыря, который на свои деньги покупает рабочие материалы, а потому всё сработанное считает своей собственностью. Святогорцам не дозволяется иметь какое-либо стяжание для себя. В общину

* Ομήρου Ἰλιάς, μεταβληθεῖσα πάλαι εἰς κοινὴν γλῶσσαν, νῦν δὲ διορθωθεῖσα παρὰ Νικολάου Λουκάνου. In Venetia, 1526, εἰς 4°.

** Ἰάνου Λασκάρεως τοῦ Ρυνδακηνοῦ ἐπιγράμματα. Parisiis, 1542.

*** Ἑρωτήματα τοῦ Χρυσολογᾶ περὶ σχηματισμοῦ τῶν χρόνων ἐκ τῶν Χαλκονδύλου. Romae, 1542, εἰς 8°.

их принимаются только способные к труду или знающие какое-нибудь ремесло, хотя бы они не умели ни читать, ни писать. Посему из ста калуеров едва найдется один грамотей. Довольно с них, если они умеют истово креститься и класть поясные и земные поклоны не менее трехсот. Священники и диаконы у них умеют читать и писать, хотя и немногие из них понимают эллинский язык; даже самые способные между ними затрудняются объяснять богослужебные речения, даром что читают их от доски до доски без остановки и так быстро, что надобно иметь самый хороший слух и порядочное знание греческого языка, чтобы понять то, что они читают. Главное занятие их есть изучение песнопений Иоанна Дамаскина, Служебника, устава и канонаршества. Самые просвещенные между ними черпают познания только из творений святых отцов и постановлений Соборов своей Церкви. Они превозносят только свой греческий язык, а все прочие считают несвященными (profanes). Философия, математика и прочие науки, по их мнению, бесполезны для тех, которые ведут жизнь духовную, умерщвляя свои страсти, и которым запрещены все книги, кроме душеспасительных. Они убеждены в том, что самое лучшее средство для прекращения какой-либо ереси есть сожжение еретических книг. У них есть библиотеки •[III/2 538]•, но рукописи и книги тут покрыты пылью и служат пищей червям. В каждом монастыре их есть колокола малые и большие, висящие, как

висят они в Англии. Святогорцы большей частью души благочестивые и святые, занятые набожностью и умерщвлением плоти. А так как от избытка сердца глаголют уста, то они всегда беседуют о предметах духовных с особенным благоговением. Посему мы можем нелегковерно утверждать, что эти монахи не только добронравны, но и близки к Богу и что исполнение заповедей Его и набожность ведут их на небо гораздо надежнее, чем мудрость самых глубокомысленных философов и ведение самых просвещенных богословов. Но как бы то ни было, а мы не можем не удивляться благодати Бога, сподобившего людей свободно исповедовать веру христианскую и пользоваться большими льготами в государстве великого тирана и смертельного врага Иисуса Христа и учения Его».

Добрый англичанин! Умел похвалить святогорцев.

В 1706 году некто Павел Лукас посетил Афон и о тамошних монахах отзывался так же, как и Рико, благоприятно: «Все они точно исполняют три обязанности, как три обета своего ордена: строгое воздержание, доводимое донельзя, молитвенное бдение в церквах в течение многих ночей в году и недопущение женщин на Гору, даже животных немужского пола. Некоторые из них считают послаблением принятие в монастыри молодых дяконов, для которых в старое время был назначен особый дом, где они мужали под руководством благочестивых старцев.

Неудивительно повременное ослабление благонравия в таких монастырях, в которых живут иноки из разных стран с разными привычками и нравами. Время переиначивает все, даже истину, одевая ее по-своему, иногда дико-винно». [Voyage du P. Lucas. Paris, 1712.]

В 1744 году проживал на Афоне наш Барский и в своем подробном описании тамошних монастырей поместил несколько заметок о религиозно-нравственном состоянии святогорцев. Сообщаю эти заметки его: •[III/2 539]•

«Различные ктиторы в афонских монастырях многие малые храмы, по-гречески именуемые *параклиси*, ради частных служений и поминовений душ, ради ранних литургий и кратчайших уединенных молитв, ради старых немощных и безмолвие любящих, таковы бо нарочно близ храмов и обитают, яко не точию пять или десять ступеней прешедшим, но по нужде или изволению и внутрь кельи стоящим, мощно слушати Божественную литургию» (с. 108).

«Святогорцы всех странных принимают любовно и никем не гнушаются, мною, яко того ради Мздовоздателя, иже рече: *Странен бых, и восприясте Мя*» (с. 119).

«В кельях вне монастырей любят житьствовати иеромонахи, с двумя или тремя подначальными, с довольством виноградов и древес различного плода; и сии суть свободного жития и не скудны ничем, корыстуются от своего труда. В *каливах* вне-же монастырей, в лесах, без церквей и с меньшим

прибытком, обитают убогие, по одному или по два, на уединении, и питаются такожде от трудов своих и рукоделий. Кроме келлий и калив есть скиты, иже на уединенных и далеких местах обретаются, идеже частые кельи, недалекие едина от другой, иные с малыми зело церквями, иные же без церквей, в них же обитают по единому, или по два, или по три, аще случатся согласны и добронравны; и сии такожде питаются от рукоделий различных, но паче всех подвизаются в молитвах, постах и бдениях и безмолствуют наедине в рабочие дни, в недели-же и праздники все собираются с вечера и утра в общий храм, и в нем согласно все совершают правило и пение» (с. 122).

«Все монастыри имеют кладбища с церквями и костовницами, и тут погребаются иноки, и черепицу или плинфу купно в гроб полагают, начертавши на ней время, имя и отечество преставльшагося, а от гробов их по трех или четырех летах, изымши их кости по закону святогорскому, омывши главу вином и помянувши о них сотворши, приносят и полагают •[III/2 540]• в костовницу под церковью, да по времени, аще кого добродетельного Бог восхощет прославить, явит на них некое благоухание, еже и сбытся на многих» (с. 126).

«В лаврском ските св. Анны иные суть краснописцы, иные же переплетчики, иные певцы изрядного великаго церковнаго пения, и краснописцы книг тогожде художества, иные вырезают тонким и удивительным мастерством

кресты и наперсники архиерейские, иные же плетут подкапки иноческие и овые четки или вышивают параманы и великие схимы, а иные делают просфирные печати, прочие же ложки и инныя различные рукоделия, и тем питаются, большее же время упражняются в молитве, посте и бдении и во всяком труде, между ними же и знаменитые утаеваются люди, ученые в философии, от достоинств, славы и богатства мира сего удалившиеся, смиряются, зело худы на себе носящи одежды, и вместо сандалий, деревяшки или лапти на ногах; от них же тогда и един архиерей епархии Терновской, кир Иосиф, безмолстоваше, яко один от простых тамо уже больше двадцати лет по оставлении достоинства своего, муж во истину в еллиногреческом, философском и богословском учении зело искусен... Суть же все Греки... Из них сильнейшие четырнадцать сот и двенадцать немощные, должны творити малых метаний на всякое пощещение, си есть на сутки, в пятницу, среду, понедельник и вторник, ради наслідствия пустынного жития св. Предтечи Иоанна, сухоядение творят единойжды на день, кроме немощных и старых, точию в четверток ядят иные елеем единойжды, иные же и без елея, в субботу же и недели и в господские праздники иные убо разрешают на рыбу, елей и вино, иные же точию на елей, мало же кто обретается разрешающий на сыр, к тому же исповедуются и причащаются во всяк месяц, на правило встают в полунощи, молятся неле-

пно, чтут без укорения, с благоговением, по всем дням в своих келиях; собираются по вся недели и в великие праздники в общий храм св. Анны, понеже точию в праздники господские в нем общее совершают пение, по пении же беседуют •[III/2 541]• между собою, вопрошающе друг друга о духовных предметах и о добродетелях, и со благоговением и смирением ответствующи, сице расходятся по келиям» (с. 129–130).

«Скитники кавсокаливские в молитвах, бдениях, постах, правилах и рукоделиях трудятся: питаются и живут подобным чином, яко же и в ските св. Анны» (с. 136).

Замечательна осторожность Барского, по которой он ничего подробнее не сказал о нравах и добродетелях иноческих: «Описывать нравы и жития иноческая не безбедно есть. Аще убо реку быти всех благих и добродетельных, не соблюдуся от лжи, аще же назову всех злых, впаду в осуждение, аще же паки всех средних сужу быти, не вем что глаголати. Се точию исповедаю, яко всех их познах лучших мене быти» (с. 164).

«Святогорцы не хотят в монастырях сидети, но разбегаются на уединение по горам; многаяжды бо случаются начальницы злы быти и небратолюбивы, свое точию тело туне питающие и добре одевающие, братию же в пище и одежде и во всякой потребе презирающие, такожде и от братий многие суть нетерпеливы и роптательны, не помышляющие, яко иго Христово благо, и бремя Его легко есть хотящим с любо-

вию и надеждою мздовоздаяния вечнаго носить, и не рассуждающие, яко крест Христов, его же в одеянии чина ангельскаго на рамена восприяша, знаменует всякое вольное и невольное терпение и отсечение своей воли; ради малой каковой либо буди вины оскорбляются, и оставивши обитель и братию, бегают» (с. 169).

«Во всех монастырях довольное страннолюбие есть, в *Иверском* же паче всех. В сем монастыре в день воскресный толикое сходится множество иноков и мирян, яко уже не может вместити тамошняа пространная трапеза, аще 27 столов имать, от них же и наималейший десять человек восприимлет, но полагают иные столы тамошние отцы вне трапезы на подворье, и упокоевает всех изобильно, понеже суть зело милостивы и страннолюбивы; и не дивно сие понеже Милосердной Божией Матери суть верные служители, многие же и богатые от Нее •[III/2 542]• получаючи милости, обыкоша и нравом Ее последовати... наипаче же имут узаконение по вся недели собирати на блюде в трапезе деньги, и по совершении изшедши, раздавати убогим,... сугубую приобретаючи мзду от милостиваго Христа Спасителя» (с. 188–189).

«В Котлумуше странноприятие зело мало, яко от многих испытующи уведях и сам познах, но не вем, коея ради вины: скудости ли ради, — но суть инны обители тамо далече скуднейшия, но множае сея странноприемнейшия, — или того ради, яко при общем пути

стоит, и мерзаяся странными, но суть инны при великих и общих путях стоящие, сице же не творящие» (с. 194).

«В Карее суть *лавки* или *торговые ряды* близ дванадесяти, идеже монашеское торжище бывает по всякую субботу; все бо от скитов, уединенных келий, калив и от монастырей приходящие, инные различные своя продают рукоделия, а инные же купуют, что потребно; ибо тамо различные художники обитают, от иноков же и бельцов, и всякая вещь от инных стран морем и землею привозится и есть лепозрачно оное духовное позорище черноризное, с клобуками великобрадые старцы благоговейны, смиренные ризы носящие, иные в сандалиях, иже отблизу, иные же в кожаных лаптях, иже издалече приходят, инны препоясанны и обремененны, иные же свободны, друг друга объемлюще целуют ради долго невидания, или ради крайней по Бозе любви, иные изсушены от поста и желты от бдения, инные же очернели от неумовения, и на руках имущие кожу толсту от земных поклонов и рукоделия, иные же толсты и червленны (румяны) от упокоения, и инные безбрадые, инные с жезлами и мылицами (костылями); суть же от различных народов и беседуют различными языками, греческим, сербским, болгарским, турецким, италийским, албанским и инными, и есть воистину достохвальное позорище и различных вестей слышание и о различных вещах о духовных и о мирских собеседование, от них же ближайшия по вся субботы тамо

приходят, далечайшие же дважды в месяц, еще же далечайшие единожды, и иные •[III/2 543]• в два месяца единожды, другие же трижды или четырежды в год, прочие же единожды; се же творят или ради зело прискорбного и трудного по горам путешествования, или безмолвия ради и удаления от человек; суть бо нецие, не глаголю, старые, но и молодые безмолвники, иже никогда же тамо не приходят, но рукоделие свое или чрез инных посылают на торжище, или сами к ближним монастырям приносят, продающим его хотящим в мир идти за прощением милостыни, или пременяют за хлеб» (с. 199–200).

«В Пандократоре иноки в чинах монастырских и церковных, елико мощно, последуют прочим монастырям главным, аще и не во всем, наипаче же с небрежением приимуют странных, и то ради общего обычая, а не от благаго произволения, якоже искусом познавши многие, мне свидетельствоваша, аще мене и добре угостиша» (с. 206).

«В Есфигмене братий всех бяху десять, кроме неких, иже разыдошася по милостинах. Обычай бо имут нынешняго века иноки, егда оная обитель, в ней же живут, оскудеет, оставляют ю и бегают в богатую» (с. 231–232).

«В Хиландаре Сербские иноцы инны суть зело добродетельны и нестяжательны, иные же средняго мерного и благоговейного жития, суть же нецны под овчею кожею волцы и хищницы, на которых мне тогда прочие добрые иноцы жаловахуся, с многим соболез-

нованием глаголющие, яко недавних прошлых годов от таковых льстецов, мнити быти верных, двух обще послаша в Россию за прощением милостыни не в одно время, но в разное, и взяша тамо количество немало денег и прочих церковных дарований, не точию от Ея Императорскаго Величества, но и от князей и от архиереев, обаче один от них, еще не всю поправ совесть, едва третью часть даде в монастырь; другой же с большею корыстию ниже явился в Святую Гору, но отыде в страны Немецкия, и тамо безсовестный остался с именем и погибелию, и не возвратися в монастырь, якоже и вран Ноев в ковчег... Но каковы либо суть, и колики убо •[III/2 544]• суть тамо иноцы, обаче чин хранят монастырский твердее паче всех, смирением же в одеждах и странногощением инных превозвешают» (с. 250).

«В Зографе Болгарские иноцы, нецые же и от наших с ними сожительствующие, буи в разуме, и точию едва ведущие чести черное по белому, в сицева заблуждения впадоша. *Первое*, не точию от Латин к православию приходящих, еже мало тамо когда случается, но и от малороссийских униатов самовольно бывших, или насилием принужденных, или осмотрительно яве снисходящих, в тайне же зело православных, еще же и от империи Российской от православных священников крестившихся и православно воспитавшихся, точию или малое время в странах Польских проживших, или чрез страну ту по случаю пришедших,

и в церкви их на молитву пришедших, таковых всех крещение неважное быти глаголют, и вторицею неких буих и безграмотных себе подобных перекрещивают; аще же кто имать часть разума, и может им дати ответ, и на сиево беззаконие не соизволяют, такового в житие не приимают, аще же и примут, то досаждают и ругаются ему всегда, донележе сам избежит. *Второе*, аще примут кого от таковых иеромонахов в монастыри своя, вместо простых монахов их вменяют, и литургисовати им, ниже инно что священнодействовать не попускают, ниже в руку целуют, ниже инной каковой либо буди подобающей чести воздают, аще бы и свидетели имели о себе, или патенты, яко от православных архиереев рукоположишася, довлеет точию да услышат, или правильно или ложно, яко в странах Ляшеских бывали. *Третье*, иконам Малороссийским кланяться не хотят, безстудное изображение их быти глаголюще; и пригвождают я на стенах высоко, точию ради украсы; ревностнейшие же от них, или паче безумнейшие и Великороссийскими гнушаются, Греческии же, и Болгарскии иконы криворуки и кривоносы зело почитают. *Четвертое*, некие от них, аще и не все книгам Российским исправленным, якоже и раскольщики гнушаются, и глаголят я быти испорченны, но или от неких •[III/2 545]• древних печатей, или от рукописных неправописанных и некрасноречивых без оксий и точек, употребляют; аще же нужды ради не имущи иных, чтут и на Российских, но

с применением многих словес и превращением оксий. Сим приличествует рещи, яко сии человецы возлюбиха тьму паче, нежели свет... При сем известно да будет и сие, яко Хиландарские иноцы приходящих неких от Сербских стран миром помазуют, глаголют бо, яко все крестятся, но не все миром мажутся ради оскудения мира» (с. 261–262, 265).

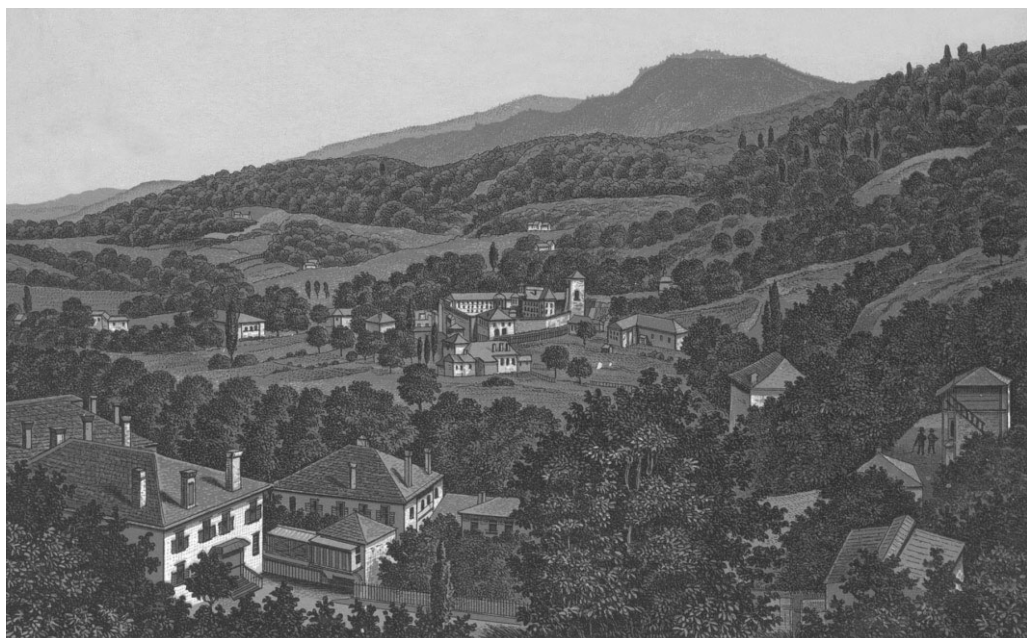
«О наших Российских монахах афонские Греки говорят, яко суть нетерпеливы, непостоянны и ленивы: непостоянны, понеже обыкоша странствовать и преходити от страны в страну, от места на место, и от монастыря в монастырь, и от скита в скит; нетерпеливы же, понеже не обыкоша на себе иго Турецкое носить и дани великия на всяк год давати, которых не могут инако оплацати, точию повседневным трудом и прошением милостыни в мире; а ленивы же, понеже не хотят земли монастырской делати и нив орати, ни виноград копати, ни маслин собирать; ибо в России через подданных Христиан всем тяжестным делам творимым, в великом довольствии и покое иноки жительствуют, в Афоне же кроме труда повседневнаго жити немощно, еже не терпяще бежат, аможе хотят, и многжды монастырь (Пантелеймонов) оставиша безлюден» (с. 283).

«В Григориате иноков баше яко пятнадесят, прочие же по дальним странам за милостинею разыдошася, иже все тогда счисляхуся близ ста... О нравах же иноческих писати есть излишно и неприлично, понеже не всегда

единаковы суть люди, но временем переменяются; но якоже сначала писах о них в Лавре, такожде и в прочих монастырях Святогорских, малых же и великих, суть убо мужие изрядные и добродетельные, суть же и злодетельны, суть же и средни; и недивно, аще бо и между двумянадесятьми Апостолами, от самага Христа собранными, обретеса един лукав, кольми паче между пятьюнадесятью, •[III/2 546]• или между сто, могут два, или три обрестися злы, наипаче же того ради злонравны многие и злодетельны отходят в Святую Гору, да сочетаюшися с благими и добродетельными мужами научатся благих нравов и дел» (с. 316).

«В Дионисиате издревле страннолюбивые иноки бяху паче всех иных

монастырей; но во время мое паче всех иных нестраннолюбивейшие и неприветливейшие показашася; ибо первее, когда приидох к ним, в убогой и темной гостинице посадиша мя и на одре и постели худой упокоиша мя, и повелеша мне идти в общую трапезу, егда услышу било. Аз же промедлих тамо три дни, донележе изобразих монастырь на хартии, и никто же мя вопроши, что творю, или на каковый конец, и никто же мне сладко глагола, или прииде в гостинницу посетити мя; в прочих же монастырях с великою честью восприяша мя, и с всяким успокоением чрез многи дни гостиша мя, кроме сего (Дионисиата) и Котлумуша и Пандократора. Аз же мнях, яко сии монастыри ко мне точию случайно неприятны

Кутлумуш.

явишася; но последи известихся, яко и иным тожде творят: не перед многими бо леты, яко же слышится, нача умалятися у них страннолюбие, или паче рекши, нищелюбие, и прослуся имя их обще от всех Святогорцев, яко не сущь странноприятны» (с. 320–321).

Святопавловская обитель, в последнее пришествие Барского, не имела иноков, «ниже каковаго чина в монастыре, и под долгом бяше, точию Тит инок тогда жительствова и Skeвофилак, иже обладаше всем монастырем; простой монах бяше, не зная управляти братиею, и один Иеромонах чуждый, наемный, иже по малех тогда днях соблазнився отъиде, и остася монастырь без Священника; еще и тыи, иже быша разсеяны в градах ради соборания милостины, толикожде числом бяху; от них иные ниже помышляху возвратитися паки в монастырь; единого бо видех в Патм остров пришедша, и тамо оставшася безпутно; другого видех в иной стране блудяща, и обличих их, яко оставиша обитель безлюдну, ради безсовестной своей воли и несогласия междоусобнаго, во иноческом бо тщании, •[III/2 547]• или нетщании, монастырю корысть или убыток бывает, и не место людей святит, но люди место; не точию бо даний ради Турецких тяжестных, Святогорские обнищевает монастыри, но наипаче разбежания ради иноков; первое, яко самовольно живут, и никто же их может удержати; второе, яко всяк от себя снабдевается: точию едина пища от монастыря дается и сандалия» (с. 335).

«Афонская гора достойна есть величания, яко самовольным и различным путем мощно тамо всякому житии, широким, узким и средним путем, и зело тесным; несть бо в насилии добродетель, ниже приятна Богу по нужде и с расписанием творимая, ... яко тамо Устав церковный, в пении же и чтении, и всякое благочиние общаго и уединеннаго же иноческаго жития совершеннее паче всех иных стран блюдется, и долшее всех правило творится, и большее, нежели повсюду, станноприятие бывает, яко тамо женам вход возбранен есть искони, еже и доньше благодатию Божиею блюдется, такожде и всякому юному и безбрадому возбранен вход бяше» (с. 336).

Замечательна сдержанность Барского, с какой он писал о нравственном быте святогорцев; а еще замечательнее то, что он между ними не нашел тех святых, в которых Бог дивен.

II.

Я в тоекратное, немаловременное путешествие по Афону достаточно ознакомился с духовным бытом святогорцев и скажу о нем *ййную* правду мою.

Святогорцы, крепко сохраняя все догматы веры православной, строго соблюдают и устав богослужебный. Но разумно ли у них служение Богу? Понимают ли они всё то, что читают и поют в церквах своих? Ответ на сей вопрос может быть дан только отрицательный. Так как все церковные книги у них написаны слогом древнеэллиническим и

добавок поэтическим, то ни один из них, кроме таких ученых, каковы были Кесарий Дапонте, Агапий, Никодим, не понимают того, •III/2 548]• что и что читается и поется в часы богослужебные. Ухо их слышит священные глаголы, а ум не разумеет их. Канонарх говорит ὥς — *яко*, а певец бессмысленно поет θεός — *Бог*. Шестопсаломие и Псалтирь читаются так быстро, что нет никакой возможности умом следить за чтением и назидаться чтением. А пение стихир и *слав* по нотам, пение, продолжающееся час и два, вовсе непонятно, потому что певцы, как у наших старообразцев, коверкают слова, повторяя несколько раз одни и те же слоги, например, *иже херу-ру-хе-ру ви-ру-ви-мы-ру-ви-мы* и т. п. Во время такого пения монахи стоят неподвижно в своих стасидиях, понутив головы и зажав глаза свои: так и сдается, что они спят тогда. Не спят ли? Ей-ей, спят и даже храпят, когда певец, что есть мочи, носовыми звуками своими восхваляет Бога, или Спаса, или святого. Не раз случалось видеть, как еkkлисиарх или пономарь подносит к носу спящего монаха зажженную свечку и тычет ее в ноздри, а этот в испуге вскакивает и опрометью бежит или к алтарю, или к выходу из церкви, крича: пожар! пожар! Всё это смущало меня. В своежительных монастырях во время всенощного бдения, когда начинается чтение шестопсаломия, монахи расходятся по кельям и там пьют кофе. В Ватопеде и меня приглашали подкрепиться этим напитком, но я отказался и за лучшее почел

уйти в свою келью и заняться книжным делом. Не хвалиться бы надлежало афонцам своими *всенощными* бдениями, отправляемыми неразумно и с грехом пополам, а бдеть и молиться недолго, но, по слову апостольскому, *разумно*.

Афонские монахи слышат в церквях своих апостольское слово, что *тело христианина есть храм Духа Святого*, и никогда не моются и ходят грязные и зловонные.

Они искренно чают воскресения мертвых, а кладбищные костовницы свои содержат неопрятно.

Ни у одного из них в келье нет Священного Писания.

На Афоне существуют четыре разряда монахов. Первый •III/2 549]• разряд составляют монахи общежительные, второй — своежительные, третий — скитские, четвертый — келлиотные. Столпников и затворников нет.

Общежития там учреждены Царьградскими патриархами: 1) в Ксенофе 3 декабря 1784 года, 2) в Есфигмене в 1796 году, 3) в Кастамоните 18 октября 1799 года, 4) в Симопетре в 1801 году, 5) в Русике в 1803–1833 гг., 6) в Дионисиате в 1804–1805 гг., 7) в Каракалле в сентябре 1813 г., 8) в Святопавле 23 апреля 1839 г., 9) в Григориате в 1840 г., 10) в Кутлумуше 3 сентября 1856 г., 11) в Зографе в 1859 году я застал общежитие; в 1845–1846 гг. этот монастырь был своежительным.

В некоторых общежительных обителях на Святой Горе игумену придается собор избранных старцев, которые

вместе с ним заведывают всеми делами монастырскими, а в иных, например, в Руссике, игумен управляет самодержавно, так что воля его есть святой закон для всех.

Во всех этих обителях духовники много помогают игуменам в настроении душ. В Руссике мастер этого дела — отец Иероним. Он духовных чад своих увещевает даже не вспоминать ни родных, ни знакомых в их селах и городах. Ему возражают, что ежели монах воспрещены даже родственные и дружеские воспоминания, то иго афонское нестерпимо. Но он свое поет: «Помни Бога, рай, ад, свой обет и свое послушание». А природа свое берет и красного просит, хотя монах и черное носит. Весьма тяжело человеку подчинять свою волю воле другого и при полной свободе грозить даже невинным мыслям: молчите! Совершенное самоподчинение другому в видах духовного самосовершенствования и небесного блаженства есть удивительное действие нашей свободы, которая может и назад попятиться. Но такое самоотречение достаточно вознаграждается в монашеском общежитии общим равенством и братством, взаимным снисхождением и вспоможением, приучением себя к кротости, молчанию, незлобию, забвением своего я •[III/2550]• и увлечением наилучшими примерами наилучшей жизни. Общежитие — хорошая школа грешнику! Иди-ка ты на Афон и поступи там в киновию: тут тебя вышколят так, что и нехотя будешь святой. Одежду и обувь носи, какую все

носят, иди молиться и работать вместе с прочими, ешь и пей, что другие едят и пьют; помыслишь что-либо грешное — тотчас беги к духовнику и поведай ему грешок свой, да получишь наставление; пошлют тебя с архимандритом Порфирием Успенским в Фессало-Метеорские монастыри, поезжай с ним и служи ему усердно; велят тебе наловить ему рыбки, налови ее и вари ему уху, хотя бы голова твоя болела; а в келье своей держи только образ святой да молитвенник с четками и кувшин с водою; будь богат только послушанием, воздержанием, нищетою, целомудрием, кротостью, молитвою, покаянием и слезным надзором за своими помыслами и за своим сердцем. Такое богатство унесешь с собою в Царство Небесное.

«В общежительном монастыре, — говорит святогорец Сергей, — игумен есть отец всем и глава и руководитель каждого порознь по разнообразным путям иноческого спасения. В братстве такого монастыря господствуют патриархальная простота нравов, взаимность любви и доверчивости и райское безмятежие. Все там братья и друзья; нет там разборчивости ни в роде, ни в заслугах: напротив, чем кто заслуженнее, чем строже выполняет законоположение обители или по каким-нибудь условиям стоит выше других, тем тот скромнее и приветливее. В киновиях — самый верный царский путь к небу, и в них-то самый действительный отсвет жизни апостольского времени и проявление духа Христова. Слово игумена принимается здесь за изъявление воли

Господней: что бы он ни сказал, что бы ни велел делать — хорошо ли, нехорошо ли, — никогда истинные послушники не размышляют о следствиях начальнического слова, раз навсегда давши обет Богу и игумену творить их волю без условий и рассуждений; посему спасение души в киновии вернее и легче, чем в другом месте, зато и для плотского •[III/2 551]• мудрования здесь чрезвычайно тяжело. Чего стоит человеку подчинить свою волю другому и, имея полную свободу, стесняться в действиях и даже в самой мысли? Подобные послушники идут несбивчиво и твердо вслед Того, Который приходил в мир не да творить волю Свою, но волю пославшего Его Отца. Одежда и трапеза в киновиях для всех одинаковы: нет никому отличия; а если бы кому это сделал игумен, другие, смотря на то, обыкновенно приговаривают: так Бог положил на сердце игумену; его устами говорит Бог; его сердцем владеет Он же един; он нам отец, а мы его дети; да будет воля его во всем! Подобными успокоительными мыслями охраняется братство от всякого прекословия, ропота и приражений лукавого. Трогательно смотреть, в каком раболепном повиновении, в каком детском страхе и доверчивой любви остаются киновияты перед своим игуменом. Умилительно и весело видеть игумена с неотлетающей от уст его улыбкой любви и приветливости для последнего, для самого ничтожного в его великой патриархальной семье. При каждой встрече с ним даже архимандриты, даскалы и иеромонахи, все

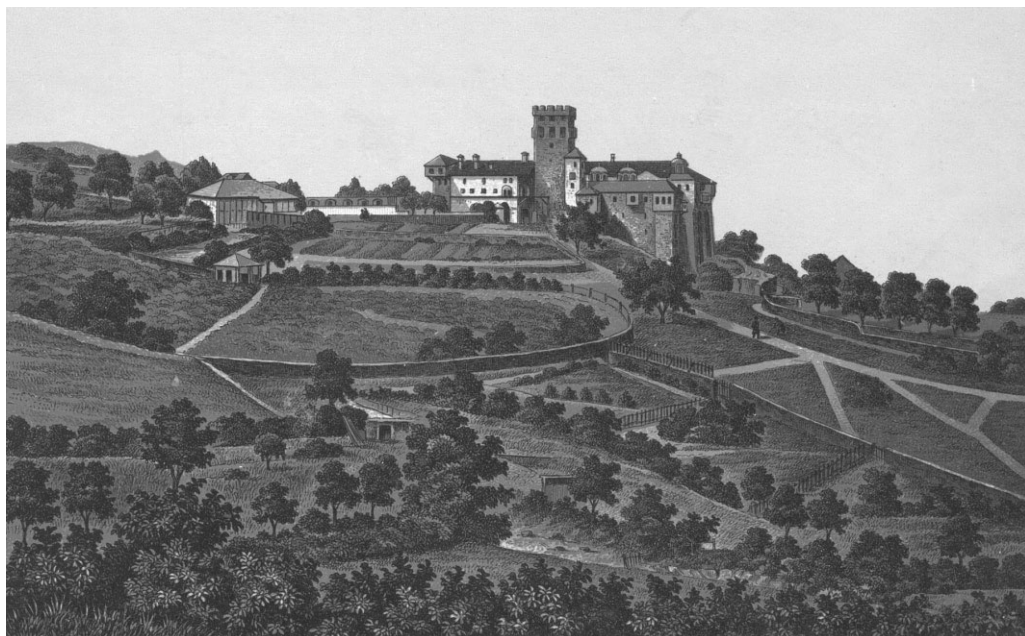
падают к ногам его и почтительно целуют его руку без притязания со своей стороны на взаимность лобзания их руки. В каждый день перед началом литургии служащий обязан пойти в келью игумена, дабы принять его благословение и ниспросить старческих молитв на достойное и неосужденное предстояние у престола Божия. Таким же точно образом поступают и в других случаях, требующих молитв старческих и благословения свыше. В киновии в полном смысле подвижники — великие подвижники, и единственно потому, что ради Бога и своего спасения предали свою волю как бы на крестное распятие, так что она в каждом не только усмирена, но и отнята невозвратно и выброшена за монастырь. В киновиях истинный путь крестного самоотвержения; это — голгофский путь, устланный тернием бесконечных ограничений своеволия и облитый кровью сердечного произволения терпеть до последнего жизненного вздоха. •[III/2 552]• Жизнь киновиятов и величайшие из отцов считали слишком высокой и не всеми выносимой. Святой Пимен Великий одному брату, желавшему поступить в киновию, сказал: “Там ты и кувшином не можешь распоряжаться по своей воле”. Так строго законоположение киновии! Киновию некоторые уподобляют валяльне. Это справедливо: так здесь перемнут инока, до такой степени переваляют, стесняют и потопчут волю его в разнообразии непрестанных послушаний, что он едва иногда таскается на ногах. Таким образом,

если киновият безусловно пройдет путем послушания, он становится для всех образцом испытанного самоотвержения. По множеству братства не могут не быть здесь случайные столкновения неприязненные; и они-то выказывают, кто в какой степени самоотвержения достиг христианского совершенства. Не только в год или в месяц, но даже в день несколько случаев к искушению может представиться, которыми поражааясь беспрерывно и выходя из них, по благодати Божией, победителями, киновияты быстрее других идут к совершенству, гораздо лучше достигают высоты его и без всяких опасений твердо устаивают до последней минуты жизни в чистоте бесстрастия, если только не изменят беспрекословности послу-

шания» (Письма святогорца. Изд. 3-е. СПб., 1856. Ч. 1. С. 280–288).

Таковы общежительные монастыри на Афоне. Заглянем теперь в тамошние обители своежительные. Их девять, именно: Лавра, Филофей, Ивер, Ставроникита, Пандократор, Ватопед, Хиландар, Дохиар и Ксиропотам. Нравственное состояние монахов своежительных достаточно описано в вышепомянутых письмах святогорца Сергия и в «Заметках поклонника Святой Горы» архимандрита Антонина. Передаю описания их, оправданные моими наблюдениями:

«В своежительных монастырях между монахами нет ничего общего. Там каждый живет под собственным руководством по своему произволу, так что, если кто не хочет, не бывает в церкви у

Ставроникита.

служб, и никто не вправе требовать •[III/2 553]• от него отчета в келейном поведении его, отчего большая часть братии, *особенно проестосы*, оставляют церковное правило; вычитывают или нет в своей келье всё, что нужно пред Богом, — про то знает только совесть каждого и Бог. Некоторые послушания бывают иногда общими, но зато проестосы, или старшие, не участвуют в них; а если кто из младшей братии не хочет трудиться, а богат, тот нанимает вместо себя другого, что вовсе не водится ни под какими условиями в общежитиях. Таким образом, нравственность и подвижнические успехи в оных монастырях вообще в незавидном состоянии. На них можно смотреть как на жалкое семейство, где нет единения и где каждый следует влечению собственного сердца и располагает своими действиями без всякого влияния на них старшего члена или главы семейства. Там общая трапеза бывает только для приходящих и работников, а монахи кушают в своих кельях. Собирается, правда, братство и в трапезу, но раз в год, не более, отчего эта часть, то есть трапеза, остается в удивительном запустении. Всякий там получает положенную порцию жизненных продовольствий и в своей келье готовит ее, как хочет, прикупая к этому всё, чем лакомится вкус и услаждается плоть. От сего-то можно видеть и на Святой Горе иноков с цветущим лицом, в богатой одежде, со всеми отличительными чертами независимой плотской жизни и с настроенностью духа не совсем

иноческого. Мы очень легко узнаем здесь, кто киновиат или кто своежительного монастыря инок, потому что между ними в самой поступи их, в беседе и вообще в наружном виде заметна противоположность. Впрочем, и в своежительных монастырях есть часть иноков строгой жизни, у которых образ мыслей возвышенный и светлый, развитие душевных сил в подвижническом отношении самое удовлетворительное. Можно в таком же тоне и с такой же хорошей стороны отозваться об экономической и распорядительной части: та и другая в порядочном виде от того, что погодно выбираются из числа братства епитропы, или поверенные, •[III/2 554]• на ответственности которых лежит монастырь с его внешними делами. Возникающие неприятности между братией решаются в своежительных монастырях собором старших лиц, составляющих род частного, домашнего синода. Нет ничего в них изменчивее и жалче проигуменской должности: в ней в один год перебивается иногда несколько человек, потому что в эту должность поступают *таксидчики*, то есть сборщики, рассылаемые в разные места и страны за милостыней. Случается так, что избранный проигумен только что вступит в свою должность, только что получит настоятельную трость с щегольским набалдашником, является новый таксидчик со значительной суммой сбора; в вознаграждение трудов новоприбывшего провозглашают проигуменом, а прежнего, который иногда и месяца

не пробыл на своем месте, увольняют на покой. Сменившийся проигумен, таким образом, остается только в числе проестосов, т.е. почетных старцев, которых по причине частой смены проигуменов, много в каждом своежительном монастыре. Должность проигумена слишком ограничена и важна только даруемой от монастыря тростью с щегольским набалдашником; его обязанность и распоряжения — в церкви и трапезе; вне их он тот же послушник без прав и без голоса в братстве, потому что внешние дела монастыря, как было уже сказано, лежат на ответственности епитропа, составляющего, в свою очередь, главную особу между братством» (Святогорец).

«В своежительных монастырях не видать тех смиренных и покорных труженников на пользу всего братства, тех простодушных лиц, тех робких и долу устремленных взглядов, той неразвязной речи, тех земных поклонов старцу, того духа братского равенства, допускающего трогательную простоту в обхождении со всеми, и, наконец, того единого и единственного жезла игуменского без всяких наружных украшений, но с внутреннею силою, которые встречал я в Руссике. Там, напротив, каждый, начинающий подвиг иночества, уже имеет •[III/2 555]• вид, приличный старцу. Там не редкость видеть трость, украшенную серебром и золотом, в руках не только дряхлеющих, но и цветущих молодостью. Поминутно слышишь взаимные друг друга величания титулом архимандрита, здесь легко дос-

тающимся тому, кто его пожелает. К сожалению, надобно сознаться, что в монастырях подобного рода наравне с заслугою и способностями ценится и богатство. Старость и добродетель вообще занимают второстепенное место в общем мнении, может быть, и потому, что суть явления естественные в человеческом и иноческом житии.

На Афоне, за пределами шумной и страстной суеты мирской, существуют и борются между собой две системы иночества: *своежитие* и *общежитие*; и та и другая имеют свои особенности, свои как бы степени идеализации, но при всем том каждая дает себя понимать под чертами общими, как бы существенными. Первая держится начал *свободы*, вторая — *неволи*. В своежитии господствуют независимость, предоставление каждому самому думать и радеть о себе и обществе, подчинение уставу, а не уставщику, общему правилу, а не личному произволу, определение себя к тому или другому послушанию разумное, а не бессознательное и действие вследствие сего усердное, а не наемнически холодное... Приятно вообразать такое жительство. Еще приятнее было бы увидеть его. Но, к сожалению, там же есть доступ силе, богатству, всякого рода влияниям, зависти, несправедливости, гордости, пронырству, себялюбию неумолимому и несокрушимому, и в заключение всего там же нередкое обращение к посредничеству тюремной башни, этого злого посмеяния над несовершенством совершеннейшего общества человеческого! В киновиях

царит строгое и тяжелое и уничижительное общежитие под одной волей и одним велением, стройное, мирное, точное, механически исправное, разрешающееся тихим и веселым трудом, взаимным сочувствием, довольством, беспечалием, простотой жизни, смирением, бесстрашием, равенством не в идее только, но и на деле. Вот *общество* в •[III/2 556]• наиболее естественном и точном смысле слова! Но — неизбежный вопрос, — где же достойный представитель сей единой воли, общепризнанный и общежелаемый законодатель и распорядитель *обители*, — *игумен* (вождь) в истинном смысле этого слова? Там, где есть святые Феодосии, Афанасии и им подобные аввы, его не нужно искать. Он там есть всё, дух и плоть монастыря. Вокруг него общежитие водворяется само собой, им живет и движется и представляет из себя зрелище в высшей степени увлекательное. Он не уничтожает там своим званием общего равенства и своей волей общей независимости. Он только служит тому и другому отечески. Однако же, где нет игуменства делом, игумена-отца, а есть только игумен именем, игумен-господин, там и в общежитии представляются камни преткновения не меньшие, чем в своежитии» (Антонин).

Строгие уставы скитского жития на Афоне сообщены мною во *Втором путешествии* моем по этой горе. А здесь я отмечаю только те стороны сего жития, кои понравились мне. Что ж это такое? А вот что. 1) В скитах общественное богослужение в кириаконе совершает-

ся только в воскресные и праздничные дни, а в будни каждый скитник один-одинешенек молится Богу в своей келье, как умеет и сколько может. Следовательно, там домашняя сердечная молитва не вытесняется молитвой общественной, ежедневной, по совершении которой иному монаху уже лень молиться дома, а если и молится, то мало и вяло. 2) Скитники живут трудами рук своих, продавая дешевые рукоделия свои или в Карее, где бывает еженедельное торжище, или в каком-либо монастыре богомольцам. Выручка от продажи их употребляется на изготовление одежды, обуви и пищи, на поддержку кельи и на уплату податей турецкой казне, после которой уплаты у тружеников остается полная нестяжательность и нищета. Никому они не в тягость. Ни грек, ни болгарин, ни влах, ни русский — никто не работает для них, как работают эти добряки в афонских монастырях. А еже ли какой поклонник зайдет к ним и подаст грош или рубль, •[III/2 557]• то даяние его обращается в общую кассу скита для общих надобностей его и для подаяния милостыни бедным, но не в карманы Петра, Онуфрия, Антония, Пимена. 3) У скитников, как у рукодельных тружеников, не бывает гостиних сходок, пересудов, празднословий, а грешные помыслы не гнездятся в умах их, занятых в часы ручной работы или читаемой книгой, лежащей подле рукоделия, или молитвой Иисусовой. 4) Так как эти аввы трудами своими добывают только хлеб насущный, то умеренность их в пище так

велика, что и хлеб сей они употребляют с весу. Поэтому они весьма легкие на ходу. За керасийским пустынным Неофитом я, тощенький и молодой, едва-едва поспевал, обозревая помещения его и окрестные древности. 5) Скитские аввы принимают послушников в свои непросторные кельи не более двух-трех. Это хорошо, потому что легче вести ко спасению три души, нежели триста. 6) Что касается до послушания, то и оно в кельях скитских авв полагается в основание монашеской переработки души самолюбивой и страстной. По мне, скитники суть самые наилучшие монахи на Афоне. Если бы судьба привела меня на эту гору для жительства, то я водворился бы там в ските греческом, а не в монастыре, родившись голубем, а не подъяремным животным.

На поземельном участке каждого монастыря на Афоне настроены в россыпь так называемые келлии. В старые добрые времена они были монастырьками под управлением игуменов. А ныне они суть не что иное, как усадьбы, кои монастырями отдаются внаем желающим купить их монахам. Каждая такая усадьба имеет свой малый участок земли и на нем овощной огород, древесный сад и виноградник. Владелец ее не называется игуменом. Он — домовладыка, хозяин, вертоградарь, келлиаш. У него, смотря по величине келлии, живут два, или три, или четыре товарища и обрабатывают участок его вместе с наемными мирянами, которых немало приходит на Афон для заработков.

А сам он, как боярин, не берет в руки •[III/2 558]• ни топора, ни заступа, ни какого садового орудия, только по временам обозревает свое хозяйство, доставляющее ему доход. В его же келлии есть церква, в которой он совершает богослужение. Каково духовное настроение у пожилцев в этих усадьбах, — это знает один Бог. Я бывал в некоторых из них ради археологических поисков, но не разведывал, кто как живет там. Знаю только то, что келлиаши грешат и каются, молятся Богу и трудятся, уважают власти, не убивают, не крадут, не лжесвидетельствуют, не пьянствуют и не знают любодеяния, потому что на Святой Горе нет женщин.

Кроме келлиашей, на Афоне находятся монахи, так называемые *каливиты*. Это — бедняки, сиромахи, у которых нет ни гроша, ни запасного хлеба и никакой собственности, кроме каливы, т.е. избушки, и рукодельных орудий. Они или дома занимаются каким-либо ремеслом, или, чаще, ходят к келлиашам и нанимаются у них работать, не запирая избушки своей, в которой ничего нет, кроме черепка для питья с него воды и одной поваренной посуды запачканной. Где придется, там каливит выслушивает церковное правило; а если не довелось ему быть в церкви, то он молится по четкам и кладет уставное число поклонов земных и поясных. Каливита, как вольную пташку, не посадить ни в монастырскую, ни в скитскую клету. Он не умеет подчиняться человеку. Ему любя своя воля, хоть и достается горькая доля. Никому

он не раб и не послушник, потому что считает себя сыном Отца небесного.

Не знаю, кто ныне свят на Афоне. Посему обращаюсь к старым, добрым временам, в кои Бог прославил угодников своих, и именую их, сказавши, где можно прочесть жития их.

1) Во второй половине XV века в Архангельской келлии Афоно-Карейского скита, называемой Иагари, спасался и угодил Богу инок **Нектарий**, скончавшийся в 1470 году по заверению Никодима Святогорца, а по *Афонскому Патерику* — в 1500 году, 5 декабря (Ἀκολουθία καὶ ἐγκώμιον τῶν ὁσίων πατέρων τοῦ Ἀθω ὑπὸ Νικοδήμου. — Афонский Патерик. СПб., 1860. Ч. II. — Сравни Νέον ἐκλόγιον). •[III/2 559]•

2) В Афоно-Дионисиатском монастыре кончил свое воинственное богоугодное житие бывший патриарх вселенский **Нифон**, прозорливец, святительствовавший сперва в Солуне, а потом в Константинополе с 1488 года по 1490-й (Νέον ἐκλόγιον; Афонский Патерик. Ч. II. С. 1–38).

3) В Предтеченском ските Афоно-Иверской обители процвел, как финик, преподобный **Иаков**, замученный турками 1 ноября 1520 года. Житие его извितийствовано в *Первом путешествии моем по Афону*: (Ч. I. Отд. 2. С. 320–325.)

4) В келлии св. Василия, принадлежавшей Пандократору, спасался **Феофил**, наперсник святогорского прота Серафима Фиипола, каллиграф, бесстрастный безмолвник и непрестанный молитвенник, и почил о Господе в 8-й день июля месяца 1548 года. (Житие его

помещено в *Афонском Патерики*. Ч. II. С. 69–81).

5) В околоте Афоно-Филофеевской обители у преподобного Дометия жил и Богу угодил монах **Дамиан**, скончавшийся мученической смертью в 1568 году. (Афонский Патерик. Ч. II. С. 97–100. Νέον μαρτυρολόγιον).

6) В Дионисиате в течение 60 лет подвизался преподобный Леонтий, родившийся в Аргосе Пелопоннесском. Он во все это время ни однажды не выходил из сего монастыря, был прозорлив, а по смерти источил миро от своих мощей святых; почил же о Господе 16 дня марта 1605 года на 86 году от рождения (Афонский Патерик. Ч. II. С. 102).

7) На утесистом Подафонье, недалеко от Кавсокаливского скита, на так называемом *Месте Богородицы и преподобных отцов Петра и Афанасия* в келье, построенной иеромонахом и духовником Макарием около 1608 года, спасался вместе с ним племянник его **Нил**, а по смерти его перешел в ближайшую пещеру, находящуюся в приморском утесе, и тут безмолствовал •[III/2 560]• и исполнялся благодатию Божиею, тут же скончался, погребен был и прославлен истечением благовонного и целебного мира из мощей его (Афонский Патерик. Ч. II. С. 123–132; мое *Путешествие по Афону*. Ч. I. Отд. 1. С. 293–295).

8) На подафонской местности, называемой *Кавсокаливия*, в 1720 году поселился анно-скитский монах **Акакий**, основатель скита Кавсокаливского. Слава о дивных подвигах его и наипаче о

благодатном даре прозорливости и видения будущих событий распространилась всюду так, что приходили видеть и слушать его не только святогорцы, но и из дальних стран архиереи и священники, властные и невластные люди, старики и юноши, монахи и миряне; и «был он на Афоне», как сказано в житии его, «светильник, озаряющий сидящих во тьме неведения». Преставлен он в рай 12 апреля 1730 года. (Афонский Патерик. Ч. II. С. 164–177; мое *Второе путешествие по Афону*. С. 359 и след.).

9) В Афоно-Иверской обители угодил Богу преподобный **Иерофей**. Он родился в пелопоннесском селении Каламате в 1686 году и, отлично изучив языки эллинский и латинский и философию, презрел мир и вся, яже в мире, и в названной обители омонашился; здесь же от чрезмерного поста, от молитвенных бдений и от недугов телесных так ослабел, что едва мог пройти малое поприще, хотя и мужествен был и ходил быстро. Сделавшись чистым вместилищем благодатных дарований и добродетелей, он защищал Православие в присутствии Священного Синода и обличал появившуюся тогда ересь Молина*. Блаженная кон-

* Был испанский богослов Молин, родившийся в 1627 году и умерший в тюрьме в 1696 году. Он проповедовал квиетизм и за то был осужден папой Иннокентием XI и посажен в тюрьму, в которой пробыл одиннадцать лет. Этот ли Молин, или другой какой разумеется в житии Иерофея: сего, право, не знаю. — Прим. П.К.: Именно против учения квиетиста Мигеля де Молиноса выступал Иерофей Иверит.

чина его была в 13 день сентября 1745 года; (Νέον ἐκλόγιον. Ἀκολουθία καὶ ἐγκώμιον τῶν ὁσίων ἀγιορειτῶν, ὑπὸ Νικοδήμου. Афонский Патерик. С. 154–163.) •[III/2 561]•

10) В Афоно-Филофеевском монастыре воссиял великий подвижник и необыкновенный проповедник слова Божия христианам в Македонии, Фессалии и Албании именем **Козма**. Турки задушили его 4 августа 1799 года по наущению евреев, внушивших им, что он подослан русскими возмущать Албанию. (Мое *Первое путешествие по Афону*. Ч. II. Приложение ко 2 отд. сей части. С. 353–354; Афонский Патерик. Ч. II. С. 196–211).

Кроме поименованных мною святых, были на Афоне и другие угодники Божии и даже мученики. Но о них я не упоминаю в настоящей истории Святой Горы частью потому, что не на этой Горе они кончили жизнь свою, частью потому, что мученичество афонитов было явлением временным, обстоятельным, наносным извне, а не от духа монашества происшедшим.

Кончено мое пространное слово о внутреннем быте афонских монахов во время турецкого владычества над ними. Остается мне оповестить крупные события у этих человеков Божиих в сие время и выказать их как человеков народных — и история моя кончена.

В 6964 (1456) году, 12 мая, всесвятейший владыка, бывший патриарх Константинопольский кир Геннадий прибыл в священную и божественную

обитель Ватопедскую в субботу вечером святой Пятидесятницы. В том же году и месяце, 19 дня, было страшнейшее землетрясение в 14 часу дня пятницы. (Оправдания, № 87).

С 1453 и 1466 года афонские монастыри начали получать денежные пособия и доходные имения в Валахии и Молдавии и в других православных странах. О сем подробно говорено мною в § 107 (с. 334–354).

Между годами 1517 и 1520 султан Селим посетил Афонскую Гору и дозволил обновить сторевший Ксиропотам. (Мое *Первое путешествие по Афону*. Отд. 1. С. 376).

«В 1534 году в 27 день месяца июня безбожные агаряне вторглись в Есфигмен и, расхитивши все имущество этой •[III/2 562]• обители и церковь разоривши, святые же иконы разбивши вдребезги, сожгли их; зажгли и нижнюю часть ее у самого берега моря. Пожар истребил все кельи. Эти варвары, взяв ворота крепости и башни и пленив *семь* монахов, отправились туда, откуда прибыли. Таким образом, случилось опустошение сей обители попущением Бога, Который всем управляет и все совершает». (Оправдания, № 88). — Это же самое событие в другой приписке на двух пергаментных рукописях, содержащих Слова Григория Богослова и *Торжественник* с миниатюрами, рассказано немножко иначе и подробнее: «В 7042 (1534) году пришли морские разбойники турки и, вторгшись в обитель (Есфигмена), взяли все священные сосуды, книги и хрисовулы ее и плени-

ли *девять* монахов; спустя же десять дней опять пришли, разложили огонь и сожгли все внутренние кельи и окрестные деревья и жилища безмолвников». (Оправдания, № 89).

В 1543 году вселенский патриарх Иеремия I оставил кафедру Златоуста и перешел на Афон. Здесь ему полюбилось Ставроникитское место, принадлежавшее тогда Протату; и он выпросил его себе у протатских властных старцев и в течение трех с небольшим лет построил тут соборный храм во имя св. Николая Чудотворца и несколько келий и служб; сам же принял монашество с новым именем Иоанн, учредил общежитие, написал завещание, в котором изложены правила жития монашеского, и скончался в 1546 году, но не в Ставрониките, а в Великом Тырнове, на пути в Молдовлахию. Благословение сего великого старца поныне почивает на этой святогорской обители.

В марте месяце 1552 года, во вторник, в пятом часу, было страшное землетрясение на Афоне. Это замечание на пергаментной рукописи, содержащей Слова Григория Богослова и хранящейся в библиотеке Кутлумуша.

Немного ранее 1568 года по велению султана Селима II отображены были в турецкую казну все недвижимые имения всех •[III/2 563]• афонских монастырей с предоставлением им, однако, права выкупать их. С той поры некоторые из этих монастырей выкупали их, а некоторые лишились их навсегда. (Смотри выше: § 103, с. 305–314.)

В 7080 (1572) году, 12 апреля, в субботу, в шесть часов, было землетрясение на Афоне столь сильное, что поколебались основания зданий. Это записано на греческом Четвероевангелии в библиотеке Кутлумуша.

В сентябре месяце 1575 года святогорцам дан был Устав вселенским патриархом Иеремиею, составленный на самом Афоне 975-ю монахами под председательством Александрийского патриарха Сильвестра. (Оправдания, № 90). Вот происхождение его и содержание:

«Иеремия, милостью Божиею архиепископ Константинограда, Нового Рима и вселенский патриарх.

В бытность нашей Мерности в святейшей митрополии Солунской во время прошлогодного путешествия нашего в западную страну и Пелопоннес, в праздник Рождества Христова, туда же прибыл, скажем, по Божию манию, и присоединился к нам святейший папа и патриарх Александрии кир Сильвестр, во Святом Духе возлюбленный брат нашей Мерности и сослужитель. Проведши с нами несколько дней в беседах, он по усмотрению и желанию нашему принял поручение разузнать и поправить дела на Святоименной Горе, куда он ехал по обету для богомолья в пречестных монастырях, и по справедливости разобрать споры, смуты и сомнения всех тамошних подвижников, прекратить и погасить всякий возникший соблазн, ввести и насадить незыблемый мир и уврачевать всё, как должно ученику миронаачальника

Христа и мужу опытному и искуснейшему в делах. Суда его и устройства, какое бы ни учинил он, пожелали и находившиеся тогда в Солуне первенствующие старцы монастырей святогорских, а Мерность нашу тогда же упростили утвердить и оградить всё, что бы ни придумал и постановил реченный святейший патриарх. И вот он с Божией •[III/2 564]• помощью отправился на Святоименную Гору и, пробыв там достаточное время, между прочими делами, приведенными им в порядок, учредил общежитие в мире и единомыслии, восстановил оное и в богоугодной обители, в священной Лавре преподобного и богоносного отца нашего Афанасия Афонского, которая весьма давно сделалась своежительною и от того расстроилась, учредивши в ней тот самый образ общежития, который еще в начале установлен был святым создателем ее и который соблюдали преемники его, пересмотрел в присутствии всего тамошнего священного собрания, как то: преподобнейшего прота, честных игуменов и прочих монахов и даже соседнего боголюбнейшего епископа Иериссовского и Святогорского, и прочел как достопамятные хрисовулы приснопоминаемых царей, так и честные сигиллиодные грамоты святейших патриархов, кои по временам были даваемы им в наставление, как надобно жить и что делать благословно, прилично и с пользою и чего удаляться как вредного и неприличного тем, которые обязаны жить добродетельно и свято и угождать

Богу исполнением всех правил по данным обетам. Когда же реченный святейший патриарх Александрийский возвратился с этой Святой Горы и опять присоединился к нам в Константинополе, тогда представил и заверил нам всё, что учредил согласно с виденными им грамотами царей и патриархов: между тем и молва, и истина, и посторонние лица подтвердили то же самое. Вот содержание его учреждений.

Первое всего монахи да живут как братия, общинно в величайшем мире и единомыслии по заповеди Господа, сообразно с Его житием на земле, подражая Ему, сколько возможно, и следуя за Ним непрестанно для своего спасения. Потом да внимают себе самим, чтобы безбородые юноши отнюдь не жили ни в монастырях, ни в кельях Святой Горы ни под каким предлогом: ни для обучения, ни для исправления, ни по родству, ни по каким другим причинам. За мирскими работниками, служащими внутри Святой Горы, пусть смотрят внимательно; и если они по истечении трехлетия постригнутся, быть им •[III/2 565]• там монахами; если же захотят оставаться мирянами, удалять их и каждый из них пусть идет, куда хочет. Рабочий скот мирян или иеромонахов и монахов отнюдь не пасти внутри сей Святоименной Горы во избежание случаев, неприличных богоугодным монастырям, но держать надобных им животных мужеского пола дозволяется. Водку отнюдь не выделять на всей Святой Горе и не пить ее монахам, потому что она причиняет одно зло, а пользы ника-

кой. Также и каштанов отнюдь не собирать на продажу, а только для домашнего употребления. Всем удаляться от всякого лукавства, оклеветания и *внешнего** сутяжничества; если же случится какое-либо дело, то рассматривать его миролюбиво и *церковно* и не подделывать документов ни в свою пользу, ни во вред другим. Кроме сего, подтверждено, что если кто из монахов, купивши келью в пределах какого-либо монастыря, или Протата, или в скитах, захочет уйти в другое место, то ничего да не получает за нее; в случае же изгнания пусть возьмет свою цену. Внутри Святой Горы отнюдь не сеять ни пшеницы, ни ячменя, кроме разных овощей, дабы чего-нибудь не случилось. Продавать же должно ореховую доску за шесть аспр, черешню за пять, литру елея за восемь. А мерам быть одинаковым с мерами церкви Протатской. Из всех этих произведений ничего не продавать на сторону, а внутри Святой Горы продавать всё. Иеромонахам и монахам, живущим в кельях, не ходить в мир для ниспрошения братских вкладов, сорокоустов или другого чего в собственную пользу. Ибо это позволено только соборным монастырям по причине многих и великих нужд их. Сверх сего, определено и подтверждено, чтобы никто из всех подвижающихся на Святоименной Горе не продавал для барыша и не покупал ни ряс, ни мантий, ни камилавок, ни риз и ничего другого, что только выделяется там,

* У турков.

ибо это непростительно; но каждый пусть получает мзду за труд свой и надлежащую цену за материалы, •[III/2 566]• продавая всё добросовестно и братски только для собственного продовольствия. В скитах никому из подвижающихся не позволено иметь свои виноградники, кроме немногих лоз и гроздей для стола; если же кто пожелал бы иметь несколько виноградных кустов, тот пусть идет в какой-либо монастырь на послушание: что благословно. Ибо подвижнику подобает быть не многостяжательну, а довольну малым. Паче же всего иеромонахи и монахи должны блюсти, чтобы отнюдь не были принимаемы монахини под предлогом сестринства ни во внешние кельи, ни в хуторы. Ибо это не только разжигает страсть и пересуды людские, но и причиняет душе вред и погибель, да и запрещено священными правилами. Итак, удостоверясь и убедясь во всем этом и решившись подписать это дело, мы в Духе Святом объявляем, согласно с мнением как реченного святейшего патриарха Александрийского кир Сильвестра, в Духе Святом возлюбленного брата нашей Мерности и сослужителя, так и прилучившихся здесь архиереев, что все подвижающиеся на Святой Горе сей должны с любовью исполнять изложенные правила и сохранять их нерушимо как по обещанию, так и потому, что это благословно и справедливо. Если же кто дерзнет нарушить что-либо, то рукоположенный да будет запрещен, монах, или мирянин, или кто другой да будет отлучен от Бога Вседер-

жителя, и проклят, и не прощен, и по смерти нетленен, и повинен клятвам 318-ти богоносных отцов, и да накажется и иначе как-нибудь, и никто, кроме его самого, не будет отвечать за него. По всему этому состоялась и настоящая утвердительная синодальная грамота с нашею свинцовою печатью; а живущим на Святой Горе посылается к объявлению и исполнению и для безопасности.

7083 года, месяца сентября, индикта 3.

Иеремия, милостию Божиею архиепископ Константинограда, Нового Рима и вселенский патриарх.

Сильвестр, Божиею милостию папа и патриарх великого града Александрии и судия вселенной». •[III/2 567]•

Замечательный устав! Им оберегались послушание, нестяжательность, целомудрие, мир, единомыслие и общежитие святогорцев.

В 1585 году, 18 июля, на Афоне было такое страшное землетрясение, что многие были убиты обвалами, а монастыри потерпели большой ущерб; многие башни их упали, а на Афонском перешейке попадали все башни. (Это приписано в конце сербского перевода «Истории» Иосифа Флавия в Хиландарском монастыре).

В 1596 году был весьма великий голод по вселенной. Сорок ок (120 фунтов) стоили 400 аспр. В то время на Святой Горе поселился воевода монахов (ага), собрал к себе 40 момков (момки — солдаты) и бил монахов, грабил и сек их, а иноков Ксиропотамского монастыря повесил. (Так приписано на первом

листе славянского Четвероевангелия, написанного в 1560 году во дни Угровлахийского воеводы Петра и хранящегося в монастыре св. Павла).

В 1626 или 1627 году упразднена должность прота Святой Горы.

В 1642 году какие-то франки вторглись в пристань Зографской обители и ограбили ее. (Это замечено на зографском Пятигласнике 1644 года.)

В 1650 году собор афонских монахов признал неправославными церковные книги московской печати и сжег их. (Православное Обозрение. 1867. № 9. С. 48.).

В 1664 году в Дохиарском монастыре прославилась чудесами икона Богоматери Скороуслышной, так что все афонские монахи стекались в этот монастырь для молебствий.

В 1696 году померкло солнце в 7 часу дня, при султане Мустафе. (Это записано на последнем чистом листке славяно-болгарского рукописного Евангелия в библиотеке Афоно-Руссика.)

С 1750 года началось и долго продолжалось неприятное для нашего Священного Синода дело по случаю приезда в Россию афоно-павловского архимандрита Анатолия Мелеса. Излагаю это дело. •[III/2 568]•

Сей архимандрит в 1750 году приехал в Россию для сбора подаяний в пользу Павло-Георгиевского монастыря своего и, как обыкновенно водилось в подобных случаях, привез с собой несколько святынь, большей частью сомнительных. Священный Синод запретил ему предлагать эти святыни для народного чествования, но он подделался к

духовнику императрицы Елисаветы, протоиерею Ф. Дубянскому, распечатал свои святыни, запечатанные синодской печатью, и начал самовольно служить над ними молебны в разных домах Петербурга, а в самом присутствии Синода оказал презрение к власти его, гордо сославшись на то, что ему дозволил служить сам протоиерей Дубянский. Синод посадил его за это под арест, но императрица, не зная хорошо, в чем дело, сделала за это Синоду выговор. Уже обер-прокурор князь Шаховский заступился за Синод и разъяснил дело государыне. Однако Анатолию все-таки дозволено было собирать подаяния. Сама императрица пожертвовала значительную сумму, взявши из его запаса святынь часть Животворящего Древа. В 1754 году он возвратился на Афон с деньгами, даже не показавшись Священному Синоду, что должен был сделать по синодальному определению. В 1756 году Анатолий снова собрался ехать в Россию в качестве поверенного от турецких славян, которые хлопотали тогда о переселении в Россию. Теперь он имел уже титул епископа Милетского, который добыл себе от Константинопольского патриарха за деньги, собранные в России во время первого приезда его сюда. В этот раз Священный Синод энергично воспротивился его приезду, представив правительству все прежние вины его и объявив, что нельзя даже признать его и епископом, так как этот сан получен им незаконно и посредством симонии. Но правительство все-таки дозволило Анатолию

приехать в Россию и жить в Петербурге, а Синоду объявлено было, что он приехал по секретным и нужным для ее величества делам. Синод принужден был уступить. Анатолий жил в столице до конца 1758 года, и хотя не совершал богослужения в не признанном от Священного Синода •[III/2 569]• сане, но постоянно титуловался архиереем и принимал архиерейские почести: так титуловали его в своих бумагах и все светские лица, которых касалось его дело. В ноябре 1758 года Священный Синод узнал об отпуске его и рад был избавиться от неловкого положения, в какое поставил его этот чужеземец, как вдруг через год пришло известие, что Анатолий остановился в Запорожской Сече и начал здесь служить по-архиерейски, не возглашая при служении имени Киевского митрополита. После этого состоялось синодальное определение немедленно выслать Мелеса за границу и впредь ни под каким видом не пускать его в Россию, «яко явно преступника и своевольно безпутно волочащегося бродягу». Но как только это определение было сообщено Сенату, оттуда пришел ответ, что Анатолий остановился в Запорожье с ведома правительства, что выслать его пока нельзя, а что касается запрещения ему священнослужения, то пусть Синод действует в этом случае *по своему рассуждению*. У запорожцев Анатолий нашел себе заступников, так что нелегко было взять его от них. Священному Синоду опять пришлось состязаться с ним. Употреблены были все средства, чтобы восстановить

против него светские власти; и уже в 1760 году Синоду удалось выхлопотать указ, чтобы с него снять сан и послать его в качестве простого монаха в Сибирь под строгий караул в Кондинский монастырь. Но не прошло трех лет со времени его ссылки, как он, к величайшему сокрушению Синода, снова был выпущен из Сибири. Эта перемена последовала при императрице Екатерине, обращавшей большое внимание на дело, за которым Мелес явился в Россию; стараясь усилить колонизацию в южной России, она всего более рассчитывала при этом на колонистов из славян. В декабре 1762 года она указала Синоду перевести Анатолия из Сибири в один из великорусских монастырей, вследствие чего он был помещен в Макарьевском монастыре Нижегородской епархии. В Кондинском монастыре он уже смирился, но теперь, увидев, что обстоятельства •[III/2 570]• снова повертываются в его пользу, ободрился и стал вести себя с обычным нахальством своим; еще при выезде из места своего заточения на расписке в получении подорожных денег подписался епископом, потом в Макарьевском монастыре завел несогласия с архимандритом, самовольно перешел отсюда в Нижегородский Благовещенский монастырь, наконец бежал и из него и явился в Москву с жалобами. Синодальная контора арестовала его, а по указу Синода послала в Раифскую пустынь Казанской епархии, опять поближе к Сибири. Но как только он выехал из Москвы в январе 1769 г.,

обер-прокурор Чебышев объявил Синоду высочайший указ вытребовать монаха Анатолия в Петербург и дать ему на дорогу 100 рублей. Тогда Россия вела первую турецкую войну. Русский флот под начальством графа Орлова готовился выступить в Средиземное море для того, чтобы напасть на Турцию с юга, в то время как сухопутные войска нападали на нее с севера в Крыме и на Дунае; рассчитано было на то, что с моря можно будет склонить к восстанию против турецкой власти христианское народонаселение Порты — греков и славян. Такой ловкий человек, как Мелес, мог быть в этом случае весьма полезен, будучи отправлен к турецким берегам в качестве духовного лица, служащего во флоте. И вот после прибытия Мелеса в Петербург в Синоде закипела работа по его делу; вероятно, по желанию императрицы оно подверглось пересмотру от начала до конца и пересматривалось так деятельно, что Синод заседал за ним до 12 часов ночи. Последствием сего пересмотра было определение, из которого ясно видна и самая цель, с какой Синод должен был так усердно работать. Анатолий признан был вполне виновным во всем, в чем его обвиняли, и осужденным правильно; «и как все поступки его усматриваются неправодушны, пронирыливы и хитростны, а притом упорны и презорливы, то сие самое, чтоб он мог с пользою во что-либо быть употреблен, подает сомнение; однако, если по причине понесенного им немаловременного наказания •[III/2 571]• приступить к

рассуждению о помиловании его, а именно о возвращении ему единого священства (поелику Синодом он не признан только епископом, а о священстве его сомнения не было), то должно ему будет неотменно принести покаяние пред лицом Синода и признать себя во всем повинным... и сие признание утвердить письменно». Анатолий представил это письменное покаяние, но изложил его так, что Священный Синод должен был возвратить ему это покаяние для переделки. Как ни много уступок сделал Священный Синод в сем деле, но императрица все-таки была недовольна его послушанием и сделала ему выговор. «Петр Петрович! — писала она обер-прокурору Чебышеву. — Слышав от вас, что доношение, поданное монахом Анатолием в Синод, ему обратно отдано с тем, чтобы он переменял некоторые слова, любопытствовала оное видеть и, не нашедши в оном ни малейшаго сомнения, признаем, что удивляет меня поступок Синода тем наипаче, что чрез вас им сказано, что сей человек службе моей нужен. И так предложите Синоду, что мое желание есть, чтоб он прощен был, то есть чтоб ему священство возвращено было, ибо по собственному признанию Синода оное не противно правилам святых отец». На другой же день после этой записки воля императрицы была исполнена и Мелес в сане иеромонаха был отправлен на флот в Средиземное море. Дело не кончилось и этой уступкой со стороны Священного Синода. В октябре следующе-

го 1770 года, после Чесменской битвы, ради заслуг Мелеса во флоте и в надежде, что он «и впредь может быть употреблен тем с большею пользою, чем меньше он будет оставаться в предосуждении лишения архиерейского чина», Священный Синод должен был «благоволить его, Анатолия, от запрещения разрешить, и священнослужение архиерейское исправлять дозволить», тогда как прежде архиерейство его даже вовсе не было признано.

По возвращении Анатолия из Архипелага в 1772 году он получил, по распоряжению Екатерины, в управление Глуховский монастырь, где и поселился. Дальнейшую судьбу его мы узнаем •[III/2572]• из записок Добрынина. Оставленный на свою волю в монастырской глуши, он совсем одичал, по целым дням ходил раздетый, босиком, с всклокоченной головой, пил, самодурствовал над монахами, бил их палками и делал разные дикие выходки; вообразив себя после своей флотской службы каким-то полувоенным человеком и уверившись, что без пороха жить не может, снял с колокольни несколько колоколов, перелил их в пушки и увеселялся беспрестанною пальбою, разнообразя иногда эту забаву другой, столь же шумной, — звоном в колокола.

В 1765 году солунские аги обвиняли святогорцев в том, что у них есть пушки, военные корабли и пять тысяч вооруженных людей. Тогда на Афон послан был Анан-ага переписать всех их и переписал: оказались три тысячи монахов. Переписал он и дома, орешники, вино-

градники и огороды, побывав почти во всех захолустьях. (Оправдания, № 91.)

С середины 1769 года на Афоне начались ожесточенные прения монахов о поминовении усопших в субботные и воскресные дни, взволновавшие восточных христиан. (Смотри выше: § 110, с. 380–390.)

В 1783 году, 1 июня, святогорские монастыри получили новый устав от вселенского патриарха Гавриила. Вот он.

«ГАВРИИЛ, МИЛОСТИЮ БОЖИЕЮ
АРХИЕПИСКОП КОНСТАНТИНАГРАДА,
НОВОГО РИМА И ВСЕЛЕНСКИЙ
ПАТРИАРХ

Требовалось в древнее время основательное изложение правил и порядков для преподобнейших отцов Святоименной Горы Афонской, как монастырских, так и других. Доколе они, просто сказать, жили по правилам, дотоле не оскудевали у них блага, какие они имели, и зло приражалось к ним реже и слабее. Но когда, неведомо как, они пренебрегли сие и, статья может, вели себя неблагоприятно, тогда постигли их столь великие несчастья, что из числа их священных и пречестных монастырей одни находятся в запустении, другие в опасности, а все вообще, более или менее, близки к погибели, •[III/2573]• и все отцы в ежедневной тревоге не знают, как поправить свои дела; кратко сказать, вся Святоименная Гора сия, славная древностью монастырей и богатая священными вещами, жалко обременена неоплатными долгами и едва-едва существует. Поелику же, по сказанным причинам, Священная Гора

сия постигнута такими и толикими бедствиями и опасностями, посему с общего согласия и нашего, и всего преосвященного братства, и знатнейших и благороднейших архонтов и попечителей как Общины сущей у нас Великой Церкви Христовой, так и Общины [Кинота] Святой Горы, и прочих почетных лиц нашего рода, вместе же и по усердному прошению пребывающих в Царьграде преподобнейших монастырских отцов, мы признали за должное остановить и попятить назад зло и начертали следующие правила и главы.

Глава первая.

Ежегодно, в первый день июня, поставляются четыре предстоятеля и приставника Общины Святой Горы, избранные из четырех пятериц (т. е. из 20 местных монастырей), однако же не простые и малосведующие, а благоразумные и опытные во всех делах, умеющие давать отчеты и способные сладить с обстоятельствами. Все они четыре живут под одним кровом, ведут одинаковый образ жизни и имеют один стол, а в обычных собраниях каждый занимает свое место. Им дается книга для записи всех дел Общины и монастырей и назначается письмоводитель, способный вести дела и счета Общины. Настоятельство же сих четырех лиц продолжается один год, но не более. По истечении сего времени пересмотренный отчет их посылается в сущую у нас Великую Церковь Христову для поверки в Священном Синоде и в при-

сутствии знатнейших и благороднейших архонтов и попечителей Общины как сей Церкви, так и Горы, дабы и они утверждали его, и потом полагается и хранится у здешних попечителей Горы. •[III/2 574]•

Глава вторая.

Печать Общины, какая употреблялась доныне, объявляется непригодной и уничтожается, а вместо нее употребляется другая, вновь сделанная, со словами греческими и турецкими и разделенная на четыре части. Ею печатаются все текущие дела, кроме долговых векселей, которые, когда появятся с этою печатью, остаются недействительными. Каждая четверть печати находится в руках каждого из четырех приставников. По исполнении же годового настоятельства их эти четвертушки вручаются новым приставникам.

Глава третья.

Какие бы векселя ни предъявлены были когда-либо, кроме тех, которые записаны в счетных книгах, уже рассмотренных в Царьграде, все они, чьи бы ни были, царьградские ли, святогорские ли, остаются недействительны, возвращаются назад и уплачиваются теми, которые подписали их.

Глава четвертая.

Взаимные тяжбы монастырей, какие бы ни случились, рассматриваются и обсуждаются четырьмя приставниками. Какой тяжбы не решат они, та перено-

сится в так называемое у них собрание. Не кончат ее тут, тогда представляют ее сущей у нас Великой Церкви Христовой при общем докладе с показанием, на чьей стороне право.

Глава пятая.

Подати распределяются поголовно; и если требуемое количество их превышает число душ, то недочет взимается с обителей сообразно с податными расписаниями.

Глава шестая.

Случайные денежные пени распределяются и налагаются по соображению с прочими податями. •[III/2 575]•

Глава седьмая.

Когда какой монах покинет свой монастырь, его не принимает никакая другая обитель, ни келья, ни скит, разве он предъявит письменный отпуск своего монастырского настоятеля. Без этого же отпуска и принявший, и принятый подвергаются наказанию.

Глава восьмая.

Ни келлиаш, ни монастырник, ни безмолвник не отправляется со Святой Горы без дозволения и предъявительной грамоты его монастыря. Кроме сего, отправляющиеся должны иметь еще предъявительную грамоту четырех приставников, скрепленную их подписями и законною печатью Общины. Приставники же выдают им такую грамоту свободно, беспрекословно и без-

мездно, коль скоро есть им повестка об этом от настоятеля монастыря.

Глава девятая.

Когда надобности понудят кого-либо из подвижников (аскетов) отправиться с Горы, то и он должен получить письменное дозволение от четырех приставников бесплатно; а эти обязаны строго дознать причины отшествия его и, если она благословна, дать ему предъявительную грамоту с пояснением дела, в противном случае запретить ему отъезд. Если же кто из аскетов, несмотря на запрещение, уйдет с Горы, таковой подлежит наказанию и лишается своей кельи, которую продадут другому.

Глава десятая.

Когда будет причинена какая-нибудь обида какому-либо монастырю, тогда все прочие обители помогают ему, не требуя с него денег, и в случае крайней надобности, кроме домашней помощи, посылают людей в Солунь. Путевые же издержки отправленных ходатаев оплачиваются не обиженным монастырем, а пославшими и помогающими ему. Посылаются же мужи •[III/2 576]• опытные и сведущие в делах, избранные, смотря по обстоятельствам, и назначенные без вознаграждения от повременных приставников, и повинующиеся им добровольно.

Глава одиннадцатая.

Так как при множестве мирских торговых лавок, находящихся на Горе,

случается кое-что неуместное и причиняется немалый ущерб Общине, то предписывается вывести их и оставить только четыре лавки: две *сектарные* и две бакалейные; да и на те пусть наложит руку Община Горы, дабы от них получить какую-нибудь прибыль.

Глава двенадцатая.

Сборы податей и счета скевофилаков, заведующих малыми монастырями, поверяются и утверждаются четырьмя приставниками Общины.

Глава тринадцатая.

Монахи Горы, как монастырские, так и келейные, и скитские, ежели имеют свои деньги, властны отдавать их в долг не вне, а внутри Горы и получать рост восемь на сто. Если же которые из них имеют деньги в долгах вне Горы, пусть возьмут их оттуда и ссужают в долг монастыри за сказанный рост.

Глава четырнадцатая.

Келлиаши, кроме податей подушной и поземельной, ежегодно вносят в Общину 7000 пиастров, кои взимаются, смотря по силам каждой кельи.

Глава пятнадцатая.

Поелику часто случается, что иноки монастырские, поссорившись и потягавшись с собратиями своими, оставляют монастыри и уходят в скиты, то впредь никто да не отваживается на это, и скитники пусть не принимают таковых. Если же кто учинит сие, то

принявший и принятый да наказываются. •[III/2 577]•

Глава шестнадцатая.

Инок монастырский, помогающийся архиерейского сана, не только не принимается Церковью, но и наказывается строго.

Глава семнадцатая.

Приходящих жить на Святую Гору с тем только, чтобы сподобиться рукоположения в диакона или иеромонаха и возвратиться назад, должно принимать не вдруг, а по удостоверении в достоинстве их посредством грамот архиереев тех епархий, в которых они провели большую часть своей жизни. Если же это затруднительно, то надобно сперва испытать их в течение двух круглых годов, дабы увериться в достоинстве их, и потом с соблюдением церковных правил сподоблять их рукоположению.

Глава восемнадцатая.

Все скитники отдают приставникам свои печати и впредь не употребляют никаких других печатей, кроме монастырских и кроме общинной, разделенной на четыре части.

Все это придумано и установлено соборно и с общего согласия, как выше сказано, знатнейших и благороднейших архонтов и попечителей Общины сущей у нас Великой Церкви Христовой и Общины Святой Горы и всех прочих почетных лиц нашего рода, и по усердному прошению и молению прожи-

вающих в Царьграде преподобнейших отцов, в видах порядка, благочиния, благоустройства и общей пользы на Священной Горе сей.

Посему мы письменно объявляем вместе с Синодом, с сущими при нас преосвященнейшими архиереями и пречестными, во Святом Духе возлюбленными братьями и сослужителями да все вышеисчисленные восемнадцать правил как справедливые, благословные, потребные, необходимые и общепользные и упрочивающие на Горе хорошее состояние и управление соблюдаются как монастырскими монахами, так и келлиашами, и скитниками и прочими, живущими на Горе, навсегда неизменно, нерушимо, неопустительно •[III/2578]• и непреложно во все веки по духу и букве содержащихся в них наставлений. Если же кто дерзнет и решится когда-либо изъять, переменить и извратить что-либо из того, что в настоящем уставе изложено и предписано, как должно, таковой, кто бы он ни был, малый или великий, да будет отлучен и проклят и не прощен от Святой и Единосущной Троицы, Единого по существу Бога и повинен и подсуден всем отеческим и соборным клятвам и обречен вечному огню геенны. Посему для сведения и всегдашнего руководства и состоялась настоящая наша патриаршая синодальная грамота на пергаменте со свинцовой печатью, внесенная в священный кодекс сущей у нас Великой Церкви Христовой, и дана в руки помянутых преподобнейших отцов в лето Господне 1783, в первый день месяца июня.

Гавриил, милостию Божиею архиепископ Константинограда, Нового Рима и вселенский патриарх.

Ефесский Самуил, Ираклийский Мефодий, Кизический Агапий, Никомидийский Герасим, Халкидонский Парфений, Дерконский Анания, Неокесарийский Игнатий, Серронский Матфей, Драмский Григорий, Софийский Иеремия». (Оправдания, № 92).

С 1784 года начало устанавливаться общежитие в некоторых афонских монастырях. Почин сего доброго дела принадлежит монастырю Ксенофскому.

В 1793 году, 25 августа, было затмение солнца с пяти часов дня до восьми. В этом же году была большая засуха, потому что не было дождя пять месяцев. (Оправдания, № 93).

В 1821 году афонские монахи заодно со всеми греками восстали против турков с оружием в руках. Это печальное и бедственное для их обитателей событие подробно и правдиво рассказано афоно-кастамонитским монахом в его исторической записке о Кастамонитском монастыре и о Святой Горе. Рассказ его я перевожу по-русски слово в слово. А вы прочтите его и, похвалив правдивость рассказчика, современного оному событию, •[III/2579]• подумайте о силе грехов, которые губят даже преподобных мужей, и о милости Божией ко всем грешникам.

«Начинаю повествование, достойное великой печали. А вы со вниманием выслушайте, как случилось дело, когда и от кого началось разорение (Афона). Итак, мы по порядку излагаем здесь

кратко всю правду: как тогда, во время восстания Эллады, произошло запустение Горы. Но братья мои во Христе! Как мне рассказать настоящее повествование без слез и стенаний сердца моего? Посему тепле прошу любовь вашу: отверзите немного чувственные и умственные очи, я разумею тела и души, да оплачем запустение Святой Горы. Как древле оплакивали израильтяне и пророк Иеремия град Иерусалим, так и мы ныне оплачем Святую Гору, этот земной рай.

Но подобает наперед оповестить свыше бывшие знамена и дива, какие показал Святой Бог за тридцать лет до одного запустения; потом опишем и остальное.

Первое знамение у нас было то страшное землетрясение в 1790 году, которое длилось во весь Великий пост, так что из больших монастырей Святой Горы многие монахи от страха ушли в леса, потому что вся Гора тряслась, как тростник, во всю Четырехдесятницу. Тогда всесвятейший и достоуважаемый патриарх Прокопий, покоившийся в царской великой лавре Ватопедской, повелел читать молебные каноны и умиленные молитвы Господу нашему Иисусу Христу, а также и молебствия Госпоже нашей Богородице и, поучая монахов, говорил им, чтобы они прекратили проклятую многостязательность и чуждые монашеству дела, чтобы большие монастыри не обижали бедные обители и чтобы в собраниях (Протата) не брали подарков, дабы ради частного прибытка не терпело обид все монашество,

что весьма грешно. Вот что говорил он вообще калуерам Горы. Это же самое советовал и патриарх Неофит, покоившийся в благоустроенной обители Кутлумушской, когда на Святой Горе появилась чума и многие умерли от этой заразы, а иноки из Карейских келлий убежали в леса, оставив келлии свои пустыми. Тогда и достоуважаемая •[III/2 580]• обитель Кутлумушская заперта была по причине заразы; и все, которые находились внутри ее, умерли, именно проигумен Каллиник, папа Прокопий и многие другие, о которых излишне писать здесь порознь. Тогда патриарх Неофит установил, чтобы святогорские иноки ежедневно пели молебен Пресвятой Богородице, а иереи читали бы молитву Господу нашему Иисусу Христу, настоятели же монастырей впредь прекратили бы взаимные брани ярые и давние и дела чуждые, ради которых ссорились тогда калуеры. А как только они исправились, тотчас прекратилась и чума, эта страшная смерть, благодатью Бога и милостию Госпожи нашей Богородицы.

Но теперь, братья, что писать мне здесь и как рассказать настоящее повествование? О, что и что в те дни говорил монахам и настоятелям всесвятейший и достопочтеннейший патриарх священномученик Григорий, который замучен был во дни султана Махмуда в 1821 году и который принесен был в жертву за свободу нашего рода! Он, когда проживал на Святой Горе, имел такой обычай: летом покоился в величайшей Лавре, а зиму проводил в свет-

лой обители Иверской до Пасхи и потом ходил и в прочие святогорские монастыри, проповедовал в них слово Божие и склонял монахов Горы к делу Божию и к добродетелям. О, что и что говорил он настоятелям и простым монахам в собраниях и наедине и сколько убеждал их удерживаться от проклятого любостяжания, от чуждых монашеству дел и от учащаемых тогда взаимных браней, кои бывали ежедневно, потому что монахи спорили и ссорились за местности и границы их, и немало не переставали делать это. Слушая, однако, слово сего святого мужа, они исправлялись душою и телом.

Но лукавый диавол, который всегда завидует благополучию человека и запинаят его добродетели, нашел подобных ему по злости и, скверный, подстрекнул их на смуты и соблазны, посему святогорцы не имели покоя и мира и тягались за границы своих участков: знатная обитель Хиландарская тягалась с обителью •[III/2 581]• Есфигмена, великая лавра Ватопедская — с обителью Зографа, честная обитель Кутлумушская — с монастырем Ксиропотамским, величайшая Лавра св. Афанасия — с обителью св. Павла, а также и скиты и келии делали то же самое, и так оставили Бога, оставили безмолвие, этот источник добродетелей, и, подобно потокам, бежали в Солунь и Царыград в тамошние судилища магометанские; часто смущали Великую Церковь Христову, смущали святых архиереев, благороднейших и богобоязненных архонтов и чуть не весь род (греческий). Тогда Все-

могущий Бог многократно показывал грозные знамения, дабы святогорцы перестали делать злое и покаяться бы. Было страшное наводнение, почти подобное тому потопу, о котором повествует Священное Писание. Оно случилось в 1820 году, сентября 2 дня, в пятом часу ночи; а перед этим была великая засуха. В сию ночь поднялось почти всё море с великою яростью и со всею водою его при громах и молниях непрестающих, так что вся гора Афонская тряслась, как тростник, к великому ужасу зрящих. А от одного великого и долгого кипения моря и от сильного дождя, который пролился на вершину Афона и на всю гору, вскипела земля, и вода стремлением своим унесла три каливы из скита св. Анны, три мраморные колонны от Павловского монастыря, приготовленные для новой тут церкви, *арсаны* Дионисиата, Григориата, Симонопетры и царского Ксиропотама, а между Руссиком и Ксиропотамом провалилось большое место. Все это было на южной стороне Святой Горы. А на северной все мосты и водопроводные своды Ивера потрясены были напором воды, так что сей монастырь находился в опасности от разлива той реки, которая текла от Карей до Ивера и отсюда бурно и стремительно вливалась в море. Потопная вода сокрушила и унесла мосты величайшей Лавры св. Афанасия, разорила и пресловутую и дивную *агиазму* св. Афанасия. Подобно и ватопедская река стремилась так много воды и с такою силою, что искореняла развесистые

платаны и увлекала их в море. Это бедствие было таково, что никто из маститых старцев святых и не видал [III/2 582] и не слышал, чтобы когда-либо было такое наводнение или, лучше сказать, такой потоп. Вот и сие знамение явно показывало, что Святая Гора лишится своего великого богатства и своей славы и множества людей, которых почти не вмещала. По каковой причине все тогдашние монастыри, малые и великие, скиты и келлии, перестроены были, а у монахов явились большие и шумные хлопоты и великая многозаботливость о многих постройках. Но милостивый Бог, хотя исправить монахов, навел потоп в 1820 году.

Однако не исправились они. Тогда, в 1821 году, последовало восстание Эллады, Пелопоннеса и островитян, наипаче идрейцев, специотов, псариан и других, которые все мужественно бились с чувственным зверем земным, то есть с Оттоманскою державой. Тогда умерщвлен был и вселенский патриарх св. Григорий в самый день Пасхи, 10 апреля, вместе со многими архиереями. Причиною же умерщвления их было то, что они не уведомили Оттоманскую Порту о восстании эллинов. В эти же дни на Святую Гору явился серронский архонт Манолáки* из Константинополя и сперва отправился в величайшую Лавру, потом в Ивер и здесь тайно совещался с другом своим кир Никифором и с другими приятелями своими,

а оттуда перешел в обитель Есфигмена, где надлежало всем им совещаться о том, что и что надобно было делать, дабы достигнуть своей цели, т. е. мятежа Святой Горы. И тогда явилось великое знамение на небе в третьем часу ночи, как то: кресты вокруг луны, явно означавшие ту скорбь, которую имел испытать род христианский. Тогда многие города, слободы и села в Турции были опустошены, а также и Влахо-Богдания почти вся, дивная Эллада, Акарнания, Албания и Ахажия со всеми селищами на Олимпе (Фессалийском).

Тогда разорены были турками и около Солуня деревни вместе с пресловутым монастырем святой Анастасии и селения на Каламарии, Кассандре и на Холумунтской горе вплоть до Святой Горы. Тогда же монастырские монахи, которые находились вне •[III/2 583]• Святой Горы, в монастырских подворьях, все отправлены были в Солунскую крепость до прихода Абдула Робут-паши в Кассандру вместе со многими старостами сел, которых солунские агаряне держали под стражей. Всех их тогда вместе с оными монахами умертвили. Тогда же лишены были жизни наместник солунского митрополита, Китросский епископ Макарий, солунский архонт Балán, попечитель церкви св. Мины Менексен и другие в немалом числе.

Тогда и Святоименная Гора Афонская, этот жребий Господи нашей Богородицы, отовсюду стеснена была врагами нашей веры и множеством наших братьев-христиан, которые убежали на сию Гору с женами и детьми, дабы

* Эммануил Паппас, предводитель Греческого восстания 1821 г. в Македонии.— П.К.

избавиться от меча смертельного; и было тогда на Горе великое множество христиан, которых перечислить невозможно; а от множества их заразился воздух в то лето, и ежедневно умирали многие: одни от заразы, а другие от голода, бывшего тогда на Горе. Ибо тамошние монастыри тогда не имели запасов, потому что в тот год нигде не было жатвы и голод был всеобщий. А солунские турки, которые тогда были судьями в своей крепости, решили ввести войско на Афон, дабы стеречь это место. Поводом же к сему послужило сожжение турецкого судна (фергады) идриотами и капитаном Канелосом в виду монастыря Ксиропотамского.

Тогда святогорские проестосы, напуганные вводом войска на Гору, так как солунский муселим предписал черибашу из Пазаруды идти на Афон с тремястами солдат и каламарийскому сердару с таким же отрядом, вместо того, чтобы совещаться и рассудить о благе своего места святого, которое столько веков не знало плена, вместо того, чтобы учинить такое рассуждение, *обезумели* в настоящем деле по причинам, какие знает Всемогущий Бог, ведающий сокровенные помышления людей. Над ними исполнилось проречение Исаии пророка, глаголющего: *Безумит Господь тот народ, который хочет погубить*.

Все тогдашние дела святогорцев делались безрассудно, дабы •[III/2 584]• исполнилось видение преподобного Даниила, которое он видел в исступлении, находясь в Константинополе в 1770

году. А ведь всем явно и ясно, что если бы святогорцы были рассудительны и явились бы в Солунь со своим заптием бостанджи и с деньгами по-прежнему, то непременно кончили бы дело свое благополучно. Но несчастье, как видно, было предопределено. Ибо любостяжание и гордость были причиною того, что они не ведали блага и пользы своей. Оттого, как только услышали они, что из Пазаруды идет черибаша и из Кассандры сердар-ага, изменились от страха и ужаса и в Есфигменском монастыре назначили архонта Манолаки военачальником Македонии, этого беглеца из Константинополя.

В те дни, когда святогорцы в Есфигменовой обители совещались и ухищрялись с военачальником своим Манолаки, с Никифором Иверитом и с тогдашними проестосами монастырей Ватопедского, Хиландарского, Иверского и Лаврского, тогда миряне Кассандрийской епархии, полигирийцы и поселяне лонгосские первые восстали против Оттоманской державы и, умертвивши правителей своих турков, уведомили о сем архонта Манолаки и клеветов его. Эти же, услышавши в Есфигмене о совершившемся, вместо того, чтобы рассудить, что и что им полезно, решили послать архонта Манолаки в селища около Святой Горы, а кир Никифора в Кассандру по морю. Таким образом, разошлось это темное собрание. Манолаки с ополченцами своими, пехотными и конными, и со знаменами устремился против стагиритов. В отряде его состояли первый

между всеми ревнитель и боец святой епископ Маронийский Константин, превосходительный архонт и врач Евангел с ополченцами его и с *патиерами* (лазаретом), как это водится в полках, Феофил, архимандрит Ватопедский, Исаия, архимандрит Хиландарский, Григорий, архимандрит Кутлумушский, шедший впереди со многими ополченцами и знаменами, Нафанаил, проигумен величайшей Лавры Афанасия, Евфимий, игумен Есфигменский, наперсник и друг архонта Манолаки, Геден из монастыря Ксенофского, •[III/2 585]• возведенный в чин спафария (меченосца) этим архонтом и впоследствии потурчившийся, и иные многие монахи и миряне ополчились и последовали за реченным архонтом. А заглянул бы кто-нибудь тогда в души их? С какою целью и с какими замыслами каждый из них шел воевать? Все они шли для того, чтобы сподобиться славы и почестей: одному быть бы властелином в Солуне, другому — военачальником пехоты и конницы, третьему — митрополитом, четвертому — епископом.

Таковыми-то мечтами ведомые, заблужденцы эти или, лучше сказать, слепцы решали неразрешимое, присвоили себе неусвояемое, ели мясо в среду, пяток и в посты и при таких беззакониях мечтали о почестях и об уничтожении Оттоманского высокого и державного царства. Но каков же был конец их, неудобный Богу? Как только они вышли в пределы сидирокавийской Стагиры и в тесный проход Рендины и во весь околотох, называемый

Пазаруда и Егрибочаки, тотчас рассеяны были турками все эти ополченцы, кто куда, так что один потерял другого из виду; и только один Манолаки удрал в Кассандру, где застал любимца своего кир Никифора. Оттуда оба они морем возвратились на Святую Гору и здесь были почетно приняты правительствующею Общиною. Тогда собрались представители всех двадцати монастырей афонских и решили прокопать канал подле Иерисса. Тогда же пришел на Гору и капитан Ригас со всеми ополченцами своими. Но так как он не во всем слушался архонта Манолаки, то сей архонт задумал стубить его и стубил впоследствии. Тогда же по воле Манолаки и отцов Горы, собравшихся в Кутлумуше, кир Никифор поставлен был правителем и судиею всей Святой Горы с тем, чтобы он вместе со святыми епископами судил и исправлял каждого монаха со страхом Божиим и с рассуждением великим. После сего Манолаки опять отправился в Кассандру морем. А кир Никифор как правитель и судия двадцати монастырей афонских тотчас наложил подать на монахов. По этому случаю многие из них были заключены в башнях, потому что тогдашние •[III/2 586]• калуеры были непостоянны и нравы их были весьма негодны; в них окрепла ненависть, утвердилось разномыслие, расширилась зависть, а также и пронырства и страсти прежниеновились. Настоятели монастырей не покидали злонравия и говорили: кто я и кто он? И таким образом великие настоятели обителей великих

презирали настоятелей монастырей малых. В это смутное время сколько денег бессовестно издержано на наем судов сторожевых и на углубление канала подле Иерисса! А все эти расходы разложены были равномерно на богатых и бедных без рассуждения и страха Божия. По причине таких беспорядков недоволен был и кир Никифор таким бестолковым управлением, тем более что монахи не исправлялись и не слушались общего собрания, а настоятели великих монастырей, раскаявшись, свергли его и за лучшее признали отдать всё, что имели, в руки турок, нежели положить в Общину для помощи монастырям бедным.

Посему правосудный Бог, видя жестокость их и то немилосердие, которое богатые оказывали бедным, смутил ум их, как это было во время столпотворения; и калуеры не соглашались между собою ни в одном деле и как раздробленные члены отделились один от другого и разошлись в разные страны мира. И во-первых, многие ушли из Лавры св. Афанасия и из обители Иверской; потом многие отцы оставили монастыри на южной и северной стороне Горы, взяв с собою сокровища свои, святые мощи и прочие утвари; то же сделали и скитники и многие келлиаши. Но все они ушли с Горы с сердечною печалью и со слезами в очах и рассеялись по островам, кто в Скопело и Скиафо, кто в Псару и Идру; многие же убежали в Пелопоннес, а иные и в Европу.

В эти самые дни Абдул Робут-паша покорил Кассандру, а архонт Манола-

ки, избегая плена, пришел на Святую Гору 9 дня декабря, где, повидавшись с другом своим Никифором, удалился вместе с ним на остров Идру. А прочие монахи, которые остались на Святой Горе, как то: ватопедцы, хиландарцы, •[III/2 587]• зографцы, дохиариты, кутлумушцы и филофеиты — возлюбили древнего змия, земного зверя, дьявола. Это те самые, которые погрешили много, так что погрешность их не уврачуется и вовек, потому что не заключили условия с высоким Абдул Робут-пашою, да пребудет Святая Гора как Сербия, как Трикери* и другие области: напротив, без взаимного совещания и рассуждения о пользе общей взяли с собою бостанджия, турецкого начальника Горы, которого стерегли в монастыре Кутлумушском, и отправились в Кассандру с тем, чтобы у Робута испросить помилование и прощение за восстание вместо того, чтобы заключить с ним условие касательно неприкосновенности Святой Горы. Но не будем говорить много. От худого и кривого управления их запустел наш земной рай, который был убежищем для всех христиан.

Паша же, увидев афонского бостанджи, удивился, как он жив остался среди врагов. Этот ага мог бы много помочь Афону, и уцелевшая жизнь его была бы хорошим предложением к тому, чтобы заключить мирное условие, особенно при посредстве бостанджиев (константинопольских).

* Горное село при входе в Фессалийский залив Воло.

Но все это ниспровергла бестолковость, не допустившая рассудительности о пользе общей. Порта ради бостанджиев за деньги всё дело поправила бы неотложно. Это понял Робут-паша, когда увидел афонского бостанджи, и потому начал разговаривать этот кровожадный волк, как духовник, искусно и льстиво с бостанджием и с тремя посланными к нему монахами, хиандарским, дохиарским и филофейским, выражая им, чтобы они ничего не подозревали и не опасались с его стороны, но паче радовались бы тому, что освободились без плена, так как он еще прежде обещал им, что будет писать султану о прощении их, а теперь жизнь бостанджи послужила к тому, что они еще раз сподобятся милости султанской. Ибо солунские турки обвинили кассандрийцев и афонцев перед высокою Портой, возведя на •[III/2 588]• них многочисленные вины. Посему-то Абдул Робут-паша пришел в Кассандру, победил ее и разорил, забравши в плен множество находившихся там христиан и убивши многих из них.

Итак, сей паша тогда казался всем сладким, кротким и исполненным благочестия; лицо его всегда выражало веселье и радость; и он говорил кланявшимся ему монахам, чтобы они ничего не подозревали и не опасались и не печалились, потому что чрез три дня, не более, придут на Гору люди его. После сего он поднялся из Кассандры и со всем полчищем своим пришел на предместье Святой Горы, называемое Комица, близ Иерисса, и тут остался на всю

зиму, а дабы показаться ревнителем и защитником божественного, строго и грозно приказал очистить Гору Божию, Гору Святую от множества женщин и детей, которыми наполнены были скиты и келлии; и она по приказанию его была очищена.

Но впоследствии переменял свои мысли проклятый, солгал и отменил прежнее решение свое; со дня на день ожесточался, как древний фараон. Как только вошли солдаты его в монастыри, он тотчас отправил в Царьград афонского агу-бостанджи с двенадцатью монахами-епископами, да останутся там заложниками у бостанджиев; для себя же потребовал с монахов *джереме* в 10000 пунгов, поставляя на вид, что восстание их против султана было великое преступление; однако с десяти тысяч понизил пеню до трех тысяч пунгов, так чтобы монахи, какие тогда находились на Святой Горе, за освобождение свое внесли каждый по 500 пиастров. Численность же их измерялась тогда числом ярлыков, в которых значилось количество *хараца* с каждого монаха.

Таким образом, этот вероломный паша не сдержал своего слова, данного монахам в Кассандре, и тотчас наполнил священные монастыри своими наихудшими солдатами, которых зверские поступки не описываются здесь подробно, так как неудобно пересказывать их. Эти нечестивцы не щадили даже •[III/2 589]• храмов Божиих и всячески оскверняли их, а стенную живопись портили. Тогда, в начале сего бедствия, многие монахи и миряне умерщвлены были

безвинно этими негодьями, а многие мальчишки взяты были в рабство. Сам диавол научал этих солдат сделать то, что они делали безумно и бесстрашно; и некому было удержать их от бесчинств, тем паче, что их было много. А святогорские епитропы сего времени постановили, чтобы во всех монастырях было равное число солдат.

Зависть, братие мои возлюбленные, причинила все зло монахам; она же, проклятая, и всякая другая злоба не оставляла судей Горы и в последние часы и минуты. Послушайте, как наши епитропы сделали раскладку пунгов для пашы: не по харачным спискам, как приказал паша сначала, а иначе, как сами надумали и захотели несправедливо и к тому склонили сперва пашийского *кехайю* (делопроизводителя), потом архонта Спандони, попечителя всей Горы, наконец, и самого пашу. Они как надумали, так и распределили взимание пунгов поровну с монастырей многолюдных и малолюдных и такую неправдою опустошали их. Совершилось же это по праведному суду и определению Божию. Ибо суды Святого Бога, по слову пророка, суть бездна велика.

Если бы пунги, о которых говорю, потребованы были так, как велел паша, т. е. по числу людей, сколько тогда было на Горе, или по 500 пиастров с человека, то малолюдные монастыри не запустели бы тогда, а стояли бы открыты и людны. Следовательно, запустение их произошло от судей Горы. Ибо деньги тогда были у монахов, а не в стенах

монастырских. Тогда святогорцы все имели пунги; число же равных плательщиков было не 3000, а 5000 и более. Да не трудно было монахам удалить пашу и полчище его с Горы Святой. Но, к несчастью, время уходило, а в бедных монастырях, вносивших дань, уменьшалось число монахов и мирян зажиточных, потому что они, видя бываемое, уходили с Горы. Таким образом, последовало и совершилось рассеяние, разорение и опустошение Афона. •[III/2 590]•

Вышереченную раскладку писали ватопедский архимандрит и скевофиллак Иаков, иверский дидаскал Синесий Певец и кутлумушский протосингел Феодосий. Эти три составили оный несправедливый список и вручили его архонту Спандони, а он передал паше; сей же положил на нем печать свою и строжайше приказал внести деньги по списку. Тогда-то видно было, как монастырские башни наполнялись бедными монахами за безрассудное *джереме* и как калуеры, у которых были гроши, бежали один за другим с Святоименной Горы и из святых убежищ, из священных монастырей, шли в мир и стригли волосы свои на головах и бородах и, одевшись в мирскую одежду, уходили из земного святогорского рая, а иные сделались ворами и разбойниками и худыми людьми. Таким образом, в священных монастырях Горы не стало монахов, кроме немногих стариков, хромых и недужных, которые по немощи остались там, где жили.

С наступлением весны Робут-паша поднялся с Комицы с полчищем своим

в пятый день месяца марта и, пришедши в Солунь, тотчас потребовал выдачи оружия от капитанов кир Диаманди, кир Тасия и от прочих, которые стерегли город Ньяусу или Ньяусту, а так как они не отдавали его, то вооружился против них сильно и воевал с ними, доколе не поразил и не победил их. Он сжег сей город, а жителей его с женами и детьми взял в рабство и девицами и мальчиками наполнил Турцию и Албанию. Возвратившись же в Солунь победителем, собрал всех мальчиков Ньяусты, Кассандры и других окрестков и всех их обрезал в день Байрама; по окончании же сего праздника, на другой день потребовал от святогорских монахов три тысячи пунгов. А так как денежные монахи и миряне ушли с Горы один по одному, то Робут, разгневавшись, многих невинных иноков заключил в темнице в Солуне, в три приема вытребовав их с Горы, и ежедневно палками бил их, тиранил по пятам, пока не умерли эти блаженные, числом 82, в пашийской тюрьме. Он, наверное, потребовал бы •[III/2 591]• и других святогорцев, дабы умертвить их, но не успел в этом, потому что на место его прислан был другой паша. Тогда неожиданно освободились все заключенные в тюрьме монахи.

Такова плачевная история, которую выслушали вы вкратце; и вот какое добро сделали вышепоименованные архонты, архиереи, проестосы Святой Горы, первые и вторые, поклонившиеся туркам! Одно только разорение и опустошение монастырей! Другого

добра от них мы не видим. Но Святой Бог да освободит нас от пагубных заблуждений и смут и да подаст всем нам покаяние и исправление благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава вовеки. Аминь». (Оправдания, № 94.)

Что мне сказать о всем этом комикотрагическом событии? Скажу то, что говорили тогдашние духовные и разумные святогорцы.

«Скнипы [червячки] скоро рождаются из земли, но скоро и умирают».

«Однажды муравьи задумали воевать с солнцем и, приделавши себе крылья, полетели к нему. Но подул сильный ветер и всех их сдул в море, где они и погибли».

А патриотизм святогорцев? Разве не стоит он уважения? — спросите вы меня.

О, я уважаю патриотизм, но разумный и посильный. Дай я, монах, на войну нашу с турками 250 рублей и еще 50 рублей на покупку теплых одеял для наших воинов раненых, — это патриотическое приношение мое и разумно, и посильно, и человеколюбиво. Но возьми я, монах, в руки оружие, которым и владеть не умею, и иди на поле сражения, — это патриотическое самопожертвование и безрассудно, и бесполезно. Если бы святогорцы во время общего восстания греков против турок в 1821 году ограничились только пожертвованием денег кому надобно и выкупом своей жизни и свободы у Оттоманской Порты и если бы единодушно умоляли Бога об освобождении

эллинов из-под ига турецкого, то они сделали бы свое патриотическое дело, и Бог благословил бы оное. Но они взяли за оружие и пошли воевать с солнцем, и за то были опалены и •[III/2 592]• пострадали. Мечты же их: «я буду князем в Солуне, а я военачальником, а я митрополитом, а я епископом». Эти мечты возбуждают во мне смех и раздумье о духовной слабости естества человеческого, поврежденного грехом.

Султан Махмуд хотел скрыть афонские монастыри до оснований их, но оставил целыми, потому что наш император Александр Благословенный упросил его пощадить сии здания, а с живущими в них поступить, как заблагорассудит.

Монастыри пощажены были и по заключении нашего мира с турками в Адрианополе, опять наполнились монахами но уже вразумленными и усмирненными горьким опытом.

С 1831 года, когда на Афоне уже не было ни одного турецкого солдата, монахи опять начали совершать службу всем святым, воссиявшим на этой Горе, совершать в воскресный день после Недели всех святых, сперва по рукописи Никодима Святогорца († 1809 г.), а потом по печатной книжице с 1847 года. Содержание этой службы изложено мною выше (с. 400–403).

В 1844 году, 15 апреля, в афонской Карее окончена была постройка монашеского училища. (Надпись на нем). Поддержанием его тяготились монастыри, не чая от него большой пользы для Афона.

В начале ноября месяца 1845 года греческое правительство водворило на Афоне своего консульского агента под тем предлогом, что туда заходят греческие суда для торговли. Это нечаянно-негаданное дело встревожило все тамошние монастыри, которые, однако, сумели и успели спровадить назад сего чиновника мамоны. Об этом случае я уведомил нашего посланника Титова и директора канцелярии обер-прокурора Священного Синода г-на Сербиновича. Помещаю здесь свои письма к ним от 14 ноября 1845 года.

Титову, по титуле.

«Без сомнения, Вам известно, что греческое правительство на днях водворило на Афонской Горе своего консульского агента •[III/2 593]• под тем предлогом, что туда заходят греческие суда для торговли. Появление его встревожило все обители. Здесь опасаются, во-первых, революционной греческой етерии и мрачного подозрения Порты; во-вторых, внутреннего нестроения в монастырях от беспокойных иноков, которые будут искать заступления или просить паспортов у сего чиновника для избежания, например, наказаний за преступления, и, наконец, сильно боятся, как бы и Англия, и Франция, и Австрия не прислали сюда своих агентов. Все монастыри единодушно решились устранить неожиданного из Греции агента и потому отправили в Константинополь своего поверенного — архимандрита Дионисия из Ксиропотамской обители — ходатайствовать по

сему делу. Да даст им Господь по сердцу их».

NB. Незванный-непрощенный чиновник греческий скоро удален был с Афона.

Господину Сербиновичу писано было это же самое, но после слов: «да даст им Господь по сердцу их», — прибавлено: «Еще живы здесь иноки, которые поджигали греческое восстание и обагрили руки свои кровью турок; не раскованы их мечи; не разряжены их ружья; не исчез чад в их головах, в которых возникают мечты о восстановлении греческого царства в новом виде и в старых географических пределах. Мудрено ли же образоваться здесь греческой етерии? Но какой будет конец ее? Греческий агент, пожалуй, и другие агенты будут охранять здесь, Бог знает от кого и от чего, права и земные выгоды нескольких десятков мореходных торговцев, а их присутствием, соглядатайством и вмешательством будет возмущаться небесное житие и спокойствие нескольких тысяч иноков! Ужели в целом мире нет для нас уголка, в котором мы могли бы молиться, каяться и достигать вечного спасения без тревог со стороны мира, слишком заботливого о мамоне? Афонские монастыри — единственные краеугольные камни, на которых еще держится здание Восточной Церкви. Не надобно ли охранять эти основания и отдалить подрывающих оные? Но кто •[III/2 594]• станет на страже Святой Горы, если не сильный крепостию Ангел России?»

Перед последней войной нашей с Турцией (1853 г.) австрийский Ллойд

уговаривал афонский Протат согласиться на то, чтобы пароходы его приставляли к берегам Святой Горы и имели тут свою агенцию, но получил отказ. Протатские власти на общем совещании поставили ему на вид, что святогорские монастыри будут отягощаемы частыми приездами турецких чиновников и сановников, как скоро установятся пароходные сообщения с ними. Ллойд отвечал им, что пароходы его будут останавливаться у Святой Горы только на два или три часа, да и рейсы их не могут быть часты и постоянны; следовательно, турецкие сановники не поедут в монастыри ни для прогулки, ни для поборов. После этого внушения Протат изъявил было согласие на учреждение пароходной агенции Ллойда на Святой Горе, но Ллойд потребовал от него 20000 пиастров на вспоможение пароходам своим; такое требование не понравилось Протату, и дело не состоялось.

В 1854 году, 19 мая, я на обратном пути в Россию в Смирне слышал от константинопольских греков следующее известие: «Восставшие христиане в Фессалии наголову разбили турецкий отряд около города Трикала и овладели пушками его. А предводителю паликаров Каратасосу не удалось произвести восстание в Кассандре и в окрестностях Афона, потому что тамошние жители еще не забыли испытанных ими ужасов первой брани своей с турками за веру и свободу в 1821 году. Он с малой дружиной своей (800 человек) ушел на перешеек Афонской Горы.

Но тут окружили его турки и два парохода; и ему оставалось или пробиться сквозь двухтысячный отряд их с мечом в руках и уйти на фессалийский Олимп, или лечь костями. Монастыри же афонские побоялись помогать ему и заперли свои ворота. Турки, преследовавшие его по пятам от Солуня до Афона, учинили страшные злодеяния в христианском селении Полигире, что близ Кассандры, после того как •[III/2 595]• обезглавили 17 старшин оногo, вышедших к ним навстречу с изъявлением своей преданности султану».

В 1854 году, когда длилась война нашего Севастополя, вселенский патриарх по желанию и повелению султана Абдул-Меджида извятиствовал и обнарудовал молитву для православных христиан, в которой испрашивались у Бога победы нашим врагам, а нам поражения. Эта молитва была прислана и на Афон. Но здесь ее не читали ни в церквях, ни в кельях. Она переписана была для меня (Оправдания, № 95) и вот мой перевод ее.

МОЛИТВА О ДЕРЖАВНЕЙШЕМ,
ТИШАЙШЕМ, МИЛОСТИВЕЙШЕМ
И НАРОДОЛЮБИВЕЙШЕМ ЦАРЕ
И САМОДЕРЖЦЕ НАШЕМ
СУЛТАНЕ АБДУЛ-МЕДЖИД-ХАНЕ,
ВЛАДЕТЕЛЕ НАШЕМ

«Господи Боже наш, Боже Авраама, Исаака и Иакова, Иже премудростию вся создавший и из несущих в бытие приведый, Иже по неизреченному Твоему промыслению и по велицей благодати

недомыслимо содеваяй человекам спасение и вся к пользе твари Твоея устрояй, Ты, Иже в Ветхом Завете Твоем рекл еси: *Мною царие царствуют и князи обладают землею*, — а в Новом Завете возглаголал еси через единородного Сына Твоего и Спаса нашего Иисуса Христа: *Воздадите кесарева кесареви, а Божия Богови*, — и заповедал еси творити прежде всех молитвы, моления, прошения, благодарения за царя и за вся, яже во власти суть. Сам и ныне, святыи Царю славы, приими и от нас смиренных и грешных рабов Твоих приносимое Тебе моление о державнейшем, тишайшем и милостивейшем царе и самодержце султane Абдул-Меджидехане, владетеле нашем, и подаждь ему и пресветлым потомкам его, и всему синклиту, и военачальникам его, житие долголетнее и благополучное, даруй ему мирное и безмятежное царствование без всякого разделения и междоусобные брани. О, Господи Боже милости, услыши нас смиренных и недостойных рабов Твоих в час сей, и удержи его •[III/2 596]• необоримою и непобедимою силою, воинство же его укрепи, даруй ему повсюду победы и добычи, разруши вражды возставших на державу его, и мир глубокий и нерушимый на земле и море даруй ему, и вся к пользе его устрой, да в тишине его и мы тихое и безмолвное житие проживем, славяще всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков. Аминь». (Оправдания, № 95.)

С радостью приближаюсь к окончанию истории Афона. Еще несколько

слов о разных явлениях и событиях на этой горе в годы 1858 и 1859, и история эта кончена.

В 1858 году во весь 31 день августа гремел гром, зияли молнии и лился дождь, который продолжался и ночью, но уже без грома и молнии. Тогда я был в Руссике.

В том же году, 6 сентября, было так тепло, что я купался в море недалеко от пристани Руссика, у высокого и громадного камня, торчавшего в воде, бросая тут камушки вдоль моря, дабы не подплыло какое-нибудь морское чудово и не схватило меня за ноги.

В 30 день октября 1858 года шел снег с дождем. А ночью под 31 день выпал снег на вершинах и на хребте Афона. Он виден был и на островах Фасе и Самофраки. Холодно. Но Божий свет светит. Тогда я рассматривал рукописи в Кутлумуше.

В том году, 6 декабря, выпал снег у моря, в долинах и на всем Афоне и держался до 10-го декабря; ночью же под этот день и утром стоял. Тогда я работал в Ивере.

В том же году, 25 декабря в 9 часов и 5 минут пополудни, было первое землетрясение на Афоне, второе последовало спустя пять минут, но то и другое продолжалось не более трех секунд. Тогда на дворе было очень холодно и безветренно; воздух был сух; в небе горели звезды. Было страшно. Монастырские здания в Ивере колебались и трескали. Но Бог помиловал всех нас. •[III/2 597]•

В 1859 году, 8 августа, в субботу, приехал на Святую Гору бывший Констан-

тинопольский патриарх Анфим [VI] Куталианос и остановился на жительство в монастыре Есфигменовом.

В ту же субботу, в 20 минут одиннадцатого часа пополудни, было слабое землетрясение, продолжавшееся не более секунды. Тогда я был в Хиландаре.

На другой день (9 августа), в 20 минут одиннадцатого часа пополудни, было весьма сильное *качательное* землетрясение, продолжавшееся более полуминуты. Тогда я, находясь в Хиландаре же, очень оробел и, стоя в окне под сводом его и держась за деревянную перекладину среди сего окна, чувствовал, что по всему телу моему бегают мурашки, а волосы подымаются и что жизнь бежит из меня так, что я едва удерживаю ее молитвой: «Господи, помилуй». А у спутника моего Николая Благовещенского вся душа очутилась в пятках; и он опрометью выбежал из кельи на двор и тут прилег к сырой земле и молился. Направление труса земли было от Афона к острову Имбросу, который тогда пострадал. Сей трус повторился через 20 минут, но слабо. Ночью же под 10-й день слышны были два слабых удара подземных.

В августе же 12 дня, в 6 часов пополудни, шел дождь и внезапно последовал сильный, но мгновенный удар подземный, а в 10 часов и 10 минут 11-го часа ночи был легчайший, мгновенный удар подземный.

В полночь под 16 день августа же месяца слышен был несильный удар подземный.

В этом же 1859 году, 13 сентября, в воскресенье, в 12 $\frac{1}{4}$ часов последовал слабый удар под землей, а за ним тотчас другой сильнее и долее. Тогда я обедал в Хиландаре. В 3 $\frac{1}{2}$ часа пополудни опять был мгновенный и слабый удар под землей.

Итак, я в бытность свою в Хиландаре вытерпел десять землетрясений и столько же раз трусил от внезапных испугов. А афонцы привыкли к этим грозным и страшным •[III/2 598]• действиям подземных сил природы. Во время одного из перечисленных мною землетрясений раскрылась кровля на чьей-то внемонастырской келье. Что же? Сидевшие в ней монахи нимало не испугались и, перекрестившись, все в один голос сказали: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» Афонцы не боятся смерти, потому что они, не как мы, не делятся между Богом и миром и желают жить со Христом в Царстве Небесном. Праведники! А о праведнике давным-давно сказано: «Когда бы весь мир разрушался, тогда праведник стоял бы на развалинах его, не бледнея».

Таковы были крупные события на Афоне с 1456 года до наших дней.

§ 116. А какая была польза от афонских монахов православным народам во время турецкого владычества?

Польза немалая, духовная. Афонские монахи как люди Божии и люди народные сильно поддерживали угнетаемое турками Православие в Греции,

на островах Архипелага и Средиземного моря, в Малой Азии, Македонии, Фракии, Фессалии, Епире, Болгарии, Сербии и Влахомолдавии, проповедуя тамошним христианам слово Божие, исповедуя и причащая их Святых Таин в городах и селах, святя им воду, читая им поучения и жития святых, раздавая им душеспасительные книги и поощряя их к терпению примерами мучеников, которых святые мощи предлагали им для чествования. Замечательно приготовление мучеников на Афоне в ответ туркам, забиравшим христианских детей в ряды янычаров. Это приготовление служило хорошей подтопкой того пламенного энтузиазма, с каким православные христиане намачивали свои платки и полотенца кровью мучеников, являвшихся со Святой Горы. Неблагодарно было вооружение святогорцев против турок в 1821 году; но горячее участие их в тогдашнем общем восстании эллинов доблестно и достохвально. Не надлежало им тогда брать в руки оружие, но •[III/2 599]• молить Бога об освобождении соотечественников и помогать им деньгами и хлебом подобало.

§ 117. Заключение истории Афона

Закрываю историю монашеского Афона.

— Не была Богоматерь на этой Горе. Вот тому доказательства новые, кроме тех, кои изложены во второй части настоящей истории.

1) Тот афонский монах, который в 1177 году подал свое прошение вселенскому патриарху Харитону о снятии епитимии со святогорцев за содружество с валахами и их женами и дочерьми, возвеличил Афон как место душе-спасительное, но не назвал его уделом Богоматери.

2) Римский папа Иннокентий III, защитник и покровитель Афона, в своем послании к тамошним монастырям от 12 января 1214 года, вот как восхвалил Святую Гору: «Она поистине есть святое место, дом Божий, врата небесные и славное поприще для борьбы с сатаною», но не сказал, что она есть жребий Богоматери и что Пресвятая Мария посетила ее и крестила тамошних жителей.

3) Греческий царь Михаил Палеолог в своем хрисовуле, данном Лавре св. Афанасия Афонского в январе месяце 1259 года, возвеличил Афон, назвав его «горою богоименною, горою святою, горою, которую возлюбил Бог», а не жребием и не уделом Богоматери.

4) Св. Григорий Синаит, подвизавшийся на Афоне в первой половине XIV века, в своем каноне отцам назвал Афон «храмом Богоматери, домом Ея, палатою, селением» но не жребием и не уделом и ни слова не промолвил о личном пришествии Ее на эту Гору.

— Богоматерь, по сказанию св. Григория Паламы (XIV в.), явилась первому отшельнику на Святой Горе Петру Афонскому и прорекла ему, что эта Гора с сей поры будет постоянным жилищем монахов. Проречение Ее оправ-

далось. Этим сказанием •III/2 600I• пусть и довольствуются афонцы и пусть не прибавляют к нему своих вымыслов о путешествии Пресвятой Марии на Афон с острова Кипра вместе с Иоанном Богословом и о крещении тамошних жителей. Кстати, пусть они знают и то, что в Ефесе с Иоанном Богословом пребывала не Пресвятая Дева Мария, а Мария Магдалина. О сем поведал св. Модест, патриарх Иерусалимский, видевший разорение Святого града персами в 614 г. Вот его слова: «Магдалина была девица столь чистая, что мучителям ее казалась прозрачным стеклом. Она после успения Богоматери отправилась в Ефес к возлюбленному Господом ученику и там была мучена, потому что не хотела разлучиться с девственником и евангелистом Иоанном». (Photii bibliotheca, codex 285.)

— Христианство появилось на Афоне в царствование Константина Великого и после кратковременного утеснения при Иулиане Богоотступнике воспрянуло во дни Феодосия Великого в конце IV века, а в следующее столетие утвердилось на всей этой Горе. Главной причиной утверждения его там было законодательство царственных преемников реченного Феодосия, строго воспрещавшее почитать богов и упразднившее их капища. Царь Феодосий Великий законом воспретил язычникам даже домашнее почитание богинь и богов, а поклонения и жертвоприношения в капищах приравнял к преступлению — оскорблению царского величества. Преемник и сын его Аркадий в

самый год смерти отца своего усилил строгость законодательства его, погрозив смертной казнью тем чиновникам, которые слабо смотрели бы за исполнением законов*. Сей же Аркадий в 399 году велел разрушить те капища, которые находились вне городов на полях (*in agris*), но так, чтобы разрушение их происходило без смятения и шума (*sine turba et tumultu*)**; т.е. без насильственного участия христиан. В 423 году сын •[III/2 601]• Аркадия, Феодосий Младший, повелел разрушить *все* языческие капища, «если какие теперь еще остаются целыми» (*si qua etiam nunc restant integra*). «Язычники, — говорит сей государь, — презирая законы наших предшественников и пренебрегая наказаниями, положенными для них, даже не скрывают своих обрядов, но совершают их публично, как будто для того, чтобы поругаться над величием Всевышнего Бога, и потому, несмотря на милость нашу, они вынуждают нас напомнить им о преступлениях их. Итак, всякий, кто будет в каком бы то ни было месте схвачен при совершении жертвоприношений, увидит конфискацию своего имущества, а сам будет подлежать уголовному суду. Надобно же, чтобы нечестивые были наказаны и христианство сохранилось». С сей поры дело разрушения капищ стало безусловно законным, и некоторые ревнители ходили по всему Визан-

тийскому царству и уничтожали идолопоклонство при помощи чиновных властей. Таковы были братья Иулий-пресвитер и Иулиан-диакон*. Преемник Феодосия Младшего, Маркиан, своим эдиктом запретил идолопоклонникам возлияния, жертвоприношения и вход в капища (*Codex Justiniani, I, 11, 7*). Царь Лев I объявил, что жертвоприношение богам есть преступление перед лицом общества (*sacrificium est publicum crimen*) и что должны быть уволены от государственной службы все те, которые не крещены в Церкви Кафолической (*Ibid., IV, 19*). И это же самое повторили Анастасий и Иустин I с прибавлением: «дабы язычники и иудеи не могли отягощать или судить несправедливо христиан и даже епископов». При таком строгом законодательстве идолопоклонство не могло удержаться на Афоне и не удержалось, так что там нет и следов языческих капищ. Там уже все были христианами, когда дочь Феодосия Великого Плакидия пристроила придел Богоматери к храму, воздвигнутому отцом ее и братом его Онорием в 383 году, а Пульхерия, сестра Феодосия Младшего, воздвигла •[III/2 602]• монастыри в городе Стратонике, у пристани Дафны, и в околотке между нынешним Хиландаром и Есфигменом.

— Идея преобразователя монашества на Афоне Афанасия о назначении сей Горы для монахов из всех христианских народов была известна не только

* *Codex Theodosii, XVI, 10, 13*: «*Capitali supplicio iudicamus officia coercenda, quae statuta neglexerint*».

** *Codex Theodosii, ibid., 14*.

* Воскресное чтение. Ч. XXIV. С. 452 и след.

царям греческим, болгарским и сербским, но и римскому папе Иннокентию III. Сей папа выразил в своем послании к афонским монастырям 12 января 1214 года: «Бог избрал вашу Гору, как Гору, на которую собираются народы». Я люблю эту идею, отстаиваю ее и даже гадаю, что в то наилучшее время, когда Константинополь будет градом Божиим, а не государственным и местом постоянного Собора при вселенском патриархе, независимом от держав, и когда Афон вместе с Малой Фракией будет принадлежать сему патриарху, в это время вполне осуществится идея о многонародном там монашестве. Тогда все православные державы, как то: Греция, Россия и Грузия, Молдавия и Валахия, Сербия и Болгария, Палестина и Сирия с Египтом — будут содержать на этой Святой Горе своим иждивением свои удельные монастыри, которая четыре, которая три, иная два, другие по одному, восстановив главенство прота Святой Горы, первоначальный устав монашеский и бывшее попечительство высокопоставленных и благочестивых мирян над тамошними монастырями ради успешного ходатайства по делам в мире, где монахам непристойно, да и не спасительно проживать долго и даже недолго.

— Афонские монастыри издревле, хоть и не постоянно, имели своих попечителей из сонма именитых мирян. Вот вам архивные сведения об этом предмете. Преподобный Афанасий Афонский в своем духовном завещании назначил двух попечителей соз-

данной им Лавры, именно — друга своего Иоанна Ивира и благочестивейшего патриция Никифора, состоявшего канцлером (ἐπί τοῦ κανικλίου) при царе Василии Порфирородном. Иоанн Ивир обязан был заботиться о духовном благе лаврских братий, а Никифор долженствовал ходатайствовать по делам их и вообще помогать Лавре словом и делом. Оба •[III/2 603]• же они пред кончиной своей должны были поставить вместо себя попечителями сей обители, первый — сына своего, монаха Евфимия, а второй — кого сам избрет, и передать им право избрания преемников своих. Эти попечители, когда Афанасий был жив, помогали ему во всем усердно и благоуспешно. (Оправдания, № 96.) Но по смерти его долго не было сановного защитника Лавры и благосостояние ее материальное и духовное начало ослабевать, частью от неповиновения монахов настоятелю, частью от того, что гражданские начальники, с которыми Лавре доводилось иметь дело, затрудняли ее, зная, что у ней нет сильного покровителя в столице. Узнал об этом царь Константин Мономах и, согласно с завещанием преподобного Афанасия Афонского, назначил попечителем Лавры своего канцлера Иоанна, мужа просвещенного, добродетельного и верно и неусыпно служившего царству, дабы никто не обижал ее и дабы она благоустроялась более и более, а монахи жили бы в ней мирно и для многих служили образцами такой жизни, какой надобно удивляться. (Оправдания,

№ 97). В царствование Алексия Комнина (1097–1118 гг.) афонская обитель св. Василия Великого (ныне в запустении на взморье, у пристани Хиландарского монастыря) имела в Константинополе знатного попечителя именем Василия Калимериса, близкого к названному царю. Сей попечитель упросил прибывшего из Калабрии в Константинополь за милостыней греческого монаха Варфоломея ввести порядок и духовное житие в Васильевскую обитель. В 1350 году вселенский патриарх Каллист своим сигиллионом устранил зависимость Афоно-Алипиевой обители от всякого лица вельможного (ἀρχοντικοῦ προοῶπου). Знать, попечительство архонтов, издревле допускаемое на Афоне, стесняло эту обитель, посему насельники ее домогались у патриарха освобождения от их вмешательства в дела монастырские и получили желаемое. В 1821 году, когда весь Афон вооружился против турок, попечителем тамошних монастырей был грек Спандони. Все русские монахи, спасающиеся на Афоне в монастырях и скитах, •[III/2 604]• ныне имеют своего попечителя — одесского купца Александра Яковлевича Новикова. Он доставляет им на Афон пожертвованные им вещи и деньги. Но почему попечение о монахах вверялось сановникам мирским? Потому что монахи, не имеющие сана пресвитерского и диаконского, по каноническому воззрению на них Православной Церкви всегда причислялись не к клиру и не к причту церковному, а к разряду мирян, спа-

саяющихся, однако, вдали от мира*: сопричисленникам же таким справедливо, прилично и полезно было избирать себе защитников и ходатаев по житейским делам и даже наказателей из среды благочестивых мирян, высокопоставленных в государстве и пользовавшихся царским доверием. Желательно, чтобы такое попечительство было узаконено и у нас. Тогда столичные и богатые города наши не видели бы у себя на рынках и в трактирах сборщиков и сборщиц в монашеской одежде. А попечители для наших монастырей нашлись бы. Ведь у нас вера еще не оскудела.

Конченная мною *История Афона* составляет одно неразрывное целое с *Описанием моего путешествия* по этой горе. Много лет — разумеется, с пропусками многих и многих месяцев — я трудился, пища эти многотомные сочинения. При начертании Афона языческого и христианского мирского меня затрудняла скудость исторических материалов, а при историровании Афона монашеского меня обременяло богатство этих материалов. Но крепкая любовь к сему ученому труду преодолела все затруднения и за то с избытком вознаграждена была открытиями

* Ни в соборных, ни в отеческих правилах они не называются клириками. Наказания же за проступки назначены им такие, какие присуждаются мирянам. Посему причислять их к клиру нельзя. Смотри правила: Четвертого Вселенского Собора 16-е, Шестого Вселенского Собора 44-е, Анкирского Собора 19-е, Василия Великого 19-е и 60-е.

и новыми прибытками ведения в области научной. Сообщаю здесь краткий перечень сих открытий и прибытков, помещенных в моих книгах об Афоне, да послужит он •[III/2 605]• будильником внимания читателей к этим книгам и пособием для ученых мужей при оценке писаний моих.

МОИ ОТКРЫТИЯ

1. Греческий перевод Священного Писания Ветхого Завета с еврейского подлинника, сделанный св. мучеником Лукианом в конце третьего века, а открытый мною в афонских библиотеках Протата, Ватопеда, Пандократора и Кутлумуша.

2. Просодийные знаки на древнейших рукописях Священного Писания обоих Заветов с черчтаниями и объяснениями их и с указанием времени появления их.

3. Греческий Евхологион конца седьмого века с 13-ю заамвонными молитвами в литургии св. Василия Великого, с 10-ю такими же молитвами во дни Благовещения, Вознесения, Пятидесятницы и Воскресения Лазаря.

4. Ирмологийные последования *синайские* VII века и *сицилийские* того же времени в библиотеке монастыря Есфигменского.

5. Греческий Нотный обиход, в котором греческие, непонятные для нас ноты переложены на наши ноты церковно-обиходные, а мною переложены на ноты итальянские и напечатаны в приложениях ко второму отделению второй части моего *Первого путешествия по Афону*. (С. 93–112.)

6. Послание святогорцев к царю Михаилу Палеологу о том, чтобы он не вводил унию в Греческую Церковь.

7. Афонские акты, как то: царские хрисовулы, патриаршие грамоты, купчие крепости, межевые описи поземельных владений и проч. и проч. (Указатель их напечатан был мною в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1847 году, а переведен по-немецки и напечатан в Германии неким Миллером. Этим указателем пользовались ученые: пастор Мюральт в своей «Византийской хронологии», профессор богословия в Гиссене доктор Гасс в своем сочинении об Афоне «Zur Geschichte •[III/2 606]• der Athos-Klöster», 1865 и француз Ланглау в предисловии к фотографическому изданию географии Птоломея, которое посвящено в Бозе почившему государю Александру Николаевичу.)

8. Пять стихотворений Феокрита, как то: *Свирель*, *Секира*, *Крыло*, *Жертвенник* и *Яйцо*, остававшиеся до сей поры неизвестными и найденными мною в библиотеке Афоно-Ивера.

НОВЫЕ ПРИБЫТКИ ВЕДЕНИЯ.

1. О переводах Священного Писания: ресавском и молдавском.

2. О разделении Евангелия и Апостола на *перикопы*, т. е. зачала для чтения их в церквах, известном со второго века христианского.

3. О составлении так называемого *Недельного Евангелия*, начиная со дня Пасхи, благочестивейшим царем Львом Фракианином около 470 года.

4. О проповедниках в патриархатах: Иерусалимском, Антиохийском, Александрийском и Константинопольском, с добавкой текста проповедей русского митрополита Григория Цамблака († 1420 г.).

5. О стихирарных пиитах в четырех поименованных патриархатах.

6. О 122-х сочинителях церковной музыки греческой.

7. О церковной живописи и, частнее, о догматической непреложности, свободности, священноприличии и исторической достоверности иконописания, об иконе Афоно-Иверской Богоматери и о пресловутом на Святой Горе живописце Панселине.

8. О книжном деле афонитов.

9. О словесностях: прорицательной, плакущей и властной.

Все эти открытия и новости с добавкой и других научных сведений напечатаны в моем *Путешествии* по этой Горе. Итак, есть что читать и узнать тут. А в *оправданиях* этих сочинений моих и в самих их занимающиеся греческой словесностью найдут образчики ее стихотворные и прозаические с •[III/2 607]• переводами их на русский язык, образчики всех веков, начиная с дней Омира, Исиода, Иродота, Фукидида до дней наших. Богатый подарок для лингвистов! И в какое у нас время? Когда наше даровитое юношество начинает знакомиться с просветительным классицизмом.

Конец моему многолетнему труду.

А Подателю разума и ведения хвала и благодарение.

Епископ Порфирий.

Москва. Новоспасский монастырь,

29 июня 1882 г..

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П. В. Кузенков. Преосвященный Порфирий (Успенский)</i> как историк Афона	7
<i>А. П. Лебедев. Преосвященный Порфирий (Успенский).</i> По поводу столетия со дня его рождения, 1804–1904 гг.	14

ИСТОРИЯ АФОНА

ЧАСТЬ I

АФОН ЯЗЫЧЕСКИЙ

Вступление.....	33

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

События на Афоне с 2500 г. до Р.Х. по четверный век христианский

ГЛАВА 1. О названиях, местоположении, длине, ширине, высоте и виде Афона, покрываемого снегом

§ 1. О названиях Афона и их значении	34
§ 2. О местности Афона и размерах его	35
§ 3. О первобытных жителях Афона	36

ГЛАВА 2. О событиях на Афоне в первый круг времени, от появления моря у этой горы и от основания городов на ней до участия их в Пелопоннесской войне греков, между 2500 и 431 гг. до Р.Х.

§ 4. О затоплении Афона водами Черного моря	36

§ 5. О горении Афона во время общего пожара на землях, прилегавших к Средиземному морю и Архипелагу.....	41
§ 6. О плавании аргонавтов мимо Афона в 1292 г.	42
§ 7. О зажигании условных огней на Афоне во время Троянской войны (1218–1208 гг.).....	42
§ 8. О кораблекрушении Анхиса и Энея у Афона	43
§ 9. Об основании городов на Афоне эллинами, пеласгами и халкидикийцами (1124–500 гг. до Р.Х.)	43
§ 10. Размещение городов на Афоне.....	45
§ 11. О занятии Афона персами и о гибели флота их у берегов сей горы в 495 г.	48
§ 12. О прорытии канала на Афонском перешейке (493–490 гг.).....	49
§ 13. О взимании подати с афонских городов Афинской республикой с 489 г.	49

ГЛАВА 3. О событиях на Афоне во второй круг времени, от участия афонских городов в Пелопоннесской и Олинфийской войне греков до их покорения власти македонских царей (431–360 гг.)

§ 14. Об участии Афона в Пелопоннесской войне.....	50
§ 15. О союзе городов Аканфос и Аполлония Халкидикийская с лакедемонянами против Олинфийской республики (383–380 гг.)	54

ГЛАВА 4. О событиях на Афоне в третий круг времени, от покорения афонских городов македонским царем Филиппом до подчинения их Римской державе (360–148 гг.)

§ 16. О покорении Афона Филиппом Македонским (348 г.).....	59
§ 17. О покупке воспорской пшеницы жителями города Аканфос (348–336 гг.).....	59
§ 18. О предложении Динократа Александру Великому касательно Афона (336–324 гг.)	59

§ 19. О построении города Уранополя на Афонском перешейке (317–398 гг.).....	60
§ 20. О переименовании афонского города Харадриэ в Стратоники.....	60
§ 21. О взятии и разграблении Аканфоса римскими солдатами (199 г.).....	61
§ 22. Об определении совета и народа в Акроафосе увековечить надписью благотворения Дорофея, купеческого консула из Александрии (196–180 гг.)	61

**ГЛАВА 5. О событиях на Афоне в четвертый круг времени,
от подчинения Афона Римской державе до введения
христианства в города его (от 148 г. до Р.Х. по 321 г. по Р.Х.)**

§ 23. О построении города Аполлония на Афонском перешейке	63
§ 24. Воспоминания поэтов об Афоне.....	64
§ 25. Связь предыдущего с последующим	65
§ 26. О состоянии Афона в первое двадцатипятилетие первого христианского века	65
§ 27. О состоянии Афона во второе двадцатипятилетие того же века	67
§ 28. О состоянии Афона в третье двадцатипятилетие того же века	68
§ 29. О состоянии Афона во втором веке христианском	70
§ 30. О состоянии Афона в третьем веке христианском	72
§ 31. О состоянии Афона в начале четвертого века (305–325 гг.)	74

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Быт языческих жителей Афона

ГЛАВА 6. О жителях сей горы и их наречиях и памятниках

§ 32. О наречиях, какими говорили древние жители Афона	76

§ 33. О памятниках пеласгического зодчества и греко-римского ваяния на Афоне	77
§ 34. О долговечности жителей Афона. Об уединении философов на этой горе и о тамошних писателях.....	78

ГЛАВА 7. О почитании богов и богинь на Афоне

§ 35. О божествах пеласгов. О Зевсе на темени Афона. О нимфах и Аполлоне в Акроафосе, Афосе и Аканфосе	78
§ 36. О почитании Диоскуров и Вакха в городе Санисе	79
§ 37. О почитании Афродиты (Венеры) Урании в афонском городе Уранополе и на острове Мульяни	91
§ 38. О почитании Зевса Омолойского и Геркулеса яблочного в Хилантирской слободе и пристани.....	91
§ 39. О почитании Крисиоса и Нирея в Дионе	93
§ 40. О почитании пеласгической Аксиокерсы в Капсальской долине Афона.....	94
§ 41. О почитании Артемиды Агрейской на месте, называемом Калеагра	95
§ 42. О почитании Артемиды Потамии в городе Клеонах	96
§ 43. О почитании Афродиты Морфо на месте, называемом Морфина.....	96
§ 44. О почитании Зевса Фиксия в городе Олофиксе	97
§ 45. О почитании Аполлона Метагитния	97
§ 46. О летосчислении афонитов от Актийской победы Августа и о названиях македонских месяцев	98

ГЛАВА 8. О гражданственности афонитов

§ 47. О городском управлении на Афоне	100
§ 48. О промышленности и торговле афонцев.....	101

ГЛАВА 9

§ 49. О политическом состоянии Афона	102

ГЛАВА 10. Исследования и соображения о времени основания афонских селищ Хилантира, Самарии и Кари и пришествия лаконов, или цаконов, на эту гору, говоривших особым наречием

§ 50. Об основании Хилантирского селища.....	105
§ 51. О времени основания крепостцы Самарии.....	111
§ 52. О времени основания Кари на Афоне.....	112
§ 53. О поселении цаконов на горе Афонской	114
ОПРАВДАНИЯ ИСТОРИИ АФОНА ЯЗЫЧЕСКОГО	118

**ЧАСТЬ II
АФОН ХРИСТИАНСКИЙ, МИРСКОЙ**

I. МОНАШЕСКИЕ УСТНЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ПРЕДАНИЯ О НАЧАЛЕ ХРИСТИАНСТВА И МОНАСТЫРЕЙ НА АФОНЕ И СУЖДЕНИЯ О НИХ..... 197

ГЛАВА 1. Предания о пришествии Богоматери на Афон и о проповеди апостола Павла в тамошнем городе Аполлонии. Суждение об этих преданиях

§ 1. О необходимости поверки церковных преданий	197
§ 2. О пришествии Богоматери на Афон.....	199
§ 3. О прохождении св. апостола Павла чрез афонский город Аполлонию.....	217

ГЛАВА 2. Предания о начале христианства на Афоне при римском императоре Каракалле, при солунском проконсуле св. Димитрии великомученике и при Константине Великом и ближайших преемниках его. Суждения об этих преданиях

§ 4. О построении Афоно-Каракальского монастыря римским императором Антонием Каракаллою, 211–217 гг. по Р. Х.....	222

§ 5. О построении храма на месте нынешнего Ватопедо-Дмитриевского скита солунским проконсулом Димитрием, впоследствии великомучеником.....	223
§ 6. О перемещении жителей Афона в Пелопоннес, о поселении монахов на этой горе, о постройке церкви Карейской и монастырей Ватопедского и Кастамонитского при Константине Великом и о разорении их Иулианом.....	225
§ 7. О возобновлении Ватопедского монастыря Феодосием Великим и сыном его Аркадием.....	231
§ 8. О постройке Ватопедской церкви братом царя Феодосия по случаю спасения сына его от потопления.....	235
§ 9. Предание о посещении Ватопедского монастыря дочерью Феодосия Плакидией.....	245
ГЛАВА 3. Предания о постройке монастырей Есфигменова и Ксиропотамского царицей Пульхерией. Суждение как об этих, так и о всех вообще афонских преданиях	
§ 10. О постройке Есфигменова монастыря царицею Пульхерией, 421–452 гг.	258
§ 11. О постройке Ксиропотамского монастыря царицею Пульхерией	262
§ 12. Оценка всех преданий о начале христианства на Афоне	263
II. СУДЬБА АФОНА И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЙ ГРЕЧЕСКИХ, ЛАТИНСКИХ И ДРУГИХ ПИСАТЕЛЕЙ, С 309 ГОДА ПО 676-Е ЛЕТО ГОСПОДНЕ	
264	
ГЛАВА 4	
§ 13. О начале христианства в городах Аполлонии, Сколосе, Клеонах, Карее и Дионе при Константине Великом, с 309 года по 337-й.....	264
§ 14. О судьбе афонских христиан в кратковременное царствование Иулиана, 361–363 гг.....	273

§ 15. Об Афоне выметка из письма св. Василия Великого к софисту Ливанию	274
§ 16. О постройке первой клирикальной обители на Афоне во имя св. архидиакона Стефана	274
§ 17. О постройке второй клирикальной обители в Ватопедионе и о известности восстановления церквей Карейской и Клеонской	275
§ 18. О падении язычества на этой горе и о полном православии тамошних христиан в царствование Феодосия, 379–395 гг.	275

ГЛАВА 5. Города на Афоне и события на этой горе

в течение пятого века

§ 19. О городах на Афоне и в окрестностях его, исчисленных Стефаном Византийским	276
§ 20. О посещении Ватопеда монахами Варнавою и Софронием и царицею Плакидией, и о постройке монастырей Вознесенского и св. 40 мучеников Севастийских	278

ГЛАВА 6. О судьбе Афона в шестом веке

§ 21. О существовании прежних городов на сей горе в этом веке	280
§ 22. О нашествиях варваров на близкие к Афону местности	281
§ 23. О переселении жителей фессалийского городка Фтери на Афон	283
§ 24. Об осаде Солуня славянами и о стесненном положении Афона от нашествия их и гуннов	284

ГЛАВА 7. О судьбе Афона в седьмом веке

§ 25. Заметка испанского епископа Исидора об Афоне	285
§ 26. О первом кратковременном запустении Афона пред поселением на нем монахов	285

III. ОПРАВДАНИЯ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОГО

АФОНА МИРСКОГО	288

ЧАСТЬ III.
АФОН МОНАШЕСКИЙ.

ОТДЕЛЕНИЕ 1-е

I. ПЕРВЫЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА
(676–830 гг.)

**ГЛАВА 1. Заселение Афона монахами. Их обители,
управление и быт. Преподобный Петр Афонский**

- § 1. Заселение Афона монахами при царе
Флавии Константине Погонате 329
- § 2. Первые монастыри на Афоне монашеском
и тамошняя Кафедра старцев 333
- § 3. Первый известный безмолвник на Афоне Петр..... 339

**ГЛАВА 2. События на Афоне и в окрестностях его
со времени заселения этой горы монахами до вторичного
опустошения ее арабами (676–830 гг.)**

- § 4. События в последней четверти VII века 341
- § 5. Афонские события в восьмом веке 343

II. ВТОРОЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА
(830–971 гг.)

**ГЛАВА 3. Вторичное опустошение Афона арабами в 830 г.
и начало пустынножительства там**

- § 6. Предварительные сведения..... 345
- § 7. Вторичное запустение Афона 345
- § 8. Первые безмолвники на скалистых оконечностях
запустевшего Афона: Иосиф, Евфимий, Иоанн Колову
и прочие 346
- § 9. Сожжение Ватопедской церкви арабами 349
- § 10. Подвиги Евфимия в Солуне и на Афоне..... 349
- § 11. О троекратном запустении Афона 353

ГЛАВА 4. Третье, уже несменное, монашеское население Афона, и столетие его с 870 года по 971-й

§ 12. Водворение и быт монастырников и безмолвников на Афоне во дни царя Василия Македонского. Воссоздание тамошнего города Аполлонии под новым названием Ериссо	353
§ 13. Учреждение протатства на Карее. Первый прот — монах Андрей	356
§ 14. Открытие и прославление св. мощей Петра афонского.....	356
§ 15. Учреждение епархии Афоно-Ериссовской, 881–883 гг.	358
§ 16. Скорби исихастов от монастыря Иоанна Колову. Прот Андрей. Сигиллион царя Льва Мудрого.....	358
§ 17. Последнее пребывание Евфимия на Афоне.....	363
§ 18. Охранная грамота царей Романа, Константина, Стефана и Константина	363
§ 19. Афонские события во дни царя Романа Старшего	364
§ 20. Дело о размежевании земель афонитов и ериссовцов на Афонском перешейке	365
§ 21. Перечень некоторых малоизвестных монастырей, существовавших на Афоне в X веке	372
§ 22. Пришествие преп. Афанасия на Афон и первые подвиги его. Состояние тогдашнего иночества. Прот Стефан. Постройка нового храма в Протате. Предложение Фоки Афанасию строить Лавру (945–962 гг.).....	376
§ 23. Постройка и обеспечение Лавры. Унесение мощей Петра Афонского в село Фотокоми. Восстание исихастов против Афанасия	382
§ 24. Первый Устав афонский	387
§ 25. Списки сего устава. Летосчисление его. Указания в нем на состояние тогдашнего монашества на Афоне	394

§ 26. Преподобные отцы, просиявшие на Афоне во второй круг времени тамошнего монашества	404

III. ТРЕТИЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА
(972–1143 гг.)

ГЛАВА 5. Афонские события в течение последней четверти X века

§ 27. Смерть царя Иоанна Цимисхия. Его преемники. Инвеститура афонскому проту	405
§ 28. Услуги грузинских монахов Афанасию Афонскому и царю Василию. Постройка Иверской лавры на Афоне. Строители ее	405
§ 29. Постройка монастыря Римского, он же и Каракальский	410
§ 30. О постройке монастыря Амальфинского и о возобновлении Ватопеда	413
§ 31. Недовольство исихастов. Появление у них Жития преподобного Петра Афонского	415
§ 32. Учение исихастов	427
§ 33. Именитые безмолвники афонские. Исихастирион Халду, он же и Магула	434
§ 34. Исихастирион Аксионестинный. Было ли в нем чудо от Архангела Гавриила или от иконы Богоматери	435
§ 35. Преображение афонских покоищ в лавры. Расширение первого устава святогорского	438
§ 36. Усиление Лавры Афанасия	439
§ 37. Восстание исихастов против Афанасия. Прот Иоанн Факин	439
§ 38. Кончина Афанасия. Причины усиления и упрочения афонского монашества	440

ГЛАВА 6. Афонские события с 1001 года по 1143-й

- § 39. События в царствование Василия Порфирородного и брата его Кнстантина, как то: допущение мирян жить на Афоне; кончина Иоанна Ивира; хозяйственное дело Евфимия со славянами, его благодеяния афонитам, переводы с греческого языка на грузинский и кончина..... 442
- § 40. События в царствование Романа Аргира и Михаила Пафлагона, как то: заточение строителя Иверской лавры, возвращение ей имений, раздача денежной милостыни афонитам 449
- § 41. События в царствование Константина Мономаха, как то: жалоба ему афонитов на беспорядки у них; разорение многих обителей на Афоне морскими разбойниками; недостаток съестных припасов. Видение Агафона. Составление второго устава..... 449
- § 42. События в царствование Михаила Стратиотика и Константина Дуки, как то: прибавка царского жалованья афонским лаврам; льготы Лавре Афанасия; книжные труды Георгия Мтацминдели; учреждение сиротского училища в Афоно-Иверской лавре 463
- § 43. Обеспечение монастырей Каракальского и Дохиарского. Межевание участка земли на Афоне, подаренного Ватопеду Иеропатором 471
- § 44. События в царствование Евдокии, второго супруга ее Романа Диогена и сына ее Михаила, как то: щедроты его Иверской лавре; обновление монастырей Архангельского и Ксенофоновского 473
- § 45. События в царствование Алексея Комнина, как то: письменные сношения святогорцев с вселенским патриархом Николаем; упрочение их свободы и независимости царем; скромное зло и прекращение его..... 477
- § 46. Продолжение афонской драмы..... 512
- § 47. Окончание афонской драмы 513
- § 48. Суждение о всем этом деле афонском..... 514

ОПРАВДАНИЯ ИСТОРИИ АФОНА МОНАШЕСКОГО	516

ОТДЕЛЕНИЕ 2-е

ПРЕДИСЛОВИЕ П.СЫРКУ	608

ГЛАВА 7. Славянские монахи из Болгарии

§ 49. Славяне на Афоне.....	637
§ 50. Первоначальное водворение славян из Болгарии в Зографе и пребывание их тут в XI и XII веках	638

ГЛАВА 8. Славянские монахи на Афоне из России

§ 51. Первоначальное водворение их на Св. Горе	641
§ 52. Сказание о Ксилургийском монастыре, чествуемом во имя Пресвятой Богородицы.....	643
§ 53. Первоначальная судьба монастыря св. Пантелеимона	645
§ 54. Еще слово о Ксилургийском монастыре	648
§ 55. Еще слово о Пантелеимоновом монастыре.....	650

ГЛАВА 9. Славянские монахи из Сербии

§ 56. Первоначальное их водворение на Афоне.....	653
§ 57. Сербь-афониты в Хиландаре	653

IV. ЧЕТВЕРТЫЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА (1143–1204 гг.)*

ГЛАВА 10. Ряд греческих царей после Иоанна Комнина с 1143 года по 1204-й и недостаточность сведений о действиях их на Афоне в эти годы. Внутреннее расстройство Греческого государства и раздробление его. Состояние Афона в показанное время

* В оригинальном издании этот заголовок пропущен.

§ 58. Список византийских царей после Иоанна Комнина по 1204 г.....	654
<i>Содержание хрисовула 1198 года месяца июня индикта 1-го.....</i>	655
<i>Содержание хрисовульного сигиллиона 1199 года месяца июня индикта 2-го.....</i>	655
§ 59. Внутреннее расстройство Греческого царства	655
<i>Царствование Алексея II.....</i>	656
<i>Царствование Андроника</i>	665
<i>Царствование Исаака</i>	669
<i>Царствование Алексея, брата Исаакова</i>	675
<i>Царствование Исаака Ангелоса вместе с сыном его Алексеем</i>	681
<i>Царствование Алексея Дуки Мурзуфла.....</i>	683
§ 60. Раздробление Греческого царства.....	683
§ 61. Афонские проты и инвеститура их	685
§ 62. Появление греческих монахов на Афоне из Калабрии. Существование Амальфийской обители в самом конце XII века. Опустошение монастырей Ксенофского и Каракальского	686

V. ПЯТЫЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА (1204–1313 гг.)

ГЛАВА 11. Страдания афонитов от латин и защита им от Римского папы. Киево-Печерский архимандрит Досифей на Афоне. Тогдашнее келейное правило святогорцев. Афон под властью царей болгарских

§ 63. Страдания афонитов от латин и защита им от Римского папы	688
§ 64. Киево-Печерский архимандрит Досифей на Афоне. Тогдашнее келейное правило святогорцев.....	692

§ 65. Афон под властью болгарских царей Асеня II и Калимана I	693

**ГЛАВА 12. Дар царя Иоанна Ватаци Афоно-Хиландарскому
монастырю. Щедроты Михаила Палеолога, оказанные
многим обителям на Афоне. Послание афонитов к сему
царю с уверением не подчинять Православную Церковь
Римскому папе. Появление унии на Св. Горе. Кончина
Михаила Палеолога. Изгнание евнухов со Св. Горы.
Основание там монастыря Кутлумушского**

§ 66. Дар Иоанна Ватаци Хиландару	698
§ 67. Воцарение Михаила Палеолога и его благодеяния Афону	699
§ 68. Затея Палеолога подчинить Восточную Церковь Римскому папе, не одобренная афонитами. Их послание к нему.....	703
§ 69. Неудачное введение унии в Греческую Церковь. Она принята на Афоне только Лаврою и Ксиропотамом, а прочие монастыри не изменили православию и за то пострадали. Кончина Михаила Палеолога. Основание монастыря Кутлумушского	711

**ГЛАВА 13. События на Афоне в царствование
Андроника Старшего с 1263 года по 1313-й**

§ 70. Страдание афонитов от морских разбойников в 1285 году	719
§ 71. Нападение турков на Афон	720
§ 72. Нашествие каталанцев на Афон	720
§ 73. Построение монастыря Пандократорского	721
§ 74. Щедроты царя Андроника афонским монастырям	727
§ 74а. Внимание Андроника к обители Зографской, к Лавре Афанасия, к Ватопеду, Ксиропотаму, Иверу и Руссику	732

VI. ШЕСТОЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА (1313–1453 гг.)

ГЛАВА 14. Передача афонских монастырей царем под священноначалие патриарха вселенского

- § 75. Акт сей передачи.....736
- § 76. О постановлении Андроника касательно порядка
и числа монастырей святогорских 740

ГЛАВА 15. Щедроты греческих царей афонским монастырям в XIV и следующем веках

- § 77. Щедроты Андроника Старшего и сына его Михаила
до 1328 года.....741
- § 78. Кончина последнего царственного владыки Афона,
Андроника Старшего, в монашестве Антония.
Щедроты Андроника Младшего афонским
монастырям.....743
- § 79. Щедроты Иоанна Палеолога афонским обителям.....746
- § 80. Афон под властью сербского царя Стефана Душана.
Щедроты его тамошним монастырям 747
- § 81. Новые щедроты греческих царей Афону.....750

ГЛАВА 16. Афон под священноначалием вселенских патриархов с 1313 года

- § 82. Благодеяние патриарха Нифона Лавре Афанасия.....750
- § 83. Сигиллионы патриарха Каллиста о независимости
обители Алипия и о передаче соборного храма
в Иверском монастыре монахам греческим 752
- § 84. Помощь патриарха Филофея афонской Лавре
и Зографу.....753
- § 85. Заботливость патриарха Нила о монастыре
Кутлумушском в 1395 году.....754

§ 86. Патриарх Антоний дал Кутлумушу права ставропогии в 1395 году	755
§ 87. Заботливость сего же патриарха о монастыре Пандократорском	755
§ 88. Патриарх Матфей распределил границы монастырей Павловского и Дионисиатского по указанию Протата	756
§ 89. Патриарх Иосиф соединил монастырь Алипиев с Кутлумушским	756

ГЛАВА 17. Крупные события на Св. Горе Афонской

§ 90. Перечень крупных событий там	757

ГЛАВА 18. Внутренний быт святогорских монастырей, больших и малых, с 1304 по 1439-й год

§ 91. Посвящение прота Цареградским патриархом и установление песнопения «О тебе радуется»	767
§ 92. Раздача монастырьков большим обителям на Афоне в четырнадцатом веке	768
§ 93. Нарушение прав Афоно-Иериссовского епископа и восстановление их патриархом Филофеем	770
§ 94. Подтверждение власти прота определением бывшего на Афоне Собора и посланием вселенского патриарха Антония и постановление касательно одежды прота и монахов	772
<i>Свиток устава Св. Горы и Протата</i>	774
<i>Из Трагоса</i>	779
§ 95. Протатское дело о Ливадогенийском монастыре	780
§ 96. Устав, данный святогорцам государем Мануилом Палеологом	780

§ 97. Воровое и нравственное состояние святогорцев.....	786
§ 98. Учение исихастов.....	787
§ 99. Толк афонских исихастов, судьба его и литература	790
Толк афонских исихастов.....	798
Писания Паламы против Варлаамитов.....	819
Второе слово о лжи и нечестии Григораса.....	820
Его же третье слово, направленное против сочинений Григораса, и представленное Святейшему Патриарху Вселенскому.....	820
Четвертое слово против сочинений Григораса	821
Свидетельства о том, что Божеством называется свет, озаривший учеников во время Преображения Господа	828
§ 100. Богомилская ересь, на Афоне не укоренившаяся. Соприкосновение Афона к делу об отщепенстве Сербской Церкви от Константинопольской.....	831
Учение богомилов.....	831

VII. СЕДЬМОЙ КРУГ ВРЕМЕНИ АФОНСКОГО МОНАШЕСТВА
ПОД ВЛАСТЬЮ ТУРКОВ
(1453–1861 гг.)

**ГЛАВА 19. Протат и Великое Собрание святогорцев.
Образчики делопроизводства их. Водворение турецкого
аги на Афоне. Монастыри под управлением протов
и заменившего их Великого Собрания**

§ 101. Протат и Великое Собрание святогорцев	838
Во время протов.....	839
Во время великого собрания представителей монастырских	841
§ 102. Число афонских монастырей во время турецкого владычества на Афоне и поземельный раздел между ними всей этой горы.....	844

ГЛАВА 20. Хозяйственное состояние афонских монастырей. Распоряжения и притеснения турков. Пособия от греков, болгар, сербов, валахов, молдаван, русских и грузин

§ 103. Распоряжения и притеснения турков.....	845
§ 104. Помощь Афону от греков.....	859
§ 105. Помощь Афону от славян из Болгарии.....	868
§ 106. Помощь Афону от славян из Сербии	869
§ 107. Помощь Афону от господарей и бояр валахских и молдавских.....	872
§ 108. Помощь Афону из России	887
§ 109. О помощи Афону из Грузии.....	903

ГЛАВА 21. О веровых толках на Афоне, о богослужении, стенном иконописании, книжном деле и житии иноческом

§ 110. О веровых толках	904
§ 111. Святогорские уставы и новые службы святым.....	915
§ 112. О песнотворцах, трудившихся на Афоне.....	921
§ 113. Зографическая летопись Афона и мое суждение о тамошней иконописи.....	923
§ 114. О книжном деле святогорцев	951

Писатели, переводчики и издатели

I. Критовул (с. 952), II. Максим Грек (с. 953), III. Иерофей Иверский (с. 960), IV. Кесарий Дапonte (с. 961), V. Евгений Вулгарис (с. 967); Опоздних и излишних прибавках к литургиям Иоанна Златоустого и св. Василия Великого (с. 968), VI. Феоклит Кавсокаливский (с. 986), VII. Рафаил Кавсокаливский (с. 986),

VIII. Макарий Кидониат (с. 986), IX. Неофит Пелопоннесский (с. 987), X. Агапий Критянин (с. 987), XI. Никодим Святогорец (Агиорит) (с. 990), XII. Монах Христофор (с. 1005), XIII. Иеромонах Феодорит (с. 1005), XIV. Пахомий (с. 1006), XV. Безымянный монах (с. 1006), XVI. Θύρα τῆς μετανοίας (с. 1006), XVII. Онуфрий Иверский (с. 1006), XVIII. Проконий Деңдрин (с. 1006), XIX. Кирилл Дохиарский (с. 1007), XX. Варфоломей Кутлумуш (с. 1007)

Славянские писатели

1. Стефан Болгарин, 2. Паисий Халандарский, 3. Софроний Врачанский, 4. Софроний архимандрит (с. 1009), 5. Христофор и Феодул, галичане (с. 1010), 6. Иоанн Вишенский (с. 1010), 7. Паисий Величковский (с. 1013), 8. Сергей Святогорец, 9. Азария монах (с. 1013)

115. О религиозно-нравственном состоянии афонских обителей..... 1016

I. Отзывы об афонских монахах Беллона, Рико, Павла Лука и Барского (с. 1016); II. Наблюдения Порфирия Успенского (с. 1025). Сравнение общежития и своежития (с. 1026). Каливиты (с. 1033)

Афонские угодники XV–XVIII вв. (с. 1034)

Крупные события на Афоне с 1456 по 1859 г. (с. 1035) (Святогорский устав патриарха Иеремии 1575 г. (с. 1037) Дело святопавловского архимандрита Анатолия Мелеса в России (с. 1040). Святогорский устав патриарха Гавриила 1783 г. Участие афонских монахов-греков в Греческом восстании за независимость (с. 1047). Домогательство греческого правительства поставить на Афоне своего консула (с. 1057). Тщетное старание австрийского Лойда и учредить там агенцию (с. 1058). Попытка Каратасоса произве-

сти восстание в окрестностях Афона (с. 1058).
Молитва о султани Абдул-Меджиде, издан-
ная по его повелению в 1854 г. вселенским
патриархом по случаю войны турок с Рос-
сией (с. 1059)

116. А какая была польза от афонских монахов православным
народам во время турецкого владычества?..... 1061

117. Заключение истории Афона 1061

 Мои открытия 1066

 Новые прибитки ведения 1066

Епископ Порфирий (Успенский)

ИСТОРИЯ АФОНА

в 2-х томах

ТОМ I

Научный редактор: П.В. Кузенков, к.и.н.

Редактор: д-р фил. М.В. Грацианский

Корректоры: Н.Н. Сергеева, Е.В. Кораблина,
А.А. Савенко, Е.М. Жабина

Технический редактор: А.Н. Ковалёва

Компьютерная верстка: С.В. Митриковой

Художественное оформление: М.В. Панией

Обложка: Н.Л. Климовой, С.С. Уткиной

Фотографии: С. Попова, А. Камионского

В оформлении книги использованы
афонские гравюры XIX в. из личного архива Г.М. Гупало

Издательство «Даръ»

105264 Москва, ул. Верхняя Первомайская, д. 49а
тел.: (495) 780-39-11 (многоканальный)

Подписано в печать 21.12.2006. Формат 70 x 100/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Palatino Linotype». Печать офсетная.

Усл.печ. л. 88,2. Уч.-изд. л. 68,4. Тираж 5 000 экз.

Заказ №